Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 1 ЯНВАРЯ 1

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП (б)

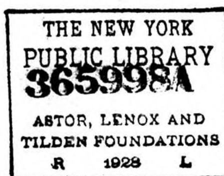
СОДЕРЖАНИЕ.

1 9 2 7

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ

«ПРАВДА»

Главлит № 77047. Москва. Тираж 70.000 экз.

Тип. изд-ва «Правда» и «Беднота», Яузский мост, Серебрянич. наб., д. 23а.

Очередные вопросы международной революции.

Недавно закончившийся VII расширенный пленум ИККИ оставит серьезнейшую зарубку, серьезнейший след в истории борьбы Коммунистического Интернационала. Те восемь—девять месяцев, которые отделяют закончившийся пленум от предыдущего, были до краев наполнены мощными столкновениями классов, упорными битвами широких трудящихся масс, глухим рокотом революционных волн. Вместе с тем внутри Коминтерна эти месяцы были временем небывало острой борьбы оппозиции в ВКП(б), псевдо-левой разновидности оппортунизма в других секциях, с одной стороны, и подавляющего большинства организованных коммунистов всех стран—с другой. Огромный сдвиг в английском рабочем классе, имеющее историческое значение расширение и развитие китайской революции, восхождение ее на новую высшую ступень; успехи компартий в борьбе за массы (15 миллионов за конфискацию имущества князей, конгресс трудящихся и т. п.); наконец, переход социалистического строительства СССР из «восстановительного» периода к реконструктивному, в частности, выход из хозяйственных затруднений и налаживание механизма социалистического накопления,—вот основные факты, опираясь на которые Коминтерн смог сделать серьезный шаг по пути к организации и сплочению революционных сил всего мира. И в первую голову собственные ряды самого Коминтерна, несмотря на все старания международной оппозиции, сплотились, консолидировались и подготовились к борьбе за разрешение тех сложных и трудных задач, которые ставит перед Коминтерном переживаемый исторический этап. Поражение оппозиции во всех звеньях, во всех организациях Коминтерна в огромной степени укрепило и закалило ленинское единство Коминтерна. Вместе с тем прения, происходившие на пленуме и в его комиссиях, показали, что укрепление этого единства удалось соединить с усилением *коллективности* руководства, с ростом *активности* членов всех секций Коммунистического Интернационала, с повышением *идейно-политического уровня* работников этих секций. При этом базой этой активности, исходным пунктом оживленного и делового обсуждения является действительно большевистская идеология. Пленум-

показал, что последние годы и месяцы прошли для коммунистов всех стран не даром: в результате многих боев, многих ошибок, многих «кризисов руководства» и отсеивания лже-коммунистов—в К. И. действительно создался международный большевистский актив. Совершенно ясно, что это обстоятельство является залогом дальнейшего роста Коммунистического Интернационала.

Об'ективные предпосылки для роста Коминтерна, для накопления революционных сил заложены в современном состоянии мировой империалистической системы. Правда, по своему характеру переживаемая полоса является полосой межреволюционной, полосой неустойчивой стабилизации капиталистической системы. В основных странах развитого капитализма нет непосредственно-революционной ситуации; только на Востоке, в Китае, в Индонезии революционная лава прямо прорывает кору капиталистической стабилизации и грозит опрокинуть и испепелить самые основы многолетнего империалистического рабства. Но и во всем остальном капиталистическом мире стабилизация совсем не похожа на равномерное, плавное укрепление капитализма и параллельное ослабление мощи пролетарской революции. Чем дальше идет процесс стабилизации, тем резче выявляется глубокая противоречивость, небывалая неравномерность этого процесса.

«Империализм есть монополистический капитализм; паразитический или загнивающий капитализм, умирающий капитализм» (Ленин, т. XIII, стр. 468). «Стабилизация» такого «загнивающего» и «умирающего» капитализма после невиданной встряски мировой империалистической войны и первого штурма социалистической революции не может происходить иначе, как через углубление и обострение социальных противоречий, перемещений и перегруппировок в лагере капиталистических держав, жесточайших и затяжных хозяйственных и политических кризисов.

Первая важнейшая работа VII пленума ИККИ как раз и состояла в том, что он не только констатировал самый факт наличия стабилизации и неустойчивости этой стабилизации, но и дал дифференцированный, конкретный анализ всех главных неравномерностей и всех основных противоречий внутри процесса общей стабилизации капиталистической системы. От общей постановки вопроса о стабилизации пленум перешел к конкретному анализу противоречивого содержания стабилизационного процесса. Пленум установил, что все страны и части современного мирового капиталистического хозяйства можно разделить по типу их развития на несколько групп. Сюда войдет, во-первых, мощно растущий американский капитализм, во-вторых, типично упадочный загнивающий капитализм Англии, в-третьих, «рационализирующийся» и «санирующийся» капитализм Германии и Франции, в-четвертых, ублюдочные, неудачно скроенные, застойные и даже регрессирующие страны, в роде Польши, Австрии, наконец, в-пятых, прорывающие общую цепь империализма восточные страны.

Американский капитализм с его мощным ростом производительных сил и с его особенно отсталым и слабым, руководимым активными реакционерами рабочим движением, является главной опорой и образцом стабилизации, предметом восхищения и подражания для капиталистической Европы. С другой стороны, загнивание Англии и упадок стран типа Польши и др., не говоря уже о революционном брожении на Востоке, создают серьезнейшую брешь в стабилизации капитализма. А попытки капиталистов Германии и Франции продвинуть вперед дело стабилизации методами так наз. рационализации, методами наступления и нажима на рабочий класс являются исходным пунктом для новой волны полевения рабочего движения (т.-е. для новой угрозы делу стабилизации капитализма).

Вместе с тем, капитализм до сих пор не может выйти из своеобразного продолжения послевоенного кризиса—из современного кризиса сбыта, современного недостатка рынков для капиталистической индустрии. Выросшая производительная способность упирается в узость внутреннего рынка, сжатого военным и послевоенным (инфляционным) обнищанием масс. Отсюда огромная недогрузка в промышленности, отсюда армии безработных, отсюда невиданно интенсивная трестификация и отсюда же резкое обострение как конфликтов внутри империалистического «концерта держав», так и противоречия между империалистическим миром и СССР, между империалистическим миром и Китаем.

Расширение и углубление экономических, социальных, внешних и внутренних политических противоречий, составляющее неот'емлемую часть процесса теперешней стабилизации империалистской системы, привело к тому, что времена депрессии, времена ослабления рабочего движения остаются позади. Напрасно «социал-стабилизаторы» из II Интернационала пытаются прививкой американских методов предотвратить и ликвидировать происходящие в рабочем движении сдвиги, расколоть рабочий класс путем выделения особо привилегированной прослойки рабочей аристократии нового, тоже «американского», типа или путем противопоставления работающим безработным и т. д. Рабочие массы чувствуют на самих себе все прелести капиталистической стабилизации и рационализации. Рабочие массы вынуждаются самой буржуазией на организацию ожесточенного сопротивления ее стабилизационному пылу. Рабочие массы в своей повседневной борьбе убеждаются в неспособности реформистов отстоять даже достигнутый уровень жизни пролетариата. И, наконец, рабочие массы видят рядом с капиталистической стабили-

цией другую, практически существующую, советскую стабилизацию, картину растущего социализма. И в результате—падает авторитет банкротящихся вождей, крепнет профсоюзная оппозиция, расширяются «левые крылья» в рабочих организациях, одна за другой тянутся в СССР рабочие делегации, быстро увеличивают число своих членов добровольные общества типа «Союза Красных Фронтовиков» (Германия), подготовляется собирание всех трудящихся слоев вокруг революционного пролетариата, все шире и шире развертывается борьба за единство профессионального движения. Словом, если сейчас в европейских странах нет непосредственного революционного под'ема рабочего движения, то в них происходит другой, необходимейший и важнейший процесс: неуклонное полевение масс, неуклонная подготовка пролетариата к решительным боям, неуклонное собирание сил социалистической революции.

В этих условиях борьба за единство и работа в профсоюзах приобретают прямо-таки центральное значение. Борьба за единство сейчас является той формой, в которой компартии, опираясь на процесс полевения рабочего класса, будут завоевывать большинство в рабочем классе и руководить его дальнейшими выступлениями.

Единство рабочего класса диктуется всей современной обстановкой: «рационализаторским» нажимом на рабочий класс, огромной централизацией сил капитала в растущих, как грибы, трестах и картелях, опасностями новых войн, стремлением буржуазии расколоть и противопоставить друг другу различные прослойки пролетариата и т. д. Рабочий класс требует единства и добьется его. Но этого мало. Современная эпоха ставит перед борьбой рабочего класса такие задачи, которые могут быть разрешены только тогда, когда это единство будет действительно боевым, классовым единством с решительным и революционным руководством. Немыслимо, невозможно, смешно теперь пытаться ограничить профсоюзную борьбу тесными рамками чисто-экономических аполитичных, узко-цеховых требований. «Экономические стачки и экономическая борьба вообще,—говорят тезисы о международном положении и задачах Коминтерна, принятые VII пленумом,—в условиях трестированной промышленности имеющие тенденцию перерастать в борьбу политическую, придают особое значение работе коммунистов в профсоюзах». В обстановке невиданной централизации капитала, теснейшего сращивания головок трестов с реформистской «рабочей» бюрократией и с государственным аппаратом буржуазных стран, в обстановке борьбы за и против стабилизации капитализма, каждый сколько-нибудь крупный, «чисто-экономический» конфликт, даже помимо воли своих вождей, «перерастает» неизбежно в политический бой всех сил буржуазии против

рабочего класса. И в этих условиях, во-первых, совершенно несомненна неизбежность банкротства современного реформистского руководства профессиональным движением, ибо это руководство неспособно вести массы в бой за частичные требования, соединяя эту борьбу с решительной политической, революционной борьбой. Между тем сама жизнь требует именно такого соединения, как обязательного условия победы. Во-вторых, единственным кандидатом, способным заменить реформизм, способным создать боевое единство рабочего класса и этим создать возможность победы является коммунистическое руководство. Или ряд неизбежных поражений под руководством реформистов, или тяжелая, упорная, но победоносная борьба под руководством коммунистов—так и только так будет стоять вопрос о руководстве профдвижением в ближайшие годы. Но для того, чтобы на деле добиться завоевания руководства, компартии должны поставить на гораздо более высокий уровень свою работу в профсоюзах. Тезисы «о международном положении» указывают, что задача научиться связывать частичные и злободневные требования с основным лозунгом борьбы, с лозунгом диктатуры пролетариата, является «основной тактической задачей» компартий. Партии должны в центр своего внимания поставить задачу научиться практически руководить профсоюзной борьбой, воспитать соответствующие кадры коммунистов-профработников, создать крепкие, активные комфракции в профсоюзах, организационно закреплять свое возрастающее влияние внутри рабочих организаций. Без этого немыслимо овладение руководством в профсоюзах, без этого немыслимо боевое единство рабочего класса.

Опыт всеобщей и угольной забастовки в Англии, специально анализированный расширенным пленумом, дал огромный материал для оценки современного состояния европейского рабочего движения и способов борьбы компартий за руководство пролетариатом. С поразительной ясностью этот опыт обнаружил всю фальшь, все об'ективное пораженчество попыток представить колоссальные столкновения труда и капитала как «чисто-экономическую» борьбу. Английские рабочие убедились, что, когда дело касается насущных интересов буржуазии, пролетариат имеет против себя единый фронт шахтовладельцев и всех предпринимателей, их послушных агентов—министров «правительства его величества», и реформистских правых и «левых» вожаков трэд-юнионов и рабочей партии. Только решительно ставя коренные политические вопросы, только смело прибегая к революционным средствам, только скинув с себя ярмо «руководства» как Томасов и Хавелоков Вильсонов, так и Перселей и Хиксов, английский рабочий класс сможет добиться победы в надвигающихся боях. Все группировки руководящих кругов англий-

ского рабочего класса, кроме коммунистической партии, показали картину измены, в лучшем случае—слабости или нерешительности. Только коммунистическая партия ясно понимала все значение великой борьбы английского рабочего класса, только она сумела выставить и защищать против всей стаи бюрократов из трэд-юнионов и рабочей партии такую тактическую программу, которая могла бы дать горнякам победу. Маленькая английская компартия, несмотря на некоторые свои ошибки (частично ею же самой исправленные), дала в общем и целом пример такой борьбы за частичные и близкие массе требования, которая увязывает повседневные экономические вопросы с большой политической борьбой и поднимает массу от простой защиты ее насущных интересов на более высокую ступень борьбы за власть, борьбы против самых основ капиталистической системы. Не удивительно поэтому то, что партия выросла за время стачки вдвое и что ее авторитет и влияние чрезвычайно усилились.

Очень важны и показательны общие результаты борьбы и поражения горняков, как они вырисовываются из современного положения в Англии. Поражение не вызвало уныния, разброда, деморализации в рабочем движении. Поражение не поставило английский рабочий класс на колени перед об'единенными силами капитала. Поражение соединилось с шагом вперед, с укреплением боевого духа, с неслыханным обострением классовых противоречий, с поляризацией внутри рабочего движения. Если почти все теперешние вожди об'единяются под флагом капитулянтства, отказа от классовой борьбы, «американизации» рабочего движения, то рабочая масса все в большей и большей степени группируется вокруг знамени решительной классовой борьбы. Перед английской компартией открываются перспективы дальнейшего роста и дальнейшей успешной борьбы за возглавление пролетарских масс в новых надвигающихся боях.

Армия мировой пролетарской революции состоит не только из колонн английских пролетариев, как и пролетариев других развитых стран.

«Социальная революция не может произойти иначе,—писал Ленин,—как в виде эпохи, соединяющей гражданскую войну пролетариата с буржуазией в передовых странах и целый ряд демократических и революционных, в том числе и национально-освободительных движений в неразвитых, отсталых и угнетенных нациях» (т. XIII, стр. 369—370).

В армию социальной революции неот'емлемой частью входят миллионные массы революционных трудящихся Востока—и в первую голову Китая, ведущего великую антиимпериалистическую борьбу. И крупное значение закончившегося пленума состоит в том, что по докладу тов. Тан-Пин-Сяна впервые была дана конкретная разработка проблем китайской

революции. Пленум, с одной стороны, наметил общую перспективу путей развития китайской революции, основную расстановку сил, а с другой стороны—тактическую линию, очередные политические и организационные задачи революционного движения.

Китай переживает сейчас поворотный этап своего исторического развития. Никогда еще силы китайской революции не были так близки к решительной победе над империализмом, над его скрытой, косвенной, постоянной интервенцией через посредство милитаристских клик, как в настоящий момент. 450 миллионов китайского народа вплотную подошли к высвобождению из-под империалистического гнета, к завоеванию самостоятельности, к разрешению великих задач национально-освободительной борьбы. Конечно, трудности, стоящие впереди, еще очень велики. Но удастся ли китайской революции победоносно прорвать империалистическую цепь, ниспровергнув владычество международного капитала в Китае—этот вопрос все более и более приближается к положительному разрешению. Вместе с этим вопросом, сплетаясь с ним, встает кардинальный вопрос о том, кто будет гегемоном в антиимпериалистической борьбе, кто станет во главе победившего национального движения, по какому пути пойдет китайская революция? Если на первом этапе развития китайской революции буржуазия и интеллигенция были в значительной степени застрельщиками освободительного движения и опирались на трудящиеся массы, как на свою базу, то теперь рост рабочего движения выдвинул пролетариат в качестве самостоятельной первостепенной силы, стремящейся стать во главе всех остальных отрядов революционного движения и решительно, до конца провести борьбу с засильем империалистов, с полу-феодальной военщиной, с кабально-крепостническим укладом в деревне, с ужасающей эксплоатацией, с бесправием рабочих масс. Поэтому сейчас неизбежна некоторая серьезная перегруппировка внутри национального движения. Сейчас будет решаться вопрос о гегемонии в этом движении, сейчас основным внутренним содержанием дальнейшего развертывания китайской революции будет борьба между буржуазией и пролетариатом за эту гегемонию. Конечно, нельзя считать исключенной опасность того, что буржуазия попробует закрепить за собой решающие посты и позиции, сделать ряд половинчатых уступок крестьянам, одновременно зажимая широкое крестьянское и рабочее движение, и, вместе с тем, пойдет на компромисс с иностранным капиталом. Нельзя не видеть всей серьезности этой опасности: такой путь развития—или вернее такой путь ликвидации китайской революции—означал бы значительное ослабление революционных сил и значительный успех капиталистической стабилизации. Огромные хозяйственные возможности Китая превратили бы его в грандиозный рынок для

мирового капитализма и открыли бы перед этим последним возможность серьезной экспансии. Но нельзя не видеть и того, что невиданный размах массового революционного движения, показательная неослабляющаяся, нарастающая энергия трудовых масс, растущее влияние китайской компартии делают чрезвычайно затруднительной попытку обкарнать, урезать, предать дело великой китайской революции. Наоборот, перед китайским пролетариатом и его партией открывается возможность, опираясь на мощный революционный под'ем широких трудящихся масс, решительно ликвидировать империалистическое засилье, решительно расчистить Китай от того феодально-империалистического переплета, который гнет и давит его в течение многих лет. При этом будет неизбежен отход от революции большей части китайской буржуазии. Но эта убыль будет с лихвой покрыта присоединением к революционной армии крестьянства, присоединением, которое возможно только при условии развертывания аграрной революции, при условии поддержки и организации массового крестьянского движения. Перегруппировка революционных сил, которую пролетариат должен провести под своим руководством, будет состоять в решительном привлечении крестьянства, и в умелом обезвреживании неизбежного отхода революции от буржуазии. Союз пролетариата, крестьянства и многочисленного слоя городской мелкой буржуазии—вот какова должна быть расстановка сил на ближайшем этапе китайской революции; демократическая диктатура этого союза—вот какова должна быть природа власти нового освобожденного Китая; искоренение не только политического, но и экономического засилья иностранного капитала путем перехода командных высот хозяйства из рук империалистов в руки революционного государства, последовательное разрешение аграрного вопроса в интересах крестьянских масс, подготовка и переход к национализации земли,—вот какова должна быть программа революционной диктатуры. При победе этой линии развития революции перед Китаем открывается перспектива борьбы за некапиталистическое развитие в союзе с СССР и с пролетариатом передовых стран. Существование Сов. Союза и его успешное продвижение к социализму дает серьезную опору для осуществления этой перспективы.

Главная трудность в практическом проведении намеченной генеральной линии состоит в том, что антиимпериалистическая борьба еще далеко не завершена, что она переплетается—и не может не переплетаться—с борьбой за гегемонию в революции, с борьбой за разрешение аграрного и рабочего вопроса и т. д. Опасность ослабления антиимпериалистического фронта остается все время чрезвычайно актуальной. Поэтому на плечи китайского пролетариата ложится чрезвычайно сложная и трудная маневренная задача: завоевать и закреплять свою гегемонию, соответственно перегруппировав революционные силы перед лицом еще не побежденного главного врага—империализма и его милитаристских агентов. В этих условиях необходимая осторожность должна сочетаться с решительностью и ясным сознанием цели.

На примере перспектив развития китайской революции можно легко показать, как «русский» вопрос на пленуме выявил свое интернациональное значение, превратился в вопрос международный. Ибо разве, стоя на позициях оппозиционного отрицания возможности успешного строительства социализма в СССР можно выставлять перспективу некапиталистической эволюции Китая? Если СССР имеет достаточно внутренних сил для построения социализма, тогда он может послужить опорой для того, чтобы победоносный пролетариат Китая повел хозяйственное развитие своей страны, минуя капитализм, к постепенному социалистическому переустройству. Если же СССР вынужден в капиталистическом окружении топтаться на одном месте или даже перерождаться, тогда исключена перспектива некапиталистической эволюции Китая.

И это верно не только для Китая. Одно из двух: или СССР может строить и построить социализм, и тогда он может быть центром международной революции, головным отрядом мирового пролетариата; или же СССР занимается «национально-реформистским» делом, и тогда нечего и думать о возглавлении мировой революции, о поддержке пролетариата Китая и т. д. Таким образом, вопрос о строительстве социализма в нашей стране в его международной постановке свелся к вопросу о том, могут ли иностранные секции рассчитывать в своей революционной борьбе опереться на социалистический рост Сов. Союза. ВКП(б) говорила да, оппозиция, по сути дела, говорила нет. Как видно, «сверхинтернациональное» неверие оппозиции в наши внутренние силы в международной области приводить к нереволюционным бесперспективным выводам, в то время как якобы «национально-ограниченная» линия партии на деле оказывается действительной линией борьбы за мировую революцию. Конечно, по другому и быть не могло: оппортунистическая трусость в вопросах внутреннего строительства, будучи перенесенной в международную область, остается сама собой. А ленинская твердость и уверенность в борьбе за социализм внутри СССР неотделима от действительной борьбы за мировую пролетарскую революцию.

П. Миф.

Характер и движущие силы китайской революции.

> «А Индия и Китай кипят. Это—свыше 700 миллионов человек. Это с добавлением окрестных и вполне подобных им азиатских стран,—большая половина населения земли. Там надвигается, не держимо и все быстрее надвигается, 1905 год, с тем существенным и громадным отличием, что в 1905 г. революция в России могла еще пройти (по крайней мере, сначала) изолированно, т.-е. не втягивая сразу в революцию другие страны. А растущая в Индии и в Китае революция уже сейчас втягивается в революционную борьбу, в революционное движение, в международную революцию».
>
> (*Ленин., т. XVIII, ч. 2, стр. 74*).

Современный этап китайской революции является продолжением и завершением на основе нового соотношения классовых сил и в новой международной обстановке революции 1911 года. Он имеет своими задачами осуществление двух основных целей—свергнуть империалистическое господство и освободить страну от чудовищных остатков полуфеодального прошлого, отягощенного его превращением в «колониальную систему хозяйства». Эти задачи связаны друг с другом, ибо основной экономической базой империализма в Китае является господство помещиков, джентри, ростовщиков в деревне при команде реакционнейшего посреднического компрадорского капитала, опирающихся на вооруженную силу военных феодалов новейшей формации и типа—китайских милитаристов. Все это составляет сущность «колониальной системы хозяйства».

Мы не хотели бы быть понятыми таким образом, что говорим о Китае, как о колониальной стране. Всем известно, что Китай, в полном смысле этого слова, не является колонией, а полуколониальной, зависимой страной. Мы употребляем термин «колониальная система хозяйства» в несколько другом смысле. Этим мы хотим очертить основное содержание китайской экономики, хотим наметить те нити, которые связывают последнюю с иностранным капиталом и позволяют ему господствовать над всей страной [1]).

---

1) Указание на „колониальную систему хозяйства", представляющую собой „полное овладение производством" иностранным купеческим капиталом (что заменяется для данной эпохи финансовым капиталом), мы находим у К. Маркса в 1 ч. III тома, стр. 307, изд. 1907 г.

В самом деле, нельзя представлять империализм, как какую-то надстройку, имеющую свои корни только вне и не имеющую своих экономических позиций внутри самого Китая. Нельзя представлять себе господство над Китаем иностранного капитала без учета того, что это господство осуществляется с помощью крупного посреднического, торгового китайского капитала, и что оно выражается в подчинении всего производства страны, промышленного и сельскохозяйственного, этому торгово-компрадорскому капиталу и через него иностранному финансовому капиталу. При беглом обзоре китайской экономики полностью подтвердится наша мысль. В самом деле, возьмем китайскую промышленность. Господство иностранного капитала, захват им всех экономических командных высот выражается не только в том, что большая доля капиталов, вложенных в эту промышленность, принадлежит иностранцам, но и, главным образом, в подсобном, подчиненном характере всей китайской промышленности. В Китае развивается каменноугольная промышленность, но добытый уголь вывозится за границу. В Китае добывается железная руда, но она почти полностью уплывает в Японию. И если иностранцы или, в меньшей мере, торговая китайская буржуазия вкладывают свои капиталы в те или другие предприятия, продукция которых не экспортируется, то только для экономии издержек по производству и импорту тех или иных товаров.

Такую же картину мы имеем и в сельском хозяйстве Китая. Китайский крестьянин сеет хлопок, который полностью перепадает в руки иностранной конторы, имеющей монопольное право по закупке хлопка. Китайский крестьянин возделывает табак, чай, или шелк с тем, чтобы через скупщика и компрадоров вся его товарная продукция попадала в руки иностранного капитала.

Иностранный капитал овладевает экономикой сельского хозяйства Китая с помощью компрадорской буржуазии и через посредство командующего слоя китайской деревни,—помещиков, ростовщиков, джентри и скупщиков, нередко выступающих в едином лице. Основная масса китайского крестьянства опутана тонкой паутиной этих эксплоататорских элементов. Трехсотмиллионное крестьянство, представляющее широкое поле для наживы иностранного капитала, влачит жалкое существование и задыхается в узких рамках колониальной эксплоатации. Сельскохозяйственная экономика, являющаяся основой китайского хозяйства переживает хронический кризис. Она не может развиваться при существующей системе колониального грабежа.

Господство иностранного капитала в Китае, выражающееся в форме колониальной системы хозяйства, чрезвычайно задерживает рост производительных сил этой страны.

В этом кроется экономическая пружина нарастающей революции.

Поэтому действительное уничтожение господства империалистов над Китаем совершенно немыслимо без полной ликвидации этой его глубочайшей экономической и социальной базы внутри Китая.

С другой стороны, ошибочно было бы представление о возможности действительного демократического переустройства китайского общества, что должно явиться в результате уничтожения землевладения джентри и помещиков, господства отста-

лых форм ростовщичества, посреднической торговли и политического гнета милитаристов и бюрократов,—без одновременной полной ликвидации империалистического господства.

Это обстоятельство и накладывает своеобразные черты на **характер китайской революции.**

Китайская революция для того, чтобы быть победоносной, не может поэтому ограничиваться задачами только внутреннего (революционная демократизация страны) или только внешнего (борьба с империализмом) характера.

С точки зрения внутренних тенденций развития, заложенных в китайской революции на данном историческом этапе, она является и не может не являться революцией буржуазно-демократической, очищающей путь для свободного и быстрого развития производительных сил, сейчас задыхающихся под тяжестью остатков средневековых производственных отношений и империалистической кабалы.

Но китайская демократическая революция не может не «втягиваться в революционную борьбу, в революционное движение, в международную революцию» (Ленин), будучи неот'емлемой частью последней уже в силу своего антиимпериалистического характера. Это существенным образом отличает китайскую революцию от классических буржуазных национально-освободительных движений западно-европейских стран прошлого столетия. Это совершенно понятно, так как эти национально-освободительные движения в Нидерландах и Италии, национально-освободительные движения в Германии и в других странах происходили, как известно, в эпоху буржуазных революций. Несмотря на некоторые общие черты, международная обстановка китайской революции значительно отличает ее и от революции 1905 г. в России, центром которой было именно разрешение задач внутреннего порядка и в особенности **аграрного вопроса** («Аграрный вопрос составляет основу буржуазной революции в России и обусловливает собой национальную особенность этой революции». См. Ленин, том IX, стр. 614).

Национальной же особенностью китайской революции является переплетение задач освобождения страны от империалистической кабалы и от пережитков полуфеодального прошлого.

Антиимпериалистический характер китайской революции, при наличии еще ряда важнейших моментов, характеризующих международную ее обстановку, позволяет ставить вопрос о возможном дальнейшем этапе, наступающем вслед за первым,—этапе перерастания демократической революции в революцию социалистическую.

Международная обстановка китайской революции, накладывающая на нее особый отпечаток, характеризуется в основном следующими моментами:

Во-первых, китайская революция происходит в эпоху империализма и пролетарских революций, при общем кризисе капиталистической системы. Это находит свое выражение в росте пролетарского движения в передовых промышленно-развитых странах и колониальных движений, которые, несомненно, усилятся в частности и в связи с дальнейшим развитием китайской революции.

Во-вторых, китайская национальная революция развивается в условиях, когда на одной шестой мировой суши существует, растет и укрепляется Союз Советских Социалистических Республик—руководитель борьбы против международного империализма. Этот фактор усиливается в связи с географической близостью нашего трудового союза республик с территорией Китая. На протяжении тысяч верст ни одна страна не отделяет нас барьером от революционного Китая. Этот момент, бесспорно, имеет и будет иметь немаловажное значение.

В-третьих, Китай отличается от большинства колониальных и зависимых стран тем, что он не подвергся полному захвату и порабощению одной какой-либо империалистической державой. Это не Индия, которая целиком находится в руках английского империализма, это не Индонезия, закабаленная голландским капиталом, где освободительная борьба в связи с этим значительно затрудняется. Китайской революции помогает конкуренция империалистических держав в Китае между собой, ослабляющая позиции иностранного капитала в этой стране. Китайской революции приходится даже на первом этапе бороться против могущественнейшего, вооруженного до зубов врага—иностранного капитала. Победа национальной революции во многом определится ее международной политикой. Перед китайской революцией стоит задача, как можно лучшего и искусного использования противоречий между отдельными империалистическими странами, лавирования, временных компромиссов с одной страной с целью вытеснения другой империалистической державы.

Все эти условия благоприятствуют победе и углублению китайской революции, но не предопределяют обязательности быстрых успехов. Лишь соотношение сил, как оно сложится в результате первой стадии революции, может решить вопрос о темпе перерастания национальной революции в революцию социалистическую.

Здесь мы приближаемся к вопросу о движущих силах китайской революции, приобретающему исключительное значение. Тут же оговоримся, что и с этой стороны перспективы китайской революции не должны внушать особых опасений, что эти перспективы значительно благоприятнее, к примеру, нежели революции турецкой (1919—1922 гг.), на опыте которой не трудно уяснить своеобразие движущих сил китайской революции.

В Турции к началу национальной революции еще не было рабочего класса, могущего возглавить движение. Общее число рабочих не достигало 100 тыс. человек, при чем индустриальных рабочих, работающих на крупных предприятиях, насчитывалось не больше 10.000 человек. Организаций пролетариата либо совершенно не существовало, либо они приближались по своему характеру к средневековым. Понятно, что и мощного, влиятельного коммунистического авангарда турецкий пролетариат не имел. Но мало того. Этот малочисленный пролетариат сосредоточен был в 2-х центрах—в Константинополе и Смирне, т.-е. как раз в тех городах, которые были оккупированы английскими и греческими войсками. Он очутился в плену у этих войск, по другую сторону фронта и поэтому никакого фактически участия в национально-освободительном движении не принял. Руководство движением перешло в руки национальной буржуазии. Другую картину мы имеем в Китае. Китайский пролетариат и с количественной и с качественной стороны превосходит турецкий. Общее количество рабочих в Китае превышает 5.000.000 че-

ловек, из них не менее 2 млн. заняты в крупной промышленности. К этому добавляется армия в 8.000.000 рабочих ремесленных и кустарных предприятий и не меньшая армия батраков. Китайский пролетариат обладает крепкими, растущими профессиональными организациями и, хотя не многочисленной, но образцовой коммунистической партией. Китайский пролетариат имеет уже значительный опыт классовой борьбы. Все это заставляет нас думать, что рабочий класс Китая представляет собой достаточную ферментирующую силу, чтобы об'единять, организовывать и направлять широкие трудящиеся массы в борьбе с иностранным капиталом и его базой внутри Китая. И, действительно, в Китае рабочий класс выдвинулся в последних боях на передовые позиции бойцов за освобождение и сейчас, в особенности в шанхайских и последующих событиях, находится на путях дальнейшего завоевания и укрепления своей гегемонии.

Что касается буржуазии, то она, напуганная рабочим движением и нарастанием гражданской войны в деревне, потрясающими основы экономического строя и политического порядка, не в состоянии осуществить задач решительной демократизации страны, а тем самым и уничтожения основной экономической базы империализма. Это неизбежно приводит ее на путь соглашения с иностранным капиталом с целью подавления массового движения, грозящего ее экономическим и политическим интересам. На этом вопросе нужно остановиться несколько подробнее. Понятно, какое огромное значение имеет правильное решение этого вопроса. Определение роли китайской буржуазии в национально-революционном движении—задача чрезвычайно важная. И вот, пользуясь сравнением с нашим 1905 годом, мы приходим к выводу, что национальная китайская буржуазия значительно слабее, чем русская перед 1905 годом. Чем это об'ясняется? Многими причинами, из которых главнейшие заключаются в следующем: в рядах китайской буржуазии главнейшее господствующее место занимает крупная торговая, компрадорская буржуазия, которая благодаря экономической связи с империализмом, находится не в лагере революции, а полностью на стороне иностранного капитала. Сила же промышленной буржуазии Китая измеряется тем, что основные командные высоты промышленности, железные дороги, банки, крупнейшие предприятия находятся в распоряжении иностранного капитала; национальный промышленный капитал в Китае чрезвычайно не велик. Империалистическими странами вложено в Китае свыше миллиарда золотых рублей (1.092.000.000) в *железнодорожное строительство*, благодаря чему около 80% всей железнодорожной сети находятся в руках и под контролем чужеземного капитала. Почти миллиард золотых рублей брошено в Китай в качестве основного капитала для *банковской* деятельности. В то же время чисто китайские банки являются фактически меняльными конторами, находящимися под командой крупноторгового, посреднического капитала; *железорудные предприятия* в Китае почти целиком принадлежат японскому капиталу или находятся в полной финансовой зависимости от него. Девять главнейших *судостроительных* доков и *механических заводов*—в руках англичан. Не лучше положение *каменноугольной, химической, электрической*

текстильной промышленности. Если китайский национальный капитал просачивается в ту или другую отрасль хозяйства, как скажем, к примеру, в каменноугольную в размере 50.000.000 рублей, то зачастую он выступает не самостоятельно, а участвует в смешанных предприятиях, связывая свою судьбу с интересами иностранного капитала. Если же мы примем во внимание вообще *подсобный характер* китайской промышленности, о чем мы уже говорили раньше. если примем во внимание, что китайская промышленная буржуазия чрезвычайно молода, что она только недавно начала вылупляться (особенно во время мировой войны и послевоенного кризиса, когда ослабли мировые экономические связи) из рядов крупной торговой буржуазии и чиновничьей аристократии, еще тысячью нитей связана с компрадорской, а через нее и с иностранной буржуазией,—если мы примем все это во внимание, для нас станет ясной, во-первых, относительная экономическая и политическая слабость китайской буржуазии, во-вторых, ее готовность на компромисс с империализмом за счет интересов национально-освободительного движения. Исторический опыт, поведение китайской буржуазии в моменты решительных схваток, имевших место, полностью подтверждают наш вывод. Пуще всего китайская буржуазия начинает бояться пролетарского движения. Все больше она колеблется в сторону соглашения с иностранным капиталом. Все чаще она, пользуясь удобным предлогом, предает интересы национальной революции.

Сказанным выше мы вовсе не отрицаем, во-первых, возможности частичного использования буржуазии в освободительной борьбе. Конечно, известные противоречия между различными группами китайской буржуазии и тем или другим иностранным капиталом существуют. И эти противоречия могут быть использованы. В частности, вполне мыслимо использование тех групп китайской буржуазии, которые связаны с японским капиталом в борьбе против английского империализма, или той части китайской буржуазии, которая ориентируется на Америку — в борьбе с английским или японским капиталом. Но это не изменяет нашего основного вывода, что китайская революция не может победить под главенством, под руководством китайской буржуазии.

Во-вторых, относительную слабость китайской буржуазии не нужно понимать так, что она сама охотно и спокойно уступит пролетариату место гегемона в движении, что она, благодаря экономической слабости и недостаточному политическому весу, должна быть совершенно сброшена со счетов. Нет, далеко не так. Действительность свидетельствует об обратном: китайская буржуазия все активнее проявляет себя на политической арене, все решительней добивается овладеть национальным движением.

И эта опасность пока-что решительно не парализована. Усугубляется это положение тремя моментами. Во-первых, тем, что некоторые слои буржуазии, наиболее прогрессивная, наиболее национальная (если можно так выразиться) часть буржуазии, идут еще вместе с революцией. Бесспорно, что эти буржуазные слои, добившись на гребне революционной волны уступок от иностранного капитала, постараются закрепить свои позиции, не стремясь радикально разрешить задач революции. Во-вторых, в руках этих буржуазных элементов пока еще находится

большая часть революционной армии, особенно в лице начальников многочисленных воинских частей, примкнувших к кантонскому ядру. И если армия является мощным орудием революции, то это огромнейшее преимущество китайской революции может повернуться против последней, если пролетариату не удастся распространить свое политическое руководство на народно-революционную армию. В-третьих, эти буржуазные элементы располагают влиянием на значительные массы мелкой буржуазии, не успевшей еще убедиться в половинчатости и соглашательстве либеральствующей буржуазии. И пока эти три момента остаются в силе, до тех пор сохраняется угроза овладения буржуазным руководством национально-освободительного движения.

Как раз последние годы больше всего характеризуются соревнованием, и все более ожесточенным, между китайской буржуазией и пролетариатом в борьбе за гегемонию. И если массовое движение рабочего класса, крестьянства и полупролетарских элементов города имеет тенденцию развиваться под руководством пролетариата и его коммунистического авангарда, то, с другой стороны, буржуазные элементы пока еще сохраняют частично руководящее положение и в национальном правительстве и в революционных армиях. Поэтому, как благоприятно ни складываются условия в Китае, там далеко еще не решен окончательно вопрос о победе пролетарской тенденции в национально-освободительном движении. Ошибочно было бы предполагать, что китайская буржуазия совершенно не в силах возглавить и тем самым обкорнать национальную революцию. Экономическая слабость и недостаточный политический вес китайской буржуазии могут быть восполнены поддержкой со стороны одной либо другой империалистической державы. Осуществление подобной тенденции возможно лишь при условии обоюдных компромиссов и при сохранении фактического господствующего положения иностранного капитала. Понятно методы его проникновения и господства будут видоизменены. От грубых, хищнических приемов он перейдет к внешне пацифистским, по американскому типу, более совершенным, но не менее опасным методам хозяйственного закабаления Китая.

Конечно, в международном отношении такая победа такой буржуазной тенденции в китайской революции не явилась бы фактором разложения империализма, а привела бы к укреплению общих позиций империализма.

Соревнование между китайской буржуазией и пролетариатом в борьбе за гегемонию лежит сейчас в центре китайской революции и имеет глубочайшее международное значение.

Быть же гегемоном и для буржуазии, и для пролетариата— означает особенно важную задачу: обеспечить свое влияние на крестьянство и городскую мелкую буржуазию и руководство ими, включая все массовые организации, где крестьянство и городская мелкая буржуазия участвуют.

Как же проявили себя эти общественные силы на арене открытой борьбы? Для ответа на этот вопрос, попытаемся подвести итоги и учесть опыт событий в Китае, по крайней мере, за последний год.

Эти события свидетельствуют о все большем развитии национально-революционного движения. Но это нарастание революции не идет равномерно. Если первые месяцы 1926 г. могут быть характеризованы временным спадом революционной волны, временным затишьем, то вторая половина года проходит под знаком нового под'ема национальной революции. В течение весны и большей части лета 1926 года все выше поднимается волна реакции, угрожающая затопить все достигнутые раньше завоевания освободительного движения. Вслед за окончанием шанхайской забастовки, подавленной в конечном счете силами реакционных милитаристов, стачечное рабочее движение заметно ослабевает. Вторая и третья народные армии терпят поражение и подвергаются окончательному разгрому. При чем, что чрезвычайно важно, благодаря политической неоформленности крестьянского движения и в результате неправильной политики 2-й народной армии по отношению к крестьянству, контрреволюционным элементам удается использовать крестьянское движение в своих интересах. Крестьянские организации Хэнаньской провинции «Красные Пики» помогают У-Пей-Фу разбить 2-ю народную армию и затем окончательно ее добивают. В этот же промежуток времени терпит поражение Го-Сун-Лин, восставший против Манчжурского сатрапа Чжан-Цзо-Лина. Первая народная армия Фын-Юй-Сяна очищает Тянь-Тзин, а затем отступает от Пекина и Калгана далеко на запад, во внутреннюю Монголию. Наконец, в самом Кантоне, в этом центре антиимпериалистического движения, в результате переворота 20 марта, происходит передвижка вправо в рядах национального кантонского правительства, выразившаяся в отстранении от руководства левого крыла Гоминдана.

Об'ективно это сыграло на руку реакционным элементам. Переворот 20-го марта как бы открыл шлюзы реакции на местах. Со стороны помещиков, джентри, ростовщиков началось общее наступление на крестьянские союзы. В обстановке обостренной социальной борьбы нейтралитет нового национального правительства об'ективно помогал реакционным силам на местах громить крестьянское движение провинции Гуандунь. Итак, в первой половине 1926 года по всем линиям идет временное отступление национальной революции, временное торжество реакции.

Начиная с июля—августа 1926 года, политическая ситуация в Китае резко меняется. И это новое нарастание национальной революции находит свое выражение в многочисленных фактах. Кантонская народно-революционная армия победоносно продвигается на север, очищая все большую территорию Китая от всех милитаристических приспешников империализма. К Кантону присоединяется ряд провинций с многомиллионными массами крестьянства. Национальное правительство укрепляется в Уханском районе, являющемся крупнейшим индустриальным центром с многочисленным пролетариатом. Реакционный милитарист У-Пей-Фу—ставленник английского империализма—подвергается полному разгрому. Серьезное поражение наносится не менее реакционным силам Сун-Чуан-Фана. Возобновившийся рост стачечного движения значительно подкрепляет национально-освободительную борьбу. Особенно успешно протекают забастовки на шанхайских и ханькоусских предприятиях, принадлежащих иностранному капиталу. Армия Фын-Юй-Сяна, передохнувшая

и подкрепленная новыми силами, переходит в наступление. Реорганизованная 2-я народная армия под начальством одного из лучших гоминдановских вождей Ю-Ю-Жена вытесняет союзников У-Пей-Фу из провинции Шеньси, угрожая ударить с тыла основным силам У-Пей-Фу в провинции Хэнань. Разлившееся мощной волной крестьянское движение в значительной мере способствует успеху северного похода кантонской армии. Не менее показательным является рост партийных, профессиональных и крестьянских организаций. Профессиональные организации в Китае достигают 1.200 т. членов. Правда, нужно оговориться, что ряд профорганизаций, расположенных на севере, придавленные реакцией не могут проводить заметной работы. Крестьянские союзы одной только Гуандуньской провинции превысили 1.000.000 членов, в Хунаньской провинции к настоящему времени насчитывается 600.000 членов крестьянского союза, в Хубейской –число членов приближается к 500.000 человек. Не менее ощутительных результатов достигает рост революционных партий. Китайская коммунистическая партия за истекший год вчетверо увеличивает свой состав, а количество членов Гоминдана переваливает за 300.000 человек.

Развитие общей революционной обстановки находит свое отражение также и в политических настроениях внутри Гоминдана. Именно под этим углом зрения следует рассматривать настойчивое требование, оформившееся в соответствующем постановлении последнего пленума ЦК Гоминдана, о возвращении лидера левого крыла Ван-Чин-Вея к руководящей партийной и государственной работе. Под этим же углом зрения следует понимать проведенную в последнее время реорганизацию кантонского провинциального правительства, при которой были сняты с работы все антикрестьянские элементы. Разрыв китайско-бельгийского договора реакционным пекинским правительством, пытающимся подделаться под общий антиимпериалистический фон и облачаться в освобожденческую тогу, также свидетельствует о глубине переживаемого революционного периода.

Подводя итоги событиям за истекший год в Китае, необходимо подчеркнуть и подробней остановиться на чрезвычайно характерной дальнейшей классовой дифференциации движения. Наш анализ этих событий был бы совершенно не полон, если бы мы не отметили перегруппировки борющихся сил Китая за свою национальную независимость. И здесь раньше всего следует указать на выдвижение пролетариата на политическую арену современного Китая, как наиболее организованной и последовательно революционной силы. Уже успешно проведенная забастовка гонгконгских моряков в 1922 году и затопленная в крови стачка на Пекин-Ханькоусской железной дороге в 1923 г. были первыми ласточками, предопределившими неизбежное перерастание экономической борьбы рабочего класса в политическую борьбу против империалистического угнетения. Шанхайская стачечная волна прошлого года, выдвинувшая героический китайский пролетариат на передовые позиции, подняла самое освободительное движение на высшую ступень. В напряженной антиимпериалистической борьбе возрождающегося Китая также огромнейшее значение имела 16-месячная гонгконгская забастовка. Именно эта забастовка сделала Кантон центром антиимпериалистического движения. Именно эта забастовка подорвала силу

и престиж английского империализма. Борьба этой 100-тысячной армии гонгконгских стачечников приковала внимание всего мира. Стачечные пикеты, окружавшие Кантон, предохранили последний от проникновения империалистического влияния. Эта же стачка завершилась повышением таможенных пошлин, проведенным кантонским правительством. Не меньшее значение имеет развивающаяся в настоящее время классовая борьба китайского пролетариата.

На ряду с этим, к тому же процессу классовой дифференциации движения нужно отнести нарастание элементов гражданской войны в китайской деревне, в форме все обостряющейся борьбы крестьянских вооруженных организаций «Красных Пик» и отрядов крестьянских союзов против союза помещиков, джентри и милитаристов, пользующихся своими вооруженными отрядами миньтуаней. И если раньше крестьянское движение либо вовсе не поддержало знаменитой шанхайской забастовки, либо частично играло об'ективно контрреволюционную роль, что видно было в помощи, оказанной «Красными Пиками» генералу У-Пей-Фу,—то сейчас крестьянское движение, обнаруживающее тягу к руководству пролетариата и его коммунистического авангарда, идет по пути создания более политически оформленных организаций—крестьянских союзов. Крестьянское движение либо непосредственно помогает кантонской армии, либо косвенно—своей борьбой против джентри, помещиков и милитаристов, являющихся проводниками экономического и политического влияния иностранного капитала.

Не менее важные процессы происходят в лагере китайской буржуазии. Общий процесс дифференциации классовых сил в результате дальнейшего углубления антиимпериалистической борьбы, нашел себе место и в рядах китайской буржуазии. В этом отношении чрезвычайно показательным является откол городской мелкой буржуазии и средней купеческой Шанхая и Кантона от крупной буржуазии, выразившийся в выступлении этих элементов из общих торговых палат в Шанхае и в Кантоне и в об'единении их в соответствующие организации в обоих этих городах. Кантон и Шанхай, как центры экономической и политической жизни страны, могут быть сравнимы по своему значению с Ленинградом и Москвой. Раскол в рядах организованной буржуазии в этих двух центрах сигнализует общее размежевание буржуазии во всей стране. Безусловно это находится в связи с колебаниями крупной китайской буржуазии, которая чем дальше, тем больше скатывается на путь соглашения с иностранным капиталом. Первые же обещания или незначительные уступки иностранного капитала, в роде таможенной конференции, находят доброжелательный отклик в среде крупной китайской буржуазии и порождают стремление путем компромисса сговориться с империализмом. Более революционно настроенная городская мелкая буржуазия вынуждена рвать с компромиссной крупной буржуазией, примыкать к пролетариату в его борьбе против господства иностранного капитала.

Вместе с тем нужно еще остановиться на ослаблении роли студенчества в движении, бывшего раньше носителем идей национального освобождения. Конечно, это не дает права предполагать, что революционная молодежь и в том числе студенческая не будет и дальше одним из главнейших факторов ре-

волюционного движения. Ни в какой мере не следует преуменьшать роль молодежи. Но по мере выдвижения пролетариата, как передового руководящего отряда, понятно, что относительно уменьшается роль, выполнявшаяся раньше китайским студенчеством. Этот процесс, выражающийся также в отходе буржуазных слоев студенчества от революционной борьбы, в отколе этих элементов от общестуденческих организаций, несомненно, свидетельствует о происходящей в Китае глубокой дифференцировке классовых сил движения.

Помимо того, истекшие события характеризуются консолидацией всех разнородных, раньше между собой враждовавших, милитаристических клик, пытающихся об'единенными силами противодействовать национально-революционному движению. Первоначальное соглашение У-Пей-Фу с Чжан-Цзо-Лином для борьбы с Фын-Юй-Сяном сейчас превратилось в общий союз всех реакционных милитаристов под общим начальством Чжан-Цзо-Лина. Одновременно Фын-Юй-Сян и ряд других передовых военачальников примкнули к Кантону. Два лагеря противостоят сейчас друг другу—Север и Юг, реакционный Мукден и революционный Кантон. Эта консолидация милитаристических сил говорит о соглашении стоящих за спиной этих реакционных милитаристов империалистических держав, об'единяющихся перед угрозой кантонских успехов, грозящих сорвать господствующее положение иностранного капитала.

Картина дополняется новыми происками империалистических держав, пытающихся и пацифистскими средствами овладеть национальным движением. Путем заигрывания и мнимой поддержки борющихся масс Китая пытаются они оседлать китайскую революцию. Это находит свое отражение в изменившемся отношении империалистической прессы Японии, Америки и даже Англии к национально-революционному правительству. Понятно, что эта фальшивая игра ни в коей мере не должна усыпить бдительность китайских революционеров и коммунистов других стран. Конечно, эти происки не снимают с порядка дня угрозы интервенции в Китай, тем более, что эта интервенция фактически осуществляется действием на китайской арене продажных милитаристов—ставленников иностранного капитала.

Но эти факты в общей связи с отмеченными нами выше моментами говорят о консолидации враждебных сил китайской революции, о быстро идущем процессе вовлечения широких масс в антиимпериалистическое движение, о расширении его из чисто-городского явления, каким оно было ранее, в действительно могучее народное движение, захватывающее основные трудящиеся массы города и деревни. Тем самым революционно-освободительное движение переводится на высшую ступень своего развития. Это придает ему большую силу и способствует успешному его завершению.

Значение этих фактов не трудно проследить при самом беглом ознакомлении с историей последних лет национально-освободительного движения в Китае. Еще недавно когда основной движущей силой была буржуазия и когда оно замыкалось в узком кругу буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции, это движение постепенно выдыхалось. Тогда ни пролетариат, ни широчайшие массы крестьянства участия в нем не принимали. Национально-освободительное движение уперлось в

тупик, в виду отсутствия широкой базы, отсутствия тех сил, на которые оно могло бы опереться. Вторая фаза движения наступает с того момента, когда мелкая буржуазия спачала в городе, особенно в лице студенчества, а затем постепенно и сельская, вовлекается в национально-революционное движение и когда под знаменами смертельной борьбы с империализмом выдвигается самый решительный, самый последовательно-революционный класс—пролетариат. Эта передвижка социальной базы и в первую очередь выдвижение пролетариата на передовые посты, приводит к постепенному отходу буржуазии от роли движущего, водящего фактора. Процесс этот достаточно ярко виден по тем фактам, которые нами были приведены выше. Китайская национальная революция стоит перед третьей фазой, перед оформлением и упрочением революционного блока пролетариата и революционной мелкой буржуазии. В этой дальнейшей дифференциации классовых сил национально-революционного движения—в основном внутренний смысл событий истекшего года. В дальнейшем нарастании и углублении революции их главное значение.

* * *

Откладывая тактические вопросы для специального освещения, отметим здесь, что основными задачами китайского пролетариата и его коммунистического авангарда на данном историческом этапе являются:

Во-первых, разоблачение половинчатости, соглашательства буржуазии и изоляция ее от влияния на пролетариат и мелкобуржуазные массы города и деревни.

Во-вторых, беззаветная борьба за свою гегемонию в освободительном движении, за перетягивание на свою сторону всех действительно революционных элементов буржуазной демократии и в первую очередь крестьянства; борьба за распространение своего идейно-политического руководства на все вооруженные силы революции.

В-третьих, последовательное осуществление демократических преобразований, полная ликвидация господства империализма, облегчая этим дальнейшую организацию своих сил и развитие классовой борьбы, что в свою очередь должно ускорить переход революции на новую высшую стадию ее развития.

В-четвертых, установление теснейшего союза с международным пролетарским движением и в первую очередь, с его цитаделью Союзом Советских Социалистических Республик.

Если победа пролетарской тенденции означает жесточайший удар по империализму, то условием осуществления гегемонии пролетариата в китайской революции, является создание революционного блока пролетариата и широчайших слоев революционной городской и сельской мелкой буржуазии. Эта задача формулирована тов. Сталиным следующим образом: «В странах, в роде Египта или Китая, где национальная буржуазия уже раскололась на революционную и соглашательскую партии, но где соглашательская часть буржуазии не может еще спаяться с империализмом, коммунисты уже не могут ставить себе целью образование единого национального фронта против империализма. От политики единого национального фронта, коммунисты должны

перейти в таких странах к политике революционного блока рабочих и мелкой буржуазии»[1]).

У рабочего класса Китая и его коммунистического авангарда не должно быть никаких иллюзий насчет единого всеохватывающего национального фронта. Представление о том, что все классы китайского общества способны и будут бороться против империализма, такое представление вредно и может только дезориентировать рабочий класс. Такой уклон, в условиях нарастающего революционного движения в Китае представлял бы большую опасность. Уклон, со слов тов. Сталина, заключающийся в «недооценке революционных возможностей и в переоценке идей единого всеохватывающего национального фронта в колониях и зависимых странах, независимо от состояния и степени развития этих стран. Это есть уклон вправо, чреватый опасностью принижения революционного движения и растворения коммунистических элементов в общем хоре буржуазных националистов» [2]).

Китайская революция на ее буржуазно-демократическом этапе будет развиваться без крупной буржуазии и скорее вопреки ее соглашательским тенденциям. Эта характерная черта, эта особенность выступит, очевидно, еще яснее, ярче и рельефнее в китайской революции, нежели в нашей революции 1905 года. Силой революции будет пролетариат и революционная мелкая буржуазия при организующей, руководящей роли рабочего класса. Мелкая буржуазия городов и в первую очередь кустари и ремесленники, составляющие большинство населения китайских городов, разоряемые империализмом и настроенные явно враждебно к гнету иностранного капитала, будут бесспорно в рядах сражающихся против империалистической кабалы.

Рабочий класс, подвергающийся двойному гнету, также бесспорно будет на передовых позициях антиимпериалистической борьбы.

То, что революция в Китае пока-что, сразу же не является социалистической, не может и не будет притуплять активности рабочего класса, не может привести его к отказу от решительной борьбы. Еще тов. Ленин говорил, что «буржуазная революция в высшей степени выгодна пролетариату. Буржуазная революция безусловно необходима в интересах пролетариата. Чем сильнее и решительнее, чем последовательнее будет буржуазная революция, тем обеспеченнее будет борьба пролетариата с буржуазией за социализм». Эти слова тем более справедливы по отношению к Китаю, где буржуазная революция по своему характеру является антиимпериалистической.

Огромнейшим резервуаром революционной энергии является китайское крестьянство. Резкое малоземелье, арендная и ростовщическая кабала, чрезвычайная, непосильная тяжесть налогового бремени милитаристического государства, усиливающееся разорение крестьян вследствие господства иностранного капитала в стране,—все это быстро революционизирует широчайшие массы крестьянства и неизбежно толкает его на борьбу против империализма и против экономических и политических проводников его влияния.

---

[1]) И. Сталин. «Вопросы ленинизма», стр. 264.
[2]) Там же, стр. 267.

Революционный блок этих элементов будет все тверже оформляться по мере углубления национально-революционной борьбы.

Но национальная революция в Китае выдвигает на очередь еще и вопрос о власти. Победоносная революция немыслима без революционной власти. Насильственное, революционное свержение господства империализма невозможно без революционного правительства, которое должно возглавить национальную революцию на теперешнем этапе. Нужно ведь не только бить, но добить и «отбить попытки врага вернуть потерянное».

Каков же характер должен быть революционной власти и революционного правительства в Китае? Раньше всего эта революционная власть должна быть по своему характеру антиимпериалистической. Антиимпериалистической—потому, что это—основная задача освободительной борьбы, основная особенность и основная цель китайской революции на данном этапе. В остальном это революционное правительство должно напоминать проектировавшуюся большевиками власть в революции 1905 года. Революционное правительство в Китае должно быть сложением сил пролетариата и крестьянства.

Тов. Ленин применительно к нашему 1905 году писал:

«Мы все говорим о завоевании Республики. Чтоб завоевать ее на деле, необходимо, чтобы мы стали «вместе бить» самодержавие,—мы, т.-е. революционный народ, пролетариат и крестьянство. Но этого еще недостаточно. Недостаточно даже «вместе добить» самодержавие, т.-е. совершенно свергнуть самодержавное правительство. Необходимо еще «вместе отбить» неизбежно предстоящие отчаянные попытки восстановить свергнутое самодержавие. Это «вместе отбить», примененное к революционной эпохе, есть не что иное, как революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, есть участие пролетариата в революционном правительстве»[1]).

Ленинская формула революционного правительства применима к Китаю с той поправкой, что эта диктатура пролетариата и крестьянства должна быть антимилитаристической. Поэтому форма революционной власти в Китае должна выразиться в антиимпериалистической диктатуре рабочего класса и крестьянства. Антиимпериалистической—потому, что такова основная задача революции. Диктатуры—потому, что эта власть будет не столько устанавливать порядок, сколько организовывать жесточайшую войну, ибо борьба с империализмом не легкая, не мирная и не быстро осуществимая задача. Рабочего класса—потому, что китайская революция может восторжествовать, может быть победоносной лишь под гегемонией пролетариата. Крестьянства—потому, что оно является мощным резервом революционной энергии, потому, что только у него есть по отношению к пролетариату «прочная общность экономических интересов на все время революции».

Задача китайского пролетариата на путях утверждения своей гегемонии—добиться организации революционной власти по этому принципу.

Этим самым предопределяется необходимость участия пролетариата в революционном правительстве. Уже перед 1905 годом Лениным была доказана принципиальная допустимость участия

---

[1]) Ленин, т. VI, стр. 209.

рабочего класса во временном революционном правительстве. Еще тогда Ленин, в противовес меньшевикам, поучал, что нельзя смешивать участие социалистов в буржуазном правительстве мирного, нормального времени, когда это правительство на деле, фактически охраняет империалистическую буржуазию от рабочего класса,—с участием в революционном правительстве, когда это участие обеспечивает наиболее решительное, наиболее последовательное осуществление задач революции. Но мало того, в своей брошюре «Две тактики социал-демократии в демократической революции» Ленин писал: «Великие вопросы политической свободы и классовой борьбы решает, в последнем счете, только сила, и мы должны заботиться о подготовке, организации этой силы и об активном, не только оборонительном, но и наступательном употреблении ее. Долгая эпоха политической реакции, царящей в Европе почти беспрерывно со времени Парижской Коммуны, слишком сроднила нас с мыслью о действии только «снизу», слишком приучила нас наблюдать борьбу только оборонительную. Мы вступили теперь, несомненно, в новую эпоху; начался период политических потрясений и революций. В такой период, какой переживается Россией, непозволительно ограничиваться старым шаблоном. Надо пропагандировать идею о действии сверху, надо готовиться к самым энергичным наступательным действиям, надо изучать условия и формы таких действий» [1]).

И эти слова Ленина более чем справедливы по отношению к китайской революции, которая развивается в исключительных международных условиях. Эпоха империализма и «политических потрясений», эпоха, когда существует Союз Советских Социалистических Республик, обязывает китайский пролетариат организовать силы, наступательно их употреблять, решительно действовать не только «снизу», но и «сверху». Будем надеяться, что китайскому пролетариату удастся выполнить эти всемирной исторической важности задачи.

---

[1]) Ленин, т. VI, стр. 315.

П. Александров.

Индустриализация СССР и проблема с.-х. сырья.

I. Значение сырьевых отраслей сельского хозяйства для дела индустриализации страны.

Завершение «восстановительного» периода в хозяйственном развитии СССР и вставшая во весь рост задача индустриализации страны, т.-е. превращения ее из страны аграрной в страну промышленную, поставили перед партией ряд новых и весьма сложных проблем. Обновление и расширение основного капитала промышленности на высшей технической базе является центральной и основной задачей. Выполнение этой задачи мыслимо, однако, лишь в соответствии с развитием всех остальных отраслей хозяйства и прежде всего в соответствии и на базе развития сельского, крестьянского хозяйства. Сельское хозяйство является, с одной стороны, рынком для продуктов промышленности, а с другой — главным источником экспорта и поставщиком сырья для промышленности. Поэтому поступательное движение вперед по пути развития промышленности немыслимо без соответствующего развития сельскохозяйственной части нашего народного хозяйства. Тесная связь и взаимозависимость между развитием промышленности и сельского хозяйства с особенной наглядностью дала о себе знать в последнее время по линии сырьевой проблемы. Здесь завязался узел вопросов, разрешение которых возможно лишь при условии необходимого соответствия в развитии промышленности и сырьевых отраслей сельского хозяйства. Сырьевой вопрос поставлен на очередь дня самим развитием промышленности, дальнейшее развертывание которой находится в тесной зависимости от развития ее сырьевой базы.

Усиление работы промышленности с целью смягчения и постепенной ликвидации голода по ряду промышленных товаров натолкнулось в последнее время, как на препятствие, на недостаток отдельных видов сырья, как, напр.: шерсти, кожи, хлопка. Это обстоятельство, вместе с рядом неблагоприятных признаков в развитии сырьевых, интенсивных отраслей сельского хозяйства за последний год еще более заострило постановку сырьевого вопроса, являющегося теперь предметом обсуждения в наших хозяйственных органах и в печати.

Проблема сырья связана с задачами индустриализации не только со стороны зависимости развития промышленности от состояния ее сырьевой базы, но и по линии импорта и экспорта.

В то время как в 1913 году ввоз сырья составлял 25% всей стоимости импорта, в 1926—27 г. он составит 46,3%. Таким образом, сырье играет в нашем внешнеторговом балансе роль тяжелого груза и является той статьей этого баланса, которая сокращает наши возможности ввоза промышленного оборудования.

Создание внутри СССР достаточной сырьевой базы для развития промышленности, обрабатывающей сырье, разгрузка импорта от сырьевых статей и развитие экспорта сырья означало бы крупный шаг вперед в деле усиления экономической мощи советской страны и ее индустриализации. Обеспечение сырьевой базы промышленности имеет также особо важное значение на случай военных нападений империалистических держав на Советский Союз. В случае такого нападения и прекращения импорта сырья из-за границы, ряд отраслей нашей промышленности оказался бы в тяжелом положении. Мы были бы вынуждены сократить наполовину работу текстильной промышленности, сократить кожевенную, шерстеобрабатывающую и пр. виды промышленности. Поэтому необходимость усиленного развития производства с.-х. сырья диктуется также и опасностью военных нападений извне.

Индустриализация страны означает усиление удельного веса крупной промышленности в народном хозяйстве страны, но отнюдь не в ущерб повышению производительности и технической базы самого сельского хозяйства. Наоборот, индустриализация страны означает также индустриализацию сельского хозяйства и на ряду с этим и в первую очередь—повышение товарности, интенсификацию и общий под'ем сельского хозяйства. Развитие технических культур и животноводственных отраслей сельского хозяйства, являющихся наиболее трудоемкими, требует повышения всей технической базы сельского хозяйства; развитие этих отраслей толкает сельское хозяйство вперед от потребительского типа хозяйства к товарному.

Таким образом, развитие сырьевых отраслей сельского хозяйства тесно увязывается с перспективой дальнейшего роста и развития всего нашего хозяйства на основах индустриализации. Задачей советского государства является в каждый данный момент определить надлежащие пропорции в развитии промышленности и сельского хозяйства в его сырьевых отраслях и согласовывать с намеченной перспективой свою хозяйственную политику.

II. Положение сырьевых отраслей сельского хозяйства и перспективы их развития.

По обеим основным группам сырья—растительной и животноводственной—имеются виды, развитие которых явно отстает от потребностей растущей промышленности и которые в значительной части ввозятся из-за границы. К этим особо недостаточным видам сырья относятся: хлопок, шерсть, особенно тонкие сорта, сахарная свекла, крупные кожи. Затем по степени недостаточности идут маслосемена. Другие виды сырья, как лен, пенька, табак и махорка, имеют все виды к дальнейшему их развитию, как благодаря росту потребления промышленности, так и возможностям экспорта.

Проследим развитие производства основных видов сырья за последние послереволюционные годы, сравнивая их с довоенными.

Таблица № 1.

Посевные площади в тыс. десятин и в проц. к довоенному.

Культуры.	1913 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	В % к довоенному. 1925 г.	1926 г.
Лен	1.150	534	650	970	975	84,3	84,8
Конопля	660	771,7	695,2	836,4	820,6	126,7	124,3
Хлопок	642	195	461	611	650	95,2	101,2
Маслосемена	3.742	3 470,4	4.133,3	5.034,4	4.548,4	134,5	121,5
Табак	27,0	22,3	21,1	36,3	30,7	134,4	113,7
Махорка	30,1	24,2	30,8	40,7	48,0	135,2	159,5
Сах. свекла	559	240	345	488	490,5	82,8	85,2
Итого техн. культур	5.010,1	3.951,9	4.991,2	6.210,4	5.767,6	123,9	115,1

Как видно из приведенной таблицы, посевные площади основных технических культур испытали сильное падение в результате империалистической и гражданской войны. В 1924 г. мы наблюдаем процесс их восстановления, еще более усилившийся в 1925 г. В 1926 г. рост посевных площадей замедляется по хлопку и махорке, а по льну и сахарной свекле мы наблюдаем, примерно, стабильность в отношении к 1925 г. По ряду других культур, как конопля, маслосемена и табак, 1926 г. принес даже сокращение посевной площади по сравнению с 1925 годом. Если мы сравним 1926 г. с 1913 г., то увидим, что довоенные размеры посевных площадей еще не достигнуты по льну и сахарной свекле. Картина изменяется еще более к худшему, если мы возьмем динамику валовых сборов тех же культур.

Таблица № 2.

Валовые сборы в млн. пуд. и в проц. к довоенному.

Культуры.	1913 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	В % к довоенному. 1925 г.	1926 г.
Лен долгунц.	24,0	8,6	13,4	15,9	15,8	66,2	65,8
Конопл. волокн.	24,7	21,9	19,9	2[illegible],0	27,5	113,4	111,3
Хлопок-сырец	45,4	—	22,9	33,1	34,4	72,9	75,7
» » волок.	14,6	2,6	6,2	9,6	10,0	65,7	68,4
Маслосемена	15[illegible],9	157,6	145,3	217	182	139,2	116,7
Табак	2,0	1,6	1,5	2,8	2,0	140,0	100,0
Махорка	4,6	3,4	3,3	8,3	8,1	180,4	176,1
Сах. свекла	662	132,8	198,0	504	400,2	76,1	60,5

Если сравнить вторую таблицу с первой, то не трудно заметить отставание роста валовых сборов от роста посевных пло-

щадей. Если посевные площади еще не достигли уровня 1913 г. лишь по двум культурам, то валовые сборы ниже довоенных по 3 культурам—льну, хлопку и по сахарной свекле. Валовые сборы значительно превышают довоенные лишь по махорке (176,1), по остальным культурам развитие валовых сборов отстает от роста посевных площадей. Это находит свое об'яснение в динамике урожайности тех же культур.

Таблица № 3.

Урожай с десятины.

Культуры.	1933/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1913 г.
Лен вол. долг.	16,1	20,6	16,3	16,2	20,7
Конопля вол.	38,4	28,6	23,4	33,5	37,4
Хлопок вол.	13,4	13,4	15,7	14,3	22,7
Маслосемена	45,4	35,2	43,1[1]	40,1[1]	41,6
Табак	71,7	71,1	77,1	65,1	74,1
Махорка	140,4	107,1	203,9	168,7	152,8
Сах. свекла пуд.	720	574	1.032	816	1.057

В 1926 году ни по одной культуре урожайность не достигла урожайности 1913 года. Таблица № 2 показывает, что кривая валовых сборов носит в общем тот же характер, что и посевных площадей. Мы имеем сильный рост валовых сборов в 1924 и 1925 г. и замедление, а во многих случаях регресс в росте валовых сборов в 1926 году.

Важнейшим показателем состояния сырьевых отраслей с. х. с точки зрения промышленности служит % товарного выхода различных видов сырья. Промышленность может питаться лишь за счет той части сырья, которая не оседает в крестьянском хозяйстве, а выходит на рынок.

Динамика товарного выхода по основным техническим с.-х. культурам виден из следующей таблицы:

Таблица № 4.

Товарный выход в млн. пуд. и в проц. к валовому сбору.

Культуры.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1913 г.
Лен волокн. долг.	5,3	8,3	11,3	11,0	17,8
% к валовому	61,6	62,4	71,2	69,6	74,2
Конопля вол.	1,7	3,4	4,9	4,8	8,0
% к вал.	7,7	17,1	18,5	17,5	32,0
Хлопок-волокно	2,6	6,2	9,6	10,0	14,6
% к валовому	100	100	100	100	100
Маслосемена	52	85	112	96	81
% к валовому	33	58,4	52	53	58
Табак	1,25	1,3	2,6	1,8	1,8
% к валовому	78,1	86,7	92,8	93,0	93,0
Махорка	2,7	3,2	7,6	7,2	4,1
% к валовому	79,4	96,0	90,0	88,8	90,0
Сах. свекла м. п.	167	191,5	488,6	388,2	612
% к валовому	97,0	97,0	97,0	97,0	97,0

[1] Взят миним. расчет.

Только по трем культурам—по хлопку, сах. свекле и табаку товарный выход в процентном отношении к валовым сборам достиг уровня 1913 года. По остальным культурам в 1926 году мы наблюдаем меньший % товарности по сравнению с 1913 годом. Рост товарности, весьма быстрый за первые годы после окончания гражданской войны, по ряду культур замедляется или даже прекращается в 1925/26 и 1926/27 годах.

Как видим, кривая товарной части валовых сборов технических культур имеет приблизительно тот же характер, что и кривая посевных площадей и валовых сборов.

Обратимся к цифрам, характеризующим положение животноводственного сырья.

Следующая таблица характеризует валовые сборы по различным видам шерстей и кож.

Таблица № 5.

Валовые сборы в проц.

Виды сырья.	1925/26 г. к 1924/25 г.	1925/26 г. к 1913 г.
Шерсть грубая и полугруб.	112,1	69,0
» тонкая	109,1	20,8
Кожи крупные	100,5	78,6
» мелкие	103,3	82,2

Мы видим, что валовый сбор тонкой шерсти достигал в 1925/26 году лишь 20,8% от валового сбора 1913 года. Лучше обстоит дело с грубыми и полугрубыми шерстями, хотя и здесь валовые сборы еще не достигают довоенных цифр. Количество грубошерстных и полугрубошерстных овец в современных границах СССР (без Хивы и Бухары) по годам в млн. голов составляло: 1913 г.—96; 1916 г.—101; 1922 г.—45,5; 1923 г.—51; 1924 г.—45; 1925 г.—82; 1926 г.—85, т. е. 89% к довоенному. Несмотря на значительный процент восстановления овцеводства, положение с шерстозаготовками сильно ухудшилось, потому что восстановительный процесс имел место, главным образом, в северном и западном районах, потребляющих шерсть (100 и более процентов). В производящей группе районов восстановление овцеводства происходит много медленнее—на 48% по Средней Азии и Казакстану, 59% по Закавказью, 65% по Сев. Кавказу и Крыму и т. п. Особенно пострадало за военные и революционные годы тонкорунное овцеводство, достигшее по колич. голов в 1926 году лишь 28% к 1913 году. Поэтому валовой выход грубой и полугрубой шерсти составлял в 1926 г. 69% к 1913 г. (6.415 т. п. и 9.290 т. п.) и выход тонкой шерсти (мериносовой)—20% к 1913 г. (120 т. п. и 577 т. п.).

Движение товарного выхода и % товарности шерстей и кож показано на следующей таблице:

Таблица № 6.

Продукция животноводства.

Виды сырья	1913 г.		1924/25 г.		1925/26 г.	
	Товарн. выход.	% товар. к вал. пр.	Товарн. выход.	% товар. к вал. пр.	Товарн. выход.	% товар. к вал. пр.
Шерсть груб. и полугр. т. п.	6.390	68,8	1.703	29,7	2.077	32,3
» тонкая » »	577	100	110	100	120	100
Кожи крупные млн. шт.	11,1	99	8,66	99	8,75	99
» мелкие » »	44,0	89,8	26,4	67,7	29,9	74,0

Если процент товарного выхода крупных кож достигал 99 как в 1913 г., так и в 1926 г., то по мелким кожам товарность достигла лишь 74% в 1926 г. против 89,8% в 1913 году. В то время, как товарный выход мериносовой шерсти равен валовому, т. к. мериносовая шерсть не оседает у населения, а целиком идет в промышленную обработку, товарный выход грубой и полугрубой шерсти составлял в 1926 г. лишь 32,3% к валовой продукции.

Характеризуя кратко послереволюционное развитие сырьевых отраслей сельского хозяйства, мы должны констатировать:

1) быстрый темп восстановления посевных площадей, еще не достигших по ряду культур довоенного уровня;

2) преимущественно экстенсивный характер развития технических культур, отставание роста валовых сборов от роста посевных площадей, благодаря падению урожайности;

3) уменьшение валового и товарного выхода по ряду технических и животноводственных культур по сравнению с довоенным;

4) замедление в темпе роста посевных площадей, валовых сборов и товарности по многим видам сырья, сырьевых культур в 1925/26 году. По некоторым видам сырья в этом году замечается даже приостановка роста, а по другим—регресс.

Отмеченные выше черты, характеризующие восстановление и развитие сырьевой базы СССР и особенно неблагоприятные симптомы, имевшие место в последнем году, заставляют направить все усилия и принять все возможные меры для стимулирования сырьевых отраслей сельского хозяйства. Недостаточность развития сырьевой базы и необходимость ее стимулирования выступают перед нами с особенной ясностью, если учесть быстрый рост потребностей крупной и мелкой промышленности в сырье. По наиболее недостаточным видам сырья, являвшимся предметом значительного ввоза из-за границы, промышленное потребление далеко превышает валовые сборы.

Так, значительную часть хлопка приходилось ввозить из-за границы как до войны, так и в послереволюционное время. Проц. ввозного хлопка к потреблению составлял 45 до войны, 65—в 1923/24 г., 48—в 1924/25 г. и 37—в 1925/26 г., т.-е. начиная с 1924/25 г. непрерывно падал и за последний год стоял ниже довоенного. Тем не менее хлопковое хозяйство Союза явно недостаточно и требует к себе максимального внимания. Необходимость стимулировать развитие нашего хлопководства приобретает особую настоятельность в виду широких перспектив развития нашей текстильной промышленности.

По пятилетке ВСНХ потребление хлопка-волокна текстильной промышленностью на ближайшие годы определяется ориентировочно в следующих цифрах (тыс. пуд.).

1926/27	21.300
1927/28	23.000
1928/29	24.000
1929/30	25.000
1930/31	26.400

Как бы мы ни оценивали точность приведенных цифр, широкое развитие нашей текстильной промышленности имеет все виды на будущее. Потребление хлопка должно тем более увеличиться, что в будущем неизбежно улучшение качества наших текстильных изделий, что означает увеличение количества хлопка на выработку данного количества тканей. Если до войны из 1 п. хлопка вырабатывалось 163 метра тканей, то в 1925/26 г. вырабатывается свыше 200 метров. Доведение качества тканей только до довоенного уровня потребует большого добавочного расхода хлопкового сырья. Развитие хлопкового производства СССР означало бы разгрузку импорта от хлопка и обращение освобождаемых средств на дело индустриализации страны. Освобождение от американского хлопка тем более целесообразно в виду лучшего качества нашего хлопка и его дешевизны по сравнению с американским.

По естественным условиям Советский Союз обладает возможностью большого расширения посевных площадей под хлопком. По плану той же пятилетки предполагается довести посевную площадь от 464 тыс. дес. в 1926 г. до 1.135 тыс. дес. в 1930 г. Могучим средством увеличения хлопкового производства является и повышение урожайности, которая значительно упала за революционные годы. Урожайность хлопка в пудах с одной десятины достигала в

1913/14	22,7
1922/23	9,8
1923/24	13,4
1924/25	13,4
1925/26	15,0

Потребление шерсти (по данным Наркомторга СССР) крупной текстильной и вязально-войлочной промышленностью в готовом виде составляло (в тыс. пудов):

	Грубой	Полугрубой	Тонкой	Всего
В 1913 г.	2.810		600	3.4 0
» 1924/25 г.	1.475	172	404	2.051
» 1925/26 г.	1.816	288	436	2.540

Дефицит весенней шерсти в оригинальном виде, исходя из сопоставления потребления промышленности и заготовок в 1925—1926 г., исключая покрытие за счет нового сбора 1926 года, составлял: по грубой шерсти 254 т. п., по полугрубой—315 т. п. и по тонкой—1.280 т. п. Все это количество шерсти должно быть покрыто лишь за счет ввоза. Текстильная промышленность удовлетворялась за счет внутреннего сбора и старых запасов в 1925/26 г. по грубой шерсти на 70%, по полугрубой—на 50%, по тонкой—на 26%, при чем в старый запас входили остатки от импорта прошлых лет в размерах 7% по тонкой и около 60% по грубой шерсти. По исчислениям пятилетки ВСНХ в 1929 г. для удовлетворения нужд крупной промышленности при условии предполагаемого роста овечьего стада и сборов все же должен иметь место значительный дефицит, который можно будет покрыть лишь за счет импорта.

Описанное выше положение с шерстью требует мер, стимулирующих развитие овцеводства, особенно тонкорунного, повышение товарности шерсти и пр.

По кожам особенно остро чувствуется недостаток по тяжелым сортам, что видно из следующей таблицы.

Таблица № 7.

Потребность в кожах в 1924/25 и в 1925/26 гг. в тыс. шт.

По трестированной госпромыш.	Подошвен.		Полувальн		Мостов.		Всего	
	24/25 г.	25/26 г.	24/25 г.	25/26 г.	24/25 г.	25/26 г.	24/25 г.	25/26 г.
Ресурсы	757	838	877	913	3.618	3 414	5.254	5.167
Потребности	1.194	1 612	869	1.414	3.060	3.333	5.124	6.361
Избыток или недостаток (+ или —)	— 437	— 774	+8	— 501	+ 558	+ 81	+ 130	— 1.194

Как видим, за два взятые года дефицит кожи, потребной для нашей трестированной промышленности, значительно возрос, что означает рост зависимости нашей промышленности от заграничного сырьевого рынка. Недостающие 1.194 тыс. кож были ввезены главным образом из Аргентины, затем из Германии и др. европейских стран. Несмотря на значительное восстановление стада, превышающего довоенное по коровам (110%), телятам—110% и составляющее по всему крупному рогатому скоту 104,2% довоенного, наша промышленность поставлена перед фактом недостатка кожевенного сырья, особенно тяжелого. Это об'ясняется уменьшением валового выхода кожи и падением ее товарности. Оба эти явления находят свое об'яснение в осереднячивании крестьянских хозяйств в результате изменений в социальной структуре деревни и усилением молочного направления в животноводстве, связанного отчасти с измельчанием хозяйства, отчасти с ростом потребления молока и молочных продуктов вообще. Кожевенное сырье, как известно, не является самостоятельной отраслью сельского хозяйства, оно является лишь продуктом животноводства. Поэтому мероприятия, касающиеся этого вида сырья, не могут рассматриваться независимо от мероприятий, направленных к воздействию на самое животноводство.

Из других растительных культур особо недостаточными за последние годы являются маслосемена, благодаря ненасыщенности рынка растительных масел. Как мы видели, посевные площади и валовые сборы маслосемян в 1926 г. превысили довоенные, хотя и резко снизились по сравнению с 1925 г. Растительных масел нехватает для покрытия потребительских нужд населения, что в значительной степени об'ясняется как ростом потребления, так и тем, что наша мыловаренная промышленность переведена на растительные масла внутреннего производства в виду сильного сокращения ввоза как животных, так и растительных масел из-за границы. Таким образом, дефицит растительных масел на потребительском рынке приходится смягчать за счет сокращения снабжения промышленности и экспорта.

Масличные культуры нуждаются, как видим, в стимулирующей помощи государства, и увеличение производства маслосемян имеет все перспективы на хороший сбыт как со стороны внутреннего потребления, так и экспорта маслосемян и жмыхов. По льну имело место резкое понижение товарной его части, достигающей в 1925/26 г. лишь 11,3% валового сбора против 17,8% в 1913 году. Огромная часть льна перерабатывается в крестьянском хозяйстве и кустарями. Товарная часть льна распределяется между промышленностью и экспортом.

Таблица № 8.

Распределение товарного льна.

(Данные Наркомторга СССР).

Годы.	Промышлен. потреб.	%% товарн.	Экспорт	% от товарности
Довоен.	5.000	28,2	12.800	71,8
1922/23 г.	2.100	37,1	2.832	62,9
1923/24 г.	4.100	59,2	2.137	40,8
1924/25 г.	4.500	56,3	3.300	43,7
1925/26 г.	6.800	63,2	4.200	37,8

За последние годы налицо огромный рост промышленного потребления товарного льна и сокращение его экспортной части, несмотря на то, что количество веретен льнообрабатывающей промышленности сейчас меньше, чем до войны. Рост промышленного потребления об'ясняется огрубением тканей и отчасти изношенностью оборудования промышленности. С устранением этих явлений потребление льна промышленностью должно сокра-

титься. Производство льна как до революции, так и теперь не может базироваться лишь на потреблении внутреннего рынка, наш лен должен завоевать свое место на рынках заграничных. Господствующая ныне депрессия цен на мировом рынке льна ставит нашего льнопроизводителя в весьма тяжелое положение, так как превращает экспорт льна в нерентабельный. Таким образом, во весь рост встает проблема повышения рентабельности льноводства в существующих неблагоприятных условиях мирового рынка.

Весьма важным видом сырья является сахарная свекла, употребляемая в качестве сырья сахарной промышленностью. Здесь стоит задача повышения урожайности, резко снизившейся за революционный период, улучшения и расширения производства этого вида сырья. Такие виды сырья, как пенька (конопля), табак, махорка, также имеют все виды на будущее как благодаря росту внутреннего потребления, так и экспортным возможностям.

III. Задачи сырьевой политики советского государства. Политика цен.

Отсталость в развитии технических и животноводственных культур сельского хозяйства и, как следствие, слабость сырьевой базы для промышленности СССР, необходимость тратить весьма значительные средства на предмет импорта сырья ставят перед партией и государством необходимость обратить внимание на стимулирование соответствующих отраслей сельского хозяйства путем соответствующих мер экономического воздействия и регулирования.

До последнего времени самой системе экономического планирования государства нехватало ясного плана развития с. х. и увязки этого плана с планом развития других отраслей хозяйства—промышленности и экспорта. Регулирование государством отдельных сырьевых сельскохозяйственных рынков не было достаточно увязано друг с другом, а также с рынками других сельскохозяйственных продуктов. Регулирование с.-х. рынков не было достаточно продуманным и обоснованным и покоилось главным образом на движении самой рыночной кон'юнктуры, имея скорее сдерживающее, чем направляющее влияние. Только имея план развития сырьевых отраслей сельского хозяйства на ближайшие годы, план, увязанный с планом развития других отраслей народного хозяйства, государство может построить свою систему мероприятий, направленных к развитию сырьевой базы промышленности, к стимулированию одних с.-х. культур и сдерживанию других и т. д. На этом пути будет также обеспечено и правильное регулирование рынков с.-х. сырья. Для проведения планового регулирования и осуществления мероприятий, направленных к развитию сырьевых отраслей с. х. должны быть согласованы действия отдельных гос. органов, воздействующих на с. х. по линии торговли, промышленности и земледелия.

Говоря кратко, необходимо сельское хозяйство и особенно его сырьевые отрасли включить в общую систему планирования и регулирования народного хозяйства, увязав это планирование и регулирование с планом развития промышленности и экспорта.

Государство и его органы имеют целый ряд рычагов, при помощи которых оно может воздействовать на развитие с.-х. сырьевой базы. К таким рычагам относится прежде всего соответствующая политика цен на сырьевые технические и животноводственные культуры. Цена является могучим рычагом воздействия на развитие той или другой отрасли сельского хозяйства. Если цены на данный продукт сельского хозяйства убыточны для крестьянина, он неизбежно должен сокращать посевы данной культуры и переходить к возделыванию других, более выгодных культур. В соответствии со своими плановыми предположениями государство может воздействовать на развитие сырьевых отраслей сельского хозяйства также путем ряда других мероприятий, к которым относятся:

1) мероприятия агрикультурные, агрономические и зоотехнические по распространению и применению искусственных удобрений, улучшению методов обработки почвы под данной культурой, организации ирригационных и пр. работ, улучшению породы и качества скота, по разведению лучших и наиболее ценных пород и пр.;

2) мероприятия по линии с.-х. кредитования, направленные к расширению и облегчению кредита для прочих хозяйств, культивирующих те или иные виды сырья и пр.;

3) мероприятия в области налоговой политики в смысле построения такой налоговой системы, которая стимулировала бы сырьевые отрасли сельского хозяйства;

4) организация регулярного и достаточного снабжения хлебом и промтоварами сырьевых районов, как, напр., хлопковых, льноводческих районов и др., и максимальное снижение потребительских цен на хлеб в этих районах через кооперативную систему.

Особенно большое значение для развития технических и животноводственных культур с. х. имеет политика заготовительных цен на эти культуры. До последнего времени в этой области отнюдь не все обстояло благополучно, и был совершен ряд ошибок. За последние 1925—26 годы не было необходимого соответствия между ценами на сырьевые культуры и на культуры, конкурирующие с ними, в частности на зерновые. Также не было правильных пропорций в ценах по отдельным сырьевым культурам. Низкими заготовительными ценами об'ясняется то падение посевных площадей и товарности большинства сырьевых культур, которое наблюдалось в 1926 году. Значительное влияние на движение цен, начиная с конца 1924/25 года, оказало падение мировых цен по ряду с.-х. культур, что поставило их экспорт в условия нерентабельности и тем самым косвенно вызвало понижение и внутренних цен. Тем не менее, несоответствие цен на ряд сырьевых культур по сравнению с ценами на зерновые об'ясняется и за счет прямых ошибок нашей политики заготовительных цен.

Общий заготовительный средне-годовой индекс по семи сырьевым культурам составлял в 1924/25 г. 120,5 и в 1925/26 г.—121,5, между тем, как средневзвешенный зерновой индекс по Союзу составлял в 1924/25 г. 123.1 и в 1925/26 г.—124.4. Сравнение сырьевого и зернового индекса само по себе говорит о неблагоприятной рыночной обстановке для сырьевых культур. Эта неблагоприятная обстановка отражалась на посевах технических культур только весной 1926 года. В 1924/25 г. зерновой индекс прыгнул вверх в апреле—июне и стоял ниже сырьевого индекса в остальные кварталы, которые только и могли влиять на посевы.

В 1925/26 году была другая картина: цены на зерно стояли высоко как раз в те месяцы года, которые влияют на посевы. Отсюда очевидно, что для стимулирования засева технических культур имеет значение не общий годовой индекс, а правильное соотношение индексов сырьевого и зернового в определенных сезонах года. Нарушение этого соотношения в соответствующий сезон 1925/26 года отразилось сокращением посевов технических культур в этом году.

Для того, чтобы определить влияние соотношения цен на различные с.-х. культуры, необходимо также брать уровень цен по определенным районам. Индекс цен по Союзу может быть вполне удовлетворительным для данного вида сырья, но тем не менее положение этого вида сырья будет крайне неблагоприятным, если в районе его производства сырьевой индекс цен ниже зернового. Таким образом, для сырьевых культур важны индексы цен определенных сезонов года и районов производства данных видов сырья.

Если мы обратимся к движению цен по отдельным видам сырья, то увидим, что в 1926 году цены стояли особенно низкие по маслосеменам (94,3), где при абсолютном снижении цен их уровень был ниже довоенного. Имело место падение цен по льну, хотя индекс льна (146,0) остался выше зернового и общесырьевого индексов. Индексы хлопка (114,6) и свеклы (121) не превышали уровня зернового индекса. Индекс табака (142,6) оставался выше зернового, а индекс махорки (156,2) хотя и понизился, но превышал намного как зерновой, так и прочие сырьевые индексы. Повысился в 1925/26 г. лишь индекс пеньки (188,0).

По хлопку установленное соотношение цены хлопка и пшеницы: 1 п. хлопка-сырца=3 п. пшеницы не удержалось в 1925/26 году, а снизилось до 2,2 п. пшеницы по Узбекистану и 2,3 по Туркменистану, что повело в этом году к падению удельного веса хлопковых посевов по сравнению с посевами пшеницы, несмотря на абсолютное повышение посевов хлопка. Хотя повышение цен на хлопок и не представлялось возможным в виду падения мировых хлопковых цен и необходимости снижения стоимости хлопковых тканей, ряд мероприятий по насыщению хлопковых районов пшеницей должен быть проведен.

В 1926 г. наблюдалось также понижение покупательной способности льна, маслосемян, табаков, сах. свеклы по сравнению с другими с.-х. продуктами, как пшеница, рожь, овес и пр. По шерсти на ряду с высокими ценами на тонкие и полугрубые сорта наблюдались низкие цены на сорта грубые, что отнюдь не поощряло развитие грубошерстного овцеводства. По кожам цены были в общем рентабельными для производителей. Здесь политика правильных цен не является независящим фактором, т. к. на убой скота влияют цены на остальные продукты животноводства—мясо и пр. Наконец, хороший урожай 1926 года отнюдь не стимулировал убой скота, возрастающий обыкновенно в годы плохих урожаев. Уровень цен на кожи был в общем рентабельным как для производителя, так и для промышленности.

Несоответствие цен некоторых видов сырья с ценами на зерновые культуры в 1926 году заставляет поставить вопрос о повышении цен по этим культурам в районах их производства и доведении их до такого соотношения с зерновыми культурами,

которое обеспечивало бы рентабельность этих видов. Ошибки политики цен 1926 года должны быть исправлены, чтобы избежать дальнейшего снижения посевов, сборов и товарности ряда сырьевых культур. По таким видам сырья, как хлопок и лен, возможность повышения цен минимальна в силу депрессии на мировых рынках этих культур. Здесь должны быть проведены все другие возможные меры, понижающие в районах их производства индексы зерновые, как-то: достаточный ввоз хлеба и промтоваров, снижение потребительной цены производства этих видов сырья путем всей системы мер агротехнических, агрономических и пр.

Огромное значение для развития сельскохозяйственного производства вообще и сырьевых его отраслей в частности приобретает задача снижения цен промтоваров. Линия партии в этом отношении должна быть осуществлена полностью. Снижение промышленных цен особенно важно, как стимул повышения товарности сырьевых культур и успешности сырьевых заготовок, ибо цены промтоваров суть цены товаров, вырабатываемых в значительной их части из того же с.-х. сырья. Если, например, цены на шерстяные ткани высоки и разница между этими ценами и ценой шерсти, которую крестьянин получает от госзаготовителя, очень велика, то крестьянин естественно предпочитает пустить свою шерсть в домашнюю обработку или сдать кустарю или частнику, который дает ему высшую цену. Практика имеет массу случаев, когда крестьяне сдают свою шерсть кустарю с условием получения в качестве платы натурой части промышленных товаров, вырабатываемых из сырья кустарем. Таким образом обращается частнокустарный круг в движение сырья от крестьянина к кустарю и обратно к крестьянину в виде готового продукта, минуя госзаготовителя и госпромышленность. Этот частный круг расширяется и захватывает большую часть валовых сборов сырья в случае повышения цен промтоваров. Наоборот, удешевление товаров, выделываемых из данного вида сырья, повышает роль госзаготовителей на рынке и побуждает крестьян к сдаче сырья по заготовительным ценам государства. Таким образом, если рентабельные для производителя заготовительные цены повышают производство и товарность сырья, усиливают роль госзаготовок на сырьевом рынке, то снижение цен промтоваров действует в том же направлении. Огромные массы различных видов сырья, как шерсти, маслосемян, кожи и др., оседают в крестьянском хозяйстве или ограничиваются частнокустарной сферой, находясь вне досягаемости госзаготовителей и госпромышленности. Извлечение этих сырьевых масс в товарную часть сырья, установление тесной экономической связи между госпромышленностью и сдатчиком сырья в огромной степени зависит от снижения себестоимости и, следовательно, розничных цен промтоваров.

Огромное значение в деле развития сырьевых культур имеет постановка промышленной переработки — мойки, сушки, очистки и пр.—отдельных видов сырья и из'ятие этих работ из сферы домашней, крестьянской и кустарной «промышленности». Лен, например, проходит целый ряд стадий предварительной обработки—сушки, трепки и пр.—выполняемой трудом крестьянской семьи с помощью самых примитивных средств и орудий производства. Передача этой предварительной обработки льна

на крупный завод означала бы огромную экономию сил и средств, улучшение качества волокна и его удешевление. Последнее создало бы возможность повышения цен льна производителью за счет сокращения расходов обработки, без повышения цены льняных изделий. Подобное значение имеет и организация крупно-промышленной очистки хлопковых семян, мойки шерсти и т. д. Некоторые успехи в этом отношении уже имеются, но они совершенно недостаточны. Огромная часть сырья обрабатывается в крестьянском или кустарном хозяйстве, что означает непроизводительную растрату значительной части сырья благодаря примитивным способам этой обработки.

Проблема сырья в целом и особенно в части, касающейся политики цен, лишний раз подчеркивает всю несостоятельность основных экономических взглядов оппозиции. «Сверхиндустриалисты» из оппозиционного блока, как известно, пытались толкнуть партию на путь экономического разрыва между развитием промышленности и сельского хозяйства, рассматривая с. х., как «колонию» для социалистического накопления, на путь повышения промышленных цен и т. д. Совершенно ясно, что подобная экономическая политика устранила бы всякую возможность укрепления сырьевой базы нашей промышленности. Только на основе партийной линии экономической политики возможна правильная постановка вопроса о сырье и правильное разрешение этого вопроса на основе согласования промышленного и сельскохозяйственного развития страны. Выравнивание цен по тем сырьевым отраслям, где ценностные соотношения особенно неблагоприятны для сырьевых культур, исправления ошибок, имевших место в прошлом в области политики цен, поможет преодолеть обнаружившиеся в 1926 году тенденции регресса в этих отраслях с. х. и обеспечить им дальнейшее развитие. Повышение цен по отстающим с.-х. культурам отнюдь не устраняет необходимости применения всех остальных мер воздействия на сырьевые отрасли с. х. тем более, что на ряду с проблемой правильной политики цен на сырье во весь рост стоит проблема удешевления с.-х. сырья, стоимость которого входит составной частью в стоимость промышленной продукции. В этом отношении улучшение способов с.-х. производства, повышение урожайности, механизация и удешевление первичной обработки, наконец, удешевление самого промышленного производства являются необходимыми мерами, ведущими к разрешению проблемы. Задача осуществления этих мер оттесняет на задний план проблему цены по тем с.-х. продуктам, по которым уже в настоящее время обеспечена цена более или менее рентабельная для производителя (как по кожам, отдельным сортам шерсти, хлопку, пеньке и др.), а также по таким культурам, как лен, где возможность дальнейшего повышения заготовительной цены весьма ограничена в силу депрессии на мировом рынке или в силу особой необходимости снижения цен на готовые изделия, вырабатываемые из данного вида сырья. Вся сумма мер воздействующих на сырьевое производство должна быть построена, исходя из учета всех факторов, определяющих положение данной культуры и данного рынка.

Весьма важной задачей является также снижение накладных расходов и рационализация и удешевление аппарата государственных и кооперативных заготовителей. Снижение накладных

расходов по заготовкам также создает добавочные ресурсы как для повышения цены производителя, так и для удешевления стоимости сырья для промышленности. В этой области еще многое предстоит сделать. Упорядочение самого заготовительного аппарата, устранение множественности заготовителей играет здесь не малую роль. Еще не выполнена задача—оставить не более двух заготовительных организаций—одна гос. и одна кооперативная—на каждом сырьевом рынке, к чему должны быть направлены усилия наших хозяйственных и регулирующих органов.

Рационализация и удешевление заготовительного аппарата поможет разрешить и другую важную задачу—расширение охвата сырьевого рынка гос. и кооп. организациями, вытеснение частника с рынка сырьевых заготовок. По данным Наркомторга СССР, мы имеем следующий удельный вес гос. и кооп. организаций на различных сырьевых рынках:

Проц. охвата рынка.

	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
Лен-волокно	91,5	97,3	95,4
Пенька	55,4	51,6	69,7
Хлопок	100,0	100,0	100,0
Маслосемена	80,4	63,1	62,5
Табак	78,8	76,4	100,0
Махорка	72,0	61,3	[illegible]3,2
Сах. свекла	92,9	92,9	92,4

Наибольший охват рынка наблюдается по хлопку, сах. свекле, табаку и льну-волокну, т.-е. по культурам, обработка которых сосредоточена почти целиком в руках госпромышленности. Значительная роль частника на других сырьевых рынках об'ясняется как слабостью наших заготовительных организаций, так и ошибками политики цен и рядом других факторов, не благоприятствующих сдаче сырья госзаготовителям по их ценам. Значительная роль частника опасна тем дезорганизующим влиянием, какое он оказывает на рынок, на цены. Повышение цен частником ведет зачастую к срыву госзаготовительных цен и, следовательно, к срыву государственных и кооперативных заготовок. Поэтому все меры государства и кооперации должны быть направлены к овладению целиком заготовками основных видов сырья, чтобы обеспечить сырьевое снабжение промышленности, усилить экспорт сырья за границу и тем заложить прочный фундамент для индустриализации страны.

В. Карпинский.

Основные начала нашего аграрного законодательства [1]).

Согласно конституции СССР, должны быть установлены центральной властью «общие начала землеустройства и землепользования». Кроме этого формального соображения, издание такого закона диктуется безусловной необходимостью единства нашей аграрной политики и полного соответствия ее общей политике пролетарского государства, строящего социализм. Очевидно, такая выдержанная аграрная политика невозможна или по меньшей мере крайне затруднительна, пока не установлены основные начала аграрного законодательства, обязательные для всех союзных республик.

К разрешению этой задачи, на 10-м году советской власти, можно бы подходить не только на основе достаточно известных теоретических предпосылок, но и на основе достаточно богатого опыта (аграрное законодательство союзных республик), как и на основе достаточно определившихся перспектив социалистического строительства. К величайшему сожалению, имеющиеся законопроекты совершенно неудовлетворительны ни в том, ни в другом, ни в третьем отношении. Задача дать теоретически выдержанные и практически обоснованные руководящие положения в аграрной области застала наши теоретические силы и наши земельные органы в состоянии полной неподготовленности, если не растерянности. Это наглядно иллюстрируется уже наличием двух разнородных законопроектов (один—комиссии законодательных предположений при СНК СССР, другой—СНК РСФСР), это обнаруживается и анализом обоих законопроектов.

СНК СССР и СНК РСФСР не приняли этих законопроектов к рассмотрению и постановили подвергнуть их предварительной свободной дискуссии.

Наша теория, наша классовая политика заставляет нас пред'являть следующие принципиальные требования к аграрному законодательству пролетарского государства, строящего социализм:

1) сохранение, укрепление, развитие начал национализации земли;

2) содействие развитию производительных сил сельского хозяйства на основе обобществления земледелия, содействие переходу от национализации земли к социализации земли—к социализму в земледелии.

Как соподчиненные требования:

3) содействие общему под'ему производительных сил сельского хозяйства в существующих его формах;

[1]) В порядке обсуждения. *Ред.*

4) особая защита прав и интересов пролетарских и полупролетарских элементов сельского населения.

Посмотрим, насколько удовлетворяют этим основным требованиям имеющиеся законопроекты.

По линии национализации земли.

Конечно, оба проекта устанавливают в точных терминах основное начало—национализации земли, имеющееся в земельных кодексах всех союзных республик: в с е з е м л и в п р е д е л а х СССР с о с т а в л я ю т г о с у д а р с т в е н н у ю с о б с т в е н н о с т ь. Частная собственность на землю в СССР не допускается. Но получило ли это начало д а л ь н е й ш е е р а з в и т и е и у к р е п л е н и е в проектах? К сожалению, не получило ни в том ни в другом проекте. Наоборот, в обоих проектах есть умаление этого принципа, чтобы не сказать прямое отступление от него.

Во-1-х, в проектах нет точного определения с о д е р ж а н и я п р а в а г о с у д а р с т в е н н о й с о б с т в е н н о с т и на землю (что в той или иной степени есть во всех земельных кодексах). Нет, напр., в главе об «основных положениях», при перечислении суб'ектов землепользования, общего и прямого указания о праве государства на н е п о с р е д с т в е н н о е п о л ь з о в а н и е землей. Об этом упоминается лишь в главе о государственных земельных имуществах, на ряду со сдачей земель в аренду. Нет также указания о праве государства на р а с п о р я ж е н и е всеми землями. Есть лишь упоминание о праве на распоряжение остающимися в составе государственных земельных имуществ землями. В проекте КЗП (комиссии законодательных предположений при СНК СССР) отсутствует самое понятие е д и н о г о г о с у д а р с т в е н н о г о з е м е л ь н о г о ф о н д а, об'емлющего все земли (понятие это имеется во всех земельных кодексах). В проекте СНК РСФСР такое понятие есть, но весь этот фонд находится не в распоряжении, а лишь «на учете» государственных органов.

Напомним, что наш первый земельный кодекс—совсем забытый «основной закон о социализации земли» от 27 января 1918 г.—прямо говорил о праве государства на распоряжение всеми землями (ст. 5) и на первое место в числе суб'ектов непосредственного землепользования определенно ставил государство (ст. 20, раздел II, под заголовком: «кто имеет право пользоваться землей»).

Во-2-х, оба проекта берут, без малейшей критики, из существующих земельных кодексов право б е с с р о ч н о с т и землепользования. Правда, защитники проектов об'ясняют, что бессрочность в данном случае следует понимать, примерно, так, как бессрочный вклад в банк: последний получает лишь право временного пользования вкладом, а собственник вклада сохраняет за собой право в любое время воспользоваться им частично или полностью. Может быть, это сравнение и остроумно, но совершенно неприменимо к данному случаю. Бессрочность землепользования в земельных кодексах и в обоих проектах понимается вовсе не так, что земля предоставляется во временное пользование без указания срока, но с безоговорочным правом государства как на распоряжение, так и на непосредственное пользование любым участком земли. Наоборот, права государства на предоставленную в трудовое пользование землю строго ограничены и сведены к

ничтожному минимуму. Права же землепользователя очень широки, разработаны весьма подробно и притом обязанности его почти совсем не определены. За государством, по проектам, не оставлено даже права контроля за осуществлением землепользования (в земельных кодексах такое право есть). Государство, по своей инициативе, сохраняет право воспользоваться отданной землей лишь в одном случае: надобность в участке для таких посторонних земледелию целей, как «пути сообщения, разработка ценных ископаемых и т. п.» (КЗП, 12,ж; СНК, 15,в).

Необходимо прибавить, что во всех почти случаях непосредственным землепользователем, по проектам и в действительности, является двор. А двор—это хозяйственная («семейно-трудовая») единица, существующая, независимо от смены входящих в нее физических лиц, неопределенно долгое, «вечное» время, при чем право на землю от выбывших лиц переходит к вновь прибывшим. Проект КЗП к тому же закрепляет за двором предоставленный ему участок земли и об'являет его неподлежащим поравнению (ст. 48).

Таким образом, дело не только в том, что термин «бессрочное землепользование» неопределенен, двусмыслен, но и в том, что термин этот в проектах (как и в земельных кодексах) совершенно определенно толкуется, как закрепление земли за пользователем в постоянное, в известном смысле даже «наследственное», «вечное» владение на правах пользования, «пользовладение» (употребляя старое юридическое выражение). Нечего особо пояснять, что такое понимание есть прямое отступление от принципа национализации земли.

В-3-ьих, проект СНК провозглашает также безвозмездность землепользования как для «трудовых земледельцев», так и для городских поселений и для государственных учреждений и предприятий (ст. 4 и 7). Проект КЗП обходит этот вопрос для трудовых земледельцев и городских поселений, но признает безвозмездность землепользования для государственных предприятий и учреждений (ст. 53). Заметим, что существующие земельные кодексы не знают безвозмездности землепользования (кроме арендного). Напомним также, что закон 1918 года требовал из'ятия дифференциальной ренты «на общественные нужды в распоряжение органов советской власти» (ст. 17).

Здесь термин совершенно ясен; нет нужды, да и нет никакой возможности ссылаться на пример с банком (банк ведь платит вкладчику за пользование его собственностью). Аргументация сторонников проекта СНК здесь иная. Секция права и государства Коммунистической Академии, высказавшись в большинстве за безвозмездность, пишет: «Большинство исходило из следующих соображений. Национализация, отмена частной собственности на землю, означает переход земельной ренты к государству. Государство же не предполагает брать плату, аренду за трудовое пользование землею, так как земельная рента не есть доход с земли, а является частью неоплаченного труда (при капитализме—прибавочной стоимости) в пользу земельного собственника»[1]). Позвольте, товарищи, нельзя же так аргументировать: безвозмездность трудового землепользования необходимо установить, так как государство не предполагает брать плату за трудовое пользование землей! Ведь это просто повторение иными словами того, что требуется доказать. Вместо делового анализа того, что фактически представляет собою так называемое «трудовое землепользование», вы просто пасуете перед старой эсэровской вывеской, прикрывающей факты совершенно разного, противоположного социально-экономического порядка. Можно спорить о том, какие виды земельной ренты и в какой степени сохранились после национализации земли, но нельзя, нам кажется, сомневаться в том, что, поскольку у нас сохранились еще рамки товарного и в известной части капиталистического производства в земледелии, постольку сохранилась возможность получения землепользователем добавочного дохода в зависимости от разного качества земли, разного расстояния от рынка и других условий. А раз это так, то государству нет никаких оснований отказываться от из'ятия этого добавочного дохода на общественные нужды. Во всяком случае зарекаться от этого, включая определенный пункт в основной аграрный закон, нельзя.

[1]) «На Аграрном Фронте», № 9, 1926 г., стр. 124. В этом и следующем номерах напечатано много интересного материала к проектам аграрного закона. Курсив авторов документа.

На этом аргументация против платности землепользования еще не заканчивается. Желая, видимо, теоретически опорочить, с социалистической точки зрения, систему рентного обложения, секция права цитирует из Ленина следующее место: «Прямой насмешкой над марксизмом является утверждение Каутского, что передача крупных имений государству и сдача их мелкими участками в аренду малоземельным крестьянам осуществляла бы «нечто от социализма». Мы уже сказали, что тут нет никакого социализма. Но этого мало. Тут нет и буржуазно-демократической революции, доведенной до конца» (Ленин, том XV, стр. 520).

Выходит так, будто рентное обложение путем установления непосредственных арендных отношений между пролетарским государством и землепользователем есть порядок, неприемлемый не только с социалистической, но и с последовательной буржуазно-демократической точки зрения. А вот теперешнее бессрочное и безвозмездное трудовое землепользование это есть порядок, заключающий в себе элементы социализма!

Мы вынуждены заявить, что, разумеется, такой чепухи у Ленина нет. Все дело в том, что приведенная цитата относится у Ленина к буржуазно-демократическому, а не пролетарскому государству. В этом легко убедиться каждому читателю. Чтобы не оставалось никаких сомнений, мы приведем из того же тома, несколькими страницами раньше, следующее место: «Курьезнее всего, однако, что Каутский хочет видеть «кое-что от социализма» в раздаче мелких участков земли в аренду. На самом деле это мелкобуржуазный лозунг, и «от социализма» тут ничего нет. Если «государство», сдающее земли в аренду, не будет государством типа Коммуны, а будет парламентарной буржуазной республикой (именно таково постоянное предположение Каутского), то сдача земли мелкими участками будет типичной либеральной реформой» (Ленин, том XV, стр. 514, изд. ГИЗ, 1923 г. Курсив автора).

А какого же типа у нас государство, товарищи? Полегче же с Лениным, немножечко полегче! Наше пролетарское государство, сдавая землю в аренду мелким производителям и вовле-

кая их в сферу социалистического производства и распределения множеством имеющихся у него способов, этим путем, несомненно, осуществило бы шаг к социализму в земледелии. Доказывать это в настоящее время как будто нет нужды [1]).

В-4-х, оба проекта говорят о поселенном исключении из состава государственных земельных имуществ земель, передаваемых в пользование, но ни слова не говорят о запасном фонде для целей обобществления земледелия.

Мы приходим, таким образом, к выводу, что представленные законопроекты, с точки зрения сохранения и развития принципа национализации земли, весьма неудовлетворительны. В них право государственной собственности на землю сводится почти на-нет для подавляющего большинства используемых в сельском хозяйстве земель (за исключением нескольких процентов площади под совхозами и под участками, сданными в аренду). Почти все земли передаются, по существу дела, в раздел частным хозяйствам на правах постоянного и безвозмездного пользования с автоматическим переходом земли от одного состава членов хозяйства к другому ad infinitum (до бесконечности). Права советского государства на эти земли, в сущности, не больше прав любого буржуазного государства на изъятие земли из частной собственности. Государственная собственность на землю реально выражается лишь в запрещении купли, продажи, дарения, завещания, залога земли. Права государственной собственности целиком и полностью распространяются лишь на так называемые государственные земельные имущества, состоящие в наибольшей части из неосвоенных хозяйственно земель.

Здесь, кстати, будет упомянуть о тенденции НКЗ РСФСР передать в раздел между крестьянами остающуюся у государства часть земельного фонда. В печати опубликованы следующие сведения [2]). На 1 октября 1924 г. государственные земельные имущества РСФСР составляли 14.209.000 десятин. Из них культурные земли (под совхозами, лугами, доходными статьями) занимают всего 30% (совхозы в том числе—16%). Остальное— хозяйственно неосвоенные земли (государственный земельный запас). К ним следует прибавить еще не менее 8.654.000 десятин недавно обезлесенной площади. Всего государственные земельные имущества составят, таким образом, 22.863.000 десятин.

С этим огромным земельным фондом предположено распорядиться в течение ближайших 5 лет следующим образом. Обезлесенная площадь передается в раздел целиком (5.591.000 десятин уже передано). Из основного фонда передаются 6.453.000 десятин (1.126.000 десятин уже передано). Всего будет передано 15.107.000 десятин (66%). При этом в наиболее культурных, заселенных районах в раздел пойдут почти все государственные земельные имущества: весь государ-

[1]) Напомним, что Ленин, в споре с Каутским, подчеркивал, как отличительную черту нашей пролетарской социалистической аграрной политики, благоприятствование коллективизации земледелия и указывал на наличие у пролетарского государства возможности проводить такую политику (власть, земля, заводы, товары). Том XV стр. 513--522.

[2]) «Экон. Жизнь», № 230 от 6 окт. 1926 г., статья Столярова.

ственный земельный запас полностью, а из земель, находящихся сейчас в государственном пользовании,—почти все доходные статьи, часть лугов и часть совхозов. Из остающихся у государства 7.756.000 десятин подавляющее большинство придется на земли отдаленных окраин, нуждающиеся для хозяйственного освоения в предварительной мелиорации (осушение, обводнение).

Возражать принципиально против передачи крестьянам добавочного количества земель, конечно, нельзя. Но вопрос имеет чрезвычайную практическую важность и требует предварительного обсуждения в самых широких партийных и советских кругах. К сожалению, этого сделано не было. В печати появилось лишь фактическое сообщение о предположенной (и в значительной мере уже состоявшейся) передаче наибольшей части государственных земельных имуществ. Вслед за тем опубликовано было постановление ВЦИК и СНК РСФСР о дополнении 157 статьи земельного кодекса следующим примечанием: «Государственные земельные имущества могут быть предоставляемы трудовым землепользователям в бессрочное и безвозмездное пользование на основании особых договоров под условием выполнения землепользователями специальных правил, устанавливаемых инструкцией НКЗ РСФСР» (постановление от 11 октября 1926 г.). Таким образом, в порядке примечания, вводится существенное изменение в одно из основных положений аграрного закона (вводится безвозмездность и договорное начало), а важнейший вопрос о содержании договора предоставляется целиком и полностью на усмотрение ведомства.

Подвергать обсуждению в настоящей статье вопрос о судьбах многомиллионного фонда государственных земель мы не можем. Обращаем на него серьезное внимание партии. Партия должна выяснить: насколько описанная выше политика в данном вопросе согласована с перспективами социалистического строительства в земледелии? Насколько вызывается необходимостью передача столь значительного количества земель? И (в случае необходимости) каковы должны быть условия, на которых государство передает в частное пользование новое значительное количество земель? Что такая передача должна быть организована на началах гораздо более рациональных с точки зрения коллективизации и техники земледелия, чем существующее трудовое землепользование, это несомненно. Правильное практическое разрешение этого вопроса будет иметь громаднейшее значение для социалистического строительства в земледелии.

Развитые нами соображения об основных чертах закона по линии национализации земли могут встретить такое возражение: принципиально это все правильно, но практически не имеет никакого значения. Ни срочности, ни платности, ни тем более непосредственного использования земель государством в сколько-нибудь значительных размерах в настоящее время осуществить невозможно. Такое возражение было бы совершенно несостоятельно. Основной аграрный закон пишется не на два—три года, а на длинный ряд лет, в течение которых возможны крупные перемены. Даже в ближайшие годы вполне возможна, скажем, такая реформа, как переход к обложению поземельной ренты, чему прямо противоречила бы безвозмездность и бессрочность землепользования, провозглашаемая проектами. В аграрном за-

коне Союза не должно быть ничего, что не согласовалось бы с основными принципами нашей аграрной политики, из которых первый — сохранение, развитие и использование для социалистического строительства национализации земли.

По линии обобществления земледелия.

Значительно хуже обстоит дело в обоих законопроектах по линии обобществления земледелия. Особенно плох, чтобы не сказать—никуда негоден, проект СНК РСФСР. В этом проекте нет буквально ни одной статьи, которая бы говорила об особом содействии, благоприятствовании со стороны закона обобществлению земледелия. Более того: в нем нет даже простого упоминания о коллективном земледелии, об организациях по коллективной обработке земли. Их можно лишь подразумевать под «об'единениями трудовых земледельцев», под «сельскохозяйственными товариществами, дворами и другими об'единениями», упоминаемыми между прочим в одном-двух местах проекта (см. ст. 8). Не угодно ли: сельскохозяйственное товарищество, двор и другие об'единения, в качестве возможных землепользователей на ряду со стоящим на первом месте единоличником,—это буквально все, что считают нужным сказать в основном аграрном законе советского государства авторы данного проекта и защитники его.

Не сказано также в проекте ясно и прямо, «всеми буквами», как говорят французы, о государственных социалистических предприятиях по земледелию, о совхозах. Они тоже лишь подразумеваются под использованием государственных земельных имуществ «путем непосредственного ведения хозяйства земельными органами», упоминаемым на ряду («или—или») с путем сдачи этих имуществ в аренду (ст. 22). Может быть, все-таки пролетарское государство предпочитает социалистический путь капиталистическому? Может быть, оно употребляет определенные меры для оказания такого предпочтения? Может быть, оно связывает с совхозами определенные цели и задачи? Обо всем этом — ни словечка!

В таком случае что же социалистического, коллективистического остается в разбираемом проекте? Ровно ничего. В нем тщательно выскоблено, вытравлено все, что есть социалистического в нашей аграрной практике, в наших (правда, не всех) земельных кодексах. Ни национализация земли сама по себе, ни ведение земледельческого хозяйства в отдельных случаях государственными органами само по себе, ни предоставление земли в пользование «дворам и другим об'единениям», ни весь так называемый трудовой порядок землепользования,—все эти черты сами по себе не являются, конечно, социалистическими чертами. Проект в настоящем его виде приемлем целиком для любого мелкобуржуазного демократа, желающего радикальным образом разрешить аграрный вопрос.

Проект КЗП в данном отношении отличается лишь немногим: О совхозах читаем буквально то же самое и ни слова больше (ст. 59). Но в этом проекте прямо и точно упоминаются «сельскохозяйственные коллективы (коммуна, артель и т. п.)», и есть одна статья, благоприятствующая образованию коллективов предоставлением права на выдел из земельного общества с землей к одному месту и без согласия на то земельного общества (ст. 46). Однако, этим и ограничивается, по проекту, благоприятствование со стороны государства коллективизации земледелия. Наоборот, в проекте есть статья, препятствующая коллективизации: земельному обществу предоставляется право обращать земли сельскохозяйственных коллективов в трудовое пользование земельного общества (ст. 29, б). Во всех остальных, достаточно многочисленных—67—пунктах этого проекта вопрос о благоприятствовании коллективизации и социализации земледелия никак не затрагивается.

Несмотря на наличие статьи 46-й, проект КЗП следует признать, с точки зрения коллективизации земледелия, пожалуй, даже худшим, чем проект СНК. Дело в том, что проект КЗП, предоставляя право землепользования двору, коллективу и земельному обществу, допускает последнее в качестве землепользователя лишь «в тех случаях, когда оно перешло к совместному (товарищескому) пользованию землей» (ст. 15, в). Это означает не более не менее как вычеркивание одним взмахом пера из фактического состава землепользователей почти всех земельных обществ. (А земельные общества, в качестве землепользователей, в нашем союзе, как известно, преобладают). Правда, размахнувшись столь широко в статье 15-й, авторы проекта бьют отбой в статье 48-й, признавая здесь земли, отведенные земельным обществам в порядке законодательства союзных республик, «законно закрепленными» за этими обществами. Очевидно, статья 15 должна регулировать предоставление земель в пользование лишь в будущем, а существующие земельные общества, каковы бы они ни были, сохраняют свои земельные права полностью. Какая же перспектива здесь намечается в результате применения статьи 15-й?

Перед крестьянином будут только два пути: получить землю либо в составе двора, либо в составе коллектива (земельное общество, пользующееся землей на товарищеских началах, по сути дела, тот же коллектив). Ясно, какой путь изберет крестьянин в подавляющем большинстве случаев: двор, а не коллектив. Ставить крестьянина перед выбором: либо двор, либо коллектив — значит уничтожать ту общественную связь, которая соединяет сейчас почти повсеместно отдельных землепользователей с государством и первых между собою, значит определенно толкать крестьянина на путь хуторского, фермерского хозяйства. Как это согласуется с перспективами социалистического строительства в деревне, предоставляем судить читателю.

Оба проекта, с точки зрения коллективизации и социализации земледелия, не только не представляют никакого шага вперед по сравнению с первым аграрным законом и с существующим аграрным законодательством, а являются прямо бегом назад без оглядки. Многие товарищи лишь презрительно морщатся при одном упоминании о старом, «эсэровском» законе о социализации земли. Но в этом законе есть много правильного с точки зрения содействия обобществлению земледелия. Закон ставил в качестве землепользователей на первое, после государства, место сельскохозяйственные коммуны, на второе место —

сельскохозяйственные товарищества, на третье место—сельские общества и на четвертое место—отдельные семьи и лица (ст. 20). Земля, по закону, предоставлялась «в первую очередь тем, кто желает работать на ней не для извлечения личных выгод, а для общественной пользы» (ст. 21). «Для занятия земледелием в личных интересах» право на землю имело «в первую очередь—безземельное и малоземельное местное земледельческое население и местные сельскохозяйственные рабочие (батраки) на равных условиях» (ст. 22). Сверх того: «при установлении порядка передачи земли в пользование предпочтение отдается трудовым сельскохозяйственным товариществам перед единоличными хозяйствами» (примечание к ст. 22). Государство прямо обязывалось поощрять обобществление земледельческих хозяйств: «Ст. 35. Российская Федеративная Советская Республика, в целях скорейшего достижения социализма, оказывает всяческое содействие (культурная и материальная помощь) общей обработке земли, давая преимущество трудовому коммунистическому, артельному и кооперативному хозяйствам перед единоличным». «В целях скорейшего развития социалистического земледелия, государство оказывает новоселам всяческое содействие для планомерного и научного ведения коллективного хозяйства» (примечание к ст. 34).

Вот как ставился в старом законе вопрос по линии благоприятствования обобществлению земледелия,—по второй главной линии, которая вместе с принципом национализации должна, несомненно, красной нитью проходить по всему аграрному закону каждого советского, идущего к социализму, государства. Что же взято из этих формулировок в проекты? Н и ч е г о. Взяты действительно эсэровские — утопические и мелкобуржуазные — черты и огулом выброщены черты социалистические. Конечно, эти формулировки первого закона устарели, нуждаются в переработке. Но разве их общий смысл, их направление тоже устарели? Разве мы с нэпом отказались от задачи «скорейшего развития социалистического земледелия»? Не только не отказались, но, как писал Ленин в последних своих статьях, как будто всеми усвоенных,—мы нашли теперь конкретные пути и способы обобществления земледелия (коллективизация, кооперативное земледелие). Признаем же открыто, что в изданных с нэпом земельных кодексах (особенно в кодексе РСФСР) мы «перенэпили», отступили назад больше, чем надо было, и не станем повторять этой ошибки теперь, при выработке общесоюзного аграрного закона.

Эта ошибка была еще извинительна ранее, когда стояла задача как можно быстрее и во что бы то ни стало восстановить разрушенное сельское хозяйство. Теперь эта задача разрешена. Сельское хозяйство восстановлено в довоенных размерах. Пора энергичнее приступить к разрешению дальнейшей и нашей главной задачи, как коммунистов: к обобществлению земледелия. Стоять в этом вопросе на позиции первых времен нэпа значит итти назад.

Мы отметаем прочь, как совершенно несостоятельное, непродуманное, возражение, которое делают некоторые товарищи, что нельзя-де возвращаться теперь к политике принудительного насаждения коммун. Ни о чем подобном нет и речи. Речь идет

о выработке такой системы аграрного законодательства, которая, вполне удовлетворяя нуждам и потребностям теперешнего земледельца в его массе, в то же время д а в а л а б ы р я д с у щ е с т в е н н ы х э к о н о м и ч е с к и х в ы г о д з е м л е д е л ь ц а м, п е р е х о д я щ и м к к о л л е к т и в н о й о б р а б о т к е з е м л и. В 1918 г. мы могли лишь м е ч т а т ь о предоставлении таких выгод, а теперь мы имеем возможность фактически д а т ь их, и не только в порядке землепользования и землеустройства, а и по другим линиям (особенно по снабжению земледельца средствами производства и кредитом). Вспоминать, в возражение против этого, «принудительное насаждение» можно, только не подумав или не поняв способов перехода от мелкого частного земледелия к обобществленному земледелию. Мы не предлагаем ничего другого, как установить и начать последовательно проводить в области землепользования и землеустройства, примерно, такую же с и с т е м у э к о н о м и ч е с к о г о б л а г о п р и я т с т в о в а н и я с о ц и а л и с т и ч е с к и м, к о л л е к т и в и с т и ч е с к и м н а ч а л а м, какая проводится у нас в области промышленности и торговли, где, как известно, мы не только с самого начала нэпа ввели такую систему (наши налоговые декреты), но и определенно переходим в дальнейшее наступление на частнохозяйственные элементы (напр., плановое снабжение такими машинами, как тракторы, расторжение через суд по мотивам государственной пользы арендных договоров с частными предпринимателями, ряд экономических мер на транспорте и т. п.).

Мысль о содействии обобществлению земледелия вовсе не так уж чужда даже нашим существующим земельным кодексам, как это может показаться, если судить по проектам общего аграрного закона. Если бы авторы этих проектов хоть одним глазком заглянули в земельные кодексы, то не могли бы не заметить там целого ряда статей, благоприятствующих коллективизации и социализации земледелия. Во всех кодексах есть особая глава, посвященная совхозам, в которой им ставится задача «служить научно-технической основой для развития сельского хозяйства и его о б о б щ е с т в л е н и я». А в проектах самое слово «совхоз» избегается. В отношении содействия коллективизации мы находим в земельном кодексе УССР такую статью: «Членам КНС (комитетов незаможных селян), с утверждения общего собрания комитета, предоставляется право выхода, в н е з а в и с и м о с т и о т к о л и ч е с т в а их по отношению к общему числу граждан села, п р и у с л о в и и п е р е х о д а к т о в а р и щ е с к о м у с п о с о б у з е м л е п о л ь з о в а н и я» (примечание к ст. 138). Чтобы оценить значение этой статьи, напомним, что выход из общества с землей допускается вообще лишь при наличии не менее одной пятой членов, требующих выдела. В земельном кодексе БССР находим статью 118-ю, гласящую: «При участково-чересполосной форме (единственная в БССР форма, помимо товарищеской) группа дворов для образования поселка имеет право во всякое время с согласия общества, а д л я о р г а н и з а ц и и к о л л е к т и в а (а р т е л и, к о м м у н ы, о б щ е с т в е н н о й з а п а ш к и) и б е з е г о с о г л а с и я, выйти с землею к одному месту». Ярко выраженная привилегия, способствующая образованию колхозов!

По линии предоставления земель из государственного запаса УССР в п е р в у ю о ч е р е д ь отводит землю ч л е н а м с е л ь с к о-

хозяйственных товариществ из КНС; во вторую очередь—безземельному и малоземельному местному земледельческому населению и т. д. (Ст. 6 земельного кодекса). В земельном кодексе БССР есть аналогичная статья—10-я. По линии землеустройства можно бы указать на 178-ю статью земельного кодекса УССР, дающую об'единениям незаможного селянства особые льготы по оплате расходов внутриселенного землеустройства (примечание к статье). И т. д.

Вместо того, чтобы взять эти определенные, с точки зрения социалистической, плюсы аграрного законодательства отдельных республик, развить и дополнить их, авторы разбираемых проектов пошли слепо вслед за наиболее отсталым, наиболее проникнутым индивидуалистическими стремлениями, наиболее рассчитанным на единоличника земельным кодексом РСФСР. Во всем этом обширном кодексе есть всего-навсего одна статья, содействующая в известной мере коллективизации: право землепользователей, переходящих к общественной обработке земли, охранить свои участки от поравнения и уменьшения, хотя бы они и превышали норму (ст. 115). Но ни в главе о товарищеском порядке землепользования, ни в главах о переделах и выделах, ни в отделе о землеустройстве и переселении земельного кодекса РСФСР нет ни одной статьи, благоприятствующей коллективизации земледелия. Нет и в проектах.

Не станем давать примерных формулировок, но глубоко уверены в том, что не только социалистический пролетариат и деревенская беднота, но и все передовое крестьянство будет приветствовать включение в основной земельный закон (а за ним и во все земельные кодексы) положений в духе приведенных выше статей кодексов УССР и БССР и пунктов, развивающих и дополняющих эти статьи. Например, почему на земельные органы советского государства, строящего социализм, до сих пор не возложена прямая задача пропаганды, организационной инициативы и всемерного, по всем линиям их работы, практического содействия коллективизации земледелия? Первым земельным законом такая задача, как мы видели, на них возлагалась. Но об этом нет ни слова ни в одном нашем земельном кодексе и ни в одном проекте. Если судить по действующим кодексам и по проектам, то в задачи нашего, советского землеустройства отнюдь не входит коллективизация земледелия, а лишь «упорядочение существующих землепользований и образование новых, соответственно правам на землю и требованиям хозяйственно-технической целесообразности» (ст. 165 кодекса РСФСР, ст. 61 КЗП, ст. 22 СНК). А соответственно требованиям социалистического строительства? Ни словечка! Туго, совсем туго идет в этом направлении мысль составителей наших земельных законов! Слишком тяготеет над ними господствующий в современном земледелии частнохозяйственный его характер.

Нам могут возразить, что все эти соображения о благоприятствовании обобществлению земледелия относятся, собственно, к практической аграрной политике и должны найти себе место в текущем аграрном законодательстве союзных республик и даже в текущих распоряжениях земельных органов. Возражение —

совершенно неосновательное. Во-первых, речь идет, конечно, только о том, чтобы данный всесоюзный закон содержал лишь основные принципы нашей аграрной политики, выраженные в форме достаточно категорической и общеобязательной для всех союзных республик и в то же время допускающей конкретное применение их сообразно с особенностями каждой страны. Во-вторых, в аграрном законодательстве союзных республик уже заложены такие основные принципы аграрной политики, только принципы эти не совсем одинаковы и применение их недостаточно выдержано. Следовательно, есть не только полная возможность формулировать во всесоюзном законе общие принципы аграрной политики уже и на основе опыта, но есть и настоятельнейшая необходимость такой формулировки. Ибо не может же аграрное законодательство союзных республик итти вразброд в наиважнейших вопросах, ибо, при единстве в нашем Союзе руководящего класса и руководящей партии,—единой, в основных чертах, должна быть и аграрная политика. В-третьих, защитники представленных проектов, которые стали бы возражать против включения во всесоюзный аграрный закон всесторонне развитого и последовательно проведенного принципа благоприятствования обобществленному земледелию, тем самым выдали бы себя с головой: ведь в их проектах со всей тщательностью и последовательностью разработан другой общий принцип—благоприятствования частному земледелию.

По линии развития производительных сил.

Без всякого сомнения, содействие развитию производительных сил сельского хозяйства также должно быть одним из основных принципов аграрной политики. Без развития производительных сил невозможно не только социалистическое строительство, но и никакое движение вперед, без него застой, регресс, гибель. Мы все достаточно это усвоили не только теоретически, но и практически—на ходе нашей революции. Военный коммунизм был отменен именно потому, что он стеснял, делал невозможным развитие производительных сил. Он был допустим и необходим лишь временно, как исторически неизбежный метод военно-политической борьбы. В основу сменившей его новой экономической политики и положено развитие производительных сил.

Отсюда делается чрезвычайно простой вывод для аграрной политики. Большая предпосылка: необходимо содействовать развитию производительных сил. Малая предпосылка: господствующая форма развития производительных сил в сельском хозяйстве—частное земледелие. Вывод: необходимо содействовать развитию частного земледелия.

Безукоризненно—с точки зрения школьной логики. Ну, а как с точки зрения марксовой диалектики? Как со стороны развития общественно-экономических отношений в земледелии? Как со стороны перехода к социализму в земледелии? А так, что из проектов основного аграрного закона вычеркивается всякий намек на содействие обобществлению земледелия и остается одно голое содействие частному хозяйству в земледелии!

На этот вопиющий дефект аграрных проектов достаточно было бы указать пальцем, чтобы отбросить их оба. Но, повидимому, дело не обстоит так просто. Оказывается, что самый принцип развития производительных сил толкуется по разному. Так, напр., секция права и государства Коммунистической Академии в об'яснительной записке к своим постановлениям по поводу проектов «Общих начал землепользования и землеустройства» пишет: «В основу их должны быть положены интересы окончательного, возможно безболезненного, уничтожения всех пережитков дореволюционной деревни и свободного развития производительных сил, не стесняя этого развития лишними рогатками, но одновременно обеспечивая возможность перехода крестьянского хозяйства к социализму»[1]).

Таким образом, принцип развития производительных сил толкуется в смысле свободного развития их, и такое толкование должно, очевидно, служить теоретическим обоснованием той позиции исключительного благоприятствования развитию частного земледелия, которую занимают авторы и защитники обоих проектов. (Секция права приняла за основу проект СНК и внесла в него лишь незначительные поправки).

На первой части выдвинутого положения—«уничтожение всех пережитков дореволюционной деревни» — мы останавливаться не будем. Это одна из тех фраз, широковещательный характер которых обратно пропорционален их конкретному содержанию. Разберемся подробно в вопросе, что может означать вторая часть тезиса: «свободное развитие производительных сил».

Под производительными силами, в прямом, узком смысле материальных производительных сил, разумеются, орудия, машины, раб. скот, обрабат. площадь земли и т. п. Свободное развитие производительных сил в таком случае должно означать ничем не стесненное, беспрепятственное умножение, расширение, улучшение всего этого. В таком смысле свободное развитие производительных сил является, конечно, основным законом всякого идущего вперед общества, основным требованием всякого передового класса. Всякая социальная революция имеет тот коренной смысл, что она освобождает производительные силы от стеснений, наложенных на них старым строем. Наша социалистическая революция освободила производительные силы от пут частной собственности, что особенно наглядно выражается в том, что те средства, которые раньше удерживались классом капиталистов и помещиков, идут теперь на развитие промышленности и сельского хозяйства. Это элементарно.

Но если мы примем такое толкование вышеприведенного тезиса, то останется совершенно непонятной оговорка о «лишних рогатках». Ведь ясно, что умножению и улучшению материальных производительных сил не следует ставить не только лишних, но вообще никаких «рогаток».

Но возможно и другое понимание того же тезиса. Материальные производительные силы пускаются в ход путем приложения к ним человеческой рабочей силы, в процессе труда, при этом люди вступают друг к другу в определенные производственные отношения, так что развитие производительных сил происходит не иначе, как в форме тех или иных производственных отношений. Форма отношений изменяется в зависимости от развития материальных производительных сил. До сих пор в истории человеческого общества это развитие происходило стихийно, т.-е. лишь отдельные частицы развития зависели от сознательных усилий отдельных лиц, а все развитие в целом и его результат не зависели от руководящего воздействия человеческой воли, какого-либо общественного органа. Соответственно этому стихийно же возникали и развивались формы производственных отношений, так что в каждый период мы находим в обществе, на ряду с господствующей формой производственных отношений, формы отживающие и вновь растущие. Что же означает в таком случае «свободное развитие производительных сил»? Не что иное, как беспрепятственное, независимое от направляющей человеческой воли, стихийное развитие производственных отношений. Для нашего Советского Союза это означает отказ от вмешательства государства в стихийную борьбу между собою разных форм производственных отношений (каковых у нас, как известно, насчитывается до пяти), отказ от планового руководства развитием производительных сил, отказ от социалистического строительства.

[1]) «На Аграрном Фронте» № 9, 1926.

Но если мы примем это второе толкование тезиса, то останется совершенно непонятной не только первая, но и особенно вторая оговорка о каком-то особом «обеспечении возможности перехода крестьянского хозяйства к социализму». Зачем тогда такое обеспечение, и как его можно осуществить, раз мы провозглашаем свободную игру сил?

Мы видим, таким образом, что этот тезис о «свободе развития производительных сил»—чрезвычайно путаный, внутренне-противоречивый тезис, могущий породить множество недоразумений. Но, может быть, наша критика слишком «придирчива»? Может быть, здесь простая обмолвка, описка, а по существу дела авторы стоят на общепринятой позиции развертывания, под'ема производительных сил сельского хозяйства? Пожалуй, мы так и считали бы, встретив такую фразу в речи или статье. Но мы находим ее в официальном документе, который, надо полагать, тщательно продуман. Кроме того, в том же документе этот тезис нашел конкретное применение, и нам остается лишь посмотреть, как он применен.

1) Оба проекта единодушно устанавливают полную свободу хозяйственного использования земли (проект КЗП—7,а, 44; проект СНК—10,а). Это наиболее ясное, прямое приложение принципа свободы развития производительных сил. Далее идет целый ряд статей, расчищающих свободную дорогу для развития производительных сил в господствующей сейчас в деревне форме производственных отношений,—в частнособственнической форме.

Оба проекта согласно выдвигают на первое место частного землепользователя: «двор», по проекту КЗП (15,а), «трудового земледельца», по проекту СНК (4,а). КЗП подчеркивает в особой статье (24), что право на землю может быть осуществлено и без вхождения в земельное общество. В проекте

СНК это вытекает из существа других статей (4,а, 8) [1]. Сверх того, КЗП устанавливает для каждого двора отдельно или совместно право выхода из земельного общества с землей (45), т.-е. декларируется не что иное, как право единоличника разрушать одну из коллективных форм землепользования.

3) Оба проекта формулируют право частной собственности на «все сооружения, постройки, посевы и растения и вообще все, соединенное с поверхностью участка земли» (КЗП, 8; СНК, 11). При чем у СНК это право ничем не ограничено. У КЗП упомянутое имущество можно отчуждать кому угодно и как угодно лишь на своз или на снос. Имущество же, хозяйственно-неотделимое от земли, может быть отчуждено лишь в случае перехода участка к новому пользователю—этому последнему. Конечно, без такого ограничения продажа неотделимого имущества по усмотрению собственника означала бы также и продажу участка земли, на котором оно находится [2]). И фактически бывают такие случаи продажи земли под видом продажи имущества (по значительно повышенной цене).

4) Оба проекта намечают отмену поравнения земли, т.-е. отмену, в глазах бедняцко-середняцкой массы, одного из завоеваний Октябрьской революции. Проект СНК здесь осторожнее: у него союзные республики устанавливают момент, с которого поравнение может и не производиться, становится необязательным (9). КЗП категорически об'являет, что земли, закрепленные республиканским законодательством за пользователями, «дальнейшему поравнению не подлежат» (48).

5) Проект КЗП содержит ряд пунктов, охраняющих частное земледельческое хозяйство, как дееспособную хозяйственную единицу, и особо поощряющих наиболее дееспособные из них. Право на землю и право собственности на имущество принадлежит двору в составе всех его членов, независимо от пола и возраста; на это имущество не может быть обращено взыскание за личные долги отдельных членов двора (19 и 20). Раздел земельного участка двора допускается лишь при условии возможности образования новых земледельческих хозяйств на выделяемых им землях (21). Союзным республикам предоставляется право устанавливать нормы недробимости хозяйств (22). Хозяева, произведшие существенные улучшения участков, имеют право на возмещение затрат при переходе их участков к другим пользователям (65), а также ограждаются от вмешательства земельного общества при выделении хуторов и отрубов (41).

6) Конечно, устанавливается обязательство для государства возместить землепользователя за из'ятие у него земли и за убытки, связанные с этим (КЗП, 14; СНК, 17).

Помимо всех этих особых пунктов, поощряющих свободное развитие производительных сил (в форме частнособственнического хозяйства, разумеется), в том же направлении действуют уже известные нам общие положения, ограничивающие до минимальнейшей степени права государства на предоставленную в пользование землю.

---

[1]) Вообще, если в проекте СНК нет по данному вопросу аналогичных статей, то потому лишь, что желали сделать его возможно более кратким.

[2]) В параллель с этим следует поставить предложения некоторых из высказывавшихся в прениях по проектам в Коммунистической Академии разрешить отчуждение земельных участков переселяющихся членов земельного общества этому обществу за известную компенсацию. Таких отступлений от государственной собственности на землю допускать нельзя.

Обращаясь к существующим земельным кодексам, мы убеждаемся, что авторы проектов взяли из них почти все пункты, поощряющие развитие частного земледелия, и тщательно обошли все статьи, ограничивающие права частного хозяина в пользу коллективного землепользования (не говоря уже о статьях, поощряющих коллективное земледелие). Ни в одном земельном кодексе нет статьи, закрепляющей навсегда землю за частным пользователем. В РСФСР земля закрепляется за волостями, селениями и об'единениями, но не за дворами (ст. 141). В УССР—то же. В БССР земля закрепляется, правда, и за дворами, но ряд статей не только возлагает на НКЗ обязанность устанавливать «предельную трудовую норму хозяйств отдельных районов» (94), не только дает право изменять местоположение, размеры и границы участков при землеустройстве и ради государственных и общественных надобностей (95), но дает также право, помимо указанных случаев, обрезывать участки, превышающие по своим размерам установленные предельные нормы (96). В УССР частный землепользователь может получить землю лишь в составе земельного общества и при условии подчинения ему (10) и т. д.

Нас могут спросить: к чему же вы клоните речь? Не к тому ли, чтобы принудительным образом заставить крестьянство перейти к определенным, товарищеским формам земледелия? Не к тому ли, чтобы отказаться от какого-либо содействия развитию крестьянского хозяйства в формах, ему сейчас наиболее привычных?

Нет, конечно, мы не к этому клоним. Мы клоним, во-первых, к тому, чтобы раз и навсегда выбросить из нашего теоретического арсенала такие штуки, как «свобода развития производительных сил» и т. п., от которых дурно пахнет фритредерством и буржуазно-демократическим обманом. Строго разграничим: развитие, «развертывание», «развязывание» производительных сил—да, это принцип, почва, на которой мы стоим, с добавлением сюда начал планового руководства. Свобода развития, развертывания производительных сил — нет, это фальш, это не наш лозунг. Никогда и нигде в истории ни один класс, пришедший к власти, не осуществлял такого лозунга. Как и другие свободы, этот лозунг фактически означал насильственное подавление таких форм производственных отношений, которые не соответствовали интересам победившего класса, а свободу и даже больше—всяческое содействие он означал лишь для тех форм, которые были выгодны для этого класса. И у наших товарищей, столь непродуманно выдвинувших этот лозунг, фактически никакой свободы не вышло, а получился на деле законопроект, благоприятствующий исключительно развитию частного земледелия.

Поэтому, во-вторых, мы клоним к тому, чтобы задача содействия развитию земледелия в формах частного хозяйства ни в коем случае не подавляла, не вытесняла задачи содействия обобществлению земледелия. Как бы важна ни была первая задача в данный момент, как бы велик ни был сейчас участок хозяйственного фронта, на котором она ставится,—все же эта временная и частная задача не должна заслонять от нас главную, коренную задачу социалистического строительства. Первая задача должна быть подчинена второй.

На ряду со статьями, которые предоставляли бы мелкому земледельцу известную свободу хозяйствования и содействовали бы развитию частного хозяйства на земле, в аграрном законе должна быть серия систематически разработанных статей, которые давали бы ряд существенных экономических выгод для перехода частных хозяев к коллективным формам земледелия и тем в сильнейшей степени содействовали бы развитию коллективного земледелия. А в разбираемых проектах есть статьи первого рода, но нет статей второго рода. Задача содействия развитию крестьянского хозяйства, как оно есть, в умах авторов проектов и их защитников совершенно вытеснила основную задачу нашего аграрного законодательства—содействовать развитию коллективного земледелия. В этом один из главнейших недостатков обоих проектов, требующий коренной их переработки.

Мы не имеем возможности, за недостатком места, остановиться подробно на четвертом из основных начал нашей аграрной политики—на особой защите интересов пролетарского и полупролетарского населения деревни. Отметим лишь, что необходимость сего никем, как будто, не отрицается, но тем не менее в обоих проектах нет ни одной статьи соответствующего характера. В некоторых кодексах, и в старом земельном законе, как мы видели, такие статьи есть.

Проект же КЗП, статьями о земельных обществах, наносит прямой ущерб интересам пролетарских элементов. Согласно этому проекту, членами земельного общества могут быть лишь дворы и лица, входящие в состав дворов, при этом право решающего голоса принадлежит всем, независимо от социально-экономического положения. Таким образом, граждане, имеющие по нашей конституции все права и участвующие собственным трудом в сельском хозяйстве, но не ведущие самостоятельного земледельческого хозяйства (батраки, пастухи, кузнецы и т. д.) лишаются права на участие в земельном обществе. Наоборот, лица, лишенные по конституции избирательных прав (кулаки, сельские торговцы, духовенство и т. п.) сохраняют право состоять полномочными членами земельного общества, раз они ведут самостоятельное земледельческое хозяйство.

Безусловно необходимо ввести в общесоюзный аграрный закон положения, которые требовали бы от законодательства союзных республик определенных статей, защищающих интересы пролетарских и полупролетарских элементов деревни.

Общее наше заключение к представленным проектам: их надо подвергнуть коренной переработке. С изданием декрета такой громадной важности, как общесоюзный аграрный закон, спешить нельзя. Надо поставить все относящиеся сюда вопросы на самое широкое обсуждение.

Ю. Ларин.

Об извращениях при проведении национальной политики.

(*Начало статьи см. в № 23—24 за 1926 г.*).

4. Перегибы национализации и режим экономии.

Киевское областное отделение «Известий ЦИК и ВЦИК» за № 3629 пишет 2 июля 1926 года главной конторе «Известий» в Москву: «В связи с постановлением комиссии по украинизации, нам необходимо добавить вывески на украинском языке. В виду этого просим разрешить нам сверхсметный расход в сумме не менее 50 руб. В виду отсутствия до сих пор вывески на украинском языке, заведующий киевским отделением привлечен к уголовной ответственности» (прислано отд. распр. «Известий ЦИК» за № 2181).

Сам по себе, взятый отдельно, факт может показаться мелким, дело идет о каких-то 50 рублях. Но фактов таких «сверхсметных расходов» масса,—столько, сколько на Украине было вывесок не на украинском языке. Одно это постановление о вывесках означает накладной расход в миллионы рублей. Остановимся на его пользе и смысле.

На государственных учреждениях в пределах Украины обязательно должны быть вывески на украинском языке и, поскольку есть иноязычное население, еще на другом языке, наиболее распространенном в данной местности. Такова должна быть правильная линия. Было бы нелепо, если бы на жел.-дор. станции в пределах Украины крестьянин не мог бы понять надписи, на какую платформу надо итти и т. п. Но точно так же недопустимо воспрещать делать на госучреждениях Украины, параллельно с украинским, вывески, напр., на русском языке, ибо это там наиболее распространенный после украинского язык (а в некоторых местах еврейский, греческий, польский, немецкий и другие). Надо помнить, что на Украине в целом, считая вместе и город и деревню, около четверти населения не говорит по-украински. Разрешать вывески госучреждений, а равно афиши, надписи в кино и т. п. только на украинском языке значило бы топтать ногами права весьма значительной части населения (а в городах—большинства жителей). Почему

в Одессе, где подавляющее большинство жителей говорит по-русски, а не по-украински—на почте вывеска «до востребования»—должна быть только по-украински и по-французски? Это установлено на Одесской почте в ноябре 1926 г. членом ЦКК нашей партии. Есть нечто кривое в такой манере украинизации.

Этим можно ограничиться о вывесках публично-правовых органов государства: здесь необходим и украинский язык и параллельный текст для неговорящего по-украински населения. Иной порядок недопустим для учреждений, в которые гражданин должен обращаться, как совет, суд, жел. дорога и т. д. Другое дело—такие учреждения, куда никто не обязан обращаться: парикмахерская, фотография, контора газеты и т. п. Сами эти учреждения заинтересованы в привлечении стригущихся, снимающихся, подписывающихся на газету и т. п. Потому, если интересы привлечения обслуживаемого населения этого требуют,—они прибьют вывеску не то что на украинском, а и на китайском языке. А если не требуют, то зачем заставлять выбрасывать деньги на ветер? Мы заставляем все органы и предприятия во имя режима экономии сокращать расходы даже на такие заведомо полезные цели, как содержание рабочих домов отдыха, и передавать эти дома Цустраху. А здесь украинская власть заставляет увеличивать расходы, относящиеся к разряду ненужных для предприятия и учреждения. В самом деле, московские «Известия» печатаются на русском языке и могут иметь подписчиков, только читающих по-русски: во имя какого «принципа» следует обязывать их иметь еще украинскую вывеску на киевском отделении конторы? Это значит действовать не по лозунгу: «За режим экономии», а по язвительной «крокодильей» пародии: «Зарежь экономию».

Единственный смысл—создать внешнюю видимость, что Киев, Одесса, Харьков и т. п. центры—сплошь украинские по языку города. Но какая цена такой «потемкинской деревне», кроме поддержки исторической традиции Потемкина, как раз по Днепру на Украине создававшего для царицы Екатерины свои картонные декорации?

Перед нами издание Укрнаркомвнудела, под рекакцией замнаркома т. Черлюнчакевича, специально по вопросу о национальном районировании Украины.

Там приведены официальные украинские цифры, что в Днепропетровске и в Одессе меньше чем по пяти процентов украинцев, в Киеве меньше пятнадцати и т. д. Словом, в крупнейших городах Украины украинцы составляют лишь небольшое меньшинство. На каком же основании требовать тогда обязательных параллельных вывесок по-украински на таких предприятиях и учреждениях, куда никто не обязан ходить и которые обслуживают только это городское население? А между тем за невыполнение этого распоряжения о ненужном расточительстве, как мы видели, на Украине привлекают к уголовной ответственности. Повторяем: если кооперативная столовая или газета обслуживает говорящее по-украински население, то она такую повесит и вывеску, а если среди клиентов нет говорящих по-украински, то не к чему проводить и принудительную «украинизацию вывесок».

Гораздо лучше было бы для роста украинской культуры затратить на новые учебные книги на украинском языке, затратить на новые высшие, средние и прочие украинские школы те большие деньги, какие выбрасываются на ветер для показной «украинизации» путем принудительного изготовления вывесок с переводами на тех учреждениях и предприятиях, которые не имеют характера публично-правовых. Тратить деньги на улучшение украинских школ, на более широкое снабжение говорящего по-украински населения понятной ему литературой—это советский метод (способ) украинизации. А заставлять под угрозой уголовного суда производить ненужный расход на новую украинскую вывеску, обслуживающую отделение русской газеты, т.-е. только читающих по-русски, это значит—слова из песни не выкинешь,—незаметно для себя скатываться к петлюровскому способу украинизации, т.-е. к заботе не о росте культуры, а о внешности, о декорации. Такая декорация заслоняет действительно стоящую перед нами задачу содействия росту украинской культуры—видимостью, будто все уже украинизировано, будто задача разрешена. Получается двойной вред для дела развития украинской культуры: 1) отвлечение от него внимания к принудительному проведению внешне-показных мер бюрократического благополучия (вывески, афиши и т. п.), 2) возбуждение недовольства неукраинского населения против украинской культуры, как связанной с национальным обесправливанием (например, запрещение афиш на неукраинском языке) всего остального населения.

Принудительность в вопросе изучения украинского языка служащими соответствующих публично-правовых органов государства (судов, железных дорог и проч.)—не только не вредна, но необходима. Не могут и не должны быть терпимы служащие, которые не желают знать языка обслуживаемого ими населения. Наоборот, принудительность недопустима и вредна там и тогда, где она стесняет население в употреблении неукраинского языка или навязывает ему обязательно украинский (да еще под страхом уголовной кары). Поэтому госорганы обязаны отвечать на неукраинском языке на соответственные обращения из населения; не могут закреплять за украинским языком монополию в городских театрах и в деле афиш, надписей в кино и т. п.; не должны требовать украинского или только украинского делопроизводства в общественных организациях, в составе которых преобладают неговорящие по-украински члены и т. д., и т. п. Поэтому же должны быть пересмотрены и уточнены и существующие на Украине постановления о вывесках. Пора поставить работу по национализации более внимательно и серьезно, с большей ответственностью за извращения правильной линии и тем самым с более реальной по прочности результатностью.

В самом деле, можно ли назвать иначе, как позорным, такие, например, документы, перепечатываемые из газеты «Киевский Пролетарий» № 241 от 19 октября 1926 г., сообщенные там завнацменом окрисполкома тов. Гулько: «Акт. Червня, 27 дня 1926 р. м. Київ. Я, дозорчий 2 уч., Раковського району Вайнтреб, згідно почто-телеграми за підписом начміськмілрозщуку за ч. 2147 склавцей акт в присутности Завідуючого Іудейсь-

кого дитяч. Будинку Глухонімих № 43 що міститься по вул. Троцького Будинок 43 та двох нижчепідписаних понятих—Гольдфайна Б. О., що мешкає по Софійской вул. буд. 15, кім. 11, та Алтер Над. Адольфовна, яка мешкає по вул. Троцького 43, про те, що при огляді вивіски зазначенного будинку виявлено, що вона написана на українській та еврейській мові. Завідуючому оголошено, що згідно почто-телеграми (підстава—постанова РНК від 16 липня 1926 р.), вивіска повинна бути тільки мові українській, про що складено акта».

После этого последовал суд 30 августа 1926 г. («Діло № 1607 —Судовій наказ», напечатано там же): народный судья 9-го участка города Киева «на підставі 406, 407, 408 ст. УКК и 219 ст. кар. кодексу» постановил оштрафовать за это преступление на два рубля в доход Украинской республики. По стольким статьям карается на Украине судом такое преступление, как смелость на еврейском доме глухонемых иметь вывеску не на одном украинском, а также и на еврейском языке? Странно, непонятно, не верится, хотя и напечатано в «Киевском Пролетарии». За такие протоколы, циркуляры («постанова РНК від 16 липня 1926 р.) и суды надо снимать, предавать суду и исключать из партии тех, кто такие дела возбуждает, такие распоряжения делает и такие приговоры выносит. Сюда прямо относится следующее постановление XII с'езда партии об извращениях национальной политики в национальных республиках: «Экономическая отсталость этих республик, малочисленность национального пролетариата, недостаточность или даже отсутствие кадров старых партийных работников из местных людей, отсутствие серьезной марксистской литературы на родном языке, слабость партийно-воспитательной работы, наконец, наличие пережитков радикально-националистских традиций, все еще не успевших выветриться, породили среди местных коммунистов определенный уклон в сторону переоценки национальных особенностей, в сторону недооценки классовых интересов пролетариата—уклон к национализму. Это явление становится особенно опасным в республиках с несколькими национальностями, где оно принимает нередко форму уклона к шовинизму коммунистов более сильной национальности, направленного своим острием против коммунистов слабых национальностей». И в другом месте той же резолюции: «В некоторых республиках, имеющих в своем составе несколько национальностей, этот оборонительный национализм превращается нередко в национализм наступательный, в завзятый шовинизм более сильной национальности, направленный против слабых национальностей этих республик». С'езд партии об'явил про эти пережитки, что «прямая борьба с ними является обязанностью членов партии». Мы ждем от коммунистических руководителей Украины поэтому не только устранения отдельных указываемых недочетов, но и введения в систему практики суровой судебной и партийной кары против подобных проявлений.

5. Язык трудовой школы.

На осенней сессии ВЦИК 1926 г. поставлен был доклад Наркомпроса об осуществлении всеобщего начального обучения. Этот же вопрос обсуждался и в других союзных республиках.

В ряду встающих в связи с ним задач, стоит также задача обеспечить правильное разрешение вопроса о языке обучения в трудовой школе.

Принципиально программой партии и советской конституцией вопрос давно решен: учить надо на том языке, который понятен детям, который является для них разговорным дома, ибо на нем легче учиться, скорее можно чему-либо научиться. Но принципиальные требования нашей программы и конституции не так легко сразу полностью провести в жизнь. Пережитки прошлого, невысокий уровень общей политической культуры, бедность страны, неизбежная пока надолго еще наличность в госаппарате многих чуждых нашим взглядам элементов, некоторая топорность и недостаточная разработанность при первоначальном проведении новых принципов и ряд других причин,—все это приучило нас в различных областях жизни не удивляться наличности частичных извращений правильной политики. Больше того: при нынешней совокупности отношений в СССР появление таких отдельных извращений неизбежно, и надо обращать специальное внимание на их искоренение.

Особенно верно это в отношении применения того или иного языка в качестве языка школьного обучения. Наш Союз состоит из нескольких десятков национальных республик и национальных автономных областей. В каждой из них имеются крупные национальные меньшинства по отношению к преобладающей по численности национальности данной республики или области. Народ, в одной республике или области составляющий большинство населения, в другой является меньшинством. Едва ли не единственным исключением из более крупных по численности народов являются у нас в этом отношении евреи, которые во всех республиках в меньшинстве. При таких условиях каждый сколько-нибудь численный народ в СССР—в одних республиках или областях заинтересован в прочной охране прав национальных меньшинств, а в других сам может просмотреть или допустить извращения в национальной школьной политике, поскольку недостаточен еще партийно-пролетарский контроль над машиной госуправления и поскольку как раз в области языка школы особенно сильно давление непролетарских националистических элементов. Просвещенский аппарат—это в основном аппарат интеллигентский, притом пока интеллигентский преимущественно мелкобуржуазного и среднебуржуазного происхождения. Этот слой всегда и везде являлся наиболее ревностным представителем шовинистско-националистических тенденций. Для национальной интеллигенции какого-либо народа вопрос о расширении или сужении применения ее языка — это вопрос хлеба, вопрос борьбы с конкурентами по обслуживанию тех же потребностей на другом языке.

К тому же всем нашим национальным республикам и областям прежде всего приходится заботиться о развитии местных национальных культур, подавлявшихся до революции царизмом. Естественное сосредоточение на этой задаче ослабляло внимание к возможности недообслуживания национальных меньшинств данной республики или области и даже вызывало иногда местами прямые перегибы. А необходимость обращаться для проведения в жизнь развития местной национальной культуры к местной

национальной непролетарской интеллигенции, широко пропитанной националистическими настроениями и частью прямо входившей ранее в буржуазно-шовинистские организации—еще более усиливала возможность превращения этих «перегибов» в прямые извращения.

Вот почему среди поступающих в «Правду» (и не только в «Правду») разных жалоб в связи с проведением национализации на местах, в той части жалоб, какая оправдывается проверкой,—особенно много жалоб на применение в школах языка обучения, не являющегося разговорным для детей местного населения. Ни родители, ни дети не хотят употребления непонятного или малопонятного им языка, не являющегося их обычным разговорным языком. А он порою принудительно навязывается школе по ложно понятым «национальным» соображениям, превращающимся на деле в националистическое обеспразвление, стоящее в кричащем противоречии с нашей программой и конституцией. То дети украинских казаков на Кубани обучаются на русском языке, то дети с русским разговорным языком принуждены учиться по-белорусски и т. д., и т. п. Понятен вред от этих извращений и для успехов ученья и политический. Из переданных мне «Правдой» материалов приведу в виде образца только отрывок из одного письма (совершенно типичный). Пишет, в виду начала нового учебного сезона, член союза водников из очень крупного украинского города (точно указавший свой адрес и проч. и давший возможность проверки сообщенных им данных).

А пишет он так: «Моя дочь учится в трудшколе (такой-то) в окраинной части города (на такой-то улице). Состав детей этой школы по официальным данным следующий:

Русских	337 чел.	70 проц.
Евреев	75 чел.	15 проц.
Украинцев	46 чел.	9 проц.
Прочих	29 чел.	6 проц.

«Подавляющее русское большинство—это не какой-нибудь нетрудовой элемент. Почти половина по тем же данным приходится на детей рабочих, несколько меньше—на детей служащих и только одна десятая часть русских—дети нечленов профсоюзов. И все же школа украинизируется полностью. Просьба родителей, чтобы разрешили им собраться для обсуждения ходатайства об отмене украинизации, была отклонена. Родители негодуют каждый в отдельности, а дети плачут. Что выйдет из их занятий, если преподавание будет вестись на чужом для них языке, малопонятном для 91% учащихся. В качестве аргумента (такое-то должностное лицо) заявил родителям, что они и их дети не знают украинского языка вследствие насильственной руссификации их бывшим царским правительством. Но ведь мы никогда не были украинцами, и большинство из нас родилось за пределами Украины. Я, например, родился в Вологодской губернии и сюда приехал 25 лет назад. Когда у меня появились и стали подрастать дети, они росли тут же в городе среди русских. Я не купец и не помещик, а у рабочих и служащих не было столько денег, чтобы посылать своих детей на лето в украинскую деревню. Мои дети не виноваты, что не знают украинского языка. Говорят, что в нашем городе будет оставлено рус-

ских всего три школы. Что же делать нам русским? Прошу редакцию помочь нашему родительскому горю. Всякие жалобы остаются здесь без результатов, среди родителей ходят упорные слухи, благодаря влиятельному инспектору наробраза, бывшему петлюровцу».

Мы нарочно привели этот отрывок во всей неприкосновенности,—рядом с изложением сообщения о принудительной украинизации русской школы «слухи» о могуществе «инспектора наробраза» и проч., чтобы дать пример политического преломления подобных фактов. Можно добавить еще, что дело идет о городе с сотнями тысяч жителей, из которых по украинской официальной статистике, на украинцев приходится менее десятой части. «Харьковский Пролетарий» от 17 октября 1926 года о всей Украине в целом сообщает: «По данным Наркомпроса школы соцвоса уже украинизировались на 87,8%». Значит для всех неукраинцев осталось 12,2%. Между тем неукраинского населения на Украине по официальным данным почти вдвое больший процент. Значит, украинизация школ проводилась так усиленно, что половина неукраинского населения уже лишена школ на родном языке. Такое сверхусердие явно не правильно.

Чтобы обеспечить во всех республиках устранение всяких извращений в области языка трудовой школы и в отношении к школьному обслуживанию нацменьшинств вообще,—необходимо повсюду провести ряд определенных практических мероприятий. Несколько времени назад особая комиссия в составе т.т. М. И. Калинина, Ю. Ларина, Бройдо и Диманштейна наметила с этой целью следующие меры:

«1. Язык обучения детей в школах устанавливается безотносительно к их исповеданию и (национальному) происхождению—на основе того, каким языком дети пользуются в семье.

2. По заявлению родителей должны быть организуемы или преобразуемы в отношении языка отдельные школы или отдельные классы национальных меньшинств во всех случаях, когда количество детей для обучения на данном языке составляет не менее 25 человек.

3. В городах (и прочих поселениях) с разноязычным населением количество школ на разных языках должно устанавливаться по числу разноязычных детей школьного возраста данного города (или поселения), определяемому согласно заявлению их родителей об употребляемом в домашней жизни языке.

4. Должно быть совершенно уравнено материальное снабжение, бюджетные ассигновки, обеспечение помещениями, должным количеством педагогического персонала и школьных пособий и организационное обслуживание (напр., созданием пионерских отрядов) всех школ с разными языками преподавания, находящихся в одном городе или в одном местечке или в одном селении».

Проведение таких мероприятий во всех союзных республиках и применение на практике уголовных кар за их нарушение, вместе с привлечением внимания пролетарской общественности к этой стороне дела, составит значительный шаг к устранению возможных извращений в школьной политике и поможет без-

болезненному изживанию трений и осложнений в национальных отношениях между всеми населяющими СССР народами. Элементарная правильность этих мер не вызывает сомнения с точки зрения нашей программы и конституции. Октябрьская сессия ВЦИК РСФСР в своем постановлении о всеобщем обучении оговорила специально вопрос о языке в духе изложенного постановления указанной комиссии, согласно одобренному президиумом предложению ее членов.

6. Национализация и административное районирование.

Последние полтора—два года почти на каждой сессии ЦИК и С'езде Советов вновь обсуждается вопрос о достаточности практического обеспечения проведения в жизнь тех национальных прав, какие предоставлены национальным меньшинствам основными законами Союза Советских Республик. Последний (третий) С'езд Советов СССР в 1925 году прямо постановил обязать все союзные республики усилить меры по обеспечению прав национальных меньшинств, как образование национальных советов и др. В следующем 1926 г. сессия ЦИК СССР по общему докладу украинского правительства специально поручила Украине усилить охрану прав и обслуживание национальных меньшинств на Украине. В обоих случаях этим постановлениям предшествовало очень оживленное обсуждение, наглядно показавшее достаточную важность вопроса.

Кое-что осуществлено за эти годы и на деле. Например, переданы Украине от РСФСР населенные украинцами части Курской и Воронежской губерний, а к РСФСР перешел великорусский Таганрогский округ; начата организация украинских школ на Кубани; Белоруссии передан Гомель с уездами; учреждено на Украине в деревнях несколько сот польских, немецких, русских, еврейских и других неукраинских сельсоветов и т. д., и т. п. Но главная часть работы еще впереди, и подвигается она крайне медленно, особенно в городах Украины. Достаточно указать, например, такие центры, как Одесса, Днепропетровск (Екатеринослав) или Киев. По официальной украинской статистике в Одессе всего 2,9 процента украинцев, в Днепропетровске 4,7 проц. и в Киеве 13 проц. Для девяти десятых населения Одессы и Днепропетровска разговорным языком являются русский и еврейский (по таблицам, изданным в 1925 г. Укрнаркомвнуделом под ред. зам. наркома т. Черлюнчакевича). Если взять Киев, то там, например, есть часть города, называемая «Подол», территориально отделенная от остального города и по числу жителей превышающая многие губернские города. Населен Подол почти исключительно евреями, при чем разговорным языком у подольских евреев служит обычно еврейский. Ясно, что на Подоле должен существовать районный совет еврейский, в некоторых других частях Киева районные советы русские и т. д., а общегородской совет должен применять и русский, и еврейский, и украинский языки. Было бы совершенно дико из'ять из городских учреждений Киева русский и еврейский языки и применять исключительно украинский, раз в городе говорит по-украински лишь сравнительно небольшая часть жителей. *Поступать так, значило бы в отношении языка оторвать советы от населения.* Вышло бы не так, что избираемые населением советы обслуживают население на понятном ему языке, а наоборот,—что население должно переучиться и приспособиться к употребляющему неизвестный ему язык совету. Это означало бы полное извращение «советской демократии» и явно противоречащее общепартийной директиве «бюрократическое командование».

В подобном же положении Одесса, в которой должны быть районные советы с русским или еврейским языком и общегородской совет с тем и другим. В таком же положении Днепропетровск и ряд других городов. Между тем проведения такой практики в городах в сколько-нибудь надлежащем размере не видно.

Само собой разумеется, что находящиеся в этих городах окружные учреждения, обслуживающие *округ*, населенный говорящими *по-украински* крестьянами, должны работать на украинском языке. Поскольку в их округ входят также районные единицы, работающие на другом языке в виду особого состава своего населения,—окружное учреждение должно иметь переводчиков для возможности связи с ними. Ведь на Украине в разных округах существуют уже в сельских местностях районные советы неукраинских национальностей: то польский, то русский, то еврейский, то немецкий и т. д. Раз за населением этих районов признано право иметь районный совет на своем языке, то окружное учреждение должно озаботиться возможностью быть для этого районного совета понятным. А равно для городских советов тех городов данного округа, языком которых является не украинский, а какой-либо другой.

В свою очередь, городской совет должен быть обязан обслуживать на их языке возможно большее количество жителей города. Какая-то минимальная граница тут неизбежна. Если в Одессу приедет один японец, то нельзя обязать Одесский совет перевести на японский язык делопроизводство своих судов, милиции, всех отделов и городских учреждений. Но если в городе из каждой сотни жителей хотя бы десяток говорит на одном каком-либо языке (напр., на украинском в таком городе Украины, где подавляющее большинство населения не говорит по-украински и где совет поэтому не должен быть украинизирован)—там должна быть обеспечена возможность употребления в местных советских органах и соответственного языка. Недопустимы имеющие иногда место случаи запрещения служащим в целях «национализации аппарата» обслуживать население устно и письменно на том языке, на каком население к ним обращается и какой они знают.

Никоим образом не следует думать, что недочеты в нашей национально-административной географии существуют только на Украине.

Пример Украины мы берем только потому, что там все эти несообразности ярче бросаются в глаза благодаря большой пестроте населения [1]), благодаря развитой городской жизни, благо-

[1]) По упомянутому изданию УкрНКВД из 91 города Украины только 40 городов (преимущественно мелкие) имеют украинское большинство (см. «Нац. состав сов. Укр.» стр. 119—121). К городам с подавляющим преобладанием русских и евреев относятся Киев, Харьков, Одесса, Днепропетровск, Николаев, Луганск, Мариуполь, Бердянск, Сталин, (Юзово) Житомир, Мелитополь, Умань, Зиновьевск, (Елисаветград), Кременчуг, Бердичев, Чернигов и многие другие, украинизация городских советов в которых была бы поэтому совершенно неуместна.

даря сравнительной культурности жителей и т. д. Отчасти благодаря большему нажиму со стороны мелкобуржуазной интеллигенции в сторону принудительной украинизации неукраинского населения, чем в других национальных республиках, где национальная мелкобуржуазная интеллигенция гораздо малочисленнее, чем на Украине. Недостаточный отпор этому нажиму на Украине со стороны нашей партийной организации должен быть изжит.

Сама недостаточность эта имеет достаточно об'яснений в истории советского строительства на Украине. Как непрерывное и не в обстановке войны и борьбы с бандитизмом, оно началось на ряд лет позже, чем в центральной Великоруссии. В состав нашей украинской организации всего несколько лет назад влилось много членов других партий (напр., боротьбистов), среди которых об'ективно понятна большая трудность в первые же годы полного изживания до конца всех настроений, ранее отделявших их от большевиков и т. д. Но теперь пора уже от исторических об'яснений перейти к изменению практики. Перейти по-честному, по-большевистскому, без увиливания и выкручивания, без бюрократической отговорки, без ложного понимания «престижа». Как раз Украина, как самая передовая и большая из национальных советских республик, должна послужить всем им в этом отношении примером. В тех частях РСФСР, какие не входят в автономные республики или национальные области, но отличаются пестротой национального состава,—роль нажима молодой подымающейся национальной мелкобуржуазной интеллигенции играет шовинистическая традиция старого великорусского чиновничества. Потому определенные гарантии в области национально-административной географии должны быть проведены для всего СССР, а не только для национальных республик и областей.

Несколько времени назад упоминавшаяся уже мною комиссия в составе т.т. М. И. Калинина, Ю. Ларина, Бройдо и Диманштейна разработала на основании имеющихся материалов следующие меры в этой области:

«1. В имеющих отдельные советы городах и прочих поселениях, преобладающая часть населения которых говорит на другом языке, чем большинство населения данной республики,—должен в качестве языка делопроизводства советов и их органов употребляться язык большинства населения данного города, местечка или иного поселения.

2. Предоставить национальным меньшинствам селений, местечек и городов фактическую возможность выделиться в самостоятельные, территориально обособленные советы с правом пользоваться родным языком преобладающей части выделяющихся в делопроизводстве вновь образуемых советов и их учреждений.

3. В местах с разноязычным населением должен быть обеспечен разноязычный состав местных советов с употреблением соответственных языков в их делопроизводстве и учреждениях.

4. Во всех городах (и иных поселениях), где какое-либо национальное меньшинство составляет не менее одной десятой населения, должна быть обеспечена возможность дачи советскими учреждениями письменных и устных ответов на том языке, на каком поступило к ним обращение (то же относится и к судопроизводству, составлению милицейских протоколов, к финорганам и проч.).

5. Признать уголовно наказуемым воспрещение обращаться в советские учреждения на языке нацменьшинств (ст. 4), а равно воспрещение служащим советских органов давать устные и письменные ответы на языке нацменьшинств (ст. 4)».

* * *

Наблюдаемые у нас иногда извращения национальной политики, это—проявление буржуазного давления на пролетариат. Это оппозиция по отношению к общепартийной линии. С нею надо покончить не менее решительно, чем со всякою оппозицией, выражающей в каких-либо формах буржуазное давление на пролетариат.

С. Тимов.

Аграрно-крестьянский вопрос в Румынии.

Румыния до войны была и после нее осталась аграрной страной, в которой подавляющее большинство населения составляет крестьянство, а сельское хозяйство образует основу всего народного хозяйства. Неудивительно поэтому, что в ряду проблем современной румынской действительности аграрно-крестьянскому вопросу принадлежит самое почетное место.

I.

На всем протяжении своего самостоятельного существования румынская буржуазия лелеяла мечту о «Великой Румынии», которая об'единила бы всех говорящих на румынском наречии и простиралась от Тиссы до Днестра. Крестьянские массы, расположенные по ту сторону границ, говорящие на румынском или близком к этому последнему языке, представляли собой об'ект притяжения для господствующих классов Румынии. Они стремились к захвату соседних территорий, населенных румынскими меньшинствами, при чем для того, чтобы осуществить когда-нибудь свою мечту, они кормили крестьянские массы собственной страны легендой о том, что спасение от всех зол лежит в об'единении всех румын, что только в об'единении всех земель, населенных румынами,—залог независимости и процветания страны. Свои захватнические планы господствующие классы Румынии прикрывали идеей национального об'единения.

Последняя империалистическая война, в которой приняла участие и Румыния, и последовавшие за ней события дали возможность господствующим классам Румынии осуществить свой идеал. Румыния вступила в войну 27-го августа 1916 года, но спустя только 3 месяца ее войско было опрокинуто и $^2/_3$ страны были оккупированы австро-венгерскими, болгарскими и турецкими войсками. Когда же произошла революция в России, Румыния заключила мир с противником (май 1918 г., в Бухаресте) и этим окончательно выбыла из строя.

Несмотря на это, Румыния была «вознаграждена» союзниками за участие в войне. Усиление Румынии и превращение ее из маленького хилого государства в сильную военную державу, черпающую свои воинские ресурсы из многочисленного крестьянского населения, было в интересах великих империалистических держав, и в первую очередь Франции. Великая, сильная Румыния должна была стать,—и действительно стала,—жандармом, агентом великих империалистических акул против опасностей возрождения Австро-Венгерской монархии, с одной стороны, и заслоном и плацдармом для военных интервенций против революционной России, с другой. Исходя именно из этих соображений, союзники сделали все возможное для того, чтобы отторгнуть те или иные провинции от Австро-Венгрии и России и присоединить их к Румынии.

Но послевоенный период был, как известно, периодом революционных потрясений, когда раскаты революции в России громким эхом отдавались по всему миру, а в Центральной Европе короны монархов слетали одна за другой. Лозунг Октябрьской революции о самоопределении народов и действительное самоопределение национальностей в России под властью советов стали могущественнейшим революционным фактором современной действительности. Румынская буржуазия решила воспользоваться этим историческим моментом и свои империалистические замыслы осуществить под флагом самоопределения народов. Для этой цели она развила бешенную агитацию на окраинах Австро-Венгрии и России и, расставив широчайшую сеть подкупа двинула туда свою армию, отвлекая таким образом внимание крестьянства от его собственных нужд.

После того, как близлежащие провинции, составлявшие об'ект притяжения для румынского империализма, оказались оккупированными, началось «самоопределение народов». 27-го марта (9 апреля) 1918 г. «Сфатул-Церий» в Кишиневе принял резолюцию о присоединении «Молдавской демократической республики (Бессарабии)» к «родине-матери»—Румынии. 15 (28) ноября 1918 г. «Всеобщий с'езд Буковины» в Черновицах принял постановление о «безусловном и вечном присоединении Буковины в старых границах до Церемуша, Калачино и Днестра с королевством Румынии», а 18 ноября (1 декабря) 1919 г. «Национальное Собрание» в Алба-Юлия декретировало «воссоединение всех румын и территорий, ими населенных, с Румынией». Все эти постановления были провозглашены под предлогом самоопределения народов: жадная румынская буржуазия удачно использовала лозунги момента. Народам были обещаны все политические свободы, покровительство нацменьшинствам и т. п. Сознавая всю свою беспочвенность, не будучи никогда уполномочены подлинным населением, местные заправилы, движимые иностранным золотом и перспективой министерских портфелей, пытались опереться на отсталые крестьянские массы, мало разбиравшиеся в тонкостях и подоплеке событий, и вставили во все постановления о присоединении к Румынии пункт об аграрной реформе. Статья первая постановления «Сфатул-Церия» так и гласит: «Сфатул-Церий» будет продолжать существовать до разрешения и осуществления аграрной реформы соответственно нуждам и требованиям народа; эти постановления будут признаны румынским правительством». Аграрная реформа в Трансильвании была гарантирована статьей пятой постановления в Алба-Юлия. Но это было только тактическим маневром, великим лицемерием, ибо, помимо всего прочего, присоединение провинций к Румынии означало об'ективно контрреволюцию, уничтожение завоеваний, сделанных народами, свергнувшими «своих» монархов и приступивших к осуществлению, между прочим, и аграрной реформы в революционном порядке.

Медовый месяц «национального об'единения» длился недолго. Все новоприсоединенные провинции вышли из революции и успели познать благо последней. Но спустя несколько недель, а в Бессарабии буквально несколько дней, после оккупации все эти завоевания были раздавлены сапогом жандармов, а там, где население оказывало сопротивление,—сокрушающим огнем румынских пушек. От свобод и данных обещаний не осталось и помину, а захваченные крестьянством земли были возвращены собственникам-помещикам. И хотя ежегодно (24 января) румынские оккупанты в провинциях насильственно сгоняют на площади городов и деревень народ, для того, чтобы он участвовал в «хоре», танце, долженствующем символизировать единение всех румын, но этот день национального праздника румынской националистической буржуазии является одновременно и днем национального траура тех многочисленных народов,— в том числе и румынского крестьянства ново-присоединенных провинций, которые волею великих держав-победительниц, оказались закованными в цепи национального и социально-экономического рабства.

II.

Немногочисленная румынская буржуазия поработила свыше 9 миллионов народа, из них 7½ милл. новых крестьян. До войны Румыния была небольшим государством, теперь она, увеличив свою территорию в 2½ раза, стала первым по величине государством на Балканах. Присоединение новых провинций, из которых некоторые (Трансильвания и Банат) промышленно развитые, не только не лишило страны ее крестьянского характера, но даже несколько усугубило его. Как до войны, так и теперь крестьянство представляет собой численно подавляющий фактор. При этом значение его тем более велико, что классовое самосознание румынского крестьянства куда выше, чем до войны. Присоединение промышленно-развитых провинций: Трансильвании и Баната, трудящиеся которых располагали старыми и сильными политическими и профессиональными организациями означало увеличение кадров промышленного пролетариата в Румынии, его мощи и удельного веса в политической жизни страны. Бессарабский пролетариат и крестьянство, непосредственно боровшиеся с российским пролетариатом и крестьянством, будучи оторваны от России, воодушевляемые геройскими подвигами российских трудящихся на фронте гражданской войны, немедленно повели борьбу против оккупантов, держа курс на вооруженное восстание и соединение с Красной армией. Крестьянство самой Румынии требовало расплаты за свою кровь: аграрной реформы. Румынская олигархия вынуждена была пойти на уступки, декретировав отчуждение помещичьих земель и введя всеобщее избирательное право.

Положение вещей в Румынии характеризуется в первые годы после войны всеобщим хаосом и растерянностью господствующего класса, обстоятельствами, выражавшими факт увеличения и обострения в стране классовых интересов и национальных антагонизмов. Крестьянское движение приняло массовый и угрожающий характер и привело к созданию царанистской (крестьянской) партии, какой довоенная Румыния совершенно не знала. Полевение рабочего класса выразилось в росте левого крыла социалистической партии, ориентировавшегося в сторону III Интернационала и быстро охватившего своим влиянием весь рабочий класс Румынии. Буржуазия испытывала смертельный страх за свою судьбу, опасаясь вторжения Красной армии в Бессарабию извне и взрыва изнутри. В таких именно условиях крупная буржуазия и помещики вынуждены были уступить власть (1 декабря 1919 г.) правительству Ал. Вайды-Воевода, выдвинутому партиями, опиравшимися, главным образом, на крестьянство и городскую мелкую буржуазию Трансильвании, Старого Королевства и Бессарабии. Это правительство было за удовлетворение местных нужд провинций, за реформы и изменение методов правления, за урегулирование отношений с Советской Республикой (выражая этим усталость масс, жаждавших мира). Премьер Вайда-Воевода вступил в переговоры с советским правительством с целью урегулирования румынско-советских отношений, минвнудел, д-р Лупу, разработал квартирный закон, предусматривавший насильственное вселение в буржуазные особняки, а народный учитель Михалаке, министр земледелия, которого швейцар не впустил в его кабинет, приняв его за крестьянина, разработал радикальный закон об аграрной реформе. Но все это происходило медленно в министерских кабинетах, в стране же и провинциях все оставалось попрежнему. Поэтому полукрестьянское правительство Вайды-Воевода—Лупу быстро потеряло симпатии в глазах населения. Бывший же мининдел в этом правительстве ген. Авереску начал уже точить свой штык.

Выйдя популярным из войны, этот уроженец Бессарабии сумел использовать свою популярность среди солдат для того, чтобы осуществить свои карьеристские цели. Расположившись в Бухаресте, он принимал крестьянские делегации одну за другой, давая им обещание осуществить раздел помещичьих земель если придет к власти. С правыми вождями социалистической партии он составил «заговор» с целью свержения короля и установления республики.

Рабочие массы были тогда революционно настроены и рвались в бой. При растерянности буржуазии, под'еме в крестьянстве и соседстве с Советской Россией пролетариату, при поддержке крестьянства, легко было захватить власть и покончить с буржуазией. Но официальные вожди социалистической партии, в особенности лидеры рабочего движения в быв. австро-венгерских провинциях, выросшие на почве австрийского оппортунизма, были далеко от этой мысли и самостоятельным действиям предпочли коалиции... с генералом. Коммунисты же были и организационно и тем более идейно слишком еще слабы, чтобы понять задачи момента, в том числе проблему рабоче-крестьянского блока, и суметь возглавить движение рабоче-крестьянских масс и повести их к победе. Опираясь на крестьянство и заручившись пассивной помощью организованного пролетариата, ген. Авереску мог, конечно, пригрозить королю и вынудить у него власть. Правительство Вайды-Воевода не соответствовало интересам крупной буржуазии и двора, но его пришлось терпеть временно в угоду стране и провинциям. Однако, когда популярность его была потеряна и И. Михалаке, член крестьянской партии, хотел внести

в парламент радикальный проект закона об аграрной реформе, король с этим не согласился и предложил правительству подать в отставку.

13 марта 1920 г. у власти стал кабинет, возглавляемый ген. Авереску. Когда этот генерал договаривался с вождями социалистов, рабочее движение достигло апогея своего развития. Но он, рассчитывая на наивность и тупоумие румынских меньшевиков, мог быть достаточно честным и циничным, чтобы заявить им (это исторический факт) следующее—мы будем итти вместе до свержения короля, но с момента прихода моего к власти, наши пути расходятся.

Ставленник буржуазии прекрасно понял допустимость временного компромисса (впрочем, в данном случае ничего ему не стоившего), не вредящего конечной цели, и сдержал потом свое слово: придя к власти, он, конечно, не свергнул короля, но зато подавил вспыхнувшую всеобщую забастовку и арестовал весь с'езд социалистической партии (май 1921 г.), высказавшийся за присоединение к III Интернационалу, обезглавив, таким образом, профессиональное и политическое движение рабочего класса Румынии.

Окончательно декретировав и начав проводить аграрную реформу, он успокоил несколько крестьянство, выполнил свою историческую миссию и должен был уступить власть другим.

Дело в том, что крупный торгово-промышленный и финансовый капитал, организованный в национально-либеральную партию, с небольшими только перерывами правящую Румынией со времени ее основания, мог допускать к власти другие партии только тогда, когда не считал возможным брать на себя ответственность за положение и компрометировать себя в глазах населения. Но когда революционный под'ем после подавления рабочего движения и успокоения крестьянства об'явлением реформы пошел на убыль, финансовый капитал решил, что наступило его время. Тогда, когда партии сменялись у кормила власти, крупный капитал обогащался на грабеже новых провинций. Обмен по низкому курсу русских рублей в Бессарабии, австрийских крон в остальных провинциях и кредитных билетов, выпущенных во время оккупации немцами в Старом Королевстве, был одним из многочисленных средств, позволивших буржуазии наживать миллионные состояния на счет форменной экспроприации достояния народных масс. Прибыльность отдельных предприятий и банков в Румынии достигала в то время свыше 100%. О том, как росло накопление и, следовательно, экономическая мощь румынской буржуазии, можно судить по следующим данным о развитии банковых и торгово-промышленных учреждений в стране, организованных в виде акционерных обществ [1]):

Год	Число	Сумма капиталов в леях.
1919 г.	929	1.982.084.376
1920 »	1.154	5.168.242.8[illegible]9
1921 »	1.266	8.095.429.263
1922 »	1.650	12.162.027.638
1923 »	1.943	17.810.091.869
1924 »	2.085	20.154.086.869

Данные эти приобретут для нас тем большее значение, если мы примем во внимание не только абсолютный рост накопления

[1]) См. «Statistika societâtilor pe actiuni din Romania in anul», 1924.

(концентрация капиталов), происшедший на расширенном базисе «Великой Румынии», но и те качественные изменения, которые произошли в экономической и финансовой жизни послевоенной Румынии и характеризующиеся централизацией капиталов. Один наш товарищ (Фабиан) вычислил на страницах румынской партийной печати в 1922 г., что из 542 банков, бывших в 1920 г. в Румынии и обладавших капиталом в 1.966.663.899 лей, 18 из них владели капиталами в 1.150.000.000 лей, т.-е. 73% всех средств, вложенных в финансовые учреждения Румынии. Над всей страной господствуют только 2 группы банков: одна (менее могущественная) возглавляется банком «Мармарош Бланк и К-о», другая (более могущественная) «Банка Романяска», представляющая почти исключительно национально-румынский капитал и олицетворяющая экономическую и политическую мощь румынской крупной торгово-промышленной и финансовой националистической буржуазии.

Когда рабочее движение было разгромлено и крестьянство, в ожидании осуществления обещанной реформы, притихло, в стране наступило внешнее успокоение, и финансовая олигархия нашла возможным взять власть в свои руки. В декабре 1921 г. авересканский парламент был распущен и назначено правительство Ионеля Братиану, главы финансовой олигархии Старого Королевства, правившего по март 1926 г.

III.

С приходом финансового капитала к власти открывается новая и важнейшая страница в истории современной Румынии и в то же время новый период в деле самой бесшабашной и неслыханной экспроприации достояния крестьянских масс.

Выше мы пытались показать силу финансового капитала Румынии. Здесь заметим, что это могущество финансовой олигархии относится не к Румынии вообще, а к буржуазии Старого Королевства. В этом отношении очень показательны данные относительно распределения акционерных обществ по историческим областям Румынии: Старое Королевство обладает 50% акционерных обществ, но 80% их капиталов в то время, как все провинции имеют только 20% капиталов. Это очень важное обстоятельство, ибо финансовый капитал Старого Королевства, будучи более могущественен, чем подобный же капитал в новых территориях, пытается подчинить себе эти последние. Захват новых провинций был первым этапом осуществления националистического идеала румынской буржуазии, захват же богатств этих провинций должен служить вторым этапом подлинного осуществления «Великой Румынии». Правительство Братиану начало именно с этого. В марте 1922 г. оно провело выборы в парламент и с помощью террора получило в палате депутатов 306 мест из общего числа 414. В сенате оппозиция имела только 12 мест. С этого момента и начинается дело консолидации «Великой Румынии», соответственно интересам финансового капитала Старого Королевства. Специальные законы об'единили провинции со Старым Королевством в административном, школьном, церковном и пр. отношении. Провинции были лишены какой бы то ни было видимости самоуправления. Для того же, чтобы присвоить себе

богатства новоприсоединенных провинций был принят ряд соответствующих законов.

Из новых провинций Трансильвания и Банат—самые богатые и промышленно-развитые области. В них имеются: крупная металлургическая промышленность, уголь, железная руда, золотые и серебряные россыпи и пр. и пр., но все это находилось в руках местной, главным образом, венгерской и немецкой буржуазии. Желая лишить ее мощи и присвоить себе эти богатства, румынская буржуазия начала с «национализации» отдельных крупнейших предприятий. Это мероприятие заключалось в том, что особыми законами владельцы предприятий обязывались переписать существующие акции на именные и предоставить 60% их румынам. Таким образом, румынская буржуазия обеспечила себе господство в ряде крупнейших предприятий, изгнав оттуда буржуазию новоприсоединенных провинций.

Но румынская буржуазия имеет врага еще в лице иностранного капитала, пытающегося завладеть богатствами страны. Поэтому палата депутатов приняла 27 июня 1924 г. «закон о рудниках», признающий собственностью государства все минеральные залежи земли. Национализация недр земли предусматривается и 19 ст. новой конституции. Статьей 20-й предусмотрена национализация и источников двигательной силы (падение воды и пр.) Ограничив возможность конкуренции иностранного и национального капиталов, буржуазия взялась за подчинение своим интересам и самого национального достояния страны: закон о переводе на хозяйственный расчет и контроль государственных экономических предприятий (принят 6 апреля 1924 г.) допускает участие в них частного капитала, что означает подчинение средств государственного казначейства интересам последнего.

Об'ективный смысл всего этого законодательства заключается в том, что крупный торгово-промышленный и финансовый капитал Старой Румынии стремится обеспечить за собой монопольное право на эксплоатацию масс своей страны и в первую очередь крестьянства. Несмотря на это, румынская буржуазия пытается опереться в этой своей борьбе на то же крестьянство, рисуя в глазах последнего свою борьбу против национального и иностранного капиталов, как борьбу за экономическую и политическую независимость Румынии вообще. Эта тенденция румынской буржуазии находит свое выражение в том факте, что по последней административной реформе, во многих округах Старого Королевства включены соприкасающиеся местности новых провинций, а ко многим городским центрам, населенным нацменшинствами, присоединены села, в которых преобладает чисто румынский элемент. Все это сделано с той целью, чтобы недовольным национальным меньшинствам противопоставить румынские крестьянские массы (при выборах в парламент, общинное самоуправление и пр. случаях). В Бессарабии же, например, в школьные интернаты принимаются исключительно дети молдавского крестьянства, которых воспитывают в националистически-фашистском духе. Таким образом, румынская националистическая буржуазия хочет возложить на крестьянство роль того фактора, который должен контр-балансировать все враждебные ей силы (нацменьшинств, пролетариата и пр.).

Но политика крупного капитала разорительна прежде всего для крестьянства. С момента декретирования аграрной реформы и всеобщего избирательного права, Румыния окончательно вступила на путь буржуазной революции. Помещики в той или иной степени расстались с землей и перевели свои капиталы в промышленность. Буржуазия, разбогатев на войне и обнищании масс в первые годы после войны, получила возможность начать борьбу с буржуазией новоприсоединенных провинций. Хотя развитие румынской промышленности, работающей исключительно на внутренний рынок, находится в неразрывной зависимости от покупательной способности крестьянских масс, румынская буржуазия, по мере успешности этой борьбы, получает возможность расширять свою экономическую базу, даже на основе той ограниченной емкости, которую, вследствие низкой покупательной способности крестьянства, представляет местный рынок. Этому обстоятельству и обязана, думаем мы, политика пренебрежения интересами сельского хозяйства румынской буржуазии. В то время, как промышленность защищена стеною запретительных пошлин агрикультура подчинена исключительному режиму экспортных ставок. Аграрный кризис, поставивший Румынию в исключительно тяжелое экономическое и финансовое положение, является продуктом экономической политики румынской буржуазии. Он же способствует под'ему политической активности крестьянства, которое категорически выступает против законодательства последних лет. Крестьянство, как и мелкая буржуазия, заинтересовано в дешевых товарах, ввозимых из-за границы, в то время, как крупный отечественный капитал пытается воспрепятствовать проникновению в страну продуктов иностранной промышленности. Отсюда и создается единый фронт крестьянства и мелкой буржуазии с иностранным капиталом против крупного торгово-промышленного и финансового капитала Старого Королевства.

С другой стороны, буржуазия новоприсоединенных провинций в своей борьбе против буржуазии Старого Королевства также пытается,—и вполне удачно,—опереться на крестьянство. Общеизвестен факт, что до сих пор ни одна из общерумынских партий не имеет влияния на немецкое и венгерское крестьянство Трансильвании и Баната, которое идет за своими национальными областными партиями, возглавляемыми помещиками и крупной буржуазией. Только крестьянство Бессарабии, в которой буржуазия очень слаба, идет своим самостоятельным путем. Все румынские партии в той или иной степени опираются на крестьянство и добиваются его поддержки. Так что, если позволительно сделать абстракцию от некоторых моментов и рассматривать послевоенную румынскую действительность только в свете аграрно-крестьянского вопроса, то можно без преувеличения сказать, что сущность борьбы классов и партий в современной Румынии сводится к борьбе крестьянства за право на самостоятельное существование, с одной стороны, и к борьбе за влияние на него с целью экономического и политического подчинения своим классовым интересам со стороны буржуазии, с другой. Только пролетариат, в лице своего авангарда—коммунистической партии—преследует по отношению к крестьянству не цели эксплоатации, а ищет союза для совместной борьбы под своей гегемонией. И в зависимости

от того, какой из буржуазных партий удастся окончательно взять на буксир крестьянство и в какой степени удастся пролетариату связаться с ним, будут зависеть ближайшие судьбы современной Румынии.

IV.

Аграрная реформа в Румынии была декретирована под влиянием революционных событий в России, и это вынуждены теперь признать даже буржуазные писатели.

«С 1913 года по 1917 год вопрос об аграрной реформе остался висеть в воздухе,—пишет по этому поводу Теодор Рышкану, выходец из помещичьей среды в своей книге «Аграрная проблема в Румынии». Возможно, что он и в дальнейшем остался бы в подобном положении, если бы не произошла русская революция, уничтожившая царский режим. В России во время революции крестьянство экспроприировало помещиков и поделило их землю между собой. Этот опасный факт мог бы заразить и наши крестьянские массы, которые сталкивались с русскими солдатами на фронте. Наши правящие круги посоветовали тогда королю Фердинанду, в целях избежания русских революционных заразительных идей, взять на себя инициативу аграрной реформы и экспроприировать крупных собственников. Эту печальную миссию король, находившийся между молотом и наковальней, и вынужден был исполнить» [1]). 14 декабря 1918 г. впервые появился королевский декрет об аграрной реформе в стране. Ясно, что она была не столько осознанной необходимостью, сколько контрреволюционной мерой со стороны господствующих классов. Этот факт имеет для нас не только историческое значение, свидетельствуя о том, что аграрная реформа в Румынии представляет собой одно из международных завоеваний российского пролетариата и крестьянства, но дает нам понять ряд явлений из текущей действительности в области аграрной политики и земельных отношений.

Будучи вынужденной событиями на декретирование реформы, буржуазия в то же время всеми силами старалась оттянуть ее осуществление. Поэтому законы, устанавливающие детали реформы в отдельных провинциях, появились на много позже. 13 марта 1920 г. вышел закон об аграрной реформе в Бессарабии. Закон от 17 июля 1921 г. устанавливал условия реформы в Олтении, Мунтении, Молдавии и Добрудже. 23-го июля 1921 г. была декретирована реформа в Трансильвании, Банате, Кришане и Марамуреше, 23-го же июля 1921 г. — в Буковине. В дальнейшем эти законы дополнялись и видоизменялись новыми законодательными актами. Согласно закону от 14 декабря 1918 г. в Старом Королевстве должны были быть отчуждены за выкуп земли, принадлежащие государству и королю, частным лицам и иностранцам, а также разным обществам и учреждениям. Всего должно было быть отчуждено 2.224.588,5 гектара земли. Законом, внесенным 20 января 1921 г. в палату депутатов, было признано необходимым отчуждение еще 450.000 гект. Помещикам оставлялось от 100 до 500 гектаров, а крестьяне должны были получить участки до 5 гект. за выкуп в течение 20 лет по цене средней арендной платы за 1917—1920 г.г., увеличенной в 40 раз.

[1]) D-r Teodor Râscanu. «Problema pământului in România», Bucuresti, 1922, стр. 250—251.

Стоимость отчуждаемой земли выплачивается помещикам правительством в специальной ренте, которой с 1922 по начало 1926 г. выдано на сумму 5.451.854.427 лей.

Более подробно нормы отчуждения и наделения можно усмотреть из следующих данных:

	Предел оставляемой помещикам земли.		Максимальный размер надела.	
	Миним.	Максим.	Крест.	Колониз.
Старое Королевство	100 га	500 га	5 га	7 га
Бессарабия	25 »	100 »	8 »	10 »
Трансильвания . . .	100 »	287,5	4,28	—
Буковина	5,75	250 »	4 »	6 »

Эта табличка представляет собою, так сказать, политическую географию земельной реформы в Румынии. Из нее не трудно заключить, что чем меньше предел неотчуждаемой земли, тем больше размер крестьянского надела. В Бессарабии, прошедшей через горнило русских революций и соприкасающейся с СССР, крестьяне получили большие наделы, в старой же Румынии, расположенной по отношению к Советскому Союзу за Бессарабией, наделы меньшие, а в Трансильвании, соприкасающейся с контрреволюционной Венгрией, они еще меньше. Так лишний раз сказалось влияние революционных событий в России.

Чтобы правильнее оценить результаты реформы, посмотрим как распределялась земельная собственность до реформы [1]):

Область.	Площадь в гект.	%	Число владельц.	%
1. Старая Румыния.				
Мелк. собствен. (1/2—10 г.)	3.153.645	40,3	920.939	95,40
Средняя собствен. (10—100 г.) . . .	862.400	11,0	38,723	3,96
Крупная собствен. (свыше 100 г.) .	3.810.100	48,7	965.047	100,0
Всего . .	7.826.045	100,0	965,047	100,0
2. Бессарабия.				
Мелк. собствен. (1/2—10 г.)	626.382	25,00	216.563	74,64
Средняя собствен. (10—100 г.) . . .	1.155.300	30,00	71.586	24,67
Крупная собствен. (свыше 100 г.) .	1.718.148	45,00	1.993	0,69
Всего . .	3.499.830	100,0	290.142	100,0
3. Трансильвания.				
Мелк. собствен. (1/2—10 г.)	2.947.000	35,55	942.500	88,7
Средняя собствен. (10—100 г.) . .	2.476.000	29,87	113.887	10,8
Крупная собствен. (свыше 100 г.) .	2.866.000	34,58	4.597	0,5
Всего . .	8.289.000	100,0	1.060.984	100,0
4. Буковина.				
Мелк. собствен. (1/2—10 г.)	264.688	25,33	191.737	96,27
Средняя собствен. (10—100 г.) . .	152.094	14,63	6.606	3,32
Крупная собствен. (свыше 100 г.) .	627.508	60,04	835	0,41
Всего . .	1.044.290	100,0	199.178	100,0

Крупной собственности, представленной горсточкой лиц, принадлежало, как мы видим, почетное место, как в Старом Коро-

[1]) «La Roumanie Economique», 1921.

левстве, так и в новоприсоединенных провинциях. Реформа внесла некоторые изменения в это положение вещей. По официальным данным, опубликованным в правительственной печати, к началу 1925 г. было отчуждено 5.854.649 гектаров. Пользуясь этими данными, мы можем себе представить следующую картину отчуждения и наделения в собственность землею:

Область.	Отчуждено (в гектар.).	Наделено (в гектар.).	Количество наделенных.
Старая Румыния	2.708.462	1.396.664	413.932
Трансильвания	1.580.776	43.770	45.928
Бессарабия	1.491.920	1.098.045	357.016
Буковина	73.491	11.440	36.800
Всего	5.854.649	2.549.919	853.676

Эти данные касаются окончательно отчужденной земли и окончательно наделенных землею. Но помимо этого, находились к тому времени в процессе отчуждения 105.322 гектара в Трансильвании и 2.683 гект. в Буковине. Также имелась значительная группа крестьян временно наделенных: в Старом Королевстве—167.412 душ с 439.212 гект. и в Трансильвании—289.145 душ с 367.252 гект. Если считать работы по наделению этих крестьян теперь законченными, то всего, следовательно, наделено 1.310.233 душ с 3.356.383 гект. земли [1]).

Было бы, однако, грубейшей непростительнейшей ошибкой с нашей стороны придавать этим официальным, а поэтому тенденциозным данным сколько-нибудь серьезное значение. Прежде всего необходимо иметь в виду, что когда румынская статистика повествует о «наделенных крестьянах», то на самом деле речь идет о крестьянах, за которыми признано право на получение наделов, которые обрабатывают отчужденную помещичью землю на правах аренды, но которые фактически еще не получили земли. По открытому признанию секретаря аграрного комитета М. Константинеску, даже из числа этих крестьян 400.000 семей не смогут быть удовлетворены землею в одном только Старом Королевстве; за несколькими же миллионами сельских жителей, нуждающихся в земле, совершенно не было признано право на получение таковой. Из отчужденных помещичьих земель фактически отмерено 2.135.963 га, из них органами земельного кадастра разбито на участки (наделы) только 369.328 га земли [2]), т.-е. пока-что результаты реформы, которой так кичится румынская буржуазия, свелись к наделению в собственность крестьян всего несколькими тысячами гектаров земли. Несмотря на это, реформа считается законченной и правительство ликвидирует органы, ведавшие проведением ее в жизнь.

Но этого мало. Было бы, ведь, неправильно рассматривать аграрный вопрос только с точки зрения распределения земельной собственности. Аграрно-крестьянский вопрос вообще необходимо рассматривать не только в плоскости поземельных отношений, но

[1]) См. заявление бывш. субсекретаря по земельным делам Т. Чипьяну («Viitorul» от 4 января 1925 г.) о результатах аграрной реформы, а также Anuarul «Statistic al Romaniei», 1924.

[2]) Mitita Constantinescu, secretaire generale du comité agraire de Roumanie. «L'Evolution de la propriéte rurale et la réforme agraire en Roumanie». Bucuresti, 1925. Стр. 127.

в свете всей политики по отношению к крестьянству. Отчуждение помещичьих земель совершенно не обозначает еще, что эти последние попали в руки крестьянства. Право на землю имел всякий гражданин, и поэтому землю получали и правительственные чиновники, в частности местные власти: офицеры, инвалиды, учителя, священники и пр. элемент, непосредственного отношения к земледелию не имеющий. Обойденными при наделении землею оказались молодежь, сироты войны, бедняки, не сумевшие дать взяток власть имущим и пр., и пр. Рышкану так описывает составление местными властями списков лиц, подлежащих наделению землею: при составлении списков сельскими старостами, и нотариусами, эти последние «совершали многочисленные злоупотребления, покровительствуя крестьянам с наибольшей способностью давать взятки, своим родственникам, любимчикам и т. д. Священникам и учителям предоставлялись бо́льшие и наилучшие участки земли. Покровительствуя всем этим господам, старосты и нотариусы делали это в ущерб малоземельным, бедным крестьянам, в ущерб вдовам и сиротам погибших на фронте, которые не знали, куда им обращаться для защиты своих прав. Сколько сирот и вдов погибших на войне, имея право на землю, были исключены из списков под различными предлогами только для того, чтобы полагающийся им гектар земли был предоставлен господину учителю или господину финансовому инспектору» [1]). Мало того, что многие крестьяне не получили земли, но лучшие участки земли попали в руки чуждого элемента, а для тех крестьян, которые и получили землю, реформа, благодаря невыносимой системе взяточничества и подкупа, оказалась разорительной.

То, что господствующий класс потерял на частичном лишении земли, то он теперь пытается выиграть на политике цен, на экспроприации у крестьянства продукта его труда. Экономическая политика румынской буржуазии, пополнившей свои ряды лишившимися земли помещиками, это—изощренная система подлинного грабежа крестьянства. Со времени окончания войны в Румынии установлены высокие вывозные таможенные пошлины, граничащие с запретительными, на продукты сельского хозяйства. К. Гарофлид считает, что половина доходов по государственному бюджету Румынии образуется из вывозных пошлин, которые отнимают у крестьянства 40% (сорок) его чистого дохода [2]). Временами экспорт урожая совершенно запрещается, цены на внутреннем рынке падают, экспортеры скупают за бесценок хлеб, потом запрет снимается, хлеб вывозится и буржуазия выигрывает разницу между внутренними ценами и ценами на мировом рынке.

Порождением экономической политики румынской буржуазии является тяжелый аграрный кризис, переживаемый сельским хозяйством страны. В бухарестской экономической печати неоднократно приводились цифры, свидетельствующие о том, что урожайность после войны упала по всем основным культурам сельского хозяйства. Нынешняя Румыния, будучи по своей территории в 2½ раза больше довоенной, производит меньше, чем последняя. М. Бедереу вычислил, что продукция сельского

[1]) D-r Teodor Râscanu. «Problema pământului in România». Bucuresti, 1922. Стр. 270.

[2]) Const. Garoflid. «Un program agrar». 1924. Стр. 34.

хозяйства Румынии после войны уменьшилась на 30,5%[1]). С. Кикош утверждает, что экспорт пшеницы, главнейшего предмета румынского вывоза, уменьшился после войны на 95% (девяносто-пять)[2]). Противники аграрной реформы пытаются взвалить ответственность за кризис на эту последнюю, но на самом деле в нем повинна не реформа, а саботаж правительством и помещиками этой самой реформы и его экономическая политика по отношению к крестьянству. Затяжка в проведении реформы привела к созданию общей неуверенности и неурегулированности земельных отношений. Помещики не обрабатывали своих земель, запускали и передавали их потом в таком состоянии, что их нельзя будет обрабатывать еще много лет спустя.

У нас поэтому не вызывает никаких сомнений то обстоятельство, что аграрный вопрос в Румынии даже только в смысле утоления земельной нужды крестьянства, не получил своего разрешения и что он еще долгие годы будет стоять в порядке дня, пока его не разрешит рабоче-крестьянское правительство. В настоящее время в румынской деревне происходит усиленный процесс дифференциации и пролетаризации крестьянства. Отсутствие сельскохозяйственного инвентаря, разорительность реформы, тяжесть налогового обложения, привели к тому, что крестьяне уже начали распродавать свои наделы и расставаться со своею землею, которую не в силах обрабатывать. Об'явление неотчуждаемости крестьянских наделов ничем крестьянству помочь, конечно, не может,—эта мера только закабалит его к помещикам и перекупщикам, ибо крестьяне вынуждены будут распродавать свои клочки земли незаконно, в обход и вопреки закону.

В факте распродажи крестьянских наделов мы видим начало ликвидации земельной реформы в Румынии. На всем протяжении своего господства румынские помещики, вынуждавшиеся время от времени обстоятельствами на уступки крестьянству, исходили при реформах из интересов крупного землевладения. То же произошло и при последней реформе: замысел законодателя заключался в том, чтобы сохранить по мере возможности крупное землевладение, вызвать к жизни крепкое середняцкое хозяйство и поставить мелкую крестьянскую собственность в такие условия, чтобы она, не будучи в силах существовать самостоятельно и независимо, служила источником рабочих рук для первых двух. Недаром поэтому М. Константинеску говорит в своей книге, что «цель аграрной реформы в Румынии заключалась не в наделении всех крестьян, а в более справедливом (?!) (plus equitable) распределении» собственности[3]). Этому и обязана затея с неотчуждаемостью в течение 5 лет после окончательного выкупа крестьянских наделов, полученных в результате всех реформ, произведенных до сих пор, и преследующая прикрепление крестьян к своей земле.

Дальнейшее развитие аграрных отношений в Румынии пойдет, вероятно, по линии концентрации земли и укрепления крупного землевладения, создания середняцкого слоя крестьян, который неизбежно выделит крепкое кулачество, и пролетаризации

[1]) M. A. Bădărău. «Agricultura noastra de după razboi». «Argus» от 7 января 1921 г.

[2]) «Argus» от 9 февраля 1925 г.

[3]) Цитир. сочинение, стр. 402.

остальной части крестьянства. Что развитие пойдет именно в этом направлении можно судить по тому факту, что по закону о выборах в сельскохозяйственные камеры малоземельное крестьянство и сельскохозяйственный пролетариат лишены избирательного права, т.-е. буржуазия в предвидении обострения классовой борьбы в деревне, вытекающей из процесса расслоения, уже предпринимает предохранительные меры.

V.

Описанное нами положение вещей в деревне служит источником политической активности румынского крестьянства после войны. Массовое крестьянское движение, нашедшее свое идеологическое выражение в теории так называемого «царанизма» и организационное воплощение в создании крестьянской (царанистской) партии могло сложиться только на почве недовольства аграрной реформой подавляющего большинства крестьянства. Как мы уже отметили выше, все политические партии Румынии пытаются опереться на крестьянство, но самой массовой партией, ведущей за собою крестьянство, является, только царанистская. За нею следуют: национально-румынская партия, опирающаяся, между прочим, на румынское крестьянство Трансильвании, и национальные партии венгров и немцев, имеющие под своим исключительным влиянием немецкое и венгерское крестьянство. О сколько-нибудь значительном влиянии румынской коммунистической партии на крестьянство пока-что, к сожалению, не приходится говорить.

Пришедшая в марте месяце прошлого года народная партия ген. Авереску, ведшая за собой крестьянство в первые годы после войны, но потом потерявшая свое влияние на него во время нахождения у власти, вновь пытается взять на буксир крестьянство, обещая ему пересмотреть реформу в тех местах, где она была неправильно проведена и вообще устранить все злоупотребления, связанные с наделением землею. Эти обещания—хитрый тактический маневр буржуазии, вызываемый желанием выбить важнейший козырь из рук мелкобуржуазных партий, имеющих под своим влиянием крестьянство и обещающих ему пересмотреть аграрную реформу.

Генерал Авереску является сейчас общепризнанным агентом крупного капитала, представленного национал-либеральной партией и выполняет, в конечном счете, ее задания. До войны в Румынии существовали две партии, чередовавшиеся у власти: консервативная (помещиков) и либералов (молодой буржуазии). Образование «Великой Румынии», окончательное вступление ее на путь буржуазной революции заставило исчезнуть консерваторов и привело к образованию новых партий, оспаривающих у либералов право на монопольное правление страной. При организационной слабости пролетариата, единственным серьезным противником крупной буржуазии является в настоящий момент крестьянство и мелкая буржуазия, организованные в царанистскую и национально-румынскую партию и олицетворяющие в условиях современной действительности «силы» румынской демократии. В 1920 г. ген. Авереску, нейтрализовав крестьянство аграрной реформой, разбил силы румынского пролетариата, теперь же, пользуясь сла-

бостью рабочего движения, он пытается разбить силы румынской демократии, т.-е. политически уничтожить румынское крестьянство. Для этой цели он вступил в блок с венгерскими и немецкими магнатами и на последних (1926 г.) выборах в парламент и заполучил все голоса немецкого и трансильванского крестьянства Трансильвании и Баната, т.-е. об'ективно, используя национальные антагонизмы в стране, направил крестьянство Трансильвании и Баната против крестьянства Старого Королевства и Бессарабии. От национальной партии генералу удалось отколоть и присоединить к себе правую группу Вас. Гольдиша; к партии же Авереску примкнула и группа быв. видного царасиста Мегединца.

На ряду с этим правительство ген. Авереску открыто поддерживает фашистское движение, которое также пытается вовлечь в свои ряды крестьянство и для этой цели настаивает на проведении политики в пользу последнего.

Очутившись перед фактом концентрации и усиления сил реакции, царанистская и национально-румынская партии слились (октябрь 1926 г.) в одну национально-царанистскую партию, которая ставит себе целью борьбу с нынешним авересканским правительством и крупным капиталом и приход к власти с целью установления режима в пользу крестьянства и городских мелкобуржуазных масс.

Возникает вопрос: способна ли на самом деле новая партия к сколько-нибудь серьезной борьбе против либералов, терзающих страну и их ставленников—авересканцев? На это необходимо самым категорическим образом ответить: нет. Ибо, партия царанистов—это не партия борьбы, а партия радикальной фразеологии и социального примирения. Ее цель заключается в облегчении положения крестьянства, но не с помощью беспощадной классовой борьбы против буржуазии и помещиков, а с помощью примирения и притупления классовых противоречий между крестьянством и господствующими классами. Припомним, что не так давно, в марте 1926 г., в момент ухода либералов от власти К. Сторе, один из «левых» вождей царанистов, ничего другого не нашел сказать, как, взойдя на парламентскую трибуну, воззвать к примирению и соглашению. Он говорил, обращаясь к либералам, представителям финансового капитала, с пафосом, что «компромисс и соглашение воплощают собою политическую мудрость» и что он—монархист, потому что «монархия является примиряющим и уравновешивающим фактором», а другой теоретик царанизма проф. Маджару во всех своих литературных писаниях утверждает, что улучшение материального положения крестьянства необходимо в целях создания внутреннего рынка для отечественной промышленности, т.-е. фактически исходит не из интересов крестьянства, а хочет подчинить эти последние интересам развития капитализма в стране, долженствующего еще больше ухудшить положение трудящихся масс. Если ровно 20 лет назад (в 1907 г.) румынская буржуазия и помещики подавили руками ген. Авереску открытое восстание крестьянства, расстреляв 11 тысяч повстанцев, а после войны предотвратили революцию нейтрализацией крестьянства аграрной реформой, то теперь они пытаются окончательно подчинить его себе политически с помощью разжижения крестьянской партии в других партиях и группировках. Поэтому об'единение

крестьянской партии с правой национально-румынской партией об'ективно прежде всего в интересах крупного торгово-промышленного и финансового капитала Старого Королевства, об'единенного в национал-либеральную партию, ибо означает поправение царанистской партии, что уже выразилось в исключении из ее программы пункта о признании существования классовой борьбы, и отказе от лозунга вторичной аграрной реформы, приближение к остальным существующим в стране буржуазным партиям и вступление на путь примирения с господствующим классом. Крестьянская партия, впервые образовавшаяся после войны, была создана руками самих либералов, потому что существовавшие партии были скомпрометированы в глазах крестьянства, и только левая радикальная партия могла удержать его от революционных выступлений. Но теперь потребность в такой партии прошла, и румынская буржуазия старается во что бы то ни стало ее уничтожить. Она пытается вернуть страну к системе двух правящих партий, существовавшей до войны, чередующихся у власти и гарантирующих друг другу преемственность на основе общего буржуазного порядка вещей. Ее идеал—слияние всех существующих партий, соперничающих с либералами, в одну сильную партию твердого порядка, которой можно было бы без риска поручить управление страной. Аграрная партия, в составе авересканцев, националистов-трансильванцев и царанистов,—вот тот преемник, который должен в будущем разделять власть вместе с либералами. И происшедшее слияние царанистской и национальной партий это—этап именно к подобной партии, партии предательства интересов крестьянства и прислуживания финансовому капиталу. Поэтому, учитывая практику царанистского движения в самой Румынии, и в особенности печальный опыт хорватского движения в Юго-Славии, мы утверждаем, что современное политическое крестьянское движение Румынии вступило в самую опасную фазу своего существования и что если события будут в дальнейшем так развиваться, то партия неизбежно завершит свой круг развития окончательным предательством интересов крестьянства и полной капитуляцией перед крупной торгово-промышленной и финансовой буржуазией старой Румынии.

Таким образом, в 20-ю годовщину после своего открытого вооруженного восстания против гнета эксплоатации и насилия румынское крестьянство оказывается в таком положении, что воочию должно убедиться в том, что всякое движение, направленное против буржуазии, но не об'единенное с передовым отрядом пролетариата, заранее обречено на неудачу, и что выход из создавшегося положения заключается только в борьбе под гегемонией пролетариата. Собственно говоря, только теперь, после вступления на путь предательства вождей царанистов, открываются широчайшие перспективы развития крестьянского движения. И от наших (коммунистов) усилий зависит, в какую сторону и в каком направлении пойдет это движение. Мы должны напрячь все наши силы, чтобы извлечь крестьянские массы из-под разлагающего влияния проституированных и предательских вождей и направить движение масс в общее революционное русло великого освободительного движения пролетариата, руководимого компартией. На данной стадии развития классовой борьбы в Румынии мы можем повести против буржуазии почти

все крестьянство, но точкой нашей опоры в деревне должны стать сельскохозяйственный пролетариат и бедняцкая часть деревни, которые до сих пор совершенно игнорировались и которые в своей совокупности представляют собою подавляющее большинство румынского крестьянства.

Проблема завоевания крестьянства пролетариатом выступает, следовательно, как одна из очередных задач румынской компартии. В ряду движущих сил революции в Румынии крестьянство является самым решающим фактором. В грядущей схватке между пролетариатом и буржуазией из всех внутренних сил румынской пролетарской революции крестьянству суждено сыграть решающую роль. Поэтому проблема пролетарской революции в Румынии это—проблема завоевания крестьянских масс. На пути к завоеванию этих масс стоит ряд трудностей, одна из которых заключается в том, что прежде, чем завоевать эти массы, необходимо их высвободить из-под влияния мелкобуржуазных партий и особенно радикальной фразеологии царанистов. Но рассматриваемое влияние пролетариата на другие слои населения возможно только с идеологическим и внутриорганизационным ростом самого авангарда пролетариата. Поэтому центр тяжести в деле собирания и организации движущих сил революции в Румынии, в том числе вовлечения крестьянства в русло революционного движения, заключается в создании коммунистической партии, в подлинном большевистском смысле этого слова.

Ал. Ильин.

Старая система новых союзов.

(К крушению балканского и европейского Локарно).

I.

Становится уже своего рода трюизмом, что Версаль и Локарно—тезис и антитезис в мировой политике.

Версаль это безмерное торжество французского империализма, поставившего на колени Германию и «версализирующего» всю Европу.

Но чем дальше от Версаля, тем больше и больше рассеивался мираж французской победы. Финансовая язва, неудача проводимой насильственными методами смычки лотарингской руды с рурским углем (рурская авантюра), сопротивление рурскому прыжку Пуанкаре со стороны англо-американского капитала и, наконец, планомерная и успешная борьба британского империализма с французской гегемонией на континенте, борьба, в которой возрождающаяся Германия приняла участие на стороне Великобритании,—все это приводит Францию к Локарно. В Локарно Англия одержала решительную победу над Францией. Заняв место арбитра между Францией и Германией, Англия оказалась в состоянии серьезно влиять на внешнюю политику обоих этих государств. Это, в свою очередь, открывало дорогу английской гегемонии на всем континенте[1]). Локарнское поражение Франции было особо ощутительно для нее еще потому, что Англия, подчиняя Францию своему непосредственному контролю, как гарант, и контролю через руководимую Великобританией Лигу Наций, фактически ставила непреодолимые препятствия к выполнению Францией союзных обязательств, вытекающих из франко-польского и франко-чешского договоров. Таким образом, Локарно ослабляло позиции Франции не только в центре Европы, но и на периферии.

II.

Форейн Оффис не остановился на уже достигнутых успехах, а стремился углубить и развить их дальше. Балканское Локарно и должно было в пределах Балканского полуострова запечатлеть происшедшую в пользу Англии перегруппировку европейских сил. Балканский гарантийный пакт, заключенный под эгидой Англии, должен был закрепить английскую геге-

[1]) Следует заметить, что Локарно предшествовало принятие плана Дауэса, который ставил под англо-американский контроль эксплоатацию Францией Германии и предоставлял Англии и САСШ соответствующий пай в этом „деле“.

монию на балканской периферии (не возлагая на самого инспиратора каких-либо гарантийных обязательств) и способствовать вытеснению и падению франко-итальянского влияния.

План балканского Локарно, выдвинутый английским империализмом, само собой разумеется, не мог обойтись без антисоветского жала. В этом отношении балканское Локарно, опять-таки являлось прямым продолжением Локарно. Если Локарно, по замыслам Чемберлена, одной из своих задач ставило создание антисоветского блока центрально-европейских государств, включающего и новообращенную Германию, то балканское Локарно также должно было явиться организацией балканских и, может-быть, средне-европейских государств, направленной под гегемонией Великобритании против СССР. Участие в новом блоке Румынии и гарантирование ее границ со стороны других участников пакта (хотя бы и на общих основаниях) совершенно ясно выявляло антисоветский характер всей этой авантюры.

Рупором, через который Чемберлен оповестил мир о проекте балканского Локарно, был Рентис, мининдел Греции. Греция в те времена (1925 г.) представляла собой креатуру Англии на Балканах. Но, помимо этого, Греция была заинтересована в балканском Локарно, в виду крайней напряженности своих отношений с Юго-Славией. Дело в том, что аппетиты Юго-Славии разыгрались на греческий порт Салоники и ж.-д. ветку Гевгели—Салоники, имеющие большое стратегическое и экономическое значение. Приобретение Салоник также давало Юго-Славии выход в Эгейское море.

Таким образом, для Юго-Славии заключение балканского гарантийного пакта до удовлетворения ее притязаний на Салоники было явно невыгодно и неприемлемо. Поэтому Юго-Славия решительно воспротивилась планам балканского Локарно и в свою очередь потребовала «сначала разрешения спорных вопросов, а потом уже заключения гарантийного пакта». Иными словами, прежде чем закрепить статус-кво, его нужно изменить!

III.

Так или иначе, сопротивление Юго-Славии, этого сильнейшего претендующего на роль гегемона на Балканах государства, было достаточным, чтобы заставить английскую дипломатию отступить. Не приходится сомневаться в том, что позиция Юго-Славии в вопросе о балканском Локарно была поддержана Францией, которая к этому времени уже начала проявлять лихорадочную деятельность по локализации локарнских успехов английской дипломатии. Эта деятельность выразилась в ряде дипломатических выступлений и интриг, имевших целью добиться на предстоявшей женевской сессии Лиги Наций (март 1926 г.) одновременного с Германией предоставления Польше места в Совете Лиги. Для достижения этой цели Франция, оперируя жупелом возрожденного германского империализма, успешно проводит подготовку того блока стран-преемниц, который в решающую минуту в Женеве оказался на ее стороне против Чемберлена. Английской дипломатии не удалось свести концы с концами: ее, благожелательная Германии, линия вступила в противоречие с интересами ряда государств, в которых, казалось бы, после поражения Франции в Локарно английское влияние должно было возрасти. Вместо этого, как мы уже знаем, после поражения Чемберлена в Женеве, произошла новая перегруппировка европейских сил, выдвинувшая в первую линию «ведущих» стран Италию и Францию.

IV.

Противоположность французского Версаля — английскому Локарно вступила в стадию дальнейших превращений. Италия и Франция в полной мере воспользовались, может быть, временным, но все же ослаблением позиций британского империализма на континенте, последовавшим в результате беспримерного провала Чемберлена на мартовской сессии Лиги и вступления Англии в полосу тягчайших социальных кризисов (всеобщая и горняцкая забастовки).

Английская идея общего соглашения сдается в архив. Франция и Италия принуждены были это сделать, потому что они не были в состоянии осуществить общее соглашение европейских государств под своей единоличной гегемонией. Так же неприемлемо было для них английское Локарно, воплощающее идею английской гегемонии на континенте.

Локарно в новой итало-французской редакции—это система сепаратных союзов и соглашений, заключаемых помимо Англии и помимо Лиги Наций.

Перейдя к системе сепаратных союзов, Италия и Франция наперегонки бросаются заключать их. Так, подписание итало-испанского договора Франция спешит парализовать заключением франко-испанского договора. Далее Франция идет на сепаратное соглашение с Германией (железный синдикат, свидание Бриана с Штреземаном в Туари). К этому ее толкает жесточайший финансовый кризис, боязнь остаться с глазу на глаз с «оздоровителями» Франции—Англией и Америкой—и, наконец, возросшая политическая и экономическая мощь Германии.

С принятием Германии в Лигу Наций начинается новый тур борьбы империалистических сил в Европе. Намечаются новые блоки и группировки капиталистических государств.

Правда, так называемая политика Туари в настоящий момент претерпевает кризис. Экономические и политические факторы, толкающие Францию на сближение с Германией, парализуются противоречиями между этими двумя странами, противоречиями империализма, обостренными Версалем. Британская и итальянская дипломатия также приложили не мало усилий к тому, чтобы воспрепятствовать франко-германскому сближению. Кризис Туари, несмотря на то, что необходимость экономической и политической обороны от англо-американской гегемонии сознается и во Франции, и в Германии, показывает, что времена открытых блоков между европейскими империалистическими государствами еще не наступили. Относительность и неустойчивость экономической стабилизации капитализма имеет свой рефлекс и в политике. Так называемые «великие» державы мечутся в поисках «наилучшей» политической комбинации и не находят ее. Наибольшим постоянством отличается англо-итальянское сотрудничество (свидания Чемберлена и Муссолини в Раппало и Ливорно), подчас выливающееся в открытую коалицию против

Франции, с одной стороны, и СССР и стран Востока,—с другой. Фактическая англо-итальянская коалиция стремится перетянуть на свою сторону Германию и полностью изолировать Францию и СССР. Играя на франко-германских противоречиях и способствуя итало-германскому сближению, Англия пытается восстановить свою локарнскую гегемонию. Нам все же кажется, что Локарно было зенитом английского влияния на континенте. Англия не сможет полностью отвоевать утерянные позиции. Кризис империи, промышленный и социальный кризис на самом английском острове помешают свободе и успеху действий английской дипломатии. Уже теперь Англия начинает бороться за роль арбитра в сепаратных соглашениях (франко-германское и итало-германское), что неизбежно поведет к оформлению блоков империалистических государств и присоединению самой Англии к одному из этих блоков.

«Отрицание отрицания», т.-е. сепаратные соглашения послелокарнского периода, разрушающие здание английского Локарно, начались именно с Балканского полуострова. Английский проект общебалканского соглашения под английской гегемонией канул в небытие. На смену ему пришли сепаратные переговоры Италии и Франции с Румынией и Юго-Славией. Переговоры с Румынией уже увенчались заключением итало-румынского и франко-румынского договоров. Разбору этих договоров, в виду их характерности для послелокарнской ситуации на Балканах и в Европе, мы и посвятим следующую часть нашей статьи. Но предварительно—несколько слов о месте итальянского империализма в развертывающейся борьбе.

V.

Италия, вступив в ряды индустриальных стран, но лишенная топливных и сырьевых ресурсов, проявляет исключительную активность в области внешней политики. Сочетая в себе приемы старой буржуазной дипломатии и беспринципность ренегата от социализма, Муссолини ловко лавирует на международной арене и выступает то в качестве арбитра (Локарно), то «злого гения» Лиги Наций (Женева), то «честного маклера». В государствах Малой Антанты и Балканского полуострова Италия считает себя «особо заинтересованной». И действительно, Италия имеет все шансы на то, чтобы значительно усилить свое влияние в этих странах. Непрекращающаяся борьба между Англией и Францией за гегемонию на континенте предоставляет Италии роль «третьего-радующегося». Пользуясь поочередно ослаблением французского (Локарно) и английского империализма (мартовский крах), Италия начинает претендовать на роль руководителя Малой Антанты и гегемона на Балканах. Под углом зрения этих новых устремлений Италии и следует рассматривать итало-румынские переговоры, закончившиеся подписанием гарантийного договора.

VI.

Румынию на подписание гарантийного пакта с Италией толкали весьма серьезные причины. Важнейшей из них нужно считать желание добиться ясности в вопросе о Бессарабии. Дело в том, что под парижским протоколом 1920 г., «закрепляющим» Бессарабию за Румынией, отсутствует итальянская подпись. Подпись Италии и последующая подпись Японии обозначали бы полную ратификацию бессарабского протокола. Уже давно румынская дипломатия охотится за этой недающейся подписью. Но Италия, не желая портить своих отношений с СССР, в которых она заинтересована и политически и экономически, уклонялась от дачи своей подписи под этот разбойнический акт.

С бессарабским же вопросом тесно соприкасается проблема гарантий. Эта проблема чрезвычайно остро стоит для Румынии, увеличившей свою территорию, в результате мирных договоров, за счет Австрии и Венгрии более чем в два раза, по сравнению с ее довоенными размерами. Провал английского проекта балканского гарантийного пакта не оставлял перед Румынией иного выхода, кроме заключения сепаратных договоров с Италией и Францией о сохранении статус-кво, созданного Сан-Жерменом и Трианоном. Однако, отсутствие под парижским протоколом именно итальянской подписи в то время, как Англия и Франция уже его ратифицировали, заставляло румынское правительство придавать переговорам с Италией большее значение, чем переговорам с Францией. Все было подчинено достижению заветной мечты румынского империализма—окончательной ратификации парижского протокола. Для этого Румыния, после прихода к власти полуфашистского правительства генерала Авереску (апрель 1926 г.), не останавливается перед такой «жертвой», как перемена ориентации. Английская ориентация Румынии меняется на итальянскую. Перемена Румынией внешне-политической ориентации выявилась уже на мартовской сессии Лиги Наций. К перемене ориентации Румынию также побудила необходимость поддержать в Женеве, в противовес притязаниям Германии на постоянное место в Совете Лиги, притязания Польши, общей с Румынией союзницы против СССР. А за спиной Германии в те времена стояла Англия.

Итак, Румыния оказывается в об'ятиях Муссолини и Бриана, этих истинных победителей на женевском действе.

Подписание итало-румынского гарантийного договора последовало, наконец, после многомесячных переговоров, в Риме 16-го сентября 1926 года. Чтобы подчеркнуть свою преданность итальянскому империализму, румынский премьер-министр ген. Авереску лично выехал в Рим для подписания договора. Содержание заключенного договора в основном сводится к следующему. Италия и Румыния сотрудничают и оказывают друг другу поддержку в вопросах международной политики. В случае международных осложнений, оба государства совместно принимают меры для защиты своих интересов. Все споры и несогласия, возникающие между Италией и Румынией, передаются на разрешение третейского суда. В случае же «непровоцированного нападения» на одну из договаривающихся сторон, Румыния и Италия обязуются оказать друг другу политическую и дипломатическую поддержку. Иными словами, Италия и Румыния взаимно гарантируют территориальное статус-кво. Договор заключен сроком на 5 лет. К договору приложена переписка Муссолини с Авереску о бессарабском вопросе. В своем письме к Авереску Муссолини пишет, что ратификация парижского протокола итальянским правительством «последует лишь тогда, когда это сможет быть сделано без ущерба для общих интересов

Италии». В ответном письме Авереску констатирует, что ратификация Италией парижского соглашения «есть лишь вопрос времени и подходящей обстановки».

Отсутствие в итало-румынском гарантийном пакте специального упоминания о Бессарабии, как того добивалось румынское правительство, и отказ Италии в немедленной ратификации парижского соглашения, безусловно, является поражением Румынии, правда, как это мы увидим из дальнейшего изложения, поражением весьма относительным.

Такой исход переговоров с Италией вызвал бурю протестов со стороны румынской оппозиционной прессы. Оппозиционная печать в один голос заявляет, что договор унизителен для Румынии и является успехом Италии и СССР. По мнению же бывшего премьер-министра Братиану, вождя либеральной партии (крупно-капиталистической), находящейся теперь в оппозиции, договор даже «поощряет (!) СССР». Ко всей этой шумихе нужно относится с большой осторожностью. В значительной степени все эти протесты продиктованы узкопартийными целями и интересами парламентской борьбы с теперешним правительством. Также вполне правдоподобно сообщение венского «Рейхспоста» о том, что кампания против итало-румынского договора в Румынии инспирируется Францией, борющейся с Италией за преобладающее влияние на Румынию. На самом деле, итало-румынский договор не так уже невыгоден для Румынии, как это изображает оппозиция. В самом деле. Договор гарантирует территориальное статус-кво. Но тем самым договор является косвенным подтверждением присоединения Бессарабии к Румынии. Но мало этого. Носятся упорные слухи, не верить которым нет никаких оснований, что к заключенному договору приложено тайное соглашение, по которому Румынии обеспечивается военная поддержка со стороны Италии и ратификация парижского протокола в течение ближайших месяцев. Слухи о военной конвенции вполне согласуются с той работой, которая проводится Италией по вооружению Румынии на суше и на море (заказы итальянцам на подводные лодки, пулеметы и пр.)[1]. Получение Румынией итальянского займа также говорит о все растущем итало-румынском сотрудничестве в экономической и политической области. В свете этих данных заключение итало-румынского договора приходится рассматривать, как значительный успех Румынии в ее антисоветской политике. Во всяком случае, гарантирование Италией всех румынских границ, хотя бы и без специального упоминания восточных, приближает ратификацию парижского протокола. Ратификация, по выражению Авереску, «есть лишь вопрос времени и подходящей обстановки». Таким образом, мы видим, что итало-румынский договор наделен антисоветским жалом, к тому же весьма плохо прикрытым. Действительно. Что может быть более враждебным со стороны Италии по отношению к СССР, чем санкционирование (путем заключения гарантийного пакта с Румынией) захвата Бессарабии? Далее. Неужели Румыния—этот кипящий котел социальных и национальных противоречий, вдобавок отягощенная до сих пор

[1]) Статья была уже написана, когда появились разоблачения о вывозе из Италии через Австрию в Румынию и Болгарию оружия и снаряжения под видом „фруктов".

неразрешенным бессарабским вопросом,—является наилучшим местом для приложения итальянских капиталов, которых у самой Италии нехватает? И, наконец, что может означать «итальянская ориентация авиационной и морской политики Румынии», государства до сих пор не урегулировавшего своих отношений с СССР?

Теперь мы в праве спросить себя, почему Италия пошла на столь тесное сближение с Румынией, или что она выигрывает от заключения итало-румынского договора?

Начнем по порядку: договор с Румынией закрепляет итальянское влияние на Румынию и на Малую Антанту, членом которой Румыния является. Иными словами, договор с Румынией—один из этапов империалистической борьбы Италии с Францией и Англией за гегемонию на континенте. Кроме того, договор, ставя Румынию в зависимое от Италии положение, обеспечивает румынские рынки для итальянских товаров и открывает итальянцам дорогу к румынской нефти (своей нефти у Италии нет). Наконец, вооружая полуфашистскую Румынию, фашистская Италия косвенно или прямо выполняет директивы британского империализма по подготовке похода против СССР. Трогательная коалиция Италии и Великобритании находит новое поприще для «совместной работы».

VII.

Выше мы уже отмечали, что Франция всячески стремится парализовать растущее на европейском континенте влияние Италии. Поэтому она на итало-румынские переговоры поспешила ответить самостоятельными переговорами с Румынией. После перехода к системе сепаратных соглашений переговоры с Румынией приобретали для Франции особый интерес. Ведь в лице Румынии Франция имела члена Малой Антанты, в которой нужно было во что бы то ни стало восстановить сильно пошатнувшееся французское влияние. Успешный ход итало-румынских переговоров действовал на Францию подстегивающим образом. Именно из-за конкуренции с итальянским империализмом чтобы забежать вперед, Франция заключает гарантийный договор с Румынией уже 10-го июня, т.-е. на несколько месяцев раньше Рима. Однако, заключение франко-румынского договора до самого последнего времени держалось в тайне. Первые газетные сообщения о договоре появились всего за несколько дней до окончания итало-румынских переговоров. До сих пор, точного текста франко-румынского договора мы не имеем[1]. Но и сведения, почерпнутые из прессы, дают яркое представление о новом договоре.

Франко-румынский договор во многом аналогичен итало-румынскому. Здесь так же, как и в итало-румынском договоре, упоминается международное сотрудничество, третейское разбирательство всех возникающих споров и взаимная гарантия территориального статус-кво. Однако, помощь друг другу, в случае «непровоцированного нападения» на одну из договаривающихся сторон, в франко-румынском договоре, судя по имеющимся у нас

[1]) Статья была написана еще до опубликования договора.

данным, предусматривается даже в более решительных формах, чем в итало-румынском договоре. В этом отношении франко-румынский договор напоминает военный союз, правда, как уверяет парижский «Журналь», союз «оборонительный».

Совершенно очевидно, что заключение Францией подобного договора с Румынией является глубоко враждебным актом по отношению к СССР. Ратифицируя в свое время парижский протокол, Франция, конечно, также недружелюбно поступала по отношению к СССР. Но в те времена отсутствовали нормальные дипломатические отношения между СССР и Францией. Это до некоторой степени может служить «оправданием» Франции. Теперь же, когда Москва и Париж обменялись посольствами, вторичное санкционирование румынского грабежа и гарантирование всех границ теперешней Румынии (чего не было даже при ратификации Францией парижского протокола) является губительным ударом по франко-советским отношениям. А обещание взаимной военной поддержки, в случае «непровоцированного нападения?» Какой смысл оно имеет?—Только один: французская армия должна будет поддерживать румынскую армию, когда эта последняя вместе с своей польской союзницей, по указке из Лондона, будет двинута против СССР. Договор, заключенный Францией с Румынией в целях борьбы с англо-итальянским влиянием на континенте, льет воду на мельницу Чемберлена и потакает антисоветским планам английского империализма. Франция работает не на себя. Договор Франции с Румынией не предупредил заключения итало-румынского договора и роста итальянского влияния в Румынии за счет французского. В выигрыше от договора—исключительно Румыния, уже склонявшаяся, было, к мирному разрешению бессарабского вопроса совместно с СССР, и... Чемберлен. Пренебрегать же дружественными отношениями с СССР Франция в настоящий момент ни в коем случае не может. В момент коренной перегруппировки европейских сил, когда Франция пытается уйти от британской опеки путем самостоятельного сговора с Германией, находящейся с Советским Союзом в более или менее дружественных отношениях, вступать в конфликт с СССР Франции крайне невыгодно. Но, как говорится, кого бог захочет погубить, того он лишает разума!

VIII.

Версаль—Локарно—система сепаратных соглашений. Таков путь, который проделала мировая политика после войны.

Лига Наций—лишь рамка для старой картины борьбы империалистических блоков. Система сепаратных соглашений срывает с Лиги Наций последние пацифистские покровы и превращает ее в бюро по регистрации договоров, направляемых одной группой членов Лиги против другой.

Антисоветская сторона в работе буржуазной дипломатии все усиливается. Если европейское и балканское Локарно создавали для СССР угрозу в общей форме путем организации антисоветских блоков капиталистических государств, то итало-румынский и франко-румынский договоры, являющиеся звеньями намечающейся цепи соглашений, обозначают вполне конкретную подготовку к нападению империализма на первую Республику Труда.

Послелокарнские сепаратные союзы так же, как и предвоенные империалистические коалиции, неудержимо влекут к новым мировым конфликтам и столкновениям.

Вступление Германии в Лигу Наций под аккомпанемент пацифистских лицемеров,—нет побежденных, нет победителей,—и участие ее в империалистической игре на стороне того или иного вызревающего военного блока подготовляет новых побежденных и новых победителей.

Европа на всех парах по рельсам «системы сепаратных союзов» мчится к новой империалистической войне. История повторяется. Вернее, повторится, если международный пролетариат своевременно не свернет шею мировой буржуазии.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

М. Н. ПОКРОВСКИЙ.—Декабристы. Сборник статей. Центроархив. Государственное издательство, 1927 г., 94 стр. Цена 80 коп.

Сборник статей М. Н. Покровского—«Декабристы» отличается от других работ, посвященных тому же вопросу, рядом очень ценных качеств. Во всех статьях автор дал классовую характеристику различных течений среди декабристов, их политических программ и тактики. Это—достоинство методологического порядка. Кроме того, надо отметить новизну содержания,—все они написаны в период 1922—26 гг. на основе первоисточников,—и популярное изложение. Сборник «возмещает отсутствие задуманной, но не написанной книжки», которая служила бы популярным введением к работам, издаваемым Центроархивом к столетнему юбилею 14-го декабря.

Несмотря на некоторую дробность статей, весь сборник в целом дает четкую характеристику «декабристов», остроумно и легко написан, а поэтому будет являться необходимым пособием для первоначального ознакомления с этой темой. Но, я думаю, что и специалист-историк не может пройти мимо этой книжки, т. к. т. Покровский дает интересную схему, с которой не может не считаться даже и «специалист».

Предпосылкой «декабристского» движения т. Покровский считает разложение крепостного хозяйства и рост промышленного капитала. Эти экономические причины породили соответствующую идеологию. Носителями этой идеологии явились помещики-дворяне, из которых вышли почти все «декабристы». На первый взгляд получается как будто странное явление: помещик в роли идеолога промышленного капитала. Анализируя положение помещиков, т. Покровский устанавливает, что в двух вопросах интересы развивающегося промышленного капитала совпадали с стремлениями ч а с т и помещиков: в освобождении крестьян, в ликвидации барщинного хозяйства и уничтожении самодержавия.

Эти два пункта мы найдем у всех течений декабристов. Однако, п р о с л е ж и в а я экономическое положение помещиков, т. Покровский установил, что союзником промышленного капитала «была группа средних землевладельцев центральной полосы России» (15 стр.). Поэтому нет ничего удивительного в том, «что, кроме прогрессивных помещиков, декабристская масса отражала в некоторой степени интересы и передовой буржуазии» (67 стр.).

В других местах он еще более энергично подчеркивает буржуазный характер декабристского движения, например: «среда декабристов, это есть среда помещиков, и в то же время идеология декабристов есть идеология промышленного капитала» (12 стр.). Эта точка зрения ставит крест над полународническими и буржуазными «теориями», которые рассматривали декабристское движение вне связи с классовыми интересами.

В дальнейшем т. Покровский конкретизирует свою точку зрения. Разбирая программы и тактику Северного и Южного обществ, он устанавливает два совершенно различных течения. Настоящим центром декабрьского движения был юг, а не север, между которыми было чисто классовое различие. «Тут перед нами отчетливо д в а к р ы л а движения, правое и левое. Не в том суть, что одни хотели конституции, другие—республики. Разница шла глубже» (45). Северное общество больше выражало интересы помещика, поэтому оно было против самодержавия,

но за сохранение «дворянского государства», за цензовую конституцию и за созыв депутатов по «сословиям». Проект конституции Никиты Муравьева наиболее полно выражал интересы помещиков, но он шел навстречу интересам промышленного капитала, поскольку «ценз» давал возможность буржуазии принять участие в управлении страной.

Совершенно иное мы видим в Южном обществе, которое возглавлялось Пестелем. Покровский рассматривает Пестеля как мелкобуржуазного революционера «с головы до пяток». «Пестель имеет все основания быть названным идеологом мелкобуржуазного крыла декабристов, и с этим тесно связаны основные черты его политической физиономии» (24 стр.). Программа южан носит революционный, антидворянский характер. Там имеется: демократическая республика, уничтожение сословий, своеобразная «национализация» земли и еще ряд требований, подтверждающих мелкобуржуазность его идеологов.

В области тактики между обоими течениями декабристов также было большое различие. Тактика северян заключалась «в давлении на власть»: восстание 14-го декабря это только демонстрация—не более, которая устраивалась с целью вынудить правительство вступить в переговоры с восставшими, а если придет Константин,—«тогда покориться обстоятельствам». Не то на юге; их тактика—революционный захват власти. Северяне боялись революционных методов борьбы, в то время как южане с одним полком устроили революционное восстание. Лидер Северного общества Трубецкой «сознательно стремился сорвать революцию» (47 стр.), рассказывая Николаю о Южном обществе и о Пестеле.

Связи декабристов с солдатами были очень слабы: «презрения к массам было и на юге совершенно достаточно»—пишет Покровский. Все же южане были связаны с солдатской массой через группу «Соединенных Славян», о которых мы до сих пор очень мало знаем. По социальному и служебному положению это были самые «низы» среди декабристов. К сожалению, о них у т. Покровского сказано очень мало, а характеристика программы исчерпывается всего одной фразой: «низложение крепостнического строя вооруженной рукой почти исчерпывало их несложную программу» (73). Желательно было бы их характеристику расширить и увязать с общим текстом изложения.

Перейдем теперь к частным замечаниям. В отдельных местах встречаются характеристики, которые отходят, даже противоречат общей схеме. Пестеля т. Покровский рассматривает как якобинца, мелкого буржуа, а на стр. 64 заявляет, «что у Пестеля был уклон в сторону мелкой буржуазии, «мужицкого капитализма», этот вопрос в нашей литературе спорный», а дальше совершенно отбрасывает мелкобуржуазность Пестеля и рассматривает его, как идеолога «буржуазной России, очищенной от всего крепостнического». Нам кажется, что игнорировать мелкобуржуазные черты политической идеологии Пестеля и Южного общества нельзя.

В статье «Два вооруженных восстания» т. Покровский увлекается «интеллигентностью» декабристов и с этой стороны анализирует их тактику. Мы считаем, что эта замена классовой характеристики профессиональной особенностью неверна. Военный интеллигент покрывает в этих характеристиках помещика, землевладельца. «Итак, декабристы были не просто дворяне, это была дворянская интеллигенция, и р е в о л ю ц и о н е р а м и о н и с т а л и н е в с и л у с в о е г о д в о р я н с к о г о з в а н и я, а потому, что о н и б ы л и и н т е л л и г е н т ы, несмотря на свое дворянское происхождение» (стр. 78—79. Подчеркнуто мной. *А. С.*). С такой характеристикой никак нельзя согласиться. В данном случае т. Покровский отрывает «дворянина-интеллигента» от землевладельца-помещика, а ведь только последнее обстоятельство указывает на клас-

совую базу декабристов и на характер их политических программ. В цитированном мною месте т. Покровский, несомненно, делает уступку той «легенде» о декабристах, против которой в этом же сборнике помещены три статьи.

Признав в «декабристах» за решающее военно-интеллигентскую черту, он под этим углом зрения рассматривает всю их тактику. Но ведь их тактика определялась программами, говорил ранее сам автор, следовательно, тогда и программные различия, которые ранее т. Покровский характеризовал, как классовые различия,—надо выводить из «военно-интеллигентской» черты, а это уже решительное противоречие и со схемой самого автора и с марксистской методологией. Со стороны служебной не было никакой разницы между Пестелем и Трубецким, оба полковники, значит в одном чине, и оба военные специалисты, но это не помешало одному быть оппортунистом, а другому—революционером. Поэтому нельзя согласиться и с заключением автора сборника: «Восстание декабристов было интеллигентской революцией в самом подлинном смысле этого слова» (82 стр.). Однако, отсутствие опоры в массах солдат, ремесленников и крестьян надо об'яснять все же не тем, что декабристы «интеллигенты», а из их классовой характеристики, а «интеллигент» для большинства декабристов, особенно для Северного общества вовсе не является классовым признаком.

В статье «Два вооруженных восстания» проводится точка зрения, которая, как мне кажется, находится в решительном противоречии с общим характером статей всего сборника и представляет частично возврат к 4-томнику, от которого т. Покровский так далеко продвинулся вперед, а частично уступку «революционной легенде». Пожалуй, эту точку зрения можно об'яснить лишь тем, что «Два вооруженных восстания» представляют отрывок из статьи, идея которой состояла в сопоставлении восстания декабристов с декабрьским вооруженным восстанием 1905 года, при сравнении с которым отрыв декабристов от масс кажется особенно ярким.

Но сборник в целом позволяет понять не только происхождение вышеуказанной «легенды», но и действительную суть декабристского движения.

Ар. С.

СКОТТ НИРИНГ и ДЖОЗЕФ ФРИМЕН.—Дипломатия доллара. «Прибой»—Ленинград, стр. 226, тираж 4.000 экз.

«Мировая литература об империализме обогатилась новой хорошей марксистской работой»—так заканчивалась рецензия тов. Иоэльсона о «Дипломатии доллара», помещенная в одном из наших журналов.

Это, несомненно,—преувеличенная оценка качеств рецензируемой работы.

Скотт Ниринг, «основной» автор книги, несколько известен своими докладами в «Деловом клубе» и «Цекубу». Нельзя сказать, чтобы экономические доклады Скотт Ниринга были особенно интересны. Теоретическая беспомощность в них соединялась с довольно азбучными и старыми фактами.

В своей описательной части книга является нужной и полезной. Авторы дают интересное описание механики американского империализма и его «мирной» и военной экспансии. В книге преимущественно говорится об экспансии Сев.-Амер. Соед. Штатов на американском материке и прилегающих островах. Сравнительно меньше внимания посвящается проникновению американского капитала в другие части света. Это, в известной степени, уменьшает злободневность книги.

Авторы пытаются дифференцировать методы империалистической экспансии, употребляя при этом термины современной дипломатии.

Они пытаются показать, как в отдельных сферах своей деятельности американский империализм применяет различную тактику. В Канаде преобладает экономическое проникновение; в Китае мы имеем «сферы влияния»; в Гаванне, Панаме и Мексике—политическое регулирование; на Караибских островах, Никарагуа—вооруженное вмешательство; на Кубе—захват без аннексий; на Филиппинах—завоевание и куплю; в Европе—систему долгов, как своеобразный метод экономической экспансии. Ясно, что провести водораздел между отдельными методами капиталистической экспансии трудно. Это отлично понимают и сами авторы, указывая, что «между экономическим проникновением капитала и политическим вмешательством не существует пограничной межи» (стр. 36). Но все же иллюстрации экспансии в отдельных странах, приводимые в книге, весьма интересны, как показатель разнообразных методов, использовываемых империализмом.

Факты, сухие факты безжалостно вскрывают истинную подоплеку бесконечных революций в больших и малых государствах Латинской Америки. Нефть, сахар, стратегическое значение того или иного острова обращают на себя внимание империалистической буржуазии Соединенных Штатов Северной Америки, а страны, имеющие «счастье» обладать вышеуказанными достоинствами, становятся об'ектом этого внимания. Мексика, Куба, Виргинские острова становятся ареной, на которой во всю ширь разворачивается империалистическая политика Соединенных Штатов.

Самые брутальные действия сопровождаются дипломатическими декларациями, составленными в весьма возвышенных и мягких тонах. Чего стоит, например, письмо президента САСШ Куллиджа, адресованное законодательному собранию Филиппинских островов.

Население Филиппинских островов пыталось дипломатическим путем заставить президента Куллиджа дать им независимость. При этом филиппинские власти базировались на обещании президента Вильсона, заявившего в 1920 году, что население Филиппинских островов успешно поддержало «твердую власть», и потому Соединенные Штаты могут и должны даровать обитателям островов независимость, «которую они так честно заслужили».

Куллидж в своем послании пытается доказать филиппинским гражданам, что независимость «будет несчастьем и легко может стать катастрофой для населения Филиппин». Куллидж уверяет, что «хотя за последнюю четверть века филиппинский народ достиг удивительных успехов, тем не менее он отнюдь еще не обладает в достаточной мере теми средствами и тем опытом, которые необходимы, чтобы взвалить на свои плечи тяжелое бремя, связанное с политической независимостью».

Такою же «заботливостью» об опекаемом населении захваченных стран проникнуты и другие дипломатические документы, приводимые в рецензируемой книге.

Весьма интересны страницы, посвященные истории американского проникновения в Китай. В довольно популярной форме в книге излагается возникновение лозунга политики «открытых дверей», возникновение противоречия Соединенных Штатов с Англией и царской Россией. Последнее противоречие играло большую роль в общем комплексе империалистических противоречий в Китае. Попытка американских банкиров получить свою долю участия в Восточно-Китайской и Южно-Манчжур-

ской железных дорогах потерпела неудачу в 1910 году благодаря тому, что Россия и Япония не только не хотели позволить американским банкирам контролировать свои дороги, но и не допустили постройки дороги-соперницы.

На протяжении книги приводится целый ряд интересных фактов, дипломатических документов, характеристик отдельных деятелей, служащих прекрасной иллюстрацией к империалистической политике САСШ.

Несколькими штрихами дают авторы тип агента империализма в колонии. Вот краткая биография американского генерального консула в Гаванне: Франк Штейнгарт явился в Кубу в качестве сержанта первой американской оккупационной армии; затем он стал чиновником, заведующим архивом и американским генеральным консулом после эвакуации войск. Теперь он представляется обывательскому воображению чем-то в роде Рокфеллера Кубы, так как является «главой гаваннской компании электродороги, электроосвещения и электросилы», с капиталом в 36 миллионов долларов.

Авторы останавливаются и на товарном экспорте САСШ. Авторы совершенно правильно указывают, что, «пока Соединенные Штаты вывозили сырье и продукты питания, естественным местом сбыта этих предметов была Европа» (стр. 15). Индустриализация же американского экспорта изменила направление экспорта значительной массы товаров. «Пути экспорта,—говорится в книге,—резко изменились, и этот не лишенный своеобразного трагизма факт хорошо иллюстрируют цифры, показывающие, в какие страны вывозились товары» (стр. 16).

В чем «трагичность» и для кого «трагично» изменение путей американского экспорта неизвестно, но не в этом дело. Скверно то, что авторы приводят довольно устарелые цифры. 1922 год вовсе не характерен для основных тенденций американского экспорта.

Кризис в САСШ 1923—24 гг., а за ним план Дауэса внесли существенные коррективы во внешнюю торговую политику САСШ, в частности, в направление экспорта. В книге, которая выпускается в 1925 г., не трудно привести свежие цифры, тем более, что их не так трудно найти в любом издании американского департамента торговли.

Неверно также утверждение авторов, «что в Африке фактически нет рынков для товаров Соединенных Штатов» (стр. 16). В Египте фордовские автомобили и плуги с успехом конкурируют с французской и итальянской продукцией.

Сравнительно меньше внимания, как мы уже указывали выше, обращается авторами на проникновение американского капитала в Европу. В этой части речь идет, главным образом, о военных долгах и «экономическом ограблении Германии».

«Исторически довольно обычно,—пишут Скотт Ниринг и Фримен,—что победители налагают тяжелое бремя на побежденных. Но еще не было такого случая, чтобы приглашение «симпатичного» союзника обошлось четырем государствам в 25 миллиардов долларов» (стр. 180).

Эти 25 миллиардов европейских долгов являются тем рычагом, благодаря которому САСШ ворочают европейскими делами.

В отношении эксплоатации Германии авторы допускают ошибку, сваливая в одну кучу версальский договор и план Дауэса, соединяя их как части некой единой системы (стр. 182). Движущие силы и активные суб'екты версальского договора существенно отличаются от таковых в плане Дауэса.

Переходим теперь к «теории» указанных авторов. Говорить о том, что она является марксистской—по меньшей мере преувеличение.

На протяжении всей книги мы не находим ни одной ссылки, ни малейшего упоминания о том, что в природе существует марксистская теория капитализма и империализма.

Правда, авторы не ставили перед собой непосредственной задачи теоретического анализа империализма, но те потуги «теоретизирования», которые имеются во вводной части книги и иногда проскальзывают в ее описательной части, не служат на пользу книге.

Большим недостатком теоретической части рецензируемой книги является нечеткая формулировка и американизированная «деляческая» терминология.

Но важно отметить теоретический подход авторов к империализму. Они определяют империализм «с исторической точки зрения» как «экономическую мощь торгово-промышленного класса» (стр. 7)!!

В следующей строке авторы признают империализм «стадией, через которую проходит общество на известной ступени своего развития», не оговаривая, однако, нигде, что эта стадия последняя в истории капитализма.

С благородным негодованием излагают они всякие мерзости империалистической политики, но в благоговении застывают перед самим империалистическим колоссом. Авторы теоретически безоружны и поэтому не видят глиняных ног колосса.

Империализм для них некое величественное здание, которое все время растет ввысь.

«Военная мощь и экономическая выгода,—пишут они,—именно в этих словах может быть выражена истинная и полная империалистическая программа любого из крупных современных промышленных государств. Основные положения просты. Их детали и разветвления могут быть бесконечно разнообразны. Для выполнения этой программы потребуются не дни и годы, но десятилетия и целые поколения. Это—сложное сооружение, основанием которого служат глубоко залегающие экономические и социальные силы» (стр. 176, курсив наш. *Дм. Б.*).

Каким безнадежным фатализмом проникнуты эти строки «марксистской» книги!

Нечеткость формулировок и терминологии относятся не только к вопросам империализма, но и к аналитическим экскурсиям авторов в область капитализма вообще.

Правильные подчас мысли облекаются в столь американско-деляческую форму, что из них выхолащивается их действительное содержание. Особенно это чувствуется в теории авторов об «излишках» или «избытках».

Вот несколько примеров формулировок подобного рода.

«Собственники нового богатства или «капитала», названного так в отличие от земли, которая была основной формой собственности в земледельческом обществе, стали в силу обладания промышленным капиталом владельцами очень крупных экономических избытков, создаваемых машинным производством» (стр. 6).

Или другой пример такой же нечеткости:

«Экономическая необходимость диктовала им свою волю: каждое современное промышленное общество (что под «каждым промышленным обществом» следует разуметь—неизвестно. *Д. и. Б.*) вынуждено расширять внешние рынки для сбыта излишков своей продукции, вынуждено устанавливать свой контроль над продовольствием, топливом, минералами, лесами и проч. сырьем, вынуждено пользоваться различной экономической кон'юнктурой для реализации своего избыточного капитала» (стр. 6).

Столь же своеобразные формулировки отдельных теоретических положений разбросаны по всей книге: «наибольшая чистая прибыль», «страны максимальной прибыли», «главнейшие торгово-промышленные группы Европы», «класс капиталистов, который распоряжается хозяйственной жизнью современных обществ» и т. п.

Такова «Дипломатия доллара». Беспомощная в теоретической части, эта книга приводит весьма интересный описательный и документальный материал, характеризующий современный империализм. Это оправдывает перевод книги на русский язык, но ни в коей мере не дает ей права называться марксистской.

Дм. Б.

Редакция: В. Астров. Н. Бухарин. В. Молотов. А. Слепков. Е. Ярославский.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 15 ЯНВАРЯ 2

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП (б)

СОДЕРЖАНИЕ.

1 9 2 7
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

Главлит № 77727. Москва. Тираж 80.000 экз
Тип. изд-ва «Правда» и «Беднота», Яузский мост, Серебрянич. наб., д. № 23а

На ленинских путях.

21 января 1924—21 января 1927.

Те были памятные, незабываемые январские дни, когда мы, большевики-ленинцы, охваченные глубокой скорбью, над свежей могилою вождя давали свое твердое обещание—не сдавать ленинского знамени, держать его крепче, нести его дальше...

С тех пор прошло три года.

Только три года... Но какие годы! Годы суровой исторической проверки нашей большевистской закаленности, проверки жизнью, на реальных фактах классовой борьбы, упорной борьбы за строительство социализма, за торжество международного пролетариата,—когда проверяется не количество цитат из Ленина, заученных наизусть, а правильное понимание ленинского учения и умение применять его к постоянно меняющимся, все новым и новым, в книжках не предусмотренным условиям борьбы.

Только три года! Но они уже с неопровержимой ясностью доказали, что большевистская партия не только *хочет*, но и *умеет* итти по ленинским путям, добиваясь реально-ощутительных успехов для дела пролетарской революции, с ленинским упорством преодолевая препятствия, не зазнаваясь от успехов, не впадая в панику от трудностей строительства социализма в отсталой стране.

Начать *с единства партии*. Кто посмеет сказать, что мы не уделили этому важнейшему вопросу того внимания, какое ему уделял и нам завещал уделять Ленин? Весь период времени, который прошел со дня смерти основоположника нашей партии,—даже больше того: со времени его фактического ухода от непосредственного руководства нашей партией,—был периодом непрерывной борьбы *за* единство нашей партии, *против* фракционного ее раздробления, *против* расщепления единой централизованной организации с единой, монолитной, ленинской идеологией, *за* единое руководство. Теперь, оглядываясь назад на эти годы борьбы, мы спокойно можем себе сказать, что внесли в этот вопрос всю нашу большевистскую страстность, всю нашу резкость и твердокаменность. И мы не имеем оснований раскаиваться в этом. Ибо ставка была слишком велика, борьба была слишком тяжела. Затянувшаяся международная револю-

ция, в частности, поражение германского пролетариата в 1923 году, частичная стабилизация капитализма, трудности нашей усложнившейся строительной работы,—все это, несмотря на наш рост и на развитие международной революции, усиливало подверженность отдельных клеточек партии влиянию давящей на нас *мелкобуржуазной стихии*, вызывало рецедивы мелкобуржуазного реформизма (социал-демократического капитулянтства), переплетенного с мелкобуржуазной «революционностью», паникерской по самому нутряному своему естеству.

Но основные кадры нашей партии воспитывались и закалялись как раз в непримиримой борьбе с этими исконными врагами пролетарских партий. И в тяжелой борьбе за единство, развернувшейся после Ленина, эти кадры показали, что не даром они учились у Ленина искусству распознавать этих врагов под самыми неожиданными оболочками, разоблачать их перед рабочим классом и побеждать их. Не даром как раз с атаки на эти кадры была начата борьба против единства нашей партии (троцкистская дискуссия 1923—24 гг.).

Исторический опыт партии, накопленный в этих кадрах десятилетиями, широкой волной распространился на всю массу членов нашей партии. Собственный опыт борьбы с указанными мелкобуржуазными влияниями поднял уровень квалификации и закалки у молодых членов партии, не имевших опыта борьбы с мелкобуржуазными партиями, не прошедших этой глубоко-воспитательной практической школы. Борьба с троцкизмом, с «рабочей» оппозицией, новой оппозицией, с их блоком, будучи подкреплена усвоением всего исторического наследия нашей партии, с успехом заменила для них то, чем для старых кадров являлась борьба с мелкобуржуазными партиями.

В итоге вся партия встала железным кольцом вокруг и на защиту своего Центрального Комитета. Единство партии было, таким образом, сохранено и сохранено не на гнилой почве соглашений с оппозиционными фракциями—тут единства не может быть,—а на почве единого, ленинского понимания наших традиций, уроков истории и задач, стоящих перед пролетариатом...

Известно, что в своих предсмертных указаниях партии (см. в частности, статью «Как нам реорганизовать Рабкрин») Ленин связывал раскол партии с возникновением серьезных разногласий между рабочим классом и крестьянством.

> «В нашей Советской Республике,—писал он,—социальный строй основан на сотрудничестве двух классов: рабочих и крестьян, к которому теперь допущены на известных условиях и «нэпманы», т.-е. буржуазия. Если возникнут серьезные классовые разногласия между этими классами, тогда раскол будет неизбежен».

Известно, что в осенней вылазке оппозиционного блока, которая может быть понята лишь как проявление курса на раскол, представители оппозиции «тонко» намекали, что якобы «кулацкое» якобы «перерождение» нашей партии как раз и поднимает тот самый вопрос, который был поставлен в приведенном отрывке из Ленина, исторически-де оправдывая раскольническую линию оппозиции. Такое использование Ленина, как орудия борьбы против... существующего ленинского единства партии, является, конечно, неслыханным в истории нашей партии шарлатанством. Ибо, во-первых, само обвинение в «кулацком» или, как выражались другие, в крестьянском перерождении является от начала до конца блефом. А, во-вторых, как раз практическая программа самой оппозиции со всем ее теоретическим обоснованием об'ективно и была программой раскола двух классов—пролетариата и крестьянства, и ее осуществление уже действительно содержало бы в себе в перспективе угрозу неизбежного раскола нашей партии.

Между тем Ленин указывал в той же статье, что «в нашем социальном строе не заложены с необходимостью основания такого „раскола“ между рабочим классом и крестьянством. Программа оппозиции, таким образом, была по существу программой превращения скрытой возможности (возможности, но не необходимости!) раскола между двумя классами, а затем и раскола партии—в историческую неизбежность.

Из этого видно, какой серьезности вопрос решила наша партия, давая единодушный отпор безответственным раскольническим попыткам оппозиции, выполняя этим прямые директивы Ленина.

Вопрос о *руководящем кадре* нашей партии был одной из крупнейших частей проблемы единства. Хотя бы по одному тому, что опасность раскола Ленин связывал не только с таким об'ективно классовым фактором, как крушение рабоче-крестьянского союза, но и с «*влиянием чисто личных и случайных обстоятельств*», имея при этом в виду состав нашего партийного руководства.

«Наш ЦК,—писал Ленин,—сложился в группу строго централизованную и высоко авторитетную». Но к этому нужно добавить, что решающую роль играла в этом фигура самого Ленина, авторитет которого служил цементом, связывавшим воедино наш Центральный Комитет и противоборствовавшим разным политическим тенденциям и зародышам этих тенденций, которые, как показала история партии после смерти Ленина, имелись в недрах нашего ЦК и которые, как оказалось, у некоторых тт., в частности и в особенности у тт. Троцкого, Каменева и Зиновьева, не были ликвидированы, несмотря на длительную работу под руководством Ленина и ленинского ЦК.

Вряд ли кто-нибудь мог предполагать, что история нашего ЦК после ухода Ленина от непосредственного руководства окажется, в частности, историей развертывания этих небольшевистских тенденций, вместо их умерщвления, историей их развития в центробежную силу с угрозой раскола. Но случилось именно так.

Первым, кто начал развертывать свои, долгой борьбой против большевизма насажденные, за время революции невытравленные тенденции и традиции, оказался тов. Троцкий, который указаниям партии на недопустимость возрождения троцкизма, как политического течения, противопоставил тот ответ, что сам большевизм в 1917 году идейно перевооружился в духе Троцкого. Из этого же источника пошли и словечки о перерождении (намеки на Гэда, Вальяна).

А затем к этим троцкистским шатаниям прибавился рецидив социал-демократических настроений у тт. Каменева и Зиновьева, которые через короткое время после ожесточенных боев против троцкизма и после обвинений большинства ЦК в полу-троцкизме сами подпали под гегемонию троцкизма, начав отход от ленинизма в важнейших вопросах теории, политики и тактики. Этот отход по своей политической сущности был совершенно однотипен с их октябрьскими ошибками, которые до этого рецидива, конечно, вспоминались неохотно, но которые необходимо было вспомнить сейчас, дабы уяснить подлинную природу тенденций, об'ясняющих как ту, так и теперешнюю, крупнейшую ошибку этих товарищей.

Так шло возрождение враждебных большевизму тенденций, бывших до поры, до времени законсервированными.

Тем самым вопрос о «влиянии личных и случайных обстоятельств» в нашем ЦК получил сугубо политическую формулировку. Речь шла уже о знамени, под которым должна итти партия. «Личности» стали простыми символами политических линий и тенденций—антиленинских, с одной стороны, ленинских, с другой. И партия не опустила ленинского знамени, а подняла его выше, приобщив к ленинизму новые и новые слои рабочего класса,—решив тем самым и вопрос о составе своего высшего руководства, отстранив лидеров, не исправившихся, не исправляющихся и не желающих исправиться в духе ленинизма, несмотря на невероятное терпение, проявленное партией в попытках удержать этих товарищей во главе себя, под одним, правда, решающим условием—отказа от антиленинских тенденций.

Но это условие не было принято, и произошло то, что произошло.

Трехлетие после смерти Ленина завершает, таким образом, целую полосу в развитии нашей партии, в частности, нашего высшего руководящего кадра. В идеологии партии непреодолимо укреплен ленинизм. Создано авторитетнейшее партийное руководство,—единое, монолитное, ленинское, обеспечивающее полное единство в определении и проведении партийной политики.

Это не значит, что оппозиция не будет пытаться поднять свою голову. Она будет это делать, как делала уже после «Заявления» от 16 октября. Но ленинская политика партии создает все условия к тому, чтобы все эти попытки встречали еще более сокрушительный удар, чем тот, результатом которого явилось само «Заявление» от 16 октября...

Маневроспособность партии представляет тот пункт, на котором следует остановиться специально.

Наша партия всегда показывала высокие образцы гибкости своей тактики, проявляла чуткость к настроениям масс, умела трезво и хладнокровно учитывать изменения в обстановке, взвешивать передвижки в отношениях классов, улавливать смену этапов в развитии политических и экономических отношений и, сообразуясь с этими изменениями, реагировать на них дружно, сплоченно, как единый гибкий, маневроспособный организм, выдвигая захватывающие массы лозунги, чтобы активно, собственным воздействием на обстановку вызывать в ней изменения в пользу пролетариата.

О важнейших предпосылках маневроспособности мы уже сказали. Остановимся на других ее сторонах.

Со дня смерти Ильича и до настоящего времени наша партия увеличилась больше, чем вдвое. Но это обстоятельство не превратило ее в тяжеловесную, неуклюжую, негибкую организацию. Наоборот. Рост партии расширил сферу влияния партии, углубил ее. Корневые ответвления партии ушли глубже и дальше в толщу трудящихся слоев и в особенности рабочего класса,—рост партии шел в своей массе за счет лучших элементов рабочего класса, и процент рабочих, в частности, рабочих от станка, теперь куда выше, чем это было в конце 1923 г.

Конечно, трудности партийного руководства возросли. Требования, пред'являемые к руководящим кадрам партии (снизу, от ячеек, и доверху), стали более серьезными и разносторонними. Проводящийся партией курс на внутрипартийную демократию и исходил из учета повышенной требовательности широких партийных кругов и, в свою очередь, сам был рассчитан на такое повышение уровня сознательности, выражающееся, в частности, в повышенно-разносторонних требованиях к руководству. Но мы не прикрасим действительного положения вещей, если скажем, что, несмотря на наблюдающиеся кое-где элементы бюрократизма, отставания в развитии или закостенения (которые нужно выкорчевывать), наши кадры в своей массе росли и за эти годы в ногу с повышающимися требованиями партийных масс, поднимая свою квалификацию, повышая свою

политическую зрелость, расширяя связи и влияние в партийных массах, обогащая свой организационный опыт и политический опыт вообще.

Можно сказать без преувеличения, что такого широкого партийного актива, с такими связями и с такой квалификацией, как сейчас, наша партия до сих пор еще не имела. Задача здесь состоит в том, чтобы продолжать дальше эту работу по воспитанию актива, по его дальнейшему выдвижению из самых недр партийной массы, по дальнейшему усвоению и распространению в массах ленинского учения, сочетаемому с практической работой в массах, с тем, чтобы решения партии проводились быстро, точно, массовидно,—а это представляет одно из серьезнейших условий маневроспособности партии.

Повышение политической активности классов и слоев нашего общества, своевременно учтенное нашей партией, должно было дать поверку гибкости нашей политики (на ряду, конечно, с другими «проверяющими» фактами и процессами).

Отсюда родился лозунг *оживления советов, оживления работы профсоюзов, кооперации* и других массовых организаций трудящихся. Эти лозунги, тесно связанные с лозунгами внутрипартийной демократии, оправданы теперь целиком и полностью практически, несмотря на то, что кое-где были допущены ошибки, исправленные партией, несмотря на то, что недоделанного тут еще осталось много. Возросшая активность враждебных и полувраждебных пролетариату, маскирующихся сплошь и рядом в защитный советский цвет, слоев может быть преодолена с необходимой основательностью лишь при условии активности и ее организованности у широчайших масс трудящихся и в первую голову—пролетариата. Так оно и оказалось. Лозунги партии оказались нащупанными настолько правильно и своевременно, что, несмотря на некоторые ошибки, допущенные, например, в вопросе об оживлении советов, организованность трудящихся усилилась, окрепла, авторитет партии среди беспартийных трудящихся поднялся, связи партии с рабочим классом, рабочего класса—с беднотой и средним крестьянством стали теснее, ближе, роднее. В целом диктатура пролетариата и ее руководящая сила—партия—упрочились еще более именно в связи с проведением в жизнь указанных лозунгов, в частности—оживления советов. Правда, отдельные, закостенелые элементы нашей партии, как, например, наша паникерствующая оппозиция, прожужжали все уши криками о затоплении низших звеньев советской организации мелкобуржуазной стихией. Но они не могли противопоставить ничего тем неоспоримым фактам, что авторитет партии и рабочего класса среди непролетарских трудящихся усилился именно в результате партийного курса.

Усиление в расслоении деревни, из которого партией были своевременно сделаны все выводы, поставило, в частности, вопрос о поднятии активности и организованности *деревенской бедноты*, о создании необходимых условий для прочного закрепления ее союза с середняцким крестьянством, для изоляции деревенской верхушки, делающей попытки командовать деревней. Эта важнейшая задача была поставлена партией, и также своевременно, при полном непонимании ее со стороны оппозиции, кричавшей, однако, о кулацком перерождении партии, скрывая под этими криками свою линию на фактическую отдачу бедноты на произвол кулачеству. Понимая, что надлежащий отпор кулачеству и его изоляция могут быть проведены беднотой лишь на основе растущей организованности, инициативности, сознательности, опирающейся на политическую (а не просто на собесовскую) помощь со стороны рабочего класса, партия дала лозунг сплочения вокруг деревенских ячеек партии беспартийного крестьянского актива (октябрь 1924 г.), лозунг организации бедноты (октябрьский 1925 года пленум ЦК),—оправданные на опыте годовой—полуторагодовой работы.

Хозяйственная сторона в отношениях рабочего класса и крестьянства показывает с неменьшей ясностью понимание партией задач, особенно подчеркивающихся Лениным и умение своевременно учитывать изменения, происходящие в этой области. Время с осени 1923 года по весну 1924 года представляет в этом отношении особенно показательный период, когда партия проводила решительный поворот в политике хозяйственных органов, при отчаянном сопротивлении троцкистской оппозиции, пускавшей словечки о «диктатуре промышленности». Партия не заразилась у оппозиции политической слепотой. Партия заметила надвигавшуюся угрозу срыва правильных взаимоотношений пролетариата и крестьянства. Партия повернула рычаг политики цен и в комбинации с ликвидацией падающей совзначной валюты добилась решительного улучшения отношений с крестьянством. Правда, оппозиция и посейчас еще продолжает уверять, что это было достигнуто ценой замедления темпа накопления в нашей промышленности. Но вопиющая теоретическая безграмотность, сквозящая в этом тезисе, и фактические успехи в сдвиге нашей социалистической промышленности, в темпе ее развития, в размерах реального накопления, в связях ее с рынком, в сокращении монополистического самодовольства и самоутешения—настолько ясны и очевидны, что опровергать эту оппозиционную «идею» всерьез нет сейчас особенной нужды. Сама оппозиция, спрятавшая на последнем пленуме ИККИ соответствующие пункты своей программы в карман по причине их особой одиозности, доказывает это наилучшим образом. Во всяком случае политика, ориентирующаяся в отношениях города и деревни на отношения между метрополией и колонией, не имеет в глазах нашей партии никакого кредита. В противоположность ей, партия ориентируется на уни-

чтожение веками созданной и капитализмом обостренной и развитой противоположности города и деревни, действуя при этом не только в духе прямых указаний Ленина, но и Маркса, неоднократно формулировавшего эту величайшую проблему социализма.

Решение XIV конференции о ликвидации остатков военного коммунизма, легализации отношений аренды и найма, существовавших дотоле нелегально, а потому в особенно махровых эксплоататорских формах,—это важнейшее решение, истолкованное новой оппозицией, как уступка кулаку (почему же они голосовали на XIV партийной конференции за уступку кулаку, эти горе-противники кулака, так «беззаветно» «борющиеся» против «кулацкого» «перерождения» партии?)—это решение отнюдь не противоречит линии партии по отношению к деревне. Больше того: оно—совершенно в духе прямого указания Ленина в этом вопросе (см. письмо Ленина к т. Осинскому, опубликованное в (IV «Ленинском Сборнике»). Это решение, принятое в целях устранения излишних преград, отпугивавших середняка («центральную фигуру земледелия») от развития хозяйства, не оттолкнуло середняка в об'ятия кулака, а, наоборот, помогло провести между середняком и кулаком некую межу, устранив пункт, в котором кулачество и середняк начинали искать общий язык (пролетариат-де препятствует развитию крестьянского хозяйства).

С устранением же остатков военного коммунизма было значительно усилено вовлечение растущего и укрепляющегося крестьянского хозяйства в русло *кооперативного строительства*, с особым креном по линии кооперирования бедноты путем льгот, фондов и т. д. Перевод *с.-х. налога* на начала подоходного налога, регулирующий деревенское накопление, ограничивающий одни его пути и стимулирующий другие,—также является плотиной, задерживающей капиталистические элементы и способствующей борьбе против них со стороны социалистических элементов.

Здесь нет необходимости особо подчеркивать значение выдвинутого партией капитального лозунга *индустриализации страны* на социалистических рельсах. Этот ясный, простой, понятный лозунг достаточно захватил трудящиеся массы нашей страны, доказав этим свою полную жизненность и умение партии выдвигать такие лозунги. Остановимся лишь на той стороне в осуществлении этого лозунга, которая характеризуется как *переход от восстановительной стадии к реконструктивной*. Период, к которому нужно отнести этот переход,—это 1925—26 хозяйственный год. В нащупывании этого перехода, в его осознании не менее, чем в других областях, проявилась дезорганизующая роль оппозиции. Уже осенью 1925 года стало ясно, что мы стоим на рубеже некоей новой полосы нашего развития.

В чем заключалось это новое, в чем его своеобразие,—вот что нужно было определить. Тогда была пущена в ход оппозиционная философия: новое в том, что социалистическое строительство «регулируется», или употребляя более «модное» слово «контролируется» кулаком. У партии оказалось достаточно трезвости для того, чтобы, помня о кулаке, не поддаться одновременно на эту провокационную философию и осознать новое в нашем строительстве так, как оно есть, т.-е. как переход от восстановления к реконструкции и связанное с этим замедление темпа нашего развития со всеми вытекающими отсюда техническими, экономическими и *политическими* последствиями и задачами. На путях осторожной, продуманной, согласованной в своих частях и соотношениях (важнейшее: промышленность и с. х.!) политики партии удалось доказать с полной ясностью, что оппозиционное понимание своеобразия и новизны в обстановке не выдерживает серьезной критики. Достаточно указать на абсолютный и относительный рост социалистических элементов нашего хозяйства. Достаточно указать на те же хлебозаготовки, которые, будучи непосредственно руководимы уже не оппозиционными горе-философами, а ленинцами, наносят сокрушительный удар по оппозиционным выдумкам.

Подводя итоги, можно сказать, что мы задачи укрепления социализма против капитализма выполняем успешно, победоносно и делаем все для того, чтобы вопрос «кто кого?» решить в пользу пролетариата.

Задачи нашей партии, как авангарда *международной революции* не были оттесняемы на задворки, как это изображает оппозиция в трогательном единстве с социал-демократами: в противоречивой полосе развития мировой революции (под'ем и поражение германской революции, частичная стабилизация капитализма, прорываемая и освободительными движениями на Востоке и схватками классов в самых передовых странах капитализма, рост страны пролетарской диктатуры) наша партия держалась так, как подобает ленинской интернационалистской партии. Симпатий международного пролетариата мы не потеряли, а, наоборот, укрепили; борющихся отрядов международного пролетариата не покинули, а, наоборот, всеми доступными нам средствами их поддерживали; связей с колониальными рабами не ослабили, а упрочили; международному империализму своих позиций не сдали, а, наоборот, лавируя среди противоречивых переплетений интересов, укрепили международное положение Советского Союза.

В сознании того, что после смерти Ленина мы большевистского капитала не растратили, а в пределах сил его приумножали, наша партия смотрит твердо в глаза грядущим событиям и предстоящим задачам.

Я. Яковлев.

Ленин о борьбе с бюрократизмом.

Ленин ставит вопрос о бюрократических извращениях государственного аппарата, начиная с 1918 года, десятки раз; он возвращается к этому вопросу на каждом историческом повороте, когда вновь встающие задачи пред'являют новые требования к государственному аппарату и партии. Исходя из некоторых, общих для всех лет, теоретических предпосылок и практических предложений, он каждый раз соответственно условиям момента их видоизменяет, неуклонно добиваясь подхода к решению основной задачи. В связи с тем, что вопросам борьбы с бюрократическими извращениями государственного аппарата партия в настоящий момент придает исключительное значение, в связи с тем, что задача борьбы с бюрократическими извращениями превращается теперь в одну из самых важных задач партии, полезно проследить, хотя бы вкратце и схематично, как Ленин ставил этот вопрос на разных этапах развития нашего государства.

Не многие теперь помнят, что Владимир Ильич поставил проблему борьбы с бюрократизмом еще в самом начале 1918 года, когда наш государственный аппарат находился только в периоде своего рождения, когда еще не сложилась централизованная машина государственного управления, когда в силу этого одного могло казаться, что нет еще оснований для постановки этого вопроса.

Сам Владимир Ильич, разрабатывая вопрос о бюрократизме, в 1921 году в своей брошюре о продналоге обращается к прошедшим годам в поисках того времени, когда впервые бюрократизм стал в поле нашего зрения. Он находит это первое упоминание только на VIII с'езде партии в 1919 году. Между тем в действительности уже в 1918 году именно от Ленина исходит постановка в поле внимания партии всей проблемы борьбы с бюрократизмом.

В том ленинском наброске программы, которая была напечатана 9 марта 1918 года, среди 10 тезисов о советской власти Ленин формулирует особый тезис. Советы дают «возможность устранить бюрократию, обойтись без нее; начало реализации этой возможности» (том XV, стр. 149). Почему мы имели только начало реализации возможности устранения бюрократии, Ленин раз'ясняет в своей речи по поводу партийной программы на VII с'езде нашей партии 8 марта 1918 года: дело создания нового типа государства без бюрократии, дело создания пролетарской демократии «едва только начато и пока начато плохо» (том XV, стр. 142). Через месяц в документе, который подводил итоги полугодового существования советской власти и намечал очередные задачи нового этапа нашего развития в статье «Очередные задачи советской власти» он уже прямо говорил о борьбе «с бюрократическим извращением советской организации» (том XV, стр. 206). И опять-таки основное обеспечение возможности этой борьбы видит в прочности связи советов с народными массами.

Эти три справки, относящиеся к марту и апрелю 1918 года, показывают, что уже тогда вопрос о бюрократизме целиком стоял в поле зрения Ленина и, более того, что уже тогда он давал то же решение проблемы, которую он развернул полностью в последующие годы. В самой советской системе, в самой природе пролетарской демократии скрываются основные возможности преодоления бюрократизма.

(Из практических вопросов техники управления весной и летом 1918 г. Ильич ставит вопрос об установлении действительной единоличной ответственности каждого работника государственного аппарата за поручаемое ему дело при одновременном развитии всевозможных форм контроля снизу—об этом подробно дальше).

Не случайно, конечно, что снова к вопросу о бюрократизме Ленин возвращается опять в связи с обсуждением партийной программы. Он, в начале 1918 года подошедший к этому вопросу в своем первом наброске партийной программы, теперь, 19 марта 1919 года, на VIII партийном с'езде разворачивает и уточняет то, что им было сказано год назад. В речи о партийной программе он анализирует классовые основы бюрократизма у нас. Мы уничтожили буржуазные основы бюрократизма, уничтожив буржуазное государство; этих корней бюрократизма у нас нет; но у нас налицо многие другие корни бюрократизма, делающие все же бюрократизм чрезвычайно длительной особенностью нашего государственного аппарата: Россия была недостаточно развита капиталистически, старые чиновники были особо плохими чиновниками; старые чиновники неизбежно расселись на новых местах. Некультурность не дает возможности целиком и сразу решить задачу создания нового государственного аппарата.

Из всего этого Владимир Ильич делает старый вывод: поскольку основная беда в том, что из-за низкого культурного уровня советы еще не развернули полностью свое значение органов управления через трудящихся, главная задача—выдвижение резервов из народных масс. Бюрократизм может потеснить только организация пролетариата и крестьянства. И соответственно этому в партийной программе система мер по развитию пролетарской демократии, по постепенному вовлечению всего трудящегося населения в управление обосновывается необходимостью вести «самую решительную борьбу с бюрократизмом». В то же время в программе дается анализ корней бюрократизма у нас, в отличие от корней бюрократизма в буржуазных странах, которые были отсечены в советской республике Октябрьской революцией: «Только благодаря советской организации государства революция пролетариев могла сразу разбить и разрушить до основания старый буржуазный чиновничий и

судейский государственный аппарат. Однако, недостаточно высокий культурный уровень широких масс, отсутствие необходимых навыков в деле управления у выдвигаемых массой на ответственные посты работников, необходимость спешного привлечения в тяжелых условиях специалистов старой школы и отвлечение самого развитого слоя городских рабочих на военную работу, привело к частичному возрождению бюрократизма внутри советского строя».

Позже в 1921 году Ленин об'ясняет мотивы, заставившие его в начале 1919 года в партийной программе прямо выдвинуть вопрос о бюрократизме: «На VIII с'езде РКП 18—23 марта 1919 года принимается новая программа партии, и в этой программе мы говорим прямо, не боясь признать зла, а желая раскрыть его, разоблачить, выставить на позор, вызвать мысль и волю, энергию, действие для борьбы со злом, мы говорим о «частичном возрождении бюрократизма внутри советского строя» (том XVIII, ч. 1, стр. 205).

А 4 апреля этого же 1919 года он все это пояснял практически московским рабочим на заседании Московского Совета, рассказав, как трудна борьба с волокитой и канцелярщиной, и указав, что здесь основное спасение в том, чтобы вливать новые слои рабочих в наш аппарат государственного управления.

О том, в каких формах необходима и возможна организация масс в борьбе с бюрократизмом, Ленин говорит подробно в связи с подведением итогов партийной недели в Москве. Задачи, которые он выдвигает в своей статье от 21 октября 1919 года, подводящей итоги партийной недели, следующие: экономия сил, наибольшее сокращение всяких ненужных формальностей; наибольшее сокращение всякой волокиты; наибольшее упрощение аппарата, приближение аппарата к нуждам масс; приближение аппарата к пониманию масс; приспособление аппарата к непосредственному участию масс в деле управления.

Обсуждая, как нужно использовать новое коммунистическое пополнение, Ленин призывает к смелости в борьбе с бюрократизмом, к смелости в смысле установления контроля и отчетности, к смелости в смысле немедленного предоставления новым коммунистам, связанным с массами, возможности проявить себя на широкой работе. Ленин против боязни ломки установившихся шаблонов. Здесь он дает в 1919 г. формулировку, которая почти дословно повторится в его предсмертных статьях о Рабкрине: «У нас тоже заметна—увы! нередко—чрезмерная боязнь посягнуть на установленные советские шаблоны, хотя «устанавливают» их иногда не сознательные коммунисты, а старые чиновники и служащие» (том XX, ч. 2, стр. 353), «Советская республика должна стать единым военным лагерем с наибольшим напряжением сил, с наибольшей экономией их, с наибольшим сокращением всякой волокиты, всякой ненужной формалистики, с наибольшим упрощением аппарата, с наибольшим приближением его не только к нуждам массы, но и к ее пониманию, к ее самостоятельному участию в этом аппарате» (том XX, ч. 2, стр. 354).

В 1919—20 г., развивая свою основную мысль о борьбе с бюрократизмом, путем привлечения масс, через упрощение аппарата, увеличение его доступности массам, Ленин подходит к идее создания Рабоче-Крестьянской Инспекции, с одной стороны, а с другой стороны, развивает целый круг идей, связанных с установлением единоличия в управлении.

Жаль, что наши государственные работники слишком редко заглядывают в Ильича в поисках практических указаний на то, как надо работать коммунисту в государственном аппарате. Ведь многое, очень многое, если почти не все, над чем приходится работать, практически разрешалось Лениным и большей частью в формах, жизненность которых с годами не только не стала меньше, но даже возросла.

Вот взять хотя бы вопрос о том, как надо работать Рабкрину. То, что Ленин сказал о задачах Рабкрина не только в своих предсмертных статьях, но и в 1920 году, остается живой, действенной директивой для сегодняшнего дня и останется таковой еще на десятки лет, пока не будет окончательно решена проблема полного уничтожения бюрократизма, полного слияния государственного аппарата с трудящимися массами.

В самом деле, вчитайтесь в текст декрета о Рабоче-Крестьянской Инспекции, распубликованного 8-го февраля 1920 года. Это от начала до конца ленинский декрет; к нему, собственно, ни слова не прибавишь и сейчас. Так, как этот декрет формулирует задачу борьбы с бюрократизмом, волокитой, приходится формулировать и теперь, ибо он по-ленински определяет задачи, стоящие перед партией на целый исторический период.

Борьба с бюрократизмом и волокитой путем привлечения масс трудящихся к действенному контролю, проверка исполнения, формулировка на основании опыта масс необходимых изменений в законах, борьба за упрощение советского аппарата, против параллелизма канцелярской волокиты... Особенно хочется подчеркнуть пункт 3-б этого декрета, формулирующий в следующих словах задачи Рабкрина: «борьба с бюрократизмом и волокитой в советских учреждениях, усиление фактического контроля путем летучих ревизий и обследования всех органов советской власти, как в области административного управления, так и в области хозяйственной, а также общественных организаций, наблюдение за проведением в жизнь всех декретов и постановлений советской власти, как в центре, так и на местах, и за целесообразным их применением в условиях переживаемого времени и проверка деятельности всех органов советской власти с точки зрения достигнутых на деле результатов».

Далее, пунктом III-д задачи Рабкрина определяются словами: «представление на рассмотрение центральной и местной властей конкретных предложений, выработанных на основе наблюдений и обследований, об упрощении аппарата советской власти, упразднении параллелизма в работе, бесхозяйственности, канцелярской волокиты, а также о преобразованиях всей системы управления в тех или иных областях государственного строительства» (Собрание Узаконений и Распоряжений 1920 г., стр. 85 и 86).

Докладывая об этом декрете (принятом на Сессии ВЦИК), в Лефортовском районе Москвы, Ленин подчеркивает то, что глав-

ная задача, состоящая в привлечении беспартийных рабочих и крестьян к действительному контролю, к действительному участию в управлении—это основной пункт к искоренению бюрократизма в наших учреждениях.

И позже, на Московской конференции уже 20-го ноября 1920 г. Ленин указывает, что Рабкрин пока еще больше существует как пожелание, чем как действительность, что Рабкрин нужно осуществить не в смысле декрета, а в смысле действительного вовлечения рабочей массы в управление.

Через несколько дней на собрании членов партии Замоскворецкого района—1/XII—1920 г., Ленин снова указывает, что дело не в бумажных резолюциях, а в том, чтобы РКИ проявила себя как школа управления государством.

Другим практическим вопросом управления, особенно усиленно разрабатываемым Лениным в этот период, является вопрос о коллегиальности и единоначалии. В безграничной коллегиальности, сопровождаемой эффектными резолюциями, оппозиция видит спасение от бюрократизма. Ленин этому противопоставляет, так же, как и в 1918 году, когда впервые особенно остро встал вопрос об укреплении аппарата пролетарской диктатуры,—принцип единоначалия в управлении, плюс контроль снизу, плюс действительное вовлечение массы рабочих и крестьян в управление.

Еще в конце 1918 года на втором Всероссийском С'езде Советов Народного Хозяйства Ленин переход к личной ответственности определяет, как важнейшую задачу дня. Он хочет добиться того, чтобы каждый орган управления и каждое ответственное лицо из управления знали, за что они отвечают. Иначе не поборешь волокиты, иначе не добьешься действительной ответственности за волокиту, а нужно сделать так, чтобы каждый член коллегиального управления, занимающийся волокитой, знал, что он «за волокиту отвечает и будет отвечать с точки зрения обороны, т.-е. с точки зрения немедленного ареста и военного суда, хотя бы он был представителем самого важного союза в наиважнейшем главке»... (собр. соч. Ленина, том XV, стр. 560).

Через год в речи на организационной секции VII С'езда Советов, принявшего целый ряд необходимых мер в области усиления децентрализации управления, Ленин определяет соотношение между тем, что может быть достигнуто теми или иными организационными перестройками, и тем, что может быть достигнуто мерами усиления вовлечения масс в управление.

Организационные перестройки в смысле увеличения прав мест необходимы в меру действительного роста местных работников. Именно уровень роста местных работников является мерилом того, как далеко можно пойти в смысле децентрализации управления (это указание Ленина особенно существенно теперь, когда несомненно выросший в итоге восстановительного периода уровень местных работников позволяет нам итти на новые серьезные шаги в области децентрализации управления). А в то же время Ленин предупреждает опять о том же, об основном: коренной вопрос в привлечении масс; центр

тяжести вопроса в контроле рабочих и крестьян. Можно итти на любое изменение в смысле распределения прав и обязанностей,—но при этом обеспечивать новое вовлечение рабочих и крестьян в управление и контроль, обеспечивать также действительную проверку на опыте.

На 3-м Всероссийском С'езде Советов Народного Хозяйства Ленин развивает более подробно мысли, изложенные им год с лишним назад на 2-м С'езде Советов Народного Хозяйства.

Теперь, 27-го января 1920 года, он указывает: необходимы действительное использование людей и действительная проверка работы. Это требует установления единоличной ответственности, переход в деле управления от коллегиальности к единоначалию, а иначе «никто из членов коллегии точных заданий не получает и они не выполняются под единоличной ответственностью. У нас вообще нет никакой проверки работы»... (том XVII, стр. 10).

Рамки этому началу единоначалия даются Лениным в формулировке задач—взять в десятки раз больше, чем это было до сих пор, организаторов из рядов рабочих и крестьян; установить такой порядок ответственности, чтобы они «были бы ответственны перед десятками миллионов»... (том XVII, стр. 10).

Превращение Рабкрина в орган действительного контроля госаппарата со стороны рабочих и крестьянских масс, децентрализация управления в меру роста местных работников, установление единоличной ответственности и контроля исполнения (а иначе приказы центра оказываются часто бессильными «они совершенно тонут в море не то бумаг, не то бездорожья, не то бестелеграфья»... (том XVII, стр. 94). Таковы основные итоги ленинской разработки вопроса о борьбе с бюрократизмом на этом этапе нашего развития.

Что можно к этому прибавить сейчас?! Что можно к этому прибавить, кроме новых усилий в деле действительного проведения в жизнь того, что Лениным было указано, Лениным было проработано...

В период сентябрьской конференции 1920 года Ленин сам подвел итоги нашему опыту за прошедшие годы. На Московской конференции 20-го ноября он противопоставляет болтовне лидеров демократического централизма о борьбе с бюрократизмом свою программу борьбы с бюрократизмом: мы должны охватить десятки бюрократических учреждений, а культурный уровень не соответствует этой задаче; мы должны перевести наш поезд на рельсы культурно-экономической работы, а культурный уровень не соответствует этим задачам; мы должны вовлечь лучших из рабочих и крестьян в управление государством для решения задачи борьбы с бюрократизмом, а лучшие вовлечены в армию.

Таковы основные причины того, что бюрократизм живуч не только в Москве, но и во всей стране, и отсюда генеральный вывод, целиком верный для вчерашнего дня, и для сегодняшнего дня, и для завтрашнего дня: *«если мы хотим бороться с бюрократизмом, то мы должны привлечь к этому низы»*... (том XVIII, ч. II, стр. 189), *«каким же иным способом можно прекратить бюрократизм, как не привлечением рабочих и крестьян»*... (том XVIII, ч. 2, стр. 188).

На грани 1920 и 21 годов подводится итог позиции партии в области борьбы с бюрократическими извращениями государственного аппарата в борьбе с бюрократической позицией Троцкого, с антибюрократической болтовней Шляпникова, с демагогией Сапронова. Уточняется значение бюрократизма в нашем строе, уточняется программа того, что можно сделать в годы, а иногда в месяцы, а на что требуются десятилетия. Против Троцкого—настойчивое требование Ленина немедленно исправлять крайности бюрократизма; его настойчивое заверение: «исправление крайностей возможно и необходимо тотчас же» (том XVIII, ч. 1, стр. 34).

Против Троцкого—утверждение закономерности того, что *«массы профессионально организованных рабочих законно протестуют и неизбежно выражают готовность отшвырнуть прочь тех из новых работников, которые не хотят исправить ненужных и вредных крайностей бюрократизма»* (т. XVIII, ч. 1, стр. 38).

Против Троцкого—утверждение: «есть и крайности бюрократизма, а если ты не хочешь их исправлять, ты виноват сугубо» (т. XX, ч. 2, стр. 443).

Против рабочей оппозиции, против Сапронова—утверждение: аппарат распустить, расслаблять нельзя, это было бы на руку эс-эрам, меньшевикам: бюрократизм можно преодолевать путем выдвижения рабочих снизу. *Наше «государство с бюрократическим извращением. С этим мы зовем бороться и беспартийных рабочих»...* (том XVIII, ч. 1, стр. 124).

Наконец, на X с'езде Ленин снова вернулся к вопросу о Рабоче-Крестьянской Инспекции, подводя итог тому, что было сделано в области борьбы с бюрократизмом в течение 1920 г. после того, как летом этот вопрос был поставлен в ВЦИК, в августе разработано было особое письмо Центрального Комитета ко всем организациям, в сентябре был обсужден на партийной конференции, на декабрьском с'езде советов разрабатывался практически.

Основная его мысль: бюрократизм связан с распыленностью страны, с мелкобуржуазной стихией. Победить его можно только об'единением трудящихся; тип об'единения—отстаивание своих прав рабочими и крестьянами через Рабоче-Крестьянскую Инспекцию. Этого не умеют делать даже там, где более всего кричат против бюрократизма: «мало разве у нас декретов, которые приветствуются»,—надо, чтобы трудящиеся «умели через Рабоче-Крестьянскую Инспекцию осуществлять свое право, чего сейчас нет не только в деревне, но и в городах, и даже в городах столичных» (том XVIII, ч. 1, стр. 113).

Исходным моментом всего ленинского плана борьбы с бюрократизмом является то определение нашего государства, которое он дает во время дискуссии о профсоюзах, подводя итог всему опыту 1918—20 годов: «на деле мы имеем рабочее государство, во-первых, с той особенностью, что в стране преобладает не рабочее, а крестьянское население и во-вторых, рабочее государство с бюрократическим извращением» (том XVIII, ч. 1, стр. 31).

Так была выявлена ленинская линия в огне дискуссионной горячки конца 20 и начала 21 гг.

Была отбита атака Троцкого, в практике своей работы и в теоретическом обосновании своей платформы, взявшего на себя защиту «крайностей бюрократизма».

Была отбита атака Шляпникова и Сапронова, пытавшихся поднять против партии рабочих обещаниями немедленной победы над бюрократизмом, превращающими лозунг борьбы с бюрократизмом в антипартийную платформу.

Была дана точная и исчерпывающая характеристика природы бюрократических извращений в нашем строе. Вместе с тем была подтверждена, проходящая через все годы, основная линия о необходимости неуклонной, неустанной, непрерывной, настойчивой борьбы с бюрократизмом через вовлечение масс в управление и контроль.

После введения новой экономической политики прежние важнейшие мысли Ленина в области постановки борьбы с бюрократизмом конкретизируются соответственно новой постановке, на их основе развертывается огромная программа практической деятельности.

Здесь основные документы: его брошюра о продналоге, «Наказ СТО», заключительное слово на майской конференции 1921 года, письма Мясникову и Соколову, речь на заседании Коммунистической фракции Союза Металлистов, речь на XI С'езде, на 4-й сессии ВЦИК, в Моссовете и, наконец, предсмертные статьи о Рабкрине.

В брошюре о продналоге он уделяет огромное внимание вопросу о природе бюрократизма в нашей стране и о методах его преодоления. Мы видим теперь зло бюрократизма яснее и отчетливее. У нас нет буржуазных основ бюрократизма, у нас другие экономические корни бюрократизма: «раздробленность, распыленность мелкого производителя, его нищета, некультурность, бездорожье, неграмотность, отсутствие оборота между земледелием и промышленностью, отсутствие связи и взаимодействия между ними. В громадной степени, это—результат гражданской войны (том XVIII, ч. 1, стр. 206).

Уже из этого видно, что важнейшую причину обострения бюрократизма Ленин видит в экономических условиях, создавшихся в итоге войны, как последствие войны и осады: «бюрократизм, как наследие войны и осады, как надстройка над распыленностью и придавленностью мелкого производителя, обнаруживает себя вполне» (том XVIII, ч. 1, стр. 206).

Из этого утверждения вытекают выводы величайшей важности. Раз, помимо тех корней бюрократизма и экономической отсталости страны, некультурности, которые превращают бюрократизм в спутника нашего государственного аппарата на очень многие годы, имеются и такие корни, которые рождены результатами войны, то самое изживание этих результатов войны—преодоление разрыва города с деревней, установление и усиление связи и взаимодействия между ними, каждый шаг вперед по пути победы над нищетой, бездорожьем и неграмотностью—открывают новые возможности преодоления бюрократизма, новые возможности оттеснить бюрократизм.

Исходя из этих открывающихся возможностей в связи с грядущим экономическим и культурным под'емом советской

страны, Владимир Ильич оценивая целиком всю трудность предстоящей работы, вместе с тем развертывает практическую программу, вводя в нее целый ряд указаний, которых не было раньше, уточняя и подчеркивая ряд старых указаний: все усилия направить на то, чтобы вызвать большую инициативу мест вплоть до волости и села; добиваться образцовой постановки местной работы, которая могла бы послужить для других примером того, как нужно работать; преодолевать вредную косность государственного аппарата притоком сил, идущих снизу, контролем всей системы работы, складывающейся внизу: систематически, неуклонно продвигать снизу вверх выросшие молодые силы; не останавливаться перед трудностями, начинать снова и снова, повторно «исправляя недоделанное, выбирая разные пути подхода к задаче» (том XVIII, ч. 1, стр. 206).

Ленин констатирует, что «центральный аппарат у нас за три с половиной года настолько уже сложился, что успел приобрести известную вредную косность» (том XVIII, ч. 1, стр. 208—209). В Москве дело обстоит особо плохо «*Москва не может не быть в этом отношении худшим городом и вообще наихудшим «местом» в Республике*» (том VIII, ч. 1, стр. 209).

Отсюда вывод вовсе не о том, что наше государство не пролетарское, или недостаточно пролетарское, как это позже пытается сделать Троцкий, опираясь на факт наличия бюрократического извращения в нашем государственном аппарате.

Анализируя все встающие трудности, описывая бюрократические извращения аппарата, Ленин это делает не для того, чтобы звать партию отказаться от самой себя, не для того, чтобы звать партию назад к отказу от пролетарского государства, а для того, чтобы подчеркнуть всю необходимость, всю неотложную необходимость самой настойчивой, неустанной, непрерывной борьбы изо дня в день с наличием бюрократических извращений в нашей государственной машине.

К сожалению, эта сторона брошюры Ленина о продналоге пока-что мало изучается. Между тем, нельзя признать случайным тот факт что, разрабатывая вопрос о самом переходе к новой экономической политике, Ленин в этой брошюре такое большое место одновременно уделяет тому, как партия должна преодолевать и побеждать имеющиеся бюрократические извращения в нашей государственной машине.

Наказ СТО с этой точки зрения представляет собою только практическое развитие мыслей, изложенных в брошюре о продналоге. Это—поразительный документ, который должен был бы служить для каждого учреждения образцом того, как нужно у нас работать. Действительного знания его нужно было бы требовать от каждого государственного служащего.

Несмотря на то, что многие вопросы, тогда бывшие очередными, теперь уже решены и отошли в историю, этот документ живет еще в каждой своей строчке. Многие из вопросов в области улучшения государственного аппарата, о которых спорят и будут спорить еще очень долго, именно здесь решены в корне, исключительно ясно, с охватом вопросов, стоящих перед всеми без исключения частями государственного аппарата.

В наказе СТО местным советским учреждениям Ленин дает практическую программу работы. Основное место здесь уделено конкретизации лежащей в основе брошюры о продналоге мысли о необходимости развертывания местной инициативы и местного опыта. Главная задача поощрить в наибольших размерах местный почин, самостоятельность, устранить волокиту и бюрократизм путем контроля работы центрального аппарата местным опытом и обратно. По существу весь «наказ», разработанный исключительно подробно, и представляет собою развитие этой мысли.

В первую группу вопросов, которые Ленин считает особенно острыми, требующими особо напряженной работы мест, он включает вопрос о приемах и результатах борьбы с бюрократизмом и волокитой. Поскольку он не надеется, что на вопрос о том, какие приемы и результаты борьбы с бюрократизмом и волокитой отмечаются на местах, последуют положительные ответы, он снова напоминает о задаче реорганизации Рабоче-Крестьянской Инспекции. Привлечение беспартийных в Рабоче-Крестьянскую Инспекцию, судебное преследование лиц, виновных в бюрократизме и волоките, сокращение числа служащих и их отбор, проверка и согласование работы ведомств... таковы те приемы работы Рабкрина, которые Ленин рекомендует систематически, неуклонно, повторно, многократно испытывать, сравнивать, изучать.

Особенно нужно остановиться именно теперь на вопросе о том, как Ленин представлял себе отчеты местных организаций центральным. У нас бумага превратилась в настоящее бедствие. Бумажные отчеты стали сами источником бюрократизма; под бумагой тонет живое дело. Когда РКИ ставит практически вопрос о том, что большую часть этих бумаг нужно уничтожить беспощадно для того, чтобы высвободить живое дело, находятся охотники, которые кричат: караул, вы режете основы социалистического учета, вы подрываете основы культуры и техники управления.

Поскольку приходится слушать такого рода крики, небесполезно будет несколько подробнее напомнить читателю, как Ленин ставил вопрос об отчетах, справедливо полагая, что правильная постановка отчетности есть одно из самых существенных условий использования местного опыта центром и контроля местных организаций центральными.

Каждому государственному работнику стоит перечесть указываемые Лениным три группы вопросов, которые Ленин ставит перед местными организациями, и сравнить это с тем, что имеется на деле в нашем государственном аппарате.

Вот к примеру по вопросу о колхозах Ленин требовал: «не менее двух раз в год обязательно точные сведения о числе всех видов колхозов (коллективных хозяйств), с подразделением на поставленные заведомо хорошо, сносно и неудовлетворительно. Одно типичное хозяйство каждой из этих последних трех групп должно быть не менее двух раз в год описываемо подробно: с точным указанием всех данных об описываемом хозяйстве, его величины, местонахождения, итогов производства, помощи от него крестьянскому хозяйству и т. д.» (том XVIII, ч. 1, стр. 228).

А у нас правление колхозной секции при Сельскосоюзе требует от каждого колхоза заполнения анкеты в добрую тысячу вопросов, и сомнение в целесообразности этой анкеты

в тысячу вопросов воспринимается как варварский, некультурный подход к тому, что есть колхоз.

Вот и сравните: на одной печатной странице Лениным изложены все вопросы, которые он ставит перед местами в области товарообмена с крестьянством; на одной печатной странице он излагает все вопросы, интересующие Совет Труда и Обороны в области расширения круга государственных работников по хозяйственному строительству, включая сюда свою коренную, исходную мысль о необходимости контроля беспартийных над коммунистами, о необходимости привлечения беспартийных в РКИ, о необходимости расширить привлечение беспартийных; на одной печатной странице им изложены вопросы, касающиеся под'ема сельского хозяйства, промышленности, топлива и т. д.

Боюсь, что если такой тип отчетности предложить теперь многим руководителям существеннейших отраслей народного хозяйства и государственного управления, то приняли бы за сумасшедшего.

В речи на заседании ВЦИК'а 8-го созыва 30 мая Ленин поясняет, как любой отчет может превратиться в источник усиления бюрократизма. Это может иметь место при двух условиях: если отчетов будет слишком много, чрезмерно много, и если способ их составления не даст гарантии возможности проверки.

Характерно, что Владимир Ильич все эти отчеты местных организаций Совету Труда и Обороны считал необходимым сделать доступными беспартийным массам и населению вообще. Он заботится не о том, чтобы описать каждый шаг того или другого низового работника в бесконечном количестве бумаг, а о том, чтобы выявить путем таких отчетов, кратких, доступных беспартийным, действительный опыт мест, действительно лучшие образцы, которые можно было бы сделать примерами, обязательными для всех.

Он хочет отчеты сделать не средством оболванивания слушателей отчетов и работников, вынужденных эти отчеты составлять, а средством втягивания широких масс в работу хозяйственного строительства. *(Кстати, нашим земельным работникам, догадавшимся для агрономов составить анкеты до 20 тыс. вопросов, не мешает вспомнить о том, что Ленин для небольших уездных центров рекомендовал отчеты в один печатный лист, и то, не раз в два месяца, а раз в четыре или «может быть более продолжительный срок»).* (Том XVIII, ч. 1, стр. 262).

По словам Ленина, отчетность—средство «изучения практического опыта, обмена опытом, взаимоконтроля...» (стр. 221, том XVIII, ч. 1), а не средство оглушения местных работников ненужными бумагами. Ленинское правило брать не количеством, а «*соединять возможно большую краткость с точностью ответа на поставленные вопросы*» (стр. 222, том XVIII, ч. 1). Весь наказ СТО местным организациям, вся схема отчета местных организаций по всем вопросам хозяйственной жизни—12 страничек. Пожалуй меньше чем в 15 томах наши, ставшие очень образованными, культурными, день и ночь говорящими о НОТ'е, о рационализации администраторы, не согласились бы изложить то, что Ленин изложил на 12 страничках.

В следующие месяцы Ленин вводит в отношении борьбы с бюрократизмом новую тему. Он развивает и старые темы: о длительности нашей борьбы с бюрократизмом; об уровне культуры, о последствиях разорения и обнищания, как причинах существования бюрократизма; о необходимости развития инициативы мест, как одного из средств преодоления бюрократизма, о необходимости увязки через отчеты мест с центром... В заключительном слове на майской конференции, он вводит новую тему, являющуюся и теперь не менее злободневной, чем шесть лет тому назад—об обязанностях коммуниста в деле борьбы с бюрократизмом. С бюрократизмом бороться трудно, его голыми руками не возьмешь, здесь нужно по 20—30 раз пробовать, повторять, начинать с начала, не впадая в панику от отдельных неудач. «Голыми руками не возьмешь Южбум»,—говорил на конференции Ленин. Эта война труднее, чем война гражданская: «когда мы вели войну с Деникиным, мы не шли на него с голыми руками, а крепко вооружались и организовывали армии»... (том XVIII, ч. 1, стр. 256). «Если мы так подойдем, то мы выдержим эту войну, хотя эта война куда труднее, чем война гражданская»... (том XVIII, ч. 1, стр. 257).

Какие же выводы из этого? Ленин травит коммунистов, умеющих рассказывать о бюрократических происшествиях и не умеющих с бюрократизмом бороться. Он спрашивает сознательного коммуниста, что он сделал для борьбы с тем или иным, им отмеченным бюрократическим безобразием. Он предлагает сделать суд орудием пролетарской власти, орудием коммунистической партии в деле борьбы с бюрократизмом, с волокитой. Он спрашивает: «А к суду за волокиту привлекали? Где у нас приговоры народных судов за то, что рабочий или крестьянин, вынужденный четыре или пять раз притти в учреждение, наконец, получает нечто формально правильное, а по сути издевательство? Ведь вы же коммунисты, почему же вы не организуете ловушки этим господам бюрократам и потом не потащите их в народный суд и в тюрьму за эту волокиту? Сколько вы посадили их в тюрьму за волокиту? Это шутка хлопотливая, конечно, скажет всякий... Пожалуй, такой-то обидится»... (том XVIII, ч. 1, стр. 256—257).

В письмах к Соколову и Мясникову он разрабатывает ту же тему об обязанностях коммуниста окружать бюрократизм по всем правилам военного искусства; травить за бюрократизм через ЦКК; каждому коммунисту искать средства исправления; проверять беспартийными работниками партийных, а тем самым, значит, ставить партийного в такое положение, чтобы беспартийный мог его проверять.

В речи на с'езде Политпросветов, в которой с необычайной выпуклостью в октябре 1921 года поставлен вопрос об обязанностях коммунистов в их работе среди беспартийных, Ленин снова подчеркивает: основное в том, что почти никто не пользуется теми возможностями, которые дают советские законы для борьбы с бюрократизмом и волокитой. И громадный процент коммунистов не умеет пользоваться этими возможностями: «У нас коммунисты, не меньше половины, не умеют бороться, не говоря уже о таких, которые мешают бороться» (том XVIII, ч. 1, стр. 352). «И не только крестьянин, громадный процент коммунистов не умеет пользоваться советскими законами по борьбе с воло-

китой, бюрократизмом»... (том XVIII, ч. 1, стр. 352). (Кстати сказать, характеризуя те качества коммунистов, за которые нужно изгонять из партии, Ленин среди этих качеств не забывает подчеркнуть неумение бороться с волокитой и взятками). А поскольку никаких успехов нельзя добиться в этой борьбе вне помощи народных масс, поскольку ее «можно завершить только, если сама народная масса помогает» (стр. 352, XVIII том, ч. 1), постольку в этой организации масс для борьбы с бюрократизмом и волокитой Ленин видит важнейшую обязанность коммуниста.

Через год после введения нэпа на заседании коммунистической фракции Союза Металлистов Ленин настаивает на необходимости бороться с коммунистами, умеющими только устраивать комиссии, а неумеющими вести практической работы. И больше того, против таких коммунистов он предлагал поднимать беспартийных: «Самый худший у нас внутренний враг—это коммунист, который сидит на ответственном (а затем и на неответственном) советском посту и который, пользуясь всеобщим уважением, как человек добросовестный, не научился бороться с волокитой, не умеет бороться с ней, ее прикрывает. *От этого врага мы должны очиститься, и через всех сознательных рабочих и крестьян мы до него доберемся. Против этого врага и против этой обломовщины вся беспартийная рабоче-крестьянская масса пойдет поголовно за передовым отрядом коммунистической партии. На этот счет никаких колебаний быть не может*» (том XVIII, ч. 2, стр. 15) (наш курсив).

И, наконец, в речи на XI с'езде Ленин об'ясняет, почему коммунист часто не умеет вести борьбу с волокитой и бюрократизмом: «Нехватает культурности тому слою коммунистов, который управляет»... (том XVIII, ч. 2, стр. 39).

(Здесь нужно упомянуть о том, как, рассказывая о волоките с покупкой заграничных консервов, Ленин предложил виновных из МСПО посадить в худшую Московскую тюрьму на 6 часов, а виновных из Внешторга на 36 часов, как впоследствии оказалось, что «виновные не найдены» (стр. 44, того же тома). «Просто обычное русское интеллигентское неумение практически дело делать—бестолковщина и безолаберщина» (стр. 44, ч. 2, том XVIII).

Тут мы подошли к новому вопросу, с особенной настойчивостью выдвигавшемуся Лениным в это время: «виновные не найдены».

Мы недавно рассматривали на коллегии НК РКИ СССР вопрос о снабжении Туркестана хлебом. Дело обстояло безобразно. Хлеба туда доставили больше чем нужно, а крестьянин хлеба не получил. Цены на хлеб вскочили неимоверно, а виновников не найдешь. Все перестраховались. Дело достойно тюрьмы. Здесь и Наркомторги соответствующих союзных республик, здесь и уполномоченный Наркомторга по Средней Азии, здесь и Главхлопком, здесь и Средазхлеб, здесь и огромное количество постановлений советских и партийных органов. Мы ищем виновных. Виновные—есть, а выделить их неимоверно трудно, так как все перестраховались. Чем это дело и сотни таких же отличается от знаменитого дела с консервами? По сути одно и то же. Потому с новой силой Ленин выдвигает вопрос об ответственности и проверке исполнения.

С особой остротой этот вопрос Ленин ставит на коммунистической фракции Союза Металлистов 6 марта 1922 года. Он дает снова характеристику нашей практики в области государственного управления: «Мы, действительно, находимся в положении людей—и надо сказать, что положение это очень глупое,—которые все заседают, составляют комиссии, составляют планы,—до бесконечности. Был такой тип русской жизни—Обломов. Он все лежал на кровати и составлял планы. С тех пор прошло много времени, Россия проделала три революции, а все же Обломовы остались, так как Обломов был не только помещик, а и крестьянин, и не только крестьянин, а и интеллигент, и не только интеллигент, а и рабочий и коммунист. Достаточно посмотреть на нас, как мы заседаем, как мы работаем в комиссиях, чтобы сказать, что старый Обломов остался, и надо его долго мыть, чистить, трепать и драть, чтобы какой-нибудь толк вышел. На этот счет мы должны смотреть на свое положение без всяких иллюзий» (том XVIII, ч. 2, стр. 14).

О роли бумаги Ленин говорит так, как будто бы это относится не к 1922, а к 1926—27 гг.: «*Сколько у нас коммунистов сидит в государственных учреждениях? У нас имеются громадные материалы, солидные труды, которые бы привели в восторг самого пунктуального ученого немца; у нас имеются горы бумаги и нужно 50 лет работы Истпарта, умноженных на 50, чтобы во всем этом разобраться, а практически в гостресте вы ничего не добьетесь и не узнаете, кто за что отвечает*» (том XVIII, ч. 2, стр. 14—15). (курсив наш). Выход один. Нужно добиться того, чтобы знать, кто за что отвечает, нужно добиться действительной проверки исполнения. Заседаниям, которые у нас часто превращаются в «игру», Ленин противопоставляет действительное практическое исполнение декретов, проверку исполнения, постановку этой проверки. Соответственно, говорит он, изменяется «и гвоздь нашей внутренней политики» (том XVIII, ч. 2, стр. 15).

О том же, о необходимости установления начал ответственности и проверки исполнения Ленин пишет в письме т. Цюрупе 24 января 1922 года [1]), намечая, что должны делать РКИ и ЦКК:

...«(у нас полная фактическая безответственность на верхах, в Наркоматах, в их отделах и саботажники великолепно этим пользуются; в итоге—обломовщина, которая губит дело)»...

...«Центром тяжести вашей работы должна быть именно эта переделка нашей отвратительно-бюрократической работы, борьба с бюрократизмом и волокитой, *проверка исполнения*» (курсив Ленина).

На XI с'езде из анализа истории с консервами он делает те же выводы: повысить работу ответственных работников, чтобы они отвечали за свою работу; урезать комиссии, иначе неизвестно, кто за что отвечает, кто в чем виноват: «вместо того, чтобы отвечать за свое дело, вынести решение Совнаркому и знать, что ты за это держишь ответ,—прячутся за комиссии. В комиссиях черт ногу сломит, никто ничего не разберет, кто отвечает: все спуталось, и, в конце концов, выносится такое

[1]) Письмо оглашено т. Орджоникидзе на XV Московской губпартконференции.

решение, в котором все ответственны» (том XVIII, ч. 2, стр. 53). «*Центр тяжести* перенести на подбор людей, на проверку фактического исполнения» (стр. 53, ч. 2, том XVIII).

Не учит ли нас эта речь Ленина следующему: Владимир Ильич организационные и политические выводы делал на основании истории с консервами. Мы и в своей РКИ-сткой работе и в работе других ведомств в погоне за обследованиями нагромождаем горы бумаг, нагромождаем доклады и отчеты в целые тома, а выводов очень часто не даем. Отсюда очень часто наблюдающаяся в работе РКИ своеобразная диспропорция между количеством материалов и теми выводами, которые из них сделаны. Работали люди год, добрались до последнего счетовода, а когда дело доходит до практических предложений, выходит просто мышиный хвостик.

Отсюда, между прочим, следует необходимость изменить работу в том смысле, чтобы в работе по обследованиям по темам, требующим некоторых общих выводов, вместо погони за огромными обследованиями, огромным количеством об'ектов, сосредоточиться действительно на двух—трех об'ектах, могущих быть признанными типичными, на тех десяти—двадцати—тридцати вопросах, которые являются больными, с тем, чтобы, таким образом, получить ответ на вопросы, ставшие острыми и неотложными в тот или иной момент. РКИ пытается соответствующим образом изменить свою работу, не худо было бы, если бы каждое ведомство и учреждение попробовало себя проверить ленинской меркой, не пытаясь себя приукрасить.

В речи на XI с'езде подбор людей, проверка исполнения выдвинуты в качестве наиболее важнейшей задачи. Но с этим переплетаются и все те другие методы борьбы с бюрократизмом, которые Лениным выдвигались в течение последнего года: инициатива мест, развитие автономии и самодеятельности местных органов, использование опыта мест путем возложения большей работы на сессии ЦИК, которые действительно должны обсуждать проекты законов. Ленин требует, чтобы сессии ЦИК были более длительны, чтобы они разделялись на секции, подкомиссии и сумели провести работу более строго, работая над главной задачей момента—использование опыта мест, проверка исполнения, проверка людей.

На 4-м конгрессе Коминтерна в обращении к иностранным коммунистам (13 ноября 1922 г.) и в речи на Московском Совете (19 ноября 1922 г.) Ленин снова возвращается к задаче работы над государственным аппаратом. Государственный аппарат у нас в значительной степени старый. Наша задача работать над его переделкой. У нас нет еще достаточных кадров для руководства служащими. Сроки для полной переделки большие,—тем более необходимо неуклонно работать над этой переделкой.

29-го ноября 1922 года в письме к Всероссийскому С'езду Союза Совработников у Ленина не говорится ни о чем другом, кроме работы над улучшением государственного аппарата: «*Дорогие товарищи! Главнейшей очередной задачей настоящего времени и на ближайшие годы—важнейшей—является систематическое уменьшение и удешевление советского аппарата путем сокращения его, более совершенной организации, уничтожения волокиты, бюрократизма и уменьшения непроизводительных расходов. Вашему Союзу предстоит в этом направлении большая работа.*

Желая V Всероссийскому С'езду Профсоюза Совработников успеха и плодотворной работы, я выражаю надежду, что он специально обсудит вопрос о советском аппарате.

Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин)»
(том XX, ч. 2, стр. 528).

Я привожу здесь целиком это письмо не только потому, что оно дает исчерпывающую формулировку задач партии в области улучшения государственного аппарата и в настоящее время, но и потому, что оно является прямым введением к последним ленинским документам—статьям о Рабкрине.

Достаточно продумать весь ход ленинской мысли за годы советской власти по вопросам борьбы с бюрократизмом, чтобы убедиться в том, что его предсмертные статьи о Рабкрине просто подытоживали то, что у него назрело за прошедшие годы.

Эти предсмертные документы чаще всего прочитываются, их хорошо знает каждый партиец. Я остановлюсь поэтому в еще более кратком виде на них, только постольку, поскольку необходимо подчеркнуть их органическую связь со всем тем, что говорил, что писал, что делал Владимир Ильич раньше. Он характеризует конкретно суть бюрократических извращений в нашем государственном аппарате—наш государственный аппарат в своей огромной части «представляет из себя пережиток старого, в наименьшей степени подвергнутого сколько-нибудь серьезным изменениям» (том XVIII, ч. 2, стр. 112). Он намечает основной путь обновления аппарата: надо обратиться к самим рабочим массам, надо обратиться «за поисками новых сил туда, где лежит наиболее глубокий корень нашей диктатуры» (стр. 112, ч. 2, том XVIII).

Основной здесь вопрос—культура, действительная переделка государственного аппарата, связанная с под'емом к управлению новых слоев рабочих и крестьянских масс, а это и есть наилучшее выражение того, что Ленин называет культурной революцией: «именно о культуре ставлю я здесь вопрос, потому что в этих делах достигнутым надо считать только то, что вошло в культуру, быт, привычки...» (том XVIII, ч. 2, стр. 116).

Сопротивление действительной работе по улучшению государственного аппарата, несомненно, будет оказано. Сопротивление будет исходить «от сторонников сохранения нашего аппарата в том же до невозможности, до неприличия, дореволюционном виде, в каком он остается и посейчас» (том XVIII, ч. 2, стр. 113). Таким противникам действительной работы над переделкой государственного аппарата «сопротивление нужно будет оказать гигантское» (том XVIII, ч. 2, стр. 118). И вместе с тем Ленин, конечно, против размашистости, суетни, не только бесполезной, но и засоряющей учреждения и мозги.

Из этой оценки положения, из этой характеристики государственного аппарата и задач, стоящих в отношении государственного аппарата, вытекают основные черты Рабкрина: сочетание партийного учреждения с советским; соответствующий подбор состава служащих, сочетающий основные типы наших партийных практиков, теоретиков, учащихся, агитаторов, чекистов; сочетание должностной работы с учебой... и все это во имя того, чтобы построить такой государственный аппарат, который

позволил бы нам сохранить руководство рабочих над крестьянами: «мы должны свести наш аппарат до максимальной экономии. Мы должны изгнать из него все следы излишеств, которых в нем осталось так много от царской России, от ее бюрократическо-капиталистического аппарата» (том XVIII, ч. 2, стр. 128).

Задачи РКИ и ЦКК у Ленина увязываются с общим планом нашей политики, стратегии и тактики. Во имя того, чтобы помешать западно-европейским контрреволюционным государствам раздавить нас до того, пока пробьет час мировой революции «мы должны постараться построить государство, в котором рабочие сохранили бы свое руководство над крестьянами, доверие крестьян по отношению к себе и с величайшей экономией изгнали бы из своих общественных отношений всякие следы каких бы то ни было излишеств» (том XVIII, ч. 2, стр. 128).

И, наконец, в другой своей предсмертной статье о кооперации Ленин также увязывает задачи улучшения государственного аппарата с коренными вопросами нашей стратегии и тактики: «Перед нами являются две главные задачи, составляющие эпоху. Это—задача переделки нашего аппарата, который ровно никуда не годится и который перенят нами целиком от прежней эпохи; переделать тут серьезно мы ничего за пять лет борьбы не успели и не могли успеть. Вторая наша задача состоит в культурной работе для крестьянства» (том XVIII, ч. 2, стр. 134).

Нам остается в целях уточнения вопроса остановиться еще на одной стороне дела.

Бюрократизм—это отрыв аппарата управления от масс, это превращение органов управления трудящихся в органы, стоящие над рабочими массами, это превращение выборных и под'отчетных избирателям членов советов в чиновников, стоящих над трудящимися массами. Поскольку это так, конечно, нельзя свести дело борьбы с бюрократизмом только к улучшению техники управления. Самое образцовое чиновничье учреждение в Пруссии, быстро работающее, аккуратно выполняющее поручения, с честными чиновниками, насквозь все же учреждение бюрократическое, поскольку оно является аппаратом, стоящим над массами, аппаратом угнетения буржуазией трудящихся масс. Их классовая основа предопределяет их бюрократическую сущность, а у нас, где классовая основа пролетарского государства другая, само собою разумеется, другие корни бюрократизма. Но и у нас, поскольку за государственный аппарат идет в скрытых, а иногда и в явных формах борьба между господствующим рабочим классом и возрождающимися в той или иной форме буржуазией и кулачеством, дело, конечно, нельзя свести только к тому, чтобы аппарат работал без перебоев и каждый чиновник знал свое дело. Наша пролетарская природа государственного аппарата обеспечивается в первую очередь теми методами преодоления бюрократии, на которых Ленин настаивает десятки раз с 1917 по 1922 год—это развитие всех мер по вовлечению трудящихся в управление, по осуществлению выборности, сменяемости работников государственного аппарата, по превращению советов в органы, действительно соединяющие законодательство и управление,—в органы, непосредственно сливающиеся с массами трудящихся. Из года в год Ленин вновь выдвигает и с новой силой

подчеркивает ту мысль, что коренные улучшения в области государственного аппарата могут быть достигнуты только путем все расширяющегося вовлечения масс в управление.

Где же лежит основное русло, по которому должно итти это вовлечение масс?

Совершенно несомненно, что это русло—советы.

Основной путь к преодолению бюрократизма Ленин видит в развитии пролетарской демократии.

В этом нас убеждают не только послеоктябрьские работы Владимира Ильича, но и такая важнейшая его работа как «Государство и Революция», написанная, как известно, до Октября.

Уже в этой работе основную меру, предотвращающую превращение рабочих и крестьян в советах в бюрократов, Ленин видит в развитии пролетарской демократии. (Условия для этого—тут Ленин ссылается на Маркса—выборность, сменяемость, оплата чиновников не выше среднего рабочего, сочетание законодательства с управлением).

Анализ ленинского чернового наброска программы, написанного в начале 1918 года, и текст программы, принятый уже в 1919 году, снова подчеркивают, что основной ленинский путь борьбы с бюрократией—в развитии пролетарской демократии, в расширении вовлечения масс в управление.

Особенно характерен ленинский набросок программы. Он, требуя от партии работы над проведением полностью того высшего типа демократизма, которым является советская власть, ставя задачу все большего сближения советов с массами, проведения ответственности и подотчетности должностных лиц, именно в этой связи раз'ясняет, где лежат пути к преодолению возрождающегося бюрократизма.

То же и в программе партии. Пункт 8 программы партии, указывая на частичное возрождение бюрократизма внутри советского строя, декларируя самую решительную борьбу с бюрократизмом, «отстаивает для полного преодолевания этого зла следующие меры: 1) Обязательное привлечение каждого члена совета к выполнению определенной работы по управлению государством. 2) Последовательную смену этих работ, с тем, чтобы они постепенно охватывали все отрасли управления. 3) Постепенное вовлечение всего трудящегося населения поголовно в работу по управлению государством» (том XVI, стр. 477—478).

Каковы же практические выводы из всего этого обзора ленинской постановки вопроса о борьбе с бюрократизмом?

Мы имеем ныне налицо три основных предпосылки возможности потеснить бюрократию, возможности добиться новых побед в деле борьбы с бюрократическими извращениями госаппарата.

Первой предпосылкой является то, что мы с окончанием восстановительного периода уничтожили целый ряд причин, обострявших бюрократизм (здесь дело идет о всех тех корнях бюрократизма, которые Ленин рассматривал как наследие войны и осады).

Во-вторых, в процессе экономической культурной работы, в процессе работы по восстановлению разрушенного хозяйства выковывался кадр низовых работников, подбирались кадры работни-

ков, могущих поднять многое из того, что раньше в силу слабости низового аппарата должен был брать на себя центр.

В последствиях войны и осады с одной стороны, в неизбежных отчасти перегибах централизма, с другой стороны (вспомните то, что Ленин говорил о Москве, как центре бюрократизма), Ленин видел причины обострения бюрократических извращений в государственном аппарате. Если к этому прибавить третье—то, что в условиях войны и отчасти голода неизбежно сжималось участие масс в управлении государством, советы часто сводились к исполкомам, исполкомы—к президиумам,—а в нынешних условиях экономического и культурного под'ема советской страны разворачивается огромная работа по оживлению советов,—то мы имеем налицо три условия, определяющие возможность новых успехов в деле борьбы с бюрократическими извращениями в государственном аппарате.

Ленин видел важнейшие препятствия развертыванию нашей борьбы с бюрократическими извращениями госаппарата, во-первых, в экономических результатах войны, во-вторых, в недостаточно добротном качестве низового аппарата, в-третьих, в недостаточно проводящемся вовлечении масс в управление.

У нас налицо: экономический под'ем, уничтожающий наследия войны; огромный рост качества низового аппарата (который, кстати сказать, во всем об'еме мы еще недостаточно оценили); проводящееся оживление советов, обрастающих целой системой организаций, секций, комиссий, непосредственно связывающих советы с массами. Отсюда те новые возможности борьбы с бюрократическими извращениями в госаппарате, которые открываются теперь перед нами, которые делают возможным многое из того, что было невозможным еще недавно.

В то же время анализ ленинской постановки вопроса о бюрократизме приводит партию к необходимости, к обязательству пересмотра государственного аппарата, пересмотра системы управления каждый раз, когда встают новые задачи.

В статье «О значении золота теперь и после полной победы социализма» в 1921 году Ленин писал: «Доделывать, переделывать, начинать сначала нам придется еще не раз. Каждая ступень, что нам удается вперед, вверх, в деле развития производительных сил и культуры, должна сопровождаться доделыванием и переделыванием нашей советской системы, а мы очень низко стоим в отношении хозяйственном и культурном. Переделок предстоит много, и «смущаться» этим было бы верхом нелепости (если не хуже, чем нелепости)». (Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 379).

Мы заканчиваем восстановительный период, у нас вырастают величайшей важности новые задачи, мы вплотную подходим к реконструкции нашей промышленности, мы в упор подходим к задаче переделки крестьянского хозяйства на кооперативных основах. Эти новые задачи требуют того, чтобы госаппарат мог решать их бесперебойно с необходимой быстротой и четкостью. Такие задачи, которых не было 5—6 лет назад (постройка новых заводов, школ, больниц, развитиие с.-х. кооперации и т. п.), требуют такой организации госаппарата, которая позволила бы максимально вовлечь местные силы и средства, максимально

увеличить ответственность местных организаций, которая позволила бы в пределах единого плана реконструкции страны без лишней затраты труда и времени делать очередной шаг по пути социалистического строительства.

Это несоответствие сложившегося аппарата новым потребностям мне пришлось с особенной наглядностью увидеть на Нижегородской конференции. Там по докладу о задачах контрольных комиссий в деле борьбы с бюрократизмом выступило десятка два товарищей, работников волостей, уездов и губерний. Они приводили десятки, если не сотни примеров того, как наш аппарат мешает теперь делу строительства в ряде отношений. Каковы были эти примеры, из каких областей они были приведены? Губернские работники рассказывали о строительстве новых заводов, уездные рассказывали о ходе агрономической и культурной работы, волостные рассказывали о волостном хозяйстве, о волостных бюджетах.

Ведь обо всем этом не было и речи 5—6 лет назад, все это новое, это все дано новым периодом нашего развития, это все требует аппарата, в достаточной мере приспособленного. Отсюда, из несоответствия между системой сложившегося в восстановительный период управления и вновь вставшими задачами социалистического строительства, то обострение бюрократизма и то обостренное отношение масс к бюрократическим извращениям, которое несомненно наблюдается теперь.

Из этих посылок и вытекает основное. У нас налицо обострение противоречий между экономическими и культурными потребностями социалистического строительства и системой управления. Но у нас же налицо новые, до сих пор еще невиданные возможности по борьбе с бюрократическими извращениями, по борьбе за переделку госаппарата, за упрощение его, за приближение его к массам. Отсюда то исключительное внимание, которое партия начинает уделять вопросам Рабкрина. Мы подошли вплотную к тому времени, когда то основное, что Ленин дал в разработке задач Рабкрина, как во времена военного коммунизма, так и в предсмертных статьях, должно быть претворено в действительность, а это значит, что партия пред'являет к Рабкрину новые требования, это значит, что Рабкрин должен вернуться к исходным установкам Ленина, в них найти способы разрешения очередных задач в деле пересмотра нашего государственного аппарата.

Какая программа работы Рабкрина, какие методы его работы вытекают из ленинских посылок? Это, во-первых, новая увязка РКИ с массами. РКИ нужно вырваться из рамок своих собственных 300—400 более или менее хороших чиновников, ей нужно вырваться к массам. Это нужно сделать обязательно, иначе РКИ не сможет выполнить поставленных задач.

Отсюда, например, такая постановка вопроса о пересмотре советского аппарата: вместо того, чтобы возложить, как это было раньше (и, пожалуй, иначе не могло быть), эту задачу на аппарат самой РКИ, мы пробуем обратиться к самим советам, мы пробуем привлечь к этому делу беспартийных крестьян. В 6 губерниях губисполкомы, уездные исполкомы, городские советы,

волостные исполкомы и сельсоветы по заданию Рабкрина сами прорабатывают вопрос о том, какие изменения необходимо внести в нашу практику управления. Мы дали задание непосредственно советам, с ними связались, чтобы получить таким образом непосредственно обобщенный опыт. Одновременно из крестьян, находящихся в Москве, среди которых имеется не малое количество выдающихся людей, выросших на опыте местной и центральной работы, мы посылаем большую группу—13 человек, непосредственно в сельсоветы и вики, чтобы они там, вместе с сельскими, волостными работниками проработали вопрос о том, какие изменения необходимо внести в конституцию своей работы. Одновременно мы ставили все эти вопросы прямо перед общественным мнением страны. Мы запросили через «Бедноту» и «Крестьянскую Газету» прямо низовых работников и крестьян, сталкивающихся с советским аппаратом: что больше всего тормозит вашу работу, где больше всего вами замечается волокита, какие у вас предложения? Мы в течение недели получаем дельные предложения, до которых не додуматься ни одному чиновнику ни в одном центре. (Нам предложили отчетность свести к ясным отметкам на плане работ того, что выполнено и что не выполнено; нам предложили порядок распределения леса, который вместо 14 инстанций сводит дело к 5 инстанциям; нам предложили порядок регистрации кооперативов, который освобождает крестьянина от излишней волокиты; нам предлагают такую организацию семенных фондов, которая, приближая это дело к волости, может, наконец, вырвать его из нынешнего безнадежного состояния и т. д., и т. д.).

Эти примеры мы здесь приводим только для того, чтобы подчеркнуть тот факт, что если мы постараемся по всей линии работы по улучшению советского аппарата непосредственно прислушиваться к тому, что рекомендовал делать Ленин, мы сможем найти выход из трудностей, которые иначе не могли бы быть преодолены. А работа самой РКИ—ЦКК в области пересмотра советского аппарата будет завершать работу самих советов, самих рабочих и самих крестьян.

Теми же методами нужно итти и в области пересмотра хозяйственного управления. А этот пересмотр—пересмотр советского управления во всех областях—назрел до крайности и стал возможным в силу тех условий, на которые мы указали выше.

Еще одна сторона дела. Владимир Ильич предупреждал в своих предсмертных статьях о Рабкрине, да и не раз еще раньше (мы приводили выше эти ленинские предупреждения): «Во всей области общественных, экономических и политических отношений мы «ужасно» революционны. Но в области чинопочитания, соблюдения форм и обрядов делопроизводства наша «революционность» сменяется сплошь да рядом самым затхлым рутинерством. Тут не раз можно наблюдать интереснейшее явление, как в общественной жизни величайший прыжок вперед соединяется с чудовищной робостью перед самыми маленькими изменениями» (том XVIII, ч. 2, стр. 124).

Всю серьезность этого предупреждения нужно иметь в виду, именно потому, что своеобразие нынешнего положения в том,

что мы добились ряда серьезных успехов в работе нашего госаппарата. Ведь наш государственный аппарат теперь лучше, чем был 2—3 года назад, а в то же время крайне обострился бюрократизм в силу того, что этот улучшившийся аппарат недостаточно приспособлен к решению вновь встающих очередных задач социалистического строительства. Работники, работающие непосредственно в госаппарате, чувствуют это улучшение, но будучи разбросаны непосредственно по отдельным частям крайне разветвленного аппарата, не всегда достаточно ясно воспринимают все те случаи, когда этот аппарат требует значительного изменения методов работы и приемов организации. В итоге даже пустяковые улучшения встречают бешеное сопротивление. Так у нас было, когда обсуждался вопрос о необходимости ликвидации части явно излишних в настоящее время бирж; так это происходит теперь, когда обсуждается вопрос о необходимости передачи дела страхования волости самому низовому аппарату; так это происходит теперь, когда НК РКИ подошел в упор к необходимости ликвидации губернских трестов совхозов. Эти губернские тресты совхозов стали излишними, несмотря на то, что они выполняли год и два года назад полезнейшую роль. Они стали не только излишними, но и вредными. Они связывают совхозы по рукам и по ногам, они поедают государственные дотации, которые не доходят до совхозов (содержание трестов совхозов падает на 1 десятину сельхозугодий расходом—по Вологодской губ.—10 р. 45 коп., Новгородской—5 р. 20 коп., Ленинградск.—9 р. 10 к., Моссельплемхоз—15 р. 35 коп., Орловской—8 р. 40 к., Гомельской—5 р. 50 к., Тамбовской—3 р. 30 коп. и т. д.). А попытка НК РКИ СССР поставить вопрос о ликвидации этих губернских трестов и о создании таких гибких организаций, которые позволили бы направлять все государственные средства непосредственно в совхозы, встречает решительное сопротивление, рассматривается чуть ли не как незаконное вмешательство НК РКИ в дела другого ведомства.

Точно так же в любой мелочи, о которой собственно и говорить не стоит, когда НК РКИ СССР ставить такой пустяковый вопрос, как вопрос о том, что в актах гражданского состояния не нужно записывать десятки вопросов, не нужно зря мучить людей, нужно свести количество вопросов, пред'являемых к отцу ребенка, жениху и невесте, сыну умершего и т. д., до минимума, абсолютно необходимого, так поднимается вопль со всех сторон: со стороны ЦСУ, со стороны соответствующих ведомств, со стороны работников-рационализаторов.

(Едва ли может служить к ведомственному украшению и такое контрвозражение ведомства, которое применил тов. Рудзутак. Он в ответ на указание тов. Орджоникидзе о том, что отчетность, представляемая в НКПС, насчитывает 18.000 страниц, заявляет, что отчетность, представляемая НКПС по запросам РКИ, составляет 24.000 страниц. Итак, выходит не 18.000 страниц, которые бичевал тов. Орджоникидзе, а 42.000, о которых НКПС молчал, пока тов. Орджоникидзе не поднял всего вопроса в целом).

Нужно сразу оценить все возможное сопротивление для того, чтобы партия твердо укрепилась во всех своих организациях на признании необходимости это сопротивление преодолевать...

О том, какие выводы из всего этого вытекают для работы местных организаций, уже записано в постановлениях Московской и Нижегородской партконференций. Приводим здесь выдержку из постановления Нижегородской конференции, которая конкретизирует в своих условиях работу партии в настоящий момент в области улучшения государственного аппарата. Губконференция считает необходимым оказание всемерной поддержки со стороны каждого члена партии работе РКИ и ЦКК:

а) «путем сосредоточения внимания всей партийной организации на ближайшее время на выполнении плана РКИ и на конкретных мероприятиях в этом направлении в данных местных условиях;

б) путем широкого обсуждения в партийных и беспартийных организациях тех проектов изменений законов и порядков в области управления, которые будут намечены в РКИ и ЦКК. В частности, подробному обсуждению должны быть подвергнуты проекты изменений положений о заводах и трестах, проекты децентрализации в области управления, проекты упрощения центральной советской системы;

в) путем проработки Нижегородским Губисполкомом и Советами Нижегородской губернии в связи с НК РКИ и ЦКК вопроса о взаимоотношениях мест и центра, исходя из необходимости привести круг их обязанностей в соответствие с потребностями их экономической и культурной работы и освободить их от дергания, опеки и бумажного потопа со стороны верхних звеньев;

г) путем усиления массовой работы городских советов и их секций и комиссий и решительного устранения еще имеющихся препятствий к полному развертыванию их работы на основах нового положения о горсоветах;

д) путем мобилизации внимания масс беспартийных рабочих и крестьян, через профсоюзы и советы для обнаружения и борьбы с конкретными носителями бюрократического зла;

е) путем усиления работы по ознакомлению рабочих и крестьян с советскими законами и помощи им пользоваться своими правами;

ж) путем решительного отпора тем работникам в наших аппаратах, которые попытались бы противопоставить твердому решению партии усилить борьбу с бюрократическими безобразиями и излишествами формальные и канцелярские отговорки, чиновничье самодовольство, рутинерство и косность;

з) путем привлечения к судебной ответственности работников государственного аппарата, виновных в недопустимой волоките и невнимательном отношении к рядовому рабочему или крестьянину;

и) путем усиления в печати как центральной, так и местной, и заводской борьбы и разоблачения негодного в нашем аппарате. Конференция обращает внимание редакций газет на необходимость не затушевывать, не приглушать указаний рабочих и крестьян на то или иное безобразие в нашем государственном аппарате, а освещать их полностью и обеспечить в то же время как правильность помещаемого материала, так и наблюдение за тем, чтобы в ответ на то или иное разоблачение ведомства или учреждения не ограничивались бы отписками, пустыми, формальными отговорками. Установить большую ответственность за неправильные опровержения и формальные отговорки».

Таковы основные выводы. Коротко их можно было бы формулировать так: не нужно отсебятины; нужно десятки раз возвращаться к Ильичу, нужно вновь все перечитывать и вдумываться в то, что он рекомендовал делать, и в то, что он сам делал. Нужно к каждому звену нашего государственного аппарата подойти практически теми же путями, о которых говорил Ленин, теми методами, которые рекомендовал Ленин.

А. Азизян.

Некоторые итоги работы по организации бедноты.

1. Оппозиция и вопрос об организации бедноты.

На закончившемся недавно пленуме исполкома Коминтерна выступавшая с апелляцией оппозиция осмелилась в лице т. Каменева бросить партии обвинение в правом уклоне. Для доказательства правого уклона партии по крестьянскому вопросу в тысячу и первый раз вынимается из скудного идейного багажа оппозиции клевета на политику партии по отношению к бедноте.

По тов. Каменеву получается, что партия в отношении крестьянства под влиянием каких-то темных сил обезоруживается.

Но тогда спрашивается: каков смысл решения октябрьского пленума ЦК (1925 г.) о работе среди деревенской бедноты, подтвержденный XIV партс'ездом? Есть ли это обезоруживание партии или нечто другое? На этот вопрос у оппозиции ответа нет. Для большей стройности своих фракционных измышлений и обвинений она должна заявить, что организация бедноты—это фразы, что на самом деле ничего не делается и т. д. Это они сделали на июльском пленуме ЦК (конечно, закрывши глаза на первые успешные шаги по проведению бедняцких собраний при перевыборах, давших возможность в ряде мест противопоставить кулацкой активности сплоченные ряды бедняков и середняков). Этого они не посмели более сделать на XV партконференции и принуждены были в лице т. Зиновьева признать «инициативу» в деле организации бедноты, «приветствовать» проводимую партией работу в этом направлении. Если к этому прибавить то, что оппозиция на XV конференции не посмела повторить свое обвинение о правом уклоне в партии, а, наоборот, уверяла ее, что разногласия сократились, они минимальны и т. д., можно было полагать, что поражение оппозиции на «Авиоприборе» и Путиловском заводе заставило ее увидеть живую действительную работу, проводимую партией.

Но не тут-то было. Тов. Каменев, казавшийся на XV партконференции наиболее «мирно настроенным», резко меняет фронт и на пленуме исполкома Коминтерна выступает наиболее резко из числа всех оппозиционных «лидеров» и снова вытаскивает на свет божий на некоторое время законсервированное оппозицией обвинение партии в правом уклоне.

Тут лучше всего видна беспринципность оппозиции. В самом деле, что значит признать проводимую партией работу по организации бедноты, приветствовать ее?

Ведь вопрос о работе с беднотой не может быть оторван от общей политики партии по крестьянскому вопросу, а, наоборот, является ее составной частью.

Еще до XIV партс'езда тов. Сталин сказал (в июне 1925 года) по поводу классовой борьбы в деревне:

«...Мы не можем здесь заниматься политикой смягчения, умерения борьбы. *Наша задача здесь состоит в том, чтобы организовать борьбу бедноты и руководить этой борьбой против кулачества*» [1]).

Пленум ЦК в октябре 1925 года в своем решении о работе среди деревенской бедноты сказал:

«Проведение решений XIV партконференции, особенно развертывание массового кооперирования крестьян и оживление советов и связанные с этим организация бедноты и борьба за среднее крестьянство приобретает особо важное значение в данный момент в виду ускоряющегося развития товарных отношений вследствие хорошего урожая и неизбежного для ближайшего времени усиления процессов расслоения (дифференциации) крестьянства».

XIV партийный с'езд дал классическую формулу нашей политике в деревне:

«Борьба против кулачества должна итти как путем организации бедноты против кулака, так и путем укрепления союза пролетариата с беднотой и середняком на предмет отрыва середняка от кулачества в целях изоляции кулака».

Дальнейшие мероприятия партии о хозяйственной помощи бедноте, имевшиеся уже достижения на почве этого в деле организации бедноты, укрепления ее союза с середняком воочию доказали взятый партией, вполне правильный и классово выдержанный курс по отношению к крестьянству, доказали на реальных фактах (там, где директивы партии правильно усваивались и проводились), что иного пути для борьбы против кулачества не может быть. Путь этот—организация бедноты, укрепление ее союза с середняком. Отказ оппозиции от того, что вопрос о работе с беднотой ограничивается лишь словами (заявление ее на июльском пленуме ЦК) и признание того, что партия действительно ведет работу по организации бедноты, приветствовать эту работу (заявление Зиновьева на XV конференции) равносильно отказу от обвинения партии в правом кулацком уклоне, в замазывании кулака.

Итак, на XV конференции обвинение партии в кулацком уклоне снимается, а через месяц вновь возрождается. Чем это об'яснить, как не полной беспринципностью оппозиционного блока?

На вопросе о работе с беднотой выявляется также, что оппозиция под прикрытием левых фраз фактически представляет собою правый уклон в нашей партии. Бедноте обещали воздушные замки, а фактически на всех перекрестках кричали и требовали повышения отпускных цен на промтовары, что в первую очередь ударило бы, конечно, по карману рабочего и деревенской бедноты.

Итак, устами т. Каменева, на пленуме исполкома Коминтерна оппозиционный блок фактически взял обратно заявление Зиновьева на XV конференции (о признании проводимой партией работы по организации бедноты), зачислил его в категорию «вырвавшихся» слов, фраз и речей и снова бросил партии обвинение в правом уклоне, замазывании кулака, затушевывании классовой борьбы в деревне, снова закрыл глаза на огромнейшую работу партии по организации бедноты.

---

[1]) «Вопросы ленинизма», стр. 298.

Конечно, будет весьма скверно прикрашивать имеющиеся достижения в деле организации бедноты, успокаиваться на достигнутых успехах.

Задача наша—на опыте работы с беднотой за последнее время выявить наболевшие вопросы в этой области для облегчения дальнейшего движения вперед и развертывания этой важнейшей работы партии.

2. Усвоение решений партии о работе с беднотой.

Изучение 46 решений 27 парткомов по докладам волкомов и сельрайкомов за период июль—сентябрь показывает, что директивы о работе с беднотой по количеству занимают первое место по отношению к директивам, данным по всем прочим вопросам.

Но беда в том, что решения эти не популяризировались, до ячеек доводились слабо.

Напр., из просмотренных 21 партжурналов (издаваемых губкомами) лишь в пяти своевременно популяризировалось майское решение ЦК.

Главнейшей причиной слабого усвоения на местах решений партии надо считать отсутствие со стороны парткомов живого руководства в этой области, фактической проверки проведенной работы. Так, из всех парткомов лишь 6 за летний период провели специальные обследования для изучения действительного состояния дела организации бедноты. Некоторые организации (как, например, Томский окружком) приступают уже к планомерному и систематическому учету работы в этой области. Намечается еще другой хороший метод—заслушивание доклада низовой сельпарторганизации исключительно по вопросу об организации бедноты.

Прежде, чем перейти к описанию состояния работы с беднотой, выясним еще, как преломляются, как усваиваются директивы о бедноте в низовых сельпарторганизациях.

На почве непонимания политики партии наблюдаются отдельные случаи уклонов в крестьянской политике, отмеченные XIV парт'съездом. Недооценка дифференциации деревни приводит деревенских коммунистов к пассивности. Пользуясь этим, кулацкие элементы охватывают своими щупальцами деревню. Недавно в одном из районов Минусинского округа было проведено обследование с целью проверки утверждения райкома, что «кулаков у них нет». Оказалось, что в районе беднота забита, членом президиума РИК'а сидит лишенный избирательных прав, прокатный пункт обслуживает интересы кулаков и т. д. На Урале также отмечены в сельячейках тенденции, ведущие к недооценке дифференциации деревни. При летнем обследовании в Архангельской губ. был проверен состав потребительской кооперации одного села. Официальные отчеты говорили, что потребобщество состоит из 145 бедняков, 10 батраков и 2 середняков. Изучение же лишь 98 пайщиков показало, что среди них середняков—51, бедняков—14, служащих—15 и лиц, живущих на нетрудовые доходы—18 чел.

С другой стороны, наблюдающиеся случаи недооценки середняка приводили к не менее плачевным результатам. Не понимая всей важности союза бедняка с середняком, в ряде случаев сельские коммунисты проводят конспиративные собрания бедноты, не приглашают середняков, в решениях бедняцких собраний принимают предложения, не учитывающие интересов середнячества, в результате чего кулак усиливает влияние на середняков, середняк отходит к кулакам, беднота изолируется и работа по ее организации дает отрицательный эффект.

В повседневной работе эти уклоны вскрываются парткомами со всей решительностью и линия совпарторганизаций постепенно выравнивается. В целом же на местах сильно чувствуется недостаток в углубленной, раз'яснительной работе по организации бедноты и, в частности, по вопросу об улучшении ориентации деревенских коммунистов в вопросах расслоения деревни.

К чему приводит неправильное и неумелое руководство сельячейки, видно из следующего примера. Сообщают с Северного Кавказа:

> «При сельсовете аула Хакуринохабль были попытки начать работу с группой бедноты, но пока окончились неудачей, так как райком и ячейка ВКП(б) взяли неправильную линию, влив в группу бедноты чуть ли не 80% всех членов сельсовета, при наличии в составе последнего чуждого бедняцким интересам элемента. А секретарь ячейки выкинул еще лучшую штуку, пригласив на организационное собрание группы двух торговцев, которые повели тут же свою агитацию. В результате всего этого собрание группы было сорвано и большинство членов ее высказалось за нецелесообразность организации группы, мотивируя тем, что это будет только обострять взаимоотношения между членами сельсовета».

Итак, необходимо признать, что в низовых звеньях партии в деревне не все обстоит благополучно в смысле правильного усвоения проведения политики партии по отношению к бедноте.

3. Собрания бедноты.

Постараемся изобразить фактическую картину состояния работы с беднотой в настоящий момент. Прежде всего одно предварительное замечание. Изучение, суммирование опыта организации бедноты весьма затрудняется отсутствием правильного учета работы в этой области. Если и имеются материалы, то они указывают в подавляющем большинстве случаев лишь результат, лишь итог. А о том, *как* достигалось это, какими методами проводилась организация бедноты, в *какой* форме протекала вся работа в каждом конкретном случае с описанием всех ее стадий, сообщения найти трудно.

Директивы партии указывают две конкретных формы организации бедноты: собрания бедноты и группы бедноты. Наиболее легко осуществимым оказался метод собраний бедноты, метод уже получивший жизненную проверку на опыте значительного числа организаций и вполне себя оправдавший. Группы же бедноты представляют собою сложный и трудный метод организации бедноты, будучи *постоянно* действующими органами, требуют в свою очередь и постоянного руководства, с чем пока сельячейки не справляются.

Итак, в чем выражается имеющийся опыт в отношении собраний бедноты? Практика работы, а также майская директива ЦК установили двоякого типа собрания бедноты: первое — собрания бедноты при проведении общекрестьянских кампаний, второе—собрания бедноты по отдельным текущим вопросам жизни

деревни. Из этих двух типов опять-таки первый имеет гораздо более богатый опыт, чем второй. И это понятно. Если при обще-крестьянских кампаниях собрания бедноты проводятся в ударном порядке (к чему наши парторганизации весьма приспособлены) через командировки, мобилизации соответствующих товарищей, то для систематического созыва собраний бедноты по отдельным текущим вопросам жизни деревни требуется больше плановости в работе (чего в низах пока недостаточно).

Первый значительный опыт в деле созыва собраний бедноты был в начале 1926 года при проведении перевыборов сельсоветов. Созыв перед перевыборами сельсоветов собрания бедноты для предварительного обсуждения вопросов отчета сельсовета и кандидатур в новый состав, учет интересов середняков, обеспечение совместного с ними выступления при перевыборах в ряде райкомов парализовали активность кулацких элементов, стремящихся влезть в советы. При тех случаях, когда обеспечивалось правильное партруководство с должным учетом середняцких интересов, собрания бедноты вполне оправдали себя и доказали, что партия нащупала наиболее верный путь в деле изоляции кулака. Были и случаи неудач. Это проистекало из забитости бедноты, влияния на нее кулачества, а также вследствие неучета середняцких настроений и требований. Союз с середняком разрывался, и середняк голосовал за кулацкие кандидатуры.

Оживление и под'ем в деле проведения собраний бедноты перед перевыборами советов (в начале 1926 года) сменяются общим снижением темпа работы. На местах до некоторой степени прививается взгляд на работу среди бедноты, как на одну из очередных кампаний. Считают, что весьма полезно провести перед какими-либо перевыборами бедняцкие собрания для сплочения ее вокруг предложений партии. В связи с этим среди бедноты наступает реакция: «как нужно было, нас использовали, а о помощи нам так и забыли». Этот мотив в бедняцких настроениях привлек внимание парторганизаций, и в дальнейшем стала намечаться более правильная и твердая линия в деле организации бедноты. Говорю, *намечаться*, так как на местах и сейчас все еще весьма сильны тенденции к отрыву организационно-политической работы среди бедноты от дела повседневной помощи ее хозяйственному под'ему. Весьма справедливо «Советская Сибирь» указывает (9/XII—26 г.):

«Лозунги, вокруг которых беднота организовалась, были недостаточно конкретны, недостаточно связаны с насущными, практическими интересами, особенно хозяйственными интересами бедноты. Под организацию бедноты и бедняцко-середняцкого блока не была подведена практическая, экономическая база, которая обеспечила бы прочность результатов проделанной работы и систематическую дальнейшую работу в этом направлении».

И совершенно правильно, исходя из этого положения, Семипалатинский губком в своем письме к сельячейкам пишет:

«При созыве бедняцких собраний мы должны твердо придерживаться такого правила: от каждого собрания должны быть какие-либо результаты. С каждого собрания беднота должна уходить удовлетворенной и видеть, что что-то сделано, что это не повторение прежних разговоров, а практические меры.

После каждого собрания беднота должна чувствовать себя сплоченнее, организованнее и сильнее. Она должна чувствовать, что наметились ясные пути отпора кулачеству, пути поднятия бедняцкого хозяйства.

Созывать беспочвенные собрания для общих разговоров, не зная, что предложить, не имеет никакого смысла».

В течение летнего периода, когда перед деревней выступает ряд хозяйственных вопросов, требующих немедленного разрешения, несмотря на общее ослабление темпа работы парторганизаций, на местах проводились собрания бедноты по этим вопросам (землеустройства, передел покосов, выявление об'ектов обложения, кооперирование бедноты, перевыборы ККОВ и кооперированных органов, организация машинных, семенных т-в, вопросы семссуды, уборки и посевов у бедноты, улучшения лугов, дорог и проч.). На почве этих вопросов при умелом парт-руководстве в значительном количестве случаев удавалось организовать бедноту, провести ряд мероприятий для поднятия ее хозяйства, сделать ее поборником новых культурных форм ведения хозяйства и благоустройства деревни и обеспечить совместно с середняком выступление на обще-крестьянских сходах. Организовано значительное количество простейших кооперативных об'единений с преимущественным бедняцким составом (машинные, семенные т-ва, артели по совместной обработке земли и пр.). К сожалению, учет проведенных собраний был поставлен весьма слабо, и трудно иметь полную картину проделанной работы. Имеются лишь отдельные осколки картины. Вот отдельный случай с перечислением конкретных достижений. Сообщают из Семипалатинска:

«В Мироновке, Усть-Каменогорского уезда, населенной поморцами, кержаками и переселенцами, где еще недавно безраздельно правили зажиточные, произошла целая революция.

Еще до формального начала работы среди бедноты собрания бедноты были созваны перед перевыборами сельсовета и комитета взаимопомощи. В обоих случаях зажиточные были провалены, и прошли все кандидаты, намеченные ячейкой и утвержденные собранием бедноты.

В дальнейшем, мироновская беднота добилась следующих побед, несмотря на бешеное сопротивление зажиточных: 1) сенокос поделен на едоков (раньше было по скоту), 2) проведен свой кандидат в волостную налоговую комиссию и в сельскую учетную комиссию; 3) городьба паскотины ра пределена по скоту (раньше было по едокам); 4) проведен обмер посевов и столбовка; 5) предоставлена земля безземельным гражданам и казакам-батракам; 6) весь комитетский хлеб роздан на обсеменение бедноте и некоторым середнякам, раньше же получал кто попало, приезжим же совсем не давали; 7) имеющийся фонд ККОВ решено обратить на кооперирование бедноты по намеченному на бедняцком собрании списку.

Подобные же достижения имеются и в ряде других мест, где волкомы и ячейки развернули работу среди бедноты».

А вот еще более яркий случай организованности бедноты. Из Новосибирского округа сообщают:

«В течение полутора месяца было проведено девять бедняцких собраний и разрешен вопрос с землеустройством в интересах бедняка и середняка, заключен договор с окрземом и предоставлены льготы бедноте. Вместе с этим, этой же ячейкой поставлен вопрос о землеустройстве в соседней дер. Вагайцево, где после двух бедняцких собраний была организована беднота на выселок.

Слухи о земельном перевороте быстро проникли во все уголки района. Победа бедноты с. Ординска дала толчек активности бедноты в других селениях. В райкоме появились ходоки от бедноты из района с просьбой проделать то же самое у них. В августе этот опыт был уже перенесен на д. Сушиху, где ячейка, проведя 3 собрания бедноты, организовала группу на выселок. Эта группа занялась, кроме землеустройства, вопросами о положении кооперации, подметила ф льш весов, перебои в работе приказчика. Группа пришла на помощь ККОВ и,

под руководством ячейки, в коллективной уборке посева разрешила вопрос о приобретении ККОВ'у жатки. Ячейка по решениям групп через парт'ядро завела в кооперативе новые весы и призвала к порядку приказчика.

Теперь беднота в Ординске на свои собрания «прет, как солдат на поверку». Были случаи проведения их ночью при полном сборе группы. Беднота начинает требовать постановки отчетных докладов хозяйственников и в свободные дни, приходя в ячейку, заявляет—ставьте на собраниях хоть какие-нибудь вопросы. Сейчас ячейкой намечено разобрать в группе бедноты, в связи с кривотолками зажиточных, вопрос об июльском пленуме ЦК и ЦКК. Дальше ячейка намечает проводить территориальные бедняцкие собрания по селу с целью охватить всю бедноту села и выявить бедняцкий актив для создания ядра новых групп».

Это не единичные факты. В настоящий момент можно уже привести огромное количество сообщений, говорящих о том, что на местах работа по организации бедноты в общем идет по правильному руслу в смысле об'единения бедняков вокруг насущнейших вопросов поднятия их хозяйства. Для иллюстрации можно было бы еще привести цифровые данные о количестве проведенных собраний бедноты. Например, за три месяца проведено собраний бедноты по Саратовской губернии 320, по Курской—450. Только в кампанию выявления об'ектов обложения по 4 округам Сибири созвано 641 собрание бедноты. (Кстати сказать, опасения товарищей о возможности разрыва блока бедняка и середняка в случае вовлечения бедноты в кампанию выявления об'ектов обложения не оправдались). Все же эти цифры говорят мало о практических достижениях. Ясно, что в значительном еще числе случаев бедняцкое собрание не дает практического эффекта.

Необходимо прежде всего улучшить содержание бедняцких собраний, приблизив их вплотную к вопросам поднятия бедняцкого хозяйства и интересам бедноты вообще. Действительная организация бедноты мыслима лишь постольку, поскольку бедняк почувствует возможность поднятия своего хозяйства благодаря своей организации.

Крупное значение имеет также метод созыва собраний бедноты. Майское решение ЦК уже отмечало нецелесообразность созыва собраний бедноты через сельисполнителей, по спискам. Это решение на местах недостаточно усвоено, и созыв бедняков на собрания административным путем продолжает наблюдаться. Получается чисто формальное и казенное отношение к делу организации бедноты. Вот случай хорошей подготовки бедняцкого собрания:

«Собрания ячейка проводит таким образом: подрабатывает такой больной вопрос, как о групповой посадке бедняков на отведенной им земле, намечает четыре участка, на каждый участок выделяет из наиболее сильных партийцев руководителя и ему в помощь по 2—3 партийца и по 5—7 комсомольцев для сбора бедноты и прочих поручений. Секретарь ячейки назначает совещание этих 4 х руководов, инструктирует их, и все вместе набрасывают конспект доклада, дни созыва участковых бедняцких собраний; берут списки выделенных в помощь партийцев и комсомольцев. Руководы, оповестив выделенную им в помощь силу, подготовив к назначенному дню доклады, помещения для собраний, созывают за 2 часа до собраний бедноты свою вспомогательную силу: дают задания об обходе домов, оповещении бедноты и после этого открывают участковые собрания.

Все участковые собрания проводятся по одному и тому же вопросу и в одно время, а после их ячейка по этому же вопросу созывает общеселенное бедняцкое собрание. Беднота, идя на него, имеет уже представление, как надо решать вопрос. После общеселенного бедняцкого собрания беднота на сходе уже выступает веско, прямо и определенно, проводя свою линию организованно, и зажиточные сбить ее уже не могут» (Новосибирский округ).

Крайне слабо вовлекаются в бедняцкие собрания комсомол, батрачество и женщины, и, следовательно, майская директива ЦК на этот счет остается невыполненной.

Весьма плохо выполняются решения бедняцких собраний и групп. В значительном числе случаев решения бедняков не проводятся, остаются на бумаге, ячейки не заботятся об их реализации, и в результате этого среди бедноты наступает реакция и даже озлобление. Это обстоятельство побудило ряд партийных комитетов принять меры к тому, чтобы устранить этот недочет, вызвавший в ряде мест ослабление внимания бедноты к собраниям. Один из окружных комитетов Сибири даже дал директиву *об обязательном* проведении решений бедняцких собраний с возложением ответственности за их проведение на фракции соответствующих организаций. Здесь уже немного несет комбедовщиной, и ясно, что такая постановка вопроса также не может быть признана целесообразной. Весьма значительным недочетом в деле проведения бедняцких собраний надо считать все еще кампанейский их характер. Хотя уже в ряде организаций налаживается созыв собраний по текущим вопросам жизни деревни, но надо признать, что большинство организаций не поставило это дело на плановые рельсы, не превратило его в необходимейший элемент повседневной практической работы сельпарторганизаций. Принято уже думать на основе прошлого опыта, что собрания бедноты при проведении кампании уже обеспечены. Если неоднократно указывалось, что при проведении предыдущих перевыборов сельсоветов имелись достижения по проведению бедняцких собраний, то это еще не означает, что размах был достаточный. Наоборот, необходимо подчеркнуть, что размах в этой области еще весьма недостаточен. В ноябре—декабре проводились на местах перевыборы кооперативных органов. Опыт этих перевыборов показывает, что не везде перед перевыборами проводились собрания бедноты. В ряде мест собрания бедноты не охватывали и 50% всех проведенных перевыборов. Инструктор енисейского райсоюза, уполномоченный по проведению перевыборов в ряде коопорганов, недавно в своей докладной записке утверждал, что предварительный созыв собраний бедноты излишен и даже вреден. Это не единичный случай.

Необходимо решительно добиться проведения бедняцких собраний *повсеместно*. Приближаются уже очередные перевыборы сельсоветов. Все данные говорят, что активность всех слоев деревни будет при этих перевыборах высокая. Собрания бедноты должны будут сыграть крупнейшую роль. Правильная подготовка и проведение таковых должны стать основной задачей сельпарторганизаций. Должен быть обеспечен их *повсеместный* созыв и правильное *партруководство*.

4. Группы бедноты.

Перейдем теперь ко второй форме организации бедноты: группам бедноты. Как уже отмечалось выше, эта форма работы недостаточно еще прививается на местах из-за ее сложности и

трудностей. На основании изучения материалов парторганизаций о работе с беднотой было выявлено, что 17 крупных губорганизаций к сентябрю 1926 года еще не приступали совершенно к организации групп бедноты.

Есть и другое явление. К организации групп приступлено, а работы их не видно. Проверка показала, что после первого организационного собрания группы совершенно не собирались или же просто числились на бумаге. Так, в Саранском уезде (Пенз. губ.) из 22 организованных групп работает лишь 3. В Вятской губернии прибывает для обследования в село Сметанщинск инструктор укома. По письменному отчету волкома здесь числится работающая группа бедноты в 7 человек, на самом же деле секретарь ячейки заявляет, что он лишь намеревается организовать группу. Вот еще сообщение о «бумажных» группах:

«В мае, на основе данных райкомов, в Барнаульском округе насчитали 79 групп бедноты «при сельсоветах ККОВ и кооперативах». Тогда еще наш корреспондент выражал недоумение, что группы сосчитаны «скопом»—не указано, сколько групп создано при каждой из общественных организаций. Обследование 11 райкомов и 53 сельячеек показало, что подавляющее большинство этих групп—«в уме» секретарей райкомов «на бумаге» («Советская Сибирь»).

Позднейшее сообщение говорит, что из существующих в Барнаульском округе групп (уже стало 114) работает не более 20%.

Итак отсутствие достаточных данных о работе групп бедноты об'ясняется не только плохой постановкой учета работы с беднотой, но и прямым отсутствием работы организованных или предполагаемых к организации групп.

Какой размах получило дело организации групп? По 32 губерниям создано около 1.500 групп бедноты. При каких организациях они создаются? Об этом лучше всего говорит следующая таблица:

	Всего организовано групп бедноты.	Из них: При с/сов.	При ККОВ.	При кооп.	Создано неправ.
1. Саратовская губ.	87	49	23	15	—
2. Курская губ.	91	79	4	8	—
3. Терский округ	54	23	15	15	1
4. Пензенская губ.	79	49	—	4	26
5. Кузнецкий округ	31	26	3	2	—
6. Рубцовский округ	39	29	7	3	—
7. Барабинский округ	54	20	16	16	2
8. Брянская губ	123	35	23	5	60
9. Новосибирск. округ	24	18	1	—	5
Итого	582	328	92	68	94
В проц.	100	56	15	11	—

Есть единичные случаи организации групп бедноты при избе-читальне, при агропункте и профсоюзе с.-х. и лесных рабочих, при женделегатском собрании и, наконец, при совете школы крестьянской молодежи. Вот, что сообщают из Сибири об этой последней группе:

«В Ордынской группе при совете школы крестьянской молодежи, результатами работы которой является организация свиного товарищества из бедноты. Эта группа имеет ядро из членов школьного совета—3 человека—и 8 бедняков постоянно работают при группе. Основная задача этой группы—изучение сельскохозяйственных вопросов при помощи школьного агронома и практическое применение в жизнь».

В Пензенской губернии есть одна группа при ВИК'е.

О составе групп сведения весьма скудны. В Терском округе в среднем на группу при сельсовете приходится 36 бедняков, при ККОВ—48, при с.-х. т-вах—46 и при потреб. о-вах—60 В Котельническом уезде, Вятской губ. в среднем каждая группа об'единяет от 9 до 15 бедняков. В группы бедноты в ряде случаев включается и актив середняков. Есть единичные ошибочные случаи включения в состав групп служителей культа (Новгород) и зажиточных (Барнаул).

Достижения в работе групп бедноты, в связи с неразвернутостью работы в этой области, выявляются с большей трудностью. Все же ряд организаций приводит факты из работы групп бедноты положительного характера. Так, группам бедноты при сельсовете удавалось через сельсоветы проводить новые, улучшенные и более выгодные для бедноты условия землепользования, активно участвовать в деле выявления об'ектов обложения, распределения семссуды, леса и пр. При кооперативных органах группы бедноты добивались ревизии дел кооператива, перевыборов зажиточного правления, улучшения кредитования бедноты, кооперирования бедноты и проч. При ККОВ'ах группы бедноты рассматривали планы работ ККОВ'ов, а также вопросы усиления через них производственной помощи бедноте и т. д. Для примера приведем сообщение с Кубани о работе групп бедноты в округе:

«Не было еще ни одного случая, где бы проработанные вопросы и принятые по ним решения группами бедноты были приняты в разрезе с мнением всей бедноты, в силу чего поднимается рост активности бедноты и авторитет групп ее среди бедняцких масс станицы. На собрания групп бедноты нередко приглашаются по нескольку человек из середняцкого актива, и этот актив всегда солидаризируется с беднотой по всем вопросам, какие она выдвигает. Группы бедноты в своей деятельности имеют значительный авторитет среди крестьянства и казачьей массы и влияют отчасти на ход жизни станицы. Все решения групп бедноты за незначительным исключением, проводятся в жизнь, что нужно безусловно отнести к положительным моментам и к достижениям в работе с беднотой».

Вот, например, еще сообщение из Барабинского округа (Сибирь).

«В с. Аткуль, где группа бедноты добилась землеустройства, беднейшее население получило скидку на сумму 4.359 руб. В Меньшиковском районе. в некоторых селах, при проведении землеустройства через группы бедноты, освобождено 15% бедняцких хозяйств от платы за землеустройство и 20—30% получили скидки. В с. Сибирцевском (Спасского района) бедняки в количестве 65 чел. полностью кооперированы, благодаря активности группы бедноты. В Меньшиковском, Спасском, Убинском, Баклушевском районах благодаря собраниям бедноты организовано 12 машинных т-в В Меньшиковском районе 3 машинных т-ва обзавелись уже тракторами и переходят к коллективной обработке земли. Состав этих т-в в преобладающем большинстве—бедняки и немного середняков».

Или же вот еще сообщение о достижениях в работе групп бедноты из Сочинского района:

«В результате работы группы бедноты Хостинского ПО были произведены перевыборы правления общества, более правильно поста-

влена техника раздачи ссуд, создан, а потом увеличен фонд кооперирования бедноты, при чем характерным моментом для организованности бедноты является тот факт, что кандидатуры в правление, намеченные на собрании группы пайщиками, были проведены за небольшим исключением. Эта же группа бедноты была инициатором землеустроительных работ в Веселовском земельном обществе, несмотря на противодействия зажиточной части села.

Пиленковская группа бедноты (при т-ве табаководов) на своем августовском собрании обсуждала вопросы, связанные со старой задолженностью по табачной ссуде и с распределением новых ссуд. Собрание настолько подняло активность бедноты, что почти все середнячество идет с беднотой и в вопросах экономических (распределение ссуд), чего раньше сказать было нельзя.

Собрание проходило оживленно, было много высказывающихся. Предложения, выдвинутые ячейкой, единодушно приняты. Собрание подняло активность бедноты и усилило влияние ячейки на бедноту».

Если сообщений о достижениях групп бедноты весьма мало, то недостатки в этой области выпячиваются с большой силой. Несмотря на майское решение ЦК, все же наблюдается неправильное организационное оформление групп, смешение понятий групп и собраний, организация группы вообще в деревне или при ком'ячейках, комбедовский уклон и стремление к подмене выборного органа, выборы бюро групп, уполномоченных групп, вербовка в группы при помощи добровольной записи.

Вот сообщение о том, как группы бедноты подменяют собою сельсоветы:

«В Мамонтовском районе организована и оформлена группа бедноты. На одном из ее собраний разрабатывался план, в котором между прочим, говорится о необходимости оказания содействия органам милиции, следить группам за исправностью печей, проводить ряд работ в культурно просветительной отрасли и здравоохранении, предложить сельсовету приобрести пожарную машину и т. д. Этот план был целиком снят с плана секции сельсовета. Это есть не что иное, как подмена группой бедноты сельсоветов» (Барнаул).

Несмотря на то, что в большинстве случаев организация и работа групп бедноты на местах не дали еще должных результатов, сопровождается рядом ошибок и отклонений от партийной линии, все же надо отметить, что на местах намечается реорганизация неправильно созданных групп, налаживание работ таковых и по ряду организаций даже достижения из практики работы самих групп бедноты.

Практических же указаний о работе групп бедноты весьма мало. Большинство парткомов ограничивается пока общими указаниями о необходимости организации групп и т. п. Как исключение, можно привести директиву Терского окружкома «О технике организации групп бедноты и методах работы таковых»: ячейка прикрепляет к группе руководителя, члена партии, по возможности, из той организации, при какой организована группа; руководитель группы берет на учет всю бедноту, об'единенную в данной организации, представляет в ячейку на утверждение план работы группы, следит за проведением в жизнь постановлений группы, отчитывается перед ячейкой путем специальных докладов и систематическим представлением в ячейку подлинников протоколов группы, где они постоянно хранятся. В этой же директиве Терский окружком в основном предопределяет основные вопросы, которые должны быть в предстоящий зимний период обсуждены в группах бедноты (отдельно для каждого типа).

Менее удачной надо признать директиву Свердловского ОК и Томского ОК, которые рекомендуют, примерно, такую схему работы: вопрос, подлежащий обсуждению на сходе, обсуждается на бюро ячейки, затем на открытом собрании ячейки, затем в группе бедноты, затем на собрании бедноты, и, наконец, на общекрестьянском сходе. Вопрос об организации групп бедноты при определенных органах и, следовательно, обсуждение вопросов именно этой организации здесь затушевываются, и, наоборот, выставляется другая задача перед группой бедноты—быть подготовительной инстанцией к проведению собрания бедноты. В несколько другой форме, но все же тут имеется путаница понятий собраний и групп бедноты.

Если вопрос о группах бедноты при сельсоветах и ККОВ'ах на местах считается ясным, то организация групп бедноты в кооперации все еще встречает ряд колебаний и сомнений. Вследствие малочисленности бедноты в правлениях кооперативов, в ряде случаев на местах группы бедноты организуются из пайщиков. В некоторых организациях выявлен ряд достижений в работе групп бедноты при кооперативных организациях. Проверки показали, что они созданы не из выборных членов правлений, а из пайщиков, хотя майская директива ЦК рекомендовала организацию групп бедноты в коопорганах из числа выборных членов правления; ряд организаций (Терский округ, Армавир, Рязань, Саратов и др.) дали директивы об организации таковых и из членов-пайщиков. Для окончательного выяснения жизненности таких групп нужно тщательное изучение опыта их работы, что поставлено весьма слабо. Вот, что говорит недавнее постановление Московского К-та ВКП(б) (8/XII) об организации групп бедноты:

«Группы организовать:

а) При с.-х. кредитных и молочных т-вах из числа членов правлений, ревизионных комиссий, членов совета с привлечением активных бедняков-пайщиков данного кооператива.

б) При потребительских кооперативах то же самое из числа членов правлений, ревкомиссий, с привлечением бедноты и батрачества из числа уполномоченных и лавкомов.

в) При волостных и сельских ККОВ из состава комитетов, ревкомиссий и наиболее активных бедняков, членов ККОВ.

г) При ВИК'ах и райсельсоветах из числа членов советов, бедняков и батраков, входящих в состав комиссий при ВИК'е и райсельсоветах.

В каждом отдельном случае, при создании группы необходимо в первую очередь предусмотреть возможность партийного руководства данной группой, поэтому организация групп в первую очередь должна произойти в селениях, где имеются ячейки и волкомы, и при организациях, имеющих коммунистические фракции или отдельных коммунистов.

Организованные группы в целях успешной работы должны быть по составу немногочисленны, об'единяющие активный элемент бедноты и на определенный промежуток времени с постоянным составом. Группы не должны носить замкнутого конспиративного характера, в них могут вовлекаться и наиболее активные элементы середняцкого актива».

Если в настоящий момент уже более или менее четко вырисовывается, где и из кого организуются группы бедноты, то вопрос о том, как вести работу групп, еще недостаточно разработан. В основном работа групп будет налаживаться на местах в зависимости от укрепления состояния сельпарторганизаций, повышения их качественного уровня и постольку, поскольку сельячейки правильно усвоят методы партийного руководства по отношению к крестьянству.

5. Работа с беднотой и создание беспартийного крестьянского актива.

Мы уже имеем за собой значительные достижения в области проведения бедняцких собраний, и уже кое-где налаживается работа групп бедноты. В процессе этой работы подымается активность ранее пассивной и все время молчавшей бедноты, выносятся решения о защите экономических интересов бедноты, и—что особенно важно—появляются впервые на арене деревни бедняки, которые проводят в соответствующих организациях, на общекрестьянских сходах и в жизни деревни решения бедняцких собраний и групп. Возьмем, для пример, такой случай. Сообщают из Новиковского района Бийского округа:

> «В Ненинке группа бедноты проделала следующую работу: отремонтировала по собственному желанию в селе 4 небольших мостика, остановила повальную порубку леса местного значения. В последней работе беднота с хуторов и выселков свозила лес своими усилиями к помещению с/совета, последний передал в ее распоряжение из общего количества вывезенного 75%. Беднота переданный ей лес с/советом распределила так: строевой лес передала на ремонт трем беднякам, из них двум вдовам. К международному дню кооперации бедняк из группы бедноты по собственному желанию привез елок на украшение помещения кооперации».

Что показывает этот случай?

А то, что бедняк—наиболее близкая к партии часть деревни, уже начинает играть серьезную общественную роль в деревне, становится передовиком.

Это не единичный случай. Можно привести значительное количество сообщений о том, как бедняки сплоченно и энергично отстаивают решения своих бедняцких собраний на сельском сходе, собрании пайщиков. Имеющиеся достижения и успехи в области проведения решений бедняцких собраний, помимо показателя повышения бедняцкой активности и укрепления союза с середняком, говорят также о том, что у бедняков вырастают вожаки, активисты, уже умеющие выступать и активно отстаивать свои решения.

Учитывается ли все это нашими сельпарторганизациями?

Нет, к сожалению, не учитывается.

На местах наблюдается зачастую чисто формальное отношение к организации бедноты. Директивы получены, собрание бедноты провели и... точка. А о том, чтобы присмотреться к активности бедноты, выявить активистов, закрепить их активность вовлечением в ту или иную постоянную общественную работу привлечением на открытые собрания ячейки, партийцы в деревне еще не думают. В результате такого подхода сводится в значительной степени на-нет политическое значение организации бедноты в смысле усиления пролетарского влияния в деревне.

Те организации, которые не приступили еще к организации бедноты, не превратили эту работу в необходимейший элемент повседневной своей работы по руководству крестьянством, лишены богатейшего источника по расширению кадров беспартийного крестьянского актива и улучшению его состава за счет бедняков-активистов.

Разумеется, из всего сказанного еще нельзя делать вывода о том, что надо забывать середняков из состава беспартийного крестьянского актива. Сама работа по организации бедноты ведется с целью укрепления союза пролетариата и бедноты с середняком, на предмет изоляции кулака. В тех случаях, когда решения бедняцких собраний не обеспечиваются поддержкой середняков, они в большинстве случаев проваливаются.

Каким же образом обеспечивается поддержка середняком решений бедняцких собраний? Проводить для этого бедняцко-середняцкие собрания, где преобладают большей частью середняки, и которые мало чем отличаются от общекрестьянских сходов, нет необходимости. Нужно пригласить на бедняцкое собрание, а также на заседание группы активистов передовиков-середняков. Они—вожаки, их голос авторитетен, за ними идут крестьяне и, следовательно, достаточно заручиться их поддержкой.

Что же из этого следует?

А следует то, что вести работу с беднотой изолированно, без увязки с середняком в лице его лучшей части нельзя. Поэтому успех начатой работы по организации бедноты будет измеряться тем, в какой степени в эту работу вовлекается весь беспартийный бедняцко-середняцкий крестьянский актив деревни.

6. Борьба кулачества против союза бедняка с середняком.

Как и надо было ожидать, проводимая партией работа по организации бедноты, направленная по существу против кулачества, встретила с его стороны дружный отпор. Повсеместно, где только проводится эта работа, кулачество всеми имеющимися у него возможностями старается препятствовать ей, но в большинстве случаев терпит неудачу. Основные методы «работы» кулацких элементов следующие: активное выступление на бедняцких собраниях с целью их срыва, заигрывания с беднотой, беспроцентные ссуды, энергичное распространение слухов о возврате соввласти к методу комбедов, использование случаев дачи партийцами несбыточных обещаний с целью дискредитации партии, угрозы бедноте локаутом и даже побои за участие в бедняцком собрании.

Работа кулацких элементов в большинстве случаев встречает организованный отпор со стороны бедняцко-середняцкого блока.

Все же есть ряд сообщений, когда кулакам удается привлечь на свою сторону середняков и тем изолировать бедноту. Это происходило, главным образом, в тех случаях, когда интересы середняков не учитывались на бедняцких собраниях, их отталкивали, т.-е. именно в тех случаях, когда со стороны сельпарторганизации допускалась недооценка середняка. Так, в Омском округе в одном районе беднота провела самовольный обмер земли, отобрание уже распаханных участков, чем вызвала недовольство середняков и оттолкнула их. Или же в Саратовской губ. были случаи вынесения беднотой постановлений об обязывании лошадных крестьян вспахивать землю безлошадных по твердой пониженной таксе. Это, конечно, также оттолкнуло середняков. Эти сообщения являются единичными, наоборот, преобладают, главным образом, данные о том, что необходимость всемерного укрепления союза бедноты с середняком сельпарторганизациями в основном усвоена. Более того, наблюдаемую нерешительность в деле организации бедноты об'ясняют в некоторых случаях боязнью разрыва этого блока. Сельячейки идут навстречу громаднейшему интересу середняка к проводимой ра-

боте по организации бедноты. Середняк, как правило, влице своей лучшей части приглашается на собрания бедноты. Имеется даже ряд случаев, когда на собраниях бывает середняков больше, чем бедняков. В Брянской губ., как правило, середняков на бедняцких собраниях присутствует около 50%, в Псковской г.— от 33% до 75% и т. д. Весьма часто сельячейки выдают середняков за бедняков и по существу общекрестьянский сход с подавляющим участием середняков называют собранием бедноты. На эту сторону также необходимо обратить на местах внимание и следить за сохранением необходимой классовой линии в деле организации бедноты. В целом же надо признать, что на местах вопрос о взаимоотношениях бедняков и середняков изучается недостаточно, причины имевших место единичных случаев разрыва их блока выявлены слабо.

7. К вопросу об экономической помощи бедноте.

Новые условия развития советского союза, выражающиеся в некотором обострении борьбы капиталистических и социалистических элементов, диктуют партии дальнейшее укрепление союза пролетариата с крестьянством «путем материальной поддержки и организации бедноты против кулачества» (из решения апрельского пленума ЦК о хоз. строительстве).

Выше нами уже указывалось (с приведением ряда фактических иллюстраций, что на местах эта директива уже начинает осуществляться. На основе налаживания хозяйственной самодеятельности бедноты и практической помощи ей, беднота организуется, вырывается из-под влияния кулачества.

Партия для преодоления экономического неравенства в деревне строит свою политику также на «неравных» принципах. Выделяется особо беднота, предоставляются ей всяческие льготы, создаются особые фонды помощи бедноте.

Несмотря на необходимость максимального накопления для индустриализации страны, реконструкции нашей промышленности на новой технической базе, партия все же пошла на известные жертвы и дала директиву о выделении средств для помощи бедноте. На основе решений партии соответствующие наши центральные органы, соприкасающиеся с деревней, разработали ряд мероприятий по помощи бедноте. Можно привести целый перечень льгот, предоставляемых бедноте по линии земорганов, с.-х. налога, кооперации, кредитования, госстрахования и пр. На местах также, в свою очередь, созданы фонды помощи бедноте путем отчисления из местных бюджетов, прибылей кооперации и пр. Как же используются беднотой все эти преимущества? Весьма недостаточно. Парторганизации в своей практической работе уделяют очень слабо внимание продвижению вниз и проведению в жизнь мероприятий нашего государства о помощи бедноте. Прежде всего надо сказать, что беднота слабо осведомлена о предоставленных ей преимуществах. Для раз'яснения этого вопроса перед беднотой сделано весьма мало. Партийные комитеты, обсуждавшие вопрос об экономпомощи бедноте, сплошь и рядом ограничиваются общими директивами, не ведут достаточно твердой линии по созданию местных фондов помощи бедноте. Оказываемая помощь бедноте не используовывается в качестве орудия по коллективизации бедноты, а идет в порядке индивидуальном, и вообще слабо поставлено дело по кооперированию бедноты, на местах все еще встречаются случаи невыдержанной классовой линии в области кредитования, существующие фонды и льготы плохо используовываются.

С другой стороны, в ряде решений партийных комитетов недостаточно подчеркивается *производственная* сторона в деле помощи бедноте. Конечно, некоторые успехи в деле помощи бедноте на местах уже имеются. Ряд организаций (их меньшинство) добились создания фондов, и имеется кое-где оживление ККОВ на почве оказания бедноте производственной помощи, увеличилась помощь по линии земорганов (льготы по землеустройству, отпуску леса, прокату машин и пр.), развиваются простейшие кооперативные об'единения из бедняков (артели, машинные, семенные т-ва и пр.).

Вот сообщение о достижениях по помощи бедноте в Московской губернии:

> «В 1926 г. за счет бедняцкого кредита Московского Совета было распределено среди беднейших крестьянских хозяйств около 1 млн. руб. Немного больше половины этих средств было выдано деньгами, а остальное—натурой: машинами, коровами, лошадьми и прочим. Этот миллион рублей был распределен среди 6 тысяч бедняцких хозяйств и среди 400 коллективов.
>
> Благодаря этим деньгам, бедняцкие хозяйства получили около полуторы тысячи лошадей, около 1.800 коров, 39 тракторов, 242 молотилки 400 зерноочистительных машин, 2.331 простую с.-х. машину и пр.».
>
> («Московская Деревня» 19/XII).

В противовес этому можно привести постановление одного областного комитета партии о том, что не был использован даже фонд в 800 руб. по помощи бедноте.

Учет проводимой помощи бедноте поставлен весьма слабо. Нет никакой возможности выяснить, какое количество бедняцких хозяйств охвачено по всему Союзу *всеми* видами помощи, какой *реальный* производственный эффект оказанной помощи, какое количество хозяйств бедноты, как и в какой степени поднялось. Статистика во всех этих областях весьма хромает, на что, как со стороны местных парторганизаций, а также центральных органов, должно быть обращено серьезное внимание.

В целом же надо признать, что в деле помощи бедноте сделано весьма мало, места не проявляют достаточно инициативы и решительности в этой области. Эти настроения должны быть решительно преодолены, и помощь бедноте должна планомерно и систематически все более и более разворачиваться.

8. Выводы.

1. Годовая практика проведения решения октябрьского пленума ЦК (1925 г.) о работа среди деревенской бедноты, несмотря на ряд трудностей, стоявших и ныне еще стоящих на пути осуществления этого решения, с полной очевидностью показала, что партия вполне своевременно и правильно нащупала методы укрепления пролетарского влияния в деревне в период некоторого роста в ней капиталистических элементов.

2. Путь к изоляции кулака через организацию бедноты, укрепления союза ее с середняком под руководством проле-

тариата и его партии в основном усвоен местами. Вместе с тем парторганизации решительно преодолевают выявленные в отдельных случаях уклоны в крестьянской политике, отмеченные XIV партс'ездом (недооценка дифференциации деревни и недооценка середняка).

3. На вопросе об организации бедноты оппозиция вновь и вновь показала свою беспринципность, отсутствие какой-либо твердой линии. Ослепленная своей фракционностью, оппозиция не видит, что брошенное ею партии ни на чем не основанное обвинение в правом уклоне, в замазывании кулака, абсолютно не вяжется и находится в вопиющем противоречии с живой работой партии по организации деревенской бедноты.

4. Практика работы по организации бедноты показала, что союз пролетариата с крестьянством и, в частности, с центральной фигурой деревни—середняком—укрепился.

5. На ряду с имеющимися уже достижениями в деле организации бедноты (при перевыборах советов, по текущим вопросам жизни деревни) на основе постановки вопросов и проведения мероприятий по улучшению ее хозяйства, необходимо подчеркнуть со всей решительностью, что *проведенную работу достаточной считать нельзя* (имеется зачастую формальное отношение к организации бедноты, группы бедноты работают слабо, сельячейки вплотную не подошли к этой работе, недостаточно энергично проводятся мероприятия по эконом. помощи бедноте). Поэтому перед сельпарторганизациями выдвигается задача *систематически, планомерно и со всей решительностью* раздвигать в дальнейшем рамки проводимой работы.

Дж. Т. Мерфи.

Английское рабочее движение в 1926 г.

Не подлежит сомнению, что знаменательные события 1926 года представляют собой веху в английской истории текущего столетия. Эти события начались в разгар периода, известного под названием девятимесячного перемирия,—перемирия, в течение которого буржуазия Великобритании под руководством консервативного правительства спешно готовилась к сокрушению всеобщей стачки, взрыв которой она считала неизбежным. Свыше десятка вождей коммунистической партии находились в тюрьме. Сама коммунистическая партия была об'явлена нелегальной организацией. Правительство покровительствовало образованию штрейкбрехерских организаций. Полицейский и государственный аппараты впитывали в себя фашистские силы. Муссолини восхвалялся в качестве человека, умеющего заставлять рабочих выполнять их работу. Хулиганам, нападавшим на рабочих, выносились оправдательные приговоры в судах. Короче говоря, никогда еще демократия не подвергалась столь резкой критике, и никогда она так откровенно не выставлялась в столь смешном виде.

Во время процесса коммунистов судья заявил: «Правительство нашей страны не является ни консервативным, ни рабочим; когда мы говорим о правительстве нашей страны, то мы не имеем в виду ни г. Рамзея Макдональда, ни г. Болдуина. Мы говорим о короле и парламенте, об этом перманентном правительстве, существующем все время. Правительства часто падают, но когда мы говорим о свержении правительства, то мы подразумеваем под этим полное изменение конституции, уничтожение королевской власти и палаты общин и замену всех нынешних правительственных форм рабочим комитетом». После этого заявления ничего больше не остается сказать в защиту демократии.

Одновременно с идеологической и организационной подготовкой к классовым действиям правительство занялось отвлечением внимания населения в сторону угольной комиссии. Эта комиссия опубликовала доклад, и если мы можем рассматривать работу комиссии, с одной стороны, в качестве дымовой завесы, то, с другой стороны, ее решения, изложенные в докладе, дают ключ к пониманию тех затруднений, с которыми лицом к лицу стоит английский капитализм в экономической области, к пониманию методов, посредством которых он предполагает справиться с ними. Это можно резюмировать следующим образом. Англия теряет свои рынки в результате экономического развития конкурирующих с нею стран, а также роста производственной мощности в тех странах, которые раньше зависели от нее в отношении некоторых видов сырья и фабрикатов. В соперничестве с ее конкурентами Англии мешает организа-

ционная отсталость значительной части ее производственного аппарата. Поэтому предполагалось дать толчок процессу трестификации, снизить издержки производства путем рационализации труда и посредством наступления на условия жизни масс: посредством понижения заработной платы, удлинения рабочего дня и интенсификации труда. Таково было положение вещей в Англии в начале 1926 г., и таковы были планы буржуазии в борьбе с ним.

* * *

Всем было ясно, как это положение вещей отражалось на настроениях рабочего класса. Выйдя из кризиса 1925 года с тем впечатлением, что Генеральный совет конгресса трэд-юнионов и все трэд-юнионистское движение обнаружили солидарность, благодаря которой была отражена атака правительства, пролетариат, естественно, находился в бодром настроении, и атмосфера трэд-юнионистского движения была в тот период пропитана духом энергичного стремления вперед. Генеральный совет снова стал пользоваться престижем, который он потерял в глазах трэд-юнионов со времени несчастья 1921 года. Левое крыло конгрессов в Гулле и Скарборо, в котором русские профсоюзы играли такую значительную роль, увеличило его престиж. Образование англо-русского комитета также в весьма значительной степени содействовало этому.

В начале 1926 года в рядах Генерального совета обнаружился страх перед наступающими событиями. Уже на конгрессе в Скарборо в 1925 году со стороны так называемых лидеров левого крыла проявился страх перед ответственностью за руководство политикой Генерального совета. Хикс отказался выставить свою кандидатуру в председатели, опасаясь, что он может быть избран. Персель отказывался произнести радикальную речь, пока он не получил уверенности в том, что он не будет лидером Генерального совета, а лишь его охвостьем. Тем не менее давление масс, все более совпадавшее с линией, выдвигавшейся коммунистической партией и движением меньшинства, сделало невозможным для них открытое изменение политической линии, которая нашла выражение в кризисе 1925 года и достигла высшей точки своего развития в «Красную пятницу».

Что касается Макдональда и Томаса, то они по отношению к преследованиям, начатым против коммунистов (к которым они явно подстрекали правительство на ливерпульской конференции рабочей партии), и по отношению к активной подготовке правительства к непосредственной борьбе заняли ту позицию, что-де преследования коммунистических вождей «неудобны в настоящий момент», и открыли парламентские дебаты по вопросу о свободе слова. Они заявили, что всякие разговоры в рабочих организациях о подготовке борьбы должны быть осуждены в качестве провокационных, и в видах конкуренции с правительством в области стратегических диверсий рабочая партия выработала идеалистический план реорганизации горной промышленности, который должен был показать, что предприняла бы рабочая партия, если бы она располагала согласием народа, выраженным путем парламентского большинства. Г-н Макдональд нес околесицу о «ненаучном снижении заработной платы», а г. Томас что-то также

болтал о необходимости «считаться с фактически-существующим экономическим положением».

Другие профсоюзные лидеры Генерального совета в начале 1926 года стали проявлять робость. Г-н Ситрин, генеральный секретарь конгресса трэд-юнионов, задал в январском выпуске «Labour Magazine» следующий вопрос: «Каковы перспективы для рабочего движения в течение нового периода полуреволюционных стачек, в который страна, очевидно, вступила по логическому ходу событий? Не может быть никакого сомнения в том, что мы имеем перед собой бурные перспективы в экономической области... Политика предпринимателей и все больше расширяющееся вмешательство правительства в экономические конфликты указывают, по моему мнению, на то, что страна идет к полному кризису в экономической области. Я полагаю, что следует взять более разумную и безопасную политическую линию и что профсоюзное движение может оказать содействие в выработке этой политической линии. Но прежде всего мы должны знать, куда мы идем и какие ужасные возможности находятся на этом пути. Я могу особенно подчеркнуть, что Генеральный совет трэд-юнионов сильно встревожен этими проблемами и уделяет им очень большое внимание».

Мы знаем, куда завело их это беспокойство, но тогда массы не поняли еще выводов из этой вопрошающей заметки и в полной мере эти выводы не были сделаны даже Генеральным советом. В февральском выпуске «Labour Magazine», ежемесячного органа Генерального совета конгресса трэд-юнионов и рабочей партии, произведена беспощадная атака на Амстердамский Интернационал по поводу отказа последнего от встречи с профсоюзами СССР. Статья эта протестовала против отклонения предложений английских представителей, и в ней заявлялось, что Генеральный совет взял на себя обязательство на конгрессе в Скарборо «продолжать свою работу в направлении к осуществлению единства международного пролетарского движения. Он не действует без мандата. Он имеет ясную обязанность действовать, и его выступления носят прямой недвусмысленный характер и имеют в виду защиту важнейших интересов пролетарского движения».

Это было последнее завещание относительно международного единства, появившееся в этом журнале до всеобщей стачки. Казалось бы, что при создавшейся ситуации, которая, как было известно лидерам, должна была очень скоро обостриться еще более, англо-русский комитет должен был приобрести в их глазах большее значение, чем раньше. На самом же деле Генеральный совет начинает пятиться назад. Лидеры хотели менее всего перенесения соглашения, заключенного с русскими профсоюзами, из области дискуссии относительно будущих формальных взаимоотношений в международном профсоюзном движении — в область борьбы, происходящей в настоящее время. Однако, рабочие массы не могли брать все эти заявления и критику Амстердамского Интернационала вне связи с обязательствами по отношению к борьбе, ведущейся в настоящее время. Уже одна связь, установившаяся между английскими и русскими профсоюзами, в представлении английских рабочих влекла за собой отказ от предательских методов, к которым прибегали английские профсоюзные лидеры во время прежних конфликтов. Гулль,

Скарборо, англо-русский комитет играли огромную роль в это время в смысле развития воли масс к об'единенной борьбе и решения масс не допустить сдачи горнорабочих. Массы знали, что русские вожди—коммунисты, и этот факт играл немалую роль, облегчая развитие влияния коммунистической партии и движения меньшинства, которые шли в ногу с событиями. Вот факторы, содействовавшие больше, чем что-либо другое, идеологической подготовке масс к майскому кризису.

История всеобщей стачки и борьбы горнорабочих уже известна. Нет необходимости поэтому повторять ее здесь. Но следует отметить некоторые наиболее выдающиеся черты этих событий. Мы были свидетелями изменений, равных которым не было раньше. Нервное выжидание дальнейшего развития событий, характерное для деятельности лидеров левого крыла, отмеченное мной выше в отношении Перселя, Хикса и Ситрина, превратилось в панику, и они стали в конце концов более сильными защитниками капитуляции, чем сами лидеры «правого крыла», терпеливо выжидавшие момента для проведения своей политики. Ничто не свидетельствует об этом факте так ясно, как их деятельность в англо-русском комитете, в котором они представляли Генеральный совет английских трэд-юнионов. В месяцы борьбы горняков они совершенно перестали быть защитниками англо-русского единства и стали его ярыми противниками. Это логически вытекало из позиции, занятой ими по отношению к развивавшейся в Англии борьбе. Мы видели уже, что они стремились найти иной путь для рабочих, чем конфликт. Естественно поэтому, что они были очень недовольны, когда русская половина англо-русского комитета предложила помощь для борьбы, которой они не хотели вести. Вполне естественно было, что трусы были разозлены, когда лидеры русских профсоюзов рассказали всему миру истину об их предательстве. Вполне логично также, что раз они открыто вступили на путь предательства горняков, они отказались обсуждать вопрос о помощи горнорабочим, заявили, что они сделали все, что можно было сделать, отложили дальнейшие собрания комитета, который мог только лишний раз сообщить об их предательстве, повернули в сторону Амстердама, частным образом одобрили отказ английского правительства в выдаче виз делегатам ВЦСПС на конгресс трэд-юнионов в Борнемуте и отказались послать делегатов на с'езд ВЦСПС.

Известно, что существовало мнение, что представителям ВЦСПС нужно уйти из англо-русского комитета. Это предложение имело своей основой совершенно неверную оценку роли этого комитета. Во всех положительных выступлениях, предпринятых этим комитетом, русские профсоюзы играли руководящую роль. Все действия английских профсоюзов сводились или к согласию с предложениями русских профсоюзов или к выражению отрицательного к ним отношения. При этих обстоятельствах англо-русский комитет получил цену в глазах английских рабочих, благодаря присутствию в нем русских, а английская часть его пользовалась престижем в глазах рабочих лишь постольку, поскольку она соглашалась с политикой русских профсоюзов. Полное банкротство Генерального совета и его представителей в англо-русском комитете и саботирование деятельности комитета дискредитировали не комитет в целом, но лишь английскую

часть его. Русская часть, лойяльно придерживающаяся политики, принятой при образовании комитета, в умах английских рабочих олицетворяет собой все надежды, возникшие у них во время образования и развития англо-русского комитета. В глазах рабочих Англии комитет является наиболее конкретным выражением международной солидарности, какой они когда-либо видели. Тот факт, что Генеральный совет конгресса трэд-юнионов саботировал АРК, еще больше роняет в их глазах престиж Генерального совета, но он никоим образом не останавливает процесса революционизирования английского пролетариата. Наоборот, переход Генерального совета на сторону консервативного правительства наиболее ясным образом обнаруживает различие, существующее между коммунистическим руководством и реформистскими лидерами рабочей партии. Если бы русские профсоюзы выступили из комитета, то это сыграло бы на руку Генеральному совету. Но до тех пор, пока русские профсоюзы продолжают стоять на своей позиции и пропагандируют необходимость существования англо-русского комитета, они помогают рабочим массам Англии осознавать потребность в изменении руководящего состава их профсоюзов и, таким образом, помогают процессу революционизирования масс, всегда служившему главным оправданием существования комитета.

* * *

Сохранение этой политики в особенности необходимо в виду радикальных перемен, имевших место в течение второй половины 1926 года. Несмотря на то, что английская буржуазия вышла из всеобщей стачки свирепой и могущественной, уверенной в своей способности заставить весь рабочий класс выполнять ее волю, все же упорное сопротивление горнорабочих в течение летних и осенних месяцев, а также и ее собственная тупость, проявившаяся во взбалмошном способе, посредством которого она пыталась ввести восьмичасовой рабочий день и выступить против тех элементов, которые она призвала к себе на помощь, значительно ослабили ее позицию. Нет ни малейшего сомнения в том, что всеобщая стачка пробудила политическое сознание значительного числа рабочих, относившихся до сих пор индифферентно к судьбам рабочего движения. Результаты муниципальных выборов, давших чистый выигрыш в 200 мест, и дополнительные парламентские выборы показывают, что этот факт не подлежит оспариванию. Дополнительные выборы показывают еще более того. Они раскрывают тот факт, что всеобщая стачка усилила процесс разложения, совершающийся в рядах либеральной партии. Со времени последних общих выборов были произведены дополнительные выборы для замещения 25 мест. 22 из них оспаривались как во время всеобщих выборов, так и на дополнительных выборах. Результаты весьма характерны, и мы приведем их здесь:

	Общие выборы.		Дополнительн. выборы.	
	Места.	Голоса.	Места.	Голоса.
Рабочая партия	5	227.062	10	243.566
Консервативная	14	280.009	11	220.102
Либеральная	3	164.153	1	51.492

Во время общих выборов либералы выставили лишь 17 кандидатов на эти 22 места. При дополнительных выборах либеральная партия выставила не менее 21 кандидата. Эти 21 кандидат собрали меньше трети голосов, собранных 13 кандидатами во время общих выборов.

Следует также отметить, что более половины из этих 22 дополнительных выборов состоялись после всеобщей стачки и показывают поворот, начавшийся среди масс избирателей от правительства в сторону рабочей партии. В течение того же периода лидеры либералов под руководством Ллойд-Джорджа, вместо политики поддержки правительства в его борьбе со всеобщей стачкой, стали в оппозицию к правительству. Тем временем федерация горнорабочих, устоявшая против капитулянтской тактики Генерального совета, быстро прошла через процесс дифференциации в ее рядах, идущий вместе с более широким процессом, совершающимся в рабочем классе, хотя и более медленным темпом. В течение нескольких месяцев большинство горняков приняло идеологическое руководство коммунистической партии и движения меньшинства, несмотря на сопротивление своих лидеров.

* * *

Торжество правительства было, таким образом, кратковременным. Действуя подобно слону в лавке китайских изделий, оно рассеяло свои силы, дало толчок не только усилению движения в сторону рабочей партии, но также и дифференциации в рядах рабочего движения. Ничто не помогло в большей степени этому процессу, чем позиция правительства в отношении русских профсоюзов и СССР. Его злобная кампания клеветы и ненависти против Советского Союза в течение того периода, когда русские профсоюзы стояли в авангарде рабочего класса всего мира в отношении помощи, оказанной английским горнякам, представляла столь поразительный контраст, что всякий, кто пытался занять среднюю позицию между консерваторами и горнорабочими, оказывался в явно абсурдном положении. Необходимо было сделать выбор: с консерваторами и против горняков, *или* с горняками и против консерваторов. Если вместе с горнорабочими, тогда значит вместе с русскими профсоюзами. Попытка со стороны многих лидеров рабочей партии и трэд-юнионов увернуться от этой дилеммы дискредитировала их в большей степени, чем все их предыдущие колебания. Возьмите, например, Роберта Смилли; его попытка в рядах его собственного союза в Ланаркшире, в котором он играл руководящую роль в течение многих лет, провести разграничительную линию между русскими профсоюзами и горнорабочими, ведшими классовую борьбу, привела его к стремлению дискредитировать коммунистических вождей, находившихся в исполкоме его профсоюза, в особенности тов. Аллана, состоящего в настоящее время членом ЦК нашей партии, и изгнать их из федерации горнорабочих. Все эти его стремления закончились полной неудачей, и они вызвали контркампанию протеста против Смилли, какой он еще не видел на своем веку. Таким образом, чем резче правительство нападало на русские профсоюзы, тем более оно толкало рабочий класс и в особенности горнорабочих в сторону русских профсоюзов и их коммунистических руководителей. Чем более выяснялось, что правительство служит интересам шахтовладельцев, тем в большей степени рядовая масса горняков подпадала под влияние коммунистической партии и движения меньшинства; и это продолжалось до тех пор, пока мы не оказались свидетелями знаменательного явления, когда местные и национальные лидеры отказывались итти дальше в борьбе, несмотря на решения большинства федерации горнорабочих о продолжении борьбы, вынесенные под влиянием коммунистической партии и движения меньшинства. Это было проявление процесса дифференциации. К концу локаута число членов коммунистической партии удвоилось, и она дальше продолжала свою вербовочную работу. Последний факт является свидетельством как духа масс, так и правильности главной линии, проводимой партией в течение конфликта.

* * *

Окончание локаута горняков послужило началом дальнейшего важного периода в процессе преобразования английской политики. Правительство и лидеры рабочей партии после окончания всеобщей стачки были разочарованы. Они думали, что окончание всеобщей стачки послужит сигналом к общему возвращению на работу и к деморализации масс. Результат был другой. 1926 год не был 1921 годом. Окончание локаута принесло, таким образом, с собой крушение иллюзий. Правительство полагало, что горнорабочие будут сломлены как в моральном, так и в организационном отношении. На самом деле имело место обратное явление. Рабочие лидеры полагали, что они возложат всю ответственность за поражение на «красных» и что им удастся использовать поражение для увеличения количества поданных за них голосов во время парламентских выборов; это казалось им наиболее «джентльменским» методом ведения споров с английскими «джентльменами». Это оказалось, однако, более трудным, чем они ожидали. Вместо приостановки роста коммунистической партии, число членов партии и ее влияние продолжали расти. Господствующим настроением массы было не разочарование и деморализация, а озлобление и все возрастающая решимость к подготовке к более решительным боям. Ничто не свидетельствует об этом факте более ярко, как неудача попыток к образованию «компанейских союзов». Наиболее важной попыткой в этом направлении была попытка Спенсера, лидера ассоциации ноттских горнорабочих, который был исключен из федерации. В его распоряжение были предоставлены тысячи фунтов стерлингов с целью создания компанейского союза. Немедленно после окончания локаута шахтовладельцы приступили в этой местности к проведению политики репрессий, но, несмотря на это, на выборах двух инспекторов шахт в Уэльбенской копи (Мансфильд), кандидат ассоциации ноттских горнорабочих получил 600 голосов в то время, как кандидат «компанейского союза» получил лишь 12. При выборах четырех должностных лиц секции ассоциация ноттских горнорабочих собрала свыше 700 голосов против 10 в среднем, поданных за сторонников Спенсера. Из 45.000 горнорабочих, работающих в Ноттских угольных копях, спенсеровский союз с помощью хозяев не был в состоянии привлечь более 230 членов. Перспективы образования компанейских союзов не весьма розовые для хозяев. Это очень ясно доказывает также

и то, что лидеры рабочей партии снова ошибаются в своем толковании значения роста голосов во время недавних дополнительных выборов. Они говорят о маятнике, качающемся «от экономического действия к политическому действию». Рост числа голосов, оказывается, является не противоположностью стачечного действия, но вытекающим из него явлением. Массы ни в коем случае не потеряли веры в массовые действия, как в 1921 году. В них, наоборот, увеличилось доверие к своим собственным силам, и они прониклись большим скептицизмом в отношении роли лидеров во время массового наступления. Насколько глубоким является этот скептицизм, это мы увидим в течение ближайших лет. Иллюзии относительно достижений через парламентские действия все еще сильны, и весьма вероятно, что великий разрыв рабочей организации с Макдональдом и Томасом не случится раньше образования рабочего правительства, располагающего большинством голосов в парламенте. Это кажется теперь настолько близким к практическому осуществлению, что мысль об этом, с одной стороны, направляет левое движение в сторону коммунистической партии, а, с другой стороны, увеличивает страх правительства, которое в разгар своей победы, одержанной им над всеобщей стачкой, начало кампанию за ограничение прав трэд-юнионов, как в отношении стачечных выступлений, так и в отношении политических взносов. Не подлежит сомнению, что правительство предпримет некоторые меры против профсоюзов, но к концу 1926 года оно уже колебалось по вопросам о рациональности выступления против политических сборов и проведения полностью своей программы лишения безработных получаемых ими пособий и т. д. Правительство не убеждено в благоприятных результатах этих мероприятий, ибо оно убедилось во все возрастающей непопулярности предпринятых им агрессивных шагов в области классовой борьбы.

Имеется ряд факторов, способствующих этой неуверенности, при чем не последнюю роль играет реагирование лидерами рабочей партии и профсоюзной бюрократии на обострение борьбы.

Последние укрепили свои ряды и предлагают взамен революционного пути—установление мира в экономической области и создание рабочего правительства, располагающего большинством в парламенте, поддерживая иллюзию, будто это создаст возможность безболезненного введения социализма. В то же время они признают обеднение профсоюзов препятствием не только для экономической борьбы, но и для сбора денег в пользу рабочей партии. Поэтому в виду тяжелых условий существования пролетариата они обратились к мелкой буржуазии, стали проповедывать идею о превращении рабочей партии в великую национальную партию, обострили свое отрицательное отношение к коммунистам и обратились к либералам с призывом оставить тонущее судно либеральной партии и найти в рабочей партии фактического хранителя принципов либерализма. В то же самое время независимая рабочая партия, которой принадлежит гегемония в рядах рабочей партии, начала кампанию за овладение кооперативным движением и за использование господствующих в нем мелкобуржуазных настроений. 75% из пяти с половиной миллионов членов кооперативов в Англии составляют женщины. Мелкобуржуазные элементы гораздо сильнее укрепились в кооперативном движении, чем в самой рабочей партии, и в их рядах

находят сочувственный отклик утопические схемы и пацифизм независимой рабочей партии. Рабочая партия сопроводила эту кампанию независимой рабочей партии заключением союза с целью сотрудничества между рабочей партией и кооперативной партией, что означает усиление мелкобуржуазных элементов в местных секциях рабочей партии и что дает возможность рабочей партии получить финансовое подкрепление в виду значительного истощения профсоюзных фондов.

* * *

1927 год начался, таким образом, при существовании правительства, становящегося все более и более непопулярным и предпринимающего наступление против рабочего класса на всех фронтах. В международном масштабе правительство маневрирует, выжидая удобного случая для фронтальной атаки против Советского Союза и китайской революции; в национальном масштабе оно замышляет издать законы, которые сковали бы по рукам и ногам рабочие организации. Ответ, который дает на это рабочая партия в начале года, это не ответ классовой войны, а ответ классового сотрудничества; это—обращение к средним слоям и попытка изолировать силы, сознательно стремящиеся к классовой борьбе. Коммунистическая партия выдвигается, таким образом, на первый план в качестве единственного руководителя рабочих в классовой войне. Вокруг нее собираются во все возрастающем числе массы, утратившие иллюзии относительно руководителей рабочей партии. Успехи коммунистической партии, достигнутые ею в 1926 году в трэд-юнионах, и линия ее поведения в борьбе масс, все в большей степени признаваемая правильной, сильнейшим образом увеличили ее престиж. Теперь ей предстоит доказать свою способность к об'единению ее усилий по восстановлению сил профсоюзов для массовых стачечных выступлений с энергичным участием в парламентской борьбе с целью подготовки масс к ликвидации иллюзий, существующих относительно рабочего правительства, и прививки правильных представлений на этот предмет. Коммунистическая партия должна показать, что борьба за рабочее правительство—это борьба за завоевание почвы для углубления и расширения борьбы против буржуазии и что эту борьбу нельзя вести в гостиной, где очаровательные леди и джентльмены вводят социализм нежными руками посредством учтивых фраз. По мере того, как коммунистическая партия Великобритании будет успешнее вести эту линию, и по мере проведения ею успешной мобилизации движения меньшинства и левого крыла рабочей партии изоляционная политика бюрократов из рабочей партии и трэд-юнионов будет терпеть поражение. 1927 год должен дать в этом отношении не меньшие результаты, чем 1926 год.

П. Китайгородский.

Перегруппировка сил в западном секторе Средиземного моря.

Точно по Гегелю. Империалисты заключают меж собою союзы для подавления общего врага и тут же строят козни друг против друга. Все у них находится, так сказать, «в процессе становления». Это «друго-враги».

Взять хотя бы французов и испанцев. Всего лишь год с небольшим, как между Францией и Испанией было достигнуто общее соглашение на предмет совместного выступления против Абд-Эль-Керима. Новые «друзья» полюбовно разделили меж собою сферы влияния в Марокко. Кому достались вершки, а кому корешки. Но это не столь существенно. Важен, так сказать, общий результат такого совместного выступления. Угроза, нависшая как над французским, так и над испанским господством в Марокко благодаря революционному восстанию Риффа, в результате дружно проведенной англо-французским флотом блокады берегов Риффа и переброски 300-тысячной франко-испанской армии, почти ликвидирована. Абд-Эль-Керим, как в свое время Шамиль, боровшийся в горах Кавказа против русского царизма, вынужден был сдаться в плен на милость победителя. От грандиозного централизованного восстания Риффа остались лишь дезорганизованные партизанские выступления. Герой Риффа Абд-Эль-Керим отправлен на далекие острова Гваделупы (в центральной Америке). Племена Тазы и Риффа предоставлены самим себе. Кое-где то на одном, то на другом участке риффского фронта вспыхивают восстания почти уже, казалось, «умиротворенных» племен. Эти разрозненные восстания рассеявшихся отрядов Абд-Эль-Керима приковывают к себе франко-испанские войска. Последние не могут быть эвакуированы из боязни, как бы вновь не появился из темных и глубоких ущелий высокого Атласа какой-нибудь Абд-Эль-Керим № 2 и «союзникам» не пришлось бы начать сказочку сначала...

Итак, вчерашние и сегодняшние франко-испанские союзники продолжают еще и по настоящий день «кровью и железом» умиротворять непокорный Рифф. Но тут же коварная маленькая Испания заключает союз с противником Франции правительством Муссолини и с согласия и поощрения последнего выдвигает требование о пересмотре «генерального акта» Алжесирасской конференции 1906 г. и о передаче Лигой Наций Испании мандата на г. Танжер, или о полном и безоговорочном включении без мандата всей «нейтральной» зоны Танжера в состав испанских владений в Северном Марокко.

Пересмотр Алжесирасской конференции 1906 г.! Ведь это же поход против Франции, упрочившейся в Марокко, это ведь покушение на ее привилегии в стране мавров! Пересмотр алжесирасского акта означает не более и не менее, как уступку Францией кое-каких прав другой державе—Италии: это означает, что империалистическая Франция, получившая на Алжесирасской конференции в 1906 г., благодаря поддержке Англии и России, и других держав, почти монопольное право эксплоатации Южного и Среднего Марокко, должна сейчас потесниться и дать место новому сопернику—Италии, протежируемой той же Англией.

Далее. Согласиться на требования своего «союзника»—Испании, о предоставлении ей гор. Танжера—значит лишиться возможности стать когда-нибудь твердой ногой в уязвимом для Гибралтара пункте. Ибо Испания всегда будет орудием в руках Англии против Франции, особенно в западной части Средиземного моря. Слабая Испания Великобритании не страшна. Танжер в руках Испании более опасен для Франции, нежели для англичан. Разве для этого «благородная» Франция столько жертв принесла в борьбе с Абд-Эль-Керимом, чтоб не только Рифф остался за Испанией, но чтоб и Танжер, этот центр французских интриг, окончательно уплыл из ее рук? Зачем же было огород городить, для чего нужна была Франции столь дорого обошедшаяся ей война с Абд-Эль-Керимом, раз в результате победы Франция лишается возможности пробиться к Гибралтару и вдобавок еще должна пойти на кое-какие уступки Италии в западной части Средиземного моря?

Неудивительно, что Франция резко выступила против домогательств Испании на Танжер, решительно воспротивилась пересмотру алжесирасского договора и категорически высказалась против созыва новой международной конференции по марокканскому вопросу.

Злая ирония состоит в том, что в то самое время, как Франция резко выступает против требований Испании, интригует против последней на заседаниях и за кулисами Лиги Наций, возражает против предоставления своему «союзнику» места в Совете Лиги,—в это самое время франко-испанские войска продолжают совместно кровавую и «священную» борьбу «умиротворения» Риффа!

Чем не «друго-враги»? Такова диалектика империализма. Но мы должны подробнее рассказать читателю, что это за Алжесирасская конференция, в чем смысл борьбы из-за Танжера и какова роль Италии в этой борьбе.

Еще в 1902 г. знаменитый «Парижско-Голландский Банк», при поддержке тогдашнего французского мининдела Делькассе, становится во главе консорциума французских банков, который предоставляет марокканскому султану заем в 7.500.000 золотых франков[1]). Это был первый заем, первый «золотой шнурок», которым, по выражению К. Маркса, капитал душит правительства колониальных и не только колониальных стран. Экспансия Франции в сторону Марокко началась, пожалуй, с этого займа. Железные, цинковые и медные рудники и фосфаты, которыми столь изобилует Марокко, стремление к территориальному захвату Марокко, тогда еще почти «независимой» страны,—вот что при-

[1]) См. журнал «Cahier du bolchevisme» за апрель 1925 г., ст. т. Дуплекса.

влекло, как магнит, французский империализм. Последний буквально связывает по ногам и рукам феодальную аристократию Марокко с султаном во главе.

Но на пути французского проникновения в Марокко стояла во-первых, Англия, затем Германия, Испания и др. Тогда в 1904 г. «Парижско-Голландский» консорциум вступает в соглашение с английскими и испанскими банками, которые ссужают марокканскому султану: «Парижско-Голандский Банк»—62.500.000 франков (из этой суммы тут же вычитаются проценты и погашение первого займа 1902 г.); 7.500.000 франков предоставляют английские банки и 10 миллионов пезетов—испанские банки. Гарантией этих займов служат доходы с восьми марокканских таможен, перешедших в ведение иностранных кредиторов.

Кабальные сделки совершились. Марокко—об'ект эксплоатации финансового капитала. Политически это означало: Англия и Франция сближаются меж собою, они на пути общего соглашения против грозного врага—Германии. Совместные финансовые операции в Марокко являются мостом к заключению соответствующего политического соглашения.

Оно не замедлило явиться. Англия всецело поддерживает Францию на Алжесирасской конференции в 1906 г. На этой конференции присутствовали представители Англии, Франции, Испании, Германии, Италии, Соед. Штатов Сев. Америки, Австрии, России, Швеции, Голландии, Бельгии, Португалии и Марокко. В итоге 4-месячных заседаний конференция приняла так называемый «генеральный акт», которым формально признавался суверенитет марокского султана, но одновременно приняты меры к созданию целого ряда «интернациональных институтов» в роде «государственного банка», таможен, полиции и т. д.

Государственный банк был создан с капиталом в 15.400.000 франков с 14 администраторами, из которых два француза и по одному от каждых представленных 12 остальных государств. Франции было предоставлено преимущественное преобладание в финансовых учреждениях согласно следующей формуле:

Франция	33% [1]
Англия	17%
Германия	17%
Испания	17%

Остальным государствам, в том числе и России, по 2%.

Впоследствии Франция еще более усилила свое влияние в государственном банке, учрежденном в Танжере. А после войны 1914—1918 гг. паи Австрии, Германии и России были, согласно версальскому договору, переданы французам, что ещё более усугубило преобладающее влияние Франции в государственном банке.

Мы здесь не будем останавливаться на дальнейших этапах проникновения французского капитала в Марокко. Об этом имеется громадная литература и на русском языке. Нам важно здесь отметить только, что в результате «алжесирасского акта» французский империализм при поддержке Англии все более укреплял свое влияние в Марокко. Англия была тогда чрезвычайно заинтересована в окружении Германии и противопоставлении ей на континенте Европы своего мощного союзника в лице Франции. Отсюда—и поддержка Франции Англией на Алжесирасской конференции.

[1] См. Martin, «Précis de sociologie Nord-africaine», 185 стр.

Но вопрос о г. Танжере не был окончательно вырешен ни на Алжесирасской конференции, ни на последующих конференциях, последовавших за ней, вплоть до 1923 г. Версальский договор, как известно, заставил Германию отказаться от всех своих прав на свои колонии в Африке и других частях света. Это еще более укрепило положение Франции в Марокко. Однако, теперь положение резко изменилось. Вместо Германии, выбывшей из строя первоклассных империалистических держав, на горизонте Средиземного моря показалась Италия. Нужно было спешить покончить с оставшимся открытым вопросом о Танжере. Англия, Франция и Испания в течение 1921—1923 гг. то сговаривались, то расходились по поводу Танжера и, наконец, 17 декабря 1923 г. пришли к общему соглашению, зафиксированному в так называемом «танжерском статуте».

Италия требовала участия на лондонской конференции по танжерскому вопросу, но Англия, Франция и Испания категорически воспротивились и не допустили ее к участию в работах конференции. Лишь после того, как был выработан «танжерский статут», Италии, равно как и всем остальным державам, подписавшим «алжесирасский акт» 1906 г., было послано приглашение присоединиться к этому соглашению. Впрочем, было сделано одно исключение: СССР приглашение не было послано.

В чем заключается «танжерский статут»?

Прежде чем ответить на этот вопрос, придется сделать маленькое отступление. Танжер является небольшим городом, насчитывающим 50 тысяч жителей, преимущественно арабов. Этот город является транзитным и складочным пунктом для товаров, отправляемых по железной дороге Танжер—Фец в глубь Марокко, и по караванным путям—в Рифф и другие области Северного Марокко.

Но не это обстоятельство делает Танжер об'ектом империалистического раздора. Экономическое положение Танжерского порта невелико. Сотни и тысячи коммерческих судов проплывают ежедневно мимо, не причаливая к танжерской гавани. *Танжер важен, как стратегический пункт, находящийся в недалеком расстоянии от Гибралтара.* Англия как до войны, так и в настоящее время крайне заинтересована в недопущении какой-либо сильной державы к овладению Танжером.

Особенно в настоящее время, когда подводные лодки стали таким мощным вспомогательным орудием надводного флота, англичане сугубо заинтересованы в том, чтоб Танжер не превратился в морскую базу. Это могло бы свести на-нет все стратегическое значение Гибралтара, запирающего ворота из Атлантического океана в Средиземное море.

В связи с развитием военной техники, мощность береговой артиллерии чрезвычайно возросла. Достаточно сделать в Танжере, на возвышенности, установку для артиллерийских орудий, как гибралтарская крепость окажется под угрозой обстрела с противоположной стороны Средиземного моря. Уже в 1924 г. английская печать отмечала, что усовершенствование военной техники сводит на-нет роль Гибралтара, и любая держава, овладев

противоположным берегом Средиземного моря в Северо-западной оконечности Африки, может превратить Танжер в опорную базу и запереть английским судам путь из Атлантики в Средиземное море и обратно.

Вот почему Англия сугубо противится тому, чтоб гор. Танжер перешел в руки Франции и до сих пор предпочитает «нейтрализацию» Танжера. *В крайнем случае*, англичане согласились бы на передачу Танжера Испании при условии получения гарантии, что в этом порту не будут возведены никакие вооружения. Слабая Испания для Англии не опасна; за спиною Испании Англия может свободно орудовать [1]). Францию же опасно допустить к Танжеру, ибо она может в случае войны легко отрезать путь английским судам. Этими соображениями продиктована политика Англии в Танжерском вопросе.

На упомянутой выше Лондонской конференции 1923 г. был выработан «статут по управлению Танжером». Согласно этому «статуту», танжерская зона (город Танжер и его окрестности с населением в 70 тысяч жителей) подчинена формально власти султана, представитель которого—«мендуб»—уполномочен возглавлять туземное население. Европейцы же имеют своего особого правителя, утверждаемого на 10 лет. В специально созданном «законодательном органе» танжерской зоны обеспечено большинство за европейцами. Это «Представительное Собрание» состоит из 4 французов, 4 испанцев, 3 англичан, 2 итальянцев, 1 бельгийца, 1 португальца, 1 голландца, 1 американца, 6 мусульман и 3 туземных евреев. Таким образом, мусульманские представители тонут в общей массе европейцев. (Между прочим, ни Соед. Шт. Америки, ни Италия до сих пор не признали «танжерского статута»).

Таможни находятся в руках европейцев, среди которых французы составляют большинство. В государственном банке, как мы уже выше указали, тон задают французы. Этот банк совершенно самостоятельно, вне правительственного контроля, совершает свои грязные делишки.

Как эмиссионный банк «Государственный банк Марокко» открывает кредиты на общественные работы, проведение желездороги, разработки рудников и т. д., выдает ссуды торговцам и широко субсидирует разные промышленные предприятия. Всюду чувствуется французская рука.

Французы все время стремились обосноваться здесь и упрочить свое экономическое влияние в Танжере, дабы впоследствии окончательно им овладеть для целей политических и военно-стратегических. Рестораны, отели, кафе, театры, лавки, мануфактурные товары, ходячая монета,—все французского происхождения.

До войны Франция занимала первое место среди импортеров. В 1913 г. французский импорт в Танжер составлял 47% общего ввоза в этот порт. Во время войны французских торговцев вытеснили испанские коммерсанты. Но после войны Франция опять стала занимать первенствующее место в импорте в Танжер.

Франция стремится подвести солидную экономическую базу под свою политико-стратегическую программу, которую она раз-

1) В меморандуме, поданном английским адмиралтейством Чемберлену, морские специалисты категорически высказываются против предоставления кому бы то ни было мандата на Танжер.

вивает в Танжере. Борьба за Танжер есть борьба за гегемонию в западной части Средиземного моря, это есть борьба за овладение позицией, которая должна дать французскому империализму возможность подорвать морское могущество Англии. В этом важнейшем узле, где пересекаются великие торговые и военные дороги, Франция еще с 1902 г. стремится упрочиться, но она неизменно наталкивается на противодействие Англии.

После войны на горизонте Средиземного моря появилась Италия, требующая тоже себе солидной доли в северной Африке. Если в 1923 г. с Италией не считались, не допускали ее на пушечный выстрел к управлению Танжером, то сейчас мы видим совершенное иное отношение к ней, главным образом, со стороны Англии. Последняя все более заигрывает с итальянским империализмом, стараясь вовлечь его в свою орбиту и использовать его против Франции. Окончательно Англия обернулась лицом к Италии в Рапалло (в декабре 1925 г.), где на свидании между Чемберленом и Муссолини состоялось полное соглашение по разным колониальным вопросам на Ближнем Востоке. Этим фактически обозначалась новая перегруппировка сил на Средиземном море. Чемберлен дал много авансов Муссолини и насчет Абиссинии, и Египта (уступка части египетской территории—оазиса Джерабуба—в пользу Италии), и Танжера. Вот что мы читаем в «Таймсе» от 10 июля: «Между правительством Италии и великобританским правительством произошел обмен мнений по вопросу о Танжере. Итальянское правительство согласно присоединиться к «танжерскому статуту» при условии предоставления Италии такой же доли участия в управлении Танжером, каковая предоставлена Франции, Англии и Испании. Форейн Оффис целиком будет поддерживать это требование итальянского правительства». Англия гарантирует свою поддержку Италии, ровно как в 1906 г. она гарантировала на алжесирасской конференции свою поддержку Франции. Англия заинтересована в ослаблении роли Франции в западной части Средиземного моря и пользуется Италией в качестве противовеса Франции.

Италия не без ведома Англии заключила союз с Испанией несколько месяцев спустя после свидания в Рапалло. Этот итало-испанский союз направлен непосредственно против Франции. Еще в 1923 г. между Италией и Испанией установилась дружественная связь, был заключен торговый договор, давший определенные выгоды Италии. Теперь этот экономический договор получил политическое выражение. 13-й пункт этого союзного договора гласит: «Если одна из договаривающихся сторон подвергнется нападению со стороны третьей державы, то другая договаривающаяся сторона обязуется соблюдать во все время войны дружественный нейтралитет». Этим Италия выговорила себе свободу действий в Средиземном море на случай столкновений с Францией.

Будучи чрезвычайно заинтересована в ревизии «генерального акта», выработанного на алжесирасской конференции в 1906 г., Италия толкнула Испанию на возбуждение танжерского вопроса. Испания ухватилась обеими руками. Выступая с требованием предоставления ей мандата на Танжер, она угрожала, что в противном случае ей придется уйти из Марокко. Читай: пусть попробует Франция сама «умиротворить» Рифф. «Испания,—сказал Примо-де-Ривера,—принесла в жертву 40,000 человек и

500 миллионов пезетов. Если Танжер не будет включен в испанскую зону северного Марокко, то все эти жертвы окажутся напрасными, ибо Танжер всегда останется очагом интриг и повстанческие племена сумеют отсюда получать оружие. Рифф окончательно не будет замирен, если Танжер не будет передан в руки Испании».

Пред'являя Лиге Наций требование о передаче Испании мандата на Танжер, испанское правительство надеялось, что этим маневром ему удастся заполучить постоянное место в Совете Лиги. Маневр не удался. Получив отказ в постоянном месте, Испания официально заявила о своем уходе из Лиги Наций. Но Испания не отказалась от своего требования заполучить Танжер в свои руки. Опираясь на союз с Италией, она твердо решила добиться пересмотра алжесирасского «генерального акта» и всех связанных с ним конвенций. Она надеется, если не на полное удовлетворение своих требований, то хотя бы на частичное. Однако, великие державы—Франция и Англия — умерили порыв Испании. Созыв новой международной конференции для пересмотра «алжесирасского договора» (газеты сообщали, что рассылаются приглашения всем державам, представители которых присутствовали в Алжесирассе) не состоялся. Такая конференция была не по душе, во-первых, Франции, во-вторых, Англии. Правительство СССР 10 августа сего года в связи с предполагавшейся международной конференцией обратилось с нотой к правительствам Англии, Франции, Италии и Швеции с протестом против игнорирования прав советского правительства, которому не было послано приглашение на эту конференцию. СССР требовал себе права присутствия на конференции, которую подготовляет Испания. Не для захвата территории марокканских племен явились бы представители Советского Союза на конференцию, не для участия в грабеже этой несчастной колонии, а для вящшей защиты этих племен от хищных аппетитов империализма—вот с какой целью отправлена нота правительства СССР.

Царское правительство выговорило себе долю в размере 2% общей суммы вкладов в «Государственном Банке Марокко». Советские представители не для торга и переторжек прибыли бы на конференцию, а как защитники угнетенного Марокко против стаи империалистических шакалов. Но СССР было отказано в его требовании быть представленным на конференции. Да и сама конференция не состоялась, так как Англия и Франция предпочли вести переговоры только с Испанией и Италией без участия других держав.

Итак, на сей раз к переговорам о Танжере привлечена и Италия. Однако, вряд ли им удастся окончательно договориться. Франция ни за что не откажется от своих прав на Танжер, где она экономически столь прочно окопалась. Англия никоим образом не примирится с господством Франции в Танжере. Испания постоянно будет стремиться к округлению своих владений за счет Танжера, этого центра международных интриг. Италия же все более и более будет добиваться расширения своей доли в общем грабеже туземного арабского населения, пробираясь к железу и другим горным металлам, коими столь богат Рифф. Танжер был, есть и останется очагом военных конфликтов между империалистическими державами.

Н. Ангарский.

О влиянии немецкой аграрной дискуссии (1895 г.) на выработку взглядов Ленина по аграрному вопросу.

В № 1 «Летописи Марксизма» за 1926 г. напечатана статья Б. Николаевского «В. И. Ульянов-Ленин в Берлине в 1895 г.». Статья представляет несомненный интерес, поскольку в ней впервые освещается почти совершенно неизвестный период в жизни Ленина. Однако, в статье этой имеется ряд положений, которые не могут быть оставлены без возражений. Б. Николаевский пытается установить характер и степень влияния немецкой «аграрной» дискуссии 1895 г. на выработку взглядов Ленина по аграрному вопросу. Со слов В. А. Бухгольца [1]), Николаевский сообщает, что в 1895 г. в Берлине Ленин вместе с В. А. Бухгольцем присутствовал на докладе с.-д. Штадтгагена по вопросу об аграрной программе с.-д. Вопрос этот в то время особенно волновал германскую с.-д. Наметилось три течения: 1) пра-

---

[1]) В А. Бухгольц предполагает в ближайшем будущем опубликовать свои воспоминания. Пользуюсь случаем, по его просьбе, исправить некоторые неточности, вкравшиеся в статью Б. Николаевского.

В. Бухгольц не говорил Б. Николаевскому, что в 1889—90 гг. его (Бухгольца) родные были знакомы с семьей Ульянова домами. На самом деле с семьей Ульянова был знаком только В. Бухгольц; знакомство это произошло потому, что В. Бухгольц в одно время с М. Т. Елизаровым был учеником самарской гимназии, а также студентом Петербургского Университета. Отец В. А Бухгольца, служивший в то время в Самаре на железной дороге, независимо от В. А. Бухгольца, познакомился с В. И. Ульяновым (но не с его семьей). Встречался он с ним на квартире самарского адвоката Андрея Николаевича Хардина, известного в то время во всей России превосходного шахматиста, куда в течение некоторого времени раз в неделю приходил для шахматной игры В. И. Ульянов, начальник телеграфа ж. д. Лейтнекер и отец В А. Бухгольца.

Что касается встреч с В. И. Ульяновым в кружках «радикальной» молодежи, то по этоту поводу В. А. Бухгольц сообщает, что ему пришлось несколько раз участвовать в Самаре вместе с В Ульяновым на собраниях тамошней «радикально»-настроенной молодежи — вероятно, таких собраний с его участием было не более трех. «Насколько я могу припомнить,— пишет В. А. Бухгольц,— участники их были все, или почти все, бывшие студенты, исключенные из университета за участие в последних студенческих беспорядках. Так как эти собрания не созывались для какой-либо определенной революционной цели, то их, собственно, нельзя назвать собраниями «революционного кружка». Об участии же В. И. Ульянова в самарских революционных кружках до или после моего от'езда из Самары я не имел случая ничего узнать, потому я и не мог, расходясь «с рядом других свидетелей», сказать, что в этих кружках В. И. Ульянов ничем особенным не выделялся. Я только сказал, что на тех собраниях, на которых мы вместе были, В. И. Ульянов, насколько я могу вспомнить, не проявил чем-либо выделяющейся активности, и во всяком случае не развивал «марксистских» взглядов.

вое—с Давидом и Фольмаром во главе, 2) левое, отрицавшее необходимость для с.-д. иметь какую-либо особую аграрную программу, исходя из невозможности улучшить положение крестьян в буржуазном обществе, и 3) партийный центр с Бебелем во главе, хотя и разделявший основные взгляды «левых», но считавший необходимым выставление особой аграрной программы.

Штадтгаген, как это видно из отчета об его докладе, напечатанном в «Форвертсе», примыкал к «левому» течению, к так называемому «аграрному нигилизму».

Возвращаясь с собрания, В. Бухгольц разговорился с Лениным по поводу доклада. Аргументы докладчика казались Бухгольцу убедительными, и он высказался в этом духе. Тем более поразило его ответное замечание Ленина, из которого следовало, что он (Ленин) отнюдь не критически настроен по отношению к аграрной программе. Бухгольцу вспоминаются слова Ленина, который высказывал уверенность, что Бухгольц, если он вдумается в постановку вопроса,—не долго останется на позиции Штадтгагена.

«Смысл этих замечаний,—говорит Николаевский,—особенно четко запомнился Бухгольцу потому, что они шли вразрез с обычными в то время в среде русской с.-д. молодежи взглядами,—это обстоятельство позволяет отнестись с полным доверием к данному показанию Бухгольца, а оно очень ценно, так как свидетельствует, что Ленин в то время,—*несомненно, не без влияния немецкой дискуссии,—уже не стоял на позиции «аграрного нигилизма»* (курсив наш.).

Итак, Б. Николаевский думает, что Ленин придерживался, как и большинство русской с.-д. молодежи, теории «аграрного нигилизма», и только под влиянием немецкой дискуссии он изменил свои взгляды.

Это совершенно не соответствует действительности. *Никогда* Ленин, как и его ближайшие друзья, на точке зрения «аграрного нигилизма» не стояли. Это Михайловский в своей полемике с марксистами навязал им вздорную теорию «пассивного» отношения к «страдальцу-народу». Это он писал в «Русс. Бог.», что «пассивные» марксисты «не интересуются народом, на земле сидящим, и обращают свое внимание и надежды на тех, которые уже отлучены от средств производства». И никто, как Ленин, еще в 1894 г. дал уничтожающую отповедь бесцеремонному критику, позволившему себе приписать марксистам бессмысленную пошлость да еще в легальной прессе, зная, что отвечать им по цензурным условиям и негде и нельзя.

Нет ничего «левого» в признании той общественной марксистской истины, что при выработке аграрной программы, с.-д. прежде всего должна не забывать интересов классовой борьбы в деревне. *В этом отношении* «левые», Парвус и Каутский, вполне сходились с партийным центром (Бебель). Никто из них не задавался целью «уверить» крестьян, что они могут отдельными мероприятиями изменить свое положение в буржуазном обществе, но все они все же считали необходимым выставлять целый ряд практических требований как в агитационных целях, так и в интересах организационной связи с народом.

На этой же точке зрения стоял и Ленин, но пришел он к этим выводам *не в результате немецкой дискуссии, а в результате серьезного изучения Маркса и литературы «Группы Освобождения Труда»* (точнее: работ Плеханова), в результате вдумчивого изучения работ земской статистики по крестьянскому вопросу.

И если в немецких условиях отдельные требования аграрной программы имели более агитационное значение, то в русских условиях они могли иметь и практическое значение, ибо в России остатки и пережитки средневековья и крепостничества лежали более тяжким бременем на крестьянстве, чем в условиях прусского государства. Это прекрасно понимал Ленин и потому уже в самых ранних своих работах уделял так много места крестьянству. Однако, как бы ни были важны и существенны защищаемые Лениным «крестьянские требования», он никогда не придавал им самодовлеющего значения, а, наоборот, всегда подчинял их интересам классовой борьбы пролетариата.

Неверно поэтому утверждение Б. Николаевского, что принадлежащая Ленину фраза: «...в интересах свободного развития классовой борьбы в деревне», включенная в мотивировочную часть аграрной программы 1903 г., навеяна немецкой аграрной дискуссией.

Неверно точно так же и другое утверждение, что мысль эта встречается у Ленина только в 1899—1901 гг. и что «более ранних прямых заявлений Ленина в этом смысле не имеется».

Еще в «Друзьях народа», т.-е. летом 1894 г., Ленин, говоря о необходимости разрыва с мещанскими идеями социализма, в коих нет ровно ничего социалистического, высказывался за необходимость поддержки с.-д. общедемократических требований народничества, за необходимость даже еще большего развития и усиления этих требований, т.-е. таких требований, которые, будучи осуществлены, не только не задержали бы развития классовой борьбы в деревне, а, наоборот, расчистили бы поле борьбы от всяких остатков средневековья и крепостничества. Ленин, с одной стороны, резко критиковал такие реакционные требования народничества, как неотчуждаемость крестьянских наделов, воспрещение выхода из общины, круговую поруку и т. д., с другой—горячо защищал все то, что способствует развитию классовой борьбы в деревне, независимо от того, что целый ряд мер (отмена выкупных платежей, возвращение отрезанных у крестьян при «освобождении» земель и даже полная конфискация всех помещичьих земель) мог бы несколько улучшить положение крестьянства. Ленин прекрасно учитывал, какое громадное значение для грядущей революции могли бы иметь все эти «крестьянские» требования.

«Социалистического ровно ничего нет,—писал Ленин в «Друзьях народа»,—в требовании устранения этих зол, (малоземелья, высоких платежей, гнета администрации. *Н. А.*), ибо они нимало н е об'ясняют экспроприации и эксплоатации, и устранение их нимало не затронет гнета капитала над трудом. Но устранение их очистит этот гнет от усиливающих его средневековых ветошек, облегчит рабочему прямую борьбу против капитала, и потому в качестве демократического требования встретит самую энергичную поддержку рабочих (соч. т. I, стр. 190).

О чем говорит мотивировочная часть «аграрной программы» 1903 г.?—Об интересах свободного развития классовой борьбы в деревне.

Что предлагает *в этих интересах* программа?—Целый ряд требований, которые должны облегчить крестьянам классовую борьбу с помещиками.

Какие это требования?—Отмена выкупных платежей, возвращение крестьянам отрезанных у них в 1861 г. земель, равенство в уплате податей, отмена круговой поруки и всех законов, стесняющих крестьян в распоряжении землей, и, вообще говоря, предоставление крестьянам всех прав гражданства.

А разве не то же самое защищал Ленин в 1894 г. в «Друзьях народа»? Почему он считал необходимым поддержать народнические требования: уничтожение малоземелья, уменьшение платежей, прекращение гнета администрации и т. д.? Почему он шел *значительно дальше* этих требований? Да потому, что осуществление этих требований очистило бы гнет от усиливающих его средневековых ветошек, облегчило бы рабочему прямую борьбу против капитала.

Для всякого ясно, что эта аргументация 1894 г. и по форме и по существу вполне совпадает с мотивировочной частью «аграрной программы» 1903 г.

Что касается падающих на крестьян платежей и налогов, то Ленин не придавал им особого принципиального значения, но политическое значение все эти требования имели огромное. В этом отношении взгляды Ленина вполне совпадали со взглядами партийного центра германской с.-д.

«Платежи и налоги—это, говоря вообще,—писал Ленин,—такой вопрос, которому в состоянии придавать особую важность только мелкие буржуа, но у нас платежи с крестьян представляют из себя во многих отношениях простое переживание крепостничества: таковы, например, выкупные платежи, которые должны быть немедленно и безусловно отменены; таковы те налоги, которые падают только на крестьян и мещан, и от которых свободны «благородные». Социал-демократы всегда поддержат требование устранения этих остатков средневековых отношений, обусловливающих экономический и политический застой» (Ленин. Соч., т. I, стр. 190).

Столь же определенно говорит Ленин и о малоземелье, этом основном «ките» народничества, указывая, что вопли об этом малоземелье носят чисто буржуазный характер и что некоторое увеличение площади крестьянского землевладения не устранит гнета и эксплоатации. И в то же время Ленин считал совершенно необходимым не только поддержать это «основное» требование народничества, но и значительно его продолжить. «Несомненно, однако,—писал Ленин,—крестьянская реформа отрезками земель прямо ограбила крестьян в пользу помещиков, сослужив службу этой громадной реакционной силе и непосредственно (отхватыванием крестьянской земли) и косвенно (искусным отмежеванием наделов). И социал-демократы будут самым энергичным образом настаивать на немедленном возвращении крестьянам отнятой от них земли, на полной экспроприации помещичьего землевладения—этого оплота крепостнических учреждений и традиций» (там же, стр. 190).

Почему Ленин, с одной стороны, третирует все эти вопли о крестьянском малоземелье, а с другой—высказывается за возвращение крестьянам «отрезков»? Да потому, что сами по себе «отрезки» ни в какой мере не разрешают вопроса о малоземелье,

но, с другой—возвращение искусно отхваченных и отмежеванных земель уничтожает кабальные отношения в деревне, «разгораживает» землю, расчищает почву «в интересах свободного развития классовой борьбы».

Ленин идет значительно дальше; он говорит не только о возвращении «отрезков», но даже об экспроприации всех помещичьих земель, как бы предрешая вопрос о «национализации». Однако, ни на одну минуту он не забывает об основном положении марксизма—классовой борьбе. Выдвигая требование экспроприации помещичьей земли (совпадающее с национализацией), Ленин сейчас же оговаривается, что такая экспроприация лишь усилит складывающиеся в деревне фермерские отношения, т.-е. в конечном счете борьбу наемных с.-хоз. рабочих с эксплоататорами, не говоря уже о том, что это требование весьма важно в демократическом отношении, «как единовременная мера, которая могла бы окончательно сломить благородных помещиков».

Таким образом, можно считать совершенно бесспорным, что Ленин еще за $1^1/_2$ года до возникновения немецкой аграрной дискуссии высказывал взгляды, сходящиеся со взглядами центра германской с.-д. и тех «левых», которые, не отрицая необходимости выработки аграрной программы, считали необходимым, при выставлении тех или иных требований, исходить прежде всего из интересов классовой борьбы.

К вопросу о капитализме в земледелии возвращается Ленин и в статье против Струве («Экономическое содержание народничества»), написанной осенью 1894 г., т.-е. значительно ранее его поездки за границу. В этой статье он опять-таки указывает, что на ряду с быстро развивающимся в деревне капитализмом, существует еще много остатков крепостнических отношений, и что земледельческий капитализм «не покрывает собой *всех* общественно-экономических отношений в деревне». «Рядом с ним,—говорит Ленин,—мы видим все еще и крепостнические отношения—и в хозяйственной области (например, сдача отрезных земель за отработки и взносы натурой—тут налицо все признаки крепостнического хозяйства: и натуральный «обмен услуг» между производителями и владельцем средств производства, и эксплоатация производителя посредством *прикрепления* его к земле, а не отделения от средств производства), и еще более в социальной и юридико-политической (обязательное «обеспечение наделами», прикрепление к земле, т.-е. отсутствие свободы передвижения, платеж выкупных, т.-е. того же оброка помещику...); эти отношения тоже ведут, несомненно, к разорению крестьян и к безработице, «перенаселению прикрепленных к земле батраков» (Ленин, соч. т. I, стр. 347).

Капиталистическая основа современных отношений в деревне не должна,—говорит далее Ленин,—скрывать все эти могущественные остатки «старо-дворянского» наслоения, которые *еще не разрушены* капитализмом. Вот почему Ленин и в статье против Струве указывает на ошибочность огульного отрицания всей народнической программы в целом. «Марксисты,—говорит он,—должны отвергнуть все реакционные черты их программы, не только принять общедемократические пункты, но и провести их точнее, глубже и дальше. Чем решительнее будут такие реформы в России, чем выше поднимут жизненный уровень трудящихся масс,—тем резче и чище выступит важнейшая и

основная социальная противоположность русской жизни» (там же, стр. 380).

Если в 1894 г. Ленин уже формулировал основную предпосылку к тем требованиям, которые русская с.-д. должна выставить в деревне, если в 1895 г. (в статье против Струве) он повторяет эти конкретные требования, то само собой разумеется, включая в проект программы русской с.-д. в 1896 г. ряд требований для крестьян (отмена выкупных платежей, возвращение крестьянам отрезанных у них в 1861 г. земель, равенства в податях и налогах, отмена круговой поруки и т. д.)—Ленин лишь уточняет свои предыдущие формулировки безотносительно к немецкой дискуссии.

Хотя полный текст гектографированной записки Ленина к проекту аграрной программы до нас и не дошел, но совершенно несомненно, что основная предпосылка к включенным в этот проект требованиям для крестьян была та же, что и в 1894 и 1895 гг., и иной быть не могла. Наконец, и в самом проекте программы с.-д. партии 1896 г. имеется *прямое* указание на то, чем руководствовался его автор, выставляя ряд требований для крестьян. В пункте «Б» в §§ 3 и 4 определенно говорится о том, что с.-д. партия будет поддерживать всякое общественное движение... против класса привилегированных дворян-землевладельцев и против всех остатков крепостничества и против всяких попыток правительства и его чиновников задержать развитие капитализма. В письме 1896 г. из тюрьмы к т. Кржижановскому Ленин, сообщая о своем намерении включить в проект программы требование об «отрезах», указывает, что на «отрезных» землях держатся кабальные отношения в деревне и что возвращение этих земель, хотя и увеличит площадь крестьянского землевладения, но устранит главный фактор, мешающий развитию капитализма в земледелии. (Мартов. «Записки с.-д.», стр. 331, изд. «Кр. Новь»).

Что касается формулировки задач с.-д. в деревне, данной Лениным в его статье «Рабочая партия и крестьянство» («Искра», № 3, 1901 г.) и совпадения этой формулировки с формулировкой Парвуса в ряде его статей об аграрной программе в «Лейпцигер Фольксцейтунг» за 1895 г., то совпадение это чисто случайное. При выработке аграрной части программы РСДРП в 1902—1903 гг. Ленин дает иную, отличную от Парвуса, формулировку,—более верную, лучшую, точную. Парвус говорит только о привнесении классовой борьбы в деревню, Ленин имел в виду «интересы свободного развития классовой борьбы» и во имя этих интересов считает неотложно необходимым поддержать, развить и оформить целый ряд крестьянских требований.

Перед германской с.-д. не стояли те огромные задачи, которые привлекли к себе внимание Ленина. Давид и Фольмар говорили о пустяковых улучшениях положения крестьян, не затрагивая общественно-политических условий. Парвус мало придавал значения «завоеванию» сельского населения,—Ленин же *в самой поддержке требований крестьянства*, в формулировке этих требований, в раз'яснении крестьянам *противоположности их интересов, как класса, интересам помещиков-землевладельцев,—видел уже классовую борьбу*.

«В современной русской деревне,—писал он в статье «Рабочая партия и крестьянство»,—совмещаются двоякого рода классовые противоположности: во-первых, между сельскими рабочими и сельскими предпринимателями, во-вторых, между всем крестьянством и всем помещичьим классом. Первая противоположность развивается и растет, вторая—постепенно ослабевает. Первая—вся еще в будущем, вторая—в значительной степени уже в прошлом. И, несмотря на это, для современных русских с.-демократов именно вторая противоположность имеет наиболее существенное и наиболее практически важное значение... наши сельские рабочие еще слишком крепко связаны с крестьянством, над ними слишком еще тяготеют общекрестьянские бедствия, и поэтому общенационального значения движение сельских рабочих никак не может получить ни теперь, ни в ближайшем будущем. Наоборот, вопрос о сметании остатков крепостничества, о вытравлении из всех порядков русского государства духа сословной неравноправности и принижения десятков миллионов «простонародья»,—этот вопрос уже сейчас имеет общенациональное значение, и партия, претендующая на роль передового борца за свободу, не может отстраниться от этого вопроса» (Соч., т. IV, стр. 27).

Формулируя далее все те требования, которые в конечном счете вошли в аграрную часть программы РСДРП, Ленин говорит, что наш долг указывать на то, что все бедствия крестьян происходят именно от классового угнетения крестьянства.

«Самые обыденные факты из жизни любой русской деревни могут дать всегда тысячи поводов для агитации во имя указанных требований», которые должны обобщаться и освещаться с точки зрения борьбы классов.

Вот какое содержание вкладывал Ленин в свою формулировку о необходимости «внесения» борьбы в деревню.

Для Парвуса в немецких условиях «завоевание сельского населения» особого интереса не представляло,—Ленин же завоеванию крестьянства, как класса, накануне буржуазно-демократической революции, придавал огромное значение. Говорить при таких условиях о заимствовании Лениным при выработке «аграрной программы» формулировки Парвуса,—значит, просто опустошать ленинскую формулировку, лишать ее живого, конкретного содержания.

Было бы, однако, неправильно совсем отрицать влияние немецкой аграрной дискуссии на формулировку взглядов Ленина в области аграрной программы. Немецкая дискуссия лишь укрепила уже вполне сложившиеся к тому времени взгляды Ленина по аграрному вопросу, и вполне естественно, что он отрицательно отнесся к взглядам ультра-левого с.-д. Штадтгагена.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

В. И. ЛЕНИН, т. XX ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ, чч. 1 и 2.

Выходом в свет настоящих книг, закончено печатанием первое издание собраний сочинений В. И. Ленина. Исключительная по своей важности работа, начатая по воле IX с'езда нашей партии, завершена. Благодаря этому мы получили в свои руки в систематизированном и удобном для изучения виде, почти все то мало-мальски существенное, что было сказано и написано Владимиром Ильичем за его тридцатилетнюю (1893—1923 гг.) партийно-политическую и научно-литературную деятельность на службе мировому революционному движению. Тем самым ставшая перед партией во весь рост, особенно в последние годы, задача научного познания и массового усвоения духовного наследства Ленина, получает прочную основу для своего успешного разрешения.

Разбору содержания рецензируемого тома мы считаем нужным предпослать предварительное замечание. В отличие от ранее вышедших книг собрания сочинений, построенных на основе компактного материала, относящегося к сравнительно краткому промежутку времени или охватывающего своим содержанием какую-нибудь одну определенную проблему, архитектоника настоящего тома иная. Будучи дополнительным, он представляет собой собрание отдельных статей и речей Владимира Ильича, по тем или иным причинам не вошедших в ранее изданные книги. В этом его несомненный недостаток, т. к. читатель не найдет здесь исчерпывающего и законченного разбора интересующих его вопросов. Но при внимательном рассмотрении оказывается, что за указанным недостатком скрывается и некоторое достоинство. Именно: являясь *внешне* собранием разрозненных и случайных статей и речей, даже один этот том, но взятый *в целом*, даст читателю благодарную возможность проследить духовное развитие автора на всем его жизненном пути, т. к. в обеих книгах представлены одной или несколькими статьями почти все этапы деятельности Владимира Ильича.

Материалы, включенные в первую часть настоящего тома, хронологически охватывают двадцатилетний (1895—1915 гг.) период деятельности Владимира Ильича. Уже первая статья заслуживает внимания читателя. Написанная непосредственно после смерти Фр. Энгельса и посвященная его памяти, она дает в сжатой и популярной форме прекрасный очерк возникновения и развития марксизма.

В чем видит Ленин заслугу основоположников марксизма? Указав, что предшествовавшие им социалисты-утописты «не допускали и мысли, чтобы рабочие выступали, как самостоятельная общественная сила» и что «они мечтали о социализме без борьбы» В. И. пишет: «В противоположность общему страху перед развитием пролетариата, Маркс и Энгельс все свои надежды возлагали на беспрерывный рост пролетариата... В немногих словах заслуги Маркса и Энгельса перед рабочим классом можно выразить так: они научили рабочий класс самопознанию и самосознанию и на место мечтаний поставили науку». Особо отмечает Ленин заслугу Энгельса: «Энгельс *первый* сказал, что пролетариат *не только* страдающий класс; что именно то позорное экономическое положение, в котором находится пролетариат, неудержимо толкает его вперед и заставляет бороться за свое конечное освобождение... А борющийся пролета-

риат *сам поможет себе*». Однако, если «общение с Энгельсом бесспорно содействовало тому, что Маркс решил заняться политической экономией», то в дальнейшем роли переменились: «Маркс работал над разбором сложных явлений капиталистического хозяйства. Энгельс в весьма легко написанных, нередко полемических работах освещал самые общие научные вопросы и разные явления прошлого, настоящего—в духе материалистического понимания истории и экономической теории Маркса». В заключение, Ленин рассматривает вопрос об отношении Маркса и Энгельса к русскому революционному движению. «...Героическая борьба малочисленной кучки русских революционеров с могущественным царским правительством находила в душах этих испытанных революционеров самый сочувственный отзвук. Наоборот, поползновение ради мнимых экономических выгод отворачиваться от самой непосредственной и важной задачи русских социалистов—завоевания политической свободы—естественно являлось в их глазах подозрительным и даже прямо считалось ими изменой великому делу социальной революции».

В последней цитате уже заключается ответ на то, как должен был встретить В. И. эти «поползновения», когда они возобладали в нашем революционном движении. Борьбе против дезорганизующего это движение экономизма, за создание сплоченной и централизованной партии посвящены статьи, помещенные под рубрикой 1899 года. Предвосхищая по своему содержанию основные идеи «Искры» и «Что делать?», эти статьи представляют собой очень значительный исторический интерес. Написанные еще во время сибирской ссылки, они свидетельствуют о том, что еще *до* своего от'езда за границу, а, следовательно, и *до* переговоров с группой «Освобождение Труда», В. И. имел «...вполне, до конца и всесторонне продуманный, организационно-политический план восстановления и работы партии на ряд ближайших лет» [1]).

«Письмо к редакторской группе» является как бы введением к следующим за ним статьям. Здесь В. И. обосновывает необходимость энергичной борьбы «против бернштейниады и ее русских отражений», а в дальнейших статьях эту борьбу проводит. «Русская социал-демократия,—пишет он в статье «Наша ближайшая задача», — сделала много для критики старых революционных и социалистических теорий; ...она доказала, что ее программа не висит в воздухе, а идет навстречу широкому стихийному движению в народной среде, именно в фабрично-заводском пролетариате; ей остается теперь сделать следующий, особенно трудный, но зато и особенно важный шаг: выработать приспособленную к нашим условиям организацию этого движения». Конкретизации этой задачи посвящена статья «Насущный вопрос». Наконец, статья «Попятное направление в русской социал-демократии» дает развернутую критику экономизма, который клонится к тому, чтобы оставить русских рабочих в их неразвитости и раздробленности и чтобы сделать их *хвостом либералов*!»

1900—1903 гг. знаменуют оживление в широком рабочем движении. Предвещая близкое наступление революционной бури, оно окрашивается в яркие политические тона. Вслед за пролетариатом приходят в движение и другие общественные слои: происходят беспрерывные студенческие «беспорядки», начинаются аграрные волнения. Оценке этой новой обстановки посвящена статья «Признаки банкротства». «...Возобновление общестуденческих беспорядков,—пишет В. И.,—после столь короткого периода спокойствия является признаком политического банкротства современного строя». Но это только одна сторона вопроса. Другая заключается в том, что «государственный строй, искони державшийся на мас-

[1]) III «Ленинский Сборник», предисловие.

совой поддержке миллионов крестьянства, привел последнее к такому состоянию, при котором оно из года в год оказывается не в состоянии прокормиться». И Ленин заключает: «Это *социальное* банкротство монархии гг. Обмановых не менее поучительно, чем ее *политическое* банкротство».

Новая обстановка ставит перед партией новые задачи. Анализу этих задач и выдвигаемых ими новых методов партийной работы посвящен ряд статей этого периода. Из них мы усиленно рекомендуем читателю статью «Новое побоище», на примере Обуховской расправы ставящую вопрос о вооруженном восстании.

Из других статей этой книги остановимся несколько на статьях, посвященных аграрному вопросу. Первая из них, «Аграрная программа социал-демократии в русской революции», представляет сокращенное изложение известной книги Ленина того же названия (см. т. IX собр. сочин.). По своей краткости эта статья может служить очень хорошим пособием для первоначального ознакомления с аграрной проблемой и со взглядами Ленина в этом вопросе. Большой теоретический интерес представляет «Письмо к И. И. Скворцову-Степанову», от 16/XII 1909 г. Здесь В. И. ставит вопрос о двух этапах исторического развития России—последние десятилетия XIX века и начало XX века—и о тех различных задачах, которые они выдвигают перед партией. Но, послушаем самого Ленина.

«Что доказывал и доказал Ильин»[1])? Что развитие аграрных отношений в России идет капиталистически *и* в помещичьем хозяйстве, *и* в крестьянстве, *и* вне, *и* внутри «общины». Это раз. Что это развитие уже *бесповоротно* определило *не* иной путь развития, как капиталистический, *не* иную группировку классов, как капиталистическую. Это два». И дальше: «Из-за этого был спор с народниками. Это надо было доказать. Это было доказано. Это остается доказанным». Но сейчас эта постановка вопроса уже превзойдена историческим развитием. Поэтому: «вопрос сейчас ставится (и движением 1905—1907 гг. *поставлен) иной*, дальнейший, *предполагающий* решение вопроса, Ильиным (и не им одним, конечно) решенного, но предполагающий не *только* это, а нечто бо́льшее, более сложное, нечто новое. *Кроме* вопроса, решенного окончательно и верно решенного в 1883—1885, в 1895—1899 гг., история XX века в России поставила нам *дальнейший* вопрос,—и нет ничего ошибочнее теоретически, как пятиться от него назад, отделываться, отмахиваться от него ссылкой на решенное раньше... Нельзя оставаться при *общем* решении вопроса о капитализме, когда *новые* события (и события всемирно-исторической важности, каковы 1905—1907 гг.) поставили вопрос более конкретный, более детальный, вопрос о борьбе *двух* путей или методов **капиталистического** аграрного развития».

Каковы же эти пути или методы капиталистического аграрного развития? «Мы живем,—пишет Ленин,—в эпоху... ломки, которую разные классы *буржуазной* России *стараются* довершить доделать по-своему: крестьяне (+ рабочие) путем национализации,—... помещики (+ буржуазия старая, жирондистская буржуазия) путем 9.XI. 06[2]) и т. д. Национализация земли—крестьянская ломка старого землевладения—есть экономическая основа американского пути. Закон 9/XI—06 г.—помещичья ломка старого землевладения—есть экономическая основа прусского пути».

[1]) Подразумевается книга В. И. «Развитие капитализма в России», т. III, собр. сочин.

[2]) Речь идет о законе, изданном Столыпиным помимо Госуд. Думы и ставившем своей целью разрушение общины и создание слоя крепкого крестьянства, сельскохозяйственной буржуазии, на которую могло бы опереться самодержавие.

Из статей военного периода обратим внимание читателя на очень глубокие статьи «Под чужим флагом» и «Оппортунизм и крах II Интернационала».

Отметим, что в первой из этих статей дано деление новейшей истории капитализма и буржуазной демократии на три эпохи: 1789—1871; 1871—1914; 1914—??. Краткая характеристика этих эпох такова: «*Первая эпоха*, с Великой французской революции до франко-прусской войны, есть эпоха под'ема буржуазии, ее полной победы. Это—восходящая линия буржуазии, эпоха буржуазно-демократических движений вообще, буржуазно-национальных в частности, эпоха быстрой ломки переживших себя феодально-абсолютистских учреждений. *Вторая эпоха*, полного господства и упадка буржуазии, эпоха перехода от прогрессивной буржуазии к реакционному и реакционнейшему финансовому капиталу. Это—эпоха подготовки и медленного собирания сил новым классом, современной демократией. *Третья эпоха*, только начинающаяся [1]), ставит буржуазию в такое «положение», в каком были феодалы в течение первой эпохи. Это—эпоха империализма и империалистических, а также вытекающих из империализма потрясений».

Отметим, что как в этой, так, в особенности, в последней статье книги «Оппортунизм и крах II Интернационала», дана четкая и выпуклая характеристика оппортунизма и социал-шовинизма.

Переходим ко второй книге этого тома. Собранные в ней статьи и речи хронологически охватывают промежуток времени в 6 лет (1917—1922 гг.).

Из материалов, относящихся к 1917 году (кстати сказать, наиболее богато представленному в книге), особенного внимания заслуживают «Письма издалека». Из пяти «Писем издалека» только 1-е, в свое время опубликованное в «Правде», попало в XIV том собрания сочинений. Остальные четыре, вошедшие в настоящую книгу, таким образом, впервые становятся доступными *широким* кругам партийных читателей. Посвященные как общим вопросам революции, так и ее отдельным конкретным задачам, «Письма издалека» дают ясное представление о том, как оценивал классовый смысл совершившихся событий и их дальнейший ход Владимир Ильич еще из своего вынужденного швейцарского «далека».

«Речь на совещании партийных работников, делегатов Всероссийской конференции Советов Р. и С. депутатов», представляя «комментарии» к знаменитым тезисам от 4 апреля, вводит нас в существо ленинских взглядов после приезда в Россию. Известно, что с этими тезисами был несогласен и против них энергично выступал тов. Каменев. Разбор разногласий и критику позиции тов. Каменева читатель найдет в речи и заключительном слове Ленина на петроградской общегородской конференции партии. Мы горячо рекомендуем вниманию читателя эту речь, так как, являясь необходимым дополнением к опубликованным в XIV томе собрания сочинений статьям и речам В. И. на эту же тему, она, пожалуй, превосходит их той прозрачностью мысли и популярностью изложения, с какою в ней разобраны сложнейшие проблемы партийной стратегии и тактики.

Из других статей 1917 года читатель не пройдет мимо статьи «Из дневника публициста. Ошибки нашей партии». Направленная против участия представителей нашей партии в Демократическом Совещании, эта статья, на основе блестящего анализа парламентской тактики нашей

[1]) Ст. написана в 1915 г.

партии, наглядно вскрывает «главнейшие, основные об'ективные данные, которые надо учесть, чтобы тактику бойкота или участия вывести не произвольно, не по своим «симпатиям», а марксистски». По своему содержанию к этой статье близко примыкает и статья «Кризис назрел». «Кризис назрел. Все будущее русской революции поставлено на карту. Вся честь партии большевиков стоит под вопросом. Все будущее международной рабочей революции за социализм поставлено на карту. Кризис назрел...»— в таких энергичных выражениях заканчивает Ленин эту статью.

Само собой разумеется, первостепенное значение имеют ленинские статьи, письма и резолюции, писанные им в октябре и, в основном, посвященные вопросам вооруженного восстания. Из материалов, относящихся к периоду, наступившему непосредственно после захвата власти, следует отметить принадлежащее перу Владимира Ильича обращение ЦК партии «Ко всем членам партии и ко всем трудящимся классам России», с резкой критикой тт. Зиновьева, Каменева и друг., покинувших, после победы Октябрьской революции, свои партийные и советские посты.

Из статей и речей 1918 г. интересен «Доклад на чрезвычайном железнодорожном с'езде от 13 января», где В. И. дает яркую характеристику революции и вскрывает причины разгона Учредительного Собрания. Вопросам Бреста и возникшим вокруг него внутрипартийным разногласиям посвящен ряд статей и речей на стр. 209—229. Любопытна своеобразно написанная статья «О чесотке». Что понимает В. И. под чесоткой, видно из следующей фразы: «Мучительная болезнь—чесотка. А когда людьми овладевает чесотка революционной фразы, то одно уже наблюдение этой болезни причиняет страдания невыносимые». Статья кончается юмористическим восклицанием: «Уф! И скверная же болезнь чесотка! И тяжкое же ремесло человека, которому приходится парить в баньке чесоточных...»

Глубокий интерес представляет и статья «Тяжелый, но необходимый урок», посвященная тем же вопросам. В ней мы находим следующее замечательное рассуждение: «*Не надо превращать в фразу великий лозунг: «мы ставим карту на победу социализма в Европе». Это—истина, если иметь в виду долгий и трудный путь победы социализма до конца. Это бесспорная истина, философски-историческая истина, если брать всю «эру социалистической революции» в ее целом. Но всякая абстрактная истина становится фразой, если применять ее к любому конкретному положению*». Это глубокое рассуждение, написанное Лениным против «левых коммунистов», целиком применимо и к нашим теперешним спорам по вопросу о «построении социализма в одной стране». Оно ярко вскрывает ту *теоретико-методологическую* ошибку, в которую впадает «оппозиция», столь широко оперирующая с «абстрактной истиной», что последняя превращается в «фразу».

Вопросам взаимоотношения партии и рабочего класса с крестьянством посвящена статья «Товарищи рабочие! Идем в последний, решительный бой!» Вывод этой статьи таков: «Теснейший союз и полное слияние с деревенской беднотой; уступки и соглашение с средним крестьянством; беспощадное подавление кулаков...;—вот какова программа сознательного рабочего. Вот политика рабочего класса» [1]).

На этом мы вынуждены закончить наш, и без того затянувшийся, разбор книг Ленина. В заключение нам остается пригласить читателя заняться их вдумчивым и основательным изучением.

Эм. Газ.

---

[1]) Напоминаем, что эта статья относится к 1918 году.

ЧЕТЫРНАДЦАТИЛЕТНИЙ ПУТЬ ТРОЦКИЗМА.

(Л. Троцкий, т. IV, собр. сочинений «Политическая хроника». Госиздат. 1926 г.).

Сочинения т. Троцкого имеют немалое значение с точки зрения изучения истории партии и тех идеологических и теоретических шатаний, которые отдельными социал-демократическими литераторами вносились в ее ряды. С точки зрения большевистского воспитания партийных масс, сочинения т. Троцкого нуждаются в суровом критическом к ним отношении. Однако, если подойти к изданию сочинений т. Троцкого с этой «исторической» стороны, бросается в глаза одна характерная черта.

Если издание их преследовало цели исторического порядка, цели ознакомления партии, с «троцкизмом», тогда он должен бы быть дан в сочинениях в том виде, в каком его знает партия, а между тем, через издание сочинений т. Троцкого проходит явная тенденция прикрыть оппортунистическую, ликвидаторскую природу троцкизма и нарядить его в большевистский костюм. В сочинения попадает только то, что не могло бы определенно характеризовать отношения т. Троцкого к меньшевикам и ликвидаторам.

Затем, если издание сочинений т. Троцкого преследует цели ознакомления партийных масс с историей троцкизма, тогда это находится в противоречии с заявлением т. Троцкого в письме к Ольминскому, что «время для истории еще не пришло».

Выпуск в свет своих собственных сочинений т. Троцким (а их вышло уже 12 книг) становится понятным только тогда, когда мы вспомним оценку, данную т. Троцким своим старым взглядам в письме к т. Ольминскому в 1921 г.

В этом письме т. Троцкий писал: «Я вовсе не считаю, чтоб в несогласиях своих с большевиками я был во всем неправ. Неправ я был—и коренным образом—в оценке меньшевистской фракции, переоценивая ее революционные возможности и надеясь на то, что удастся изолировать в ней и свести на-нет правое крыло. Это фундаментальная ошибка вытекала, однако, из того, что к обеим фракциям—и большевистской, и меньшевистской—я подходил с точки зрения идей перманентной революции и диктатуры пролетариата, тогда как и большевики, и меньшевики стояли в тот период на точке зрения буржуазной революции и демократической республики. Я считал, что разногласия между обеими фракциями принципиально не так глубоки, и надеялся (надежду эту я высказывал не раз в письмах и на докладах), что самый ход революции приведет обе фракции к позиции перманентной революции и завоевания власти рабочим классом, что отчасти и произошло в 1905 году. (Предисловие т. Ленина к статье Каутского о движущих силах русской революции и вся линия газеты «Начало»).

Считаю, что моя оценка движущих сил революции была безусловно правильна, выводы же, какие я из нее делал в отношении обеих фракций, были безусловно неправильны».

Троцкий признает, что в оценке меньшевистской фракции он был неправ. И, очевидно, именно поэтому его отношение в прошлом к меньшевикам и ликвидаторам, несмотря на выход в свет 12 книг его сочинений, остается спрятанным, скрытым. Тов. Троцкий считает, что его оценка движущих сил революции была безусловно правильной и большевики в 1917 г. перевооружились в его, Троцкого доспехи. И, очевидно, именно

поэтому он статьи такого характера смело переиздает, выдавая их за стопроцентный большевизм, ибо эти статьи, якобы, «вполне и целиком совпадают с позицией нашей партии, начиная с 1917 г.».

«Редакционный» подход т. Троцкого к изданию своих сочинений особенно виден на недавно вышедшем в свет 4-м томе под названием «Политическая хроника». В этом томе собраны статьи т. Троцкого, начиная с 1900 г. и кончая 1914 г. В этот том тов. Троцкий включил даже корреспонденции, помещенные им в свое время, когда он находился в ссылке, в «Восточном Обозрении». Это обычные корреспонденции провинциального корреспондента, большей частью на местные деревенские темы отдаленных уголков Сибири, корреспонденции, написанные хлестким цветистым языком т. Троцкого,—и только.

С точки зрения политического воспитания партийных рабочих масс эти статьи сейчас ничего не дают. Но они помещены. Время для истории здесь *уже пришло.* И в то же время в этом томе вы не найдете «Наших политических задач», «В защиту партии» и т. д. В первой статье-брошюре т. Троцкий выступает, как самый непримиримый противник организационных принципов большевизма. В этой брошюре о т. Ленине, как о марксисте, Троцкий писал: «Для него марксизм не метод научного исследования, налагающего большие теоретические обязанности, нет, это... половая тряпка, когда нужно затереть свои следы, белый экран, когда нужно демонстрировать свое величие, складной аршин, когда нужно пред'явить свою совесть». Такую оценку т. Троцкий давал ленинизму.

Не менее полезно было бы вспомнить отношение глашатая теории перманентной революции к кадетам. См. статью «В защиту партии».

Но эти статьи в IV томе не помещены. Здесь время для истории почему-то *еще не пришло.*

В IV томе помещено немало статей из венской «Правды» (кстати сказать, в книге везде пишется просто «Правда». Молодые читатели из рабочих могут подумать, что это наша большевистская «Правда», а между тем эта «Правда» была политическим врагом большевизма. Редакторам этого тома сочинений т. Троцкого и самому т. Троцкому не мешало бы, хотя бы в примечании, где-либо, сказать о том, что представляла собой по своей политической физиономии эта венская «Правда»). В книге вы найдете из венской «Правды» статьи с такими громкими заглавиями, как «Железо и кровь», «Нельзя молчать», «Удар в сердце». Тут время истории *уже пришло.*

Но зато вы в IV томе не найдет таких, например, статей из той же газеты, как статья «Заговор заграничного кружка против российской социал-демократической рабочей партии». Для такого сорта статей время истории тоже почему-то *еще не пришло.*

С таким же выбором помещены статьи из журнала «Борьба», из ликвидаторского журнала «Наша Заря» и из ликвидаторской газеты «Луч».

Зачем это делается? Затем, должно быть, чтоб выглядела приличнее «нефракционность» т. Троцкого, затем, чтоб старую политическую линию троцкизма изобразить, если не как целиком совпадающей с большевизмом, то, по крайней мере, весьма близкой к нему.

Тов. Троцкий и его редакторы из IV тома усиленно старались выскоблить все то, что могло бы характеризовать, изобличать оппортунизм и меньшевизм т. Троцкого в прошлом, что могло бы характеризовать его не как пролетарского революционера, а как либерального рабочего политика. Но эта задача, однако, им удалась лишь в весьма небольшой степени. То, что имеется в IV томе, еще в достаточной мере

может свидетельствовать о том, что представлял собой так называемый «исторический троцкизм», каковы были политический радикализм и «революционность» т. Троцкого на протяжении почти 15-ти лет. Тов. Троцкий, как известно, выдвинул несуразно левый лозунг «без царя, а правительство рабочее». Это в 1905 году. Какова же, спрашивается, была его позиция в период *отлива* волны? Об этом лучше всего говорит его статья «На пути во II Думу».

В этой статье он пишет: «Социал-демократия не создает для себя исторической почвы и не выбирает по произволу политических задач. Она работает на той земле, которая ее носит, и берется за те проблемы, которые выдвинуты общественным развитием. Она не может перескакивать—или, лучше сказать, она не может перебрасывать пролетариат—*через естественные фазы политической эволюции; она не может проходить историю по сокращенному учебнику или по конспекту, ею самой составленному. Всякая попытка искусственно форсировать политические проявления классовой борьбы,* поскольку такая попытка не окажется просто бесплодной, *будет иметь реакционное* значение; после некоторых обманчивых политических эффектов она неизбежно даст политическому развитию задний ход.

Этими соображениями определяется в частности и наше отношение к либерализму».

В переводе на точный язык политики это означает: «без царя, а правительство рабочее»—это сказано так, для красного словца, в период революционного под'ема, а когда наступает упадок, годы реакции, то с точки зрения троцкизма оказывается, что социал-демократия должна «поддерживать» либерализм, *подталкивать* его вперед.

Можно ли назвать такую точку зрения точкой зрения пролетарского революционера? Нет. Эта точка зрения либерального рабочего политика. В период, когда перед нашей партией стояла задача всемерного развертывания классовой борьбы, в период, когда революция страдала именно от того, что в классовую борьбу не были все еще полностью втянуты массы пролетариата и особенно крестьянства, в период, когда контрреволюция поднимала голову, когда задача заключалась в том, чтобы массы пролетариата и крестьянства организовали массовое вооруженное восстание, в этот момент провозглашать реакционность «искусственного» форсирования, развертывания, разжигания классовой борьбы—это и значит опускаться до уровня сознания либерального рабочего политика.

Так у т. Троцкого 20 лет назад левая фраза сочеталась с оппортунистическим делом. Не менее характерна и та тактика, которую намечал т. Троцкий тогда по отношению к либералам, не менее характерна и мотивировка этой тактики.

Он писал: «В России, где центральной задачей является завоевание демократического строя, наши отношения к либерализму, как положительные, так и отрицательные, почти всецело ограничены рамками этой очередной задачи».

Такое определение отношения пролетариата к либерализму было типичным как раз для меньшевиков, для оппортунистов. Наше отношение к либерализму до совершения буржуазной революции определялось двумя основными моментами: во-первых, необходимостью уже в самой буржуазной революции готовить пролетариат для грядущих боев за пролетарскую революцию, а это возможно только в непримиримой борьбе с либералами; и, во-вторых, контрреволюционностью либеральной буржуазии, ее неспособностью бороться за буржуазно-демократическую революцию, ее предательством, готовностью итти на сделки и заговор с самодержавием. Движущими силами буржуазной революции могли быть только

пролетариат и крестьянство. Буржуазная революция—и опыт это полностью подтвердил—могла победить не благодаря либералам, а против них и вопреки им. Линия большевиков была за гегемонию пролетариата в буржуазной революции и за его руководящую роль по отношению к крестьянству. Линия меньшевиков за гегемонию либеральной буржуазии и за поддержку и подталкивание ее пролетариатом. Этой точки зрения, как мы видим, придерживался и т. Троцкий.

О «естественных фазах политической эволюции» тов. Троцкий говорит только для того, чтобы *преклониться* перед ними. Это, как две капли воды, похоже на последнее его выступление на VII пленуме ИККИ, где он тоже грозно декретировал: не следует топтать ногами всю нашу экономическую историю, нас контролирует мировое капиталистическое хозяйство, а отсюда невозможно построение социализма в одной стране. Там Троцкий выступал, как ревизионист по отношению к задачам пролетариата в буржуазной революции, здесь он выступает, как ревизионист по отношению к перспективам нашего социалистического строительства. В статье «На пути во II Думу» т. Троцкий обнаруживает струвистское понимание хода истории, а в своем выступлении на пленуме ИККИ т. Троцкий показывает свое струвистское понимание наших взаимозависимостей с капиталистическим миром.

Троцкизм современный, таким образом, показывает, что у него с троцкизмом «историческим», сохраняется прямая преемственность.

Но т. Троцкий «левый»! «Влеченье—род недуга» к левой фразе для затушевывания оппортунистического дела характерно не только для современного троцкизма, но и для троцкизма «исторического».

Посмотрите, как т. Троцкий золотит словесной оболочкой необходимость поддержки либералов! «Критикуя либерализм,—говорит т. Троцкий,—обличая его перед лицом населения, на которое он хочет влиять, мы заставляем его итти вперед. Из тех обязательств, какие дает либерализм народу, мы делаем логическую цепь выводов; эту цепь мы петлей закидываем на шею либерализму и тащим его за собой. Если он начинает упираться, петля слегка ватягивается на его шее и причиняет ему неудобство. Волей-неволей, нередко с подавленным проклятием, он идет вперед. На каждом шагу он пытается остановиться, он уговаривает нас сделать передышку, он упрекает нас в прямолинейности, в бестактности, в насилии, он отрекается от нас. Но так как направление и темп нашего движения определяются политическим развитием народных масс, а не самочувствием либерализма, то мы неуклонно увеличиваем наше давление по мере того, как массы идут вперед, и таким образом вынуждаем либерализм совершить весь тот маршрут, который допускается его социальной комплекцией. И, когда он, наконец, достигает своего «предела» и останавливается, петля неумолимо затягивается на его шее,—и на исторической дороге остается труп».

Внешне получается, как будто бы очень привлекательно, революционно и красиво! Как же, пролетариат затягивает петлю на шее либералов! А по существу все эти рассуждения сводятся не к чему иному, как к приглашению пролетариата пойти на услужение либеральной буржуазии. Для т. Троцкого, как и для меньшевиков, на либералах клином весь свет сошелся. Кроме социал-демократии и либералов, т. Троцкий не видит иных сил на арене буржуазной революции. Все буржуазные и мелкобуржуазные партии для него оказываются окрашенными в один цвет. Мирнообновленцы, партии демократических реформ, кадеты, трудовики, народные социалисты, социалисты-революционеры для него суть либералы и только. Тов. Троцкий не видел разницы между просто либералами и «либералами с бомбой» — социалистами-революционерами.

Тов. Троцкий не понимал, что социалисты-революционеры в буржуазной революции были демократами, а кадеты оставались только либералами, а демократами были постоянно в кавычках. Это стирание граней между кадетами и социалистами-революционерами в период революции 1905 г. было характерным для меньшевиков.

Тов. Ленин на этот счет определенно подчеркивал: «Различение партий и партийных оттенков на собраниях уполномоченных, выборщиков (а также во всей избирательной кампании, это разумеется само собой) будет маленьким, но не бесполезным практическим делом. На этом деле, между прочим, жизнь даст проверку многих спорных вопросов, волнующих с.-д. рабочую партию. Правое крыло ее, начиная от крайних оппортунистов «Нашего Дела» и кончая умеренными оппортунистами «Социал-Демократа», на все лады стирает и извращает различие трудовиков и кадетов, не замечая, повидимому, и нового, весьма важного явления: деления трудовиков на н.-с., с.-р. и тяготеющих к тем или другим». (VII т., 2 ч., стр. 134, соч. Ленина).

Тов. Троцкий в стирании грани между контрреволюционными партиями крупной буржуазии и революционными партиями мелкой буржуазии не отставал, как видим, от меньшевиков. Но в то же время он и в данном вопросе пытался сесть между двух стульев. С одной стороны, он заявляет: «Мы должны поддерживать либеральную оппозицию». «Мы должны изолировать реакцию» (стр. 135). А, с другой—он возмущен, что партия «сосредоточивает столько внимания и страсти вокруг такого третьестепенного вопроса, как соглашение с кадетами» (стр. 198). Ведь подача голосов за кадетов—это только «техническое соглашение», а не политический блок, и само соглашение с кадетами для Троцкого нужно только затем, чтоб только дискредитировать кадетов, «скомпрометировать» их. Зачем же большевики поднимают из-за этого столько шума!

Сам будучи оппортунистом, т. Троцкий в то же время играет роль свахи между оппортунизмом и революционным марксизмом, стараясь примирить их, замазать глубину разногласий.

Таков троцкизм прошлого в его отношении к либералам и либеральной буржуазии.

Не лучше обстоит дело с отношением т. Троцкого к борьбе партии за неурезанные лозунги. Меньшевики, как известно, в период III и IV Думы отвергли в повседневной агитации такие лозунги, как лозунг демократической республики и конфискации помещичьей земли. Они говорили, что только восьмичасовой рабочий день, один из трех большевистских лозунгов, играет и может играть роль в повседневной борьбе рабочих. Лозунги борьбы за республику и конфискации помещичьей земли могут служить только предметом пропаганды, но не агитации. Кроме восьмичасового рабочего дня, ликвидаторскими лозунгами были: лозунги свободы

Ленин ликвидаторов подвергал за это беспощадной критике. «Неужели,—спрашивал он,—«злободневна» только свобода союзов? а неприкосновенность личности? а отмена усмотрения и произвола? а всеобщее и т. д. избирательное право? а единая палата? и т. д.? Всякий грамотный рабочий, всякий, помнящий недавнее прошлое, прекрасно знает, что все это—злободневно. В тысячах статей и речей все либералы признают, что все это—злободневно. Почему же «Луч» об'явил злободневной одну, хотя бы и важнейшую из свобод, а коренные условия политической свободы, демократии, конституционного строя вычеркнул, отодвинул, сдал в архив «пропаганды», убрал прочь из агитации?

Потому и только потому, что «Луч» не приемлет неприемлемого для либералов» (Ленин, т. XII, ч.. 2, стр. 130).

Тов. Троцкий по отношению к неурезанным лозунгам снова оказывается в одной кампании с ликвидаторами. В его статье «Третья Дума» мы находим следующее место по интересующему нас вопросу: «Широко развернуть,—пишет он,—рабочую программу, поставить в Думе ребром все те вопросы, которыми живет рабочая масса,—вот главная задача—все остальное приложится к ней. Организация общественных работ для безработных! Восьмичасовой рабочий день! Свобода профессиональных союзов! Эти требования должны не переставая звучать в третьей Думе, как удары набата».

Вот она, теория перманентной революции на практике!

Для широкой политической рекламы—«без царя, а правительство рабочее», а для домашнего политического обихода либеральных рабочих политиков—«организация общественных работ для безработных»! Свобода профессиональных союзов не забыта, а вот демократическая республика положена в долгий ящик!

Те же взгляды либерального рабочего политика сквозят и в статье «Какая городская дума нужна Петербургу». Для каждого марксиста должно быть ясно, что всякая апелляция к правовому сознанию старых либеральных гласных является нечем иным, как выражением своеобразного парламентского кретинизма, в особенности когда эта апелляция совершается в период открытого столкновения классовых сил. Что же мы видим у т. Троцкого.

Он пишет: «Требование, с которым население обращается к нынешней думе, состоит не в том, чтобы она просто и молчаливо устранилась,—такой уход будет не чем иным, как побегом с ее стороны. Ее побега мы нисколько не боимся, но не этого мы хотим. Мы требуем, чтобы дума признала свою неправоспособность и провозгласила необходимость немедленного собрания нового состава гласных на основе демократического избирательного права и чтобы для организации этих выборов она предоставила населению аппарат городского самоуправления». Дальше т. Троцкий в этой статье предсказывает, что «первое завоевание, которое сделает и укрепит народ, будет создание городского самоуправления на основе всеобщих выборов. Нужно к этому подготовить все городское население. Честные друзья свободы—за работу».

Тов. Троцкий обращается к сознанию городских либералов, «отцов города» с предложением признать свою неправоспособность и приступить к выборам новых гласных на основе демократического избирательного права. Это называется «толкать либералов вперед». Антимарксистским является и утверждение т. Троцкого, что первым завоеванием, которое сделает и укрепит народ, будет создание городского самоуправления на основе всеобщих выборов. В действительности предпосылкой таких выборов могла быть только коренная ломка всего самодержавно-политического строя, без этого всякие разговоры были только пусканием пыли в глаза рабочим. Большевики именно так вопрос и ставили.

Тов. Троцкий здесь во всяком случае опять попадает не в большевистский лагерь. Теория перманентной революции не помешала ему и по только-что освещенному вопросу быть в одних рядах с оппортунистами.

Перейдем к взглядам т. Троцкого на аграрный вопрос и аграрную программу нашей партии. Меньшевики, как известно, были последователями муниципализации, большевики—сторонниками национализации. Кем же был т. Троцкий?

В аграрном вопросе т. Троцкий рассуждает по «мудрому» правилу: «с одной стороны, нельзя не сознаться, а с другой стороны, нельзя не признаться». Как будто бы муниципализация неплоха, но и национализация тоже хорошая вещь. На стр. 320 мы читаем: «Совершенно невозможно муниципализацию противопоставить национализации. Только новая власть, вышедшая из революции, может создать новые формы земельной собственности. Переход конфискованной земли в собственность всего народа (resp. государства) есть, во всяком случае, необходимо революционно-политическая предпосылка муниципализации земли. Вся задача революции состоит теперь именно в создании этой предпосылки. *Противопоставлять в настоящем фазисе революции муниципализацию национализации — значит, не желая того, принципиально санкционировать локальный кретинизм мужика*» (Курсив наш. *М. Р.*).

Тов. Троцкому, как гоголевской невесте, нравится одновременно и Балтазар Балтазарович Жевакин и Иван Павлович Яичница. С одной стороны, «муниципализация есть программа, с которой мы можем выступить в Учредительном Собрании», а, с другой стороны, национализация является «рычагом революции», и против нее высказываться тоже не следует. Так т. Троцкий по отношению к аграрной программе партии и остается в положении гоголевской невесты.

В действительности такое противопоставление было совершенно необходимо. Что такое муниципализация? «Муниципализация, говорил Ленин,—есть реакционный лозунг, идеализирующий средне-вековую особенность областей, притупляющий в крестьянстве сознание необходимости централизованной аграрной революции» (Ленин, том IX, стр. 542).

Значение национализации, наоборот, состоит в том, что ее проведение даже в условиях буржуазной революции в наибольшей мере означает разгром всех и всяческих форм крепостничества. Кроме того, проведение национализации означает удар по одной из форм частной собственности,—удар, отзвуки которого будут слышны во всем мире. Если же национализация совершается в условиях пролетарской революции, она вместе с тем является крупным *шагом по пути к социализму*. Национализация поднимает революционное сознание крестьянства до понимания общеполитических задач, она централизует и мобилизует его силы, тогда как муниципализация, наоборот, их сковывает и ограничивает рамками области.

Как же при таком колоссальном общественно-экономическом различии между муниципализацией и национализацией можно их примирять и об'единять друг с другом? Это мог делать только «нефракционный» т. Троцкий!

Наконец, в четвертом томе сочинений т. Троцкого имеется раздел, посвященный национальному вопросу. Меньшевики-ликвидаторы в национальном вопросе были сторонниками культурно-национальной автономии. Большевики, как известно, выдвигали и выдвигают лозунг права наций на самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. Точно выраженных взглядов т. Троцкого в четвертом томе, где имеется немало статей по национальному вопросу, на этот коренной пункт программы читатель не найдет. Тов. Троцкий отделывается общими рассуждениями и лозунгами. Весь раздел озаглавлен «Против национального гнета», но во всех статьях мы имеем только критику национальной политики самодержавия, а что касается положительных задач пролетариата по отношению к борьбе с национальным угнетением, тут у т. Троцкого вы найдете лишь нечленораздельные звуки. Тов. Троцкий пишет, что «национальный гнет для рабочего везде и всегда превращается в гнет классовый, и всякое насилие над нацией первую и самую жестокую рану наносит рабочему». Но ведь национальный гнет испытывается не только рабочими, и раны, наносимые им, наносятся не только рабочему классу. Каковы же ваши положительные

требования. в национальном вопросе? Их нет. Они снова куда-то исчезли.

Подведем итоги.

Тов. Троцкий в своем письме к Ольминскому писал, что его «оценка движущих сил революции была безусловно правильна».

В результате же нашего анализа получается следующая картина: большевики стояли на точке зрения всемерного развязывания классовой борьбы, ибо этого требовали интересы пролетариата, Троцкий, наоборот, был противником форсирования классовой борьбы. По Троцкому это называется—его взгляды на движущие силы революции целиком совпадают с позицией нашей партии и являются «безусловно правильными».

Большевики были за гегемонию пролетариата в буржуазной революции, Троцкий был за превращение пролетариата в хвост либеральной буржуазии, за поддержку этой либеральной буржуазии. По Троцкому это называется—дать правильную оценку движущих сил революции.

Большевики были за неурезанные лозунги, за демократическую республику, за конфискацию помещичьих земель, т. Троцкий за «свободу коалиций» и «общественные работы для безработных». Это называется—Троцкий дал правильную оценку движущим силам революции.

Большевики были за национализацию земли, против муниципализации, как реакционного лозунга, сковывающего силы крестьянского революционного движения. Троцкий был за муниципализацию и за национализацию одновременно, играя по отношению к аграрным программам большевиков и меньшевиков роль свахи. По Троцкому это называется—дать верную оценку движущим силам революции.

Большевики были за право национального самоопределения вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. В России было более 60% населения, относившегося до революции к угнетенным национальностям. Поэтому пролетарской партии нельзя было дать никакой сколько-нибудь верной оценки движущим силам революции, не имея ясной программы в борьбе против национального угнетения. У Троцкого этой программы не было, но по Троцкому это называется—быть безусловно правым и последовательным.

На четвертом томе сочинений т. Троцкого особенно ярко и блестяще подтверждается характеристика, данная троцкизму т. Лениным. Троцкизм—это «левая фраза и правое дело». Четвертый том, несмотря на то, что из него довольно старательно удалены наиболее типичные для троцкизма статьи, для которых «время еще не пришло»,—неоспоримо доказывает, что между троцкизмом старым и «троцкизмом современным» имеется такая тесная преемственность и идеологическое родство, что их следует считать одним и тем же уклоном, только приспособленным к различным этапам теоретического развития.

М. Рютин.

Редакция:
В. Астров.
Н. Бухарин.
В. Молотов.
А. Слепков.
Е. Ярославский.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 3 1 ФЕВРАЛЯ

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП (б)

СОДЕРЖАНИЕ.

1 9 2 7
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

Главлит № 79309. Москва. Тираж 80.000 экз.

Тип. изд-ва «Правда» и «Беднота», Яузский мост, Серебрянич. наб., д. № 23а

К перевыборам советов.

Кампания по перевыборам советов—в разгаре. Значение ее в политической жизни страны в настоящее время неизмеримо выше, чем это было несколько лет назад. Будучи одним из важнейших звеньев в работе по укреплению диктатуры пролетариата, избирательная кампания отражает в своем характере и значении те стороны пролетарской диктатуры, которые особенностями современной полосы в нашем развитии выпячиваются вперед,—выпячиваются больше, чем другие стороны.

Диктатура пролетариата означает насилие. Без насилия не бывает диктатуры. Это—азбука. Но такой же азбукой является и то, что диктатура означает не только насилие, но и огромную воспитательную работу пролетариата по отношению к союзникам из мелкой буржуазии, воспитательную работу авангарда рабочих по отношению ко всему рабочему классу в целом, огромную работу по вовлечению все новых и новых пластов трудящихся в строительство социализма. Эта вторая сторона в диктатуре пролетариата и выпятилась теперь—в полосу учащенной, мирной, культурно-организаторской, хозяйственной работы—вперед.

Без этой воспитательной работы не может вестись успешная классовая борьба в обстановке под'ема политической активности всех общественных слоев в нашей стране.

Не сегодня мы нащупали этот последний факт и не с сегодняшнего дня выпятилась вперед воспитательная сторона в диктатуре пролетариата. В частности, уже два года мы проводим в жизнь лозунг *оживления советов*, данный партией на основе своевременного учета политической обстановки. За два года мы сделали большой шаг вперед в выполнении этой директивы партии. Мы создали некоторую—может быть, еще не очень солидную—*материальную* базу для политики оживления советов. Мы уточнили *правовую* сторону в работе советов в городе и деревне. Мы добивались и добиваемся *активного участия* всех избранников трудящихся в повседневной практической работе советов. Мы добивались и добиваемся *лучшей связи* депутатов советов с массой избирателей-трудящихся, вовлекая последних через депутатов в работу секций, комиссий избранных советов. Мы добивались и добиваемся *подконтрольности* депутатов перед рабочими и крестьянами. Мы добивались и добиваемся широкого вовлечения всех низовых звеньев советов и масс трудящихся в проведение крупнейших общегосударственных кампаний и заданий.

Мы добивались и добиваемся через это еще большего повышения культурно-политической сознательности трудящихся, и в первую голову рабочего класса,—еще большего повышения орга-

низованности и инициативности в борьбе с враждебными нам слоями, в частности—в деревне.

И мы добились того, что в самом сознании трудящихся несравненно выше поднялось значение советов, как орудия осуществления культурных, хозяйственных, политических задач в борьбе за социализм.

И мы добились того, что вокруг перевыборов советов кипит настоящая борьба. Кипит в городе и особенно в деревне, там, где сейчас закладываются прочные основы для живого, инициативного, организованного, сплоченного отпора со стороны бедняцко-середняцкого блока кулацким тенденциям, там, где влияние пролетариата ощущается не так непосредственно близко, там, где вырастающая буржуазия (кулачество) надеется встретить менее сильное сопротивление своим хозяйственно-политическим устремлениям.

Были и ошибки,—ошибки, проистекшие из извращения партийного курса и из недостаточно активного проведения в жизнь действительных указаний партии. Противно всей линии партии были допущены послабления по отношению к враждебным нам слоям (расширение избирательных прав в предыдущей перевыборной кампании), послабления, получившие суровый отпор со стороны партии.

Была и некоторая растерянность в деревенских парторганизациях в связи с курсом на изжитие методов командования, назначенства. Было непонимание лозунга оживления советов со стороны тт., оторвавшихся от масс, потерявших чуткость к их запросам, думавших заменить самодеятельность трудящихся избытком административного усердия.

В самой верхушке партии мы натолкнулись за последний год на такую же психологию бюрократического закостенения: крупнейшие лидеры оппозиции оплевывали этот актуальнейший лозунг партии—оживление советов. Больше всего слышала партия из рядов оппозиции *слова* и крики о бюрократизме и меньше всего нашла здесь действительного *понимания* путей борьбы с бюрократизмом и меньше всего—*практической борьбы* с этим злом, раз'едающим наш госаппарат. Наоборот, партия натолкнулась со стороны оппозиции на *сопротивление* в активном проведении лозунга оживления советов, на дезорганизующее влияние оппозиции в осуществлении одного из важнейших лозунгов—в преодолении бюрократического извращения нашего государства.

Но партия переборола и перебарывает эти ошибки, трения, растерянность, непонимание и даже прямое сопротивление ее курсу.

И партия добилась того, что уже теперь кампания по перевыборам советов приобрела значение *«важнейшей политической кампании в стране»* (Молотов).

Трудно переоценить значение этого, никем не оспариваемого, факта,—ибо он означает сдвиг в осуществлении крупнейшей задачи в развертывании советской (пролетарской) демократии,—превращения «управления *для* трудящихся» также и «в управление *через* трудящихся» (Ленин).

Этот лозунг Ленина означает необходимость широкого вовлечения в советы *беспартийных рабочих и трудящихся вообще*, в частности—бедняцкого и середняцкого крестьянства. Бояться этого вовлечения—значит не понимать основного смысла проводимого курса. Кричать о затоплении низовых звеньев советов мелкобуржуазными элементами—значит забывать, что без вовлечения в советы союзников пролетариата из крестьянства не может быть осуществлено правильное пролетарское руководство крестьянством. Кричать об ослаблении партийного руководства в советах при такой линии—значит застыть на методах изжитой полосы развития, значит не понимать всего богатства и гибкости в методах партийного руководства, значит потерять чуткость к запросам трудящихся, ценящих партийное руководство по существу и ставящих его высоко.

Опыт прошлых перевыборов показал ясно на практике, что положительное значение вовлечения активных беспартийных трудящихся в советы оказалось настолько сильным, что перевесило даже отрицательное влияние ошибок и минусов, допущенных в кампании. Тот, кто не понял, что в результате этой линии партии авторитет последней в массе трудящихся укрепился, а не ослабел,—тот потерял способность видеть вещи так, как они есть.

Нельзя осуществить «управление *через* трудящихся», если беспартийных трудящихся не выдвигать в советы, не воспитывать их практикой советской работы, не ставить их на руководящую работу, если бояться поручить им ответственное дело под руководством партии.

Разные слои трудящихся будут в различной степени проявлять свою активность в выборах. Задача партии состоит в том, чтобы своей энергией и волей поднимать активность отстающих слоев.

Рабочий класс в целом как был, так и будет самым организованным и активным участником в перевыборах советов. Для этого имеются и об'ективные и суб'ективные основания.

Как везде, так и на перевыборах пролетариат будет классом-гегемоном. Непреодолимых препятствий к почти поголовному участию рабочих нет, и при известной энергии с нашей стороны мы сможем этого добиться. В частности нужно устранять всяческие организационные помехи, непорядки, затрудняющие полное участие в выборах.

Поднимать сознательность *новых*, отсталых слоев рабочих, впервые приобщившихся к семье рабочего класса—такова одна из задач, касающихся перевыборной кампании в городе.

Практика начавшихся перевыборов показала, что кое-где падает удельный вес *женщин-работниц*. Это недопустимо. Это—перерыв в непрерывно тянущейся линии усиленного привлечения женской части рабочего класса к участию в общественной жизни, чем мы имели законное право гордиться. Нужно на ходу самой кампании выправлять, ликвидировать симптомы обратной тенденции. Текущие перевыборы должны дать дальнейшее *повышение* удельного веса женщин-работниц в советах.

Что касается *деревни*, то суть момента заключается здесь в том, чтобы центр тяжести перенести на сплочение *батрачества и бедноты*. Слабое участие батрачества на прошлых выборах было, как минус, отмечено июльским пленумом ЦК. Усиление профсоюзной работы за истекший год создало известные предпосылки для устранения этого недостатка. Насколько он будет устранен, зависит в основном от глубины и широты той работы, которая проводилась среди батрачества партийными и профессиональными

организациями за этот год. Степень, в какой будут устранены недостатки прошлого в смысле участия батрачества в выборах, будет показывать степень серьезности работы, проводившейся среди них *нами*.

Активность деревенской бедноты в целом будет служить серьезной проверкой наших парторганизаций в смысле успешности работы по организации бедноты. Несомненно, последний год дал в этой работе ряд достижений. Бо́льшая уверенность, твердость в работе, бо́льшее понимание директив партии должны были дать и дали бо́льшие результаты в работе с беднотой. Это показали последние перевыборы органов сельскохозяйственной кооперации. Но те же перевыборы показали, что кое-где в процессе перевыборов, мы, конечно, получим щелчки—достойное возмездие за нерешительность и неумение некоторых организаций сплачивать бедноту. Уроки должны быть учтены, и надлежащие выводы из этого—сделаны. Но нельзя в надежде на учет уроков в будущем махнуть рукой на организацию бедноты в самом процессе перевыборов. Перевыборы—не простая регистрация успехов и недостатков, а орудие для активной работы, толчок для усиления внимания, для напора на этот участок нашей борьбы.

Беднота не должна отставать от среднего крестьянства, как это бывало на прошлых перевыборах. В блоке бедноты с середняком и здесь, как и везде, самую большую организованность и активность должна проявить беднота. Сама изоляция кулачества будет осуществлена лишь в том случае успешно, если бедняк своей сплоченностью сумеет задать тон перевыборам в деревне. Борозда между середняком и кулаком не будет проведена, если беднота будет плестись в хвосте. Кулачество сейчас в полной мере оценило значение перевыборной кампании. Оно усиленно готовится к ней и, будучи устранено само из перевыборов, через третьих лиц, через охваченных его влиянием крестьян, путем угроз, подкупов старается воздействовать на результаты выборов. Эта усиленная, организованная, полуорганизованная, открытая или скрытая подготовка кулачества должна наткнуться на еще более организованное влияние бедноты на середняка. Середняк, численно преобладающий, будет решать исход. За влияние на середняка идет борьба. Авторитетом *организованной* бедноты, опирающимся на авторитет партии и государства, должно быть побеждено в сознании середняка влияние кулачества. Текущие перевыборы, будем надеяться, дадут в этом отношении еще большие успехи, чем в прошлом году, но это—в том случае, если мы сконцентрируем сейчас свое внимание на сплочении бедноты и батрачества вокруг избирательной кампании...

Оживление советов было задумано партией в целях укрепления диктатуры пролетариата в новой обстановке, в целях всемерного укрепления в среде десятков и десятков миллионов трудящихся авторитета государства и партии, завоевываемого на почве деловой практической работы по строительству социализма, по повседневной борьбе с врагами трудящихся, повседневному улучшению материальных условий существования, по повышению культурного уровня рабочего класса и крестьянства. Многие сомневались, сумеет ли партия справиться с этой задачей, требующей в своем выполнении огромного терпения, выдержки, настойчивости, кропотливости, внимательности, особенно в деревне, с работой, не сулящей быстрых, эффектных результатов. Первоначально имевшая место растерянность деревенских организаций партии служила поводом к этим сомнениям.

Но уже к концу первого года работы, несмотря на сделанные ошибки, обнаружились первые положительные результаты, вселившие новую уверенность, что деревенские организации, при поддержке всей партии в целом, с задачей оживления советов в деревне справятся, что партия сможет сплотить вокруг деревенских коммунистов широкий актив из передовых крестьян, бедняков и середняков.

Следующий год внес еще одну практическую струю в эту трудную—особенно в деревне—область работы. Речь идет о работе с собраниями и группами бедноты. Не нужно закрывать глаз на то, что решения партии об оживлении советов, об изжитии методов командования, назначенства были восприняты некоторой частью бедноты как отход партии от бедноты. Уже сам по себе этот факт служил доказательством того, что у бедноты не было уверенности в своей силе, в силе своей организованности, не было умения завоевать доверие большинства деревни и авторитет на основе практической работы по культурно-политическому и хозяйственному строительству. Этот факт уже сам по себе служил доказательством правильности линии на оживление советов. Ибо этот лозунг включает в себя призыв к организации и под'ему самодеятельности бедноты. Пленум ЦК в октябре 1925 года наметил и организационную форму осуществления этого призыва. Год работы по проведению в жизнь решений этого пленума был годом устранения недоразумений, связанных у части бедноты с недостаточным пониманием сущности партийной линии.

Сейчас мы участвуем в перевыборной кампании, которая покажет в полном об'еме итоги этого процесса.

Итоги будут в пользу диктатуры пролетариата.

Размеры их зависят от нашей же собственной энергии и гибкости.

Э. Гольденберг.

Против путаницы в теории империализма.

Несколько месяцев назад в Берлине вышла новая книга об империализме, представляющая собой несомненный и значительный интерес [1]). Автор ее, Фриц Штернберг, повидимому, считает себя марксистом и коммунистом. Однако, уже в предисловии он предупреждает читателя, что, оставаясь верным «духу» учения Маркса в целом, он в ряде случаев считает необходимым решительно рвать с его буквой. При чем в первую очередь это относится к теории воспроизводства и рынков, имеющей, как известно, решающее значение для разработки проблемы империализма.

Книга Штернберга очень об'емиста, и в рамках журнальной статьи нет никакой возможности поставить все затронутые в ней вопросы. Мы будем, поэтому, вынуждены ограничиться лишь выделением самых основных положений, имеющих наибольшую важность с точки зрения теории империализма.

1. «Несбываемый остаток».

Проблему воспроизводства и накопления Маркс, как известно, брал в условиях т. н. «чистого капитализма», т.-е. капитализма, до конца ликвидировавшего свое некапиталистическое окружение, освобожденного полностью от пережитков докапиталистической экономики. Вслед за Розой Люксембург Штернберг считает это его основным методологическим грехом. «Маркс,—пишет он,— хотел изобразить в «Капитале» процесс накопления в чистом виде. Но в таком виде его никогда не было, нет и, как я покажу, быть не может» [2]).

Что касается Розы Люксембург, которая, как известно, была первым глашатаем сисмондистски-народнической теории рынков в марксистской среде [3]), то свое отношение к ней наш автор формулирует в следующих словах: «Мы считаем ее (Розы) критику марксовых схем (простого и расширенного воспроизводства) во всех решающих пунктах правильной и обоснованной. Вместе с нею мы держимся того взгляда, что империализм, т.-е. проникновение (Vorstoss) капитализма в некапиталистические территории является имманентной необходимостью, так как, будь капитализм не только господствующей, но и единственной хозяйственной формой, он должен был бы погибнуть в кратчайший срок вследствие заложенных в нем противоречий. В промежуточ-

1) F t i t z S t e r n b e r g, «Der Imperialismus», Berlin, 1926.
2) Стр. 23.
3) Струве, разумеется, не в счет.

ных звеньях аргументации... у Р. Люксембург, однако, имеются серьезнейшие ошибки» [1]).

Оставим пока на совести Штернберга определение империализма как «проникновение капитализма в некапиталистические территории». Согласно этому определению капитализм является империализмом уже в пеленках, так как самое его появление на свет, равно как и дальнейший рост суть не что иное, как «проникновение в некапиталистические территории». Мы увидим еще, что эта грубейшая пошлятина в устах Штернберга отнюдь не случайна. Сейчас же ограничимся лишь тем, что установим, что, стоя в основном на точке зрения Р. Люксембург, он признает, тем не менее, ряд серьезных ошибок в ее аргументации. Он делает попытку обосновать ее теорию, не повторяя ее ошибок. Исходным пунктом при этом служит критика марксовых схем простого и расширенного воспроизводства.

На схемах простого и расширенного воспроизводства Маркс показал, каковы условия равновесия и бесперебойного роста «чистого» капитализма, т.-е. общества, состоящего только из рабочих и капиталистов. Важнейшим из этих условий является соблюдение пропорциональности между производством средств производства (I подразделение) и производством средств потребления (II подразделение). Соотношение этих двух основных групп производства имеет *не только* техническое значение. По существу дела оно выражает также и соотношение *накопления* и *потребления* в капиталистическом обществе, так как материалом первого являются, главным образом, средства производства, в то время как материалом второго—средства потребления. Схемы Маркса показали, что при простом воспроизводстве равновесие достигается в том случае, если сумма ежегодно проедаемого дохода в I подразделении (заработная плата плюс потребляемая часть прибавочной ценности) равна стоимости ежегодно снашиваемой и возобновляемой части постоянного капитала II подразделения. Маркс иллюстрирует это след. образом:

$$\text{I. } 4000c + 1000v + 1000m$$
$$\text{II. } 2000c + 500v + 500m$$

Здесь c обозначает постоянный капитал, v—переменный капитал и m—прибавочную ценность. Заработная плата и прибавочная ценность (которая при простом воспроизводстве вся проедается) в I подразделении должны быть *потреблены как доход*. Но на деле и 1000v и 1000m существуют не в виде средств потребления, но в виде средств производства, которые как доход потреблены быть не могут. Следовательно, 1000v и 1000m I подразделения могут быть реализованы как *доход*, как с'едаемая, потребляемая заработная плата и прибавочная ценность, лишь в том случае, если те средства производства, в которых они существуют in natura, удастся обменять на равноценное количество производимых во II подразделении средств потребления. Это возможно, так как капиталисты II подразделения нуждаются в обновлении своего основного капитала, скажем, машин, которые полностью износились и всю свою ценность перенесли на произведенные при их помощи средства потребления. Если сумма зарплаты и прибавочной стоимости в I подразделении (существующие в виде

1) Стр. 87.

средств производства) и сумма ежегодно восстанавливаемого износа постоянного капитала во II подразделении (т.-е. той части постоянного капитала II, которая из средств производства превратилась в средства потребления и теперь снова должна быть превращена в средства производства), если эти две величины между собой равны, то обмен происходит безболезненно, и тем самым дана формула равновесия в капиталистическом обществе при простом воспроизводстве.

Эта формула равновесия претерпевает, однако, очень значительные изменения при переходе к расширенному воспроизводству. Здесь возможны два случая. Если расширенное воспроизводство сопровождается повышением органического состава капитала, т.-е. повышением доли элементов постоянного капитала, средств производства в общей товарной массе, то очевидно, что это должно иметь своей предпосылкой более быстрый темп накопления в I подразделении, нежели во II. Но и в том случае, если переход к расширенному воспроизводству происходит на старой технической базе, остается в силе необходимость более быстрого роста I подразделения (так как переход к расширенному воспроизводству означает не что иное, как сокращение личного потребления капиталистов, т.-е. потребления ими продуктов II подразделения) и повышения производительного потребления, т.-е. потребления продуктов I подразделения. Или, говоря словами Маркса, «для того, чтобы произошел переход от простого к расширенному воспроизводству, производство подразделения I должно получить возможность создавать менее элементов постоянного капитала для II, но в той же мере более для I» [1]).

Поэтому, если марксовы схемы простого воспроизводства предполагают *одинаковый темп* накопления в обоих подразделениях, то этого нет и, по самому существу дела, не может быть в схемах расширенного воспроизводства. Схемы эти таковы:

I. 4000c + 1000v + 1000m = 6000

II. 1500c + 750v + 750m = 3000

I подразделение накопляет половину произведенной в нем прибавочной ценности, т.-е. 500. При органическом составе капитала 4 : 1, эти 500 распадутся на 400 единиц, идущих на увеличение постоянного капитала I подразделения и 100 единиц, идущих на увеличение переменного капитала I подразделения. К началу второго года мы, таким образом, получаем:

I. 4400c + 1100v + 500m

Мы знаем уже, что постоянный капитал II раздела может быть увеличен лишь настолько, насколько возрастает личное потребление рабочих и капиталистов в I разделе. Последнее возрастает только на 100v. Следовательно, и постоянный капитал II раздела может возрасти только с 1500c до 1600c. При органическом составе капитала во II подразделении 2 : 1, увеличение на 100 постоянного капитала требует соответственного увеличения переменного капитала на 50. Все накопление во II разделе

---

[1]) Маркс, «Капитал», том II, стр. 468. Пер. Базарова и Степанова. Изд. 1907 г.

составит, следовательно, 150. Схема же наша примет следующий вид:

I 4400 c + 1100v + 500 фонд личного потребления капиталистов,

II 1600 c + 800 v + 600 фонд личного потребления капиталистов,

при чем (1100v + 500m) I раздела обмениваются на 1600c II раздела.

В этой схеме, однако, сразу бросается в глаза то обстоятельство, что норма накопления во II подразделении составляет только одну пятую (150 из 750), между тем как в I подразделении она равна половине (500 из 1000). *Именно с этого пункта Штернберг и начинает свою атаку на Маркса.*

Если равновесие сохраняется только при условии неодинакового темпа накопления в I и II подразделениях, значит, это равновесие вообще невозможно, так как нет никаких абсолютно оснований допустить, что капиталисты II подразделения согласятся накоплять меньше и расточать больше, чем капиталисты I подразделения. Если же капиталисты обоих подразделений будут ежегодно накоплять, т.-е. вкладывать в производство равную долю присвоенной ими прибавочной ценности, то товары II в «чистом» капиталистическом обществе, лишенном «третьих лиц», не найдут себе сбыта, и налицо таким образом будет перманентный кризис.

Штернберг отсюда делает вывод, что безостаточный сбыт всех произведенных товаров в условиях «чистого» капитализма невозможен, что Маркс, желая в своих схемах найти формулу равновесия «чистого» капиталистического общества при расширенном воспроизводстве, на деле показал лишь невозможность этого равновесия. И выложив всю эту премудрость, он торжествующе заключает: «Все те, кто занимались критикой Р. Люксембург, самым ревностным образом остерегались коснуться этого сильнейшего пункта ее позиции» [1]).

И тем не менее, вся аргументация Штернберга в этом вопросе представляет собою сплошные пустяки, построенные на очень элементарном недоразумении. Верно, что при расширенном воспроизводстве (и при неизменной технике и тем более при повышающейся технике) I подразделение должно расти быстрее, чем II. Точно так же правильно, что нет никаких оснований предполагать, что капиталисты II согласятся накоплять меньшую долю прибавочной ценности, чем капиталисты I. Но совершенно неверно и ни из чего не следует, что капиталисты II могут вкладывать присвоенную ими прибавочную ценность *только* во II подразделение. В нашем примере капиталисты II из 750 единиц присвоенной ими прибавочной ценности желают накопить 375. Между тем в II подразделении они могут вложить, не рискуя вызвать кризис сбыта, только 150. Очевидно, что остающиеся 225 они постараются вложить в I подразделение. Добавочные вложения в I подразделение повлекут за собой добавочный спрос на товары II. В конечном счете эти 225 нераспределенных единиц прибавочной ценности II раздела распадутся на 165, добавочно вкладываемые в I раздел, и 60, добавочно вкладываемые в II раздел. Схема приобретает тогда следующий вид:

---

[1]) Стр. 99.

I 4532c+1133v+500 фонд личн. потребления капиталистов,
II 1640c+ 820v+375 фонд личн. потребления капиталистов.

При чем (1133v + 500m) I раздела обменивается на 1640c II раздела. Некоторое несовпадение здесь об'ясняется тем, что мы вели счет в круглых цифрах, избегая для простоты дробей.

Таким образом, перманентный кризис сбыта в «чистом» капитализме отнюдь не обязателен. Совершенно очевидно, что перераспределение производительных сил, вызываемое переходом к расширенному воспроизводству, должно за собой повлечь и соответственное перераспределение капиталов, одной из форм которого является перенесение части их из II в I. С перенесением же их, с вложением «избыточной» прибавочной ценности II подразделения в I устраняется и причина перманентного кризиса, и равновесие восстанавливается на более высокой основе.

Штернбергу этот довод знаком [1]), однако он его решительно отводит. Соображения у него следующие: капиталисты II *хотят* вложить избыточные 225 единиц своей прибавочной ценности в I, но сделать этого они *не могут*. Ведь их прибавочная ценность in natura существует в форме средств потребления и, значит, годна лишь как средства потребления; между тем как в I подразделение возможно вкладывать лишь средства производства. А эти последние неоткуда взять.

При всей внешней убедительности этого аргумента, он по существу бьет мимо цели. *Во-первых*, огромные количества производимых в капиталистическом обществе товаров могут быть использованы и как средства производства, и как средства потребления. Достаточно назвать уголь, нефть, электрическую энергию, железо, резину, кожу, дерево, стекло и т. д., и т. п. Прибавочная ценность, существующая in natura в форме этих товаров, *может* быть вложена в I подразделение.

Во-вторых, дополнительно вкладывать накопленную прибавочную ценность в I подразделение можно *не только* в том случае, если она существует в форме средств производства, но и в том случае, *если она существует в форме средств потребления*. В самом деле, ведь I подразделение, производя средства производства, нуждается не только в постоянном капитале, не только в машинах, топливе и в сырье, но и в средствах потребления для своих рабочих. Если капиталисты II решились дополнительно вложить 225 единиц в I подразделение, то это означает следующее: часть продукции I, существующая в виде средств производства, которая в других условиях пошла бы на расширение постоянного капитала II, в обмен на средства потребления для рабочих I, теперь остается в I подразделении и используется для расширения его собственного постоянного капитала. Что же касается необходимых рабочим I средств потребления, то они берутся из прибавочной ценности II, авансируемой капиталистами II, вносимой ими *как пай* в I подразделение.

Мы видим, таким образом, что утверждение Штернберга о том, что «критика марксовых схем доказывает..., что в чистом капитализме, при равной норме накопления обоих подразделений, вследствие тенденции к постоянно все более высокому органическому составу капитала, полный обмен между обоими подразделениями невозможен» [1]),—это утверждение неверно и необосновано. Ни Р. Люксембург, ни дополняющему ее Штернбергу *не удалось* доказать невозможность равновесия при расширенном воспроизводстве в «чистом» капитализме.

[1]) Т. к. еще до войны он был высказан Отто Бауэром.

Надо, впрочем, отдать справедливость Штернбергу. Аргументу от невозможности безостаточного сбыта прибавочной ценности II он решающего значения не придает. Правда, этот несбываемый остаток для него «имеет величайшую важность», так как в значительной степени определяет «силу империалистического напора», но в общем он все же признает, «что если критика Р. Люксембург (марксовых) схем и ее доказательство принципиальной невозможности полного обмена между обеими группами промышленности правильны, то непосредственно из этого сделанные выводы неверны» [2]). В отличие от Р. Люксембург, Штернберг согласен допустить, что наличие некоторого несбываемого остатка прибавочной ценности в II подразделении, который он обозначает М—К, отнюдь еще не означает неминуемого и немедленного краха «чистого» капитализма и отнюдь еще не доказывает невозможности существования капиталистического общества. Кончим поэтому с «несбываемым остатком», столь неудачно придуманным Р. Люксембург и Штернбергом ad majorem gloriam «имманентной необходимости» пеленочного империализма. Перейдем к другому аргументу Штернберга, которому он придает решающее значение.

2. Неразрешимость кризиса.

Наличие М—К, несбываемого остатка прибавочной ценности II, по мнению Штернберга, еще не означает невозможности «чистого» капитализма. Штернбергу невдомек другое: как возможны в «чистом» капитализме *периодические* кризисы, т.-е. такие кризисы, которые преодолеваются, рассасываются, вслед за которыми снова наступают под'ем и высокая кон'юнктура. «Если вдуматься,—говорит он,—как следует в ход мыслей Маркса, то кризис в капитализме перестает быть проблемой; проблемой является то, что капитализм оказывается в состоянии *преодолевать* (курсив наш) один кризис за другим» [3]).

Как известно, основной причиной кризисов Маркс считал диспропорцию производства и потребления в капиталистическом обществе. «Весь процесс накопления приводит в первую очередь к расширенному воспроизводству, которое, с одной стороны, соответствует естественному росту населения и которое, с другой стороны, образует имманентную основу явлений, проявляющихся в кризисах. Мерой этого расширения производства является сам капитал, наличная ступень развития условий производства является сам капитал, наличная ступень развития условий производства и безграничное стремление капиталистов к обогащению и накоплению, но ни в коем случае *не потребление*, которое с самого начала ограничено, так как большая часть населения, рабочее население, может расширять свое потребление лишь в очень узких границах. В то же время, в той же мере, в какой разви-

[1]) Стр. 107.
[2]) Стр. 102.
[3]) Стр. 113.

вается капитализм, падает *относительно* спрос на труд, хотя абсолютно он растет»[1]).

Эти бесспорные положения Маркса Штернберг делает исходным пунктом своей второй атаки. Недопотребление масс является причиной кризиса. Но ведь это недопотребление кризисом отнюдь не ликвидируется точно так же, как не ликвидируется оно и после кризиса. Если же причина кризиса не устраняется, остается в силе, то как же возможно устранение следствия, т.-е. самого кризиса?

«Если недопотребление само по себе непосредственно и постоянно ведет к кризису, то кризис никогда не может прекратиться. Он был бы тогда не однократным насильственным выравниванием, но перманентным явлением»[2]).

А так как в условиях перманентного кризиса никакое общество существовать не может, то, следовательно, и «чистый» капитализм есть нечто совершенно немыслимое; капитализм не может существовать без некапиталистической среды, без «третьих лиц», покупательная сила которых сглаживает диспропорцию производства и потребления и создает возможность выхода из кризиса и возможность нового под'ема.

Правда, Штернбергу известно, что на капиталистическом рынке продаются и покупаются не только средства потребления, но и средства производства. Но это его не смущает. «Средства производства,—пишет он,—суть латентные средства потребления. Превращение средств производства в средства потребления есть только вопрос времени... Чем больше средств производства производит капитализм, тем больше в конечном счете будет ценность средств потребления, которые должны найти своего покупателя, чтобы капиталисты могли реализовать свою прибавочную ценность»[3]).

Для очистки своей научной совести Штернберг даже согласен снизойти до рассмотрения тех изменений, которые могли бы произойти на рынке в течение того времени, которое потребно для того, чтобы средства производства превратились в процессе производства в средства потребления. Пока средства производства превратятся в средства потребления проходит время. За это время могут случиться перемены. Мыслимы четыре возможности для сбыта накопленной прибавочной ценности: 1) повышение покупательной способности населения; 2) увеличение народонаселения; 3) втягивание некапиталистических областей и 4) внешняя торговля»[4]).

Сколько-нибудь знакомый с делом читатель сразу, конечно, увидит, что отвести все эти четыре возможности для Штернберга никаких трудностей не представляет. Что касается втягивания некапиталистических областей и внешней торговли, то о них вообще не может быть и речи, поскольку мы говорим о «чистом» капитализме. Увеличение народонаселения тоже не может быть решением вопроса, так как, сколько бы оно ни росло абсолютно, относительно к размерам производства оно должно падать. Закон повышения органического состава капитала означает, что та часть его, которая пред'являет спрос на рабочую силу, переменный

1) Marx, «Theorien», II_2, 263.
2) Стр. 114.
3) Стр. 116—117.
4) Стр. 119.

капитал, растет медленнее, чем весь общественный капитал в целом. И, наконец, повышение покупательной способности населения тоже исключено в «чистом» капитализме, где, говоря словами Маркса, «рабочее население может расширять свое потребление лишь в очень узких границах». Таким образом, в течение времени, потребного для превращения средств производства в средства потребления, никаких изменений, способных создать выход из кризиса, не происходит. «Производительное потребление капиталистов,—говорит Штернберг,—только откладывает проблему»[1]). «Чистый» капитализм, капитализм без некапиталистической среды, обречен на перманентный кризис, и, следовательно, вообще не может иметь места ни в природе вещей, ни даже в природе абстрактных категорий. Без некапиталистической среды нет капитализма.

Неразрешимость кризиса в чистом капитализме выступает у Штернберга, как schlagende Argument. И тем не менее, достаточно распутать тот клубок софистической ерунды, которая здесь нашим автором наплетена, чтобы от этого второго, «решающего» аргумента осталось столько же, сколько и от первого, от аргумента от «несбываемого остатка», т.-е. ровным счетом ничего.

Диспропорция производства и потребления, несомненно, является основной причиною кризиса. В капиталистическом обществе она проявляется как диспропорция товарного предложения и покупательной способности населения. Очевидно, однако, что такого рода диспропорция в каждом данном случае предполагает определенный уровень цен. *Снижение цен, насильственно производимое кризисом и закрепляемое потом техническим прогрессом, рационализацией производства, ликвидацией отсталых предприятий, создает, следовательно, основу для выхода из кризиса, для нового под'ема, вплоть до следующего кризиса.*

Штернбергу и иже с ним по этому поводу, разумеется, ничего бы не стоило ударить в тимпаны и завопить: «но ведь снижение цен в конечном счете означает повышение покупательной способности населения! Значит, выход из кризиса через снижение цен есть выход из кризиса через повышение потребления рабочих, которое может расширяться, как мы знаем из Маркса, «лишь в очень узких границах».

Такое рассуждение, будучи, как палка, прямолинейным, было бы, однако, и тупым, как палка. Диспропорция производства и потребления имманентна капитализму, вытекает из самого существа капиталистического способа производства. Но это еще отнюдь не означает, что эта диспропорция является *непрерывно* действующим фактором, фактором, действующим в каждый данный момент. Кризис как раз и представляет собою не что иное, как насильственное сглаживание этой диспропорции, установление равновесия спроса и предложения на новой основе, на основе пониженных цен, улучшенной техники и повышенной производительности труда. Возможно ли создание нового равновесия на новой основе? Возможно до тех пор, пока капитализм в состоянии поднимать технику и повышать производительность труда. Имманентность капитализму диспропорции производства и потребления сказывается не в том, что после каждого данного кризиса невозможно добиться нового равновесия на новой основе, а в том, что это

1) Стр. 125.

новое равновесие так же непрочно, неустойчиво, как и предыдущее. И на новой основе продолжают действовать те же силы, которые привели к кризису в прошлом хозяйственном цикле. Снижение цен во время кризиса, закрепляемое поднятием производительности в течение следующей за ним депрессии, является лишь исходным пунктом для нового, еще большего расширения производства, которое на определенном этапе необходимо должно притти в конфликт с ограниченной покупательной способностью масс и в конце концов завершиться новым кризисом. Кризис следует по пятам за капитализмом, настигая его на каждой новой ступени производительности, на каждом новом уровне цен. Отсюда нескончаемая *периодичность* кризисов; но отсюда ни в коем случае не вытекает их перманентность.

Снижение цен, как основной метод выхода из кризиса,—это положение, более или менее общепринятое в экономической литературе. В самое последнее время его развил В. А. Базаров, в своих интереснейших статьях о «Кривых развития капиталистического и советского хозяйства». Мы приведем отгуда одну из очень многочисленных эмпирических иллюстраций этого положения.

«После кризиса 1873 года под'ем продукции в 1874, 1875 и 1876 гг. совершается по нашей схеме при резко снижающихся ценах... После кризиса 1890 г. начинается новый длительный рост продукции; вместе с тем немедленно вступает в свои права классическая структура капиталистического цикла. С 1892 г. по 1895 год производство растет при понижающихся ценах—в остальных фазах цикла продукция и цены растут параллельно до кризиса 1900 года. Далее продукция начинает повышательную волну цикла с 1901 года, цены продолжают падать до 1905 года, чтобы затем подняться параллельно росту продукции навстречу кризису 1907 года. Вслед за этим последним продукция оживает в 1908 г., депрессия цен длится до 1910 года»[1]).

Производство и потребление, продажа и покупка должны представлять собою некоторое единство, чтобы было возможно равновесие общества. Антагонистический характер капитализма проявляется в том, что он это единство разрывает, но когда Штернберг отсюда непосредственно заключает к *перманентности* кризиса в «чистом» капитализме, то этим он лишь обнаруживает полное непонимание существа и роли кризиса. «*Именно в кризисе*,—пишет Маркс,—утверждается единство различного. Самостоятельность по отношению друг к другу взаимозависимых и взаимодополняющих элементов в нем насильственно уничтожается. Кризис, следовательно, демонстрирует единство обособившихся друг от друга моментов»[2]). Маркс писал эти строки в поучение буржуазным апологетам, которые на основании того, что покупка и продажа, производство и потребление *должны* друг другу соответствовать, умудрялись делать вывод, что кризиса в капитализме вообще быть не может. Но это же поучение невредно было бы усвоить и Штернбергу, который на основании

[1]) В. А. Базаров. «Кривые развития капиталист. и совет. хозяйства», «План. Хоз.», 1926, № 4, стр. 99

[2]) Marx, «Theorien», II_2, 274.

того, что отрыв потребления от производства имманентен капитализму, делает вывод о неизбежности перманентного кризиса, кризиса, назначение которого в том как раз и состоит, чтобы этот отрыв временно ликвидировать!

Раньше, чем кончить эту главу, мы считаем необходимым сделать еще одно замечание. Устойчивое снижение цен возможно только на основе снижения себестоимости, которое, в свою очередь, предполагает улучшение техники, техническое переоборудование промышленности. Отсюда—повышенный спрос на средства производства. Мы видели выше, что Штернберг отмахивается от этого фактора, так сказать, на ходу, отделываясь замечанием, что средства производства суть не что иное, как латентные средства потребления, что рано или поздно они превращаются в средства потребления и, следовательно, их привлечение только «отодвигает проблему». Это утверждение представляет собою величайшую бессмыслицу и величайшую пошлятину.

Не подлежит никакому сомнению, что средства производства существуют затем, чтоб в конечном счете производить средства потребления. Это положение сохраняет свою силу и в капиталистическом обществе, целью производства которого является прибавочная ценность. Отсюда, однако, отнюдь еще не вытекает, что постоянный капитал общества весь с течением времени переходит в его потребительский фонд. Если бы это было так, то в конце каждого промышленного цикла мы имели бы не *возросший* производственный аппарат, не повышение органического состава капитала, но нечто совершенно обратное: превращение всего постоянного капитала в средства потребления означало бы, что к концу каждого цикла остается «голый человек на голой земле», так как все орудия труда им полностью потреблены. Такое представление, конечно, совершенно вздорно. Всякое общество, и капиталистическое в особенности, не только потребляет, но и *накопляет*, накопляет в первую очередь средства производства. Когда износ средств производства, используемых для производства предметов потребления, начинает превышать их новый приток, то это означает, что общество деградирует. Только в романах Уэльса возможно такое положение, когда совокупный постоянный капитал «разрешается» (löst sich) в предметах личного потребления. В высокой степени забавно, что Штернберг (как и Р. Люксембург), которые желают в этом пункте ревизовать Маркса и «развивать» его дальше, на самом деле откатываются от него далеко назад, повторяя грубейшие ошибки Смита и Рикардо. Как известно, для последних накопление капитала тоже «разрешалось» в накоплении средств существования для производительных рабочих, а постоянный капитал для них «разрешался» в стоимости потребления создающих его рабочих. Маркс уделил не мало страниц вскрытию этой ошибки классиков буржуазной теоретической экономии. По существу говоря, Штернберг (как и Р. Люксембург), «разрешая» постоянный капитал в средствах потребления, делает ту же самую ошибку. И если бы природа наделила нас такой же неумеренной склонностью иронизировать, какую проявляет Штернберг, то нам бы доставило много веселых минут то обстоятельство, что Р. Лю-

ксембург, в одном месте своего главного труда, как раз по поводу глав II тома «Капитала», в которых Маркс вскрывает эту ошибку английских классиков, говорит, что он уделяет слишком много места доказательству и без того очевидных вещей!

3. Загнивание или расцвет?

«Покрыв» Маркса и «доказав» невозможность капитализма без некапиталистической среды, Штернберг считает дорогу для своей теории империализма расчищенной. Выше мы уже видели, что империализм он определяет как «проникновение в некапиталистические территории». Наш автор считает, что это «проникновение» перестает быть явлением случайным, становится необходимым, «закономерным» лишь тогда, когда мы признаем, что без него капитализм вообще существовать не может.

Что «проникновение капитализма в некапиталистические территории» отнюдь случайным не является, что вывоз товаров и в особенности капиталов является *законом* капиталистического развития—это, разумеется, бесспорно. Однако, закон этот можно обосновывать по-разному. Так, Маркс писал о нем следующее: «Если капитал посылается за границу, то это происходит не потому, чтобы он абсолютно не мог быть помещен в дело внутри страны. Это происходит потому, что за границей он может быть помещен при более высокой норме прибыли»[1]). Такое об'яснение экспорта товаров и капиталов Штернберга, однако, не удовлетворяет. Он пишет: «Если бы существовала возможность вложения всей накопляемой прибавочной ценности внутри страны, если бы в этих условиях было возможно воспроизводство на расширенной основе, сопровождаемое лишь кризисами такого рода, какие знало XIX столетие, тогда империалистический напор был бы только (!? *Э. Г.*) делом повышения нормы прибыли, и в этом случае были бы правы буржуазные пацифисты, так как издержки войны бесконечно больше тех выгод, которые может принести повышение нормы прибыли»[2]).

Эта тирада в своем роде замечательна и может служить прекрасной иллюстрацией к тому, много раз уже испытанному и проверенному, положению, что от ультралевых высот до оппортунистического болота—только один шаг. Издержки войны, изволите ли видеть, во много раз выше, чем выгоды от повышения нормы прибыли! Штернбергу, повидимому, невдомек, что издержки войны несет на себе рабочий класс, крестьянство, мелкая буржуазия, в то время как выгоды от повышения нормы прибыли присваивает себе крупный капитал. Совершенно с таким же успехом Штернберг мог бы сказать, что успехи капиталистического накопления, с некоей надклассовой точки зрения, вообще не окупают ту массу нищеты, страданий и крови, которых они стоят. И в этом случае он проявил бы совершенно такую же силу здравого смысла и арифметических способностей.

Во-вторых, неужели наш автор никогда не слыхивал о том, что в капиталистическом обществе существует *конкуренция*; что существует закон *централизации*, заключающийся в том,

[1]) Маркс, «Капитал», т. III, ч. 1, стр. 237. Пер. Степанова, 1923 г.
[2]) Стр. 175.

что более крупные, капиталистически более мощные предприятия вытесняют мелкие и слабейшие? Капиталистическая страна *не может* ограничиваться более низкой нормой прибыли, если ее соседка и конкурентка на экспорте товаров и капиталов наживает большие прибыли. Не может потому, что более низкая норма прибыли означает замедленный темп накопления, а значит, и ослабление позиций *сравнительно* с соседом и конкурентом. А что это значит в обществе, в котором господствует правило: «если ты не с'ешь меня, то я с'ем тебя»—в пояснениях не нуждается[1]).

Если Штернбергу проникновение в некапиталистические территории в погоне за более высокой нормой прибыли представляется чем-то «случайным», если он утверждает, что закономерность этого явления может быть обоснована только *невозможностью* для капитализма существовать без «третьих лиц», то он обнаруживает этим то специфическое понимание «закономерности», с которым марксизму и коммунизму часто приходилось сталкиваться в прошлом и не раз, вероятно, еще придется сталкиваться в будущем: понимание закономерности как чего-то *автоматического*, прямолинейного, сплошного. Нужно ли говорить, что такое понимание ничего общего с марксистским методом не имеет?

Займемся теперь плотнее самым определением империализма. Для Штернберга—это «проникновение (Vorstoss) капитализма в некапиталистические территории». Мы указывали уже выше, что с этой точки зрения капитализм является империализмом уже с первого дня своего появления на свет, между тем как на деле империализм есть определенный *этап*,—*последний этап* развития капитализма. Вообще с хронологией империализма у Штернберга дело обстоит неладно; к какому периоду он относит возникновение империализма, у него понять невозможно. Зато самую империалистическую эпоху он резко делит на две полосы: «ранний империализм» (Frühimperialismus), который кончился вместе с войной 1914 года, и просто империализм, эра которого открылась в 1914 году.

Мы подходим к гвоздю вопроса. В то время, как для Ленина империализм является *загнивающим* капитализмом, Штернберг его изображает, по крайней мере, для довоенного периода, как его Schonzeit, его золотой век, его высший расцвет. Здесь с самого начала необходимо отметить, что такая точка зрения Штенберга никоим образом не случайна. Ленин начинает анализ империализма со стороны его *производственной базы* и именно *поэтому* приходит к выводу, что империализм есть загнивание капитализма. Штернберг, как и Р. Люксембург, подходит к вопросу не со стороны производства, а со стороны *реализации*.

[1]) В I томе «Капитала» (стр. 785, примечание 299) Маркс цитирует одного буржуазного экономиста Duning'а, говорящего: «Капитал избегает шума и брани и отличается боязливой натурой. Это правда, но это еще не вся правда. Капитал боится отсутствия прибыли или слишком малой прибыли, как природа боится пустоты. Но раз имеется в наличности достаточная прибыль, капитал становится смелым. Обеспечьте 10%—и капитал согласен на всякое применение; при 20 процентах он становится оживленным, при 50% положительно готов сломать себе голову; при 100% он попирает ногами все человеческие законы; при 300% нет такого преступления, на которое он не рискнул бы хотя бы под страхом виселицы. Если шум и брань приносят прибыль, капитал станет способствовать и тому и другому».

Естественно, что период империализма с его колоссальным расширением мирового рынка и возможностей сбыта ему представляется как «золотой век капитализма».

Захват некапиталистических территорий, говорит Штернберг, дает возможность поднять заработную плату рабочих в империалистических странах с голого минимума, который он обозначает как линия AC, до более высокого уровня, который он обозначает как линия AD; действие кризисов благодаря овладению новыми рынками ослабевает, социальная устойчивость капитализма крепнет. «Золотой век (Schonzeit),—провозглашает наш автор,—линия AD, наступили... В раннем империализме (т.-е. до войны 1914 г. *Э. Г.*) заработная плата не падает, но, напротив, растет,—факт, социологическая весомость которого вряд ли может быть переоценена. Этот второй период капитализма характеризуется, следовательно, и ослаблением кризиса, конечно, экономического кризиса».

Перефразируя Некрасова, об этой тираде можно было бы сказать: «Мало слов, а вздора реченька». Штернберг здесь говорит о довоенном империализме, как о *втором* периоде капитализма. Повидимому, вопреки своему «определению», он все же считает необходимым проведение какой-то грани между «нормальным» промышленным капитализмом и капитализмом империалистическим. Как известно, эта грань пролегает близко от грани между XIX и XX столетиями. Если принять эту хронологию, учитывая, конечно, всю ее условность, верны ли с фактической стороны утверждения Штернберга?

Реальная заработная плата английского рабочего с 1850 по 1900 год возросла на 83%, т.-е. увеличилась на четыре пятых [1]). Но как раз 1900 год является поворотным. Если реальную зарплату 1900 года принять за 100, то в 1910 году она падает до 92,2 [2]). Получается нечто вполне обратное тому, что утверждает Штернберг. Мы имеем рост зарплаты в период «нормального» капитализма, который сменяется ее падением в полосу достаточно ярко выраженного империализма. Еще рельефнее этот процесс выражен в движении реальной зарплаты германских рабочих. Если принять за 100 ее уровень в 1900 г., то в 1875 г. она составляла 65,5, а в 1910 г. колебалась между 79,6 и 82,9. Как мог Штернберг—человек, несомненно, очень образованный—как он мог упустить из виду, что волна дороговизны, высоко поднявшаяся *именно* в предвоенную эпоху и *именно* в результате безудержного картелирования и трестирования, больше всего била по жизненному уровню рабочего класса, для нас остается непостижимым. Но как бы там ни было, факты противоречат «теоретическим» выкладкам нашего автора, факты эти теоретические выкладки бьют.

Не лучше обстоит дело и с аргументом от ослабления кризисов в довоенном империализме. Штернберг здесь только повторяет апологетическую ерунду буржуазных экономистов, т. к. после кризиса 1907 года, который по своей силе и размаху не знал себе равного в истории капитализма, даже слепому должно быть ясно, что ни о каком ослаблении кризисов даже в довоенном империализме говорить не приходится. Таким образом, два основных элемента штернберговской Schonzeit оказываются существующими только в его воображении.

1) См. С. А. Первушин, «Промышленная конъюнктура», стр. 29.
2) См. Нахимсон, «Мировое хозяйство», том I, стр. 130.

Определяя довоенный империализм как Schonzeit, Штернберг не только *не замечает* симптомов его загнивания, но и прямо их *отрицает*. Как известно, Ленин определял империализм в первую очередь как *монополистический* капитализм. Штернберг с этим не согласен. «Между империалистическим напором (Vorstoss) и переходом капитализма к монополистической организации не существует никакой однозначной, параллельной связи... И раньше всего, она не существовала до мировой войны» [1]). В доказательство Штернберг ссылается на тот «факт», что до войны в наиболее империалистической стране, в Англии, монополистических организаций было меньше всего, между тем как наименее тогда империалистическое государство—Сев.-Американские Соединенные Штаты—было классической страной трестов и концернов.

По этому поводу необходимо сказать следующее. *Во-первых*, было бы грубой ошибкой недооценивать процессы трестирования и картелирования в Англии. Уже в 1902 году Макрости насчитывал в Англии 29 крупнейших трестов с капиталами: в 100 миллионов рублей (Kooте), 84 миллиона рублей (о-во выработки щелочей), 82 млн. рублей (ситце-набивная ассоциация) и т. д. [2]). О том, как далеко зашел процесс концернирования теперь, говорит существование таких гигантов, как Виккерс, Плэтс, Армстронг, Болдуин, Роял-Детч, Англо-Персидская компания и т. д.

Во-вторых, монополистическое загнивание промышленности, ее концернирование, как известно, сопровождается сращиванием промышленного капитала с капиталом банковским. Популярное представление, будто в Англии это сращивание не имеет места, покоится на грубом недоразумении. Р. Лифман, который является одним из компетентнейших знатоков этого вопроса, пишет об этом следующее: «Так как в английском словоупотреблении понятие «банк» применяют лишь к *чисто* депозитным банкам, то все кредитные институты, которые связывают с собственно-банковскими, депозитной и контокоррентной, операциями также и другие дела и в особенности операции со всякими ценными бумагами, называются Financial Companies» [3]). Чтобы дать представление о размерах этих финансовых обществ, через которые в Англии происходит сращивание промышленного и банковского капиталов, достаточно назвать Consolidated Goldfields C° с ее капиталом в 270 миллионов рублей.

При всем том, конечно, нельзя отрицать, что монополистические организации в Англии, перед войной, по крайней мере, достигли значительно меньшего развития, чем в Соед. Штатах или в Германии. Но, как ни странно это может показаться Штернбергу, это не опровергает, а *подтверждает* ленинскую теорию империализма.

Монополия не падает с неба. Она является продуктом постепенного перерождения ткани производственных отношений

1) Стр. 182.
2) См. Гобсон. «Современный капитализм», стр. 187.
3) Liefman. «Beteiligungs-und Financierungsgesellschaften», стр. 409.

капиталистического общества, роста его производительных сил, концентрации его производства. Приведя данные о концентрации производства в Америке, тов. Ленин пишет: «Почти половина всего производства всех предприятий страны в руках одной сотой доли всех предприятий... Отсюда ясно, что концентрация на известной ступени своего развития сама собою подводит, можно сказать, вплотную к монополии... Это превращение конкуренции в монополию представляет собою одно из важнейших явлений—если не важнейшее—в экономике новейшего капитализма»[1]).

Монополистические организации, следовательно, представляют собою раньше всего продукт концентрации производства. Последняя же сама, в свою очередь, определяется уровнем техники и производительных сил. *В силу закона неравномерности развития капитализма различные страны вступают в полосу империалистического загнивания на различных уровнях техники, а, следовательно, и концентрации, а, следовательно, и вызревания монополистических организаций*. Англия из всех капиталистических государств первая вступила на путь империалистического загнивания, вступила на этот путь на относительно низком уровне техники и концентрации. И, значит, если в Англии трестирование и концернирование было слабее выражено, чем в более молодых Германии и Соед. Штатах, то это не опровергает, а полностью подтверждает ленинскую теорию империализма.

В своей об'емистой книге Штернберг не уделил ни одной строчки рассмотрению производственной базы империализма, и вследствие этого «проглядел» его загнивание. Точно так же он на протяжении более чем 600 страниц *ни словом не обмолвился о законе неравномерного развития*, и вследствие этого ровным счетом ничего не может понять в конкретной динамике общественных отношений при империализме. Отсюда полное непонимание им действительной роли экспорта капитала. Отсюда его архинелепая теория социальной устойчивости империализма. Отсюда же и та резко-пессимистическая нота, которая пронизывает его анализ современного мирового положения и перспектив мировой революции.

4. Неравномерность развития.

В своей работе об империализме т. Ленин, полемизируя с Каутским, писал: «Разговоры Каутского поощряют, между прочим, ту глубоко ошибочную и льющую воду на мельницу апологетов империализма мысль, будто господство финансового капитала *ослабляет* неравномерности и противоречия внутри всемирного хозяйства, тогда как на деле оно усиливает их» (стр. 88). И двумя страницами ниже: «Финансовый капитал и тресты не ослабляют, а усиливают различия между быстротой роста разных частей мирового хозяйства».

Как известно, на XV конференции тт. Троцкий и Зиновьев произвели ожесточенную атаку на эти положения т. Ленина. Смысл их речей сводился к тому, что в современном империализме тенденция нивелировки берет верх над тенденцией неравномерного развития. Тов. Троцкий, напр., предлагал сопоставить Японию с Англией 70 лет назад и теперь и спрашивал: когда различие между ними было больше—тогда или теперь? После чего с удовлетворением констатировал, что различие тогда было больше, чем теперь.

[1]) Ленин «Империализм...», стр. 15 (изд. «Прибой»).

Такая постановка вопроса совершенно не выдерживает критики. Одно дело различие экономических уровней зрелой капиталистической страны и страны феодальной, или страны, только еще вступающей на путь капиталистического развития. И совсем другое дело неравномерность развития двух зрелых капиталистических стран. Мы имеем здесь два совершенно различных *типа* неравномерности, смешивание которых является грубейшей ошибкой,—грубейшей ошибкой потому, что *в домонополистическую эпоху имеется неравномерность развития такого капитализма, который в общем и целом находится еще на восходящей линии, между тем как в империалистическую эпоху налицо неравномерность развития такого капитализма, который уже загнивает*. Если 70 лет назад Япония отставала от Англии, то она преодолевала эту неравномерность, нагоняла Англию, *развертывая* у себя капиталистические отношения, вырастая и вызревая, как *капиталистическая страна*. Но если теперь Англия отстает от Америки, то очевидно, что для нее преодоление этой неравномерности за счет дальнейшего развития своего капитализма уже невозможно, ибо английский капитализм не только вполне созрел, но и перезрел.

В 1860—1880 гг. Англия господствовала на мировом рынке. Ее доля в мировой угольной продукции в 1860 г. составляла 57%, между тем как доля Сев.-Амер. Соедин. Штатов составляла только 9,9%. У нас нет данных по чугуну и стали для 1860 г. Но еще в 1880 г. доля Англии в мировой продукции чугуна составляла 42,5% и в мировой продукции стали—43,4%. Доля Соедин. Штатов в мировой продукции этих товаров тогда составляла 21 и 24,1%[1]). Но уже 1913 год дает картину совершенно обратную. Участие Англии в мировой продукции угля падает с 57 до 23,9%, между тем как участие Соедин. Штатов, напротив, возросло до 42,3%. По чугуну и стали доля Англии падает до 13,2 и 10,3%, между тем как доля Соедин. Штатов возрастает до 40,1 и 42,1%.

Когда *неравномерность развития* была больше? Надо быть слепым, чтобы не видеть, что в XX веке больше, чем в 70-х и 80-х годах, потому что в 80-х годах *отстававшая* Америка, будучи страной *восходящего* капитализма, могла взять *такой* темп, который дал ей возможность нагнать и перегнать ушедшую вперед Англию. Между тем как в XX веке Англия, являющаяся страной *загнивающего* капитализма, такого темпа, который позволил бы ей нагнать и обогнать Америку, очевидно, взять уже не может. Следовательно, *в 60 и 70 гг., в домонополистическую эпоху раствор ножниц, в которых выражается неравномерность развития, обнаруживает тенденцию становиться меньше, между тем как в империализме он с необходимостью растет*.

[1]) См. Фалькнер, «Рост народного дохода и имущества Соединенных Штатов С. А.».

Усиление неравномерности развития в империалистическую эпоху отнюдь не противоречит определению империализма как загнивающего капитализма. Напротив, загнивание капитализма прямо *предполагает* неравномерность развития с вытекающими из нее экспортом капитала, отставанием и загниванием производственной базы страны, экспортирующей капитал, перемещением мировых производственных центров и, наконец, отрывом рабочей силы, собранной в старых производственных центрах, от действующих средств производства, в растущей мере концентрируемых в новых центрах,—отрывом, наносящим колоссальной силы удар той самой социальной устойчивости капитализма, которую воспевает Штернберг.

Мы вернемся еще к этому кругу вопросов в следующей главе.

(Продолжение следует).

А. Слепков.

О вывертах г-на Бауэра и его новых прозелитах.

Тихо и буднично протекает жизнь в социал-демократическом Миргороде: журналисты пишут о принципиальном значении и необходимости классовой борьбы «вообще» и содействии капиталистической стабилизации «в частности»; на собраниях, на которые безработные—в противоположность всем другим слушателям—получают бесплатный доступ, ораторы доказывают необходимость «революции в душах», профессора и присяжные теоретики внимательно следят за юбилеями друг друга и пишут по этому поводу статьи, в которых великодушно признают, что в прежней взаимной критике друг друга они перегибали палки, увлекались и ошибались; парламентарии с жаром и убедительностью доказывают, что Карл Маркс «вообще» допускал политическую коалицию с буржуазными делегатами, а потому «в частности» высказываются за коалицию с совсем другим Марксом...

Спокойствие этой жизни, нарушаемое неутомимыми «утопистами», «дирижируемыми» «из Москвы» и мешающими проведению в жизнь конструктивного почти-социализма, становилось даже немного скучным. Но обнаружилось, что Москва в состоянии не только беспокоить с.-демократов своими «гранатами» и вездесущими агентами: из Москвы же подул ветерок, который привел в веселое состояние одного из начавших скучать почтеннейших мещан социал-демократического Миргорода—Отто Бауэра. В самом деле: «московские диктаторы» передрались, гремели громы, блистали молнии,—целое потрясение—и все... из-за Отто Бауэра. «Мы», Бауэры, не просто миргородские обыватели, а—центр внимания, об'ект борьбы среди большевиков Советского Союза и Коминтерна, среди той коммунистической армии, в которой доселе так презрительно и неприлично отзывались о Бауэре и бауэрщине, среди той партии, к которой со все большими надеждами и решительностью обращаются лицом левеющие рабочие Запада, когда они обращаются «не-лицом» к Бауэрам. Разве же не понятен и не естественен после этого горделиво-снисходительно-мессианский тон статьи Отто Бауэра «Bauerschtschina?» («Бауэрщина?»), которую он поместил в рождественском номере венской с.-д. «Arbeiter Zeitung» и которую почтительно перепечатал лево-умеренный с.-д. орган «Leipziger Volks-Zeitung» 28/XII 1926 г.?

Редакция последней газеты снабдила статью маленьким пояснением, в котором, между прочим, пишется:

«В последних партийных боях между правыми сталинцами и ультра-левыми оба крыла взаимно обвиняли друг

друга в бауэрщине. Это тем более дает Бауэру право самому решить, какое направление соответствует линии развития, намеченной им в 1920 году».

Статья эта, несомненно, по своим основным положениям, является *типично*-меньшевистской. Отто Бауэр так же, как почти все высказывавшиеся до сих пор по данному вопросу идеологи социал-демократии, относится к идеологии оппозиции исключительно положительно, разделяя их оценки тенденций развития СССР и лишь высказывая сожаление по поводу «военно-коммунистических», «утопических» тенденций в практических предложениях и полупредложениях лидеров оппозиции.

С подобной оценкой читатель знаком уже по статьям «Социалистического Вестника», разбиравшимся в «Правде». Тем не менее находятся «ультра-левые» умники, которые услыхали в изречениях Бауэра новое слово и увеличили своими персонами ряды прозелитов этого идеолога социал-филистерства, вредоносность которого они впрочем на словах не отрицают.

Бауэр зацепил своей удочкой «наилевейших» Рут Фишер—Маслова—Урбанса и Ко.

В своем оппозиционном листке («Mitteilungsblatt», Linke Opposition der KPD, Berlin, Nr. 1. 1927) они поместили статью: «Как Отто Бауэр хвалит т. И. Сталина» («Wie Otto Bauer den Genossen I. Stalin lobt»), в которой проявлено столько же неискренности и нечестности в полемике, сколько трудно скрываемой симпатии к исходным идейным позициям известного «левого коммуниста» Отто Бауэра. Эта солидарность с Отто Бауэром не может быть прикрыта никакими «левыми» словесами о сугубой вредности утонченного революционного фразерства австро-марксизма и пр.

Но именно потому, что Бауэр является для ультра-левых идейным первоисточником, из которого они заимствовали материал для неудачного полуфабриката в своем фракционном листке; именно потому, что они в своей статье лишь искаженно отразили Бауэра, мы, в целях выяснения истинной позиции последнего, обратимся ниже к статье самого Бауэра.

Лидеры оппозиции в своих последних выступлениях на расширенном пленуме ИККИ подчеркивали, что их отделяют от партии в целом не столько разногласия по конкретно-практическим вопросам (политика цен, налоговая политика и т. д.), сколько различия в оценках общих вопросов и перспектив революции,—разногласия, нашедшие наиболее яркое выражение в решении вопроса о возможности победы социализма в СССР. Общеизвестен тот факт, что лидеры оппозиции, пытавшиеся наскоро сколотить свою фракционную платформу экономической политики, запутались в противоречиях и потому к заключительному моменту дискуссии остались без практической платформы *с одними общими оценками тенденций развития СССР.*

Поэтому критерием отношения к оппозиции, в первую очередь, является отношение к тем теориям, которые идеологи оппозиции развили в связи с *общими вопросами революции.*

Как известно, социал-демократы находили противоречивые и отрывочные кусочки практически-экономической «платформы» оппозиционного блока—«утопичными», «военно-коммунистическими» или «туманными» и «неясными».

Зато они вполне одобряли оппозиционные оценки итогов и перспектив российской революции в целом, зато они видели в

оппозиционной постановке вопроса о невозможности победы социализма в одной стране победу *своей* идеологии, залог дальнейшей эволюции блока к социал-демократии.

Дал ли в этом отношении что-нибудь новое Отто Бауэр? Ни капельки. Он, как и многие социал-демократы, выступавшие по этому вопросу до него, находит практические предложения оппозиции утопичными, но констатирует, что основная теоретическая установка оппозиционного блока вполне сходится с его взглядами, когда заявляет:

> «В области теории суждения оппозиции о тенденциях русского хозяйства, в условиях развития последнего в рамках мирового капитализма, приближаются к тому, что я предсказал в 1920 году».

Итак, Бауэр солидарен с «суждениями оппозиции о тенденциях русского хозяйства» в условиях мирового капиталистического окружения. Но ведь это же есть центральный момент дискуссии, но ведь все идеологи оппозиции отмечают, что в различном разрешении именно *этого* вопроса заложены серьезные принципиальные разногласия, отделяющие оппозицию от партии в целом.

Ультра-левые простачки, готовые распустить слюни по поводу вывертов г-на Бауэра, не поняли *главного* политического смысла рассуждений своего нового идейного патрона.

Бауэр согласен с оппозицией в основном и центральном: он находит, что их оценка перспектив развития российской революции в условиях мирового капиталистического окружения является одновременно *его* оценкой.

В числе сторонников своей концепции революции он находит:

> «Зиновьева, который еще недавно был диктатором Коммунистического Интернационала, Троцкого, создателя Красной армии, Каменева, вчерашнего председателя Московского Совета».

Правда, Бауэр, пришедший в добродушнейшее настроение от оказанного ему внимания, так разболтался, что развязность и сознание своего величия перевесили в нем контролирующее влияние логики, в результате чего тот же Бауэр утверждает, что в своих построениях тт. Зиновьев, Троцкий и Каменев исходят из традиций и воззрений исторического большевизма, ленинизма, ревизуемого ныне тт. Сталиным, Бухариным, Рыковым и др.

> «*Победа Сталина над оппозицией есть* не что иное, как *победа* неумолимой экономической необходимости *над идеологией, традициями, прошлым большевизма*».

Странновато получается! Бауэр горд тем, что к его точке зрения на перспективы российской революции примыкают тт. Каменев, Зиновьев, Троцкий; но оказывается, далее, что идеологи оппозиции отразили в своей концепции исторический большевизм, т.-е. что они не *пересматривали* ленинизма.

Элементарная логическая добросовестность обязывает сделать из этих двух положений следующий вывод: Бауэр не прочь зачислить себя в представители исторического большевизма. Вряд ли, однако, социал-демократический герой Миргорода *хотел* угостить своих сограждан к христову рождеству таким сенсационным признанием. Просто разболтался человек.

Но в статье Бауэра налицо все необходимые «доказательства» его «исторического большевизма». Большевику эти «доказательства» хорошо известны.

В самом деле. Посмотрим, *как* Бауэр оценивает тенденции и перспективы российской революции.

> «Развитие национализированной крупной индустрии невозможно без массового ввоза средств производства. Этот массовый ввоз невозможен без возрастающего вывоза хлеба. Возрастающий вывоз хлеба невозможен без поощрения хозяйства кулака, богатого крестьянина».

О массе простых, некапиталистических сельских производителей Бауэр пишет, что они обращают «весь свой хлеб на пропитание своей семьи», т.-е., по сути дела, ведут натуральное хозяйство.

Партийному читателю уже известна эта концепция «исторического большевизма», согласно которой середняк выпадает как союзник строящего социализм пролетариата, согласно которой все крестьянство заменяется всевластным и всепокрывающим кулачеством, согласно которой для социалистических путей деревни нет реальных возможностей; нашему читателю знакома и эта тенденция изобразить кулака почти единственным продавцом хлеба, почти единственным источником государственных хлебозаготовок. Все это было сказано в свое время различными представителями оппозиционного блока, которые изображали абсолютный рост буржуазных элементов в СССР и как абсолютный и как *относительный* рост этих элементов, которые (оппозиционеры) склонны видеть основную тенденцию исторического развития СССР в более быстром росте капитализма по сравнению с социализмом.

В полном соответствии с данной оценкой динамики социально-экономического развития СССР Отто Бауэр характеризует социальное существо советского государства.

> «Диктатура коммунистической партии именуется диктатурой пролетариата. В действительности же она должна, в целях развития национализированной крупной индустрии, поощрять также хозяйственное развитие крестьянства, а тем самым, посредством этого, хозяйственное развитие буржуазии. Она не может представлять только пролетариат за счет двух других классов—крестьянства и буржуазии; она должна, как всякий абсолютизм, взвесить противоречивые интересы трех классов, уравновесить их.
>
> В условиях демократии классы борются за власть и тем самым за их долю в общественном доходе. Равнодействующая классовых сил есть результат классовой борьбы. В противоположность этому всякий абсолютизм, в том числе и русский (для «большевика» Бауэра, как и для Каутского, диктатура пролетариата в СССР—абсолютизм! *А. С.*), хочет наделить каждый класс его долей в общественном доходе путем своего решения, хочет сознательно декретировать равнодействующую классовых сил.
>
> На место массовой борьбы классов выступает поэтому в России бой внутри самих управителей за правильный способ этого раздела».

Мы не имеем возможности и необходимости останавливаться здесь на не имеющей ничего общего с марксизмом бауэровской теории государства вообще. В данной связи важно подчеркнуть лишь то обстоятельство, что Бауэр смотрит на советскую власть как на государство, выражающее интересы *всех* трех классов, да притом в неестественно-искаженной, ненормальной форме. Все три класса—пролетариат, крестьянство и буржуазия—борются за свою долю общественного дохода внутри советского государства, все они имеют представителей своих интересов и внутри руководящей государством коммунистической партии. Нормальный ход этой борьбы мог бы быть обеспечен по Бауэру только отказом от методов диктатуры и переходом к буржуазной демократии, без развития которой немыслима подготовка социализма. Этой «свеженькой» сентенцией Бауэр заключает свою статью.

Но разве всякий, кто читал статью одного из наиболее ликвидаторствующих воинов оппозиции, Оссовского, стоящего ныне вне партии, и неуклюже жонглировавшего категориями «единственная, но не единая», «единая, но не единственная» и проч. и т. п.—не угадывает в оссовщине идеологию, родственную лощеной идеологии «австро-марксистского» теоретика?

Разве не о том писал Оссовский, разве он не представил тенденцию «раскрепощения» СССР от диктатуры пролетариата, руководимого единственно легальной коммунистической партией,—разве он не протаптывал теоретическую дорожку к любезной Бауэрам буржуазной демократии?

И разве не вступили одной ногой на эту же дорожку те, кто узрели и защищали в Оссовском идеолога, представившего—только не совсем умно и умело—полезную тенденцию ослабить давление бюрократического «башмака на ногу рабочего».

Все это было не случайно. Ибо стать на точку зрения Бауэра в основном вопросе о движущих силах и перспективах нашей революции, о возможности построения социализма в нашей стране—это значит, при последовательности, протянуть руку буржуазному демократу Оссовскому, а через последнего протянуть палец Бауэру, который этот палец ухватывает обеими руками.

На вопрос, обладает ли российская революция достаточными *внутренними* силами для построения социализма, вожди оппозиционного блока ответили отрицательно, и именно здесь образовалось идейное звено, соединившее цепь их положений с философствованиями Бауэра.

Если, *несмотря на отсутствие необходимых для построения социализма внутренних условий*, СССР укрепился и растет,—то этот факт может свидетельствовать лишь о внутреннем перерождении советского государства, о превращении его в «далеко не пролетарское», о перерождении правящей государством партии, о *перерождении его партийного руководства*. Такие выводы являются—при последовательности рассуждений—обязательными и для Бауэра и для идейно примыкающих к его посылкам о незрелости русской революции идеологов оппозиционного блока.

И действительно, разве не говорилось последними насчет «национально-реформистской» идеологии партийного руководства, его измены международной революции, политики поощрения внутренней буржуазии? Разве не говорилось, что имеются симптомы начавшегося перерождения?

Бауэр, естественно, высказывает сие резче, определеннее, недвусмысленнее, хотя в устах этого социал-прохвоста рассуждения об измене мировой революции звучат прямо-таки смешно: миргородский «мировой» «пролетарский» «революционер» в роли «левого» критика большевизма! Бывает всякое: кто же не знает того, что Каутский, Бернштейн и даже Муссолини критикуют большевизм «слева». Что же удивительного в том, что Бауэр утверждает, будто тт. Сталин, Бухарин, Рыков «не верят больше в мировую революцию»; что их лозунгом является «мировая агитация, а не мировая революция».

Что удивительного в том, что он почти в тех же выражениях, что оппозиция, говорит о национально-реформистском перерождении нашей партии?

И разве не симптоматично, что и *в этом вопросе*, в характеристике партийного руководства, Бауэр «теоретически» считает себя солидарным с оппозицией, вернее считает последнюю солидарной с собой?

Бауэр торжествует: он-де говорил еще в 1920 году, что победоносное строительство социализма в крестьянской России невозможно. Если же все-таки случилось, что кое-что строится, то строится прежде всего капитализм, а строители переродились, доказав правильность «линии развития, намеченной им еще в 1920 году». Сталин и его единомышленники volens-nolens пошли практически по тому пути, который он, Бауэр, указал своим «теоретическим» перстом еще до новой экономической политики.

Исходя из этого, Бауэр заключает:

> «...На практике Сталин выполняет как раз то, что я предсказал, и только прикрывает то, что он делает, идеологией вчерашнего. Теоретическая бауэрщина оппозиции состоит в том, что она разрывает идеологию, посредством которой Сталин прикрывает свою практическую бауэрщину».

Оппозиция «теоретически» примыкает к бауэрщине,—это Бауэр констатирует охотно, забыв, однако, отметить, что его рассуждения о незрелости российской революции и пр. представляют так же мало оригинального и нового, сколько ряд других банальностей, которые сходили с уст и перьев сотен, если не тысяч других социал-демократов до статей Бауэра и после них.

Всесоюзная коммунистическая партия осудила социал-демократический уклон оппозиции, который Бауэр похвалил за его идеологию, за «теорию».

Идеология, «теория» коммунистической партии, руководящей строительством социализма на шестой части земного шара, к удивлению Бауэра, «еще» не признала его.

Но мессианизм Бауэра безграничен: он «остроумно» заключил, что если не в теории, то в практике компартии его, Бауэра, идейная установка получила оправдание.

Его дух, видите ли, витает над практикой ленинской партии, поскольку эта практика идет по линии развития (т.-е. перерождения), намеченной им, Бауэром, еще в 1920 году. «Вот и возьмите его теперь голыми руками!».

Но как старо все это! Не их ли—Бауэров и прочих меньшевиков—цитировал Ленин после введения нэпа: дескать, мы, Бауэры, всегда говорили то, что ты. большевик, сейчас говоришь,—позволь нам еще раз это повторить. Ильич на это отвечал: «Позвольте поставить вас за это к стенке, либо вы потрудитесь от высказывания ваших взглядов воздержаться».

Теперь Бауэр снова затянул эту песню: теория осталась, а практика наша.

Методы диктатуры, которые проводятся у нас на практике, методы борьбы с политическим социал-пресмыкательством, методы преодоления капитализма в условиях диктатуры пролетариата, методы реальной помощи ВКП(б) и российского пролетариата всем революционным движениям мира (вспомните только революционные процессы последних исторических дней: английскую стачку и китайскую революцию), методы борьбы за рабочие массы всего мира с лицемерными слугами капитала, из которых позорной известностью пользуется Бауэр,—приходится ли *эта* практика по носу Бауэру?

* * *

Оппозиционный блок внутри ВКП(б) дал идейную установку ультра-левым. Ультра-левые пленены Бауэром, статью которого они не могли переварить критически и положения которого восприняли охотно и даже «смаковали» их не без удовольствия.

Но саморекламные теоретические упражнения Бауэра на страницах «Arbeiter Zeitung» находятся в несомненной связи с общими теоретическими воззрениями Бауэра на социализм, воззрениями, которые, в свою очередь, определяют практику этого печального «двухсполовинного социалиста». Теории же Бауэра имеют общую методологию с Каутским. Орган Бауэра «Der Kampf» систематически восхваляет Каутского, за что орган немецкой социал-демократии «Die Gesellschaft» усердно рекламирует Бауэра, отмечая с удовлетворением все его новые теоретически-практические выступления. В конце 1924 года, когда исполнилось 70 лет со дня рождения Каутского, «Der Kampf» разразился рядом восторженных статей о Каутском, как «воспитателе второго поколения социалистов», идеологе и вожде революции.

Но и на Каутском цепь не кончается. Каутский написал в 1925 г. показательнейшую статью об известном идеологе ревизионизма Эдуарде Бернштейне,—статью, в которой он решительно осудил свое революционное прошлое и теоретически и исторически оправдал ревизионизм (см. «Die Gesellschaft», 1925, № 1, Karl Kautsky, «Eduard Bernstein zu seinem fünfundsiebzigsten Geburstag»). «Принципиальность» Каутского иллюстрируется в этой статье с исключительной силой. Он имеет дерзость напоминать, что «теория не знает компромиссов» в противоположность политике.

Как бы «в развитие» этого он пишет:

> «Каждый мыслитель имеет свою собственную голову, свои собственные глаза, свои собственные социальные и научные предпосылки. Чем большее количество голов применяет определенный метод, тем различнее результаты, которых они при этом достигают. Так обстоит с кантианством, гегелианизмом, дарвинизмом. Почему не должно этого быть с марксизмом?.. Каждый из них работает в своей области.

по своему методу, своими средствами, не вставая поперек дороги другому».

Практическое «приложение» этой, с позволения сказать, теории Каутский демонстрирует ретроспективно в отношении ревизионизма Бернштейна.

«Кто из нас тогда был прав,—пишет Каутский,—или, лучше сказать, насколько был прав один и насколько другой,—мне не приличествует решать в качестве судьи. Во всяком случае эта борьба не была голым расточением сил. По меньшей мере я тогда многому научился у Бернштейна... стал внимательнее к слабым пунктам нашей доктрины... Не иначе было и с Бернштейном...

Мало этого! Каутский берется оправдать даже центральную формулу ревизионизма: «конечная цель социализма для меня ничто, движение все»:

«Все позднейшее поведение Бернштейна доказало, что в этом несчастливо выраженном положении не было намерения сказать ничего больше того, что сказано известным положением Маркса: один шаг действительного движения ценнее, чем дюжина программ», и т. д.

Так проституируется марксизм человеком, для которого «теория не знает компромиссов» [1]).

Оппозиция дает теоретическую пищу ультра-левым, последние идейно посасывают Бауэра; этот, в свою очередь, лижется с Каутским, который падает в об'ятия Бернштейна, предварительно оправдавши ревизионизм.

Такова об'ективная расстановка.

Будет ли порвана эта нить?

---

[1]) Правда, амнистируя Бернштейна, Каутский и К⁰ изгоняют из партии тех, кто осмеливается положительно отозваться о большевизме и Союзе Советских Республик. Но это же «мелочь»!

Арт. Аболин.

Накопление в крестьянском хозяйстве и кооперация.

Социальная сущность советской кооперации, ее роль в строительстве социализма, определяется в основном взаимоотношением между кооперацией и государственным хозяйством. Если пролетариат через госпромышленность и государственный кредит и прочие каналы обеспечит за собой руководящее начало в хозяйственной деятельности кооперации, то этим самым уже дано основное условие, необходимое для того, чтобы эта общественная организация в социалистическом строительстве заняла место, намеченное Лениным в его учении о строительстве социализма в нашей стране.

Однако руководящее воздействие пролетариата на крестьянство является также особой, правда, весьма своеобразной, формой борьбы между этими двумя основными слоями нашего общества [1]), поэтому в работе кооперации, при конкретном проведении политики пролетариата в деревне через кооперацию, мы встречаемся с рядом трудностей и противоречий.

Опираясь одним концом на социалистическую базу, кооперация другим концом уходит в крестьянскую, мелкособственническую стихию, вследствие чего возникает проблема взаимоотношения между ростом самой кооперации, как организации, относящейся к социалистическому сектору нашего хозяйства, и одновременным ростом частнособственнического, индивидуального крестьянского хозяйства, т.-е. взаимоотношения между накоплением в частном крестьянском хозяйстве и социалистическим накоплением.

I.

Следующие цифры дают представление об организационном состоянии и удельном весе отдельных видов сельской кооперации СССР без Украины [2]).

---

[1]) См. план брошюры Ленина «О диктатуре пролетариата», «Большевик» № 18, 1926 г., стр. 12. «Две основные задачи (и соответственно две новые формы) классовой борьбы при диктатуре пролетариата:... 2. систематическое руководящее воздействие (тоже борьба, но особого рода, преодоление известного, правда, совсем иного сопротивления и совсем иного рода преодоление) на всех трудящихся, кроме пролетариев».

[2]) Сведения о количестве кооперативов и членов взяты из контрольных цифр по кооперации на 1 окт. 1926 г., которые являются грубо ориентировочными (цифры по с.-х. кооперации опубликованы в книге «Контрольные цифры

Виды и системы кооперации	Количество кооперативов на 1 окт. 1926 г.	Количество членов на 1 окт. 1926 г. в тыс.	Обороты по продажам за 1925/26 г. в милл. руб.
Потребит. общества	20.000	5.200	1.020
С.-х. товарищества	8.000	688	250
С.-х. кредитн. и кред. т-ва	11.000	3.999	420
Маслодельн. и сыров.	9.000	1.611	80
Прочие с.-х. т-ва (картоф., табаков., семенов., свеклос.)	9.000	630	100
Куст.-пром. и лесн.	8.000	350	160
Коллективн. х-ва	10.500	231	—
Итого	75.500	12.709 [1]	2.030

По характеру отношений, возникающих между кооперацией и крестьянским хозяйством, можно выделить 3 основных группы кооперативов:

1) обслуживающие нужды частного крестьянского хозяйства и кустаря, занимающиеся *сбытово-снабженческими*, т.-е. по существу торговыми, а также кредитными операциями;

2) товарищества по первичной обработке с.-х. продуктов (маслодельные, сыроваренные, картофельные и др.), отделяющие от частного крестьянского хозяйства и обобществляющие отдельные производственные процессы. Сюда же следует отнести товарищества по электрификации и предприятия агрикультурного характера;

3) коллективные хозяйства разных видов.

Каков удельный вес этих отдельных групп в общей системе сельской кооперации?

Из приведенных в таблице цифр видно, что обороты по продажам всей сельской кооперативной сети СССР без Украины составляют около 2-х миллиардов рублей. Из них на долю второй группы кооперативов (переработка с.-х. продуктов) необходимо отнести 80 милл. руб.—оборот маслодельных и сыроваренных т-в, плюс около 20% прочих с.-х. товариществ, занимающихся переработкой с.-х. продуктов, а также оборот лесных артелей и примерно 25% оборота кустарно-промысловых товариществ. Остальная часть оборотов падает на первую группу кооперативов.

Следовательно, как в организационном строительстве, так и в хозяйственной деятельности сельской кооперации преобладающее влияние имеет первая из указанных выше групп. Удельный вес второй группы, если принять во внимание деятельность всех кооперативных предприятий, в том числе и предприятий агрикультурного характера, все же не превышает 7—8% общего об'ема работы всей сельской кооперации. Что же касается коллективных хозяйств, то их хозяйственная деятельность трудно

народного хозяйства на 1926/27 г.»). В эту таблицу не входят «дикие», неосоюзенные кооперативы. Так, например, коллективных хозяйств по СССР всего насчитывается свыше 20 тыс., об'единяющих до 1,5 милл. населения.

[1]) Значительная доля членов кооперации состоит одновременно в нескольких системах, так что общий итог членов совершенно условен.

сравнима с хозяйственными оборотами прочих кооперативных систем. Ими об'единяется до 1,5% всего крестьянского населения, а в общем об'еме с.-х. производства они занимают менее 1%.

Из этого можно заключить, что современная наша кооперация выступает преимущественно как торговый посредник между госпромышленностью и частным крестьянским хозяйством. Это явление вполне понятно. Внедрение производственной кооперации в сельском хозяйстве сопряжено с огромными трудностями, так как всякое изменение способов и форм производства зависит в основном от развития техники, а наше сельское хозяйство с технической стороны еще мало чем отличается от дореволюционного состояния. Рост производственного кооперирования крестьянства, развитие коллективных форм в сельском хозяйстве в большой степени зависят от того, в какой мере наша промышленность и импорт дадут возможность снабдить деревню машинами, усовершенствованными орудиями производства.

Но ясно, что этот процесс должен быть исчислен во времени не единицами лет. Следовательно, наша кооперация и впредь на долгое время еще будет выступать преимущественно как торговый посредник между городом и деревней, т.-е. как организация, снабжающая частное крестьянское хозяйство потребительскими товарами и с.-х. инвентарем и сбывающая крестьянскую продукцию, постепенно, конечно, втягивая в свою сферу те или иные отрасли производства в крестьянском хозяйстве.

Некоторые из наших экономистов склонны думать, что только производственное об'единение крестьянства в коллективы можно отнести к социалистическому строительству, что же касается торговой деятельности кооперации, то, по их мнению, влияние ее на крестьянское хозяйство, пожалуй, ничем не отличается от влияния частной торговли, т. к. и та и другая способствуют развитию этого хозяйства, как частного хозяйства.

За последнее время даже раздавались голоса за из'ятие государственных средств из кооперативного оборота и, следовательно, за соответствующее расширение сферы деятельности частной торговли.

Для того, чтобы рассеять туман, напускаемый этими взглядами и предложениями, нужно разобрать вопрос о взаимоотношениях между кооперацией, обслуживающей индивидуальное крестьянское хозяйство, с одной стороны, и самим крестьянским хозяйством—с другой. В виду того, что характер и темп развития индивидуального крестьянского хозяйства определяется преимущественно характером и темпом накопления в этом хозяйстве, в дальнейшем мы обратим внимание главным образом на этот последний вопрос.

Перед нами возникает такой вопрос. Если время, в течение которого наша промышленность сумеет полностью удовлетворить сельское хозяйство средствами производства, необходимыми для производственного кооперирования населения, время, пока произойдет та культурная революция, о которой писал Ленин, как о предпосылке полного кооперирования населения, это время растягивается на 10—20 лет, и если кооперация на первых порах будет развивать преимущественно сбыто-снабженческую деятельность, направленную к обслуживанию главным образом нужд частного крестьянского хозяйства, то спрашивается: как

за это время будет проходить накопление в частном крестьянском хозяйстве, и куда будет расти это хозяйство?

Если сбытово-снабженческая, «торговая» кооперация способствует, между прочим, и укреплению частного крестьянского хозяйства, то не может ли рост деревни в рамках частного хозяйства вносить такие изменения в социальную структуру деревни, которые будут затруднять, или прямо препятствовать нашему общему росту к социализму? Другими словами: если кооперация на первых порах не только не препятствует росту частного крестьянского хозяйства, но даже способствует этому росту, то не изменится ли со временем самое направление развития деревни в сторону от социализма? Эти последние два вопроса могут быть сформулированы таким образом: если сбытово-снабженческая, «торговая» кооперация способствует, между прочим, и укреплению частного крестьянского хозяйства, то является ли рост такого рода кооперации ростом социализма?

При настоящем состоянии техники в стране преобладающей формой ведения хозяйства в деревне остается и еще на долгое время останется частное хозяйство. Препятствовать развитию этого частного хозяйства значит—препятствовать развитию производительных сил, и обратно: поднять благосостояние деревни, это значит—поднять, между прочим, и единоличное крестьянское хозяйство.

Опасность здесь заключается в том, что *свободное* развитие крестьянского хозяйства (свободное от воздействия советской власти), неизбежно ведет к классовому расслоению деревни. Если государство своей хозяйственной политикой не сможет уменьшить темпа дифференциации, регулировать накопление на одном полюсе и задерживать разорение на другом, то перспективу врастания нашей деревни в социалистическое хозяйство можно считать потерянной.

За первые годы революции изменения в социальных группировках крестьянского населения шли в сторону увеличения середняцкой группы за счет постепенного сокращения зажиточной и бедняцкой групп. За последние годы наблюдается хозяйственный под'ем всех слоев деревни. Тем не менее рост отдельных групп происходит не совсем равномерно, темп роста зажиточной верхушки быстрее темпа роста остальных слоев деревни, хотя неудержимо-быстрого классового расслоения деревни и не имеется.

Замедление темпа и изменение характера дифференциации крестьянства тесно связано с совершенной в деревне аграрной революцией и нашей налоговой политикой. Однако, мер административного характера и проведения аграрной революции, в результате которой произошло уравнение землепользования, а в дальнейшем стала невозможна покупка земли, еще недостаточно для того, чтобы устранить возможность дальнейшего классового расслоения деревни в эпоху нэпа.

Для того, чтобы развитие частного, мелкобуржуазного крестьянского хозяйства направить в желательное для социалистического хозяйства русло, необходимо еще, кроме мер административного характера, постоянное экономическое воздействие государства и всего социалистического сектора нашего хозяйства на крестьянское хозяйство. Одним из главнейших аппаратов

такого воздействия и является кооперация, которая должна иметь перед собой две основные задачи:

1) обеспечение более равномерного накопления в различных группах крестьянских хозяйств путем помощи середняку и особенно бедняку;

2) обобществление отдельных производственных процессов в сельском хозяйстве, как переходная к коллективному производству стадия, и обобществление обмена.

Но каким же образом кооперация, обслуживающая, как мы видели выше, преимущественно нужды индивидуального крестьянского хозяйства и неимеющая возможности пока в достаточной степени организовать коллективные формы производства, сможет направить накопление в этом частном хозяйстве в определенное русло, придать этому накоплению необходимые общественные формы?

Чтобы ответить на этот вопрос необходимо вкратце рассмотреть вопрос о характере и способах накопления в крестьянском хозяйстве до революции и в настоящее время.

II.

Каковы характер и источники накопления в крестьянском хозяйстве, и куда направляется получаемый в нем чистый доход?

О характере накопления у зажиточных слоев деревни при капитализме В. И. Ленин писал следующее:

«Разложение крестьянства, развивая на счет среднего крестьянства его крайние группы, создает два новых типа сельского населения. Общий признак обоих типов—товарный, денежный характер хозяйства. Первый новый тип—сельская буржуазия или зажиточное крестьянство, сюда относятся самостоятельные хозяева, ведущие торговое земледелие во всех его разнообразных формах, затем владельцы торгово-промышленных заведений, хозяева торговых предприятий и т. д. Соединение торгового земледелия с торгово-промышленными предприятиями есть специфически свойственный *этому* крестьянству вид «соединения земледелия с промыслами». Из этого зажиточного крестьянства вырабатывается класс фермеров...

Свободные деньги, получаемые в виде чистого дохода этим крестьянством, обращаются или на торговые и ростовщические операции, так непомерно развитые в нашей деревне, либо при благоприятных условиях вкладываются в покупку земли, улучшение хозяйства и т. п. Одним словом, это—мелкие аграрии (Ленин, том III, стр. 132).

Следовательно, основными источниками накопления средств у зажиточных слоев довоенной деревни являются: торговля, ростовщичество, промышленные предприятия, связанные с сельским хозяйством и торговое земледелие. Для того, чтобы перечислить источники дохода всех слоев крестьянства, необходимо добавить всевозможные виды промыслов (в том числе и работа по найму) и доход от ведения собственного, хотя бы и неторгового, хозяйства. Свободные деньги в виде чистого дохода направляются по этим же каналам для дальнейшего накопления, так что мы можем установить всего семь каналов, по которым направляются накапливаемые средства при их хозяйственном использовании: торговля, ростовщичество, про-

мышленные и кустарные предприятия, покупка земли, аренда земли, наем рабочей силы и улучшение собственного хозяйства.

Для того, чтобы дать представление о роли различных источников накопления у разных слоев деревни, мы приводим ниже несколько цифровых данных из земско-статистических переписей по Воронежской губернии, относящихся, правда, к восьмидесятым и девятидесятым годам прошлого столетия, хотя эти данные не могут дать картины накопления в крестьянском хозяйстве непосредственно перед революцией.

Следующая таблица, составленная по данным бюджетных обследований крестьянских хозяйств Воронежской губ. за 1889 г., приводимым т. Лениным в его работе о развитии капитализма в России, дает представление об относительной роли отдельных источников накопления у различных слоев деревни.

В рублях на 1 хозяйство.

Группы хозяйств	Валовой доход от земледелия	Валовой денежный доход от земледелия	Валовой доход от промысл.	В том числе промышл. предприят.	Общий чистый доход
Безлошадные	57	6	59	—	9
Х-во с 1 гол. раб. скота	127	24	49	2	4
» » 2 » » »	287	54	108	14	50
» » 3 » » »	496	92	147	49	121
» » 4 » » »	698	134	248	35	41
» » 5 » » » и свыше	698	42	975	754	173

Мы видим, что главным источником денежных доходов, а следовательно, и чистого дохода, который может быть пущен в дальнейший хозяйственный оборот, у зажиточных слоев деревни явились «промыслы», т.-е. всевозможного вида торговля, промышленные заведения и т. п. Доход от промыслов в несколько раз превышает доходы остальных групп крестьянства. Относительное понижение денежности с. х. дохода зажиточной группы отнюдь не свидетельствует о большей товарности хозяйства менее мощных слоев, а является результатом соединения земледелия с промыслами, столь сильно распространенного у верхушечных слоев крестьянства. Доход от «промысла» безлошадных совершенно отличается от соответствующего дохода зажиточных и составляет в большинстве случаев доход от работы по найму.

В земско-статистическом «Сборнике по 12 уездам Воронежской губ.», заключающем в себе материал, полученный от подворных переписей, производившихся в течение 1884—1891 гг., дается подробный перечень заработка от всех промыслов, в том числе и от торговли и промышленных заведений по 10 уездам губернии. Небезынтересно привести некоторые важнейшие категории этих «промыслов» и сумму заработка от них для того, чтобы выяснить относительный размер доходов от отдельных видов так называемых промыслов [1]).

[1]) «Сборник по 12 уездам Воронежской губ.», под редакцией Ф. Щербина, Воронеж, 1897 г.

Промыслы.	Доход в рублях
Ростовщики	142.500
Хлеботорговцы	109.716
Лесоторговцы	80.393
Лавочники	354.420
Кабатчики	217.072
Барышники	111.535
Мясоторговцы	73.103
Скототорговцы	360.000
Прочие торговцы	473.000
Итого сумма заработка от торговли	1.921.239
Арендаторы	95.100
Кирпичные заводчики	28.900
Хозяева маслоб. заводов	73.600
Мельники	641.300
Почтосодержатели	236.900
Хозяева кожев. заводов	178.300
» винокур. »	20.000
Молотильщики	86.400
Прочие	410.500
Итого от промышл. предпр.	1.771.000
Всего от торговли и промышленности	3.692.239
От ремесла и кустарнич.	3.121.874
От с.-х. промыслов (в том числе и наемн. труд)	6.110.175
Итого промыслы	12.924.288
Денежный доход от сельск. хозяйства (валовой)	16.100.000
Итого доход от сельского х-ва и промыслов	29.024.288[1])

Мы здесь видим перечень различных видов крестьянской буржуазии, начиная от ростовщиков и кабатчиков и кончая владельцами винокуренных заводов. Их производство является производством ради прибыли.

Доход от торговли и промышленности составляет почти 10% всего денежного дохода населения 10 уездов Воронежской губ., при чем распределение этих доходов по группам хозяйств показывает, что 40% торгово-промышленного дохода, т.-е. около 1,5 м. р., падает на крестьян, имеющих 15 десятин земли и выше на хозяйство, т.-е. на крестьянскую буржуазию.

Если к доходам от промыслов прибавить и прочие доходы, то сумма *неземледельческих* доходов, поравняется с денежными доходами от сельского хозяйства, т.-е. в общем денежном доходе неземледельческие доходы составляют 50%. Необходимо отметить, что мы берем данные по Воронежской губернии, расположенной в Центральном Земледельческом районе, и что по ряду других районов России удельный вес неземледельческих доходов в общей доходности крестьянского хозяйства был гораздо выше, чем по Воронежской губернии.

Для характеристики относительного распределения накоплений по специальным группам населения приводим следующую таблицу, составленную по материалам вышеуказанного сборника (относящимся, как сказано, к 1884—1891 гг.). (См. таблицу на след. стр.).

Верхушка деревни в 7,5% всех хозяйств, сосредоточила у себя 26,1% всех денежных накоплений, произведенных в результате операций одного хозяйственного года. По денежными остатками еще не исчерпывается вся характеристика относительных размеров и характера накоплений по отдельным группам. Анализ денежных платежей, произведенных в течение года, по-

[1]) Весь денежный доход населения, включая и статью прочих доходов, составляет около 34 милл. руб.

Группы хозяйств по величине надела	Всего хозяйств в 9 уездах Ворон. губ.	%	Весь денежный приход в тыс. руб.	%	Денежные остатки к концу года в тыс. руб.	%
Безземельные	8.585	3,7	604	1,8	75	2,9
До 5 дес.	54.717	23,5	5.288	17,1	365	14,3
От 5 до 15 дес.	109.886	47,2	12.905	41,9	901	35,4
От 15 до 25 дес.	42.110	18,1	6.895	22,4	540	21,3
Свыше 25 дес.	17.581	7,5	5.162	16,8	663	26,1
Итого	232.879	100	30.854	100	2.544	100

казывает, что в отличие от маломощных и средних слоев зажиточные 34% всех денежных расходов направляли на платежи за аренду, наем рабочей силы и проч. производительные расходы.

Относительное использование накоплений по отдельным каналам значительно менялось по мере развития капитализма в сельском хозяйстве. Сначала эти накопления обращались в большей мере на торговлю и ростовщичество, потом по мере увеличения капиталов в сельском хозяйстве, уже в более поздней стадии развития капитализма они направлялись в промышленные предприятия и в торговое земледелие.

III.

Материалы бюджетных обследований нашего крестьянского хозяйства показывают, что как в способах накопления, так и в распределении накоплений по социальным группам населения современной деревни произошли коренные изменения по сравнению с теми способами и формами накопления, о которых говорилось в предыдущей главе.

Следующие вычисления, сделанные проф. Литошенко о денежном балансе крестьянских хозяйств СССР за 1924—25 год, дают представление о распределении накоплений по группам хозяйств [1]).

Группы хозяйств по посеву	Число хозяйств	%	Общая сумма ден. прихода в м. р.	%	Сумма остатков к концу года в м. р.	%
До 2 дес.	7.521	42,3	1.681,5	40,7	45,4	30,6
От 2—4 дес.	5.966	33,5	1.243,2	30,1	54,5	36,8
» 4—6 »	2.407	13,5	535,0	13,0	21,6	14,5
» 6—9 »	972	5,5	270,8	6,6	11,6	7,8
» 8—16 »	809	4,5	313,1	7,6	11,2	7,5
Св. 16 »	129	0,7	83,1	2,0	4,2	2,8
Итого	17.804	100	4.126,7	100	148,5	100

[1]) Проф. Литошенко, „Денежный баланс крестьянского хозяйства“, «Вестник Финансов» № 2 за 1926 г., стр. 70.

Приведенные вычисления охватывают 80% хозяйств СССР и хотя сделаны путем экстраполяции, а поэтому не могут считаться вполне точными, все же они достаточны для того, чтобы установить различие между довоенным и теперешним распределением денежных накоплений по группам: несмотря на то, что процент накопления в зажиточных хозяйствах выше процента этих хозяйств к общему их числу, что свидетельствует о более быстром темпе накопления у этой части крестьянства, удельный вес массы денежных остатков у верхних слоев деревни, по сравнению с приведенными выше довоенными, ничтожен.

Одной из причин незначительных размеров накоплений у зажиточных слоев деревни является также то обстоятельство, что они в значительной мере лишены тех основных источников накопления, о которых мы говорили в предыдущей главе.

В самом деле, доход от торговли и промышленности у двух верхних групп населения Воронежской губ. (см. последние 2 таблицы в предыдущей главе) достигал 1,5 млн. рублей в год, а сумма денежных остатков к концу года—1.203 тыс. рубл. Отсюда ясно, что если эти группы хозяйств лишатся, примерно, 85% своего торгово-промышленного дохода, то при прочих равных условиях их денежные накопления сведутся на-нет. В действительности, как увидим ниже, в той или иной степени это как раз и имеет место в настоящее время.

Чтобы установить, какие изменения произошли в источниках накопления в крестьянском хозяйстве, остановимся несколько на анализе крестьянского дохода. Нижеследующие данные по Воронежской губернии дают некоторый материал для сопоставления.

В %% ко всему валовому доходу [1]).

Группы хозяйств по посеву	Валовой доход от сельск. хоз.		Доход от промыслов. и торг.-пром. предпр.		В том числе от торг.-пром. предприятий		Проч. доходы	
	1887—1896 гг.	1924 г.	1887—1896 гг.	1924 г.	1887—1896 гг.	1924 г.	1887—1896 гг.	1924 г.
Без посева	13,8	1,6	80,2	94,4	—	—	6,0	4,0
До 2 дес.	45,1	68,6	42,7	23,9	2,9	—	12,2	7,5
От 2—4 д.	67,4	85,2	22,2	10,8	2,0	0,5	9,4	4,0
» 4—6 »	75,3	90,9	18,1	6,5	5,1	—	6,6	2,6
» 6—8 »	60,7	92,4	36,4	5,6	24,1	1,0	2,9	2,0
» 8—16 »	81,1	93,2	14,2	5,1	5,1	1,6	4,7	1,7
Св. 16 »	84,1	91,0	13,9	8,1	8,1	4,3	2,0	0,9

[1]) Составлена по данным, приводимым И. К. Вороновым в книге «Воронежские бюджетные исследования». Воронеж. 1926 г. Сведения даются за 1887—96 гг. по 280 и за 1924 год по 206 крестьянским бюджетам Воронежской губ.

Следует отметить, что абсолютные цифры, приводимые Вороновым, мало пригодны для анализа роста крестьянского дохода и тем более по отдельным группам, так как, во-первых, земско-статистические данные, собранные в течение целого десятилетия и разбитые на группы хозяйств в основном по надельной земле, подвергались переработке применительно к новой группировке хозяйств; во-вторых, по замечанию самого автора, произведена не совсем точная оценка дохода 1924 года по довоенным ценам; в-третьих, сред-

Таблица показывает, что в 1924 г. значительно повысилась доля земледельческих доходов в общей доходности всех групп крестьянских хозяйств за исключением беспосевных при соответственном понижении удельного веса доходов от промыслов и торгово-промышленных предприятий. Если до войны неземледельческие доходы играли большую роль в обеих крайних группах деревенского населения, при чем главным источником этой категории доходов у маломощных слоев являлись наемный труд и сдача земли в аренду, а у зажиточных слоев торговля, ростовщичество, всевозможные предприятия и т. п., то в настоящее время неземледельческие доходы, занимая почти довоенное место в доходности маломощных групп, сильно теряют свой удельный вес в доходности зажиточных слоев [1]).

Небезынтересно привести сравнительные данные о распределении по статьям денежного прихода крестьянского хозяйства [2]).

В %% на одно хозяйство Воронежской губ.

По данным	Продажа скота и птицы	Продажа продуктов полевод.	От личнопромыслов. заработка	От торг.-промышл. предприят.	От ремесла и кустарничества	От работы в чужом хозяйстве	Прочие доходы	Итого
Земско-стат. за 1884—1891 г.	15,6	28,1	16,6	11,8	9,8	6,5	11,6	100
Бюджетного обследования ЦСУ за 1924—1925 г.	27,8	23,7	24,8			5,6	18,1	100

Цифры показывают, что, в то время как приход от личных промыслов, торгово-промышленных предприятий и кустарно-промысловых заведений в 1884—91 гг. составлял 38,2% всего денежного прихода крестьянского хозяйства, в 1924—25 году на соответствующие статьи падает лишь 24,8% всего прихода. В денежном приходе от продажи с.-х. продукции (скота и продуктов полеводства) тоже разница на 7,8%, но в обратную сторону. Здесь следует отметить, что приведенные цифры не дают еще полной картины о всем приходе от отчуждения товарной части продуктов полеводства, т. к. в 1924—25 г. по Воронежской губернии 42% товарной части с.-х. продукции, отчуждалось в форме натурального обмена в уплату за работу. Следовательно, при повышении денежности обмена, процент денежного прихода от продажи продуктов с. х-ва должен повыситься и вместе с тем должна увеличиться разница между довоенным и теперешним приходом денег по этой статье.

ние по последней группе хозяйств (свыше 16 десятин) за 1924 г. выведены всего по 5 бюджетам, составляющим 2,4% всех рассматриваемых бюджетов, между тем, как за 1887—96 гг. по этой группе взяты данные по 36 бюджетам, или 15,7% всех бюджетов, в-четвертых, рубль 1887—96 гг. это не то, что рубль «довоенный», в-пятых, бюджетные данные, несмотря на все их достоинства, все же имеют большие недостатки—неустойчивость средних. Тем не менее мы их приводим, т. к. относительное значение дохода от торгово-промышленного дела и промыслов они могут характеризовать.

[1]) Об абсолютном повышении доходности нашего крестьянского хозяйства по сравнению с довоенным, а также об изменении источников дохода говорят следующие цифры по Вологодской губ.:

Период времени	Количество хозяйств	Доход в золот. руб. на 1 хоз.			
		От сел. хозяйст.	От леса и рыболовства	От промыслов	Всего
До войны	136	306,0	7,9	115,1	429,0
В 1922/23 году	67	367,3	38,8	47,0	453,1

(А. М. Большаков. «Современная деревня в цифрах», Ленинград, 1925 г.).

[2]) Составлено по данным упомянутого выше Воронежского земско-статистического сборника и проф. Литошенко: «Денежный баланс крестьянского хозяйства», «Вестник Финансов» № 2 за 1926 г.

Мы не будем подробно останавливаться на вопросе о том, какую роль в земледельческом доходе крестьянского хозяйства играет доход, получаемый от капиталистического ведения хозяйства (аренда земли, наем рабочих и т. д.), и укажем лишь на следующее. Количество работников по найму в сельском хозяйстве в 1913 году определяется в 3 млн. человек, в 1925—26 году в частнособственническом секторе сельского хозяйства СССР насчитывается всего наемных 1.430 тыс. чел., или 47,8% довоенного количества [1]). Между тем, сельское хозяйство к концу 1925—26 г. в основном (скот, посевная площадь) достигло довоенного уровня. Отсюда ясно, что довоенный уровень производства и относительное увеличение дохода от сельского хозяйства достигнуты при ином соотношении классовых сил в деревне, чем до войны и революции, что рост земледельческих доходов у сельскохозяйственного населения вызван не развитием капиталистических форм сельскохозяйственного производства, а главным образом ростом и укреплением бедняцкого и середняцкого хозяйства.

IV.

В связи с изложенным в предыдущей главе можно поставить такого рода вопрос: может быть, падение роли неземледельческих доходов в общей доходности крестьянского хозяйства просто свидетельствует об уменьшении в стране с.-х. промыслов по сравнению с дореволюционным временем, и вместе с тем о сравнительной бедности нашего крестьянского хозяйства? Возможно, что общий под'ем сельского хозяйства, вызывая рост торговли, промыслов и предприятий по переработке с.-х. продуктов, возвратит в скором времени крестьянскому хозяйству в полной мере его прежние источники дохода? Если это так, то не может быть и речи об изменении характера и способов накопления в крестьянском хозяйстве.

Такое положение, действительно, было бы правильным, если бы в хозяйственной жизни деревни не появилась общественная сила, которой суждено играть исключительную роль в реорганизации нашего крестьянского хозяйства. Этой общественной силой является кооперация.

Какое же влияние оказывает кооперация на накопление в крестьянском хозяйстве?

[1]) «Контрольные цифры Госплана СССР на 1926—27 г.», изд. 1.

Совершенно очевидно, что, постепенно овладевая деревенской торговлей, забирая в свои руки предприятия по переработке продуктов сельского хозяйства и кредитное дело, кооперация тем самым вносит коренное изменение в характер и способы накопления в первую очередь в верхушечных слоях крестьянских хозяйств. Поскольку кооперация завладевает частью основных источников неземледельческих доходов крестьянского населения (торговля, промышленные предприятия и кредит), она тем самым занимает и те основные каналы, по которым направлялись накапливаемые зажиточными слоями средства, оставляя для хозяйственного использования накоплений уже гораздо более узкий круг хозяйственных затрат.

Нет сомнения, что кооперация уже постепенно занимает позиции, которые служили опорным пунктом для укрепления экономической мощи зажиточных слоев дореволюционной деревни. Об этом свидетельствуют сравнительные данные о динамике частной и кооперативной торговли по сельской торговой сети СССР [1]).

Г о д ы	Обороты частн. торговли в милл. руб.	%%	Обороты коопер. торговли в милл. р.	%%
1922/23 г.	542,6	100	403	100
1923/24 »	554,0	102	753	187
1924/25 »	607,8	112	1.461	362
1925/26 »	1.162,1	214	2.076	515

Борьба двух начал за один из крупнейших источников накопления в этой таблице демонстрируется чрезвычайно ярко. Из этой борьбы победительницей выходит кооперация.

Сбыт продуктов по некоторым специальным с.-х. культурам в значительной мере из'ят из сферы деятельности частной торговли. Так, по данным Наркомторга, обобществленным сектором нашего хозяйства за 1925/26 год заготовлено 76,4% табака, 100% хлопка, 92,9% сахарной свеклы, 97,3% льна, 63,1% маслосемян, 51,6% пеньки [2]).

Сравнительных данных о кооперативных и частных предприятиях по переработке продуктов сельского хозяйства не имеется. Однако, необходимо отметить, что заводская переработка молочных продуктов в районах молочного хозяйства, а также переработка картофеля почти целиком производятся кооперацией. В значительной мере кооперировано даже мукомольное дело.

Более слабой является кредитная деятельность кооперации. Но и эта отрасль кооперативной работы довольно быстро развивается. Так, задолженность крестьянских хозяйств с.-х. кредитной кооперации (а через нее системе государств. кредита) на

[1]) Струмилин. «Судьбы частной торговли в СССР». «Плановое Хозяйство» № 9 за 1926 г.

[2]) См. ст. П. Александрова «Индустриализация СССР и проблема с.-х. сырья». «Большевик» № 1, 1927, стр. 41.

1 октября 1925 г. составляла 79 млн. рубл., на 1 октября 1926 г.—свыше 120 млн. рубл. Однако, эта сумма далеко еще не достигает довоенного остатка задолженности по осудам кооперативных учреждений мелкого кредита, исчисляемой на 1 января 1914 года в 516 млн. рубл.

Между прочим, на примере кредитной деятельности кооперации можно проследить влияние, оказываемое кооперацией на нивелировку социальных групп в деревне.

Распределение остатка задолженности крестьян с.-х. кредитной кооперации по соц. группам (на 1 окт. 1925 г.) [1])

Группы хозяйств	Архангельское о-во	Н.-Волжск. о-во	Башкирское о-во	Уральск. о-во	В среднем по 16 о-вам с.-х. кредита
Безлошадные	29,5	30,1	25,4	11,4	33,1
С 1 лош.	64,3	51,8	46,8	43,2	46,6
» 2 »	5,8	11,7	18,0	28,8	12,7
» 3 »	0,4	4,6	5,4	9,8	7,6
» 4 » и выше	—	1,8	4,4	6,8	
Итого	100	100	100	100	100

Данные по 16 обществам показывают, что беднота и маломощные хозяйства получают 79,7% всех кредитов. Результат такой деятельности с.-х. кредитной кооперации характеризуется очень ярко следующими цифрами, полученными в результате выборочного обследования 412 хозяйств в районе Средне-Волжского Общества с.-х. кредита, пользовавшихся кредитом:

Группы хозяйств	Было до получения кредита	Имелось на 1/IX—25 г.
Безлошадн.	394	27
С 1 лош.	17	375
» 2 »	—	9
» 3 »	1	1
Итого	412	412

«Несмотря на чрезвычайную бедность хозяйств в отношении мертвого инвентаря (48% этих хозяйств не имеют никакого с.-х. инвентаря, а 39% имеют лишь один плуг), кредит оказывает большое влияние в отношении увеличения посевной площади в хозяйствах» [2]).

[1]) «Земля», № 4 за 1926 г., стр. 61. Данные по 16 о-вам с.-х. кредита взяты из отчета ЦСХБ за 1924/25 г. и представляют собой процентовку выданных в течение года кредитов.

[2]) «Отчет ЦСХБ за 1924/25 г.», стр. 88.

Следующая таблица дает яркое представление о том, какое влияние имеет система с.-х. кредита, низовым звеном которой является их кредитная кооперация, на те динамические процессы в нашем крестьянском хозяйстве, от которых зависит социальная структура деревни (взято по 380 тыс. хозяйств Вятской губернии).

Приобретено скота (лошадей безлошадными и коров бескоровными хозяйствами)[1].

Группа безлошадных		Группа бескоровных		% уменьшения	
Всего	Из них при участ. с.-х. кред. коопер.	Всего	Из них при участ. с.-х. кред. коопер.	Безлош.	Бескоровн.
8.360	7.776	14.820	9.100	2,2	4,9

93% из всех приобретенных безлошадными лошадей и 61% из приобретенных коров закупались посредством с.-х. кредитной кооперации. Таким образом, снижение процента безлошадных и бескоровных в Вятской губ. об'ясняется на 93% и 61% влиянием с.-х. кредитной кооперации. Думаем, что аналогичную картину можно наблюдать не только в Вятской губернии.

Совершенно ясно, что развитие кредитной деятельности кооперации по линии кредитования маломощных слоев крестьянства должно постепенно вытеснить из деревни ростовщичество—одну из худших форм эксплоатации крестьянского населения и один из хищнических источников накопления в крестьянских верхушках.

Безусловно, кооперации придется еще выдержать трудную борьбу до полного завоевания основных источников накопления от неземледельческого дохода у зажиточных слоев. Тем не менее уже к настоящему времени в этом отношении достигнуты огромные успехи.

Итак, по мере развития кооперативной торговли, кредита и с.-х. промышленности, из круга хозяйственных затрат, где могут быть вложены накапливаемые средства, постепенно изымаются особо махровые эксплоататорские каналы. Конечно, аренда земли, наем рабочей силы и улучшение своего хозяйства (на орудия производства и т. п.) остаются, но и аренда земли и наем рабочей силы не имеют перспективы совершенно свободного, неограниченного развития вследствие:

а) узаконения краткосрочности аренды земли;

б) помощи, оказываемой бедноте кооперацией и государством (кредит, об'единение и т. д.), в результате чего все возрастающая часть этого слоя крестьянства будет иметь возможность не попадать в кабалу;

в) постепенного уменьшения групп беспосевных и безлошадных, вследствие чего приостанавливается темп роста сельских

[1]) «Земля», 1926 г., № 4, стр. 27.

пролетариев, необходимых, как резервная армия, для капиталистического ведения земледелия[1]).

Приведенное в предыдущей главе сопоставление соотношения между количеством наемных рабочих в сельском хозяйстве и с.-х. продукцией до войны и в настоящее время показывает, что, несомненно, в экономике страны имеются силы, задерживающие темп роста наемного труда в сельском хозяйстве.

А раз это так, то из каналов, по которым могут быть использованы накопляемые средства, сравнительно свободными, менее ограниченными остаются затраты на улучшение собственного хозяйства, на его культурное развитие.

Следовательно, мероприятия государства по отношению к деревне, с одной стороны, и развитие кооперации—с другой, должны привести к тому, что накопления в крестьянском хозяйстве, его сбережения будут обращаться, главным образом, на культурно-техническое развитие трудового крестьянского хозяйства.

Поэтому, в отличие от довоенной эпохи, в наше время доходы от земледелия имеют и впредь будут иметь столь значительный удельный вес в общей доходности крестьянского хозяйства.

В заключение необходимо отметить, что мы остановились на тех отраслях хозяйственной деятельности кооперации, которые направлены на обслуживание частного крестьянского хозяйства и отчасти способствуют развитию этого хозяйства, во-первых, потому, что многие, говоря о социалистических задачах кооперации, указывают, главным образом, на ее роль в деле введения коллективных форм в сельском хозяйстве, а также в деле поднятия культурного и технического уровня нашего хозяйства, не давая прямого и ясного ответа на вопрос о роли кооперативной торговли (сбыт, снабжение, просто торговля потребтоварами) и кредита в *социалистическом строительстве в деревне*; во-вторых, потому, что эта деятельность вообще является основной формой хозяйственной работы нашей современной сельской кооперации.

[1]) Это положение чрезвычайно наглядно подтверждается следующими цифрами:

Количество населения Воронежской губ. (в тыс. душ).

Годы	В х-вах без посева	С посевом до 1 дес.	1—2 дес.	2—3 дес.	3—4 дес.	4—6 дес.	6—8 дес.	8—10 дес.	10—16 дес.	Св. 16 д.	Итого.
1924 . .	39,6	280,8	595,1	614,6	497,6	591,4	242,7	98,5	75,3	13,1	3.048,5
1925 . .	21,2	112,5	362,9	537,2	511,9	783,5	428,4	193,3	141,2	25,6	3.117,7

Несмотря на то, что в подсчете за 1925 г. взято больше хозяйств, все же в низших группах наблюдается значительное уменьшение населения (И. К. Воронов. «Расслоение деревни и коллективизация», стр. 81. Воронеж, 1925 г.).

Мы установили, что развитие потребительской, сбытово-снабженческой и кредитной кооперации вносит коренные изменения в характер и способы накопления в крестьянском хозяйстве, направляя крестьянские сбережения вместо спекуляции, ростовщичества и эксплоатации, этих азиатских способов накопления, на культурное ведение собственного хозяйства. А это обеспечивает хозяйственный рост всех слоев крестьянства одновременно и, следовательно, задерживает обнищание и пролетаризацию деревни.

Если же при содействии кооперации может быть обеспечен рост одновременно всех слоев крестьянства и тем самым устранена возможность возрастания темпа классового расслоения деревни, то за время, необходимое для индустриализации нашей страны до уровня, вполне обеспечивающего подведение технической базы для введения коллективных форм в нашем земледелии,—за это время не может произойти существенных отрицательных изменений в перспективах строительства социализма в сельском хозяйстве.

Вот почему мы должны признать, что и развитие кооперативной торговли и кредита является мощным противоядием для капиталистических тенденций в крестьянском хозяйстве и орудием приобщения крестьянского хозяйства к социалистическому строительству.

Ю. Литвин.

Вовлечение рабочих в кооперацию.

1. Общая кооперативная организованность в городе.

Одновременно с развертыванием социалистической промышленности и строительства и количественным ростом рабочего класса растет и число кооперированных рабочих и трудовых масс города.

1925 год дал рабоче-потребительской кооперации (рабочей и транспортной) свыше 800.000 новых членов. Первая половина 1926 г. дала около полмиллиона новых членов (490.000). За полтора года вся система рабочей кооперации увеличила количество своих членов на 1.300.000 чел., или на 40, примерно, процентов. Общее количество членов рабоче-потребительской системы достигает к середине 1926 г. цифры в 5 миллионов.

Эти данные наглядно отражают значительный размах процесса кооперирования рабочего класса.

Каков же охват кооперацией рабочих и других трудовых масс города? Как велика кооперативная организованность рабочего класса? Каков процент его кооперирования?

Сравнительные данные кооперативной и профессиональной организованности говорят о следующем [1]).

Если из общего числа профессионально-организованных исключить ту его часть, которая приходится на деревню и которая не входит в сферу влияния рабочей кооперации, и одновременно из числа кооперированных исключить некоторое, хотя и незначительное, количество профессионально-неорганизованных, то получим, что кооперацией охвачено приблизительно—60—65% членов профсоюзов [2]).

Если принять во внимание, что профсоюзы охватывают только около 90% рабочих и служащих, то процент кооперированности будет несколько ниже вышеуказанного.

В отношении отдельных профсоюзов мы имеем по 140 организациям такую картину:

Профсоюзы	% кооперированности	
	Окт. 1925 г.	Апр. 1926 г.
Горняки	74,3	65,9
Металлисты	67,7	66,2
Текстильщики	65,3	66,5
Химики	58,2	58,3
Строители	20,1	25,3
Сахарники	65,4	58,2
Рабземлес	31,8	33,5
Нар. питания	20,4	20,7

1) Цифры везде округленные.

2) По последним данным Центросоюза, % кооперированности членов профсоюзов представляется в след. виде: окт. 24 г.—64,6; апр. 26 г.—63,1; окт. 26 г.—63,9.

Процесс кооперативной организованности рабочего класса отстает как от его количественного роста, так и от роста его профессиональной организованности.

Проц. кооперативной организованности профессионально-организованных, хотя в незначительной степени, но все же падает.

При значительном абсолютном росте числа кооперированных—около половины всего числа рабочих и служащих остается все еще вне кооперации.

В наибольшей степени кооперативно организован индустриальный пролетариат и в гораздо меньшей степени—неиндустриальный пролетариат.

Условие, необходимое для обеспечения успеха работы по кооперированию рабочих и неорганизованных трудовых масс—это строгий учет особенностей и специфических черт каждого из указанных слоев и дифференцирование работы по кооперированию на основе этого учета.

2. Кооперирование индустриального пролетариата.

Средний процент кооперативной организованности индустриального пролетариата значительно выше среднего процента кооперированности организованных городских масс по всей системе. Подтвердим это несколькими иллюстрациями. При средней кооперативной организованности рабочего класса по системе приблизительно в 60% по отношению к числу организованных в профсоюзы (октябрь 1925 г.), мы имели: по 22 крупнейшим организациям металлической промышленности—64,2% организованных в кооперации рабочих; по 13 организациям текстильной промышленности—70,3%, по 10 организациям горняков—89,8%. Процент организованности железнодорожников достигает 75.

Среди самого индустриального пролетариата процент кооперативной организованности не одинаков: он ниже в средней и мелкой промышленности, чем в крупной. Об'ясняется это двумя причинами. Первая: предприятия крупной промышленности имеют, как правило, свои собственные кооперативные организации (лав. комиссии, кооп. комиссии, группы уполном. и т. д.), однородные по составу и характеру своей работы, проводящие работу по кооперированию непосредственно на предприятии. Между тем, предприятия средней и мелкой промышленности об'единяются преимущественно смешанными кооперативными организациями, лишенными компактного низового кооперативного актива, что, несомненно, затрудняет процесс кооперирования.

Вторая причина заключается в том, что до сих пор недостаточное внимание уделяется кооперированию рабочих средней и мелкой промышленности. Значительно слабее, вследствие этого, ведется организационная работа по кооперированию на этих предприятиях.

Неравномерность кооперирования индустриального пролетариата проявляется не только в различном охвате кооперацией рабочих крупной, средней и мелкой промышленности. Она проявляется, главным образом, в различном охвате различных прослоек внутри индустриальных рабочих.

На отдельных примерах можно охарактеризовать различную кооперированность различных прослоек индустриального пролетариата.

Прежде всего, насколько охватываются кооперацией вновь вливающиеся в производство рабочие?

Возьмем Москву. За 9 мес. 1925 г. (январь—октябрь) количество рабочих и служащих возросло (без железнодорожников) на 100 с лишним тысяч чел., а кооперировано за этот же промежуток времени всего несколько меньше 20.000 человек.

Возьмем транспортную кооперацию. За второе полугодие 1925 г. на железнодорожный транспорт по Союзу прибыло, приблизительно, 94.000 новых постоянных рабочих, а число кооперированных транспортников за этот же промежуток увеличилось всего на 32.000 чел. [1]).

Эти две иллюстрации в основном правильно отражают реальную картину кооперирования новых слоев индустриального пролетариата.

Основную массу некооперированных рабочих в социалистической промышленности составляют новые слои рабочих в ней.

Далее, вне кооперации остается еще и значительная часть кадрового состава рабочего класса. Кооперация не поспевает охватить не только новые слои рабочих, вливающиеся в промышленность—она не успела еще организовать и значительные группы старых кадров рабочих.

Такое положение выдвигает двухстороннюю задачу в деле кооперирования индустриального пролетариата. Необходимо сосредоточить усиленное внимание на вовлечении в кооперацию новых слоев рабочих. Необходимо, на ряду с этим, на все 100% охватить кооперацией кадровый состав индустриального пролетариата.

Главнейшими причинами некооперированности значительной части кадровых рабочих и слабого темпа вовлечения в кооперацию новых слоев рабочих являются:

а) недостаточная материальная заинтересованность рабочих в кооперации. Это относится ко всей массе рабочих;

б) слабость кооперативно-общественной работы кооперации, что особенно задерживает вовлечение в кооперацию тех групп рабочих, преимущественно кадровых, которые ищут в кооперации приложения своей растущей общественной энергии;

в) недостатки путей и методов, при помощи которых рабочие вовлекаются в кооперацию.

Материальная заинтересованность рабочих в кооперации является основной, наиболее реальной базой для их кооперирования.

Каково же конкретное содержание метода материальной заинтересованности? Ощущает ли действительно некооперированный рабочий сколько-нибудь существенную материальную разницу между собой, некооперированным, и своим соседом, членом кооперации? Есть ли водораздел между ними?

Если не считать практикующегося в большинстве кооперативных организаций распределения между своими пайщиками части прибылей в виде дивиденда на их забор в кооперативной

[1]) На деле, степень охвата кооперацией новых рабочих будет еще ниже, так как в приведенные данные входят значительные группы до того не кооперированных старых кадровых рабочих.

лавке товаров и продуктов,—других, сколько-нибудь действенных, материальных стимулов почти не существует. В повседневном своем быту некооперированный рабочий почти не ощущает силы и преимущества кооперативной книжки на руках соседа-пайщика.

Естественно, что на такой узкой базе материальной заинтересованности серьезно двинуть дело массового вовлечения рабочего класса в кооперацию нельзя. А база эта узка, во-первых, потому, что невелико, в условиях соревнования кооперации с частным торговым капиталом, само кооперативное накопление. Нереальна, во-вторых, эта база там, где кооперация очень часто еще работает убыточно. Не достигает она, в-третьих, цели—стимулировать массовое кооперирование—и потому, что рабочего привлекает не столько перспектива получения кооперативной прибыли, сколько возможность приобретать необходимый ему товар в своем кооперативе не только дешевле, чем у частника, но и дешевле и доброкачественнее и в более полном об'еме, чем получает его некооперированный.

Вопрос *цен*—коренной вопрос успешной работы кооперации. Дешевые кооперативные цены означают успешную борьбу с частным рынком, успешную борьбу за рабочего-потребителя, за сохранение его реальной заработной платы и, вместе с тем, успешное вовлечение рабочих в кооперацию. Дешевые кооперативные цены, при одновременной доброкачественности товаров,—наиболее действенный стимул в деле кооперирования рабочих. Помимо дешевых цен, всемерного улучшения ассортимента и качества, реальным дополнительным стимулом в деле вовлечения рабочих в кооперацию является преимущественный, а в отдельных случаях исключительный, отпуск недостаточных товаров только членам кооператива.

На примере отдельных кооп. организаций можно проследить насколько применение реальных и более совершенных, интересующих широкие массы в каждый данный период стимулов материальной заинтересованности способствует усилению процесса кооперирования.

Смоленский ЦРК долго практиковал общепринятый стимул материальной заинтересованности—выдачу в конце хозяйственного года дивиденда на забор товаров в кооперативе. Но пайщики оказались равнодушными к этому единственному материальному стимулу. Тогда ЦРК стал на путь бронирования недостающих товаров исключительно для пайщиков. В результате: количество пайщиков за год возросло с 4.587 до 10.962, т.-е. почти в два с лишним раза.

Вторая еще более яркая иллюстрация. При среднем, в течение года, месячном притоке новых членов в *Астраханский* ЦРК в 200 чел., два-три месяца дали сразу около 3 тыс. новых членов. Произошло это потому, что ЦРК бронировал в эти месяцы недостающие товары и продукты и отпускал их по твердым ценам только пайщикам.

Надо, однако, иметь в виду, что членство на основе такого материального стимула может оказаться неустойчивым, пассивным, временным, если кооперация не сумеет закрепить его рядом организационных (усиленная связь с новыми пайщиками, частая отчетность и т. д.).

На базе всестороннего изучения в каждой отдельной организации наиболее действенных и реальных стимулов заинтересованности надо заняться выявлением и других причин, мешающих кооперированию рабочих.

Интересный опыт в этом направлении проделал *Тульский* рабочий кооператив при помощи профорганизации.

К некооперированным рабочим (и служащим) была обращена анкета с соответствующим обращением кооперативной и проф. организаций. Ответ дали 1.221 чел.

Ответы были даны следующие.

Почему не вступают в члены кооп.

Причины.	Рабоч.	Служ.	Всего	% к итогу
1. Отсутствие денег	310	257	567	47
2. В семье есть члены кооперат.	199	204	403	33,4
3. Обещают вступить	78	43	121	10,0
4. Не желают	17	9	26	2,2
5. Отсутствие заинтересованности	19	4	23	1,9
6. Разн. условия отпуска товаров членам и нечленам	13	6	19	1,6
7. Состоят чл. друг. коопер.	3	17	20	1,6
8. Не постоянно живут в гор.	7	—	7	0,7
9. Скрытые причины	17	3	20	1,6
Всего	657	550	1.207	100

Общий вывод из мероприятий Тульского кооператива можно свести к следующему: некооперированные рабочие крайне слабо, а многие совсем не знают действительных материальных выгод от кооперации, не информированы о тех широких льготах по внесению пая, которые кооператив предоставляет вступающим.

В то же самое время, почти все опрошенные указывают, что они *75% своего потребительского бюджета реализуют через кооператив*. А кооператив, фактически обслуживая и этих некооперированных рабочих, не смог охватить их своим общественным воздействием и раз'яснить, что «отсутствие денег», на что указывает около половины опрошенных, не может служить препятствием ко вступлению в члены кооператива.

Таким образом, кооперативы страдают еще в достаточной мере недостаточной связью, при наличии коопер. актива, с некооперированными массами.

Однако, в условиях возросшей общественной активности рабочего класса одного стимула материальной заинтересованности недостаточно. Рабочий желает видеть в кооперации средство для под'ема не только своего материального, но и культурно-общественного уровня. Большую, следовательно, роль в деле вовлечения рабочих в кооперацию играет также и общественная ее работа.

Преобладание узкого торгово-хозяйственного уклона в работе большинства наших рабочих кооперативов, слабое развитие общественных элементов в их деятельности не может способствовать действительному закреплению уже кооперированных рабочих в

рядах кооперативной организации и, в то же время, неспособно подготовить, заинтересовать и вовлечь в свои ряды основную массу рабочих, стоящих еще вне кооперации.

Здесь, прежде всего, мы упираемся в *содержание* кооперативной массовой работы. Коренной недостаток этой работы заключается в том, что она сплошь и рядом недостаточно увязана с запросами и интересами масс.

Практикуются, как правило, длинные, казенные, парадные доклады, изобилующие общими местами, далекие от того, что интересует широкие массы. Мы часто наблюдаем, как по таким докладам и лекциям задается рабочими огромное количество вопросов «не по существу». Получается, таким образом, *разрыв* между тем, что преподносится рабочим, и тем, что их интересует и волнует.

То же мы наблюдаем и в отношении других видов общественной работы. Взять хотя бы экскурсии, выставки и др. виды наглядного ознакомления рабочих с работой своего кооператива. В большинстве случаев они ни в какой мере не связаны с задачей систематического ознакомления рабочих масс с данной частью работы кооперации, с определенным жизненным кооперативным вопросом. Они являются, в большинстве случаев, случайными, налетными и притом плохо организованными и остаются порой в массе непонятными, ненужными, лишними.

Рабочие кооперативы еще не подошли вплотную к рабочему, как общественная организация, которая должна и в состоянии будет охватить своим воздействием всю рабочую массу, подвести ее к действительному управлению и контролю на основе учета жизненных, «мелочных», конкретных в каждый отдельный период нужд рабочей массы в целом и отдельных ее групп, крепко зацепиться за эти нужды, сделав их базой для своей торгово-хозяйственной работы и, вместе с тем, исходным пунктом, развития общественной работы и вовлечения в нее широких рабочих масс.

Необходимо, следовательно, общественную работу в кооперации проводить так, чтобы она наиболее тесно была увязана с запросами и нуждами рабочих и приспособлена к материальному, культурному и производственному уровню масс.

Необходимо во всей этой работе взять курс на конкретность. Необходимо исходить в ней из конкретной работы и деятельности той или иной кооперативной организации. Необходимо, наконец, систематически освещать в печати работу кооперации с точки зрения обслуживания потребностей масс.

Общности и неконкретности содержания кооперативной работы соответствует *несовершенство ее форм*.

Обычными формами являются—общие собрания рабочих, на которых освещаются отдельные кооперативные вопросы или ставятся отчеты кооп. организ., при чем сплошь да рядом эти вопросы вклиниваются в общий порядок дня собрания, а нередко ставятся одними из последних, когда активность рабочих уже потрачена на других вопросах. Этими собраниями кооперация формально связывается с широкими массами рабочих, по существу же, эта связь в очень слабой степени способствует поднятию кооп. активности рабочих и вовлечению их в работу кооператива. Кроме того, кооперативы, как правило, не принимают участия в организации общих собраний, в заблаговременном извещении рабочих, а перед отчетами в своевременном предварительном ознакомлении с основными моментами своей деятельности, вследствие чего значительные группы рабочих остаются за бортом таких собраний. Но основной недостаток общих собраний заключается в том, что их проведение не увязывается с задачей вовлечения рабочих в кооперацию. Общие собрания слабо дополняются такими формами работы (индивидуальн. агитация, вопросы и ответы, групповые беседы с рабочими), которые всячески содействовали бы делу кооперирования и вербовки новых членов, которые позволили бы более близко подойти к отдельному рабочему или отдельным группам рабочих.

Итак, серьезно провести работу по вовлечению *всего* рабочего класса в кооперацию одним только стимулом материальной заинтересованности, без одновременного развития кооп. общественной работы нельзя. Нельзя ограничиться, хотя бы хорошо развитой, агитационной работой без практического ознакомления (на экскурсиях, выставках, вечерах вопросов и ответов) рабочих масс с жизненными, волнующими их кооперативными вопросами, без всестороннего ознакомления с характером и состоянием работы данного кооператива, членами которого этих рабочих хотят вовлечь.

Но, увязывая в работе по вовлечению различные методы и формы, необходимо всегда иметь в виду различие уровня различных слоев и групп рабочей массы, разнородность их запросов и интересов и сообразно с этим *дифференцировать* пути и методы вовлечения.

Серьезный момент в деле кооперирования представляет самый *характер* этой работы. Ударность—здесь явление до сих пор не редкое. Эти кампании часто поглощают огромные силы и средства, не всегда дающие соответствующие им результаты. В то же время, часто отсутствует систематическая, повседневная кропотливая работа по кооперированию. Опыт же показывает, что даже наиболее организованно и широко проводимые кампании, не опирающиеся на постановку нормального и систематического вовлечения, не дают тех результатов, какие получаются при организации повседневной работы по кооперированию.

Систематическая же работа по вовлечению возможна лишь при условии *использования для этого всех активных кооперированных рабочих*. На каждом предприятии таких рабочих, выборных и невыборных, связанных с кооп. органами, интересующихся кооперацией, имеются значительные группы.

Этот кооперативный актив недостаточно используется в деле кооперирования, в деле лучшего проведения задач, стоящих перед кооперацией (напр., *снижение* цен).

А, вместе с тем, он может и должен являться опорой, основной опорой кооперативных органов. В особенности его действительное и полное использование необходимо теперь, когда ставится вопрос об углублении работы по кооперированию, об усилении работы над отдельным рабочим или отдельной группой однородных рабочих. Успешность дальнейшего вовлечения рабочих в кооперацию можно уже ныне поставить (конечно, на основе ее хоз. работы) в прямую зависимость от того, насколько кооперативные органы действительно опираются в своей работе *на широкий рабочий кооп. актив на предприятии* (уполномоч., организатор, комиссии и т. д.) и насколько крепка связь актива с коопера-

тивным органом, с одной стороны, и с широкими рабочими массами, с другой. С этим тесно связан вопрос о *технике кооперирования* (запись, уплата взноса, получение членских книжек и т. д.).

Сама техника кооперирования должна быть упрощена, приближена к рабочим.

3. Кооперирование неиндустриального пролетариата.

Данные ряда организаций, в том числе и таких, которые достигли крупных успехов в деле кооперирования за последний год, свидетельствуют о том, что в огромном своем большинстве этот слой пролетариата остается вне кооперации.

Основная причина слабой кооперированности этого слоя рабочего класса заключается в распыленности, общей отсталости, слабой материальной обеспеченности этого слоя, в крайней незначительности в нем более передовых, активных кадров.

Эта об'ективная причина, в свою очередь, усугублена отсутствием со стороны кооперативных и проф. организаций соответствующих усилий и мероприятий для кооперирования этого слоя.

Для кооперирования неиндустриальных рабочих особых приемов и методов не потребуется. Речь идет лишь о приспособлении общих приемов в деле кооперирования к отличным от индустриального пролетариата специфическим условиям жизни и быта этого слоя рабочих.

По отношению к этим слоям рабочих необходимо практиковать наиболее доступные и простые формы связи (индивидуальная вербовка, вечера вопросов и ответов, групповые беседы) и наиболее доступные методы вовлечения (разбор отдельных, наиболее волнующих массы вопросов, раз'яснения по отдельным практическим вопросам и т. д.).

Исключительное значение во всем содержании работы по вовлечению неиндустриальных рабочих в кооперацию имеют моменты *материальной заинтересованности*, как наиболее важные для этой массы рабочих. При этом, необходимо также учитывать, что у большинства этого слоя рабочих (строители, сахарники, рабземлес) интересы городские, в том числе и заинтересованность в кооперативе, тесно сочетаются с интересами под'ема своего крестьянского хозяйства. Правильное применение к этим слоям рабочих соответствующих стимулов материальной заинтересованности, на основе всестороннего их изучения, открывает наиболее реальный и верный путь к вовлечению их в кооперацию.

Распыленность неиндустриального пролетариата ставит остро вопрос о путях его кооперативного охвата. Для приближения всего процесса вовлечения к распыленным массам необходимы особые организационные мероприятия и технические упрощения. Отдельные организации начинают практиковать систематическую связь с группами этих распыленных рабочих через посылку представителей кооперации к месту работы той или иной группы рабочих, путем увязки и совместных действий органов рабочей кооперации с профорганизациями.

Необходимо развивать эти мероприятия по всей системе.

Необходимо также добиться выявления активных в этом слое рабочих-пайщиков, приближать их к работе кооп. органов и через них расширять работу по кооперированию.

Таким образом, в результате более резкого подчеркивания моментов материальной заинтересованности, применения более доступных методов кооперирования, проведения специальных организационных мероприятий, создания в этом слое постоянного актива, мы должны в ближайший период добиться перелома в деле кооперирования неиндустриального пролетариата.

4. Кооперирование неорганизованного трудового населения.

Данные по ряду организаций свидетельствуют о том, что *к кооперированию неорганизованных трудовых масс кооперативные организации еще не подошли.*

В *Свердловске* на 1.511 кустарей в городе кооперировано 122. Домашних хозяек числится в кооперации всего 140.

В *Ив.-Вознесенске* на 18.000 пайщиков числится 98 прочих, т.-е. кустарей, домашних хозяек и т. д.

В *Туле* на 26.000 членов кооперации—107 кустарей. И т. д.

Эти иллюстрации в основном отражают общую картину по всей системе в отношении вовлечения в кооперацию неорганизованных масс города.

Основная трудность кооперирования неорганизованных трудящихся заключается, помимо распыленности и общей отсталости этих масс, также в том, что они не находятся под постоянным общественным воздействием пролетариата, оторваны от него.

Об'ективные трудности усиливаются еще пассивным отношением большинства кооперативных организаций к делу кооперирования этих слоев. На местах мы встречаемся даже иногда и с сопротивлением. В *Белоруссии*, напр., где эти неорганизованные массы составляют огромную часть трудового населения, кооперация, под влиянием и воздействием местных профорганизаций, совершенно закрыла одно время свои двери для всех слоев населения, кроме членов профсоюзов. При чем под такую линию подводится идейное соображение «необходимости сохранения классовой чистоты рабочей кооперации».

Конечно, Белорусский пример является исключением в системе, но Свердловские, Ив.-Вознесенские и Тульские данные, несомненно, характерны для всей системы.

Первый вывод, который необходимо сделать из приведенных данных и фактов,—необходимо создать активное отношение и кооперативных, и профорганизаций к делу массового вовлечения в кооперацию неорганизованного трудового населения.

В отношении же основной группы неорганизованного населения—домашних хозяек—есть еще, помимо указанных выше, и добавочная трудность. Она заключается в том, что до сих пор не созданы еще действительные побудительные стимулы для кооперирования *вторых членов рабочей семьи*.

Опыт отдельных организаций, однако, показывает, что, несмотря на трудность вовлечения этих масс, все же проведение специальных мероприятий дает соответствующие результаты.

Так, *Сталинградский* ЦРК предоставляет женам рабочих права полных пайщиков за их вступительный взнос (50 к.), при условиях: а) доплаты пая с премии на забор и б) наличия в данной семье одного полного пайщика. В результате—136 новых членов-домохозяек за короткий период.

Отдельные организации расширяют рамки материальной заинтересованности для жен рабочих, привлекая последних к участию в определении ассортимента товаров и т. д. В других организациях пайщицам, домашним хозяйкам, предоставляются привилегии в деле приема их детей в ясли и т. д.

На основе более близкого со стороны кооперации подхода к бытовым нуждам этих масс, начинают кое-где применяться и соответствующие формы организационного охвата их кооперацией.

На опыте отдельных организаций мы убеждаемся, насколько в условиях растущей активности этих масс необходимо применение соответствующих новых организационных мероприятий.

В *Москве* и *Ростове-на-Дону* выявились, и опытом оправдались, такие новые формы вовлечения в кооперацию неорганизованных масс. Из состава активных кооперированных домашних хозяек создаются группы специальных *вербовщиц*. Эти вербовщицы проводят работу по вербовке новых членов, главным образом, по жилтовариществам, обходя дома своего квартала. Таким путем, через наиболее активных пайщиц, кооперативные организации связываются с широкой массой некооперированных домашних хозяек. Эти активные пайщицы успешно проводят индивидуальную вербовку, на основе общности интересов тех и других, на основе близкого подхода к нуждам и потребностям этих масс.

В результате такой работы, в Ростове, напр., завербовано за год активом домашних хозяек около 3.000 новых членов, причем показательно, что одна из таких вербовщиц, наиболее активная, вовлекла за этот год в кооперацию 400 домашних хозяек.

Этот опыт свидетельствует о возможности преодоления трудностей в деле вовлечения неорганизованных масс в кооперацию, при условии умелой постановки организационной работы на базе более широких, чем обычно применяющиеся, материальных стимулов. Необходимо более решительно применять эти методы по всей системе.

Надо, следовательно, на ряду с систематическим повышением материального участия в кооперации всего кооперированного населения усилить внимание и проводить мероприятия по увеличению размеров паевых взносов со стороны неиндустриальных рабочих и неорганизованных слоев кооперированных. Надо наиболее быстрым темпом подогнать материальное участие отставших слоев к средним паевым нормам в данной кооперативной организации.

Степанов.

Автономистское движение в Эльзас-Лотарингии.

Значение движения.

Еще не так давно национальный вопрос в Эльзас-Лотарингии представлял собой лишь идеологическое движение, волновавшее и увлекавшее за собою лишь незначительные круги интеллигентов и журналистов или лиц, носившихся с идеями германского национализма. Это, однако, скоро изменилось как по своей форме, так и по существу. В последнее время можно наблюдать новый мощный под'ем интереса населения Эльзас-Лотарингии к национальному вопросу. Появилось большое автономистское движение, и это движение, по мере своего развития, последовательно вовлекает различные слои населения и создает новые группировки, отодвигая одни слои населения на задний план в то время, как другие начинают играть первенствующую роль. Это движение, бывшее вначале лишь идеологической пропагандой, стало теперь делом широких народных масс. Чисто национальные требования и цели тесно сплелись с классовыми социально-политическими требованиями и целями. Национальная проблема и требования автономии или национальной независимости неизбежно направляются по классовому руслу. Они находят прочную и естественную социально-политическую основу благодаря тому, что они отвечают интересам пролетариата и мелкой буржуазии и направлены против крупного французского капитала, против французского государства и его политики, задавшейся целью насильно навязать населению Эльзас-Лотарингии французский язык и культуру. Это именно обстоятельство и делает автономистское движение Эльзас-Лотарингии устойчивым и придает ему остроту. И с этой же точки зрения это движение и становится особенно интересным. Тем более интересным, что национальный вопрос является в большей или меньшей степени таким же актуальным и во всех других капиталистических странах Европы, в которых имеются национальные меньшинства. Возможно, что этим наносится новый удар относительной «стабилизации» капитализма, являющейся колеблющейся и временной. Рост движения, наблюдающийся сейчас среди нацменьшинств во Франции, Польше, Чехо-Словакии, Венгрии, Юго-Славии, Италии и других, является верным показателем возникновения совместного движения мелкой буржуазии и пролетариата против крупного капитализма и государства-угнетателя. Нет сомнения, что это движение способно содействовать созданию революционной атмосферы в среде народных масс. С этой точки зрения автоно-

мистское движение в Эльзас-Лотарингии представляет собой не только симптом ухудшения положения во Франции, но и показатель начала обширных народных движений.

Сделав эти предварительные замечания, постараемся теперь ближе рассмотреть эльзасский вопрос.

«Дезаннексия» Эльзас-Лотарингии и раздел добычи.

Территория Эльзас-Лотарингии была снова присоединена к «французской республике», но заводы и металлургические рудники были приобретены комитетом крупной горной промышленности. Прочие отрасли промышленности и естественные богатства, доступные промышленной эксплоатации, перешли в руки крупных французских капиталистов. Одни лишь крупные металлургические предприятия области Мозеля оценены были в 1919 г. приблизительно в 8 миллиардов (Уканж—600 млн., Кнутанж—2.000 млн., Ромба—2.200 млн., Тинвиль—500 млн., Агоданж—1.800 млн.). Группы, представленные в комитете горной промышленности, получили все эти предприятия за сумму менее 500 миллионов. Как известно, эти немецкие предприятия находились в 1919 г. под контролем специальных агентов, наложивших на них конфискацию от имени французского правительства.

Все это время члены комитета спорили между собой, стремясь найти «формулу» для раздела добычи. В конце 1919 г. они, наконец, пришли к соглашению и создали пять групп. В январе 1920 г. государство передало этим пяти группам всю металлургическую промышленность, отнятую у германцев. Пользуясь защитой и покровительством государства и пуская в ход при «патриотическом» содействии агентов по конфискации и членов французских военных комиссий, все роды шантажа, угроз и давления, эти представители комитета крупной горной промышленности превратились вдруг за ничтожную сумму во владельцев огромного богатства, ценность которого достигает 15—20 миллиардов.

Мы не будем здесь касаться «частных покупок», сделанных некоторыми крупными французскими капиталистами у немецких промышленников, владения которых не были занесены в список, или же не находились в области, где производилась конфискация. Сумма, равная, приблизительно, 500 миллионам, которую эти пять групп комитета должны были внести государству за приобретенную собственность, не была даже целиком уплачена, несмотря на то, что она даже впоследствии была пересмотрена и понижена. В конце 1922 г. на собрании акционеров сталелитейных предприятий Кнутанж (группа Крезо) Евгений Шнейдер официально заявил:

«Итак, мы не в состоянии сейчас сполна заплатить за приобретенные нами металлургические предприятия и шахты. По соглашению с компаниями Ромба (группа Омекур) и Агоданж (союз потребителей), мы обратились к властям с просьбой пересмотреть условия платежа и понизить покупательную сумму».

Не было сомнения, что эта просьба должна была быть услышана: разве в правительстве не находились Франсуа Марсал и Лушер, которые должны были пустить в ход все средства для того, чтобы подобные операции увенчались успехом?

Эти пять групп, которые завладели промышленностью, отнятой у германцев, не заплативши даже полностью обусловленных 500 миллионов, почувствовали теперь нужду в кругленькой сумме 1.500 миллионов франков для «покупки», восстановления и пуска в ход предприятия, для нужд эксплоатации и оборота. Эту сумму (в деньгах, акциях и облигациях) пять групп смогли получить лишь в крупных банках, главным образом, в банке Унион Паризьен, в Лионском кредите и Парижском — Нидерландском банке.

Кто были эти пять групп?

1) Группа Шнейдер-Вендель приобрела за 110 миллионов заводы и шахты германской фирмы Аунец Фриден, совместно с бельгийскими группами об'единенных сталелитейных заводов Бурбах-Ейх-Дуделанг и горным обществом Терр Руж, эта группа вступила во владение предприятий германского общества в Гельзенкирхене (Кирдорф). Группе Шнейдер-Вендель нужно было получить 370 миллионов.

2) Группа Омекур (Теодор Лоран, Кавалье, Андре Франсуа Понсе, Ксавье Рей и др.) должна была срочно раздобыть 462 миллиона.

3) Группа Дре (Лонгви) в обществе с фирмой Жиро-Люшер (приобретшая заводы прежнего консорциума Рехлинг за 33 миллиона) нуждалась в 56 миллионах.

4) Группа Жюль Бернар и братья Бессоно (т.-е. Парижский Нидерландский банк) завладела в первую очередь шахтами и заводами братьев Штум в Сарской области и Лотарингии. Этой группе нужно было немедленно получить 200 миллионов франков.

5) Союз потребителей металлургических промышленных изделий (барон Петье) имеет в своем составе крупные автомобильные общества (Берлье, Пежо, Рено и др.), машиностроительные общества (Фив-Лиль, Жапи, Дитрих и др.). Этой группе нужно было 225 миллионов.

Все эти группы, и в первую очередь первые две, наиболее сильные, должны были немедленно вступить в контакт с крупными банками, что и было ими сделано в 1920 г. Шнейдер и Вендель вступили в совет правления банка Унион Паризьен и Лионского кредита, а председатели этих банков стали членами контрольных комиссий на предприятиях Крезо и, возможно, на других предприятиях и заводах групп Шнейдер или Вендель.

Итак, пять групп комитета крупной горной промышленности, связанные более или менее и с комитетом нефтяников, не имея в своем распоряжении даже 500 миллионов франков для того, чтобы «заплатить» государству за приобретение состояния ценностью в 20 миллиардов, вступают в тесную связь с тремя крупными банками для того, чтобы собрать 1.500 миллионов и начать эксплоатацию металлургической промышленности и населения Эльзас-Лотарингии.

Но присоединение Эльзас-Лотарингии к Франции дало крупному французскому капиталу и сеть железных дорог. Хотя эта сеть является «собственностью государства», ею в действительности распоряжается общество, правление которого насчитывает 18 крупных капиталистов (или представителей «частных интересов») и лишь 4 представителя государства. Ценность этой железнодорожной сети оценивается по минимальным расчетам

в 10 миллиардов. Наконец, если уже не говорить о приобретении текстильной промышленности и о ценности лесов, то необходимо вспомнить, что ценность нефтяной и поташной промышленности Эльзаса, приобретенной крупным французским капиталом, превышает 5 миллиардов.

Одним словом, огромные богатства, приблизительно в 35 миллиардов (по некоторым источникам—даже 50 миллиардов) были приобретены почти за ничто крупными французскими капиталистами.

Классовые интересы в Эльзас-Лотарингии.

Люди, агенты комитета крупной горной промышленности и другие крупные французские капиталисты пришли в Эльзас-Лотарингию на смену крупным германским капиталистам. Эти люди явились в страну в сопровождении целого легиона директоров, инженеров, мастеров, полицейских, шпиков, генералов, комиссаров, журналистов, административных и финансовых чиновников, контролеров и школьных инспекторов и проч. Этот легион был навербован в тех слоях французского населения, которые особенно отличались своим шовинистическим и агрессивным «патриотизмом». С этим легионом, явившимся из «старой отчизны», соединились наиболее испорченные, низкие, деклассированные элементы из среды эльзасской интеллигенции.

Такова была первая перемена в положении, первый ледяной душ, вылитый на страну, «освобожденную» от прусского сапога. Почти одновременно с этим «средние классы» в Эльзас-Лотарингии и в первую очередь интеллигенты, чиновники, служащие, священники, учителя увидели, что их отесняют, принижают и ставят на значительно более низкую ступень по сравнению с французами. Иностранцы, «французы» и продажные личности в самом Эльзасе—вот те элементы, из которых образовался новый господствующий слой интеллигентов, чиновников, служащих и проч.

Эти два факта (появление крупных французских капиталистов и создание высшего слоя интеллигентов и чиновников из французов) являются, по нашему мнению, важнейшими факторами, способствовавшими появлению и развитию автономистского движения в Эльзас-Лотарингии. Это не значит, что в этом самая глубокая причина и что эти элементы явились решающим фактором. Но прежде, чем продолжать раз'яснение этой проблемы, напомним и о некоторых других фактах.

Вспомним прежде всего ф и н а н с о в у ю п о л и т и к у французского государства по отношению к населению трех «возвращенных» департаментов. «Юманите» в Мец-Страсбурге (в №№ от 16 и 27 июня) пишет, что смета расходов на 1925 г. установлена для Эльзас-Лотарингии в сумме 318 миллионов франков, в то время как доходы, собранные там в том же году, достигли суммы 1.300 миллионов. Эти 318 миллионов были распределены следующим образом: 150 мил. на возмещение ущерба, понесенного из-за войны, 18 мил. на церковные нужды, 64 мил. на жандармерию и полицию и лишь 86 мил. для целей воспитания и просвещения. Распределение налогов также очень характерно. В 1913 г. налог на собственность и капитал равнялся 65% всех прочих налогов, в то время как в 1924 г. он упал до 23,7%. Налог на жалованье и зарплату представлял собой в 1924 г. 36% всех налогов, а в 1913 г.—14%. Рабочий в Эльзас-Лотарингии платит в среднем 200—300 франков налога, в то время как во всей остальной Франции рабочий платит не больше 60 франков. Средний чиновник, начальник второклассной станции, как, напр., Страсбургской, платит 2.400 франков налога, а у его коллеги во Франции, как, напр., в Бар-ле-Дюке, взыскивают всего лишь 300—400 франков. Мелкий коммерсант в Кольмаре платит 811 франков налогу за право торговли, а такой же торговец в Эпинале платит 265 франков, в Безансоне—310 франков, в Труа—470 франков и т. д.

Финансовая политика французского правительства, с одной стороны, и закрытие германской границы 1 января 1925 г.—с другой стороны, вызвали затруднения и недовольство в Эльзасе и в среде к р е с т ь я н, в и н о д е л о в, в л а д е л ь ц е в с а д о в, т а б а ч н ы х п л а н т а ц и й и п р о ч.

Известно, что в Эльзасе землевладельцы сами эксплоатируют свою землю, сады и проч. Но здесь имеется целый ряд рассеянных мелких участков, подлежащих эксплоатации, в то время как в области Мозеля господствует крупное землевладение. Люди, в роде Варена и других, владеют или распоряжаются огромнейшими владениями не только в самом Эльзасе, но и в остальной Франции, и в Марокко, и в Тунисе, и в Алжире. Эти люди находят способы избегнуть местных затруднений, но этих возможностей нет ни у мелких, ни у средних крестьян и эльзасские виноделы не могут конкурировать на французском рынке с крупными центральными виноделами. Для того, чтобы добиться успеха, они должны прибавить к своим винам 7% сахара, а в сахаре чувствуется недостаток. Имеется лишь одна сахарная фирма, которая без всякого стыда выжимает все соки из владельцев свекловичных плантаций. Сахар, ввозимый в Эльзас, слишком дорог, и в виду почти полного закрытия германского рынка, эльзасские виноделы находятся почти в безвыходном положении. С своей стороны и табачные плантаторы не могут мириться с произволом агентов французской табачной монополии.

Итак, все более растет недовольство средних и мелких крестьян Эльзаса современным положением вещей, главным образом, в виду характера финансовой политики французского государства и особых тяжелых условий для сбыта сел.-хоз. продуктов Эльзаса.

Скажем несколько слов о п р о л е т а р и а т е Э л ь з а с-Л о т а р и н г и и и о е г о п о л о ж е н и и. В 1913 г. было занято около 100.000 пролетариев в железных и угольных копях и железоделательной индустрии. Благодаря войне и Версальскому «миру», большая часть германских рабочих была вынуждена покинуть страну, на смену которым пришли французские рабочие из Мерт-и-Мозель и иностранные рабочие из Италии, Польши и других стран. Мало-по-малу дошло до того, что в вышеупомянутых трех отраслях промышленности, в которых к началу 1926 г. было занято около 85.000 рабочих, 65—70% были иностранцы, т.-е. не французы, не эльзас-лотаринцы.

Французские предприниматели создали нечто в роде иерархии в рабочем классе, искусно перемешав национальности и заполнив иностранными рабочими кадры, руководимые французскими инженерами, мастерами и специалистами. Это явление наблюдается везде в Лотарингии, и этим об'ясняется странный на первый взгляд факт, что автономистское движение в Лотарингии не делает больших успехов. Классовые конфликты в Лотарингии

проявляются в форме конфликтов крупных французских капиталистов с иностранным пролетариатом. Здесь в Лотарингии автономистское движение находит сторонников, главным образом, среди железнодорожников, учителей и «средних классов».

В Эльзасе мы уже наблюдаем совершенно другие формы. Здесь от Мюльгаузена до Страсбурга участь иностранных рабочих не отличается от участи эльзасских рабочих. Профессиональные и социальные требования являются здесь основой требований национальных. Автономистское движение выходит здесь за пределы «идеологических» и конституционных рамок и принимает размеры, которые начинают беспокоить даже самих инициаторов движения. Это и понятно, так как здесь пролетариат стал социальной движущей силой.

И действительно, мы знаем, что уже с 1924 г., с момента прихода левого картеля к власти, началось движение недовольства среди железнодорожников, и это движение грозит с октября 1925 г. закончиться взрывом и привести ко всеобщей забастовке железнодорожников. Эта забастовка казалась уже неизбежной в середине марта 1926 г., и если она не вспыхнула, то это еще не значит, что железнодорожники были удовлетворены.

Для того, чтобы закончить обзор наиболее важных социально-экономических факторов, лежащих в основе автономистского движения в Эльзасе, упомянем еще следующее.

Экспроприацию, если не полное разорение мелкобуржуазных слоев (городских и сельских), вследствие двойной инфляции. Падение германской марки и германской империи обесценило их сбережения в марках, а падение французского франка у них отняло и последнее. Финансовый кризис французского государства с падением франка и опасением возможных экономических и социально-политических волнений во Франции заставляет, с другой стороны, часть «средних классов и мелкой буржуазии» смотреть с надеждой на «стабилизированную и упорядоченную» Германию.

Вот, по нашему мнению, те основные факторы, с которыми мы должны особенно считаться при рассмотрении теперешнего положения в Эльзас-Лотарингии. Но наш обзор был бы не полон, если бы мы не приняли во внимание еще некоторые другие факторы. Укажем на важнейшие из них.

Одним из этих факторов является политика насильственной ассимиляции, которую французское государство проводит в отношении Эльзас-Лотарингии. Эта политика, начатая национальным блоком, проводившаяся после него левым картелем и страстно поддерживаемая французскими социалистами, имеет в первую очередь в виду язык, на котором говорит население в Эльзас-Лотарингии и к которому оно ревнивее всего относится. Обязательное введение французского языка в школы и присутственные места с одновременным систематическим вытеснением немецкого языка натолкнулось в первую очередь на сильнейшее сопротивление крестьянства. Крестьянские дети не научаются как следует французскому языку и разучиваются читать и писать по-немецки.

Вторым фактором, хотя и менее острым, является пресловутое вытеснение церковного влияния, о котором старается левый картель. Здесь дело идет о религиозных обычаях страны и здесь смешались роли, группы и интересы. Католический крестьянин—

Эльзас-Лотарингии, находившийся под господством духовенства, был на пути к относительному освобождению от духовного ига ксендзов. Разве не эти ксендзы даровали божественное благословение в случае победы германских армий? И разве не те же духовники давали то же божественное благословение и французским армиям этим «армиям освобождения»?

Католические священники Эльзаса, поддерживаемые в своих стараниях всем французским духовенством и папой, являются фанатическими защитниками специальных церковных привилегий, которыми они до сих пор пользовались, и их главная цель заключается в том, чтобы побороть влияние социалистических и коммунистических идей для того, чтобы еще больше усилить свою власть над крестьянами и рабочим населением. С другой стороны, крестьяне противятся «светским» новшествам левого блока, так как эти новшества, равно как и все беды, от которых они страдают, исходят от французского государства—их угнетателя. Впрочем, новое поколение крестьян мало-по-малу освобождается от церковного влияния, и между стариками и молодыми часто возникают конфликты по религиозным вопросам в деревнях Эльзаса.

Второстепенные факторы иностранного порядка.

В автономистском движении Эльзаса имеется элемент, который хотя и не играет постоянной и непосредственной роли, но все же усложняет форму движения, если не само его развитие. Дело идет об антагонизме между Германией, Францией и Англией об интересах и политике римской церкви, и о движении германских меньшинств тянувшихся к Германии.

Эльзасская проблема стала «европейским вопросом», как недавно писали «Базлер Нахрихтен». Возможно, что это справедливо, но, к сожалению, мы в этом вопросе должны сейчас ограничиться лишь общими местами, не касаясь подробностей.

Согласно сообщениям французской буржуазной прессы, 6 февраля 1926 г. в Цюрихе состоялась конференция главных вождей рейнского федерализма, пацифистов «Меншгейт» (профессора Форстера в Висбадене), австрийцев и эльзасских автономистов. Согласно этой прессе цюрихская конференция образовала комитет действия, главные задачи которого заключались в следующем: а) в изучении проблем родственных рейнскому сепаратизму и эльзасскому автономизму, б) в подготовке меморандума для Лиги Наций, в) в создании органов на немецком языке для изучения и пропагандирования автономистских идей, г) в организации регулярной связи между немецкими федералистскими органами Австрии и Эльзас-Лотарингии. Французская пресса, являющаяся наиболее «терпимой» к автономистскому движению в Эльзасе, как «Фигаро» (Ромье, профессор Вермей), роялист Жак Бонвиль, «Журнал де Деба» и другие, подчеркивают экономическую природу федералистского рейнского и автономистского эльзасского движения.

Другие газеты обвиняют в первую очередь немецкую пропаганду и, в особенности, «агентов» Штреземана. Некоторые газеты уверяют даже, что у них имеются доказательства того, что католический центр Германии работает совместно с Зейпелем

(Австрия), профессором Шмитманом (Кельн), шефом федералистов и Георгом Вольфом, председателем нижне-рейнской радикально-социалистической партии. Как бы то ни было, мы сообщаем об этих фактах лишь для информации, так как они сами по себе не играют крупной роли в автономистском движении. Французская пресса заинтересована в том, чтобы изобразить, будто движение это началось исключительно по подстрекательству из-за границы для того, чтобы оправдать применение репрессивных мер.

Согласно французской прессе, кажется также, что и Англия живейшим образом заинтересована в автономистском движении и что она в нем имеет своих агентов. Эти газеты считают, что Англия стремится к тому, чтобы между Францией и Германией образовалась конфедерация нейтральных государств, своего рода рейнская лига. Она тогда смогла бы легче помешать франко-германскому сближению, и ее влияние распространилось бы на крупнейшие промышленные области центральной Европы.

Папа, со своей стороны, преследует в первую очередь следующие две цели: одна цель (минимальная программа) заключается в усилении позиции католиков в их борьбе со «светскими законами» французского правительства; другая цель (максимальная программа) папы заключается в создании непрерывной цепи немецких католических государств (Австрия, Бавария, Эльзас, Пфальц, Рейнланд).

Автономистское движение.

Клерикальный орган аббата Эги «Эльзасский Курьер» ведет с 1919 г., правда, очень осторожно, кампанию за католические традиции Эльзаса, за немецкий язык и традиционные обычаи. С 1921 года аббат Шефер, один из самых горячих борцов католической партии, начал открыто выдвигать идею о необходимости вмешательства Лиги Наций в защиту интересов эльзасцев.

Вот уже год, как издается обозрение «Цукунфт», ставшее в короткое время очагом автономистского движения. Вокруг этого обозрения, редактируемого бывшим президентом ландтага Эльзас-Лотарингии доктором Риклином, сплотились многочисленные группы интеллигентов, протестантов, католиков, атеистов, членов разных партий, равно как и беспартийных.

5 июня 1926 года был опубликован манифест «отечественного» союза, носящий сто подписей, собранных почти во всех слоях населения Эльзаса.

Вот, приблизительно, основные факты в истории идеологического автономистского движения.

Эти исторические даты не совпадают с датами крупных народных демонстраций. Менее важной, но весьма знаменательной демонстрацией явилась забастовка школьников в Эльзасе, направленная против законов Эррио. Эррио вынужден был уступить, так как он натолкнулся на сопротивление блока крупного капитала и клерикализма Франции и Эльзас-Лотарингии. Первой крупной манифестацией явился, без сомнения, конгресс рабочих и крестьян, созванный 21 сентября 1925 года в Страсбурге под руководством Коммунистической Партии. С тех пор автономистское движение прошло много этапов, и в нем началась некоторая дифференциация.

Для того, чтобы лучше понять все то, что произошло и происходит в Эльзас-Лотарингии, необходимо отдать себе отчет в характере отдельных политических партий.

Численно самой важной партией является народная республиканская национальная партия (католическая). Она неоднородна, и крестьянский элемент, руководимый духовенством, имеет там большинство. Левое крыло этой партии—требует политической автономии, правое крыло добивается лишь административной автономии в то время, как центр, т.-е. большинство партии является противником ассимиляции, требует автономии в составе французского государства и намеревается обратиться с призывом к Лиге Наций в целях сохранения конкордата в Эльзас-Лотаринги.

В начале автономистского движения, когда последнее носило еще более или менее аморфный, народный характер, вожди центра народной партии оказались вынужденными об'явить себя сторонниками этого движения. Приведем хотя бы пример пресловутого политического скомороха депутата Мишеля Вальтера, горячего сторонника национального блока, получившего от населения ироническую кличку «национального» Мишеля. Этот самый господин, некогда заявлявший, что занятие Рура будет одной из самых блестящих страниц в истории Франции, вынужден был 13 и 16 мая выступить за дело автономистов.

С весны народная партия начала организовывать общественные митинги и собрания в Кольмаре, Мюльгаузене, Страсбурге и друг. Но массы, начинают уже обгонять партию, и крестьяне, которых католики подняли против «светских» законов, быстро оказываются далеко впереди своих вождей. Вопрос о конкордате становится частным требованием и второстепенным вопросом в вопросе национальном. И по мере того, как это все более выявляется, группы и «вожди», которые на движение смотрели лишь как на партийный маневр, начинают его покидать и даже высказываться против него. Граф Лес, Мишель, Вальтер и друг. покидают движение и стараются мобилизовать силы против него, приветствуя «репрессивные санкции».

Республиканская демократическая партия, одним из руководителей которой состоит Гернщмидт, председатель страсбургской торговой палаты, является партией крупного капитала, заинтересованной в успехах французского империализма. Она является ожесточенной противницей автономистов.

Также против автономистов—и верхне-рейнская группа, носящая название «Демократического альянса» и насчитывающая в числе своих вождей Журдэна (министра пенсий), сенатора Жюля Шерера и друг. Но это скорее группочка, чем партия.

В радикально-социалистической партии Эльзас-Лотарингии автономистское движение вызвало раскол. На страсбургском конгрессе 2 июня 90 делегатов из 148 высказались за автономистов. В Верхне-Рейнской области эта партия, или по крайней мере ее руководители, высказываются против движения, а в Нижне-Рейнской области—за него. Здесь рупором автономистов является Георг Вольф, вождь бывшей прогрессивной партии Эльзаса. Он теперь выпустил книгу «Эльзасский вопрос. Основы эльзасской политики в эпоху локарнского договора». Георг Вольф пытается в этой книге доказать, что раз Германия в силу локарнского договора не интересуется больше эльзасским вопросом, то

эльзасцы сами имеют теперь возможность и должны подумать о себе и об участи населения, являющегося единым целым в экономическом, этническом и национально-политическом отношении.

Социалистическая партия Эльзас-Лотарингии является может быть единственной, ведущей в союзе с французскими властями энергичную кампанию против автономистов. В настоящее время эта партия является самой ревностной помощницей правительства в применении репрессивных мер. Деп. Георг Вейль «работает» вместе с мэром Страсбурга Перотом, социалистом, для дела «ассимиляции трех департаментов с остальной частью Франции» (его собственные слова в «Котидьене» в № от 30 декабря 1925 года).

В манифесте от 30 июня социалисты дают «ответ на манифест отечественного союза».

«Этот манифест (социалистов),—пишет «Пепль» в номере от 1 июля,—энергично высказывается против сепаратистских интриг и всецело на стороне ассимиляции... Он абсолютно отказывается от мысли о каком-либо отдельном парламенте».

Манифест об'ясняет возникновение автономистского движения происками клерикальной партии, немецкими влияниями и влиянием компартии. Эльзасский диалект, этот эльзасско-немецкий язык, называется в манифесте в насмешку «так называемым родным языком».

По поводу этого манифеста центральный орган германской социал-демократии «Форвертс» в номере от 1 июля 1926 г. замечает с грустью следующее: «Мы не намереваемся вмешиваться во внутренние распри Эльзаса. Тем не менее нельзя не заметить, что выражение «так называемый родной язык» звучит довольно странно». В этих словах чувствуется и германский патриотизм и лакейский страх затронуть шовинизм социалистов страны-победительницы.

В парижском «Пепль» в номере от 28 июня 1926 г. социалистический депутат Жюль Ури упрекает Пуанкаре и Кольра в том, что они не послушали его советов «о необходимости поспешить ассимилировать обе вновь завоеванные провинции с остальной Францией». Он при этом цитирует несколько фраз из речи, которую он по этому случаю в свое время произнес:

«Если вы не ассимилируете, как можно скорее, население Эльзас-Лотарингии, если вы не сделаете, чтобы оно так же жило, как и остальная Франция; если дети с самых ранних лет не научатся в наших школах французскому языку, который должен стать единственным языком Эльзас-Лотарингии, вы через несколько месяцев будете иметь движение, не менее серьезное, чем фламандское движение в Бельгии». Одобрительно оценивая деятельность генерала Буржуа и хваля поведение Перота и Георга Вейля и других, Жуль Ури с грустью констатирует тот факт, что движение, несмотря ни на что, усиливается.

«Хватаешься положительно за голову,—пишет он,—когда читаешь в газетах, как например, в «Тан» отчеты о бунтовщических манифестациях против Франции, все чаще и чаще происходящих в Верхне-Рейнской и Нижне-Рейнской областях, в Страсбурге, Мюльгаузене, Кольмаре и являющихся насмешкой над государственной властью». Чего боится социалистический депутат Жюль Ури больше всего? «Я боюсь,—пишет он,—что это движение не ограничится одной национальной формой и превратится в движение международное. Уже поговаривают о том, что Лига Наций может заняться этим вопросом, и отсюда видно, какие страшные опасности грозят отсюда всеобщему миру».

Само собой разумеется, что население Эльзаса и большая часть эльзасской прессы не перестают возмущаться подобными «представителями народных интересов», подобными защитниками империалистической французской республики.

Что касается компартии, то она после некоторых колебаний с самого начала выступила в качестве горячего защитника автономистского движения. Хотя и критикуя непоследовательность этого движения, и вскрывая истинные мотивы некоторых его сторонников, в особенности из лагеря клерикалов, компартия стала на защиту права эльзасцев самостоятельно распоряжаться своей судьбой вплоть до отделения от Франции. Она требует производства плебисцита с участием и женщин. Плебисциту должна предшествовать эвакуация из Эльзаса и Лотарингии гражданских и военных властей. Само голосование должно проходить под контролем рабоче-крестьянских комитетов. Так как автономистское движение развивается сейчас, как народное, то компартия пока не настаивает на строгом проведении ее лозунгов. Начиная с сентября 1925 г. компартия все более оказывается во главе автономистского движения. Это обстоятельство сильно содействовало вовлечению клерикальной партии в движение, так как последняя боялась в противном случае оторваться от крестьянских масс и дать им уйти к партиям и группам, проповедующим революционные методы. Благодаря этому можно было наблюдать, как руководство автономистским движением переходило из рук «Цукунфт» в руки коммунистов, с тем, чтобы затем снова оказаться некоторое время в руках клерикалов.

Течения и перспективы автономистского движения.

Само собой разумеется, что в виду подобного сплетения интересов и целей—более или менее глубоко противоречащих друг другу—неизбежны колебания и раскол, уход из движения, и предательства. С повышением политической температуры и по мере обострения положения, ухудшившегося, главным образом, вследствие репрессивных мер французского правительства, некоторые вожди и группы отделяются от движения или методически подготовляют свое стратегическое отступление. Уже ушли очень многие из тех, которые подписали манифест отечественного союза. Правительство между тем продолжает свои репрессии, особенно обрушиваясь на железнодорожников, учителей и чиновников. В клерикальной «автономистской» прессе все чаще появляются статьи пытающиеся разжалобить французское правительство, в отношении подписавших манифест и указывающие пальцем на коммунистов, против которых, по их мнению, должны быть направлены репрессии. Пресловутый «автомист» Мишель Вальтер уже 16 июня писал в «Эльзасце» следующее:

«Наша партия сознательно отклоняла всякое слишком далеко идущее требование, которое нельзя было бы выполнить в рамках существующей конституции».

Г. Гордеев.

Фермерское движение в Соединенных Штатах.

(Начало статьи см. в № 15—16 за 1926 г.).

Во время войны требовалось продовольствие и на фермера изливались потоки патриотических воззваний, призывающих умножать производство хлеба и мяса. Благоприятная кон'юнктура подгоняла фермера, конечно, больше, чем все прокламации. Он расширил посевы. На это потребовался кредит, т. к. на расширение посевов нужны были машины, скот и удобрения и рабочие руки. Растущая доходность во время войны создала ажиотаж вокруг земли. Фермы продавались и покупались и снова перекупались в надежде на большие барыши. Горячка (boom), сопровождавшая все военное время фермера, разразилась особенно резко в 1920 г.

Произведенным обследованием было выяснено, что от 10 до 15% всех фермеров переменили свои фермы между 1916 и 1920 гг. Покупка земель в 1920 г. производилась по такой вздутой цене, что с наступлением кризиса купившие землю обанкротились, не будучи в состоянии оплатить лежавших на них обязательств [1]).

Как с.-х. производство, так и земельная спекуляция проводились в надежде на высокие цены. Грянул кризис, и цены пали в 2—3 раза, обязательства же остались те же. Фермер был должен, как мы уже писали, 10.000 милл. долларов, из которых около 5.000 милл. долларов занято было разводненным долларом, оплата же фермером должна была производиться стабилизованным долларом. К тому же, как только раздались громовые раскаты кризиса Федеральное Резервное Управление повысило учетный процент, особенно в с.-х. районах, затруднив маневрирование фермеров [2]). Да и вообще выяснилось специальным обследованием с.-х. кредита, что «существующая система не была достаточна для того, чтобы обеспечить фермеру все, что законно может требоваться для его целей» [3]). Поэтому комиссия рекомендовала улучшить и усилить современную исследованную систему с.-х. кредита. Следовательно, недаром «Daily Workers» писала, что финансовая политика Кулиджа дала возможность нажить банкам баснословные барыши, доведя одновременно фермеров до банкротства.

Правительство крупного капитала вело откровенную классовую политику. Это выражалось не только в банковской тактике, но в налогообложении. Доходы фермера, как мы уже писали,

[1]) «The Wheat Situation» by H. C. Wallace. 1923. Page 23.
[2]) «Credit Report of the Joint Commission». Part II. 1922. Page 159.
[3]) Ibidem, page 148.

быстро понижались, а налоги за это время росли. Мы имеем следующие данные о росте налогов:

Годы	Все налоги	В %% к национальн. доходу	Годы	Налоги на землю фермеров
1913	2.194 м. д.	6,4	1914	344 м. д.
1919	8.034 »	12,1	1920	582 »
1921	8.363 »	16,7	1922	797 » [2])
1923	7.061 »	12,1 [1])		

Однако, самым интересным оказывается распределение налогов. Политика правительства руководилась буквально евангельским изречением: у кого имеется, тому прибавится. Фермер пострадал больше, чем другие профессии, значит и облагай его тяжелее других. Как доказательство, мы приводим следующую табличку, показывающую, как распределяются налоги между фермерами и остальным населением.

Годы	Сумма налогов, платимых фермером	Сумма налогов, платимых всеми остальными	Процент налогов к доходу	
	в млн.	долл.	фермеров	всех остальных
1913	624	1.570	10,6	5,5
1919	1.232	6.802	8,3	13,2
1921	1.497	6.866	17,2	18,6
1922	1.436	5.625	14,3	11,6 [3])

Только в 1919 году фермер благоприятной кон'юнктурой был выведен из-под пресса классовой политики, все же остальное время фермер платил значительно выше, чем промышленник, банкир и т. д.

В целом для Соединенных Штатов налоги на акр возросли с 31,4 центов в 1913—14 г. до 70,9 центов в 1921—22 г. [4]).

Сумма налогов на фермеров оставалась почти стабильной для 1921—22 г., хотя взимание налогов со всех сокращалось. Так, все налоги были понижены в 1922 г. по сравнению с 1921 г. на 1.302 милл. долл., но налоги на фермы упали лишь на 61 милл..

[1]) «The Agricultural Situation». Page 32.
[2]) «Agriculture Yearbook». 1923. Page 8.
[3]) «The Agricultural Situation». Page 40.
[4]) «Yearbook of the D. of Agriculture». 1922. Page 1002.

долл. «Крупное сокращение различных видов налогов,—замечают Уоррен и Пирсон,—проводимое федеральным правительством в ничтожной степени касалось фермеров» [1]).

По подсчетам Департамента Земледелия налоги поглощали от 10 до 50% чистого дохода фермера. «Тяжесть налогов была особенно нелегкой на Севере и Западе»,—пишет секретарь Департамента Земледелия [2]).

Обезоруженный фермер был разбит своим организованным противником. Последний действовал как путем экономического воздействия, путем регулирования цен, так и посредством политического руководства. В большинстве же случаев обе системы воздействия переплетались, усиливая давление на фермера.

Как результат кризиса увеличились банкротства. По обследованию 1923 г. из 68.000 фермеров, разбросанных в 15 штатах пшеничной и кукурузной полосы, 4% потеряли свои фермы из-за банкротства: 4,5% утратили свои фермы до марта 1923 г. только из-за отсрочек кредиторов. Из 26.000 арендаторов 7,2% потеряли свою собственность продажей с молотка: 7,8% утратили без проведения формального кризиса и 21,3% удержали свою собственность только по милости кредиторов [3]).

Количество банкротств среди фермеров во всей стране равнялось:

в 1911—13 гг.	914	что составляло	лишь	5,5%	от всех банкротств	
» 1920	» 997	»	»	6,4%	» » »	[4])
» 1921	» 1.363	»	»	9,0%	» » »	
» 1922	» 3.236	»	»	14,4%	» » »	
» 1923	» 5.940	»	»	17,4%	» » »	
» 1924	» 7.772	»	»	18,7%	» » »	[5])

Колебания процента банкротств по различным штатам происходило в пределах от 0,7% до 74,7% в 1924 г. Самый высокий процент банкротств, как правило, приходится на пшеничные штаты.

Банкротства привели к потере земли. По переписи 1925 г. число арендаторов с 1920 по 1925 г. повысилось с 38,1% до 38,7%. Число фермеров понизилось за те же пять лет на 47 тысяч. Еще перепись 1920 года указывала на укрупнение ферм, повидимому, то же самое наблюдалось и в истекшие пять лет [6]).

Северо-Западный Центральный район дал повышение аренды на 3,4%, горный—на целых 6,8 и т. д. Ряд районов дал понижение аренды. К сожалению, до сих пор в нашем распоряжении не имеется данных переписи о росте задолженности за последние 5 лет. Они, повидимому, внесут существенные коррективы в движение аренды в сторону расширения процесса обезземеливания.

Подводя итоги анализу состояния фермеров в период послевоенного кризиса, мы должны констатировать, что, во-первых, кризис принял затяжные формы, во-вторых, чем дальше от начала кризиса, тем большее количество фермеров обезземеливается,

[1]) «The Agricultural Situation». Page 39.
[2]) См. На «Аграрном Фронте», № 3, 1926, стр. 134.
[3]) «The Wheat Situation». 35.
[4]) Ibidem. 104.
[5]) «Agriculture Yearbook», 1924, p. 1130.
[6]) См. на «Аграрном Фронте» № 3 1926 стр. 134.

больше арендаторов пролетаризируется; в-третьих, кризис нанес сокрушительный удар собственникам—фермерам и арендаторам,—кризис расширил кадры с.-х. рабочих, с одной стороны, увеличив концентрацию с.-х. производства—с другой; в-четвертых, мелкобуржуазная идеология фермеров получила жестокие показательные уроки об отношении к фермерам крупного капитала, об узаконении беспощадного их ограбления ими же выбранной властью; в-пятых, экономические и идеологические сдвиги приобретают особенную важность из-за того, что на приспособление с.-х. к новым условиям потребуется, по Уоррену, от 15 до 20 лет [1]). Значит, процессы обезземеливания и пролетаризации будут продолжаться с большой силой в течение ряда следующих лет; в-шестых, весьма важно то, что рабочий класс Америки дорос до создания самостоятельной компартии, которая оказала уже, а потом будет оказывать еще большее влияние на организационное оформление обезземеленных фермеров.

Итак, послевоенный кризис можно считать рубиконом в истории американского фермерства.

В дальнейшем мы рассмотрим, как отмеченные сдвиги проявились в фермерском движении, в их политических требованиях и выступлениях.

История Соединенных Штатов представляет собой не мало назидательных страниц. Поучительность истории особенно велика в области фермерского движения. В моменты экономических кризисов возникали массовые фермерские организации. Одновременно в разных концах страны под разными названиями возникавшие организации выявляли один и тот же протест против беззастенчивых действий монополистского капитала.

Однако, все фермерское движение, кроме популистского, носило неполитический характер. Популистское движение, вспыхнув ярким политическим светом в 90 гг. прошлого столетия, еще больше толкнуло в последующем фермеров на путь аполитичности. Лидеры многочисленных фермерских об'единений больше всего боялись политики. Они иногда доходили до смешного, давая клятвенные обещания на конференциях не заниматься политикой. В программы нередко вводился специальный пункт, предостерегающий от политики.

Подобное невмешательство было не случайным. Капиталистическая система соответствовала интересам крупнохозяйственных фермеров. Только отдельные винтики капитал. системы вызывали шероховатость в отношениях фермеров с монополистами. Приходили кризисы и шероховатости выросли в бурное движение фермеров. Но миновал кризис, и движение спадало, оставляя все политическое поле в распоряжение двух капиталистических партий.

Однако, уже 90 гг. показали, что среди фермеров нарастают новые социальные силы, которые несут и новые идеи и новые способы борьбы. После 90 гг. фермерское хозяйство вступило из-за невышения цен в полосу под'ема. Фермеру удалось уменьшить свою задолженность, улучшить хозяйство, из-за чего радикализм фермера пропал, казалось бы, бесследно. Однако, в конце первого десятилетия обнаружились признаки нового недовольства, при этом выяснилось, что на сцену выступил арендатор. В 1909—

[1]) «The Agricultural Situation». Page 298.

10 году был организован союз арендаторов в Техасе и Оклагоме. Активность этого союза была настолько велика, что они оказали влияние на выборы губернатора в Техасе. Основным пунктом их программы было требование, чтобы землей владели только те, кто занимает и обрабатывает ее [1]). Это не малый шаг вперед от взбунтовавшихся мелких собственников. Под влиянием возбуждения арендаторов негры проявили также большую активность.

Однако, наиболее интересными по своей деятельности в период военный и послевоенный являются непартийная лига Non Partisan League, фермерский блок—Farmers bloc и Farmer-Labor Party—фермерско-рабочая партия.

Все три организации заслуживают нашего внимания. Начнем с Non Partisan League.

Лига возникла в Северной Дакоте и затем быстро распространилась по Западно-Северо-Центральному и Горному районам. С самого начала движение лиги приобрело резко политический характер. Но прежде, чем перейти к рассмотрению программы и действий Лиги, остановимся на причинах ее возникновения в указанных областях.

Лига имела влияние в 14 штатах пшеничной и кукурузной полосы, и это не случайно. Пространственно эти штаты составляют около половины всей страны, в хозяйственном отношении охваченные влиянием Лиги, были по преимуществу земледельческими. Они производили скот и хлеб и сбывали их на восток в Чикаго, Сэнт-Поль и др. По этой линии наметилось первое расхождение. Фермер отмеченных районов зависел и от жел.-дор. компании, т. к. должен до рынка перебрасывать от 1.000 до 3.000 миль и от торговцев, т. к. в земледельческих районах отсутствовал капитал. Торговая палата в Сэнт-Поль диктовала цены всему отмеченному району. Цены понижались, качество хлебов и скота умышленно при приеме снижалось, в результате чего фермер получал меньше, чем следовало.

Заодно с торговой палатой действовали банки. Вся отмеченная область Соединенных Штатов была сравнительно молода, она еще не была полностью заселена и освоена. Переселенцам приходилось прибегать к кредиту при покупке земли и при организации фермы.

В дополнение к сказанному большая часть района страдала часто от засух. Нерегулярность дохода ставила в еще большую зависимость фермера от банков. Банкиры пользовались всякой возможностью нажить на удаче и неудаче фермера, из-за чего банкротства в засушливом районе были особенно часты и многочисленны.

Захватив экономическое влияние, капитал решил закрепить его политическим завоеванием. При федерализме в Соединенных Штатах всякий штат мог издать закон, аннулирующий ростовщическую деятельность банкиров и грабительскую практику жел.-дор. и торговых компаний. Чтобы таких сюрпризов не было, «правильно и неправильно, часто неправильно, жел.-дор. и финансовые интересы Сэнт-Поля и Миннеаполиса стали скоро вмешиваться в политику Северной Дакоты, и скоро Купеческий Отель

[1]) «The Quarterly Journal of Economics». May 1913, Page 494.

с Сэнт-Поле стал тронной залой политических хозяев» [1]). То же самое было проявлено и торговой палатой.

Результаты быстро сказались. Все законы против капиталистических монополистов были отменены. Были приняты антифермерские законы. По подсчетам проф. Ладда вся система капиталистического хозяйствования обходилась ежегодно фермерам только Северной Дакоты в 55.000.000 долларов [2]). Общественные средства разматывались и разворовывались [3]). Тщетно пытались фермеры провести через свою правящую машину нужные им законы. Они дошли даже до Сената, требуя управы на своих заправил. Однако, Сенат не отставал от своих хозяев—капиталистов. Сенатор Кумбер 4 августа 1916 года произнес следующую речь: «Поскольку Конгресс оказался глух к крику фермеров о помощи, постольку фермеры сами в моем и других штатах вынуждены были принять решительные меры. Они просили об учреждении федерального контроля над хлебной торговлей. Конгресс отклонил просьбу. Они просили учредить федеральную инспекцию. Конгресс отклонил просьбу и т. д.» [4]).

Было бы, однако, неправильным сводить, как это делает сенатор причину движения к неправильности в торговле хлебом. Вопрос лежит, конечно, не только и не столько в борьбе с посредником и в упорядочении взаимоотношений с торговой палатой.

Своеобразие районов, охваченных движением Лиги, заключалось в том, что между 1910 и 1920 гг. наблюдался особенно быстрый рост аренды и задолженности. Достаточно привести следующую таблицу, чтобы убедиться в этом:

Годы.	% арендаторов в Сев.-Зап.Центр.р.	% арендаторов в Сев. Дакоте	% арендаторов в Горном районе	% заложенных ферм		
				В Сев.-Зап. Центр.	В Горном	В Северн. Дакоте
1888	20,5	—	16,8	—	—	—
1890	24,0	—	14,7	47,3	13,5	47,9
1900	29,6	—	19,7	43,1	13,8	30,3
1910	30,9	14,3	17,2	45,6	20,6	50,2
1920	34,2	25,6	20,1	51,8	47,9	71,1
1925	37,8	29,2	22,1 [4])	—	—	— [5])

За 15 лет аренда поднялась на 7%, одновременно залог охватил больше половины фермы, составляя в 1920 году 51.000 их. Северная Дакота в самом деле имела только около

[1]) «The Non Partisan League», 25.
[2]) Ibidem 44.
[3]) Ibidem 25.
[4]) Ibidem 45.
[5]) «Fourteenth Census», Vol. V. Page 133, 5.

$^1/_3$ обезземеленных, но зато этой трети она достигла очень быстро. За 15 лет процент арендаторов повысился с 14,3 до 29,2, т.-е. больше, чем вдвое. Еще хуже обстояло дело с залогом. К 1920 г. было заложено 71,1% всех собственных ферм.

В горном районе происходит то же самое, хотя аренда не быстро растет, в 1925 году она поднялась только до 21,1%, зато число заложенных ферм равнялось в 1920 г. 47,9%. Нет оснований полагать, что залог и между 1920 и 1925 годом не вырос, так как слишком тяжелое время пережил и продолжает переживать фермер.

Несмотря на то, что число всех ферм понизилось, число арендаторов абсолютно повысилось. Одновременно шел быстрым темпом и рост задолженности, подготовляя будущих арендаторов. Процесс обезземеливания, таким образом, живо захватывал фермеров. Собственник-фермер чувствовал, как почва уплывает у него из-под ног, в то время как элеваторные и жел.-дор. компании не только тянули к себе его собственность, но и распоряжались в его вотчине, как у себя дома. Как протест такому положению, родился лозунг: «Дакота для дакотян».

В лозунге этого зоологического национализма не было ничего неожиданного. Во всяком случае он был не нов. Но этот лозунг, рожденный в специфических условиях Среднего Запада, развился в целую программу, очерченную Брюсом в следующих выражениях:

«Теперь Северная Дакота стала центром и источником снабжения деньгами для кампании национального масштаба—кампании за создание новой политической партии, которая будет основана на недовольстве и конечные требования которой будут включать уничтожение посредников, предпринимателя и так называемых капиталистических классов и даже уничтожение самой частной собственности на землю» [1]).

Здесь Брюс передал не программу, а скорее речь или статью одного из агитаторов Лиги, среди которых было большинство социалистов. Фактически же программа никогда не дошла до включения пункта уничтожения земельной собственности, т. к. Лига опиралась на фермеров. Однако, идея национализации земли носилась среди радикальной части Лиги, и этот факт должен быть учтен, как рост новых социальных идей среди фермерства.

Что же касается первой части программы—уничтожения капиталистов, то она стала проводиться в жизнь в Сев. Дакоте.

Мы уже говорили, что торговые компании были сильнейшими эксплоататорами фермеров. С целью освобождения от них Лига намечает постройку штатных элеваторов, товарных складов, мельниц, холодильников, маслоделен, сыроварен, боен и т. д.

Борясь против влияния банкиров, программа наметила организацию банка вообще и для сельскохозяйственных кредитов в отдельности. Затем следовали разного рода страхования: от огня, града, засухи и т. д.

Словом, «это была попытка получить для фермера возможно высочайшую цену за все, что он продает и возможно низкую плату за все, что он покупает, одновременно с возможно низкой нормой налогов» [2]).

[1]) «Non Partisan League», 2.
[2]) Ibidem, 4.

Было бы клеветой на движение Лиги, если бы мы ограничили его только стремлением к благоприятным условиям сбыта покупки. На этот путь стараются встать все исследователи движения Лиги. Пишущие так не видят всей важности новых ноток, проскальзывающих во всей программе,—ноток, подаваемых обезземеленными фермерами. Фигура последних упорно опускается во всем движении Лиги.

Программа Лиги включала пункты о 8-часовом рабочем дне только не на фермах, устанавливала минимум зарплаты, намечала специальную промышленную комиссию с правом контроля над всеми промышленными предприятиями [1]). Весьма показательно, что потом губернатор, ставленник Лиги, Фразьер—теперь сенатор, при конфликте в каменноугольной промышленности встал на сторону рабочих, отстранил администрацию и тем самым заставил администрацию согласиться на требования рабочих. Впоследствии был внесен пункт с требованием национализации копей штатом [2]).

С первых же шагов программа Лиги столкнулась с ожесточенным сопротивлением в штатных учреждениях. В 1916 году в штате были избраны несколько членов Лиги, а их программа собирала большинство, но, несмотря на это, принятое постановление властью судьи или губернатора отменялось как незаконное. Лига вынуждена была развить гигантскую агитацию, в результате чего в 1920 году подавляющее большинство членов представительных органов и властей было выбрано из сторонников Лиги. Северная Дакота была целиком захвачена Лигой.

Влияние Лиги распространилось на многие штаты. Однако, степень влияния Лиги была не одинакова в силу множества об'ективных и суб'ективных причин.

Лига имела в различных штатах свои газеты и журналы. Во всех них велась по преимуществу агитация применительно к злобе дня. Центральный орган не отставал в этом от своих штатных коллег.

Несмотря на развернутую кампанию, Лига нигде не могла победить, кроме Северной Дакоты. После захвата штатного аппарата Лига поставила целью расширение своего влияния в сенате и палате представителей. От Северной Дакоты в 1920 г. был избран Ладд сенатором и от 3 штатов 6 членов в палату представителей.

Значение захвата правительственной машины было признано Лигой важнейшим делом. В противоположность прошлым движениям фермеров Лига неоднократно констатировала, что «Советы дали нам прекрасный пример» [3]) захвата власти и пользовались всякой возможностью для демонстрации диктатуры Лиги в управлении Северной Дакотой.

Победа Лиги только в одном штате лишила спокойного сна немало капиталистов. Они решили действовать своим сильнейшим оружием—деньгами и организованностью. Хотя Лига построила и приобрела элеваторы, мельницы, застроила огромный холодильник и мельницу, банк развертывал деятельность, все же ее хозяйственная деятельность стала испытывать все

[1]) «Non Partisan League», 89—91
[2]) Ibidem, 139.
[3]) «Sovetians Wrecks of Americanism» by I. D. Bacon 1920.

большие финансовые затруднения. Северная Дакота была блокирована капиталистами. Об'явленная банком продажа бон не находила покупателей, банк стоял накануне краха. Строительная программа тоже не могла быть выполнена. Лига вынуждена была повысить обложение.

Конечным испытанием для Лиги оказался разразившийся вскоре после ее избирательной победы кризис.

Кризис необычайно обострил недостаток денег. Правительственный банк взял сторону капиталистов и прекратил посылку денежной массы в С. Дакоту.

По данным Ладда в Сев. Дакоту направлено было к 1/XII 1920 г. вспомогательных кредитов 8 долл. на душу, а в Минесору—33, Южную Дакоту—18 и т. д. [1]).

Одновременно элеваторы штата закупили хлеб по летним ценам, а к осени наметилось сильнейшее падение цен. Вся хозяйственная система штата вступила в тягчайший кризис. Влияние Лиги стало падать, и в 1922 году национальный комитет распустился, передав все права штатным организациям.

Депрессия, начавшаяся в 1920 г., до сих пор еще не изжита фермером. В 1925 году в официальном докладе секретаря земледелия писалось следующее: «Фермеры не достигли экономического паритета с другими большими группами производителей, но их позиция в целом теперь наиболее благоприятна с 1920 г. Принимая во внимание все производство ферм, урожай 1924—25 года представляет увеличение всего дохода от 11.300 милл. долл. до 12.100, рост на 7%. Этот доход оказывается выше всех депрессивных годов, но ниже дохода нормальных лет. «Покупательная сила сельскохозяйственных продуктов, выраженная в не сел.-хоз. продуктах повысилась с 66%, с нижайшей точки депрессивного периода, до 87% в октябре, сравнительно с довоенным средним в 100%... Понижение на 13% в покупательной способности сел.-хоз. продуктов, происшедшее неожиданно в нормальный год, было бы настоящим бедствием. Сельское хозяйство оправляется теперь после тяжелой болезни» [2]). Правительство Кулиджа заинтересовано смягчить кризисное состояние, и поэтому приведенные цитаты скорее оптимистичны, чем наоборот.

Фермер выходит из депрессии, то понижая, то повышая свой доход, из-за этого обстоятельства фермер находился в постоянном возбуждении, действуя на своих депутатов и на свои организации.

Если несколько понизилось настроение членов Лиги в Северной Дакоте, то фермер все же нуждался в отдушине. На сцену выдвигается фермерско-рабочая партия.

До кризиса существовали разрозненно во многих штатах Labor Parties. Каждая из них вела более или менее радикальную борьбу, главным образом, в муниципалитетах. Особенно сильна она была в Иллинойсе, Айове, Вашингтоне и Пенсильвании. В 1919 году отдельные штатные партии об'единились в национальную партию, а в 1920 году состоялось об'единение фермерских об'единений в Farmer-Labor Party [3]). Лига и во время своего

[1]) «The American Labor Yearbook», 1921—22; 423.
[2]) «Report of Secretary of Agriculture» 1925, Pages 1, 2, 21.
[3]) Political Science Quarterly, march. 1925, 478.

расцвета поддерживала связь с рабочей партией, блокировалась с ней на выборах. После некоторого упадка в отдельных штатах Лиги ее члены стали просто переходить или даже переименовываться в фермерско-рабочую партию.

В обращении Лиги к рабочим и фермерам изложены аргументы за об'единение сил. «Серьезнейшая опасность, которую представляет грабительский союз крупных капиталистов Америки, дает возможность фермерам и рабочим соединить руки для политических действий. Все делалось для того, чтобы держать эти два наиболее могучие производительные элемента общества, насколько это только возможно, отдельно. Будучи противопоставлены один другому, они становились беспомощными жертвами прекрасно организованных эксплоататоров» [1]).

В январе 1926 года рабочая партия подтвердила не раз высказанное положение, что интересы рабочих и фермеров становятся все более идентичными, что все меньше остается надежд провести улучшения при посредстве старых партий [2]).

Чтобы больше притянуть к себе многочисленные штатные организации, конституция фермерско-рабочей партии требует от своих организаций прямого вхождения в местные фермерские и рабочие и кооперативные организации, дачи им отчетов. Партия издает орган «The New Majority» [3]).

Казалось бы, ничто не могло нас занимать в этой партии. Организовалась партия, каких не мало наблюдалось в истории Соединенных Штатов, но в фермерско-рабочей партии мы наблюдаем сильные тенденции влево, что может обозначать только выступление на сцену нового пролетарского элемента от фермеров.

С момента организации в партию проникли коммунисты и соответственно окрашивали все выступления партии. На с'езде в июле 1923 г. между правым и левым крылом произошла жестокая перепалка, кончившаяся победой коммунистов. Подходила президентская выборная кампания, правое крыло не хотело коммунистического кандидата, а левое не соглашалось на правого.

Следующий с'езд высказался в большинстве за правое течение, и фермерско-рабочая партия пошла на поклон к Лафолету и Уилеру [4]). Вместе с этой победой начался распад партии, продолжавшийся до 1926 года, когда левые снова стали активнее. Совпадение распада с победой правых еще раз показывает, что в фермерско-рабочей партии на ряду с пролетарскими элементами города выдвинулся с.-х. рабочий и арендатор, что они разочаровались в политике капиталистических партий, как бы они ни назывались. В связи с этим вполне логически последовательны действия левого крыла партии. Они в штате Минезота пошли в январе 1926 г. на раскол, 8/II собрались отдельно от правых. На собрании было решено добиваться полного разрыва с капиталистическими партиями и политиками; выставить полный список кандидатов в городских выборах; выработать программу, удовлетворяющую требованиям трудящихся; превратить партию в организацию, действительно защищающую интересы эксплоатируемых фермеров и рабочих [5]). Конечно, левизна

[1]) «Non Partisan League», 149.
[2]) «The Daily Worker», Yanuary 4, 1926.
[3]) «The American Labor Yearbook», 1921—22, 428.
[4]) Ibidem 1925, 148.
[5]) «The Daily Worker», 9/II 1926.

партии штата Минезота не значит, что партия всей страны так же лева, но уже самый факт об'единенных действий фермера и рабочего указывает на большую активность фермера-бедняка— мы бы сказали. Совершенно неинтересно требовать для капиталиста-фермера национализации жел. дор., водных путей, телеграфа, каменноугольных копей, земель с минералами и металлами и т. д., а особенно 8-часового рабочего дня и ряда прав для рабочего. На такой платформе существует партия вопреки сильнейшим нажимам и старанию Лафолета и старых политических партий [1]).

Через фермерско-рабочую партию коммунистическая партия захватит влияние над обезземелившейся и обезземеливающейся частью фермеров.

В период всякого осложнения неизбежно появляются различные буфера, смягчающие удары одной социальной группы о другую. Север и Запад Соединенных Штатов по традиции и по существу не приемлют демократизма, поэтому они оказались до самого последнего времени во власти республиканцев. После неудачных попыток создать свою политическую партию фермеры должны были биться в случае нужды в стены республиканской партии. Когда нужда доходила до кризиса, то воздействие фермеров на своих депутатов достигало необычайной остроты. В таких случаях депутат нажимал на свой кокус—фракцию в сенате и других выборных организациях. Республиканская партия не могла поступиться интересами группы капитала, который она представляла, ради требований фермеров. Более невыдержанные сенаторы выходили из повиновения фракции, об'единялись с демократами, чтобы провести постановление в интересах фермеров своего района. Отсюда пошли инсургенты-республиканцы. Еще в 1910 году группа сенаторов восстала против действий республиканской партии, а в 1912 году почти вся эта группа была снова выбрана в сенат. С этой даты и получил начало фермерский блок или об'единение республиканцев, которые в вопросах защиты интересов фермера не подчинялись своей фракции, а действовали независимо. Постепенно эта оппозиция из республиканцев стала действовать об'единенно, и фермерский блок стал действовать организованно.

Было бы большой наивностью предполагать наличие цельной программы фермерского блока. Как всякий буфер, блок может иметь обрывки республиканской программы с включением наиболее насущнейших требований фермеров его района. Поэтому программа блока изменяется в зависимости от времени и обстоятельств. Тем более, интересы фермеров различных районов весьма трудно об'единить воедино.

Из первой части статьи было ясно, что фермер был сжат со многих сторон; чтобы дать ему облегчение, нужны быстрые и решительные меры по многим направлениям. Отсюда вполне понятно, что фермерский блок стоял за снижение налога и жел.-дор. тарифов, за кооперацию, за ревизию таможенных пошлин, за расширение с.-х. кредита. Однако, все перечисленное не помогало быстро и радикально. Перепроизводство так и оставалось перепроизводством, хотя и уменьшался несколько грабеж фермера крупным капиталом. Президент Кулидж назначил специальную комиссию, которая пришла к следующим выводам:

[1]) «The Mid West News», 22/VIII 1925.

1) Усилить кооперацию.
2) Создать монополию внутреннего рынка путем охранительных пошлин.
3) Ограничить производство в известных отраслях сел. хоз.
4) Приспособить производство к потребностям внутреннего рынка и промышленности.
5) Развить те отрасли, в продуктах которых нуждается страна.

Кулидж пользовался всяким случаем, чтобы утешить фермера, что через ряд лет Соед. Штаты будут импортирующей страной и фермер избавится от современных хлопот. А в ожидании этих счасливых времен Кулидж советовал фермерам выполнить пятый пункт, рекомендованный комиссией [1]).

Кулиджа и его комиссию фермеры ругали ругательски [2]). Тем не менее в отчете секретаря земледелия за 1925 год снова указывается на помощь кооперации, на снижение налогов и жел.-дор. тарифов, но ни слова о борьбе с излишком хлеба в стране, понижающим цену до разорительных размеров.

Твердокаменность Кулиджа получила сильный отпор на конференции бюро фермерских федераций, т.-е. организации наиболее консервативной. После программной речи президента конференция выбрала председателем организации Томпсона, который был против правительственных мер, а ставленник Кулиджа был забаллотирован [3]). После еще одного такого поражения крупнейшая газета Нью-Иорка писала, что «политическое значение конференции фермеров кукурузной полосы..., на которой были одобрены резолюции, обозначающие враждебную демонстрацию против существующего правительства, не может быть оставлено без внимания лидерами партии, которые знают, что новая палата представителей и треть членов сената будут выбраны в следующем ноябре» [4]).

Республиканцы учли этот момент, но им трудно что-либо сделать существенного, так как их принципы решительно расходятся с желаниями фермеров.

При такой твердости правительства выступает на сцену Farmers Bloc. Сенаторы из блока испытывают высочайшее давление со стороны избирателей. Задача поставлена им простая: снять излишек продукции, который понижает цены. Но как снять этот излишек и какой уровень цен для отдельных продуктов считать нормальным?

С началом практического решения, т.-е. с приступом к выработке закона дело запутывается и осложняется необычайно. Оказывается хлопковод не заинтересован в пшеничнике, кукурузник-фермер настроен совсем иначе, чем свиновод или куровод; различные районы воспринимают одну и ту же меру по-разному; а тут еще должны быть примерены интересы промышленника и поставщика сырья, биржевика и фермера.

Трудность может быть иллюстрирована хотя бы тем, что на конгресс всех кооперативных об'единений с'ехалось до 200 представителей. Долго обсуждали различные проекты, но ни к чему не пришли, пока не решили передать все дело правительству на рассмотрение [5]).

[1]) «Rural New Yorker», 29/XII 1925.
[2]) «National Uni n Farmer , 1925.
[3]) Wailaces Farmer December 18, 1925.
[4]) «New York Times», January I 1926.
[5]) «Farmers Magazin», II 1926.

Одним из принятых проектов является закон о создании кооперативного бюро при Департаменте Земледелия. Внесенный Ходженом билль не вызвал энтузиазма среди фермеров. Пресса лишь заметила, что прибавилось еще бюро [1]).

Более важным считается проект Mc Nary Haugen'a. Он предлагает организовать государственное экспортное общество. Сначала предполагалось с капиталом в 735 милл. долл., а потом лишь с 175 милл. долл. [2]). Это общество обязано скупать все излишки по фиксированным ценам. Тем самым цена будет удерживаться на установленном уровне. От наплыва иноземного хлеба, страна ограждается пошлинами.

Следующий по важности билль внесен Дикинсоном. Дикинсон настаивал на установлении выплат-премий экспортерам до установленной цены против рыночной.

Олдфилд предлагал и выплаты и кредитную помощь Европе, чтобы сделать ее покупателеспособной [3]). Этим перечислением не исчерпываются внесенные проекты, но главное сказано в билле Mc Nary Haugen'a.

Основным возражением против него является отрицание крупным капиталом всякого административного вмешательства в игру рыночных сил, в деятельность хозяйствующего суб'екта. Аргументация у них сводится к тому, что фермер при этом регулировании развратится, потеряет хозяйственную инициативу, омертвеет, поэтому «лучше два пуда по низкой цене, чем 1 пуд по дорогой» [4]). Кроме того, эти «фантазерские» затеи могут слишком дорого стоить. Представим понижательную тенденцию на рынке с.-х. продуктов на ряд лет, кто тогда будет оплачивать колоссальные потери?

Вообще же, говорят капиталистические представители, всякому здоровому предприятию чуждо стремление за помощью. Фермер должен сам приспосабливаться к новой кон'юнктуре. Путь указан ему правительственной комиссией.

Фермерский блок очутился между молотом фермера и наковальней—крупным капиталом. Члены его много говорили, писали, раз'езжали по своим штатам, но организовать массового выступления не могли. Пестрота проектов, разрозненность выступлений привели к поражению проекта. Поражение произошло, несмотря на туманные обещания Кулиджа после его поездки по фермерским конференциям.

Итак, вследствие происходивших процессов расслоения фермер распадается на социальные группы, неодинаковые по политическим стремлениям. Растущую оппозицию фермерства не удовлетворяли старые партии, появляется фермерский блок, но и он оказывается негодным инструментом. Военные сдвиги среди фермерства выдвинули непартийную лигу, которая проделала большую работу. Однако, она заменяется новой, более солидной организацией—фермерско-рабочей партией.

Наша задача заключается в том, чтобы захватить под свое влияние растущее движение и направить его ближе к цели, освободив от вредных мелкобуржуазных иллюзий.

---

1) Ibidem, XII 1925.
2) «Daily Worker», May 14, 1926.
3) «The Commercial and Financial Chronicle», May [illegible], 1926.
4) «The Commercial and Financial Chronicle» [illegible] March, 1926. Page 1526.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

В БОРЬБЕ С БУРЖУАЗНО-ЮРИДИЧЕСКИМ МИРОВОЗЗРЕНИЕМ.

«Революция права» № 1, 1926 г., стр. 235. Журнал секции общей теории права и государства Коммунистической Академии. Ответств. редактор П. Стучка. Изд. Ком. Академии. Москва.

Рецензируемый журнал ставит перед собой задачи борьбы с «юридическим мировоззрением, с теми навыками буржуазно-юридической мысли, которые продолжают действовать в условиях переходного периода» и которые многие из числа «сочувствующих» марксизму пытаются сохранить, перекрасить, примирить с требованиями эпохи или еще что-нибудь в этом же роде.

С другой стороны, журнал, не ограничиваясь задачами теоретической обороны, сосредоточивает свое внимание на работе чисто-положительного, научно-исследовательского характера.

На ряду с борьбой против механической рецепции «буржуазно-юридических понятий» журнал ставит в центр внимания разработку общей теории права и государства, их истории, в особенности в революционные периоды, наконец, изучение практики и теоретическую разработку отдельных сторон пролетарской диктатуры.

Уже простой перечень задач показывает, какое значение имеет создание журнала, организующего вокруг себя основные кадры марксистов-государственников, марксистов-правоведов.

Первый номер показывает, что это значение понято участниками журнала и должным образом оценено.

Из материалов этого номера следует отметить прежде всего статью «Устряловщина в праве».

Формально статья направлена против одного из представителей теоретического сменовеховства, автора брошюры «Основные течения марксистской юридической мысли» [1]), скрывшегося под псевдонимом А. М. Попова. Фактически же статья посвящена разбору целого течения т. н. дюгизма (от имени—Дюги, модного французского буржуазного юриста)—теории «социальных функций права», «тонко» обработанной лидером австрийского меньшевизма Реннером и являющейся ныне чем-то в роде «основы» сменовеховской «философии».

Смысл этой теории «социальных функций», в ее применении к Советскому Союзу, прост и ясен. Высшим критерием нашей советской законодательной практики и всей политики вообще эта теория полагает интересы развития производительных сил. Взятое в таком общем, недифференцированном виде, понятие «производительных сил» охватывает также и частнокапиталистический сектор хозяйства. Следовательно, забота о росте этого сектора, должна лежать точно так же на советской власти, как и забота о росте государственного хозяйства.

Классовые интересы совершенно замазываются. «Кроме отдельных интересов отдельных групп, существуют-де «интересы всего общества», «интересы его прогрессивного развития» [2]). Ссылаются при этом не

---

1) Брошюра вышла в Новочеркасске. Не презабавно ли, где нынче «открываются» сменовеховские «тузы»?
2) «Революция права», стр. 55.

больше, не меньше как на самого... Маркса. Но нарочито замалчивают, обходят тот факт, что для Маркса, а вслед за ним и для нас «интересы прогрессивного развития» общества реализует пролетариат и что социальное, общественно-полезное заключено в классовом.

В практически-политическом смысле все рассуждения подобного рода означают борьбу против налоговой политики советской власти, против ее кредитной политики, короче—против политик «подстрижения» и регулирования роста новой буржуазии. Недаром же кое-кто из вольных или невольных представителей сменовеховства определяет право, как «результат соглашений между классами, которые выгодны для угнетенных классов часто не менее, чем для господствующих» [1]).

За всеми такими «пустейшими» дефинициями вырисовывается и философская сущность сменовеховства. У А. М. Попова она характеризуется стремлением под видом марксизма протащить неокантианство. Первоначально он «низвергает» социологический подход к проблемам права и доказывает правомерность чисто нормативного подхода. «Право важно лишь как норма», а не как определенный тип общественных отношений. Затем Попов приходит к заключению, что «на одном чисто формально-юридическом нормативизме успокоиться нельзя. Действующее право необходимо *оправдать* как в своих глазах, так и в глазах населения необходимо обосновать высшие критерии долженствования. Так формально-юридический нормативизм *ведет к этическому нормативизму*».

Живи, так сказать, и жить давай другим. Попов об'являет марксизм этическим нормативизмом. Неизвестно, однако, имеет ли он в виду большевистский, т.-е. революционный марксизм, или «марксизм настоящий» в переделке Карла Форлендера, марксизм дополненный неокантианством, в частности, неокантианской этикой.

Интересующегося читателя мы отсылаем к разбираемой статье «Устряловщина в праве». Нам важно было отметить, что журнал схватывает эти симптоматические процессы среди части буржуазной интеллигенции и соответственно на них реагирует. А что эти процессы безусловно симптоматические, показывает вышесказанное.

Если к этой статье добавить еще обзор работ по уголовному праву, где вскрыто не мало явных стремлений дискредитировать марксизм (обзор помещен в конце журнала) и материал из отдела библиографии—то картина станет довольно законченной.

Большая часть рецензируемого журнала заключает статьи исследовательско-теоретического, либо исследовательско-исторического характера. К разряду таких статей относится статья тов. П. Стучка «Социалистическое хозяйство и советское право», помещенная в самом начале.

Отмечая, что затушевывание социалистического характера государственных предприятий и попытка изобразить их предприятиями государственно-капиталистическими были серьезным уклонением нынешней оппозиции от ленинизма, т. Стучка показывает далее, что такого же типа уклон от правильной линии обнаруживается среди ряда советских юристов. Исходной точкой своего анализа советского, в особенности гражданского, права автор делает как раз признание социалистического характера государственных предприятий.

Тов. Стучка не без серьезных оснований говорит о неправильном понимании многими из наших теоретических и практических работников революционной законности. Вместо того, чтобы рассматривать эту последнюю как организованность против разбросанности и случайного образа действий, как планомерность и последовательность против личного произвола, как средство развития гражданского оборота, вместо такого рассмотрения революционной законности, как совокупности *конкретных* мер. направленных на разрешение *конкретных* задач, иные говорят о революционной законности «как таковой», о связанности пролетарской диктатуры революционной законностью, скатываясь к «чрезмерной вере в закон, в законность, как абстрактные понятия».

[1]) «Революция права», стр. 54.

После того, как дано четкое определение самого понятия революционной законности, тов. Стучка дает характеристику основных принципов советского гражданского права (земельное право, семейное, отдельные институты: мена, договор найма и пр.).

В заключительной части статьи автор останавливается на вопросе о том, «каковы должны быть изменения и дополнения нынешних кодексов» для того, «чтобы они превратились в действительно советское право».

Основная черта того этапа, через который проходит наша страна, есть,—как это подчеркнул XIV с'езд партии,—наступление на частный капитал на базе под'ема государственного хозяйства.

Несомненно, что наши кодексы, формулированные в момент, когда совершалось частичное отступление, требуют известной перегруппировки, переделки. Какой—конкретно т. Стучка не говорит. Но ряд существенных недостатков автор все же указывает.

Практические мероприятия, которые следовало бы провести теперь же, по мнению тов. Стучка, таковы:

1. Удаление статей, носящих на себе следы военного коммунизма и потерявших значение в настоящий момент.
2. Упрощение законов. Лапидарность формулировок в наших кодексах часто затрудняет их понимание массами.
3. Создание «малого кодекса», долженствующего стать основным руководством наших судов.
4. Дать более ясные и отвечающие духу марксизма определения некоторых институтов (напр., собственность. В кодексе определено право собственности как право владения, пользования и распоряжения. Это определение не отвечает фактическим отношениям. Оно списано из западно-европейских кодексов. У нас—владение—«сидение на вещи»—possessio, просто недопустимо, и об этом недопущении тоже сказано в кодексе).
5. Оформить жилищное право.
6. Свести воедино, дополнить, изменить законы о кооперации, приведя их в соответствие с той ролью, которая определена кооперации.

В своей статье тов. Стучка постоянно проводит параллель между буржуазной и пролетарской революциями, раскрывая принципиальное различие в линии и порядке развития каждой из этих революций. Такая параллель полезна в том отношении, что она помогает понять глубину задач, решенных нашей революцией и подлежащих решению.

Из других материалов журнала остановимся—за недостатком места—только на статье т. Пашуканиса и Н. Семенова.

Статья тов. Пашуканиса «О революционных моментах в истории английского государства и английского права»—оригинальна прежде всего по теме. Изучению публичных и частно-правовых институтов в революционные эпохи до сих пор не уделяли или почти не уделяли никакого, сколько-нибудь серьезного внимания. Это—область, куда «марксистская нога» еще не успела,—а буржуазия боялась—ступить, а если и ступала, то весьма неудачно.

Тов. Пашуканис начинает как раз с характеристики этих поверхностных попыток буржуазных историков права и государства осветить смысл собственных революций.

Следуя Марксу, тов. Пашуканис рассматривает английскую революцию XVII столетия не как чисто политический переворот, а как победу «нового общественного строя», как победу «буржуазной собственности над феодальной, национальности над провинциализмом, конкуренции над цехом, дробления земельной собственности над майоратом, господства собственника над господством земли над собственником, просвещения над суеверием, семьи над фамилией, промышленности над героической ленью, гражданского права над средневековыми привилегиями» (Маркс).

На анализе большого исторического материала тов. Пашуканис доказывает, как протекал распад английского феодального государства, как вызревали буржуазные отношения, а за ними и буржуазное право. Особенно подробно и обстоятельно дан анализ солдатского, армейского движения в английской революции, борьбы этого движения с контрреволюционными элементами, роль офицерства и т. д.

Статья тов. Пашуканиса (в ней 62 страницы) является серьезным вкладом в марксистскую историческую литературу.

Но если эта статья дает не мало ценного по части понимания далекой английской истории, то статья Н. Семенова дает сводку любопытных материалов по вопросам, непосредственно, каждодневно волнующим нас.

Статья называется «Крестьянский двор». Она представляет собой обработку данных пробного обследования быта и правовых отношений крестьянского двора. Такого рода обследование производилось секцией права и государства Комакадемии в январе—марте 1926 года.

Опубликованные данные характеризуют взаимоотношения между различными членами семьи *внутри* крестьянского двора. Данные вскрывают изменения этих внутридворовых, внутрисемейных отношений довольно конкретно. Прежде всего, как общее правило, констатируется понижение роли стариков в хозяйстве. Данные говорят о большой роли, как руководителей двора, бывших красноармейцев, «разбирающихся в хозяйстве и законах», о выдвижении женщин на роль руководителей хозяйства. В частности там, где мужчины уходят на отхожие промыслы, женщины нередко становятся не только фактическими домохозяйками, главами семей, но в качестве «юридических лиц» представляют хозяйство вовне. Интересно отметить также данные о распаде больших семей на ряд самостоятельно хозяйствующих ячеек.

«Подводя итоги переменам за время революции в крестьянском дворе, необходимо,—говорит автор,—отметить, что изменения, происшедшие в нем, не столько коснулись его внешнего облика, сколько отразились на изменении его внутренних отношений. Так, домохозяин хотя внешне и ведет себя во многом по-старому, но, зная, что ни выгнать, ни лишить земли или имущества он не может и что недовольные им члены двора во всякое время могут уйти из хозяйства, забрав свои доли, при чем он с оставшейся своей долей особенно не разгуляется, он во многом ведет себя иначе и больше начинает считаться с остальными членами двора».

Патриархальщина, или то, что Ленин называл азиатчиной в быту, идет по нисходящей.

Мы нарочито взяли самые различные по об'екту исследования статьи и остановились именно на них. По ним легче всего судить, какой круг вопросов охватывает рецензируемый журнал. Все остальные статьи примыкают по типу к одной из рассмотренных нами. На них мы останавливаться не имеем возможности.

Что касается недостатков журнала, то таких недостатков, которые могли бы понизить хотя бы на $^1/_4$ ценность журнала, нет.

Можно было бы, конечно, указать на ряд неточностей и сомнительных положений. Так, в статье тов. Разумовского есть места, заставляющие думать, будто правовые отношения являются отношениями чисто идеологическими, что неверно.

В статье тов. Стучка «1905 год и проблема революционной власти» не совсем отчетливо представлен взгляд Ленина на вопрос о перерастании буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую:

«Вместо «всю власть народу»,—пишет т. Стучка,—всю власть трудовому народу», т.-е. советам. Таково перерастание одной революции в другую» (стр. 183). Не говоря уже про то, что эта формулировка страдает терминологической шероховатостью, она не выражает материальных основ перерастания и динамики в соотношении классовых сил, обусловливающей переход к революции социалистической.

Основой перерастания одной революции в другую является завершение аграрной революции. Ведь национальная особенность русской буржуазно-демократической революции в том и заключалась, что аграрный вопрос в ней был главным вопросом. Буржуазно-демократическая революция в деревне у нас завершилась в 1918 году. Тогда произошел раскол крестьянства и переход кулачества в лагерь контрреволюции. Так что переход власти в руки советов в октябре 1917 г. не означал еще, что буржуазно-демократическая революция *уже* закончилась и переросла в социалистическую полностью.

Два замечания относительно очередных задач журнала. На наш взгляд журналу следовало бы уделить максимум внимания изучению кризиса буржуазной демократии и парламентаризма и теоретической разработке империалистического государства. Едва ли нужно доказывать, что по поводу этих вопросов у нас нет почти никаких хорошо разработанных материалов и что работа над этими вопросами имеет не только теоретический, но и прямой действенно-практический интерес.

Второй момент: журналу следовало бы обратить внимание на изучение особенностей советского государства, как нового типа организации, на основе тех указаний, которые имеются у Ленина.

Мы часто и охотно бичуем «юридический кретинизм» у других, не замечая того, как сплошь да рядом им отягощается наше собственное мышление. У нас, например, нередко отличие советского государства от государства буржуазии ищут везде, где хотите, но не там, где надо! Пытаются схватить «юридическое различие в понимании суверенитета и пр.».

Эти коренные проблемы должны привлечь внимание такого серьезного журнала, каким является «Революция права».

В. Колоколкин.

Условия приема в Институт Красной Профессуры.

(На основное отделение).

1. На все основные отделения принимаются лишь члены ВКП(б), обладающие 5-годичным партийным стажем.

Примечание. Для рабочих в отдельных случаях допускается как исключение понижение стажа.

2. Товарищи, желающие поступить в Институт Красной Профессуры, должны представить в правление Института (Остоженка, 53) не позднее 1-го мая 1927 года: 1) рекомендацию Центрального Комитета ВКП(б), ЦК Нацреспублик, Обкомов (Оббюро) или Губкомов ВКП(б); 2) заявле-

ние с указанием адреса; 3) краткую автобиографию; 4) засвидетельствованный партстаж; 5) копию воинского документа; 6) заключение медицинской комиссии о состоянии здоровья за последние 2—3 года и 7) печатные работы (если последние имеются). В заявлении должна быть указана желательная для данного товарища тема пробной вступительной работы и отделение, на которое товарищ желает поступить.

Примечание. От поступающих на естественное отделение, ставящее своей задачей дать товарищам с законченным естественно-историческим образованием, подготовку по истории естествознания, техники и философии, представление письменной работы не требуется, но требуется представление свидетельства об окончании соответствующего ВУЗ'а или свидетельства о завершении всей программы ВУЗ'а за исключением специальной (дипломной) работы.

3. Заявления рассматриваются мандатной комиссией и затем поступают в правление Института. В случае удовлетворительного решения вопроса правление допускает соискателя к представлению письменной работы. Тема работы устанавливается по соглашению с приемочной комиссией Института, производящей устный коллоквиум. Предельным сроком представления письменных работ устанавливается 1-е июля 1927 года.

4. Все соискатели, пробные письменные работы которых будут признаны удовлетворительными, допускаются к устному коллоквиуму в промежуток между 1 и 15 сентября, после чего правление имеет окончательное суждение о кандидате.

5. Поступающие на любое из отделений Института экзаменуются по философии и теоретической экономике; поступающие на отделения: философское, экономическое, историческое и правовое сверх того экзаменуются по истории, а поступающие на правовое—и по теории права; для поступающих на естественное отделение, помимо экзамена по философии и экономике, обязателен коллоквиум по вопросам теоретического естествознания. Для поступающих желательно знание одного из иностранных (европейских) языков.

6. От поступающих требуется основательное знакомство со следующими проблемами в об'еме нижеуказанной литературы:

I. По теоретической экономии.

(Для всех отделений).

1. Предмет и метод политической экономии. Основные направления экономической науки. Важнейшие особенности экономической системы марксизма.

2. Теория ценности. Общее понятие об об'ективных и суб'ективных теориях ценности и о «политэкономии без ценности». Теория товарного фетишизма. Учение о форме ценности. Абстрактный труд. Общественно-необходимый труд. Проблема «редукции». Производительный труд. Развитие форм ценности.

3. Деньги. Методологическая постановка проблемы. Функции денег. Металлические деньги. Монометаллизм и биметаллизм. Бумажные деньги, их виды. Их роль в государственном хозяйстве и в экономике. Денежная система СССР и важнейших капиталистических государств. Инфляция и связанные с ней проблемы. Кредитные деньги.

4. Теория прибавочной ценности. Учение о ценности рабочей силы. Масса и норма прибавочной ценности. Абсолютная и относительная прибавочная ценность. Борьба за рабочий день. Этапы фабричного законодательства и его современное состояние.

5. Относительная прибавочная ценность. Кооперация, мануфактура, машина. Проблема сверхприбыли (технической ренты). Производительность и интенсивность труда.

6. Общая характеристика простого и расширенного воспроизводства. Концентрация и централизация капитала.

7. Всеобщий закон капиталистического накопления. Органический состав капитала и его изменение. Абсолютное и относительное перенаселение. «Железный закон» заработной платы. Резервная армия. Форма относительного перенаселения. «Теория обнищания».

8. Заработная плата и ее формы. Экономическая роль профессиональных союзов и предпринимательских организаций.

9. «Первоначальное накопление». Промышленный переворот. Основные этапы в развитии капитализма в России.

10. «Кругооборот капитала». Основной и оборотный капитал. Воспроизводство и обращение общественного капитала в целом. Проблема реализации прибавочной ценности. Теория рынка. Теория кризисов. Народники и марксисты по вопросу о реализации прибавочного продукта. Теория Р. Люксембург. Теория Туган-Барановского.

11. Учение о прибыли. Цена производства и издержки производства. Отклонения цен производства от ценности. Закон тенденции нормы прибыли к понижению.

12. Торговая прибыль. Ссудный процент. Банковая прибыль. Роль и форма кредита. Основные функции банков. Акционерные общества. Дивиденд. Цена акций. Фондовая биржа и фиктивный капитал. Учредительская прибыль. Финансовый капитал.

13. Вертикальные, горизонтальные и «крестообразные» об'единения в промышленности. Синдикат, трест, концерн, фузия. Роль тяжелой индустрии. Экономическая политика финансового капитала.

14. Мировое хозяйство. Экспорт товара и экспорт капиталов. Торговый и платежный баланс. Вексельные курсы. Империализм как новейший этап капитализма.

15. Теория ренты. Дифференциальная рента (1 и 2) и абсолютная рента.

16. Аграрный вопрос (для естественников не обязателен).

Примечание 1-е. По 10-му пункту для лиц, поступающих на философ., историч. и правов. отделения, достаточно общего знакомства с постановкой проблемы воспроизводства общественного капитала, а по 14-му для них не обязательно знание теории вексельного курса.

Примечание 2-е. Для поступающих на естественное отделение по п. 3 достаточно общего знакомства с основными функциями денег и их видами. По п. 10-му—знакомство с проблемой в об'еме, указанном для философского отделения. По п. 12—только общее понятие о финансовом капитале, акционерных о-вах, роли банков. По п. 14—учение о балансе и вексельных курсах не обязательно.

Литература по теоретической экономии.

1) «Нищета философии» (обязательно только для экономистов).

2) «К критике политической экономии». (Для неэкономистов обязательно только введение и предисловие).

3) «Капитал». (I, II и III т. т.). (Том II, а также гл. с 28 по 35 и с 41 по 43 из III тома не обязательны для неэкономистов).

4) Гильфердинг. «Финансовый капитал» (только для экономистов).
5) Ленин. «Империализм».
6) Ленин. Том III и IX (для философов, правовиков и естественников IX том не обязателен).
7) Бухарин. «Империализм и мировое хозяйство» (для естественников не обязательно).
8) Бухарин. «Политическая экономия рантье» (только для эконом.).
9) Бухарин. «Империализм и накопление капитала» (только для экономистов).
10) Каутский, К. «Аграрный вопрос» (для естественников не обязательно).
11) Трахтенберг. «Бумажные деньги» (только для экономистов).

Для экономистов обязательным является знакомство с курсом какого-нибудь буржуазного экономиста (Туган-Барановского, Железнова и др.), общее знакомство с конкретной экономикой Союза по контрольным цифрам Госплана и знание экономической политики (Ленин. Статьи и речи по экономической политике).

II. По философии.

(Для всех отделений).

1. Основные школы древне-греческой философии (особое внимание обратить на Демокрита, Эпикура и Лукреция) (от естественников требуется только одно знакомство). 2. Номинализм и реализм средневековой философии. 3. Фр. Бэкон. 4. Декарт. 5. Гоббс. 6. Гассенди. 7. Локк. 8. Спиноза. 9. Беркли. 10. Юм. 11. Лейбниц. 12. Французский материализм XVIII века, его исторические корни и его особенности. Ламеттри. Дидро. Гельвеций. Гольбах. 13. Кант. 14. Немецкий классический идеализм после Канта (до Гегеля). 15. Гегель. 16. Фейербах. 17. Марксизм, его исторические корни и основные этапы: а) Проблема философии с точки зрения марксизма. б) Диалектический материализм. в) Значение и роль материалистической диалектики. г) Дискуссия с механистами (обязательно только для философов). д) Теория познания марксизма. е) Учение об обществе. ж) Теория общественных классов. з) Учение о классовой борьбе. и) Теория диктатуры пролетариата. к) Учение о государстве. л) Учение о партии. м) Идеологии. н) Борьба философских школ в марксизме.

Литература по философии.

Энгельс: 1) «Л. Фейербах», 2) «Анти-Дюринг», 3) «Диалектика природы». Маркс и Энгельс: 4) «Немецкая идеология» «Л. Фейербах» (№№ 3 и 4 только для философов и естественников).

Плеханов: 5) «Основные вопросы марксизма», 6) «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», 7) «Очерки по истории материализма» и 8) Собр. соч., т. XI (только для философов и естественников).

Ленин: 9) «Материализм и эмпириокритицизм», 10) «К вопросу о диалектике» (для философов и естественников), 11) «Что такое «друзья» народа», 12) Маркс, Энгельс, марксизм (сборник), 13) «Государство и революция», 14) «Пролетарская революция и ренегат Каутский», 15) «Детская болезнь «левизны» в коммунизме».

Аксельрод: 16) «Философские очерки».
Деборин: 17) «Введение в философию диалектического материализма».
Ланге: 18) «История материализма» (том I) (для философов).

Гомперц: 19) «Греческие мыслители» (для философов и естественников).
Бухарин: 20) «Теория исторического материализма».
Деборин: 21) «Философия и марксизм» (сборник), 22) «Энгельс и диалектическое понимание природы» (ст. в журн. «Под Знаменем Марксизма», № 10—11, за 1925 год) (для философов и естественников), 23) «Материалистическая диалектика и естествознание» («Воинствующий Материалист», № 5) (для философов и естественников).

По выбору одного из материалистов: Гельвеций, Гоббс, Гольбах, Дидро, Ламеттри, Фейербах (для философов и естественников).

III. По русской истории.

(Для всех отделений, кроме естествен.).

I. Торговый капитализм в России и крепостное хозяйство.
1. Покровский. «Очерк истории русской культуры», т. I, ч. I, гл. III и IV.

II. Происхождение самодержавия.
2. Покровский. «Марксизм и особенности исторического развития России».
3. Его же. Сборник статей 1922—1925 гг.
4. Троцкий. «1905 г.», введение и приложение, начиная со 2-го издания, статья против Покровского.
5. Слепков. Ст. в «Большевике», № 14 за 1924 г., № 5 — 6 за 1925 г.

III. Внешняя политика эпохи крепостного хозяйства.
6. Покровский. «Дипломатия и войны царской России XIX в.».
7. Его же. Ст. «Русский империализм».
8. Его же. «Крымская война».
9. Его же. «Завоевание Кавказа».

IV. Декабристы.
10. Покровский. «Декабристы».
11. Его же. Сборник статей, изд. Центр. Арх. Кроме того, для специалистов: «Бунт декабристов», изд. «Былое», 1905 г.
Ст. ст. Грекова, Чернова. А также статья Нечкиной о «Соедин. славянах» в журнале «Историк-Марксист», № 1.

V. Крестьянская реформа.
12. Покровский. «Очерк», ч. I, гл. V, первого отд.
13. Его же. «Крестьянская реформа» в «Истории России XIX в.» и отд. изд. «Пролетария».

VI. Аграрный вопрос в России после реформы.
14. Ленин. Собр. соч., том IX, стр. 441—703.
15. Его же. Том III, гл. II, III и IV.

VII. Промышленное развитие пореформенной России.
16. Ленин. Собр. соч., том III, гл. V—VIII.

VIII. 1905 год.
17. Ленин. Собр. соч., тт. VI и VII, для фактической стороны, как минимум.
18. Покровский. «Русская история в самом сжатом очерке», ч. III, 3-е издание.

IX. Столыпинщина и война.
19. Покровский. «Очерки по истории революционного движения XIX и XX вв.», лекции 7—10.

20. Покровский. «Внешняя политика России в XX в.», изд. Свердл. У-та.

Для специалистов книга Дубровского «Столыпинская реформа» или Тюменева «Между двумя революциями».

X. Февральская и Октябрьская революции.
21. Ленин. Собр. соч., том XIV—XV.
22. Бухарин. «От империализма к диктатуре пролетариата».
23. «За Ленинизм». Сборник статей (материалы дискуссии).

Кроме того, для общего знакомства с русским историческим процессом предполагается знание «Русской истории в самом сжатом очерке», всех 3-х частей и знание одного из учебников, принятых в Комвузе по истории партии.

Для специалистов, кроме того, обязательно: знание русской истории в следующем об'еме:
24. Покровский. «Русская история с др. времен».
25. Его же. «Очерки по истории русской культуры», ч. I. (Борьба классов и русская историческая литература).

IV. По западной истории.

(Для всех отделений, кроме естествен.).

Знакомство с общим ходом исторического процесса на конкретном материале истории важнейших стран Западной Европы. Кроме того, необходимо основательное знание следующих вопросов:

I. Происхождение современного капитализма.
1. Лукин. «Новая история».
2. Маркс. «Капитал», т. I, гл. XXIV.

II. Классические примеры буржуазных революций.
3. Лукин. «Новая история» (Отдел о французской революции).
4. Конради. «История революции», ч. I.
5. Энгельс. «Революция и контрреволюция в Германии».

III. Первые шаги рабочего движения (чартизм).
6. Лукин. «Новая история».

IV. Основные направления в утопическом социализме.
7. Лукин. «Новая история».

V. Сорок восьмой год во Франции.
8. Маркс. «Классовая борьба во Франции».
9. Его же. «18-е брюмера».

VI. I Интернационал.
10. Стеклов. «I Интернационал», ч. I.

VII. Парижская Коммуна.
11. Маркс. «Гражданская война во Франции».
12. Лукин. «Парижская Коммуна».

VIII. Основные типы рабочего движения и развития социализма в последней четверти XIX и первом десятилетии XX в.
13. Лукин. «Очерки по истории Германии» (очерк о рабочем движении).
14. Ротштейн. «Очерки по истории английского рабочего движения».
15. Каутский. «Республика и социализм во Франции» (последняя часть).

IX. II Интернационал.
16. Зиновьев. «Война и кризис социализма».
17. Бушуев. «II Интернационал».

X. Колониальная политика империалистических государств.
18. Лукин. «Очерки по истории Германии» (Для неисториков, главным обр., «О внешней политике», а для историков, кроме того, Ротштейн «О Египте» и Витфоголь «Пробуждающийся Китай»).
19. Преображенский. «Империализм».

XI. Кризис международного социализма и зарождение Коминтерна.
20. Зиновьев. «Война и кризис социализма».
21. Зиновьев—Ленин. «Против течения».

Помимо того, требуется общее знакомство с историей экономического развития по книге Кулишера: «Лекции по истории экономического быта» и знание фактической истории в об'еме учебников Виппера.

Для специалистов-историков, кроме названных проблем, необходимо еще знакомство со следующими вопросами:

I. Теория экономического развития древнего мира.
1. Петрушевский. «Очерки по истории средневекового общества и государства».
2. Тюменев. «Капитализм в древней Греции».

II. История аграрных отношений в древней Греции и Риме.
3. Тюменев. «Капитализм в древней Греции».
4. Виппер. «Очерки по истории Римской Империи».

III. Происхождение и сущность феодализма.
5. Петрушевский. «Очерки по истории средневекового общества и государства».
6. «Восстание Уота Тейлора». Изд. 1914 г., гл. III и IV.

IV. Городской строй и городские движения в средние века.
7. В книге для чтения по истории средних веков, том IV, статья Покровского «Хозяйственная жизнь средних веков».
8. Каутский. «Предшественники новейшего социализма».

V. Крестьянские войны.
9. Каутский. «Предшественники новейшего социализма» (исключая ст. Бернштейна об английской революции).
10. Энгельс. «Крестьянская война».

V. По теории права и государства.

(Только для правовиков).

а) Право (общая часть).

I. Право и классовое общество. Право как форма господства. Право как форма, порождаемая разделением труда и обменом.

II. Обычай и право. Зачатки права у первобытных народов. Возникновение и эволюция института частной собственности.

III. Право и экономика. Базис и правовая надстройка. Право, как отношение, право, как норма, и право, как идеология.

IV. Основные подразделения права (право в суб'ективном смысле и право в об'ективном смысле, право публичное и право частное и т. д.). Смысл этих подразделений и их критика с марксистской точки зрения.

V. Основные воззрения на право. Теория естественного права. Историческая школа. Теория Иеринга. Юридико-догматический позитивизм. Психологическая школа права. Классовая теория права.

VI. Источники права в техническом смысле: обычай, закон, прецедент. Применение права. Истолкование норм права. Роль юриспруденции.

(Специальная часть).

VII. Государственное право СССР. Декларация прав трудящихся. Организация центральной власти. Система выборов. СССР и его органы.

VIII. Уголовное право и классовое общество. Советское государство

и его уголовная политика. Наказания и меры социальной защиты. Отличительные черты нашего уголовного кодекса.

IX. Гражданское право. Основные политические черты нашего Г. К. Ограничение «частно-правовой автономии». Защита интересов трудящихся и советского государства. Основные начала вещного обязательственного и наследственного права по Г. К.

X. Трудовое право. Кодекс законов о труде. Порядок найма и привлечения к труду. Коллективные договоры. Профессиональные союзы и их роль. Социальное страхование.

XI. Земельное право. Источники земельного права. Порядок землепользования. Суб'екты землепользования. Двор.

XII. Судоустройство и процесс. Система судебных учреждений. Подсудность. Порядок обжалования. Основные начала нашего уголовного и гражданского процессуальных кодексов.

б) Государство.

I. Происхождение государства. Распад родового общества. Государство и классы.

II. Государство как организация классового господства.

III. Типы государств: античное государство, феодальное государство, сословная монархия, буржуазное государство.

IV. Формы правления: абсолютизм, конституционная монархия, республика. Дуалистические и парламентарные государства.

V. Причины развития и упадка парламентаризма. Буржуазное государство в эпоху империализма.

VI. Учение Маркса и Ленина о диктатуре пролетариата. Задача пролетарской революции по отношению к буржуазному государству. Государство пролетариата. Теория анархистов.

VII. Отмирание государства.

Литература по теории права и государства.

1. Ленин. «Государство и революция».
2. Энгельс. «Происхождение семьи, частной собственности и государства».
3. Стучка. «Революционная роль права и государства».
4. Гурвич. «Основы Советской Конституции».
5. Карнер. «Социальные функции правовых институтов».
6. Гойхбарг. «Хозяйственное право», т. I.
7. Гражданский Кодекс.
8. Пашуканис. «Общая теория права».

Кроме того, требуется основательное знакомство с конституцией СССР и РСФСР и основными кодексами, а также знакомство с курсом какого-нибудь из буржуазных государствоведов (напр., Гумплович, Коркунов или Шершеневич и с политическим строем западно-европейских государств (Англии, Франции, Германии, С.-А. С. Ш. и т. д.).

---

7. Все принятые в Институт товарищи, согласно постановлению СТО от 30 марта 1921 г., снимаются со своей прежней работы и переводятся в Институт.

8. Слушатели обеспечиваются денежным довольствием и по возможности общежитием.

Правление Института Красной Профессуры.

Редакция: В. Астров. Н. Бухарин. В. Молотов. А. Слепков. Е. Ярославский.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 15 ФЕВРАЛЯ 4

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП (б)

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 7
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

Главлит № 80017. Москва. Тираж 83.500 экз.

Тип. изд-ва «Правда» и «Беднота», Яузский мост, Серебрянич. наб., д. 23а.

Партийная линия и оппозиционные зигзаги.

Февральский Пленум Центрального Комитета собрался в период, когда с достаточной степенью ясности обрисовалась общая обстановка в стране, когда с надлежащей полнотой определились характерные сдвиги и процессы и в хозяйстве и в политике, когда то, что было раньше предметом жарких споров, стало возможным подвергнуть суровому экзамену жизни, подвести баланс нашему росту и выявить направление дальнейшего развития.

Теперь видно всякому, *какое* установилось соотношение между основными элементами хозяйства и между классами и, *как* менялось это соотношение в предыдущую фазу нашего роста. Теперь никто не посмеет отрицать того, что мы продвигались вперед в общем и целом со знаком плюс. Теперь факты жестоко похохочут над тем, кто стал бы утверждать, что наша индустрия не поднималась быстрее сельского хозяйства, что социалистические элементы нашего хозяйства не росли быстрее несоциалистических, что частника мы не оттесняли, что удельный вес пролетариата в стране не повышался, что позиции пролетарской диктатуры не крепли. Теперь никто уже не посмеет оспаривать, что лозунг индустриализации нашей страны мы начали претворять в живое дело. Наша политика капитальных затрат, неуклонный и энергичный рост их за последние годы, ширящийся размах нового строительства, идущего под знаком последнего слова техники, укрепление энергетической, в частности топливной, базы нашей индустрии, все растущая роль металлургии и машиностроения— этих подлинных «выдвиженцев» нашей социалистической госпромышленности,—все это дает представление о нашей установке на ближайшие годы, о том, что «головная», ведущая роль промышленности будет *возрастать* и в дальнейшем.

С другой стороны, современная хозяйственная ситуация позволяет с достаточной точностью определить ее главные и специфические *трудности*. Тысячу раз говорили мы о том, что наша основная и труднейшая проблема есть проблема смычки рабочего класса и крестьянства. Здесь—основное *хозяйственное* соотношение, здесь же основное *политическое* соотношение в нашей стране. Сколько «желчных» упреков бросали нам оппозиторы всех цветов радуги за нашу якобы «*переоценку*» роли крестьянства, за наше якобы непропорционально большое внимание, расточае-

мое деревне, за то, что мы то и дело с опаской «оглядываемся» на презренный «аграрный хвост»! А между тем, теперь едва ли кому придет в голову отрицать, что главная трудность растет *именно отсюда*—из соотношений города и деревни,—что трения в нашем смычечном механизме *больше всего* жмут нам ноги и что в ближайшее время нам предстоит уж, конечно, не ослабление, а *усиление* внимания и забот о деревне. Во всяком случае недурненьким выглядел бы сейчас тот оппозиционный советчик или «сигнализатор», который предложил бы нам теперь покрепче «надавить» на деревню.

Не случайно именно теперь—в «переходный» внутри переходного периода передвижки от восстановления к реконструкции—на первый план со жгучей остротой вновь выступил вопрос о ценах и о «ножницах».

Проблема «ножниц», уровень цен, динамика цен, наша политика в этой области—сейчас *главное*. Это—наша задача задач и трудность трудностей. Наладить и укрепить смычку теперь конкретно означает решить именно эту задачу. Вопрос о ценах и раньше имел выдающееся значение, теперь он должен быть поставлен в самый фокус нашей хозяйственной политики. Сжать «ножницы», ликвидировать нездоровую качку цен, привязать розничный индекс плотнее к оптовому, снизить во что бы то ни стало промышленные цены,—это сейчас основное поле приложения энергии партии. К работе здесь с максимумом напряжения Пленум зовет все партийные, рабочие и хозяйственные организации.

Твердость, устойчивость, ясность линии во всех вопросах нашей политики и нашей борьбы с трудностями характерны для работ февральского Пленума и для всех вынесенных им крупнейшей важности резолюций—о капитальном строительстве, о ценах, о выборах в советы. Курс на развертывание социалистического строительства, на укрепление господствующей роли пролетариата, на упрочение рабоче-крестьянского союза—это испытанный ленинский путь, от которого мы не уклонялись и уклоняться не собираемся.

Твердость и преемственность нашей линии, всеми корнями уходящей в ту политику, которую мы вели до сих пор, еще нагляднее оттеняют те шатания, идейные зигзаги, политические сальтомортале, которые на Пленуме были проявлены «остатком остатков» оппозиционного блока.

Шатания расшатанной оппозиции на Пленуме не случайно. Они—логический продукт зияющего противоречия между политической установкой оппозиции—с одной стороны, и нашей хозяйственной действительностью,—с другой. Нынешнее положение в стране со всеми его оригинальными чертами позволяет подвести окончательный баланс нашим спорам с оппозицией. И никакими

ухищрениями нельзя прикрыть того бесспорного факта, что этот баланс подводится с величайшим политическим дефицитом для оппозиции.

Лучше всего это демонстрирует поведение на Пленуме самой оппозиции.

Оппозицией не было выдвинуто ни одного серьезного делового контрпредложения; ни по одному из крупнейших вопросов хозяйства и политики оппозиция не оказалась в состоянии что-либо *противопоставить* предложениям партии. Это можно об'яснить одной из двух причин. Либо надо предположить, что принятые Пленумом резолюции «похищены» из оппозиционного идейного арсенала. Но на такую дурашливую легенду теперь никого не зацепишь. Всякий понимает, что резолюции Пленума органически увязаны со всей предыдущей линией партии и могут быть поняты только на ее основе. Да и сама оппозиция, впрочем, не решалась утверждать, что принятые резолюции суть добро, извлеченное из ее «железного инвентаря».

Либо оппозиция не предложила ничего потому, что ей *нечего* было предложить. Оппозиции *нечего было сказать*—это бесспорный факт. И она была *вынуждена* голосовать за резолюции ЦК.

Оппозиция ничего не могла сказать по существу о нашей политике капитальных затрат на 1926—27 год. А ведь, казалось бы, ей карты в руки. Не она ли кичилась своим патентованным сверхиндустриализмом? Не она ли била в литавры о «позорном минимуме капитальных затрат»? Не она ли с ехидством распалялась насчет «ситцевой» индустриализации? Кто не помнит оппозиционных речей об «отставании» нашей промышленности от сельского хозяйства? Кто не помнит оппозиционных обвинений партии в «аграрном хвостизме»? Кто не помнит оппозиционных речей о том, что «возросшая крестьянская сила»... «держит нас под хлыстом»? Куда девались все эти каскады оппозиционной иронии? Они исчезли. Ирония действительности оказалась слишком убийственной. Оппозиционные ревнители «сверхиндустриализации» рассчитывали на *миллиард* рублей капитальных затрат. «Хвостистская» политика партии дала реальный *миллиард сто миллионов*. Эти реальные миллиард сто миллионов перекрыли все взятые вместе миллиарды и «миллиарды» зиновьевского исчисления.

С политикой цен положение оппозиции оказалось еще двусмысленной, чем с политикой капитальных затрат. На Пленуме оппозиционеры пытались завесить от нескромных глаз ту политику цен, над разработкой которой трудились компетентнейшие оппозиционные экономисты (тт. Пятаков, В. М. Смирнов, Преображенский и др.). Оппозиция пыталась спрятать «гвоздь» своей экономической программы: *программу повышения отпускных цен.*

Эта программа была об'явлена... несуществующей и несуществовавшей, всякие родственные связи с ней оппозиция стала отрицать, курс на повышение цен ей самой об'явлен «горячечным бредом». «Забыто» о том, что этим «горячечным бредом» оппозиция угощала партию уже *годы!*

Разумеется, столь торопливое перекрашивание, такой зигзаг от «повышения» к «понижению», такая скоропалительная смена вех имеет свою подоснову и определенный стратегический смысл. Подоснова—в нынешней хозяйственной кон'юнктуре: только сумасшедший мог бы предложить теперь курс на повышение оптовых цен. Стратегический расчет—в том, чтобы использовать недовольство там, где оно теперь наиболее вероятно, среди крестьянства, страдающего от «ножниц». Совсем недавно, каких-нибудь три месяца назад, оппозиция авторитетно раз'яснила, что те «переплаты», которые крестьянство делает из-за высоких цен на промтовары, в общей сумме ничтожны («150—200 м. руб.») и совсем-совсем «не страшны». Теперь эти переплаты той же оппозицией начинают самым нещадным образом преувеличиваться, доходят в ее исчислениях до «двух миллиардов»! Курс, ради высокой политики меняющийся на 180⁰, курс на *повышение* цен, оказывающийся курсом на их *понижение*; 200 миллионов, в неделю растягивающиеся до двух миллиардов; рьяная «защита» рабочего осенью, столь же рьяная «защита мужика» весной,—таковы поистине замечательные шалости современного оппозиционного маятника. Но разве не жалки надежды на таком беспринципном «идейном» кувырканье нажить в большевистской партии политический капитал?

Оппозиция в известной степени «разочаровалась» в нашем пролетариате после того, как от руки этого пролетариата, от рядовых партийцев-рабочих она осенью потерпела уничтожающее поражение. На минувшем Пленуме ЦК оппозиция представила своеобразную философию своего политического поражения, долженствующую быть одновременно самоновейшей «философией эпохи».

Смысл этой «оригинальной философии» оппозиционного блока следующий. Было время,—повествует оппозиция,—когда в советском пролетариате задавали тон исторические, «центростремительные интересы, теперь эти времена миновали, за последние годы возобладали тенденции «центробежные», цеховые. Эти цеховые интересы сказываются и на партии, и даже на политике Центрального Комитета ВКП. Отсюда недооценка «исторического» призвания оппозиции, отсюда—из-за того, что налет цеховщины слепил большевикам глаза—оппозиция потерпела поражение. Ее, видите ли, «не поняла» рабочая и партийная «центробежная» масса.

Нечего говорить, что эти наглые рассуждения чрезвычайно «удобны» для оппозиции. Но это не мешает им быть весьма убогими по существу.

Намеки на «цеховое перерождение» нашей партии ничем не лучше оппозиционных намеков на «кулацкое перерождение».

Обвинять нашу партию и рабочий класс, которые уже строят социализм, не покладая рук крепят командные высоты пролетариата, ведут за собой многочисленное крестьянство, с величайшей энергией преодолевая неслыханные трудности, обвинять рабочий класс и воплощающую в себе всю его мощь и волю ленинскую партию в том, что они забыли свои «исторические интересы» и погрязли в тине «цеховщины»—это значит пускаться на самую недостойную клевету.

Партия Ленина всегда отстаивала и будет отстаивать исторические интересы рабочего класса. Визгливые наветы оппозиции партия с презрением отвергает. Болтовня о «цеховщине» в пролетариате есть лишь обратная сторона неверия оппозиции в силы пролетариата и лишь измеряет собой глубину ее нынешнего политического падения.

С другой стороны, вся партия великолепно знает на опыте, в чем заключалась и заключается хваленая «центростремительность» оппозиции и ее представление о защите «исторических интересов» класса. Уж не в том ли, что оппозиция пыталась поднять рабочие ячейки против большевистского ЦК? Уж не в том ли, что она весьма «центростремительно» вела нелегальную фракционную работу против партии, в чем впоследствии сама признавалась? Уж не во имя ли «исторических интересов» пролетариата она швырялась демагогическими посулами и фантастическими «миллиардами»? Уж не в том ли заключается ее «центростремительность», что она сознательно играла на *действительно* цеховых струнках в среде рабочего класса? Поменьше бы такой «центростремительности», поменьше бы таких защитников «исторических интересов»!

Вместо того, чтобы декламировать о своей мессианской «исторической» роли, было бы гораздо лучше, если бы оппозиция нашла в себе политическое мужество открыто перед всей партией *признать ошибки*. Но на февральском Пленуме ЦК оппозиция этого не сделала. Она предпочла такому большевистскому поведению стратегическую *перелицовку*. Вместо честной политики, она стала на путь политиканства и «перевооруженческих» маневров, путь, который еще более усугубляет степень ее идейного банкротства и разложения.

Твердой поступью пойдет партия вперед по ленинскому пути. Ее не смутят новейшие оппозиционные маневры. Она будет проводить свою линию под руководством большевистского ЦК, и она напряжет все силы, чтобы выполнить целиком решения февральского Пленума.

Э. Гольденберг.

Против путаницы в теории империализма.

(Начало статьи см. в № 3 за 1927 г.).

5. Неравномерность развития и загнивание.

Как известно, ленинская теория империализма устанавливает теснейшую причинную связь между неравномерностью развития капитализма и его загниванием. «Было бы ошибкой,—писал т. Ленин,—думать, что эта тенденция к загниванию исключает быстрый рост капитализма: нет, отдельные отрасли промышленности, отдельные слои буржуазии, отдельные страны проявляют в эпоху империализма с большей или меньшей силой то одну, то другую из этих тенденций. В целом капитализм неизмеримо быстрее, чем прежде, растет, но этот рост не только становится вообще все более неравномерным, *но неравномерность проявляется также, в частности, в загнивании самых сильных капиталом стран (Англия)*» [1]).

В подчеркнутых нами строках говорится о загнивании, как о прямом продукте неравномерности развития. Конкретная динамика загнивания—если позволительно вообще говорить о динамике загнивания—не может, следовательно, быть понята без анализа закона неравномерности. Полное игнорирование этого закона и привело Штернберга к его оппортунистическому определению империализма, как «Schonzeit», расцвета капитализма.

В своих теоретических упражнениях на XV конференции и на пленуме ИККИ оппозиционные лидеры не брезгали и таким аргументом: неравномерность является *общим* законом капиталистического развития, действительным не только в империалистическую эпоху, но и в эпоху «нормального» домонополистического капитализма. Между тем как загнивать капитализм начинает только в монополистической фазе своего развития. Отсюда делался вывод об отсутствии непосредственной связи между неравномерностью развития капитализма и его загниванием.

Бесспорно, что закон неравномерного развития действителен на всех этапах существования капиталистического способа производства. Неравномерность развития в «нормальном» капитализме обусловливается, помимо анархии производства и частной собственности на средства производства, двумя причинами:

Во-первых, различные страны в разное время становятся капиталистическими, в разное время переходят к крупному промышленному производству. Так, в Англии промышленный переворот

[1]) Ленин. «Империализм», изд. «Прибой» стр. 114. Курсив наш.

начался уже в последней четверти XVIII века, между тем как в Германии он развернулся только в 40—50 годах XIX века.

Во-вторых, капиталистическое накопление имеет одной из необходимейших своих предпосылок неравномерное развитие различных отраслей промышленности. Мы видели уже выше, что при расширенном воспроизводстве производство средств производства должно расти быстрее, чем производство средств потребления. «*Никакое вообще капиталистическое производство*,—говорит Маркс,—*не было бы возможно, если бы оно должно было развиваться одновременно и равномерно во всех сферах*» [1]). Закон неравномерного развития отраслей промышленности в условиях международного разделения труда естественно становится законом неравномерного развития различных стран. Решающее значение, которое приобрел уголь во второй половине XIX века, было одной из существенных причин неравномерности капиталистического развития в эту эпоху Германии, располагавшей самыми мощными в Европе угольными запасами, и Франция, которая каменным углем была чрезвычайно бедна. Точно так же огромные нефтяные богатства Соединенных Штатов Сев. Америки сыграли несомненную роль в бурном развитии в ней такой *ведущей* отрасли современной промышленности, как автомобильная.

Оба названных фактора до известной степени сохраняют свою силу и в монополистическом капитализме. Однако, взятые сами по себе, они не могут, конечно, об'яснить ни *усиления* неравномерности развития при господстве финансового капитала, ни тех специфических особенностей этой неравномерности, которые на империалистическом этапе развития влекут за собою и сами в свою очередь выражают «загнивание самых сильных капиталом стран» (Ленин). Здесь необходим анализ тех сдвигов в производственных отношениях, которые сопровождают переход капитализма в империалистическую стадию его развития.

Мы указывали уже, что в противоположность Р. Люксембург и Штернбергу, для которых исходным пунктом исследования является момент *реализации*, Маркс и Ленин во главу угла ставят анализ *условий производства*. Выше мы цитировали слова Ленина о том, что *концентрация производства* вплотную подводит к монополии. Концентрация производства неразрывно связана с повышением органического состава капитала. Крупное предприятие бьет мелкое потому, что оно технически совершеннее, т. е. потому, что в нем выше органический состав капитала. Именно поэтому концентрация производства, подводя, с одной стороны, вплотную к монополии, с другой стороны, одновременно подводит ко второму важнейшему фактору империалистического загнивания—*к экспорту капитала*.

Значения экспорта капитала при империализме Штернберг совершенно не понимает. Для него экспорт капитала является лишь особой разновидностью товарного экспорта. Между тем как, если смотреть на дело не с точки зрения реализации, сбыта, а с точки зрения развития и загнивания *производственной базы*, то товарный экспорт и экспорт капиталов представляют собою не просто две разновидности одного и того же явления, но две принципиально различные формы международной хозяйственной связи. *Товарный экспорт есть основная форма международной*

[1]) К. Маркс, «Theorien», II_2, 315.

хозяйственной связи капитализма, находящегося на восходящей линии, экспорт капитала есть основная форма международной хозяйственной связи капитализма, находящегося на нисходящей линии, капитализма загнивающего.

Недостаток места вынуждает нас к крайней схематичности в обосновании этого положения. Возьмем Англию «классическую» страну загнивающего капитализма. Англия первая произвела у себя промышленный переворот, первая развернула крупное промышленное производство, является, в сущности, родиной промышленного капитализма. Благодаря этому индустриализация Англии на несколько десятков лет опередила индустриализацию других передовых стран Европы и Америки. В третьей четверти XIX века, когда германская промышленность находилась еще в пеленках, в Англии свыше $^2/_3$ всего населения жило в городах. Органический состав капитала народного хозяйства Англии был и *остается до сих пор* самым высоким во всем мире, несмотря на то, что уже в 900-х годах американская и германская техника явно обгоняют английскую. Необходимо помнить, что органический состав капитала народного хозяйства какой-либо страны определяется не только уровнем промышленной техники, но и соотношением промышленности и сельского хозяйства. В то время, как в Соед. Штатах и Германии городское население даже сейчас не достигает и двух третей всего населения страны, в Англии оно составляет около 85%.

Обратной стороной высокого уровня органического состава капитала является низкая норма прибыли. Низкая норма прибыли толкает к усиленному экспорту капитала. *Усиленный экспорт капитала влечет за собою загнивание производственной базы вывозящей капитал страны, замедление роста ее производительных сил, ее отставание от молодых капиталистических стран и на ряду с развитием монополистических организаций является могущественнейшим фактором загнивания капитализма.* Различие между товарным экспортом и экспортом капитала заключается, следовательно, в том, что первый выражает собою рост производственной базы вывозящей страны, между тем как второй влечет за собою ее упадок. Неравномерность развития «нормального» капитализма является неравномерностью *роста*; она создает, однако, все предпосылки (концентрация, замена конкуренции монополией, различие норм прибыли и экспорт капитала) для неравномерности развития империалистического капитализма, которая является уже неравномерностью и роста и *загнивания*.

Вывоз капитала, приводящий к известному застою в производственной базе вывозящей, перезревшей империалистической страны, в то же время форсирует развитие, оплодотворяет его в странах молодого капитализма. «Вывоз капитала,—писал тов. Ленин,—в тех странах, куда он направляется, оказывает влияние на развитие капитализма, чрезвычайно ускоряя его. Если, поэтому, до известной степени, этот вывоз способен приводить к некоторому застою развития в странах вывозящих, то это может происходить лишь ценою расширения и углубления дальнейшего развития капитализма во всем мире» [1]). Таким образом, расширение ножничного раствора, выражающего неравномерность развития старых и молодых стран, идет одновременно с двух концов:

[1]) Ленин. «Империализм» стр. 61.

за счет замедления роста первых и за счет ускорения роста вторых.

Мы приводим таблицу, передающую соотношение вложения английских капиталов в самой Англии и за границей перед войной:

Годы	Вложено в Соед. Королевстве		За границей.	
1900	100121	тыс. ф. ст.	26069	тыс. ф. ст.
1901	106585	»	26978	»
1902	75124	»	62214	»
1903	44868	»	60013	»
1904	50083	»	64616	»
1905	48426	»	110617	»
1906	39314	»	72995	»
1907	82988	»	79334	»
1908	50052	»	117871	»
1909	18681	»	150468	»
1910	60296	»	179832	»
1911	26146	»	142740	»
1912	45335	»	144 60	»
1913	35951	»	149735[1])	»

Эта таблица представляет собою исключительный интерес. В то время, как в 1900 году около четырех пятых всех вложений остается внутри самой Англии, прямо или косвенно оплодотворяя английское хозяйство и лишь немногим больше одной пятой всей суммы вложений идет за границу, в 1913 году мы имеем картину совершенно обратную. Свыше четырех пятых всей суммы вложений идет за границу и лишь менее одной пятой остается в Англии. Нужно ли доказывать, что такое положение не могло не повлечь за собою замедления темпа накопления в английской промышленности во всем английском хозяйстве? Если в 1911 г., по вычислениям Paish'a, английские вложения в Соединенных Штатах составляли колоссальную сумму в 688.078 тысяч ф. стерлингов, то это значит, что огромная масса материальных ценностей, которую выражает эта сумма, была использована не для укрепления производственной базы самой Англии, но для укрепления производственной базы Соед. Штатов. А тем самым подготовлялась и форсировалась и неравномерность развития перезревшего капитализма Англии и растущего капитализма Соединенных Штатов.

Корни этого явления совершенно ясны. Они заключаются в различии норм прибыли. Дивиденды английских акционерных компаний, предприятия которых работали в самой Англии, колебались перед войной между 8 и 13 процентами, лишь в редких случаях достигая 18 и 20%. Между тем как дивиденды, скажем, каучуковых предприятий в Индонезии составляли у трех обществ свыше 300%, у 3—от 200 до 300%, у семи обществ—от 100 до 200% и у 112 обществ—от 50 до 100% [2]). Очевидно,, что английский капиталист предпочитал вложениям в рахитичные английские предприятия вложения в каучуковые предприятия. Неудивительно, что за последние только четыре года перед войной Англия вложила в эти каучуковые предприятия до 750 миллионов рублей. А колоссальный рост заграничных вложений повлек

[1]) Гобсон. Стр. 397.
[2]) Harms, «Weltwirtschaftslehre», 232.

за собой и рост слоя рантье,—этих, по выражению Зомбарта, «блесток жира на поверхности бульона»,—один из самых ярких симптомов загнивания капитализма.

Англия, будучи самой старой капиталистической страной, первая вступила на путь империалистического загнивания и дальше всех на этом пути зашла. Но ту же тенденцию развития можно совершенно явственно проследить и на предвоенном развитии Германии. Германские вложения за границей составляли в 1912 г., по отнюдь не преувеличенному подсчету, 35 миллиардов марок, что давало ежегодный «рантьерский» доход минимум в 1.750 миллионов марок. При чем в высшей степени показательно следующее: в то время как в 1908 году в Германии эмиссия немецких ценных бумаг составляла 3.421 млн. марок, а эмиссия заграничных бумаг 228 млн. марок, в 1913 г. эмиссия немецких бумаг составляет 1.802 млн. марок, а эмиссия заграничных бумаг—603 млн. марок [1]). Таким образом, доля заграничных эмиссий в общей сумме поднялась с 6,3% в 1908 г. до 25% в 1913 г. Даже, учитывая влияние всякого рода кон'юнктурных колебаний, нельзя не видеть огромного сдвига в сторону империалистического загнивания.

И, наконец, самая молодая из «великих» капиталистических держав, Соединенные Штаты Сев. Америки, которые до войны были преимущественно импортером капитала, за последние 12 лет тоже сделали огромные «успехи» в экспорте капиталов. В настоящее время они уже почти нагнали Англию. В 1925 году вся сумма английских заграничных вложений составляла 24 мрд. долларов, а сумма вложений Соед. Штатов—23,5 миллиарда[2]). Разумеется, сумму заграничных вложений необходимо соизмерять со всей суммой «национального» имущества. Делать поэтому выводы о загнивании производственной базы Соед. Штатов было бы преждевременно. Но основы тенденции, во всяком случае, налицо.

Каков результат всех этих процессов? Экспорт капитала, приводя к сравнительному застою и загниванию производственной базы наиболее старых капиталистических стран, в то же время усиливает, форсирует развитие молодых стран. Неравномерность развития обостряется, из неравномерности роста превращается в неравномерность и роста и упадка. Обострение неравномерности развития с необходимостью влечет за собой и крайнее обострение противоречий между империалистическими государствами. Если Германия 70-х годов могла преодолеть свою отсталось сравнительно с Англией того время *без* войны, то Франция 14-го года преодолеть свою отсталость от Германии 14-го года без войны уже не могла точно так же, как и современная Англия никаким другим образом не в состоянии бороться с последствиями ее отставания от Соединенных Штатов. Отсюда и абсолютная неизбежность новых и новых войн, полоса которых может кончиться только вместе с империализмом [3]).

[1]) Liefman, «Beteiligungs-und Financierungsgesellschaften», стр. 37.

[2]) «Миров. хозяйство и мир. политика», № 9 за 1926 г. статья Угарова—«Экспорт капитала из Соед. Штатов».

[3]) В № 11 «План. Хоз.» за 1926 г. напечатана интересная статья т. Бессонова—«К вопросу о техническом прогрессе в современном капитализме». Тов. Бессонов доказывает, что «задерживающее влияние устарелых вложений капитала на технический прогресс является одной из важнейших составных частей закона неравномерности капиталистического развития. Эту неравно-

6. «Философия эпохи» Фрица Штернберга.

Полное игнорирование вопросов, связанных с изменением производственной базы империалистических государств, приводит Штернберга к утверждению социальной устойчивости империализма. Выше мы видели, что империализм им характеризуется, как Schonzeit, как «золотой век», при чем золотой век не только буржуазии, но и рабочего класса. Мы показали уже, что с фактической стороны эти утверждения никакой почвы не имеют. Напротив: как раз последнее десятилетие перед войной ознаменовано совершенно бесспорным падением зарплаты во всех империалистических странах Европы. Однако, на этом несуществовавшем под'еме заработной платы, который будто бы принес с собою империализм, Штернберг строит всю свою «философию эпохи».

Философия эта очень не сложна. «Наиболее характерное для периода раннего (т.-е. довоенного) империализма,—вещает Штернберг,—заключается в том, что обострение политических конфликтов между империалистическими государствами не идет параллельно обострению классовых противоречий... Напротив: в странах высокоразвитого капитализма классовая борьба переходит в потенциальное состояние». Отсюда наш автор с легкостью в мыслях поистине необыкновенной, умозаключает, что в империалистической войне 1914 года рабочие империалистических стран сражались... за свою Schonzeit, за сохранение той «высокой» заработной платы, того «человеческого» уровня жизни, которым их облагодетельствовал «ранний империализм».

Замечательно, однако, что этот «диагноз» Штернберг ставит не только довоенному, но и современному, послевоенному капитализму. *Он утверждает социальную устойчивость современного империализма.* «С рабочим классом,—говорит он,—находящимся на линии АД (читатель помнит, что под АД линией Штернберг понимает уровень зарплаты, поднимающийся над голым минимумом), возможна не только одна война, но и целый ряд войн, возможна до тех пор, пока рабочий не приобретет «правильное» классовое сознание... Но это классовое сознание отнюдь не является чем-то само собою разумеющимся, как это принимали Маркс и Энгельс. Потому что, говоря еще отчетливее, рабочий класс активно-империалистических государств может потерять больше, чем только свои цепи (hat mehr zu verlieren als ihre Ketten)... Он только тогда может притти к классовому сознанию, только тогда может

мерность нельзя понять, если не учесть непрерывной перекочевки центра технического прогресса от страны к стране, от района к району, от одной отрасли промышленности к другой. Но эта перекочевка, как видно из предшествующего изложения, в немалой степени определяется устарелостью прежних вложений капитала». Тов. Бессонов, однако, не замечает, что задерживающее влияние старых вложений само нуждается в об'яснении. Так, с точки зрения современной техники оборудование германской углепромышленности еще недавно было таким же устарелым, как и оборудование английской, хотя абсолютно последнее было, вероятно, не на один десяток лет старше и изношеннее. Неравномерность здесь порождается не тем, что у Англии было старое оборудование, а у Германии новое, а тем, что Германия сменила новое оборудование на новейшее, между тем как Англия вместо технического обновления своей угольной—да и всякой другой—промышленности, вывозит капиталы за границу. Поэтому задерживающее влияние старых вложений само в свою очередь может быть об'яснено лишь движением экспорта капиталов, имеющим глубокие корни в общей динамике капиталистического развития.

стать суб'ектом кризиса, когда исполнится сознания, что линия АД покупается миллионами трупов» [1]).

Итак, капитализм может, не рискуя своей социальной устойчивостью, проделать еще не одну и не две империалистических бойни. Штернбергу это дает повод лишний раз продемонстрировать свое превосходство над стариком Марксом. Цепь империалистических войн может довести земной шар до такой нищеты, которая сделает вообще невозможным строительство социализма, которая заранее обречет на неудачу всякую революцию. «Вопрос о *моменте* революции,—пишет он,—был для Маркса несущественен. С его точки зрения революция могла притти слишком рано, но никак не слишком поздно. Это заблуждение, которое может иметь самые несчастные последствия. Революция может прийти слишком поздно» [2]).

Но для того, чтобы революция пришла, необходимо, как мы видели, чтобы пролетариат достиг «правильного» классового сознания. Сознание же, как известно, определяется бытием. В свете этого, достаточно элементарного положения перспективы революции рисуются нашему «ультра-революционному» автору в довольно мрачном свете. «Для мировой истории,—пишет он,—имеет решающее значение удержится ли затемнение классового сознания рабочего класса,... т.-е. будет ли он в союзе со своей буржуазией защищать в борьбе с другими капиталистическими государствами свой золотой век (Schonzeit), или придет к «правильному» классовому сознанию» [3]).

Анализ Штернберга дает второй возможности очень мало шансов. Он сам говорит: «Ужасное, чертовское (Teuflische) в этой исторической ситуации заключается в том, что об'ективные условия, которые ведут к империализму, к войне, одновременно затемнили и продолжают затемнять классовое сознание того класса, который один только и в состоянии освободить мир от несчастья (Verhängnis), что одновременно в империалистических государствах наступает золотой век (Schonzeit), линия АС (голый минимум зарплаты) становится линией АД» [4]).

Подведем итог: не только в войне 1914 года, но и в грядущих империалистических войнах пролетариат в союзе со своей буржуазией борется за свою Schonzeit. *Против* капитализма его может восстановить *только* сознание, что эта Schonzeit покупается миллионами трупов. В этом единственный шанс революции.

Мы утверждаем, что здесь перед нами полный отказ от пролетарской революции, полный стопроцентный скат с позиций революционной борьбы рабочего класса в болото самой похабной, мещански-пацифистской псевдо-революционной болтовни.

В самом деле, если против капитализма рабочий класс может быть восстановлен *только* войной, то в чем, с точки зрения революции, заключается его отличие от крестьянства? Штернберг совершенно не сводит концы с концами, когда называет пролетариат единственно-революционным классом. С его точки зрения это обосновать невозможно. От войны, и тем более от войн, крестьянство в своей массе страдает не меньше, чем пролетариат. Если война является *единственным* революционизирующим фактором, то силе его влияния крестьянство, как и вся мелкая буржуазия, подвержено не в меньшей степени, чем пролетариат. *Руководящая роль*, роль гегемона в революции рабочего класса, в этом случае об'ективно оказывается ничем не обоснованной. Самое понятие пролетарской революции тогда повисает в воздухе. Вместо него получается бесформенное, лишенное всякого классового содержания движение против войны «вообще». И здесь мы с Штернбергом можем согласиться: перспективы *такого* движения были бы очень нерадостны.

[1]) Стр 349.
[2]) Стр. 333.
[3]) Стр. 350.
[4]) Стр. 351.

Специфическое взаимоотношение между пролетарием и капиталистом исчезает. Революционность класса перестает определяться положением в производстве. Исчезают и собственно-классовые противоречия, т.-е. противоречия, вытекающие из отношения различных классов к производству. Штернберг, следовательно, полностью отрицает не только то, что ему угодно называть «буквой» марксизма, но и то, что является его революционной душой: учение о классовой борьбе пролетариата с буржуазией, с вытекающей из этой борьбы диктатурой пролетариата.

Положение о социальной устойчивости империализма не только в высшей степени оппортунистично, не только влечет за собою полный скат с позиций революционного марксизма, но и обнаруживает совершенное непонимание нашим автором действительных отношений, хода действительных отношений.

Империализм приносит с собою не только огромное обострение отношений *между* империалистическими государствами, не только между господствующими и угнетенными колониальными и полуколониальными странами, но и между эксплоатирующими и эксплоатируемыми классами внутри империалистических стран. При чем война, при всем ее исключительном значении, отнюдь не является *единственным* революционизирующим фактором. Она представляет собою звено,—правда, одно из важнейших звеньев,—в целой цепи явлений, порождаемых неравномерностью развития монополистического капитализма.

Неравномерность развития, в огромной степени форсируемая войной, приводит *к отрыву новых центров производства от старых центров рабочей силы*. После войны мировой производственный центр передвинулся из Европы в Америку. Но десятки миллионов европейских пролетариев не могут следовать за этим перемещением центра производства. Они остались в Европе. Отсюда современная безработица, которая в отличие от довоенной выражает не «нормальные» кон'юнктурные колебания, но изменение структуры мирового хозяйства, изменение положения в нем европейского капитализма, его загнивание и упадок. В Соединенных Штатах Сев. Америки живет 6% всего населения земного шара. Но в них производится 43% мировой продукции угля, 60% мировой продукции чугуна, 52% мировой продукции меди, 71% мировой продукции нефти, 82% мировой продукции автомобилей. Достаточно сопоставить долю Соед. Штатов в мировом производстве и процент населения Штатов ко всему населению земного шара, чтобы понять, что перед нами своеобразное повторение—в совершенно новых условиях, на совершенно другом уровне развития производительных сил, в совершенно другой системе производственных отношений—того процесса *отрыва средств производства от рабочей силы*, которым было ознаменовано начало промышленного капитализма. Этот процесс наносит колоссальной

силы удар «социальной устойчивости» империализма. Он революционизирует не по дням, а по часам рабочее движение Англии, он создал широчайшую базу для развертывания работы коммунистической партии Германии, он толкнул под наши знамена сотни тысяч пролетариев Чехо-Словакии, он подрубает тот сук, на котором висел «гражданский мир» начала войны 1914 года.

Отрыв новых производственных центров от старых центров рабочей силы был правильно подмечен уже в 1923 году покойным товарищем И. А. Ивановым, статья которого «Мировое хозяйство, как производственный организм», при всей своей односторонности, до сих пор остается одной из интереснейших работ по мировому хозяйству послевоенного периода [1]). Однако, об'яснение этого процесса, даваемое тов. Ивановым, в высшей степени односторонне и потому ошибочно. Тов. Иванов сводил все дело к крайне неравномерному распределению энергетических ресурсов, в первую очередь каменного угля. Из мирового запаса каменного угля в 7.338 млр. тонн 5.000 млр. приходится на долю Сев. Америки (Соединенные Штаты и Канада), 1.500 мрд. на долю Китайско-Сибирского бассейна и только 750 мрд. на долю Западной Европы. Очевидно, что обосновывать *только* таким образом хозяйственную гегемонию Соединенных Штатов нельзя. Неравномерность распределения энергетических ресурсов на данной стадии развития может воздействовать на распределение производительных сил мирового хозяйства лишь в очень незначительной степени. *Причину отрыва производственных центров от центров рабочей силы следует искать не в географической карте каменноугольных запасов мира, но в общем, основном законе неравномерного развития капитализма, действие которого обостряется и форсируется в капитализме империалистическом.*

Как расценивает Штернберг положение в настоящий момент? «В активно империалистических странах-победительницах, — говорит он,—нет ни одного слоя, экономическое положение которого улучшилось бы при революции. Поэтому в этих странах нет никакого революционного движения, налицо затемнение классового сознания, связь линии АД, золотого века (Schonzeit) и миллионов убитых систематически вытесняется. В пассивных странах неофеодализма предпосылки для захвата власти были бы даны... Но даже, если допустить, что революционно-социалистические силы в Германии сильнее, чем контрреволюционные, социалистическая революция в Германии не может привести к цели до тех пор, пока капитализм Антанты остается непоколебленным изнутри» [2]).

Вот «смысл философии всей». Вопреки всеобщей стачке и угольной стачке, вопреки движению меньшинства, вопреки английской компартии,—революционного движения в Англии нет. Вопреки миллионной безработице и систематическому снижению зарплаты, рабочие все еще питаются там золотыми яблоками золотого века, и скверно лишь то, что они не понимают, что за эти золотые яблоки они заплатили миллионами убитых в прошлой войне и заплатят еще миллионами убитых в будущей войне. Что же касается Германии, то о ней вообще говорить не стоит, пока не будет расшатан капитализм Антанты. Но на последнее рассчитывать пока-что не приходится: ведь даже в Англии рабочие все еще переживают свой золотой век.

Вряд ли есть какая-нибудь надобность всерьез полемизировать со всей этой оппортунистической философией. Не всякий *правый* профсоюзный лидер Англии решился бы выступить с *такой* оценкой современного положения английского рабочего класса. Разговор о том, что Германия бессильна что-либо сделать до тех пор, пока не выступит пролетариат стран Антанты, представляет собою перепев той самой похабной программы интернационального пассивизма, которую проповедывали Каутские всех стран в войну 1914 года. Человек, говорящий такие вещи, не марксист и не коммунист. Точно так же нет надобности вскрывать ту кучу ошибок, которую Штернберг делает в главе, посвященной нашей революции. Читатель сам уже, вероятно, догадывается, что «невозможность организации социалистического производства в одной России» для него является чем-то само собою разумеющимся (стр. 370). Все, что мы, по его мнению, можем делать—это стараться *продержаться*, пока не начнется мировая революция (при чем последняя, как мы видели, должна начаться ausgerechnet в странах Антанты). Понимание того, что мировая революция—это длительный процесс, одной из важнейших частей которого является строительство социализма в СССР, бесконечно чуждо Штернбергу, как бесконечно чуждо ему революционно-марксистское мировоззрение в целом...

Подведем итог. Книга Штернберга есть не что иное, как попытка теоретического обоснования «ультра-левого» ликвидаторства. Прикрашивание империализма в прошлом и в настоящем, смазывание значения классовой борьбы, смазывание загнивания капитализма,—все это имеет своим политическим источником временную стабилизацию европейского капитализма, теоретическим—неумение применять метод Маркса, метод, во главу угла ставящий анализ производственных отношений.

Теория накопления Р. Люксембург в книге Штернберга доведена до логического конца. В книге Штернберга эта теория себя разоблачила, как немарксистская и нереволюционная. В этом интерес книги, с этой точки зрения ее можно признать даже полезной.

---

[1]) «Вестник Соц. Академии», 1923 г, кн. 6.
[2]) Стр. 359.

А. Микоян.

Центральная ось современной хозяйственной политики.

Хозяйственное развитие первого пролетарского государства, несмотря на трудности, вытекающие из капиталистического его окружения и из отсталости страны, быстро и неуклонно идет вперед. Мы уже закончили восстановительный период своего развития и вступили в полосу коренной перестройки всего народного хозяйства, путем перевода его на более высокую, передовую техническую базу и построения на этой основе социалистического общества. Область хозяйственного развития представляет то главное поле классовой борьбы победившего и организовавшегося в государство рабочего класса, где будут происходить решающие сражения социалистической хозяйственной системы с капиталистической.

Пути социалистического хозяйственного строительства в условиях нэпа идут через разрешение противоречий, вытекающих из переходного характера нашей экономики.

Устраняя одни препятствия на своем пути, преодолевая одни трудности, стоящие сегодня перед нами, мы поднимаемся со ступеньки на следующую ступень развития, которая ставит на наше разрешение новые трудности, вытекающие и свойственные новой, высшей стадии нашего хозяйственного положения.

Главный итог нашего хозяйственного развития на протяжении предыдущих лет нэпа заключается в том, что, по сравнению с первыми годами нэпа, мы поднялись по лестнице строительства экономической базы социализма на несколько ступеней выше и вступили в полосу развития, выдвигающую новые, более сложные задачи или по новому ставящую старые задачи.

В данной полосе хозяйственного строительства *центральной осью*, где перекрещиваются все основные экономические и политические проблемы социалистической революции,—является *политика цен*.

Конкретное содержание нашей политики цен и ее направление в различные моменты различны и определяются той хозяйственной обстановкой, в которой они осуществляются.

У нас—*два рычага* воздействия на динамику цен: первый—цены на продукты сельского хозяйства и второй—цены на продукцию промышленности. Лишь правильное сочетание действия обоих этих рычагов может обеспечить нам результаты, преследуемые общей политикой цен.

То новое, что мы имеем *теперь* в процессе образования цен, в элементах, определяющих движение цен, чего не было у нас

два — три года назад, заключается в том, что *раньше* в процессе ценообразования стихийные законы рынка играли значительную роль, *теперь же*, поскольку обобществленный сектор народного хозяйства—кооперация и госторговля—занял *преобладающее* место на рынке сбыта сельскохозяйственной и промышленной продукции и уже является *решающим, определяющим фактором* рынка,—в значительной степени ограничивается сила и поле действия указанных законов.

Решающая роль переходит к организованному хозяйственному сектору.

Плановое начало, осуществляемое пролетарской диктатурой, приобретает на рынке, в лице кооперации и госторговли, такие позиции, которые позволяют ему превратиться в решающую силу в процессе ценообразования, путем и *за счет* ограничения влияний капиталистических тенденций. Это значит, что мы поднимаемся на такие высоты, когда становится *возможным сознательное* регламентирование меновых норм. Мы уже сейчас практикуем государственное нормирование цен по ряду важнейших продуктов сельского хозяйства и промышленности.

В силу этого значение политики цен пролетарского государства в каждый данный момент еще более усугубляется.

Ответственность за фактический уровень цен, за их динамику, падает на государство в большей степени, чем раньше. Ибо теперь значение конкуренции на рынке, как фактора, поправляющего, корректирующего нашу политику цен, сильно ослабляется.

Отсюда вытекает необходимость более тщательной разработки нашей политики цен, установления более правильных пропорций цен на продукты различных отраслей хозяйства, с точки зрения перспектив и планов хозяйственного развития, с учетом хозяйственного разнообразия различных районов страны и различных отраслей хозяйства. Ибо рынок и политика цен—это важнейший рычаг *руководства* всем народным хозяйством и, в особенности, крестьянским хозяйством.

Существующее ныне соотношение цен на промышленные и сельскохозяйственные товары настолько неблагоприятно для сельского хозяйства и крестьянства, что нельзя *надолго* строить нашу политику на этом соотношении, если мы хотим дальше укрепить нашу смычку города и деревни и обеспечить за сельским хозяйством, в особенности за его сырьевыми отраслями, более быстрый темп развития.

Неблагоприятное для крестьянства соотношение цен усугубляется тем обстоятельством, что успешно овладев рынком сельскохозяйственных товаров и установив для них *приемлемые* для народного хозяйства цены, мы *не сумели*, согласно директивам апрельского Пленума Центрального Комитета Партии, соответственно снизить розничные цены на промтовары. Это вызвало дальнейшее раздвижение лезвий «ножниц», придав большую остроту задаче снижения цен на промтовары.

Если сравнить первый квартал текущего 1926—27 г. с соответствующим кварталом прошлого хозяйственного года, то в этом году мы имеем понижение сельскохозяйственных цен на $9^0/_0$ и повышение розничных цен на промтовары на $4{,}2^0/_0$. Если в первом квартале 1925—26 г. индекс сельскохозяйственных товаров по ценам госзаготовителей по отношению к довоенному составлял

1,267, то в том же квартале текущего года он пал до 1,153. Индекс же промышленных товаров по розничным ценам (по данным ЦСУ) поднялся с 2,16 до 2,25. Другими словами, для крестьянина промышленные товары в два раза дороже довоенного.

Вот почему политика цен стала теперь центральной проблемой нашей политики. Интересы дальнейшего укрепления смычки между пролетариатом и крестьянством, интересы дальнейшего развития промышленности требуют изменения соотношения цен в пользу сельского хозяйства.

Есть два пути достижения этой задачи:

или *повышение* уровня цен на сельскохозяйственные товары при стабильности цен на товары промышленности;

или *понижение* цен на промышленные товары, при сохранении существующего уровня сельскохозяйственных цен.

Мы не можем итти по первому пути, ибо это означало бы уменьшение покупательной способности червонца, усиление дороговизны, уменьшение реальной заработной платы и т. д. Этот путь чреват большими затруднениями для нашего хозяйства и дает опасную, неправильную народнохозяйственную ориентировку, сводя на-нет достигнутые нами за последний год успехи в области хлебозаготовок. Февральский Пленум Центрального Комитета партии совершенно прав, став на путь снижения цен на промтовары и сохранения уровня цен на с.-х. продукты.

Постановление Пленума ЦК содержит в себе *не только* директиву снизить до 1 июня на 10% цены на все промтовары в среднем, по сравнению с их уровнем на 1 января т. г., с учетом производимого снижения отпускных цен. Оно определяет *содержание* всей нашей политики цен на ближайшие годы, как задачу *систематического снижения промышленных цен.*

Эта народнохозяйственная ориентировка на снижение промышленных цен, связанная с задачей снижения себестоимости промышленной продукции, вытекает из всей установки нашей партии в этих вопросах, установки, которая подвергалась систематическому обстрелу со стороны оппозиции.

Партия, держа курс на снижение отпускных цен, весною прошлого года центр своего внимания обратила на снижение *розничных* цен, в виду сильного расхождения между уровнем отпускных и розничных цен, характеризуемого обострением оптово-розничных «ножниц».

Оппозиция же требовала *повышения* отпускных цен и в лице своих виднейших экономистов еще летом в статьях и подпольных листовках обосновывала необходимость повышения отпускных цен. Политика *высоких* цен составляла основную часть экономической программы оппозиции 1923 г. и об'единенной оппозиции 1926 года.

Партия единодушно отбила атаку оппозиции и отвергла ее антиленинскую, гибельную политику.

Хотя директива о снижении розничных цен была далеко не выполнена, однако, еще в декабре прошлого года Политбюро ЦК постановило приступить к снижению отпускных цен, продолжив с еще большей энергией борьбу за снижение розничных цен. Постановление же февральского Пленума ЦК о снижении розничных цен, совершенно своевременное и необходимое, подтверждает решения Политбюро и дает развернутую программу действий партии в области политики цен.

Вся правильность нашей партийной политики и все банкротство оппозиции лишний раз подтвердилось на этом Пленуме. Оппозиция, растеряв свой политический багаж и будучи *вынуждена голосовать* за резолюцию, предложенную Политбюро, без внесения единой поправки, пыталась открещиваться от своей вчерашней программы. Она заявила, что лишь в «горячечном бреду» можно «приписывать» оппозиции политику высоких цен. Это в то время, когда в многочисленных выступлениях вождей оппозиции: Пятакова, Преображенского, Смирнова и других, обстреливалась политика партии и защищалась линия на повышение отпускных цен. Ведь Преображенский и *теперь* стоит против понижения отпускных цен. Он только перешел с позиции *повышения* отпускных цен, на *сохранение* существующих высоких цен.

И после этого, у оппозиции хватает «смелости» говорить о том, что это не было ее программой и что она не защищается теперь никем.

Продолжая свою беспринципную и демагогическую политику, оппозиция пытается перевооружиться. Раньше она требовала повышения цен, а теперь, обжегшись на рабочих, меняет ориентацию, рассчитывая этим путем нажить себе политический капитал. Однако, никакая переориентировка оппозиции, никакая перемена фронта, не может вывести ее из состояния банкротства, не может оживить труп оппозиции.

Задача снижения цен на промтовары требует концентрации усилий нашей партии и рабочего класса на двух участках борьбы. Первый—на снижении себестоимости промышленной продукции и второй—на снижении розничных цен за счет сокращения издержек товаропроводящего аппарата.

В условиях восстановления промышленности до довоенного уровня и перехода ее в реконструктивный период, только путем систематического снижения себестоимости можно обеспечить более приемлемые цены на промтовары для крестьянства, экономически сцементировать неразрывную смычку между городом и деревней и на деле закрепить *ведущую* роль социалистической индустрии по отношению к сельскому хозяйству, в целях его технической перестройки и реорганизации мелкособственнического крестьянского хозяйства в обобществленные формы хозяйства. Задача снижения себестоимости промпродукции и удешевления промышленных товаров имеет громадное значение также для интересов развития самой промышленности, ибо лишь увеличение платежеспособности населения и удешевление промышленных товаров может расширить емкость внутреннего рынка для сбыта промышленной продукции, т.-е. тем самым обеспечить базу для роста нашей промышленности. Эта задача является актуальной тем более, что ряд промышленных товаров, в силу ли несоответствия своего качества и ассортимента потребительскому спросу или в силу более быстрого темпа роста этой продукции по сравнению с темпом развития спроса на нее, уже встречает затруднения в сбыте. Если бы мы своевременно не приняли мер к снижению цен и приспособлению нашей промышленности к изменившимся потребностям рынка, то существующие и неизбежные затруднения в области сбыта создали бы элементы кризиса в народном хозяйстве и, аккумулируясь, могли бы привести нас к действительному кризису. Все значение планового хозяй-

ства заключается в том, что оно дает возможность своевременно предотвращать опасности кризиса, парализовать возникающие элементы кризиса и двигать наше народное хозяйство вперед с минимальными затруднениями и заминками. Если бы мы сейчас не стали на путь систематических мероприятий в области снижения цен и улучшения промышленной продукции, мы шли бы навстречу кризису. Постановление февральского Пленума ЦК и данная им ориентировка народного хозяйства обозначает, что мы идем *наперерез* тенденциям кризиса, не давая ему нарастать и аккумулироваться. Задача сводится к локализации этих затруднений и их устранению по частям.

Несомненно, громадно значение нашей политики цен и в области экономических отношений Советского Союза с капиталистическим окружением экономически передовых стран. Высокий уровень цен на товары советского производства по сравнению с мировыми ценами создает «ножницы» между советскими и мировыми ценами на промышленные товары. Это соотношение является источником больших трудностей и опасностей на пути нашего хозяйственного развития, питает тенденции против монополии внешней торговли, с одной стороны, усиливая интервенционистский натиск западно-европейских и американских капиталистов в погоне за сверхприбылями, могущими образоваться на разрыве мировых и советских цен, увеличивая натиск внешнего капитализма на стальную стену монополии внешней торговли, защитницу советской индустрии и социалистического хозяйственного строительства, и, с другой стороны, питает внутри Советского Союза тенденции, направленные к прорыву монополии внешней торговли. Для противодействия этим двойным опасностям для монополии внешней торговли, необходима политика систематического снижения цен на промтовары.

Задача снижения цен имеет еще *особое* значение в наших внешнеторговых сношениях с Востоком. Союз рабочего класса и крестьянства в первый период русской революции покоился, главным образом, на разрешении политических проблем, после решения которых центр тяжести смычки города и деревни перенесся в область экономических отношений. Примерно, также должны сложиться отношения единственного пролетарского государства к освобождающемуся крестьянству Востока. Если ныне Советский Союз пользуется обаянием и симпатией среди трудящихся Востока, вовлеченных в национально-освободительное движение, то по завершении этой задачи на первый план станут вопросы экономических отношений. Пролетариат, строящий социализм, должен, закрепив еще теснее смычку с крестьянством Советского Союза, обеспечив ведущую роль социалистической промышленности по отношению *к нашему* крестьянскому хозяйству,—готовиться для осуществления *ведущей роли* народного хозяйства СССР по отношению к крестьянскому Востоку, помогая ему в деле высвобождения от *капиталистической* кабалы империализма и содействуя *некапиталистическому* развитию отсталых стран Востока. Теоретически несомненно, что после победы пролетарской революции в передовых странах колесо истории хозяйственного развития восточных стран не проделает *всего* пути капиталистического развития, а *при поддержке* передовых социалистических стран сможет итти по более краткому пути к социалистическим формам хозяйства.

Задача удешевления промтоваров не может быть решена с одного лишь конца снижения отпускных цен, ибо при данном состоянии нашего товарооборота и товаропроводящей сети кроется громадная опасность в том, что снижение отпускных цен не будет полностью доведено до потребителя, т.-е. не достигнет своей цели.

Наличие оптово-розничных «ножниц», т.-е. ненормально высокий уровень розничных цен против оптовых, превращает задачу снижения розничных цен за счет товаропроводящей сети в актуальнейшую политическую и экономическую проблему. Оптово-розничные «ножницы» означают проедание и оседание в сфере обращения больших ценностей, производимых рабочими и крестьянами, чем это необходимо при нормальном выполнении аппаратом обращения своей народнохозяйственной функции.

Устранение оптово-розничных «ножниц» в области частной торговли ограничивает поле частнокапиталистического накопления, лишая частника сверхприбылей, покоящихся на разрыве оптово-розничных цен.

Оптово-розничные «ножницы», разцветая на почве товарного голода и принимая чудовищные размеры в области сбыта дефицитных товаров, могут быть устранены путем:

1) рационализации товаропроводящей сети и упрощения и укорочения пути движения товара от производителя к потребителю,

2) путем сокращения издержек торгового аппарата и

3) путем сокращения тех накоплений в товаропроводящей сети, которые приняли за последний год ненормально высокие размеры.

Задача снижения цен и упорядочения товарооборота непосредственно упирается в проблему построения такого аппарата товарного обращения, который должен лечь в основу построения аппарата социалистического распределения продуктов. Стратегический план Ленина, наметивший путь движения нашей страны от капитализма через нэп к социализму, включает в себя и то звено, которое в области обмена должно являться формой или системой построения социалистического хозяйства.

Основным рычагом, через который, опираясь на социалистическую индустрию, мы в первую очередь должны об'единить и вести по социалистическому руслу крестьянство, является кооперация. Нам нечего искать новый тип аппарата в области обмена в период социалистического хозяйственного строительства. Кооперация является наиболее рациональной хозяйственной системой, опираясь на которую мы будем строить социалистическое хозяйство.

Наша товаропроводящая система, будучи *по своему типу* наиболее рациональной и наиболее передовой, даже по сравнению с передовыми капиталистическими странами, в силу нашей некультурности, технической и организационной отсталости, еще не дала того громадного народнохозяйственного эффекта, который может дать рационально построенная обобществленная система товарного обращения. Еще Маркс, указывал, что капитализм, будучи чрезвычайно экономным в области производства (правда, при хищническом расточении рабочей силы), является *наиболее расточительным строем* в области обмена. Дальнейшее укрепление кооперации, укрепление ее организационной, фи-

нансовой и технической мощи, усвоение ею наиболее передовой капиталистической техники постановки торговли—могут покончить с той капиталистической расточительностью, которая и у нас существует в меру наличия частного капитала, в меру действия стихийной конкуренции. Рациональная и экономная постановка дела явится источником громадных сбережений в народном хозяйстве и обеспечит более интенсивный темп социалистического накопления в народном хозяйстве для индустриализации страны. Поэтому, мы при оценке достижений и завоеваний кооперации, что, несомненно, имеется у нас за последние годы, должны будем исходить не из сравнений с соответствующими данными 1923 г., довоенного времени или с данными капиталистических стран. Кооперация лишь тогда сможет показать свое превосходство над капиталистической торговлей, когда:

1) вместо азиатского торгашества поставит культурную торговлю и обеспечит меньшие издержки обращения, чем это имеет место в капиталистической торговле,

2) преодолеет стихийность рынка и связанную с ней расточительность,

3) сумеет вовлечь миллионные массы потребителей в кооперативное строительство и создать строй цивилизованных кооператоров.

Достигнув громадных успехов в деле концентрации в руках кооперации и госторговли преобладающей части товарооборота, мы поднялись на ряд ступеней выше и столкнулись с новыми трудностями и опасностями, которые свойственны и вытекают из этого нового положения. Кооперация и госторговля па рынке имеют монопольное положение, которое по мере наших успехов все больше и больше будет усиливаться. Однако, во всяком монопольном положении и монопольном типе построения организации кроются свои специфические опасности. Капиталистическая монополия, будучи высшей хозяйственной формой, достижимой в рамках капитализма, обрекает народное хозяйство на неизбежное *загнивание*, от которого может освободить лишь победа социализма, который, опираясь на достигнутые высшие формы, направит хозяйство к дальнейшему развитию.

Отличие монополии в советской экономике от капиталистической монополии заключается в том, что судьба загнивания *не является неизбежной* для нас. Однако, *возможны* известные, отдельные пункты монополистического загнивания. Речь идет об опасности бюрократизации наших хозяйственных органов, об ослаблении стимулов к дальнейшему их улучшению и развитию, об отрыве от масс и пренебрежении их повседневными нуждами. По существу дела, опасность бюрократизации наших хозорганов представляет собой главнейшую часть общей опасности бюрократического перерождения нашего государства, борьба с тенденциями которого является основной задачей нашей партии и рабочего класса.

Нам нужно застраховать себя со всех сторон от процветания всех этих опасных явлений и тенденций, кроющихся в нашей хозяйственной системе.

Первой, основной и самой надежной *страховкой* является подлинное, живое вовлечение масс в дело хозяйственного строительства, привлечение их к проверке деятельности хозорганов.

Наиболее опасная сторона бюрократизма заключается не в бумажной волоките, медлительной и не четкой работе, покоящейся на нашей культурной и технической отсталости, на нашей бедности, а самая главная социальная опасность бюрократизма заключается *в отрыве от масс*. Капиталистические предприятия передовых стран и госорганы, работающие более точно, более быстро, более культурно, чем, зачастую, наши хозорганы, являются более бюрократическими, ибо они совершенно оторваны от масс, они созданы против масс и никогда, при капиталистической системе, при самых больших достижениях в области рационализации дела, не могут преодолеть бюрократизм, являющийся органическим свойством буржуазного строя. Советская же государственная и хозяйственная система потому является передовой по типу своему, что этот тип при своем улучшении и развитии исключает бюрократизм и предполагает сближение, а затем слияние государственного и хозяйственного аппаратов с массами. Вот почему дело привлечения масс к самому активному участию в хозяйственном строительстве, а в данный момент в первую очередь к участию в борьбе за снижение цен, является повелительно необходимой задачей.

Вторая страховка должна заключаться в таком построении всего хозяйственного аппарата, которое своей внутренней конструкцией обеспечило бы *взаимную проверку* различных звеньев хозяйственных аппаратов, облегчающую устранение имеющихся недостатков и создающую стимул к улучшению дела.

Третья страховка—усиление планового руководства пролетарского государства хозяйственной системой, подчинение деятельности отдельных ее звеньев общим задачам политики. Это тем более необходимо, что, зачастую, в деятельности отдельных хозорганов, работников, возглавляющих их, локальные, местные, частные интересы данного органа или учреждения берут верх, ставятся выше общих задач хозяйственной политики и общих директив партии. Усиление планового руководства хозяйственной деятельностью и в особенности рынком, должно обеспечить плановую увязку деятельности отдельных частей хозяйственного организма соответственно всей общей политике, чтобы все хозяйственные командные высоты пролетарского государства, все его рычаги действовали в одном и том же направлении, в направлении осуществления задачи построения социалистического общества.

Лишь одновременным и полным использованием всех этих *трех страховок* мы можем не только обезвредить выявившиеся опасные тенденции, но и успешно двигаться вперед по пути строительства социалистического хозяйства.

Задача снижения розничных цен в данный момент непосредственно упирается в проблему накопления товаропроводящей сети. Пользуясь благоприятной кон'юнктурой на рынке, страдая от недостатка основных и оборотных капиталов, кооперация и госторговля, сопротивляясь задаче снижения цен, поддерживая высокий уровень розничных цен и тем самым ухудшая положение трудящихся масс, при недостаточном сокращении расходов торгового аппарата,—за последний год накапливали громадные прибыли, которые ненормально велики не только по отношению к предыдущим годам, но и чрезвычайно высоки как в отношении к собственному капиталу, так и в отношении к

обороту. Высокая кон'юнктурная прибыль—самый опасный враг борьбы за сокращение накладных расходов, за сокращение издержек производства и обращения. Задача снижения цен и задача приближения рабочих и крестьянских потребительских масс к участию в кооперативном строительстве должна привести к сокращению той чудовищно-высокой нормы накопления, которая происходит в товаропроводящей сети. Лишь ограничив крайним минимумом норму прибыли, включаемую в калькуляцию товаров у торгующих организаций, мы можем добиться снижения цен, во-первых, и, во-вторых, дать реальный стимул кооперации и госторговле накапливать *не* за счет сохранения высокого уровня цен, а за счет рационализации товаропроводящей сети и за счет сокращения расходов.

Это накопление должно ограничиваться минимальными нормами, рассчитанными на соответствующее пополнение капиталов кооперации и госторговли для обеспечения дальнейшего роста их оборотов, во-первых, и, во-вторых, для мобилизации средств на улучшение техники торгового аппарата, как-то: укрупнение магазинов и складов, механизация погрузочных, разгрузочных и развесочных операций, постройка хлебных заводов, холодильников, молочных станций и проч. и проч. При чем эта работа,—по переводу нашей торговли на более *высокую техническую базу*,—должна происходить планомерно в меру тех ресурсов, которые может народное хозяйство выделить для этих задач. Она должна планироваться так же, как мы планируем капитальное строительство в области промышленности.

Задача снижения цен является такой проблемой, которая более, чем другая любая задача, кровно связана с повседневными непосредственными нуждами даже самых отсталых слоев рабочего и крестьянского населения. Поэтому вовлечение масс в борьбу за снижение цен является особенно необходимым и имеет громадные шансы на скорые успехи в этом деле. Если в деревне эта задача преимущественно будет выпадать на плечи парторганизаций, кооперативных организаций и советов, то в городе профсоюзы—этот приводной ремень, связующий широкую рабочую массу с нашей партией—призваны играть решающую роль. Снижение цен—это есть борьба за повышение реальной зарплаты,—задача, которая является органической и важнейшей работой профсоюзов. Прошлогоднее повышение розничных цен фактически снизило зарплату рабочих и этим в значительной степени аннулировало произведенное нами поднятие номинальной зарплаты. С мая месяца прошлого года мы имеем перелом на рынке—не только приостановку повышения стоимости бюджетного набора рабочих, но и значительное понижение, благодаря снижению цен на сельскохозяйственные товары. С первого мая по 1/X п. г. по данным ВЦСПС (более поздних данных еще не имеется) номинальная зарплата поднялась на 9%, реальная же—на 19%. Если бы в области снижения цен на промтовары мы успешно выполнили задание партии, то реальное повышение зарплаты выразилось бы в более значительных размерах. Выполнение постановления Пленума ЦК о 10-процентном снижении цен на промтовары даст возможность не только вернуть рабочим потерянную ими в прошлом году часть своей реальной зарплаты, но сумеет полностью передать рабочим в реальной форме то повышение зарплаты, которое произведено в червонцах. Вокруг этой задачи профсоюзы должны поднять живую активность рабочих, привлечь не только активных рабочих к этому делу, но и поднять новую глыбу отсталой рабочей массы на борьбу за снижение цен, которая еще больше и больше, сплотив рабочую массу и трудящееся крестьянство вокруг советской власти и ее хозяйственных организаций, поможет преодолению стоящих перед нами трудностей, улучшению работы хозяйственных организаций, сокращению себестоимости промышленных товаров, сокращению расходов торгового аппарата, полному доведению до масс потребителей производимого снижения отпускных цен и обеспечению более низкого приемлемого для рабочих и крестьян уровня розничных цен на промтовары.

Постановление Пленума ЦК о снижении розничных цен не менее чем на 10% к первому июня должно быть во что бы то ни стало выполнено, и на полное и своевременное выполнение этой задачи должны быть направлены все силы нашей партии, рабочего класса и наиболее близких к нам слоев крестьянства. Успешное разрешение этой *ударной* задачи в короткий отрезок времени обеспечит более планомерный рост нашего хозяйства, ослабит стоящие на его пути затруднения и направит все внимание рабочего класса и наших хозяйственников на задачу систематического снижения цен на промтовары, являющегося основным условием роста нашей индустрии, ее реорганизующего в социалистическом направлении значения для крестьянского хозяйства и для построения социализма в нашей стране.

Ив. Краваль.

Сводный план промышленности на 1926—27 г.

(Состояние промышленности и ее перспективы на 1926—27 г.).

Задачей рабочего класса и его государства в деле руководства промышленностью является обеспечение и укрепление за ней социалистически преобразующей роли по отношению к крестьянскому хозяйству.

Необходимым условием, обеспечивающим за промышленностью роль гегемона и социалистического преобразователя всего народного хозяйства, является обеспечение более быстрого темпа развертывания промышленности по сравнению с сельским хозяйством и, в недрах самой промышленности, обеспечение более быстрого темпа развертывания тяжелой индустрии, производящей средства производства, по сравнению с легкой, производящей предметы потребления, без чего невозможен переход промышленности на более высокую техническую базу, т.-е. реконструкция основного капитала промышленности.

Главным образом на этом пути лежит преодоление трудностей, связанных с практическим осуществлением решений об индустриализации нашей страны и освобождении нашего хозяйства от зависимости от капиталистических стран, экспортирующих к нам средства производства.

Поэтому вопросы капитального вложения в промышленность должны привлекать особое внимание как партийных, так хозяйственных и профессиональных организаций, ибо новое капитальное строительство будет играть решающую роль как в деле дальнейшего укрепления союза рабочих и крестьян в связи с возможностями снижения себестоимости и цен, так и в деле дальнейшего улучшения материального положения и роста численности пролетариата.

Но эта большая работа по реконструкции всего нашего народного хозяйства и, в первую очередь, промышленности может быть успешно разрешена только при условии, если будет уделено достаточно внимания вопросам, связанным с наиболее рациональным использованием существующего основного капитала.

1925—26 хозяйственный год был первым годом проведения директив партийного с'езда об индустриализации нашей страны, был первым годом крупных новых вложений в нашу государственную промышленность и одновременно годом, когда работа нашей государственной промышленности протекала в условиях преодоления хозяйственных затруднений. Не оправдавшиеся перспективы урожая (снижение продукции, благодаря дождям), неудовлетворительный ход хлебозаготовок, необходимость сокращения экспортного, следовательно, и импортного плана—на ряду с затруднениями в заготовках внутреннего сельскохозяйственного сырья для промышленности, очень значительно затруднили работу промышленности в течение истекшего 1925—26 хозяйственного года.

Вследствие этих изменений народнохозяйственной кон'юнктуры, промышленность должна была перестраиваться на ходу, приспособляясь к новым импортным, финансовым, сырьевым и проч. лимитам.

Одним из наиболее отрицательных явлений, связанных с сокращением первоначально намеченного темпа производства, явился относительный избыток рабочей силы, поспешно набранной к началу хозяйственного года, оказывавшей в течение всего года понижающее влияние на производительность труда и затруднявшей работу по снижению себестоимости.

Однако, несмотря на все эти затруднения, за 1925—26 г. промышленность увеличила свое производство на 41,8% в довоенных ценах по валовой продукции и—на 43,3% по отпускным ценам в червонных рублях.

При чем наиболее быстрый темп развертывания производства в истекшем году, мы наблюдали в отраслях тяжелой индустрии: так, напр., производство угля возросло на 54,4%, марганцевой руды—на 136%, чугуна—на 71,2%, стали—на 57%, проката—на 60,6%, цемента—на 80%, при росте производства хлопчато-бумажных тканей на 34,8%, бумаги—на 28% и т. д.

Более быстрый темп развертывания отраслей тяжелой индустрии, работающих по производству средств производства, привел к росту удельного веса их с 41,3% в 1924—25 г. до 44% в 1920—26 г. Кроме того, более быстрый темп развертывания фабрично-заводской цензовой промышленности, давшей 42% прироста, по сравнению с мелко-ремесленно-кустарной промышленностью, давшей прирост в истекшем году в 15,3%, привел к снижению удельного веса частной промышленности с 21,8% в 1923—24 г. до 16,9% в 1925—26 г., при соответственном росте удельного веса государственной и кооперативной промышленности. Все это говорит о происходящем процессе относительного вытеснения технически отсталых форм промышленности формами прогрессивными и о совершенно несомненном индустриализаторском направлении промышленной политики нашей партии.

Если принять во внимание, что темп развертывания нашей госпромышленности в истекшем 1925—26 хоз. году (41,8%) очень значительно превосходит тот темп, который намечался по крупной промышленности контрольными цифрами Госплана (плюс 22% в довоенных руб. и плюс 11% в черв. руб.) [1]) и, если принять во внимание, что контрольными цифрами Госплана предусматривались гораздо более благоприятные условия как в смысле финансирования и снабжения сырьем и оборудованием, то отсюда ясно, что основная установка нашей партии в отношении про-

[1]) См. контрольные цифры народного хозяйства на 1925—26 г. изд. „Плановое Хозяйство", стр. 51.

мышленности заключалась в обеспечении ей максимально возможного темпа развертывания при данных сырьевых, финансовых и импортных возможностях.

По этим данным читатель может судить о том, насколько были экономически обоснованы заявления лидеров оппозиции о том, что основной директивной установкой партии в отношении промышленности было сдерживание темпа ее развертывания.

О том темпе, каким развивалась промышленность и тех трудностях, какие ей пришлось преодолеть, можно судить по следующим данным, характеризующим развертывание промышленного производства в последние годы.

Годы	Продукция в довоен. руб.
1921—22	1.526
1922—23	2.034
1923-24	2.627
1924—25	4.058
1925-26	5.796
1926—27	6.752

Эти данные говорят о тех колоссальных усилиях, какие пришлось приложить нашей партии для обеспечения этого неслыханного темпа развертывания.

Сводный промышленный план, законченный в настоящее время разработкой в ВСНХ и утвержденный правительством, предусматривает в области валовой продукции увеличение производства в 1926—27 г. на 20,6% против 1925—26 г. При этом по группе отраслей тяжелой промышленности, связанных с производством орудий и средств производства, предусматривается прирост в размерах 24,9% при росте отраслей легкой индустрии на 17,3%, что приведет к дальнейшему усилению удельного веса отраслей промышленности, работающих над подведением новой технической базы под наше народное хозяйство.

Предполагаемый более медленный темп роста валовой продукции в мелкой и кустарно-ремесленной промышленности, всего 8,1%, говорит о том, что и в 1926—27 г. будет продолжаться процесс относительного вытеснения технически отсталых форм промышленности, более прогрессивными формами крупной государственной промышленности, что найдет свое выражение в дальнейшем снижении удельного веса частной и ремесленно-кустарной промышленности. Все это с совершенной несомненностью говорит о том, что сводно-промышленный план в области развертывания производства составлен с учетом директив об индустриализации нашей страны.

Наибольшие трудности в деле восстановления в течение последних лет представляли металлическая и топливная отрасли промышленности, наиболее пострадавшие в период гражданской войны. Эти отрасли промышленности все время находились под неослабным вниманием партии и правительства, и только благодаря этому удалось довести производство чугуна и стали с 2,6% в 1921—22 г. до 72% чугуна и до 80% производства стали в текущем году (по сравнению с довоенным).

Продукция же всей металлопромышленности за последние годы изменялась следующим образом (в милл. довоен. руб.):

Годы	Продукция	В %% к 1912 г.	В %% к предыдущ. году
1912	735	100,0	—
1922—23	122,7	16,7	—
1923—24	191	26,0	155,7
1924—25	384,9	52,4	201,5
1925—26	586,7	79,8	152,4
1926—27	801	109,0	136,5

Эти данные говорят о той огромной работе, которая была проделана по восстановлению металлопромышленности—этой базы по проведению индустриализации нашей страны.

Выполняется ли директива XV партийной конференции о том, чтобы «форсировать постановку в нашей стране производства орудий производства, с целью уничтожения зависимости от капиталистических стран в этой решающей для индустриализации области», можно судить по следующим данным, характеризующим рост внутреннего производства оборудования в довоенных рублях.

Внутреннее производство	1913 г.	1925-26	В %% к 1913 г.	1926—27	В %% к 1913 г.
а) Транспортн. обор.	69,9	74,7	90,1	106,8	128,8
б) Промышлен.	74,6	79,5	10[illegible],6	95,0	127,3
в) Электрооборуд.	18,4	18,1	98,4	27,0	146,7
г) С.-х. оборудован.	64,75	72,3	111,7	92,2	142,4
Всего	240,65	244,6	101,6	321,0	133,4

Импорт	1913 г.	1925—26	В %% к 1913 г.	1926—27	В %% к 1913 г.
а) Транспортн. обор.	29,3	7,9	27,0	9,7	33,1
б) Промышлен. »	115,1	33,1	28,8	92,2	80,1
в) Электрооборуд.	22,6	11,7	51,8	18,7	82,7
г) С.-х. оборудован.	51,1	34,0	68,1	24,0	47,0
Всего	218,1	87,5	40,1	144,6	66,3

Из этой таблицы мы видим, что в области внутреннего производства оборудования мы уже в текущем хозяйственном году на 33,4% превзойдем уровень довоенного производства, увеличивая производство за один хозяйственный год на 32%. Однако, в связи с тем, что импорт оборудования в текущем хозяйственном году составит всего 66,3% от довоенного импорта, об-

щий размер удовлетворения народного хозяйства оборудованием в 1926—27 г. всего на 1,3% превысит размеры потребления оборудования в 1913 г.

Анализируя данные внутреннего производства оборудования до войны и теперь, мы видим, что уже в 1925—26 г. оно близко подходит к довоенному уровню (101,6% в пределах территории СССР), впереди всех идет производство сельскохозяйственного оборудования (111,7% довоенного уровня), а отстает более других производство транспортного оборудования (90,1%). Что же касается плановых предположений на 1926—27 г., то все они довольно значительно превышают довоенный уровень соответствующего производства, при чем здесь впереди всех будут стоять электрооборудование (146,7% довоенного уровня) и близко к нему, в смысле соотношения к довоенным уровнем, стоящая группа с.-х. оборудования (142,4%). Остальные две группы несколько отстанут от этого уровня. Все производство оборудования дает превышение над довоенным в размере 33,4%.

Совсем иная картина получается при анализе цифр импорта различных видов оборудования. В 1925—26 году весь импорт оборудования составлял лишь 40,7% довоенного импорта, при чем особенно отстает импорт транспортного и промышленного оборудования (27,0% и 28,8%). Впереди всех идет импорт сельскохозяйственного оборудования (68,1% довоенного), а за ним следует импорт электрооборудования (51,8% довоенного уровня). Что касается плановых предположений на 1926—27 г., то хотя ввоз в целом и увеличится по сравнению с 1925—26 г. более чем в 1,5 раза (87,5 милл. довоенных руб. и 144,6 миллион. довоен. руб.), но по сравнению с довоенным достигнет лишь уровня $^2/_3$ его (66,3%). Из отдельных же видов оборудования максимальный под'ем дает ввоз промышленного оборудования (с 33,1 милл. довоенных руб. до 92,2 милл. довоен. руб., т.-е. увеличение почти на 180%). Об'ясняется этот резкий под'ем реализацией значительной части германских кредитов (фактический завоз за счет этих кредитов будет равен 92 милл. червон. руб., или 51,1 милл. довоен. руб.). Но и такое повышение импорта промышленного оборудования доводит его в 1926/27 году лишь до 80,0% довоенного уровня. Импорт электрооборудования также повышается по сравнению с прошлым операционным годом более чем в $1^1/_2$ раза (18,7 милл. дов. руб. и 11,7 милл. довоен. руб., т.-е. увеличение на 60%) и достигнет 88,7% довоенного уровня. В области импорта транспортного оборудования повышение очень незначительное (с 7,9 милл. довоен. руб. до 9,7 милл. довоен. руб., т.-е. на 23%), ввоз составит только 33,1% довоен. уровня. В области же импорта сельскохозяйственного оборудования мы будем иметь снижение по сравнению с 1925—26 г. на 31% (с 34,8 до 24,0 милл. довоен. руб.), в результате чего оно составит лишь 47% довоен. вместо 68,1% в 1925—26 г.

Но, понятно, анализ порознь данных внутреннего производства и импорта не дает настоящей картины, ибо вопрос заключается также в том, в каком количестве доставляется стране оборудование в общем, независимо *(пока)* от того, является ли оно результатом внутреннего производства или импорта. И вот, приходя к анализу данных (суммы внутреннего производства и импорта) мы видим, что в 1925/26 г. она для всех видов оборудования составляла лишь 72,4% довоенного уровня, при чем, что особенно важно, *наиболее низким является относительный уровень по сравнению с довоенным нового промышленного оборудования (54,4%).*

Что касается 1926/27 г., то в течение этого года мы должны иметь значительный под'ем этого уровня по всем видам оборудования в целом с 332,1 до 466,6 милл. руб., т.-е. на 43%, в результате которого мы достигнем довоенного уровня (101,3%). В отношении же отдельных групп оборудования мы имеем (как и следовало ожидать после анализа данных о планируемом импорте в текущем году) увеличение по группе промышленного оборудования по сравнению с прошлым годом на 66% (с 112,6 до 187,2 милл. довоен. руб.), но и в результате этого под'ема удовлетворение по этой группе достигнет лишь 98,7% довоенного уровня. Значительный под'ем ожидается и по группе электрооборудования (с 29,8 до 45,7 милл. довоен. руб., т.-е. на 53%), удовлетворенная потребность которой достигнет 111,5% довоенной, т.-е. выступит в своем отношении к довоенному уровню на первое место, обогнав даже группу сельскохозяйственного оборудования, степень удовлетворения потребности которой в истекшем 1925—26 г. стояла по своему относительному уровню на первом месте. Об'ясняется это тем, что производство и ввоз сельскохозяйственного оборудования претерпели очень незначительные изменения по сравнению с истекшим годом: увеличение на 8,5% (с 107,1 до 116,2 милл. довоен. руб.), что явилось результатом того, что предполагаемое увеличение по внутреннему производству на 27,5% (с 72,3 до 92,2 милл. довоен. руб.) будет компенсировано уменьшением импорта на 31% (с 34,8 до 24,0 милл. довоен. руб.). Что касается удовлетворения спроса по транспортному оборудованию, то оно в 1926—27 г. увеличится почти на 40% по сравнению с прошлым годом (с 82,6 до 115,5 милл. довоен. руб.) и достигнет 102,9% довоенного уровня.

Все это говорит о том, что, *несмотря на то, что в области внутреннего производства оборудования у нас имеются значительные достижения, все же в области общего снабжения нашей страны оборудованием мы едва в текущем хозяйственном году достигнем того уровня вовлечения нового оборудования в производство, какой был в 1913 г.*, вследствие значительного отставания импорта оборудования по сравнению с довоенным импортом. Именно поэтому, несмотря на то, что в текущем году промплном по металлической промышленности намечается очень значительный темп развертывания машиностроения (прирост в 32%), пленум ЦК, обсудив вопрос о капитальном строительстве промышленности на 1926—27 г. по докладу тов. Куйбышева, вынес резолюцию, подчеркивающую, что, «несмотря на то, что план предусматривает значительный об'ем капитальных работ по металлической промышленности (больше четверти всего об'ема капитальных работ по всей промышленности), признать необходимым увеличение этих капитальных работ для обеспечения более быстрого темпа развития металлургии и машиностроения» как за счет более целесообразного использования средств самой металлопромышленности, так и за счет усиления внутреннего и заграничного долгосрочного кредитования.

В сводном промышленно-финансовом плане промышленности на 1926—27 г. особое внимание на ряду с металлопромышлен-

ностью уделяется вопросам электро- и топливоснабжения страны.

В области электростроительства у нас имеются значительные достижения по сравнению с довоенным периодом, что видно из того, что мощность фабрично-заводских электростанций в текущем году превысит довоенную на 49%, мощность местных и районных электростанций превысит довоенную на 229,6%, а общая мощность наших электростанций составит в текущем году 1.730 тыс. клв. против 780 тыс. в 1913 г., или 222% довоенной мощности.

Однако, несмотря на это, мы являемся одной из наиболее отсталых стран как по установленной мощности, так по расходу электроэнергии на душу населения, что видно из следующих данных:

Расход электроэнергии на 1 душу населения и установлен. мощность на 1.000 жителей.

В 1925—26 году.

Страны	Расход электроэнергии в клв.-час.	Установл. мощность в клв.
СССР	22,3	12
Германия	480	160
САСШ	700	230
Норвегия	2.000	660

Особое место в плане промышленности на 1926—27 г. уделяется вопросам капитального строительства.

Вопросы капитального строительства в промышленности в настоящее время приобретают особо важное значение в связи с тем, что промышленность в настоящее время вступила, в связи с исчерпанием резерва основного капитала, в такой период своего развития, когда дальнейшее ее развертывание может происходить только на основе новых вложений и расширения основного капитала.

Размеры и темп индустриализации нашей страны, а также и практическое осуществление директивы XV партийной конференции о том, чтобы в относительно минимальный исторический срок нагнать, а затем превзойти уровень индустриально-развитых передовых капиталистических стран, зависит от размеров и темпа дальнейшего расширения основного капитала и все расширяющегося нового строительства фабрик и заводов. Рост капитальных вложений за последние 3 года выражался в следующих цифрах: в 1924—25 г.—385 милл. руб., в 1925—26 г.—780 милл. руб. и в 1926—27 г. намечено для вложения 947,2 милл. при 30 милл. руб. резерва и добавочном ассигновании на электростроительство в размере 153,6 милл. руб. (Сверх того, 7 м. р. расходуется на Днепрострой по общему плану капитального строительства). Эти данные говорят о систематическом росте из года в год капитальных вложений в нашу промышленность, производимых как за счет увеличения бюджетных ассигнований, так и, главным образом, за счет роста внутрипромышленного накопления.

Характерным для капитального строительства текущего хозяйственного года является не только общий рост затрат на капитальное строительство, но и значительные изменения в самом характере капитальных работ. В текущем хозяйственном году при общем сокращении расходов на капитальный ремонт с 129 милл. руб. в предыдущем году до 104,8 милл. руб. в текущем году, или на 18,2%, значительно увеличиваются расходы по реконструкции и переоборудованию, достигая 562,1 милл. руб. в текущем году (рост на 16,2%). Такое увеличение расходов на замену старого, изношенного оборудования более совершенным должно будет дать соответствующий эффект в деле снижения себестоимости. Одновременно значительное увеличение расходов на теплосиловое хозяйство (рост на 42%) должно будет в значительной степени гарантировать нас от того значительного количества аварий, которые происходили в предыдущем году вследствие большой изношенности теплосилового оборудования.

Значительные изменения в план капитального строительства текущего хозяйственного года, по сравнению с планом предыдущего года, внесены также и в связи со значительным повышением удельного веса нового строительства. В то время как общий размер капитальных вложений увеличится на 18,5%, расходы по строительству новых предприятий должны увеличиться с 103,1 милл. руб. до 187,7 милл. руб., или на 82%.

В связи с тем, что наиболее узким местом в промышленности является тяжелая индустрия (металл, топливо, электростроительство), от темпа развертывания которой в значительной мере зависит темп под'ема всего народного хозяйства в целом, план капитального строительства на текущий хозяйственный год составлен в полном соответствии с практическим осуществлением директивы партийной конференции о том, что «капитальное строительство еще в более значительной мере, чем в истекшем году, должно быть преимущественно направлено на переоборудование и перестройку тяжелой промышленности (металл, топливо и электростроительство)». Это видно из того, что при общем росте капитальных вложений в текущем году на 18,5% капитальное строительство в отраслях, производящих средства производства, увеличивается с 536 милл. руб. до 675,2 милл. руб., или на 26,3%, при несколько уменьшающемся размере капитальных вложений в легкой индустрии, благодаря чему удельный вес капитальных вложений в тяжелую индустрию повышается с 68,6% в предыдущем году до 73,6% в текущем году, при чем отрасли промышленности, производящие средства производства, расходуют 88,7% всех предоставляемых промышленности общегосударственных средств. Из отдельных отраслей, по сравнению с предыдущим 1925—26 г., капитальные вложения в 1926—27 г. увеличиваются в топливной промышленности на 33,4%, в металлургической и железорудной—на 25,8%, в электротехнической—на 32%, горной промышленности—на 47%, силикатной—на 42,5%, при

некотором их уменьшении по легкой индустрии. Такое перераспределение средств в пользу тяжелой индустрии делает возможным практическое проведение директивы XV партийной конференции о форсированной постановке в нашей стране производства орудий производства в целях уничтожения зависимости от капиталистических стран в этой решающей для индустриализации области.

Особое внимание в системе капитального строительства занимают расходы по электрификации в связи с тем, что разрешение задач индустриализации нашей страны и реконструкции ее материально-технической базы невозможно без соответствующего развития электростроительства. Работы по электрификации на текущий хозяйственный год увеличиваются до 160,6 милл. руб., или на 33,5% против предыдущего года, считая и начало Днепровского строительства в размерах 7 милл. руб., осуществлению которого партия должна уделять особое внимание в общей системе крупных строительств переживаемого нами реконструктивного периода. Такое внимание электростроительству нами уделяется также и потому, что, несмотря на то, что мощность электростанций в текущем году в 2,2 раза превысит довоенную мощность, мы все же являемся одной из самых отсталых стран по расходу электроэнергии на душу населения.

Однако, это капитальное вложение в промышленность, вместе с электрификацией, в 1.100 милл. руб. не обеспечит надлежащего экономического эффекта, если не будут учтены ошибки прошлого года и обеспечена жесткая плановая дисциплина в области капитального строительства.

В условиях чрезвычайно напряженной хозяйственной обстановки нарушение плановой дисциплины в области капитального строительства должно рассматриваться, как нарушение интересов социалистического строительства.

На ряду с соблюдением плановой дисциплины величайшей важности значение имеет стоимость капитального строительства. Промышленность располагает большими возможностями в смысле значительного удешевления строительных работ. Широкий обмен опыта по проведению промышленного строительства, лучшая организация рабочей силы и повышенная производительность труда, снижение накладных расходов и т. д. дадут, несомненно, значительные результаты в деле удешевления промышленного строительства. Практика прошлых лет со всей категоричностью выдвигает требование рационализации строительства, обеспечение планового руководства и использование одними строительствами опыта других, знакомство со всеми новейшими достижениями в этой области западно-европейской и американской строительной техники.

Со всей решительностью должна проводиться в этой важнейшей работе борьба за плановую дисциплину, за максимальное удешевление строительства, за экономическую и техническую его рациональность и против всякого параллелизма, разнобоя и кустарничества.

В деле практического осуществления плана капитальных работ на текущий хозяйственный год особое внимание должно быть обращено на устранение тех недостатков промышленного строительства, которые имели место в истекшем 1925—26 г. и выразились: 1) в нарушении плановой дисциплины и производстве непредусмотренных и неразрешенных планом работ, 2) в отсутствии увязки сроков строительных работ со сроками снабжения оборудованием, 3) в закупке излишних строительных материалов, 4) в недостаточной концентрированности работ во времени и по об'ектам и 5) в малой эффективности строительных работ в связи с очень значительной себестоимостью их производства.

Успешному разрешению, стоящих перед нашей партией и рабочим классом задач в области капитального строительства и подведения новой технической базы под все наше народное хозяйство, должно быть уделено особое внимание как всеми нашими хозяйственными, так и партийными и профсоюзными организациями. Мы ни на минуту не должны упускать из виду, что снижение темпа капитального строительства неизбежно должно будет задерживать наши возможности в области снижения себестоимости, а тем самым и цен, в нашей промышленности, и может послужить задерживающим элементом в деле дальнейшего улучшения материального положения трудящихся масс.

В области рабочего вопроса промпланом на 1926—27 хоз. год, как и в области общего развертывания промышленности, предполагается сниженный темп как роста числа рабочих, так и роста заработной платы.

1925—26 г. характеризовался значительным ростом количества занятой рабочей силы в промышленности. Прирост числа рабочих по цензовой промышленности составил 25%, или около 400 тыс. новых рабочих, и значительно превзошел (почти на 100 тыс. человек) то количество рабочих, которое необходимо было для выполнения производственной программы 1925—26 г. в условиях нормальной работы. Этот излишек рабочих тяжелым бременем ложился на производство и был одной из важнейших причин того невыполнения по промфинплану 1925—26 г. роста производительности труда, который фактически имел место.

Предыдущий хозяйственный год характеризовался дальнейшим значительным повышением как номинальной, так и реальной заработной платы промышленных рабочих. Средняя годовая зарплата в 1925—26 г., по сравнению с предыдущим годом, возросла на 25,6% в номинальном выражении и на 16,2% в ее реальном значении.

Промышленность начинает текущий хозяйственный год с повышенным уровнем зарплаты, который в среднем по всей промышленности уже превышает довоенный размер заработной платы [1]), не считая дополнительных накладных расходов и начислений на заработную плату, которые составили в истекшем хоз. году 32,1% дополнительных расходов к фонду заработной платы, непосредственно выдаваемому на руки рабочим.

Однако, несмотря на такой интенсивный рост заработной платы, мы не имели такого же повышения выработки на рабочего, благодаря чему истекший хозяйственный год не только не

[1]) По данным Статистики Труда ВЦСПС и НКТ средняя заработная плата по всей промышленности в октябре составила 101,3% по бюджетному набору, не учитывающему того, что рабочий около 2/3 своей зарплаты реализует через кооперацию, которая в среднем на 14—15% торгует дешевле частного розничника.

дал снижения доли заработной платы в себестоимости, но, наоборот, вызвал значительное ее повышение, благодаря тому, что рост номинала заработной платы в 26,6% сопровождался ростом выработки на рабочего всего в 11,9%. Это и явилось одной из немаловажных причин того роста себестоимости изделий нашей промышленности, который мы наблюдали в истекшем хоз. году в среднем по всей промышленности в размерах, примерно, около 2%.

О том, насколько неблагоприятно в течение истекшего года было соотношение в динамике заработной платы и выработке на рабочего, можно видеть по следующим данным [1]:

Отрасли промышленности	1925—26 г. в %% к 1924—25 году		
	Дневной заработок		Выработка на чел.-день
	В черв. коп.	В усл. моск. к.	
По всей промышленности	126,6	116,2	111,9
В том числе:			
Каменноугол.	133,2	123,4	117,0
Силикатная	131,2	121,9	115,1
Металлическая	130,0	117,7	116,8
Электротехнич.	124,1	110,2	115,4
Текстильная	124,6	112,3	111,6
Кожевенная	120,0	108,1	110,8
Химическая	127,2	113,4	114,2
Пищевая	115,2	107,6	111,9
Деревообрабат.	117,9	110,0	98,6
Бумажная	123,7	112,8	105,8

Промплан по рабочему вопросу на 1926—27 хоз. год составлен с учетом необходимости исправления ряда недочетов, имевших место как в использовании рабочей силы, так и ее найме в текущем хозяйственном году.

Промпланом на текущий хозяйственный год предусматривается повышение числа постоянных рабочих на 7%, при росте заработной платы 9,9% и повышении выработки на рабочего в среднем по всей промышленности 12,6%.

Достижения уже во втором квартале текущего года уровня заработной платы, намеченного по промфинплану на весь текущий хозяйственный год, а также необходимость выполнения во что бы то ни стало директивы правительства о снижении себестоимости минимум на 5% заставляют нас в настоящее время обратить особое внимание на вопросы, связанные с повышением производительности труда в целях достижения, как минимального, того уровня, который намечен промфинпланом, недостижение которого грозит значительными финансовыми осложнениями, могущими вызвать как перебои в своевременной выплате заработной платы, так и грозит некоторым срывом нового капитального строительства.

[1]) См. сводно-производственный план финансирования промышленности на 1926—27 г. Промиздат, стр. 49 52.

К числу подлежащих проведению мероприятий должны быть отнесены в первую очередь следующие:

1) усиление и углубление работы по рационализации производства на основе наличного оборудования в целях его наилучшего размещения и использования;

2) более строгое согласование наличия и роста рабочей силы с фактическим развертыванием производства, правильное и экономное установление необходимых штатов производственных и вспомогательных рабочих, служащих и технического персонала; прежде всего необходимо добиться правильного и рационального использования наличного кадра рабочих и вовлечение намеченных 116 тыс. рабочих по непрерывным производствам производить лишь в соответствии с действительной потребностью при полном отсутствии излишней рабочей силы на предприятиях;

3) улучшение технического снабжения предприятий и сокращение простоев;

4) улучшение использования рабочей силы путем дальнейшего развития уплотненной работы (в текстильной промышленности и других отраслях) переход на непрерывную работу и конвейерную систему, более рациональное распределение рабочего времени;

5) повышение и укрепление трудовой дисциплины путем мобилизации общественного мнения рабочих для борьбы против пьянства, возросших прогулов, симуляции, грубости, производственного хулиганства, а также путем пересмотра действующих правил внутреннего распорядка;

6) усиление и углубление технико-нормировочной работы на фабриках и заводах, переход от имеющего еще место нормирования «на глаз» к научно и рационально поставленному нормированию, качественное и количественное укрепление соответственных органов в трестах и заведениях, пересмотр норм выработки, где они оказались неправильными или непересмотренными при проведении организационно-технических улучшений.

Проведение этих мероприятий является совершенно необходимым условием для обеспечения реальности финансового плана промышленности, без чего нормальная работа промышленности невозможна.

Вся промышленность в целом должна будет дать в текущем хоз. году 518,6 млн. руб. прибыли, из которых 303 млн. р. составят отчисления в госбюджет и местный бюджет, 50 млн.— на обязательную покупку 8% займа.

Общий приток капиталов в промышленность в текущем хоз. году должен будет составить 1.800 млн. руб., из них: 916 млн. накопления и амортизация самой промышленности, 602 млн. руб. долгосрочное финансирование, 221 млн. руб. банковское кредитование и 95 млн. руб. прирост иностранного кредита по оборудованию. Из этой суммы 483 млн. руб. должно пойти в качестве платежей промышленности в бюджет, а остальная сумма в основной своей массе идет на капитальные затраты (948 млн. руб.) и пополнение оборотных средств промышленности в целях своевременного снабжения ее сырьем, топливом и вспомогательными материалами.

Один тот факт, что рост запасов материальной ценности, несмотря на дальнейшее развертывание производства в размерах 20%, предполагается сниженным по сравнению с предыдущим годом, и только при этом условии финансовый план промышленности окажется реальным, говорит об очень напряженном финансовом положении промышленности, требующем во всех без исключения областях жесткого и вдумчивого проведения режима экономии, без чего может быть нарушен план капитального строительства на текущий хозяйственный год.

Только при том условии, если практическому осуществлению этого сводного плана промышленности будет уделено достаточно внимания каждой низовой хозяйственной организацией, только при условии абсолютной плановой дисциплины и вовлечения в кампанию по снижению себестоимости широчайших слоев рабочих и всего административно-технического персонала, мы сможем этот план осуществить полностью и тем самым подвести необходимую материальную базу как для дальнейшего развертывания производства в следующем хоз. году, так и для дальнейшего повышения материального положения трудящихся.

Никольский.

К вопросу о рабочих, живущих в деревнях.

(По материалам обследования).

Известно, что в ряде промышленных губерний—особенно это относится к губерниям Центрально-Промышленной области—значительная доля рабочих поддерживает теснейшую связь с деревней, с сельским хозяйством. Есть одна категория, которая даже *живет в деревнях*, окружающих внегородские промышленные предприятия, имеет дом, ведет свое хозяйство.

Вопрос о таких рабочих еще сравнительно мало изучен. Между тем здесь, конечно, существуют совершенно своеобразные отношения, изучение которых дало бы кое-что и для методов агитпроп-культпросветработы среди самих этих рабочих, разбросанных поодиночке, небольшими и иногда значительными группами по деревням, и для некоторых вопросов жилищной политики, и для способов культурно-политического воздействия на крестьянское население, в гуще которого вращаются эти рабочие, и для многих других вопросов.

Настоящее представляет попытку подытожить обследование некоторых сторон в существовании таких рабочих по Ковровскому уезду, Владимирской губернии,—обследование, произведенное курсантами Ковровской совпартшколы. Материал касается 136 селений, в которых живет 4.344 рабочих, т.-е. 50% из общего количества рабочих, живущих по деревням. Ковровский же промышленный уезд может служить показателем для всей Владимирской губернии.

Во Владимирской губернии почти половина из общего числа рабочих живет по деревням, разбросанным кольцом вокруг каждого предприятия, имея радиус в 10—15 верст. В этих деревнях рабочие живут группами от 2 до 200 человек. Такое положение сложилось исторически: всякий фабрикант, намереваясь строить свою фабрику, ставил перед собой, в частности, следующие задачи: 1) приблизить предприятие к топливу, 2) получить дешевый клочок земли и 3) иметь дешевые свободные руки. Все три задачи он легче всего разрешал, строя свои фабрики в гуще крестьянского населения, где он получал еще дополнительную прибыль, не беспокоясь о жилье для рабочих и не производя на это излишних затрат. Иметь полурабочего, полукрестьянина было даже очень выгодно, т. к. для такого крестьянина-рабочего фабрика являлась бы подсобным заработком, а отсюда—его малотребовательность и сговорчивость; рабочий, удаленный от культурных центров-городов, рабочий, разбросан-

ный по деревушкам, меньше поддается революционному воздействию.

Куда идет рабочий, живущий в деревне, в своем хозяйственном развитии: к закреплению на земле и использованию фабрики, как источника дополнительного заработка или окончательно порывает связь с землей и деревней? Вот первый вопрос, заинтересовавший нас.

Обследованные в деревнях 4.344 рабочих живут в 3.201 хозяйстве, из которых в 71,5%—2.300—ведут хозяйство сами рабочие, а в остальных 28,5%—члены семьи. Какова физиономия хозяйств, принадлежащих рабочим?

Из 2.300 хозяйств, примерно, в половине (46%, а отдельно у текстилей—49%) руководителями хозяйств являются *работницы*. Это—по преимуществу вдовы с кучей детворы. Для них фабрика является основным источником существования, а крестьянское хозяйство подсобным. Такова одна характерная черта обследованных хозяйств.

Дальше. Далеко не все хозяйства являются земледельческими хозяйствами. Значительная доля относится к совершенно бросившим землю. Таких хозяйств насчитывается больше одной трети, примерно 35%. Остальные 65% так или иначе обрабатывают землю.

Но как они обрабатывают ее и имеют ли они возможность и средства для ведения хозяйства? Ответ должен быть дан такой: большинство (от двух третей и выше) по существу не имеет таких средств и возможностей. В самом деле, только 33% обследованных хозяйств имеют кое-какой мертвый инвентарь. Остальные 67% не имеют никакого инвентаря. Если же взять только те хозяйства, которые пользуются землей, то получится, что безынвентарных хозяйств среди них половина.

Что касается живого инвентаря, то лошадь имеют 30% хозяйств. Среди пользующихся землей 53,2% безлошадных хозяйств.

Коровы имеются у 59,5% хозяйств.

Из всех хозяйств, следовательно, могут сами произвести обработку земли лошадно-инвентарные хозяйства, т.-е. одна треть. Безлошадные, но пользующиеся землей хозяйства обычно прибегают к найму временной рабочей силы, т.-е. нанимают лошадника-крестьянина для обработки земли, таких хозяйств имеется 560 или 70% из числа от указанной группы безлошадных, но пользующихся землей хозяйств. Что касается остальных 30%, то они в сущности находятся на грани оторванности от земли, и земля, по сути дела, только числится за ними.

Здесь необходимо принять во внимание, что пользование наемной рабочей силой имеет место не только у безлошадных хозяйств. Иногда и лошадные хозяйства не лишены этого, 1% из них пользуется даже постоянной рабочей силой. Это обстоятельство должно несколько повысить процент отрывающихся от земли.

После этого все хозяйства рабочих, *живущих* в деревнях, можно разбить на две группы: 1) пытающиеся так или иначе удержаться, как хозяйства, и 2) окончательно порвавшие и порывающие связь с землей. К первой категории должно быть отнесено несколько менее одной трети хозяйств рабочих. Остальные относятся ко второй группе.

О рабочих второй группы необходимо сказать, что они живут в деревне по традиции, еще не решаются отбросить хозяйство, которое им никакой пользы не приносит, а является лишь обузой, тяготой, или же живут в деревнях потому, что не позволяют жилищные условия в городе или около предприятия. Посмотрим, каковы стремления этих рабочих. Из всех хозяйств, вместе взятых,—54,5% (у металлистов—66,5%, у текстильщиков—53,5%) высказывают желание уйти окончательно из деревни, бросить свое хозяйство и жить на фабрике. Взять такие задаваемые вопросы: «нельзя ли свой дом передать в жилкооперацию и самому поселиться к фабрике»? (ф-ка К. Либкнехта). Они показательны для этих настроений.

Главное состоит тут в том, что рабочий теперь уверен в прочности своего положения на предприятии. Что его удерживает от решительного и массового движения из деревни, так это—отсутствие на фабрике жилья. В настоящее время одним из первых вопросов по работе среди рабочих, живущих в деревнях, следовательно, должно стать разрешение жилищной проблемы. Кардинальное решение ее будет, конечно, еще не скоро, но облегчение положения безусловно возможно. В частности—путем поощрения индивидуального строительства близ предприятий и разрешения вопроса с земельной площадью под строительство. Последний вопрос больше всего волнует предприятия: «негде строиться». Это и не удивительно, т. к. фабриканту не было нужды закупать или арендовать землю больше той площади, какая нужна для корпуса и двора фабрики. Разрешение земельного вопроса для строительства сильно подвинуло бы вперед дело удовлетворения жилищных потребностей. В самом деле, за последние 10—15 лет рабочими выстроено домов в деревне у 32% хозяйств (у металлистов—48%, у текстильщиков—30,5%). Они, конечно, с успехом могли быть выстроены на территории предприятия. Рабочего, живущего во владимирской деревне, следовательно, не столько закрепляет земля, сколько различные препятствия к переходу на жительство на территорию предприятия.

Это относится ко второй группе хозяйств, т.-е. порвавших и порывающих связь с землей, но с первой, т.-е. пытающихся удержаться, как крестьянское хозяйство, дело обстоит иным образом. Это—хозяйства лошадные, они имеют некоторую возможность вести хозяйство. Они стараются закрепиться в деревне, дабы этим, так сказать, «застраховать» себя на случай разных пертурбаций. К укреплению своего хозяйства они имеют больше возможностей, эта группа рабочих больше обеспечена зарплатой, ибо к ним относятся такие категории, как бригадиры, подмастерья, слесаря и т. д. Но и в отношении этой группы надо сказать, что если масса рабочих, живущих в деревнях, получит благоприятное разрешение жилищного вопроса на территории предприятия, то и они частью потянутся туда же. Конечно, известная часть будет продолжать себя «страховать».

Перейдем к рассмотрению вопросов, связанных с производственным стажем, культурным уровнем, точнее—с культурными запросами самих рабочих. Обследованные 4.344 рабочих работают на 11 предприятиях (8—текстильных и 3—металлообрабатывающих) и живут, как сказано выше, в 136 селениях, расположенных вокруг предприятий радиусом от 1 до 10 верст.

По полу они делятся так: мужчин—40,5%, женщин—59,5% (у текстильщиков—63%). По производственному стажу мы получаем следующую картину:

1) работающих до 1 года насчитывается 6,3%
2) » с 1 до 5 лет 17,3%
3) » с 5 до 10 лет 20,7%
4) » с 10 и выше 55,7%

Наибольший процент занимают, таким образом, рабочие, работающие на предприятии 5 лет и выше—76,4%. Это—те рабочие, которые испытали на себе гнет капиталистической эксплоатации, прошли школу гражданской войны. С такой группой рабочих вести работу легче, и запросы их близки к запросам основного кадра пролетариата. Но и на них есть еще в значительной мере «крестьянский» налет.

Интерес к общим собраниям имеется: 75% посещают собрания на предприятиях. Но оговариваемся, что сюда попали и те, кто бывает на них редко.

Производственные совещания посещают и посетило—18% всех рабочих. Эти факты говорят, что и для этой категории рабочих далеко не чужды интересы предприятия и профжизни. Весь вопрос во времени и в постановке докладов.

Последние перевыборы советов (ф-ка им. Свердлова—50% живет в деревне) показали, что рабочие, живущие в деревне, интересуются не только своим сельсоветом, но и не меньше, если не больше,—жизнью поселкового совета. Участие рабочих, живущих в деревнях, в работе сельсоветов и сельсходов выражается в 39%. Своим участием в сельсоветах рабочие оказывают, естественно, некоторое влияние на крестьянскую массу в деревне.

Кооперированы рабочие на 74%, а остальные не кооперированы, как члены семьи.

Учитывая все это, надо сказать, что почва для работы богатая. Весь вопрос в том, как поставить работу в деревне.

Прежде всего, что мы имеем в области культработы? На 136 селений имеется 12 красных уголков. Это еще слишком мало. Не говоря уже о том, что красные уголки и прочие аналогичные культпросветорганизации необходимы не только для обслуживания рабочих, нужно еще отметить, что данные показывают, что в 48 деревнях из 136 рабочие сконцентрированы группами от 20 человек и выше.

Вот 5 групп селений, по числу рабочих:

I — рабочих живет от 5 — 10 в 35 селениях.
II — » » » 10 — 20 » 36 »
III — » » » 20 — 50 » 38 »
IV — » » » 100 — 200 и выше в — 10 селениях.

Фабкомы только-только развертывают работу. Красные уголки ищут путей работы и во многом оставляют желать лучшего. Благодаря такому положению, рабочих, посещающих культпросветучреждения (рабочий клуб, избу-читальню и кр. уголок), только 32%, но и то не регулярно. Что их там интересует? Прежде всего зрелища (кино, спектакли)—50%, доклады, беседы—23%, а остальные 27% не могли вообще назвать ничего. Несмотря на такое малое посещение культпросветучреждений, предпосылки к работе имеются. Нужно итти, начиная дело постановкой зрелищ. В селениях, имеющих большое число рабочих, необходимо организовать и рабочие клубы.

Библиотек-передвижек в деревню брошено мало, а потому книг берут очень мало. Лишь 12% рабочих берут книги из библиотек, но это не только для себя, но и для семьи. С выпиской газет обстоит лучше: 33% выписывают газеты и получают в предприятиях. Хуже — дело с добровольными обществами: всего 16% состоят во всех обществах, нередки случаи, когда рабочий или работница не знает о существовании МОПР'а.

Вывод из всего указанного может быть следующий:

1) Большинство рабочих (70%), живущих в деревнях, по своему экономическому положению и запросам имеет большую тягу к окончательному «высвобождению» от земли и деревенского хозяйства.

2) Только часть рабочих (30%, а может быть и меньше) принимает все меры к тому, чтобы себя «застраховать» на случай старости и перебоев предприятия.

3) По своему производственному стажу, запросам рабочие, живущие в деревне, близко стоят к основному кадру пролетариата соответствующего предприятия, но, находясь в крестьянской массе большую часть времени, они подвержены и деревенским настроениям.

4) Парторганизациями и профсоюзами еще недостаточно развернута работа по обслуживанию этой категории рабочих и воспитанию в них пролетарски-классового чутья.

М. Бах.

Фашизм в Прибалтике.

(Краткий обзор).

I.

События последнего времени приковывают внимание СССР и всего мира к государствам, находящимся по ту сторону наших западных границ.

Нет сомнения, что приход Пилсудского к власти в мае минувшего года, фашистский переворот в Литве, неудавшиеся выступления латышских фашистов в Вольмаре, разгром Белорусской Громады, сопровождаемый небывалым террором по отношению ко всем польским нацменьшинствам, живущим на границе с СССР,—являются событиями, стоящими в тесной связи с теми интервенционистскими замыслами, которые ныне готовятся английским империализмом. Отсюда и тот неистовый вой буржуазной печати об агитаторах, оружии, директивах и инструкциях, посылаемых якобы советским правительством за границу для подготовки вооруженных выступлений против существующего там капиталистического строя. Вся эта бешеная агитация необходима правящей буржуазии наших западных соседних государств для того, чтобы подготовить почву открытой фашистской диктатуре.

Целью данной статьи является выяснение наличных фашистских организаций в Прибалтике, социально-политические корни балтийского фашизма и его внешней ориентации. Одновременно мы хотим выяснить, насколько фашизм в Прибалтике связан с административным и особенно военным аппаратом соответствующих стран и в какой мере людской фашистский материал может быть использован лимитрофами при возможном военном выступлении против СССР.

II.

Переходя к обзору фашистского движения в Прибалтике, остановимся прежде всего на Финляндии, которая может быть названа родиной международного фашизма. Финская буржуазия еще за несколько лет до прихода к власти Муссолини создала свою классовую военнопатриотическую организацию, так называемую «Охранную гвардию» («Шюцкорпусы»), потопившую в крови революционное движение в стране в 1918—19 гг. Несмотря на то, что путем террора и беспощадных репрессий финская буржуазия за последние годы в общем и целом «стабилизировалась», ее боевые фашистские отряды — шюцкоры не распущены.

Любопытна структура этих «отрядов охраны». Последние представляют собой форменную вторую *армию*, насчитывающую к настоящему времени свыше 100.000 человек. Эта «добровольная гражданская милиция», распадающаяся на 500 охранных дружин, прекрасно вооружена: шюцкорпусы снабжаются не только ружьями и пулеметами, но и пушками, аэропланами, танками, в последнее время даже траллерами. Примерно 80% охранников принимают активное участие в дружинах, остальные находятся в резерве. Социальный состав шюцкорпусов не оставляет никаких сомнений относительно классовой сущности финского фашизма. Членами охранных дружин являются в городах: буржуазная молодежь, сыновья предпринимателей, вышедшие в запас высшие военные чины, в деревнях помещики и зажиточные крестьяне. Командный состав шюцкоров, получивший образование в довоенной Германии, настроен явно монархически.

Каковы же цели этих «отрядов охраны»? Формально—«помощь административным органам при защите государства от посягательств»; *фактически* шюцкорпусы являются в мирное время боевой классовой организацией, необходимой финской буржуазии в целях устрашения—путем террора—революционных рабочих и в целях подавления—путем штрейкбрехерства—экономической борьбы пролетариата; в военное время шюцкорпусы могут быть использованы как наличная, прекрасно вышколенная военная сила, являющаяся в значительной степени более надежной, чем официальная армия, в которой имеются и «красные» элементы. Весьма важно отметить своеобразную особенность финского фашизма, которая проявляется в том, что шюцкоры включены в общую военно-оборонительную систему страны; командование шюцкоров подведомственно военному министерству Финляндии. Шюцкорпусы получают также ежегодную правительственную субсидию из бюджетных сумм. (В недавно принятом финским парламентом бюджете на 1927 год на нужды «отрядов охраны» предвидится изрядная сумма в 30 млн. финских марок). Вся территория страны разделена на 21 шюцкорский округ, во главе которого стоит окружной начальник со штабом. Главнокомандующий всеми шюцкорпусами назначается президентом государства. Легкое вооружение охранники имеют у себя дома; пушки, броневики шюцкоров находятся на сборных пунктах. Шюцкоры устраивают регулярные, иногда довольно продолжительные маневры при участии всех родов вооружений. Фактическим руководителем (хотя номинально лишь «почетным вождем») финских фашистских отрядов является палач революционного движения в стране, бывший царский генерал *Маннергейм*.

В качестве политического дополнения к шюцкорам в Финляндии существует еще «Союз Защиты Финляндии», имеющий сеть отделений во всей стране. Цель этого Союза—собирание материальных средств для нужд шюцкоров, преимущественно на их вооружение, а также ведение фашистско-политической организации. Кроме того, существует еще вспомогательная женская организация (так наз. «Лотти Свярд»), об'единяющая несколько десятков тысяч «охранниц». Целью этой организации является «моральная» и материальная поддержка шюцкоров, а также санитарное обслуживание охранников.

Необходимо также отметить *международные* связи финского фашизма. Особенно тесны отношения финских шюцкоров с гер-

манским милитаризмом и с русской монархической эмиграцией. Деятели финских шюцкорпусов являются также активными руководителями аналогичных фашистских организаций в Эстонии, Латвии и Литве. Начальник Выборгского Шюцкора, капитан Каримо, неоднократно ездил в Эстонию и в Латвию для инспекции «отрядов охраны»; финские охранники являются также постоянными гостями на всех маневрах охранных дружин Эстонии и Латвии.

Несмотря на свою крупную силу, финские «отряды охраны» не являются организацией абсолютно единой: в рядах финских фашистских отрядов заметны некоторые конфликты и противоречия. Существует, прежде всего, некоторый антагонизм между монархистскими и республиканскими элементами шюцкоров. Во-вторых, часть руководителей финского фашизма считает возможным использование шюцкоров для всяких международных контрреволюционных авантюр (например, для интервенции против СССР); другая же часть рассматривает отряды охраны лишь как орудие борьбы с финским революционным движением. В-третьих, в деятельности шюцкоров наблюдаются и трения национальные, обусловленные тем, что командный состав шюцкоров—в большинстве шведы, в то время как рядовые охранники на 75%—финны. Существуют также некоторые разногласия между командованием шюцкоров и командованием армии, при чем эти разногласия зачастую принимают довольно острый характер. Дело в том, что командование фашистских шюцкоров считает армию недостаточно благонадежной и требует усиления шюцкоров, увеличения соответствующих бюджетных субсидий и одновременного ослабления армии.

Но несмотря на все эти «внутриорганизационные» разногласия и конфликты, финский фашизм до настоящего времени не раскалывался. Боязнь перед революционным пролетариатом все еще велика и служит цементирующим элементом для финского фашизма.

Почему же финская буржуазия, обладая столь мощной фашистской организацией, не перешла к открытой фашистской диктатуре? Потому, что и без открытой диктатуры финская буржуазия под покровом конституционализма и демократического парламентаризма проводила, когда это было ей нужно, явно фашистскую диктатуру. Ведь до последнего времени Финляндией правили правительства буржуазной коалиции, не стеснявшейся никакими средствами в борьбе против революционного движения в стране. Для иллюстрации того, в какой мере финская буржуазия считается с парламентаризмом, достаточно привести факт недавнего прошлого: в конце 1923 года правительство арестовало всю парламентскую лево-социалистическую фракцию в составе 27 человек...

Однако, если до сих пор финская буржуазия не перешла к открытой фашистской диктатуре, нельзя сделать вывода, что это навсегда. Как раз теперь *угрозы фашистской диктатуры в Финляндии возрастают*. В середине декабря минувшего года к власти пришел впервые за последние 8 лет, чисто социал-демократический кабинет. Несмотря на то, что финские эсдеки ни в чем не отличаются от остальных партий II Интернационала, не вселяющих особого страха буржуазии, и несмотря на то, что нынешний эсдековский кабинет в Финляндии может существовать исключительно по милости буржуазного парламентского большинства, один лишь приход к власти эсдеков вызвал усиление деятельности фашистских организаций, зорко следящих за работой нового кабинета. Возможность фашистского переворота в Финляндии не исключена в том случае, если стоящие у власти эсдеки ничего не предпримут в борьбе с фашизмом и в то же время помешают проведению единого пролетарского фронта. Трудно, однако, представить, что эсдеки в какой-либо мере помешают дальнейшей работе фашистских шюцкоров. Лишь недавно (декабрь 1926 г.) часть (правда, незначительная) финских эсдеков выступала в парламенте при обсуждении бюджета министерства обороны на 1927 г. с открытой защитой шюцкоров, называя их «стражем демократического правопорядка». Правая часть финских эсдеков даже голосовала в парламенте за предоставление субсидий отрядам охраны. Вот почему угрозу фашистского переворота в Финляндии нельзя считать исключенной.

III.

Фашизм в Эстонии. В Эстонии, как и Финляндии, фашистские организации тесно переплетены с административным и военным аппаратом. И в Эстонии существует огромная армия (20—25 тыс. человек) фашистов, организованная в «отряды охраны». Эти отряды образовались при прямом участии правительства после неудавшегося революционного восстания ревельских рабочих и солдат 1 декабря 1924 г. Но уже до того времени в Эстонии существовали фашистские организации, как полувоенная—так наз. «отряды охранников», так и политическая—т. н. «Эст. народно-либеральная партия». «Отряды охотников»—классовая организация зажиточного крестьянства, домовладельцев, предпринимателей и банкиров. «Охотники» прекрасно вооружены, проходят регулярное военное обучение; их главная задача терроризировать революционное движение, нагнать страх на пролетариат. Широких симпатий эти фашистские банды не привлекают, главным образом, вследствие своей ярой реакционности, а также по той причине, что большинство «охотников»—лица с криминальным прошлым, бывшие сыщики и подонки общества. Небольшой симпатией пользовалась также политическая организация эстонского фашизма—упомянутая «нар.-либ.» партия, руководившаяся адмиралом Питкой, который отличился зверскими расправами над эстонскими пролетариями в 1918—19 гг. При выборах в 1923 году эта партия получила 4 парламентских места, а в 1926 г.—ни одного.

Ревельское восстание декабря 1921—22 г. убедило эстонскую буржуазию в том, что, несмотря на жестокие преследования рабочего движения и на террор «отрядов охотников», настроение эстонского пролетариата все еще революционное. У всех в памяти небывалое «кровопускание», совершенное после революционного восстания эстонской буржуазией (вкупе с социал-демократией, вступившей сейчас же после восстания в кабинет широкой коалиции) и ее вождем генералом Лайдонером, и стоившее жизни многим сотням лучших борцов за дело эстонского пролетариата. Однако, буржуазия не удовлетворилась кровавым террором, применяемым еще до сих пор против революционного движения в стране, и, желая себя обеспечить от возможного повторения революционных выступлений, создала сеть военно-фашистских

организаций, построенных по типу финских шюцкоров. Эстонские «отряды охраны», организованные во всех городах и деревнях, комплектуются исключительно из буржуазных слоев: в городах в «отряды охраны» входит студенчество, гимназисты старших классов буржуазного происхождения, сыновья домовладельцев и предпринимателей; в деревнях—кулачество. И тут отряды охраны, помимо крупных частных пожертвований, получают поддержку—в порядке бюджетных ассигнований—от министерства обороны. И тут «отряды охраны» по своей структуре исполняют двоякого рода функции: в мирное время—боевого защитника властвующей буржуазии, в военное время—добавочной армии, превосходящей по численности и по «благонадежности» действительную армию Эстонии.

Как и в Финляндии, эстонская буржуазия, несмотря на наличие столь мощной фашистской организации, не провозглашает открытой фашистской диктатуры. И в Эстонии буржуазия предпочитает править под сенью парламентаризма и демократии, не останавливаясь в борьбе против революционного движения перед самыми зверскими расправами.

IV.

Переходим к фашистскому движению *в Латвии*, где угроза правого переворота наиболее актуальна. Рассмотреть всю сеть националистических, патриотических, юношеских военных организаций, образующих в совокупности реальную опору латышского фашизма, мы тут за отсутствием места не можем. Остановимся поэтому на наиболее характерных и влиятельных фашистских организациях в Латвии.

Сюда относятся, в первую очередь, латвийские «отряды охраны» (т. н. «айзсарги»), организованные опять-таки по типу финских шюцкоров. Характерной особенностью этих отрядов в Латвии является то, что их место деятельности почти исключительно деревня, волость, село; в городах «отрядов охраны» до последнего времени нет. Латвийские «айзсарги» вооружены, проходят регулярную военную службу, разделены на взводы, роты, батальоны, полки. Такие полки «охранников» находятся в каждом административном округе и командуются местными окружными начальниками и подведомственны в административных делах министерству внутренних дел, в делах военных—военному ведомству. Кроме оружия, в распоряжении полков «охранников» находятся также пулеметы и легкая артиллерия. Число этих «охранников», по официальным данным за 1925 г., равно 18.500, при чем в это число входят только активные «айзсарги». Едва ли будет преувеличением сказать, что к настоящему времени количество всех «охранников»—активных (проходивших военную службу в армии), пассивных (деревенская кулацкая молодежь, обучающаяся стрельбе) и резервных, доходит *до 30—35 тыс.* и, таким образом, превосходит по численности действительную армию Латвии, насчитывающую в мирное время 22—25 тыс. штыков. Каков же социальный состав этих охранников? По официальным данным, зажиточных крестьян в отрядах охранников—52%, крестьян-середняков и новохозяев—26%; остальные—патриотически настроенные сельскохозяйственные рабочие (?) и батраки. Как мы видим, решающая роль среди «охранников» принадлежит кулачеству, которое и является полным хозяином в деревне, терроризируя всякое прогрессивное движение, в первую очередь, профессиональные и культурные организации сельскохозяйственных рабочих, число которых в Латвии достигает 200.000.

Однако, в задачи «айзсаргов» входит не только борьба с революционным движением в стране. «Отряды охраны должны стать также основой в борьбе против внешних врагов»,—так пишет официальный орган охранников [1]). При обсуждении сметы министерства обороны в бюджетной комиссии генерал Балодис (б. главнокомандующий латв. армией, ныне один из вождей кулацкого «крестьянского союза», стоявшего до последнего времени у власти), выступив против предложения эсдеков о ликвидации отрядов охраны, заявил: «60% охранников служило в национальной армии. Охранники ныне лучше вооружены, чем наша армия в 1919 г. Поэтому с ними нужно считаться *как с военной силой*. Институт «айзсаргов» необходимо не ликвидировать, а расширить». И нужно отметить, что забота об «охранниках» совпадает с бешеным вооружением, производимым Латвией. Достаточно сказать, что в бюджете на 1926 г. на военные расходы отпущено 46 млн. латов (1 лат=50 латв. р.—$37^1/_2$ з. коп.) из общей суммы расходов в 166 млн. лат, т.-е. почти 28%! Специально на нужды «отрядов охраны» было ассигновано $14^1/_2$ млн. латв. р.; отпущено также 160.000 орудийных снарядов. Кроме того, «отряды охраны» получают суммы из местных (волостных и местечковых) бюджетов.

Как в Финляндии, так и в Латвии шюцкоры имеют 2 вспомогательных организации: 1) «Общество охраны Латвии», ведущее патриотически-милитаристическую агитацию, собирающее деньги для обороны страны, издающее милитаристически фашистский ежемесячник и заботящееся о «культурном развитии» охранников. В члены этого общества входят исключительно высшие военные чины, фашистская интеллигенция, фабриканты, домовладельцы и пр., 2) «Отряды охранниц» (т. н. «Aizsardzu nodalas»), построенные по типу финских «Lotty sward». «Охранницы в Латвии» начали организовываться только к началу 1926 г. и насчитывают к настоящему времени свыше 130 отрядов и 3.000 членов.

Вынужденная под напором пролетарских масс отказаться от намерения создавать аналогичные отряды охраны и в городах, латвийская буржуазия создала в городах целый ряд явно и скрыто фашистских организаций: «Лат.-Нац. Клуб», «Страж Отчизны», «Страж Латвии», «Союз Лат.-Нац. Молодежи», «Нац. Союз Латв. Воинов», «Соколы» и пр. Наиболее влиятельной и многочисленной среди них является «Латвийский Нац. Клуб», являющийся боевой милитаризованной организацией, которая в течение последних трех—четырех лет открыто готовится к установлению в стране фашистской диктатуры. Будучи организацией «надпартийной» и «надклассовой», Л. Н. К. пользуется моральной и материальной поддержкой всех правых реакционных буржуазных партий Латвии. Эта наиболее активная фашистская организация, комплектующаяся преимущественно из буржуазных слоев и студентов и учеников средних классов гимназии, проявляет свою

[1]) «Aizsargs» («Охранник»). Рига, № 3, 1926 г., стр. 84.

деятельность главным образом в срыве рабочих собраний и демонстраций (преимущественно первомайских), в штрейкбрехерстве (ЛНК-истами срываются все забастовки транспортников и грузчиков) и в подготовке вооруженного фашистского переворота. Л. Н. К. тесно связан с верхушкой генерального штаба (шефами Л. Н. К. были нынешний инспектор армии врангелевец, генерал Радзиньш, генерал Бертис, полковник Тюгис и др.) и с политохраной, большинство его членов вооружено и проходит регулярную военную службу. Вообще вся организация военизирована, распадается на отряды, образующие целую иерархию. Вожди Л. Н. К. поддерживают тесную связь с литовскими, польскими и особенно с итальянскими фашистами, от которых они переняли даже форму. Насчитывает Л. Н. К. вместе со своими 80 отделениями, раскинутыми по всей стране, около 3.500 членов. Фашистское движение в Латвии успело себя в значительной степени скомпрометировать в результате целого ряда чисто хулиганских криминальных проделок, в которых были замешаны активные руководители Л. Н. К. Дело дошло даже до вмешательства властей и закрытия Л. Н. К., продолжавшего, однако, свою работу под фирмой «Клуб латышских националистов».

В начале 1926 г. произошел даже раскол, и часть «эленкистов» образовала новую организацию «Страж Латвии», во главе которой стал некий Давис, ездивший в 1925 г. от имени Союза латвийских домовладельцев на Парижский конгресс оберовской «Лиги по борьбе с III Интернационалом». Этот раскол, как и наличие многочисленных организаций, не исключает, однако, об'единенных действий фашистских организаций: существует институт, «Конгресс латвийских националистических организаций», периодически собирающийся и избирающий «исполкомы» фашистских организаций. Ближайший вселатвийский фашистский с'езд назначен на апрель с. г.

Заметно оживилась деятельность латышских фашистов в самое последнее время, после литовского переворота, совпавшего с образованием левобуржуазно-социалистического кабинета в Латвии. Реакционная латышская печать открыто восхваляла литовских фашистов и подняла бешеную кампанию против левого латвийского кабинета; правые газеты открыто угрожали эсдекам повторением в Латвии ковенских событий 17 декабря. ЛНК 18 декабря посылает приветственные телеграммы Плеховичесу и пытается устроить в Риге уличную демонстрацию в честь победы литовских фашистов. По всей стране ведется самая явная подготовка к вооруженному фашистскому перевороту, об этом сообщает вся мировая печать, о том же неоднократно предупреждает эсдеков Рижское Центральное Бюро Профсоюзов, об'единяющее все революционное движение в стране. Наконец, в ночь на 21-е января происходит первая попытка фашистского переворота—неудавшееся выступление лейтенанта Олина в Вольмаре (наиболее фашистски настроенном провинциальном городе). Теперь уже нет никаких сомнений в том, что Вольмарское выступление должно было быть лишь началом к свержению правительства и к установлению фашистской диктатуры, давно уже подготовляемой фашистскими организациями. Однако, эсдековский премьер Скуйенек, представителям печати заявляет, что выступление Олина не носило политического характера (!),

в том же духе высказывается генерал Бангерский, военный министр после получения отчета о следствии, произведенном в Вольмаре посланными туда... тремя фашистскими генералами. А эсдеки? Они лишь теперь, после событий в Вольмаре, заговорили об угрозах правых «путчей». Правда, по последним сведениям, эсдековское правительство решилось на смелый акт и арестовало одного фашиста, главного руководителя ЛНК, Поне (как незадолго до 17 декабря правительство Сляжевича решилось арестовать одного Гловацкого). Но одновременно эсдековское правительство *освободило из тюрьмы всех участников Вольмарского путча* (кроме одного Олина); а по всей стране проводятся систематические преследования *против левых профсоюзов*. Арестован ряд деятелей левого профдвижения, конфискуются все без исключения издания левых союзов, требующих энергичной борьбы с фашизмом. По последним сведениям, эсдеки и реформистский профсоюзный центр *отказались* от предложения левых профсоюзов о создании единого пролетарского антифашистского фронта.

Как мы видим, в Латвии повторяются литовские события; фашисты энергично готовятся к перевороту; мягкотелое правительство не решается на активную борьбу с фашистами и преследует революционное движение, а эсдеки не идут на единый фронт, тем самым облегчая победу фашизма.

V.

Таково положение фашизма в трех балтийских странах—Финляндии, Эстонии и Латвии, где нет еще фашистской диктатуры. В Литве и Польше фашизм уже у власти.

Каково же положение в этих странах? И в Польше, и в Литве мы имеем полное разложение парламентаризма: сеймы терпятся лишь постольку, поскольку они угодны сидящим у власти диктаторам и тем социальным слоям, на которые диктатура опирается. Вольдемарас, не стесняясь, заявляет, что сейм будет немедленно распущен, если он выразит недоверие его правительству [1]). Пилсудский продолжает еще кокетничать с сеймом, так как последний сменил гнев на милость, и польская буржуазия «приняла» режим Пилсудского со всеми его «причудами». И в Польше, и в Литве фашистская власть обрушивается всей силой государственного аппарата на трудящиеся массы: варшавское правительство устраивает кровавую расправу над Белорусской Громадой, об'единяющей сотни тысяч трудящихся белорусских крестьян, терроризует трудящееся население Западной Украины, применяет небывалый террор против всего революционного движения в стране. В области внешней политики мы имеем в Польше Пилсудского—рост милитаризма и откровенные заявления о необходимости расширения польских границ. «На Восток—за Буг, за Днепр!» в Польше ведется систематическая подготовка «поглотить» Литву, чтобы по указке Лондона создать удобный трамплин для возможной интервенции против СССР.

В Литве аналогичные явления: зарвавшаяся христианская буржуазия, не довольствуясь зверской расправой над 4 наиболее преданными, наиболее нужными вождями литовских трудящихся, выносит новые массовые смертные приговоры. Профдвижение разгромлено и обезглавлено. Отменены все «демократические сво-

[1]) См. «Rigasche Rundschau» от 31 янв. 1927 г.

боды». Запрещены стачки, собрания рабочих. Введено военное положение, установлена цензура. Восстановлена неограниченная власть иезуитских ксендзов. Как и в Польше, нацменьшинства в Литве терроризируются. Какова же внешняя ориентация фашистской Литвы? Для «внутреннего употребления», для обмана масс Вольдемарас попрежнему продолжает требовать от Польши возвращения Вильно. А на самом деле, ведутся полуофициальные и секретные переговоры с Польшей, о которых беспрестанно сообщает рижская, виленская, варшавская и берлинская печать. По неопровергнутым сообщениям, в конце января в Ковно велись неофициальные переговоры между эмиссаром Пилсудского—дочерью польского князя Радзивилла—и Вольдемарасом. А в начале января, уже по сведениям польской официозной печати, начались переговоры между представителями Литвы и Польши в Вильне, притом, как сообщает хорошо информированная рижская «Яунакас Зиняс», эти переговоры ведутся при участии специально приехавшего в Вильно английского посланника в Прибалтике, мистера Воона. Мы не знаем, о чем конкретно ведутся эти переговоры, но нет сомнения, что в миссию Воона входит «примирение» фашистской Литвы с Польшей, без которого немыслимо создание широкого антисоветского балтийского блока под руководством Польши и общим дирижерством Англии. Не случайно, конечно, Воон в беседе со Сметоной заинтересовался, по сообщению литовского официоза «Лиетува», вопросами экономического сближения Литвы с Польшей. И не случайной, конечно, является совершенная на-днях поездка директора Литовского Государственного Банка Юргутиса *в Лондон с целью заключения внешнего займа*, обещанного Англией, которая, как известно, применяла по отношению к Литве Сляжевича кредитную блокаду. Яснее ясного, что если не сегодня, то завтра фашистская Литва впадет в об'ятия Польши.

Данный выше обзор фашистского движения в Прибалтике и краткий анализ положения в Польше и Литве показывают, что вокруг СССР куется—и покуда не безрезультатно—фашистское кольцо. При прямом содействии английского империализма, готовящего интервенцию против СССР, наши западные соседи смыкаются в фашистский антисоветский блок.

Но этого блока еще нет; фашистское ожерелье, обрамляющее СССР, еще не сомкнуто. Английские интервенционисты не заручились покуда еще поддержкой Германии участвовать в возможной интервенции. Еще продолжается торг в мининделах «великих» держав: Германия, надеясь—и не беспричинно—на поддержку в данном вопросе со стороны Англии, требует изменения версальских границ, в первую очередь уничтожения Данцигского коридора; Польша покуда упорствует и устами Залесского торжественно заявляет «ни пяди польской земли», «все как один на защиту отечества»....

Однако, фашизация лимитрофов, несомненно, усиливает опасность интервенции. Не случайно, конечно, фашизация лимитрофов проводится как раз в то время, когда СССР ведет с Прибалтикой переговоры о заключении гарантийного договора, имеющего целью умиротворение Восточной Европы.

Все это говорит о необходимости быть на страже. Бдительность трудящихся СССР не должна быть ослаблена.

Андрей Червонный.

Спорные вопросы новейшей истории Персии.

Вот уже несколько лет, как между исследователями новейшей истории Персии идет неумолчный спор о характере происходящих там процессов дифференциации и о роли крестьянства в судьбах этой страны.

Но никогда еще этот спор не был так заострен, как именно теперь, после помещения в газете «Правда» за ноябрь 1926 г. статьи тов. Мирзы, под названием: «Мы, они и Персия», и после статьи т. Висанова в журн. «Новый Восток», № 15 за тот же год. Остановимся сначала на статье т. Мирзы.

Тов. Мирза, поставив все точки над «и», пытается утвердить одну из самых ошибочных оценок вопроса о персидском крестьянстве.

А что это так, свидетельствует тот факт, что хотя статья Мирзы на две трети посвящена спору с журналом английских империалистов «Нир Ист» («Ближний Восток») и в этой своей части разногласий не вызывает, тем не менее, помещая ее, ЦО вынужден был сопроводить ее следующим редакционным заявлением: «*Некоторые ее (статьи) положения, касающиеся предпосылок аграрного движения в Персии, представляются спорными*» (курсив наш).

Начнем с основного утверждения автора:

«*Внимательные наблюдатели* (курсив наш. *А. Ч.*),—говорит тов. Мирза,—давно уже задавали себе вопрос, почему в Персии, где аграрные условия поистине ужасны, нет аграрного, т.-е. крестьянского движения в какой-либо форме (кроме бандитизма, который, в сущности, является одной из таких форм). ...«*Легкомысленные* (курсив автора) же наблюдатели, наоборот, путали аграрные условия с аграрным движением и вопрошали, почему бы не создать аграрного движения, раз имеется аграрный вопрос».

Пусть не удивляет вас, читатель, эта явно неправильная, чтобы не сказать больше, квалификация «аграрных условий», как антипода «аграрного движения». Такое противопоставление «условий» «движению» в крестьянской полуколониальной стране можно было бы об'яснить оговоркой или опиской, если бы автор не развивал дальше в своей статье разграничительных черт употребляемых им понятий.

Но оставим открытым вопрос об антимарксистской сути этих противопоставлений.

Перейдем к оценке утверждений автора по существу.

Правда ли, что Персия—страна полукрепостных крестьян и крепостных кочевников-скотоводов —не знала и не знает аграрных движений, хотя и недостаточно мощных?

Конечно, неправда и неправда вопиющая. Как мог не знать т. Мирза про аграрные движения, имевшие место в 1920 и 1921 годах в образе крестьянского движения в Гиляне, возглавляемые такими революционерами, как Кучик-Хан, Гайдар-Хан и Эхсанулла-Хан? Как мог т. Мирза, претендующий на марксистский анализ, не вспомнить про эти классические примеры возникновения на базе «поистине ужасных аграрных условий» аграрного движения?

И в то время, когда генерал английской армии Денстервиль в своей книге «Поход на Кавказ и Персию» видел силу движения гилянских революционеров не в его вождях, а в том, что они под рукой имеют источник «добровольных формирований отрядов крестьян, пришедших в состояние революции на почве аграрных отношений», *т. Мирза проглядел это чисто аграрное движение.*

Или, как он мог забыть о другом большом аграрном движении, имевшем место почти в то же время в Хоросане, в виде восстания Мамед-Таги-Хана? А, ведь, там пришло в движение большинство крестьянского населения богатого Хоросанского района, по местам гулял красный петух, захватывались помещичьи земли и имущество, была прекращена барщина, шла открытая аграрная революционная борьба.

В органах, изучающих революционные и аграрные движения Востока, имеется ряд материалов, которые так оценивают движение хоросанских крестьян:

«*Части Мамед-Таги-Хана были сформированы из местной крестьянской бедноты, разоренной помещичье-феодальным гнетом и экономически вытесненной из своего скромного хозяйства*».

И далее:

«В движении Таги-Хана эти революционные институты... нашли особенно яркое *выражение, и восстание весьма скоро приняло аграрный характер* (курсив наш. *А. Ч.*). *Помещичьи и ханские земли начали захватываться крестьянами при прямой поддержке войск*. Ханы и помещики арестовывались и заключались в тюрьму. Во многих местах были отменены поборы с крестьянского населения в пользу помещиков и атаманов разбойничьих племен».

Или, чем об'яснить слепоту т. Мирзы насчет недавнего движения крестьян в Гиляне, Салмасе и Персидском Азербайджане? Чем об'яснить то, что в решимости отчаяния крестьянская масса этих районов не раз уже добровольно шла за призывом иной раз довольно подозрительных по связям с англичанами отдельных (конечно, далеко не всех) вожаков подобных движений? Уж не тем ли, что в Персии есть «аграрные условия», но нет «аграрных движений»?

Однако, у нашего марксистского исследователя на этот счет своя донельзя упрощенная формула: *все эти восстания вызваны «чьей-то рукой», т.-е., иначе говоря, англо-агентами, и ни в какой мере крестьянскими, революционными не являются.*

Чтобы установить вопиющую ошибочность утверждения тов. Мирзы, необходимо разобраться в дошедшем до нас материале о восстаниях в Салмасе, Хоросане и Гиляне в 1926 г.

Прежде всего: как там фактически обстояло дело?

Начнем с *салмасского* восстания, оговариваясь, что мы пользуемся при этом показаниями местных информаторов, основанными на личном наблюдении.

Вот что говорят они о восстании в Салмасе:

«В восстании принимало участие не 180 человек, как сообщали официальные персидские источники, а около 700 чел. Восстание имело ярко антиправительственный, антишахский характер. Восставшие солдаты, набранные из числа окрестных крестьян, ввели принцип *выбора* начальствующих лиц, сорвали с офицеров погоны. Но восставшие солдаты действовали без должного руководства. Однако,—заявляет один из упомянутых информаторов,—*в последнее время персидские солдаты, безусловно, политически выросли*. Большинство из них—старые служаки, видевшие разные порядки, и *нет сомнения*, что *большевистская Россия оказала свое действие на умы персидских солдат*, особенно северных провинций, и сознательная часть прилично разбирается в положении Персии (напр., наблюдаются такие разговоры: «Большевики не врут: что говорят, то и делают; не то, что персы—обещали и ничего не дают»)».

О том, кто сочувствовал движению, наш информатор говорит, что «*купечество ожидало и ожидает переворота*», поэтому «сочувствовало восстанию», но «боялось грабежей». Крестьянство «*безусловно было на стороне восставших*». Об отношении к восстанию городской демократии информатор пишет:

«*Разночинцы, ремесленники в большинстве также были на стороне восставших*».

Кто боролся активно против восстания?

Враги этого движения сочинили лживую версию, что будто «ханы вооружились и рыли окопы». В действительности «*ханы и реакционные части курдов оказали главную поддержку власти в подавлении восстания*».

Еще в июне 1926 г., т.-е. до начала восстания, другой персидский информатор писал:

«*Ханы идут на сближение с военными*, стараясь использовать их силу в своих интересах и, в первую очередь, для восстановления своего господства в имениях... Ханы в своих требованиях стали проявлять желание *восстановления прежних своих прав в целом*».

Переходим к *хоросанскому восстанию*. Кое-кто из наших советских литераторов прямо об'явил его «английской провокацией»—и только. Какие они имели для этого основания? Главное и единственное «основание»: незадолго до восстания в Хоросанской провинции побывал английский консул и, кажется, даже английский военный атташе, г. Фрейзер. Отсюда создалась версия, что *только* англичане подготовили восстание, что они организовали повстанческий ревком. Англичане, конечно, по этой части народ ловкий, охулки на руку никогда не положат, раз имеется возможность воздействовать на правительство полуколониальной страны, выражаясь фигурально, и лаской официального признания и кулаком—поддержкой восстаний. Однако, от того, что если даже англичане, как истые империалисты-диалектики, стремясь использовать *всякое* крупное общественное движение, пытались использовать и данные движения, то из этого вовсе не следует, что классовая суть этих движений переродилась и они превратились в английские, т.-е. в скрытую форму интер-

венции против национально-революционного движения данной страны. Что касается района Хоросана, дело обстояло как раз наоборот. Здесь англичане прямо помогали правительству феодалов и помещиков задавить революционное движение, охватившее богатый и громадный район, ведущий к районам прямого английского влияния—Сеистана, Белуджистана и к границам ревностно оберегаемой ими от революционной заразы Индии.

Вот почему еще больший интерес для изучения вопроса представляет материал, даваемый местными информаторами о развитии хоросанского восстания 1926 г., о силах в нем участвовавших и его питавших.

В свете этих данных вот как рисуется картина этого, несомненно, крестьянского и национально-революционного движения:

1. Центр организации, руководившей восстанием «Комитее Падашизм» (т.-е. «Комитета Возмездия»), находился в местечке Марава-Тапе. Революционеры имели там своей базой гарнизон этого местечка, состоявший из 200 человек кавалеристов-белуджей, 150 человек пехотинцев и 50 пулеметчиков. Организация имела значительные связи среди крестьян района. Во главе ее стоял сподвижник по движению 1920 года Мамед-Таги-Хана—Салар Дженг. Накануне восстания офицеры гарнизона, руководимые офицером-провокатором, до того державшим связь с революционерами, устроили экстренное собрание всех офицеров гарнизона и решили на нем для предотвращения восстания арестовать «зачинщиков». Это обстоятельство и заставило революционеров форсировать выступление.

2. Выступление было начато арестом офицеров,—часть коих бежала,—и срочной подготовкой похода на Буджнурд, где был расположен значительный солдатский гарнизон и имелись солидные связи. Выступив из Марава-Тапе по направлению на Буджнурд, восставшие войска встретили первый отряд правительственных войск в 300 человек. Началась перестрелка. Солдаты правительственного отряда держались пассивно, стреляли из пулеметов только офицеры. В результате двухчасового боя правительственный отряд был разбит, часть офицеров бежала, большая часть солдат перешла на сторону восставших, а один офицер был взят в плен. Дорога на Буджнурд была открыта, и революционеры двинулись по этому направлению.

3. В Буджнурде находился гарнизон в 800 солдат, приведенный в полную боевую готовность. Однако, при продвижении войск восставших, офицеры гарнизона бежали, солдаты все перешли на сторону восставших, и город фактически был занят без боя. Заняв город, имеющий значительную крестьянскую периферию, восторженно встречавшую восставших, последние об'явили всенародный митинг, на котором присутствовало несколько тысяч человек, и в том числе и масса окрестных крестьян. После программных речей, в которых революционеры излагали свою программу—конфискация земли и имуществ помещиков и крупных агентов правительства, наделение землею крестьян и пр.,—митинг заслушал требования окрестных крестьян, арестовавших крупнейшего в округе, славившегося своими зверствами феодала-помещика Хаджи-Амаля, судить его всенародным судом. Было решено судить Хаджи-Амаля совместно с четырьмя взятыми в плен офицерами, выбранным тут же военно-революционным трибуналом. В его состав вошло около двух десятков солдат и крестьян.

После опроса и ряда обвинительных речей со стороны солдат и крестьян по адресу обвиняемых, все они по единогласно выраженному решению митинга были присуждены трибуналом к расстрелу. В тот же день вечером приговор был приведен в исполнение. Имущество казненного феодала было передано крестьянам.

4. В Буджнурде революционеры об'единили свои силы с местным гарнизоном. В результате они имели уже около 1.500 штыков и несколько пулеметов. Сместили реакционеров со всех постов и поставили во все правительственные учреждения своих людей. В Буджнурде революционеры оставили отряд в 100 человек, а второй отряд в 200 человек отправили в Сабзевар с заданием перерезать дорогу Мешед—Тегеран, откуда могли появиться правительственные войска. Главные же силы—1.200 солдат—они готовили для движения на Кучан и Мешед.

5. В Буджнурде революционерами было созвано три больших народных митинга, на которых присутствовала масса окрестных крестьян. На митингах революционеры выдвигали платформу национальной революции: освобождение народа от помещиков и знати, наделение крестьян землею и демократизация армии.

На одном из этих митингов всенародным голосованием окрестного крестьянства и городской мелкоты (ремесленников, мелких торговцев и ремесленных рабочих) было решено приступить к немедленной организации в Буджнурде органа народного управления и самоуправления—энджумена [1]) и было декларировано, что по занятии Мешеда повстанцами там будет созван областной с'езд для создания областного энджумена. На митингах было решено, что от выборов в энджумены должны быть устранены с лишением не только активного, но и пассивного избирательного права все помещики, духовенство и аристократия. Для наблюдения за ходом выборов революционерами были выделены два комиссара: один из них ремесленник-текстильщик, а другой—металлист.

6. После суда и расстрела крупнейшего помещика и феодала Хаджи-Амаля и четырех офицеров, смертью которых восставшие крестьяне мстили всему помещичьему классу и рьяно ставшему на его защиту теперешнему режиму, в Буджнурде был об'явлен всенародный праздник, на который из окрестностей явилось много крестьян. Крестьяне засыпали революционеров просьбами послать отряды то в тот, то в другой район, чтобы расправиться и там с их врагами-помещиками и феодальными ханами. Революционеры указывали, что движением на Мешед они ставят себе задачу разгрома помещиков и феодалов, как оплота монархии Реза Пехлеви. За время нахождения революционеров в Буджнурде их отряды все время пополнялись притоком добровольцев из окрестных крестьян.

7. В Буджнурде революционеры взяли в малие (финотдел) 8 тыс. туман (16.000 р.) и после долгих споров о том, облагать ли капиталы торговцев, решили: в виду того, что владельцы

[1]) Энджумен—орган самоуправления, намеченный программой первой персидской революции. *А. Ч.*

крупных капиталов, помещики и аристократы, из города бежали, а их капиталы находились вне пределов досягаемости, где-нибудь в англобанках, то, не становясь на путь конфискации капиталов у средних и мелких торговцев, произвести у них заем в 7 тысяч туман (14.000 руб.). Таким образом, у революционеров образовался денежный фонд в 30.000 рублей. Заимодавцам было обещано, что по взятии Мешеда долг будет покрыт полностью.

8. Войска повстанцев получали продовольствие и фураж путем покупки его у населения, что совершенно необычно в условиях Персии, где войска привыкли добывать довольствие грабежами. Вследствие этого крестьяне, на пути следования отрядов революционеров, выходили им навстречу и преподносили традиционный подарок—сноп хлеба. Духовенство и помещики всюду бежали.

9. После этого главные силы повстанцев—1.200 человек, под командой руководителей восстания и в сопровождении их руководящего органа—Комитее Падашизм—были двинуты на Ширван (в сторону Кучана). По направлению на Ширван их встретил правительственный аэроплан, сбросивший письмо от Реза-Шаха. В нем шах писал, что он, государь Пехлеви, «всех восставших против установлений и собственности, освященных богом и представленных царем-царей, призывает сдаться, указывая, что в противном случае они будут уничтожены».

Одновременно разведка донесла революционерам, что правительственный отряд в 300 человек перерезал им дорогу. Действительно, в одном фарсахе (семи верстах) от Ширвана, войска революционеров наткнулись на этот правительственный отряд, и после четырехчасового боя, при явной поддержке жителей, разбив его, вошли в город. Вслед за революционерами в город стало стекаться окрестное население. На устроенном революционерами митинге помимо горожан присутствовало свыше тысячи человек крестьян. Руководители восстания выступали с речами, излагая в них основные чаяния крестьянства: борьбу с помещиками-феодалами и поддерживающими их англичанами. Выступившие на митинге крестьяне сообщили революционерам, что правительство и местные феодалы собрали в Кучане 1.500 чел. войска и усиленно формируют из людей самого разбойничьего феодала—буджнурдского хана племени «Шадиллу» [1]—новые отряды против революционеров.

10. Оставив в Ширване отряд в 50 человек, пикеты по тракту, и заняв посты всех местных правительственных учреждений своими людьми, революционеры двинули свои главные силы к Кучану. По дороге все время обслуживавшие их сведениями о противнике крестьяне сообщили, что в старом Кучане сосредоточился значительный отряд правительственных войск. И, действительно, у старого Кучана революционеры были встречены пулеметным огнем. Дело было около 4 час. утра. Пришлось принять бой. Сражение отличалось упорством как с той, так и с другой стороны и продолжалось непрерывно 12 часов. В результате правительственные силы были разбиты и бежали в Кучанские горы, потеряв 50 убитых и столько же раненых. Потери повстанцев—6 убитых и 10 раненых. Выиграв сражение, революционеры

[1] Курды же из племени «зафаранлу» сочувствовали революционерам, но оружия не имели.

двинулись в новый Кучан. В 5 час. вечера, при громадном скоплении и энтузиазме населения (всего в городе около 20 тысяч), вышедшего за две версты навстречу повстанцам, они вошли в Кучан. Духовенство, помещики и крупные чиновники также разбежались. Революционе́ры тотчас же назначили во все правительственные учреждения своих людей. До поздней ночи Комитее Падашизм принимал от населения жалобы на причиненные ему помещиками, ханами и чиновниками обиды.

11. Утром на следующий день над Кучаном появились два правительственных аэроплана и начали сбрасывать бомбы. Революционеры, имея один пулемет, обстреляли их, и аэропланы вынуждены были скрыться. Днем в Кучане происходили митинги и организовывались выборы в местный энджумен. На митингах принимало участие много крестьян и даже крестьянок. Вечером революционеры получили от прибывших из Чанарана крестьян сообщение, что в 12 фарсахах (84 верстах) от Мешеда, по заданию правительства, местные помещики и ханы спешно формируют новые отряды и правительство подвозит туда вооружение и амуницию, что начдив хоросанской дивизии Джан-Мамед-Хан отдал приказ послать из Мешеда в Чанаран, в качестве кадра, 700 человек регулярных войск, что солдаты мешедского гарнизона от выполнения этого приказа отказались, вследствие чего 300 человек их брошено в подвал ужасной мешедской тюрьмы. Разведчики сообщили, что тогда начдив решил мобилизовать всех стрелков бывшей англо-персидской бригады и курдов, несших английскую службу в период империалистической войны. Сообщения эти полностью подтвердились. В 4 часа утра следующего дня Кучан и расположение революционных частей были подвергнуты бомбометному огню с 4-х аэропланов. Около 20 человек мирных жителей было убито. Среди революционных войск такие потери: убитыми 60 человек и около 80 человек ранено. В результате упорных боевых столкновений, невзирая на поддержку аэропланов, правительственные войска, потеряв 100 человек убитыми и ранеными, были разбиты и отступили.

12. Но были сильно изнурены и революционные части, а, главное, огнеприпасы были уже на исходе. На винтовку оставалось по 2 патрона. Для пулеметов осталось только около тысячи патронов. К тому же правительство бросило на поддержку своих сил гвардейский полк из Тегерана, а также, получив от англичан в Дуздабе свыше 50 больших грузовых автомобилей и пулеметы, быстро перебросило на них больше 1.000 солдат, среди которых находились бывшие инструктора англо-персидской бригады, и при помощи созданного таким образом ударного кулака двинулось на революционный Кучан. Разбив в Сабзеваре заслон революционных войск в 200 чел., правительственные войска повели открытое наступление на Кучан. Для революционеров, отрезанных от Мешеда и Тегерана, и не имеющих огнеприпасов, стало ясным, что положение стало явно критическим. Тем временем эскадрилья, состоявшая из 5 аэропланов (по уверению местных жителей, три аэроплана были английские и сбрасывали бомбы с английской маркой), вновь подвергла Кучан бомбардировке, и революционеры, расстреляв все свои патроны, с боем начали отступать, неся громадные потери, особенно, от непрекращающихся нападений на арьергарды со стороны отрядов, организованных в помощь правительству кочевыми феодальными

ханами, до того разбойничавшими на этих путях. Разбившись на группы, революционеры вынуждены были рассеяться по стране.

Так закончилось это, несомненно, героическое восстание персидских солдат и крестьян, направленное против гнета крепостников-помещиков и защищающих их англичан.

Из кого же состояли армии повстанцев? Только ли из «англо-агентов», как утверждали наши скептики?

Приведенная нами выше информация о хоросанском восстании красноречивей всяких слов опровергает это утверждение, ибо все движение повстанцев от Марава-Тапе и до Кучана было сплошным братанием восставших персидских солдат, т.-е. по существу персидских крестьян, с крестьянством всего этого важнейшего земледельческого района Персии. Но местное крестьянство не только браталось с повстанцами, оно *органически* участвовало в этой борьбе, поскольку она была направлена против крепостников и империалистов.

Может, однако, возникнуть вопрос: как же обстояло дело в других районах и из кого состояли там армии повстанцев? Не было ли там «ряженых», т.-е. вместо персидских революционеров наемных англо-агентов, как о том прозрачно намекали скептики?

Вот ответ, который дают на этот вопрос представители тех местных общественных кругов, которых в связи с англичанами никто не рискнет заподозрить.

Они пишут:

«Повстанцы (Гиляна) не были серой солдатской скотиной, которую кто-то со стороны гнал на убой. Они не были разбойниками талышских и ардебильских лесов. Это были рядовые персидские солдаты, которые пришли на восстание добровольно, которые с выгодой для себя, для своей безопасности могли и не пойти за призывами руководителей. Но они пошли за ними, ибо слишком тяжело было ярмо помещичьего и правительственного гнета, слишком беспросветно положение их семей в деревнях, чтобы они оставались пассивными, когда речь шла о восстании с риском победить или погибнуть».

О тяжести этого ярма и о роли персидской военщины в охране крепостнической системы лучше всяких слов расскажет читателю воззвание штаба северной армии, выпущенное в связи с восстанием в Гиляне.

Оно гласит:

«Как нам сообщают, некоторые крестьяне, *ссылаясь на предупреждение мятежников, воздерживаются от уплаты арендной платы за землю помещикам.* Сообщают также, что некоторые лица, являясь в селения, берут деньги и сельскохозяйственные продукты у населения от имени мятежников. Некоторые же бросают свои дома и земли и бегут со своих оседлых мест, что об'ясняется присутствием в этих местах мятежников. В результате в районе создается тревожное моральное состояние населения и нарушается общественное спокойствие.

В виду изложенного, по опубликовании настоящего об'явления, предлагаю *всем интендантам, мелким помещикам и «кедхудам» (старшинам селения), побросавшим свои дела и бежавшим из своих районов,* возвратиться в свои селения и приступить к своим земледельческим работам, *а также предлагаю всем крестьянам платить следуемую помещикам арендную плату и давать им из сельскохозяйственных продуктов все, что им полагается.*

Одновременно штабом отправлено в эти районы достаточно войск для того, чтобы в самый короткий срок уничтожить бандитов, и для того, чтобы предать их тому наказанию, которого они заслуживают. Ко всему этому добавлю, что, если нам станет известно, что в каком-либо селении *принимали мятежников или снабжали их провизией* и проч., а также, *если облегчали им побег и не сообщали об их местонахождении* правительственным войскам и проч., то селение будет конфисковано правительством и дома тех, которые принимали мятежников, будут разрушены.

Подпись: Наиб Серхенг Эззетолла Мирза».

Этот нелицеприятный документ лучше всяких слов свидетельствует об аграрном характере гилянского восстания и поддержке его окрестным крестьянством.

Другой корреспондент, характеризуя уже состав повстанцев Салмаса, говорит:

«Состав повстанцев—это поголовно солдаты, набранные из ближайших районов. На восстание их толкнули вопли отчаяния, идущие из родных мест о грабежах и насилиях, чинимых гражданскими, военными и духовными официальными лицами. Отряды повстанцев сформировались стихийно».

Таковы факты, рассказываемые очевидцами.

Тов. Мирза не заметил этих примечательных процессов и чисто крестьянского нутра последних восстаний.

Нет, ламентации т. Мирзы никуда не годятся. Он не осведомлен о наличии аграрного движения среди персидских крестьян, которые при всяком возникающем вооруженном движении против правительственного центра идут как раз не в правительственные армии, а в армии мятежников.

В чем разгадка этого явления? Конечно, не в том, что тот или иной мятежный хан или отдельный военный карьерист насильно загонял в свои отряды сотни и тысячи персидских крестьян, а в том, что крепостнический режим Тегерана в прошлом, и, к сожалению, теперешний режим, а вместе с ним и тот экономический гнет, который армия и чиновники создали в персидской деревне и городе,—является прекрасным вербовщиком крестьянских масс в ряды любого мятежа и под начало любого мятежника, лишь бы на его знамени было написано: «Дерусь с правительством».

Вот почему довольно скверным анекдотом отдает от утверждения нашего автора, когда он последние восстания в Курдистане, Хоросане и Белуджистане приписывает только «чьей-то руке», укрывая, что среди этих «некто» имеются не только англо-агенты, но также и вся система, весь режим современной Персии.

А ведь скрывать это для марксиста вещь далеко не благодарная.

Но, говоря о политическом режиме, мы вовсе не собираемся солидаризироваться с теми ультра-левыми исследователями Персии, которые видят в Реза-Шахе только *одни крепостнические*

черты, проходя мимо полезных, исторически-прогрессивных сторон его государственной деятельности. Положение марксиста обязывает говорить *всю* правду, а не только половину ее, как это в угоду своей, далеко не бесспорной, теории о безоговорочной и какой-то фатальной прогрессивности Реза-Шаха, делает т. Мирза, а с ним вместе и некоторые другие наши литераторы.

Мы не исчерпали бы нашей темы, если бы не остановились на критике взглядов, высказываемых по вопросу о Реза-Шахе теми товарищами, которые, под шумовой оркестр страшно «левых» фраз, прячут *правую сущность* своей позиции в вопросе о нашем союзе с народами Востока.

Для «левых» вопрос о Реза-Шахе—централизаторе страны, бьющейся в тисках империалистической неволи,—чрезвычайно прост.

Раз он *дружит* с англичанами, раз он *берет* от них авансы, раз он *не простой* солдат, а *бывший офицер*, раз он *перераспределяет капиталы и поместья*, *берет их себе* и дарит их своим эмир-лешкерам (начальникам дивизий), *якшается с реакционным духовенством*,—то, *значит*, он насквозь реакционен; забывают при этом про выполняемую им основную и первоначальную задачу национальной революции в колониальной и полуколониальной стране, задачу создания *централизованного* государства, задачу известной *модернизации* Персии, создания прочных условий для развития борьбы против империализма, забывая, что других сил, которые были бы способны выполнить эту задачу—хотя бы только ее одну—в *данный момент* нет. Правда, они зреют, и не замечать их, значит делать громадную ошибку,—но все же они там еще слабы, там нет еще промышленного пролетариата, крестьянство там только-только начинает пробуждаться, там существует значительная опасность, как бы революционный путчизм отдельных групп и заговорщиков не разбил пока еще единственного достижения революционных лет—централизации страны.

Рассмотрим же аргументацию ультра-левых в этом актуальном вопросе персидской жизни.

Представители ультра-левых устами т. Висанова в № 15 журнала «Новый Восток» за 1926 г. мечут громы и молнии по поводу неисправимой реакционности Реза-Шаха.

Висанов, как и ряд других «ультра-левых», вообще отрицает положительную роль, которую в деле централизации и модернизации Персии сыграл выдвинутый англофильским переворотом 3 Хута [1]), недавний казачий полковник, затем военмин, позже предсовмин, а ныне уже Реза-Шах Пехлеви.

Они утверждают, что Реза-Шаха «неразрывно связывают с английским империализмом интересы социальные, экономические, политические и династические», что Реза-Шах никакой прогрессивной роли в истории Персии не играл, а служил и служит целям ее внутреннего и внешнего порабощения».

[1]) 3-е Хута- дата англофильского переворота Сеид-Зия, произведенного им в Тегеране незадолго до подписания советско-персидского политического договора от 26 февраля 1921 г. *А. Ч.*

Верно ли это?

Ничуть не бывало. Те, кто наблюдал процесс создания, в обстановке экономического и политического распада Персии, национальной армии, то упорство и величайшее напряжение сил, которые были проявлены в этом важном деле, те, конечно, решительно отвергнут этот основной тезис ультра-левой оценки исторической роли Реза-Шаха.

Не покорным слугой англичан, не явным или скрытым англофилом рисуется нам этот необычайно честолюбивый и властный персидский разночинец. Он вышел не из среды персидской знати. Он—сын мелкого арбаба (полупомещика) из Савад-Ку (местность в районе Мазандаранской провинции).

Иерархическая лестница его военной карьеры была не менее крутой, чем лестница карьеры политической. В начале фельдфебель казачьей бригады Ляхова, он долгие годы тянет лямку моинпаиба (подпрапорщика) и уже во время империалистической войны последовательно получает ряд офицерских чинов до полковника включительно.

Движение на Тегеран дает Резе чин генерала. Дальше уже следует политически более бурное, но в иерархическом отношении более легкое движение Резы от одной высшей должности к другой.

Отсюда вывод: *Реза добился высокого положения в армии не знатностью своего полуплебейского рода*, не за хвост тетеньки, как многие политические деятели шахской Персии.

Вот почему *совершенно неправильно утверждение ультра-левых, будто он владетельный помещик, будто он не прошел суровой школы армии*, а был втиснут в нее заботливой рукой русского царского империализма, а позже и рукой англичан. Демократическое прошлое Резы несомненно. Правда, этот честолюбивый плебей сам пытается пускать пыль в глаза насчет своего «благородного происхождения». Но, даже ультра-левым не следует поддаваться таким утверждениям.

Затем, ультра-левые пытаются преуменьшить значение Резы в деле создания персидской армии, забывая, каких это должно было стоить ему усилий.

Ведь Реза не просто создавал национальную армию, так сказать, на голом месте. Он начал ее создавать при наличии двух вкрапленных в государственный аппарат Персии военных организмов: казачьей дивизии Старосельского и дивизий южных (английских) стрелков (эспиар), при наличии в них царско-белогвардейского и английского офицерского состава.

Правда, ультра-левые пытаются и на работу Резы по ликвидации этих *инородных* военных образований набросить тень санкции империалистов.

Однако, всякий здравомыслящий человек поймет, что на фоне вынужденного ухода из Персии оккупационных английских войск, не могло быть добровольного разоружения их южной опоры—эспиаров и, особенно, добровольного ухода их военных инструкторов из персидских частей. Этот уход в значительной мере произошел под влиянием опасений англичан перед появлением на персидской арене государственного деятеля—Резы, отказавшегося следовать к власти по традиционному пути предшественников, направлявшихся к ней путем формирования новых полков, бригад и дивизий.

Таким направлением деятельности Резы было положено начало централизации страны и приведения в повиновение ее мятежных феодальных окраин.

Но, ультра-левые не унимаются. Им, видите ли, вообще претит фигура Резы-Хана. Не даром один из известных нам персидских революционеров, весьма лево настроенный, одно время пропагандировал даже такую мысль: «Против Резы—хоть с чортом, хоть с династией Каджаров».

Так ультра-левые доводили до абсурда свою позицию в вопросе о Резе-Хане.

Однако, позволительно будет спросить у этих ультра-левых:

Допустим, что происходит свержение династии Пехлеви. Что же будет «на другой день»? Кто будет восприемником ее власти? Где организованная народно-революционная партия типа Гоминдан (или Нар. Рев. Партии Монголии), в чьи руки непосредственно попадает власть свергнутого диктатора?

Ультра-левые не имеют ответа на этот вопрос, ибо в Персии не создались еще те *организованные силы*, которые могли бы закрепить результаты победоносного восстания. И власть перешла бы там в руки какой-нибудь случайной фигуры, *во всем* зависимой от англичан, из рук которых эта страна получает сейчас в виде разного рода сборов и авансов под предстоящие бюджетные поступления большую половину своего годового бюджета.

Ультра-левые полагают, что на другой день у власти появится в Персии группа ныне гонимых офицеров—людей, не спорим, персонально, может быть, и честных, но совершенно не имеющих никакой опоры в населении, или людей, давно дискредитировавших себя неспособностью на какое бы то ни было активное политическое дело, — в роде лидеров бывшей демократической партии.

Глубокое, вопиющее заблуждение! Ни те, ни другие не могут играть сейчас роль организующих центров революционной борьбы и новой революционной власти.

А компартия?—спросит читатель.—А крестьянство, о недавней революционной борьбе которого говорилось выше,—разве две эти силы не могут создать центр движения и власти «на другой день» после пропагандируемого ультра-левыми немедленного переворота?

Думаем, что если так вплотную поставить этот вопрос, то даже сами эти «левые» ответят на него отрицательно, ибо нужна большая революционно-классовая школа для персидских рабочих и городской бедноты, нужен продолжительный искус аграрной борьбы персидского крестьянства, чтобы раскачать эти силы, чтобы об'единить эти силы в прочный революционный союз, чтобы под руководством компартии вести за этим союзом главные массы персидского населения и против внешних и против своих внутренних врагов.

Ультра-левые требуют от Персии чудес, а чудеса, как известно, в природе не существуют.

Страдая детской болезнью левизны, левые хотят видеть в этой стране то, чего там еще нет, впадают в максимализм относительно действующих на ее арене сил.

Между тем, пока в этой стране нет непосредственной революционной ситуации, нет в достаточной степени организованных

сил местных рабочих, крестьян и городской бедноты, пролетарские революционеры не могут сбрасывать со счетов борьбы, не могут причислять к контрреволюции *всю* деятельность Реза.

Правда, т. Висанов ведет свою атаку на Реза-Шаха под прикрытием критики вульгарных, заумных и марксистски совершенно неверных утверждений, которые были высказаны по этому вопросу другими авторами насчет «индустриализации Персии», «победы торгового капитала» или даже «трансформации там торгового капитала в промышленный»,—там, где, к сожалению, господствует еще капитал в самой ранней и реакционной своей форме.

Но, во-первых, заумь этих авторов дело особое, отдельно стоящая тема, во-вторых, оттого, что критика их в отдельных случаях и по частным поводам была верной, ультра-левые рассуждения т. Висанова отнюдь не сделались более убедительными, а, главное, исторически и теоретически правильными.

Взять хотя бы следующее его утверждение:

«Армия Реза-Шаха никаких революционных войн не вела, она окрепла в борьбе с подлинно народно-революционными движениями Кучик-Хана, Хиабани, Лахути-Хана, Мамед-Таги-Хана» («Новый Восток», № 15, 1926 г., стр. 13).

Очевидно, для придания большей левизны, в этом утверждении правда причудливо переплелась с неправдой.

Что верного в этом утверждении?

Верно лишь то, что Висанов правильно относит движения Кучик-Хана, Хиабани, Лахути-Хана и Мамед-Таги-Хана к народно-революционным движениям, чего, к сожалению, не заметил критикуемый нами выше т. Мирза, знающий про существование в Персии лишь *бандитских* движений масс.

Но *зато основное утверждение Висанова*, будто армия Реза-Шаха крепла *только* в войнах против народно-революционных движений является *вопиющей исторической неправдой*.

Разве эта армия *не крепла от ликвидации царской казачьей дивизии и английских южных стрелков*, разве она *не крепла от изгнания* из пределов Персии *английских военных инструкторов*, разве она *не крепла от уроков шалильского разгрома* (разгром первого правительственного отряда армии Резы в Бахтиарии в 1922 г., подготовленный империалистами), *разве она не крепла в боях с далеко еще не ликвидированным окраинным феодализмом* Луристана, Арабистана, Шахсевений и других провинций?

Тот, кто всего этого не понял, тот, кто, подобно т. Висанову, падает в истерику от того, что правительственная армия отсталого, полуколониального государства перед лицом повседневных и каждочасных империалистических опасностей в *первую очередь* не устраивает восстания против своего же правительства, тот заблудился в лабиринте левой схоластики, тот безнадежен в понимании марксистско-ленинского определения перспектив революции в таких отсталых странах Востока, как Персия.

Нельзя же себе представить, чтобы т. Висанов считал применимым для Персии ленинский лозунг «враг в собственном доме» и лозунг «восстань против своего правительства», данные в иной исторической обстановке и совершенно для иного переплета классовых сил. Он забыл ленинское учение о национальных революциях на Востоке и законы этих революций, известные слушателям всякой школы политграмоты. Если они ему неизвестны, то

тут уже задача не спора, не литературной полемики, а переподготовки по курсу политграмоты.

Означает ли все сказанное, что пролетарские революционеры должны *все* свои усилия направить в этой стране на то, чтобы беречь хрустальную вазу пехлевийской династии?

Ничуть не бывало.

Перед ними попрежнему стоит более сложная, двуединая задача, требующая чрезвычайной гибкости в выполнении:

Во-первых, развязывание, а не *замазывание* аграрного движения персидского крестьянства, памятуя слова Ильича, сказанные во время II конгресса Коминтерна по поводу спора о своевременности дачи именно *персидскому* крестьянству лозунга аграрной революции: «...В таких отсталых странах, как Персия, где громадная часть земли находится в руках помещиков, лозунги аграрной революции для миллионов крестьян имеют наиболее существенное значение» [1]).

Эту задачу проглядели и т. Мирза и страшно «левый» тов. Висанов.

Во-вторых, содействие дальнейшей централизации Персии и блоку всех ее антиимпериалистических сил, среди которых далеко не последнее место занимает крепнущая национальная, крестьянская по составу армия, которая, мы уверены, в истории Персии будет еще играть далеко не последнюю роль.

---

[1]) Цитата взята из книги Султан Заде «Персия», 1924 г., ГИЗ, стр. 86.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

«СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ». Сост. Е. Варга. Изд. «Московский Рабочий». 1927 год.

Составитель книги правильно учитывает потребность в сводной работе, дающей материал об истории, программе и тактике отдельных социал-демократических партий. В предисловии правильно отмечено, что у нас есть много работ, дающих общую характеристику роли социал-демократии, но сейчас нам необходимо знакомство с *специфическими* особенностями социал-демократических партий отдельных стран, т. к. основной задачей компартий является завоевание масс, а этого сделать нельзя без систематической борьбы с социал-демократами. Но мы хотели бы тут же отметить, что в предисловии не совсем верно определены наши задачи в отношении социал-демократии. Автор говорит о том, что необходимо различать верхи социал-демократии от масс, что мы боремся против верхушки, но не против социал-демократических рабочих. Формулировка эта безусловно *недостаточна*. «Мы готовы выступить», бороться совместно с социал-демократическими рабочими, но мы ставим перед собой задачу разрушить социал-демократическую *организацию*. Мы боремся против верхушки, говорим и всячески показываем нашу готовность проводить тактику единого фронта, бороться совместно с массой социал-демократических рабочих. В разоблачении вождей это наиболее верный путь к тому, чтобы отвоевать от социал-демократии рабочих, входящих в нее, и перетянуть их на нашу сторону, потому что мы надеемся в совместной борьбе убедить социал-демократических рабочих в правильности нашего пути—борьбы за установление диктатуры пролетариата. Все это необходимо отметить, чтобы не получилось ложного представления о наших задачах в отношении социал-демократии, *как организации*.

Обзорам отдельных партий в книге предшествует вступительная глава о политике II Интернационала. Нам она кажется недостаточной. Не лишне было бы в обзорах отдельных партий дать краткий обзор истории II Интернационала, хотя бы с 1914 года. Решающий момент, характеризующий II Интернационал—поведение во время войны, взаимное прощение «грехов», сделанных во время войны, история II Интернационала, хотя бы в последние три года, его отношение к важнейшим международным вопросам,—освещение всего этого значительно облегчило бы понимание характера II Интернационала.

Из главы о II Интернационале мы отмечаем следующие два места. Автор утверждает, что «по своей фразеологии социал-демократия есть *классовая* (!) боевая (!) партия пролетариата».

Можно было бы сказать, примерно, так, что социал-демократия свои оппортунистические дела прикрывает красивыми фразами, хотя сейчас социал-демократия и это делает все в меньшей степени. Но сказать, что по своей фразеологии она классовая и даже *боевая* партия пролетариата—это абсолютно неверно. Автор вынужден сам сказать, что *крупнейшая социал-демократическая* организация — *германская*—в своей программе, принятой в Герлитце, *умалчивает о классовой борьбе*, английская рабочая партия *отвергает* классовую борьбу.

Обзор германской социал-демократии написан поверхностно. Это касается как исторической части, так и характеристики теперешнего со-

стояния социал-демократии. Мы отмечаем только основное. Совершенно не дано общего исторического фона, на котором выросла социал-демократия. Но не только в этом недостаток. Например, автор пишет о Лассале—«человеке, обладавшем огромной идейной силой и твердой решимостью, коммунистические принципы (у Лассаля) переходили в социал-демократическую реформаторскую политику». Дальше еще пара строк о борьбе двух крыльев прусско-германского и антипрусского, но ничего *по существу* этих разногласий. О важнейшей политической проблеме, стоявшей перед рабочим движением в Лассалевский период—о революционном или нереволюционном пути об'единения Германии, о тактике рабочего движения, о течениях, наметившихся в этом вопросе,—ни слова. А, между тем, именно об'единение Германии сверху, а не снизу наложило громадный отпечаток на развитие германской социал-демократии. Расхождения в этот период имели громадное влияние на все дальнейшее развитие социал-демократии.

Автор делает ошибку и другого рода. Коммунисты далеко не являются поклонниками обезумевшего от ненависти к Коминтерну и к СССР Карла Каутского. Но мы различаем прежнего Каутского, писавшего «Путь к власти», от Каутского нынешнего. Автор переносит свое теперешнее отношение к Каутскому на такие времена, когда этого отношения не было. «Характерно, что как раз в период действия исключительного закона возникла марксистская литература, но под идейным руководством Каутского; то был марксизм, преломившийся через психику Каутского, этого неспособного на борьбу, лишенного революционного темперамента писателя». Можно, конечно, всю деятельность Каутского оценивать с точки зрения «революционного темперамента», но это не та оценка, которая нам нужна. Нам незачем отказываться от Каутского, который по-революционному трактовал Маркса, мы используем его против Каутского—апостола международной буржуазии.

Неправильная оценка дана нынешней роли социал-демократии.

«*Нынешняя роль с.-д. партии Германии об'ективно мало чем отличается от роли ее до войны*, разница лишь в том, что теперь вожди ее открыто обнаруживают ее антиреволюционный характер и наглядно доказывают это своим участием в правительстве, особенно в те моменты, когда буржуазному строю грозит опасность со стороны пролетарской революции» (23 стр.). Неверно то, что роль социал-демократии сейчас не отличается от ее роли до войны. Война означала переход к новому историческому периоду. До войны мы имели «сравнительно мирное» развитие капитализма, период подготовки к пролетарской революции; теперь пролетарская революция—факт. Как можно после опыта 1918—19, 1923 годов в Германии, опыта Болгарской, Венгерской, Латвийской и др. Советских Республик, после опыта гражданской войны в СССР и предательской роли меньшевиков говорить о том, что роль социал-демократии мало чем изменилась? Можно и нужно говорить о том, что уже в период до 1914 года в социал-демократии были элементы, которые в дальнейшем определили ее окончательный переход на сторону империалистической буржуазии против пролетарской революции. 1914 год—это водораздел, 1914 год означал крах II Интернационала, который не мог выполнить роли руководителя рабочего класса в новой эпохе—эпохе пролетарской революции.

Неверно также говорить, как это имеет место в вышеприведенной цитате, что только *вожди* перешли в лагерь буржуазии. Надо говорить о роли социал-демократии, как *организации*. Сам автор вынужден говорить, что «проводником их (вождей) влияния на широкую рабочую массу служат работающие на предприятиях 500.000 рабочих с.-д-тов». Это

«самая антикоммунистическая и... наиболее враждебно-настроенная по адресу (!) России часть рабочего класса Германии» (45 стр.). Одно дело, что мы в повседневной борьбе должны умело подходить к социал-демократическим рабочим, помнить о том, что многие из них «добросовестно» заблуждаются, не повторять им при всяком удобном и неудобном случае, что они предатели. Но из этого не следует, что мы не говорим об антиреволюционной роли социал-демократии в целом. Забывать это, значит забывать главную задачу—разрушить социал-демократическую организацию, переубедив и перетянув на свою сторону на основе совместной борьбы ее рабочих.

Недостаточно обработаны цифровые данные о германской социал-демократии. Нет достаточной наглядности, нет достаточного обоснования выводов. Автор показывает недостаточное знакомство с жизнью этой партии. «Признаком оживления внутрипартийной жизни служат списки собраний (!) публикуемых органами печати СПГ». Это, по меньшей мере, наивно. Суть ведь в том, *что* обсуждают на этих собраниях, *как* они проходят, как идет работа в массах и т. д.

Мало охарактеризован *парламентский* характер с.-демократии. В Гамбурге, например, официальное название организации «Социал-демократический союз для выборов» (Wahlsverein).

Очень схематично представлена система, проводящая влияние социал-демократии. Дело тут не в оргструктуре, а в социальных сдвигах внутри социал-демократии, в кругах ее избирателей.

При оценке последнего периода опущены такие исторические события, как поражение рабочего класса в 1923 году. Лучше всего освещены внутренние группировки германской с.-д. В общем обзор требует очень тщательной проверки и переработки. Размеры рецензии не дают нам возможности остановиться на более мелких недочетах, которых очень много.

Обзор о *французской партии* страдает в основном теми же недостатками, что и первый.

Дан исторический очерк отдельных *течений*, но не отведено места развитию социалистической партии после ее об'единения в 1905 году. Не об'яснено, почему в рабочем движении долгий период происходила борьба различных течений, почему такую своеобразную роль играли профсоюзы и т. д.

В обзоре есть ошибки следующего характера. На стр. 79 приведены таблицы о расслоении в сельском хозяйстве, где после перечисления наемных рабочих, арендаторов, полуарендаторов, карликовых хозяйств до 1 гектара есть такая прослойка «пролетарский и полупролетарский элементы»—4.481.000. Кто под ними подразумевается, абсолютно непонятно, т. к. вслед за этим следуют «мелкие хозяйства» 1—10 гектаров 2.500.000.

На 76 стр. автор пытается дать цифры о *степени* организованности рабочих, а дает абсолютные цифры организованных в профсоюзы.

В главе о тактике социалистической партии освещены только методы борьбы против коммунизма. О тактике в отношении буржуазии, мелкой буржуазии и т. д. ничего нет.

Обзор страдает той же поверхностностью. Задача, которая поставлена перед книгой составителем,—*дать специфические черты* французской социалистической партии,—*не выполнена*.

Британская рабочая партия освещена немного лучше. Но есть грубые ошибки того же характера.

«Социал-демократию можно лучше всего понять, рассматривая ее идеологию, как выражение *незаконченной* (!!) классовой борьбы. Она не *закончила* ее потому, что не может освободиться от либеральной

идеологии. Путь к революции ей преграждают преимущественно препятствия *идеологического* (!) характера» (93 стр).

Это, конечно, совершенно не верно. Что это за «незаконченная классовая борьба»? Означает ли это, что с.-д. ведут классовую борьбу, но не доводят ее до конца? Или это какая-то особая классовая борьба, «незаконченная»?

Когда и где это мы, коммунисты, расценивали так социал-демократию, которая отрицает классовую борьбу (английская рабочая партия—о ней идет речь), выбрасывает этот термин из программы (Германия) и т. д.? Это неверно.

Но еще лучший перл, что закончить эту «незаконченную» классовую борьбу мешают рабочей партии «препятствия идеологического характера». Говорить это в отношении Англии, где в течение десятков лет развращалась буржуазией, подкупалась верхушка рабочего класса, сводить все к либеральному влиянию—это значит показывать, что автор отказался от основного подхода к об'яснению корней оппортунизма, а значит отказался от тех методов борьбы против социал-демократии, которые применяет Коминтерн. Ведь, если все дело в препятствиях «идеологического характера», то, пожалуй, можно Томаса, Гендерсона, десятки и сотни развращенных бюрократов, на которых они опираются, переубедить!

В обзоре дана неверная оценка левого крыла рабочего движения, которое будто бы уже понимает необходимость внепарламентского нажима и борьбы массовой всеобщей стачкой.

Лучше написаны обзоры *американской* и *итальянской* партий. На остальных мы не останавливаемся.

В общем в книге—большие недостатки. Не дано *общего* об'яснения корней оппортунизма, что обязательно для понимания специфических сторон оппортунизма в отдельных странах. Специфические стороны выявлены очень слабо. Это относится и к исторической части и характеристике теперешнего состояния. Цифровой материал о составе рабочего класса и партий недостаточно проработан, характеристика внутренней жизни партий очень бедна.

Недостаточно освещена тактика внутри рабочего движения, тактика по отношению к другим мелкобуржуазным партиям.

Через несколько обзоров красной нитью проходит неверная, *некоммунистическая* оценка социал-демократии. Страдает книга и со стороны стилистической. Кстати: издательство не отметило, что это перевод с немецкого. Перевод сделан неважно: это обстоятельство об'ясняет тяжелый стиль.

Книга не популярна. Нет примечаний, а они необходимы в книге, которая так сжато пытается дать картину социал-демократического движения. Нет ссылки на источники, нет указателя литературы. Все это очень сильно уменьшает ценность книги. Несомненно, что потребность в книге о социал-демократических партиях этим изданием еще не удовлетворена.

Еф. Цейтлин.

ОТТО БАУЭР.—«Борьба за землю». Изд. «Прибой», Ленинград, 212 стр. Цена 1 руб. 80 коп.

Книга вышла осенью минувшего года и представляет собой реферат, предназначенный для обоснования крестьянской политики и аграрной программы австрийской социал-демократии. «Назначенная партийным президиумом на основании... решения Зальцбургского партейтага немецко-австрийской социал-демократической партии 2-го ноября 1924 года «комиссия по аграрной политике, в первую очередь, предложила нескольким товарищам разработать и представить ей доклад по различным вопросам аграрной политики... Предлагаемый здесь читателям труд и является подобным рефератом, представленным комиссии по аграрной политике (Пред. к «Борьбе за землю», стр. 15). Такова история этой работы.

Первые главы книги посвящены истории австрийских земельных отношений. Они могут иметь известный интерес, так как в русской литературе эти вопросы освещены мало. Но соль книги не в этом, да и для нас, признаться сказать, Отто Бауэр интересен вовсе не как историк австрийского средневековья и эпохи первоначального капиталистического накопления. Нельзя, впрочем, не отметить, что и здесь Бауэр, проявляет большую склонность к известному историческому фатализму, свойственному социал-демократическому мышлению. (См., напр., стр. 176, где об'ясняются корни и пружины захвата крестьянских земель, в частности, лесов).

Затушевывая значение суб'ективного фактора историческго развития, Бауэр расчищает себе путь для соответствующего об'яснения (и не только об'яснения) более свежих фактов.

Остановимся на освещении крестьянского вопроса в австрийской революции 1918—20 гг. и политике австрийской социал-демократии. Остановиться на этом тем более необходимо, что Бауэр уделяет значительное место этой революции и пытается на основании опыта оправдать поведение социал-демократии и доказать неизбежность поражения революции.

По-Ленину, крестьянский вопрос является одним из основных вопросов пролетарской революции, правильное решение его—одним из важнейших условий победы пролетариата. Западно-европейская с.-д., в сущности, этого вопроса и не ставила. «Ироническое отношение героев II Интернационала к крестьянскому вопросу считается у них признаком хорошего тона, признаком «настоящего марксизма» (Сталин). Это целиком относится и к австрийской с.-д. Такое отношение к крестьянскому вопросу определило ее поведение во время революции. Хотя огонь буржуазной революции давно упразднил феодальные отношения в Австрии, но революция возглавлялась буржуазией, которая была неспособна уничтожить полностью феодальные отношения. Поэтому последние в виде известных остатков продолжали существовать до кануна революции. Перед революцией стояла задача смести их до основания, беспощадно провести конфискацию крупных имений и передать их в руки организованного деревенского пролетариата и мелкого парцеллярного крестьянства.

Было ли крестьянство готово к этому? Сам Бауэр отвечает на этот вопрос утвердительно. После того, как революция свергла императора, крестьянин надеялся *на большие изменения в условиях собственности*. Теперь, мол, настало время, когда расхищенная господами крестьянская земля снова возвратится к потомкам «Якова Последнего», теперь приспело время поделить крупные землевладения по крестьянским сыновьям, пересмотреть заново пользование лесом и пастбищами, а заодно

переделать и все право охоты» (136 стр.). В то время, как городской пролетариат штурмовал твердыни буржуазной собственности, крестьянство пред'явило требование уничтожить частную собственность на землю. Но рабочий класс Австрии, долгие годы развращавшийся меньшевистско-оппортунистической (свойственной и нашим перманентникам) теорией неизбежных противоречий, в которые, якобы, должно впасть крестьянское движение с движением пролетариата, не сумел понять соотношения крестьянского движения с пролетарским. Он оказался неспособным понять необходимость диалектического сочетания этих форм революционной борьбы, такого сочетания, в результате чего буржуазно-демократическая революция перерастает в социалистическую. В результате мы имели в Австрии поражение пролетариата. Теперь Бауэр, в полном согласии с указанной теорией, доказывает фатальную неизбежность такого исхода.

«Но это движение среди крестьянства вскоре вступило в противоречие как с городским, так и деревенским пролетариатом»,—повествует О. Бауэр. Далее он об'ясняет, почему крестьянин должен был притти в противоречие с революцией. Первым требованием крестьян к революции было — освободить их от военного хозяйства. Но революция не могла выполнить этого требования, она не могла отказаться от центральной системы заготовки и снабжения. Крестьянин увидел, что, вместо военных и реквизиционных отрядов, теперь рабочие советы вводили набор, преследовали продажу исподполья и нарушение правил о максимальных ценах. Крестьянин увидел в пролетариате врага, который не позволял ему свободно распоряжаться продуктами своего труда».

Это одно, а с другой стороны, «в буре революции восстали и сельскохозяйственные рабочие. Они принялись за самоорганизацию, выставили требования о зарплате, настаивали на них путем забастовок, они вынуждали не только помещиков, но и крестьян заключать коллективные договора... Батраки, бобыли, мелкие крестьяне свергнули господство богатых крестьян в общинных органах. Они снова подняли старую борьбу за пользование общинным имуществом... Крестьянин увидел, что пролетарская революция перебросилась в его собственный дом, что она поколебала его личный авторитет» (136 стр.).

«Деревенский пролетариат стал завязывать сношения и с промышленным пролетариатом. Он примкнул к социал-демократам. Крестьянин же, восстающий против сохранения «централизации хозяйства» и испуганный движением деревенского пролетариата, *все резче расходился с социал-демократией.* Социал-демократия поэтому не в силах была завладеть руководством демократическим движением, требующим изменения условий собственности и к концу войны захватившим и крестьянство. Это движение развернулось, главным образом, в рамках партии христианских социалистов» (136—137 стр.).

Мы нарочно привели длинную выписку из книги, чтобы показать словами самого О. Бауэра, насколько революционная ситуация была благоприятна. Ситуация была такова, что мелкое крестьянство и деревенский пролетариат представляли активную силу революции и сами завязывали связи с городским пролетариатом. Лишнее доказательство того, насколько теория (с.-д.!) движения расходится с практическим опытом борьбы в самой Австрии. Лишь богатое крестьянство все резче расходилось с пролетариатом. Знакомая картина!

Эти события так напугали с.-д., что они отказались возглавить крестьянское движение и уступили руководство этим движением партии христианских социалистов (нечто в роде наших народных социалистов). Это было молчаливым разделением труда между с.-д. и христианскими социалистами; с.-д. взяла на себя задачу защиты от революционного

пролетариата буржуазной собственности в городе, а христианские социалисты—в деревне.

Дальнейший ход событий показал, насколько «удачен был этот маневр и молчаливая сделка с.-д. с хр. соц. Выборы в Учредительное Национальное собрание дали относительное большинство с.-д. «Из 159 мандатов социал-демократы получили 69, христ. соц.—63, немец. нац.—24». (Цитирую по другой книге О. Бауэра: «Австр. рев. 1918 г.», стр. 163). Парламентская победа привела к коалиционной власти с.-д. и хр. соц. Но это продолжалось недолго. Если сначала христианские социалисты под давлением растущего крестьянского движения пошли на коалицию в соц.-демокр., то впоследствии, когда их совместными усилиями удалось успокоить взволновавшуюся стихию, христианские социалисты снова вернулись под сень городской буржуазии.

Христианские демократы не спешили с аграрными преобразованиями.

«Аграрное законодательство революции было смехотворно и сводилось к незначительным реформам»,—признается О. Бауэр. Но эта смехотворность изображена Бауэром только для того, чтобы обелить себя.

Всю вину за неудачу аграрного законодательства О. Бауэр пытается свалить на христианских социалистов, будто в этом деле поведение социал-демократии не сыграло никакой роли. А между тем достаточно привлечь другую книгу О. Бауэра «Австр. революция 1918 г.», чтобы обнаружить, что он лицемерно умывает руки. По словам самого Бауэра, рабочий класс и трудящиеся массы деревни проявили тогда чудеса героизма. Всюду организовывались советы. «Диктатура пролетариата!», «Вся власть советам!»—вот лозунги восставших масс. Как отнеслась к этому движению социал-демократия? «Годы, проведенные в окопах,—повествует Бауэр,—отучили рабочих от работы и приучили их к реквизициям, грабежам и воровству. Годы, проведенные в окопах, привили им веру в чудодейственность насилия» («Австр. рев.», стр. 117). В растущей силе революционного натиска филистер видит лишь грабежи и насилия, и на стихийный под'ем восставших масс смотрит, как верный пес, не иначе, как глазами своего хозяина. Пролетариат считал возможным осуществление диктатуры пролетариата, а социал-демократия как огня боялась этой диктатуры. Социал-демократия употребила все усилия, чтобы отвлечь внимание революционных рабочих от основной политической задачи—завоевания власти—и перевести его на рельсы повседневных мелких интересов и обывательщины. Это она сделала для того, чтобы «воспрепятствовать этому революционному брожению развиться в открытую гражданскую войну... Если исход борьбы классов за власть должен был решиться не при помощи оружия, то борьба должна была вестись в демократических формах»,—говорит Бауэр, пытаясь оправдать тактику с.-д.

Далее он пытается отыграться ссылкой на опасность гражданской войны между аграрной и промышленной областями и опасность оккупации территории Австрии войсками Антанты. Социал-демократии, действительно, удалось отравить сознание масс этим реформистским ядом.

Движение было сорвано.

Таковы уроки, купленные пролетариатом ценой своего жестокого поражения. Если они указывают пролетариату, что для победы необходимо поддержать требования крестьянства, то и социал-демократия была вынуждена притти к выводам, приспособляющимся к новым настроениям рабочего класса, коренящимся в опыте практической борьбы рабочих. Обоснованию этих выводов и посвящены последние три главы рецензируемой книги.

Хотя автор сильно уснащает изложение марксистской фразеологией и разговорами о классовой борьбе и даже (не шутите!) ведет речь о завоевании власти, такая игра в революционность и марксизм никого не может обмануть. Это—марксизм выхолощенный, безобидный, мирный. Он рассчитан лишь на то, чтобы обмануть рабочего и не напугать буржуа. Поэтому и выводы, к которым пришел австро-марксизм в аграрном вопросе, в общих чертах сводятся к осуществлению таких мероприятий, чтобы удержать пролетарские массы города и деревни от революционных выступлений.

На отрицании необходимости революционного переворота построены все теоретические рассуждения О. Бауэра.

Практика русской революции дала очень много для понимания крестьянского вопроса. Русская революция, как нигде в других странах, разрешила аграрный вопрос, на деле осуществив требования крестьянства. Но все же в практике русской революции этот вопрос является подчиненным основному вопросу, вопросу победы пролетарской революции и обеспечения ее завоеваний. На первый взгляд может показаться, что такая постановка вопроса не чужда и О. Бауэру. Он признает, что, если дебаты 90-х годов в среде с.-р. по аграрному вопросу не привели к практическим результатам, то в результате войны положение изменилось. «Теперь,—пишет он,—массы сельских рабочих, бобылей, малоземельных крестьян стали примыкать к промышленному пролетариату. Одновременно, победа большевизма в России и поражение социализма в Европе доказали, что промышленный рабочий не может завоевать и укрепить власть, пока он не сумеет завладеть руководством широких масс сельского населения. С.-д. должна завоевать и организовать эти массы» (стр. 204). Здесь Буэр говорит почти «большевистским» языком, но это остается лишь звонкой фразой. Все дальнейшие его рассуждения показывают, что он стремится «организовать» массы не для штурма и натиска на буржуазную собственность, а для обуздания их и для отстаивания крупной буржуазной собственности, в частности в сельском хозяйстве. По Бауэру, социал-демократия должна указать средства, при помощи которых можно удовлетворить жизненные экономические и социальные нужды этих (т.-е. крестьянских. *Д. Э.*) масс в согласии «с потребностями общественного развития» (стр. 204). Следовательно, на деле не интересы революционной победы и не интересы сельских масс должны определять аграрную политику, а некие мистические «потребности общественного развития». Не может быть никаких сомнений в том, что Бауэр зашифровал этаким манером только «потребности» буржуазии.

Преимущества крупного производства в сельском хозяйстве перед мелким давно доказаны в марксистской литературе. Все попытки ревизионистов и буржуазных ученых доказать противное обнаружили полную несостоятельность и потерпели крушение. В этом вопросе О. Бауэр с виду как будто бы занимает правильную позицию. Он уделяет большое внимание доказательству этого тезиса, но... только для того, чтобы превратить его в орудие извращения и опошления марксизма. Марксистской постановке совершенно чужд абстрактный подход к вопросу—в частности, и к вопросу о крупном и мелком производстве в земледелии. Она прежде всего обращает внимание на то, *интересам какого класса* соответствует проведение тех или других мероприятий по отношению к крупным с.-х. предприятиям. О. Бауэр совершенно обходит эту сторону вопроса и возводит в фетиш крупное производство в сельском хозяйстве. Выдерживая до конца концепцию о врастании капитализма в социализм, он предлагает эти крупные с.-х. предприятия оставить за капиталистами на срок ничуть не менее, чем два поколения. По отно-

шению к этому своему фетишу—крупному производству в с.-х. и, следовательно, и к его персонификации капиталиста, а «заодно» и к земельному собственнику—Бауэр проявляет трогательную заботливость.

Он пытается ограждать своего подзащитного от возможных нападений со стороны пролетарских и полупролетарских слоев деревни и обеспечить его необходимой рабочей силой. Чтобы малоземельные и безземельные крестьяне не покушались на буржуазную собственность в с. х., он проектирует расширение общинных земель за счет лесных владений.

Не менее интересен и метод, каким он думает обеспечить крупные с.-х. предприятия рабочей силой. Сначала он констатирует факт «бегства» пролетарских слоев деревни в город. «Уже сейчас не мало встречается деревень, из которых ушли все жизнеспособные элементы из батраков и батрачек. Этот процесс, прогрессируя, грозит стать величайшей опасностью для нашего сельского хозяйства и непреодолимым препятствием к его интенсификации» (стр. 181), сетует он. Для предупреждения этого «зла» он предлагает поселение (государственную колонизацию) рабочих в сельских местностях в качестве арендаторов общинной земли.

Но арендатор-рабочий может арендовать такой участок земли, что он сможет прокормить и себя и свою семью и не будет наниматься на работу. Для предупреждения этого затруднения предусмотрительный Бауэр предлагает участки таких арендаторов ограничить. «Задача поселенной операции,—поучает он,—заключается, ведь, в том, чтобы обеспечить крестьянскому (читай: буржуазному. *Д. Э.*) хозяйству удовлетворение его спроса на рабочую силу. Эта цель не будет достигнута, если создадут такие рабочие участки, владельцы которых смогут наниматься на работу к хозяевам лишь несколько дней в году. Нам,—продолжает, с позволения сказать, социалист,—следует наделить сельского рабочего не слишком большим количеством земли для того, чтобы он мог применить (Бауэр не смеет сказать: «чтобы он был вынужден продавать») свои рабочие силы на наемной работе» (стр. 184). Откровенность, которой позавидовали бы русские помещики, «освободившие» крестьянство. Крестьяне (т.-е. крупные и средние, по нашей терминологии—кулаки) так напугали нашего автора во время революции, что он заговорил о союзе с ними, и этот союз он проектирует заключить такой ценой, что с.-х. рабочего намеревается поставить в условия полубарщинного крестьянина, отработками влачащего свое жалкое существование. Защищая буржуазные отношения в деревне, интересы буржуазного крестьянства, Бауэр в то же время делает глазки сельским рабочим и мелкому крестьянину. Так он говорит и о защите рабочего. Чтобы рабочий поселенец не был закабален своим хозяином, он предлагает отводить им участки на общинной земле, а не на земле своего хозяина, а от опасности возможного отказа общинным управлением арендатору в участке, он предлагает защищаться долгосрочными договорами. Хотя он обусловливает заключение этих договоров на одно поколение, все же такая сделка, по сути дела, превращает рабочего в полукрепостного крестьянина. Так преломляется в оппортунистической голове осуществляемый нашей партией союз рабочего класса с беднотой и середняком, превращающийся у Бауэра в союз с.-д. с деревенской буржуазией.

Далее следует остановиться на вопросе о том, какими методами собирается О. Бауэр произвести «переворот в имущественных отношениях в деревне». Он пишет: «Этот крупный переворот должен начаться с национализации частного и церковного крупного землевладения, поскольку эти владения состоят из лесов и пастбищных пространств. От-

чуждение может быть произведено за *вознаграждение*. Возмещение будет выплачено обязательствами, уплата процентов по которым будет возложена на национализированные леса. Там, где земли социализированных лесов будут переданы крестьянам, последние *должны будут взять на себя уплату* соответственной части *процентов* по облигациям; так как рыночная стоимость земли всегда значительно превосходит ее действительную стоимость, то крестьяне получат, таким образом, землю несравненно дешевле, чем это им удалось бы путем покупки или аренды» (стр. 174 курсив наш). Таков... «крупный переворот», проектируемый Бауэром! Комментарии излишни.

Посмотрим еще, каков порядок этой «страшной» национализации. Практика национализации, как мыслит Бауэр, распадается на две стадии. «Первая стадия дает государству власть распоряжаться лесами, власть перестроить эксплоатацию лесов в соответствии с потребностями народного хозяйства. Земельная же рента остается еще в распоряжении прежних владельцев (это называется потребностями «народного хозяйства»! *Д. Э.*); они получают ее в форме процентов по облигациям. *Вторая стадия*—постепенное погашение облигаций из доходов от имущественных налогов,—в течение, максимум, двух поколений освобождает национализированные леса от лежащего на них обязательства уплаты процентов; как только закончится погашение облигаций, заканчивается и экспроприация лесовладельца, издержки по ней покрываются всеми имущими классами, лесная же рента поступает теперь уже не в пользу частных лиц, но в пользу общества» (стр. 174). И эту кукольную комедию Бауэр именует экспроприацией. Экспроприация, обеспечивающая землевладельцу... получение ренты!

Итак, отчуждение производится за выкуп в счет имущих классов. Здесь у Бауэра не совсем связаны концы с концами. В самом деле, экспроприацию земель он проектирует провести после «завоевания власти», когда, по его же словам, пролетариат проведет экспроприацию не только в лесном хозяйстве, но также и в горном деле и в промышленности. Если это так, то каким образом раз экспропрированные имущие классы будут покрывать издержки по экспроприации землевладельцев? Надо полагать, что экспроприация промышленности также производится за выкуп. Чем же промышленники хуже землевладельцев? В таком случае экспроприированные должны взаимно покрывать издержки по экспроприации из процентов по облигациям. Кто же платит эти проценты? Очевидно, новый собственник материальных условий производства—рабочий класс. Вот какова хитрая механика Бауэра!

Интересно, как рисует себе числящийся в социалистах автор перспективу дальнейшего развития с. х.

Захват власти пролетариатом улучшает материальное положение пролетариата, поэтому он не будет нуждаться в участке земли. Вследствие этого мелкие участки, освободившись от лежавших на них пут в виде более высокой арендной платы сравнительно с крупным производством, согласно закона централизации капиталистического производства, будут поглощены крупным хозяйством. «Сильная способность крупного хозяйства к расширению... неизбежно станет невыносимой для народных масс. Они не смогут спокойно глядеть на расширение капиталистического предприятия в сельском хозяйстве в то время, когда в промышленности, в горном деле и лесном хозяйстве капитал уже экспроприирован. Таким образом, рано или поздно история принудит к экспроприации и крупного с.-х. владения» (стр. 206).

Бауэр знает лишь один путь развития с. х., путь капиталистический, тернистый и разорительный для мелкого производителя; социалистического пути развития он не признает. Поэтому с своей точки зрения он поступает правильно, предлагая экспроприировать крупные хозяйства лишь по «принуждению» истории. Соответственно этому взгляду он предлагает и вновь экспроприированные хозяйства сдавать в аренду, а не передавать организованным с.-х. рабочим. «С.-х. рабочие, вступившие в классовую борьбу гораздо позже промышленных рабочих, еще не успели в достаточной степени приобрести интеллектуальные и моральные качества» (стр. 207). Что же мы видим? Мы видим, что ни захват власти пролетариатом, ни экспроприация крупного производства и земли не создают еще Бауэру материальных условий для строительства социализма. Да социализм Бауэр и не собирается строить. Проблемы *строительства* социализма для него вообще не существует в природе, ибо он надеется, что колесница истории на крыльях капитализма *сама* принесет его к вратам социалистического рая.

На протяжении последних глав книги автор говорит о завоевании власти пролетариатом, завоевании, которое и явится первым актом экспроприации помещичьих и церковных земель. Но, твердя и повторяя о завоевании власти, Бауэр в своей книге умалчивает о методах захвата власти. Этот вопрос обходится и аграрной программой, принятой в ноябре 1925 г. партейтагом австр. с.-д. Мы уже говорили, что вся концепция О. Бауэра рассчитана на медленное врастание капитализма в социализм.

Поэтому на первый взгляд может показаться, что автор противоречит себе, говоря о завоевании власти.

Это сомнение разрешает проект «Новой программы», недавно опубликованный австрийской социал-демократией. Он вносит полную ясность. Составители проекта новой программы мыслят себе захват власти путем победы на выборах в парламент и завоевания в нем большинства, а не путем революционного восстания и разрушения старого государственного аппарата, как учит марксизм.

Так «использовывает» Бауэр опыт «победы большевизма в России и поражения социализма в Европе».

Таков Бауэр и такова его «Борьба за землю». Она лишний раз показывает, что реформисту не дано прыгнуть выше своих оппортунистических ушей. Поистине: «рожденный ползать, летать не может».

Д. Эльмень.

РЕЦЕНЗИЯ ДЫБОМ.

На страницах журнала «Большевик» (№ 21—22 за 1926 год) помещена рецензия о моей книге «Право», которая отличается чрезвычайно любопытными чертами. Достаточно сказать, что автору рецензии путем различных манипуляций удалось получить из моей книги выводы, которые прямо противоположны имеющимся в ней на самом деле. К сожалению, редакция «Большевика» ограничила меня для моего анализа сравнительно небольшим местом на страницах журнала, и я должен обойтись самым необходимым, оставив пока в стороне самого автора рецензии в качестве об'екта для социально-психологического исследования. В виду сказанного, я попробую прямо сопоставить материал, находящийся в моей книге, и те отражения указанного материала, которые явились в мозгу досужего критика.

Для этого на левой стороне страницы мы будем помещать действительные данные из моей книги, на правой—выводы и заключения

критика, а также его передачу материала и отношение к последнему. В таком случае у нас получается следующее сопоставление:

У меня в книге:	У критика:
1. В самом начале книги устанавливается основная задача исследования и цель его. В качестве такой задачи намечается борьба против излишнего увлечения правовыми иллюзиями, при чем вопрос ставится так: «нужно ли нам право, в какой степени оно нам нужно, и можно ли мириться с тем, что мы почему-то пролетарскую диктатуру и классовый интерес перекрашиваем в какие-то загадочные правовые образы и формы?» (стр. 34).	Этого вопроса автор рецензии не заметил вовсе. Из начала моей книги рецензент использовал лишь обоснование этого вопроса. Но при помощи ловкости рук он его превратил в вывод всей моей книги. Вся работа по проверке вопроса сделалась излишней. Начало превратилось в заключение, и вся книга перевернута кверху ногами.
2. Для решения поставленного выше вопроса я прибегнул к сравнительно-историческому методу. Буквально сотни страниц изложения посвящены передаче фактов, при чем я использовал не только сборники материалов, но и первоисточники.	2. Все эти данные по сравнительной истории права критиком превращены в «цитаты» из писателей второй половины XIX века. О чем говорится в этих цитатах, критик благоразумно умалчивает. Еще менее замечает он данные из первоисточников, они исчезают вовсе. Путем такой подделки сравнительно-историческое исследование превращается в «формально-логические умозаключения». Я становлюсь «юристом по профессии», а мое изложение — воплощением «формально-логического метода», «формальной логикой» и т. п. Мало того, лишив при помощи прямой утайки всю книгу фактического содержания, рецензент упрекает автора книги за отсутствие фактического материала! Фальсификация совершенно неслыханная, и прием беспримерный.
3. В моей книге на сотнях страниц производится как раз марксистский, классовый анализ права. Достаточно сказать, что целые главы посвящены исследованию классового права крестьянства, буржуазии, дворянского землевладения и пролетариата.	3. Этих глав рецензент не заметил совсем, но зато решил поучить меня и обратить мое внимание «на классовый характер права»! У читателя «Большевика» может получиться впечатление, что действительно в моей книге ничего о классовом праве не говорится. Как назвать подобную мистификацию партийного читателя журнала? Неужели критик думает, что, кроме него, никто моей книги не читал?
4. Целая глава моей книги посвящена учению Маркса, Энгельса и Ленина о праве. В этой главе с их учением о праве сближается и совпадает та теория права, которая выставлена была Лафаргом, развита в настоящее время мною и целиком оправдывается приведенными в моей книге многочисленными историческими данными.	4. Рецензент опять-таки этой главы не пожелал принять во внимание. Как будто ее совершенно не было. Марксизм исчез из моей книги окончательно.
5. В моей книге развито то положение марксизма, которое рисует возможность расхождения идеологической надстройки и экономического базиса. В частности, принимая определение Маркса — Ленина, что право есть право неравенства, уравнивающее неравных индивидов при помощи фиктивного равенства, т. е. создающее над фактическим неравенством «равное право», я исследую на протяжении всей истории эту правовую идеологию и отмечаю ее способность прикрывать, затушевывать и ослаблять классовый антагонизм в интересах эксплоатации со стороны господствующего класса.	5. Мой критик совершенно не подозревает о различии между экономической структурой и правовой надстройкой, как одной из форм идеологической надстройки вообще. Точно так же он не подозревает о различии между организацией правовой и политической, между государством и правом. Здесь мы встречаемся определенно с результатами плохой школы, которую сделали у нас некоторые течения советской юриспруденции. В результате мой критик совершенно отождествляет правовой компромисс с компромиссом классовым, а борьбу против правового компромисса, грозившего в свое время ослабить диктатуру пролетариата, принимает за борьбу против самой диктатуры пролетариата. Получается совершенно обратное отношение к тому, что имеется в моей книге. Борьба против правовой иллюзии за диктатуру становится кверху ногами и дает борьбу за право против диктатуры. Примечания излишни.
6. Основательность моих опасений по отношению к излишней юридизации, формализации и т. п. свойств правовых увлечений я доказал при помощи всей моей книги, при чем я пришел к убеждению, что везде, где шла речь о выработке классового права и этим путем более или менее исчерпывалось решение классовой задачи, являлась неизбежная тенденция к нахождению «общей почвы» права и созданию правового компромисса. С этой стороны правовая форма есть наилучший путь ко всякому ликвидаторству, соглашательству и примиренчеству.	6. В этом пункте с моим критиком произошло что-то неладное. Прежде всего классового права во всей моей книге он не заметил. Он выхватил одно междуклассовое право и придал ему, вопреки всем моим выводам и утверждениям, характер междуклассового компромисса. Этим самым из противника классового компромисса он превратил меня в сторонника классового компромисса. Мне, врагу иллюзии междуклассового права, он приписал какой-то нелепый и отвратительный «восторг» по поводу нахождения междуклассового права. Этим путем было легко приписать мне свойство, ко-

Классовое право есть лишь первая ступень диалектики, которая во всех исторически известных нам примерах заканчивается фикцией междуклассового и надклассового права, прикрывающего равным правом фактическое неравенство.	-торым я никогда не отличался, и сделать из меня какого-то не то папашу, не то дедушку Оссовского. Это называется: постановка дыбом.
7. Подробный анализ советских кодексов, в особенности же Гражданского Кодекса, привел меня к убеждению, что именно на страницах этого творения советских юристов имеется много оснований для фикций междуклассового права, затемняющих понятие диктатуры пролетариата и социалистического хозяйства. Не отрицая необходимости правовой надстройки со всеми ее дефектами в наш переходный период, я указываю в своей книге пути к тому, чтобы по возможности обезвредить необходимую нам юридическую ткань и ввести ее в пределы, диктуемые требованиями нашего строительства.	7. Этих положений мой критик опять-таки умышленно не заметил.
8. Материалы, собранные в моей книге, привели меня к более оптимистическим выводам, чем те основания, которые заставили меня поставить самый вопрос о праве в нашем государстве. И если я упоминаю о необходимости делать новую пролетарскую революцию в том случае, если бы с победой буржуазии нашу шею затянула петля буржуазного права, то на самом деле я прихожу к довольно отрадным выводам. В пролетариате и его диктатуре я вижу силу, способную опереться не на право, а на экономику и политику, а вместе с тем способную в союзе с крестьянством определить «то условие равноправия, которым пользуется частный товаровладелец рядом с коллективным производителем и товаровладельцем» нашего государственного социализма. «Равенство, — пишу я, — не должно никого обманывать. Оно наблюдается лишь в крайне узкой сфере, ограниченной обменом и мелкой промышленностью. На самом деле, за этим равенством стоит неравенство, ибо все капиталы, все средства производства находятся в руках трудящихся» (стр. 242).	8. Мое утверждение здесь очень не понравилось рецензенту. Как мы уже знаем, мою постановку вопроса несколько обостренную по самому существу дела, он превратил в конечное заключение и вывод. А из последнего он выхватил только одно слово о возможности новой революции в случае победы буржуазии с ее правом и прислал мне, как будто бы, кроме этого выхода, я не вижу никакого другого. То-есть опять — совершенно наоборот. Мой положительный вывод и воззрение на пролетариат превращены в свою противоположность. Мне приписан какой-то нелепый страх перед победами пролетариата. А волею критика на сцену выведено чучело, на котором затем мой критик и упражняет свои дарования.

Приведенных мной сопоставлений действительного содержания моей книги и работы над ней рецензента как будто достаточно для того, чтобы судить о характере самой рецензии. Она представляет собой произведение человека, менее всего пожелавшего ознакомиться с истинным содержанием книги и добросовестно передать его. Напротив того, все основное и существенное в моей книге не только пропущено, но при этом сделан вид, как будто такого содержания и вовсе не имеется. Можно подумать, что перед рецензентом был экземпляр, из которого не то детишки вырвали самые важные и нужные места, не то крысы с'ели. Но замечательнее всего, что критик, в непостижимой слепоте пропустивший мимо носа важнейшее содержание книги, делает затем меня ответственным за отсутствие им незамеченных мест. Признаться, я мог допустить все, что угодно, но с таким приемом встречаюсь буквально впервые.

М. Рейснер.

ПРОТИВ РЕЙСНЕРИЗМА.

Несмотря на то, что основная мысль «междуклассового—компромиссного» права проф. М. Рейснера в нашей рецензии (см. «Большевик» № 21—22 за 1926 г.) была сформулирована вполне отчетливо и выводы в достаточной степени аргументированы, профессор Рейснер в глубокой досаде счел нужным все же ответить. В виду того, что в положениях его ответа допущены снова глубокие противоречия и неправильные утверждения, мы считаем своим долгом перед читателями показать всю несостоятельность и вредность рейснеризма.

1. Фактический материал и формальная логика. В тезисе втором М. Рейснер обижается, что мы напрасно в его работе допускаем наличие «формально-логического метода», так как «сотни» страниц (т.-е. его труда. *А. С.*) изложения посвящены *передаче* (курсив наш. *А. С.*) фактов». В нашей рецензии было сказано, что М. Рейснер «на основании сопоставления цитат из историков права второй половины XIX века (Поста, Дереста, Мэна, Ковалевского и др.), при помощи формально-логических умозаключений» (стр. 129), т.-е. при помощи формальной «передачи» без надлежащей критики, путем отвлеченных конструкций, приходит к неправильным выводам. Проф. М. Рейснер, несомненно, знает, что со многими фактами известного историка Иловайского мы согласны, но никак не можем согласиться с их оценкой. «Сотни страниц (а в книге его лишь 275 стр. *А. С.*) изложения» М. Рейснера представляют набор цитат без должной марксистской критики. Это приводит автора к абстрактным построениям «своего-чужого-общего», применимым как для об'яснения доклассового, так и классового общества.

Для лучшей ясности приведем хотя бы такое сопоставление. «Буквально» передавая слова Дареста и Ковалевского, автор делает заключение, что «уголовное право» (стр. 43) и «суд» (стр. 64) существовали уже в доклассовом обществе родового строя. Ф. Энгельс по этому же поводу писал: «И какой чудной уклад этот родовой быт, несмотря на

всю его несложность и простоту. Нет ни солдат, ни жандармов, ни полицейских, нет дворянства, царей, наместников, губернаторов, *нет ни судей* (курсив здесь и ниже наш. *А. С.*), *ни темниц, ни процессов...*» («Происх. семьи, частн. собств...», стр. 31), так как «внутри родового союза не знают ни прав ни обязанностей» (там же, стр. 65).

Эти наглядные противоречия между М. Рейснером и Ф. Энгельсом безусловно приводят читателя к выводу, что для разрешения данной проблемы необходима не формальная «передача» Дареста, Ковалевского и др., а глубокое исследование, анализ и *марксистская критика*, чего нет в работе М. Рейснера. Простая «передача» чужих мыслей приводит к формализму, противоречивым утверждениям и формально-логическим конструкциям.

2. Сущность права. Прежде всего, пусть читатель простит за полемику по специальному вопросу. Памятуя слова т. Ленина, что «новейшая философия так же партийна, как и две тысячи лет тому назад», в данном вопросе постараемся показать читателю и известный партийный интерес. По вопросу о сущности права между нами и М. Рейснером существуют непримиримые разногласия. Корень зла заключается в том, что М. Рейснер исходит «из понимания права, как одной из идеологических форм» («Право», стр. 252). Он рассматривает «право *лишь* (ниже курсив везде наш. *А. С.*) как один из подвидов общего вида идеологии» («Вестн. Комм. Акад.», № 1 за 1923 г., стр. 173). Значит, по мнению автора, право «лишь» идея, так же как «государственная власть, население и территория суть *лишь* понятия или идеи», ибо он «не может считать государственную власть чем-либо иным, как только идеей» (М. Рейснер—«Государство», часть 1, стр. XXXV). Из этого вытекает, что и классы являются «лишь» идеей.

По нашему мнению классы, государство, право, все это—не идеи, а реальности. Государство и право—это различные формы, порядки, системы, типы общественных отношений. «Различие типов отношений между людьми» (Бухарин—«Атака», стр. 96) необходимо иметь в виду при решении данных сложных проблем социальных явлений. Государство это такая форма или тип общественных отношений, сущность которых в классовом господстве и угнетении (Бухарин — «Атака», стр. 91), а право — такая система или тип общественных отношений, сущность которых в товарообороте суб'ектов—частных собственников (Стучка—«Рев. роль права», стр. 13.—Стучка—«Учение о гос. и конст.», 5-е изд., стр. 3—4, Пашуканис—«Общ. теор. права и маркс.», стр. 31 и 35).

Необходимо помнить, что идеологическая концепция государства и права заводит глубоко в дебри меньшевизма—экономизма, т. к. ею легко замазывается революционная роль права и государства и активность политической надстройки вообще, т.-е. обратное воздействие права и государства на экономическую основу.

Эта ошибка приводит автора и к ряду других. Говоря «о правовой форме, как об одном из способов представления»—зеркале (М. Рейснер—«Право», стр. 254), отражающем общественные отношения, автор разрывает содержание и форму. В философии на точке зрения такого разрыва стоят неокантианцы. Исходя же из принципов диалектики, мы получаем, что форма есть элемент содержания, форма есть переход формы в содержание, а содержание есть переход содержания в форму (Гегель—«Логика»). Поэтому, лишь не различая этой диалектической связи, единства и различия в мире реальном, можно утверждать об отождествлении нами формы с содержанием, права и государства—с экономическим базисом.

3. Междуклассовый компромисс и право. В тезисе шестом М. Рейснер возражает, что мы, якобы, его «из противника классового компромисса» превращаем в «сторонника классового компромисса». Должны отметить, что мы никаких превращений не производим, а лишь фиксируем выводы, полученные путем критического анализа из его писаний. Не отождествляя «правовой компромисс с компромиссом классовым» (см. тезис 5), по его словам, он признает лишь компромисс идей, иллюзий, а не классов. Но такое утверждение опровергается как марксистской логикой, так и его собственными трудами. Можно ли вообще представить себе наличие компромисса идей без компромисса реальных общественных сил: классов, партий и т. д.? По М. Рейснеру выходит, что сознание определяется не бытием, а существует самостоятельно, как «зеркало». Но и последнее «отражать» может только реальность, хотя бы в искаженном виде. Где тут логика самого автора?

В книге М. Рейснера—«Право» мы находим, конечно, не только рассуждения об «иллюзиях» и «идеях», но и о реальных силах—«классах». Приведем несколько цитат. «И борьба эта велась как рабочими, так и крестьянами во имя тех самых правовых требований, которые получили свое частичное воплощение в окончательном «компромиссе» (стр. 180). «Каждый компромисс их с капиталистами,—продолжает он,—был потому мирным договором двух борющихся сторон»... (стр. 182). В результате этого, по его словам, мы имеем «весьма пестрый состав того мирного договора, который на идеологическом языке заключается между отдельными классами» (стр. 31). Все это необходимо, по мнению М. Рейснера, для того «чтобы водворить некоторое *сотрудничество, мир и гармонию* в среде враждующих друг против друга классов» (стр. 31 и 32). Поэтому и в советской системе, по теории М. Рейснера, мы должны иметь «сотрудничество, мир и гармонию» классов, так как, по его же словам, имеем «междуклассовое право в республиках Советов» (стр. 209). Спрашивается, далеко ли от этого ушла платформа оппозиционного блока? Эти цитаты, по нашему мнению, никаких комментариев не требуют. Пусть проповедью «сотрудничества, мира и гармонии» классов занимаются представители II Интернационала, а это нам не по пути. Мы же продолжаем стоять на прежней точке зрения («Большевик», № 21—22, стр. 133—134). Вот к чему приводит теория «общего», «междуклассового» права.

4. Вопрос о «новой революции». Ответ М. Рейснера по этому вопросу (см. тезисы 7 и 8) не соответствует действительному содержанию мыслей, изложенных в его же книге. Оказывается, что он говорит «о необходимости делать новую пролетарскую революцию в том случае, если бы с победой буржуазии нашу шею затянула петля буржуазного права» (тезис 8). Против этого, конечно, никто и не спорит. Каждый сознательный рабочий великолепно понимает, что бороться против буржуазной авантюры необходимо. Вся философия в такой постановке очень конкретна и нам вполне понятна. Однако, автор не об этом говорит в своем труде. Вопрос заключается не в борьбе «против самой диктатуры пролетариата» (тезис 5), хотя в этом никто его и не упрекает, а в оценке нашей динамики, нашего роста. Говоря о религиозной идеологии он пишет, что «заквашивать на этом опиуме наш советский хлеб значило бы тащить далеко назад нашу революционную телегу и наносить ряд тяжелых ударов крепости нашей организации» («Право», стр. 35). Право «лишь» как идеология, по его мнению, если «не опиум для народа», то, во всяком случае, довольно опасное снадобье», иногда слишком крепкий клей или замазка (стр. 35). «Мы,—продолжает он,—положительно захлебываемся в праве и правовой идеологии...» (стр. 36), т.-е. в этом клее, замазке... При чем «буржуазия может еще торжествовать свою идеологическую

победу», так как «наш государственный социализм, благодаря капиталистическому окружению, пользуется рынком, как аппаратом распределения» (стр. 244). Но так как торжество идеологической победы определяется, в конечном счете, экономикой, то пророчество замедления хода «врастания в коммунистическое общество» или же необходимости новой революции «для освобождения пролетариата от незаметно в'евшихся буржуазных сетей» (стр. 224) не может не являться результатом пессимизма и переоценки этого своеобразного «кулака» в лице «буржуазного права» в советской системе, хотя и в диктатуре автор видит «силу, способную опереться не на право, а на экономику и политику» (тезис 8). Еще бы!

5. Искажение марксизма в книге М. Рейснера. По словам М. Рейснера, целая глава разбираемой книги «посвящена учению Маркса, Энгельса и Ленина о праве», а рецензент «этой главы не пожелал принять во внимание» (тезис 4).

Для того, чтобы читатель мог судить о качестве предлагаемого в книге М. Рейснера марксизма, проверим лишь одно сопоставление.

В книге М. Рейснера: «У Маркса мы определенно читаем, «что каждая форма производства порождает свойственные ей правовые отношения», а, следовательно, и производство родового общества не представляет здесь никакого исключения», так как «где нет хозяйства, нет и права», что «мы должны заметить и относительно грядущего коммунистического общества» (стр. 247 и 248).

В работах Маркса и Энгельса: «Именно, что каждая форма производства порождает свойственные ей правовые отношения, формы правления и т. д.» (Маркс—«К критике...», стр. 13), то-есть государство. По поводу же последнего говорится: «Государство заменило родовой союз»

Пропустив в цитате Маркса слова «формы правления и т. д.», он делает вывод, что каждая форма производства имеет право. К такому выводу на основе приведенных цитат без их искажения притти, конечно, нельзя, так как «...право развилось вообще лишь из частной собственности и товарного производства» (Ф. Меринг—«Ист. герм. соц.-дем., т. II, стр. 291). Поэтому утверждение автора, что «там же, где имеются первичные семейные и родовые сообщества, там вполне возможно и право» («Право», стр. 249) не соответствует марксистской теории, ибо «на этой ступени общественного развития не может быть речи о праве в юридическом смысле» (Ф. Энгельс — «Происх. семьи, частн. собств. и гос.», стр. 13).

Следовательно, по учению марксизма говорить о наличии права можно лишь там и тогда, где и когда возникают отношения частной собственности и отношения обмена.

После всего изложенного выше, говорить о марксистской выдержанности в книге М. Рейснера не приходится.

Заключение. Прежде всего необходимо отвести упрек автора по нашему адресу за пропуск в рецензии «всего основного и существенного» в его книге. Должны отметить, что мы имеем в виду не пересказ книги М. Рейснера, а критику основной его мысли. Мы остановились на проблеме «междуклассового, компромиссного» права и путем критического анализа показали читателю, как на основе неправильных теоретических предпосылок можно притти к неправильным и даже вредным политическим выводам. Поэтому мы и считали необходимым выступить против попыток замазывания действительной сущности вещей.

Тов. Ленин на протяжении всей своей жизни учил нас, как надо бороться за чистоту пролетарской теории, ибо «без революционной теории не может быть и революционного движения». Такой революционной

теорией является марксизм-ленинизм. За чистоту марксизма-ленинизма мы будем бороться, несмотря на то, что наши противники часто скрываются под маской «самой настоящей классовой» («Право», стр. 20) и «подлинной теории Маркса и Энгельса» («Право», стр. 248).

Переходим к философской и политической оценке учения проф. М. Рейснера.

Необходимо отметить, что «за последние годы у нас в марксизме сложились две группировки: одна... *ревизионистского* характера и другая группировка, стоящая на почве *революционного* ортодоксального марксизма» (А. Деборин—«Наши разногласия» в «Летописях Марксизма», т. II, стр. 3). Группа ревизионистов образовала «своеобразный блок из *фрейдистов*, бывших и настоящих *махистов*, из молчаливых и говорящих *эмпиристов* и *механических материалистов*» (там же, стр. 14). Среди ряда проблем ими выдвигаются такие вопросы как: реален ли общественный класс, существует ли единство между формой и содержанием, сводится ли психическое к физическому и т. д.?

М. Рейснер в своих философских построениях дал наглядный пример приведенной выше платформы ревизионистов. К спору о реальности класса необходимо лишь прибавить категорические утверждения М. Рейснера, что территория, население, государство, право и т. д. «лишь» *понятия, идеи*,—и мы получим подлинный ревизионизм. С другой стороны, упреки нас в отождествлении формы с содержанием, исходя из механической связи, он не замечает существующего единства и диалектической связи между формой и содержанием. И это—ревизионизм. В конечном результате его философия завершается чисто-фрейдистскими построениями. Пусть будет читатель сам судьею. Исходя из индивидуалистической теории «интуитивного» права Петражицкого, оперируя лишь понятиями, идеями и иллюзиями права и государства, отрывая правовую форму от экономического содержания, исходя из механической связи между ними, он попал в психологическое болото фрейдизма.

«Другой *подсознательной* формой организации массового поведения,—говорит М. Рейснер,—является подражание» (проф. М. Рейснер — «Проблемы соц. психологии», стр. 76).

В качестве примера такого «подсознательного» подражания он приводит: «В современной Европе нельзя не видеть *господства подражания* даже в форме борьбы с социальной революцией. Организованный первоначально в Италии фашизм с быстротой заразы охватил все черные силы европейского контингента и Америки» (там же, стр. 78). Выходит, что поляки фашизм собез'янничали у итальянцев, литовцы у поляков, а латыши у тех и других. Где тут марксистская и революционная постановка вопроса? Проф. М. Рейснер не замечает, что дело вовсе не в подражании, а в сходстве экономических условий и классовых соотношений. Поэтому, причину распространения фашизма необходимо искать в хозяйственном развале и отсюда в необходимости поддержания политического господства мерами голого принуждения.

Другой пример: «Чрезвычайно важен момент подражания при междуклассовых отношениях, при чем господствующий класс, становясь предметом подражания, естественно смягчает классовую ненависть и внедряется бесчисленными корнями в быт и нравы эксплоатируемых и получает характер чего-то *высшего, лучшего*, а вместе с тем и *оправдание* своей эксплоатации» (там же, стр. 77). Следовательно, этими словами говорится рабочему классу, что он, стремясь к чему-то лучшему, подражает буржуазии и этим «смягчает классовую ненависть» и оправдывает свою эксплоатацию. С этим сознательный рабочий, конечно, не согласится.

Оружие буржуазии он постарается использовать не для смягчения классовых противоречий и оправдания своей эксплоатации, а для борьбы за уничтожение всякой эксплоатации.

Все это—непосредственный вывод из теории междуклассового компромисса, «который на идеологическом языке заключается между отдельными классами» для водворения сотрудничества, мира и гармонии...

Политический вывод здесь ясен, ибо эта философия заводит в болото оппортунизма.

В общем, перед нами своеобразный ревизионизм, бороться против которого—наша обязанность.

А. Стальгевич.

Редакция: В. Астров. Н. Бухарин. В. Молотов. А. Слепков. Е. Ярославский.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 1 МАРТА 5

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП (б)

СОДЕРЖАНИЕ.

1 9 2 7
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

Главлит № 82129. Москва. Тираж 83.000 экз.

Тип. изд ва «Правда» и «Беднота», Яузский мост, Серебрянич. наб., д. № 23а.

К десятилетию февральской победы.

1927 год есть год десятилетних юбилеев двух величайших побед народных масс. Февраль и Октябрь. Оглядываясь назад, мы долго еще будем подытоживать их всемирно-исторический опыт, сопоставляя и сравнивая его с опытом других отрядов международного пролетариата и народных масс вообще, воспитывая на нем все новые и новые миллионы пробуждающихся к сознательной политической жизни трудящихся, продумывая для будущего незабываемые уроки этих революций.

Сейчас мы стоим накануне исполняющегося десятилетия февральской (по новому стилю—мартовской) победы.

В сутолоке повседневной жизни, после невиданного напряжения сил за истекшее десятилетие, перед лицом грандиозных задач, перспектив и трудностей, открытых предыдущими этапами нашей борьбы и открываемых нашим настоящим, — немудрено, что величайшее значение этой победы тускнеет в сознании многих перед значением других, высших ступеней революции. Все же никому из нас, активных участников революционной борьбы, берущих исторические явления в их связи, преемственности и исторической обусловленности, не придет в голову замазать значение февральско-мартовского взрыва народной революции, как предшественницы и предпосылки победоносной пролетарской, социалистической революции. Ибо октябрьский этап нашей борьбы есть успешно завершенное развитие ее февральского этапа. Ибо февральский этап заключал в себе моменты и тенденции, которые при известном переплете классовых, международных отношений и при правильном руководстве массами со стороны партии пролетариата развились в октябрьский этап.

Нашей партией в целом февралю всегда давалась эта оценка. Она злобно, хотя и страшно «учено», оспаривалась нашими политическими врагами, включая сюда и умнейших из них. Но чем дальше, тем больше даже они вынуждаются признать—в большинстве, правда, с ужимочками, оговорочками, оглядками, с половинчатостью,—что «тайна» февраля, открыто разгаданная и провозглашенная большевиками, заключается в *Октябре*, что умнейшие из наших противников понимали это уже тогда, в 1917 году, но в корыстно-классовых своих интересах обманывали народ и душили «октябрьские тенденции» в февральском пере-

вороте, желая свести значение последнего к значению дворцового переворота, либо—в самом лучшем случае—к установлению режима урезанной, недоделанной, изуродованной буржуазной демократии. Такие признания можно теперь разрыть в заявлениях хотя бы того же Павла Милюкова, наградившего в последнее время мир новым «ученым» произведением («Russlands Zusammenbruch»), где он еще и еще раз возвращается к обзору семнадцатого года под углом зрения «обогащенной» опытом целого десятилетия империалистской буржуазии. Самый факт подобных вырывающихся признаний является результатом победы революции.

Известно, что даже в рядах нашей партии находились отдельные элементы, не понявшие, или даже прямо и сознательно отрицавшие действительный смысл и действительные тенденции того стихийного движения народных масс, которое с необыкновенной быстротой низвергло зверский режим царизма. Это значило—поддаться провокации дальновидных представителей буржуазии. Это означало неумение разобраться в сложном переплете внутренних и международных отношений, создавшихся к тому времени.

Царизм победил народные массы в 1905—1907 гг. Но его победа не означала разрешения противоречий, вызвавших революцию 1905 года. Противоречия были лишь загнаны внутрь. И они не переставали ни на один момент подтачивать режим самодержавия и крепостничества. Правда, царизм был вынужден к мерам, приоткрывающим клапан для выпуска известной части паров, грозивших взорвать весь средневековый котел. Царизм был вынужден пойти на меры, способствовавшие в известной мере развитию буржуазных отношений. Речь идет о политике, связанной с именем Столыпина и рассчитанной на медленное, постепенное, мучительное перерождение России в буржуазную страну прусского типа.

Не зарекаясь от этой последней возможности, партия пролетариата вела борьбу за победу революционного пути, воспитывая в этом духе рабочий класс и крестьянство, использовывая для этого все возможности, включая сюда и царскую думу. Конечно, при успехе столыпинской линии, большевистской партии пришлось бы поступить так же, как поступил в свое время Вильгельм Либкнехт, когда попытка об'единения Германии на революционных путях не оправдалась и победил курс Бисмарка. Но до такой стадии в России дело не дошло. Борьба за революционный путь буржуазного преобразования России так и не была снята за время существования царизма. «Последний клапан», открытый Столыпиным для сохранения помещичьего строя в преобразованном по прусскому образцу виде, не мог разрядить и не разрядил сил революционного натиска рабочих и крестьян.

Когда же стал приближаться момент революционного взрыва, с особой силой вмешался новый фактор, вмешались новые силы, всемирно-исторические силы, —силы и связи международного империализма: грянула империалистическая война.

Новая ступень развития, новые группы экономических и политических противоречий, новые муки для трудящихся масс. И как итог переплета всех совокупных противоречий, раздиравших Россию,—новые струи в задачах пролетариата, невозможность найти выход в революции, ограниченной рамками буржуазных отношений, задача социалистического преобразования в результате пролетарской революции. Отсюда—печать нового, своеобразного в Февральской революции. Отсюда то, что «демократическая революция в России чрезвычайно приблизилась к революции социалистической». Революция против исторического чудовища царизма выдвигала задачу революции против империализма, против буржуазии, во имя социализма.

Средства для разрешения задачи пришли вместе с самой задачей. Партии пролетариата нужно было их использовать для перевода революции из первого этапа (февраль) на второй этап (октябрь). И она их использовала с классической гибкостью. Речь идет о Советах Рабочих и Солдатских депутатов, об'единивших представителей и рабочего класса и крестьянства. Речь идет о создавшемся двоевластии (Временное правительство и советы, добровольно уступившие власть буржуазии, но не переставшие от этого быть зародышами советской власти),—двоевластии, которое было понято нашей партией, которого не могли понять некоторые из большевиков, и которое превосходно было схвачено также зубрами октябристско-кадетской России (см. мемуары г. Родзянко).

Говоря о средствах, исторически подготовленных для превращения февраля в Октябрь, и об «октябрьских тенденциях» февральского переворота, мы отнюдь не утверждаем *фатальной неизбежности* указанного только-что превращения. Наша партия всегда была чужда исторического фатализма. Как раз отсутствием этого греха она и отличается от меньшевиствующих фальсификаторов марксизма. Без соответствующего воспитания, обучения, организации рабочих и мелкобуржуазных трудящихся масс на их собственном политическом опыте, но под руководством партии, без правильного руководства со стороны нашей партии, февраль не привел бы к октябрьской победе и ее закреплению.

Не будем останавливаться на той тактике, которую наша партия применяла с этой целью и которая может служить образцом сочетания терпеливости по отношению к рабочим и крестьянским массам, захваченным на первое время оборонческими настроениями, и решительности по отношению к представителям отжившего мира и их сознательным и бессознательным отголос-

кам. На ней—этой тактике—будут учиться все революционные партии мира. Игнорирование уроков этой тактики привело к поражениям (конечно, временным, хотя и серьезным) не один отряд борющегося международного пролетариата...

Теперь мы захвачены целиком задачами организации социалистического производства. Теперь мы живем и строим на почве, которую не один раз проехал плугом и из которой не один пень выкорчеван февралем и полная расчистка которой произведена Октябрем. У нас уже целое поколение молодежи, которое знает лишь по наслышке о том варварском строе отношений, который известен под названием царизма. Это не должно приводить к умалению значения Февральской революции в сознании этого поколения,—революции, подготовившей условия для той великой работы, которую мы ведем сейчас в интересах международной революции.

А. Зайцев.

По поводу одного „анализа“ нашей экономики.

На какие реальные данные нашей экономики может опираться взгляд, утверждающий победу капиталистических тенденций в нашем развитии над социалистическими?

Известно, что такой взгляд в известной среде и в известных, иногда отличающихся в оттенках, формулировках («уже победили», «побеждают», «начинают побеждать»)—является довольно распространенным. В проповеди его единодушны все наши враги, включая сюда всю международную социал-демократию. Этой проповеди поддаются те, кто любит проводить заумные аналогии наших перспектив с судьбами Великой Французской революции.

Между тем совершенно законное требование дать доводы, которые бы опирались на конкретные факты нашей экономической борьбы, остается до сих пор без удовлетворения. Аналогии аналогиями, но нужно же обосновать самоё аналогию!

С этой точки зрения безусловный интерес представляет попытка известного белогвардейского экономиста *С. О. Загорского* доказать победу капиталистических элементов и тенденций в нашей экономике на основании фактов и цифр, почерпнутых из советских источников [1]). Загорскому удалось особенно наглядно проиллюстрировать ту беспросветную путаницу в азбучных истинах экономической науки, в простейших правилах логики, элементарнейших исторических фактах,—в которую впадает человек, обуреваемый желанием доказать вышесказанное.

Бывали времена, когда С. О. Загорский ходил в приват-доцентах и писал небезграмотные, ненеприличные книжки, показывавшие, что автор не растерял еще остатков своей научной совести и не лишен некоторой способности к довольно популярному изложению достаточно общеизвестных истин. Но это было давно-давно. Чуть ли не в доисторические времена.

Пришла пора, когда Загорский решил приспособить свои таланты к ученой защите мелких и крупных интересов российских и иноземных Кит Китычей.

Вопрос, на который он сейчас желает дать ответ, сформулирован в названии написанной им книги «*К социализму или к капитализму?*»

---

[1]) „К социализму или к капитализму“. Изд. Республиканско-демократического Союза. Прага. 1927. 308 стр.

Круг явлений, разбираемых им, очерчен в предисловии:

«Мы подвергли анализу,—пишет он,—прежде всего (в первых трех главах) те экономические процессы в трех основных областях советской экономики,—в сельском хозяйстве, в промышленности и в торговле,—в которых происходит борьба между социалистическим хозяйством и «частнохозяйственной стихией».

«Эта стихия проявляется не только в области экономической, но и в области социальной. Она выражается в процессах образования и трансформации общественных классов, составляющих ее социальные элементы. Изучению их посвящена вторая часть книги (четыре последних главы)».

Ограничение круга «исследуемых» вопросов вышеуказанными заранее рассчитано, как видит всякий, на *преуменьшение* роли командных высот пролетариата. Так, например, куда-то выпал *транспорт*, представляющий, как показывает опыт, одно из мощных орудий в борьбе социализма против капитализма. Из всей *внешней торговли*, позволяющей нам, благодаря монополии государства, оперировать на рынке, на ряду с внутренней продукцией, также в известной мере и продукцией капиталистических стран,—из всего этого г. Загорский умудрился не увидеть ничего, кроме... контрабанды! Лишь походя задевается наша гигантская работа по созданию *денежной и кредитной системы*, тончайшего орудия, усовершенствованного капитализмом и находящегося у нас на службе социализму.

1. Дифференциация крестьянства, или кулацкая гегемония в деревне.

Загорский не лишен понимания той простой вещи, что вопрос о внутренних гарантиях успехов советского строя решается в основном в области взаимоотношений между городом и деревней, рабочим классом и крестьянством. Сюда он и направляет свои стрелы. Победу «частнохозяйственной стихии» он хочет обосновать как раз анализом этих взаимоотношений.

«Частнохозяйственная стихия» в народном хозяйстве России,—пишет он,—проявляет себя прежде всего в лице всей массы индивидуальных крестьянских хозяйств. Влияние этой стихии усиливается по мере того, как сельское хозяйство восстанавливается и в нем развивается процесс роста производительных сил и накопления капиталов» (стр. 5).

Рассуждение, кроющееся во второй половине этой выдержки, явно несостоятельно, ибо об усилении «влияния» можно говорить лишь в том случае, если рост сельского хозяйства *обгоняет* рост города. Загорский пыжится доказать как раз то, что «*в темпе восстановления производительных сил крестьянское хозяйство оказывается успешнее города*» (стр. 13).

Но об этом речь впереди. Предварительно необходимо выяснить, как Загорский понимает общественно-экономическую *природу «частнохозяйственной стихии», представленной крестьянским хозяйством*, и как он хочет обосновать положение о кулацкой гегемонии в советской деревне.

Укажем впрочем, что вопрос этот является предварительным только для нас и никак—не для Загорского. Ни-ни-ни. Он очень ловок, этот приват-доцент. Он не раскроет вам сразу всех карт. Он и в предисловии обойдется лишь общими фразами о «частнохозяйственной стихии». Он не покажет вам кулака сразу, не ошарашит вас широкой кулацкой бородой. Он прикроет его сначала сереньким, одноцветным мужицким зипуном. Он будет долго и нудно пяснячать вокруг него. Он будет постепенно приучать ваш взгляд к еле просвечивающей сквозь зипун фигуре, помаленечку, понемножечку ее приоткрывая,—сначала осторожно, боязливо, потом больше, смелее; сильней, смелей, больше—пока отчетливо не выяснятся могутные кулацкие стати, с тем, чтобы сдернуть потом ненужное покрывало и вырвать у вас подавленный крик: «Да, некуда деваться: идет кулак! Кулак пришел!»

Маневр, рассчитанный больше на наивность балаганных зрителей. Нам же нет необходимости принимать последовательные стадии его фокусов. Предпочтительнее взять прямо суть.

«Современное крестьянство,—пишет он,—усиленно дифференцируется, продолжая таким образом процесс, начавшийся (!) и до революции. Оно выделяет прежде всего ту группу «раскрестьянившихся» элементов, которые покидают деревню и дальнейшая судьба которых уже не связана с сельским хозяйством. Другая группа представлена пролетарскими или полупролетарскими элементами, которые находят источники существования в сельском хозяйстве и образуют для развития в нем капиталистического хозяйства необходимую резервную армию труда».

«Третья группа состоит из хозяев, которые временно могут быть причислены к «трудовым», но не отличаются устойчивостью и судьба которых в советских условиях еще далко не определена (Загорский скромничает. Уж для него-то во всяком случае эта «судьба» в «советских условиях» «определена». Он забыл, что на 184 странице уже раскрыл свою «тайную любовь»: идейку о невозможности «преобладания» середняцкого элемента «в связи с развитием товарного характера крестьянского хозяйства». *А. З.*).

«Четвертую группу составляют наиболее крепкие зажиточные хозяйства. Экономическая мощность этой группы растет. *На ней основан под'ем сельского хозяйства и с ее существованием и развитием связаны все надежды на под'ем производительных сил в стране*».

«Наконец, пятую группу составляют те крестьянские хозяйства, экономическая сила которых связана не столько с сельскохозяйственной, сколько с торговой и ростовщической деятельностью... Из этой группы выходят деревенские торговцы, скупщики кустарных изделий, арендаторы мелких промышленных заведений в деревне же» (стр. 218—219. Курсив наш).

«Расстановка сил», как видит всякий, чрезвычайно ловкая. Пять групп крестьянства. Из них четыре таких, судьба которых связана с буржуазным развитием—две пролетарских и полупролетарских и две откровенно капиталистических. И—лишь одна единственная группа (собственно не группа, а группочка), судьба которой «еще» «не определена». Так и выходит: деревня «усиленно дифференцируется», а если точнее сказать: дальше собственно и некуда. Кулацкая гегемония—непреложный факт. «На ней основан под'ем сельского хозяйства и с ее существованием и развитием связаны все надежды (слышите: «все надежды»! *А. З.*) на под'ем производительных сил в стране» (даже в стране! *А. З.*).

Исходным пунктом, или точнее, прародительницей кулацкой гегемонии в современной деревне Загорский выставляет... что бы вы думали?.. «большевистскую аграрную революцию»!

Конечно, в этом тезисе больше тайного и интимного желания, нежели сколько-нибудь вразумительной мысли. Загорскому хочется изобразить нашу революцию, как мать—вернее, как мачеху—буржуазной демократии. В заключительной главе он откровенно это и раскрывает, говоря, что «Советская власть выполнила свою об'ективную миссию... Она вызвала к жизни новую буржуазию, она создала (?)... ту мелкую буржуазию в подлинном смысле, те средние классы, отсутствие (?) которых составляло ранее слабость общественного, экономического и политического уклада России... Но мавр сделал свое дело, мавр дол-

жен уйти» и т. д. (стр. 304). К этому выводу он идет, в частности, через указанный тезис о том, что «аграрная революция» создала условия для стремительного развития капитализма.

Мысль его в этом пункте особенно путанная и противоречивая. Он хочет в своих целях отрицать, например, даже общеизвестное явление нивелировки крестьянских хозяйств за время военного коммунизма.

> «Прошло время,—пишет он,—когда среди и советских деятелей и «специалистов» и в некоторых кругах эмиграции (!) считалось бесспорным, что одним из об'ективно-положительных результатов большевистской аграрной революции является происшедшее «нивелирование» крестьянского землевладения (?!). Как известно, в качестве такого результата это нивелирование было возвещено Лениным, который, исходя из него, и провозгласил свою ставку на середняка» (стр. 177).

Слова «об'ективно-положительные результаты» прибавлены здесь только из осторожности, как лазейка на всякий случай, ибо кто же в «кругах эмиграции» мог считать раскулачивание деревни беднотой «об'ективно-положительным» явлением? А суть состоит в том, что Загорскому хочется само расслоение крестьянства приписать, как «первородный грех», нашей революции, развязавшей-де условия для буржуазного развития деревни.

«Прошло то время», когда результатом аграрной революции считали нивелировку деревни. Настало время, когда, при просвещенном содействии Загорских, уразумели, что нивелировки не было, а, наоборот, закладывались основы для победы капитализма. Такова немудреная философия «большевистской аграрной революции» у ученого приват-доцента. Опровергать всерьез эту чепуху и не стоит. Отметим лишь, что у Загорского такая мания самоопровержения, что он тут же дает таблички из изд. ЦСУ «Экономическое расслоение деревни в 1917 и 1922 гг.» (нотабене: г. Загорский пользуется материалами нашей печати), которые показывают «как раз наоборот», т.-е. ту самую нивелировку, от которой он хочет откреститься.

	1917 г.	1919 г.		1917 г.	1919 г.
	% хозяйств.			% хозяйств.	
Беспосевных	11,5	6,6	Безлош.	28,7	25,1
С посев. по 2 дес. . .	28,7	42,8	С 1 лош.	47,6	60,1
» » от 2—4 дес. .	28,9	42,8	» 2 »	17,6	12,3
» » » 4—6 » .	14,6	12,4	» 3 »	3,9	1,8
» » » 6—10 » .	11,2	7,3	» 4 »	1,2	0,5
» » » 10—16 » .	3,8	1,4	» 5 »	0,8	0,2
» » » 16—25 » .	0,9	0,2			
» » св. 25 » .	0,3	0,01			

Динамика настолько ясна, что даже Загорский, махнув рукой на свои же обратные утверждения, замечает меланхолически, что «за годы аграрной революции (1917—1919) это нивелирование действительно произошло» (177). Вторая таблица, приводимая Загорским в совершенно другом месте, характеризует значительно больший промежуток. Речь идет о таблице из статьи Огановского «Сельское хозяйство в 1924—25 г.» (изд. НКФ).

	% хозяйств.		% земли.	
	1905 год.	1924 год.	1905 год.	1924 год.
1. Малоземельные . . .	33,3	38,3	13,9	16,2
2. Средние	41,6	43,0	33,5	41,4
3. Зажиточные	19,6	14,3	28,2	25,8
4. Богатые	5,5	4,4	24,4	16,6

Не касаясь качеств статьи Огановского, основанной, по нашему мнению, на грубых допущениях, преуменьшающих значение аграрной революции в нивелировке деревни, не касаясь, в частности, качеств данной таблицы, не можем все же не отметить, что и по этой табличке видно ясно, что революция смыла все результаты усиленного расслоения и капиталистического накопления в деревне после реформы Столыпина и срезала даже итоги предшествующего развития деревни в этом направлении. Не можем не констатировать, что и по этой таблице степень расслоения деревни в 1924 г. значительно слабее, чем это было 20 (двадцать!) лет назад и может соответствовать скорее уровню 80—90 годов прошлого столетия.

Нужно было сказать, что революция уравняла крестьянские хозяйства не до конца, как сам же Загорский говорит в других местах своей книжки, и это было бы правильно. Но сказать, что революция «вызвала к жизни» крестьянскую буржуазию, что эта последняя обязана своим существованием большевистской революции, это то же, если вы скажете, что обязаны жизнью дубине, которой проломили вам череп, хотя и не убили насмерть.

Путанные взгляды высказывает Загорский, в частности, относительно перераспределения инвентаря во время революции. То он утверждает, что «вся аграрная политика коммунистического периода «сводилась» к принудительному использованию инвентаря и скота более зажиточных хозяйств» (180), то отрицает, говоря, что «поравнение по части земли не касалось других условий крестьянского хозяйства» (183), то снова начинает рассуждать о «раскулаченных» средствах производства, полученных в порядке наделения деревенской бедноты» (184).

В конце концов Загорский решает попраздновать именины и на Антона и на Онуфрия. Если нивелировки не было—то ясно, что расчищена почва для капитализма. А если нивелировка была, то... то же самое. Большевистская нивелировка — это же нечто особенное. Она лишь создала благоприятные условия для деревенской верхушки.

Мы нисколько не шутим. Загорский, по сути дела, выражается еще крепче: «Поравнение», которое имело место,—говорит он,—создало лишь более благоприятные условия для укрепления более зажиточных групп» (183). Слышите? «Более благоприятные условия». По сравнению с чем? Да, очевидно, со столыпинскими временами! С чем же иначе сравнивать?

Отношение советского государства к процессам расслоения изображается, например, в том же комическом стиле.

Налогового регулирования кулацкого накопления Загорский вообще не видит: явно «оторвался» от своих «масс». Кооперативной политики с специфическим советским содержанием он не замечает. Кооперация—даже колхозы!—для него «существенно ничем не может (и не может! *А. З.*) отличаться от земледельческой кооперации, существующей и в других странах» (182).

О кредитной политике советского государства в отношении бедноты он вообще умалчивает.

Поэтому вопроса об изменениях в природе накопления в крестьянском хозяйстве, об из'ятии у крестьянской буржуазии целого ряда каналов накопления он даже не ставит. Об условиях накопления он говорит так, точно ничего не случилось, а остался все тот же столыпинский режим.

Что касается аграрной политики советской власти, то она тоже лишь «способствует» «углублению» неравенства. В доказательство этой мысли для условий до 1925 года приводится ...ставка на трудовое хозяйство! Запрещение наемного труда и аренды земли!

«Аграрная политика советской власти после введения нэпа, нашедшая свое выражение в земельном кодексе 1922 года, не только не способствовала, но препятствовала стабилизации новых (поравненных. *А. З.*) условий. Ставка на трудовое хозяйство, искусственное игнорирование наемного труда и земельной аренды, придавая стихийно развивавшимся новым отношениям нелегальный характер, способствовали углублению экономического и социального расслоения крестьянства» (186).

В самом деле, кому после этого не ясно, что условия для роста кулака при советской власти... «более благоприятны», чем при Столыпине?

Немножко непонятно, правда, почему воют у нас кулаки и почему ноет сам Загорский, их ученый апологет, с тоскою и вожделением вспоминающие столыпинскую «ставку на сильных».

Не менее смехотворно обосновывается тезис об удельном весе крестьянской буржуазии. *Факты и цифры* упорно доказывают преобладание «середняцкого элемента» в крестьянстве. Но Загорскому все нипочем.

Вот, например, несколько сводных таблиц, известных и Загорскому (см. стр. 188, 190, 191, 213).

Для 1923 г. (данные НКФ).

РСФСР

Группы хозяйств.	% хозяйств.	Распределение облагаем. земли в %%.	Распределение едоков.
1. Без скота	17,14	11,32	12,46
2. Не более 2 гол. скота	56,63	50,69	54,80
3. От 2 до 4 гол. скота	20,62	25,65	24,89
4. Свыше 4 гол. скота	5,61	12,34	7,85
Итого	100,00	100,00	100,00

УССР.

Группы хозяйств.	% хозяйств.	Распределение облагаем. земли в %%.	Распределение едоков.
1. Без скота	29,02	17,83	22,46
2. С 1 гол. скота	26,34	21,54	24,59
3. » 2 » »	25,06	26,83	27,18
4. » 3 » »	13,12	18,81	16,15
5. » 4 » »	6,46	14,93	9,62
Итого	100,00	100,00	100,00

Как ни верти эти цифры, все же из них не высосать того, что под'ем сельского хозяйства основан на группе наиболее крепких хозяйств и что «с ее существованием и развитием связаны все надежды на под'ем производительных сил в стране» (218). Не получается этого даже в том случае, если в группу «наиболее крепких зажиточных хозяйств» зачислить всех тех, кто имеет 4 головы скота (не рабочего только, а скота вообще!). Как хотите, а трудно базировать «под'ем производительных сил в стране» на *12—15 процентах* из всей обрабатываемой площади земли.

Или возьмем данные НКФ за 1924—25 г.:

Группы хозяйств.	% хоз.	% едоков.	% работн.	% раб. скота.	% посева.
До 4 дес. посева	31,3	27,1	28,5	19,1	11,7
От 4 до 8 дес. пос.	49,5	47,8	47,7	46,0	46,3
От 8 до 15 » »	15,2	18,2	17,3	23,7	25,8
От 15 дес. и выше	4,0	6,9	6,5	11,2	16,2
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Расслоение есть, но и эта таблица в корне разрушает idée fixe Загорского о верхушке деревни, как хозяйственном гегемоне в крестьянстве.

Или возьмите таблицу, якобы «иллюстрирующую» гегемонию верхушки деревни в рыночном обороте деревни (данные относятся к Украине 1923 г.).

Группы хозяйств.	% хоз. отчужд. хлеб.	% отчужд. хлеба к итогу.	% приоб. пром. изд. к итогу.
С посевом до 3 дес.	45	30	31
» посев. в 3—6 дес.	34	39	37
» » » 6—9 »	12	16	10
» » » 9—15 »	7	9 (10?)	16
» » » 15 д. и выше	2	5	6

Сравните с данными этой таблицы (проводимой самим Загорским!) следующее великолепное рассуждение:

«При таких условиях не трудно понять, каково значение, экономическое и социальное, зажиточных хозяйств в советской деревне. Именно эти хозяйства играют важную (не хватило все-таки наглости сказать: главную. *А. З.*) роль и в рыночном обороте хлеба и в приобретении промышленных изделий» (стр. 217).

Вся необоснованность всего этого настолько ясна, что Загорский начинаетт оперировать, вместо сводных, массовых данных, отрывочками отсюда, отрывочками оттуда, корреспонденцией из одного места, сообщением из другого, односторонними цитатами из описания одной волости, описания нескольких деревень —а затем в этой взбаламученной воде ловить рыбу. Одного фактика достаточно, чтобы раздуть его до степени универсального явления. Одного замечаньица достаточно, чтобы развести целое путанное рассуждение. Не имеем никакой человеческой возможности отмечать все его «фигуры» и «номера». Образцом путаницы может служить хотя бы следующее рассуждение:

«Характерно,—говорит он,—что на Украине арендная плата сохранилась приблизительно в том же размере, что и до революции—третий сноп. Между тем раньше эта плата шла помещику со стороны крестьянских хозяев, теперь она уплачивается зажиточным крестьянином малоимущему.

Очевидно, что в *настоящее время одна группа крестьянства эксплоатирует другую в гораздо большей степени, чем та эксплоатация, которая имела место раньше со стороны помещика*» (курсив наш).

Трудно придумать подобающую квалификацию этому продукту человеческой глупости. Расслоение, коренящееся в эксплоатации зажиточного малоимущим! Бедняк, эксплоатирующий ...кулака! «В гораздо большей степени», чем помещик! «Тре-

тий сноп», превращающийся в нечто «гораздо большее» только от того, что он идет не помещику, а «малоимущему»!

Почувствовав неожиданно, что это «ущемление» кулака как будто бы доказывает обратное тому, что хотел доказать он, Загорский противопоставляет «факты» «с другой стороны».

«С другой стороны,—кончает он,—в настоящее время арендатор, зажиточный крестьянин, находится в более благоприятных условиях, чем раньше. Аренда земли обходится ему дешевле, и поэтому доход от земли выше, и возможности накопления—больше».

Пойми, кто может. «С одной стороны»—«в том же размере», «с другой стороны»—«в гораздо большей степени». А с третьей стороны, даже «дешевле». «С одной стороны»—«эксплоатируется», «с другой стороны»—«возможности накопления—больше». «С одной стороны», хуже, чем под помещиком, «с другой стороны», «в более благоприятных условиях, чем раньше». А все в целом называется «фактической мобилизацией землевладения», т.-е. частной собственностью на землю!

В конце концов в вопросе о верховенствующей роли кулака в деревне он не находит более убедительного довода, чем пресловутые 14% хозяйств, концентрирующие в своих руках 60% хлебных излишков (стр. 212).

И то сказать: если бы в природе существовали более убедительные аргументы, то они, конечно, давно были бы извлечены теми, кто на эти темы рассуждал куда более хитро, чем ученые белогвардейцы...

Вопрос об *аграрном перенаселении* играет значительную роль в схеме Загорского. Загорский помнит отрывки из читанных им когда-то книжек, что накоплению средств производства на одном полюсе должна соответствовать пролетаризация на другом полюсе. Гегемонию кулака он «уже» «доказал». Эту гегемонию он дополняет перенаселением. Но и с этим серьезнейшим вопросом он обращается с невероятным легкомыслием. Прикрашивая средневековые отношения в дореволюционной деревне, прикрыв крепостническую эксплоатацию, он говорит, что революция ничего не сделала в этом вопросе, кроме перемены... юридических титулов.

«И накануне революции фактически во владении крестьянства находилось до 90% всей пахотной площади в Европейской России. Около одной четвертой части ее крестьянство снимало в аренду. Аграрная большевистская революция изменила по существу лишь юридические земельные отношения» (195—196).

Буржуазный демократ, в борьбе с большевизмом скатывающийся к прикрашиванию средневековья [1]), умалчивает о сотнях миллионов рублей, уплачивавшихся помещику за аренду, умалчивает об избавлении миллионых масс середняцкого крестьянства, которое было задавлено остатками барщины, ухитряется ничего не понять в факте уравнительного передела всех—и помещичьих, и удельных, и монастырских, и крестьянских—надельных земель. Имеет все это хоть какое-либо отношение к вопросу об аграрном перенаселении, господин ученый экономист?

[1]) Мы уже молчим о таких перлах, что «в дореволюционной России для избыточного деревенского населения существовал выход (!) в перенаселении» (199).

Мы знаем, что аграрное перенаселение—весьма больной вопрос. Но только ценою апологетики крепостничества можно притти к утверждению, что аграрное перенаселение, которое «существовало и до революции... *не только не ослабело, но усилилось в настоящее время*» (195).

Из трех факторов, вызывавших, по мнению Загорского, аграрное перенаселение до революции (недостаток земли, низкий культурный уровень, чрезвычайно слабое распространение интенсивной системы хозяйства; ученый Загорский, как сказано, не видит такого слона, как помещичье землевладение!)—из всех этих факторов Загорский не может назвать ни одного, который за время большевистской революции не ослабел бы в своем действии, не говоря уже о крепостничестве, начисто смытом с лица нашей страны. О земле мы уже сказали. «Низкий культурный уровень». Уж не думает ли Загорский сказать, что культурный уровень крестьянства в настоящее время «не только» не выше, «но и» ниже, чем при режиме Романовых? Не хочет ли он сказать, что «интенсивная система хозяйства» сейчас «не только» не сильнее, «но», наоборот, слабее распространена в крестьянстве, чем при помещиках? Пусть посмеет: мы приведем ему из его же собственной книжки цифру в 17,6% под промышленно-техническими культурами от общей посевной площади (стр. 8), в то время как максимальное развитие их в дореволюционный 1916 год составляло лишь 10,8%, а в довоенное время, даже в период быстрого развития капитализма под столыпинской рукой, не превышало 7—8%. Имеет ли все это какое-либо отношение к ослаблению перенаселения по сравнению с временами крепостнических отношений?

Загорскому хочется думать, что в этом отношении достигнуты уже пределы. «Интенсификация земледелия,—говорит он,—требует значительных капиталов, отсутствие которых в настоящее время нет надобности доказывать» [1]).

Мы же знаем, что присутствуем только при *начале* того сдвига в способах ведения хозяйства в крестьянстве, который является неоспоримым фактом нашего хозяйственного строительства, не отрицаемым никем из серьезных исследователей вопроса и имеющим важнейшее значение в вопросе о перенаселении.

В развитии кустарной промышленности Загорский также не видит выхода для перенаселения. Оно (развитие кустарн. пром.) «требует целого ряда условий: капиталов, рынка сбыта, роста потребления со стороны населения, которые создаются в советском народном хозяйстве чрезвычайно медленно» (стр. 200). Отметим, что такую оценку кустарной промышленности Загорский дает лишь в связи с вопросом о перенаселении. Там же, где речь пойдет о конкуренции ее с геспромышленностью, найдутся и капиталы и рынки сбыта.

[1]) Курьезно утверждение Загорского о с.-х. машиноснабжении. Он пишет: «Мы видели выше (к сведению читателя: мы *ничего* об этом не видели «выше». *А. З.*), как ничтожно снабжение крестьянского хозяйства мертвым инвентарем» (стр. 200). Сообщаем Загорскому, что с.-х. машиноснабжение (внутреннее производство плюс импорт, с поправкой на сокращение территории) стоит уже сейчас на уровне довоенного: 1913 г.—64,75 м. р., плюс 51,1 м. р., 1925—26 г.—72,3 м. р., плюс 34,8 м. р.; 1926—27 г.—92,2 м. р., плюс 24,0 м. р. Цены довоенные.

О кооперации—в связи с аграрным перенаселением—он вообще отзывается с пренебрежением. «Мы видели выше, какую ничтожную роль играет земледельческая кооперация. Как ни форсировать ее развитие в ближайшее время» и т. д. Почему из всей сельскохозяйственной кооперации выхвачена только «земледельческая» (речь идет о колхозах), знает один лишь Загорский и его друзья. Почему горизонты ограничились вдруг «ближайшим временем», известно только ему.

Загорскому нужно усвоить, что 1) проблема перенаселения—вопрос серьезный и подходить к нему нужно по-серьезному, а не как фокусник, а 2) перспективы наших *успехов* (в частности и в области постепенного изжития перенаселения) простираются несколько дальше, чем «ближайшее время». Если Загорскому не видно никаких иных перспектив, кроме обеднения, обнищания, разорения, нищеты и вымирания миллионов деревенской бедноты (ее неизбежная судьба при желанном Загорскому капиталистическом строе), то мы тут уж ему ничем не можем помочь...

Общий вывод, резюмирующий все предшествующие благоглупости и просто глупости о дифференциации, может быть сформулирован его словами: «Рост обеих групп (и деревенского пролетариата и крестьянской буржуазии. *А. З.*) встречает благоприятные условия и в общих экономических условиях современной России и в политике советской власти» (195).

Таков «анализ» Загорского, относящийся к дифференциации деревни. Большую путаницу в элементарных вопросах, большее нагромождение диких противоречий, большую закостенелость мысли, большую вольность в обращении с фактами, чем здесь, трудно, кажется, себе и представить [1].

Но иной ценой, без этих жертв, невозможно добиться нужной Загорским картины советской деревни—вот в чем трагедия!

Дальнейшим развитием идейки о кулацкой гегемонии в деревне служит рисуемая Загорским картина, которую у нас, в СССР, досужие «философы» называют *«кулак регульнул»*. Речь идет о том, что капиталистические элементы деревни командуют собственно не только деревней, но и всей страной, диктуют советской власти линию политики, а если это не удается, срывают все экономические мероприятия государства, заставляя социалистические секторы экономики подчиняться себе, приспособляя последние к своим интересам. После того, что Загорский наговорил о дифференциации, эта философия не представляет как будто бы для него ничего загадочного. Но он желает проиллюстрировать оное кулацкое регулирование на примерах и приводит в качестве таковых два факта. Как говорится, «те самые, которые». Во-первых, решения XIV партконференции и, во-вторых, просчет 1925—26 г.

[1]) Не можем не отметить еще одного перла,—об'яснения измельчания крестьянских хозяйств. Вот оно: «Раздел земли вызвал тягу части городского населения в деревню, увеличение таким образом числа крестьянских хозяйств, которому совершенно не соответствовали ни увеличение земельного фонда ни наличность живого и мертвого инвентаря» (178).

Загорский считает это рассуждение, по всем признакам, за апогей человеческой премудрости, и опасаясь, как бы кто не стал оспаривать у него приоритет на эту глупость, спешит пред'явить на нее патент, сославшись поскорее на свое написанное в 1922 году произведение («L'evolution actuelle du bolschevisme russe». Avec préface de Emile Vandervelde), осененное дланию и благословением известного «знатока» русской революции... Эмиля Вандервельде.

«Большое экономическое и социальное значение зажиточного хозяина... заставило советскую власть в 1925 г. пойти ему навстречу и об'явить его «старательным хозяином». Вместо ставки на середняка была сделана ставка на 'зажиточного хозяина» (220).

Такая трактовка решений XIV конференции («уступка кулаку») нам достаточно известна, и вряд ли на ней стоит останавливаться. Когда решения, с особой силой подчеркнувшие значение среднего крестьянства в земледелии, называют заменой «ставки на середняка» «ставкой на зажиточного хозяина», то на простом русском языке это называют «дошел до ручки».

Второй факт (просчеты 1925—26 г.) изображается Загорским в следующем лаконическом стиле:

«В прошлом году крестьянство (мы теперь знаем, *какое* это «крестьянство». *А. З.*) оказало первое экономическое сопротивление советской политике» (43).

Примем к сведению заявление Загорского, что в прошлом году мы имели *первое* сопротивление «крестьянства» мероприятиям советской власти. И спросим: в чем состояло это якобы «сопротивление»? В том, что не был выполнен план хлебозаготовок в нужное время, в нужных размерах, по приемлемым ценам. Так как Загорскому известно, что 14%-ная верхушка деревни концентрировала в своих руках 60 процентов с лишним товарного хлеба, то, очевидно, невыполнение плана хлебозаготовок об'ясняется на 60% сопротивлением этой верхушки. Так как Загорскому известно далее, что «деревня усиленно дифференцируется», то было бы совершенно понятно, если бы Загорский стал предрекать, что грядущие неудачи хлебозаготовок в 1926—27 г. будут в еще большей мере об'ясняться усилившимся давлением деревенской верхушки.

Но жизнь-то—текущая хлебозаготовительная кампания—преподнесла Загорскому совершенно неприличный по его понятиям и ни с чем не сообразный «подарок»: оказывается, для ученого экономиста не осталось самого об'екта, подлежащего об'яснению—срыва хлебозаготовок. Оказывается, жизнь потекла по путям, Загорскому совершенно неведомым, по законам, ему совершенно непонятным. Торжественно провозглашенный прогноз, заключавшийся в том, что «и на предстоящий год борьба между социалистическими элементами и крестьянской частнохозяйственной стихией складывается снова в пользу последней» (43), оказался смятым жизнью. Этот прогноз в виде редкого исключения был характерен полной согласованностью вывода с принятыми посылками. Крах прогноза означает поэтому крах его логических предпосылок, заключавшихся 1) в теории «усиленной дифференциации» крестьянства, 2) в об'яснении хозяйственных затруднений 1925—26 года кулацким регулированием.

Ошибочность теории, именуемой вкратце «кулак регульнул», уже для 1925—26 года могла бы быть обнаружена простым анализом хлебозаготовительной кампании 1925—26 г. в двух районах с одинаковым, примерно, ходом дифференциации—на Украине и на Северном Кавказе. Известно, что сторонники теории «кулацкого регулирования» в кампании 1925—26 года особенно не любят ссылки на эти районы, ибо она особенно рельефно показывает, как в угоду «высокой» политике извращаются эле-

ментарные факты нашей экономики, выдумываются нелепые схемы, в частности схема, согласно которой современная политика ВКП(б) и советского государства находится в плену у кулацкой идеологии и является орудием кулацких интересов. От того, что эту схему повторяет Загорский, она отнюдь не становится более убедительной. Практический опыт одинаково крушит произвольные теории, независимо от того, кто их проповедует—белогвардейский экономист или доморощенный философ.

Нельзя сказать, чтобы Загорский не чувствовал нелепости своих рассуждений. Проблески сознания ее, несомненно, имеются, и кое-где они показываются в самый патетический момент. Но они тут же снова заволакиваются тем же туманом.

> «Требования оформляющейся и консолидирующейся группы единоличных зажиточных, более крепких капиталистических или становящихся капиталистическими хозяйств должны прокладывать себе дорогу, ибо с удовлетворением их интересов с их ростом связано в настоящее время восстановление производительных сил страны. Между всей идеологией, лежащей в основе советской политики, и интересами *этой части крестьянства* существует настолько глубокое противоречие, в то же время от осуществления этих интересов настолько зависит развитие народного хозяйства, что у советской власти нет иного выбора, как *следовать по пути, который ей диктует это созданное и выросшее в процессе большевистской революции крестьянство*» (221—222, курсив наш).

Ничего нельзя возразить против того, что между «интересами этой части крестьянства» и политикой советского государства «существует глубокое противоречие». Совершенно верно. Такова уж природа нашего государства. Но не противоречит ли это тому, что у нас существуют «более благоприятные условия для укрепления более зажиточных групп» (183), что у последних—«возможностей накопления больше» (208)? Как будто бы—да. Но что же тогда означает то, что политику «диктует» «оформляющаяся и консолидирующаяся группа» «более крепких капиталистических или становящихся капиталистическими хозяйств»? Может быть, это нужно понимать так, что условия для капиталистических хозяйств становятся с каждым годом все «более благоприятными»? Но как прикажете тогда понимать то, что советская власть «*не имеет возможности*» «*вызвать накопление в стране т.-е.*(*!!*) именно в частном хозяйстве» (116)? Увы! Ответа на это не дает и сам Загорский.

Далее. Загорский, как сказано, констатирует, что между «интересами этой части крестьянства» и политикой советской власти «существует глубокое противоречие». Совершенно верно. С «*этой*» частью крестьянства дело обстоит именно так.

Но это только полправды. Наличие «глубоких противоречий» между советским государством и «этой частью крестьянства» означает также *тесный союз* между пролетариатом и *остальной*, неэксплоататорской массой крестьянства, составляющей, как известно и Загорскому, подавляющее большинство деревни. Загорский замалчивает факт такого союза. Он замалчивает, что кулацкий фронт направлен *и* против пролетариата *и* против трудящегося большинства деревни. Он замалчивает факт «единого фронта» между пролетариатом города и трудящимися деревни против капиталистических элементов, в частности, против кулака. Но Загорский проговорился. Он смог отыскать «глубокое противоречие» только по отношению к одной части крестьянства

(группе «капиталистических или становящихся капиталистическими хозяйств»). Почему же он замалчивает другую сторону этого явления: отсутствие у пролетариата «глубокого противоречия» с интересами трудящегося крестьянства? Потому что он органически не способен усвоить идею о возможности и наличии рабоче-крестьянского блока. И, вынужденный проговариваться в одном месте, он в другом месте будет все же изображать враждебность в отношениях между пролетариатом и крестьянством в целом и единство в интересах крестьянской буржуазии и... трудящихся деревни против интересов советского государства. «Враждебные столкновения» с мероприятиями последнего Загорский будет стараться прослеживать и в политике цен на продукты с.-х. производства и в политике цен на промышленную продукцию и во внешне-торговой политике. Вот, например, об'яснение осенней 1923 года кон'юнктуры.

> «Осенью 1923 года впервые обнаружилось, что все государственное регулирование промышленного производства и все плановое хозяйство в области государственной и кооперативной торговли опрокидываются с необычайной легкостью интересами и потребностями не поддающейся регулированию и планированию и заявляющей о своих потребностях и требованиях крестьянской неорганизованной частнохозяйственной стихии» (18).

Загорский намеренно изображает дело так, как будто бы раздвижение ножниц осенью 1923 года было результатом планирования, направленного якобы к этой цели. Но он не может все-таки отрицать того факта, что сжатие ножниц явилось плодом именно целесообразно направленной плановой политики советского государства. Это не мешает ему заявить в другом месте, что «советская власть не заинтересована ни в поднятии покупательной способности крестьянства, ни в расширении емкости рынка, другими словами, ни в значительном понижении промышленных цен, ни в повышении сельскохозяйственных» (42—43).

Последовательность обязывала бы Загорского доказать, что от повышения цен на с.-х. товары и от понижения цен на продукты промышленности, проведенного в 1923—24 году *советской властью*, интересы социалистической промышленности *потерпели ущерб, пострадали*. Этого он не может доказать, ибо факты и цифры вопиют! Но это и показывает ту чушь, которая лежит в основе рассуждений о враждебных столкновениях с крестьянством. И эту чушь Загорский видит сам, заявляя, как мы видели выше, что «*первое* экономическое сопротивление» мы имели в 1925—26 году. Ясно, что Загорский не верит всерьез в то, что «осенью 1923 года *впервые* обнаружилось» и т. д.

При анализе осенней *1924* года обстановки Загорский ухитряется забыть о... неурожае! Повышение цен на хлеб, вызванное этим неурожаем, он умудряется об'яснить... давлением крестьянства на советскую власть.

> «Крестьянство сламывает,—пишет он,—государственное регулирование хлебного рынка и своей «стихией» добивается еще более резкого... повышения цен» (28).

Далее, для *1925* года:

> «Неорганизованная масса 22 миллионов крестьянских хозяйств, частнохозяйственная крестьянская стихия оказалась сильнее советского «планового хозяйства» (40).

Мысль об органической взаимообусловленности интересов социалистического хозяйства с интересами крестьянских хозяйств

Загорскому абсолютно чужда. Обостренная борьба—больше он ничего не видит.

Было бы правильно, если бы говорили, что практика нашего планирования и регулирования, осуществляемая в интересах и пролетариата и крестьянства, страдает большими недочетами. Полезно и от противника выслушать дельную критику. Но у Загорского нет никаких необходимых для этого данных — ни знания дела, ни искренности противника.

Не подлежит сомнению, что в работе по регулированию у нас много недочетов, недостатков—и в хозяйственном опыте (насчитывающем 5—6 лет), и в механике проведения, и в смысле резервов для маневрирования.

Однако, верхом недобросовестности является игнорирование основного результата нашей работы, резюмирующегося в большом (как абсолютном, так и относительном) расширении базы социализма. Этот последний факт сейчас признают и многие из умных наших противников. Но не многие умеют продумывать это признание до конца. А между тем это является скрытым признанием глубокой жизнеспособности и преимущества всего советского метода хозяйствования, который, несмотря на всю свою новизну и небольшой срок своего существования (сравните с этим столетия, в течение которых вырабатывались и совершенствовались методы капиталистического хозяйствования, учета, маневрирования), несмотря на неизбежные вначале и подчас грубые ошибки, все же полностью обеспечивает бурный рост производительных сил и в особенности, и в первую голову, и больше всего в социалистическом секторе. В частности, даже в регулировании рынка сельскохозяйственных продуктов только слепой может отрицать решающую, командующую роль государства, вырисовывающуюся отчетливо сквозь чащу ошибок, промашек, бюрократических извращений живого дела и т. д. и т. д. Дезорганизованные частником участки рынка, конечно, еще остаются и в этой области. Иногда такие участки появляются там, где их не было. Но нельзя же прикрыть неуклонно-поступательного хода регулирующего начала, осуществляемого советским государством в интересах трудящихся и города и деревни. Даже один пример с весенними и осенними ценами на хлеб может навести знающего человека на большие размышления. А подробный и серьезный анализ промышленности и торговли в Советском Союзе—о чем см. дальше—мог бы помочь осознанию самых корней, материальных основ советских методов хозяйствования.

Но говорите с человеком, у которого семь пятниц на неделе!

(*Окончание следует*).

К. Розенталь.

Больные места.

I.

На данной стадии нашего развития проблема цен есть тот фокус, в котором сходятся и от которого зависит успешное разрешение всех важнейших политических и хозяйственных задач социалистического строительства. Именно здесь надо искать источники упрочения и укрепления союза рабочего класса и крестьянства, повышения материального уровня жизни основных классов нашего общества—рабочих и крестьян, успешного проведения индустриализации страны и социалистического строительства, общего оздоровления всей производственной и торговой системы нашего хозяйственного организма.

Однако, именно здесь-то у нас не все обстоит благополучно. Уровень цен на промышленные товары, который мы имеем в результате некоторого, происшедшего в 1925—26 хозяйственном году, повышения себестоимости и совершенно недопустимого отрыва розничных цен от цен отпускных, далеко не удовлетворяет и не способствует успешному разрешению стоящих перед нами задач. При повышении *себестоимости* промышленной продукции на 1,39% (без акциза) *оптовый индекс* промышленных товаров за 1926 календарный год (1 января 1926 г.—1 января 1927 г.) повысился с 1,98 до 2,03 или на 2,5%, а *розничный индекс* с 2,48 до 2,70 или на 8,8%!

Снижение оптового с.-х. индекса за тот же календарный год на 8,8% лишь в незначительной степени преодолело эту повышательную тенденцию со стороны промтоваров, и общий оптовый индекс снизился за год с 1/I—26 по 1/I—27 г. всего лишь на 3,3%. Однако, это движение цен на промтовары вверх с одновременным понижением цен на продукты сельского хозяйства имело своим последствием еще большее раздвижение «ножниц» между с.-х. и промышленными товарами. «Ножницы» за год увеличились по оптовому индексу с 117, до 131,8, а по индексу розничному с 122 до 130,7. Этот рост цен и «ножниц» должен был ударить в первую очередь по крестьянскому хозяйству, ибо сельскохозяйственное производство оказалось экономически менее рентабельным.

Вместе с тем, рост цен на промтовары не мог не отразиться и на понижении реального значения номинальной заработной платы рабочего класса. Движение бюджетного индекса ВЦСПС показывает такое повышение:

	1/XI—25 г.	1/XI—26 г.	В %
Общий	201,0	221,9	110,4
Промышлен. . . .	232,3	249,8	107,5
С.-хоз.	183,4	206,2	112,4

Существующий уровень цен, при росте «ножниц» между с.-х. и промышленными ценами, с одной стороны, и оптовыми и розничными—с другой, при росте бюджетного набора, является отрицательным показателем в деле укрепления экономического союза города и деревни, в деле повышения материального уровня жизни трудящихся и в первую очередь рабочего класса, в деле, наконец, успешного проведения индустриализации страны. Ибо, как первые, так и вторые «ножницы», сокращая платежеспособный спрос на промтовары со стороны рабочего класса и крестьянства, лишают курс на индустриализацию его естественных и необходимых экономических предпосылок.

Где же надо искать корни и причины этой явно недопустимой обстановки, создавшейся в области цен?

* * *

Остановимся, прежде всего, на условиях нашего промышленного производства и движения себестоимости и отпускных цен на промышленные товары.

Движение индекса отпускных цен на промтовары за последние три года представляется в таком виде (принимая 1913 г.= 100) [1].

		В % к пред. году	В % к 1/X—23 г.
1/X—23 г.	3,03	—	100,0
1/X—24 г.	2,08	68,3	68,3
1/X—25 г.	1,90	91,3	62,7
1/X—26 г.	1,94	102,1	64,0

Таким образом, за три года с 1/X—23 г. по 1/X—26 г. промышленность сумела снизить отпускные цены на промышленные товары на 36%. Нечего и говорить, что этот успех, конечно, очень большой. Однако, картина существенно меняется, если взять движение отпускных цен за 1925—26 хозяйственный год. В этом году происходит *перелом* в движении отпускных цен, и тенденция к их снижению сменяется повышательной тенденцией. Об'яснение этому явлению надо искать в первую очередь в движении себестоимости, показавшей в свою очередь в 1925—26 г. повышение (с акцизом) на 2,77%.

Об'яснение же повышения себестоимости надо искать прежде всего в общих условиях работы промышленности в 1925—26 году. Известные осенние просчеты, заставившие промышленность значительно сократить развертывание производства ряда ее отраслей, отозвались на себестоимости чрезвычайно болезненно. В порах производства остались многочисленные кадры рабочей силы, совершенно излишние в условиях сокращенных производственных планов, и это чрезвычайно отрицательно отразилось на соотношении производительности труда и зарплаты. При повышении производительности труда на 10,1% по сравнению с 1924—25 г. номинальная заработная плата выросла на 25,0%. По важнейшим отраслям промышленности это соотношение в росте зарплаты и производительности труда оказалось таким (1924—25 г.=100).

[1] Индекс ВСНХ по номенклатуре и методу розничн. индексов Кон'юнктурного Института НКФ.

	Зарплата	Выработка
Каменноугольн. промышлен.	132,7	114,6
Металлическая »	129,5	115,2
Электрическая »	134,3	109,0
Текстильная »	125,0	111,4
Цементная »	125,3	101,0
Резиновая »	132,6	102,4

Значительный рост по целому ряду отраслей промышленности показало и *сырье*, дав увеличение в отдельных отраслях производства по сравнению с 1924—25 г. до 7% в мартеновском производстве, 22% по резиновой промышленности, 25,6%—по подсолнечному маслу и до 98,4% по пиломатериалам.

Сильно возросла в отдельных отраслях производства стоимость *топлива и энергии*, показывая в отдельных случаях повышение по сравнению с 1924—25 г. до 86% (хромовый опоек).

Возросли, наконец, и весьма значительно, такие элементы себестоимости как жел. дор. тарифы, акциз и т. п.

Понижение стоимости этих элементов в других отраслях производства, понижение стоимости материалов и улучшение материально-технических показателей и почти общее, за самым небольшим исключением, сокращение правленческих и торговых расходов, однако, не смогли преодолеть этой повышательной тенденции, и таким образом 1925—26 г. показал повышение издержек производства и себестоимости.

Мало чем отличаются в отношении движения себестоимости и перспективы на 1926—27 год. Производственно-финансовый план промышленности, составленный на основе калькуляционных данных трестов и синдикатов, предполагает стабильность или, в лучшем случае, снижение себестоимости в пределах до одного процента.

Такое положение и такие перспективы промышленной себестоимости не могут быть признаны хоть сколько-нибудь удовлетворительными. Интересы «смычки» государственной промышленности с крестьянским хозяйством, интересы индустриализации страны и социалистического строительства, требуют со всей решительностью и настойчивостью максимального снижения себестоимости и сжатия с.-х. и промышленных «ножниц». Монополистическое положение нашей промышленности на рынке промтоваров и длительный период товарного голода создали у ряда наших хозяйственников вредную и недопустимую инертность в деле снижения себестоимости, грозящую нашему производственному промышленному организму превратиться в закостенелый, до мозга костей обюрокраченный аппарат, лишенный воли и интереса к борьбе за улучшение, оздоровление и удешевление производственных процессов. Такому положению вещей надо об'явить самую решительную и непримиримую борьбу. Иначе «основная предпосылка строительства социализма»—«монопольное положение рабочего класса в хозяйстве, на рынке и в особенности в области крупной промышленности» грозит опасностью превратиться во вред самому делу социалистического строительства. Этого не понимали, к слову сказать, и наши «сверхиндустриалисты», ре-

комендовавшие использовать монополистическое положение нашей промышленности для «перекачки» «не меньше, чем капиталисты» накоплений крестьянского хозяйства в промышленное русло. Величайшей опасностью было бы для нас, для дела индустриализации страны и строительства социализма почить на «лаврах» наших «успехов» по снижению себестоимости и утверждать существующий ее уровень, как некий «предел», дальше которого итти не нужно и нельзя.

Промышленность еще располагает большими возможностями удешевления себестоимости, и эти возможности должны быть полностью использованы. СНК и СТО, по докладу ВСНХ о плане на 1926—27 год, обязали промышленность добиться снижения себестоимости в текущем году на 5%. При условии, что себестоимость валовой продукции предположена в 7.526 милл. рублей и что четыре месяца 1926—27 хозяйственного года уже прошло, на языке цифр это означает не что иное, как требование добиться снижения себестоимости в круглых цифрах в 500 милл. рублей. Это постановление, несмотря на все величайшие трудности его проведения в жизнь, должно быть все же во что бы то ни стало выполнено, ибо этого категорически требуют интересы как всего народного хозяйства, так и промышленности.

Какими возможностями располагает промышленность для снижения себестоимости? Прежде всего улучшением производственно-технических показателей работы промышленности. Несмотря на значительные успехи в этой области, здесь еще имеется непочатый край работы, хотя бы для достижения довоенного уровня производ.-технич. показателей. *По целому ряду производств производ.-техн. показали — расходы сырья и материалов, расходы топлива и рабочей силы и производительность машин — не достигли довоенных норм.* Приведем кое-какие данные, чтобы не быть в своем утверждении голословными.

Расход сырья и материалов на единицу продукции

(в % к довоенному).

	Дов. время	1925—26 г.	1926—27 г.
Хлоп.-бум. промышл.			
Выход продукции из хлопка	100	98,7	97,3
Химическая:			
Расход повар. соли на пуд солян. кисл.	100	106,0	104,0
» колчедана на пуд серн. кисл. .	100	109,5	108,0
Махорочная:			
Расход сырья на 1 ящик	100	108,0	107,0
Сахарная:			
Выход сахара на берковец	100	93,0	94,0
Бумажная:			
Расход сырья на тонну	100	110,0	—

К сожалению, данные для сравнения расхода сырья и материалов на единицу продукции весьма ограничены, иначе, вне всякого сомнения, этот список можно было бы значительно удлинить.

То же относится и к использованию топлива. И здесь имеется ряд отраслей, где довоенные нормы еще ждут своего достижения.

Расход топлива на единицу изделий.

	Дов. данные	1925—26 г.	1926—27 г.
Кам.-уг. пром. (Донбасс):			
Доля собств. потребл.	100	136	126
Металлическая:			
Расход кокса на пуд чугуна	100	103	—
» условн. топлива на пуд болв. .	100	127	—
Льняная:			
Расх. куб. с. дров на 1000 пудономер. пряжи	100	156	137

Надо, однако, отметить, что в области использования топлива промышленность имеет и очень большие достижения. Достаточно сказать, что расход нефтепромышленностью нефти на собственные нужды в 1926—27 г. составит лишь немногим больше половины (54,5%) расходов довоенного времени. Тем не менее в области экономного использования топлива хотя бы для достижения довоенных норм, даже учитывая и значительную изношенность паросилового хозяйства, у нас все же кое-какие возможности имеются, и они должны быть использованы.

Необходимо, наконец, добиться и нормального использования производительности машин, чего до сих пор не во всех отраслях промышленности удалось достичь. По хлопчато-бумажной промышленности производительность машин составляла в 1925—26 г. 98,5% от довоенного и полностью довоенных норм не обещает догнать и в 1926—27 году. То же относится и к выработке суровья и к выработке пудономера в льняной промышленности. Таким образом, в обеих отраслях промышленности, по которым мы располагали довоенными данными, довоенная производительность машин еще не достигнута.

Еще хуже обстоит дело с расходом на единицу изделий рабочей силы. Принимая довоенные данные за 100, мы могли бы составить такую табличку:

Расход рабочей силы на единицу изделий.

	Дов. данные	24/25 г.	25/26 г.	26/27 г.
Каменноуг. пром. чел.-мес. на 1000 пуд.	100	142	117	102
Черная металлург. чел.-мес. на 100 дов. руб. пр.	100	153	133	114
Общее машиностр. » » 100 » » »	100	166	145	114
Судостроение » » 100 » » »	100	154	131	120
Болванка, расход раб. силы на тонну	100	246	142	—
Хлоп.-бум. пр., выработка на 1 раб	100	77,6	84	88
» » рабочих на 100 веретен	100	125	116	110
Камвольная, рабочих на 1000 веретен	100	127	109	103

Таким образом, *дело рационализации и максимального производительно-экономного расходования рабочей силы для ряда важнейших отраслей промышленности еще впереди.* И намеченное по плану промышленности увеличение выработки на одного рабочего на 12,6% должно быть неукоснительно выполнено, тем более, что намеченное повышение зарплаты на 9,9% в основном *уже* достигнуто. Надо привлечь к этому делу профсоюзы, надо создать соответствующее общественное мнение на фабриках и заводах, но выполнить намеченное повышение производительности труда необходимо во что бы то ни стало.

Совершенно неограниченные возможности имеются у нас в деле рационализации и стандартизации производства. При том хаосе, при той некультурности, которая царит в области использования наличного производственного оборудования, самые подчас незначительные изменения в производственном процессе обещают десятки и сотни миллионов рублей экономии. На обувной фабрике «Парижская Коммуна» в связи с значительным ростом стоимости сырья и основных материалов и необходимостью удержать себестоимость на прежнем уровне, была проделана такая работа: все машины были *перегруппированы на фабрике по ходу производственого процесса*, который частью удалось механизировать, тогда как прежде вся работа производилась вручную. В заготовочном отделении рабочие были *разбиты на бригады по видам обуви, что сократило длительность производственного процесса вдвое*: с 4 до 2 дней. Работа в этом отделении разбита на отдельные стадии, введен конвейер, машинная загибка задников и носков вместо ручной, что позволило *почти вдвое сократить расход рабочей силы.*

В закройном отделении впервые введена машинная кройка подблочников на специально установленных штампах, благодаря чему количество рабочей силы, необходимой для выполнения этих работ *уменьшилось в два раза.*

Проведена также механизация производства в сандальном отделении, в котором установлена полученная из-за границы быстроходная доппель-машина для строчки подошвы. Введена машинная накладка подошвы и машинная выработка сандальных задников.

В результате этой работы *производственный цикл сократился по всей фабрике с 21 до 10 дней. Производительность труда повысилась приблизительно, на 15 проц.*; *при почти стабильном числе рабочих выпуск фабрики увеличился с 122 до 135,5 тыс. пар, в переводе на один вид обуви.*

Таких и подобных этому примеров, можно было бы привести значительное количество. Например, на заводах ГЭТ в результате рационализации производства и систематического снижения накладных расходов удалось добиться снижения цен на 16-свечевые экономические лампочки с 1 р. 15 к. (авг. 1923 г.) до 52 к. (окт. 1926 г.); на лампы полуваттные с 5 руб. до 1 руб. и т. д.

Однако, до сих пор вопрос рационализации производства, как следует быть, не поставлен, хотя именно сюда должно быть привлечено максимальное внимание со стороны рабочих и технического персонала предприятий. В борьбе за снижение себестоимости рационализация производства должна быть поставлена во главу угла, ибо здесь находится основная и важнейшая предпосылка удешевления себестоимости и сокращения издержек производства.

Надо, однако, помнить, что рационализация производства имеет и свою оборотную сторону—относительное сокращение рабочей силы. Эту сторону дела мы должны иметь в виду, но *не для того*, чтобы выступить *против* рационализации, а для того, чтобы программа развертывания всей промышленности составлялась таким образом, чтобы общее количество рабочих, занятых в производстве, абсолютно возрастало.

Большие перспективы в деле снижения себестоимости имеют работы по стандартизации и специализации производства. К сожалению, и здесь мы не можем похвастаться большими успехами. С первого утвержденного стандарта—24/I—1924 г., т.-е. за три года, общее количество стандартов, утвержденных комитетом по стандартизации при СТО, возросло весьма незначительно. Нечего, конечно, и говорить, это уже превратилось в избитую истину, какую роль играет стандартизация производства в деле снижения себестоимости изделий. До сих пор в этой области у нас делалось позорно мало, хотя именно в наших условиях, в условиях единого промышленного хозяйствования, проведение работы по стандартизации производства несравненно проще и легче, чем в условиях частнокапиталистического хозяйства.

Мы указали только на важнейшие условия, и возможности, которыми промышленность располагает, но которые она в совершенно *незначительной* мере использовала для снижения себестоимости. Все это имеет непосредственное отношение к *ускорению оборачиваемости капитала в производстве*. Самые незначительные достижения в этой области должны иметь значительное влияние в себестоимости изделий. Ускорение оборачиваемости капитала только в одной хлопчато-бумажной промышленности по плану на 1925/26 г. должно было дать экономии 30,8 милл. рублей. Это плановое задание х.-б. пр-сть выполнила лишь в пределах 0,6 м. руб. С одной стороны, здесь, конечно, не могло не сказаться повышение стоимости сырья и материалов, но с другой стороны, в этом невыполнении было повинно и само производство. Запасы полуфабрикатов, производственных материалов и т. п. хлоп.-бум. промышленность имела свыше всяких установленных норм, что не могло не отразиться на замедлении оборачиваемости капитала. Так, например, запасы красителей по отдельным предприятиям имелись на 9—10 месяцев. То же самое имеется, конечно, и в др. отраслях. Например, в Туле один завод имеет запас инструментов на несколько лет вперед!

Мы не говорим о таком вопросе, как *понижение брака*, отрицательно влияющего на себестоимость. А вместе с тем здесь далеко не все обстоит благополучно. Например, в спичечной промышленности брак с 2,1 к. на ящик увеличился до 7,7 к. в III кварт. 1925/26 и по сметным предположениям на 1926/27 г. предполагает быть снижен до 5 к., превышая т. о. нормальный процент брака на 238%. Впрочем, в этой области происходят и более серьезные вещи. Высокосернистый состав чугуна, доставленного Югосталью Ижорскому заводу (0,15% серы при браковочной норме в 0,06%), привел в производстве мягких труб к 100% брака! Конечно, это случай один из совершенно исключительных в нашем производстве и, так сказать, анекдотического порядка, но сокращение процента брака, как фактора, отрицательно влияющего на себестоимость, должно стать в один ряд с другими факторами в борьбе за снижение себестоимости.

Решительная борьба за снижение себестоимости не должна обходить и такого ее участка, как *сокрытие прибылей*. Всеми и всяческими ухищрениями пользуются отдельные хозяйствующие организации для того только, чтобы не отдать своих прибылей «на сторону». Чудовищно вырастают в балансах «безнадежные долги», хотя долги эти сплошь да рядом отнюдь не так безна-

дежны, как это кажется составителям балансовых отчетов. Так, напр., трест «*Ульянсукно*» умудрился при общем счете прибылей и убытков в 5.184 тыс., показать 884 тыс. безнадежных и сомнительных долгов, т.-е. почти одну пятую часть (17,2%) общего счета! Государственный трест, сбывающий свою продукцию почти исключительно государственным же органам!

Но хозяйствующие государственные органы услужливо зачисляют друг друга в «безнадежных» и «сомнительных» должников и... оставляют прибыль у себя. К слову сказать, без этих «сомнительных» и «безнадежных» 884 тыс. баланс «*Ульянсукна*» показывал бы не убыток в 767 тыс., а прибыль в сотню с лишним тысяч рублей.

Совершенно недопустимо, когда в своем стремлении «не выпусть» из «своих рук» денег и скрыть прибыль, хозяйствующие органы производят, нарушая всякие планы, капитальное, а подчас и новое строительство под видом «текущего ремонта». Нельзя, в самом деле, «текущим ремонтом» строить мостовые, нарушая всякие планы, производя, подчас с самыми благими намерениями сделать хорошее дело, лишние в данное время работы, не снижая себестоимости изделий своего производства, располагая к тому всеми возможностями.

Наконец, *жесткое* и, это главное, *действительное* проведение режима экономии и дальнейшее *сокращение накладных производственных и трестовских* расходов, некоторое *сокращение отдельных начислений на зарплату*, *строгая плановая производственная* работа и работа по капитальному и новому строительству, *повышение квалификации рабочего и технического персонала*,—вот те дополнительные условия, которые должны будут оказать свое влияние на сокращение себестоимости.

Директива об обязательном снижении себестоимости по всей промышленности для 1926/27 г. минимум в 5% промышленностью *может быть* выполнена и должна быть выполнена. Источниками снижения себестоимости промышленность *располагает*, и эти источники должны быть *полностью* использованы. Неблагоприятным об'ективным, независящим от промышленности, факторам должны быть противопоставлены соединенные усилия хозяйственных организаций, технического персонала промышленности и всего рабочего класса. И на этой основе при максимальном внимании к рационализации и стандартизации производства, усилении производительности труда, достижении благоприятнейших производственно-технических показателей промышленности, и ускорении оборачиваемости капиталов, снижении производственных и правленческих накладных расходов, повышении квалификации рабочего и технического персонала, при реальном проведении режима экономии, жесткой плановой дисциплины, беспощадной борьбы с расхлябанностью, бесплановостью и бесхозяйственностью, при улучшении промышленного хозяйства и его организации на всех ступенях производственного процесса—директива о снижении себестоимости безусловно может быть выполнена. Она *должна* быть выполнена, ибо этого требуют интересы и самой промышленности и всего народного хозяйства, интересы союза рабочего класса и крестьянства, интересы индустриализации страны и социалистического строительства.

II.

Однако, проблема цен во всем ее об'еме далеко не ограничивается издержками и себестоимостью производства. В конечном счете потребителя—и рабочего и крестьянина—интересует не только и даже не столько себестоимость промтоваров, сколько его стоимость в конечном звене товаропроводящего аппарата—в ближайшем кооперативе, госрознице, ларьке частного торговца. И как раз здесь, в товаропроводящей системе у нас обстоит дело из рук вон плохо. К уже и без того повышенной себестоимости промтоваров товаропроводящий аппарат делает такие чудовищные, ни с чем несообразные накидки, что доходя до заключительного торгового звена, товар делается мало или совсем недоступным потребителю. И если промышленность, несмотря на еще большие возможности, которыми она располагает в деле снижения себестоимости, все же сумела в этой области добиться значительных успехов, эти успехи были сведены на-нет дорогостоящим торговым аппаратом. Достаточно посмотреть на движение оптово-розничных индексов, чтобы убедиться в этом.

В то время, как за три с небольшим года с 1/X—23 г. по 1/XII—26 г. оптовый индекс промтоваров снизился с 3,03 до 1,949 или на 35,7%, розничный индекс (кон'юнктурного института) снизился с 2,73 до 2,68 или на 1,9%. И за год, с декабря 1925 г. по декабрь 1926 г., при повышении оптового индекса на 2,6% (с 1,90 до 1,949), розничный индекс повысился на 6,7% (с 2,51 до 2,68). Особенно характерно движение оптово-розничных цен на промтовары с периода денежной реформы. За этот период при *понижении оптовых цен* на 18% *розничные цены выросли* на 5%. Речь идет, правда, о ценах частного розничника, но кому же неизвестно теперь неблагополучие в этом деле и у кооперации?

Таким образом, значительнейшие успехи в промышленности в снижении себестоимости до потребителя оказались недоведенными и были с'едены почти целиком товаропроводящим аппаратом [1]).

Ошибочно, между прочим, было бы думать, что такое настойчивое и упорное расхождение оптово-розничных ножниц касается только промышленных товаров и поэтому может быть об'яснено товарным голодом,—оно характерно и для продуктов сельского хозяйства.

---

[1]) Мы не можем отказать в удовольствии познакомить читателя с теми видами политического бесстыдства и экономического невежества, которые демонстрируются некоторыми авторами на страницах наших журналов. В № 25 «Вестника Промышленности, Торговли и Транспорта» помещена статья тов. Черномордика—«Расхождение оптовых и розничных цен, его размеры и причины». Приведя данные о росте уровня розничных цен над оптовыми (со 149 на 1/X—24 г. до 169 на 1/IV—26 г. по одним данным и с 135,3 на 1/VII—25 г. до 152,2 на 1/VI—26 г. по другим), почтенный автор глубокомысленно присовокупляет: «ни о каком непрерывном (!) росте (!) расхождения розничных и оптовых цен между собой... говорить нет (!) оснований».

И заключает свою статью следующим утверждением: «Неверно, что рынок пожирал все то, что промышленность жертвовала (!), снижая свои отпускные цены»!

Ну, как после этого не вспомнить слова Саади Ширазского, что «для невежды нет ничего лучше молчания, но если бы он знал, что для него лучше всего, не был бы он невеждой».

При резком снижении заготовительных цен на продукты сельского хозяйства, розничный индекс Кон'юнктурного Института показывает неуклонное повышение.

Средне-взвешенные заготовительные цены „Хлебопродукта"

(в коп. за центнер по СССР).

	Рожь.		Пшеница.		Овес.		Ячмень.	
1/VII—25 г. . . .	675	100	786	100	721	100	442	100
1/VII—26 » . .	249	63,5	629	80,0	482	66,7	288	65,2
1/XII—26 » . .	428	63,4	597	76,8	351	48,7	372	84,1

Таким образом, заготовительные цены на 1/XII—26 г. по сравнению с ценами на 1/VII—25 г. понижаются по ржи на 36,6%, по пшенице на 23,2%, овсу—51,3% и ячменю—15,9%. В то же время розничный сельскохозяйственный индекс показывает такую динамику:

1/VI—25 г. . . .	2,17	100
1/VI—26 » . . .	2,18	100,5
11/II—27 » . . .	2,25	103,7

Особенно характерно нарастание «ножниц» между *заготовительными и биржевыми* (оптовыми) ценами на рожь.

Движение цен на рожь

(коп. за пуд).

	1/X—24 г.	1/X—25 г.	1/X—26 г.
Заготовительные цены	60	77	77
Биржевые опт.	84	112	105
Биржев. в % к заготов.	140%	145,4	147,8

Из года в год неуклонно и безостановочно растет раствор «ножниц» между заготовительными ценами и ценами оптовыми на продукты сельского хозяйства. Нечего и говорить, что эти ножницы, как и «ножницы» между оптовыми и розничными ценами на продукты промышленности играют существеннейшую роль и в себестоимости промтоваров. Необходимость сохранения *реальной* зарплаты в условиях снижающихся отпускных цен и роста розничных играет самую отрицательную роль в себестоимости промтоваров, заставляя повышать номинальную зарплату и тем увеличивать долю зарплаты на единицу изделий. То же самое относится и к сырью и к целому ряду вспомогательных материалов. *Рост розничных цен—существеннейший и влиятельнейший фактор в повышении себестоимости промтоваров. И успешное разрешение проблемы себестоимости находится в несомненной связи с успешностью разрешения проблемы снижения розничных цен.*

Разрешение проблемы цен, как это диктуется самыми насущными интересами всего народного хозяйства и социалистического строительства в первую очередь требует разрешения проблемы розничных цен. Совершенно нетерпимым является то положение, когда все успехи производителей по снижению себестоимости и отпускных цен, как бездонной бочкой поглощаются нашим торговым аппаратом. Торговый аппарат обходится нам преступно

дорого, и мы *должны* добиться его удешевления, установления нормальных торговых расходов и накидок. Насколько возросла стоимость торговых расходов по сравнению с довоенными нормами, можно видеть из следующей таблички:

Распределение национального дохода [1])

(В милл. червон. рублей, 1913 г. исчислен, конечно, по довоенным ценам).

	1913 г.[2])	1923—24		1924—25		1925—26		1926—27	
	%		%		%		%		%
I. Сельское хозяйство . . .	58,1	3.324	29,2	4.658	28,9	5.741	26,9	6.197	25,7
II. Промышлен. . (с акцизом) .	23,4	5.090	44,7	7.751	48,2	10.789	50,6	12.439	51,7
III. Реализация в том числе:									
Ж.-д. транспорт .	9,6	435	4,0	594	3,7	939	4,0	1.047	4,4
Торговля	8,9	2.525	22,1	3.092	19,2	3.849	18,5	4.389	18,2
Итого. .	100	11.374	100	16.095	100	21.318	100	24.072	100

Учитывая даже всю условность этих цифровых выкладок, нельзя все же не признать чудовищно высокую стоимость нашего торгового аппарата, обходящегося нам *более чем в два раза дороже довоенного времени и с'едающего почти одну пятую стоимости всего национального дохода!* Дороговизна торгового аппарата—прямой результат бесхозяйственности. И со всей прямотой надо сказать, что если из этого своего состояния командная высота нашей товаропроводящей системы—кооперация—не выйдет, то, в условиях все более оздоровляющихся отношений рыночного спроса и предложения, кооперация не достигнет гибкости и дешевизны аппарата, проявляемой хотя бы частником.

Частник вздувает цены, когда это позволяют условия, он использует всякую представляющуюся ему возможность для увеличения своих прибылей, но он умеет приспособляться и к изменившимся, ухудшившимся, условиям реализации. Наш же торговый аппарат неповоротлив, инертен и неизменно оказывается неспособным уловить наличную рыночную ситуацию. Он хочет убить сразу двух зайцев и «заработать» и дать потребителю дешевле товар, упорно не понимая или не желая понять, что «оправдание» его существования, его *непосредственная и основная, все остальное себе подчиняющая задача—свести к минимуму расходы по доставке товара от производителя к потребителю,* а никак не головокружительные прибыльные балансы.

Чем же об'ясняются эти ни с чем не сообразные, безобразные розничные цены? Прежде всего здесь надо отметить наличие совершенно *излишних торговых звеньев, через которые проходит товар, прежде чем поступает к потребителю, и недопустимо высокие накидки каждого звена к себестоимости.* Как *идеал,* к которому *надо стремиться,* «Контрольные цифры системы потребительской кооперации на 1926—27 год» выдвигают *три* звена

[1]) Без доходов от строительного дела.
[2]) Данные Прокоповича.

нормального прохождения товара. Но если подсчитать, во сколько обходилось в 1925—26 году прохождение товара хотя бы только через три звена (идеал!), то получается головокружительная цифра. По пути от Центросоюза к городскому и рабочему потреб. об-ву, товар обрастает такими накидками к себестоимости: 7,61% —Центросоюз, 8,7% губ. и райсоюз и 16,9% гор. и раб. об-ва или всего—36,7% торговой накидки к себестоимости, принимая во внимание, что накидки каждого из последующих звеньев производятся к действительной для него себестоимости товара, а не к себестоимости товара для первого торгового звена. И это при нормальной довоенной норме торговых накидок 20—21%! Наши накидки превосходят довоенные нормы на 83%! Если же, наконец, принять во внимание, что столь «идеальная» трехзвенная система соблюдалась далеко и далеко не всегда, то не приходится удивляться тому, что, как мы выше указывали, доля торговли в нац. доходе возросла с 8,9% в 1913 г. до 18,2% или почти на 105%! Да и чего ждать, когда процент накидок (по контрольн. цифрам кооперации) в 7,08% к *оптовому* обороту при 2,12% расходов к обороту, как это практикуется центральными кооперативными организациями, стоит на грани прямого ростовщичества!

Для иллюстрации творящихся безобразий в области торговых накидок позволим себе привести такого рода факты. *Соль*, себестоимость которой для кооперации, вместе с фрахтом и другими расходами, составляет 70—80 к. за пуд., продается сельской кооперацией в деревне «Ак-Мечеть» в Крыму (в Крыму, где эта соль добывается в миллионах пудов!) по 1 р. 90 к. *Калоши*, отпускная цена которых 3 р. 35 к., в кооперативной рознице на местах продаются по 4 р. 60 к.—4 р. 80 к., а Узбектор умудрился продавать калоши по 7 р. 50 к. за пару! *Кожевенные товары*, предельно допустимая розничная цена которых (лучшая тяжелая подошва) не должна превышать 2 р. 90 к.—3 р. за кгр., продаются в ряде местностей кооперацией по 4 р. 87 к. и 4 р. 90к. за кгр. *Оконное стекло*, обходящееся кооперации в 47—54 к. за лист, в продаже в отдельных случаях доходит до 1 р. 20 к.—1 р. 30 к. за лист. Такие примеры можно было бы, конечно, увеличить до бесконечности. Но вывод из этого может быть сделан только один—подобная вакханалия, подобное *свинское* отношение к своим прямым обязанностям и к потребителям не может быть дольше терпимо. *И нельзя останавливаться ни перед какими мерами* для того, чтобы заставить торговый аппарат и в первую очередь кооперацию отказаться от практикуемых ею ростовщических, грабительских накидок.

Помимо величайшей бесхозяйственности, чудовищно-высокий процент накидок находит свое об'яснение в явной некультурности нашего торгового аппарата, стремящегося во что бы то ни стало «блеснуть» «хорошим» балансом. А «хороший» баланс, по мнению некоторых, к сожалению, далеко не «цивилизованных» кооператоров, такой, где имеется солидная прибыль. В печати уже сообщались итоги обследований рабочей кооперации в Ив.-Вознесенске и Днепропетровске, где прибыли доходили до 82—84 и выше процентов к собственному капиталу. Однако, все это только «цветочки», и ряд кооперативных организаций побил эти «детские» рекорды кооперативного головотяпства.

В № 26 «Торг.-Пр. Газеты» сообщаются такие данные о размерах прибыли по отдельным кооперативным организациям.

Наименование организации	Балансы на 1926 г.	Собс. средства (без тек. дох.)	Текущ. накопл. с начала 1925—26 г.	Валов. доход с нач. 1925-26 г.	Товарооборот за год (приблизительный)	Накопление за 1925—26 г. по отношению к собст. средст. (в %)	Процент наложения (накидок) на себестоимость
		(в тысячах рублей)					
УССР.							
Д. Райсоюз . .	1/VIII	415	461	894	8.000	111	11
ТПО Е... ж. д.	1/IX	512	411	1.050	6.050	80	17
Н.-М. ЦРК . .	1/VIII	189	204	557	5.000	108	11
З. ЦРК	1/VIII	224	378	1.068	5.000	170	21
З. Райсоюз . .	1/VIII	222	385	812	8.000	173	27
К. ЦРК . . .	1/VIII	36	157	556	3.500	436	16
В. К. Окрсоюз	1/X	104	103	306	3.835	100	8
С. ЦРК . . .	1/X	677	578	—	14.806	87	14,2
Я. ЦРК . . .	1/X	900	1.013	—	27.707	112	13,9
Е. ЦРК . . .	1/X	125	49	—	4.525	38	12,7

Кстати, мы не можем здесь не выразить своего искреннего возмущения по поводу замены полного названия кооперативов их инициалами из желания, как это об'ясняет автор, соблюсти «коммерческую тайну»! И мы коренным образом расходимся с мнением редакции, что это есть проявление «излишней (!) деликатности» (!)! Мы бы в данном случае квалифицировали это несколько иначе! Рабочий класс в целом и его партия и государство ведут ожесточенную борьбу за снижение розничных цен, борьбу с высокими прибылями кооперации, выдвигают проблему розничных цен, как одну из основных *политических* проблем дня, а «излишне деликатный» *И. Бык* одной рукой разоблачает,—и этим делает полезное хорошее и нужное дело,—а другой рукой—сохранением «коммерческой тайны»—это бесстыдство прикрывает. Такому проявлению «деликатности» также должна быть об'явлена самая жестокая война.

Но это, между прочим.

А 436% торговой прибыли!

Воистину, современные Шейлоки, уж не довольствуются «каким-то» фунтом мяса!

Какими словами можно заклеймить это наглое бесстыдство кооперативных спекулянтов, наживающих свои прибыли за счет ухудшения материального положения рабочего класса? И сколько прямых *преступников* против рабочего класса, *вредителей* кооперативного дела еще сидит в недрах кооперативных организаций?

Но, могут сказать, «в семье не без урода». Это, конечно, так. Но если в целом наша потребительская кооперация и отстает от этих «рекордных» достижений отдельных ее звеньев, то все же прибыли ее несоразмерно велики. Тов. Вал. Ржевский на основе данных «Статистического Бюллетеня Центросоюза» от

25/XI—26 года и «Контрольн. цифр потреб. кооп. на 1926—27 г.» приводит такую табличку фактических накидок, расходов и прибылей по отдельным звеньям кооперативной системы [1]):

Наименование	Валовой оборот за 3 квартала 1925 — 26 года Тыс. руб.	Оплата торговых услуг потребительской кооперации за 3 квартала 1925—26 г.					
		Накидки		Расходы		Прибыль	
		Тыс. руб.	%% к об.	Тыс. руб.	%% к об.	Тыс. руб.	%% к об.
Центросоюз	270.592	14.505	5,36	5.728	2,12	8.777	3,24
Церабсекция	113.393	1.751	1,46	238	0,21	1.413	1,25
Транпосекция	63.094	1.279	2,03	334	0,53	945	1,50
Обл., краев., и респ. союзы	458.896	22.257	4,85	11.916	2,6	10.341	2,25
Губ. и райсоюзы	958.693	99.652	10,39	67.180	7,0	32.472	3,39
Итого оптов. организ.	1.864.668	139.334	7,47	85.386	4,58	53.948	2,89
Гор. и рабкооперативы	1.483.938	224.541	15,13	178.100	12,0	46.441	3,13
Сельские о-ва	1.228.732	180.973	14,51	122.873	10,0	58.100	4,51
Транспортные о-ва	226.170	30.894	13,65	23.080	10,2	7.814	3,45
Итого розница	2.938.740	436.408	14,84	324.053	11,0	112.355	3,84
Всего	4.803.408	575.742	12,01	409.436	8,54	166.303	3,47
К чистому обороту			19,6		13,9		5,70

Действительно, «цифры крайне показательны»!

При чистом обороте в 2.938.740 тыс. руб. накидки потребительской кооперации обходятся народному хозяйству в 575,7 млн. руб. (за 3 квартала 1925—26 г.). При этом огромную сумму в 166,3 млн. руб. кооперация получила в виде прибыли. Эта прибыль составляет на чистый оборот ни много, ни мало, как 5,7 проц.

При накидке в 14.505 тыс. р. Центросоюз тратил на расходы 5.728 тыс. руб. (или 2,12 проц. к обороту), а 8.777 тыс. р. шло на прибыль, что дает на оборот (оптовый!) 3,24 процента. Областные, краевые и республиканские союзы из 22.257 тыс. р. наложения на товар покрывали расходы в 11.916 тыс. руб. (2,6 проц.), а 10.341 тыс. рублей (2,25 проц.) оставляли, как прибыль.

При обороте в 1.864,7 млн. руб. все эти оптовые звенья потребительской кооперации (вместе с Центросоюзом) нажили за 3 квартала 1925 — 26 г. — 53.948 тыс. рублей или 2,89% на оборот.

Если же учесть, что прибыль в 166,3 милл. рублей потребительская кооперация получила только за 9 мес., то, очевидно, годовая прибыль составит никак не меньше 210—220 млн. рублей, что, к слову сказать, *почти вдвое превышает цифру прибыли, указанную т. Любимовым на Московской губпартконференции.*

Но эти и без того «крайне показательные» цифры прибыли потребительской кооперации, приобретают особенный смысл, если

[1]) «Торг.-Пром. Газета». № 30.

их сопоставить с размерами собственных капиталов кооперации.

Наименование	Соб. капиталы		Прибыль		
	Всего тыс. руб.	В обороте тыс. руб.	Тыс. руб.	% к собств. капитал.	% к собств. обор. кап.
Оптовые организации	141.086	63.566	53.948	38,9	86,6
Город. и раб. о-ва	66.507	21.153	46.441	69,9	219,9
Сельские о-ва	79.341	31.631	58.100	73,3	183,5
Транспортные	17.426	6.665	7.814	44,9	117,3
Итого розница	163.274	59.449	112.355	69,0	189,4
Всего	304.360	123.015	166.303	54,7	135,1
11 рабкоопов на 1/X 1926 г. по опублик. балансам	3.514,4	—	4.256,6	121,2	—
3 сельпо по балансам	30,4	—	62,9	206,1	—

54,7% прибыли к собственным капиталам и 135,1% к собственным оборотным средствам—это такие проценты, которые не могут быть больше терпимы! Надо же понимать, что в погоне за «барышами» торговый аппарат совершает явное преступление!

Впрочем и эти показательные прибыли на деле, несомненно, преуменьшены. Производственные организации скрывали прибыли под рубрикой «текущего ремонта», «сомнительных» и «безнадежных» должников, но и кооперация, как говорится, «не лыком шита». Например, Сокольническое районное рабочее потреб. об-во при 717 тыс. прибыли показывает 225 тыс.—сомнительных доходов. Всем известный в Москве кооператив «Поткоопечатник» умудрился при прибыли в 140 тыс., 106 тыс. списать на сомнительных должников, а Челябинское район. транспортное потреб. об-во списало по этой же расходной статье 42,9 тыс., имея 7,3 тыс. прибыли.

Можно ли при всем этом всерьез ставит вопрос, что-де наш торговый аппарат и в особенности кооперация достигли в своих торговых накидках такого минимума, дальше которого и итти некуда? Это было бы поистине смехотворно. Наш торговый аппарат может и должен быть удешевлен. Мы должны заставить наш торговый аппарат сжать оптово-розничные ножницы до довоенных пределов, мы должны заставить его снизить расходы по продвижению товаров к потребителю и в особенности к крестьянину. Мы должны это сделать, ибо нельзя забывать слова Ленина, что приближается то время, когда крестьянин пред'явит нам свои векселя, и мы, получивши от него кредит, должны все же потораппиваться.

До сих пор наш торговый аппарат и кооперация значились в счете прибылей и убытков крестьянина, как «сомнительные» должники. Но кооперация должна знать, что дальнейшая просрочка выданных нам крестьянством векселей, грозит переходом в число «безнадежных» должников. А в политике это имеет довольно определенный смысл.

«Отсрочку и кредит от народа мы получили, благодаря нашей правильной политике,—говорил Ленин на XI с'езде,—и это, если выразиться по-нэповски—векселя, но сроки на этих векселях не написаны. Когда они будут пред'явлены ко взысканию, этого

справкой с текстом векселя не узнаешь. Вот в чем опасность, вот особенность, которая отличает эти политические векселя от обыкновенных, торговых векселей. На это нам надо обратить все внимание, не успокаиваться на том, что везде ответственные и и лучшие коммунисты в государственных трестах и смешанных обществах, толку от этого нет никакого, потому что они не умеют хозяйничать и хуже рядового капиталистического приказчика, прошедшего школу крупной фабрики и крупной фирмы» [1].

* * *

Недопустимо существующее положение с себестоимостью промтоваров, но прямо совершенно *нетерпимо* существующее положение в области розничных цен. Бить нужно и здесь и там. Надо добиваться максимального возможного, однако, *не нарушающего темпа развертывания промышленности, снижения отпускных цен*, но в еще *большей мере* надо требовать и добиваться снижения цен розничных.

Интересы сохранения и укрепления союза рабочего класса и крестьянства, интересы повышения материального уровня жизни рабочего класса, интересы индустриализации страны и социалистического строительства настойчиво *требуют* разрешения проблемы цен, и она *должна* быть разрешена.

---

[1]) Ленин, Т. XVIII. Ч. 2, стр. 29.

В. Фейгин.

Ускорение оборота, как источник средств для индустриализации.

Насколько важна проблема ускорения капиталооборота, можно видеть из того, что ускорение его на 1926/27 год в промышленности хотя бы на 3% влило бы в живой оборот промышленных средств *свыше 100 млн. рублей*. Об истекших же годах можно судить по данным ЦУГПрома, которые говорят о том, что ускорение оборота в нескольких отраслях промышленности в 1924/25 г., по сравнению с 1923/24 г., влило в живой оборот промышленных средств около *330 млн. рублей*; другими словами, если бы быстрота капиталооборота этих отраслей промышленности оставалась в 1924/25 г. прежней, то потребовалось бы для ведения тех же операций дополнительных 330 млн. рублей, которые нужно было бы подчеркнуть из государственных средств.

Но вместе с тем, если бы быстрота оборота достигла норм. установленных ЦУГПромом, то, помимо высвобожденных 330 млн. руб., было бы влито в живой оборот, *сверх того*, 225 млн. рублей. а всего, следовательно, *555 млн. рублей*, которые могли быть почерпнуты исключительно из внутренних ресурсов промышленности.

По одной *хлопчато-бумажной* промышленности, если бы быстрота капиталооборота в ней достигла нормы ЦУГПрома, потребовалось бы в 1924/25 г. на 106,5 млн. рублей меньше, чем требовалось в действительности. По отношению к наличным оборотным средствам хлопчато-бумажной промышленности эта сумма (106,5 млн. рублей) составляла около *25%*!

По *шерстяной* промышленности, если бы скорость оборота достигла нормы, установленной ЦУГПромом, то экономия в средствах выразилась бы в 25 млн. рублей, что составляло тоже четверть функционировавших оборотных средств шерстяной промышленности.

По *шелковой* промышленности доведение скорости оборота до нормы ЦУГПрома влило бы в живой оборот до 50% имевшихся оборотных средств этой отрасли промышленности.

По данным т. Цельникера (одного из составителей промфинплана) ускорение капиталооборота по 10 *синдикатам* [1]) влило бы в 1924/25 г. в живой оборот 96 млн. рублей.

Анализируя быстроту капиталооборота в *потребкооперации* в IV квартале, по сравнению с I кварт. 1924/25 г., и констатировав замедление капиталооборота в IV квартале, тов. Цельникер произвел вполне правильные и обоснованные подсчеты,

---

[1]) ВТС, Металлосиндикат, Уралмет, Сельмаш, Солесиндикат, Махорочный, Расмаслосиндикат, Жирсиндикат, Продасиликат и В. К. С.

которые свидетельствуют о том, что, если бы быстрота оборота в IV квартале осталась такой же, как в I, то потребкооперации потребовалось бы меньше средств на 58 млн. рублей.

Эти цифры с достаточной яркостью говорят о важности проблемы ускорения капиталооборота.

Второй вопрос большой важности—это реализация неликвидных ценностей. Реальная стоимость учтенной части неликвидных ценностей составляла к марту 1926 г. свыше 80 млн. рублей. Но в смысле реализации этих фондов, что мы увидим из дальнейшего, сделано очень мало, в силу тормозящего влияния, которое оказывает на производственно-торговую деятельность излишняя централизация в управлении промышленностью.

Относительная медленность капиталооборота об'ясняется, помимо всего прочего, неблагоприятным составом оборотного капитала, что, в свою очередь, об'ясняется скоплением в наших трестах и заводах, входящих в их сеть, излишних запасов.

При анализе составных частей оборотных средств промышленности первое, что обращает на себя внимание, это ненормально высокий удельный вес товаро-материальных ценностей, по сравнению с остальными более подвижными частями оборотного капитала (денежными средствами, дебиторами и т. д.).

И второе то, что в общем составе оборотного капитала и менее подвижной его части (товаро-материальных ценностей) большой удельный вес принадлежит *излишним запасам* сырья, топлива, строительных материалов, разного рода вспомогательных и пр.

Важная причина этого—излишняя централизация в управлении промышленностью. Заводы лишены возможности самостоятельно производить, даже частично, закупки материалов, а последние, в силу разнообразия своего ассортимента, не могут быть своевременно и аккуратно, в течении небольших промежутков времени доставляться заводам трестами.

Первая причина, стало быть, та, что тресты, в силу *огромного количества заявок* на материалы *различных наименований* со стороны фабрик и заводов, не могут эти материалы доставлять *на короткие* промежутки времени, так как это привело бы тресты к *огромной* нагрузке и к невозможности справиться с нею. В силу этого, они вынуждены, удовлетворяя требования заводов, снабжать их материалами не на короткие, а на длительные промежутки времени.

Вторая причина та, что, имея огромное количество заявок на различного рода материалы [1]), тресты не справляются со своей работой, не могут в точности удовлетворять требования на все сорта просимых материалов и очень часто посылают излишки

[1]) По Югостали заявки на материалы со стороны заводов к сентябрю 1925/26 г. достигли огромных размеров. Материалы эти имели до 16.000 наименований. Вполне понятно, что, несмотря на большой аппарат, Югосталь не могла правильно, аккуратно и на короткие промежутки времени снабжать заводы потребными им материалами. Отсюда — переснабжение одними материалами и недоснабжение другими. А как результат такого снабжения, получилось сосредоточение излишних запасов, с одной стороны, и перебои в производстве из-за недостатка других материалов, с другой стороны. Залежи по некоторым видам вспомогательных и технических материалов достигли годичной потребности производства.

По текстильной промышленности — заказы фабрики им. Халтурина на детали машин состояли из 239 названий; Ивтекстиля—из 88 названий и т. д.

материалов одного сорта, недопосылая требуемых материалов других сортов. Отсюда—сосредоточение чрезмерных запасов материалов одних сортов и недостаток в других сортах, а это последнее приводит к перебоям в производстве и огромным убыткам.

Третья причина та, что фабрики и заводы, получая несвоевременно, а очень часто и совсем не получая требуемых материалов, вынуждены обеспечивать свое производство излишними запасами для предотвращения перебоев в нем.

Четвертая причина заключается в том, что огромное количество инстанций, сквозь которые приходится проходить заказам (до 13 по текстильному машиностроению), заставляет фабрики и заводы обеспечивать себя запасами, так как заказ при этих условиях выполняется в течение длительного промежутка времени.

Пятая причина заключается в волоките при реализации готовых продуктов.

Данные ревизионных комиссий говорят о том, что по ряду трестов скопление запасов сырья и вспомогательных материалов достигает чрезвычайно внушительных размеров. Скопление это об'ясняется в основном указанными нами причинами.

Так, по *Югостали* к сентябрю 1925—26 года имелись запасы кокса, приближающиеся к 2-месячной потребности треста, и руды, превышающие в среднем двухмесячную потребность треста. Нормальные же запасы в наших условиях должны составляться на 1 месяц. По *Южрудтресту* запасы равнялись по некоторым материалам трехгодичной потребности треста, а по целому ряду материалов они превышали нормальную трехмесячную потребность, что по 6 рудоуправлениям составляло 1 миллион рублей. В *Ленинградском Машиностроительном тресте* запасы некоторых вспомогательных материалов составлены на $1\frac{1}{2}$ года. Запасы инструментов равны двухгодичной потребности треста, что отнимает от живого оборота треста сумму в 700 тыс. рублей. К тому же значительная часть хранящихся инструментов уже устарела. Запасы железа равны четырехмесячной потребности в железе в то время, как интересы производства и рыночные условия не требуют создавания запасов более, чем на 2 месяца.

По *Кожсиндикату* увязанные в сырьевых заготовках средства значительно превысили нормальные потребности и составляли часто двух-трехмесячную стоимость всего заготовляемого сырья в то время, как вполне достаточно авансы для заготовки кожсырья выдавать с расчетом заготовок на $1\frac{1}{2}$ месяца.

Запасы разного рода материалов по ГЭТ'у превышали в истекшем 1925—26 г. (к апрелю) восьмимесячную потребность треста, а по мнению ревизионной комиссии, запасы их, если исходить из потребности производства и рыночных возможностей, должны составляться не более, чем на 3—4 месяца.

По 1-му и 2-му *Льноправлению* излишних материалов имелось в истекшем году меньше в ценностном отношении, чем в других трестах, но и в них запасы некоторых частей машин достигли 10-летней потребности производства.

По *Орехово-Зуевскому тресту* фабрики обеспечивались материалами иногда до 2-х лет: сортовым железом от 12-ти до 50-ти мес.; химическими материалами—от 10-ти до 21-го мес. и т. д.

Оборачиваемость капитала снизилась вследствие этого с 1,69 до 1,61 раза.

Если мы переведем излишки запасных материалов на язык цен, пользуясь данными ревизионных комиссий, то мы получим следующую картину [1]).

Тресты	Оборотный капитал	Излишние запасы к середине и к концу 1925/26 г.	% к оборотному капиталу
Южно-Рудный трест	8.000.000	1.000.000	12,5
Южно-Машиностроит. трест	39.538.000	8.000.000	20
Ив.-Вознесенский трест [2])	83.120.000	13.000.000	15,64
Серпуховской трест	17.117.000	1.670.000	10,5
Ярославский трест	9.600.000	1.064.000	9,5
Орехово-Зуевский трест	30.295.000	6.000.000	20
Кр.-Пресненский и Егор.-Раменский тресты	44.138.000	3.000.000	6,8
Всего	231.808.000	33.734.000	14,55

Мы видим из этой таблицы, что только по 8 трестам излишек запасных материалов составлял к середине и к концу 1925—26 г. около 34 милл. рублей. В сумме оборотных средств эти излишние запасы, что видно из таблицы, занимали крупное место, доходя до 20% всех оборотных средств (по Орех.-Зуевскому тресту) и не опускаясь ниже 6% (по Красно-Пресненскому).

Другими словами, в массе оборотных средств излишние запасы, занимая крупное место, отвлекают тем самым часть средств от живого оборота, превращают часть оборотного капитала в неподвижный капитал.

Из-за недостатка сведений мы не имеем возможности произвести подобного же исчисления по другим трестам и поэтому вынуждены ограничиться приведением лишь абсолютных данных стоимости излишних запасов без сравнения их (излишних запасов) с суммой оборотных средств.

Из этой таблицы мы видим, что только по 11-ти трестам и 1 синдикату излишние запасы сырья, вспомогательных и

[1]) Эти данные ревизионных комиссий относятся к 1925/26 г. В большинстве своем были опубликованы в «Торгово-Промышленной Газете», «Известиях ЦИК», «Правде» и др. По некоторым трестам приведены данные правлений трестов, отдельных руководителей их и их ревизионных комиссий. Помещаем лишь те материалы, которые, будучи опубликованными, оспариванию не подвергались. Критерием нормальности запасов для ревизионных комиссий служил учет: 1) рыночных условий; 2) длительности производственных процессов; 3) специфических местных условий.

[2]) Данные о величине оборотного капитала всех текстильных трестов взяты из бюллетеня («Известия текстильн. промышленности») № 20 за 1926 г. Но следует иметь в виду, что такова была величина оборотных средств в 1924/25 операц. году, а в 1925/26 г. она несколько повысилась, поэтому процентное соотношение между излишними запасами и оборотными средствами в действительности ниже.

строительных материалов (сюда входит также некоторая доля неликвидных фондов, полуфабрикатов и отчасти готовых продуктов), составляли 64 милл. рублей, отвлекая таким образом

Наименование трестов	Излишние запасы к середине и к концу 1925/26 г.
Ленинградский машиностроит. трест	4.300.000 р.
Гомза	14.000.000 »
Сахаротрест	20.000.000 »
Резинотрест	8 000.000 »
Сев. химический трест	2.300.000 »
Москвоуголь	690.400 »
Алтай полиметалл	500.000 »
Цупвоз	300.000 »
Автотрест	300 000 »
Алданзолото	600.000 »
Госпромцветмет	8.206.300 »
Кожсиндикат	5 000.000 »
Итого	64.196.700 р.

эту сумму от живого оборота. В соединении со стоимостью излишних запасов 8 рассмотренных уже нами трестов, вся стоимость излишних запасов по 17-ти трестам из 62-х составляла 97.930.700 р.

Из этого видно, насколько важна и актуальна проблема *устранения тех причин*, которые приводят оборотные капиталы к подобному ненормальному состоянию.

Если мы теперь обратимся к рассмотрению вопроса о строении оборотного капитала всей промышленности СССР (по данным промфинплана), в частности, о доле менее подвижных частей оборотного капитала, и сравним его со строением в дореволюционное время, то картина крайней неподвижности нашего оборотного капитала обнаружится еще рельефнее.

Доля материальных ценностей в общей сумме оборотных средств в %% [1]).

Отрасли промышленности	1911—12 г.	1925—26 г.
Металлическая	39,9	57,4
Электротехнич.	29,1	65,4
Текстильная	44,6	48,2
Горная	42,5	63,0
Топливная	23,1	33,0
Химическая	44,6	56,2
Лесная	49,2	61,7
Пищевая	43,6	64,4
Кожевенная	59,2	58,6
Бумажная	43,0	53,2
Силикатная	35 5	43,4
Полиграфическая	46,5	42,0
Швейная	—	62,0
Строительная	—	16,8

[1]) Данные довоенные по книге П. Оля—«Статистика акц. обществ». Цитирую по статье Баруна в № 4 «Социалист. хоз.». Увеличение доли материальных ценностей является результатом не только абсолютного роста этой части оборотного капитала, но и уменьшения прочих его частей.

Из этой таблицы мы видим, что только в трех отраслях промышленности: полиграфической, силикатной и кожевенной, имеется сравнительное соответствие с довоенным в смысле соотношения товаро-материальной части оборотного капитала со всем оборотным капиталом в целом.

Во всех остальных отраслях промышленности это соотношение крайне неблагоприятно по сравнению с довоенным. В особенности оно неблагополучно в электротехнической промышленности, металлической, горной, химической, лесной, пищевой и бумажной. В них товаро-материальные части превышают в составе оборотного капитала довоенный уровень от 10 до 20%. В электротехнической промышленности эта часть оборотного капитала превышает довоенный уровень более, чем вдвое; в горной—почти в два раза; пищевой—в $2\frac{1}{2}$ раза; металлической—$1\frac{1}{2}$ раза и т. д.

Нужно к этому прибавить, что довоенный состав оборотного капитала значительно отличался от состава оборотного капитала промышленности передовых капиталистических стран. В этих последних удельный вес товаро-материальной части был значительно ниже, чем в России, а подвижных частей—денежных средств и дебиторов—значительно выше. Отставая в этом отношении даже от дореволюционного периода, оборотный капитал промышленности СССР еще в более значительной мере отстает, в смысле внутреннего соотношения своих частей, от оборотного капитала передовых стран [1]).

Вследствие этого и создается такое положение, когда скорость оборачиваемости оборотных средств крупной государственной промышленности отстает от скорости оборачиваемости средств мелкой, технически отсталой и разобщенной ненационализированной промышленности. Об этом свидетельствуют следующие данные:

Скорость оборачиваемости оборотных средств в 1924—25 г.

Название отраслей промышленности	Коэффициент оборачиваемости	
	Обобществленная	Необобществленная
Силикатная	2,03	2,36
Топливная	1,51	1,85
Горная	1,49	1,96
Металлическая	1,37	1,83
Деревообрабатыв.	1,34	0,95
Химическая	1,41	1,95
Текстильная	1,82	3,24
Одежда и туалет	2,42	3,27
По всем	1,40	3,27

Мы видим, что по всем отраслям промышленности, за исключением деревообрабатывающей, скорость оборачиваемости средств в государственном секторе промышленности отстает от скорости

[1]) В этом отношении интересно сопоставление балансов германской электрической кампании (A. E. G.) и нашего Госэлектротреста: в то время, как при наличии капитала в 180 млн. руб. германская фирма имеет запасов на 8—10 млн. руб., ГЭТ при наличии капитала в 183 млн. руб. имеет запасов на 45 млн. руб.

оборота в необобществленном секторе. По металлической промышленности это явление об'ясняется также и качественным отличием государственного сектора этой отрасли промышленности от необобществленного. В первом случае производятся средства производства, а, следовательно, оборот должен быть медленнее, чем во втором случае, когда производство ограничивается выработкой лишь мелких изделий.

Длительность прохождения товаров через множество инстанций от фабрики к потребителю не может также не вызвать замедления товарооборота. Но этот же факт не может не вызвать замедления кредитооборота, ибо чем дольше длится процедура заказа и прохождения товаров, чем медленнее совершается реализация их, тем на большие сроки (в рамках краткосрочности) вынуждены оптовые покупатели требовать как чистого, так и товарного кредита.

Мы приведем пример, характеризующий порядок прохождения товаров от фабрики до ВТС, при чем добавляем, что такое положение было исправлено к концу 1925—26 года, благодаря чему для живого оборота было высвобождено 26—27 млн. рублей. Реализация готовых изделий происходила ВТС до последнего времени следующим образом: ВТС отбирал у фабрик карты на ассортименты товаров, возвращал их на фабрики и по ним отгружался товар. Но для того, чтобы отобрать нужные карты ВТС приходилось распределять их по отделениям, на что уходило в среднем 3—4 дня. На пересылку карт от фабрики до синдиката уходило также 2 дня. Дальше, карты передавались кооперации, которая на отборку их выговаривала себе по генеральному договору 7 дней. Затем, после этой процедуры, карты возвращались на фабрику, что отнимало тоже 2 дня, потом один день уходил на рассортировку по ним товаров (все это в условиях товарного голода). Если в число дней, уходящих на эту процедуру, не включать время, отводимое по генеральным договорам кооперации, то среднее количество дней, уходящих на эту процедуру, равно 10.

Время это тратилось совершенно непроизводительно, а в переводе на деньги это означает по одному хлопчато-бумажному товару при 80 милл. рублей выработки в месяц—иммобилизацию 26—27 милл. рублей.

Повидимому, не лучше обстоит дело и в других синдикатах и трестах.

В последнее время в ВТС произведена следующая реформа: фабрикам дается заранее точное расписание, в какое отделение тот или иной вид товаров должен направляться, и, благодаря этому, товары сразу же из фабрики, без прохождения «процедуры с картами», отправляются в синдикат.

Помимо этого мероприятия, проведено и другое. Упаковка товаров теперь производится непосредственно синдикатом. Товары отправляются на склады синдиката в незапакованном виде, и, благодаря этому, в периоде оборота высвобождается еще 5—6 дней, что по хлопчато-бумажной промышленности означает высвобождение около 15 милл. рублей, а при распределении на всю текстильную промышленность в целом—до 30 милл. рублей.

Таким образом, по одному только текстильному синдикату проведение ряда мероприятий, уменьшающих длительность про-

цедуры прохождения готовых изделий от фабрики до синдиката (до синдиката только, а не до потребителя), влило в живой оборот 57 милл. рублей [1]).

Если изучить этот вопрос по ряду синдикатов, если подсчитать, сколько времени непроизводительно тратится на прохождение готового товара от фабрики через ряд инстанций к потребителю, если перевести на деньги эту непроизводительную затрату времени, в течение которого готовые товары, уклоняясь от живого оборота, представляют собой неподвижный, мертвый капитал,—то получится, несомненно, огромная сумма, исчисляемая десятками, а, может быть, и сотнями миллионов рублей. Об этом свидетельствует тот факт, что только по одному текстильному синдикату такое «залеживание» отнимало от живого оборота 57 миллион. рублей.

Это «залеживание» тормозит не только товарооборот, но и кредитооборот. Иначе и не может быть. Снижение покупателям сроков кредитования не может происходить успешно при условии медленного продвижения товаров от фабрик к покупателям и непосредственным потребителям.

Данные, относящиеся к 1924—25 г., по 10-ти синдикатам, говорят о том, что, несмотря на медленность оборота товаро-материальных ценностей, быстрота кредитооборота отставала от товарооборота, что значительно затрудняло торговые операции и создавало напряженное финансовое положение.

Отставание скорости кредитооборота от товарооборота рисуется следующими цифрами.

Коэффициенты ускорения товаро-и кредитооборота за 1924/25 г. по сравнению с 1923/24 годом [2]).

Наименование синдикатов	Коэффиц. ускорения оборота товаро-материальных ценностей	Коэффициент ускорения кредитооборот.
ВТС	1,33	0,83
Металлосиндикат	0,98	0,83
Уралмет	1,53	0,91
Сельмаш	1,48	1,28
Солесиндикат . .	0,79	0,73
Махорочный . . .	2,0	1,30
Расмасло	8,33	1,10
Жирсиндикат . .	1,04	0,56
Продасиликат . .	1,17	0,76
ВКС.	1,49	0,94 [3])
Итого . . .	1,29	0,88

Как мы видим, по всем 10 синдикатам одна и та же картина. Ускорение кредитооборота отстает от ускорения товарооборота, и основной причиной этого является современная организация управления промышленностью, ведущая к сосредоточе-

[1]) «Торгово-Промышленная Газета», № 217 за 1926 год.

[2]) «Социалистическое Хозяйство» № 4 за 1926 г. (ст. Цельникера).

[3]) По другим сведениям коэффициент ускорения кредитооборота по ВКС равен не 0,94, а 0,04, т.-е. на 0,9 меньше.

нию всех операций по снабжению и сбыту в руках трестов и синдикатов, что создает вынужденно-медленный темп прохождения товаров по товаропроводящей сети и вызывает тем самым необходимость заключения кредитных сделок на более длительные сроки, чем это диктуется рыночной кон'юнктурой.

Характерны здесь два факта. Во-первых, то, что скорость кредитооборота отстает от скорости товарооборота, и, во-вторых, то, что в 1924/25 г., по сравнению с 1923/24 г. средние сроки кредитов здесь значительно возросли. Так, в 1923/24 г. они составляли в среднем 76 дней, а в 1924—25 г.—86 дней. Если бы нормы 1923—24 года были сохранены (а этого нельзя было сделать из-за увеличения звеньев товаропроводящей и снабжающей сети), то потребность в оборотных средствах для этих 10 синдикатов уменьшались бы на 34 миллиона рублей. Если бы было достигнуто соответствие в ускорении кредитооборота, по сравнению с товарооборотом, то живой оборот этих 10 синдикатов пополнился бы 96 милл. рублей [1]).

С другой стороны, организационная неувязка приводит к такому положению, которое до последнего времени имело место в ВТС. Оно сводится к следующему. Порядок расчета ВТС с трестами производили, с одной стороны, торговые управления ВТС (хлопчато-бумажное, льнопеньковое и шерстяное), а с другой стороны—заготовительные отделы (хлопковый, шерстяной, техническая контора и химический). «Каждая из этих единиц, о чем сообщалось своевременно в нашей печати, учиняла расходы и расчеты совершенно самостоятельно. В один и тот же день и по одному и тому же тресту, на основе соответствующих договоров, друг от друга совершенно изолированных, синдикат *уплачивал* наличными и выдавал векселя *по торговому управлению и получал* от того же треста наличные и векселя по *снабженческим* операциям».

Таким образом, не было взаимного погашения векселей в рамках одного синдиката по двум управлениям, а синдикат, с одной стороны, выдавал наличные и векселя тресту, а с другой стороны—получал наличные и векселя от того же треста. Отсюда следующие излишние расходы:

1) излишняя вексельная эмиссия;
2) связанные с ней расходы по вексельному сбору;
3) уклонение от живого оборота денег, движущихся по двум направлениям в рамках одного и того же синдиката, одних и тех же трестов.

Само собой разумеется, что при такой постановке дела и штаты этих организаций должны быть чрезмерно вздуты.

Этот момент (оседание денежных средств и уклонение их от живого оборота) привело к тому, что в 1925—26 году у синдиката накоплялось до 60 милл. рублей векселей трестов, а у тех же трестов—100 милл. рублей векселей синдиката. Вместо взаимного погашения их и высвобождения денежных средств получилось праздное лежание их и использование на деле не для действительного оборота, а для фиктивного.

Все это приводит к положению, при котором благоприятные возможности рыночной кон'юнктуры не используются, и кризис

[1]) Данные Цельникера. «Торгово-Промышленная Газета» № 97 и «Социалистическое Хозяйство» № 4 за 1926 год.

оборотного капитала не преодолевается, несмотря на возможность преодоления его.

Теперь несколько слов посвятим вопросу о реализации неликвидных фондов.

Неликвидных фондов по балансовой оценке к марту 1926 г. было реально на 80 милл. рублей.

Существует мнение, что основной причиной слабой реализации неликвидных фондов является неблагоприятность рыночной кон'юнктуры. Благоприятных и неблагоприятных сторон рыночной кон'юнктуры игнорировать, конечно, нельзя, но основная причина слабости реализации неликвидных фондов, о чем свидетельствуют данные ревизионных комиссий, кроется в другом. Сущность вопроса заключается в том, что заводы и фабрики, в которых скопляются неликвидные фонды, не имеют права их реализовать. Это право принадлежит лишь трестам. И вторая причина заключается в том, что создавшаяся система учета неликвидных фондов такова, что требуется огромное количество времени, средств и людей со специальными знаниями для того, чтобы требования, пред'являемые к учету, были удовлетворены. В результате ценности, исчисляемые в размере 80 милл. рублей, лежат без движения, не принося пользы производству. Медленность реализации неликвидных фондов характеризуется следующими цифрами, относящимися к 1925—26 году и отчасти к 1924—25 году.

Госпромцветмет за 12 месяцев реализовал на 79 тысяч руб. неликвидных ценностей, осталось же нереализованными на 564 тыс. руб. В *Гомзе* не реализовано еще на 10 милл. рублей. В *Сахаротресте* из общей суммы 5.569 тыс. руб. неликвидных фондов реализовано всего лишь на 468 тыс. руб. В *Московском хлопчато-бумажном тресте* не реализовано 50% неликвидных фондов. В *Центробумтресте* из неликвидных фондов реализовано всего лишь 16%. В МСНХ из 3.550 тыс. рублей неликвидных фондов—осталось нереализованными на 2.600 тыс. рублей. *Автотрест* реализовал всего лишь 5% неликвидных фондов; осталось нереализованными на 1.832.000 руб. *Камвольный трест* не реализовал 80% неликвидных фондов, *1-е Льноправление* из неликвидных фондов, стоимость которых составляет 932.000 руб., реализовало только на 106.000 рублей. *Центроспирт* из фонда в 988.000 рублей не реализовал ничего. В *Москвоугле* осталось нереализованных неликвидных фондов на 2.124.000 рублей. В ЮМТ'е сумма их, по ориентировочным данным, достигает 11 милл. рублей; в *Югостали*, по неофициальным данным, 17 млн. руб. В *Ленмаштресте* из 11 милл. рублей неликвидных фондов реализовано на 1.973 тыс. рублей. В *Донугле* осталось нереализованных неликвидных фондов на 4.200 тыс. рублей. В *Грознефти* не реализовано на 4.700 тыс. руб. В *Азнефти*—на 25 милл. р.[1]).

[1]) «Торгово-Промышленная Газета» за 1926 г. № 66.

Сводка в передовой статье, подытоживающая все те данные (по балансовой оценке), которые помещались в газете за 1-е полугодие 1925/26 опер. года. Всего по 1-е января 1926 г. реализовано было 20%, осталось нереализованными 80%. Отмечается тот интересный факт, что в небольших трестах реализация неликвидных фондов происходит успешнее, чем в больших. Об'ясняется это тем, что крупные тресты, при условии, когда реализацию они должны производить сами, но не заводы, не имеют возможности успешно выполнить всю эту огромную работу, и в этом отношении перевес на стороне мелких трестов.

В некоторых трестах эти фонды достигают 10% уставного капитала.

Лишь предоставление заводам прав самостоятельной реализации неликвидных фондов и простейший учет их приведет к тому, что в основной и оборотный капитал промышленности вольются новые десятки миллионов рублей, почерпнутые из внутренних ресурсов промышленности.

Выводы из краткого анализа условий темпа оборота, кроющихся *не* в особенностях производственного процесса, таковы.

Технический уровень нашей промышленности характеризуется чрезвычайной разнообразностью оборудования. Имеются тысячи различных типов машин, в каждой из которых огромное количество разнообразных, отличающихся друг от друга деталей машин. При тех условиях, когда фабрики и заводы не имеют прав сами производить закупки даже мелких деталей машин и инструментов, они вынуждены давать тысячи заказов на материалы разных наименований (16.000 по Югостали, более 200 по текстильной промышленности и г. д.), благодаря чему тресты и синдикаты, независимо от воли людей, работающих в них, не в состоянии полностью справляться с возлагаемой на них работой.

Отсюда получается переснабжение по одним видам материалов и недоснабжение по другим видам [1]). Отсюда —излишние запасы и, отчасти, неликвидные фонды, с одной стороны, и перебои в производстве—с другой стороны. Из-за отсутствия или несвоевременного получения какой-нибудь детали машины получаются простои в производстве. Из-за винтика—остановка машины; из-за копеечного дела—миллионные убытки.

А все это вместе замедляет быстроту капиталооборота.

Разнотипность машин требует и разнотипного сырья. Опять получается множество заказов от фабрик трестам и синдикатам, опять это множество заказов, продвигаясь по десяткам инстанций, отнимает время у десятков и сотен тысяч людей (на содержание которых расходуются к тому же миллионы рублей), и в результате—неизбежное оседание средств в запасах и перебои в производстве, приводящие, все вместе, к замедленному товаро- и кредитообороту.

Вот, почему необходимо предоставить заводам и фабрикам права самостоятельности в снабжении необходимыми производственными материалами, оставив за трестами и синдикатами право снабжения лишь по линии основных и типовых материалов.

При этих условиях улучшится состав оборотного капитала в сторону меньшего оседания в нем малоподвижных ценностей, в сторону большей гибкости его, а это приведет к ускорению его оборачиваемости.

При этих условиях быстрым темпом пойдет реализация неликвидных фондов.

При этих условиях облегчится борьба с перебоями в производстве.

[1]) Следует иметь в виду, что сосредоточение излишних материальных запасов в промышленности вовсе не обозначает удовлетворенность ее в материалах всех видов. Имея излишние запасы по одним видам материалов, промышленность испытывает вместе с тем сплошь да рядом острую нужду по другим видам материалов.

А с другой стороны, очень значительно упростится работа, выполняемая трестами и синдикатами; некоторые товароснабжающие и товаропроводящие органы и звенья станут излишними, а все это даст возможность увеличения гибкости товаропроводящей сети за счет сокращения части ее звеньев и функций остающихся органов, и это, в свою очередь, в значительной мере разрешит проблему сокращения штатов.

Мы приобретем, таким образом, возможность получения *добавочных ресурсов для индустриализации* из трех источников: из ускорения кредито-и товарооборота, что может влить в живой оборот промышленности, если даже ускорение произойдет на 5—6%, около 200 миллионов рублей; из упрощения товаропроводящей сети, сокращение которой хотя бы на одну двадцатую часть вольет в средства промышленности 150 милл. рублей; из уменьшения количества простоев на фабриках и заводах, что также приведет к увеличению промышленных средств.

Мы говорим о мерах, которые могут быть проведены без особых материальных затрат. Ускорение оборота от *сокращения периода производства* в результате рационализации производства, капитального строительства, переоборудования—могло бы послужить темой особого разговора.

М. Рютин.

Низовая работа и задачи партийного руководства.

I.

Каждый отдельный этап борьбы пролетариата имеет свои отдельные специфические черты как в содержании, так и методах партийного руководства. Так, например, в период гражданской войны узловым пунктом в содержании партийного руководства была мобилизация масс для победоносного отпора вооруженной контрреволюции, основной задачей было уничтожение сил врага, их разгром вооруженной рукой рабочего класса, где бы они ни находились. Методы руководства характеризовались тем, что свернута была не только внутрипартийная демократия, но и вся советская пролетарская демократия, будучи подчиненной необходимости скорее и успешно завершить гражданскую войну, должна была терпеть весьма значительные ограничения.

Теперь вся совокупность условий мирного социалистического строительства, наоборот, диктует необходимость развертывания и внутрипартийной демократии и всех основных форм пролетарской демократии вообще. Без этого было бы невозможно успешное политическое воспитание масс, руководство ими; без этого было бы почти невозможно и наше хозяйственное социалистическое строительство в той новой его фазе, в которую мы вступили и которая с особым напором толкает нас к вовлечению новых сотен тысяч и миллионов рабочих и крестьян в работу по перестройке страны на социалистических началах.

Сама основная линия в отношении ленинской большевистской выдержанности партийного руководства должна сейчас проводиться еще более четко и последовательно, ибо каждая ошибка может угрожать огромными отрицательными последствиями в отношении и организации нашего хозяйства, и политического состояния страны. Теперь за политикой партии более активно следят миллионы рабочих, миллионы крестьян, всякая ошибка сейчас же подвергается соответствующей оценке. В такой форме такого положения мы не имели и не могли иметь раньше. Активность рабочего класса и крестьянства, активность враждебных нам социальных прослоек поднялась, поэтому одинаковая политическая ошибка теперь в ряде случаев может давать больший политический минус, чем она дала бы раньше.

Говоря о правильности и выдержанности большевистского руководства, мы имеем в виду не только руководство высших партийных органов, но и низовых партийных организаций. *Не только от губернского комитета партии, но и от любой ячейки сейчас требуется больше, чем два—три года назад.* Если пару лет назад то или иное нарушение коллективного договора проходило зачастую незамеченным, то сейчас оно, наоборот, всегда

вызывает острую реакцию в массах. Работа расценочно-конфликтных комиссий, тарифно-нормировочных бюро, где в свое время действовали по большей части на глазок, сейчас требует особой тщательности, особого внимания в подборе работников, особой проверки со стороны ячеек. Можно было бы указать не мало случаев, когда на предприятиях возникали заминки только благодаря слабой работе расценочно-конфликтных комиссий или в силу ошибок тарифно-нормировочных бюро.

Ячейки и фабрично-заводские комитеты не могут забывать, что формальное, бездушное, бюрократическое отношение к делу у нас имеется не только в аппаратах высших советских органов, но порой и внизу, даже в ячейке, даже в фабрично-заводском комитете. Многие фабрично-заводские комитеты и сейчас еще склонны работать по шаблону, а между тем успешная массовая работа невозможна и немыслима без надлежащей постановки работы фабрично-заводского комитета или месткома. *Именно фабзавместкомы являются той элементарной массовой школой коммунизма, которая выковывает в своих недрах миллионный актив, которая связана, повседневно воздействует на линию поведения сознания девяти миллионов членов профсоюзов.*

Между тем из самого последнего времени, из практики работы фабзавместкомов крупных промышленных центров можно было бы привести факты, когда директором завода пачками по 150 человек рабочим об'являются выговоры в приказе, с вывешиванием приказа, выговоры, часть которых является совершенно неосновательной, и фабрично-заводский комитет с такими методами борьбы за организацию производства и устранение недостатков не только не борется, но, наоборот, заявляет, что «у нас давно так заведено».

Всякая низовая партийная организация должна помнить сейчас свою основную политическую линию — *быть лидером масс, их авангардом.* Каждый коммунист должен неизменно чувствовать себя частицей этого авангарда и соответствующим образом выполнять свою роль. Партийные ячейки обычно терпят (такие факты, понятно, бывают в общем редко) банкротство в руководстве массами только тогда, когда они или свертывают, прячут свое партийное знамя, свое партийное лицо, оказываются в хвосте масс, когда некоторые коммунисты засовывают свой коммунизм глубоко в свой боковой карман, или когда ячейка отрывается от рабочих масс, замыкается от них, начинает работать на холостом ходу, когда члены партии к беспартийным массам проявляют высокомерие, комчванство, своеобразный рабочий аристократизм. Избежать эти уклоны—это и значит—найти правильную организационную линию во взаимоотношениях низовых партийных организаций с массами.

Элементы хвостизма в рабочем классе всегда были, есть и будут еще долгое время. И низовые партийные организации, как и вся партия в целом, должны уметь сочетать в себе несгибаемую способность преодолевать все эти элементы хвостизма, настроения отсталости, цеховщины, и в то же время способность быть органически связанными даже с самыми отсталыми рабочими массами и уходить в рабочий класс всеми своими корнями. На данной стадии развития рабочего класса и нашего социалистического строительства эти требования становятся особенно актуальными.

II.

Основным содержанием руководства рабочими и крестьянскими массами являются теперь наши очередные задачи социалистического строительства: индустриализация страны, режим экономии, снижение цен, кооперирование масс города и деревни, их политическое воспитание в духе ленинизма, в особенности работа в этом направлении с новыми кадрами рабочих, подбор работников и проверка выполнения данных директив.

Лозунг индустриализации страны и осуществления режима экономии проник в самые глубокие толщи рабочих масс. Эти лозунги массы знают, но они еще не всегда ими правильно понимаются. Наша задача—добиться наиболее ясного и правильного их усвоения, иначе само вовлечение масс в дело индустриализации страны и проведения режима экономии будет натыкаться на серьезные препятствия.

Чем больше будут вовлекаться массы в проведение лозунгов индустриализации и режима экономии, тем меньше будет самих извращений. Чем больше мы будем устранять безобразия в нашем хозяйствовании и бороться со всякими излишествами, тем меньше будет почвы для настроений, находящих свое выражение в том, что режим экономии проводится за счет рабочих.

Рядового рабочего возмущает порой до глубины души самое ничтожное злоупотребление или упущение, оно скрывает от него, затемняет даже самые достижения. На одном из собраний беспартийного рабочего актива Москвы один из рабочих говорил: «Я боком, со стороны, слыхал, что у нас подача материалов упрощена, с'экономили на топливе, соединили складское имущество, и это дает экономии до 10 тысяч в год, а вот все рабочие говорят о завхозе, переезжавшем на дачу на казенной лошади, о том, как администратору таскают на квартиру дрова рабочие, о том, как сократили уборщицу. *Сто рублей неэкономии больше видать, чем 10 тысяч экономии. Надо, чтобы хозяйственник нам рассказывал, как он экономит».*

В отношении проведения режима экономии мы некоторых результатов бесспорно добились, сдвиг налицо; уже создалось некоторое пролетарское общественное мнение, которое начинает давить и воздействовать на линию поведения хозорганов и хозяйственников. Наша задача—ни в какой мере не ослаблять здесь нажима и напора и одновременно взяться с неменьшей энергией за снижение цен и борьбу с бюрократизмом. Эти мероприятия потребуют еще большего вовлечения масс в их проведение.

Лишь в той мере, в какой нам удастся действительно вовлечь массы в борьбу за снижение цен, в борьбу с бюрократизмом, лишь в этой мере и сами задачи будут решены. Больше всего следует опасаться пустых разговоров, это дезорганизует, разочаровывает массы, это вносит в их ряды разброд. Для того, *чтоб массы действительно могли быть привлечены к практической работе по борьбе за снижение цен, по борьбе с бюрократизмом, надо обратить особое внимание на отыскание тех точек приложения сил, на нащупывание тех организационных рычагов, за которые надо массам ухватиться, на которые нужно нажать для того, чтоб дело двинулось вперед.*

Лавочные комиссии кооперативов, бывшие до настоящего времени сомнительной ценности придатком кооперации, должны дей-

ствительно стать выбранными пайщиками органами, следящими за работой кооперативного предприятия, в особенности в области снижения расходов, качества товаров и обслуживания потребителя. Они должны следить за недопущением самовольного повышения цен сверх прейс-куранта, заслушивать доклады зав. магазином о расходах по данному магазину, намечая для дальнейшей работы конкретные предложения, по крупным магазинам через орготделы кооперативов созывать совещания потребителей данных предприятий для обсуждения вопросов об их работе, качестве товаров, снижении цен и т. д.

Торговые секции собраний уполномоченных кооперативов, идя по пути всемерного втягивания в работу широких слоев потребителей, основное внимание должны обратить также на практические вопросы, как-то: пути прохождения товаров, условия закупки товаров, постановка техники отпуска товаров потребителю и т. д. Соответствующим образом должны развернуть свою работу и контрольно-ревизионные секции собраний уполномоченных.

Что касается предприятий и советских учреждений, там работы еще больше, ибо до настоящего времени на предприятиях дело ограничивалось в 90 случаях из 100 заслушиванием в год раз или два докладов на общем собрании рабочих правления кооператива и принятием резолюции. *Работа на предприятиях и в учреждениях по борьбе за снижение цен, по организации потребителя вокруг всего кооперативного строительства и госторговли должна по настоящему только еще начаться.* Между тем здесь один из основных рычагов борьбы за снижение цен. *В борьбе за снижение цен мы каждое предприятие должны сделать опорным пунктом, форпостом, откуда должны обстреливаться все недостатки, злоупотребления, бюрократические проволочные заграждения, стоящие на пути снижения цен.* К каждому организационному рычагу, к каждому звену, дающему возможность тянуть за собой всю цепь снижения цен, нам надо привлечь десятки, сотни тысяч потребителей рабочих, крестьян, служащих, чтобы в разрешении этого узлового вопроса экономики и политики сегодняшнего дня мы могли добиться реальных положительных результатов.

К массам же партия обращается и в деле борьбы с бюрократизмом: эта борьба еще более сложна, ибо бюрократизм зачастую бывает неуловим. Он прячется за циркуляр, постановление, даже закон. *Бюрократизм коренится и в системе управления, в определенной организации аппарата управления и в людях. Можно быть бюрократом, не имея в руках никакого аппарата управления:* без всякого аппарата управления можно обладать способностью бездушного формального отношения к делу и людям. Это те конкретные носители бюрократического зла, с которыми необходима настойчивая и постоянная борьба. *И, наоборот, можно быть не бюрократом и в то же время, попавши в бюрократический аппарат, сделаться жертвой этого аппарата, попасть под его воздействие, под влияние своеобразных «законов» бюрократического аппарата.* В данном случае для устранения бюрократизма необходимо упрощение и приближение к массам самой системы управления.

И то, и другое проявление бюрократизма как в людях, так и в системе управления требуют для его преодоления коллективной энергии миллионов. Миллионы глаз надо привлечь к тому,

чтоб они вскрывали конкретных носителей бюрократического зла, выводили их, что называется, «за ушко да на солнышко». Коллективный опыт миллионов трудящихся надо привлечь к тому, чтобы система управления в наибольшей степени была приспособлена и к потребностям масс, и к очередным задачам нашего социалистического строительства. Притом, *если в верхних звеньях аппарата ударить необходимо, главным образом, в направлении упрощения системы аппарата, то в нижних звеньях особое внимание нужно уделить борьбе с самими носителями бюрократического духа,* ибо, сталкиваясь непосредственно с массами, не умея подойти к массам, не понимая их и не желая понять, они здесь приносят наибольший политический вред.

Для иллюстрации политических последствий формально-бюрократического отношения к делу в низовых звеньях аппарата материал в изобилии нам дается и аппаратами советской власти и кооперацией, а нередко профсоюзами и даже партийными организациями. Вот, например, тов. Е. М. пишет, что рабочим фабрики «5-й Октябрь» не раз'ясняется, почему членские взносы нужно платить своевременно, нет даже широкого оповещения об уплате взносов, а фабком пачками исключает из союза неплательщиков. Тов. В. из Владимира пишет, что фабком фабрики им. Карла Маркса в результате его плохого отношения к делегатским собраниям, добился того, что делегаты перестали ходить на собрания и фабком должен был обращаться к рабочим с указанием о том, что делегаты не ходят на собрания, сваливая, таким образом, вину с больной головы на здоровую. На 1-й макаронной фабрике в Одессе потребовалось трижды созывать общее собрание для перевыборов фабкома и все же выборы происходили при одной трети, а профсоюзные организации, кроме констатирования неактивности рабочей массы на фабрике, ничего не делают (см. «Правда», № 20, 1927 г.).

Такое формальное отношение к профсоюзной работе, в особенности в условиях возросшей активности пролетариата, является нечем иным, как водой на мельницу наших политических врагов. Нам нельзя забывать ни на одну минуту, что на данной стадии нашего социалистического строительства и роста рабочего класса все виды массовой работы, в том числе и профсоюзной, должны быть всемерно улучшены, расширены и углублены. Мы имеем безостановочный рост рабочего класса. Новые кадры рабочих в большом количестве рекрутируются и из деревни, и из мелкой буржуазии в городе. Сейчас не редкость встретить на фабрике молодых рабочих со средним образованием. Есть и такие, что специально идут, «зарабатывать» себе рабочий стаж. Эти кадры несут на фабрику настроение цеховщины, деревенской отсталости, мелкобуржуазного индивидуализма, настроения недовольства всякой дисциплиной. Их еще нужно поднять до понимания подлинных интерсов рабочего класса. Когда, например, в отдельных местах профсоюзы приступили к вовлечению сезонных рабочих в производственные комиссии и совещания, то от отдельных рабочих можно было слышать такие ответы: «мы приехали не для работы в производственных комиссиях, а для того, чтобы побольше заработать».

Не случайно, что именно эти категории рабочих дают нам относительно наибольшее количество конфликтов—в этом находит свое выражение их политическая отсталость. *Одной из основ-*

ных задач нашего руководства является переделка, перевоспитание этих кадров рабочих, втягивание их в практическую работу. их политическое и производственное просвещение.

Этим слоям рабочих и всему рабочему классу нашей страны мы еще глубже, еще сильнее должны внедрять в сознание ту мысль, что главная наша сила, противопоставляемая нами врагам, заключается в нашей организованности, сплоченности и ясном большевистском, ленинском понимании наших задач. *Организованность, как неоднократно подчеркивал Ленин, удесятеряет силы.* Материальному могуществу капиталистического мира мы противопоставляем несокрушимое единство пролетарских сил.

Само собой разумеется, что работа по политическому и производственному воспитанию рабочих масс будет давать наибольшие положительные результаты только тогда, когда массы будут в курсе политики партии и советской власти. Вопросы своевременной информации рабочих масс о внутренней и международной обстановке, в связи с ростом активности пролетариата, приобретают теперь серьезнейшее значение. Характерно, что в этом году на предприятиях, на ряду со всякого рода кружками и школами полиграмоты, чрезвычайно быстро выросли и окрепли кружки текущей политики, при чем посещаемость кружков текущей политики во многих случаях наиболее высокая. Рабочий больше, чем когда-либо раньше, хочет быть в курсе внутренних и международных событий. Он хочет знать, как развертывается дальше наша промышленность, как идет заготовка хлопка, хлеба, как обстоит дело с нашей внешней торговлей, каковы политические настроения в деревне, как ведет борьбу на отдельных своих этапах западно-европейский пролетариат, каковы перспективы китайской революции и т. д.

Рабочие массы не удовлетворяются теперь политической трескотней, но короткое серьезное освещение вопросов текущей политики с фактами и цифрами в руках, вызывает весьма большой интерес. Еще раз необходимо подчеркнуть, что массы интересует своевременная информация. *Это требует, чтоб своевременно осуществлялась информация и внутри самих партийных организаций, в особенности, партийного актива.* Иначе, многие члены партии не могут выполнить своей руководящей роли, и ознакомление масс с политической злобою дня зачастую осуществляется путем политической сплетни и всякого рода слухов, *являющихся политическим орудием в руках наших врагов и в некотором роде заменяющих им печать.*

Еще более важнейшим моментом в содержании руководства массами следует считать правильный подбор работников и проверку выполнения партийных директив. Тов. Сталин это на XV Московской Губпартконференции со всей ясностью подчеркнул. Он сказал, что у нас «с виду как будто бы признают указания высших органов партии и советской власти, а на деле кладут их под сукно и продолжают проводить совершенно другую политику.

Разве это не факт, что иногда некоторые руководители некоторых аппаратов—хозяйственных, кооперативных и иных—кладут правильные указания партии под сукно и продолжают шествовать по старой проторенной дорожке? Если, например, центральные органы партии и советской власти решают, что очередной задачей нашей политики является снижение розничных

цен, а целый ряд кооперативных и вообще торговых работников проходит мимо этого решения, предпочитая обходить его, то как это назвать? Что это, как не подрыв той правильной политики, от добросовестного проведения которой зависит судьба смычки, судьба союза рабочих и крестьян, судьба советской власти? Ленин имел в виду такие именно случаи, когда он говорил: линия у нас правильная, но машина движется как будто бы не туда, куда ей следует двигаться. А чем об'яснить этот разлад между линией и машиной? Да тем, что состав этой машины, состав этого аппарата не всегда доброкачественен. Вот почему правильный подбор работников и проверка исполнения являются теперь одной из очередных задач партии и советской власти. Вот почему партия должна зорко следить за тем, чтобы основные работники нашей строительной работы подбирались под углом зрения добросовестного проведения в жизнь политики партии и советской власти».

Задача тщательного подбора работников распространяется и на партийных работников. Сложность стоящих перед нами задач, рост активности рабочего класса, повышение политической зрелости, широких партийных кадров требуют от партийного руководителя, даже если это касается секретаря ячейки, более широкого политического кругозора, большего политического чутья и уменья связать отдельные отрасли работы, дать общую для всех их политическую перспективу. Отсюда наша задача выковывать кадры новых партийных руководителей, которые были бы в достаточной мере вооружены теоретическим оружием ленинизма и обогащены опытом социалистического строительства.

III.

Уметь найти основные задачи на каждой данной стадии социалистического строительства и борьбы пролетариата—это еще, однако, для нашей партии не все. Этого недостаточно. На ряду с содержанием работы нужно применить правильные методы и формы взаимоотношений с массами.

Сама сплоченность партии в огромной степени определяется характером связей и взаимоотношений, которые существуют у партии с массами. Ленин в своей «Детской болезни левизны» писал: «Чем держится дисциплина революционной партии пролетариата? Чем она проверяется? Чем подкрепляется? Во-первых, сознательностью пролетарского авангарда и его преданностью революции, его выдержкой, самопожертвованием, героизмом. Во-вторых, его уменьем связаться, сблизиться, до известной степени, если хотите, слиться с самой широкой массой трудящихся, в первую голову пролетарской, но также и с непролетарской, трудящейся массой. В-третьих, правильностью политического руководства, осуществляемого этим авангардом, правильностью его политической стратегии и тактики, при условии, чтобы самые широкие массы собственным опытом убедились в этой правильности. Без этих условий дисциплина в революционной партии, действительно способной быть партией передового класса, имеющего свергнуть буржуазию и преобразовать все общество, неосуществима. Без этих условий попытки создать дисциплину неминуемо превращаются в пустышку, в фразу, в кривлянье»,

В настоящее время наша партия в своем числе перевалила уже за миллион. Мы ставим перед собой цель—вовлечения в социалистическое строительство все новых и новых пластов пролетариата и трудящихся деревни. А это невозможно без глубочайших связей партии с беспартийными массами. Партия, больше чем когда-либо, должна чутко улавливать настроение масс, их запросы, оставаясь в то же время сама собой—партией Ленина, авангардом, указывающим массам их путь борьбы и ближайшие задачи.

Эта линия порой и в настоящее время не только отдельными товарищами, но и некоторыми ячейками не понимается. Лозунг—«не командуй» «будь вместе с массами» иногда опошляется и превращается в самую безобразную карикатуру партийной линии. Тов. Ярославский на V Пленуме ЦКК в своем докладе сообщал, что некоторые деревенские коммунисты даже свои религиозные убеждения пытаются оправдать необходимостью быть вместе с массами. Так, один деревенский коммунист Сибири говорил: «От религиозных убеждений отказаться не могу, я иду за массой и соблюдаю обряды, дома я молюсь богу». Или вот т. Б. Ш. пишет, напр., следующее: «Случаев нарушения внутрипартийной демократии в организации нет. Правда, у крайне незначительной части работников существует еще некоторое непонимание, как практически это надо осуществить, особенно это выявляется в вопросах о подборе состава руководящих парторганов (райкомы, ячейки). Встречаются, примерно, такие рассуждения: «Как же сумеет собрание подобрать подходящий состав, если не наметить заранее список кандидатур. «Практика же работы доказала, что партийная масса выросла и понимает без всяких «списков», кого надо выбирать в руководящие партийные органы».

Если в последнем рассуждении мы видим принижение внутрипартийной демократии до «демократии сельского схода», что является отказом от организованного руководства партийными массами, то в первом примере мы имеем превращение положения «быть вместе с массами» в капитуляцию и преклонение перед самой отчаянной темнотой и культурной отсталостью.

Укрепление связей партии с массами *таким* способом нам не нужно. Такие связи ведут партию и рабочий класс не вперед, к цели, а назад. На новом этапе организаторской хозяйственной работы ВКП(б) мы больше, чем когда-либо, обязаны уметь миллионами нитей связаться, «слиться» с массами. Нам надлежит обратить внимание на то, чтобы связи носили не формальный характер, а были, как выразился тов. Бухарин на XV губпартконференции, *интимными, доподлинно товарищескими*. Но это не должно смазывать и принижать партийного руководства. Связи должны носить такой характер, чтоб каждый коммунист, в особенности, коммунист-рабочий на производстве в результате своей работы в массах выковывал в течение 2—3 лет еще трех-четырех коммунистов из беспартийных рабочих.

Каждый коммунист на фабрике для беспартийных рабочих должен быть некоторым притягательным центром. В этом сущность наших связей с массами, здесь лежит коренное условие правильных взаимоотношений с ними. На деле этого мы зачастую не имели и не имеем. В совещаниях, проводившихся рядом партийных организаций с беспартийным рабочим активом, беспартийные активисты отмечали, что *в личном общении, на работе, у станка, в столовой, как правило, беспартийный мало получает раз'яснений от коммуниста.* Некоторые беспартийные отмечали, что есть коммунисты, скрывающие свою партийность, когда они попадают в группу беспартийных и подвергаются напору их критики. «Ломаного гроша за такого коммуниста не дам», так определяли свое отношение некоторые беспартийные к таким членам партии за укрывательство своего партийного лица.

Ясно, что необходимость дальнейшего укрепления связей с массами требуют и соответствующего подхода к ним. Массы выросли. Теперь даже самый отсталый рабочий чувствует, что он является членом господствующего класса. Мало того, он знает, что к нему относятся, именно, как к члену господствующего класса. У рабочего выросло сознание своего собственного достоинства. Это сознание поднялось также у крестьянских масс. Происходящие в настоящее время перевыборы советов показывают, что взаимоотношения рабочего класса с крестьянством и партии с крестьянством улучшились. Доверие крестьян к партии возросло. А каковы причины? В ряду всех остальных, безусловно, не последнее место занимают изменения самих методов нашей работы в деревне. Лозунг «не командуй» стал проводиться в жизнь, коммунисты в деревне стали, в основном, относиться к крестьянину, как равный к равному, и в итоге мы имеем больше доверия к партии, устранение ряда таких ненормальностей во взаимоотношениях, которые имели место раньше только вследствие неправильных методов работы.

Массы изменились и выросли. Вся обстановка теперь другая. «Теперь уже нельзя руководить по старому, путем одних лишь распоряжений и указаний. Прошли времена для такого руководства. Теперь простое формальное руководство может внести лишь раздражение. А почему? Потому, что выросла активность рабочего класса, выросли запросы рабочего класса, выросла чуткость рабочих к недостаткам нашей работы, и рабочие стали более требовательными. Хорошо ли это? Конечно, хорошо. Мы этого всегда добивались. Но из этого следует, что руководство рабочим классом становится более сложным, а само руководство должно принять более гибкий характер. Раньше, бывало, на ногу наступишь—и ничего. А теперь это не пройдет, товарищи. Теперь требуется максимальная внимательность даже к самым незначительным мелочам, ибо быт рабочих складывается именно из этих мелочей» (Сталин). Именно поэтому тов. Сталин призывает партийные организации проявлять в отношении к массам, «чуткость, чуткость и еще раз чуткость».

В зависимости от более чуткого подхода к массам, упрочения, расширения связей с ними находится и дальнейший рост самой партии. За последний год, в связи с внутрипартийным положением, мы имели некоторое замыкание парторганизаций, что отразилось на притоке в ряды партии новых членов. Теперь эти слабые стороны без задержки и возможно полнее надо устранить.

Упрочение связей с массами, проявление максимальной чуткости будет способствовать этому здоровому росту наших партийных рядов. *Сила связей ВКП(б) с массами—это сила самой ВКП, сила нашего социалистического строительства.*

И. Д. Левин.

Английское рабочее движение и Китай.

Вожди английского рабочего движения, предательски сорвавши всеобщую забастовку в 1926 году, саботируют и предают теперь китайскую революцию, всячески поддерживая политику Болдуинского правительства в Китае. В этом нет ничего удивительного. Эти вожди все время проповедуют социальный мир и классовое сотрудничество, т.-е. примирение с буржуазной эксплоатацией. Было бы против всякой логики после этого восставать против империалистической, грабительской политики этой же буржуазии в других странах. Внешняя политика—та же внутренняя политика, только в другом разрезе. Кто сказал «а», должен сказать и «б». Кто поддерживал Болдуина и шахтовладельцев против углекопов, не может не поддерживать Болдуина против китайского революционного движения. Нельзя же в самом деле ожидать от таких вождей, чтобы они относились к «желтому кули» лучше, чем к британскому рабочему.

Китай на с'езде рабочей партии в Маргейте.

В середине октября 1926 г. на своем последнем с'езде в Маргейте рабочая партия занималась вопросами об империализме и о Китае. В порядке дня стояла резолюция, предлагавшая приветствовать «цветных братьев, борющихся за свое освобождение», и «солидаризоваться с ними в их борьбе против империализма, поддерживая их требование права самоопределения вплоть до отделения от империи». Партия, занимающая «ответственную» роль «оппозиции его величества» и ожидающая, по наступлении известных конституционных сроков и условий, всемилостивейшего королевского приглашения вновь составить правительство, была шокирована и возмущена этой, на их взгляд неприличной, выходкой. Клайнс предложил отвергнуть резолюцию, как «глупую и сумасбродную декларацию», и при этом развивал модную в рабочей партии теорию *мягкого империализма*. Можно, заявил он, поддерживать британскую империю, не употребляя методов насилия и эксплоатации. Резолюция была провалена огромнейшим большинством.

С Китаем дело обстояло сложнее. С'езд собрался в момент, когда у рабочих масс еще было свежо впечатление от страшной бойни, устроенной англичанами в Вансяне, когда по несчастному беззащитному городу было дано несколько залпов из канонерки «*Кокчейфер*» и свыше 3.000 ни в чем неповинных мирных жителей было убито. Весь инцидент, как известно, произошел от того, что генерал Ян-Сен, сторонник У-Пей-Фу, захватил два английских парохода. Англичане, после неудачной стычки с силами Ян-Сена на реке Янцзы, дали несколько залпов по мирному

городу за здорово живешь, чтобы проучить азиатов и внушить им чувства почтения и страха перед «владычицей морей». Страшная волна возмущения неслыханным варварством англичан прокатилась по всему Китаю. В Англии же консервативная печать отпраздновала этот акт, как победу. «Таймс» озаглавил известия о Вансянской бойне—«*Доблестный Морской Бой*». При этих условиях вожди партии, называющей себя рабочей, не могли *открыто* стать на сторону Болдуина. Слишком груб и циничен был бронированный кулак, обрушившийся на Китай и слишком свежа была пролитая кровь. Заправилам рабочей партии пришлось поэтому не мало потрудиться над составлением резолюции о положении в Китае. Нечего и говорить, что резолюция не призывала рабочих ни к свержению британского империализма, ни даже к борьбе с ним. Вожди рабочей партии против всякой борьбы вообще и признают только избирательную урну. Вот текст резолюции:

«С'езд сожалеет и протестует против бомбардировки Вансяна британскими морскими силами, в результате чего было убито около 2 или 3 тысяч частных китайских граждан».

«*С'езд считает такие инциденты, которые так вредят британской репутации на Дальнем Востоке* (как они заботятся о «британской» репутации. *И. Л.*), *неизбежными, пока наше правительство не признает откровенно, что дни империалистического вмешательства в китайские дела и презрительного отношения к самим китайцам, прошли.* (Невозмутимые философы, составлявшие резолюцию, констатируют неизбежность Вансянских инцидентов и очевидно фаталистически принимают ее. Во всяком случае резолюция не содержит никакого призыва сделать невозможным повторение Вансянских событий. *И. Л.*). *С'езд считает, что жизнь и имущество британских граждан в Китае не только не обеспечиваются, но подвергаются опасности, вызывающими военно-морскими демонстрациями*» (какая трогательная заботливость об империалистических хищниках, грабящих Китай. Резолюция косвенно осуждает «вызывающие военно-морские демонстрации» потому, что они подвергают опасности драгоценную жизнь английских акул в Китае. Резолюция однако, не возражает против присутствия английских морских сил в Китае вообще. *И. Л.*).

«С'езд приветствует национальные и демократические тенденции среди китайского народа. (Резолюция блудливо говорит о национальных и демократических тенденциях, а не о революционном движении Китая и революционном китайском правительстве. Пока Болдуин не признал кантонского правительства, лакеи буржуазии внутри рабочей партии, остерегаются произнести даже слово кантонское правительство. *И. Л.*). С'езд убедительно предлагает британскому правительству соблюдать строгий нейтралитет по отношению к соперничающим силам в китайской гражданской войне и воздержаться от всяких действий, которые могли бы показаться какой-либо из тяжущихся сторон нарушением нейтралитета; препятствовать ввозу в Китай оружия и военного снаряжения британскими подданными; воспользоваться всякой представляющейся возможностью, чтобы вступить в дипломатические сношения с *любым* правительством, которое пользуется властью в Китае (другими словами, резолюция предлагает вести переговоры и с Чжан-Цзо-Лином и с

кантонским правительством, т. е. вести двойную игру. *И. Л.*), и как можно скорее начать переговоры с целью пересмотра британских договоров с Китаем, включая отмену экстерриториальных привилегий (эта часть резолюции кажется на первый взгляд крайне левой, но это иллюзия. Дело в том, что и Чемберлен, и Майлс Лэмпсон и др. представители английского правительства говорят буквально то же самое. Они только отказываются вывести свои военно-морские силы из Китая. Резолюция, таким образом, не идет дальше Чемберлена. *И. Л.*). Далее с'езд призывает правительство раз'яснить другим заинтересованным народам свою политику» (курсив везде мой. *И. Л.*).

Получился иезуитский дипломатический документ. И богу свечка, и черту кочерга. Маленькая свечка в виде сухо-формального протеста в первых 2—3 строчках резолюции и большая кочерга—вся остальная часть резолюции.

«Новый курс» английской политики.

С занятием Ханькоу и среднего течения Янцзы кантонскими войсками в начале сентября прошлого года китайское революционное правительство становится крупной силой. Все попытки Англии создать единый фронт держав для интервенции в Китае терпят поражение. Они разбиваются о непримиримые противоречия в лагере империалистических держав. В середине октября английское правительство устами Майлса Лэмпсона, назначенного послом в Китай, возвещает «новый курс» английской политики в Китае. На обеде, устроенном 14 октября, китайской ассоциацией (английское общество), Лэмпсон расшаркался перед «китайским народом» и торжественно заявил, что он уполномочен высказать во всеуслышание, что английское правительство испытывает чувства симпатии к китайскому народу, переживающему тяжелое время и что оно доказало свои симпатии на деле, соблюдая строгий нейтралитет и не вмешиваясь во внутренние распри в Китае. Вскоре после этого Лэмпсон уезжает в Китай. Английским газетным псам—«Дейли Мэйл», «Морнинг Пост» и др.— дается знак умерить свой лай на революционный Китай. Одновременно с лицемерными разговорами «о новом курсе», английское правительство продолжает стягивать все новые и новые военно-морские силы в китайские воды, а 26 ноября английские власти в Тянцзине арестовывают на территории своей концессии 14 гоминдановцев и выдают их сатрапам Чжан-Цзо-Лина. 3 декабря в Шанхай прибывает Лэмпсон и начинает игру на два фронта. Он заигрывает с Кантоном и Чжан-Цзо-Лином, не покидая в то же время попыток создания единого фронта держав. «Новый курс» отличается от старого лишь тем, что на свой бронированный кулак английская буржуазия теперь натягивает бархатную перчатку.

Вождь рабочей партии Макдональд спешит дать «новому курсу» свое благословение. 7 декабря 1926 г. он дает интервью корреспонденту «Дейли Геральд». По своему обыкновению он облекает свои блудливые «мысли» в напыщенную, туманную форму. «Наступило время,—говорит он,—когда мы должны признать новорожденный Китай. Мы, конечно, не можем признать правительство, которое пользуется властью, благодаря случайной военной победе. Но кантонское правительство... достигло положения, когда мы можем его признать для целей ведения переговоров». Макдональд здесь петушком поспешает за Чемберленом. На с'езде в Маргейте Макдональд, несомненно, приложивший свою руку к приведенной выше резолюции, говорил лишь о национальных и демократических тенденциях китайского народа. Но после того, как Майлс Лэмпсон вступил в переговоры с Евгением Ченом, Макдональд находит возможным признать кантонское правительство. Но он чрезвычайно осторожен. Он боится забежать вперед. Он готов признать кантонское правительство, но не полностью (боже упаси, разве может бывший и возможно будущий премьер его величества признать в полной мере кантонское правительство, раз Болдуин, глава законного правительства, этого еще не сделал?),—а исключительно «в целях ведения переговоров». «Мы, конечно, должны,—продолжает он,—защищать жизнь наших граждан, но мы должны эту защиту представить в таком виде, который сделал бы ясным, что мы не преследуем агрессивной политики; а пока приготовления делаются для защиты, мы должны столь же активно вести переговоры о договоре насчет пошлин и других спорных вопросов в связи с договорами». Здесь Макдональд рекомендует Чемберлену под шум трескучей словесной канонады («активно вести переговоры») активно готовиться к «защите»!

Английский меморандум от 16 декабря 1926 г.

16 декабря 1926 г. Лэмпсон представил представителям держав в Пекине знаменитый меморандум, который был опубликован в английской прессе 28 декабря и наделал огромнейший шум. Меморандум представляет солидный документ, около 4.000 слов. В нем Англия излагает, как она в своей политике руководствовалась «великими принципами» «сохранения целости и независимости Китая», установленными Вашингтонской конференцией, как она воздерживалась от всякого вмешательства во внутренние распри, раздирающие Китай (здесь, по английской поговорке, необходимость выдается за добродетель: Англия страшно хотела вмешаться, но руки оказались коротки, не удалось наладить единый фронт хищников), как на ряду с политическим разложением Китая и превращением центральной Пекинской власти в тень, народилось могущественное национальное движение, к которому «необходимо отнестись с пониманием и с симпатией, иначе это не будет соответствовать действительным намерениям держав в Китае». И т. д., как полагается в дипломатическом документе, который пишется по рецепту: «язык дан для того, чтобы скрывать свои мысли». Собака меморандума была зарыта в его 7-м и 13-м параграфе. В них Англия сообщает, что она неохотно примкнула к протесту держав против дополнительных пошлин, которые кантонское правительство явочным порядком ввело у себя с 10 октября 1926 г. на иностранные товары [1]). Англия считает, что она допустила ошибку, что не отстаивала на конференции своей точки зрения. Однако, она

[1]) Как известно, этот протест был сделан 5/II—26 г. через генерального консула Португалии, как «старшины консульского корпуса в Кантоне», по указанию «старшины дипломатического корпуса в Пекине, представляющего заинтересованные державы». Кантонское правительство не приняло протеста, а вернуло его обратно 8 ноября, заявив, что оно не знает никаких «старшин дипломатического корпуса держав».

считает, что еще не поздно ошибку эту исправить, и убедительно рекомендует державам дать совместно согласие на немедленное взимание китайскими властями «во всем Китае дополнительных пошлин», о которых шла речь на Вашингтонской конференции, и что этим путем «будет создана база для урегулирования положения в Кантоне». Англия далее предлагала бросить установившийся обычай пред'являть Китаю протест по всякому поводу, что привело к тому, что Китай перестал серьезно относиться к самим протестам, а сосредоточить свое внимание на нарушениях законных и жизненных интересов иностранцев и в таковых случаях протесты подкреплять «*совместными действиями держав в Китае*».

Благая весть о меморандуме, знаменующем собою начало новой эры в английской политике в Китае, была разнесена во все концы света агентством Рейтера, но не встретила нигде за пределами Англии соответствующего отклика. Исключение составил Вандервельде, министр бельгийского короля и вождь II Интернационала. У него от восторга «в зобу дыханье сперло». «Принципы,—заявил он,—которые меморандум выдвигает, политика, которую он предлагает, мероприятия, рекомендуемые им к немедленному принятию, изобличают такую широту взглядов, такой дух примирения и желание пойти навстречу национальным стремлениям китайского народа, что нельзя найти достаточных слов для восхищения и одобрения» и т. д.

Однако, неблагодарные азиаты никак не могли понять и оценить благородные чувства Великобритании. «Пиплс Трибюн», орган Гоминдана в Пекине, в связи с меморандумом, писал:

«Мы категорически заявляем от имени национального движения, что сделанные предложения хотя их и называют самыми либеральными, которые когда-либо были сделаны, совершенно не приемлемы. Если это самое лучшее, что Англия может предложить, то нам совершенно понятно, почему английское министерство иностранных дел считает необходимым гнать все морские силы, которые ему пока не нужны в других зонах своей империалистической эксплоатации, к нам в Китай, т.-е. тот пункт, который она решила любой ценой удержать и расширить» (цитирую по «Манчестер Гардиан» 24/XII 1926. *И. Л.*).

Поистине, китайцы не понимают... своего собственного блага!

Макдональд в «Сошалист Ревью».

В январской книжке органа независимой рабочей партии «Сошалист Ревью» появилась статья Макдональда, предопределившая линию рабочей партии в китайском вопросе [1]).

«Старые условия Китая,—писал в этой статье Макдональд,—возложили на нас известные обязательства, и эти обязательства должны остаться в силе, пока мы путем переговоров сами не освободим себя от них». У Макдональда старое влеченье—род недуга,—говорить «мы» и за буржуазию, и за рабочих. Расшифровывая процитированную фразу, получаем следующую замечательную «мысль» Макдональда. Старый феодальный Китай возложил на английскую буржуазию (Макдональд говорит «на нас») известные обязательства. Каковы эти обязательства, вытекающие из неравных договоров, мы великолепно знаем. Это—

1) Эта статья помечена 17 дек. 1926 г.

грабить Китай. Макдональд скромно употребил слово «обязательство» вместо слова «право». И вот это-то «обязательство» для Макдональда священно, и он заявляет, что от него не откажется, пока английская буржуазия (по Макдональду «мы») сама не соблаговолит освободить себя от него путем переговоров. Но как отстоять эти «обязательства» перед напором китайской революции? Макдональд как бы в ответ на такой вопрос развивает свой план действий. «Мы должны,—пишет он,—эвакуировать наших граждан и наши военно-морские силы из всех отдаленных районов и баз в Китае, чтобы довести до минимума возможность столкновения и чтобы кантонскому правительству стало ясно, что военно-морские силы, остающиеся в китайских водах, оставлены исключительно для защиты жизни британских граждан и будут немедленно убраны, как только опасность (какая опасность? революции? *И. Л.*) будет устранена. Мы должны заботиться не только о том, чтобы наша политика (читай—политика правительства. *И. Л.*) была умеренной, но должны произвести давление (induce) на кантонское правительство, чтобы оно было умеренно по отношению к нам». Вот программа Макдональда: убрать разбросанные по внутренним водам Китая военно-морксие силы, сосредоточив свой кулак на морском побережье; производить давление на кантонское правительство, чтобы оно согласилось на какой-нибудь компромисс.

В этой же статье Макдональд предостерегает от «коммунистических интриг», т.-е. от агитации, поднятой коммунистической партией и движением меньшинства. «Наше движение должно быть чрезвычайно осторожно и не дать себя увлечь на путь действий и манифестаций, подсказываемых коммунистическими интриганами в нашей стране. Это не только не приведет к миру, но усилит и ободрит те элементы в кантонском правительстве и в Китае вообще, которые прилагают все усилия, чтобы сделать конфликт неизбежным». Следуя примеру Болдуинского правительства, Макдональд ориентируется на правое крыло Гоминдана и обвиняет левый, революционный Гоминдан в стремлении сделать конфликт неизбежным. Лакей буржуазии хочет свалить вину за возможный конфликт с больной головы английского империализма, не желающего уходить из Китая, на здоровую—революционного Китая. Директивы, которые Макдональд преподает («быть чрезвычайно осторожным», «не дать себя увлечь на путь действий и манифестаций»), должны свести рабочее движение к роли молчаливого соучастника империалистической политики Болдуинского правительства.

Манифест рабочей партии от 4 января 1927 г.

Меморандум английского правительства был той зацепкой, которая нужна была Макдональду, чтобы сделать намеченную им линию официальной линией рабочей партии.

4 января с. г. рабочая партия за подписями председателя Ф. О. Робертса, секретаря Гендерсона и казначея Макдональда опубликовывает манифест по китайскому вопросу, озаглавленный «Положение в Китае». Манифест носит на себе явную печать творчества Макдональда. В первой части делается попытка внушить, путем сопоставления разных дат, что действительный виновник чемберленовского «нового курса» в Китае—Макдональд.

Лавры Чемберлена, очевидно, не дают Макдональду спать. Макдональд, повидимому, считает это комплиментом себе. Манифест ссылается на резолюцию с'езда в Маргейте, затем на интервью Макдональда от 7 декабря, когда наш государственный муж изрек ту глубокую мысль, что «кантонское правительство достигло точки, когда его можно признать в целях ведения переговоров». Вскоре после этого, повествует манифест, «Майлс Лэмпсон начал переговоры с кантонским правительством, а британский уполномоченный в Пекине передал представителям договорных держав меморандум, в котором излагается новая политика, которую Великобритания рекомендует вести в Китае». Как же после этого сомневаться, что именно Макдональд первый сказал «э!» в вопросе о «новом курсе»? Далее манифест дает длинную цитату из восторженного отзыва Вандервельде о меморандуме. Выдав устами Вандервельде похвальный лист Чемберлену, манифест продолжает: «...мы таким образом достигли момента, когда британское правительство уже больше не реагирует на общее положение в Китае политикой дипломатического бездействия, дополненной морскими демонстрациями в целях устрашения, но пытается, выражаясь словами нашей Маргейтской резолюции, придумать и проводить политику, которая устранит существующие недоброжелательные отношения и обеспечит дружелюбие». Словом, Чемберлен проводит резолюцию с'езда рабочей партии в Маргейте. Чем чорт не шутит, не собирается ли мистер Чемберлен записаться в члены рабочей партии?

Напрасно мы стали бы искать в этом документе *рабочей* партии какого-нибудь классового анализа событий в Китае или какого-нибудь намека на интересы английского рабочего класса и его обязанности по отношению к китайскому рабочему классу и угнетенному китайскому народу. Зато манифест очень много говорит о защите английских граждан в Китае, т.-е. кучки паразитов, в'евшихся в тело китайского народа. Рекомендуя английскому правительству строгий нейтралитет, манифест предлагает активную блокаду: «правительство должно пытаться в сотрудничестве с другими заинтересованными странами (единый фронт держав. *И. Л.*) достигнуть абсолютного и проведенного на деле в жизнь запрещения ввоза в Китай оружия и материалов, употребляемых постоянно для военных целей».

Кончает манифест удивительным обращением к членам партии.—«Если членам партии кажется, что новая политика правительства не соответствует этим принципам» (подразумеваются принципы «нового курса». «Если членам партии кажется»—бесподобно. Жрецы рабочей партии притворяются, что слова и дела Чемберлена—одно и то же. *И. Л.*), и если члены рабочей партии «думают, что было бы желательно организовать демонстрации, чтобы декларировать и подчеркивать линию партии, то исполком партии ожидает, что местные органы рабочей партии возьмут на себя инициативу устройства этих демонстраций, принимая за них полную ответственность, и не передадут своих полномочий независимым организациям, организованным за пределами партии и без совместного с ней обсуждения». Этим обращением заправилы рабочей партии думали убить комитеты «Руки прочь от Китая», организованные под влиянием компартии и движения меньшинства, и к которым примыкали отделы рабочей партии, профсоюзы и профсоветы.

Оценка меморандума от 16 декабря 1926 г. революционным Китаем.

Пока Макдональд верной рукой поворачивал корабль рабочей партии в фарватер дипломатии Болдуинского правительства, события в Китае развертывались с головокружительной быстротой. Революционный Китай превосходно понял смысл и значение английского меморандума. 1 января Евгений Чен, министр иностранных дел революционного правительства Китая, отправил Келлогу по телеграфу ноту об английском меморандуме, в которой он говорил:

«Мое правительство узнало, что Соединенные Штаты намереваются дать свое согласие на предложение Англии о немедленном введении так называемых дополнительных пошлин и передаче таковых местным властям в портах, где они взимаются. Несмотря на тщательно обработанные фразы британской декларации, действительный смысл предложения состоит в том, что две трети новых доходов пойдут к нашим политическим врагам, которые, таким образом, по пополнении ими своего (*военного*) фонда, смогут продолжать гражданскую войну, обескровливающую наш народ и задерживающую освобождение Китая от настоящего режима международного контроля, известного под именем иностранного империализма.

В частности, британское предложение означает не только то, что маршал Чжан-Цзо-Лин будет получать новые и значительные доходы, но что каждый порт, по которому существует договор, станет новым об'ектом военного грабежа и новым стимулом к увековечению феодализма и гражданской войны в Китае. Шанхай же, переход которого под контроль национального правительства без большой борьбы ожидался со дня на день, должен теперь стать театром кровавой борьбы, которая, быть может, причинит непоправимый ущерб внешней торговле. И все это потому, что миллионы, которые здесь можно собрать—40% всех дополнительных пошлин—являются для Сун-Чуан-Фана и Чан-Цзун-Чана тем же, чем живое мясо для хищных зверей. Взгляды и чувства, выраженные в британской декларации, не производят на националистов никакого впечатления потому, что они служат ширмой для политики, которая об'ективно является угрозой и опасностью для быстрого успеха дела китайского национализма. Но те, кто поддерживают это дело, достаточно сильны, чтобы справиться с этой опасностью».

«Благородные» и «миролюбивые» намерения меморандума стали ясны абсолютно всем, когда в их подкрепление стали прибывать все в большем и большем количестве военно-морские боевые единицы с аэропланами, танками, удушливыми газами и проч., и проч. Ненависть к Англии все более и более сгущалась и принимала грандиознейшие размеры. В Ханькоу между 3 и 5 января разыгрываются события, которые закончились занятием китайскими революционными властями британской концессии. Английский флаг, эмблема империалистического гнета, был сорван, а на его место водружен революционный флаг Гоминдана. Дальнейшие успехи революционной армии в шанхайском направлении взбудоражили английских империалистов. Шанхай—важнейшая база английского империализма в Китае. По вычислениям «Таймс'а», английский капитал, вложенный в шанхайский

сеттльмент (земельная собственность, дома, склады, заводы и пр.), превышает 63 милл. ф. ст. Но самое главное—это контроль над шанхайской таможней, которая дает около 40% дохода с пошлин во всем Китае. Повторение в Шанхае событий Ханькоу означало бы конец владычеству Англии в Китае. Вот почему перед лицом этой опасности английская буржуазия, отбросив всякие фиговые листочки, лихорадочно мобилизует армию и морские силы для военной экспедиции в Шанхай.

Макдональд поддерживает шанхайскую экспедицию.

В воздухе запахло угрозой войны. Агитация, поднятая компартией и движением меньшинства, разрастается, пользуясь громадным успехом в рабочих массах. Момент чрезвычайно напряженный. Массы явно идут влево и заражают даже некоторых вождей. Это доказывается тем фактом, что беспринципный «левый» Джордж Хикс, председатель Генерального совета, являющийся председателем английского рабочего совета Китайской Свободы, выступает с резкими речами против политики Болдуинского правительства. Макдональд прилагает все усилия к тому, чтобы остановить наметившееся в рядах вождей шатание и старается об'единить всю верхушку как политического, так и профсоюзного движения вокруг своей политики поддержки Чемберлена. В «Форварде», шотландском органе независимой рабочей партии, от 15/I—27 г. он помещает статью, в которой ставит все точки над «и». По своей откровенной наглости она превосходит все, что до сих пор вышло из-под пера этого прислужника буржуазии. Он, не стесняясь, высказывает свое презрение и свою ненависть к массам, особенно революционным—по его номенклатуре «толпа», «чернь».

«Не надо,—пишет он,—обманывать себя ни в мыслях, ни на словах насчет опасности, которую представляет собою толпа. Возбужденная толпа в Великобритании или в Китае—неуклюжая, безответственная вещь... Временами возбужденная настойчивость полицейского или истерический крик вождя может разбить всякие сдерживающие барьеры, и тогда начинается дикий поток». Эти мысли навеяны на Макдональда событиями в Ханькоу, когда революционные массы отвоевали английскую концессию для Китая.

«Ничто не могло бы послужить оправданием для наших властей,—продолжает он,—если бы они просто удалились с концессий, которые предшествующие китайские правительства позволили нам контролировать и на которых наши люди устроились (английские хищники в Китае—«наши люди» для Макдональда. *И. Л.*), будучи уверены, что договоры (это о неравных грабительских договорах идет речь. *И. Л.*) гарантируют им безопасность». Несчастные «устроившиеся» «наши люди»! Как же о них не позаботиться? Макдональд о них очень заботится. «Мы должны иметь договор, а *пока насчет этого ведутся переговоры, должны быть предприняты обычные меры предосторожности*» (курсив мой. *И. Л.*). Дав таким образом свое благословение на посылку карательной экспедиции, то бишь (экспедиции) для защиты женщин и детей, Макдональд невинно вопрошает: «Следует ли все же сохранить старые договоры?» Макдональд еще твердо этого вопроса не решил и отвечает: «Я думаю—нет». Макдональд «думает»! «Я полагаю,—продолжает он,—что прошлое должно быть ликвидировано, ибо прошлое есть прошлое... Но если эта ликвидация будет сделана бунтующей (бунтующей! *И. Л.*) толпой, то в этом не будет ничего доброго ни для нас, ни для Китая. Если же это произойдет (т.-е. если революционные массы будут отбирать концессии по примеру Ханькоу. *И. Л.*), то конфликт так же неизбежен, как завтрашний восход солнца, и в этом не будет нашей вины...» Порекомендовав Болдуину принять «меры предосторожности», которые не могут не привести к конфликтам, Макдональд философски констатирует фаталистическую неизбежность самого конфликта и умывает руки—от возможных неприятных последствий, даже оправдывает их прямо («в этом не будет нашей вины»). Вину за эти последствия он сваливает на кантонское правительство... Он продолжает: «Кантонское правительство ответственно за толпу, которая сгрудилась у барьеров британской концессии в Ханькоу, и если бы в результате произошло кровопролитие, то вина легла бы на власть, которая не смогла контролировать эту толпу». В заключение Макдональд говорит: «Я должен высказать свое мнение, что в настоящий момент решение вопроса меньше в наших руках, чем в руках кантонского правительства». Мы уже знаем, что надклассовый сверхчеловек Макдональд говорит «мы» за всех; то за буржуазию, то за правительство, то за рабочую партию. В данном случае он, повидимому, солидаризируется с Болдуином, ибо продолжает: «Позволят ли нам ликвидироваться в мире или же нас, и только нас одних, намереваются вытолкнуть пинком сапога?».

Синтез Скарборо и Ливерпуля.

В 1925 г. профессиональное движение и рабочая партия представляли собою два полюса английского рабочего движения. В то время, как профсоюзное движение стояло на левом фланге, рабочая партия, являющаяся политической надстройкой того же профсоюзного движения, стояла на правом фланге. Это с особой яркостью проявилось на с'ездах в Скарборо (тред-юнионистский конгресс) и в Ливерпуле (рабочая партия), следовавших один за другим. На конгрессе в Скарборо была принята резолюция по вопросу об империализме, в которой за всеми народами британской империи признавалось право на самоопределение вплоть до отделения. По Китаю была принята резолюция, поручающая Генсовету вступить в сношения с организованными рабочими в Китае с целью «прекращения разбойных преступлений, совершаемых против наших китайских товарищей-рабочих». Далее резолюция протестовала «самым категорическим образом против использования военных сил в качестве штрейкбрехеров в интересах кучки бессовестных капиталистов и империалистов, эксплоатирующих жизнь мужчин, женщин и малолетних детей в Китае», и требовала немедленного увода военных сил из Китая. В Скарборо был левый дух, в то время как в Ливерпуле восторжествовала правая реакция (резолюция об исключении коммунистов и т. д.). Левый уклон, сказавшийся на с'езде в Скарборо, явился результатом разочарования широких рабочих масс опы-

том рабочего правительства Макдональда в 1924 г., обманувшего надежды рабочих. Центр тяжести рабочего движения передвинулся к профсоюзам. Дружное выступление профсоюзов в защиту углекопов в 1925 г., завершившееся «Красной Пятницей», дало еще больший перевес профсоюзному движению над рабочей партией. Неопытному человеку могло показаться, что среди лидеров тред-юнионистского движения победила левизна и что вожди идут в такт с левеющими массами. Но это было бы эллюзией. Кто внимательно следил за Скарборо, мог заметить, что «левые» вожди в сущности лишь платили дань левеющим рабочим массам и лишь левой фразой. Они не жалели левых слов по адресу буржуазии и голосовали за левые резолюции, покуда эти резолюции витали в облаках абстракции и не требовали от них конкретно практических левых дел. Но там, где пахло делом, их левизна испарялась, и они вели правую линию. В кардинальном вопросе о централизации профессионального движения (расширение прав Генсовета и превращение его в боевой генеральный штаб), в вопросе о подготовке к неминуемой схватке с шахтовладельцами они отделались ничего не говорящими резолюциями, а при выборах в Генеральный совет провели туда Томаса, что означало открытое сведение на-нет тех левых резолюций, которые были приняты. «Дейли Телеграф» и некоторые другие буржуазные газеты отметили тогда с удовлетворением эти явления и взяли более спокойный тон.

После легкой победы, одержанной организованным рабочим движением над Болдуином во время «Красной Пятницы» так называемые «левые» расхрабрились. Мы знаем теперь, что отступление Болдуина было ловким военным маневром, предпринятым в целях подготовки наступления в 1926 г. и обеспечения его успеха. «Левым» же казалось, что они открыли секрет побеждать врага, не вступая в бой: достаточно только пригрозить всеобщей забастовкой—и Болдуин сдастся. Вожди профсоюзов не предпринимают никаких мер, чтобы подготовиться к предстоящим боям. Принимая болдуинскую хитрость в 1925 г. за слабость, вожди профдвижения в 1926 г. вздумали взять Болдуина блэффом. Они пригрозили ему всеобщей забастовкой, не будучи совершенно подготовленными к ней и не имея ни малейшего намерения провести ее в жизнь. Когда же оказалось, что хорошо подготовленный Болдуин только этого и ждал, наши вожди, промучившись 9 дней, наконец, не выдержали, сорвали забастовку в момент, когда она далеко не достигла еще своего апогея, и предали Болдуину английских рабочих. Фронт окончательно выравнялся. Левые пустозвоны, фразеры, искавшие дешевой славы и популярности, переметнулись в лагерь заведомых предателей.

Твердому Макдональду с его выдержанной правой линией ничего не стоило прибрать этот беспринципный сброд к рукам. Джордж Хикс 3 февраля с. г. заявляет о своем выходе из Британского Рабочего Совета Китайской Свободы, где он занимал пост председателя.

Макдональд добивается того, чтобы все рабочее движение как политическое, так и профсоюзное говорило одним языком и чтобы этот язык был его, макдональдовским языком.

Резолюция Национального Об'единенного Рабочего Совета и ответ Чена.

26-го января состоялось заседание Национального Об'единенного Рабочего Совета [1]), на котором было решено отправить депутацию к Чемберлену в составе Хикса, Ситрина, Крэмпа и Лэнсбери. Как официально было сообщено, целью депутации было «изложить Чемберлену взгляды рабочего движения и получить от него сведения по некоторым вопросам». Макдональд представил депутацию Чемберлену. Что именно говорила депутация Чемберлену и что последний говорил ей, покрыто мраком неизвестности. Рабочая печать хранит по этому поводу глубокое молчание. Прессе было сообщено лишь, что по возвращении от Чемберлена депутация сделала доклад Совету, который решил сообщить Евгению Чену по телеграфу текст следующей резолюции:

«Рабочее движение сожалеет о вызывающей военной демонстрации, направленной против кантонского правительства. (Резолюция «сожалеет», только сожалеет о военной демонстрации против Китая. Орган рабочей партии «Дейли Геральд» снабдил эту резолюцию обманным заголовком—«Сильный протест против военной демонстрации» *И. Л.*), так как такая демонстрация может только возбудить дух паники и агрессивности в обоих лагерях и сделать неизбежным те самые несчастья, которые якобы имелось в виду предотвратить. Эта демонстрация может еще помешать политике переговоров и дружеского соглашения на основе искреннего признания за китайским народом права на национальное самоуправление, которую наше министерство иностранных дел, казалось, проводит. Эта демонстрация приводит к замене такой политики угрозой и вызовом. Рабочее движение требует поэтому терпеливого и честного продолжения мирных переговоров с Китаем, свободных от угроз вооруженной силы (последняя фраза—кость левым. *И. Л.*) с тем, чтобы впоследствии (не сейчас, а когда-нибудь впоследствии. *И. Л.*) были отменены те договоры, на сохранение которых в настоящее время нет никакого права, и чтобы дружественные соглашения были устроены в целях немедленного устранения условий, находящихся в прямой или косвенной зависимости от существования этих договоров. (Авторы резолюции скрывают свою блудливую мысль—затягивание очистки Китая от империалистов нескончаемой канителью переговоров за завесой тяжелых, туманных и крючковатых слов. *И. Л.*). Английское рабочее движение выражает далее китайским рабочим свое искренее сочувствие и солидарность в их попытках улучшить свое экономическое положение и надеется, что твердой, но мирной политикой переговоров им удастся вывести свою страну из затруднений и опасностей, дать ей возможность занять свое место среди самоуправляющихся народов мира и свободно заключать договоры на благо всего народа и в соответствии с его достоинством».

В препроводилке к этому документу Совет говорит: «Мы уверены, что вы сделаете все возможное, чтобы достигнуть со-

[1]) Национальный Об'единенный Раб. Сов. является органом, который выносит решения, касающиеся всего рабочего движения в целом. В Совет входят представители от Генсовета, рабочей партии и исполкома парламентской фракции раб. партии, от каждого поровну, так что рабочей партии обеспечено большинство в Совете.

глашения и предотвратить инциденты, которые могли бы служить предлогом для употребления военной силы».

Чтобы оценить всю мерзость и подлость этого документа, следует иметь в виду обстановку, которая сложилась в момент, когда он составлялся. На Англию хлынул зловонный поток шовинистической газетной лжи и травли, направленной против Китая и «Москвы». В портах при посадке экспедиционных войск происходили сцены, напоминавшие времена империалистической войны. Буржуазия взывала к «защите английских женщин и детей», которым якобы угрожает опасность со стороны китайцев. В воздухе запахло войной. Рабочие волновались. В «Дейли Геральд» посыпались резолюции протеста рабочих союзов и организаций против отправки войск и угрозы войны. В этот момент главари рабочего движения, не обронив ни одного слова протеста против дикой травли Китая и против отправки войск в Шанхай, составляют, после тайного предварительного обмена мнениями с Чемберленом, документ, смысл которого—произвести давление на контонское правительство всем весом и авторитетом аглийского рабочего движения (в своей препроводилке авторы подчеркивают, что резолюция говорит от имени всего рабочего движения как политического, так и профсоюзного) и заставить его итти на гнилой компромисс с Чемберленом.

Если Об'единенный Совет тонко дипломатничает, то Томас не церемонится. В своей речи в Ньютон-Абботе (30/I—27 г.) он цинично заявляет, что он «не разделяет тревоги», которую многие испытывают по поводу больших отправок войск и вооружения. Он не знает, нужно ли посылать войска или нет,—«такие дела должно решить существующее правительство» (Томас считает, что рабочим в такие дела совать своего носа нечего. Как у Теннисона в песне: «Не их дело рассуждать, их дело драться да умирать»). Он «без колебаний» заявляет, что «раз нужно отправить войска, то он в тысячу раз предпочитает, чтобы была послана большая армия, а не горсточка солдат»...

Впрочем не менее откровенен и сам Макдональд. В своей речи в провинции 31/I—27 г. он уверял своих слушателей, что «оппозиция (т.-е. раб. партия) окажет Чемберлену всяческую поддержку». «Дайте все ваше доверие,—продолжал он,—лицам, которых страна послала в Китай. Сэр Майлс Лэмпсон превосходен, мистер Лемпсон превосходен»...

На свое вмешательство на стороне Чемберлена Об'единенный Совет получил 1-го февраля достойный ответ от Евгения Чена:

«Если массовая концентрация вооруженных сил в шанхайском направлении,—пишет Евгений Чен,—является выражением той психологии «правящих кругов», которая вскормлена трупами убитых людей, то приходится опасаться, что расстройство английской торговли и промышленности может продолжаться до тех пор, пока английским рабочим не будет поручена задача остановить упадок английской торговой деятельности на Дальнем Востоке, заменив государственное руководство консерваторов, построенное на империализме, войне и византийском великолепии, новым государственным руководством, построенным на мире и продуктивной работе».

Устами Евгения Чена революционный Китай напомнил зарвавшимся вождям английского рабочего движения об их элементарнейших обязанностях не только по отношению к китайским рабочим и крестьянам, но и по отношению к английскому пролетариату, интересы которого они якобы представляют.

Бунт против Макдональда и дебаты по китайскому вопросу в парламенте.

Того же числа, 1-го февраля, Евгений Чен оборвал переговоры, которые он вел с английским консулом О'Малли об урегулировании юридического положения английской концессии в Ханькоу. В своей ноте английскому правительству он об'яснил, что отказывается подписать соглашение в военной обстановке, созданной отправкой английской экспедиционной армии в Китай. Этот отказ еще больше накаляет атмосферу в Англии. Буржуазная пресса поднимает бешеный крик и вой. Агитация компартии и движения меньшинства получает огромный размах. По всей стране идут митинги протеста, устраиваемые комитетами «Руки прочь от Китая», компартией, независимой рабочей партией, рабочей партией и профсоветами. Массы требуют увода всех военно-морских сил из Китая. Своими резолюциями и протестами массы срывают всю тонкую игру Макдональда. Под давлением масс начинаются колебания среди вождей. Против Макдональда поднимается бунт в самой рабочей партии. Не помогает пущенная Макдональдом легенда, будто бы в кабинете существует разногласие между Чемберленом, с одной стороны, и Черчиллем и Биркенхэдом, с другой, и что необходимо поддерживать Чемберлена, являющегося ангелом мира, против его воинственно настроенных коллег. По китайскому вопросу происходят бурные заседания парламентской фракции. Обсуждается поправка к тронной речи, которую рабочая партия должна внести на предстоящем открытии парламента. Против Макдональда образуется сильная оппозиция. Но эта оппозиция большей частью оппортунистическая. Ее состав чрезвычайно разношерстный. С одной стороны, к ней примыкает шотландская группа во главе в Уитли, считающаяся крайне левой. Это, однако, по существу нетвердые люди с большим темпераментом и с большой мелкобуржуазной кашей в голове, не умеющие сводить концов с концами ни в каком вопросе, сегодня шокируют парламентских джентльменов своими выпадами против короля или наследного принца (предлагая отказать ему в кредитах на заморские путешествия и рекомендуя взамен изучение трущоб Англии, так как это, мол, больше пригодится при исполнении им своих обязанностей управления страной!), а завтра готовы голосовать вместе с консерваторами за протекционистские пошлины на колониальные товары с предоставлением колониям и доминионам льготного тарифа (Imperial preference). Затем идет беспринципный сброд, дрожащий над своими насиженными парламентскими местами и чутко прислушивающийся к голосу масс. Наконец, к оппозиции принадлежат даже либералы, перешедшие к рабочей партии. Макдональд оказывается правее этих либералов.

Уитли выступил открыто против Макдональда и его политики в «Форварде» от 12 и 19 февраля. На заседании парламентской фракции рабочей партии победила оппозиция, но большинством всего в два голоса. Оппозиция сделала, однако,

большие уступки Макдональду, чтобы обеспечить единодушное выступление партии в парламенте. Но как ни как—Макдональд был побит. Внесение поправки к тронной речи было поручено либералу Тревелиану, перешедшему в независимую рабочую партию, и 10 февраля она была внесена в парламент. Вот ее текст:

«Мы сожалеем о затягивании правительством вопроса о положении в Китае и сожалеем об отправке военных сил на Дальний Восток, так как это не только увеличивает опасность, которой британские подданные подвергаются в разных частях Китая, но также ставит препятствия на пути достижения справедливого и постоянного дружеского соглашения с китайским народом на основе искреннего признания его национальной независимости. Палата общин соответственно с этим требует, чтобы военным силам, находящимся в пути и направляющимся в Китай, было немедленно дано другое направление и чтобы они были отозваны».

Уитли в своей статье в «Форварде» от 19-го февраля отметил, что поправка не шла дальше требования отозвания или перемены направления военно-морских сил, находящихся в пути и направляющихся в Шанхай, умалчивая о военных силах, которые уже находятся в Китае, и не говоря ни слова о том, какова же собственная политика рабочей партии в вопросе о независимости Китая. Это умолчание и было уступкой Макдональду, но в своей речи при внесении поправки Тревелиан высказался от имени рабочей партии за полную независимость Китая. Это заявление было встречено аплодисментами на задних скамьях рабочей партии, но не на передней скамье, где сидят вожди рабочей партии. Это и было отмечено Чемберленом, указавшим, что Тревелиан может говорить за тех, которые сидят позади его, но не за тех, которые сидят рядом с ним, т.-е. за вождей, и что между ним, Чемберленом, и Макдональдом в вопросе о Китае расхождение небольшое. Насколько линия оппозиции путанна, можно видеть из того, что Тревелиан между прочим рекомендовал правительству обратиться к Лиге Наций за разрешением всего вопроса. Он между прочим повторил пущенную Макдональдом легенду об отрицательном отношении Чемберлена к отправке войск в Китай. Чемберлен в своем ответе разрушил эту легенду, став решительно на защиту предпринятых правительством военных мер. Чтобы сгладить впечатление от выступления Тревелиана, Макдональд взял слово и произнес одну из своих обычных речей, полную недоговоренностей, туманных фраз, темных выражений, смысл которых, однако, явно сводился к поддержке Чемберлена. Он между прочим, защищаясь от упрека, брошенного ему консерваторами, что он вел переговоры с Ченом в ущерб Англии, раскрыл истинную подоплеку телеграммы, посланной Об'единенным Советом Чену. «Разные элементы,—говорил он,—и у нас, и за границей сносились с кантонским правительством, выступая от имени английских рабочих... Было ясно, что эти сообщения влияют на положение в Кантоне и на переговоры, которые велись... Они (члены Совета) дали поэтому ясно понять Чену, что если он хочет пойти навстречу взглядам рабочей партии, то он должен вести свои переговоры с законными представителями английского правительства и довести их до успешного конца». Томас, выступивший в парламенте, еще яснее раскрыл «дипломатию» Об'единенного Совета. «...Рабочая партия послала сообщение в Китай, которым она сказала, что ее единственное желание, это настоять, чтобы Китай подписал соглашение (to urge China to sign the agreement). Поэтому Болдуин не может ни в чем упрекнуть рабочую партию за ее выступление в трудном китайском вопросе»...

Сам Макдональд и большинство его последователей, подчиняясь дисциплине, голосовали за поправку рабочей партии. Однако, 5 членов рабочей парии, во главе с д-ром Гейден-Гестом, воздержались. Сам Гейден-Гест во время дебатов произнес речь, которая часто прерывалась аплодисментами на правительственных скамьях. Он говорил, что не может поддержать поправку своей партии, ибо «требовать от правительства отозвания войск, посланных на основании указаний правительственных советников—это такая ответственность, какую никакая оппозиция не должна брать на себя». Тем более, что «сам Макдональд дал этим советникам — Лэмпсону и О'Малли — самую лестную аттестацию и говорил, что лучших советников правительству не надо». Далее он выболтал секрет заседаний Об'единенного Совета. Требование отозвания войск было *категорически исключено* из программы, формулированной об'единенным заседанием представителей тред-юнионов, исполкома рабочей партии и исполкома парламентской фракции рабочей партии. Это требование было также категорически исключено в речах Томаса и вождя оппозиции Макдональда. Различие между обеими сторонами в парламенте (т.-е. между рабочей партией и консерваторами. *И. Л.*) чрезвычайно маленькое; если же мы перед внешним миром создадим впечатление, что у нас серьезные разногласия, то это будет самая роковая катастрофа».

Поражение Макдональда на заседании парламентской фракции рабочей партии чрезвычайно знаменательно. Также знаменательна статья Макдональда в «Форварде» от 2 февраля 1927 г., в которой он впервые произнес слово раскол. «В настоящее время,—пишет он,—в мире действуют элементы, вылезшие из глубин ада. Они ненавидят рабочую партию, внутри партии они изменяют ей. Поскольку у нас есть хоть какое-либо представление о том, что такое социализм, у нас с ними нет ничего общего. Потакать им в чем-нибудь, значит погубить себя. Заигрывать с ними, значит продлить их шансы строить каверзы. Мы должны собрать свои собственные силы под нашими собственными знаменами. Я предпочту, чтобы наша партия раскололась надвое и вычистила ненавистный дух, который может только привести нас к краху и вызвать к нам презрение, чем заключить мир с негодяями». Туману, по макдональдовскому обычаю, здесь напущено много. Неизвестно, кого конкретно имеет здесь Макдональд в виду, что это за элементы, вылезшие из глубин ада. Но атака, несомненно, идет здесь против коммунистов, движения меньшинства и левого крыла. Макдональд, обычно такой учтивый и корректный по отношению к консерваторам и либералам, впадает в бешенство, когда речь заходит о коммунистах и движении меньшинства.

Компартия, движение меньшинства и независимая рабочая партия.

Еще в конце ноября прошлого года, когда впервые стала вырисовываться опасность интервенции со стороны английского империализма в Китае, английская компартия мобилизует обще-

ственное мнение рабочих масс в пользу энергичной поддержки китайской революции. Она обращается к профсоветам с призывом создать комитеты «Руки прочь от Китая». Первым на призыв компартии откликнулся лондонский профсовет. Он созвал 7 декабря собрание представителей профсоюзов, на котором был основан Английский Рабочий Совет Китайской Свободы. В этот совет вошли Хикс, Лэнсбери, Свейлс, Тиллет и др., слывущие за левых. В середине декабря компартия обращается с манифестом ко всем рабочим, в котором указывает на опасность положения, которая так же велика, как в 1920 году, когда Англия готовилась об'явить войну Советской России. Рабочие призываются создавать комитеты «Руки прочь от Китая» в каждом городе, чтобы развернуть агитацию за отозвание военно-морских сил из Китая и добиться полного удовлетворения этого требования. Под этим манифестом, на ряду с представителями компартии и движения меньшинства, подписались видные члены рабочей партии, профсоюзов и независимой рабочей партии, как, например, Мекстон, представитель Н. Р. П., Кук, секретарь федерации горняков, и т. д.

В январе события в Китае развертываются с головокружительной быстротой, а Макдональд, как мы видели, со своим обычным вилянием и криводушничаньем, поддерживает политику Чемберлена. Компартия и движение меньшинства начинают энергичнейшую разоблачительную кампанию двуличной игры Макдональда и его сподвижников. Каждый номер «Воркерс Уикли», еженедельного органа, компартии—это сплошной огонь, направленный против образовавшегося блока Чемберлен—Макдональд.

21 января компартия публикует манифест к английским рабочим, в котором говорит: «Британское правительство решило вести войну с Китаем. За дымовой завесой разговоров о мире, в китайских водах сосредоточиваются военные суда... Английские рабочие не должны допустить этого нового преступления! Английские рабочие не должны посылать своих детей и братьев убивать своих китайских товарищей рабочих в интересах купцов и финансистов лондонского Сити! Английские рабочие не должны помогать британскому империализму раздавить китайскую революцию!.. Компартия призывает рабочих отвергнуть саботаж, который их официальные вожди проводят по отношению к кампании «Руки прочь от Китая» и, заклеймить открытую поддержку, которую они оказывают империалистическому правительству Болдуина». Манифест кончает призывом «во что бы то ни стало заставить правительство прекратить войну с Китаем».

Одновременно с разоблачением Макдональда, компартия разоблачает и половинчатых, шатающихся «левых» из нез. раб. партии в роде Фенера-Броквея и Лэнсбери, которые, как маятник, качаются взад и вперед между Макдональдом и коммунистами, и в конце концов творят дело Макдональдов. Еще в декабре прошлого года эти «левые» джентльмены отказались подписать вместе с коммунистами манифест, призывавший рабочих создавать комитеты «Руки прочь от Китая», и о котором мы писали выше. Они, однако, вошли в Английский Рабочий Комитет Китайской Свободы... и там саботировали всякую работу, которая могла бы действительно помешать правительству вести войну с Китаем. Они проводят резолюции, «приветствующие» декларацию рабочей партии и заявления Макдональда в «Дейли Геральд». Джорж

Хикс, занимавший в Совете пост председателя, как мы видели выше, под давлением Макдональда впоследствии вышел совсем из этой организации.

Компартия в своем манифесте, опубликованном 4 февраля в «Воркерс Лайф», когда Чен прервал свои переговоры с английским представителем, проводит параллель между меморандумом Чемберлена и отчетом Самуэля во время прошлогодней борьбы в угольной промышленности. Меморандум, как и отчет, имел своей целью внести раскол в ряды рабочего движения. Макдональд был тогда за отчет Самуэля против углекопов, а теперь он за меморандум Чемберлена против китайских рабочих и крестьян. Положение напоминает 1914 год. Как тогда, так и теперь английский империализм употребляет пацифистские фразы, чтобы скрыть свои империалистические цели. Манифест призывает к массовому действию в целях прекращения войны и расторжения союза рабочих вождей с Болдуином.

Рабочая партия, как мы видели, дала директивы своим отделам держаться в стороне от всяких посторонних организаций и выступать по китайскому вопросу, если вообще они это признают нужным, исключительно под своим собственным флагом. Это чрезвычайно затруднило работу компартии и движения меньшинства. Тем не менее агитация и пропаганда компартии и движения меньшинства делает огромные успехи и к 10-му февраля в Лондоне и в разных городах провинции, под их влиянием организуются 34 комитета «Руки прочь от Китая», а в исполкомы профсоюзов сыплются резолюции местных секций с требованием образования комитетов «Руки прочь от Китая». В Лондоне 12 февраля состоялась конференция, созванная лондонским профсоветом, на которой присутствовало 587 делегатов от 216 отделов, 56 профсоюзов, от 29 об'единенных отделов профсоветов и рабочей партии, от 16 отделов рабочей партии, от 27 женских кооперативных организаций и от 50 отделов 11 социалистических обществ, а также от компартии.

Принятая конференцией резолюция, между прочим, требует, чтобы «организованное рабочее движение (рабочая партия и конгресс тред-юнионов) довели свои взгляды на вопрос о борьбе китайских рабочих до сведения английских рабочих, носящих военный мундир, чтобы дать последним возможность понять, что они использовываются не для защиты свободы, а как орудие капиталистического правительства для подавления китайских рабочих и крестьян».

В середине января, когда началась мобилизация войск, компартия дала директивы своим членам, работающим на фабриках и на транспорте сделать все в своих силах, чтобы помешать отправке войск и амуниции в Китай. Кроме того, компартия печатает прокламации и распространяет их среди солдат и моряков, отправляемых в Китай.

Компартия делает все возможное, чтоб толкать нез. раб. партию на путь борьбы с империалистической политикой Болдуина, для чего предлагает заключить единый фронт. Однако, НРП гордо отклоняет протянутую руку компартии. Тем не менее, под влиянием беспощадной критики и разоблачений компартии, эта половинчатая, неустойчивая партия, руководимая сентиментальными мелкобуржуазными вождями, вынуждена итти все левее и левее. В этом отношении интересно сопоставить статью

теоретика НРП, Брейлсфорда, в «Нью Лидере», еженедельном органе НРП, от 31/XII—26 г. и его же статью от 21/I—27 г. В первой он пишет весьма сочувственно по поводу меморандума Чемберлена, который его, очевидно, очаровал: «Перемена так велика, что нельзя узнать в этом замечательном меморандуме, таком дальновидном и полном терпимости, руки тупоумного и оголтелого правительства Болдуина». Во второй статье он уже пишет: «Мы дрожим всякий раз, когда Болдуин говорит о мире. Он проповедывал промышленный мир, а потом вел против углекопов самую долгую ожесточенную войну во всей нашей общественной истории. Он послал мирное рождественское послание Китаю и мы ждем с тревогой последствий». В декабре Брейлсфорд забыл про художества Болдуина, а 21 января вспомнил о них благодаря критике компартии. Теперь, когда компартия и движение меньшинства своей агитацией в широких массах вышибли почву из-под ног вождей, предающих китайскую революцию, НРП стала очень радикальной. Она требует отозвания войск из Китая и «в случае, если политическое действие не даст желанного результата», она готова даже бросить лозунг «прямого действия».

Своей неутомимой и энергичной агитацией среди широких рабочих масс английской компартии и движению меньшинства удалось разрушить хитросплетения вождей-предателей и расстроить их планы пригвоздить английское рабочее движение к империалистической колеснице правительства.

События прошлого года—борьба углекопов и предательство Генсовета—дали огромный толчок росту английской компартии и движения меньшинства. События нынешнего года—отправка военно-морских сил в Китай английским правительством и предательство вождей английского рабочего движения китайской революции—дают второй могучий толчок их дальнейшему росту.

И. Хромский.

Хозяйственное и политическое положение Чехо-Словакии.

Чехо-Словакия, принадлежащая к так называемым государствам—преемникам рухнувшей во время мировой войны австро-венгерской монархии, насчитывала по переписи 1920 г. 13½ млн. жителей (ныне наверное 14½ млн.), из которых большинство занято в промышленности и торговле. По статистическим данным от 1921 г., на 5.384.115 лиц, занятых в сельском и лесном хозяйстве, приходилось 6.052.509 человек, занятых в промышленности и торговле; 10,46% всего населения составляли наемные рабочие и домашняя прислуга. В Чехо-Словакии преобладает, таким образом, промышленность и торговля. В областях, входящих теперь в чехо-словацкую республику, сосредоточено ¾ всей промышленности бывшей австро-венгерской империи, насчитывавшей почти 52 млн. жителей.

По сведениям из того же источника, национальный состав населения Чехо-Словакии был в 1921 г. таков: 6.345.939 чехов, 1.711.023 словака, 3.126.568 немцев, 745.431 мадьяр, 461.489 украинцев, 180.855 евреев и 78.853 поляка.

Согласно последним официальным данным, территория Чехо-Словакии обнимает площадь в 140.352 кв. км.—21% площади бывшей австро-венгерской монархии.

Хозяйственное положение.

Хозяйство Чехо-Словакии характеризуется с первых дней основания республики хроническим кризисом, который является последствием чрезмерной индустриализации (Чехо-Словакия, как уже сказано, унаследовала от бывшей австро-венгерской монархии ¾ ее промышленности, но только ¼ населения) и который обостряется взаимной изолированностью государств, возникших на территории бывшей габсбургской империи, таможенными границами между ними, развитием собственной промышленности в каждом из них, дефляционной политикой и, наконец, концентрацией и рационализацией производства в крупных империалистических государствах.

В основе хозяйственного кризиса Чехо-Словакии лежит кризис сбыта, отчасти находящийся в связи с общим экономическим кризисом Европы.

а) Кризис сбыта. Кризис сбыта движется в Чехо-Словакии не по прямой линии, а прерывается время от времени короткими под'емами. Так, непродолжительное улучшение кон'юнктуры имело место в 1924 г., когда оккупация Рура временно вывела из строя германского конкурента, и в 1925 г.—в результате падения конкурентоспособности Германии, Англии и дру-

гих промышленных государств. В истекшем году улучшилось положение в угольной промышленности вследствие поставок штрейкбрехерского угля в Англию.

Но все это, разумеется, нисколько не меняет общего характера чехо-словацкого хозяйственного кризиса, который как раз за последние месяцы очень сильно обострился. Об этом красноречиво свидетельствуют цифры торгового баланса.

	Ввоз.	Вывоз.
	(в млн. крон).	
Внешняя торговля в 1926 г.	15.263	17.858
» » » 1925 »	17.618	18.821

Эти цифры показывают, что в 1926 г. *импорт понизился* против 1925 г.—в значительной мере вследствие сокращения ввоза сырья—с 17.618 млн. до 15.263 млн. крон, т.-е. на 2.355 млн. Эта убыль скажется в еще более сильной степени в области экспорта, потому что в ближайшие месяцы приостановка работ на многих текстильных фабриках приведет к сокращению соответствующих отраслей вывоза.

Экспорт понизился в 1926 г. против предшествующего года с 18.821 млн. крон до 17.858 млн., т.-е. на 963 млн. (почти на миллиард).

За первые девять месяцев 1926 г. торговый баланс *понизился*, по сравнению с тем же периодом в 1925 г., на 308 млн. крон. Улучшение баланса произошло в течение трех последних месяцев 1926 г. Об'ясняется оно, с одной стороны, сильным сокращением спроса на сырье (текстильное) в связи с закрытием многих фабрик, а с другой—увеличившимся за последние три месяца истекшего года вывозом штрейкбрехерского угля в Англию. Вывоз угля в октябре истекшего года, напр., составлял 834.000 тонн, а в октябре 1925 г.—376.000 тонн.

Если отвлечься от этого временного под'ема кон'юнктуры в угольной промышленности, то в общем следует сказать, что в 1926 г. торговый баланс чрезвычайно ухудшился сравнительно с предшествующим годом. Тогда как в 1925 г. за первые десять месяцев только в июне баланс оказался пассивным на сравнительно небольшую сумму в 20 млн. крон, в 1926 г. два месяца дали пассивный баланс—март на 20 млн., а июнь уже на 160 млн. крон. «Прагер-Тагблатт», орган тяжелой промышленности, изображал ситуацию в следующем виде:

«Цифры нашего вывоза—этот барометр нашей хозяйственной кон'юнктуры—падают. Первое полугодие показывает убыль в 1 миллиард. И таково положение в важнейших отраслях нашей промышленности. Мы теряем позиции в важнейших для нас областях сбыта. Складывающаяся кон'юнктура выясняется все больше. Несколько месяцев тому назад имелись лишь там и здесь очаги частичных и незначительных по своему об'ему нарушений нормального хода хозяйства. А теперь депрессия становится, повидимому, повсеместной. Против дальнейшего распространения кризиса необходимо бороться всеми средствами».

По поводу временного под'ема угольной кон'юнктуры «Прагер Тагблатт» пишет (от 7 декабря 1926 г.):

«С возобновлением работ в Англии период оживленной кон'юнктуры, разумеется, оканчивается для района (имеется в виду

большой Остравско-Карвинский угольный район). Оттуда сообщают, правда, что район обеспечен сделками до конца января. Но от этих сделок едва ли будет большая радость, ибо при происходящем сейчас колоссальном падении цен на второсортный уголь в странах, прилегающих к Немецкому морю, покупатели должны были бы потерять на каждом вагоне по крайней мере 1.000 крон и поэтому они приложат все усилия, чтобы расторгнуть сделки. И действительно, в Гамбурге стоят уже сотни вагонов чехо-словацкого угля, которые не выгружаются под разными предлогами. Удастся ли сохранить экспортные сделки до конца января, при таких условиях более, чем сомнительно. Вообще же можно сказать, что своей высшей точки угольная кон'юнктура достигла в первой половине ноября, и об'ясняется это не столько штрейкбрехерским экспортом, который в январе пошел уже на убыль, сколько тем, что отечественные потребители спешили запастись углем в виду назревающего конфликта из-за заработной платы. Наша потребляющая промышленность вовсе не была так занята в начале ноября, чтобы быть в состоянии поглотить такие количества угля, на какие она претендовала. Поэтому запасы угля на наших складах должны были увеличиться, и это увеличение сильно ускорит окончательный срыв кон'юнктуры, который наступит, вероятно, сейчас же после рождественских праздников».

Тяжелее всего кризис дает себя чувствовать в текстильной промышленности (за первое полугодие 1926 г. ее продукция понизилась на 398 млн. крон, при использовании производительной способности лишь на 50%) и в стекольной промышленности (за тот же период продукция понизилась на 24 млн. крон). Но и остальные важные отрасли не избежали кризиса. Так, производство чугуна сократилось на 15%, металлообрабатывающая промышленность сократила продукцию на 8%, производительная способность кожевенной промышленности упала больше чем вдвое. В сахарной промышленности, работающей на 70% на экспорт, падение цен на мировом рынке тоже привело к кризису, который предприниматели стараются преодолеть путем об'единения в картели и снижения заработной платы.

Кризис охватил почти все отрасли промышленности, так что можно говорить об общем промышленном кризисе, в котором находит свое выражение основное хозяйственное затруднение Чехо-Словакии—хронический кризис сбыта. А этот последний является, в свою очередь, последствием чрезмерной индустриализации и лишь временно маскируется хозяйственными и экономическими затруднениями конкурентов Чехо-Словакии на мировом рынке.

б) Экспорт. Экспорт Чехо-Словакии неизменно понижается на западных и дунайских рынках и повышается очень слабо на рынках восточных и заокеанских областей. Убыль экспорта составляет 9%. Самым опасным конкурентом Чехо-Словакии является Германия. На западном рынке Чехо-Словакия потеряла 31%, тогда как Германия выиграла там 24%; в Англии, куда Чехо-Словакия вывозит главным образом сахар, она потеряла 28%, германский же экспорт в Англию повысился на 38% и т. д. Наоборот, экспорт в Россию увеличился в первом полугодии 1926 г. на 59 млн. крон по сравнению с тем же периодом 1925 г. (по данным буржуазной «Трибуна» от 14 августа). Тор-

говый баланс Чехо-Словакии по отношению к России чрезвычайно активен: в течение первых семи месяцев 1926 г. Чехо-Словакия вывезла из России товаров на 25 млн. крон, а ввезла в Россию на 105 млн.

в) Последствия кризиса. 1) *Безработица.* В результате кризиса чрезвычайно широко практикуется закрытие фабрик и сокращение производства, что, в свою очередь, влечет за собой безработицу, которая в последние месяцы сделала новый скачок вверх. В течение четырех месяцев число безработных поднялось с 63.000 до 200.000. О числе рабочих, занятых в производстве неполный день, не имеется точных данных, но оно, наверное, очень высоко.

Для характеристики положения в отраслях, наиболее тяжело затронутых кризисом,—в текстильной, стекольной и металлической промышленности,—приведем следующие цифры:

	Текст. пром.		Стек. пром.		Метал. пром.	
	I [1]	II [1]	I	II	I	II
Май	15.079	20.156	1.235	722	8.513	3.108
Июнь . . .	19.887	25.358	1.320	561	8.600	2.351
Июль . . .	21.686	29.812	1.576	1.113	8.110	4.270
Август . .	24.136	35.975	1.754	1.780	7.693	3.696

В последнее время сообщают о новых закрытиях и сокращениях в упомянутых отраслях.

2) *Дороговизна.* Следующей характерной чертой хозяйственного положения является быстро растущая дороговизна всех предметов первой необходимости и, прежде всего, важнейших продуктов питания. Эта дороговизна вызывается, с одной стороны, таможенными пошлинами, с другой—недородом 1926 г. Правительство уже рассматривает вопрос о введении т. наз. «однотипной» муки, которая будет хоть и не дешевле, но по качеству гораздо ниже теперешней. О росте цен на продовольствие можно судить по тому, что цены на сахар поднялись на 60%, а на картофель—на 100%.

Результаты действия аграрных пошлин иллюстрируются следующими цифрами:

	Индекс розничных цен в 1926 г. для всей республики (июль 1914 г. = 100).	Для Праги.
Январь	854	805
Февраль . . .	845	793
Март	832	780
Апрель	832	765
Май	837	777
Июнь	861	781
Июль	876	813

[1]) I—ищущие работу, II—безработные, получающие пособие.

	Индекс прожиточного минимума рабочей семьи в 1926 г.
Январь	800
Февраль	787
Март	777
Апрель	761
Май	774
Июнь	775
Июль	808

Эти цифры говорят только о тех результатах, к которым привела спекуляция на хлебных пошлинах, принятых парламентом в июле. Но уже имеются и цифры, дающие представление о результатах действия самих этих пошлин. По сведениям, опубликованным в официальном органе Госуд. Статист. Бюро, индекс цен на все предметы первой необходимости поднялся в октябре больше чем на 1% и равняется, для рабочей семьи, 732. По сообщению из того же источника, повышение розничных цен, особенно на продовольственные продукты, привело к вздорожанию керосина и квартирной платы. Из продуктов питания вздорожали хлеб, рис, яйца, также овощи и фрукты и в особенности сахар. По сравнению с довоенными цифрами цены возросли в октябре по всей республике с 878 до 888. При этом следует заметить, что эти официальные цифры неточны и что в действительности дороговизна, вероятно, гораздо выше.

3) *Низкий уровень реальной заработной платы.* Согласно исследованиям Международного Рабочего Бюро (см. Revue Internationale, июльский номер), индекс реальной заработной платы, исчисленный на основании количества продовольствия, нормально потребляемого средне-европейским рабочим в разных больших городах, представлялся к 1 апреля 1926 г. в следующем виде (за основу взят Лондон, приравненный к 100):

Филадельфия	151	Париж	62
Отава	132	Лодзь	61
Сидней	113	Прага	58
Осло	108	Брюссель	52
Лондон	100	Рига	52
Амстердам	92	Вена	51
Стокгольм	83	Милан	50
Берлин	80	Варшава	50
Мадрид	63	Рим	45

Согласно этим данным, реальная заработная плата в Чехо-Словакии (Прага занимает 12-е место среди перечисленных городов) стоит на чрезвычайно низком уровне.

Пойдем далее.

а) Государственный бюджет. Бюджетная смета на 1927 г. предусматривает доходы в 9.723,9 и расходы в 9.703,5 млн. крон, так что остается избыток в 20 млн. крон. Из доходов от налоговых поступлений, общей сложностью в 7,6 млрд. крон, на долю прямых налогов приходится 2,06 млрд., на долю нало-

гов на потребление—1,7, на долю государственных пошлин—1,9, на долю налога на торговые обороты—1,1, на долю таможенных сборов—1,4. Из важнейших налоговых источников подоходный налог дает 1,13 млрд. крон, а судебные пошлины—595 млн. крон. Бюджетная смета предусматривает, таким образом, избыток доходов над расходами на небольшую сумму в 20 млн. крон, но в действительности бюджет чехо-словацкой республики сильно дефицитен: активность баланса создана искусственно. Так, напр., слишком низко исчислены расходы на обеспечение инвалидов, а для оплаты учителей вообще не показано никакой суммы. Уже эти два примера доказывают, что активность бюджетной сметы иллюзорна. Сомнение в ее активности высказал, впрочем, и сам министр финансов.

Если подойти теперь к бюджетной смете с точки зрения интересов трудящихся классов, то получается весьма характерная картина. На гражданский аппарат государственной власти идет сумма в 2.131 млн. (или 22%), на уплату государственных долгов—2.144 млн. (или 22,1%), на оборону страны—1.876 млн. (19,3%), на хозяйственное управление — 1.054 млн. (или 10,9%), на социальные нужды—1.485 млн. (или 15,3%), на народное просвещение—1.013 млн. (или 10,4%).

Таким образом, из всех предусмотренных бюджетом расходов 6.151 млн. или 64,4%, т.-е. почти $^2/_3$ всех государственных средств, идут на содержание аппарата классового господства буржуазии и на выполнение непосредственных обязательств государства перед имущими классами.

Как много выжимает государство из трудящихся классов, из их труда и массового потребления, путем всевозможных обложений, прямых и косвенных,—об этом свидетельствуют следующие цифры.

Обложение потребления дает 6.134 млн., обложение квартирной платы—86 млн., обложение транспорта—1.196 млн., чистый доход от государственных предприятий—140 млн., гербовые сборы—97 млн., обложение в пользу социального обеспечения и школ—147 млн. Итого, стало быть, получается 8.010 млн. Если сравнить в процентном отношении обе отмеченные выше группы доходов, то оказывается, что на долю первой группы, представляющей будто бы обложение имущих классов, приходится всего каких-нибудь 19,6%, тогда как доля второй группы, в которую входят так называемые косвенные налоги, достигает громадной величины в 80,4%.

Впрочем бюджетная смета на 1927 г. почти сплошь показывает повышение косвенных налогов, тогда как прямые налоги большею частью значительно понижены.

Особую статью составляет вопрос о чехо-словацком милитаризме. На содержание армии, мирный состав которой насчитывает 150 тыс. чел., требуется 1.370 млн. крон, т.-е. больше $^1/_5$ всех государственных расходов. Чехо-Словакия тратит на нужды милитаризма на 4% больше, чем Англия, и почти на 10% больше, чем Германия. Даже крайне милитаристская и империалистическая Франция расходует на армию сравнительно меньше, чем чехо-словацкая республика. За время от 1922 до 1925 г. не раз наблюдалось то характерное явление, что дефицит чехо-словацкого бюджета равнялся по величине расходам на армию.

б) Государственный долг. Внутренний государственный долг Словакии составляет 24.049.196.350 крон, иностранный государственный долг—6.495.728.640 крон, долги по мирным договорам—4.400.000.000 крон; таким образом общая величина государственного долга равняется 34.945.024.990 крон. Проценты, амортизация и расходы по управлению государственным долгом составляют 2.552.939.582 крон.

Финансово-политическое бремя, лежащее на Чехо-Словакии, является наследием мирных договоров, которые установили особые репарационные платежи, отложив на будущее урегулирование вопроса о распределении военных долгов бывшей австро-венгерской монархии. Репарационные платежи Чехо-Словакии составляют, по официальной оценке, 6,5 млрд. крон, но в действительности они гораздо выше и, вероятно, достигают 40 млрд., так что весь государственный долг чехо-словацкой республики равняется почти 75 млрд. По некоторой части довоенных долгов сейчас уплачиваются проценты в размере 260 млн. крон. Существованием репарационного вопроса об'ясняется сильное влияние Франции в Чехо-Словакии.

По подсчету чешского социал-демократа Ф. Бауэра в «Право Лиду», государственный долг Чехо-Словакии составляет 890 золотых крон на душу населения; если принять во внимание, что одна золотая крона равняется семи бумажным, то получается сумма в 6.230 крон на человека.

в) Налоговый пресс. По данным Гос. Статист. Бюро, в областях, входящих ныне в чехо-словацкую республику, до войны один житель в среднем уплачивал налогами следующие суммы:

	Кроны.
Прямые налоги	12,78
Налоги на потребление	22,85
Таможенные сборы	5,45
Монополии	8,43
Гербовые сборы, пошлины и акциз .	7,25
Итого . . .	56,76

Если мы сравним с этими данными нынешнее налоговое обложение, взяв за основу бюджетную смету на 1926 г. и приняв численность населения в 14,5 млн. ч., то получим следующие цифры:

Вид налога.	Общая сумма (в кронах).	На душу населения.
Прямые налоги	2.085.757.800	143,84
Налоги на потребление	1.802.034.100	124,28
Таможенные сборы	814.736.000	56,19
Монополии	1.066.649.276	73,56
Гербовые сборы, пошлины и транспорт	1.947.748.949	134,33
Налог на торговые обороты и предметы роскоши	1.606 363 200	110,79
Итого . . .	9.323.289.325	642,99

Таким образом, довоенному налоговому обложению в 56,76 крон мирного времени соответствует теперь обложение в 642,99 чешских крон.

г) Стабилизационные меры буржуазии. **Тяжелый хозяйственный кризис, в котором находится страна, буржуазия пытается преодолеть целиком за счет трудящихся слоев населения, повышая косвенные налоги, аграрные пошлины, цены на предметы первой необходимости и проводя концентрацию и рационализацию производства.** К последнему чехо-словацкий капитализм вынуждается не только сокращением рынков сбыта, но также и растущей концентрацией континентального капитала. Поэтому тенденции к об'единению промышленных предприятий становятся все сильнее. Как только получились первые сведения о создании континентального стального треста, тотчас же начались переговоры об об'единении чешской стальной индустрии (общество горнозаводской промышленности, Пражское общество стальной промышленности и железоделательные заводы Witkowit). В конце сентября представители всех сахарных заводов подписали соглашение об образовании сахарного картеля. Одновременно ведутся переговоры о создании бумажного картеля. Намечаются способы об'единения чехо-словацкой текстильной промышленности с австрийской. Переговоры представителей чехо-словацкой стальной промышленности о присоединении последней к европейскому стальному тресту увенчались на-днях полным успехом. Это вступление Чехо-Словакии в международный европейский стальной трест имело уже свои последствия и внутри страны: несколько пражских фирм слились вместе, завод Skoda в Пильзине пытаются об'единить железоделательную промышленность под своим руководством, между другими фирмами ведутся переговоры о слиянии.

В банковских кругах Чехо-Словакии тоже происходит процесс концентрации.

Благодаря концентрации и рационализации промышленности и в виду предстоящего дальнейшего сокращения производства безработица становится затяжным явлением. Процессы картелирования и рационализации, происходящие в крупных империалистических странах, являются очень серьезной опасностью для чехо-словацкого хозяйства. Вследствие оттеснения Чехо-Словакии от мирового рынка в ней начинает обнаруживаться сильная тенденция к аграризации страны. Многие промышленные предприятия, особенно в Словакии, уже ликвидированы. Буржуазные экономисты заявляют, что необходимо сократить чехо-словацкую промышленность по крайней мере на одну треть, чтобы быть в состоянии приспособиться к ухудшившимся условиям сбыта. Уже сейчас промышленность страны использует лишь около 70% своей производительной способности, а в Словакии даже только 50%.

* * *

Хозяйственное положение Чехо-Словакии в общем можно охарактеризовать следующими чертами: неудержимое падение вывоза, понижение торгового и, в еще большей степени, расчетного баланса; очень высокий иностранный долг (репарации), ликвидированный пока только в самой незначительной части, что подрывает устойчивость валюты; дорого стоящий государственный аппарат (пышный расцвет милитаризма, необычайно разбухшие штаты полицейского, жандармского и административного аппаратов) при отсутствии соответствующих финансовых ресурсов; крайне низкая оплата труда рабочих и мелких служащих (в среднем не больше 50% довоенной нормы) и тяжелое налоговое обложение (в среднем на 120% выше довоенного), главным своим бременем падающее на трудящиеся слои населения; быстро растущая дороговизна всех предметов первой необходимости при остающейся без изменения заработной плате. Последнее время ко всему этому присоединяется еще очень быстрый рост числа безработных (в течение 4-х месяцев поднявшегося от 63.000 до 200.000) и лиц, имеющих лишь временный заработок. Все в больших размерах практикуется сокращение производства, что с своей стороны увеличивает безработицу. Пролетаризация средних и мелких слоев крестьянства, пауперизация и деклассирование пролетариата, земельный голод в деревне (так называемая земельная реформа, проводимая правительством, имеет своей единственной целью создание нового слоя чешских крупных землевладельцев), колониальные методы буржуазного господства в Словакии и Прикарпатской Украине—довершают общую картину хозяйственного положения страны.

Это—картина вполне явного упадка, картина безостановочного процесса гниения, лишь временно прерываемого то более короткими, то более длинными промежутками хозяйственного оживления.

Политическое положение.

Внутренне-политическое положение Чехо-Словакии до 1925 г. и дальше характеризовалось двумя главными тенденциями: стремлением буржуазии господствующей чешской национальности установить национальную гегемонию чешского капитала и укреплением классового господства буржуазии. Выражением этих двух тенденций и была правительственная система так называемой всенародной коалиции (коалиции всех чешских партий от полуфашистских национал-демократов до чешских социал-демократов).

Лихорадочные попытки осуществить указанные цели в государстве, где живет вперемежку шесть народностей, где налицо избыток производственной мощности в промышленности, где крупные массы рабочих сосредоточены в ряде мощных промышленных центров, все больше загоняли правительственную коалицию в тупик, все явственнее обнаруживали ее банкротство, особенно ярко проявлявшееся в растущей с каждым днем неработоспособности парламента.

Классовые противоречия, обострившиеся экономическим кризисом, безработицей, дороговизной, налоговым гнетом, наступлением капитала и т. д., все яснее обнаруживали иллюзорность национальных лозунгов; коалиция, в которую вошли такие противоположные партийные группировки, как чехо-словацкие социал-демократы (рабочие), чешские социалисты (рабочие и средний класс), аграрии, национал-демократы (крупный капитал и интеллигенция), клерикалы (средний класс, мелкие и крупные крестьяне), все явственнее обнаруживала свою нежизнеспособность. Полное банкротство коалиции не наступало только потому, что правительственные социалисты помогали правительству выходить из самых трудных положений. Но когда против политики господствующих в коалиции крупных капиталистов и аграриев повернулись, кроме рабочих, также чиновники и служащие, при одновременно усилившемся нажиме на существующие порядки

со стороны крепких национальных меньшинств, тогда и правительственные партии, в особенности социалистические, попали перед своими избирателями в крайне трудное положение, единственным выходом из которого явилось назначение новых выборов. Эти выборы состоялись в ноябре 1925 г. и принесли правительственной коалиции очень чувствительное поражение. Весьма незначительное уже и до выборов правительственное большинство (примерно, в 30 голосов) уменьшилось после выборов до девяти голосов. Это чрезвычайно обострило кризис. Лишь с величайшими усилиями, путем привлечения в правительство еще одной чешской партии (партии ремесленников), не входившей до тех пор в коалицию, удалось чешской буржуазии создать еще раз коалиционное правительство, явно носившее временный характер: оно должно было только дать передышку для образования в будущем нового коалиционного правительства, на более широкой и прочной основе. Однако, образовавшийся коалиционный кабинет пал задолго до окончания передышки и вместе с ним—система всенародной коалиции, которую не уставали провозглашать единственно возможной в стране правительственной системой. Какова была причина падения коалиционного правительства? Непосредственный повод для ухода последнего заключался в следующем: крупные капиталисты и аграрии выступили в области налоговой и тарифной политики с непомерными требованиями, удовлетворение которых привело бы к такому обнищанию трудящихся масс, что это испугало даже правительственных социалистов,—тем более, что и существующий уже невыносимый налоговой гнет, а также кризис сбыта и связанная с ним безработица, успели вызвать в рабочих массах глубокое возмущение. Возмущение стало проникать и в среду социалдемократических рабочих, так что даже в цитаделях социалдемократии соц.-демократические рабочие перешли в оппозицию против коалиционной политики. Такое настроение социал-демократических рабочих заставило и вождей пересмотреть свою прежнюю тактику. После долгих колебаний большинство ЦК чешской социал-демократической партии высказалось против поддержки коалиционной политики. А очень скоро после этого последовала отставка последнего коалиционного правительства и вместе с тем—падение коалиционной системы вообще.

Впрочем, причину кризиса коалиции нельзя искать лишь в отдельных частных вопросах, послуживших непосредственным поводом для ухода коалиционного министерства,—настоящие причины лежат гораздо глубже. Они тесно связаны с общим развитием как международной политической обстановки, так и внутренней политической ситуации в Чехо-Словакии. Крах коалиции знаменует собой важный поворот в политическом развитии чехословацкой республики. Коалиция была выражением той относительной стабилизации, которую сумел обеспечить себе чехо-словацкий капитализм; но, несмотря на все меры, принимавшиеся буржуазией,—снижение заработной платы, сокращение производства, вызвавшее рост безработицы, частичную ликвидацию промышленности в Словакии, отмену большей части социальных завоеваний, добытых пролетариатом во время буржуазной революции,—несмотря на все это буржуазии, пользовавшейся к тому же полной поддержкой чешской социал-демократии во всех своих шагах против рабочего класса, не удалось добиться упрочения

стабилизации. Чехо-Словакия, которая после поражения революционного пролетариата в декабрьских боях 1920 г. смогла консолидироваться в качестве классового государства буржуазии, вовлекается теперь в общий кризис нисходящего капитализма. Последние парламентские выборы, закончившиеся, несмотря на формальное сохранение коалиционного большинства, поражением коалиции, означают крах всей коалиционной системы, хотя коалиции и удалось искусственно продержаться еще в течение нескольких месяцев.

И среди чешского рабочего класса произошла та *эволюция влево*, какую мы наблюдаем в Англии и Германии. Об этой эволюции ясно свидетельствовала уже руководимая компартией борьба против хищнической налоговой политики, борьба, которая в некоторых областях привела к созданию пролетарских комитетов единства, отразивших решимость рабочего класса противопоставить организованный отпор новому наступлению буржуазии. О том же говорят и крупные успехи, одержанные компартией, со времени последних выборов в парламент, почти на всех коммунальных и фабзавкомовских выборах. Эта эволюция влево широких рабочих масс является одной из главных причин выше указанного падения коалиционной правительственной системы.

После ухода последнего коалиционного правительства был сформирован, как это обычно бывает в таких случаях, т. н. «деловой» кабинет, во главе которого был поставлен человек с «железным кулаком»—известный еще со времен старой австро-венгерской империи кровопийца Черни. При «деловом» правительстве хозяйственные и политические затруднения страны только усилились и притом в чрезвычайной степени. Как раз в это время было проведено повышение таможенных пошлин, и наступил тяжелый кризис в промышленности со всеми сопутствующими явлениями.

В таких условиях произошел знаменательный шаг в политической эволюции чехо-словацкой буржуазии.

Чтобы добиться повышения хлебных пошлин и провести закон о конгрегациях (этот миллионный подарок попам), чешские и крупнейшие немецкие буржуазные партии образовали деловое большинство (т. наз. «таможенное» большинство), которое в начале осени сконсолидировалось в правительстве чешско-немецкого буржуазного блока. Впервые со времени существования чехословацкой республики чешские и немецкие буржуазные партии об'единились для участия в одном правительстве. Об этом нужно сказать несколько подробнее.

В своем стремлении оздоровить общее положение буржуазия была единодушна. И если тем не менее в последнее время шла острая борьба между правым и левым крылом чешской буржуазии, то вызывалась она только различием политических методов: реакционное крыло стремится, под полуфашистским руководством д-ра Крамаржа, к открытой диктатуре или к недопущению, по крайней мере, немцев к участию в правительстве, стараясь восстановить с этой целью всенародную коалицию,—тогда как умеренное крыло, руководимое президентом Масариком и министром иностранных дел д-ром Бенешем, готово в крайнем случае удовлевориться диктатурой, прикрытой демократически-гуманитарно-пацифистскими декорациями, старается привлечь немцев к сотрудничеству и добивается создания «левого блока», чтобы

избежать чисто буржуазного правительства. В борьбе между этими двумя флангами буржуазии одержала верх группа Масарика-Бенеша (после ухода со сцены фашистского вождя генерала Гайды и выхода фашистского крыла из чехо-словацкой национально-социалистической партии).

Этим был расчищен путь для об'единения чешской и немецкой буржуазии. Оставалось создать верховный политический орган для ведения дальнейшей кампании за стабилизацию капитализма. Этот вопрос стал в последние недели предметом горячих споров в лагере буржуазии и реформистов.

Как мы уже выяснили, прежняя правительственная система—система «всенародной» коалиции—потерпела крушение потому, что правительственные социалисты, оказавшись под сильным давлением левеющих рабочих масс не могли долее открыто участвовать в дальнейших мероприятиях стабилизационной политики. Но отказ правительственных социалистов от прямого участия в стабилизационной политике правительства ослабил чешскую буржуазию настолько, что она уже не могла одна взять на себя все бремя этой политики. Уже для повышения хлебных пошлин и проведения закона о конгрегациях она должна была об'единиться в деловое большинство с немецкой, словацкой и мадьярской буржуазией.

Группа Масарика-Бенеша мечтает, правда, как об идеальной правительственной системе, о левом блоке, с помощью которого можно было бы отвлечь рабочих от пролетарского единого фронта. Но в виду сильного полевения рабочих масс левый блок неизбежно потребовал бы уступок реформистам; а между тем крайне критическое положение капитализма требует быстрых и беспощадных мер по проведению стабилизации. И поэтому пришлось пойти на буржуазный блок, который поддержали аграрии и клерикалы немецкой и чешской национальности.

Твердая интернациональная сплоченность буржуазии, выразившаяся в сформировании (в середине октября) нового, чешско-немецкого правительства, свидетельствует о критическом положении капитализма, но в то же время и о том, что буржуазия решила, отодвинув на задний план свои внутренние противоречия, об'единить все свои силы и направить их на самое беспощадное проведение стабилизационной политики.

Образование нового правительства явилось выражением союза между аграриями всех национальностей, об'единившихся для проведения реакционной хозяйственной политики. Аграрии составляют главный боевой отряд нового правительственного большинства. Вторая характерная черта создавшегося положения—об'единение культурной и хозяйственной реакции в виду участия в правительственном большинстве клерикалов всех национальностей. Присутствие в кабинете д-ра Бенеша в качестве министра иностранных дел означает сотрудничество направления президента Масарика с направлением интернациональной капиталистически-аграрной реакции.

Правда, новое правительство опирается на слабую базу (большинство в 13 голосов), но оно получает подкрепления из тех резервов, которые обеспечила за собой буржуазия: словацкая клерикальная партия (Глинки) только-что вступила в правительство; мадьярские националисты не так давно примкнули к правительственному блоку; чешские национал-демократы—накануне

вступления в правительство; чешские национал-социалисты, идейный вождь которых, д-р Бенеш, сидит в правительстве, и чешские социал-демократы собираются образовать «лойяльную» оппозицию, немецкие национал-социалисты поддерживают парламентско-клубное общение с немецкими правительственными партиями и тем косвенно содействуют укреплению всей правительственной системы; немецкая национальная партия, в виду заинтересованности поддерживающих ее немецких капиталистов, не может серьезно выступить против стабилизационной политики.

Таким образом, политическая организация стабилизационных мероприятий буржуазии может считаться завершенной.

Но если новый немецко-чешско-словацко-мадьярский буржуазный блок и означает частичную стабилизацию буржуазного режима, то, с другой стороны, он навлекает на себя и очень серьезные для буржуазии опасности, во-первых, тем, что усиливает единый фронт пролетариата, и, во-вторых, тем, что разрушает иллюзии мелкобуржуазных национальных слоев. Об'единение всей буржуазии, без различия национальностей и направлений, весьма внушительно демонстрирует рабочему классу необходимость создания единого пролетарского фронта; вступление немецких буржуа в правительство, без удовлетворения их национальных «требований» раскрывает мелкобуржуазным слоям немецкого населения глаза на обман их вождей. Еще в большей степени это можно, пожалуй, сказать о словацкой и мадьярской мелкой буржуазии. В то же время входящие в правительство чехи уже не смогут теперь—во всяком случае, не смогут в такой мере, как прежде—делать чешским мелкобуржуазным слоям уступки за счет национальных меньшинств. И если к буржуазному блоку примкнет еще полуфашистская партия Крамаржа (национал-демократы), то это, без сомнения, будет означать, что жизнь своих стабилизационных планов.

Однако, вследствие давления широких слоев национальных меньшинств база правительства будет крайне неустойчива.

Вместе с обострением классовой борьбы, в которой массовая *коммунистическая партия* начинает играть все более видную роль, становясь все большим препятствием для стабилизационных стремлений буржуазии, окреп и фашизм, который прежде не имел в Чехо-Словакии значения, а теперь является фактором, с которым приходится считаться. Официальным глашатаем фашизма выступил сначала бывший министр обороны и вождь фашистского крыла чешской социалиситческой партии Стрибрны, но в борьбе с так называемым «демократическим» крылом партии он потерпел поражение. Затем появился на сцену новый фашистский вождь—генерал Гайда, известный кровавыми злодеяниями, которые он творил в Сибири, вместе с белогвардейским адмиралом Колчаком. Фашизм ищет точек опоры среди мелкобуржуазных слоев интеллигенции и студентов, привлекая их националистическими лозунгами, среди выродившихся из-за безработицы слоев пролетариата—основывая желтые профсоюзы, среди крестьянства—организуя вооруженные отряды (так наз. «сельскую конницу»), стоящие под покровительством богатых крестьян, в армии—среди реакционных офицеров, командовавших в России во время колчаковщины контрреволюционными чехо-словацкими легионами, и, наконец, в сокольском движении, этой спортивной организации буржуазии, насчитывающей почти 650.000 членов.

КПЧ, которая со своими 130.000 членов является подлинно массовой партией, сумела очень искусно и успешно использовать тяжелый хозяйственный и политический кризис, проводя широко поставленные кампании за удовлетворение насущных нужд пролетариата и правильно применяя тактику единого фронта. За последние месяцы коммунистической партии удалось: 1) мобилизовать массы в таком масштабе, как никогда прежде; 2) привлечь самые широкие слои трудящихся в городе и деревне на сторону идеи единого фронта; 3) добиться образования комитетов единства и советов действия, в которых принимают участие рабочие всех направлений; 4) создать серьезные препятствия на пути стабилизационных стремлений буржуазии в хозяйственной и политической области; 5) отнять у государственных социалистов возможность дальнейшего сотрудничества с буржуазией в правительственной коалиции; 6) разрушить демократические и национальные иллюзии у значительной части мелкобуржуазных слоев и некоммунистических рабочих.

Коммунистическая партия сделалась, таким образом, чрезвычайно важным фактором в политической и хозяйственной жизни чехо-словацкой республики. Ее влияние выходит далеко за пределы того, о чем можно судить по ее численности. Во время последних парламентских выборов компартия из 7.200.000 поданных голосов получила 933.000, следовательно, почти миллион; таким образом, каждый седьмой избиратель голосовал за коммунистов. Со времени ноябрьских выборов 1925 года партия сделала дальнейшие крупные успехи, как это видно из упомянутого выше факта, что она одержала верх почти на всех состоявшихся с тех пор коммунальных и фабзавкомовских выборах. Компартия является теперь не только крупнейшей рабочей партией, но и крупнейшей политической партией вообще. Буржуазия это отлично понимает, и чем больше КПЧ большевизируется, тем более суровые меры она принимает против нее. Совсем недавно правительство инсценировало два антикоммунистических процесса: процесс о шпионаже и процесс четырех коммунистических депутатов, устроивших в парламенте обструкцию против хлебных пошлин и закона о конгрегациях. В связи с этими процессами против компартии была поднята бешеная травля: буржуазная и социалистическая печать поставила вопрос о легальном существовании компартии в Чехо-Словакии. Орган вождя национал-демократов, д-ра Крамаржа, и газета премьер-министра Свеглы буквально старались перекричать друг друга, требуя разгона коммунистической партии и огосударствления профсоюзов по итальянскому образцу. По двум упомянутым выше процессам вынесены приговоры, дающие в общей сложности больше семи лет тюрьмы. Во время рабочих волнений весной и летом 1926 г. пражская полиция дважды *стреляла* в толпу демонстрантов. Пражские рабочие очень храбро защищались.

Чехо-Словакия, конечно, небольшая страна, и политический ее вес не очень велик. Но те великие социальные бои, которые придется вести многочисленному и мощному чехо-словацкому пролетариату, под руководством массовой коммунистической партии, против все еще очень сильного капитализма, должны вызывать живейший интерес к нему со стороны пролетариата других стран.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

О НОВОЙ КНИГЕ ТОВ. ШЛЯПНИКОВА.

А. Шляпников. «Семнадцатый год». Книга третья. ГИЗ. 1927 г.

Читателям «Большевика», наверно, уже знакомы две первые книги т. Шляпникова по истории семнадцатого года. Эти книги представляют попытку систематической разработки и освещения интереснейшей в нашей революционной истории страницы; при чем эта попытка является первой работой писателя, бывшего не только очевидцем, но и активным участником событий семнадцатого года. До сего времени подобного рода работ еще нет, если не считать отдельных брошюр. Вот почему работа т. Шляпникова заслуживала большого интереса и внимания.

Каков характер этих двух книг? Первая книга—это, по сути дела, мемуары. Описание февральской революции с точки зрения ее непосредственного наблюдателя и участника—вот что составляет главное и основное содержание этой книги. Вторая же книга значительно отличается в этом смысле от первой. Это уже не просто мемуары. Правда, и эта книга содержит воспоминания современника, и в этой книге ряд событий получает освещение лишь постольку, поскольку они входят в поле зрения и деятельности самого автора. Но область этих воспоминаний уже сильно суживается, и сама книга в целом приобретает уже существенно иной характер—попытки исследовательской работы, основанной на изучении и проработке ряда архивных материалов. И в связи с этим резко менялся общий план и характер предпринятой т. Шляпниковым исторической работы о семнадцатом годе.

Вот почему по выходе в свет этой второй книги перед читателем невольно встал вопрос: по какому же пути пойдет автор дальше в своем большом—рассчитанном по меньшей мере на десяток томов (две первые книги охватывают лишь январь—февраль 1917 г.)—труде по изложению событий семнадцатого года? По пути ли той мемуарной записи этих событий, какая характеризовала содержание первой книги? Или же по пути научно-исторического исследования революции 1917 г.—на основе уже не личных воспоминаний, а архивных документов, с разработкой их по определенным хронологическим периодам,—на что претендовала вторая книга?

Судя по третьей книге, являющейся по своему «образу и подобию» более или менее точной копией ближайшей своей предшественницы, автор собирается дать в своем многотомном труде, по отношению к которому мемуары первой книги должны служить своего рода введением, *исторический анализ* событий семнадцатого года. Вот почему новая книга т. Шляпникова требует особого к себе внимания и соответствующего критического разбора.

В рамках этой рецензии мы отнюдь не задаемся целью обрисовки т. Шляпникова, как историка 1917 года—это дело еще впереди и может стать на очередь лишь по окончании задуманной автором работы. Равным образом—по обстоятельствам уже не времени, а места—мы не собираемся здесь входить в подробное обсуждение и выяснение вопросов—

сколь полно и умело были использованы автором те материалы из «Архива Октябрьской революции», к которым автор преимущественно обращается и известная часть которых вошла в содержание самой книги, а также, сколь верно и правильно фактическое изложение тех или иных событий, разбору которых посвящена эта книга,—вопросов, возбуждающих некоторые законные сомнения. Мы ограничимся здесь выявлением отдельных характерных черт и особенностей самого содержания этой книги и, вместе с тем, общей оценкой ее.

Обращаясь к содержанию новой книги т. Шляпникова, прежде всего приходится отметить буквально наводнение разными документами. Часть из них выделена в виде приложений и занимает треть всей книги, часть же вошла в самый текст, чрезвычайно его загромоздив. В итоге получается, что чуть ли не $^9/_{10}$ всего содержания всей книги—это те или другие документы, преподнесенные читателю в сыром или полуобработанном виде. Нет спора, что эти документы интересны,—интересны и сами по себе, и потому, что большинство из них опубликовывается впервые. Здесь мы находим материалы о первых шагах деятельности Временного правительства, о состоянии армии, о крестьянских восстаниях, о Петербургском Совете и Всероссийском совещании советов и т. д.

Но документы эти не рисуют достаточно полной картины непосредственно послереволюционного положения. Целый ряд крайне важных вопросов и моментов этого положения либо вовсе не освещен, либо же очень слабо, недостаточно. Таковы—состояние народного хозяйства страны после переворота, положение рабочего класса и профессиональное движение, двоевластие и т. д. Взять хотя бы последний вопрос о двоевластии—коренной вопрос того времени, определивший «замечательное своеобразие нашей революции» (Ленин). По этому вопросу в книге т. Шляпникова мы находим лишь некоторые замечания и фактические подтверждения, рассыпанные по отдельным страницам книги. При чем эти замечания ограничены по большей части пределами двух—трех строк, так что сам вопрос, несмотря на всю свою важность и значение для понимания основной сути тогдашнего политического положения и дальнейших судеб революции,—остается затронутым лишь вскользь. Автор даже не удосужился отвести ему хотя бы одну определенную главу.

Кроме того, нельзя признать достаточным и правильным принятый автором способ освещения отдельных вопросов и событий по документам. Так, деятельность Временного правительства и Временного комитета Государственной думы рисуется лишь документами, исходящими от самих этих учреждений, состояние армии после февральского переворота изображается только донесениями тех или других командующих и генералов. Подобное освещение, конечно, явно однобоко. Автор не прибегает здесь к помощи других документов и материалов и рассказывает обо всем этом лишь языком официальных постановлений и инструкций, сводок и донесений.

Правда, автор сопровождает эти документы своими комментариями, благодаря чему документы увязываются в целые главы. Но все же основной тон книги задают сами документы, авторские же комментарии играют по отношению к ним весьма скромную роль—и по своим размерам, и по своему характеру. Архивные материалы не только довлеют над содержанием книги, но и над самым изложением ее. Они не только перегромождают текст книги, делая его весьма трудным и утомительным для чтения; довление архивных материалов сказывается и на характере комментариев к ним, сбивая самого автора на язык профессорского об'ективизма.

Этим авторским вывихам можно привести целый ряд ярких примеров. Вот как, например, оценивается деятельность Государственной думы после революции: «...Государственная дума примкнула к революции уже после победы уличного рабочего и солдатского восстания в Петрограде. Но этим запоздалым присоединением Государственная дума *сыграла положительную роль в деле дальнейшего разгрома сил царизма*» (стр. 46, курсив наш). Здесь нет никакой нужды распространяться по поводу ошибочности такого утверждения. Напомним только то, что писал по тому же вопросу сам автор в первой своей книге «Семнадцатого года», когда над ним не так еще довлела сила архивных материалов. «Со стороны Государственной думы и ее прогрессивного блока,—писал тогда т. Шляпников,—не было сделано ни одного шага, даже ни одного простого желания поддержки восставших, поддержки движения. Одна мысль об'единяла зубров 4-го созыва, это страх перед революционным народом, и этот страх побуждал думских деятелей буржуазии искать соглашения с царизмом. Это соглашение против народа не состоялось не по вине буржуазии. Она сделала в первые дни все, что могла, для сохранения царской монархии. Поворот Государственной думы по отношению к революционному движению, своеобразное признание членами Государственной думы революционного переворота совершилось уже тогда, когда революционные рабочие и солдаты разбили главные силы своих врагов и победа революционного движения была обеспечена. *Сама Государственная дума, порождение царской монархии, умерла одновременно с ней*» (стр. 161, курсив наш). Что же получается? Государственная дума, похороненная автором вместе с царизмом в первой его книге, воскрешается им же в третьей, да еще ради «разгрома сил царизма»! Об'ективизм автора здесь сыграла над ним злую шутку.

Или еще другой пример, подобного же рода, из главы об аграрном движении. Автор пишет здесь: «Одиночные случаи крестьянских волнений в марте превратились в апреле уже в массовые. *Распоряжение правительства* об учреждении земельных комитетов *способствовало смягчению остроты конфликтов* на местах и *позволяло направить крестьянство* на путь организованного *решения земельного вопроса*» (стр. 142, курсив наш). Вот это действительно новость, даже целых две! Временное правительство «способствовало» «смягчению» земельных конфликтов на местах! Крестьянам «позволялось» «организованно решать» земельный вопрос, благодаря распоряжению Временного правительства! Всего любопытнее то, что на той же странице сам автор свидетельствует о том, что «земельные комитеты не имеют *ни права, ни возможности* мешать земельным собственникам производить запродажные, залоговые или иные коммерческие операции с землей» (курсив наш). Если земельные комитеты не могли даже препятствовать помещикам совершать различные сделки с землей, то куда же там до «решения» земельного вопроса—тем земельным комитетам, которым «позволялось» только «*собирание сведений* о местных земельных порядках и нуждах», да «*решение споров и недоразумений* по земельным делам» и то лишь «*в пределах действующих законоположений и постановлений* Временного правительства» (см. приложения 5-е и 6-е, «постановление» и «воззвание» Временного правительства об учреждении земельных комитетов, стр. 271—75; курсив наш) и, следует добавить, «в пределах» сферы действия карательных экспедиций, посылавшихся в деревню.

В той же главе через десяток страниц находим по тому же земельному вопросу другое утверждение, служащее своего рода дополнением только что отмеченного. Указывая, как «благотворно» подействовало

на бунтующих крестьян упомянутое уже распоряжение об учреждении земельных комитетов, автор пишет: «Все жители деревень и селений были твердо убеждены, что земля будет ихняя и перейдет к ним в ближайшее время. *Вместо грубых насилий*, крестьяне находили иные средства, более мирные, но *хорошо действовавшие*, иные *способы выживания* мелких и крупных помещиков». Какие же «иные средства и способы»? А вот какие: «*Постановление Временного правительства* о продовольственных комитетах и об охране посевов, давало целый ряд *возможностей выжить помещика, лишить его земли на законном основании*». Каким же образом?—«Закон обязывал его засеять или *сдать в аренду* свою землю. Однако, засеять своими собственными силами он не мог, а наемных рабочих или пленных ему не давали или назначали такую оплату за их труд, что помещик отказывался, и *земля передавалась под крестьянскую запашку*» (стр. 156, курсив везде наш). Очень просто и мило! Вместо «грубых насилий», связанных с захватом земли без «законных оснований»,—«хорошо действующие» способы «выживания помещика» на основании... постановления Временного правительства! Получение через продовольственные комитеты «в случае отказа владельца засеять землю» части помещичьих земель «по справедливой цене», при чем «арендная плата за земли, взятые под посев, поступает владельцам земель» (см. приложение 3-е—«положение об охране посевов», стр. 270—1)—это значит, «лишить» помещика его земли!

Нет, положительно, архивные материалы довлеют над автором, сбивая его с материализма на об'ективизм.

Обратимся теперь к рассмотрению двух последних глав книги—мы имеем в виду главы, посвященные описанию жизни и деятельности нашей партии и приезду В. И. Ленина в Россию. Эти главы вызывают особый интерес вообще, поскольку именно этот—мартовский—период истории нашей партии в семнадцатом году хуже прочих других освещен в партийной-исторической литературе,—в частности, поскольку именно эти главы содержат по сравнению с прочими меньшую дозу сырого архивного материала и богаты авторскими воспоминаниями, особенно глава о приезде Ленина.

Мартовский период 1917 года нашей партийной истории, как известно, характеризовался в основном тем, что партия, только-что вышедшая из подполья, недостаточно еще сплоченная и оторванная от заграничного руководящего центра, до приезда Ленина и апрельской конференции проводила ошибочную тактику. Об этой тактике так говорит т. Сталин: «Она (партия) приняла политику давления советов на Временное правительство в вопросе о мире и не решилась сразу сделать шаг вперед от старого лозунга о диктатуре пролетариата и крестьянства к новому лозунгу о власти советов. Эта половинчатая политика была рассчитана на то, чтобы дать советам разглядеть на конкретных вопросах о мире подлинную империалистическую природу Временного правительства и тем оторвать их от последнего. Но это была глубоко ошибочная позиция, ибо она плодила пацифистские иллюзии, лила воду на мельницу оборончества и затрудняла революционное воспитание масс» (сборник «За ленинизм», стр. 93).

Тов. Шляпников уделяет вопросу о разногласиях в партии всего 8 страничек, давая лишь самую общую характеристику боровшихся тогда в бюро ЦК течений и приводя краткий отчет т. Милютина (из саратовского «Социал-Демократа») о мартовском партсовещании—правда, весьма ценный и впервые публикуемый в печати с 1917 г. Этот недостаток, пожалуй, можно еще об'яснить тем, что автор не привлек и не

использовал по данному вопросу всех необходимых материалов и документов.

Но это еще не такая большая беда, как то, что, говоря о разногласиях в партии, автор ограничивается только их описанием, своего рода репортерской записью их, отнюдь не подвергая критическому анализу имевшиеся тогда в партии течения, не выясняя при этом тех или других их ошибок. Лишь в самом конце книги автор бросает замечание, что «позиция Владимира Ильича была левее нашей левой» (стр. 260), но вовсе не останавливается на разборе ленинских «Писем издалека» (ни слова даже не упоминает напечатанное уже тогда в «Правде» первое из них) и не противопоставляет тогдашнюю ленинскую позицию позиции каждого из трех течений в бюро ЦК. А без этого страдает не только полнота, но и правильность освещения тактики партии в этот период.

Подобный репортерский подход автора к изложению событий партийного порядка обнаруживается и в описании официальных партийных выступлений на всероссийском совещании советов, где т. Каменевым выставлялось основное требование—«чтобы Временное правительство формулировало свою волю к миру». Кстати, надо заметить, что во второй книге «Семнадцатого года», писавшейся до образования последнего оппозиционного блока, автор придерживался иного метода и подвергал основательнейшему критическому разбору статью Каменева «Без тайной дипломатии», которую следует, между прочим, напомнить и как одно из характерных звеньев, продолжающих линию ачинской речи [1]).

Подведем итоги. В своем «Семнадцатом годе», т. Шляпников, отказавшись от продолжения мемуаров первой книги, представлявшей широкий интерес и выдержавшей уже два издания, попытался перейти

---

[1]) Вот как передает и комментирует эту речь т. Шляпников: «Тов. Каменев считал переход власти из царских рук в руки либерально-монархической буржуазии вполне достаточным для того, чтобы отвергнуть наш лозунг «долой войну», и от имени Центрального Органа партии заявить, что «война будет продолжаться, ибо германская армия не последовала примеру армии русской и еще повинуется своему императору, жадно стремящемуся к добыче на полях смерти». Так определяли свое отношение к войне, которая «будет продолжаться», все оборонцы... В своей статье т. Каменев брал направление на оборону, на союз со всеми меньшевиками и социалистами-революционерами-оборонцами. «Когда армия стоит против армии, самой нелепой политикой была бы та, которая предложила бы одной из них сложить оружие и разойтись по домам,—писал он.—Эта политика была бы не политикой мира, а политикой рабства, политикой, которую с негодованием отверг бы свободный народ». Но т. Каменев не указал, кто же был сторонником подобной политики. Среди членов нашей партии таких миротворцев не было, не было их в армии и среди других партий. Но т. Каменеву нужна была такая постановка для того, чтобы оправдать свой оборонческий уклон, и он это сделал, заявив, что свободный народ «будет стойко стоять на своем посту, на пулю отвечая пулей и на снаряд—снарядом». Только этого и хотела наша буржуазия. Статья т. Каменева, да еще в нашей «Правде», была для оборонческого, буржуазно-меньшевистско-эсеровского блока совершенно неожиданным подарком. Тов. Каменев писал в той же передовице, что «не дезорганизация революционной и революционизирующейся армии и не бессодержательное «долой войну»—наш лозунг. Наш лозунг «давление на Врем. правительство с целью заставить его открыто, перед всей мировой демократией, немедленно выступить с попыткой склонить все воюющие страны к немедленному открытию переговоров о способах прекращения мировой войны». Все соглашатели согласны были давить на Временное правительство... Позиция т. Каменева вполне удовлетворяла буржуазию, так как он призывал солдат, что «до тех пор каждый остается на своем боевом посту...», а это было для нее самое существенное. К этому призывала солдат и рабочих вся буржуазная печать («Семнадцатый год», кн. 2 я, с. 183—5).

к историко-исследовательской работе. 3-я книга лучше всего свидетельствует об этой попытке. Но это только попытка. Новая книга т. Шляпникова по своему содержанию в общем представляет сборник архивных документов, скрепленных некоторыми авторскими комментариями, дающими крайне недостаточные, а подчас и совершенно неверное и ошибочное освещение отдельных вопросов,—а отнюдь не самостоятельное историческое исследование. И поскольку эти документы ценны сами по себе и по большей части еще вовсе не опубликованы, эта книга т. Шляпникова бесспорно явится полезным пособием для историков, занимающихся изучением и проработкой вопросов революции семнадцатого года и лишенных возможности непосредственно работать в «Архиве Октябрьской революции».

Арк. Ломакин.

Редакция: В. Астров. Н. Бухарин. В. Молотов. А. Слепков. Е. Ярославский.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 15 МАРТА 6

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП (б)

СОДЕРЖАНИЕ.

1 9 2 7

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ

«ПРАВДА»

Главлит № 82468. Москва. Тираж 83.000 экз.
Тип. изд-ва «Правда» и «Беднота», Яузский мост, Серебрянич. наб., д. № 23а.

О работе в массах.

Современная обстановка снова и снова выдвигает перед нами вопросы массовой работы.

Новые трудности, соответствующие новизне и своеобразию переживаемой полосы развития, требуют для своего преодоления напряжения всех наших сил как материальных, так и морально-волевых, требуют дальнейшего развертывания и использования в целях социализма всей пробужденной активности трудящихся масс, в особенности рабочего класса.

Мы находимся в полосе все более и более развертывающейся работы по организации социалистического производства. Основные, принципиальные вопросы нашего курса, поставленные переходом от одного этапа к другому, от восстановления к реконструкции, партией уже решены, решены по-ленински, в духе прямых указаний покойного вождя, несмотря на попытки увести партию в сторону от ленинизма. Мы вплотную занялись практической деловой работой по проведению в жизнь принятых партией «принципов», несмотря на то, что не было недостатка в попытках вернуть партию вновь к обсуждению уже решенных ею общих проблем, тащить партию назад, *от* конкретного, практического строительства. Самые рядовые члены партии оказались настолько зрелыми, что не поддались на оппозиционную провокацию и единодушно ответили отказом вести дискуссии по указанным, ясным для партии вопросам, тесно связанным с переходом к практическому проведению лозунгов индустриализации, за что от оппозиционных мудрецов получили геростратовски-знаменитую кличку «реакционности» («рабочий класс оказался реакционным») или еще более фразисто—как это сделано в самое последнее время—обвинение в возобладании «центробежных тенденций», в цеховщине, в забвении исторических интересов пролетариата.

В настоящее время партия имеет возможность, соблюдая полную ясность в принципиальных вопросах, заняться вплотную такими крупнейшими практическими задачами, как режим экономии, снижение цен, борьба с бюрократизмом.

Но это-то и выдвигает перед нами с особой силой вопросы *содержания и характера* нашей массовой работы.

Мы имеем сложную, тонкую, разветвленную систему массовых организаций, внедрившихся и внедряющихся своими ячейками

в самую гущу рабочего класса. Мы имеем установившиеся или устанавливающиеся способы их правильного действия, известные формы разделения труда внутри каждой из них, известные элементарные приемы работы, доступные всякому среднему рабочему и т. д. Ни одна партия в мире не имеет такой широкой системы массовых организаций трудящихся, как наша. Но в работе этих организаций уже наступил такой момент, пришло такое время, когда центр тяжести явно перемещается и должен будет переместиться на само *содержание и характер* массовой работы.

Это последнее должно находиться в определенном соответствии с культурно-политическим уровнем масс, среди которых ведется работа.

Суть дела состоит в том, что революция пробудила в трудящихся массах самые разнообразные, самые разносторонние потребности и запросы. Вся наша строительная работа имеет одним из важнейших своих результатов расширение этих потребностей, их дальнейшую дифференциацию и усложнение. И хотя мы еще не можем сказать, что избавились уже целиком от того исторического наследия, которое выражалось в проклятом отсутствии потребностей и представляло в былые дни камень преткновения в работе партии в массах,—все же мы не имеем никаких оснований жаловаться на темп, которым изживается это наследие. В такой обстановке обвинение нашего рабочего класса в цеховщине, в «центробежных тенденциях» звучит особенно дико и бессмысленно. Люди разучились понимать что-либо в настроениях рабочего класса.

Фактически политическая активность пролетариата поднимается. Потребности растут. Запросы расширяются, они делаются все более и более разнообразными. Культурная революция, о которой писал Ленин, началась. Ее нужно возглавить. Ее нужно направлять в русло победоносного строительства социализма. Вот задача!

Орудием должны служить те массовые организации, о которых говорилось выше (партия, профсоюзы, советы, кооперация, женорганизации, организации молодежи, различные культурно-просветительные, добровольные общества и учреждения).

Основной тон, в котором всенепременно и обязательно должна быть выдержана вся массовая работа, это—*отзывчивость и чуткость к потребностям и запросам трудящихся.* Вот условие, с точки зрения которого должна быть оцениваема всякая организация, ведущая работу в массах. Вот условие, без которого ее работа без дальнейших разговоров должна быть признана неудовлетворительной.

Отзывчивость и чуткость—таково решающее требование, пред'являемое к нам трудящимися с особой настойчивостью и в особенности в настоящий и весь предстоящий период нашего

развития. Область политических и культурных запросов трудящихся сейчас в особенности не мирится с штампованно-шаблонизированным подходом, со скукой, серостью, одноцветностью, не говоря уж о методах прямого давления, принуждения. Требуется величайшая внимательность к индивидуальным особенностям различных групп и слоев рабочего класса и трудящихся вообще, величайшая тактичность и гибкость в руководстве, чтобы пробудившуюся и пробуждающуюся активность развивать, а не тормозить,—расширять поле ее применения, а не сужать.

Это, конечно, требует от нашего актива нового, дополнительного напряжения сил, дальнейшей работы над своей культурно-политической квалификацией, дальнейшего выдвижения из недр самих трудящихся новых слоев актива, способных руководить массой, сливаясь с ней воедино, способных оформлять в духе партийных директив общественное мнение трудящихся, находясь в постоянном общении с ними, способных направлять энергию в русло практической борьбы с недостатками нашего аппарата, с бюрократизмом, бездушным отношением к общественному делу. Беда наша состоит в том, что очень часто мы не умеем всего этого делать и впадаем в ошибки,—либо неумение возглавлять дух здоровой критики, либо искусственное подлаживание даже под предрассудки тех или иных отсталых слоев рабочего класса. И те и другие, встречающиеся часто, случаи свидетельствуют об отсутствии гибкости, об известной закостенелости в методах работы. Но плохо будет тому, кто не изживет этих недостатков: он не завоюет авторитета, он потеряет доверие масс к своему руководству, растеряет силу своего влияния и интимные нити, связывавшие его с массами.

Уметь возглавлять здоровую критику, сочетая это с защитой партийных решений перед массами, путем предварительного и обязательного оформления мнения членов партии—такова одна из важнейших задач, преследуемых массовой работой. Серьезная, захватывающая низы борьба с извращениями партийных директив по режиму экономии, борьба с бюрократизмом, борьба с невыполнением партийных решений не даст результатов без широкого привлечения здоровой критики рабочих масс, которую нужно взять под свое руководство, довести до осязательных практических результатов, дабы активность не сменилась апатией, прилив не сменился отливом.

Не только возглавлять здоровую критику, но и уметь ее вызывать! Система постоянной отчетности перед массами, строгой подконтрольности выборных органов, доклады ревизующих и контролирующих органов, систематическая информация о ходе выполнения тех или иных решений партийных и советских органов, решений тех или иных коллективов и групп трудящихся, сопровождаемая открытым выявлением перед массами отношения

ячейки и комитета партии к поставленным вопросам—вот путь, который приведет к пробуждению дальнейшей активности.

Мы пользуемся этими путями слишком еще недостаточно. «Маленький» пример: в партийное сознание твердо вошло понимание всего огромного значения выборов, скажем, рабочих депутатов в советы; но на многих ли предприятиях избранные депутаты держат рабочую массу в курсе задач и работы, проделываемой ими и советом в целом? На многих ли предприятиях депутаты отчитывались перед избирателями *до* предвыборной кампании? Известно далее, что конституция СССР предусматривает *право избирателей на отзыв своего депутата*. Известно, что это право является величайшим плюсом в организации системы советского государства. Но дозволительно спросить: найдется ли сотня (или даже десяток) предприятий, которые бы использовали это право, скажем, в течение всего 1926 года? Так и получается, что величайшее достижение нашего политического строя остается без применения. Такое важное средство пробуждения активности избирателей и их интереса к работе советов, и затем активности самих депутатов не использовывается. На это обстоятельство обратил внимание членов партии июльский 1926 года пленум ЦК, и его решение должно быть выполнено, должен быть создан известный перелом,—может быть, на первых порах путем организации показательных примеров отзыва депутата, не оправдавшего доверия избирателей.

Не будем приводить других примеров нашего неумения вызывать активность и здоровую критику у рабочих масс. Всякий найдет их более чем достаточно, если присмотрится к своей и своих товарищей работе. Больше того, можно найти массу примеров того, как неумелая работа приводит к *притуплению интереса* рабочих к тем или иным сторонам общественной работы, когда решения рабочих собраний в жизнь не проводятся, остаются на бумаге, рабочая масса не информируется о ходе заинтересовавшего дела, когда ей не представляется обоснованного отчета о выполнении принятых постановлений. Недавно опубликованное постановление ЦК *о массовой работе на предприятиях* совершенно справедливо заостряет на этом внимание коммунистов. Так нужно, так должно.

Вопросы массовой работы ставят, между прочим еще один важнейший вопрос. Мы не учитываем *разнообразия* в запросах масс. Мы часто по инерции продолжаем свою работу в духе чистой или голой политики, оставляя без внимания, без руководства *другие* стороны в запросах рабочих. Интерес к разнообразнейшим ответвлениям культуры, науки, техники не находит у нас достаточного отзвука и сочувственного отклика. Это можно проследить, например, по содержанию многих и многих из наших газет. Между тем начавшаяся культурная революция

находит свое выражение, в частности, в том невероятно-повышенном интересе, который возбуждают вопросы культуры, литературы, искусства, науки, техники, физической культуры, изучения прошлого, изучения естественных ресурсов нашего строительства и т. д., и т. д. Правильно поставленная работа должна учитывать это разнообразие требований и нащупать правильное соотношение между материалом политическим и материалом культурно-бытовым, связывая их в едином потоке несущегося культурно-политического под'ема. Нам нечего смущаться такой разносторонностью запросов. Иной, может быть, найдет в этом «подтверждение» теории возобладания «центробежных тенденций» в нашем пролетариате. Слепец! Мы же можем только приветствовать такое сочетание культурно-политических запросов в рабочем классе,—приветствовать, способствовать и руководить...

Мы говорим о городе. Само собой разумеется, деревня также не представляет исключения. И здесь стоят вопросы массовой работы, связанные в основном с проведением в жизнь лозунга оживления советов...

Работа нашего актива сильно усложняется, дифференцируется. На ряду с дальнейшим воспитанием старых кадров рабочего класса, накопивших гигантский революционный опыт, стоит воспитание масс, лишь недавно пробудившихся к сознательной общественной жизни, еще зараженных массой мелкобуржуазных предрассудков, привносимых от условий мелкого производства. Различны ступени развития внутри каждой из этих групп. Разнообразны требования, пред'являемые этими слоями и группочками в свою очередь. Без тесных—можно сказать даже интимных—связей с самими этими массами воспитательная работа не может быть успешной. Без сплочения актива, постоянно выдвигаемого из низов, эта работа не может быть проведена. Без чуткости, внимательности, отзывчивости нечего и браться за работу. С ними же, с этими качествами массовой работы,—неслыханное расширение партийного влияния, расширение базы, на которую партия опирается в строительстве социализма, в выполнении великих исторических задач пролетариата.

А. С.

К характеристике идеологии современной социал-демократии.

(Ревизионистская апологетика капитализма).

I.

Социал-демократия еще считает себя марксистским течением в рабочем движении; мало того: ее идеологи считают социал-демократию *монопольной* представительницей марксизма [1]).

По существу дела, социал-демократия, классической представительницей которой является германская социал-демократия, отреклась от марксизма, в ряде его важнейших положений, уже давно, значительно раньше мировой войны [2]).

Однако, до последнего времени официальные представители социал-демократии прикрывали свое отступление от марксизма утверждением, что они остаются на почве марксизма; «авгуры» не переставали время от времени отмежевываться от «старого» ревизионизма, идейным отцом которого является Эд. Бернштейн.

Новое в идейных позициях социал-демократии заключается в том, что за *последние годы* теоретики социал-демократии, «подправляя» Маркса, все более решительно *признают самый факт ревизии и становятся открыто, в своей критике марксизма, на почву «старого» ревизионизма.*

В этом, уже и *формальном* признании ревизионизма выражается итог идейной эволюции социал-демократии, совершающей свой переход к ревизионизму, *по сути дела*, уже довольно давно.

Количество перешло в качество: оппортунистические идейные наслоения выглядят теперь как более или менее законченная *ревизионистская* система взглядов.

Ревизионизм Бернштейна получил в среде социал-демократии не только амнистию, но и всеобщее признание.

Вот что пишет, например, Пауль Кампфмейер в журнале «Sozialistische Monatshefte» [3]).

> «Ревизионизм, враждебный «радикальному» квиетизму и стремящийся к творческой социалистической работе, старался установить взаимную связь между практической работой рабочего класса и теорией социализма. Он совершенно иначе расценивал самостоятельные выступления рабочего класса в области государственного и коммунального социализма, в области кооперативной и профсоюзной, не так, как это де-

[1]) Коммунизм наших дней социал-демократы рассматривают как разновидность... мелкобуржуазного революционаризма!

[2]) Эта сторона дела получила теперь уже и *историческое* освещение: см. главу третью книги Н. Лукина-Антонова—«Очерки по новейшей истории Германии», Госиздат, 1926 г.

[3]) Paul Kampfmeyer: «Was ist Sozialismus» in «Soz. Monatshefte» № 1, 1927.

> лала общепринятая (landläufige) теория. *Результаты показали, что он находился в более тесном идейном родстве с подлинными марксистскими идеями, чем «марксистское» ортодоксальное учение».*

Можно предвидеть возражение, что «Sozialistische Monatshefte» не являются официальным органом партии и концентрируют наиболее правые элементы социал-демократии. Но, *во-первых*, в высшей степени характерно, что центральный комитет партии социал-демократов поручил редактирование комментариев к партийной программе, принятой в Гейдельберге в 1925 году, именно этому певцу ревизионизма и идейному руководителю «Sozialistische Monatshefte»—Кампфмейеру [1]).

Во-вторых, славословие ревизионизму нашло место и на страницах журнала «Gesellschaft», редактируемого Р. Гильфердингом, идейные позиции которого, по общему признанию социал-демократов, наиболее верно выражают идейное лицо партии.

Один из социал-демократических профессоров, Эрик Нельтинг [2]), подвизающийся на страницах органа Гильфердинга, изображает ревизиониста Бернштейна характернейшей и определяющей фигурой социал-демократического движения до последнего времени.

Разбивая историю социализма на три эпохи, (эпоха «научно-теоретическая», эпоха «организационно-пропагандистская» и эпоха «власти»), Нельтинг утверждает, что в настоящее время социал-демократия вступила в третью полосу («власти»).

Этот переход к эпохе власти был подготовлен второй эпохой, которая сделала социал-демократию крупнейшей политической силой.

Охарактеризовав эту эпоху социал-демократического движения, профессор заключает:

> *«Известная фраза Бернштейна, являющаяся в одинаковой степени и верной, и ошибочной, о том, что цель—ничто, а движение—все,—могла бы рассматриваться как лейтмотив этой фазы движения».*

Так некогда идеолог ревизионизма возводится на пьедестал, как воплощение социализма на его второй («организационно-пропагандистской») стадии развития [3]).

[1]) См. «Das Heidelberger Programm. Grundsätze und Forderungen der Sozialdemokratie». Verlag Dietz; 1925. Это издание вышло с пометкой:

> «Предлагаемый труд был издан согласно постановлению ЦК социал-демократической партии, выбравшего авторов для отдельных частей книги и поручившего общее редактирование товарищу Кампфмейеру».

[2]) См. «Die Gesellschaft», 1925. № 1, ст. «Das Dreistadiengesetz des Sozialismus».

[3]) Цитируемая нами статья интересна и с другой стороны. Социал-демократический профессор изображает Маркса исключительно как ученого и марксистское движение эпохи Маркса—как *исключительно теоретическое* движение (символом этой эпохи Э. Нельтинг считает Gelehrtenstube; *движения масс* профессор не видит; Маркса—создателя и руководителя I Интернационала—Нельтинг не знает.

Для второго этапа символом является «Rednertribüne», для третьего—«Regierungssessel» (так-то!). Социализма, как движения масс, для Нельтинга вообще не существует: социализм достигнут, когда «das Dreistadiengesetz des Sozialismus» «посадит» социал-демократов на правительственные кресла (кстати, характернейшими представителями этой третьей стадии социализма

Но Бернштейна возвеличивают не только социал-демократические профессора. Его «амнистирует» и перед ним капитулирует «сам» К. Каутский, доказывавший когда-то, что Эд. Бернштейн—не социалист и что ревизионизм—продукт буржуазного влияния.

Теперь К. Каутский поет другое: он склонен думать, что «правы были оба» и что, во всяком случае, Бернштейн многому поучил социал-демократию вообще и его, Каутского, в частности.

«*Кто из нас тогда был прав или, вернее говоря, в какой мере тот или иной был прав,—я не могу решить, так как это значило бы быть судьей в собственном деле... Я, по крайней мере, многому научился тогда у Бернштейна, хотя и иным путем, чем раньше. Я обратил внимание на слабые места в нашей доктрине, места, к которым я до того времени недостаточно внимательно относился и которые я теперь должен был лучше и изучить и правильнее понять...*» [1]).

Каутский оправдывает теперь даже центральную формулу ревизионизма: «движение—все; конечная цель—ничто».

«Эта фраза, с которой он начал то критическое движение, которое мы называем «ревизионизмом», сильнейшим образом повредила Бернштейну в наших рядах и зародила сомнения в том, является ли он вообще социалистом. Но позднейшее поведение Бернштейна показало, что он этой столь неудачно составленной фразой хотел сказать не больше того, что и Маркс своими известными словами, что один шаг подлинного движения стоит больше дюжины программ, или своей фразой, что рабочий класс не должен осуществлять никаких идеалов, а только вызвать к жизни элементы нового общественного строя».

Итак, Бернштейн—как Маркс. Его ревизионизм—это чистейший марксизм. А если К. Каутский и писал когда-то против ревизиониста Бернштейна—так, ведь, это же «грехи молодости»! Кто принимает их всерьез?

Ревизионизм обеляется всеми наперебой. Даже в «социалистических» учебниках ревизионизм изображается как стопроцентный марксизм, еще «более марксистский», чем марксизм Маркса.

профессор считает: Эберта, Макдональда и др. социал-реформистов, соучаствовавших во власти с буржуазией).

Курьезней всего то, что пишет Нельтинг о соотношении развития коммунизма и социал-демократизма:

«Со смертью Ленина завершилась первая идеологическая фаза коммунизма, при чем и здесь, по поразительной аналогии, Троцкий пережил учителя; как *наш* (!? *А. С.*) Энгельс—Маркса. С теперешними своими вождями коммунизм вступает в миссионерскую (т.-е. организационно-пропагандистскую. *А. С.*) стадию своего развития, между тем как мы уже находимся в третьей стадии, заключающейся в осуществлении социализма».

Все эти, ровно ничем не обоснованные, смехотворные глупости профессор считает изложением «Des Dreistadiengesetzes des Sozialismus». Посудите теперь на какой «стадии» находится теоретический уровень современных «ученых» социал-демократов!

[1]) См. «Die Gesellschaft» 1925. № 1. ст. К. Каутского—«Eduard Bernstein zu seinem fünf-und siebziegsten Geburtstag».

Характеризуя ревизионизм, автор учебника социал-демократической «политграмоты» для «социалистической» молодежи [1]), пишет:

«В крупном вопросе (о котором здесь не приходится более подробно говорить): *социальная политика или социальный революционаризм?*—он сознательно стал на точку зрения социальной политики, и отсюда ясно его отношение к злободневным вопросам настоящего времени и в особенности к вопросу: демократия или диктатура? *В этой форме ревизионизм является в конечном счете не чем иным, как марксизмом, очищенным от всех революционистских и утопических шлаков*».

Большей ясности желать невозможно: учение Маркса о пролетарской революции и диктатуре пролетариата—шлак; ревизионизм Бернштейна—чистейший марксизм!

Такому «марксизму» обучают социал-демократы современную рабочую молодежь!

* * *

Но *формальное* признание ревизионизма имеет место среди социал-демократии неспроста. Шаг за шагом отходила социал-демократия от марксизма; шаг за шагом она приближалась в своих оценках, положениях и выводах к ревизионизму; год за годом она все решительнее защищала социал-реформизм против революционного марксизма; год за годом «философия» ее политики приобретала все более явный ревизионистский облик.

В таких условиях признание ревизионизма стало необходимостью; стала необходимостью коренная и открытая переоценка прежних ценностей, стала необходимостью борьба с идеологическими пережитками полуреволюционного прошлого.

Социал-демократия сочла за благо выбросить за борт ненужный и связывающий балласт в виде рудиментарных идейных остатков прошлого: она явно выступила *против марксизма, за ревизионизм.*

Но ревизионизм—это определенная система взглядов. «Усвоила» ли эту систему взглядов современная социал-демократия? Несомненно, усвоила и *признала своей*.

Ревизионистский оппортунизм выразился, прежде всего, *в отказе от марксовой оценки тенденций и перспектив развития капитализма и в замене марксовой теории социалистической революции теорией социал-реформизма.*

Посмотрим раньше, в какой степени современная социал-демократия стала ревизионистской в оценке тенденции и перспектив капиталистического развития.

Одним из основных элементов теории общественного развития Маркса является его положение о накоплении противоречий между производительными силами и производственными отношениями капитализма. Проявление этих противоречий Маркс усматривал в кризисах, а неизбежным средством разрешения этих противоречий считал пролетарскую революцию.

Ревизионисты, как известно, «ревизовали» марксизм в этом пункте: они утверждали, что противоречия смягчаются уже в

---

[1]) См. «Die Theorie des modernen Sozialismus». Für die jugend dargestellt, von Rudolf Abraham, Berlin, 1923, herausgegeben vom Hauptvorstand des Verbandes der soz. Arbeiterjugend Deutschlands, стр. 133.

рамках капитализма и что, в частности, капитализм все более успешно борется с кризисами.

Послушаем, что говорит по этому поводу официальный редактор комментариев к теперешней социал-демократической программе, Пауль Кампфмейер [1]):

«Маркс недооценил лишь эластичность и гибкость капиталистических форм собственности, которые вмещают в себе сейчас, может быть, в десять раз большее товарное богатство, чем он в свое время предполагал.

Может быть, именно это противоречие между производительными силами и условиями производства и собственности, которое Маркс так подчеркивал и которое, по его мнению, открывало путь к социализму, и является слабым (конечно, не решающим) пунктом в его теории развития социализма. Колоссальное развитие производительных сил ни в одной культурной стране не привело к разрушению капиталистических экономических форм. Таким образом, не оправдались надежды на те бессознательные процессы обобществления и разрушения!»...

То, что Кампфмейер говорит о тенденциях *современного капитализма вообще*, Гильфердинг отмечает в отношении империализма военного и послевоенного «периода» [2]).

«В экономическом отношении война и послевоенный период сопряжены с чрезвычайным усилением концентрационных тенденций капитала... Одновременно с этим крепнет порядок и сознательное руководство экономической жизнью... Уменьшается изменчивость условий капиталистического производства, и смягчаются кризисы или, по меньшей мере, их действие на рабочих»...

Итак, противоречия между производительными силами и производственными отношениями уменьшаются, кризисы смягчаются—словом, «тишь да гладь, да божья благодать».

Но эти «теорийки» прежде всего не выдерживают критики с точки зрения *фактов*. Мировое хозяйство пережило в военный и послевоенный период небывало-тяжелый кризис, а современные ревизионисты разливаются соловьем относительно плавности и непрерывности «мирного» развития капитализма.

Оказывается, *не было* никаких потрясений, *не было* разрыва связей мирового капитализма, *не было* жестких кризисных конвульсий в хозяйственном организме капиталистических стран.

Оказывается, *не верно*, что над шестой частью земного шара господствует диктатура пролетариата, под руководством которой трудящиеся СССР строят *новое* общество, с *новыми* закономерностями, *принципиально иными*, чем при капитализме, отношениями, *принципиально другими* тенденциями и перспективами развития. Оказывается, *не было и нет* сильнейших антиимпериалистических колониальных движений.

Если поверить этому «об'ективному» лакею буржуазии, то за военный и послевоенный период капитализм достиг небывалых успехов и проделал новый, бесперебойный, громадный цикл прогрессивного развития.

[1]) См. «Sozialistische Monatshefte», 1927, № 1, ст. «Was ist Sozialismus».
[2]) «Die Gesellschaft» 1924, № 1 «Problem der Zeit».

Сие утверждается, несмотря на то, что современная продукция капитализма лишь чуть-чуть отошла от довоенных норм.

Почти пятнадцать лет капитализм в противоречивых движениях и потрясениях топчется на одном месте, а социал-демократический апологет капитализма убеждает рабочих, что капитализм бежит вперед, что он прогрессивен, что противоречия внутри его смягчаются, что достижения подводят его вплотную к идиллическому состоянию ультраимпериализма [1]).

Продажный теоретический ланцет усердно соскабливает с капитализма «кровь и грязь» и подчищает его в интересах контрреволюции. Замечательная картина!

Итак, экономическое развитие, развитие производительных сил,—утверждают сегодняшние ревизионисты так же, как утверждали и «старые» ревизионисты *против Маркса*,—не стесняется капитализмом. Последний оставляет возможность для небывалого экономического прогресса, для непрерывного развития производительных сил общества.

Составитель учебника социал-демократической политграмоты прямо заявляет, что прогноз Маркса в этом отношении не оправдался [2]).

«Мы, однако, уже отметили, что несмотря на наличие огромной доли правды в прогнозе Маркса, *отдельные его составные части в последующем развитии далеко не оправдались во всех отношениях*. Это касается главным образом теории крушения, или катастрофы, того великого «краха», которого ожидал Маркс в результате постоянного учащения и обострения экономических кризисов. *В этой форме громадная катастрофа не наступила и не наступит*, так как не осуществились ее предпосылки—учащение и обострение экономических кризисов».

Все отмеченные выше ревизионистские суждения о смягчении противоречий внутри капитализма и о блестящих перспективах развития производительных сил в рамках капитализма—имеют целью обосновать *ненужность*, *излишность* пролетарской революции *с точки зрения перспектив экономического развития*.

Соответственно этому, современный ревизионизм утверждает, далее, что смягчение противоречий происходит и в области *социальной*. На пути этих утверждений современные ревизионисты, следуя примеру «старых» ревизионистов, отрекаются от марксовой теории и «обнищания» масс».

Карл Каутский, подавший в этой области пальчик ревизионистам уже давно, в своей программной работе «Die proletarische Revolution und ihr Programm» высказался в том духе, что теория «обнищания» верна только для первых ступеней «примитивного» рабочего движения [3]). По мере же укрепления рабочего движения, закон «обнищания» перестает действовать.

В уже цитированном нами учебнике мы встречаем следующее заявление [4]):

[1]) Об отношении социал-демократии к империалистической политике мы будем писать в особой статье.
[2]) «Die Theorie des modernen Sozialismus» von Rudolf Abraham, стр. 128.
[3]) См. Karl Kautsky — «Die proletarische Revolution und ihr Programm», Verlag Dietz, 1922, стр. 51.
[4]) «Die Theorie des modernen Sozialismus» von Rudolf Abraham, стр. 128—129

«И учение о растущем обнищании пролетариата не вполне оправдалось... Правда, с момента начала мировой войны, развитие снова идет по пути, предсказанному в этой теории обнищания: цены на все предметы первой необходимости постоянно подымаются в то время, как зарплата не подымается в соответствующем размере, в результате чего положение рабочих действительно ухудшается. Однако, общее экономическое развитие с 1914 г. протекает так неравномерно, в нем настолько отсутствует какая-либо закономерность, что нельзя считать обнищание рабочих, явившееся результатом войны, тем именно обнищанием, которое было предсказано Марксом».

Итак, теория обнищания тоже «устарела». Новые ревизионисты находятся в полном единодушии со старыми.

В полном единодушии со старым ревизионизмом они говорят о неприменимости законов капиталистического развития к области *сельского хозяйства*. Если Каутский еще полуоспаривал ревизионизм Давида, Бернштейна и др. в этой области в книге «Die proletarische Revolution und ihr Programm», то ко времени своего последнего партийного с'езда социал-демократия и здесь полностью капитулировала перед ревизионизмом. Социал-демократы сделали из своих теоретических положений соответствующий программный вывод. Кампфмейер с ревизионистским садизмом торжествует по поводу того, что марксова теория обнищания была отвергнута на Гейдельбергском с'езде социал-демократии в 1925 году.

«Социал-демократическая партия оценивает нынешние производительные силы работы совсем иначе, чем в 1891 году в Эрфурте...

И в Гейдельберге социал-демократическая партия внесла улучшение в прежнее учение об экономическом развитии капиталистического общества... Гибнущий средний слой крестьянства не фигурирует уже в гейдельбергской программе. *В новую программу не включен и пункт эрфуртской программы, согласно которому капиталистическая монополизация увеличивает нужду, порабощение, унижение и эксплоатацию пролетариата»*.

Итак, от критики марксовой теории обнищания до теории гармонии классовых интересов прямой путь.

Оказывается, смягчаются и *экономические* и *социальные* противоречия. Эксплоатация уменьшается. Господствует, стало быть, тенденция систематического улучшения материального положения рабочих. Уменьшается норма эксплоатации, что, в свою очередь, действует в направлении уменьшения нормы прибыли капиталиста.

Мелкое крестьянское производство более живуче, чем капиталистическое.

Не придется ли—при последовательности—завершить эту милую теорийку теорией «обнищания капиталистов»?

Само собой разумеется, что классовая борьба при подобных теоретических посылках должна, в сознании социал-демократов, смягчаться. Но сказать сие *прямо* они не хотят. Тем не менее, в прикрытой форме, однако, все же достаточно ясно, они это высказывают. Характерны в этом отношении комментарии Карла Каутского к общей части гейдельбергской социал-демократической программы. Отмечая, что классовая борьба пролетариата и буржуазии протекает в условиях формальной политической демократии, Каутский утверждает [1]):

«*Чем дольше существует демократия в какой-либо стране*, чем неограниченней она, *тем больше теряют свой первоначальный дикий характер пролетарские классовые бои.* Таким образом, все более смягчаются *формы пролетарской классовой борьбы, несмотря на то, что классовые противоречия, с другой стороны, все больше обостряются.*

Не только пролетарии становятся в своей борьбе спокойнее благодаря росту своего самосознания, но благодаря накоплению опыта у них все более усиливается чувство своего превосходства, и они становятся более прозорливыми и рассудительными. В виду роста их силы их враги, капиталисты, со своими друзьями в правительстве и в печати, вынуждены с большим уважением и с большей корректностью относиться к пролетариям. *Таким образом и капиталисты приучаются применять более мягкие методы в классовой борьбе*».

Классовые противоречия «*вообще*»—обостряются, а *поэтому* смягчайте *формы классовой борьбы!* При этом дана перспектива: по мере того, как рабочие будут смягчать методы своей классовой борьбы, буржуазия *тоже* будет их смягчать.

Отсюда прямой вывод: чем «мягче», тем «лучше». Не пойти ли просто спать, господин Каутский?

Итак, современные «марксисты», усмотревшие в бернштейнианстве «более марксистский» марксизм, чем марксизм Маркса, дают следующую оценку тенденций капиталистического развития.

Противоречия между производительными силами и производственными отношениями смягчаются; процессы обнищания эксплоатируемых масс уже в прошлом; формы классовой борьбы смягчаются.

Не правда ли, «совсем» как в «Коммунистическом Манифесте»?

В такой «оценке» тенденций современного капитализма проявляется, несомненно, определенная политическая цель.

Рабочий класс вступил в эпоху, когда он должен нанести решающий удар загнивающему капитализму. Успешное выполнение этой исторической миссии предполагает правильную оценку классового противника, знание его сильных и слабых сторон, умение ударить по наиболее уязвимым местам капиталистической системы.

А социал-демократы стараются укрыть от пролетариата эти уязвимые места и предотвратить победу пролетариата.

В этом смысл ревизионистской апологетики капитализма.

II.

Скатившись к ревизионизму в *оценке тенденций капиталистического развития*, социал-демократы, естественно, вместе со «старыми» ревизионистами, отвергают марксову теорию пролетарской революции, хотя и не без лицемерия.

[1]) См. «Das Heidelberger Programm», Verlag Dietz, 1925, стр. 17.

Они, видите ли «развивают» марксизм, «продолжают» его в новой обстановке.

Гильфердинг не стесняется написать [1]:

> «Если Энгельс называл дело своей жизни и жизни Маркса развитием социализма от утопии к науке, то сейчас дело идет о применении социальной науки для социальной организации. Это был бы переход от научного социализма к конструктивному».

Итак, «марксизм» Гильфердинга—Каутского—Кампфмейера—это то же самое, что поповские «конструктивные» пошлости Макдональда.

Вместо революционного пролетарского социализма Маркса—псаломщически-пацифистское славословие капитализму; вместо пролетарской революции—медленное «органическое» приспособление к капитализму.

Сие называется—«продолжать» Маркса!

Нельзя трогать капитализма, нельзя «расстраивать» революцией «хозяйство»; нельзя пользоваться «слабостями» капитализма в революционных целях.

В борьбе против марксистско-ленинской теории революции идеологи социал-демократии приходят к таким положениям, из которых вытекает *невозможность пролетарской революции вообще и невозможность уничтожения капитализма вообще.*

К. Каутский, например, пишет в оправдание поддержки, оказанной социал-демократами германскому капитализму в период послевоенного кризиса [2]:

> «В свое время «радикалы» меня очень упрекали в том, что я уже в начале революции считал ближайшей важной экономической задачей скорейшее восстановление производства. Это, мол, означало, по их мнению, восстановление капитализма, а для строительства социализма необходимо полное расстройство производственного аппарата. По этому замечательному рецепту поступают теперь еще коммунисты везде, за исключением России, где большевики, уже спустя один год заметили, что расстройство производства ведет не к социализму, а к катастрофе».

Итак, капитализм должен остаться неприкосновенным. Революция, согласно Каутскому, состоит не в перевороте в производственных отношениях, который неизбежно сопровождается временным падением производительных сил [3], а в содействии непрерывному росту капиталистического производства, бесперебойному функционированию капитализма. Хороша «революция». Каутский, так много болтающий о диалектике, не понимает революционно-диалектической постановки вопроса о различном отношении пролетариата к производству *до* и *после* установления новой системы производственных отношений, *до* и *после* диктатуры пролетариата.

Пролетариат не заинтересован в восстановлении сил дезорганизованного капитализма—он *заинтересован*, наоборот, в

[1] «Die Gesellschaft», 1924, № 1, «Problem der Zeit» von Rudolf Hilferding.

[2] «Die Gesellschaft» 1924, № 1 «Phasen und Zeitschriften des Marxismus» von Karl Kautsky.

[3] Эта сторона дела прекрасно освещена в «Экономике переходного периода» тов. Н. Бухарина.

использовании слабости капитализма для совершения переворота и установления своей диктатуры.

Пролетариат отдает все свои силы на укрепление производства тогда, когда в производственных отношениях, в результате революции, произошел решающий переворот, когда производственные отношения движутся уже на социалистических рельсах.

Поэтому глупо и нелепо говорить, как это говорит Каутский, что большевики изменили себе, перейдя от политики *дезорганизации капиталистического способа производства* к политике *укрепления социалистических производственных* [1]) отношений.

Укрепление и прогрессивное развитие социалистической системы производственных отношений обязательно предполагает предварительный переворот в производственных отношениях.

Этого не могут и не хотят понять оппортунисты.

Посмотрите, что, например, пишет другой опошлитель марксизма Бенедикт Каутский [2]:

> «Капиталистический механизм устоял благодаря своей стихийной силе, и все эксперименты показали лишь нецелесообразность варварских русских приемов, ибо нарушение механизма, не устраняя систему, безусловно создает препятствия на пути экономического развития. В этом развитии пролетариат, однако, вдвойне заинтересован в настоящее время, *так как только расцветающая экономическая жизнь может ему обеспечить лучшие условия жизни и борьбы и в будущем, так как каждый шаг в дальнейшем развитии капитализма является дальнейшим шагом на пути к социализму*».

В эпоху *«загнивания»* капитализма, в эпоху исторического *кризиса* капиталистической системы, Каутские выступают перед пролетариатом с лозунгом: *«укрепляйте капитализм!»*.

Но что же получается у проповедников «конструктивного социализма»?

Когда кон'юнктурные колебания несколько *поднимают* «загнивающий» капитализм,—они кричат: *не* притрагивайтесь к капитализму, ибо он развивает производительные силы, ибо он прогрессивен.

Когда кризис капитализма обостряется, они убеждают, что делать революцию нельзя, что надо поправить «хозяйство», «Weil jede Weiterentwicklung des Kapitalismus einen Schritt zum Sozialismus darstellt».

[1] Социал-демократ Fritz Ebert младший в своей брошюре «Der deutsche Arbeiter in der Wirtschaft» (Berlin, 1925) с большой похвалой отзывается о борьбе российского пролетариата за под'ем социалистической государственной промышленности, о тех материальных жертвах, которые довелось принести пролетариату на пути восстановления промышленности.

Он останавливается на циркуляре ЦК ВКП(б) и отзывается с похвалой об экономической политике большевиков, о тех мероприятиях, которые они намечают и которые должны «привести к снижению себестоимости продуктов».

> «Понижение себестоимости путем повышения производительности и отстающего повышения зарплаты — вот, значит, экономическая программа большевиков».

И... рекомендует германскому пролетариату придерживаться той же политики в отношении *капиталистического* производства. Всего лишь маленькая «классовая поправочка»!

[2] См. его статью «Einige Bemerkungen über den Mechanismus der kapitalistischen Produktionsweise» в сборнике «Der Lebendige Marxismus», Jena, 1924.

«Загнивающему» капитализму надо помогать *всегда*: *и тогда*, когда он *трещит по швам*, *и тогда*, когда он временно *выкарабкивается* из критического положения.

В итоге социал-демократы оказываются на позициях признания *«вечности»* капитализма и невозможности социализма и пролетарской революции.

Пролетариат должен *бесконечно* помогать капитализму укреплять его позиции, *бесконечно* содействовать развитию производительных сил на основе капиталистических производственных отношений, *бесконечно* служить об'ектом эксплоатации со стороны капитала.

Он никогда не должен посягать на низвержение капитализма, ибо революционное выступление поведет к дезорганизации хозяйственной системы капитализма, а эта дезорганизация «отдалит» социализм. *Чем сильнее капитализм—тем ближе социализм.* Поэтому: *чем сильнее пролетариат способствует укреплению капитализма, тем успешнее он подготовляет торжество социализма.*

Такова «социалистическая» логика идеологов оппортунизма *в эпоху «загнивающего» капитализма.*

Завершающим звеном этой логической цепи выступает следующее утверждение Карла Каутского: [1]).

«Правда, осуществлению социализма должно предшествовать банкротство капитализма, но моральное банкротство перед лицом масс, а не экономическое банкротство, выражающееся в прекращении производства».

Укрепляйте капитализм *экономически*, помогайте ему двигаться вперед по линии расширенного воспроизводства эксплоататорских отношений, и *осуждайте* при этом поддерживаемый вами капитализм *морально* («Справедливость» требует: чем больше поддерживаете, тем больше осуждайте!).

Таково гнуснейшее поповское обращение каутскианства к пролетариату, таковы социал-демократические перспективы для рабочего класса.

Поставленные перед проблемой социалистической революции, социал-демократы высказываются за сохранение капитализма и отказ от революционного низвержения буржуазного строя.

«Философию» «социалистической» контрреволюции, между прочим, выразил и Гильфердинг.

«Ясно, что установление хозяйственной демократии является необыкновенно сложной проблемой, разрешение которой возможно лишь в длительном историческом процессе, в котором все больше должен усиливаться демократический контроль над растущей организацией экономической жизни со стороны концентрированного капитала. Ибо, если и возможен переход политической власти от одного класса к другому в относительно короткий промежуток времени, т.-е. революционным путем, то, с другой стороны, процесс образования экономических форм требует длительного органического развития, т.-е. эволюционного пути».

---

[1]) «Die Gesellschaft», 1924, № 1. «Phasen und Zeitschriften des Marxismus» von Karl Kautsky.

Сравните эту, с позволения сказать, «теорию» с тем, что писал о социальной революции вообще и пролетарской в частности Карл Маркс, и тогда станет очевидным, что Гильфердинг не имеет с марксизмом ничего общего.

«На известной ступени своего развития,—читаем мы у Маркса [1]),—*материальные производительные силы общества впадают в противоречие с существующими производственными отношениями* [2]) или, употребляя юридическое выражение, с *имущественными отношениями*, внутри которых они *до сих пор* действовали. Из форм развития производительных сил *эти отношения становятся их оковами*. Тогда наступает эпоха социальной революции. *С изменением экономического основания* более или менее быстро преобразуется и вся громадная надстройка над ним. При рассмотрении таких революций следует всегда иметь в виду разницу между *материальным переворотом в экономических* условиях *производства*, *который можно определить с естественно-научной точностью*, и юридическими, политическими, религиозными, художественными или философскими, словом, идеологическими формами, в которых люди воспринимают в своем сознании этот конфликт и во имя которых они борются».

Таким образом, Маркс говорит о социальной революции как о «перевороте в экономических условиях производства», т.-е. в «производственных отношениях», при этом он подчеркивает, что этот переворот «можно определить с естественно-научной точностью», что содержанием социальной революции пролетариата является *революционное преодоление* старых *капиталистических* производственных отношений и установление новых *социалистических* отношений.

Маркс говорит далее, о том, что в переводе на юридический язык, этот революционный переворот в производственных отношениях означает переворот в *«имущественных* отношениях» («экспроприация экспроприаторов»).

Маркс видит в революционном перевороте производственных отношений основной и определяющий признак социалистической революции.

Диктатура пролетариата есть орудие этого переворота и орудие *обусловленного* этим переворотом социалистического строительства.

Гильфердинг же «допускает» политическую революцию пролетариата, но лишает ее классового пролетарского содержания и вкладывает в нее буржуазное содержание.

Пролетариату «разрешается» бороться за политическую власть (правда, «бороться» на основе буржуазного парламентаризма—где же тут революция?), но не разрешается «беспокоить» капиталистическую систему отношений—так выглядывает «новая» формула столько же наивного, сколько подлого проявления этого Übergang vom wissenschaftlichen zum konstruktiven Sozialismus».

Предпосылкой этой теории, несомненно, является ревизионистское отрицание марксова положения о нарастании противоречий между производительными силами и производственными отношениями, о чем так откровенно говорит П. Кампфмейер.

---

[1]) К. Маркс—«К критике политической экономии». Предисловие.
[2]) Курсив всюду наш. *А. С.*

Но ревизионистской—и по существу и формально—является не только эта предпосылка но и *сама теория* «революции».

«Конструктивно-социалистическая» концепция—*старая ревизионистская* концепция.

Не социальная революция, а социальная реформа—таков был лозунг старого ревизионизма и таков лейтмотив современной «конструктивно-социалистической» теории. Ревизионизм Бернштейна получил и в *этой области* полное признание.

Именно об этой победе ревизионизма писал «воспитатель» молодого «социалистического» поколения [1]):

> «В крупном вопросе (о котором здесь не приходится более подробно говорить): *социальная политика или социальный революционаризм?*— он сознательно стал на точку зрения социальной политики, и отсюда ясно его отношение к злободневным вопросам настоящего времени и в особенности к вопросу: демократия или диктатура? *В этой форме ревизионизм является в конечном счете не чем иным, как марксизмом, очищенным от всех революционаристских и утопических шлаков*».

Марксизм «очищен от революционаристских шлаков» и в вопросе об основных тенденциях капиталистического развития и в вопросе о пролетарской революции.

Так «очищен», что мы имеем полное право наклеить на лбу Каутского, Гильфердинга и пр.: *ревизионисты, бернштейнианцы.*

Полная капитуляция перед «старым» ревизионизмом—и по существу и формально—вот характернейшее «достижение» современного социал-демократизма.

---

[1]) «Die Theorie des modernen Sozialismus» von Rudolf Abraham, Berlin 1923, стр. 133.

Арт. Кактынь.

Вопросы нового промышленного строительства.

Общих принципиальных вопросов индустриализации страны сейчас, в марте 1927 г., через год с лишним после XIV с'езда и через полгода после XV конференции ВКП(б), ставить не приходится, ибо *линия на индустриализацию взята твердо. всерьез и надолго.* Не исключена, конечно, возможность, что под тем или иным флагом принципиальные противники индустриализации, представители всякого рода аграрных уклонов попытаются «ревизнуть» эту основную линию партии. Возможные просчеты и неувязки в новом строительстве, протягивание его через те или другие узкие места нашей экономики могут послужить поводом для того, чтобы в той или иной мере попытаться поднять вновь основной принципиальный вопрос.

Сейчас мы все же можем на время отвлечься от принципиальных вопросов индустриализации и сосредоточить свое внимание на наиболее существенных *практических* вопросах, связанных с выполнением первой очереди генерального плана индустриализации, первой серии новых фабрик и заводов, шахт и рудников, строящихся в течение ближайшего пятилетия, начало которого совпадает с прошлым и текущим строительными сезонами. Приведем несколько характерных цифр, дающих представление о тех величинах, с какими мы имеем дело в эти годы:

Размеры капитальных вложений в сельское хозяйство и промышленность.

По «Контрольным цифрам Госплана» прирост основных фондов в сельском хозяйстве и промышленности в течение последних лет рисуется в следующем виде:

Величина прироста основного капитала, в милл. червон. рублей.

	1923/24	1924/25	1925/26	1926/27
Сельское хозяйство	592,7	643,7	702,8	811,3
Промышленность (без жил. строительства)	—19,2	76,0	512,2	518,3
Электростроительство . .	38,2	39,7	65,6	79,0

В процентах от основного капитала к началу года.

	1923/24	1924/25	1925/26	1926/27
Сельское хозяйство . . .	2,8	3,0	3,1	3,5
Промышленность (без жил. строительства)	—0,3	1,3	9,1	8,4
Электростроительство . .	29,0	23,3	31,3	28,7

В результате основной капитал сельского хозяйства должен в течение четырех лет возрасти с 20.712 милл. в начале 1923—24 г. до 23.462 милл. к концу 1926—27 г.; по промышленности соответственно—с 5.568 милл. до 6.655 милл.; по электростроительству—с 131,7 милл. до 354,2 милл. Результат этот достигается путем новых вложений, погашающих текущий износ. Вложения эти исчисляются в следующем размере (в млн. ч. руб.):

	1923/24	1924/25	1925/26	1926/27
Сельское хозяйство . . .	645,5	743,0	849,9	966,4
Промышленность (без жил. строительства)	245,3	339,5	779,3	809,8
Электростроительство . .	42,0	43,3	69,1	90,0

Из приведенных цифр мы видим, что промышленность вместе с электростроительством по размерам новых вложений не достигает еще размеров вложений в сельское хозяйство. Хотя и по бюджету вложения в промышленность значительно превышают вложения в сел. хоз., однако, вкладываемые в последнее накопления самого крестьянства в общей своей сумме значительно превышают то накопление, какое производит наша промышленность.

Таковы в основных чертах данные контрольных цифр. В результате обсуждения промфинплана на 1926—27 год, общая сумма вложений, как в промышленность, так и в электростроительство была повышена и выразилась, в конечном счете, в сумме *947,8 милл.* по промышленности, считая в том числе 89,9 милл. на жилищное строительство на существующих фабриках и заводах, и в *153,6 милл. руб.* по электростроительству, или в общей сумме—в *1.100 милл. черв. рублей*. План этот, с выделением 55,1 милл. рублей во вторую очередь и 30 милл. в резерв, был окончательно утвержден СНК и закреплен в той части, в какой он отражается в бюджете, последней сессией ЦИК.

Размеры нового промстроительства.

Как мы видим из приведенных цифр, план капитальных вложений в промышленность, даже в последнем увеличенном его выражении, не намного (всего на 50 прим. милл., если не считать жилстроительства) превышает размеры прошлогодних капитальных вложений и только еще настигает по абсолютной своей величине размеры капитальных вложений в сельское хозяйство, хотя, правда, он обеспечивает значительно более быстрый прирост основных капиталов в промышленности, чем прирост их в сельском хозяйстве. Однако, уже и эти размеры капитальных вложений в промышленность в их осуществлении сопряжены с величайшими трудностями и представляют собой ответственнейшую по выполнению задачу. Трудности реализации этого плана вытекают не столько из его величины, сколько из его внутреннего содержания. Дело в том, что, по сравнению с прошлым годом, и тем более—с позапрошлым, в составе вложений в промышленность заметно вырастает цифра вложений на *новое строительство*. Для того, чтобы лучше себе это представить, приведем разбивку капитальных работ текущего и прошлого годов по основным категориям работ (см. табл. на 23 стр.).

Еще более наглядно вырисовываются перед нами трудности нового строительства, если учесть в целом и по отдельным отраслям промышленности, какую долю вложения прошлого и

Строение капитальных работ	Фактич. выполнение в 1925/26 г.	В %% к итогу	По плану на 1926/27 г.	В %% к итогу
1. Капитальный ремонт	133,7	17,1	122,5	13,3
2. Переоборудование и расширение	458,9	58,7	517,7	56,4
3. Жилстроительство на существующих ф-ках	85,0	10,9	89,9	9,8
4. Новые заводы, ф-ки, шахты, и пр. сооружения:				
а) строительство и оборудование	93,6	12,1	179,8	19,6
б) жилстроительство	9,5	1,2	7,9	0,9
Итого по новым заводам . .	103,1	13,3	187,7	20,5
Всего . . .	780,8	100,0	917,8[1]	100,0

этого года составляют от полной себестоимости заводов, фабрик, шахт и т. д., строительство которых начинается в эти два года. (См. таблицу на стр. 24).

Мы видим, что затраты 1925—26 г. на новое строительство, в 104,4 милл. и 1926—27 г. в 185,7 милл. составляют в общей сложности меньше половины суммарной стоимости новых заводов, фабрик и шахт, закладываемых в эти годы, определяющейся округленно в *650,0 милл. рублей*; при этом в 1925—26 г. окончено было новых заводов всего на 25,0 милл. и в текущем году предполагается закончить на 110,2 милл., что не достигает даже ¹/₄ всей стоимости новых фабрик и заводов. Несколько большую цифру заканчиваемых заводов должен нам дать 1927—28 г., но тем не менее больше половины нового строительства будет закончено лишь в последующие после 1927—28 годы, т.-е. весь период стр-ва протянется значительно дольше трех лет [2].

Финансовые ресурсы промстроительства.

С каждым годом доля средств, вкладываемых в новые заводы и фабрики, в том числе, доля средств, дающих почин к новым строительствам, будет возрастать. Мы будем постепенно все больше и больше вкладывать свои капиталы в будущие средства производства, самое создание которых требует значительного времени. Это длительное увязывание средств в новом капитальном строительстве и является основной причиной того *напряжения финансовых ресурсов*, какое получается в промышленности и во

[1]) Сверх того, по плану предусмотрен резерв в сумме 30 милл. руб., который, конечно, не может быть распределен по отдельным видам работ.

[2]) Уже после написания настоящей статьи был опубликован приказ ВСНХ, несколько увеличивающий сумму нового строительства в этом году за счет капитального ремонта и переоборудования. По приказу ВСНХ сумма нового строительства возрастает до 189 млн. руб., давая начало, вместе с прошлогодними вложениями, строительству новых заводов и фабрик стоимостью в 694 млн. руб. Мы не могли уже исправить соответственным образом таблиц, тем более, что разбивка дополнительных вложений по отраслям не вполне уточнена, но, по всей видимости, это мало отразится на распределении строительства по отраслям.

Строительство новых фабрик, заводов, шахт и т. п., включая жилстроительство при них (в миллионах руб.) [1].

Отрасли	Полная себестоим. всех строящихся заводов, шахт и т. д.	Израсходовано в 1925—26 г.	Предполагается израсходовать на 1926—27 г.	В том числе предполагается в 1926—27 г.: Продолж. работы, уже начат. в пред. годы.	Начать новые работы.	Полная стоимость заводов, оконченных или оканчивающихся в: 1925—26 г.	1926—27 г.	1927—28 г.	В последующие годы.
Металлическая	108,6	7,5	18,0	16,6	1,4	1,2	—	5,2	102,2
Электротехн. . .	12,9	2,0	6,2	4,7	1,5	—	1,6	11,3	—
Каменноугольная	223,6	29,7	58,4	4,4	54,0	7,0	27,9	49,3	139,4
Нефтяная . . .	69,5					1,1	9,5	11,9	47,0
Прочая горная .	0,6	0,7	2,9	—	2,9	—	0,2	0,4	—
Химическая (без стекла)	17,7	13,5	12,9	5,6	7,3	1,9	13,1	2,7	—
Стекло-фарфоров.	22,0					6,0	—	16,0	—
Огнеуп.-кирпичн.	14,9	5,1	19,7	8,2	11,5	—	—	14,9	—
Строит. кирпичн.	8,8					0,6	6,2	2,0	—
Лесная	19,3	7,1	10,3	6,0	4,3	1,7	9,8	7,8	—
Бумажная	50,9	9,6	20,9	20,9	—	—	3,3	29,7	17,9
Текстильная . . .	77,4	19,5	27,0	16,7	10,3	2,7	27,5	28,3	18,9
Крахмало-паточн.	6,3						0,3	—	6,0
Маслобойная . .	4,5					0,1	3,1	1,3	—
Консервная . . .	1,9	2,4	8,3	2,0	6,3		1,9		—
Табачная и махорочная	2,9						0,2	2,7	—
Рыбная	4,7	—	—	—	—	—	4,7		—
Кожевенная . . .	8,6	3,9	3,1	3,1	—	2,7	1,0	4,9	—
Разная	—	2,1	—	—	—	—	—	—	—
Итого . . .	655,1	103,1	187,7	88,2	99,5	25,0	110,3	188.4	331,4

всем хозяйстве в последние годы. Оно будет, очевидно, довольно длительным, ибо только по мере завершения ряда новых фабрик и заводов, вкладываемые в них капиталы придут вновь в движение и начнут давать промышленности прибыль. Промышленности приходится мобилизовать на свои капитальные вложения до половины всей вкладываемой суммы из своих внутренних ресурсов: из накапливаемых ею - прибылей, из амортизационных капиталов и других источников. Это напряжение финансовых средств промышленности приводит к известному напряжению как наших бюджетных ресурсов, так и ресурсов Госбанка, Промбанка и всей нашей кредитной системы, ибо только при их помощи возможно обеспечить в финансовом отношении предпринятое новое промышленное строительство. Не следует при этом упускать из вида, что вследствие смягчения товарного голода оборот промышленных товаров несколько замедляется и соответственно этому потребности в оборотных средствах, независимо от средств, потребных для нового строительства, возрастают; оканчиваемые новые фа-

[1] Следует отметить, что в общую сумму вложений, предназначенных на новое строительство в этом году, т. е. в сумму 187,7 млн. руб. входят 11,8 млн. руб. на проектирование фабрик, заводов и пр. предприятий, строительство которых в этом году еще не начнется.

брики и заводы, в свою очередь, нуждаются сверх основного капитала еще и в оборотном капитале, который нужно им своевременно выделить.

Финансовые ресурсы становятся, таким образом, одним из самых узких мест, через которые нужно провести новое промышленное строительство. На ряд лет мы будем вкладывать десятки и сотни миллионов в новые постройки и сооружения, во всякого рода орудия и средства производства, не получая в ближайший срок эффекта от вкладываемых капиталов. При всей нашей бедности, при ограниченности наших денежных и материальных ресурсов, при крайней сжатости бюджета, нам приходится производить столь широкое новое промышленное строительство, ибо только посредством его мы можем выйти на широкий путь дальнейшего хозяйственного развития в качестве экономически и политически самостоятельной страны. Ясно, что практически это достижимо лишь в порядке *величайшей экономии* в расходовании средств, вкладываемых нами в промышленность, чтобы от каждого вкладываемого рубля получать максимальный эффект. С другой стороны, применяя эту экономию к расходам в самой промышленности и других отраслях хозяйства, в особенности к расходам административным, мы должны будем сберегать необходимые для индустриализации средства, путем *внутреннего промышленного накопления*, или путем перевода через *бюджет* в промышленность накоплений, производимых в других отраслях народного хозяйства.

Цены на промизделия, себестоимость и промышленное накопление.

С вопросом финансирования нового промышленного строительства связана проблема *промышленных цен*. Нам приходится в целях обеспечения широкого сбыта промышленной продукции, в интересах широкого развития внутреннего рынка, в целях повышения материального уровня жизни широких масс рабочих и крестьян и создания тем самым прочной *экономической базы* для индустриализации, вести линию на *снижение розничных промышленных цен*, что, в свою очередь, достижимо лишь при снижении также и оптовых и отпускных промышленных цен. Если снижение розничных цен, как таковое, может итти за счет сокращения прибылей торгового аппарата, что по существу не только возможно, но и прямо-таки необходимо, чтобы устранить непроизводительное расходование накапливаемых в народном хозяйстве средств, то снижение оптовых и отпускных цен, особенно последних, уже непосредственно бьет по накоплению самой промышленности, передавая в порядке снижения цен известную часть этого накопления потребителю (или, в худшем случае, товаропроводящей сети, когда производимое снижение отпускных цен не доводится до потребителя, что между прочим часто имеет у нас место). Между тем, как мы уже видели, новое промышленное строительство не менее чем на половину базируется на собственном промышленном накоплении и лишь в другой своей части на внешних источниках: на бюджете и банковском кредите. Сокращая путем снижения цен промышленное накопление, мы тем самым отнимаем у промышленности известную часть накоплений, предназначаемых на новое строительство. Получается внутреннее противоречие, выходом из которого может быть только *снижение себестои-*

мости промышленной продукции, притом снижение *не меньшее* чем производимое нами снижение отпускных цен. Снижая себестоимость, мы тем самым будем наращивать промышленное накопление *снизу*, оставляя большую разницу между себестоимостью и отпускной ценой, увеличивая тем самым прибыли промышленности. Вообще нам приходится в области цен применять такую политику, чтобы *в минимальной степени затрагивать промышленное накопление*, снижая в то же время промышленные цены. Достижимо это как путем усиленного снижения себестоимости, так и путем максимального нажима на товаропроводящую сеть, в смысле сокращения торговой накидки.

Себестоимость промизделий.

В движении себестоимости за последний год наблюдалась в общем повышательная тенденция. В течение 1925—26 года мы имели некоторое удешевление стоимости производства лишь в электротехнической, анило-красочной, текстильной и сахарной промышленности, во всех же остальных отраслях наблюдалось вздорожание, по некоторым отраслям весьма даже значительное; в среднем, в течение года вздорожание получилось в размере около 2-х проц. (если не считать повышения некоторых акцизов), что и влекло за собой рост оптовых цен и тем самым косвенно стимулировало повышение розничных цен. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что рост себестоимости происходил после того, как в предыдущие годы мы имели неизменное снижение ее, по мере роста нагрузки промышленных предприятий. Об'ясняется это явление тем, что, с одной стороны, в последний год мы включили в производство последнюю очередь консервированных предприятий, технически наиболее слабых; с другой стороны—вздорожанием сырья (хотя и далеко не по всем видам его, по некоторым мы имеем даже снижение цен) и топлива; с третьей стороны—вздорожанием рабочей силы, что вызвано не столько ростом реальной и номинальной зарплаты, сколько включением в промышленность в течение истекшего года до полумиллиона необученных, неквалифицированных рабочих, пришедших из деревни и сокращением в середине года промышленного производства, что привело в неиспользованию ранее набранной рабочей силы; сверх всего этого—некоторыми внутренними организационными дефектами.

Предварительный промфинплан, составленный ВСНХ, намечал для этого года стабилизацию себестоимости на уровне 1925—1926 года, или в лучшем случае, незначительное ее снижение. Совнарком и СТО, по обсуждении промфинплана, провели решение о снижении себестоимости в среднем на 5%, а по отдельным отраслям и в больших размерах, исходя из необходимости снижения отпускных цен, что уже соответствующими решениями СТО проведено в жизнь. Нужно сказать, что даже пятипроцентное снижение себестоимости в среднем во всей промышленности, если оно в этом году будет достигнуто, едва сможет компенсировать производимое нами снижение отпускных цен и сохранит, таким образом, промышленное накопление на прежнем уровне. Для того же, чтобы его повысить, необходимо еще большее снижение себестоимости, к чему промышленность всячески должна стремиться. Поскольку набор новой рабочей силы в этом году значительно меньше, ранее набранные рабочие уже в известной мере втянуты в производство и обучены и квалификация их в дальнейшем должна повышаться, поскольку полная нагрузка предприятий, с переводом некоторых из них даже на три смены, должна дать максимальный процент использования средств производства, постольку и возможно и необходимо достигнуть большего снижения себестоимости. Не следует забывать, что, кроме отмеченных основных статей себестоимости, мы имеем еще так называемую статью «прочих расходов», составляющую по ряду отраслей легкой промышленности весьма значительную долю, куда входят всякого рода отчисления и начисления на зарплату, всякие побочные организационно-административные расходы и т. д., и т. д. На эту статью придется сугубо налечь, ибо она представляет несомненный источник для внутренней экономии. В то же время должна быть энергично продолжена *кампания за повышение производительности труда, за лучшую организацию труда, за повышение интенсивности и т. д.*

Особенно существенным для дальнейшего снижения себестоимости представляется включение в производство выстраиваемых новых промышленных предприятий, оборудованных согласно последним техническим требованиям, с установкой на максимальную продуктивность, на максимальное использование рабочей силы, на минимальный брак, угары и т. п. В этом *одно из коренных, решающих условий успешной индустриализации страны*: она оправдается на деле, будет принята всей страной и особенно ее крестьянской частью лишь при условии *удешевления в ее результате промышленной продукции*. Между тем есть случаи, когда на только-что оконченном постройкой предприятии себестоимость или равна себестоимости на старом подобном предприятии, или даже выше. Следует *решительно* заявить перед всеми работниками промышленности, что подобное явление *абсолютно недопустимо*. Еще задолго до выбора места для постройки нового завода или фабрики, до приступа к техническому проектированию его, должен быть произведен ориентировочный расчет себестоимости в различных вариантах, в зависимости от применения той или иной технической системы производства, того или иного способа подачи сырья, топлива и т. д., и т. п. И лишь после того, как создастся прочная уверенность в том, что выбраны для нового строительства варианты наиболее выгодные, в том, что себестоимость в результате неизбежно должна будет снизиться, следует решаться на самое строительство. В противном случаем мы рискуем подвергнуть дело индустриализации и всего социалистического строительства величайшей опасности.

Себестоимость, цена и качество продукции.

С себестоимостью, в свою очередь, тесно связан вопрос о качестве промышленной продукции. Нас должна интересовать не просто себестоимость единицы продукции, как таковая, а себестоимость *определенной потребительной единицы*. Можно, конечно, добиться значительного снижения себестоимости при ухудшенном качестве, что отнюдь еще не означает снижения себестоимости и цены на соответствующую потребительную единицу. С другой стороны, низкое качество продукции приводит

к большему браку, что становится в ряде отраслей производства, особенно в металлической, химической и некоторых других, источником дополнительных накладных расходов на полезную часть продукции. В расчетах и калькуляциях промышленного строительства и себестоимости будущей продукции следует на это обратить сугубое внимание. *Для нашей социалистической промышленности основной целью является отнюдь не меновая стоимость, а потребительная.* Не гонясь за 100-процентной добротностью старого крепостного производства, мы вместе с тем должны давать вполне доброкачественный продукт для массового потребления, продукт, вместе с тем максимально соответствующий нуждам потребителей. Все наши расчеты и калькуляции должны быть тесно с этим увязаны.

Импорт и промстроительство.

Значительным ресурсом для нового промышленного строительста может являться еще и заграничный *импорт*, основанный на экспорте наших товаров и иностранном кредите. Внешний товарооборот является вторым наиболее узким местом, на ряду с внутренними финансовыми источниками, для промышленного строительства. Особенно остро промышленности приходилось это чувствовать в прошлом году, когда план нового строительства и переоборудования предприятий пришлось в середине года пересматривать, главным образом, вследствие неизбежного сокращения импорта. Внешний товарооборот достигает в этом году лишь 30—35% от довоенного; экспорт наш развивается с величайшими препятствиями и трудностями. Несмотря на то, что в импортном плане максимум возможного отдан на ввоз промышленного оборудования, приходится все же значительные валютные резервы отдавать на ввоз сырья и некоторых полупродуктов для нашей промышленности, а также и на другие нужды; чисто потребительский импорт в нашем экспортно-импортном плане почти совершенно отсутствует. *Максимальное развертывание экспорта*, в частности, промышленного экспорта (главным образом, в восточные страны), и *расширение* на этой почве *нашей кредитоспособности за границей*, становится *другим важнейшим условием успешного промышленного строительства*. На эту область мы должны попрежнему налегать со всей силой, стремясь максимально расширить этот важнейший источник индустриализации.

Сырьевая база индустриализации.

Третьим основным условием развития нового строительства становится *сырье*. Чем дальше, тем острее чувствуется промышленностью потребность в сырье. Но вместе с тем это *одна из основных линий увязки промышленности с сельским хозяйством*. Сбыт промышленной продукции, изыскание достаточно емких внутренних рынков в деревне—это одна линия связи; сырьевые ресурсы—другая линия; рабочая сила—третья линия. О первой линии мы уже говорили выше; в отношении третьей линии вопрос стоит лишь в плоскости квалификации той чернорабочей силы, которую поставляет нам в избытке деревня; *сырьевая же проблема* из всех этих трех линий связи все более и более *выпи-*

раст на первое место. Ряд ошибок, допущенных в отношении регулирования цен на сырье, при недостаточной поддержке соответствующих отраслей сельскохозяйственного производства, привели к тому, что в истекшем хозяйственном году по ряду сырьевых отраслей *сократились посевные площади* (по конопле, подсолнуху и табаку). А благодаря слабой урожайности, что, в свою очередь, связано с недостаточной обработкой почвы, с недостаточным ее удобрением, с недостаточным вложением сил и средств в эти отрасли земледелия, мы имеем еще и снижение валового сбора по сахарной свекле и картофелю. Благодаря этому, задержалось восстановление некоторых отраслей сырьевого хозяйства, все еще отстающих от довоенного уровня. Удельный вес технических культур в общей посевной площади понизился с 7,07% в 1925 г. до 6,28%—в 1926 г., при чем снижение удельного веса отозвалось, в первую очередь, на масличных, на картофеле, табаке, конопле, льне, тогда как по хлопку и махорке мы имеем рост удельного веса.

Сокращение посевных площадей и урожайности сырьевых культур, при растущем из года в год импорте сельскохозяйственного сырья для нужд промышленности, настойчиво требует *подведения под новое промышленное строительство прочной сырьевой базы*. Это особенно важно в отношении сельскохозяйственного сырья, что имеет решающее значение для легкой индустрии. Если уже сейчас часть производственной мощности некоторых отраслей легкой промышленности остается не использованной вследствие недостатка сырья, не говоря о достаточной емкости рынка для продукции этих отраслей, то *дальнейшее промышленное строительство всецело упирается в вопрос сырья*. Только при условии столь же энергичного развертывания соответствующих отраслей сельского хозяйства, т. е. при *максимальной интенсификации нашего отсталого сельского хозяйства*, сможем мы обеспечить индустриализацию с этой стороны. В соответствии с этим необходимо принять целый ряд организационных и финансовых мероприятий к тому, чтобы *развить товарные формы сельского хозяйства, перевести крестьянство на интенсивные трудоемкие культуры, помогая ему техническим оборудованием, удобрением, машинами, кредитом и т. д.* На это необходимо предусмотреть соответствующие средства в бюджете, направляя одновременно в эту сторону максимум собственных крестьянских накоплений, организуемых через сельскохозяйственные кредитные общества и товарищества, через кооперацию, через сберкассы и т. д. Снабжение деревни двигателями, рабочим скотом, сельскохозяйственными машинами должно быть точно так же максимально приспособлено к этим задачам. Политика сырьевых цен, в свою очередь, должна всячески стимулировать развитие сырьевых культур: эквиваленты между сырьем и промтоварами, с одной стороны, и сырьем и зерновыми продуктами, с другой стороны, должны быть таковыми, чтобы крестьянство *экономически* побуждалось к развитию сырьевых культур. При этом следует итти не только по линии количественного расширения сырьевых посевов, прироста стада и т. д., следует сугубо обратить внимание и на *качественную* сторону, добиваясь максимально высокой урожайности, большего прироста стада, а также и высокого качества получаемого сырья, как путем введения соответствующих селекций семян, развития племенного ско-

товодства, так и путем улучшения первичной обработки сырья. Новое промышленное строительство в части переработки сельскохозяйственного сырья должно максимально итти навстречу развитию сырьевых отраслей сельского хозяйства.

Топливо-энергетическая база индустриализации.

В начале этого года перед промышленностью наметилось еще одно «узкое место», которое угрожало сжать размеры производства еще в этом году, но которое, благодаря принятым мерам, удалось пока с очереди снять—это *топливо и электрическая энергия*. Топливо-энергетическая база промышленности, несмотря на исключительный рост за последние годы добычи угля и нефти, несмотря на то, что по количеству вырабатываемой электрической энергии мы превзошли довоенный уровень, а по мощности установок превзошли его больше чем вдвое, доведя эту мощность с 780.000 киловатт в 1913 году, до 1.730.000 киловатт (рост на 122%), с трудом поспевает за ростом промышленного производства и дальнейшим ростом самой промышленности; между тем *индустриализация без топливо-энергетической базы так же немыслима, как и без базы сырьевой*. Все наши двигатели, паровые и электрические, по общей мощности далеко еще недостаточны для обслуживания растущих энергетических потребностей страны, ибо на ряду с ростом промышленности растет транспорт, растут коммунальные потребности и т. д., и т. п. Уже к концу прошлого года остро чувствовался недостаток электрической энергии как в Москве, так и в Ленинграде. Ряд производств страдал от изношенности старых двигателей, часто получались перебои в производстве из-за аварий устаревших двигателей. Все это заставляет на энергетическую базу обратить сугубое внимание.

Темп электрификации должен быть максимально увеличен, вместе с тем должно быть поднято на максимально-высокую ступень паровое хозяйство нашей промышленности. Переоборудование существующих предприятий в значительной мере сводится к переоборудованию силовых установок; новое строительство, в свою очередь, должно базироваться на мощных источниках энергии; оно должно иметь к тому же достаточно мощные *генераторы* этой энергии. Отсюда понятно, почему в плане нового строительства на текущий год *первое место занимает топливная промышленность*, как по величине расходов на нее в этом году, так и по размерам конечной стоимости строящихся в этих отраслях предприятий. На каменноугольную и нефтяную промышленность расходуется около одной трети всех сумм, ассигнованных на новое строительство; к этим отраслям относится около половины полной стоимости строящихся предприятий, постройка которых начинается в 1925—26 и 1926—27 гг. Если сюда отнести еще 160,6 милл. рублей, расходуемых в этом году на электростроительство (включая сюда и 7 милл. на Днепрострой, включенных в общепромышленный план), то затраты на подведение под настоящую и будущую нашу промышленность энергетической базы окажутся в общей своей сумме весьма и весьма значительными. Тем не менее необходимо еще и еще раз проверить расчеты будущих потребностей в топливе и электрической энер-

гии, а также учесть необходимость постепенного *перехода в дальнейшем от парового хозяйства к электрическому*. В этом отношении, между прочим, большую роль играет также выбор места для будущих промышленных предприятий: *приближение их к источникам сырья и топлива*, о чем мы говорим с давних пор, становится сейчас особенно *необходимым* и в то же время *возможным* и осуществимым при национализации промышленности и плановом ведении нового строительства.

Техническая база промышленности.

Несмотря на исключительную остроту и значение отмеченных только-что сырьевых и топливо-энергетических лимитов для дальнейшего развития нашей крупной промышленности и для проведения индустриализации, нельзя все же забывать, что *в центре нашего внимания все же остается самая техника производства*. На ряду с сырьевой и энергетической базой *под промышленность должна быть подведена еще и солидная техническая база*. В этом—основное содержание проводимого нами капитального переоборудования существующих предприятий и намечаемого нового промышленного строительства. И XVI С'езд, и XV Конференция нашей партии сугубо подчеркнули необходимость обеспечить *снабжение развивающейся промышленности собственными средствами и орудиями производства, у нас же производимыми*. Только тогда достигнем мы *действительной самостоятельности* в своем экономическом и социальном развитии. Пока оборудование производства в главной своей части ввозится из-за границы, а мы от себя поставляем лишь сырье и рабочую силу, сосредоточивая их преимущественно в легкой индустрии, производящей средства потребления, до тех пор мы в известной мере являемся лишь придатком, лишь продолжением какой-то *основной* индустрии, находящейся по ту сторону границы, направляющей в той или иной мере наше собственное развитие. Благодаря тому же мы столь болезненно чувствуем нашу нынешнюю зависимость от заграничного производственного импорта.

Отсюда наше стремление—*как можно быстрее развить собственное производство средств производства*, как бы трудно это ни было. Отсюда, между прочим, те процентные отношения между капитальными затратами на производство средств производства и производство средств потребления, какие мы имеем в плане промстроительства истекшего и текущего года: из 780,8 милл. черв. рублей, фактически затраченных на капитальное строительство в 1925—26 году, на производство средств производства направлено 536,0 милл. или 68,6%; из 917,8 милл. р. (не считая нераспределенных 30 милл. резерва), ассигнованных на капитальное строительство в 1926—27 году, на производство средств производства ассигнуется 675,2 милл. рублей, что составляет от общей суммы 72,5% и дает рост по сравнению с предыдущим годом на 26%, тогда как по производству средств потребления мы имеем даже сокращение абсолютной величины затрат на 1%. Как видно из этих цифр, *линия на развитие собственного производства средств производства взята нами весьма решительно*.

Если мы взглянем на металлическую и электротехническую отрасли промышленности, дающие нам необходимые машины,

двигатели и оборудование, то на них в общей сумме предположено затратить в этом году 253,8 милл. рублей; против 201,1 милл. в прошлом году, при чем главные вложения производятся в черную металлургию, общее машиностроение и цветную металлургию. Если взять отдельно *машиностроение*, то в 1925—26 г. начато новых работ на 89 милл. рублей, распределяющихся следующим образом: на паровозостроение—28,0 милл., вагоностроение—4,5 милл., дизелестроение—11,0 милл., станкостроение—1,5 милл., на заготовительные и прочие цеха—около 39 милл., на турбостроение—около 5 милл. В 1926—27 году в соответствующие отрасли машиностроения должно быть вложено 39,6 милл. руб., против 33,5 милл., вложенных в прошлом году. По *электротехнической* промышленности на новые заводы в 1925—26 г. затрачено—2 милл., в этом году предполагается затратить—6,2 милл., что вместе с прошлогодним дает начало новым предприятиям в сумме 12,8 милл. руб. Если учесть, что уже в 1925—26 г. мы превзошли в смысле размеров производства довоенный уровень по ряду отраслей машиностроения, например, по паровозостроению, по запасным частям, новым вагонам, железнодорожным и трамвайным, по дизелестроению, турбостроению, производству текстильных машин и др., и вместе с тем наладили такие производства, которых раньше у нас не было вовсе или они были только в зародыше (турбостроение, динамостроение, постройка некоторых текстильных машин и станков), то станет ясно, что мы здесь *идем сравнительно быстрым темпом к производству собственными силами необходимых нам двигателей, машин, станков и проч. оборудования.*

Нельзя, конечно, отрицать, что в этих чрезвычайно сложных и тонких отраслях производства мы во многом еще технически чрезвычайно отстали от прочих индустриальных стран, что нам тут приходится во многом пользоваться технической помощью из-за границы, что наше изобретательство, наш технический опыт еще недостаточны для того, чтобы обойтись без иностранной помощи. Но тем не менее мы, как в смысле усваивания западной техники, так и в смысле развития собственных конструкций и изобретений, имеем уже ряд успехов и стоим на пути, который, несомненно,, приведет нас после ряда упорных усилий к ожидаемым победам. В этой области, однако, необходимы *величайшая выдержка, настойчивость и терпение*; необходимы также и многочисленные материальные жертвы; только после этого мы сможем добиться верных результатов.

Производство строительных материалов.

На ряду с производством станков, двигателей и оборудования, важнейшее значение для нашего нового строительства имеет *производство строительных материалов*. Сюда относятся отчасти металлическая, в значительной мере химическая, силикатная, кирпичная, стекло-фарфоровая и лесообрабатывающая отрасли промышленности. Отрасли эти отличаются большим избытком сырья, даваемого самой природой. Необходимо на этом сырье построить ряд предприятий по добыче и обработке соответствующих сырых материалов и превращению их в материалы, пригодные для строительства. На эти отрасли план промстроительства также обращает довольно существенное внимание: из 650 милл., затрачиваемых на новые заводы и фабрики к группам стекло-фарфоровых, огнеупорно-кирпичных, строительно-кирпичных и лесообр. производств (не считая металлической) относится 65 милл. или 10%. Однако, следует опасаться, что этого может оказаться недостаточно. Мы не должны забывать, что, помимо крупного промышленного строительства, страна отстраивается и по всем другим отраслям: по транспорту, торговле, коммунальному хозяйству, местной промышленности и т. д. Спрос на строительные материалы, приобревший исключительную остроту в начале прошлого лета, несколько ослабел к весне этого года, но все же является по ряду материалов весьма напряженным и будет таковым оставаться, повидимому, и впредь. В виду того, что соответствующие предприятия по выработке строительных материалов, сплошь да рядом представляют собой тип весьма несложных производств, на оборудование которых не приходится затрачивать особенно много времени и средств, необходимо всячески развернуть в этом отношении *местную инициативу*, добиваясь таким образом еще более широкого развертывания соответствующих отраслей производства и тем большего обеспечения строительными материалами нового строительства.

Производство средств потребления.

Несмотря, однако, на всю важность для нас развития сектора средств производства в новом строительстве, нельзя все же забывать и о секторе *средств потребления*. Недостаток таких средств потребления, как ситец, кожевенные товары, некоторые металлические изделия широкого потребления, ряд продуктов питания, производимых в пищевой промышленности и т. д., заставляет обратить внимание и на эти отрасли. Не следует в то же время забывать, что в этих отраслях мы имеем еще не вполне загруженную наличную мощность предприятий и что минимальным фактором здесь является пока не техника, а сырье. Тем не менее рано или поздно мы здесь встретимся с недостатком технических средств и оборудования, тем более, что уже и теперь нам приходится сплошь да рядом прибегать к трехсменной работе на текстильных и др. предприятиях. *Между капитальными затратами на производство средств производства и производство средств потребления нужно экономически найти такое соотношение, при котором обеспечивался бы в полной мере рост собственного производства средств производства и вместе с тем обеспечивалось бы осуществление индустриализации собственными силами и в то же время минимальные потребности страны в средствах потребления удовлетворялись бы из собственных источников, без того, чтобы ввозить средства потребления извне*, затрачивая на них ту валюту, которая могла бы быть с большей для нас пользой затрачена на ввоз машин, двигателей, станков и т. д. Некоторое *смягчение товарного голода* в этом году дает нам необходимую передышку, дает нам возможность подтянуть необходимые сырьевые ресурсы и переоборудовать существующие предприятия легкой индустрии настолько, чтобы в дальнейшем в большей мере удовлетворять нужды страны в средствах потребления. Однако, не следует забывать, что по

мере дальнейшего культурного и экономического роста страны, по мере под'ема благосостояния широких трудовых масс и по мере действительного осуществления нами снижения цен на потребительские товары, *спрос на предметы широкого потребления будет, несомненно, сильно возрастать, и известный перевес спроса на эти товары над их предложением и впредь будет иметь место.* В известной мере это даже необходимо, как *фактор, содействующий и стимулирующий самую индустриализацию.* Однако, фактор этот становится в высшей степени отрицательным, подрывающим сельскохозяйственную базу промышленности, вызывающим ненормальные, болезненные явления в области цен и в отношениях между городом и деревней, если умеренный перевес спроса над предложением превращается в острый недостаток, в *товарный голод*, подобный голоду осени 1925 года. Этого мы допускать не можем.

Рабочая сила.

Нам мало приходилось говорить о *рабочей силе*, как факторе производства, а между тем это *важнейший фактор* всякого производственного процесса, вместе с тем и нового промышленного строительства. Однако, в *количественном* отношении, рабочая сила не является и вряд ли будет в ближайшее время являться минимальным фактором для нового строительства. Как мы уже указывали, деревня продолжает выбрасывать излишки освобождающейся, вследствие широкого перехода к товарному хозяйству, рабочей силы, из которой образуются значительные кадры безработных в городах. Сейчас эти безработные потоком устремляются в новые центры строительства—на Днепрострой, Семиреченскую дорогу, новые заводы и т. д., угрожая даже чрезмерным избытком рабочей силы в этих местах.

Однако, вместе с тем мы ощущаем уже теперь и чем дальше, тем больше будем ощущать *недостаток квалифицированной рабочей силы*, как для текущего производства, так и, в особенности, для нового строительства. Квалифицированные строительные рабочие—техники, десятники, инженеры, крупные строители-конструкторы—нам необходимы в высшей степени. Между тем мы слишком мало прилагаем сил за последние годы к тому, чтобы вместо вымирающих кадров старых квалифицированных сил образовывать новые кадры. Наши фабзавучи, наши профобры, всякого рода технические школы, втузы, хотя и выпускали некоторые кадры новой квалифицированной рабочей силы, но все же в далеко недостаточном количестве и относительно низкого еще качества. Каждый обученный нами новый техник, специалист, инженер должен еще пройти известную *практическую школу*, которую он, при нашей системе обучения, особенно во втузах, получить не мог. Эту школу нам придется ему давать уже на самой работе: это может нам дорого стоить в смысле исправления тех ошибок, которые наш подрастающий молодняк специалистов будет неизбежно допускать. Тут весьма сильно сказывается тот *перерыв в воспроизводстве новой квалифицированной рабочей силы*, какой мы имели в годы войны и разрухи, в течение, примерно, десятилетия. Старое довоенное поколение вымирает, новое поколение только еще кончает свое обучение,

начатое лишь в первые годы нэпа. Вот почему нам в этом отношении придется путем ряда организационных усилий добиваться максимального и наиболее *рационального использования энергии и инициативы*, сохранившихся у немногочисленных крупных специалистов и наличных кадров квалифицированной рабочей силы, особенно в области строительной. С другой стороны, необходимо *максимально ускорить процесс дальнейшего образования новых кадров специалистов и квалифицированных рабочих*. С третьей стороны, необходимо прибегать к *помощи заграничных техников и ученых*, перенимая у них вместе с тем их позднейшие технические достижения, навыки, опыт и т. д. Консультация Купера в отношении Днепростроя является примером привлечения иностранной технической мысли и содействия на помощь крупнейшему нашему строительству. Ошибки и просчеты, допущенные при сооружении Волховской гидростанции, заставляют нас сугубо обратить внимание на эту сторону.

Транспорт и промстроительство.

Особо приходится выделить еще один из важнейших минимальных факторов, могущих сорвать дальнейшую индустриализацию, если не будут своевременно приняты меры к его полному восстановлению и дальнейшему развитию. Мы имеем в виду в данном случае *транспорт*, особенно железнодорожный. Как в отношении вытягивания сырья из мельчайших капилляров сельского хозяйства и подвоза его к перерабатывающим и распределенческим пунктам, так и в отношении перевозки его на далекие расстояния к обрабатывающим промышленным предприятиям, а также и в отношении развозки и распыления для сбыта производимых промышленностью готовых товаров, в отношении обеспечения нового строительства всеми необходимыми строительными материалами, весьма тяжелыми на под'ем, и, наконец, снабжения рабочих средствами питания—*роль транспорта при наших колоссальных масштабах все более и более возрастает.* Только теперь, после революции, сельское хозяйство в широкой степени переходит на товарное производство и все теснее смыкается с городской промышленностью; в то же время и город, расширяя свою производственную базу, все более и более нуждается во внутреннем рынке, как для своего снабжения, так и для сбыта своей продукции. Перевозка всех этих товарных масс от города к деревне и обратно потребует в дальнейшем *широчайшего развития транспортной сети*, особенно железнодорожной, дальнейшего усиления провозоспособности нашего речного и морского транспорта, и *сцепления основных транспортных магистралей с целой сетью мельчайших под'ездных путей и особенно с местным транспортом.* Все это потребует, в свою очередь, значительных затрат, как денежных, так и материальных, в частности, потребует значительных затрат на оборудование путей, тяги, средств перевозки и т. д. Транспорт становится все более и более угрожающим *минимальным фактором*, узким местом *для дальнейшего развития не только промышленности, но и всего народного хозяйства.* В смысле своего восстановления он только еще в основном его заканчивает, при чем вплоть до последнего года, как это явствует из контрольных цифр Госплана, износ его

основного капитала превышает новые вложения. На новое железнодорожное строительство в этом году по бюджету ассигновано всего 30 милл. руб., чего далеко недостаточно. На техническое оборудование существующих путей, на восстановление мостов, верхнего строения, шпал и т. д. ассигновано точно так же слишком недостаточно. В ассигнованиях на капитальное строительство *соотношение между промышленностью и транспортом сильно изменено в пользу промышленности*, с резким нарушением довоенных отношений. Считая это в общем и целом неизбежным и закономерным, при взятом курсе на индустриализацию, следует в то же время иметь в виду, что, на ряду с сырьевой, топливоэнергетической и технической базой, *под индустриализацию должна быть подведена еще и транспортная база*, играющая не меньшую роль в деле развития промышленности. Поэтому в дальнейших бюджетах придется относительно *увеличивать ассигнования на транспорт*. Вместе с тем в строительстве новых предприятий и в работе существующих, необходимо в большей мере предусмотреть нужды транспорта, главным образом, в металле, также и в топливе, строительных материалах и др. необходимых ему предметах. В частности, придется обращать все большее и большее внимание на судостроение, сильно отстающее от довоенного уровня.

Организационные проблемы индустриализации.

Мы рассмотрели в основных чертах те материальные факторы, от которых сильнейшим образом зависят ближайшие *практические* результаты индустриализации.

Но промышленное строительство представляет собой вместе с тем *сложнейший организационный процесс*. Нам приходится собирать здесь на большие расстояния колоссальные материальные средства и связывать их в процессе строительства с большими количествами рабочей силы. Взять, например, хотя бы, Днепрострой или Семиреченскую жел. дорогу или ряд крупнейших заводов, начатых строением,—каждое из этих строительств становится целым муравейником, на несколько лет собирающим вокруг себя массу людей, привлекающим к себе целый поток всякого рода грузов и т. д., и т. п. Таких муравейников на пространстве СССР образуется все больше и больше.

Всеми этими строительными процессами приходится *управлять из одного центра*, строжайшим образом увязывая их в отношении использования технических строительных средств, строительного оборудования и т. п., в отношении правильного распределения соответствующей рабочей силы, в отношении обслуживания их транспортными средствами и т. д. Этот сложнейший процесс, при недостатке у нас денежных и материальных средств, также и чрезвычайной слабости строительной техники и при значительном недостатке квалифицированной рабочей силы, *требует весьма жесткой централизации. Только при этом можно обеспечить максимальную рациональность нового строительства, максимальную экономию в расходовании материальных средств и рабочей силы.* Строительство должно не только своевременно оканчиваться, но и производиться с наименьшей затратой сил и средств. Иными словами, экономия должна охватить

как материальные средства, так и труд и время. При нашей бедности и недостатке у нас оборотных и основных капиталов мы не можем допустить слишком длительного вложения средств в отдельные строительства и слишком большого затягивания этих строительств во времени: напротив, нам нужно, чтобы эти средства по возможности *скорее* освобождались и вступали в действие. С другой стороны, необходима также и максимальная *концентрация* средств на возможно меньшем числе крупных строительств: мы не можем распылять наши средства слишком широко на громадное число отдельных мелких единиц, теряя учет, теряя возможность располагать этими средствами, в достаточной мере снабжать производимые строительства материалами и тем самым добиваться скорейшего их окончания. Вот почему *нам приходится чрезвычайно жестко относиться к местной строительной инициативе*, приводящей, несмотря на ряд положительных сторон, в смысле использования местных средств и местной инициативы, к сплошь и рядом чрезмерному *распылению недостаточных наших капиталов и недостаточных материальных средств и рабочей силы*. Элементы нового строительства должны быть *охвачены единым строительным планом*, располагающим все эти элементы как во времени, так и в пространстве. Но не только планируемым должно быть новое строительство, но и *руководимым* из единого центра, в порядке текущего *регулирования*. Все это достижимо только при условии полного единства и величайших организационных усилий.

К сожалению, до сих пор как раз в организационно-плановом отношении новое строительство пребывает еще в состоянии неуверенности и относительного безначалия. Хотя основным центром, руководящим строительством, является Союзный ВСНХ, все же на местах, сплошь и рядом, совершенно самочинно возникает целый ряд новых строительств. Места ставят нас перед фактами начала строительств, перед произведенными частичными затратами, к которым требуют дополнительного ассигнования из общесоюзных источников. Это вносит величайшие перебои и путаницу как в расчет строительства во времени, в смысле длительности вложения в него капиталов, так и в снабжение его материалами, так и во внутреннюю его структуру, в смысле увязки одних предприятий с другими, например, предприятий по производству средств производства и предприятий по добыче необходимых для них топлива и сырья или предприятий по обработке данного вида сырья и т. д., и т. п. В виду всего этого настоятельной организационной задачей встает перед нами *необходимость создания крепкого, мощного строительного центра*, облеченного соответствующими полномочиями, обладающего основными источниками средств как денежных, так и материальных, располагающего соответствующими массами рабочих. Такой центр для промышленного строительства естественно мыслится в составе ВСНХ. Его нам необходимо создать в ближайшее же время.

Вместе с тем СТО и Госплан должны усилить и развить свои *планово-регулирующие функции в отношении нового строительства во всем народном хозяйстве*, стремясь максимально увязать новое промышленное строительство с развитием всех тех элементов, от которых оно зависит, сочетая его с развитием интенсивных культур и скотоводства в сельском хозяйстве, с транспортным строительством, с электрификацией, с развитием

внешней торговли и т. д. Вместе с тем по всей линии, сверху донизу должна быть проведена *жесточайшая плановая дисциплина в отношении нового строительства* [1].

Только при соблюдении всех этих условий будет выполнено то основное требование, которое мы выставили в самом начале, *чтобы новое строительство обошлось максимально дешево, чтобы стоимость возводимых нами фабрик и заводов, шахт, рудников и т. д. была минимальной*, чтобы она потом в порядке амортизации не перекладывалась слишком обременительным процентом на будущую себестоимость, *чтобы эта последняя была ниже не только нынешней, но и довоенной себестоимости промышленной продукции*. Эта важнейшая задача текущего строительного периода, без разрешения которой невозможно избежать тех недочетов, которые имели место в прошлогоднем капитальном строительстве, которые признает сам ВСНХ, которые нашли свое отражение в его отчетах, которые кратко характеризует тов. Краваль в своей статье в № 4 «Большевика», в начале 36 стр.

Не следует забывать того основного положения, что *наше новое промышленное строительство по существу своему является сооружением новой технической и энергетической базы для всего народного хозяйства страны*, что оно вместе с тем является самой *фундаментальной и грандиозной* по своим размерам *работой*, какая когда-либо выполнялась в таком *масштабе* и в такой относительно *краткий* срок. Мы взяли небывалые в истории *темпы* промышленного развития, совершенно нам, конечно, необходимые, но в то же время чрезвычайно трудные в смысле их осуществления. То, что мы в ближайшие 5—10 лет производим и сооружаем, то останется на многие десятилетия, пока вновь придется его совершенствовать и переводить на еще более высокий технический и энергетический уровень. Ясно поэтому, насколько внимательно, насколько *предусмотрительно, расчетливо и экономно должны мы относиться к планированию и регулированию нового строительства*. Малейшую деталь необходимо здесь предусмотреть. Каждое новое строительство должно быть десятки раз проверено и с экономической и с технической и со всяких прочих точек зрения, прежде чем к нему приступить. Каждое такое строительство со временем станет новым экономическим и социальным центром, вокруг него будут создаваться всякие сложные производственные отношения, оно будет играть крупнейшую экономическую и техническую роль в дальнейшем развитии народного хозяйства.

Мало того, *в ближайшем же будущем от того реального экономического эффекта, какой дадут возводимые нами новые заводы и фабрики, будет зависеть успешность всего дальнейшего социалистического строительства*, ибо по этим эффектам широкие массы крестьянства как нашего Союза, так и восточных стран, и широчайшие массы рабочих СССР и капиталистических стран *будут судить о возможности и осуществимости социализма вообще и в такой отсталой стране, как наша, в частности*. Вот почему планирование и регулирование нового строительства *возлагает на нас ответственность перед историей*. Каждое наше решение в этой области становится величайшим политическим и хозяйственным актом.

---

[1] В последние дни вынесено решение о создании при СТО особой комиссии по строительству.

Вот почему нам столь необходима строжайшая плановая дисциплина в этой области, вот почему нам необходимы величайшая осмотрительность и расчетливость, вот почему нам в то же время необходимо широчайшее привлечение к этому делу нашей науки, нашей техники и широких слоев рабочих и крестьян, кровно заинтересованных в деле этого строительства. Нам необходимо суметь в этом деле *гибко сочетать величайшую централизацию в плановом регулировании строительства с максимальной децентрализацией управления самым процессом строительства, с привлечением общественной инициативы, экономической и технической мысли к этим величайшим процессам нашей современности*. Это должно быть нами понято и полностью осуществлено.

И. Минц.

В белой эмиграции.

(По поводу книги «Белое дело»).

Чем выше подымается социалистическое хозяйство Советского Союза, чем резче в силу этого его революционизирующее значение среди рабочих всего мира—тем напряженнее и острее становится для буржуазии проблема противодействия этому влиянию, тем чаще возвращаются капиталистические державы к вопросу о вооруженном вмешательстве в этот рост.

Последний год принес в этом отношении много ценных подтверждений: агитация «твердолобых» консерваторов в Англии под лозунгом «вон красных», появление книги генерала Гофмана, специалиста по «русскому вопросу» по должности начальника штаба Восточного фронта, книги с нарочито подчеркнутым названием: «Во всех уголках мира—Москва!», становящаяся все более агрессивной политика наших соседей—характеризуют новое антисоветское оживление.

В особенности интересны процессы, происходящие за последнее время в русской эмиграции, интересны потому, что процессы эти теперь уже отлились в организационную форму, легко нащупываемую среди бесконечных эмигрантских течений и оттенков.

Что многотысячная масса эмигрантов будет использована, как козырь в «игре» с советами—это было понятно. Не даром одновременно с угольной забастовкой в Англии поползли слухи в эмигрантской среде об «иностранных суммах», полученных на дело белой борьбы, а орган Струве—«Возрождение»—туманно намекал на достоверность этих слухов.

Но нас интересует не связь эмиграции с иностранными державами—после документов «бывшего посла» Саблина, недавно спубликованных в печати, здесь мало скажешь интересного, а движение, происходящее внутри самой эмиграции.

Угроза интервенции оживила всю эмиграцию, но повлияла по-разному на отдельные группы. Как и при всяком кризисе, раньше других заколебалась *мелкобуржуазная* часть эмиграции. Интервенция означала для нее повторение старых методов борьбы под прежним руководством тех же социальных групп «поместного землевладения», как определяли эти группы в белогвардейской прессе. Но опыт гражданской войны показал, что старые методы и старое руководство ведет к восстановлению всех прежних противоречий: к попытке перерешить аграрный вопрос в интересах помещиков, к возвращению старого состава и старых злоупотреблений военно-чиновничьей бюрократии, к великодержавным традициям в решении национального вопроса—короче, ведет ко всему тому, что вызвало крах белого движения, так как оттолкнуло от белогвардейцев не только широкие массы крестьянства, но и часть мелкобуржуазных групп.

К тому же хозяйничание интервентов в России, прямой грабеж и распродажа отдельных частей оккупированной страны, превращение занятых областей в колонии,—все эти факты показали, что англо-французский империализм, рисовавшийся мелкобуржуазным политикам «другом угнетенных и защитником демократии», на деле оказался таким же душителем независимости, как и германский.

«Мелкая буржуазия по своему экономическому положению настроена более патриотично по сравнению с другими классами», и это обстоятельство, напр., в 1918 году, оттолкнуло мелкую буржуазию от большевиков, так как «к числу особенно больших, можно сказать, исключительных трудностей нашей пролетарской революции принадлежало то обстоятельство, что ей пришлось пройти полосу самого резкого расхождения с патриотизмом, — полосу Брестского мира» (Ленин). Внутри Советского Союза часть политических идеологов мелкой буржуазии, убежденной об'ективными фактами интервенции, уже давно колебнулась в сторону от интервентов.

Новая угроза заставляет и закордонных идеологов мелкой буржуазии, несмотря на их ненависть к большевизму, поворачивать от безусловной враждебности к большевизму к нейтральности. Не случайно один из докладчиков этой группы—Кускова, закончила свой доклад призывом почтить вставанием память недавно умершего ген. Брусилова, ушедшего к большевикам защищать страну от польского нашествия.

Если к этому прибавить влияние, правда, редко проникавших в белогвардейскую печать, извращенных, но тем не менее чрезвычайно убедительных сведений о росте советского хозяйства, о непрерывных успехах экономического строительства, то нетрудно будет себе представить настроение мелкобуржуазной эмиграции. «...Укажите мне скорее и поточнее пути, по которым я могла бы итти, а не стоять... внутрирусские силы, устав стоять, переходят к сотрудничеству (с советской властью)» [1],—так характеризовала настроение части эмиграции Кускова в одном из своих ранних докладов. Остается вернуться назад на «нашу родину, большевизированную Россию» [2] и нам, только «с гордо поднятой головой»,—добавляла Кускова.

С тех пор это настроение вылилось в большое течение, так называемое «возвращенство», со своей программой и своей тактикой.

Как и «сменовеховцы», они признали «положительное творчество нового быта» [3]): аграрную реформу и укрепление земли за крестьянами, отмену сословий, новые взаимоотношения между населяющими Россию национальностями и т. п.

А раз признав эти положения, приходится делать и соответствующие выводы.

Своей задачей «возвращенцы» ставят устранение претензий старых собственников, поддержку рабочего законодательства, защиту свободы производства торговли и конкуренции, «открытую и недвусмысленную поддержку действий... самой советской вла-

---

[1]) «Дни», 30 марта 1926 г.
[2]) «Дни», 15 августа 1926 г.
[3]) Цитирую по книжке П. Н. Милюкова: «Эмиграция на перепутье»: См. также «Дни» от 1 октября 26 г.

сти, которые клонятся к под'ему экономического, политического и культурного положения страны» и, наконец, «отбитие всяких хищнических вожделений по отношению к России... признается ли данной группой советская власть или нет».

Об'ективный ход вещей не поддержал суб'ективной логики рассуждений мелкобуржуазных групп эмиграции: пришлось отказаться от надежд на гибель советской системы и перейти к признанию советов и ряда их достижений. Картину полной капитуляции дополняет требование «возвращенцев» «решительного отмежевания... резкой и совершенно четкой черты между идеологией белого движения и логикой революции». Эта часть эмиграции прекрасно понимает, что мечтать о возвращении в Советскую Россию можно, только порвав свои связи с прошлым, почему и считает одной из основных обязанностей «глубокую работу по преодолению психологической связанности с этой (белой) борьбой в прошлом».

От старых иллюзий осталась только надежда, что советский строй может служить основой для дальнейшей *мирной* борьбы за полное осуществление демократии: «вместо борьбы за выдохшийся лозунг—Учредительное Собрание,—писал Пешехонов, — демократия войдет в Россию путем демократизации советской общественности». Но исход этой борьбы будет уже зависеть от конкретного соотношения сил. Необходимо отметить одно: от вооруженной борьбы против советов одна часть эмиграции отказалась, тем самым проведя некоторый водораздел между собой и остальной эмиграцией. Остальные так и поняли об'ективный смысл «возвращенства»: предатели и ренегаты—вот те термины, которыми наделяют они «возвращенцев».

Несколько иначе относилась к слухам об интервенции та часть эмиграции, которую возглавлял лидер буржуазной контрреволюции—Милюков. Неудача гражданской войны показала и им, что прежнее руководство борьбой под гегемонией помещика приведет к прежним плачевным результатам. Буржуазная контрреволюция еще в 21 году попыталась отделить себя от лагеря реставраторов, организовав так называемое республиканско-демократическое об'единение, желавшее самим своим названием подчеркнуть, что борьба с Советским Союзом не должна кончиться реставрацией всего старого порядка. «Неудача фронтовой борьбы есть,—писал Милюков [1],—в весьма значительной степени неудача того социального слоя, который взял в свои руки руководство борьбой и, сознательно или бессознательно, придал ей определенную политическую окраску. Привычки и методы старого правящего класса должны быть заменены теперь методами новой демократической России».

Отход «возвращенцев» в результате оживления интервенционных планов заставил милюковцев точнее определить свою позицию. Почти одновременно с выступлением Кусковой, в Париже и появился манифест Милюкова, в основном сводящийся к следующим пунктам [2]:

[1] Извлечение из доклада Милюкова, принятого Парижской группой партии народной свободы 27 декабря 1921 г. П. Н. Милюков — Эмиграция на перепутье, стр. 134.

[2] «Последние Новости» от 21 марта 26 г. См. также: Милюков—Эмиграция на перепутье, Париж, 1926 г. Изд. Рев.-Дем. Об'ед., стр. 102.

«а) Признание положительного значения за общим смыслом происходящих внутри России процессов, ведущих к освобождению России от советской власти силами самого населения,

б) внимательное изучение этих процессов...,

в) согласование тактики эмиграции с тактикой населения, борющегося с советской властью...,

г) признание того, что борьба с советской властью не должна переходить в борьбу против национальных интересов России...».

Новая тактика, таким образом, целиком строится на процессах, происходящих внутри Советского Союза, на ожидании внутреннего взрыва антисоветских элементов, именно, *взрыва*, а не только мирного развития борьбы, как мечтают об этом примиренцы-возвращенцы.

Вынужденный характер этой тактики виден из того, что для оттенения разницы во взглядах с возвращенцами Милюков в 1-м параграфе своего постановления подчеркнул возможность *приятия интервенции*: «Сохранение пафоса неприятия советской власти,—гласит параграф,—и борьбы с ней, а, следовательно, и революционное к ней отношение и отрицание всякого рода примиренчества». Когда у Милюкова потребовали об'яснения, что, собственно, следует понимать под «революционным отношением» к советской власти, он ответил: «Если бы пришлось еще раз вернуться к началу борьбы, к 1918 г., *то мы поступили бы так же, как и тогда...*» [1]), ибо формулу «ни Ленин, ни Колчак... я никогда не разделял в разгар гражданской войны, когда был хоть какой-нибудь шанс успеха в вооруженной борьбе».

Буржуазная контрреволюция устами своего лидера Милюкова при первых же намеках на интервенцию заявила, что она попрежнему готова признать и интервенцию, и руководство Колчака в новой борьбе с советской властью, т.-е. разоблачила себя, подчеркнув свою готовность пойти вместе с реставраторами-монархистами, под гегемонией помещика.

Меньше других были застигнуты врасплох оживлением интервенционной подготовки—монархисты. Внеся в гражданскую войну организованность, выработанную десятилетиями управления страной, монархисты и в эмиграции оказались более организованными. Они сумели сохранить и часть своей живой силы, сохранить притом в готовом к бою виде (организация «галлиполийцев»), и, захватив в свои руки источники материальной помощи, сохранили за собой преобладание и в среде эмигрантов. По их собственному мнению, подтвержденному кстати Милюковым, около 85% эмиграции являются сторонниками реставрационно-монархического течения.

В истекшем году реставрация попыталась закрепить свое преобладание и организационно, собрав представителей эмиграции на «Зарубежный с'езд» в апреле месяце. На с'езде, где присутствовало более 400 делегатов, предполагалось провозгласить Николая Николаевича «вождем», но из опасений большой шумихи ограничились, по предложению Струве, «приветствием». Но, если не удалось «провозгласить» формально, то фактически, своей работой, показали свою солидарность с «вождем». Правда, и здесь «провозглашение носило не открытый характер: по двум кардинальнейшим вопросам приняли двусмысленные резолюции.

[1]) Курсив мой—*И. М.*

По вопросу национальному, признав все образовавшиеся на окраинах национальные государства, умолчали о том, какова будет форма правления в России—республика или монархия. Выбор «вождя» как будто говорил определенно о будущих судьбах России, но сказать открыто—постеснялись. «Тот, кому мы повинуемся,—пояснил этот маневр Марков II [1]),—запретил нам развертывать здесь наше знамя... Мы сознательно его свернули»...

Еще хитрее поступили с земельным вопросом. Принятая резолюция имела следующий вид: «...(с'езд) всецело разделяет высказанное по этому вопросу мнение великого князя Николая Николаевича о том, что земля, которою пользуются крестьяне, не должна быть у них отнята и что взыскивать с крестьян то, что погибло или расхищено во время революции—невозможно».

Гражданская война даже в эти упрямые головы вдолбила мысль, что с землей надо распрощаться. Струве и облек эту мысль в сочную формулу: «абсолютным монархом в России мог бы быть только откровенно и агрессивно мужицкий царь».

Но у князя, с которым солидаризовался с'езд, было, кроме того, сказано,—это ядовито отметил давно даже Милюков,—что «власть озаботится вознаграждением тех, кто лишился своего достояния, перешедшего в руки крестьянства». Как раз об этом умолчал с'езд, ограничившись резолюцией, которую можно будет толковать в зависимости от конкретных условий.

Программой реставраторов осталось попрежнему: самодержавие и помещичья собственность. Единственная поправка, на которую согласились,—оставить землю крестьянину, но получить за нее выкуп, по крайней мере... по 30 коп. за рубль, как острили в эмиграции.

Старая программа влекла за собой и старую тактику: диктатуру и вооруженное вмешательство—интервенцию.

С таким настроением, подбодрив себя сознанием, что большинство в эмиграции попрежнему с ними, раз'ехались делегаты по своим временным «отечествам» подчищать оружие и готовиться к бою в ожидании призыва «вождя». Попутно с подготовкой организационной занялись подготовкой и идейной: решили подвести итоги былой борьбе в ряде исторических работ. Первой такой работой оказалась вышедшая в самом конце 1926 года книга: *Белое Дело*. Летопись белой борьбы. Материалы, собранные и разработанные бароном П. Н. Врангелем (тем самым! *И. М.*), герцогом Г. Н. Лейхтенбергским и светл. князем А. П. Ливеном, под редакцией А. А. фон-Лампе, т. I, Берлин, стр. 205, 27 хронол. таблиц [2]).

Материал в книге разбит по фронтам, по которым шла и идет война с большевиками северный (Миллер), южный (Корнилов, Алексеев, Деникин), восточный (Колчак), западный (Юденич) и внутренний, при чем каждому фронту посвящена какаянибудь статья, например, северному—ст. Марушевского, командовавшего войсками на севере, южному—ст. Врангеля и т. д., внутреннему—ст. Шульгина: контрабандисты.

Два обстоятельства подымают интерес к книге. Повторяя общеизвестный материал, авторы сообщают иногда такие детали, которые совершенно в новом свете рисуют факты. Во-вторых, бросается в глаза циничная откровенность, с которой авторы говорят о союзниках и их роли в гражданской войне. Буквально нет ни одной статьи, где так или иначе не подчеркивали бы, что союзники не выполняли своих обязательств: собираясь в бой, сваливают вину за старые неудачи на интервентов.

Одним из самых интересных документов является письмо генерала Алексеева в ставку к ген. Дидерихсу от 8 ноября старого стиля. В письме излагается подробная кампания будущей борьбы с советской властью на юго-востоке, при чем ген. Дидерихсу предлагается «прежде всего направить все, что можно под благовидным предлогом с фронта, так, например... все чешско-словацкие полки, которые охотно свяжут свою судьбу с деятелями спасения России...» (стр. 81).

Чехо-словаков, оказывается, хотели использовать чуть ли не на второй день после Октябрьского переворота, а официальная версия приурочивала восстание к маю 18 года, когда, якобы, выяснилось, что большевики мешают эвакуации чехо-словаков на родину.

Интересно отметить, что попытка поднять чехов сразу после Октября оказалась не изолированной. А. П. Степанов, командовавший I Чешско-Словацким стрелковым Яна Гуса полком, человек, очевидно, вполне авторитетный, если командовал лучшим полком, сообщает: «...Я предложил заместителю проф. Массарика для России, пану Богдану Павлу, выступить немедленно против немцев и большевиков непосредственно от Тамбова... на Москву...» (стр. 83).

Далее, ген. Алексеев выбалтывает еще одно чрезвычайно ценное сведение: «...Главное Артиллерийское Управление *в начале октября* своим попечением направило 10 тысяч винтовок из Петрограда и 12.800 винтовок из Москвы...» *в Новочеркасск*.

Почти за месяц до Октябрьского переворота собирались силы на Дону! Гражданская война в России началась не с октября и не большевиками, как твердили и твердят официальные белые летописи, она была начата задолго до переворота и притом начата генералами—вот то признание, о котором давно твердили большевики, но которое сделано сейчас самими виновниками. А сколько, между тем, томов было исписано, чтобы скрыть эту истину!

Не менее любопытны из материалов сборника сведения о знаменитом меморандуме союзников Колчаку. Союзники обещали признать Колчака, при условии созыва им Учредительного Собрания и демократизации управления. Колчак согласился, как известно, и на то, и на другое. Это обстоятельство сыграло огромную роль в деле мобилизации общественного мнения, например, в Англии против большевиков.

Сейчас М. А. Иностранцев, бывш. генерал-квартирмейстер при Колчаке, сообщает подробности ответа Колчака. На вопрос о меморандуме союзников: «Ах, это вы об исповеди!—сказал, саркастически улыбаясь, Колчак...—Ну, я им ответил,—продолжал он и засмеялся.—Во-первых, я им ответил, что Учредительное Собрание, или, вернее, Земский Собор, я собирать намерен и намерен безусловно, но лишь тогда, когда вся Россия будет очищена от большевиков, и в ней настанет правопорядок, а до этого о всяком словоговорении не может быть и речи. Во-вторых,

[1]) «Дни» 6 апр. 26 г.

[2]) Кстати, к сведению Главреперткома. На обложке книги стоит: склад издания Grad Kitesch («Град Китеж»). *И. М.*

я ответил им, что избранное при Керенском Учредительное Собрание за таковое не признаю и собраться ему не позволю, а если оно соберется самочинно, то я его разгоню, а тех, кто не будет повиноваться, то и—повешу!... Наконец, при выборе в настоящее Учредительное Собрание, пропущу в него лишь государственно-здоровые элементы и людей работоспособных и знающих, а не говорунов. Вот какой я демократ!» (стр. 108).

Пусть ген. Иностранцев передал слова Колчака недостаточно верно, но важно, что *так* думали в то время, чтобы представить себе, как цинично надували публику.

Именно надували, ибо с самого начала выступления и не думали останавливаться не только на самом Учред. Собрании, но даже на лозунге: «За Учредит. Собрание». За другим лозунгом никто не пошел бы. Уже упоминавшийся Степанов рассказывает, что еще в мае 18 года к моменту чехо-словацкого восстания предполагали выступить под монархическим лозунгом, но... чехи отказались. «Долго думать не приходилось—оправдывается Степанов—так как единственной реальной силой фактически были чехо-словаки... исходя из этих соображений... диктовалась необходимость провозглашения лозунгом для борьбы с большевиками «За Учредительное Собрание»... (81).

Но зато уже совсем пикантно выглядит то употребление, которое дали меньшевистским и эсеровским карасям, попавшимся на эту удочку: «...Представителей левых партий,—пишет командир I чехо-словацкого полка, — как отлично знакомых с подпольной работой и организацией и имевших к тому же положительно везде либо ячейки, либо связь, в виде отдельного представителя, я старался использовать для абсолютного очищения местностей и городов от большевицкого элемента...» (стр. 87).

Несколько особняком стоит статья Шульгина. В то время как остальные статьи восстанавливают факты белой борьбы. Шульгин пытается дать ее «философию». Шульгин принадлежит к разряду тех монархистов, которые привыкли не только бороться, но и обдумывать борьбу, тщательно оценивая ее успехи и неудачи. Изголодавшись на эмигрантских «утках», которыми кормят белогвардейцев, Шульгин решил попытаться проникнуть в СССР, чтобы на месте изучить процессы, происходящие в Советской России. Загримировавшись под еврея (Шульгин и еврей! Такой сюжет показался бы невероятным: далеко, видно, художественной фантазии до диалектической действительности), он перебрался после долгих попыток через границу и очутился на Советской Украине. Первое, что бросилось «старому хозяину» в глаза—в России «все есть» (стр. 177), в России «жизнь в ее основах восстановлена!»

Это так огорошило бедного Шульгина, что он совсем потерял голову и стал искать в каком-нибудь факте ослабление первого впечатления. С каким нескрываемым удовольствием он нашел, что в Киеве обед стоит 40 коп., а «при царях» стоил 20—25 коп. «Итак, если вы хотите—обрадовался Шульгин—«голодранци со всего світа», перетерпев годы каннибальских мучений, получили в награду жизнь вдвое хуже, чем прежняя» (стр. 180).

Но моральное утешение для Шульгина, найденное им в киевской харчевне, не ответ на вопрос, ради которого был предпринят опасный путь в СССР.

«До нас доходят сведения,—жалуется Шульгин,—что будто бы весь народ ненавидит свою власть. Если бы это имело место в Англии, Франции, Германии, Италии и даже в маленьких государствах Европы, такая власть не усидела бы и трех дней. В России же всеми ненавидимая власть преблагополучно сидит годы...»—вот вопрос, из-за которого князь П. Д. Долгоруков в качестве псаломщика пытался проникнуть в Советский Союз и ради которого нарушил свой покой Шульгин, не побрезговавший для этой цели и личиной еврея.

Не так давно тактический ответ был ясен: чем хуже, тем лучше. Чем больше несчастий валится на голову советской власти, тем больше надежд на провал всей системы. Голод принес смерть миллионам людей, но он одновременно ухудшил положение советского правительства: голод спасет Россию от большевиков—таков ход рассуждений эмиграции. Но Шульгин своими собственными глазами убедился, что теперь «в России все есть», правда, дороже, чем в «своей» России, но есть. Прежняя формула устарела, она не отвечает надеждам эмиграции, и Шульгин ищет спасения в новой формуле: чем лучше, тем хуже.... для Советской власти!?

«Очень просто,—поясняет Шульгин.—Теория будто бы революцию делают голодные—неправильна, ее можно сдать в архив. Революцию делают сытые, если им два дня не дать есть... Такова была Февральская революция в Петербурге в 1917 г. Но, если людям не давать два месяца есть, то они бунтовать не будут: они будут лежать при дорогах обессиленными скелетами, и, протягивая руки, молить о хлебе...».

До сих пор как раз народ был занят поисками хлеба и не думал о восстании, но теперь—нэп, страна отдохнула, выздоравливает и теперь «с возрождением страны возвращаются все возможности» (стр. 172).

Вдумчивый монархист, каким, несомненно, является Шульгин, чувствует, что почва из-под ног уходит. Как добросовестный наблюдатель, Шульгин понимает, что нужно подчиниться об'ективным результатам борьбы и признать себя побежденным, но классовая принадлежность оказывается сильнее научной добросовестности: Шульгин ищет выхода не в примирении с ходом действительности, а в различных словесных построениях и ухищрениях.

«В борьбе оружием мы проиграли,—нанизывает Шульгин одну мысль за другой.—В борьбе идей мы не проиграли. Во всяком случае, мы свою идею вынесли из боя, сохранили, и я думаю, что она постепенно завоевывает мир. По крайней мере, фашизм, который сейчас является противником коммунизма в мировом масштабе, несомненно, в некоторой своей части есть наша эманация» (стр. 170).

Идея, белая идея, белый дух могут спасти Россию. Что же такое эта белая идея, за которую цепляются потерпевшие кораблекрушение?

«...По глубокому смыслу своему *белая идея*, выношенная и созревшая в духе русского православия, есть идея *религиозная*...» (стр. 10).

Это раз. Во-вторых, эта идея мыслит себе будущую Россию «единой, ибо в центробежном распаде государство не живет, а умирает, не крепнет, а слабеет и гибнет...».

В-третьих, наконец, белая идея мыслит, что

«не худшему, а лучшему должен быть открыт путь вверх... Мы верим, что править Россиею и вести ее должны ее лучшие сыны. Будет ли это русский государь? Доживем ли мы до этого счастья... Будет ли это?—Будет, но не ранее, чем русский народ возродит в себе свое древнее *умение иметь царя*... А до тех пор мы примем волю и законы от того русского патриота, который поведет Россию к спасению, кто бы он ни был и откуда бы он ни пришел: ему наша сила, ему наша верность, ему наше свободное повиновение за совесть...» (стр. 14).

Итак, белая идея, белый лозунг, который, «предвидя возможное возобновление борьбы», выбрасывает в связи с оживлением интервенционной деятельности руководящая сила эмиграции— «*за веру, царя и отечество!*...». Во имя этого лозунга посылал Николай Последний генерала Иванова усмирять Питер в февральские дни, во имя этой идеи дрались Деникин, Врангель, Колчак, во имя этой идеи собираются снова драться старые сторонники Николая Последнего.

«Если бы история вернулась вспять, мы совершили бы опять то же самое» (стр. 13).—Так подвели итог белой борьбе генералы, которым давно подвела итог революция.

Но повторение старого принесет и старый результат—победу революции, ибо одни и те же причины, повторенные в прежней комбинации, дают то же следствие.

Так, на 10-м году Октябрьской революции созналась в своем неизбежном поражении русская контрреволюция.

М. Галкович.

Новое в тихоокеанской проблеме.

Место, которое занимает в мировой политике и экономике Тихий океан с расположенными на его побережьях государствами, в 20-х годах XX века сделалось очень значительным. Малейшие нюансы в комплексе вопросов, составляющих тихоокеанскую проблему, видоизменяют международную обстановку. Особенное внимание начал привлекать Тихий океан после войны. Виновниками этого внимания являлись два государства, неимоверно выросшие за последние десятилетия и особенно за годы войны. Речь идет о Соединенных Штатах Северной Америки и Японии. Первое из этих государств к концу мировой войны занимало территорию в 9.369 тыс. кв. кил., его население равнялось 105 млн. чел. Поставленное в особенно выгодные условия, население этой страны превратило Америку в самую богатую страну мира. С. Ш. обладают половиной мирового запаса золота [1]). Национ. богатство С. Ш. в 1922 году равнялось 320 миллиардам долларов, приняв во внимание ежегодный рост в 30—40 миллиардов, можно будет утверждать, что к 1926 г. оно равнялось более 400 миллиардов [2]). Если распределить богатство страны на каждую душу населения, то С. Ш. занимают своими 3 тыс. долларов самое высокое место в мире. За время войны С. Ш. превратились из должника в кредитора, и сумма следуемых им долгов исчисляется почти в 10 миллиардов [3]). Такова современная Америка. Расположенная между двумя океанами, она своими корнями все еще лежит на Атлантическом океане. Экспорт в потустороннюю Европу играет по сие время большую роль. Так в 1926 г. весь экспорт С. Ш. составлял 4.808.465 тыс. долл., а импорт 4.430.890 тыс. долл. На долю Европы падало: экспорт 2.309.705 тыс. долларов, а импорт 1.285.869 тыс. долларов. Однако, если в абсолютных цифрах роль Атлантического океана преобладает, то относительно эта роль снижается, уступая, в темпе роста торговых оборотов. Тихому океану [4]). Прорытие Панамского канала сблизило запад и восток Америки. Постепенно восток увеличивает долю своего обращения на Тихом океане. Промышленный американский восток все больше и больше обращается лицом к западу, т.-е. к странам, лежащим по ту сторону Тихого океана.

---

[1]) Мировой золотой запас в 1913 г. распределялся следующим образом (в миллионах марок): Европа—24.280, Америка—7.937; в 1926 году он распределялся: Европа—14.090, Америка—18.853. Сведения взяты из «Gamburger Fremden Blatt», 14/I 1926 г.

[2]) «Washington Post», 12 сентября 1926 г.

[3]) Из речи Гувера видно, что одних займов для других государств в 1926 г. было заключено в Америке на 1.302 миллиона долларов.

[4]) Америка импортировала из Азии товаров в 1926 году на сумму в 1.400.601 т. долл., а экспортировала туда 564.543 т. долларов.

Империалистическая Америка еще в конце XIX столетия начала свое наступление на Дальний Восток. Испано-американская война конца прошлого столетия, захват Филиппин, жестокое подавление на этих островах следовавших одно за другим восстаний, захват в 1915 году Гавайских островов, создание и на Филиппинах и на Гавайях ряда военно-морских баз, как и усиленное оборудование своих морских баз на тихоокеанском берегу,—все это—отдельные ступеньки в американском стремлении экономически проглотить богатые сырьем и емкие, по громадному населению, рынки дальневосточных, а затем и ближневосточных стран. Сюда входит раньше всего Китай с территорией в 11 млн. кв. кил. и населением свыше 400 млн. человек. Без внимания не остаются и английские территории: Австралия и Новая Зеландия и голландские колонии (Ява и др.), которые, по мнению американцев, давно плачут по богатом и властном хозяине. Американцы в последнее время любят говорить о своих успехах даже в Индии, не говоря уже о Турции и Персии. *Однако, главное внимание привлекает именно Китай, который экономически исследован американцами, в котором они имеют ряд щупальцев, наружно просветительного или богоугодного характера, как, например, больницы и школы, а внутренне насквозь пропитанных узко экономическими интересами разных Фордов, Рокфеллеров и Морганов, из чьих средств субсидируются эти заведения.* Такова Америка, самое могущественное в мире капиталистическое государство. Ее лицо теперь на $^1/_3$ повернуто к Тихому океану. В этом океане она держит $^1/_3$ своего флота, якобы, «для защиты своих берегов».

По другой стороне Тихого океана находится Япония, государство, занимающее незначительную по величине и сравнительно небогатую по количеству полезных ископаемых территорию в 385.521 кв. кил. Зато на этой территории живет население в 58 миллионов человек с ежегодным естественным приростом от 600 и выше тысяч человек. Вместе с колониями территория Японии равна 684.090 кв. кил., а население в 1923 г.—свыше 80 милл. человек. Целый ряд условий дал возможность Японии выйти из косности восточного государства и еще в прошлом столетии проделать, в сравнительно короткий срок, путь капиталистического развития. Выросшая сила этого небольшого государства им была показана в 1894—95 гг. во время японо-китайской войны и через десятилетие во время войны с северным колоссом—царской Россией. Оставшись и в первой и во второй войне победительницей, Япония присоединила к своей территории лесные массивы Кореи, Формозу, южную половину Сахалина, богатые железом и углем копи Южной Манчжурии, а во время войны 1915—18 гг. Япония добавила богатства Шандуни и подчинила себе на время в политическом отношении весь Северный и частично Средний Китай. Пользуясь слабостью России, Япония овладела в 1919 г. колоссальными богатствами русского Дальнего Востока. За это время Япония выросла не только территориально, она выросла и в экономическом отношении. Ее бюджет к Вашингтонской конференции (1922 г.) равнялся: доход 1.584 млн. иен, расход 1.584 млн. иен [1]), а в 1914 г. он был равен: доход 721.975 т. иен, расход

[1]) Buchau. «The Nations of to-day». Japan, p. 273.

573.634 т. иен. Торговый флот вырос почти до 4 миллионов тонн [1]). Такова была Япония к Вашингтонской конференции,—необычайно окрепшая политически и экономически держава. Уменьшение связи Англии с Китаем из-за войны дало возможность Японии постепенно занять первое место в торговле и промышленных вложениях Китая [2]).

Будучи перенаселена, капиталистическая Япония стремилась разрешить эмиграционный вопрос исключительно военным путем: расширением своей территории или на островах Тихого океана или за счет ближайших соседей—Китая и России. Бедная ископаемыми, столь необходимыми современному государству, Япония думала их раздобыть тем же путем территориального грабежа. Годы войны и первые послевоенные годы и явились доказательством японских стремлений. Неудивительно поэтому, что Америка, столь сильно заинтересованная в делах Тихого океана, в частности Дальнего Востока, горячо выступила против Японии. Превосходство первой было настолько велико, что Вашингтонская конференция 1921—22 года кончилась поражением Японии. Однако, это поражение носило скорей формальный характер. Правда, Япония ушла из русского Д. В. Это не было оговорено Вашингтонским соглашением, а явилось результатом увеличения мощи Советской России. Что касается Китая, то Япония и не думала терять свою гегемонию в нем. То, что не могли сделать американцы деньгами и всем своим могуществом, сделало землетрясение 1923 г. Цифры, указывающие материальные потери Японии от землетрясения разноречивы. Однако, даже ярые оптимисты определяли убыток от 3 до 5 миллиардов иен [3]). Наблюдая за землетрясением, финансовые тузы Америки решили показать удивленному миру, какую помощь они в состоянии оказать пострадавшей стране. Американские газеты, на одной странице с затаенной радостью подсчитывавшие количество оставшихся в живых японцев, на другой открывали подписные листы в пользу пострадавших. Так в капиталистическом обществе радость по поводу чужих бедствий прикрывается маской дружественности и симпатией к обездоленным. Если американцы и просчитались в своих расчетах относительно японских бедствий, то все же землетрясение отразилось на экономическом и политическом положении Японии. После землетрясения на время обессиленная Япония вынуждена была раньше всего взяться за восстановление частично разрушенного хозяйства. Токио—столица страны и большой центр—значительно пострадал. В еще более значительной степени пострадал промышленный город Японии Осака и один из важнейших портов страны Кобе. Собственных средств в стране было или мало или требовался сравнительно большой срок, чтоб получить имевшиеся небольшие сбережения у населения [4]). Волей-неволей пришлось обратиться к ино-

[1]) 3-е место в мире.

[2]) В 1926 г. японская инвестиция в Китае оценивалась от 3 до 4 миллиардов иен; английская инвестиция—до 300 миллионов фунтов стерл; американская—всего в 25 миллионов фунт. стерл.

[3]) См. приложение, посвященное землетрясению, в «Japan Year Book» за 1921—25 г.

[4]) Отчеты сберегательных касс показывали за военные годы неизменный рост вкладов.

странам и, конечно, именно к странам, которые были в состоянии немедленно дать деньги. Этими странами были Англия и Соед. Штаты Сев. Америки. Англия своим банковским аппаратом, самым лучшим в мире, так или иначе была нужна, но главнейшая часть выпущенного в начале 1924 года займа была покрыта на денежном рынке Соединенных Штатов. Первый заем был выпущен на 150 миллионов иен. Вложив свои деньги в японские государственные бумаги, американские деловые круги заставили свою печать сбавить воинственный тон. Мелким уколам отдельных статей С. Ш. предпочли некоторые действия, которые должны были констатировать соответствующее понижение японского могущества. Так был принят закон об эмиграции 1924 года, в силу которого японцы, не будучи отдельно выделены, попадали в общий котел цветных народностей, доступ которым на территорию С. Ш. запрещен. Это был больше моральный удар для японского престижа, так как еще «джентльменским соглашением» 1908 г. эмиграция японцев в Америку фактически была прекращена. Правда, японское правительство протестовало против закона. Общественное мнение Японии было возмущено, милитаристская печать опубликовывала большие статьи с угрозами Америке, а генералы в отставке и не в отставке требовали немедленной мобилизации войск и флота и уже вели исчисления издержек предстоящей войны. В то же время токийская торговая палата, как и торговая палата Осаки, с одной стороны, вынесла резолюцию протеста против закона 1924 г., а с другой стороны, рекомендовала правительству и населению политику терпения и даже... дружелюбия к американскому народу. *Причины столь невоинственной резолюции скрывались в экономике, а она такова, что зависимость Японии от С. Ш. раньше, до землетрясения, носила односторонний характер, а после землетрясения—двусторонний.* Раньше зависимость была только по торговой линии и, необходимо сказать, зависимость большая. Американо-японская торговля в течение всего XIX столетия и первых двух десятилетий XX века росла и достигла значительных размеров. Однако, эта торговля показывала неизменный пассив для Штатов и неизменный актив для Японии. Для последней по сей день торговля с Америкой играет колоссальную роль: экспорт в Америку составляет 40% всего ее экспорта. В то же время экспорт С. Ш. в Японию столь незначителен, что потеря японского рынка для С. Ш. составляла бы незначительный урон [1]). Таким образом, до и после землетрясения торговая зависимость Японии от Америки очень значительна. После землетрясения, помимо торговой зависимости, благодаря распространению японского займа на нью-йоркской бирже, появилась и чисто финансовая зависимость.

Япония прилагает все силы к тому, чтоб индустриализоваться и, превратившись в высоко промышленную страну, иметь обеспеченный рынок сбыта в аграрной Азии [2]). Отсюда возникновение еще во время войны разных паназиатских идей, уживающихся по сей день и в августе 1926 г. на конференции

[1]) Однако, для некоторых групп, как, напр., нефтяной, метал., урон был бы значительный.

[2]) На более быструю индустриализацию Японию также толкает неразрешенный эмиграционный вопрос. Его разрешение возможно двумя путями: либо территориальной экспансией за счет островов Тихого океана, но это невозможно, ибо ставит в очередь дня проблему войны, либо другим путем—поглощением избыточного населения промышленностью.

в Нагасаки демонстрировавшихся открыто [1]). Япония в этом деле завоевания азиатского и тихоокеанского рынка развивает бешеную энергию, но эта японская экспансия имеет перед собой два препятствия. Первое: азиатский рынок имеет своего поставщика—вернее хозяина—в лице самой старой колониальной империи мира Англии. Второе препятствие—отсутствие собственных больших сбережений для быстрого темпа развития своей промышленности. Остановимся на первом препятствии, так как оно к настоящему времени уже достаточно успело отразиться на отношении двух держав—Японии и Англии. Задолго до мировой войны, когда существовал еще англо-японский союз, Япония на глазах у своего союзника и всего мира превратилась в главного английского конкурента в Китае. Эта конкуренция носила уже столь острый характер, что вначале вызвала русско-японское сближение, а потом даже русско-японский секретный договор, направленный против Англии и отчасти С. Ш. Годы войны и послевоенные годы англо-японскую торговую конкуренцию усилили еще более. Япония своими дешевыми текстильными изделиями начала наводнять китайский рынок. Предметы же американского ввоза в Китай и по сие время встречают слабую конкуренцию Японии, а главным образом, Англии. Америка ввозит в Китай: машинные части, нефть, каучук, табак, т.-е. такие предметы, которые Япония не вывозит, а сама покупает. Превратившись в главного английского конкурента на Дальнем Востоке, Япония имеет очень сильную склонность превратиться в опасного конкурента и на других участках колоссальной английской империи, в первую голову в Британской Индии и на Ост-Индских островах и даже в Египте. В обеих Индиях японцы делают хорошие дела. Они ввозят туда, главным образом, дешевые текстильные товары. Вот цифры, показывающие японскую торговлю текстильными товарами. В 1925 г. Япония выработала 1.179 миллионов ярдов хлопчато-бумажных тканей, из которых экспортировала 800.000.000. Из них в Китай—400 млн., в Индию—102 млн. и на Ост-Индские острова—86 млн. Англичане принимают ряд мер к уничтожению японского ввоза текстильных изделий. Намечающаяся японская экспансия в сторону Голландской Индии тоже не нравится Англии, которая, как известно, стоит за Голландией на Ост-Индских островах. *Изучение этих бросающихся в глаза фактов дает нам возможность констатировать большой англо-японский антагонизм.* Этот антагонизм усиливается недружелюбным отношением между Австралией и Японией из-за эмиграционного вопроса. Боязнь желтой опасности среди белых австралийских цивилизаторов настолько велика, что в течение целого ряда лет государственные деятели Австралии отстаивали перед империей необходимость возможно быстрой постройки Сингапурской базы. Эту базу с приходом консерваторов к власти и в связи с последней имперской конферен-

[1]) На этой конференции произошел интересный казус. Индусы потребовали принятия резолюции против Англии. Японцы покинули зал конференции, так как корейцы тоже потребовали принятия подобной же резолюции по отношению к Японии.

цией предполагается действительно построить. Сейчас же после имперской конференции (декабрь 1926 г.) японские газеты подняли большой шум, а их угрозы в сторону Англии далеко превосходили угрозы 1924 г., когда конгресс С. Ш. принял эмиграционный закон. Характерно, что именно в это время в японской печати появилась статья о том, что Новая Гвинея, почти совершенно пустующая, должна быть отобрана у Австралии и передана Японии. *В данный момент, англо-японское соперничество гораздо сильнее японо-американского соперничества, поэтому первое должно более привлекать и наше внимание.* Борьбу за азиатский рынок Япония может только тогда вести успешно, если ее товары будут и качественно хороши и дешевизна их будет в дальнейшем обеспечена. Если у Японии имеется один из факторов, способствующих дешевизне товаров—дешевый рабочий труд, то у нее нет достаточных сбережений, чтобы быстро превратиться в страну с высоко развитой промышленностью. Япония ищет средств для индустриализации, и она думает найти их у Соединенных Штатов. *Лозунг многих деловых людей современной Японии—индустриализоваться с помощью Америки для завоевания азиатского рынка.* Этот лозунг постепенно получает свое осуществление. Не считая государственных займов Японии в Америке, мы можем отметить колоссальное развитие американской инициативы в некоторых отраслях японской промышленности. Больше всего обращает на себя внимание электрическая промышленность. Громадные водные богатства Японии дают возможность осуществления построек целого ряда мощных электростанций. Именно электр. промышленности принадлежит и в Японии и в других странах будущность. В эту отрасль промышленности Японии, американцы охотно вкладывают деньги. Для характеристики происходящего экономического сближения интересно привести выдержки из речи Иокогавы, генерального директора промышленной фирмы Сумитомо. Его речь начинается с открытого утверждения, что американские инвестиции в Японии растут. Он говорит: «Мы имеем в Японии целый ряд японо-американских альянсов, среди которых «Ниппон Электрик К⁰». «Шибаура Электрик Факчери», «Митцубиши Электрик К⁰»—самые большие. Наша «Сумитомо Электрик Вайр Энд Гебль К⁰» вступила в союз еще несколько лет назад с «Интернэйшенэл Электрик Корпорэйшен», а немного позже с «Алюминиевой К⁰ Америки». В то же время наша «Ниши-Бей-Шит-Глез К⁰» заключила специальное соглашение с «Либей-Шит К⁰» в Детройте. Все эти об'единения, в которых я персонально заинтересован, показывают в своей работе превосходные результаты»[1]). Речь Иокогавы и перечисленные им японо-американские предприятия не исчерпывают американской инициативы в Японии. Так, известная фирма «Вестингауз К⁰», как и фирма Форда, имеют свои большие отделения-предприятия в Японии и работают на совместных началах с некоторыми японскими фирмами, в частности с Митцубиши. Американо-шведский концерн захватил в свои руки спичечную промышленность Японии. Заключительные слова Иокогавы являются экономической программой многих деловых людей Японии на ближайшие годы, а потому мы их приводим:

[1]) «Фар Истерн Ревью», декабрь 1926 г., стр. 851.

«Современное внедрение американского капитала в наши предприятия хорошо известно. С удовольствием отмечаем, что эти тенденции предполагают увеличиваться и дальше». Между прочим тот же Иокогава, речь которого мы цитируем, является председателем «Квансайского японо-американского общества дружбы»[1]). Настроение деловых кругов находит свое отражение в политике министерства иностранных дел. Речь Шидехары 18 января в парламенте как нельзя лучше это подтверждает. Высказав сожаление по поводу того, что вопрос о билле 1924 г. еще не улажен, Шидехара заключает: «Я твердо уверен, что две нации, памятуя о своей важной миссии являться охранителями мира на Дальнем Востоке, будут стоять бок-о-бок во все времена для выполнения этой задачи[2]). Редактор «Фар Истерн Ревью» Бронсон Реа хотя и не является официальным японским чиновником, но его пером очень часто водит японское министерство иностранных дел. В целом ряде статей, помещенных в своем и других журналах, он продолжает неустанно твердить об одной и той же мысли,—о необходимости экономического и дипломатического сближения Японии и Америки. Попытки сближения с Америкой, которые предпринимаются многими деятелями Японии, очевидны. В то же время и со стороны американцев делаются такие же попытки. Хорошим проводником японо-американского сближения является американский посол в Японии, Чарльз Мак Ви (Charles Mac Veagn), всячески поощряющий организацию смешанных о-в: о-в содействия, дружбы и т. д. Вряд ли его поведение является отражением собственной любви к японцам. По всей вероятности, им руководит мысль о барышах для Моргана и других. Как раз за последние годы в С. Ш. начались разговоры о возможности использования японского посредничества для завоевания китайского рынка. Указывается, что японцы лучше всех знают потребности китайского рынка. Таким образом, идея америко-японского сближения принимает некоторые реальные формы. Ушатом воды на голову сторонников этой идеи явилось постановление американского конгресса в 1926 г. об ассигновании 324 млн. долларов на постройку новых крейсеров. Японские газеты с большой тревогой откликнулись на это событие. Министр же финансов Катакоа в своей речи 18 января заявил, что правительством отпускается сумма в 261.300.000 иен на постройку добавочных крейсеров[3]). Однако, тот факт, что Япония единственная из великих держав почти безоговорочно согласилась на новую конференцию по разоружению в Вашингтоне[4]), доказывает, что идея японо-американского сближения твердо засела в головах некоторых политических руководителей Японии. Между прочим, ограничение вооружений согласно вашингтонским постановлениям 1921—22 гг. нашло свое благоприятное отражение в японской экономической жизни,—финансы, сильно расстроенные, были приведены в сравнительный порядок. Придерживаясь в китайском вопросе тактики нейтралитета, частично поддерживая идею Кулиджа о созыве новой конференции, японская дипломатия ищет японо-

[1]) Деловая улица в Осака.

[2]) «Japan Chronicl», 27 января 1927 г.

[3]) Эта сумма должна быть израсходована в течение 5 лет.

[4]) Англия тоже согласилась, но с оговоркой относительно необходимости согласования планов по разоружению с комиссией по разоружению при Лиге Наций.

американского сближения. В центре борьбы за Китай с сегодняшнего дня необходимо поставить Японию и Англию. Борьба этих двух государств не только в Китае, но и в Индии, Ост-Индских островах и даже Египте все больше и больше обостряется. *Тихоокеанская проблема, ранее заключавшаяся в том, что японо-американское столкновение произойдет в ближайшем будущем, заслоняется японо-английской борьбой и обостряющимися отношениями между Америкой и Англией.* Борьба за Центральную и Южную Америку, как и борьба за будущность английских доминионов [1]), гораздо острее, нежели американо-японская борьба за Китай. Именно обострение англо-японских интересов толкает Японию на политику сближения с СССР. Бронсон Реа, которого мы выше упоминали [2]), указывает в одной из своих статей [3]) на необходимость союза трех государств: Японии, Америки и России для поддержания мира на Дальнем Востоке. Трезвый учет фактов подсказывает нам тот вывод, что проблема японо-американского столкновения, столь тщательно исследованная некоторыми англичанами (напр., известным Байвотером) [4]), отступает на время как перед проблемой японо-английских, так и американо-английских отношений. Победа китайской революции многое изменит в тихоокеанской проблеме, в частности в еще большей степени отдалит японо-американское столкновение. Что же касается японо-английских и англо-американских отношений, то их дальнейшее обострение вполне очевидно.

[1]) Как и борьба за нефть, хлопок и каучук.
[2]) Он редактор «Фар Истерн Ревью».
[3]) «Ф. И. Р.», октябрь 1926 г.
[4]) Байвотер, капитан английского флота, специализировался на пророчествах относительно японо-американской войны. Написал, кроме ряда статей, 2 книги, посвященные Тихоокеанской проблеме. В одной из них указывает точные даты будущей войны, места сражений и предсказывает конец Японии. Статьи и книги выдают мечты... англ. штаба.

Е. Преображенский.

Экономические заметки.

IV.

Новое в хозяйственной ситуации.

В последнее время в нашей печати неоднократно заявлялось, что мы переживаем заметное уменьшение товарного голода.

В своей статье в декабрьской книжке «Большевика» тов. Микоян также сообщает эту новость и пытается показать, откуда она появилась и чем подтверждается. На Московской губернской конференции тов. Бухарин заявил: «мы имеем не обострение товарного голода, а его смягчение». И еще раз: «в целом у нас товарный голод не обострился, а заметно *смягчился*».

Высказывается мысль, что предположение Госплана о росте товарного голода в 1926—27 г. оказалось необоснованным, и само предсказание приписывается «пессимизму и неверию» тов. Смилги, руководившего составлением «Контрольных цифр». Пишущий эти строки не принимал участия в составлении этих цифр и поэтому не несет за них формальной ответственности. Однако, я должен сказать, что тот метод, посредством которого на страницах газет и журналов производится «смягчение» товарного голода, и тот способ критики «Контрольных цифр», который практикуется, вряд ли способен внести надлежащую правильную мысль в понимание того, что действительно происходит сейчас в нашем хозяйстве.

Изучая проблему товарного голода на основании фактических данных, я пришел к выводам, которыми хотел бы в данной статье поделиться с читателями. Но сначала восстановим в памяти, как ставилась проблема Госпланом. В «Контрольных цифрах» сказано, что если цены на сельскохозяйственные продукты и на изделия промышленности останутся без изменения в сравнении с истекшим 1925—26 годом, то можно ожидать роста товарного голода с 380 милл. в 1925—26 г. до 500 милл. руб. в настоящем году [1]). Такая постановка вопроса методологически является вполне правильной. Рост или уменьшение товарного голода в новом году по сравнению с истекшим можно наиболее точно выявить, лишь беря за основу сравнения цены истекшего года. Только тогда несоответствие между платежеспособным спросом и предложением и динамика этого несоответствия по сравнению с предыдущим годом сфотографируются, как движение соотношений товарных масс, не затемненное изменением в ценностных соотношениях.

Что же у нас произошло в этой области в течение истекшего первого квартала хозяйственного года, т.-е. с 1 октября 1926 г. по 1 января 1927 г.? Верно ли, что так называемое частичное успокоение

[1]) См. «Контрольные цифры», стр. 79.

на товарном рынке и некоторое ослабление товарного спроса есть результат большого увеличения предложения промтоваров, а значит неожиданно большего прироста их выработки?

Разберемся.

Обратимся сначала к вопросу о движении платежеспособного спроса. Наметка Госплана о размерах товарного голода, как мы сказали, исходила из предположения о стабильности цен по сравнению с 1925—26 годом. Как же обстояло дело с ценами на сельскохозяйственные продукты?

Цены на все зерновые хлеба, по сравнению со средне-взвешенными ценами по СССР за соответственные месяцы прошлого года, резко понизились. Например, заготовительная цена пшеницы за октябрь—ноябрь в копейках за центнер была:

1925—6 г.	октябрь	ноябрь
Пшеница . . .	726	748
1926—7 г.		
Пшеница . . .	624	614

Иными словами, в месяцы наибольших заготовок пшеница продавалась на 20 коп. с пуда дешевле, чем в прошлом году. Такая же картина по другим хлебам; лишь по ржи понижение цен менее значительно.

В результате только по одной пшенице, которой к 1 января заготовлено 243,6 милл. пудов, крестьянство недополучило около 50 милл. рублей. А по всем хлебам эта цифра будет около 70 милл. рублей. Так как предстоит заготовить еще не менее 250—300 милл. пудов и соотношение цен с 1925—26 г. возможно не изменится существенно сразу после 1 января, то только благодаря уменьшению хлебных цен платежеспособный спрос крестьянства будет миллионов на 100 меньше того, который был бы при сохранении цен 1925—26 г. Увеличение цен на некоторые технические культуры вряд ли может изменить существенно это положение, т. к. уменьшилась посевная площадь, либо товарный выход ряда культур, как масличные семена, лен, сахарная свекла.

Таким образом, уменьшение покупательной способности крестьянства на 100 милл. руб. в год от снижения с.-х. цен при росте промышленных цен в рознице *есть рост диспропорции между сельским хозяйством и промышленностью, а не ослабление товарного голода.*

Но мог ли товарный голод уменьшиться от изменения в размерах уже достигнутого раньше платежеспособного спроса города? Так же нет, как и от сокращения платежеспособного деревенского спроса. Если бы у нас, допустим, понизилась зарплата, а вследствие этого сократился рабочий спрос на промтовары, то это надо бы назвать сокращением зарплаты, а не смягчением товарного голода.

Между прочим, при учете спроса рабочего класса пора бы принять во внимание рост потребления водки и роль этого расхода в бюджете рабочего класса. В 1924—25 г. город, т.-е. главным образом рабочие и служащие, потребил 70% всей водки, деревня—30%. В 1925—26 г. город—49%, деревня—51%, а при включении в первую цифру всех фабричных поселков вне городов, на город придется больше. Если принять, что 70% всей водки, выпитой в городах, потреблено рабочими, то при 440 милл. рублей, вырученных от продажи водки (из них акциз 301 милл.), на рабочих падет 154 милл. на 2.630 милл. рублей зарплаты или около 6%. Около половины всего повышения реальной

зарплаты за 1925—26 г. было с'едено водочным налогом [1]). А в 1926—27 г. продажа водки и доход от водки ожидается значительно больше, чем в 1925—26 г., а именно до 500 милл. рублей. Надо думать, что население за первый квартал уже заплатило водочный налог в увеличенном против соответствующего квартала прошлого года размере и тем уменьшило свои покупательные ресурсы для других товаров.

Обратимся теперь к другой стороне медали, к предложению промтоваров. Изменения в ситуации могут ведь итти с этого конца в двух направлениях: в смысле роста производства и увеличения предложения промтоваров при тех же ценах, т.-е. в направлении действительного смягчения товарного голода, или в смысле роста цен на промтовары, т.-е. по линии усиления диспропорции и маскирования товарного голода при помощи высоких цен. Иными словами, если на каждые сто рублей платежеспособного спроса мы будем иметь по тем же ценам предложение 100 вместо прежних 95, мы будем иметь рассасывание товарного голода. Если же на 100 руб. спроса мы будем давать прежнее количество товаров, но вместо 95 рублей, стоящих теперь благодаря росту цен, скажем, 102—103, то мы будем иметь загоняние товарного голода внутрь, усиление диспропорции лишь с изменением ее ценностного выражения.

Как же фактически обстоит здесь дело по сравнению с аналогичными месяцами прошлого года и по сравнению с расчетами Госплана, исходившего из неизменности цен?

Согласно данным Кон'юнктурного Института Наркомфина розничный индекс по СССР по промтоварам в частной торговле в последнем квартале 1925 г. равнялся 2,24, и за год 2,29, а в 1926 г. за последний квартал 2,63, а за 1925—26 г.—2,57. Это значит, попросту говоря, что за данное количество товаров, за которое в конце 1925 года потребитель платил 2 копейки в среднем, в аналогичные месяцы 1926 г. он платил 2,63 к., т.-е. на 39 копеек или на 17% выше. Индекс статистики труда дает увеличение цен за это время на 14%. В декабре же положение не улучшилось. По Москве, например, стоимость бюджетного набора возросла, на Украине повышение цен за декабрь с'ело все, что было достигнуто кампанией за снижение цен. Правда, увеличение кооперативных цен было несколько ниже, но тоже было. Если принять во внимание, что количество промышленной продукции, которая должна быть выброшена на рынок в этом году, составляет около 7½ миллиардов, а на квартал несколько менее 2 миллиардов, то одно только повышение цен в одном только квартале должно с'есть в сравнении с соответствующим кварталом прошлого года по одному только частному сектору торговли до 100 милл. платежеспособного спроса при том же количестве покупаемых товаров, которое намечено по плану. Сокращение спроса по этой причине на языке экономически грамотных людей называется последствием роста цен, а не смягчением товарного голода.

Рассчитайте теперь эти переплаты потребителей на росте цен не только по частному сектору, но по всей розничной торговле плюс недовыручку крестьянства по хлебу в сравнении с наметкой Госплана, исходившей из одинаковых заготовительных цен в сравнении с 1925 г., разделите цифру предполагавшегося Госпланом дефицита в 500 милл. руб. на один квартал, учтите увеличение акцизов в этом году и скажите, где же преувеличение товарного голода и не является ли цифра Гос-

---

[1]) В 1924—5 г. реальная зарплата равнялась 82,6% от довоенной в 1925—26 г.—91,3%.

на товарном рынке и некоторое ослабление товарного спроса есть результат большего увеличения предложения промтоваров, а значит неожиданно большего прироста их выработки?

Разберемся.

Обратимся сначала к вопросу о движении платежеспособного спроса. Наметка Госплана о размерах товарного голода, как мы сказали, исходила из предположения о стабильности цен по сравнению с 1925—26 годом. Как же обстояло дело с ценами на сельскохозяйственные продукты?

Цены на все зерновые хлеба, по сравнению со средне-взвешенными ценами по СССР за соответственные месяцы прошлого года, резко понизились. Например, заготовительная цена пшеницы за октябрь—ноябрь в копейках за центнер была:

1925—6 г.	октябрь	ноябрь
Пшеница . . .	726	748
1926—7 г.		
Пшеница . . .	624	614

Иными словами, в месяцы наибольших заготовок пшеница продавалась на 20 коп. с пуда дешевле, чем в прошлом году. Такая же картина по другим хлебам; лишь по ржи понижение цен менее значительно.

В результате только по одной пшенице, которой к 1 января заготовлено 243,6 милл. пудов, крестьянство недополучило около 50 милл. рублей. А по всем хлебам эта цифра будет около 70 милл. рублей. Так как предстоит заготовить еще не менее 250—300 милл. пудов и соотношение цен с 1925—26 г. возможно не изменится существенно сразу после 1 января, то только благодаря уменьшению хлебных цен платежеспособный спрос крестьянства будет миллионов на 100 меньше того, который был бы при сохранении цен 1925—26 г. Увеличение цен на некоторые технические культуры вряд ли может изменить существенно это положение, т. к. уменьшилась посевная площадь, либо товарный выход ряда культур, как масличные семена, лен, сахарная свекла.

Таким образом, уменьшение покупательной способности крестьянства на 100 милл. руб. в год от снижения с.-х. цен при росте промышленных цен в рознице *есть рост диспропорции между сельским хозяйством и промышленностью, а не ослабление товарного голода.*

Но мог ли товарный голод уменьшиться от изменения в размерах уже достигнутого раньше платежеспособного спроса города? Так же нет, как и от сокращения платежеспособного деревенского спроса. Если бы у нас, допустим, понизилась зарплата, а вследствие этого сократился рабочий спрос на промтовары, то это надо бы назвать сокращением зарплаты, а не смягчением товарного голода.

Между прочим, при учете спроса рабочего класса пора бы принять во внимание рост потребления водки и роль этого расхода в бюджете рабочего класса. В 1924—25 г. город, т.-е. главным образом рабочие и служащие, потребил 70% всей водки, деревня—30%. В 1925—26 г. город—49%, деревня—51%, а при включении в первую цифру всех фабричных поселков вне городов, на город придется больше. Если принять, что 70% всей водки, выпитой в городах, потреблено рабочими, то при 440 милл. рублей, вырученных от продажи водки (из них акциз 301 милл.), на рабочих падет 154 милл. на 2.630 милл. рублей зарплаты или около 6%. Около половины всего повышения реальной

зарплаты за 1925—26 г. было с'едено водочным налогом [1]). А в 1926—27 г. продажа водки и доход от водки ожидается значительно больше, чем в 1925—26 г., а именно до 500 милл. рублей. Надо думать, что население за первый квартал уже заплатило водочный налог в увеличенном против соответствующего квартала прошлого года размере и тем уменьшило свои покупательные ресурсы для других товаров.

Обратимся теперь к другой стороне медали, к предложению промтоваров. Изменения в ситуации могут ведь итти с этого конца в двух направлениях: в смысле роста производства и увеличения предложения промтоваров при тех же ценах, т.-е. в направлении действительного смягчения товарного голода, или в смысле роста цен на промтовары, т.-е. по линии усиления диспропорции и маскирования товарного голода при помощи высоких цен. Иными словами, если на каждые сто рублей платежеспособного спроса мы будем иметь по тем же ценам предложение 100 вместо прежних 95, мы будем иметь рассасывание товарного голода. Если же на 100 руб. спроса мы будем давать прежнее количество товаров, но вместо 95 рублей, стоящих теперь благодаря росту цен, скажем, 102—103, то мы будем иметь загоняние товарного голода внутрь, усиление диспропорции лишь с изменением ее ценностного выражения.

Как же фактически обстоит здесь дело по сравнению с аналогичными месяцами прошлого года и по сравнению с расчетами Госплана, исходившего из неизменности цен?

Согласно данным Кон'юнктурного Института Наркомфина розничный индекс по СССР по промтоварам в частной торговле в последнем квартале 1925 г. равнялся 2,24, и за год 2,29, а в 1926 г. за последний квартал 2,63, а за 1925—26 г.—2,57. Это значит, попросту говоря, что за данное количество товаров, за которое в конце 1925 года потребитель платил 2 копейки в среднем, в аналогичные месяцы 1926 г. он платил 2,63 к., т.-е. на 39 копеек или на 17% выше. Индекс статистики труда дает увеличение цен за это время на 14%. В декабре же положение не улучшилось. По Москве, например, стоимость бюджетного набора возросла, на Украине повышение цен за декабрь с'ело все, что было достигнуто кампанией за снижение цен. Правда, увеличение кооперативных цен было несколько ниже, но тоже было. Если принять во внимание, что количество промышленной продукции, которая должна быть выброшена на рынок в этом году, составляет около 7½ миллиардов, а на квартал несколько менее 2 миллиардов, то одно только повышение цен в одном только квартале должно с'есть в сравнении с соответствующим кварталом прошлого года по одному только частному сектору торговли до 100 милл. платежеспособного спроса при том же количестве покупаемых товаров, которое намечено по плану. Сокращение спроса по этой причине на языке экономически грамотных людей называется последствием роста цен, а не смягчением товарного голода.

Рассчитайте теперь эти переплаты потребителей на росте цен не только по частному сектору, но по всей розничной торговле плюс недовыручку крестьянства по хлебу в сравнении с наметкой Госплана, исходившей из одинаковых заготовительных цен в сравнении с 1925 г., разделите цифру предполагавшегося Госпланом дефицита в 500 милл. руб. на один квартал, учтите увеличение акцизов в этом году и скажите, где же преувеличение товарного голода и не является ли цифра Гос-

[1]) В 1924—5 г. реальная зарплата равнялась 82,6% от довоенной в 1925—26 г.—91,3%.

плана скорее слишком скромной. Правда, в этом году общий выход продукции промышленности предполагается больше в сравнении с ожиданиями Госплана, и это увеличение даст действительные ресурсы для уменьшения товарного голода. Здесь недоучет в цифрах есть, повидимому, факт. Но влияние этого увеличенного в сравнении с планом выхода промтоваров на рынок есть «музыка будущего». В этом квартале на *широком потребительском рынке* увеличение, например, продукции топливной промышленности не могло заметно сказаться, а увеличение продукции по другим отраслям; например, по текстильной, скажется после. Между тем ряд товарищей уже по отношению к истекшему кварталу заявляли и заявляют о «смягчении товарного голода», выдавая за смягчение голода рост цен, сокращение платежеспособного спроса вследствие падения хлебных цен, рост водочного налога, рост акцизного обложения и связанное со всем этим некоторое ослабление товарного спроса. При этом забывается часто, что на известном уровне роста цен при данных размерах потребности в товарах начинается воздержание от покупок еще до исчерпания платежеспособного спроса. Конкретно: если при данных ценах 100 единиц платежеспособного спроса поглощают 100 единиц товара, то если цены стоят на недоступной для потребителей грани—повышение цен с 100 до 105 даст возможность реализовать до 90 единиц товара и 10 единиц спроса останутся неиспользованными. Обратная картина часто наблюдается при падении цен. Наконец, сторонникам того взгляда, что мы переживаем смягчение товарного голода, каждый потребитель может задать естественный вопрос: если у нас смягчение товарного голода, почему же у нас розничные цены не только не падают, а даже возросли несколько за последний месяц? В чем тут дело?

А дело здесь в том, что мы имеем не ослабление товарного голода, а загоняние его внутрь хозяйственного организма, мы имеем лишь переход одной формы кризисного состояния в другую. Мы имеем пока не смягчение товарного голода, а обострение диспропорции между промышленностью и земледелием, рост несоответствия между увеличившимися розничными ценами на промтовары и падением заготовительных цен на хлеб, лишь переход кризиса в новую фазу: хозяйственный организм стихийно начнет выправлять несоответствие рвотой от высоких цен и конвульсивным сжатием спроса, сокращая в сфере частного хозяйства производство культур, ставших с точки зрения трудовых затрат невыгодными в данных условиях рынка. Первым предвестником этого является сокращение или приостановка роста технических культур. Здесь заявляет о себе закон ценности, стихийный результат товарного хозяйства, конкурирующий с нашим плановым началом в области установления пропорции в хозяйственной системе. Наиболее важная часть крестьянского хозяйства, наиболее тесно связанная с нашей промышленностью и питающая ее сырьем, находится под угрозой приостановки развития. *Что же касается сферы спроса и предложения промтоваров, то мы идем здесь, повидимому, навстречу положению, аналогичному осени 1923 г. Только теперь центр тяжести лежит прежде всего в оптово-розничных ножницах.* Понижение розничных цен есть центральная проблема, решение которой может хотя бы отчасти восстановить относительное равновесие в хозяйстве. Но в том-то и дело, что это орех гораздо более крепкий, чем многие себе представляли и представляют. Кампания за понижение розничных цен путем внешнего административного нажима на кооперацию в общем не удалась, если не считать того положительного результата от нее, что она задержала возможность еще большего повышения цен в связи с общим осенним оживлением торговли. *Торговый аппарат хозяйства страны, не только частный, но даже кооперативный, пока ускользает от планового руководства государства.* Надо, во-первых, признать этот факт и, во-вторых, его понять для того, чтобы с надеждой на успех решить вопрос о том, какие практические меры нужно принять для снижения цен.

Наш товаропроводящий аппарат громоздок, неуклюж, «перенаселен» в результате разбухания при стихийном росте предыдущего периода, работает плохо, обходится невероятно дорого.

Кроме того, в предыдущий период торговые накидки включали в себя процент на создание собственного оборотного капитала.

Наш торговый аппарат изнежен и избалован с самого рождения тем, что развивался в развращающей обстановке товарного голода, отнюдь не способствующей рациональной постановке торгового дела. У нас по отношению к ряду товаров, особенно недостаточных, не было даже торговли в собственном смысле, а распределение со всякими накидками между голодными потребителями, бравшими все нарасхват. Где здесь достаточно сильный стимул к минимальным накидкам, к рационализации аппарата, к борьбе с накладными расходами? Самой лучшей палкой, которая воспитывает торговый аппарат в духе сокращения расходов обращения, есть достаточное насыщение рынка товарами, принуждающее искать покупателей, а не распределение полунаркомпродовского типа. Поэтому остается в силе и для теперешнего периода та истина, что самым верным средством к уменьшению оптово-розничных ножниц является *расширение производства недостаточных товаров.* Ничто не заменит этого основного фактора рационализации торговли. Все другие средства могут лишь несколько выправить ситуацию, но никогда не сведут расходов торгового аппарата хотя бы к довоенным. Другой мотив. Опыт снижения торговых расходов в кооперации показал, что легче всего это снижение достигается путем роста оборотов, путем роста нагрузки аппарата, а не путем его физического сжатия [1]). И здесь выход в увеличении товарных масс на рынке, и в том числе товарных масс, проходящих через кооперативный оборот.

Наконец, только насыщение рынка может серьезно ударить по накоплению частного капитала. Частный капитал, который сам себе не враг, дерет сейчас с потребителя, во-первых, все то, что берет с него кооперация, во-вторых, имеет добавочные накидки и, в-третьих, использует еще тот факт, что при большей его изворотливости торговые расходы у него меньше, чем в кооперации. Только при насыщении и даже некотором перенасыщении рынка частный капитал, при его большей подвижности, вынужден будет, чтобы не остаться без покупателей, снизить свои цены.

Подводя итоги наших усилий по снижению розничных цен за несколько лет, мы должны притти к выводу, что решить эту проблему нам не удалось. Тов. Бухарин на Московской конференции партии подчеркнул уже тот факт, что оптовые цены нашей государственной промышленности мы снизили на 36%, тогда как розничные цены за это время снизились всего на 3%. Я еще вернусь к этому грустному итогу ниже, в связи с вопросом об отпускных ценах трестов. В данном же случае приходится лишь признать факт.

Почему мы потерпели неудачу в деле снижения розничных цен? Прежде всего, конечно, потому, что государству в деле борьбы за сни-

[1]) Я не хочу сказать этим, что физическое сжатие не нужно или невозможно, а лишь то, что оно встречает сильнейшее сопротивление.

жение цен в товарном обороте приходилось итти против стихии, против закона спроса и предложения, против того «задержанного рефлекса закона ценности» в нашем хозяйстве, который приводит к повышению цен без соответственного стихийного перелива труда и средств производства в области производства дефицитных товаров. На этом участке физические силы нашего регулирования, если можно так выразиться, сказались значительно слабее, чем в секторе национализированной промышленности. Несмотря на охват через госторговлю и кооперацию двух третей товарного оборота, стихийные законы рынка пересилили плановое регулирование и на этих двух третях государственной либо подконтрольной государству территории. Если мы хотим взять грубо итог нашего регулирования торговли за время нэпа, то перед нами выплывут две основные цифры: сравнение довоенных накидок со средней торговой накидкой кооперации и частников, во-первых, и сравнение кооперативных накидок с накидками частного капитала, во-вторых. Довоенные накидки равнялись около 20%, теперешние накидки в частной торговле более 50%, в кооперативной процентов на 15—20 меньше, но точных данных, взвешенных данных, по всему вывозу у нас нет. Если взять довоенные накидки торгового аппарата и среднюю накидок по всем видам торговли у нас, то здесь итог регулирования торговли пока целиком против нас [1]). Наоборот, в госторговле и кооперации цены дешевле, чем в секторе частной торговли, примерно, в таком соотношении: то количество товаров, за которое до войны платили 100 коп., в частной торговле в рознице стоит 265, а в кооперативной 225—230, т.-е. на 18% дешевле (эти цифры по кооперации требуют проверки). Здесь регулирование дает положительный результат.

Как же уменьшить торговые расходы кооперации, госторговли и частников?

Что касается последних, то до преодоления товарного голода и до охвата кооперативным оборотом сбыта кустарной промышленности, здесь трудно достигнуть серьезных результатов, хотя все возможное должно быть сделано. Что же касается госторговли и кооперации, то снижение розничных цен в них является делом совершенно неотложным. Все наше хозяйство и его развитие упирается на данном отрезке времени главным образом в проблему оптово-розничных ножниц и тем берет под обстрел нашу систему обмена.

Насколько же и насчет чего можно сократить торговые накидки кооперации и госторговли?

Что касается вопроса: можно ли?—надо ответить «да». Цены взвинчены настолько, что мы можем иметь скоро затоваривание при товарном голоде и частичные забастовки покупателей, желающих покупать, но не могущих или не желающих покупать по данным ценам (не надо забывать и классового состава наших покупателей—вопрос недостаточно, к сожалению, изученный, как и вся динамика массового спроса и потребления в советских условиях). Здесь государство, имевшее против себя в деле снижения цен стихию рынка, будет иметь до известного момента эту стихию за себя. В обстановке затоваривания под давлением покупателей и под давлением государства торговый аппарат должен будет поддаться: выжать от него снижение накидок на известный процент теперь будет возможно.

[1]) За 1925—26 г. общая сумма всех накидок всей торговой сети равнялась 4,7 миллиарда рублей и на 1926—27 г. предположена Госпланом в 5 миллиардов. Так как цены в рознице выше прошлогодних, то накидка этого года будет, несомненно, значительно выше 5 миллиардов. Вот на что надо нажимать!

Но на какой процент? На чем можно будет урезать накидки? Дело может итти лишь о сжатии так называемых «зависящих» накидных расходов.

Кооперация и госторговля имеют прибыли. Сами они уверяют, что около 120 милл. На деле, вероятно, значительно больше. *Надо положить за правило, что ни кооперация, ни госторговля не должны в ближайшие годы, по крайней мере, иметь прибылей в период повышения или стабилизации розничных цен.* Большая, подумаешь, заслуга иметь прибыль при теперешних накидках, которые с точки зрения накидок в хорошо организованной капиталистической торговле Европы являются прямо сказочными или, вернее сказать, сверхскандальными. Говорят: да ведь прибыли-то маленькие, всего 120 милл. Но ведь это доказательство именно бесхозяйственности, если при теперешних накидках прибыли так малы. Хотя часть прибыли кооперации и идет пайщикам, следовало бы вообще высказаться за недопустимость прибылей в период увеличения или стабилизации цен и ставить рекорды образцовой работы в деле снижения цен в сравнении с другими кооперативами, а не в графе прибылей.

Во-вторых, теперешние цены включают увеличение оборотного капитала госкооперативной торговли. Если это было естественно в первые годы торговли, когда госторговля и кооперация были выпущены на вольный рынок торговать без рубашки и должны были обрастать оборотным капиталом на ходу, то теперь «калькулировать» с расчетом увеличить капитал является уже недопустимым. Надо увеличивать быстроту оборота уже накопленного капитала плюс кредит.

Третий возможный и, пожалуй, наиболее надежный источник сокращения накидок—увеличение оборота на тот же аппарат торговли. Если разбухание нашего торгового аппарата будет приостановлено, рост торгового оборота будет автоматически уменьшать торговые расходы в их отношении к обороту.

Затем надо подумать, где нужно, о сжатии уже теперешнего аппарата госторговли и кооперации. По-настоящему здесь еще как следует не рационализировали дела. На тот же оборот частная торговля занимает меньше людей и меньше тратит на рабсилу не только потому, что у нас лучше поставлена охрана труда, отчетность и контроль (отчетность и контроль, впрочем, не всегда абсолютное благо, а часто дорого стоящие бюрократические наросты), но и потому, что *у нас хуже поставлено использование рабочей силы и не найдены свойственные коллективной системе стимулы, заменяющие положительные стороны буржуазной конкуренции* [1]). Не надо забывать, что крупная кооперативная торговля, на ряду с выгодами всякого крупного производства имеет ту невыгоду, что балансами удовлетворительно работающих предприятий она спасает банкротов, ничем не заменяя положительную сторону всякого банкротства, поскольку банкротство выводит из строя гнилые организмы. Если в буржуазной торговле конкуренция механически выбрасывает гниль, то у нас гниль делается спутником самого механизма, во всяком случае пока мы не овладели новой системой обмена с ее особенностями.

[1]) У нас еще не все отдают себе отчет в том, что наши упорные неудачи в деле снижения розничных цен в числе прочих причин связаны с организационным кризисом советской системы обмена, а этот кризис, это неуменье «культурно торговать» (о чем говорил т. Ленин) связано с проблемой нашего общего культурного развития. Против причин такого рода никакие ударные кампании нам не помогут, т. к., по выражению Ленина, здесь нужна «культурная революция».

Наконец, не мешало бы подумать, нельзя ли на ближайшие год, два **перебросить часть затрат труда с кооперации и госторговли,** труда **слишком дорогого, на самого потребителя. Время не принадлежит,** к **несчастью, у нас пока ни к числу дорогих, ни к числу дефицитных** товаров. Нельзя ли вместо приближения товара к потребителю несколько усилить приближение потребителя к товару? Короче: нельзя ли ликвидировать те предприятия госкооперативной сети, которые не нагружены до известного минимума оборота на рабочую силу. И само собой, надо категорически приостановить расширение сети там, где нет возможности полностью загрузить аппарат.

Вот ресурсы для снижения розничных цен в кооперации и госторговле. Что это может дать? При 3.808 милл. руб. кооперативного оборота за истекший год и значительно большем в 1926—27 г., в развращающей обстановке товарного голода, но в момент угрожающего торгового затора, это может дать снижение цен на 6—7%, т.-е. главным образом ликвидировать рост цен последнего года. Это было бы для данного года существенным успехом.

Теперь остается сказать о возможности снижения оптовых цен для стимулирования снижения розничных. Я считаю, что расстрелять эти патроны мы всегда сумеем. Все дело в том, чтобы дошло до потребителя. Иначе сотни миллионов рублей, предназначенные для улучшения положения потребителей, будут перехвачены торговой сетью. За истекшие три года снижение отпускных цен в общем и целом до потребителей почти не дошло. Это может повториться и в этом году. Между тем снижение отпускных цен только на ту часть промышленной продукции, которая идет в деревню и городским потребителям, и только на 3—4%, составит огромную сумму—минимум полторы сотни миллионов рублей, которая будет означать прямой вычет из фонда расширения промышленности. *А так как расширение и техническое переоборудование промышленности есть основной фактор удешевления цен,* то ради временного эффекта на рынке, который к тому же легко может быть с'еден торговым аппаратом, будет задержан процесс действительного смягчения товарного голода, действительного и прочного изменения рыночной кон'юнктуры в пользу потребителя [1]). Несомненно, в некоторых отраслях госпромышленности снижение отпускных цен возможно и необходимо, особенно в создавшихся теперь условиях на рынке. Задача состоит в том, чтобы, избегая всякого огульного снижения цен провести его в такой момент, когда это снижение целиком и полностью дойдет до потребителя, и когда будут гарантии, что из торговой сети выжато все, что возможно для уменьшения розничных цен. Надо, однако, опасаться, чтобы в случае наступления торгового кризиса не началось огульное и паническое снижение отпускных цен. Это ударит по промышленности, это даст возможность торговому аппарату сложить на промышленность часть последствий того кризиса, вызванного вздутием розничных цен, в котором промышленность никак не виновата. Наконец и из деревенских покупателей этими жертвами со стороны пролетарской промышленности скорее воспользуются не те слои, которые нас интересуют. *Бедняк и середняк, продавшие по сниженным ценам излишки своего хлеба до 1-го января, покупали промышленную продукцию по вздутым розничным ценам. А кулаки и зажиточные, придержавшие его в ожидании весеннего роста цен, продавая хлеб дороже, будут покупать промтовары по сниженным ценам.* В интересах бедняцко-середняцкого покупателя мы заинтересованы в другом сезоне для снижения цен, в лете и особенно в осени, когда эти слои скорее всего способны покупать. Между тем в истекшем году снижение цен именно в этот сезон надо признать неудавшимся.

В настоящей статье я не вношу никаких систематизированных конкретных предложений. Я лишь хочу побудить товарищей к обсуждению экономической ситуации раньше, чем заминка в торговле наступит. Если мы правильно разберемся в том, что происходит в нашем хозяйстве теперь, в начале 1927 г., нам легче будет наметить все практические меры, которые надо будет принять в сфере экономической политики государства.

P. S. Настоящая статья была уже написана и послана в редакцию «Правды», когда мне передали, что на последнем пленуме ЦК некоторые из выступавших товарищей называли мою книгу «Новая Экономика» «евангелием оппозиции», теоретически обосновывающим политику повышения цен. Я должен напомнить читателям, что по вопросу о политике цен моя книга защищает в качестве программного следующий тезис, правильность которого была достаточно доказана нашим хозяйственным опытом: «Правильная политика цен на продукцию государственной промышленности должна преследовать следующие три цели: накопление для расширенного вопроизводства и для технического переоборудования промышленности, повышение заработной платы, понижение цен» («Новая Экономика», 1-е изд., стр. 237, 2-е изд. стр. 276). Кроме того, замечу раз навсегда, что за мою книгу несу ответственность в качестве автора я один, никаким символом веры оппозиции она не является. Как известно, взгляды оппозиции на политику цен изложены в нескольких официальных документах и выступлениях, например, в заявлениях на июльском пленуме ЦК в 1926 г., на XV партконференции, на VII расширенном пленуме ИККИ.

Е. П.

---

[1]) В частности, было бы величайшим головотяпством с нашей стороны, если б мы не использовали полностью исключительно благоприятного положения на мировом хлопковом рынке и не сделали в этом году мануфактуру достаточным товаром. Так как развертывание текстильной промышленности встречает препятствие и со стороны оборудования, необходимо немедленно обеспечить ей импорт нового оборудования. Намеченное уже увеличение производства в текстильной промышленности явно недостаточно.

И. Смилга.

На экономические темы.

«Контрольные цифры» Госплана на 1926/27 год, составленные при моем участии, подвергались и продолжают подвергаться жестоким нападкам со стороны ряда лиц. Той же участи подвергаются и взгляды тех товарищей, которые примыкают к оппозиции. В последнее время эти нападки приняли настолько необоснованный и развязный характер, что создалась прямая необходимость выступить в печати с разбором утверждений наших оппонентов. В противном случае, неизбежно получится резко тенденциозное и одностроннее освещение спорных вопросов. Спорные же вопросы имеют исключительно важное значение. Речь идет о самом *существенном* в нашей экономике. Следует отметить, что главные оппоненты по интересующим нас в данный момент вопросам (тт. Микоян и Бухарин) воодушевлены самыми правоверными взглядами на *смычку*, на *политику цен* и т. д. Так как оба названных товарища помимо литературных своих трудов занимают еще весьма ответственные посты в партии и хозяйственном руководстве страной, то весьма интересно проследить, насколько слова и дела этих весьма официозных товарищей совпадают. Дурак, кто верит на слово. Это мудрое правило приобретает особое значение в настоящее время. Мы будем говорить о *фактах* и их посильно об'яснять. В настоящей статье мы остановимся на итогах первого квартала текущего года в области цен и хлебозаготовок.

Смычка и политика цен. Смычка с крестьянством на языке экономической политики означает и на ряд лет будет означать такую политику цен на сельскохозяйственные и промышленные товары, которая вела бы к возможному уменьшению так называемых «ножниц». Конкретно говоря, это означает политику снижения цен на промтовары и ведение такой политики цен на хлеб и другие продукты деревни, которая обеспечивала бы рост сельского хозяйства. Это—генеральная линия партии, подтвержденная рядом постановлений. Такая политика может успешно проводиться при развивающемся хозяйстве и правильном руководстве. Для всякого ясно, что при проведении этой политики будут неизбежно встречаться значительные трудности, что временные успехи могут быть менее значительными и так далее. Но совершенно недопустимо, чтобы политика цен строилась *вразрез* с этой основной линией партии. В этом случае полные политического и экономического значения слова о «смычке» превращаются в жалкое лицемерие.

Обратимся к фактам, которые гораздо об'ективнее целого ряда их нынешних тенденциозных комментаторов. Если взять соотношение цен между хлебо-фуражной группой сельскохозяйственных товаров по *отпускным ценам* государственных и кооперативных заготовителей и розничным индексом промышленных товаров, то эволюция «ножниц» рисуется в следующем виде:

1/XII 1924 г. 1,53
1/XII 1925 г. . . . . . . 1,58 (незначительный шаг вперед)
1/XII 1926 г. . . . . . . 1,58 (огромное ухудшение).

Так как *заготовительные цены* на зерно-фураж еще ниже, а регистрация розничных цен на промтовары не выходит за пределы уездных городов, то действительная картина еще хуже [1]). Почему надо брать именно эти сопоставления, а не сравнение просто «ножниц», по оптовому и розничному индексам? Потому что эти сопоставления находятся ближе всего к действительному положению на рынке. Крестьянин покупает промышленные товары по розничным ценам, а продает свои продукты по заготовительным ценам. Сравнение оптового индекса на сельскохозяйственные товары и розничного индекса промтоваров дает следующую картину:

1/X–1925 г. 153
1/X–1926 г. 163

Эти данные говорят о значительном раздвижении ножниц. Мы обращаем на этот факт самое серьезное внимание. Мы усматриваем в нем *шаг назад* по сравнению с тем, что было. Перед нами не случайное повышение или понижение цен какой-нибудь группы товаров. Ножницы раздвигаются как за счет *понижения* цен на сельскохозяйственные продукты, так и за счет *повышения* цен на промышленные товары.

Но, может быть, об'ективная обстановка стихийно сложилась так, что другого выхода не оставалось, как итти на раздвижение ножниц. Против рожна не попрешь. Но дело, по всей видимости, обстоит не так. По компетентному заявлению тов. Микояна регулирующая роль Наркомторга настолько усилилась, что можно уже говорить о некоей новой высшей фазе нэпа, в которой рыночная стихийность уже в значительной степени заменена регулирующей волей. При чем будто бы наибольшие успехи в этом отношении достигнуты именно на хлебном рынке. Следовательно, перед нами последствия сознательно регулирующей воли. Так и запишем.

Очень интересно, однако, узнать в силу каких решений проводится эта политика раздвижения ножниц? Осенью 1926 г. при обсуждении «Контрольных цифр» фигурировали два возможных варианта политики цен. Один исходил при расчетах из среднего индекса за 1925/26 г. другой исходил из некоторого понижения общего уровня цен. Оба варианта исходили из стабильного раствора ножниц. Первый вариант был *отвергнут*, как слишком «пессимистический». На деле же, как мы видели, получилось совсем другое. Общий уровень розничных цен *повысился* при огромном, к тому же, раздвижении ножниц. Одна из центральных народнохозяйственных идей «Контрольных цифр» оказалась отвергнутой: «пессимисты» оказались чрезмерными оптимистами.

Мораль сей басни очень проста: смычка достигается не благонамеренными речами и добродетельными причитываниями, а реальными и разумными мерами экономической политики. При таком несовпадении фактов с теорией невольно возникает «неверие» в широковещательные заявления и «пессимизм» по отношению к кое-какому «регулированию».

Как обстоят дела с ценами вообще? Можно было ожидать, что после «блистательной» победы над оппозиционными супостатами, которых на всех перекрестках обвиняли в стремлении повышать цены, начнется полоса снижения цен. Должен сказать, что никто никогда не говорил о повышении розничных цен, тех цен, по которым покупает потребитель.

---

[1]) Ножницы между розничными ценами промтоваров и заготовительными ценами с.-х. продуктов по индексу Наркомторга дают следующую картину:

	1925 г.	1926 г.
Октябрь	1,97	2,27
Ноябрь	2,03	2,37
Декабрь	1,94	2,38

Обсуждались методы привлечения в промышленность наибольшей доли из оптово-розничных ножниц. По вопросу о генеральной линии партии на *снижение цен* никаких разногласий не было. Сколько, однако, чернил, бумаги и ораторского искусства было изведено для об'яснения населению преимущества низких цен и козней оппозиции. Интересно проследить *факты* и в этой области. Они не менее интересны, чем по вопросу о ножницах. Следующие данные дают представление об этом вопросе.

Даты.	Промтовары	
	Оптовый индекс Госплана	Розничный индекс Кон. Ин-та.
1/X—1925 г.	192	239
1/X—1926 г.	204	264
1/I—1927 г.	203	270 [1])

Стоимость бюджетных наборов по СССР с 1-го января 1926 г. по 1-е января 1927 г. заметно возросла по всем городам.

Повышение стоимости бюджетных наборов за 1926 г.
(По данным ВЦСПС).

Города.	1 янв. 1926 г.		1 янв. 1927 г.	
	Рубли	Коп.	Рубли	Коп.
Москва	20	09	21	89
Ленинград	19	94	23	28
Ярославль	16	72	18	25
Самара	15	38	17	62
Саратов	16	83	20	24
Сталинград	16	11	18	66
Тамбов	17	70	18	65
Орел	17	61	18	09
Тула	18	39	18	87
Елец	14	92	16	44
Псков	16	49	16	71
Ив.-Вознесенск	18	80	20	96
Шуя	18	37	19	31
Курск	16	51	17	92
Махач-Кала	18	14	18	99
Архангельск	16	13	17	90
Усть-Сысольск	16	92	19	05
Киев	17	74	18	38
Житомир	14	81	15	01
Одесса	17	21	18	57
Томск	12	63	13	38
Новосибирск	13	77	14	70
Омск	15	62	16	12
Барнаул	13	13	13	38
Красноярск	12	82	13	41

1) Все индексы страдают значительной неточностью. Напр., розничный индекс не учитывает кооперативных цен, которые несколько ниже цен частного рынка Индексы могут ориентировать нас только в *тенденциях*.

Цены действительно резко упали на хлеб. Но читатель увидит из дальнейшего, что это понижение до основных потребительских рынков *не дошло.*

Следовательно, и здесь факты жизни сурово посмеялись над обывательской шумихой. Для уяснения действительной обстановки необходимо разобраться в следующих элементарных вещах. Немедленно после проведения денежной реформы 1924 г., которая сняла, в первую очередь, с крестьянства значительный эмиссионный налог, и вслед за первыми успехами в борьбе с ножницами в стране обозначился товарный голод. Резкий отрыв розничных цен от оптовых осенью 1924 г. явился показателем того, что наличное предложение товаров не может удовлетворить пред'являемый к ним платежеспособный спрос. Создались своеобразные оптово-розничные ножницы, раствор лезвий которых весьма раздвинулся. Рост оптово-розничных ножниц отражал, с одной стороны, товарный голод (кон'юнктурную прибыль), с другой—размеры обложения торгового оборота и его накладные расходы. Обстановка неудовлетворенного спроса, создавая чрезвычайно благоприятные условия для развертывания промышленности, создавала ряд затруднений для дальнейшего снижения отпускных цен на промышленные товары. В самом деле, если снижение цен не может быть доведено до потребителя, то эффект для него от этого снижения пропадает. Такое снижение в обстановке резкого товарного голода неизбежно приводило к развращению торгового аппарата высокими накидками и к наживе частного торговца, который продолжает играть в торговле до самого последнего времени *весьма значительную роль.* В связи со сказанным темп снижения отпускных оптовых цен на промтовары с осени 1924 г. уменьшается, а с весны 1926 г. после перехода в ряде отраслей промышленности на так называемый облегченный ассортимент (ухудшение качества) фактически они значительно *повышаются.* Я не имею возможности установить коэффициент повышения индекса отпускных цен по этой причине, но определенная накидка на все индексы промтоваров в сторону их понижения должна быть сделана.

Помимо товарного голода, полное использование оборудования, прилив необученной рабочей силы на фабрики и заводы, повышение цен по некоторым видам сырья, высокие накладные расходы и т. д. привели не только к *приостановке процесса снижения себестоимости,* но к перелому в сторону ее повышения. Это грозное обстоятельство с полной очевидностью наметилось в 1926 г. и неизвестно будет ли оно ликвидировано в текущем году. Так обстоит дело с оптовыми ценами. Определенному режиму отпускных цен соответствует определенная сумма на капитальные затраты. Одно обусловлено другим. Режим экономии и сокращение расходов могут дать, может быть, и довольно значительные по своим абсолютным размерам суммы, но *существенно* изменить картину они не в состоянии. Этим, разумеется, ни в малой степени не умаляется значение борьбы за режим экономии и сокращение расходов. Только возможным результатам этой борьбы отводится подобающее место. Сводить же проблему оптовых цен только к шумихе о сокращении расходов и к «воле к снижению» совершенно бессмысленно. Режимом экономии нельзя прикрывать центральную народнохозяйственную проблему.

Существенно иначе обстоит дело с розничными ценами. Во-первых, они в большей степени зависят от закона спроса и предложения (рынка), чем оптовые цены. Во-вторых, на розничную накидку влияет целый ряд весьма специфических условий.

Регулирование розничного рынка представляет поэтому ряд значительных трудностей. Единственным, вполне надежным методом регулирования розничных цен является *достаточное предложение* потребных товаров. При достаточном насыщении рынка товарами легко устанавливается необходимый нормальный режим цен. Насыщение рынка товарами является *положительным* решением вопроса о диспропорции между спросом и предложением. Оно единственно соответствует экономической природе советского строя, который должен производить для удовлетворения потребностей населения. *Отрицательным* решением вопроса может считаться сокращение покупательного фонда населения. Первое решение предполагает в качестве необходимого условия усиленное расширение промышленного производства. Второе решение может быть осуществлено лишь за счет ухудшения материального положения населения и за счет сокращения темпа народнохозяйственного развития. Первое решение может вызвать определенные временные затруднения, но обеспечивает рост благосостояния трудящегося населения и экономический прогресс. Оно требует напряжения ума и воли всей партии и всей страны. Второе решение может создать видимость кон'юнктурного благополучия при непременном ухудшении хозяйственного положения в целом и с перспективой экономического застоя и политических затруднений. Зато думать надо гораздо меньше. Авось, да небось, кривая вывезет и т. д.

Советская власть уже ряд лет борется с товарным голодом. Летом 1926 г. представители оппозиции внесли ряд предложений о таком перераспределении национального дохода, которое изымало бы часть средств у деревенской верхушки и нэпманства в пользу промышленности. Эти предложения были, во-первых, по части тех значительных натуральных запасов хлеба, которые сосредоточиваются в руках кулачества и достигнут к концу текущего года суммы в 600—700 милл. пуд., и по нэпманскому накоплению, которое исчисляется сотнями миллионов рублей. Проводить эти мероприятия пришлось бы, вероятно, не без серьезных трудностей. Но оно было вполне осуществимо. Интересы широких слоев населения: рабочих, крестьян и прочего городского населения, не только бы не пострадали, но прямо выиграли бы. Ухудшилось ли бы материальное положение трудового населения, если бы натуральные запасы хлеба в стране уменьшились на сотню милл. пудов и некоторая часть частнокапиталистического накопления оказалась в руках пролетарского государства? Нисколько. Зато веселей дымили бы фабричные трубы.

Проводимая ныне политика идет по другому пути. Низкими ценами на хлеб и раздвижением ножниц снижается покупательная сила деревни, при чем это снижение больнее всего бьет по бедняку и середняку. Увеличение розничных цен снижает заработную плату рабочих и служащих. В этом же направлении действует водка, доходы от которой весьма увеличиваются из месяца в месяц. И после этого т. Микоян имеет смелость упрекать «Контрольные цифры» в преувеличении товарного голода. Осенние расчеты величины товарного голода исходили из определенного расчета цен и определенного уровня цен. Поскольку нарушены слагаемые, нельзя говорить уже и о сумме. Единственно, в чем прав т. Микоян, это в том, что «Контрольные цифры» не «угадали» летом 1926 г. урожая хлопка в Америке. Благодаря огромному падению цен на хлопок, оказалось возможным купить хлопка больше, чем предполагалось, и увеличить текстильное производство, чему мы все, конечно, очень рады. Равным образом, «Контрольные цифры» «не угадали» нефтяных фонтанов, поднявших добычу Баку и Грозного. Каюсь от имени своего

и своих сотрудников: в знахарстве (а не в *научном* предвидении) оказались слабы.

Добро бы в результате этой политики снизились бы розничные цены. Но ведь этого, к сожалению, нет. Факты говорят об обратном. Жизнь дорожает, это известно каждому рабочему, каждому крестьянину. Принимались десятки решений о снижении розничных цен. Пишут об этом ежедневно до одурения, до обалдения, а воз и ныне там. Нельзя, нам кажется, считать кооператоров бандитами и преступниками, об'единившимися для срыва политики цен советской власти. Очевидно, что-то мешает этому снижению цен. И мешает очень сильно. Надо ближе присмотреться к делу, и картина станет более ясной. Сперва нужно *понять* противодействующие снижению цен факторы, а потом уже их *устранять*. Нам дело рисуется в *следующем виде*. В обстановке обостренного товарного голода кооперация лишена возможности практиковать значительное снижение цен против частника. В определенный момент начинается раскупка кооперативных товаров мелкими партиями и продаже их на другой день по еще более высоким ценам. Следовательно, снижение розничных цен на дефицитные товары сможет быть проведено лишь в тех местах, где государственная и кооперативная торговля занимает монопольное или почти монопольное положение. Но налицо факты, свидетельствующие о некотором смягчении товарного голода. Ряд товаров из дефицитных превратились в достаточные. Однако, розничный рынок до последнего времени не реагировал на это смягчение падением цен. Очевидно, что-то мешает проявлению действия закона спроса и предложения. На сцену выступает государственный бюджет как серьезный *фактор повышения цен*. Увеличение железнодорожных тарифов, акцизов, налогов, неизбежно влечет за собой повышение цен. Нельзя допустить, чтобы борьба за рационализацию торгового аппарата не дала никаких результатов. Результаты имеются, и борьба с накладными расходами должна продолжаться, но они уничтожаются в значительной мере новыми наложениями на цену товара. При обсуждении бюджета прошлого года мы указывали на его чрезмерно напряженный характер. Жизнь оправдала наши опасения. Его, во-первых, не удалось к 1 октября 1926 г. выполнить в предполагавшихся размерах и он, несомненно отрицательно сказался на товарных ценах и покупательной силе денег. В этом году он еще более напряжен. Удивляться, поэтому, росту цен, совершенно не приходится. От иерихонских труб нашей печати цены, к сожалению, не снижаются. Все основные элементы в народном хозяйстве взаимно обусловлены. *Нельзя одной рукой снижать цены, другой повышать.*

Говоря о розничных ценах, надо сказать еще следующее. Страна не может длительный период существовать с твердой валютой при большом разрыве оптовых и розничных цен. Розничные цены тысячами нитей тянут за собой оптовые цены. Легче всего это уясняется на частном примере заработной платы. Рост цен уменьшает реальную заработную плату. Это ведет к увеличению номинальной платы, что в свою очередь увеличивает себестоимость. Такое положение на языке экономической теории называется *инфляцией*.

Резюмируем. Изживание товарного голода велось до сих пор *отрицательным* методом. Средством для этого служила политика цен, косвенное обложение и водка. Однако, цены плохо снижались потому, что бюджет оказывал на них повышательное влияние. Под шум криков о снижении цен, проводилась политика повышения цен.

Мы стоим за действительное понижение розничных и оптовых цен на промышленные товары. Мы считаем необходимым проведение в жизнь

всех решений, направленных к этой цели. Борьба за снижение цен, по нашему мнению, даст положительные результаты при соблюдении следующих основных условий. Необходимо доводить снижение оптовых цен до потребителя. Только при этом условии, оно может дать народнохозяйственный эффект. Методы кампании по снижению цен и ее результаты должны обсуждаться на партийных и беспартийных рабочих собраниях и в печати. Центр тяжести кампании должен быть перенесен на самодеятельность кооперированного и всего трудящегося населения за счет сокращения мелочной опеки чиновников регулирующих органов. Действительный контроль кооперированных масс населения над своими аппаратами возможен только при этом условии.

Проведенная, таким образом, кампания даст ценный материал для суждения о целесообразности или нецелесообразности тех или иных регулирующих методов.

Как правило, снижение цен должно производиться в начале хозяйственного года. В этом случае оно в наибольшей степени будет соответствовать интересам бедняцкой и середняцкой массы деревни.

Было бы гораздо целесообразнее и разумнее, если бы вместо той травли, которая ведется против определенной части партии и отнимает у партии массу сил, усилия были бы направлены на борьбу с действительными опасностями. Мы тогда, наверно, достигли бы лучших результатов. Шила в мешке не утаишь.

Хлебозаготовки. Хлебозаготовительная кампания в нашей стране имеет громадное значение для всего народного хозяйства. Реализация хлеба и условия этой реализации весьма существенно отражаются и на внутреннем и на внешнем нашем экономическом балансе. Эта кампания также является самой существенной частью проблемы смычки. Мы пережили уже при нэпе целый ряд хлебозаготовительных кампаний и имеем некоторую возможность установить те общие линии нашей экономической политики, которые наиболее соответствуют интересам народного хозяйства и социалистического строительства. В 1925 году были правительством установлены определенные основания для политики хлебных цен. Они должны были удовлетворить следующим требованиям: быть выгодными для крестьянина, рентабельными для вывоза и приемлемыми для городского населения.

Кроме того, дана была директива стремиться во что бы то ни стало к тому, чтобы разрыв между осенними и весенними ценами был минимальным. Эти решения, по нашему мнению, вполне правильно вскрывают конкретное содержание понятия «смычка» в этом деле. При проведении в жизнь этих решений были допущены промахи и ошибки. Однако, кампания в целом была шагом вперед в деле организации хлебного рынка и классовой политики. В частности, вполне удалось провести удержание хлебных цен после нового года. Все группы крестьянства, таким образом, получили более или менее одинаковую цену за хлеб. Если кто-нибудь и прогадал, то именно кулак, который спекулировал на рост цен весной. Благодаря хорошим видам на урожай весной 1926 г. хлебные цены в весенние и летние месяцы резко понизились. До того времени обыкновенно на разрыве осенних и весенних цен наживались зажиточные слои деревни—те слои, которые имеют возможность хранить хлеб, выжидая повышения цен. Так было и в 1923 году и в 1924 г.

Следовательно, несмотря на осенние затруднения прошлого года (ажиотаж и чрезмерно высокие цены в отдельных районах) хлебная кампания 1925/26 года намечала экономически и политически правильную линию. Интересы бедняка и середняка были в центре внимания советской власти.

Ряд отрицательных моментов (перекредитование, множественность заготовителей и беспринципная конкуренция между ними) был устранен весной 1926 года. Регулирующая роль Наркомторга усилилась. Повторный урожай создал весьма благоприятную об'ективную обстановку для хлебных заготовок. Значительно увеличилось производство промтоваров—этого серьезнейшего фактора хлебных заготовок.

Теперь посмотрим, как была использована благоприятная обстановка Наркомторгом и какие результаты дала его работа к настоящему времени.

Первое, что бросается в глаза, это резкое падение хлебных цен. Приводимая ниже таблица иллюстрирует положение с хлебными ценами в прошлом и текущем году:

Цена в коп. за пуд.

	Рожь	Пшеница	Овес
Декабрь 1925 г.	83	122	75
» 1926 г.	70	98	57,5

Особенно резко упали цены на ячмень, которые в момент наибольших заготовок (август—сентябрь) составляли:

	Август	Сентябрь
1925 г.	77	76
1926 г.	50	52

Так как приведенные данные являются средне-взвешенными по Союзу, то данные по отдельным районам дают картину гораздо более яркую и неблагоприятную для сельского хозяйства.

Можно допустить, что при повторном урожае хлебные цены должны быть несколько ниже прошлогодних. Однако, не в таких размерах. Если еще принять во внимание рост цен на промышленные товары, то картина *ухудшения* экономических взаимоотношений города и деревни станет ясной. Резкое падение цен на хлеб создает две опасности. Во-первых, остановку, или даже сокращение посевных площадей, а, следовательно, и производительных сил сельского хозяйства вообще.

Во-вторых, затруднения со сбытом промышленных товаров со всеми вытекающими из этого факта затруднениями. Вот почему мы не можем считать правильной политику чрезмерно низких цен на хлеб.

Каким образом был установлен этот режим цен? Главнейшими рычагами, помимо повторного урожая, надо считать три: размеры единого налога и порядок его взимания, заготовительные планы Наркомторга и устранение в значительной мере с хлебного рынка частника.

В отличие от прошлого года увеличен самый размер единого налога (300 милл. рубл. вместо 240 милл. рубл.) и сроки его взимания распределены так, что главная масса налога падает именно на первый квартал. В прошлом году к 1 января было собрано всего около половины налога, в этом году около четырех пятых.

Единый с.-х. налог всегда был очень сильно действующим средством, стимулирующим предложение хлеба. Неудивительно, что он сыграл эту роль и в нынешнем году.

Второе—заготовительные планы Наркомторга. Тов. Бухарин в своем докладе на Московской губпартконференции в следующих словах квалифицирует политику Наркомторга в этом вопросе.

«Неплохо у нас обстоит дело и *с темпом выполнения* плана хлебозаготовок. Например, за сентябрь этого года мы имеем выполнение

125,4 проц. плана, за октябрь—выполнение 127 проц. плана, за ноябрь—139,2 проц. выполнения плана. Иными словами, мы идем с превышением наших собственных плановых расчетов».

Из этого следуют две вещи: во-первых, что т. Бухарин радуется (что не вредно), и, во-вторых, что он не понимает существа того, о чем он говорит (что уже вредно). Можно допустить два возможных решения вопроса о такой невязке планов с действительностью. Можно сказать, что планы хлебозаготовок Наркомторга являются чисто маргариновыми планами. В самом деле, какая цена месячному плану, который на 20—40% расходится с действительностью? Ругает же «Контрольные цифры» тот же Бухарин за то, что они в августе 1926 г. недоучли пары процентов против выясняющегося *теперь* развертывания промышленности. Но ведь они-то должны были учесть *всю* экономику Союза и значительную часть мировой экономики. Кроме того, Госплан составлял только народнохозяйственную ориентировку, а не оперативный *месячный* (!) план. Нет, мы более высокого мнения о плановых способностях Наркомторга. Дело заключается в другом. Наркомторг давал заготовителям *сниженные* планы, сознательно стремясь к определенным ценам. Жизнь их превышала к удовольствию тов. Микояна и его пророка Бухарина. За счет количества заготовляемого хлеба и за счет раздвижения ножниц выигрывала микояновская политика цен. В этом все дело.

Устранение частника с хлебного рынка надо считать явлением положительным. Только необходимо установить, что хлеб, раньше снимаемый частником, должен быть снят госзаготовителями и кооперацией. В противном случае образуется брешь в хлебном балансе страны. В этом году Наркомторг более или менее справился с первой задачей. Что же касается до второй половины дела, то в смысле заготовок частник частично замещен, в смысле же овладения дальнейшими звеньями хлебного рынка не сделано ничего. Читатель убедится в этом из дальнейшего.

Из элементов, стимулирующих предложение хлеба, должны быть еще отмечены водка, взимание семссуды, платежи по с.-х. кредиту, платежи по окладному сельскохоз. страхованию и т. д. Усиленное предложение хлеба встретилось с *сдержанным* спросом, что и определило осенние хлебные цены 1926 г. Тов. Микоян избрал образцом для своей политики, правда, в смягченном виде, злополучную осень 1923 г.

Результаты хлебозаготовок. К 1 января 1927 г. заготовлено государственными и кооперативными заготовителями около 450 милл. пуд. хлеба против 315, примерно, миллионов пудов прошлого года. По этому поводу т. Бухарин торжествующе восклицает:

«Согласно предсказаниям оппозиции должен был получиться худший ход заготовок, а он получается на 36½ проц. лучше, чем в прошлом году. Едва ли то об'ясняется тем, что мы все «отступали». Сказать по совести, в прошлом году мы *сами себя* щелкали, благодаря неумелым расчетам. Попросту говоря, разница между каменевскими и микояновскими расчетами,—да простит мне Микоян комплимент,—выражается в приросте 36,5 проц.».

Кстати сказать, т. Каменев здесь совершенно ни при чем. Да и картина-то получается совершенно иная, если присмотреться к вопросу немного ближе. В приведенный расчет, как это известно всем, за исключением, очевидно, Бухарина, входят так называемые централизованные заготовки. В прошлом году, как известно, усиленно работали на хлебном рынке мелкие инорайонные организации и частники. С учетом этих заготовок, картина получается, примерно, такая: к 1 января 1926 г. было заготовлено около 450 милл. пудов хлеба, к 1 января 1927 года около

520 милл. пудов. При повторном урожае и при тех средствах, какие были применены в этом году, это уже не столь большая разница. Кроме того, хлебные заготовки резко передвинулись на восток, в районы с влажным и трудно вывозимым хлебом. Бухарин еще раз обнаруживает незнание трактуемого предмета. А насчет «неумелых расчетов» следовало бы помолчать после того, как все последующие расчеты поднимали размеры прошлогоднего урожая.

Говорить же наркому комплименты, конечно, не грех. Против этого, разумеется, возражать невозможно.

Перспективы хлебозаготовок. Тов. Бухарин так расценивает дальнейшие перспективы:

«Во-первых, мы можем сделать тот вывод, что опровергнут тезис о регулировании нас со стороны кулака. *Неправда*, что кулак нас регулирует. *Правда*, что мы регулируем, т. е. умело боремся и оттесняем кулака. Это—правда.

Второе: *неправда*, будто мы оказались беспомощными на хлебном рынке; *правда*—то, что мы оказались в состоянии овладеть хлебным рынком; мы частника с хлебного рынка вытеснили, заготовки идут гораздо лучше, политика наших закупочных органов правильна—не то, что в прошлом году, когда все наши органы бросались в одни и те же места, в одно и то же время и вздували чорт знает как цены. Овладение хлебным рынком есть одно из важнейших явлений нашей хозяйственной жизни, одно из важнейших достижений и завоеваний нашей экономической политики.

Третий вывод в связи с хлебозаготовками тот, что мы получили *гарантию против сезонного вздорожания цен* на сельскохозяйственные продукты со всеми соответствующими явлениями: отражением этого на заработной плате, на курсе нашего червонца и т. д. У нас хлебозаготовки идут по плану, по расчету; осенью ажиотажа с ценами не было и можно предполагать, с большим основанием, что к весне не получится вздорожания хлеба.

Общий итоговый *политический* вывод тот, что хлебозаготовительные операции вдрызг изничтожили экономическую философию наших оппозиционных товарищей».

Не только грядущие годы, но и месяцы таяться во мгле. Поэтому в декретировании будущего, надо соблюдать сугубую осторожность. Бухарин не следует этому правилу и вынуждает нас вкратце остановиться на его перспективе. Но прежде один вопрос к т. Бухарину. Кто, когда и где говорил о «нашей беспомощности» на хлебном рынке? Лучше бы процитировать такого «маловера», а то невольно берут сомнения в наш скептический век. Ну, что оппозиция еще раз посрамлена вконец, это—конечно. Без этого сладкого нынче не с'едается ни одно литературное и ораторское блюдо. Но не успели высохнуть чернила вдохновенного бухаринского пера, как на хлебном рынке обозначилось кое-что новое. В январе имеет место резкое *падение* хлебозаготовок. Из ряда районов поступают сведения об усилившейся работе частника, который начинает платить гораздо дороже госзаготовителей, срывая конвенционные цены. Прекращать же заготовки невозможно. Далеко еще не выполнен экспорт, да и внутренний хлебный рынок находится отнюдь не в порядке. Можно ли говорить уже с полной определенностью, что и в *будущем уже все в порядке*? Нельзя. Усилившаяся работа частника есть начало повышения цен на хлебном рынке.

Состояние хлебного рынка. Если на заготовительном хлебном рынке положение можно считать «относительно» благополучным, то этого никак нельзя сказать о рынках потребляющих. Ряд фактов свидетель-

ствует о форменном хаосе на внутреннем хлебном рынке. К таким фактам надо отнести в первую очередь разрыв между ценами заготовительных и потребляющих районов и крайнюю пестроту цен, выходящую далеко за пределы, вызываемые расстоянием. В потребляющей полосе:

пуд ржи стоил	1 ноября	1925 г.	126,5 к.
»	1 »	1926 г.	132,5 к.
пуд ржан. муки	1 »	1925 г.	149,9 к.
»	1 »	1926 г.	159,1 к.
пуд пшен. »	1 »	1925 г.	399,7 к.
»	1 »	1926 г.	410,3 к.

Приведенная таблица свидетельствует о том, что, несмотря на повторный урожай и на низкие заготовительные цены, на рынках реализации хлебные цены выше прошлогодних. Разрыв цен между заготовительными и потребляющими районами доходит до 60—70 к. за пуд ржи. В отношении ряда районов цены реализации на 100 и выше процентов заготовительных. Значит, потребитель не только ничего не выиграл от чрезмерно низких заготовительных цен, но даже проиграл против прошлого года, когда именно в это время стояли наиболее высокие заготовительные цены. Это тем более странно, что видимые запасы в потребляющей полосе значительно выше прошлогодних. Где причины этих явлений? Очевидно, в регулирующих мероприятиях Наркомторга и в повышении железнодорожных тарифов. Железнодорожными тарифами, однако, нельзя об'яснить и малой доли творящегося безобразия. Дело, очевидно, заключается в том, что из того, что называется *хлебным делом*, тов. Микоян пока усвоил лишь малую частичку. Увлекшись своей «полезной» деятельностью по части раздвижения «ножниц», он забыл, что люди едят не рожь в зерне, а печеный хлеб и что хлебный рынок есть не только «превышение» планов (своих же) заготовок. Вопросы мукомолья и организации определенного режима на рынках реализации остались за спиной сознания тов. Микояна. Пройти это безнаказанно не может.

Одно ясно. Мы, может быть, и вступили в новую высшую фазу нэпа, как будто об этом уверяет вас тов. Микоян в Ленинском номере «Правды», но порядка в этой фазе еще меньше, чем было раньше.

Выводы: если Наркомторгу удастся выдержать свою линию в области цен до конца, то с экономическими результатами этой политики нам придется встречаться еще не раз. Не надо забывать, что у крестьянина имеется одно чрезвычайно сильное средство в борьбе с чрезмерно низкими ценами. Это сокращение посевов. По техническим культурам мы с этим явлением встретились уже в прошлом году. Сокращение посевов подсолнуха, свеклы, льна, табака—факт. На хозяйстве это, как известно, отражается весьма отрицательно. Если же весной хлебные цены поднимутся в это же время произойдет снижение промышленных цен, то проиграет бедняк, продавший осенью свой хлеб дешево, а выиграет по всей линии кулак. С кем тогда будет смычка, а с кем размычка, угадать нетрудно. Расслоение деревни получит новый толчок. Города же будут наводняться выходцами деревни. Положение с безработицей еще ухудшится. Осенью 1926 г. Госплан советовал Наркомторгу несколько поднять хлебные цены, что можно было достигнуть некоторым увеличением месячных заготовительных планов. Чем больше было бы накоплено запасов, тем спокойнее можно было бы пережить вторую половину года. Не исключена ведь и перспектива частичного

неурожая в 1927 г. Третий урожайный год бывал всегда очень редким гостем в нашем хозяйственном прошлом. Тогда об'ективно сложится высокая кон'юнктура на хлеб. Наркомторг отверг эти предложения. Жизнь проверит обе точки зрения.

...Тов. Бухарин в своем докладе привел неверную цифру относительно предположенного темпа развития промышленности по «Контрольным цифрам на 1925/26 г.».

Он пишет: «Здесь, тт., не мешает припомнить, что в первых «Контрольных цифрах» на 1925/26 г. тов. Смилги, в той книжке и в тех цифрах, о которых тов. Троцкий писал, что в них слышится «великолепная музыка грядущего социализма», предполагалось, будто за прошлый год промышленность разовьется (по валовой продукции) на 19 проц., а вышло, что фактически она развилась на 40 проц.».

Привожу цитату из № 2 «Плановое Хозяйство» за 1926 г. из доклада Госплана о пересмотре «Контрольных цифр»:

«Контрольные цифры», составленные в июле—августе прошлого года, намечали темп развертывания всей цензовой промышленности—крупной и мелкой—1925/26 г. в размере 33% (рост валовой продукции по довоенным ценам в процентах к продукции 1924/25 г.). А для планируемой в размере 47%. Производственными программами по отдельным отраслям промышленности, представляющимися в Госплан в октябре—декабре 1925 г. рост планируемой промышленности в среднем определялся в 48—50%.

В связи с изменившейся обстановкой, главным образом в связи с сокращением импорта, производится пересмотр производственных программ в сторону их сокращения. Госпланом темп развертывания после сокращения определяется, примерно, в 39—40% для планируемой промышленности».

Читатель может убедиться на этом факте, как т. Бухарин обращается с действительностью. Я ему указал на это, он не счел нужным реагировать. Он «неточен» еще во многом, но об этом в другой раз.

От редакции.

Для ознакомления членов партии с «новейшими» задачами экономической мысли представителей оппозиции редакция, в виде исключения, помещает статьи тт. Е. Преображенского и И. Смилги, поднимающие вновь те вопросы, по которым оппозиция выступала против линии партии и по которым —см. в частности решения февральского пленума ЦК—вынесены ясные партийные решения, лежащие в основе нашей хозяйственной политики, встретившие полное одобрение со стороны рабочих и крестьян.

Разбор новейших «изысканий» оппозиционных экономистов, отражающих «перевооруженческие» маневры и явные шатания оппозиционной мысли—о которых партийная масса уже поставлена в известность нашей прессой—еще раз дан в помещаемой ниже статье т. Г. Крумина.

Постскриптум т. Преображенского, где пишется о единоличной «ответственности» его за «Новую Экономику», глухо подчеркивает то, что в рядах оппозиции чувствуется определенная потребность в идейном размежевании и отмежевании друг от друга. Тем не менее, на деле антиленинская основа «Новой Экономики» остается своеобразной экономической философией оппозиции.

Г. Крумин.

Новые похождения оппозиционных экономистов по ниве советской экономики.

I. Как оппозиционные экономисты в поход собрались.

Выступлением двух экономистов — т. Преображенского и т. Смилги — открывается, несомненно, новая славная страница борьбы оппозиционного блока с ленинской партией—за «истинный ленинизм», за «выдержанно-пролетарскую политику». Эта новая атака на партию, конечно, проводится новыми методами, в соответствии с новой изменившейся обстановкой.

Задача перед оппозиционными экономистами поставлена нелегкая. Ведь вся страна еще помнит предсказания, которые были сделаны оппозиционным блоком, основываясь на «научном» анализе действительности и действующих общественных сил. В апреле прошлого года устами т. Троцкого оппозиционный блок говорил о том, что «все данные говорят за то, что наша промышленность встретит урожай 1926 г. без всяких товарных запасов, что может означать *воспроизведение нынешних трудностей в возросшем масштабе*». В мае того же года тов. В. М. Смирнов в большой тревоге подчеркивал, что проведение предлагаемых им мероприятий—речь шла о повышении оптовых отпускных цен на изделия промышленности—«становится буквально задачей сегодняшнего дня»—если не итти сознательно к крайнему обострению положения («Красная Новь», кн. V. Стр. 173).

Тревога оппозиционного блока возрастала со дня на день, предсказания становились все мрачнее. И как не тревожиться, когда налицо явное «расхождение между направлением хозяйственной политики» партии и «направлением чувств и мыслей пролетарского авангарда»! (Декларация оппозиции в июле прошлого года).

Таковы были памятные предсказания оппозиции.

Между тем жизнь пошла по-иному...

Под руководством партии хозяйственные затруднения пр. г. были изжиты. Изживание их происходило таким образом, что государственная промышленность сделала снова—несмотря на значительные трудности—громадный скачок вперед. Свыше чем 40% роста за год—не шуточное дело. Рост тяжелой промышленности и в истекшем году превышал рост легкой, след., имело место дальнейшее увеличение удельного веса тяжелой индустрии. И

в нынешнем 1926—27 хозяйственном году быстрый (хотя и замедленный по сравнению с предыдущими годами) рост геспромышленности продолжается. Капитальные затраты в промышленности (вместе с электростроительством) установлены в сумме 1.100 млн. руб., в сумме, превышающей предложения оппозиционных «сверхиндустриализаторов». После временного перерыва, вызванного хозяйственными затруднениями, снова налицо дальнейший мерный рост заработной платы. Хлебный рынок в нынешнем году подчинен государственному воздействию в гораздо большей степени, чем в прошлом году. Заявления о том, что кулак нас регульнул, а не мы его, с треском провалились. Экспорт хлеба протекает несравненно лучше, чем в прошлом году, а в результате советское государство накопило даже некоторый валютный резерв, который делает все положение гораздо более прочным. И с товарным голодом—этим главным бичем—вместо предсказанного обострения получилось смягчение. А в настоящий момент партия вплотную взялась и со всей энергией проводит снижение *не только розничных, но и отпускных оптовых цен* на ряд продуктов промышленности.

Партия добилась этих результатов, ведя одновременно тяжелую борьбу с оппозиционным блоком, предлагавшим вместо снижения повышение цен, отстаивавшим повышение налогового обложения с пеной у рта защищавшим увеличение из'ятий из крестьянского хозяйства в целях «установления» равновесия в хозяйственной жизни.

Таковы факты.

Ныне перед оппозицией стоит тяжелая задача—доказать, что все обстоит именно так, как она предсказывала. Требуется доказать, что партия, вместо изживания товарного голода, занимается «загонянием его внутрь хозяйственного организма». Вместо абсолютно необходимого уменьшения перекачки ресурсов из крестьянского хозяйства партия проводит-де увеличение путем фактического повышения промышленных цен, снижения сельскохозяйственных цен и увеличения бюджета. Задача снижения цен почти не двигается с места, а усилия партии явно недостаточны и лицемерны. Страна двигается навстречу опасностям (соответственно измененным) 1923 г. Неуспех же или весьма незначительные достижения в деле под'ема хозяйства проистекают из того, что партия не руководствуется предложениями оппозиции. Только предложения оппозиции стоят на уровне эпохи. А ведь «говорить о чьем-либо желании или намерении держать курс на высокие промышленные цены—значит бредить, или стараться вызвать бред у других» (заявление т. Троцкого на февральском пленуме ЦК).

Такова поставленная задача. Задача—что и говорить—тяжелая и весьма «почтенная». Решить ее взялись два вышеназванных экономиста—«теоретик» переходного периода т. Преображенский и более позднее приобретение оппозиционного блока, тоже экономист т. Смилга.

Как же сии экономисты справились с поставленной задачей?

Отложив до третьей главы подробный анализ всех конкретных утверждений оппозиционных экономистов о нынешней хозяйственной практике партии, всей их диковинной путаницы, прямых измышлений—разберем сначала некоторые общие вопросы,

II. О сущности товарного голода и путях и методах борьбы с ним. Путаница т. Преображенского.

В центре рассуждений оппозиционных экономистов находится, конечно, товарный голод. И мы поэтому начнем с товарного голода.

Товарный голод на предметы широкого потребления—а о нем здесь речь—выражает диспропорцию между платежеспособным спросом и предложением, обще говоря—между потреблением и производством. Никакое общество не может существовать вне определенной пропорциональности в распределении совокупного труда, которым данное общество обладает. В меновом обществе пропорциональность осуществляется стихийным путем. Стихийным регулятором такого общества является стоимость. Через механизм цен, колеблющихся в зависимости от соотношения спроса—предложения вокруг стоимости, стихийным путем вызывается перелив капиталов и труда из одной отрасли в другую и устанавливается известное равновесие в распределении труда—равновесие, снова постоянно нарушаемое. Одним из элементов равновесия является определенное состояние потребления.

Задачей социалистического хозяйства является — овладеть этими волнообразными движениями хозяйства, через форму стоимости прощупать трудовые затраты, овладеть ими, чтобы *непосредственно* и *прямо* регулировать распределение совокупного общественного труда.

Товарный голод, повторяем, выражает диспропорцию между производством и потреблением. Таким образом, разбор товарного голода подводит к основным вопросам пропорционального распределения общественного труда.

Нашей задачей отнюдь не является анализ условий равновесия абстрактного капиталистического общества, изучаемого в теоретической экономии и скрывающегося за этими условиями рационального содержания. У нас речь идет о товарном голоде на предметы широкого потребления в условиях Советского Союза. Мы исходим из определенной исторически унаследованной Советским Союзом пропорциональности в распределении производительных сил. А какова основная характеристика распределения производительных сил в Советском Союзе? Несомненно, решающим фактором в экономике Советского Союза является *диспропорция между промышленностью и сельским хозяйством.* Эта диспропорция является основной и решающей, ибо она *связана со специфическим производственным отношением переходного периода.* Специфическим же производственным отношением переходного периода является *отношение между рабочим и крестьянином.* Исторически данная диспропорция между промышленностью и сельским хозяйством находит свое выражение в распределении валовой продукции между этими двумя отраслями народного хозяйства—13 млрд. руб. в сел. хозяйстве и 7 млдр. руб. и промышленности. Яркие в этом отношении цифры распределения населения нет нужды напоминать. Исторической почвой, на которой производится ныне социалистическое строительство, является *аграрно-промышленная* страна. Отсталость нашей страны находит свое выражение в непомерно высоких издержках производства промышленности по сравнению с передовыми странами капитализма. Бывш. Россия всегда являлась страной дешевых сельскохозяйственных продуктов и дорогих промышленных товаров. Издержки производства промышленности в среднем, вероятно, раза в полтора-два превышали издержки капиталистических стран Западной Европы.

Хотя диспропорция между промышленностью и сельским хозяйством и является основным и решающим фактором в советской экономике, но об'ясняет ли она целиком товарный голод? Конечно, нет. От диспропорции между промышленностью и сельским хозяйством до товарного голода, т.-е. до соотношения платежеспособного спроса и предложения,—дистанция большого размера. *Диспропорция между промышленностью и сельским хозяйством является, несомненно, основной формой, самой глубокой причиной товарного голода.* Но к платежеспособному спросу ведет ряд весьма важных *промежуточных ступеней*. упустить которые в анализе товарного голода было бы грубой ошибкой. Важнейшими элементами в определении платежеспособного спроса всех классов Советского Союза являются *доходы* и *рыночные цены*, в движении которых отражается *весь* механизм общественного производства и распределения.

Чтобы резче оттенить разницу между диспропорцией между сельским хозяйством и промышленностью и диспропорцией между рыночным спросом и предложением, напомним следующее обстоятельство. Основная диспропорция в распределении общественного труда—между промышленностью и сельским хозяйством—развивалась в таких формах, что в 1923 г. привела к кризису сбыта, а в 1925—26 г.—к кризису предложения промышленных товаров. И все же, понять диспропорцию между платежеспособным спросом и предложением нельзя вне и помимо основной диспропорции в распределении труда, в распределении производительных сил, диспропорции между промышленностью и сельским хозяйством. Тот, кто забывает про эту основную диспропорцию, рискует в борьбе с товарным голодом, т.-е. в борьбе за относительное равновесие производства и потребления, хвататься за второстепенное, запутать себя и других и в конечном счете усложнить положение.

Говорят: но при капитализме в условиях той же диспропорции между промышленностью и сельским хозяйством не было товарного голода. Говорящие так упускают из виду ряд *принципиально новых* моментов. Они забывают, *какими путями и методами* изживалось при царе это несоответствие. А дорожки эти хорошо проторенные: политика высоких промышленных цен и низких сельскохозяйственных цен—во-первых; налоговая политика—во-вторых; внешняя торговля—в-третьих. Гвоздь в том и состоит, чтобы от этих проторенных путей (между прочим, напоминающих кое-какие современные разговоры...) свернуть на другие, новые.

Переходим к причинам, которые все более непосредственно определяют товарный голод.

Среди этих причин в периодической печати вполне справедливо были выдвинуты изменения, вытекающие из Октябрьской революции. Это, во-первых, изменения в крестьянском хозяйстве, выражающиеся в радикальной перестройке бюджета крестьянского хозяйства. Нам кажутся наиболее важными следующие два. Во-первых, изменения, вытекающие из факта уничтожения гос-

подства помещиков и помещичьего государства, — уничтожение арендных плат, платежей банкам, значительное уменьшение прямых и косвенных налогов и др. Это обозначает увеличение на какую-то сумму платежеспособного спроса крестьянства. Следовательно, по сравнению с довоенным периодом Октябрьская революция внесла крупные изменения в структуру расходной части бюджета крестьянина. Во-вторых, важнейшим результатом революции является *осереднячение деревни*. Осереднячение же деревни, т. е. иная социальная группировка крестьянства, не могла не привести к изменению его бюджета, денежной части бюджета и, след., не могла не наложить соответственного отпечатка на об'ем и характер обмена сельского хозяйства с промышленностью. Этот существенно важный результат Октябрьской революции может не заметить только тот, для которого середняк не является центральной фигурой деревни.

Далее, рост и изменение в платежеспособном спросе рабочего класса. Здесь мы имеем, во-первых, быстрый рост зарплаты, державшейся до революции на непомерно низком уровне. Рост этот находится в связи с под'емом культурного и вообще жизненного уровня пролетариата. Темный рабочий социализма не построит. Этот под'ем жизненного уровня приводит одновременно к росту производительности и интенсивности труда и, в свою очередь, ограничивается ростом производительности труда. Во-вторых, внутри этого быстро растущего платежеспособного спроса рабочего класса произошли резкие сдвиги в результате вырастания новых потребностей, увеличения одних статей за счет других и т. д.

Наконец,—платежеспособный спрос капиталистических элементов, потерпевший в результате революции значительный ущерб. Не вдаваясь в подробный анализ, мы отметим сейчас лишь один момент, как механизм товарного голода раскрывает в себе силы. приводящие к увеличению доходов капиталистических элементов (напр., на оптово-розничных «ножницах»), что в свою очередь гонит вверх и усиливает остроту товарного голода.

Все эти новые моменты на стороне спроса сталкиваются со сравнительно более трудно поддающимися изменению условиями на стороне предложения товаров, производство которых было приспособлено к иной структуре платежеспособного спроса. Это противоречие должно было сказаться значительно позже. Забегая вперед, отметим, что оно впервые дало о себе резко знать в нынешнем 1926—27 г., и в этом заключается один из *новых* моментов в рыночной обстановке, мимо которого ни один добросовестный экономист пройти не может. Это противоречие между структурой платежеспособного спроса и предложения является препятствием к установлению *нового равновесия* между производством и потреблением.

Сказанного вполне достаточно, чтобы отмести взгляд на товарный голод, как на сезонное явление (в скобках отметим, что этот взгляд исходит тоже из рядов оппозиции. Чего-чего нет у оппозиционного блока: всякие мнения, всякие оттенки и оттеночки. Поистине это какая-то наваленная куча, из которой по мере надобности вытаскивают то одни, то другие диаметрально противоположные «теории»). Товарный голод не сезонное явление. Однако, при анализе конкретной кон'юнктуры не учитывать сезонного момента нельзя, особенно в Советском Союзе, к тому же

при явной недостаточности или даже отсутствии товарных запасов. Ибо календарное распределение реализации товарных масс сельскохозяйственных и промышленных не совпадает. В пределах года поэтому вполне возможно обострение товарного голода в зависимости от сезона и совсем не «загонянием внутрь», а просто передвижкой спроса во времени может быть смягчена острота положения.

Наконец, ошибки и просчеты с нашей стороны могут привести к раздвижке между платежеспособным спросом и предложением. Истекший опыт заставляет подчеркнуть два момента. Во-первых, ошибочное регулирование кредитно-денежного дела. Перекредитование народного хозяйства (как в прошлом году хлебных заготовок) ведет к возрастанию платежеспособного спроса. Начинается инфляционная лихорадка со всеми ее последствиями. Во-вторых, непосильное форсирование капитальных затрат. Несоответствие спроса и предложения, как это совершенно очевидно, отнюдь не обозначает еще недостаточного накопления в промышленности, недостаточности капитальных затрат. Как мы увидим ниже, вряд ли в сторону недостаточности промышленного накопления грешила наша партия. Наоборот, промахи, ее чаще всего связаны с перенапряжением средств *в пользу промышленности*, начиная с кризиса 1920 г. Непосильное для народного хозяйства форсирование капитальных затрат обозначает дальнейшее из'ятие ресурсов товарного рынка, при стимулировании спроса. Таким образом, в результате непосильных капитальных затрат получается не смягчение, а сильное обострение товарного голода.

Мы выдвинули лишь самые основные моменты, которые могут нарушить и нарушают равновесие между производством и потреблением. В числе причин мы видим моменты длительного и моменты кон'юнктурного и сезонного характера. Тщательный анализ конкретной хозяйственной обстановки должен каждый раз выявить роль каждого из них.

Определяющей для всего хозяйства является диспропорция между промышленностью и сельским хозяйством, вскрывающая основные болезни советской экономики и связанная со специфическим производственным отношением переходного периода. От этой диспропорции целый ряд промежуточных ступеней ведет к платежеспособному спросу, превышение которого над предложением промышленных товаров широкого потребления обозначает товарный голод.

* * *

Какова вероятная тенденция развития диспропорции между промышленностью и сельским хозяйством для ближайших лет? Может ли она обостриться, углубиться? Несомненно, *да*. И ленинская партия обязана открытыми глазами смотреть на те факторы, которые могут для ближайших лет *ухудшить* баланс сельского хозяйства и промышленности. *На стороне промышленности*—окончание восстановительного периода, дальнейший рост на основе нового основного капитала; для ближайших лет—обострение положения в связи с тем, что капитальные затраты, проводимые в более широких размерах лишь за последний год, могут сказаться на рынке товаров увеличением продукции лишь через 3—4 года. *На стороне сельского хозяйства*—освобождение от средневековых пут и кабалы, уничтожение земельной ренты и потому

возможность быстрого увеличения валовой продукции путем элементарной **рационализации на той же технической базе.** Поэтому т. Сталин на XIV с'езде партии в следующих словах резюмировал вероятные тенденции развития: «Несоответствие баланса промышленности балансу сельского хозяйства в дальнейшем, в первые несколько лет, будет еще расти, в виду того, что в сельском хозяйстве таится целый ряд внутренних потенциальных возможностей, далеко еще не использованных и подлежащих использованию в ближайшие годы».

Эту перспективу ближайших лет партия должна держать перед глазами. Истерических возгласов о гибели, перерождении и проч. ей придется слышать не мало. Но, она не свернет с правильной дороги социалистического строительства и не пойдет по пути тех оппортунистов, «реальных» политиков, которые не только на каждом повороте истории, но даже по сезонам торжественно садятся в лужу.

* * *

Ясно, что на протяжении ряда ближайших лет товарный голод явится *опасным врагом* социалистического строительства.

Товарный голод стихийно гонит *цены* вверх, тем самым прорывая или подрывая фронт государственного регулирования цен. Гоняя цены вверх, он подрывает политику цен социалистического государства—этот основной рычаг в руках партии.

Оборотной стороной повышения цен является *падение покупательной способности валюты.* А ведь устойчивая валюта—основной мост между городом и деревней.

Повышение цен и инфляция—вот к чему гонит товарный голод. Другими словами, он подрывает основы смычки, дезорганизует смычку.

«Ножницы» между сельскохозяйственными и промышленными ценами, «ножницы» между оптовыми и розничными ценами являются в таком случае неизбежными.

Повышение цен, инфляция, «ножницы» ведут к разорению крестьянства, к деградации сельского хозяйства.

Повышение цен обозначает также удар по зарплате рабочего. Повышением цен сводятся на-нет завоевания в деле под'ема материального положения рабочего класса.

Однако, обстановка товарного голода не мало способствует увеличению доли частного капитала в национальном доходе страны.

По всем этим многоразличным основаниям партия *со всей силой, напрягая все ресурсы,* борется с товарным голодом. Какими же методами?

* * *

Мы здесь лишь совсем вкратце наметим основные пути.

Прежде всего, как изживается товарный голод при капитализме, как восстанавливается равновесие между спросом и предложением?—*Путем повышения цен.* Повышением цен срезается платежеспособный спрос.

Конечно, такой метод восстановления «равновесия» между спросом и предложением не является, не может являться методом коммунистической партии. Психология «лови момент», «используй благоприятную кон'юнктуру для повышения цен и увеличения таким путем своих прибылей», «веди умную политику цен» [1])—психология мелкого лавочника, стремящегося «содрать», или монопольного капиталистического предпринимателя, проводящего политику повышения цен при ограничении размеров производства,—такая психология, такая политика не имеет *ничего общего* со строящей социализм партией рабочего класса.

Партия ставит своей задачей так побороть товарный голод, чтобы добиться дальнейшего роста производительных сил страны, дальнейшего развертывания промышленности, дальнейшего под'ема благосостояния всего населения—рабочего класса и крестьянства. Все находящиеся в ее распоряжении рычаги она пускает в ход, чтобы в борьбе с товарным голодом подняться на высшую ступень. Она беспощадно борется со всяким повышением цен.

Какими методами советское государство и коммунистическая партия восстанавливают равновесие между платежеспособным спросом и предложением?

Это, во-первых, *индустриализация страны,* проводимая на основе смычки города и деревни, всемерное увеличение удельного веса крупной промышленности в хозяйстве страны. Индустриализация страны излечивает самую глубокую диспропорцию в экономике Советского Союза—между промышленностью и сельским хозяйством. Индустриализация уничтожает самый корень товарного голода.

Во-вторых, всемерное увеличение промышленной продукции путем соответственной лучшей и большей мобилизации средней и мелкой, кустарной, промышленности.

На стороне предложения промтоваров в *строго определенные* моменты *обостренного голода* известную роль может играть ввоз предметов широкого потребления из-за границы. Но ни при каких условиях нельзя забывать, что функции и назначение внешней торговли принципиально изменились по сравнению с капитализмом. Партия всегда будет использовывать рычаг национализированной внешней торговли для ускорения индустриализации страны, для ускорения под'ема экономики, для усиления *независимости* нашей страны. На панический ввоз предметов широкого потребления она никогда не пойдет.

Идя по этой основной линии увеличения промышленной продукции, партия будет одновременно в желательном направлении воздействовать на платежеспособный спрос. Какие это направления?

Это уменьшение непроизводительного платежеспособного спроса путем бешеного проведения режима экономии, всяческого сокращения административных расходов, рационализации аппаратов, сокращения расходной части бюджета и т. д. Жестким сокращением торговых и накладных расходов товаропроводящего аппарата, рационализацией непомерно дорогой товаропроводящей

---

[1]) Не угодно ли послушать: «Конечно, в отношении цен нужно вести политику гораздо более умную, чем мы вели до сих пор. Ведь чистоту раз мы уже запачкали, когда в начале 1925/26 г. отказались от дальнейшего снижения цен» («Вестник Коммунистической Академии». Кн. 17 за 1926 г., страница 215. Прения по докладу о контрольных цифрах. Речь т. Пятакова).

сети, уменьшением аппетитов по части накопления можно добиться снижения розничных накидок, можно и должно добиться сжатия оптово-розничных «ножниц», след., и снижения розничных цен. Таким путем можно и должно переломить неблагоприятное движение цен и добиться их снижения. Не может быть ничего фаталистического в хозяйственной жизни. Нужно только распознать диалектику движения, видеть противоречивые элементы, а не преклоняться перед «фактом» высоких цен.

Необходимо сокращать всякое непроизводительное потребление. При этом вполне допустимо умеючи действовать рычагом налога. Как мы на опыте действовали этим рычагом, разберем ниже.

Далее, на пред'являемые к данному моменту размеры платежеспособного спроса вполне возможно воздействовать путем его передвижки во времени. Мы говорили уже о сезонном несовпадении выхода на рынок сельскохозяйственной и промышленной продукции. Не будет ничего недопустимого в том, если мы несколько лучше, чем, напр., в прошлом году, будем регулировать одновременное пред'явление возросшего спроса со стороны крестьянства и рабочего класса. Возможность передвижки спроса во времени говорит, в частности, о том, что нельзя по одному кварталу судить о результатах борьбы с товарным голодом.

Нет нужды указывать, что кредитно-денежный рычаг необходимо абсолютно твердо держать в своих руках. Роль кредита в борьбе с высокими ценами совсем не маленькая и должна и будет возрастать. Что же касается валюты, то безоговорочное охранение ее устойчивости является обязательнейшим условием правильной политики.

Было бы неправильно вдаваться в большую конкретизацию путей и методов борьбы. Конкретная хозяйственная политика должна быть построена в зависимости от условий места и времени.

* * *

Наш анализ товарного голода был бы неполным, если бы мы не остановились совсем вкратце на *ином типе* развития при социализме и в переходный к нему период.

Уже теперь совершенно правильно указывают, что товарный голод имеет также и положительную сторону. Положительная сторона заключается в том, что товарный голод свидетельствует о наличии широкого рынка сбыта для промышленности. Поэтому уверенной рукой можно проводить индустриализацию страны, ибо со стороны емкости рынка открываются широчайшие перспективы. Советское хозяйство радикально отличается этим от западно-европейских капиталистических стран, бьющихся в тисках недостаточности рынка сбыта. Другими словами, за эмпирическим фактом товарного голода последних лет скрывается нечто большее—*новые* соотношения и *иной* механизм хозяйственного развития в стране, строящей социализм. Эту проблему поставил и ее решение наметил тов. Бухарин. На наш взгляд постановка и решение даны им правильные.

Мы говорили выше, что основная диспропорция между промышленностью и сельским хозяйством протекала в двух диаметрально противоположных формах: кризиса сбыта в 1923 г. и товарного голода за последний период. Действительно, две

противоположных формы. С некоторыми оговорками можно сказать—два типа развития. Несмотря на громадное разрушение промышленности, несмотря на громадный физический недостаток промтоваров, наша хозяйственная политика привела в 1923 г. к кризису сбыта. Хлебные цены стихийно упали, рост отпускных промышленных цен гнал промышленные цены неустанно кверху. Такое движение цен довело страну до кризиса, который был ликвидирован сознательным вмешательством партии и государства, заставивших хозяйственные органы снизить промышленные цены и добившихся определенного сжатия «ножниц». Не сокращение производства, как при капитализме, а его дальнейшее развертывание на базе снижающихся цен—такова *наша* политика. На опыте 1923 г. было продемонстрировано узловое значение политики цен социалистического государства.

Грубейшая наша ошибка состояла в том, что официальным учреждением Советской Республики—ВСНХ—16 июля 1923 года была дана промышленным органам четкая и категорическая директива о достижении «наибольших прибылей»—при чем директива эта была сформулирована без какой-либо оглядки на крестьянское хозяйство. В этом документе говорилось: «В основу управления кладется прибыль хозяйственной единицы, т.-е. треста, и под углом зрения прибыли направляется вся деятельность треста и оценивается деятельность правления треста... Получение прибыли и по закону является руководящим началом деятельности трестов... По прибыльности предприятий в первую очередь оценивается и пригодность правления треста... Отсюда ясно, что общим руководящим началом для деятельности как предприятий, так и ВСНХ, на ближайший период является прибыль, как задача, и баланс, как метод установления прибыли... Предлагаю всем правлениям трестов и органам ВСНХ принять все необходимые меры к тому, чтобы наше государство получило от своих предприятий *наибольшую прибыль*, и предупреждаю, что отмеченное выше руководящее начало будет проведено неуклонно, последовательно и со всей решительностью» (приказ ВСНХ от 16/VII—23 г. за подписью зам. председателя ВСНХ т. Пятакова).

Эта неправильная директива,—директива, противоречащая постановлениям с'ездов партии, не была своевременно замечена, отменена и заменена правильной. Осуществление же этой директивы неизбежно гнало промышленные цены вверх.

Такой тип развития, который имел место в 1923 г.,—*не наш тип развития*. И поэтому естественно, что за последние годы устанавливаются новые соотношения, приближающие нас к социалистическому типу развития, а именно: если—мы употребляем формулировки т. Бухарина—если при капитализме появляется диспропорция между производством и потреблением, когда ударение лежит на производстве и когда потребление отстает от этого производства, то в переходный период эта же диспропорция имеет другой характер, *с ударением на потреблении*. Эта общая формулировка абсолютно верна. Ведь партия в любой момент может ключом снижения цен *открыть* кон'юнктуру, грозящую кризисом сбыта. Орудием цен партия овладевает, будет овладевать все лучше, все полнее. Поэтому своими новыми предсказаниями о том, что «мы идем, повидимому, навстречу положению, аналогичному осени 1923 г.», т. Преображенский обнаруживает все

свое непонимание политики партии,—непонимание того, насколько партия выросла, овладела хозяйством и *не допустит до безобразий 1923 г., форсированных неправильными директивами.* Нынешние предложения оппозиции—хочет она того или нет—ведут в том же направлении 1923 г. Поэтому-то партия так решительно их и отвергает, как *чужие, не свои.*

Товарный голод последнего периода, в резкой форме выявляющий диспропорцию между спросом и предложением, одновременно свидетельствует об установлении иного, чем при капитализме, механизма движения. Там—прибыль или картельная сверхприбыль, здесь—давление потребностей, интересы потребителя.

Всемерно борясь с товарным голодом, дезорганизующим экономику, мы должны одновременно отдать себе отчет в том, что интересы все более полного покрытия потребностей масс будут постоянно толкать вперед производство и что ограниченность потребления широких масс перестает быть «последней причиной всех действительных кризисов» (Маркс).

* * *

Каковы взгляды оппозиции на товарный голод? И каковы предлагаемые ею мероприятия?

Нет нужды, да и возможности разбирать формулировки всех оппозиционных «светил» о природе товарного голода. Ну, что, напр., нам делать с формулировкой т. Смилги, который, можно сказать, одним взмахом расправился с существом товарного голода. По его мнению, «товарный голод неизбежен в условиях нэпа»—и баста (см. статью в № 1 «Экон. Жизнь» за 1926 г.). Поделайте с ним, что хотите. И четкость постановки и глубокомыслие.

Или, например, заявление тов. Сокольникова о сезонном характере товарного голода.

Нет ничего в мире, что могло бы об'five все исключающие друг друга формулировки, лозунги, заявления, декларации, исправления, улучшения нашего оппозиционного блока! Мы поэтому и не ставим задачи об'five необ'ятное. Мы лишь отмечаем, что все эти формулировки и т. д.—«стопроцентны» и «истинны».

Копать не раскопать всего кладезя премудрости оппозиционных «вождей».

Бог им судья!

Поэтому для разбора взглядов и предложений оппозиционного блока в вопросе о товарном голоде мы возьмем, главным образом, статьи т. Преображенского—этой «центральной фигуры» в области экономики у нашего оппозиционного блока.

Еще 15 декабря 1925 г. т. Преображенский выступил в «Правде» с первым очерком своих отныне знаменитых «Экономических заметок», число которых ныне благополучно (благополучно с количественной, не с качественной стороны) дошло до четырех.

В первом очерке т. Преображенский сосредоточился на основных причинах товарного голода. И нужно сказать, что в то время многие из нас не по заслугам расхвалили этот анализ т. Преображенского. Мы уже совершенно «абстрагируемся» от т. Троцкого, который до сих пор считает этот анализ верхом совершенства.

Как начинает свой фельетон т. Преображенский? «Что товарный голод является следствием превышения платежного спроса

над предложением—это всем ясно. Что превышение обозначает недостаточное производство в сравнении со спросом, по крайней мере *для данного момента*, т.-е., что товарный голод есть функция недостаточного накопления в промышленности—это тоже очевидно. Но не для всех, повидимому, очевидно, что товарный голод не есть сезонное явление».

Нам кажется, что уже в этом начале заложена ошибка, которая путает все. Действительно, можно ли товарный голод определять, как функцию недостаточного накопления в промышленности? Можно ли от товарного голода непосредственно заключать о недостаточности промышленного накопления? Конечно, нет. Товарный голод может иметь место при весьма напряженном промышленном накоплении. 1925—26 г. демонстрирует это на живом примере. Не может ли усиленное накопление, наоборот, привести не к уменьшению товарного голода, как думает т. Преображенский, а к его обострению? Конечно, может. Ведь накапливаемая доля национального дохода находится в определенном соотношении с потребляемой долей.

Товарный голод означает, что предложение промышленной продукции не соответствует спросу. Это несоответствие может быть вызвано отсталостью промышленности вообще, накапливающей, однако, с величайшим напряжением. Это несоответствие может изживаться как увеличением промышленной продукции, так в строго определенные моменты и, напр., ввозом недостаточных товаров из-за границы.

Это наше замечание о ввозе, несомненно, будет немедленно подхвачено тов. Преображенским, который в раже воскликнет: значит, вы идете «по линии наименьшего сопротивления», вы превращаете «линию наибольшего нэповского напора в линию наименьшего социалистического сопротивления» и т. д.

Не волнуйтесь, пожалуйста! Вам вредно волноваться по каждому поводу. Ведь у вас и без того много волнений с каждым новым изданием вашей «Новой Экономики», когда, совершенно неприлично ругая своих критиков, вы под сурдинку принимаете их критические указания и иной раз значительно меняете текст, не оговаривая этого, и поэтому заставляете своего читателя не только прочитывать каждое новое издание «Новой Экономики» от начала до конца, но и сверять иной раз отдельные предложения в разных изданиях. Мы не против улучшений в вашей книге—было бы хорошо, если бы вы сами дали беспощадную критику «закона первоначального накопления», этой «детской игры» по определению т. Ленина—но мы только просим не ставить себя и читателя в столь неудобное положение.

Наконец, волнение не рекомендуется еще особенно потому, что ведь рыцарями *бесшабашной товарной интервенции* являлись в 1923 г. четыре экономиста, среди которых фигурировала фамилия Е. А. Преображенского [1]), ныне в повышенных тонах из-

[1]) Напомним соответственный пункт этой резолюции: .....«6) Весьма распространенным, но совершенно неправильным положением является выставленное в резолюции (ЦК. *Г. К.*) требование активного торгового баланса. Это требование по существу означает: вывозить как можно больше, ввозить как можно меньше, и притом ввозить только средства производства. Получаемую разницу накоплять в форме золотого фонда.

Между тем: а) Советская Россия не может позволить себе роскошь тратить средства на переход от банкнот к звонкой монете и должна тратить

обличающего «линию наибольшего наповского напора». И ведь ни для кого не тайна, каких взглядов на ввоз готовых изделий широкого потребления придерживается до сих пор товарищ по блоку—т. Сокольников.

Одним словом, нельзя товарный голод считать непосредственным выражением недонакопления в промышленности. Это путаница. Наши взгляды на внешнюю торговлю, как важнейший рычаг социалистического строительства, и на допустимость ввоза в отдельных случаях, в периоды обостренного недостатка товаров, предметов широкого потребления, мы высказали выше.

Или вот еще формулировка т. Пятакова: «если вы мне сможете доказать, что страна не имеет средств для более быстрого развития промышленности, тогда я спрошу вас: если добавочных средств нет, то откуда может быть диспропорция?» («Вестник Ком. Академии», кн. 17, стр. 214).

Здесь—непонимание исторической диспропорции и путей ее преодоления. Из'ятие может достигнуть своего предела (при данном уровне накопления во всем народном хозяйстве) и все же *при определенных ценах* будет диспропорция. Конечно, при иной политике цен, исходящей, как из ultima ratio, из закона спроса—предложения, при соответственном повышении цен диспропорция исчезнет.

Тов. Преображенский выдвигает в своем очерке в качестве основной причины товарного голода иное, чем до войны, строение расходного бюджета деревни. Это есть то правильное, что мы находим в статье. (В скобках отметим, что прав также т. Преображенский, когда отрицает взгляды тех (т. Сокольников), кто считает товарный голод сезонным явлением). Действительно, расходный бюджет деревни значительно изменился. Уменьшена сумма налогового обложения, уничтожены арендные платежи, платежи банкам и т. д. Это означает возрастание платежеспособного спроса крестьянства. Но когда т. Преображенский переходит к цифрам, то у нас начинаются большие сомнения. Тов. Преображенский, без указания источников, считает, что в 1912—13 гг. на душу крестьянского населения по 50 губерниям Европейской России падало 10 р. 54 к. прямых и косвенных налогов, в 1924—25 г.—3 р. 56 к. в довоенных рублях. «След., в 1924—25 г. оно платило меньше довоенного в абсолютных цифрах на 815 млн. довоен. руб., или на 1400 млн. червонных рублей» (тов. Преображенский дальше оговаривает, но почему-то не исчисляет разницу на падении дохода крестьянства). От ликвидации арендных платежей крестьянство выиграло «по самому минимальному подсчету 200 млн. довоен. руб. в год, или, примерно, 360 млн.

эти средства на производительные цели; б) ввоз необходимого промышленного сырья (хлопок) развивать как только возможно широко; в) частичный ввоз недостающих предметов широкого потребления мог бы быть *главным и весьма прибыльным* для государства орудием в борьбе с товарной спекуляцией; г) ввоз предметов крестьянского потребления есть важный способ развивать экспорт. С этой точки зрения надо стремиться не к наибольшему перевесу вывоза над ввозом, а к сохранению надежного равновесия между первым и вторым.....

.....Необходимо не провозглашать абстрактный лозунг активного торгового баланса, а приступить к выработке рационального плана и *широко применять товарную интервенцию* (т.-е. частичный ввоз из-за границы недостающих и особенно вздорожавших продуктов)».

См. «Правду» № 1 от 1/I—24 г. «Резолюция об очередных задачах экономической политики».

на наши червонные рубли». В итоге получается весьма крупная сумма. А если принять во внимание, что по последним расчетам крестьянство переплачивало на промышленной продукции в 1925—26 г. 1030 млн. червон. рублей, а в 1926—27 г. 1375 млн. руб. (в том случае, если бы индекс промтоваров совпадал с индексом крестьянского дохода), то, нам кажется, при расчетах т. Преображенского итоговая картина получится *слишком розовая*. В действительности обстоит хуже. Очевидно, ошибка т. Преображенского кроется в этих 10 р. 54 к. прямых и косвенных налогов. Согласно известному исследованию т. Вайнштейна. довоенное душевое обложение крестьянства составляло 6 р. 36 коп.—цифра значительно отличающаяся от цифры т. Преображенского. А тов. П. Попов опубликовал в свое время исчисления ЦСУ, согласно которым *все* из'ятия от сельского населения на одну душу населения составляли в 1913 г. *11 р. 33 к.*, но сюда входили не только прямые и косвенные налоги, но и винный доход, арендные платежи, платежи крестьянскому банку и др. В этих расчетах арендные платежи составляют 284,3 млн. руб. В «Материалах о деятельности СНК, СТО и центральных правительственных учреждений» опубликованы исчисления Наркомзема, согласно которым довоенное обложение—прямые и косвенные налоги и сборы (в том числе платежи за землю)—составляли по 50 губерниям 9 р. 33 к. Те источники, которые имеются в нашем распоряжении, говорят о том, что в исчислении т. Преображенского лежит *какая-то путаница, сильно искажающая картину*. Цифры, приводимые т. Преображенским для прямого и косвенного обложения, скорее подходят к сумме *всех* из'ятий из сельского хозяйства. Поскольку т. Преображенский своих источников не приводит, постольку окончательное суждение придется временно отложить.

Тов. Преображенский горделиво заканчивает свою «Новую Экономику» заявлением о том, что он имеет «сказать еще многое в защиту (своих) положений и притом с цифрами в руках» (стр. 274, 1-е издание). Когда скажет—тогда и посмотрим. Пока-что предварительный экскурс т. Преображенского в область цифр не внушает нам *никакого доверия*.

И какая ирония судьбы! На февральском пленуме ЦК тов. Троцкий, наоборот, всячески старался ухудшить баланс крестьянства от социалистической революции. По т. Троцкому выходило, что переплаты крестьянства на промышленных изделиях составляют, якобы, 2 млд. руб., которым противостоят 500 млн. руб. выигрыша от уменьшения налогов по сравнению с довоенными. Тов. Троцкий до того увлекся, что, во-первых, при исчислении суммы переплат совершенно *упустил из виду* то обстоятельство, что индекс крестьянских доходов тоже выше довоенного и выше, чем индекс сельскохозяйственных заготовительных цен,—обстоятельство немаловажное; и, во-вторых, второпях забыл перевести сумму в 500 млн. довоенных рублей в червонные и вычитал довоенные рубли из червонных. Пренеприятная история!

Что касается сделанного им противопоставления социалистической революции демократической, то для теоретика «перманентной революции» это, как будто, менее всего простительно. Хороша же «перманентная революция»!

Но сейчас нас интересует другое: сильное расхождение в сторону *несомненного прикрашивания* баланса крестьянства у

т. Преображенского *в конце 1925 г.* и в сторону *явного ухудшения* баланса у т. Троцкого (также у т. Преображенского и др.) *в начале 1927 г.* Новые времена—новые песни.

Таковы наши замечания по первому вопросу. Весьма характерно, что в анализе т. Преображенского мы не находим ни единого словечка об основном явлении в пореволюционной деревне—об *осереднячении деревни*. Между тем, можно ли в анализе изменения взаимоотношений города и деревни, как покупателя промышленной продукции, пройти мимо процесса осереднячения деревни? Разве осереднячение деревни не меняет ничего в товарности и денежности крестьянского хозяйства? В об'еме и структуре платежеспособного спроса деревни? Мы считаем, что в изучении баланса между промышленностью и сельским хозяйством это основное изменение должно быть полностью учтено. Не учитывает его лишь тот, кто не понимает проблемы середняка в социалистическом строительстве.

Переходим ко второму элементу—к зарплате. Анализ т. Преображенского привел его к следующему выводу: «Так как в настоящий момент зарплата меньше, чем до войны, регулируется законом стоимости рабочей силы и еще меньше будет регулироваться в дальнейшем, к выгоде рабочего класса (это особенно относится к оплате неквалифицированных рабочих), то это обстоятельство плюс уменьшение налоговых вычетов из зарплаты должно означать относительно больший из года в год потребительский спрос рабочего класса».

Мы тоже считаем, что платежеспособный спрос рабочего класса будет из года в год значительно возрастать. Но мы считаем сомнительным теоретическое обоснование т. Преображенского. В практической же политике формулировки т. Преображенского опасны тем, что разрывают связь между ростом зарплаты и производительности труда.

Какие выводы делает т. Преображенский из своего анализа длительных причин товарного голода? Следующие три: «Надо признать 1) намеченное расширение промышленности недостаточным; 2) ассигновки по бюджету на промышленность недостаточными и, я бы сказал, даже прямо позорно малыми для социалистического государства; 3) финансовый план, обновление основного капитала и особенно финансовый план новых построек заводов недостаточным и отстающим от темпа развития всего народного хозяйства».

Вот буквально все, что касается длительных причин товарного голода и путей их изживания. Еще большее увеличение плана капитальных работ. Дальнейшее еще большее развертывание промышленности, для чего еще больше усилить перекачку средств из всего народного хозяйства, главным образом, из крестьянского хозяйства.

Перекачка средств может вестись двумя способами: соответствующей политикой цен, политикой высоких промышленных цен, и усилением налогового обложения. Не даром вся экономическая мудрость оппозиции, даже в наиболее ответственных ее документах, всегда возвращается к этим двум китам: «*правильной налоговой политике*» и «*правильной политике цен*»[1]. Да и нельзя выдумать ничего другого.

[1]) См., например, подпольно распространявшийся в свое время так называемый манифест оппозиции, оглашенный на июльском пленуме ЦК: «Задача состоит поэтому в том, чтобы при правильной политике налогов, цен, кредита и проч. достигать такого распределения накоплений города и деревни, при котором несоответствие между промышленностью и сельским хозяйством преодолевалось бы с наибольшей быстротой».

Единственно, что можно сделать,—это привести еще отдельные сочные формулировки оппозиционных «тигров».

Тот же т. Преображенский, заявивший в Коммунистической Академии по поводу значительных переплат крестьянства на ценах промтоваров, что «это уже не так страшно» («Вестник Ком. Академии», кн. 17, стр. 225). Или тот же т. Преображенский в своих «Экономических Заметках» № 2, распинающийся за увеличение отпускных цен трестов на те товары, широкого потребления, по отношению к которым чувствуется максимальный товарный голод» («Большевик», № 6, 26 г., стр. 63). Или т. Троцкий красочно, с точки зрения «доподлинных» интересов крестьянина ратовавший на апрельском пленуме ЦК за урезание платежеспособного спроса крестьянства: «Я утверждаю: крестьянину было бы выгоднее, если бы его платежеспособный спрос был меньше, т.-е. если бы известное количество его ресурсов находилось в руках государства, а государство могло бы его уменьшенный платежеспособный спрос покрыть полнее, с меньшими розничными накидками». И т. д., и т. п.

Мы еще вернемся к этим суждениям в конце статьи. Читателю же мы рекомендуем *эти* высказывания сравнить с *нынешними* высказываниями т. Преображенского и т. Смилги.

Еще чрезвычайно важно отношение т. Преображенского к задачам в области валюты. Как мы уже видели, самый механизм товарного голода и подрывает устойчивость нашей валюты. Как же формулирует т. Преображенский задачи рабочего государства? А *вот как*: «Прежде всего мы должны позаботиться о возмещении государственному хозяйству всех его потерь *на падающей валюте* (курсив наш. *Г. К.*). Мы должны выправить расчетный баланс в интересах государственного хозяйства, вернуть ему его потери и гарантировать его от потерь в будущем. Реально можно представить себе два основных метода в достижении этой цели: во-первых, увеличение налогов на частное хозяйство, что, разумеется, осуществить наиболее трудно и, во-вторых, увеличение отпускных цен на те товары широкого потребления, по отношению к которым чувствуется максимальный товарный голод» («Большевик», № 6, стр. 63)[1]).

Тов. Преображенский *исходит* из факта *падающей* валюты (хотя наша валюта таковой в то время не являлась и не явится). Он принимает этот, якобы, факт, не приглашая ухватиться за противоборствующие силы, которые в экономике имеются. На качания валюты он предлагает ответить повышением цен. Как, может быть, ни неприятно теперь тов. Преображенскому, что ему напоминают эту его постановку, но ему не удастся вывернуться. Он *пригвожден* по этому вопросу *исключительно крепко*.

[1]) И пусть не думает тов. Преображенский вывернуться тем, что будет указывать, что тут шла речь о мерах текущего характера. Не угодно ли в таком случае прослушать, как т. Преображенский формулировал на следующей странице меры *длительного* порядка: «При твердой валюте это будет означать сначала стабилизацию оптовых цен...» Ну, а при падающей валюте? Вот все те «исчерпывающие» формулировки о валюте, которые мы находим и в мерах длительного порядка у т. Преображенского.

Какое отношение имеет политика оппозиции, в частности тов. Преображенского, *к борьбе за устойчивую валюту—этот мост между городом и деревней? Никакого. Решительно никакого.* Наоборот, оппозиционеры предлагали—и от этого никуда не уйти—*подтолкнуть валюту.* Каждый ребенок понимает, что именно и только таков смысл предложения оппозиции, в частности т. Преображенского.

Какое имеет отношение в этом пункте теоретик переходного периода т. Преображенский к Ленину, к ленинизму? *Никакого.* И от этого не удастся отвертеться, ибо Ленин с исключительной ясностью формулировал твердую политику партии в борьбе за устойчивую валюту.

А нет ли каких-либо связей этих практических предложений оппозиции, в частности т. Преображенского, с обще-теоретическими положениями «Новой Экономики»? Нам кажется, что есть. На странице 65, 1-го издания «Новой Экономики» мы читаем: «Эмиссия является также одним из методов первоначального накопления». Ясно, что твердая валюта, введенная нашей партией, охраняемая ею всеми средствами, *выбивает к чорту* этот источник «первоначального социалистического накопления». Закон первоначального накопления терпит тем самым ущерб...

Тов. Преображенскому же мы пожелаем дальнейших лавров в акробатическом сочетании «накопления», да еще «социалистического», с эмиссией, с эмиссионным хозяйством.

Итак, политика высоких цен, политика повышения цен, налоговый винт и падающая валюта—что это такое?

Это—неизбежные «ножницы» между сельскохозяйственными и промышленными ценами. Это—*увеличение диспропорции между промышленностью и сельским хозяйством.* Это—*«загоняние товарного голода внутрь хозяйственного организма».*

Оппозиция предлагает *отрицательные* методы борьбы с товарным голодом, методы, которые не подымают страну диалектически, сквозь строй противоречий, вверх, а толкают ее вниз. Эти методы неизбежно означают *приостановку* и *регресс сельского хозяйства.* Эта невиданно узкая, цеховая точка зрения — безоглядное развертывание промышленности, безоглядное развертывание капитальных работ—никак не может понять *обусловленности социалистического накопления накоплением крестьянским.* А ведь эта обусловленность говорит в настоящее время властным языком на примере сельскохозяйственных технических культур. Лозунг безоглядного развертывания капитальных работ бит на практике целиком и полностью. Неблагоприятные симптомы и явления в развитии сельскохозяйственных технических культур могут при их углублении создать не малые препятствия на пути индустриализации Советского Союза.

* * *

Из какой общей установки вытекает эта программа практических мероприятий оппозиционного блока? Ясно, что, во всяком случае, не из ленинской. Мы не сделаем никакой ошибки, если увяжем ее с общей установкой, теоретически «обоснованной» в «Новой Экономике» т. Преображенского, если увяжем ее с троцкизмом.

«*Пробежать быстрее* этот период, *поскорее достигнуть того момента,* когда социалистическая система развернет все свои естественные преимущества над капитализмом,—это есть вопрос жизни и смерти для социалистического государства. По крайней мере так стоит вопрос сейчас для СССР» («Новая Экономика», стр. 63, 1-е издание).

Формулировка же Ленина гласила: «Весь гвоздь в том, чтобы двигаться теперь вперед *несравненно более широкой и мощной массой, не иначе как вместе с крестьянством,* доказывая ему делом, практикой, опытом, что мы учимся и научимся ему помогать, его вести вперед.

Если найдутся в нашей партии голоса, которые будут против этого *архи-медленного* и *архи-осторожного движения,*—эти голоса будут одиноки» (Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 70).

Противоречие этих формул очевидно.

(*Окончание следует*).

К вопросу о рабоче-крестьянском правительстве.

(*Письмо тов.* ДМИТРИЕВА *и ответ тов.* СТАЛИНА).

Уважаемые товарищи!

Прошу осветить на страницах вашего журнала следующий вопрос, волнующий нас и не находящий в нашей среде достаточного выяснения.

Вопрос касается социальной сущности нашего правительства и государства.

Тов. Сталин, отвечая на вопрос: «рабоче-крестьянское правительство—фактически, или как агитационный лозунг», сказал: «наше правительство, будучи пролетарским по своей программе и по своей работе, является, вместе с тем, правительством рабоче-крестьянским, так как коренные интересы основной массы крестьянства целиком и полностью совпадают с интересами пролетариата», и по др. причинам, указанным т. Сталиным.

Возникает вопрос: можно ли формулу т. Сталина применить и при определении социальной сущности нашего государства, т.-е. определить наше государство как пролетарское по своей программе, целям, но вместе с тем и рабоче-крестьянское (не потому, что крестьянство—соучастник власти; все согласны, что пролетариат власти с крестьянством не делит), а потому, что коренные интересы крестьянства (основной его массы) совпадают с интересами пролетариата, и по другим причинам, перечисленным т. Сталиным в ответе о правительстве.

В споре выявились три точки зрения:

1) Тов. Сталин неправ. Лозунг: «рабоче-крестьянское правительство» есть только агитационный лозунг. На деле и наше правительство и наше государство являются только пролетарскими, и никаких «вместе с тем» прибавлять сюда нельзя, так как это «оссовщина».

2) Тов. Сталин прав, отрицая, что лозунг «рабоче-крестьянское правительство» есть только агитационный, при чем эти товарищи все же прибавляют к определению характера нашего правительства как «рабоче-крестьянское» (вторая часть формулы т. Сталина, с которой они согласны) кавычки и слова «так называемое» и пр.

В конечном счете их точка зрения такова: наше государство пролетарское (и только), а правительство пролетарское, но, вместе с тем, так называемое «рабоче-крестьянское» по при-

чинам, указанным тов. Сталиным. Эти товарищи считают, что государство по социальной природе может быть одно, а правительство совсем другое. Например, в Англии государство оставалось капиталистическим, а правительства менялись: было Макдональдовское рабочее (ведь выбирали же его рабочие, что является историческим фактом), потом Болдуина и проч.

Другой их пример: в случае победы пролетарской революции только на острове Великобритании (без колоний), там правительство будет рабочее, а у нас оно и рабоче-крестьянское, а государство в том и другом случае будет пролетарское.

3) Все то, что сказано т. Сталиным о характере нашего правительства, применимо и к определению социальной сущности нашего государства (см. подробнее выше). Эти товарищи считают несостоятельным первое мнение, так как оно может принести партии вред легкомысленным подходом к проблеме союза пролетариата с крестьянством. Вторая точка зрения грешит формализмом (пример с макдональдовщиной) и эклектизмом, так как между правительством и государством должно быть социальное соответствие и разрывать одно от другого нельзя.

Прошу редакцию Вашего журнала, постоянными читателями которого мы состоим, ответить, какая из этих точек зрения вернее. Мы убеждены, что путаница в этом вопросе все еще царит в партийных умах. Грех всех товарищей, освещающих этот вопрос, в том, что они говорят или только о правительстве или же только о государстве, а потому не дают окончательного ответа, совсем упуская из виду, какое отношение должно быть между этими понятиями.

Ждем ответа.

С коммунистическим приветом *А. К. Дмитриев.*

Тов. Дмитриев!

Ваше письмо от 14. 1. с. г. в «Большевик» по вопросу о рабоче-крестьянском правительстве переслали мне в ЦК для ответа. В виду перегруженности отвечаю с опозданием, за что прошу извинения.

1) Нельзя ставить вопрос так, как ставят его некоторые товарищи: «рабоче-крестьянское правительство—фактически, или как агитационный лозунг». Нельзя говорить, что, хотя на деле и нет у нас рабоче-крестьянского правительства, но, тем не менее, мы можем говорить о рабоче-крестьянском правительстве, как агитационном лозунге. При такой постановке вопроса выходит, что наша партия может давать внутренне фальшивые лозунги, которые на деле являются несостоятельными, в которые не верит сама партия, но которые все же пускаются в ход партией для того, чтобы обмануть массы. Так могут поступать эсэры, меньшевики, буржуазные демократы, так как расхождение между словом и делом и обман масс является одним из основных орудий этих умирающих партий. Но так не может ставить вопрос наша партия никогда и ни при каких условиях, ибо она есть партия марксистская, партия ленинская, партия восходящая, черпающая свою силу в том, что у нее не расходится слово с делом, она не обманывает массы, она говорит массам лишь

правду и строит свою политику не на демагогии, а на научном анализе классовых сил. Вопрос надо поставить так: *либо* у нас нет рабоче-крестьянского правительства,—и тогда лозунг о рабоче-крестьянском правительстве нужно отбросить, как ненужный и фальшивый лозунг, *либо*, у нас есть на деле рабоче-крестьянское правительство, существование такого правительства соответствует состоянию классовых сил,—и тогда лозунг о рабоче-крестьянском правительстве является лозунгом правильным и революционным. Одно или другое. Тут надо выбирать, т. Дмитриев.

2) Вы называете лозунг о рабоче-крестьянском правительстве «формулой т. Сталина». Это совершенно неверно. На самом деле этот лозунг или, если хотите, эта «формула», является лозунгом Ленина, а не кого-либо другого. Я только повторил его в «Вопросах и ответах». Возьмите XV том сочинений Ленина—стр. 12, 14, 16, 38, 52, 79, 348; XVI том—стр. 28, 29, 315; XVIII т.; ч. 1—стр. 96, где Ленин называет советскую власть «*рабоче-крестьянским правительством*», возьмите XV том—стр. 228, 322, 340, 341, 345; XVI том—стр. 95, 164, 301, 303 307, 378, 379; XVII том—стр. 56, 105, 320, 340, 403, 419, 420; XVIII том, ч. 1—стр. 94, 111, 223, где Ленин называет советскую власть «*рабоче-крестьянской властью*»,—возьмите все эти, а также и некоторые другие произведения Ленина, и вы поймете, что лозунг или «формула» рабоче-крестьянского правительства является лозунгом или «формулой» Ленина, а не кого-либо другого.

3) Ваша основная ошибка состоит в том, что вы смешиваете: а) вопрос о нашем правительстве с вопросом о нашем государстве; б) вопрос о классовой природе нашего государства и нашего правительства с вопросом о повседневной политике нашего правительства.

Нельзя смешивать, а, значит, и отождествлять наше государство с нашим правительством. Наше государство есть организация *класса* пролетариев в государственную власть, призванную подавлять сопротивление эксплуататоров, организовать социалистическое хозяйство, ликвидировать классы и т. д. Наше же правительство есть *верхушка* этой государственной организации, ее руководящая верхушка. Правительство может ошибаться, оно может допустить ошибки, угрожающие временным провалом диктатуре пролетариата, но это еще не будет означать, что пролетарская диктатура является неправильной или ошибочной, как принцип построения государства в переходный период,—это будет означать лишь то, что руководящая верхушка плоха, что политика руководящей верхушки, политика правительства не соответствует диктатуре пролетариата, что эта политика должна быть изменена *в соответствии* с требованиями диктатуры пролетариата. Государство и правительство однородны по своей классовой природе, но правительство уже по об'ему, и оно не покрывает государства. Они связаны между собою органически и зависят друг от друга, но это еще не значит, что их можно валить в одну кучу.

Вы видите, что нельзя смешивать вопрос о нашем государстве с вопросом о нашем правительстве так же, как нельзя смешивать вопрос о классе пролетариев с вопросом о руководящей верхушке класса пролетариев.

Но еще больше недопустимо смешение вопроса о классовой природе нашего государства и нашего правительства с вопросом

о повседневной политике нашего правительства. Классовая природа нашего государства и нашего правительства ясна сама собой,—она пролетарская. Цели нашего государства и нашего правительства тоже ясны,—они сводятся к подавлению сопротивления эксплуататоров, к организации социалистического хозяйства, к уничтожению классов и т. д. Все это ясно. К чему сводится, в таком случае вопрос о повседневной политике нашего правительства? Он сводится к вопросу о тех *путях* и *средствах*, при помощи которых могут быть осуществлены классовые цели пролетарской диктатуры в нашей крестьянской стране. Пролетарское государство необходимо для того, чтобы подавлять сопротивление эксплуататоров, организовать социалистическое хозяйство, уничтожить классы и т. д. Наше же правительство необходимо, кроме всего этого, еще для того, чтобы наметить те *пути* и *средства* (повседневная политика), без которых немыслимо осуществление этих задач в нашей стране, где пролетариат составляет меньшинство, где крестьянство является огромным большинством. Что это за пути и средства, к чему они сводятся? Они сводятся в основном к мероприятиям, направленным к сохранению и укреплению *союза* рабочих и основной массы крестьян, к сохранению и укреплению *руководящей роли* стоящего у власти пролетариата в этом союзе. Едва ли нужно доказывать, что вне *такого* союза и помимо *такого* союза наше правительство было бы бессильно, и мы не имели бы возможности притти к осуществлению тех задач диктатуры пролетариата, о которых я только-что говорил. Как долго будет существовать этот союз, эта смычка, и до какого времени будет продолжаться политика советского правительства по укреплению такого союза, по укреплению такой смычки? Ясно, что до того времени, пока есть классы и пока будет существовать правительство, как выражение классового общества, как выражение диктатуры пролетариата. При этом надо иметь в виду, что: а) союз рабочих и крестьян нужен нам не для сохранения крестьянства, как класса, а для его преобразования и переделки в направлении, соответствующем интересам победы социалистического строительства; б) политика советского правительства по укреплению этого союза рассчитана не на закрепление, а на уничтожение классов, на ускорение темпа уничтожения классов. Ленин был, поэтому, совершенно прав, когда он писал: «Высший принцип диктатуры—это сохранение союза пролетариата с крестьянством, дабы пролетариат мог удержать руководящую роль и государственную власть» (том XVIII, ч. 1, стр. 331). Нет нужды доказывать, что именно это положение Ленина, а не что-либо другое, является руководящей линией советского правительства в его повседневной политике, что политика советского правительства на данной стадии развития есть, по сути дела, политика сохранения и укрепления *такого* именно союза рабочих и основной массы крестьян. *В этом смысле*,—но только в этом смысле, а не в смысле своей классовой природы,—советское правительство является правительством *рабоче-крестьянским*. Не признавать этого значит сойти с пути ленинизма, стать на путь отрицания идеи смычки, идеи союза пролетариата и трудящихся масс крестьянства. Не признавать этого, значит считать, что смычка есть махинация, а не реальное революционное дело, что мы ввели нэп для «агитации», а не для социали-

стического строительства совместно с основными массами крестьянства. Не признавать этого, значит считать, что *коренные* интересы основных масс крестьянства не могут быть удовлетворены нашей революцией, что эти интересы находятся в непримиримом противоречии с интересами пролетариата, что мы не можем и не должны строить социализм совместно с основными массами крестьянства, что кооперативный план Ленина несостоятелен, что меньшевики и их подголоски правы и т. д. Стоит только поставить эти вопросы, чтобы понять всю гнилость и никчемность «агитационного» подхода к кардинальному вопросу о смычке. Вот почему я говорил в своих «Вопросах и ответах», что лозунг рабоче-крестьянского правительства является не «демагогией», не «агитационным» маневром, а безусловно правильным и революционным лозунгом.

Короче: одно дело—вопрос о классовой природе государства и правительства, определяющей основные цели развития нашей революции, и другое дело—вопрос о повседневной политике правительства, о *путях* и *средствах* этой политики, необходимых для осуществления этих целей. Оба эти вопроса безусловно связаны между собой. Но это еще не значит, что они тождественны, что их можно валить в одну кучу.

Вы видите, что нельзя смешивать вопрос о классовой природе государства и правительства с вопросом и повседневной политике правительства.

Могут сказать, что тут есть противоречие: как можно называть пролетарское по своей классовой природе правительство правительством рабоче-крестьянским? Но противоречие тут мнимое. Собственно говоря, тут такое же «противоречие», какое стараются усмотреть некоторые наши любомудры между двумя формулами Ленина о диктатуре пролетариата, из которых первая формула говорит, что «диктатура пролетариата есть власть *одного* класса» (том XVI, стр. 282), а вторая формула говорит, что «диктатура пролетариата есть *особая форма классового союза* между пролетариатом, авангардом трудящихся, и многочисленными непролетарскими слоями трудящихся (мелкая буржуазия, мелкие хозяйчики, крестьянство, интеллигенция и т. д.)» (том XVI, стр. 241). Есть ли противоречие между этими двумя формулами? Конечно, нет. Как же достигается, в таком случае, власть *одного* класса (пролетариата) при классовом союзе, скажем, с основной массой крестьянства? Путем осуществления руководящей роли стоящего у власти пролетариата («авангард трудящихся») в этом союзе. Власть одного класса, класса пролетариев, осуществляемая при помощи союза этого класса с основной массой крестьянства в порядке *государственного* руководства этим последним,—вот основная мысль этих двух формул. Где же тут противоречие? А что значит *государственное* руководство пролетариата в отношении основной массы крестьянства? Есть ли это такое же руководство, какое имело место, например, в период буржуазно-демократической революции, когда мы добивались диктатуры пролетариата и крестьянства? Нет, это не такое руководство. *Государственное* руководство пролетариата в отношении крестьянства есть руководство при диктатуре пролетариата. *Государственное* руководство пролетариата означает, что: а) буржуазия уже свергнута, б) у власти стоит пролетариат, в) пролетариат не делит власти с другими классами, г) пролетариат строит социализм, ведя за собой основные массы крестьянства. Руководство же пролетариата при буржуазно-демократической революции и диктатуре пролетариата и крестьянства означает, что: а) капитализм остается, как основа, б) у власти стоит революционно-демократическая буржуазия, представляющая преобладающую силу в составе власти, в) демократическая буржуазия делит власть с пролетариатом, г) пролетариат высвобождает крестьянство из-под влияния буржуазных партий, руководит им идейно-политически и подготовляет борьбу для свержения капитализма. Разница тут, как видите, коренная.

То же самое нужно сказать по вопросу о рабоче-крестьянском правительстве. Какое может быть противоречие в том, что пролетарская природа нашего правительства и вытекающие отсюда социалистические задачи не только не мешают ему, но, наоборот, толкают его, необходимо толкают на проведение политики сохранения и укрепления рабоче-крестьянского союза, как важнейшего средства достижения социалистических классовых задач пролетарской диктатуры в нашей крестьянской стране, что это правительство называется в виду этого рабоче-крестьянским правительством? Не ясно ли, что Ленин был прав, проводя лозунг рабоче-крестьянского правительства и квалифицируя наше правительство, как правительство рабоче-крестьянское?

Вообще нужно сказать, что «система диктатуры пролетариата», при помощи которой проводится в нашей стране власть одного класса, власть пролетариата,—вещь довольно сложная. Я знаю, что некоторым товарищам не нравится, не по вкусу эта сложность. Я знаю, что многие из них предпочли бы, с точки зрения «принципа наименьшей траты сил», иметь дело с более простой и более легкой системой. Но что поделаешь: во-первых, ленинизм надо брать таким, каков он есть на самом деле (нельзя упрощать и вульгаризировать ленинизм), во-вторых, история говорит, что самые простые и самые легкие «теории» далеко не всегда являются самыми правильными.

4) Вы жалуетесь в своем письме: «Грех всех товарищей, освещающих этот вопрос, в том, что они говорят или только о правительстве или же только о государстве, а потому не дают окончательного ответа, совсем упуская из виду, какое отношение должно быть между этими понятиями». Я признаю, что такой «грех», действительно, имеется за нашими руководящими товарищами, особенно если иметь в виду то обстоятельство, что некоторые не очень прилежные «читатели» не хотят сами вчитаться хорошенько в сочинения Ленина и требуют, чтобы им разжевали основательно каждую фразу. Но что поделаешь: во-первых, наши руководящие товарищи слишком заняты и обременены текущей работой, что не дает им возможности заняться раз'яснением ленинизма, как говорится, по пунктам; во-вторых, надо же кое-что оставить и для «читателей», которые должны же, наконец, перейти от легкого *чтения* сочинений Ленина к серьезному *изучению* ленинизма. А нужно сказать, что без серьезного изучения ленинизма со стороны «читателей» жалобы, в роде вашей, и «недоразумения» всегда будут иметь место.

Взять, например, вопрос о нашем государстве. Ясно, что государство наше является, как по своей классовой природе, так и по своей программе, по своим основным задачам, по своим действиям, по своим делам,—пролетарским государством, рабо-

чим государством, правда, с известным «бюрократическим извращением». Вспомните определение Ленина: «Рабочее государство есть абстракция. А на деле мы имеем рабочее государство, во-первых, с той особенностью, что в стране преобладает не рабочее, а крестьянское население, и, во-вторых, рабочее государство с бюрократическим извращением» (том XVIII, ч. 1, стр. 33). Сомневаться в этом могут разве только меньшевики, эсэры, да кое-кто из наших оппозиционеров. Ленин неоднократно раз'яснял, что наше государство есть государство пролетарской диктатуры, а пролетарская диктатура есть власть одного класса, власть пролетариата. Все это известно давным-давно. А меж тем существует не мало «читателей», которые были и все еще остаются в претензии на Ленина по поводу того, что Ленин иногда называл наше государство государством «рабоче-крестьянским», хотя не трудно понять, что Ленин имеет в виду при этом не определение классовой природы нашего государства и, тем более, не отрицание пролетарской природы этого государства, а то, что пролетарская природа советского государства ведет к необходимости смычки пролетариата и основных масс крестьянства, в виду чего политика советского правительства должна быть направлена на укрепление этой смычки. Возьмите, например, XV том—стр. 55, XVII том—стр. 26, 54, 420, XVIII том, ч. 1—стр. 12, 111, 119, 380. Во всех этих трудах, а также и в некоторых других произведениях Ленин квалифицирует наше государство, как государство *«рабоче-крестьянское»*. Но было бы странно не понимать, что Ленин имеет в виду во всех этих случаях не характеристику классовой природы нашего государства, а определение той политики укрепления смычки, которая вытекает из пролетарской природы и социалистических задач нашего государства и нашего правительства в условиях нашей крестьянской страны. В этом условном и ограниченном смысле, *но только в этом смысле*, можно говорить о «рабоче-крестьянском» государстве, что и делает в указанных местах своих трудов Ленин. Что касается классовой природы нашего государства, то я уже говорил выше, что Ленин дал на этот счет точнейшую формулировку, не допускающую никаких кривотолков: рабочее государство с бюрократическим извращением в стране с преобладанием крестьянского населения. Кажется, ясно. Тем не менее, некоторые «читатели», умеющие «читать» буквы, но не желающие понять прочитанное, все еще продолжают жаловаться, что Ленин их «запутал» в вопросе о природе нашего государства, а «ученики» не хотят «распутать» «запутанное». Смешновато немного, т. Дмитриев...

Вы спросите: где же выход из «недоразумений»? Выход, по-моему, один: изучать Ленина не по отдельным цитатам, а по существу, изучать серьезно и вдумчиво, не покладая рук. Другого выхода я не вижу.

И. Сталин.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

В. И. ЛЕНИН. Сочинения. Издание второе, исправленное и дополненное. Под редакцией Л. Б. Каменева. Госуд. Издат-ство. Ленинград, 1926 г., т. I, 1893—1896 гг., стр. XXII+535. Т. II, 1897—1899 гг., XLVIII+667. Т. III. Развитие капитализма в России. VIII+614. Т.т. I и II подготовлены к печати И. П. Товстухой, т. III—Н. Г. Петровым.

«Собрать воедино всё литературно-политическое наследие Владимира Ильича, поскольку оно в той или иной форме, но достоверно записано»,—такова цель настоящего издания. Таким образом, в собрание сочинений должно войти всё, что написано и опубликовано самим Владимиром Ильичем (или с его ведома и по его указанию), а также стенограммы его устных выступлений. Несмотря на то, что редакция, подготовляя к печати это второе издание сочинений, располагала огромным количеством подлинных рукописей и обладает полным комплектом всех тех изданий, в которых Владимир Ильич сотрудничал, тем не менее она не может и в данное время претендовать на то, что удастся собрать все им написанное, так как главная масса произведений написана В. И. в качестве нелегального публициста. Многое из того, что было написано нелегально—утеряно. Не установлено авторство многих анонимных произведений. До сих пор не найдены второй выпуск замечательной работы Владимира Ильича «Что такое друзья народа?», рукописный разбор «Эмпириомонизма» А. Богданова и критика книги В. В. Такой ценнейший документ, как первоначальный проект программы партии (1896 г.), оказалось возможным восстановить лишь с большими из'янами.

Текст настоящего издания во всех тех случаях, когда это представлялось возможным,—сверен с рукописями и лишь при отсутствии таковых принимались во внимание наиболее близкие к рукописи по времени печатные издания. Говорить о важности сверки печатных текстов с подлинниками не приходится. Достаточно отметить хотя бы такой факт, что, если бы случайно в распоряжении Института Ленина не оказалась рукопись статьи Ленина об аграрной программе партии (1902 г.), мы так и не знали бы, что уже в 1902 г. Ленин защищал идею национализации земли против большинства редакции «Искры» (см. «Ленинский Сборник», т. III).

По сравнению с первым изданием значительно расширен так называемый научный аппарат: примечания, материалы, документы. Редакция совершенно правильно замечает, что новое собрание сочинений Ленина «должно стать своего рода энциклопедией по истории партии». В расположении материала во втором издании проведен, еще более строго, чем в первом, единственно правильный принцип хронологической последовательности.

Это не значит, конечно, что такая, например, замечательная работа, как «Развитие капитализма в России» (соч. т. III настоящего издания), не может быть изучаема сама по себе, как самостоятельное произведение научной экономической мысли, однако, огромное общественное значение этой работы может быть понято только в связи с историей развития марксистских идей в России. Ленин никогда не ставил перед собой исследовательских задач, оторванных от живой жизни и революционной борьбы пролетариата. Ленин сочетал в себе холодный анализ

ученого-марксиста с пламенным сердцем революционера. Именно поэтому научные работы Ленина всегда были созвучны современности, их никак нельзя было оторвать от живого революционного дела.

Для тех, кто переживал 90 годы, будет особенно понятно то огромное значение, которое имело в то время эта замечательная книга Ленина. Она дала в руки марксистов совершенно исключительное и незаменимое оружие в борьбе за революционно-марксистскую идеологию против реставрированного народничества. Таких примеров, когда Ленин «уходил» в науку для того, чтобы с точки зрения научной марксистской мысли осветить тот или иной волнующий партию вопрос, можно было бы привести немало: достаточно упомянуть хотя бы такие работы как «Материализм и эмпириокритицизм», «Государство и революция» и др. И опять-таки, как бы ни были ценны эти работы сами по себе, они приобретают еще большую ценность в связи с определенным периодом в истории нашей партии.

Таким образом расположение материала в строго хронологической последовательности вполне обосновано, и редакция совершенно правильно замечает, что «по сочинениям Ленина подлинный ученый мог бы воссоздать историю и условия освободительной борьбы рабочего класса конца XIX и первой четверти XX вв., если бы даже кроме этих сочинений не сохранилось никаких других памятников этой эпохи». Новое издание и по расположению материала, и по обилию приложений, примечаний, наконец, иллюстраций не может даже сравниваться с первым изданием, в котором расположение материала было не всегда хронологически выдержано. Из новых статей, разысканных уже после выхода в свет 1-го издания, отметим напечатанную в 1895 г. в «Самар. Вестнике» статью «Гимназические хозяйства и исправительные гимназии» (по поводу статей Южакова в «Русск. Богатстве») и статью о «Фридрихе Энгельсе», напечатанную в «Женевском Работнике» в 1896 г. Статья о «Гимназических хозяйствах» не была закончена в «Самарск. Вестнике» вследствие ареста В. И. в декабре 1895 г., впоследствии эта тема была подробно разработана в большой статье «Перлы народнического прожектёрства», впервые напечатанной в сборнике «Экономич. этюды и статьи». Обе статьи были уже опубликованы в XX (дополнительном) томе соч. Ленина. Если принадлежность статьи о «гимназических хозяйствах» Ленину не возбуждала *никаких* сомнений, то над установлением авторства статьи по поводу смерти Энгельса была совершена большая работа и приведен ряд доказательств. Рассмотрим эти доказательства. Прежде всего, это примечание Б. Николаевского к письму Аксельрода к Плеханову (Переписка, т. I, стр. 118), в котором он высказывает два предположения: 1) что статья была прислана из России и 2) что «не исключена возможность» принадлежности этой статьи Ленину. Б. Николаевский говорит, что статья потому не могла быть написана за границей, что «такую тему случайному сотруднику редакция не поручила бы» и «ее писал бы кто-либо из членов «Группы Осв. Труда» (что в данном случае, по мнению Н., исключается). Но допуская принадлежность статьи Ленину, почему не предположить, что Ленин писал ее *именно* за границей (в Берлине), в августе 1895 года под свежим впечатлением смерти Энгельса? Это тем более вероятно, что фактический материал о жизни и литературных работах Маркса и Энгельса, использованный в статье, гораздо легче было достать в Германии. Наиболее сильным доводом за принадлежность статьи Ленину является соображение редакции о самом стиле статьи, и мы бы добавили—сопоставление некоторых мест (особенно о применении гегелевского метода к анализу общественных явлений), с той частью «Друзей

народа», где трактуется та же самая тема в полемике с Михайловским (стр. 88—94 настоящ. издания). Мы также *думаем*, что статья «Фридрих Энгельс» принадлежит Ленину (смущает только эпиграф: Владимир Ильич, насколько нам известно, в отличие от Плеханова не любил снабжать свои статьи эпиграфами). По всем этим соображениям редакции лучше было бы воздержаться от утверждения, что статья «*безусловно*» принадлежит Ленину, и уж во всяком случае в «Основных вехах» жизни Ленина за 1895 г. на ряду *с точными данными* не следовало бы говорить о том, что *в ноябре* В. И. «посылает за границу свою статью «Ф. Энгельс».

Из больших работ первой половины 90-х годов в I томе помещены: «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни» (1893 г.), «Что такое друзья народа?» и «Экономическое содержание народничества и критика его в книге П. Струве»; эта последняя работа во многих отношениях представляет собой как бы конспект позднейших экономических работ Владимира Ильича, в особенности «Развития капитализма».

В списке не разысканных произведений Ленина, относящихся к началу 90-х годов, редакция упоминает о статье, посвященной критике книги В. В. «Судьбы капитализма в России». Нам кажется, что здесь имеется некоторая неясность. Тов. С. Мицкевич в статье «Как появились «Друзья народа» действительно говорит, что в самарский период жизни Владимира Ильича до осени 1893 г. В. И. написал статью, посвященную критике книги В. В. «Судьбы капитализма в России», но уже совсем ни на чем не основано предположение редакции, что и А. Ганшин имеет в виду *именно* эту статью Ленина. «...Когда В. И. приехал в Петербург из Самары,—пишет А. Ганшин (см. его «Воспоминания»),—то привез с собой рукопись, кажется, под таким заглавием: «Обоснование народничества в трудах В. В.». Но ведь это же—*точное* заглавие известной книги Волгина (Плеханова), изданной впервые в 1896 г.; таким образом ссылаться на А. Ганшина возможно лишь для подтверждения того, что В. И. читал в 1893 г. реферат о книге В. В., но о *какой именно* книге—свидетельство А. Ганшина не достоверно. Точно так же ничего о критике известной книги В. В. не говорит и М. И. Семенов (Бланк), на которого ссылается редакция. М. Семенов говорит, что на собраниях в квартире Скляренко В. И. читал свои статейки о работах Н-она, Постникова, В. В. Карышева и др. Таким образом, только т. С. И. Мицкевич упоминает о критике книги В. В. «Судьбы капитализма». Возникает невольное сомнение в точности воспоминаний т. Мицкевича касательно *названия* книги В. В., о которой читал в 1893 г. свой реферат В. И. В те годы с именем В. В. и его теорией обычно связывалась его книга «Судьбы капитализма в России», и в своих воспоминаниях т. С. И. Мицкевич легко мог допустить неточность. Зачем в 1893 г. понадобилось В. И-чу читать реферат о книге В. В., вышедшей в 1880 году? В. И. уже тогда живо отзывался на современные, новые работы «столпов» народничества. Книга Постникова вышла зимой 1891 г., и В. И. *до осени* 1893 г. уже читал о ней реферат в Самаре. М. И. Семенов говорит, что в этот же период В. И. читал в квартире Скляренко «свои статейки», в которых критиковались «труды В. В., Карышева и др.».

Надо заметить, что как раз в 1892—1893 гг. и вышли в свет «труды» В. В. и Карышева—под общим заглавием: «Итоги экономического исследования России по данным земской статистики»: т. I. В. В. «Община», т. II «Крестьянские вненадельные аренды». Вот эти именно «работы», повидимому, и критиковал в 1893 г. В. И.; он их не мог обойти потому, что это были действительно большие обобщающие статистические исследования. О них между прочим упоминает В. И. в статье о книге Постни-

кова. Надо еще заметить, что «Судьбы капитализма» В. В. были своевременно разобраны Плехановым в «Наших разногласиях», и потому вряд ли представлялась надобность подвергать эту книгу специальной критике в 1893 г.

Нам неоднократно уже приходилось указывать (статьи в «Большевике», «Известиях» и отчасти в книге «Легальный марксизм») на то огромное значение, которое имеют первые работы Ленина при изучении истории нашей партии. Обычно историю партии большевиков начинают со II с'езда РСДРП, когда «неожиданно» наметились разногласия с меньшевиками по целому ряду вопросов. Не пора ли внести кое-какие коррективы в учебники политграмоты и формальному изложению разногласий противопоставить действительную историю двух течений среди росс. с-дии, двух комплексов идей?

В предисловии к сборнику «За 12 лет» (СПБ, 1908 г.) Ленин, вспоминая о своей статье против Струве в «Маркс. Сборнике» за 1895 г., писал: «...Следует обратить внимание на последние страницы этой книги, где подчеркиваются *положительные* в глазах марксиста черты и формы народничества, как революционно-демократического течения в стране, переживающей канун буржуазной революции. Это—теоретическая формулировка тех самым положений, которые 12—13 лет спустя получили практически-политическое выражение в левом блоке на выборах во 2 Думу и в «лево-блокистской тактике». Та часть меньшевиков, которая боролась против идеи о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства и отстаивала абсолютную недопустимость левого блока, изменила в этом отношении очень старой и очень важной традиции революционной социал-демократии».

Это заявление Ленина *обязывает* всякого, кто хотел бы уяснить себе «две тактики» русской с-дии в буржуазной революции 1905 г.—изучить прежде всего работы Ленина 90-х годов. Изучая «Друзей народа» и критику известной книги Струве, не трудно заметить, что уже в этих статьях наметились два течения русской марксистской мысли, «две тактики». Всякий, кто хотел бы проследить развитие взглядов Ленина по аграрному вопросу, должен будет начать с самых ранних его сочинений 90-х годов. В них—в этих сочинениях—Ленин уже выдвигал идею национализации земли и защищал целый ряд крестьянских требований в «интересах свободного развития классовой борьбы в деревне». Эти свои взгляды, но уже более точно и обстоятельно Ленин защищал в 1902 г. против большинства редакции «Искры». В тех же основных работах 90-х годов впервые было формулировано отношение пролетариата к либеральной и мелкой буржуазии, то-есть борьба «на два фронта»: и против буржуазной идеологии Струве и К⁰, и против реакционно-утопических требований народничества.

Таким образом, первый том нового собрания сочинений Ленина, как это правильно замечает редакция, «дает связную картину развития политической мысли вождя рабочего класса в момент формирования коммунистического движения пролетариата и выработки основных линий идеологии, политики и тактики нашей партии».

Второй и третий томы охватывают работы Ленина с 1897 по 1899 гг. включительно. Это было время, наиболее широкого использования Лениным легальной литературы. Так в «Новом Слове»—органе «легальных» марксистов была напечатана большая работа В. И. «К характеристике экономического романтизма», вошедшая затем в сборник «Экономические этюды и статьи», составленный отчасти из статей, напечатанных в легальных марксистских журналах, отчасти из статей, написанных для тех же легальных журналов, но—за их закрытием—не опубликованных.

К этому же периоду (1899) относится и выход в свет исключительной по своему научному и общественному значению работы Ленина «Развитие капитализма в России». Это сочинение занимает весь третий том настоящего издания.

В статье «К характеристике экономического романтизма», сопоставляя общие всему народничеству политико-экономические взгляды со взглядами утописта и реакционера Сисмонди, Ленин как бы завершает критику народничества. «Экономическое учение народников,—говорит Ленин,—есть лишь русская разновидность общеевропейского романтизма, т.-е. критика капитализма с точки зрения мелкого собственника».

Однако Ленин считал далеко не достаточным ограничиться *только* критикой народничества; надо было разрушить прочно сложившееся убеждение в том, что народническая теория опирается, якобы, на серьезные научно-статистические исследования, нужно было подвергнуть критике огромный материал, собранный земской статистикой и пересмотреть этот материал с точки зрения марксистской методологии. Перегруппировка материалов земской статистики показала совсем иное лицо деревни, обнаружила значительную степень расслоения крестьянства, образования деревенской бедноты на ряду с ростом сельской буржуазии. Замечательная работа Ленина вконец развенчала исконную народническую теорию о невозможности развития капитализма в России из-за отсутствия внутреннего рынка, который якобы разрушается самым фактом проникновения капитализма в земледелие. Огромным цифровым материалом Ленин доказал, что самый факт отделения обрабатывающей промышленности от земледельческой неизбежно приводит, с одной стороны, к образованию новых, самостоятельных отраслей промышленности, с другой—к обращению натурального крестьянского хозяйства в товарное.

Анализом огромного статистического материала Ленин блестяще доказал то положение Маркса, что развивающийся капитализм сам создает внутренний рынок путем разложения непосредственных производителей на капиталистов и рабочих.

Экономисты-народники совершенно не исследовали конкретных форм капиталистического перенаселения в России. Они, как, напр., Н-он и В. В., пытались жалкими расчетами об уменьшении числа фабрично-заводских рабочих доказать нежизненность капитализма на русской почве, в стране мелкого крестьянского хозяйства. Они не поняли того факта, что капитализм у нас, как и всюду, строил свое благополучие на экспроприации непосредственных производителей и на создании многомиллионной массы наемных рабочих. «Развитие капитализма в России» явилось не только в руках марксистов незаменимым оружием в борьбе с народничеством, но и послужило основанием программы и тактики русской социал-демократии.

Надо иметь в виду, что эта замечательная книга Ленина вышла в свет в период начавшегося идейного шатания и разброда в среде самих марксистов с одной стороны («бернштейнианство», «экономизм») и накануне возрождения народничества в виде партии «социалистов-революционеров»—с другой. Законченная, казалось, идеологическая борьба с народничеством вновь закипает и окрашивается в ярко политический цвет. Из области теоретических споров пришлось перейти к вопросам и фактам текущей политической жизни. Реставрируется старое народничество и народовольчество. Создается новая теория «социализации» земли; крестьянство, как таковое, выдвигается в качестве основной силы в борьбе с самодержавием. Террор противопоставляется массовой борьбе пролетариата. Появляются книги, брошюры, газеты, доказывающие преимущества и жизненность мелкого производства в земледелии перед

крупным; коротко говоря—борьба народничества с марксизмом из легальной литературы переходит в подполье и затягивается на многие годы. В этих новых схватках с народничеством «Развитие капитализма в России» явилось могущественным теоретическим оружием в руках соц.-демократов.

И в период открытых выступлений и борьбы различных политических партий за влияние на широкие народные массы, в 1906 г., «Развитие капитализма» попрежнему являлось в руках соц.-демократии той тяжелой артиллерией, от обстрела которой неизменно рушились эсэровские эклектические построения. И в период реакции и столыпинской попытки разрешения аграрного вопроса книга Ленина вновь приковывала к себе внимание партийной мысли. В письме к т. И. Скворцову от 16/XII—1909 г. В. И. писал: «Что доказывал и доказал Ильин?» спрашивал Ленин, имея в виду именно «Развитие капитализма»?—«Что развитие аграрных отношений в России идет капиталистически *и* в помещичьем хозяйстве, *и* в крестьянском, *и* вне, *и* внутри «общины». Это раз. Что это развитие уже *бесповоротно* определило не иной путь развития, как капиталистический, *не* иную группировку классов, как капиталистическую. Это два. Из-за этого был спор с народниками. Это надо было доказать. Это было доказано. Это остается доказанным... *Кроме* вопроса, решенного окончательно и верно решенного в 1883—1885 гг. и в 1895—1899 гг., история XX века в России поставила нам *дальнейший* вопрос... И, по моему крайнему разумению, Ильин был прав, когда в предисловии ко 2 изданию книги указал, что из нее *вытекает* возможность *двух* видов капиталистического аграрного развития и что историческая борьба *этих видов* еще не закончена... Национализация земли—крестьянская ломка землевладения, есть экономическая основа американского пути. Закон 9/XI—1906 г.—помещичья ломка старого землевладения—есть экономическая основа прусского пути. Наша эпоха, *1905—1922* годы, есть эпоха революционной и контрреволюционной борьбы этих путей...» (Л. Каменев «Вместо предисловия» к III тому соч. Ленина) [1]).

И уже много лет спустя, после Февральской революции 1917 г. нам опять приходилось в борьбе с уже правительственной партией эсэров пользоваться все тем же незаменимым оружием, которым еще в 90-х годах нас вооружил Ленин.

Вот почему изучение сочинений Ленина, посвященных борьбе с народничеством является совершенно необходимым для всех тех, кто хочет знать историю партии, понять ее программу и тактику.

Второй том начинается письмом в редакцию «Самар. Вестника» (напечатанным 13 марта 1897 г. за подписью С. Т. А.). Письмо это представляет большой интерес само по себе, поскольку в нем затронут был вопрос, какие цены на хлеб (высокие или низкие) наиболее выгодны для рабочего и крестьянина, т.-е. для продавца рабочей силы, и производителя хлеба, как товара. Письмо это явилось отзвуком на дебаты «о влиянии урожаев и хлебных цен на все стороны народного хозяйства», происходившие в Петербурге 1 и 2 марта 1897 г. в «Вольно-Экономическом О-ве». Отчет об этом диспуте был напечатан в «Сам. Вестнике» 8 марта с предисловием редакции, в котором заявлено было решительное несогласие с теми взглядами, которые петербургские «легальные» марксисты П. Струве и Туган защищали на диспуте в «В.-Эк. О-ве». Вопрос о ценах на хлеб непосредственно затрагивал интересы аграриев,

[1]) Письмо было адресовано т. Скворцову-Степанову. Если еще допустимо для удобства изложения цитировать отдельные места из сочинений без указания источника, то *в данном* случае опущение имени адресата ровно ничем не вызывается. *Н. А.*

которые кричали о разорении сельского хозяйства благодаря низким ценам на хлеб на мировом рынке. Аграрии требовали высоких цен. Народники вообще и московские профессора,—авторы книги «Влияние урожаев и хлебных цен»—наоборот защищали низкие цены, которые по их мнению, выгоднее как для крестьян, сплошь и рядом вынужденных покупать хлеб, так и для городского населения. Выступившие на диспуте Струве и Туган-Барановский вопрос о ценах связали с вопросом о прогрессивности и неизбежности развития капитализма в сельском хозяйстве. Низкие цены на хлеб, по их мнению, способствуют лишь сохранению пережитков крепостнических, кабальных отношений в деревне, тогда как высокие цены являются условием развития производительных сил.

Самарских марксистов такая постановка вопроса, говорит Ю. Мартов в своих «Воспоминаниях» очень взволновала, в ней они усмотрели продолжение той апологии капитализма, в которой упрекал Струве еще $1^1/_2$ года назад Тулин (Ленин) в статье «Экономич. содержание народничества». В предисловии к отчету марксистская редакция «Самар. Вестника» заявляла, что «с классовой точки зрения интересы наемника противоположны интересам хозяина и в таком вопросе, как хлебные цены..., что продавцу труда, крестьянину, которого главный доход получается от продажи его рабочей силы, выгоднее дешевый продукт, чем дорогой, нанимающему же работника хозяину выгоднее, чтобы продукт, произведенный им, продавался дороже».

Против такого толкования значения низких цен на хлеб решительно выступил Ленин в письме в редакцию «Самар. Вестн.» за подписью С. Т. А. Для крестьянина, писал Ленин,—поскольку он является мелким собственником, производящим хлеб для рынка, конечно, высокие цены выгоднее. Это бесспорно; что же касается рабочих, то и в этом отношении точка зрения «самарцев», по мнению Ленина, оказывается несостоятельной, ибо рабочий прежде чем явиться потребителем, покупателем хлеба на рынке должен на том же самом рынке заняться отчуждением чего-либо, в данном случае отчуждением своей рабочей силы, стоимость которой определяется стоимостью предметов первой необходимости. Замечено даже,—говорит Ленин,—что цены на рабочие руки понижаются в большей степени, чем цены на хлеб, более того, ссылаясь на Маркса («Речь о свободной торговле») Ленин добавляет, что низкие цены на хлеб прямо невыгодны рабочим.

Это первое столкновение взглядов «самарских» марксистов со взглядами Ленина вскоре привело к еще более резкому расхождению по вопросу о политической линии марксистского «Нового Слова» и его отношении к буржуазии. Поводом к полемической переписке послужило письмо «самарцев» в редакцию «Нового Слова», написанное П. Масловым и А. Саниным; в письме указывалось, что Туган-Барановский, на статью которого в «Нов. Слове» ссылались «самарцы», затушевывает классовую борьбу в капиталистическом обществе и выставляет капитал гегемоном общественного движения» (П. Маслов—«Первая марксистская газета», из подготов. Истпартом к печати сборника о «Сам. Вестн.»).

Редакция нового собрания сочинений Ленина, комментируя вышеупомянутое письмо С. Т. А. в редакцию «Самар. Вестника», приводит в «приложениях» цитату *только* из «Записок соц.-демократа» Ю. Мартова, совершенно не используя «воспоминания» П. Маслова и А. Санина, свидетельства коих в данном случае имеют решающее значение. Мартов, *несомненно*, смешивает два факта: полемику С. Т. А. (Ленина) с Масловым на страницах «Самарского Вестника» с полемической перепиской по поводу письма «самарцев» в редакцию «Нового Слова». Смешать это было легко постольку, поскольку и в переписке был затронут вопрос о

хлебных ценах, но только *между прочим*, так как предметом спора, являлось «письмо» «самарцев» в редакцию «Нов. Слова». Об этом коллективном «письме-протесте» «ходившем в то время по рукам» упоминает и А. Потресов в статье «Эволюция общественно-политической мысли» [1]).

Мы думаем, что редакции собрания сочинений Ленина не только следовало дать в «приложениях» выдержки из «воспоминаний» Маслова и Санина, но и поместить в числе неразысканных произведений Ленина переписку с П. Масловым, которая продолжалась до зимы 1897 г. [2]).

Что касается самого письма в редакцию «Самар. Вестника» за подписью С. Т. А., то в последнее время в Институте Ленина возникло сомнение в принадлежности авторства этого письма Ленину.

В своей книге «Легальный марксизм» я высказал лишь *предположение* о принадлежности Ленину «письма в редакцию «С. В.» о «Хлебных ценах»; по моим, в то время еще не проверенным сведениям, Ленин должен был в марте 1897 г. проезжать в Сибирь через Самару; наконец, самая подпись: «С. Т. А.» невольно ассоциировалась с кличкой «старик», как тогда звали Ленина и других «стариков» («декабристов») в отличие от «молодых».

В то время все эти соображения разделялись и редакцией собрания сочинений Ленина. Но в то время Институт Ленина не имел еще в своем распоряжении прошения Владимира Ильича от *шестого* марта из Красноярска на имя Иркутского генерал-губернатора о назначении ему местом ссылки Минусинского уезда. Эта дата дает основание Институту изменить свое первоначальное мнение о принадлежности Ленину заметки о хлебных ценах.

Соображения Института сводятся к следующему: отчет о заседании В.-Э. О-ва напечатан в «Самарском Вестнике» в № 54, т.-е. 20(8) или 21(9) марта 1897 г. «Письмо в редакцию» С. Т. А. появилось уже в № 58, т.-е. 25(13) марта 1897 г., т.-е.: отчет был напечатан, когда Ленин был *уже* в Красноярске; через 4 дня появился ответ С. Т. А.—явно же, что за такой промежуток времени получить соответствующий номер «С. В.» и напечатать в нем ответ Ленин никак не мог. *Следовательно: «Письмо в редакцию»—«К вопросу о хлебных ценах» за подписью С. Т. А. принадлежит перу не Ленина.*

С первого взгляда соображения института кажутся убедительными. В самом деле: как мог Ленин поместить 13 марта «письмо в редакцию» по поводу отчета о заседании В.-Э. О-ва, если 6 марта он был уже в Красноярске, а отчет был помещен 8-го марта в Самаре? Как будто явная несообразность. Однако, нельзя основываясь *только* на внешних данных, отводить статью, которая и по существу трактуемого вопроса, и по форме убеждает нас в том, что в данном случае мы имеем дело с произведением Ленина. Разберемся в датах. В своих воспоминаниях о «Сам. Вестнике» [3]), П. Маслов пишет: «В начале марта 1897 г. неожиданно появился в Самаре В. И. Ульянов (тогда Тулин). Ему разрешено было отправиться в ссылку в Сибирь на свой счет, и вот он по пути заехал в Самару... Около этого времени, а—может быть, и в это самое время,—пришли петербургские газеты с отчетом о дебатах в В.-Эк. О-ве по вопросу о хлебных ценах. Перепечатывая этот отчет в № 54 «Сам. Вестника» от 8 марта, редакция предпослала ему коротенькое вступление, в котором заявила о своем несогласии с теми взгля-

[1]) „Общественное движение в России", т. I, стр. 575.

[2]) В списке неразысканных произведений II тома упоминаются только письма к Мартову и Маслову за март 1897 г.

[3]) Воспоминания П Маслова входят в подготовленный к печати Истпартом сборник „Первая легальная марксистская газета «Сам. Вестник»".

дами по этому вопросу, которые развивались в речах петербургских легальных марксистов—Туган-Барановского и Струве. Несколько дней спустя в редакции было получено от В. И. Ульянова письмо под заглавием: «К вопросу о хлебных ценах», в котором подвергалась критике вышеупомянутая редакционная заметка... и защищалась точка зрения Туган-Барановского и Струве. Письмо это было не передано самим В. И. Ульяновым, а именно *прислано*; но откуда—из самой Самары до выезда в Сибирь, или уже с дороги, решительно не помню. Оно было напечатано вместе с ответом редакции на него».

Казалось бы после *такого* свидетельства П. Маслова, который *утверждает*, что в «Сам. Вестнике» было им, Масловым, редактором газеты, напечатано письмо Ленина, да еще и с ответом редакции—всякие сомнения о принадлежности Ленину заметки о «хлебных ценах»—должны исчезнуть и нам следовало лишь заняться частным вопросом: выяснением недоразумения с датами.

Приведем еще свидетельство А. Санина, ближайшего сотрудника «Сам. Вестника» [1]).

«Я возвратился в Самару 17 марта 1897 г. утром и направился прямо к Маслову... Он сообщил мне, что с *неделю назад* был в Самаре, проездом в ссылку, В. И. Ульянов и виделся с ним...» Итак, по свидетельству А. Санина, Ленин был в Самаре около 10 марта, Маслов же полагает, что приезд Ленина в Самару по времени *совпадает со временем получения в Самаре петербургских газет* с отчетом о дебатах в В.-Эк. О-ве, т.-е., примерно, 4—6 марта. Отчет о дебатах был напечатан в «С. В.» 8-го марта. В это время Ленин или был в Самаре, или где-либо в пути по направлению в Сибирь. Во всяком случае он, если не ознакомился с отчетом *до* его напечатания, т.-е. 4—6 марта, то уж во всяком случае 8—10 марта отчет этот был Лениным прочитан и *послано* возражение в виде «письма в редакцию». В Самаре у Владимира Ильича было не мало связей и личных, и общественных. Совершенно естественно, что он задержался в Самаре, но так как В. И. ехал по проходному свидетельству, то вполне вероятно, что отметившись в полиции о выезде—фактически на несколько дней задержался в Самаре, и по непроверенным сведениям в Уфе, что практиковалось не редко. Обычной мотивировкой задержки являлась «болезнь». Вероятно, поэтому Ленин *прислал* письмо в редакцию, а не сам доставил; да и по конспиративным соображениям он, повидимому, не считал возможным посещать редакцию «С. В.», который 2 недели спустя был закрыт.

Но что же значит пометка *6 марта* на прошении, которое В. И. посылает из Красноярска Иркутскому ген.-губернатору? Значит ли это, что прошение было написано *именно* в Красноярске? Ничуть нет. Прошение могло быть написано в Самаре или где-либо в пути, наконец, даже в самом Красноярске, но датировано задним числом, чтобы не возбуждать подозрения на незаконную задержку в пути. А что В. И. систематически «задерживался», видно не только из того, что он в Москве прожил лишних два дня, но и из «записок» Мартова, который говорит: «из полученного нами письма от Ульянова, которому удавалось оттягивать под предлогом болезни свой от'езд в Сибирь, мы узнали» и т. д. Отсюда следует, что Мартов и другие питерцы получили от Ленина письмо в Московской перес. тюрьме в марте 1897 г., и письмо касалось вопроса о хлебных ценах.

Однако, помимо сопоставления дат, необходимо проанализировать спорный документ по существу.

[1]) Цитируем по тому же сборнику Истпарта.

В «письме в редакцию» «Сам. Вестн.» Ленин оспаривает точку зрения П. Маслова о том, что продавцу рабочей силы выгоднее дешевые цены на хлеб. «Прежде чем явиться потребителем, покупателем хлеба на рынке, я,—говорит Ленин,—должен на том же самом рынке заняться отчуждением чего-либо; в данном случае я, как рабочий отчуждаю свою рабочую силу...» «Замечено даже,—говорит далее Ленин,—что понижение цен на хлеб не эквивалентно понижению цен на рабочие руки; последние всегда падают при этом в цене больше, нежели хлеб... Но *один* известный *немецкий экономист* (курсив наш), на авторитет которого я позволю себе здесь сослаться, утверждает, даже, что падение хлебных цен прямо невыгодно для рабочих. Доказывает он это положение следующим образом. «Пока цена на хлеб, а с ней и заработная плата, еще высока, довольно незначительного сбережения на потреблении хлеба, чтобы удовлетворить другим потребностям. Но как скоро цена на хлеб, а с ней и заработная плата стоит низко, рабочий почти ничего не может сберечь на хлебе для покупки других предметов потребления».

Эти строки были написаны в начале марта 1897 г., а в апреле начали уже печататься в «Нов. Слове» статьи Вл. Ильича (Ленина) «К характеристике экономического романтизма», написанные им или в тюрьме, или же в марте 1897 г. в Красноярске. В главе VI этого сочинения трактуется вопрос о пошлинах на хлеб в Англии в оценке романтиков и научной (марксистской) теории. Вопрос этот в то время, в условиях русской действительности и споров о влиянии хлебных цен на развитие народного хозяйства, имел не только теоретическое, но и большое общественное значение. Трактуя такой, казалось бы, отвлеченный вопрос, Ленин ни на минуту не упускал сопоставления таких «теоретиков», как Сисмонди, с воплями наших отечественных «сисмондистов» об «апологии власти денег» и «гибели» мелкого производства.

«9-го января 1847 г. в Брюсселе, говорит Ленин, *один немецкий экономист* (курсив наш) говорил в публичном собрании «речь о свободной торговле». В противоположность романтизму... он поставил исходным пунктом своего изложения... простой трезвый *подсчет интересов*... Он раз'яснил, что понижение цены хлеба, столь прославляемое фритредерами, означает неминуемое сокращение заработной платы, удешевление товара «труд» (точнее: рабочей силы); что удешевление хлеба никогда не в состоянии будет уравновесить для рабочего это понижение платы, во-первых, потому, что при понижении цены хлеба работнику труднее будет сделать сбережение на употреблении хлеба с целью доставить себе возможность купить другие предметы...» (Сочинения т. II, стр. 109, 112). Сопоставление этой цитаты из статьи Ленина с вышеприведенной выдержкой из заметки «к вопросу о хлебных ценах» не оставляет сомнений в том, что «письмо в редакцию» «С. В.» принадлежит автору статьи о Сисмонди, т.-е. Ленину. В обоих случаях трактуется не только одна и та же тема, но даже в одних и тех же выражениях, и наконец,—это в обоих случаях цензурное умолчание о Марксе и ссылка на него, как на «*одного немецкого экономиста*»... Простого сличения цитат достаточно для того, чтобы установить, что в «письме в редакцию» «С. В.» Ленин приводит то самое место из немецкого издания Маркса «Rede uber die Frage des Freihandels», которое он пересказывает своими словами в статье о Сисмонди.

Но не находятся ли в противоречии с вышеизложенным мысли, высказанные Лениным по этому же вопросу, примерно, год спустя?

В главе V «Развития капитализма» (Соч., т. III, стр. 156) Ленин в примечании говорит: «...Большую заслугу гг. Туган-Барановского и Струве составляет правильная постановка вопроса о значении низких

хлебных цен: критерий для оценки их должен быть тот, содействуют ли такие цены вытеснению отработков капитализмом или нет. Такой вопрос есть, очевидно, вопрос факта, и в ответ на него мы несколько расходимся с названными писателями. На основании данных излагаемых в тексте (см. особенно § VII этой главы и главу IV), мы считаем возможным и даже вероятным, что период низких хлебных цен ознаменуется не менее, если не более быстрым вытеснением отработков капитализмом, чем предшествующий исторический период высоких хлебных цен».

О чем здесь, главным образом, идет речь? О том, что низкие цены на хлеб, разоряя мелких арендаторов, могут явиться, и нередко являются, побудительным стимулом к рационализации сельского хозяйства, отказу от испольщины и к использованию вольного найма, т.-е. к развитию капитализма в сельском хозяйстве.

Противоречат ли эти соображения Ленина его взгляду о том, что низкие цены на хлеб невыгодны и крестьянам, и рабочим? Отнюдь нет. Это две стороны одного и того же вопроса. И рабочему, как продавцу своей рабочей силы, и крестьянину, как мелкому товаропроизводителю, высокие цены на хлеб выгоднее низких. Это остается бесспорным. Но с точки зрения развития производительных сил в сельском хозяйстве (независимо от непосредственных интересов крестьян, как мелких собственников и мелких арендаторов) низкие цены *могут* оказаться выгоднее (в интересах всего хозяйства в целом), чем высокие.

В письме в редакцию «Самарского Вестника» об этом еще не шла речь. Вопрос о влиянии низких или высоких цен на преобразование техники сельского хозяйства встал перед Лениным позже, в процессе работы над «Развитием капитализма».

Из вышеизложенного вытекают следующие выводы: 1) «Заметка о хлебных ценах», напечатанная в виде письма в редакцию «С. В.» от 13/III 1897 г., принадлежит Ленину, 2) Заметка эта, вошедшая во II т. Собрания сочинений Ленина, недостаточно проработана: не использованы воспоминания П. Маслова и А. Санина. 3) Заметка не сопоставлена со статьей о Сисмонди, тогда как такое сопоставление совершенно необходимо для уяснения отношения Ленина как к народникам типа Сисмонди, так и к марксистам из «Самарского Вестника». 4) В список неразысканных произведений В. И. Ленина за 1897 г. следует включить письма к Маслову *не о ценах на хлеб*, а ответ на «письмо-протест» самарцев и др. письма о политической позиции Струве и Туган-Барановского. 5) В «Основных вехах» жизни В. И. Ленина необходимо отметить его пребывание в Самаре. 6) В тех же «Вехах» за 1896 или в самом начале 1897 г. необходимо упомянуть о том, что в это время была написана работа «К характеристике экономического романтизма».

Статьями 97 и отчасти 98 гг. (над «Развитием капитализма» Ленин работал в 97—98 гг.) как бы завершается *первый* период борьбы с народничеством. Статья «От какого наследства мы отказываемся?» (т. II) подводит итоги полемике. В главе IV («просветители», народники и «ученики») Ленин дает сжатую, но точную формулировку этих трех течений общественной мысли.

«Просветитель верит в данное общественное развитие, ибо не замечает свойственных ему противоречий. Народник боится данного общественного развития, ибо он заметил уже эти противоречия. «Ученик» верит в данное общественное развитие, ибо он видит залоги лучшего будущего лишь в полном развитии этих противоречий. Первое и последнее направление стремится поэтому поддержать, ускорить, облегчить развитие по данному пути, устранить все препятствия, мешающие этому

развитию и задерживающие его. Народничество, наоборот, стремится задержать и остановить это развитие, боится уничтожения некоторых препятствий развитию капитализма» (соч., т. II, стр. 330).

Мысли, высказанные в этой статье, и в особенности ссылка на «либерал-консерватора» Скалдина, дали повод меньшевикам обвинять Ленина в «узости» и говорить о лишенном исторического чутья «рационализме» ленинского марксизма» (Потресов, «Искра» №№ 98, 107, 111).

Меньшевики, обвиняя Ленина в отказе от революционных традиций народничества, не могли, или не хотели понять, что речь идет вовсе не об отказе от революционно-демократических требований народничества, а об очищении либерально-демократического движения от утопических пережитков народничества.

Потому и приветствовал Ленин «народоправцев», что они отбросили утопически-реакционную шелуху народничества.

Редактор собрания сочинений Ленина тов. Каменев совершенно правильно полагает, что «подлинный политический комментарий к легальному спору о «наследстве» мы находим в заключительных строках брошюры Ленина «Задачи русских социал-демократов».

Из статей, посвященных борьбе с ревизионизмом, во II том вошли три статьи по вопросу о теории рынков и статья против Булгакова «Капитализм в сельском хозяйстве».

Поскольку статьи Струве и Туган-Барановского были направлены на отрицание того основного положения в учении Маркса, что развитие производительных сил неизбежно вступает в противоречие с теми основами, на коих покоятся отношения потребления, постольку Ленину в борьбе с «ревизионистами» пришлось главнейшее внимание сосредоточить на выяснении значения противоречия между производством и потреблением для всей механики капиталистического общества.

«Если производительные силы рвутся к безграничному росту производства,—писал Ленин,—а потребление сужено пролетарским состоянием народных масс, то противоречие здесь несомненно. Это противоречие не означает невозможности капитализма, но оно означает необходимость превращения в высшую форму; чем сильнее становится это противоречие, тем дальше развиваются как об'ективные условия этого превращения, так и суб'ективные условия, т.-е. сознание противоречия работниками... Из этого противоречия правильно будет делать единственно лишь тот вывод, что уже самое развитие производительных сил с неудержимой силой должно вести к замене капитализма хозяйством ассоциированных производителей (ответ Нежданову. См. т. II, стр. 424—5, цит. по статье тов. Каменева, стр. XXV).

Две статьи «Капитализм в сельском хозяйстве» написаны по поводу статьи Булгакова в «Начале», посвященной критике книги К. Каутского «Аграрный вопрос». «Эта статья,—писал Ленин Потресову,—привела меня прямо-таки в исступление... Я решительно не могу понять, как мог он написать такую сплошь вздорную и до невозможности неприличную по тону статью... Будь у человека сколько-нибудь чувства партийности, сознания ответственности перед всеми genossen и перед всей их программой и практической деятельностью,—он бы не решился так наезднически «наскакивать»... Для журнала обязательно бы налагать некоторую узду на ученых наездников и на всех «посторонних» вообще».

Борьба с «экономизмом» представлена во II томе «Протестом российских социал-демократов» и статьей «Попятное направление в русской социал-демократии». Протест направлен против так называемого «Credo», произведения первых русских бернштейнианцев. Впервые «Протест» вышел в 1899 г. в виде отдельного оттиска из «Рабочего Дела», затем уже в 1900 году Плеханов напечатал «Протест» в своей брошюре «Vademecum» для редакции «Рабочего Дела».

Программа авторов «Credo» сводилась к тому, чтобы рабочий класс, идя «по линии наименьшего сопротивления», ограничивался экономической борьбой, а «либерально-оппозиционные элементы» боролись при «участии марксистов» за «правовые формы».

В примечаниях к «*Протесту*» рассказана не только история его происхождения, но и приведено весьма интересное письмо т. А. И. Елизаровой в редакцию сочинений Ленина, в котором сообщаются условия, при которых было получено это «знаменитое» «Credo». Приведены также соответствующие места из «Воспоминаний» Кусковой, которая, как известно, вместе с С. Прокоповичем являлась автором «Credo».

В статье «Попятное направление в русской социал-демократии» дана исчерпывающая критика программных взглядов «Рабочей Мысли», поскольку они были изложены в передовой статье «Наша действительность» в «Отдельном Приложении» к «Рабочей Мысли».

Русское рабочее движение в представлении авторов этой статьи сводилось только к стачкам и легальным обществам. Политическая борьба рабочего класса низводилась до степени маленьких и мелких реформ, вызываемых «потребностями минуты».

В «Попятном движении» Ленин, насколько нам известно, впервые берется за раз'яснение редакторам «Р. М.» как общего вопроса об отношении социализма к рабочему движению, так и вопроса о русской социал-демократии, представляющей собой слияние рабочего движения с социализмом.

Что касается самого факта возникновения «попятного» движения в русской социал-демократии, то Ленин об'ясняет это особенностью в историческом развитии русской социал-демократии, «которая породила и *временно должна была* породить узкое понимание рабочего социализма».

Статья «Попятное движение» была написана в конце 1899 г., но впервые увидела свет лишь в 1924 г., т.-е. через 25 лет. К сожалению, статья эта не снабжена примечанием фактического характера, т.-е. при каких условиях она была найдена и почему не была своевременно опубликована. Следовало бы также отметить, что в этой статье еще за три года до появления «Что делать?» были изложены основные мысли против экономизма.

В первом томе сочинений помещен «Проект и об'яснение программы с.-д. партии», написанный В. И. в тюрьме в 1895—96 г., во втором томе напечатан «проект программы нашей партии», написанный в конце 1899 г. Эти оба документа имеют огромный интерес не только для изучения того, как постепенно создавалась программа нашей партии и какова была роль Ленина в ее создании, но и для изучения вопроса о выработке взглядов Ленина по аграрно-крестьянскому вопросу.

В программе 1899 г. отчетливо выражена мысль, что аграрная революция в России является необходимым моментом победы над дворянской монархией. В этом отношении взгляды Ленина значительно отличались от взглядов «Группы Освобождения Труда».

Плехановская формулировка крестьянских требований (1887 г.)—«радикальный пересмотр аграрных отношений», представлялась Ленину недостаточной. Необходимо было, во-первых, дать руководящий материал для агитации и, во-вторых, отгородить себя от защитников мелкого хозяйства. Не согласен Ленин и с оценкой Плеханова роли крестьянства в предстоящей буржуазной революции. «Русское революцион-

ное движение,—говорится в программе «Группы Освобождения Труда»,—торжество которого послужило бы прежде всего на пользу крестьянству, почти не встречает в нем ни поддержки, ни сочувствия, ни понимания. Главнейшая опора абсолютизма заключается именно в политическом безразличии и умственной отсталости крестьянства». Такая характеристика крестьянства казалась Ленину неправильной, она совершенно исключает всякую возможность говорить о *поддержке* социал-демократией революционных требований крестьянства. «Это,—говорит Ленин,—противоречие не теории, а самой жизни, ибо крестьянство отличается двойственными чертами».

«Поддержка того крестьянства, которое стремится ниспровергнуть «старый порядок», т.-е.... самодержавие, необходима для рабочей партии». Ленин считал совершенно недостаточным говорить о «соглашении» с людьми, работающими в крестьянстве, как это предлагала «Гр. Осв. Тр.»,—«мы сами должны начать обсуждение основных принципов деятельности в крестьянстве».

Вместо поддержки революционных требований крестьянства,—требований, которые, конечно, не должны мешать свободному развитию классовой борьбы,—программа «Группы Освобождения Труда» говорит об «условиях выкупа земли и наделении ею крестьянства», и этот «выкуп» рассматривается как одна из мер «радикального пересмотра аграрных отношений». Естественно, что такая формулировка программы представлялась Ленину «неотчетливой».

Нам могут заметить, что программа «Группы Освобождения Труда» была формулирована за 15 лет до ленинского «проекта программы нашей партии» и за несколько лет до формулировки «аграрной программы» германской социал-демократии. Это верно. Однако, Ленин еще в «Друзьях народа», т.-е. в 1894 г., высказывал те самые мысли по отношению к поддержке социал-демократией крестьянства, которые вошли в его проекты 1896 и 1899 гг. В ближайшем времени мы будем иметь возможность опубликовать запись реферата Плеханова, читанного им в 1894 г. в Берне,—реферата, в котором опять идет речь о «радикальном пересмотре аграрных отношений», о «выкупе земли» и ничего не говорится о поддержке революционных требований крестьянства, т.-е. о единственно правильной тактике социал-демократии в крестьянстве.

Нет возможности, в сущности говоря, в библиографической заметке, и так непомерно разросшейся, исчерпать все то огромное литературное наследие Ленина, которое представлено в трех вышедших томах.

По расположению материала, обилию примечаний, документов, материалов, биографических и библиографических справок, проработке текста, новое собрание сочинений следует признать исключительным.

С внешней стороны издание — безукоризненно и стоит на уровне лучших заграничных изданий.

Н. Ангарский.

Редакция: В. Астров. Н. Бухарин. В. Молотов. А. Слепков. Е. Ярославский.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 15 АПРЕЛЯ 7—8

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП (б)

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 7
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

Главлит № 85922. Москва. Тираж 85.000 экз.
Тип. изд-ва «Правда» и «Беднота», Яузский мост, Серебрянич. набер., д. 23а.

Революция и контрреволюция в Китае.

Та грандиозная социальная буря, которая разыгрывается на Востоке, имеет бесспорно мировое значение. Героический китайский пролетариат ведет борьбу сейчас на передовых позициях *мировой* революции. Против революционного Китая ополчился *мировой* империализм; вся международная капиталистическая пресса вопит о надвигающейся с Востока угрозе мировой «цивилизации», с остервенением травит китайских революционеров. В Китае огнем и мечом, революционной массовой борьбой решаются вопросы жизни империализма, решается вопрос о том, быть или не быть четвертой части населения земной планеты под железной пятой Сити и Уолл-Стрита. В огромной степени именно в Китае решается вопрос о новой всесветной империалистической войне. Судьбы единственного в мире пролетарского государства, судьбы СССР в очень серьезной мере связаны с судьбами революции в Китае. В своем развитии китайская революция подняла и подымает с самой жгучей остротой боевые вопросы ленинизма, ленинской теории, ленинской стратегии и тактики борьбы.

Нельзя ничего понять в китайских событиях, если не будет разрешен самый основной, самый принципиальный вопрос—о *характере* великой китайской революции. Последний, VII расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала определил сущность китайской революции, как революции антиимпериалистической *буржуазно-демократической*, ведущей к революционно-демократической *диктатуре пролетариата и крестьянства* и могущей в условиях ее победоносного хода быть переведенной на *социалистические* рельсы. Необходимо совершенно отчетливо уяснить себе все диалектические звенья этого определения *сути* китайской революции. Тот, кто не понимает буржуазно-демократических тенденций китайской революции, кто, скажем, станет отрицать наличие феодального барьера, стоящего на пути развития производительных сил Китая,—а такие люди, ревизующие положения *Маркса и Ленина* о феодализме в Китае, имеются, напр., в среде нашей оппозиции,—тот не сможет об'яснить огромной революционной активности китайского крестьянства, напирающего со всей силой на феодально-ростовщические ткани в экономике Китая.

С другой стороны, для того, кто не уразумеет *социалистических* тенденций революции в Китае, навсегда останется чуждой

мысль о возможности *гегемонии* китайского пролетариата в массовом революционном движении, в борьбе с империализмом и в борьбе за новый общественный порядок, тот будет неизбежно предлагать тактику, срывающую гегемонию пролетариата.

Борьба за торжество последовательно-революционной перспективы в Китае предполагает самое тщательное уяснение особенностей обстановки, в которой приходится «делать историю» китайским рабочим. Тот не ленинец, тот не большевик, кто легкомысленно упускает из виду *особые* черты обстановки китайской революции, «забывает» про *особые трудности* борьбы.

Жонглирование бесцветными «аналогиями», игра в «хлестские» исторические сравнения составляет типичную черту некритического *халтурного* «ленинизма», представляющего собой на деле троцкистскую *карикатуру* на ленинизм. Так, одно время было принято «сравнивать» китайскую революцию с русской революцией 1905 года, *без надлежащих, абсолютно обязательных* оговорок. За последнее время у некоторых вошло в моду механически уподоблять нынешний этап китайской революции периоду «от Февраля к Октябрю» в нашей революции 1917 года.

На примере последней аналогии можно очень хорошо понять, что значит фальсификация ленинизма.

Для каждого революционного марксиста, для любого настоящего ленинца совершенно *обязателен* строжайший учет сил революции, трезвый анализ удельного веса пролетариата, как самой революционной силы, прежде всего. Уже тут выступает очень значительное отличие китайской обстановки от нашей обстановки в 1917 году. Ведь бросается же в глаза элементарнейшая вещь, элементарный факт социальной статистики. У нас соотношение пролетарского и всего населения измерялось отношением 1 : 30. В Китае это соотношение другое: на *3 миллиона* индустриальных рабочих приходится, приблизительно, *400 миллионов* всего населения вообще. Если у нас количественный вес пролетариата определяется отношением *единицы* к *тридцати*, то в Китае он соответственно определяется отношением *единицы к ста тридцати*. 1/30 и 1/130—это очень серьезная разница, которую дико не замечать. Но уже из этой разницы вытекают очень важные выводы. Раньше всего тот вывод, что задача руководства китайских коммунистов гораздо *труднее* и *сложнее*, чем для русских большевиков в 1917 году. А с другой стороны: если для нас в 1917 году основной и важнейшей задачей для российского пролетариата была задача повести крестьянство за собой, то и *подавно* это является *решающей* задачей для относительно малочисленного китайского пролетариата. Если для нас самой большой опасностью было бы иметь деревню против себя, то для китайского пролетариата *тем более* грозна *опасность изоляции*.

Другим в огромной степени затрудняющим и усложняющим борьбу китайских рабочих специально в данный исторический период обстоятельством является нынешнее *международное положение*. Любители дешевеньких аналогий, люди, которым предпочтительнее высосать ход китайской революции из пальца, вместо того, чтобы ее анализировать конкретно—забывают капитальное, коренное отличие мировой ситуации 1917 года от теперешней мировой ситуации. Удивительнейшим образом прозевывают «мелочь». В 1917 году, когда рабочий класс России шел октябрьским походом, международный империализм был расколот на *два воюющих куска*, габсбургско-гогенцоллернская клика старалась перегрызть горло антантовской, антантовская платила ей тем же. Бушевала империалистическая бойня.

Теперь, когда на историческую дорогу вышли мужественные пролетарии Китая, международное положение *другое. Другое!*

Войны в империалистическом лагере *нет*. Разумеется противоречия между империалистами существуют, и они будут существовать до тех пор, пока существует империализм. Китайская революция должна и будет использовывать эти противоречия. Но важнейшая отличительная черта остается: империалисты *не воюют* друг с другом. Напротив, они пытаются сколотить *единый фронт* против революционного Китая. Если китайская революция направлена против империализма в целом, если она носит ярко выраженный антиимпериалистический характер, то империализм в целом, с другой стороны, резко агрессивен по отношению к китайской революции.

В 1917 году империалисты воевали *друг с другом*—это *расчищало* Октябрю дорогу; в 1927 году они *сообща* выставляют пушки против Китая,—это в величайшей степени затрудняет, *загораживает* путь китайской революции, требует от китайского пролетариата небывалой выдержки и напряжения, в неслыханной мере *усложняет* борьбу для юной китайской компартии.

В 1917 году мировой империализм не занимал у нас тех хозяйственных и военно-стратегических командных высот, какие он занимает теперь в Китае, *внутри* революционного Китая, в Кантоне, в самом сердце революции—в Шанхае. «Концессий» и «сеттльментов» не было ни в Москве, ни в Питере. Но *они существуют*, и они вооружены до зубов в крупнейших городских центрах Китая. Положение Питера было куда благоприятнее положения современного Шанхая. В питерском порту стоял красный крейсер «Аврора», его пушки были направлены на врагов революции,—а ведь в шанхайском рейде снуют дредноуты империалистических палачей. И после этого находятся еще люди, которые тщатся «об'яснять» китайскую революцию ребяческими схемами! Поменьше бы таких «об'яснителей», поменьше бы таких советчиков!

Положение китайских товарищей труднее еще и тем, что китайская компартия еще молода, не имеет того боевого опыта какой был накоплен нашей большевистской партией к 1917 году. У китайской революции нет и своего *Ленина*.

Но из различия социально-классовой обстановки, из различия международной ситуации, из различной степени зрелости российского пролетариата (1917) и китайского (1927) неизбежно вытекает и *разница в темпе* развития обеих революций. Только совершенно исключительное сочетание благоприятных условий об'ясняет тот изумительно быстрый темп революционного процесса, свидетелями которого мы были в 1917 г. в России: в феврале над Россией парила двухглавая хищная птица, а в октябре засияла советская звезда.

В Китае революционный процесс идет неизбежно более медленным темпом. Процесс этот неизбежно проходит там мучительнее, осложнения происходят гораздо чаще. Неизбежны частичные поражения, неизбежны перегруппировки революционных рядов. Кривая революционного развития Китая неизбежно более извилиста, чем она была у нас. Только в смене отливов и приливов, только мобилизовав под знамя революции огромнейшие пласты народа, ведя за собой миллионы крестьян, городской бедноты, проходя через горнило временных поражений, временно отступая и с новыми силами идя в бой, используя существующие в рядах врага противоречия, непрерывно закаляя в огне классовой борьбы свой революц. опыт, придет к победе рабочий класс Китая.

Трудно представить степень напряжения противоречий между интересами масс и интересами империализма, степень той остроты их взаимоотношений, какие имеются в современном Китае. Именно поэтому так огромен, несмотря на все трудности, заряд революционной энергии в китайских массах, пролетарских и крестьянских. Именно поэтому китайская революция идет и пойдет вперед, несмотря на шанхайское и кантонское поражения, несмотря на измену Чан-Кай-Ши и К°. Массы *левеют* и сплачиваются вокруг пролетариата, киткомпартия растет и *будет расти*.

* * *

Определяя восходящую кривую революционного движения в Китае, VII расширенный Пленум ИККИ формулировал следующим образом последовательные стадии революции:

«Последовательные стадии развития революционного движения в Китае характеризуются серьезными перегруппировками общественных сил. На первом этапе одной из важнейших движущих сил была национальная буржуазия и буржуазная интеллигенция, искавшие опоры в рядах пролетариата и мелкой буржуазии.

На втором этапе характер движения меняется, и его социальная база передвигается в сторону другой классовой группировки. Развиваются новые более революционные формы борьбы. На арене Китая в качестве первоклассного политического фактора появляется рабочий класс.

Экономические стачки перерастают в политическую борьбу с империализмом и приобретают исключительно-важное, всемирно-историческое значение. Пролетариат образует блок с крестьянством, активно выступающим на борьбу за свои интересы, с мелкой городской буржуазией и частью капиталистической буржуазии. Это сочетание сил нашло свое политическое выражение в соответствующей группировке в партии ГМД и кантонском правительстве. В настоящий момент движение находится на пороге к третьей стадии, накануне новой перегруппировки классов. На этой стадии развития основной силой движения является блок еще более революционного характера—блок пролетариата, крестьянства и городской мелкой буржуазии, при *устранении* большей части крупной капиталистической буржуазии... Гегемоном движения на этой стадии все более и более становится пролетариат»...

Такова общая установка Коминтерна по «китайскому вопросу», таково понимание им направления революционного процесса.

Мы видим, что Коминтерн предсказывал *неизбежность дифференцировки* единого национального антиимпериалистического движения, обострение классовой борьбы и отход и прямое *устранение* буржуазии от революции.

Коминтерн со всей силой и ясностью, не оставляющими никаких сомнений, выдвинул идею *гегемонии пролетариата* в революционной борьбе. Только люди, пребывающие в состоянии блаженного «неведения», либо склонные из паники удариться в сплетню, могут приписывать Коминтерну иллюзию нерушимого блока с буржуазией, чуть ли даже не «замазывание» классовой борьбы в Китае. Только те, кто жаждет на кликушестве наскрести политический капиталец, могут недостойно *клеветать* на Коминтерн и заявлять, что, вот-де теперь, в результате последних событий в Китае (Шанхай, Кантон) Коминтерну придется «пересматривать» свою линию. Линия Коминтерна была *правильной*, правильной *целиком и полностью*; линия Коминтерна была, есть и остается *единственно революционной*.

Коминтерн дал верную установку линии по китайскому вопросу. Он впервые совершенно точно определил сущность китайской революции, определил возможные пути развития Китая (кемалистский и социалистический варианты). Он предвосхитил и черным по белому об этом написал. Он решительно отчеканил свою ставку на *гегемонию* китайского рабочего класса.

Принципиальные общие решения Коминтерна были приняты еще в декабре прошлого года. С тех пор китайская революция вступила в третью стадию (как ее называет резолюция пленума ИККИ).

Коминтерн в полном контакте с китайской компартией давал следующую конкретную установку работы китайских коммунистов. Вот некоторые из директив Коминтерна китайским товарищам:

1) Нужно не затушевывать, не тормозить, а, наоборот, развязывать революционную классовую борьбу.

2) Нужно максимально развертывать рабочее движение в целом.

3) Не только не ставить рогатки стачечному движению, но его всячески расширять и углублять, придавать ему *организованный* характер, переводить его на *политические* рельсы.

4) Держать курс на гегемонию пролетариата в наиболее широкой массовой организации Китая—в Гоминдане.

5) Систематически оттеснять правые буржуазные элементы из Гоминдана, ориентируясь на их вытеснение.

6) Вести критику и разоблачать политику правых лидеров Гоминдана и правых членов нацправительства. Китайская компартия, выступавшая против политики Чан-Кай-Ши, была Коминтерном поддержана целиком.

7) Вести линию не на выход киткомпартии из Гоминдана, а на его завоевание.

8) Вести политику глубоких аграрных реформ, действительно освобождающих китайское крестьянство от гнета, от феодально-ростовщической кабалы.

9) Вооружение рабочих и создание местных органов крестьянской самообороны.

10) Повсюду и везде, во всех массовых организациях трудящихся *мобилизовывать массы* под знамена компартии, демонстрировать линию компартии, развивать ее программу.

11) Не поддаваться на провокацию империалистов и перебежчиков к ним, стараться не принимать вооруженного боя тогда, когда это выгодно врагу, а пролетариату невыгодно.

Такова линия Коммунистического Интернационала, таковы руководящие указания штаба мировой революции. Похоже ли это хоть в отдаленной степени на то, что Коминтерну присочиняют, не давая себе труда поразмыслить над *документами*, коридорные кликуши, те, которые прикидываются «советчиками», а на деле являются *дезорганизаторами* работы Коминтерна?

События, развернувшиеся в Китае за последние два—три месяца, целиком подтвердили ориентировку Коминтерна, его прогнозы, выявили сигнализированные им опасности.

Как раз за последние месяцы интенсивно проходило размежевание сил революции, перегруппировка социально-классовых сил. Резко обострилась борьба с империализмом. Но одновременно резко обострилась внутренняя борьба в рамках национально-революционного фронта. Правые элементы последнего, правая часть нац. пр-ва, верхушка генералитета во главе с Чан-Кай-Ши, право-гоминдановские лидеры, напуганные размахом массового революционного движения, с одной стороны, и подстрекаемые «*близостью*» империалистов, с другой,—стали шарахаться прочь от революции и за кулисами зондировать почву для возможного блока, соглашения с империализмом.

Между так наз. «нанчанской» и «уханской» группой произошел характерный конфликт по вопросу о столице. «Нанчанцы»—правые—требовали, чтобы местопребыванием национального правительства был *Нанчан*, в котором находился военный штаб Чан-Кай-Ши. Нанчанцы хотели, чтобы нац. пр. попало в «сферу влияния» чанкайшистского генералитета. «Уханцы»—левые—и большинство ГМД настаивали на месте пребывания правительства в Ухане—Ханькоу, где работа правительства могла бы протекать в контакте с массами и быть под контролем рабочих. Разногласия внутри Гоминдана обострились. Они отчетливо выплыли наружу во время последнего, мартовского, пленума ЦК партии Гоминдана. Левые элементы ГМД, поддержанные большинством пленума выступили против «феодальных замашек» Чан-Кай-Ши, против его диктаторских поползновений, против его «игры в Наполеона». В то же время массы городских рабочих и даже крестьянские конференции стали выносить резолюции протеста против политики Чан-Кай-Ши и требовать его отстранения. На пленуме Гоминдана правые потерпели поражение, Чан-Кай-Ши счел вынужденным пуститься на маневры. Он заявил о своей верности принципам сун-ят-сенизма и революции, он обязался подчиняться всем директивам партии и партийной дисциплине. Он был лишен Гоминданом функций политического руководства в армии. Генерал Чан-Кай-Ши сманеврировал, на время отступил. Но только на время. Он стал вербовать себе сторонников, нащупывал блок с империалистами. Таким образом он подготовлял контрреволюционный переворот. В первых числах апреля ситуация сложилась в пользу Чан-Кай-Ши. Она была благоприятной для его предательства не в том смысле, что Чан-Кай-Ши собрал вокруг себя массы; напротив, в сознании масс подмоченный уже раньше «авторитет» Чан-Кай-Ши стал меркнуть с каждой неделей. Чан-Кай-Ши нужен был для революции, пока он делал революционное дело, ведя национальные войска в бой против реакционных милитаристов. Но с тех пор, как карательные военно-морские отряды империалистов стали концентрироваться в Шанхае, будущий Кавеньяк стал все явственнее вести себя, как «сума переметная». Именно наличие империалистической эскадры в порту Шанхая, первоклассно технически вооруженных военных сил империализма *решило* в пользу Чан-Кай-Ши. Договорившись с иностранными консульствами, имея за спиной империалистические дредноуты, агенту Чан-Кай-Ши—Бай-Цзун-Ши—нетрудно было «пустить кровь» шанхайским рабочим. Маленькая провокация, маленькая перестрелка—и повод

для палаческой расправы готов. Вай-Цзун-Ши арестовывает рабочих вождей, громит профсоюзные организации, разоружает красную гвардию Шанхая, подло расстреливает безоружную пролетарскую демонстрацию протеста. А за шанхайской расправой следует расправа в Кантоне.

Шанхайские и кантонские поражения китайского пролетариата проводят глубокую *межу* в истории освободительного движения Китая. Они знаменуют глубокую *смену ситуации* на социально-политической поверхности Китая. Шанхаем и Кантоном в драматической кризисной форме завершен отход китайской буржуазии от революции. Иуда Чан-Кай-Ши, лобызаемый чемберленовскими псарями в Шанхае, это символ того, что китайская буржуазия открыто подала руку империализму. Генерал *Чан-Кай-Ши*—перебежчик и предатель; он—*знамя национальной контрреволюции*. Китайская буржуазия ушла от революции. Мало этого, она террором и расстрелами пытается «уйти» самое китайскую революцию. Теперь поступательное развитие революции в Китае возможно только на социальной базе рабоче-крестьянского блока. *К массам*, как можно теснее к массам!—таков должен быть ответ китайских революционеров, китайских коммунистов на чанкайшистские оргии в Шанхае. Все видимые материальные силы, как будто, на стороне контрреволюции и империализма. Но на стороне революции еще остается, еще далеко не исчерпана самая могучая «материальная сила», *сила масс*, масс, разбуженных от тысячелетней спячки, масс, неудержимо левеющих и под влиянием агитации красных рабочих, и с неменьшей силой агитируемых *за* революцию англо-американскими пушками, подлостью и трусостью национальной буржуазии, изменой господ Чан-Кай-Ши. Не нужно забывать и о других козырях китайской революции: о симпатиях ей и поддержке ее растущим пролетарским СССР и о борьбе с империализмом, которую поведут его «собственные» рабочие.

Мы знаем теперь, какова линия Коминтерна в китайском вопросе. Мы знаем, как определял Коминтерн характер китайской революции, какие прогнозы он видал, какую систему стратегических и тактических приемов он предлагал китайским товарищам. Линия Коминтерна и линия китайской компартии ясна и определенна. Нуждается ли эта линия в пересмотре *теперь?* Не требуется ли ее, в результате последних событий в Китае так или иначе «ревизнуть»? Не говорят ли эти события, что тактическая линия Коммунистического Интернационала была «ошибочкой»? Такие вопросы непрочь «ехидно» поставить кое-кто из «всеведущих» в своем политическом одиночестве наших оппозиторов. И если среди членов нашей партии найдется хоть несколько сот *добросовестных заблужденцев*, которых смущают разносчики оппозиционного «ленинизма», мы должны на примере

разбора оппозиционной путаницы *раз'яснить* их «добросовестные заблуждения».

Оппозиция с большей или меньшей дозой откровенности предлагает «поправить дело» *выходом* китайских коммунистов из *Гоминдана*. О необходимости выхода из Гоминдана оппозиционные «китаеведы» поговаривали уже давно.

Выйти коммунистам из Гоминдана—это значит добровольно лишить себя участия в *наиболее широкой массовой организации* революционного Китая. Выйти из Гоминдана значит «самоустраняться» от организационной связи с живущими сознательной политической жизнью и примыкающими к Гоминдану китайскими рабочими и крестьянами. Выходить из Гоминдана значит вести линию на *изоляцию* китайской компартии *от масс*, вместо того, чтобы вести курс на *завоевание масс*. Выходить из Гоминдана значит на деле отдать Гоминдан его правым элементам, значит преглупеньким образом добровольно предоставить синее знамя Гоминдана гг. Чан-Кай-Ши и присным. Правильность курса на завоевание оправдывается уже теперь эмпирическим ходом событий. Чан-Кай-Ши пытается сейчас создать фиктивный «свой», нанкинский Гоминдан для того, чтобы одурачить массы, в глазах которых авторитет Гоминдана огромен. Главарь национальной контрреволюции пытается напялить *фальшивую бороду*, маскироваться под Гоминдан! Ему едва ли это нужно было бы, если б киткомпартия сама ему облегчила работу своим выходом из Гоминдана. Теперь Чан-Кай-Ши имеет ханькоусский, настоящий Гоминдан *против* себя; при тактике «выхожденцев», он имел бы Гоминдан на своей стороне. Одним из серьезнейших критериев правильности избранной революционной партией тактики служит суждение о ней врагов. И вот замечательно, что вся *империалистическая пресса* единодушно сходится на необходимости выхода или «вывода» коммунистов из Гоминдана. Лютый враг китайской революции «тоже» за выход компартии из Гоминдана, потому что он сознательно ставит ставку на *изоляцию* коммунистов. Оппозиция, видите ли, пророчески предвидя измену Чан-Кай-Ши, как раз и предлагала китайской компартии выйти из Гоминдана. И вот, какой пассаж! В письме к одному из армейских командиров, Чан-Кай-Ши заявляет, что ему *симпатична оппозиция в ВКП(б) за то, что предлагает правильную тактику китайским коммунистам!* [1]). Не слишком ли это крепкий табак? Получить одобрение от вождя китай-

[1]) Вот заявление его (Чан-Кай-Ши) командиру 6-го корпуса Чен-Чиму «*Я вовсе не против русских коммунистов, я только против правого крыла ВКП, во главе которого стоит Сталин, но я знаю, что в ВКП имеется и левое крыло, возглавляемое Троцким и Зиновьевым. С ними я готов сотрудничать*, так как левое за полную поддержку национальной революции в Китае *и за выход коммунистов из Гоминдана*, в то время, как правое, хотя также за поддержку национальной революции, но против выхода коммунистов из Гоминдана».

ской контрреволюции за предложение коммунистам выхода из Гоминдана!

В тесной связи с лозунгом «выхода» стоит лозунг захвата власти советами в Китае. Механическое копирование нашего периода от «Февраля к Октябрю» сказывается здесь особенно ярко.

Между тем бросать лозунг власти советов в Китае, *сейчас* значит не отдавать себе полного отчета в том, что советы должны стать *органами восстания против Гоминдана*. Лозунг советов *теперь* означал бы выступление против *революционного* Гоминдана, выступление против *Ухана*, против *левых гоминдановцев*. А между тем Ухан теперь является базой *нашей* борьбы против чанкайшистской клики. Выступать против Ухана значит на деле «*помогать*» Чан-Кай-Ши.

Лозунг выхода из Гоминдана, лозунг немедленного создания советов в Китае, увязывается *с тактикой восстания* теперь, и в частности во время последних шанхайских событий. А «с восстанием *шутить нельзя*»,—учил Ленин. Если восставать—нужно смело и решительно. Но восстание может иметь успех—гласит учение ленинизма о восстании—лишь *при определенных условиях*. Итти на восстание нужно тогда, когда лагерь противника максимально дезорганизован, когда противник особенно слаб. Этого мы *не имели* в Шанхае, где, наоборот, противник усилился блоком с могущественным союзником—империализмом. Итти на восстание можно тогда, когда массы подготовлены, мобилизованы, организованы, а этого *нет* еще в достаточной степени в Китае. Итти на восстание нужно тогда, когда «кризис назрел». Тактика восстания во что бы то ни стало есть неленинская тактика, это есть тактика *ультра-левого путчизма*.

Советы, или своеобразные массовые организации, аналогичные нашим советам, могут быть созданы и будут созданы в результате победоносного развития массового революционного движения. Но они будут созданы в свое время и в своей оригинальной форме. Советы могут быть *результатом* развития массового революционного движения, но не массовое движение может быть «создано» механическим выбрасыванием лозунга советов. Бросать лозунг создания власти советов в Китае сейчас, пока еще реальных советов нет в Китае, выходить для этого из Гоминдана, бежать прочь от реально существующих массовых организаций, означало бы для китайской компартии путь *сектантского вырождения*, потерю влияния в массах, а для китайского пролетариата это было бы равносильно утрате возможной гегемонии в революционном движении.

Этого ли могут желать сознательные рабочие и революционеры, большевики-ленинцы всех стран? Нет, они хотят не поражения, а *победы* китайской революции. Именно поэтому они горой стоят за линию Коминтерна. И пусть ревизионисты Коминтерна останутся «при себе».

А. С.

К характеристике идеологии современной социал-демократии.

(*Статья вторая*).

Курс на государственный капитализм и «поправка» на хозяйственную демократию.

Отказ от перспективы социалистической революции обязывает идеологов социал-демократии дать другую перспективу.

Средней линии при этом не дано: отрицая необходимость и неизбежность *социалистической* революции, социал-демократы неотвратимо вступают на путь содействия дальнейшему *капиталистическому* развитию.

В самой общей форме лозунг дан Каутским. Полемизируя с революционными марксистами, Каутский останавливается перед альтернативой [1]):

«Или социализм везде немедленно возможен и лишь от нашего желания, нашего твердого решения или хитрости зависит его осуществление, или же—так как человек с здравым смыслом едва ли будет это утверждать—там, где социализм неосуществим немедленно, социалистам ничего другого не остается, как лечь спать».

И находит *третий* путь. Он отклоняет перспективу социалистической революции; вместе с тем он считает «неудобной» для социал-демократов и вторую перспективу—«ложиться спать».

«Социалисты должны,—заключает К. Каутский,—сделать капитализм немного менее неприятным» [2]).

Нельзя придумать лозунга более характерного для социал-демократической политики.

При честном решении вопроса Каутский должен был бы признать, что «ложиться спать» все же более «порядочно», чем «делать капитализм немного менее неприятным».

Ибо в *первом* случае мы имели бы—с революционно-пролетарской точки зрения—*дезертирство*, *во втором* же случае налицо—*прямая измена, прямой переход на сторону классового противника*.

Но Каутские—не стеснительны. У них хватает бесстыдства рекламировать себя как пролетарских революционеров и вместе с тем почитать своей основной заботой, высшим принципом своей деятельности «причесывание» капитализма, привлечение пролетариата на сторону капитализма.

---

[1]) «Phasen und Zeitschriften des Marxismus» von Karl Kautsky. «Die Gesellschaft», 1924, № 1, стр. 23.

[2]) Там же, стр. 24.

Социал-демократы полагают, что время работает на капитализм, что, с их помощью, капитализм сегодняшнего дня более приемлем, чем капитализм вчерашний, что уже теперь капитализм находится в стадии перехода к «организованному» капитализму, в рамках которого, по мнению Гильфердинга, вместе с ростом организованности, улучшается и положение пролетариата [1]).

Но что представляет собой конкретно «организованный» капитализм, перспективы которого рисуют социал-демократы?

В резкой, отчетливой форме ответ на этот вопрос дается в популярном социал-демократическом учебнике, на котором мы уже останавливали внимание читателя [2]):

«Но в период своего упадка капиталистическое хозяйство, не ограничиваясь акционерными обществами, картелями и трестами, *дает начало росткам новой, социалистической формы: государственному капитализму, который с одинаковым правом можно назвать государственным социализмом*».

«Работа чистая»—не правда ли? Социал-демократ *против социалистической революции*, без совершения которой невозможно строительство социализма. Социал-демократ высказывается поэтому за *государственный капитализм* и об'являет, что этот «государственный *капитализм*» «с одинаковым правом» можно называть и «государственным *социализмом*». Логика-то, логика-то прямо «железная»: «государственный = государственному», значит «капитализм = социализму».

«Капитализм = социализму»—разве это не сочно, разве можно желать большей определенности и законченности социал-демократического взгляда на «вещи»?

Карл Каутский, в своих комментариях к гейдельбергской программе социал-демократии [3]) стыдливо прикрывает идеологию государственного капитализма, но, по сути дела, обеими ногами стоит на почве этой идеологии.

«Маркс и Энгельс,—пишет он,—поэтому постоянно отказывались рассматривать огосударствление средств производства в такой стране, как социализацию или обобществление. Этот род огосударствления, напротив, представляет собою вид *государственного капитализма*—самой тяжелой и мучительной формы капитализма, так как она об'единяет силы частного капитала с силами государства.

Огосударствление является с точки зрения социал-демократии социалистическим лишь *во вполне демократическом государстве* с сильным пролетариатом, самостоятельным в идейном и организационном отношении».

Это положение Каутского интересно не столько с практической, сколько с теоретической стороны.

Практически, конечно, социал-демократы не способны провести никакого огосударствления средств производства (они сие уже доказали).

[1]) См. «Problem der Zeit» von R. Hilferding. «Die Gesellschaft», 1924, № 1.

[2]) «Die Theorie des modernen Sozialismus», von Rudolf Abraham, Berlin, 1923, стр. 117.

[3]) См. «Das Heidelberger Programm». Grundsätze und Forderungen der Sozialdemokratie. Verlag Dietz, Berlin, 1925, стр. 20.

Теоретически же идея огосударствления средств производства в условиях буржуазной демократии (= капиталистического государства) есть ярчайшее выражение государственно-капиталистической тенденции.

Такое огосударствление означает, что производство, ведущееся на *капиталистических* принципах, переходит в руки классово-*буржуазного* государства, в каких бы распродемократических одеждах последнее ни выступало.

При этом не надо забывать, что социал-демократические «прожектёры» мыслили и мыслят огосударствление производства только на основе «справедливого вознаграждения», выплачиваемого государством (об этом Каутский говорит в своих комментариях к гейдельбергской программе совершенно недвусмысленно), из чего следует, что «львиная доля» прибыли огосударствленных предприятий должна была бы уходить на «возмещение убытков» капиталистов, вновь аккумулирующих громадные капиталы и использующих свою экономическую силу для руководства государственной политикой.

«*Организованный*» *капитализм* Гильфердинга равен «*государственному*» *капитализму* Каутского, хотя Каутский и не хочет прямо признать, как некоторые его сотоварищи по партии, что государственный социализм = государственному капитализму.

Однако, если эта программа государственно-капиталистической реформы свидетельствует о том, что *теоретически* социал-демократы выражают устремления *предельной* капиталистической формации (вполне мыслимой *теоретически*), то практика социал-демократов, как мы уже отметили, доказывает, что они не в состоянии осуществить и эту программу.

Она для них слишком радикальна; проведению ее мешает воспитанное десятилетиями пресмыкательство перед капиталистами, в среде которых на данной стадии развития господствует отрицательное отношение к идее огосударствления средств производства, хотя бы и за «справедливое вознаграждение».

Разве весь план «социализации», о котором поговаривали пришедшие одно время к власти социал-демократы, не являлся, с теоретической точки зрения, прежде всего, планом государственно-капиталистической реорганизации современного капитализма?

И разве вся эта словесная «социализация» не обанкротилась самым постыдным образом?

Социал-демократы обещали, что добившись политической демократии и определяющего влияния на государственную политику, они проведут свой план «социализации», хотя и не «одним ударом».

Историческая проверка поставила крест на всех планах социализации: мыши грызут теперь большие тома с проектами, расчетами, выкладками о «социализации».

Но если обанкротился план «социализации», т.-е. широкой государственно-капиталистической реорганизации производства,— то не пора ли поставить вопрос попрактичнее? Не пора ли перейти к более мелким и легким задачам, к «малым делам»? Не пора ли понемножку помогать развиваться тем элементам государственного капитализма, которые имеются в современном буржуазном хозяйстве,—и при этом для ясности отбросить ту-

манную фразеологию о «социализации», «государственном *социализме»* и пр.?

Такая «ультра-реалистическая» постановка вопроса все чаще проскальзывает в речах и статьях социал-демократических «дельцов». Примером подобного подхода к вопросу может послужить статья социал-демократа Ф. Бааде в органе социал-демократического профсоюзного центрального комитета «Die Arbeit» [1]).

Автор намечает, прежде всего, перспективу развития:

> «Государство превратилось в первостепенную экономическую силу. Благодаря концентрации денежных средств путем организации финансового управления и налогового законодательства государство вместе со своими финансовыми учреждениями стало важнейшим источником кредита в народном хозяйстве. Кроме того, все больше начало укореняться обыкновение обращаться к государству за помощью и просить его о вмешательстве во всех случаях, когда частное хозяйство неспособно собственными силами выйти из затруднительного положения. Таким образом, благодаря смешанно-экономическому участию государства ($^4/_5$ электро-энергетического хозяйства уже находятся сейчас в руках государства, отдельных германских республик и государственных учреждений), благодаря кредитной деятельности государственных финансовых учреждений и многоразличной совершенно не поддающейся учету деятельности государства в области оздоровления и субсидирования, выработалась экономическая система, которую наиболее метким образом можно назвать государственным капитализмом».

«Организованный» капитализм Гильфердинга расшифровывается здесь как «Staatskapitalismus» («государственный капитализм»). Прогрессивность — и только прогрессивность — этого «Staatskapitalismus'a» вне сомнений.

> «С социалистической точки зрения этот государственный капитализм является, без сомнения, шагом вперед по сравнению с частным капитализмом».

Каким же должно быть отношение социал-демократов к «Staatskapitalismus'у»? Должны ли они, отказавшись от революционной борьбы с капитализмом, занять позицию «дружественного нейтралитета»?

Нет, этого мало: надо *принять участие в строительстве государственного капитализма.*

> «Необходимо решительно отказаться от представления,— пишет Бааде,—будто капиталистическое хозяйство само собственными силами доведет свой процесс концентрации до полной зрелости и будто социализм в течение всей этой стадии развития может оставаться в оппозиции с тем, чтобы позже, когда эта концентрация завершится, «перенять» окончательно организованное хозяйство».

Идейное созвучие с Каутским—полное; нельзя отказать автору и в логике, хотя эта логика и является логикой социал-предательства.

---

[1]) См. «Zukunftaufgaben sozialistischer Wirtschaftspolitik» von Fritz Baade «Die Arbeit», 1926, № 1.

Социалистическая революция—исключена; «сидеть, сложа руки»—тоже не годится; надо «делать капитализм немного менее неприятным»; надо принять участие в строительстве государственного капитализма, памятуя о том, что «*jede* Weiterentwicklung des Kapitalismus einen Schritt zum Sozialismus darstellt» («всякое дальнейшее развитие капитализма означает шаг к социализму»).

«Само собою разумеется», что, работая над укреплением государственного капитализма, социал-демократы «подготовляют» социализм. Надо только «хорошо работать»:

> «На длительный период всякая организация и всякое движение, подобно отдельному лицу, может сохранить ровно столько силы, сколько она завоевала, благодаря своему знанию дела и своей ответственной работе».

Оппортунистические «дельцы» преклоняются перед проявлениями государственного капитализма; они считают государственный капитализм силой, способной преодолеть «частный» капитализм, основанный на конкуренции, они воспевают «организованный» капитализм.

Но при этом они помалкивают о ряде весьма важных вещей, о которых не может молчать истинный представитель пролетариата.

Неверно, будто бы рост государственного капитализма, т.-е. финансового капитализма, регулируемого и организуемого буржуазным государством, означает *принципиальное* отрицание существующего доселе капитализма.

Усиление тенденций государственно-капиталистического порядка свидетельствует о *дальнейшем развитии* финансового капитализма, о *перерастании* последнего в высшую фазу (хотя и в противоречивых формах), а не о *принципиальной* борьбе двух социально-экономических систем.

Этого не следует забывать, в частности, при анализе *монополистических тенденций* современного капитализма.

Государственный капитализм развивает монополистические тенденции финансового капитализма *до предела*; он означает безраздельное, монопольное господство государственно-организованного капитализма в национальном масштабе и в экономически зависимой периферии.

Но такое *концентрированное выражение монопольности имеет своей оборотной стороной обострение процессов «монополистического загнивания».*

Политика высоких цен и грабежа потребителя есть проявление этого «загнивания». В этом свете очень знаменателен тот факт, что, несмотря на затруднения в рынках сбыта, современные капиталисты продают товары *по ценам, значительно повышенным* (на несколько десятков процентов) по сравнению с довоенными ценами.

Государственно-капиталистический монополизм, усиливающий власть капитала над рынком, способен лишь обострить этот процесс «монополистического загнивания».

А, ведь, это, в первую очередь, бьет по рабочему классу и ухудшает экономическое положение всех трудящихся.

Обострение монополистического загнивания является, таким образом, *первым* спутником развития государственного капитализма.

Во-вторых, усиление государственно-капиталистических тенденций означает усиление империалистических военно-агрессивных тенденций капитализма.

Ибо *консолидация* капитала в сфере господства *данного* государственно-капиталистического образования имеет оборотной стороной *усиление* его *противоречий с другими государственно-капиталистическими образованиями*, обострение *борьбы за колониальные рынки сбыта, сырья и места приложения капитала*.

В-третьих, государственный капитализм означает «сращение» капиталистического государства и финансового капитализма, т.-е. консолидацию сил капитализма, превращение государства в *неприкрытый, непосредственный* «комитет банкиров». А это, в свою очередь, означает *усиление* капитализма и *вовне* (в его империалистической политике) и *внутри* (в его борьбе *против рабочего класса*).

Мы оставляем здесь в стороне вопрос о тех *реальных* перспективах, которые имеют перед собою тенденции государственно-капиталистического развития.

Несомненно, что *пока* этим тенденциям противостоят более мощные контртенденции. Но пролетариат должен со всей ясностью осознать, что развитие государственного капитализма, за который ратуют социал-демократические оруженосцы империализма, означает: *дальнейшее обнищание масс, ускорение новых империалистических войн, усиление позиций капитализма в борьбе против пролетариата.*

На *эту* перспективу держат курс социал-демократы.

* * *

Но перспектива государственного капитализма—как ни верти! —есть все же перспектива *капитализма*. Убеждать массы в своей преданности социализму пропагандой государственного *капитализма*—и только—«социалистам» не улыбается. Необходим же какой-нибудь социалистический «привесок»!

Этим «привеском» был план «социализации».

Но это план был дискредитирован самими социал-демократами.

Историческая проверка подвела баланс не в пользу социал-демократов.

Рабочий класс России, руководимый *большевиками*, провел в СССР национализацию решающих средств производства в условиях диктатуры пролетариата и тем *обеспечил социалистическое строительство.*

Социал-демократы Германии добились определяющего влияния на «демократическое» государство, пользуясь которым они считали возможным «социализировать» производство—и *потерпели крах.*

Таковы выразительные итоги этой жизненной проверки.

Но если не вывезло к социализму «всеобщее, прямое, равное и тайное», приведшее на время социал-демократов к власти, то тем самым рвалась в решающем звене цепь программных положений социал-демократии.

Прикрываясь отговорками («времени не хватило», «в следующий раз выйдет»), идеологи социал-демократии стали искать новой идейной опоры. Такой опорой явилась идеология «хозяйственной демократии». Один из виднейших, «экономистски» настроенных, представителей хозяйственно-демократической идеологии, Karl Zwing, редактор журнала «Gewerkschaftsarchiv», прямо указывает на связь между провалом «социализации» и появлением теории хозяйственной демократии.

> «Все возникшие в Германии планы социализации, плановое руководство хозяйством и ряд других экономических идей,—пишет К. Цвинг [1]),—не вышли из самых первых стадий своего развития и—что самое печальное—они не получили дальнейшего теоретического развития, не были приведены в систему ни своими идейными творцами, ни кем-либо другим».

В другом месте Цвинг с большой решительностью делает из этого вывод:

> «Рабочий класс, однако, скоро обнаружил, что формальная политическая демократия ему весьма немного дала и что крупнейшие общественные силы находятся в области экономики. Начался период планов социализации, но каждая попытка их осуществления кончалась неудачей... Далее выяснилось, что невозможно одной политикой демократизировать хозяйство» [2]).

Опыт пролетарской революции в России доказал, что диктатура пролетариата («политика») является решающим орудием переворота в экономических отношениях. Универсальный «экономизм» Цвинга, таким образом, является—с точки зрения исторического опыта—абсолютно неправильным.

Но Цвинг, несомненно, прав в том отношении, что социал-демократическое правительство в Германии, пробравшееся к власти на основе буржуазной демократии, оказалось не в состоянии принципиально изменить производственные отношения. Исходя из этих положений, Карл Цвинг заключает:

> «Путем применения политических средств рабочий класс, правда, может сделать восстание, но никак не провести *необходимую социальную революцию*. Рабочий класс должен взять на себя труд по исканию *новых путей*, по которым ему придется пойти» [3]).

Банкротство идеи политической демократии, как формы, обеспечивающей движение к социализму, выражено в этих строках социал-демократического журналиста так сильно, что это встревожило «авгуров».

На страницах «Gesellschaft'a» Цвингу было указано, что его безверие в политическую демократию пришло в чересчур явное противоречие с социал-демократическим символом веры [4]).

Выражающие официальную и признанную в партии точку зрения идеологи «хозяйственной демократии» стремятся сочетать государственный капитализм с «хозяйственной демократией» и, по сути дела, подчинить последнюю первому.

---

[1]) Karl Zwing—«Soziologie der Gewerkschaftsbewegung». Erster Teil: «Gewerkschaften und Wirtschaft». Jena, 1925, Seite 20.

[2]) Там же, стр. 47.

[3]) Там же, стр. 22.

[4]) «Gewerkschaften und Wirtschaft» v. Richard Seidel, «Gesellschaft», 1925, № 3.

Теодор Лейпарт [1]), вслед за Легином, подчеркивает, что производственная деятельность профсоюзов служит интересам *«народного целого, т.-е. государства»*.

Лотар Эрдман [2]), рассматривающий профсоюзы как «органы капиталистического хозяйства», подчеркивает, что профсоюзы должны помочь совершить «переход от бессознательного (индивидуалистического) капитализма к сознательному (созидающему общественное хозяйство)».

Одним из основных признаков этого перехода Эрдманн считает усиление хозяйственной роли *государства* («die Erweiterung der wirtschaftlichen Tätigkeit des Staates») и *сотрудничество капиталистов и рабочих в руководстве производством* («хозяйственная демократия»).

Захромавшая социал-демократия с радостью приняла тот костыль, который ей подсунули идеологи профсоюзного реформизма и который носит наименование «хозяйственной демократии».

В своем докладе о программе социал-демократической партии на Гейдельбергском партейтаге (1925 год), Гильфердинг заявил:

> «После революции рабочий класс во всех странах, где в его руки перешла власть полностью или в значительной мере, оказался временно лицом к лицу с вопросом об осуществлении социализма...
>
> Сначала нам пришлось расстаться, и мы действительно расстались с тем старым представлением о государственном социализме, с которым многие из нас тогда считались. Мы в первую очередь осознали, что процесс *социализации осуществим лишь в том случае, если он одновременно является процессом экономической демократизации.* Самым резким образом отказавшись от мнения, будто государственная бюрократия способна руководить хозяйством, мы пришли к убеждению, что руководство народным хозяйством должно быть делом самих производителей. Но интересы производителей, являясь партикуляристскими, не должны быть единственно решающими, и должен быть создан противовес в контроле потребителей и общества—социалистического общества — в последней стадии, представителя государства—в переходный период. *Таким образом мы пришли к той конструкции общественного организма, который должен заменить крупные концентрированные капиталистические отрасли производства*, в особенности в области добывания сырых материалов, силовой энергии и проч., *и который должен вестись представителями производителей*, потребителей и демократического государства» [3]).

«Социализация» *государственно-капиталистического типа* провалилась; выступать перед рабочими массами со скомпрометированной теорией социал-демократы не хотят; они утверждают поэтому, что если помножить «Staatssozialismus» (госуд. социализм), расшифрованный теперь как «Staatskapitalismus» (госуд. капитализм), на «хозяйственную демократию»,—то перспектива движения к социализму дана.

[1]) «Gewerkschaften und Volk» von Theodor Leipart, «Die Arbeit», 1926, № 1.

[2]) «Zum Problem der Arbeitsgemeinschaft» von Lothar Erdmann, «Die Arbeit», 1926, № 6.

[3]) «Sozialdemokratischer Parteitag 1925 in Heidelberg. Protokoll». Verlag Dietz, 1925, стр. 273.

Социализм—согласно этой теории—«течет» по двум основным руслам: «сверху», от государства, все решительнее вступающего на путь контроля и организации производства, и «снизу»—по руслу «хозяйственной демократии», завоевываемой профсоюзами.

Сочетание усилий в области политической и хозяйственной демократии—должно обеспечить торжество социализма.

На потрепанный ревизионистский «государственный социализм» (=государственный капитализм) наложена «хозяйственно-демократическая» заплатка.

Увы! Это положения не спасает!

* * *

Хозяйственная демократия означает прежде всего соучастие, на равных правах с капиталистами, в руководстве капиталистическим производством. На этом положении сходятся *все* социал-демократические идеологи хозяйственной демократии [1]), расходящиеся между собою по другим частным вопросам. При этом все они твердо стоят на той точке зрения, что борьба за «Mitbestimmungsrecht» (право соучастия) должна вестись в «законных рамках», на основе существующих законоположений.

Исходным моментом борьбы за соучастие в руководстве производством являются правовые рамки, намеченные 165 статьей государственной конституции, гласящей:

> «Рабочие и служащие призваны на равных правах с предпринимателями совместно работать над урегулированием высоты зарплаты и условий труда, равно как и над экономическим развитием производительных сил. Организации как тех, так и других, признаются, равно как и заключенные ими соглашения».

Далее конституция узаконивает «фабричные рабочие советы» допускает существование «окружных экономических советов» и «государственного экономического совета», который имеет право «предлагать социально-политические и экономическо-политические законопроекты».

> «Образование рабочих и экономических советов и определение их задач, равно как и урегулирование их отношения к другим социальным организациям самоуправления является исключительно делом государства»,—гласит последний абзац этой статьи.

Достаточно одного взгляда на эту статью, чтобы притти к выводу, что, кроме констатации существующего («фабричные рабочие советы»), и допущения совещательных «Wirtschaftsräte» (хозяйственных советов) конституция не дает ничего, оставляя за государством право трактовать компетенцию и взаимоотношения этих организаций так, как оно захочет.

И вот эта-то «социалистическая» статья конституции считается правовым обоснованием «хозяйственной демократии»!

Как обстоит дело в действительности, общеизвестно: никакого соучастия в руководстве производством нет, нет даже наме-

[1]) См., кроме уже названных Цвинга и Зейделя, ст. ст. Lothar'a Erdmann'a—«Zum Problem der Arbeitsgemeinschaft». «Die Arbeit», 1926 г., H. 5, 6, 10.

ков на подход к этому соучастию, нет даже системы хозяйственных советов, хотя бы с совещательными функциями.

Соучастия нет — и *его не может быть* даже в том случае, если бы законодательство фиксировало *конкретное* право соучастия.

Ибо решающим является тот факт, что хозяевами производства, *собственниками средств производства являются капиталисты*; ибо решающим, далее, является то обстоятельство, что *государство* является *буржуазным* и ведет экономическую, социальную и правовую политику, исходящую из буржуазных принципов; ибо *капитал* владеет *всем*, а *рабочий класс—ничем*.

В таких условиях говорить о возможности социалистического развития через «законные» «хозяйственно-демократические органы» это—гнуснейший обман пролетариата, величайшее преступление перед ним.

Что до сих пор участия профсоюзов в руководстве производством нет, этого не могут отрицать даже социал-демократы [1]). Нельзя же бесстыдно, на глазах у всех, указывая на черное, утверждать, что это—белое!

Но если его *нет*—то оно *будет*—утверждают социал-демократы. Посмотрим, на чем сие утверждение основано.

Мы знаем одну единственную теоретическую попытку социал-демократа представить пути хозяйственной демократии, попытку, которая свидетельствует о намерении автора честно продумать вопрос. Речь идет о статье проф. Пауля Хермберга «Wirtschaftsführung und Witschaftsdemocratie» [2]). Автор отмечает прежде всего, что соучастие в *хозяйственном руководстве* нельзя подменять *влиянием на хозяйственную политику государства вообще*.

> «Влияние государства на хозяйство нигде не является настолько значительным, чтобы его можно было рассматривать, как «руководство хозяйством». Всякое государство ведет экономическую политику, но ни одно государство не руководит хозяйством [3]). Если, таким образом, ограничить требование об экономической демократии и отказаться от демократического руководства хозяйством, добиваясь *равноправного участия в государственной экономической политике*, в которой можно, по крайней мере, видеть зачатки руководства хозяйством, *то это требование, по существу, будет не чем иным, как требованием политической демократии, и в парламентском государстве это требование, пред'явленное со стороны рабочих, является проявлением желания иметь большее влияние в парламенте*».

Таким образом, Пауль Хермберг «выводит» «хозяйственную демократию» за пределы обычного парламентского влияния на экономическую политику государства. Совершенно естественно, он обращает далее свой взгляд на отдельное капиталистическое предприятие и пытается представить себе развитие «хозяйственной демократии» в этом предприятии, являющемся элементом капиталистического целого. Автор совершенно резонно отмечает

[1]) См. хотя бы главу «Demokratie in Wirtschaftsführung und Produktionsprozess» в книге Карла Цвинга.

[2]) См. «Die Arbeit», 1926, Heft 3.

[3]) Автор говорит в примечании, что он отвлекается от России. Лучше пусть уж отвлекается, чем говорит заведомую неправду!

прежде всего, что нельзя забывать о *капиталистическом* характере этого производства.

> «Предприниматели не хотят удовлетворить потребности людей, участвующих в производстве, они хотят лишь иметь *избыток меновой ценности. Нельзя у них отнять эту цель, не уничтожив всей капиталистической экономической системы, ибо это есть ее основа*».

Золотые слова! Не предприятие «вообще», не хозяйство «ради народа в целом» [1]), не хозяйство, «целью и задачей которого является постоянное увеличение его дохода *для непрерывного* повышения жизненных условий народа» [2]), а предприятие, движущей пружиной которого является «лишь избыток меновой ценности». Профессор Хермберг! Прочтите на эту тему лекцию вашим «забывчивым» сотоварищам по партии! Расскажите им, что они добиваются соучастия в руководстве *капиталистическим* предприятием, движимым погоней за «избытком меновой ценности» («Tauschwertüberschuss»).

Профессор, действительно, бесстрашен. Он ставит вопрос *ребром* (а что-то скажут по этому поводу Каутские, Гильфердинги и другие герои «каучуковой» фразы?).

> «*Мыслимо ли и желательно ли соучастие* рабочих в предприятии при сохранении этой *частно-экономической цели?* Если это невозможно, то представитель рабочих *должен* в соответствии со своим органическим положением пустить в ход свое влияние, стараясь постоянно повышать зарплату за счет прибыли до тех пор, пока прибыль исчезнет совершенно... Это *давление на прибыль не должно прекращаться, пока все работающие в предприятии не станут его собственниками*. Тогда исчезнет особый характер капиталистической экономической системы. На месте предприятия будет производственная кооперация».

Право, нам становится понятным, почему круг идей автора, как указано в примечании встретил среди социал-демократов много возражений и породил много недоразумений. Вдруг рабочий всерьез примет профессорские разговоры о непримиримости противоречий между капиталистом и рабочим?

Но смелость автора пока нарастает.

> «Но как представляют себе путь к производственной кооперации? Как рабочим добиться соучастия, а затем и полного владения предприятием? *Ибо добровольно собственники вряд ли согласятся уйти*. Неужели нажим рабочих в отдельных предприятиях скорее и вернее приведет к цели, чем единодушное давление всего рабочего фронта, который будет добиваться передачи средств производства в собственность *всех трудящихся?*»

Понятливый человек этот профессор Хермберг. Он даже понял, в противоположность своим коллегам, что капиталист не отдаст своей собственности «добровольно»! Он как будто начинает

[1]) См., с каким увлечением напевает этот мотив Theodór Leipart в ст. «Gewerkschaften und Volk», «Die Arbeit», 1926, Heft 1.

[2]) См. ст. Die Rationalisierung des Arbeitsverhältnisses» von Richard Seipel. «Gesellschaft», 1925, Nummer 7.

чувствовать, что никакими разговорами о «хозяйственной демократии» нельзя прикрыть центрального, решающего вопроса об экспроприации средств производства. Он даже допускает постановку вопроса об экспроприации всего класса капиталистов, как предпосылке социалистического строительства. Но профессор только деликатно «тронул» этот вопрос. Ответа он не дает: мы, дескать, проблемы ставим, а разрешать их будут «поколения».

Предположим, допускает, профессор, что капиталистическое предприятие превратилось в «производственную кооперацию» («Productionsgenossenschaft»). (Как превратилось, господин профессор?). Что же дальше?

> «Производители не только получили бы снова право распоряжения своими средствами производства, но они, кроме того, вновь начали бы пользоваться плодами своего труда. Насколько, однако, можно было бы считать хозяйственной демократией организацию, которая в полной мере страдала бы и от недостатка цехового строя—упорного отстаивания монопольного положения цеховых членов и недопущения новых,—зависит от того, будут ли считать рамки производственной кооперации хозяйственной единицей, являющейся наивысшей формой. С точки зрения более высоких хозяйственных форм, здесь будут попрежнему царить,—может-быть, даже в еще худшей степени—экономическая анархия, групповой индивидуализм...».

Перспектива мало приятная. Вполне естественно поэтому и заключение автора:

> «Кто ясно понял истинный характер требования хозяйственной демократии в ее принципиальном отрицании основного направления господствующей хозяйственной системы, *тот не станет надеяться на достижение цели путем завоевания и реорганизации отдельного предприятия*. Решающий шаг на пути к достижению хозяйственной демократии он, напротив, будет видеть в об'единении отдельных хозяйств одной общей волей».

Автор, подгоняемый логикой, как уже заметил читатель, сошел с рельс «законного», «мирного», «эволюционного» развития «хозяйственной демократии». Он вполне правильно заключил прежде всего, что парламентским путем нельзя добиться действительного руководства производством; он вполне правильно доказал далее неизбежность борьбы рабочего за экспроприацию капиталистического предприятия; он вполне правильно заключил далее, что даже в случае овладения производством рабочие данного предприятия не достигнут социализма, а вступят в конкурентную борьбу с другими группами рабочих (в случае, если нет диктатуры пролетариата). Таким образом, даже если бы профсоюзы вступили на этот путь революционного синдикализма—они не достигли бы социализма.

Но ведь так социал-демократу можно порхнуть только мыслью. На самом-то деле профсоюзам *нельзя* вступать на революционный путь; на самом-то деле капиталист *не даст* разгуляться; на самом-то деле—перспектив *нет*.

Если стоять прочно на почве реформистских методов, то чего можно ждать?

> «Как, однако, не изменяя в своей основе права собственности на средства производства, *пойти дальше по пути к достижению хозяйственной демократии, остается совершенно темным.*
>
> Следующий шаг должен был бы заключаться в передаче рабочим полного права участия в вопросах технического применения производственного аппарата. Однако, в высокой степени сомнительно, чтобы эта передача рабочим права руководства предприятием была возможна без того, чтобы на них была взвалена и хозяйственная ответственность за результат. *Можно себе представить, что собственники охотно допустят демократическое руководство предприятием со стороны рабочих* в случае, если оно в фабрично-организационном отношении окажется равноценным или даже превзойдет чисто автократическое руководство предприятием директором, ответственным лишь перед собственником предприятия.
>
> В конце концов им важен лишь размер прибыли, а не вопрос о том, в какой форме эта прибыль получается, в форме ли дивиденда, или в виде арендной платы или в ипотечных процентах. *А изменилась бы только форма, но отнюдь не размер прибыли, ибо это соучастие в управлении ни в коем случае не означает участия в прибылях* (*или убытках*) *предприятия*. Практически положение рабочих, руководящих своим предприятием, было бы похоже на положение *кустарных работников и самостоятельных ремесленников*. Таким образом, *демократизация предприятия* была бы лишь тогда настоящим достижением для рабочих,—если эта *демократизация вообще возможна*, — когда сделан был бы один дальнейший шаг вперед и рабочим передано было бы *неограниченное право собственности на средства производства*».

Не может быть более выразительной картины. Социал-демократ, поставивший вопрос по-честному, вынужден признать, что «хозяйственная демократия»—при социал-демократических посылках—не стоит выеденного яйца. Социал-демократ вынужден признать, что без обладания средствами производства никаких успехов по линии хозяйственной демократии быть не может. Социал-демократ вынужден признать, что реформистским путем возможно добиться только такого положения в отношении капиталиста, в каком находился «самостоятельный» ремесленник в условиях «домашнего» производства.

Положение поистине безвыходное. Обещали провести социализацию в условиях определяющего влияния на буржуазно-демократическое государство—обманули и провалились. Тогда увидели отдушину в «хозяйственной демократии», ведущей-де *до* социализации к социалистическим формам отношений. Но самый элементарный анализ перспектив, как это доказал Пауль Хермберг, обязывает к выводу, что без обобществления средств производства (при этом осуществленного одним центром), хозяйственная демократия развиваться не может.

Действительно, «как, однако, не изменяя в своей основе права собственности на средства производства, пойти дальше

по пути к достижению хозяйственной демократии—остается совершенно темным».

Но какой же практически-политический вывод делает социал-демократический профессор? Ведь, если думать честно *до конца*, то надо прямо признать банкротство социал-демократического «социализма». Но Пауль Хермберг «не так воспитан». Он может поиграть острыми формулировками, он не прочь похвастаться научной об'ективностью в теоретическом анализе, но по части практических выводов—избави боже!—он боится сойти с почвы социал-демократического реформизма. Бедный профессор к концу своего теоретического путешествия испугался духов, которых он сам вызвал, и попал поэтому в «пиковое» положение.

Неугодно ли сравнить то, с чего начинает свою статью Пауль Хермберг с тем, чем он эту статью *кончает*.

Отмечая невозможность добиться решающих успехов в области хозяйственной демократии парламентским путем, автор писал в начале статьи по поводу хозяйственного парламента.

> «Однако, едва ли кто-либо будет утверждать, что это развитие политической демократии является *решающим* шагом на пути к хозяйственной демократии».

Автор указывал в начале статьи *прямо*, что на пути парламентской деятельности, на пути деятельности хозяйственно-парламентских учреждений *нельзя* найти разрешения проблемы хозяйственной демократии.

К концу же, задавленный тяжестью своих собственных критических аргументов, он не видит никакого пути и вынужден опрокинуть свою исходную позицию.

> «Расширение хозяйственной деятельности государственных учреждений, расширение полномочий государственного хозяйственного совета, учреждение окружных хозяйственных советов и хозяйственных палат, передача целых отраслей промышленности под контроль государства,—короче говоря, все мероприятия, которые укрепляют начатки настоящего руководства хозяйством, будут *важнейшей* и знаменательной подготовкой хозяйственной демократии».

Воистину, «начал за здравие, а кончил за упокой».

Опрокинувши теоретические основы хозяйственной демократии, профессор с испугом поглядел на продукт своей работы и,—вопреки логике, вопреки своей аргументации, вопреки честному отношению к проблеме,—склонил свою голову перед теорией Гильфердинга о государственном капитализме, помноженном на хозяйственную демократию.

Но его критическую аргументацию вычеркнуть нельзя—она показывает, что сравнительно честно мыслящие социал-демократы—пока они честно мыслят—не могут не видеть *оппортунистического утопизма* теории «хозяйственной демократии», который неизбежно будет побежден в рабочем движении *революционным реализмом* коммунизма.

Г. Крумин.

Новые похождения оппозиционных экономистов по ниве советской экономики.

(Начало статьи см. в № 6 с. г.).

III. «Анализ» современной хозяйственной обстановки оппозиционными экономистами и что из этого получается.

«Расправившись» столь успешно с товарным голодом вообще, наши экономисты победоносно устремляются на современную хозяйственную обстановку, избирая жертвой своего «анализа», главным образом, первый квартал нынешнего 1926—27 хозяйственного года.

«Анализ» фактических данных привел т. Преображенского к следующему основному тезису. Политика партии не привела к смягчению товарного голода. Наоборот, диспропорция между промышленностью и сельским хозяйством возросла. Так называемое «смягчение» товарного голода в первом квартале произошло в результате того, что платежеспособный спрос крестьянства был просто-напросто срезан снижением сельскохозяйственных цен по сравнению с первым кварталом прошлого года и повышением промышленных цен. Далее следует невнятное, составленное почему-то в сослагательном наклонении, заявление о платежеспособном спросе рабочего класса, о том, что снижением зарплаты можно было бы также снизить рабочий спрос на промтовары. (В скобках отметим, что уже этот абзац в начале статьи т. Преображенского возбуждает величайшие сомнения по поводу всего «анализа». Действительно, в самом начале статьи угрожать «выводами», основанными «на фактических данных», избрать своей жертвой определенный отрезок времени, а *через несколько страниц*, когда доходит до дела, когда надо *выкладывать выводы о важнейшей народнохозяйственной статье* — движении платежеспособного спроса рабочего класса—отделываться пустяками и оказаться не в состоянии сделать ни одного делового заявления,—что это такое, как не полный провал? Тем более для экономиста, который на весь Союз авансом раструбил о своих замечательных трудах по цифровому анализу советской экономики, имеющих быть изданными). Однако, продолжим основную нить наших рассуждений. Не дадим себя отвлечь в сторону мелкими безобразиями, попутно обильно рассыпанными в статье т. Преображенского.

Итак, городской спрос мог бы быть также сокращен снижением зарплаты. А если же сложить происшедшее снижение крестьянского спроса и *возможное* сокращение рабочего спроса, то получится большое снижение платежеспособного спроса, которому на стороне предложения промышленной продукции противостоял рост цен без какого-либо дополнительного увеличения промышленной продукции. Поэтому исчисления Госплана о размерах товарного голода, по мнению т. Преображенского, ни в коем случае нельзя считать преувеличенными. Их надо даже считать преуменьшенными.

Таким образом, нынешняя политика партии дает «не ослабление товарного голода, а загоняние его внутрь хозяйственного организма. Мы имеем лишь переход одной формы кризисного состояния в другую».

Тов. Смилга в своих экономических изысканиях следует за тов. Преображенским. Только, как подобает бывшему буферу, он допускает еще более красочные выражения в отношении политики партии. Формулировка т. Смилги следующая: «Изживание товарного голода велось до сих пор *отрицательными* методами. Средством для этого служила политика цен, косвенное обложение и водка».

Переходим к разбору выдвинутых положений.

* * *

Начнем с «Контрольных цифр» Госплана и некоторых общих исчислений о размерах товарного голода.

Тов. Преображенский счел нужным выступить в защиту «Контрольных цифр» Госплана, составленных под руководством тов. Смилги, от необоснованных нападок. Но и тут он ограничивается одним-двумя поверхностными замечаниями, вместо действительного изучения «Контрольных цифр».

Во-первых, нужно условиться об одном—не путать т. Смилгу с «Контрольными цифрами». «Контрольные цифры»—этот громадный экономический труд—есть результат коллективного труда всех работников Госплана. Несмотря на допущенные ошибки и промахи, громадное их значение неоспоримо. Не нуждаются «Контрольные цифры» Госплана в таких «защитниках», как т. Преображенский.

Что же мы находим о товарном голоде в «Контрольных цифрах»? Неясность, явные противоречия и отсутствие расчетов, на основе которых были сделаны выводы о значительном увеличении товарного голода. Поэтому оппозиция так и уцепилась за «Контрольные цифры».

Центральное место о товарном голоде гласит: «если в соотношении между розничными промышленными и сельскохозяйственными ценами не произойдет изменений, то товарный дефицит в предстоящем году должен определиться суммой 500 млн. руб. против 380 млн. руб. текущего года» («Контрольные цифры», стр. 79). Справедливость, однако, требует отметить, что в ряде мест имеются разные оговорки насчет крайней приближенности этих исчислений. Конечно, нашему маститому экономисту до этих оговорок нет никакого дела.

Но—на стр. 16 «Контрольных цифр» имеется следующее заявление: «Общего обострения товарного голода при намеченной

программе, повидимому, нет основания ожидать. Но не исключена возможность, что некоторые отдельные ходовые товары, являющиеся «недостаточными» в настоящее время, станут еще менее достаточными в 1926—27 г.».

Эти два заявления, несомненно, противоречат друг другу.

Но самое примечательное состоит в том, что в «Контрольных цифрах» нигде нет обоснования цифры 500 млн. руб. товарного дефицита. Таблиц, как известно, в них предостаточно, но хотя бы малюсенькой таблички, кончика таблицы, выводящей цифру в 500 млн. руб., не найти. Здесь «Контрольные цифры», несомненно, «смилговали». *Наоборот*, в «Контрольных цифрах» можно найти *другую* таблицу, дающую баланс доходов и расходов, и в этой таблице положительное сальдо доходов составляло 286 млн. руб. в 1925—26 г. и 302 млн. руб. в 1926—27 г. Отдельно для крестьянского хозяйства соответственно 240 млн. и 263 млн. руб. Мы не утверждаем полной идентичности этих расчетов с размерами товарного голода, но связь между ними, несомненно, ближайшая.

Таким образом, размеры товарного голода *ни с какой стороны* в «Контрольных цифрах» не мотивированы, и это есть самое слабое место «Контрольных цифр», что ныне признают и их составители.

Еще в начале ноября пр. г. мы имели следующее официальное заявление от имени Госплана: «Мы отрицаем возможность на основании этих цифр делать окончательные выводы, и тем более строить мероприятия и практические шаги по торговой политике. В этом балансе имеются две стороны: одна сторона—исчисление товарной массы, которой мы располагаем. Эта сторона поддается учету. Другая сторона—исчисление спроса, при чем тут имеется столько гипотез, что одна маленькая ошибка может дать колебания в сотни миллионов рублей» (цитирую по стенограмме заседания СТО).

Но какое дело т. Преображенскому до того, мотивированы или нет расчеты и цифры. Ему лишь бы «покрепче» цифру товарного дефицита. И разве его касается также, что сам Госплан признает ошибочность этой части «Контрольных цифр»? Разве он обязан сообщать или напоминать об этом своему читателю? Наш педантичный в экономических расчетах автор «Новой Экономике» имеет, очевидно, свои установившиеся методы...

Чтобы кончить с этим вопросом, приведем последний материал о размерах товарного голода, напечатанный в «Сводном производственно-финансовом плане госпромышленности на 1926—1927 г.». Мы читаем: «Эти исчисления [1]) определили общий размер продукции, идущей на широкий рынок, т. е. для удовлетворения потребностей индивидуальных хозяйств, в розничных ценах для 1925—26 г. в сумме 6.899 млн. руб. и для 1926—27 г.—7.927,2 млн. руб., размер покупательного фонда населения для 1925—26 г.—в сумме 7.280 млн. руб. (в том числе город 3.430 млн. руб.) и для 1926—27 г.—8.200 млн. руб. (в том числе город 3.910 млн. руб.), и соответственно с этим «балансовый дефицит» для 1925—26 г. был исчислен в размере 381 млн. руб., а для 1926—27 г.—в 272,8 млн. руб. (при стабильности рознич. цен)».

«В настоящее время на основании производственных програм промышленности в исчисленный баланс необходимо внести по-

[1]) Речь идет об исчислениях, составленных в июле—августе пр. г. *Г. К.*

правки со стороны предложения соответственно изменившимся перспективам производства, а также уточнить данные за 1925—1926 г., пользуясь предварительными материалами за весь 1925—1926 г., которых не было при составлении «Контрольных цифр» (ВСНХ)...

...«В результате «балансовый дефицит» промышленных товаров для 1925—26 г. составляет 371,2 млн. и для 1926—27 г.—199,7 млн. руб. (вместо исчисленных в «Контрольных цифрах» 381 млн. руб. и 275 млн. руб. соответственно). Все эти данные исчислены условно, исходя из стабильности отпускных и розничных цен» (стр. 98 и 100).

И совсем напрасно т. Преображенский в исчислениях размеров товарного голода думает укрыться за разницу в ценах, принятую Госпланом и другими органами. *Не удастся.* Поправки в первоначальных расчетах связаны, во-первых, *с увеличением производственных программ промышленности*—как известно, Госплан наметил 15% расширения промышленности, ВСНХ и Наркомторг при составлении первоначального баланса спроса-предложения исходили из 17—18%, а сейчас мы благополучно дошли до 20% развертывания. Во-вторых, уточнены суммы товарной продукции по производственным программам и коэффициенты выхода на широкий рынок по ряду отраслей промышленности. В-третьих, изменены и ценностные выражения (напр., сумма продукции исчислена не по себестоимости, а по отпускным ценам и т. д.). Известную роль в исчислениях разных органов играет и различие цен.

Обо всем этом рассказывается *с цифрами в руках* в промфинплане промышленности. Пусть почитает т. Преображенский и пусть попробует опровергнуть.

Эти исчисления размеров товарного голода, несомненно, более правильные, чем исчисления Госплана, *опровергают* вывод «Контрольных цифр» Госплана об увеличении размеров товарного голода. Эти исчисления свидетельствуют, наоборот, о противоположной тенденции *смягчения товарного голода.*

Таким образом, т. Преображенский совершенно не потрудился разобраться в тех цифрах и расчетах, на которых основывал свои столь важные выводы. Тов. Преображенский слишком многое не счел нужным сообщить читателю. Тов. Преображенский кидается на защиту того, в чем не разобрался, чего не понимает. Хорош «защитник»!

* * *

В критике политики партии у т. Преображенского серьезнейшую роль играет указание на понижение хлебных цен, что срезало на значительную сумму (по сравнению с первым кварталом пр. г.) платежеспособный спрос крестьянства. Эти рассуждения т. Преображенского ни с какой стороны нас не удовлетворяют.

Тов. Преображенский задался целью, главным образом, на примере первого квартала проследить основные линии хозяйственной политики и практики. Но он серьезно даже и не подошел к вопросу.

Действительно, хлебный рынок, хлебные цены играют важнейшую роль в общей кон'юнктуре рынка. Во многом они являются определяющими общий тонус народнохозяйственной жизни. Политика хлебных цен затрагивает существеннейшие интересы крестьянина и рабочего. Поэтому совершенно ясно, что решительно никто не может удовольствоваться произведенным т. Преображенским умножением, а требует ответа *по существу.*

В основном является ли наша политика хлебных цен правильной? Народнохозяйственно правильно ли установлен уровень хлебных цен? Правильно ли производится регулирование хлебных цен? Вот на эти основные вопросы серьезный экономист обязан дать *прежде всего* четкий ответ. И только *после того* наполняются *ясным народнохозяйственным содержанием* все его дальнейшие вычисления.

Народнохозяйственно правильно ли установлен уровень хлебных цен? Т.-е. дают ли они крестьянину стимул к дальнейшему увеличению производства? Приемлемы ли они для рабочего класса? Учитывают ли они уровень цен мирового рынка? Мы даем на эти *основные* вопросы *утвердительный ответ.* В нынешнюю кампанию нет того провала, какой имел место в прошлом году, когда Советский Союз зашел в тупик с хлебными ценами. Ведь нет же нужды подробно напоминать тупик прошлого года, получившийся в результате грубейших наших промахов, просчетов, ошибок. И когда т. Смилга пытается сейчас что-то такое лепетать насчет того, что в прошлом хозяйственном году была намечена правильная линия, но только на практике получились из'яны, то ведь и ад вымощен добрыми намерениями. *Дело именно в практике.* Этот выпад т. Смилги, как и все его стремления доказать недоказуемое, т.-е., что в нынешнем году на хлебном рынке дела идут хуже, чем в прошлом году, можно об'яснить не научной беспристрастностью, а исключительно суб'ективными моментами.

Ведь в прошлом году партии пришлось в спешном порядке провести серьезнейшие изменения в руководящем составе управляющих и планирующих органов, чтобы вывести страну из хозяйственной трясины, в частности—из той трясины, в какую попало хлебное дело. Мы не стали бы об этом говорить, если бы не исключительная недобросовестность т. Смилги в анализе хозяйственного прошлого.

Народнохозяйственный уровень хлебных цен установлен ныне, несомненно, правильный. Что в годы хорошего урожая хлебные цены должны быть ниже, этого, надеемся, не будет отрицать даже т. Преображенский. В настоящей статье у него на этот счет *молчок.* Ему только важно вычислить, сколько на пуд теряет крестьянин *по сравнению с первым кварталом прошлого года* и насколько всего был срезан платежеспособный фонд крестьянства. Цена на хлеб должна быть ниже в год хорошего урожая. Она должна быть ниже еще и потому, что в «хороший» 1925—26 г. она подскочила так, что ее называли даже спекулятивной.

Однако, чтобы совершенно покончить с этим вопросом, приведем мнение союзника тт. Преображенского и Смилги—т. Каменева. В апреле пр. г. в своих письменных предложениях т. Каменев заявлял: «Существующий в стране высокий уровень цен на хлеб должен быть признан одним из основных препятствий в деле хозяйственного строительства. Снижение *вздутых* (курсив наш. *Г. К.*) хлебных цен является предпосылкой возможности

понижения в значительных размерах промышленных цен и должно быть поставлено в ряду главнейших задач в предстоящем полугодии».

Правильная характеристика существовавшего уровня цен. Не правда ли, как эта характеристика «хорошо» увязывается с нынешней «беспристрастной» характеристикой т. Смилги?

Еще в июле пр. г. т. Каменев *совершенно правильно* говорил: «Снижение (хлебных) цен во что бы то ни стало, как основная директива. Во что бы то ни стало купить хлеб в этом году больше и по цене вместо рубля около 90 коп., а если удастся, если будет подходящая обстановка, если нас не прижмет необходимость форсировать экспорт, форсировать закупку, копеек на 14—18 меньше прошлогодней».

В опубликованной в свое время резолюции Центрального Комитета, предложенной т. Каменевым, говорилось: «Исходя из вышеуказанного, среднюю годовую цену необходимо ориентировочно принять в 85—90 коп. за пуд против 1 р. 04 к., уплаченных в этом году, что гарантирует крестьянству при повышенном урожае некоторое повышение поступления за хлеб сравнительно с истекшим годом.

«Средние цены по отдельным культурам должны, примерно, составить следующее: 70—75 коп. за рожь, 1 р. 05 к. за пшеницу, 55—60 к. за овес, 45—50 к. за ячмень, с соответствующим корректированием по районам и качеству».

Тов. Каменев комментировал эту резолюцию даже следующим образом: «Таким образом, наша энергия должна быть направлена на то, чтобы не допускать падения цен на хлеб до такого предела, когда крестьянин будет терять интерес к посеву и будет его забрасывать, но, с другой стороны, *политика снижения цен должна проводиться самыми энергичными мерами и 85 коп. это не есть барьер, ниже которого нельзя спускаться*» (курсив наш. *Г. К.*). Так говорил тов. Каменев. Тов. же Преображенский избегает этого основного вопроса, а делает *ответственнейший вывод* о «загонянии товарного голода внутрь хозяйственного организма», исходя из прошлогодних непомерно вздутых цен на хлеб. Не пройдет этот номер, т. Преображенский!

Приведем движение заготовительных цен (в коп. за пуд).

Рожь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Январь	Февраль	Март
1925/26 г.	111	93	87	77	79	83	94	105	107
1926/27 г.	66	69	71	72	71	70	70	71	72
Пшеница									
1925/26 г.	129	125	131	119	123	122	130	134	132
1926/27 г.	101	107	107	101	101	98	99	99	102

Итак, во-первых, мы утверждаем, что уровень хлебных цен установлен в общем совершенно правильный. Он приемлем в общем для крестьянства. Об этом свидетельствует дальнейшее увеличение посевной площади. Во-вторых, таблица говорит об успешности регулирования хлебных цен *в противоположность*

прошлому году. В правильности этих двух утверждений легко убедится всякий, кто внимательно взглянет на таблицу. Неровное движение и рост цен в прошлом году, плавность и в общем стабильность цен в нынешнем году. А это является—можно прямо сказать—*величайшим достижением*. Экономист, который этого не понимает, не есть экономист. В стране мелкого и мельчайшего крестьянского хозяйства в движение хлебных цен впервые вводится *рациональное начало*, которое дает возможность крестьянину «твердо поставить и твердо вести» свое хозяйство. Сказанное ни в каком случае не обозначает, что на хлебном рынке не имеется дефектов и из'янов, и притом крупных. *Глупо* было бы попытаться подсунуть подобную мысль своему противнику. Об ошибках и из'янах мы скажем ниже.

Вот на основе данной нами *народнохозяйственной оценки* мы и приглашаем оценить арифметические упражнения т. Преображенского.

* * *

Переходим к промышленным ценам. Здесь картина не лучше. Тов. Преображенский на основе розничного индекса Кон'юнктурного института утверждает, что рост промышленных цен продолжается, и, следовательно, этим путем также срезывается платежеспособный спрос населения. Наличие роста промышленных цен выводится таким путем, что берется средний индекс за первый квартал прошлого хозяйственного года и сравнивается с индексом за первый квартал нынешнего года. Тов. Смилга берет не средний индекс, а индекс на 1 октября 1925 г., на 1 октября 1926 г. и 1 января 1927 г.

После такой обработки розничного индекса Кон'юнктурного института и статистики труда т. Преображенский прибавляет: «Правда, увеличение кооперативных цен было несколько ниже, но тоже было».

Особенно серьезным т. Преображенский считает поставленный им вопрос, почему розничные цены в декабре возросли, если правы те, кто утверждает, что товарный голод уменьшился.

Тов. Смилга всю кампанию правительства по снижению промышленных цен называет «обывательской шумихой», а в действительности, по его утверждению, «под шум криков о снижении цен проводилась политика повышения цен».

Можно ли удовольствоваться таким экономическим анализом? Конечно, нет. В чем основной его дефект? В том, что здесь вычеркивается экономическая история последнего года. Может ли экономический анализ быть правильным при «абстрагировании» от хода хозяйственного развития? При таком «методе» в лучшем случае могут получиться лишь правильные *арифметические* подсчеты. Но даже и по части арифметических подсчетов оппозиционные экономисты не блещут...

В чем суть последнего периода? Суть его заключается в том, что партия с *величайшими усилиями* выводила страну из серьезнейших хозяйственных затруднений и, более или менее установив к новому хозяйственному году утерянное равновесие, приступила к разрешению серьезнейших задач нынешнего хозяйственного года. А вот оппозиционные экономисты считают признаком, говоря словами т. Преображенского, «экономически

грамотных людей» не считаться с тем, что первый квартал нынешнего года вырос, так сказать, на горбу прошлогодних затруднений. Каждому свое...

Партия выводила страну из хозяйственных затруднений, отпирала те тупики, которые в отдельных областях образовались. Эта напряженная работа по восстановлению равновесия была тем более трудной, что она безостановочно сопровождалась атакой на партию со стороны оппозиционного блока, об'единявшего в себе все то, что было в нашей партии растерянного, паникерского, ликвидаторского. Поэтому надо иметь исключительную развязность т. Смилги, чтобы сложнейшую работу по выходу из напряженного хозяйственного положения, проведенную за истекший период партией—и проведенную не плохо—называть «обывательской шумихой».

Если экономически грамотно подойти к анализу движения промышленных цен, то что получается?

Движение промышленных цен нужно обязательно сравнивать с апрелем—маем—июнем пр. г., когда хозяйственные затруднения достигли апогея и когда одновременно обозначился перелом. Что же касается сравнения с первым кварталом пр. г., то необходимо сравнивать также тенденцию движения внутри квартала, чтобы получить окончательное мнение о хозяйственном «лице» квартала.

Приведем прежде всего данные о движении оптовых промышленных цен.

Оптовый промышленный индекс ЦСУ составлял:

	1925—26 г.	1926—27 г.
На 1/X	1.949	2.041
» 1/XI	1.964	2.037
» 1/XII	1.976	2.039
» 1/I	1.982	2.032
» 1/II	1.996	2.028
» 1/III	2.001	2.005
. . . .		
» 1/VII	*2.039*	

В нынешнем году тенденция движения *диаметрально противоположная*. Абсолютный уровень оптовых цен ныне подошел совсем близко к уровню на 1/III 1925—26 г.

Для розничных промышленных цен (по индексу кон'юнктурного института частного рынка) картина следующая:

	1925—26 г.	1926—27 г.
На 1/X	2,39	2,64
» 1/XI	2,45	2,66
» 1/XII	2,51	2,68
» 1/I	2,48	2,70
» 1/II	2,48	2,67
» 1/III	2,49	2,68
. . . .		
» 1/V	*2,71*	

Цены *частного рынка* держатся в общем на уровне цен 1-го мая или несколько ниже его. Повышательную волну, продолжавшуюся с 1 октября 1925 г. вплоть до 1-го мая 1926 г., удалось ликвидировать. Однако, снижения цен *пока* достичь не

удалось. В первом квартале, когда обычно сказывается сезонное напряжение, имело даже место новое незначительное повышение, но в общем и целом индекс частных промышленных цен показывает стабильность уровня по сравнению с 1-м мая.

Но теперь уже для всех ясно, что на розничном индексе Кон'юнктурного института далеко не уедешь. Смешно было бы изучать движение розничных цен по ценам исключительно частного рынка, когда доминирующую роль в розничном обороте играет кооперация и госторговля. Когда В. Смирнов в «Красной Нови» в мае пр. г. утверждал, что розничный индекс Кон'юнктурного института учитывает и кооперативные и госторговые цены, то он просто обнаруживал незнание предмета.

С регистрацией кооперативных цен обстоит очень плохо. Но, во всяком случае, можно совершенно определенно сказать, что т. Преображенский *не прав*, когда говорит о их росте в течение первого квартала. Это просто не верно. Стоимость «кооперативного набора» за полугодие понизилась на 2,0—2,2%. Индекс розничных цен ЦСУ, учитывающий государственные, кооперативные, а также частные цены, это обстоятельство подтверждает. Движение суб-индекса промышленных цен следующее:

	1925—26 г.	1926—27 г.
На 1/X	2,15	2,25
» 1/XI	2,18	2,25
» 1/XII	2,19	2,25
» 1/I	2,20	2,24
» 1/II	2,19	2,24
» 1/III	2,19	2,19
» 1/IV	2,22	
» 1/V	2,26	
» 1/VI	2,27	
» 1/VII	2,26	
» 1/VIII	2,26	
» 1/IX	2,26	

Каков общий вывод из приведенных материалов?

Оппозиционные экономисты не правы, когда говорят о дальнейшем росте промышленных цен. *Налицо определенная стабильность цен на уровне цен 1 мая 1926 г. или даже незначительное понижение.* Это основной экономический факт последнего периода. *Партии, таким образом, удалось переломить повышательное движение, имевшее место в первом полугодии прошлого хозяйственного года.* Но ей *пока не удалось* добиться существенных результатов в деле снижения цен. Лишь во втором квартале нынешнего хоз. года намечается *определенное снижение промышленных цен.*

Тов. Смилга в своем экономическом исследовании пришел к тому центральному заключению, что «цены плохо понижались потому, что бюджет оказывал на них повышательное влияние. Под шум криков о снижении цен проводилось повышение цен». Вообще, вся установка статьи т. Смилги заключается в том, что слова и дела ленинской партии—две вещи совершенно разные, противоположные. Тов. Смилга в своем распоясывании не соображает, что подобными утверждениями он бьет *исключительно только себя.*

Тов. Смилга таинственным полушопотом повествует о том, что имелось что-то, что «мешает проявлению действия закона

спроса и предложения», т.-е., что мешало снижению цен. Это «что-то» т. Смилга нашел в *государственном бюджете*. «Увеличение ж.-д. тарифов, акцизов, налогов неизбежно влечет за собой повышение цен». «Удивляться поэтому росту цен совершенно не приходится». «От иерихонских труб нашей печати цены, к сожалению, не снижаются». И тут т. Смилга берет высокий тон и прибавляет: «Все основные элементы в народном хозяйстве взаимно обусловлены».

И это все? Это все.

Куда годятся эти разглагольствования? Никуда. Серьезный партиец, серьезный экономист подкрепляет каждый свой основной вывод по экономической политике партии, по текущим проблемам хозяйства *цифрами, цифровым анализом*.

Где у т. Смилги намек на цифровой анализ? Его нет.

Тов. Преображенский и т. Смилга утверждают тезис о повышении промышленных цен. Имели же место на протяжении последних 8—9 месяцев стабильность цен, а в кооперации даже некоторое снижение. *Железнодорожные же тарифы, акцизы, таможенные сборы, некоторые прямые налоги—были повышены с апреля—мая пр. г., т.-е. с момента, когда цены, в противоположность предшествующему полугодию, перестали итти в гору и показывают даже некоторую незначительную тенденцию к снижению.*

Можно ли это оспорить? Нет, нельзя. Уже это одно говорит о том, что маневр с акцизами и т. д. был партией проведен достаточно успешно. Значит, партия сумела выбрать такие товары, повысить акцизы и тарифы в таких размерах, обусловить это повышение такими мероприятиями, что повышения цен от этого не получилось, а имело место даже некоторое незначительное снижение. И действительно, ведь прошлогоднее повышение налогов etc обусловливалось стабильностью оптовых цен, или возлагалось полностью на торговый аппарат, как об этом известно каждому, но что т. Смилга пытается замазать.

В каких цифрах выражался этот маневр партии? Тов. Микоян назвал общую цифру повышения тарифов, акцизов etc в 450 млн. руб., что составляет 3—4% всего розничного оборота СССР.

Мы имеем также специальные обследования влияния повышения акцизов и др. на цены [1]), которые *подтверждают* нами сказанное. Здесь мы имеем не общие разговоры, так себе, а серьезный цифровой анализ реальных данностей.

Чего достигла партия этим маневром? Да, она уменьшила платежеспособный спрос. Но гвоздь-то в том, что *это уменьшение платежеспособного спроса было проведено за счет торговых и накладных расходов наших органов*. Гвоздь в том, что партия *заставила* хозяйственные органы рационализировать свое ведение дел. Партия, таким образом, достигла *успехов* в одном из важнейших направлений работы. Однако, находятся люди, которые доказывают на этом конкретном экономическом маневре лицемерие партии, ее поражение.

---

[1]) См. журнал «Советская Торговля», орг. Наркомторга, № 1 от 7/I—27 г. и «Финансы и Народное Хозяйство», орг. НКФ, № 7 от 13/II—27 г.

Или, может быть, т. Преображенский и т. Смилга выступят в защиту и *такого* платежеспособного спроса, обрушат на партию громы и молнии за уменьшение этого платежеспособного спроса?

* * *

Переходим к заработной плате. Мы уже отмечали, что тов. Преображенский, поставивший своей задачей специально исследовать платежеспособный спрос и предложение в первом квартале, о зарплате почему-то говорит в сослагательном наклонении, в роде того, что если бы зарплату резко сократить, то сократился бы и рабочий спрос. Рассуждение правильное, но какое оно имеет отношение к первому кварталу 1926—27 г.?

Или рабочий спрос политически столь мало влиятельная, экономически столь маловажная величина, что его можно скинуть со счетов при конкретном анализе товарного голода в СССР? О числе копеек за пуд хлеба говорить надо конкретно, а о зарплате нет?

Нам думается, что на этом примере весьма резко выявляется научная добросовестность оппозиционных экономистов. Чем вызывается такой «анализ» советской экономики за первый квартал 1926—27 хозяйственного года—об этом мы поговорим в одной из последних глав.

Тов. Смилга со свойственной ему наготой просто заявляет, без всякой попытки цифрового подтверждения: «Проводимая ныне политика идет по другому пути... Увеличение розничных цен снижает зарплату рабочих и служащих»—и баста.

Каково действительное положение вещей?—Средняя месячная зарплата рабочих крупной промышленности составляла по всей промышленности:

	В условн. моск. руб.	В червон. руб.
1925—26 г.		
Октябрь	30,83	53,75
Ноябрь	28,31	50,29
Декабрь	28,84	52,38
Январь	27,09	50,24
Май	26,38	52,13
1926—27 г.		
Октябрь	31,00	58,62
Ноябрь	30,52	58,17
Декабрь	30,50	58,68

На основе этих данных, а также движения общего количества рабочих почему бы не прикинуть, уменьшился или возрос платежеспособный спрос рабочего класса?

Он возрос. Наркомторг исчисляет рост фонда заработной платы даже в 19—22% по сравнению с I кварт. 1925—26 г. Рост реального спроса рабочего класса неоспорим. И это является важным достижением партийной политики. Пусть оппозиция называет такой метод изживания товарного голода отрицательным, этим она лишь окончательно разоблачает себя.

Но вот где т. Преображенский *немедленно же* делает прикидки—это по вопросу о водке. Скрыв от читателя данные о

движении зарплаты, посеяв мысль о падении зарплаты, т. Преображенский во всеоружии, с открытой грудью, выступает по вопросу о водке.

Как назвать подобные методы «изучения товарного голода на основании фактических данных»? Неприкрытой попыткой во что бы то ни стало, любыми методами, дискредитировать партию в глазах широких масс трудящихся.

Партии нечего скрывать от широчайших масс трудящихся. По исчислениям Центрального Бюро Статистики Труда, расход на спиртные напитки в бюджете рабочего сказывается следующим образом (на 1 хозяйство за квартал).

Районы.	Окт.—Декабрь		Январь—Март		Апрель—Июнь		Июль—Сент.	
	В руб.	В %% к общ. расх.	В руб.	В %% к общ. расх.	В руб.	В %% к общ. расх.	В руб.	В %% к общ. расх.
Москва . .	17,73	4,2	10,32	2,8	15,53	3,9	10,52	2,8
Ленинград .	13,80	4,1	10,74	3,4	13,00	3,7	11,17	3,3
Ив.-Featurea.	2,88	1,5	3,74	1,8	5,70	2,8	7,55	3,6
Урал . . .	5,16	2,8	3,44	1,8	6,04	3,0	6,55	3,2
Харьков . .	5,70	1,7	8,50	2,4	11,19	3,1	7,58	2,5
Донбасс . .	7,36	2,5	9,09	3,1	12,47	4,2	9,65	3,2

Партия открыто говорит и имеет мужество говорить открыто о том, что наш бюджет пока-что частично опирается и на доходы от *водки*. Это одно из противоречий переходного периода, когда старое еще сильно. Но именно поэтому партия *с удвоенными усилиями* поведет свою воспитательную, культурную работу в рабочем классе и крестьянстве, чтобы *наиболее быстро* справиться с тяжелым наследием прошлого.

* * *

Прослеживая шаг за шагом основные этапы любопытных похождений наших экономистов, мы благополучно приходим к предложению промтоваров.

Тов. Преображенский здесь уже несколько ласковее. Он пишет: «Здесь недоучет в цифрах есть, повидимому, факт. Но влияние этого увеличенного в сравнении с планом выхода промтоваров на рынок есть «музыка будущего». В этом квартале *на широком потребительском рынке* увеличение, напр., продукции топливной промышленности не могло заметно сказаться, а увеличение продукции по другим отраслям, напр., по текстильной, скажется после». Странным образом и в этой аргументации бросается в глаза полное отсутствие цифр.

Тов. Смилга не более разговорчив. Он, видите ли, согласен допустить, что «Контрольные цифры» «не угадали» летом 1926 г. урожая хлопка в Америке. Благодаря огромному падению цен на хлопок оказалось возможным купить хлопка больше, чем предполагалось, и увеличить текстильное производство, чему мы все, конечно, очень рады. Равным образом «Контрольные цифры» «не угадали» нефтяных фонтанов, поднявших добычу Баку и Грозного. Каюсь от имени своего и своих сотрудников: в знахарстве (а не в научном предвидении) оказались слабы».

Тов. Смилга, очевидно, не знает предмета, о котором говорит. Основная масса дополнительного хлопка получена внутри страны. *Просто неверно*, что в Америке хлопка было закуплено больше. Что касается фонтанов, то добавочные фонтаны в промфинплане не учтены. Но ведь дело-то в том, что промфинплан устанавливает размеры развертывания промышленности в 20% вместо 15% контрольных цифр Госплана. При всем мастерстве оппозиционных экономистов 20% останутся выше 15%. «Научное предвидение» т. Смилги уже через несколько месяцев оказалось, таким образом, битым. Он, как сверхиндустриалист, все время косит, а именно в сторону *недооценки возможностей развития государственной промышленности и капитальных затрат.*

Тов. Преображенский признает недоучет «Контрольных цифр». Но он находит, что увеличение промпродукции не могло сказаться на *широком потребительском рынке*. В пример он приводит топливную промышленность. Откровенно говорим, что мы поставлены в тупик. При чем тут топливная промышленность и товарный голод на предметы широкого потребления? После этого можно ожидать, что в каком-либо из следующих очерков т. Преображенский поставит интересную проблему о продаже на широком потребительском рынке продукции паровозостроительных заводов и о законах влияния этой продукции на широкий потребительский рынок. А с другой стороны, ведь в первом квартале как производственно-техническое потребление (основное для топливной промышленности), так и личное потребление продуктов топливной промышленности не терпело ущерба. Продукция топливной промышленности *не принадлежала* к дефицитным товарам.

Тов. Преображенский ни с какой стороны не доказал, что влияние увеличенной промпродукции не могло сказаться в первом квартале. Для этого утверждения нет оснований. Наоборот, отчетные данные опровергают это. Еще четвертый квартал 1925—1926 хозгода—июль—сентябрь—проходил без того провала в производстве, какой имел место в четвертом квартале 1924—25 г. А общая продукция госпромышленности изменялась следующим образом:

Месяцы	1925/26 г.		1926/27 г.	
	По методу завод. оцен.	По ранее принят. методу	По методу завод. оцен.	По ранее принят. методу
	В миллионах рублей по довоенным ценам			
Октябрь	328,6	281,8	398,8	341,2
Ноябрь	313,3	271,6	411,9	351,9
Декабрь	340,5	294,9	432,3	371,2
Январь	327,1	285,1	409,3	354,5
Февраль	342,7	297,6	410,7	355,8
Итого за 5 мес.	1.652,2	1.431,0	2.063,0	1.774,6

Если же выделить продукцию предметов широкого потребления, то мы имеем следующую картину:

	1925/26 г.	1926/27 г.
	В млн. червонных руб.	
Октябрь	296,7	362,1
Ноябрь	293,8	390,6
Декабрь	327,2	398,0
Январь	309,0	371,2
Февраль	324,1	
Март	339,2	
Апрель	370,4	
Май	305,9	
Июнь	309,4	
Июль	258,1	
Август	314,8	
Сентябрь	358,9	

Пусть успокоят свои благородные порывы оппозиционные экономисты: из вышеприведенных цифр предметов широкого потребления мы исключили продукцию спирто-водочной промышленности...

Некуда деться оппозиционным экономистам. Они биты дважды. Во-первых, в контрольных цифрах Госплана темп развертывания госпромышленности оказался *преуменьшенным*, и он повышен с 15 до 20%, во-вторых, в реальной жизни пока-что и эти 20% превзойдены на порядочную величину.

Это есть основное. Все же приводимое по этому вопросу оппозиционными экономистами—пустяки и попытки отболтаться.

Так партия и со стороны предложения промышленной продукции решает «отрицательными методами» товарный голод и «загоняет его внутрь хозяйственного организма».

* * *

Прежде чем подводить итоги по «исследованию» оппозиционными экономистами современной хозяйственной обстановки, остановимся еще на одном вопросе.

Какова установка партии в отношении промышленности вообще? Ясное дело, что, по мнению оппозиции, она «минималистская» или «хвостистская». В июле оппозиционный блок говорил о том, что нынешний год снова обнаруживает со всей ясностью, что государственная промышленность отстает от народнохозяйственного развития в целом. Вообще в «мелодиях» оппозиции эта нота об отставании промышленности играет особо выдающуюся роль. «Хвостизм» ленинской партии...

Дать теоретическое об'яснение этой установки суждено было Е. А. Преображенскому. В «Вестнике Ком. Академии» кн. 17 за 1926 г. мы находим это последнее «достижение» «теоретической» «мысли». Оно до того примечательное, что мы приведем его полностью. Изобличая ошибочность политики партии в смысле перераспределения национального дохода, т. Преображенский продолжает: «При капитализме это было бы исправлено стихийным путем. Допустим, при капитализме нехватает промышленных товаров. Это значит, что цена на них растет, растут отпускные цены фабрик и заводов, при чем разница может и не возрастать.

Увеличились бы цены на промышленные изделия до отказа и начался бы отлив капитала в промышленность, увеличилась бы доля промышленности, которая требует из всего национального дохода новых затрат на расширение имеющихся предприятий, и самим фактом такого перераспределения было бы достигнуто удовлетворение этого возросшего спроса.

«В настоящее время у нас происходит увеличение розничных цен на промышленные изделия. Но ведь только мы—государственная национализированная промышленность,—только мы одни можем осуществить то самое расширение, которое может внести правильное соотношение во все стороны хозяйственной жизни страны.

«Нужно покрывать дефицит на товары путем увеличения производства. А мы этого не делаем в нужной мере. А поскольку мы этого не делаем, мы сами являемся фактором увеличения товарного голода. На том самом месте, где закон ценности стихийно привел бы к перекачке средств в промышленность, сидим мы сами и не проводим плановым порядком перераспределения национального дохода, мы являемся тормозом необходимого перераспределения. В результате мы живем в состоянии растущего товарного голода» (стр. 230—231).

И в нынешней своей статье т. Преображенский говорит о каком-то «задержанном рефлексе закона ценности» в нашем хозяйстве, который приводит к повышению цен без соответственного стихийного перелива труда и средств производства в области производства дефицитных товаров». Откровенно говоря, нам кажется, что это «задержанный рефлекс» чего-то другого и во всяком случае без всякой ценности...

Итак, закон стоимости чисто сделал бы свою регулятивную работу, плановое же руководство нашей партии явно тормозит изживание товарного голода, наоборот—усиливает, углубляет диспропорциональность в хозяйстве.

Таково это «последнее слово» *ликвидаторства*, щеголяющего в тоге «левой» фразы.

Действительно, представим себе на секунду, как «закон ценности» устанавливал бы равновесие в нашем хозяйстве. Как будто *элементарно ясно*, что действие закона ценности безоговорочно привело бы к полному разбазариванию убыточной тяжелой промышленности. И если мы так *сравнительно твердо* стоим на ногах, как ныне, то *только благодаря плановому регулированию партии*, якобы, являющемуся «тормозом необходимого перераспределения», якобы, приводящему к «состоянию *растущего* товарного голода».

Ныне, с выступлением своего теоретика переходного периода, оппозиция *сама убила*, сделала *смешным* свое заявление насчет «хвостизма» партии, насчет «минималистской» ее установки в деле развертывания промышленности.

Что же касается наших экономистов переходного периода, то они, очевидно, далеко пойдут по пути апологии капитализма.

* * *

Оппозиционные экономисты с большой помпой начали свой «анализ» хозяйственной обстановки, складывающейся в первом квартале нынешнего хозяйственного года. На проверку оказа-

лось, что за этим «анализом» скрывается полное незнание предмета, путаница и изумительная «добросовестность» в приемах исследования. Они возвестили миру, что партия своей политикой лишь усугубила диспропорцию между промышленностью и сельским хозяйством, что товарный голод партией был просто-напросто срезан путем понижения сельскохозяйственных цен, повышения промышленных цен и бюджета. На проверку же оказалось, что здесь все напутано и что оппозиционные экономисты выбрали себе хорошее «основание»—*вздутые хлебные цены начала 1925—26 хоз. года.*

Вообще по поводу сравнения с первым кварталом пр. г. должна быть соблюдена весьма большая осторожность. Ведь, нужно иметь кочан капусты вместо головы и не быть ленинской партией, чтобы ориентироваться в хозяйственной практике на первый квартал 1925—26 г., когда весь народнохозяйственный организм уже начинало лихорадить.

Точно так же нельзя по одному кварталу окончательно судить о результатах борьбы с товарным голодом, ибо, напр., путем большей концентрации налога в одном квартале вполне возможно раздвинуть пред'явление спроса во времени, что в действительности и имело место.

И все же, если даже провести *полное сравнение* с этим первым кварталом, то и тогда результаты получаются иные, чем у оппозиционных экономистов. По подсчетам Кон'юнктурного Совета Госплана, валовая выручка крестьянства от реализации сельскохозяйственной продукции по плановым и неплановым заготовкам для периода июль—сентябрь 1926 г. составила 515 млн. р. и для октября—декабря—1.055 млн. р., а всего с начала сельскохозяйственной кампании—1.570 млн. р., или на 2 процента выше соответствующих данных предшествующего года. Но так как за этот же период в 1926 г. внесено было 240 млн. р. сел.-хоз. налога против 125 млн. р., уплаченных в 1925 г., то, за вычетом с.-х. обложения, покупательный фонд деревни определялся в номинальном выражении за полугодие 1926 г. в 1.330 млн. руб. против 1.420 млн. руб., вырученных деревней в 1925 году.

В «Экон. Жизни» были опубликованы подсчеты Наркомторга, суть которых мы здесь изложим[1]). Эти подсчеты касаются первого квартала. Денежный доход деревни *увеличился* согласно этих подсчетов *на 7% по сравнению с первым кварталом 1925—26 г.* Однако, за вычетом сел.-хоз. налога и др. денежных платежей, платежепокупательный фонд деревни на промтовары останется на уровне пр. года.

Что касается спроса городского населения, то—наперекор намекам или заявлениям оппозиционных экономистов о его падении—он показывает дальнейший под'ем. Фонд зарплаты возрастает по сравнению с первым кварталом предыдущего года на 19—22%. Наркомторг принимает увеличение общего дохода городского населения в 14%. При этих условиях *общий покупательный фонд города и деревни увеличился на 5%.*

На стороне предложения промышленных товаров мы имеем *увеличение предметов широкого потребления* государственной планируемой промышленности на *240 млн. р. по розничным ценам первого квартала пр. г.*

---

[1]) См. статью Залкинда в №№ 60 и 61 «Эк. Ж.» за 1927 г.

Но что происходит в области цен как по сравнению с предположениями, так и первым кварталом пр. г.? Вследствие снижения сельскохозяйственных цен платежепокупательный фонд деревни падает, и Наркомторг исчисляет это падение в сумме около 60 млн. руб. Падение реального покупательного фонда всего населения вследствие роста промышленных цен по плановому государственному производству Наркомторг исчисляет тоже в 60 млн. руб. Таким образом, мы имеем сумму в 360 млн. руб., *две трети которой покрываются увеличением реального предложения промышленной продукции и одна треть—падением покупательного фонда вследствие вышеуказанной динамики промышленных и сельскохозяйственных цен.* Повторяем еще раз, эти расчеты построены на сравнении с первым кварталом истекшего хозяйственного года.

Так обстоит дело, если делать подсчеты, а не заниматься пустой болтовней. Эти подсчеты полностью подтверждают то, к чему пришли мы, анализируя отдельные стороны вопроса.

Так обстоит с якобы отрицательными методами борьбы с товарным голодом со стороны нашей партии. Так действительность *без остатка взрывает* нынешние утверждения оппозиции, что «политикой цен, косвенным обложением и водкой», а не увеличением промпродукции и ростом доходов, будто бы решаются очередные задачи в области хозяйства.

Может ли партия быть довольна такими результатами первого квартала? И да, и нет. Партии удалось преодолеть прошлогодние хозяйственные затруднения. Партия *переломила* повышательную тенденцию цен. Принятыми мерами она охранила устойчивость червонца, что уже привело к некоторым *новым* явлениям в хозяйственной обстановке, которые, конечно, *полностью проглядели* оба оппозиционных экономиста. Речь идет о *росте денежных накоплений* (безостановочный рост вкладов в сберегательных кассах)[1]) и помещений в займы (30-миллионный заем 1926 г.). *Этот чрезвычайно важный процесс роста денежных накоплений стал возможным лишь на основе той политики, которую осуществляла партия, и лишь в результате той борьбы за твердую валюту, которую*—наперекор предложениям т. Преображенского и иже с ним—*партия провела в пр. году.*

Вторым новым моментом в хозяйственной кон'юнктуре является обострение вопроса об *ассортименте* и *качестве промышленных изделий.* Физический спрос на промтовары в основном удовлетворен. В связи с ростом благосостояния требовательность населения возрастает—и государственная промышленность обязана это обстоятельство полностью учесть в своей работе. Иначе неизбежно усиление тех явлений затоваривания на основе несоответствующего ассортимента и неудовлетворительного качества товара, которые имели место в отдельных отраслях промышленности. Это обстоятельство также упущено в анализе тт. Преображенского и Смилги. Между тем, *вопросы качества и ассортимента будут играть важнейшую роль.* Упустить этот вопрос было бы грубейшей ошибкой.

---

[1]) Остаток вкладов составлял: на 1/X 1925 г.—33,5 млн. р., на 1/X 1926 г.—86,0 млн. р., на 1/I 1927 г.—114,6 млн. р., на 1/III 1927 г.—134,3 млн. р. За тот же период количество вкладчиков возросло с 818 тыс. чел. до 1.663 тыс. чел. Эти цифры лишний раз свидетельствуют о *под'еме*, а не *падении* страны и доходов населения.

Партия добилась в первом квартале установления известного равновесия в хозяйственной жизни. Несмотря на предсказания оппозиции, несмотря на путаницу в контрольных цифрах Госплана с товарным голодом и т. д., в течение первого квартала достаточно успешно вырешались основные вопросы реализации урожая. Всем известно, что, напр., хлебозаготовки за первую половину кампании на 35% выше прошлогодних. Экспорт хлеба также удалось более или менее наладить. Накоплен уже некоторый валютный фонд. Что касается развертывания промышленности, то оно превышало намеченный план 20-процентного годового развертывания, достигнув 26% роста, по сравнению с первым кварталом пр. г. План капитальных работ установлен даже больший, чем предлагали оппозиционеры. Тем, что партия передвинула сроки взноса сельскохозяйственного налога в большей части на первый квартал, она, несомненно, уменьшила размеры товарного голода. Весьма возможно, что здесь можно было сманеврировать на меньшую сумму—об этом можно спорить—но только оппозиционные экономисты могут при этом болтать об «отрицательных методах» изживания торгового голода.

Таковы важные положительные итоги первого квартала.

Но партия одновременно и *не удовлетворена* достигнутым. Ибо *стабилизация промышленных цен при падении цен сельскохозяйственных означает раздвижение «ножниц»*, что и имело место в течение первого квартала. Раздвижение «ножниц» ухудшает взаимоотношения рабочего класса с крестьянством. *Поэтому партия не может не насторожиться.* Она настораживается тем более, что *еще в прошлом году можно было констатировать*—в результате ошибок в регулировании сельскохозяйственных цен—*приостановку роста или даже падение сельскохозяйственных технических культур.* Об этом было ясно сказано в резолюции XV партийной конференции. Можно считать, что к настоящему времени допущенные ошибки и промахи во многом исправлены. Факт приостановки роста сел.-хоз. технических культур выявил теснейшую связь и взаимозависимость между ростом промышленности и сельского хозяйства, между промышленным накоплением и накоплением в сельском хозяйстве. Именно поэтому партия отвергала и отвергает все предложения оппозиции об усилении перекачки средств из сельского хозяйства в промышленность. Еще и еще раз на примере сельскохозяйственных технических культур оппозиционная программа бита жизнью.

Наконец, *разрыв сбытовых и заготовительных цен на хлеб*, несмотря на достижения последних месяцев, не может не приковывать к себе внимания партии. Высокие накладные расходы и усиленное накопление хлебозаготовительных и торгующих органов являются здесь теми элементами, по которым надо ударить и по которым уже ударили [1]).

[1]) Не слишком ли зачитались товарищи из хлеботоргующих организаций «Новой Экономикой» т. Преображенского? В частности, не увлеклись ли они следующим местом на странице 75 первого издания: «Примером такого накопления (речь идет о накоплении на основе торгового обмена. *Г. К.*) может служить, напр., закупка у крестьян хлеба, продуктов питания вообще тем же «Хлебопродуктом» и продажа их частным потребителям на городских рынках. Торговая прибыль, получаемая таким образом, есть, в сущности, вычет из дохода производителей, продающих государственному органу или организации свои товары. Когда органы госторговли и кооперации реализуют среди частных потребителей продукцию не только крестьян, но и кустарей, ремесленников и частных предпринимателей и получают при этом прибыль, то эта часть прибыли госторговли и кооперации представляет собой рассматриваемый нами источник социалистического накопления... Здесь происходит (к сожалению, пока в малом размере) накопление из фонда одной системы хозяйства в пользу другой... Но здесь возможна торговая политика и не в интересах социалистического накопления, а в интересах мелкобуржуазных производителей, имеющая своей целью сокращение вычетов из их доходов». Ясность формулировки совершенно исключительная. Читателю чрезвычайно легко оценить все лицемерие т. Смилги, когда он в своей атаке против партии думает использовать разрыв заготовительных и сбытовых цен на хлеб.

Таким образом, под'ем на *новую высшую ступень* выявил и *новые затруднения*, которые должны и будут решены под правильным руководством ленинской партии.

Важнейшим рычагом, при помощи которого будут разрешаться эти новые сложные задачи, является *снижение промышленных цен—розничных и оптовых*—и смыкание таким путем «ножниц» между промышленными и сельскохозяйственными ценами.

Конкретные методы и пути этой борьбы намечены. Нужная расстановка сил произведена. Внимание широчайших масс рабочих и крестьян к этой борьбе приковано, их участие в ней со дня на день углубляется.

Борьба предстоит тяжелая. Ведь здесь идет речь о том, чтобы в первую голову уменьшить расходы, поглощаемые сферой обращения. Улучшение и удешевление торговой сети. Сокращение торговых и накладных расходов. Установление и проведение пониженных розничных накидок. Упорядочение каналов накопления и установление минимального предельного процента торговой прибыли, включаемой в калькуляцию и т. д. Действительным проведением этих мероприятий мы добьемся снижения промышленных цен и переломим те неблагоприятные явления, какие порождаются обстановкой товарного голода и почти монопольным положением на рынке государственных торгово-промышленных и кооперативных организаций. Мы изживем таким путем новые затруднения и новые препятствия. Мы добьемся *более быстрого роста доходов* рабочего и крестьянина по сравнению с первым кварталом нынешнего года.

Что путь намечен правильный, доказывают цифры снижения промышленных цен в течение второго квартала.

*
* *

Наш анализ злоключений оппозиции был бы неполным, если бы мы не отметили факт *иных социальных мотивов* в нынешних рассуждениях оппозиции.

Она нападает сейчас на партию с другого конца. Если прежде альфой и омегой оппозиционных рассуждений являлись политика высоких промышленных цен и усиление перекачки ресурсов в государственный круг хозяйства; если этим методом она предлагала лечить товарный голод; если вдобавок к этому выдвигались мероприятия, исходящие из наличия падающей ва-

люты и положительного расчетного баланса деревни по отношению к городу; в частности, если вся эта программа мероприятий развивалась в трех предыдущих очерках «Экономических заметок» т. Преображенского,—то в настоящее время картина резко изменилась, в частности—и в установке и выводах четвертого публикуемого очерка «Экономических заметок» Е. А. Преображенского. Сейчас партия изобличается в том, что она действует методами перекачки ресурсов и высоких промышленных цен и загоняет таким образом внутрь болезни хозяйственного организма.

Хороший же аттестат выдает сама оппозиция своей же собственной программе, с таким рвением защищавшейся еще не так давно назад!

Если прежде партия обвинялась в том, что она проводит индустриализацию за счет рабочего класса, что в период хозяйственных затруднений она не охраняла интересов рабочего класса и не отстаивала достигнутого уровня реальной заработной платы, то в настоящее время в анализе хозяйственной обстановки оппозиция отделывается пустяковыми заявлениями насчет зарплаты и выражает свои мысли в сослагательном наклонении, а все удары сосредоточивает против партии по линии низких хлебных цен, исчисляя потери крестьян против вздутых хлебных цен начала прош. года.

Чем вызвано такое *идейное перевооружение оппозиции?*

Во-первых—невиданным поражением ее среди рабочего класса. У оппозиции оставался после этого только один выход—об'явить, что в нынешний период в рабочем классе доминируют больше цеховые настроения и тенденции.

Во-вторых, налицо новые затруднения, исходящие из деревни—затруднения, связанные с сельскохозяйственными техническими культурами, с некоторым раздвижением «ножниц». Эти новые затруднения не могли не вызвать новых настроений. Все эти новые социальные мотивы и находят ныне отражение в «программе» оппозиционного блока.

Оппозиционный блок, как блок оппортунистов, «реальных политиков», в достаточной мере чутко улавливает изменения обстановки. Тем более такой конгломерат мнений и настроений, как наш оппозиционный блок. Если в 1923 г. троцкистская оппозиция панически кинулась по линии «наибольшего нэповского давления», выдвинувши требование широкой товарной интервенции, если в 1925—26 г. она, «обогащенная» еще некоторыми недовольными элементами в нашей партии, кинулась в об'ятия «сверхиндустриализма»—и, в частности, об'явила ввоз товаров широкого потребления изменой делу социализма, то ныне естественно и неизбежно новое качание оппозиции. Недаром проводится уже аналогия с 1923 г. Оппозиционный блок «принципиален» лишь в одном—в своей беспринципности, в своем оппортунизме.

Но это новое качание оппозиции не явится неожиданным ни для партии, ни для рабочего класса. Партия с такой же выдержкой, как до сих пор, продолжит свою работу и будет добиваться и добьется устранения препятствий, стоящих на пути дальнейшего укрепления и углубления смычки с крестьянским хозяйством.

IV. Об одной глупой, но распространенной басне оппозиции.

Оппозиционный блок прежде всего пытается замести следы по вопросам политики цен. Еще бы! Ведь это центральный узловой пункт программы оппозиции. И жизнь беспощаднее всего ударила именно по этому центральному пункту.

Пытаясь замести следы, оппозиция ныне заявляет, что «говорить о чем-либо желании или намерении держать курс на высокие промышленные цены, значит бредить или стараться вызвать бред у других»; что «спор шел исключительно о том, как добиться на деле снижения цен и, в частности, спор шел об отношении между отпускными ценами и между розничными в данной конкретной обстановке». Тов. Зиновьев ныне подчеркивает, что еще на XV конференции т. Каменевым и т. Троцким было заявлено, что «мы стоим на точке зрения отрицания политики повышения цен».

Но тем большую ясность должна иметь партия по этому узловому вопросу.

Действительно, были споры относительно того, как сомкнуть оптово-розничные «ножницы». *И здесь столкнулись резко-непримиримо два ответа, две политики. Ответ партии:* оптово-розничные цены должны быть сомкнуты путем снижения розничных цен; к этому должна вести такая-то система мероприятий. *Ответ оппозиции:* оптово-розничные «ножницы» должны быть сомкнуты *путем под'ема отпускных оптовых цен промышленности.* Оппозиция *клала в основу* своих мероприятий факт высоких розничных цен, к которому и предлагала приспособить всю систему мероприятий. Оппозиция исходила из факта высоких розничных цен. Партия же исходила *из других фактов,* чтобы побороть факт высоких розничных цен; партия искала и находила в современной советской действительности *противоборствующие факту высоких розничных цен элементы.* Две резко очерченных политики, два диаметрально противоположных подхода, две разных системы мероприятий. Метафизическое мышление и оппортунистическое приспособленчество, преклонение перед «фактом»—с одной стороны; творческая работа по преобразованию фактов, исходя из других фактов, и материалистическая диалектика—с другой стороны [1]).

---

[1]) Неискушенный читатель, пожалуй, подумает, что диалектика тут ни при чем. Но давно уже известно, что оппортунизм в политике определенным образом увязывается с «сомнениями» и с пересмотром основных камней марксистского мировоззрения.

С этой точки зрения, пожалуй, самым злополучным из всех очерков «Эконом. заметок» тов. Преображенского является третий очерк («Большевик» № 15—16, 1926 г.), в котором поставлены некоторые общие теоретические проблемы. В этом очерке с особой силой выявляются «ножницы» между т. Преображенским и материалистической диалектикой.

Приведем следующее рассуждение т. Преображенского: «Они (оппоненты) договаривались в качестве общей директивы на будущее время до совершенно неверного экономического положения: сначала снижение цен, потом накопление, вместо единственно верного лозунга—сначала накопление, на основе его снижение себестоимости, а потом снижение цен» (стр. 80).

Совершенно ясно, что формула т. Преображенского неверна. Она метафизична. Под'ем советского хозяйства совершался и совершается, как это исчерпывающе раз'яснил еще в 24 г. т. Бухарин, путем отказа от части монопольных прибылей, ускорения оборота, расширения рынка, дальнейшего развертывания на этой основе промышленного производства и, след., снижения

Жизнь уже рассудила эти два подхода, две системы: в настоящий момент не только проводится смыкание оптово-розничных «ножниц» путем снижения розничных цен, но *снижаются также и оптовые цены на промтовары*. Установка оппозиции, предлагаемые ею мероприятия и предсказания биты еще и еще раз.

Итак, оппозиционный блок, предлагая сжатие оптово-розничных «ножниц» путем повышения оптовых цен, тем самым защищал *политику высоких промышленных цен*. Этот вывод—unantastbar, абсолютно обязательный. *Политика высоких промышленных цен есть политика оппозиционного блока.* И именно такая политика находит свое теоретическое обоснование в основных взглядах троцкизма, в теоретических работах т. Преображенского о переходном периоде и др.

Оппозиция за повышение отпускных оптовых цен. Но уже обоснование этого требования показывало, что для настоящего времени речь идет кое о чем большем. Для настоящего времени речь идеот фактически *о политике повышения цен вообще*, о достижении путем «правильной» политики цен такого предела, при котором перекачка ресурсов из «частного хозяйства» в «государственное хозяйство» производилась бы в максимально допустимых и технически возможных размерах. Оппозиция ставила под знак вопроса *всю* политику цен, проводимую партией. Приведем несколько самых резких и красочных формулировок.

Послушаем сперва тов. В. Смирнова, который в мае пр. г. писал: «Политику цен мы вели до сих пор *совсем под другим углом зрения*». «Но уже сейчас, *в момент перехода к реконструктивному периоду*... отрицательные результаты (такой политики цен) начинают выявляться—прежде всего в общем недостатке в промышленности средств, необходимых для ее развертывания, и, во-вторых, в недостаточном развитии... тяжелой промышленности и вообще производства средств производства» (курсив мой. *Г. К.*) («Красная Новь», кн. 5, стр. 162).

Тогда еще т. В. Смирнов высказывал взгляд, что повышение оптовых цен не вызовет повышения розничных.

На июльском пленуме ЦК 1926 г. т. Пятаков говорил: «Поэтому основная задача является в том, чтобы эту разницу между оптовыми и розничными ценами отчасти направить в госпромышленность, а не в карман частного капитала».

Мы приводили уже выше выдержки из «Экономических заметок» т. Преображенского, где обосновывалось то же.

Как известно, осенью пр. г. оппозиция чувствовала себя чуть ли не победительницей. Поэтому самые красочные определения политики цен падают на осень. Повторяем весьма стильную формулировку, данную т. Пятаковым в прениях в Ком. Академии: «Конечно, в отношении цен нужно вести политику гораздо более умную, чем мы вели до сих пор. Ведь чистоту риз мы уже запачкали, когда в начале 1925—26 г. отказались от дальнейшего снижения цен». («Вестник Ком. Академии». Кн. 17, стр. 215). Тов. Преображенский на том же заседании в Ком. Академии по поводу нынешних переплат крестьянства на промышленных товарах,—переплат, которые партия считает великими, заявил, что «это уже не так страшно» (стр. 225). Тут уже речь идет о розничных ценах, и это восклицание т. Преображенского как рефлектором освещает *всю позицию* оппозиционного блока.

Оппозиция защищала повышение отпускных оптовых цен, и это являлось центральным пунктом программы оппозиции. До поры до времени оговаривалось, что повышение отпускных цен не повлечет за собой повышения розничных.

Эта оговорка, конечно, в корне ложная. И сама оппозиция это чувствует, не может не чувствовать. А в моменты воображаемого своего «торжества» она это открыто признавала.

Но прежде всего, всегда ли только при наличии оптово-розничных «ножниц» оппозиция требовала повышения отпускных цен? Если бы эту оговорку кто-нибудь, в том числе оппозиция, брал всерьез, то можно было бы ожидать, что повышение отпускных цен выдвигается только в условиях оптово-розничных «ножниц». Но ведь мы все знаем, что исторически дело обстоит не так. Знаменитый июльский приказ т. Пятакова от 1923 г. о достижении наибольшей прибыли был издан в условиях *дезорганизации* розничной накидки и в свою очередь ее дезорганизовал. Все мы знаем, что к октябрю 1923 г. установились совершенно неприемлемые розничные накидки, составлявшие, по исчислениям ВСНХ, всего 8% вместо 20—25% довоенных. Этого факта не отрицают и оппозиционные экономисты. Если еще в мае пр. г. т. В. Смирнов писал о том, что «едва ли кому придет в голову утверждать, что в то время накидки на оптовые цены были чересчур малы», то уже в сентябре т. Майзлину «пришло в голову утверждать» это (см. «Большевик», № 18 за 1926 г., стр. 114).

Итак, во-первых, история опровергает оговорку о том, что повышение оптовых цен не приведет к повышению розничных цен.

Во-вторых, те, кто оперирует «ножницами» между ценами на частном рынке и отпускными оптовыми государственными ценами, *забывают про кооперацию*. Повышение оптовых цен (равняясь на розничные цены частного рынка) неизбежно вызывает повышение на определенный процент розничных цен кооперации и госторговли. Это обозначает увеличение общего уровня розничных цен. Не видеть этого повышения может лишь тот, кто не замечает кооперации. Забвение же кооперации, как агента социалистического строительства, заложено в общих взглядах оппозиции.

В сентябре в программной статье Майзлина оппозиция уже отбросила оговорку относительно розничных цен. Она обосновывала свои расчеты, *исходя из повышения розничных цен кооперации*—вслед за повышением оптовых.

Политика оппозиции обозначает политику высоких промышленных цен, политику повышения цен. Ныне оппозиция делает попытку замазать этот основной факт, зайти партии в тыл и критиковать ее за явно недостаточное снижение цен.

Но и в настоящее время, когда жизнь прямо-таки поиздевалась над предложениями оппозиции, стоит ли действительно оппозиция на платформе серьезного смыкания «ножниц», или здесь больше дипломатии, истерики, метания из стороны в сторону—без отказа от основных принципов усиленной перекачки ресурсов из крестьянского хозяйства в промышленность?

себестоимости, увеличения таким образом накопления, дальнейшего снижения цен и т. д.

Метафизическая постановка т. Преображенского должна быть отброшена. Она безжалостно бита жизнью.

V. О задаче снижения оптовых цен и о противодействии т. Преображенского.

Тов. Преображенский на этот счет не оставляет никаких сомнений. Об очередной задаче снижения оптовых цен, он пишет: «Я считаю, что расстрелять эти патроны мы всегда сумеем. Все дело в том, чтобы дошло до потребителя... Задача состоит в том, чтобы, избегая всякого огульного снижения цен, провести его в такой момент, когда это снижение целиком и полностью дойдет до потребителя и когда будет гарантия, что из торговой сети выжато все, что возможно, для уменьшения розничных цен».

Таким образом, т. Преображенский не видит в настоящее время задачи снижения оптовых цен. Здесь та же исключающая метафизическая постановка: *сперва* розничные цены, *потом* оптовые. Диалектического переплетения этих задач т. Преображенский не видит. Тов. Преображенский против снижения оптовых цен в настоящее время. По существу такую же позицию занимала оппозиция и на последнем февральском пленуме ЦК.

Верна ли эта позиция? Нет, неверна. В настоящее время перед партией поставлена задача снижения также и оптовых цен. *Смыкание «ножниц» должно быть проведено и за счет снижения оптовых цен.* И в корне неправилен такой подход, когда на снижение оптовых цен смотрят, как на расстреливание патронов. Это не расстреливание патронов, но путь дальнейшего укрепления смычки с крестьянством. Ведь мы имеем в нынешнем хозяйственном году и некоторый рост оптовых «ножниц». Если в 1925—26 г. раствор оптовых «ножниц» составлял: на 1 октября—1,25; 1 ноября—1,26; 1 декабря—1,22 и 1 января—1,17, то в нынешнем году мы имеем соответственно: 1,30; 1,31; 1,32 и 1,32. Только с февраля намечается некоторое смыкание (1 февраля—1,29; 1 марта—1,26). Вот экономический факт, который нужно оценить.

Смыкание оптовых «ножниц» в прошлом году проходило в значительной мере на основе непомерного роста хлебных цен. В нынешнем году сельскохозяйственные цены удалось снизить и установить на более или менее нормальном уровне. Но к этому сниженному уровню сельскохозяйственных цен не был приближен уровень промышленных цен. Между тем уровень сельскохозяйственных цен должен быть удержан во что бы то ни стало. Поэтому в настоящее время необходимо снижение не только розничных, но и оптовых цен. Поэтому по директиве партии и намечено снижение отпускных оптовых цен на ряд промышленных товаров (льняная промышленность, камвольная промышленность, трикотажная, лесная, электротехническая, лако-красочная, сахарная и др.).

Намеченное снижение оптовых цен, конечно, должно быть целиком доведено до потребителя. Исходя из этого условия, и был намечен список товаров, цены на которые должны быть снижены. Соответственная мобилизация проведена ныне по всей товаропроводящей сети. *Однако, снижение оптовых цен может быть доведено до потребителя лишь при том условии, если начисто отвергнуть то отношение к кооперации, каким проникнута вся «Новая экономика» т. Преображенского и которое нашло достаточное выражение в его четвертом очерке «Экономических заметок».*

В свое время уже достаточно были освещены предложения оппозиции о том, чтобы из'ять государственные средства из кооперации. Что этот рецепт обозначает значительное увеличение роли частного капитала в сфере обмена,—не нуждается в пояснениях. Да и достаточно ясно говорили об этом сами авторы предложения. Нет нужды также доказывать, что осуществление этого предложения оппозиции привело бы к величайшим затруднениям в строительстве социализма.

Ныне т. Преображенский с другого конца продолжает свою атаку на кооперацию. Он, видите ли, является таким борцом за снижение цен, что предлагает меры, которые действительно приведут к максимальному снижению. Но предоставим слово самому т. Преображенскому. «Надо положить за правило, что ни кооперация, ни госторговля не должны в ближайшие годы, по крайней мере, иметь прибылей в период повышения или стабильности розничных цен».

Действительно, не мытьем, так катаньем.

Правильно ли это предложение т. Преображенского о полном отказе от прибылей? Нет, неправильно. Это лишь жест в общем потоке «идейного перевооружения» оппозиции. Под левой фразой о защите интересов потребителя скрывается правое содержание продолжения похода против кооперации.

Советская кооперация должна быть сильной и передовой. Она должна с величайшей четкостью проводить директивы партии. Партия ограничила накопление кооперативной системы, которое приняло за последний период, в обстановке товарного голода, сплошь и рядом уродливые формы. Но лишать кооперацию прибылей совершенно—было бы неправильно. Прибыли нужны кооперативной системе как для обеспечения роста оборотов, так и для улучшения техники своего аппарата.

Что т. Преображенский продолжает свой поход против кооперации,—об этом свидетельствует еще следующая весьма подозрительная формулировка в той же статье: «Наконец, не мешало бы подумать, нельзя ли на ближайший год—два перебросить часть затрат труда из кооперации и госторговли, труда слишком дорогого, на самого потребителя... ...Нельзя ли вместо приближения товара к потребителю несколько усилить приближение потребителя к товару. Короче: нельзя ли ликвидировать те предприятия госкооперативной сети, которые не нагружены до известного минимума оборота на рабочую силу».

До сих пор мы полагали, что кооперация и является *организацией потребителя*, пусть еще скверной, но, во всяком случае, из года в год улучшающейся. Поэтому мы считали экономически неграмотным противопоставление кооперации и кооперативных средств, куда в возрастающей доле входят средства населения, потребителю и средствам потребителя. Товарищ же Преображенский ныне сделал весьма важное экономическое открытие, ставящее на голову эти наши представления. По мнению т. Преображенского, ликвидацией организаций потребителя—кооперативов—можно приблизить потребителя к товару.

Практическое значение предложений т. Преображенского очевидно. При такой кооперативной «политике» нечего думать о доведении снижения оптовых цен на промтовары до потребителя.

Следующий основной вопрос, который должен быть решен при осуществлении намеченного снижения оптовых цен, заклю-

чается в том, как повлияет это снижение на фонд промышленного накопления. Не ставятся ли под удар намеченные капитальные работы в промышленности? По подсчетам ВСНХ, снижение оптовых цен должно составить сумму до 150 млн. р. Однако, *оно не касается фонда накопления* и проводится за счет реального снижения себестоимости. Проводимым снижением оптовых цен партия снова и снова ставит в упор перед хозяйственниками задачу улучшения своего хозяйства, удешевления и рационализации производственных процессов и всей организационной структуры промышленности. Снижение оптовых цен является превосходным средством борьбы с монопольным закостенением и вообще с отрицательными сторонами монополии.

Задача максимального снижения себестоимости промышленных товаров, таким образом, во весь рост поставлена перед хозяйственниками. Расчетами контрольных цифр Госплана и в этой области нельзя было удовольствоваться: стабилизация себестоимости на прошлогоднем уровне неприемлема. Верно, что процесс снижения себестоимости—вместе с исчерпанием ресурсов восстановительного периода—пойдет значительно медленнее. 30—40% снижения себестоимости за восстановительный период отходят в прошлое. Сейчас мы имеем уже дело с 4—5% снижения, каковой процент снижения и намечен для нынешнего года. Если в прошлом году наше хозяйство потерпело в деле снижения себестоимости *крупнейшую неудачу*, то связана эта неудача в значительной мере с прошлогодними хозяйственными затруднениями и нисколько не говорит против реальности директивы, данной в нынешнем году. Промышленность имеет возможности снижения себестоимости, и связаны они как с окончательной загрузкой основного капитала, так и с энергичной рационализацией всего производственного процесса и всей организационной структуры промышленности (системы управления), а также с более полным использованием новой, улучшенной техники.

Таким образом, оппозиция и здесь—в вопросе о снижении оптовых цен—занимает «хвостистскую» позицию и мешает проведению правильной хозяйственной политики в соответствии с народнохозяйственной обстановкой. На словах защищая смычку, пытаясь критиковать партию с точки зрения недостаточности снижения цен, перевооружаясь идейно, оппозиция попрежнему занимает свои цеховые позиции и противится очередной мере, ведущей к укреплению смычки,—снижению оптовых цен на ряд изделий промышленности.

VI. Заключительный аккорд оппозиционных экономистов.

Оппозиционные экономисты, разнося политику партии, натянули под конец струны до последней возможности и издали аккорд, поистине достойный эпохи.

Они дали в заключение общую оценку переживаемой фазы нэпа, и эта их оценка гласит: «Одно ясно. Мы, может быть, и вступили в новую, высшую фазу нэпа, ...но порядка в этой фазе еще меньше, чем было раньше» (из статьи т. Смилги).

По существу к такому же выводу приходит и т. Преображенский, подводя итоги регулирования торговли за годы нэп'а.

«Порядка в этой фазе еще меньше, чем было раньше».

В этой оценке не осталось уже ничего от великолепной «исторической музыки растущего социализма», которую слышал

т. Троцкий осенью 1925 г. Тем самым доказано лицемерие, скрытое под этой красивой и эффектной фразой. Политика партии, оказывается, приводит к еще большему непорядку, чем до сих пор.

Нэп—это правильная политика переходного периода, на рельсах которой мы завоюем социализм. В нэпе было несколько периодов: период отступления, приостановки отступления и перегруппировки сил и период наступления. Восстановительный период ныне закончен. Страна вступила в новый период реконструкции. Каково основное содержание этого периода? Основное содержание его—планомерная работа по органической перестройке экономической и технической базы общества и, тем самым, по переводу мелкого хозяйства на рельсы крупного социалистического хозяйства. *Систематическое, уверенное наступление социализма на остатки капитализма в нашей стране*—вот основная характеристика этого периода.

Кто это оспаривает, тот обнаруживает полное непонимание эпохи, тот не способен об'ять все величие строительной работы социализма. Это и случилось с оппозиционным блоком. С этой своей *упадочной* установки он и критикует каждый шаг ленинской партии.

Но партия выросла. Партия сплотилась. Она закалилась в борьбе. Наскоки оппозиционного блока она отражает со все меньшими затратами сил и времени—и спокойно переходит к очередным делам социалистического строительства.

* * *

На этом мы прощаемся с оппозиционными экономистами.

Недавно один из них—т. Смилга—обогатил экономическую литературу Советского Союза новым томом, в 500 страниц, собрания своих статей и речей за период с 1921 по 1926 г. В предисловии сам автор весьма остроумно и метко оценивает этот свой вклад: «Литературная продукция автора является как бы результатом использования отработанного пара».

Оппозиционный блок имеет, таким образом, весьма ценное приобретение. «Пар» оппозиции иссякал. Машина начинала давать крупные перебои. Ныне оппозиция получила подкрепления: ее иссякающий пар усилен отработанным паром т. Смилги. Нет и не может быть поэтому сомнений в том, что на «отработанном паре» т. Смилги оппозиционный блок ожидают крупнейшие достижения как в науке, так и в политике.

О post-scriptum'е тов. Преображенского. В порыве самопожертвования т. Преображенский согласен взвалить на себя одного исключительно громадное бремя ответственности за «Новую экономику». Он заявляет, что за книгу несет ответственность в качестве автора он один и что никаким символом веры оппозиции она не является. Сознаемся—мы никогда не собирались умалять полной ответственности т. Преображенского, как автора: т. Преображенский уже вошел в историю, как открывший великий «закон первоначального социалистического накопления» и с удивительной дальнозоркостью изобразивший внутренние пружины действия этого закона—в ходе завоевания социализма.

Но вот насчет символа веры—это напрасно. В компетентные свидетели наших весьма основательных сомнений призовем тов.

Е. А. Преображенского из третьего очерка «Экономических заметок». Там на протяжении целых трех страниц перед взорами ошеломленного читателя проходит вся грозная цепь прегрешений партии, начиная с 1923 г., а также весь мартиролог оппозиционных усилий в борьбе за «истинно-ленинскую» хозяйственную политику. Здесь и доклад т. Троцкого на XII с'езде партии, здесь и выступление т. Пятакова на XIII партконференции, затем снова т. Троцкий и т. д. *На видном же месте этой оппозиционной цепи, в качестве органического ее звена, т. Преображенским помещен открытый им в 1923 г. «закон первоначального социалистического накопления»*, который, оказывается, давал «правильный прогноз назревавших трудностей, которые для всех стали ясными через полтора—два года» (см. «Большевик», № 15—16 за 1926 г., стр. 80—83).

В этой тяжбе между двумя Преображенскими, затеянной нынешним пост-скриптумом т. Преображенского, несомненно, прав т. Преображенский из третьего очерка «Экономических заметок».

Но что же заставило тов. Преображенского сделать такую приписку к его IV очерку «Эк. заметок»? Что привело к такому противоречию между «Эк. заметками» № 3 и «Эк. заметками» № 4?

Развал оппозиции. *Г. К.*

К. Розенталь.

К вопросу об основном капитале нашей промышленности.

Статистические данные о величине основных фондов нашей промышленности и ее динамике страдают чрезвычайной разноречивостью.

По данным «Баланса народного хозяйства Союза ССР 1923—1924 года», одного из наиболее солидных источников цифр по этому вопросу, движение основного капитала фабрично-заводской (цензовой) промышленности в миллионах довоенных рублей представляется в таком виде:

Движение капитала ф.-з. (цензовой) промышленности за 1913—1924 г.
(в милл. довоен. рублей).

Годы	Капитал к началу года		Вложения		Снашивание		Прирост или убыль	
	Абс.	В %	Абс.	В %	Абс.	В %	Абс.	В %
1913	3.538	100,0	—	—	—	—	—	—
1914	3.740	105,7	327	8,7	125	3,3	+ 202	+ 5,4
1915	3.899	110,2	291	7,5	132	3,3	+ 159	+ 4,4
1916	4.036	114,1	274	6,7	137	3,3	+ 137	+ 3,4
1917	4.047	114,4	153	3,7	142	3,5	+ 10	+ 0,2
1918	3.913	110,6	43	1,1	177	4,5	— 134	— 3,4
1919	3.714	105,0	32	0,8	230	6,1	— 198	— 5,3
1920	3.532	99,8	20	0,5	202	5,7	— 182	— 5,2
1921	3.364	95,1	19	0,5	187	5,5	— 167	— 5,0
1922	3.210	90,8	30	0,9	183	5,4	— 153	— 4,5
1922/23	3.139	88,7	42	1,3	113	3,6	— 71	— 2,3
1923/24	3.108	87,9	82	2,6	113	3,5	— 30	— 0,9

Основной капитал промышленности растет вплоть до 1917 г. включительно [1]), при чем за четыре года—1913—1917—основные фонды промышленности показывают увеличение на 519 милл. рублей или на 14,4% по отношению к 1913 году. Но уже с 1917 года основные фонды промышленности начинают уменьшаться, и к 1923—24 году оказывается сведенным на нет не только прирост военного периода, но и уничтожена значительная доля основных фондов, состоявших к 1913 г. Основной капитал снижается до 3.108 милл. или 87,9% к 1913 году и 76,8% к 1917 году. Надо при этом заметить, что из этой цифры в 3.108 милл. не вычтен прямой военный ущерб, определяемый в 345 млн. рублей. С учетом же военного ущерба основные фонды промышленности должны были бы показать сокращение на колоссальную сумму в 1 миллиард 400 миллионов рублей по сравнению с 1917 годом и на 765 миллионов р. по сравнению с 1913 годом.

Существенно отличный (от данных «Баланса») ряд цифр, показывающих динамику основного капитала, дает Струмилин. В его исчислениях основные фонды промышленности в реальной оценке, т. е. с учетом технического и морального износа, изменялись так (в млн. дов. рубл.):

1913 г. . . .	3.000 млн.	1916 г. . . .	3.326 м. р.
1914 г. . . .	3.125 »	1917 г. . . .	3.530 »
1915 г. . . .	3.225 »	1918 г. . . .	3.677 »

Иначе говоря, за пять лет основные фонды промышленности возросли на 677 милл. руб. Но уже следующие 7 революционных лет показывают картину медленно-неуклонного уменьшения фабрично-заводского имущества. И с 3.677 милл. в 1917—18 г. основные фонды промышленности снижаются до 2.685 милл. к 24—25 г., т. е. на 992 милл. рублей. Если же к этой цифре прибавить 345 милл. рублей военного ущерба, то уменьшение основных фондов выразится в круглой цифре 1.340 милл. рублей по сравнению с 1917 г.

Таким образом, в результате интервенции и гражданской войны, в результате отсутствия необходимого за нашими предприятиями надзора и охраны, отсутствия возмещения износа основные фонды промышленности оказались уменьшенными не меньше чем на $^1/_3$. На одну треть наша промышленность оказалась беднее к тому моменту существования нашего Союза, когда мы оказались в состоянии перейти от «проедания» наших основных фондов к их расширенному воспроизводству. Если же, наконец, учесть «моральный» износ основного капитала, то стоимость его не должна будет превышать 60% или $^3/_5$ прежней, восстановительной стоимости.

Не все части основного капитала подвергались в одинаковой степени техническому износу и, тем более «моральному». Меньше всего, очевидно, должны были пострадать постройки и сооружения и в значительно большей мере машины и оборудования. Существующие данные (см. «Баланс народного хозяйства СССР 1923—24 г.») целиком это подтверждают.

---

[1]) По данным С. Струмилина—до 1918 г. включительно.

Движение капитала ф.-з. (цензовой) промышленности (в милл. довоен. рублей)

Годы	В том числе: Постройки			Маш. и оборудование			Проч. виды к-ла		
	Милл. руб.	В % к 13 г.	В % к 17 г.	Милл. руб.	В % к 13 г.	В % к 17 г.	Милл. руб.	В % к 13 г.	В % к 17 г.
1913	1.646,1	100,0	—	1.758,4	100,0	—	133,5	100,0	—
1914	1.744,2	105,9	—	1.856,2	105,5	—	139,8	104,5	—
1915	1.819,4	110,5	—	1.934,8	110,0	—	145,1	109,0	—
1916	1,884,9	114,4	—	2.001,9	113,8	—	149,5	112,0	—
1917	1.892,5	114,9	100,0	2.006,1	114,1	100,0	148,7	111,2	100,0
1918	1.840,1	111,7	97,3	1.929,9	109,7	96,1	143,1	107,5	96,6
1919	1.755,1	106,6	92,7	1.821,5	103,5	90,2	138,0	103,7	93,2
1920	1.676,7	101,8	88,5	1.722,1	97,9	85,8	133,3	100,0	89,8
1921	1.604,6	97,8	84,2	1.630,6	92,7	81,2	128,9	96,2	86,4
1922	1.538,3	94,0	81,2	1.547,6	87,9	77,1	125,0	93,9	84,4
1922/23	1.511,8	92,3	79,8	1.506,4	85,6	75,0	121,6	90,9	81,7
1923/24	1.514,6	92,5	80,0	1.476,6	83,9	73,5	117,7	87,9	79,0

Приведенные выше данные «Баланса», не учитывающие, как сказано, ни «морального» износа, ни прямого ущерба от войны и интервенции, говорят о том, что основные фонды промышленности больше всего сократились как раз в части машин и оборудования и значительно меньше в части построек и сооружений. Если же предположить, что прямой военный ущерб равномерно распределился по всем частям основного капитала (чего на самом деле допустить, конечно, нельзя; несомненно, что и здесь он в большей мере коснулся машин и оборудования), то стоимость машин и оборудования должна была бы понизиться до 65% их первоначальной стоимости. Учет же «морального» износа должен был бы эту цифру понизить еще больше.

Этому уменьшению основных фондов промышленности соответствовало катастрофическое падение *металлургического* производства. Выплавка чугуна упала с 256,8 милл. пуд. в 1913 г. до 39,8 милл. пуд. в 1923—24 или на 84,5%; выплавка стали за эти же годы упала с 263,9 милл. пуд. до 60,6 милл. пуд. или на 77%; прокат металлов понизился с 219,4 милл. пуд. до 41,8 милл. пуд. или на 80,9%.

Такая же, в основном, картина рисуется и в области машиностроения, с тем, впрочем, отличием от динамики основных фондов промышленности в целом, что здесь падение начинается уже с 1917, а не 1918 года. По данным ЦСУ (ч. XXVI) динамика производства промышленного оборудования (фабрично-заводской промышленностью) представляется в таком виде (в милл. дов. рубл.):

	1913	1914	1915	1916	1917	1918 I пол.
1. Силовое и технич. оборуд. для промышл. заведеий	42,7	42,0	43,3	52,8	27,7	7,5
В том числе:						
Оборуд. силов. устан. . . .	17,2	18,4	18,6	19,2	11,5	4,4
Технич. оборуд. пр-ва . . .	25,5	23,6	24,7	33,6	16,2	3,1

Данные эти, несомненно, неполные, отнюдь не охватывают всей совокупности промышленного оборудования внутреннего производства, но охватывают они один и тот же круг предприятий и поэтому динамику производства отражают, повидимому, правильно. В части оборудования силовых установок производство 1917 г. составляет только 66,8% производства 1913 года, а в части, касающейся технического оборудования, еще меньше — 63,6%. Значительно упал и ввоз промышленных машин: со 109 милл. руб. в 1913 году до 2,5 милл. рублей в 1921 г. и до 6,9 милл. р. в 24 г.

Таким образом, износ промышленного оборудования не покрывался, да и не мог быть покрытым в условиях столь резкого падения металлургического производства, падения производства промышленного оборудования, сказавшегося уже в 1917 году и значительного сокращения (а в первые годы революции и полного прекращения) ввоза промышленного оборудования.

По отдельным отраслям промышленности и по отдельным видам промышленного оборудования этот непокрытый, невозмещенный износ из-за прекращения сколько-нибудь значительных вложений сказался особенно резко. В хлопчато-бумажной промышленности, например, мы имеем, при предельном возрасте машин в 25 лет,—18,5% с возрастом от 35 до 70 лет, 30,9% от 25 до 35 лет и 50,6%—с возрастом 25 лет. Почти половина машин хлопчато-бумажной промышленности перешла предельный для их жизни возраст, а другая половина стоит на его грани.

Не менее тяжелая картина представляется и в части тепло-силового хозяйства наших предприятий. Произведенное в свое время ГЭУ ВСНХ анкетное обследование тепло-силового хозяйства показало, что в Московской губернии около 40% паровых котлов работают свыше 25 лет, $^2/_3$ всего числа паровых машин также перешли 25-летний возраст. Примерно, такое же положение оказалось и в Нижегородской губернии, где паровых котлов старше 25-летнего возраста—28%, а паровых машин—60%. И даже двигатели внутреннего сгорания показывают значительный процент, перешедший предельный возраст [1]). Нечего и говорить, что такое состояние тепло-силового хозяйства наших предприятий, помимо прямой угрозы отказа от работы, тяжело давило на себестоимость промышленных изделий, в чудовищных размерах пожирая необходимое для них топливо и давая незначительный эффект.

Все это—результаты того, что в годы войны и интервенции, в годы всеобщей разрухи и голода воспроизводство основного капитала оказалось в корне нарушенным. Мы не только не имели *расширенного* воспроизводства, но и проедали, разрушали тот основной капитал в виде зданий, машин, оборудования и т. п., который у нас имелся.

Проблема основного капитала, как практическая проблема, встала перед нами еще в 1924 году, после того, как мы сумели преодолеть существовавшую разруху, когда «кривая» нашего хозяйства после катастрофического падения вниз начала уверенно ползти вверх—но особенно остро она встала именно теперь, когда

[1]) См. Гинзбург—«Проблема капитала в советской промышлинности».

наличные материально-технические ресурсы в основном исчерпаны и когда сколько-нибудь значительное снижение себестоимости и повышение производительности труда не мыслится вне реконструкции материально-технической базы самой промышленности.

В какой мере наша техническая отсталость влияет на производительность труда, а, следовательно, и на себестоимость, достаточно сослаться на такие примеры. В то время как за границей на 1.000 пуд. выпуска металлов приходится 2—3 человека, у нас на юге в 1924—25 г. приходилось 13—15 человек. При чем расход топлива у нас, примерно, в 6 раз превосходит расход топлива за границей. На тонну чугуна в Америке расход рабочей силы на отдельных заводах составляет 1 ч. 12 мин., у нас южная металлургия расходует 12 часов. Благодаря применению архаических способов производства и добычи себестоимость бакинской нефти, примерно, в 4 раза превышает стоимость американской нефти, применяющей глубокие компрессорные насосы. Такие примеры можно было бы, конечно, продолжить еще дальше. Но суть сводится к одному: наша техническая отсталость и физическая изношенность нашего оборудования ставит известные пределы и в отношении себестоимости и в отношении производительности труда. Конечно, еще значительных результатов мы сможем добиться и при существующем состоянии наших основных фондов, однако, необходимость известного «равнения» на цены мирового рынка, необходимость большего повышения производительности труда и снижения себестоимости, чем это позволяет нам сделать наличное оборудование наших фабрик и заводов, с настойчивостью выдвигают проблему реконструированного расширенного воспроизводства основного капитала, перевода всего нашего хозяйства на более высокую материально-техническую базу.

1923—24 год был последним годом, когда износ основных фондов нашей промышленности не компенсировался, хотя бы в рамках простого воспроизводства, соответствующими капитальными вложениями. Следующий 1924—25 год был первым годом, когда «проедание» основного капитала сменилось его расширением. С этого года капитальные вложения в нашу промышленность из года в год все увеличиваются.

За три года (1924/25—1926/27 гг.) по данным контрольных цифр Госплана, повидимому, не совпадающим с данными «Баланса нар. хоз.», движение основного капитала нашей промышленности рисуется в таком виде (в млн. довоенных рубл.):

Годы	Весь капитал [1])		Вложения	Износ	Прирост	
	абс.	в %			абс.	в % ко всему кап.
На X—24 г.	3.426	100	209	162	47	1,4
» X—25 »	3.473	101	460	158	302	8,75
» X—26 »	3.629	106	560	172	388	10,7
» X—27 »	4.017	117	—	—	—	—

[1]) Перевод в довоенные рубли сделан по соответствующим коэффициентам контр. цифр. — 1619 и 1.691.

Иначе говоря, общая цифра прироста имущества нашей промышленности выражается за три года в 737 млн. *довоенных* руб. [1]).

По данным, разработанным секцией ресурсов Промплана ВСНХ, стоимость имущества нашей планируемой (общесоюзной и республиканской — РСФСР, УССР и БССР) промышленности в 1926—27 году составит 4.724,7 млн. червон. рублей при полной восстановительной стоимости имущества на 1/X—1925 г. в 6.606 млн. рублей и стоимости с учетом износа в 4.025,6 млн. рублей, т.-е. возрастет за 2 года на 700 млн. рублей.

Особенно характерно в этом процессе восстановления имущества нашей промышленности убыстренное развитие отраслей, производящих средства производства, по сравнению с отраслями, производящими средства потребления. В то время как отрасли, производящие средства потребления достигают всего 67,4% полной восстановительной стоимости, отрасли, производящие средства производства, к 1/X—1927 г. достигнут уже 74,5%.

Отрасли промышленности.	Полная восстан. стоимость на 1/X—1925 г.	Стоимость имуществ., переоцен. с учетом износа на 1/X—1925 г.	За 2 года (1925/26—1926/27 г.)		Стоим. имущ. на 1/X—1927 г.	Стоимость имущ. на 1/X—1927 г. в проц.	
			Износ	Капит. влож.		К полн. восст. стоим.	К ст. с участ. износ. на 1/X—25 г.
Гр. «А».							
Горная	62,3	48,4	8,0	39,5	79,9	128,2	165,0
Топливная	1.554,7	849,9	135,8	430,6	1.144,8	73,6	134,6
Металлическая	1.507,0	851,3	136,9	255,5	969,9	64,3	113,9
Электротехн.	109,2	65,0	10,1	28,5	83,4	76,3	128,3
Электростан.	181,3	105,9	21,2	106,4	191,1	105,4	180,4
Силикатная	129,3	81,3	11,8	42,0	111,5	86,2	137,1
Лесная	103,3	66,0	12,5	30,7	84,2	81,5	127,5
Химическая	164,5	111,7	19,1	69,2	161,8	98,3	144,8
Итого по гр. «А.»	3.792,6	2.179,6	354,8	1.002,4	2.826,5	74,5	129,2
Группа «Б»							
Текстильная	1.735,4	1.214,6	178,7	191,1	1.227,1	70,7	101,0
Кожевенная	48,9	35,0	5,4	11,7	41,3	88,9	118,0
Гуськомбинат	22,6	15,8	2,2	8,3	21,8	96,4	137,8
Химическая	125,3	87,9	12,4	12,2	87,7	69,9	99,7
Пищевая	775,8	422,3	66,0	57,7	414,0	53,4	98,0
Бумажная	99,5	66,0	11,8	47,6	101,7	102,3	154,0
Полиграфическ.	6,2	4,4	0,7	0,9	4,6	74,2	104,5
Итого по гр. «Б»	2.813,7	1.846,1	277,2	329,5	1.898,2	67,4	102,8
Всего	6.606,3	4.025,6	632,0	1.331,9	4.724,7	71,5	117,3

[1]) Цифры *реального* прироста возможно несколько отклоняются от вышеприведенных, так как, во-первых, не все расходы по капитальным вложениям произведены с достаточной экономностью и рациональностью (см., напр., излишние накладные расходы по строительству, входящие в общую сумму капитальных затрат, а во-вторых, с другой стороны, последние данные говорят о том, что действительные цифры капитальных вложений, в частности за 1925—26 г., превысят официальные цифры (780 милл. рублей) минимум на 80—100 миллионов, вследствие того, что ряд работ капитального характера произведен под видом *текущего ремонта*.

Этот более быстрый темп восстановления отраслей, производящих средства производства, явился следствием того, что поток капитальных вложений был в основном направлен именно сюда. Из общей суммы чистого прироста имущества за 2 года в 700 млн. рубл. отрасли, производящие средства производства, получили около 650 млн. рублей, в то время, как отрасли, производящие средства потребления,—около 50 млн. рубл. В результате за два года (1925—26 и 1926—27), отрасли, производящие средства производства, показывают увеличение имущества на 29,2%, а отрасли, производящие средства потребления—на 2,8%. При чем особенно характерно, что в группе «А» наибольший процент прироста имущества показывают *горная промышленность и электростанции*, увеличившие за два года свое имущество соответственно на 65 и 80% и таким образом *превысившие* свою полную *восстановительную* стоимость: по горной промышленности на 28,2%, а по электростанциям на 5,4%. По группе «А» максимальный прирост имущества показывает бумажная промышленность, *превысившая* полную *восстановительную* стоимость своего имущества на 2,3%.

Такая же в основном рисуется картина, если взять не два последних года, а четыре.

По отдельным отраслям промышленности и основным группам производства капитальные вложения за 4 года и их отношение к стоимости имущества и капитальных затрат госпромышленности представляется в таком виде (в млн. *червонн.* рублей):

Отрасли промышленности.	Капитальн. вложен. за 4 года	Стоимость капитальн. затрат в проц.	
		К полн. восстан. стоим.	К стоим. с учетом износа
Группа «А»			
Горная	47,0	75,5	97,3
Топливная	652,1	42,0	76,7
Металлическая	333,2	22,1	39,1
Электротехническая	34,0	37,0	52,3
Электростанции	125,0	69,0	118,0
Силикатная	48,7	37,8	60,0
Лесная	47,8	46,4	72,5
Химическая	85,0	51,8	76,3
Итого по гр. «А»	1.372,8	36,3	63,2
Группа «Б»			
Текстильная	272,4	15,7	22,4
Кожевенная	18,1	32,2	52,0
Гуськомбинат	11,1	49,4	70,4
Химическая	16,1	12,9	18,4
Пищевая	95,4	12,3	22,6
Бумажная	58,1	58,4	88,4
Полиграфическая	1,1	19,1	26,8
Итого по гр. «Б»	472,3	16,8	25,6
Всего по всей пр-сти	1.845,1	27,9	46,7

Приведенная выше таблица также интересна не только общей цифрой капитальных вложений и отношением этих вложений к стоимости имущества, но и определением основного направления этих вложений. При общей цифре капитальных вложений в промышленность в 1.845 млн. рублей, составляющей почти 28% полной восстановительной стоимости имущества, 1.373 млн. рублей или 74,4% всей суммы капитальных вложений было направлено в отрасли, производящие средства производства.

Таким образом, если группа «Б», т. е. отрасли, производящие средства потребления, обновили свое имущество на 16,8%, группа «А», или отрасли, производящие средства производства, произвели капитальных работ в размере 36,3% всей восстановительной стоимости своего имущества. Характер и направление капитальных вложений с величайшей убедительностью показывают, как принятый нашей партией курс на индустриализацию страны облекается в кровь и плоть реального, материального его выражения.

И тем не менее, несмотря на значительнейшие вложения в основные фонды нашей промышленности, мы еще далеки от того момента, когда реальная стоимость имущества нашей фабрично-заводской промышленности перейдет уровень *«восстановительной»* стоимости имущества на 1/X—1925 года. Перед нашей промышленностью и перед всем народным хозяйством в целом стоят еще очень и очень большие задачи по восстановлению и реконструкции разрушенного войной и революцией имущества фабрично-заводской промышленности.

Отметим во избежание недоразумений, что «полная восстановительная стоимость» имущества не означает стоимости его в 1913 (или в 1917) году. Эта последняя *ниже* «полной восстановительной стоимости», т. к. изношенность основного капитала была достаточно велика и в 1913 (и в 1917) году. Нужно полагать, что капитальными затратами последних лет и *частью* затрат в 1927—28 году невозмещенный износ периода гражданской войны и первых лет нэпа будет, наконец, покрыт по стоимости полностью.

Какие же части основного капитала подверглись большему обновлению, в каких своих частях основной капитал больше всего увеличился? На этот вопрос дает ответ приводимая ниже таблица (в млн. червонн. рублей).

Группы промышленности.	Здания произв. и жилища			Сооружения			Оборудования и машины					
							Всего			Из них теплосилов.		
	Стоимость на 1/X—25 г.	Капитальн. вложен. за 4 года	В процентах	Стоимость на 1/X—25 г.	Капитальн. вложен. за 4 года	В процентах	Стоим. на 1/X—25 г.	Капит. вложен. за 4 г.	В проц.	Стоим. на 1/X—25 г.	Капит. вложен. за 4 г.	В проц.
Группа «А» . .	731,1	334,3	44,6	554,7	343,3	62,0	682,5	365,3	53,5	183,0	90,4	49,5
» «Б» . .	970,3	144,1	14,4	65,1	23,9	36,9	698,0	133,9	19,2	157,9	51,0	32,3
Итого по всей промышл. .	1.721,4	478,4	27,8	619,8	367,2	59,4	1.380,5	499,2	36,1	340,9	141,4	41,5

Таким образом, по отношению к стоимости переоцененного на 1/X—1925 г. имущества нашей государственной промышленности капитальные вложения в части зданий производственных и жилищ составляют 27,8%, сооружений—59,4%, оборудования и машин—36,1% и теплосилового оборудования—41,5%. Однако, к полной восстановительной стоимости, по отношению к которой переоцененное имущество составляет всего 60%, указанные проценты капитальных вложений должны соответственно понизиться: для зданий производственных и жилищ до 16,6%, для сооружений до 36,6%, для оборудования и машин до 21,3%, для теплосилового оборудования до 24,9%. Но даже и этот сниженный процент обновленного оборудования говорит о величайших наших достижениях. Только за четыре последних года теплосиловое оборудование оказалось обновленным почти на 25%, а все оборудование в целом—больше чем на 20%.

Принимая во внимание, что только четыре последних года являлись годами хоть сколько-нибудь значительного вложения в основные фонды нашей промышленности, такой успех надо признать весьма значительным. И как смешно, как наивно звучат сейчас на фоне этих наших успехов, когда капитальные вложения в нашу промышленность уже сейчас так значительно превышают вложения довоенного периода, когда работает Волховстрой, Каширa и целый ряд других, построенных советской властью, крупных электростанций, когда построен и работает ряд новых фабрик и заводов, когда начаты работы по Днепрострою, когда закладываются основы таких гигантов металлургического производства, как Тельбесский, Магнитогорский и Криворожский заводы и т. д., и т. п.,—пророчества тогдашнего меньшевика Маслова, что творить «новые предприятия на новых технических началах из ничего даже и революция не в состоянии, хотя она и обладает огромными творческими силами» [1]).

В соответствии с динамикой основных фондов промышленности растет и ее база—тяжелая индустрия.

Годы	Чугун		Сталь		Прокат	
	Абс. в млн. пуд.	В %	Абс. в млн. пуд.	В %	Абс. в млн. пуд.	В %
1923—24	39,8	100	60,6	100	41,8	100
1924—25	78,7	197	111,5	183	84,2	201
1925—26	133,2	334	175,1	289	133,9	320
1926—27	178,6	448	207,9	343	155,5	372

За три года выплавка чугуна увеличилась почти в $4^1/_2$ раза, стали в $3^1/_2$ раза и прокат почти в 4 раза. Однако, несмотря на столь бурный рост металлургической промышленности, она все же еще далека от уровня 1913 года. По отношению к этому — 1913—году металлургическое производтсво составит всего лишь 65% по чугуну, 78% по стали и 70% по прокату. Такое значительное расхождение между ростом наших основных фондов

[1]) П. Маслов.—«Итоги войны и революции», 1918 г., стр. 151.

и капитальных вложений, с одной стороны, и отстающим от него ростом металлургического производства находит свое об'яснение, во-первых, в использовании имевшегося у нас значительного количества металлического лома, восполнявшего недостаточные размеры металлургического производства, а, во-вторых, в усиленном ввозе промышленного оборудования. Ввоз промышленного оборудования за три последних года рос так (в тыс. рублей):

1924—25 г.	47.914
1925—26 »	67.000
1926—27 »	141.500

Считая же и электростроительство, фактический ввоз оборудования из-за границы в 1926—27 году ожидается на сумму около 180 млн. рублей. 1926—27 г.—первый год массового ввоза предметов промышленного оборудования в СССР. Общая же сумма заказов на оборудование, выданных в конце 1925—26 г. в счет плана 1926—27 г. и за текущий операционный год, составит, примерно, сумму около 280 млн. рублей.

В то же время масса промышленного оборудования, *осваиваемого, устанавливаемого* в нашей промышленности за счет внутреннего производства, должна будет возрасти со 161,4 млн. червонн. рублей в 1925—26 г. до 171,7 млн. рублей в 1926—27 г. Таким образом, только за два последних года наши фабрики и заводы по планируемой ВСНХ промышленности поглотят оборудования *больше чем на полмиллиарда рублей.*

Тем не менее, повторяем, рост тяжелой индустрии и особенно металлургического производства значительно отстает как от общего роста основных фондов нашей промышленности, так и от норм довоенного времени. И если потребление, например, чугуна на душу населения составляло, особенно по сравнению с высокоразвитыми капиталистическими странами, ничтожную величину, то теперь потребление чугуна упало еще ниже.

Душевое потребление чугуна в довоенное время.

Соед. Штаты	15 р. 65 к.
Германия	2 » 23 »
Англия	7 » 05 »
Франция	7 » 15 »
Россия	1 » 90 »

В %% к национальному доходу на душу населения, душевое потребление чугуна, составлявшее в довоенное время 2,18%, в 1923—24 г. составляло всего только 0,71%, поднявшись до 1,13% в 1924—25 году.

По подсчетам инж. Фрейна, чтобы приблизить наше потребление черного металла к западно-европейскому, довести его до 200 кгр. на душу в год, необходимо 35 млн. тонн металла и постройка 150 новых доменных печей...

Задачи воспроизводства основного капитала нашей промышленности, задачи перевода всего нашего народного хозяйства на более высокую техническую базу, возлагают на нашу тяжелую индустрию и, в особенности, на нашу металлургию труднейшую и ответственнейшую задачу. Наша металлическая промышленность чем дальше, тем больше будет становиться «узким местом» в нашем народном хозяйстве, если мы не примем решительных мер к форсированному развитию металлопромышленности. Мы должны добиться такого положения, чтобы наша металлопромышленность была в состоянии покрыть потребность в металлах, пред'являемую нашим народным хозяйством. Поэтому мы вкладывали и будем вкладывать в металлопромышленность львиную долю капитальных вложений, предназначенных для промышленности, именно потому февральский пленум ЦК, отмечая, что промфинплан «предусматривает значительный об'ем капитальных работ по металлопромышленности (больше четверти всего об'ема капитальных работ по всей промышленности)», должен был «признать необходимым увеличение этих капитальных работ для обеспечения более быстрого темпа развития металлургии и машиностроения».

Крупнейшие строительства в нашей промышленности в полном согласии с этой директивой намечаются и по линии нашей металлопромышленности. Усиленно ведутся работы по проектированию мощных металлургических заводов на Магнитной Горе, в Сибири—Тельбесского завода и гигантского металлургического завода в Кривом Роге. По ориентировочному плану Главметалла Магнитогорский завод, стоимость которого по предварительным данным определяется в 118 млн. рублей, будет выпускать ежегодно 3½ млн. пудов литейного чугуна, 16 млн. пуд. рельс, 2 млн. пуд. крупных балок, 3 млн. пуд. среднесортного железа, 14 млн. пуд. мелкосортного и 1 млн. пуд. рудных рельс,—*а всего около 40 млн. пудов изделий.* Завод проектируется построить на основе широкой механизации производства по образцу подобных заводов в Западной Европе и Америке.

Криворожский завод проектируется на выплавку 40 млн. пуд. чугуна при общей стоимости завода, определяемой в сумме 81 млн. рублей.

Общая стоимость сооружения *Тельбесского* завода определяется в 80 млн. рублей с проектируемой выплавкой чугуна в 40 млн. пудов. Таким образом, эти три металлургических гиганта, стоимость которых определяется, примерно, в 280 млн. рублей должны будут дать около 120 млн. пудов чугуна, т.-е. почти 50% продукции довоенного производства чугуна.

Было бы, однако, глубочайшей ошибкой, если бы мы в то же время забыли о значительных возможностях, которыми располагают существующие заводы. При нашей отсталости в области техники, именно наши заводы располагают громадными возможностями в деле рационализации производства. Самые подчас незначительные изменения в ходе производственных процессов дают и могут дать большой производственный эффект.

О том, *каких* результатов мы можем ожидать от рационализации производства нашей металлопромышленностью, можно судить по эффекту рационализаторской работы в Германии:

Доменные печи.

	IX—25 г.	VIII—26 г.	В %
Число домен	96	84	— 12
Добыча в тыс. тонн . . .	735	850	+ 16
Добыча на домну в тон. .	7.600	10.100	+ 31
Число рабочих	21.000	17.100	— 19

Сталелитейное производство.

	IX—25 г.	VIII—26 г.	В %
Добыча в тыс. тонн . . .	900	1.140	+ 26
Число занятых рабочих .	28.000	25.000	— 11

При сокращении количества домен на 12%, производительность домны возрастает на 31%! То же происходит и в области сталелитейного производства, где при увеличении производства на 26%, количество занятой рабочей силы сокращается на 11%.

Мы бедны, мы невероятно бедны по сравнению с передовыми капиталистическими странами в отношении основного капитала нашей промышленности. И мы пока-что ограничены в своих возможностях увеличения основных фондов. Именно поэтому проблема максимально-рационального использования основного капитала, проблема максимальной рационализации производства стоит перед нами как важнейшая проблема дня.

С двух сторон должна решаться эта проблема. И со стороны всемерного расширения основного капитала нашей промышленности, и со стороны наиболее рационального использования наличного основного капитала. Все это—стороны одного и того же процесса, преследующего одну и ту же цель—«постепенную перестройку всего народного хозяйства на более высокой технической базе».

В ходе разрешения этой проблемы,—проблемы основного капитала,—будет в корне решаться и находящаяся в тесной с ней связи проблема снижения себестоимости промышленной продукции.

Арт. Халатов.

Транспорт в период реконструкции народного хозяйства СССР.

Мощь транспорта и степень развития путей сообщения являются факторами, определяющими уровень экономического и культурного развития страны,—таково общее положение. В нашей же стране с ее огромной территорией, охватывающей одну шестую всей суши земного шара, вопросы транспорта играют еще большую роль и стоят на одном уровне с проблемами развития производства, ибо состояние транспорта определяется питание сырьем наших производственных предприятий и весь товарооборот в целом. Поэтому неудивительно, что предвоенные годы мощного экономического роста народного хозяйства страны были в то же время годами крупного транспортного строительства.

Советские условия государственной жизни и современное положение народного хозяйства, с одной стороны, усиливают требования, пред'являемые страной к транспорту, с другой—ставят ему ряд новых специфических задач.

Государственный транспорт является в руках советского государства одним из основных рычагов регулирования товарооборота, участвующего в нем частного капитала и направления социалистического строительства. Одним из основных условий разрешения всех проблем, стоящих на путях нашего советского экономического развития является строгое единство всей транспортной системы, теснейшая взаимная увязка в деятельности и развитии всех отраслей транспорта—железных дорог, водного и, наконец, местного транспорта.

Огромное значение транспорта в жизни советского государства вызывает необходимость особенно тщательного подхода к оценке тех конкретных задач, которые он должен выполнять в каждый отдельный период хозяйственной жизни, и тех реальных возможностей, которыми обладает транспорт, чтобы эти задачи разрешать.

Включение в повестку сессии ЦИК'а в феврале этого года транспортного вопроса знаменуют собою момент огромного значения.

Народное хозяйство Советского Союза в этом году перешагнуло грань нового этапа своего развития. Эпоха военного коммунизма—защита социалистического отечества от покушения капиталистов и помещиков—и эпоха восстановления, обе они пройдены нами. Мы вступили в период перестройки или, как его принято называть, реконструкции народного хозяйства, который и налагает новый особый отпечаток на все стороны нашей хо-

зяйственной деятельности в том числе и на работу нашего транспорта.

Чтобы яснее определить задачи транспорта в период реконструкции, необходимо прежде всего остановиться на краткой характеристике пройденного пути. В течение ряда предвоенных лет ж.-д. транспорт, благодаря политике царского правительства, недополучал средства на нормальное поддержание и развитие своих основных устройств: царское Министерство путей сообщения в этот период ставило своей основной задачей немедленное извлечение из жел. дор. наибольшего дохода. Транспортное наследие, доставшееся Советскому Союзу от царского режима, кроме того, понесло тягчайшие потери от империалистической войны. Беспорядочная демобилизация царской армии, а несколько позже и гражданская война и интервенция, при которых военные действия в основном происходили на путях сообщения, по линиям основных железнодорожных и водных магистралей, окончательно подорвали наш транспорт.

В полосу хозяйственного восстановления и строительства СССР транспорт вступил в состояние крайней дезорганизации. Нужен был огромный запас творческих сил рабоче-крестьянской страны, чтобы справиться с транспортной разрухой, чтобы выполнять работу, пред'являемую потребностями народного хозяйства, несмотря на то, что размер этой работы в начале нэпа едва доходил до одной четверти довоенной.

Период восстановления народного хозяйства потребовал гигантских усилий от железных дорог, чтобы справиться с быстрым ростом грузооборота. Больше того: на дороги выпала тягчайшая задача работать в условиях явной недостаточности средств, тем самым форсируя проедание своего основного капитала. Потребности развития промышленности и сельского хозяйства требовали уменьшения доли народнохозяйственного дохода, приходящейся транспорту, и последний в такой трудной обстановке должен был восстанавливать свое хозяйство.

Истекший 1925—26 г., бывший последним годом восстановительного периода, дал общий размер работы ж. д. (в пудоверстах)—101,8% от 1913 г. и по количеству перевезенных пудов—88,2%. В текущем году грузооборот увеличивается еще на 12%.

Предварительные данные первого полугодия текущего года дают основание предполагать, что этот размер работы является реальным.

Положение водного транспорта значительно отличается от железнодорожного. Если железные дороги уже превзошли довоенный уровень перевозок, то по речному транспорту грузооборот достигает в настоящее время лишь 58% довоенного. Морские перевозки также значительно отстают от 1913 г.

Снижение роли водных путей об'ясняется следующими основными обстоятельствами. Недостаток оборотных средств в нашем хозяйстве и товарный голод заставляют отдавать предпочтение ж.-д. транспорту, как дающему более быструю доставку перед водным транспортом, несмотря иногда на более дешевую перевозку последним. На снижении работы морских путей не могло не отразиться также уменьшение размеров экспортно-импортных операций.

Перевозочные средства водного транспорта особенно сильно пострадали за годы империалистической и гражданской войны. Этим предопределяется то обстоятельство, что в размерах существующих перевозок, значительно отстающих от довоенных, наличный тоннаж является почти полностью использованным.

Теперь же остановимся на особенностях реконструктивного периода на транспорте.

Положение транспорта в начале реконструктивного периода характеризуется, прежде всего, назревающим разрывом между его ролью в реконструктивной работе и его возможностями. Техническая мощь почти всех видов транспорта в данный момент исчерпана, а между тем реконструктивные задачи—проблема усиленного промышленного строительства, индустриализация страны, развитие товарности сельского хозяйства, связанное с его машинизацией, наконец, улучшение материального положения рабочего класса,—все это тесно связано с двумя обстоятельствами: первое—в какой степени *существующий транспорт* сможет усилиться, чтобы справиться с ростом грузооборота, вызываемого всеми этими хозяйственными процессами; второе—насколько интенсивно сможем мы вести работу по *новому транспортному строительству*. Отсюда очевидно, что в ближайший период транспортная проблема должна быть выдвинута вперед. Нельзя допустить, чтобы транспорт став слабейшим звеном в хозяйственном организме страны, задержал ее стремительное развитие.

Эта мысль подчеркнута решением ЦИК Союза ССР 3 созыва, гласящим:

«Проблема развития транспорта выдвигается в настоящий момент в первый ряд важнейших вопросов хозяйственного строительства, почему вопросам транспорта в ближайшие годы должно быть уделено исключительное внимание».

*
* *

Переходим к характеристике железнодорожного транспорта.

Первой по своему значению задачей, стоящей перед ж.-д. транспортом, является *задача рационализации*.

Работа последних двух лет показала, что железные дороги Союза добились возможности выполнения перевозок в пределах, превышающих довоенные, в значительной мере за счет улучшения качества своей работы. Этот процесс улучшения использования подвижного состава шел параллельно росту работы и несмотря на тяжелое состояние основных транспортных обустройств.

Наиболее рельефно это улучшение использования подвижного состава можно усмотреть из следующих цифр: количество продукции, приходящееся на эксплоатационную единицу подвижного состава по пассажирским вагонам в 1924—25 г. было на 64% выше 1913 г., в 1925—26 г. дошло до 70%, по товарным вагонам было соответственно 6 и 20% и по паровозам 32 и 40%.

Особенно важно то обстоятельство, что коэффициенты использования подвижного состава не остаются стабильными и из года в год улучшаются. Новый под'ем работы на 1926—27 г. вновь резко поставил вопрос о необходимости новых достижений в области рационализации использования подвижного состава. Имеющийся недостаток подвижного состава транспорту удалось по-

крыть только ценою новых организационных мероприятий. В истекшем году в области рационализации транспорта был проведен ряд мер, из которых следует, в первую очередь, отметить *отмену обменных пунктов, введение американской системы езды на паровозах, маршрутизацию поездов и, наконец, движение товарных поездов по расписанию.*

Качественное улучшение работы жел. дор. охватывает также такую важную область, как использование топлива. Здесь следует отметить, прежде всего, снижение расхода топлива на единицу работы: в 1913 г. на один миллион пудо-верст расходовалось *0,58* куб. саж., в 1924—25 г.—удалось добиться цифры—*0,46* куб. саж., в 1925—26 г.—*0,45* и на 1926—27 г.—намечено—*0,44*. Нельзя также пройти мимо ежегодного увеличения в топливном балансе жел. дор. доли *низкосортных углей*, которые усиленно приспосабливаются к использованию этих видов топлива.

Рационализация транспортной работы сказывается и на *ремонтных работах* ж. д. За 1925—26 г. сроки простоев паровозов в капитальном ремонте удалось снизить до 90 дней против 120, бывших два года назад, а по некоторым мастерским довести даже до 45 дней. Применение новых методов вагонного ремонта в ряде мастерских (Тамбовские, Кизил-Арватские, Пролетарский завод и другие) вызвало снижение срока простоев товарных вагонов *почти вдвое.*

Рядом с задачей рационализации транспортного хозяйства и производства стоит другая не менее важная и сложная задача—*рационализация системы управления.*

Рационализация системы управления транспорта должна в первую очередь преследовать цели дальнейшей децентрализации и предоставления местам большей хозяйственной инициативы. Строгое определение прав и ответственности лиц и инстанций в управляющих аппаратах также должно быть проведено с максимальной четкостью. В настоящее время на двух дорогах (Южной и Пермской) проводится опыт построения правленского аппарата по функциональному признаку (децернация). Опыт этих дорог должен дать материал для всего транспорта.

Неразрывно связанным с задачей рационализации управления является вопрос о реформе транспортной отчетности. Существующие формы отчетности, с одной стороны, слишком дороги, с другой—являются казенно-бюрократическими. НКПС поставил перед собою задачу коренной ломки старой системы отчетности и перехода с 1927—28 г. на реформированную по хозяйственно-коммерческому принципу отчетность.

Однако, поскольку анализ современного положения жел. дорог показывает, что наличная их техническая мощь исчерпана почти полностью, перспективы дальнейшего роста работ транспорта со всей непреложностью выдвигают необходимость направления всех усилий в область *усиления основного капитала* транспортных предприятий. В востановительный же период транспорт, получая сниженную долю народнохозяйственного дохода, естественно, не мог вести необходимым темпом свое восстановление и только три года назад еще проедал свой основной капитал.

Приведем следующие данные о динамике основных капиталов трех основных отраслей народного хозяйства за последние три года. Если мы сравним эти данности по «Контрольным цифрам» Госплана, то мы можем констатировать, что наиболее интен-

сивный прирост основных фондов идет в промышленности, достигая по госпромышленности в 1924—25 г.—1,4%, в 1925—26 г.—10% и в 1926—27 г.—9,2%. Прирост в сельском хозяйстве является почти стабильным, а именно: в 1924—25 г.—3,0%, в 1925—26 г.—3,1% и в 1926—27 г.—3,5%. Жел-дор. транспорт же еще в 1924—25 г. проедал свой основной капитал, и размер этого проедания равнялся 1,1%.

Прирост наступает только в 1925—26 г., достигая 0,7%, и на 1926—27 г.—намечен в 1,4%.

Новые вложения в промышленность за последние годы значительно превышали вложения в транспорт, тогда как в довоенное время имело место обратное явление, а именно: за ряд лет вложения в жел. дор. превышали по абсолютной величине капитальные вложения промышленности. В ближайшее время может оказаться, что жел.дороги не смогут справиться с увеличением работы в связи с изношенностью и слабостью своего основного капитала; при этом задача усиленного вовлечения новых средств в транспорт приобретает огромнейшее значение.

В вопросе накопления проблема рационализации транспорта теснейшим образом смыкается с проблемой его основного капитала, ибо рационализация—это прежде всего есть способ получить с наименьшими затратами наибольший производственный эффект. Об'ективные условия заставляют обратить на эту финансовую сторону вопроса о транспорте особое внимание. Наметившаяся недовыручка в размере нескольких десятков миллионов рублей за первое полугодие вновь чрезвычайно больно бьет по транспорту. Необходимо изучить причины недовыручки и направить все силы на поднятие рентабельности наших железных дорог, ибо в этом основной залог усиленного развития всего транспорта.

В условиях крайней ограниченности средств в стране необходима, во-первых, строжайшая экономия в расходовании средств на эксплоатацию и развитие транспорта, что в полной мере может быть осуществлено лишь при условии полной согласованности работы всех видов путей сообщения, взаимно дополняющих друг друга и, во-вторых, необходимо максимально бережливое и рациональное использование транспорта клиентурой. К области этих последних мероприятий следует, прежде всего, отнести усиление использования водного транспорта. Не менее остро стоит вопрос об экономии в использовании перевозочных средств жел. дорог. Такие явления, как нарушение плана, встречные перевозки, простои вагонов под выгрузкой, имевшие место и в прошлом и в этом году, должны быть безусловно изжиты. Ведь убытки по этим причинам несут не только жел. дор., но и сами клиенты. Достаточно указать, что за 1925—26 г. клиентура заплатила за лишний простой вагонов и просрочку хранения в пакгаузах до 22 млн. руб.; не свободны мы от таких ошибок и в этом году.

Перспективы развития транспорта неразрывно связаны с перспективами промышленного развития.

Уже текущее снабжение транспорта встречается с рядом затруднений. Об этом красноречиво говорят цифры поставки подвижного состава. В счет заказанных за 1925—26 г. (с учетом недопоставок за прошлый) паровозов поставлено 66%, новых пассажирских вагонов в счет 579 — 248 или 53% и в счет новых товарных — 10%. Поставки первого квартала текущего

года дают также неполное удовлетворение транспортной потребности. Между тем, усиление основного капитала существующих линий и, наконец, постройка новых транспортных средств, — все это ставит перед металлопромышленностью новые еще более трудные задачи. Наилучшее приспособление металлопромышленности к удовлетворению нужд транспорта и строгое согласование планов развития этих двух отраслей—вот важнейшая задача ближайших лет.

Если обратиться к топливной промышленности, то надо отметить резкую ломку топливного режима, которую пришлось испытывать транспорту за ряд последних лет в связи со снижением доли жидкого топлива и изменением марок поставляемых углей. Ломка топливного режима не только требовала от транспорта значительных затрат на приспособление паровозов и устройство к другому виду топлива, но и отражалось на достигнутых эксплоатационных результатах. Поэтому увязка транспорта с перспективным планом топливопромышленности необходима в той же мере, как и в отношении металлопромышленности.

Необходимо кратко коснуться вопросов труда.

За последние годы параллельно с ростом работ транспорта шло улучшение материального положения и трудящихся этой отрасли. После того, как средний заработок к началу восстановительного периода упал до одной трети довоенного, в 1925—26 г. он уже достиг 75% и на 1926—27 г. должен составить около 84%.

Рост производительности труда шел за истекшие годы почти параллельно росту зарплаты, и только в последнем году наметилось некоторое отставание в росте производительности. Поэтому задача борьбы за повышение производительности труда приобретает сейчас важнейшее значение для транспорта.

Особенно острым для трудящихся транспорта является вопрос о жилищах. Как ассигнования по бюджету, так и кредиты, получаемые от жилкооперации, из года в год возрастают, доходя в текущем году до 30 млн. руб. Однако, они все же являются крайне недостаточными, поэтому ЦИК'ом принято решение: «Признать, что необеспеченность работников транспорта жилищами, особенно в связи с предстоящим ростом транспорта, выдвигает в первую очередь усиление жилищного строительства на транспорте. В связи с этим принять все меры к изысканию необходимых для этой цели средств».

*

* *

Водный транспорт находится в условиях, отличных от железнодорожного. В то время, как железнодорожные перевозки уже превысили довоенную норму, речной грузооборот едва достигает 58% довоенного, а морской—даже менее 50%. При оценке такого положения надо принимать во внимание то обстоятельство, что годы войны и интервенции отразились на состоянии водного хозяйства особенно тяжко. Даже в условиях столь сниженного грузооборота мы уже подошли к использованию наличных перевозочных средств.

Переходя к оценке наших портовых устройств, надо прежде всего сказать, что в связи с уже произведенными работами по

поднятию пропускной способности портов, их возможности в данный момент являются использованными далеко не полностью. Порты могут даже в нынешних условиях пропустить довоенную норму грузооборота. Однако, стоимость переработки пуда груза в наших портах чрезвычайно высока. Для того, чтобы понизить стоимость накладных расходов на наши экспортные и импортные грузы, необходимо стремиться к удешевлению портовых работ. Удешевление погрузки и выгрузки тесно связано с реконструкцией нашего портового хозяйства, с его механизацией. Перспективный 5-летний план развития портов позволит нам как увеличить пропускную способность, так и достигнуть удешевления стоимости переработки грузов.

Морские перевозки играют доминирующую роль в нашей внешней торговле, охватывая до 90% ее грузооборота. Поэтому естественно, что внешняя торговля кровно заинтересована во фрахтах на морские перевозки, которые в значительной степени влияют на рентабельность нашего экспорта. Нынешнее состояние нашего морского тоннажа не позволяет нам совершать своими силами заграничные перевозки в сколько-нибудь значительном масштабе. Участие Совторгфлота во внешних перевозках в 1925 г. достигало 10%, а в 1926 г. даже упало до 9%. Интересы борьбы за дешевые фрахты на внешнем рынке диктуют настоятельную необходимости усиления советского морского тоннажа. Пятилетний план предусматривает доведение грузопод'емности нашего морского флота с 206,5 тыс. тонн, ныне существующих, до 630 тыс. тонн к 1931 году. Эта цифра является минимальной, но ассигнования последних лет заставляют сомневаться в выполнимости и этой программы. Интересы страны в целом требуют безусловного выполнения намеченного плана.

Переходя к характеристике внутренних водных путей, приходится, прежде всего, констатировать два обстоятельства, затрудняющих работу госпароходств. Первое—это недостаточность обстановки с освещением, и второе—недостаточность глубин. Если по протяжению обставленного пути в прошлом году мы подошли к довоенному времени, то освещается у нас только 14 тыс. вер., против 25 тыс., бывших в 1913 году. Эти дефекты и в особенности, недостаток глубин удорожают себестоимость работы нашего речного флота и, таким образом, мешают достижению его рентабельности.

Положение с паротеплоходным флотом при данных условиях грузооборота является относительно благополучным, и на ближайшие годы потребность в нем может быть покрыта за счет капитального ремонта имеющихся судов. По непаровому же флоту вопрос уже сейчас стоит крайне остро в смысле необходимости немедленного пополнения тоннажа. Одним из наиболее больных вопросов речного транспорта является недостаточность оборотных капиталов, которые требуют своего немедленного пополнения в размерах свыше 20 млн. руб.

Сравнительно низкие фрахты, во всяком случае, по сравнению с довоенным временем, отстающие от роста промышленных индексов и недостаток нагрузки флота,—все эти обстоятельства мешают процессу накопления средств пароходствами. Надо полагать, что дальнейшее экономическое развитие СССР создаст более благоприятные условия для работы речных путей.

*

* *

ЦИК СССР 3-го созыва постановил считать, что вовлечение окраин и районов со слабо развитой ж.-д. сетью в хозяйственную жизнь Союза и создание условий, обеспечивающих использование их природных богатств, требуют развития *шоссейного строительства* и улучшения состояния существующих дорог; вместе с тем им была дана директива развивать автомобильный транспорт.

В настоящее время положение местного транспорта рисуется в следующих чертах: из общего протяжения всех дорог в Республике (включая и проселочные) в 3 млн. километров в ведении государства находится лишь 45 тыс. километров шоссейных и грунтовых дорог, при чем из этой последней цифры только 11 тыс. километров падает на шоссе.

Нечего говорить, что такая длина шоссейных, т.-е. вполне удобных для перевозок грузов и единственно удобных для автотранспорта дорог, совершенно ничтожна по сравнению с огромной территорией Союза. Больше того: имеющиеся шоссе по своему техническому состоянию являются далеко не удовлетворительными; из общего их протяжения только половина имеет нормальную щебеночную одежду. В то же время ежегодный расход камня еще не достиг довоенных норм. Состояние искусственных сооружений также требует ремонта, примерно, в 40% общего их протяжения.

Перспективный план на пятилетие предусматривает доведение к концу этого срока протяжения шоссейных дорог до 32 тыс. километров. В абсолютной цифре эта величина, конечно, является весьма скромной, но все же надо сказать, что факт утроения существующей сети шоссе все же явился бы крупным нашим достижением. Однако, ассигнования на местный транспорт, выделяемые за последние годы, настолько ограничены, что не дают уверенности даже в выполнении этих минимальных заданий.

Такое состояние шоссейных и грунтовых дорог не позволяет им стать мощной вспомогательной транспортной отраслью к двум основным видам транспорта—железнодорожному и водному—и способствует также недостаточному использованию автотранспорта, который даже в современных экономических условиях мог бы найти более широкое применение. В настоящее время ввоз грузовых машин из-за границы и развитие собственного автостроения позволяют рассчитывать на некоторое усиление в ближайшие годы роли автотранспортных перевозок.

Междугородные, пригородные и городские автобусные сообщения в СССР стали развиваться только за последние годы и достигли значительных успехов в крупнейших городах и курортных районах. Введение механической тяги, как по подвозке грузов к основным ж. д. магистралям, так и по переброске грузов в узлах, является необходимейшей потребностью, ибо автотранспорт для подвозки грузов к жел.-дор. колее значительно более выгоден, как по сумме первоначальных затрат, так по работе, чем сооружение под'ездных ж.-д. путей. В текущем году проведенные в Московском узле опыты по переброске транзитных грузов автотранспортом дали значительные положительные результаты. С их развитием не только эксплоатирующие их

организации получают определенный доход, но и освобождается значительное количество вагонов, которые крайне необходимы в условиях современного голода с подвижным составом и которые в условиях узловой переброски далеко не полностью используются. Все это подтверждает ту мысль, что развитие автотранспорта и шоссейного строительства является нашими важнейшими очередными задачами. В дело улучшения местного транспорта необходимо всемерно втянуть местные средства, что могло бы значительно помочь делу.

Направление дорожного строительства в сторону развития такового на окраинах уже получает свое отражение в последних работах НКПС. Так в прошлом году был начат Амурско-Якутский тракт, что даст возможность отдаленному и богатому району с пушным и золотым промыслами приобщиться к хозяйственной жизни страны. Другой дорогой такого же порядка является постройка, начатая у Архангельска, которая должна соединить северное побережье с Север. ж. д.

*

* *

Одной из основных причин, задерживающих наше хозяйственное развитие, эксплоатацию богатейших природных ресурсов ряда наших районов является недостаточное развитие сети путей сообщения и, в первую очередь, железных дорог.

Количество километров жел.-дор. колеи, приходящихся на 100 кв. километров территории, у нас в Европейской части Союза в четыре раза меньше, чем в Америке, в 15 раз—чем в Англии и в 11 раз—чем в Германии. В азиатской же части таковое в 40 раз меньше, чем в Америке.

Соотношение длины наших шоссейных дорог со странами Европы и Америки еще более неблагоприятно.

Из общей длины внутренних водных путей в 335 тысяч километров судоходных только 89 тыс. или около одной четверти.

Надо отметить, что в революционный период железнодорожное строительство шло, и в довольно заметном масштабе. В настоящее время по сравнению с 1917 годом ж.-д. сеть возросла более чем на 12%. Однако, характеризуя это строительство, надо сказать, что в основном оно шло по линии завершения уже начатых в довоенное время строительств и оперировало с рядом отдельных линий, незначительных по своему протяжению.

Крупного транспортного строительства—такого строительства, которое перекраивает экономическую карту и создает для целых районов совершенно новые хозяйственные условия, такого строительства за истекший революционный период мы еще не имели, и только в этом году в условиях реконструкционных задач мы приступили к разрешению нескольких проблем такого крупного капитального транспортного строительства.

В плане капитального транспортного строительства ближайших лет стоят на первом месте следующие основные постройки—Днепрострой, Туркестано-Сибирская ж. д. и Волго-Донской канал.

Сооружение Волго-Донского канала является, главным образом, транспортной проблемой. С постройкой этого канала мы будем обладать огромной единой транспортной магистралью, ко-

торая соединит Волгу и Каспий с Черным морем. Волго-Донско-Азовская магистраль создаст предпосылки, благоприятные для быстрого экономического развития всего края, ею пересекаемого, в частности даст огромный толчок дальнейшему развитию хлебоэкспорта южных портов, оживив сельское хозяйство житниц СССР—Поволжья и Сев. Кавказа.

Днепрострой имеет две стороны—транспортную и энергетическую. Сооружение мощной электрической станции на Днепре даст источник дешевой энергии, что подтолкнет юго-запад и юг СССР на путь интенсивного промышленного развития. Шлюзование Днепра в то же время разрешает транспортную проблему юго-запада СССР.

Однако, едва ли не самое крупное значение в плане ближайшего капитального строительства имеет Туркестано-Сибирская ж. д.

Днепрострой, Туркестано-Сибирская железная дорога и Волго-Донской канал—огромное транспортное строительство, которое в корне меняет транспортную структуру ряда наших важнейших сырьевых и промышленных районов, они дадут огромные результаты в смысле возникновения совершенно новых отраслей производства, новых предприятий, под'ема сельского хозяйства и т. д. Туркестано-Сибирская железная дорога особенно важна потому, что ей предназначено разрешить сырьевую проблему нашей текстильной промышленности.

Несомненно, в ближайшие годы, в связи с быстрым ростом добычи угля в Донецком бассейне, встанет вопрос о развитии сети ж.-д. путей, обслуживающих этот важнейший промышленный район, а возможно, и о постройке *сверхмагистрали Москва—Донбасс*.

Вопросы капитального транспортного строительства—важнейшие задачи ближайшего будущего, или, как сказано в постановлении ЦИК'а: «Считать первоочередной задачей капитальное строительство по созданию новых жел.-дор. линий в полном соответствии с развивающимися потребностями народного хозяйства страны».

И далее: «Поставить перед Народным комиссариатом путей сообщения на очередь необходимость проведения изысканий и подготовки новых водных путей как внутреннего, так и внешнего судоходства (новые морские линии, каналы и т. д.)».

«При составлении перспективных планов развития транспорта уделить строительству шоссейных и грунтовых дорог внимание, соответствующее их значению в развитии народного хозяйства».

*
* *

ЦИК в своих решениях подчеркнул необходимость соблюдения строгого плана в развитии транспорта и идею взаимной связи и единства всех его видов—на этих двух основных положениях мы и остановимся в заключении.

Гигантская стоимость основного капитала транспортных предприятий и в современных условиях почти вдвое превышающих основной капитал промышленности и огромные ежегодные доходы, достигающие трети всего госбюджета,—все эти обстоятельства обусловливают исключительную важность соблюдения строжайшего плана ведения транспортного хозяйства, ибо при столь крупных затратах даже небольшие неувязки в планировании могут дать значительные суммы непроизводительных расходов.

Но такая плановость возможна только в условиях полного единения всех видов транспорта, а между тем, именно в этой области мы имеем ряд серьезнейших дефектов. Надо прямо сказать, что не найдены еще те организационные формы, которые слили бы воедино всю сеть транспортных предприятий и окончательно выбили бы почву для всякой конкуренции между отдельными видами транспорта, утвердив прочное сотрудничество на фоне ясного разграничения функций. При предельной загрузке ж. д., водный транспорт используется нами еще недостаточно—вот один из первых примеров такой неувязки. До сих пор нет пятилетнего перспективного транспортного плана, и попрежнему все его виды дробятся в плановом предвидении на отдельные изолированные куски.

Жесткий план и полное единство в транспортной работе безусловно необходимы нам для преодоления всех тех крупнейших трудностей, которые стоят на пути транспорта в начале реконструктивного периода. Трудности эти велики, в этом надо отдать себе ясный и полный отчет, но все же наличие огромных достижений в прошлом и постепенное образование в настоящем здоровой финансово-экономической и технической базы, позволяют питать уверенность в том, что и эти трудности будут успешно преодолены транспортом советской страны.

В. Прелков.

Массовая работа на предприятии.

Крупные задачи в области хозяйственного строительства, выдвинутые на очередь решениями XIV партийного с'езда и XV Всесоюзной конференции, поставили перед партийными организациями на местах ряд первоочередных задач по развертыванию массовой работы в направлении вовлечения в социалистическое строительство все более и более широких масс трудящихся. Те достижения, которые в области массовой работы имелись, в свете новых задач, стоящих перед партией и рабочим классом, недостаточны. Необходимо дальнейшее расширение работы, вовлечение в нее более широких слоев рабочих, в особенности тех, которые влились в предприятие за последние 2—3 года и не прошли еще фабрично-заводской школы. Новые слои рабочих должны быть взяты под особое внимание, так как от того, насколько быстро удастся их перевоспитать, сделать классово-сознательными, в некоторой мере зависит и то, насколько быстро мы будем продвигаться вперед в нашем хозяйственном строительстве. В нашей печати уже освещался вопрос о том, что в связи с быстрым ростом числа рабочих за последнее время по ряду производств наблюдалось падение производительности труда, ухудшение качества продукции. Прекратить эти процессы, произвести производственное и политическое воспитание новых слоев рабочих, превратить их из крестьян с мелкособственнической психологией в настоящих пролетариев, одновременно усиливая политическое воспитание всего рабочего класса,—вот основная задача на ближайший период времени. XV Всесоюзной партконференцией в резолюции по докладу о работе профсоюзов эта задача формулирована следующим образом:

«Коммунистическое (общеполитическое, культурное, производственное) воспитание новых слоев рабочего класса, повышение общей активности пролетариата, как в политической жизни страны, так и в деле хозяйственно-социалистического строительства, поднятие материального жизненного уровня пролетариата в связи с ростом производительности труда, дальнейшее вовлечение широких пролетарских масс в борьбу с бюрократизмом и бюрократическими извращениями госаппарата—становятся с особой силой в порядок дня».

В свете этих задач и этой общепартийной директивы необходимо просмотреть практику нашей низовой массовой работы, в особенности в цеху, потому что именно отсюда надо начинать крепить работу.

За последнее время у нас в массовой работе имеется целый ряд существенных достижений, которые были фиксированы и XV

Всесоюзной партконференцией, и VII Всесоюзным с'ездом профсоюзов и с особой наглядностью демонстрируются происходящими сейчас по всей стране перевыборами советов. Эти достижения неоспоримы и не нуждаются в доказательствах, они не видны разве только тем, кто нарочито хочет видеть все в черном цвете, кто не знает и не понимает, какая громадная работа проведена по политическому воспитанию рабочего класса. Гвоздь вопроса сейчас заключается не в том, чтобы доказывать эти, ясные без доказательства, вещи, а в том, чтобы не успокаиваться на достигнутых успехах, не почивать на лаврах, а двигать дело дальше, организуя возросшую активность рабочего класса, направляя ее на преодоление трудностей нашего роста. С этой точки зрения уместно и вполне своевременно просмотреть всю систему массовой работы на предприятии, дабы найти те места, которые «жмут» на данной ступени развития, которые тормозят, не способствуют выполнению партийных директив, осуществлению классовых задач пролетариата.

Мы не ошибемся, если скажем, что постановка массовой работы на предприятии еще не находится в должном соответствии с теми требованиями, которые жизнью пред'являются. Фактические данные, полученные нами в результате обследования массовой работы на одном из крупнейших предприятий Москвы (завод «Красный Богатырь»), в общем совпадающие с данными о работе и на других крупных предприятиях, и другие материалы, собранные Сокольническим РК ВКП(б) за последний год, целиком подтверждают это положение.

Начнем с вопроса, являющегося основным показателем результатов массовой работы, с вопроса о степени организованности рабочих на предприятии.

На заводе «Красный Богатырь» основные показатели организованности рабочих к 1/I—27 г. представляются в следующем виде:

Состоят в профсоюзе из . . .	4.161 ч.	—4.128 ч.	или 99,2%
» » кооперации » . . .	4.161 »	—3.195 »	» 76,8% [1])
» членами клуба » . . .	4.161 »	—1.017 »	» 24,4%

По возрастному составу в числе членов клуба:

Взрослых	604 ч.—60%
Молодежи	413 »—40%

Если же взять эти цифры по отношению к взрослым и молодежи, работающим на предприятии, то получается, что из взрослых рабочих вовлечено в клуб 19%, а из молодежи—42,4%.

Из 975 ч. молодежи на заводе в комсомоле состоит 287 ч. или 27,9%. Членов партии и кандидатов на предприятии—322 ч. или 7,7% от общего количества рабочих. В добровольных обществах стоят: в шефском обществе 815 ч., ОДН—100, ДД—410 ч., по Осоавиахиму и МОПР'у точного учета нет, но цифры, приблизительно, такого же порядка.

Эти данные показывают, что в тех организациях, вовлечение рабочих в которые зависит в первую очередь от постановки мас-

---

[1]) Что касается членства в кооперации, то необходимо отметить, что здесь взяты сведения только по тому кооперативу, к которому прикреплено предприятие, и не учтено членство по другим кооперативам Москвы.

совой работы (клуб), или от воспитательной работы организации в массах (комс. и партия, добровольные о-ва), охват рабочих ими недостаточен. Кое-что из этого нужно отнести за счет специфических условий работы на «Красном Богатыре», заключающихся в том, что состав рабочих на 70% связан с сельским хозяйством и больше чем на 50% состоит из женщин, что в большей своей массе это—малоквалифицированные рабочие, имеющие дело не с машинами, а работающие вручную, что завод за последние 2 года быстро рос (на 1/I—25 г. было 3075 раб., а на 1/I—27 г.—4161 раб.—увеличение на 35,3%), чем, естественно, вызывалось относительное падение организованности рабочих и в особенности в части коммунистической и комсомольской прослойки. Но тем рельефнее вырисовываются здесь задачи массовой работы. Об'яснение указанным выше данным нужно искать в постановке массовой работы в цеху.

Массовая работа всякого крупного предприятия должна быть построена таким образом, чтобы центр тяжести ее находился в цеху, потому что только там можно осуществлять наиболее полный охват масс и учитывать все их запросы; только через работу в цеху можно вовлечь в практическую работу широкие слои рабочих, воспитывать их на этой работе, выдвигать там беспартийный актив. Здесь должна быть I ступень. Практика работы истекшего года показывает, что цех еще не везде стал центром нашей массовой работы. Возьмем конкретные данные по ряду областей работы и сравним, что сделано в общезаводском масштабе и что в—цеху (з-д «Кр. Богатырь»).

По линии массовых профессиональных собраний:

Общезаводских конференций за время с октября по январь было—3.

Общих собраний по цехам—2 (для одного цеха).

На заводских конференциях рассмотрены вопросы: 1) о производительности труда и зарплате, 2) о перезаключении колдоговора, 3) отчет правления губотдела, 4) итоги VII Всесоюзного с'езда профсоюзов.

На цеховом собрании:

1) отчет профцехбюро, 2) выборы делегатов на общезаводскую конференцию, 3) выборы сборщиков членских взносов (проф.), 4) выборы сборщиков членских взносов кассы взаимопомощи.

Посещаемость общезаводских конференций выражается в 85—87%, посещаемость на цеховых собраниях едва достигает 25—30%.

По характеру вопросов, рассмотренных общими собраниями цеха, можно заключить, что не они являются основными в системе массовой работы, что они в основном являются подсобными к общезаводским конференциям, собираясь *перед* ними. Этот метод работы можно считать правильным и достигающим цели лишь в том случае, если бы на цеховых собраниях, на ряду с выборами делегатов на общезаводскую конференцию, обсуждались и вопросы, стоящие на повестке дня конференции. Иначе же получается разрыв между работой конференции и всей массой рабочих, так как делегаты после конференции в цехах не отчитываются.

Этот же разрыв между заводским комитетом и всей массой членов союза можно найти в ряде предприятий в результате

неудовлетворительной постановки работы *делегатского института*, являющегося основным соединительным звеном между завкомом и массами. Нагляднее всего недостатки работы делегатского института выявляются при проведении основной политической кампании, проводимой по линии профсоюза,—это перевыборы заводского комитета. Имеются случаи, когда цеховые делегаты во время перевыборов перед своими избирателями не отчитываются, заводской комитет также не отчитывается по цехам (перевыборы же завкома на крупных предприятиях происходят на конференциях). Таким образом, большинство рабочих не принимает участия в обсуждении и оценке работы завкома, как бы выключается из серьезнейшей политической кампании. Участие их в кампании выражается только в обсуждении списка нового состава завкома (это обсуждение проходит по цехам) и в выборах делегатов на конференцию.

В повседневной работе связь между делегатами и всей массой членов союза тоже недостаточная, а поэтому вся та большая работа, которая сейчас проводится завкомами, неполностью продвигается вниз, в рабочую массу. Заводские комитеты в некоторой своей части работают как бы вхолостую, не приводят в движение всей рабочей массы. Это можно показать на примере хотя бы того же «Богатыря», где за время с октября 1926 г. по январь 1927 г. на делегатских собраниях были обсуждены следующие основные вопросы: доклад комитета страхкассы, о воздушной и химической обороне, о рабочем образовании, о перезаключении колдоговора, о борьбе с хулиганством, инструктивный доклад о работе делегатских собраний, доклад заведующего больницей. Часть важнейших вопросов, которые, несомненно, интересуют рабочих и которые были рассмотрены завкомом, например, доклад директора о режиме экономии, доклад производственной комиссии, об охране труда, о выдвижении, не была перенесена на делегатское собрание.

Все это, с одной стороны, говорит о том, что мы на местах еще недооцениваем делегатский институт, как основной беспартийный актив, не в достаточной мере используем его для организации вокруг завкома, как центра, всех рабочих. С другой стороны, это говорит о том, что на крупных предприятиях, где делегатов насчитывается до 200 чел. (на «Богатыре», например, их 161 ч.), старая постановка работы делегатских собраний не дает возможности полностью их использовать. О том, в какой части нужно пересмотреть работу делегатских собраний, мы скажем ниже, после рассмотрения работы *цеховых профбюро*, которые организованы в большинстве крупных предприятий.

Цеховые профбюро организованы на крупных предприятиях с целью лучшего обслуживания широких масс членов союза именно в части массовой работы. В положении о них ясно указано, чем и как они должны заниматься. На практике же они стоят как бы на отлете от основной схемы заводской профорганизации, не получают достаточных указаний в своей работе со стороны завкома, а потому и сколько-нибудь серьезной работы не ведут. Вот для примера перечень всех вопросов, рассмотренных одним цехпрофбюро завода «Красный Богатырь» за время с 1/X—26 г. по 18/I—27 г.:

1) о вовлечении делегатов в профкружок, 2) выделение профделегатов, 3) о перевыборах профбюро, 4) утверждение кандидатур профделегатов (цех.) и профцехбюро, 5) конструирование цехбюро, 6) о работе профбюро (цех.), 7) обсуждение кандидатур в уполномоченные кооператива, 8) о работе профцехделегатов, 9) о проведении октябрьских торжеств, 10) о работе профцехделегатов в цеху, 11) об Авиахиме, 12) о перерегистрации членов союза, 13) о перевыборах сборщиков, 14) о перевыборах уполномоченных ОДН и ДД, 15) план работы на 2 месяца, 16) о работе производственной комиссии, 17) о работе ОДН, 18) утверждение профцехсекретаря.

Из этого перечня видно, что профцехбюро как бы нащупывает те вопросы, которыми оно должно заниматься, а по существу занимается больше разного рода перевыборами, а не руководством массовой работой цеха.

Что это действительно так, можно увидать и немного с другого конца, а именно: по содержанию работы цеховых производственных совещаний, к руководству которыми цехпрофбюро должно иметь непосредственное отношение. В том же цеху, по которому приведено содержание работы профцехбюро, на 3-х производственных совещаниях, тоже за период октябрь—январь, были рассмотрены следующие вопросы:

1) проработка производственной программы, 2) выборы делегатов на производственную конференцию, 3) доклад об итогах производственной конференции, 4) разбор поступивших предложений, 5) о выполнении внесенных предложений. Все эти вопросы, рассмотренные производственным совещанием, ни в какой степени не отражены в работе профцехбюро, прошли мимо него. Цеховые же делегаты, хотя профцехбюро и занимается их подбором, на работе с ним не связаны, связываясь в общезаводском масштабе непосредственно с завкомом.

Таким образом, несмотря на то, что схема заводской организации в общем правильна, на практике она осуществляется неполностью. Отдельные звенья не приведены в движение, бездействуют. Это таит в себе угрозу разрыва заводского комитета с рабочими массами. Вся масса профессионального актива, а он сейчас на каждом из крупных предприятий, насчитывает не одну сотню человек, целиком не используовывается, не выращивается на практической работе так, как это могло бы быть при правильной постановке работы. Основными причинами этого явления необходимо считать, с одной стороны, действие инерции, когда молодые формы массовой работы в цеху еще не успели включиться в общую цепь и не получают достаточного руководства со стороны вышестоящих организаций, тогда как старые, давно установившиеся формы работы еще действуют, а внимание к ним в некоторой степени ослаблено. Отсюда недостаточное развитие новых и ослабление старых форм работы, а в общем итоге некоторое временное ослабление всей массовой работы. С другой стороны, работа, развернутая быстро и широко, сразу потребовала столько руководителей, что более или менее подготовленных подобрать оказалось делом не таким легким. Нужно было ставить на работу просто активных рабочих, подчас только что начинающих свою общественную деятельность. Поэтому неудивительно, что на первое время они слабовато справлялись с своими задачами. Необходимо некоторое время, чтобы они освоились с работой и затем уже вровень с ней двигались вперед. Помощь же в этом со стороны вышестоящих организаций была недостаточная, так как внимание их (вышестоящих организаций) разбрасывалось по двум направлениям, не выделяя четко основное и центральное.

Правильно и вполне своевременно было бы, раз взят курс на перенесение центра тяжести массовой работы в цеха, и работу делегатского собрания на крупных предприятиях организовать по цехам. Этим самым была бы дана цеховым профбюро реальная возможность руководства всей общественной работой в цеху, цеховые бюро включились бы в общую систему профработы на предприятии, усилилась бы связь делегатского института с массами, так как делегаты находились бы под руководством организации, сидящей непосредственно в цеху и могущей в силу этого лучше организовать всю их работу. Само собой разумеется, что при таком построении работы за заводским комитетом осталась бы полная возможность созыва периодических общезаводских делегатских собраний по принципиальным вопросам профработы на предприятии.

Дальше всего в смысле перенесения центра тяжести работы в цех мы сейчас продвинулись в работе производственных совещаний. Здесь нами найдена правильная установка, когда общезаводское производственное совещание занимается общими вопросами работы завода, намечает общие перспективы, а цеховое производственное совещание конкретизирует их применительно к условиям работы своего цеха. Правильная установка в работе производственных совещаний на предприятиях есть определенный результат того, что, начиная с весны, им было уделено очень большое внимание. Такое же внимание сейчас должно быть уделено и всем остальным звеньям массовой работы в цеху, потому что, если нам не удастся укрепить всю массовую работу, то и производственные совещания не дадут того, чего мы сейчас в праве от них требовать.

Особо стоит вопрос о том, нужно или не нужно переносить в цеха работу организаций пролетарской общественности. Опыт работы московской организации показал, что некоторые добровольные общества (ОДН, ДД) необходимо вывести вообще с предприятия и организовать их работу по территориальному принципу. Работу других добровольных обществ, хотя и оставленных на предприятии, необходимо сконцентрировать в общезаводском масштабе, группируя актив и развертывая через него массовую просветительную работу. Беря же ставку на цеха (а некоторые добровольные общества эту ставку взяли), мы будем перегружать цех всякого рода общественными организациями, распылять актив, а работы не вести ни в цеху, ни в заводском масштабе, как это в ряде случаев и имеет место. Множественность же организаций в цеху будет очень усложнять задачу руководства ими со стороны цеховой партийной организации, будет отвлекать ее внимание от основных, ударных сейчас моментов массовой работы в цеху.

На практике в ряде случаев так и было, что цеховые бюро ячеек, гоняясь за тем, чтобы всем дать руководство, упускали из поля своего зрения основные задачи, узловые пункты массовой работы в цеху, в частности недостаточно крепили непосредственно партийную работу в массах.

Перенося центр тяжести всей массовой работы в цеха, необходимо в первую очередь перенести туда непосредственную работу партийной организации в массах. Наилучшей формой непосредственного партийного воздействия на беспартийных, приближения беспартийного актива к партии, непосредственного ознакомления его с партийной работой являются открытые собрания ячеек. Действительным центром открытых собраний должен стать цех. Опыт работы последнего года показывает, что этого еще далеко нет, что принципиальное признание положения еще не есть его практическое осуществление. Несколько фактов в доказательство.

По 6-ти общезаводским ячейкам Сок. района соотношение между закрытыми и открытыми собраниями за время с сентября 1925 г. по декабрь 1926 г. (15 мес.) может быть показано следующей табличкой:

	Общее колич. собр.	Из них открыт.	% откр. к общ. колич.	На один месяц приходится открытых собраний
1.	33	5	12,2	0,3
2.	26	7	27,0	0,47
3.	34	7	20,6	0,47
4.	30	9	30,0	0,6
5.	20	6	30,0	0,4
6.	35	9	25,7	0,6

По цеховым ячейкам:

Общее колич. собран.	Из них открыт.	%%	За какое время	На один месяц приходится открытых собраний
10	3	30	6 месяцев	0,5
7	4	57	5 »	0,8
6	1	17	5 »	—
7	5	71	7 »	0,71
9	7	78	5 »	1,0

Соотношение, правда, дает некоторый перевес в пользу открытых собраний по цехам, хотя и тут и там в большинстве предприятий оно неудовлетворительно. По подготовке же, порядку дня, посещаемости беспартийных и активности цеховые открытые собрания далеко отстают от общезаводских. Если посещаемость беспартийными общезаводских открытых собраний в среднем за год по основным предприятиям Сокольнического района выражается в 24% от общего количества участников собраний, то по цеховым ячейкам она нигде почти не достигает таких цифр. По «Красному Богатырю», например, на общезаводском собрании в среднем присутствует 140—150 беспартийных, а по цехам самое большее достигает для одного цеха 20 ч., а чаще всего 8—10 человек.

Практика общезаводских открытых собраний показывает, что наибольший интерес у беспартийных вызывают вопросы хозяйственные, политические, местные, производственные и профессиональные и вопросы дисциплины (партийной), поэтому улучшение и усиление работы открытых собраний ячеек в цехах надо начать с постановки этих вопросов. Сейчас уже нужно не только в принципе признавать важность открытых партийных собраний в цеху, а и проводить их, соответственным образом их подготавливая, подбирая хорошую повестку дня, выделяя подготовленных докладчиков, широко оповещая о каждом собрании всех беспартийных рабочих цеха.

Особую и очень большую роль в усилении этой работы должны сыграть групповые партийные организаторы, которые уже на опыте доказали, что они могут оказать большую помощь не только в этой, а и вообще во всей массовой работе в цеху. Обследование работы групповых организаторов, проведенное на 23 крупных предприятиях Сокольнического района, показало, что они (группорги) очень много способствовали усилению связи парторганизаций с массами, улучшению учета настроений и запросов всех слоев беспартийных, а следовательно, и улучшению содержания и постановки массовой работы на основе этого учета, улучшению учета беспартийного актива, использованию его на практической работе и вовлечению в партию. Все эти результаты достигнуты при слабом (обследованием это установлено с несомненностью), руководстве их работой со стороны бюро ячеек (цеховых и общезаводских), при неимоверной загрузке их всякими другими обязанностями и при довольно низком уровне теоретического развития. Сейчас группорги являются основным звеном, за которое нужно будет тянуть вперед всю нашу непосредственно партийную работу в массах. В вопросе о группоргах нужно провести в жизнь все, что высшими парторганизациями рекомендуется. Необходимо во что бы то ни стало добиться (некоторые руков. ячеек говорят, что это практически невозможно) осуществления постановления ЦК ВКП(б), предлагающего:

> «В виду большой перегрузки низового ячейкового актива многими обязанностями необходимо эту нагрузку пересмотреть и упорядочить, *имея в виду прежде всего интересы массовой работы*» (курсив наш: *В. П.*).

Только в таком случае можно будет говорить и о повышении политической грамотности групповиков, а это крайне необходимо, иначе нам грозит опасность на длительное время застыть в работе группоргов на той ступени ее, которая имеется сейчас, а именно, когда группорг великолепно передает все настроения рабочих, отчасти потому, что и сам он является в известной степени их носителем, но еще очень слаб в преодолении этих настроений, т. е. еще не является организатором общественности в своей группе. Разгрузив группорга от многих, подчас совершенно ему несвойственных, обязанностей, втянув его в общую и специальную партучебу и усилив руководство его практической работой, мы создадим из сети группоргов твердый костяк, при помощи которого двинем вперед массовую работу.

Укрепляя работу группоргов, мы в то же время будем способствовать развитию групповой и индивидуальной агитации, центром и организатором которой станет групповой парторганизатор. Кроме того, через группоргов же нам действительно удастся втянуть в систематическую агитацию за партийные лозунги, в

реальную помощь по организации массовой работы в цеху и на предприятии всю массу рядовых членов партии. До сих пор нам это удавалось в моменты наивысшего напряжения общественной жизни на предприятии (при проведении, например, такой кампании, как перевыборы советов, когда, действительно, все звенья партийной организации до каждого отдельного члена партии включительно приведены были в движение). В обычное же время этого не было. Индивидуальная работа каждого члена партии в массе беспартийных не была в достаточной мере организована и велась членами партии по мере своих сил и разумения. Ясно, что это не могло не отражаться в первую очередь на состоянии массовой работы. За прошлый год работы стало как бы своеобразным, печальным законом, что коммунисты являются самыми неаккуратными участниками общих и делегатских собраний. В таких условиях, когда коммунист не только не помогает организации массовой работы, а и сам в ней не участвует даже в качестве рядового члена, говорить о том, что она будет успешна, нельзя. Сейчас на это больное место нашей работы обращено серьезное внимание и партийными комитетами и ячейками. Ход кампании перевыборов в советы показал, какие прекрасные примеры организованности можно показать при мобилизации всех сил партийной организации. Необходимо закрепить достижения, выявленные в период подготовки и проведения этой кампании, и распространить на всю массовую работу предприятия. Достигается же это совсем просто. Нужно только, чтоб групповой организатор привлекался к работе не только во время кампаний, а работал все время, являясь действительно организатором своей группы, своего рода секретарем ячейки в группе.

Подводя общие итоги настоящему краткому обзору практики массовой работы на предприятии, необходимо сказать, что в общем построение работы правильно, что сеть наших организаций, как партийных, так и профессиональных, вполне может осуществить полный охват широких беспартийных масс своим руководством, а следовательно, через нее вполне можно осуществить те задачи, которые перед рабочим классом и партией стоят.

Необходимо только более четко увязать ее в один общий узел с центром тяжести в цеху. В этих целях нужно более решительно повернуться лицом к цеху, дать ему больше самостоятельности и инициативы, регулируя и направляя эту самодеятельность и инициативу из общезаводского центра—заводского бюро ячейки. Это, в свою очередь, накладывает на руководителей общественной работы на предприятии (бюро ячейки и завком) обязательство всемерно укреплять цеха соответствующими работниками.

В настоящее время придется несколько видоизменить ту практику, когда работника, который чуть-чуть подрос на цеховой работе, оттуда забирают. Необходимо на ближайшее время закрепить цеховых работников, беря ставку на выращивание крепкого секретаря цех'яч., крепкого группорга и крепкого цехпрофуполномоченного или секретаря цехпрофбюро, путем систематической работы с ними как по линии повышения их политической грамотности, так и по линии помощи им на практической работе. Только при таких условиях мы обеспечим то, что вся парторганизация будет коллективным организатором работы на предприятии, и только при этих условиях будут правильно

работать все приводные ремни от партии к массам. В особенности нужно подтянуть основной ремень—профессиональную организацию. Те отдельные недостатки в организации профработы на предприятии, в силу которых главный шкив—завком—иногда работает на холостом ходу, требуют исправления в самый кратчайший срок. Уточнив и усилив работу делегатских собраний, перенеся центр тяжести массовой работы (проф.) в цеха, мы создадим такое сцепление между завкомом и массами, а через это и между партией и массами, которое обеспечит поголовную мобилизацию всех рабочих предприятия вокруг очередных лозунгов партии, обеспечит наиболее быстрое и совершенное их осуществление.

Мы должны научиться так организовывать массовую повседневную работу, как мы организовали кампанию по перевыборам в советы, когда на предприятиях только больные не пришли на выборные собрания.

Е. Варга.

Проблемы капитализма во Франции и французск. коммунистическая партия[1]).

В истории французской коммунистической парти прежде всего бросается в глаза следующий факт: в классической стране буржуазной революции, в стране Коммуны, наша братская партия, с самого начала ее существования, еще ни разу не вела действительно серьезной борьбы с буржуазией, борьбы, которая хоть сколько-нибудь могла бы выдерживать сравнение с борьбой германской, венгерской, итальянской, болгарской, польской и других коммунистических партий. За все время своего существования французская коммунистическая партия никогда не была на нелегальном положении. Ни один член этой партии не был приговорен к смертной казни или к пожизненному тюремному заключению. Число находящихся в тюрьме французских товарищей в сравнении с товарищами из вышеупомянутых партий совершенно ничтожно. Почти не было до сих пор также жертв уличной борьбы. Партия еще не выдержала испытания огнем в прямой схватке с буржуазией.

Является ли это виной наших французских товарищей? Нисколько. Вышесказанное об'ясняется тем, что в послевоенной Франции капиталистический строй ни разу не подвергался серьезным потрясениям. Поэтому буржуазия с своей стороны не имела оснований прибегать для упрочения своего господства к системе буржуазного террора (мы умышленно не говорим: фашизма). Поэтому и французская коммунистическая партия не имела случая вести борьбу за власть в качестве авангарда революционного пролетариата.

Разумеется, я не желаю сказать этим, что политика французской коммунистической партии всегда была безошибочной и что партия полностью использовала всякую представляющуюся возможность для обострения классовой борьбы. Но речь идет здесь не об этом. Пусть французская коммунистическая партия и совершила те или иные упущения, но факт состоит в том, что в послевоенной Франции не было ни таких массовых движений на экономической почве, как стачка английских горняков, ни таких политических боев, как в Италии, Венгрии, Болгарии и т. д.

Отсюда можно сделать тот вывод, что положение капитализма во Франции было до сих пор и остается в настоящее время лучшим, чем обыкновенно принято думать. Очевидно, этот капитализм не вступил в послевоенное время в такую ситуацию, когда массы не желают больше жить попрежнему, а господ-

---

[1]) Статья дискуссионная.

ствующие классы не могут больше управлять попрежнему—так Ленин характеризует остро-революционную ситуацию. В нижеследующем мы подробнее останавливаемся на экономическом положении Франции и пытаемся вскрыть причины сравнительно незначительной интенсивности классовой борьбы в послевоенной Франции.

В нашем исследовании экономического положения Франции мы исходим из предположения, что период инфляции закончен. Правда, не исключена возможность, что курс французского франка некоторое время будет еще подвержен колебанию; не исключено также новое катастрофическое падение франка. Однако, вероятнее всего, период инфляции фактически закончился, а с ним вместе также особый период в развитии французского капитализма. Поэтому мы пытаемся подытожить результаты экономического развития Франции в послевоенный период и наметить перспективы дальнейшего развития.

Подчеркнем с самого начала, что не следует представлять себе экономическое развитие Франции в ближайшем будущем просто по аналогии с стабилизационным кризисом в Германии. Ряд моментов, на которых мы подробнее останавливаемся ниже, заставляет предполагать, что переход от инфляции к стабилизации произойдет во Франции во многих отношениях иначе, нежели в Германии, поведет здесь к другим результатам.

Прежде всего мы рассматриваем развитие отдельных производственных факторов в послевоенный период и проводим параллель с довоенным временем. Здесь мы наталкиваемся на те же трудности, что в Германии: последняя промысловая перепись во Франции имела место в 1907 г., последняя сельскохозяйственная перепись в 1895 г.; вследствие этого почти невозможно дать действительно основательную картину развития производительных сил. Нам приходится ограничиться внешними признаками и отчасти случайным материалом. Другие трудности проистекают от присоединения Эльзаса и Лотарингии, которое повело к скачкообразному увеличению производительной мощности некоторых отраслей французской промышленности.

Рост населения.

В течение почти целого столетия французский капитализм отличается отсутствием сколько-нибудь значительного роста народонаселения. В этом отношении последнее десятилетие не внесло ничего нового. За время войны страна потеряла часть мужского населения в работоспособном возрасте; эти потери уравновешиваются присоединением Эльзаса и Лотарингии и усиленным привлечением иностранных рабочих. Накануне войны число иностранцев во Франции составляло около полутора миллионов; последняя народная перепись, произведенная в 1926 г., установила во Франции два с половиной миллиона иностранцев. Надо полагать, что число иностранцев на самом деле еще выше. Во всяком случае французскому капитализму, несомненно, удалось возместить недостаток рабочих рук иностранными рабочими. Здесь сама практика опровергает явно неправильную теорию Отто Бауэра, развитую им в свое время в венском журнале «Der Kampf» и вызвавшую уже в то время возражения с моей стороны. Бауэр доказывал, что отсталость французского капитализма в довоенное время была результатом слабого роста народонаселения Франции.

Из имеющихся статистических данных не явствует, какую часть вышеупомянутых двух с половиной миллионов составляют иностранные рабочие. Надо полагать, они составляют значительно преобладающую часть. Отсюда вытекает, что французский капитализм имеет возможность преодолеть или смягчить безработицу во время стабилизационного кризиса, освободившись от этих иностранных рабочих. Это, однако, не означает, что французские капиталисты действительно прибегнуть к этому средству, ибо иностранные рабочие дешевле, чем французские и, кроме того, гораздо дисциплинированнее, так как они работают по особым договорам, и от их покорности по отношению к требованиям капиталистов зависит, разрешено ли будет им дальнейшее пребывание во Франции. Поэтому можно предвидеть, что французские капиталисты не поторопятся избавиться от иностранных рабочих, напротив будут держать их в стране до тех пор, пока не удастся снизить заработную плату и условия труда французских рабочих применительно к новым условиям эксплоатации французского капитала.

Упадок французского сельского хозяйства.

Развитие сельского хозяйства Франции в послевоенное время отличается от довоенного следующими двумя моментами:

1) уменьшение посевной площади;
2) увеличение сборов с гектара.

Повидимому, оба эти момента находятся в связи с недостатком рабочих сил. В некоторых местностях Франции, в особенности на юго-востоке, цифра народонаселения быстро падает. В 1925 г. в 30 департаментах цифра народонаселения была ниже, чем до войны, несмотря на то, что здесь поселились выходцы из Италии: сельскохозяйственные рабочие и мелкие крестьяне. Повышение сборов с гектара отчасти является результатом уменьшения посевной площади, так как, разумеется, невозделанными остаются самые неплодородные участки, их же большею частью превращают в луга и пастбища. Отчасти, однако, увеличение сборов об'ясняется и интенсификацией земледелия, об этом свидетельствует увеличение потребления искусственных удобрений.

Посевная площадь (в тыс. гектаров).

	1909/13	1920	1921	1922	1923	1924	1925	1926
Пшеница	6.787 [1]	5.094	5.330	5.290	5.533	5.512	5.613	5.463
Рожь	1.253 [1]	869	874	888	897	889	869	859
Ячмень	804 [1]	664	669	693	681	714	699	736
Овес	3.978 [1]	3.350	3.358	3.436	3.423	3.495	3.480	3.529
Итого . . .	12.822							10.587
Кукуруза	—	336	328	320	342	342	346	—
Картофель . . .	1.646 [1]	1.440	1.453	1.464	1.451	1.463	1.465	1.446
Свекловица . .	246	105	102	131	165	203	195	208
Виноградники . .	1.626	1.585	1.591	1.527	1.537	1.550	1.594	1.614

[1]) В переводе на послевоенную территорию.

Данные этой таблицы показывают, что в сравнении с последним довоенным пятилетием площадь под хлебом уменьшилась приблизительно на 20%. Это уменьшение нельзя считать результатом опустошений военного времени, так как за последние 7 лет (начиная с 1920 г.) не произошло значительного увеличения посевной площади, несмотря на восстановление разрушенных провинций.

Нижеследующая таблица показывает увеличение сборов с гектара за последние 6 лет сравнительно с последним довоенным пятилетием.

Сборы с гектара (в двойных центнерах).

	1909/13	1921/25	1925	1926 [1])
Пшеница	13,1	14,5	16,0	12,5
Рожь	10,6	11,7	12,8	10,0
Ячмень	14,3	13,8	14,7	16,0
Овес	13,4	12,7	13,6	16,0
Кукуруза	12,1	11,4	14,7	—
Картофель	87,1	84,0	103,8	—
Свекловица	239,1	234,7	245,7	—
Вино в гектолитрах	30,9	41,2	39,4	—

В результате обеих противоречивых тенденций—уменьшения посевной площади и увеличения сборов с гектара—получается довольно значительное уменьшение общей суммы урожая сравнительно с довоенными цифрами.

Цифры урожая (в миллионах двойных центнеров).

	Среднее за 1909/13	1922	1923	1924	1925	1926	Среднее за 1922/26
Пшеница	88,6 [2])	66,2	75,0	76,5	90,0	67,7	75,0
Рожь	13,3 [2])	9,8	9,3	10,2	11,1	8,5	9,8
Ячмень	11,1 [2])	8,9	9,8	10,5	10,3	11,8	10,5
Овес	53,5 [2])	41,8	48,9	44,3	47,5	57,8	48,0
Кукуруза	5,7	3,2	3,2	4,6	55,1	—	4,0

Количество скота тоже все еще значительно ниже довоенных цифр, как показывает следующая таблица.

Количество скота (в тысячах).

	1913	1925
Лошади	3.291	2.880
Коровы	14.807	14.572
Овцы	16.213	10.537
Свиньи	7.048	5.793
Козы	1.453	1.378

[1]) Цифры для 1926 г. вычислены только приблизительно
[2]) В переводе на послевоенную территорию.

Если, несмотря на уменьшение количества скота, произошло повышение сборов с гектара, то это следует приписать повышенному употреблению искусственных удобрений [1]).

Резюмируя эти данные, мы констатируем, что сельское хозяйство Франции находится в настоящее время на несомненно более низком уровне, чем в последнее пятилетие до войны, и что за последние 7 лет не проявилась тенденция к увеличению производства. Подчеркнем также, что за последние три—четыре года во Франции замечается довольно большое расхождение «ножниц» в ущерб сельскому хозяйству; это, конечно, неблагоприятно отражалось на эволюции сельского хозяйства.

Индекс оптовых цен.

	Пищевые продукты	Промышленные материалы
1919	389	430
1920	532	635
1921	411	389
1922	376	379
1923	458	506
1924	523	598
1925	566	691
1926	597	679

Развитие горного дела и промышленности.

В отличие от сельского хозяйства горное дело и промышленность Франции переживают после войны сильный под'ем. Из страны с преобладающей мелкой и средней промышленностью Франция стала страной новейшей крупной промышленности. В настоящее время нет еще статистических данных, охватывающих в целом всю эту эволюцию. Однако, отдельные описания [2]) не оставляют сомнения относительно указанного под'ема.

Скачкообразное развитие французской тяжелой индустрии и металлопромышленности находится в теснейшей связи с войной и восстановлением. Это развитие происходило в трех довольно ясно очерченных этапах.

1) В замену промышленности северо-восточных областей, занятых в начале войны немцами, была создана в центральных областях Франции новая крупная металлообрабатывающая промышленность на предмет снабжения армии военными материалами.

2) Версальский договор присоединил к Франции высокопромышленную Лотарингию.

3) За счет государственных субсидий были восстановлены и оборудованы по последнему слову техники промышленные предприятия в разрушенных провинциях.

---

[1]) Все данные, поскольку не указаны другие источники, взяты нами из ежегодника «Annuaire Statistique de la France» за различные годы. В общем следует заметить, что французская статистика не очень надежна: различные источники дают совершенно разные цифры.

[2]) Наиболее цельное изложение дано в отчете английского консула S. R. Cahill—«Report of the Economic Industrial Conditions in France», 1925.

Созданное на территории старой Франции новое промышленное производство является внутренним увеличением производительных сил страны. Однако, из этого не следует, что эти новые производительные силы являются также равноценными внутренним накоплениям. Восстановление разрушенных провинций происходило большей частью за счет французских крестьян и мелких буржуа, которые, благодаря инфляции, потеряли свое состояние, оно перешло к крупному капиталу. Увеличение производительных сил Франции вследствие присоединения Эльзаса и Лотарингии, конечно, является внешним приростом. Однако, не подлежит сомнению, что горное дело и промышленность Франции стоят в настоящее время на гораздо более высоком уровне капиталистического развития, чем до войны. Некоторое представление о развитии французской промышленности дают цифры нижеследующей таблицы.

Находящиеся в действии паровые машины.

(По отраслям промышленности. В тысячах киловатт).

	1913 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.
Электротехническая промышл.	576	823	970	1.223	1.678
Металлопром.	438	551	667	668	727
Каменоломни и т. д.	423	508	530	540	685
Текстильн. промышл. и конфекционная.	398	398	411	416	431
Химическая пром.	106	103	106	120	122
Прочее	652	661	665	631	673
Итого	2.603	3.044	3.349	3.598	4.316 [1])

Цифры «Ежегодника» («Annuaire») доходят только до 1923 г. Они показывают, что в электротехнической промышленности мощность паровых машин за четыре года увеличилась вдвое; в других отраслях промышленности увеличение несколько меньше, но тоже значительно.

На ряду с увеличением мощности паровых машин особую роль играет использование водной силы, как показывает следующая таблица.

Использование водных сил (в тысячах киловатт) [2]).

1910 г.	650
1914 »	800
1922 »	1.200
1924 »	1.500

Горное дело.

Развитие горного дела в послевоенной Франции получило большой толчок, благодаря присоединению Эльзаса и Лотарингии. Впрочем, увеличилась также производительная мощность угольных копей на севере Франции благодаря новому оборудованию

---

[1]) Из этого числа—385 в трех департаментах: Мозельском, Верхнего Рейна и Нижнего Рейна (Эльзас и Лотарингия).

[2]) «Indicateur de la Production Fransaise».

их при восстановлении разрушенных провинций. Приводим важнейшие цифры:

Производство (в млн. тонн).

	1913 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.
Каменный уголь	40,1	31,1	37,7	44,0	47,1
Железная руда	21,9	21,0	23,3	30,0	35,8
Калий [1]	0,3	0,9	1,0	1,1	1,2

Число горнорабочих (в тысячах).

	1913 г.	1922 г.	1923 г.
Всего	239	278	317
В том числе:			
Каменный уголь	196	225	259
Железная руда	25	23	24
Калий	—	5,3	5,6

Больше всего увеличилась добыча железной руды. Это об'ясняется присоединением Эльзаса и Лотарингии, в которых в 1913 г. было добыто 21,1 миллиона тонн железной руды против 21,9 миллиона тонн во всей Франции [2]). Эти цифры показывают, однако, что *добыча железной руды во Франции все еще ниже довоенной.* Трудности заключались в том, что лотарингская руда, так называемая минета, трудно поддается разработке. В довоенное время она отчасти разрабатывалась на местах с помощью кокса из Рейнско-Вестфальской области, отчасти же перевозилась в Рурскую область и разрабатывалась на тамошних металлургических заводах. К тому же, Германия в 1913 г. импортировала 3,8 миллиона тонн французской руды, тогда как в 1925 г. ее импорт из Франции и Эльзас-Лотарингии составлял не более 1,2 миллиона тонн. Германская металлургия освободилась от зависимости от лотарингской руды.

Гораздо благоприятней развивалась добыча калийных солей в Эльзасе с переходом последнего к французам. По французским данным, она увеличилась в четыре раза, по германским—в 6 раз. Французы фактически прорвали германскую калийную монополию и заставили германский калийный синдикат вступить с ними в очень выгодный для них договор.

Промышленность.

Мы не располагаем данными о размерах промышленного производства во Франции, за исключением некоторых отдельных отраслей промышленности. Поэтому для того, чтобы судить о развитии французской промышленности, нам придется пойти окольным путем и заключать о росте промышленного производства по данным о потреблении промышленного сырья. Точно так же мы поступили в нашем очерке послевоенной экономики Германии. Нижеследующая таблица показывает рост производства железа и стали в послевоенной Франции.

---

1) Цифры взяты из «Annuaire». Германский «Statistisches Jahrbuch» (стр. 56) дает для Эльзаса гораздо более высокие цифры добычи:

1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.
1,3	1,6	1,7	1,9

2) Цифры взяты из «Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich» 1926 г., стр. 44.

	Производство (в млн. тонн) Железо	Сталь	Число рабочих в тыс.
1913 г. (старая террит.)	5,2	4,7	—
1913 » (включ. Лотаринг.)	9,0	7,0	118,0
1919 »	2,4	2,2	101,4
1920 »	3,3	2,7	100,1
1921 »	3,4	3,1	93,2
1922 »	5,2	4,5	83,7
1923 »	5,3	5,0	99,3
1924 »	7,7	6,9	117,8
1925 »	8,4	7,3	111,6
1926 »	9,4 [1])	8,3 [1])	—

При оценке этих цифр необходимо принять во внимание, что в 1913 г. тяжелая индустрия Лотарингии одна насчитывала 63 доменные печи, и производство ее составляло 3,87 миллиона тонн железа и 2,26 миллиона тонн стали. Ее производительная мощность составляла в то время приблизительно 75% производительной мощности тогдашней французской тяжелой индустрии [2]). Однако, в настоящее время производство железа и стали во Франции уже превысило довоенные цифры. В последние довоенные годы производительная мощность лотарингских заводов использовывалась только в незначительной степени [3]). Об'яснялось это главным образом недостатком кокса. Лотарингская металлургия получала кокс из Рейнско-Вестфальской области. В послевоенное время в Лотарингии ощущался большой недостаток кокса; это было одной из главных причин занятия Рура. В 1913 г. Лотарингия получила 3,84 миллиона тонн кокса из Вестфалии, тогда как в 1919—1924 гг. она получала ежегодно менее половины этого количества [4]). «*Это положение не могло удовлетворить заинтересованные стороны, поэтому французское правительство решило занять Рурскую область и таким образом создать непосредственную связь между металлургическими заводами и важнейшими центрами европейского производства кокса*», —так хладнокровно констатирует французский эксперт А. Лауфенбергер [5]).

---

1) Предположительные цифры.

2) «Revue d'Economie Politique». Специальный выпуск об Эльзасе и Лотарингии, ноябрь—декабрь 1924 г., стр. 2009.

3) По данным «Statistisches Jahrbuch», производство Эльзаса и Лотарингии составляло (в миллионах тонн):

	1913 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.
Железо	3,7	1,4	1,4	2,3	1,9	3,0	3,3
Сталь	2,3	0,8	1,2	1,7	1,6	2,4	2,6

4) «Revue d'Economie Politique». Специальный выпуск, стр. 11, 999.

5) Там же, стр. 1000.

С прекращением недостатка угля и кокса металлургическая промышленность Лотарингии пошла в гору, и в 1925 году производство железа и стали достигло здесь довоенных цифр, а вся продукция на новой территории Франции превысила довоенные цифры.

О продукции обрабатывающей промышленности имеются только отдельные разрозненные данные. Поэтому мы приводим в нижеследующей таблице цифры ввоза важнейших сырых материалов. Они могут служить зацепкой для суждения о развитии послевоенной французской промышленности. Цифры даны нетто, т.-е. чистый ввоз, или излишек ввоза над вывозом.

Ввоз (нетто) важнейших сырых материалов.

(В тысячах двойных центнеров).

	1913 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.
Шерсть	2.048	1.139	2.547	2.132	1.804	2.110
Шелк	109	77	114	89	137	127
Каучук	67	175	281	316	352	380
Хлопок	2.687	1.887	2.396	2.352	2.812	3.264
Полотно	1.036	(— 279)	(— 125)	(— 223)	(— 510)	(— 552)
Лен	312 [1]	105	261	292	297	245
Джут	1.218	453	842	753	970	886
Минер. масла	5.104	7.092	8.852	9.887	12.072	14.238
Медь	844	230	591	943	1.318	977
Свинец	778 [1]	226	680	837	857	687
Олово	87 [1]	65	81	90	101	100
Цинк	400 [1]	138	423	411	539	267

Таблица имеет некоторые недостатки, так как для некоторых товаров не удалось установить цифры ввоза нетто (т.-е. ввоз за вычетом вывоза) в 1913 г. Вероятно, произошли также известные изменения в туземном производстве некоторых товаров. Таблица показывает сильное увеличение ввоза каучука, минеральных масел и меди, но лишь небольшое увеличение ввоза текстильного сырья—это последнее об'ясняется включением текстильной промышленности Эльзаса. Подчеркнем при этом, что эта промышленность была весьма развита. Ее оборудование в довоенное время составляло:

1.865.000 веретен 38.000 ткацких станков	}	для хлопка
700.000 веретен 7.500 ткацких станков	}	для шерсти

Это равняется 27% числа веретен во всей хлопчато-бумажной, и 33% числа ткацких станков и около 25% числа веретен и станков в шерсто-прядильной и шерсто-ткацкой промышленности Франции. Если принять в соображение этот сильный прирост, то *увеличение ввоза хлопка и шерсти, повидимому, отстает от увеличения производительной мощности, и надо полагать, что значительная часть этой последней осталась неиспользованной, несмотря на благоприятную кон'юнктуру инфляционного периода.*

[1]) Ввоз брутто.

Промышленное развитие Франции лучше поддается оценке, если сравнить душевое потребление важнейших сырых материалов до войны и в настоящее время с соответствующими цифрами в Германии.

Душевое потребление важнейших сырых материалов в Германии и во Франции (в килограммах).

	1913 г.		1924 г.		1925 г.	
	Германия	Франция	Германия	Франция	Германия	Франция
Уголь	2.470	1.623	2.163	1.927	2.212	1.700
Нефть	17,2	13,3	3,8	32,6	7,4	35,4
Железо и сталь	401	228	—	—	324	312
Каучук	0,3	0,15	0,4	0,88	0,7	0,94
Хлопок	7,2	6,8	4,3	7,1	5,9	8,1
Джут	2,3	3,0	1,7	2,4	2,1	2,2
Шерсть	3,2	6,7	2,7	5,7	2,5	—
Шелк	0,07 [1])	0,1	0,04 [1])	0,11	0,04 [1])	—

Эти цифры показывают, что душевое потребление промышленного сырья довольно сильно увеличилось во Франции сравнительно с довоенным временем и в некоторых местностях опередило Германию. Это является лучшим доказательством сильной индустриализации Франции со времени начала войны.

Развитие экспорта промышленных товаров.

Изменение структуры французского народного хозяйства гораздо ярче выступает в данных о внешней торговле, нежели в скудных и ненадежных данных о производстве. В нижеследующей таблице сопоставлен вывоз важнейших промышленных фабрикатов (в порядке его ценности); он составлял в 1913 г. около 49%, а в 1925 г. около 37% всего вывоза в ценностном выражении. Цифры даны в двойных центнерах, так как вследствие сильных колебаний валюты цифры вывоза в ценностном выражении ненадежны [2]).

[1]) Не включая собственное (незначительное) производство.

[2]) Нижеследующая таблица дает картину внешней торговли Франции в переводе на золотые франки по курсу нью-иоркской биржи. Конечно, данные ее приходится принимать со всеми оговорками, необходимыми при такого рода подсчетах.

	Ввоз			Вывоз		
	Пищ. сред.	Сырье	Фабрикаты	Пищ. сред.	Сырье	Фабрикаты
	(в миллионах золотых франков)					
1913	1.818	4.946	1.058	839	1.858	4.183
1920	4.241	8.985	4.598	933	2.184	6.489
1921	2.508	4.330	1.914	797	1.574	5.235
1922	2.393	5.853	1.816	784	2.420	8.064
1923	2.337	6.494	1.361	797	2.922	6.010
1924	2.416	6.999	1.376	1.090	2.835	6.725
1925	2.279	7.366	1.261	907	3.141	6.744

Принимая во внимание, что цены золота на мировом рынке были в 1925 г. приблизительно на 50% выше, чем в 1913 г., мы получаем, что вывоз Франции в области фабрикатов и сырья поднялся лишь незначительно и увеличение его соответствует только присоединению Эльзас-Лотарингии. Однако, мы полагаем, что цифры этой таблицы дают неверную картину и что фактически вывоз был более значительным.

Вывоз важнейших фабрикатов (в двойных центнерах).

	1913	1921	1922	1923	1924	1925
Шелк. ткани	62	57	63	76	86	92
Белье, одежда, конфекцион.	64	87	81	80	96	88
Хлопч. ткани	554	587	437	445	671	548
Автомобили	354 [1]	376	341	408	618	761 [3]
Шерст. ткани	234	156	182	255	345	289
Железо и сталь	7.620	24.393	27.917	24.407	30.244	39.734
Инструменты и метал. товары	1.446	1.878	1.914	3.101	2.964	5.474
Каучук. товары	69	211	189	219	276	306
Обработ. кожи	154	214	96	130	190	175
Паров. и др. силов. машины	821 [2]	606	511	813	890	990
Парфюмерия и мыло	514	466	544	657	764	722
Стекло и хрусталь	1.530	744	700	883	1.175	1.376
Меха	—	10,5	12,7	14	17	19

Из этой таблицы ясно следует, что вывоз продуктов старых экспортных индустрий Франции, в особенности текстильной индустрии, увеличился в весовом (количественном) выражении сравнительно немного. Это увеличение далеко не соответствует тому приросту производительной мощности, который явился результатом присоединения текстильной индустрии Эльзаса и Лотарингии. Зато произошло скачкообразное увеличение вывоза железа и стали, инструментов и металлических товаров, автомобилей,— вообще продуктов железоделательной и сталелитейной, а также металлообрабатывающей промышленности. За недостатком необходимых данных, нельзя установить, соответствует ли это увеличение вывоза приросту производительной мощности лотарингской промышленности или превышает его. Во всяком случае, не подлежит сомнению, что Франция стала страной с значительным вывозом продуктов тяжелой индустрии и железообрабатывающей промышленности.

Транспорт.

Со времени войны произошло очень значительное развитие в области транспорта. Большая часть паровозного и вагонного парков железных дорог была обновлена и расширена; торговый флот был увеличен, произошло дальнейшее строительство портов; часть железных дорог перестраивается в настоящее время на электрическую тягу, производятся также большие постройки каналов. Приводим некоторые данные об этой эволюции.

Локомотивы.

	Число	Сила в тыс. киловатт
1913	14.341	8.900
1923	18.446	17.410

Торговый флот.

	В тыс. нетто тонн	В том числе пароходы и теплох.
1913	1.582	980
1919	1.306	879
1920	1.145	1.759

[1]) Caronerie.
[2]) Machines et mécaniques.
[3]) Включая кузова.

Положение французского пролетариата в период инфляции.

Теперь поставим вопрос: каково было положение французского пролетариата в период инфляции, когда французская промышленность развивалась этим быстрым темпом?

Все признаки говорят в том смысле, что положение рабочих в общем было не хуже, чем в довоенное время.

1) За исключением 1921 г., во Франции не было массовой безработицы.

2) За все время после окончания войны во Франции существует по закону 8-часовой рабочий день.

3) Повидимому, фактический уровень жизни французских рабочих не отличался от довоенного (иностранные рабочие во Франции оплачивались значительно хуже французских). К сожалению, нет надежных данных для сравнения с довоенным временем. Во Франции нет тарифных договоров, простирающихся на всю страну. В области статистики заработной платы имеются только предположительные оценки городских управлений; они совершенно не надежны. Благодаря инфляции данные о денежной заработной плате дают превратную картину. Нам не остается ничего другого, как определять фактический уровень жизни по душевому потреблению важнейших продуктов, при чем мы располагаем только статистикой потребления на душу *всего* населения.

Потребление важнейших пищевых продуктов и сырья на душу населения (в килограммах)

	1909/13	1922	1923	1924	1926 [1])
Пшеница	223	183	222	226	254
Рожь	30	24	24	27	28
Ячмень	28	24	26	29	26
Кукуруза	27	22	22	25	25
Картофель	342	327	252	378	362
Рис	5,6	3,6	6,6	4,2	4,8
Сахар	17,5 [2])	20,1	19,0	19,6	22,3
Вино (в литрах)	142 [2])	212	168	201	179
Пиво (в литрах)	33,6 [2])	25,5	30,4	—	—
Кофе	2,84 [2])	4,4	4,3	4,3	4,2
Какао	0,69 [2])	1,0	1,1	1,2	1,2
Чай	0,04 [2])	0,03	0,03	0,04	0,04
Алкоголь [3]) (в литрах)	3,73 [4])	2,42	0,66	2,51	—
Табак	1,1 [4])	1,4	1,4	1,04	1,3
Хлопок	6,8 [4])	6,1	5,9	7,1	8,1
Джут	3,0 [4])	2,1	1,9	2,4	2,2
Шерсть	6,7 [4])	7,8	6,6	5,7	—
Шелк	0,1 [4])	0,08	0,09	0,11	—

В этой таблице сказывается тенденция к росту массового потребления — аналогия с Англией. Во Франции инфляция не ухудшила снабжения населения пищевыми продуктами и одеждой,

[1]) Цифры 1926 г. вычислены нами.
[2]) 1911—1913 гг.
[3]) Для этого количества уплачен налог.
[4]) 1913 г.

как это в высокой мере имело место в Германии. Это не является еще *вполне убедительным доказательством,* что уровень жизни французского пролетариата тоже повышался. Но, если принять во внимание, что в период инфляции мещанство и крестьянство понесло большие потери, что рантье обеднели, что иностранные рабочие посылали значительную часть своего заработка на родину, то весьма вероятно, что положение широкой массы французских рабочих не ухудшилось сравнительно с положением в 1913 г.

Этим об'ясняется слабость классовых боев во Франции, отсутствие экономических боев (забастовочное движение раскололось на бесконечное множество местных стачек), возможность для французской коммунистической партии оставаться в течение всего послевоенного периода на легальном положении.

Различие между инфляцией в Германии и Франции.

Тогда как в Германии инфляция повела к общему обнищанию масс, во Франции мы наблюдаем увеличение массового потребления.

Чем об'ясняется это важное различие? Мы думаем, что здесь играют важную роль следующие два момента:

а) Хотя часть Франции подверглась во время войны систематическому разрушению со стороны немцев, остальная часть ее, повидимому, пострадала гораздо меньше; вся страна в целом вышла из войны менее обнищавшей, нежели Германия. Об'ясняется это тем, что Франция во время войны имела поддержку Англии и Америки и все время не теряла связи с мировым хозяйством. Разумеется, надо принять во внимание то обстоятельство, что Франция получила от Англии и Америки во время войны и в послевоенное время свыше 20 миллиардов золотых франков (мы оставляем здесь в стороне ее займы союзникам), тогда как Германия должна была покрывать все издержки войны из собственных ресурсов, если не считать эксплоатации оккупированных ею территорий.

б) Есть основание полагать, что широкие круги французского народа, сберегавшие в нормальные времена часть своего дохода для получения к старости ренты, отказались от этого в период инфляции и обесценения денег и, вместо этого, увеличили свое потребление. Об этом свидетельствует сильное уменьшение чисто-сберегательных вкладов в последние годы.

Возможно, что здесь действовали также другие причины, но, так или иначе, не подлежит сомнению следующий противоречивый факт: с одной стороны, экспроприация 80% твердопроцентных доходов и широких слоев французского мещанства, с другой стороны, увеличение потребления важнейших продуктов и текстильного сырья.

Важным различием между ходом инфляции в Германии и Франции является следующее: тогда как *обесценение марки происходило непрерывно и в одном направлении, курс франка* колебался *зигзагами.* После сильного падения франка в 1920 г. он поднимается в 1922 г. в среднем на 20%; за дальнейшим обесценением франка в 1923 г. следует скачкообразное повышение курса франка на 50% весной 1924 г.; за обесценением франка в 1925 г.

следует скачкообразное повышение курса франка снова на 50% во второй половине 1926 г.

Нижеприводимые цифры показывают колебания франка в среднем за год и за месяцы; поэтому фактические колебания здесь уже сильно сглажены.

За 1 франк давали американских центов.

1913	1920	1921	1922	1923	1924	1924 Март	1924 Апр.	1925	1926 Янв.	1926 Июль	1926 Дек.
19,3	7,0	7,7	8,2	6,1	5,2	4,2	6,1	4,8	3,8	2,5	4

Благодаря этим сильным скачкообразным колебаниям франка характер инфляционного хозяйства выступал во Франции гораздо менее резко, чем в Германии. Во Франции капиталист, ориентируя свои операции исключительно на понижении франка, далеко не мог быть уверенным в успехе. В частности:

а) не было безусловной выгодой брать кредиты в центральном эмиссионном банке, так как нельзя было знать, будет ли при наступлении срока уплаты курс франка выше или ниже, чем при получении этих кредитов;

б) не было безусловной выгодой помещать свой капитал в «реальных ценностях», так как нельзя было знать, не окажется ли впоследствии, по причине повышения курса франка, продажная цена этих ценностей ниже покупной;

в) не было безусловной выгодой помещать свои деньги в иностранной валюте или свой капитал в иностранных ценностях (так называемая утечка за границу), так как изменение курса франка могло повести здесь к чрезвычайным потерям.

Поэтому явления инфляционного хозяйства сказались во Франции в гораздо меньшей мере, чем в Германии.

а) Вследствие колебаний курса франка во Франции не произошло такого ускорения обращения денег, и золотая ценность всей циркулирующей денежной массы не упала в такой мере, как в Германии или Польше. Тогда как в октябре 1923 г. ценность всей циркулирующей массы бумажных денег в Германии упала до 300 миллионов золотых марок, ценность циркулирующей массы французских банкнот составляла в золоте:

Курс франка и обращение банкнот.

	Обращение банкнот [1]) В миллиард. бум. франк.	Обращение банкнот [2]) В миллиард. зол. франк.
1913	5,7 + 3,6 зол.	9,3
1920	37,9	13,5
1921	36,5	14,03
1922	36,4	15,2
1923	39,1	12,2
1924	40,9	11,1
1925	51,1	12,8
1926 янв.	50,6	9,2
1926 июль	56,0	7,2
1926 нояб.	56,3	9,7

[1]) В конце года или месяца. «Bulletin Mensuel de Statistique».
[2]) Подсчет сделан на основе данных «Bulletin Mensuel de Statistique».

Вследствие присоединения Эльзаса и Лотарингии и увеличения товарного обращения ценность циркулирующей денежной массы в золоте теперь во Франции выше, чем в довоенное время, в особенности, если принять во внимание, что боны казначейства тоже исполняют некоторые денежные функции (суточный кассовый резерв).

б) Во Франции не имело места «бегство к реальным ценностям», и в связи с этим здесь не образовались также концерны инфляционного характера. Несмотря на сильный процесс централизации, во Франции не скупали без разбора всякого рода предприятия за счет банковых кредитов, как это делалось в Германии.

в) Обращение иностранных банкнот во Франции незначительно. Это означает, что французы не продавали своих ценностей за границу, как это делалось в Германии, и не употребляли вырученную за них иностранную валюту в качестве средства обращения. Экономически это равносильно беспроцентному кредиту, выданному за границу, и ослабляет хозяйство страны. Иностранные ценности, правда, покупались на бирже, но точно так же и продавались, смотря по тому, спекулировали ли на повышение или на понижение иностранных валют. Правда, во Франции говорят о сильном бегстве капиталов за границу и называют цифры до нескольких миллиардов. Но, по всей вероятности, здесь дело было во временных спекуляциях в зависимости от движения валютных курсов, а не в окончательном помещении французских капиталов за границей.

В общем можно сказать, что деформация французского хозяйства вследствие обесценения денег произошла далеко не в такой степени, как в Германии. Об'ясняется это, во-первых, тем, что обесценение франка было далеко не так сильно, как обесценение марки; другой, более существенной причиной являются сильные колебания в движении курса франка. Вследствие менее резкого характера деформации французского хозяйства в период инфляции стабилизационный кризис, по всем вероятиям, проявится во Франции в более мягких формах, чем в Германии.

Стабилизационный кризис во Франции.

Надо полагать, что стабилизационный кризис во Франции будет отличаться от германского в следующих пунктах:

а) Так как во Франции циркулирующая денежная масса имеет в настоящее время такую же ценность в золоте, как до войны, и вследствии этого скорость обращения лишь немного превышает довоенную, то после стабилизации не произойдет внезапного замедления скорости обращения денег, и, как результат этого, не будет ощущаться недостаток капитала в денежной форме. Как это замедление, так и этот недостаток имели место при стабилизационном кризисе в Германии. Не наступит также массовых крахов предприятий.

б) Как видно из вышеприведенной таблицы, ввоз сырья во Францию превышал в последние годы довоенный. Поэтому, вступая в период стабилизации, Франция не лишена товарных запасов, как это было в Германии. Ничего не слышно также о недостатке фабрикатов, о хвостах перед магазинами. Поэтому во

Франции не произойдет также того скачкообразного увеличения ввоза, который имел место в Германии.

в) Так как во Франции нет концернов инфляционного характера, здесь не будет также иметь место та грандиозная перегруппировка капиталистических предприятий (ликвидация инфляционных концернов, которую мы наблюдали в Германии).

г) Во Франции циркуляция иностранных банкнот незначительна; в частных руках находится также гораздо меньше иностранных валют и ценностей, чем в Германии. Поэтому Франция, в отличие от Германии, не имеет скрытого резерва иностранных платежных средств. Германия использовала этот резерв для покрытия громадного дефицита в балансе своей внешней торговли в начале стабилизационного кризиса. В отличие от Германии Франция должна считаться также с тем, что за границей имеется еще довольно много французских банкнот [1]), которые вернутся во Францию после стабилизации и окажут давление на ее платежный баланс.

Надо полагать, что хроническая массовая безработица не примет во Франции таких размеров, как в Германии. Во Франции имеется большое число иностранных рабочих, им придется довольно быстро оставить страну—этот процесс уже начался. Кроме того, часть французских рабочих, перешедших в последние годы от сельского хозяйства к промышленности, снова вернется в деревню, как только будут ликвидированы «ножницы» и, вместе с этим, увеличится спрос на рабочую силу в деревне. 1 января 1927 г. снова введены были во Франции аграрные пошлины. Это ускорит ликвидацию «ножниц».

Мы резюмируем: стабилизационный кризис во Франции не окажет такого коренного и глубокого влияния на ее народное хозяйство, как это было в Германии. Зато стабилизация угрожает Франции другой опасностью—пассивностью ее платежного баланса. Это неминуемо, если французская буржуазия не откажется от системы «национальной стабилизации», т.-е. проведения стабилизации без помощи заграницы, без иностранных займов, без ратификации Вашингтонского соглашения. При малейших внешних затруднениях, эта стабилизация точно так же разобьется вдребезги, как аналогичные попытки польской и бельгийской буржуазии.

Проблемы стабилизации во Франции.

Как мы уже указывали, во внутреннем хозяйстве Франции имеются предпосылки для стабилизации валюты.

а) В области государственного хозяйства достигнуто состояние равновесия. Быть может, окажется еще дефицит, но он ни в коем случае не будет столь значителен, чтобы мог оказаться опасным для устойчивости валюты. Правда, вследствие повышения курса франка сильно увеличилось бремя внутреннего государственного долга. Если принять внутренний государственный долг Франции в 300 миллиардов бумажных франков, то это равняется 60 миллиардам золотых франков, тогда как внутренний долг Франции до войны составлял 33 миллиарда золотых фран-

[1]) Моультон полагает, что число их составляло к концу 1924 г. 10 миллиардов франков (Moulton and Lewis.—«The French Debt Problem». New-York, 1925, стр. 35).

нов. Но мы должны также принять во внимание понижение покупательной силы золота; в переводе на довоенную ценность золота нынешний государственный долг Франции составляет 45 миллиардов золотых франков. В виду более высокого уровня процента, бремя процентов по внутреннему долгу, надо полагать превышает цифру довоенного времени приблизительно вдвое. Соответственно должны быть увеличены налоги [1]). Это должно лечь тяжелым бременем на народное хозяйство Франции. Разумеется, не в том смысле, как это понимают буржуазные вульгарные экономисты; они считают, что высокие налоги уменьшают покупательную способность населения и сокращают внутренний рынок. Это явная нелепица. Взимание налогов для уплаты процентов по внутреннему государственному долгу означает непосредственно только новое распределение части ценности ежегодной продукции страны. Те деньги, которые отнимаются у одних граждан в виде налогов, поступают к другим в виде процентов по государственному долгу. (Мы предполагаем здесь, что французские государственные бумаги не находятся в руках иностранцев; это приблизительно соответствует истине). Общая покупательная способность населения не испытывает при этом новом распределении ни малейшего *непосредственного* сокращения.

Мы подчеркиваем: непосредственного! Косвенно большой размер государственного долга действует в направлении сокращения ежегодной продукции всего населения (в ценностном выражении). Бумаги государственного долга дают владельцам их перевод на часть продукции страны, соответствующую сумме процентов. Чем выше эта сумма, тем больше людей имеют возможность жить, не работая. Это означает при всех прочих равных условиях сокращение работающей части населения, следовательно, также сокращение ежегодной продукции страны в ценностном выражении. По этой причине, для Франции не допустима ревалоризация франка, т.-е. доведение курса франка до паритета с золотом,—этим лозунгом играют теперь во Франции правые партии. В самом деле, проценты по внутреннему долгу создали бы в таком случае колоссальную ренту и чрезвычайно многочисленный класс непроизводительных рантье; эти условия были бы невыносимы для страны. Уже нынешний курс франка (122 франка за 1 фунт стерлингов), возможно, является с этой точки зрения слишком высоким [2]).

---

[1]) В 1913 г. весь бюджет Франции равнялся 5.072 миллионам франков Из них 1.355 миллионов приходилось на проценты по государственному долгу В настоящее время нормальный бюджет составляет 39.000 миллионов, или около 8 миллиардов золотых франков. Если принять во внимание уменьшение покупательной силы золота и присоединение Эльзаса и Лотарингии, мы получаем лишь незначительное превышение довоенных цифр. На проценты по государственным долгам приходится в настоящее время около 16.500 миллионов бумажных франков или 5.500 млн. золотых франков; в довоенных золотых франках это составит около 4.000 миллионов. Итак, мы имеем тройную довоенную цифру. Кроме того, «амортизационная касса» имеет ежегодный доход приблизительно в 8 миллиардов; источником его, помимо репараций, тоже являются налоги.

[2]) Разумеется, высота стабилизационного курса является вопросом классовых отношений. Непосредственно буржуазия заинтересована в низком стабилизационном курсе, но ее политические интересы говорят против этого, поскольку они требуют удержать за буржуазией широкие массы крестьянства и мещанства. Экономически крупная буржуазия, поскольку она не обладает

б) В течение последнего полугода количество банкнот в обращении падает, потому что потребности обращения покрыты обращающейся денежной массой. В случае стабилизации Франции не угрожает новое инфляционное увеличение банкнотного обращения.

в) Банкнотное обращение составляет во Франции приблизительно 10 миллиардов золотых франков; золотой запас эмиссионного банка равняется 3,68 млрд. золотых франков, а вместе с суммой, депонированной в Английском банке (впрочем, возвращение ее весьма сомнительно)—5,8 млрд.

Такое покрытие должно удовлетворить тех, которые видят гарантию устойчивости валюты в золотом покрытии.

Возможной опасностью продолжает оставаться большое количество краткосрочных текущих долгов. Можно считать вероятным, что стабилизация поведет к сокращению кредитов эмиссионного банка частным капиталистам и вообще к уменьшению средств обращения; в таком случае возможно, что к платежу будет представлено больше бонов, чем предусмотрено в схеме амортизационной кассы. При таких обстоятельствах государственная касса вынуждена была бы снова прибегать к займу у эмиссионного банка, другими словами, к инфляции. Однако, мы не усматриваем и в этом серьезной опасности для стабилизации.

Рассмотрим теперь, грозит ли стабилизации опасность со стороны платежного баланса Франции.

Платежный баланс Франции.

В довоенное время платежный баланс Франции, по вычислениям Моультона [1]), представлял следующую картину (цифры даны нетто):

В миллионах золотых франков.

1909/13	Дефицит (пассив) внешней торговли		1.456
	Доход от капиталов, помещенных за границей [2]) .	1.805	
	Доходы от судоходства	215	
	» » туристов	625	
	» » международн. торговли, комиссион. . .	150	2.795
	Излишек дохода, могущий быть помещенным за границей		1.339

К аналогичным результатам приходят также Мейналь [3]) и др. Гораздо труднее установить нынешний платежный баланс

государственными бумагами, а имеет твердопроцентные долги, заинтересована в низком стабилизационном курсе. Владельцы государственных займов, крестьяне и мелкие буржуа, широкие круги избирателей заинтересованы в высоком стабилизационном курсе. Буржуазное правительство колеблется между этими противоречащими интересами, так как на выборах зависит от голосов этих кругов.

[1]) «The French Debt Problem», стр. 16.

[2]) Моультон принимает цифру иностранных инвестиций французского капитала до войны в 45 миллиардов франков (из них 11,3 миллиарда в России), а цифру иностранных инвестиций во Франции или во французских ценностях—в 3,5 миллиарда.

[3]) «Créances et Dettes Internationales», Paris, 1926 г., стр. 87.

Франции, так как почти все составные части его находятся под сомнением. Благодаря сильным колебаниям курса, цифры внешней торговли весьма не точны и имеют тенденцию к преуменьшению пассива, так как импортируемые ценности декларируются импортерами, которые заинтересованы в том, чтобы заявки были ниже—в таком случае и пошлина платилась по более низкому коэффициенту [1]). Трудно поддаются оценке доходы от репараций и расходы по уплате процентов и погашения по межсоюзным долгам. Точно так же трудно определить цифру французских инвестиций за границей (бегство капитала) и помещений иностранного капитала во Франции (в домах, имениях и т. д.) [2]).

В нижеследующем мы принимаем, что доходы Франции от репараций после консолидирования ее долгов Англии и Америке будут уходить на уплату процентов и погашения межсоюзнических долгов; или останется только незначительный остаток [3]). Сгруппировав в этом смысле цифры Мейналя за 1924 г., мы приходим к следующему результату:

	В миллионах франков		В переводе на золот. франки	
Излишек экспорта Франции	1.300		260	
» » колоний		1.800		360
Доход от туристов	4.800		960	
» » инвестиций за границ.	2.500		500	
» » судоходства	1.500		300	
Проценты от частн. займов и т. д.		200		40
Денежн. посылки иностр. рабочих		1.000		200
	10.100	3.000	2.020	600
Излишек	7.100		1.420	

Таким образом, получается следующий замечательный результат. В 1924 г. Франция имела в своем распоряжении 1.400 миллионов золотых франков для помещения капитала за границей или для выкупа своих иностранных долгов—точно столько же, сколько до войны! (Если засчитать платежи по репарациям, то получается еще более значительная сумма). Этот блестящий результат получается, несмотря на то, что от довоенных помещений французского капитала за границей осталась только небольшая часть.

Моультон тоже приходит к тому результату, что в 1924 г. Франция имела активный платежный баланс в размере 6,6 миллиардов бумажных франков, т.-е. 1.320 миллионов золотых франков. При этом не засчитаны репарации и проценты по военным долгам Франции.

1) Моультон, стр. 317 и др.

2) Мейналь в цитированном труде очень подробно останавливается на платежном балансе Франции (стр. 83—149). Однако, изложение его довольно путанное, и, в конце концов, читатель остается в недоумении относительно выводов.

3) При полной уплате предусматриваемых 2.500 млн. марок репараций Франция должна будет получать около 1.300 млн. марок в год, а платежи ее составят: Америке 130 млн. долл. = 550 млн. марок; Англии 12,5 млн. ф. ст. = 250 млн. марок.

Все подобные подсчеты содержат большие источники ошибок. Так или иначе, повидимому, устойчивости французской валюты не грозит опасность также со стороны платежного баланса, в особенности если будут рацифицированы межсоюзнические долги,—что рано или поздно, несомненно, наступит,—и если представляется возможность покрывать преходящие дефициты платежного баланса иностранными займами.

Франция в период стабилизации.

В период стабилизации Франция вступает в полосу новых экономических и социальных отношений. При этом должно решиться, будет ли французский капитализм в состоянии конкурировать с другими странами также при условии устойчивой валюты. Не следует забывать, что послевоенная индустриализация Франции происходила в обстановке чрезвычайно благоприятной для французских капиталистов, при медленном обесценении французской валюты.

С наступлением стабилизации должны прекратиться те выгоды, которые французская буржуазия извлекала из разницы между ценой производства и ценой воспроизводства [1]), между внутренней и внешней покупательной силой франка [2]). Итак французской промышленности придется конкурировать на мировом рынке при равных валютных условиях. Лишь тогда решится

1) При медленно падающей валюте мелкие торговцы и ремесленники продают свои товары всегда по производственной цене, т.-е. по цене издержек плюс средняя прибыль; эти цены разумеются в номинальных денежных единицах. Но вследствие произошедшего тем временем обесценения денег они выручают фактически меньше той суммы, которую им приходится тратить при дальнейших закупках, т.-е. при воспроизводстве. Отсюда незаметное, но неизбежное обеднение этих слоев при инфляции.

2) Нижеследующая таблица показывает разницу между внутренней и внешней покупательной силой франка. Она составлена по французским и американским индексам оптовых цен. Измерять внешнюю покупательную силу франка по валютным курсам, конечно, было бы неправильно, так как при этом не принимается во внимание падение ценности золота на мировом рынке.

	Индекс оптовых цен во Франции [1])	Внутренняя покупательная сила франка [2])	Нью-иорк. курс франка в центах [3])	Индекс оптовых цен в Соедин. Штатах [4])	Внешняя покупательная сила франка [5])
1913	100	100	19,3	100	100
1919	357	28	13,7	206	35,2
1920	510	20	7,0	226	11,0
1921	345	29	7,5	147	26,5
1922	327	31	8,2	149	28,8
1923	419	24	6,1	154	20,8
1924	489	21	5,2	150	17,3
1925	550	18	4,7	159	15,1
1926 дек.	641	15,6	4,0	150	13,9

1) Ежегодник. 2) Вычислено на базисе индекса оптовых цен. 3) Survey of Current Business. 4) Departement of Labour. 5) Вычислено на базисе нью-иоркского курса и индекса оптовых цен в Соед. Штатах.

вопрос: устранены ли те минусы в смысле районирования, которые обусловили отсталость французской промышленности в довоенное время, устранены ли они прогрессом техники за последние 13 лет? Впрочем, если даже эти минусы уравновешены, французская промышленность будет теперь делить судьбу германской и английской: *ей точно так же придется бороться с противоречием между возможностями производства и возможностями сбыта.* На положение французской промышленности будут оказывать неблагоприятное влияние следующие факторы: низкая цифра народонаселения и проистекающее отсюда снижение емкости внутреннего рынка; ухудшение положения сельского хозяйства; увеличение налогов для поддержания «великодержавного» положения Франции.

Необходимо также принять во внимание, что Франция потеряла значительную часть своих доходов из помещения ее капиталов за границей [1]).

По нашим подсчетам доход от фиктивного капитала в довоенной Франции давал около 70 миллиардов золотых франков внутренней ренты. $^4/_5$ этого дохода теперь потеряны. Эта потеря облегчает положение промышленного капитала, ему приходится платить гораздо меньше процентов. С другой стороны, она означает большой сдвиг в покупательной способности различных слоев населения сравнительно с довоенным временем.

Чтобы иметь возможность конкурировать на мировом рынке, французской буржуазии придется в ближайшем будущем перейти к широкому наступлению на заработную плату и восьмичасовой рабочий день французского рабочего класса. Ибо в настоящее время издержки производства промышленных товаров стоят во Франции выше цен мирового рынка [2]). Это наступление французской буржуазии облегчается наступившим уже стабилизационным кризисом и безработицей. В первые недели 1927 года число получающих вспомоществование безработных скачкообразно росло, оно за неделю удваивалось и достигло уже цифры 48.000; фактически число всех безработных, вероятно, составляет уже от 100 до 200 тысяч. Началось также обратное движение иностранных рабочих из страны.

---

[1]) По подсчету Моультона («The French Debt Problem», стр. 126.) Франция потеряла—от экспроприации или инфляции—следующие капиталы, помещенные за границей:

	В миллиардах франков
В России	21
» Австро-Венгрии . .	3
» Турции	2
» Германии	1
На Балканах	3
	30

6—7 миллиардов были проданы во время войны за границу; 3 миллиарда приносят лишь незначительный доход, вследствие обесценения валюты.

[2]) Для высоты внутренних французских цен показательны следующие данные «Usine» (L'information Financière, 4. I. 1927). Одна французская фирма отклонила предложение французского завода (150 фр. за 100 кгр.) и отдала заказ в Бельгию. Бельгийскому фабриканту приходится платить за 100 кгр. фрахт в 12 франков и пошлину в 34 франка. Следовательно, он получил менее 104 французских франков за 100 кгр.

Однако, французская буржуазия натолкнется на сильное сопротивление французского пролетариата. Ибо положение французского пролетариата весьма значительно отличается от положения германского пролетариата в начале стабилизационного периода. Бурное обесценение марки в 1923 г. свело реальную заработную плату германских рабочих до минимума. За один день заработная плата германского рабочего теряла половину своей покупательной силы. Рабочие голодали и бедствовали. Стабилизация означала для германских рабочих, даже при условии удлинения рабочего дня и большой безработицы, значительное улучшение реального стандарта жизни. Иначе обстоит теперь дело с французскими рабочими; их заработная плата в настоящее время приблизительно равна довоенной. Во Франции наступление капитала будет означать непосредственное ухудшение положения рабочих. Сравнительно мирный период классовой борьбы окончился также для Франции. Если в ближайшем будущем здесь и не наступит остро революционная ситуация, то во всяком случае надо ожидать здесь с несомненностью грандиозных экономических конфликтов на почве борьбы за заработную плату и обороны пролетариата против наступления капитала. В этой новой ситуации французская коммунистическая партия должна будет оказаться на высоте с помощью правильной профсоюзной работы и искусной политики единого фронта.

Французский капитализм и ФКП.

(По поводу статьи тов. Варги).

Народное хозяйство Франции вступило, примерно, с осени прошлого года в полосу кризиса, названного, впрочем совершенно неправильно, «стабилизационным» или «дефляционным» кризисом. Пока-что кризис коснулся, главным образом, промышленности, хотя и не всех ее отраслей. Хотя этот кризис сразу прервал повышательную тенденцию, имевшую место за последние годы, промышленного под'ема, достигшего почти степени максимального использования производительных возможностей, тем не менее он не принял и не принимает резко катастрофического характера. Кризис этот—ползучий, затяжной. Одно из его внешних наиболее ярких проявлений—это безработица во Франции.

Безработица выступила на фоне французской экономической жизни, как зловещий признак новой полосы ее развития. Контраст «сегодняшнего дня» с «вчерашним» разительный: «вчера», т.-е. с 1921 г. по осень 1926 г.—недостаток рабочих рук и массовый ввоз во Францию иностранных рабочих; «сегодня»—массовая безработица.

А сверх того финансовый кризис Франции далеко еще не изжит. Франк еще не стабилизирован. Если к инфляционным методам стараются больше не прибегать, хотя никто не застрахован от возможных возвратов к этим методам, зато систематически практикуется метод заграничных явных или косвенных государственных займов.

Возникает вопрос: является ли сегодняшнее положение только простым и прямым продолжением финансового кризиса, на котором мы должны концентрировать наше внимание, а все остальное рассматривать, как производные явления более или менее второстепенного, подчиненного характера? Или, наоборот, перед нами выступает, занимая центральное место, другое явление, другая проблема—промышленный кризис? По нашему, промышленный кризис является сейчас характерной особенностью положения во Франции, главной, центральной проблемой капитализма во Франции. Все глубокие причины, которые обусловили финансовый кризис во Франции, которые обусловливали инфляцию, продолжают свое дело, порождают уже глубокие пертурбации во всей экономике Франции.

Промышленный кризис во Франции не находится в непосредственной причинной преемственности с политикой «стабилизации» франка или с «дефляцией»; что касается хронологической последовательности ряда явлений, то она еще не означает непосредственной причинной зависимости.

Теперешний кризис во Франции еще не выявил всех своих сторон. Он скрывает в себе, так сказать, в потенциальном состоянии целый ряд событий и немало серьезных проблем, многие из которых невозможно учесть заранее. Он вызывает и будет дальше вызывать не только сокращение производства и потребления, банкротство одних, обогащение для крупных капиталистов и жестокие лишения для трудящихся, но и гальванизирует также столкновение противоречивых интересов различных групп буржуазии, обостряет классовую борьбу вообще и ожесточенность борьбы между предпринимателями и рабочими в частности. Содержание, проявление и формы борьбы между пролетариатом и капиталистами носят уже другой характер, потому что меняются самые условия борьбы.

Исследовать положение во Франции, дать его правильную оценку и, следовательно, ухватить ближайшие перспективы развития—задача совершенно неотложная и необходимая. Этой именно задаче и посвящена статья тов. Варги.

Однако, нужно теперь же сказать, что статья тов. Варги рисует теперешнее положение во Франции в таком виде, который, нам кажется, не соответствует действительности.

Прежде, чем подойти к рассмотрению статьи по существу, отметим, что невольно напрашиваются некоторые замечания по поводу странного подхода, с каким тов. Варга исследует «проблемы капитализма» во Франции. В самом начале своей статьи Варга выдвигает перед нами ряд положений, впрочем, совершенно верных, смысл которых, однако, может быть резюмирован в итоге, как простое констатирование того факта, что во Франции не было гражданской войны со времени Парижской Коммуны и что нет еще победы диктатуры пролетариата. Чтобы доказать правильность этого утверждения, а отчасти, чтобы его об'яснить, Варга формулирует другие положения, уже весьма спорные, а именно:

1) «В послевоенной Франции капиталистический строй ни разу не подвергался серьезным потрясениям».

2) «В послевоенной Франции не было ни таких массовых движений на экономической почве, как стачка английских горняков, ни таких политических боев, как в Италии, Венгрии, Болгарии и т. д.».

3) Имела место «сравнительно незначительная интенсивность классовой борьбы».

Эти три положения тов. Варга не попробовал доказать, но на основе этих предпосылок, он продолжает:

«Отсюда можно сделать тот вывод, что положение капитализма во Франции было до сих пор и остается в настоящее время лучшим, чем обыкновенно принято думать».

Так говорит тов. Варга. А данные, даже те, которые он приводит, наводят на размышления противоположного порядка. Переоценка стабильности французского капитализма сквозит через всю статью тов. Варги. Идет ли речь, например, о безработице, Варга пишет:

«Французский капитализм имеет возможность преодолеть или смягчить безработицу во время стабилизационного кризиса, освободившись от этих иностранных рабочих».

Или же, когда речь идет о материальном уровне жизни рабочих во Франции, тов. Варга пишет, что

«все признаки говорят о том смысле, что положение рабочих в общем не было хуже, чем в довоенное время»...

Или же, что во Франции мы

«наблюдаем увеличение массового потребления пищевых продуктов и одежды».

В таком же свете представлены в изложении тов. Варги возможности французского капитализма по отношению к финансовому кризису. Так же, приблизительно, рисует он перспективы развития французской промышленности. Второй недостаток в анализе тов. Варги заключается в том, что он, как бы не принимает в расчет значения зависимости народного хозяйства Франции от мирового хозяйства и его органических недугов.

И, наконец,—и это очень важно—наиболее значительная и наиболее актуальная центральная проблема,—промышленный кризис,—рассматривается просто как «стабилизационный» кризис, как кризис, который об'ясняется целиком финансовой политикой Пуанкаре, начиная с осени прошлого года, и который мог бы быть изжит при более подходящей финансовой политике того же самого Пуанкаре.

I. Характер промышленного кризиса во Франции.

Кризис, переживаемый теперь народным хозяйством Франции и, в частности, промышленностью, не на много отличается от кризиса Германии, Италии, Англии и др. капиталистических стран европейского континента. Мы имеем не специфическое французское явление, которое знало и еще знает большинство других стран, и которое лишь несколько месяцев назад началось также во Франции. Конечно, экономические, политические, социальные и даже исторические особенности этих стран оказывают влияние на степень остроты, на формы проявления, на последствия, а также и на продолжительность кризиса в каждой из этих стран. Но ни эти особенности, которых никто не отрицает, ни их значение не должны нам помешать, однако же, видеть общее происхождение и общий характер кризиса, который раз'едает одновременно или попеременно капиталистические страны Европы.

Нельзя понять настоящего положения во Франции, понять значения социально-политических проблем и вопросов, которые оно порождает, если мы оторвем французское хозяйство от мирового, если мы разорвем органические, жизненные, сложные связи его с мировым хозяйством со всеми его противоречиями.

Во Франции мы имеем сейчас все симптомы «анормального» кризиса «неустойчивой стабилизации» капитализма в европейских государствах. Как и в других капиталистических странах, он происходит во Франции от углубления диспропорции между сильно возросшей производительной способностью промышленности и уменьшившимися возможностями сбыта. Оба процесса являются, как известно, следствием войны и послевоенных пертурбаций. Проблема сбыта является остро стоящей проблемой для французской промышленности. «Стабилизация франка», «финансовая реформа», таможенная политика, вопросы о внешних долгах и вообще вся внутренняя и внешняя экономическая политика правительств французской буржуазии,—над всеми этими проблемами господствует теперь и будет еще долго господствовать центральный вопрос о рынках сбыта для французской промышленности. До сих пор, начиная с 1919 г., проблема рынков сбыта стояла остро для тяжелой металлургии, в частности—для лотарингской металлургии. Теперь она не менее остро стоит также и для металлообрабатывающей промышленности (в особенности для электрической и автомобильной), для текстильной, химической и некоторых других отраслей. С опозданием на несколько лет, точнее на время восстановительных работ разрушенных областей, французская промышленность толкается в об'ятия хронического, глубоко органического, «анормального», хотя и некатастрофического кризиса, в котором запутались другие капиталистические государства Европы.

Систематический упадок сельского хозяйства Франции, который тов. Варга иллюстрирует очень интересными статистическими данными и сильный под'ем промышленности углубили контраст между последней и сельским хозяйством. Разрушено прежнее относительное «равновесие» между этими двумя отраслями народного хозяйства. Вместо него—гегемония крупной индустрии. В условиях этой гегемонии идет почти насильственное, ускоренное внедрение капиталистических способов производства в само сельское хозяйство. От этого последнего требуется производство сырья для промышленности или производство пищевых продуктов для массового внутреннего потребления. Но французское сельское хозяйство стремится, как это ни противоречит растущим нуждам внутреннего потребления и, следовательно, потребностям экспортной промышленности, проникнуть на мировой рынок. Эту сторону проблемы нужно подчеркнуть, потому что она является основой антагонизмов и растущих столкновений между земледельцами и промышленниками по поводу таможенной политики, товарных цен, рабочей силы, фискальной политики и т. д. Промышленники-экспортеры стремятся помешать французским земледельцам интересоваться мировым рынком. В прессе ведется систематическая пропаганда в этом направлении. В ее основе, конечно, лежит все тот же проклятый вопрос: как закрепить внутри страны такие жизненные условия—низкий уровень—чтобы увеличить свою конкурентоспособность на внешних рынках:

«Проблема, как видно,—пишет «Ежедневный Бюллетень»[1]) (орган комитета тяжелой промышленности) от 24/II 1927 года,—есть проблема производства и проблема сбыта; проблема производства в отношении сельскохозяйственных продуктов и сырья; проблема рынков сбыта для нашей промышленности в целом».

Инспирируемые комитетом тяжелой промышленности органы ведут систематическую пропаганду, направленную к тому, чтобы доказать тщетность попыток ориентировать сельское хозяйство на международный рынок. Французские земледельцы должны оставаться во Франции и производить только для нужд французской промышленности и для внутреннего потребления во Франции—вот что советуют им промышленники.

Проблема рынков сбыта для промышленности стала за последнее время притчей во языцех у французских буржуазных экономистов, министров и т. д. Чтобы ясно отдать себе отчет о господствующих настроениях в их среде, интересно будет при-

[1]) «Bulletin Quotidien de la Société d'Etudes et d'Informations Economiques».

вести несколько выдержек из некоторых их писаний или речей.

Вот, например, как «Журналь де Деба» от 24/I—27 г. передает своим читателям речь министра торговли Бокановского, говорившего о будущем таможенном тарифе Франции:

«Бокановский не поколебался признать, что, создавая новые орудия производства, наши промышленники создали чрезмерное увеличение, гипертрофию некоторых отраслей национальной индустрии. Наши промышленные производительные силы превышают теперь наши возможности внутреннего потребления и наши способности сбыта на мировом рынке. При этих условиях он предлагает лучше сократить ввоз сырья и пищевых продуктов, чем перегибать палку по линии сверхиндустриализма».

Очень интересна в этом отношении статья D. Serruys'а в «Реформ Экономик» от 5/I—27 г., под названием «Международная экономическая конференция 1927 года». Serruys пишет:

«Среди этих расстройств наиболее значительным являлось почти общее уменьшение покупательной способности в тот момент, когда условия производства значительно ухудшились... Наиболее ощутимым результатом попыток создания совершенно независимых национальных хозяйств часто является ужасная диспропорция между искусственно увеличенным ростом орудий производства Европы соответственно возросшим вложениям капиталов, с одной стороны, и, с другой,—замедляющимся производством в Европе, которое не в состоянии обеспечить этим инвестированным капиталам достаточную прибыль».

Далее Serruys подчеркивает контраст между «сверхиндустриализмом», с одной стороны, и упадком земледелия—с другой.

Не менее интересно, наконец, привести мнение «Комитета тяжелой металлургии» (Comité des Forges) о настоящем положении. Ламбер Рибо, делегат «Комитета тяжелой металлургии», прочел недавно (16/I—27) доклад в Лилле на собрании промышленников Севера. Что сказал этот Magister dixit крупного капитала? А вот что:

«Война произвела сильные изменения не только в самом положении металлопромышленности, но, быть может, еще больше—в ее возможностях сбыта. Достаточно вспомнить уменьшение покупательной способности, происходящее от общего обеднения, потрясение крупных импортирующих стран, как Россия, Восток, Дальний Восток, появление новых производителей и т. д. Напротив, военные нужды значительно увеличили средства производства. В результате получилась некоторая диспропорция между возможностями производства и возможностями сбыта, тем более, что территориальные изменения неизбежно нарушили направление обмена».

Мы бы могли привести большое количество аналогичных выдержек из выступлений многих других промышленников, банкиров, французских буржуазных политиков и публицистов. Ограничимся этим. Ясно и без того, что представители крупного капитала отдают себе отчет в происхождении и характере настоящего кризиса.

Имеют ли капиталисты Франции возможность выйти из затруднительного положения, обладают ли они материальными возможностями, финансовыми и политическими, чтобы преодолеть кризис? Эта проблема заслуживает более серьезного рассмотрения. Но прежде, чем ответить на этот вопрос, нужно вкратце рассмотреть особенности некоторых происшедших изменений в народном хозяйстве теперешней Франции.

II. Производительные способности промышленности и перспективы их использования.

В своей статье тов. Варга дал нам достаточно цифр по поводу роста технической мощности, орудий производства промышленных предприятий Франции. Мы хотим прибавить несколько дополнительных данных относительно некоторых типичных изменений.

Металлургия. Производственная мощность чугунных и сталелитейных заводов возросла, приблизительно, на 200%, по сравнению с производственной мощностью в 1913 году. Однако, наличное производство, даже в момент наиболее лихорадочной деятельности, не достигает уровня полной нагрузки этой производственной способности.

В 1913 году было в действии 146 домн. В 1927 году, несмотря на приобретение Лотарингии, работало едва столько же, сколько и в 1913 г. (в феврале—147 домн). А между тем известно, что в металлические предприятия вложено добавочно более одного миллиарда золотых франков.

С другой стороны, надо принять во внимание, что лотарингское металлургическое производство представляет теперь почти всю вывозную металлургию Франции. Как и чехо-словацкая металлургия, когда-то развивавшаяся на основе внутреннего рынка, лотарингская металлургия также развивалась не только потому, что снабжалась вестфальским коксом, но особенно, благодаря широким возможностям поглощения ее продукции внутренним рынком Германии. С 1925 года немецкий рынок не позволяет проникать в него ни лотарингским, ни саарским продуктам. Вот в чем затруднение. Тов. Варга подчеркивает, что вопрос о коксе был решающим при аккупации Рура французами в 1923 году. Все данные показывают, однако, что причиной оккупации Рура была, главным образом, проблема сбыта продукции тяжелой металлургии. В своем обозрении, которое в свое время произвело большой скандал в «Комитете тяжелой металлургии», Францис Делези («Манчестер Гардиен Коммершал». Май 1923 г.) об'яснял именно так причину оккупации Рура:

«Затруднение не в коксе, а в рынке,—говорил он.—Этот факт пресса в общем недоучитывала. Если вопросом соперничества между двумя конкурирующими группами промышленности являлся вопрос о топливе, то он мог бы быть решен довольно легко путем обмена кокса на руду. Но подобная сделка могла бы иметь гибельные последствия для Франции, если бы не был одновременно заключен соответствующий договор о рынке, и в этом суть».

Это совершенно верно. И сегодня так же, как и тогда, несмотря на стальной европейский картель, проблема рынков сбыта французской металлургии остается не менее жгучей.

Когда Ламбер Рибо обращает свой опечаленный взгляд на Россию, на Восток и на Дальний Восток, то это вовсе не потому, что он огорчен бедностью населения этих стран, но единственно потому, что он не видит выхода из тупика, в который зашли капиталистические и сверхиндустриальные государства Европы, включая Францию.

Металлообрабатывающая промышленность сделала также сильные скачки вперед. Вся продукция металлопромышленности в 1913 году оценивалась, приблизительно, в 300—350 милл. фр., а в 1925 году в 600—700 милл. золотых фр., т.-е. вдвое больше довоенной. Производство электротехнических изделий в 3 раза больше довоенного, изделий механической промышленности увеличилось в $2^1/_2$ раза и т. д. Между тем сбыт металлообрабатывающей промышленности за границу: в Испанию, Италию, Голландию, на Балканы, в Англию и т. д. беспрерывно сокращается, а в то же самое время, по словам «Usine», «перепотребление» внутреннего рынка, т.-е. факт перепроизводства, «продолжается уже более 5-ти месяцев».

Особенно критическое положение мы имеем в автомобильной промышленности. Надо хорошо понять, что это значит: французская автомобильная промышленность стоит на первом месте в Европе и на втором после Соединенных Штатов в мировом масштабе. Наиболее могущественные автомобильные фирмы, в виду затруднений рынка, принуждены строить заводы в Англии, Германии, Италии и даже в Японии.

Нет надобности останавливаться здесь на изменениях, происшедших в текстильной промышленности и ряде других отраслей промышленности. У тов. Варги можно найти интересные данные.

Для строительной промышленности характерен Париж, где мы имеем возрастание нежилых построек, промышленных и торговых, и огромное уменьшение роста жилых построек.

III. Сокращение емкости внутреннего рынка.

Восстановление разрушенных областей чаще всего рассматривается с точки зрения роста производственной мощи промышленности. Но при рассмотрении перспектив развития капиталистической экономики во Франции часто забывают, что в течение приблизительно 7-ми лет это восстановление являлось огромным рынком сбыта. Этого рынка сбыта добивались американцы, которые сделали Клемансо в свое время соответствующее предложение. Англичане также хотели принять участие в восстановлении. Наконец, немецкие капиталисты и предприниматели предлагали свои услуги. Но все они наткнулись на сопротивление французских промышленников. Работы по восстановлению северных областей представляли временно огромный рост емкости внутреннего рынка. Если бы не было восстановления, французская промышленность должна была бы экспортировать вдвое и даже втрое больше того, что экспортировала в действительности. С того момента, когда северные области перестали быть рынком сбыта, индустриализировались, произошло глубокое расстройство в условиях развития французской промышленности.

Место не позволяет нам подробно останавливаться на множестве других моментов, касающихся уменьшения покупательной способности внутреннего рынка. Перечислим вкратце наиболее важные. Мы имели: передвижение денежных средств широких народных масс и мелкой буржуазии в виде систематических займов в руки крупных капиталистов; обеднение масс вследствие инфляции; оплату англо-американских товаров, оставленных во Франции во время войны; оплату военных издержек в Марокко и Сирии; оплату издержек оккупации Рура; от'езд иностранных

туристов (особенно англичан и американцев); уменьшение сбережений крестьян, мелкой буржуазии и служащих; уменьшение сельскохозяйственного производства; упадок деревенского и городского ремесленничества и т. д., и т. д.

IV. Безработица и проблема иностранных рабочих во Франции.

До войны во Франции была постоянная безработица, с числом от 100.000 до 350.000 человек. Чтобы понять, каково может быть теперь положение, надо иметь в виду, что, согласно новой переписи, рабочее население увеличилось с 1921 года на один миллион человек. Если принять во внимание приток иностранных рабочих во Францию, то мы можем сказать, что промышленный пролетариат увеличился с 1921 года более, чем на 2 миллиона человек. В одной из последних своих периодических печатных работ «Общество для экономических исследований и информаций» (при Комитете тяжелой промышленности) исчисляет количество рабочих, занятых только в экспортной промышленности в 1925 году до 4.200.000 (против 2.840.000 в 1911 году). Замедление производственного процесса, промышленный кризис и тенденция сокращения внешней торговли не могли не создать безработицы во Франции. Можно ли предполагать, что безработица может быть ликвидирована в короткий срок, рассосана французским народным хозяйством? Мы этого не думаем. Мы думаем, что впредь нужно считаться с постоянной хронической безработицей во Франции. Подобного же мнения также и французские промышленные сферы. Послушаем, что говорит по этому поводу «Ежедневный Бюллетень» Комитета тяжелой металлургии в своем «Приложении» от 20/II—27 года [1]):

«Каковы же будут во Франции размеры этой безработицы? Этого невозможно заранее предвидеть. Во всяком случае достоверно, что в течение многих лет, она будет чувствительно превышать размеры безработицы последних довоенных лет. А мы видели, что число безработных тогда колебалось между 100.000 и 350.000. Отныне оно также будет колебаться в зависимости от темпа кон'юнктуры экономической жизни, но его кривая начнется с более высокого минимума».

И немного далее в этой статье говорится:

«Более или менее тяжелая безработица, стало быть, неизбежна, независимо от способов проведения стабилизации и денежного оздоровления. Прекращение инфляции не есть причина этой безработицы. Оно нас только приводит к действительности».

Документ продолжает:

«Повторяем еще раз, что дело идет не об изжитии какой-то кратковременной безработицы, а о безработице, которая, как и в большинстве других стран Европы, *угрожает продолжаться несколько лет*».

Из этих выдержек видно, что люди из «Комитета тяжелой металлургии» серьезно считаются с перспективами постоянной безработицы. Как они связывают существование этой безработицы с развитием экспортной промышленности, будет видно из следующих строк:

1) «Supplément du Bulletin Quotidien de la S. E. I. E». 20. I. 27.

«Чтобы увеличить потребность в рабочей силе, нужно увеличить потребление продуктов и, прежде всего, экспортное потребление. Следовательно, необходимо расширить внешние рынки и увеличить экспорт. В нормальных условиях до войны экспорт позволял занять работой одну восьмую часть работоспособного населения. Понижение или повышение экспорта только на 10%, по отношению к довоенному уровню, влечет за собой повышение или понижение возможности занятия в производстве около 300.000 рабочих».

В прессе, особенно в прессе мелкой французской буржуазии, ведется кампания за высылку иностранных рабочих из Франции с целью облегчения или прекращения безработицы, но промышленники хорошо понимают трудности, связанные с этим делом.

Неправильная концепция, очень модная теперь во французской буржуазной прессе, как когда-то в Германии, которую, впрочем, к сожалению, разделяют теперь и некоторые коммунисты, заключается в том, что кризис якобы открывает возможность перебросить рабочую силу в сел. хозяйство. «Возврат к земле»,—вот выход из кризиса безработицы, говорят буржуазные газеты. В действительности это не так просто, как думают. Нельзя думать, что французское народное хозяйство это—нечто в роде сообщающихся сосудов, и что может механически происходить прилив и отлив рабочих из одной отрасли в другую. Дело гораздо сложнее. Оно осложняется уже тем простым фактом, что кризис, уменьшая покупательную способность рабочей массы вообще, уменьшает эту способность также и в отношении потребления продукции сельского хозяйства, а это не может не отразиться и на самом сельском хозяйстве.

Когда тов. Варга делает заключение, что французские капиталисты готовы способствовать высылке иностранных рабочих, он рассуждает так, как будто французские капиталисты действуют в целях уменьшения безработицы. В действительности же капиталисты имеют в виду совершенно другое, они не расположены отказываться от эксплоатации иностранных рабочих, они не заинтересованы в высылке иностранных рабочих тем более, что их присутствие во Франции дает им, кроме всего, широкие возможности оказывать давление на французских рабочих, понижать их зарплату и уровень жизни.

V. Уровень жизни французских рабочих, зарплата и интенсивность классовой борьбы.

Первым вопросом, возникающим при исследовании движения зарплаты, является вопрос о том, повышался ли параллельно под'ему промышленности материальный уровень рабочих. До сих пор мы наблюдали быстрый рост и усовершенствование технической мощи промышленности, систематическое увеличение массы действительной продукции, некоторый рост экспорта, усиление связей народного хозяйства Франции с мировым хозяйством. С другой стороны, констатировали уменьшение сельскохозяйственного производства. В то же время уровень реальной зарплаты или был равен довоенному или даже ниже этого уровня. Как же можно в таком случае говорить об улучшении жизни рабочих?

До войны заработная плата рабочих во Франции была ниже, чем в других промышленных странах. С тех пор промышленная

техника сделала большие скачки вперед, а между тем реальная зарплата остается неподвижной, или даже понизилась. Именно здесь, в этом глубоком противоречии между зарплатой и прогрессом промышленного производства, нужно искать об'яснения того факта, что французская продукция могла выступать на мировых рынках. Причину этого нужно искать в низком уровне зарплаты рабочих во Франции.

Что касается метода тов. Варги,—делать вывод насчет повышения уровня жизни рабочих, путем вычисления душевого потребования,—то он не может нам дать верного представления о действительности. Он совершенно затемняет классовое распределение. Поэтому средняя, которую выводит т. Варга, совершенно извращает действительность. Даже Моультон, которого т. Варга любит цитировать, в своей книге подчеркивает то обстоятельство, что потребление во Франции очень неравномерно распределено.

Приведем несколько цифр о зарплате. Вот, например, сравнительная таблица, в золотых марках, зарплаты некоторых категорий рабочих по четырем странам.

Недельная зарплата в августе 1925 года [1]).

(В марках по курсу дня).

	Германия (Франкфурт)	Франция	Англия	Швеция
Каменщики	56,16	40,32	82,11	86,40
Квалиф. металлисты.	34,56	37,80	47,43	
Ткачи	22,45	25,52	59,16	41,63
Печатники	48,00	41,83	88,23	84,04
Плотники	45,60	40,32	73,44	86,40

Цифры говорят сами за себя.

Даже согласно официальной статистике Франции, мы имели увеличение дневной зарплаты с октября 1925 по октябрь 1926 г. на 16%. В течение этого времени по тем же данным розничные цены на пищевые продукты увеличились на 38%. В течение всего инфляционного периода движение роста зарплаты систематически отставало от быстрого повышения цен и стоимости жизни.

Кажущееся улучшение материальной жизни рабочих, вводящее некоторых в заблуждение, об'ясняется следующим фактом: семейный бюджет рабочего, вследствие вступления в производство женщин и детей, позволял ему в некоторой степени сводить концы с концами. Приработок женщин и детей дополнял его скудный заработок. Этот факт ускользнул от внимания т. Варги, но факт этот не исключение, а почти общее явление. Что это обозначает? Не что иное, как усиление эксплоатации рабочих. Усиленная эксплоатация при низкой реальной зарплате—вот об'яснение возможности для французских экспортеров продавать свои товары за границей по ценам ниже мировых и ниже довоенных цен Франции. Нужно ли добавлять к этим соображениям еще то, что иностранные рабочие во Франции находились и находятся еще в гораздо худших условиях. Не забудем, что число этих рабочих очень велико; они составляют почти четверть всего пролетариата Франции.

Несколько слов об *экономической борьбе пролетариата во Франции и об интенсивности классовой борьбы*. Отрицать суще-

[1]) „Frankfurter Zeitung“ № 650. 1. IX. 1925.

ствование этой борьбы во Франции в послевоенный период—это значит отрицать факты. Несколько данных легко убедят т.Варгу, что в этом отношении он не имеет достаточных сведений о положении вещей во Франции. Забастовочное движение с 1919 года принимало во Франции широкие размеры, и не раз случалось, что размах его глубоко потрясал экономическую и политическую жизнь Франции. Можно было бы привести статистические данные по месяцам, начиная с 1918 г., но место нам не позволяет здесь этого сделать. Посмотрим, что говорят, по крайней мере, ежегодные статистические данные:

Годы	Число забастовок	Число участников	Количество дней
1918	499	176.187	979.632
1919	2.026	1.150.718	15.478.313
1920	1.831	1.315.859	23.364.635
1921	475	402.377	7.027.070
1922	655	290.326	3.035.493
1923	1.068	330.954	4.172.398

Для годов 1924—25—26 мы не имеем еще круглых годовых цифр, но по месячным цифрам, касающимся только официально зарегистрированных случаев, мы имели в 1924 году минимум в 400.000 бастующих, в 1925 году в 300.000 и в 1926—вероятно, более 500.000. Отметим, что эти цифры относятся исключительно к Франции с ее довоенной территорией: забастовочное движение в Эльзас-Лотарингии не учтено в этой статистике. Заметим, наконец, что забастовки солидарности, как например, забастовка в мае 1920 года, охватившая более миллиона участников, также не вошли в эти статистические данные. Рассматривая забастовки и причины их возникновения их можно классифицировать следующим образом: за увеличение зарплаты—88% в 1919 г.; 86% в 1920 г.; 19,57%—1921 г. (и 53,68% против уменьшения зарплаты); 47,06% в 1922 г. (17,73% против уменьшения зарплаты); 73,73% в 1923 г. (2,63% против уменьшения).

Из-за требования увеличения зарплаты вспыхнуло большинство забастовок в 1924—25—26 гг. Мы бы могли отметить целый ряд массовых забастовок. Можно ли тогда говорить, как это делает тов. Варга, что французский пролетариат не вел крупных боев на экономической почве? Другое дело, что эта борьба не имела большого успеха. Причины сравнительной неуспешности надо искать совершенно не там, где их ищет т. Варга, отрицая самое существование больших классовых битв. Главную причину этого надо искать в отсутствии могущественных и централизованных организаций французского пролетариата. Вторая причина состоит в факте еще сильного морального, политического и парламентского влияния мелкой буржуазии, которой до сих пор всегда удавалось дезорганизовывать движение рабочих и использовать его для своих парламентских целей. В-третьих, наличие во Франции громадного количества иностранных рабочих тормозило успешное ведение этой борьбы.

Приведенные выше факты достаточно ярко говорят о существовании интенсивной классовой борьбы. Если прибавим сюда и политические события, начиная с 1919 г., о которых упоминать здесь подробно было бы излишне, то мы будем иметь картину острых классовых конфликтов и боев. Зачем же это отрицать? Трудно, конечно, полемизировать с тов. Варгой, когда он употре-

бляет такого рода формулировки: «как в Германии», «как в Италии, Венгрии, Болгарии и т. д.». Но как во Франции возможна забастовка *миллиона* горняков, когда там всего только около 300.000 горняков?

Повторяем еще раз. Дело не в отсутствии классовой и забастовочной борьбы,—они были—а в отсутствии соответственных сильных, боеспособных рабочих организаций,—вот причина сравнительно незначительных успехов *сравнительно острой и интенсивной «экономической» и политической борьбы.*

VI. Стабилизация франка, кризис французских финансов и ближайшие перспективы.

В главе, посвященной этому вопросу, тов. Варга указывает на целую серию очень важных и очень интересных моментов. Однако, предмет трактуется преимущественно с точки зрения техники финансовых реформ или мероприятий. Антагонизм интересов между различными группами буржуазии и их роль исчезли в анализе Варги. Однако, эти антагонизмы играют и будут играть колоссальную роль также и в отношении проведения санирования французских финансов. Насколько это верно, видно даже из того, что даже Моультон в своей книге, в конце концов, приходит к заключению, что проблема санирования французских финансов есть проблема классовой борьбы, что ее разрешение усложняется и задерживается классовыми противоречиями. На ряду с этим нужно отметить, что инфляция, содействуя перемещению капиталов и глубоким изменениям в промышленных и торговых предприятиях, несомненно, содействовала также созданию специфических «предприятий инфляции». Явление, прозванное французами «шампиньонами инфляции», относится к искусственно созданным предприятиям, число которых значительно.

С другой стороны, если во Франции нет концернов, на подобие концерна Стиннеса в Германии, то было бы неверно говорить, что вообще во Франции не было концернов инфляции, хотя бы менее крупных. По мере того, как кризис будет продолжаться, будут проявляться и его экономические последствия во Франции. И мы тогда посмотрим. Не исключено даже, что число банкротств во Франции будет очень значительно.

Дальше. Не доказано, что утечка за границу французских капиталов так мала, как это говорит тов. Варга. Наоборот, есть достаточно оснований и данных предполагать, что размеры этих капиталов весьма внушительны.

Совершенно спорным кажется нам также утверждение тов. Варги насчет величины циркулирующих во Франции иностранных ценностей.

И особенно противоречащей действительности кажется нам недооценка тов. Варги величины французских ценностей и имуществ, скупленных иностранцами. Ведь все знают, что тенденция захвата богатств Франции английскими и, в особенности, американскими капиталистами, усиливается, признаки налицо, и данные кое-какие уже имеются.

Не входя в детали и даже не останавливаясь особо на вопросе о теперешнем финансовом положении, посмотрим лучше на нижеприведенную таблицу: она весьма показательна. Цифры данной таблицы выражают *коэффициенты увеличения по срав-*

нению с 1913 годом. Эти цифры приводил депутат *Бедус* 11 февраля в палате депутатов, и никто, ни тогда, ни после, не пробовал сомневаться в их точности:

	Коэффициент увеличения
Розничные цены	6
Оптовые цены	6,5
Налоги в 1926 году	7,7
Налоги в 1927 году	9
Ж.-д. т. транспорт	6,5
Бюджет	8
Бюджет с погашением	9
Циркуляция бумажн. франков	9
Косвенные налоги	10
Общий госуд. долг	14
Текущий долг	90

И вот вывод, к которому приходит депутат Бедус на основании этих цифр:

«Когда, с одной стороны, коэффициенты расходов отмечают увеличение от 6 до 14 раз, а с другой стороны, отпускаемые кредиты дают увеличение в 3 раза, то мне кажется, что при таком положении вещей трудно осуществить равновесие. Каким образом вы хотите иметь здоровую и развивающуюся индустрию, когда налоги, транспорт, долги требуют от 7 до 14 раз больше, чем в 1913 году, тогда как об'ем коммерческих учетов французского банка не превышает 2½ и когда кредиты, открываемые банками, едва в 2—3 раза больше, чем в 1914 году?»

Ратификация договоров Франции с Америкой и Англией насчет долгов (ратификация, которая рано или поздно без сомнения будет иметь место), с одной стороны, и открытие заграничных кредитов для французской промышленности, с другой,—эти два момента, значение которых тов. Варга правильно подчеркивает, как необходимое условие осуществления стабилизации, представляют в то же время поворот к еще большему усилению зависимости французской промышленности и французского народного хозяйства от английского и в особенности от американского капиталов. Уже одно это обстоятельство показывает, что конкурентоспособность французской промышленности на мировом рынке будет испытывать большое, систематическое давление. Отметим себе это.

Если к этому добавить целый ряд других моментов, в особенности следующие из них: послевоенные инвестиции французских капиталов в Польшу, Чехо-Словакию, в Венгрию на Балканы и т. д., и т. д., т.-е. в страны, где хронический кризис почти не прекращается; высокие налоги во Франции; зависимость значительной части французской промышленности от заграничного сырья (уголь, кокс, нефть, шерсть, хлопок и т. д.); тот немаловажный факт, что главными торговыми клиентами Франции являются Соединенные Штаты, Англия, Германия и Бельгия,—если мы будем все это иметь в виду, тогда нельзя не притти к убеждению, что для французского капитализма открываются не перспективы «блестящих успехов», а перспективы тяжелых испытаний.

Но это не все. Исследователи проблемы французского капитализма забывают почти всегда одну чрезвычайно важную проблему: условия, в которых французский империализм вынужден

бороться против своих конкурентов. В тот самый момент, когда французский империализм создал себе индустриальную базу и располагает огромной колониальной территорией, когда, так сказать, налицо об'ективные предпосылки для беспредельной активности, ему недостает только финансовых средств для развертывания этой активности, и финансовой, человеческой и военно-морской силы отражать все более упорные агрессивные стремления со стороны Соединенных Штатов, Италии, Англии и даже Германии проникнуть в колонии, протектораты и «сферы влияния» Франции. Систематический напор со всех сторон! Едва ли такое положение вещей сулит французскому капитализму возможность «блестяще» преодолевать накопляющиеся трудности.

Наконец, пару слов о «рационализации» французской промышленности. Чересчур много пишется и говорится об этом во Франции. Нельзя, однако, не отметить, насколько преувеличены «надежды» в этом отношении. То, что верно для других больших европейских капиталистических стран, а именно, что капиталистическая рационализация производства способствует не изживанию, а углублению кризиса и тех противоречий, на основе которых он существует, то это еще более верно по отношению к Франции. Едва ли французские капиталисты-промышленники в состоянии теперь проводить рационализацию по линии дальнейшего улучшения технического оборудования промышленности. Это утверждение нельзя понимать в абсолютном смысле. Кое-что делается и будет делаться в этом отношении. Французские капиталисты стремятся, однако, проводить рационализацию только на почве уменьшения зарплаты рабочих и на почве лучшего и более централизованного руководства предприятий. Но даже для проведения централизации необходимы большие капиталы. Несмотря на некатастрофичность настоящего кризиса, трудности постепенно нарастают. Характерное явление данного момента в отношении частных финансов промышленников состоит в широкой тревоге, если не панике, среди промышленников по поводу трудностей найти кредиты. Идет острая, хотя и глухая, борьба между ними и банками. Иностранные банки предлагают кредиты на более выгодных условиях, чем французские банки. Однако, одновременно с этим французские промышленные предприятия попадают все в большую зависимость от «иностранцев».

Это одна сторона перспектив. Другая заключается в том, что на основе возрастания трудностей и пертурбаций в экономической жизни Франции, благодаря углубляющемуся кризису, благодаря особенностям кризиса государственных финансов, а также благодаря чрезвычайно неблагоприятной международной ситуации—возрастать будет ожесточенность классовой борьбы. Данное кризисное состояние обозначает поворот к другому характеру и другому темпу развития французской экономики. И внутри Франции и на внешней арене французским капиталистам предстоит вести отчаяннейшую борьбу. Чем труднее будет им вести борьбу на внешней арене, тем ожесточеннее будут они стараться искать компенсацию в усилении нажима и эксплоатации рабочего класса. Перед нами картина такова: обостряется борьба между различными группами и слоями буржуазии, но еще более обостряется борьба длительная (в ход пущена тактика «изнурения противника») между капиталистами и рабочими. Перед пролетариатом Франции встает с необычайной резкостью вопрос: дать

ли себя задавить и свести на положение пауперизма, на положение европейского цивилизованного кули в тот самый момент, когда веками замученный великий китайский народ ведет революционную борьбу необ'ятного размаха; или же дать энергичнейший отпор натиску капиталистов? От упорного сопротивления и боевой выдержки пролетариев Франции, элементарнейшее условие существования которых находится под реальной угрозой, будет в значительной степени зависеть возможность или невозможность французского капитализма, без особо глубоких потрясений, приспособиться к новому для него периоду хронического, затяжного, кризисного состояния. От поведения рабочих Франции «сегодня» и в текущий год будет много зависеть, какой характер примет переломный фазис французской капиталистической экономики и политики.

О трех основных лозунгах партии по крестьянскому вопросу.

(*Письмо тов. ЯН—СКОГО и ответ тов. СТАЛИНА.*)

Уважаемый тов. Сталин!

Не откажите ответить на нижеследующий, чрезвычайно важный с нашей точки зрения, вопрос.

При проработке аграрного вопроса в курсе «Экономической политики СССР» мы натолкнулись на имеющуюся у Вас неясность в формулировке трех лозунгов Ленина по отношению к крестьянству. Вопрос стоит следующим образом: какому этапу нашей революции соответствует лозунг «*союз со всем крестьянством*» и на каком этапе революции Ленин выдвинул лозунг «*союз пролетариата с деревенской беднотой против всех буржуа, при нейтрализации среднего крестьянства*»?

Этот вопрос, хотя и не имеет в настоящее время практического значения для нашего Союза, все же имеет огромное значение с точки зрения *изучения* стратегии и тактики ВКП(б). Если к этому прибавить то, что целый ряд стран по своей экономике более или менее напоминает экономику до-октябрьской России,—то станет вполне ясной необходимость точной и ясной формулировки указанного вопроса.

В Вашем докладе на XIV с'езде партии Вы следующим образом формулируете «три лозунга Ленина по крестьянскому вопросу»:

«Раньше, когда мы шли к буржуазной революции..., Ленин говорил: союз *со всем* крестьянством против царя и помещиков... Это был первый этап нашей революции.

«Потом, когда мы *подошли ко второму этапу, к Октябрю* (подчеркнуто мною. *Г. Я.*), Ленин дал новый лозунг, соответствующий новой обстановке: союз пролетариата *с деревенской беднотой* против всех буржуа, при *нейтрализации* среднего крестьянства. Это—лозунг, необходимый для коммунистических партий, *идущих к власти*» (И. Сталин—«Вопросы ленинизма». ГИЗ, 1926 г., стр. 380).

Нам кажется, что такая формулировка не соответствует постановке вопроса тов. Лениным о сочетании у нас социалистического переворота в городе и буржуазной революции в деревне. Утверждая это, мы базируемся на сказанное тов. Лениным, спустя год после Октябрьского переворота, т.-е. после того, как он мог учесть опыт завершения буржуазной революции и начало социалистического переворота в деревне.

В брошюре «Пролетарская революция и ренегат Каутский», написанной в *ноябре 1918 года*, тов. Ленин писал:

«Победившая большевистская революция означала конец колебаний, означала полное разрушение монархии и помещичьего землевладения (до

Октябрьской революции оно *не было* разрушено). *Буржуазная* революция была нами доведена *до конца*. Крестьянство шло за нами *в целом*. Его антагонизм к социалистическому пролетариату не мог обнаружиться в один момент. Советы об'единяли крестьянство *вообще*. Классовое деление внутри крестьянства еще не назрело, еще не вылилось наружу. *Этот* процесс развился летом и осенью 1918 года» (подчеркнуто тов. Лениным. *Г. Я.*) (т. XV, стр. 510).

Итак, тов. Ленин констатирует, что в Октябре, поскольку перед нами стояла задача довершения, «доведения до конца» буржуазной революции, поскольку «классовое деление внутри крестьянства еще не назрело»,—постольку мы шли вместе со всем крестьянством. Только «летом и осенью 1918 г.» развивается этот процесс.

«Все, знающие дело и бывшие в деревне, говорят, что наша деревня только летом и осенью 1918 года переживает *сама* «Октябрьскую (т.-е. пролетарскую) революцию»... Через год после пролетарской революции в столицах наступила, под ее влиянием и при ее помощи, пролетарская революция в деревенских захолустьях...

«Завершив буржуазно-демократическую революцию *вместе с крестьянством вообще* (подчеркнуто мною. *Г. Я.*), пролетариат России перешел окончательно к революции социалистической, когда ему удалось расколоть деревню, присоединить к себе пролетариев и полупролетариев, об'единить их против кулаков и буржуазии, в том числе крестьянской буржуазии» (там же, стр. 511—512).

Проанализировав особенность Октябрьской революции и процесс превращения буржуазной революции в деревне в революцию социалистическую, тов. Ленин приходит к следующему выводу:

«...Если бы большевистский пролетариат попробовал *сразу в октябре—ноябре* 1917 года (подчеркнуто мною. *Г. Я.*), не сумев выждать классового расслоения деревни, не сумев *подготовить* и провести его, попробовал «декретировать» гражданскую войну или «введение социализма» в деревне, *попробовал обойтись без временного блока (союза) с крестьянством вообще,... тогда это было бы бланкистским искажением марксизма* (подчеркнуто мною. *Г. Я.*), тогда это было бы попыткой меньшинства навязать свою волю большинству, тогда это было бы теоретической нелепостью, непониманием того, что общекрестьянская революция есть еще революция буржуазная, и что *без ряда переходов, переходных ступеней* сделать ее социалистической в отсталой стране нельзя» (там же, стр. 512).

Те же взгляды высказаны тов. Лениным через месяц, 11/XII 1918 года на 1-м Всероссийском с'езде земельных отделов, комитетов бедноты и коммун.

Приведем только две цитаты, подтверждающие правильность нашего понимания тов. Ленина в этом вопросе:

1. «Только Октябрьский переворот, только победа рабочего класса в городах, только Советская власть дала возможность, на деле, очистить всю Россию, из конца в конец, от язвы старого крепостнического наследия, старой крестьянской эксплоатации, от помещичьего землевладения и гнета помещиков над крестьянством в целом, *над всем крестьянством без различия*.

«На эту борьбу против помещиков не могли не подняться, и поднялись в действительности *все крестьяне... эта борьба об'единила также и наиболее зажиточную и даже самую богатую часть крестьянства*, которая не обходится без наемного труда» (т. XV, стр. 589).

2. «*Образование в деревне комитетов бедноты* было поворотным пунктом и показало, что рабочий класс городов, *об'единившийся в Октябре со всем крестьянством* для того, чтобы разбить главного врага свободной, трудящейся и социалистической России, чтобы разбить помещиков—от этой задачи пошел вперед...—и в деревню внести сознательную социалистическую борьбу» (везде подчеркнуто мною. *Г. Я.*) (том XV, стр. 591).

Итак:

1. Правильно ли утверждение, что мы шли в союзе со всем крестьянством *только* до Октября?

Нет, неправильно. Лозунг «союз со всем крестьянством» был действителен до Октября, *в момент Октября и в первый период после Октября*, поскольку все крестьянство было заинтересовано в довершении буржуазной революции *до конца*.

2. Правильно ли утверждение, что «*мы подошли к Октябрю* с лозунгом *союза с деревенской беднотой при нейтрализации середняка*»?

Нет, неправильно. По указанным уже выше соображениям и приведенным выдержкам из Ленина видно, что этот лозунг мог возникнуть только тогда, когда «назрело классовое деление внутри крестьянства» (Ленин), т.-е. «летом и осенью 1918 г.».

А такое именно толкование невольно напрашивается после внимательного прочтения указанного места в Вашем докладе.

В заключение считаем необходимым сослаться на статью тов. Молотова в «Правде» за 12 марта с. г., которая так же, как и мы, излагает этот вопрос и еще лишний раз подтолкнула нас обратиться к Вам за раз'яснением.

С коммунистическим приветом *Г. Ян—ский.*

Тов. Ян—ский!

Ваше письмо получил, конечно, своевременно. Отвечаю с некоторым опозданием, за что прошу извинения.

1) Ленин говорит, что «*самым главным вопросом всякой революции является вопрос о государственной власти*» (см. т. XIV, ч. 2, стр. 102). В руках какого класса или каких классов сосредоточена власть, какой класс или какие классы должны быть свержены, какой класс или какие классы должны взять власть,—в этом «самый главный вопрос всякой революции».

Основные стратегические лозунги партии, сохраняющие свою силу на весь период того или иного этапа революции, не могут быть названы основными лозунгами, если они не опираются целиком и полностью на этот кардинальный тезис Ленина. Основные лозунги могут быть правильными лишь в том случае, если они строятся на базе марксистского анализа классовых сил, если они намечают правильную схему расположения революционных сил на фронте классовой борьбы, если они облегчают подвод масс к фронту борьбы за победу революции, к фронту борьбы за взятие власти новым классом, если они облегчают партии формирование широкой и мощной политической армии из широких народных масс, необходимой для выполнения этой задачи.

На протяжении того или иного этапа революции могут иметь место поражения и отступления, неудачи и отдельные тактические ошибки, но это еще не значит, что основной стратегический лозунг неверен. Так, напр., основной лозунг на *первом*

этапе нашей революции—«вместе со всем крестьянством, против царя и помещиков при нейтрализации буржуазии за победу буржуазно-демократической революции»—был совершенно правилен, несмотря на то, что революция 1905 года потерпела поражение.

Нельзя, стало быть, смешивать вопрос об основном лозунге партии с вопросом о поражениях или неудачах революции на той или иной ступени ее развития.

Может случиться, что в ходе революции основной лозунг партии привел уже к свержению власти старых классов или старого класса, но ряд существенных требований революции, вытекающих из этого лозунга, не получил осуществления, или осуществление их растянулось на целый период времени, или для их осуществления требуется новая революция, но это еще не значит, что основной лозунг неправилен. Так, напр., Февральская революция 1917 года свергла царизм и помещиков, но не привела к осуществлению конфискации помещичьих земель и т. д., но это еще не значит, что наш основной лозунг на первом этапе революции был неправилен. Или еще: Октябрьская революция осуществила свержение буржуазии и переход власти в руки пролетариата, но не привела сразу: а) к доведению до конца буржуазной революции, вообще, и б) к изоляции кулачества в деревне, в частности, растянув это дело на известный период времени, но это еще не значит, что наш основной лозунг на *втором* этапе революции,—«вместе с беднейшим крестьянством, против капитализма в городе и деревне при нейтрализации среднего крестьянства за власть пролетариата»—был неправилен.

Нельзя, стало быть, смешивать вопрос об основном лозунге партии с вопросом о сроке и формах осуществления тех или иных требований, вытекающих из этого лозунга.

Поэтому стратегические лозунги нашей партии нельзя расценивать ни с точки зрения эпизодических удач или поражений революционного движения в тот или иной период, ни, тем более, с точки зрения сроков или форм осуществления тех или иных требований, вытекающих из этих лозунгов. Стратегические лозунги партии могут быть расцениваемы лишь с точки зрения марксистского анализа классовых сил и правильного расположения сил революции на фронте борьбы за победу революции, за сосредоточение власти в руках нового класса.

Ваша ошибка, тов. Ян—ский, состоит в том, что Вы обошли этот важнейший методологический вопрос или не поняли его.

2) Вы пишете в своем письме:

«Правильно ли утверждение, что мы шли в союзе со всем крестьянством *только* до Октября? Нет, неправильно. Лозунг «союз со всем крестьянством» был действителен до Октября, *в момент Октября и в первый период после Октября*, поскольку все крестьянство было заинтересовано в довершении буржуазной революции до конца».

Таким образом, из этой цитаты выходит, что стратегический лозунг партии за *первый* этап революции (1905 г. — февраль 1917 г.), когда дело шло о свержении царско-помещичьей власти и установлении диктатуры пролетариата и крестьянства, *не отличался* от стратегического лозунга за *второй* этап революции (февраль 1917 г.—октябрь 1917 г.), когда дело шло о свержении власти буржуазии и установлении диктатуры пролетариата. Вы отрицаете, стало-быть, основную разницу между революцией

буржуазно-демократической и революцией пролетарско-социалистической. А делаете Вы эту ошибку потому, что не хотите, видимо, понять той простой вещи, что основной темой стратегического лозунга является вопрос о власти на данном этапе революции, вопрос о том, *какой* класс свергается и в руки *какого* класса переходит власть. Едва ли нужно доказывать, что Вы не правы тут коренным образом.

Вы говорите, что в момент Октября и в первый период после Октября мы проводили лозунг «союз *со всем* крестьянством», поскольку все крестьянство было заинтересовано в доведении буржуазной революции до конца. Но кто Вам сказал, что Октябрьский переворот и Октябрьская революция исчерпывались или ставили своей основной задачей доведение до конца буржуазной революции? Откуда Вы это взяли? Разве свержение власти буржуазии и установление диктатуры пролетариата можно уместить в рамках буржуазной революции? Разве завоевание диктатуры пролетариата не есть выход из рамок буржуазной революции? Как можно утверждать, что кулаки (тоже, ведь, крестьяне) могли поддерживать свержение буржуазии и переход власти к пролетариату? Как можно отрицать, что декрет о национализации земли, отмене частной собственности на землю, запрещении купли-продажи земли и т. д., несмотря на то, что он не может быть признан декретом социалистическим, проводился у нас в *борьбе* с кулачеством, а не в союзе с ним? Как можно утверждать, что кулаки (тоже крестьяне) могли поддерживать декреты Советской власти об экспроприации фабрик, заводов, железных дорог, банков и т. д. или лозунг пролетариата о превращении войны империалистской в войну гражданскую? Как можно утверждать, что *основным* в Октябре являются не эти и подобные им акты, не свержение буржуазии и установление диктатуры пролетариата, а доведение до конца буржуазной революции.

Нет спора, что Октябрьская революция имела одной из своих главных задач доведение до конца буржуазной революции, что без Октябрьской революции она не могла быть доведена до конца, равно как сама Октябрьская революция не могла быть упрочена без доведения до конца буржуазной революции, и поскольку Октябрьская революция доводила до конца буржуазную революцию, она должна была встречать сочувствие со стороны всех крестьян. Все это бесспорно. Но разве можно на этом основании утверждать, что доведение буржуазной революции до конца являлось не производным явлением в ходе Октябрьской революции, а ее существом или ее основной целью? Куда же девалась у Вас главная цель Октябрьской революции—свержение власти буржуазии, установление диктатуры пролетариата, превращение войны империалистской в войну гражданскую, экспроприация капиталистов и т. п.? И если главной темой стратегического лозунга является основной вопрос всякой революции, т.-е. вопрос о переходе власти из рук одного класса в руки другого класса, то не ясно ли из этого, что вопрос о доведении до конца буржуазной революции пролетарской властью нельзя смешивать с вопросом о свержении буржуазии и завоевании этой самой пролетарской власти, т.-е. с вопросом, являющимся главной темой стратегического лозунга на втором этапе революции.

Одно из самых величайших достижений диктатуры пролетариата состоит в том, что она довела до конца буржуазную рево-

люцию и вымела дочиста грязь средневековья. Для деревни это имело самое главное и поистине решающее значение. Без этого не могло быть осуществлено соединение крестьянских войн с пролетарской революцией, о чем говорил Маркс ещё во второй половине прошлого столетия. Без этого не могла быть упрочена сама пролетарская революция. При этом нужно иметь в виду следующее важное обстоятельство. Доведение до конца буржуазной революции не есть единичный акт. На деле оно растянулось на целый период, захватывая не только кусочки 1918 года, как Вы утверждаете в своем письме, но и кусочки 1919 г. (Поволжье—Урал) и 1919—20 гг. (Украина). Я имею в виду наступление Колчака и Деникина, когда перед крестьянством в целом встала опасность восстановления помещичьей власти и когда оно, именно, как *целое*, вынуждено было сплотиться вокруг Советской власти для того, чтобы обеспечить доведение до конца буржуазной революции и сохранить за собой плоды этой революции. Эту сложность и многообразие процессов живой жизни, это «причудливое» переплетение непосредственно-социалистических задач диктатуры с задачей доведения до конца буржуазной революции нужно иметь всегда перед глазами, чтобы понять правильно как приводимые Вами цитаты из Ленина, так и механику претворения в жизнь партийных лозунгов. Можно ли сказать, что это переплетение говорит о неправильности лозунга партии на *втором* этапе революции, что этот лозунг не отличается от лозунга на *первом* этапе революции? Нет, нельзя сказать. Наоборот, это переплетение лишь подтверждает правильность лозунга партии на втором этапе революции: вместе с *беднейшим* крестьянством, против капиталистической буржуазии в городе и деревне, за власть пролетариата и т. д. Почему? Потому, что для того, чтобы довести до конца буржуазную революцию, надо было *сначала* свергнуть в Октябре власть буржуазии и поставить власть пролетариата, ибо только такая власть способна довести до конца буржуазную революцию, а чтобы поставить в Октябре власть пролетариата, надо было подготовить и организовать к Октябрю *соответствующую* политическую армию, способную свергнуть буржуазию, способную установить власть пролетариата, при чем нет нужды доказывать, что *такую* политическую армию мы могли подготовить и организовать *лишь* под лозунгом: союз пролетариата с беднейшим крестьянством против буржуазии, за диктатуру пролетариата. Ясно, что без *такого* стратегического лозунга, проводимого с апреля 1917 г. по октябрь 1917 г., мы не могли бы иметь *такой* политической армии, не могли бы, значит, победить в Октябре, не свергли бы власть буржуазии и не имели бы, следовательно, возможности довести до конца буржуазную революцию.

Вот почему нельзя противопоставлять доведение до конца буржуазной революции стратегическому лозунгу на втором этапе революции, имеющему своей задачей обеспечение захвата власти пролетариатом.

Есть лишь одно средство избегнуть все эти «противоречия»—признать основную разницу между стратегическим лозунгом первого этапа революции (буржуазно-демократическая революция) и стратегическим лозунгом второго этапа революции (пролетарская революция), признать, что в период первого этапа революции мы шли вместе со *всем* крестьянством за буржуазно-демократическую революцию, а в период второго этапа революции мы шли

вместе с *беднейшим* крестьянством против власти капитала за пролетарскую революцию. А признать это нужно, так как к этому обязывает нас анализ классовых сил при первом и втором этапах революции. В противном случае нельзя было бы об'яснить тот факт, что до февраля 1917 года мы вели работу при лозунге революционно-*демократической* диктатуры пролетариата и *крестьянства*, а после февраля 1917 года этот лозунг заменили лозунгом *социалистической* диктатуры пролетариата и *беднейшего* крестьянства. Согласитесь, тов. Ян—ский, что эта замена одного лозунга другим лозунгом в марте—апреле 1917 года не может быть об'яснена при Вашей схеме.

Эту основную разницу двух стратегических лозунгов партии Ленин отметил еще в своей брошюре «Две тактики». Лозунг партии при подготовке буржуазно-демократической революции сформулировал он так:

«Пролетариат должен провести до конца демократический переворот, присоединяя к себе массу крестьянства, чтобы раздавить силой сопротивление самодержавия и парализовать неустойчивость буржуазии» (см. т. VI, стр. 371).

Иначе говоря: со всем крестьянством против самодержавия при нейтрализации буржуазии за демократический переворот.

Что касается лозунга партии в период подготовки социалистической революции, то он сформулировал его так:

«Пролетариат должен совершить социалистический переворот, присоединяя к себе массу полупролетарских элементов населения, чтобы сломить силой сопротивление буржуазии и парализовать неустойчивость крестьянства и мелкой буржуазии» (см. там же).

Иначе говоря: вместе с беднейшим крестьянством и вообще полупролетарскими слоями населения против буржуазии при нейтрализации мелкой буржуазии в городе и деревне за социалистический переворот.

Это было в 1905 году.

В апреле 1917 года Ленин, характеризуя тогдашнее политическое состояние, как переплетение революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства с реальной властью буржуазии, говорил:

«Своеобразие текущего момента в России состоит в переходе от *первого* этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата,—ко *второму* ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и *беднейших слоев* крестьянства» (см. «Апрельские тезисы» Ленина—т. XIV, ч. 1, стр. 17—18).

В конце августа 1917 года, когда подготовка к Октябрю шла на всех парах, Ленин в специальной статье «Крестьяне и рабочие» писал:

«Только пролетариат и *крестьянство* могут свергнуть монархию—таково было основное, по тогдашнему времени (имеется в виду 1905 год. *И. Ст.*), определение нашей классовой политики. И это определение было верно. Февраль и март 1917 года лишний раз подтвердили это. Только пролетариат, руководящий *беднейшим крестьянством* (полупролетариями, как говорит наша программа), может кончить войну демократическим миром, залечить ее раны, начать ставшие безусловно необходимыми и неотложными шаги к социализму,—таково определение нашей классовой политики теперь» (см. т. XIV, ч. 2, стр. 82).

Это не следует понимать так, что у нас имеется, будто бы, *теперь* диктатура пролетариата *и* беднейшего крестьянства. Это, конечно, неверно. Мы шли к Октябрю под лозунгом диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства и осуществили его в Октябре формально, поскольку мы имели блок с левыми эсэрами и делили руководство с ними, хотя фактически у нас уже тогда была диктатура пролетариата, так как мы, большевики, составляли большинство. Диктатура пролетариата *и* крестьянства перестала, однако, существовать формально после лево-эсэровского «путча», после разрыва блока с левыми эсэрами, когда руководство перешло *целиком и полностью* в руки *одной* партии, в руки нашей партии, которая не делит и не может делить руководства государством с другой партией. Это и называется у нас диктатурой пролетариата.

Наконец, в ноябре 1918 года Ленин, бросая ретроспективный взгляд на пройденный путь революции, писал: «Да, революция наша буржуазная, *пока* мы идем *вместе* с крестьянством, как целым. Это мы яснее ясного сознавали, сотни и тысячи раз с 1905 года говорили, никогда этой необходимой ступени исторического процесса ни перепрыгнуть, ни декретами отменить не пробовали... Но в 1917 году, с *апреля месяца, задолго до Октябрьской революции, до взятия власти нами,* мы говорили открыто и разясняли народу: остановиться на этом революция теперь не сможет, ибо ушла вперед страна, шагнул вперед капитализм, дошло до невиданных размеров разорение, которое *потребует* (хочет ли этого кто-нибудь или нет), потребует шагов вперед к социализму. Ибо иначе итти вперед, иначе спасать страну, истерзанную войной, иначе облегчать муки трудящихся и эксплоатируемых *нельзя*. Вышло именно так, как мы говорили. Ход революции подтвердил правильность нашего рассуждения. *Сначала* вместе со «всем» крестьянством против монархии, против помещиков, против средневековья (и постольку революция остается буржуазной, буржуазно-демократической). *Затем* вместе с беднейшим крестьянством, вместе с полупролетариатом, вместе со всеми эксплоатируемыми *против капитализма*, в том числе *против деревенских богатеев, кулаков, спекулянтов*, и постольку революция становится *социалистической*» (см. т. XV, стр. 508).

Как видите, Ленин неоднократно подчеркивал всю глубину разницы между первым стратегическим лозунгом в период подготовки буржуазно-демократической революции и между вторым стратегическим лозунгом в период подготовки Октября. Там—лозунг: со *всем крестьянством* против самодержавия, здесь—лозунг: с *беднейшим крестьянством* против буржуазии.

Тот факт, что доведение буржуазной революции до конца растянулось на целый период после Октября, что, поскольку мы доводили до конца буржуазную революцию, нам не могло не сочувствовать «все» крестьянство,—этот факт, как я уже говорил выше, ни на йоту не колеблет того основного положения, что к Октябрю мы шли и победили в Октябре вместе с *беднейшим крестьянством*, что свергли власть буржуазии и установили диктатуру пролетариата (одну из задач которой составило доведение до конца буржуазной революции), вместе с *беднейшим крестьянством* при сопротивлении кулачества (тоже крестьяне) и колебаниях со стороны среднего крестьянства.

Кажется, ясно.

3) Вы пишете далее в своем письме:

«Правильно ли утверждение, что «*мы подошли к Октябрю с лозунгом союза с деревенской беднотой при нейтрализации середняка*? Нет, неправильно. По указанным уже выше соображениям и приведенным выдержкам из Ленина видно, что этот лозунг мог возникнуть только тогда, когда «назрело классовое деление внутри крестьянства» (Ленин), т.-е. «летом и осенью 1918 г.».

Из этой цитаты выходит, что партия стала на путь нейтрализации середняка не в период подготовки и не во время Октября, а после Октября и особенно после 1918 года, после комбедов. Это *совершенно неверно*, тов. Ян—ский. Наоборот, политика нейтрализации середняка не началась, а *кончилась* после комбедов, после 1918 года. Политика нейтрализации середняка была *отменена* (а не введена) в нашей практике именно после 1918 года. Именно после 1918 года, в марте 1919 года, Ленин, открывая VIII с'езд нашей партии, сказал:

«Лучшие представители социализма старого времени,—когда они еще верили в революцию и теоретически служили ей,—говорили о нейтрализации крестьянства, т.-е. о том, чтобы сделать из этого среднего крестьянина общественный слой, если не активно помогающий революции пролетариата, то по крайней мере не мешающий нашей работе. Эта отвлеченная, теоретическая постановка задачи для нас вполне ясна. *Но она недостаточна*. Мы вошли в *такую стадию социалистического строительства*, когда надо выработать конкретно, детально, на опыте работы в деревне, основные правила и указания, какими мы должны руководиться для того, чтобы по отношению к среднему крестьянину стать на почву *прочного союза*» (см. т. XVI, стр. 94).

Получается, как видите, нечто прямо противоположное тому, о чем Вы говорили в своем письме, при чем Вы переворачиваете здесь нашу *действительную* практику вверх ногами, смешивая *начало* нейтрализации с ее *концом*.

Середняк хныкал и колебался между революцией и контрреволюцией, пока свергали буржуазию, пока власть советов не была еще упрочена, в виду чего и приходилось его нейтрализовать. Середняк стал поворачивать к нам, когда он стал убеждаться, что буржуазия свергнута «всерьез», что власть советов упрочивается, кулака одолевают, Красная армия начинает побеждать на гражданских фронтах. Именно после такого перелома стал возможен третий стратегический лозунг партии, данный Лениным на VIII с'езде партии: опираясь на бедноту и устанавливая прочный союз с середняком,—вперед за социалистическое строительство.

Как Вы могли забыть этот общеизвестный факт?

Из Вашего письма вытекает далее, что политика нейтрализации середняка *при переходе* к пролетарской революции и в *первые дни* после победы этой революции — неправильна, непригодна и, потому, неприемлема. Это *совершенно неверно*, тов. Ян—ский. Дело обстоит как раз наоборот. Именно при свержении власти буржуазии и до упрочения власти пролетариата более всего колеблется и сопротивляется середняк. Именно в этот период и необходимы союз с беднотой и нейтрализация середняка. Настаивая на своей ошибке, Вы утверждаете, что вопрос о крестьянстве имеет большое значение не только для нашей страны, но и для других стран, «более или менее напоминающих

экономику до-октябрьской России». Это последнее, конечно, верно. Но вот что говорит Ленин в своих тезисах по аграрному вопросу на II конгрессе Коминтерна о политике пролетарских партий в отношении середняка в период взятия власти пролетариатом. Определив беднейшее крестьянство, или, точнее, «трудящиеся и эксплоатируемые массы в деревне», как отдельную группу, состоящую из сельскохозяйственных рабочих, полупролетариев или парцельных крестьян и мелкого крестьянства, и перейдя потом к вопросу о среднем крестьянстве, как об особой группе в деревне, Ленин говорит:

«Под «средним крестьянством» в экономическом смысле следует понимать мелких земледельцев, которые владеют, на правах собственности или аренды, тоже небольшими участками земли, но все же такими, которые при капитализме дают, по общему правилу, не только скудное содержание семьи и хозяйства, но и возможность получать известный излишек, способный, по крайней мере в лучшие годы, превратиться в капитал и которые прибегают довольно часто к найму чужой рабочей силы... Революционный пролетариат не может ставить своей задачей,— по крайней мере для *ближайшего будущего и для начала периода диктатуры пролетариата*,—привлечение этого слоя на свою сторону. Он должен *ограничиться задачей нейтрализовать его*, т.-е. заставить его не оказывать активной поддержки буржуазии в ее борьбе с пролетариатом» (см. Стенографический отчет II конгресса Коминтерна, стр. 610—611).

Как можно после этого утверждать, что политика нейтрализации середняка могла «возникнуть» у нас «*только*» «летом и осенью 1918 года», т.-е. *после* решающих успехов в деле упрочения власти советов, власти пролетариата?

Как видите, вопрос о стратегическом лозунге пролетарских партий к моменту перехода к социалистической революции и упрочения власти пролетариата, так же, как и вопрос о нейтрализации середняка, не так прост, как Вы его представляете.

4) Из всего сказанного выше видно, что приводимые Вами цитаты из сочинений Ленина ни в какой мере не могут быть противопоставлены основному лозунгу партии на втором этапе революции, ибо они, эти цитаты: а) трактуют не об основном лозунге партии *перед* Октябрем, а о доведении до конца буржуазной революции *после* Октября, б) они не опровергают, а подтверждают правильность этого лозунга. Я уже говорил выше и вынужден еще раз повторить, что стратегическому лозунгу партии на втором этапе революции, в период *до* взятия власти пролетариатом, главной темой которого является вопрос о власти, нельзя противопоставлять задачу доведения до конца буржуазной революции, проводимую в период *после* взятия власти пролетариатом.

5) Вы говорите об известной статье тов. Молотова в «Правде» «О буржуазной революции в нашей стране» (12/III—1927 г.), которая, оказывается, и «подтолкнула» Вас обратиться ко мне за раз'яснением. Я не знаю, как Вы читаете статьи, т. Ян—ский. Я тоже читал статью т. Молотова и думаю, что она ни в какой мере не противоречит тому, что сказано в моем докладе на XIV с'езде нашей партии о лозунгах партии насчет крестьянства. Тов. Молотов трактует в своей статье не об основном лозунге партии в период Октября, а о том, что, поскольку партия после

Октября доводила до конца буржуазную революцию, она имела сочувствие всех крестьян. Но я уже говорил выше, что констатирование этого факта не отрицает, а наоборот, подтверждает правильность того основного положения, что мы свергли власть буржуазии и поставили диктатуру пролетариата вместе с беднейшим крестьянством и при нейтрализации середняка против буржуазии города и деревни, что без этого мы не могли бы довести до конца буржуазную революцию.

С коммун. приветом *И. Сталин.*

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

А. Ф. ВИШНЕВСКИЙ.—Исторический материализм. Севкавкнига. 1927 г.

Книжка тов. А. Ф. Вишневского предназначена для студентов вузов, рассчитана на совпартшкольца и рабфаковца, учителя, занимающегося самообразованием и т. д. Так говорится в предисловии. Из предисловия же мы узнаем, что автор держит линию ортодоксально-марксистского направления в вопросах марксистской теории.

Книга разбивается на три отдела. Первый ($^1/_3$ книги) посвящен вопросам диалектического материализма. Здесь устанавливается в общем и целом правильная точка зрения на диалектический материализм, как на философию марксизма, дается критика противной точки зрения на этот вопрос. Далее дается изложение теории познания марксизма, затем следуют изложения категорий диалектики, попутно с этим критикуется, хотя и кратко, механический материализм, рецидив которого мы совершенно явственно имели и имеем возможность наблюдать последний год—два в марксистском лагере у нас в Советской России. Философский отдел, с нашей точки зрения, является в общем наиболее содержательным и цельным. Второй отдел посвящен учению об обществе, его строению и развитию и третий, наконец, разбирает идеологии, их зависимость от общественных отношений и т. д. Кроме того, в последнем отделе имеется глава, посвященная применению исторического материализма и исследованию советского строя, глава более или менее удачная, хотя в некоторых отдельных местах она страдает чрезмерной элементарностью, в некоторых же частях она устарела по материалу: материалы социально- и партийно-политической жизни последних трех лет не использованы совершенно.

Задаться вопросом, насколько автору удалось справиться с задачей дать серьезное учебное пособие, это значит задаться вопросом, насколько теоретически выдержана книжка и насколько со стороны формы она подойдет к кругу читателей, на который она рассчитывает. Если есть в книге пробелы и недостатки, то необходимо учесть их удельный вес для того, чтобы оценить книжку в целом. Каковы же эти недостатки? Мы постараемся остановить внимание читателя, главным образом, на недостатках по содержанию.

Мы заранее должны извиниться перед многими читателями за некоторую трудность нижеизложенного. Это вызвано преимущественно самим содержанием предмета рецензии.

Прежде всего о том новом, что пытается дать в дополнение к изложению классиков марксизма наш автор. По его собственным словам (см. пред. в книжке), оно заключается в «освещении категорий диалектического материализма в порядке их *логической последовательности*» (курсив автора. *Ф. Г.*). К чему сводится это новое в книжке т. Вишневского? По существу, оно сводится к делению категорий (основных понятий) марксистской диалектики на категории изменения и категории развития. При чем интересно, что, проводя подобное разделение, автор никакого предварительного обоснования этому не дает, он просто начи-

нает с анализа основных понятий изменения и только в конце параграфа, посвященного этому анализу, говорит несколько слов о том, что изменение и развитие не одно и то же, что развитие отличается от изменения вообще, что оно «предполагает определенную *систему* материального движения или изменения с длительным направлением, складывающимся в известную закономерность» (46 стр.). Когда мы говорим об изменении в вещах, то мы не всегда можем констатировать, что это изменение ведет к возникновению чего-то нового. Когда же речь идет о развитии, то тут подразумевается, что изменения, происходящие в той или иной вещи, ведут к возникновению нового, идущего на смену старому. В этом общий смысл развития. Нас интересует другое: почему автор считает, что «методологическую характеристику материального движения, как изменения вообще» (46 стр.), исчерпывают вполне категории качества, количества и причинности, тогда как такие понятия, как понятие сущности (внутреннего содержания) вещи или закона, действующего в ней, относятся автором исключительно к области развития. Где обоснование этого разграничения? Ведь какие бы изменения в вещи мы ни взяли, поскольку мы начинаем познавать их, доискиваться до их причин, мы всегда столкнемся с необходимостью познания содержания вещи, определяющих ее законов. От них категорию причинности не оторвешь; эти категории неразрывно связаны с пониманием того, что такое данная вещь или явление со всеми своими изменениями. Для диалектического материализма не существует какого-то *изменения вообще* вне конкретных вещей, вне конкретных предметов и их изменения, как не существует какой-то *материи вообще* вне конкретных форм ее. Это одно. А другое—это то, что знать вещь, согласно диалектике, значит изучить ее со всех сторон, охватить ее сначала, как она нам представляется, количественно изучить поддающиеся этому изучению стороны вещи, затем вскрыть законы, управляющие вещью и ее изменениями, то-есть познать ее сущность. Для нас при понимании всего этого станет ясным, что нет никаких оснований к тому, чтобы понятия качества, причины и др. в познании каких-либо изменений предмета представить изолированно от категорий закона и внутреннего содержания предмета. Они неразрывно связаны всегда, как в действии своем в самом об'екте познания, как реальные категории, точно так же они не могут быть никакими ухищрениями и разорваны на два порядка, изолированы друг от друга в понимании их значения в процессе познания этого об'екта, его изменений, если только мы не хотим подменить абстракцией движения-изменения определенное, конкретное, действительное изменение в мире.

Мы не можем останавливаться здесь подробнее на этом вопросе. Мы считали нужным отметить только, что в таком важнейшем вопросе, как понимание категорий диалектики, принципиальный исходный пункт автора книжки является чрезвычайно сомнительным нововведением в диалектический материализм. Порядок категорий диалектики «в их логической последовательности» приводит к совершенно необоснованному и с нашей точки зрения ошибочному разделению этих категорий. Мы, конечно, тем самым вовсе не хотим отрицать того, что в трактовке отдельных категорий диалектики автор проделал значительную работу, и в этом смысле данная книжка, конечно, имеет преимущества перед некоторыми другими книгами по историческому материализму.

Далее, мы считаем, что совершенно неблагополучно обстоит дело в рецензируемой работе еще по двум принципиальным вопросам диалектического материализма. Первый вопрос из области теории познания марксизма. Классики марксизма вслед за Фейербахом считали учение

о единстве суб'екта и об'екта, духовного и материального, одним из коренных вопросов в диалектическом материализме. Это один из ряда центральных пунктов, по которому мы отмежевываемся с одной стороны от идеализма с его отождествлением духовного и материального, что ведет в конце концов к поповщине и мракобесию, и, с другой стороны, от вульгарного механического материализма, который уничтожает все своеобразие сознания. Дух, сознание не есть нечто самостоятельное, вне материи и наравне с ней. Нет. Сознание есть свойство или состояние определенным образом организованной материи. Диалектический материализм не стирает, однако, специфичности сознания. Подчеркивая, что сознание (психические переживания) есть *другая сторона* физиологических процессов, которые протекают в мозгу, нервах и т. д., что оно суб'ективно-внутреннее выражение того, что об'ективно происходит в организме, отражение этого, об'ективно происходящего в организме, *в нас и для нас*—диалектический материалист одновременно устанавливает и то, что психика не есть нечто самостоятельное, что она есть обратная сторона материальных процессов, и то, что сознание в то же время нельзя свести к материальным процессам, уничтожить особенность, качественность его. В этом—содержание учения о единстве суб'екта и об'екта.

По этому поводу в книжке т. А. Ф. Вишневского есть только два самых беглых замечания. Но это полбеды. Беда в том, что эти замечания не только недостаточны, но настолько туманны, что по меньшей мере могут сбить с толку учащегося, частью же они принципиально не выдерживают критики. Критикуя точку зрения идеализма (стр. 20) и противопоставляя ей точку зрения материалистическую, автор замечает, что дух был порожден материей в ее развитии. Дальше следует формулировка: «Короче, дух есть *вполне материальное явление* или свойство материи» (стр. 20) (Курсив наш. *Ф. Г.*). Еще далее, на стр. 23, мы читаем следующее: «В диалектическом единстве противоположность тождества и различия *снимается*. Напр., дух отличен от материи, как *отражение* этой материи, отражение, которое означает процесс *познания*. Но это отражение, в качестве материального явления, возникшего из развития материи, тождественно последней» (курсив автора. *Ф. Г.*). Это—все по затронутому вопросу.

Обе приведенные формулировки решения вопроса о единстве духовного и материального в теоретическом отношении совершенно безнадежны. Дух есть вполне материальное явление, единство духа и материи превращается в тождество (последняя фраза цитаты), все это очень далеко от истинного марксистского решения вопроса. Может быть, просто небрежностью в формулировках можно об'яснить такие грубейшие теоретические промахи, но факт остается фактом: читатель не поймет проблемы единства суб'екта—об'екта в теории познания марксизма, зато дается хорошая почва для путаницы, для колебания в таком важном вопросе, а отсюда и для возможности перехода к вульгарно-механическому разрешению его. А ведь так недавно еще шла борьба против энчмениады, да и теперь на идеологическом фронте борьба с механическим материализмом, с вульгаризацией и упростительством—есть одна из важнейших наших текущих задач.

Следующий важнейший вопрос—это вопрос о производительных силах и причинах их развития. Исторический материализм, как известно, берет за исходный пункт изучения общества понятие материальных производительных сил. Определяется это тем, что в действительной жизни общества ее основой является общественное производство, эле-

ментами которого и являются производительные силы. Уже попытка обновить со стороны тов. Вишневского понятие производительных сил, как оно дано у Маркса и принято в марксизме, нам кажется неудачной и совершенно излишней. Тогда как Маркс под производительными силами общества понимает факторы, действующие в процессе общественного производства: средства производства, состоящие из орудий труда и материала труда и рабочую силу во всех ее свойствах, поскольку она есть фактор процесса труда, тов. Вишневский без всякой мотивировки выбрасывает из разряда производительных сил материал труда, но одновременно восполняет понятие и состав производительных сил техническими отношениями между людьми. Но ведь следует помнить, что когда Маркс говорит о производительных силах, то он всегда берет процесс общественного труда, производство со стороны его материальных факторов, и поэтому он берет их в целом, не исключая и материала труда, хотя он и выделяет орудия и рабочую силу, как главные, определяющие высоту данного способа производства. Когда же берется уклад материальных производительных сил, то, естественно, этим дается и определенный уклад технических отношений между людьми—так что вводить еще в состав производительных сил технические отношения, как особый элемент—это значит заниматься никчемными новшествами и затуманивать ясный, достаточно выработанный пункт нашей теории. Но главная неясность и путаница—в вопросе о причинах развития производительных сил.

Автор сначала кратко, но достаточно вразумительно критикует неверные точки зрения на этот вопрос.

Как же марксизм разрешает вопрос о развитии производительных сил? Мы узнаем от автора, что «развитие производительных сил следует об'яснить причинами *общественного* порядка» (стр. 118). В классовом обществе, например, производительные силы движутся классовой борьбой. Тов. Вишневский цитирует по этому пункту «Нищету философии» Маркса. Кроме того, конечно, в более или менее развитых общественных формациях, движение производительных сил обусловливается и происходит под влиянием действия надстроек на базис: происходит взаимодействие базиса и надстроек, и последние, хотя и не всегда, действуя в направлении развития, толкают производительные силы вперед. Но вопрос вот в чем: ведь все надстройки, точно так же, как и классовая борьба, возникают на определенном уровне развития общественного производства и производительных сил. Сам автор рецензируемой работы говорит на стр. 61-й, что классы и классовая борьба имеют под собой *общественные* причины. Но тогда чем же определялось развитие производительных сил в доклассовом обществе? Ведь история человеческого общества не началась с классового общества. Последнее по времени представляет, вероятно, значительно меньший отрезок истории человечества, чем предшествующая ему история, когда классов не было. И тем не менее человек уже был человеком, человеческое общество было чем-то качественно особенным по отношению к животному царству.

Тов. Вишневский разрешает вопрос очень просто. Ход общественного развития в доклассовом обществе имел своими причинами «природные условия, борьбу за существование и т. д.» (стр. 119). В другом месте говорится: «Первый период (доклассовый. *Ф. Г.*) так называемое *первобытное* состояние человечества, когда производительные силы развивались в зависимости от географических и биологических условий (климат, почва, моря, реки, горы, флора, фауна, увеличение народонаселения, голод и т. д.)» (141 стр.).

Таким образом, автор благополучно возвращает нас к тем теориям, которые были раскритикованы им самим и от нашего марксистского исходного пункта социологического анализа — материальных производительных сил—приводит к другому исходному пункту—к природе и ее условиям. Материальные производительные силы человеческого общества, оказывается, имеют причиной своего развития природу, и, видимо, вплоть до классовой борьбы производительные силы развивались, имея причиной условия природы. Но в таком случае совершенно теряется специфичность человеческого общества. Марксизм определяет человека, как общественное животное. Эта качественная характеристика исчезает. Раз движущей причиной производительных сил, об'ясняющей их развитие в доклассовом обществе, является природа, то мы даже и не в праве говорить о производительных силах, как основе общественного развития. Но рассуждая так, мы, естественно, приходим к выводу, что и происхождение классов и классовой борьбы нужно искать в природе и ее условиях, которые в *конечном счете*, через развитие производительных сил до определенного уровня привели к образованию классов.

Говорить о природе, как причине хода общественного развития, хотя бы на одном этапе его—такая постановка вопроса ничего общего с марксизмом не имеет. Сам же автор в другом месте своей работы говорит, что природные условия есть величина постоянная, производительные силы—переменная, переменную величину нельзя об'яснять постоянной.

На самом деле до того, как начал действовать закон классовой борьбы, и тогда, когда надстройки еще недостаточно дифференцировались и развились, чтобы сколько-нибудь значительно влиять на ход производительных сил—в этот период действительным источником, причиной развития производительных сил был самый процесс человеческого общественного труда. В нем человек постепенно наталкивался на необходимость совершенствования орудий. Первоначально изменения орудий, может быть, не давали значительных результатов, но накопление этих изменений делало свое дело: логика процесса труда преобразовывала орудие. Неразрывно с этим шло и развитие самой активной производительной силы—рабочей силы. Энгельс прекрасно проследил в своей книге «От обезьяны к человеку» формирующее значение процесса труда в развитии сложнейшей из производительных сил—человека, вскрыл так сказать внутреннюю логику этого процесса. Тоже—в еще более доказательной степени—относится и к средствам производства. При этом, конечно, никто не вздумает отрицать значения природных условий, которые всегда предполагаются, но действие которых на процесс общественного труда зависит от степени развитости *самих* производительных сил человечества.

Когда Плеханов говорит, что «в каждое данное время мера способности к деланию орудий, которая развивается у человека в процессе воздействия на природу, определяется мерой уже достигнутого развития производительных сил»—то этим самым он хочет подчеркнуть как раз значение самой внутренней логики развития производительных сил. И эта логика процесса труда сохраняется в своем действии на всем протяжении истории (см. напр., марксов анализ развития техники от ремесла к мануфактуре и фабрике), но на более развитых этапах ее усложняется действием новых сил: классового антагонизма и влиянием надстроек.

В дополнение к сказанному отметим только, что и в вопросе о роли классовой борьбы для развития производительных сил автор книжки ограничивается лишь 2—3 общими фразами о том, что она движет

производительные силы. Но показать, как это происходит, автор, видимо, не считает нужным. Маркс проследил в «Капитале» и других произведениях влияние классового антагонизма на развитие производительных сил при капитализме. Мы можем найти ряд прекрасных отдельных замечаний о том, как он это себе мыслил. Для примера хотя его мысль из «Нищеты Философии» о том, что «в Англии стачки служили поводом к изобретению и применению машин».

Замечаний по вопросам, может быть, иногда и не столь принципиальным, как выше, но необходимых, ибо дело идет о важных вопросах, можно было бы высказать значительное число. Но, боясь быть обвиненным в придирчивости, укажем на три—четыре места в книжке, главным образом, подходя со стороны содержания.

Мы считаем, что автор напрасно оторвал друг от друга определение философии как метода исследования от того ее понимания, согласно которому она является мировоззрением. Ее практическое значение не исчерпывается тем, что она—метод исследования. Момент мировоззрения, так сказать, органически связанный с ее методологическим содержанием, столь же важен для понимания практического значения философии, как и момент методологический. Эти два момента с самого начала неразрывно связаны в нашем понимании философии.

На стр. 5—3-й, определяя материалистическую диалектику, как науку «об универсальных законах движения материальных форм», т. Вишневский дает, конечно, более бедное определение диалектики, чем известное определение Энгельса, что содержание диалектики это наиболее общие законы природы, человеческого общества и мышления, или определение т. Деборина—как науки «о формах или *законах связи* в области физической природы, человеческой истории и мышления» («Под Зн. Мар.», 1926 г., № 11, стр. 6). Последние определения более богаты, конкретны, а следовательно, и более верны, ибо они, фиксируя основные моменты—стороны—в развитии мира, включают в себя предполагаемое изменение и усложнение законов диалектики в их проявлении на различных моментах этого развития.

На стр. 30-й автор говорит: «Материальное движение, заключающее в себе момент покоя, есть *основа* для понимания всех процессов природы и общества. Дальнейшая конкретизация материального движения приводит нас к понятию причинности, этой первой и основной категории изменения». Для нас понятно, что все в мире причинно связано, что закон причинной связи есть важнейший закон бытия и познания. Но когда говорят, что конкретизация какого-то изменения *вообще* приводит нас к понятию причинности—то ясно, что до смысла тут добраться трудно, приходится угадывать.

Говоря о случайности (стр. 35), т. Вишневский определяет ее складывающейся «из двух моментов: *суб'ективного и об'ективного*, при чем последнему моменту принадлежит основное, решающее значение». В дальнейшем категория случайности трактуется диалектически, как об'ективная категория, и это верно. Когда же говорится, что определение случайности имеет суб'ективный момент—то это значит, что научно-диалектическое понимание случайности нельзя смешивать с пониманием случайности в обыденном смысле: случайным кажется мне явление, поскольку я не знаю его основ. Смешивать эти вещи нельзя.

Отождествляя на стр. 38-й такие термины, как качество и свойство, автор по нашему недостаточно серьезно относится к терминологии. В марксистской философской литературе достаточно выяснено, что, когда мы говорим о качестве, то мы отождествляем качество и вещь: когда для нас уничтожается данное качество, это значит, что

уничтожается сама вещь. Когда же мы говорим о свойстве, то под этим подразумевается отдельный момент вещи, характеризующий ее в отношении к той или иной вещи. В книжке, претендующей быть пособием для более или менее подготовленных читателей, эту необходимую дифференциацию понятий полагалось бы проводить.

В других местах беспечность автора по части терминологии не только режет слух, но прямо свидетельствует о неряшливости в этом отношении. Так без всякой мотивировки, даже без единой оговорки автор делит надстройки на *об'ективные* (государство и т. д.) и *суб'ективные* (право, наука и т. д.). А отсюда прямо нелепость некоторых выражений. Напр., «поскольку... имущественные отношения, закрепляющие определенную экономическую структуру *отражаются в сознании* людей, постольку они становятся *суб'ективным* правом» (122 стр.). Итак, если задаться вопросом: что такое наука, то последует ответ: суб'ективная надстройка. Надо полагать, что автор, высказываясь таким образом, хочет подчеркнуть, что когда мы говорим об идеологиях, то мы имеем дело с формами общественного сознания. Но значит ли это, что идеологии можно назвать *суб'ективными* надстройками! Кроме путаницы и вреда, это принести ничего не может.

Совершенно неудачно и принципиально неверно деление революций (берется опыт революций последних полутора столетий истории) на буржуазные, демократические и социалистические. Нет нужды останавливаться на этом подробно, следует только отметить, что, когда говорится о революции буржуазной и революции пролетарской, то речь идет о революциях, имеющих своими результатами новые социально-экономические формации. Можно ли сказать, что буржуазно-демократические революции должны быть в этом смысле выделены от буржуазных революций? Нет, конечно. Это есть буржуазные революции в самом своем корне. Буржуазные революции могут быть более последовательные, менее последовательные, более демократические, менее демократические—это в зависимости от действующих классовых сил, конкретной обстановки и т. д. Но это вовсе не может служить основанием для выделения *на ряду* с буржуазной и пролетарской социальными революциями еще революции демократической.

Примеры подобных замечаний можно было бы умножить, но достаточно и сказанного. В заключение для полноты впечатления отметим, что рецензируемая работа страдает большой диспропорциональностью в распределении материала. Тогда как, например, критерию практики, единству суб'екта и об'екта в марксистской теории познания посвящено по нескольку строчек, учению о пространстве и времени посвящено 4—5 страниц. Совершенно недостаточны параграфы, посвященные вопросам: что такое надстройки, о влиянии надстройки на базис, о содержании и причинах социальной революции. Последний вопрос, по делу, надо было бы осветить основательно,—вопрос, один из основных в историческом материализме, его понимание имеет большое практическое значение для нас. Но читатель немного может получить с тех 3—4 страниц, которые уделены этому вопросу.

И т. д.

Изложение непопулярное. В некоторых местах книжка превращается как бы в ученый трактат, доступный для понимания только людям, которые хорошо подготовлены. Имеются отрывки, где на протяжении страниц даются без всякой попытки пояснения такие термины, как нумены, феномены, снятие, тождество и различие и др. Естественно, что это действует оглушающе даже на средне-подготовленного читателя. На стр. 143-й цитируются два труднейших тезиса Маркса о Л. Фейербахе без всякой попытки помочь читателю понять их содержание, проанализировать его, а оно чрезвычайно глубоко и одновременно трудно для понимания. Таких мест немало. Неважное впечатление также производят те места книги, где автор полемизирует против точек зрения, о существовании которых читатель автором не осведомляется. Получается какое-то резонерство. Так (37 стр.) выглядит полемика против некоей точки зрения, которая понятием противоречия хочет заменить понятие причинности. Так же, напр., выглядит возражение против «тех», которые понимают идеологию как некоторый «сгусток», систему общественного сознания, выпадающий из сферы самого общественного сознания. Кто и когда у нас стремился оторвать идеологии, как *формы* общественного сознания, от общественного сознания в целом?

И совсем плохое впечатление остается от того, что автор иногда бездоказательно проводит свою мысль (примеры этого были уже), а иногда просто навязывает читателю свое мнение. Так разбирая в отделе о религии две основные точки зрения в марксизме на происхождение «души», автор приходит к выводу, что определенный и точный ответ в пользу той или иной теории возникновения понятия души дать трудно. Казалось бы ясно, что раз наука этот вопрос не разрешила, то придется, видимо, констатировать наличие двух точек зрения и работать в направлении собирания материала для разрешения вопроса, какая же точка зрения является действительной. Но автор решает по-другому. На основе «общих оснований марксистского метода, учитывая известную нам историю образования идеологий» (147 стр.) (кстати сказать в работе т. Вишневского нет ни слова о возникновении идеологий) он декретирует, что «*главной причиной, породившей в головах людей идею души, мы считаем классовую дифференцировку людей* (курсив автора. *Ф. Г.*). Вразумительно, а главное педагогично! Этак, «исходя из общих оснований марксистского метода», можно многое и легко доказать. Но дело кончится только тем, что и доказуемое пострадает, и методу не поздоровится. Это называется не доказывать, а навязывать.

В целом эта книжка, имеющая ряд удачных глав и параграфов, правильную в общем и целом методологическую установку, имеет много серьезных пробелов как со стороны содержания, так и со стороны формы, чтобы можно было говорить, что она займет определенное место в нашей сугубо недостаточной историко-материалистической учебной литературе. Книжка требует большой работы по устранению ошибок, исправлению недостатков, улучшению ряда мест и популяризации.

Ф. Горохов.

ОРГАНИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В «МАРКСИСТСКОМ» ОСВЕЩЕНИИ.

Балашов, И. В., проф.—«Организация сельского хозяйства». 2-е издание, 1926 г., стр. 204, цена 1 р. 85 коп.

Проблема организации сельского хозяйства больше чем когда-либо привлекает к себе внимание в связи с общей задачей реконструкции сельского хозяйства. Поэтому каждая вновь выпущенная книга (а это не так часто бывает) по организации сельского хозяйства требует надлежащего отзыва.

Книга проф. Балашова, на наш взгляд, заслуживает особого внимания еще и потому, что, как пишет проф. Балашов, «автор старался развернуть теоретические положения на широком материале мирового сельского хозяйства, кладя в основу принцип диалектического материализма» (предисловие).

Признаться, марксистских пособий по организации сельского хозяйства пока нет. Между тем они нужны читателю, особенно вузовцам. Достаточно указать в предисловии учебника, что автор марксист или «собирается» быть марксистом, как книга расхватывается при первом ее появлении. Приблизительно такая участь постигла книгу проф. Балашова: за два года (1925—1926) она выдержала 2 издания. Прежде чем приступить к рассмотрению книги Балашова, сделаем несколько необходимых замечаний по существу вопроса.

Иные думают, что проблема организации сельского хозяйства имеет чисто «прикладное», технико-организационное значение и что в этом вопросе нет никакой ни теоретической, ни практической актуальности. Это не так. Технике организации хозяйства предшествует теоретическая часть, об'ясняющая сущность организации сельского хозяйства. Вот эта часть—теория организации хозяйства—исходит из общих законов сельскохозяйственной экономии и политической экономии.

Буржуазные и мелкобуржуазные ученые рисуют ложную теорию организации хозяйства, так как в с.-х. экономии и политической экономии кругозор этих ученых ограничен буржуазной и мелкобуржуазной идеологией. В анализе экономических категорий и экономических понятий, общественных отношений и рыночных взаимосвязей, они применяют «универсальные формулы», «неизменные критерии», рассчитанные на все исторические эпохи общественного производства. Избегая диалектики, антимарксистские концепции не в состоянии проследить динамику сельского хозяйства, об'яснить различные способы производства, как исторически преходящие, установить факторы, формирующие типы с.-х. производства, проанализировать внутреннюю закономерность развития и превращения одного типа с.-х. производства в другой.

Практически — при организации сельского хозяйства буржуазные теории ведут к полному игнорированию дифференциации крестьянского хозяйства, к ложной ориентации в методах организации крестьянского хозяйства. Гольц, Аэребо, Бринкман и др. немецкие ученые, Людоговский, Скворцов, Бажаев и др. совершенно игнорируют расслоение деревни; они не знают и не имеют никакого представления о классовом антагонизме, возникающем внутри самого крестьянства с появлением товарно-капиталистических отношений в сельском хозяйстве.

Проф. Чаянов, Макаров и другие представители «организационно-производственной школы», вместо социальной видят «демографическую» («семейно-биологическую») дифференциацию крестьянского хозяйства. В плоскости демографической дифференциации крестьянского хозяйства

конструируется теория организации сельского хозяйства (теория «трудо-потребительского баланса»).

Марксисты в отличие от буржуазных и мелкобуржуазных теорий утверждают (Ленин это доказал), что вне социально-экономических типов хозяйств невозможно понять и об'яснить структуру сельскохозяйственного производства.

И вот перед нами книга проф. Балашова. В ней автор с самого начала заявляет нам, что в основу анализа проблемы организации сельского хозяйства положен диалектический материализм. Превосходно! В таком случае мы в праве требовать от автора марксистской трактовки вопросов организации хозяйства, в частности критики буржуазных и мелкобуржуазных теорий, и марксистской постановки проблемы.

Послушаем критику проф. Балашова. «Несомненно, что трезвое мнение и русских и немецких экономистов, основателей учений об организации крупного с.-х. предприятия, совершенно правильно подходило к определению сущности его задач, т.-е. максимальной доходности. Этот немецкий практический подход к Unternehmung (к предприятию. *А. С.*), несомненно, более правилен, чем биологический подход проф. Чаянова к «его крестьянскому земледельческому предприятию» (см. стр. 6—7). Проф. Балашов, солидаризируясь с немецкими учеными, не разделяет точку зрения проф. Чаянова. Неясно, что хочет сказать этим автор, если на той же странице он пишет:

> «Мы не можем согласиться с тем, что областью анализа и синтеза с.-х. предприятия ограничиваются вопросы организации хозяйства... Вопросы организации сельского хозяйства в целом давно переросли как узкие рамки составления организационных планов для крупных, средних и мелких с.-х. предприятий, так и об'ем заданий по изучению биолого-экономических процессов трудового крестьянского хозяйства в духе так наз. организационно-производственного направления» (стр. 7).

Сначала проф. Балашов признал подход буржуазных ученых к организации хозяйства правильным, потом как будто пытается возразить этим ученым и неонародникам, но в такой туманной форме, что с большим трудом удается уловить мысль автора. Повидимому, он сам неясно себе представляет, что, собственно, хочет сказать. В самом деле, буржуазные теоретики, преломляющие задачи и метод организации хозяйства через индивидуальное предприятие, не занимались вопросом об организационных планах крупного кулацкого, среднего и бедняцкого хозяйств, потому что об'ектом их изучения никогда не было массовое крестьянское хозяйство, во-первых, во-вторых, они вообще не признают дифференциальных групп хозяйства в деревне. Что касается «биолого-экономических» (терминология-то!) процессов в крестьянском хозяйстве, изучением коих занимается «организационно-производственная школа», так этот подход марксисты считали и считают глубоко ошибочным. По мнению же проф. Балашова, получается так, что в свое время биологический подход к рассмотрению крестьянского хозяйства был, несомненно, правильным. Очевидно, эти вопросы остались у автора непродуманными, иначе ничем не оправдывается, вносимая сюда проф. Балашовым, путаница.

Однако, проф. Балашов не ограничивается приведенной «критикой» и берет в этом направлении наиболее решительный курс:

> «Работа В. Ильина (Ленина) еще в конце прошлого столетия,—пишет проф. Балашов,—разбив окончательно теорию народников и неонароднической так называемой «организационно-производственной школы об

особом сельско-трудовом принципе» [1]) организации крестьянского хозяйства, показала подлинный организационный уклад дифференциальных групп села» (стр. 8).

«Присоединяясь» к Ленину и в «соответствии» с его постановкой проблемы, проф. Балашов развивает свои положения: «Современный организатор должен обладать уменьем не только организовать хозяйство в данном имении с целью получения наивысшей его доходности, но прежде всего уметь разобраться в сложном вопросе социально-экономической природы хозяйства. Это основное требование, ибо, отрицая особые биологические стороны крестьянских хозяйств, мы все же должны признать, что каждая социальная форма хозяйства имеет свои экономические особенности. Крупное, среднее и мелкое хозяйство с наемным трудом, или основанное на трудовом принципе, поставленное в самые разнообразные отношения к рынку, дает столько вариантов организационных систем, что, не разобравшись в них, нельзя правильно построить хозяйственный организм» [2]).

Отсюда: «вместо единого об'екта имения, устройством которого заняты хозяйства..., имеем три об'екта: 1) с.-х. район, 2) группы однородных в социально-экономическом отношении хозяйств и 3) отдельные хозяйства с его специфическими особенностями» (стр. 8).

Если отбросить терминологические и логические неясности, то в общем постановка проблемы организации хозяйства здесь приближается к марксистской. Автор, исходя из положения тов. Ленина, пытается указать, что без учета дифференциальных групп и анализа социально-экономических процессов в сельском хозяйстве, нельзя охватить вопроса «организации» хозяйства. Но дальнейшая трактовка этих положений автором, как увидим ниже, не имеет ничего общего с марксизмом.

Нельзя не отметить, что проф. Балашов, нападая на «организационно-производственную школу» (Чаянова, Макарова и др.), вместо «биологического принципа», очевидно, в виде «компенсации» открыл какие-то дополнительные «экономические особенности» социальных групп, в придачу к существующим (кулак, середняк, бедняк).

Проф. Макаров, которого критикует автор, выдвинул «социально-экономические» особенности дифференциальных групп. Но попытка проф. Макарова проанализировать сельскохозяйственное производство в разрезе дифференциальных групп и затем сцепить социально-экономические группы с отдельными системами хозяйства не увенчались успехом. Правда, проф. Макаров «классовые» особенности крестьянских групп представил в свете «трудо-потребительской теории», от которой проф. Балашов отмахивается. Но тем не менее сами идеи об этих, как мы сказали, дополнительных «экономических особенностях» социальных групп заимствованы автором у проф. Макарова. Мы думаем, что нечего подчеркивать, что «трудно-потребительская» интерпретация этих категорий проф. Макаровым не имеет решительно ничего общего с марксизмом.

Автор пространно говорит о системах хозяйства. Спрашивается, как понимает он систему хозяйства и каким образом связывает автор систему хозяйства с социально-экономическими группами хозяйств?

---

[1]) Проф. Балашов, очевидно, совсем упустил из виду, что при всей гениальности тов. Ленина он не мог разбить своими работами конца прошлого и начала этого столетия «организационно-производственную школу», оформившуюся в последнее десятилетие. Однако, доля правды в замечании проф. Балашова, несомненно, есть: тов. Ленин глубоким анализом цифр и исторических фактов стер с лица земли народнические аргументы и иллюзии, вместе с тем больно ударил своими работами по неонародникам, воспринявшим многое у народников. Но это не то, что говорит проф. Балашов.

[2]) Стр. 7.

Проф. Балашов придает большое значение системам сельского хозяйства: «составляя основу с.-х. районирования, вопрос о системах сельского хозяйства является центральным моментом теории его организации, (стиль! «Под'езжая к станции, у меня слетела шляпа». *А. С.*), ибо только от системы хозяйства можно исходить при определении общих оснований организационного уклада с.-х. района и входящих в него отдельных хозяйственных единиц» (20). С другой стороны, систему сельского хозяйства автор увязывает с формой с.-х. производства: «Наша схема есть попытка... наметить организационно-производственные формы с.-х. предприятия, увязав между собою, во-первых, эволюцию техники, как первоосновы с.-х. производства (системы хозяйства с формами хозяйства)» (39).

Таким образом, теоретический анализ проблемы организации сельского хозяйства исходит из следующей логической схемы: 1) с.-х. район, изучение коего связано с анализом систем хозяйства и 2) форма с.-х. производства. Что же подразумевает автор под системой хозяйства? «Системой сельского хозяйства называется количественное и качественное сочетание отраслей, определяющее место хозяйства в процессе эволюции техники (интенсивность) с.-х. производства в пространстве (в разных районах) и во времени (в разные периоды)» (35).

И «под формой с.-х. производства следует подразумевать «внешнюю сторону с.-х. предприятия, определяющую устройство участвующих в производстве лиц между собой и к орудиям производства» (Стиль! «Устройство лиц» «к орудиям пр-ва») (21—22). Первая формулировка заимствована автором у проф. Людоговского, вторая у проф. Чупрова, А. И., понятие которых проф. Балашов несколько расширил.

Приведенными цитатами мы хотим показать читателю, каким путем в конечном итоге проф. Балашов теоретически претворяет проблему организации с. х. и практически увязывает социально-экономические группы с анализом систем хозяйства. Определением формы с.-х. производства, очевидно, автор устанавливает историческую роль и социально-экономическую природу отдельных предприятий. «Определение конкретно предусматривает... исторические формы—рыночные, материальные, крепостнические, капиталистические хозяйства... и формы отдельной хозяйственной единицы—хозяйство наемным трудом, трудовые и единоличные и коллективные помещичьи и крестьянские, совхозы и проч.» (22). Здесь проф. Балашов, не отставая от буржуазных ученых, погнался за «универсальной формулой», пригодной ко всем историческим этапам развития земледелия и приложимой ко всем формам с.-х. производства в ущерб углубленному уяснению социально-экономических типов и той их роли, которую они приобретают в анализе производственных типов хозяйства.

Отсюда аспект дифференциальных групп хозяйства в анализе центральных пунктов с. х. отодвигается на задний план, но благодаря этому проблема решается неверно. Не осознав до конца сущность расслоения крестьянского хозяйства в учении об организации хозяйства, проф. Балашов смазал кардинальнейшие вопросы этого предмета. С другой стороны, находясь под «влиянием» работ тов. Ленина, которые проф. Балашов постоянно цитирует, он принципиально пытается отстоять «марксистскую» точку зрения: только через призму социально-экономических групп, он предполагает вырешить вопросы с. х., придавая громадное значение «севообороту», который, по мнению автора, является реальным выражением системы хозяйства. Проф. Балашов отыскивает «социальные моменты» в севообороте. «После знаменитого спора,—читаем мы,—о преимуществах и природе разных форм хозяйств, после работ В. И. Ленина о расслоении крестьянства, после... Октябрьской революции—говорить о необходимости особой мерки для хозяйства каждой со-

циальной группы населения не приходится... На юге стало обычным... что зажиточные группы села при проведении общественного севооборота предпочитают оставлять побольше толочных и выгонных земель, а в самом севообороте побольше земли пускать под пар и озимые хлеба, тогда как маломощные хозяйства тянутся к более интенсивным севооборотам с широкими пропашными клиньями вместо пара... Этим самым признается строить отдельные севообороты для отстающих групп и... наиболее удачно разрешать вопрос о социальном моменте в севообороте». Проф. Балашов всюду подчеркивает свою солидарность с оценкой эволюции с. х. в России, данной т. Лениным. Поэтому не только теоретически, но практически в узких вопросах организации хозяйства полеводства, автор пытается исходить из социальных групп, предлагая вводить различные севообороты в различных социальных группах, именно такие севообороты, к которым тяготеют дифференциальные группы хозяйства.

Разумеется, подобная мера в отдельных районах степной и лесостепной полосы может быть и целесообразной. Но это мероприятие не исчерпывает вопросов организации хозяйства в различных социальных группах и для большинства губерний совсем не имеет кардинального значения. Далее, усматривая в севооборотах «социальные элементы» и развивая эту идею на 30 стр., автор впал в методологическую ошибку: центр тяжести теоретического анализа производственных типов хозяйства в аспекте социально-экономических групп он перенес в плоскость изучения роли и практического значения севооборотов крестьянства в хозяйстве.

Что касается найденных проф. Балашовым «социальных элементов в севообороте, так мы склонны отнести это открытие к «сверхсоциальной фантазии» автора. Правда, проф. Балашов в другом месте ставит вопрос об организации хозяйства шире: «севообороты, а вместе с ними и системы отраслей всего хозяйства в целом,—пишет автор,—т.-е. вся техника хозяйства неразрывно связана с его социальной сущностью» (54). «От сельскохозяйственного района вообще анализ переносится на социальные группы хозяйства, с целью определения организационных уклонов, что должно определять и уклон об'екта работы организатора, т.-е. организуемых с.-х. предприятий или их группы» (161). С этим положением можно было бы согласиться, если бы, во-первых, в нем была марксистская ясность, во-вторых, подобные соображения автора не носили бы случайного характера.

Развивая свою мысль, автор приходит к таким выводам: «С изменением хозяйства возрастает их трудоинтенсивность» (!) (54). «Отысканием оптимальной трудоинтенсивности хозяйства в гармоническом сочетании с капиталоинтенсивностью (!!!) (стр. 87). «Трудоинтенсивность» и «капиталоинтенсивность»—абсурдные понятия с марксистской точки зрения. Они покоятся на путанице вокруг понятий труда, земли и капитала.

Проф. Балашов пытается с точки зрения диалектического материализма критиковать теории, об'ясняющие локализацию с. х. (смена производственных типов хозяйства) «плотностью» населения или «законом» падающей производительности последующей затраты. Но автор совсем «не заметил» упрощенной и ложной трактовки буржуазными учеными категории труда, земли и капитала, благодаря чему они смазывают диалектическое взаимодействие общества с природой и взаимоотношений классов внутри самого общества. Обо всем этом автор умолчал. Рассмотреть труд, землю и капитал в свете марксистской концепции—это значит отмести буржуазную теорию. Но работа эта, как видно, не по силам проф. Балашову, раз в основных вопросах он органически связан с ней.

Буржуазные теоретики усматривают в индивидуальных предприятиях высший критерий, олицетворение с.-х. производства в целом, через которое преломляются задачи и методы организации хозяйства. Процесс производства в земледелии и способы, регулирующие его на предмет добывания продуктов земледелия с наибольшей прибылью, они рассматривают под углом зрения «пресловутой триады»: труда, земли и капитала, ставя в один ряд эти понятия. Вместо того, чтобы подойти к организации с. х., как к диалектическому процессу, совершающемуся между обществом и природой, который в самом обществе принимает классовые формы, вследствие чего идет непрерывный процесс расслоения крестьянского хозяйства, буржуазные ученые заняты «соединением труда, земли и капитала», так сказать, в одну «равнодействующую силу» с целью извлечения максимального дохода из земледелия; они не различают этих факторов, раз они не видят классовых отношений в с.-х. производстве. Смешение экономических категорий (труда, земли и капитала) с техническими понятиями—методологически неверный и теоретически глубоко ошибочный прием, благодаря которому за закономерностью вещных отношений скрываются производственные отношения, а бросающиеся в глаза внешне-экономические категории делаются вечными.

Клятвы о диалектическом методе не мешают автору повторять неверные положения и выводы буржуазных ученых. Диалектика проф. Балашовым не совсем усвоена.

Особенно важно подчеркивать сейчас значение диалектического метода в изучении с. х. потому, что многие из молодых марксистов утверждают, что сельское хозяйство развивается эволюционно. Поэтому мы рассмотрим положения Балашова в этой связи несколько подробнее. Проф. Балашов в отдельных случаях правильно возражает, например, Скворцову, Бруцкусу, Бажаеву, Кожанову и другим, но нельзя согласиться с ним в следующем: «Челинцев теоретически правильно наметил,—пишет проф. Балашов,—необходимость эволюционного подхода, но не нашел соответствующей техники районирования, установленной затем Кожановым» (стр. 17). Вопрос стоит далеко не так просто, как рисует его автор. Проф. Челинцев конструировал классификацию с.-х. районов на базисе «генетических признаков», рассматривая каждый отдельный район как последующий фазис эволюции сельского хозяйства вне природных условий. С другой стороны, движущим экономическим фактором эволюции сельского хозяйства считал «*плотность населения*».

Кожанов справедливо возразил Челинцеву: «Во-первых, то, что он отрицал причинно-обусловленную зависимость систем производства (стадия) от природных условий и тем самым принял морфологию хозяйства за самодовлеющее начало с.-х. жизни, и во-вторых, то, что он морфологию формы сельского хозяйства рассматривает абстрактно» (стр. 17. Цитируем возражения проф. Балашова).

Следовательно, речь идет не только о технических приемах районирования, но и принципиально-теоретических. Проф. Балашов, против своего желания, защищает проф. Челинцева. Другое дело, что проф. Кожанов, вместе с проф. Челинцевым, глубоко ошибается, признавая «плотность населения» стандартирующими сельскохозяйственными факторами. Анализ динамики сельского хозяйства проф. Кожанова проф. Балашов отрицает и самым решительным образом обвиняет Кожанова в непонимании диалектического материализма: «Принцип антагонистической смены систем сельского хозяйства,—пишет Балашов,—требует больших оговорок: в действительности не существует «чистых форм», надо признать, что

сочетание систем хозяйства далеко не механическое, а глубоко органическое, и что при всем их антагонизме они... находятся в крепкой техническо-организационной связи. Даже и сам антагонизм надо... понимать чрезвычайно условно, ибо сплошь и рядом мы наблюдаем гармоническое сочетание элементов зерновых и скотоводческих систем» (стр. 71).

«В данном случае,—продолжает проф. Балашов,—речь должна итти о возникающей диспропорциональности формы и содержания, качества и количества, а не количественных моментов (систем между собой)». Требование высокой техники в сельскохозяйственном производстве (база), входя в противоречия с формами хозяйства (крепостничество, община, с принудительным трехпольем,—надстройка) сметала последние повсеместно или путем эволюции (?) или в виду бурных революций (Великая французская и наша Октябрьская). Здесь виден яркий пример революционного ниспровержения возникшей дисгармонии и антагонизма между количеством и качеством, базой и надстройкой, новой системой (техникой) производства и его отживающими формами» (17).

Проф. Балашов в отличие от проф. Кожанова понимает диалектический материализм несколько иначе. Однако, пользуясь этим методом в построении организации хозяйства, автор впадает в очевидную ошибку: «...*Сельское хозяйство подвержено неизменно действующему в производстве закону эволюции, постольку по закону диалектики (?) смена старых форм с.-х. производства основана на антагонизме*»... (См. выше. Курсив наш. *А. С.*). Это значит, что непрерывно импульсирующий закон эволюции в с. х. доводит его до определенного пункта, с которого вступает в действие закон диалектики, деформируя пришедшие в противоречие старые формы с.-х. производства с новыми формами. Или, что диалектический закон земледелия вызывается законом эволюции к периодически мгновенным действиям, к одновременным ударам, крушащим старые формы с.-х. производства. Если стать на подобную точку зрения, то придется признать, что антагонистическое развитие с. х. совершается вследствие неослабевающей силы действия закона эволюции (в пространстве и времени) и что в земледельческом производстве закон диалектики оказывается лишним... «требование высокой техники в с.-х. производстве «база», входя в противоречие с формами хозяйства... сметала повсеместно или путем (?) эволюции или в виду бурных революций...» (17).

Вот так диалектика! Проф. Балашов, поставив знак равенства закона эволюции с законом диалектики в с. х., подменил понятие последнего понятием первого. Диалектику автор, повидимому, усматривает *только* в таких фактах, как, напр., Французская и Октябрьская революции. Но ведь и революция есть результат антагонистически-диалектического развития общественных отношений; внутренние противоречия постоянно таятся и вырастают в недрах самого капиталистического общества, прежде чем найти свое разрешение в социальных революциях. Констатировать факты без соответствующего анализа—неблагодарный труд. И просто принципиально неприемлемо «диалектическое» мышление, отождествляющее эволюцию с диалектикой или совершенно игнорирующее диалектическое развитие с. х. Правда, закон диалектики включает в себя закон эволюции, однако, при этом этот последний лишается той окраски, которая обычно ему придается буржуазными и мелкобуржуазными теоретиками. Диалектическое развитие с. х.—это эволюционно-революционное движение и превращение одной с.-х. формы в другую. Противоречия в данной системе с. х., достигнув своего кульминационного пункта, находят разрешение в более совершенной системе земледельческого производства. Однако, во вновь возникшей форме с.-х. производства противоречия не

затухают, наоборот, по мере развития ее, антагонизм нарастает и обостряется, поскольку не ослабевает борьба человека с природой и при совершенствующейся технике.

Проф. Балашов, в противовес проф. Кожанову, в системах хозяйства находит глубоко органическую обусловленность, а не просто механическое сочетание их,—«гармонию» вместо «антагонизма». Автор допускает антагонизм между системой и техникой, но только не между, скажем, зерновой и скотоводческой системами хозяйства. «Смена с.-х. форм производства,—пишет проф. Балашов,—основана на антагонизме, возникающем между системой хозяйства и развивающейся техникой» (стр. 17). Совсем далек от истины проф. Кожанов, сводящий антагонизм с системой хозяйства «к борьбе человека с животным из-за пищи».

Собственно, бездарность этой теории слишком очевидна! Увеличивающаяся плотность населения и соответственно возрастающий спрос на продукты земледелия *фатально толкают человека к регулированию систем хозяйства, к пропорциональному распределению площади под зерновые и кормовые культуры на предмет удовлетворения пищей и человека и животного.* Это ограниченная концепция ближайшей своей целью ставит фальсифицировать классовый антагонизм общества и набрасывает тень на истинные взаимоотношения человека с природой. Здесь отчасти прав проф. Балашов: «...Следует окончательно сдать в архив выцветшую от старости и совершенно изжившую себя точку зрения о конкуренции между человеком и животным из-за пищи, о все возрастающей трудности производства пищи... от которой несет то прахом Мальтуса, то Ломбалля, то Давида» (стр. 37). «Техника вечно прогрессирует, переходя к все более высоким системам производства, разрывая на пути искусственные преграды в виде форм, созданных консервативными господствующими классами, и не следует затушевывать этой диалектически ясной картины...» (стр. 18).

Аргументы Кожанова необходимо отвергнуть, но и соображения Балашова нельзя признать. Само собою понятно, что производство с.-х. продуктов представляет собой органическое сцепление взаимодействующих систем хозяйства. (Правильней было бы сказать взаимодействующих отраслей, вместо систем). Бесспорна внутренняя взаимообусловленность в системах с. х.

Но посмотрите на динамический процесс сельского хозяйства, проф. Балашов, вникните в сущность диалектического развития форм с.-х. производства, вы обнаружите, что в системах хозяйства вместе с так называемой «гармонией» существует постоянный антагонизм.

Сплошной абсурд представляет собой утверждение, что противоречие возникает между системами хозяйства, как таковыми, или утверждение, об'ясняющее это противоречие, исходя из антагонизма «животного с человеком». Точно так же не возникает антагонизма техники с системой хозяйства, взятых *вне деятельности человека.* Известному уровню производительных сил соответствуют определенные производственные отношения в сельском хозяйстве, т.-е. отношение людей друг к другу, стоящих в производстве и воздействующих определенным способом (сочетание средств производства с с.-х. отраслями—«система хозяйства») на естественные силы природы.

Техника в данной исторической фазе общественного производства и в промышленности и в сельском хозяйстве, определяя отношение людей к природе, степень организованности их в обмене веществ между человеком и природой, одновременно определяет отношение людей друг к другу и способ воздействия человека на природу, способ производства (натуральный, товарный, капиталистический). Координация средств

производства с отраслями сельского хозяйства, как рациональный момент земледельческого производства, есть в сущности определенный способ добывания продуктов земледелия, олицетворяющийся в той или иной системе сельского хозяйства. Прогрессирующая техника, вступая в противоречие с производственными отношениями, сметает изжившие себя способы производства и представляющие их классы.

С другой стороны, сельское хозяйство является одной из отраслей совокупного общественного производства, *где вполне мыслима интенсификация и рационализация*, постоянный *переход к наиболее совершенным техническим способам производства—от одной системы к другой в пределах капиталистического* производства, напр., от трехпольной зерновой к животноводческо-зерновой системе, от животноводческо-зерновой к плодосменной и т. д. Другими словами, господствующий способ капиталистического производства в сельском хозяйстве, покоящийся на высасывании прибавочной стоимости, революционизирует технику земледелия. Агрохимия, почвоведение, искусственные удобрения—агротехнические открытия вообще,—меняют непрерывно приемы возделывания почвы, с одной стороны, расширяющееся общественное разделение труда и рыночные связи ведут к специализации земледелия, к смене систем (к типизации) сельского хозяйства—с другой,—все это, вместе взятое, есть результат диалектического развития сельского хозяйства, вытекающий из борьбы человека с природой и внутри общества—между классами. Превращение общественных способов производства и с.-х. форм производства идет диалектическим путем. Но не следует смешивать общественных форм производства, характеризующих собой целые исторические эпохи с техническим способом производства в одной из отраслей всего общественного производства (текстильной, земледельческой, хотя в последней процесс пр—ва функционирует сложнее), где вполне мыслимы революционные перевороты в технике.

Отождествив диалектику с эволюцией, форму индивидуального хозяйства с социально-экономическим типом, систему сельского хозяйства с общественным способом производства в целом, проф. Балашов заблудился в противоречиях и не справился с поставленной задачей—представить «теорию организации хозяйства» в марксистском освещении.

Дальнейшие соображения по поводу затронутых вопросов лежат за пределами этой статьи. Но достаточно и сказанного, чтобы дать оценку «псевдо-марксистским» взглядам проф. Балашова.

Несмотря на то, что везде и всюду автор стремится подчеркнуть свою солидарность с марксизмом, несмотря на то, что кое-где в отдельных вопросах он приближается к истине, книга проф. Балашова переполнена туманными формулировками, вместо диалектической ясности, анализ кардинальнейших проблем организации хозяйства не верен, нет четкой линии раздела между задачей и методом организации индивидуального хозяйства и массового крестьянского хозяйства (этому вопросу мы придаем громадное значение), ни одного слова не сказано об организации сельского хозяйства в советских условиях и т. д. и т. п.

Таким образом, с появлением книги проф. Балашова далеко и далеко не удовлетворена потребность в марксистском пособии.

А. Сивогривов.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 1 МАЯ 9

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП (б)

СОДЕРЖАНИЕ.

1 9 2 7
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

Главлит № 86582. Москва Тираж 85.000 экз.

Тип. изд-ва „Правда“ и „Беднота“. Яузский мост, Серебрянич. наб., д. 23а.

К итогам Всесоюзного С‘езда Советов.

Отличительной чертой, характеризующей работу состоявшегося недавно IV Всесоюзного С’езда Советов, является его необычайный *практически-деловой* характер.

В обстановке усиливающихся тревожных моментов в международных отношениях высший государственный орган СССР продемонстрировал открыто, перед всем миром, что трудящиеся нашей страны охвачены одним страстным желанием и одной волей,—волей к труду, к великой преобразовательной культурно-технической работе, к мирному социалистическому строительству. С’езд Советов всей своей работой показал, как высоко ценят трудящиеся Советского Союза возможности мирного строительства.

Тем с большей тревогой констатировал С’езд Советов, что делу мира угрожают опасности, что вырисовываются угрозы его срыва, что накопляются силы, грозящие ввергнуть сотни и сотни миллионов народа в новые ужасы империалистической бойни.

Трудящиеся капиталистических стран, одурманиваемые ложью буржуазной прессы, треском фраз и потоком «мирных» резолюций, деклараций, комиссий, конференций, морально разоружаемые предательской социал-демократией, не отдают еще себе отчета в сущности международной обстановки нынешнего периода, как *периода подготовки войны* со стороны империалистической буржуазии всех стран. Существует опасность, что рабочий класс буржуазных стран окажется в значительной мере неподготовленным к готовящимся империалистами опасностям. Существует опасность, что оправдаются вещие слова Ленина, сказанные им в инструкции нашей делегации на Гаагской конференции.

Существует опасность, что в рядах рабочих будет большая неясность в вопросе о том, что делать, как реагировать.

Социал-демократы делают все зависящее от них для того, чтобы рабочие пошли снова на поводу у империалистической буржуазии. Рабочие опутываются иллюзиями, что современный капитализм есть мирный капитализм, что Лига Наций устранит военные опасности, укрепит дело мира, что рабочие должны поэтому ее поддерживать.

Сознательные рабочие делают еще не все зависящее от них, чтобы разоблачить кампанию пока еще незавершенной подготовки войны, чтобы разоблачить социал-демократию, чтобы морально, политически и организационно готовить рабочих к грядущим опасностям. Например, явно недооценивается значение палаческой *войны*, ведущейся мировым империализмом против трудящихся Китая, направленной к удушению китайской революции. Между тем, война империалистов против Китая легко может стать исходным пунктом новой чудовищной мировой войны. За это говорит анализ сил, борющихся на арене Китая. За это говорят неслыханные выступления, провоцирующие на войну нашу страну. За это говорит все поведение английского консервативного правительства, возглавляющего усилия империалистов задушить революцию в Китае, сжать военным кордоном страну диктатуры пролетариата. За это говорит неслыханный поход против рабочего класса, в частности, в Англии, в стране «демократии», «культуры», «цивилизации», где поставлены на карту элементарные права рабочих, отвоеванные у буржуазии в течение более чем столетней борьбы.

Поражение великой стачки английских горняков сделалось отправным пунктом для всеобщего похода на английский пролетариат. Прогнозы коммунистов оправдались. Теперь уже речь идет о полном разгроме организованного рабочего движения. И внутри—в наступлении на рабочий класс, и вовне—в политике удушения китайской революции, политике провокации СССР на войну,—чувствуется одна направляющая рука и одна направляющая «идея»: разгромить силы революции, растущие и крепнущие и в самой Англии, и в Китае, и в СССР, обеспечить себе путем новой войны длительную перспективу империалистического господства, обезопасить тыл от возможности наступления рабочего класса.

В этих попытках Англия не остается в единственном числе. Она играет лишь роль *первого* среди империалистических держав, которые систематически готовят войну, бешено вооружаются, расходуют неслыханные средства для нового всемирного побоища, скручивают рабочий класс.

Это еще не осознано пролетариатом буржуазных стран, не прочувствовано с должной необходимостью.

В этот тревожный момент *предупреждающий* голос государственно организованного пролетариата СССР более чем уместен и своевременен. Авангард международного пролетариата выполняет свой долг, поднимая голос в защиту мира, в борьбе против войны, сигнализируя опасности, угрожающие делу трудящихся всего света. Всесоюзный С'езд Советов зовет трудящихся к пробуждению от угара, навеянного лживой буржуазной и социал-демократической пропагандой относительно «мирного» характера нынешнего периода. Он призывает к бдительности, к организации, к отпору военной опасности.

Трудящиеся СССР отдают себе полный отчет в существе империалистических замыслов. Они не питают никаких иллюзий относительно смысла событий, разыгрывающихся и на берегах Ян-Цзы, и на британском острове, и в Пекине, и вокруг СССР. Мы знаем хорошо, что опасность империалистических войн не будет ликвидирована до тех пор, пока не подорван в корне сам империализм. Эта опасность может приближаться, может временно несколько отдаляться, но она будет висеть над головой трудящегося человечества. Наша задача состоит в том, чтобы всеми доступными средствами отдалять эту неминуемую опасность. Чем позже нагрянет эта опасность, тем лучше, ибо время работает на нас: крепче будет СССР, оплот международного пролетариата, больше будет рассеяно иллюзий у трудящихся масс буржуазных стран, больше будет подготовки, больше ясности в понимании исторических задач рабочего класса и конкретных его задач при наступлении той или иной конкретной военной опасности, больше окрепнут силы революции, зреющие и на Западе и на Востоке, больше ослабнут силы империализма.

Международная политика, политика мира, ведущаяся СССР, встретила поэтому полное одобрение со стороны верховного государственного органа СССР—Всесоюзного С'езда Советов.

Это не значит, что мы позволим взять себя голыми руками, если империалисты все-таки сорвут мир, затеют новую интервенцию. С'езд Советов, подтвердив «неуклонную волю народов Союза ССР к сохранению мирных дружественных отношений со всеми государствами», вместе с тем заявляет, что «всякая попытка нового вооруженного нападения встретит могучий и сокрушительный отпор со стороны трудящихся Советского Союза», что «в грозный час военной опасности крепко спаянные, вооруженные силы Красной армии и флота вместе с многомиллионными рабоче-крестьянскими массами грудью встанут на защиту социалистического отечества».

Будем думать, что этот внушительный голос С'езда Советов, отражающий волю всего трудящегося населения нашей страны, хоть немного послужит делу удлинения того периода «передышки», который мы интенсивно используем для выполнения наших положительных задач по социалистическому строительству, по индустриализации страны, по кооперированию крестьянства, по улучшению культурных и материальных условий существования трудящихся. На задачи положительного строительства и обращено сейчас главное внимание рабочих и крестьян, несмотря на всю их настороженность по отношению к международной обстановке.

Этот упор внимания нашел полное отражение в работах Всесоюзного С'езда Советов. Самый подход к вопросам внутреннего строительства на С'езде Советов отличался углубленной деловитостью и практичностью.

Основные вехи нашего строительства к моменту С'езда выявились уже с достаточной определенностью; на большие, принципиальные вопросы строительства социализма, требовавшие своего разрешения в практике нашей работы, даны ясные ответы. С'езд принял эти ответы, единодушно их одобрил. Одобрил потому, что ответы даны в духе ленинизма. Одобрил потому, что эти ответы получили уже достаточную практическую проверку.

Два года, отделящие четвертый С'езд Советов от третьего, дали для этой проверки чрезвычайно большой материал. Промежуток времени между с'ездами характеризовался необычайным богатством содержания, богатством практического опыта. IV С'езд Советов, можно сказать, завершил целую полосу в области хозяйственного строительства, а именно: в течение двух лет мы совершали переход от восстановления к реконструкции. И мы его совершили в основном. В основном период восстановления остается позади. Мы уже—в гуще реконструктивной работы. По основным линиям нашего хозяйства перед нами уже перестает маячить пресловутый «довоенный уровень» в качестве отдаленной, трудно достижимой цели.

Нельзя сказать, чтобы этот переход к реконструкции мы совершили гладко, без толчков, без искривлений, без ошибок, без просчетов. Ошибки и просчеты были. В частности, почти весь 1925—26 год наше хозяйство ощущало последствия просчетов. С'езд Советов это мужественно признал, отметив вместе с тем ликвидацию большей части этих последствий (колебания червонца, пассивный баланс по внешней торговле, ошибки в ходе хлебозаготовок и т. д.) в текущем году.

Корень ошибки состоял в том, что был взят «восстановительный» темп, в то время как страна уже к тому времени явно вступила в реконструктивный период, отличающийся по необходимости меньшим темпом развития, некоторой сдержанностью развертывания. Заслуживает быть отмеченным тот факт, что и этот, более сдержанный, темп нашего роста чрезвычайно выгодно отличается от темпов роста, отмеченных в крупнейших странах капитализма даже в периоды их интенсивного развития, при чем далеко не самые оптимистические расчеты показывают, что превосходство темпа мы в состоянии удержать и впредь.

Конечно, от ошибок и просчетов мы не гарантированы и впредь. Но поскольку ошибки и просчеты могут происходить от недостатка нашего хозяйственного опыта—а просчеты 1925—1926 года об'яснялись, несомненно, этим—самый масштаб ошибок должен будет уменьшаться. Доклады и прения на С'езде Советов показали как раз необычайно возросший опыт хозяйственной работы, суммированный в постановлениях С'езда.

Опыт капитального строительства предыдущих лет, опыт пропорционально-соотносительного развертывания различных отраслей промышленности, сельского хозяйства и всего народного хозяйства в целом, опыт по накоплению необходимых средств, опыт рационализаторской работы, опыт регулирования товарооборота—внутреннего и внешнего,—регулирования цен, денежного обращения, регулирования процессов сложного взаимодействия города и деревни, общественно-экономических процессов, развивающихся в деревне, опыт регулирования частного капитала, и т. д. и т. п.—этот опыт, накопившийся в особенности за последние годы нашей работы, нашел то или иное, более или менее полное отражение в решениях С'езда Советов в виде целой серии чрезвычайно конкретных, чрезвычайно практических деловых указаний, директив, констатаций, на ряду с полным одобрением принципиальной установки советской власти в вопросах борьбы социализма и капитализма, в вопросах связи города с деревней, в вопросах индустриализации и т. д.

Наш хозяйственный опыт все более и более дробится, расщепляется по руслу множества и множества конкретных задач. На основе такого конкретно проделанного, продуманного, прочувствованного опыта составляются более общие указания, вносящие коррективы, уточнения в первоначальные представления. Необходимо отметить значительно больший реализм в наших теперешних годовых плановых предположениях, все в большей и большей мере превращающихся в подлинный сгусток практически проделанного опыта.

Теперь наша задача уже выходит за пределы годовых предположений. Все настойчивее и настойчивее вырисовывается необходимость в пятилетней ориентировке, в значительной мере могущей предупредить ошибки, неправильности и случайности годовых ориентировочных планов.

Задача выработки пятилеток встает впервые, как необходимая практическая задача. Опыта такой работы у нас еще нет. Такой опыт нам придется проделать впервые. Это значит, что возможны те или иные ошибки. Это значит, что все силы должны быть привлечены к выработке, обсуждению и критике первого опыта по составлению пятилетней ориентировки,—к критике на основе установленных и принятых нами теоретических положений, и на основе богатейшего практического опыта. С'езд Советов возложил на правительство «обязанность в кратчайший срок выработать пятилетний план развития народного хозяйства СССР», и эта директива должна быть выполнена. Уже контрольные цифры и оперативные планы на 1927—28 год долж-

ны получить опору в более или менее ясных представлениях о наших хозяйственных перспективах на предстоящее пятилетие.

Останавливаясь на вопросах промышленности, отметим, что С'езд Советов констатировал:

расширение производства за пределы довоенных норм, что привело к более полному удовлетворению населения предметами потребления и ослаблению товарного голода;

вовлечение в промышленность сотен тысяч новых рабочих рук при дальнейшем росте заработной платы;

планомерное осуществление плана электрификации страны;

более быстрое развитие тяжелой индустрии и более высокий темп развития производства средств производства;

повышение удельного веса промышленной продукции во всей продукции народного хозяйства;

повышение удельного веса обобществленного сектора и оттеснение позиций частного капитала;

усиление накоплений внутри самой промышленности путем рационализации хозяйства;

усиление значения госпромышленности в индустриализации с.-х.

И т. д.

Практические указания С'езда относятся ко всем важным и актуальным вопросам нашей промышленности. Трудно назвать какой-либо важный для страны вопрос промышленности, по которому правительство не получило бы директив. Вопросы энергетической базы, производства средств производства вообще, машиностроения, цветной металлургии, в частности,—вопросы накопления и его перераспределения в интересах индустриализации, вопросы капитальных вложений, нового строительства в частности, вопросы рационализации производства, его стандартизации, понижения себестоимости, отпускных и розничных цен на промтовары, вопросы местной и мелкой промышленности, сырьевой базы, участия рабочих масс и инженерно-научно-технических сил, улучшения их материального положения,—вот далеко и далеко неполный перечень вопросов, отразившихся в решении С'езда.

Не меньшей практичностью отличаются постановления С'езда в области сельского хозяйства. Основной принцип в нашей политике по отношению к сельскому хозяйству—обеспечение победы социализма в деревне—получил самую пространную детализацию.

Характерно то, что эти детальнейшие дерективы даны С'ездом после признания того, что «поручения данные правительству III С'ездом Советов Союза ССР, за минувшие два года уже в значительной мере выполнены». Речь идет относительно решений III С'езда о землеустройстве, кредите на него, передаче

крестьянам государственного земельного фонда, лесов местного значения, о затратах на реорганизацию сельского хозяйства засушливых районов и Центрально-Черноземной полосы, об укреплении сети с.-х. кредита, с.-х. кооперации, льготной помощи бедноте, о налоге, переселении, семссуде и т. д.

Отрадно отметить, что практическая борьба за строительство социализма сняла разговоры о якобы существующем противоречии между промышленностью и сельским хозяйством. И рабочие и крестьяне усвоили твердо положение об органической связи между развитием промышленности и развитием сельского хозяйства. Тем самым внимание С'езда не отвлекалось от выработки *насущных практических* директив в области народного хозяйства. Директивы выработаны ясные, понятные каждому трудящемуся и вселяющие в каждого трудящегося непоколебимую уверенность в том, что мы нашу страну из состояния нищеты и отсталости выведем и социализм построим, если этому не помешает новая интервенция.

IV С'езд Советов собрался после активно проведенной кампании по перевыборам советов, после длительной и значительной работы по оживлению советов. В этой кампании и в этой будничной работе массы практически проверяют курс нашей политики и активно участвуют в его проведении. В строительство социализма вовлечены самые широкие массы. Система советов действительно превращается в подлинную лабораторию, где выдвигаются новые слои рабочего класса и крестьянства, где активное участие принимают сотни и сотни тысяч трудящихся. Тем отраднее констатировать, что политика советского государства, направляемого нашей партией, снова получила от этих миллионных масс, проверявших политику на повседневном своем опыте, полное безоговорочное признание.

Б. Борилин.

О социал-демократической „критике" империализма.

I.

Две черты характерны для реформистской критики империализма. Первая состоит в мелкобуржуазной оппозиции империализму, в борьбе за то, чтобы вернуть историю назад, возвратиться к прежним «мирным», доимпериалистическим порядкам, когда «легче» жилось и обострение противоречий не достигло такого напряжения. «Разрыв с марксизмом со стороны Каутского и широкого интернационального каутскианства,—писал Ленин,—состоит именно в том, что Каутский не только не позаботился—не сумел противопоставить себя этой мелкобуржуазной, реформистской, экономически в основе своей реакционной оппозиции, а, напротив, слился с ней практически» (Ленин, т. XIII, стр. 323).

Вторая черта, связанная с первой, сводится к затушевыванию самых основных и глубоких противоречий империализма. Подобно буржуазным политикам и ученым, реформисты замазывают «полное господство империализма и его глубокие корни, стараясь выдвинуть на первый план частности и второстепенные подробности, усиливаясь отвлечь внимание от существенного совершенно несерьезными проектами «реформ», в роде полицейского надзора за трестами или банками и т. п.» (там же, стр. 322). «Отговориться от существующих противоречий, забыть самые важные из них, вместо вскрытия всей глубины противоречий—вот теория Каутского» (там же, стр. 309).

По этим двум линиям очень выпукло обнаруживается действительный характер всей социал-демократической критики империализма.

Почему критика империализма с точки зрения принципов «свободной конкуренции» и «мирной демократии», выставление требования восстановления свободы торговли и «ультра-империализма» представляют наиболее вредный реформистский обман? Потому, что и свобода торговли и мирная демократия в эпоху империализма стали уже пройденным этапом, реакционным, неосуществимым идеалом. Монополии уже родились именно из свободной конкуренции. Из экономического «мирного» соревнования уже выросли методы насильственной военной борьбы, применение силы органически связано с монополией. Вопрос стоит так, что бороться с войнами, с политикой трестов и банков, не затрагивая самых основ экономики трестов и банков, нельзя. Это значило бы стать на путь буржуазного реформизма и пацифизма, на путь «добреньких и невинных благопожеланий».

Оппортунисты критиковали империализм за его стремление к захвату колоний и внешних рынков, вместо того, чтобы заботиться о внутреннем рынке, о развитии собственного земледелия и росте заработной платы рабочего класса. Почему бы ему (империализму), дескать, и в самом деле не отказаться от колониальных грабежей и не заняться поднятием материального благосостояния собственных масс населения? Но где же, «кроме, как в фантазии реформистов, существуют тресты, способные заботиться о положении масс, вместо завоевания колоний?» (Ленин, т. XIII, стр. 301).

Разве не величайшей изменой марксизму является обманывание рабочего класса, будто бы действительный отказ от колоний и действительный под'ем благосостояния масс возможен при империалистическом капитализме? «Разумеется, если бы капитализм мог развивать земледелие, которое теперь повсюду страшно отстало от промышленности, если бы он мог поднять жизненный уровень масс населения, который повсюду остается, несмотря на головокружительный технический прогресс, полуголодным и нищенским... И такой «довод» сплошь да рядом выдвигается мелкобуржуазными критиками капитализма. Но тогда капитализм не был бы капитализмом, ибо и неравномерность развития и полуголодный уровень жизни масс суть коренные, неизбежные условия и предпосылки этого способа производства. Пока капитализм остается капитализмом, избыток капитала обращается не на повышение уровня жизни масс в данной стране, ибо это было бы понижением прибыли капиталистов, а на повышение прибыли путем вывоза капитала за границу, в отсталые страны» (Ленин, т. XIII, стр. 284—285).

Самое безжалостное развернутое разоблачение реформистской критики империализма, открытая борьба с ней, как с замаскированной защитой империализма, стали важнейшим условием успешной борьбы рабочего класса особенно с того момента, когда империалистическая война поставила в порядок дня «*немедленную* пропаганду и подготовку революционных действий» для ниспровержения империализма. С этого момента именно реформистская, построенная на иезуитской критике империализма теория Каутского и К° стала наиболее опасной. Именно она, а не грубо апологетическая теория, в роде той, которую, например, во время империалистической войны проповедывали Ленч, Плеханов, Кунов. Открытый оппортунизм сразу отталкивает от себя рабочую массу. Но теория «золотой середины», марксистскими словечками оправдывающая оппортунистическую практику, на словах критикующая империализм, проповедующая социализм и революционность, а на деле затушевывающая основные противоречия империализма, доказывающая рядом софизмов несвоевременность и ненужность революционных действий, стала особенно опасна. Ее распространение в рабочей среде, непонимание ее действительного существа означало бы полное разоружение рабочего класса, присоединение к буржуазии в момент всякого серьезного кризиса. Правильность этого положения доказана всей историей предательства социал-демократических партий в самые решающие моменты революционной борьбы со времени империалистической войны. Революционная эпоха, в которую вступил социализм со времени империалистической войны требует обязательной и решительной победы над реформистскими течениями

в рабочем классе. Для этого требуется прежде всего решительная победа в деле разоблачения истинного характера реформистской критики империализма.

Ленин писал в свое время (в 1915 году), что история поставила перед всеми социалистами альтернативу: «Присоединение к империалистическому грабежу и обману или проповедь и подготовка революционных действий». (т. XIII, стр. 161). Либо—либо. Иного пути нет. Генеральный водораздел в рабочем классе идет именно по этой линии. Либо присоединение к империалистическому грабежу и обману под флагом реформистской критики империализма, либо действительная критика его, означающая действительную подготовку его революционного ниспровержения.

II.

После войны во всех странах концентрация капиталов и рост монополий сделали огромный шаг вперед.

Американский капитализм вырос в колоссальную монополистическую мировую силу. Американские тресты, в буквальном смысле слова, не имеют «себе равных» по размерам капиталов, по мощи производственного аппарата. Приведем несколько примеров [1]). Американский стальной трест—United Steel Corporation—обладает капиталом в 4 мрд. дол., имеет 147 заводов, 500 доменных печей, 276.000 рабочих. Такой же капитал имеет и американская телефонная и телеграфная компания—American Telephone and Telegraph C⁰,—контролирующая расстояние в 600.000 клм., с общим числом служащих в 275.000. Американский нефтяной трест—Standard Oil C⁰—имеет капитал, равный 1 мрд. дол. Известный конкурент Форда—General Motors Corporation—также обладает капиталом в 1 мрд. дол.

Мы привели несколько гигантов американской промышленности. Целый ряд трестов имеет «более мелкие» капиталы в 800—700—500 млн. дол.

Что происходит в области концентрации и монополий в послевоенной Европе?

Почти не прекращающийся чудовищный процесс концентрации, слияний, картелирования характерен для германского капитализма. По данным германской статистики [2]), представленным недавно германскому рейхстагу, к концу 1926 года из 12.392 учтенных обществ с акционерным капиталом, равным в сумме 20,3 милрд. марок, около $^2/_3$ концернировано. Таким образом, только около $^1/_3$ всех обществ не об'единено в каких-нибудь концернах. О степени концентрации капиталов можно судить по тому, что два общества—химический и калийный тресты—обладают капиталом в 2 милрд. марок. В угольном производстве осталось неконцернированными только $10^0/_0$ акционерных обществ. В калийной индустрии вовсе нет обществ, не входящих в концерн. В химической индустрии об'единено в концернах $82,7^0/_0$ крупных предприятий. В красочной индустрии из 81 общества с капиталом в 1.147 милл. марок $96,3^0/_0$ концернировано. При этом 9 обществ обладают капиталом в 1.105 милл. марок и т. д. и т. п. Германия не является единственной страной в Европе, идущей дальше по пути развития монополий. «Отсталая» Англия вынуждена под угрозой окончательного выхода из строя распрощаться с прославленным духом «индивидуализма» и «свободной конкуренции». Об этом говорит, напр., недавнее образование английского химического треста, по размерам капитала равного германскому.

Совершенно несомненно, что процесс «стабилизации» во Франции и Италии скоро тоже «ознаменуется» рядом подобных фактов.

Мы привели все эти данные для того, чтобы характеризовать, какие гигантские размеры принимает и примет монополия капиталистического производства в руках частнокапиталистических групп в послевоенном империализме. Германская социал-демократическая газета «Форвертс» вынуждена прямо признать, например, что «в основе совсем немного тех людей, в руках которых сосредоточено управление хозяйством, и которые используют для этого мощный аппарат концернов и отдельных обществ» (10 февраля 1927 г.).

Монополия частнокапиталистических групп распространяется не только на территории отдельных стран. Послевоенный период уже показал, насколько сильна тенденция к международным монополиям. Известными примерами в этом отношении являются европейский стальной картель, франко-германский калийный синдикат, международный (шведский) спичечный трест, международная монополия производителей искусственного шелка и т. д. О силе европейского стального картеля можно судить по тому, что на его долю падает в 1926 году около $35^0/_0$ всего мирового производства чугуна и $33^0/_0$ мирового производства стали. В последнее время, кроме первоначально вошедших в картель стран, к нему примкнули также Австрия, Венгрия, Чехо-Словакия. По ряду данных успешно ведутся переговоры о присоединении к картелю Польши.

Как относятся социал-демократы к этому дальнейшему росту монополий в современном послевоенном империализме? Видят ли они, что он означает новые возросшие опасности ожесточенной конкуренции между капиталистами, неизбежность новых, более острых столкновений между государствами, небывалое усиление гнета и эксплоатации широких масс населения во всем мире, удушения колоний? Говорят ли они рабочему классу об абсолютной неизбежности при сохранении капитализма новой империалистической войны, угрожающей миру новыми неисчислимыми муками для миллионов людей, новым колоссальным разрушением производительных сил? Как борются они с этими неизбежными последствиями роста капиталистических монополий?

Рабочий класс должен хорошо понять ту позицию, которую в этом вопросе занимают социал-демократы. И это не так просто, как кажется с первого взгляда. Социал-демократические партии не могли бы пользоваться тем еще огромным влиянием в рабочем классе, которое они имеют, если бы они занялись *прямой защитой* империалистов, прямой защитой империалистических войн, прямой защитой картельной политики цен и т. д. Сила социал-

---

[1]) Цифры, характеризующие размеры американских трестов, взяты из «Technik und Wirtschaft» за сентябрь 1926 г.

[2]) Данные статистического сборника «Denkschrift über Konzerne, Interessengemeinschaften und ähnliche Zusammenschlüsse im Deutschen Reich Ende 1926». Berlin. Нужно иметь в виду, что этой статистикой не охвачен ряд обществ, в том числе, напр., такое «маленькое» предприятие, как германский стальной трест «Vereinigte Stahlwerke» A—G.

демократических партий заключается именно в том, что эта защита производится ими *под флагом критики империализма*, под флагом нападения на империализм. Социал-демократы тоже «критикуют» империализм. Нужно обязательно увидеть в действительном свете их критику для того, чтобы окончательно разбить их влияние в рабочей среде.

Социал-демократические газеты и журналы помещают статьи, «критикующие» империализм. Социал-демократические ораторы произносят программные речи, направленные против «недостатков» империализма. Социал-демократич. партии вырабатывают «планы» конкретной борьбы, предлагают конкретные мероприятия для упразднения «темных пятен» империалистической системы. Социал-демократические партии не чувствуют недостатка в «умелой», конкретно-построенной пропаганде и агитации за осуществление отдельных требований. Все это делают социал-демократы. И основная проблема в борьбе с социал-демократией заключается в обнаружении под маской фраз, речей и статей «против» империализма буржуазно-империалистического существа социал-демократии.

Социал-демократы требуют общественного контроля над трестами. Это то, что дает силу агитации социал-демократов, видимость борьбы за интересы рабочего класса. Было бы ошибкой, если бы мы этой агитации не противопоставили нашей конкретной агитации за ограничение гнета картелей, наших конкретных мероприятий по организации большей публичности действий трестов и т. д. Ибо коммунисты не могут быть против мелких требований, осуществимых и в рамках капитализма.

Но критика социал-демократов и коммунистов коренным образом различается. Здесь как раз и «зарыта собака».

Социал-демократическая критика *ничем* принципиально не отличается от критики мелкобуржуазной, реакционной по существу, демократической оппозиции трестам. И мелкобуржуазная и социал-демократическая критика сводится исключительно к критике «недостатков» политики трестов, без критики и борьбы, направленных против основ трестов и империализма вообще. И одни и другие хотят ликвидировать «извращения» в системе, не борясь против самой системы. И те и другие критикуют второстепенные противоречия империализма и трестов, не нападая на основные, глубокие противоречия. И те и другие хотят только реформировать империализм, сгладить противоречия. И те и другие рассчитывают на возможность мирной переделки империализма, постепенной ликвидации конкуренции и коммерческой тайны, национализации трестов, превращения их в подчиненные обществу организации. Именно на этом основана «идеология и практика антитрестовского движения», имеющая распространение в мелкобуржуазной среде Соед. Штатов Сев. Америки, и которую германские социал-демократы надеются привить и в Европе [1]).

Эта принципиальная основа всей критики и борьбы против империализма отличает ее решительно от нашей коммунистической критики. Нельзя действительно критиковать империализма, не критикуя его основ, обходя его основные противоречия.

---

[1]) См. Georg Decker.—«Ideologie und Praxis der Trustbekämpfung», «Gesellschaft». Juni 1926 г.

Нельзя итти дальше путем невинных пожеланий притупления противоречий, созданных существом общественного строя. Нужно и можно итти вперед только через обострение противоречий, дальше через империализм, углубляя и распространяя борьбу против самых основ империализма.

Не рискуем ли мы такой принципиальной установкой, таким принципиальным различением нашей и «их» критики империализма установить своеобразное «разделение труда», при котором нам останется «общая», «принципиальная» критика, а «им»— борьба против конкретных недостатков империализма, борьба за удовлетворение насущных нужд рабочего класса? Нам—«возвышенная теория», «им»—реальная, понятная защита интересов рабочего класса? Не останемся ли мы в нашей агитации и пропаганде в рамках голого противопоставления империализма социализму, принципиально правильного, но практически, «сегодня» ничего не говорящего рабочему. По этому поводу Каутский в 1915 году в брошюре «Национальное государство, империалистическое государство и союз государств» писал: «Крайние левые хотят противопоставить неизбежному империализму социализм, т.-е. не только пропаганду его, которую мы в течение полувека противопоставляем всем формам капиталистического господства, а немедленное осуществление социализма. Это кажется очень радикальным, но способно лишь *оттолкнуть всякого*, кто *не верит* в немедленное практическое осуществление социализма, в лагерь империализма».

Однако, это совершенно не убедительно. Во-первых, речь идет (как отвечал Ленин) не о «немедленном практическом осуществлении социализма», а о «*немедленной* пропаганде и подготовке революционных действий» (Ленин, т. XIII, стр. 150). Во-вторых,—и для полосы относительной стабилизации капитализма это особенно существенно—только сочетание борьбы за программу конкретных мелких требований с пропагандой и агитацией за революционные действия с борьбой против основ империализма может иметь успех. Нет и не может быть иного средства осуществления требований, как последовательная революционная борьба рабочих, направленная обязательно и против основ империализма. Только сочетание одного и другого может превратить жалкий ублюдок социал-демократических «реформ» в развернутую программу сегодняшнего дня. Другого не надо.

Радикальное извращение марксизма оппортунистами в том и заключается, что они превратили революционную программу действий рабочего класса, рассчитанную и на «сегодня» и на «завтра» в сумму пожеланий о реформах, этим скатившись в лагерь мещанства и поповщины. Вот как Ленин характеризовал идеологию этих критиков империализма. «Каутский довел марксизм до неслыханного проституирования и превратился в настоящего попа. Поп *уговаривает* капиталистов перейти к мирной демократии—и называет это диалектикой...» «Подай, Господи! Господи помилуй! Что такое филистер?—спрашивал Лассаль и отвечал известным изречение поэта: «Филистер есть пустая кишка, полная страха и надежды, что бог сжалится» (Ленин, т. XIII, стр. 156).

Послевоенный период, сопровождающийся еще более основательным ростом всех характерных для империализма явлений—

монополии, господство финансового капитала, борьба за «сферы влияния» и т. д.,—не принес с собой новой в принципиальном отношении позиции социал-демократии в отношении к монополиям и империализму. Принципиальная позиция осталась прежней. Она только получила более законченное логическое и, если угодно, «эстетическое» оформление и конкретизацию. Если раньше Каутский «уговаривал капиталистов перейти к мирной демократии и называл это диалектикой», то сейчас это превратилось в *«генеральную программу демократизации капитализма»* для социал-демократии всех стран. Если раньше Каутский еще скромно говорил о *«мыслимости»* новой фазы капитализма—ультра-империализма,—то теперь для социал-демократии всех стран это превратилось в убеждение, *в теорию о наступлении организованного капитализма.* Оппортунизм, совершивший позорнейшую измену рабочему классу во время империалистической *войны,* теперь сконструировал программу измены и предательства по отношению к рабочему классу, рассчитав ее на целый исторический период *«мирного»* развития капитализма.

Этим дается и ответ социал-демократии на гигантский рост монополий в послевоенном капитализме. Они, конечно, не против монополии! О, нет! Они не утописты! Они, как «марксисты», считают это развитие неизбежным. Они за монополию! «Частнохозяйственная монополия (речь идет о стальном европейском картеле. *Б. Б.*), говорит германский социал-демократ Виссель на заседании комиссии рейхстага [1]), прокладывает здесь дорогу для планового государственного хозяйства (реплика: «В марксовом смысле?»). Конечно. (Реплика: «Ну, так будьте же рады!» Смех). «В высшей степени антисоциалистические создатели этого картеля,—говорит Рудольф Гильфердинг,—действовали вполне, как *марксистские пропагандисты действия* (!). Несмотря на чисто капиталистический характер картеля, коммунистическая оппозиция не права, так как здесь идет речь о необходимой более высокой ступени развития хозяйства».

Да и нужно ли бороться против основ капиталистических монополий и империализма, когда «историческая неизбежность» сама превращает прежний капитализм в капитализм «организованный»? Зачем бороться против основ капитализма, когда самые основы мирно и благополучно летят в преисподнюю? Ведь предоставить все дело «разуму истории» куда спокойнее, чем вести неприятную революционную борьбу!

Вернер Зомбарт в нижеследующих словах недавно прочитанного в Берлине доклада «Хозяйственная жизнь будущего» ничуть не обидел социал-демократов, когда выразился, что для сторонников «организованного капитализма» уже не имеет никакого значения прежняя борьба против капитализма за социализм. «Характерная черта» эпохи позднего капитализма» (des Spätkapitalismus) заключается, главным образом, в замене смелого предпринимательства капиталиста, *свободной конкуренции* и естественных движущих экономических сил *организованным хозяйством...* Все признаки говорят за то, что эта тенденция все больше

1) Цитированные места из речей Висселя и Гильфердинга взяты из отчета о дебатах по вопросу о европейском «железном пакте» на об'единенном заседании комиссии рейхстага по иностранным и торгово-политическим делам. См. «Франкфуртер Цейтунг» от 24/XI—26 г.

возрастает и усиливается. Тем самым проблема «социализм или капитализм» становится все более *«лишенной смысла»* (см. «Берлинер Тагеблатт» от 5/II—27 г.).

Чего же хотят социал-демократы? Они не борются против основ капитализма. Капитализму еще предстоит, по их мнению, «хорошее плавание» (более высокая ступень развития). Они не критикуют основных противоречий империализма, от них можно «отвлечься». Нет. Социал-демократы хотят очень малого. Они хотят сделать только более «справедливым» управление хозяйством при капитализме, только «демократизировать» его.

С исчерпывающей ясностью и простотой это отношение социал-демократов к новой фазе роста монополий и империализма снова выразил Гильфердинг в своем последнем выступлении по вопросу о кризисе мирового хозяйства на заседании «Ферейна социальной политики» в Вене. Так передает это выступление корреспондент газеты «Франкфуртер Цейтунг»: «Гильфердинг дал ответ (речь идет об оценке мирового хозяйственного кризиса. *Б. Б.*): он стоит на позиции Гармса. Он также не ожидает в результате современного кризиса отмирания капитализма, наоборот, он видит в нем только ступень к новому под'ему капитализма; он видит только одно изменение в этом капиталистическом хозяйстве: оно заключается в тенденции к более организованному хозяйству, в котором огромные концерны охватят отдельные хозяйственные отрасли; и поэтому он считает, что задача состоит в том, чтобы придать капиталистическому хозяйству, которое в изменяющихся формах будет продолжать существовать и в будущем, демократические формы (in demokratische Formen überzuführen)».

Не лишенный остроумия и проницательности корреспондент «Франкфуртер Цейтунг» позволяет себе сделать следующий любопытный комментарий к этой речи «социалиста» Гильфердинга. «К этому, пожалуй, следует прибавить что подобное намерение демократизировать все более могущественные концентрированные силы капиталистического хозяйства (которое, как мы видели, воодушевляет Гильфердинга. *Б. Б.*) не есть, однако, специальность марксистского социализма (eine Spezialität des marxschen Sozialismus) и что поэтому пора было бы ему, вместо того, чтобы вести доктринерский спор из-за доктрины, направить усилия на позитивное проведение этого намерения, совместно с другими, которые стремятся к тому же самому (!). А это было бы, употребляя любимое модное словечко, «структурным изменением» и социализма» (см. «Франкфуртер Цейтунг» от 1/X—26 г.).

Какое очаровательное единодушие!

Если и можно с чем-нибудь не согласиться в этом комментарии буржуазного корреспондента, то только с применением в данном случае термина «структурное изменение», ибо «структурное превращение» социал-демократов из партии революции в партию государственного порядка есть давно совершившийся факт. Официальный отказ социал-демократических партий от социалистической доктрины был бы только формальным изменением, и притом невыгодным для буржуазии. Буржуазия больше всего нуждается в настоящее время именно в сохранении партии, *под прикрытием социалистической доктрины,* защищающей существующий строй под флагом критики империализма и обещаний наступления ультра-империалистской фазы в будущем, охраняющей основы господства буржуазии теперь.

«Все и всякие угнетающие классы,—писал Ленин,—нуждаются для охраны своего господства в двух социальных функциях: в функции палача и в функции попа. Палач должен подавлять протест и возмущение угнетенных, поп должен рисовать им перспективы... смягчения бедствий и жертв, при сохранении классового господства, а тем самым примирять их с этим господством, отваживать их от революционных действий, подрывать их революционное настроение, разрушать их революционную решительность».

Социал-демократия превратила «марксизм в самую отвратительную и тупоумную контрреволюционную теорию, самую грязную поповщину» (Ленин, т. XIII, стр. 156).

III.

Империализм немыслим без войн, насильственных методов борьбы, таможенных битв. Образования монополистических союзов капиталистов, раздел мира делают *эти* способы разрешения конфликтов совершенно неизбежными. Как хорошо в свое время раз'яснял это Гильфердинг в своем «Финансовом капитале»! Теперь иное время, иные песни. Оппортунизм окончательно созрел как контрреволюционная теория, как злейший враг рабочего класса, и окончательно сбросил с себя остатки прошлого марксистского багажа. «Мертвый» больше не хватает «живого». «Живой» проповедует мир, свободную конкуренцию и прекращение таможенных войн.

«Организованный в международном масштабе картель,—говорит Гильфердинг,—может существовать и без таможенных пошлин» [1]). Так оценивает Гильфердинг перспективы в связи с образованием европейского стального картеля.

Подумайте только! Создается крупнейшая капиталистическая монополия европейских производителей стали. Закладывается фундамент грандиозного усиления власти промышленных магнатов на континенте. И как находят нужным на это реагировать социал-демократы? Разговорами о том, что мы «находимся накануне новой хозяйственной эпохи» (речь социал-демократа Перлициуса), что эта новая хозяйственная эпоха принесет с собой конец высоким таможенным пошлинам (Гильфердинг)!

Разве не бесконечно честнее, неизмеримо выше, нежели мнение социалиста Гильфердинга, суждения буржуазных экономистов и политиков, по крайней мере, не скрывающих тех последствий, которые имеет международное картелирование в отношении таможенных пошлин, не скрывающих того, что оно приводит к полному и безраздельному господству трестов и картелей на внутреннем рынке под *двойной защитой* и пошлин и картельного соглашения? Разве, например, не во сто крат честнее откровенно-буржуазный экономист Альфред Швоннер, который прямо говорит, что «Пан-Европа интернациональных картелей (которую хочет вместе с Гильфердингом французский капиталист Лушер! *Б.*) так же, как земля от неба, далека от Пан-Европы снятых таможенных границ (himmelweit entfernt ist)» [2]).

[1]) См. выше отчет о дебатах по вопросу о «железном пакте». «Форвертс» от 23/XI—26 г.

[2]) Alfred Schwonner.—«Ein interntionales Kartellamt». «Magazin der Wirtschaft» от 16/II—26 г.

Выше уже приводилось, с каким восторгом встретили социал-демократы образование европейского стального картеля, и какие надежды на него возлагались. Методы борьбы, таможенных войн сменяются методами соглашения—так прокламировала социал-демократия. Но она хранила глубокое молчание о том, что создание картеля означает новое усиление определенных капиталистических групп, которые его используют для новой борьбы новой конкуренции на рынке с другими группами капиталистов, находящихся и вне и внутри картеля.

Прошло только более полугода со времени образования железного пакта, но уже жизнь показала, насколько лжива и лицемерна была та оценка, которую социал-демократы дали этому пакту. Англия с самого начала видела в картеле серьезную угрозу для себя и отвечала на нее совсем не в стиле переговоров о «мирном» соглашении. «Таймс» заявлял: «Крупным трестам и синдикатам, как американская стальная корпорация, европейский картель или немецкий угольный синдикат, *не удастся* вытеснить английских конкурентов с заокеанских рынков» [1]). А один из английских промышленников так «дружелюбно» возражал против привлечения Англии к соглашению с европейской и германской тяжелой индустрией: «Без сомнения, германская тяжелая индустрия очень охотно пошла бы на соглашение с Англией. Однако, мы, англичане, *все силы употребим* на то, чтобы снова *отвоевать* утерянные рынки» (см. «Франкфуртер Цейтунг» от 27/XI—1926 г.). На этой позиции Англия остается, как известно до сих пор.

Но может быть европейский стальной картель привел к прекращению борьбы между странами, входящими в него? Может быть в этом отношении права социал-демократия? История картеля уже дала на это ответ. Картельное соглашение не могло и не может воспрепятствовать тому, чтобы силы отдельных участников картеля развивались неравномерно, и тому, чтобы по мере изменения соотношения сил между ними периодически разгорались ожесточенные бои за «квоты». Затруднения, которые переживал только недавно стальной картель и которые были связаны с ростом германского производства, перешагнувшим данную ему «квоту», блестяще это подтвердили. Картель не распался, как предсказывали поспешно некоторые; он нашел выход на пути увеличения общей квоты и организации синдикатских об-единений внутри него по отдельным видам продуктов (организация рельсового синдиката, проволочного синдиката и т. д.). Однако, затруднения, пережитые картелем, ярко осветили внутреннюю борьбу в нем, которая ни на одну минуту не прекращается.

В pendant к социал-демократическим чаяниям о наступлении «эры соглашения» в связи с образованием картеля чрезвычайно интересно привести мнение германской буржуазной газеты, которая так писала по поводу возникших в картеле затруднений: «Мы с самого начала предупреждали и потом снова указывали на то, что заключение всякого международного картеля, так же точно, как и национального, не приводит к хозяйственному миру, но что, наоборот, в нем, вместо борьбы за рынок, регулярно

[1]) Цитирую по «Wirtschaftsdienst» от 22/X—26 г.

выступает на сцену борьба за квоты, что здесь мы всегда имеем только на относительно короткое время вооруженный мир (Waffenstillstand), и что по истечении этого срока борьба разражается еще более остро»[1]).

Какой прекрасный ответ «марксисту» Гильфердингу и «иже с ним»!

Социал-демократы не только считают возможными уменьшение и ликвидацию таможенных пошлин, но более того, они считают возможной в рамках капитализма организацию мирного об'единения капиталистов с целью взаимной интернациональной эксплоатации мира. Они верят, что именно в этом направлении развивается хозяйственная история и политика капиталистических государств. Почему бы не образоваться *«Соединенным Штатам Европы»*, а потом и Соединенным Штатам всего мира! С каким удовлетворением встретили социал-демократы известный международный *манифест банкиров!* Разве это не существеннейший шаг к мирным об'единениям в роде Соединенных Штатов Европы! Разве социал-демократы не оказались пионерами в этом движении! Разве не предсказывали они давно «новую ориентацию капитализма»!

«Форвертс» писал: «Манифест следует считать *признаком новой ориентации*, которая утверждается в лагере *капитализма...*» Требования банкирского манифеста совпадают *«с программными требованиями интернационально организованного рабочего класса»*. А Соединенные Штаты Европы—«к ним развивается теперь и с манифестом и без манифеста международная хозяйственная политика». Такое же мнение высказывал и Эггерт, член немецкой делегации на международной экономической конференции, и вся социал-демократическая пресса.

И здесь, в этом вопросе о манифесте банкиров, предлагавшем снятие таможенных перегородок между странами, как полезно с этой сладенькой водицей реформистских фраз сравнить ту оценку, которую этому манифесту дали умные буржуазные политики, в высказываниях которых куда больше правильного понимания отношений между империалистическими государствами! Они не увлекались манифестом. Курт Зингер, которого нельзя обвинить в отсутствии нежности к об'единительным попыткам буржуазии, так писал о манифесте и о его авторах: «Манифест пришел слишком поздно! Семь лет назад подобная демонстрация была бы важным событием». «Где же были эти люди (авторы манифеста. *Б.*), когда вырабатывались условия Версальского договора?» А с тех пор «были созданы бессмысленные хозяйственные границы и под защитой этих границ были воздвигнуты новые производства... Обречь эти производства на смерть было бы равносильно способствованию обострения хозяйственных и социальных кризисов, которые вряд ли были бы безопасны для политической стабилизации государств, особенно вновь образованных».

В этих словах достаточно отчетливо выражены намерения германских капиталистов, вовсе не предполагающих, после расщепления Германии и средней Европы, отказываться от борьбы за отвоевание утерянных германским капитализмом позиций. Все

[1]) «Франкфуртер Цейтунг» от 25/I—27 года.

развитие «оздоровительного» процесса германского капитализма в течение последних лет показывает, с каким усердием германские капиталисты работают над созданием идеально консолидированной *монополистической организации*, отнюдь не брезгующей, конечно, применением методов таможенных пошлин и ограничением свободной конкуренции, о чем мечтают социал-демократы. Так отнеслись в теории и на практике к манифесту банкиров, совпадающему «с программными требованиями социал-демократов», германские капиталисты.

Как отнеслись другие страны к манифесту?

«В Америке манифест еще более укрепил во время избирательной кампании протекционистскую партию республиканцев»,—с сожалением констатирует тот же Зингер[1]). Только недавно «всесильная» Америка не постыдилась увеличить пошлины специально на германское железо, несмотря на буквально мизерную роль германского ввоза на американском железном рынке[2]).

В Англии «манифест увеличил активность империалистов, стремящихся к возможно большему отделению от хозяйственного об'единения с Европой и желающих забаррикадировать себя высокими пошлинами». «Мы уже не говорим,—прибавляет Зингер,—о других странах, представители которых вовсе не дали своих подписей для манифеста»[3]).

Отношение социал-демократии к вопросам, перечисленным выше: процессы национального и международного картелирования, таможенная политика и междугосударственная политика вообще, идея Соединенных Штатов Европы, манифест банкиров,—не может оставить и грана сомнения в том, что вся ориентация социал-демократии в *центральном вопросе* о неизбежности новых войн, подготовляемых послевоенным империализмом, вся политическая и тактическая ее линия в этом вопросе сводится к развернутой широким фронтом работе по дезориентации рабочего класса на случай войны, к работе по подготовке полного политического и идейного разоружения рабочего класса перед лицом готовящих войну империалистических групп. В этом, прежде всего, заключается общественная функция современной социал-демократии. Ей *нужно* распространить убеждение в рабочем классе, что империализм, хотя и имеет «недостатки», но на войны «неспособен». Ей нужно «доказать», что таможенная борьба вовсе не обязательна при империализме. Ей нужно показать, что процессы картелирования создают «новую хозяйственную эпоху». Ей нужно нарисовать приятную картину перехода к широким междугосударственным об'единениям, в роде Соединенных Штатов Европы. Все это с внутренним убеждением, с безусловной преданностью делает социал-демократия. И без всего этого империализму невозможно было бы вести подготовку новых войн.

Всю меру предательства, измены социал-демократов в этом основном вопросе империализма, после опыта империалистической войны, должен во что бы то ни стало понять международный рабочий класс. Он должен понять, что несравненно ближе, чем «социалисты», к марксизму стоят буржуазные писатели, которые заявляют, что при капитализме «путь к хозяйственному об'еди-

[1]) См. «Wirtschaftsdienst» от 29/X—26 г.
[2]) См. «Magazin der Wirtschaft» от 10/II—27 г.
[3]) См. «Wirtschaftsdienst» от 29/X—26 г.

нению нескольких стран может заключаться только в политическом слиянии, которое по правилу может быть достигнуто *только военными средствами*» [1]).

IV.

Чрезвычайно поучительно отношение современной социал-демократии к колониальному и национально-освободительному движению.

Эти движения подрывают господство империализма, угрожают его существованию, обнаруживают одно из самых больных его мест. Ведь империализм не может жить без угнетения отсталых народов, без их монопольной эксплоатации, без получения сверхприбылей. И так как социал-демократия не хочет бороться с основами империализма, так как ее собственный рост основан прежде всего на «успехах» монополистической эксплоатации кучкой держав большинства населения всего мира, то она не может не являться врагом национально-колониальных революций. Отсюда интересная черта в ходе международной революции на данном историческом этапе, которая заключается в том, что революция «вызревает» не в порядке «естественной» очередности передовых и отсталых стран, а наоборот, движется мимо и против европейской социал-демократии, начинаясь с бунтов и восстаний колониально-угнетенных отсталых стран. Социал-демократию, материально и идейно спаянную с господством империалистов, это еще более укрепляет в ее позиции против освободительного национально-колониального движения.

Однако, социал-демократия и эту свою позицию защищает в скрытой форме. Она хочет «приобщения» колониальных народов к «современной цивилизации». Она даже «борется» за это, но борется так, как это делают все мелкобуржуазные демократы, стремящиеся реформировать империализм, облегчить его гнет, *только* при том условии, чтобы не было подорвано его господство, чтобы не были уничтожены его основы.

Английские «социалисты», например, не против «освобождения» колоний. Они не являются противниками поднятия уровня материального существования колониального населения. Наоборот, в этом они видят, как и все реформисты, лучшее средство для смягчения кризиса всего английского капитализма. Но все это только при одном условии, чтобы не пострадал ни материальный, ни моральный престиж английского империализма. И это по двум причинам: во-первых, потому, что «хорошие дела» английского империализма обеспечивают «хорошие дела» английским социалистам, и, во-вторых, потому, что английский империализм исполняет «цивилизаторскую миссию» в колониях.

«Нужно отметить,—пишет «Дейли Геральд»,—что, например, наша торговля с Индией по своим размерам равна сумме 7 шилл. $4^1/_2$ пенса на душу населения. А если было бы возможно поднять уровень жизни индийского крестьянина до такого размера, чтобы он мог тратить на покупку английских товаров всего лишь на полпенса больше в неделю, то наш экспорт возрос бы на сумму в 30 млн. фунт. стерл. в год» [2]). Если бы было возможно это

[1]) Landsburgh Alfred.—«Europäische Zollunion». Die Bank. Februar 1927.

[2]) См. статью «Labour and the Workless» в «Дейли Геральд» от 24/XI—26 г.

осуществить, то, по мнению «Дейли Геральд», это послужило бы немалым средством к уменьшению английской безработицы. Какой «верный рецепт» к упразднению безработицы! Если б было возможно! Но *если бы* было возможно беспрепятственно улучшать положение масс населения в колониях, ко взаимному удовольствию английских империалистов и индийских крестьян, то империализм не был бы империализмом. Этого как раз не хотят и не могут понять английские социалисты, так как в проповеди благочестивых реформ, замазывании истинного существа империализма и заключается их служба английскому империализму.

События в Китае, отношение к ним всей международной социал-демократии, служат классическим примером, подтверждающим такую оценку роли социал-демократии. И английские социалисты и весь II Интернационал—против китайской революции, хотя защищают ее на словах. Они—не против того, чтобы Китай добился «самостоятельности», но такой, чтобы основные интересы империализма не были поколеблены, нарушены. Они готовы защищать китайскую революцию, но обязательно такую, чтобы и империалисты были согласны на нее.

Для характеристики социал-демократической точки зрения в китайском вопросе неоценимый интерес представляет недавняя статья германского социал-демократа Макса Шиппеля, помещенная в мартовском номере ежемесячника «Sozialistische Monatchefte» [1]). Редко можно найти даже в социал-демократической прессе образец более циничной защиты империализма против китайской революции. Шиппель не удовлетворен даже социал-демократической прессой в этом вопросе, так как считает обычно встречающуюся в ней оценку «слишком радикальной».

По мнению Шиппеля, основная ошибка, сплошь да рядом повторяющаяся в оценке таких событий в области внешней политики капиталистических государств, как конфликт Соединенных Штатов Сев. Америки с Никарагуа или китайские события,—заключается в том, что их обыкновенно оценивают, как «нечто неслыханное, сенсационное» (!), в то время как мы имеем в действительности во всех этих случаях «движение по обыкновенной колее, конечно, с некоторыми кратковременными драматическими (!) эпизодами, которые всегда время от времени свойственны каждому такому движению». Ничего сенсационного и экстраординарного в таких «драматических эпизодах» Шиппель не видит потому, что, например, не в первый раз морские войска Сев.-Ам. Соед. Штатов «посещали» Никарагуа. *Тогда* это не удивляло ведь *социалистов!* Почему же это поражает и «возмущает» социалистов теперь? «Войска Соед. Штатов находились в Никарагуа уже с 1912 года, не менее 13 лет, чтобы быть уведенными тогда, когда будет обеспечена упорядоченная (!) государственная жизнь, которую мы, анти-империалистские социалисты, считаем прогрессом по сравнению с хозяйствованием насильственно меняющихся клик (Clickenwirtschaft) и необходимым условием общественного развития вообще». И далее, ведь дело идет о договоре между Соединенными Штатами и Никарагуа на предмет сооружения второго канала, соединяющего Атлантиче-

[1]) Max Schippel.—«Imperialismus und Chinas wirtschaftliche und politische Unabhängigkeit». «Sozialistische Monatschefte». März 1927.

ский и Тихий океаны и имеющего огромное международное значение! Разве в таком вопросе не следует «преодолеть» сопротивление маленького государства? «Ведь и в будущем социалистическом обществе никто не позволит, чтобы международный хозяйственный интерес терпел ущерб из-за сопротивления неоформленного единичного государственного образования; в этой мере «империализм» и на более высокой социалистической ступени жизни народов ни в коем случае не исчезнет, а только примет другие, вероятно, более цивилизованные и национально более терпимые формы».

Ну вот, не видели ли этакую мерзостную, с аргументами от «социалистического империализма», защиту милитаристского нападения Соединенных Штатов на Никарагуа! Можно ли найти более отвратительное зрелище, нежели эта подлая апология, не за страх, а за совесть, германским социалистом американского империализма?

Шиппель продолжает: «Так же обстоит дело и в китайском вопросе, в переговорах Китая с заинтересованными в нем большими державами». И здесь нет ничего «сверхординарного»! И Япония и другие государства когда-то боролись за свою самостоятельность и добились ее «без тяжелых боев с высоко развитыми государствами Европы». «Почему же должно казаться невозможным с точки зрения европейско-американского капитализма аналогичное освобождение Китая? И почему все это не имеет все основания закончиться также установлением более высокой формы междухозяйственных и междугосударственных отношений Китая и др. держав?» Может и должно, по мнению Шиппеля.

Чего добивается Китай и почему так остро стоит вопрос об империалистах в Китае? Вы думаете потому, что глубокие интересы Китая столкнулись с господством империализма? Потому, что Китай был полем всеобщей империалистической эксплоатации? Ничего подобного. Китай хочет,—думает Шиппель,—только двух вещей: свободы таможенной политики и упразднения ликина (внутренних таможенных пошлин), используемых иностранцами. Но эти два требования ни в коей мере не противоречат интересам капиталистических держав. Например, ликин, «все более и более подвергается нападкам не только со стороны растущего чувства самостоятельности у китайцев, но и со стороны европейцев и американцев». Есть еще спорный вопрос о наличии в Китае иностранных военных судов. Но прежде всего «сначала сами китайцы не смотрели враждебно на военные суда иностранцев», и только потом «против воли (!) военные силы иностранцев стали вмешиваться во внутрикитайские споры и беспорядки». А затем, доброжелательное отношение иностранцев к Китаю в этом вопросе, по мнению Шиппеля, легко можно доказать уже «тем знаменательным фактом, что Вашингтонская конференция 1921—22 года поставила в порядок дня вопрос о военной оккупации железнодорожных линий Японией и Россией и о нарушении этим национального суверенитета Китая».

Насколько империализм «добр», насколько он «заинтересован» в освобождении Китая, об этом свидетельствует,—говорит Шиппель,—та «исключительно общая линия на уравнение Китая в правах с другими цивилизованными государствами, которая проводилась империализмом, начиная с Версаля с его далеко идущими, хотя еще только туманными обещаниями, и через Вашингтон с его уже гораздо более определенными предложениями (прежде всего в вопросах об экстерриториальности, судебных приговорах, таможенной автономии). Эта «исключительно общая линия» культурных капиталистических государств, однако, еще не получила своего осуществления. Это признает Шиппель. Но почему?

При «довольно сильном» желании Китая и «всеобщем благоволении» империалистов, такой неожиданный результат может быть об'яснен только какими-нибудь внешними факторами, «третьей силой». Шиппель находит ее. Это Советский Союз. Впрочем для справедливости и полноты следует отметить еще один, выдвигаемый Шиппелем, момент, препятствующий освобождению Китая, это «внутренняя междоусобица» Китая.

«В Вашингтоне предполагали провести постепенную отмену привилегий иностранцев в таможенных делах, в судебных делах в комунальном самоуправлении и в вопросе о присылке военных судов и войск». И если что и препятствовало более быстрой отмене привилегий капиталистических государств, так это то, что «некоторые государственные силы могли бы создать для себя, в случае решительных и скорых уступок Китаю, привилегированное положение другого и более опасного сорта». О ком идет речь? О Германии или Австрии? О другой какой-нибудь капиталистической державе? О, нет. «Это опасение не может быть направлено по адресу Германии, так же точно, как и Австрии, как побежденных государств, лишившихся своих привилегий. Но русская политика благодаря притворному (!) великодушию сумела получить новые козыри в китайской игре. Россия делает при этом, конечно, только то же самое (!), что в начале 90-х годов делала Англия против Японии». Общая политика капиталистических держав давно бы достигла «успехов», которых так жаждет Шиппель, Китай давно бы получил свою «самостоятельность», если бы... большевики и китайские «смутьяны» не помешали этому. «В последних нотах Чемберлена (!),—это нужно сказать без преувеличения, но и без стыда,—это (общее мнение капиталистических держав. *Б. Б.*) получило свое прочное отражение, и согласие в китайском вопросе было бы, вероятно, очень близко, если бы Китай, как партнер в переговорах, представлял ныне единство, и если бы не пропаганда русских большевиков».

Мы позволили себе привести в натуральном виде наиболее «ценные» места статьи Шиппеля. Эта статья достойна этого, так как Шиппель наиболее откровенно высказывается в защиту удушения китайской революции. Эта статья прямо нуждается в распространении и изучении ее рабочими. Основные мысли этой статьи определяют самое существо национально-колониальной политики социал-демократов.

Шиппель в основном и главном видит в политике империалистической эксплоатации колоний и отсталых народов только «полезную цивилизаторскую миссию». Даже социализм проводил бы такую (только без «недоразумений») политику в интересах международнохозяйственных! Терпите, колониальные народы, эту «культурную работу»! И не возмущайтесь, сознательные рабочие Европы и Америки, по поводу некоторых «драматиче-

ских» пунктов в этой эпопее торжества культуры над варварством!

Шиппель уговаривает китайцев (империалисты и без того понимают) понять «общую линию империалистов» на освобождение Китая. Империалисты «только против собственной воли» вмешиваются военной силой во внутренние дела Китая. Империалисты сами хотят упразднить свои привилегии. Пусть усвоят «непонятливые» китайцы, что только отсутствие «внутреннего единства» Китая мешает осуществлению «добрых намерений» иностранцев. Рабочие и крестьяне Китая, не боритесь против милитаристов, ставленников международных империалистов, дайте им возможность «об'единить» Китай! Тогда соглашение будет достигнуто, империализм сумеет провести «общую линию»! А Шиппели сумеют попрежнему служить верой и правдой империализму.

Шиппель только вмешательством «третьей, большевистской силы» может об'яснить «неприятности» в китайском конфликте. Помощь, которую оказывает китайской революции первое в мире пролетарское государство, очень беспокоит Шиппеля. Блок Советского Союза и китайской революции означает слишком большую смертельную опасность для империализма, кормящего своими крохами господ «социалистов». Поэтому большевики оказываются в роли «империалистов», а Остин Чемберлен в роли «друга китайского народа». Пойми, китайский народ, эту «дружбу» Чемберлена, только скрытую за вынужденной борьбой пушками и дредноутами!

Конечно, не все социал-демократы «выражаются» о китайской революции так откровенно, как Шиппель. Но даже лучшие из них не могут ни понять ее, ни стать на действительную защиту ее по той причине, что и то и другое означало бы направление *острия* критики и борьбы социал-демократии *против основ* империализма, чего слишком крепко связанная с империализмом и выдержанно-реформистская партия не может, конечно, позволить себе.

В огромной степени важно, что даже лучшие социал-демократы не способны взглянуть на китайскую революцию иначе, чем на *обыкновенное буржуазно-освободительное движение*, не в состоянии пойти дальше этого в оценке характера китайской революции. Рисуя простую и приятную перспективу вхождения Китая на равных правах с другими в «семью цивилизованных государств», никто из социал-демократов и не подозревает, что это «приятное вхождение» может произойти только на пути *борьбы против империализма* и что это накладывает специфический, особенный отпечаток на китайскую революцию. Последняя не является просто буржуазной революцией, но буржуазной революцией, направленной против империализма. Но никто из социал-демократов не хочет видеть в китайской революции *революционно-колониально-угнетенной империолизмом страны*.

И понятно, почему. Признание этой исторической правды с логической неизбежностью привело бы к «неприятной во всех отношениях» перспективе,—перспективе блока китайской революции с пролетарскими социалистическими революциями, перерастания буржуазной революции в революцию социалистическую.

С другой стороны, из этого признания вытекало бы признание огромных экстраординарных трудностей в ходе китайской революции, что наложило бы слишком тяжелые обязательства на плечи европейской и американской социал-демократии. Поэтому, лучше «спрятаться» от установления действительного характера китайской революции, изобразивши ее, как борьбу против таможенных привилегий и, в худшем случае, как обыкновенную буржуазную революцию, которые бывали не раз в истории, которые не противоречат существу современного капитализма и после которых капитализм чувствует себя еще лучше. Так изображенные колониальные революции не угрожают основам империализма. Такие революции не страшны. Социал-демократия сумеет спокойно пролжать свою работу.

«Национальные и социальные революции, угрожающие (империализму),—пишет Елена Бауэр [1]),—могут нанести тяжелый удар только политике престижа и карьеризму (!), которыми порождается политика экспансии, но не капиталистическому способу производства и обмена, который в своем закономерном развитии больше не связан (!) с колониальными владениями и захватами». «Крах колониального господства Европы не стеснил бы мирового хозяйства, но, наоборот, по всей вероятности, привел бы к наступлению гораздо более высокой ступени развития, так как политические оковы, которые в более раннюю эпоху были верным, хотя жестоким с общественной точки зрения, средством для того, чтобы насильственно включать и тропические (!) страны в мировое хозяйство, теперь прямо тормозят экономическое развитие захваченных областей».

В отдаленные времена «раннего капитализма» злые капиталисты, руководившиеся «политикой престижа и карьеризма» втягивали некультурных жителей тропических стран в круг капиталистической цивилизации. Но нормальный, высоко-развитой капитализм в этом не будет нуждаться. Без колониальных грабежей, без политического угнетения но при обязательном сохранении основ существующего строя, капитализм обеспечит беспрепятственное развитие всем народам!

Какой «глубокий», «марксистский» анализ империализма! Зато разом достигаются две цели: империализм избегает потрясений, а колонии легко «освобождаются». Все к лучшему.

---

[1]) Helene Bauer.—«Akkumulation, Kredit und Imperialismus». «Kampf». April 1927. Wien.

М. Кантор.

Неонародничество в тисках противоречий.

В № 15 «Большевика» за 1925 год была помещена моя статья под заглавием «О друзьях справа», в которой дана была критика кооперативных идей проф. А. В. Чаянова.

Помню, в тот момент Чаянов утверждал, что старые издания его трудов нуждаются в значительной переработке и освежении.

Недавно в издательстве «Книгосоюз» вышла вторым изданием его главная теоретическая работа «Основные идеи и формы организации сельско-хоз. кооперации». На обложке значится, что это—«издание, заново переработанное и дополненное».

Чаянов сдержал слово и заново переработал издание.

Соответственно ожиданиям, мы надеялись в этом «заново» переработанном издании встретить отход Чаянова от старых позиций.

По внешности кое-что от ожидаемого содержится. Чаянов сочувственно цитирует Маркса и Ленина, говорит о коренных изменениях, внесенных советской эпохой в кооперативное движение и т. д.

У нас нет никаких оснований не доверять автору. Напротив, мы склонны считать, что у автора было достаточно оснований для внесения изменений и дополнений, вытекающих из опыта сельской кооперации в условиях пролетарской диктатуры.

Но, конечно, одного желания мало. Начертить стройную систему теории и практики кооперации можно только при наличии совершенно определенной, ясной и точной теоретической установки. В противном случае, неизбежен разрыв или между теорией и практикой (если самая практика отражена верно), или между всей совокупностью теоретических и практических положений, с одной стороны, и живой действительностью, с другой—если неправильная теоретическая концепция логически распространена на всю область практических предложений.

К сожалению, следует признать, что в труде Чаянова имеются в значительном количестве элементы и той и другой формы разрыва.

Но именно—элементы. Полностью никакая из форм разрыва не представлена. По той причине, что Чаянов, прежде всего, эклектик. Неправильные теоретические положения, неверная трактовка тех больших практических вопросов современной кооперации, которые находятся в противоречии с теоретическими взглядами Чаянова и никак не могут быть затушеваны,—вот что представляет позиция Чаянова.

Начнем с теоретической установки. Для уяснения себе теоретической позиции Чаянова необходимо, прежде всего, ознакомиться с его рассуждениями относительно методологии изучения кооперативных проблем. В этой части Чаянов пытается быть оргинальным и «доказывает», что теоретическая мысль не может предшествовать кооперативной практике, а неизбежно следует за последней.

«Отдельные виды кооперативной работы есть только отдельные формы проявления единого существа социального движения, и потому, чтобы ответить на вопрос, с помощью какого социального аппарата крестьянство выполняет необходимые ему кооперативные процессы, как устроен этот аппарат и каковы его двигательные силы, мы должны обратиться к анализу всего крестьянского кооперативного движения в целом, внимательно вдуматься в формы его развития и посмотреть, какие аппараты удается ему создать в различные фазы его эволюции. Такое целостное рассмотрение сельскохозяйственной кооперации особенно важно и необходимо в условиях нашего советского хозяйства, в котором централизованный кооперативный аппарат, входящий в систему планового хозяйства, неизбежно должен рассматриваться как нечто целое и единое».

«Первое, что нас поразит при изучении, это чрезвычайная хаотичность исторического строительства кооперативных форм, малая осознанность в разрешении организационных проблем, выдвигаемых жизнью перед кооперативными организациями...».

«По всей вероятности, все глубокие социальные и экономические преобразования носят именно такой характер стихийного, неудержимого социального потока. По крайней мере, именно такой характер носило развитие капитализма, создавшегося вне разработанного плана организации, без изобретателей и без верховных социальных архитекторов».

Уже в самом введении в теорию кооперации Чаянов явно «переборщил». Стихийность стихийностью, но у этой стихийности имеются свои законы развития. Признает Чаянов эти законы или не признает? Если признает, тогда на его обязанности лежало вскрыть закономерность развития и дать ее также в применении к кооперативному движению.

Чаянов уклоняется от выявления законов экономического развития.

Еще более странным является утверждение Чаянова, будто в разные исторические периоды меняется степень «хвостизма», приписанного им теоретической мысли. При чем дело идет определенно к ухудшению. Были счастливые моменты, когда люди еще кое-что предугадывали, а вот как раз теперь мы вступили в несчастливую полосу:

«Наступил период, когда кооперативная теория поплелась в хвосте кооперативной практики, и ее построения, вместо былого априорного характера, приобрели характер апостериорный».

Апелляция к плановому хозяйству Советской Республики здесь ровно ничего не прибавляет, т. к. у Чаянова не происходит преодоление (в этом мы в дальнейшем еще более убедимся) стихии крестьянского мелкобуржуазного движения пролетарской организацией народного хозяйства, а только намечается компромисс между обеими сторонами, из которых каждая сохраняет свой особый экономический характер: пролетарская промышлен-

ность—как общественное производство, а сельское хозяйство—как индивидуальное производство трудовой крестьянской семьи.

Чаянов утверждает, что для советской власти это самая выгодная из всех возможных комбинаций компромисса. Но в этом позволительно усомниться...

Итоги «методологии»:

Существует стихия крестьянского движения, выдвигающая свой «социальный аппарат», каким является кооперация. Эволюция аппарата, эволюция кооперативных форм не является результатом изменений в общем строе народного хозяйства, а сама кооперация не является продуктом определенного общественного порядка. *Законодателем кооперативного движения оказывается только самодовлеющее начало крестьянского хозяйства.*

Дело выходит на поверку совсем не оригинальным. *Перед нами обычная формула народничества, рассматривающего кооперацию, как производное от имманентных свойств патриархального крестьянского хозяйства.*

Особо обращаем внимание читателя на прокламацию принципов юридического равенства. Ярким образчиком такого юридического употребления методологии в экономических вопросах может служить определение понятия кооперации.

В первом издании Чаянов не дал своего определения кооперативного предприятия. Он ограничился приведением формулировок Туган-Барановского и Пажитнова. Во втором издании Чаянов решил, как он говорит, «не гонясь за краткостью обобщающей формулы», просветить читателя:

«Характерной чертой кооперативного предприятия—то, что оно никогда не может являться самодовлеющим предприятием, имеющим собственные интересы, *лежащие вне интересов создавших его членов* (курсив мой. *М. К.*); это предприятие, обусловливающее своих клиентов, которые являются его хозяевами и строят его управление так, чтобы оно было непосредственно ответственно перед ними и только перед ними».

Достаточно даже беглым образом ознакомиться с определением, чтобы обнаружить сколько в нем наворочено, мягко выражаясь, идеалистической наивности. Неужели кооперативному профессору неведомо, что сплошь и рядом в капиталистическом обществе кооператив не отражает интересов большинства своих членов. Чтобы не быть голословным, напомним Чаянову факт недавнего происхождения, когда масса мелкого крестьянства Германии устами своих представителей на всегерманской конференции в гор. Веймаре в ноябре 1924 г. заявила:

«*Наши кооперативные товарищества, основанные, как средства самопомощи трудового крестьянства, превращены высокопоставленными господами в орудие защиты интересов крупных землевладельцев*».

В этом заявлении с исключительной отчетливостью выражены результаты «врастания» кооперации в окружающую хозяйственную систему. Что скажет по сему поводу Чаянов? Неужели он останется при своем определении, что кооперативное предприятие не может иметь интересов, «лежащих вне интересов создавших его членов».

А если кооператив находится в руках кулака или группы капиталистических хозяйств (этот случай и для советских рес-

публик не безразличен), являющихся меньшинством в кооперативе? Как тогда с выражением интересов большинства?

Об'яснение Чаянова насквозь проникнуто идеалистическим лицемерием буржуазных кооператоров. Это—шаг назад даже в сравнении с Туган-Барановским.

Определение свидетельствует, что Чаянов продолжает разделять принципы формальной демократии буржуазных социологов и экономистов. *Он склонен верить, что если предприятие юридически выражает волю своих членов, то этим «юридическим» равенством обеспечена экономическая солидарность интересов.*

Мы должны, однако, предупредить возможность спешных заключений со стороны тех читателей, которые на основании идеалистических упражнений Чаянова пришли бы к выводу, что он совершенно не видит классов. В действительности (следует отдать должное!) Чаянов обнаруживает весьма интенсивное желание вскрывать классовые противоречия. Но *почему-то сие похвальное рвение он обнаруживает только на пути утверждения непримиримости интересов между крестьянством и рабочим классом.* Анализируя рабочую и крестьянскую кооперацию, Чаянов приходит к выводу:

«Конечно, с формальной административной точки зрения, эти оба экономические образования аналогичны, но с точки зрения народнохозяйственной они имеют не только различную, но враждебную друг другу природу».

Таким образом, когда речь идет о противоречиях внутри крестьянства, Чаянов прикрывает различие интересов формальными юридическими определениями. Но как только разговор переходит на тему об отношениях между крестьянством и рабочим классом, он обретает язык ультра-материализма и с большой иронией противопоставляет «формально-административную точку зрения» народнохозяйственной.

Существо теоретических взглядов Чаянова можно вскрыть и на его определениях кооперации при буржуазном строе. Для нас, конечно, наибольшую практическую ценность представляет разоблачение его взглядов по отношению к советской системе. Но следует признать, что в этой части Чаянов обнаруживает большую ловкость в заметании следов.

Теоретическое введение им перенесено с небольшими изменениями из старого издания. Это введение можно было бы считать обращенным к буржуазному государству, если бы то тут, то там не оказывались вставки, относящиеся к современному периоду нэпа. С формальной стороны введение построено так, что после 24-х страниц фактической теоретической полемики с воззрениями «инакомыслящих» (по отношению к Чаянову) следует одна страничка, в которой он отдает словесную дань Октябрьскому перевороту.

Но ни в этой одной странице, ни на протяжении всей остальной толстой книге вы не найдете ни одного словечка относительно классовых противоречий внутри самого крестьянства, ни относительно сглаживания классовых противоречий между пролетариатом и крестьянством под влиянием новых факторов, вызванных существованием пролетарской власти.

Считая, что теоретическое введение его «вывозит», Чаянов в дальнейших главах дает ряд весьма сомнительных прикладных теорий по отдельным проблемам кооперации. В этих теориях, об

оптимальных размерах с.-х. предприятий, о вертикальной кооперации и др., Чаянов, опираясь на упомянутую страницу, в которой содержится декларация солидарности, дает программу, которая его полностью разоблачает.

По Чаянову, назначение с.-х. кооперации оказывается в том, чтобы сохранить основную массу единоличных хозяев, только «увязав» их с хозяйственной системой пролетариата.

Идея сохранения крестьянства, как класса единоличных хозяев в условиях советской власти, составляет квинт-эссенцию новой теории профессора Чаянова.

Это, так сказать,—д-р Эдуард Давид, перелицованный на советский фасон.

Аргументация Чаянова стара, как мир. Она состоит из следующих частей:

1) непреодолимые для техники трудности в природных условиях сельского хозяйства,

2) устойчивость мелкого крестьянского хозяйства в борьбе с крупным.

Отсюда им делается вывод:

кооперирование отдельных функций крестьянского хозяйства без нарушения единоличности владения.

По первому пункту Чаянов не постеснялся оставить аргументацию первого издания, хотя она по своей наивности выглядит поистине комично:

«Что представляет собой сельское хозяйство? В своей основе, это—использование человеком солнечной энергии, падающей на поверхность земли».

«Человек не может солнечные лучи, падающие на сто десятин, собрать на одну. Он может улавливать их зеленым хлорофилом своих посевов только на всем пространстве их падения. В самой своей сущности сельское хозяйство неот'емлемо связано с пространством, и чем крупнее технически сельскохозяйственное предприятие, тем большую площадь оно должно занимать. *Никакой концентрации в пространстве здесь нельзя провести*» (курсив мой. *М. К.*).

Сейчас, кажется, осталось весьма мало экономистов, особенно советских экономистов, которые бы подписались под чаяновским заявлением. Мы не говорим уже о коммунистах. Но и проф. Н. П. Никитин, и проф. Ал. Ал. Мануйлов и др. далеко ушли вперед по сравнению с Чаяновым.

Ал. Ал. Мануйлов в работе «Основы организации с.-х. предприятия» (стр. 25, изд. «Книгосоюз») пишет:

«Технический прогресс, понимая его шире, чем одно только развитие механической работы, доступен сельскому хозяйству *не меньше, чем промышленности*» (курсив мой. *М. К.*) и далее:

«Наш краткий анализ приводит к заключению, что хотя и есть некоторая разница в труде сельскохозяйственном и промышленном, основанная на специфических чертах с.-х. производства, однако, как эти черты, так и своеобразные свойства с.-х. труда обычно в значительной степени преувеличиваются».

Чаянов безнадежно отстал в оценке возможностей техники и в теоретических выводах отсюда. Меньше всего ему пристало призывать на помощь Ленина, который с исключительной категоричностью утверждал «замечательную одинаковость законов эво-

люции (в промышленности и земледелии. *М. К.*), вытеснения мелкого производства и тут и там».

Столь же «неотразимыми» являются доводы по пункту 2-му:

«Благодаря меньшему в количественном отношении, чем в промышленности, превосходству крупного хозяйства над мелким крестьянские хозяйства не могли быть столь просто и решительно разгромлены крупными латифундиями, как аналогичные им ремесленные семейные хозяйства были разгромлены фабрикой. К тому же крестьянские хозяйства проявили исключительную сопротивляемость и живучесть. Часто голодая в тяжелые годы, напрягая через силу свою рабочую энергию, иногда привлекая в свой состав наемный труд и тем принимая сами полукапиталистический характер, они почти повсеместно стойко держались, а кое-где даже расширяли свои площади за счет крупного капиталистического земледелия».

Чаянов бьет себя, сам того не замечая. С небольшими отступлениями от истины он рисует картину фактических последствий, испытываемых мелким крестьянским хозяйством в результате борьбы с крупным капиталистическим земледелием. По его же собственному изображению часть крестьянских хозяйств поднимается вверх по капиталистической лестнице, а часть обрекается на голод.

Действительно, замечательная «выживаемость».

Чаянов умолчал о том, что часть крестьянства все же лишается своих хозяйств и уходит в батраки или на фабрику. Чаянов не говорит, каково количественное соотношение между хозяйствами, поднимающимися (капиталистическими) и обреченными на полуголодное существование; для какого количества крестьян, в результате борьбы с крупным земледелием, свое собственное хозяйство остается только подспорьем к наемному труду.

Но, как мы уже видели, Чаянов не любит углубляться в вопросы классовой дифференциации самого крестьянства. От этой нелюбви страдает истина, но зато расцветает схема, схема сохранения мелкого хозяйства. При помощи подобного рода доводов Чаянов обретает сладкую возможность в заключительных главах успокоить себя и читателя:

«Все разобранные нами виды земледельческой кооперации более или менее полно коллективизируют отдельные отрасли крестьянского хозяйства, придавая им большую экономическую и техническую мощь, а крестьянскому семейному хозяйству большую устойчивость».

Итак, все старания, вольные и невольные умолчания—служили одной великой цели: увенчанию мелкого крестьянского семейного хозяйства.

Поворот от первого издания, право, незначителен. Стоило ли вызывать тень Ленина, обнаруживать причастность к марксизму, произносить тирады о социализме, чтобы затем все свести к старому разбитому корыту?

Впрочем, мы со своей стороны обнаружили бы превеликую наивность, если бы поверили в бесхитростность маневров А. В. Чаянова. Аксессуары марксизма и социализма играют у Чаянова вовсе не плохую, хотя и чисто служебную, прикладную роль. Что из того, что потеряна перспектива, так называемой, горизонтальной концентрации? На ее место, не угодно ли, вырастает

другая концентрация—«вертикальная». И Чаянов напрягает все усилия, чтобы доказать, что с нас вполне хватит за глаза одной вертикальной концентрации.

«Капитализм, не имевший возможности, в силу изложенных нами технических условий, организовать сельское хозяйство по принципам горизонтальной концентрации, неукоснительно выискивал иные пути к овладению и капиталистической организации земледельческой стихии. Взамен малопригодных форм горизонтальной концентрации овладение пошло в формах концентрации вертикальной».

«В самом деле, новейшие исследования развития капитализма в земледелии указывают нам, что вовлечение сельского хозяйства в общую систему капитализма вовсе не должно обязательно происходить в форме создания крупнейших капиталистически организованных хозяйств, построенных на базе наемного труда. Повторяя этапы развития промышленного капитализма, сельское хозяйство, выходя из формы полунатурального бытия, попадает под власть торгового капитализма, который подчас в форме весьма крупных торговых предприятий вовлекает в сферу своего влияния массы распыленных крестьянских хозяйств и, овладев связями этих мелких товаропроизводителей с рынком, хозяйственно подчиняет их своему влиянию и, развивая систему кабального кредита, превращает организацию сельскохозяйственного производства чуть ли не в особый вид раздаточной конторы, построенной на «системе выжимания пота».

Вряд ли можно спорить против той совершенно бесспорной истины, что зависимость мелкого крестьянского хозяйства от капиталистической системы развивается по линии торговли и кредита. Теория «вертикальной» концентрации здесь ровно ничего не прибавила бы, если бы за ней не следовали абсолютно из нее не вытекающие выводы. Суть же выводов, делаемых Чаяновым, заключается в том, что зависимость по линии торговли как бы отвлекает капитализм от вторжения в мелкое производство в смысле подрыва основ последнего. Но это неверно. *В действительности происходит другое. Слабость мелкого производства только обнаруживается на рынке, а заключена она, главным образом и в основном, именно в недостатках мелкого производства, как более, отсталого и менее рентабельного сравнительно с крупным.*

По Чаянову дело происходит шиворот-навыворот. Вторжение капитала через торговлю в мелкое крестьянское производство—неизвестно, каким чудесным образом—спасает мелкого хозяйчика и придает ему дополнительную сопротивляемость в борьбе с крупным капиталом.

Вот разительный факт чудесного спасения, приведенный Чаяновым из истории развития дореволюционной сибирской маслодельной кооперации:

«Появившиеся таким образом кооперативные заводы выделялись качеством своего товара над фальсифицированным предпринимательским маслом и получили в своем развитии финансовую поддержку торгового капитала в лице датских и английских экспортных фирм, имевших в Кургане и других городах свои сибирские конторы, и быстро вытеснили частного предпринимателя из сферы производства масла.

Таким образом, концентрация сибирского маслоделия, начатая мелким промышленным капиталом, продолжается при поддержке крупного торгового капитала в кооперативных формах и, быстро вырастая, вскоре порывает свою связь с экспортным торговым капиталом.

«Сибирский союз маслодельных артелей» сам выходит на лондонский рынок и, опираясь на банковский кредит, освобождается от всякого влияния торгового капитала.

В несколько иных формах, но в том же типе динамики, а также проходя различные виды связи с капиталистическими группами, развивались и другие виды сельскохозяйственной кооперации.

Сказанного совершенно достаточно для того, чтобы понять сущность земледельческой кооперации, как глубокого процесса вертикальной концентрации сельского хозяйства. При чем необходимо отметить, что в кооперативных формах процесс этот идет гораздо глубже, чем в формах капиталистических, так как кооперативным формам концентрации крестьянин сам передает такие отрасли своего хозяйства, которые капитализму никогда не удается оторвать от крестьянских хозяйств в процессе борьбы».

Сибирский крестьянин, действительно, имел все основания торжествовать... Освободившись от зависимости от торгового капитала, он попал в лапы финансового капитала. Так ли хорош последний—позволительно усомниться. Двумя страничками ранее Чаянов приводил исчисления профессора Макарова о доходах американского фермерского хозяйства. 65% доходов попадает в капиталистически весьма развитой Америке в руки финансовых, железнодорожных и других магнатов. Очевидно, такая же судьба ждала сибирского крестьянина при условии дальнейшего развития капитализма в России.

О самом существенном Чаянов умолчал: какие слои крестьянства и в какой мере использовали льготы от непосредственного общения с банковским капиталом. Ведь, в этом—корень вопроса. По Чаянову, очевидно, всем стало одинаково хорошо.

Если бы посредством кооперации, действительно, так легко и просто разрешались в пределах капиталистического общества социальные проблемы, тогда, пожалуй, никакой революции не нужно было бы. Достаточно было бы того проникновения кооперации во все формы рыночных связей, о котором говорит Чаянов.

Но и эта часть теории стара. Чаянов рабски копирует рассуждения Давида и других мелкобуржуазных кооператоров, утверждающих, что крупное производство имеет преимущество над мелким только в области рыночных операций и что, следовательно, приобретение посредством кооперации всех выгод торговли укрепляет на веки-вечные мелкую собственность.

После полнейшего солидаризирования с реакционными теориями несколько фальшиво звучит у Чаянова замечание, что «положение вещей совершенно изменяется» при переходе к советскому строю.

«В этом случае, именно благодаря высокой вертикальной концентрации кооперативной системы, она в лице своих центров смыкается с руководящими органами государственного хозяйства и из простого оружия мелких товаропроизводителей, созданного ими в борьбе за существование в капиталистическом обществе, превращается в одну из главных слагающих социалистической

системы производства. Говоря иначе, из технического орудия социальной группы или даже класса она превращается в одну из основ хозяйственного уклада нового общества».

Отвлечемся от красивых слов и допустим, в согласии с утверждениями Чаянова, что и при советском строе осуществляется только «вертикальная» концентрация. Это означало бы, что процесс обобществления в крестьянском хозяйстве должен остановиться на первоначальных, примитивных стадиях, дело ограничивается только урегулированием рыночных связей между крестьянским хозяйством и государственным.

Для нас урегулирование связей только этап на пути к коллективизации производства. У Чаянова же на вопросе о связях конечная остановка. Вместо этапа и средства борьбы у него—самоцель.

Если взять Чаяновскую цель в перспективе, то она окажется весьма и весьма вредной. Если мы застрянем на примитивной стадии обобществления и окажемся бессильными продвинуть дальше, то это будет означать бессилие в дальнейшем ограничении возможностей капиталистического развития деревни, усиление классового расслоения, усиление кулачества и т. д.

Что сегодня является благом сравнительно с вчерашним днем (в данном случае сравнительно с неурегулированностью связей), то завтра превратится в зло.

Этой диалектики превращений Чаянов не понимает или не хочет понять. Он остается попутчиком только на один день.

Но в отношении такого рода попутчиков нам необходима сугубая осторожность. Пусть Чаянов нас улещает, что «вертикальная» концентрация оставит «техническое выполнение некоторых процессов в частных хозяйствах... почти-что на началах технического поручения», мы в праве отнестись с осторожностью.

Прежде всего, мы ни в какой мере не ищем и не желаем обезличения земледельца. Мы стремимся к уничтожению деления общества на классы, следовательно, к устранению и класса крестьянства. Но работников земледелия мы желаем поднять в полной мере на ту же высоту общественной культуры, что и трудящихся города.

Сохранение в крестьянском хозяйстве некоторых производственных процессов мелкому и среднему крестьянину ничего не даст, кроме, быть может, удовлетворения собственнических инстинктов. Сохранение единоличного производства, при высоком развитии техники, пойдет на пользу только капиталистическим слоям деревни. Так неужели мы из-за потворства инстинктам собственности пойдем на причинение глубочайшего экономического вреда огромному большинству трудящегося крестьянства.

А именно к последнему фактически сводятся предложения Чаянова, хочет ли он этого или не хочет.

Назначение идеи «вертикальной» концентрации полностью выясняется. Чаянов пробует доказать, что кооперация, как одна из форм «вертикальной концентрации», способна сохранить мелкое хозяйство, отщепив от последнего и обобществив отдельные функции: закупки, сбыта и переработки.

Чаянов нигде не высказывается открыто против обобществления производства, так как великолепно понимает (да и как не понять!), что обобществление производства это—последний этап, за которым мелкому единоличному хозяйству—конец. Но в скрытой, завуалированной форме возражения против об'единения производства рассыпаны у Чаянова в ряде мест. Так, в главе, посвященной земледельческим коллективам, опасным в смысле покушений на единоличное производство, Чаянов пишет:

«Постепенное отщепление отдельных звеньев организационного плана крестьянских хозяйств и организации их в крупные предприятия, стоящие как бы над общей массой мелких семейных хозяйств, является *не фазой развития к чему-то иному, а утверждением самого принципа*» (курсив мой. *М. К.*).

«Выдвижение вперед полных коллективов и коммун означало бы собою замену принципа вертикальной концентрации принципом концентрации горизонтальной».

В этих строках попытка нанести прямой удар по коммунистической идее: у вас, мол, отщепление отдельных функций является только «фазой развития к чему-то иному», а вот я, Чаянов, утверждаю, что отщепление—не фаза, а «утверждение самого принципа».

«Что-то иное»—это, как весьма нетрудно догадаться, коллективизация производства, которая угрожает заменой «вертикальной» концентрации крупным общественным производством.

Дав бой коммунистической идее создания крупного общественного производства, Чаянов (как это характерно для него!) сейчас же начинает заметать следы:

«На первый взгляд эти два принципа кажутся противоречивыми и кажется, что, поскольку нами будет достигнута в массовых размерах горизонтальная концентрация, тем самым отпадает принцип вертикальной концентрации».

Первый шаг на пути отступления.

Оказывается, нет противоречия между принципами вертикальной и горизонтальной концентрации. Все возможно примирить. Каким же образом?

Здесь вытаскивается на сцену теория дифференциальных оптимумов, «согласно которой для каждого вида кооперативной работы можно, исходя из экономической и технической природы кооперируемых процессов, установить наиболее рентабельные размеры кооперативных предприятий».

Под теорией оптимумов следует понимать сделанную в свое время Чаяновым с К° попытку доказать, что для различных форм и областей сельского хозяйства имеется точный предел территориального расширения,—предел, зависящий, главным образом, от проблемы преодоления расстояния.

В своей работе, выпущенной в 1922 году—«Оптимальные размеры с.-х. предприятий» (изд. «Новая Деревня»), Чаянов следующим образом излагал теорию оптимумов:

«Проблема оптимальных размеров хозяйства ставится нами как проблема нахождения таких размеров площади эксплоатации, при которых, при прочих равных условиях, себестоимость получаемых продуктов будет наименьшая».

«Об'ективное существование такого оптимума для нас ясно из предыдущего изложения, указавшего нам на быстрое падение себестоимости при переходе от карликовых хозяйств к более крупным, благодаря большей мере использования технических установок, и на ее значительное возрастание, с'едающее всю чистую прибыль в силу увеличения издержек внутри размеров хозяйственного транспорта по мере дальнейшего укрупнения за

известный ему предел. Ясно, что кривая себестоимости, резко падающая в начале своего развития и под'емлющаяся в конце, должна иметь некоторый минимум, соответствующий искомому нами оптимуму хозяйств».

Если понимать теорию оптимумов только в том смысле, что для каждого *данного* момента существует определенная высота развития техники, ставящая границы развитию предприятия, то против оптимумов можно было бы не спорить. Но тогда сам оптимум оказался бы весьма изменчивой величиной, через которую завтра или послезавтра можно легко перешагнуть. И в промышленности имеются пределы развития предприятий соответственно возможностям техники в каждый данный период. Однако, на этом основании никто, кажется, еще не строил специальных теорий, ограничивающих возможности развития крупной промышленности.

Чаянову оптимумы понадобились для того,

«чтобы старую теорию о преимуществах крупного и мелкого хозяйства перевести в проблему, направленную на поиски оптимальных размеров хозяйства и земледелия, т.-е. таких размеров, в которых преимущества и недостатки мелкого и крупного хозяйств взаимно бы уравновешивались».

В толковании Чаянова теория оптимумов представляется как ограничение возможностей прогресса техники, ограничение возможностей развития крупного производства.

Вот, что пишет о чаяновских оптимумах проф. Никитин («Основы экономии сельского хозяйства», ГИЗ, стр. 112):

«В работе Чаянова даются следующие оптимальные размеры хозяйственной площади при различных системах хозяйства:

для залежной системы	1.976 – 2.185	гект.
» экстенсив. трехполья без удобрения	874 — 983	»
» удобряемого трехполья	546 — 656	»
» плодопеременной системы	219 — 273	»

Приводимые организационные соображения об оптимальных размерах земельной площади и расчеты оптимумов при различных системах хозяйства в основе своей имеют определенный уровень техники сельского хозяйства и в первую очередь уровень техники внутрихозяйственного транспорта. Нам известна эпоха мотыжного земледелия с использованием двигательной силы человека, в этих условиях оптимум хозяйственной площади был очень невелик, он не превышал четверти, половины гектара. Переход к земледелию с плугом и использованием двигательной силы животных сразу сделал оптимумы хозяйственной площади чрезвычайно большими. Введение в качестве двигателя пара и электричества может дать дальнейшее расширение оптимальных размеров хозяйственной площади. *Отсюда большая условность приводимых выше расчетов*» (мой курсив. *М. К.*).

Мы считаем, что проф. Никитин весьма деликатно обошелся с коллегой, отметив только «большую условность». Фактически он опроверг теорию оптимумов в том виде, в каком ее дает Чаянов, и наглядно показал, что ни пространство, ни другие особенности с.-х. производства не ставят границ развитию крупного земледелия.

Компромисс, эклектика и в данном случае губит Чаянова. С одной стороны, нельзя не сознаться, что мелкое хозяйство является тормозом для развития техники, с другой—нельзя не

признаться, что крупное производство в земледелии не имеет будущего. Истина, по мнению Чаянова, лежит где-то на полпути, где «преимущества и недостатки мелкого и крупного хозяйства» взаимно уравновешиваются. Чаянов не только не видит перспектив развития крупного земледельческого хозяйства, он призывает бросить «старую проблему» о преимуществах крупного хозяйства над мелким.

С такой теорией оптимумов ни в коем случае согласиться нельзя. Взгляды Чаянова представляют реакционную утопию: они выражают, по сути дела, страх мелкого хозяйчика перед неограниченными возможностями развития техники. Чаянов выражает этот страх ученым языком и пытается для каждой отрасли сельского хозяйства, для каждого района дать рецепт спасения.

Возвращаемся к проблеме противоречий между «вертикальной» и «горизонтальной» концентрацией. Как мы видели, Чаянов пытается ослабить впечатление от им же нарисованной картины противоречий. Он допускает массовое развитие колхозов. Больше того. Он делает второй шаг на пути отступления и признает возможность построения крупных коллективных хозяйств.

Дальше, кажется, и отступать некуда. Еще один шаг—и рухнет теория оптимумов и выживаемость мелкого производства.

Чаянов это понимает и предусмотрительно выводит на сцену еще один компромисс:

«Коллективное хозяйство, как бы крупно оно ни было, не может заменить собою системы вертикальной концентрации земледелия, а должно для более полного проведения концентрации сельского хозяйства войти в состав членов наших местных кооперативов наравне с мелкими крестьянскими хозяйствами».

Компромисс заключается в том, что колхоз войдет членом в местный кооператив.

Не правда ли, гениальное разрешение проблемы вертикальной концентрации?

Теория должна была доказать, что горизонтальная концентрация не является законом, что ее нет, что она не нужна, что она заменена вертикальной концентрацией, а на поверку выходит, что и та и другая мирно уживутся: горизонтальная в форме колхозов, а вертикальная в форме кооперации, при чем колхозы войдут в систему кооперации, т.-е. горизонтальная вольется в вертикальную—и дальше, чорт его знает, какая еще каша произойдет.

Заключение Чаянова звучит совсем неубедительно:

«Вопрос стоит не в плоскости—коллектив или кооперация, а в плоскости—входящий в кооперацию коллектив или входящее в кооперацию семейное крестьянское хозяйство».

После всех поклонов в ту и другую сторону Чаянов остается на прежней позиции, остается попутчиком только на один день. Он и не пытается изобразить перспективу обращения семейного крестьянского хозяйства в крупное хозяйство с коллективизацией производства и потребления в коммуну.

Охотнее всего он сохранил бы только семейное хозяйство. Но колхозы существуют, они развиваются, они—факт. Для бедноты колхозы представляют преимущественную форму обобществления и часто единственную возможность самосохранения.

Поэтому ничего не остается, как допустить обе формы с тем, что одна, низшая, войдет в другую, высшую.

Повторяем, при всех поклонах в сторону коллективного хозяйства Чаянов *упорно не желает видеть в коллективном хозяйстве форму будущей организации мелкого крестьянского семейного хозяйства. В этом коренное отличие его взглядов от наших.*

Никто из коммунистов не считает, что существующие формы колхозов дали уже тип будущей земледельческой коммуны. Больше того. По нашему мнению, кооперация в течение определенного долгого исторического отрезка времени будет основной формой движения крестьянства к коммуне. Но конечный-то этап для нас все же коммуна. Мы идем к коллективизации производства. *Давать теорию сельской кооперации без перспективы коллективизации производства значит не только искажать перспективу, но и мешать правильному направлению текущего строительства.*

Чаянов понимает кооперацию и колхозы не в том смысле, как понимаем их мы. Он исходит из желания во что бы то ни стало, вопреки законам развития техники, вопреки законам развития экономики, сохранить единоличное крестьянское хозяйство. Он создает ряд вспомогательных теорий, чтобы доказать неизменность принципа единоличия в сельском хозяйстве.

Коллективизм он считает выспренней идеей, далекой от практики. По его словам,

«коллективное сознание и воля всегда менее подвижны, более медлительны, менее напряжены и почти не допускают интуиции, столь важной во всяком предпринимательстве».

«Воля хозяина в капиталистическом предприятии и главы семьи в трудовой крестьянской семье обеспечивают нам единство организационного плана и неуклонное проведение его в жизнь».

«Коллективная же воля прежде всего слаба, как воля организующая и предпринимательская, а, во-вторых, слаба она и как воля принуждающая, так как ее носители, в лице правления и других выборных, слишком зависят от своих избирателей для того, чтобы обладать неумолимой непреклонностью».

С таким отношением к коллективной воле, разумеется, теории советской кооперации никак не построить.

Чаянов второго издания остался верным первому изданию.

И. Краваль.

Социалистическая рационализация производства и управления.

Необходимость дальнейшего форсированного развертывания и углубления работ по социалистическому строительству ставит перед народным хозяйством, в первую очередь перед промышленностью, ряд задач крупнейшего значения, от успешности разрешения которых полностью зависит выполнение директив XV конференции ВКП(б) о том, «чтобы в относительно минимальный исторический срок нагнать, а затем превзойти уровень индустриального развития передовых капиталистических стран» [1]).

Именно потому, что только на основе широко и систематически проводимой социалистической рационализации производства возможны серьезные достижения в деле дальнейшего расширения промышленности, снижения себестоимости и цен, дальнейшего повышения материального и культурного уровня рабочего класса и крестьянства, вопросы рационализации производства и управления ставятся в центре внимания всех партийных, профессиональных и хозяйственных организаций.

Рационализация производства является тем очередным звеном, ухватившись за которое партия и рабочий класс в состоянии будут поднять все народное хозяйство на высшую ступень развития.

Придавая исключительное значение делу рационализации производства и управления, ЦК ВКП(б) в своем решении от 23/III—27 г. постановил, что «все организации рабочего класса, особенно парторганизации и профсоюзы, *должны уделять сугубое внимание улучшению техники организации производства, учитывая их решающее значение в деле социалистического строительства*».

Если до настоящего времени работа в области рационализации в основном сводилась к работам по лучшему использованию уже введенного в производство оборудования и обслуживающей его рабочей силы, то в настоящее время эта работа должна все в большей и большей степени направляться по двум новым направлениям, одновременно расширяя и углубляя работы по лучшему использованию уже введенного в производство оборудования и рабочей силы:

1) переоборудование и реконструкция существующих заводов и 2) строительство новых фабрик, заводов, шахт и т. д.

---

[1]) «Резолюции XV конференции ВКП (б)», Госиздат, 1927 г., стр. 16.

При чем затраты государства с каждым следующим годом все в большей и большей степени должны будут итти по линии реконструкции и нового строительства при снижении удельного веса расходов на капитальный ремонт существующего оборудования.

Уже в затратах на капитальное строительство текущего хоз. года центр тяжести переносится на работы по реконструкции и переоборудованию, достигающие 562,1 милл. рубл. (рост на 16,2% против предыдущего года), при одновременно увеличении расходов по строительству новых предприятий до 187,7 милл. рубл. (рост на 82%) и абсолютном снижении расходов на капитальный ремонт до 104,8 милл. рубл. или на 18,2% меньше предыдущего года.

Все это говорит о том, что для расширения и углубления работ по улучшению техники организации производства по всем этим трем направлениям имеется соответствующая материальная исходная база; сейчас необходимо обеспечить такое использование уже имеющихся и накапливаемых ресурсов, которое сделало бы возможным успешное разрешение двух крупнейших задач, стоящих в настоящее время перед промышленностью—это снижение цен путем снижения себестоимости, в целях улучшения материального уровня рабочих и крестьян и обеспечение капиталонакопления для дальнейшего форсирования как работ по переоборудованию существующих предприятий, так и работ по новому промышленному строительству. Эти задачи одновременно разрешимы только при том условии, если вопросы социалистической рационализации производства и управления станут в центре внимания как всех хозяйственных, профессиональных и партийных организаций, так и широчайших слоев рабочего класса. Это является основным условием, обеспечивающим успешность проводимым мероприятиям.

Развертываемая работа по социалистической рационализации производства должна итти *одновременно* как по пути изменения и улучшения техники производства, так и по пути улучшения организации производства. Одно только изменение техники производства без соответствующих изменений в области организации не может дать соответствующего экономического эффекта в области снижения себестоимости и цен. Всякое улучшение и изменение техники производства должно *одновременно* (обязательно) сопровождаться соответствующими улучшениями в области организации производства и использования рабочей силы.

Насколько велико значение вопросов организации производства в общей системе мероприятий по рационализации производства, можно видеть на примерах из опыта большой работы, проделанной по улучшению техники производства в нефтяной и каменноугольной промышленности и по улучшению организации производства в текстильной промышленности.

Ни одна отрасль промышленности за последние годы не получила таких средств на капитальное строительство, как нефтяная и каменноугольная Донбасса. На капитальное строительство по трем трестам (Азнефть, Грознефть и Донуголь) государством за последние три года (с 1924/25 г. по 1926/27 г.) истрачено свыше полумиллиарда рублей (552,6 милл.) [1]. Значительная часть этих средств была израсходована на механическое переоборудование предприятий, на изменение способов добычи угля и нефти путем введения механизации рабочих процессов и замены мускульного труда рабочих работой машин. Суммы, вложенные в механизацию производства, были затрачены на приобретение американских вращательных станков и глубоких насосов для нефтяной промышленности, врубовых машин, перфораторов и устройства конвейеров и скрепегов, для угольной промышленности. Для закупки всего этого оборудования за границей государство с большим напряжением выделяло золотую валюту. Поэтому сейчас вполне своевременен вопрос о том, каков экономический эффект от произведенных затрат и как используется это оборудование у нас в сравнении с использованием аналогичного оборудования за границей.

[1] В том числе по нефтяной промышленности 368 милл. руб.

В довоенное время почти вся добыча нефти, за исключением случайной—фонтанной (около 97% эксплоатируемых скважин), получалась путем применения тяжелого, изнурительного труда тартальщика, и только 3% всех скважин эксплоатировались механическим путем.

В настоящее время на 68% всех эксплоатирующихся скважин добыча механизирована путем применения глубоких насосов. Достижения в смысле механизации производства по сравнению с дореволюционным периодом огромны. Эта отрасль промышленности в последние годы была технически перевооружена. Встает вопрос: каковы же достижения в области производительности в результате этой механизации?

Нефтяная промышленность характерна тем, что в ней производительность труда определяется не количеством добычи на единицу рабочей силы, а количеством рабочей силы на единицу оборудования, в данном случае на одну эксплоатируемую скважину, ибо выход нефти с каждой скважины зависит от естественных природных условий и находится вне воли рабочего. В довоенное время на каждую эксплоатацион. скважину при ручном труде *задолженность* составляла 8,1 чел., теперь же в Азнефти на одну скважину приходится 10,1 чел. (1 квартал 1926—27 г.), и это в то время, когда в Америке при том же оборудовании расход рабочей силы на одну скважину выражается цифрой от 0,1 до 0,3 человека на скважину, т.-е. один человек обслуживает от 3 до 10 скважин.

Кроме того, при бурении скважин у нас на каждой бурящейся скважине задолжено 28 человек (в 1925—26 г.), в то время как в Америке при бурении на таких же станках задалживается от 8 до 9 человек, а в довоенное время в России 23,8 человек, когда почти не применялось вращательное бурение. В Америке скорость бурения на один вращательный станок в месяц равна 244 метрам, в то время как у нас, несмотря на значительно большую задолженность людей, станок дает всего 88,4 метра в месяц (данные за 1925—26 г.). Все это говорит о том, что в нефтяной промышленности центр тяжести в области рационализации производства должен быть перенесен на ближайшее время на улучшение организации производства и лучшее использование рабочей силы, которые не находятся ни в каком соответствии с введенными техническими усовершенствованиями. Если же принять во внимание, что доля стоимости рабочей силы в себестоимости составляет 40%, то мы увидим, что здесь име-

ются очень значительные возможности для дальнейшего снижения себестоимости и цен. То же самое относится к каменноугольной промышленности, где доля стоимости рабочей силы в себестоимости пуда угля колеблется от 65—70% и где, несмотря на то, что процент механизированной добычи в текущем году составляет 17,5 против 1,5% в довоенное время (в Англии—тот же процент). Все же это проведение механизации добычи не дало соответствующего эффекта в деле снижения себестоимости вследствие нерациональной постановки организации производства (неувязка между механизированной отбойкой угля и ручной откаткой и проч.), что мешает полному использованию как оборудования, так и рабочей силы. В Донугле принятая промпланом на 1926—27 г. производительность составляет 134,4 тонны на человека, фактически же в первом квартале текущего операц. года выработка на 1 рабочего составила 94 тонны в месяц, или на 10% меньше программной и составляет всего 53% выработки в Англии с учетом степени механизации и естественных условий залегания угля.

Аналогичных примеров худшего использования технически совершенного оборудования вследствие как недостаточной квалификации рабочих и отчасти техперсонала, так и главным образом недостатков в постановке организации производства, можно было бы привести значительное количество из опыта работ ряда других отраслей промышленности (золото-платиновой [1]), стекольной, спичечной, металлической и друг.).

Однако, и приведенных примеров более чем достаточно для того, чтобы показать всю важность вопросов организации производства и недостаточность нашей работы в этом отношении по ряду отраслей промышленности. Между тем проведение ряда организационных мероприятий по уплотнению рабочей силы и лучшему использованию оборудования может дать значительный эффект как по линии общего снижения себестоимости, так и такого повышения зарплаты, которое не вызывает роста себестоимости изделий, а, наоборот, обеспечивает ее снижение. Опыт перехода на уплотненную работу путем улучшения организации производства в текстильной промышленности показал, что многое может быть достигнуто и при нынешнем оборудовании, без коренной его технической реконструкции, пока еще непосильной для нашего государства.

В настоящее время текстильная (хлопчато-бумажная) промышленность в области ткачества уже 46,4% всех имеющихся станков перевела на уплотненную работу (1 ткач работает на 3—4 станках) и 50,2% всех прядильных машин на 3—4 стороны, что обеспечило значительное повышение выработки на рабочего, обеспечило рост зарплаты у работающих на уплотненных работах на 30% не только без повышения стоимости обработки, но при некотором ее снижении, частично облегчило жилищную нужду, дав снижение накладных расходов на рабсилу, обеспечив лучшее использование квалифицированной рабочей силы.

[1]) В Америке при работе на драге задалживается от 23 до 33 человек, а у нас при работе на аналогичных драгах на драгу задалживается до 211 человек.

Все эти достижения в текстильной промышленности проведены были без сколько-нибудь значительных затрат, как на новое капитальное строительство, так и на замену старого изношенного оборудования, а главным образом, путем проведения ряда организационных мероприятий и некоторых технических улучшений.

Все это говорит о том, что дороговизна наших изделий и недостаточно успешное проведение рационализаторской работы об'ясняются в значительной степени недостаточностью работ в области улучшения организации производства.

К числу таких недочетов в области организации производства следует отнести недостаточную специализацию наших предприятий, без которой невозможен переход на массовое и серийное производство—эту основу всякого сколько-нибудь значительного снижения себестоимости. Не только наши тресты, но и наши предприятия до сих пор еще полностью сохранили большинство недостатков, как довоенного периода, так и эпохи военного коммунизма, когда каждое предприятие в значительной степени представляло собой конгломерат различных производств, сплошь и рядом совершенно не связанных друг с другом. Если это и имело свой смысл в эпоху военного коммунизма, когда еще не могло быть налажено правильное снабжение одного предприятия изделиями другого, необходимыми для бесперебойного производства, если это имело свой смысл в условиях конкурентной борьбы в дореволюционной России,—то в настоящее время это является пережитком, тормозящим основную работу в области снижения себестоимости в целях ускорения темпа социалистического строительства. Мы могли бы добиться ряда значительных успехов, если бы в этом отношении (специализации производства) ориентировались на наиболее развитые в техническом отношении капиталистические страны (Америка). Если капиталистические предприятия под влиянием ожесточенной конкуренции, в целях снижения себестоимости и обеспечения соответствующего качества продукции, принуждены максимально ограничить свой ассортимент, образуя об'единения с предприятиями, строго увязанными, специализировавшимися в отношении выполнения только ограниченных частей (массовое производство деталей и т. д.) в пределах общего плана, то тем более необходимо специализировать производство в наших условиях, где все предприятия находятся в руках пролетарского государства, могущего наиболее планово и целесообразно группировать и комбинировать свои предприятия в целях достижения более дешевого производства и получения лучшего качества продукции. Необходимо, чтобы каждый хозяйственник особое внимание обратил на проработку вопроса о том, что можно сделать в пределах каждого завода и треста в отношении специализации, минимально ограничив работу в отношении типов и видов изделий, пересмотрев все заводы и производства в целях сокращения производства у себя того, что может быть изготовлено лучше и дешевле в другом, специализировавшемся на этом, предприятии. Необходимо принять все меры к изжитию стремления многих хозорганов налаживать все новые и новые производства в том же предприятии. Это стремление организовать в одном и том же предприятии целый ряд новых производств, мотивируя это необходимостью загрузить недогру-

женные цеха или использовать наличный технический персонал, осталось у нас как пережиток дореволюционного времени и чрезвычайно вредно отражается как на себестоимости, так и на качестве изделий. Мы не можем успешно разрешить стоящих перед нами задач в связи с упрощением управления нашим производством, если не усилим нашей работы в области специализации во всех отраслях промышленности. Так как всякое новое производство, введенное в то же предприятие, значительно усложняет управление им: осложняется работа технического персонала, снабжение, планирование, учет и контроль производства и т. п., то усиление работы по специализации заведений является не только необходимым условием успешности проведения упрощения системы управления промышленностью и лучшего использования знаний и опыта высоко квалифицированного технического персонала и рабочей силы, но является необходимым условием успешного перехода наших предприятий на крупно-серийное и массовое производство, — это основное условие, обеспечивающее наибольший эффект в снижении стоимости производства. Нашим хозорганам необходимо провести такую перепланировку и реконструкцию своих предприятий, которая обеспечила бы возможность максимального увеличения серийности и массовости производства.

Перспективные планы должны быть так построены, чтобы реконструкция нашей промышленности предвидела в целях специализации не только расширение цехов и введение нового оборудования в целях ликвидации узких мест, но и ликвидацию целого ряда излишних цехов, искусственно связанных с основным производством, путем перегруппировки оборудования, из'ятия ненужного для данного производства оборудования и переброски его на специализировавшиеся заводы, наиболее в нем нуждающиеся. Многие наши производства обросли целым рядом подсобных производств, оставшихся еще от довоенного времени или эпохи военного коммунизма, когда нельзя было вести производства, если не наладить вспомогательных цехов, представляющих искусственный нарост на основном производстве и сильно осложняющих его работу (самостоятельное полукустарное производство оборудования, ходового инструмента, (ящичные подсобные цеха, типографии, коробочные цеха и т. д. и т. п.). Эти подсобные цеха должны быть ликвидированы, если есть хоть какая-нибудь возможность без задержек и ущерба для производства получать изделия от специализировавшихся на этом предприятий, ибо это упростит работу предприятий и даст возможность загрузить специальные предприятия, сконцентрировать на них лучший персонал и соответствующей квалификации рабочую силу и тем самым обеспечить достижение минимальных издержек производства.

Стандартизация и нормализация производства.

Особое внимание в системе организационных мероприятий должно быть уделяемо в течение предстоящего периода вопросам стандартизации и нормализации производства, как необходимым условиям, обеспечивающим ускорение перехода на массовое и крупно-серийное производства.

Передовые капиталистические страны, несмотря на невозможность проведения в капиталистических условиях стандартов, обязательных, как для производителя, так и для потребителя, все же вопросу стандартизации производства, играющему нередко решающую роль в деле снижения себестоимости, уделяют особое внимание. Так, в 1925 г. в Америке в автомобильной промышленности была произведена анкета по вопросу о причинах поразительного удешевления продукции этой отрасли, и все крупнейшие американские предприятия (Студэбэккер, Паккард) на первое место поставили стандартизацию, как основное и необходимое условие для проведения массового и дешевого производства. Стандартизация оказалась сильнее таких факторов, как введение автоматов в производство, механизация, рационализация организации внутризаводского транспорта и рабочей силы. Комиссия Гувера, производившая несколько лет назад обследование по вопросу о потерях в промышленности, ставит стандартизацию, как основное мероприятие по борьбе с этими потерями.

Для проведения стандартизации и нормализации производства у нас имеется значительно более благоприятные условия, обеспечивающие возможность установления общесоюзных стандартов, что невозможно ни в одной из капиталистических стран с разрозненными, самостоятельными капиталистическими предприятиями, являющимися непреодолимым препятствием на пути правильного разрешения вопроса. Мы имеем полную возможность практического проведения в жизнь стандартов, предварительно согласовываемых и с потребителем, и промышленность может спокойно вести работу по установленным стандартам, поскольку потребитель не может потребовать изделий, не соответствующих стандарту, с ним предварительно согласованному.

Кое-что в области стандартизации в настоящее время уже сделано. Так, в текстильной промышленности количество сортов тканей сокращено за один только год в хлопчато-бумажной промышленности с 2.626 до 1.087, т. е. на 59%, количество основ с 37 №№ до 10, уток—с 35 №№ до 4, по льняным тканям последние стандарты сводят количество сортов до 14. Количество профилей круглого железа уменьшено с 151 до 45, обручного—с 617 до 163 и т. д.

Эти немногочисленные примеры проведенной у нас стандартизации с несомненностью говорят о том, что у нас в этом отношении возможны громадные достижения, при чем следует иметь в виду, что особенностью, отличающей стандартизацию от других рационализаторских мероприятий, требующих обычно значительных средств на свое осуществление, является то, что проведение ее не требует средств в сколько-нибудь значительных размерах. Установление стандартов у нас обходится обычно недорого, а так как введение стандартов требует обычно сравнительно незначительного переоборудования, то все это делает стандартизацию одним из наиболее рентабельных мероприятий в области рационализации производства.

Экономическая рентабельность мероприятий по стандартизации приводит к необходимости значительного расширения работ в этой области. Там, где проведение общеобязательных стандартов еще требует длительной подготовки, так как проведение

недоброкачественных стандартов может стоить государству слишком дорого, необходимо особое внимание обратить на упрощение ассортимента изделий, сокращение его видов. Такое упрощение может быть проведено на каждом без исключения предприятии, в любом тресте, путем исключения, например, из производства всех мелких и случайных заказов. Как на пример такого упрощения в советских условиях, можно указать на работу Укртрестсельмаша, значительно сократившего ассортимент выпускаемых изделий: плугов однокорпусных с 172 до 10, двухкорпусных с 91 до 1, сеялок с 125 до 14, молотилок с 122 до 11 и т. д.

Упрощение производства, обеспечивающее непосредственную экономию и удешевление производства, является первой ступенью в работе по стандартизации на местах и первоочередной задачей наших промышленных предприятий. Тресты и предприятия должны направить все свое внимание на проведение работ по стандартизации и нормализации производства. В этом отношении нами еще сделано совершенно недостаточно. Работа по нормализации производится сейчас на ряде предприятий, но она не об'единена и не согласована с работой аналогичных предприятий, производится во многих случаях кустарно и выражается нередко в механическом перенесении заграничных стандартов и норм. Такое положение может принести значительный вред промышленности. Поэтому работа по стандартизации и нормализации производства требует, с одной стороны, усиления, путем усиления инициативы и самодеятельности мест, а с другой стороны—определенной плановой дисциплины, в целях уменьшения параллелизма в работе и проникновения в нашу промышленность негодных стандартов. Проведение же типизации частей изделий дает возможность перейти к серийному изготовлению их, а следовательно, к значительному удешевлению изделий.

Одним из крупнейших недочетов, мешающих успешности проведения мероприятий по снижению себестоимости, является неудовлетворительная организация снабжения наших предприятий. Дело не в том, что наши предприятия недостаточно снабжаются. Зачастую наши предприятия имеют запас материалов, очень значительно превышающий потребный ему, но дело в том, что снабжаются не в соответствии с ходом производства данного предприятия. Необходимо обратить самое серьезное внимание на выполнение плановых заданий в течение указанного срока по снабжению предприятий; каждое предприятие обязано учитывать, что невыполнением в срок заказов оно срывает производство другого нашего социалистического предприятия, тем самым тормозя дело развертывания всей нашей промышленности. Перебои в снабжении грозят каждому предприятию значительным убытком, вздорожанием изделий, ухудшением качества продукции, так как отсутствие необходимых материалов вынуждает предприятие загружать рабочих работой из несоответствующего материала, что вызывает рост брака, низкое качество продукции, недостаточную производительность труда и т. д.

Особое внимание необходимо обратить на комплектность снабжения, так как нередко из-за отсутствия самых ничтожных количеств какого-нибудь материала лежат неподвижно очень значительные средства в производстве, и в работе происходят значительные простои, чем дискредитируются все меры по рационализации производства.

Необходимость обеспечения безболезненного проведения всех мероприятий по проведению рационализации требует, чтобы было обращено особое внимание на искоренение недочетов, связанных с постановкой и состоянием инструментального дела. Наибольшую хозяйственную близорукость и полное искажение режима экономии проявляют те, кто заставляет рабочего работать более дешевым, но плохим инструментом. Наоборот, достижение лучшего качества и уменьшение стоимости обработки и затраты инструмента возможно именно при работе на хорошем инструменте. Надо принять все необходимые меры для того, чтобы при работе был постоянно хороший инструмент, надлежаще заточенный и закаленный, ибо от него в значительной мере зависит получение хорошего качества, удешевление работы и обеспечение повышенной выработки рабочего, повышающей одновременно его заработную плату без всякого ущерба делу снижения себестоимости. На наших предприятиях нередко имеются значительные запасы неходового инструмента при недостатке ходового, что приводит к необходимости работать негодным инструментом. Особенное внимание должно быть обращено при этом на нормализацию инструмента, дающую возможность сделать ходовым максимальное количество инструмента, что может значительно удешевить производство. В предприятии необходимо отделить производство, ремонт и содержание в исправном виде всего инструмента от производства работ. Только там будет экономия и удовлетворительное качество, где рабочий получает совершенно готовый, исправный к работе инструмент и не должен заботиться о его состоянии, при чем необходимо организовать работу так, чтобы рабочий получал необходимый ему инструмент у станка и имел возможность во-время сменить его.

Особое значение в деле удешевления производства имеет надлежаще и своевременно поставленный ремонт оборудования. При настоящей загрузке наших предприятий малейший недосмотр может вызвать тяжелые аварии, продолжительный и долгий ремонт, большие простои в производстве и рост себестоимости. В плане работ по рационализации необходимо предусматривать такие календарные сроки ремонта оборудования, которые давали бы возможность через заранее определенные промежутки времени менять безостановочно, после работы, износившиеся части, гарантируя тем самым производство от непредвиденных аварий.

Отсутствие сколько-нибудь значительных резервов неиспользованного основного капитала, которые сделали бы возможным значительное дальнейшее развертывание производства, требует, чтобы вопросу использования уже введенного в производство оборудования было уделено значительно большее внимание. Ряд обследований степени использования нашего оборудования показывает, что оно в значительно степени еще не используется. Путем установления надлежащих скоростей, наивыгоднейших условий работы станков имеется возможность значительно увеличить пропускную способность предприятий, не прибегая к немедленному приобретению нового оборудования. Основной нашей установкой в течение еще длительного периода должно быть максимально целесообразное использование имеющегося оборудования, пока не войдет в производство группа вновь

строящихся предприятий во всех основных отраслях промышленности в таких размерах, которые дали бы возможность, без ущерба для удовлетворения потребностей широких масс населения нашего Союза, перейти к смене отсталого технически и нерентабельного экономически оборудования и к закрытию ряда отсталых в техническом отношении предприятий.

На ряду с этим изменение методов обработки и сокращение процессов может внести значительные изменения в себестоимость производства и улучшение качества изделий. К этой работе должны быть привлечены в первую очередь научно-технические институты и советы. Научно-технические институты должны быть в курсе той отрасли промышленности, которую они обслуживают, и по своей инициативе подготовлять научное разрешение проблем и проведение мероприятий, обеспечивающих удешевление производства, удешевление материалов, использование отходов, отбросов и т. д.

Как на одну из основных задач по рационализации производства, необходимо обратить внимание на разрешение вопроса об ускорении оборачиваемости капитала. Только то производство будет наиболее жизненным, которое сумеет все больше и больше увеличивать скорость оборотов своего капитала. Для этого должно быть поставлено в надлежащей степени изучение времени пребывания изделий в производстве. Необходимо следить за тем, чтобы на всех стадиях производства изделие меньше всего задерживалось, не залеживалось и постоянно находилось в движении. Это возможно в первую очередь достигнуть там, где организуется производство по принципу непрерывного потока. Методы работы непрерывным потоком (конвейер, ленточная система) должны привлечь особое внимание наших хозяйственных, профессиональных и партийных органов. Там, где имеются соответствующие условия в отношении достаточного сбыта, обеспеченности снабжения, выработки стандартов конструкций, там должны приниматься максимальные меры к организации и введению работы непрерывным потоком, учтя при этом опыт проделанных в этом отношении работ на аналогичных предприятиях, в целях избежания неизбежных при всякой новой постановке ошибок.

(Окончание следует).

А. Криницкий.

К вопросу о национальной культуре.

(По поводу книги т. Ваганяна «О национальной культуре»).

Вопросы строительства культуры сосредоточивают на себе все большее внимание партии. Понятно, задача социалистической реконструкции хозяйства, индустриализации и кооперирования страны неразрешима без все более активного культурного под'ема страны, более быстрого продвижения и «культурной революции», без обеспечения социалистического пути культурного развития. Задачи строительства культуры особенно сложны в условиях национальных республик и областей.

Книга тов. Ваганяна «*О национальной культуре*» потому заслуживает внимания, что она посвящена вопросам культуры в их постановке в условиях национальной республики,—вопросам национальной культуры. Тем с большей силой следует выделить ошибочное и спорное в книге т. Ваганяна.

Капиталистические элементы нашей экономики в период нэпа находят свое выражение в некотором возрождении и освежении буржуазно-демократических политических тенденций. Их носители—нэпман, кулацкая деревня, часть молодой интеллигенции, связанной с этой буржуазной прослойкой, отчасти—старые представители буржуазной интеллигенции.

Эти буржуазно-демократические тенденции принимают националистическую окраску, тем самым пытаясь замаскироваться. Такова *устряловщина*, которая после деклараций о «признании» советской власти довольно скоро убедилась в классовой сущности последней и, раскрыв свои буржуазно-демократические позиции, показала во всей неприглядности свое лицо российского национализма. Такова в БССР *листопадовщина*—маленькая группка интеллигентов, одинаково бессильная в своих действиях и симптоматичная по существу, осужденная в 1925 году после широкого процесса,—листопадовщина, которая свою антисоветскую сущность прикрыла националистическими лозунгами «национального освобождения», «независимости Белорусской Республики». Точно так же *сионизм*, представители которого выходят из нэпманской еврейской среды, является националистическим прикрытием антисоветской программы буржуазных и мелкобуржуазных кругов еврейского населения. Можно указать ряд подобных фактов.

Сущность буржуазно-демократической идеологии национализма совсем явно раскрывается вне СССР. Вот, например, белорусский национал-демократизм, махрово расцветший в благоприятном климате пилсудчины в виде «Селянского Союза» Яремича, Рогули и прочих продажных господ, так называемых «белорусских деятелей Польши». Вот—УНДО «Украинское Национально-

Демократическое Об'единение» в Украине, находящейся в границах Польши, ведущее яркую националистическую и антисоветскую политику. Эта сущность явно раскрывается в рамках нелегальной работы, где ставятся точки над i; вот—листопадовщина в БССР.

Однако, условия диктатуры пролетариата не подходящи для свободного развертывания политической программы национал-демократизма. Вот почему он ищет и находит другие формы своего развития: область культурного строительства является пока более или менее удобной ареной для протаскивания национал-демократической идеологии.

Отсюда следует, что вопросы национальной культуры в нашей стране делаются все более актуальными, ибо в этой области начинает развертываться классовая борьба.

Далее. Наша страна охватывается все большей политической активностью рабочих, крестьян. Развертывается культурная жизнь и строительство. По какому пути пойдет культурное развитие? Пролетарский путь культурного развития обеспечивается нарастанием социалистических элементов нашей экономики и активной работой партии над развитием культуры. Однако, пока в ряде отраслей культурное строительство ведется без достаточно активного участия пролетариата и его партии. В то же время представители (более или менее явные) буржуазно-демократической идеологии, маскируясь «согласием» со всей, в частности—национальной политикой партии, протаскивают свою «политику» под видом борьбы за «национальную культуру». Это дает «основание» тов. Ваганяну утверждать, что лозунг «национальной культуры» есть буржуазный, реакционный лозунг.

Тов. Ваганян не понимает того, что *лозунг национальной культуры стал нашим лозунгом при диктатуре пролетариата,—и это является коренной ошибкой* тов. Ваганяна.

Остро направленная *против национализма*, тем не менее своей теоретической постановкой книга тов. Ваганяна ведет к *обезоружению партии в борьбе с национализмом* именно потому, что в крупнейших вопросах она перемахивает через партийную линию в национальном вопросе, что, в свою очередь, является следствием его непонимания ряда моментов руководства пролетариата в переходный период—период диктатуры пролетариата.

В конечном счете такая постановка вопроса питает ошибки *недооценки национального момента*, национальных особенностей во всем нашем строительстве, ошибки «*упрощенства*» в вопросах национальной культуры.

* * *

Как Ленин ставил общий вопрос культуры после пролетарской революции? Он говорил:

«Без ясного понимания того, что только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру—без такого понимания нам этой задачи не разрешить.

Пролетарская культура не является выскочившей неизвестно откуда, не является выдумкой людей, которые называют себя специалистами по пролетарской культуре. Это все сплошной вздор. Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества» [1]).

Или в другом месте:

«Наша задача состоит в культурной работе для крестьянства. А эта культурная работа в крестьянстве, как экономическая цель, преследует именно кооперирование. При условии полного кооперирования мы бы уже стояли обеими ногами на социалистической почве. Но это условие полного кооперирования включает в себя такую культурность крестьянства (именно крестьянства, как громадной массы), что это полное кооперирование невозможно без целой культурной революции...

Для нас достаточно теперь этой культурной революции для того, чтобы оказаться вполне социалистической страной, но для нас эта культурная революция представляет неимоверные трудности и чисто культурного свойства (ибо мы безграмотны) и свойства материального (ибо для того, чтобы быть культурными, нужно известное развитие материальных средств производства, нужна известная материальная база)» [2]).

Из этих положений Ленина следует: 1) что мы в нашей стране строим пролетарскую культуру (не «пролетарскую культуру» в понимании Пролеткульта, против чего обрушивался Ленин); 2) что она является продуктом развития знаний, культурного наследия, выработанного при капиталистическом строе, перерабатываемого рабочим классом; 3) что пролетарская культура все больше захватывает и крестьянство: через кооперирование крестьянство под пролетарским руководством подходит к социалистической перестройке хозяйства, перестройке всей своей идеологии; 4) что в меру социалистической перестройки экономики страны, в меру уничтожения капиталистических элементов и возможностей их возникновения, пролетарская культура оказывается культурой всех трудящихся, общечеловеческой, неклассовой культурой.

Тов. Сталин дает такую формулу: «пролетарская по своему содержанию, национальная по форме,—такова общечеловеческая культура, к которой идет социализм» [3]). В этой формуле находят свое выражение все элементы развития культуры после пролетарской революции: 1) развитие пролетарской, классовой в общечеловеческую культуру; 2) развитие в условиях большой пестроты форм (национальных) при едином пролетарском содержании.

У т. Ваганяна другая постановка проблемы культуры:

«Пролетариат не имеет своей классовой культуры... Культура, создаваемая рабочим классом в его борьбе за коммунизм, отнюдь не есть классовая культура. Ее мы назовем... культурой класса»... [4]).

«Культуру пролетариата ни в какой мере нельзя называть классовой культурой, потому что не только по своему происхождению, но и по своим заданиям она отличается от классовой культуры; ее основная цель заключается отнюдь не в том, чтобы увековечить господство рабочего класса,

---

[1]) Ленин.—Речь на 3-м С'езде ВЛКСМ.
[2]) Ленин.—«О кооперации».
[3]) Сталин.—Речь на собрании студентов КУТВ.
[4]) Ваганян. Стр. 9.

а как раз, наоборот, в том, чтобы всякое господство всякого класса уничтожить» [1]).

«Вся наша культура представляет собой сгущение, подытоживание классовой борьбы, результат борьбы рабочего класса с буржуазией за уничтожение класса» [2]).

Это рассуждение тов. Ваганяна ошибочно. По т. Ваганяну, нельзя говорить о пролетарской культуре (классовой культуре), ибо «цель культуры пролетариата... в том, чтоб *всякое господство всякого класса уничтожить*». Совершенно правильно, такова цель пролетариата. А разве в формулу «пролетарская культура» не включено признание того, что пролетариат идет к социализму, к обществу бесклассовому, к культуре общечеловеческой? Включено. Формула «пролетарская культура», включая в себя определение цели пролетариата, охватывает также и *переходный* период, когда пролетариат сломил буржуазию, укрепляет все более свою диктатуру, строит социализм, при этом руководит всеми трудящимися, ведет их за собой, все более и более усиливая свое влияние на них против попыток капитализма возродиться и отвоевать на свою сторону крестьянство,—другими словами, понятием «пролетарская культура» охватывается и переходный от капитализма к социализму период. Формула «пролетарская культура» сама по себе включает и обнимает диалектический процесс перерастания ее в общечеловеческую культуру. Тов. Ваганян странно аргументирует: пролетариат-де не может иметь классовой культуры, ибо не имеет своей целью—в противоположность буржуазии — увековечить свое господство. Но вольно же тов. Ваганяну судить о классово-пролетарском по аналогии с классово-буржуазным! И то и другое одинаково, дескать, должно преследовать цели увековечения классового господства. Пролетариат борется за уничтожение классов, за строй, где не будет и пролетариата, как класса. Но пролетариат идет к уничтожению классов по долгому трудному пути борьбы с буржуазией, борьбы с капиталистическими тенденциями при нэпе, борьбы за руководство промежуточными слоями, представляющими мелкое производство,—другими словами, пролетариат добивается своей цели через долгий переходный период диктатуры пролетариата. Идя к бесклассовому обществу, борясь за него, пролетариат должен выступать в переходный период во всем своем *классовом всеоружии*. И пролетариату нужна его классовая культура, как одно из средств в борьбе за социализм, за уничтожение классов, в частности, за изживание классового характера культуры.

Конечно, при этом пролетариат не строит специфическую «пролеткультовскую» культуру,—пролетариат, обеспечивая содержанием культуры выполнение социалистических целей, в то же время через форму культуры делает ее близкой, понятной, нужной и крестьянину; тем самым пролетариат и в культуре выражает свою роль *гегемона в союзе рабочих и крестьян*.

Тов. Ваганян суживает содержание пролетарской культуры, ограничивая ее определением: *«сгущение, подытоживание* классовой борьбы рабочего класса». Конечно, пролетарская культура начинает строиться в развернутом виде только в итоге победы

1) Ваганян. Стр. 12.
2) Ваганян. Стр. 11.

пролетариата над буржуазией. Но пролетарская культура не включает в себя только непосредственные результаты и опыт этой борьбы: она включает в себя также и те элементы культуры, которые являлись составной частью буржуазной культуры. Наука, техника, искусства служили в буржуазном обществе капиталу,—после пролетарской революции пролетариат овладевает всем этим наследием буржуазной культуры, строит свою пролетарскую культуру, перерабатывая наследие буржуазной культуры. Безусловно, только опыт классовой борьбы помогает пролетариату овладеть и перерабатывать в целях пролетариата богатства культуры, оставленные от капитализма; в этом смысле «сгущение и подытоживание классовой борьбы» входит составным элементом в понятие пролетарской культуры. Но и «сгущение» и «подытоживание» классовой борьбы не дадут пролетариату всего необходимого для построения нового общества: для этого нужно еще «закономерное развитие» знаний—и культуры вообще,—выработанных до пролетарской революции, и переработка их.

В своих рассуждениях о «культуре класса», культуре пролетариата как «подытоживании и сгущении классовой борьбы» т. Ваганян прямо противопоставляет буржуазную и пролетарскую культуру, не понимая диалектики развития одной в другую. Тов. Ваганян перемахивает через особенности и противоречия переходного периода, его глаза видят «бесклассовое общество» как прямую противоположность буржуазному, не видя особенностей периода диктатуры пролетариата. У т. Ваганяна в его построениях нехватает диалектики.

* * *

Свою общую ошибку в вопросе о культуре т. Ваганян повторяет и в вопросе о национальной культуре. Тов. Ваганян как-то просто и легко сбрасывает со счета все то разнообразие и сложность развития пролетарской культуры в переходный период и ее перерастания в общечеловеческую,—разнообразие и сложность, обусловленные различием ступеней экономического и культурного развития, пестротой экономических форм и укладов.

Отсюда—путаница в понимании т. Ваганяном культуры, создаваемой в условиях национальных отношений при диктатуре пролетариата. Тов. Ваганян, очевидно, не удовлетворен определением: «пролетарская по содержанию, национальная по форме культура»; вместо него, он дает другое, неясное, а потому путаное: «интернациональная культура на национальных языках». К чему это?

Пролетариат, конечно, строит культуру *только, как интернациональную*. Тем самым, понятие «пролетарский» *уже включает в себя понятие «интернациональный»*. Но формула «интернациональная культура» не определяет *классового* содержания культуры.

Понятие «пролетарская культура» покрывает собою полностью понятие «интернациональная культура»,—но не наоборот.

Далее. «Национальная по форме культура»—эта формула охватывает не только *язык*, но и особенности истории, быта и т. д., а т. Ваганян обходит эти особенности, отмечая из национальных моментов культуры только один—язык, как особую черту проле-

тарской культуры, создаваемой в условиях той или иной национальной области, республики.

Об этом упрощенстве т. Ваганяна лучше всего говорят рассуждения относительно формы и содержания культуры. Скрыто полемизируя с формулой т. Сталина «пролетарская по содержанию, национальная по форме культура», тов. Ваганян говорит:

> «А как же решается вопрос о содержании и форме? Да, ведь, это один из видов смазывания националистической природы проповедуемых идей, это одна из форм обмана. Является ли язык формой культуры? Оппортунисты не без расчета приравнивают форму культуры национальному обличию.
>
> *«Форма культуры не ограничивается ее наружностью, она — ее строение, ее «закон» как говорит Гегель.* С этой точки зрения только в обыденном разговоре можно говорить о *национальной* форме культуры, а научный язык, язык марксистской науки, такого дикого словосочетания не признает, ибо *структура культуры, ее строение (т.-е. форма культуры) определяется в конечном итоге не языком и нравами, а классовой борьбой»* [1]).

Из этих рассуждений т. Ваганян делает далее тот вывод, что «содержание и форма культуры рабочего класса... едины на всех языках». Верно ли это? Можно ли отрицать наличие разных национальных форм культуры?

Тов. Ваганян совершенно прав, что форма—это не есть обличие, только внешний вид культуры. Форма—это есть структура, строение, соотношение элементов, расположение материала культуры. Конечно, нельзя только язык относить к формам культуры, только в языке отмечать национальные моменты культуры. Национальной формой культуры нужно считать все то, что в культуре обусловлено самой сущностью нации. «Нация—это исторически сложившаяся устойчивость, общность языка, территории, экономической жизни, психического склада, проявляющегося в общности культуры» (Сталин). Нация кладет отпечаток, определяет формы культурного развития, внося в это развитие свои элементы: 1) язык, 2) особенности экономики, соотношение в нем различных хозяйственных укладов, 3) особенности, продиктованные географическими условиями, связанные с территорией, 4) вызванные особенностями истории общественные традиции, 5) особенности быта, обычаи и т. п. Все эти обстоятельства определяют формы той или иной национальной культуры.

Признание влияния классовой борьбы на развитие культуры, ничуть не исключает наличия *особых* (национальных) форм развития по единому социалистическому пути и национальных форм единой по содержанию (пролетарской) культуры. Победа пролетариата, диктатура его, его руководство в отношении крестьян и всех трудящихся данной национальности, особенности в социалистическом строительстве и развитии к социализму данной национальности осуществляются применительно к особым национальным условиям,—тем, которые сложились в итоге долгого исторического процесса, результатов которого обойти нельзя, кото-

[1]) Ваганян. Стр. 44, 45.

рый наложил свою печать на общественные отношения в данной национальности. Диктатура пролетариата, социалистическая перестройка экономики, движение к социализму осуществляется и в Ленинграде, и в Московской губернии, в Донбассе, в Казакстане, в Якутии, в Средней Азии, в Азербайджане, в Белоруссии. Но это движение и развитие к социализму идет при огромной пестроте форм, в зависимости от того, на какой ступени экономического и культурного развития застигнута данная национальность и страна пролетарской революции в нашем Союзе. Точно так же—пролетарская культура, единая по своему содержанию, по своему классовому значению, находит разные формы сообразно всем национальным особенностям, а не только языку.

Рассмотрим некоторые элементы культуры. *Наука*, в частности система работы научных учреждений и школы, имеет своей целью: 1) общий экономический и культурный под'ем трудящихся той или иной национальности; 2) обслуживание индустриализации страны (края, области, республики); 3) обслуживание кооперирования деревни; 4) в общем—социалистическую перестройку всей экономики; 5) развитие социалистических, интернациональных, элементов культуры. Эта цель,—т.-е. *содержание* работы в области науки, работы научных учреждений и школы—является *единой* в любой из советских национальных республик и областей, пролетарской, т.-е. направленной на укрепление диктатуры пролетариата, на развитие социалистического строительства, на построение социализма в условиях каждой из национальных республик. Но огромное разнообразие по своим формам (по «строению», по «структуре») приобретает эта работа в условиях каждой из национальных республик и областей в зависимости от национальных особенностей. Например, научная работа в БССР концентрирует огромную часть внимания на вопросах языка, особенно развивая соответствующие дисциплины в планах научных учреждений, высшей школы; в РСФСР этот вопрос не занимает такого относительно большого места. В области экономики научная мысль УССР особенно много внимания уделяет вопросам экономики и техники промышленности, а в БССР, например, это внимание относительно больше сосредоточено на проблемах лесного и сельского хозяйства. Природные условия также диктуют необходимость развития тех или иных дисциплин, той или иной отрасли научной мысли. Можно привести много примеров. Все это находит свое отражение в «строении», во всем материале научной жизни и мысли, в формах ее,—конкретно—в планах работы научных институтов, в самом их характере, в работе школы.

Литература (искусство вообще) в зависимости от национальных (вообще местных) особенностей имеет дело с тем или иным материалом, материалом города, деревни, местечка, разных экономических укладов. Этот материал очень различен: один—в Ленинграде или промышленном Донбассе и Баку, другой—в районах Средней Азии, сохранивших еще остатки патриархальных отношений; третий—в местечке Белоруссии; четвертый—в районах крепкого крестьянства Сибири. Но литература (в общем—искусство) при чрезвычайном разнообразии материала ставит (по крайней мере, должна ставить перед собой) одну и ту же цель, иметь одно—пролетарское—содержание, одно классовое значение: быть одним из средств для пролетариата руководить всеми тру-

дящимися, строить социализм и построить его, несмотря на самые пестрые национальные особенности. При этом, если литература (искусство вообще) не принимает национальной формы, т.-е. формы, близко и прочно подходящей ко всем местным условиям, особенностям истории, экономики, быта, настоящего уровня экономического и культурного развития, соотношения классовых группировок,—то искусство отрывается от масс рабочих и крестьян, не доходит до масс, выпадает из рук пролетариата, как одно из орудий социалистической перестройки нашей страны. Конечно, тот или иной язык литературы совершенно не определяет того, в какой мере пролетарское (и интернациональное) содержание в литературе по своим формам дойдет до масс, будет организовывать массы вокруг задач пролетариата.

Точно так же вся система культурного строительства (например, система школы, система политпросветительной работы и т. д.), также выдвижение и подготовка, выращивание местных кадров в каждой национальной области и республике—это есть огромная часть строительства культуры. И эта работа может и должна проводиться отнюдь не только «на национальном языке», не применительно к языку только, а применительно ко всем национальным особенностям.

Таким образом, форма культуры—это не есть только язык,—национальная форма культуры соответствует всему содержанию нашего марксистского понятия нации.

Конечно, признавая отличие между собой национальных форм пролетарской культуры, мы *не противопоставляем форму содержанию*. Есть ли такие попытки? Есть. Национал-демократизм, пытаясь маскироваться, протаскивает через национальную форму свое буржуазное содержание в ряде случаев. Пролетариат не приемлет, борется с той культурой, содержание которой не является пролетарским, в которую протаскиваются буржуазные элементы под видом, что-де обеспечивается и защищается национальная форма.

Можно дать примеры по Белоруссии, когда национальная культура теряет классовое содержание, не «форму дает пролетарской культуре», а «отменяет пролетарскую культуру».

Украшение зала «Академической конференции по белорусскому языку» [1]) было подготовлено так, что национальной форме не было дано классового значения; национальная форма была такой, что в нее входило вполне и буржуазное содержание, что из нее было выброшено все, что относится к пролетарскому содержанию: не было портрета Ленина, почти не было красных тонов—цвета пролетарской революции,—вместо красной звезды было изуродованное «стилизованное» «до неузнаваемости» подобие красной звезды. Является ли сам по себе стиль украшенного зала (белорусские узоры, полотнища) несовместимым с пролетарским содержанием? Ничуть нет: лозунги, символы пролетарской революции и ленинизма не противоречили этому стилю, а дали форме содержание.

Другой пример: некоторые обложки настенных календарей Белгиза. Рисунки полны белорусских узоров, в них портреты

[1]) «Акад. конференция» работала в Минске, в конце 1926 г. Ее деловые научные итоги, являющиеся результатом работы белорусских, русских и ряда заграничных ученых, очень значительны и положительны.

поэтов, Скарины—«первого белорусского печатника» и друг. Но форма их такова, что она не говорит о пролетарском содержании. Мелочь, казалось бы: нет лозунгов пролетарской революции, все зарисовано в желтеньких тонах, но эта «мелочь» делает эту обложку чуждой духу пролетарской культуры. Поэтому своим внешним видом этот календарь, широко идущий в массы, не пропагандирует (что является одной из его задач) идей ленинизма. (Якобы «недогадливые» товарищи спросят: но как же это можно, например, обложке с портретом Скарины придать другое содержание? А просто: напечатать возле портрета «Первый белорусский ученый—Скарина. Только теперь используются его труды. Только пролетарская революция создала полные возможности для белорусской культуры развиваться в интересах рабочих и крестьян». Может быть, покороче написать. Это будет, может быть, непонятно кой-кому из ученейших людей, но это правильно поймет каждый рабочий и крестьянин).

Можно найти порядочно подобных примеров, характеризующих проявление национал-демократизма и на русской и украинской почве. Тов. Ваганян приводит примеры из опыта Закавказья.

Перед лицом таких фактов и им подобных (приводимых в его книге) т. Ваганян рассуждает:

> «ежели подойти к вопросу с точки зрения классовой борьбы, с точки зрения диалектики, то нужно сказать, что и содержание и форма культуры рабочего класса, несмотря на различие языков, едины на всех языках—интернациональны».

Другими словами, очень просто решается вопрос: так как некоторые буржуазные идеологи пытаются под национальной формой протащить непролетарское содержание, то надо вообще сбросить со счета национальные особенности,—к этому ведет теоретическое построение т. Ваганяна, несмотря на его оговорки в практической части книги. Обойдя особенности развития культуры в Ленинграде, Средней Азии, Армении и т. д., надо оставить в скобках только язык! Такая линия привела бы партию к сдаче своих позиций национал-демократизму, ибо тогда *он* использовывает формы культуры, наиболее доступные трудящимся данной национальности, напихивая в них *свое* буржуазное содержание. *Мы* же, якобы борясь за чистоту принципов интернационализма, промахиваем мимо всех национальных особенностей, мимо национальных форм культуры, тем самым ослабляя руководство пролетариата.

* * *

Корень ошибки т. Ваганяна в том, что он никак не понимает, что:

> «лозунг национальной культуры был лозунгом буржуазным, пока у власти стояла буржуазия, а консолидация наций происходила под эгидой буржуазных порядков. Лозунг национальной культуры стал лозунгом пролетарским, когда у власти стал пролетариат, а консолидация наций стала протекать под эгидой советской власти» [1]).

Именно поэтому т. Ваганян направляет сказанное Лениным в 1913—14 гг., до пролетарской революции, против политики партии в национальном вопросе после пролетарской революции.

[1]) Сталин.—Речь на собрании в КУТВ.

Тов. Ваганян пытается опереться на Ленина, Лениным обосновывать свои ошибки в вопросе о национальной культуре. Трудно подыскать лучшие образцы того, как можно «использовать букву марксизма против духа марксизма»,—лучшие, чем дает тов. Ваганян! Его ссылки на Ленина показывают, как нехватает в его «теории» понимания исторической обстановки, значения связи с ней лозунгов и всей политики партии, как мало диалектики, замененной в очень и очень многих случаях ловким жонглерством цитатами и сильными фразами.

Действительно, Ленин в 1913 г. (особенно в «Критических заметках по национальному вопросу») очень основательно сказал о «национальной культуре». Но *как* сказал, *когда, в какой связи* обстоятельств, *против кого?*—разве может серьезный марксист ссылаться на Ленина без ответа на эти вопросы.

Правильно, Ленин говорит:

> «Буржуазия всех наций в Австрии и в России под лозунгом «национальной культуры» проводит на деле раздробление рабочих, обессиление демократии, торгашеские сделки с крепостниками о продаже народных прав и народной свободы.
>
> Лозунг рабочей демократии не «национальная культура», а интернациональная культура демократизма и всемирного рабочего движения. Пусть буржуазия обманывает народ всякими «позитивными» национальными программами»[1]).
>
> «Прикрывается буржуазная (и буржуазно-крепостническая) тенденция лозунгом «национальной культуры». Во имя национальной культуры—великорусской, польской, еврейской, украинской и проч.—обделывает реакционные и грязные делишки черносотенцы и клерикалы, а затем и буржуа, всех наций»[2]).

Ленин спрашивает:

> «Допустим ли для марксистов, прямо или косвенно, лозунг национальной культуры, или обязательно против него проповедывать на всех языках, «приноровляясь ко всем местным и национальным особенностям—лозунг интернационализма рабочих»?[3]).

И отвечает:

> «Лозунг национальной культуры есть буржуазный (а часто и черносотенно-клерикальный) обман. Наш лозунг есть интернациональная культура демократизма и всемирного рабочего движения»[4]).

Против чего выступает здесь Ленин? Против раздробления рабочих, против обмана их националистическими лозунгами, против буржуазного национализма на место пролетарского интернационализма, *против лозунга «национальной культуры», как прикрытия для политики буржуа, крепостников, черносотенцев и клерикалов.* Ленин видит, что именно лозунг «национальной культуры» превращен буржуазией в крепчайшее орудие в условиях тогдашней современности (1913 г.),—он говорит:

> «Национальная культура буржуазии есть факт (при чем, повторяю, буржуазия везде проводит сделки с помещиками и попами). *Воинствующий буржуазный национализм*, отупляющий, одурачивающий, раз'единяющий рабочих, чтобы вести их на поводу буржуазии,—вот *основной факт современности*»[1]).

«Воинствующий буржуазный национализм... основной факт современности»! Вот почему, во имя интернационального сплочения рабочих (а Ленин видел, к какому краху двигался на всех парах Интернационал),—Ленин борется с лозунгом «национальной культуры», ставшим *боевым оружием в руках буржуазии.* Ленин борется так же против агентов буржуазии в рабочем классе, против бундовцев в данном случае, которым буржуазия вкладывает в свои руки свое оружие, он говорит о буржуазной политике Бунда:

> «Отстаивая лозунг национальной культуры, строя на нем целый план и практическую программу так называемой «культурно-национальной автономии», бундовцы на деле выступают проводниками буржуазного национализма в рабочую среду»[2]).

Есть ли у Ленина огульное отрицание национальной культуры, как лозунга, являющегося частичным относительно общего принципа равноправия наций и языков, самоопределения наций? Нет этого и не могло быть. Ленин выступает против «веры во внеклассовую национальную культуру» (стр. 43), против «противопоставления одной национальной культуры в целом другой якобы целой национальной культуре» (стр. 51), против немарксистского, бесклассового анализа, принятия лозунга без учета классового содержания национальной культуры.

И об этом очень много, очень твердо, говорит Ленин. Почему тов. Ваганян эти мысли Ленина обходит? Потому, что ему требуется провести схоластическую операцию над марксистским анализом лозунга Лениным.

Ленин говорит:

> «Интернациональная культура не безнациональна»[3]).
>
> «Есть *две нации* в каждой современной нации—скажем мы всем национал-социалам. *Есть две национальные культуры* в каждой национальной культуре. Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве—но есть также великорусская культура, характеризируемая именами Чернышевского и Плеханова. Есть такие же две культуры в украинстве, как и в Германии, Франции, Англии, у евреев и т. д.»[4]).

И тов. Ленин дает ключ к пониманию вопроса о национальной культуре:

> «*Значение лозунга национальной культуры определяется об'ективным соотношением всех классов данной страны и всех стран мира*»[5]). (Подчеркнуто мною. *А. К.*).

Сделал ли что-нибудь тов. Ваганян, чтобы по-марксистски раскрыть значение лозунга «национальной культуры» *до* и *после* пролетарской революции, чтоб проанализировать разницу в соотношении классов нашей страны, в особенности в постановке

---

1) Ленин, XIX т., стр. 40, 41.
2) Там же, стр. 42.
3) Там же, стр. 43.
4) Там же, стр. 42.

1) Ленин, XIX т., стр. 44.
2) Там же, стр. 45.
3) Там же, стр. 43.
4) Там же, стр. 50.
5) Там же, стр. 43.

национального вопроса в нашей стране теперь, вообще—в каждой стране после пролетарской революции? Ничего не сделал. Но тов. Ваганян на протяжении всей теоретической части своей книги, иногда более ясно, иногда противореча себе, сделал все, чтобы запутать постановку вопроса у тт. Ленина и Сталина и тем самым скривить линию партии в национальном вопросе, именно увлекся, вопреки предупреждениям Ленина, «пустыми общими принципами», «декламациями и фразами», вместо того, чтобы «сличать лозунги с интересами и политикой классов».

Не только лозунг «национальной культуры» меняет свое значение после пролетарской революции. Вспомнить хотя бы лозунг «защиты отечества»: сколько предательства, подлости, оппортунизма, зоологического шовинизма буржуазии связано с этим лозунгом, когда он является орудием буржуазии. Однако, никому в голову не придет поднять голос против нашего пролетарского лозунга о защите социалистического отечества. Даже в применении к угнетенной нации, когда ее борьба имеет значение выступления против империализма, Ленин считает лозунг «защиты отечества» правильным:

> «Отрицать то, что аннектированная Бельгия, Сербия, Галиция, Армения назовут свое «восстание» против аннектировавшего «защитой отечества» и назовут правильно, едва ли кто решится» [1]).

Можно и еще много примеров привести того, как новое соотношение классов дает новое содержание лозунгу, делает его орудием в руках пролетариата,—из буржуазного лозунга делает лозунгом пролетариата.

Правда, у тов. Ваганяна прорывается некоторое понимание того, что он в своих рассуждениях о культуре делает ошибки против марксизма, но он быстро отворачивается от этого признания и добавляет новые ошибки.

Тов. Ваганян пишет:

> «Помилуйте,—немедленно следует в ответ,—Ленин писал все это когда еще? То было до империалистической войны, а мы теперь решили у себя национальный вопрос. Ну, и что же? Разве этим что-либо изменяется в вопросе «о национальной культуре». Уже не говоря о том, что «национальная культура буржуазии», к несчастью, еще продолжает оставаться «фактом» на 5/6 мира,—решение нами национального вопроса не только не меняет старое решение вопроса о национальной культуре, но его только ставит еще резче и решительнее.
>
> Возражающие путают «национальную культуру», природу которой мы выше пытались выяснить, с вопросом *о культуре на национальном языке*» [2]).

Здесь в нескольких строках несколько ошибок: 1) речь идет не о том, что было «до империалистической войны», дело не в войне, а в пролетарской революции. Война сама по себе не изменила коренным образом соотношения классов, революция же изменила это соотношение в бывшей России в корне. Ссылка тов. Ваганяна на империалистическую войну, а не на пролетарскую революцию, особенно выпукло подчеркивает непонимание им всего значения для лозунга изменения соотношения классов после Октября. 2) Если «национальная культура буржуазии» продолжает оставаться фактом на 5/6 мира, пролетариат СССР не может так рассуждать, как в 5/6 мира, как в капиталистическом мире. Господство буржуазии в 5/6 мира ничуть не отменяет обязательности учесть факт господства пролетариата в одной шестой мира. 3) Применительно к лозунгу «национальной культуры» совершенно очевидно, что новое соотношение классовых сил в нашей стране внесло много нового и в соотношения сил вне нашей страны, ибо разрешение национальной проблемы в СССР дало совершенно новое яркое освещение лозунгам национальной политики во всем мире, организует рабочих и крестьян угнетенных стран мира, усиливает их наступательные позиции,—другими словами вносит много нового в национальный вопрос во всем мире. Тем самым и лозунг «национальной культуры» видоизменяется в сознании трудящихся мира, больше дифференцируется, поскольку опыт СССР дает новый осязательный смысл нашему лозунгу «пролетарская (по содержанию), национальная (по форме) культура». Опыт СССР показывает всем трудящимся, что в условиях *диктатуры пролетариата* лозунг национальной культуры становится лозунгом трудящихся. С другой стороны, опыт СССР постоянно разоблачает перед глазами трудящихся всего мира попытки буржуазии протащить под видом этого лозунга свое влияние на трудящиеся массы.

Можно было бы указать и еще ряд ошибок тов. Ваганяна,—примеров неверной, утрированной трактовки соотношения русской и других культур, вопроса об интеллигенции, о колониях, и др., можно указать на ряд противоречий в его книге,—ограничимся важнейшими вопросами, затронутыми в книге «О национальной культуре».

* * *

Нужно сказать, что Ваганян-практик гораздо ближе к правильной линии, чем Ваганян-теоретик. Очевидно, практический опыт строительства культуры хорошо поправляет теоретические вывихи и искажения, подсказывая верную постановку практических вопросов. Этих противоречий в книге много, они говорят о значительной «беглости» в проработке вопроса. Например: характерно положение тов. Ваганяна: «Интернациональная культура... не может проникнуть в сознание трудящихся данной нации иначе, как облекаясь в конкретную одежду быта и истории, близкой этой массе» (стр. 146). «Конкретная одежда быта и истории»—это уже, конечно, не «обличие» только,—это форма культуры; это уже не только «национальный язык» пролетарской по содержанию интернациональной культуры.

Кончаем.

Книга тов. Ваганяна содержит грубейшие теоретические ошибки. Их сущность: недоучет особенностей переходного периода, обусловленных большим удельным весом мелкого производства в стране, отсюда вытекающий недоучет национального момента во всем строительстве. Именно поэтому книга т. Ваганяна поддержит ошибочную тенденцию ряда товарищей в национальных организациях ВКП к «недоучету местных национальных особенностей». В ряде вопросов тов. Ваганян дает образцы того, как «используется буква марксизма против духа марксизма».

---

[1]) Ленин, XIX т., стр. 191.
[2]) Ваганян, стр. 140.

М. Рубинштейн.

К характеристике экономики Китая.

I. Промышленное развитие Китая.

Для оценки движущих сил и перспектив китайской революции громадное значение имеет ясное представление о степени и темпе промышленного развития Китая. Последние десятилетия Китай переживал глубочайшие экономические сдвиги. В их результате с небывалой быстротой менялись социальные отношения, быт, психология. Только на основе этих изменений стал возможен нынешний размах революционного движения, вовлечение в него миллионных масс. Между тем значение и быстрота этих сдвигов в экономической области обычно недооцениваются, и при их оценке делается ряд ошибок, вытекающих как из недостаточного знакомства с современным положением Китая, так и методологически неверных сопоставлений.

Например, при оценке промышленной продукции Китая рядом иностранных и русских исследователей делается совершенно никчемное сравнение с душевой нормой потребления в Соед. Штатах или Англии.

Для оценки значения пролетариата, как ударного отряда революции, основной интерес для нас представляет темп развития и абсолютная величина продукции. При сравнении этих абсолютных величин с другими странами гораздо бо́льший интерес, чем ничего не говорящие аналогии с Соед. Штатами или Англией, представляет сравнение с Россией 1905 и 1917 гг. При таком сравнении мы получаем картину, значительно противоречащую многим обычным представлениям.

Промышленное развитие Китая, как в свое время Англии и Соед. Штатов, началось с текстильной промышленности. Но темп ее роста значительно превысил все исторические примеры. За последнее десятилетие число веретен в хлопчато-бумажных фабриках современного типа увеличилось вчетверо, достигнув $3^1/_2$ миллионов.

Но число веретен не дает достаточного представления о текстильной промышленности Китая, так как на одно веретено, вследствие работы круглые сутки, там приходится в среднем втрое большая продукция, чем в Европе при обычной довоенной нагрузке. А так как текстильная промышленность Зап. Европы после войны почти повсюду работает неполную рабочую неделю, разница становится еще ярче. Так, например, Китай обладает почти таким же количеством веретен, как маленькая Чехо-Словакия. Но переработка хлопка этими веретенами за вторую половину 1926 г. была в пять раз выше, чем в Чехо-Словакии, в $1^1/_2$ раза выше, чем в Германии или Франции и лишь на 30% ниже Великобритании. Если взять данные Международной федерации хлопчато-бумажных фабрикантов о потреблении хлопка промышленностью за весь 1926 г. [1]), то мы получим следующий порядок стран: 1-е место, как и до войны, занимают Соед. Штаты, второе впервые заняла Япония, отодвинув Англию на 3-е. 4-е место, как и до войны, принадлежит Индии, а 5-е Китаю. Лишь вслед за Китаем идет СССР, а затем Германия, Франция, Италия и др.

По концентрации хлопчато-бумажных предприятий и среднему их оборудованию современный Китай стоит выше довоенной России. Среднее число рабочих на предприятие (около 2.000) выше, чем где бы то ни было в Европе.

Большинство фабрик оборудовано вполне современными английскими станками, но за последние годы основную роль в импорте текстильных машин начали играть Соед. Штаты. В то время как еще в 1917 г. все веретена и станки в хлопчато-бумажной промышленности Китая были британского происхождения, в 1926 г. имелся уже миллион с четвертью американских веретен, т. е. более $^1/_3$ общего числа. В то же время из 23.000 ткацких станков имеется 5.000 американских последних образцов. В большей части крупных фабрик машины и станки снабжены отдельными электрическими моторами, что далеко не является столь частым даже в текстильной промышленности Германии и Англии.

Таким образом, текстильная промышленность Китая (как хлопч.-бумажная, так и шелковая, на которой мы не будем здесь останавливаться), является уже весьма серьезной величиной даже в международном масштабе. Роль ее в экономике Китая, воздействие на кустарное производство, сельское хозяйство и т. п. чрезвычайно велики.

По добыче угля (22,7 милл. тонн) современный Китай стоит значительно выше России 1905 г. (15 милл. т.), немногим уступает России 1913 г. (29 милл. т.) и СССР в настоящее время.

Значительно отстал Китай, даже по сравнению с Россией 1905 г. в добыче жел. руды и металлургии,—области, где задерживающее влияние иностранного империализма сказалось особенно сильно.

О продукции металлообрабатывающей промышленности нет никаких статистических данных. Она возникла совсем недавно, но все же привела уже к развитию ряда очень сложных предприятий. Например, судостроение получило большее развитие, чем в довоенной России. Из 53 верфей Китая некоторые строят целиком очень крупные океанские пароходы, моторные суда и т. п., ничем не уступающие европейским. Значительное развитие получила военная промышленность. Многие из китайских арсеналов целиком изготовляют револьверы, винтовки, пулеметы, полевые и горные орудия, бездымный порох, даже удушливые газы. Очень характерным показателем экономических сдвигов страны является увеличение числа электрических станций с 12 в 1913 г. до 400 в 1925 г. Правда, большинство из них представляют мелкие, работающие лишь для освещения установки, но пионерское значение их в глухих районах само собой понятно.

---

[1]) «Wirtschaft und Statistik», 1927 № 4 и «Manchester Guardian Commercial», 1927, 10 марта.

2 фабрики электрических ламп—очень тонкой отрасли электрической промышленности—не только покрывают большую часть внутреннего спроса, но и работают на экспорт.

В других отраслях обрабатывающей промышленности мы также имеем ряд предприятий, по размерам и техническому оборудованию не уступающих европейским. Как характерный пример отметим хотя бы сооруженный несколько лет назад в Цинвантао завод по механическому изготовлению стекла способом Фурко, считающийся наиболее крупным и оборудованным в мире. Шанхайская электрическая станция также считается одной из крупнейших в мире и дает самый дешевый ток из всех угольных станций.

Громадная типография «Коммерческой прессы» не уступит по оборудованию лучшим европейским, превышая их размерами. Такие же примеры можно привести и из других отраслей производства. Они ярко показывают, как современная техника переносится в страны молодого капитализма в своих последних формах, сразу перескакивая через ряд промежуточных ступеней.

Эти сдвиги сказались и на внешней торговле. Сырье составляет в экспорте Китая около 73%—процент меньший, чем в довоенной России.

Экспорт чисто фабричных изделий из Китая в 1922 г. составлял 130 милл. таэлей. При этом не засчитывается играющий основную роль в экспорте шелк-сырец, причисляемый к сырью, но по существу являющийся полуфабрикатом.

Общий об'ем внешней торговли Китая за 1925 г. составлял около 2 миллиардов 700 миллионов рублей, т.-е. был значительно выше России 1905 г. ($1\frac{1}{2}$ миллиарда) и несколько выше России 1913 г. (2,4 миллиарда).

Это показывает весьма значительную степень вовлечения страны в мировой товарооборот, что сказывается, разумеется, на всей экономике страны. В дальнейшем мы еще остановимся на изложении форм воздействия внешней торговли на экономику Китая.

Обычно считают, что единственными пунктами современной промышленности в Китае являются несколько основных договорных портов—Шанхай, Ханькоу, Тянцзин, Циндао.

Для настоящего времени это неверно. Об'ездивший Китай представитель английской независимой рабочей партии Мелон несколько комично сообщает в своем отчете, как он «открыл» лежащий на жел. дороге город с миллионным населением и несколькими десятками тысяч фабричного пролетариата. При просмотре китайских экономических журналов такие «открытия» можно делать пачками. Вот, например, город Нантунчоу, быстро выросший за последнее десятилетие, насчитывающий свыше миллиона жителей, имеющий ряд вполне современных текстильных фабрик с десятками тысяч рабочих, машиностроительные заводы, спичечные и др. предприятия, кино-фабрику, большую электрическую станцию, автобусное сообщение с соседними городами и т. п. Или быстро индустриализирующиеся города Кашинг и Сиаши в Чжецзяне, где в течение нескольких последних лет новые фабрики с современными машинами быстро оттесняют домашнее производство.

В городе Ханьчжоу за один только 1926 г. пущены в ход следующие новые фабрики: 3 бумагопрядильных, 2 шелковых, 2 металлообрабатывающих, 1 завод текстильных машин и принадлежностей к ним, несколько кожевенных, ленточных, вязальных и др.

Даже в глухих западных провинциях Шеньсу и Кансу, где еще в 1915 г. не было ни одного предприятия с механическим двигателем, теперь имеется около 2 десятков средней величины фабрик современного типа.

Таких примеров можно привести десятки. Они показывают, что хотя бы ростки современной промышленности разбросаны по всей стране; их влияние на экономику окружающих районов гораздо больше, чем можно было бы судить по непосредственным цифрам производства и числу занятых рабочих.

Ленин в 1912 г. цитировал статью Сун-Ят-Сена, в которой последний, «признавая то, что признать заставляет жизнь», пишет, что «Китай стоит накануне гигантского промышленного (т.-е. капиталистического) развития, «что «через 50 лет у нас будет много Шанхаев», т.-е. миллионных центров капиталистического богатства и пролетарской нужды и нищеты». Война, как и во многих других областях чрезвычайно ускорила темп этого развития. Не через 50, а уже через 15 лет мы видим в Китае, если не «много Шанхаев», то много «кусочков» Шанхая, разбросанных по всей стране.

Разумеется, в Китае, и в особенности в китайской деревне, *чрезвычайно еще сильны остатки докапиталистических отношений, пережитков феодализма в самых разнообразных видах.* Пестрота технического уровня и хозяйственных укладов не меньшая, чем в дореволюционной России. Последние достижения современной техники уживаются рядом с допотопнейшими орудиями производства—верфи, сооружающие громадные моторные суда, фабрики электрических ламп, механизированный до последней степени стекольный завод и не изменявшиеся (по типу) столетиями деревянные станки; аэропланы, моторные лодки и автобусы рядом с человеком-лошадью, тележками с скрипучими, немазанными колесами, бурлаками, переноской тяжестей на людях на сотни верст. Деревянная мотыга, соха и приводимое в движение ногами водяное колесо рядом с интенсивнейшими культурами, кой-где с орошением при помощи электрических моторов.

Докапиталистический семейный уклад, остатки рабства, средневековых отношений закрепляются громадным развитием торгового и ростовщического капитала,—и все это существует на ряду с разнообразнейшими видами ремесла и классическими формами мануфактуры, с современной промышленностью и «последним словом» финансового капитала.

Ясно, что эта пестрота укладов не может быть изжита в короткий срок. Но в общем и целом все имеющиеся данные о современной китайской экономике показывают, что было бы совершенно неправильным представлять так стремительно выросшие в Китае ростки новейшей крупной промышленности в виде каких-то изолированных от окружающей среды «оазисов». Несмотря на то, что техника пересаживалась в Китай в своих новейших формах извне, она находила для своего развития уже в известной мере подготовленную почву. В китайской деревне натуральное хозяйство все быстрее уходит в вечность, разложение крестьянского хозяйства, его втягивание в товарный оборот, расслоение на сельскую буржуазию и с.-х. пролетариат значительно про-

двинулись в Китае вперед, несмотря на массу пережитков средневековья, задерживающего развитие капиталистических отношений, накладывающего путы на рост производительных сил.

II. Сдвиги кустарной промышленности и работы на дому.

Проникновение товарного обращения, а затем капиталистическое расслоение и разложение мелких товаропроизводителей чрезвычайно легко проследить, прежде всего, в области работы на дому, ремесла, кустарной промышленности и т. п., имеющих в Китае такое громадное распространение и значение. Откладывая вопрос об экономических отношениях *деревни* на дальнейшее, остановимся на кустарной промышленности.

В своих первоначальных формах работа на дому и ремесло почти не выходят из круга натурального хозяйства. Их продукты не являются товаром. Когда на следующей стадии ремесленники хотя бы частично становятся товаропроизводителями, продукты их не выходят за пределы крайне узкого местного рынка. Формы производства, об'ем продукции, цены и т. п. почти не изменялись в Китае многие столетия, переходили из поколения в поколение.

Проникновение капитализма вызвало глубочайшее изменение всего характера мелкого производства и работы на дому. Фабричные продукты как иностранные, так за последнее десятилетие и китайские, проникают теперь в самые глухие и отдаленные уголки страны. По замечанию одного американского обследователя, в любой деревне Китая можно купить керосин Стандарт-Ойль, папиросы Британско-Американского треста, спички, шанхайские или японские ткани, даже пресловутую жевательную смолку Рэйли. Фабричные ткани и др. изделия продаются прежде всего потому, что они оказываются дешевле домашних.

Поэтому первым и важнейшим следствием проникновения капитализма в Китай для работы на дому, ремесла и кустарной промышленности был резкий кризис, *значительное сокращение* занятых в этих отраслях рабочих рук. Вследствие несравненно большей производительности машинного труда выталкивание рабочих рук из мелкого домашнего производства идет относительно гораздо быстрее, чем развитие рынка для фабричных продуктов.

Особенно катастрофическим было падение числа занятых в хлопчато-бумажном кустарном производстве, а также в шелковом, сахарном, табачном и маслобойном, т. е. как раз в тех областях, где имело место наибольшее развитие фабричной промышленности.

Описательные материалы по отдельным провинциям дают несомненную картину резкого кризиса в ряде отраслей мелкого производства под влиянием проникновения фабричных изделий, ухода и разорения значительных масс кустарей. Лишь небольшая часть ремесленников и кустарей поглощается ростом фабричной промышленности. Остальные тщетно пытаются найти применение в переполненном сельском хозяйстве.

Оставшиеся в кустарной промышленности и ремесле держатся лишь посредством дальнейшего понижения потребностей, удлинения рабочего дня, усиления интенсивности труда. Доход их большей частью уступает даже нищенской зарплате рабочих крупной промышленности. Санитарная обстановка труда в жалком, переполненном жилом помещении еще хуже, чем на фабрике, работа всей семьей продолжается по 14—16 часов в сутки. Эта отчаянная, хотя и безнадежная конкуренция с фабрикой посредством «добровольного» выжимания пота миллионов мелких производителей постоянно давит на условия труда фабричных рабочих, снижает их ниже самых жалких прожиточных минимумов.

Еще большее значение имеют глубокие структурные изменения кустарного производства и работы на дому под влиянием капитализма. Одновременно с общим падением мелких производств этих типов, ряд отраслей их возникает вновь, многие из старых приобретают совершенно другой характер.

Так, например, многие отрасли работы на дому и кустарной промышленности в Китае связываются с фабричным полупродуктом. Крестьянки ткут на домашних станках ткани из фабричной пряжи, изготовляют из нее кружева, вяжут носки и чулки. Продукция почти целиком идет на рынок.

Во многих районах приморских провинций кустари и работающие на дому перешли за последние годы на значительно более усовершенствованные станки и машины; часть из них пользуется при этом наемным трудом.

В Шандуне более состоятельные крестьяне устраивают в своих хижинах настоящие небольшие мануфактуры, нанимая на работу соседей. В одном лишь из районов Шандуня насчитывается в 10.000 крестьянских хозяйств, свыше 40.000 ткацких станков новой конструкции, при чем работа идет большей частью в 2 смены, так как ткачей имеется по деревням значительно больше, чем машин. Продукция целиком идет на продажу, большей частью на ярмарках, где она скупается городскими агентами; через них же покупается фабричная пряжа.

В округе Тингчоу[1] (Чжили) значительная часть населения занята домашним ткачеством, продукция которого (около 2 милл. кусков ежегодно) почти целиком вывозится в Шанси, Чахар и Монголию. Работа идет на усовершенствованных деревянных станках, часто и на железных; станки старого типа быстро выходят из употребления. Используется почти исключительно фабричная пряжа с фабрик Тсенгчоу (Хэнань), при чем характерно, что наиболее распространенная марка пряжи в этом глухом углу носит название «Аэроплан».

Совершенно такие же описания имеются и для ряда других провинций.

Все большую роль для кустарного производства приобретает торговый капитал в лице индивидуальных скупщиков или агентов более крупных фирм, снабжающих кустарей сырьем и организующих для них сбыт.

Как отмечал Ленин для России, скупщики «создают для мелких производителей крупный сбыт, отделяют производителей от потребителей, выделяют торговлю в особую функцию, в то же время связывая работающих на дому по рукам и ногам, ставя их в «беспомощное и жалкое положение». То же самое мы видим и в современном Китае, где даже в таких отдаленных провинциях, как Сычуан, значительная часть кустарного про-

[1] «Chinese Economic Bulletin», № 318.

изводства (особенно шелкового) работает на экспорт и целиком зависит от скупщиков.

Наконец, в ряде описаний мелкого производства в Китае мы видим всеобщее распространение форм, являющихся дальнейшей стадией капиталистического развития. Это—капиталистические формы работы на дому, когда скупщик, торговый капиталист, иногда даже фабрика, непосредственно раздает кустарям материал (полуфабрикат) и получает от них готовые изделия, уплачивая за работу определенную сдельную плату.

Как писал Ленин, в этих случаях «кустарь—на деле наемный рабочий, работающий у себя дома на капиталиста: торговый капитал скупщика переходит здесь в промышленный капитал».

С особенной яркостью проявляются эти формы работы на дому в быстро развившемся в приморских провинциях вязальном производстве. Не только материал поставляется здесь работникам специальными компаниями, но большей частью ими же сдаются «на прокат» и машины (часто последних американских образцов). Как в пригородах Шанхая, так и во всех почти городках провинции Цзянсу, в меньшем масштабе также в Чжецзяне, Хубее и др., выросли за последние годы многие сотни таких компаний, поставляющих на городские рынки носки, чулки, вязаное белье и т. п.

Такой же характер носит кружевное производство в Вуси, которым занято в этом районе 50—60 тысяч женщин, производящих ежегодно на миллионы долларов кружев. Продукция почти целиком экспортируется, главным образом, в Соединенные Штаты, отчасти в Англию и Францию. Ряд компаний с довольно значительными капиталами через многочисленных агентов раздают по всем деревням района нитки,—вместе со счетной книжкой каждой работницы, где отмечается выданный материал, полученный продукт и сдельная плата. Такой же характер носит в настоящее время производство кружев в окрестностях Ханькоу и в некоторых районах Шандуня.

Всюду «компрадор» снабжает рабочих на дому материалами и образцами—иногда через агентов, иногда в своей «фабрике», являющейся на деле лишь складом. Продукцию он продает экспортным фирмам, иногда, кроме того, сам открывает лавку в городе. Рабочие специализируются на разных сортах изделий. Вследствие сильной конкуренции зарплата их нередко опускается до 10—20 центов в день.

За последнее время повышение импортных пошлин в Соед. Штатах вызвало резкий кризис производства и еще большее ухудшение положения работников, целиком связанных тенетами хищнических фирм.

В типичных городках кустарной промышленности Янгчоу и Чонкинге многие тысячи семейств заняты машинным вязаньем. Машины большей частью сдаются на прокат несколькими крупными компаниями, заключающими контракты с каждым работником, где оговаривается даже определенная производительность труда. Сходные формы описываются в Чжецзяне, кое-где в Гуандуне.

Еще дальше идет зависимость работников в таких случаях, когда, напр., китайские спичечные и др. фабрики сдают в окрестные деревни коробки для оклейки женщинами на дому.

Чисто капиталистический характер приобретает постепенно и кустарное металлическое производство. Например, в районе Тянцзиня многочисленные мелкие мастерские, изготовляющие примитивные с.-х. орудия и домашнюю утварь, провели за последнее десятилетие значительное переоборудование и модернизацию. В период послевоенного «бума» (1918—21 гг.) на них был огромный спрос для ремонта и смены частей в текстильной, мукомольной и др. отраслях промышленности. Но затем, в результате кризиса, отсутствия кредитов и т. д., большая часть из них закрылась, и сохранились лишь более крупные, могущие производить ряд мелких машин, домашних ткацких станков, водяных насосов и т. п. За последние годы они работают, главным образом, на армию и превратились в чисто капиталистические предприятия. В Шанхае и др. промышленных городах выросли многочисленные предприятия такого же типа—механические, починочные и т. п. мастерские, часто пользующиеся электрическим током и довольно совершенными машинами.

Но в общем и целом кустарная промышленность показывает за последние годы тенденцию к переходу в захолустья, где ниже потребности и уровень жизни и поэтому можно навязать работникам еще более низкую заработную плату.

Таким образом, мы видим, как на ряду с общим падением числа кустарей, ремесленников и работающих на дому происходят глубокие сдвиги мелкого производства. Оно почти целиком начинает работать на рынок. Все большую роль приобретает скупщик. Резко сказавшийся во многих отраслях этих производств кризис сбыта еще более усиливает расслоение. Наконец, все большее распространение приобретает чисто капиталистическая работа на дому, как непосредственный «придаток фабрики».

Как отмечал Ленин, «домашние рабочие — самая крупная часть резервной армии капитализма, одна из форм относительного перенаселения, свойственного капитализму... Они то пригягиваются массами фабрикой, то выбрасываются скачкообразным ростом машинной промышленности».

В то же время так распространенные в Китае ремесло и мануфактура подготовляют «искусных рабочих для машинной индустрии отдают ей часть своих «виртуозов и калек разделения труда». Большая часть разнообразнейших форм кустарного производства в Китае—как и в тогдашней России—«тесно и неразрывно связана с фабрично-заводской промышленностью».

III. Экономика китайской деревни.

1. Элементы докапиталистических отношений в китайской деревне.

Было бы глубоко вредным для правильности анализа положения в Китае отрицать, замалчивать или преуменьшать громадные по распространению и значению элементы докапиталистических отношений, средневековых, полукрепостнических остатков в экономике китайской деревни.

Несмотря на проникновение новых, капиталистических отношений, нелепо отрицать и, в то же время, не трудно понять ряд важнейших явлений, свидетельствующих о величайшей экономической и социальной отсталости китайской деревни, осо-

бенно резко выделяющейся в сравнении с современными формами капитализма в городской крупной промышленности.

На каждом шагу дают себя знать остатки докапиталистических отношений, разнообразнейшие формы полукрепостнической, барщинной эксплоатации, технической, а с ней и социальной косности, пережитки патриархального родового быта.

Правда, крупное помещичье землевладение не играет в большинстве провинций Китая преобладающей роли, и обширные латифундии насчитываются большей частью лишь десятками, иногда даже единицами на провинцию. Но все же во многих районах (Гуандунь и др.), мы имеем относительно весьма крупных помещиков чисто феодального типа.

Американский профессор Вильямс, бывший поверенным в делах Соед. Штатов в Китае и проживший там 35 лет, сообщает по личным впечатлениям много интересных штрихов о быте помещиков в окрестностях *Нанкина* [1]). Вот, например, деревня, где крупнейший местный землевладелец является одновременно как бы главою клана, истолкователем законов и хранителем традиций, опекуном храма и, что еще важнее, распорядителем общественных хлебных запасов, сохраняемых в храме. Он живет в обширных и основательных кирпичных постройках вместе с семьями младших братьев и сыновей, окружен многочисленными чадами, домочадцами и слугами. Такие средневековые уголки сохранились даже в районе на юг от Нанкина, особенно затронутом восстанием тайпинов. В районах, нетронутых восстанием, их гораздо больше. Например, тот же Вильямс восторженно описывает, как «образцовую ферму», большое чисто помещичье землевладение в северном Цзянсу—основательные здания и дворы, со всех сторон окруженные стенами, крепкие амбары, доверху наполненные получаемой с крестьян пшеницей, большое количество скота и примитивных сельскохозяйственных орудий. Тут же внутри стен семейный храм и родовое кладбище. В доме, помимо многочисленной родни,—масса слуг, чисто патриахальный быт. Вильямс с восторгом подчеркивает «изобилие и довольство» этого «лэндлорда», резко выделяющееся на фоне чрезвычайной нищеты и разорения в окружающей местности.

По утверждению Вильямса, таких и более крупных поместий в части *Цзянсу* севернее Янцзы имеется немало. Одна семья владеет 400.000 му, другая—300.000, целый ряд имеют по 40—70.000 му. Более мелкие насчитываются сотнями. Многим храмам также принадлежит по 3—5.000 му. В *Чжили* и *Шандуне* есть поместья по 10.000 му. Еще крупнее поместья в *Манчжурии*. Много крупных помещиков имеется и на юго-востоке в районе *Сватоу*.

Но гораздо бо́льшее значение имеют многочисленные более мелкие землевладельцы, в китайских условиях являющиеся, однако, относительно крупными и экономически весьма мощными помещиками. Нельзя забывать, что участок, в России и Зап. Европе являющийся ничтожным, при исключительной дробности среднего китайского землевладения, чрезвычайной интенсивности, почти огородном характере основных с.-х. культур и т. п., в Китае играет совершенно другую роль. Распространенность землевладений этого типа явствует уже из данных министерства

[1]) E. Williams—«China yesterday and to- ay», 1923.

земледелия, показывающих, что 11% семей владеют почти 36% всей обрабатываемой земли, а также из самого факта широчайшей распространенности аренды.

Отношения землевладельцев этого типа с арендаторами переживают в настоящее время процесс капиталистической ломки. Но все же в них имеется еще бесконечно много остатков старины, многообразных форм *эксплоатации полукрепостнического типа посредством отработков, испольщины, кабальной зависимости, принуждения окрестных крестьян продавать свой труд задешево и т. п.*

Очень яркую картину этих форм зависимости и эксплоатации дает в своей обширной работе о сельском хозяйстве Китая немецкий агроном Вагнер [1]). Он делит китайских помещиков на четыре основных категории: 1-ая—владельцы обширных латифундий, полученных еще при широкой раздаче земель манчжурской династией князьям, генералам, придворным и т. п. особенно после восстаний, в награду за победы и т. п. Большая часть этих помещиков не живет в деревне, оставляя там лишь управляющих и через них получая ренту. К 2-й категории он относит государственных чиновников, награбивших состояния и вложивших их в землю посредством скупки участков у разорившихся крестьян. Крестьяне часто остаются на той же земле в качестве арендаторов, иногда за полученные деньги несколько подправляют свой инвентарь, но зато попадают в зависимость к землевладельцу, очень часто напоминающую крепостную. 3-ей категорией являются храмы и монастыри, и 4-й—купцы, скупающие земли.

Очень часто арендатор, попавший в долги, вынужден отдавать землевладельцу и весь инвентарь. Иногда он «закладывает» и свою личную свободу, переходя в полукрепостное состояние, признаваемое в Китае и законом. Иногда помещик покупает у крестьян детей, которые бесплатно служат ему. Когда они вырастают, хозяин женит их; они должны работать на него всю жизнь на хозяйской земле, или получают в аренду клочок земли на крепостнических условиях. Таких полукрепостных крестьян в Китае, по утверждению Вагнера, значительно больше, чем обычно думают. Очень часто они живут в домах, являющихся собственностью помещика, зависят от него во всем, не смеют войти в его дом, должны говорить с ним лишь на коленях, по его приказу выполнять всевозможные работы, бросая работу на своем участке.

Такие же элементы докапиталистической кабалы очень часты и в отношениях с торговым и ростовщическим капиталами, закрепляющими докапиталистические способы эксплоатации, обрекающими массы на пауперизацию. Значительная часть торгового и ростовщического капитала, несомненно, задерживает развитие капиталистических отношений в деревне, несмотря на распространение многообразных форм переплетения докапиталистических методов эксплоатации с капиталистическими.

Деятельность торгового капитала приобретает чрезвычайно широкий характер. Например, в рисовых районах в районе Вуху [2]), крупнейшем по экспорту риса в Китае, имеется не-

[1]) W. Wagner—«Die Chinesische Landwirtschaft», Berlin. 1926 г.
[2]) «Chinese Econ. Monthly», февраль 1926 г.

сколько десятков довольно крупных оптовых и комиссионных фирм, агенты которых имеются в каждой деревне округа. В самом Вуху существует своеобразная рисовая биржа с образцами, выкриками цен, телеграфными сообщениями из Шанхая и т. п. В сезон сбора в гавани скопляются тысячи джонок со скупленным в округе рисом, который полируется в оборудованных современными машинами предприятиях, а затем экспортируется крупными партиями в Шанхай, Чифу, Нингпо, Кантон и др. В меньшем масштабе такие же торговые рисовые центры существуют и в других районах.

Но, понятно, еще более значительной является роль торгового капитала при скупке бобов, хлопка, шелка, имбиря, чая и т. п., которые крестьянин должен продать во что бы то ни стало.

Значительная часть этих продуктов идет не только в другие провинции, но и на внешние рынки, при чем в последнем случае они в конечном счете концентрируются почти целиком в руках иностранных экспортных фирм. Этим путем создаются те щупальцы, посредством которых влияние иностранного капитала проникает в самую глубь с.-х. районов страны к миллионам крестьянских хозяйств, выкачивая из них громадные сверхприбыли. На крестьянстве же это сказывается разорением, обезземеливанием, пауперизацией огромных его масс.

Такое же значение имеет и *ростовщический капитал*. Ряд описаний из разных провинций говорит, что при малейшей случайности в крайне ненадежном и неустойчивом мелком и даже среднем хозяйстве крестьяне должны прибегать к займам. Но раз попав в руки деревенского ростовщика, маломощный крестьянин не имеет почти никакой надежды высвободиться. В Хунани по данным вышеотмеченного обследования, обычные проценты ростовщику составляют 5—10% в месяц, т.-е. 60—120% в год, иногда они доходят до 30% в месяц, т.-е. 360% в год.

В Хубее и ряде других провинций ростовщик очень часто является скупщиком будущей жатвы, за которую он платит значительно менее ее стоимости даже на местном рынке. В Гуандуне ростовщик часто собирает арендную плату в качестве процентов по займу.

Нужно, впрочем, отметить, что в ряде случаев мы все-таки имеем превращение торговой и ростовщической эксплоатации в капиталистическую в истинном значении этого слова,—вернее слияние в одном лице представителей и той и другой. Эти слои собирают арендную плату, отдают деньги в ссуду под залог земли или продукции, скупают крестьянские продукты, и занимаются одновременно *торговым земледелием при помощи наемных рабочих* или первоначальной обработкой с.-х. продуктов.

В некоторых отношениях задерживающим капиталистическое развитие фактором являются также *стихийные бедствия*. Для значительной части районов страны это регулярные и очень часто повторяющиеся явления. По подсчетам одного американского экономиста за 50 лет до 1900 г. в Китае погибло от засухи, наводнений, голода и крестьянских восстаний около 47 милл. человек [1]). В районах у Желтой Реки наводнения повторяются почти каждые три года, приводя к потере до 50% урожая, при-

[1]) «Readings in Economics of China», Shanghai, 1921.

нуждая потерпевших к займам под заклад земли, значительная часть которой остается таким путем в руках ростовщиков.

Такую же роль играют *гражданские войны*, сопровождающиеся разорением целых провинций, уничтожением полей, угоном скота, уводом мужского населения для переноски снаряжения и т. п.

Но в то же время войны, поставившие в современном Китае под ружье около $1\frac{1}{2}$ миллиона человек, ознакомившие их с современной военной техникой, перебрасывавшие огромные слои из провинции в провинцию, несомненно ускорили разрушение патриархальных отношений, быта, психологии.

Еще большую роль имеют *налоги*, также чрезвычайно выросшие за последние годы, всей своей тяжестью ложащиеся на низшие слои крестьянства и городскую бедноту. В то же время значительная часть их прилипает к рукам местных сборщиков, джентри и т. п.

В результате чрезвычайно быстрого развития всех этих факторов за последние годы, в особенности обострения гражданских войн, роста налогов и т. д., темп обезземеливания, разорения, обнищания, пауперизации, был за этот период особенно значительным. Ежегодно сотни тысяч, быть может, миллионы крестьян, как бы цепко они ни держались за свой клочок поля, должны бросать землю, «раскрестьяниваться», вливаться в гигантскую армию безработных, лишь в небольшой части поглощаемых наемным трудом в деревне и в городе, ибо рост пауперизации не сопровождается соответствующим по темпу превращением торгового, ростовщического капитала в производительный капитал.

В самих крестьянских хозяйствах имеются основы отсталости, докапиталистической косности и неподвижности, каковыми являются самые методы производства, почти не менявшиеся тысячелетиями, поглощающие массу ручного труда, применяющие лишь самые примитивные орудия. До сих пор господствует деревянная соха и мотыга, молотьба цепами, каменными катками или тяжелыми молотами, веяние по ветру и т. п. До сих пор крестьянин всецело зависит от капризов природы, засухи, наводнений, причин которых он не понимает и с которыми бессилен бороться.

Эта зависимость неизбежно рождает культурную отсталость, забитость, суеверие, предрассудки, знахарство.

Эта отсталость усугубляется тем, что, несмотря на всю быстроту проникновения рыночных отношений, значительная масса крестьянства все еще почти всю свою жизнь не выходит за пределы своей деревушки, живет слухами, говорит на своем диалекте. Каждое путешествие в соседний городок является событием на многие годы.

На этой же производственной основе сохраняются до сих пор многочисленные остатки патриархального семейного быта и клановых родовых отношений.

Часто вся китайская деревня состоит из членов одного клана, глава которого является старшиной деревни. Роль этих старшин очень велика. В одних районах земельная собственность не делится в роду несколько поколений,—в других делится поровну между всеми сыновьями на мельчайшие участки, но при этом сохраняется вмешательство кланового совета. До сих пор сохранились еще разные формы помощи клана своим наи-

более разоренным членам, а также остатки коллективной ответственности перед властями. На юге происходят еще до сих пор своеобразные «частные» войны разных кланов.

Остатки этих отношений сказываются даже во внешнем виде деревень, очень часто окруженных стенами, до сих пор запирающих на ночь ворота.

Наконец, остатки крепостничества и докапиталистических отношений сказываются с особенной силой в политической надстройке—в полнейшем бесправии крестьянства, чудовищном произволе властей, взяточничестве, невероятном бюрократическом аппарате, судах, наемных армиях и отрядах миньтуаней, в земельном налоге, взамен которого крестьянин не получает решительно ничего, в ряде других налогов, создающих крупнейшие затруднения для торговли и т. д.

Все это показывает, какие огромные задачи стоят еще перед буржуазным этапом революции в китайской деревне. Аграрная революция должна и в Китае произвести радикальную «чистку средневекового хлама», вымести все остатки докапиталистических отношений и распорядков «азиатчины», кабалы и раздробления крестьян на тысячи мелких делений, средневековых разрядов, сословных категорий, раскрыть «крестьянское гетто». Этим революция не выходит еще за рамки буржуазной. Но и в Китае, так же, как в свое время в России, все яснее сказывается «контрреволюционность буржуазии в крестьянской буржуазной революции» и неизбежность поэтому проводить аграрную революцию против крупной буржуазии силами рабочего класса, подавляющего большинства крестьянства и городской мелкой буржуазии. Условия, необходимые для возникновения и упрочения этого союза, созданы тем, что, несмотря на распространенность и задерживающую роль всех вышеотмеченных докапиталистических отношений, мы имеем уже за последние десятилетия начало глубочайшей ломки и встряски китайской деревни проникновением капитализма.

2. Проникновение капитализма в деревню.

При ознакомлении со всеми конкретными описаниями экономики современной китайской деревни процесс расслоения китайского крестьянства, охвата его товарным обращением, выделения на одном полюсе крестьянской буржуазии, на другом явного или скрытого сельскохозяйственного пролетариата становится совершенно несомненным.

Известные данные китайского министерства земледелия, обработанные т. Волиным, показывают, что (в округленных цифрах) на собственной земле работают лишь около 50% китайского крестьянства, 28% являются чистыми арендаторами и 22% полуарендаторами.

При всей ненадежности этих данных (странной при состоянии китайской статистики является уже их чрезмерная точность — 49,5% и т. п.) и вообще невозможности выводить общие средние для всех, глубоко различающихся по климату, с.-х. культурам, методам обработки и т. п., областей Китая, а также при всем обилии отношений крепостнической эксплоатации в китайской деревне,—в частности у арендаторов и полуарендаторов,—эти цифры все же дают известную картину расслоения. Материалы по отдельным провинциям, особенно Центрального Китая, дают картину еще большего расслоения крестьянских масс.

Так, недавно опубликованные данные по провинциям Хунань и Цзянси[1]) дают следующий состав крестьянства:

Округа.	с.-х. рабочих.	арендаторов.	полуарендаторов.	собственников.
Хунань.				
Baokhin	20%	35%	25%	20%
Chensian	25	45	13	17
Leian	15	40	31	14
Цзянси.				
Wansian	5	20	30	45
Tsian	5	15	70	10
Nanuan	5	35	50	10

Эти данные говорят о значительном расслоении крестьянства. Они в значительной степени подтверждаются более старым сообщением американского консула [2]), считающим, что в Хунани не менее 75% крестьян являются арендаторами.

Снова обращаем внимание на то, что в большинстве провинций преобладает еще выплата аренды натурой. Часто встречается еще и отработочная аренда, являющаяся лишь полуфеодальной формой получения бесплатного труда. Но в то же время ряд сообщений говорит о процессе вытеснения натуральной аренды денежной, который хотя и не идентичен развитию буржуазных отношений, но, несомненно, свидетельствует хотя бы о росте этих последних [3]).

Показатели расслоения крестьянства мы находим и в *пользовании инвентарем.*

Во всех районах Китая, где применяется рабочий скот, низшие слои крестьянства вынуждены в рабочую пору арендовать его у кулаков. Так, в описании сельского хозяйства Хубея [4]) сообщается, что «бедные крестьяне» должны нанимать для приведения в действие водяных колес буйвола или корову у богатых соседей, при чем некоторые крестьяне держат для сдачи «на прокат» беднякам специальные стада, иногда по нескольку сот голов (для Центрального Китая—громадное количество). Нанимающие скот платят поденно натурой или деньгами и должны, кроме того, вносить в виде залога ½ стоимости животного, для чего большей частью входят в долги. О таких же формах найма скота говорится в описании района Цзюцзяна.

В тех районах, где оросительные сооружения приводятся в действие человеческой силой, многие крестьяне нанимают рабочих для их вращения. Надо отметить ничтожные пока по количеству, но очень характерные начатки орошения полей при помощи электрических моторов и насосов в пригородных районах в Цзянсу, Чжецзяне и Фуцзяне [5]). Например, в районе Чангчоу в 1926 г. орошались таким путем около 40.000 му рисовых полей. Быстрое распространение получили в тех же провинциях и Аньхое также насосы, приводимые в действие небольшими керо-

[1]) «Chinese Economic Bulletin» № 308.
[2]) «Commercial Handbook of China». Washington, 1921.
[3]) «The Chinese Economic Monthly», июль 1926 г.
[4]) «Chinese Economic Jurnal», 1927, № 2.
[5]) «Chinese Economic Bulletin», 1927, №№ 300 и 318.

синовыми или нефтяными двигателями. Они появились лишь 5 лет назад, но в 1926 г. их действовало уже больше тысячи в одном лишь районе Шанхай—Нанкинской ж. д. Несколько заводов в Шанхае были почти целиком заняты их изготовлением. Каждый из таких моторов заменяет в среднем 100 рабочих, при чем расходы по эксплоатации составляют лишь $^1/_6$—$^1/_5$ расходов на ручной труд. Однако, приобретение их доступно лишь об'единениям богатых крестьян, образующих ирригационные компании и берущих за орошение полей по 1—2 доллара с му.

О степени проникновения в деревню *товарного обращения* говорят уже многочисленные сообщения об экспорте риса из одних районов и импорте его другими.

Из всей продукции риса в Китае четверть идет на потребление одних лишь городов. А кроме того, значительные районы чисто земледельческого характера живут, главным образом, ввозным рисом.

В некоторых районах северного и западного Китая, крестьяне, производящие довольно значительные количества риса, потребляют его лишь как роскошь по праздникам, обычно питаясь гаоляном и просом.

Нечего и говорить о Манчжурии, где больше половины продукции сельского хозяйства идет на экспорт [1]). Из сбора бобов экспортируется почти половина, проса свыше 90%, других злаков свыше половины, и только гаоляна $^6/_7$ потребляется на месте.

Во всех районах Китая стремительно растущие денежные налоги, постепенная замена натуральной аренды денежной, прогрессирующее вытеснение домашней промышленности фабричными товарами и ряд других экономических сдвигов заставляют подавляющую массу крестьянства продавать все большую часть своей продукции. «Нельзя жить, не продавая». Часто низшие слои крестьянства продают рис после урожая, а затем вынуждены покупать его.

Само собой понятно, что целиком преобладающую роль играет рынок при *промышленных культурах*, имеющих в современном Китае весьма большое распространение почти во всех провинциях.

Так, например, в одной лишь провинции *Хубей*, где нехватает рису и значительные количества его импортируются, ежегодно производится около полутора миллионов пикулей хлопка, 12,3 милл. разных бобов, 300.000 табаку, 75.000 чаю, 150.000 коконов, кроме того, разводятся в большом количестве разнообразнейшие растения для производства жиров, текстильных волокон, затем сахарный тростник, фисташки и мн. др. В связи с этим почти все крестьяне провинции заняты в той или иной степени работами на рынок—шелководством, чайными плантациями, свиноводством, продажей яиц, маслобойками, изготовлением лаков, прядением, ткачеством, рыболовством, дорожным строительством, и т. д.

В районе *Цзюцзяна* (провинция Цзянси) также рис импортируется, а крестьяне сеют бобы, хлопок, разводят на продажу свиней, кур и т. п. Соответственно этому характеру культур, а также в результате плохих урожаев с 1921 г. расслоение

[1]) «Chinese Economic Bulletin», № 291.

зашло здесь особенно далеко и подавляющее большинство крестьян являются арендаторами.

В районе *Тингчоу* (Чжили) 60% обрабатываемой земли находится под хлопком, и значительная часть крестьян занята ткачеством на дому, продукты которого вывозятся в зап. провинции и Монголию.

В районе *Чангчоу* (Цзянсу) почти все крестьяне занимаются шелководством или продают тутовые листья соседям. По всей провинции Цзянсу разбросаны сотни заготовительных агентур, скупающих у крестьян коконы, подвергающих их сушке и продающих на фабрики.

В *Чжецзяне* огромную роль играет хлопок, которого ежегодно экспортируется из провинции на 16 милл. долларов. Весь хлопок скупается агентами перед сбором, обычно по дешевке, и попадает в руки нескольких десятков фирм. Многие землевладельцы собирают арендную плату также хлопком, который понятно, немедленно продается. В некоторых районах Чжецзяна многие рисовые фермы за последние годы постепенно превращаются в табачные плантации. То же в *Шандуни* и ряде других провинций, при чем основными скупщиками табачных листьев (часто еще на корню) являются Британско-Американский табачный трест и другие крупные компании. Во многих случаях они раздают крестьянам семена табака в виде задатка и рядом других мероприятий (регулированием цен и т. п.) целиком связывают широкие слои крестьянства.

В районе *Кашинга* 30% обрабатываемой земли занято тутовыми плантациями. Большое значение имеют там также посевы имбиря, требующие вложения довольно значительного капитала и производимые лишь состоятельными крестьянами при помощи наемного труда. Но и у них продукция целиком скупается еще на корню городскими скупщиками и идет на вывоз.

В районе *Сиаши* шелководством занято почти все крестьянские дворы. В городке имеется 5 фирм с очень крупным оборотом по сбору коконов у крестьян и 12 дельцов, экспортирующих каждый год на 10 милл. долл. риса.

В *Фуцзяне* важнейшую роль в сельском хозяйстве имеет чай, экспорт которого из провинции за границу составляет свыше 30 милл. долл. ежегодно.

В *Гуандуне* значительную роль играют тутовые плантации и шелководство, чай, сахарный тростник, в пригородных районах разведение фруктов на продажу.

То же самое можно проследить почти по всем провинциям Китая. Повсюду значительная роль технических культур, очень интенсивных и трудоемких, почти целиком идущих на рынок и большей частью возделываемых при помощи наемных рабочих рук. В масштабе всей страны мы видим все более развивающуюся специализацию земледелия, выделение и обособление районов с преобладанием торгового зернового хозяйства, хлопководства, шелководства и др.

В значительной степени торговый характер носит и скотоводство, развитое в северных и северо-западных провинциях и поставляющее свои продукты (мясо, кожа, шерсть) на мировой рынок.

В ряде приморских провинций, долине Янцзы и некоторых других районах все большее значение приобретает мелкое животноводство, при этом продукция почти совершенно не потребляется крестьянством, а целиком идет на вывоз. Очень крупные размеры принял, например, за последние годы экспорт за границу яиц и яичных препаратов. Мороженых яиц вывозится ежегодно на 7 милл. таэлей, а высушенного белка и желтка на 17 милл. Сушка производится в прекрасно оборудованных предприятиях (большей частью на конвейерах) в Ханькоу, Нанкине, Шанхае, городках вдоль Великого канала, Циндао, Цзинани и др. В прилегающих районах сбор яиц играет большую роль в крестьянском хозяйстве. В Нанкине имеется крупнейшее английское предприятие «Международная Экспортная Компания», ежегодно вывозящее в Англию на много миллионов долларов яиц, мороженых кур, мяса, перьев, бобов, растительных и животных жиров и т. п. Яйца и скот она собирает из 4-х провинций, перерабатывая их в своих предприятиях и сохраняя в огромных холодильниках.

Первоначальная *техническая обработка с.-х. продуктов* приобретает все большее значение и в других отраслях, всюду получая чисто капиталистический характер.

Так, например, механические предприятия по полировке риса, очень часто оборудованные весьма совершенными американскими машинами, стали важным элементом промышленного развития на Янцзы и в других районах. В хлопковых районах большое распространение получили предприятия по очистке хлопка от семян (cotton ginning). В бобовых районах—маслобойные предприятия разных типов и размеров. С чайными плантациями связаны предприятия полумануфактурного типа по сортировке и упаковке чая. В приморских районах довольно значительное развитие получила консервная промышленность. Тесно связана с чисто торговым табаководством стремительно выросшая в Китае табачная промышленность. Распространение всех этих предприятий является важным элементом развития торгового земледелия и превращения его как бы в одну из отраслей капиталистической промышленности. Это развитие в огромной мере ускоряет вовлечение крестьянского хозяйства Китая в товарооборот, связывает его с внутренним и внешним рынком, подчиняет его торговому и промышленному капиталу, усиливает расслоение, применение наемного труда и т. п.

Таким образом, в порах китайской деревни идет процесс капиталистической ломки отношений. Капитал, превращающийся в производительный капитал, находит чрезвычайно благоприятные условия в том смысле, что к его услугам вся масса пауперизованного крестьянства, созданного хозяйничаньем торгового и ростовщического капитала, гражданскими войнами, системой налогов и т. д., и т. п.

Описания китайской деревни полны сообщениями о бродячих армиях сельскохозяйственных рабочих, переходящих в рабочую пору с места на место. По заявлению Кинга, в любом с.-х. районе Китая имеется совершенно неограниченное предложение рабочей силы за плату по 10 центов в день с пищей.

Во всех крупных деревнях Северного Китая устраиваются в рабочую пору у храма специальные биржи с.-х. рабочих, где местные богатые крестьяне громко выкрикивают свои предложения и условия работы сотням собирающихся из других районов батраков. Обычно все эти рабочие имеют где-либо в другой провинции маленький клочок земли (5—10-му), оставленный на семью. Не получив работы на одной бирже, они идут к следующей деревне [1]). Словом, в еще больших размерах происходят в Китае громадные передвижения нищего крестьянства в поисках работы (как сельскохозяйственной, так и городской), тот земледельческий «отход», который так подробно описывал и анализировал для России Ленин.

Значительные массы крестьян уходят на строительные, дорожные и т. п. работы. В Татунге (Чжили) масса крестьян уходит ежегодно на 5—6 месяцев для работы на мелких угольных шахтах, а затем возвращается на свои поля. Надо иметь в виду, что и в городской крупной промышленности Китая наблюдается чрезвычайная текучесть рабочей силы. Поэтому, через «фабричный котел» проходят в несколько лет гораздо большие массы крестьянства, чем можно судить по абсолютным цифрам фабричного пролетариата.

Если сопоставить все, что мы говорили выше, о сельскохозяйственных рабочих, крестьянах с нищенским арендованным клочком земли, подрабатывающих на стороне, отхожих промыслах, кустарях, по рукам и ногам связанных скупщиками, рабочих на дому, получающих полуфабрикаты с фабрик и т. п., станет ясно, как глубоко и далеко вглубь Китая проникли уже щупальцы капитализма.

Как писал Ленин—«несколько десятилетий капиталистической ломки делают больше, чем века предшествующей истории». Китай живет в условиях этой ломки лишь пару десятков лет, но и «ломка» идет теперь быстрее, чем в начале века.

В следующих разделах мы остановимся на роли иностранного капитала в китайской экономике и на дальнейших перспективах хозяйственного развития Китая.

(Окончание следует).

---

1) «Chinese Economic Bulletin», № 286.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

ВИЛЬГЕЛЬМ РЕПКЕ, **проф.** — «**Кон'юнктура**». Фин. изд. 1927 г. 171 стр.

Книга посвящена весьма важной, большой и, можно сказать, «модной» проблеме. Автор ставит своей задачей описание кон'юнктурных процессов и кон'юнктурных проблем. Однако, автор уделяет значительное место и теоретическим построениям, и проф. Первушин, нам кажется, прав, называя Репке новейшим теоретиком кон'юнктуры. К теоретической части книги мы прежде всего обратимся.

Буржуазная экономия подошла к проблеме кон'юнктур, отправляясь от вопроса о кризисах. Это хорошо сознает и Репке: «Около конца последнего столетия начали понимать, что за загадкой кризисов, которую старается решить поколение политико-экономов, ...скрывается вообще не менее важная загадка общего кон'юнктурного процесса» (стр. 7). Нужно отметить, что этот характерный переход от теории кризисов к теории кон'юнктур связан с не менее характерным стремлением *растворить* [1]) теорию кризисов в теории кон'юнктур.

Маркс разрешает вопрос о кризисах в неразрывной связи с анализом всей динамики капитализма. Маркс первый подчеркнул периодичность кризисов и указал на связь их с циклическим движением капиталистической системы, так что с марксистской точки зрения мысль о том, что проблема кризисов неразрывно связана с проблемой промышленного цикла, является совсем не новой мыслью.

Но у буржуазных теоретиков это положение получает совсем иную установку. Анализ кризисов, которые представляют, по словам Маркса, «реальное соединение и насильственное уравнение всех противоречий буржуазной экономии» («Теории приб. стоимости», том II_2, стр. 177—178) заменяется анализом и описанием кон'юнктурных колебаний, в которых исчезают, «растворяются» все реальные противоречия капитализма.

Такая установка сказывается и у Репке в той классификации видов кон'юнктур, какую он дает в гл. III. Мы имеем:

1. «Кон'юнктуры с длинными волнами», т.-е. то, что понимается обычно под промышленным циклом.

2. Сезонные колебания, связанные со сроками платежей и поставок, колебания, вызываемые изменением моды, и т. п.

3. Кон'юнктурные колебания, «уклоняющиеся от всякой дальнейшей систематики», т.-е. совсем случайные и неопределенные.

4. «Периоды под'емов и депрессий» или, как их называет, наприм., Кондратьев, «большие циклы». Так, в промежутке 1851—1873 гг. превышает элемент под'ема. В 1874—95 гг.—элемент депрессии.

На ряду с этим делением с точки зрения размаха во времени и пространстве, Репке делит кон'юнктуры с точки зрения вызвавшей их причины: 1) на «эндогенные», т.-е. «вызванные внутренними причинами», и 2) на «экзогенные», т.-е. «вызванные внехозяйственными событиями естественного, политического, социального, технического и правового характера».

Таким образом, в один ряд выстроены все мыслимые колебания хозяйственной жизни. При чем многие из них не имеют никакого отно-

[1]) Зомбарт—«Brauns"Archiv» B. XIX 1904 г., стр. 21.

шения к проблеме кон'юнктуры, в роде таких, которые вызывают «обычай делать рождественские подарки, страсть к украшению и путешествиям на троицу, зимние парламентские сессии, ...правильно повторяющиеся ухудшения шоколадной промышленности весной...» (стр. 38). Репке считает, что и колебания, вызываемые только-что указанными причинами, с одинаковым основанием составляют предмет теории кон'юнктур. Тем самым основное, характерное исключительно для капитализма кон'юнктурное колебание (промышленный цикл с чередованием под'ема, кризиса, депрессии), превращается лишь в *один из видов* кон'юнктур. С другой стороны, весь вопрос запутывается еще более: 1) введением «больших циклов» или «периодов под'емов и депрессий»; 2) выделением «*чисто*» кон'юнктурных движений (отделением кон'юнктурных колебаний от общего развития капитализма).

Так называемые «большие циклы» остаются весьма мистическим явлением не только у Репке, который занимается лишь классификацией, но и у тех, кто их пытается анализировать теоретически (напр., тот же Кондратьев). В действительности все признания этих циклов с продолжительностью от 20 до 50 лет настолько условны, исчисления настолько спорны и натянуты, что приводят очень многих, даже немарксистов, к отрицанию их существования. В действительности же здесь налицо попытки подогнать неравномерное развитие капитализма в разные периоды времени, в разных отраслях и на разных континентах под долговременные колебания вниз и вверх. С этой точки зрения период 1896—1913 гг. является «большим циклом» под'ема, а послевоенный распад капитализма выступает, как начавшийся «большой цикл» депрессии. Таким образом, анализ всех этапов развития и умирания противоречивой и исторически-преходящей капиталистической системы подменяется чередованием «больших циклов», «обосновываемых», в конце концов, лишь более или менее искусными математическими трюками. Неизбежность гибели капитализма исчезает вообще.

Теперь обратимся к другому — к стремлению выделить «чистую» кон'юнктуру, противопоставить кон'юнктурному движению «развитие самого общего вида», т.-е. общую линию развития капитализма (стр. 24). Такое противопоставление есть не что иное, как выхолащивание существа проблемы! Нельзя ничего понять в существе кон'юнктуры, если не рассматривать в ней проявления такого, напр., общего закона капитализма, как повышение органического строения капитала и падение нормы прибыли, *так как кон'юнктура (промышленный цикл) это—конкретный процесс расширенного воспроизводства в условиях капитализма.* Вне этого цикла, независимо от него не проявляются «общие законы». Они вплетены в кон'юнктуру. Последняя является не чем иным, как формой их осуществления!

Выхолащивание из кон'юнктурного цикла всякой связи с развитием капитализма в целом и смешение в понятии кон'юнктуры самых разнообразных явлений, какое производит Репке, вполне гармонирует с тем определением кон'юнктуры, которое он же дает на 19—20 стр. книги:

«Кон'юнктура—это есть соотношение спроса и предложения на каком-либо рынке, соотношение, в высокой степени не поддающееся исчислению и воздействию и подверженное постоянному изменению. Оценка этого соотношения зависит от того, выражается ли оно или нет в рентабельности отдельных хозяйств, обусловленной ценой и формой продажи» (19—20). ...«Суждение о кон'юнктуре и оценка ее есть функция рентабельности» (20).

Остается неизвестным, о какой хозяйственной системе идет речь, т. к. рыночные отношения существовали, напр., и в древнем Риме.

С другой стороны, критерий рентабельности и частнопредпринимательская точка зрения вносят лишь путаницу при оценке процесса во всем общественном масштабе. Наконец, определение охватывает лишь движение цен и прибылей, т.-е. лишь внешнее выражение, внешний покров основных процессов капиталистической динамики. В этом определении нет никакой связи ни с процессом производства, ни с условиями воспроизводства.

Между прочим, с частнопредпринимательской точки зрения Репке поступает правильно, когда в понятие кон'юнктуры включает, наприм., рождественское оживление. Какую это имеет научную ценность—другой вопрос.

Глава IV посвящена выяснению причин образования кон'юнктуры. Репке делит причины на две основных группы: 1) об'ективные, куда, на ряду с влиянием природных факторов, урожаем, налоговой политикой и т. д., входят и экономические факторы, и 2) психические причины.

Смешение экономических и внеэкономических причин вполне вяжется со всей установкой г. Репке, которая частью уже показана выше. Приведем пару наиболее разительных, но вместе с тем типичных для этой части примеров:

«Если производство коньков в 1921 г. жаловалось на отсутствие мороза, а фабрика зонтов—на чересчур жаркое лето и отсутствие дождей, то это служит примером того, что сила *спроса* приноравливается к колебаниям природных обстоятельств» (стр. 55).

«...*Неподдающиеся исчислению природные случайности*... взрыв азотного завода общества Баденской анилиновой и содовой фабрики в Оппау в сентябре 1921 г., который, между прочим, создал неожиданно благоприятную кон'юнктуру стекольной промышленности» (60).

«...Внеэкономическим факторам, частью имманентным всем временам, всем хозяйственным ступеням и организационным формам, нужно придать первостепенное значение. Особенно потому, что они могут доказать, что кон'юнктура, как таковая, не есть исключительно явление капиталистическое, свойственное нашей современной хозяйственной организации, но что моменты, образующие кон'юнктуры и вместе с этим при особых условиях вызывающие кризисы, имеются во все времена и при всех хозяйственно-организационных формах» (54).

Таким образом, довершается отрыв кон'юнктуры от капиталистической системы. Кон'юнктура провозглашается вечным спутником человеческой жизни.

А на стр. 80 читаем: «Без присутствия «рынка» немыслимы ...кон'юнктуры».

Здесь кон'юнктура связывается только с меновым хозяйством, но не с капитализмом. Последний «представляет изобилие кон'юнктурных возможностей». Только *возможностей*—не больше! Об органической связи нет и помину.

Отсюда совершенно понятно, почему экономические факторы (см. в главе IV) выступают как одна из рубрик в ряду причин, обусловливающих кон'юнктурные колебания. Если считать кон'юнктуру, как это делает марксистская политическая экономия, неизбежным спутником *капитализма* и если промышленные циклы рассматривать исключительно как продукт специфических особенностей капитализма, тогда анализ причин кон'юнктуры будет прежде всего сосредоточен на особенностях капиталистической системы. Все остальные факторы (колебания урожаев, «внезапное открытие» богатых золотоносных местностей и т. п.) займут подчиненное положение. А ряд факторов (в роде рождественского оживления) вообще отпадает, как не имеющий отношения к внутренней природе проблемы. У Репке основная часть анализа несколько ниже превращается в один из пунктов одной из половин главы IV. Остальная часть главы представляет на $^3/_4$ словесную шелуху.

Для дополнительной иллюстрации этого перейдем к разделу Б— психическим причинам. Мы не будем задерживаться на доказательстве той самоочевиднейшей (даже для многих немарксистов) мысли, что психические факторы являются производными об'ективных экономических процессов, а посему не только ничего не об'ясняют, но и сами нуждаются в об'яснении. Куда может привести попытка брать за исходное психические факторы, покажет пара курьезов.

Почему биржа быстрее реагирует на изменения кон'юнктуры, чем промышленность?

Маркс показывает, что биржа, имеющая дело с рыночными отношениями (товарным и денежным рынком) лежит ближе к непосредственным регуляторам системы (движению цен и прибылей), тогда как промышленность лишь позже получает соответствующие сигналы из этой же рыночной сферы.

По Репке же ответ таков: «Биржа состоит из людей, гораздо более возбуждаемых и подверженных в своих аффектах более сильным переменам, чем работающие в промышленности и торговле, именно потому, что первые (биржевики. *С. К.*) всецело живут этими аффектами» (96).

На стр. 98 дается определение «кон'юнктурного настроения»: оно «имеет со всеми массовыми психическими возбуждениями то общее, что они, не давая ясно признать свое происхождение, как эпидемия, захватывают и толкают каждого в отдельности к действиям, которые он, будучи Робинзоном, никогда не проделал бы».

Ясно, что никакого понимания кон'юнктуры подобные формулы не дают.

Никакой особой теории кон'юнктурного цикла автор не дает. Он даже не придерживается какой-либо одной теории. В гл. IV (особенно пункт 2) и двух экскурсах, следующих за этой главой, мы находим самое путанное сплетение; Репке отрицает теорию, рассматривающую кон'юнктуру, как результат денежных и кредитных отношений. Неустойчивость системы вытекает, по его мнению, из сложности связей, основанных на свободном обмене. До этого он говорит о противоречии между накоплением и потреблением, как основной причине цикла. При чем «основа противоречия находится... в динамике капиталистического хозяйства» (стр. 111). В п. 2 мы встречаем указания на несогласованность производства и потребления, на расхождение народнохозяйственных требований на капитал и частнохозяйственного образования капитала, отсюда или перекапитализация или недостаток капитала. Фигурирует в качестве одной из причин кон'юнктурных колебаний всемирный характер менового хозяйства. Далее Репке выдвигает в качестве об'яснения различную степень эластичности потребностей в благах разного рода. Отсюда неравномерность колебаний в величине спроса и возможности кон'юнктурных изменений. Наконец, мы упоминали уже о психических факторах, которым Репке уделяет очень большое внимание.

Сколько-нибудь ясной связи этих положений установить невозможно, тем менее—выделить то, что, по мнению автора, является основой теории кон'юнктур.

Гл. V и VI, которые непосредственно занимаются описанием кон'юнктурных процессов, являются единственно положительной частью книги, поскольку в них просто описываются внешние явления кон'юнктурной динамики. При чем здесь автор стихийно отбрасывает все свои предыдущие построения и ограничивается рассмотрением кон'юнктуры, связан-

ной только с экономическими факторами. Факты вынудили проф. Репке бросить всю его надуманную систематику и ограничиться эмпирическим материалом в том виде, как он является частнопредпринимательскому взору.

Последняя VII гл. посвящена задачам общественной кон'юнктурной политики. Не имея возможности заняться здесь рассмотрением вопроса о том, насколько вообще разрешима в условиях капитализма проблема смягчения или устранения кон'юнктурных колебаний, ограничимся лишь указанием на то, что сама постановка вопроса о регулировании кон'юнктуры противоречит одному из основных элементов определения кон'юнктуры, данного Репке: кон'юнктура—это «соотношение, в высокой степени не поддающееся исчислению и воздействию»... (стр. 19).

Последний момент, на котором следует остановиться, это—судьба кон'юнктурного цикла при социализме. Репке считает (см. стр. 82 и 83), что кон'юнктурные колебания не исчезнут и при социализме, потому что: 1) урегулирование анархии производства не приведет еще к уничтожению анархии потребностей, 2) колебания потребностей в средствах производства, имеющие решающее влияние на движение кон'юнктуры, останутся и при социализме, т. к. эти колебания являются неот'емлемым спутником современной техники.

Такая постановка вопроса очень характерна почти для всех новейших буржуазных теорий кризисов и кон'юнктур.

Апологетика капитализма претерпела на протяжении столетия значительное видоизменение. Начала она с отрицания вообще всяких противоречий капитализма и проповеди гармонии капиталистической системы; но сила противоречий слишком велика, чтобы их можно было теперь отрицать! Поэтому их об'являют неизбежными и при социализме и таким увековечением закрывают историческую ограниченность капитализма.

Но кон'юнктурные колебания (промышленный цикл) свойственны только капитализму. Процессы, их обусловливающие, специфически капиталистического происхождения. Существуют две основных причины цикличности капиталистического развития: 1) узкий базис потребления при безграничном стремлении к развертыванию производства, независимого от личного потребления; 2) необходимость возобновлять относительно растущий основной капитал с многолетней производственной жизнью в тех условиях, когда уровень прибыли является единственным регулятором производства. Весьма сложная проблема *планомерного* возобновления оборудования возникает при социализме, но цикличность в таких условиях ни с какой стороны не обязательна, хотя большие трудности отнюдь не исключены: отпадает и первая причина, поскольку производство рассчитывает на удовлетворение потребностей. Не из «анархии» потребностей вытекают кризисы, а из *ограниченности* уровня потребления широких масс и стремления капитала к безграничному расширению.

Опыт 1921—26 гг. в СССР показывает, что даже при наличии моря крестьянских хозяйств внутри страны и капиталистического окружения вовне, движение экономической системы, в которой ведущую роль играет социалистическая промышленность (даже технически еще сравнительно слабая), *теряет циклический характер* (под'ем, кризис, депрессия). Хозяйственные трудности, имея в своей основе иные корни, выливаются совсем в иные формы и по-иному преодолеваются.

На стр. 69 проф. Репке утверждает, что проблему кон'юнктур «можно разрешить до конца лишь на основе удовлетворительного учения о ценности, цене, деньгах и учения о распределении». На основе правильной системы политической экономии, скажем мы. Рецензируемая книга является тому отрицательным свидетельством, ибо без правильного понимания существа кон'юнктуры не может быть, само собой разумеется, и правильной систематики ее отдельных процессов и проблем.

С. Кругликов.

ЛИТОШЕНКО, Л. Н., проф.—«Емкость крестьянского рынка». Под ред. и с предисловием С. Г. Струмилина. Изд. акц. о-ва «Промиздат». 1927 г. Стр. 145. Цена 2 р. 50 к.

Изучение перспектив развития союзной промышленности в связи с взятым курсом на индустриализацию страны прямо и непосредственно упирается в необходимость изучения внешнего и, особенно, внутреннего рынка. Наше сельское хозяйство является не только сырьевой базой промышленности, но и огромной важности рынком для сбыта промышленной продукции. С этой точки зрения изучение строения и возможностей части нашего внутреннего рынка—крестьянского—представляет большой теоретический и сугубо практический интерес.

Рецензируемая работа о емкости крестьянского рынка для промизделий является—как это следует из предисловия т. Струмилина—первым выпуском подготовляемого работниками Госплана, ВСНХ и ЦСУ труда, посвященного изучению динамики внутреннего рынка в целом. «Вслед за ней особым выпуском будут даны материалы о емкости нашего городского рынка, куда мы включаем не только личное потребление внеземледельческого населения, но и все производственное потребление, связанное со строительством, работой транспорта и связи, а также оперативной деятельностью всех остальных ведомств, питающихся за счет госбюджета. Внутренней емкости рынка, представляемого самой промышленностью—цензовой и ремесленно-кустарной—будет посвящен специальный выпуск» (стр. 3).

Столь, говоря без преувеличения, грандиозный замысел труда, а также имена его участников, возбуждают большой интерес к книжке проф. Литошенко и должны заставить читателя, отнестись к ней с особым вниманием.

В основу анализа емкости крестьянского рынка автором положены материалы исследований крестьянских бюджетов, произведенных ЦСУ за три года (1922—23, 1923—24 и 1924—25 гг.). Предложенные в книжке исчисления, касающиеся главным образом, личного потребления крестьянского населения, по справедливому замечанию т. Струмилина, менее надежны, нежели скажем, исчисления, относящиеся к внутрипромышленному обороту крупной госпромышленности; «основанные на нормативных исчислениях по выборочному материалу крестьянских бюджетов, эти оценки (емкости крест. рынка. *Г. С.*), несмотря на весь свой интерес, могут быть признаны сколько-нибудь надежными только после тщательной балансовой проверки—путем сопоставления со всеми остальными данными о производстве и потреблении соответствующих групп товаров в стране» (стр. 3), что возможно будет сделать на основании вышеупомянутых, подготовляемых к печати материалов. Поэтому, ограничиваясь приведенными в работе проф. Литошенко исчислениями, особенно при отсутствии других данных, могущих быть использованными в качестве проверочных показателей, нельзя сделать совершенно бесспорных выводов относительно емкости крестьянского рынка.

Прежде, чем перейти к соответствующим выводам автора, следует покончить с внешней стороной дела. Содержащиеся в работе таблицы

разбиты на две серии. В первой серии таблиц вычислены нормы затрат на все подвергнутые рассмотрению товары (42 товара различных наименований) вместе взятые, в среднем по всем описанным крестьянским хозяйствам за три года. Во второй серии таблиц, наиболее важной и интересной, вычислен спрос на промтовары по каждому из 15 районов, в среднем на 100 душ населения [1]) по 7 посевным группам, при чем весь ассортимент товаров разбит по 12 отраслям промышленности, с выделением по каждой из них норм приобретения некоторых важнейших продуктов.

Таблицам предшествует вводная статья проф. Литошенко, находящаяся в явной «диспропорции» с приведенным табличным материалом. Судя по заявлению автора о том, что «*изучение законов строения и развития крестьянского спроса* представляет... первостепенный практический интерес для оценки перспектив развития промышленного производства» (курсив мой. *Г. С.*, стр. 9), он поставил перед своей обобщающей статьей широкую задачу. А, между тем, соответствующего поставленной задаче анализа чрезвычайно богатого и обширного табличного материала в статье не дано, и потому ее следует рассматривать скорее как небольшой комментарий автора, а не как широкое обобщение, по отношению к которому таблицы являлись бы иллюстративным материалом.

Чтобы подчеркнуть большую ценность приведенных в книжке материалов, достаточно указать, что они дают представление о том, как изменялись за три указанные года нормы приобретения каждого отдельного из 42 товаров в каждом из 15 районов и по каждой из 7 посевных групп крестьянских хозяйств; показывают степень удовлетворения отдельных потребностей в различных районах страны (табл. № 1), а также степень удовлетворения отдельных потребностей по сравнению с довоенным временем (табл. № 2); в какой пропорции расходует крестьянин свои деньги на удовлетворение отдельных потребностей (табл. № 3); дают возможность сопоставить рост крестьянского спроса на отдельные группы промышленных изделий с приростом валовой продукции соответствующих отраслей промышленности (табл. № 11) и т. д. Все это свидетельствует о большом значении работы проф. Литошенко при изучении ряда важнейших проблем планового строительства нашего хозяйства, а также при построении плановых перспектив в отношении производства и потребления промтоваров.

Перейдем теперь к некоторым основным выводам автора.

Автор совершенно правильно констатирует все более, из года в год, растущее потребление промышленных товаров. Так, напр., если в 1923—24 году общая емкость крестьянского рынка по отношению к промышленным изделиям измерялась 1.490 млн. руб., то в 1924—25 гг. она измерялась 2.280 млн. руб.—увеличение во втором году на 53,8%. Душевая норма потребления возросла, благодаря приросту населения, хотя и в меньшей степени, но все же довольно значительно: с 13 руб. 50 к. в 1923—24 г. до 19 р. 53 к. в 1924—25 гг.—увеличение на 44,7% (табл. № 10, стр. 34—35). Причину роста потребления в указанные годы по сравнению с предшествующими, по мнению автора, следует искать «прежде всего в переходе к твердой валюте...» (стр. 8) [2]). Мы

---

[1]) Собственно, в книге фигурирует не «100 душ населения», а «1 хозяйство», но по раз'яснению в «Эк. Ж.» от 19/IV-27 г. за № 88, это лишь опечатка. Нужно пожалеть, что данные на 1 хозяйство по посевным группам в книге не даны. Значимость и возможности использования цифр от этого значительно выиграли бы.

[2]) То же об'яснение находим и на стр. 37.

не думаем отрицать огромного влияния денежной реформы на все народное хозяйство, в том числе и на рост потребления крестьянским рынком промизделий. Но ни в коем случае не следует забывать о сдвижении т. н. «ножниц»,—сдвижении, падающем как раз на начало 1924—25 г.—года усиленной кампании за снижение цен на промышленные товары, предпринятой партией и советским государством. А между тем, об уменьшении раствора «ножниц», как факторе роста потребления промышленной продукции, автор упоминает лишь вскользь, да и то в чрезвычайно неуместно-осторожной формулировке: «Реальное увеличение массы приобретаемых продуктов *могло быть* (! *Г. С.*) и выше, вследствие понижения цен на промышленные изделия, происшедшие за тот же период» (стр. 34, курс. мой. *Г. С.*).

Переходя к вопросу о том, *кто*, какие *социально-экономические* слои деревни являются главными потребителями промышленной продукции, следует сказать, что *исчерпывающего* ответа на *этот* вопрос в данной работе найти нельзя. Все обследованные крестьянские хозяйства разбиты на *посевные группы*, данные же, основанные *только* на такой разбивке, не определяют экономической мощи крестьянского хозяйства и не дают ответа на вопрос, к какой социально-экономической категории хозяйство данной посевной группы принадлежит. Так, напр., многопосевное хозяйство не всегда можно отнести к хозяйствам кулацкого типа; если такое хозяйство не применяет наемного труда, не имеет доходов от промышленных или торговых предприятий и т. п.—оно относится к хозяйству середняцкого типа.

Какие же *посевные группы* крестьянских хозяйств являются главными потребителями промтоваров? Ответом на этот вопрос может служить следующая таблица, приводимая нами в сокращенном виде (стр. 30):

Таблица № 8.

Приобретение продуктов промышленности сельским населением в 1924/25 г.
(В миллионах червонных рублей).

Группы по посеву в десятинах	Население в тысячах	%%	Итого продукции добывающей и обрабатыв. промышл.	%%
II—до 2	32.692	33,2	645,7	35,6
III—от 2,01 до 4	33.596	34,1	562,6	31,0
IV— » 4,01 » 6	16.480	16,8	265,1	14,6
V— » 6,01 » 8	7.493	7,6	131,4	7,3
VI— » 8,01 » 16	6.879	7,0	151,0	8,3
VII—свыше 16	1.247	1,3	57,2	3,2
По 15 район. СССР	98.387	100,0	1.813,1	100,0

На основании данной таблицы, автор делает следующее, вполне правильное, заключение: «Сравнивая долю разных посевных групп в общей массе населения, с одной стороны, и в общей сумме спроса, с другой стороны, мы видим, что низшая и две высших по посеву группы занимают по спросу большее место, чем по числу населения, а в трех средних группах, напротив, доля населения превышает долю спроса...», при чем «две наиболее многолюдные группы хозяйств с посевом до 4 десятин дают $^2/_3$ общего спроса на промышленные изделия, а на долю остать-

ных, более крупных хозяйств, остается только $^1/_3$ всего спроса. Повышение норм приобретения промышленных изделий в сравнительно крупных хозяйствах не может компенсировать незначительного удельного веса последних, и главным потребителем промизделий остаются, таким образом, хозяйства мелкие» (стр. 31).

Мы уже указали, что распределение крестьянских хозяйств по посевным группам не может служить достаточным основанием (хотя, как известно, и является *одним из важнейших* оснований) для определения принадлежности данного хозяйства к той или иной социально-экономической группе крестьянских хозяйств. Все же с поправкой на это указание, нам кажется, можно сделать тот вывод, что главными потребителями продукции нашей госпромышленности в деревне являются основные ее социально-экономические силы—бедняцко-середняцкие массы.

Переходя к порайонной характеристике потребления продуктов промышленности (табл. № 9), оказывается, что наиболее полно удовлетворяющими свои потребности являются следующие районы: Центрально-Промышленная область, Северный Кавказ, Южно-Промышленный район и Туркменистан с Узбекистаном. На долю этих районов падает 53,8% всего промышленного спроса, при наличии в них 42,1% сельского населения СССР. К числу районов, наиболее отстающих по спросу промизделий от своего удельного веса по населению, относятся: Средневолжский, Нижневолжский, Центрально-Земледельческий, Западный и Кузнецко-Алтайский районы.

Любопытно сравнить рост крестьянского спроса на отдельные группы промтоваров с приростом валовой продукции в соответствующих отраслях промышленности. В качестве иллюстрации приведем следующую таблицу (стр. 37).

Таблица № 11.

Прирост поступлений в народное хозяйство и приобретений сельским населением продуктов промышленности в 1924/25 гг.

(В относительных величинах, исчисленных по абсолютным цифрам в черв. руб.).

Наименование отраслей промышленности	% прироста поступления	% прироста приобретений
А. Добывающая промышленность	16,4	38,7
В том числе:		
Минеральное топливо	11,7	67,5
Прочие отрасли	28,9	16,3
Б. Обрабатывающая промышленность	42,8	54,0
В том числе:		
Обработка минералов	65,0	89,8
Металлообрабатыв. промышлен.	61,1	60,5
Деревообделочная »	37,0	63,8
Химическая »	43,2	35,9
Пищевая »	37,3	46,2
Обработка твердых матер. животного происхождения	30,9	42,3
Текстильная промышленность	42,5	64,7
Прочие отрасли	57,2	62,0
Всего по промышлен.	39,8	53,8

Как показывает таблица, во всех перечисленных отраслях промышленности, за исключением трех отраслей, рост крестьянского спроса обгонял рост промышленной продукции таким образом, что по всем перечисленным отраслям спрос возрос на 53,8%, а прирост продукции на 39,8%.

Рамки рецензии не позволяют нам более подробно остановиться на имеющихся в книжке материалах. Мы ограничимся поэтому следующим общим заключением. Работа проф. Литошенко не может, конечно, претендовать на труд, в котором были бы даны достаточно обоснованные выводы о «законах строения и развития крестьянского спроса»..., которые могли бы быть положены в основу оценок «перспектив развития промышленного производства» (стр. 5). Как указывалось уже выше, сам приведенный материал требует контрольного сопоставления с рядом других данных. Далее, во вводном комментарии автора нет достаточно глубокого анализа табличного материала. И, кроме того, помещенные в книжке материалы не дают достаточного представления о потреблении промтоваров различными социально-экономическими слоями деревни, что является абсолютно необходимым для оценок емкости крестьянского рынка во всех его социальных секторах. С этой точки зрения название книги: «Емкость крестьянского рынка»—не совсем соответствует ее содержанию.

Тем не менее, приведенные в книжке материалы являются чрезвычайно ценными и полезными, как ориентировочные материалы к изучению емкости крестьянского рынка. В этом отношении мы вполне согласны с тов. Струмилиным: данный труд «ни один серьезный хозяйственник и экономист-плановик не сможет игнорировать в своей повседневной работе».

Остается пожелать скорейшего выхода в свет других выпусков предполагаемой работы, которые, несомненно, внесут много ясности в целый ряд важнейших проблем нашего социалистического строительства.

Г. Стрельцов.

Условия приема на подготовительное отделение Института Красной Профессуры.

§ 1. Подготовительное отделение имеет своей задачей подготовку к поступлению в ИКП. Срок пребывания на отделении устанавливается 2-летний.

§ 2. Подготовительное отделение имеет единую программу и на отделения не разбивается.

§ 3. На подготовительное отделение принимаются товарищи: 1) не старше 27-ми лет, 2) окончившие рабфак или имеющие соответствующую общеобразовательную подготовку и обладающие трехлетним партстажем и опытом массовой партработы (преимущественным правом пользуются рабочие и вышедшие из рабочей среды товарищи).

§ 4. Кандидаты на подготовительное отделение намечаются президиумами рабфаков столицы и крупных центров и утверждаются соответствующими губернскими или окружными комитетами ВКП(б) и ЦК нацреспублик.

§ 6. Товарищи, командируемые на подготовительное отделение, должны представить в правление ИКП (Остоженка, 53) не позднее 15-го июля с. г.: 1) заявление с указанием адреса, 2) краткую автобиографию, 3) засвидетельствованный партстаж, 4) командировку учреждения, утвержденную Губкомом или Окружкомом, а также 5) удостоверение об окончании рабфака или другого учебного заведения, 6) копию воинского документа и 7) заключение медицинской комиссии о состоянии здоровья за последние 2—3 года. Представленные документы рассматриваются мандатной комиссией.

§ 7. Допущенные мандатной комиссией вызываются на испытания в промежуток между 1 и 15 сентября 1927 года.

Примечание. В текущем году на 2-й курс подготовительного отделения прием производиться не будет.

§ 8. От поступающих на подготовительное отделение требуется знание следующей литературы:

По историческому материализму.

1. Бухарин.—«Теория исторического материализма».
2. Деборин.—«Ленин, как мыслитель».
3. Маркс и Энгельс.—«Коммунистический Манифест» с комментариями Рязанова (в изд. «Библиотечка марксиста»).
4. Сталин.—«Вопросы ленинизма».
5. Энгельс.—«Развитие социализма от утопии к науке».

По политической экономии.

1. Каутский.—«Экономическое учение К. Маркса».
2. Милютин.—«Основы экономической политики».
3. Михалевский.—«Начальный курс политической экономии».
4. Ленин.—«Империализм как новейший этап капитализма».

По истории.

1. Маркс.—«Гражданская война во Франции» (в изд. «Библиотечка марксиста»).
2. Маркс.—«Классовая борьба во Франции в 1848 г.».
3. Моносов.—«История революционного движения».
4. Покровский.—«Русская история в самом сжатом очерке», 3 части.
5. Арк. А—н.—«Три типа рабочего движения» (об Интернационале).

По вопросам партийной жизни.

1. Бухарин, Н.—«Доклады на XV парт. конференции и на VII пленуме ИККИ».
2. Доклад Рыкова на XV партконференции и прения по нему.
3. Резолюции XIV с'езда и XV конференции партии.
4. Ленин.—«Продналог». «О Рабкрине». «О кооперации». «Лучше меньше, да лучше».
5. Попов.—«История ВКП(б)».
6. Сталин, И.—Доклад на XV парт. конференции и на VII пленуме ИККИ.

Кроме того, необходима общеобразовательная подготовка в об'еме рабфака.

§ 9. В отношении материального обеспечения слушатели подготовительного отделения приравниваются к действительным слушателям ИКП.

Разверстка на подготовительное отделение.

Рабфаки:

Московские: им. Бухарина—4, им. Покровского—5, ИНХ—4, МИИТ—2, МВТУ—3, Горной Академии—2, Рог.-Симон.—3, им. Ленина—3, им. Тимирязева—2, Межевого И-та—2, Ломонос. И-та—2, Менделеевского И-та—2, Свердл. У-та—3, 1-го Мая—2, Вхутемас—2, Т. С.-Х. А.—3.

Ленинградские: Гос. У-та—4, Электр.-Техн.—2, И-та ИПС—2, Полит. И-та—4, Технол. И-та—2, Горного И-та—2, С.-Х. И-та—2, И-та им. Герцена—3, Лесного И-та—1.

Провинциальные: Казанский—2, Саратовский—1, Иркутский—1, Донской—2, Уральский—3, Пермский—2, Тульский—2, Тверской—2, Костромской—1, Ив.-Вознесенский—3, Владимирский—2, Ярославский—3, Нижегородский—3, Воронежский—1, Вятский—1, Тамбовский—1, Ульяновский—1, Дальне-Вост.—1, Омский—2, Смоленский—1, Брянский—2, Крымский—1, Тифлисский—1, Бакинский—2, Эриванский—1, Владикавказск.—1, Чувашский—1, Ижевский—1.

Парткомитеты:

ЦК ВКП(б)—5, ЦК ВЛКСМ—5, Сев.-Зап. Бюро—6, МК—10, ЦК КП(б)У—24, ЦК Белоруссии—8, Ср.-Аз. Бюро—10, Закрайком—7, Севкавкрайком—8, Уралобком—5, Сибкрайком—8, Крымобком—2, Немобком—1, Чувобком—1, Якутобком—1, Киробком—1, Башобком—1, Вотобком—1, Калмобком—1, Комиобком—1, Маробком—1, Татобком—2, Бур.-Монг. обком.—1, Дагобком—2, Каробком—1, Казаккрайком—2, Далькрайком—2, Архангельск. ГК—1, Астраханск. ГК—1, Брянский ГК—2, Владимирск. ГК—2, Вологодский ГК—1, Воронежский ГК—1, Вятский ГК—1, Ив.-Вознесенск. ГК—4, Костромской ГК—1, Курский ГК—1, Ленинградский ГК—6, Орловский ГК—1, Оренбургский ГК—1, Пензенский ГК—1, Рязанский ГК—1, Самарский ГК—2, Саратовский ГК—2, Нижегородский ГК—4, Северо-Двинский ГК—1, Смоленский ГК—1, Сталинградский ГК—3, Тамбовский ГК—1, Тверской ГК—2, Тульский ГК—4, Ульяновский ГК—2, Ярославский ГК—3.

Комвузы:

КУНМЗ—2, КУТВ—2, Свердловский—2, Ленинградский—2, ТКУ—2, ЗКУ—2, САКУ—2, СОКУ—2, ПУР—5.

Правление Института Красной Профессуры.

Редакция: **В. Астров. Н. Бухарин. В. Молотов. А. Слепков. Е. Ярославский.**

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 31 МАЯ 10

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

СОДЕРЖАНИЕ.

1927
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

Главлит № 88718. Москва. Тираж 75.000 экз.
Тип. изд-ва „Правда“ и „Беднота“, Яузский мост, Серебряническая наб., д. 23а.

К пленуму ИККИ.

VIII пленум ИККИ собрался в чрезвычайно напряженной обстановке.

Шесть месяцев назад VII расширенный пленум ИККИ следующим образом характеризовал общие тенденции современной международной обстановки:

«Общей тенденцией является антисоветская тенденция, прокладывающая себе, под водительством Англии, путь через все противоречия между империалистами. Германская западная ориентация, новейшее направление итальянской политики, Польша, система договоров между пограничными государствами, итальянско-румынский и франко-румынский договоры, деятельность Англии в Прибалтике, на Балканах, Персии, Афганистане и т. д.,—все это есть выражение указанной основной тенденции. Не подлежит также никакому сомнению тенденция к окружению Китая с целью перевести его развитие на национально-капиталистический путь под гегемонией иностранного капитала, если не удастся прямое подавление национальной революции».

Жизнь подтвердила буквально каждое слово этого анализа. Разве не развертывается на наших глазах обостренная борьба против СССР, разве не делаются бесчисленные попытки спровоцировать на войну первую Республику Труда? Разве не осуществилась с особой четкостью гегемония английской буржуазии, свирепо наступающей на английский рабочий класс (напр., билль о профсоюзах), в этом готовящемся «крестовом походе» против СССР? «Через все противоречия между империалистами», которые остаются и обостряются с каждым днем, с новой силой пробилась основная тенденция окружения СССР, сняв с порядка дня такие события, как Локарно, как англо-французский конфликт и т. д. Исключительный темп развертывания международных событий привел к тому, что сегодня уже воплотилось в жизнь то, что VII пленумом было выявлено, как *тенденция* развития международных отношений. С еще большей яркостью и остротой подтверждается этот анализ на событиях в Китае. Китайская революция—это ключ к пониманию международного положения. Уже первые серьезные победы национально-освободительного движения вызвали самое глубокое беспокойство в рядах империалистов. По мере продвижения национально-революционной армии на север, соединенные силы империалистов занимали наиболее важные стратегические пункты, захватывали китайские порты своим флотом, концентрировали в Китае свои войска. Война об'единенного блока империалистов против Китая—это важнейший фактор международной жизни. Империалистам не удалось «прямое подавление китайской революции», но им удалось перетянуть на свою сторону китайскую буржуазию, которая под напором растущего движения рабочего

класса и поднявшейся на громадную высоту аграрной революции, перешла в лагерь контрреволюции. Китайская революция, прошедшая уже через ряд серьезных поражений, но все глубже уходящая корнями в массы, все яснее показывает свое подлинное лицо не только антиимпериалистической революции, но и революции, в которой заложена тенденция перехода в социалистическую. СССР, как база мировой пролетарской революции, китайская революция, как ее великий союзник в борьбе против империализма, как мощный революционный тыл, являются основными пунктами, на сокрушении которых сосредоточивает все свои силы мировой империализм. Сейчас, как никогда, становится ясной вся гениальная сила предвидения Ленина, который указывал, что линия фронта будущего мирового столкновения будет пролегать между подымающимися революциями на Востоке, во главе которых будет стоять СССР, и мировым империализмом.

Но если действительность подтверждает правильность нашей оценки международного положения, если все яснее становятся главные тенденции международного развития, то это далеко не значит, что мы можем предвидеть конкретные формы, в которых реализуются эти основные тенденции. Ленин предупреждал международный пролетариат: «Надо об'яснять людям реальную обстановку того, как велика тайна, в которой война рождается и как беспомощна обычная организация рабочих, хотя и называющая себя революционной, перед лицом действительно надвигающейся войны». Было бы величайшей ошибкой забывать о том, что не только рабочий класс, трудящиеся массы всего мира, но и мировая буржуазия по-своему учитывает опыт мировой войны и всей полосы развития после войны. Мировая буржуазия великолепно понимает, что ей нужны новые методы, новые способы воздействия, новые лозунги, чтобы вовлечь в войну широкие трудящиеся массы, еще сохранившие в памяти жестокие, кровавые уроки войны 1914 года, массы, бывшие свидетелями и участниками ряда пролетарских революций, которые видят перед собой пример СССР.

Лучшей иллюстрацией к этому является интервенция в Китае, которая была начата под флагом так называемой «защиты жизни иностранцев», а развернулась в прямую войну против китайской революции. И тот факт, что эта война империалистов в Китае не вызвала еще достаточно сильного отпора рабочего класса Европы и Америки, то, что наличие войны в Китае недостаточно проникло в сознание европейского рабочего класса, необходимо серьезнейшим образом учесть и нам.

Надо заранее предвидеть, что в своем стремлении развернуть войну в Китае также в войну против СССР, международные империалисты применят еще более тонкие приемы. Несмотря на кампанию лжи и клеветы, которую с помощью социал-демократических прихвостней и ультра-левых ренегатов международная буржуазия ведет против СССР, им не удалось поколебать величайшее сочувствие и поддержку, которую встречает в рядах рабочего класса всего мира, растущая и крепнущая пролетарская революцая в СССР. Буржуазия держит наготове фашистские банды в окраинных с СССР буржуазных государствах, всеми силами пытаясь создать прочный блок этих государств. Своей главной задачей она поставила представить СССР, как нападающую сторону, как угрозу «цивилизованному» миру, а своим

излюбленным методом для осуществления этой задачи она избрала провокации СССР.

Все это означает, что Коммунистический Интернационал должен со всей остротой развернуть сейчас свою программу борьбы против войны, программу, которая проверена опытом войны 1914 года, программу, которую через все испытания мировой войни наша партия пронесла, сохранила, как знамя международного большевизма.

О том, что делать коммунистам в борьбе против опасности войны, мы имеем четкие, ясные указания Ленина. Исключительное значение придавал Ленин тому, чтобы поставить правильно пропаганду и раз'яснение уроков войны 1914 года. «В связи с недавним опытом войны мы должны раз'яснить, какая масса и теоретических и житейских вопросов станет на другой день после об'явления войны, отнимая всякую возможность у громадного большинства призываемых относиться к этим вопросам со сколько-нибудь ясной головой и сколько-нибудь добросовестной предубежденностью».

Надо сделать так, чтобы эти теоретические вопросы стали ясными возможно более широким кругам рабочего класса сегодня, сейчас. Ленин указывал также, что наиболее распространенным предрассудком является тот, который поддерживают в широких массах социал-демократы, а именно, что вопрос об отношении к войне прост и ясен.

Пролетариям всех стран надо уже сейчас отдать себе ясный отчет в том, какую позицию они должны занимать в войне, которую буржуазия их страны поведет против социалистического государства, которую они уже ведут против национально-освободительной революции на Востоке.

Главным лозунгом, который выдвигала наша партия в империалистической войне 1914 г., был лозунг превращения ее в войну гражданскую. Это остается абсолютно верным и сейчас. Борясь против возглавлявшегося т. Троцким течения в рядах социалистов,—течения, которое выдвинуло якобы революционный, а на деле оппортунистический лозунг «ни побед, ни поражений»,—Ленин писал: «Единственной политикой действительного, не словесного разрыва «гражданского мира», признания классовой борьбы, является политика *использования* пролетариатом *затруднений* своего правительства и своей буржуазии *для их низвержения*. А этого нельзя достигнуть, к этому *нельзя стремиться*, не желая поражения своему правительству, не содействуя такому поражению» (т. XIII, стр. 82).

За или против лозунга—«поражение своего правительства в империалистической войне»—это было водоразделом между подлинными противниками империалистской войны, между подлинными борцами за превращение империалистской войны в войну гражданскую и теми, кто, прикрываясь «надутыми фразами», на деле являлись оппортунистами.

Ленин указывал также конкретные шаги, направленные к осуществлению этих лозунгов, в том числе создание нелегальной организации, братание и поддержку массовых выступлений рабочего класса.

Меняется ли что-нибудь в нашей тактике, в наших лозунгах в случае новой войны, поскольку речь идет о тактике компар-

тии в буржуазных странах? Нет. Эти лозунги остаются в силе, приобретая, однако, другой характер и другие формы.

Война империалистических государств против СССР имеет только один об'ективный смысл: это есть война империалистической буржуазии против базы, опоры международной революции, это есть борьба против одного из отрядов международного рабочего класса, которому удалось вырваться из рамок капиталистического мира и организоваться, как рабочее государство. Борьба капиталистов против СССР—это есть борьба обреченного на гибель, но борющегося за свое сохранение империалистического строя против новой формы политической и хозяйственной организации общества, которую способен создать только рабочий класс. И в войне, которую ведет буржуазия, против пролетарского государства рабочий класс капиталистических стран должен не только желать поражения своему правительству, не только использовать его затруднения для низвержения власти буржуазии, но быть целиком и полностью *на стороне* рабочего социалистического государства. Это означает также, что коммунисты капиталистических стран, ведущих борьбу против СССР, должны призывать солдат не только к братанию, но и к прямому переходу на сторону социалистического государства. Все это относится также к борьбе империалистов против национально-освободительных движений и революций. Рабочий класс империалистических стран должен быть целиком и полностью на стороне народов, ведущих национально-освободительную борьбу против империалистов.

Совершенно ясно также, что рабочий класс должен по-другому ставить вопрос о наступательной и оборонительной войне со стороны СССР и со стороны национально-освободительной революции. Одной из форм обмана трудящихся масс в войне 1914 года была попытка со стороны буржуазных правительств при активной поддержке социал-демократов оправдать участие в войне тем соображением, что «на нас напали», «мы ведем войну оборонительную». Этот обман подготовляется снова. Французские социал-оппортунисты уже сейчас создают предпосылки для новой войны своими разговорами об опасности нападения со стороны Германии, замалчиванием стремлений «своей» буржуазии, «своего» правительства. Новый военный закон, проведенный руками социалистов во Франции, ярко окрашен в «оборонительные» цвета.

Только одна страна в мире действительно не ставит перед собой никаких захватнических задач, только одна страна ведет действительную борьбу за мир—это СССР. Сбить с толку массы рабочего класса в этом вопросе, доказать, что и СССР является таким же империалистическим государством, как и остальные, государством, которое-де хочет «на штыках нести революцию» в другие страны—над этим уже давно, с помощью ренегатов от коммунизма, работает международная социал-демократия. Но вся политика СССР, выражающая стремление обеспечить мирные условия для социалистического строительства, его реагирование на участившиеся в последнее время провокации служит достаточным доказательством тому, что действительную наступательную войну против СССР готовят империалисты, что страной, которая будет обороняться, отстаивая свою самостоятельность от капиталистического мира, является СССР. Раз'яснение

этого на основе конкретных фактов, на основе всей истории борьбы СССР за свое существование, в особенности на основе опыта интервенции империалистов против СССР—это важнейшая задача коммунистов всех стран. Необходимо раз'яснять, что в той войне, которую империалисты готовят против СССР, всякий успех рабочего государства будет расшатывать империалистический фронт, помогая рабочим капиталистических стран в их борьбе за выход из империалистической войны против СССР, в их борьбе за свержение своих буржуазных правительств и в создании союза с первым социалистическим государством рабочего класса.

Этими проблемами далеко не исчерпываются задачи коммунистов в их борьбе против опасности войны. Важнейшей задачей, которую поставил Ленин, является создание нелегальной организации для борьбы против войны. Коммунистический Интернационал имеет уже большой опыт в этом отношении: опыт русских большевиков, опыт спартаковцев, опыт борьбы коммунистов во время оккупации Рура и т. д. Изучить этот опыт, сделать его доступным широким массам членов компартии и рабочим, упорно раз'яснять, что буржуазия в подготовке войны, а в особенности после об'явления войны, сделает все возможное, чтобы разбить организации рабочего класса, которые будут вести антивоенную работу—это задача наиболее важная из всех, стоящих перед Коминтерном.

Повседневная усиленная пропаганда, раз'ясняющая все эти вопросы, пропаганда, которая должна регистрировать все мельчайшие факты, показывающие, как растет опасность войны, как империалисты готовят ее, является могучим орудием в борьбе против опасности войны. Именно сейчас громадную роль, если не в предотвращении, то хотя бы в отсрочке войны, может и должен сыграть активный отпор рабочего класса. Повышение активности рабочего класса, усиление классовой борьбы, сопротивление всем попыткам милитаризации рабочей молодежи, борьба с фашистской опасностью—это лучший залог того, что рабочий класс сумеет активно реагировать и на опасность войны.

Борьба за влияние на широкие массы рабочего класса и расширение связей с широкими массами трудящихся приобретает в свете растущей опасности войны новый великий смысл, так как эта борьба означает не только возможность усиления отпора рабочего класса, но и возможность увеличения поддержки рабочему классу и трудящимся массам революционного Китая.

Останавливаясь особо на событиях в Китае, отметим сначала, что вооруженная борьба иностранных империалистов против китайской революции представляет собою факт отнюдь не только китайского значения. Борьба с Китаем—одно из звеньев наступления капитала в мировом масштабе, кульминационным пунктом которого должна будет явиться блокада и интервенция против СССР.

В настоящий момент можно считать уже бесспорным, что шанхайская измена, которая рассматривается и провозглашается оппозиционными паникерами, как *катастрофическое* поражение китайской революции, на самом деле выражает собою ее переход в следующую, высшую фазу развития. Было бы чистейшей маниловщиной предполагать, что подобного рода переходы могут протекать безболезненно. Но в то же время надо быть очень

сильно пораженным фракционной слепотой, чтобы, за временным ослаблением, за временной утратой некоторых позиций, не видеть огромного и положительного значения происходящей сейчас перегруппировки классовых сил. Еще в декабре прошлого года VII пленум ИККИ в своей резолюции отметил, что в Китае «движение находится на пороге третьей стадии, накануне новой перегруппировки классов. На этой ступени развития основной силой движения явится блок еще более революционного характера—блок пролетариата, крестьянства и городской мелкой буржуазии... Гегемоном в движении на этой стадии все более и более становится пролетариат». Этот прогноз оправдался полностью. И попытки оппозиции изобразить дело таким образом, будто предательство Чан-Кай-Ши свидетельствует о крахе линии КИ в китайском вопросе, представляют собою лишь чудовищную, позорную клевету.

Мы видим, что уже за несколько месяцев до предательства Чан-Кай-Ши ИККИ предсказывал отход буржуазии от революции и ее переход в лагерь контрреволюции. Было бы, однако, ошибкой определять тактику революции на одном этапе ее развития, исходя из того соотношения сил, которое сложится на другом этапе. Было бы ошибкой, исходя из того, что буржуазия, представляемая Чан-Кай-Ши, предаст на третьей стадии, отказаться от ее использования на второй стадии. Между тем, именно эту ошибку старается сейчас выдать за перл политической мудрости оппозиционный блок, задним числом вопя о переоценке буржуазного крыла ГМД, о том, что с ним надо было рвать раньше, что сотрудничество с ним было не чем иным, как торможением развертывания китайской революции.

Каков итог, который мы сейчас подводим в Китае? Разбив последовательно, одного за другим У-Пей-Фу, Сун-Чаун-Фана и Чжан-Цзу-Чана, захватив основной экономический узел страны—бассейн реки Янцзы,—национальная армия и Гоминдан вышли из кантонской окраины на всекитайскую арену. Выход на всекитайскую арену, захват таких индустриальных центров, как Ханькоу, Ухан, Шанхай сопровождался и не мог не сопровождаться мощным развертыванием рабоче-крестьянского движения. При чем военный разгром милитаристов, душивших огромный район великой реки, являлся существеннейшей предпосылкой этого развертывания. С другой стороны, развязывание рабоче-крестьянского движения неизбежно должно было привести к развязыванию классовой борьбы в кантонском лагере, борьбы крупной буржуазии с пролетариатом, крестьянством и городской мелкой буржуазией. Этот процесс завершился отколом первой, предательством Чан-Кай-Ши.

В свете последних шанхайских событий становится особенно очевидной нелепость утверждения оппозиции, будто бы правительство Гоминдана представляло не что иное, как диктатуру буржуазии. Будь это так,—выступление Чан-Кай-Ши было бы совершенно необ'яснимо. С какой стати станет лидер буржуазии устраивать мятеж против буржуазной диктатуры? Если бы Гоминдан был орудием буржуазной диктатуры, то невозможно было бы понять наличность уханского правительства, борющегося с контрреволюционным центром, который Чан-Кай-Ши пытается сколотить в Нанкине. Если бы оппозиционная точка зрения была верна, то отход буржуазии от революции означал бы окончательную ликвидацию Гоминдана, как революционной организации. Между тем как на деле совершенно бесспорно, что отход буржуазии несет с собой дальнейшее закрепление и упрочение именно революционной позиции Гоминдана.

Перегруппировка классовых сил внутри Китая повлекла за собой и известную перестройку рядов в среде империалистов. Именно переход китайской революции на новую, высшую ступень, уточнение ее социального характера ставит по-новому вопрос об иностранной интервенции. *Дифференциация* в национально-революционном лагере, выделение в нем революционного антикапиталистического ядра повлекла за собой известное *сплочение* сил в контрреволюционном лагере. Глубокая пропасть, созданная 12 апреля между Гоминданом и буржуазией, в значительной степени сгладила противоречия между империалистическими группировками и создала предпосылки для установления у них более или менее единой точки зрения более или менее единой линии действия.

В чем заключалось существо разногласия между Англией, с одной стороны, Америкой и Японией, с другой, в китайском вопросе? Английский капитализм, наиболее загнивший и потому наиболее реакционный, с самого начала занял резко-враждебную позицию в вопросе о китайской революции независимо от ее социального характера. Английская буржуазия считала, что победа китайской революции *даже* как чисто буржуазной революции означала бы серьезную угрозу британскому колониальному господству. Отсюда попытки Англии организовать интервенцию уже против Чан-Кай-Ши, вождя буржуазного крыла Гоминдана. На этой стадии ей, однако, трудно было сговориться с Америкой и Японией, которые полагали, что китайская революция, как *чисто буржуазная*, представляла бы значительно меньшую опасность, компенсирующуюся перспективами вытеснения английского конкурента. Более умеренная позиция Японии и Соед. Штатов до шанхайских событий нашла чрезвычайно характерное обоснование на столбцах газеты «Джапан Таймс» от декабря 1926 года:

> «Разговоры о том, что движение в Китае—красного цвета, будто оно предназначено уничтожить существующие учреждения страны, выражают близорукую точку зрения. Даже в том случае, если иностранные державы и потеряют кое-какие из своих непосредственных выгод, в конечном счете они все же больше выиграют от создания замиренного и прогрессивого Китая».

Само собою разумеется, что под «прогрессивным Китаем» «Japan Times» понимает буржуазный Китай. Этому буржуазному Китаю американская и японская буржуазия на определенных условиях, за известную плату согласна была не мешать.

Сейчас положение изменилось. Стало очевидным для всех, что «красный цвет» движения в Китае—это не только разговоры. Факт единого фронта китайской революции, отныне являющейся революцией только рабочих, крестьян и городской мелкой буржуазии, с революционным пролетариатом Запада и в первую очередь СССР, встал во весь свой рост перед международным капиталом. И если возможны были колебания и расхождения, когда речь шла об интервенции против движения,

которое казалось движением китайской буржуазии, то этих колебаний и сомнений не будет в вопросе об интервенции против движения китайских рабочих и крестьян, в вопросе о вооруженном подавлении китайского участка мирового революционного фронта. Китайской революции придется вести борьбу с об'единенными силами иностранных империалистов и блока отечественных милитаристов и отечественной буржуазии. Это будет борьба неслыханно трудная, во много раз более трудная, чем та, которая велась до сих пор. Справится ли революция, справится ли руководящий ею Гоминдан с этими трудностями?

Сумеет ли Гоминдан разрешить огромные и усложненные военные задачи, которые перед ним стоят? Вне всякого сомнения, сумеет, если он правильно разрешит стоящие перед ним политические задачи, если он будет вести правильную революционную политику. Противопоставление военных и политических задач, находящее свое выражение в формуле тов. Чен-Ду-Сю: «углубление революции лишь после ее расширения» в корне неверно в корне ошибочно точно так же, как в корне неверно находящее свое выражение в криках оппозиции *игнорирование* задач антиимпериалистской борьбы, задач борьбы против милитаристов.

Недавно опубликованная резолюция по аграрному вопросу V С'езда Китайской Компартии свидетельствует о том, что, вопреки клевете, распространяемой относительно нее нашей оппозицией и ее ультра-левыми подголосками за границей, китком-партия достаточно отчетливо осознала стоящие перед нею задачи. Сформулированная в этой резолюции программа конфискации земельных владений джентри и земельного передела, осуществление которой приведет к национализации земли—эта программа послужит твердой основой для закрепления и упрочения роли пролетариата, как гегемона китайской революции.

Вопрос о гегемонии пролетариата в китайской революции на данной стадии развития становится центральным. Только при гегемонии пролетариата, только под его руководством может завершиться окончательной победой аграрная революция.

Каким образом, в каких организационных формах осуществима гегемония пролетариата в китайской революции? Мы должны со всей четкостью заявить, что на нынешнем этапе единственной исторически данной организационной формой союза китайских рабочих и крестьян, союза, в котором руководящую роль может и должен завоевать, уже завоевывает пролетариат,—является Гоминдан. Непонимание этого положения означает полное непонимание механики развертывания революционного процесса в Китае.

Оппозиция выдвинула разбитую вдребезги фактами теорию, согласно которой Гоминдан является орудием буржуазной диктатуры. Необходимым логическим выводом отсюда было требование выхода китайской компартии из Гоминдана, ибо, в самом деле, очевидно, что коммунистическая партия не может оставаться в рядах организации, осуществляющей буржуазную диктатуру. Совершенно ясно, что это требование имело в своей основе глубокое неверие в возможность для китайского пролетариата и его партии отвоевать в рамках Гоминдана у буржуазии руководство крестьянством и мелкой буржуазией, составляющими главную массу ГМД. Сейчас о выходе компартии из ГМД

оппозиция уже говорить не решается. Но она протаскивает эту же «идею» в другом выражении, когда требует *немедленного* создания советов рабочих и крестьянских депутатов. Оппозиция фактически требует создания советов *для борьбы* с Гоминданом и его правительством, которое с ее точки зрения является буржуазным, является силой, тормозящей развертывание революции. Гоминдан—орудие буржуазной диктатуры, компартия должна выйти из Гоминдана; в противовес Гоминдану и для борьбы с ним необходимо *немедленное* создание советов—такова цепь оппозиционных посылок и выводов, цепь гнилая в каждом своем звене и в целом представляющая собою оппортунистическое искажение действительного положения вещей, намечающая пораженческую линию китайской компартии, которая является кратчайшим и вернейшим путем к гибели как самой компартии, так и революции.

Задача заключается не в том, чтобы через советы мобилизовать массы на борьбу с Гоминданом. Задача в том, чтобы возможно более широкие массы вовлечь в Гоминдан. Демократизация Гоминдана, всасывание новых и новых отрядов трудящихся как в индивидуальном порядке, так и через коллективный прием, через включение в ряды Гоминдана профессиональных союзов, крестьянских союзов, крестьянских комитетов, арм. организаций—вот что сделает Гоминдан еще в большей мере, чем сейчас, орудием *масс* в их борьбе за свое национальное и классовое освобождение. Только таким образом Гоминдан сумеет разрушить старую государственную машину, забитую продажными и реакционными чиновниками, крепко овладеть армией и военным аппаратом, создать не только наверху, но и внизу подлинно-революционную народную власть. Только проводя в ГМД *эту* линию, китайские коммунисты могут осуществить историческое призвание своего класса.

Великая китайская революция теперь теснее, неразрывнее, чем когда бы то ни было раньше, связана с мировой революцией, больше, чем когда бы то ни было раньше, является ее составной частью. Наступление на нее мирового империализма—этап и звено общего наступления мирового империализма на международный пролетариат. Застрельщиком в этом наступлении является английская буржуазия. При помощи желтых «рабочих» вождей она разгромила всеобщую и угольную стачку, проводить билль, кастрирующий профсоюзы, и, закрепив таким образом, тыл, ринулась в Китай и готовит прыжок в СССР. Интервенция в Китае—это ступень к интервенции в СССР, к новому кровавому побоищу, которое всячески провоцируется налетами на наши представительства, взломами сейфов, фабрикацией и публикованием фальшивок и т. п., «джентльменскими» методами. Война в Китае, подготовка войны с СССР самым непосредственным образом задевает кровные интересы мирового пролетариата; она является знаменем мировой реакции. В той же мере знаменем мирового рабочего класса является борьба за мир до тех пор, пока это возможно, борьба с войной через ее превращение в гражданскую войну, если она вспыхнет.

Идеологическая подготовка войны буржуазией заключается в первую очередь в том, что она отравляет сознание трудящихся пацифистскими иллюзиями. Эту задачу ей в высокой степени облегчают ее социал-демократические лакеи. Беспощадное, после-

довательное разоблачение этих иллюзий является поэтому первым элементом нашей боевой подготовки.

Усиление работы в армии, создание такого аппарата, который сделал бы возможным во всякое время переход наших заграничных партий на нелегальное положение, закрепление под этим углом зрения всевозможных организационных связей—таков другой элемент этих связей.

Время не ждет. Необходима работа форсированным темпом. Коминтерн находится перед великой исторической проверкой. И мы глубочайшим образом убеждены, что он с честью выдержит эту проверку.

И. Сталин.

Революция в Китае и задачи Коминтерна.

(Речь, произнесенная на X заседании ИККИ 24 мая 1927 г.).

1. Некоторые мелкие вопросы.

Товарищи! Я должен извиниться, что опоздал сегодня на заседание Исполкома и не мог заслушать полностью речь т. Троцкого, которую он здесь читал на Исполкоме. Я думаю, однако, что т. Троцкий дал за последние дни такую массу литературы, тезисов и писем в Исполком по китайскому вопросу, что в материалах для критики оппозиции у нас не может быть недостатка. Поэтому в своей критике ошибок т. Троцкого я буду исходить из этих документов, не сомневаясь, что эта критика будет вместе с тем критикой основ сегодняшней речи т. Троцкого.

Я постараюсь, по возможности, отмести личный элемент в полемике. Личные нападки тт. Троцкого и Зиновьева на отдельных членов Политбюро ЦК ВКП и Президиума ИККИ не стоят того, чтобы останавливаться на них. Видимо, т. Троцкий хотел бы изобразить из себя некоего героя на заседаниях Исполкома Коминтерна с тем, чтобы превратить работу Исполкома по вопросам о военной опасности, китайской революции и т. д.,—в работу по вопросу о Троцком. Я думаю, что т. Троцкий не заслуживает такого большого внимания. (Голос с места: «Правильно!»). Тем более, что он напоминает больше актера, чем героя, а смешивать актера с героем нельзя ни в коем случае. Я уже не говорю о том, что нет ничего оскорбительного для Бухарина или Сталина в том, что такие люди, как тт. Троцкий и Зиновьев, уличенные VII расширенным пленумом Исполкома в социал-демократическом уклоне, поругивают почем зря большевиков. Наоборот, было бы для меня глубочайшим оскорблением, если бы полуменьшевики типа тт. Троцкого и Зиновьева хвалили, а не ругали меня.

Я не буду также распространяться о том, нарушила ли оппозиция своими нынешними фракционными выступлениями обязательства, данные ею 16-го октября 1926 г. Тов. Троцкий уверяет, что по декларации оппозиции от 16-го октября 26 г. он имеет право отстаивать свои взгляды. Это, конечно, верно. Но, если т. Троцкий думает утверждать, что этим исчерпывается декларация, то это нельзя назвать иначе, как софизмом. В декларации оппозиции от 16-го октября говорится не только о правах оппозиции отстаивать свои взгляды, но и о том, что эти взгляды могут быть отстаиваемы лишь в партийно-допустимых рамках, что фракционность должна быть отброшена и ликвидирована, что оппозиция обязана «безоговорочно подчи-

няться» воле партии и решениям ЦК, что оппозиция должна не только подчиняться этим решениям, но и «проводить» их в жизнь добросовестно. Следует ли еще доказывать после всего этого, что декларация оппозиции от 16-го октября 1926 г. нарушена ею и разорвана в клочки самым грубым образом.

Не буду также распространяться о неприличных и грубо-клеветнических извращениях позиции ЦК ВКП и Коминтерна по китайскому вопросу, данных в многочисленных тезисах, статьях и речах оппозиции. Тт. Троцкий и Зиновьев не перестают утверждать, что ЦК ВКП и Коминтерн отстаивали и отстаивают, будто бы, политику «поддержки» национальной буржуазии в Китае. Едва ли нужно доказывать, что это утверждение тт. Троцкого и Зиновьева является вымыслом, клеветой, умышленным извращением дела. На самом деле ЦК ВКП и Коминтерн отстаивали не политику поддержки национальной буржуазии, а политику *использования* национальной буржуазии, *пока* революция в Китае была революцией *общенационального* об'единенного фронта, и эту политику *заменили* они потом политикой *вооруженной борьбы* с национальной буржуазией, *когда* революция в Китае стала революцией *аграрной*, а национальная буржуазия стала отходить от революции. Стоит просмотреть такие документы, как резолюция VII расширенного пленума, известное воззвание Исполкома Коминтерна, тезисы Сталина для пропагандистов, наконец, тезисы т. Бухарина, представленные на-днях Президиуму Исполкома Коминтерна,—чтобы убедиться в этом. Несчастье оппозиции в том именно и состоит, что она не может обойтись без клеветы и извращений.

Перейду прямо к делу.

2. Аграрно-крестьянская революция, как основа буржуазно-демократической революции.

Основная ошибка т. Троцкого состоит в том, что он не понимает смысла и характера китайской революции. Коминтерн исходит из того, что преобладающим фактором гнета в Китае в данный момент, стимулирующим аграрную революцию, являются *пережитки феодализма*. Коминтерн исходит из того, что пережитки феодализма в китайской деревне и вся милитаристско-бюрократическая надстройка над этими пережитками со всеми дзюдзюнами, губернаторами, генералами, Чжан-Цзо-Линами и т. д.,—являются той базой, на основе которой возникла и развертывается нынешняя аграрная революция. Если 70% крестьянских доходов в целом ряде провинций принадлежат помещику и джентри, если помещики, вооруженные и невооруженные, являются не только экономической, но административной и судебной властью, если до сих пор еще в ряде провинций практикуется средневековая купля и продажа женщин и детей,—то нельзя не признать, что феодальные пережитки являются основной формой гнета в китайских провинциях. Именно потому, что феодальные пережитки со всей их милитаристско-бюрократической надстройкой являются основной формой гнета в Китае,—именно поэтому и переживает теперь Китай величайшую по своей силе и размаху аграрную революцию. А что такое аграрная революция? Она именно и есть основа и содержание буржуазно-демократической революции. Именно поэтому и говорит Коминтерн, что Китай переживает в настоящий момент буржуазно-демократическую революцию.

Но буржуазно-демократическая революция в Китае направлена не только против феодальных пережитков. Она направлена вместе с тем против империализма. Почему? Потому, что империализм со всей его финансовой и военной мощью в Китае есть та сила, которая поддерживает, вдохновляет, культивирует и консервирует феодальные пережитки со всей их бюрократически-милитаристской надстройкой. Потому, что нельзя ликвидировать феодальные пережитки в Китае, не ведя вместе с тем революционную борьбу против империализма в Китае. Потому, что, кто хочет уничтожить феодальные пережитки в Китае, тот должен обязательно поднять руку против империализма и империалистических групп в Китае. Потому, что, не ведя решительной борьбы с империализмом, нельзя добить и ликвидировать феодальные пережитки в Китае. Именно поэтому и говорит Коминтерн, что буржуазно-демократическая революция в Китае является вместе с тем революцией антиимпериалистической.

Таким образом, нынешняя революция в Китае является соединением двух потоков революционного движения: движения против феодальных пережитков и движения против империализма. Буржуазно-демократическая революция в Китае есть соединение борьбы против феодальных пережитков с борьбой против империализма.

Таков исходный пункт всей линии Коминтерна (а, значит, и ЦК ВКП) по вопросам китайской революции.

А каков исходный пункт позиции т. Троцкого по китайскому вопросу? Он *прямо противоположен* только-что изложенной точке зрения Коминтерна. Тов. Троцкий либо вовсе не признает наличия феодальных пережитков в Китае, либо не придает им решающего значения. Тов. Троцкий (а, значит, и оппозиция), недооценивая силу и значение феодально-бюрократического гнета в Китае, полагает, что основной причиной китайской национальной революции является государственно-таможенная зависимость Китая от стран империализма. Позвольте сослаться на известные тезисы т. Троцкого, присланные в ЦК ВКП и в Исполком Коминтерна несколько дней тому назад. Заглавие этих тезисов т. Троцкого: «Китайская революция и тезисы Сталина». Вот что пишет т. Троцкий в этих тезисах:

«В корне несостоятельна попытка т. Бухарина оправдать оппортунистическую, соглашательскую линию ссылками на преобладающую, будто бы, роль в китайской экономике «остатков феодализма». Если бы даже оценка т. Бухариным китайского хозяйства была основана на экономическом анализе, а не на схоластических определениях, «остатки феодализма» все равно не могли бы оправдать ту политику, которая столь явно облегчила апрельский переворот. Китайская революция имеет национально-буржуазный характер *по той основной причине*, что развитие производительных сил китайского капитализма уперлось в *государственно-таможенную* [1]) зависимость Китая от стран империализма» (см. Троцкий, «Китайская революция и тезисы Сталина»).

[1]) Подчеркнуто мною. *И. Ст.*

При невнимательном отношении к этой цитате, можно подумать, что т. Троцкий воюет не против линии Коминтерна по вопросу о характере китайской революции, а против «соглашательской политики» тов. Бухарина. Но это, конечно, неверно. На самом деле в этой цитате речь идет об *отрицании* «преобладающей роли» феодальных пережитков в Китае. На самом деле речь идет здесь о том, чтобы об'явить развертывающуюся ныне *аграрную* революцию в Китае революцией верхушечной, революцией, так сказать, антитаможенной. Болтовня о «соглашательской политике» т. Бухарина понадобилась здесь т. Троцкому для того, чтобы прикрыть свое отступничество от линии Коминтерна. Это есть—скажу прямо—обычный мошеннический прием т. Троцкого.

По-Троцкому выходит, таким образом, что феодальные пережитки в Китае со всей их милитаристско-бюрократической надстройкой являются не основной пружиной китайской революции в данный момент, а второстепенной и незначительной силой, заслуживающей лишь того, чтобы ставить ее в кавычки.

По-Троцкому выходит, таким образом, что «основной причиной» нацинальной революции в Китае является таможенная зависимость Китая от империалистов, что революция в Китае является, в виду этого, главным образом, революцией, так сказать, антитаможенной.

Таков исходный пункт концепции т. Троцкого. Такова точка зрения т. Троцкого на характер китайской революции.

Позвольте отметить, что эта точка зрения есть точка зрения статского советника «его величества» Чжан-Цзо-Лина.

Если точка зрения т. Троцкого правильна, тогда надо признать, что правы Чжан-Цзо-Лин и Чан-Кай-Ши, не желающие ни аграрной, ни рабочей революции и добивающиеся лишь того, чтобы отменить неравные договоры и установить таможенную автономию Китая. Тов. Троцкий скатился на точку зрения канцеляристов Чжан-Цзо-Лина и Чан-Кай-Ши.

Если остатки феодализма надо ставить в кавычках; если Бухарин неправ, а, стало быть, неправ и Коминтерн, что остатки феодализма имеют преобладающее значение на данной стадии революции; если основой китайской революции является таможенная зависимость, а не борьба с феодальными пережитками и с поддерживающим их империализмом,—то что же остается тогда от аграрной революции в Китае? Откуда взялась аграрная революция с требованием конфискации и национализации помещичьих земель? На каком основании считают, в таком случае, китайскую революцию революцией буржуазно-*демократической*? Разве это не факт, что аграрная революция является основой буржуазно-*демократической* революции? Неужели аграрная революция могла упасть с неба? Разве это не факт, что миллионы и десятки миллионов крестьян вовлечены в величайшую аграрную революцию в таких провинциях, как Хунань, Хубей, Хенань и т. д., где крестьяне устанавливают свою власть, свой суд, свою самооборону, изгоняя вон помещиков и расправляясь с ними «по-плебейски»? Откуда могло взяться такое мощное аграрное движение, если феодально-милитаристский гнет не является преобладающей формой гнета в Китае? Как могло это мощное движение десятков миллионов крестьян принять, вместе с тем, антиимпериалистический характер, если не считать, что империализм является основным союзником феодально-милитаристских угнетателей китайского народа? Разве это не факт, что в одной только Хунани насчитывается теперь в крестьянском союзе свыше двух с половиной миллионов членов? А сколько их состоит теперь в Хубее, в Хенани, и сколько их будет состоять в самое ближайшее время в других провинциях Китая? А «красные пики», «союзы подтянутых животов» и т. д.,—неужели все это выдумка, а не реальность? Неужели можно серьезно утверждать, что аграрная революция десятков миллионов крестьян с лозунгом конфискации помещичьих земель направлена не против действительных и несомненных пережитков феодализма, а против воображаемых пережитков феодализма в кавычках? Разве не ясно, что т. Троцкий скатился на точку зрения канцеляристов «его величества» Чжан-Цзо-Лина?

Таким образом, мы имеем две основные линии:

а) *линия Коминтерна*, учитывающая наличие феодальных пережитков в Китае, как преобладающей формы гнета, решающее значение мощного аграрного движения, связь феодальных пережитков с империализмом, буржуазно-демократический характер китайской революции с заострением борьбы против империализма;

б) *линия т. Троцкого*, отрицающая преобладающее значение феодально-милитаристского гнета, не видящая решающего значения аграрно-революционного движения в Китае и об'ясняющая антиимпериалистический характер китайской революции лишь интересами китайского капитализма, требующего таможенной самостоятельности Китая.

Основная ошибка т. Троцкого (а, значит, и оппозиции) состоит в недооценке аграрной революции в Китае, в непонимании буржуазно-демократического характера этой революции, в отрицании предпосылок многомилионного аграрного движения в Китае, в недооценке роли крестьянства в китайской революции.

Ошибка эта не новая для тов. Троцкого. Она является характернейшей чертой всей линии т. Троцкого за весь период его борьбы с большевизмом. Недооценка роли крестьянства в буржуазно-демократической революции является той ошибкой, которая преследует т. Троцкого с 1905 года, которая проявилась особенно ярко перед Февральской революцией 1917 года и которая не оставляет его до нынешнего времени.

Позвольте сослаться на некоторые факты из области борьбы т. Троцкого с ленинизмом, напр., накануне Февральской революции в 1917 году, когда мы шли к победе буржуазно-демократической революции в России. Тов. Троцкий утверждал тогда, что, так как среди крестьянства усилилась дифференциация, так как мы имеем империализм и пролетариат противопоставляет себя буржуазной нации, то роль крестьянства будет падать, а аграрная революция не будет иметь того значения, какое придавали ей в 1905 г. Что же отвечал на это Ленин? Позвольте привести цитату из сочинений Ленина в 1915 г. по вопросу о роли крестьянства в буржуазно-демократической революции в России:

«Оригинальная теория Троцкого (речь идет о «перманентной» революции Троцкого. *И. Ст.*) берет у большевиков призыв к решительной революционной борьбе пролетариата и к завое-

ванию им политической власти, а у меньшевиков—«отрицание» роли крестьянства. Крестьянство-де расслоилось, дифференцировалось; его возможная революционная роль все убывала; в России невозможна «национальная» революция: «мы живем в эпоху империализма», а «империализм противопоставляет не буржуазную нацию старому режиму, а пролетариат—буржуазной нации».

Вот—забавный пример «игры в словечко»: империализм. Если в *России* уже противостоит пролетариат «буржуазной нации», тогда значит Россия стоит прямо перед *социалистической* революцией!! Тогда неверен лозунг «конфискации *помещичьих* земель» (повторяемый Троцким в 1915 году вслед за январской конференцией 1912 года), тогда надо говорить не о «революционном рабочем», а о «рабочем в *социалистическом* правительстве»!! До каких пределов доходит путаница у Троцкого, видно из его фразы, что решительностью пролетариат увлечет и «*не*пролетарские (!) народные массы» (№ 217)!! Троцкий не подумал, что если пролетариат увлечет непролетарские массы деревни на конфискацию помещичьих земель и свергнет монархию, то это и будет завершением «национальной буржуазной революции» в России, это и будет *революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства*![1]).

Все десятилетие—великое десятилетие—1905—1915 гг. доказало наличность двух и только двух классовых линий русской революции. Расслоение крестьянства усилило классовую борьбу внутри него, пробудило очень многие политически спавшие элементы, приблизило к городскому пролетариату сельский (на *особой* его организации большевики настаивали с 1906 года и внесли это требование в резолюцию Стокгольмского, меньшевистского с'езда). Но антагонизм «крестьянства» и Марковых-Романовых-Хвостовых усилился, возрос, обострился. Это такая очевидная истина, что *даже* тысяче фраз в десятках парижских статей Троцкого не «опровергнуть» ее. Троцкий на деле помогает либеральным рабочим политикам России, которые под «отрицанием» роли крестьянства понимают *нежелание* поднимать крестьян на революцию. А в этом сейчас гвоздь» (см. Ленин, т. XIII, стр. 213—214).

Вот эта особенность схемы тов. Троцкого, состоящая в том, что он видит буржуазию, видит пролетариат, но не замечает крестьянства и не понимает его роли в буржуазно-демократической революции,—эта именно особенность и составляет основную ошибку оппозиции по китайскому вопросу.

В этом именно и состоит «полуменьшевизм» т. Троцкого и оппозиции в вопросе о характере китайской революции.

Из этой основной ошибки проистекают все остальные ошибки оппозиции, вся путаница в тезисах оппозиции по китайскому вопросу.

3. Гоминдан правых в Нанкине, истребляющий коммунистов, и Гоминдан левых в Ухане, поддерживающий союз с коммунистами.

Взять, напр., вопрос об Ухане. Установка Коминтерна по вопросу о революционной роли Ухана известна и ясна. Так как

[1]) Подчеркнуто мною. *И. Ст.*

Китай переживает аграрную революцию; так как победа аграрной революции есть победа буржуазно-демократической революции, победа революционной диктатуры пролетариата и крестьянства; так как Нанкин является центром национальной контрреволюции, а Ухан центром революционного движения в Китае,—то необходима поддержка уханского Гоминдана, необходимо участие коммунистов в этом Гоминдане и в его революционном правительстве, при условии, что будет обеспечена гегемония пролетариата и его партии как в Гоминдане, так и вне Гоминдана. Является ли нынешнее уханское правительство органом революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства? Нет, пока еще не является и не скоро еще станет таким органом. Но оно имеет все шансы развиться в такой орган при дальнейшем развитии революции, при успехах этой революции.

Такова установка Коминтерна.

Совершенно по-иному смотрит на дело тов. Троцкий. Он считает, что Ухан есть «фикция», а не центр революционного движения. На вопрос о том, что представляет сейчас левый Гоминдан, тов. Троцкий отвечает: «Пока еще ничего, или почти ничего» (см. Троцкий, «Китайская революция и тезисы Сталина»). Допустим, что Ухан есть фикция. Но если Ухан есть фикция, почему т. Троцкий не требует решительной борьбы против этой фикции? С каких это пор коммунисты стали поддерживать фикцию, участвовать в фикции, возглавлять фикцию и т. д.? Разве это не факт, что коммунисты обязаны бороться с фикцией? Разве это не факт, что отказ от борьбы с фикцией со стороны коммунистов есть обман пролетариата и крестьянства? Почему же т. Троцкий не предлагает борьбы с фикцией, хотя бы путем немедленного ухода коммунистов из уханского Гоминдана и уханского правительства? Почему т. Троцкий предлагает остаться в этой фикции, не уходить оттуда? Где же тут логика? Не об'ясняется ли эта логическая несообразность тем, что тов. Троцкий, размахнувшись насчет Ухана и назвав его фикцией, струсил потом и не решился сделать соответствующий вывод в своих тезисах?

Или, напр., возьмем т. Зиновьева. В своих тезисах, розданных пленуму ЦК ВКП в апреле этого года, т. Зиновьев квалифицирует Гоминдан в Ухане, как правительство кемалистов периода 1920 г. Но правительство кемалистов это есть правительство борьбы против рабочих и крестьян,—правительство, где нет и не может быть места коммунистам. Казалось бы, что из такой квалификации Ухана может быть лишь один вывод: решительная борьба с Уханом, свержение уханского правительства. Но так могут думать обыкновенные люди, с обыкновенной человеческой логикой. Не так думает т. Зиновьев. Квалифицируя уханское правительство в Ханькоу, как правительство кемалистов, он вместе с тем предлагает оказать самую энергичную поддержку этому самому правительству, не выходить оттуда коммунистам, не покидать Гоминдана в Ухане и т. д. Он прямо говорит: «Необходимо оказать самую энергичную и всестороннюю помощь Ханькоу, организовав оттуда отпор Кавеньякам. В ближайшее время необходимо сосредоточить усилия именно на то, чтобы помочь сорганизоваться и упрочиться в Ханькоу» (см. тезисы Зиновьева). Пойми, кто может! Тов. Троцкий говорит, что Ухан есть фикция. Тов. Зиновьев, наоборот, утверждает, что Ухан есть правительство кемалистов. Отсюда следовало бы сделать вы-

вод: борьба с фикцией, или борьба за свержение уханского правительства. А между тем как т. Троцкий, так и Зиновьев пасуют перед выводом, неизбежно вытекающим из их предпосылок, а т. Зиновьев идет даже дальше, предлагая «самую энергичную и всестороннюю помощь Ханькоу». О чем говорит все это? О том, что оппозиция запуталась в противоречиях, она потеряла способность мыслить логически и растеряла все перспективы.

Путаница во взглядах, потеря всякой перспективы по вопросу об Ухане,—такова установка т. Троцкого и оппозиции, если вообще можно назвать путаницу установкой.

4. О советах рабочих и крестьянских депутатов в Китае.

Или еще возьмем, напр., вопрос о советах рабочих и крестьянских депутатов в Китае. По вопросу об организации советов мы имеем три резолюции, данные на II Конгрессе Коминтерна: тезисы Ленина об образовании *непролетарских*, крестьянских советов в отсталых странах, тезисы Роя об образовании *рабочих* и крестьянскиких советов в таким странах, как Китай и Индия, и специальные тезисы о том, «Когда и при каких условиях можно создавать советы рабочих депутатов».

Тезисы Ленина трактуют об образовании «крестьянских», «народных», *непролетарских* советов в странах в роде Туркестана, где нет или почти нет промышленного пролетариата. В тезисах Ленина нет ни одного слова об образовании советов *рабочих* депутатов в таких странах. При этом тезисы Ленина считают одним из необходимых условий развития и образования «крестьянских», «народных» советов в отсталых странах *прямую* поддержку революции в таких странах со стороны пролетариата СССР. Ясно, что эти тезисы имеют в виду не Китай или Индию, где есть известный минимум промышленного пролетариата и где создание *рабочих* советов, при известных условиях, является предпосылкой образования крестьянских советов, а другие страны, более отсталые, в роде Персии и т. д.

Тезисы т. Роя имеют в виду, главным образом, Китай и Индию, где имеется промышленный пролетариат. В этих тезисах предлагается образование, при известных условиях, в переходный период от буржуазной революции к пролетарской,—советов *рабочих* и крестьянских депутатов. Ясно, что эти тезисы имеют прямое отношение к Китаю.

Особые тезисы II Конгресса под заглавием «Когда и при каких условиях можно создавать советы рабочих депутатов» говорят о роли советов рабочих депутатов на основе опыта революции в России и Германии. Эти тезисы утверждают, что «советы без пролетарской революции неизбежно превращаются в пародию на советы». Ясно, что при обсуждении вопроса о немедленном образовании советов рабочих и крестьянских депутатов в Китае мы должны учесть и эти последние тезисы.

Как обстоит дело с вопросом о немедленном создании советов рабочих и крестьянских депутатов в Китае, если учесть при этом как обстановку в Китае в данный момент и существование Гоминдана в Ухане, как центра революционного движения, так и указания двух последних тезисов II Конгресса Коминтерна?

Создать советы рабочих и крестьянских депутатов *теперь*, напр., в районе деятельности уханского правительства,—это значит создать двоевластие, дать лозунг борьбы за свержение левого Гоминдана и образование новой, советской власти в Китае. Советы рабочих и крестьянских депутатов есть органы борьбы за свержение существующей власти, органы борьбы за новую власть. Появление советов рабочих и крестьянских депутатов не может не создать двоевластия, а двоевластие не может не обострить вопроса о том, кому должна принадлежать *вся* власть. Так обстояло дело в России в марте—апреле—мае—июне 1917 г. Существовало тогда Временное Правительство, которое имело в своих руках половину власти, но, пожалуй, более реальную власть, так как его все еще поддерживали войска. Наряду с этим существовали советы рабочих и солдатских депутатов, которые тоже имели в своих руках половину власти, хотя не столь реальную власть, как Временное Правительство. Лозунг большевиков состоял тогда в свержении Временного Правительства и в передаче *всей* власти советам рабочих и солдатских депутатов. Никто из большевиков не думал тогда о вхождении в состав Временного Правительства, ибо нельзя входить в состав правительства, если ведешь дело к свержению этого правительства. Можно ли сказать, что обстановка в России в марте—июне 1917 года является аналогичной нынешней обстановке в Китае? Нет, нельзя сказать. Нельзя сказать не только потому, что Россия стояла тогда перед пролетарской революцией, между тем, как Китай стоит теперь перед буржуазно-демократической революцией, но и потому, что Временное Правительство в России являлось тогда правительством контрреволюционным, тогда как нынешнее правительство в Ухане является правительством революционным в буржуазно-демократическом смысле этого слова.

Что предлагает нам, в связи с этим, оппозиция? Она предлагает немедленное создание советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов в Китае, как центров организации революционного движения. Но советы рабочих и крестьянских депутатов не есть только центры организации революционного движения. Они являются, прежде всего и главным образом, органами восстания против существующей власти, органами образования новой революционной власти. Оппозиция не понимает, что *только* как органы восстания, только как органы новой власти могут быть превращены советы рабочих и крестьянских депутатов в центры революционного движения. Без этого советы рабочих депутатов превращаются в фикцию, в придаток существующей власти, как это имело место в Германии в 1918 году и в России в июле 1917 года. Понимает ли оппозиция, что создание советов рабочих и крестьянских депутатов теперь означает создания двоевластия между советами и уханским правительством и ведет обязательно и неизбежно к лозунгу свержения уханского правительства? Я очень сомневаюсь, чтобы т. Зиновьев понимал эту простую вещь. Но т. Троцкий вполне понимает это, ибо он прямо говорит в своих тезисах, что «лозунг советов означает призыв к созданию действительных органов власти через переходный режим двоевластия» (см. тезисы Троцкого «Китайская революция и тезисы Сталина»).

Выходит, таким образом, что, создавая советы в Китае, мы создаем вместе с тем «режим двоевластия», свергаем уханско-

правительство и образуем новую, революционную власть. Очевидно, т. Троцкий берет тут за образец события из истории революции в России периода перед Октябрем 1917 года. Тогда у нас, действительно, было двоевластие, и мы, действительно, свергали тогда Временное Правительство. Но я уже говорил, что никто не думал тогда входить в состав Временного Правительства. Почему же тов. Троцкий не предлагает теперь немедленного выхода из Гоминдана и уханского правительства? Как можно создавать советы, создавать режим двоевластия и вместе с тем входить в состав того самого уханского правительства, которое собираешься свергнуть? Тезисы тов. Троцкого не дают ответа на этот вопрос. А между тем ясно, что т. Троцкий безнадежно запутался здесь в дебрях своих же собственных противоречий. Он спутал буржуазно-демократическую революцию с революцией пролетарской. Он «забыл», что буржуазно-демократическая революция в Китае не только не закончена и не только не победила еще, а стоит лишь на первой фазе своего развития. Тов. Троцкий не понимает, что отказаться от поддержки уханского правительства, дать лозунг двоевластия и свергать уханское правительство *теперь* через немедленное образование советов,—это значит оказать прямую и несомненную поддержку Чан-Кай-Ши и Чжан-Цзо-Лину.

Нам говорят: а как понять, в таком случае, образование советов рабочих депутатов в 1905 г. в России,—разве тогда мы не переживали буржуазно-демократическую революцию? Но, во-первых, советов было тогда всего два—в Ленинграде и Москве, и существование двух советов еще не создавало системы советской власти в России. Во-вторых, ленинградский и московский советы были тогда органами восстания против старой, царской власти, что лишний раз подтверждает, что нельзя рассматривать советы, как только лишь центры организации революции, что советы могут быть такими центрами лишь как органы восстания и органы новой власти. В-третьих, история рабочих советов говорит, что такие советы могут существовать и развиваться дальше лишь в том случае, если имеются благоприятные условия для прямого перехода буржуазно-демократической революции в революцию пролетарскую, если имеются, стало быть, благоприятные условия для перехода от власти буржуазной к диктатуре пролетариата. Не потому ли погибли рабочие советы в Ленинграде и в Москве в 1905 году так же, как и рабочие советы в Германии в 1918 году, что не было тогда таких благоприятных условий?

Возможно, что в 1905 г. в России не было бы советов, если бы существовала тогда в России широкая революционная организация в роде нынешнего левого Гоминдана в Китае. Но такая организация не могла существовать тогда в России, ибо элементов национального гнета не было в среде русских рабочих и крестьян, русские сами угнетали другие национальности, а организация в роде левого Гоминдана может возникнуть лишь в обстановке национального гнета, стягивающего в одну широкую организацию революционные элементы страны. Только слепые могут отрицать за левым Гоминданом роль органа революционной борьбы, роль органа восстания против феодальных пережитков и империализма в Китае. Но что из этого следует? А из этого следует то, что левый Гоминдан в Китае играет для нынешней буржуазно-демократической революции в Китае приблизительно такую же роль, какую играли советы в 1905 г. для буржуазно-демократической революции в России. Другое дело, если бы не было в Китае такой популярной и революционно-демократической организации, как левый Гоминдан. Но раз имеется такая специфическая революционная организация, приспособленная к особенностям китайских условий и доказавшая свою пригодность для дальнейшего развития буржуазно-демократической революции в Китае,—было бы глупо и неразумно разрушать эту годами созданную организацию теперь, когда буржуазно-демократическая революция только началась, которая еще не победила и которая не скоро еще победит.

Исходя из этого, некоторые товарищи делают вывод о том, что Гоминдан можно будет использовать и в будущем, при переходе к пролетарской революции, как форму государственной организации диктатуры пролетариата, при чем в этом они видят возможность мирного перехода от революции буржуазно-демократической к революции пролетарской. Возможность мирного развития революции, вообще говоря, конечно, не исключена. У нас в России тоже говорилось в начале 1917 г. о возможности мирного развития революции через советы. Но, во-первых, Гоминдан не есть советы, и если он приспособлен к делу развития буржуазно-демократической революции, то это еще не значит, что он может быть приспособлен к делу развития революции пролетарской, тогда как советы рабочих депутатов являются наиболее приспособленной формой диктатуры пролетариата. Во-вторых, даже при советах в России в 1917 г. оказался на деле исключенным мирный переход к пролетарской революции. В-третьих, пролетарских центров в Китае так мало, а враги китайской революции так сильны и многочисленны, что каждое продвижение революции вперед и каждый натиск со стороны империалистов неизбежно будут сопровождаться новыми отколами от Гоминдана и новым усилением компартии за счет авторитета Гоминдана. Я думаю, что мирный путь развития китайской революции надо считать исключенным. Я думаю, что советы рабочих и крестьянских депутатов придется обязательно создавать в Китае в переходный период от революции буржуазно-демократической к революции пролетарской. Ибо без советов рабочих и крестьянских депутатов невозможен такой переход. Надо дать сначала развернуться аграрному движению по всему Китаю, надо укрепить Ухан и поддержать его в борьбе с феодально-бюрократическим режимом, надо помочь Ухану добиться победы над контрреволюцией, надо развить широко и повсеместно крестьянские союзы, профсоюзы рабочих и другие революционные организации, как базы для создания советов, надо дать китайской компартии укрепить свое влияние в крестьянстве и в армии,—и лишь после этого необходимо создать советы рабочих и крестьянских депутатов, как органы борьбы за новую власть, как факторы двоевластия, как факторы подготовки перехода от революции буржуазно-демократической к революции пролетарской.

Создание рабочих советов в Китае не есть пустое слово или пустая «революционная» декламация. На этот вопрос нельзя смотреть так легкомысленно, как это делает тов. Троцкий. Образовать рабочие и крестьянские советы это значит, прежде всего, выйти из Гоминдана, ибо нельзя создавать советы и двигать

вперед двоевластие, призывая рабочих и крестьян к созданию новой власти, и оставаться вместе с тем в составе Гоминдана и его правительства. Создать советы рабочих депутатов это значит заменить нынешний блок *внутри* Гоминдана блоком *вне* Гоминдана, блоком, аналогичным тому блоку, который существовал у большевиков в Октябре 1917 г. с левыми эсэрами. Почему? Потому, что если там при буржуазно-демократической революции речь идет о создании революционной диктатуры пролетариата и крестьянства, и этому вполне соответствует политика блока внутри Гоминдана, то здесь, при образовании советов и при переходе к пролетарской революции речь будет итти о создании диктатуры пролетариата, о создании власти советов, а такую власть можно подготавливать и создавать лишь под руководством *одной* партии, партии коммунистов.

Далее. Советы рабочих депутатов обязывают. Сейчас в Китае рабочие получают в месяц 8—15 рублей, живут в невозможных условиях, работают чрезмерно много. Этому нужно и можно положить конец теперь же, увеличив заработную плату, введя восьмичасовой рабочий день, улучшив жилищные условия рабочего класса и т. д. Но рабочие на этом не остановятся при советах рабочих депутатов. Они скажут коммунистам—и они будут правы: если мы имеем советы, а советы являются органами власти, то нельзя ли потеснить буржуазию и «немножечко» ее экспроприировать. Коммунисты будут пустыми болтунами, если они не станут на путь экспроприации буржуазии при наличии советов рабочих и крестьянских депутатов. Можно ли и нужно ли становиться на этот путь теперь, на данной фазе революции? Нет, не нужно. Можно ли и нужно ли отказываться в будущем от экспроприации буржуазии при советах рабочих и крестьянских депутатов? Нет, нельзя. Но думать, что можно сохранить при этом блок коммунистов *внутри* Гоминдана,—значит впасть в иллюзию и не понимать механики борьбы классовых сил в период перехода от революции буржуазной к революции пролетарской.

Вот как обстоит дело с вопросом об образовании советов рабочих и крестьянских депутатов в Китае.

Как видите, он не так прост, как это изображают нам некоторые не в меру легкомысленные люди, в роде тт. Троцкого и Зиновьева.

Допустимо ли вообще, с точки зрения *принципиальной*, участие марксистов и сотрудничество с революционной буржуазией в одной общей революционно-демократической партии или в одном общем революционно-демократическом правительстве? Некоторые из оппозиционеров думают, что недопустимо. А история марксизма говорит, что при известных условиях и на известный срок вполне допустимо такое участие. Я мог бы сослаться на такой пример, как пример с Марксом в 1848 г. в Германии, во время революции против германского абсолютизма, когда Маркс с его единомышленниками входил в буржуазно-демократический союз в Рейнской провинции и когда орган этой революционно-демократической партии, «Новая Рейнская Газета», редактировался Марксом. Находясь в этом буржуазно-демократическом союзе и толкая вперед революционную буржуазию, Маркс и его единомышленники всемерно критиковали половинчатость своих союзников справа так же, как компартия в Китае, находясь в

Гоминдане, должна всемерно критиковать колебания и половинчатость своих союзников из левых гоминдановцев. Известно, что лишь весною 1849 г. Маркс и его единомышленники покинули этот буржуазно-демократический союз и приступили к самостоятельной организации рабочего класса с совершенно самостоятельной классовой политикой. Как видите, Маркс шел даже дальше, чем китайская компартия, которая входит в Гоминдан, как самостоятельная классовая партия пролетариата. Можно спорить или не спорить насчет целесообразности вхождения Маркса и его единомышленников в этот буржуазно-демократический союз в 1848 г. Роза Люксембург думает, напр., что Маркс не должен был вступать в этот буржуазно-демократический союз. Это вопрос *тактики*. Но что *принципиально* Маркс и Энгельс допускали возможность и целесообразность вхождения в состав буржуазно-революционной партии в период буржуазно-демократической революции, при известных условиях и на известный срок,—в этом не может быть никаких сомнений. Что касается участия марксистов в революционно-демократическом правительстве и сотрудничества там с революционной буржуазией, при известных условиях и известной обстановке, то на этот счет мы имеем указания таких марксистов, как Энгельс и Маркс. Известно, что Энгельс в своей брошюре «Анархисты за работой» высказывался за такое участие. Известно также, что Ленин в 1905 г. также высказывался за допустимость такого участия в буржуазно-демократическом революционном правительстве.

5. Две линии.

Итак, перед нами две совершенно различных линии по китайскому вопросу: линия Коминтерна и линия тт. Троцкого и Зиновьева.

Линия Коминтерна. Феодальные пережитки и опирающаяся на них бюрократически-милитаристская надстройка, всячески поддерживаемая империалистами всех стран, является основным фактом нынешней китайской действительности. Китай переживает в настоящий момент аграрную революцию, направленную как против феодальных пережитков, так и против империализма. Аграрная революция составляет основу и содержание буржуазно-демократической революции в Китае. Гоминдан в Ухане и уханское правительство являются центром буржуазно-демократического революционного движения. Нанкин и нанкинское правительство представляют центр национальной контрреволюции. Политика поддержки Ухана является вместе с тем политикой развертывания буржуазно-демократической революции со всеми вытекающими отсюда последствиями. Отсюда участие коммунистов в уханском Гоминдане и в уханском революционном правительстве, участие, которое не исключает, а предполагает всемерную критику со стороны коммунистов половинчатости и колебаний своих союзников в Гоминдане. Это участие коммунистов должно быть использовано для того, чтобы облегчить пролетариату роль гегемона в китайской буржуазно-демократической революции и приблизить момент перехода к революции пролетарской. К моменту, когда буржуазно-демократическая революция будет приближаться к полной победе и когда в ходе буржуазной революции будут намечаться пути к переходу к проле-

тарской революции,—к этому моменту нужно создавать советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, как факты двоевластия, как органы борьбы за новую власть, как органы новой власти, власти советов. К этому времени блок коммунистов внутри Гоминдана должен быть заменен блоком вне Гоминдана, а компартия должна стать *единственной* руководительницей *новой* революции в Китае. Предлагать теперь, как это делают тт. Троцкий и Зиновьев, *немедленное* образование советов рабочих и крестьянских депутатов и *немедленное* создание двоевластия, теперь, когда буржуазно-демократическая революция находится еще в начальной фазе своего развития, когда Гоминдан является наиболее приспособленной и наиболее соответствующей специфическим особенностям Китая формой организации национально-демократической революции,—это значит дезорганизовать революционное движение, ослабить Ухан, облегчить его падение и оказать помощь Чжан-Цзо-Лину и Чан-Кай-Ши.

Линия тт. Троцкого и Зиновьева. Пережитки феодализма в Китае—это выдумка тов. Бухарина. Их либо вовсе нет в Китае, либо они так незначительны, что не могут иметь сколько-нибудь серьезного значения. Аграрная революция, оказывается, есть теперь в Китае. Но откуда она взялась, сам чорт не разберет. (Смех). Но раз она, эта самая аграрная революция, есть, то, конечно, придется ее так или иначе поддержать. Главное теперь не в аграрной революции, а в революции за таможенную самостоятельность Китая, в революции, так сказать, антитаможенной. Уханский Гоминдан и уханское правительство либо «фикция» (Троцкий), либо кемализм (Зиновьев). С одной стороны, нужно создать двоевластие для *свержения* уханского правительства путем немедленного образования советов (Троцкий). С другой стороны, нужно *укрепить* уханское правительство, необходима энергичная и всесторонняя *помощь* уханскому правительству, тоже, оказывается, путем немедленного образования советов (Зиновьев). По правилу, следовало бы немедленно уйти коммунистам из этой «фикции», из уханского правительства и уханского Гоминдана. А, впрочем, было бы лучше остаться им в этой самой «фикции», т.-е. и в уханском правительстве, и в уханском Гоминдане. А для чего им оставаться в Ухане, если Ухан есть «фикция»,—это, оказывается, одному лишь богу известно. А кто не согласен с этим,—тот изменник и предатель.

Такова так называемая линия тт. Троцкого и Зиновьева.

Едва ли можно представить что-либо более несообразное и путанное, чем эта так называемая линия.

Получается впечатление, что мы имеем дело не с марксистами, а с какими-то оторванными от жизни канцеляристами или,—еще лучше,—«революционными» туристами, которые путешествовали по разным Сухумам и Кисловодскам, проглядели VII расширенный пленум Коминтерна, давший основную установку о китайской революции, узнали потом из газет, что в Китае, в самом деле, разыгралась какая-то революция, не то аграрная, не то антитаможенная, и решили, что необходимо составить целую кучу тезисов,—в апреле одни тезисы, в начале мая другие тезисы, в конце мая третьи тезисы,—и, составив целую кучу тезисов, забросать ими Исполком Коминтерна, полагая, видимо, что обилие путанных и противоречивых тезисов является основным средством спасения китайской революции.

Таковы, товарищи, две линии по вопросам китайской революции.

Вам придется выбирать между этими двумя линиями.

Я кончаю, товарищи. Хотел бы сказать под конец несколько слов о политическом смысле и значении фракционных выступлений тт. Троцкого и Зиновьева *в данный момент*. Они жалуются, что им не дают достаточной свободы для беспримерной ругани и недопустимой брани по адресу ЦК ВКП и ИККИ. Они жалуются на «режим» в Коминтерне и в ВКП. По сути дела, они хотят свободы для дезорганизации Коминтерна и ВКП. По сути дела, они хотят пересадить в Коминтерн и ВКП нравы Маслова и К°. Я должен сказать, товарищи, что тов. Троцкий выбрал для своих нападений на партию и Коминтерн слишком неподходящий момент. Я только-что получил известие, что английское консервативное правительство решило порвать отношения с СССР. Нечего и доказывать, что теперь пойдет повсеместный поход против коммунистов. Этот поход уже начался. Одни угрожают ВКП войной и интервенцией. Другие—расколом. Создается нечто в роде единого фронта от Чемберлена до Троцкого. Возможно, что нас хотят этим запугать. Но едва ли нужно доказывать, что большевики не из пугливых ребят. История большевизма знает немало таких фронтов. История большевизма показывает, что такие фронты разбивались революционной решимостью и беспримерной отвагой большевиков. Можете не сомневаться, что мы сумеем разбить и этот новый фронт. (Аплодисменты).

А. С.

К характеристике идеологии современной социал-демократии.

(Статья третья).

«Хозяйственная демократия» и политическая демократия.

Социал-демократы, подменившие борьбу за социализм «хозяйственно-демократическим» «движением» в рамках капитализма, рассматривают «хозяйственную демократию» как политику, рассчитанную на столетия.

Вот что, напр., пишет по поводу перспектив «хозяйственной демократии» один из крупнейших с.-д. теоретиков профдвижения, редактор «Gewerkschaftsarchiv'а», Карл Цвинг [1]).

«Подобно тому, как в политике, где ноябрь 1918 года завершил в упорных боях длящееся *столетиями* развитие к *политическому* равноправию,—*подобно этому* осуществление равноправия в области *хозяйства* требует также длительного исторического развития. Мы стоим, как мы увидим позже, только в *начале* этого развития».

Итак, «мы» стоим «в начале» процесса развития «хозяйственной демократии», который, подобно процессу развития политической демократии, считается *столетиями*.

Это сказано, по крайней мере, ясно. Вместо общих, неопределенных рассуждений о незрелости общества для социализма, Карл Цвинг говорит совершенно определенно и конкретно: *ряд столетий* пролетариат должен терпеть капитализм, пока не наступит пора полного осуществления «хозяйственного равноправия».

Но в чем же будут заключаться эти отношения «хозяйственного равноправия»? Будут ли они фундированы обобществлением экспроприированных у капиталистов средств производства?

В решении этого вопроса социал-демократия пережила весьма любопытную эволюцию. Прежде всего, она сошла с рельс марксовой постановки вопроса. «Экспроприации экспроприаторов» она *противопоставила* эволюционную «социализацию».

Какие иллюзии связаны у идеологов социал-демократии с «социализацией», можно видеть из следующего выступления с.-д. профессора Erik'a Nölting'a на Гейдельбергском с'езде партии (1925 г.» по докладу Гильфердинга о партийной программе [2]):

1) Karl Zwing. «Soziologie der Gewerkschaftsbewegung», I Teil. Gewerkschaften und Wirtschaft, Jena, 1925.

2) См. «Sozialdemokratischer Parteitag 1925 in Heidelberg». Protokoll. Verlag Dietz Nachfolger, Berlin, 1925, стр. 290.

«*Великая волшебная формула: «экспроприация экспроприаторов» ныне больше уже не удовлетворяет.* Я говорил некогда, еще будучи молодым студентом в Берлине, о социализации, и один нахальный сын фабриканта встал и сказал:—Ну хорошо, я хочу разрешить социализировать мое предприятие; не можете ли вы сообщить мне адрес и телефонный номер вашего «Общества»? Я должен был молчать, но я надеюсь, что еще ко времени моей старости, я буду иметь возможность дать ответ, который я остался должен в период моей юности, на вопрос, где помещаются общественные инстанции, перенимающие частнокапиталистические предприятия».

Профессор оптимистичней своих коллег по партии: необходимо лишь всего несколько десятков лет для того, чтобы капиталисты «поумнели» и становились в затылок длинной вереницей перед «общественными инстанциями, перенимающими частные предприятия» и переводящими их в общественную собственность.

Не перспектива «экспроприации экспроприаторов», а эволюционная «социализация», не исключающая и «мирной», добровольной передачи капиталистами своих предприятий в общественную собственность—такова *первая* стадия социал-демократического ревизионизма в данной области.

Возможность добровольного отказа капиталистов от собственности на средства производства увязана в социал-демократической перспективе социализации с выкупом. По сути дела, вместо «экспроприации экспроприаторов» социал-демократы говорят лишь о *покупке* у капиталистов их средств производства государством.

Каутский, например, раз'ясняет в комментариях к Гейдельбергской программе, что о конфискации предприятий при социализации говорить не приходится, что в целях сохранения непрерывности производственного процесса обобществляемые средства производства должны быть оплачены, что конфискация мыслима только как средство наказания в тех случаях, когда отдельные капиталисты будут противиться «демократии» [1]).

Мы оставляем здесь в стороне оппортунистическую утопичность этого выкупного плана. Выкупить средства производства, стоящие десятки миллиардов,—это значит, во-первых, оставить за капиталистами—в виде оплаты—их средства угнетения, оставить, в основном, *прежние условия* экономического господства капиталистов; во-вторых, это будет означать усиленнейшую эксплоатацию пролетариата и трудящихся масс вообще, за счет которых государство стало бы выплачивать капиталистам стоимость их средств производства. Мы оставляем здесь в стороне финансово-экономическую невозможность выполнения подобного плана, как и доводы о том, что эксплоатируемые массы не потерпят подобной, ни на одну йоту не перестающей быть капиталистической, реформы. Не будем критиковать специально плана «социализации», ибо на его место уже властно вступил план «хозяйственной демократии». Провал «социализаторских» проектов делает весь план социализации неосуществимым и в глазах самих социал-де-

1) См. «Das Heidelberger Programm», Grundsätze und Forderungen der Sozialdemokratie. Verlag Dietz Nachfolger, 1925, стр. 21.

мократов. Но если в толщах пролетариата разочарование в реформистском «социализме» все более будит классовое революционное самосознание и, отталкивая массы от оппортунистической каутскианской перспективы «социализации», влечет их к революционным марксовым перспективам «экспроприации экспроприаторов», то среди вождей линяние «социализаторской» идеологии вызывает тягу к еще более «скромным», еще более ублюдочным, еще более оппортунистическим позициям.

«Хозяйственная демократия»—вот путь, по которому можно итти без потрясений, без кровавой борьбы, без «экспроприации экспроприаторов».

Пусть у капиталистов остаются их средства производства, но рабочие организации могут и должны добиться некоторого контроля над производством, чтобы через длительную эпоху «мелких дел» провести в жизнь «хозяйственное равноправие», одинаковое право буржуазии и пролетариата на управление производством.

В предыдущей статье мы познакомили читателя с попыткой одного с.-д. профессора, Карла Гермберга, добросовестно проанализировать возможные пути «хозяйственной демократии»; мы были свидетелями того, что даже социал-демократ, если он сохраняет в себе элементарную теоретическую добросовестность (что случается только в порядке исключений и только на минутку) вынужден притти в выводу, что о какой-либо реальной «хозяйственной демократии» без захвата средств производства в руки пролетариата и думать нечего. За подобный «уклон» опростоволосившийся профессор нещадно критиковался многими своими сопартийцами.

Один из них, профсоюзный теоретик, Карл Менникке, прямо окрестил г-на Гермберга большевиком [1]).

В социал-демократической партии установилась теперь такая идейная атмосфера, в которой даже *разговоры* об обобществлении средств производства являются признаком большевизма.

Со ступеньки на ступеньку ниже [2]), к буржуазии.

Раньше отказ от «экспроприации экспроприаторов» и противопоставление этому программному лозунгу Маркса эволюционной «социализации»; затем «социализация» сохраняется лишь как лозунг для праздников, а для повседневного обихода изготовляется теория «хозяйственной демократии», по пути которой, оказывается, можно двигаться к «социализму» и без «социализации». «Хозяйственная демократия» шаг за шагом должна привести к осуществлению паритетного принципа в капиталистически-рабочем руководстве производством.

Но все это победоносное развитие «хозяйственной демократии», долженствующее привести к формальному равноправию капиталистов и рабочих в управлении производством, должно протекать в условиях, когда *средства производства принадлежат капиталистам.*

В с.-д. перспективе «хозяйственной демократии» нет места экспроприации экспроприаторов; в этой перспективе «вымыта» и пресловутая «социализация». Идеологи хозяйственной демократии исходят из того теоретического положения, что одного формального права «соучастия» в руководстве производством достаточно для уничтожения отношений эксплоатации.

[1]) «Gewerkschaften und Betriebsräte» von Karl Mennicke, «Die Arbeit». 1926 № 7.

[2]) С точки зрения гг. с.-д-ов это означает «выше».

«Предусмотрительный» Карл Цвинг, широкими мазками набросавший картину «хозяйственно-демократической» гармонии, пуще всего боится, чтобы рабочие на пути «хозяйственной демократии», хотя бы и через сотню-другую лет, не послали капиталистов к чорту и не овладели средствами производства; это, дескать, может «создать» (!?) неравенство.

> «Очень часто,—наставительно раз'ясняет он,—демократию приравнивают к принципу майоритета, в то время как суть хозяйственной демократии заключается в выравнивании неравенства, но отнюдь не в создании посредством майоритета нового неравенства».

Хотя и кудряво сказано, но подло. Если капиталисты владеют средствами производства и рабочие в условиях капиталистической монопольной собственности тщетно добиваются «хозяйственной демократии»—то это допустимое «выравнивание неравенства»; если же у капиталистов отнимают созданные трудом рабочих средства производства—то это «создает новое неравенство».

Так и запомним. Запомним, что своей теорией *«хозяйственной демократии»* социал-демократы в новой форме и в новой области хотят повторить тот *обман*, которому они подвергли и подвергают рабочих своей теорией *политической демократии.*

Существо «хозяйственно-демократической» идеологии состоит именно в этом перенесении принципа формальной буржуазной демократии из политики также в область хозяйства [1]), а ее политический смысл заключается в умножении иллюзий о мирном, покоящемся на реформистском приспособлении к капитализму, развитии социализма. Порочность теории формального политического равноправия, как сие уже было установлено Лениным, определяется тем, что ее представители скрывают от пролетариата действительное неравноправие. Поскольку буржуазия господствует в обществе экономически, постольку демократия является буржуазной демократией, постольку «всеобщее, прямое, равное и тайное» является не средством и выражением действительного политического равноправия, а только «цивилизованным» методом господства капитала.

Только разбивши государственный аппарат буржуазии и организовав пролетарскую диктатуру, рабочие массы могут осуществить действительную демократию для трудящихся и обеспечить тем самым движение к социализму.

Но предпосылкой этого переворота является освобождение пролетариата от иллюзий формального *политического* равноправия, которые дополняются ныне иллюзиями *хозяйственного* формального равноправия.

Средства производства остаются—согласно теории хозяйственной демократии—у капиталистов. Тем самым за капиталистами оставляется фактическое распоряжение производственным процессом, тем самым производство сохраняет капиталистиче-

[1]) Что, напр., прямо так и формулирует один из с.-д. идеологов профдвижения Leipart (см. его статью «Gewerkschaften und Volk», «Die Arbeit», 1926 г. Heft I).

скую цель, тем самым обусловлен и буржуазный способ распределения.

Формальное уравнение в правах на руководство производством, составляющее цель «хозяйственной демократии», само по себе, даже если бы оно осуществилось (а осуществиться оно не может), ни в коем случае не изменило бы фактических отношений эксплоатации; оно придало бы капитализму лишь более «цивилизованную» форму.

Социал-демократические апологеты капитализма не хотят и не могут этого понять.

Но формальное хозяйственное равноправие является *конечной целью* «хозяйственной демократии»: ее исходным пунктом является действительное положение вещей, для которого характерно полное и безраздельное господство капиталистов в производстве даже с *формальной* точки зрения.

Только безнадежные оппортунистические кретины могут утверждать, что имеющаяся теперь система «трудовых договоров» и вся «законная» деятельность профессиональных союзов уже «ограничивает» капитализм и свидетельствует об эволюционном преобразовании системы производственных отношений в социалистическом направлении [1]).

Обыкновенно же даже умеренные социал-демократы склонны признать, что в *настоящее* время во всех буржуазных странах капиталисты безраздельно господствуют над производством и поворачиваются спиной к профсоюзам, выступающим с предложениями о *совместном руководстве* производством [2]).

Но это не смущает социал-демократов: они надеются, что наступят другие времена и капиталисты пойдут им навстречу. Необходимо только провести расширение прав профсоюзов в производстве, преобразовать *законодательство* таким образом, чтобы профсоюзы шаг за шагом получили права сорегулирования производства и тем приблизились к «хозяйственному равноправию». «Хозяйственная демократия» натыкается в производстве на нежелание капиталистов «работать совместно». Только государство может помочь профсоюзам, носителям и осуществителям «хозяйственной демократии», выйти из тупика. Государство должно им обеспечить *законодательные предпосылки* соучастия в руководстве производством. Поэтому должно быть усилено соответствующее «давление» на государство. Так плетется мысль социал-демократии.

«Но *социальная демократия* будет осуществлена только посредством успешной политической борьбы, ибо она может выполнить свои функции *только на законной основе*» [3]).

Законодательство, таким образом, призвано спасти «хозяйственную демократию» в производстве, обеспечить правовые предпосылки успешного развития «хозяйственной демократии».

Но *какое* государство должно выступить «спасителем» хозяйственной демократии?

---

[1]) Впрочем, таких кретинов не мало: на подобной точке зрения стоят не только такие идеологи профессионального «делячества», как Эрдманн, Лотар и др., но даже левый «австро-марксист» Карл Реннер.

[2]) См. об этом в уже неоднократно указанной книге Карла Цвинга.

[3]) «Gewerkschaften und Wissenschaft» von Richard Seidel «Die Gesellschaft», 1925, № 3.

Настоящее государство во всех капиталистических странах есть буржуазное государство, которое в своей законодательной работе не может выступить против интересов капитала.

Даже отмеченный выше социал-демократический профсоюзный теоретик Рихард Зейдель вынужден признать буржуазный характер «демократического» государства в Германии.

«Я не оспариваю того,—пишет он [1]),—что это государство является классовым государством; почему оно является таковым, в данной связи не требуется раз'яснять. Я точно так же твердо убежден, что изменения, происшедшие в государстве и его законодательстве с 1918 года не дают никаких оснований для нашего отказа от изменения современного социального порядка».

Автор уклоняется от об'яснения причин подобного состояния государства; он уклоняется от ответа на вопрос, *почему* республиканское государство с 1918 года не внесло никаких существенных изменений в «современном социальном порядке», хотя на вершине этого государства находились иногда и социал-демократы. Факт поучительный; на таких фактах должно учить современное рабочее поколение, помогая ему об'яснить и честно продумать эти факты и таким образом обогатить опыт пролетариата в классовой борьбе.

Но как раз на этот *решающий* вопрос Зейдель не дает ответа; он самым нечестным образом умалчивает об этом *критическом* пункте. Зато он имеет готовый ответ относительно *дальнейшей* политической линии.

Законодательство призвано «спасти» «хозяйственную демократию». Но государство является буржуазным государством, а логические доводы и исторический опыт неопровержимо доказывают, что буржуазное государство всегда ведет только буржуазную политику.

Но этим Зейделя не смутишь. Проблема, оказывается, решается очень легко. Демократическое государство должно быть «спасено» от господства буржуазии «*хозяйственной* демократией», являющейся, по Зейделю, важнейшим видом *функциональной* [2]) или *социальной* демократии.

«Итак,—заключает Зейдель [3]),—функциональная, или, как мы ее называем, *социальная демократия является средством усиления влияния пролетариата на органы политической демократии, средством поднять политическую мощь пролетариата*».

Теперь мы видим социал-демократического барона Мюнхгаузена во всей его красе: он вытягивает себя из трясины за свою собственную косу.

«Хозяйственная демократия» «спасается» от экономического господства капиталистов с помощью демократического *государства*.

Последнее, наоборот, «спасается» от господства буржуазии с помощью «хозяйственной демократии».

---

[1]) «Staatsverneinung—Staatsbejahung» von Richard Seidel, «Die Arbeit», 1926, Heft 10.

[2]) Этот туманный термин выдуман Отто Бауэром.

[3]) «Staatsverneinung—Staatsbejahung» von Richard Seidel, «Die Arbeit», 1926, Heft 10.

Но где же тот рычаг, нажим на который может привести в движение стоячую воду болота? Чем же может быть *радикально* изменено положение? Автор отсылает от Понтия к Пилату. Он не может дать никакого ответа, потому что в его концепции «социализма» нехватает «мелочи»: *марксистской теории революции*.

Вследствие этого органического недостатка автор не может перешагнуть за грани своего теоретического «порочного круга».

* * *

Присмотримся, однако, к проблеме «давления» пролетариата на государство поближе.

Социал-демократы, как известно, видят в политической, формальной демократии *непосредственный* путь к социализму. Они всемерно оспаривают тот факт, что формальная политическая демократия является *буржуазным* принципом.

Гильфердинг утверждал, напр., на Гейдельбергском с'езде социал-демократии в 1925 г., в своем докладе о программе партии, что буржуазия, в противоположность пролетариату, стояла и стоит *только* за конституционно-монархический принцип государства, что *формально-демократический* принцип ей *принципиально* чужд [1]).

К. Каутский с «тяжелым остроумием» выступает против тех, что трактуют формально-политическую демократию, как буржуазный принцип.

> «Существуют люди,—пишет Карл Каутский [2]),—которые из того обстоятельства, что новейшая демократия возникла и укрепилась одновременно с индустриальным капитализмом, выводят заключение, что демократия является открытием и орудием власти капитала. Но с таким же правом можно сказать, что классовая борьба является открытием и орудием власти капитала, ибо она возникла и укрепилась одновременно с капиталом».

Каутский, таким образом, против того, что «демократию» следует рассматривать как «капиталистическое открытие и средство власти капитала».

Может быть, Каутский хочет этим сказать, что политическая демократия в такой стране, напр., как Франция, является уже со времени Великой французской революции *антибуржуазной*? Может быть, он рискнет оспорить тот несомненный факт, что политическая демократия обоснована идеологически политическими мыслителями (вспомним, хотя бы, энциклопедистов)?

Каутский утверждает прямо, что буржуазия вообще против принципов политической демократии.

> «Правильно только то, что в *демократии* заинтересован *не один пролетариат, но все трудящиеся* классы населения; заинтересованы также ремесленники и крестьяне, которые могут осуществить свое влияние на государство *своей массой*, а не благодаря значительности своих владений или государственно-поддерживаемым привилегиям» [3]).

[1]) См. «Sozialdemokratischer Parteitag 1925 in Heigelberg», Protokoll, Verlag Dietz Nachfolger, стр. 275.

[2]) «Das Heidelberger Programm», Grundsätze und Forderungen der Sozialdemokratie», стр. 15.

[3]) Там же.

Формальная политическая демократия рассматривается Каутским как существеннейший *антибуржуазный* политический принцип, находящий свое осуществление в демократической республике («совершеннейшей формой демократии является форма демократической республики»).

Но как же тогда Каутский об'яснит тот факт, что демократическая республика представляет форму *буржуазного* господства в различных странах, в том числе и в Германии? Как об'яснить, напр., тот факт, что в германской республике во главе государства стоит *буржуазный* блок, чего *не может* отрицать и социал-демократия?

Как об'яснить тот факт, что буржуазия вполне удовлетворена республиканским строем и осуществляет свое политическое господство в рамках этого строя?

В качестве корректива Каутский высказывает допущение, что в отдельных случаях буржуазная республика может быть формой господства буржуазии.

> «Она (республика. *А. С.*) при *особых обстоятельствах* также может быть поставлена на службу целям крупных эксплоататоров» [1]).

Особенно замечательны в этой формуле слова «при особых обстоятельствах».

Вообще, видите ли, демократическая республика—форма политического господства пролетариата и широких непролетарских масс трудящихся; и только *«при особых обстоятельствах», в порядке исключения*, она используется буржуазией в классовых целях.

Однако, подобное утверждение обязывает Каутского к ревизии всего марксистского исторического мировоззрения. Каутский обязан тогда доказать, что в буржуазных республиканских странах, в которых республика насчитывает за собой многие десятилетия (напр., Франция и Америка) до сих пор *стоял и стоит* у власти пролетариат, а не буржуазия.

А так как подобной глупости не может утверждать ни один нормальный человек, то «особые обстоятельства» Каутскому придется расшифровать, как всю эпоху господства капитализма до наших дней.

Каутскому не удастся доказать даже того, что, если-де *вообще* демократическая республика является формой господства буржуазии,—то «при определенных условиях» она может стать формой господства пролетариата. При этом Каутский мог бы иметь в виду как «исключения» такие исторические моменты, когда социал-реформисты имели в буржуазных странах правительственное большинство (Англия, Австрия, Германия).

Но и на этом пути Каутский не может иметь успехов, ибо он не может доказать, что социал-демократические правительства вели принципиально-*антикапиталистическую* политику, что они потревожили хотя бы одну из основ капиталистической общественной системы [2]). А если Каутский не сможет дока-

[1]) Там же.

[2]) Весьма любопытно, что Гильфердинг, восхвалявший в своих статьях английское «рабочее» правительство Макдональда, с удовольствием отмечает «иронию истории», которая проявилась в том, что именно *«рабочее»* правительство укрепило *финансовую* систему английского *капитализма и усилило зависимость колоний от Британской империи*. См. об этом «Realistischer Pazifismus» von Rudolf Hilferding. «Die Gesellschaft», 1924, Zweiter Band.

зать этого, тогда становится совершенно ясным, что социал-демократические и подобные ему «рабочие» правительства представляли собою всего лишь разновидность *буржуазно-республиканской* государственной власти.

С точки зрения социал-демократии, основная политическая задача текущего периода заключается в том, чтобы, «поднимая» политическую активность пролетариата, наполнять постепенно демократически-республиканскую форму государства социалистическим содержанием.

Эта задача не представляется социал-демократам особенно трудной. Так, напр., Зейдель, согласившийся с тем, что теперешняя германская республика является формой классового буржуазного государства, утверждает одновременно, что эволюционное преобразование классового содержания государства *уже происходит*, что государственная ткань *уже испытывает* перерождение в социалистическом направлении [1]).

Свое суждение о буржуазно-классовом характере германского республиканского государства он смягчает утверждением, что «давление» пролетариата и трудящихся на государство заставляет последнее терять его классово-буржуазный характер.

Он стремится убедить рабочих в том, что Гинденбург, Маркс и Штреземан, сами того не замечая, все больше и больше становятся социалистами. Организации рабочего класса понуждают государство своими давлениями итти на все бо́льшие уступки и предоставлять пролетариату все бо́льшие права.

Отсюда следует у с.-д. очень многое.

> «Если же государство делает такие уступки, то это означает, что оно изменяется не только по своему образу, но уже и по своему *социальному содержанию*.
>
> И эти изменения в государственной конституции и прогресс в законодательстве являются для класса, который добился их в своих интересах, в данном случае для ра-

[1]) В оценке социальной сущности *теперешнего* республиканского государства в германской социал-демократии существуют различные оттенки.

Так, напр., Шейдеман выражал на Гейдельбергском с'езде (1925) «деликатное» неудовольствие по поводу того, что отношение к *современному* (т.-е. явно-буржуазному) государству не выражено в с.-д. программе в *категорически-положительной* форме.

«Быть может,— заявил он,— *следовало бы выразить* неразрывную связь демократического и социалистического мышлений и *положительную установку партии в отношении государства еще яснее*».

С другой стороны, среди «левых» элементов социал-демократии складывается *отрицательное* отношение к современному буржуазно-республиканскому государству. Вот что, напр., заявляет в своей резолюции «о задачах с.-д. в республике» партейтаг в Цвикау: «Буржуазия вскоре после своей победы над феодализмом познала, что республика, созданная как революционная форма борьбы, образует наиболее приспособленную для развития капитализма почву... Таким образом под прикрытием республиканской формы развились ныне экономическое угнетение, эксплоатация и коррупция» и т. д. и т. п. («Vorwärts» 1927, № 192).

Однако, подобное различие оценок не приводит *пока* к существенному различию *политическо-практических* оценок. «Левые» из Цвикау не прочь даже признать, что в отношении контрреволюционной буржуазии принципиально допустимо применение методов «диктатуры», но все сие для того, чтобы, оставаясь в основном на почве буржуазной демократии, добиться правительства с с.-д. большинством.

> бочего класса,—средством содействия дальнейшим изменениям в *социальном содержании государства*» [1]).

Автор полагает, таким образом, что те законодательные акты, которые предпринимаются буржуазным государством под воздействием руководимых социал-демократами рабочих организаций (например, статья 165 конституции о хозяйственном «равноправии классов»), доказывают преобразование *существа* этого государства в социалистическом направлении.

Социализм Карла Маркса «опрокидывается», и на его место воздвигается «социализм» Гинденбурга!

Как будто законодательные реформы противоречат развитию капитализма!

Только мещанский ум может усмотреть в рабочем законодательстве эволюцию капитализма в социалистическом направлении.

В истории не дано еще ни одного случая, чтобы *капиталистическое* государство приняло закон *социалистического* характера—и такого случая не может быть никогда. Волк всегда остается волком. Но нельзя, исходя из этого, утверждать, что законодательство в буржуазном государстве уже не имеет перспектив дальнейшего развития на принципиально-капиталистической основе. Так, напр., во время мировой империалистической войны буржуазному государству оказалось выгодным привлечь профсоюзы, руководимые оппортунистами, к частичному регулированию производства, обслуживающего армию и войну вообще. В этом направлении наметились и некоторые *элементы* нового законодательства.

На этом основании такой идеолог оппортунизма, как Гильфердинг, заключил, что рабочий класс очень сильно увеличил во время войны свое влияние на буржуазное государство.

> «Происшествие величайшего социально-психологического значения и действия! — декламирует Гильфердинг [2]). — Организации производителей чувствуют себя подлинными носителями государства, особенно ее бюрократия, чувствующая себя неразрывным органом государства, равнозначной государственной бюрократии—даже более важной, чем последняя, ибо без ее помощи неразрешимы производственные проблемы!».

Гильфердинг хочет изобразить успехом рабочего класса превращение рабочих организаций в придаток к империалистическому государству; он пытается об'явить успехом социализма то, что на деле являлось решающим успехом *империализма*.

Империалистическое государство еще имеет возможности *развития* своего законодательства. Теоретически, напр., вполне мыслимо, что это законодательство будет двигаться в направлении государственного капитализма.

Но даже в этом *предельном случае* капиталистическое государство не изменяет своим классовым принципам.

Современный *оппортунизм* характерен тем, что он пытается привить рабочим массам представления некоторых старых уто-

[1]) «Staatsverneinung—Staatsbejahung» von Richard Seidel, «Die Arbeit» 1926, Heft 10.

[2]) «Problem der Zeit» von R. Hilferding, 1924, Erster Band.

листов о «добрых капиталистах», что он стоит на точке зрения *возможности осуществления социализма классом капиталистов.*

С точки зрения революционного марксизма это означает откровеннейшую и гнуснейшую измену пролетариату, означает открытый переход на сторону капиталистов.

Идеологи социал-демократии, ее большие и малые теоретики, культивируют в рабочем классе идеологию *приказчиков капитализма,* которые сотрудничают с господствующей буржуазией в деле укрепления капитализма, помогая последнему «приспособиться» к новым условиям.

Но социал-демократов не удовлетворяют функции *политических* приказчиков. Вступая на путь «хозяйственной демократии», они об'ективно стремятся воспитать *экономических приказчиков* капитализма. Само собой разумеется, политика от экономики не отделена китайской стеной. Но в своей оппортунистической деятельности социал-демократы достигают теперь высшей ступени более *дифференцированного* предательства. Политические приказчики в оппортунистической системе разделения труда дополняются экономическими приказчиками капитализма.

Идеологи «хозяйственной демократии» сами осознают социальный смысл своей стратегии.

> «Если,—пишет Гильфердинг [1],—развитие идет все более и более в направлении образования массовых организаций и индустриальных *об'единений,* то борьба за хозяйственную демократию ведет к новым различиям внутри масс, к под'ему личности внутри организации и тем самым к *новому духу соревнования за социальный под'ем».*

Существо плана «хозяйственной демократии» расшифровывается, таким образом, как создание условий для *конкурса на лучшего капиталистического приказчика.*

В этом выражаются духовное крохоборчество и мелкобуржуазная ограниченность идеологов оппортунизма, но одновременно проявляется и хитрость прожженных и опытных реформистских дельцов. Потому, что этот план означает курс на рабочую аристократию и на тех рабочих, которые надеются и склонны ценою предательства общеклассовых интересов выбиться в ряды рабочей аристократии, добиться успехов в «соревновании за социальный под'ем» и в качестве приказчиков капитализма снискать «милость» хозяина.

Но этот план неминуемо будет провален обострением классовых противоречий, прояснением классового самосознания пролетариата, успехами революционного коммунистического движения. Пролетариат разоблачит и отбросит идеологию социал-демократических приказчиков капитализма.

---

[1]) Там же.

П. Александров, К. Розенталь, И. Хавин.

Замечания к материалам по пятилетнему перспективному плану народного хозяйства СССР [1]).

Переход от использования наличных материально-технических ресурсов страны к новому строительству, переход от восстановительного периода к периоду реконструктивному, поставил перед нашими плановыми органами новые задачи, выдвинул и пред'явил новые требования. «Контрольные цифры, оперативные годовые хозпланы и кон'юнктурные учеты становятся недостаточными; над заботами текущего момента все более и более доминируют многолетние перспективы».

Эта необходимость перехода от годовых планов к планам, рассчитанным на более продолжительный срок, не только вполне правомерна, но и экономически необходима, когда мы приступаем к фундаментальнейшим капитальным вложениям в наше народное хозяйство, когда мы приступаем к крупнейшим строительствам, рассчитанным на многие годы и долженствующим оказать глубокие изменения в народнохозяйственной жизни не только тех или иных районов, но и всего Союза в целом. Но вложения многих миллиардов рублей в основные фонды нашего хозяйства при тех ограниченных ресурсах, которыми мы располагаем, требуют особо внимательного, особо вдумчивого отношения ко всем предпринимаемым нами капитальным работам. И совершенно очевидно, конечно, что максимально эффективный план предполагаемого нами строительства, или, максимально эффективный план распределения производительных сил, обеспечивающий «бескризисное расширенное воспроизводство этих производительных сил возможно быстрым темпом, в целях максимального удовлетворения текущих потребностей трудящихся и скорейшего приближения их к полному переустройству общества на началах социализма и коммунизма», возможен только на основе всестороннего учета всех отраслей народного хозяйства, увязанных в своем предполагаемом пятилетнем развитии в единый перспективный план всего народного хозяйства в целом.

С другой стороны, наличие перспективных пятилетних планов дает бо́льшую обоснованность, большую устойчивость годовым оперативным планам, являющимся отрезками более длительных планов развертывания нашего хозяйства.

Таково экономическое «оправдание» предпринятой работы по составлению *материалов к пятилетнему плану* развития народного хозяйства СССР и такова та насущная потребность, кото-

---

[1]) В порядке обсуждения. Настоящей статьей редакция открывает обсуждение вопросов, связанных с перспективными планами нашего народного хозяйства. *Ред.*

рые заставили Госплан взяться за эту сложнейшую и труднейшую задачу и выделить специальную комиссию по собиранию и составлению материалов к пятилетке.

Исходя из столь общих положений, составители материалов к пятилетнему плану развертывания народного хозяйства нашего Союза должны были дать отражение картины дальнейшего продвижения вперед по пути индустриализации нашего хозяйства и перевода его на более высокий технический уровень, сглаживания и устранения так называемых «узких» мест в нашем хозяйстве и противоречий между городом и деревней, вовлечения в производство новых кадров свободной рабочей силы и уменьшения безработицы и, наконец, дальнейшего продвижения вперед в деле обобществления народного хозяйства.

По этим основным направлениям в первую очередь и должен быть направлен критический анализ, критическое исследование *материалов* центральной комиссии по пятилетнему плану.

Индустриализация, капитальные вложения и их эффективность.

Принимая курс на индустриализацию страны, как основное направление нашей экономической политики, наша партия ставила своей задачей «в минимальный исторический срок пагнать, а затем и перегнать уровень развития передовых капиталистических стран». Под этим углом зрения, положив эту директиву в основу, и подошла комиссия Госплана к составлению материалов пятилетнего плана. Из общей суммы капитальных вложений за пятилетие в 17.578 милл. руб., 6.460 милл. руб., или 36,7%, падают на долю промышленности. Если же к этим вложениям в промышленность прибавить вложения, приходящиеся на долю электрификации, то общая сумма вложений повысится до 7.799 милл. руб., или до 44,3%. В то же время основные фонды промышленности вырастают с 6.104 милл. руб. на 1/X—26 г. до 9.456 милл. руб., или на 54,9% на 1/X—31 г.

Не касаясь по существу вопроса о *размерах* капитальных вложений в промышленность и роста основных фондов промышленности (несомненно, преуменьшенных, ибо материалы комиссии, совершенно, впрочем, сознательно, не учитывают прироста заграничных кредитов), нельзя не признать все же некоторую скромность результатов этих вложений. В самом деле, при общей сумме вложений в промышленность в размере 6½ мрд. рублей, при возрастании основных фондов промышленности больше чем в полтора раза динамика продукции промышленности рисуется в таком виде:

Валовая продукция пр-сти в мил. дов. рублей.

25—26	26—27	27—28	28—29	29—30	30—31	Прирост за 5 лет Абс.	в %
5.318	6.326	7.188	7.948	8.723	9.517	4.199	79,5

Однако, этот прирост валовой продукции получает иной смысл и иное выражение, если учесть, что прирост валовой продукции всего народного хозяйства выразится более чем 52%. Таким образом, столь значительными капитальными вложениями и еще более значительным приростом основных фондов промышленности достигаются в конечном итоге весьма скромные результаты в изменении удельного веса промышленности в экономике страны.

Валовая продукция СССР

(в мил. руб. по ценам 1913 г.).

Отрасли хозяйства	1913 Абс.	1913 в %	1925—26 Абс.	1925—26 в %	1930—31 Абс.	1930—31 в %
Сельское хозяйство	11.281	34,8	11.289	36,6	13.995	29,7
Промышленность (с акц.)	8.440	26,2	7.450	24,1	12.892	27,3
Строительство	1.274	3,9	1.075	3,5	2.174	4,6
Транспорт	1.538	4,7	1.425	4,7	2.130	4,6
Связь	105	0,4	127	0,4	209	0,4
Торговый оборот	9.703	30,0	9.470	30.7	15.800	33,4
Всего	32.341	100	30.863	100	47.200	100

Удельный вес промышленности в продукции всего народного хозяйства повышается за пятилетие всего лишь на 3,2% по сравнению с 1925—26 г. и на 1,1% по сравнению с 1913 годом. Такой результат, повторяем, надо признать весьма и весьма скромным, несомненно, преуменьшенным даже по сравнению с теми вложениями, которые будут сделаны по материалам в промышленность в это пятилетие. Директиву на индустриализацию страны, т.-е. на повышение удельного веса промышленности в экономике страны, надо было бы признать выполненной в полной мере, если бы не допущенный некоторый пессимизм, некоторая преуменьшенность эффективности капитальных вложений.

Надо заметить, что весь имеющийся у нас опыт в деле учета эффективности капитальных вложений с величайшей убедительностью свидетельствует о том, что эффективность капитальных вложений неизменно преуменьшается. Достаточно сослаться хотя бы на такой пример, как перспективная пятилетка по промышленности, составленная ОСВОК'ом.

Сопоставление капитальных вложений и уровня производства по плану ОСВОК'а и реальному их выполнению дает такие результаты. При капитальных затратах в 1925—26 г. всего только около 80% от предположений пятилетки уровень производства в 1926—27 г. составляет по сравнению с уровнем, предположенным пятилеткой, 92%. Если же осуществятся имеющиеся предположения относительно уровня производства в 1927—28 году, то окажется, что хотя за эти два года (1925—26 и 1926—27) промышленность затратит только 65% от суммы затрат, предположенных пятилеткой, уровень производства в 1927—28 г. отстанет от запроектированного пятилеткой уровня всего только на 15% [1]).

О неизменном преуменьшении эффективности капитальных вложений свидетельствует вся практика промышленного строительства. До сих пор сознательно или бессознательно преуменьшается эффект рационализаторской работы, дающей значительнейшие результаты при сравнительно скромных вложениях. Достаточно напомнить о результатах рационализации производства, проведенной в резиновой промышленности, освободившей нас от необходимости строить новую гигантскую фабрику и таким образом позволившей с'экономить несколько десятков миллионов

[1]) «Перспективы развития пром-сти на 1925/26 — 1929/30 гг.». Вып. V. Финансовые перспективы развития пр-сти. Составил С. Д. Абрамович.

рублей. Достаточно напомнить о результатах рационализаторской работы, проведенной на своих предприятиях Укрсельмаштрестом, позволившей уже в текущем году выполнить производственную программу, рассчитанную к выполнению лишь в конце пятилетки и т. д., и т. п.

При той невероятной отсталости как в области технической, так и в организационной, которая господствует на наших предприятиях, рационализаторский эффект должен быть поистине грандиозным. И самое подчас незначительное изменение в ходе производственного процесса дает *скачкообразное* повышение производительности труда и выпуска продукции.

Таким образом, с безусловной категоричностью должен быть отмечен в материалах к перспективному плану недоучет эффективности капитальных вложений в промышленность. Конечно, здесь можно возражать в том смысле, что допускается известный запас «прочности». Но, нам думается, это возражение и мало убедительно и мало утешительно. В то же время это преуменьшение эффективности капитальных вложений, несомненно, искажает перспективу индустриального развития нашего хозяйства и дает несомненное оружие в руки тех, кого принятый план индустриализации так «не удовлетворяет» своим темпом и кто требует для целей индустриализации такого напряжения, таких жертв от народного хозяйства, на которые оно пойти не может.

Нельзя, наконец, не отметить совершенно недопустимых, с точки зрения разрешения задачи индустриализации, результатов, в части движения основных групп производства, к которым приходит к концу пятилетки наша промышленность по материалам перспективного плана. При общем увеличении валовой продукции по группам производства за пять лет (на 103,0% для отраслей, производящих оборотный капитал, 90,4%—производящих основной капитал и 67,3% для отраслей, производящих предметы широкого потребления) в последнем 30—31 году происходит резкое перемещение двух последних групп. На последнем месте в смысле прироста валовой продукции оказываются уже не отрасли, производящие предметы широкого потребления, а отрасли, производящие *основной капитал.* При увеличении продукции отраслей, производящих средства широкого потребления на 8,1%, отрасли, производящие основной капитал, увеличивают свою валовую продукцию в 30—31 г. всего лишь на 7,8%!

Такой результат, несомненно, ошибочный, мог явиться только следствием недостаточно правильного распределения по группам и отраслям промышленности капитальных вложений.

В этой же таблице (стр. 124) бросается в глаза преуменьшенная цифра прироста валовой продукции для 1926—27 г., определяемого в 19,1% (а при правильном подсчете—18,9%), в то время, как принятая промышленностью программа предполагает прирост валовой продукции в 20,1% и до сих пор не было никаких оснований предполагать, что эта цифра будет изменена в сторону ее уменьшения.

Как несомненный дефект, надо, наконец, отметить потухающую кривую капитальных вложений в промышленность, так резко выраженную в пятилетке ОСВОК'а, и которую не удалось целиком преодолеть и в материалах к пятилетнему плану комиссии Госплана.

Динамика капитальных вложений в промышленность

(в милл. руб.)

	25—26 г.	26—27	27—28	28—29	29—30	30—31	Итого за 5 л.
ОСВОК . .	935,2	1.549,1	1.454,4	1.251,1	958,9	—	6.148,7
Материалы .	—	918	1.142	1.183	1.206	1.205	5.654

По пятилетке, проектируемой ОСВОК'ом, капитальные вложения в промышленность после скачка вверх в 1926—27 г., в последующем должны были из года в год уменьшаться, спустившись к концу пятилетия до уровня начала пятилетия. При чем чистое сальдо в пользу бюджета должно было выразиться в 178,6 милл. рублей. Таким образом, по гипотезе ОСВОК'а получалось, что после первого скачка вверх, промышленность будет все меньше и меньше нуждаться в капитальных вложениях и к концу пятилетки не только удовольствуется размерами капитальных вложений 1925—26 года, но еще будет в состоянии отдать в бюджет, не получая ничего взамен, около 200 милл. рублей. Такого рода вывод ОСВОК'ской гипотезы, носящий яркую печать своеобразной ограниченности ее вдохновителя, явился следствием того, что за проектируемым пятилетием авторы не увидели идущего нового пятилетия, которое должно будет предъявить свои требования к промышленности. Сверхиндустриалистский курс резко обрывался к концу пятилетия, и промышленность после столь «блистательного» развертывания, подобно падающей звезде, блеснув в вышине, должна была скатиться вниз.

Материалы комиссии Госплана столь резко выраженной ошибки в движении капитальных вложений избежали, но целиком преодолеть ее все же не сумели. Размеры капитальных вложений в промышленность достигают своего предела в 29—30 году с тем, чтобы в последующем остаться стабильными.

Особенно выпукло потухающая «кривая» сказывается во взаимоотношениях промышленности и бюджета. Определяя *чистые* вложения со стороны бюджета в промышленность в размере 775 милл. рублей за пятилетие, по годам эти вложения распределяются так:

(в милл. черв. руб.)

26—27	27—28	28—29	29—30	30—31
185	220	160	120	90

При общем курсе на индустриализацию страны, при том условии, что наибольшая тяжесть капитальных вложений в промышленность падает на конец пятилетия, такая потухающая «кривая» *чистых* вложений в промышленность со стороны бюджета едва ли может и будет иметь место [1]).

Мелкая и кустарная промышленность.

В тесной связи с общими задачами по индустриализации страны и переводу всего народного хозяйства на более высокий технический уровень; в тесной связи с задачами ослабления и

[1]) Кстати сказать, в другом месте чистое сальдо в пользу промышленности определяется в размере 500 млн. руб. за пятилетие (при общей сумме вложений в пр-сть в размере 6.460 млн. руб. собственные накопления пр-сти определяются в размере 5.961 млн. руб.).

устранения «узких» мест в народном хозяйстве и вовлечения в производство незанятой, свободной рабочей силы,—сокращения безработицы,—стоит проблема мелкой и кустарно-ремесленной промышленности.

В довоенное время в мелкой и кустарно-ремесленной промышленности было занято, в пределах прежних границ России, более 4,0 милл. лиц, а стоимость валовой продукции оценивалась в 1,8 мрд. дов. рублей, составляя 27% стоимости валовой продукции промышленности.

Современное число лиц, занятых в кустарной мелкой промышленности по данным ЦСУ, составляет на 1925 г. около 2,6 милл. и в 1926 г. (предположительно) более 2,9 милл. В то же время валовая продукция по контрольным цифрам Госплана составляет в 1925 г. 1,7 мрд. черв. руб., в 1926 г.—1,9 мрд. и в 1926—27 г.—2,1 мрд. черв. руб. (без мукомолья).

Таким образом, удельный вес мелкой и кустарно-ремесленной промышленности во всей промышленности по числу занятых лиц в 1925—26 г., по данным ЦСУ, составляет 54% и по стоимости валовой продукции (по данным Госплана)—17,2%.

За последние годы динамика соотношения цензовой и кустарно-ремесленной промышленности представлялась в таком виде:

Годы	По числу занятых лиц (в тыс.)			По стоимости продукции (в милл. черв. руб.)		
	Вся промышл.	Цензов. пром.[1])	Мелк. и куст. пром.[2])	Вся пром.	Ценз. промышл.	Мелк. и куст. пром.
1923—24 г.	3.981	1.600	2.381	5.885	4.466	1.419
в %	100	40,2	59,8	100	75,9	24,1
1924—25 г.	4.609	1.900	2.709	8.248	6.530	1.718
в %	100	41,3	58,7	100	79,2	20,8
1925—26 г.	5.482	2.500	2.982	11.508	9.532	1.976
в %	100	45,6	54,4	100	82,8	17,2
1926—27 г.	—	—	—	13.001	10.867	2.134
в %	—	—	—	100	83,6	16,4

Приведенные данные говорят о том, что с восстановлением всего народного хозяйства темп развития мелкой и кустарной промышленности резко отстает от темпа развития крупной промышленности. Это находит особенно отчетливое выражение в сопоставлении данных последних лет с 1913 годом.

Число рабочих в тысячах.

	1913 г.	23/24	24/25	25/26	26/27
Цензовая пр-сть					
абс	2.552	1.617	1.893	2.421	2.579
в %	100	63,4	74,2	94,9	100,9
Мелкая и куст. пр-сть					
абс	3.990	2.881	2.709	2.982	3.272
в %	100	59,7	67,9	74,8	82,2

Таким образом, в то время, как количество рабочих, занятых в цензовой промышленности, уже превысило довоенный уровень,

[1]) К. ц. Госплана.
[2]) Данные ЦСУ.

количество лиц, занятых в мелкой и кустарно-ремесленной промышленности, до сих пор еще значительно отстает от уровня 1913 года.

Было бы жестокой ошибкой и заблуждением полагать, что это вытеснение мелкой и кустарно-ремесленной промышленности надо отнести за счет конкуренции крупной, цензовой промышленности. Наконец, такое предположение опроверг бы прежде всего сам факт товарного голода, под знаком которого проходило развитие народного хозяйства последних лет. Между тем, именно в той промышленности, на продукцию которой острее всего ощущался товарный голод, кустарно-ремесленное производство играет значительную роль. Так, например, в кожевенной промышленности кустарное производство составляет почти 56% общей массы продукции, в обувной—почти 80%, одежной—65%, и т. д.

Столь резкое вытеснение и сокращение кустарного производства в известной мере определялось ошибочной политикой, которую вела крупная промышленность в отношении кустарно-ремесленной промышленности.

Как же рисуется движение кустарно-ремесленной промышленности в ближайшее пятилетие по данным материалов комиссии Госплана?

Валовая продукция пр-сти СССР.

(По ценам 1913 г. в млн. рубл.).

	1913 г.		25/26 г.		1930/31		1930/31
	абс.	в %%	абс.	в %%	абс.	в %%	в %% к 1913 г.
Фабрично-заводская .	6.354	82,0	5.850	84,3	10.342	87,5	162,7
Кустарно-ремесленная	1.395	18,0	1.083	15,7	1.475	12,5	105,7
Итого .	7.749	100	6.933	100	11.817	100	152,5

В то время, как валовая продукция фабрично-заводской промышленности увеличивается по сравнению с 1913 г. на 62,7%, кустарно-ремесленная—всего лишь на 5,7%. По сравнению с 1913 годом валовая продукция кустарно-ремесленной промышленности увеличивается всего лишь на 80 милл. рублей, в то время, как фабрично-заводская промышленность—почти на 4 мрд. руб. Столь незначительный рост валовой продукции кустарно-ремесленной промышленности с неизбежностью привел к резкому снижению удельного веса кустарной промышленности в валовой продукции промышленности в целом: с 18,0% в 1913 г. и 15,7% в 1925—26 году до 12,5% в 30—31 году.

Нам думается, что такое построение пятилетки, рассчитывающее на столь интенсивное вытеснение фабрично-заводской промышленностью кустарных промыслов на ближайшие годы, неправильно и вредно.

Как совершенно правильно отметил т. Рыков в своем выступлении по докладу о кустарной промышленности, представленному ВСНХ СССР, важнейшей особенностью экономического положения настоящего периода является то, что наше хозяйство страдает от недостатка капитала. При таком условии нецелесообразно вкладывать капитал в расширение тех отраслей, которые с успехом обслуживаются кустарной промышленностью. С гораздо большей пользой можно эти деньги вкладывать не на

конкуренцию с кустарями, а в те отрасли, которые представляют собой командные экономические высоты, и в производство тех товаров, в которых ощущается наиболее острый недостаток.

До сих пор в целом ряде случаев кустарная промышленность не конкурирует с крупной промышленностью. Есть целый ряд товаров, которые вовсе не производятся крупной промышленностью, а вырабатываются исключительно кустарями, например, целый ряд изделий из дерева, производство рогожи и т. д. Крупной промышленности нет никакой надобности строить фабрики для производства этих товаров и затрачивать на это средства.

Наконец, кустарная и мелкая промышленность играют значительнейшую и существеннейшую роль в деле рассасывания безработицы и смягчения аграрного перенаселения. Вместе с тем, по данным материалов к пятилетнему плану здесь дело обстоит далеко не благополучно.

Проблема безработицы и использования избыточного населения деревни стоит, как одна из сложнейших и труднейших проблем, которую предстоит разрешить если не в полной мере, то хотя бы в известной части в ближайшем пятилетии. Здесь кустарная промышленность должна будет сыграть значительную роль. Развитие кустарно-ремесленной и мелкой промышленности отнюдь не должно стоять в связи только с товарным голодом. В условиях принятого партией курса на индустриализацию страны, в условиях безработицы и аграрного перенаселения, в условиях недостатка материальных ресурсов развитие кустарно-ремесленной промышленности должно будет несколько разрядить остроту безработицы и смягчить аграрное перенаселение, позволит использовать государству наличные ресурсы для капитального вложения в командные экономические высоты нашего народного хозяйства, а не распылять их по тем отраслям, где по условиям производства может развиваться кустарное производство.

Ближайшее пятилетие характеризуется, по данным материалов, ограниченностью ресурсов для индустриализации и некоторым ростом безработицы и аграрного перенаселения. В этих условиях такое построение пятилетки, где абсолютный прирост кустарно-ремесленного производства совершенно незначителен (80 милл. руб.), а удельный вес в продукции всей промышленности понижается почти в $1^1/_2$ раза по сравнению с 1913 годом, надо признать неверным, дающим ложную установку в таком важнейшем и ответственнейшем деле.

Сельское хозяйство.

Перейдем к сельскому хозяйству.

Перспективный план, стремясь предусмотреть хозяйственные процессы, намечает и указывает, с другой стороны, те факторы, сознательное воздействие на которые обеспечит более быстрый под'ем производительных сил по пути социалистического строительства. Как правильно отмечается в проекте пятилетки, планирование в области *сельского хозяйства* чревато весьма серьезными трудностями. Результаты мероприятий государства здесь «можно в большей степени *предугадывать*, чем *предусматривать*, понимая под последним такого рода предвидение, которое базируется на заранее известном (хотя бы самым грубым образом) соотношении между затратами и их результатами. Еще меньшая возможность, даже предугадывания, имеется в тех случаях, а последнее охватывает подавляющую часть сельскохозяйственного производства, когда государство располагает лишь косвенными методами воздействия на направление и темпы его развития».

В силу такого положения основной смысл перспективного плана в области сельского хозяйства «сводится не к предугадыванию чисто количественных результатов развития, а к указанию на его пределы, диктуемые народнохозяйственными потребностями, достижение которых (пределов) в условиях развития народного хозяйства СССР, предусматриваемых перспективным планом в целом, мы считаем практически осуществимыми»[1]).

Главным недостатком проекта «пятилетки» в области сельского хозяйства является преуменьшение его развития. Эти возможности преуменьшены как по линии учета стихийных процессов развития сельского хозяйства, так и по линии учета эффективности затрат и проводимых мероприятий, направленных к поднятию сельского хозяйства.

Свое отражение преуменьшение возможности развития сельского хозяйства в первую очередь получило в методологической предпосылке, легшей в основу перспективного плана, согласно которой темп *интенсификации* значительно уменьшается по сравнению с предыдущими годами.

Иллюстрацией уменьшения темпа интенсификации сельского хозяйства могут служить следующие данные о распределении посевных площадей.

	1913	1923	1926	1930
I. Полеводство, луговодство, огородничество.				
Абс. (м. д.)	101,91	82,88	98,61	111,44
В % к общ. посевной площади	95,4	95,5	94,3	93,3
II. Технические культуры.				
Абс.	4,91	3,94	5,87	8,04
В % к общ. посевной площади	4,6	4,5	5,7	6,7

Из этих данных мы видим, что доля технических культур в общей посевной площади увеличивается, но средний годовой прирост, намеченный перспективным планом, *значительно* ниже средне-годового прироста предыдущих лет. Так, средне-арифметический годовой прирост доли технических культур в общей посевной площади за 1923—26 г. равен 0,4%, а за период 1926—30 гг.—0,25%.

Особенно ярко выступает недоучет возможностей развития сельского хозяйства в динамике роста производительности труда.

«Повышение производительности на ближайшие пять лет (1926/27—1930/31 гг.),—читаем мы в проекте пятилетки,—в области растениеводства определяется нами в 6%, т.-е. по фактическому его повышению в последние пять лет по зерновым культурам (согласно исследованию А. Л. Вайнштейна)» [2]), что дает в абсолютных цифрах средний урожай с десятины к концу пятилетки 51,9 пуд.

[1]) «Материалы и т. д.», стр. 158.
[2]) Там же, стр. 160.

Для того, чтобы оценить намеченный рост урожайности в разрезе пятилетки, сравним его с соответствующими данными по Германии и Соед. Штатам. В Германии, начиная с 1870 г., средний годовой прирост урожайности свыше 2%. При чем этот рост начался с гораздо более высокого уровня урожайности, чем у нас—с 70—80 пуд. с десятины.

Посмотрим, что говорят данные об урожайности в Соед. Штатах.

Урожайность пшеницы в Соед. Штатах.

Годы	Буш. с акра	Прирост в %% к предыдущ. десятилетию
1866—1875	12	—
1875—1885	12,4	3,3
1886—1895	12,7	2,4
1900—1909	14,1	11,0
1910—1919	15,6	10,7

Таблица говорит, что уже в десятилетие 1866—1875 г. урожайность в Америке была выше средней по пшенице в России за период 1900—13 гг. Соответствующие цифры составляют 51,3 пуд. и 50,1 пуд. Во-вторых, прирост урожайности за два последних десятилетия в Соед. Штатах в 3—4 раза превосходит прирост предшествующих двух десятилетий. Как известно, начиная со второй половины 80-х годов, в Соед. Штатах на ряду с экстенсивным ростом сельского хозяйства мы имеем превалирующий рост интенсивности в сельском хозяйстве.

Данные по Германии и С. Ш. мы приводим не для того, чтобы этим сказать, что у нас должен быть точно такой же темп роста производительности труда в области сельского хозяйства, но для того, чтобы показать, что переход к более интенсивным формам сельского хозяйства значительно повышает тот темп прироста, который был раньше.

Наконец, если использовать данные А. Л. Вайнштейна о росте урожайности до войны, на которые ссылается проект пятилетки, то получается, что в крестьянских хозяйствах районов интенсифицирующегося сельского хозяйства рост урожайности был равен 1,4—2,4%. Отсюда мы видим, что даже наиболее низкая годовая норма прироста производительности труда в крестьянских хозяйствах в интенсивных районах до войны выше, чем намеченный перспективным планом годовой прирост урожайности на ближайшее пятилетие.

Общий вывод, который вытекает из данных о росте урожайности в Германии, Соед. Штатах и довоенной России, тот, что намеченный проектом прирост урожайности взят преуменьшенно.

Преуменьшение прироста производительности труда, который намечен в области сельского хозяйства, обусловлено, во-первых, преуменьшением возможного темпа интенсификации сельского хозяйства, во-вторых, недоучетом влияния организационно-производственных мероприятий, направленных к поднятию урожайности, которые намечены в разрезе пятилетки. Сюда относятся, в первую очередь, землеустройство, мелиоративные работы, переход к правильному севообороту, травосеяние, улучшение сортового материала, увеличение снабжения сельскохозяйственными

машинами и тракторами, применение химических удобрений и проч.

Как пример недоучета организационно-производственных мероприятий, направленных к под'ему урожайности, можно привести данные проекта по сахарной свекле. По этому плану к 1930—31 году урожайность свеклы достигнет 82 берк. с десятины против довоенных 90—91 берковца. Потребление минеральных удобрений в размере 80 милл. пудов к концу пятилетки обеспечивает для сельского хозяйства минеральное удобрение свекловичного посевного клина на 100%. По вычислениям специальной комиссии при Главхиме, выяснявшей перспективы возможного применения минеральных удобрений по сахарной свекле и хлопку, константная прибавка свеклы с десятины при установленной норме минеральных удобрений определяется в 23—28 берк. с десятины. Принимая во внимание, что средний урожай за последние четыре года по сахарной свекле равен 68,6 берк. с десятины, можно считать, что применение минеральных удобрений, вне зависимости от других факторов, способствующих поднятию урожайности, доведет последнюю по сахарной свекле до довоенного уровня. С учетом же других факторов урожайность должна быть несколько выше.

Аналогичную картину мы видим и с урожайностью хлопка. Несмотря на применение в размере 100% сортовых семян, чего не имелось до войны, а также применение минеральных удобрений не менее, чем в 50% общей потребности, урожайность не достигает довоенного уровня. Укажем лишь, что применение сортовых семян повышает урожайность на 20%, а употребление установленных Главхлопкомом норм минеральных удобрений дает константную прибавку до 20 пуд. хлопка-сырца с десятины. Исходя из этого, надо считать, что с учетом других факторов, действующих в том же направлении, урожайность хлопка будет доведена до более высокого уровня, чем установлено в проекте пятилетки.

Как на некоторую неувязку намеченных мероприятий и получаемых результатов, можно указать на следующее. В течение срока перспективного плана расширение посевных площадей путем землеустройства, переселения, мелиорации, устройства лесов местного значения, использования пахотных угодий, бывших помещичьих земель и т. д. дает к концу пятилетия, по подсчетам проекта, новых 12,7 м. дес., по сравнению с дореволюционной площадью посева, равной для 1914 года 109,7 милл. десятин, в то время, как предполагаемый прирост посевной площади равен по отношению к довоенной 10 милл. десятин. В обоснование этого приводится то, что «при распашке непахотных угодий в одних районах союза, в других районах к 1930 году может оказаться еще незаконченным процесс восстановления довоенных площадей» [1]). Мы считаем, что данное положение неверно, так как известная страховка на этот недоучет уже имеется в установлении самой цифры 12,7 милл. десятин возможного расширения площадей посева. Так, например, на использование пашен от перехода к более интенсивным методам обработки земли: от залежной системы к трехпольной и от трехпольной к многопольной—всего падает лишь 2 милл. десятин. В самих материалах к пяти-

[1]) Там же, стр. 180.

летке такие расчеты определяют как «пессимистические». Преуменьшено также возможное расширение посевных площадей на переданных из государственного земельного фонда землях и землях, получаемых от расчистки лесов местного значения.

Исходя из этого, мы считаем, что необходимо учесть расширение посевных площадей полностью на 12,7 милл. десятин.

Намеченный темп развития сельского хозяйства и его направление, по подсчетам проекта, дали следующие общие результаты динамики валовой продукции сельского хозяйства на пятилетие 1926/27—1930/31 гг.

Валовая продукция при среднем урожае [1].

(В милл. довоен. рублей).

Годы	Об'ем	В %% к 1913/14 г.	В %% к 1925/26 г.
1913—1914	10.225	100	—
1925—1926	9.746	95,3	100
1930—1931	12.412	121,4	127,4

Из приведенной таблицы мы видим, что рост валовой продукции в течение пяти лет дает увеличение на 27,4%, или в среднем немного менее 5% в год. Для того, чтобы оценить взятый коэффициент прироста валовой продукции, возьмем соответствующие данные по довоенной России. В разбираемой нами работе дается следующая оценка довоенного коэффициента прироста валовой продукции. «Мы не имеем возможности определить,—говорится там,—в каких размерах повысится коэффициент роста продукции сельского хозяйства в довоенное время, если его исчислить для всей территории, ныне занимаемой Союзом ССР, исходя из годового коэффициента в 2,5% по европейской части этой территории и значительно более высокого (но какого именно—неизвестно) коэффициента по азиатской части. *Можно все же с вероятием ошибиться только в сторону преуменьшения* его размеров считать, что он в среднем за год, за период с *1900—11 гг., не мог быть меньше, чем 3—3,2%, а вполне возможно, что и 3,5%*» (курсив наш).

На с'езде плановых работников докладчик по вопросу о сельском хозяйстве Н. М. Вишневский, говоря о коэффициенте валовой продукции сельского хозяйства в довоенной России, называл, как возможную цифру, 3,5% и даже 4%. Как мы видели выше, на пятилетие 1926/27—1930/31 гг. в среднем берется рост валовой продукции почти в 5% в год, т.-е. процент более высокий, чем довоенный. Однако, простого сопоставления коэффициента довоенного с коэффициентом, взятым в проекте пятилетки, было бы недостаточно. При их сопоставлении необходимо принять во внимание, во-первых, что к 1926—27 году восстановительный процесс в области сельского хозяйства не закончился и валовая продукция при среднем урожае составляла 95,3% от валовой продукции сельского хозяйства 1913 года. Во-вторых, необходимо учесть более быстрый темп роста производительности труда, чем намечено в проекте пятилетки,—роста, обусловленного совокупностью проводимых в этом направлении мероприятий. Все это

[1]) Там же, стр. 163.

заставляет притти к выводу, что взятый темп роста валовой продукции преуменьшен.

Средний годовой прирост темпа валовой продукции, взятый проектом без учета увеличения производительности труда, составляет 3,9% в год. Первый год пятилетки, при условии среднего урожая за 1925—26 г. и 1926—27 г., дает прирост валовой продукции на 5,4%. Сопоставление цифр 5,4% и 3,9% при названных выше условиях само за себя говорит.

Исходя из всего изложенного, мы считаем вполне правильным и актуальным постановление союзного с'езда плановых органов по вопросу о перспективном (пятилетнем) плане развития народного хозяйства, о необходимости в дальнейшей работе над пятилеткой выяснения всех предпосылок и условий для «большего, чем это запроектировано, темпа роста производительности сельского хозяйства с полным и всесторонним учетом всех тех общественных и организационных возможностей, которые открываются для деревни при советском строе».

Снижение цен, товарооборот и другие вопросы.

В процессе дальнейшего хозяйственного развития нашей страны проблема снижения цен промышленных товаров имеет огромное народнохозяйственное значение, являясь на ряду с тем проблемой первостепенной политической важности. Поэтому в пятилетнем плане вопросы цен неизбежно должны занимать одно из первых, центральных мест. Прежде всего, динамика цен является важнейшим показателем промышленного развития страны, степени ее индустриализации. С другой стороны, в цене, как в капле воды, отражаются основные классовые взаимоотношения в стране, и в первую очередь классовые отношения пролетариата и крестьянства. Наконец, то или иное движение цен глубоко влияет на рынок и через рынок на соотношение составных элементов народного хозяйства. Самое незначительное изменение уровня промышленных цен ведет к весьма значительным изменениям ценностных соотношений спроса и предложения на промышленную продукцию. От уровня цен в значительной степени зависит материальное положение рабочих. Цена определяет реальную заработную плату рабочих и в то же время неизбежно отражается на уровне номинальной заработной платы, связывая или освобождая значительные суммы из фонда заработной платы. Все это свидетельствует об узловом положении цены в системе хозяйства, в цепи хозяйственных связей.

Обратимся к рассмотрению проблемы цен в постановке материалов пятилетнего плана. Здесь мы находим проектировку стабильных цен на сельскохозяйственные продукты и снижение отпускных цен промышленности на 17%, при снижении торговой накидки с 35% до 29% к отпускной цене. Проектируемый процент снижения оптовых цен и торговой накидки предполагает снижение розничной цены к 30—31 г. приблизительно в размере 21%.

Намеченный проектом темп снижения розничных цен пром. товаров как в части снижения розничной накидки, так и удешевления отпускной цены, нельзя не признать минимальным. Как известно, к 1-му июня 1927 г., согласно директивам партии и правительства, намечено снижение розничных цен в размере

10% и снижение отпускных цен промышленности на 5%. Таким образом, первый год пятилетия осуществляет около половины снижения розничных цен и около 1/3 отпускных, и на остальные четыре года по материалам пятилетнего плана выпадает задача снизить розничные цены дополнительно всего лишь на 11%, а отпускные цены на 12%.

Само собой разумеется, что было бы не реальным рассчитывать на ежегодное десятипроцентное снижение розничных цен на протяжении всех пяти лет, так как те ресурсы, за счет которых происходит снижение цен в этом году (высокие прибыли, явное искривление товаропроводящей сети и пр.), не могут сохраниться в их неприкосновенности на столь длительный период времени. С каждым годом дальнейшее снижение цен будет все более и более упираться в снижение себестоимости промышленной продукции и в проблему рационализации торгового аппарата. Тем не менее, намечаемое проектом снижение розничных и отпускных цен является скорее преуменьшенным, чем преувеличенным, принимая во внимание существующий, крайне высокий, уровень как розничных, так и отпускных. Надо сказать, что материалы к пятилетке идут еще дальше по пути преуменьшения темпа снижения цен. Всюду, где они оперируют со снижением розничных цен, они предполагают это снижение не в размере 21%, а лишь в размере 17%. Так, при сравнении роста благосостояния городского и сельского населения, исчисляя рост продукции сельского хозяйства на душу населения по физическому об'ему на 15%, авторы материалов замечают: «Но пятилетка проектирует значительное снижение промышленных цен—не менее 17%—при стационарности сельскохозяйственных. При этих условиях благосостояние крестьянина возрастает уже не на 15%, а, примерно, на 30%» и т. д. Как видим, *в важнейшем* вопросе о соотношении города и деревни авторы проекта исходят из 17% снижения розничных цен. Они преуменьшают снижение цен даже против 21%, что лишено всяких оснований и совершенно не годится в качестве хозяйственной пятилетней перспективы. Нам могут возразить, что, строя свои расчеты на основе 17%-ного снижения цен, мы оставляем остальную долю снижения в счет резервов, которые-де нам необходимы и т. д. Несостоятельность подобных возражений очевидна. Нельзя оставлять в резерве значительный процент снижения цен, запроектированный тем же проектом, как реальный и целиком осуществимый.

В проекте пятилетнего плана все важнейшие хозяйственные соотношения на предстоящее пятилетие построены на основе 17%-ного снижения цен. Обратимся в первую очередь к вопросам товарооборота, к проблеме встречных товарных потоков, т.-е. потоков промышленной и сельскохозяйственной продукции. В проекте пятилетнего плана по этому поводу мы читаем: «Общее расширение емкости рынка на промышленные продукты личного потребления определилось у нас в 63%. Это довольно хорошо гармонирует с намеченным по пятилетке приростом продукции соответствующих отраслей *государственной* промышленности по физическому об'ему на 67%. Но с учетом частной и кооперативной продукции широкого потребления этот прирост ожидаемого предложения будет значительно ниже—не более 59%. Если бы мы не приняли соответствующих мер в области регулирования квартирной платы и некоторых других статей рабочего бюджета, то получили бы избыток потребительского спроса на продукты промышленности к концу пятилетки в сумме до 250.000.000 руб. довоенных или до 400 милл. руб. черв.» (стр. 21).

Как видим, проект предполагает к концу пятилетия *товарный голод* в солидной сумме 400 милл. черв. руб. Правда, указанная цифра товарного голода является условной, так как, повышая квартирную плату всего лишь на 4%, мы получаем уменьшение потребительского спроса городского населения на промышленные товары и балансы промышленной продукции и платежеспособного спроса сходятся. Тем не менее, совершенно очевидно, что в области товарооборота мы имеем в проекте определенную неувязку. Стоит нам только исходить из снижения розничных цен в размере 21%, как, благодаря усилению платежеспособного спроса городского населения, перед нами снова вырастает проблема товарного голода в 30—31 г., и благополучие на рынке промышленных товаров исчезает. Перед нами дилемма: если принять 17%-ое снижение цен, то это будет означать преуменьшение имеющихся у нас возможностей в области удешевления промышленной продукции, если же остановиться на снижении цен в размере 21%, то это означает угрозу товарного голода. Как мы указывали, снижение цен в размере 21% следует признать вполне реальным и даже минимальным. Поэтому не может быть и речи о «ликвидации» товарного голода за счет преуменьшения темпа снижения цен.

Какие же пути смогут нас привести к более благоприятному соотношению спроса и предложения на промышленные товары? Возможно предположить ликвидацию промтоварного дефицита путем снижения сельскохозяйственных цен, что вызовет сокращение платежеспособного спроса крестьянства. Однако, этот путь не может быть принят без ущерба для развития сельского хозяйства. И не даром материалы к пятилетнему плану проектируют стабильность сельскохозяйственных цен. Другим путем изживания товарного дефицита является путь увеличения производства промтоваров для широкого рынка. Это увеличение возможно за счет усиления удельного веса легкой индустрии и соответственного уменьшения удельного веса тяжелой индустрии; за счет увеличения импорта предметов потребления и, наконец, за счет повышения эффективности капитальных вложений в промышленность и повышения коэффициентов роста кустарной промышленности.

Совершенно понятно, что как путь уменьшения удельного веса тяжелой индустрии, так и путь усиления импорта предметов потребления являются неприемлемыми с точки зрения основной нашей хозяйственной задачи—индустриализации страны. Поэтому изыскательские работы в этом вопросе, несомненно, должны пойти, главным образом, по пути пересмотра принятых проектом коэффициентов эффективности капитальных затрат и коэффициентов роста кустарной промышленности в сторону их увеличения. Мы уже указывали выше, что эти коэффициенты запроектированы в материалах пятилетнего плана с долей значительного преуменьшения. И пересмотр этих коэффициентов является наиболее правильным путем к устранению значитель-

ных противоречий и «узких мест» в пятилетнем плане нашего хозяйственного развития.

Совершенно дезориентирующей является та разновидность «критики» проекта, которую нередко можно услышать из уст некоторых наших ведомственно-настроенных специалистов и которая направлена против взятых темпов нашего хозяйственного развития и темпа индустриализации нашей страны, как темпов преувеличенных. Так наз. «здоровый пессимизм» чиновников смыкается в этих вопросах с «крестьянофильством» и «крестьянолюбием» нашей партийной оппозиции, которая спешно перевооружается и, обжегшись раз на сверхиндустриализме и «рабочелюбии», не прочь закинуть удочку по части «крестьянолюбия» и обвинить партию в сверхиндустриализме. Рассматриваемые нами материалы к пятилетнему плану, по нашему мнению, страдают отнюдь не сверхиндустриализмом, но преуменьшением наших хозяйственных возможностей.

При рассмотрении «материалов» не следует упускать из виду еще одного весьма важного обстоятельства. Проект намечает 33%-ное повышение заработной платы рабочих, что при 17%-ом снижении цен предполагает рост реальной заработной платы на 50%. Однако, совершенно ясно, что, ориентируясь на снижение цен в размере 21%, мы имеем возможность достигнуть 50% роста реальной заработной платы при меньшем повышении номинальной заработной платы. Таким образом, повышенный темп снижения цен освобождает известную часть средств из фонда заработной платы на усиление промышленности при сохранении высокого темпа роста реальной заработной платы и роста благосостояния рабочего класса.

Одним из «узких мест» в нашем хозяйстве является, как известно, безработица и аграрное перенаселение. Оба эти явления тесно между собой связаны. Городская безработица в основной своей массе питается именно за счет аграрного перенаселения деревни. По предположениям материалов к пятилетнему плану, в 1930—31 гг. аграрное перенаселение остается стабильным при неизменной производительности труда в сельском хозяйстве. Если же предположить, что производительность труда возрастет за 5 лет всего только на 5%, то аграрное перенаселение *увеличится* на 3 милл. душ рабочего возраста. Поскольку авторы проекта признают 5%-ное повышение производительности труда весьма скромным, они, так сказать, «гарантируют» нам значительный рост аграрного перенаселения в конце пятилетия. Правда, они оговариваются, что во второе пятилетие мы будем иметь меньший темп роста населения рабочего возраста и поэтому резкое сокращение аграрного перенаселения. Однако, постановка вопроса об аграрном перенаселении для 1-го пятилетия лишний раз указывает на то, что проблемам изживания «узких мест» нашего хозяйства не было уделено достаточного внимания при составлении проекта. Отмеченное нами выше преуменьшение роста интенсификации сельского хозяйства и роста кустарной промышленности в проекте пятилетки сыграло свою отрицательную роль и в вопросе об аграрном перенаселении. Поэтому и здесь следует пойти по пути пересмотра намеченной перспективы в сторону проектировки иных соотношений между ростом рабочего населения деревни и интенсивным развитием сельского хозяйства и кустарного производства.

Все эти замечания ни в какой мере не умаляют, конечно, величайшего и экономического и политического значения работы, проделанной центральной комиссией Госплана по пятилетнему плану. Работа по составлению пятилетнего перспективного плана, ведущаяся как раз в тот знаменательный для нашего хозяйства год, когда довоенный уровень достигнут и превзойден, является свидетельством новых достижений нашего хозяйства, свидетельством величайших преимуществ нашей системы хозяйства перед капиталистической, еще одним шагом вперед по пути к социализму.

И тем более были правы наши планирующие органы, когда ограничили свою работу составлением *материалов* к пятилетнему перспективному плану, вынеся их предварительно на обсуждение всей страны, рабочего класса и его партии.

К. Бауман.

Основные моменты работы партийных организаций.

Характерной чертой, пронизывающей теперь практику партийной работы, как и всей нашей созидательной работы вообще, является ее *конкретность*, все большее стремление приспособить всю нашу работу для более быстрого претворения в жизнь поставленных партией практических задач. Отход от общих разговоров и перенесение центра внимания на практическое выполнение директив партии,—именно этим все более характеризуются методы современной партийной работы. И в планах работы партийных организаций и в самой практике особое ударение делается на *проверке выполнения* ранее данных директив. Действительно, директив, постановлений, резолюций и инструкций у нас бесконечное множество: по любой организации можно набрать целые томы прекрасных постановлений и инструкций. Но гораздо слабее обстоит у нас по части их проведения в жизнь. Именно в этом теперь гвоздь вопроса, и соответственно этому происходит перестройка практики нашей работы. Теперь необходимо гораздо больше внимания обратить на отдельные детали нашей работы, глубже вскрывать наши недостатки и более внимательно содействовать росту новых достижений. Надо пронизать все будни нашей работы партийной принципиальностью, понять, что каждый наш практический успех в области ли хозяйственного или культурного строительства есть маленькое звено общей борьбы рабочего класса за социализм.

Внимание к «мелочам», внимание к будничной практической работе, уменье в гуще самой жизни вносить социалистические изменения, пусть порой крохотные, но творимые миллионами рук, складывающиеся в мощное целое социалистического строительства,—таково одно из требований, пред'являемое работникам различных родов оружия. Но было бы неправильно отсюда проникнуться буднично-обывательской психологией «тише едешь, дальше будешь», психологией «малых» дел, суживающей самый размах работы, инициативу и творчество. Такие настроения нередко имеют место: порой партиец считает достаточным по-чиновнически выполнить свои служебные обязанности, а в разговорах вздыхает: «что делать, время такое...» Или как у отдельных комсомольцев: «нам в СССР делать нечего, махнуть бы в Китай», а пока... лишнюю энергию тратить порой на хулиганские выходки. Такие настроения не имеют ничего общего с установкой партии о необходимости сосредоточить гораздо больше внимания на проверке выполнения, на будничной практической работе. Ибо наша будничная работа есть в то же время великая реорганизаторская работа по преобразованию «России нэповской» в «Рос-

сию социалистическую». И мы ни в какой мере к нашей практической работе не можем подходить по-чиновничьи. Она должна быть пропитана великим энтузиазмом созидания нового общественного строя, она должна быть освещена светом наших конечных целей—построения коммунистического общества. Наша деловитость, практичность не есть простое «делячество», она—деловитость пролетарских революционеров.

Все лозунги партии, на претворении которых в жизнь мы и должны сосредоточить теперь свое внимание, являются вехами в деле построения социалистического общества. Индустриализация страны определяет весь предстоящий этап нашего строительства. Оживление работы советов дает основное направление всей работы по достройке государства-коммуны, как первоначального этапа безгосударственного коммунистического общества. Этим определяется и содержание ближайших очередных задач: рационализации производства, снижения цен, борьбы с бюрократизмом, за режим экономии, за переделку государственного аппарата и т. п.

К проведению в жизнь *рационализации производства* мы только-что приступаем. Еще наблюдается недопонимание всей важности и значения этого лозунга даже отдельными слоями партийцев. Работы в этом направлении еще непочатый край. Наша обязанность, конечно, в первую очередь, достичь правильного уяснения этой директивы всей массой партийцев. Мы со всей отчетливостью должны раз'яснить рабочим массам о коренной, принципиальной разнице между рационализацией у нас и в капиталистических странах. Но мы не можем слащаво замазывать также трудностей, встающих на этом пути. Порой и партийцы не уясняют того, что на определенных участках отдельные группы рабочих и служащих должны будут принести некоторые жертвы в целях выполнения *общеклассовой задачи*. Эти жертвы, как указывал тов. Сталин в своей речи на конференции комсомола, потребуются, но они явятся сравнительно ничтожными, особенно по сравнению с жертвами, уже принесенными рабочими в борьбе за захват и укрепление власти. На отдельных участках нашего хозяйства рационализация производства может приводить (и приводит) к сокращению рабочих и служащих, при *общем росте* нашей промышленности и рабочего класса. В конечном счете рационализация поможет изживанию безработицы, содействуя более быстрому хозяйственному под'ему всей страны. И наша задача научиться, не замазывая трудностей, раз'яснить рабочим массам огромное значение рационализации производства для *всего* рабочего класса, поднять сознание рабочих масс на такую высоту, чтобы они рассматривали отдельные случаи в тесной связи со всей нашей работой, чтобы они интересовались не только отдельной фабрикой, а промышленностью всей страны, видели ее рост, наши достижения по под'ему хозяйства всей страны.

Налицо уже ряд случаев, когда отсталые слои рабочих проявляют протест против рационализации: не хотят введения конвейера, отрицательно относятся к уплотнению рабочего дня, к автоматическому станку и т. п. Имели место даже отдельные случаи избиения (даже убийство) лиц административно-технического персонала со стороны сокращаемых рабочих. Партия делает все возможное, чтобы всемерно ослабить противоречие инте-

ресов отдельных групп рабочих с общеклассовыми интересами (постановления о переводе сокращаемых рабочих на другие предприятия, об их использовании в связи с расширением производства, о выдаче сокращаемым вследствие рационализации от $1^1/_2$ до 3 месячных пособий). Но отдельные проявления этих противоречий будут иметь место. Задача партийцев давать отпор этим отсталым настроениям, задача партийных организаций сплотить вокруг себя все более широкий рабочий актив на предприятиях, достичь уяснения этой директивы партии всей рабочей массой, чтобы сама рабочая масса была заинтересована и участвовала в проведении рационализации производства.

Подчеркивая огромное значение рационализации производства для хозяйства всей страны, ее принципиальное отличие от капиталистической рационализации, мы в то же время должны проявить максимальную практичность, деловитость, увязать всю нашу раз'яснительную работу с практической работой каждого отдельного предприятия, даже цеха в этой области. Особенно, вырастает в связи с этой задачей роль производственных совещаний и того рабочего актива, который сплачивается вокруг них. Громадную роль должны сыграть профсоюзные организации в целом, печать, комсомол, делегатский корпус работниц. Партийные организации вплотную должны заняться осуществлением правильного руководства работой всех массовых рабочих организаций в этом направлении, проверяя достигнутые результаты и неуклонно — *вместе* со всей рабочей массой — продвигаясь вперед по осуществлению в жизни этой важнейшей партийной директивы.

Второй боевой задачей, которая определяет содержание нашей практической работы, является *снижение цен*. Организация масс вокруг этой задачи нами уже начата, но результаты пока еще явно недостаточны. Потребуется еще напряженная работа, проверка целого ряда областей нашей работы под углом зрения осуществления этой задачи. Рационализация производства должна дать снижение себестоимости изделий промышленности. Но не менее остро стоит вопрос о снижении розничных цен. Проведение предварительного снижения цен (до 8%) по ряду торгующих организаций дает уже нуль прибыли или даже убыток, потому что это снижение цен не было в достаточной мере связано с сокращением накладных расходов, рационализацией товаропроводящей сети и ее аппарата. И здесь надо подчеркнуть необходимость в ряде случаев коренной реорганизации всего аппарата, а не только латания отдельных его прорех. Например, меньше всего снижены цены в деревне. И зачастую это связано с большой дороговизной содержания аппарата деревенских кооперативов, обороты которых не столь значительны. Маленький деревенский кооператив должен содержать заведующего, счетовода, приказчика, сторожа и т. д. При обороте 1.000—2.000 рублей в месяц, содержание его аппарата составляет 300 и более рублей в месяц. Бывают даже случаи, когда содержание одних сторожей заставляет кооператив вылетать в трубу. Здесь уже речь не может итти о внесении тех или иных поправок в работу этих кооперативов, а о коренном изменении организации их аппарата—скажем, о переложении всей ответственности на *одно* платное лицо, которое и организует торговлю и составление отчетности и охрану товаров и т. д. В этом вопросе мы можем и должны кое-чему поучиться у деревенских лавочников. И партийные организации на местах, осуществляя свое руководство работой потребительской кооперации, должны смотреть не только за тем, что произведена соответствующая скидка на товары, но подходить *по-хозяйски* и в соответствии с этим намечать конкретные мероприятия, в нужных случаях ставя вопросы перед вышестоящими организациями.

Партийные организации должны усилить точно так же свое руководство и проверку, исходя из необходимости снижения цен, практикой советских органов. Например, кое-где исполкомы охотно говорят о снижении цен, а вместе с тем набавляют арендную плату на склады, на торговые помещения, коммунальные услуги, как будто это не ложится новым бременем на цены товаров. «Васька слушает, да ест». Или взять кредитующие организации—продумали ли они вопрос о возможности хотя бы небольшого снижения процентов по займам для кооперации, госторговли?

Партийные организации должны также возглавить борьбу против явных извращений линии партии, когда ухудшают качество товаров, подменяют лучшие сорта худшими и т. д. Виновных партийцев нужно привлекать к сугубой партийной ответственности, ибо они дискредитируют директиву партии. Вот уже где действительно чиновничий подход к делу. Со всей суровостью надо вытравливать такое чиновничье отношение партийцев к важнейшему постановлению партии.

Целый ряд вопросов, чисто практических и вместе с тем тесно увязанных со всей принципиальной линией партии, должен быть поставлен партийными организациями при практическом проведении директивы о снижении цен, и каждый партиец должен проявлять свою инициативу и активность, чтобы ее осуществить в жизни.

Третьим вопросом, имеющим точно так же большое значение, является вопрос о *переделке нашего госаппарата*, искоренении в нем бюрократических извращений, об устранении его громоздкости, его удешевлении, достижении гораздо большей четкости в его работе. Эта работа должна тесно переплестись с общей работой по оживлению работы советов. Коренное, принципиальное отличие нашего аппарата состоит как раз в его все большем сливании с массами трудящихся, в их вовлечении в саму практическую работу наших госорганов.

На ряду с планомерной, организаторской работой по устранению излишних звеньев и параллелизма в работе, нам необходимо гораздо шире развернуть связь аппарата с массами, усилить воздействие и контроль рабочих и крестьянских масс над работой госаппарата. Мы должны создать не только актив вокруг советов в целом, но *и рабоче-крестьянский актив из фабрик и деревень вокруг отдельных разветвлений госаппарата, отдельных советских учреждений*. Тем самым мы внесем гораздо больше конкретности и в работу самих советов и их секций, еще больше увяжем принципиальную линию партии с практической работой, вызовем еще большую заинтересованность рабочих и крестьян в строительстве пролетарского государства.

Если для организации промышленных районов особую важность приобретает директива о рационализации производства, то для деревенских парторганизаций задачей современного периода

является переделка, *реорганизация деревни на новых, кооперативных, коллективных началах*. В сущности, подлинный под'ем сельского хозяйства возможен только на этой основе об'единения распыленных крестьянских хозяйств в мощные коллективы, могущие достойным образом использовать современный уровень техники, агрономии. Партийные организации должны ставить перед собой задачу не просто под'ема материального состояния бедноты, маломощных хозяйств, а под'ема их на определенной основе—все большего применения общественно-коллективных начинаний.

Уже сама крестьянская масса проявляет инициативу в этом направлении. Происходит не только организация артелей, отдельных коллективов, машинных товариществ, но и переход целых деревень к новым, социалистическим начинаниям. Ярким примером может служить село Раменье, Волоколамского уезда, Московской губ. Оно завело 250 десятин общественной запашки, частично через осушение *коллективным* трудом болот. Оно приобрело в кредит трактор, уже оплаченный доходами от общественной запашки. Этот трактор бесплатно вспахивает землю бедноты. Далее, доходы от общественной запашки поступают *в общий сельский фонд* по улучшению сельского хозяйства всей деревни, помощи маломощным хозяйствам и т. д. Вот пример, достойный подражания! Здесь мы имеем налицо своеобразный социалистический сектор в хозяйстве данной деревни, командную вышку для ее продвижения по новым путям. В перспективе маячит село Раменье, полностью перешедшее на общественную обработку земли с применением машин и методов, рекомендуемых наукой. Тяга к лучшей новой жизни у крестьян огромная. Жить по-старому нельзя—это осознал уже каждый крестьянский активист. По многочисленным каналам началось строительство новой, советской деревни. Нащупываются все более конкретно пути, по которым все большая масса крестьянства *на основе сочетания своего личного интереса с интересами общественными* продвигается вперед к социалистическому переустройству деревни. И «маленькое» дело села Раменья превращается в огромной важности и принципиального значения факт.

Таковы наши «малые» дела, такова наша будничная работа. Она, как видно уже из перечисленных выше основных задач современной практики — рационализации производства, под'ема сельского хозяйства на новой основе, снижения цен и борьбы с бюрократизмом—идет по путям, которые приведут нашу страну к достижению конечной цели.

* * *

Политика партии правильна. Генеральный лозунг партии—победоносное строительство социализма в нашей стране—осознан не только партией, но и основной массой рабочих, а также передовых крестьян. Партия не хочет возвращаться к дискуссии по уже решенным и ясно осознанным партийной массой вопросам. Перенося центр тяжести своей работы на практическое претворение партийных директив в жизнь, на проверку выполнения, партийные организации вместе с тем должны сосредоточить больше внимания на правильности *подбора, подготовки и выдвижения работников*. «Гвоздь теперь в подборе людей»,—еще на XI с'езде сказал Ленин, одновременно делая утверждение о том, что отступление кончилось. Это не значит, пояснил он, что мы уже научились торговать. Да, мы многому еще не научились, и за это нам приходится платить дань капиталистам и мелкобуржуазной стихийности. Плановость еще не пронизала всю нашу работу, много суеты еще и параллелизма. Даже в самой централизованной области хозяйства—на транспорте—по рельсам «гуляют» товары (встречные перевозки однородных товаров и т. п.). И вместе с тем, когда, стремясь к плановости, мы чересчур перегибаем палку в централизации, у нас на деле получается порой бюрократическое замораживание живого дела. Вот почему особенное внимание мы должны обратить на проведение в жизнь постановления XV Всесоюзной партконференции о проявлении большего доверия к низовым звеньям, на ряду с внесением большей плановости в работу на местах. Все это требует повышения деловой квалификации наших работников вообще и в особенности насыщения периферии более подготовленными, культурными силами. Нам необходимо учиться—и в вузах, и на курсах, и в академиях. Нам необходимо учиться еще в большей мере на живой практической работе, стремясь сочетать учебу с практикой. Нам необходимо направлять работников из культурных центров на места. Чувствуется излишний перегиб в установке партийцев на работу в аппарате в губернских—не говоря уже о столичных—городах. А задачи, стоящие перед нами, требуют насыщения фабрик, заводов и деревень подготовленными организаторами. Образцовая работа на местах—одна из важнейших директив в нашей практической работе.

Растут новые кадры *актива*, не только партийного, но и беспартийного. Надо суметь использовать этот общий рост актива, правильно его разместить и тем самым достигнуть улучшения личного состава наших хозяйственных, кооперативных, советских и партийных органов, чтобы поднять работу еще ступенькой выше. В частности, проводя курс на оживление работы советов, мы должны в гораздо большей мере изучить, знать беспартийный актив, чтобы не случайно или только «по бороде» выдвигать рабочего или крестьянина на работу в тот или другой государственный орган. Прежде всего, борьба за *качество выдвиженцев*. И вместе с тем придание делу выдвижения еще большего общественно-политического значения, путем обсуждения кандидатур выдвиженцев на делегатских и общих рабочих собраниях тех фабрик, откуда товарищ выдвигается. Это выдвижение под общим руководством парторганизаций может и должно вестись по инициативе не только партийных организаций, но и профсоюзов, советов, кооперации. Вокруг всех этих организаций растет пролетарская общественность и создаются соответствующие кадры активистов. Руководители этих организаций, местные партийные и профорганизации должны установить все более тесную связь с передовыми активистами, сплачивающимися вокруг них. Тогда силы наши удесятерятся, и темп нашей работы ускорится.

Ускорение и успешность в работе может и должна быть достигнута через правильную постановку всей *массовой* работы. В этой области мы, во-первых, должны поставить задачей охват *всей массы пролетариев*. У нас нередко на крупных фабриках и заводах из 3.000—5.000 вовлечено фактически в работу профорганизаций, в активное участие по обсуждению политических

и хозяйственных вопросов 300—500 человек, с большей или меньшей регулярностью участвующих в работе делегатских собраний, на фабрично-заводских конференциях и т. д. Зачастую рабочие, живущие в деревне, совершенно не втянуты в работу и политически мало обслуживаются. Бывает, что порой рабочий, живущий в деревне, меньше политически развит, чем местный крестьянин, принимающий участие хотя бы в работе своего сельсовета и кооператива.

Вот почему необходимо в целях охвата гораздо большей массы пролетариев со всей решительностью *развернуть работу в цехе*. Во-вторых, охватывая все более широкие слои рабочих масс, нам вместе с тем необходимо внести еще больше *конкретности и действенности* в массовую работу, направляя ее по линии вышеуказанных основных задач. Нужно, чтобы цехпрофбюро, цех'ячейки, цеховые делегатские собрания, а точно так же общезаводские, реагировали на местные недостатки, искажающие линию партии, выдвигали отдельные практические предложения, могущие улучшить работу заводоуправления или профорганизаций. В первую очередь, заводоуправление или фабзавком обязаны отчитываться об использовании этих предложений. Отнюдь не обязательно ограничиваться отчетами на рабочих собраниях фабзавкомов или директора об общей их работе, необходимо выдвигать и ставить отдельные, наиболее злободневные вопросы, входящие в круг их работы; порой 10-минутная информация директора по наиболее наболевшим вопросам и их обсуждение принесет не меньше пользы, чем общий доклад его. Уже имеются примеры, где на делегатских собраниях, в течение часового заседания соответствующие органы информировали, давали ответы рабочим на ими самими выдвинутые десятки вопросов.

Такая постановка работы вызовет больший интерес рабочих к постановлениям общих и делегатских собраний, усилит проверку выполнения со стороны рабочих масс, в еще большей мере воспитает в них чувство коллективного хозяина, будет способствовать изживанию противопоставления рабочих заводоуправлению и т. п.

В-третьих, нужно озаботиться *обогащением* содержания массовой работы. Политические и культурные потребности рабочих масс выросли качественно, они одновременно стали более многообразны.

Рабочие интересуются и политикой, и техникой, и вопросами организации труда, и искусством. Рабочий класс выдвигает из своих недр отряды активистов, интересующихся, в первую очередь, тем или другим участком нашего социалистического строительства. Между тем, в нашей массовой работе еще много трафаретности, шаблона. Например, чрезвычайно редко где поставлена работа с выросшим вокруг производственных совещаний активом, в первую очередь интересующимся вопросами организации труда или техникой. Профорганизации в особенности должны учесть это в своей массовой работе, использовать имеющиеся культурные силы для постановки соответствующих циклов докладов в клубах, для организации соответствующих рабочих кружков, а также оказывая содействие соответствующим кадрам рабочих активистов при поступлении на курсы, в вечерние университеты и т. п. Парторганизации, точно так же должны усилить свою работу по политическому воспитанию рабочего актива. Тут и открытые собрания ячеек, и специально созываемые ячейками или парткомами собрания рабочего актива, с постановкой общеполитических вопросов, и вовлечение в школы политграмоты и т. д.

Сплачивая вокруг себя и воспитывая новые кадры *рабочего актива*, партийные и профессиональные организации получают в нем *могучее орудие для развертывания и углубления всей массовой работы* среди все более широких слоев рабочих. Там, где налицо уже значительный рост рабочего актива, можно и должно ставить вопрос об его использовании для усиления политической работы среди окружающего фабрики трудящегося населения (крестьянство, кустари, жены рабочих и служащих).

Пролетарский актив должен быть популярным не только на своей фабрике, но и среди всего трудящегося населения данной местности. Нам надо шире осуществить применение идеи Ленина *о политическом шефстве* рабочих над крестьянством и другими слоями трудящихся, ибо это усилит еще в большей мере гегемонию пролетариата, его руководящую роль по отношению ко всей массе трудящихся.

Более того, таким образом мы достигнем роста активности среди самих рабочих масс. Нередко активист, не играющий заметной роли на самой фабрике, весьма интенсивно проводит работу среди более отсталых слоев—кустарей, крестьянства. Он вырастает политически сам в своих глазах, он начинает чувствовать себя вожаком, руководителем, от политической инертности он переходит к активности. Ряд примеров показывает, как использование рабочих для работы, например, по шефским организациям в деревне, приводит к росту их политической активности на самой фабрике. Особенно во время политических кампаний, например, по перевыборам советов, необходимо гораздо шире использовать выросший беспартийный рабочий актив, равно как и крестьянский актив в деревне. Но и в практической повседневной работе парторганизации должны широко организовать дачу отдельных поручений беспартийным рабочим-активистам.

Несомненно, что то громадное вовлечение рабочих и крестьянских масс, которое теперь проводится по линии снижения цен, рационализации производства, борьбы с бюрократизмом, в частности путем организации рабочего и крестьянского актива вокруг отдельных советских учреждений, дает новый значительный рост рабочего и крестьянского актива, облегающего наши партийные организации и являющегося его помощником.

Все более сложные задачи встают перед нами. В гораздо большей мере, чем до сего времени мы должны, на ряду с вопросами, связанными с переустройством хозяйства, поставить вопрос об *улучшении быта рабочих*, о внесении в него большей культурности. Конечно, мы здесь наталкиваемся, как на огромное препятствие, в первую очередь на нашу бедность: скученность в квартирах, отсутствие достаточных помещений для клубов и т. п. Но все же слишком мало сделано и того, что можно было бы сделать на этом заброшенном участке нашей работы. Взять хотя бы массовое пьянство в рабочих районах в день получки, нередко следующую затем поножовщину, драки, избиения мужем жены и детей, безнадзорность детей в тех семьях, где мать и отец (а это обычно на текстильных фабриках) работают на предприятиях. Рост партийного, комсомольского и беспартийного актива дает нам воз-

можность выделить организаторские силы и на этот участок борьбы с тяжелым наследием прошлого, некультурностью, пронизывающей наш быт. Особенное внимание мы должны обратить на подрастающее поколение. «Дети—цветы земли»—говорил Горький; во всяком случае, они—наше будущее. Уничтожить безнадзорность детей в рабочих районах, организовать для них разумные игры, развлечения, отдых—это обязанность женделегаток и комсомольцев, и пионеров в первую очередь.

Ставя так работу во всех областях, мы действительно достигнем того, что рабочий класс *в целом* явится коллективным строителем нового общественного строя, выдвигая на передовые позиции кадры своих активистов из глубочайших своих пластов.

Этот могучий рост рабочего актива вместе с тем дает нам возможность усилить работу *по приему* в партию, по увеличению рядов боевого авангарда за счет пролетариев от станка. Эта задача тем более настоятельна, что за последний год и во время партпереписи произошел некоторый отсев, в том числе рабочих, из наших рядов. 1924 и 1925 гг. были годами бурного роста партии, и, главным образом, этот рост шел кампанейским путем. Нередко в партию вступали отдельные рабочие, случайно подхваченные общей волной тяги рабочей массы в партию. Вместе с тем, громадное увеличение наших рядов затруднило возможность перевоспитания беспартийных клеточек в партийные. Теперь этот процесс отсева, в основном, надо считать законченным. Наша задача правильно организовать прием в партию новых кадров политически выросших рабочих не путем кампаний, а в порядке систематической, повседневной работы. Рост пролетарской общественности, усиление размаха работы партийных, советских, профсоюзных и др. организаций, большее вовлечение рабочей массы в их работу, дают нам возможность отобрать в партию лучшие, проверенные на общественно-политической работе, кадры. Усиливая прием в партию, мы ни в коем случае не можем понизить строгость отбора. Партия не проходной двор: нужно принимать товарищей со всей сознательностью, продумавших свое вступление в партию, тех, которые в своей практической работе ставят общеклассовые задачи пролетариата выше цеховых интересов отдельных групп рабочих. Именно в этом заключается основной критерией при определении, кого принимать в партию. И сами партийные организации и члены партии должны проявить больше инициативы по вовлечению товарищей, достойных быть в рядах партии. Особенное значение здесь приобретает работа цеховых ячеек и групповых организаторов. В ближайший период мы должны выполнить одну из основных организационных директив партии о том, чтобы в составе партии было не менее 50% рабочих от станка.

* * *

Мы переживаем, несмотря на ряд затруднений, полосу хозяйственного и культурного под'ема страны. Растет активность всех слоев населения. Впереди по своей активности и росту политической сознательности и сплоченности идет пролетариат. Все более огромные массы народа—бедняки, середняки-крестьяне, трудящиеся города—сплачиваются вокруг советской власти, все с большей сознательностью они признают и поддерживают диктатуру пролетариата. И вместе с тем, гораздо шире развивается деловая критика наших недостатков, все большие массы организуются вокруг практических мероприятий по их устранению. Нам именно в настоящий период переустройства нужна эта здоровая, деловая критика масс. Она ускоряет самый процесс переделки. Но критика—не только наше оружие, но и оружие наших врагов. В условиях нэпа на ряду с процессом развертывания социалистического строительства проявляется и противоположный ему процесс—оформления буржуазной и мелкобуржуазной идеологии. Она становится более четкой и активной. Она просачивается и в отдельные слои трудящихся в виде антисемитизма, шовинизма, порою роста религиозности и т. п. Приспешники идеологии новой буржуазии и кулачества стремятся направить критику отдельных недостатков нашей работы по руслу критики всей системы советской власти. И наша задача, четко улавливая дезорганизующие, антисоветские тона критики, давать на каждом шагу им решительный отпор: в совете ли, профсоюзах или на собраниях,—нигде члены партии не должны оставлять без ответа ни одну из попыток подрыва авторитета советской власти.

Но для всех, разве за исключением явно запутавшихся, заблудившихся, свернувших с ленинской дороги оппозиционеров, видны исторические пропорции этих двух процессов в нашей стране: в то время как наш процесс социалистического строительства есть могучий поток, процесс антисоветский обречен на гибель. Вот почему мы с полной уверенностью продолжаем развертывание советской демократии, содействуем росту советской пролетарской общественности.

Это обязывает наши парторганизации к усилению своего руководства развивающейся советской общественностью. Только под руководством партии она является подлинно пролетарской общественностью и направляется по правильному руслу—социалистического строительства. *Партийная общественность должна быть авангардом всей советской общественности.* При росте активности широких беспартийных масс, мы в еще большей мере должны развернуть активность и самодеятельность партийных масс. Проведение советской демократии особенно заостряет вопрос о полном и последовательном осуществлении *внутрипартийной демократии.*

Совершенно нетерпимым явилось бы положение, когда в первую очередь беспартийные критиковали бы действительные недостатки нашей работы, а партийцы отмалчивались бы, или, что еще хуже, во что бы то ни стало стремились бы замазать эти недостатки. Это значило бы плестись в хвосте, а не итти в авангарде борьбы за устранение наших болячек и недостатков в нашей работе. Партийцы *первые* должны вскрывать недостатки и принимать все меры к их устранению. Это еще более повысит авторитет партийных организаций в беспартийных массах.

В этих целях нам необходимо гораздо большее проявление инициативы со стороны как отдельных членов партии, так и целых парторганизаций. У нас широко разветвились и приблизились к самой массе звенья партийного руководства. На крупных предприятиях бюро общезаводской ячейки все более начинает играть *роль партийного комитета* (райкома); оно обросло активом, работающим на определенных участках партработы;

вокруг него создался своеобразный, не платный, а на основе роста самодеятельности партийных масс, «аппарат»—в сущности, оргкомиссия при бюро ячейки заменяет собою орготдел райкомов, как агитпропкомиссия—агитпроп, женкомиссия—женотдел. Далее, широко развертывается низовая сеть цеховых ячеек и за последние годы—низовые «агенты» партии, группорги, являющиеся организаторами каждого десятка партийцев и вожаками в соответствующей группе беспартийных рабочих. Звенья партийного руководства внедрились в самую гущу рабочей массы; их обрастание беспартийным активом—еще теснее, еще более мощно должно закрепить связь партии с рабочей массой.

И творческая, инициативная работа всех этих разветвленных звеньев партийного руководства, *выдвижение ими вопросов снизу* перед вышестоящими организациями, как в свою очередь выдвижение вопросов каждым партийцем перед низовым руководящим звеном, даст небывалый рост партийной общественности, внесет массовую коллективность в осуществление всего партийного руководства. Недостатков в этой области еще много, но уже прошел изрядный срок, как партийные организации от общих разговоров о внутрипартийной демократии перешли к практическому ее осуществлению. Методы убеждения и раз'яснения, все большего развертывания самодеятельности партийных масс и все большего осуществления коллективности в руководстве—все более пронизывают практику современной партийной работы.

Усложнившаяся и разросшаяся работа требует большего уточнения методов руководства и со стороны партийных комитетов. В недостаточной мере ими еще использовываются фракции (советов, профсоюзов, кооперации), как *вспомогательные звенья* по осуществлению партийного руководства всеми областями нашего строительства. Фракции сами должны проявлять больше инициативы по выдвижению вопросов перед соответствующим парткомом, обеспечивая в то же время проявление инициативы по постановке тех или других вопросов перед фракцией в целом со стороны каждого отдельного ее члена. Коллективность в работе должна измеряться не количеством заседаний и протоколов, а именно своевременным реагированием ее на актуальные вопросы.

Таким путем мы осуществим на деле то требование, которое теперь пред'является партийному руководству,—проявление большей чуткости к запросам политически и культурно выросших рабочих масс. В этих же целях нам необходимо обратить, особенно за летний период, больше внимания на *подготовку*, учобу партийного актива; при этом особую важность приобретает повышение политической квалификации работников в цехе (секретарей цех'ячеек, группоргов).

Развертывание внутрипартийной демократии должно способствовать и поднятию политического уровня членов партии, в частности воспитанию молодых членов авангарда великой армии борющегося пролетариата. Наша партия—авангард этой армии; она одновременно добровольный союз единомышленников. Нам необходимо боевое, железное единство наших рядов, величайшая их дисциплинированность. Но наша дисциплина не противоречит, а целиком сочетается с внутрипартийной демократией, ибо рост нашей дисциплинированности основан, в конечном счете, на все большем осознании каждым членом задач партии. Наша дисциплина не есть «лямка», а сознательное выполнение отдельной

частью партии общепартийных директив. Те же, которые не хотят их выполнять, вопреки общей воле партии, находятся на грани отхода или отходят от партии. И одновременно с проведением внутрипартийной демократии нам необходимо усилить борьбу с элементами разложения, срывающими выполнение директив партии, дискредитирующими их. Мы упорно должны продолжать нашу работу по повышению *качества* наших рядов. И контрольные комиссии должны в настоящий период переделки госаппарата проявить особенную жесткость к тем партийцам, которые продолжают заниматься бюрократической волокитой, не проводят или злостно искажают линию партии по снижению цен, по проведению режима экономии.

Мы перегружены нашей внутренней созидательной работой. Но нет и не может быть ни одной парторганизации, которая позабыла об общей борьбе *всего международного пролетариата*. Особенно в настоящий момент рабочий класс и вся партийная масса проявляют громадный интерес к международным событиям. Наша задача широко осветить в рабочих и крестьянских массах международное положение СССР, осветить борьбу китайского народа против империализма, назревание новых революционных сил в рабочем классе капиталистических стран. Эти вопросы приобретают и острое внутрипартийное значение в связи с новыми попытками оппозиции развернуть именно по ним дискуссию (например, последнее выступление Зиновьева). Надо со всей тщательностью изучить политику партии в международных вопросах. У нас нет никакой необходимости вступать здесь на путь дискуссии; политика ЦК правильна и признана правильной всей партийной массой. Тем более в настоящий момент, при весьма обострившейся обстановке нашего международного положения—было бы преступлением итти на роскошь дискуссирования. Вся масса партийцев, все парторганизации железной стеной сплотились вокруг ленинского ЦК, и никаким попыткам оппозиции не пробить этой стены. Партия со всей революционной настойчивостью и выдержкой будет продолжать великое дело строительства социализма, подымая на новой основе мощь нашей страны, готовя сокрушающий отпор попыткам империалистов нарушить нашу созидательную работу и оказывая всемерную поддержку пролетариям всех стран и угнетенным империализмом народам в их борьбе за победу над мировым капиталом.

М. Рубинштейн.

К характеристике экономики Китая.

(Окончание).

IV. Иностранный капитал в Китае.

1. Внешняя торговля.

Основным орудием проникновения иностранного капитала и воздействия империализма на народное хозяйство Китая долгое время была лишь внешняя торговля.

«Открытие» Китая для европейской торговли сопровождалось многочисленными войнами, насилиями и грабежами.

«Дымящиеся развалины самых крупных и самых старых городов, гибель земледельческого хозяйства на огромных пространствах земли, невыносимый налоговый гнет для изыскания военных контрибуций были спутниками всех европейских вторжений и шли в ногу с успехами торговли. Из свыше 40 китайских «договорных» портов каждый куплен потоками крови, резней и разрушением» [1].

Как мы уже упоминали, в настоящее время по абсолютным цифрам внешняя торговля Китая является весьма значительной (занимая по общим оборотам 7-е место в мире—после Англии, Соед. Штатов, Франции, Германии, Индии и Голландии). При этом бросается в глаза ее бесперебойный и все ускоряющийся рост.

Так, по пятилетиям внешняя торговля Китая составляла в таэлях [2]:

1899 г.	576.100.557
1904 »	720.125.962
1909 »	939.722.755
1914 »	1.058.821.028
1919 »	1.637.162.362
1924 »	2.379.032.756

При этом характерно, что и последние годы, заполненные стачками, бойкотом, гражданской войной все же не дают сколько-нибудь заметного снижения торговли.

---

[1] Роза Люксембург—«Накопление капитала», ГИЗ, 1923, стр. 408.

[2] Мы приводим лишь номинальные цифры, не внося поправок на изменение цен, так как отсутствие в Китае достаточно полной статистики цен и составление данных о внешней торговле в таэлях (условных единицах серебра) делает такую поправку крайне спорной и затруднительной. Курс таэля колебался за последние 15 лет очень значительно, но эти колебания не соответствовали общей кривой роста мировых цен. Кроме того, эти изменения курса имели совершенно разное значение для различных по типу товаров экспорта и импорта в Китай.

1925 г.—год шанхайской и гонконгской стачки дал лишь небольшое снижение по сравнению с 1924 г., но был все же выше 1923 г. В 1926 г., несмотря на продолжение бойкота Гонконга, северный поход, столкновения в Северном Китае—внешняя торговля (по предварительным данным) довольно значительно выросла.

Вообще, она обнаруживает чрезвычайную цепкость, зачастую продолжается непосредственно во время военных действий или переходит из одних портов в другие.

Зато в участии основных империалистических стран во внешней торговле Китая мы видим серьезную перегруппировку. На ряду с резким падением доли Англии, мы имеем значительный, хотя сопровождающийся большими колебаниями, рост Японии и Соед. Штатов.

До войны Великобритании принадлежала в китайской торговле основная роль.

В 1925 г. мы имеем уже совершенно другую картину. Так, в импорте Китая основную роль играли следующие страны [1]:

Япония	300	милл. таэлей
Гонконг.	176	» »
Соединенные Штаты	143	» »
Великобритания.	93	» »
Брит. Индия.	49	» »
Голл. Индия.	37	» »
Германия	32	» »
Другие страны	135	» »
Всего	965	милл. таэлей

Доля Великобритании в импорте Китая составляла лишь 9% против 31% Японии и 15% Соед. Штатов. Правда, очень крупная роль (18%) принадлежала Гонконгу. Но по заявлению отчета коммерческого секретаря Великобритании в Шанхае лишь около 10% импорта Гонконга в Китай состоит из товаров великобританского происхождения [2]. Если даже увеличить процент импорта из Великобритании на соответствующую долю (1,8%), она все же будет значительно отставать не только от Японии, но и от Соед. Штатов.

---

[1] «Report on the industr. Situation in China». 1926. Department of overseas trade London.

[2] Совершенно никчемным является поэтому довольно часто встречающееся в нашей литературе складывание долей Великобритании с Гонконгом, Индией и другими частями Британской империи, при чем общий итог иногда даже фигурирует под заголовком «Доля импорта из Англии» (?).

О характере импорта из Гонконга мы упоминали выше. Импорт из Индии в Китай (в котором основную роль играет хлопок) также имеет совершенно другой характер и экономическое значение, чем импорт из Великобритании. Сами англичане это прекрасно понимают и нигде в официальных изданиях такого рода сложениями не занимаются, хотя бы они и могли несколько прикрасить неумолимые факты неуклонного падения английской доли в торговле Китая.

В экспорте Китая Великобритания занимает еще меньшее место.

В 1925 г. экспорт из Китая составлял:

В Японию	186	милл. таэлей
» Соедин. Штаты	143	» »
» Гонконг	114	» »
» Францию	66	» »
» СССР	48	» »
» Великобританию	47	» »
» другие страны	—	» »
Всего	776	милл. таэлей

Таким образом, в экспорте Китая Великобритания занимала лишь 6-е место (в частности после Франции и СССР), составляя лишь 6% всего экспорта против 24% в Японию и 19% в Соед. Штаты. При этом, по данным торговой статистики Гонконга, вряд ли больше 1% китайского экспорта в Гонконг направляется затем в Англию.

Мы видим, таким образом, что роль Англии во внешней торговле Китая в настоящее время уменьшилась как абсолютно, так и относительно.

Как источник сырья Китай не играет для Англии почти никакой роли, как рынок сбыта он все более уплывает в другие руки.

С другой стороны, данные о внешней торговле Китая показывают чрезвычайно выросшую роль Японии, занимающей уже 1-е место, как в импорте, так и в экспорте,—а также огромный рост Соед. Штатов, оттеснивших Англию на третье место.

Это опровергает довольно распространенное представление о незначительности интересов Соед. Штатов в Китае.

В 1926 г. экспорт Соед. Штатов в Китай вновь вырос на 12%, составив по стоимости 129,5 милл. ам. долл., на 300% выше, чем годовые средние за 1910—14 гг. [1]).

Еще большее значение принадлежит Соед. Штатам в торговле важнейшего центра Китая—Шанхая, где им уже несколько лет принадлежит *первое место*. Так, в 1924 и 1925 гг. торговля (импорт и экспорт) Шанхая составляла в миллионах таэлей [2]):

	1924 г.	1925 г.
Всего	759,90	738,00
В том числе:		
Соед. Штаты	180,50	176,96
Япония	153,0	150,80
Великобритания	131,60	99,26
Брит. влад. (кроме Гонконга)	76,80	79,50
Гонконг	46,00	39,20

Еще ярче выступают эти изменения в соотношении разных стран при рассмотрении импорта в Китай по роду товаров.

[1]) Отчет Department of Commerce of U. S. A. в «Un. States daily» от 9/III 1927 г.

[2]) «Chinese Economic Bulletin».

Так, в импорте тканей в Китай, соотношение Англии и Японии, по сравнении с довоенным, совершенно перевернулось.

Соответствующие доли во всем импорте тканей составляли (в процентах):

	1911 г.	1923 г.	1925 г.
Англия	62	35	24
Япония	13	53	66

Особенное значение имеет импорт машин в Китай.

Он дает картину довольно пестрых колебаний, при чем, несмотря на снижение за последние годы, он был все же по стоимости в 1924 г. вчетверо выше, чем средние за 1910—1913 гг.

При этом ввоз из Англии и Германии вырос втрое, из Японии—в 9 раз и из Соед. Штатов—в 12 раз.

Доля основных стран характеризуется следующими цифрами [1]):

	Соед. Штаты	Англия	Япония	Германия
	в процентах			
1914 г.	8,4	46,0	10,5	13
1919 »	44,7	14,5	25,1	—
1920 »	54,1	23,2	16,5	0,3
1924 »	20,7	29,6	18,8	17,0

Таким образом, Соед. Штаты, обогнав уже значительно Англию в 1919—1920 гг., затем вновь снизились на 2-е место. В 1926 г. по предварительным данным Соед. Штаты вновь выдвинулись в этой части импорта на 1-е место.

По данным о ввозе машин через Шанхай за первую половину 1926 г. из Соед. Штатов было ввезено на 1 миллион долл., из Англии—на 800.000, Японии и Германии—на 290.000.

В импорте машин через Тяньцзинь доля Англии также резко упала [2]).

Уже это показывает значительные различия в характере заинтересованности разных империалистических государств в китайской внешней торговле.

Торговля Соед. Штатов меньше всего пострадала бы от тарифной автономии Китая. Уменьшение спроса на ткани совершенно не задевает Соед. Штатов. В то же время она вызвала бы ускорение индустриализации страны—рост спроса на текстильные и другие машины, сталь, автомобили и т. д., т. е. рост (во всяком случае на время) той части китайского импорта, где основная роль принадлежит Соед. Штатам.

Роль чисто китайского торгового капитала во внешней торговле, несомненно, выросла за последние десятилетия, но он продолжает в основном носить посреднический характер, лишь в незначительной степени захватывая важнейшие конечные звенья экспортно-импортных операций.

Даже американский журнал «China Weekly Review» вынужден признать, что «жалобы иностранцев на рост китайской конкуренции в этой области больше выдуманы». В Шанхае имеется лишь

[1]) «Far Eastern Review», 1926.

[2]) «Industrie d'Handelszeitung» 1926, № 304.

86 китайских фирм, занятых экспортом и импортом, из них не более дюжины сколько-нибудь крупных. В других портах еще меньше. В то же время конкуренция среди иностранных фирм резко выросла. Число этих фирм выросло с 933 в 1899 г. до 7.286 в 1924 г.; конкуренция заставила значительно изменить методы торговли, специализировать ее и т. п.

Преобладающее значение иностранного капитала во внешней торговле Китая закрепляется тем, что в его руках сосредоточено 93% морского судоходства за границу (при чем и в этой области в 1925 г. японская доля—39,6%—обогнала английскую, снизившуюся до 25,8%). Даже во внутреннем (береговом) судоходстве китайская доля (правда, быстро выросшая за последние годы) составляет лишь 46%.

Наконец, основное значение имеет тот факт, что экспортно-импортные операции целиком зависят от крупных банков и поэтому, в конечном счете, все нити внешней торговли сходятся в руках банковских гигантов Англии, Японии и Соед. Штатов.

Необходимо, однако, отметить, что основной характер посреднических функций китайского торгового капитала за последнее время значительно меняется. Прежний «компрадорский» тип посредничества все более сокращается и во многих областях отмирает. В частности крупнейшие американские и японские фирмы теперь отказываются от услуг компрадоров прежнего типа. Пионерами в этом отношении были Стандарт-Ойл и Британско-американский табачный трест, прибегающие к современнейшим американским методам торговли, основанным на широчайшей «научной» рекламе, непосредственном снабжении каждого потребителя по одинаковым ценам во всей стране, сложной централизованной системе учета спроса, организации транспорта и т. п. В свое время они прибегали к широкой бесплатной раздаче по деревням керосиновых ламп, чтобы приучить население к потреблению керосина, в конкурентной борьбе резко сбивали цены, чтобы затем, достигнув соглашения с Роял-Детч, начать систематически подымать их. Агенты Стандарт-Ойл проникли без помощи компрадоров в самые глухие уголки страны. Их продукты внедрились почти в каждую семью, стали необходимостью. Нет городка, при в'езде в который не виднелись бы характерные баки Стандарт-Ойл.

Та же картина и в методах торговли табачного треста с еще большим преобладанием рекламы и «создания спроса». Для этой цели работают громадные, «научно» поставленные отделы, использовывающие китайское искусство и религиозные праздники, испещряющие плакатами и афишами великую китайскую стену, раздающие листовки и иногда бесплатные образцы на каждой ярмарке.

Как отмечает вышеуказанный американский журнал, нет поселка, где нельзя было бы купить папирос треста, нет достаточно глухого уголка, где не побывал бы уже «табачный агент». Они исходили все тропинки Монголии, чтобы всучить рассыпанным по степи монголам папиросы «Пират», они проникли в дебри западного Сычуана и Гансу, используя все средства транспорта.

В самой глубине страны, на стратегических пунктах транспорта у них имеются базисные склады, обеспечивающие бесперебойность снабжения каждой лавчонки. Все это без участия компрадоров, при помощи комми, которые при найме подписывают обязательство изучить китайский язык, или при посредстве китайских служащих, ничем не отличающихся от остальных. Все эти методы целиком переняты и применяются в еще более широком масштабе японскими фирмами, бродячие продавцы которых сбывают на всех ярмарках ткани и вязаные изделия, мыло и дешевую парфюмерию, игрушки, галантерею, всякую мелочь.

Но основной удар системе компрадорства наносит громадное развитие сети китайских банков современного типа, на совершенно новой основе создающих связь иностранных банковских спрутов с хозяйством отдаленнейших районов страны, нисколько в то же время не подрывая господства иностранного финансового капитала.

2. Экспорт капитала в Китай.

Важнейшим фактором, совершившим переворот в социальных отношениях Китая, был экспорт капитала, перенесший в страну крупнокапиталистические предприятия в их последних формах, создавший индустриальный пролетариат, вызвавший гораздо бо́льшую и совершенно иную по характеру заинтересованность империалистических государств в Китае, чем внешняя торговля.

Основным условием экспорта капитала является различие норм прибыли. Оно в данном случае проявляется в необычайно ярких формах. Прибыли, получаемые иностранным торговым, промышленным и банковским капиталом в Китае, уступают разве лишь пресловутым каучуковым акциям во время послевоенного бума. Дивиденды английских угольных предприятий в Китае составляют в среднем 20—30%, судоходных в худшие годы (1923 и 1925 гг.)—31%, в 1924 г.—56%, с 1912 по 1916 г.—свыше 100% ежегодно [1]).

Текстильные предприятия выплачивали не менее 30%, Гонконгско-Шанхайский банк многие годы платил акционерам не менее 50%. В 1926 г., т.-е. за период бойкота Гонконга и ряда ударов британской торговле, он выплатил даже 63% дивиденда [2]).

Выкачивание бо́льшей части прибылей из страны неотделимо от самой сущности экспорта капитала. В результате, иностранный капитал одной рукой развивая производительные силы Китая, другой задерживает их рост, хищнически разоряя страну и высасывая ее соки.

Нет никакой возможности дать сколько-нибудь точную картину наличных иностранных инвестиций в Китае. Имеющиеся оценки чрезвычайно разноречивы, очень часто совершенно произвольны и ни в коей мере не дают достаточной основы для подробного анализа.

Мы ограничимся лишь приведением некоторых новейших оценок. Основную роль в этой области все еще, повидимому, играют инвестиции *Англии*.

Ряд американских источников оценивает британские интересы в Китае в 1½ миллиарда ам. долл., т.-е. около 3-х миллиар-

---

[1]) «British imperialism in China» L. R. D. London. 1927.
[2]) «Economist» 23-IV 1927.

дов рублей; эта оценка является наиболее частой. По последнему отчету председателя Chartered Bank of India, Australia and China [1]), ведущего в Китае крупнейшие операции, «собственность британских подданых» в Китае оценивается в 350 миллионов фунтов, т.-е. около 3½ миллиардов рублей. Имеются отдельные и более высокие оценки. Но и эта сумма инвестиций, составляющая 1/8—1/9 всех вложений британского капитала за границей, является громадной, особенно, если принять во внимание отмеченную выше незначительность в настоящее время роли Великобритании во внешней торговле Китая и относительно небольшое непосредственное участие в китайской промышленности. В этой области англичанам принадлежат из крупных предприятий лишь 4 (правда, весьма крупных) текстильных предприятия, 2 очень значительных угольных (Кайланское о-во и Пекинский Синдикат) и несколько крупных верфей и механических заводов. По имеющимся, правда, не очень достоверным, оценкам в угольную промышленность вложено около 22 миллионов р. англ. капиталов и в текстильную около 20 милл., т.-е. суммы крайне незначительные. Оплаченный капитал британских промышленных компаний в Шанхае, составляет, по сводке английского консула около 27 миллионов фунтов, но в этой сумме ¾ дает Британско-америк. табачный трест со значительным участием американского капитала.

Гораздо более крупные английские капиталы вложены в железные дороги. Из всей железнодорожной сети Китая свыше ½ построено на иностранные займы (на сумму около 500 миллионов ам. долл.) и свыше 1/3, как непосредственные концессии разных стран (на сумму около 290 милл. ам. долл.). Всего около 6/7 китайских жел. дорог построены на иностранные капиталы [2]).

Британская доля по подсчетам, произведенным в работе тов. Канторовича [3]), составляет 130 милл. кит. долл., по одной английской оценке—200 милл. р.

Нам незачем здесь останавливаться на громадной роли жел. дорог для империалистического проникновения в Китай,—роли, которая несравненно шире непосредственных финансовых интересов, так как контроль над железной дорогой обеспечивает господство над природными богатствами, рынком, стратегическим и политическим положением, всем хозяйственным развитием соответствующего района.

Огромные суммы вложены англичанами в портовые сооружения, морское и речное судоходство, долю участия в которых мы отмечали уже выше.

Но основными инвестициями английского капитала являются многочисленные займы пекинскому правительству, отдельным милитаристам и т. п.

Все эти займы сопровождаются соответствующими «гарантиями», контролем, установлением «сфер влияния» и интересов.

Посредством займов, на обеспечение и покрытие которых идут таможенные пошлины, отчасти ликины, значительная часть налогов, соляная монополия, доходы жел. дорог, почт, телеграфа, промышленных предприятий и др., иностранный империализм

[1]) Statist 2/IV 1927 г.
[2]) «Currency, Banking and Finance in China» Washington. 1926.
[3]) А. Канторович.—«Иностранный капитал и железные дороги Китая». 1926.

подчиняет себе все народное хозяйство Китая, выкачивая прибыли из всех крестьянских хозяйств, даже живущих полунатуральным хозяйством, разоряет их, обеспечивает высасывание трудовых усилий ряда поколений.

Почти все эти махинации с займами проходят через *Гонконг-Шанхайский банк*, являющийся также центром вложения всех правительственных поступлений, таможенных пошлин и т. п. Кроме того, он играет руководящую роль в определении курса многочисленных китайских валют и получает, благодаря игре на этих валютных махинациях, громадные прибыли.

Этот банк является становым хребтом британских финансовых интересов на Дальнем Востоке. Основной (оплаченный) капитал Гонконг-Шанхайского банка, как это обычно бывает, совершенно не отражает его значения, составляя лишь 20 миллионов гонконгских долларов. В 1924 г. его резервный фонд составлял 65 милл. долл., депозиты, которыми он распоряжался—523 миллиона, займы 264 милл., наличная касса 98 милл. и чистая прибыль 13 миллионов.

В 1926 году [1]) он дал чистой прибыли 17 милл. долл. (т.-е. 85% основного капитала), резервный фонд вырос до 74 миллионов, текущие счета и депозиты составляли 616 миллионов, в активе займы и разного рода кредиты составляли 515 милл., наличная касса 120 милл. и ценные бумаги 123 миллиона. Общий баланс составлял 789 милл. гонконгских долларов. Таким образом, суммы, которыми банк распоряжался, более чем в 30 раз превышали оплаченный капитал, а чистая прибыль ежегодно возмещала этот капитал почти полностью.

Таким образом, английский капитал, при относительно незначительной внешней торговле с Китаем и небольшом непосредственном участии в промышленности, методами, типичными для финансового капитала в империалистический период, держит в своих руках ряд важнейших командных высот и посредством займов, контрибуций, пошлин, налогов и т. п. выкачивает через банки громадные прибыли из всего народного хозяйства Китая.

Для охраны и расширения этих прибылей спешат в Китай все новые английские броненосцы и аэропланы, расстреливаются Ван-Сян и Нанкин, подкупаются У-Пей-Фу, Чжан-Цзо-Лины и Чан-Кай-Ши.

В огромной степени выросла за последнее десятилетие роль *японского капитала* в Китае.

Общая сумма японских инвестиций в Китае, по имеющимся неполным данным, повидимому, близка к английской. Однако, характер этих инвестиций несколько иной. При такой же, как у англичан, роли в правительственных займах и еще большей доле в жел. дорогах японский капитал в значительно большей степени, чем британский, сосредоточился на непосредственных вложениях в промышленность.

Прежде всего, громадное значение имеет тот факт, что японский капитал контролирует почти целиком молодые ростки *тяжелой промышленности* Китая и ее сырье—добычу желез. руды. Металлургия Манчжурии (построенные по последнему слову техники Аншанские заводы) целиком в японских руках.

[1]) 111-й отчет собранию акционеров Times Trade Suppl. 19/III 1927.

Металлургические заводы в районе Ханькоу формально числятся китайскими предприятиями, но связаны японским капиталом по рукам и ногам.

Очень интересны методы, при помощи которых японский капитал овладел крупнейшим предприятием тяжелой промышленности Китая—Хан'епинским комбинатом[1]). Он был основан, как чисто-китайское предприятие (с участием правительства), и, несмотря на незаконченность оборудования, сулил широкие перспективы, так как обладал запасами высокосортной руды и угля, расположен чрезвычайно благоприятно на скрещении Янцзы с железной дорогой и т. п. Но вследствие возраставших финансовых трудностей предприятие все глубже погрязало в долги и в 1913 г. принуждено было пойти на кабальные условия займа у японцев. Оно заключило сроком на 40 лет 2 займа (в 15 и 6 милл. иен) у Иокогама Спеши Банк и японских правительственных металлургических заводов (Imperial Iron Works). При этом заем и проценты должны были выплачиваться не деньгами, а частью железной рудой, частью чугуном. Всего должно было быть поставлено Японии не менее 15 миллионов тонн высокосортной железной руды и 8 милл. тонн чугуна, при чем эти поставки натурой должны были продолжаться, если бы даже предприятие получило возможность выплатить займы деньгами. Для контроля над выполнением этих условий на предприятии назначен ряд японских «советников». Но и этого было мало. В пред'явленных Японией Китаю в 1915 г. 21 требовании целая группа пунктов посвящена Хан'епинскому комбинату, при чем один из них (правда, отклоненный) требует отказа от сооружения других конкурирующих предприятий без согласия японцев. Таким образом, цель японских кредиторов (за которыми непосредственно стояло правительство) состояла в том, чтобы получать железную руду и чугун для своей промышленности по дешевке, даже если бы это было для предприятия совершенно убыточно. При вызванном же этой убыточностью невыполнении каких-либо условий, они имели повод вмешаться и целиком овладеть предприятием. В условиях далее оговорено, что на каждую тонну руды, потребляемую в домнах комбината, 2 тонны должны вывозиться в Японию. В результате оказалось, что запасов руды, которых было бы достаточно на многие годы для работы самого комбината, при таком форсированном экспорте нехватает. Предприятие переживает резкий длительный кризис, далеко не использует своей производственной способности (около 500.000 тонн в год), а за последние годы домны вообще не работали.

Эти методы японского империализма типичны для всей тяжелой промышленности Китая.

При производственной способности около 900.000 тонн в год фактическая продукция за последние годы не превышала 200—300 тысяч тонн, из которых 160—200 тысяч вывозились в большей своей части в Японию.

Стремясь обеспечить себя дешевыми источниками сырья и полупродуктов, японский капитал в то же время сознательно тормозит дальнейшее самостоятельное развитие тяжелой промышленности Китая, в которой ему принадлежит свыше 80%.

---

[1]) См. Tegengren—«The iron ores and iron industry of China» Part II. Peking. 1924.

Другое положение мы имеем в китайской *текстильной* промышленности—области, где японскому капиталу также принадлежит огромная роль. По официальным данным Японии принадлежит в Китае лишь 1,3 миллиона веретен из общего числа в 3,4 милл. и 7.200 станков из 24.000, т.-е. меньше, чем китайскому капиталу. Но эти данные не принимают во внимание смешанных предприятий с преобладающим участием японского капитала, а также китайских предприятий, задолженных японским банкам и фактически носящих лишь китайскую вывеску. В общем японскому капиталу фактически принадлежит около половины китайских текстильных фабрик (по данным, приводимым проф. Ледерером [1]), 40% продукции пряжи и 50% тканей). По своим основным и резервным капиталам японская группа является наиболее сильной, что позволяет ей выгоднее, чем китайским предприятиям, использовать хлопковый рынок, кон'юнктуру и т. п.

В то же время они обладают гораздо лучшей связью с рынками сбыта, чем английские фабрики, обходятся без компрадоров.

В то время, как в тяжелой промышленности японский капитал ставит своей целью вывоз сырья и полупродуктов, в текстильной он стремится использовать дешевую рабочую силу и сырье для снабжения китайского же рынка.

Лишь в небольшой части текстильные продукты, произведенные в Китае на принадлежащих японцам фабриках, вывозятся за границу (в Южн. Африку и др. страны).

Мы не останавливаемся на других отраслях промышленности, где японский капитал также захватывает все новые позиции.

Американский капитал не перешел еще к инвестициям в Китае в широком масштабе. По последним официальным сведениям, американские капиталы в Китае оцениваются лишь в 150 миллионов американск. долларов: из них лишь 70 милл.—в промышленных (главным образом, табачных и электрических) и коммерческих предприятиях и 80 милл.—в миссионерских, культурно-просветительных и т. п. организациях. По ряду других, полуофициальных материалов, эти данные, несомненно, преуменьшены.

Таким образом, мы видим, что утверждение о захвате иностранным капиталом основных командных высот народного хозяйства Китая, отнюдь, не является преувеличением. Несмотря на быстрый рост китайской буржуазии, важнейшие позиции остаются в руках иностранного капитала.

В руках *английского капитала*—контроль над значительной частью железнодорожной сети и судоходства, крупнейшие предприятия угольной промышленности, важнейшие банки, определяющие курс валют, распоряжающиеся займами, играющие огромную роль в экспортных и импортных операциях.

Японский капитал, помимо безраздельного господства над экономикой Южной Манчжурии, контролирует почти целиком китайскую металлургию, половину хлопчато-бумажной промышленности, около $^1/_3$ судоходства, телеграфную связь и т. д.

Американский капитал не перешел еще к широким промышленным инвестициям, но выдвинулся на 2-е место в торговле, с одной стороны, все более прибирая к своим рукам снабжение

---

[1]) «Magazin der Wirtschaft». 1927.

машинами—ключ к индустриализации страны,—с другой, поглощая значительную часть сырья и полуфабрикатов (шелк). Соед. Штаты делают в Китае лишь первые шаги. Широчайший размах их подготовки—в виде осведомительного, миссионерского аппарата, обработки общественного мнения, подчинения Филиппин, долженствующих играть роль как бы базисного склада для китайского рынка, и т. п.,—показывает, что они готовятся к гораздо более широким выступлениям на китайской арене.

Овладение таможенным аппаратом, экстерриториальность, концессии и сеттльменты, неравноправные договоры, поддержка китайских милитаристов, броненосцы и миссионеры, полиция, пресса и школа являются лишь надстройками, орудиями обеспечения всех этих, лишь бегло обрисованных нами, интересов иностранного империализма в Китае. За иностранными банками стоит весь дипломатический, военный и агитационный аппарат, выполняющий их волю, охраняющий дивиденды и прокладывающий пути для дальнейшей экспансии.

V. Общая характеристика китайской экономики.

При общей характеристике китайской экономики необходимо, прежде всего, вновь подчеркнуть чрезвычайную пестроту социально-экономических укладов.

В громадную страну, столетиями жившую в состоянии относительного застоя и неподвижности, ворвался иностранный капитализм в своих наиболее современных формах. Все ускоряющимся темпом, на основе последних достижений техники производства, торговли, войны, эксплоатации и обмана масс, он начал разлагать, видоизменять, приспособлять к своим целям те формы экономических и социальных отношений, которые он застал. Но как ни быстра была по темпу эта «работа» капитала, она, конечно, не могла в короткие сроки ликвидировать многочисленные остатки старого в этой громадной стране с ¼ населения земли.

При этом нельзя забывать, что иностранный капитал проникал в Китай, главным образом, уже в период своего упадка, разложения и загнивания, когда он особенно полон глубочайших, неизбывных противоречий. Противоречия между производством и потреблением, между ростом производительных сил и капиталистической формой присвоения, между чрезвычайно высокой нормой накопления и разорением, пауперизацией широчайших масс населения,—все они полностью переносятся в страну новой индустриализации, воссоздаются в ней на еще более широкой основе, в еще более острых и напряженных формах.

Иностранный империализм в Китае, одной рукой разрушая или переделывая и приспособляя найденные им докапиталистические, крепостнические формы эксплоатации, другой рукой частично воссоздает их; одной рукой бешено развивая производительные силы, другой он их уничтожает, нагромождает тысячи препятствий к их росту. Вне этого клубка противоречий, этой чрезвычайной неравномерности, лихорадочности, спазмодичности развития нельзя разобраться в китайской экономике, выделить основные, преобладающие, важнейшие для социального анализа тенденции.

Мы имеем в социально-экономической структуре современного Китая пестрое переплетение следующих основных элементов:

1) Значительные элементы докапиталистических отношений: остатки натурального крестьянского хозяйства с его патриархальной, родовой и пр. надстройкой, остатки относительно крупного землевладения при мелком земледелии, натуральной аренды, крепостнических, кабальных отношений.

2) Мелкое товарное производство крестьян, кустарей и ремесленников, в той или иной степени втянутое уже в рыночные отношения, рядом методов эксплоатируемое и разоряемое как туземным торговым капиталом, так и иностранным империализмом.

3) Быстро выросшие за последние десятилетия элементы туземного капитализма, также в чрезвычайно пестрых и разнообразных формах—от капиталистической мануфактуры и работы на дому до современнейших фабрик.

4) Иностранный финансовый капитал в своих последних формах, чрезвычайно концентрированный, хищнический, вооруженный до зубов, выкачивающий из Китая громадные прибыли и готовый на все для их защиты.

Какие же элементы преобладают в современном Китае? Само собой понятно, что численно громадное преобладание за мелкими товарными производителями, при значительном распространении и докапиталистических, натуральных, крепостнических отношений.

Но в то же время, как мы показали на примерах из разных областей народного хозяйства, рядом сложных, прямых и косвенных, явных и прикрытых путей капитализм, в первую очередь иностранный финансовый капитал, овладев командными экономическими высотами, охватывает, подчиняет себе, эксплоатирует все народное хозяйство страны. Он высасывает прибыль не только из наемных рабочих, но и из миллионов мелких товаропроизводителей, а частично (напр. посредством налогов) и из слоев, почти не вышедших из натурального хозяйства.

Как мы видели, характерным для китайской деревни, несмотря на всю пестроту хозяйственных укладов, моментом является ломка отсталых, патриархальных, докапиталистических отношений, процесс втягивания в обстановку товарного хозяйства, подчинения рынку.

В Китае идет разложение крестьянства, «раскрестьянивание» и пауперизация значительных его слоев, разложение старого косного патриархального быта.

Необычайно низкий жизненный уровень и особенно его неустойчивость не дают возможности большой части крестьянства существовать без продажи своей рабочей силы, хотя бы на время.

Нельзя при этом забывать замечаний Ленина, что в земледелие капитализм проникает в особых формах, и не надо слишком шаблонно понимать, что капитализм требует лишь свободного безземельного рабочего. Ленин в «Развитии капитализма в России» подробно описывает громадный слой «наемных сельскохозяйственных рабочих с наделом» и причисляет основную массу неимущего крестьянства к «представителям сельского пролетариата» [1]).

---

[1]) «Развитие капитализма в России», 2-е изд. 1908 г., стр. 122.

В написанной уже в 1908 г. работе «Аграрный вопрос в России к концу XIX века» он вновь повторяет, что «низшие группы крестьянства, в частности однолошадные и безлошадные дворы, представляют из себя, по своему положению в общем строе народного хозяйства, батраков и поденщиков (шире: наемных рабочих) с наделом» [1]). Он издевается над народниками и «учеными» буржуазными статистиками, насчитывавшими в тогдашней России лишь «горсть пролетариата», видевшими лишь «изолированный уголок» с 1½ миллионами фабричных рабочих. В противовес этим «курьезным расчетам» он прибавлял к этим 1½ миллионам 3½ миллиона с.-х. наемных рабочих, миллион строителей, 2 миллиона работающих на дому, фактически занятых капиталистами, и получил в итоге около 10 миллионов наемных рабочих, т.-е. «около половины всего взрослого населения страны, участвующего в производстве материальных ценностей» [2]).

Кроме того, отвечая на рассуждения В. В. об «изолированном уголке», он подчеркивает, что «тот уголок», который кажется иному народнику таким незначительным, воплощает в себе, на самом деле, квинт-эссенцию современных общественных отношений, а население этого «уголка», т.-е. пролетариат, является, в буквальном смысле слова, одним только передним рядом, авангардом всей массы трудящихся и эксплоатируемых».

Все эти положения и методы расчета мы считаем в полной мере приложимыми к современному Китаю. А это дает, разумеется, совершенно другую картину классовых сил, чем на основе абсолютных цифр фабрично-заводского пролетариата и крестьянства.

Подавляющие массы китайского крестьянства, как и крестьянства дореволюционной России, живут под тройным гнетом: развивающегося туземного капитализма, иностранного империализма и остатков крепостничества, страдают и от недостаточного развития капитализма и от перезрелого капитализма (империализма).

Освободить их от этого тройного гнета не может лишь буржуазный переворот, так как, несмотря на всю глубину и распространенность крепостнических пережитков, они слишком тесно успели переплестись с капиталистическими методами эксплоатации крестьянства.

О французском крестьянстве 40-х годов Маркс писал:

«Эксплоатация крестьянства отличается от эксплоатации фабричного пролетариата лишь своей внешней формой. Эксплоататор тот же самый *капитал*. Отдельные капиталисты эксплоатируют отдельных крестьян с помощью *гипотек* и *ростовщичества*, класс капиталистов эксплоатирует класс крестьян посредством *государственных податей*. Призрак крестьянской собственности был талисманом, который отдавал крестьян во власть капитала; во имя этой призрачной собственности капитал травил их против городского пролетариата. Только падение капитала может поднять мужика, только антикапиталистическое, рабочее правительство может положить конец его экономической нищете и общественной деградации» [3]).

---

[1]) Ленин—Собр. соч., т. IX, стр. 662.
[2]) «Развитие капитализма», стр. 461.
[3]) Маркс. «Классовая борьба во Франции». СПБ., изд. 1906, стр. 112.

В Китае многомиллионные массы крестьянства эксплоатируются и угнетаются все более переплетающимися силами помещиков, милитаристов, ростовщиков, торгового капитала и иностранного империализма.

Поэтому, несмотря на то, что, как мы уже отмечали, в Китае еще огромное поле для чисто-буржуазной аграрной революции, для расчистки «хлама средневековья», было бы иллюзией делать из этого заключение, что эту чистку может и захочет произвести крупная буржуазия. Эту чистку может провести и проведет *пролетариат*, который уже становится во главе широчайшего движения всех непролетарских трудящихся и эксплоатируемых Китая—крестьянства, кустарей, ремесленников, городской мелкой буржуазии.

7/V—27 г.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

ОТВЕТ КРИТИКАМ [1]).

Десятая годовщина Февральской революции явилась поводом к обзору литературы, посвященной событиям 1917 года. В целом ряде журналов и газет опубликованы статьи, содержащие критические разборы вышедших за последнее время воспоминаний и исторических исследований и хроник. Ряд журналистов уделили особое внимание моим работам о семнадцатом годе и даже книгам, посвященным нашей партийной работе во время войны до февральского переворота. Особое место среди этих критиков занял т. Д. Я. Кин в третьем номере журнала «Историк-Марксист», подвергнувший своему разбору мои произведения, как «Канун семнадцатого года» (две книги), так и две книги «Семнадцатый год», касающиеся непосредственно предфевральских событий и Февральской революции. В пятом номере журнала «Большевик» опубликована статья т. Ар. Ломакина, разбирающая мою третью книгу «Семнадцатый год». Кроме этих товарищей, целый ряд писателей и даже один профессор, прямо или косвенно, как будто мимоходом, дали свои оценки моим работам, на которые я считаю необходимым дать ответ.

Начнем наш ответ на разбор моих книг с т. Кина, автора помещенной в 3 номере журнала «Историк-Марксист» статьи под заглавием «Семнадцатый год в изображении т. А. Шляпникова». Тов. Кин с первой же строки ошарашивает читателя претенциозным обвинением меня в том, что заложенная в содержании моих работ «философия семнадцатого года»—неленинская, небольшевистская. Тов. Кин находит, что я писал свои книги о семнадцатом годе «с точки зрения того периода, когда т. Шляпников *писал* историю, а не того, когда он делал ее».

В качестве основного довода в пользу об'явления моих взглядов и писаний о Февральской революции небольшевистскими т. Кин приводит выдержку из первой книги «Семнадцатый год» (стр. 19), которая, по его мнению, является «ключем к пониманию «концепции» 1917 г. т. Шляпникова». Указанное т. Кином место относится к концу 1916 года и началу 1917 г. Глава, из которой взята цитата, носит заголовок «Перед 9-м января».

В этой главе я писал, как мы, большевики, относились к намечавшемуся уже тогда революционному под'ему в нашей стране. Тов. Кин, вырвав несколько строчек из текста, сделал их «центральной идеей» труда т. Шляпникова» в таком виде: «вопрос о движущих силах приближавшейся революции был разрешен в нашей партийной литературе, испытан на опыте революции 1905 года. Соотношение классовых сил со времени первой революции мало изменилось. Оправдались вполне наши предвидения относительно поправения российского либерализма, руководимого конституционно-демократической партией. Положение в стране осложнялось войной, но все сложности, противоречия и трудности военного времени способствовали обострению классовой борьбы как между промышленниками и помещиками, так и со стороны рабочих против царской и капиталистической кабальной системы» [2]). Данную в этой цитате характеристику движущих сил приближавшейся революции критик использовал для обвинения меня в том, что в моей истории

---

[1]) Статья идет в порядке обсуждения. В следующем номере вместе с окончанием статьи будет помещен и ответ на нее. *Ред.*

[2]) См. «Семнадцатый год», кн. I, стр. 19.

«крестьянство совершенно отсутствует». Но всякий читатель может легко проверить и убедиться, что ключ т. Кина поддельный, фальшивый и к большевистскому замку не подходит. Тов. Кин умышленно оборвал цитату в том месте для того, чтобы пред'явить ныне модное обвинение. Но опровергнуть его легко—следует только продолжить ту цитату, начало которой привел т. Кин, чтобы убедиться в неосновательности всего его обвинения. В той же книге и на той же странице, с которой цитирует т. Кин, и буквально следующая за концом его цитаты строка говорит прямо, что «все мы, большевики того времени, были единодушны в том, что основными двигателями грядущей революции во время войны будут пролетарии и крестьяне, одетые в серые шинели. Союз этих сил должен был определить успех революции, ее размах и глубину преобразований. Эти положения отделяли нас от всех социалистов других направлений. И меньшевики и социалисты-революционеры (типа Дана, Керенского, Пешехонова) полагали основной силой надвигавшихся событий организованную буржуазию. В расчете на нее они строили свою тактику поддержки прогрессивного блока, организации общественных сил вокруг Думы и т. п.» [1]).

Из продолжения приведенной т. Кином цитаты видно, что пишущий эти строки, работники ПК, работники Бюро ЦК учитывали крестьянство и учитывали его там и постольку, поскольку оно могло проявить себя активно—в армии, в казармах Питера и Москвы прежде всего. Самый учет крестьянских сил нами делался не отвлеченно, а соподчиненно развитию революционного рабочего движения. Этот учет был верен, оправдался на деле и доказательств не требует.

Мое сообщение о том, что среди большевиков не было разногласий по вопросам оценки характера революции и ее движущих сил, и выдвинутое при этом положение, что соотношение классовых сил за время войны мало изменилось по сравнению с революцией 1905 года дает т. Кину повод к заявлениям, что я не видел «никакой принципиально новой стороны в революции 1917 года». В качестве доказательства моего «непонимания» т. Кин приводит цитату из «Письма издалека» В. И. Ленина, появившегося в марте 1917 г., в котором В. И. Ленин писал: «первая революция, порожденная всемирной империалистской войной, разразилась. Эта революция, наверное, не будет последней. Первый этап первой революции, именно русской революции 1 марта 1917 года... закончился».

Критик не замечает, что мои суждения конца 1916 г. и начала 1917 г., т.-е. *до революционного переворота, противопоставляет постановке вопроса о революции, данной В. И. Лениным после революции, после мартовского переворота.* В начале моей статьи т. Кин обвинял меня в том, что я писал о 17-м годе «с точки зрения того периода, когда я писал историю, а не того, когда я делал ее», и предлагает мне следовать методу фальсификации истории. В конце 1916 года мы не ставили вопрос о русской революции так, как В. И. Ленин поставил его после мартовского переворота. Хороша была бы история, если бы ее писали по Киновскому способу.

Придравшись к моему образному выражению, что «всероссийская буржуазия, по примеру и подобию буржуазии всех других воевавших стран, приняла войну, как свое родное, весьма прибыльное дело»—т. Кин запрашивает меня: от кого это буржуазия приняла войну? Тов. Кин, очевидно, забыл, что в июле 1914 года в момент об'явления войны у власти стоял царизм, а не буржуазия. Буржуазия еще не была у власти.

---

[1]) См. «Семнадцатый год», кн. I, стр. 19.

А у нас еще на памяти русско-японская война, к которой отношение буржуазии, ее наиболее прогрессивных элементов, было в то время отрицательное, т.-е. совершенно иное, чем к войне с германской коалицией.

Мои популярные об'яснения, почему целый ряд крупных землевладельцев, помещиков выступил против царизма, т. Кина совершенно не удовлетворяют. Критик приводит цитату (из кн. «Семнадцатый год» стр. 16), где я пишу, что «наиболее дальновидные представители дворянства и монархии понимали опасности, угрожавшие господству их класса, и примкнули к расплывчатой оппозиции прогрессивного блока», и обвиняет меня в том, что я не сделал «анализа процесса разложения правящей верхушки». Из таких мелочей т. Кин делает вывод, что я «не понял как следует международного и внутреннего соотношения переплета классовых сил», а поэтому, видите ли, «связал себе руки при анализе движущих сил и своеобразия Февральской революции». Извините, уважаемый критик, что-нибудь одно: или я не понял, или же, поняв, связал себе руки, но вместе—не выходит.

Как же следует понимать, по Кину, международный и внутренний переплет классовых сил? Он отечески меня поучает, взяв выписку из сочинений В. И. Ленина, его «Письмо издалека», в котором он писал: «Революция победила так скоро и так по внешности, на первый поверхностный взгляд «радикально», то лишь потому, что в силу чрезвычайно оригинальной исторической ситуации слились вместе, и замечательно «дружно» слились, совершенно различные потоки... Именно: заговор англо-французских империалистов, толкавших Милюкова и Гучкова с К° к захвату власти в интересах продолжения империалистской войны... Это—с одной стороны. А, с другой стороны, глубокое пролетарское и массово-народное движение». Чем легче было свергнуть самодержавие, т.-е. осуществить буржуазную революцию, тем острее и тем раньше вставал вопрос о переходе «к новому этапу, новой революции».

Приведя эти слова В. И. Ленина, относящиеся к послефевральскому перевороту, критик пытается «бить» меня ими за приведенное мною соображение о прогрессивном блоке, высказанное при оценке боровшихся классовых сил периода декабря 1916 г. и начала января 1917 г., т.-е. не только задолго до победы, но даже до начала Февральской революции. Конечно, очень легко было бы писать воспоминания по цитатам из сочинений В. И. Ленина, из нашего центрального органа, выходившего во время войны («Социал-Демократа») и других произведений позднейшего времени, но такие писания были бы фальсификацией подлинной истории и событий, участником и свидетелем которых я был. Писанием такой истории, т. Кин, вам придется заняться самому.

Тов. Кин обвиняет меня в «чрезмерной слабости» к питерскому пролетариату, которому я отдал в своих книгах только должное, но все же по-моему еще недостаточно красочно, недостаточно сильно, что заслужил он своей героической борьбой за время войны. Это «обвинение» т. Кин пытается прикрыть ссылкой на то, что я придерживаюсь «невысокой оценки одного из передовых флангов провинциального пролетариата—московского». Тов. Кин берет из моих книг («Семнадцатый год», ч. I, стр. 18) определения и характеристики, говорящие, что «Москва в конце 1916 года и начале 1917 года переживала революционно-патриотический под'ем. Значительная доля этого под'ема была вызвана борьбой «истинно-патриотической» общественности против германофильского петербургского правительства и двора. В Москве собирались все с'езды Мининых и Пожарских нашего времени, горевших желанием спасти Россию и получить Дарданеллы и Константинополь. Среди студенчества также наблюдалось революционное настроение. Рабочие не отставали от настроений мелкобуржуазных элементов, но патриотических восторгов не выявляли». Эту характеристику он пытается опровергнуть моими отдельными замечаниями относительно небольших выступлений наших партийных товарищей, имевших место в Москве под лозунгом «долой войну», и приводит цитату из вышедшей ранее книжки («Канун семнадцатого года», ч. II), в которой я делился своими впечатлениями о поездке в Москву следующими словами: «Настроение московских рабочих и демократических кругов населения было родственно питерскому».

Приведя эти характеристики, критик вопрошает: как это примирить? Но напрасно мой критик ищет противоречий в этих строках. Если он потрудится прочесть внимательнее и первое и второе место и не в выдержке, а полностью, то ему ясно будет, что обе характеристики однородны и лишь взаимно дополняют друг друга. Я не согласен льстить московским пролетариям и говорить о военном времени то, чего не было. Настроение московских пролетариев, за исключением сознательной части металлистов, было в то время иное, чем питерцев. Об этом настроении я писал осторожно, что оно *родственно* питерскому, но это не означало, что оно тождественно ему. Это настроение родственно было лишь в части отрицательного отношения к царизму, но не к войне. Характеризуя антивоенное настроение и отношение питерских рабочих, я отнюдь не прикрашивал действительности. Любой товарищ может найти подтверждение этому в фактах рабочего движения Питера того времени. Если обратиться к фактам рабочего движения по 1916 году, то моя характеристика, данная Москве и Питеру целиком и полностью, даже гораздо ярче, подтверждается. По данным отчета министерства торговли и промышленности в январе 1916 года в Москве было 3 экономических стачки с 3.285 стачечниками, в то время как в Питере было 11 забастовок и свыше 5 тысяч участников стачек. Если же взять политические стачки, по которым особенно наглядно видна степень сознательности и активности, в частности стачку протеста 9 января, то по всей России было в том году 38 стачек, и на один Питер приходилась 31 из них. В Москве была лишь одна политическая забастовка в день 9 января, затронувшая 2.228 рабочих-металлистов Всеобщей Компании Электричества, а в Питере на тот же день министерский отчет дает свыше 45.000 рабочих, участников стачки. Данные за февраль говорят о 12 забастовках во всей Московской губернии, количество стачечников 10.600 человек, а в Питере было 10 забастовок с 32.000 стачечников. Кроме того, 9.500 рабочих участвовали в политических стачках-протестах. В марте месяце в экономическом движении Московской губернии участвовало 3.397 рабочих, в политическом—2.031 рабочий в пяти стачках протеста. В Петрограде за тот же месяц март в экономической борьбе участвовало 9.200 рабочих, а в политических стачках—свыше 48.000 рабочих. Если взять апрель месяц, известный нам рабочими протестами в связи с годовщиной Ленского расстрела, то в этом месяце в Москве был ряд экономических стачек, но не было ни одной политической стачки, в то время как в Питере количество участников политических стачек было свыше 8.000 рабочих. После относительного летнего затишь, стачечное движение снова поднялось осенью, и октябрь дал количество стачечников на целую треть больше января. В этом месяце в Москве на экономической почве бастовало всего 8.116 рабочих, и не было ни одной политической стачки, в то же время в Питере было свыше 6.000 рабочих, участников экономических стачек, и 138.000 рабочих, участников политических забастовок. Эти факты говорят гораздо больше, чем сказал я в своих работах о питерском пролетариате, и никаких прикрас не требуют.

После неудачной попытки умалить значение питерского пролетариата в общей революционной и пролетарской борьбе нашей страны критик переходит к моим замечаниям и характеристикам, касающимся состава рабочих военного времени. Его не удовлетворяет данная мною характеристика рабочего движения и степень влияния на него буржуазии («Семнадцатый год», ч. I, стр. 18). Там сказано, что «хотя состав рабочих за время войны и был изменен не в пользу пролетарских элементов, тем не менее рабочее движение все время сохраняло, в общем, независимость от буржуазных влияний. Отношение петербургских рабочих к царской политике, к царизму было отрицательное, революционное. Война не встречала патриотической поддержки в *большинстве* питерского пролетариата». Эти положения критик не решается опровергнуть, но пытается противопоставить их другим по времени характеристикам, в которых я писал, что *часть рабочих* поддалась на призывы соглашателей и приняла резолюцию о поддержке Государственной Думы. Но нигде в своих работах я не писал, что питерский пролетариат весь, без всякого исключения, состоял из революционных и сознательных элементов. Нет, мы знали, что среди петербургского пролетариата были и либералы, были и более отсталые рабочие, еще верившие в монархию, не говоря уже о тех, которые шли за соглашательскими партиями. Но все эти элементы, будучи в составе пролетариата, не оказывали решающего влияния на самое рабочее движение. Приведенная критиком цитата говорит, что рабочее движение в общем за время войны, в период, указанный мною, было независимо от тех буржуазных влияний, проводниками которых являлись соглашательские партии. На той же странице, откуда т. Кин взял цитату, я указал, что питерский пролетариат за время войны был разбавлен мелкобуржуазными элементами, пришедшими из деревень, и городской мелкой буржуазией, стремившейся пристроиться на заводах, чтобы укрыться от войны. Но эти элементы тогда еще не оказывали влияния на характер рабочего движения.

Все мои характеристики, данные питерскому пролетариату за период подполья (декабрь 1916 г.—январь 1917 г.), т. Кин противопоставляет характеристикам, данным мною тому же пролетариату, но уже несколько месяцев позже, в иной исторической обстановке. Критик свидетельствует этим, что он лишен элементарной марксистской способности рассматривать события в их историческом развитии. Немарксистский способ сравнения совершенно различных периодов классовой борьбы т. Кин положил в основу своего разбора моих книг. Взяв из «Семнадцатого года» (кн. I, стр. 224) сообщение о том, что «уже в те дни нам приходилось наблюдать, как легко поддавались широкие рабочие массы на удочки «всенародного братства» или единства «революционной демократии, в лоно которой попали и петербургские промышленники и московские купцы», критик злорадствует—вот видите, что он говорит тут, а что он говорил раньше—и обманывает читателя, избегая указать, к какому периоду относится данная характеристика. В первом случае я писал о настроениях и положении рабочего движения в декабре 1916 г. и в январе 1917 г., а во втором дал характеристику создавшегося положения уже после переворота. О том, что после 27 февраля рабочее движение было разбавлено в значительной доле «общедемократическим движением», всем известно и у меня отмечено достаточно полно. Во времена подполья, до февральского переворота, руководящая роль в рабочем движении принадлежала нашей партии, которая, опираясь на передовые слои рабочих-металлистов, вела за собой большинство питерского пролетариата. Этой роли нашей партии никто, кроме с.-д. меньшевиков, до сих пор не оспаривал.

После переворота рабочему движению был противопоставлен поток широчайших кругов мелкой буржуазии в виде солдат, различных служащих, чиновников. Кроме того, на политическую арену выступил новый слой рабочих, втянутых на заводы во время войны. Политическую свободу, добытую революцией, буржуазия сумела использовать в первые недели после переворота, с помощью соглашательских партий, для отвлечения части питерских рабочих от нашей партии, и мы сохранили свои позиции лишь среди передовых элементов Питера—части металлистов.

Перевес социалистов-революционеров и социал-демократов меньшевиков над большевиками в первом Петроградском Совете Рабочих и Солдатских Депутатов об'ясняется не только влиянием непролетарских элементов на пролетариат, но и прямым превосходством и физическим давлением мелкобуржуазных масс в недрах самого Совета. В той же книге, которую так настойчиво цитирует критик, он мог бы найти данные, говорящие о том, что значительная доля, в несколько раз превышавшая количество пролетарских членов Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, приходилась на солдатские элементы и представителей различных служащих государственных и торговых учреждений. Вот это прямое давление мелкой буржуазии и обеспечило перевес над нами всех соглашательских сил.

От мелочных придирок т. Кин еще раз переходит к анализу движущих сил революции, данному мною в первой и второй книжке «Семнадцатого года». Взяв из второй книги «Семнадцатый год» (со стр. 163) цитату, в которой сказано: «в середине марта эсэры повели работу по организации особого Крестьянского Совета Депутатов. За дело взялись таинственные, никому неизвестные за годы войны, комитеты Крестьянского союза. В своем обращении в Петроградский Совет Раб. и Солд. Деп. и во Врем. Правительство инициаторы изложили цели Совета: подготовка многомиллионного крестьянства к выборам в Учредительное Собрание, посредством об'единения крестьян во Всероссийский Совет Крестьянских Депутатов, имеющий свое пребывание в Петрограде. В Исп. Комитете Совета Раб. и Солд. Деп. не придавали тогда большого значения такому Крестьянскому Совету, так как участие солдат в советах по всей стране фактически разрешило дело организации крестьянства». Критик делает из этого факта выводы о моем «пренебрежительном» отношении к крестьянству. Из моего ответа видно, на каких фальшивых данных основываются брошенные им обвинения. На таких же фальшивых и неверных основаниях покоится и это обвинение. Из приведенной им же цитаты видно, что солдатскую массу, находившуюся в городских казармах, мы рассматривали как крестьянскую массу, но находившуюся в таких условиях, которые давали нам возможность воздействовать на нее и ни в какой степени не отделяли ее от оставшихся в деревнях сравнительно мало активных крестьян. Еще в первой книге «Семнадцатый год» я писал, что инициатива организации и вхождения солдат-крестьян в Петроградский Совет принадлежала нашему Бюро Центрального Комитета. Критик же, игнорируя это указание заявляет, что инициатива в деле организации крестьянства в первый период революции целиком принадлежала эсэрам и при этом подчеркивает, что считает этот факт «немаловажным», дающим с.-р. первенство в деле организации крестьян. Уж не ваша ли это родня, т. Кин? Мы никогда не конкурировали с эсэрами в деле организации мелкой буржуазии и «крестьянства вообще». Для нас не является удивительным то, что соц.-революционеры в начале революции 1917 года, да и раньше, пытались организовать «крестьянство вообще». Такой задачи мы в начале 1917 года не ставили. «Письмо из далека» В. И. Ленина говорит не об организации «крестьянства вообще», а о вы-

делении из этого «крестьянства вообще» беднящких советов и советов сельскохозяйственных рабочих. Со всеми выдвинутыми в его письме положениями наше Бюро Центрального Комитета было согласно. Неправильно толкует критик взгляды В. И. Ленина, когда говорит о том, что он во всей широте и, как будто бы по-эсэровски, поставил вопрос об об'единении «крестьянства вообще». Нет и не было такой постановки в письмах В. И. Ленина. Охватить крестьянские массы, в первую очередь беднящкие круги, нам было легче всего через армию, через солдат. Нам важна была не простая самоорганизация крестьянства, а такая его организованность, которая позволяла бы рабочему классу руководство им. Этой формой организации были в те дни солдатские советы.

Критик обвинил меня в городском подходе к крестьянству. Под словом «городской» я понимаю пролетарский, рабочий подход и с этим вполне согласен. Иного подхода к событиям 1917 года у меня нет и не будет.

Критик оспаривает высказанные мною (в двух последних книгах «Семнадцатый год») соображения о причинах перехода армии на сторону боровшихся рабочих в Петрограде. Взяв цитату («Семнадцатый год», кн. I, стр. 161), в которой говорится, что «запасной солдат, оторванный от своей земли, батрацкой работы, от фабричного станка или иной службы, был близок по своим настроениям населению рабочих кварталов, так называемой демократии», он заявляет, что хотя и верны высказанные мною соображения относительно значения города в революционизировании крестьян, запасных солдат, но, что решающее значение в этом отношении имели настроения «деревни и всей страны». Что это за «вся страна», настроение которой так магически передавалось нашим запасным солдатам, можно легко догадаться—т. Кин противопоставляет настроения буржуазии пролетарским. Что же касается до влияния настроений деревни, то эти настроения солдаты приносили с собой, они влияли на солдат, но в меньшей степени, чем самое положение солдат в городе, в казармах и на фронте.

Стремясь доказать революционизирующее влияние деревни на солдат, критик допустил чудовищное извращение действительности. Помимо того, что т. Кин противопоставил солдата, самого носителя крестьянских настроений, настроениям «деревни» вообще, т.-е. самому себе, критик еще прикрасил керенщину, утверждая, что во время ее положение солдат улучшилось. Если под этим улучшением понимать материальные условия, то они к тому времени значительно *ухудшились*. Что же касается до моральных и правовых, то и здесь этот термин «улучшилось» применять нельзя, ибо это «улучшение» было фальшивым. Замена царских и поповских обрядностей новыми, якобы «революционными», предназначенными для лучшего обмана солдата в его подготовке к наступлению, не считалась нами «лучшей».

Далее т. Кин переходит, по его выражению, опять к «первородному греху т. Шляпникова»—его характеристике революции». Критик берет (со стр. 67, кн. I, «Семнадцатого года») мои воспоминания о том, что я «помню случаи, когда споры поднимались до вопросов о характере нашей грядущей революции. Многим товарищам было «не по душе» ограничение задач нашей революции рамками буржуазного порядка. В Харькове, как нам сообщали, на почве теоретической оценки характера революции в нашей стране, возникли разногласия. Часть товарищей рассматривала надвигавшуюся революцию, как начало социалистической эпохи. Другая ограничивала ее задачами буржуазной демократии». Приведя эту цитату, автор мудро спрашивает: «А кому это «ограничение» было «по душе» и когда оно было «по душе» большевикам: в 1905 году, в 1917 г.?

На это я могу сказать, что большевикам вообще были чужды исходные от души не только в 1905 г. и не только в 1917 году, но, полагаю, подлинным большевикам и ныне.

К этой цитате, относящейся к дореволюционному периоду, автор добавляет другие, взятые из той же книги, но из главы, относящейся уже к первым дням мартовской революции, в которой я изложил наши споры с с.-д. меньшевиками при обсуждении вопроса о власти. В этом месте мною написано, что «разногласий по вопросу о составе власти и ее задачах в нашей среде не было. Мы предлагали Исполнительному Комитету составить Временное Революционное Правительство из рядов тех партий, которые входили в Совет того времени. Его программой должно быть осуществление минимальных требований программ обеих социалистических партий, а также решение вопроса о прекращении войны».

Критик выдернул из этой части одну фразу, надергал еще несколько слов из других мест и разных глав и преподносит читателю окрошку взглядов, обвиняя меня в непонимании «характера мартовской революции», и заявляя, что мои рассуждения о ней «устарели». В доказательство моего непонимания автор приводит выдержку из письма В. И. Ленина, в котором он подчеркивал важность проведения строгого деления социалистов на патриотов-шовинистов и на интернационалистов-антишовинистов, указав при этом, что такое деление соответствует прежнему делению на революционных с.-д. и оппортунистов, но совершается по времени в «близкую к социалистическому перевороту стадию развития». На основании этой цитаты из письма В. И. Ленина критик делает вывод, что уже тогда, в 1915 году, В. И. Ленин ставил перед нашей РСДР Партией в России задачи, «близкие к социалистическому перевороту». Между изложенными мною взглядами и взглядами В. И. Ленина и всего ЦК того времени расхождений по вопросу о характере революции не было. Для сведения критика могу сообщить, что в ответ на мое извещение В. И. Ленина на появление в Харькове расхождений по вопросу о приближавшейся революции, был дан ответ в статье «Несколько тезисов» в № 47 «Социал-Демократа» самим В. И. Лениным. Чтобы избавить легкомысленных критиков от ошибочных толкований писем В. И. Ленина, я приведу место, отвечающее прямо на вопрос о характере нашей революции. Пункт 5 тезисов и следующий за ним 6 отвечают на этот вопрос достаточно определенно, а именно:

«5) Социальным содержанием ближайшей революции в России может быть только революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства. Революция не может победить в России, не свергнув монархию и крепостников-помещиков. А свергнуть их нельзя без поддержки пролетариата крестьянством. Шаг вперед расслоения деревни на «хуторян-помещиков» и на сельских пролетариев не уничтожил гнета Марковых и К⁰ над деревней. За необходимость *отдельной* организации сельских *пролетариев* мы стояли и стоим безусловно во всех и всяких случаях».

«6) Задача пролетариата России—довести до конца буржуазно-демократическую революцию в России, *дабы* разжечь социалистическую революцию в Европе. Эта вторая задача теперь чрезвычайно приблизилась к первой, но она остается все же особой и второй задачей, ибо речь идет о *разных классах*, сотрудничающих с пролетариатом России: для первой задачи сотрудник—мелкобуржуазное крестьянство России, для второй—пролетариат других стран».

Это следует запомнить не только историкам, но и «критикам», пытающимся на основании «опыта» 1917 года обвинять меня в «устарелости»

за мысли и действия партии, оправданные ходом событий. Что за буржуазно-демократической революцией будет период борьбы за социализм и последует социалистическая революция, в этом мы были убеждены. Но подменять один этап другим мы не позволяли ни себе, ни другим, ни до переворота, ни задним числом на манер «критика» т. Кина.

Вызобравшись на высоты ленинизма, своеобразно и совершенно ложно понятого критиком, он об'являет антиленинским мое указание, что отсутствие политических свобод в нашей стране толкало рабочий класс на революционное завоевание их. До сих пор это обстоятельство считалось элементарным, но по т. Кину выходит, что борьба рабочего класса за политическое освобождение, за обеспечение путей для организованной борьбы за социализм—цеховщина. Так буквально и пишет сей «ленинец». Стремление обеспечить «завоевания *для себя* рабочим классом возможности создавать свободные политические, профессиональные, просветительные организации» т. Кин об'являет «ничего общего с ленинизмом» не имеющим [1]). И этакие вещи печатаются в «Историке-Марксисте». Судя по ударению, которое делает т. Кин на этой фразе, он считает «неленинским» стремление рабочего класса *для себя* использовать добытые политические свободы. Почему это рабочий класс об'является подверженным цеховщине, если он использует *для себя* всю сумму политических свобод? О ком же хлопочет наш критик, чьи интересы предлагает защищать рабочему классу—молчит. Написав такую галиматью со ссылками на ленинизм, извратив элементарные его понятия, т. Кин требует от меня «пересмотра» моих взглядов, которых я придерживался в 1916 и 1917 годах, в частности в начале революции. Нет, т. Кин, не могу уважить такой явно антибольшевистской просьбы. Не вижу также никакой разницы между словами «полномочный» и «полновластный» и препираться на этот счет не намерен.

Тов. Кин прыгает из одной книжки в другую, цепляется за отдельные слова и от моих воспоминаний переходит к статьям о «Керенщине», всюду ища мою «зловредную концепцию», но неудачно. Все его поиски и критика обнаружили лишь хаос в его собственной голове. Тов. Кин предлагает считать началом «керенщины», не июль и не видит, что критикуемая им статья начинается от апрельского кризиса.

Но целый ряд «критических» приемов т. Кина указывает не только на хаос в его голове, но и на... его любовь к передержкам. Так, взяв цитату («Семнадцатый год», кн. I, стр. 218) из главы «Сдача власти», в которой я писал, что в первые дни марта «Совет и его Исполнительный Комитет были действительными органами революционной власти, хотя и не приступали к овладению бюрократическими аппаратами власти»—т. Кин заявляет, что я «неправильно понимал пути перехода революции к диктатуре пролетариата». Никто из с.-д. большевиков в марте 1917 г. не ставил в порядок дня вопрос о диктатуре пролетариата. Тов. Кин пользуется излюбленным им методом «подстановки», граничащим с фальшью. Далее тот же мудрец раз'ясняет, что «как будто переход власти к Советам должен был или мог произойти в форме *овладения* бюрократическим аппаратом власти, а не путем разрушения царско-бюрократической, буржуазной государственной машины». Видимо, автору этих строк не известен наш октябрьский опыт, который учит, что для того, чтобы разрушить чуждую нам государственную машину, нужно ей овладеть, иначе ее не разрушишь. Так мы и делали в октябрьские дни 1917 г. Убожество своей критики т. Кин выдает за нищету «моей» философии.

[1]) См. «Историк-Марксист», 50. стр. Подчеркнуто в оригинале.

Но это не все. Для суждения о моей «философии» автор собрал все клеветническое, давно опровергнутое документами и свидетелями. Так, в виде примечания помещена ссылка на сообщение т. Ольминского (опровергнутое на страницах «Пролетарской Революции») о том, что будто я выступал на собрании в обществе адвокатов в начале войны 1914 г. с «патриотической» речью. Тов. Ольминский приписывал это сначала т. Шмидту, которого совсем не было на собрании, я же был в то время на многих собраниях и всегда по поручению Петербургского Комитета нашей партии выражал и защищал ее взгляды. Подлинность моих утверждений и моих антивоенных взглядов могут подтвердить и давно подтвердили живущие поныне, знавшие меня по партийной и заводской работе тт. Каюров, Шмидт, Осипов и др. Кроме того, есть и документы: первая прокламация против войны, изданная ПК, была написана мной. В архивах Истпарта есть мои письма к В. И. Ленину, начиная с октября н. ст. 1914 г., и они могут быть свидетелями моего поведения.

А. Шляпников.

(Окончание следует).

МОДЕСТ РУБИНШТЕЙН.—«Капиталистическая рационализация». Изд. Профинтерна. Москва, 1927 г., стр. 69.

В мировом хозяйстве сейчас находят особенно яркое выражение тенденции усиленной трестификации, концентрации и рационализации производственных процессов. Рост этих тенденций является выражением стремлений современного капитализма выйти из полосы послевоенного кризиса. Важнейшее противоречие капитализма в настоящее время состоит в том, что гигантски выросший производственный аппарат ни в какой степени не соответствует платежеспособному спросу. Колоссально возросшая продуктивность стоит в резком противоречии с емкостью рынка, прогрессивно сужающегося, благодаря растущему обнищанию масс. Проблема рынка—центральная проблема, вокруг которой нанизываются все основные вопросы современной политики капитализма. Второй момент, упирающийся также в эту проблему, заключается в том, что за последнее десятилетие на арену империалистической борьбы выступил новый могущественный конкурент в лице С. Ш. Последние сумели в колоссальной степени развить свои производительные возможности и оставить далеко позади себя в экономико-техническом отношении своих европейских собратьев. Широко проведенная ими рационализация своего производства (тейлоризм, конвейер, трестификация и т. д.) в значительной степени способствовала утверждению могущества С. Ш.

Естественно поэтому, что крупнейшим капиталистическим державам, в первую очередь Германии,—в силу особых условий наиболее полно ощущающей указанное выше противоречие,—в своих усилиях по отвоеванию внешних рынков, сфер влияния и т. д. приходится стать на путь такой реорганизации или рационализации своего производственного аппарата, которая хоть на время помогла бы им выбраться из сложившегося тупика. Политика капиталистов состоит в том, чтобы провести рационализацию в первую очередь за счет жесточайшей эксплоатации живой рабочей силы. Проблема рационализации все более становится в центре внимания широчайших общественных слоев; не случайно, что последний расширенный пленум ИККИ уделил ей столь большое внимание. Автор рецензируемой работы поставил себе задачей конкретное рассмотрение форм и методов капиталистической рационализации, ее социального значения и влияния на складывающееся соотношение классов. Тов. Рубинштейн правильно отмечает, прежде всего, тот факт, что

проблема рационализации носит ярко выраженный международный характер.

Какими же путями осуществляется капиталистическая рационализация? 1) Прямым нажимом капитала, повышающим степень эксплоатации, посредством увеличения рабочего дня (Германия, Англия, Италия), понижения заработной платы, срывом законодательства по охране труда и т. п. 2) Организационно-техническими усовершенствованиями: механизацией и автоматизацией производства, введением новых методов организации труда, иной расстановки людей в производстве, что в итоге приводит к усилению эксплоатации рабочей силы более сложными, утонченными методами. Но при этом, как правильно подчеркивает автор, нельзя упускать следующих двух моментов:

1) Эти две стороны процесса рационализации не есть нечто раздельное, резко отличное, хорошее и плохое—как это пытаются представить с.-д. кретины. Живая действительность знает единый процесс—взаимосвязанный и взаимозависимый различными своими сторонами. «Развитие техники в капиталистической обстановке неизбежно ведет к усилению эксплоатации труда». Этот неразрывный диалектический процесс, вытекающий из капиталистического применения машин, показан Марксом. VII расширенный пленум ИККИ совершенно правильно со всей ясностью указал, что рабочий класс не может быть ни за, ни против капиталистической технической рационализации. Последняя—дело капиталистов. Задачей рабочего класса является всемерная борьба против тех социальных последствий рационализации, которые ухудшают и относительно и абсолютно положение рабочего класса.

2) Точно так же надо иметь в виду, что соотношение между этими двумя сторонами не всегда и всюду одинаково. Современный капитализм в силу необходимости значительных затрат капиталов для технической реконструкции своего производственного базиса; в силу того, что эти затраты могут окупаться лишь при условии расширения его продуктивности, что в свою очередь упирается во все более сокращающийся платежеспособный рыночный спрос, склонен чаще всего (Германия) итти по линии наименьших затрат, т.-е. первым путем, производя соответствующие капитальные затраты во вторую очередь. Но все же и последние принимают подчас довольно широкий характер, вызывая колоссальное повышение производительности труда. Автор развертывает перед читателем интересный фактический материал, показывающий громадные успехи капиталистической техники. Но не в этом он видит свою основную задачу. Констатируя эти успехи, он указывает на социальное значение последних, на те последствия, которые из них вытекают. Он проводит ту мысль, что технические улучшения, способствуя «повышению органического строения капитала, относительному повышению его постоянной части за счет переменной», неизбежно приводят к падению нормы прибыли. «Капитал стремится компенсировать это падение рядом мероприятий..., из которых основным является, однако, значительное усиление использования сократившейся переменной части посредством усиления интенсификации труда». Достигается это максимальным невероятным уплотнением рабочего дня, использованием каждой секунды, работой непрерывным потоком, системой конвейера и т. п. Целой системой мер капитализм доводит интенсификацию человеческого труда до физиологического максимума, превращая рабочего окончательно в придаток механического автомата. Эта мысль хорошо иллюстрируется целым рядом примеров из рабочих корреспонденций, заявлений буржуазных наблюдателей, на ряду с с.-д. «свидетельствами». Например, фордовский рабочий в шотландской газете «Форвед» утверждает: «работа у

конвейера в короткий срок приводит к глубокому нервному истощению, приводящему вследствие монотонности труда к полнейшему отупению, или нервному заболеванию» («индустриальный нервоз»). Тоже отмечает и Артур Файлер—внимательный буржуазный наблюдатель: «лента выжимает максимум и даже больше переносимого». На ряду с этими свидетелями не лишено значительного интереса заявление германского профессора Заксенберга. Он развивает ту мысль, что 1) «темп конвейера определяется обычно «опытом по лучшему рабочему», за которым должны затем поспевать остальные»; 2) основное значение «текучей работы» должно заключаться не в механизации, а в максимальном использовании живой рабочей силы; и 3) для того, чтобы «преодолеть утомление рабочих к концу дня», необходимо к этому моменту ускорение темпа конвейера, ослабляющее (!) утомление; при чем, если возможно, «делать это по инициативе (!) самих рабочих». Капиталистическим рационализаторам мало хищнической эксплоатации живой рабочей силы, граничащей с физиологическим максимумом. Для «поддержки» последнего необходимо создать еще специальное нервное возбуждение, состояние психоза. Такова капиталистическая рационализация, воспеваемая прожженным реформизмом.

Какие же конкретные результаты для рабочего класса в целом вытекают из нее? Автор, прежде всего, указывает на резкий рост безработицы. Максимальная интенсификация труда и вытеснение ручного труда машиной делают совершенно «излишними» значительные массы пролетариев. Но если развитие капиталистической техники всегда вызывает рост резервной армии труда, то отличительной особенностью нынешней безработицы является то, что она носит застойный, хронический, затяжной характер, благодаря международному характеру рационализации, наблюдаемой во всех капиталистических странах, без всяких надежд на рассасывание. Таким путем миллионы производительного рабочего населения,—как на это указывал еще Маркс,—вынуждены окончательно выйти в тираж. «В этом слове обнаруживается специфическая граница капиталистического производства». Примеры: Германия, где постоянная цифра безработицы колеблется вокруг 2 миллионов рабочих, что вместе с сокращенно работающими,—составляет 28% всего пролетариата; Англия, у которой норма безработицы в довоенный период редко превышала 3%, между тем, после довоенного периода он не снижался ниже 9%, дойдя в 1926 г. до 13%. В С. Ш.—в этом наиболее «благополучном раю» рационализации—в обрабатывающей промышленности из 11 милл. рабочих, «сезонная» безработица ежегодно охватывает 1.750 тыс. чел., при 29% рабочих, работающих сокращенное рабочее время. Следует отметить и тот факт, что состав безработных совершенно изменился, ибо проводящаяся рационализация делает совершенно ненужными значительные кадры квалифицированных рабочих, заменяя их более дешевым и выгодным «подученным» трудом. Но, может быть, положение оставшихся на работе—в смысле оплаты их труда—улучшается, благодаря гигантски возросшей его производительности? Факты дают на этот вопрос отрицательный ответ. По вычислению германского экономиста Кучинского, «почти во всех производствах, индекс покупательной способности зарплаты (с учетом производительности труда), отражающий долю рабочих соответствующего производства в их продукции, с 1914 г. по 1925 г. значительно упал». Тоже показывает и департамент торговли С. Ш. и др. свидетельства. Если ко всему вышесказанному добавить: 1) что даже некоторое повышение номинальной зарплаты ни в какой степени не покрывается бешеным темпом изнашивания рабочей силы (40-летний возраст

рабочего находит все меньшее применение в производстве С. Ш., так капитализм искусственно сокращает жизнь рабочего); 2) что это частичное повышение номинала теряет все свое значение в результате повышения цен, проводимого капиталистическими картелями; 3) что, как правило, мы наблюдаем резкое падение номинальной и реальной заработной платы; 4) тенденцию замены высоко оплачиваемого квалифицированного труда более низко оплачиваемым подученным,—нам станет ясна общая линия к понижению доли заработной платы в стоимости продукта, с одной стороны, и причины сужения емкости внутреннего рынка и прогрессивного обнищания масс — с другой. Эта общая тенденция капиталистического производства усиленно подгоняется и подхлестывается рационализацией, создавая предпосылки к гигантскому столкновению классов и всеобщему кризису капитализма.

Автор приводит интересные цифры, выражающие тенденцию к изменению структуры рабочего класса. Мы уже указывали на его замечания о замене квалифицированного труда «подученным». К этому необходимо добавить заметное увеличение численности и роли служащих в промышленности. Но и самый состав последних рационализация значительно видоизменила, упростив работу и пролетаризировав их кадры.

Несомненно, что жестокая эксплоатация, массовая безработица, боязнь попасть в ряды «обреченных» приводит у части рабочих к росту пассивности и ослаблению революционной энергии. Но это только влияние первого этапа рационализации, ибо по мере все большего проявления ее результатов завязывается новый узел противоречий, безысходная нищета масс обостряет борьбу. Характер же рационализированного труда (всеобщая связность) сделает ее успешной.

Любопытно, наконец, отметить отношение к капиталистической рационализации международного реформизма. Ряд ярких примеров и выдержек из речей с.-д. вождей, из с.-д. печати и пр., приводимых автором, убедительно доказывает правильность того тезиса, что «с.-д. и реформистская верхушка профсоюзов остается, несмотря на видимость оппозиции, одним из основных орудий капиталистической рационализации, прочищающим ей путь, ослабляющим «трения» ее проведения». Являясь принципиальными сторонниками хозяйственной системы капитализма, стоя целиком и безоговорочно на платформе необходимости его окончательной стабилизации и оздоровления, «во имя которого рабочему классу придется пойти на жертвы (!), которые впоследствии окупятся»,—капитал-реформисты не могут рационализацию не «приять». Больше того, они не только ее поддерживают, но усиленно предлагают предпринимателям и капиталистическому правительству свои услуги в деле ее непосредственного проведения. Доказательством этому, кроме фактов, указываемых автором, могут послужить: ответный (предпринимателям) меморандум А. Д. Г. Б., выступления германской профсоюзной делегации, ездившей в С. Ш., выступления ответственных должностных лиц с.-д., как-то: Тарнова (пред. союза деревообдел.) К. Цвинга, Гроссмана (зам. предс. Д. Г. Б.) и т. д. и т. п.

Приведем пару выдержек из приводимых автором документов, характеризующих классовое предательство и капиталистическое перерождение социал-реформизма. «Профсоюзы ничуть не противники методов рационализации, наоборот,—они всегда содействовали им. Именно потому, что я стою на той точке зрения, что рабочие являются элементом хозяйства (?), стремящимся к равноправию (!), на мой взгляд, рабочий внутри своей организации обязан совместно с предпринимателями отыскивать те формы рационализации, типизации, тейлоризации и т. д., которые оказываются полезными для хозяйства (!)» (из доклада Иеккеля на Бреславльском с'езде А. Д. Г. Б.). А попутно с этим, орган германского об'единения профсоюзов доходит до утверждения, что каждый шаг рационализации означает «часть пути по возвращению к потребительскому хозяйству, правда, в крупнокапиталистических организационных формах, но без крупнокапиталистического духа (!) и, следовательно, представляет большой кусок практической социализации. Тысячелетняя мечта рабочего класса будет этим выполнена». Комментарии здесь, нам думается, будут излишни.

Таков в основном тот круг вопросов, который затронут в рецензируемой брошюре. Небольшая, но содержательная и обстоятельная работа имеет целый ряд достоинств, основными из коих являются ее несомненная выдержанность, умелая комбинация материала и изложение его в недурной литературной форме. Но в ней имеется и ряд недостатков— легко исправимых, но которые тем не менее бросаются в глаза при внимательном ее чтении. Прежде всего автор работы, озаглавив тему брошюры «капиталистическая рационализация», несомненно, сузил свою задачу, хотя и не оговорил этого. Он рассматривает самый процесс рационализации почти только в пределах внутреннего производственного процесса. Между тем, проблема рационализации, как известно, включает в себя ведь не только это. Широко проводимая концентрация предприятий (что составляет, кстати говоря, один из важных моментов германской рационализации) «чистка»—закрытие нерентабельных, организация международных трестов и картелей и т. п.,—все это составляет как выразился т. Бухарин, одно из важнейших слагаемых рационализации. Без хотя бы краткого изложения и этой стороны вопроса ясность картины, несомненно, страдает. Изложение этой стороны проблемы тем более важно, что на почве ее строится не мало иллюзий, сеющихся реформистским лагерем.

Точно так же следовало бы в общем введении больше места уделить выяснению основных причин рационализации и затем уже из нее исходить. Недостаточно ясно и четко вскрыта связь между понижением себестоимости—как результатом рационализации, и повышением цен картелями и пр. капиталистическими об'единениями. Весьма полезным явилось бы расширение главы об отношении реформизма к данной проблеме, что важно увязать с общей концепцией реформизма о «хозяйственной демократии».

В общем же работа т. Рубинштейна, несмотря на свои небольшие размеры, несомненно, является ценным вкладом в литературу, трактующую проблему рационализации. От большинства этих работ она выгодно отличается тем, что дает сжатое, систематическое изложение существа вопроса с точки зрения проблемы в целом (организационно-технических и социальных моментов). Тем самым, она поможет многим тт. разобраться в постановке и разрешении этой проблемы в капиталистических государствах в отличие от СССР.

А. Александров.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 15 ИЮНЯ 11—12

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП (б)

СОДЕРЖАНИЕ.

1927

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Главлит № 90575. Москва. Тираж 75.000.

Тип. изд-ва «Правда» и «Беднота», Яузский мост, Серебрянич. наб., д. № 23а.

К итогам пленума ИККИ.

События последних дней с совершенной ясностью подтверждают тот факт, что в отношениях СССР с его капиталистическим окружением мы вступаем в новую полосу.

Все яснее становится та тактика, которую проводит в первую голову английская буржуазия в подготовке *прямой* войны против СССР. Она заключается, во-первых, в том, чтобы вслед за разрывом дипломатических и торговых отношений с СССР, путем провокаций, убийств, подкупов, дипломатического и экономического нажима обострять и срывать отношения, установившиеся у СССР с другими капиталистическими странами, в первую голову с теми, которые находятся в прямой или косвенной зависимости от Англии. С другой стороны, в ход пущены все пружины, все методы борьбы, которые могли бы изолировать СССР, подорвать его хозяйственный рост, внести разложение в ряды трудящихся, целиком отдавшихся делу строительства социализма.

Такие факты, как бандитский налет на наше представительство в Англии, как убийство нашего посла т. Войкова, в практике капиталистических государств непосредственно ведут к войне. Самым опасным в теперешней полосе было бы не понимать своеобразия той тактики окружения, изоляции, подготовки к войне против СССР, которую проводит международная буржуазия. Представлять себе начало войны против СССР по старым, «обычным» схемам—значит дать захватить себя врасплох. «Обычно» вслед за такого рода фактами, как грубое нарушение дипломатической неприкосновенности представительства другой страны и разрывом отношений следует об'явление войны и начало ее. Между тем мы имеем разрыв отношений без об'явления прямой войны со стороны Англии.

«Обычно» война начинается посылкой флота, десантов, воздушных эскадрилий. Таких действий со стороны Англии еще нет, но зато начались покушения, усиленный шпионаж, взрывы военных складов, поджоги фабрик. «Обычно» по линии политики мощной капиталистической державы двигаются и ее вассалы. Этого пока еще нет, но зато на ноги поднята английская агентура в соседних с СССР странах; в них сосредоточиваются наемные банды английской охранки—белогвардейцы и монархисты, всякий международный сброд, который мобилизуется против страны пролетарской диктатуры.

Строго рассчитанный план окружения СССР заключается в том, чтобы *подвести*, *ввязать* ряд капиталистических стран в войну с нами. Английская буржуазия не связывает себя определенными сроками; она выбирает для прямого нападения на нас момент наиболее благоприятный для нее и наименее благоприятный для нас.

Поэтому не менее опасной, чем «обычное» представление о начале войны, является постановка вопроса о том, что война будет еще не скоро. Война начнется тогда, когда международная обстановка сложится в благоприятную для английской буржуазии сторону. Пока дело складывается таким образом, что разрыв отношений с Англией вызвал колебания среди французской и германской буржуазии. В этих странах слышны уже отдельные голоса наиболее матерых представителей международной реакции за поддержку Англии в ее походе против СССР. На эту линию все больше и больше сползает международная социал-демократия, которая делает все возможное, чтобы заглушить беспокойство за судьбы СССР, растущее в широких массах рабочего класса.

Ни в коем случае нельзя упускать из виду, что в сторону обострения отношений капиталистического мира к СССР *непрерывно* работает такой фактор, как растущая и развертывающаяся революция в Китае.

Установка на непосредственную опасность войны, напряжение всех сил для раз'яснения ее широчайшим слоям рабочего класса и трудящихся, подготовка и начало борьбы против опасности войны, раз'яснение того, что должны делать передовые слои пролетариата в случае возникновения войны, являются важнейшей обязанностью коммунистов.

В этом смысле значение работы пленума ИККИ, который дал трезвую оценку основных тенденций международного положения, наметил ясную программу борьбы против опасности войны и самой войны, выработал четкие лозунги, учитывающие громадные изменения, внесенные в международное положение наличием Союза Пролетарских Республик и китайской революции,—будет поистине огромно.

В истории возникновения Коммунистического Интернационала вопрос об отношении к войне играл определяющую и решающую роль. Основные лозунги большевизма были выношены в тягчайших условиях империалистической войны, предательства подавляющего большинства II Интернационала и массового шовинистического гипноза рабочего класса; они были потом блестяще проверены на опыте русской революции. Несколько в тени осталась конкретная разработка вопроса о борьбе против опасности войны. Лозунг генеральной стачки, который и теперь поддерживается, с которым не прочь пококетничать «левые» лидеры II Интернационала, был основным стержневым лозунгом в вопросе о борьбе против *опасности войны*. Могут ли его выставить и поддерживать коммунисты после опыта войны 1914 года, начавшейся предательством вождей II Интернационала, подписавших Базельский Манифест, где этот лозунг был выдвинут?

Надо отметить, что откровенно оппортунистическая германская социал-демократия не рискует уже даже играть этим лозунгом. На Кильском партейтаге немецкой социал-демократии Криспин выступил в том духе, что для борьбы против войны не нужно выставлять лозунга генеральной стачки, а ограничиться только установлением «общих принципов», что Интернационал является инструментом также во время войны, но в нем невозможно принимать (в смысле борьбы с войной) никаких постановлений большинством голосов. Не менее замечательно, что социал-демократы отклоняя лозунг генеральной стачки, пытаются опереться на

авторитет... Ленина, который-де «предостерегал Каутского от иллюзии генеральной стачки».

Откровенно-правые лидеры германской социал-демократии, таким образом, «трезво» учитывают невозможность для них поддерживать лозунг генеральной стачки. Это, однако, ничего не меняет в том факте, что этот лозунг имеет популярность в широких массах рабочего класса.

Коммунисты не могут и не должны поддерживать иллюзий, что генеральная стачка, как однократный акт, возможна и сумеет предотвратить войну. Для того, чтобы генеральную стачку провести, нужно много предпосылок, и основная—это длительная заблаговременная подготовка к ней, максимальное единство в среде рабочего класса в отношении борьбы с войной, массовая борьба против опасности войны. Генеральная стачка может быть осуществлена, как завершение массовых выступлений всякого типа, сливающихся в один поток.

Пленум ИККИ целиком подтвердил директивы Ленина о борьбе с иллюзиями, которые связываются с лозунгом генеральной стачки. Но в то же время самый лозунг, как направляющий лозунг для отдельных выступлений, действий, усилий в борьбе против войны—коммунисты выставляют.

Ясно, что генеральная стачка является лозунгом смежным с лозунгом восстания. Но когда конкретно выставлять лозунг генеральной стачки, когда генеральная стачка может и должна перейти в восстание—это будет решаться об'ективными и суб'ективными условиями момента. Центр тяжести должен лежать в раз'яснении того, что нужны массовые выступления и действия и подготовка последних.

Пленум ИККИ уделил большое внимание вопросу об основном лозунге для всего Коммунистического Интернационала, обнимающем и задачи западно-европейских коммунистов и коммунистов СССР и Китая.

Им не может быть лозунг мира, так как одна из наиболее важных составных частей Коминтерна—китайская компартия—находится в прямой войне с империализмом и его пособниками, войне, которую целиком и полностью должны поддерживать коммунисты и весь рабочий класс. Этот лозунг неприемлем для коммунистов и поддерживающих их революционеров и в других полуколониях и колониях. *Лозунгом, который может об'единить борьбу и работу всех секций Коминтерна, является лозунг «защиты СССР и китайской революции»*.

В этих двух вопросах: в вопросе об отношении коммунистов к генеральной стачке, в вопросе об основном лозунге Коминтерна в борьбе с войной, ясно намечен основной водораздел между большевизмом и социал-оппортунизмом всех толков, между революцией и соглашательством, между подлинным интернационализмом и шовинизмом.

Защита СССР и китайской революции, как центральный лозунг Коминтерна в борьбе против войны, определяет постановку и разрешение ряда других вопросов. Если в борьбе империалистических государств друг с другом правилен и сейчас лозунг братания, то в борьбе империалистических государств против китайской революции правилен лозунг перехода солдат на сторону революции.

Ясно, что и лозунг поражения собственного отечества сохраняет свою силу только в случае империалистической войны. В войне империалистов против СССР коммунисты империалистических стран должны не только желать и подготавливать поражение собственного отечества, но быть целиком на стороне пролетарского государства, на стороне китайской революции.

Надо сказать, что в предстоящем вооруженном столкновении между двумя классовыми лагерями возможны такие случаи, когда отдельные государства будут втянуты в борьбу против империалистического лагеря. Пленум ИККИ подтвердил допустимость соглашения между страной пролетарской диктатуры и государствами, которые втягиваются в антиимпериалистический фронт, при чем коммунисты этих государств должны поддерживать эту войну.

Казалось бы, что ясное для каждого значение пленума ИККИ сложность вопросов, которые перед ним стояли, исключительная ответственность момента и вытекающая из него необходимость максимального сплочения рядов исключали возможность новых выступлений оппозиции именно в *данный момент*. Между тем пленум сделался ареной самых невероятных, неслыханно-клеветнических выпадов против руководства Коминтерна и ВКП(б) со стороны представителей оппозиции.

Как ни пыталась оппозиция замаскировать свои *подлинные* позиции «левой» фразой, как ни старалась она воплями о «предательстве», «измене» Коминтерна и ВКП скрыть свое *подлинное* лицо—это ей сделать не удалось. По всем основным, важнейшим вопросам борьбы с опасностью войны оппозиция *не проронила ни слова*. Совершенно искусственно выпячивая на первый план вопрос об англо-русском комитете, который не играл и не может играть определяющей роли для тактики Коминтерна, оппозиция выступила с рядом предложений, которые показывают всякому, как глубоко она увязла в фракционном болоте, как далеко она откатилась от революционных ленинских позиций.

Основное утверждение оппозиции заключалось в том, что позиции коммунизма, позиции международной революции сейчас во много раз слабее, чем были несколько лет назад. Явная вздорность этого утверждения, которое мы ежедневно слышали из меньшевистского лагеря, из стана самых махровых врагов СССР и Коминтерна, опровергается двумя моментами, из которых в первую очередь складывается процесс мировой революции: ростом и укреплением СССР и развертыванием китайской революции.

Путь к окончательной победе мирового пролетариата не лежит через непрерывный под'ем революции. Процесс складывается из побед и поражений. Сводить общий баланс сейчас с минусом для нас могут только пришедшие в отчаяние, потерявшие связь с живым революционным делом люди. Эта оценка оппозиции нужна для того, чтобы опорочить всю линию Коминтерна и ВКП в последние годы.

Смысл этих явно абсурдных утверждений заключается в тех конкретных предложениях, которые в связи с «ослаблением позиций коммунизма» и опасностью войны сделала оппозиция. Взять курс на вовлечение в Коминтерн анархо-синдикалистских элементов и принять обратно ренегатную группу Маслова—Рут Фишер, таковы те меры, которые предложила оппозиция принять Коминтерну. Эти предложения представляют собою верх лицемерия и фракционности, ибо когда оппозиция говорит о привлечении анархо-синдикалистов, которые прославили себя, как оголтелые противники Коминтерна и СССР, то под этим надо подразумевать правую группу Монната—Росмера плюс их единомышленника Суварина. Но так как требовать принятия правых, значит дискредитировать свою «левую программу» действий, то оппозиция предпочитает говорить об анархо-синдикалистах и о приеме всех (читай Суварина), которые попросят об этом.

Не менее лицемерным является требование о принятии обратно группы Рут Фишер и Маслова, которых впрочем не называли прямо по именам, выдвигая на первый план их «менее» скомпрометированных единомышленников. Но разговорами об ультра-левых «рабочих» оппозиции не удалось скрыть свое не только идейное, но и организационное родство с ренегатами коммунизма, с ренегатами, потому что, стоит только ознакомиться с органом этой группы («Mitteilungsblatt»), стоит только составить реестр их выступлений против КИ и ВКП, чтобы понять, что мы имеем дело с рафинированными агентами социал-демократии.

Пленуму ИККИ пришлось выдержать атаку оппозиции и по китайскому вопросу. Если центральным пунктом нападений на ВКП и Коминтерн при обсуждении опасности войны оппозиция сделала вопрос об англо-русском комитете, то в китайском вопросе эту служебную фракционную роль должен был играть вопрос об измене Чан-Кай-Ши. И точно так же, как в оценке международного положения оппозиция, проглядывая исторической важности факторы, в которых проявляется самый процесс мировой революции, говорит об ослаблении Коминтерна, так и в китайской революции оппозиция видит одни только поражения. Но здесь к приемам и методам ультра-левых ренегатов, оппозиция привнесла кое-что «новое». Тактика оппозиции заключается в том, чтобы извращать, замалчивать, обходить ту оценку, те директивы, которые выработаны Коминтерном по отношению к китайской революции. Эта тактика заключается в том, чтобы накричать так много «на все случаи жизни», чтобы любое новое поражение, любую ошибку, вписать потом в приход своей «единственно» правильной платформы. Безответственная критика и путаница в коренных вопросах китайской революции, ультра-левая болтовня и бросание из одной крайности в другую—вот что характеризует платформу оппозиции в китайском вопросе.

К каким основным проблемам со все большей остротой подводит развитие китайской революции? Важнейшая и решающая проблема—это вопрос о «плебейском» разрешении аграрной революции под руководством коммунистов и левого Гоминдана. Уже VII Пленум ИККИ указал, что киткомпартии и Гоминдану придется выбирать между союзом с крестьянством, которое само будет брать землю, и буржуазией, которая под напором растущего рабочего и крестьянского движения будет переходить в лагерь контрреволюции. Измена Чан-Кай-Ши является следствием развертывания аграрной революции.

«Главной причиной измены буржуазии и предательства со стороны ее военного вождя Чан-Кай-Ши было развертывающееся массовое движение рабочего класса и крестьянства и успехи киткомпартии—с одной стороны, возрастающее давление об'единенных сил международного империализма—с другой. Пугаясь развития

массового движения с его революционно-классовыми требованиями и лозунгами, национальная буржуазия неизбежно должна была предпочесть—и предпочла—сделку с империалистами и милитаристами дальнейшему развитию революционной борьбы»—так определяет резолюция пленума причину того перелома в развитии китайской революции, который связан с изменой Чан-Кай-Ши. Ложное утверждение оппозиции о том, что политика Коминтерна и ВКП привела к «поражению» китайской революции, основано, с одной стороны, на том, что оппозиция упорно проглядывает другую сторону процесса, проглядывает, что на ряду с поражением мы имеем переход китайской революции на более высокую ступень ее развития, что поражение, связанное с изменой Чан-Кай-Ши, отнюдь не означает, что революция в Китае потеряла свои опорные пункты; с другой стороны, клевета оппозиции проявляется в том, что она замалчивает те указания, которые ЦК ВКП(б) и Коминтерн делали для организации сил против Чан-Кай-Ши. Пессимистическая, ликвидаторская оценка положения в Китае, недооценка значения Ухана, об'ясняется тем, что оппозиция до сих пор неправильно понимает самый характер революции в Китае. Недооценка остатков феодальных пережитков в Китае должна была привести к тому, что самый смысл революции, а именно развертывание аграрного движения, разрешение аграрного вопроса, остается вне поля зрения и рассуждения оппозиции. Пленум ИККИ целиком подтвердил директивы Исполкома Коминтерна, в которых последний предупреждал киткомпартию о необходимости мобилизации сил против возможной измены Чан-Кай-Ши, а основной директивой была постановка вопроса об энергичном развертывании аграрной революции. То сочетание классовых сил, которое создалось сейчас в Китае, означает в первую голову, что дальнейшее развертывание революции возможно только против буржуазии, в борьбе с нею. Оппозиция пробовала оспаривать правильность линии Коминтерна по отношению к буржуазии на предыдущих стадиях развития. Здесь, как и в вопросе аграрной революции, оппозиция показывает, что она не умеет учитывать своеобразия китайских условий, своеобразия, которое заключается в том, что на известной ступени развития революции китайская буржуазия, не в пример русской буржуазии в 1905 году, была революционной, боролась против милитаризма и империализма. Даже сейчас она вынуждена маскироваться под флагом борьбы с империализмом для того, чтобы удержать под своим влиянием часть мелкой буржуазии.

Развитие китайской революции привело сейчас к еще более резкой постановке вопроса об организации рабоче-крестьянских масс, о развертывании крестьянской революции.

Пленум ИККИ дал совершенно ясную формулировку задач киткомпартии и левого Гоминдана: «*Аграрная революция, включающая конфискацию и национализацию земли—таково основное внутреннее социально-экономическое содержание нового этапа кит. революции.* Основным является в настоящее время «плебейское» революционное разрешение аграрного вопроса десятками и сотнями миллионов самих крестьян снизу, при чем компартия должна становиться во главе движения и руководить им». Пленум ИККИ дал твердую директиву киткомпартии в смысле руководства аграрной революцией: «Киткомпартия, как партия рабочего класса должна возглавлять аграрное движение крестьян и самым *беспощадным образом бороться против всех и всяческих попыток сузить размах этого движения*».

Если главная задача сейчас—это развертывание аграрной революции, то главная опасность заключается в том, что решение этой задачи будет встречать противодействие, непонимание, колебание среди тех сил, которые примыкают к уханскому правительству и его поддерживают. В этом отношении симптоматическим является офицерское восстание в Чанше, где командный состав разогнал крестьянские комитеты, разоружил рабочие пикеты, где началась настоящая война между вооруженными крестьянскими отрядами и контрреволюционным офицерством. Аграрная революция, несомненно, встретит на своем пути всяческое сопротивление. Она будет проводить глубокую борозду, вызовет еще более глубокую дифференциацию в рядах видимых сторонников уханского правительства. Поэтому важнейшей задачей, вытекающей из развития аграрной революции, является организация широких масс рабочего класса и крестьянства, бешеное развертывание рабочих и крестьянских организаций, союзов, комитетов, крестьянских отрядов, и их об'единение. Не меньшую опасность представляет колебание, нерешительность в руководстве киткомпартии. Выступления Чен-Ду-Сю на с'езде киткомпартии, выступления, которые, правда, были исправлены с'ездом, недостаточная последовательность выступлений Тан-Пин-Сяна, министра земледелия, сигнализуют эту опасность. Эти колебания, нерешительность, об'ясняемые молодостью, недостаточной марксистской подготовленностью партии, должны быть преодолены в первую очередь. Пленум ИККИ указал, «...что в китайской компартии намечался ряд колебаний именно в этом пункте, что не всегда партия обнаруживала достаточную твердость в критике лидеров Гоминдана; что внутри партии наблюдалась иногда известная боязнь перед развертыванием массовых движений, в первую очередь, движения среди крестьян в пользу захвата земель, изгнания джентри и помещиков и т. д.».

Оппозиция сосредоточила свой огонь на критике ошибок киткомпартии. Главной виной киткомпартии, по мнению опппозиции, является ее «несамостоятельность» от Гоминдана. Эта формула оппозиции о «несамостоятельности» означает, однако, нечто иное. Если пленум ИККИ указывает киткомпартии, «что она не должна связывать себе рук в деле пропаганды своих взглядов и в деле мобилизации под свои знамена масс», что «она не должна отказываться от своего права критики, колебаний и шатаний мелкобуржуазной демократии», то это вовсе не означает, что киткомпартия должна рвать с Гоминданом, выходить из него, развязывая буржуазии руки в ее борьбе за влияние на мелкую буржуазию. Пресловутое требование выхода из Гоминдана оппозиция маскирует сейчас другим лозунгом: «*Пока* не нужно выходить из Гоминдана». После того, как лозунг выхода из Гоминдана был окончательно скомпрометирован, оппозиция маневрирует, но выдвигает лозунг, не менее ошибочный. Основная ошибка оппозиции заключается в том, что она и здесь недооценивает своеобразия развития революционного движения в Китае, выдвинувшего новую по типу организацию, союз с которой, работа в которой дает коммунистической партии лучшие возможности реализовать блок с крестьянской и городской мелкой буржуазией. Если сегодня Гоминдан еще не охватил движения, то он сумеет

это сделать тогда, когда в его рядах будут об'единены не сотни тысяч, а миллионы трудящихся, тогда, когда снизу будут выдвигаться новые и новые вожди, когда не только на низах, но и в руководящих органах Гоминдана будет происходить передвижка в сторону непосредственного представительства рабочих и крестьян. Охват широчайших масс, включение в Гоминдан массовых организаций рабочего класса, крестьянства и городской мелкой буржуазии, является лучшей гарантией от возможных колебаний и шатаний верхушки Гоминдана. Это тем более важно, что продвижение национальных армий на север, захват новой территории ставит вопрос об аграрной революции в захваченных областях, об организации власти в них. Расширение революции, как это показал северный поход, создает громадные возможности и предпосылки для развертывания массового движения рабочих и крестьян. Но оно же является источником для новых измен, для новых отходов со стороны тех генералов и офицеров, на которых пока еще опирается уханское правительство. Развитие массового движения, демократизация Гоминдана—являются лучшим залогом того, что такого рода измены и перебежки не сумеют сломать фронта национальной революции. «Только при таком курсе будут созданы максимальные контрмеры против возможного и неизбежного отхода колеблющихся групп из левых гоминдановцев (как это случилось в Кантоне) и против измен генералов или других военных лидеров».

На ряду с вопросом об аграрной революции и развертывании массового движения стоит вопрос об уханском правительстве, о его характере, о позиции кит компартии по отношению к нему. Оппозиция выдвинула лозунг *советов*, как очередную задачу китайской революции. Мы уже знаем о теоретических «подвигах» некоторых видных представителей оппозиции в вопросе о характере уханского правительства, которое они определяли то как «рабоче-крестьянское правительство», то как правительство «буржуазное». Ни то, ни другое не верно. Особенность уханского правительства заключается в том, что оно непосредственно создается, выделяется Гоминданом. На теперешней стадии развития оно еще не является революционно-демократической диктатурой рабочего класса и крестьянства, но если оно возглавит аграрную революцию, если оно сумеет опереться на массовое движение рабочих и крестьян, оно будет все больше и больше превращаться в такую диктатуру, и вся задача заключается в том, чтобы этот процесс превращения уханского правительства в революционно-демократическую диктатуру рабочего класса и крестьянства ускорить. В то время, как оппозиционеры, которые, наперекор всем своим взглядам, одно время считали правильным вхождение коммунистов в правительство, а теперь выставляют лозунг «выхода из правительства», лишний раз показывая удивительную «устойчивость» своих позиций, пленум ИККИ совершенно ясно указал условия, на которых возможно участие коммунистов в правительстве: «без развертывания массового движения, без аграрной революции, и решительного улучшения положения рабочего класса, без превращения Гоминдана в действительно широчайшую организацию рабочих масс, без дальнейшего укрепления профсоюзов и роста компартии, без самой тесной связи уханского правительства с массами, невозможно вести революцию к победоносному завершению. ИККИ полагает, что только такая тактика оправдывает участие коммунистов в правительстве. Без нее это участие приняло бы характер верхушечных комбинаций и политиканских расчетов, которые будут опрокинуты жизнью, ходом великой классовой борьбы».

В противовес этой тактике в отношении уханского правительства, тактике совершенно недвусмысленной, ясной, оппозиция выдвинула лозунг создания советов. При чем сбивчивость ее позиции ясно видна из того, что, с одной стороны, делается заявление, будто уханское правительство—это «ничто», пустое место, а с другой стороны, уханское правительство должно, по мнению оппозиции, стать опорным пунктом для борьбы против контрреволюции.

«Необходимо обеспечить самую энергичную и всестороннюю поддержку Ханькоу, откуда нужно организовать отпор Кавеньякам. Необходимо в ближайшее время концентрировать все усилия на том, чтобы оказать возможную помощь для организации и укрепления Ханькоу»,—такого рода предложение выдвигает оппозиция в одном документе. А в другом выдвигается лозунг советов, смысл которого совершенно ясно расшифровывается: «Лозунг советов означает призыв к созданию действительных органов новой власти через переходный режим двоевластия», или: «кто держит курс на рабоче-крестьянскую власть не на словах, а на деле, тот не может не понимать, что курс этот ведет через период двоевластия». Такого рода постановка вопроса означает призыв к борьбе, к свержению уханского правительства, ибо какой иной смысл может иметь мысль о двоевластии? Эта линия была отвергнута пленумом, который указал, что «лозунг немедленного образования советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов на данной стадии развития китайской революции означал бы неизбежное двоевластие, курс на свержение уханского правительства, перепрыгивание через гоминдановскую форму организации масс и государственной власти непосредственно к советской власти в Китае, как государственной форме пролетарской диктатуры. При дальнейшем развитии революции, знаменующем собою начало процесса перерастания демократической революции в революцию социалистическую, необходимо будет создавать советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, и лозунг образования советов станет центральным лозунгом партии».

Исключительное значение приобретает вопрос относительно армии. Создание надежных, преданных революции военных частей—важнейшая задача кит компартии и левого Гоминдана. Развертывающееся аграрное движение, создание вооруженных крестьянских отрядов, вооруженных пикетов рабочих является той базой, из которой будут вырастать новые, не наемные, а подлинно-революционные армии. Еще на VII пленуме было указано на то, что армия является в китайской революции, не только военным фактором, но и такого рода силой, которая может сыграть громадную роль в деле организации и политического просвещения широких масс. Добиться того, чтобы армия не могла стать базой для всякого рода измен и перебежек, чтобы масса солдат сознательно относилась к задачам революции, понимала необходимость связи с рабочим классом и крестьянством и давала отпор контрреволюционным поползновениям офицерства, значит во много раз увеличить силы китайской революции. Пленум ИККИ, учитывая сложность обстановки, дал ясное указание и в вопросе о тактике по отношению к империализму, указав на допустимость «тактики ла-

вирования и маневрирования» по отношению к последнему. Совершенно ясно, что если бы революционная борьба в Китае происходила в таких условиях, когда революционному правительству пришлось бы бороться с Чан-Кай-Ши и милитаристами с глазу на глаз, последние были бы быстро уничтожены. Но наличие иностранного империализма, который поддерживает и прямо и косвенно милитаристов и Чан-Кай-Ши, чрезвычайно усложняет борьбу. Было бы большой ошибкой не понимать этого. Поэтому пленум ИККИ, который указал на недостаточность работы других секций Коминтерна в поддержке киткомпартии в ее борьбе, дал ясную директиву всем коммунистам:

«ИККИ вменяет всем своим секциям в непременнейшую обязанность раз'яснить рабочему классу и крестьянству тот основной факт, что именно империалистические войска, фактически занявшие почти все важнейшие промышленные центры Китая, являются главной контрреволюционной силой в Китае».

Пленум ИККИ обсудил еще ряд важных вопросов и в том числе вопрос о положении в Англии, где вожди Генсовета сосредоточивают сейчас все свои силы на том, чтобы разбить движение меньшинства и изолировать компартию. Тактика английских коммунистов, их лозунги в борьбе против билля о профсоюзах были тщательно обсуждены пленумом.

На фоне общей международной обстановки и сложнейших задач, которые пришлось разрешать пленуму, выступление оппозиции было кричащим доказательством того, что необходимо принять все меры для того, чтобы оградить и Коминтерн, и ВКП от разлагающей, клеветнической, фракционной работы оппозиционеров. Если в виду грозных опасностей, которые стали перед Коминтерном и СССР, оппозиция видит главную опасность в «режиме» Коминтерна и ВКП, то совершенно ясно, что она все свои усилия направит по линии борьбы против единства и сплоченности коммунистических рядов. Неоднократно осужденная на конгрессах и пленумах Коминтерна оппозиция была единодушно осуждена и на этом пленуме. Лучшие представители коммунистических партий всех стран сделали последнее предупреждение, потребовали прекращения фракционной работы, потребовали разрыва с ренегатскими группами и полного подчинения директивам партии. Наша партия и Коминтерн пройдут мимо всех клеветнических измышлений, которые выдвигает оппозиция, ибо практика каждого дня, озлобление империалистов против СССР, бесчисленные расправы с компартиями и растущая активность рабочих масс под руководством компартии, показывают, что ВКП и Коминтерн находятся на верном пути, и с этого пути их не собьют все дальше и дальше уходящие от тернистой дороги борьбы за мировую пролетарскую революцию жалкие группки обанкротившихся оппозиционеров.

В. А.

„Первобытный“ Маркс и „марксисты“ двадцатого столетия.

(Об «австро-марксистской» разновидности ревизионизма).

Австро-марксистское направление претендует на несколько особые идейные и политические позиции в среде европейской социал-демократии, охотно играя в «левизну». Оно имеет международное распространение, и «левые» социал-демократы в Германии, например, часто выступают под флагом австро-марксизма. Успешная борьба с «левыми» социал-демократами, являющимися в данную полосу развития,—как правильно указал XV партейтаг коммунистической партии Германии,—главным врагом коммунизма в рабочем движении, невозможна без идейного разоблачения австро-марксистов.

Роль «левого» крыла в социал-демократии слишком понятна и прозрачна, чтобы на ее выяснении было необходимо здесь задерживаться долго. Насквозь деляческая и циничная бюрократия, руководящая европейской с.-д., нуждается в «левом» крыле для удержания за собой, путем обмана, тех левеющих рабочих, которые уже разочаровались в старой практике и «догме» оппортунизма. Австро-марксисты прикрывают оппортунизм «левой» фразой и тем пытаются *замедлить* переход рабочих на сторону коммунизма.

Конечно, оппортунисты «старого» бернштейнианского толка к австро-марксистам, в роде Бауэра, относятся весьма любовно и покровительственно. Никакой измены принципам реформизма правые со стороны левых не видят, ибо измены нет. Точно так же нет и никакой серьезной практической оппозиции, кроме эпизодических, фразерских и безвредных «буффонад». Вследствие этого, в действительности между «крыльями» социал-демократии имеет место просто весьма удобное и спокойное для матерых оппортунистов (и «лестное» для карьеристов революционной фразы) *разделение труда*, полюбовное разграничение сфер влияния на различные слои рабочих, живущие различными настроениями.

«Левые» вожди и литераторы социал-демократии никоим образом не могут рассматриваться, как действительные выразители интересов или даже настроений массы левеющих социал-демократических рабочих. Стать на такую точку зрения было бы большой ошибкой. Левеющие социал-демократические рабочие идут и придут рано или поздно к нам. А левые «верхи» являются закоснелыми социал-демократами и в критические моменты борьбы в своем большинстве неминуемо окажутся самыми опасными злейшими противниками коммунизма.

В истории был пример,—во время войны и возникших из нее революций,—когда в ряде стран целый слой крупнейших революционных работников, ранее не стоявших на последовательной революционной позиции, под влиянием происшедших больших исторических сдвигов, перешел в лагерь большевизма. Однако, нет оснований переносить эту аналогию на современность и ожидать, что предстоящие нам впереди революции, или войны, снова толкнут к нам сколько-нибудь заметную часть руководящих кадров левой социал-демократии *до победы* революции в тех или иных странах. Наоборот, есть основания полагать, что во второй раз этого не произойдет.

Современная социал-демократия отличается от социал-демократии довоенного и даже военного периода, если оставить в стороне особые условия России, одним крайне существенным моментом. Прежней социал-демократии исторически *предстояло* выделить из своего левого крыла (так сказать, «сотворить из своего ребра») часть кадров коммунистических партий, которых в то время еще не существовало, как самостоятельных партий. Теперь этот процесс позади, коммунистические партии завоевали себе прочные позиции в странах Европы, и социал-демократия, в том числе и левая, уже давно отдала компартиям самое лучшее и революционное из своего кадра «вождей», и своим главным занятием сделала борьбу именно с этими коммунистическими партиями. У социал-демократии сложились уже прочные традиции борьбы с компартиями. Порвать с такими традициями и уйти в лагерь противника,—это совершенно другое дело, более трудное, менее возможное для того или иного «вождя», чем уйти в новую партию, против которой, как партии, нет традиций борьбы.

Нынешние руководящие кадры «левых» социал-демократов уже пережили один раз опыт войны и революции и остались оппортунистами. Многие из них по-своему «выросли» и «закалились» в оппортунизме именно во время этого опыта. Кое-кто «побывал в коммунистах» и ушел назад, в привычное болото. Невозможно предположить, чтобы новые войны и революции, новые социальные сдвиги могли этих людей научить мыслить и действовать революционно, как это произошло с рядом видных революционеров в 1915—1918 годах. Наоборот, нынешние «левые вожди», в своем большинстве, наверняка станут еще более злейшими врагами пролетариата в дни переворота, чем сейчас.

Отвоевание постепенно революционизирующихся социал-демократических рабочих наши партии на Западе ведут отнюдь не под лозунгом «использования» социал-демократических и левых «вождей», не под знаком каких-либо «блоков» с ними или даже хотя бы с их частью, а, наоборот,—под знаком беспощадной борьбы с левыми «вождями», об'являя их *главными* врагами в рабочем движении, против которых прежде всего мы должны сосредоточивать огонь.

В 1920—22 годах «левые» откалывались от II Интернационала и создавали свой «двухсполовинный» Интернационал. Откуда у них бралась такая смелость? Но ведь это было время революционное. Социал-демократия, как целое, спасая свое существование, применяла соответствующее моменту средство. В итоге, когда пришла пора считать цыплят, оказалось, что господа Бауэры и Адлеры прекрасно выполнили свою миссию перед

вторым Интернационалом: вернувшись в его ряды, они привели за собой обратно многих из тех, кто,—не создайся в революционные дни буферный интернационал,—ушли бы навсегда от Каутских, Гильфердингов, Носке и Шейдеманов.

А фразы, которые говорились двухсполовинниками в дни их откола? Ну, полно, что за счеты между своими! Кто же из положительных людей брал эти фразы всерьез? Да сами же авторы, «остепенившись», от них отреклись прежде, чем трижды пропел петух,—как только схлынули горячие волны революционного движения [1]).

В чем же состоят *теперь* особые позиции австро-марксизма внутри II Интернационала?

Для более определенного ответа на этот вопрос необходимо прежде условиться насчет понятия «австро-марксизм». Обычно этим словом обозначали социал-демократический *центризм* вообще, такой, каким он сложился еще до войны и во время войны, когда его виднейшим идейным представителем был Каутский, имевший в лице австрийских с.-д. своих сторонников. К австромарксистам относили и Гильфердинга.

Однако, война и годы революций сдвинули все оппортунистические группировки социал-демократии направо; старый «центр» в его целом тоже передвинулся вправо и теперь стал основным направлением во II Интернационале и в его главной, германской, партии. Рассматривать идеологию этого старого «центризма» раздельно от идеологии II Интернационала и германской с.-д. поэтому уже нет смысла.

Традиция же квази-«оппозиционности» по отношению к официальной линии германской с.-д. и II Интернационалу мало-по-малу перешла от Каутского—Гильфердинга к более узкому кругу «австро-марксистов», главным образом, к социал-демократам Немецкой Австрии, во главе с Отто Бауэром (русские меньшевики, в данном случае, в счет не идут). Здесь мы и займемся идейно-политическими позициями нынешнего немецко-австрийского «австро-марксизма».

* * *

«Австро-*марксизм*»,—так называют свое направление эти флюгерствующие социал-демократы. В лоне II Интернационала, где имеется целый букет открыто ревизионистских и даже формально не признающих марксизма течений, наименование это получает особый смысл. Очевидно, «австрийцы» хотят прослыть блюстителями марксизма. Принимая название марксистов, они,

---

[1]) В споре, который Отто Бауэр вел с социал-демократическим профессором Г. Кельзеном в 1924 году по вопросу о государстве, Бауэр сам признался, что «со времени переворота» (1918—19 гг.) он изменил свои взгляды. Он пишет:

«Чтобы доказать, что мои взгляды со времени переворота изменились, он (Кельзен) приводит некоторые положения из моей полемики против Реннера в военное время»... «*Конечно, я изменил многие мои взгляды*. Только тот этого не сделал, кто был неспособен учиться из богатства нового опыта, из этого грандиознейшего «наглядного урока истории» («Der Kampf», февраль 1924).

Главный урок, вынесенный г. Бауэром из «урока истории», состоял в том, что он с легкостью флюгера повернулся в ту сторону, откуда подул ветер.

естественно, заставляют ожидать от них борьбы хотя бы за формальное признание основных принципов марксизма социал-демократией (о борьбе за эти принципы по существу, разумеется, всуе говорить там, где речь идет о социал-демократах).

Однако, что же мы видим на самом деле?

Австрийский «марксизм» так же, как и германский, благоухает самым махровым и подчас до наглости откровенным *ревизионизмом*. Это очень важно знать тем с.-д. рабочим, которых австромарксизм обманывает до сих пор незаконно присвоенной им кличкой.

Наиболее ярко ревизионистские тенденции австро-марксизма выражает один из его самых крупных представителей, Карл Реннер. В последние годы он издал большую теоретическую работу: «Die Wirtschaft als Gesamtprozess und die Sozialisierung» (русск. перевод под заглавием: «Теория капиталистического хозяйства»).

В этой книге он «переработал» до неузнаваемости все экономическое учение Маркса, утверждая, вопреки Марксу, что в капитализме примат принадлежит не производству, а обращению, и обосновывая эту свою ревизию марксизма ссылкой на «новые» явления последнего полувека, которые-де были неизвестны Марксу. Разбирать здесь теоретико-экономические ошибки Реннера не входит в нашу задачу. Необходимо лишь показать ревизионизм Реннера там, где автор от вопросов чистой экономической теории переходит к вопросам социологии и классовой борьбы.

Вот, например, что он пишет:

«Концентрация масс капитала в руках незначительного количества лиц, на одной стороне, и концентрация все возрастающих масс пролетариев, на другой, и та и другая, осуществляемые в огне кризисов и связанных с ними революций,—вот что *по Марксу и Энгельсу* должно быть *двигательной силой* социализирования, *а экспроприация экспроприаторов—его целью. Было бы глупостью дальнейшее отрицание того, что это предположение не осуществится* или что оно, по крайней мере, не *осуществится полностью или в надлежащее время*» [1]).

Это называется у Реннера: «популярно-научное изложение системы Карла Маркса»! Развязность господина «доктора» изумительна, ибо, по сути дела, Маркса и Энгельса он «популярно» обругал «глупцами» (!),—не больше и не меньше.

Глупые старики Маркс и Энгельс! Они делали неосуществимые «предположения», которые «глупо» сейчас защищать, и не могли сделать того «предположения», что через полсотни лет найдется «вумник» Реннер, который во славу австро-марксизма, снисходительно похлопывая по переплету «Капитал», будет исправлять «несуразности», заключающиеся в этой книге,—«написанной в отдаленный от нас век, совершенно отличной по способу мышления и изложения от современного способа и не доведенной до конца» [2])...

[1]) «Die Wirtschaft als Gesamtprozess und die Sozialisierung», Berlin, 1924. Dietz. Стр. 357 — 358 (Русс. перев. — стр. 307). Книга в немецком оригинале имеет подзаголовок: «Populärwissenschaftlich darstellt nach Karl Marx'System», т.-е. «популярно-научное изложение по системе К. Маркса» — неоговоренный курсив в цитатах везде принадлежит мне (*В. А.*).

[2]) Таков дословно отзыв Реннера о «Капитале» Маркса. См. предисловие Реннера к той же книге, стр. 5. (Русс. перев.—стр. XVIII).

Однако, за что же Маркс и Энгельс зачислены нашим доктором в разряд глупцов? Отнюдь не за какую-либо частность их учения о капитализме, а за самые *основы* этого учения.

Маркс и Энгельс в своих произведениях вскрыли *противоречивость* капиталистического развития и обнаружили растущие противоречия капитализма прежде всего по *двум* основным линиям: анархия производства и классовые противоречия. На базисе этих строго обоснованных экономической теорией положений Маркс и Энгельс формулировали теорию о неизбежности социальной революции в форме «экспроприации экспроприаторов», проводимой диктатурой пролетариата.

Именно этими положениями в первую голову социализм Маркса заслужил название *научного* социализма,—именно констатирование растущих противоречий в капитализме дало возможность вывести вопрос о социализме из области утопий и добрых намерений в область научного предвидения и предсказать *неизбежность* краха капитализма, *неизбежность* социализма. Тот, кто отказывается от установленных Марксом положений о нарастании противоречий в капиталистическом обществе по двум указанным выше линиям, тот сходит с почвы научного анализа и не может уже говорить о смене капиталистического производства социалистическим, как об этапе исторически неизбежном. Ибо если принять, что противоречия в капитализме не растут, а сглаживаются, то *нельзя* доказать, что капитализм погибнет. Наоборот, принявшие эту предпосылку люди неизбежно будут ходить вокруг да около идеи о *вечности* капитализма, который может быть «улучшен» путем реформ, но уничтожен вообще быть *не* может. Разговоры о социализме превращаются или в благие пожелания, или в прямой обман, который, однако, не может скрыть и скрасить чисто-реформистской практики.

На эту участь и обрекает себя Реннер, отказываясь от основных положений марксизма.

Он отрекается от идеи диктатуры пролетариата, от экспроприации капиталистов и воскрешает во всей красе выдвинутую против марксизма еще в 90 годах прошлого века Бернштейном теорию о «демократизации капитала», со всеми реформистскими выводами из этой теории. Исследуя современную экономику, уверяет Реннер,—

«на ряду с концентрацией прибавочной стоимости, мы натолкнулись на все более возрастающую детализацию и раздробление, связанное с разделом прибавочной стоимости. Мы столкнулись с общественным распределением, которое осуществило *раздел произведенной прибавочной стоимости на мельчайшие части между все возрастающим числом капиталистов*, более того, мы нашли, что обращение вполне закономерно приводит механически к выравниванию общей прибыли, к средней норме прибыли и к средней норме процента; что *доходы капиталов тщательно выравниваются, более того, стремятся к превращению в простые дивиденды на совокупный общественный капитал и по видимости приводят к справедливой демократизации собственности* (последний курсив автора. *В. А.*). Несмотря на *всяческую концентрацию, число тех, которые называют себя собственниками, не уменьшается, и, вместо немногих сверхкапиталистов среди бесчи-*

сленных пролетариев, мы видим медленно утончающуюся кверху пирамиду из слоев различных родов капиталистов и различной величины состояний» [1]).

По Реннеру развитие капитализма теперь уже несет с собой не прогрессирующее расчленение общества на классы, а явления совершенно обратного порядка: *сращивание* классов, «смешение собственности и дохода», как выражается Реннер [2]):

«Раз произошло по всей линии отделение экономических функций от исторически сложившейся собственности, в форме ли кредита или института служащих, открываются тысячи возможностей смешения собственности и дохода. *В раннюю капиталистическую эпоху* не считается фабрикантом тот, кто лично не руководит своей фабрикой и т. д. *В наше время можно быть одновременно* в качестве наследника в одной трети *фабрикантом* мыла, на одну пятую, в качестве супруга своей жены и владельца ее приданого, быть кожевенным *торговцем*, а в общем, во всей, так сказать, сумме, быть *служащим*, зависимым от банковского капитала и в этой последней функции быть лишенным владения, не обладая ни одной акцией того банка, на который тебе приходится тяжело работать. *В наше время пролетарий, работающий на металлургическом заводе, может получить по наследству* в случае отказа своих сестер *ипотеку* на крестьянское имение и в *качестве «денежного капиталиста»* получать каждые три месяца *проценты*». И т. п. [3]).

Серьезный тон, с каким ученейший экономист выкладывает свои глубокомысленные соображения, поистине способен возбудить веселое настроение. Прежде всего непонятно, почему, например, женитьба на «приданом» или получение собственности по наследству автором приводятся, как явления и признаки, отличающие «раннюю капиталистическую эпоху» от «нашего времени»? Неужели в «раннюю капиталистическую эпоху» не существовало права наследования и не существовало никакой любви, кроме «идеальной»?

Поневоле начинаешь размышлять о теоретико-экономической серьезности «теории», которая базируется на наблюдении подобных «экономических явлений», а также о характере и направлении того «прогресса», который проделан в области «способа мышления и изложения» от Карла Маркса—до Карла Реннера...

Что же касается «пролетария», который «может» (!) получить в наследство ипотеку, то ничего, кроме издевательства над рабочим классом, в этом со стороны Реннера нет. Он выбирает любезные его сердцу единичные примеры, забывая о *массе* рабочего класса, которая никаких ипотек не имеет, процентов не получает и которая, разумеется, в наше время гораздо *более* изолирована от собственнических и мелкособственнических классов,

---

[1]) Там же, стр. 358 (Русс. перев. — стр. 307 — 308).

[2]) Мы не можем здесь останавливаться на той ревизии учения Маркса о классах, которую производит Реннер, говоря: «Исторически сложившееся и актуальное распределение *дохода* составляет *классовую основу* (?) современного капиталистического хозяйства» и т. д. (русс. перев.—стр. 325). Ревизионизм в этом вопросе связан с тем, что Реннер вообще признает примат обращения в капитализме.

[3]) Там же, 376—7.

чем в «раннюю капиталистическую эпоху», уже хотя бы по одному тому, что прежний капиталист сам управлял фабрикой и прежние рабочие имели большую связь с деревней и ремеслом, чем сейчас.

Теория сращивания классов в капиталистическом обществе у Реннера увенчивается идеей *о введении социализма... путем соглашений* между пролетариатом и имущими классами:

«Возникает вопрос: *должен ли пролетариат завоевать диктатуру* в стране для того, чтобы быть в состоянии вступить на путь социализации? *Традиция отвечает на этот вопрос решительным «да»* (под «традицией», как мы знаем, разумеется учение Маркса и Энгельса. *В. А.*) и притом вполне последовательно, поскольку победа социализма представляется, как новое чудо творения, поскольку она начинается *с генеральной экспроприации* и провозглашается, как абсолютное разрушение всего существующего хозяйства. Но если социализм *в противоположность этой точке зрения* представляется тем, что он есть на самом деле, как большая, серьезная, деловая программа, рассчитанная на продолжительный период времени, направленная к организации полуорганизованного (?) общества, к замене частного интереса общим, *к прекращению классового господства и классовой борьбы,—то промышленный пролетариат найдет всегда себе союзников от случая к случаю, союзников, которые помогут ему осуществить одну часть* («Stück») *программы за другой. Поэтому политика изменяющихся по обстоятельствам соглашений является для этой фазы развития необходимым лозунгом»* [1]).

Итак, «поштучный социализм» с разрешения господ предпринимателей,—таков «пароль» Реннера. Ярче, чем он это сделал, трудно формулировать принципы реформизма и реформистской «коалиционной политики».

Внутренняя противоречивость и вопиющий оппортунизм Реннера бьют в глаза. Достаточно сопоставить указанную им цель: «прекращение классового господства и классовой борьбы» и средство—«соглашения от случая к случаю». Уничтожение классовой борьбы есть уничтожение классов. Реннер расчитывает уничтожить классы капиталистов и помещиков с их собственного согласия, путем «соглашений» с этими классами?! Ясно, что слова о прекращении классовой борьбы теряют всякий смысл в этом контексте, кроме чисто карикатурного смысла: Реннер действительно хотел бы «прекратить» классовую борьбу рабочих, подчинив их капиталистам, *заменив* борьбу соглашениями «смотря по обстоятельствам».

И «социализм», разумеется, упомянут Реннером для красного словца: его программа—выторговывание у класса буржуазии, «от случая к случаю», уступочек для рабочих в *рамках* капиталистического строя.

Таков один из старых «птенцов Виктора Адлера»,—Реннер.

---

[1]) Там же, стр. 380 (Русс. перев.—стр. 327). Говоря о «союзниках» пролетариата, Реннер, конечно, имеет в виду имущие классы, а вовсе не крестьянство. Говоря в соседней главе («Носители социализации, классы» — так называется эта глава) о классах, он ничего о крестьянстве вообще не упоминает. У него фигурируют лишь рабочие, капиталисты и помещики (получатели зарплаты, прибыли и ренты). См. стр. 375 и сл.

Но, скажут нам, Реннер представляет правое крыло, руководившее австрийской социал-демократией до 1918 года; теперь же руководство в руках Отто Бауэра и его сторонников, теперь Бауэр задает тон современному австро-марксизму.

Однако, и при Бауэре Реннер остается одним из виднейших вождей и теоретиков австрийской с.-д. Он был, например, *председателем* того социал-демократического правительства в 1918—19 годах, где Бауэр был министром иностранных дел. Его статьи печатают и немецкие с.-д. журналы, их печатает *без каких бы то ни было возражений* и орган австрийской с.-д. «Der Kampf». Таким образом, австро-марксизм охотно и свободно «вмещает» в себя откровенно-ревизионистскую позицию Реннера [1]).

* * *

Однако, все же для нынешнего периода *Отто Бауэр*, бесспорно, является *наиболее влиятельной* и характерной фигурой для австро-марксизма. Посмотрим, каково его отношение к учению Маркса.

В сороковую годовщину со дня смерти Маркса Отто Бауэр печатает в юбилейном номере «Der Kampf» статью: «Маркс, как напоминание». Статья, очевидно, должна подчеркнуть наиболее существенное в отношении автора к Марксу и к учению Маркса. Что же пишет Бауэр?

Изложив историю марксизма в прошлом, для *настоящего* времени Бауэр находит нужным сказать об учении Маркса *только* одно: это учение перестало соответствовать «изменившейся» обстановке, оно должно быть «исправлено» и «дополнено».

«Все науки суть не что иное, не могут быть ничем иным, как собиранием, упорядочением, обработкой опыта. Ничем иным не является также и грандиозная историко-экономическая система Маркса,—пишет Бауэр.—Капитализм сегодняшнего дня и по об'ему и по структуре *в корне отличен* от капитализма времени возникновения «Капитала». *Сам рабочий класс сегодня имеет* совершенно другую структуру и *совершенно другой дух, чем в то время, когда Маркс писал* генеральный адрес Интернационала. Революции последних лет дали нам бесконечно более богатый материал опыта, чем тот, которым располагал Маркс; его обработка, несомненно, поведет к *совершенно другим результатам, чем те, которые Маркс мог почерпнуть из обработки опыта революций 1789 и 1793, 1848 и 1871 годов*».

[1]) Книга Реннера «Die Wirtschaft als Gesamtprozess und die Sozialisierung», правда, подверглась некоторой, но далеко не последовательной критике в библиографическом отделе «Der Kampf» (см. заметку Эмиля Штрауса в № 6 за 1925 год). Автор рецензии отметил теоретически неправильный подход Реннера к обращению в капиталистическом обществе, к социализации через обращение и назвал «опасным» открытый выпад Реннера против Маркса и Энгельса в вопросе об экспроприации экспроприаторов. Но что весит на литературном и идейном рынке маленькая заметка в сравнении с плодовитостью беспрепятственно пропагандирующего в с.-д. среде свои взгляды Реннера, автора многих книг и статей? Да и, кроме того, сам автор рецензии, относясь, повидимому, весьма... „либерально" к своей теоретической совести, закончил рецензию тем, что написал:

«Подлинная струя поучения и побуждений исходит от этого *великолепного произведения* остается только пожелать, чтобы ныне живущее поколение молодых социалистов *изучало и книгу Реннера с таким же рвением, как старшее поколение*—популяризацию марксистской экономии *в трудах Каутского*»... (стр. 235).

Так как старшее поколение по трудам Каутского, тогда еще не ревизиониста, училось экономии *Маркса*, то нынешнему поколению рекомендуется учиться ей по Реннеру, который заведомо *ревизует* Маркса!

И далее:

«Нет сомнений, такая обработка опыта *исправит многие положения Маркса*, которые он почерпнул из совершенно другого опыта»... «*Социализм XX столетия будет отличен от социализма XIX столетия*»...

Нужна такая «работа» над марксизмом, которая, как говорит Бауэр, «*выводит далеко за собственные познания* («Erkenntnisse»—также и «сознание». *В. А.*) *Маркса, многие представления Маркса дополняет или исправляет*»... «*Это есть Маркс, преодолевающий Маркса*».

«Маркс, *преодолевающий* Маркса»,—«слово» сказано! И в высокопарных выражениях Бауэр призывает «марксистскую школу» к коллективной работе над «преодолением» Маркса [1]).

Вообще говоря, разумеется, новый опыт и новая обстановка, новая полоса развития капитализма (империализм и эпоха его краха) заставляют действительных учеников Маркса применять во многом новые средства и формы борьбы (например, *советы*, как форма пролетарской диктатуры, при Марксе еще не возникали), или теоретически анализировать новые явления экономики (империализм). Однако, Бауэр говорит, конечно, об изменении основных, коренных *принципов* марксизма: «обработка опыта» приводит этого представителя «социализма XX столетия», *к совершенно другим результатам. Настоящие* последователи Маркса никогда не говорят, что учение, под знаменем которого борются они сейчас, «*совершенно другое*» («ganz anderes»!) по отношению к учению Маркса, что это—Маркс, с божьей помощью уже «преодоленный»! Они не «преодолевают» («überwinden»), а *развивают* учение Маркса, целиком исходя из основ, данных Марксом.

Бауэр имеет в виду, несомненно, пересмотр именно *принципов* Маркса. Как известно (с фактической стороны этого не в состоянии оспаривать и ревизионисты), Маркс был автором идеи *диктатуры пролетариата*. И это была не просто одна из его идей,—это было *главное* в его учении о классовой борьбе пролетариата за социализм. Об этом говорил сам Маркс, который в 1852 году в письме к Ведемейеру писал:

«Что касается меня, то мне не принадлежит ни та заслуга, что я открыл существование классов в современном обществе, ни та, что я открыл их борьбу между собою. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы классов, а буржуазные экономисты—экономическую анатомию классов. *То, что я сделал нового*, состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определенными историческими битвами, свойственными развитию производства, 2) *что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата*, 3) что *эта диктатура составляет лишь*

[1]) См. «Der Kampf», № 3, 1923 г., стр. 84—85. Мы полагаем, что ближе к истине было бы, если бы автор свою статью назвал не «Маркс, как напоминание», а «Маркс, как воспоминание», ибо в итоге в статье, действительно, от Маркса осталось только одно воспоминание. «Напоминание» там имеется не о Марксе, а о необходимости для оппортунистов *смелее ревизовать* Маркса.

переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов»... [1]). (Курсив наш. *В. А.*).

И вот, «преодолением» именно того пункта в учении Маркса, который, по свидетельству самого Маркса, является основным, что *отличает* его учение от *буржуазных* теоретиков,—именно положения о «необходимости» диктатуры пролетариата,—занимался Отто Бауэр, например, в своем докладе о программе австрийской с.-д. партии на ее последнем партейтаге в Линце (октябрь—ноябрь 1926 г.):

...«Мы очень хорошо понимаем, почему Маркс в письме [2]) в 1875 году выразил мнение, что между капитализмом и социализмом будет лежать диктатура пролетариата. *Подумайте-ка вы, как выглядела Европа в 1875 году!* (Курсив Бауэра). Это было время, когда во Франции после Коммуны господствовал *белый террор*, когда в средней Европе господствовали военные деспотии, против которых действительно *нельзя было восставать с демократическими средствами*. В самой Англии огромное большинство рабочих не имело избирательных прав, и господствовало дворянство. *Такова в действительности ситуация в которой Маркс полагал*, что ничего другого не останется делать, как итти на *гражданскую войну*. А гражданская война ведет с необходимостью к такой *диктатуре*. Но мы сегодня составляем программу не с намерением выяснить себе, что думал Маркс в 1875 году,—мы должны *вглядеться в мир, каков он есть сейчас* (курсив Бауэра), применяя марксистский метод. Предположим, что пролетариат завоевывает власть средствами демократии. Что нам тогда делать? Уничтожим мы демократию? Об этом не может быть никакой речи!» [3]) и т. д.

Однако, разве это правда, что Маркс в «преодолеваемых» Бауэром письмах говорил о Европе 1875 года? Нет, он говорил *о переходном периоде от капитализма к социализму*. Он имел в виду отнюдь не ту или иную преходящую историческую ситуацию в политическом положении капиталистической Европы. Насколько надо не уважать Маркса и пренебрегать им, как теоретиком, чтобы утверждать, будто бы Маркс *мог* связывать положение, которое он считал *главным отличием* своего учения от учений буржуазных теоретиков, с преходящей исторической «ситуацией» 1875 года! Только господа Бауэры могут так иезуитски издеваться над великим мыслителем, именем которого они нагло прикрывают свой пошлый ревизионизм.

Мысль об исторической необходимости, о неизбежности диктатуры пролетариата на переходный период от капитализма к социализму у Маркса коренилась в глубоко правильном понимании им основных *тенденций развития капитализма*, как определенного способа производства, который должен погибнуть от своих *внутренних противоречий*.

---

[1]) Опубликованные Мерингом в «Neue Zeit» (XXV, 2, 164) выдержки из письма Маркса к Ведемейеру. Цитировано Лениным в кн. «Государство и революция», гл. 2, § 3.

[2]) Здесь Бауэр говорит о другом письме Маркса (к Браке), где также подчеркнута мысль о необходимости диктатуры пролетариата.

[3]) «Protokoll des sozialdemokratischen Parteitages» (Linz, 30 октября—3 ноября 1926 г.), стр. 271.

Вполне последователен, с оппортунистической точки зрения, Реннер, когда он связывает отрицание им диктатуры пролетариата с ревизией взглядов Маркса на рост противоречий в капиталистическом обществе. Бауэр в своей речи не говорит об этом в такой открытой форме, как Реннер, но ясно, что он может исходить, оставаясь последовательным, только из предпосылки Реннера; все остальное—теоретическая бесчестность, либо недоумие.

А если уже говорить *конкретно* об отличиях в политической обстановке середины XIX столетия и в полосу 1914—1926 годов, то основные, бьющие в глаза факты еще более подтверждают правильность марксовой теории диктатуры. Стали ли капиталистические государства более *милитаристичны* теперь, чем 50—70 лет назад? Сомнений в этом быть не может. Значит, тем более отдалилась перспектива сломить господство буржуазии мирными средствами. Стал ли государственный аппарат этих государств громаднее, крепче, *бюрократичнее* и *«надежнее»* (с точки зрения защиты эксплоататорских интересов буржуазии)? В общем масштабе и это, несомненно, так.

Что же касается политической ситуации в Европе, то разве много надо сообразительности, чтобы вспомнить только-что минувшую мировую войну и вновь начавшуюся (при участии виднейших европейских стран) войну в Китае, ряд разразившихся в Европе революций (в России с вполне победоносным исходом) и революцию в Китае, которая не остается и не может остаться без влияния на европейские дела? Разве в середине XIX века были события, по масштабу и значению равные этим нынешним событиям и *разве элемент насилия и диктаторских методов в классовой борьбе и в войнах не выявлен в XX веке еще ярче и грандиознее, чем в XIX веке?* Разве в Европе не было господ Хорти, Носке, Цанкова, Муссолини, Пилсудского? И разве в *«мирные»* месяцы 1927 года на улицах Берлина фашисты, с помощью полицейских чиновников, не расстреливают и не избивают рабочих? Что же можно ожидать от дней *революционной* ситуации, когда они придут?..

На все *эти* особенности, на весь *этот опыт* XX столетия господин Бауэр «благочестно» закрывает глаза, «предполагая» (!), вопреки фактам, что теперь существуют возможности для пролетариата завоевать власть исключительно «демократическими средствами», без насилия над буржуазией.

Ревизующий Маркса во имя якобы новых указаний «опыта» оппортунист, однако, не может указать *ни одной* страны, где бы пролетариат имел власть, завоеванную и правящую только «средствами демократии», тогда как страна *диктатуры пролетариата* уже занимает шестую часть суши.

Бауэр не просто ревизует Маркса, он, подобно Карлу Реннеру, старается *оплевать* марксизм. Реннер изволил «деликатно» выразиться о «глупости» Маркса и Энгельса. Бауэр поступает с Марксом еще ехиднее, хитрее и «ядовитее».

Он во многих своих произведениях так же, как и Реннер, неумеренно распинается перед так называемым «гильдейским социализмом»,—идейное течение, пропагандируемое некоторыми английскими интеллигентами, бывшими фабианцами. Австромарксизм, да и вся европейская социал-демократия, заимствовал у гильдейских социалистов изрядное количество полусиндика-

листского, полупоповского идейного хламья, принаряжая в него Маркса «по моде XX столетия» [1]).

Гильдейский социализм вообще не стоит на почве классовой борьбы. Его основное положение гласит, что духовное рабство есть причина материального, классового, а не наоборот; отсюда культурнически - поповские методы борьбы гильдейского социализма.

«*Материальное рабство рабочих есть следствие их духовного рабства. Они бедны, потому что рабы.* Не бедность, но рабство есть столп, на котором покоится капитализм»,—так высказываются наиболее видные идеологи гильдейского социализма, Коль и Меллор.

О *Марксе* они отзываются так:

«*Маркс превратил социализм из моральной доктрины в экономическую.* Последствия этого изменения были неизмеримы. Научный социализм должен был неизбежно перенести центр тяжести на *распределение благ.* Но тем самым социализм перестал быть в первую голову и прежде всего вопросом свободы. Он стал вопросом материального благополучия».

И кичливые моралисты, которые, видите ли, стоят выше презренной «материи», считая низменным делом борьбу за то, чтобы рабочие, их жены и дети лучше жили и ели (ибо это—пустяки, главное, ведь «свобода»)—начинают свысока третировать Маркса за данное им экономическое обоснование социалистического движения, как якобы «оппортуниста и реформиста»:

«Поскольку социализм перешел от проблемы первого порядка к вторичной, от проблемы рабства к проблеме бедности, он себя сам приговорил к тому, чтобы быть оппортунистическим и реформистским» [2]).

Как должен реагировать каждый настоящий марксист на эти типично буржуазные взгляды? Он обязан с *порога* отвергнуть эту болтовню о «вечном человеческом праве» на свободу, ибо она всегда прикрывает гнусности по отношению к тем, кто находится в «материальном рабстве» и в «бедности». Разве кто-нибудь еще, а не идеологи *буржуазии* в течение вот уже не одного столетия, разглагольствуют о «вечных правах» каждого человека на «свободу» в капиталистическом обществе, построенном на началах материального рабства?

Вместе с тем, настоящий марксист обязан указать надлежащее место нахальным «моралистам», пытающимся изобразить учение Маркса «оппортунизмом и реформизмом», сваливая с больной головы на здоровую. Настоящая свобода личности *не может* быть завоевана без предпосылки уничтожения *материального классового неравенства* революционным путем.

Что же делает вместо всего этого господин Бауэр? *Он опирается на «гильдейцев» против Маркса, «исправляет и дополняет» марксизм—гильдейским социализмом!*

В своей известной брошюре «Большевизм или социал-демократия» (1920 г.) Бауэр посвящает целую главу сопоставлению

[1]) В частности, не без влияния идей гильдейцев социал-демократия на континенте разрабатывает свои «теории» о так называемой «хозяйственной демократии».

[2]) G. D. H. Coles и W. Mellor. «Gildensozialismus». Rheinland-Verlag zu Köln. Стр. 2, 3, 5, 6, 8.

и противопоставлению: с одной стороны—русского большевизма, с другой—гильдейского социализма.

Большевизм,—говорит он,—есть «социализм *идеологов* рабочего движения». Что же касается гильдейского социализма, то это—«социализм *самого* рабочего движения».

(Картина: партия, ведущая за собой *безраздельно* весь российский пролетариат, оказывается, живет «идеологией идеологов», а *ничтожная* кучка вчерашних фабианцев, не пользующаяся *абсолютно никаким* политическим весом среди рабочего класса своей страны [1]) представляет «социализм самого рабочего движения»! Но это лишь между прочим. Последуем за рассуждениями Бауэра):

«В этой противоположности (между большевизмом и гильден-социализмом. *В. А.*) выражается не только лишь национальное различие русского и английского рабочего класса», но «гораздо более—*различие образа мышления пролетариата вообще на различных ступенях его развития. Первоначальная* и сильнейшая движущая сила социализма есть восстание *против хозяйственного неравенства. Рабочий сравнивает свою нужду с богатством капиталистов.* Он хочет захватить себе власть, чтобы *«грабить награбленное», чтобы смочь насильственно достичь хозяйственного равенства»...*

Так было в прошлые столетия; соответственно этому, рабочему классу, «*была нужна деспотическая диктатура пролетариата*, чтобы в короткий срок беспощадными ударами, направленными против всякого сопротивления, *уравнять* пользование имуществами и доходами. *Первобытный коммунизм равенства ведет к диктатуре пролетариата (!).*

«Но там, где пролетариат уже прошел через долгий период политической демократии и пролетарских организаций, *там социализм произрастает из другого корня.* Поднятие народного образования, регулярное участие в политической и профессиональной борьбе, самовоспитание в рабочих организациях, больший досуг, которым рабочий класс обязан охранительным законам и профессиональной борьбе, позволяют *рабочим - рабам прошлого постепенно расти в свободных, сознательных личностей. И по мере того, как рабочий становится личностью, его стремление к свободе становится сильнейшей движущей силой его мышления и поведения».*

И Бауэр далее предпочитает говорить прямо словами гильденсоциалиста Левине:

«Рабочих ведет к коллективизму не только и не столько неравенство богатства, не противоречия в распределении,—сколько протест против произвола индивидуальных предпринимателей, идеал свободной мастерской».

«*Стремление к свободе,*—продолжает дальше Бауэр от своего имени,—*ведет теперь дозревшего до личности рабочего к социализму.* Но такое стремление к свободе находит свое удовлетво-

[1]) Лига «гильдейских социалистов» даже в цветущий период существования, в 1916 году, имела лишь около 450 членов во всей Англии. В 1920 году она предприняла попытки создать «гильдии» по своему проекту. Уже к 1923 г. они потерпели полный крах. В 1925 г. существовало только одно гильдейское (деревообделочное) предприятие. Расколы и разложение в послевоенные годы свели деятельность «лиги» почти на-нет.

рение *не в деспотическом социализме*, который делает владычицей каждого предприятия, каждого рабочего всемогущую центральную власть, *будь то самим рабочим классом поставленная центральная власть*,—но только в общественном порядке, который *каждому индивидууму* обеспечивает *широкую сферу свободной деятельности*, каждому обществу рабочих—широкое самоуправление» [1]).

Неудивительно, что люди, променявшие марксистские принципы на явно буржуазные, фетишизируют вместе с принципом «свободы личности» и принцип буржуазной «демократии», в которой *якобы* «личность» получает наибольший простор. Они проповедуют политическое, «культурное», «духовное», какое угодно «равенство»,—только бы осталось неприкосновенным *материальное неравенство*,—*в этом* принцип буржуазной демократии; ибо при материальном неравенстве все остальные «равенства» и «свободы» являются только формальными.

Полюбуйтесь, однако, на картину в целом: идея Маркса о диктатуре пролетариата не только не подходит для XX столетия, но она—плод «первобытного коммунизма равенства». Марксизм XIX столетия, это—«первобытный коммунизм равенства», он «*произрастал из другого корня*» (чем австро-марксизм XX столетия—это верно!..). Маркс, в этой картине, это—не кто иной, как идеолог отсталых рабочих, не получивших «образования», «рабочих-рабов», или «рабочих-скотов»,—(«Arbeitstier»), как в другом месте выражается Бауэр [2]), не желающих примириться с материальным классовым неравенством и потому стремящихся к его уничтожению путем диктатуры. А господа Бауэры—Реннеры—Носке—Шейдеманы выступают в приятном свете идеологов рабочих-«личностей», получивших «образование» и «самовоспитание» и потому проникнутых презрением к таким низменным и земным вещам, как материальное неравенство и одушевленных единственно соответствующим «*человеческой*» натуре «стремлением к свободе»!

Западно-европейские реформисты весьма часто кивают головой на «отсталых», «невежественных» русских рабочих, которые, соединившись с безграмотным и темным крестьянством, верящим в колдунов и леших, учредили у себя диктатуру над буржуазией. Культурные рабочие Запада на это-де неспособны. Однако, теперь мы знаем от Бауэра, что не только русский большевизм, но и «социализм XIX столетия», выдвинувший идею пролетарской диктатуры, то-есть *марксизм*, без дальних слов и без угрызений совести относится оппортунистами (даже «левыми»!) к числу устаревших, «первобытных» идеологий, выросших на почве несознательности и темноты масс. Можно от души поблагодарить господина Бауэра за эти проясняющие дело искренние признания!..

«Демократия против диктатуры», «личность» против «рабочего-скота», «стремление к свободе» против стремления к уничтожению материального неравенства, «социализм XX столетия против социализма XIX столетия», «гильдейский социализм против Маркса и большевизма», «против неосуществимых глупостей Маркса и

———

[1]) Otto Bauer. «Bolschewismus oder Sozialdemokratie?» Wien. 1921 год. Стр. 96, 97, 98.

[2]) В книге «Австрийская революция». Стр. 195 немецкого издания, в рус. изд.—стр. 190 (Госиздат, 1925 г.).

Энгельса», «австро-марксизм против Маркса, идеолога рабочих-скотов»—таковы пароли новейшего австрийского ревизионизма [1]).

В заключение, для наглядности,—практический пример эволюции от «рабочего-скота» к «личности» (из истории австрийской революции в понимании и изложении самого же Бауэра):

«В дни переворота (1918 год. *В. А.*) *типом революционера был «демобилизованный»*: возвращающийся домой солдат, преисполненный вследствие ужасных переживаний *дикими страстями*, убежденный, что *оружием и ручными гранатами* он может *насильственно* опрокинуть все существующее. К нему присоединялся революционер-карьерист, который от переворота ждал для себя возвышения и власти, положения и доходов. Но очень скоро руководство движением удалось захватить *другому типу людей, несравненно выше стоящему в моральном и интеллектуальном отношениях*. Это были те десятки тысяч *доверенных людей* партии, профессиональных союзов, членов рабочих и солдатских советов, фабрично-заводских комитетов, которые путем работы, полной величайшего сознания ответственности, направляли пробужденную революцией *энергию масс, готовых погубить в своем революционном бешенстве (!) самоё революцию*,—на плодотворную творческую работу. Это были те десятки тысяч рабочих, которые несли для своего класса организационную работу в общинах, товариществах разных родов и в просветительных организациях»...

Это были (конечно!) австрийские социал-демократы.

«*Возвышение этой духовной аристократии* («geistige Elite») из среды рабочего класса и то, что массой руководила и ее воспитывала ее же, вышедшая из ее же плоти и крови *духовная аристократия,—это есть коренное достижение революции. Ибо преобразование государственных и общественных учреждений не является самоцелью; в развитии народов оно имеет значение лишь постольку, поскольку оно оказывает влияние на пробуждение, внутреннее изменение, на повышение уровня развития самих людей*» [2]).

Теперь мы видим, как на ладони, *кого*, собственно, считает Бауэр за «личностей» и кого за «рабочих-скотов». Для масс, которые в 1918—1919 годах проделывали революцию, *прогнав Габсбургов* и готовясь прогнать капиталистов, для масс рабочих, крестьян и солдат,—господин Бауэр находит только один образ: демобилизованный солдат с ручной гранатой и «дикими страстями» (а то еще и карьерист). Другого лица у этих масс Бауэр тогда не

———

[1]) Таким образом, если Реннер ревизует учение Маркса с его преимущественно *экономических* основ, Бауэр—преимущественно *с социально-классовой* стороны. (Об аграрном ревизионизме Бауэра речь должна будет итти особо). Для полноты картины можно еще указать на Макса Адлера, который ревизует учение Маркса *с философской* стороны, стараясь «привить» ему кантианство. Сами австро-марксисты называют работу Макса Адлера: «Das soziologische in Kants Erkenntnisskritik»—«главным трудом кантианского крыла марксизма» (см. статью Альфреда Браунталя «Миропонимание марксистского критицизма» в № 1 «D. Kampf» за 1925 год). Кантианство Адлера признают и другие с.-д. авторы (см., напр., статью З. Марка о той же книге Адлера в «Die Gesellschaft» за 1925 г., т. 2 и рецензию Ц. Ронаи на другую книгу Адлера «Кант и марксизм», в № 3 «D. Kampf» за 1926 год).

[2]) «Osterreichische Revolution», Wien, 1923, стр. 194. (В русск. перев.—стр. 189. ГИЗ, 1925).

заметил по простой причине: он тогда *дрожал от страха* перед революцией масс.

А где же пресловутые светлые и образованные «личности»? Это, разумеется, «доверенные люди» социал-демократии. О, это—«духовная аристократия»! Это—подлинная «*самоцель*» для Бауэра.

Посмотрите,—для Бауэра «возвышение таких «духовных аристократов» над уровнем массы—несравненно более важная задача, чем какие-то там «преобразования государственных и общественных учреждений». И уж, конечно, *вопрос о подборе такой «духовной аристократии»* (для борьбы с революцией «ручных гранат» и «демобилизованных солдат»), разумеется, для австромарксиста был всегда важнее, чем вопрос о том, как бороться с материальным классовым неравенством. Ведь именно степень такого «развития от рабочего-скота к личности» для него—мерило успехов революции, именно оно есть «самоцель».

«*Эта эволюция от рабочего-скота к личности и есть процесс развития к социализму*»,—пишет Бауэр там же, на следующей странице.—«*Всякая революция в отношении государственных и общественных учреждений имеет значение для развития к социализму постольку, поскольку она содействует развитию от рабочего-скота к личности*».

Если рабочий хочет узнать, в чем состоит «самоцель» австромарксизма, он должен приглядеться ко всей системе социалдемократической бюрократии, представить себе всю галлерею социал-демократических партийных и профсоюзных бюрократов, во главе с господами Носке, Эбертами, Шейдеманами, Бауэрами, Барматами,—не позабыв тех из них, у кого с рук еще не смыты пятна рабочей крови.

Это есть—«духовная аристократия», благу и интересам которой австро-марксизм призывает *подчинить* классовую борьбу рабочих. Она идейно и материально спаяна с капитализмом, она защищает его от рабочих масс. Она же сочиняет и теории о себе самой, как «духовной аристократии» и о рабочей массе, как о «рабочих-скотах».

Таков нынешний «австро-марксизм», гниющий с самой идейной сердцевины и распространяющий трупный запах явно *ревизионистского* оппортунизма.

М. Рютин.

Китайская революция и лозунг советов.

I.

Советы в странах с докапиталистическими отношениями.

С лозунгом о выходе китайской компартии из Гоминдана наша оппозиция явно провалилась. Теперь в открытой форме этого требования она уже не выдвигает, а занимается лишь общими рассуждениями и «разговорчиками» о необходимости самостоятельной линии китайского пролетариата, китайской компартии, делая вид, будто кто-то против этой самостоятельной политической линии возражает.

Зато теперь она выдвигает, как известно, другое требование: она настаивает на том, чтоб Коммунистический Интернационал и китайская компартия бросили сейчас китайскому пролетариату и крестьянству лозунг образования, теперь же, советов. Само собою разумеется, что свое требование оппозиция пытается обосновать ссылками на Ленина и его учение.

Партия знает уже эти приемы. В свое время оппозиция на XIV с'езде цитатами из Ленина, оппортунистически извращая и не понимая его, пыталась доказать, что наша госпромышленность есть госкапитализм, что нэп—это только отступление, в дальнейшем она доказывала отсутствие у нас внутрипартийной демократии и «закономерность» организации разношерстного блока оппозиционных элементов; теперь апелляцией к Ленину она стремится защищать свое новое предложение—выдвинуть для китайской революции на данном ее этапе лозунг организации советов.

Беда только в том, что оппозиция и здесь снова забывает коренное требование ленинизма—необходимость анализа конкретной политической обстановки, из которой должна исходить тактика пролетариата и лозунги компартии.

Посмотрим, как к вопросу о лозунгах подходил Ленин.

В своей статье «К лозунгам», написанной им в июле 1917 года, он говорил: «Слишком часто бывало, что, когда история делает крутой поворот, даже передовые партии более или менее долгое время не могут освоиться с новым положением, повторяют лозунги, бывшие правильными вчера, но потерявшие всякий смысл сегодня, потерявшие смысл «внезапно» настолько же, насколько «внезапен» был крутой поворот истории.

Нечто подобное может повториться, повидимому, с лозунгом перехода всей государственной власти к советам. Этот лозунг был верен в течение миновавшего бесповоротно периода нашей

революции, скажем, с 27 февраля по 4 июля. Этот лозунг явно перестал быть верным теперь. Не поняв этого, нельзя ничего понять в насущных вопросах современности. *Каждый отдельный лозунг должен быть выведен из всей совокупности особенностей определенного политического положения»* (курсив наш. *М. Р.*).

Таково требование ленинизма. Между тем, у оппозиции нет даже и тени попытки для данного момента китайской революции вывести лозунг советов из всей совокупности особенностей современного политического положения в Китае и за его пределами. Каково соотношение сил революции и контрреволюции в Китае в настоящее время? Насколько благоприятны условия организации советов в данный момент? И если организовать советы, то каковы должны быть их задачи на ближайший период?—все эти вопросы для нашей оппозиции и не существуют.

Мало того, оппозиция не поняла, не продумала и тех положений Ленина относительно возможности организации советов в странах с докапиталистическими отношениями, на которые она пытается ссылаться.

Обратимся снова к Ленину.

Ленин говорил, что «идея советской организации проста и может быть применяема не только к пролетарским, но и к крестьянским феодальным и полуфеодальным отношениям», поэтому он ставил задачей коммунистических партий и тех элементов, которые к ним примыкают, «пропаганду идеи крестьянских советов, советов трудящихся всюду и везде и в отсталых странах и колониях; и там они должны стараться, насколько позволяют условия, *создавать советы трудящегося народа»* (курсив наш. *М. Р.*).

Теоретически обосновывая необходимость пропаганды идеи советов, он подчеркивал, что «если революционный победоносный пролетариат поведет среди них систематическую пропаганду, *а советские правительства придут им на помощь всеми имеющимися в их распоряжении средствами*, тогда неправильно предполагать, что капиталистическая стадия развития неизбежна для отсталых народностей». Отсюда он заключал: «Коммунистический Интернационал должен установить и теоретически обосновать то положение, что с помощью пролетариата наиболее передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития—к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития».

О чем здесь говорится? Во-первых, о странах с докапиталистическими отношениями вообще. *Наша задача—данное общее положение ленинизма уметь применить к конкретному случаю, к докапиталистическим отношениям Китая*, а докапиталистические отношения Китая отличаются от докапиталистических отношений, скажем, Монголии, Индии или Марокко.

Во-вторых, Ленин говорит о помощи советских правительств таким странам всеми имеющимися в их распоряжении средствами. Задача заключается в том, чтоб учесть, насколько будет реальна и велика та помощь, которая может быть оказана пока-что единственной в мире Советской Республикой, Советским Союзом.

Нельзя забывать, что в отношении организации советов в странах с докапиталистическими отношениями мы имеем уже некоторый, правда, пока небольшой, опыт. У нас под боком

находится Монгольская Народная Республика, являющаяся по существу, советской; точно так же рядом с нами, прилегая к южным границам Сибири, находится небольшая Тану-Тувинская Народная Советская Республика. Эти обе страны тоже с докапиталистическими отношениями, но отличаются ли они чем-нибудь от Китая? Безусловно отличаются. И Монголия и Тану-Тувинская Республика даже еще не вступили на путь современного капиталистического развития, в них не было до образования советов, нет и теперь, ни буржуазии, ни пролетариата. *Китай, наоборот, уже вступил на рельсы капиталистического развития, хотя и является страной с гигантским преобладанием докапиталистических отношений.* В Китае имеются, в настоящем смысле этих слов, и буржуазия и пролетариат. Задачей китайского пролетариата является перевод Китая с рельс капиталистического развития на рельсы социалистического развития и на рельсы социалистической революции.

Отсюда и самый характер советской власти в Китае будет отличен от советской власти в Монголии или Тану-Тувинской Республике. В Монголии или в Тану-Туве мы просто имеем «советы трудящегося народа» (оппозиция должна знать, что этот термин Ленин употребил неслучайно). Там нет базы для образования советов рабочих депутатов. В Китае же советская власть будет властью советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. В Китае советская власть будет диктатурой пролетариата, хотя и приспособленной к своеобразным условиям этой отсталой в экономическом отношении огромной страны.

Самые условия образования советов в Китае в свою очередь нельзя сравнивать с условиями образования советов в названных нами выше двух советских народных республиках. В этих двух республиках советы образовались без революций. Ни буржуазно-демократических революций, ни социалистических революций там не было и не могло быть. Национально-освободительной борьбы против империализма в тех формах, в каких ведет борьбу Китай, самого гнета империализма в таком виде, как в Китае, они не вели и не имели. *Советская власть там организовалась при прямой государственной поддержке пролетариата нашей Советской Республики.*

Китай, наоборот, переживает стадию буржуазно-демократической национально-освободительной революции, имеющей тенденцию перерасти в революцию социалистическую. Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов в Китае должны явиться и явятся именно как органы этой социалистической революции. Иными советы рабочих депутатов на территории уханского правительства в Китае теперь быть не могут. Нельзя никоим образом позабывать, что в отношении образования советов рабочих депутатов вторым конгрессом Коминтерна принята специальная резолюция. Эта резолюция называется: «Когда и при каких условиях можно создавать советы рабочих депутатов» и гласит следующее: «*Советы без революции невозможны; советы без пролетарской революции неизбежно превращаются в пародию на советы; подлинные массовые советы являются исторически данной формой диктатуры пролетариата»* (курсив наш. *М. Р.*).

Позабыв эту резолюцию, не умея применить положение Ленина о необходимости организации советов трудящихся в странах с докапиталистическими отношениями к конкретному случаю,

смешивая «советы трудящихся» с «советами рабочих депутатов», боясь блока пролетариата с мелкой буржуазией, боясь революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, боясь «запачкаться» своим участием в буржуазно-демократической революции, наша оппозиция на деле скатывается, как раз, к той самой старой «мартыновщине» и ликвидаторству, от которых она, на словах, открещивается обеими руками.

Истоки ликвидаторства оппозиции в китайском вопросе лежат в непонимании самого характера китайской революции.

Оппозиция недавно устами т. Радека провозгласила, что в Китае нет феодализма, хотя там каким-то образом, разрешая неизвестно какие задачи, происходит буржуазно-демократическая революция. Теперь она устами одного из своих лидеров заявляет, что «китайская революция имеет национально-буржуазный характер по той основной причине, что развитие производительных сил китайского капитализма уперлось в государственно-таможенную зависимость Китая от стран империализма».

Гнет феодализма, гнет милитаристических клик, полуфеодальная раздробленность страны, самый дикий политический произвол средневековья,—все это оппозицией полностью игнорируется. Аграрный вопрос в Китае для нее не существует. *Троцкизм в наших революциях 1905 г. и 1917 г. всегда проявлял тенденции перепрыгнуть через крестьянство. Теперь троцкистская оппозиция делает то же самое и по отношению к крестьянству Китая.*

В действительности китайская революция в ее настоящей фазе является соединением двух потоков революционной борьбы: борьбы против китайского крепостничества, милитаризма, против политического бесправия масс, против всех остатков средневековья и борьбы против империализма. Именно на этом основном положении, определяющем характер китайской революции в настоящее время, базируется тактика Коминтерна и китайской компартии.

Задачи пролетариата в настоящее время и заключаются в том, чтоб, об'единяя оба этих потока революционной борьбы, стать во главе трудящихся масс, добиться решающего руководства этим движением. Китайский пролетариат уже идет по этому пути, он становится гегемоном движения, но пока им еще не стал. И если оппозиция теперь, когда пролетариат не утвердил еще своей гегемонии в буржуазно-демократической революции, предлагает ему уже перейти к пролетарской диктатуре, то этим самым она демонстрирует свое непонимание и внутреннего смысла гегемонии пролетариата, и смысла его социалистической диктатуры. Гегемония пролетариата в буржуазно-демократической революции важнейший этап к его диктатуре, но еще не диктатура. Внутренним содержанием и задачей гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции является революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, уничтожение всех остатков феодализма, крепостничества, средневековья, политического бесправия трудящихся масс. Внутренним содержанием диктатуры пролетариата является уничтожение господства буржуазии, ее экспроприация, установление «единовластия» рабочего класса.

Предпосылкой готовности пролетариата перейти к провозглашению советской власти должно быть утверждение гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции, тогда как оппозиционный блок само «провозглашение» считает уже достаточной предпосылкой готовности.

Таким образом, исходные положения взглядов оппозиции явно свидетельствуют о том, что она продолжает оставаться в плену у троцкистской фразы.

II.

Советы, как органы восстания, и советы, как органы власти.

Говоря о значении советов, надо строго отличать их место и роль в буржуазно-демократической революции, с одной стороны, и в социалистической революции—с другой. В буржуазно-демократической революции советы могут быть только органами восстания. Как органы власти они остаются в зародышевом состоянии. Об этом свидетельствует опыт нашей революции 1905 г., об этом говорит история последних буржуазных революций в Германии и Австрии, это же подтверждает опыт нашей Февральской революции.

Роль советов в буржуазно-демократической революции Ленин со всей обстоятельностью раз'яснил еще в 1905—06 гг. В брошюре «Роспуск Думы и задачи пролетариата» он писал: «Воображают, что эти органы всегда и при всяких условиях «необходимы и достаточны» для массового революционного движения. *Отсюда—некритическое отношение к выбору момента для создания таких учреждений, к вопросу о том, каковы реальные условия успеха их деятельности* (курсив наш. *М. Р.*).

Опыт октября—декабря дал самые поучительные указания на этот счет. Советы рабочих депутатов—органы массовой непосредственной борьбы. Они возникли, как органы борьбы стачечной. Они стали очень быстро, под давлением необходимости, органами общереволюционной борьбы с правительством. Они превратились неудержимо, в силу развития событий и перехода от стачки к восстанию,—в органы восстания. Что именно такую роль играл в декабре целый ряд «советов» и «комитетов», это совершенно неоспоримый факт. И события самым наглядным и убедительным образом показали, что *сила и значение таких органов в боевое время зависит от силы и успеха восстания*».

Ленин выдвигает два основных момента. Во-первых, он подчеркивает необходимость критического отношения к выбору момента для создания советов, полным отсутствием чего как раз отличается оппозиция. Он говорит, что советы не при всяких условиях «*необходимы и достаточны для массового революционного движения*». Во-вторых, в противовес меньшевикам, твердившим о том, что советы суть органы «самоуправления» масс, Ленин со всей убедительностью доказывает, что организовать советы—значит «призывать к восстанию, значит создавать органы восстания». Кто затушевывает это, тот ведет политику самого худшего сорта. Последующий ход исторических событий полностью подтвердил выводы Ленина. При развитии буржуазно-демократических революций советы возникали именно как органы восстания. В пределах, буржуазно-демократических революций они нигде не делались настоящими органами власти.

И как раз потому, что в буржуазно-демократических революциях они могут быть жизненными только как органы восстания, как раз поэтому при длительности своего существования в рамках буржуазно-демократической революции они неизбежно начинают хиреть и вырождаться. Всем известно, что в 1917 г., до перехода руководящего влияния в советах в руки большевиков, советы стали для масс постепенно терять свою притягательную роль, стали в глазах масс становиться пустыми «говорильнями». В Германии и в Австрии в буржуазно-демократических революциях, при сосредоточении всего экономического могущества в руках буржуазии, советы уже на другой день после революции оказались в положении пустых придатков в системе политического господства буржуазии.

Советы могут быть жизненными только тогда, когда в их руках сосредоточивается вся полнота власти. Обладая полнотой власти, при мощной поддержке Советских Социалистических Республик, советы будут жизненны и в таких странах, как Монголия. Не обладая полнотой власти, играя роль своеобразного «червеобразного пролетарского отростка» в буржуазно-демократической революции, они будут нежизненны в границах этой революции и в передовых капиталистических странах и в таких странах, как Китай.

Что означает требование организации советов в данный период китайской революции для Южного Китая? Если оппозиция считает, что буржуазно-демократическая революция в Южном Китае закончена или близится к своему окончанию, что является явным абсурдом; если оппозиция считает что сейчас пришла пора, как учил Ленин, лозунги буржуазно-демократической революции «подменить» лозунгами социалистической революции, тогда нельзя давать оголенного лозунга советов, тогда лозунг советов необходимо наполнить реальным содержанием, тогда необходимо сейчас выдвинуть лозунг немедленного перехода китайского пролетариата к национализации железных дорог, рудников, важнейших отраслей промышленности и банков, принадлежащих на 70% иностранному капиталу. *Без этого для Китая, где все важнейшие экономические узлы находятся в руках империалистов, лозунг организации советов является пустой болтовней, оппортунистической, псевдо-революционной фразой.* Что же оппозиция выдвигает?

Она рекомендует сейчас национализировать китайские банки, являющиеся, по большей части, не больше, не меньше, как посредническими меняльными конторами, а иностранные крупнейшие банки, регулирующие по существу все капиталистическое развитие в Китае, она обещает национализировать в «перспективе». Она предлагает национализировать китайские фабрики и заводы, а иностранные крупнейшие предприятия, верфи, рудники, служащие экономической базой господства империализма, наши горе-революционеры обещают национализировать тоже «в перспективе». Железные дороги, принадлежащие на 80% иностранному капиталу, по рецепту оппозиции придется национализировать опять-таки в перспективе!

Что же, спрашивается, остается тогда от советской власти? Экономическая база господства империализма остается нетронутой, и сами советы, выражаясь языком Ленина, превращаются в жалкую пародию на советы. Достаточно представить себе картинку:

по мановению оппозиционного волшебного жезла в Ханькоу в настоящее время организовался совет рабочих депутатов. Этот совет национализировал мелкие китайские банки, китайские предприятия, играющие в ханькоуской промышленности второстепенную роль, а иностранные банки остаются нетронутыми, иностранные предприятия тоже, железные дороги продолжают оставаться в руках иностранных капиталистических компаний. В этих-то условиях Ханькоуский совет спокойно осуществляет пролетарскую диктатуру, а иностранный империализм столь же спокойно ожидает дальнейших оппозиционных «перспектив»!

Не карикатура ли это на советскую власть, не извращение ли это всех ленинских принципов борьбы за пролетарскую диктатуру! Внешний радикализм оппозиции в данном случае явно направлен на принижение задач социалистической революции в Китае, ибо в Китае нельзя говорить не только о победе социалистической революции и советской власти, но и о победе революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства без подрыва экономических основ господства империализма в Китае.

Неслучайно резолюция VII пленума ИККИ по этому вопросу выдвигает следующую задачу перед революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства: «Будучи, прежде всего, антиимпериалистической, китайская революция и правительство, созданное ею, должны ударить по корням империалистической власти в Китае. Отказ от неравных договоров и уничтожение территориальных концессий недостаточны для ослабления позиций империализма. Удар должен быть нанесен по экономической основе империалистической власти. Это означает, что революционное правительство должно постепенно национализировать железные дороги, концессии, фабрики, шахты, банки и предприятия, принадлежащие иностранному капиталу. Этим актом оно немедленно расширит узкие границы буржуазной демократии и войдет в стадию перехода к революционной диктатуре. Таким образом, было бы ошибкой ограничивать задачи китайской революции: 1) уничтожением империализма и 2) ликвидацией феодальных пережитков, ссылаясь на то, что на первой стадии эта революция носит мелкобуржуазный характер. Китайская революция не может уничтожить империализм, не перерастая через границы буржуазной демократии».

Таким орбазом, экономическая программа революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства в Китае периода ее перерастания в диктатуру пролетариата, выдвигаемая VII пленумом ИККИ, оказывается несравненно смелее и глубже, чем программа для пролетарской революции, для советской власти в Китае ближайшего периода, выдвигаемая нашими горе-революционерами из оппозиции.

Но может быть оппозиция считает, что буржуазно-демократическая революция в Китае не только не закончена, но еще не близится и к концу? Против кого же тогда должны создаваться советы в Южном Китае, как органы восстания? Если они должны быть органами восстания против уханского национально-революционного правительства, то на организацию таких органов не пошел бы сейчас ни китайский пролетариат, ни китайская компартия, ибо уханское правительство—революционное антиимпериалистическое правительство, оно ведет напряженную револю-

ционную борьбу, гражданскую войну со своими милитаристами и с международным империализмом. Свержение уханского национально-революционного правительства было бы на руку Чан-Кай-Ши, Чжан-Цзо-Лину и империалистам.

Оппозиция воображает, что советы всегда и при всяких условиях необходимы и достаточны для массового революционного движения. Она не считает необходимым учесть соотношение борющихся сил. Между тем, для организации советов в Китае больше чем где-либо недостаточно только поднять массы, надо еще вооружить революцию для того, чтобы советы были защищены от империалистического и милитаристического разгрома.

В 1906 году, после разгрома советов, в среде социал-демократии находились люди, рекомендовавшие вновь организовать советы. Ленин на это отвечал: «Теперь, когда правительство на опыте досконально убедилось, к чему ведут «советы» и что это за учреждения, когда оно вооружилось с ног до головы и ждет образования таких учреждений, чтобы напасть на врага, не дав ему времени опомниться и развернуть свою деятельность,—теперь мы особенно должны раз'яснять в своей агитации необходимость трезвого взгляда на вещи, необходимость военной организации на ряду с организацией советов для их защиты, для проведения того восстания, без которого бессильны будут всякие советы и всякие выборные от массы».

Не уподобляется ли и наша оппозиция тем социал-демократическим стратегам, с которыми Ленин спорил в приведенной цитате? Не ждут ли в настоящее время империалисты образования советов в Китае? Не вооружились ли они для этого с головы до ног, чтоб разгромить при первом удобном случае силы пролетариата? Вместо трезвого взгляда на вещи здесь у оппозиции имеется только мелкобуржуазная троцкистская фраза.

Или может быть, сейчас не организовывать советов в крупных пролетарских центрах и городах, куда легко достают неприятельские пушки, броненосцы и аэропланы, а ограничиться организацией советов в селах и деревнях? Всякому ясно, что это ставило бы на голову все наши большевистские представления о роли пролетариата в организации советской власти.

Наконец, у оппозиции с лозунгом советов некругло выходит, не вяжутся концы с концами и со стороны организационного охвата советов коммунистическим влиянием.

В резолюции II конгресса, принятой по докладу т. Зиновьева «О роли коммунистической партии в пролетарской революции», по данному вопросу мы находим следующие строки: «В истории русской революции мы видели целую полосу, когда советы шли против пролетарской партии и поддерживали политику агентов буржуазии. То же наблюдалось и в Германии. Это же возможно и в других странах.

Для того, чтобы советы могли выполнять свою историческую миссию, напротив, необходимо существование настолько сильной коммунистической партии, чтобы она могла не просто «приспособляться» к советам, а в состоянии была бы решающим образом воздействовать на их политику».

В то же время наша оппозиция по отношению к Китаю заявляет следующее: *в Южном Китае правый Гоминдан до настоящего времени остается правящим Гоминданом, а китайская компартия в Гоминдане является придатком.* Как же, спрашивается, можно увязать лозунг советов, даваемый оппозицией в данный момент для Китая, с резолюцией II конгресса о роли коммунистической партии и с характеристикой роли китайской компартии в китайской революции,—характеристикой, которую дает ей оппозиция.

Китайской компартии, которая, по словам оппозиции, является придатком Гоминдана (а в Гоминдане «правый Гоминдан является правящим Гоминданом»), этому «придатку правого Гоминдана» наша оппозиция и вручает руководство советами в Китае. Но если верно, что китайская компартия является придатком Гоминдана, если верно утверждение оппозиции, что правый Гоминдан в Южном Китае остается правящим Гоминданом, пусть ответит сама оппозиция, что будет представлять в таком случае советская власть в Китае. И это оппозиция выдает за ленинизм! Это сапоги всмятку, а не ленинизм. Это сумасшедшие пустяки, а не коммунистическая тактика.

Такими же «сапогами всмятку» является и мудрствования оппозиции в вопросе о выходе из Гоминдана. Раньше, до выдвижения лозунга советов, она предлагала китайской компартии выйти из Гоминдана, теперь, когда она выдвигает лозунг советов, по вопросу о выходе из Гоминдана она уже бьет отбой. Она заявляет, что мы не предлагаем «пока», в данный момент китайской компартии выходить из Гоминдана. Спрашивается, можно ли увязать лозунг советов с положением о необходимости остаться китайской компартии в Гоминдане. Ведь лозунг советов, как мы уже говорили, для Китая является псевдонимом пролетарской диктатуры, хотя и приспособленным к специфическим особенностям этой страны. Казалось бы для каждого большевика должно быть ясно, что в буржуазно-демократической революции партия пролетариата безусловно может блокироваться с мелкобуржуазными революционными партиями, а в социалистической революции она должна проявить несравненно большую самостоятельность, больше должна, если можно так выразиться, отдифференцировать себя от мелкобуржуазных партий. У оппозиции получается все наоборот: в буржуазно-демократической революции она требует от компартии полной политической самостоятельности, а в социалистической революции, при власти советов, она соглашается на блок с мелкобуржуазной партией.

Пойми кто может! Это прямо напоминает героя старой русской народной сказки, который на свадьбе кричал: «канун да свеча», а при похоронах покойника: «таскать бы вам, не перетаскать».

III.

«Революционность» оппозиции или «мартыновщина» в китайской революции.

Оппозиция каждый раз, прежде чем двинуться в оппозиционный поход, надевает на себя левые доспехи, это же она делает и в вопросе о китайской революции. Свою позицию она изображает, как революционную, большевистскую, а позицию партии, как оппортунистическую.

Посмотрим, как обстоит дело в действительности. Китай переживает этап буржуазно-демократической революции, являющейся в то же время национально-освободительной. Спрашивается, какова точка зрения ленинизма по отношению к задачам

пролетариата в этой революции. Ответ на это мы находим в полемике Ленина с Мартыновым в статье «Социал-демократия и временное революционное правительство». В этой статье Ленин говорит: «Различие точек зрения революционной социал-демократии и хвостизма выступает тут со всей очевидностью. Мартынов и новая «Искра» пятятся от ложащейся на пролетариат вместе с крестьянством задачи самого радикального демократического переворота, пятятся от социал-демократического руководства этим переворотом, отдавая, таким образом, хотя бы и бессознательно, интересы пролетариата в руки буржуазной демократии. Из той справедливой мысли Маркса, что мы должны готовить не правительственную, а оппозиционную партию будущего, *Мартынов делает вывод, что мы должны учинять хвостистскую оппозицию настоящей революции*».

Нельзя забывать к тому же, что мартыновская критика драпировалась тогда тоже в левые тона. Мартынов и его последователи тогда утверждали, что участвовать в правительстве вместе с буржуазной демократией *это вульгарный жоресизм, это бессознательное предательство интересов пролетариата, превращение его в прихвостня буржуазии, развращение видимостью власти, на деле безусловно недостижимой в буржуазном обществе.*

Так рассуждали Мартынов и его последователи. В основе у них, как мы видим, лежала боязнь связать себя с мелкобуржуазной демократией, боязнь этим самым испортить себя, разложить, боязнь «переродиться» в ходе революции. Поэтому Мартынов хотел остаться по отношению к буржуазно-демократической революции крайней пролетарской оппозицией.

Спрашивается, чем же отличается точка зрения нашей оппозиции в вопросах китайской революции от точки зрения Мартынова в 1905 году. Как иначе истолковать недавние предложения оппозиции выйти из Гоминдана, как не боязнью Мартынова 1905 г.[1]) «запачкать» общением с мелкой буржуазией чистоту своих риз. Чем по существу, принципиально, отличается выжидательно-скептическое отношение оппозиции к уханскому правительству и вхождению в него коммунистов от отрицательного отношения Мартынова к вхождению во временное революционное правительство социал-демократов.

Оппортунисты социал-демократии в 1905 году говорили: «участвовать во временном правительстве вместе с буржуазно-революционной демократией значит освящать сохранение тюрем, полиции, безработицы, нищеты, собственности и проституции». А не говорили ли многие оппортунисты оппозиционного блока, что поддерживать южно-китайское революционное правительство, это значит прикрывать его кровавые расправы,—расправы Чан-Кай-Ши над китайским пролетариатом. Это, как две капли воды, похоже одно на другое.

Между тем Ленин на этот счет со всей силой подчеркивал, что это—аргументы, достойные только анархистов или народников. Он говорил: «Она (социал-демократия. *М. Р.*) никогда не боялась и никогда не побоится сказать, что освящает республиканско-демократический буржуазный строй по сравнению с самодержавно-крепостническим буржуазным строем. Но она «освящает» буржуазную республику лишь как последнюю форму классового господства, освящает ее как наиболее удобную арену для борьбы пролетариата с буржуазией, освящает не за ее тюрьмы и полицию, собственность и проституцию, а для широкой и свободной борьбы против этих милых учреждений» (Ленин, том VI, стр. 138).

Наши вожди оппозиционного блока в недавнем прошлом, рекомендуя выход из Гоминдана, хотели, вне зависимости от их доброго личного желания, оставить китайскую компартию в стороне от большой дороги революции. Китайская компартия по их рецепту должна была учинять, выражаясь языком Ильича, «хвостистскую оппозицию настоящей революции». Это и есть тактика меньшевизма, которую в свое время (довольно далекое) защищал Мартынов.

Теперь стоять в стороне уже нельзя, но в то же время и участвовать в буржуазно-демократической революции, участвовать во «временном революционном уханском правительстве» тоже как будто опасно, можно запачкаться, можно «переродиться».

---

[1]) Само собой разумеется, что здесь идет речь о старом Мартынове, Мартынове-меньшевике. В настоящее время т. Мартынов член ВКП(б) и в своих литературных выступлениях проводит линию нашей партии. Что в свое время и лидеры оппозиции умели понимать разницу между старым Мартыновым-меньшевиком и нынешним Мартыновым-коммунистом, видно из следующих справок: 1) в предисловии к брошюре т. Мартынова от 1922 года тов. Радек писал:

«В брошюре, которую он (Мартынов) сейчас публикует, он разделывается со всем прошлым меньшевизма. Он исследует с величайшей обстоятельностью и с величайшим хладнокровием те ошибки, которые привели его партию в лагерь контрреволюции. Он ничего не замалчивает. Он не щадит ни своей партии, ни своего собственного прошлого. Относительно честности и внутреннего жара, с которым этот революционер совершает эту самокритику, нам нет надобности проронить ни одного слова. Не только те, которые знали Мартынова в течение десятилетий, но и всякий читатель при чтении этой брошюры испытывает глубокое чувство, что она является не только политическим, но и человеческим документом первого разряда... Мы убеждены, что точно так же, как произведения Мартынова принадлежали к лучшим пропагандистским произведениям меньшевизма, и эта брошюра будет принадлежать к лучшим коммунистическим пропагандистским произведениям. Пусть Мартынову дано будет написать еще много таких произведений для просвещения международного пролетариата».

2) На XII партс'езде т. Зиновьев по поводу статьи Мартынова «Пусть остерегаются консулы», помещенной в «Правде» против оппозиц. ст. т. Красина, в своем политическом докладе сказал:

«Вы знаете статью т. Красина. Он полемизирует с т. Мартыновым Напоминаю, что т. Мартынов—бывший старый меньшевик, а т. Красин—старый большевик. И тем не менее вышло так, что бывший старый меньшевик совершенно прав, а старый большевик т. Красин совершенно неправ и находится на грани того, чтобы сделать очень и очень большую ошибку».

3) В 1924 г. т. Зиновьев перед выпуском 2-го изд. своей книжки «История ВКП(б)» обратился к т. Мартынову с просьбой внимательно прочитать книжку и сделать свои замечания и послал записку следующего содержания:

«Тов. Мартынов!

Просьба моя такова: прочитайте, пожалуйста, «Историю» с карандашом в руках, отметьте неточности, неполноту, непопулярно изложенное, ошибки, неудачные места, желательные исправления и пр. По возможности пришлите эти замечания недели через 2 по адресу моего секретариата.

Заранее большое спасибо. Ваш Г. Зиновьев».

Тов. Мартынов нашел в ней 32 грубых ошибки, с большинством которых т. Зиновьев согласился.

4) В начале 1924 г., когда тов. Зиновьев был председателем Коммунистического Интернационала т. Мартынов был приглашен в редакцию журн. «Коммунистический Интернационал», и за все время пребывания там т. Зиновьев ни разу не сказал, что у т. Мартынова замечаются какие-либо уклоны.

Отсюда лозунг советов, отсюда желание перепрыгнуть через «временное революционное уханское правительство». Это—тактика по Троцкому.

Не менее скверно обстоит дело с «революционностью» оппозиции в области ее взглядов на допустимость маневрирования уханского национально-революционного правительства по отношению к иностранному империализму. Оппозиция утверждает, что «брестская тактика лавирования и маневрирования по отношению к иностранному империализму допустима только для пролетарской революции и недопустима для буржуазно-демократической революции, ибо, по мнению оппозиции, компромисс, временные уступки империализму со стороны революционно-демократического правительства, правительства Китая—означали бы предательство интересов революции и трудящихся масс, означали бы курс не на развитие революции, а на ее свертывание, применительно к потребностям китайской буржуазии.

Несмотря на «ультра-революционную» мотивировку своего положения о недопустимости тактики Бреста, тактики лавирования для китайской буржуазно-демократической революции, истоки, корни такого взгляда явно оппортунистичны, явно отдают запахом старой «мартыновщины».

В самом деле, мотивировка оппозиции может в данном случае иметь какой-либо смысл лишь при том условии, если считать, что в буржуазно-демократической революции гегемоном движения обязательно является буржуазия. Если так, тогда со стороны пролетариата и его партии было бы действительно предательством допущение тактики лавирования, временных уступок империализму. Если же считать, что в настоящей глубокой буржуазно-демократической революции, «якобинской» буржуазно-демократической революции XX века гегемоном движения может быть только пролетариат, если признать, что он при таком условии должен принимать участие во временном революционном правительстве и его органах на местах, то почему, спрашивается, гегемон движения—рабочий класс, кровно заинтересованный не только в социалистической революции, но и в полной победе буржуазно-демократической революции, понимающий, что без завершения буржуазно-демократической революции нельзя перейти к социалистической революции,—почему, спрашивается, в таком случае здесь он должен отказываться от тактики лавирования, даже в том случае, если это грозит неизбежным разгромом революции?

Выводы для «тактиков» из оппозиционного блока получаются убийственные. Или они считают, что в китайской революции—на ее буржуазно-демократической стадии—возглавляет и будет возглавлять революцию буржуазия—и именно поэтому они против тактики Бреста. Тогда они обнаруживают старое меньшевистское понимание движущих сил буржуазно-демократической революции.

Или они считают, что пролетариат и его партия должны быть не ответственны за политику временного революционного китайского правительства, а отсюда и не должны входить в него. Тогда они обнаруживают свое «старо-мартыновское» отношение к временному революционному уханскому правительству, тогда они по старому рецепту оппортунистов социал-демократии предлагают учинять «хвостистскую оппозицию настоящей революции».

Иных выводов из принципиального отказа оппозиции от тактики лавирования, при охарактеризованных выше условиях, сделать никак нельзя.

Было бы, однако, ошибкой думать, что во взглядах оппозиции на китайскую революцию есть что-либо цельное. Эти взгляды так же разнородны и разношерстны, как и взгляды на ряд коренных вопросов нашей социалистической революции и социалистического строительства Советского Союза.

Во взглядах оппозиции многое можно найти, как мы видели выше, из «Двух диктатур» Мартынова. Но в них же вы встретите и элементы теории перманентной революции. Так, например, лозунг организации советов для Южного Китая в настоящее время это модернизированный, применительно к Китаю, троцкистский лозунг: «без царя, а правительство рабочее».

Во взглядах и настроениях оппозиции в китайском вопросе имеется и третий элемент, выражающийся в настроениях: «У буржуазии все хорошо, у нас все плохо».

И вот этот-то оппортунистический винегрет из цветной оппортунистической капусты, приобретенной из старого парника «Двух диктатур» из троцкистской редиски, именуемой «без царя, а правительство рабочее», и из салата неверия в силы нашей пролетарской революции, это винегрет, подлитый настроениями «у них все хорошо, у нас все плохо»,—и называется платформой оппозиции в китайской революции.

Коммунистический Интернационал, отвергая лозунг организации советов в Китае сегодня, выбросит этот лозунг тогда, когда совокупность всей конкретной обстановки покажет, что для этого назрели необходимые предпосылки. Ленинские боевые фаланги умеют быстро перестраивать свои ряды и быстро менять свою тактику и переходить от мелкой кропотливой работы к высшим формам классовой борьбы, гражданской войне и пролетарскому восстанию. Китайский пролетариат и китайская компартия, под руководством Коммунистического Интернационала, в разрешении этого вопроса пойдут не по троцкистскому, а по испытанному ленинскому пути.

Дж. Мерфи.

Билль против трэд-юнионов.

Билль против трэд-юнионов, являясь неизбежным следствием поражения горняков и неудачи прошлогодней всеобщей забастовки, дает самое яркое представление о реальной политике английского капитализма. Он посягает на элементарнейшие права трэд-юнионов. Он является прямым ответом теперешнего правительства, т.-е. исполкома английской буржуазии, на политику отступления рабочих вождей, которые в период, когда защитники интересов рабочего класса должны были развить наиболее энергичную деятельность, проповедывали лишь промышленный мир и, каясь и оправдываясь по поводу всеобщей забастовки и всячески порицая ее, нанесли горнякам удар в спину. Они заявили, что всеобщая забастовка «никогда не повторится», и присоединились к хору предпринимателей, нападая вместе с ними на революционеров, изгоняя их из рабочей партии и раскалывая и расшатывая профсоюзные организации. В виду этой политики профсоюзной и рабочей бюрократии правительство не только не ослабило своего давления, но, напротив, еще более усилило свою борьбу с рабочим классом.

Билль самым очевидным образом демонстрирует разрыв со старыми демократическими формами. Он показывает, что буржуазия потеряла веру в либеральные гарантии, удовлетворявшие ее в прошлом столетии в течение многих поколений. Билль ясно показывает, что классовая борьба приняла серьезный характер и что революционные элементы оказались слишком сильными для политики старых либеральных вождей, потерявших контакт с действительностью. Если до 1926 г. буржуазия еще не вполне уяснила себе положение, то всеобщая забастовка ясно показала неимоверный рост рабочего класса. Она показала, что рабочий класс идет гигантскими шагами вперед и что приходит быстрый конец старой раздробленности и всевозможным ограничениям, которые могли существовать лишь в прошлом столетии. Всеобщая забастовка показала, как быстро даже экономические требования рабочего класса и самая обыкновенная борьба за зарплату переходят и развиваются в крупные политические конфликты. Наступила новая эпоха, в которой призыв к классовой солидарности становится все более господствующим.

Я отнюдь не хочу сказать, что крупная буржуазия и правительство испугались прошлогодней всеобщей забастовки,—они имели слишком много шансов на своей стороне. Они слишком хорошо знали слабые места и заблуждения тех, которые выступали в качестве их агентов в рядах рабочих, они для этого слишком хорошо знали вождей, с которыми им пришлось иметь дело. Но из этого опыта они поняли, что отныне классовые границы станут еще резче обозначаться, и они во всеобщей за-

бастовке видели не столько опасность для сегодняшнего дня, сколько предвестника опасности в будущем. Поэтому нет ничего удивительного, если усилия рабочих вождей и профсоюзных бюрократов, показавших свою преданность конституции тем, что они взялись за чистку рабочей партии и трэд-юнионов от коммунистов, не смогли «тронуть» буржуазию. Напротив, оказались правыми коммунисты, занявшие диаметрально противоположную позицию. После наступления на коммунистов в 1925 г., после ареста партийных вождей и попытки загнать компартию в подполье, после использования судов для запугиванья масс опасностью революции, следовало, конечно, ожидать наступления на трэд-юнионы и рабочую партию.

Атака произведена по всем правилам. Все разговоры о свободе труда сводятся теперь к нулю де-юре и де-факто. Старое положение о свободе труда отменено. Отныне рабочие должны быть прикованы к своей работе (если они таковую имеют), к своему мелкому юниону, при чем узы классовой солидарности пытаются ослабить законодательным крючкотворством.

Что эти радикальные перемены зависят от полной перемены в характере эпохи, видно из того любопытного факта, что теперешнее законодательство о трэд-юнионах проведено в своей основе *консервативным правительством* лет 60 назад. Теперь же опять-таки консервативное правительство старается расшатать эту основу. Эта поразительная перемена может быть об'яснена лишь полной переменой в характере периодов, в которые эти законы складывались. Первые законы о трэд-юнионах были изданы в либеральный период, когда трэд-юнионизм был еще молод, когда капитализм находился в состоянии роста и английский капитал был в состоянии пойти на большие уступки рабочему классу и превратить его по сравнению с рабочим классом других стран, в сильную рабочую аристократию. Необходимо заметить, что первое важное изменение в законе о трэд-юнионах произошло в 1901 г., когда суды вынесли при консервативном правительстве приговор, известный под названием приговора Тафф Вейл. Это решение возлагало на всякий зарегистрированный трэд-юнион ответственность «*за убытки, причиненные действиями его членов и агентов*». Согласно этому приговору, профсоюз железнодорожных служащих был вынужден уплатить огромную сумму железнодорожной компании Тафф Вейл в возмещение убытков, понесенных последней *в результате забастовки*. Следствием этого решения было то, что трэд-юнионы начали интересоваться политикой, к которой они до того времени не проявляли интереса. Это было важное, знаменательное начинание. 1901 год является поворотным пунктом во внутренней истории английского капитализма. Всеми признан тот факт, что в 1900 г. уровень реальной зарплаты английского рабочего класса был наивысшим, и с этого года до нынешнего дня реальная зарплата английских рабочих постоянно понижалась. В 1900 году международное положение английского империализма начало постепенно обостряться, серьезная конкуренция и соперничество с британским империализмом начали отражаться на условиях жизни рабочего класса, и появились признаки того, что настает время, когда британскому капитализму придется лишить английский рабочий класс тех привилегий и выгод, которые он до сего времени ему предоставлял.

Это первое наступление консерваторов на законные права трэд-юнионов вызвало серьезную политическую реакцию со стороны рабочего класса и породило идею о необходимости образования рабочей партии. Начался процесс, приведший к тому, что рабочие все больше отходили от буржуазных партий. Когда в 1906 г. начались всеобщие выборы, тории понесли величайшее политическое поражение, какое они когда-либо испытывали. Эти выборы привели либералов к власти и заложили основу рабочей партии. Больше того, это небывалое поражение ториев явилось поводом к решению касательно Об'единенного Общества Железнодорожных Служащих. Был немедленно выработан акт о промышленных конфликтах, который палата лордов одобрила из боязни, чтобы ее не постигла та же участь, что и консервативное правительство. Это, однако, не означало, что буржуазия намерена была отказаться от своего нового курса. В 1908 г. она снова прибегла к помощи судов и добилась так называемого Осборнского решения, которое оспаривало право трэд-юнионов взимать членские взносы для политических целей. Судьи решили, что трэд-юнионы не в праве требовать эти взносы и выступили против основного права трэд-юнионов вообще принимать участие в политике. Этот вызов, однако, не оказал желаемого действия на рабочий класс и, напротив, дал толчок развитию и росту новой рабочей партии и прекрасный повод для защиты интересов трэд-юнионов в области политики. В 1913 году рабочая партия добилась успеха, обеспечив проведение так называемого Акта о трэд-юнионах. Этот акт предоставлял трэд-юнионам право распоряжаться своими деньгами в политических целях при следующих условиях: а) цель должна быть одобрена большинством на тайном голосовании членов; б) организационные правила должны быть одобрены больничными кассами, при чем платежи для политических целей должны производиться из специального фонда, в) если какой-либо член трэд-юниона заявит о своем нежелании платить взносы для политических целей, то он должен быть от них освобожден, г) освобожденные члены не должны быть лишены никаких привилегий и не должны быть подвергнуты никаким взысканиям. Эти законы были в силе до внесения теперешнего билля о трэд-юнионах. Однако, правительство часто весьма чувствительно урезывало права трэд-юнионов, особенно во время войны, когда все профсоюзное и рабочее движение оказалось впряженным в колесницу правительственного аппарата, когда вступил в действие Амуниционный Акт и забастовки были запрещены под угрозой тяжких наказаний и трэд-юнионы лишены были какой бы то ни было свободы действия; когда были изданы исключительные законы и весь рабочий класс подпал под железную диктатуру буржуазии и ее приспешников искусно работавших в рядах рабочего движения.

Все эти перемены способствовали отмиранию либерализма в рабочем классе. По мере того, как промышленность становилась все более мощной и предприятия огромных размеров становились все более обычным явлением, по мере того, как крупные концерны собирали в одно место тысячные массы рабочих и концентрировали в городах широкие массы населения, по мере того, как все больше развивалась сеть жел. дорог и других путей сообщения, соединяющих город с деревней,—движение рабочего класса все больше развивалось и рабочие сплачивались в одну массу, чувствуя давление буржуазии во всех насущных жизненных вопросах. Чем сильнее становились их организации, тем больше становилась их готовность помочь друг другу; чем больше становилось число рабочих, принимавших участие в каком-либо выступлении, тем больше сглаживалось различие между вопросами экономическими и политическими. Короче говоря, с тех пор, как английский капитализм вступил на путь упадочного империализма, рабочий класс быстро вышел из политической инертности и перешел к интенсивной политической деятельности. Это движение нашло свое высшее выражение во всеобщей забастовке 1926 г., в результате которой капиталистический класс Англии решил превратить трэд-юнионы в бессильные организации и навязать им формы и функции прошлого столетия. Как он намерен этого добиться?

Билль о трэд-юнионах разделяется на семь отделов.

Отдел первый об'являет всякие всеобщие забастовки и забастовки сочувствия незаконными, независимо от причин, вызвавших забастовку. Все эти забастовки об'являются нелегальными, направлены ли они против перевозки войск и оружия, против нагрузки транспортных судов и т. д. Приведем буквальный текст билля: «Незаконной является забастовка, цель которой заключается в том, чтобы действовать на правительство принуждением или запугать население или значительную часть населения». Это значит, что все забастовки во всех отраслях, обслуживающих все население, окончательно запрещены, будь то забастовка автобусных или трамвайных кондукторов или служащих других городских учреждений. Полностью запрещены забастовки сочувствия, как бы мало ни было число бастующих, поддерживающих рабочих другой отрасли промышленности. Генеральный прокурор не оставил по этому поводу никаких сомнений, ответив Томасу во время прений, имевших место на прошлой неделе. Когда Томас спросил—будет ли считаться незаконной забастовка солидарности железнодорожников, об'явленная для поддержки бастующих горняков, то он получил более чем определенный ответ: «Безусловно, да». Это значит, что теперь была бы признана незаконной и забастовка карабельной команды «Джоли Георг» против отправки оружия для борьбы с СССР в 1920 г. Незаконной становится даже и резолюция Амстердамского Интернационала об об'явлении всеобщей забастовки в случае войны. Воспрещается не только участвовать во всеобщей забастовке, но даже выступать в ее защиту. Если Амстердамский Интернационал или какая-либо его секция решатся в будущем повторить свои резолюции против войны, то всем голосующим за столь отважное мероприятие будет грозить двухлетнее тюремное заключение.

Второй раздел билля запрещает трэд-юнионам наказывать штрейкбрехеров в среде своих членов в случае, если эти трэд-юнионы участвуют в забастовке, признанной судьями незаконной. Этот пункт имеет обратную силу в целях защиты штрейкбрехеров всеобщей забастовки прошлого года от каких бы то ни было взысканий или наказаний со стороны трэд-юнионов. Таким образом, правительство исполняет свое обещание, которое оно дало во время всеобщей забастовки 1926 г.

Третий раздел запрещает забастовочные пикеты. Этот раздел вызвал больше всего насмешек и насмешек заслуженных. Он многозначительно заявляет, что «незаконно со стороны одного или

нескольких лиц стоять в качестве забастовочного пикета возле жилища или места работы и собираться в таком числе или держать себя так, чтобы запугать лицо, находящееся в этом доме или месте». Затем дается определение слова «запугать» и говорится, что человек признается виновным в запугивании другого, если «другой почувствует себя по справедливости оскорбленным, бойкотированным или станет предметом ненависти, насмешек или презрения». Таким образом, если вы негодяя-штрейкбрехера назовете негодяем, то вы можете попасть в тюрьму.

Четвертый раздел билля лишает трэд-юнионы права требовать со своих членов взносы в политические фонды. Это наносит удар самим основам рабочей партии, которая держится на входящих в нее трэд-юнионах. Это ударяет по денежным ресурсам рабочей партии, и это одно из средств, при помощи которого правительство рассчитывает ослабить рабочую партию в предстоящих всеобщих выборах. Таким образом, парализуя забастовочную деятельность трэд-юнионов, правительство одновременно с этим намеревается обессилить рабочую партию и парализовать ее работу в парламенте. Этот раздел идет еще дальше, он стремится разгромить местные организации—советы трэд-юнионов. Как известно, конгресс трэд-юнионов преследует и политические цели, как, например, национализацию банков, земли и промышленности. Этот раздел заставит трэд-юнионы или выступить из конгресса трэд-юнионов или изменить свою конституцию или же делать взносы в конгресс трэд-юнионов с тем, чтобы они не были употреблены на политические цели. Члены трэд-юнионов вынуждены были бы тогда делать еще особые денежные взносы, что уменьшило бы в значительной мере значение конгресса трэд-юнионов.

Пятый раздел продолжает дело разгрома движения рабочего класса, запрещая государственным служащим об'единяться с другими рабочими. Этот раздел запрещает прием новых членов в трэд-юнионы государственных служащих теперешнего состава, при чем эти трэд-юнионы не должны преследовать никаких политических целей и не должны вступать в какой-либо контакт с конгрессом трэд-юнионов, с рабочей партией, с международной федерацией трэд-юнионов и с другой какой-либо организацией, стоящей вне организации государственных гражданских служащих. Этот раздел стремится оторвать государственных служащих от других рабочих, лишить их политических прав и милитаризировать их. Высшие чиновники при этом, конечно, смогут заниматься политикой, в то время как низшие попадут в условия рядовых солдат, не имеющих права посещать политические митинги, вступать в политические партии и проч.

Шестой раздел запрещает местным властям настаивать на том, чтобы поступающий на службу был непременно членом трэд-юниона. Это удар по рабочему движению, которое имеет ряд своих представителей в попечительствах о бедных. Эти организации, естественно, принимали на службу лишь членов трэд-юнионов, и правительство теперь решило этот вопрос из'ять из компетенции местных властей и узаконить «свободный» наем (open shop) коммунальных и городских служащих.

Седьмой раздел создает для трэд-юнионов уголовную ответственность в случае использования своих денежных фондов вразрез с постановлениями законов, и генеральный прокурор получает право возбуждения уголовного преследования против юнионов. Это значит, что деятельность трэд-юнионов подпадает под контроль полиции. Это значит также, что иски против юнионов будут пользоваться поддержкой не только со стороны буржуазии, но и со стороны государства.

Таким образом, ясно видно, что несет с собою билль для профсоюзного и рабочего движения. Тем не менее мы должны констатировать, что аргументы в пользу проведения этого закона заимствованы у Макдональда, Томаса и К°, ибо ограничения прав трэд-юнионов сформулированы по образцу добровольных соглашений национального профсоюза железнодорожников, возглавляемого Томасом, и союза транспортников, возглавляемого Бевином,—соглашений, заключенных после того, как всеобщая забастовка 1926 г. была предана. Профсоюзные вожди тогда открыто высказались против всеобщей забастовки и забастовки сочувствия и признали, что они были неправы, приняв участие в забастовке 3-го мая и обещали впредь ничего подобного больше не делать. Нет ничего поэтому удивительного, если теперешняя оппозиция по отношению к биллю со стороны рабочих бюрократов и парламентской рабочей фракции носит позорный характер. Больше того, в тот самый момент, когда они как будто бы выступают против билля, они принимают самые энергичные дисциплинарные меры против самых решительных врагов нового закона, т.-е. против коммунистов и революционных рабочих. Они ревностно изгоняют их из трэд-юнионов, раскалывая таким образом рабочую партию, запрещая об'единяться с революционными рабочими, организованными в движение меньшинства, и требуют письменных обязательств со стороны отдельных профсоюзных советов. Короче говоря, они всем средствами помогают правительству добиться того, чтобы трэд-юнионы не перешли в руки революционных рабочих и чтобы они остались навсегда во власти теперешней реакционной бюрократии, хотя бы для этого рабочему классу пришлось заплатить дорогой ценой низведения трэд-юнионов на уровень прошлого столетия.

Вносяэтот билль, правительство в первую очередь стремится предохранить трэд-юнионы от процесса революционизирования, который развивается в рабочем классе и которого оно не смогло до сих пор остановить. Английская буржуазия отлично знает, что в эпоху трестированного капитализма сглаживается различие между политическими и экономическими вопросами. Она отлично знает, что в период, когда уже нет больше старых рынков и монополия убивает свободную конкуренцию, когда рынки перестали автоматически регулировать экономические взаимоотношения и организованные капиталисты сталкиваются лицом к лицу с организованным рабочим классом, малейший конфликт приобретает явный классово-политический характер. Буржуазия знает, что исход борьбы всецело зависит от консолидированной классовой силы, что всякий конфликт, даже чисто экономический, как бы он ни был мал, обязательно сводится к старому вопросу о классовой силе и господстве. Она отлично знает, что хотя Генсовет конгресса трэд-юнионов и вожди рабочей партии будут уверять и убеждать, что возможны крупные забастовки сочувствия и всеобщие забастовки, не угрожающие государственной власти буржуазии, в действительности это невозможно. Поэтому буржуазия решила наложить цепи на трэд-юнионы прежде, чем

развитие революции и сознательности рабочего класса превратят их в руководящие революционные организации рабочего класса. Буржуазия отлично понимает, что если она будет еще больше медлить в этот период капиталистического упадка, когда условия современного капитализма лишают рабочий класс всего, что он имел и английский капитализм не в состоянии уже ставить рабочий класс Англии в условия своего рода рабочей аристократии, подобное промедление окажется для нее роковым.

Таким образом, в то время, как капитализм становится все более реакционным, в трэд-юнионах начинается в силу обстоятельств более интенсивный процесс революционизирования. Этот процесс развивается, несмотря на все усилия рабочих вождей усыпить рабочее движение. Дело в том, что несмотря на плохое руководство рабочим движением, само правительство разоблачает истинный характер событий и помогает рабочим в них разбираться. История идет быстро вперед, каждый день обогащает пролетариат опытом, носящим горький классовый характер. Революционный процесс не может быть остановлен. Предлагая свой билль, правительство рассчитывало отвлечь внимание населения от своей политики в отношении китайской революции, но этот свой шаг оно сопровождало такими выступлениями международного характера, которые сразу подействовали на рабочих и вместе с тем заставили рабочих вождей показать свое лицо. Налет на пекинское полпредство, вслед за которым последовал налет на Аркос и лондонское торгпредство, как раз в момент, когда в парламенте обсуждался билль о трэд-юнионах,—все это ясно показало рабочему классу и всем тем, кто хочет видеть, что английское империалистическое правительство, пытаясь спасти свое положение, ведет отчаянную борьбу на всех фронтах, заставляя рабочий класс почувствовать солидарность, существующую между его борьбой, с одной стороны, и сохранением СССР и защитой китайской революции,—с другой. Таким образом, в своих безумных попытках парализовать рабочий класс правительство падает все ниже и роет себе самому могилу.

Еф. Берлович.

„Год разочарований“ или закономерность загнивания.

(Английское хозяйство к годовщине забастовки горняков).

С начала великой забастовки горняков прошло больше года. В нашем распоряжении имеются не только хозяйственные итоги 1926 г.[1]). Мы имеем также основные показатели хозяйственного положения Англии в первые пять месяцев 1927 г.

Данные о периоде декабрь 1926 г.—май 1927 г. представляют исключительный интерес, выходящий за пределы значения обычных коньюнктурных обзоров хозяйства, так как они дают возможность судить о характере и направлении развития английского хозяйства на новой основе, которая создана победой шахтовладельцев,—на основе удлиненного рабочего дня и пониженной заработной платы в угольной промышленности.

Новые условия труда в угольной промышленности являются важнейшим экономическим итогом борьбы 1926 г. Ради создания этих новых условий, английская буржуазия заплатила не малую цену. Размер ставки борьбы определялся не только счетом непосредственных убытков и резким ухудшением внешнеторгового и платежного баланса страны. Упорствуя в течение семи месяцев, не уступая ни одной пяди из своей программы, шахтовладельцы и вся тяжелая промышленность широко раскрыли двери своим континентальным конкурентам для выхода на ряд английских рынков. В этом заключался главный риск[2]) всего предприятия английской тяжелой промышленности. Не превратится ли в некоторых случаях, по крайней мере, временная потеря рынков в постоянную?

На этот вопрос частичный ответ дается опытом первой половины 1927 г. Но не в отвоевании временно утраченных рынков основной вопрос английского хозяйства. Восстановление дозабастовочного status quo могло бы удовлетворить английскую буржуазию только в том случае, если бы забастовка пересекла полосу хозяйственного под'ема. Как известно, дело обстояло не

---

[1]) Итоги эти подведены английской печатью в первой половине февраля 1927 г. В дальнейшем цифровые данные, заимствованные из годового обзора «Economist'a» от 12 февраля 1927 г. (Commercial History of 1926), приводятся либо без указания источника, либо со ссылкой Е. С. Н.

[2]) Мы говорим сейчас только об экономическом риске, о политическом «риске», связанном с бешеным наступлением капитала, о революционизировании английского рабочего класса речь будет ниже.

так. Самый локаут в угольной промышленности был задуман и проведен как средство для вывода тяжелой промышленности из состояния сильнейшей депрессии, как способ повышения ее конкурентной способности. Расценивать хозяйственные показатели послезабастовочного периода следует в первую голову именно с той точки зрения, создана ли новая основа для изменения *генеральной линии* развития английского хозяйства. Генеральная линия эта характеризуется, как резкий упадок не только тяжелой индустрии, но и других ориентирующихся на экспорт отраслей промышленности (хлопчато-бумажной в первую очередь).

Разумеется, решить этот вопрос на основании одних только кон'юнктурных показателей за первую половину 1927 г. невозможно. Невозможно не только из-за краткости самого периода, но и из-за того, что период этот никак не может считаться «нормальным». Исключительные условия, созданные семимесячной забастовкой,—истощение запасов угля и металлического полуфабриката,—продолжали еще действовать в течение значительной части этого периода. Только приняв во внимание эти условия и ни на минуту не упуская из виду всю совокупность обстоятельств, определяющих указанное выше направление генеральной линии английского хозяйства, мы сможем правильно оценить и значение нынешней его кон'юнктуры.

Обзор наш охватит поэтому *период от января 1926 до мая 1927 г., взятый в свете основных тенденций хозяйственного развития Англии, вызвавших самый конфликт и в свою очередь им с исключительной яркостью подчеркнутых.*

* * *

«За последние несколько лет,—пишет автор вводной статьи годового обзора «Экономиста»,—мы не раз были свидетелями того, как надежды, высказывавшиеся в январе, обманывали нас в последующие 12 месяцев, приносившие один удар за другим; но нам ни разу еще не приходилось рассказывать историю столь полную разочарований, как история только-что закончившегося года».

За этим меланхоличным началом следует перечень тех обстоятельств, на которые опирался в начале 1926 г. традиционный новогодний оптимизм. Здесь мы находим обычные указания на «политический мир в Европе», на решения «мучительного репарационного вопроса» и т. д., и т. п. Останавливаться на этих общих местах нет смысла тем более, что наш автор ими не ограничивается, а призывает в свидетели цифры, показывающие улучшение кон'юнктуры в начале 1926 г. Получается довольно несложная схема: в первые 4 месяца «естественный» под'ем, а затем грандиозный срыв этого под'ема «противоестественной» забастовкой, о которой в данной связи автору угодно говорить, как о чем-то в высокой степени неожиданном.

Некоторое улучшение кон'юнктуры по сравнению с тяжелыми весенними и летними месяцами 1925 г. действительно наблюдалось примерно с октября 1925 г. Но характер этого оживления и причины его затушевываются нашим автором; для него ведь всякое оживление, как явление приятное, просто «естественно». Не утруждают себя об'яснением также и некоторые советские авторы [1]). Между тем, раскрыть «тайну» улучшения кон'юнктуры в конце 1925 г. и в первые четыре месяца 1926 г. не слишком трудно. Угольная промышленность приподнялась несколько на дрожжах правительственной субсидии, а также под влиянием усиленного спроса на топливо со стороны потребителя, предвидевшего забастовку. Последнее относится также к железной и стальной промышленности.

Начиная с мая и почти до самого конца 1926 г., *Англия была страной не вывозящей, а ввозящей уголь.* В этих немногих словах резюмируется вся экономическая обстановка забастовочного года. Исходя из этого пункта, мы легче всего сможем развернуть важнейшие моменты этой грандиозной дезорганизации.

В годовом итоге мы видим 20 миллионов тонн вывезенного угля (против 50 миллионов тонн в сверх-неблагополучном по части угольного экспорта 1925 г.) и 20 милл. тонн, ввезенного угля (обычно цифра ввоза совершенно ничтожна). Ввоз и вывоз угля, как видим, балансируются, но балансируются они только по физическому своему об'ему. В отношении же ценности картина совершенно иная. Вывезенный уголь продавался по «нормальным», вернее даже ненормально низким ценам. За 20 миллионов тонн вывезенного угля было выручено 19 милл. фунг. стерл. Ввезенный уголь покупался по все более вздувавшимся ценам, и за 20 милл. тонн ввезенного угля пришлось уплатить 43 милл. фун. стерл. Об отражении этого обстоятельства в балансе внешней торговли речь будет ниже. Сперва остановимся на том, как угольный голод повлиял на разные отрасли промышленности.

Платить за уголь вдвое и втрое дороже, чем до забастовки, могли, хоть и со скрежетом зубовным, лишь те отрасли хозяйства, для которых расход на топливо составляет не слишком большую часть издержек производства. *Совершенно запретительными оказались вздутые угольные цены для металлургии.* Выплавка *чугуна* и производство *стали* катастрофически упали сразу же в мае: чугун—90 тыс. тонн (против 528 тыс. ежемесячной средней в 1925 г.), сталь—47 тыс. тонн (месячная средняя 1925 г.—626 тыс. тонн). В дальнейшие месяцы положение с чугуном ухудшалось: в июне—42 тысячи, в июле—18 тысяч, в августе—14 тысяч, с сентября по ноябрь включительно, выплавка «стабилизировалась» на уровне 13 тыс. тонн в месяц, и только декабрь дал 100 тыс. тонн. По стали повышение, но крайне медленное, началось несколько ранее: июнь—35, июль—33, август—54, сентябрь—98, октябрь—95, ноябрь—99, декабрь—324.

В итоге за весь 1926 г. чугуна выплавлено—2.444 тыс. тонн против 6.238 тыс. тонн в 1925 г. и 10.250 тысяч в 1913 г. Выплавка чугуна за 1926 г. самая низкая за все время с 1850 г.

Производство стали—3.561 тыс. (против 7.397 тыс. в 1925 г., 7.660 тыс. в 1913 г.)—ни разу не падало до такого уровня с 1895 года.

---

[1]) Так, например, проф. С. А. Фалькнер пишет: «В течение *первого полугодия* (курсив автора)—с октября 1925 г. по апрель 1926 г.—можно совершенно определенно констатировать процесс улучшения хозяйственной кон'юнктуры. *Это улучшение было неизбежным после довольно тяжелой дефляционной депрессии, которую Англия пережила в течение весны и лета 1925 г.* (Подчеркнуто мною. *Еф. Б.*). И только.

Впервые за всю историю Англии (со времени промышленной революции) ввоз железа, стали и изделий из них оказался выше вывоза.

Добыча *угля* за весь 1926 г. составила около 130 милл. тонн (1925 г.—247 милл., 1913 г.—287 милл.). Экспорт, как отмечено, упал до 20 милл. тонн (1925 г.—55,6 милл. тонн, 1913 г.—78,3 милл. тонн).

Финансовое положение предприятий тяжелой индустрии, далеко не блестящее и в предыдущие годы, особенно в 1925 г., резко ухудшилось в 1926 г. 29 компаний группы железо, сталь, уголь с капиталом 103,5 милл. фунт. дали в 1926 г. 2 процента убытка против 1,8% прибыли в 1925 г. Эта же группа выплатила, затронув в ряде случаев резервы, дивиденды в размере всего 1,5% вместо 2,8% в 1925 г., 3,8% в 1924 г. и 5% в среднем за 1920—23 гг.[1]). Таковы средние цифры для 29 предприятий. Целый ряд компаний из группы тяжелой индустрии вообще не выплачивает дивидендов уже ряд лет. К числу таких, между прочим, принадлежит и предприятие почтенного семейства Болдуинов (Baldwins Limited), с капиталом свыше 4 милл. фунт. стерл. Эта фирма не платила дивидендов по обыкновенным акциям (составляющим подавляющую часть всего капитала) с 1921 г.[2]). (Вероятно, поэтому-то мистер Болдуин и жаловался в одной из своих речей в 1925 г. на то, что он-де уже пятый год живет на занятые деньги. Министерского жалованья (5.000 ф. ст. в год) ему хватает, видно, только на «карманные расходы»).

Следующее место после тяжелой индустрии в ряду сильно пострадавших от забастовки занимает *текстильная промышленность*. Дороговизна и подчас абсолютный недостаток топлива присоединились к другим многочисленным трудностям хлопчато-бумажной промышленности, и в результате вывоз пряжи понизился с 189,5 милл. фунт. (1925 г.) до 168,5 милл. фунт., готовых изделий—с 4.434 милл кв. ярдов до 3.894 м. кв. ярдов.

Чтобы не загромождать обзора цифрами, мы ограничиваемся упомянутыми отраслями промышленности.

Концентрированное выражение находит себе влияние забастовки в *оборотах внешней торговли*.

	В милл. фунт. стерлинг.	
	1925 г.	1926 г.
Ввоз	1.320,7	1.242,9
Вывоз	927,4	797,5
Пассив	393,3	445,4

Вывоз, снизившийся на 16,2% по сравнению с 1925 г., равен, если принять во внимание изменение покупательной силы фунта, всего 67,8% вывоза последнего довоенного года (1913 г.). Экспорт сократился настолько значительно (даже по сравнению с 1925 г.), что пассивность баланса возросла в огромной мере, несмотря на

[1]) «Таймс», 1 февраля 1927 г. (Годовой обзор хозяйства, специальное приложение).
[2]) «Таймс», там же.

очень значительное уменьшение ценности ввоза. Мы уже видели, что по одной угольной торговле получается увеличение пассивности баланса в размере 74 милл. фунт. (уменьшение вывоза на 31 милл. плюс уплаченные за ввезенный уголь 43 милл. фунт.). Это обстоятельство дает обозревателю «Экономиста» повод говорить, что рост пассивности баланса падает целиком на уголь. Ибо, рассуждает он, снижение экспорта в других отраслях (почти во всех без исключения) компенсируется понижением цен на импортные товары, при чем наиболее ярко выражено удешевление хлопка. И отсюда вывод: «...если бы удалось избегнуть промышленной войны (забастовки, сиречь), то последний год был бы свидетелем решительного сокращения пассивности торгового баланса»[1]).

Конечно, это в общем верно. С ценами на важнейшие импортные товары в Англии в 1926 г. действительно очень повезло. На одном хлопке удалось «с'экономить» около 30 милл. фунт. стерл., на пшенице—около 5 милл. фунт. и т. д. по ряду других ввозимых товаров. Но с неменьшим правом можно было бы сказать, что рост пассивности торгового баланса был бы в 1926 г. еще большим, если бы не совершенно исключительное понижение хлопковых цен, ибо рекордный и главное совершенно неожиданный урожай хлопка в Америке (и в других странах) как раз в 1926 г. не менее, если не более, «случайное» обстоятельство, чем стачка горняков.

Как бы то ни было, а рекордный пассив торгового баланса (465,4 милл. фунт. стерл.) впервые с незапамятных времен оказался непокрытым доходами Англии от «невидимого экспорта» (проценты на вложенный за границей капитал, доходы от судоходства и т. д.): 1926 г. *принес Англии пассивный расчетный баланс* (—12 милл. фунт. стерлингов).

Государственный бюджет оказался в напряженнейшем состоянии. С одной стороны, резкое понижение доходов. На первом месте здесь стоит громадный недобор подоходного налога, выразившийся в сумме 20 миллионов фунтов стерлингов или почти 9% от сметного предположения. Но и косвенные налоги (акциз) дали крупное снижение против сметы—8 милл. фунтов или свыше 6%. Расходы, напротив, превысили намеченные почти на 10 милл. фунт. В результате образовался бюджетный дефицит в размере 36,6 милл. фунт. стерлингов. Покрыт он был займом (на сумму 62,2 милл. фунтов), выпущенным правительством в начале 1927 г.[2]).

Влияние забастовки скажется сильным понижением дохода от прямых налогов также в 1927—28 бюджетном году (с 1 апреля 1927 г. и по 31 марта 1928 г.). При составлении бюджета на 1927—28 г. перед Черчиллем встала угроза дефицита, примерно тех же размеров, что и фактический дефицит 1926—27 г. Потребовался целый ряд трюков для того, чтобы избегнуть этого дефицита, хотя бы на бумаге, в росписи. Важнейший из них—это сбор одного из видов подоходного налога в один срок (1 января) вместо двух сроков (1 января и 1 июля). Таким образом, в ближайшем году подоходный налог в этой части своей будет собран сразу за три полугодия вместо обычных двух: 1 июля

[1]) Е. С. Н., стр. 4.
[2]) «Economist», 2 апреля 1927 г.

1927 г. поступит взнос за второе полугодие 1926—27 г., 1 января 1928 г.—за оба полугодия 1927—28 г. Эта экстренная мера даст прирост доходов в 14 милл. фунтов. Остающийся после этого дефицит (около 22 милл. фун.) покрывается повышением ставок целого ряда косвенных налогов и введением новых ввозных пошлин.

Все эти новшества очень мало затрагивают интересы буржуазии. Сити встретил новый бюджет со вздохом облегчения. Еще бы, никакого повышения прямых налогов! Не без остроумия характеризуется бюджетное творчество Черчилля либеральным еженедельником «Nation» [1]):

«Бюджет 1927 г... подобно бюджету 1925 г. имеет вид щедрой раздачи пасхальных подарков—что-нибудь для каждого. Ревнителям экономии обещано упразднение трех министерств; сторонникам доклада Кольвина [2])—приличное увеличение фонда погашения государственного долга; протекционистам—букет новых ввозных пошлин; Федерации Британской Промышленности—демонстративный отказ от новых прямых налогов. Только рабочий человек не получает ничего, разве что табак и спички обойдутся ему немного дороже».

Весь этот бюджет, сотканный из компромиссов, очень характерен не только для напряженности английских государственных финансов, но и для политического «текущего момента».

Сокращение расходов, обещанное Черчиллем в 1925 г. решительно не удается и не может удаться. Расходы, напротив, растут из года в год. В 1925 г.—«непредвиденный» расход на субсидию угольной промышленности, в 1926 г.—«непредвиденный» расход в связи с забастовкой. В 1927 г.—опять «непредвиденные» расходы на оккупационную армию в Китае. С другой стороны, источники дохода напряжены до крайности. На повышение прямых налогов буржуазия решительно не согласна. Развернуть же полностью свою программу покровительственных пошлин и увеличения косвенного обложения консерваторы еще не решаются. Прежде, чем сделать это, нужно обезопасить себя от повторения таких явлений, как всеобщая забастовка, над чем консервативное правительство сейчас усиленно трудится (билль о профсоюзах)...

На размерах общего итога убытков от забастовки мы остановимся совсем кратко. Значение его, как универсального показателя, обесценивается не только очень относительной достоверностью всех исчислений такого рода—достаточно указать, что различные оценки колеблются от 250 до 700 милл. фунтов стерл. Дело еще в том, что такой «общий знаменатель», скажем, как падение народного дохода на 15%, скрывает глубокие различия в положении отдельных отраслей хозяйства, без учета которых невозможно оценить ни значения забастовки, ни вообще характера основных тенденций развития английского хозяйства.

К характеристике неравномерности в развитии разных отраслей хозяйства мы и переходим сейчас.

---

[1]) 16 апреля 1927 г.

[2]) Комиссия Кольвина рассматривала вопрос о государственном долге, и большинство ее высказалось за увеличение суммы, ассигнуемой ежегодно на погашение долга, до 75 мил. ф.

«Две нации» в английском хозяйстве.

1926 год—год «великих разочарований». Но к этой сугубо-эмоциональной характеристике нужно добавить, во-первых, что «разочарования» были уделом далеко не всех отраслей английского хозяйства, и, во-вторых, что «разочарования», испытанные в 1926 г. экспортными отраслями промышленности, стали хроническими, повторяясь, пусть в менее грандиозных масштабах, почти каждый год, начиная с года великого мирового кризиса 1920—21, обнаружившего истинную природу «хозяйственного оживления» во время войны, а также пышного, но—увы!—кратковременного послевоенного «бума» 1919—20 года.

Обратимся к такому показателю неравномерности, как прибыли промышленных акционерных компаний. Здесь мы наталкиваемся на поражающее с первого взгляда явление: 1.572 компании, вошедшие в статистику «Экономиста», показывают в 1926 г. бо́льшую (на 6,3%) прибыль, чем в 1925 г. [1]). Средний размер дивиденда—11,3% оказался не только более высоким, чем в 1925 г. (10,9%), но и наиболее высоким за все время с кризиса 1921 г., отставая и то лишь очень незначительно лишь от среднего дивиденда за 1913 г. (11,7),—год мощного под'ема,—и от годов военной и послевоенной спекулятивной горячки (1916—1920).

После того, как один из депутатов рабочей партии использовал эти цифры, выступая в парламенте, «Экономист» [2]) раз'яснил еще раз, что данные эти не свидетельствуют о том, что «1926 год был годом процветания» (prosperity) для промышленных компаний, что предприятия тяжелой промышленности и текстильной понесли тяжелые убытки и т. д. Это, конечно, верно, и отрицать это никому не приходит в голову. Но это только указывает на существование отраслей промышленности, загребающих (даже в 1926 г.) такие прибыли, которые с избытком уравновешивают в среднем убытки «потерпевших».

Среди «благополучных» компаний на первом месте стоят нефтяные, каучуковые, чайные и т. п., т. е. находящиеся вне пределов Англии. Но ими дело не ограничивается. Сюда же относятся производства автомобилей, велосипедов, искусственного шелка, химическая промышленность и др., а также строительное, печатное дело. Значительная часть перечисленных отраслей отличается от металлургии, угольной и текстильной промышленности не только тем, что работает на внутренний рынок, отличаются они так же, как *молодые отрасли от старых*. Число рабочих, занятых в этих молодых отраслях, возрастает в то время, как в старых падает. Как отрасли более молодые, они более современно оборудованы, менее связаны тяжелым грузом старых капитальных вложений [3]). Сосредоточены эти отрасли, главным образом, в средней и южной части Англии, ближе к Лондону. Даже предприятия тяжелой промышленности, находящиеся в этом районе и обслуживающие его, резко выделяются

---

[1]) E. C. H., стр. 6.

[2]) От 12 февр. 1927 г., стр. 317.

[3]) О тормозящем технический прогресс. влиянии старых капитальных вложений см. очень интересную работу т. Бессонова «К вопросу о техническом прогрессе при капитализме». Изд. «Прибой», Ленингр. 1927 г.

своим относительным благополучием на фоне общей депрессии в этой отрасли. Так, например, при средней в машиностроении безработице в размере 16,4% на Уэльс падает 33,6%, на Лондон же лишь 6,9%, на юго-восточный район—6,1% [1]). Известна также районная пестрота в угольной промышленности, в частности относительное благополучие ориентированного на внутренний рынок Ноттингемшира, где и был раньше всего прорван фронт горняков (первое районное соглашение).

Различие в судьбах отмеченных двух групп промышленности (назовем их для краткости условно «экспортной» и «неэкспортной»), отчасти совпадающее с делением на два района, дало повод либеральному еженедельнику «Nation» противопоставить их друг другу, как «две нации» (статья под таким заглавием в № от 7 августа 1926 г.) наподобие того, как Дизраэли (в бытность свою «социалистом»-консерватором) противопоставлял «две нации»—богачей и бедняков.

Депрессия экспортных отраслей промышленности носит после войны, как отмечено, хронический характер. Это заставляет искать в явлении какую-то закономерность.

Официальное, официозное и вообще распространенное английское об'яснение этой депрессии сводит все затруднения к причинам мирового и общеевропейского характера. Так «об'яснялась» депрессия в 1924 г., так она об'ясняется в отчетах специальной комиссии Бальфура.

Наконец, и совсем недавно английские делегаты на международную экономическую конференцию в Женеве, изложившие по предложению председателя конференции в краткой форме свой взгляд на «основные черты проблемы с точки зрения отдельных стран» (§ 1 первой части порядка дня), писали:

«...Благосостояние Великобритании тесно связано с прогрессом мировой международной торговли... Неудивительно поэтому, что, несмотря на сравнительное изобилие капиталов и на относительную устойчивость нашей денежной системы, наша страна серьезно пострадала от удара, наносимого международной торговле войной и ее последствиями» [2]).

Под ударами, нанесенными международной торговле войною, можно понимать две различные вещи. Во-первых, общее сокращение мирового спроса (падение покупательной силы), во-вторых, перераспределение источников удовлетворения спроса, нарождение новых промышленных центров. К этой последней категории относятся такие явления, как усиление так наз. «экономического национализма», т.-е. рост самоснабжения ряда стран, до войны являвшихся покупателями немногочисленных мировых мастерских, в частности и в значительной мере Англии, или же перенесение ими своих покупок из Англии (и других европейских стран) в Америку и страны Тихого океана (Япония).

Перед нами два явления различного порядка: замедленный темп роста хозяйства в мировом масштабе и неравномерность развития отдельных стран, принявшее после войны форму так наз. «деевропеизации» мирового хозяйства.

[1]) Данные Ministry of Labour Gazette, ноябрь 1926 г. (по «Nation» 27 ноября 1926 г., стр. 291).

[2]) «Economist», 30 апреля 1927 г. (Econ. Conference Suppl, стр. 1).

Абсолютное сокращение производства (и спроса) в мировом масштабе можно констатировать для 1925 г. только в отношении судостроения. Все остальные отрасли показывают (в мировом итоге) большие цифры, чем до войны (вплоть до тяжелой промышленности). Поэтому сокращение мирового производства, о котором можно было говорить, как о причине английских затруднений, скажем в 1922 или в 1923 г., сейчас отпадает. Напротив, неравномерность развития отдельных стран есть безусловный факт, но факт не об'ясняющий, а подлежащий об'яснению для каждого отдельного случая отставания той или иной страны в борьбе со своими конкурентами. Таким образом, вопрос о причинах затруднения английского экспорта, сводится к вопросу об ослаблении конкурентной способности английской промышленности.

Мы не можем останавливаться на подробном анализе всех элементов, из которых слагается себестоимость изделий английской промышленности, и на сравнении их с издержками производства в других странах, в различных отраслях промышленности. Сами английские промышленники, подобно всем своим иностранным коллегам, любят ссылаться на разного рода «независящие» обстоятельства: бремя налогов, бремя высоких социальных расходов, бремя относительно высокой заработной платы, преимущества на стороне ряда конкурентов, в виде высоких таможенных тарифов и падающей валюты и т. д.

В каждой из этих жалоб есть какая-то доля истины, какая именно, определить чрезвычайно трудно. Но всему этому можно противопоставить также преимущества, которыми располагает английская промышленность по сравнению со многими своими конкурентами (например, возможность широкого использования дешевого водного транспорта тяжелой промышленностью). Во всяком случае все отмеченные моменты недостаточны для об'яснения столь резкого сокращения английского экспорта, какое мы наблюдаем. Над всем этим безусловно нужно поставить совершенно неоспоримую техническую и организационную отсталость английской промышленности и слабую способность ее преодолевать эту отсталость.

О технической и организационной отсталости углепромышленности у нас писалось уже довольно много. Мы дадим здесь некоторые сведения о судьбах хлопчато-бумажной промышленности. Депрессия тяжелой индустрии, вызывающая мощные социальные конфликты, как бы заслоняет собою хлопчато-бумажную промышленность, затруднения которой не менее, если не более значительны. Эта отрасль не привлекает к себе столь широкого общественного внимания именно потому, что в ней приспособление к депрессии приняло особую форму. Нормальная безработица в этой отрасли (берем среднюю за 1925 г.) 8,3%, т.-е. значительно ниже, чем, напр., в угольной (15,8%), железной (20,3%), стальной (25,5%) или судостроительной (34,1%). Об'ясняется это системой работы с простоями, практикуемой ланкаширскими фабрикантами уже ряд лет. Работающие сокращенное время не учитываются в приведенной выше цифре безработицы. Сама работа с простоями вызвана тяжелым кризисом сбыта английских хлопчато-бумажных изделий. Экспорт ланкаширских изделий уже 7 лет под ряд держится на уровне от 61% до 66% нормы 1913 г. Если исключить из расчета более тонкие изделия и оставить

только группу, работающую на американском и индийском хлопке, то потеря экспорта окажется еще значительно большей—45%, почти половина.

И это ни в какой мере не может быть приписано мировому понижению потребления. Английская хлопчато-бумажная промышленность теряет свои рынки, несмотря на рост мирового потребления. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть две колонки цифр [1]):

Годы	Мировое потребление хлопка (в милл. кип).	Англ. экспорт готов. хлопч.-бум. изделий. Миллионы квадр. ярдов.
1913	23.000	6.750
1921	17.595	2.902
1922	22.167	4.182
1923	22.143	4.140
1924	20.430	4.444
1925	23.294	4.434
1926	24.681	3.834

Система работы с простоями, уменьшая конкуренцию между английскими фабрикантами (и то лишь поскольку соблюдается дисциплина, и соглашение не нарушается) и препятствуя еще большему падению цен, ни на иоту не увеличивает конкурентной способности английской хлопчато-бумажной промышленности на внешних рынках.

В результате такой политики, только увеличивающей накладные расходы, «скорость, с которой Ланкашир теряет свои рынки, ограничена исключительно той скоростью, с которой другие страны могут увеличивать число своих веретен».

Перед лицом такой отсталости и косности Кейнс патетически восклицает: «Что случилось с ними, с тем классом, которым одно или два поколения назад мы могли по праву гордиться? Стары они слишком или слишком упрямы? Или не в том ли уж дело, что слишком многие из них стоят не на своих ногах, а на плечах своих отцов и дедов? В отношении шахтовладельцев все это, пожалуй, верно. Но что сказать о наших ланкаширских ребятах, гордости Англии?»

Когда Кейнс предложил этим «ребятам» образовать картель, то большинство из них пришло в священный трепет. Впрочем, Кейнс сам правильно отмечает, что для «всякого движения вперед существенно необходимы симпатия и поддержка со стороны банков». Если капиталы необходимы для организационной перестройки хлопчато-бумажной промышленности, то тем более они необходимы для тех отраслей, которые нуждаются в радикальной технической реорганизации.

(Окончание следует).

---

[1]) Данные International Cotton Federation (по «Nation» от 13 ноября 1926 г., статья Кейнса,—«The Position of the Lancashire Cotton Trade»).

М. Танин.

Англо-советский разрыв и проблема единого империалистского фронта.

Антисоветский фронт внутри Англии.

Провокационная политика английских консерваторов по отношению к СССР, завершившаяся разрывом торговых и дипломатических отношений с СССР, уже нашла достаточно полное и яркое освещение в нашей ежедневной печати. Меньше писалось у нас о политике либералов и рабочей партии. Между тем выявление позиции этих партий необходимо для того, чтобы уяснить себе вероятные ближайшие перспективы англо-советских отношений (точнее говоря отсутствия всяких отношений) и единого антисоветского фронта внутри Англии, как исходного пункта для создаваемого английским империализмом такого же фронта в международном масштабе.

Что касается либералов, то следует констатировать, что в их позиции по отношению к СССР с 1921 г. произошла крупная перемена—она стала значительно враждебнее. Тогда либералы дружно требовали установления нормальных отношений с СССР; тогда в либеральной печати можно было находить не мало статей, написанных в тоне сочувствия российской революции; тогда Ллойд Джордж верил в то, что общение с высокоцивилизованной английской демократией (и ее дипломатами) может оказать на большевиков благотворное влияние и толкнуть их на путь раскаяния. Теперь—не то. Теперь либеральная печать тоже принимает участие в травле СССР; Ллойд Джордж мало верит в отмирание большевизма; теперь ему чудится угроза Британии со стороны СССР, и он не знает, как быть с «русским вопросом». С одной стороны, он, солидаризируясь с Чемберленом и Джойнсон-Хиксом заявляет, что «правительство не может отступать перед имеющимися в его руках доказательствами» и что он сам, быть может, потребовал бы от советского правительства отозвания Хинчука, но с другой—он предостерегает правительство:

«То, что теперь у нас сделано, я считаю делом исключительной серьезности, это почти ввязывает нас в войну с державой, у которой сто миллионов (по обыкновению плохая информация о СССР—не 100, а около 150 миллионов. *М. Т.*) населения, которая занимает громадную территорию в Европе и Азии и соприкасается с нами во столь многих пунктах. Это одно из самых рискованных и азартных решений, которые когда-либо принимались правительством».

«Английское правительство порвало отношения с Россией. Подумало ли оно о том, как ему придется эти отношения возобновлять. Английское правительство сможет возобновить эти отно-

шения лишь по приглашению русского правительства. Чего же **английское** правительство ждет? Ждет оно Романовых?»

И, впадая в ораторский раж, Ллойд-Джордж, потрясая кулаками, бросает в лицо членам правительства: «у вас большинство—да и только—ума вы совершенно лишились!»

Когда же дело доходит до голосования, часть либералов голосует за разрыв их же лидерами налаженных англо-советских отношений, а другая часть демонстрирует свою полную беспомощность, воздерживаясь от голосования.

Что означает эта сдача либералами своих позиций в «русском вопросе»? Что *английская мелкая буржуазия в страхе перед банкротством империи и социальной революцией, очагом которой является СССР, бросается в об'ятия «твердокаменной» партии буржуазии, консервативной партии.*

То же относится, в общем, и к руководящей верхушке профсоюзов и рабочей партии, позиция которой немногим разнится от позиции либеральной мелкой буржуазии. И правые Томасы и Гендерсоны, и Макдональды и «левые», Хиксы и Персели, Бен-Тернеры дрожат над судьбой «их» империи. И им так же, как и Болдуину и Ллойд Джорджу, грозит «большевистская опасность» в виде молодой энергичной английской компартии, и они жалуются на вмешательство Коминтерна во «внутренние дела Англии». И если в 1919—1921 гг. они как будто энергично выступали за полный мир с СССР, то это об'ясняется давлением со стороны «низов», проявлявших тогда усиленную революционную активность. Теперь во время кризиса англо-советских отношений вожди рабочей партии упорно саботировали такое, казалось бы, элементарное предложение компартии, как увязывание кампании против разрыва с законом против профсоюзов и интервенцией в Китае, предложение—констатировать бесспорный, ясный, как день, факт органической увязанности атак буржуазии на этих трех участках общего контрреволюционного фронта. Нет, они даже на это не пошли. А их речи в парламенте? За исключением представителя левого крыла независимой рабочей партии Мекстона, открыто солидаризировавшегося с СССР, никто из них ни одним словом не обмолвился о сочувствии рабочему государству, подвергающемуся нападению со стороны британского империализма. Наоборот, оправдываясь перед консерваторами, они всячески афишировали свою ненависть к коммунизму и весь вопрос—вопрос провозглашения британским империализмом крестового похода против пролетарского государства—ставили так: выгоден или не выгоден разрыв британской торговле и, вообще, британской империи, правильна или неправильна *процедура* «суда» правительства его величества над советским правительством (*прав* налетчиков на роли судей рабочие вожди не оспаривают!). Весьма типичным в этом смысле является выступление Клайнса. Его речь поистине заслуживает того, чтобы быть внесенной в летописи истории, как яркий образчик предательства и мещанской пошлости, проявленной соглашательскими лидерами рабочей партии в поворотный момент борьбы мировой контрреволюции и мировой революции.

«Насколько я понимаю,—заявил Клайнс на заседании палаты 26 мая,—позиция правительства в этих вопросах такова: Россия на скамье подсудимых. (Аплодисменты на скамьях консерваторов). *Мы принимаем эту позицию*, но мы требуем, чтобы в этом вопросе Россию не осуждали без суда. Мы не хотим признать ни виновность, ни невиновность России. (Смех на скамьях консерваторов). Рабочая партия требует, чтоб в этом случае не был вынесен приговор о виновности раньше, чем будет произведено беспристрастное и достаточно полное обследование обвинений, выдвинутых против советского правительства. Нет сомнений, что коммунистическая пропаганда имеет место не только в нашей стране, но и в других частях мира. Партия, которая более всего пострадала от этой пропаганды, это—именно рабочая партия. (Аплодисменты на скамьях рабочей партии). Всеми средствами, находящимися в ее распоряжении, рабочая партия боролась против целей коммунистов, против коммунистической политики и коммунистических методов. Рабочая партия порицала и разоблачала всякое доказанное нарушение русским правительством любого договора или соглашения между обеими странами. Рабочая партия не прощала неправильных действий и требовала от обоих правительств честного и неукоснительного соблюдения взятых на себя обязательств».

Неудивительно, право, что во время этого выступления консерваторов разобрал веселый смех: «Мы не хотим признать ни виновности, ни невиновности России»—это поистине жалкая смехотворная позиция точно так же, как заявление о признании компетенции суда консервативного правительства, которое, по заявлению самого Клайнса, «усовершенствовалось в деле подлогов» над советским правительством. Если же представитель «рабочей» фракции находит слова осуждения для консерваторов, то только потому, что они «подражают коммунистическим методам» и наносят ущерб английской торговле.

«Методы, применяемые правительством,—продолжает Клайнс,—по существу своему являются по возможности близким подражанием коммунистическим методам. Правительство делает прекраснейшую в мире рекламу коммунистам. Таким путем нельзя победить пропаганду. Если принимаются такие политические и дипломатические меры, то невозможно, чтобы торговля продолжалась так, как если бы ничего не произошло. Вы не можете обращаться с нацией, как с отверженной, и об'являть ее нечестной с партийных трибун и в то же время предполагать, что торговля между обеими странами будет развиваться. Положение нашей промышленности не таково, чтобы мы могли легкомысленно позволить себе оттолкнуть от себя возможного покупателя или вести такую политику, которая отдаляла бы еще больше от нас этот огромный рынок—140-миллионного народа. (Аплодисменты на скамьях рабочей партии). Рабочая партия, внося свою резолюцию, руководится столь великой заботой о благосостоянии страны, какую не могла бы проявить никакая другая партия в палате».

В таком же духе выступал Гендерсон, которого консерваторы обвиняли в «страшном преступлении»—разговоре с т. Розенгольцем, явившимся в момент налета в парламент к лидеру рабочей оппозиции, после того, как он не мог добиться свидания с Чемберленом.

Единственное, что Гендерсон мог сказать в свое оправдание за «преступный» разговор с советским представителем в момент, когда англо-советские отношения уже висели на волоске, было следующее заявление:

«Разве мое поведение является неконституционным? Я всегда думал, что долг политического деятеля точно так же, как долг джентльмена, обращаться как с джентльменом со всяким, кто хочет сделать вам заявление».

Что же касается разрыва, то Гендерсон высказывается против него потому, что в результате его «пропаганда станет еще более сильной и опасной».

Венцом этой предательской тактики парламентской фракции рабочей партии была резолюция, *не содержавшая даже выражения недоверия правительству*. В резолюции только указывается, что разрыв «будет иметь серьезные международные последствия и преградит подававший надежды путь к восстановлению торговли и промышленности». Поэтому, умозаключают «рабочие трибуны» в парламенте его величества, в такую политику «страна не должна была бы вовлекаться до тех пор, пока палате общин не будет представлен полный отчет избранной ею комиссии, основанной на изучении всех относящихся к делу документов». Но так как большинство в такой комиссии составляли бы хозяева положения в парламенте—благодаря подложному письму Зиновьева—консерваторы, имеющие в руках и всю правительственную машину, то она вероятнее всего оправдала бы разрыв—вот к чему свелось бы действие резолюции «рабочей фракции», если бы она была принята!

Немногим лучше было отношение Генерального совета трэд-юнионов и независимой рабочей партии. Правда, секретарь Генсовета Ситрин отправил Болдуину письмо, в котором протестовал против «обращения столь упрощенного характера» (другой характеристики провокационного налета в лексиконе «левых» не имеется) с представителем СССР и требовал сохранения в силе торгового соглашения и дипломатических отношений с советским правительством, необходимых в интересах мира и являющихся «средством существенно облегчить тяжелое положение, вызванное очень большой безработицей». Но никакой попытки мобилизовать рабочие массы в защиту СССР против нападения английского империализма Генсовет не предпринял. Несколько дальше пошел председатель Генсовета Джордж Хикс, у которого хватило смелости присутствовать на завтраке в честь уезжающих членов полпредства и торгпредства, устроенном англо-русским парламентским комитетом, к величайшему негодованию твердолобых, в стенах парламента, освещенного вековыми традициями великобританского империализма. Хикс заверил советских представителей, что будет раз'яснять английским рабочим истинный смысл разрыва, и подчеркнул, что говорит уезжающим не «прощайте!», а «до свидания!» Председатель Генсовета, а также секретарь Ситрин, Бен Тиллет, Роберт Вильямс, Уолход, Ленсбери и даже Артур Гендерсон вместе—о, ужас!—с коммунистами Гарри Поллитом и Саклатвала присутствовали также на проводах на вокзале, где поезд с высланными «советскими шпионами» тронулся в путь под звуки «Интернационала» и «Красного флага».

Как бы ни относиться к генсоветчикам, нельзя отрицать того факта, что такая политическая демонстрация имеет большое политическое значение. Она окончательно портит игру консерваторов, которые пытаются инсценировать «всенародное возмущение» большевистскими интригами, она демонстрирует перед всем миром тот факт, что сочувствие английского рабочего класса

по отношению к СССР настолько глубоко, что даже проституированные рабочие лидеры, отдавая дань настроениям масс, открыто солидаризируются с дипломатическим представителем той страны, с которой правительство их страны об'являет дипломатическую войну—прелюдию к настоящей войне.

Для полноты картины следует еще отметить позицию наиболее левых (не считая коммунистов) деятелей английского профдвижения, представителей столь близкого пролетариату СССР союза горняков. Хотя состоявшаяся вскоре после разрыва (3 июня) конференция союза горняков, согласно старым добрым традициям английского трэд-юнионизма, обошла молчанием политические вопросы, в том числе вопрос о разрыве англо-советских отношений, она все же подтвердила свою солидарность с трудящимися СССР, одобрив доклад председателя союза Смита об организационном контакте с союзом горняков СССР. А секретарь союза Кук в беседе с представителем «Юманите» в весьма определенных выражениях выявил свое отношение к политике «твердолобых». «Чемберлен не добьется того, на что он надеется,—заявил Кук,—английские рабочие помнят несравненную помощь, оказанную им советским пролетариатом во время 8-месячной забастовки. Рабочие Англии и СССР—друзья. Английские рабочие понимают, что джингоистский кабинет выступает против их друзей».

Двигаясь дальше влево, мы подходим к отношению английской компартии к разрыву. Не имея возможности подробнее остановиться на этом вопросе, укажем только, что английская секция Коминтерна в этот критический момент целиком исполнила свой пролетарский долг. Она об'явила беспощадную борьбу не только «твердолобым», но и, если можно так выразиться, «безлобым», безмозглым лидерам английского рабочего движения, неспособным уяснить себе движущие силы антисоветской политики консерваторов.

«Макдональд, Гендерсон, Клайнс, Томас, Хикс и К°,—говорится в воззвании компартии,—которые сегодня удерживают рабочих от борьбы против подготовления Болдуина к войне, завтра превратятся в саржантов—вербовщиков Болдуина». Воззвание далее указывает, что борьба против войны требует в свою очередь усиления и поддержки боевых элементов рабочего класса, компартии, движения меньшинства и комсомола. Воззвание выдвигает лозунги: «Советы действия для предотвращения войны против СССР, Китая и английского рабочего движения». «Долой реформистский саботаж всеобщей забастовки, подготовляйте превращение войны против социалистической России в войну против английского капитализма».

Это воззвание, как говорят немцы, бьет прямо на шапке гвоздя. Но дело, конечно, не только в правильной классово-революционной формулировке: английская компартия, несмотря на свою молодость и малочисленность, отнюдь не является замкнутой революционной сектой: она зубами, руками и ногами вцепилась в рабочее движение, от которого Гендерсоны, Макдональды и Перcели всеми силами хотят ее оторвать: упорной повседневной борьбой за повседневные интересы рабочего класса она завоевала себе права гражданства в массовых организациях рабочего класса, рабочей партии, профсоюзах, движении меньшинства и т. д. Она *уже* оказывает немалое влияние и идеологическое воздействие на рабочие массы, и во время кризиса она развила широкую

агитационную кампанию в массах, подталкивала левых и правых, служила дрожжами во всем движении протеста против разрыва.

Но, помимо видимых результатов противодействия английского рабочего класса провокационной политике консерваторов по отношению к СССР, следует иметь в виду и его невидимую скрытую помощь, которая выражается в глухом отпоре правительству, в постоянном нажиме, дающем понять Чемберлену, что чересчур будоражить рабочую Англию антисоветскими провокациями далеко не безопасно...

Правда, противодействие пролетариата недостаточно для того, чтобы свалить консерваторов. Более того, если бы даже на ближайших выборах к власти пришла рабочая партия (сама или в коалиции с либералами), то она не могла бы удержаться у власти и снова уступила бы место консерваторам. Камнем преткновения для нее был бы опять-таки «русский вопрос». Почему? Потому, что основой идеологии рабочей партии является защита интересов британского империализма; защита же его грабительских эксплоататорских рабовладельческих интересов предполагает агрессивную борьбу против силового центра всемирного революционного движения пролетариата, колониальных и полуколониальных стран. Гг. Макдональды и Томасы, конечно, не прочь приложить руку к такой борьбе (это доказал кратковременный опыт рабочего правительства). Но они в то же время учитывают, что такие действия окончательно разоблачат их роль в глазах пролетариата. Вот почему они не смогут долго оставаться у власти. Это—одна сторона вопроса; другая—состоит в том, что буржуазия (опять-таки по примеру ее отношения к рабочему правительству Макдональда) в момент кризиса английского империализма ни за что не согласится на долгое время оставить у власти представителей рабочей партии, которые, будучи подвержены давлению со стороны пролетариата, не смогут вести достаточно решительную, «выдержанную» и «последовательную» с точки зрения буржуазии политику по отношению к СССР. Буржуазия поэтому сплотила бы все свои силы как консервативного, так и либерального лагеря и снова свалила бы рабочее правительство, которое, опасаясь стать на путь революционной борьбы, вынуждено будет капитулировать.

Но это уже вопрос будущих перспектив. Что же касается положения в настоящее время и в самом ближайшем будущем, то трезвый учет—на основании всех вышеизложенных фактов—способов реагирования на разрыв со стороны различных секторов рабочего движения дает нам право утверждать, что английской буржуазии не так легко будет решиться на военную авантюру против СССР. Если же—что весьма вероятно—она в конце концов, под давлением «твердолобых», на это пойдет, то будет иметь величайшие затруднения со стороны пролетариата. Ведь английский пролетариат теперь не тот, что 13 лет назад—в 1914 году и отношение его к СССР отнюдь нельзя сравнивать с отношением к империалистической Германии. И мы имеем все основания надеяться, что в случае новой войны или интервенции английского империализма против нас, мы помощь от английского пролетариата получим, и эта помощь сыграет огромную роль в ходе борьбы.

Удалась ли английскому империализму основная цель разрыва—создание или ускорение создания единого антисоветского фронта империалистических государств?

Это—центральный вопрос нашего международного положения в настоящий момент, а потому в нем нужно разобраться со всей тщательностью и конкретностью, исследуя его по отдельным странам. Однако, прежде чем приступить к такому анализу, нужно сказать, что, вообще говоря, такой фронт вполне возможен, ибо растущая мощь нашего Советского Союза и связанный с этим фактом бурный рост национально-освободительного движения в колониальных и полуколониальных странах наводит панику на мировую буржуазию и толкает ее к преодолению внутренних противоречий и об'единению всех своих сил против СССР. Этого основного, элементарного фактора всей международной политики отрицать никак невозможно и питать какие-либо иллюзии на сей счет было бы опасно. Но проблема единого антисоветского блока в ее реальной, конкретной постановке связана с моментами времени, количества (число участников) и качества (боеспособность). А если так подойти к вопросу, то картина получается несколько иная.

Посмотрим, как реагировали отдельные страны на разрыв и какие политические тенденции по отношению к СССР намечаются в них на ближайшее время.

Италия. Начнем с той страны, которая за последние приблизительно два года теснее других связалась с антисоветской политикой британского империализма—фашистской *Италии*. Накануне разрыва фашистская печать в связи с китайскими событиями заняла вызывающую позицию по отношению к СССР. Она открыто предлагала свои услуги Англии, выдвинув план поддержки английской интервенции в Китае и идеи активного участия в антисоветском блоке. А во время налета орган Муссолини «Теверо» многозначительно писал:

«Англо-советский разрыв заново поставит на очередь проблему взаимоотношений Советского Союза с другими западными державами. Следует окончательно выяснить, окажется ли необходимым создание единого антисоветского фронта, к которому стремятся некоторые круги—иначе говоря, близится ли борьба различных политических и экономических принципов в общеевропейском масштабе или дело сведется лишь к продолжению в новых условиях исторической англо-русской борьбы. Окажемся ли мы в роли наблюдателей или действующих лиц, во всяком случае не можем относиться к англо-советскому столкновению безразлично».

Хотя это написано как будто в «порядке постановки вопроса», истинный смысл статьи органа Муссолини разгадать нетрудно—она во всяком случае не говорит о дружественной политике по отношению к СССР.

После разрыва мы, однако, видим и некоторые факты противоположного порядка: итальянский посол в Москве Черутти, как будто открыто пренебрегая тем, что скажут в Лондоне, посещает наркомторга т. Микояна и ведет с ним переговоры относительно получения для итальянской промышленности тех заказов, которые до разрыва предполагалось поместить в Англии. Орган деловых кругов «Мессоджеро» подчеркивает желательность использования итальянским капиталом англо-советского разрыва в целях усиления итальянско-советской торговли. А Арнольдо Муссолини—брат и соратник фашистского диктатора, помещает в официозе «Пайола д'Италиа» статью, в которой выражает свой скептицизм по отно-

шению к осуществимости плана антисоветского блока и как будто рекомендует Италии осторожную, наблюдательную политику. «Фашистская Италия,—пишет А. Муссолини,—преодолевая большевистскую опасность, может занять позицию наблюдателя антибольшевистского похода, в котором, впрочем, отсутствует конкретный план политического действия... Каждое государство должно произвести у себя антибольшевистскую чистку, но было бы несправедливо и опасно преследовать большевизм в его собственной стране».

Это пишется в тот момент, когда английская правительственная печать с удовольствием и как будто основываясь на чем-то, уверяет, что Италия в скором времени последует примеру Англии. Что сие означает? Всякий, присматривающийся к политике Муссолини, в этих зигзагах итальянской дипломатии не усмотрит чего-либо странного или противоречивого. *Вся эта игра означает, что Бенито Муссолини торгуется с Чемберленом.* Статью Арнольдо Муссолини ни в коем случае не следует расценивать, как принципиальный отказ фашистского империализма от участия в антисоветском блоке. Она лишь сводится к шантажированию Англии, к запрашиванию у нее высокой цены за участие в блоке. Но даст ли Англия требуемую цену? На это ответить нелегко, ибо тут мы уже попадаем в порочный круг противоречий политики окружения. Та дипломатическая поддержка, которую требует Муссолини, должна ударить по Франции, против которой направлена фашистская экспансия.

Франция. Привлечь такой ценой Италию к антисоветскому блоку значит отдалить Францию. Тут мы подходим к политике Франции. Франция, как антисоветская сила, имеет для Англии большее значение, чем Италия. Момент англо-советского разрыва как раз совпадает с приездом в Лондон французского президента Думерга и министра иностранных дел Бриана. Близкая к Чемберлену «Дэйли Телеграф» по поводу предстоящих переговоров писала, что в них «может быть затронут вопрос о большевистской угрозе и параллельно с этим—вопрос о мерах борьбы с разрушительной коммунистической пропагандой». Расшифровать это замечание нетрудно: Англия намеревалась договориться с Францией о создании единого фронта против СССР.

Не приходится закрывать глаза на тот факт, что нынешние политические настроения французской буржуазии благоприятствуют такому сговору. События в Китае усилили в ее рядах тревогу за Индо-Китай и другие колонии. Паника обуяла одинаково как партии правого национального блока, так и левого блока. Министр внутренних дел, радикал Сарро, выдвинувший лозунг: «коммунизм—вот враг», возглавляет поход против компартии; группа депутатов-коммунистов предается суду; производятся аресты среди видных деятелей компартии в поисках виновников какого-то таинственного «заговора». Сарро, как раз в момент англо-советского разрыва, выступает в камере депутатов с речью, в которой обрушивается на козни Москвы. Официоз «Тан» приветствует лондонский налет, как «доведение до логического конца разумной защиты от интриг Москвы», и высказывается за солидарность «демократических» (читай—буржуазных) стран в борьбе с «большевистской опасностью». На ряду с этим идут разговоры об «омоложении» и «обновлении» англо-французского согласия, которые, без сомнения, и вызвали недовольство в Италии и явились причиной на-

строений, выраженных в статье А. Муссолини. Но и во Франции мы на ряду с враждебными СССР течениями видим и стремления к сближению. Судя по сообщениям печати, визит президента Думерга и Бриана в Лондон, несмотря на все толки об «омоложении» англо-французской Антанты, «серебряной свадьбе Антанты» и проч., и проч., не дал значительных результатов. Бриан, повидимому, дал Чемберлену лишь общего характера заверения насчет согласования действий по борьбе с «большевистской опасностью», но не взял на себя никаких определенных обязательств в вопросе об участии в антисоветском блоке. Такой же половинчатый характер носит французское официозное сообщение по поводу посещения Чичериным Пуанкаре и Бриана.

«Французскому правительству,—гласит это сообщение, — не приходилось до сего времени ставить перед собой вопрос об изменении отношений, существующих между Францией и Россией, и оно не возьмет на себя инициативы в этом направлении, если только не будет вынуждено к этому новыми обстоятельствами». Это «если» не носит, конечно, особо дружественного характера, но факт налицо: со стороны Франции английское правительство пока ожидаемой прямой поддержки не получило. Любопытно также, что Бриан счел нужным смягчить выпад Сарро, заявив, что в представленной на предварительное рассмотрение кабинета речи министра внутренних дел атака была направлена не против «Москвы» вообще (т.-е. советского правительства), а против Коминтерна. При этом, однако, Бриан добавил, что если бы вмешательство советского правительства во внутренние дела Франции было доказано, то он не преминул бы принять соответствующие меры.

Эти благоприятные для СССР тенденции определяются следующими причинами: 1) французский империализм заинтересован в ослаблении английской гегемонии, 2) Англия не может дать Франции требуемую ей цену за присоединение к антисоветскому блоку, т.-е. отойти от Италии и прекратить оказывание частичной поддержки Германии в вопросе об эвакуации Рейнской области и снятии контроля с германских вооружений, 3) переговоры с советским правительством показали возможность регулирования вопроса о долгах, играющего первостепенную роль в франко-советских отношениях (если верить французским данным, в аннулированных царских бумагах заинтересовано около 3-х миллионов французских граждан), 4) быстрая послевоенная индустриализация Франции толкает ее в сторону рынка СССР, 5) левый блок, оказывающий постоянное давление на правительство Пуанкаре, настроен против политики авантюр по отношению к СССР. Что пролетариат, находящийся под сильным влиянием компартии, не дает распоясаться воинствующим антисоветским элементам—это и без об'яснений понятно.

Против всех этих благоприятных факторов действует огромная сила—сила ненависти крупной и немалой части мелкой буржуазии против страны большевизма и ее влияния на судьбы французской «республики-империи», владеющей колониальным населением в 60 миллионов человек, при населении собственно Франции лишь в 40 миллионов. Недооценивать значения этого фактора было бы грубейшей ошибкой. Он нейтрализует моменты, благоприятствующие сближению с СССР, и при определенном стечении обстоятельств может склонить чашу весов в сторону

враждебной политики по отношению к СССР. Следует к тому же иметь в виду специфические отношения, существующие между Францией и Польшей. Несмотря на отклонение линии польской внешней политики в сторону Лондона, Париж все еще смотрит на Польшу, как на оплот своего влияния на Востоке, в частности, как на союзника против Германии. Вот почему, если бы английскому империализму удалось бросить Польшу против СССР и поставить перед лицом совершившегося факта Францию, то последняя активно помогала бы Польше.

(*Продолжение следует*).

К. Таболов.

О национальной культуре, об украинизации и о литературной истерике Ваганяна и Ларина.

За последнее время национальный вопрос снова приковывает к себе внимание партии и трудящихся нашей страны. Острота национального вопроса имеет в своей основе следующие причины: во-первых, многонациональность нашего Союза и огромный контраст в ступенях развития отдельных народностей. Во-вторых, рост мелкобуржуазных и буржуазных элементов в стране, что совершенно верно отметил т. Бухарин в своей речи на последней ленинградской губпартконференции. В-третьих, ныне значительно обостряет национальный вопрос безработица. В-четвертых, как результат отмеченных причин, наблюдается усиление великодержавного шовинизма и местного национализма. В-пятых, нынешняя острота национального вопроса в известной степени есть болезнь роста, своеобразный результат огромных культурных успехов.

Все перечисленные обстоятельства требуют прежде всего правильного решения национального вопроса в повседневной работе, подробного освещения имеющегося опыта. Затем перед нами уже встает целый ряд общих проблем национального вопроса и их решение с точки зрения задач строительства социализма.

Два литератора взяли на себя задачу намечения методологических принципов национальной политики пролетариата в данный период (В. Ваганян) [1]) и освещения практического проведения в жизнь решений партии по национальному вопросу (Ю. Ларин) [2]). Первый взялся за «теорию», второй—за «практику».

Разбору взглядов этих двух авторов посвящена настоящая статья.

Ваганян и его фокусы с национальной культурой.

Ваганян ошибается и путается в вопросах культуры. Однако тактик он не глупый. Он понимает, что ныне неудобно выступать против решений партс'ездов и отдельных партруководителей. Некоторые общеизвестные документы, посвященные как раз разбираемому вопросу и противоречащие его взглядам, Ваганян обходит гробовым молчанием. Наш автор воскрешает из мертвых Ноя Жордания, Отто Бауэра, культурно-национальную автономию австрийцев, национализм Бунда, грехи кавказских ликвидаторов и

---

[1]) Ваганян. «О национальной культуре». ГИЗ. 1927 г.

[2]) Ларин. «Об извращении при проведении национальной политики». «Большевик» № 23—24 за 1926 г. и № 1 за 1927 г.

многое др., чтобы под видом борьбы против оппортунистов всех времен и народов доказать ошибочность и вредность национальной политики партии. Хорошая тактика, нечего сказать.

Существа полемики т. Ваганяна с австро-марксистами, кавказскими ликвидаторами и Бундом мы не будем касаться. Это завело бы нас слишком далеко. Да и Ваганян тут ничего нового не дает по сравнению с той критикой этих течений, которую давно дали Ленин и Сталин. Нас больше интересуют собственные положения Ваганяна. Начнем с центрального вопроса, с определения национальной культуры.

«*Под национальной культурой*,—пишет Ваганян,—*следует понимать только господствующую классовую культуру буржуазии*» [1]). Нельзя говорить о национальной культуре независимо от буржуазной культуры. Национальная культура неотделима от буржуазной культуры, национальная культура есть псевдоним капиталистической культуры—вот что следует из утверждения Ваганяна. Но верно ли это? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно выяснить, что такое буржуазная культура и культура национальная.

Буржуазную культуру определить нетрудно. Она состоит, как и всякая культура, из материальных и духовных элементов и направлена к укреплению классового господства буржуазии, к подавлению (путем принуждения и убеждения) сопротивления эксплоатируемых классов. Так можно сформулировать буржуазную культуру.

Совершенно ясно, что выяснение буржуазной культуры ровно ничего не говорит о культуре национальной. Ваганян бросил формулировки, не потрудившиись сколько-нибудь растолковать их. Нам же нужно ответить на вопрос, что лежит в основе каждой национальной культуры в отличие от других, что делает ее национальной.

Теперь формулируем понятие национальной культуры. Она включает в себя элементы материальной и духовной культуры, отличные по своему строению, а не классовому содержанию от тех же элементов других наций. В основе национальной культуры лежат своеобразные условия жизни данной нации в смысле географическом, развития производительных сил, пропорция культур различных формаций, нравы, обычаи и пр. и, наконец, в известной степени национальный язык.

Это определение не может претендовать на абсолютную точность, но оно включает те основные элементы, из которых складывается национальная культура.

Теперь из простого сравнения того, что есть классовая культура буржуазии, и того, что обнимает понятие национальной культуры—очевидно, как недопустимо отождествлять одну с другой, ставить между ними знак равенства.

Практический вывод, который непосредственно вытекает из отождествления буржуазной и национальной культур заключается в том, что пролетарская революция, уничтожив господство буржуазии и ниспровергнув капиталистическую культуру, должна ниспровергать и национальную культуру. Вот почему Ваганян ратует против национальной культуры—это корень его вредной «социологии» по национальному вопросу.

---

[1]) Ваганян, стр. 51. Курсив автора. *К. Т.*

В действительности национальная и буржуазная культуры отнюдь не тождественны—одна не покрывает другую. Национальная культура оформилась при буржуазии, но не ею только создана и не с нею отомрет. Пролетариат в социалистической революции опрокидывает эксплоататорскую культуру буржуазии, но он не может поставить задачей ниспровержение национальной культуры. Буржуазно-эксплоататорское содержание заменяется пролетарско-социалистическим, а национальная форма остается. Признает ли Ваганян существование национальной культуры ныне в Советском Союзе? Если да, то насколько она правомерна с его точки зрения, какова должна быть наша к ней политика?

После долгих блужданий вокруг формы и содержания Ваганян пишет: «и *содержание и форма* культуры рабочего класса, несмотря на различие языков, *едины* на всех языках, интернациональны...» [1]) и т. д. Автор взял узкую область—культуру рабочего класса. Но даже здесь ошибочно утверждать, будто форма и содержание культуры едины.

В действительности форма обусловливается содержанием и содержание не может существовать без формы. Может случиться так, что под старой формой до поры, до времени может уживаться и даже расти новое содержание. Но в конечном счете содержание обусловливает себе соответствующую форму. Форма и содержание образуют не метафизическое, а диалектическое единство. Классовое существо составляет содержание всякой культуры. Но классовая культура в жизни принимает различные национальные формы. Под национальной формой до поры, до времени могут уживаться даже различные содержания. И прав тов. Сталин, когда пишет: «пролетарская культура, социалистическая по своему содержанию, принимает различные формы и способы выражения у различных народов, втянутых в социалистическое строительство, в зависимости от различия языка, быта и т. д. *Пролетарская по своему содержанию, национальная по форме*,—такова та общечеловеческая культура, к которой идет социализм».

Еще один важный и интересный вопрос нужно поставить в связи с выяснением национальной культуры. Признает ли Ваганян существование нации при диктатуре пролетариата в Советском Союзе или нет?

Автор этого вопроса прямо не ставит, но из хода его рассуждений можно заключить, что он не отрицает существования нации. Национальную же культуру он отрицает. Три возможных выхода остается Ваганяну: либо он признает существование нации при диктатуре пролетариата—и тогда он должен считать правомерным и существование национальной культуры, либо он отрицает национальную культуру и допускает существование наций без национальной культуры, либо отрицает и национальную культуру и нацию в целом. Первый выход для Ваганяна исключен, так как нацкультуру он отрицает. Остается два выхода: или он должен допустить сущую несуразность и отрицать существование нации в Советском Союзе или должен допустить существование нации без национальной культуры—еще большая нелепость, равносильная тому, чтобы допускать существование человека без тела.

---

[1]) Ваганян, стр. 45. Курсив наш. *К. Т.*

А что у нас в Союзе нации не только существуют, но и *возникают* и развиваются—это факт. Как это, может быть, и ни странно, но социалистическое строительство в первой своей стадии обусловливает возникновение новых наций из тех племенных образований, которые дожили до пролетарской революции. С точки зрения формальной логики нужно было бы сказать, что нации создаются при капитализме, а при социализме *только* отмирают. К такому выводу в сущности приходит и Ваганян. В действительности же получилось несколько иное. В чрезвычайно своеобразной форме и исторической обстановке, при диктатуре пролетариата целый ряд племен, которые при царизме насильственно ассимилировались, образуют новые нации и, разумеется, нации не без национальной культуры.

С точки зрения Ваганяна этот процесс либо невозможен, либо вреден (это он сказал недвусмысленно в заключительном слове в Комакадемии), ибо ведь создание национальной культуры, по мнению автора, есть дело только буржуазии. С точки зрения марксизма и фактического положения вещей, такой процесс не только возможен, но он имеет место, является необходимым и целесообразным делом пролетариата. В целом процесс сводится к тому, что некоторые народы, минуя капиталистический этап развития при диктатуре пролетариата, формируются в нации, чтобы тем скорее продвинуться в безнациональное, коммунистическое общество. Тут противоречие не выдуманное, а жизненное, диалектическое.

Ваганян и его правое существо под левой фразой.

Книга Ваганяна полна левых фраз. Однако, стоит разобрать его *взгляды*, чтобы убедиться в том, что за левыми фразами скрывается правое, шовинистическое содержание.

Политика партии в вопросах культуры ничего общего не имеет со словесной трескотней Ваганяна. Пролетариат строит и будет строить свою классовую культуру. И только педанты могут противопоставлять работу над укреплением пролетарской культуры задачам создания интернациональной культуры социализма. Наоборот, между ними существует неразрывная органическая связь. Беда Ваганяна заключается в том, что он не считается с действительностью и заменяет ее желанной. А действительность в области национальной культуры состоит в том, что мы пока невежественны и далеки от всеобщей грамотности.

И вот, неугодно ли при таком состоянии миллионов трудящихся прочесть следующее рассуждение Ваганяна: «Я же против *буржуазной* культуры,—заявляет Ваганян,—которая есть та же тьма и то же невежество. Я за то, чтобы всемерно строить *интернациональную культуру пролетариата*; а наши национал-коммунисты под видом построения *национальной* культуры сеют невежество и темноту» [1]).

Разумеется, буржуазная культура заслуживает всех ругательств Ваганяна. Она не только тьма и невежество, но и еще хуже. Между прочим среди некоторых народностей тем большую почву найдет пролетарская культура, чем меньше туда проникла культура буржуазии. Но фактом остается то, что трудящиеся

[1]) Ваганян, стр. 111. Курсив автора. *К. Т.*

многих народов нашего Союза, не имеют того уровня элементарной культуры, которую несет капитализм. Мы за время революции имеем колоссальные культурные успехи, и все же остаются миллионы неграмотных. Ваганян сражается против буржуазной культуры, ратует за интернациональную культуру. За это ему честь и хвала. Но то, что он при этом забывает о миллионах азербайджанского, киргизского и пр. крестьянства, это печально.

Собственно, Ваганян даже на песке способен строить интернациональную культуру. Мы же считаем, что интернациональная культура есть результат определенной ступени развития производительных сил общества. Это, конечно, отнюдь не значит, что все нации должны ждать, пока внутри все условия вызреют настолько, что можно будет форсированным темпом развивать интернациональную культуру. Наоборот, мы уже писали, что при диктатуре пролетариата многие народы могут и должны миновать капиталистический этап развития. Здесь мы хотим только сказать, что требуется минимальный уровень развития, чтобы трудящиеся из об'екта воздействия интернациональной культуры сделались ее активными строителями и творцами. Отсюда, среди мелких, отсталых народов Союза ударная задача сводится к насаждению элементарной культуры и технической грамотности. Тут нечего мудрствовать об интернациональной культуре.

Отсюда и правильная общая политика партии в отношении национализации местного аппарата власти, перехода школ на родной язык и т. д. Ведь все это тоже как будто противоречит задачам интернациональной культуры. Куда проще насаждать язык, культуру и пр. пролетарской Москвы. Однако, этого мы сейчас не делаем. Напротив, чем больше мы вложим пролетарского содержания в национальную форму, тем быстрее мы подвинемся к торжеству социалистической культуры, тем популярнее будет в массах более высокая культура русского пролетариата. Ваганян хочет палкой гнать людей в рай. В своих суждениях он исходит из положения таких культурных наций, как грузины и армяне. Он забывает, что у нас есть десятки миллионов людей, которые на сотни лет отстали в культурном отношении от грузин и ярмян.

Глубоко ошибается Ваганян и тогда, когда полагает, что ныне борьба в области культуры происходит между национальной и интернациональной культурами. «Борьба классов в культуре как раз и выражается в борьбе *между национальной культурой и культурой интернациональной*, между общественностью национальной и общественностью классовой» [1]). Это—неверная формулировка. Неверная хотя бы потому, что внутри самой национальной культуры происходит классовая борьба. Да и интернациональная культура без всяких противоречий готовенькой с неба не сваливается.

Ныне в национальных окраинах Союза под национальной оболочкой идет борьба между пролетарской и буржуазной культурами. При советской власти не задача партии пролетариата вести борьбу против национальной формы. Самое существенное для нас—классовое содержание. И тут возможна и даже местами неизбежна подмена пролетарского содержания буржуазно-националистическим.

Когда т. Ваганян борется против такого сознательного и бес-

[1]) Ваганян, стр. 22. Курсив наш. *К. Т.*

сознательного буржуазного извращения линии партии,—это хорошо. Местный национализм, конечно, вырос за последние годы, и с ним надо вести решительную борьбу. Но отдельные извращения при общей правильной политике нам не страшны.

Более серьезно стоит вопрос о росте явнобуржуазных и реакционных элементов среди отдельных национальностей. Напр., за последнее время мы являемся свидетелями огромной активности мусульманского духовенства и кулачества Татарстана. Там муллы расширяли сеть религиозных школ, влияли (большей частью через женщин) на перевыборы советов, требовали, равноправия мулл с крестьянством, прекращения антирелигиозной пропаганды и т. д. Вот откуда нам угрожает опасность. И кивание части профессуры грузинского университета в сторону французского языка, а группы украинских товарищей в сторону культуры Запада, являются звеньями одной цепи. Однако, все это говорит лишь о том, что со времени XII партс'езда у нас значительно вырос местный национализм, хотя он далеко еще не перерос великодержавный шовинизм. Ваганян ратует против местного национализма, но не замечает, а отчасти прикрывает, великодержавный шовинизм. А что последний живет и здравствует это достаточно убедительно отметил т. Бухарин в «Злых заметках» и подтверждает жизненный опыт.

Ваганян не видит центростремительных тенденций, заложенных в существе пролетарской диктатуры, основой которых (тенденций) является экономическая, финансовая, политическая и культурная зависимость окраин от центра. Последний может во всякое время использовать свою мощь, чтобы втягивать отдельные народы в орбиту социалистического строительства. Это имеет огромное положительное значение. Но глупо отрицать, что эти центростремительные тенденции при бюрократическом аппарате могут перегнуть палку и сослужить медвежью услугу пролетариату.

Ларин провоцирует украинизацию.

В сущности, г. Ваганян «теоретически», а т. Ларин «практически» делают одно общее дело. Не случайно Ваганян протягивает руку Ларину.

Основное и исходное в статье т. Ларина (она напечатана в двух номерах «Большевика»)—это его факты. Он привел их несколько, преспокойно укрылся за ними и атаковал ту огромную работу, которую ведет партия на Украине. Как же обстоит дело с фактами?

Действительность части примеров т. Ларина нужно поставить под сомнение. Другая часть является не результатом украинизации, а той отсталости, невежественности и бюрократизма, которые мы получили в наследие от царизма, имеют место не только на Украине. Наконец, третья часть—это действительные извращения с которыми нужно бороться, но их сам автор считает неизбежными.

Тов. Ларин начинает с одесской комсомольской ячейки. Он на основании газетной заметки утверждает, что большая часть еврейской молодежи ячейки не владеет родным языком, а райком через секретаря ячейки навязывает последней еврейский язык. Здесь автор обнаруживает факт насильственной евреиза-

ции и на нем строит целую «теорию» шовинизмов, национализмов и пр. «измов». Однако, по тем материалам, которые у нас имеются под руками, можно установить, что в комсомольской ячейке 1-й госконсервной фабрики, о которой идет речь у т. Ларина, только 12% еврейской молодежи не владеют еврейским языком. Таким образом, основной и исходный факт Ларина отпадает, и вместе с ним оказываются необоснованными обвинения украинских работников в насильственной евреизации и пр. смертных грехах. Отпадают и обвинения Ларина, основанные на евреизации. А их целая дюжина: шовинистическое руссофильство, антисемитизм, подрывная работа против советской власти, попытки отучения евреев от русского языка путем евреизации, стремление со стороны мелкой буржуазии ослабить конкурента, стремление к тому, чтобы избавиться от конкуренции евреев в деле обслуживания города и деревни и т. д.

На протяжении двух страниц Ларин выдвинул эту серию опасностей и уклонов против распространения родного языка среди евреев. А вот то, что в прошлом году большинство еврейских трудящихся, 58,5% членов профсоюзов евреев (свыше 100 тыс. чел.), показали родным языком еврейский,—об этом Ларин ничего не хочет знать.

Не менее веским аргументом для т. Ларина послужили те слухи, которые распространяются по Советскому Союзу вокруг ненормальных явлений при проведении украинизации. Можно определенно сказать, что Ларин (а с ним еще многие), к великому сожалению, находится во власти этих слухов. Он даже попытался доказать достоверность и справедливость этих слухов. Для этого он комментирует письмо одного русского пролетария, работающего на Украине. «Пятнадцать лет своей *сознательной* жизни я участвовал в партийных организациях на территории Украины,—пишет этот рабочий,—и вдруг мы сразу перестали понимать доклады, газеты и т. д... Разве это похоже на ленинскую национальную политику»,—спрашивает автор письма. А Ларин отвечает: «Нет, конечно, не похоже» [1]).

Мы, однако, сомневаемся в том, чтобы пролетарий-революционер 15 лет прожил *сознательной* жизнью на *территории Украины* и не знал украинского языка.

В самом деле, как же украинские рабочие и крестьяне, не пролетарии, а «хохлы», как они на территории *Украины* десятки лет понимали русский язык и не оставались неграмотными? Ведь это было возможно при царизме. Почему же ныне, при советской власти, русские пролетарии (да еще партработники) не могут изучить украинский язык? Мы усматриваем в письме, приведенном т. Лариным, нотки великодержавного колонизаторства. И Ларину следовало бы не итти в хвосте этих слухов, не раздувать их, а пресекать в корне. Так обстоит дело с многими фактами Ларина.

В принципе против украинизации Ларин не возражает. Напротив, он даже считает необходимым *принудительность* в вопросе изучения украинского языка служащими некоторых публично-правовых органов государства. Он и не против украинского языка, он за то, чтобы все служащие госаппарата «*ознакомились*» с ним. Странный термин, склоняемый автором направо и налево! Когда

---

1) «Большевик», № 23—24, 1926 г., стр. 55.

же т. Ларин ставит вопрос в плоскость практического решения, то ему мерещатся «*элементы разложения*», «возможности политического перерождения пролетариата», «опасности вырождения профсоюзов в бюрократические организации» и т. д. и т. п. Странное положение создается у т. Ларина. С одной стороны, нужно признаться, с другой стороны, нельзя не сознаться. Украинизация вообще, в абстракции—вещь не плохая, но украинизация нынешняя на территории Украины несет опасности разложения. В смешное положение попадает Ларин.

В своем месте мы показали, что Ваганян упорно молчит о той огромной позитивной работе, которая разворачивается среди различных национальностей Союза.

Тов. Ларин в более осторожной форме, но по сути дела пошел по следам Ваганяна. Для него гигантская культурная работа трудящихся Украины проходит бесследно и остается неоцененной. Зато автор с начала своей статьи призывает к «употреблению власти», угрожает «вмешательством сверху» и в конце торжествующе заявляет: «Но теперь пора уже от *исторических об'яснений перейти к изменению практики*» [1]). Что значит «вмешательство сверху»—в устах Ларина трудно понять. Но лозунг «к изменению практики» в связи с недвусмысленными обвинениями парторганизации превращается в известную политическую формулу. Для украинского строительства эти обмолвки и недвусмысленные заявления означают: долой украинизацию, да здравствует руссификаторство!

Такой вывод, собственно, и сделали на Украине из статьи т. Ларина. Авторы целого ряда писем в ЦК ВКП(б), в редакцию «Большевика» и лично т. Ларину указывают, что после появления статьи возникли некоторые колебания в рядах определенного круга партработников в отношении украинизации. А что касается верхов русского чиновничества, так они открыто подняли голову. Да это и понятно, ибо с такими вопросами, как национальный, шутить нельзя. Там, на Украине, партия проводит огромную и чрезвычайно сложную работу, а т. Ларин своими выступлениями дезорганизует волю целой организации и льет воду на мельницу явных врагов партии. А что русский бюрократ на Украине не мираж, а реальный и существенный факт, направленный против украинизации, в этом легко можно убедиться. Почитайте номер «Киевского Пролетария» от 27 ноября прошлого года, и вы увидите, что даже во время проверки знаний украинского языка наблюдалось враждебное отношение некоторых служащих к украинизации. Оно сказалось «*в насмешках над украинским языком*, в отрицательном их (некоторых служащих) отношении к вопросу об изучении языка и в отрицательном *влиянии* на других служащих, желавших изучить язык». Что-то это не похоже на действия «обиженных овечек», русских чиновников, которых взял под защиту т. Ларин.

Мы же отнюдь не берем под защиту отдельные глупости и сознательное извращение в вопросе украинизации. Они действительно неизбежны, особенно в условиях слабо-пролетаризованной, национально-перемешанной, некогда угнетенной, а потом петлюровской Украины. На отдельных участках культурного фронта

[1]) «Большевик», № 1, 1927 г., стр. 68.

даже неизбежны провалы и частичное усиление националистической интеллигенции. Все это неизбежно, против этого борьбу вести надо, но не в этом суть спора.

Проблема украинизации вещь более серьезная, чем думают иные товарищи, в том числе и коммунисты. У нас довольно много говорят о смычке рабочего класса и крестьянства. Однако, частенько эту идею забывают как раз там, где ее можно осуществить с несомненным успехом. На Украине преобладают русские рабочие. Им вместо бегства из Украины следует принять самое деятельное и руководящее участие в украинизации, вместо «знакомства» с языком они должны его изучить и одолеть.

На X с'езде партии т. Сталин сказал: «Недавно еще говорилось, что Украинская республика и украинская национальность—выдумка немцев. Между тем ясно, что украинская национальность существует, и развитие ее культуры составляет обязанность коммунистов» [1]). Ныне мы можем добавить, что проведение украинизации—революционный долг и прямая обязанность коммунистов и рабочих, прежде всего тех русских пролетариев, которые работают на территории Украины. Они должны сделать все от них зависящее, чтобы создать деловую и товарищескую атмосферу при проведении украинизации, по возможности взять ее под свое влияние и руководство.

---

[1]) И. Сталин, «Собр. ст. по нац. вопросу». Тифлис, с. 127.

Ю. Ларин.

Капиталистическая промышленность, ее рабочие и наша установка.

По подсчетам специальной авторитетной комиссии, работавшей с участием тт. Орджоникидзе, Квиринга, Ю. Ларина, Струмилина, М. Фрумкина, А. Микояна и др., продукция капиталистической промышленности составляет у нас около 10% всей промышленной продукции СССР. Однако, лишь меньшая часть этой величины (около трети) приходится на открыто существующие цензовые капиталистические фабрики и заводы (собственные, арендованные, концессионные). Большая часть существует формально в виде мелкой нецензовой индустрии, на деле прибранной к рукам капиталистами путем организации «домашней системы капиталистической промышленности» (раздача работы на дом), путем создания лжекооперативных, а на деле предпринимательских «промысловых артелей» и т. д.

В капиталистической промышленности по всему СССР *явных наемных рабочих* занято только около *трехсот тысяч* человек (по «Контрольным цифрам» Госплана в прошлом 1925/26 году их было там 283 тыс. чел.). Значительно больше, до полумиллиона в переводе на годовых работников, можно считать число тех, кто на деле организован капиталистическим производством, формально являясь якобы самостоятельным, выбирающим патент кустарем, или членом трудовой артели.

Общепринципиальная линия наша относительно участия частного капитала в промышленности в настоящее время ясна и давно установлена партией. Практические же мероприятия вырабатываются по мере накопления опыта и его изучения. К настоящему времени у нас накопилось достаточно материалов для того, чтобы наметить в этом отношении некоторые более четкие практические вехи. Мероприятия эти могут быть разбиты на четыре группы: 1) *по переводу из скрытого состояния в явное* с соответственной подконтрольностью и ограничением эксплоатации; 2) *по дифференцировке (различению) нашего подхода* к участию частного капитала в разных отраслях промышленности: 3) *по направлению* частного капитала именно в те отрасли, где он для нас приемлемее—на началах соответственного его подчинения государственному руководству и зависимости от этого руководства; 4) по *высвобождению кустарей* от зависимости от частного капиталиста (как заказчика, скупщика, организатора снабжения и т. д.) с вовлечением их в русло государственного хозяйства.

Формы скрытого и распыленного существования капиталистических промышленных предприятий—это преимущественно *лжекооперативы* («трудовые артели») и затем главным образом—*домашняя система капиталистической промышленности* (квар-

тирники, работающие на магазины, и кустари, работающие на раздаточные конторы). Таких «замаскированных» рабочих имеются *сотни тысяч*. В смысле капиталистической эксплоатации, какой они подвергаются, их положение гораздо хуже, чем положение явных наемных рабочих капиталистических же предприятий.

В работах тов. Эмдина «Положение труда в частной промышленности» и тов. Белкина «Формы частной промышленности» (сборник ВСНХ «Частный капитал», М. 1927 г., стр. 206—249) можно найти ряд показательных иллюстраций. Когда капиталист организует промышленное заведение открыто, с наемными рабочими,—это заведение попадает под контроль правительственных органов (фининспектор, трудинспектор и т. д.), а рабочие вступают в члены профсоюзов. В итоге имеем, что по детальным примерам сборника ВСНХ видно, что повсеместно ставка и заработок наемных рабочих той же отрасли и того же разряда в частной промышленности почти всегда не меньше, чем в государственной промышленности, а иногда и больше. «Случаи задолженности по заработной плате и неаккуратности в выплате в частной промышленности наблюдаются относительно редко» (сборник ВСНХ, стр. 212).

1. *Отчисления в пользу рабочих* сверх заработной платы в открыто функционирующих капиталистических предприятиях с наемными рабочими почти всегда больше, чем в соответственных государственных предприятиях. Отчисления эти устанавливаются коллективными договорами для организации культработы, для устройства домов отдыха и т. д. По данным Центр. Бюро статистики труда по всему СССР в среднем по главным отраслям, где имеются открытые капиталистические предприятия, процент этих отчислений ко всей заработной плате на 1 декабря 1925 г. составлял:

	Госпредприятия %	Капиталистические %
Металлисты	3	6,3
Текстильщики	3	5,3
Кожевники	3,3	6,1
Печатники	3,6	7,0
Химики	3,2	7,3
Швейники	3	6,2
Пищевики	3	5,5
Деревообделочники	3,3	5,6

Такова же картина в частности и по Москве. Частным предпринимателям профсоюзы ставят более жесткие условия и по заработной плате и по отчислениям. В тех случаях, когда деятельность капиталистического промышленного предпринимателя *протекает явно, без маскировки и без упраздняющей возможность контроля распыленности* (работа зависимых кустарей у себя на дому),—наш строй и наши порядки обеспечивают рабочему серьезную защиту от попыток чрезмерного обострения капиталистами эксплоатации.

Не надо только думать, что капиталисты платят своим рабочим больше, чем в таких же государственных предприятиях,

просто по доброте душевной, из расположения к пролетариату. *Дело просто в том, что капиталист заставляет рабочего работать в капиталистическом предприятии с гораздо большей напряженностью, чем это имеет место в государственной промышленности.* Рабочий тратит у капиталиста гораздо больше сил, здоровья, нервов и *дает гораздо больше выработки в один человеко-день.* «Нормы выработки в ряде производств частной промышленности значительно выше норм, установленных в государственной промышленности» (сборник ВСНХ, стр. 212). По обследованию ЦСУ (обнимающему 77 тысяч наемных рабочих капиталистической промышленности за первый квартал 1925 г.), —выработка на один отработанный человеко-день в червонных рублях составляла в следующих характерных для частного капитала отраслях промышленности:

Отрасли промышленности	Государств. предприятия р.	к.	Капиталист. предприятия р.	к.
Стекольная	5	47	8	17
Обработка металлов	15	85	17	30
Деревообделочная	13	50	17	36
Кондитерская	24	66	31	37
Пивоваренная	21	03	25	31
Кожевенная	29	37	41	66
Швейная	17	80	19	33
Типографии	13	62	19	93

В тот же период по цензовой промышленности Московской губернии выработка на один человеко-день в довоенных рублях составляла *в государственной* промышленности 9 руб. 54 коп. и в *капиталистической*—целых 12 р. 61 к., *или более чем на 30%* *выше.* Между тем среднемесячная заработная плата в капиталистической промышленности только процентов на 20 выше заработка рабочих государственных предприятий (в октябре 1925 г. по Москве 81 р. 13 к. и 74 р. 74 к., в январе 1926 г.—83 р. 99 к. и 70 р. 23 к., в феврале 1926 г.—88 р. 64 к. и 71 р. 61 к.). *Таким образом, по отношению к выработке в капиталистической промышленности заработок наемного рабочего определенно ниже, чем в государственной.* Рабочий дает у капиталиста больше выработки, благодаря большему напряжению, а не благодаря лучшим машинам, ибо техническое оборудование у капиталиста хуже, чем на государственных предприятиях.

2. Показательно положение *с отпусками* и с соблюдением предписаний *охраны труда.* Имеется разработка МГСПС о нормах отпусков по колдоговорам, действовавшим в Москве за 1925 г. Продолжительность ежегодного отпуска, по процентному распределению рабочих по срокам отпусков, в среднем по девяти индустриальным профсоюзам составляла:

	Государств. предприятия %	Капиталист. предприятия %
Две недели	95,9	41,2
Три »	2,6	4,4
Четыре недели	1,5	54,4

Разница зависит не от большей вредности производств, а от других условий колдоговоров в тех же производствах. Что касается *охраны труда,* то вообще «санитарно-техническое состояние заведений частной промышленности *значительно отстает* от санитарно-технического состояния госпромышленности», ибо «частные промзаведения ютятся в приспособленных для производства сараях, жилых помещениях и т. п.» (сборник ВСНХ, стр. 213). Поэтому при обследованиях инспекцией труда происходит гораздо больше привлечений капиталистов к судебной ответственности (и за нарушение правил о социальном страховании и других), чем при обследовании государственных хозорганов. За вторую четверть 1926 г. по РСФСР из всех обследованных предприятий каждой группы владельцев (государство, кооперация, капиталисты) было привлечено инспекцией труда к судебной ответственности:

из государственных	11,2 %
» кооперативных	13,7 »
» капиталистических	47,6 »

Отчасти эта разница об'ясняется, конечно, более снисходительным отношением инспекторов к государству и кооперации—их не направляют сразу в суд, а дают сроки для исправления, иногда не раз и не два увещевают, вообще, миндальничают, вместо того, чтобы действовать. Это «бюрократическое извращение» в практике инспекторов труда *начинает* изживаться только в последнее время. Требования к *государственным* предприятиям в области охраны труда и соблюдения трудового законодательства со стороны инспекторов и профсоюзов должны быть тверды и бескомпромиссны—такова директива в этом отношении в настоящее время. *Необходимость* ее, кроме всего прочего, диктуется еще невозможностью провести иначе *действительную рационализацию производства. А возможность* осуществления обеспечивается тем, что наша промышленность не является уже дефицитной, как это было несколько лет назад, и материально в силах исполнять требования закона.

Впрочем, относительно Москвы сборник ВСНХ сообщает: «Инспекция труда в своих отчетах постоянно отмечает, что *частная промышленность* предписания органов охраны труда выполняет почти на 100%, и что с техникой безопасности и промышленной санитарией на заведениях частной промышленности дело обстоит благополучно» (сборник ВСНХ, стр. 213). Нам эти утверждения инспекции представляются несколько радужными—в свете приведенных выше данных *о привлечении к судебной ответственности.* Но во всяком случае очевидно, что *при открытом существовании* капиталистических промышленных предприятий с наемными рабочими контроль госорганов и воздействие профсоюзов действительно устраняют крайности эксплоатации и обеспечивают занятым у капиталистов рабочим *сравнительно* сносные условия.

Совершенно иное положение тех гораздо более многочисленных сотен тысяч фактических капиталистических рабочих, какие эксплоатируются капиталистами не в открыто существующих частных предприятиях с наемными рабочими, а *в распыленном виде* (работающие у себя на дому кустари домашней сис-

темы капиталистической промышленности, работающие на магазины «квартирники» и т. д.) ***и в замаскированных формах*** **(члены так называемых трудовых артелей).** Здесь мы сразу *погружаемся как бы в досоветские времена.* Контроля нет. Профсоюзов нет. Ограничения рабочего времени нет. Охраны труда нет. Обеспечения нормального заработка нет. Капитал распоясывается вовсю и показывает себя во всей красе. В какую-либо «артель» входят сотни «членов», которых «главари эксплоатировали самым беспощадным образом, заставляли работать *по 12—16 часов в сутки, отменяя всякие дни отдыха* и урезывая скудный заработок» (сборник ВСНХ стр. 235 о трикотажной «артели» в Ярославле, где главарями были владельцы трикотажных машин, а «членами» около 200 бедняков, кустарей-квартирников, не имевших машин; собственник машин за пользование ими получает львиную долю). Сборник ВСНХ, с несомненностью устанавливая *капиталистическую* природу *подавляющего* большинства «трудовых артелей»[1]), приходит к выводу, что о ряде их работников надо сказать: «*они находятся вне закона*» (стр. 226).

Капиталист нанимает рабочих из безработных, заставляя их «*выйти из профсоюза* и записаться в члены артели» (сборник ВСНХ, стр. 233). Так, в *Иваново-Вознесенске* «артели Ивгубстройсоюза превратились фактически в *крупнейшие* строительные предприятия, где под флагом кооперативных артелей *подрядчики* жестоко эксплоатируют несколько *тысяч* строительных рабочих» (сборник ВСНХ, по данным Ив.-Возн. губотдела союза строителей от 12 апреля 1926 г.).

По «Сборнику ВСНХ» в металлической, трикотажной, кожевенной, рыболовной, лесной и других отраслях промышленности (включая местный транспорт) господствует именно такой тип артелей, когда капиталист организует под видом артели вокруг себя (или подставного лица) неимущих рабочих путем предоставления им своего предприятия или орудий промысла—и эксплоатирует во-всю. «Члены артели не только не участвуют в ведении дела артели (прием работы, условия выполнения заказа), но также не участвуют в установлении расценки рабочего дня и прочих условий работы» (сборник ВСНХ, стр. 231).

В других отраслях, как швейная и портняжная промышленность в городе и ряд кустарных промыслов в деревне, господствует еще злейшая система эксплоатации—раздача капиталистом работы на дом отдельным рабочим, так называемая «домашняя система капиталистической промышленности», издавна получившая характерное название *потогонной* системы (от слов «гнать пот»). Капиталист заставляет этих «рабочих на дому» *выбирать патент на занятие промыслом* (кустарь). Таким образом он «подводит своих рабочих под категорию самостоятельных производителей (кустарей), на которых не распространяется законодательство о труде и к которым профсоюз не имеет никакого касательства» (сборник ВСНХ, стр. 220). Отшивается сразу и инспектор труда и фининспектор.

---

[1]) «Обследование, предпринятое в *Москве* ГубРКИ, обнаружило частновладельческую природу *поголовно* всей строительной трудовой кооперации» (сборник, стр. 231—не смешивать с жилищно-строительными фабрично-заводскими кооперативами). *В Херсоне* из 400 артелей, входивших в «Союз Кустаря», когда новое правление обследовало полученное им наследство, оказалось «лишь девять с кооперативными *признаками*», а 391 артель—чисто капиталистической природы: организационное прикрытие капиталиста (сборник, стр. 222; таких примеров без конца).

Конечно, такие распыленные или замаскированные формы деятельности, как раздача работы на дом или «лжеартели», имеют свои неудобства и для капиталиста. Вся его деятельность приобретает полулегальный, рискованный характер, от которого он при соответствующих условиях охотно избавился бы и открыто имел бы промышленное заведение с несколькими сотнями рабочих. Даже несмотря на то, что при таком открытом существовании пришлось бы несколько более платить рабочим и соблюдать предписания инспектора труда, это окупилось бы другими выгодами открытого существования. *Но у нас есть четыре условия, которые побуждают капиталиста предпочитать распыленные и замаскированные формы.* Устранение этих четырех условий вполне находится в нашей власти. Только оно может повести к переходу от бесконтрольных жесточайших форм замаскированной эксплоатации к снятию масок, к контролю, к ограничению эксплоатации и к организации этих фактических наемных рабочих. Сейчас они распылены и отделены от нас своими «патентами» и своими «артелями». При наличии же этих четырех условий открыто существуют лишь те капиталистические предприятия, какие по самому характеру производства никак нельзя поставить раздачей работы на дом и т. п.

Во-первых, по действующему закону (ст. 53 и 54 Гражданского Кодекса) у нас разрешено в обычном порядке существование частных предприятий только с числом *не более двадцати наемных рабочих.* Всякое новое предприятие больше этого размера, согласно закону, может быть учреждено только в порядке особой правительственной *концессии.* А концессии могут учреждаться по закону в каждом отдельном случае только путем *особого договора между правительством в лице Совнаркома СССР* и между отдельным концессионером. В договоре должны быть оговорены срок концессии, плата государству за разрешение и бесплатный переход концессии по истечении срока к государству. *Понятно, что у нас по сию пору нет ни одной внутренней концессии.* Имеется лишь несколько десятков концессионных договоров с *иностранными* предпринимателями. Да и смешно было бы Совнаркому СССР договариваться с каким-либо Сидоровым в Туле об открытии этим Сидоровым самоварной фабрички на 25 или 50 человек.

В этом законодательном ограничении капиталистических предприятий не более чем 20 рабочими заключается одна из основных причин, почему промышленные капиталисты прибегают к распылению путем домашней системы капиталистической промышленности (когда рабочих вообще не оказывается, а есть только «самостоятельные кустари») или к маскировке путем промысловых артелей (когда тоже нет рабочих, а есть «члены артели»). Ограничение 20 рабочими было введено в начале нэпа, когда вообще капиталистических предприятий еще почти не было. Потому тогда норма в двадцать человек была выбрана без опыта, из осторожности. Местами в отдельных случаях теперь смотрят сквозь пальцы на беззаконие в роде существования частного предприятия в 30 человек. Но как правило, эта норма гонит капиталиста к организации распыленной или замаскированной формы деятельности. Есть капиталисты, у которых не

только по нескольку сот, но *по тысяче и более* рабочих, но только все они работают на дому и числятся кустарями, или же являются членами артели.

У нас нет никаких оснований держаться за норму в 20 человек, и ее свободно можно повысить хоть вдесятеро, до 100 или 200 человек. От этого мы выигрываем: 1) открытое существование все равно существующих (только скрыто) капиталистических предприятий, 2) возможность контроля над ними, 3) значительное улучшение положения эксплоатируемых ими рабочих и 4) вовлечение этих рабочих в общую организационную и прочую жизнь советского пролетариата. Вопрос о повышении нормы выше 20 человек теперь уже предрешен и скоро получит практическое разрешение.

Уход капиталистов от открытой организации промышленных предприятий с наемными рабочими к распылению производственной организации раздачей работы на дом—не в малой степени вызывается еще и вторым условием, толкающим в эту сторону. Условие это заключается в своеобразной особенности нашего налогового законодательства: *обложение менее тяжело для торгующего скупаемыми изделиями, чем для торгующего изделиями своей фабрики.* Сложные таблички наших налоговых ставок перемудрили. Намерения работников наркомфиновского аппарата были, конечно, наилучшие. Они рассуждали так: ежели ты сначала организовал собственное капиталистическое производство, то имеешь промышленную прибыль; а если потом еще торгуешь изделиями собственного производства, то имеешь еще и торговую прибыль. Значит, плати два раза—за промышленную и за торговую. С другой стороны, ежели ты только торгуешь, только скупаешь у кустарей их изделия для перепродажи, то имеешь только торговую прибыль—плати один раз. А сам кустарь, как трудовой производитель, за свое производство обложен весьма снисходительно.

При такой налоговой практике (и при серьезной роли налогов в ограничении прибыли) капиталист, конечно, должен предпочитать раздаточную систему открытой организации фабрик и мастерских с наемными рабочими. Ведь при раздаче работы на дом (домашняя система капиталистической промышленности) капиталист *официально* выступает в роли только торговца: он *продает* «кустарю» материал для изготовления изделия, он *покупает* у этого «имеющего самостоятельный патент кустаря» выработанное кустарем изделие. А на деле под официальной формой торговых сделок здесь имеет место организация домашней системы капиталистической промышленности с предоставлением распыленного рабочего на произвол капиталиста.

Теперь вопрос о соответственном упорядочении нашего обложения уже поднят. Общая наша ориентировка—*обложение явной капиталистической промышленности сделать легче обложения капиталистической торговли*, являющейся лишь прикрытием домашней системы капиталистической эксплоатации. Специальный экономический анализ показал полную обоснованность и необходимость этой меры. С ее проведением в жизнь отпадает один из наиболее существенных моментов, приводивших к расширению у нас наиболее отсталой и вредной системы капиталистической эксплоатации—раздаточных контор, замаскированных торговыми функциями.

Третье условие, которое должно быть устранено,—это наличие крупных налоговых льгот для *промысловых артелей* без всякого контроля, является эта артель действительным кооперативом трудящихся или (как в подавляющем большинстве случаев) только формальным прикрытием капиталиста. Такая практика создает для капиталиста слишком уж большой соблазн замаскировать себя «артелью» и избавиться вовсе от тяжести обложения, от некоторых кредитных ограничений и т. п. Мы предоставили большие льготы промысловым артелям, *не установив каких-либо признаков соответствия их практики кооперативной природе*, ибо у нас не было еще опыта их деятельности. За ряд последних лет *опыт накопился* и теперь можно указать ряд мер, какие должны затруднить использование их, как прикрытия фактически капиталистических предприятий. Сюда относится:

1) лишение льгот тех промысловых артелей, какие не входят в систему промысловой кооперации («дикие», уклоняющиеся даже от кооперативного контроля);

2) лишение льгот тех промысловых артелей, какие применяют наемных рабочих;

3) лишение льгот тех промысловых артелей, члены которых не участвуют в установлении расценок, и т. п., что явно указывает на отсутствие кооперативной природы артели;

4) лишение льгот тех промысловых артелей, в которых некоторые члены получают отчисление от всех доходов артели (или от остальных ее членов) за предоставляемые артели машины или другие средства производства;

5) лишение льгот тех промысловых артелей, которые развивают свои операции на средства, принадлежащие отдельным членам с особым их вознаграждением;

6) переведение всех перечисленных выше артелей в разряд обыкновенных предпринимательских товариществ (без прекращения их деятельности, но с распространением на них Кодекса законов о труде в полном об'еме и налогового законодательства о частных предприятиях);

7) установление на будущее время уголовной кары за создание или сокрытие артелей, на деле являющихся прикрытием частного капитала одного из указанных выше типов;

8) обязать кооперативные центры систематически проверять и исключать из кооперативной системы первичные кооперативы, подходящие под признаки лжеартелей;

9) остальные артели (входящие в систему) обязать платить за своих членов социальное страхование, выдавать им отпускные, прозодежду, делать отчисления на культработу по тем же нормам, какие установлены для членов профсоюзов соответственных производств;

10) распространить на эти артели ограничения рабочего дня, работы подростков, беременных женщин и т. д., существующие для наемных рабочих, и подчинить артели в этом отношении инспекции труда;

11) усилить связь государственных и кооперативных центров с действительными первичными артелями для снабжения их сырьем, кредитом, заказами и для организации сбыта, чтобы таким путем уменьшить надобность для их членов в подчинении своей артели зависимости от капиталиста и устранить опасность предпринимательского перерождения артели.

Принятие ряда подобных мер, несомненно, уменьшит *заинтересованность* капиталистов в маскировке своей деятельности лжеартелями, затруднит *возможность* такой маскировки и увеличит *сопротивляемость* действительных артелей захвату их капиталистами.

Четвертое условие, необходимое для отталкивания капиталистов от *бесконтрольных, распыленных* форм организации производства—это решительные меры *к защите рабочих домашней системы* капиталистической промышленности. Без этого не преоборсть соблазна капиталиста к жесточайшей *производственной* эксплоатации «рабочего на дому» под видом *торговой* связи с имеющим самостоятельный патент кустарем. Такой «кустарь», который на деле работает исключительно на капиталиста (и авансируется последним), а не на потребителей, не для самостоятельной продажи и т. д. должен быть признан тем, кем он является на самом деле. Это значит—*наемным рабочим капиталиста, только занятым у себя на дому* (капиталист, кстати, экономит еще на содержании помещения для работы).

Помощь таким якобы самостоятельным «кустарям» должна быть оказана по обеим линиям—организационной и материальной. Капиталист должен быть обязан по отношению к такому «кустарю», у которого он систематически закупает изделия:

1) платить за него взносы по социальному страхованию согласно тарифам для частных предприятий, чтобы этот «кустарь» и члены его семьи пользовались всеми страховыми пособиями и т. п., как это установлено для наемных рабочих;

2) заключать коллективные договоры о расценках изделий с учреждаемыми для этого при профсоюзах секциями «работников домашней промышленности», куда принимать таких «кустарей»;

3) выбирать за свой счет для кустаря промысловый патент, обеспечивать ему за свой счет ежегодный отпуск, участвовать в расходах по оплате квартиры и т. д.

Необходимо *усилить организованность* работников домашней системы капиталистической промышленности—образовать для них специальные секции профсоюзов, открывать «дома кустаря», «клубы кустаря», «общества кустаря» и т. п. организации, которые уменьшали бы их распыленность и сравнительную беззащитность пред лицом капиталистического предпринимателя.

Обложение налогами скупки капиталистами кустарных изделий *из сырья заказчика* (из сырья, продаваемого заказчиком) надо поставить так, чтобы для капиталиста выгоднее было организовать открытое промышленное заведение с наемными рабочими, подконтрольное госорганам и профсоюзам, чем прибегать к организации распыленной системы домашней промышленности. Инспекция труда должна получить право пред'являть капиталисту-скупщику (являющемуся организатором домашней промышленности) требования об улучшении за его счет помещений, где живут и работают занятые им кустари, об устройстве для них специальных мест работы, отделенных от жилья, и т. д. Все эти меры, сближая для капиталиста выгодность распыленной системы с выгодностью явного существования капиталистических предприятий, будут способствовать переходу от бесконтрольной «потогонной» эксплоатации к эксплоатации *подконтрольной и ограниченной, увязывающей вместе с тем больше*

средств капиталистов в организацию ими своих предприятий (меньше будет оставаться для спекуляций, ростовщичества и для борьбы с нами в области торговой смычки).

Параллельно, по мере нарастания для этого у государства средств, будет развиваться другая сторона нашей практики—*постепенное отвоевание распыленных кустарей из-под гнета капиталистов вообще.* Иначе сказать, чем больше будет у нас средств, тем в большей степени сможем мы сами давать кустарям заказы, вместо того, чтобы они получали их от капиталистов. Сможем осуществлять при этом улучшение условий их труда и оплаты их рабочей силы. Сможем все увеличивающуюся их долю переводить в качестве постоянных наемных рабочих во вновь сооружаемые фабрики и местные мастерские. Одним словом, сможем постепенно для многих из них (а впоследствии для всех) сделать зависимость от капиталистов вовсе ненужной. А до тех пор организационными мерами в духе перечисленных выше, уже теперь можно не без успеха побудить капиталистов к переходу от этой наиболее бесконтрольной и вредной формы эксплоатации к формам, которые могут быть подчинены контролю и в известной мере регулирующему руководству государства.

Вторая основная установка в нашем подходе к частному капиталу в промышленности в настоящее время должна заключаться в *дифференцированности* этого подхода.

К созданию частным капиталом новых промышленных заведений мы относимся терпимее, чем к простым торговым спекуляциям. Создавая новую мастерскую или фабрику, капиталист увеличивает производство полезных предметов в стране и уменьшает безработицу. Его капитал получает более полезное для страны применение, чем если целиком обращен на перекупку в госрознице через подставных агентов в очередях государственных изделий для дальнейшей их перепродажи с соответственным вздуванием цен. То же относится и к иностранному капиталу. Нам приятнее, когда он обращается на разработку концессионным порядком золотых россыпей на Лене, чем когда он организует в широких размерах нелегальную контрабанду товаров через границу для прорыва нашей монополии внешней торговли.

Все это несомненно, но из этого никоим образом не следует, что мы предоставляем или должны предоставлять неограниченные возможности развитию промышленного капитализма в СССР. Частный капитал *и в промышленности* остается для нас все же лишь *терпимым злом*—лишь наименьшим злом в сравнении с тем, как если бы на месте этого заведения совсем ничего не было. Пусть лучше капиталист организует добычу золота или асбеста из-под земли, чем чтобы они там праздно лежали еще ряд лет. *В этом смысле каждая новая разрешаемая нами и подконтрольная нам концессия и т. п.—наш несомненный успех, новый шаг вперед.* Конечно, самое лучшее было бы, если бы никаких капиталистов не осталось, весь их капитал перешел бы к нам и мы бы его применяли во всемирном масштабе к наибольшей пользе трудящегося человечества без всякой капиталистической наживы. Со временем так будет. Но пока по достаточно солидным причинам мы не считаем целесообразным уже сейчас пытаться из'ять весь частный капитал в СССР из рук его нынешних владельцев. Потому приходится («надолго, но не навсегда») ставить вопрос не о его немедленном уничтожении,

а о таком влиянии на него, о таком направлении его деятельности, чтобы возможно уменьшен был вред от этой деятельности и чтобы извлечена была вся польза, какую из нее извлечь можно.

Из этого вытекает не только несколько большая терпимость по отношению к частному капиталу, создающему полезные предметы (промышленность, строительство домов и т. п.), чем к частному капиталу, чисто торговому или ростовщическому. Из этого вытекает еще общая установка по отношению к частному капиталу в промышленности СССР, могущая быть сведенной к четырем основным пунктам.

1. Он должен служить *дополнением* к государственной промышленности. Не может быть свободы роста частного капитала в каких *ему* угодно отраслях промышленности. Он должен направляться *туда, куда мы не желаем сейчас затрачивать свои средства.* Мы сами строим завод сел.-хоз. машин в Ростове и Днепрострой, а пуговичную фабрику разрешаем построить капиталисту.

2. Частный капитал в промышленности должен быть *подчиненным* государственной индустрии. Мы не дадим ему таких предприятий, откуда он мог бы диктовать условия массе наших фабрик и заводов, поставив их в зависимость от себя. Потому мы строим на свой счет Волховстрой, Днепрострой и подобные основные источники энергии. Потому мы отклоняли неизменно иностранные проекты о сдаче в концессию Донбасса и Баку, как основных источников нефти (что не исключает поощрения мелкокапиталистической добычи угля или нефти в дополнение к находящейся в наших руках их основной массе). Потому мы сами строим новые крупные металлургические заводы и железные дороги и т. д. Словом, не всякое развитие частного капитала в промышленности, а в тех отраслях и в тех пределах, в каких это не затрагивает так называемых «командных высот».

3. Частнокапиталистическая промышленная деятельность должна быть, таким образом, подчинена *плану* государства в отношении ее направления и содержания. Это и означает дифференцированный, т.-е. *различный* подход к участию частного капитала в *различных* отраслях промышленности. Дифференцировка эта должна происходить с учетом как характера и производственно-сбытовых перспектив данной отрасли промышленности, так и социального ее значения. Например, в тех отраслях, *где нехватает советского сырья* даже для производственных возможностей государственной промышленности (напр., производство растительных масел, кожевенное производство) явно не должно быть терпимости по отношению к капиталистической промышленности. Или в таких отраслях, как *производство муки и крупы* для снабжения городов (товарная мельнично-крупяная промышленность), где крупная роль капиталиста поставила бы рабочего в зависимость от него и дала бы возможность капиталисту перекачивать за хлеб в свой карман всякий прирост заработной платы,—здесь развитие капиталистической промышленности нетерпимо в первую очередь по социально-политическим соображениям.

Зато в таких отраслях, где сырья сколько угодно, но потребности страны полностью не удовлетворены, и государство по своим планам не вкладывает столько средств, сколько надо было бы для полного удовлетворения,—напр., производство кирпича, постройка новых домов,—там применение частного капитала было бы определенно полезно (т.-е. польза от факта дополнительного производства перевесила бы вред от того, что это производство осуществляется при наличии капиталистической эксплоатации и наживы). Чтобы направить частный капитал сюда, возможно применение даже специальных налоговых льгот, напр., по домостроительству—на ряду с усилением обложения и мерами по «выталкиванию» из тех отраслей, где частный капитал следует признать вредным (примером может служить проводимое последний год постепенное сокращение и прекращение частной аренды кожевенных заводов, товарных мельниц и т. п.). Наконец, есть и своего рода «нейтральные» в настоящее время области, где нет оснований принимать ни запретительных, ни поощрительных мер.

4. Частный капитал в промышленности допустим в СССР только как *подконтрольный и ограниченный в своих эксплоататорских устремлениях.* Это имеет значение как по отношению к рабочему, так и по отношению к потребителю. *Уровень цен* и степень наживы капиталиста могут регулироваться государством только при условии открытого существования *имеющихся на деле* капиталистических предприятий (кстати сказать, можно представить себе даже работу капиталистических предприятий по заказам *государственных торговых органов*—без обязательного существования капиталистической же *оптовой торговли*). Из всего этого и вытекает та линия на переход от скрытых и распыленных форм капиталистической деятельности, о необходимости активного проведения которой (соответствующим давлением со стороны государства) выше уже была речь. Не затем надо, напр., поднять границу разрешенных частных предприятий от 20 рабочих до 100 или 200 рабочих, чтобы *облегчить* капиталу развитие. А по той причине, что такие крупные капиталистические предприятия *уже существуют,* но только в скрытом, замаскированном, распыленном, бесконтрольном виде.

Таким образом, линия наша в отношении частного капитала в промышленности в настоящий исторический период должна заключаться в превращении его соответствующими мероприятиями в *подчиненное, плановое, подконтрольное дополнение к государственному хозяйству*—по пути к полному исчезновению в свое время.

Я. Никулихин.

Проблема железнодорожного строительства.

(*В порядке обсуждения*).

Транспорт является одним из узких мест в народном хозяйстве СССР, и проблемы, связанные с ним, имеют огромное значение для нашего хозяйства и дела обороны страны. К ним необходимо сейчас приковывать общественное внимание трудящихся. Мы ограничиваем нашу задачу, главным образом, рассмотрением ж.-д. транспорта [1]) и преимущественно вопросами нового ж.-д. строительства. Мы считаем, что предположения перспективной пятилетки Госплана далеко не достаточны, не вполне отвечают требованиям народного хозяйства и обороноспособности нашей страны.

Прежде чем перейти к разбору предположений пятилетки, мы должны предварительно, хотя бы в самых кратких чертах, остановиться на динамике восстановительного процесса на транспорте за последние годы.

Профессор Гриневецкий в своей обстоятельной работе [2]), бросая взор на послевоенные перспективы русской промышленности, возможность ее восстановления видел только в громадном притоке иностранных капиталов. Этот приток, по его мнению, должен был дать толчок восстановлению транспорта и новому интенсивному ж.-д. строительству (от $2\frac{1}{2}$ до 4 миллиардов золотых рублей им предполагалось на восстановление старых линий и около 9-ти миллиардов золотых рублей на новые ж.-д. линии). На основе широкого разворачивания транспорта [3]) им только и мыслилась возможность восстановления промышленности.

«*Громадный приток иностраных капиталов* является необходимым условием экономического возрождения России и восстановления ее промышленности, ибо по весьма скромным расчетам общая потребность вливания капиталов в добычу сырья в промышленность и в транспорт не может быть оценена ниже 15—20 миллиардов рублей золотом в период 10—12 лет. Между тем в последние довоенные годы капиталообразующая способность всей

[1]) Мы берем ж.-д. транспорт потому, что на его долю приходится 92% всех основных фондов транспорта.

[2]) «Послевоенные перспективы русской промышленности», написана в половине 1918 года.

[3]) «*Восстановление и развитие транспорта* должно стать осью всей экономической политики, ибо вне этого не возможно ни развитие сельского и лесного хозяйства, ни восстановление промышленности и финансов, ни надлежащее развитие вывоза, короче говоря—невозможно экономическое и политическое воссоздание России из настоящих развалин» (Гриневецкий—«Послев. перспективы», стр. 136).

России оценивалась экономистами около 1 миллиарда рублей в год, а ныне при отсечении западных окраин и после военно-революционной разрухи она должна быть значительно, вдвое или втрое, понижена. Поэтому преобладающая доля потребных капиталов должна быть привлечена из-за границы» (Гриневецкий. Стр. 136. Изд. 1919 г.).

Узость буржуазного кругозора даровитого профессора помешала ему видеть огромные возможности внутреннего порядка, которые вскрыла революция и которые позволили восстановить промышленность и оживить хозяйственную жизнь без помощи иностранного капитала, при ничтожных размерах привлекаемых средств извне.

Наша советская система хозяйства предоставила нам целый ряд таких преимуществ, которые позволили взять повышенный темп развития промышленности, восстановить ее в сравнительно короткий срок в довоенных размерах [1]).

Железнодорожное строительство, несомненно, имело и всегда имеет огромное значение для развития тяжелой индустрии, всей

Динамика основных фондов промышленности [2]):

(без жилстроительства, в восстановительный период, в млн. черв. руб.).

Годы		Износ за год	Вложения за год	Прирост + Убыль — в абсол. цифрах	В %%	Капитал к концу года
1923/24	Вся промышленность	264,5	245,3	— 19,2	0,3	5.548,6
	託промышленность	224,9	205,7	— 19,2	0,4	4.715,6
1924/25	Вся промышленность	263,5	339,5	+ 76,0	1,3	5.624,6
	Госпромышленность	223,9	289.9	+ 66,0	1,3	4.781,6
1925/26	Госпромышленность (после переоценки основ. капит.) . .	309,0	780,0	+ 471,0	8,4 [3])	6.104,0
1926/27	Госпромышленность (после переоценки основ. капит.) . .	363,0	918,0	+ 555,0	9,1 [4])	6.659,0

[1]) К этим преимуществам надо отнести: 1) плановость и возможность бескризисного развития; 2) максимальная возможность производительного использования прибавочного продукта, создаваемого в стране (ликвидация платежей %% по займам, громадное сокращение потребления паразитических слоев, сокращение военных расходов); 3) оплодотворение крестьянского хозяйства вследствие коренной ликвидации крепостнических пережитков и помощи ему со стороны государства.

[2]) Абсолютные цифры взяты из «Контрольных цифр» Госплана на 1926—1927 г., стр. 312, 315 и перспективной пятилетки Госплана, стр. 80 из таблиц. Проценты прироста высчитаны нами.

[3]) К основному капиталу, который по перспективной пятилетке Госплана определялся к началу года в 5.633 мил. руб. До переоценки капитала «Контрольные цифры» на 1926—27 г. определяли его в 4.781 м. ч. руб., износ определяли в 227,1 м. р., вместо 309,0 м. р. по пятилетке, поэтому прирост основного капитала за год по «Контрольным цифрам» определялся в 10%.

[4]) Фактический прирост за 1926—27 г. будет, несомненно, выше, так как здесь прежде всего не учтены 30 м. р. капитальных вложений (резервных) и, самое главное, не учтены капитальные вложения, которые тресты производят под видом текущего ремонта.

А. Сегал в «Плановом Хозяйстве» на основе изучения отчетов трестов за 1924—25 г. и 1925—26 г. пришел к выводу, что ежегодно под видом текущего ремонта по общесоюзной промышленности происходит дополнительный прирост капитала по 3—4% в год.

промышленности и сельского хозяйства,—это бесспорно. Но интенсивное железнодорожное строительство не оказалось тем решающим предварительным и определяющим условием для восстановления и развития нашей промышленности, каким его считал Гриневецкий. Мы транспорт воссоздавали вместе с под'емом всего хозяйства, он даже заметно отставал в своем восстановительном процессе от роста промышленности. Транспорт у нас подтягивался уходящим вперед народным хозяйством, а не наоборот.

Проедание основного капитала прекратилось с 1924/25 года. Произведенными капитальными вложениями последних 3-х лет восстановительного процесса мы заполнили большинство потерь в основном капитале периода революции и его размеры в 1926/27 г. уже достигли уровня 1913 г., а в следующем 1927/28 г., в котором предположен прирост в 10,9% (725 м. р.), мы перешагнем уже уровень 1917 года [1]).

Существенно иную картину мы наблюдаем в восстановительном процессе на ж.-д. транспорте.

Динамика основных фондов ж. д. выражалась в м. чр. руб. [2])

Годы	Износ за год	Вложения за год	Прирост + Убыль —	Капитал к концу года	Убыль — Прибыль + капитала
1923/24	292,1	141,9	— 150,2	9.572,7	— 1,6
1924/25	287,0	181,3	— 105,7	9.467,0	— 1,1
1925/26	283,2	216,0 [3])	— 67,2	9.399,8	— 0,7
1926/27	286,1	315,0 [3])	+ 28,9	9.428,7	+ 0,3

Прежде всего капитальные вложения в ж. д. были ниже в два и больше раз, чем вложения в промышленность. В то время как до войны за последнее десятилетие (1903—1913 гг.) вложения в ж. д. и промышленность почти уравновешивались (2002 м. рубл. и 2063 милл. рубл.), восстановительный процесс на ж. д. *начался* позднее. До 1926/27 г. наблюдалось проедание основных фондов ж. д. Только текущий год дал небольшой прирост основных фондов на ж. д. Конечно, то частичное покрытие частичного износа, какое мы производили за последние годы, в вещном выражении было более эффективным (более мощные паровозы, рационализация движения и т. п.), что позволило уже

[1]) Растрата основного капитала в 1918—1923/24 гг определялась ЦСУ в 937,8 м. р. дов. (Бал. К. Хоз. 1923/24 г.), Струмилиным 992 м. руб. («Плановое хозяйство», № 4—1925 г.). Капитальные вложения за 1924/25 г.—1926/27 г. по «Контрольным цифрам» за вычетом износа в 12.447 м. черв. р., что в перевалюцировке на довоенные рубли составит 737,8 мил. дов. р., что с учетом прироста периода 1914—17 гг. в 500 м. руб. показывает, что мы имеем уровень 1913 г.

[2]) Таблица составлена на основании абсолютных данных «Контрольных цифр» Госплана на 1926/27 г., стр. 312, 313 и 314 доклада Рудзутака на Сессии ВЦИК. (Данные о вложении за 1925/26 г. и 1926/27 г.).

[3]) «Контрольные цифры» Госплана предполагали в 1925/26 г. вложения в ж. д. 353,1 м. р., в действительности вложено было 216 м. р., в 1926/27 г. предположено было 419 м. р. вложений, в действительности будет вложено 315 м. р., из них только 45 м. на новое строительство. Вот почему вместо прироста фондов в 1925/26 г. на 0,7% получилась растрата их, прирост 1926/27 г. снизился с 1,3% до 0,3%.

в 1925/26 г. грузопод'емность ж. д. довести до довоенного уровня. (102% к довоенному).

Новое железнодорожное строительство до 1926/27 г. было незначительным. За 9 лет с 1918 по 1926 г. открывалось ежегодно в среднем по 692,2 версты [1]), в то время как до войны, по данным Струмилина, за период 1895—1915 гг. открывалось ежегодно по 1920 в. (а в 1913 г. открыто 1402 в.) [2]). За последние годы мы, главным образом, достраивали только те линии, которые были начаты строительством до 1918 года, и очень немного построили новых линий.

В начальный период нэпа, когда приходилось максимум имеющихся средств в стране обращать на восстановление промышленности, некоторая придержка восстановительного процесса и нового строительства на транспорте была понятна и даже необходима. Но теперь этот период надо считать законченным. Промышленность перешагнула по своей продукции за довоенный уровень, все народное хозяйство идет быстрыми шагами вперед. К транспорту оно пред'являет повышенные требования. (Об этих требованиях мы скажем подробнее ниже). *Для нас становится обязательным курс на увеличение капитальных затрат на транспорте, на разворачивание нового ж.-д. строительства.* Это усиление капитальных вложений в ж.-д. хозяйство нашло себе, правда, отражение в пятилетке Госплана, но отражение на наш взгляд далеко не достаточное. Всего капитальных затрат на ж. д. предположено произвести за 5 лет на 3921,4 м. чер. руб. [3]). Из них 1471 м. р. идет на службу тяги, 1270 м. р. на службу пути по старым линиям и только 880 мил. рубл. на новое ж.-д. строительство (остальное—на жилищное строительство, электрификацию и т. п.). Значит ¾ всех капитальных затрат идет на пополнение тех дыр, какие образовались в нем за годы войны и начальный период нэпа и частично на повышение пропускной способности старой сети (на ремонт путей, мостов, пополнение паровозного и вагонного парков, которые больше всего пострадали за период двух войн) [4]). Только менее четверти капитальных затрат идет на новое строительство, за счет чего предполагается достроить 3.033 км. старых линий и начать постройкой 12.000 км. новых линий, из которых к концу пятилетия будет готово только 3.000 км. *Значит, весь прирост за 5 лет*

[1]) Было открыто новой железнодорожной сети:

1918 г. — 483 в.	1921 г. — 484 в.	1924 г. — 824 в.
1919 » — 1.291 »	1922 » — 354 »	1925 » — 280 »
1920 » — 1.136 »	1923 » — 216 »	1926 » — 1.161 »

Борисоз «Плановое Хозяйство», кн. XII за 1926 г.

[2]) За период 1914—17 гг. прирост новой сети ж. д. был довольно бурным. За годы, по данным Борисова, было построено 11.400 в., хотя старое ж.-д. имущество обновлялось совершенно незначительно. Требования войны заставляли развивать ж.-д. строительство, (Струмилин—«Плановое Хозяйство» № 11 за 1926 г.).

[3]) Струмилин эту цифру снизил до 3.588 милл. руб. при увязке всех капитальных вложений в гос. сектор.

[4]) В 1927/28 г. капитальные вложения в существующие дороги и новое строительство определены в 659 млн. руб., что в 2 раза выше вложений 1926/27 г. В 1928/29 г. они поднимаются до 864 млн. руб., в 1929/30 г. до 1.014 млн. руб и к 1930/31 г. предположено вложить 1.144 млн. руб.

К концу пятилетия капитальные затраты уже будут превышать значительно размеры довоенных вложений, но они еще смогут, главным образом, покрывать только те из'яны, какие в ж.-д. транспорте образовались со времени войны.

выразится в 6.033 км. [1]), *или в среднем по 1.207 км. ежегодно, что значительно ниже уровня довоенного прироста* [2]). Из вновь открываемых линий по Европейской части СССР намечается 62% общего протяжения новой сети и только 38% по Азиатской части СССР. Темп строительства в Сибири и других восточных окраинах взят минимальный. О недостаточности капитальных затрат на новое ж.-д. строительство можно судить не только по сниженному темпу прироста новой сети (в сравнении с довоенным) но и на основании того факта, что затраты на новое строительство в промышленности за пятилетие более чем в 2 раза выше затрат на ж. д. (1.900,1 милл. р. против 880 м. р.), тогда как до войны разница в них была небольшая и шла часто с плюсом для ж.-д. строительства. Конечно, довоенные соотношения в капитальных затратах для нас не обязательны, целиком их переносить нельзя, промышленность должна обгонять ж. д., должна обгонять довоенные размеры своего прироста. Но из этого вовсе еще не вытекает, что можно совсем пренебречь об'емом ежегодного нового ж.-д. строительства. Недостаточность строительства могла бы быть смягчена, если бы ж.-д. сеть вполне удовлетворяла растущие потребности грузооборота. Но провозная способность старой ж.-д. сети, несмотря на максимальный успех реконструкции, будет недостаточна. Капитальные затраты на старые дороги по перспективному плану из года в год растут, обновление и расширение паровозо-вагонного парка намечено значительное, и тем не менее оно не таково, чтобы могло удовлетворить имеющуюся потребность в новых товарных вагонах и паровозах, особенно к концу данного пятилетия и началу следующего пятилетия.

Но народное хозяйство помимо растущего грузооборота пред'являет жел.-дор. строительству еще дополнительные требования.

Мы сейчас попробуем установить эти требования, чтобы под углом их судить, соответствуют ли им предположенные размеры ж.-д. строительства.

1) *Начнем с грузооборота.* Надо прямо признать, что предполагаемый в соответствии с намеченными капитальными затратами рост грузооборота на 32% (с 8 миллиард. пуд. до 11 миллиард.) недостаточен. Продукция промышленности за это время увеличивается на 79%, товарная часть продукции сельского хозяйства на 62%. Принятый прирост грузооборота на ж. д. в 32% даже ниже прироста грузооборота последнего пятилетия перед войной 1914 г. (Тогда он выразился 40,2%) [3]). Ряд работников НКПС утверждает, что грузооборот будет не 11 мрд. пуд., а 12½ мрд., мы думаем, что он будет еще больше, так как темпы развития всех отраслей народного хозяйства в текущее пятилетие будут значительно больше, чем до войны, и им не соответствует взятый темп ж.-д. строительства. В целом

[1]) Цифры взяты из «Планового Хозяйства» № 3 за 1927 г. статьи Бернштейн-Когана и И. Либина.

[2]) В 1913 г. прирост выразился в 1.402 в. (Струмилин—«Плановое Хозяйство» № 4 за 1927 г.)

Профессор Петров на основе изучения бурного под'ема народного хозяйства России с 1910 г. и тех требований, которые намечались с его стороны к транспорту, приходил к мысли о необходимости строить по 8.000 верст ежегодно.

[3]) Мекк — «Плановое Хозяйство» № 4 за 1927 г.

ряде быстро индустриализирующихся стран (интенсифицирующих свое сельское хозяйство стран) прирост новой сети ж. д. не отставал от общего прироста народнохозяйственной продукции [1]). Даже, наоборот, в некоторых странах он перегонял (как в известные отрезки времени и в предвоенной России). Быстрый темп развития транспорта в свою очередь подгонял развитие народного хозяйства и способствовал росту в нем перевеса на стороне промышленной продукции.

2) *Более интенсивное железнодорожное строительство диктуется и потребностями индустриализации сельского хозяйства, роста его товарности, расширения сырьевой базы для промышленности и расширения рынка сбыта для ее товаров.* У нас есть целые огромные районы и округа, которые очень слабо связаны с ж. д., огромные пространства имеют крайне редкую ж.-д. сеть, и открытие каждой ж.-д. линии означало бы вовлечение этих районов в круг товарооборота, повысило бы продукцию страны и ее народный доход. Является бесспорным тот факт, что интенсивное земледелие развивается, главным образом, поблизости промышленных районов и вдоль ж. д. Рост и размещение предприятий по переработке сельскохозяйственных продуктов также зависит от ж.-д. строительства, возможно только на известном предельном расстоянии от линии ж. д. Если учесть большие затруднения в сельскохозяйственном сырье, которые уже испытывает наша промышленность и будет еще испытывать—становится особенно ясным актуальность задачи нового ж.-д. строительства.

3) *Интенсивное ж.-д. строительство является важнейшим средством борьбы с аграрным перенаселением.* Промышленность в связи с проводимой рационализацией производства сможет обеспечить в ближайшие годы сравнительно небольшой темп прироста новых рабочих. Во много раз больше будет поглощать новое строительство, и из них на первом месте пойдет транспорт, строительство в котором является самым трудоемким из всех отраслей народного хозяйства.

К 1930/31 году по сравнению с 1926/27 г. число рабочих предположено увеличить в крупной промышленности на 316 тыс., в новом строительстве промышл. предпр. уменьшится на 15,5 тыс. ч., в жилстроительстве увеличится на 79,7 тыс. ч., а

[1]) Например, Япония имела:

	1903 г. к 1898 г.	1913 г. к 1903 г.	1918 г. к 1913 г.	1923 г. к 1918 г.
Процентное отношение прироста ж.-д. сети к предыдущему сроку . . .	130	149	121	118
То же по нар.-хоз. продук.	109	140	119	119

Канада:

	1901 г. к 1891 г.	1921 г. к 1911 г.
Процентное отношение прироста ж.-д. сети к предыдущему сроку	135	152
То же по нар.-хоз. продукции	143	112

«Плановое Хозяйство» № 3 за 1927 г. ст. Уманского).

на строительстве транспорта даже при уровне, намеченном Госпланом числу рабочих увеличится на 458,4 тыс. ч.

Железнодорожный транспорт разряжает аграрное перенаселение не только непосредственным привлечением к себе новой рабочей силы, но и тем, что помогает индустриализоваться с. х., расширяет возможности больших посевов трудоемких культур, и тем, что расширяет возможности для переселенческого дела, для колонизации Сибири и Дальнего Востока. Юго-Восток и Сибирь при пересечении их новыми ж.-д. линиями могут поднять в несколько раз свою продукцию и явиться огромным резервуаром для отхода и размещения рабочей силы.

4) *Железнодорожное строительство имеет тесную связь с развитием металлургии и машиностроения.* Поэтому ничего нет удивительного в том, что недостаточная интенсивность нового ж.-д. строительства обусловила собою относительное отставание металлургии по отношению к довоенным размерам по сравнению с рядом других отраслей народного хозяйства.

Динамика валовой продукции в натуральном выражении [1])

Годы	Чугун		Уголь кам.		Нефть		Мартен	
	мил. п.	%	мил. п.	%	мил. п.	%	мил. п.	%
1913	256,6	100	1.772,4	100	560,8	100	259	100
1924/25	78,6	30,6	1.009	56,9	438,6	78,2	111,5	43
1925/26	135	52,9	1.567	88,4	520,5	92,8	178	78,7
1926/27	181	70,4	1.985	112,0	620,0	110,5	211	81,5
1930/31	320	**124,5**	2.980	168,2	860,0	153,3	356	**137,4**
За 1926—1930/31 г.								
Прирост	185,5	137,0	1.413	90,2	339,5	65,2	178,0	100

Годы	Прокат		Хлопч.-бум. ткани		Спички	
	мил. п.	%	мил. м.	%	мил. ящ.	%
1913	214,1	100	2.238	100	3,7	100
1924/25	84,0	39,2	1.499	67.1	3,1	83,8
1925/26	136	63,5	2.021	90,3	3,3	105,4
1926/27	158	73,8	2.320	103,6	4,3	116,2
1930/31	275	**128,5**	3.165	**141,4**	5,45	**147,2**
За 1926—1930/31 г.						
Прирост	139	102,2	1.144	56,6	1,55	039,7

[1]) Цифры за 1913 г. взяты из «Контрольных цифр» Госплана, стр. 320. За остальные годы из Пятилетки Госплана. Цифры за 1913 г. почти совпадают. с данными ЦСУ. (Н. Воробьев—«Вестн. Стат.», кн. 4—6, с. 51). Так, например, по чугуну ЦСУ дает 257,4 м. п., по нефти — 563,4 м. (разница с Госпланом незначительная).

Мы нарочно берем продукцию в натуральном выражении, так как без ценностных колебаний она наиболее точно отражает рост отдельных отраслей.

Из таблицы мы видим, что хотя отрасли тяжелой индустрии как правило дают за пятилетие значительно больший прирост, но вся металлургия к концу пятилетия по достигнутому уровню в отношении 1913 г. стоит ниже, чем текстильная промышленность, спичечная и ряд других отраслей легкой промышленности.

5) *Наконец, железнодорожное строительство имеет огромное значение для повышения обороноспособности, военной мощи нашей страны.* Это положение настолько очевидно, что не нуждается в пояснениях.

Февральская сессия ЦИК Союза учла всю важность транспорта и сказала в своем решении: «считать первоочередной задачей капитальное строительство по созданию новых жел-дор. линий в полном соответствии с развивающимися потребностями народного хозяйства страны». Из анализа требований, которые пред'являет к транспорту народ. хоз., и предположений пятилетки мы убедились, что соответствия между строительством новых железных дорог и потребностями народного хозяйства в последних нет.

Транспорт отстает в своем развитии от народного хозяйства. Предположения пятилетки о новом ж.-д. строительстве нуждаются в переработке под углом зрения увеличения капитальных затрат, а не урезки их. (При увязке плановых предположений размер капитальных вложений на ж. д. был снижен на 450 милл. руб. Фактические размеры вложений в ж. д. за последние годы все время были ниже плановых предположений. Это надо решительно переломить). Взятый темп прироста новой сети надо увеличить минимум в $1^1/_2$ раза. Мы должны не отставать, а перешагнуть в этом пункте довоенный уровень. Железнодорожное строительство явится теперь и новым стимулом, дополнительным условием для разбега производительных сил нашей страны. Развитие транспорта подхлеснет дальнейшее развитие всего народного хозяйства, индустриализацию нашей страны.

Но нас спросят: *откуда же взять дополнительные средства на усиление ж.-д. строительства?* Вот главный вопрос, который встает казалось бы основным препятствием при выполнении этой задачи. Но он разрешим. *Добавочные средства на увеличение капитальных затрат следует искать по трем линиям*: увеличение бюджетных ассигнований, привлечение на это дело средств населения и повышение накопления в самом ж.-д. хозяйстве. За 5 лет пополнения из бюджета на ж. д. составят $1^1/_2$ миллиарда рублей (по 300 м. р. в год против 500 м. руб. ассигнован. на пром.), что безусловно не достаточно. В отношении накопления на собственной основе промышленность имеет больше преимуществ в сравнении с транспортом. Определение ж.-д. тарифов гораздо жестче поставлено под регулирующий контроль государства, здесь невозможны отклонения без обязательного каждый раз на то постановления правительства. Выгоды рационализации скорее дадут себя знать в промышленности, они медленнее обнаружатся на транспорте, ибо здесь рационализация невозможна по мелким частям, она сразу требует осуществления ее на целой линии.

на ряде линий. Вот почему транспорт в наибольшей степени нуждается в поддержке бюджетных ассигнований [1]).

Ассигнования на транспорт можно и должно увеличить за счет сокращения непроизводительных расходов в стране и в частности госаппарата. *Привлечь средства населения на ж.-д. строительство можно посредством целевых ж.-д. займов.* Сбережения в стране уже есть, об этом говорит быстрый рост вкладов в сберкассы. В займах, предполагающихся к постройке железных дорог, безусловно, будет заинтересовано население и общественные организации тех районов, по которым пройдут новые линии. Железнодорожные займы будет возможно реализовать. Они могут привлечь такие средства населения, которые еще не улавливаются в форме вкладов в нашу кредитную систему, поскольку они ближе увязывают местные интересы с общегосударственными. Сумм от реализованных ж.-д. займов, вероятно, еще нехватит для покрытия всех потребных расходов на строительство той или иной ж.-д. линии. Но они, безусловно, составят внушительную сумму в дополнение к тем средствам, которые выделяет на это дело государство. Вот почему *следует признать актуальной задачу мобилизации через железнодорожные займы значительной части накопления страны.* Из 3½ миллиардов черв. рублей, предназначенных на капитальные затраты ж.-д. хозяйства, больше половины (2 миллиарда) дают сами железные дороги. Доход их за 5 лет предположен в 9 миллиардов черв. руб. при 7 миллиардах руб. эксплоатационных расходов. Имеются возможности поднять еще выше доходность ж.-д. через рационализацию движения и снижение издержек на ремонт, через поднятие производительности труда ж.-д. рабочих и персонала. Производительность труда ж.-д. рабочих отстает еще от роста зарплаты. (К началу 1927 г. она составляла 70% довоенной, а зарплата в 1925—26 была 75% дов., в 1926—27 г. зарплата должна была составить 84% довоенной). Через под'ем производительности труда железнодорожников, через рационализацию ж.-д. хозяйства [2]), возможно дальнейшее повышение рентабельности ж. д., возможно повысить сумму накопления сверх тех 2 миллиардов, которые уже предположены за пятилетие [3]). Идя всеми этими путями мы можем изыскать дополнительные ресурсы на расширение ж.-д. строительства.

Надо поднять долю транспорта в народном доходе страны. Необходимо уже в это текущее пятилетие в приросте новой сети ж. д. догнать и перегнать средне-годовой уровень ее прироста в довоенное время. Эту задачу на ряду с усилением пропускной способности старой сети надо поставить, как актуальнейшую на ближайший период. Ее решения требует все народное хозяйство, требует дело индустриализации и обороны СССР.

---

1) Надо заметить, что железнодорожные тарифы теперь в интересах всего народного хозяйства установлены значительно ниже довоенного уровня. Мекк высчитал, что при доведении тарифов только до 80% довоенного уровня возможно повысить доходы ж.-д. транспорта за 5 лет еще на 1.700 мил. руб. сверх тех сумм, которые определены по пятилетке Госплана.

2) Введение товарного движения по расписанию увеличивает пробег грузов. В 1925/26 г. сроки простоя паровозов в капитальном ремонте по данным т. Халатова удалось снизить с 120 дней до 90. Экономия возможна на топливе, на сокращении простоя и т. п.

3) Мы еще в 1926/27 г. не достигли довоенной рентабельности железных дорог, если учесть те платежи по гарантированным ж.-д. займам и т. п. сливки, которые снимал с русских ж. д. иностранный капитал и что теперь не имеет места.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

ОТВЕТ КРИТИКАМ.

(*Окончание*).

Не менее ложная оценка моей работы в 1917 году приводится т. Кином из сборника лекций проф. Покровского.

Тов. Покровский пишет, что «Шляпников признается в своих воспоминаниях, что он всячески саботировал организацию рабочих в боевые дружины и вооружение рабочих. Правда, он оправдывает это тем, что он советовал рабочим пропагандировать солдат, и тогда дело пойдет гораздо лучше. Но пропагандирование солдат и выступление рабочих,— это, как вы помните из анализа 1905 года, были два акта, которые должны были итти друг другу навстречу». Это профессорское утверждение ложно от начала до конца. Тов. Покровский неправильно изложил позицию Бюро ЦК нашей партии по вопросу о вооружении рабочих. Хотя т. Покровский и не состоял в то время в нашей партии и не был в февральские дни в России, но это не дает ему права клеветать на Бюро ЦК и на меня, одного из его членов, говоря, что я «саботировал организацию рабочих в боевые дружины». В нашей партийной печати во время войны *ни разу* не ставился вопрос о создании боевых дружин по типу 1905 г. Это делалось, уважаемый профессор, потому, что обстановку 1914—1917 гг. партия учитывала иначе, а не по трафарету 1905 г. Вооружение рабочих мы (Бюро ЦК) предполагали тогда совершить через союз с солдатами, и события нас оправдали полностью. Тов. Покровский неправильно использовал мои сообщения (в кн. 1, «Семнадцатый год», стр. 105) о том, как в дни стачки 25 февраля я отказывал отдельным товарищам Выборгской стороны доставать револьверы, предлагая добыть оружие через солдат. В эти дни вопрос шел не о распропагандировании солдат, а о вовлечении их в восстание, и поэтому я «самым настоятельным образом требовал вовлечения солдат в восстание и этим путем добыть оружие и всем рабочим. Это было труднее, чем приобретение нескольких десятков револьверов, но в этом была целая программа действий. Обострение уличной борьбы возбуждало у рабочих великую жажду вооружения. Все, даже массовики, понимали, что это было единственное средство к победе, к закреплению каждой новой позиции в происходившей борьбе. Оружие рабочий-революционер мог достать только у солдата-рабочего и крестьянина в серой шинели, колебавшегося в своей верности присяге и боровшегося со страхом и оковами дисциплины, но показавшего тысячами случаев, что он всем сердцем и душой с нами, с революционным народом, но нужно сделать еще шаг друг к другу, чтобы это единение из сочувственного превратилось в действующее. И этот шаг, по моему мнению, должны были сделать сами рабочие. Практически я мыслил это и предлагал представителям Петербургского Комитета и работникам Выборгского Районного Комитета осуществить на местах по районам и казармам таким образом. Наши товарищи, пользуясь партийными и личными связями с солдатами, расположенными в их районе, проникают, несмотря на риск и трудности, в казармы, устраивают массовки с участием солдат там, где нельзя будет проникнуть в казармы. На этих собраниях ставить вопросы внутреннего

положения, о тягостях войны, ее целях и необходимости свержения царской власти и прекращения войны. Звать к активности и присоединению к народу, к поддержке революционных требований. Во время уличных встреч следовало быть крайне осторожным и не нападать на воинские солдатские части, а стараться сливаться с солдатами, вступать в разговоры, обращаться к ним с речами, стремиться к уличному братанию, распылению их в толпе, изолированию от них офицеров». Вот как мы мыслили и действовали в дни февральского переворота, т. Покровский. А в первый день уличной победы революции 27 февраля ст. ст. то же Бюро ЦК внесло в Исполнительный Комитет предложение о вооружении 10% всех рабочих, защищенное мною. Это совсем непохоже на профессорское изложение «истории» 1917 г. и моего «саботажа»».

Мои сообщения об опасности раскола, имевшей место в марте—апреле 1917 г. в нашей партии, т. Кин признает правильными только по отношению к Сибири, но считает неверным в отношении других частей страны. Почему это—неизвестно. В качестве доказательства правильности моего утверждения могу привести ряд фактов, как то: «отход» правой группы большевиков, представителей различных городов, участников мартовского совещания и затем отход части большевиков уже после приезда В. И. Ленина, несогласных с его позицией. Остальные, еще более мелкие, экивоки т. Кина не заслуживают ответа в печати, и, не теряя времени, я перейду к отражению другой атаки на Бюро ЦК, которую произвел в «Известиях» (см. №№ 54, 55—57) т. Яковлев, Я. А.

Тов. Яковлев в своем схематическом изложении «февральских дней революции 1917 г.» оспаривает роль партийного руководства событиями тех дней. Это руководство т. Яковлев непозволительно упрощает и совершенно упускает из виду, что наша партия в Питере имела влиятельную подпольную организацию. Нельзя все руководство сводить к листовкам. В февральские дни существовал у нас ПК, а после его ареста (26 февраля утром) оставались районные комитеты, соединенные живой связью с фабриками, заводами и мастерскими. Упрощенство и непонимание деятельности нашей партии в те дни т. Яковлев прикрывает ссылкой на то, что руководство большевиков сказалось в том, что за время революции 1905 г., а также и за годы существования «Правды» (1912—1917 гг.), подготовился кадр рабочих, «стихийно» оформлявших движение. Отрицать влияния 1905 года и нашей «Правды» на пролетариат, и в первую очередь на питерский, никто не может, но все же эта ссылка не опровергает описанной мною роли партии в предфевральские и февральские дни 1917 г. Тов. Яковлева смущает то противоречие, которое обнаружилось в развитии революции, а он, вместо уяснения себе и раз'яснения другим этого противоречия, пытается его примирить за счет умаления роли нашей партии в Февральской революции. Это противоречие т. Яковлев видит в том несоответствии роли нашей партии в самом февральском движении с ролью партии в конечном результате движения, т.-е. в первые недели после свержения царизма. Из моих сообщений т. Яковлев делает совершенно неправильные выводы, упрощает, схематизирует революционное движение и заводит себя и читателя в порочный круг. Происходит это от того, что он имеет весьма смутное представление о подполье и руководстве рабочим движением в те времена, склонен ограничивать его исключительно легальными формами (ссылка на существование «Правды» в 1912—1914 гг.). Во время войны и до нее наша партия имела свои нелегальные организации, а в Питере она была самой сильной. «Правда» была легальным органом нашей партии, обслуживала, но не заменяла ее. Наша подпольная организация и в эпоху «Правды» и после была построена на живой связи, и эта связь, обрываясь то тут, то там арестами, служила тем приводом, который давал возможность Петербургскому Комитету об'единять борьбу рабочих и руководить ей. Роль этой организации в движении 1917 г. была огромная. Благодаря ей Петербургский Комитет мог не только призывать, но и приводить в движение сотни тысяч рабочих. При этом нелегальный печатный станок не всегда был к услугам организации. Так было в подполье. Так началось движение и 18—23 февраля. Массы вышли на улицу под нашими лозунгами, сражались, сломили царизм под руководством в значительной, подавляющей доле нашей организации. Однако первые же дни легальности после переворота отбросили нас от руководящей роли в движении. Ничего неожиданного в этом не было. Не нужно забывать, что и самый характер движения после 27 февраля изменился. Не следует смешивать и боровшуюся на улицах рабоче-солдатскую массу с массой избирателей после победы. Большинство последних, как солдаты и вновь втянутые в промышленность рабочие и служащие торгово-промышленных учреждений, дали перевес соглашательско-оборонческому блоку против нас. Мелкобуржуазные элементы качнулись на вопросе о войне после свержения царизма в сторону буржуазии. Мы же сохранили за собой тот слой передовых рабочих, который в подпольных условиях был руководящим во всех выступлениях питерского пролетариата.

То же непонимание содержания событий того времени звучит в рассуждениях т. Яковлева относительно лозунга выборов в Совет. «Механика» движения, через которую он пытается проникнуть в его содержание, заслоняет ему все. Ни днем 26-го, ни утром 27-го февраля наша организация не могла выбросить лозунга выборов в Совет, так как дело выборов нельзя было совмещать с призывами к восстанию. Процесс выборов мог отвлечь рабочих от демонстраций и восстания, а этого допускать было нельзя. Еще утром 27-го февраля мы не знали, что вечером того же дня победим царизм в уличной борьбе. Созывать представителей от партий и предприятий для организации Совета начали уже после освобождения политических заключенных из тюрем и овладения Таврическим дворцом, т.-е. под вечер 27-го февраля. Тов. Яковлев своими писаниями и рассуждениями о руководстве движением в дореволюционное время исходит из условий нашего времени и переносит мерку 1927 года на события, имевшие место в 1917 году.

В пятом номере нашего «Большевика» от 1 марта помещен разбор третьей книги «Семнадцатый год», сделанный т. А. Ломакиным. Данный т. Ломакиным разбор книги отличается от критики т. Кина. Указания т. Ломакина «на наводнение» книги документами совпадает вполне с моим мнением. Правильно и его замечание о том, что в этой книге я отошел от «воспоминательского» характера писания и не даю анализа подобно тому, как делал это в других работах. И то и другое допущено мною в силу условий, не зависящих от автора. Тов. Ломакин, упрекая меня, делает это по незнанию условий работы. Редакция «Истпарта» гораздо «спокойнее» принимает документы, чем воспоминания с оценками и анализами. Мои же воспоминания, а в них оценки и анализы, всегда причиняли редакции излишние хлопоты и беспокойство. Тов. Ломакин может справиться, как обстояло дело с изданием той самой книги II «Семнадцатый год», которую он хвалит и ставит в пример. Те самые главы, которые ныне признаны по своим оценкам правильными, тогда (т.-е. два года назад) вызывали сомнения и возражения. Чтобы книга появилась в свет, мне пришлось, по требованию редакции, ходить и «согласовывать» написанное со всеми, о ком я писал. Но даже после «согласования» книга II осталась на складах ГИЗ'а, не была распределена по магазинам в обычном порядке.

Этими же условиями об'ясняется и «протокольное» изложение фактов партийной жизни. Только такое писанье, как «об'ективное», не встречает трений в редакциях, не нарушает ничей покой. И только поэтому III книга появилась в печати, хотя не без «заминки». Эта «заминка» видна на «лице» самой книги: она редактировалась «Истпартом», но истпартовской марки не носит.

Теперь несколько слов по поводу замечаний т. Ломакина об «авторских вывихах», к которым он относит мои замечания о роли Государственной Думы в февральском перевороте. Первое место, взято из III книги «Семнадцатый год», главы «Из деятельности Временного Комитета Государственной Думы», в которой я описываю *солдатское понимание* революционных событий, «в которых Государственной Думе отводилась почетная роль зачинщика. На самом деле Государственная Дума примкнула к революции уже после победы уличного рабочего и солдатского восстания в Петрограде. Но этим запоздалым присоединением Государственная Дума сыграла положительную роль в деле дальнейшего разгрома сил царизма». Тов. Ломакин считает это мое утверждение ошибочным и в подтверждение своего взгляда приводит характеристику Гос. Думы, данную мною в первой книге (стр. 161), где я писал, что «со стороны Государственной Думы и ее прогрессивного блока не было сделано ни одного шага, даже ни одного простого жеста поддержки восставших, поддержки движения. Одна мысль об'единяла зубров 4-го созыва—это страх перед революционным народом, и этот страх побуждал думских деятелей буржуазии искать соглашения с царизмом. Это соглашение против народа не состоялось не по вине буржуазии. Она сделала в первые дни все, что могла, для сохранения царской монархии.

Поворот Государственной Думы по отношению к революционному движению, своеобразное признание членами Государственной Думы революционного переворота совершилось уже тогда, когда революционные рабочие и солдаты разбили главные силы своих врагов и победа революционного движения была обеспечена. Сама Государственная Дума, порождение царской монархии, умерла одновременно с ней». Тов. Ломакин упрекает меня в том, что я «похоронив Гос. Думу вместе с царизмом» в первой книге, снова «воскрешаю» ее в третьей. Никакого «воскрешения» Гос. Думы я не совершаю, т. Ломакин, а лишь даю оценку факта присоединения Гос. Думы к революции, совершенного ею 27 февраля. Этот факт был использован сознательными рабочими и солдатами того времени против остатков царизма. За Гос. Думой шли известные круги крестьянства, армии, городской мелкой буржуазии, интеллигенции, и забывать это нельзя. От имени Государственной Думы в тот вечер 27 февраля призывали к «сдаче» гарнизон Петропавловской крепости и т. д. Этих исторических фактов игнорировать не следует, а их нужно правильно понять, и в этом нет никакого уклона к «об'ективизму».

Второй вывих т. Ломакин усмотрел в моей характеристике крестьянского движения. Ошибочное место заключается, по его мнению, в следующем абзаце со стр. 142 третьей книги, в котором сказано, что «во второй половине марта появились первые признаки крестьянского нетерпения, окрещенные по-старому «аграрными беспорядками». Временное правительство вынуждено было открыто высказаться по вопросу о земельных реформах. Выпущенные им воззвания не могли удовлетворить крестьян, так как по существу все намерения Временного правительства были направлены к отсрочке решения до «Учредительного Собрания», а до того—защите интересов крупного землевладения. Между тем наступала весна, бросала вызов безземельным крестьянам, заманивая их на

простор помещичьих полей. Одиночные случаи крестьянских волнений в марте превратились в апреле уже в массовые. Распоряжение правительства об учреждении земельных комитетов способствовало смягчению остроты конфликтов на местах и позволяло направить крестьянство на путь организованного решения земельного вопроса». Взяв из него лишь две последние фразы, т. Ломакин восклицает—«вот это действительно новость, даже целых две! Вр. правительство «способствовало» «смягчению» земельных конфликтов на местах! Крестьянам «позволялось» «организованно решать» земельный вопрос благодаря распоряжению Вр. правительства!» [1]). Но этакое обилие восклицаний и удивлений свидетельствует не о моем «об'ективизме», т. Ломакин, а о Вашем непонимании и незнания крестьянского движения первых месяцев после Февральской революции. Одновременно с этим незнанием т. Ломакин обнаруживает и неспособность связать законодательную деятельность Временного правительства с классовой борьбой того времени. Распоряжение Вр. правительства об учреждении земельных комитетов было издано отнюдь не по доброй воле, а в результате огромного давления крестьянских масс, поддержанных рабочими. Земельные комитеты были использованы землевладельцами для смягчения *остроты конфликтов*, но в то же время дали возможность крестьянам вести борьбу в организованном порядке. Создание комитетов однако не решало и не могло решить земельного вопроса при Временном правительстве Львова—Милюкова, об этом у меня сказано достаточно. Тов. Ломакин не привел ни одного факта, опровергающего мое утверждение о значении распоряжений Временного правительства, ограничиваясь лишь восклицаниями и кавычками. На стр. 155—156 у меня написано, что «мероприятия Временного правительства, предназначенные для введения крестьянства в «русло законности», были использованы для организационного сплочения крестьянских сил. Малое количество «острых конфликтов», т. е. разгромов имений, поджогов, убийств помещиков и т. п. явлений, было результатом организованности крестьян и сознания ими своей силы. Все, кто бывал в те месяцы в деревне, быстро убеждались в твердости крестьянских намерений. Все жители деревень и селений были твердо убеждены, что земля будет ихняя и перейдет к ним в ближайшее время. Вместо грубых насилий крестьяне находили иные средства, более мирные, но хорошо действовавшие, иные способы выживания мелких и крупных помещиков. Постановление Временного правительства о продовольственных комитетах и об охране посевов давало целый ряд возможностей выжить помещика, лишить его земли на законном основании. Закон обязывал его засеять или сдать в аренду свою землю. Однако засеять своими собственными силами он не мог, а наемных рабочих и пленных ему или не давали или назначали такую плату за их труд, что помещик отказывался, и земля передавалась под крестьянскую запашку. Мысли о том, что помещикам не нужно давать рабочих, брали всюду верх. Благодаря войне и потребностям военной промышленности в рабочей силе это отношение крестьян к наемным рабочим в сельском хозяйстве тогда еще не отражалось на состоянии рынка труда и на положении с.-х. рабочих. Рабочие, уволенные или снятые с помещичьих работ, находили для себя работу у тех же крестьян и порой на той же помещичьей земле, но уже за счет деревенского богатея». Тов. Ломакин также не согласен с таким изложением и об'яснением событий, но было бы лучше, если бы он заменил свое недовольство фактами, опровергающими мое утверждение. Указание на карательные отряды ничего не опровергает. Самая возможность посылки

[1]) См. «Большевик № 5, стр. 93.

карательных отрядов говорила тогда же нам о том, что фронтовая солдатская масса была против дележки земли в свое отсутствие. На этом противоречии интересов внутри крестьянства играли сначала кадеты, а потом с.-р. и с.-д. меньшевики.

Аграрное движение в 1917 году развивалось в своеобразных условиях, еще недостаточно изучено, но ломакинский подход к нему неправилен. Крестьяне в 1917 году, после февральского переворота, сумели использовать все открывшиеся для них возможности борьбы за землю и отнюдь не так просто «захватывали» земли. Наша партия в то время стояла за организованное решение вопроса о земле и осуществила его в первый день взятия власти.

А. Шляпников.

ОТВЕТ ТОВ. ШЛЯПНИКОВУ.

В ответ на мою статью «Семнадцатый год в изображении тов. А. Шляпникова», помещенную в «Историке-Марксисте» № 3, т. Шляпников разразился в «Большевике» № 10 обширной статьей, в которой, главным образом, полемизирует со мной.

Тов. Шляпников жалуется на то, что будто бы я на основании одной цитаты из его книги обвинял его в том, что в его «истории» крестьянство отсутствует, и умышленно оборвал цитированное на том месте, где он именно о крестьянстве говорит.

Вот что я писал: «Тов. Шляпников в своей книге *берет армию оторванно от крестьянства* (подчеркнуто в подлиннике. *Д. К.*). Ряд глав в его книге посвящен армии. *В этом заслуга т. Шляпникова*, но нельзя простить ему того, что он переживания, ход революции в армии совершенно не ставит в связь с настроениями крестьянства» [1]).

Именно на этом я неоднократно останавливаюсь в своей статье, именно об этом я писал. Доказать мою неправду в этом пункте тов. Шляпников не в состоянии.

Теперь по поводу «первородного греха» т. Шляпникова в вопросе о характере и движущих силах революции 1917 г. и моем «недиалектическом» подходе к его изысканиям и воспоминаниям.

Я привел две цитаты из первого ленинского «Письма издалека» где Ленин говорит о роли империалистской войны, как гигантского ускорителя первой буржуазной революции и революции второй, ибо первая мартовская «уже закончилась». Другая цитата говорит о роли заговора и борьбы союзников и русской буржуазии против царизма, которые, слившись с потоком массового народного движения, обусловили быструю победу революции. По этому поводу т. Шляпников говорит: я пишу о конце 1916 г. и начале 1917 г., а Кин приводит ленинские постановки вопроса, относящиеся к периоду февральского переворота и послефевральскому, по существу вопроса он, однако, ничего не говорит.

Прав ли я был, приводя эти слова Ленина, или я подменил один исторический этап другим. Помилосердствуйте, т. Шляпников, но ведь в том и состоит главная задача историка войны и февральского переворота, чтобы корни, истоки явлений и процессов, обнаружившихся во всей полноте и глубине после февральского переворота, вскрыть в период, предшествовавший февралю, а не говорить, что «соотношение классовых сил со времени первой революции (1905) мало изменилось».

[1]) «Ист.-Маркс». № 3, стр. 47.

Иначе 1917 г. выпрыгивает неожиданно, как «бог из машины» в древне-греческой трагедии. И если т. Шляпников не понимает этого, то тем хуже для него.

Далее, не ясно ли, что хотя приведенные мной цитаты из ленинского письма относятся к марту 1917 г., но в них Ленин характеризует значение войны в ускорении революции и роль союзников и буржуазии, что относится именно к дофевральскому периоду, ибо т. Шляпникову должно быть отлично известно, что именно с момента мартовского переворота буржуазия вкупе с союзниками в отличие от того, что было до момента взрыва, делала все, чтобы спасти монархию.

Подобного же рода обвинения в «подмене различных исторических этапов» пред'являет мне т. Шляпников и тогда, когда пытается доказать, что Ленин в период империалистской войны, говоря о перспективе социалистической революции, совершенно исключал Россию и ограничивал стоящие перед ней задачи рамками буржуазной революции.

Тов. Шляпников по поводу ошибки харьковских и других товарищей по вопросу о характере наступающей революции иронически замечает в своей книге: «многим товарищам было не по «душе» *ограничение задач нашей революции рамками буржуазного порядка*» [1]). Я привожу и другие подобного же рода цитаты из книг т. Шляпникова и говорю, что большевикам такое «ограничение задач революции рамками буржуазного порядка никогда не было «по душе» и что Троцкий именно в этом обвинял большевиков, говоря, что они со своей идеей диктатуры пролетариата и крестьянства придут к «антиреволюционной» позиции «буржуазно-демократического самоограничения пролетариата» (Троцкий. «1905 г.», стр. 285).

В своей статье я привожу выдержку из одного письма Ленина к т. Шляпникову за 1915 г., в которой Ленин говорит, что «у нас в России, как и во всем мире» необходимо провести новое деление социалистов на шовинистов и антишовинистов», что «соответствует высшей, более близкой к социалистическому перевороту стадии развития». Я указывал, что эта выдержка из письма свидетельствует о том, что Ленин, говоря о периоде, «более близком к социалистическому перевороту», имел в виду и Россию.

В связи с этим т. Шляпников хочет представить дело таким образом, будто я приписываю Ленину мысль о том, что перед Россией непосредственно стояли задачи социалистической революции. Надо было тогда привести из моей статьи соответствующие места, которые доказывали бы, что я впал в подобного рода троцкистскую или «левобольшевистскую» ересь. Могу привести ряд выдержек из своей статьи, где даю ленинскую постановку вопроса о соотношении демократической и социалистической революции в России [2]).

Тов. Шляпников сообщает, что Ленин разделял его точку зрения в вопросе о позиции харьковских товарищей и в связи с харьковским случаем Лениным были написаны знаменитые «Несколько тезисов», якобы подтверждающие взгляд Шляпникова об «ограничении нашей революции рамками буржуазного порядка».

Ничуть не сомневаемся в правильности сообщения т. Шляпникова о поводе для написания «Нескольких тезисов», но во всяком случае следует признать, что попытка опереться на Ленина в защиту точки зрения, высказанной т. Шляпниковым в книге «17 год» в связи с харьковским случаем, обречена на полнейшую неудачу. Жалкая попытка прикрыться

[1]) А. Шляпников, «17 год», ч. I, стр. 67. Курсив мой. *Д. К.*
[2]) См. мою статью в «Ист.-Маркс.» № 3, стр. 42, 45.

Лениным! Ленин всегда решительно отмежевывался как от тех, кто перепрыгивал через демократическую революцию, так и от тех, кто думал ограничиться для России задачами демократической революции, как ставили вопрос меньшевики.

Тов. Шляпников, как и т. Каменев на XV партконференции, ссылается в подтверждение своих взглядов на «Несколько тезисов», где говорится о том, что «социальным содержанием ближайшей революции может быть только революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства». На этих тезисах 5 и 6 т. Шляпников обрывает. Между тем в тезисе 11 т. Ленин говорит о взятии власти в России пролетариатом, который пойдет дальше программы-минимум, говорит о революционной войне против империализма.

Именно о подобного рода перспективе прихода пролетариата к власти еще в период «теперешней войны» и говорил Ленин в «Нескольких тезисах».

Сопоставьте «Несколько тезисов» со статьей «К лозунгу Соед. Штатов Европы», где Ленин говорит об условиях революционной войны пролетариата («экспроприация капиталистов, организация социалистического производства»). Сопоставьте их с тем, что Ленин говорит в споре с Мартовым по вопросу о характере войны в России после свержения царизма и установления демократической республики. Ленин писал, ссылаясь на «Несколько тезисов», что отношение русского пролетариата к войне в этом случае не изменилось бы—у власти стали бы демократы или революционеры-шовинисты. Далее Ленин говорит о том, при каких условиях рабочий класс в России мог бы сыграть роль пролетарских якобинцев, т.-е. повести революционную войну, повести ее «*может в войне 1914—1915 гг. только пролетариат, совершающий победоносную социалистическую революцию*» [1]).

Похоже ли это на то, что говорит т. Шляпников в «Семнадцатом годе» об ограничении рамками буржуазного порядка. Похоже ли это и на то, что т. Шляпников говорит в «Ответе критикам»: «*Что за буржуазно-демократической революцией будет период борьбы за социализм и последует социалистическая революция, в этом мы были убеждены.* Но подменить один этап другим мы не позволяли ни себе ни другим» [2]).

Подобного рода общая формулировка абсолютно ничего не говорит о ленинском понимании соотношения демократической и социалистической революции, о перерастании одной в другую, о том, что по учению Ленина, которое он развивал и в 1905 и в 1915 гг., пролетариат, совершив буржуазно-демократическую революцию,—*немедленно же, сейчас же* перейдет к революции социалистической. Эти ленинские формулировки т. Шляпников старательно обходит, а из «Нескольких тезисов» выдергивает один отрывок, не желая замечать того, что Ленин дальше в них говорит.

Кто же фальсифицирует историю, кто подбирает поддельные ключи к подлинно-ленинским большевистским заметкам?

Переходим к обвинениям т. Шляпниковым меня в неправильной постановке вопроса о крестьянстве. Я обвинял в своей статье т. Шляпникова в том, что он не только берет крестьянина-солдата изолированно от крестьянства, но что у него вообще вопрос о крестьянстве, о деревне заслоняется и целиком покрывается вопросом об армии. Основанием для такого обвинения мне послужило то место у Шляпникова, где он

¹) Ленин, т. XIII, стр. 222. Курсив мой. *Д. К.*
²) «Большевик» № 10, стр. 90.

рассказывает, что в вопросе об организации Всерос. крестьянского совета инициативу проявили эсэры и «Крестьянский союз».

Исполнительный Комитет СРД этим вопросом не занимался. Тов. Шляпников оправдывает политику Исполнительного Комитета тем, что «участие солдат в советах по всей стране фактически разрешило дело организации крестьянства» («17 год», ч. 2, стр. 164).

Не удивительно, что меньшевики, преобладавшие в Исполнительном Комитете, стояли на такой точке зрения и предоставили целиком инициативу организации крестьянства и такого важного органа, как Всероссийский Крестьянский Совет, эсэрам. Странно, что с этим взглядом т. Шляпников солидаризуется. Тов. Шляпников изображает дело т. о., будто я отдаю эсэрам пальму первенства в вопросе об организации крестьянства, и ссылается на то, что он ведь говорит о вовлечении солдат в советы. Тов. Шляпников проявляет здесь ловкость рук—и только, ибо я говорил об организации крестьянства вне армии, в деревне. А этот вопрос не мог быть разрешен только привлечением солдат, наоборот, это привлечение должно было стать опорой для организации деревни.

Для доказательства того, что Ленин к вопросу о крестьянских советах относился иначе, чем т. Шляпников приведем слова Ленина, относящиеся даже к более позднему периоду: 16 (29) апреля 1917 г. «Нет сомнения, все члены нашей партии, все сознательные рабочие всеми силами поддержат организацию Совета крестьянских депутатов (речь идет и о Всероссийском Совете. *Д. К.*), позаботятся об увеличении их числа, об укреплении их силы, напрягут со своей стороны усилия, чтобы внутри этих советов вести работу в последовательно и строго пролетарском классовом направлении. Чтобы вести такую работу надо сплачивать отдельно пролетарские (батрацкие, поденщицкие и т. п.) элементы *внутри* общекрестьянских советов или (а иногда *и*) организовывать отдельные советы батрацких депутатов» (Ленин, т. XIV, ч. 1, стр. 88). Вот что говорил Ленин о задачах большевиков в деле организации крестьянских советов. Похоже ли это на заявление Шляпникова о советах крестьянских депутатов?

Я в своей статье привел следующую выдержку из первого ленинского «Письма издалека»: «Советы крестьянских депутатов, советы сельскохозяйственных рабочих—вот насущнейшая задача». При этом я указал, что т. Ленин в противовес т. Шляпникову с первых же дней революции «ставит вопрос об организации крестьянства вообще, бедняцких и батрацких элементов в частности» («Ист.-Маркс.», № 3, стр. 47).

Тов. Шляпникову угодно истолковать мои слова в том смысле, будто бы я имел в виду организацию большевиками крестьянства в целом, т.-е. и кулаков, и середняков, и бедняков вместе.

Но если я, говоря вообще об организации крестьянства, ставлю тотчас же вопрос об организации бедноты и батраков, можно ли это назвать эсэровской постановкой вопроса. В первом «Письме издалека» Ленин, намечая переход ко второй революции и в связи с этим ставку на бедноту, исходил еще из того соображения, что «царская монархия разбита, но еще не добита», и при этом он еще ставит вопрос и о других мелкохозяйственных слоях деревни, кроме бедноты.

В «Наброске тезисов», относящихся к 17 (3) марта, о которых Ленин упоминает в письме к А. М. Коллонтай, Ленин, в связи со слухами о том, что царь еще пытается оказать революции сопротивление, пишет: «При таком положении дела задача пролетариата довольно сложная. Нет сомнения, что он должен сорганизоваться возможно лучше,

собрать свои силы, вооружиться и укрепить свой союз *со всеми слоями трудящейся массы в городе и в деревне*, чтобы оказать беспощадное сопротивление царской реакции и раздавить до конца царскую монархию». («Лен. сб.», т. II, стр. 319, курсив мой. *Д. К.*). В третьем «Письме издалека» Ленин говорит: «В деревне развернется теперь борьба за мелкое и частью среднее крестьянство» [1]).

И только тогда, когда (очень скоро) стало совершенно ясно, что «монархия разбита и добита», Ленин в апрельских своих выступлениях провозглашает лозунг: вместе с беднотой при нейтрализации середняка.

Мое обвинение т. Шляпникова в том, что он вопрос о первоочередных задачах революции в России ставит в цеховом духе, вызывает у т. Шляпникова бурю негодования.

Тов. Шляпников писал в своей книге: «Буржуазия великолепно и умело использовала войну для самоорганизации. У нас же не было ни политических, ни профессиональных свободных (!) организаций даже в той степени, как имела их буржуазия нашей страны. Но *именно поэтому-то и развивалось у нас революционное движение*, которое *в первую очередь* должно было освободить пути к организации рабочего класса [2]).

Я возражал против того, что у нас революция развивалась «именно потому», что у русских рабочих «не было ни политических, ни профессиональных свободных организаций», и для того, чтобы «в первую очередь» пролетариат мог «для себя» завоевать возможность свободно создавать свои организации. Такую постановку вопроса о причинах и целях революционной борьбы я назвал цеховой. Ведь право создавать «свободные», как выражается Шляпников, рабочие организации целиком укладывается в рамки буржуазной конституции. Меньшевики еще в 1905 году при постановке вопроса о задачах пролетариата указывали, что самая главная, первоочередная задача это завоевать «для себя» свободу политической, профессиональной организации, а все остальное на втором плане.

Большевики в отличие от них подчеркивали всегда, что нельзя изолированно ставить вопрос о завоевании политических свобод для рабочих, ибо это часть вопроса о свержении самодержавия, об установлении демократической республики, что немыслимо без разрешения стержневого вопроса буржуазно-демократической революции в России—вопроса аграрного, без крестьянской революции.

Меньшевики, и Троцкий в том числе, упрекали Ленина в буржуазном якобинстве за то, что Ленин якобы топил вопрос о первоочередных задачах борьбы за свободные организации для рабочего класса в общем вопросе о демократической республике и буржуазно-демократической революции. В этом сказывалась меньшевистская цеховщина, от которой большевизм был далек. Это—азбука, которой т. Шляпников не хочет знать. Вот и все об этом.

Тов. Шляпников пишет, что якобы я ставлю ему в вину то, что он «не понимал путей перехода к диктатуре пролетариата в марте 1917 г., когда никто из большевиков не ставил вопроса о диктатуре пролетариата».

Нужно обладать очень большой наивностью или очень малой добросовестностью, чтобы изображать дело так, будто я обвинял т. Шляпникова в том, что он не «предвосхитил» Ленина, *до его приезда* в Россию; тов. Шляпников такой постановкой вопроса ставит себя в смешное положение, ибо известно, что даже *после приезда* Ленина и опу-

[1]) «Лен. Сборник» т. II, стр. 348.
[2]) Шляпников, «17 год» ч. 1, стр. 69. Курсив мой. *Д. К.*

бликования апрельских тезисов, намечавших борьбу за диктатуру пролетариата, т. Шляпников был против тезисов Ленина, как раз в этой их части. Вот что мы читаем в протоколе заседания ЦК от 6 (19) апреля 1917 года, когда разбирались апрельские тезисы Ленина. Запись сокращенная. Тов. Шляпников говорит: «Две части тезисов. Первая часть—отношение к войне—вполне приемлема. Вторая часть—не дает практических лозунгов. Нет организации» [1]). Вторая часть тезисов как раз и была посвящена вопросу о государстве советов типа Парижской Коммуны и борьбе за завоевание советов. И вообще я и не собирался судить Шляпникова—деятеля 17 года, а писал о Шляпникове-историке, как подчеркивал это в своей статье. В чем же дело? Тов. Шляпников писал в своей книге: «Совет и его Исполнительный Комитет были действительными органами революционной власти, *хотя не приступали к овладению бюрократическими аппаратами власти*» [2]). Когда же высказал эту премудрость т. Шляпников? В 1923 г., в «Семнадцатом годе», ч. I. Я и написал в прошедшем времени (как и всюду, где говорю о старых книгах т. Шляпникова), что т. Шляпников «не понимал путей перехода к диктатуре пролетариата», ибо забыл ленинскую теорию разрушения буржуазной государственной машины и ставил вопрос об овладении советом «бюрократическими аппаратами власти», не понимал, когда писал, ибо о том, что думает по сему вопросу т. Шляпников в 1927 году, мне было неизвестно. Вот на каком гнилом основании чисто грамматического трюка покоится обвинение меня в передержках. Каюсь, т. Шляпников, что писал в прошедшем времени, ибо вы и в 1927 г., настаивая на прежней ошибке, обнаруживаете свое непонимание того, что власть советов, диктатура пролетариата не создается путем «овладевания совета бюрократическим аппаратом власти». Тов. Шляпников ссылается в подтверждение своей мысли на опыт Октября, когда мы, захватив власть, овладели «бюрократическими аппаратами власти».

Последуем приглашению т. Шляпникова вспомнить опыт Октября. Что же рассказывает об этом опыте сам т. Шляпников, бывший наркомом труда в 1917 г.

Тов. Шляпников в своих воспоминаниях о 1917 г. рассказывает, как он «овладел... зданием министерства труда» [3]) и как старые служащие растаскивали материалы, дезорганизовали аппарат министерства труда. Пришлось разогнать весь старый аппарат и набирать совершенно новых людей. Тов. Шляпников рассказывает, что в ряде других министерств дело было еще хуже, говорит о всероссийском саботаже. Как же это называется? «Овладеванием бюрократическим аппаратом» или разрушением его и созданием новых советских органов? Ведь под бюрократическим аппаратом власти как будто следует понимать не здание министерства, а людской аппарат в основном. Так Шляпников-вспоминатель выступает против Шляпникова-историка. Тов. Шляпников подробнейшим образом останавливается на моих указаниях относительно его противоречий по вопросу о настроениях и роли пролетариата Петербурга и Москвы. Вопрос далеко не принципиальный: в виду недостатка места на этом не стоит останавливаться. К этому можно вернуться при других обстоятельствах. Но на одном выпаде т. Шляпникова остановлюсь.

[1]) Архив истпарта ЦК ВКП(б), протоколы ЦК за 1917 г.
[2]) «Семнадцатый год», кн. I, стр. 218, приведено в моей статье в «И-М» (курсив мой).
[3]) «Пролет. Рев.» № 10, 1922 г., стр. 27. Подлинные слова т. Шляпникова.

Шляпников пишет о моей «неудачной попытке умалить значение питерского пролетариата в общей революционной и пролетарской борьбе нашей страны». Верно ли это? По поводу утверждения Шляпникова о том, что питерский пролетариат в период войны «все время сохранял в общем независимость от буржуазных влияний», я писал: «Эта суммарная характеристика в общем верна, но она слишком обща, одноцветна, не видит изменения во времени и различия в прослойках рабочего класса»... («И.-М.», стр. 46). И немного выше я писал: «говоря о питерских рабочих, т. Шляпников прибегает к прикрашиванию действительности, в чем никакой необходимости нет, ибо питерский пролетариат и без того был на высоте положения» (стр. 45). Похоже ли это на то, что я хочу умалить достоинство питерского пролетариата?

В своей статье я присоединился к точке зрения т. М. Н. Покровского о том, что неправильна была тактика т. Шляпникова, когда в дни начинавшейся Февральской революции—25 февраля 1917 г. он отказывал рабочим в просьбе раздобыть для них оружие. Тов. Шляпников говорит, что Бюро ЦК во время войны было против вооружения рабочих и организации боевых дружин «по типу 1905 г.». Правильна ли была такая позиция? Несомненно, ибо в условиях жесточайшей реакции периода войны это было бы авантюризмом чистейшей воды. Но правильна ли была тактика и личная позиция т. Шляпникова, который в условиях уже начавшейся революции, в условиях всеобщей стачки, перерастающей в вооруженное восстание, 25 февраля 1917 года отказывал рабочим в добыче оружия, хотя, как заявляет сам т. Шляпников, оружие было «сравнительно легко достать».

Тов. Шляпников в своей книге мотивирует отказ тем, что «разгоряченные товарищи» могли пустить его в ход против солдат, которых нужно было вовлечь в восстание. Это он подтверждает и в своем «Ответе критикам». Но ведь, кроме солдат, была еще протопоповская полиция, вооруженная пулеметами и расстреливавшая рабочих из-за угла. Сам же т. Шляпников говорит в своей книге, что на очереди стояла «вооруженная борьба с полицейскими силами» («1917 г.», ч. 1, стр. 104). Разве расправа с полицейскими и самозащита от них рабочих с оружием в руках могли помешать вовлечению в восстание солдат, ненавидевших полицейских? Тов. Шляпников говорит, что 25 февраля было вредно вооружать рабочих, а вот 27 это было необходимо. Не припомнит ли т. Шляпников то, что он писал в 1917 г. под свежим впечатлением февральских событий:

«В стремлении к организации своих вооруженных сил, которое охватило широкие круги рабочей массы, сказывается естественное желание отдать все свои силы делу революции. *Рабочие еще не забыли 23—26 февраля и знают, как скверно быть вооруженными одним только энтузиазмом*». (Ал. Беленин—А. Шляпников. «Правда», № 49, 1917 г.).[1]).

Что касается злобного и неумного выпада т. Шляпникова против т. М. Н. Покровского, то надо надеяться, что т. Покровский сумеет дать т. Шляпникову подобающий ответ.

По вопросу о возможности раскола в партии в первый период революции. Здесь т. Шляпников доходит до бесстыдства, бросая читателю песок в глаза. В качестве доказательства того, что в марте—апреле 1917 года партия стояла перед опасностью раскола, т. Шляпников приводит факт отхода группы большевиков-оборонцев в период мартовского совещания большевиков и после приезда Ленина. Об этом

[1]) Курсив мой. *Д. К.*

ли говорит т. Шляпников в своей книге? Неправда, ибо в книге т. Шляпникова речь идет о расколе в связи с разногласиями с приехавшими из Сибири тт. Петровским, Мурановым, Сталиным и Каменевым [1]). Кто же занимается «подстановкой» и фальсификацией, т. Шляпников?

В заключение не могу не остановиться на обвинении меня в том, что я якобы в суждении о «философии истории» т. Шляпникова повторил «давным давно опровергнутую клевету» о полупатриотическом выступлении т. Шляпникова во время войны.

Во-первых, я привел это потому, что, кто хорошо знаком с книгами т. Шляпникова, тот знает, как старательно отмечает т. Шляпников всякую ошибку других партийных товарищей в прошлом, при чем характеристики эти даются в зависимости от «сторонних» соображений (о Каменеве—3 книга «17 года» [2]), о Троцком — ст. «Керенщина» в журн. «Пролет. Революция»), что накладывает определенный отпечаток на работы т. Шляпникова, и до известной степени характеризует его «философию».

Во-вторых, о якобы опровергнутой клевете. Факт невыдержанного выступления т. Шляпникова,—оговариваемся, далеко не характерного для позиции т. Шляпникова в течение всего периода войны, а лишь для кратковременного его настроения,—подтвердили не только т. М. С. Ольминский, но и тт. Крестинский, Стучка, Г. Петровский [3]) и косвенно т. Блюм, который выступал в ярко шивинистическом духе,—все товарищи, присутствовавшие на собрании вместе с т. Шляпниковым. Нет никакого основания верить т. Шляпникову больше, чем этим товарищам.

Т. о. ссылка на неприсутствовавших тт. является несостоятельной.

Д. Кин.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ТОВ. ШЛЯПНИКОВУ.

Мой ответ т. Шляпникову по необходимости будет краток. Т. Шляпников признает правоту моих указаний на ряд недостатков 3-й книги «Семнадцатого года» — насчет «наводнения» книги разными документами и «протокольного» изложения фактов партийной жизни. Но т. Шляпников старается оправдаться, ссылаясь на «условия, не зависящие от автора», и не признает ошибочности ряда своих формулировок, давших законный повод обвинять автора в «вывихе» в сторону об'ективизма; более того, т. Шляпников продолжает *настаивать* на этих своих формулировках.

Прежде чем перейти к разбору возражений из шляпниковского «ответа», я должен предварительно отвести замечание т. Шляпникова о том, что я-де «хвалю» 2-ю книгу его «Семнадцатого года». Откуда это взял т. Шляпников, совершенно не понятно. В своей рецензии я в *двух* местах касался содержания второй книги: на стр. 91 (см. «Большевик» № 5) — отмечал, что эта книга значительно отличается от первой, поскольку автор попытался перейти от воспоминаний к исследовательской работе, а на стр. 95 указывал на тот факт, что во второй книге, писавшейся до образования последнего оппозиционного блока, автор подвергал основательнейшему критическому разбору оборонче-

[1]) «17 год», ч. 2, стр. 181, 185.

[2]) Это отмечал т. Ломакин в своей рецензии в «Большевике» № 5.

[3]) См. «Пролет. Революция» № 7(30), ст. т. Н. Крестинского «Из воспоминаний о 1914 г.» и «Пр. Рев.» № 2(37) 1925, письмо т. Ольминского.

скую статью Л. Каменева «Без тайной дипломатии». Вот и все. Спрашивается—где же тут «похвала»? При всем желании т. Шляпникова я и *не мог* «хвалить» его вторую книгу, ибо в своей рецензии я вовсе не давал оценки второй книги, ограничиваясь критикой *только третьей*, а сама вторая книга далеко не свободна от ряда недочетов и ошибок, *никак не позволяющих ее «хвалить»*.

Теперь о возражениях т. Шляпникова против моих обвинений в об'ективизме. Речь идет о шляпниковских оценках роли Государственной Думы после февральской победы и апрельских мероприятий Временного правительства по аграрному вопросу. Я указывал на ошибочность тех формулировок т. Шляпникова, согласно которым Государственная Дума «сыграла положительную роль в деле дальнейшего разгрома сил царизма», а распоряжения Временного правительства «позволяли» крестьянам «организованно решать земельный вопрос» и «выжить помещика, лишить его земли на законном основании».

Что говорит т. Шляпников в своем «ответе»?

По вопросу о Государственной Думе т. Шляпников заявляет, что факт присоединения Государственной Думы к революции после ее победы «был использован сознательными рабочими и солдатами того времени против остатков царизма». Но, т. Шляпников, неужели вы не понимаете разницы между *двоякого рода оценками* этого факта? Одно дело, когда указывают—и совершенно правильно,—что этот факт был использован в агитационных целях ради борьбы с царизмом, и другое дело, когда тот же факт выдается за свидетельство «положительной роли» Государственной Думы в революции? Это «другое дело» нельзя, повторяем, рассматривать иначе как результат давления на автора архивных материалов, сбивших его на об'ективизм, ибо совершенно очевидно, что расценивать контрреволюционную роль Государственной Думы после февральской победы, как «положительную», историку-марксисту не подобает.

По вопросу об аграрных мероприятиях Временного правительства т. Шляпников укоряет меня за то, что я не привел ни одного факта о крестьянском движении, а ограничился лишь «восклицаниями и кавычками». Но, т. Шляпников, речь идет ведь вовсе не о фактах крестьянского движения, а об оценке распоряжений Временного правительства. Ваша оценка является явно ошибочной и обнаруживает вашу, т. Шляпников,—не валите с больной головы на здоровую!—«неспособность связать законодательную деятельность Временного правительства с классовой борьбой того времени». Ваши формулировки имеют тот смысл, что Временное правительство, испытывая давление со стороны крестьянских масс, пошло им навстречу и своими мероприятиями о земельных и продовольственных комитетах позволяло крестьянам *«организованно» и «законно» решать земельный вопрос*. Что подобная трактовка распоряжений Временного правительства абсолютно неверна и весьма странна в устах историка-большевика, наглядно вскрывается простым сопоставлением ее с *ленинской оценкой* тех же распоряжений. Вот что говорил Ленин в своей речи на II с'езде советов: «Если бы его (т.-е. Временного правительства. *А. Л.*) меры *шли навстречу нуждам крестьянской бедноты*, то разве крестьянская масса стала бы волноваться? Но *все меры правительства*, одобренные Авксентьевскими и Дановскими Советами, *шли против крестьян и вынудили их на восстание*» (Собрание сочинений, т. XV, стр. 19. Курсив мой. *А. Л.*).

Последнее замечание насчет неуместных и несправедливых нападок т. Шляпникова на Истпарт, который обвиняется в том, что т. Шляпников в третьей книге «Семнадцатого года» не мог говорить всего, что хотел, а то, что говорил, носит на себе следы редакционной печати Истпарта. Уж не хочет ли т. Шляпников переложить на Истпарт *свою* вину не только за новоднение *своей* книги документами, но и за *свои* вывихи в сторону об'ективизма? Однако, все эти жалобы и упреки т. Шляпникова бьют вовсе не по Истпарту, а по самому автору, который пишет книгу чуть ли не вопреки своей воле (!),—*лишь бы книга «появилась в печати»*. Но не было ли целесообразнее для т. Шляпникова в таком случае издать просто очередной сборник документов по истории революции 1917 года, без претензий на оригинальное историческое исследование? Пожалуй, третья книга «Семнадцатого года» и ее читатели от этого только выиграли бы.

Арк. Ломакин.

О «ФИЛОСОФИИ» КИТАЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ОСВЕЩЕНИИ Т. РАДЕКА.

«Вопросы китайской революции».—Научно-Исследовательский Институт университета имени Сун-Ят-Сена, т. I. Под общей редакцией и со вступительной статьей Карла Радека. Госиздат. 1927, стр. 256.

Научно-Исследовательский Институт, организованный при университете им. Сун-Ят-Сена, предполагает выпустить шесть специальных сборников, посвященных основным проблемам Великой Китайской революции: рабочему вопросу, специально Шанхайским событиям, аграрному вопросу и крестьянскому движению, национальному движению, политическим перегруппировкам и основным вопросам китайской истории. Рецензируемая книга и является первым выпуском намеченной Институтом серии, специально посвященным положению пролетариата и развитию рабочего движения в Китае. Этот сборник составлен из статей *Лиау* «Рабочий класс в Китае», *Эдди Шервуда* «Положение труда в Китае», донесений английских консулов о положении рабочего класса в Китае, статьи *Мусина* «Очерки рабочего движения в Китае» и, наконец, идет статья *К. Радека* «Вопросы китайской революции», где, собственно, и дается вся «философия» китайской революции, попытка анализировать ее, наметить линию, перспективу развития ее. Из характера и существа статьи т. Радека видно, что именно в этой статье лежит центр тяжести рецензируемого сборника, и на самом деле она является введением ко всей серии. Вряд ли приходится доказывать крайнюю необходимость и своевременность издания серьезной, самостоятельной исследовательской работы по китайской революции. Надо признать, что в этом направлении сделано до сих пор чрезвычайно мало.

Первая статья сборника—статья т. Лиау — составлена весьма неудачно. Ее многообещающее заглавие «Рабочий класс в Китае» совершенно не соответствует ее в высшей степени бледному содержанию. Во-первых, статья ограничивается исключительно голыми статистическими выкладками, общим поверхностным описанием; во-вторых, целый ряд важнейших данных явно противоречит друг другу, и в-третьих, у автора в описании положения рабочего класса выпала одна «мелочь»... китайские текстильщики, которые по существу являются главнейшим отрядом революции в Китае. Характерно еще то обстоятельство, что некоторые данные автором относятся к 1915 г., некоторые же к 1925 г. и т. д. Тов. Лиау, например, говорит о рабочих организациях Китая и ни одним словом не обмолвился о Всекитайской федерации

профсоюзов, о союзных организациях текстильщиков. Тов. Лиау приводит цифру организованных рабочих — 270.000 ч. (стр. 8), которую легко можно отнести ко временам Адама и Евы[1]). Книга вышла в 1927 году, а статистический материал основательно устарел. Лиау дает общую численность промышленного рабочего класса в Китае в 1.909.423 чел. (стр. 2), т. Радек в 2.500.000 чел. (стр. 235), а Мусин— в 2.720.000 ч. Все данные относятся к одному и тому же году. У Лиау число моряков—150.000 (стр. 2), а у Мусина—80.000 (стр. 162). У Лиау количество рабочих - железнодорожников составляет 71.811 чел., а у Мусина—90.000. Кто поверит авторам сборника и его редактору т. Радеку в том, что число организованных рабочих-текстилей равно... 10.000 (стр. 159)?! Может быть, т. Радек рассчитывал на наивных людей, безграмотных по части знания элементарных вещей из жизни революционного Китая, или эта цифровая путаница есть плод сверхсерьезного отношения к проблемам китайской революции. Мы могли бы привести не мало вопиющих противоречий в статистических данных авторов «исследовательского» сборника т. Радека, но хватит и указанных.

Статья Шервуд Эдди «Положение труда в Китае», несмотря на то, что автор далек от коммунизма, несмотря на ее наивность, на некоторые иллюзии автора, представляет большой интерес. Автор дает блестящее, написанное живым языком описание положения труда в Китае. Некоторые недостатки статьи вполне окупаются ее свежестью и живым изложением. Шервуд Эдди, христианский демократ, чуткий идеолог буржуазии, зная прекрасно положение китайского пролетариата, предупреждает буржуазию: «Китай ввозит сейчас не вышедшее из употребления ржавое старье, а самые современные изобретения и машины для своих предприятий. Не нуждается ли он в более передовых и человечных методах для разрешения еще более важной и насущной проблемы труда? Сейчас настал решительный момент, когда определяется характер промышленного будущего Китая. Китайский народ все еще демократичен и гибок и не вовлечен в противоречия классовой борьбы. Все зависит сейчас от внимания, которое будет уделено труду. Предприниматели имеют сейчас возможность, пока не поздно, изменить положение» (стр. 31). Так заканчивается интересная статья Эдди.

Дальше идут донесения английских консулов о положении рабочего класса в Китае. В этих материалах много интереснейших фактов, много весьма поучительных вещей. Читатель прочтет их с большим вниманием. Но нас удивляет одно существенное обстоятельство. Почему редактор не потрудился предпослать этим донесениям вводную статью, при помощи которой читатель мог бы легче ориентироваться в них, лучше усвоил бы весь материал. А ведь он совершенно сырой.

Статья Мусина «Очерки рабочего движения в Китае» является самой интересной, ценной и серьезной в сборнике, хотя и в ней есть ряд положений, с которыми нельзя согласиться.

Автор предварительно дает статистический материал о численности и организованности китайских рабочих масс. Дальше он разбивает Китай по районам и прослеживает историю рабочего движения по отдельным районам. Автор подробно останавливается на знаменитых шанхайских событиях, сопровождая свой анализ цифрами. Не менее подробно он разбирает гонконгскую забастовку моряков 1922 г.

[1]) К осени 1926 г. во Всекитайской федерации профсоюзов насчитывалось 1.200.000 чел. (см. стенограф. отчет VII расширенного пленума, с. 413). Теперь же эти цифры давно перешли $1^1/_2$ млн. чел.

и железнодорожников 1923 г. Обе эти забастовки, сыгравшие в истории китайской революции крупнейшую роль, освещены автором весьма недурно. Читатель в этой части прочтет интересные документы, появляющиеся у нас в печати впервые и относящиеся к гонконгской забастовке и забастовке железнодорожников. В заключение т. Мусин в краткой форме излагает историю молодой китайской коммунистической партии. К сожалению, автор тут ограничивается краткими сведениями и общими местами. У нас в печати об истории китайской компартии почти не писалось, и было бы крайне желательно и интересно уделить этому вопросу больше внимания и лучше его осветить. Основная установка автора в вопросе о роли киткомпартии в революции, в вопросе о ее отношении к национально-освободительному движению, к Гоминдану, о ее роли в рабочем и аграрном движениях—правильна.

Перед компартией Китая, говорит автор, «помимо задач, стоящих перед всеми нашими коммунистическими партиями, стоят также и особые вопросы об отношении к национальному движению, и в частности, к партии Гоминдан. Эти вопросы актуально стоят перед всеми компартиями восточных стран, ибо им приходится классовую борьбу рабочих масс, направленную не только против иностранного, но также и против национального капитала, сочетать с революционным национально-освободительным движением разных классов своей нации против иностранного капитала. Партия рабочего класса не может, конечно, пойти на какое бы то ни было умаление своей самостоятельности как в политическом, так и в организационном отношении. Но одновременно с этим компартия стремится к созданию наиболее широкого единого фронта для национально-революционной борьбы, поддерживая в первую очередь всякие революционные выступления городской мелкой буржуазии и крестьянства. Китайская коммунистическая партия смогла поэтому установить самые дружеские отношения с национально-революционной партией Сун-Ят-Сена, с партией Гоминдан, которая развитием событий как в самом Китае, так и в международном масштабе все более и более толкается на путь действительной активной борьбы против мирового капитала за самостоятельность и независимость Китая.

Эта чрезвычайная сложность стоящих перед партией вопросов угрожает ей серьезными опасностями справа: ослаблением четкой пролетарской линии, смешением коммунистической, большевистской идеологии с радикальной мелкобуржуазной, отказом от самостоятельных партийных организаций, слиянием с общим национально-революционным движением и т. п. Но одновременно имеются и опасности так называемых левых уклонов: отрыва от общего национально-революционного движения, превращения в интеллигентскую сектантскую группу и т. д.» (стр. 230).

Автор статьи совершенно правильно ставит вопрос о роли и месте китайской компартии в революции, тогда как редактор сборника т. Радек этих элементарных вещей не понял.

Как известно, наша партийная оппозиция свое требование выхода компартии из Гоминдана мотивирует, прежде всего, тем, что якобы компартия в Китае потеряла свое политическое лицо, она не имеет условий для своего роста, не может непосредственно влиять на рабочее движение, ее социальный состав меняется не к лучшему и т. д. Как говорится в английской поговорке: «факт—упрямая вещь». События последних лет целиком опровергли «концепцию» оппозиции во главе с «крупным китаеведом» т. Радеком.

Всего только два года назад в китайской компартии насчитывалось 1.000 человек. Из них на долю интеллигенции приходилось

свыше 60%, на долю рабочих всего 30—35%. К весне 1926 года в партии насчитывалось 12.000 членов, из них 66% рабочих, 5% крестьян и 29% выходцев из различных других слоев населения (см. письменный доклад Тан-Пин-Сяна VII пленуму ИККИ в стенограф. отчете. ГИЗ. 1927 г., стр. 419). По последним же данным в китайской компартии имеется *58.000* членов, при чем социальный состав изменился к лучшему. Важно то обстоятельство, что $^9/_{10}$ местных организаций Гоминдана находятся под руководством левого крыла ГМД (фактически компартии). Интересно тут сопоставить *темп роста* компартии и ГМД. Гоминдан за последние два—три года вырос всего на 30—35%, а компартия в 58 раз. За один последний год (май 1926—май 1927 г.) киткомпартия численно выросла почти в 5 раз, в то время как ГМД вырос не больше 20—25%. Следует еще подчеркнуть, что рост компартии, усиление рабочих в ее составе, отход буржуазии от революции существенно изменили социальный состав ГМД, где теперь рабочие, крестьяне, мелкая буржуазия составляют подавляющее большинство.

О том, что китайская коммунистическая партия имеет огромное влияние в рабочем движении Китая, говорят сами авторы статей рецензируемого сборника. Так, тов. Лиау заявляет, что «*крупные рабочие организации почти все находятся под коммунистическим руководством*»... (Стр. 11. Курсив наш. *Д. Н.*). О том же пишет т. Мусин: «Коммунистическая партия Китая становится, чем дальше, тем больше, действительной партией рабочего класса Китая, не только по своим конечным целям, но и своей активной ежедневной работой. *Она стоит во главе всех последних выступлений рабочего класса, руководя его борьбой за свои элементарные экономические и политические требования против иностранного и китайского капитала и его работой по созданию мощных массовых рабочих организаций*» (стр. 232. Курсив наш. *Д. Н.*). Эти утверждения тт. Лиау и Мусина, нам кажется, должны быть известны редактору сборника т. Радеку. Очевидно, он с ними молчаливо соглашается. Кто знаком с ходом китайской революции, кто следит за развитием рабочего движения в Китае, для того руководящая роль киткомпартии в рабочем движении Китая очевидна.

Другой довод наших оппозиционеров в пользу выхода КП из ГМД заключался в том, что компартия в Китае не имеет своего печатного органа. Послушаем сперва тов. Мусина. «Коммунистическое движение в Китае,—пишет он,—имеет целый ряд периодических изданий. Кроме ...журнала «Новая Молодежь», основанного тов. Чень-Ду-Сю, во главе которого он стоит до настоящего времени, выходит еще целый ряд журналов, ежемесячных и еженедельных, как «Политическая Жизнь» (еженедельник в Пекине), «Спутник» (еженедельник) и «Авангард» (ежемесячный журнал в Шанхае). Юношеское движение имеет также свои специальные издания—«Бюллетень Молодежи», «Китайская Молодежь» (студенческий журнал), «Друг Бедняка» (крестьянский журнал) и другие. Кроме того, выходят специальные еженедельные газеты, посвященные рабочей жизни и рабочему движению. Таковыми являются газета «Китайский Рабочий», «Молодой Рабочий», «Рабочий-Железнодорожник» и другие» (стр. 232). Этот список еще не полон.

Все теперь сознают, что лозунг выхода из ГМД означал не что иное, как превращение компартии в сектантскую группу, ее разгром правыми гоминдановцами, отрыв от крестьянства, мелкой буржуазии города, предать «левых» ГМД, этот лозунг был равносилен переходу

гегемонии, руководства революцией в руки буржуазии, т.-е. предать революцию.

Характерно то, что тов. Радек, с одной стороны, утверждает, что «*на чью сторону станет Гоминдан в деревне, это—центральный вопрос китайской революции* на данной ее переходной стадии (статья в «Известиях», в № 58 от 11/III—1927 г., посвященная второй годовщине смерти Сун-Ят-Сена. Курсив наш. *Д. Н.*).

Совершенно верно, что Гоминдан (сун-ят-сенизм) пользуется в широких крестьянских массах колоссальной популярностью, исключительным влиянием. Кто хочет в *данный период развития революции* притянуть, привлечь на свою сторону крестьянство, тот не может этого сделать *против* ГМД, *без* ГМД и *вне* ГМД. Поелику это так—а это безусловно так—то что же значит требование выхода из Гоминдана?! Тов. Радек, с другой же стороны, не хочет итти вместе с крестьянством. Это логически вытекает из его рассуждений. Противоречиями полны все рассуждения, все произведения т. Радека по китайскому вопросу. То же самое получается, когда тов. Радек требует *выхода компартии из ГМД и соглашается на вхождение коммунистов в гоминдановское правительство*. Ни для кого не является секретом, что старое кантонское, или ныне уханское правительство (мы не имеем в виду т. н. правительство Чан-Кай-Ши) в основном являлось и является правительством Гоминдана. Может быть, законы простой школьной формальной логики, существующей две тысячи с лишним лет со времен Аристотеля, не существуют для тов. Радека?!

Вопиющие, прямо-таки непростительные противоречия встречаются у тов. Радека по вопросу *о роли буржуазии в китайской революции*. В рецензируемом сборнике он выставляет следующий тезис: «Все что мы до сих пор знаем о промышленной и торговой крупной буржуазии Китая, заставляет нас думать, что она революционной роли играть не будет» (стр. 239). Предупреждаем, что это написано задолго до северной экспедиции. Утверждение тов. Радека вполне ясное и определенное. Но вот открываем журнал «Новый Мир» (III книгу за 1927 г.) и читаем в его статье «Новый этап китайской революции» совершенно иное утверждение: «понятно что *не* вся буржуазия играет уже контрреволюционную роль, антинациональную роль» (стр. 157). Это пока еще ничего.

Тов. Радек везде и всюду, на всех перекрестках хвалит себя за то, что он, мол, с математической точностью предсказал, что буржуазия предаст революцию, он, мол, бил в набат и предупреждал партию об этой опасности. Он выставлял себя (*иные* его в этом поддерживали и поддерживают) в качестве «пророка Моисея», пророчески предвидевшего и предсказавшего апрельские события в Китае. Надо быть только наивным простаком и совершенно неискушенным в политике человеком, чтобы поверить т. Радеку. Мы же постараемся документировать прямо противоположное тому, что тов. Радек вымышляет. В названной же статье «Новый этап китайской революции» (в «Новом Мире»), датированной от февраля 1927 года (вышла же она прямо к апрельским событиям), т.-е. *накануне переворота Чан-Кай-Ши*, т. Радек предлагал не гнать от себя буржуазию. «*Кантонская политика* (ясно, что тут автор имеет в виду национальное правительство, его политику незадолго до отхода Чан-Кай-Ши. *Д. Н.*), — пишет т. Радек,— *должна* (!! *Д. Н.*) *по возможности не отталкивать* (!! *Д. Н.*) *преждевременными шагами от себя буржуазных слоев*» (стр. 159. Курсив наш. *Д. Н.*). Вот, тебе, бабушка, и юрьев день! Надо же уметь после этого пускать сплетни в партии о том, что он,

Радек, кричал во все горло, что надо гнать буржуазию, а его не послушались, в то время как на самом деле он требовал обратного! Мы не говорим уже о том, что сам тов. Радек пишет, что китайская промышленная буржуазия страдает от господства империализма, что китайские капиталисты субсидировали и всячески поддерживали забастовку рабочих в Шанхае и др. местах, что китайские промышленники ведут борьбу за таможенную стену, против низких цен, против банковского господства, против концессий и т. д.—и в то же время утверждает, что буржуазия не играла (до переворота Чан-Кай-Ши) революционной роли. О северной экспедиции, начатой и руководимой Чан-Кай-Ши (=буржуазией) наши оппозиционеры не говорят ни слова, предпочитают молчать.

Перейдем к другому положению тов. Радека. Он утверждает, что в Китае совершенно *отсутствует помещичий класс* (Сборник, стр. 214) в Китае нет феодализма, феодальных остатков. Это же самое он пишет в других своих «трудах». Согласимся только на одну минуту с тов. Радеком. А посмотрим, что пишет «другой» тов. Радек в своей статье в «Новом Мире»: китайская буржуазия «слаба тем, что связана с *помещичьим классом*» (стр. 157. Курсив наш. *Д. Н.*). Дальше. «В Гуаньской (Гуандуньской? *Д. Н.*) провинции пролетариат очень слаб (это тоже ошибочно. *Д. Н.*), а (слушайте! слушайте!! *Д. Н.*) *помещики очень сильны*» (стр. 157). Говорить, что помещиков в Китае нет, а в то же время утверждать прямо противоположное—это весьма несерьезное отношение к проблемам китайской революции, это, просим извинения за выражение, путаница, поверхностный подход, это, как выражается сам т. Радек в рецензируемом сборнике, «не более как публицистика достаточно поверхностного характера» (стр. 237). Может быть, это пишут два разных товарища под общей фамилией Радек?! [1])

Этот тезис тов. Радека имеет первостепенное теоретическое и политическое значение Он являлся до сих пор и является на данном периоде революции *основным* вопросом. Этот вопрос в постановке тов. Радека снимает *аграрную*, буржуазно-демократическую революцию с повестки дня Великой Китайской революции. Отрицание феодализма, помещиков в Китае есть в то же время отрицание революционной роли крестьянства, этим самым т. Радек *выключает* крестьянство из *антиимпериалистического* блока. Иностранный капитализм экономически и политически тесно связан с компрадорской буржуазией, с феодализмом и милитаристами. Экономическое и политическое давление империализма крестьянство чувствует в первую голову через военно-феодальную систему. Последняя же является основной опорной силой империализма в китайской деревне. При радековской постановке вопроса выпадает огромное звено в цепи обеих группировок—антиимпериалистической и контрреволюционной — крестьянство и помещичий класс.

Тов. Радек ни разу не попытался теоретически обосновать и доказать свое положение. Он ровным счетом не привел ни одного аргумента, ни одной цифры в поддержку своего взгляда. Нельзя одним росчерком упразднить феодализм. Между прочим, в сборнике, редактированном т. Радеком, в статье т. Мусина говорится о наличии даже остатков рабовладельческих отношений. С другой стороны, тов. Радек и никто другой вообще не опроверг бесконечное количество работ, где специально доказывается наличие феодальных отношений в Китае.

[1]) То же самое говорит о наличии помещиков в Китае тов. Радек в своих статьях в „Известиях" в №№ 58 и 61.

Тов. Радек сам ссылался на работы известного немецкого китаеведа агронома *Вагнера* (см. стенограмму доклада т. Радекса в Комакадемии), которого он считает большим авторитетом. *Вагнер* в своей работе «Сельское хозяйство Китая»—Берлин, 1926 г. («Die Chinesische Landwirtschaft») на основании специального исследования экономики современной китайской деревни дает прекрасное исследование аграрных полукрепостнических отношений, феодальных форм натуральных оброков, барщин, отработков, испольщины и т. д. Имеются специальные исследования Канторовича, Волина, Ивина и других, где они доказывают (приходится же *доказывать* тов. Радеку наличие феодальных остатков в Китае!) значительную роль китайских помещиков в деревне и подробно описывают тесную экономическую связь между ними, торгово-ростовщическими капиталистами, джентри и империалистами. Даже на-днях на последнем V с'езде киткомпартии секретарь ЦК тов. Чен-Ду-Сю в своем докладе особо подчеркивал роль помещичьих, феодальных элементов в экономической и политической жизни Китая [1]).

Перейдем теперь к вопросу о социальном существе кантонского (=национального) правительства. Открываем 251 страницу рецензируемого сборника и читаем: «кантонское правительство в своей социальной, податной и земельной политике выступает как *первое рабоче-крестьянское правительство...*» (курсив автора. *Д. Н.*). Это же утверждение мы находим у тов. Радека в одной его статье в «Правде» в предисловии к книжке Мифа «Уроки Шанхайских событий» (стр. 4). Прямо противоположное определение социальной сущности кантонского правительства он дает в своем докладе в Комакадемии, квалифицируя его (правительство) как *власть прогрессивного торгового капитала*. Там же можно встретить такие определения как «диктатура буржуазии», «капиталистическая компания», «зародыш демократической диктатуры пролетариата и крестьянства». В названной статье в «Новом Мире» т. Радек определяет кантонское правительство довольно оригинально, квалифицируя его как правительство, «выступающее в качестве *друга рабочего класса*» (стр. 157). Нечего и говорить, что это определение до того нелепо и неопределенно, что на нем можно не останавливаться. Бур-

[1]) Приведем начало резолюдии V с'езда китайской компартии по аграрному вопросу:

„Экономика китайской деревни,—говорит резолюция,—до сих пор основана на *феодальных* отношениях. Около 66 проц. земли принадлежит лэндлордам, получающим ренту, достигающую в среднем 50 проц. валовой продукции. *Феодальная «патриальность» составляет существенную черту экономической структуры*, политического и административного управления в деревне. Одновременно в деревню проникли примитивные способы капиталистической эксплотации, подвергая китайское крестьянство двойному гнету *докапиталистической* и капиталистической эксплоатации. На почве этой сложной системы эксплоатации вырастает необузданное ростовщичество, военный и бюрократический аппарат эксплоатирует крестьянство самыми разнообразными способами. Вследствие всех этих причин крестьянство всегда находится на грани голодного существования. Между катастрофическим положением аграрного вопроса и империализмом имеется органическая связь.

Империализм задерживает экономический прогресс и вызывает искусственную аграризацию страны. Непрерывный рост армии безземельных крестьян приводит к падению цен на рабочую силу почти до полного обесценения ее. Лэндлорды и джентри (служилое сословие), ростовщики и милитаристы представляют собою чудовищную машину феодальной реакции и первоначального капиталистического накопления. И отечественный милитаризм, и иностранный империализм выросли на почве *феодальной структуры китайской деревни*.

Для успеха революции является поэтому совершенно необходимым очистить деревню от остатков феодальных отношений и патриархальной власти» («Правда» от 19/V 1927 г. за № 111 (3643) с. 3.).

жуазно-демократическое государство и в то же время друг рабочего класса! Статья тов. Радека написана в феврале 1927 года, и его определение относится к тому периоду национального правительства, когда во главе него стоял не кто иной, как сам Чан-Кай-Ши. Неужели тов. Радек, национальное правительство во главе с Чан-Кай-Ши, которого вы хотели «проглотить», который преследовал рабочих в Гуанси, в Кантоне, который всячески старался стать поперек дороги рабочему коммунистическому движению, правительство, которое вы определяли как «капиталистическую компанию», как «диктатуру буржуазии», неужели оно являлось *другом рабочего класса?!* Мы этого опять понять никак не можем.

Список противоречий тов. Радека еще не исчерпан. Но и на этом можно остановиться.

В рассуждениях тов. Радека много фразеологии, много эклектической похлебки, много противоречий, явное непонимание целого ряда важнейших проблем, но за всем этим скрывается целостная концепция, определенная политическая методология на определенной теоретической основе.

Остановимся коротенько на вопросе *о теоретических корнях* взглядов т. Радека на китайскую революцию.

Вся концепция т. Радека логически ведет к теории Розы Люксембург, к ее теории национально-освободительного движения в эпоху империализма, подвергнутой глубокой, исчерпывающей критике со стороны тов. Ленина.

Как известно, Роза Люксембург считала, что не может быть национально-освободительного движения, как революционного, прогрессивного движения в эпоху империализма. Эта ее теория основывается на своеобразной, немарксистской *теории воспроизводства, накопления, реализации рынков, кризисов и империализма.*

Тов. Радек в годы мировой войны целиком стоял на этой позиции. Тут же отметим, что в основном и *тов. Троцкий* развивал такие же взгляды на природу национально-освободительного движения. Все они не могли понять одного чрезвычайно важного положения, что национально-освободительное движение составляет часть мировой пролетарской революции. «В то время,—писал т. Ленин,—как перед эпохой мировой революции движения за национальное освобождение составляли часть общих демократических движений, теперь, однако, после победы советской революции в России и начала периода мировой революции движение за национальное освобождение составляет часть мировой пролетарской революции».

Далеко не случайно, что «люксембургианец» т. Радек стал явным *троцкистом*. Мы считаем всю концепцию т. Радека по китайскому вопросу (освободив ее от лишних фраз) *конкретным применением троцкистской теории перманентной революции к китайской революции*. В своем докладе в Комакадемии тов. Радек почему-то сознательно остановился на теории перманентной революции, указав, что в ней нет ничего немарксистского, разве только кроме одного слабого места о перерастании. Если, по его мнению, исправить эту мелочь, то мы имеем стопроцентную марксистскую теорию революции. Мы же считаем, что теория революции Троцкого по своей *методологии* ничего общего не имеет с диалектической теорией Маркса и Ленина. Если говорить об основных грехах теории Троцкого, то мы должны подчеркнуть перескакивание через буржуазный этап революции, перескакивание через крестьянство, непонимание вопроса о союзе пролетариата и крестьянства, непонимание перерастания революции, связи с международной революцией и ряда вытекающих отсюда положений. Те же ошибки оппозиция делает в китайском вопросе.

1. Отрицание феодализма, помещиков в китайской деревне. Такая постановка вопроса снимает с повестки дня *буржуазный* этап революции, именно *аграрную* революцию. Именно аграрная революция в данную полосу исторического развития является центральным вопросом. Отход Чан-Кай-Ши (буржуазии), есть в то же время переход *общенациональной* революции в *аграрную* революцию.

2. Требование выхода компартии из ГМД означает, по словам самого же т. Радека, оттолкнуть от себя крестьянство, не итти с ним в союзе, непонимание революционной роли крестьянства, отдать его в об'ятья буржуазии, т.-е. перепрыгиванье через крестьянство. Самое отрицание феодализма в Китае говорит за это. Крестьянство заинтересовано в изгнании империалистов, главным образом, потому, что империализм экономически и политически «сращивается» в деревне с военно-феодальными, помещичьими, милитаристскими, компрадорскими элементами и джентри. Отрицание сугубой важности антиимпериалистической борьбы крестьянства, отрицание феодализма в китайской деревне, фактически отрицание аграрной революции—это знакомая ария из известной оперы, отпетой у нас два с лишним десятка лет назад.

3. Тов. Радек в своем докладе в Комакадемии утверждал, с одной стороны, что мировая война создала новую промышленную буржуазию новый пром. капитализм и, с другой стороны, явно противореча себе, заявил, что в годы мировой войны (особенно в 1918, 1919 гг.) «*начинается загнивание всего капиталистического развития в Китае*» (стенограмма). По Ленину, мы проблему загнивания капитализма связываем с монополистическим, империалистическим капитализмом. Загнивание капитализма связано с проблемой неравномерности капиталистического развития. Ленин в полемике с Киевским (в XIII т.) прямо указывал в связи с *загниванием* на три группы стран, где национально-освободительное движение является *прошлым* (старые страны капитализма), где оно является *настоящим* и третью, где оно представляет *будущее*. Последнее относится к восточным колониям и полуколониям, т. к. капитализм здесь идет по восходящей линии, он еще не загнил. Это относится к Китаю. Основываясь именно на законе неравномерного развития капитализма, на процессе загнивания империализма, Ленин говорил о быстроте развития мирового капитализма *в целом*, по сравнению с классическим капитализмом. Тов. Радек неправ, загнивания «всего капиталистического развития Китая» не могло быть в годы войны еще потому, что именно в эти годы войны в колониях и полуколониях происходил своеобразный промышленный переворот именно *в борьбе с империализмом*, с загнивающим капитализмом, и именно на основе, на спине этого бурного капиталистического развития поднялась широкая волна революционного национально-освободительного движения (Китай, Индия и др.). Такая *неленинская* постановка вопроса о загнивании ведет все к той же *неленинской* теории национально-освободительного движения.

4. Требование выхода из ГМД есть требование изоляции пролетариата. Оппозиция перепрыгивает через *демократическую диктатуру* пролетариата, крестьянства и городской мелкой буржуазии. Разве это не похоже на известные утверждения т. Троцкого из «Итогов и перспектив» о неосуществимости, утопичности демократической диктатуры?!

5. Все механические аналогии с Керенским, Февралем, «Лозунг советов» и т. д. есть тот же прыжок через буржуазную революцию, демократическую диктатуру.

6. Лозунг советов есть лозунг разгрома, свержения теперешнего революционного уханского правительства. Уханское правительство теперь находится на такой стадии, когда оно должно превратиться и будет превращаться в рев.-демократическую диктатуру пролетариата, крестьянства и мелкой буржуазии. В этом вся суть, и наша линия в том и заключается, чтобы всячески способствовать этому превращению. Если оппозиция хочет разгрома *этого* правительства, стало быть, она стремится миновать эту диктатуру, не допустить ее. Оппозиция требует организации советов рабочих, солдатских депутатов—а это *уже* есть линия на социалистическую диктатуру. Логически это так.

7. Совершенно ясно, что при перескакивании через буржуазный этап революции, через демократическую диктатуру не может быть никакой речи *о перерастании*. Оно целиком выпадает из концепции т. Радека.

Точка зрения оппозиции в вопросах китайской революции не имеет ничего общего с ленинизмом. Основное в ней—непонимание ленинской теории национально-освободительного движения, теории империализма, проблемы неравномерности капиталистического развития, самой теории революции—ведет теоретически к своему *социал-демократическому* истоку. Эти вопросы не есть только вопросы чисто китайского характера, специфически китайского значения. Эти вопросы являются вопросами *общими*, основными, далеко не только китайского порядка. Возьмем вопрос о ГМД и компартии. Этот вопрос существует, скажем, и для Индии. И там перед нами во всей остроте стоит и будет стоять проблема взаимоотношений *народной партии* и компартии. И там стоит проблема антиимпериалистического блока, крестьянский вопрос, вопрос о городской мелкой буржуазии, вопрос о демократической диктатуре пролетариата, крестьянства и городской мелкой буржуазии и т. д.

Читатель видит, т. о., что расхождения партии с оппозицией, помимо тактических, стратегических, частных политических расхождений, идут по всей линии; это расхождение двух самостоятельных, принципиально отличных друг от друга и друг другу противоречащих *теорий революции*.

Дж. Нагиев.

КАК ИНОГДА ПИШЕТСЯ ИСТОРИЯ.

(О XVII томе сочинений тов. Троцкого).

Первая часть XVII тома сочинений тов. Троцкого посвящена характеристике первых девяти месяцев 1918 года.

Брест, завершение буржуазно-демократической революции в деревне и раскол крестьянства, начало голода и упорной борьбы за хлеб, захват контрреволюцией Юго-Востока (Дона), чехо-словацкий мятеж на Волге, мятеж в Ярославле, восстание левых эсэров в Москве, за всем этим переход к развернутой и длительной гражданской войне,—таковы основные факты 1918 года, одно перечисление которых говорит само за себя.

Книга тов. Троцкого дает значительный исторический материал для товарищей, желающих ознакомиться с историей нашей революции, так сказать, по живым материалам.

Но ценность книги, на наш взгляд, значительно понижается, благодаря тенденциозности примечаний. Товарищи, составлявшие примечания, явно отдают себя во власть порочной манере выправлять и переделывать наш вчерашний исторический день применительно к потребностям своего «сегодня».

Особенно рельефно эта тенденциозность обнаруживается в примечаниях, долженствующих дополнительно осветить позицию тов. Троцкого на брест-литовском этапе и интерпретировать некоторые из статей и речей тов. Троцкого.

Поскольку эти тенденциозные примечания в совокупности с другими трудами рецензируемого автора направлены на сознательную дезориентацию мнения читателя по вопросу брест-литовской позиции тов. Троцкого, на них следует остановиться.

В примечании III сообщается, что позиция тов. Троцкого *принципиально* не расходилась с позицией ленинцев. «Расхождение между этими точками зрения (троцкистской и ленинской. *В. К.*) заключалось лишь в вопросе о моменте подписания мира» (стр. 668).

В другом примечании 124-м поправляется речь тов. Троцкого на VII с'езде партии. Одно из самых важных заявлений тов. Троцкого, заявление о том, что он не считает решающим для судеб нашей революции вопрос о том, заключим ли мы мир, или будем вести революционную войну, об'является бессмыслицей[1]), «как, впрочем,—говорится в примечании,—и ряд других мест стенограммы, никем не выправлявшейся, в том числе и автором». Дело, следовательно, сводится к тому, что мысль тов. Троцкого неправильно застенографирована, при чем об'является об этом на 10-м году после Бреста!

На VII с'езде партии тов. Троцкий заявил, что больше шансов на успех находится на стороне противников мира.

В примечании 125-м по этому поводу говорится «и эта фраза, как и оговоренная в примечании 124-м, передана неполно или в искаженном виде»...

По основному вопросу о войне и по вопросу о перспективах международной социалистической революции *троцкистская точка зрения принципиально совпадала с точкой зрения левых коммунистов.*

Чтобы доказать это, мы напомним просто фактическую сторону дела.

Так же, как левые коммунисты, тов. Троцкий был убежден, что *немцы не будут наступать*. Так же, как и левые коммунисты, тов. Троцкий доказывал невозможность немецкого наступления ссылкой на то, что в Германии началось крушение империалистической системы. Тов. Троцкий впоследствии всю вину сваливал на Стокгольмское Телеграфное Агентство, которое передавало, по его словам, преувеличенные известия о движении в Австро-Венгрии и Германии. Но для нас сейчас важен факт.

Примыкал к левым тов. Троцкий и по другому крайне важному пункту.

Будучи убежден, что немцы не смогут наступать, тов. Троцкий вслед за левыми полагал, что международные империалисты уже сговорились (в марте 1918 года) между собой насчет совместного похода против Советской республики, тогда как Ленин строил свою тактику, исходя из учета непримиримых противоречий между коалицией англо-

[1]) Вот что говорил тов. Троцкий на VII с'езде партии: «Я воздержался от голосования в Центральном Комитете при решении этого важнейшего вопроса (вопроса о том, подписывать ли мир. *В. К.*) ...потому что не считаю решающим для судеб нашей революции то или иное отношение к этому вопросу».

французских империалистов, с одной стороны, и коалицией австро-немецких империалистов, с другой. Ленин полагал, что после заключения сепаратного Брест-Литовского мира усилится схватка империалистов; Ленин предлагал воспользоваться этим моментом пролезть в эту щель. По мнению тов. Троцкого, эта щель исчезла или исчезает.

Так, в речи на III Всероссийском с'езде советов тов. Троцкий говорил следующее: «Английский империализм ясно сознавал, что победить Германию он не в состоянии, и вот за счет России представляется та компенсация, которую германскому империализму нужно дать для того, чтобы он стал сговорчивее в переговорах со своими великобританскими и американскими братьями. Этот адский план обнаруживается при самом поверхностном анализе одной из речей Ллойд-Джорджа, который не сумел скрыть общего счета мирового империализма «русской революции» [1]).

Ошибка тов. Троцкого ясна. Возможное он принимал за действительное, анализируя,—по собственному признанию, поверхностно—«одну из речей» Ллойд-Джорджа, а не об'ективную международную обстановку.

Получилось так, что германский империализм стремился поработить отдельные районы бывшей царской России для того, чтобы *бороться* против коалиции англо-французского капитала, а не для того, чтобы договариваться с ней. Германский империализм—о чем свидетельствуют хотя бы мемуары германских военных деятелей, опубликованные после войны—были убеждены, что захватив Украину, навязав мир России, они после этого вдребезги разобьют англо-французскую коалицию. Они явно ориентировались на то, чтобы разжечь войну.

Возьмите после этого отношение тов. Троцкого к идее революционной войны, выдвигаемой фракцией «левых» коммунистов.

Ленин считал, что революционная война в ту пору означала гибель революции. Между тем как тов. Троцкий аргументировал «против» войны, ссылаясь на то, что нельзя вести войну при условии, когда против нее Ленин. Если бы Ленин не ставил ультиматума о сложении с себя всякой ответственности за ведение революционной войны, тогда, выходит дело, вести войну можно.

«Нельзя вести войну против немцев и *против нашей буржуазии (! В. К.)*, преодолевая косность широких слоев отсталой народной массы и в то же время *иметь против себя половину или большую часть партии с Лениным во главе*»...

«...Думаю, что та политика, которую отстаивает так называемая оппозиция—политика революционной войны—для того, чтобы быть действительно примененной на деле, требует, помимо всего прочего, фракционного единодушия, единодушия всех оттенков партии—*это прежде всего*» [2]).

Оказывается, только в этом дело. Оказывается, дело заключается, прежде всего, в том, что нет единства по вопросу об отношении к войне. Если бы имелось налицо согласие ленинцев, тогда можно было бы вести революционную войну. Выходит, что принципиально правы «левые».

Упомянув о необходимости единства, тов. Троцкий затем переходит к критике ленинской позиции.

«Аргументы, которыми мотивируется необходимость мира,—говорит тов. Троцкий,—*дезорганизуют* работу не только по созданию армии, *но и непосредственную работу* по мобилизации рабочих масс» [3]).

[1]) Л. Троцкий. Сочинения, т. XVII, ч. 1, стр. 61.
[2]) Там же.
[3]) Там же, стр. 139.

Тут снова вопрос о «непосредственной» мобилизации рабочих масс на революционную войну ставится в зависимость от вопроса о том, как поведут себя ленинцы. Но тут не только это. Тов. Троцкий идет дальше. Он утверждает, что подписание мира не обеспечивает работы по организации армии. Между тем, как Ленин считал, что только тогда мы сможем создать армию, когда выйдем из войны, хотя бы ценой подписания унизительного, тильзитского мира.

В той же речи тов. Троцкий говорит:

«По вопросу о том, где больше шансов, там или здесь (т.-е. у ленинцев или у «левых». *В. К.*), *я думаю, что больше шансов не на той стороне, на которой стоит тов. Ленин*» [1]).

«Тов. Ленин считает, что сегодня необходимо подписать мир после того, как немцы взяли Ревель и др. города; другое крыло, к которому я принадлежу, считает, что сейчас единственная возможность для нас, поскольку это зависит от нашей воли, воздействовать революционизирующим образом на германский пролетариат» [2]).

Не трудно понять—хотя тов. Троцкий и не говорит, что это за другое крыло, к которому он принадлежит—что принципиальная грань между «левыми» и тов. Троцким, по сути дела, исчезает и он переходит к «теории подталкивания» европейской революции, к теории «левых» (которую Ленин называл теорией, враждебной марксизму), отрицая какое бы то ни было революционное значение за политикой ленинцев.

Был момент, когда тов. Троцкий считал, что создание армии так же, как и восстановление транспорта, возможны только в условиях затяжной революционной войны.

В этом пункте снова взгляды тов. Троцкого *полностью* совпадают со взглядами «левых».

Наше утверждение станет тем более ясным и неоспоримым, если читатель вдумается в следующее место из речи тов. Троцкого на с'езде партии:

«Эта опасность (раскола партии. *В. К.*) не исчезает и не уменьшается, если развитие европейской революции будет совершаться слишком медленно, если мы во имя передышки подпишем мир, благодаря которому мы выдадим Украину. Мы не поддерживаем части нашей революционной армии в прямой ее борьбе, между тем, там борьба, по последним сообщениям, ведется, повидимому, с большим напряжением и с некоторым успехом. Мы не воюем, а в это время часть нашей советской федерации ведет борьбу. Завтра может возникнуть перед Петроградом или Москвою вопрос о поддержке украинского пролетариата, но что же они смогут сделать. Послезавтра немцы потребуют от нас заключения мира с украинской Радой; это есть у них в условиях мира, но пока еще не оформлено. Подпишем ли мы мир с украинской Радой, которую мы разгоняли вместе с украинскими рабочими и крестьянами? Далее от нас потребуют подписания мира и с Свинхувудом, когда он раздавит Красную армию Финляндии. Это требование не исключено, напротив, оно логически вытекает из условий мирного договора. Пойдем ли мы на это, повторяя, что мы слабы и не можем отказать и сопротивляться? Что же это значит? Что революционный пролетариат при данных условиях не может дать того отпора, который вытекает из его положения—господствующего класса в стране. *Тогда скажите, что для революционного пролетариата*

[1]) Там же, стр. 135. Курсив наш. *В. К.*
[2]) Там же, стр. 138.

советская власть является слишком тяжелой ношей, вот что это значит... если немец потребует, чтобы мы подписали мир с украинской Радой, подпишем мы его или нет? Некоторые товарищи из ЦК говорят: «да, подпишем», *я говорю: нет, это уже будет предательством в полном смысле слова»* [1]).

«Тов. Троцкий,—отвечал Ленин на VII с'езде,—говорит, что мир будет предательством в полном смысле слова. Я утверждаю, что это совершенно неверный способ рассуждения, когда люди впадают в фразу» [2]).

Тов. Троцкий был согласен пойти на мир, но без исключительно трудных, без исключительно тяжелых условий. Когда встал вопрос об Украине, он заявил, что *мир будет предательством.* Мы не ставили формального предела уступкам. Этим пределом было спасение революции. Тов. Троцкий *ставил такой предел* и скатывался к политике отрицания компромиссов, к политике «левых».

Само собой разумеется, что отмечая пункты совпадения троцкистской и левокоммунистической позиций, мы не намерены ставить знак равенства между ними.

Сомнений нет, что тов. Троцкий по вопросу о войне примыкал к «левым». Но он не решался открыто, твердо и окончательно встать на их точку зрения. Он колебался. И выражением этого колебания явился лозунг «ни мира, ни войны».

После сказанного уместно спросить и тов. Троцкого и товарищей-примечателей, заявляющих, что тов. Троцкий принципиально не расходился с Лениным, что же в их глазах является критерием, показателем принципиальности.

Во что бы то ни стало спасти нашу революцию—таков главный, исходный, все определяющий принцип ленинской тактики.

Для тов. Троцкого вместе с «левыми» коммунистами это означало «жизнь без смысла» (выражение принадлежит тов. Троцкому).

Исходным и всеопределяющим принципом их тактики было «революционизирующее воздействие» на европейский пролетариат. Мир же, и по мнению тов. Троцкого и по мнению «левых», не мог принести этого.

Это ли не принципиальная разница? Не думают ли составители примечаний, что принципиальная разница между позициями тов. Троцкого и Ленина исчезла после того, как тов. Троцкий заявил (на VII с'езде партии) о своем «большом уважении» к группе сторонников брест-литовского мира? Но ведь, указав после этого на то, что он (Троцкий) не будет предлагать с'езду партии не ратифицировать договор, он не предложил и ратифицировать его.

Нет ли у нас оснований после сказанного выше заявить, что позиция тов. Троцкого, поскольку он на ней настаивал, принципиально не расходилась с позицией «левых» и диктовалась теми же, что и у «левых», мотивами?

Лозунг «ни мира, ни войны» оппортунистичен по всей своей сущности не менее, чем печально-знаменитая формула «золотой» середины во время империалистической войны, троцкистская формула «ни победы, ни поражения».

Лозунг «ни мира, ни войны» мог бы иметь значение только в том случае, если бы немцы действительно *не могли* наступать, если бы действительно началось крушение империалистической системы в странах Центральной Европы. Империалистические войска не угрожали бы тогда нашей революции. Но тогда, возможно, выгоднее было бы стать

[1]) Там же, стр. 141—142. Курсив наш. *В. К.*
[2]) Н. Ленин, стр. 145, том XV.

на позицию «левых» и остатками сил помочь победе германского пролетариата.

Если бы победа германской революции зависела от нашей помощи, мы помогли бы без всяких колебаний. Этого не было. Немцы пошли в наступление. Тактика «войну прекращаем, армию демобилизуем, но мира не подписываем» крахнула.

Оппортунистичность той линии поведения, которую рекомендовал партии тов. Троцкий, заключалась в том, что она дезориентировала работу революции.

Была возможность заключить мир и приступить к организации армии. Эта возможность отметалась тактикой тов. Троцкого. *Принятием* точки зрения тов. Троцкого отодвигался, делался невозможным процесс самоорганизации нашей революции, процесс организации армии.

Тов. Троцкий и сам, повидимому, понимал бесплодность формулы «ни мира, ни войны». Оттого он часто сбивался на проповедь активной тактики взамен своей бездеятельно-пассивной.

«Мы выходим из войны. Но если германским милитаристам удастся двинуть свои контрреволюционные отряды против нас, если германские аннексионисты попытаются нанести удар нашей революции, то мы возлагаем *всю ответственность на германскую социал-демократию, которая должна* приложить все усилия, все свое влияние, чтобы *не дать империалистам нас задушить.* А мы сделаем, что сможем. Каждый трудящийся, каждый честный гражданин, для которого дороги жизнь и развитие нашего движения, нашей революции, встанет на защиту ее, не дорожа своей собственной жизнью, и общими нашими усилиями, общими нашими жертвами мы отстоим себя и свое право строить новую жизнь» [1]).

Так говорил т. Троцкий на заседании Петроградского Совета в середине февраля 1918 года.

Подведем некоторые итоги.

Брест-литовская позиция тов. Троцкого есть позиция революционной фразы.

«Правда всегда берет верх». Историческая правда тем более.

Единственно, что после ознакомления с историческим материалом, мы можем признать, это то, что троцкистская фраза брест-литовского периода была оригинальной, отличной от революционной фразы «левых».

«Левые коммунисты» решали конкретные тактические вопросы ссылками на непререкаемые абстрактные истины, эти истины как бы предопределяли, в подробностях, образ поведения «левых». Вместо того, чтобы, ознакомившись с особенностями момента, дать обоснованный ответ на тот или иной злободневный вопрос, «левые» щеголяли крайне революционными и крайне общими фразами, общими рассуждениями.

Из той абстрактной истины, что империализм — заклятый враг пролетарской революции, они делали вывод о необходимости немедленной революционной войны.

Революционная фраза «левых коммунистов»—это, прежде всего, общая фраза, это прежде всего, повторение некстати, без раздумья, механически абстрактных истин, превращение этих истин в абсурд.

Троцкистская фраза была не такой.

Троцкистская фраза эпохи Бреста есть повторение вчерашних лозунгов и вчерашних приемов работы, в новых условиях, когда уже был пред'явлен ультиматум и когда нужно было действовать решительно и определенно, откинув всяческие межеумочные позиции.

[1]) Л. Троцкий. Сочинения, т. XVII, ч. 1, стр. 116. Курсив наш. *В. К.*

«Левые» впали в революционную фразу с самого начала брест-литовского периода. Тов. Троцкий впал в революционную фразу **потом**. То что было правильным вчера, сегодня стало вредным. Этого т. Троцкий не заметил. Его позиция стала беспочвенной, как и позиция «левых». В беспочвенности и состоит болезнь революционной фразы.

«Лозунги превосходные, увлекательные, опьяняющие. Почвы под ними нет—вот суть революционной фразы» (Ленин).

Почему однако потребовалось тов. Троцкому «принципиально мирить» свою брест-литовскую позицию с позицией Ленина именно теперь? Ведь в 1918 году, в октябре, тов. Троцкий откровенно сознавался, что он *вместе* с «левыми» заблуждался в эпоху Бреста.

Вот что говорил тов. Троцкий 3 октября 1918 года на одном из заседаний ВЦИК'а и рабочих организаций.

«Когда многие из нас, и *я в том числе*, сомневались, нужно ли, *допустимо ли* подписывать брест-литовский мир, не отразится ли это задерживающим образом на развитии мировой пролетарской революции, только тов. Ленин... утверждал, что нам нужно через это пройти...

И теперь на фоне последних событий мы должны признать, что правы были не мы» [1]).

Почему бы не признать этого и теперь?

В. К.

От редакции:

В статью тов. Сталина „Революция в Китае и задачи Коминтерна" („Большевик" № 10, 1927 г.) вкрались следующие опечатки:

На стр. 25

21 строка сверху — напечатано: „как Энгельс и Маркс" следует читать: „как Энгельс и Ленин".

На стр. 26

2-я строка сверху—напечатано: „как факты двоевластия" следует читать: „как факторы двоевластия".

---

1) Стеногр. отчет VII с'езда РКП, стр. 128—129.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 13

1 ИЮЛЯ

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП (б)

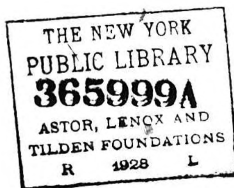
СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 7

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ

«ПРАВДА»

Главлит № 91883. Москва. Тираж 75.000.
Тип. изд-ва «Правда» и «Беднота», Яузский мост, Серебрянич. наб., д. № 23а

К июльскому пленуму.

Все что было и есть в нашей партии хвостистского, антиленинского, все различнейшие оттенки социал-демократического уклона, все группировки и кружки, боровшиеся против партийной линии еще при жизни тов. Ленина и не прекращавшие этой борьбы и после его смерти,—все это сейчас выступает сплоченными рядами под знаменами оппозиционного блока. Шляпников и Сапронов, Зиновьев и Каменев, рабочая оппозиция, группа демократического централизма, т. н. «ленинградская» оппозиция 1926 года,—все это, об'единившись под идейной гегемонией Троцкого, снова делает судорожную попытку сорвать партийное единство, атаковать Центральный Комитет. Приспособляясь к условиям времени и места, этот антипартийный, полуменьшевистский блок рядится в левые одежды, пытаясь убедить других, а отчасти, быть может, и себя, что он критикует партию *слева*. Тщетные потуги! Партия достаточно выросла, чтоб понимать, что все находящееся «левее» коммунизма есть *правый* уклон, есть крен в сторону меньшевизма, сугубо опасный и сугубо вредный как раз потому, что маскируется левыми фразами. Партия прекрасно видит, что нынешняя платформа оппозиции, представляя продукт логического развития старых троцкистских «теорий», в то же время выражает собою не что иное, как давление на нас международной буржуазии и мелкой буржуазии нашей страны. Обострение борьбы с капитализмом в мировом масштабе, связанное с ним усложнение обстановки, возникновение новых специфических трудностей, вызывая на одном полюсе укрепление спаянности и единства подавляющего большинства партии, в то же время вносит деморализацию в ряды ее наиболее хвостистских и наименее ленинских элементов. «Революционная» поза, которую при этом пытаются принять представители последних, ровным счетом ничего не меняет в существе дела. Ликвидаторские капитулянтские тенденции, мелкобуржуазный хвостизм, глубокое неверие в революцию, полный отход от ленинских позиций,—вот что прет из каждого пункта, из каждого тезиса оппозиционной платформы.

Еще в 1922 году т. Троцкий утверждал, что «подлинный под'ем социалистического хозяйства у нас невозможен» без по-

мощи *государственно-организованного* западно-европейского пролетариата. В 1925 году тт. Зиновьев и Каменев об'явили, что вследствие нашей «технической и экономической отсталости строительство социализма в нашей стране» невозможно. И, наконец, уже в самые последние дни, в «самоновейшем» оппозиционном документе, подписанном известным троцкистским экономистом В. М. Смирновым, Сапроновым и др., мы читаем:

> «Техническая отсталость нашей страны и вытекающий из нее низкий уровень производительности труда, разумеется, является огромным препятствием на пути социалистического строительства. Благодаря этой отсталости переход к действительно социалистической организации производства без мировой социальной революции для нас невозможен».

Сколько бы ни кричала оппозиция о том, что она борется с опасностью национал-реформизма и «национальной ограниченности», для всякого очевидно капитулянтское, ликвидаторское существо этой установки. Троцкизм никогда не считал возможным осуществление гегемонии пролетариата по отношению к крестьянству. Мнимо-«левой» фразою «без царя, а правительство рабочее» уже в 1905 г. прикрывалось неумение и нежелание вести крестьянство в бой, глубоко-оппортунистическое отрицание его революционных возможностей. И теперь, на новой полосе, повторяется та же ошибка. Троцкий, а вслед за ним и Зиновьев, и Каменев, и др., считают неразрешимой задачу вовлечения крестьянства в социалистическое строительство, невозможным утверждение *руководящей* роли пролетариата в хозяйственном процессе. Троцкизм и теперь капитулирует перед мелкобуржуазной стихией, отрицает возможность ее преодоления, руководства ею, в силу очень странной аберрации видит верх «революционности» в том, чтобы оттолкнуть крестьянство к буржуазии, под ее влияние и под ее руководство. Отрицание возможности строительства социализма в нашей стране—отрицание, ставшее знаменем всего оппозиционного блока—есть отрицание возможности победы социалистических элементов над капиталистическими, есть отрицание существа и смысла всей нашей хозяйственной работы, есть утверждение устряловщины и кондратьевщины, есть перепев сменовеховских песен насчет того, что экономика СССР в эпоху нэпа—это, в тенденции и в основе своей, кулацко-капиталистическая экономика. Именно такая точка зрения и выражает давление на нас мелкой буржуазии, сказывающееся, между прочим, в идеологической капитуляции перед ней наименее устойчивой прослойки в нашей партии.

Верная своему основному тактическому приему—маскировать левыми фразами правое содержание—оппозиция клевещет на партию, утверждая, что теория строительства социализма в нашей

стране есть скат с позиций международной революции. Эта клевета получила уже должную и достаточную оценку со стороны всего Коммунистического Интернационала. Оппозиция не понимает—или притворяется не понимающей,—что победоносное строительство социализма в СССР является одним из важнейших элементов мирового революционного процесса, что пролетариат Советского Союза, зажатый в тиски кулаком и нэпманом,—пролетариат, который не в состоянии сам решать задачи, поставленные перед ним фактом его диктатуры, был бы «криком о помощи», обращенным к мировой революции, а не ее организующим центром. Утверждение, что теория строительства социализма в нашей стране есть скат с позиций мировой революции, может иметь какой бы то ни было смысл только в том случае, если *противопоставлять* СССР мировой революции. Именно так и поступают совершенно открыто соратники нашей оппозиции—Маслов, Фишер, Урбанс и К°.

Поэтому чрезвычайно двусмысленная позиция, занятая оппозицией в основном вопросе дня—в вопросе о военной опасности, далеко не случайна. Некоторые из оппозиционных лидеров докатываются до того, что «обвиняют» ЦК в том, что угрожающую нам войну—если она вспыхнет—он будет вести «как национальную, а не как пролетарскую». Глубокая внутренняя фальшь оппозиционной точки зрения на строительство социализма в нашей стране здесь прорывается с величайшей очевидностью. Что означает, что может означать противопоставление пролетарской и национальной войны там, где речь идет о стране диктатуры пролетариата? Подоплекой такого противопоставления может быть только отрыв, только противопоставление мировой революции и СССР, гнусная меньшевистская сплетня о «III Интернационале, как орудии советской дипломатии». Очень на первый взгляд «отвлеченные» и теоретические разногласия, быстрее, чем этого можно было бы ожидать, получили, таким образом, свою проверку на самом жгучем вопросе текущего момента. Потому что только тем, кому теория строительства социализма в нашей стране представляется отходом от мирового революционного движения, только тем может притти в голову противопоставление национальной и пролетарской войны в приложении к СССР.

А ведь вопрос о войне является сейчас центральным. Одна из основных задач коммунистов во всех странах заключается теперь в том, чтобы распространять, пропагандировать, закреплять в рабочих массах взгляд на СССР, как на единственное пролетарское отечество рабочего класса всего мира. И разве об'ективно не является срывом нашей подготовки к войне выступление людей, которые в такой момент, когда необходимее всего раз'яснять неразрывность СССР и мировой революции, один от другой хотят оторвать, один другой противопоставляют.

Накануне новой войны оппозиция изо всех сил кричит о нашем перерождении, о сползании с классовых рельс, о том, что наше государство далеко не пролетарское, о том, что мы предали китайскую революцию. Если брать серьезно всю эту истерическую клевету, то может стать понятным и противопоставление «пролетарской и национальной войны». Если СССР предал китайскую революцию, то почему международный пролетариат обязан защищать СССР? Если СССР переродился, перестал быть пролетарским государством, стал государством кулацким, то в каком, собственно, смысле он может быть рассматриваем как отечество международного пролетариата? И какое до него дело международному пролетариату?

Именно эти выводы и пытаются навязать западно-европейскому пролетариату, так наз. «ультра-левые», которые сами себя именуют, как известно, «рупором русской оппозиции». Во время казней ковенских коммунистов их газета «Mitteilungsblatt», регулярно печатающая неизвестно как попадающие к ней речи и статьи Троцкого, Зиновьева и других, писала следующее: «Товарищи, протестуйте против того попустительства, которое проявляет Советская Россия. Кровь коммунистов, казненных в Москве, падет на оппортунистов из Коминтерна и ЦК ВКП». Примерно, в том же тоне агитировала «Mitteilungsblatt» и после шанхайских расстрелов. Чем, как не натравливанием на СССР левых рабочих, является эта похабная клевета? Кем, как не агентами Чемберлена в левом рабочим движении здесь выступают Маслов, Фишер, Урбанс и пр., принятия которых обратно в Коминтерн тов. Троцкий требовал не далее, как на последнем пленуме ИККИ?

Ликвидаторское и капитулянтское существо оппозиционного блока ярко проявилось и в его установке по отношению к другому крупнейшему вопросу современности, к вопросу о Китайской революции. После долгих шатаний и увиливаний, после длительного периода, когда требования о выходе из гоминдана чередовались с патетическими заявлениями, что ча оппозицию клевещут, говоря будто она хочет выхода компартии из ГМД, после всего этого недостойного и мелкого двурушничества, оппозиционный блок, наконец, окончательно и откровенно самоопределился на платформе немедленного *выхода* из гоминдана, на платформе *немедленного* создания советов для борьбы с гоминданом. Старая троцкистская история: «Без царя, а правительство рабочее». «Левый» жест, на деле означающий капитуляцию перед Чан-Кай-Ши, отказ от борьбы за гегемонию в буржуазно-демократической революции, отказ от руководства движением крестьянства и мелкой буржуазии городов, самоизоляцию от масс, отход от активной, массовой революционной работы! Как бы ни были велики «муки родов» Китайской революции, ни Коминтерн, ни киткомпартия не потеряют головы и не позволят троцкистской фразе совлечь себя с ленинских позиций.

Оппозиционный блок самым недостойным образом пытается спекулировать на трудностях положения. Спекулируя на них, он их преувеличивает, односторонне выпячивает и намечает явно-пораженческую линию развития. Если уже в 1923 году троцкистская оппозиция вопила, что «страна приведена к гибели», то теперь ее «инвентарь» пополняется штампованными криками о «гибели» Китайской революции и о «крахе» Коминтерна. Измену Чан-Кай-Ши, которая была, конечно, поражением, но таким поражением, которое выражает переход движения на новую, *высшую* ступень развития, оппозиция изображала как катастрофу. Точно так же и общее соотношение сил революции и контрреволюции в мировом масштабе оппозиция передает в глубоко пессимистических, пораженческих тонах. На пленуме ИККИ т. Троцкий прямо заявил, что наши позиции сейчас значительно слабее, чем были в 1923 году. За истекшие годы, по его мнению, имели место одни поражения, при чем СССР не составляет исключения, так как и здесь с точки зрения оппозиции мы занимались лишь тем, что шаг за шагом сдавали завоевания Октября нэпману и кулаку.

Вряд ли есть надобность доказывать, насколько грубо недиалектичны и потому неверны все эти положения оппозиции. Мировая революция, правда, развертывается не по тем маршрутам, которые так охотно и в таком изобилии намечал для нее т. Зиновьев. Но это еще отнюдь не означает ослабления наших позиций в мировом масштабе. Победоносное строительство социализма в СССР—не ослабление. Огромный сдвиг в английском рабочем движении—не ослабление. И, наконец, Китайская революция, которая, несмотря на все зигзаги, несмотря на все частичные и временные поражения, охватывает все новые и новые миллионы трудящихся, в растущей мере потрясает самые основы колониального господства мирового капитализма!

Политические банкроты, ликвидаторы и капитулянты, многократно осужденные всей партией, всем Коминтерном, оппозиционеры свою ревизию ленинизма, свой скат в социал-демократическое болото, пытаются прикрыть неслыханно наглыми, неслыханно клеветническими выпадами *против* партии и Коминтерна. Оппозиция выступает теперь с развернутой теорией перерождения партии. В заявлении, зачитанном т. Троцким на пленуме ИККИ сказано:

> «Поражение германского пролетариата в 1923 г., поражение в Болгарии и Эстонии, поражение великих стачек в Англии, наконец, поражение китайского пролетариата не только усилили временно социал-демократию за счет комму-

нистической партии, но и усилили внутри коммунистической партии правое крыло за счет левого. ВКП не составляет исключения из этого международного процесса».

И в заключение совершенно мессианическая декларация: «Мы подготовляем завтрашний день. Мы ограждаем преемственность революционного большевизма».

Дело не в нелепой претенциозности этих слов. Дело не в том, что герои социал-демократического уклона изображают себя революционной солью мирового рабочего движения. Дело в том, что все эти заявления представляют собою совершенно открытую, ничем не прикрашенную *оссовщину*.

Лидеры оппозиционного блока—если называть вещи своими именами—уже открыто говорят *о двух партиях*, ставя Коминтерн на одну доску с социал-демократией. Дальше итти некуда. Никакие лицемерные вопли об единстве теперь не в состоянии уже замаскировать тот очевидный факт, что линия оппозиции есть линия *раскола*. Круг замыкается.

Разумеется, оссовщина оппозиционного блока отнюдь не случайна. Она является необходимым логическим выводом из всей концепции оппозиции. Если считать, что пролетариат не *может* руководить крестьянством, что конфликт между этими двумя основными классами советского общества неизбежен, то очевидно, что и в партии (поскольку она является *единственной* партией) этот конфликт должен найти свое отражение. Тому, что Ленин писал в статье «Как нам реорганизовать Рабкрин», оппозиция противопоставляет свое евангелие—Оссовского. И противопоставляет не только в теории, не только в декларациях и заявлениях, но и на практике.

Оппозиция стремится легализовать себя внутри партии как особую фракцию. По каждому решительно вопросу она противопоставляет партийной линии свою платформу.

Она не считает для себя обязательными никакие партийные решения. Она травит партию и Коминтерн, не брезгая никакими средствами и приемами. Все, что возможно было об'единить для атаки на ЦК, она об'единяет.

Мы указывали уже, что сейчас под знаменами оппозиционного блока выступают сплоченными рядами и Шляпников, и Сапронов, и Зиновьев, и Троцкий. За границей оппозиция имеет свой «рупор» в лице группировки, открыто и окончательно выродившейся в контрреволюционную, в лице ультра-левых. Сплачивая вокруг себя все, что есть антипартийного, антиленинского, полуменьшевистского в ВКП(б), блокируясь с открытыми ренегатами коммунизма: с Масловым, Фишер, Савариным и др. им подобными за границей, оппозиция, готовясь к новой атаке на партию, пытается обеспечить себе поддержку и в беспартийных массах.

Ее демагогия по вопросам заработной платы, безработицы, налоговой политики, будучи абсолютно вздорной и бессодержательной по существу, никакого другого смысла, кроме натравливания на партию наиболее отсталых слоев рабочих, в частности и в особенности наиболее отсталых слоев безработного пролетариата, иметь не может.

Партия до сих пор проявляла максимум терпения по отношению к оппозиционному блоку. Несмотря на систематическую склоку на всех пленумах ЦК, конференциях, пленумах ИККИ, несмотря на «Авиаприбор» и «Путиловец», несмотря на циничное попрание собственного заявления от 16 октября, несмотря на все это партия ждала, что оппозиция честно подчинится ей. Последние выступления оппозиции—речь т. Зиновьева на беспартийном собрании против ЦК и ЦО, поведение т. Троцкого на пленуме ИККИ—показали, как далеко она откатилась уже от партии. Президиум ЦКК постановил внести предложение об исключении тт. Троцкого и Зиновьева из ЦК. Июльский пленум ЦК и ЦКК будет решать, возможно ли еще дольше терпеть в рядах высшего партийного органа, в рядах руководящего штаба большевистской партии двух виднейших вождей и представителей социал-демократического уклона.

А. С.

К характеристике идеологии современной социал-демократии.

(*Статья четвертая*) [1].

Аграрный вопрос и социал-демократия.

Аграрный вопрос ставился и обсуждался социал-демократией всегда «по мотивам голосования». Ее идеологи никогда не ставили вопроса о крестьянстве, как о союзнике пролетариата, возглавляющего *борьбу всех эксплоатируемых против эксплоататоров*; они усматривали в крестьянстве лишь об'ект агитации во время предвыборных парламентских кампаний.

Вполне естественно, что в послевоенный период социал-демократы, претендующие на соучастие или даже определяющую роль в парламентском буржуазном правительстве, ставят вопрос о крестьянстве с большей остротой, чем прежде.

Многие социал-демократические политики так прямо и формулируют задачу, как составление аграрной программы для «*уловления» крестьянских голосов* [2]).

Другие, думая о том же, пишут в высокопарных тонах.

> «В порядке дня,—пишет В. Войтинский [3]),—стоит борьба *за душу крестьянства*».

Высопарный социал-демократический журналист не прочь пококетничать фразеологией о «борьбе за социализм». Он прикрывает циничную ловлю крестьянских голосов рассуждениями о необходимости заинтересовать крестьянство особой аграрной программой *в целях проведения социализма*.

> «Дилемма чересчур очевидна: при данной расстановке реальных сил всякое преобразование общественного строя силами пролетариата *против* крестьянства исключено; всякая попытка подобного преобразования, способная уничтожить сельскохозяйственные мелкие производства, встретит отчаянное сопротивление крестьянства; следовательно, *социализм* должен осуществляться в рамках ближайшего будущего в условиях сохранения *крестьянства*».

Но социал-демократические «благодетели» крестьянства не могут теперь никого обмануть этой фразеологией: проект аграрной

---

1) В настоящем номере «Большевика» печатается *первая* часть этой статьи.

2) Это дало основание Joh. Kretzen'y «возмутиться» цинизмом аграрных политиков социал-демократии и написать оппозиционную статью («Um Mittellstand oder Proletariat?», «Leipziger Volkszeitung», 1927, № 42), в которой он осуждает увлечение социал-демократии политикой «уловления» крестьянских голосов.

3) «Proletariat und Bauerntum» von W. Woytinsky («Gesellschaft», 1926, Band I).

программы [1]), подготовленный к Кильскому с'езду социал-демократии и в основном принятый этим с'ездом, от начала до конца пропитан духом борьбы за укрепление *капитализма*, за пропаганду специфически *буржуазных* лозунгов.

Один из видных участников комиссии, подготовившей проект аграрной соц.-дем. программы, Hans Krüger [2]), еще в 1924 году возвещал, что программа будет включать и частичные требования и *общую перспективу*.

> «Обсуждение аграрного вопроса на партейтаге в Берлине (1924 г.) не отвечало значению вопроса. Тем более должна выделенная партейтагом для выработки аграрной программы комиссия позаботиться о том, чтобы программа была в состоянии удовлетворить как практическим потребностям дня, *так и великим тенденциям развития, которые воплощаются социал-демократией*».

Теперь программа налицо. Но самой главной особенностью этой «социалистической» программы, которая пишется не в «органический», а «критический» период капиталистического развития, в эпоху социалистических революций, является то, что в ней *нет ни звука о борьбе за социализм, о путях перехода деревни к социализму*. Вот вам и «великие тенденции развития, которые воплощаются социал-демократией»! К. Каутский, склонный не соглашаться с рядом основных положений проекта программы, тем не менее не видит ничего предосудительного в том, что социал-демократическая аграрная программа оказывается без социализма. Он даже возводит этот «недостаток» в «достоинство».

> «Однако, нет никакой необходимости в том,—утверждает он [3]),—чтобы мы уже теперь определяли формулировки социалистической аграрной программы. Мы можем пока ограничиться программой действия на ближайшее время.
>
> Мы не можем сегодня сказать, когда мы будем в состоянии настолько овладеть индустрией, чтобы социализация сельского хозяйства стала необходимостью. До тех пор может утечь много воды; до тех пор мы можем приобрести много новых представлений, до тех пор в сельском хозяйстве могут возникнуть различные новые производственные формы, которые позволят нам яснее осознать наши задачи».

Несомненно, Каутский здесь верен себе. О каких социалистических перспективах в сельском хозяйстве могут говорить политики, которые полагают, что «хозяйственная демократия», долженствующая приблизить индустрию к социализму, будет осуществляться столетиями?

Но тогда так и надо честно заявить, что никакого социализма в этой программе нет и что социалистической она называется по недоразумению. «Неловкость» положения чувствуют даже некоторые социал-демократы, которые, правда, не осмеливаются сделать из своих *критических* оценок революционного *позитивного* вывода.

---

1) 2) «Sozialdemocratie und ländliche Bodenfrage» von Hans Krüger. («Die Gesellschaft», 1924, Zweiter Band).

3) «Der Kleinbetrieb in der Landwirtschaft» von K. Kaytsky. («Leipziger Volkszeitung», 1927, № 68).

Ряд ораторов на окружном социал-демократическом партейтаге в Лейпциге, в начале марта 1927 года, прямо характеризовали проект аграрной комиссии, одобренный Центральным Комитетом с.-д. партии Германии, как *буржуазный документ*, под которым без лицемерия и конфуза могут подписаться и политические представители капитала (выступления Liebman'а, Krause, Schön'а и др.).

> «Если бы мы,—заключал, например, с.-д. Krause,—приняли и провели этот проект, то мы обеспечили бы только новую *эксплоатацию*».

Никаким социализмом программа не пахнет,—это признают сами социал-демократы, при чем лишь некоторые из них видят в этот минус, а большинство констатирует сие даже с гордостью (в роде, напр., Каутского, критикующего проект «слева»).

Что будет в сельском хозяйстве при социализме и как притти к социализму—это для социал-демократов вопрос праздный, «академический»,—его разрешением-де пусть занимаются «фантазеры». Лишь один большой вопрос авторы проекта аграрной программы поставили *в перспективу*—это *вопрос о судьбах мелкого производства в сельском хозяйстве в условиях капиталистического развития*.

Если об отношении мелкого производства к социализму в социал-демократической программе умалчивается, то капитализм размалевывается как общественная система, обеспечивающая существование и прогрессивное развитие мелкого крестьянского производства в сельском хозяйстве. Ревизионизм торжествует полностью и здесь.

Еще на Берлинском с'езде социал-демократии, в 1924 году, официальный докладчик на тему: «Die Sozialdemokratie und die Landwirtschaft» Wilgelm Helling прямо заявил, что наиболее верную оценку тенденций развития социально-экономических отношений в сельском хозяйстве дали ревизионисты [1]).

> «Аграрная социалистическая литература,—сказал он,—обогатилась в последнее время ценным трудом д-ра Давида «Социализм и сельское хозяйство» [2]). Эта книга оценивает развитие последних десятилетий и встречает, благодаря своему ясному фактическому содержанию, признание даже у наших политических противников (еще бы! *А. С.*)... Теория о естественно неизбежном упадке сельскохозяйственного мелкого производства показала себя несостоятельной и, между прочим, главным образом, потому, что производственно-техническое развитие в сельском хозяйстве протекает совсем иначе, чем в индустрии».

Это заявлял *официальный* докладчик социал-демократии на с'езде в 1924 году.

На имевшем место в этом году Всегерманском социал-демократическом партейтаге в Киле основным докладчиком программной комиссии был Fritz Baade, который в этом вопросе, в общем и целом, стоит на точке зрения ревизионистов.

---

[1]) См. «Sozialdemokratischer Parteitag 1924. Protokoll», Verlag Dietz Nachfolger, стр. 155.

[2]) Речь идет о новом дополненном издании старой, известной читателю и подвергшейся в свое время критике со стороны К. Каутского, ревизионистской работе Давида.

В своей статье «Основные линии социал-демократической аграрной программы» он «опровергает» Маркса, приписывая ему предсказание, «что в сельском хозяйстве точно так же, как в индустрии, благодаря внутренним законам развития капиталистического общества, будет иметь место процесс *автоматической* централизации, поглощения мелких предприятий большими...» [1]).

В реферате на Лейпцигском окружном партейтаге (март 1927 год) [2]), обосновывая проект аграрной комиссии, Fr. Baade солидаризируется в вопросе об условиях развития мелкого производства при капитализме с Давидом, который, кстати сказать, тоже являлся членом комиссии, вырабатывавшей аграрную программу.

> «Каутский представлял,—читаем мы в его реферате,—ту точку зрения, что в сельском хозяйстве происходит развитие параллельное индустриальному развитию и что мелкое производство перемалывается крупным. Отношение социал-демократии к аграрным вопросам перед войной устанавливалось отнюдь не с практической точки зрения. Как безусловный практический прогресс, следовало бы отметить утверждение Давида о том, что крупное производство не представляет превосходства по сравнению с мелким».

В самый последний момент перед Кильским с'ездом по сему вопросу высказался Гильфердинг. Этот «скромный» человек, считающий себя лучшим мастером марксова метода безапелляционно заявляет [3]):

> «Как раз применение марксова метода показывает, что закон концентрации не имеет для сельского хозяйства никакого значения».

Характерно, что никакого *конкретного* применения марксова метода в статье Гильфердинга не дано. Совершенно естественно, что идеологи современной социал-демократии заимствуют у «старого» ревизионизма не только выводы и общие положения, но и аргументацию.

Марксизм «ревизуется» авторами аграрной программы потому, что:

1) действительность за ряд десятилетий с очевидностью доказала неверность якобы выдвинутого К. Марксом положения о том, что в области сельского хозяйства процесс концентрации происходит *точно так же* («ebenso»), как в промышленности, т.-е. «автоматически»;

2) как выразился вслед за Давидом на социал-демократическом партейтаге 1924 года докладчик Helling, «индустриальное производство благ есть механический, сельскохозяйственное производство—органический процесс. В индустрии работают с мертвым, в сельском хозяйстве—с живым материалом» [4]);

3) германская статистика *самого последнего* времени,—правда, все ссылаются на уже устаревшие данные 1907 года: более

---

[1]) См. «Richtlinien für ein sozialdemokratisches Agrarprogramm» von Fritz Baade. («Die Gesellschaft», 1924, Zweiter Band).

[2]) См. «Leipziger Volkszeitung» 1927 г. № 56.

[3]) «Theoretische Bemerkungen zur Agrarfrage» von Rudolf Hilferding («Die Gesellschaft», 1927, Mai-Heft»).

[4]) «Sozialdemokratischer Parteitag 1924, Protokoll». Verlag Dietz Nachfolger Berlin, 1924, стр. 156,

поздних систематических данных нет,—якобы доказывает, что мелкое производство в сельском хозяйстве вытесняет крупное[1]).

Сущность этих аргументов стара так же, как стар ревизионизм, именно эти аргументы опровергал—и довольно удачно—в свое время К. Каутский, отражавший в споре с ревизионистами воззрения большинства тогдашней социал-демократии.

Но «иные времена, иные песни». Аграрная программа социал-демократии представляется *теперь* ревизионистами, буржуазный характер теоретических и политических позиций которых был очевиден *прежде* почти для всей германской социал-демократии.

На попытку приписать Марксу—относительно капитализации сельского хозяйства—то, чего он никогда не утверждал, отвечал когда-то Каутский и с особенной ясностью отвечал Ленин.

Критикуя «российского Давида», Булгакова, Ленин писал в начале XX века:

> «Ни Маркс, ни его ученики не смотрели никогда иначе на данный закон, как на закон общих тенденций капитализма, отнюдь не закон всех отдельных случаев. Даже по отношению к промышленности сам Маркс указал, что периоды технических преобразований... Сменяются периодами прогресса на данном техническом основании... Мы знаем в промышленной истории капиталистических стран такие случаи, когда по отношению к целым отраслям промышленности этот закон нарушается. Например, когда крупные капиталистические мастерские (неточно называемые фабриками) разлагаются, чтобы уступить место капиталистической работе на дому. *Относительно же земледелия не подлежит никакому сомнению, что процесс развития капитализма в нем неизмеримо сложнее и принимает несравненно более разнообразные формы*».

Критикуя рассуждения Давида об «органическом» характере развития сельского хозяйства, Ленин, в первую очередь, подчеркивал *общественные условия*, которые тормозили развитие капитализма в сельском хозяйстве.

> «Консервативность сил природы» есть просто словесная увертка реакционного мещанства, неспособного понять *общественные* условия, *тормозящие особенно развитие сельского хозяйства*. Давид обнаруживает непонимание того, что к этим *общественным* условиям принадлежат, во-первых, остатки феодализма в земледелии, неравноправность батраков и т. д. и т. п., а, во-вторых, *поземельная рента*, которая вздувает цены и *закрепляет* высокие ренты *в цене земли*».

И Маркс и его истинные последователи не отрицали своеобразия развития сельского хозяйства. Но указывая на это своеобразие, на *замедленность темпа капиталистического развития* в сельском хозяйстве по сравнению с промышленностью, революционные марксисты твердо стояли и стоят на той точке зрения, что в условиях развитого индустриального капитализма сельское хозяйство не «точно так же», как в промышленности, не «автоматически», но, при всем своеобразии своего развития, неизбежно подчиняется *основным* законам развития капиталистической общественной системы, в том числе и закону вытеснения мелкого производства крупным.

[1]) См. «Sozialdemokratie und ländliche Bodenfrage» von Hans Krüger («Die Gesellschaft», 1924, Zweiter Band).

Что касается «органического» характера развития сельского хозяйства, в противоположность «механическому» развитию промышленности, то беспомощность и наивность этой аргументации ясна даже критикам проекта программы из социал-демократического лагеря, у которых по частным поводам иногда появляются проблески марксистской «совести».

Социал-демократ Gurland [1]) совершенно резонно отмечает, что утверждение авторов проекта аграрной программы, будто «в сельском хозяйстве в *противоположность индустрии*, рядом с передовыми предприятиями могут сохраняться также и отсталые предприятия»—предполагает наличие в сфере сельского хозяйства «специфических факторов, которые ограничивают действие капиталистических законов рынка».

> «Но,—заключает автор,—видеть эти факторы в «естественной ограниченности плодородия земли» и в «невозможности неограниченно повышать производительность на данной площади»—нет никаких оснований. Потому что здесь нельзя обосновать никакого различия от индустриального развития. *«Естественная ограниченность» действительна столь же для сельского хозяйства, сколько для сырья индустриального производства*».

Аргументы Gurland'а тоже не новы, но они безусловно верны. Так возражали «ортодоксальные» социал-демократы ревизионистам очень давно и не получили на это возражение сколько-нибудь обоснованного и убедительного ответа.

Относительной новизной отличаются лишь доводы современных ревизионистов от статистики 1907 года. Но и здесь внутрипартийные оппозиционеры не плохо разоблачили официальных теоретиков и политиков социал-демократии.

В статье «Мелкие предприятия в сельском хозяйстве» Joh. Kretzen [2]) великолепно разоблачил Бааде и др. социал-демократических «аграриев», упирающих на жизнеспособность мелкого крестьянского хозяйства в условиях капитализма. Kretzen подошел к сравнительным статистическим данным 1882, 1895 и 1907 гг. с методом дифференцированного анализа и доказал, что эти данные свидетельствуют о росте обнищания в среде мелкого крестьянства.

Автор, прежде всего, выделил категорию карликовых хозяйств (Zwergbetriebe), обладатели которых имеют каждый меньше 50 аров [3]). Более 2 миллионов этих карликовых хозяйств владели в 1907 году всего 1,13% совокупной сельскохозяйственной площади Германии. Количество карликовых хозяйств значительно выросло с 1895 по 1907 год. В 1895 году их было 1.852.917, а в 1907 году 2.084.060, т.-е. налицо прирост в 231.143 предприятия.

96% этих хозяйств не являются основным средством существования для своих обладателей, живущих главным образом на побочные заработки (преимущественно наемный труд).

[1]) «Landwirtschaftliche Produktionspolitik» von Gurland, «Leipziger Volkszeitung», 1927, № 71.

[2]) «Die Kleinbetriebe in der Landwirtschaft. Zur Kritik des Agrarprogramms-Entwurfes» von Joh. Kretzen, «Leipziger Volkszeitung» № 51.

[3]) Ар—сотая часть гектара; гектар немного меньше нашей десятины.

Рост подобных хозяйств означает рост полунищенских элементов крестьянства, а не является показателем успехов мелкого предприятия в условиях капитализма.

Весьма характерно, что число обладателей карликовых хозяйств, получающих от этих хозяйств *основной* доход, упало с 1895 года к 1907 году на 31.501 (при чем в 1907 году процент этих хозяйств не превышал 4% всей суммы карликовых хозяйств).

> «Другими словами,—справедливо резюмирует эти данные о карликовых хозяйствах Kretzen,—карликовое предприятие потеряло значение как основа существования. Что-то нельзя заметить ничего, свидетельствующего о «достойной удивления жизнеспособности» г-на Бааде» [1].

Переходя к второй группе, которая обнимает мелкие крестьянские хозяйства с земельными владениями от 50 аров до 3 гектаров, автор констатирует значительное сокращение числа хозяйств с 1895 г. по 1907 г. (1895 г.—1.831.783; 1907 г.—1.722.847; т.-е. уменьшение на 108.936) и сокращение процента обрабатываемой ими земли с 7,84 до 7,62% всей сельскохозяйственной площади.

Некоторый прирост числа хозяйств имел место с 1895 г. по 1907 г. в группе владеющих от 3 до 5 гектаров, но этот прирост весьма незначителен (с 567.985 до 577.879).

В итоге же получается, что мелкое крестьянское производство оказалось с 1895 г. по 1907 г. значительно «вымытым» процессом капиталистического развития.

Картина становится особенно ясной после данных о «самостоятельности» и «побочных занятиях» крестьян. Из этих данных следует, что в крестьянских хозяйствах до 5 гектаров, с 1895 по 1907 г., число «самостоятельных» сократилось почти на 10%, а число хозяйств «с побочными занятиями» соответственно абсолютно и относительно выросло, из чего следует, что роль сельского хозяйства, как *основного* источника существования мелкого крестьянства, все больше и больше уменьшается.

Таким образом, все доводы ревизионистских обоснователей аграрной программы не стоят выеденного яйца. Ничего убедительного и нового они не сказали.

Но если позиция социал-демократов в этой области не представляет особого интереса с *научной* точки зрения, то она представляет значительный интерес с *политической* точки зрения.

Социал-демократы решили взяться серьезно за привлечение крестьянства на свою сторону, за вербовку крестьянства под желтые знамены социал-реформизма.

В эпоху, для которой характерна борьба пролетариата за власть против «загнивающего» капитализма, нельзя вести никакой агитации, никакой пропаганды среди различных общественных слоев без ясного, недвусмысленного ответа на вопрос: как нужно оценить современный капитализм, какова его роль, как влияет развитие капитализма на положение данных общественных слоев?

И социал-демократы уверяют крестьянство, что *капитализм обеспечивает возможности развития мелкого производства в сельском хозяйстве.*

Распуская перед пролетариатом соглашательские «хозяйственно-демократические» слюни, идеологи социал-демократии убе-

[1] Там же.

ждают теперь и широкие массы крестьянства в том, что развитие капитализма сулит им не разорение и нищету, а хозяйственный под'ем и успехи в борьбе с крупным производством.

Социал-демократы выступают с этой *оппортунистической утопией* потому, что они *стремятся завоевать крестьянство на сторону капитализма, на сторону буржуазии*. Именно в этом заключается *политический смысл* их рассуждений о блестящих перспективах развития мелкого производства в условиях господства капитала.

Они стремятся подчинить крестьянство буржуазному влиянию; они культивируют в крестьянских массах преклонение перед капиталистическим государством, они пытаются доказать, что буржуазное государство может улучшить положение мельчайшего, мелкого и среднего крестьянства.

Вместо того, чтобы показать, что современный капитализм несет для крестьянства высокие налоги, дорогие промышленные товары и готовит новые войны; вместо того, чтобы показать крестьянству, как и почему буржуазное государство охраняет интересы крупного землевладения,—социал-демократы предлагают крестьянству доверить свою судьбу империализму, якобы способному, долженствующему и желающему помочь крестьянству.

Весь проект программы—от начала до конца—проникнут апологией буржуазного государства. Буржуазное государство может и должно поднять производительность в сельском хозяйстве; оно должно и может наделить малоземельное крестьянство землею; оно должно и может стать на защиту интересов мелкого арендатора против земельных магнатов; оно путем регулирования хлебных цен обеспечит нормальные условия развития крестьянского хозяйства; оно защитит сельского пролетария от капиталиста...

Социал-демократическая «борьба за душу крестьянства» означает на деле борьбу за подчинение крестьянства буржуазному влиянию, за культивирование авторитета буржуазного государства, за усиление мелкобуржуазных иллюзий в целях упрочения капитализма. Проект аграрной программы социал-демократов проникнут духом именно *этой* борьбы.

* * *

Проект программы заключает в своей общей части положение о живучести мелкого производства в сельском хозяйстве. В различных разделах программы говорится, далее, о необходимости помочь этому мелкому производству, т.-е. мелкому и среднему крестьянским хозяйствам.

Но только весьма наивный и несерьезный человек может поверить на этом основании тому, что социал-демократы действительно стоят на страже интересов трудящегося крестьянства.

Мы уже отмечали, что сам факт перехода на почву ревизионизма в вопросе о перспективах мелкого сельскохозяйственного производства при капитализме означает не защиту интересов крестьянства, а обман крестьянства в интересах буржуазии.

Авторы проекта преступно замалчивают тот факт, что мелкое производство—там, где оно устояло в борьбе против крупного,—держится только благодаря усиленной затрате труда, только пу-

тем несравненно большей, чем в крупном производстве, интенсивности труда, только путем исключительной напряженности рабочей силы и самого хозяина и всей его семьи.

На это обстоятельство в свое время указывали Каутский и другие теоретики социал-демократии; теперь этот факт величайшего социально-экономического значения *замалчивается*.

Замалчивается то, что мелкий и средний крестьянин удерживал и удерживает свою «самостоятельность» в условиях господства капитализма только путем эксплоатации своей рабочей силы и эксплоатации своей семьи, что его прибавочный продукт переходил и переходит, как правило, в руки помещика и капиталиста.

Замалчивается тот факт, что видимая «самостоятельность» прикрывает в этом случае отношения эксплоатации.

Рисуется идиллия там, где господствуют в особых, своеобразных формах грубые законы капиталистической эксплоатации.

Но, может быть, делая эту «ошибку» в области *оценки отношений*, социал-демократы в *практической* части программы намечают мероприятия, обеспечивающие радикальное изменение отношений, реальную и серьезную помощь мелкому производству?

Увы! Главным принципом проекта программы отнюдь не является помощь мелкому эксплоатируемому крестьянству.

Все вопросы аграрной реформы социал-демократы подчиняют задаче *поднятия производительности сельского хозяйства в настоящих условиях капиталистического господства*.

Их забота есть забота о сохранении и обеспечении равновесия теперешней *капиталистической системы экономических отношений*.

Определяя принцип аграрной программы социал-демократов, Отто Браун пишет [1]):

> «Их программа и их деятельность в этой важной области должны быть направлены на обеспечение высшего дохода нашей отечественной земле, чтобы тем самым *обеспечить пропитание нашего народа и смягчить хозяйственную и политическую зависимость немецкого народа от заграницы*».

Достаточно одного взгляда на эту «установочку», чтобы понять, что социал-демократы кладут в основу своей программы *буржуазный* принцип.

Вместо разрешения вопроса под углом зрения борьбы пролетариата за социализм социал-демократы склоняются к принципу непрерывного содействия «нормальному» капиталистическому развитию.

Обеспечить «хозяйственную и политическую независимость немецкого народа»—разве не это об'являлось исходным тезисом германской буржуазии, которая прикрывала и прикрывает фразеологией о «народе» свою империалистическую политику?

Разве теперь, когда капиталисты «рационализируют» производство путем повышения нормы эксплоатации пролетариата, они не говорят об обеспечении «хозяйственной и политической независимости немецкого народа» посредством «повышения производительности»?

---

[1]) «Landhunger, Bodenverbesserung und Siedlung», von Otto Braun, «Die Gesellschaft», 1924, Erster Band.

Но *как* же хотят гг. социал-демократы поднять производительность в сельском хозяйстве, *как* они заботятся о благе «немецкого народа»?

На *кого* они ставят ставку в *социальном* отношении? *Кто* скрывается под этим флажком «народ»? *Буржуазная* постановка вопроса не может не повлечь за собой *буржуазного* ответа на вопрос.

Правда, некоторые социал-демократы на минутку склонны отнестись критически к своей же постановке вопроса, но только на минутку, чтобы затем целиком и полностью скатиться к буржуазным позициям.

Так, Hans Krüger пишет [1]):

> «Мы должны не только рассматривать производство и обеспечение благ само по себе, но и поставить в поле внимания общие формы жизни и условия жизни производителей; *мы должны в конечном счете спросить не только о том, какие условия производства обещают высший доход с чисто частнохозяйственной точки зрения, но и какие условия являются наиболее удовлетворительными с точки зрения социально-политической*».

Это сказано не плохо. Однако, все сие говорится только «для отвода глаз». Ибо дальше автор скатывается именно к буржуазно-технической постановке вопроса, не понимая того, что даже с технической точки зрения, если она понимается по-марксистски, отнюдь не должно следовать реформистское разрешение аграрного вопроса.

Разве революционная экспроприация крупного частного землевладения (без всякого выкупа), разве развитие крупных социалистических, коллективных хозяйств на место частнокапиталистических, с одной стороны; разве раздел плохо обрабатываемых помещичьих земель между бедными и средними трудящимися крестьянами, с другой стороны [2]),—не послужат стимулом к поднятию производительности труда на основе технического прогресса?

Конечно, здесь нельзя путать периода строительства с периодом гражданской войны.

Гражданская война, революционная борьба за средства производства, несомненно и обязательно сопровождается временным упадком производства, но этот временный упадок производства обеспечивает *небывалый под'ем* после закрепления революционных завоеваний. Горе-социалисты избрали другой, «спокойный» путь, путь непрерывного движения по буржуазным рельсам, движения, которое—неизвестно почему и неизвестно когда (иные прямо говорят: через ряд столетий)—должно привести, по утверждениям социал-демократов, к социализму.

Аграрная программа социал-демократов есть, прежде всего, часть общей программы капиталистической рационализации технико-экономических и социальных отношений, программы *буржуазной по своим принципам*.

---

[1]) «Sozialdemokratie und ländliche Bodenfrage» von Hans Krüger, «Die Gesellschaft», 1924, Zweiter Band.

[2]) Все сие, несомненно, может быть проведено *только* диктатурой пролетариата.

После громких социал-демократических фраз о помощи мелкому производству и о социально-политическом подходе к аграрному вопросу «реалистический пацифист» Гильфердинг выступает непосредственно накануне Кильского с'езда в мае 1927 г., с «раз'яснением», в котором он, прежде всего, утверждает, что требование «поднятия сельскохозяйтсвенной производительности», выдвигаемое социал-демократами, отнюдь нельзя рассматривать как «крестьянскую программу».

«Так же мало,—заявляет Гильфердинг [1],—здесь идет речь о сохранении отсталых, обреченных на гибель производственных форм... *Мы имеем, таким образом, только выбор между плохо руководимыми и плохо поставленными в хозяйственном отношении, отсталыми—и технически и организационно прогрессивными предприятиями»*...

Гг. Гильфердинги забыли здесь о «малости»—они закрыли глаза на социально-экономические условия развития различных предприятий и свели все дело к технико-организационным критериям.

Что в условиях господства капитализма крупное производство, располагающее экономическими данными для победоносной конкурентной борьбы с мелким производством, *неизбежно* сильнее последнего,—об этом апостолы «рационализированного» капитализма молчат.

Они помалкивают и относительно того, что крупные землевладельцы располагают в данных условиях неизмеримо большими возможностями технико-организационного прогресса, чем мелкий, средний и даже крупный крестьянин.

Из этого нельзя делать вывода, что социал-демократы последнего *не понимают. Главное направление реформ*, намечаемых социал-демократами относительно сельского хозяйства, есть ориентация на помещика, как частью действительного, частью потенциального социального носителя технически и организационно прогрессивного хозяйства.

Программа говорит о необходимости земельной реформы. Но, во-первых, она предполагает не конфискацию части помещичьих земель, а покупку этой части государством; речь идет, таким образом, о реформе, долженствующей обеспечить *помещикам капитал*, необходимый для «рационализации» их хозяйства.

Во-вторых, предполагаемая проектом передвижка земель к «лучшему хозяину» имеет в виду в качестве этого лучшего прежде всего помещика, вступившего на путь капиталистического предпринимательства.

«Нерадивый» помещик предупреждается, что у него могут подвергнуть принудительной продаже и полагающиеся ему по проекту 750 гектаров (предельная норма владения), если он не захочет «рационализироваться».

«Владельцы,—гласит 9-й пункт первого раздела проекта программы,—которые упорно отказываются содержать свою землю *рационально*... должны быть временно или на продолжительное время отстранены от хозяйствования в своих предприятиях» [1]).

[1]) «Theoretische Bemerkungen zur Agrarfrage» von R. Hilferding. «Die Gesellschaft». 1927, Mai.

С другой стороны, социал-демократы обещают помещику, вступающему решительно на путь капиталистической рационализации, избавление его от принудительного отчуждения земли.

Так, г-н Отто Браун считает безусловно необходимым оградить *при всех обстоятельствах* «от отчуждения или раздела земель те большие, интенсивно ведущиеся предприятия, которые имеют ценность для народного пропитания» [2]).

«Нерадивому» помещику, живущему преимущественно за счет ренты и не желающему вступать на стезю капиталистического предпринимательства, угрожают немилостью; «хорошему хозяину»—помещику, ведущему свое хозяйство рационально, с капиталистической точки зрения—обещаются «велии милости».

Русский читатель невольно вспоминает при ознакомлении, с этой программой «рационализаторскую» установку кадетской аграрной программы эпохи первой российской революции 1905—1907 гг.

Социал-демократы говорят не больше, не меньше. Они повторяют слово в слово то, что еще в период буржуазно-демократической (а не социалистической) революции сказали в отсталой (а не в экономически развитой) стране политические представители империализма (а не представители партии, претендующей на представительство интересов пролетариата).

Установка проекта заключается в стимулировании капиталистической рационализации помещичьих хозяйств с сохранением землевладельческих привилегий помещика.

Землевладелец, становящийся капиталистическим предпринимателем,—вот «герой» социал-демократической аграрной программы, вот главная надежда социал-демократов, вот на кого ставится ими главная ставка в области сельского хозяйства.

Дух и принцип проекта социал-демократической аграрной программы становятся прямо-таки прозрачно-ясными после знакомства с четвертым разделом проекта программы, посвященным вопросам *обложения*. Значение налоговой политики, как орудия классового воздействия государства, общеизвестно.

Как же предлагают использовать это орудие «социалисты» Германии?

«Налоговая политика,—читаем мы в проекте программы,—должна способствовать достижению той цели, чтобы увеличивался трудовой доход сельскохозяйственного населения и чтобы *земля переходила к лучшему хозяину»*.

Социальный смысл ставки на «лучшего хозяина» в условиях господства капитала не представляет никакой загадки; в проекте развернута система налогового обложения, которая, очевидно, благоприятствует именно капиталистическому предпринимателю и очень ясно и конкретно расшифровывает социальное лицо этого «лучшего хозяина».

«Земельный налог необходимо превратить в единый налог на ценность земли для всего сельского хозяйства. На-

[1]) «Entwurf eines Agrarprogramms der sozialdemokratischen Partei Deutschlands» «Vorwärts» 1927, 12/I.

[2]) См. уже цитированную выше статью Отто Брауна.

лог направлен на стоимость голой земли без внимания к стоимости инвентаря, зданий и средств улучшения земли».

Итак, облагается земля, но не облагается капитал в целом, не облагается капиталистическая прибыль. Капиталистический принцип соблюдается целиком: сохраняя за помещиком все необходимые для капитализации его хозяйства условия, сохраняя в основном его землевладельческие привилегии, социал-демократы заботятся больше всего о том, чтобы в помещике не «ущемлялся» капиталист. Социал-демократы подходят здесь к вопросу, как настоящие буржуа. Они не доросли здесь даже до лозунга прогрессивного обложения капиталистических предприятий, путем которого оппортунистические утописты предполагают преобразовать капиталистическую общественную систему в социалистическую.

Разве не может любой буржуа подписаться под нижеследующей аргументацией Hans'а Krüger'а? [1]).

> «Собственник облагается тогда не по доходу, который он фактически получает, а по доходу, который он может получить из-за величины и добротности своего куска земли. Тем самым налог благоприятствует лучшему хозяину. Получает он больше, чем средний уровень, тогда избыток дохода остается у него нетронутым. Наоборот, для плохого хозяина такой налог не благоприятен...
>
> Можно наверняка ожидать, что владельцы латифундий будут принуждены отказаться от части своих земель. При этом они должны будут избрать такие участки, которые годятся для самостоятельного хозяйствования, потому что за другие они не смогут получить достаточную цену. Подобного рода налог не только содействует сам по себе развитию производства, но он ведет и к выбрасыванию на рынок земель для переселения *без значительного нарушения системы хозяйственных отношений*»...

Представитель аграрной программной комиссии заготовил уже здесь «лазеечку». Несколько выше, говоря о теоретической возможности более радикального разрешения аграрного вопроса, Hans Krüger пришел к выводу, что практически радикальный вариант неосуществим по ряду причин и, между прочим, потому, что помещик не согласится на эту реформу.

Но если для социал-демократов нежелание помещиков является достаточно серьезным препятствием для проведения социал-демократической программы, то ведь, тогда, пожалуй, придется отказаться и от принудительной для помещиков продажи «излишних» (свыше 750 гектаров) земель государству. Вдруг помещики не захотят? «Запасливый» теоретик социал-демократии имеет выход и на этот «худой» случай: он уверяет, что можно добиться необходимого перераспределения земель «без значительного нарушения системы хозяйственных отношений» *путем налоговой политики.*

Но что будет делать добродушно-уступчивый в отношении помещиков г-н Krüger, если помещики не согласятся и *на эту* налоговую реформу? Можем лишь посочувствовать «великому реформатору»: трудно провести *важнейшую* реформу, которая удовлетворила бы все классы!

[1]) «Sozialdemokratie und ländliche Bodenfrage» von Hans Krüger, «Die Gesellschaft», 1924, Zweiter Band.

Однако, что же получается в итоге?

Раздел о «земельной реформе» начат с очень высоких нот: здесь говорится о «*насилии завоевателей*», преобразовавшем земельно-собственнические отношения; здесь сказано даже, что помещики оттягали от крестьян землю «*путем разбоя*». Но заклеймивши помещиков как «разбойников» (не в одной ли этой фразе вся «революционность» социал-демократов?), социал-демократы затем «любезно» раз'яснили, что они, собственно, предлагают купить у этих разбойников «по сходной цене» ту часть их земли, которая приходится в имениях свыше 750 гектаров; затем они пообещали помещикам не облагать их капиталов (живой и мертвый инвентарь), а облагать только землю, и посулили «переход земли к лучшему хозяину».

Так «страшно» начали и так «культурно» кончили! Принципы Каутского торжествуют полностью: его положение о том, что капитализм должен быть разрушен «морально», но отнюдь «не экономически»,—распространено теперь и на помещиков. Вот он как выглядит их «конструктивный социализм»! А, ведь, сам г-н Krüger признает, что сравнительно небольшая кучка помещиков владеет почти $^1/_4$ всей земельной используемой площади Германии, что в отдельных провинциях помещики далеко превосходят по владениям этот средний уровень (Восточная Пруссия—37,1%, Померания—51,2%, Мекленбург—Шверин—59,7%); что весьма значительную долю своей земли помещики не обрабатывают, а сдают крестьянам в аренду; что подобный вид собственности является наиболее «бессмысленным».

И при всем этом—«благодушие» в программных требованиях, дополняемое еще большим «благодушием» в комментариях к программе.

> «Все эти требования,—пишет Krüger в конце своей статьи [1]),—нельзя осуществить с сегодня назавтра. Это само собой понятно и не должно отпугивать. Подходящий к решению земельного вопроса должен мыслить этот процесс в десятилетиях».

Summa summarum: социал-демократическая программа исходит, таким образом, из того положения, что крупное землевладение должно быть сохранено; что надо лишь стимулировать эволюцию помещика в направлении капиталистического предпринимательства; что надо, сохранив землевладельческие привилегии помещика, помочь ему превратиться в «культурного» капиталиста.

Программа, совершенно очевидно, *построена на комбинированной защите интересов капиталиста и крупного землевладельца, а основная ставка делается на помещика, капитализирующего свое хозяйство.*

---

[1]) Речь идет о цитированной выше статье.

Б. Борилин.

Куда устремляется капитализм?

(К итогам женевской экономической конференции)

«...Анализ экономических причин современного нарушения равновесия (du déséquilibre actuel) в торговле и индустрии; экономические тенденции, могущие содействовать всеобщему миру». Так скромно была обозначена в порядке дня конференции основная экономическая проблема, из-за которой и собралась конференция,—проблема мирового хозяйственного кризиса. Тем не менее для очень многих и на самой конференции не было сомнения в том, что речь идет не о каком-нибудь временном «нарушении равновесия в торговле и индустрии», но о непрекращающемся глубоком мировом экономическом кризисе, получившем свое яркое выражение в неуменьшающейся, небывалой по своим размерам хронической армии безработных. Этот факт наличия огромной массы людей, которым капитализм не может дать занятия, больше всего свидетельствует о хронической и тяжелой болезни самого капитализма. «Если бы не было четырех миллионов безработных в Европе, конференция и не собралась бы», говорил Кассель. И это было глубокой правдой, к которой присоединился сам «отец конференции» (отец, кстати, оказавшийся к концу конференции очень недовольным поведением своего «ребенка»), господин Лушер.

Четыре милл. безработных—это составляет вместе с семьями 20 миллионов людей, не находящихся в состоянии поддерживать свое существование [1]),—таков итог почти десятилетнего «восстановительного» процесса капитализма со времени заключения «спасительного» версальского мира.

Мистер Лэйтон, издатель английского «Экономиста», в своей речи присоединил к этой цифре безработных еще две ужасные, по его собственным словам, цифры, характеризующие состояние современного капиталистического хозяйства. Это—одиннадцать тысяч километров новых таможенных барьеров и два с четвертью миллиарда долларов ежегодных расходов на вооружение. Цифры мистера Лэйтона и для слепого и глухого блестяще говорят о том «экономическом порядке» и «успокоении», которые установил версальский мир. До настоящего времени Европа находится в состоянии величайшего таможенного и экономического хаоса. А экономический и социальный «мир», установившийся в результате войны, требует для своего поддержания «маленькой» жертвы в 2¼ мрд. долларов, т.-е. суммы немного меньшей, нежели 5 мрд. рублей.

[1]) См. Agriculture et la crise économique. Société des Nations, p. 17. Эта же цифра в 20 м. фигурировала и в речи Гермеса, члена международной аграрной комиссии.

«Европа подавлена бременем фискальных и социальных платежей (charges fiscales et sociales). Она стара...», так жаловался председатель союза французских шахтовладельцев, господин Пейримгоф [1]).

«Старая Европа» беспомощно вскрывала на конференции свои язвы... И все это под маской «достойных» и «приличных» речей джентльменов.

Как не вспомнить при этом *теперь*, в 1927 г., то, что говорил о Европе целых *пять лет назад* Ленин, что так глубоко верно и до сих пор? «Старая буржуазная и империалистическая Европа, которая привыкла считать себя пупом земли, загнила и лопнула в первой империалистической бойне, как вонючий нарыв. Как бы ни хныкали по этому поводу Шпенглеры и все способные восторгаться или хотя бы заниматься им образованные мещане, но этот упадок старой Европы означает лишь один из эпизодов в истории падения мировой буржуазии, обожравшейся империалистическим грабежом и угнетением большинства населения земли» (Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 74).

Как выйти из перманентного состояния недогрузки производственного аппарата? Как избавиться от таких цифр, как 41% недогрузки для английской металлургической или 45% для текстильной индустрии, цифр, собранных самой Лигой Наций? [2]) Даже для Соединенных Штатов мы имеем данные в 25% неиспользованности производственного аппарата по производству стали, и такие же данные по машиностроению. Величайшая диспропорция между величиной производственного аппарата и емкостью рынка, порожденная резким *уменьшением покупательной способности масс*, никем не оспаривалась на конференции, никем, кроме Густава Касселя, который «доказывал», что единственным средством увеличения рынка может быть только увеличение производства. «Покупательная сила человеческого общества не может быть никогда ничем иным, как общим производством этого общества. Если покупательная сила во всем мире в настоящее время очень мала, единственное лекарство состоит в увеличении общего производства» [3]). Отсюда Кассель нападал на «ложную идею» о необходимости сокращения производства, столь распространенную теперь. Но старые, давно опровергнутые формулы вульгарной политической экономии, извлеченные на «божий свет» Касселем—увы!—не действовали теперь и производили очень малое впечатление даже на конференции.

Нищета европейских масс, кроме безработицы, красноречиво выраженная в пониженном «уровне жизни» (standard of life) европейского рабочего, констатировалась, как непререкаемый факт, на конференции. На конференции большим успехом пользовался пример острого расхождения заработных плат американского и европейского рабочего, приведенный Лушером. «В то время,— говорил Лушер,—как американскому рабочему для приобретения автомобиля нужно затратить заработную плату в течение трех месяцев, европейскому рабочему нужно затратить заработную плату за целых три года!». Однако, конференция не видела

[1]) Seconde Comission. Industrie. Proces. verbal provisoire de la deuxième seance, p. 5.

[2]) См. Memorandum sommaire sur les diverses industries, p. 11; также «Меморандум» по отдельным отраслям промышленности.

[3]) Journal de le Conference Economique. № 2, p. 12, 13.

средств к ликвидации этой разницы в возможности «ездить на автомобиле» для рабочего в Европе и в Америке. «Об'ективно» настроенные американские делегаты в лице Робинзона вынуждены были признаться, что с улучшением положения европейских масс потребуется, вероятно, «подождать» «определенное количество лет», «в течение которых положение европейских стран не сможет быть значительно улучшено» [1]). И тем не менее, а может быть, благодаря этому, на конференции раздавались жалобы на... высокую (!) заработную плату. «Профессиональные союзы подобно картелям и трестам искусственно поднимают цену на рабочую силу»,—жаловался Кассель. Эта же «нота» раздавалась со стороны представителей наиболее успешно «стабилизирующегося» германского государства—Сименса и Ламмерса.

Безнадежно тяжелое положение мирового сельского хозяйства доказывается неисчезающими ножницами между ценами на промышленные и сельскохозяйственные товары. Представленные экономическим комитетом Лиги Наций в издании «Crise économique et agriculture» данные показывают картину безусловного падения покупательной силы продуктов с.-х. производства. Их покупательная сила колеблется в разных странах от 74% до 90% по сравнению с довоенной. И это в то время, когда промышленность страдает от недостатка рынков сбыта. «Экономическое равновесие не может быть восстановлено до тех пор,—говорил Гермес,—пока... не будет значительно увеличена покупательная сила сельскохозяйственного населения, которое в каждой стране составляет значительную часть, а в большинстве стран—большинство потребителей. Больше того, если сельское население находится в состоянии процветания и его покупательная сила велика, оно может потреблять большую часть продуктов промышленности собственной страны, которая становится менее зависимой от иностранных рынков». Это правильное рассуждение, к несчастью, имеет только тот один недостаток, что упускает из виду немаловажную особенность, свойственную всегда капитализму и заключающуюся в том, что капитализм никогда не заботился о соответственном росте внутреннего рынка за счет под'ема сельского хозяйства, но всегда предпочитал искать внешние рынки. Изменит ли своему «нутру» в этом отношении послевоенный капитализм, повергший сельское хозяйство в состояние затяжного кризиса?!

Что такое состояние сельского хозяйства бьет по всем отсталым и колониальным странам, не нуждается ни в каких доказательствах. «Колониальный мир получает в настоящее время, в обмен на свои продукты, значительно меньше того, что он получал до войны»,—говорит Кассель. А что он получает от одряхлевшей и обнищавшей Европы? Кассель вынужден признать, что Европа не в состоянии «снабжать в достаточной мере колониальные страны капиталами для приобретения машин, строительных материалов, рельс. В результате—общее замедление колониального развития» [2]). Обанкротившаяся Европа не может пред'явить миллионам просыпающихся колониальных рабов ничего, кроме «неравноправных договоров» и дредноутов! Что же мудреного, что даже речь представителя пекинского правительства

1) 2-ième comission. Industrie. La sixième séance, p. 16.
2) Journal de la Conference Economique International, № 2.

прозвучала «революционно» на конференции! «Я слушал с живым интересом, — заявил этот китайский «представитель», Чуан-Чао, — различные речи, произнесенные здесь, и я рассчитывал услышать хоть одного оратора, который бы обратил внимание членов конференции на нетерпимые тарифные обязательства, неравноправные договоры Китая... И я не выполнил бы своего долга... если бы не обратил ваше внимание на опасности, которыми угрожает всеобщему миру подобный экономический режим» [1]). Само собой разумеется, китайский «представитель» и дальше не услышал ораторов, «озабоченных» «экономическим режимом» Китая, если не считать тов. Осинского. Только японский делегат Шидахи выразил надежду, что «экономический хаос» в Китае исчезнет, и «в Китае воцарятся мир и порядок, как только богатые натуральные ресурсы Китая будут открыты реально для всего мира, а не только для Китая и его непосредственных соседей»... Этим так и исчерпалось обсуждение вопроса об «экономическом режиме», установленном в колониях империалистами.

Как уже было сказано в самом начале, конференция постаралась из'ять из порядка дня наиболее трудные и «щекотливые» проблемы. К таким проблемам принадлежали прежде всего сырьевая проблема, проблема иммиграции и эмиграции и проблема долгов и капиталов. Открытая дискуссия по этим вопросам принесла бы с собой слишком много «неприятностей» для некоторых «больших» государств. Но... «шила в мешке не утаишь»: эти проблемы все-таки всплыли и обсуждались.

Немалое количество ораторов указывало на «несправедливое распределение» сырьевых богатств и на неправильное их использование. Итальянцы не преминули напомнить о том, что Италия лишена сырьевых богатств (dépourvue de matières premières), в то же время будучи богата рабочей силой, достаточно квалифицированной [2]). Более решительно напали японцы на монополизацию сырья, как «очень опасную для поддержания общего мира тенденцию», являющуюся в значительной мере причиной современного кризиса. «Современный кризис обязан неравному распределению натуральных богатств, что всегда было большим препятствием для установления мира»,—говорил японский барон Шиба [3]). «Следует избегать (!) монополий на природные источники таких необходимых предметов, как уголь и нефть, затрудняющих свободное их распределение и лояльное (!) использование». Даже могущественная Америка не приминула упрекнуть европейцев за участие в монопольной продаже каучука. А вот как представитель малой нации, председатель союза шведских промышленников, Людвиг изображает положение малых государств перед лицом могущественных монополистических групп, захвативших сырьевые богатства: «Горе тем странам, которые, не обладая источниками сырья, предоставлены на милость (sont à la merci) иностранных картелей, не имея в то же время возможности обратиться к конкурентам!» [4]).

1) Discours de M. Chuan Chao, p. 1.
2) Journal de la Conference Economique International, № 2, p. 14.
3) 2-ième commission. Industrie. Sixième séance, p. 2.
4) 2-ième commission. Industrie. Huitième séance, p. 14.

Само собой разумеется, что жаловались те, кто испытывали «неудобства» от распределения сырья, и хранили полное молчание «виновники» этих «неудобств».

Еще «щекотливее» были другие две снятые проблемы: иммиграции и долгов, ибо здесь речь должна была итти, главным образом, о «несправедливостях», которые причинял Европе американский «дядя Сам». Здесь «плакались» европейцы, молчали американцы. Вся дискуссия приобрела вид «европейского монолога».

Чрезвычайно интересные замечания по вопросу об иммиграции представил итальянец Беллони. Жалуются на протекционизм, с одной стороны, на большую безработицу, с другой,—говорил он,—но если бы не запрещение иммиграции в Америке, то не было бы и безработицы. А далее: это же запрещение иммиграции и приводит к необходимости сурового протекционизма для защиты национального труда. «Совершенно очевидно, что в странах с высокой плотностью населения, не обладающих натуральными богатствами, в случае отсутствия свободы движения населения в мире, единственными средствами обеспечения возможности существования населению являются таможенные барьеры и протекционизм промышленный и аграрный во всех его видах». Наконец, «сравнивая огромную цифру безработных в Европе с цифрой в 800.000 эмигрантов, которые до войны ежегодно уходили из Европы, Беллони приходит к выводу, что одно из наиболее верных средств установления прочного экономического мира состоит в разрешении проблемы иммиграции» [1]).

Такую же связь безработицы с эмиграцией приводил и представитель Чили—Урзуа, прибегший, однако, и к моральным аргументам. «Во многих европейских странах безработица стала постоянной, и прямые или косвенные препятствия эмиграции такого количества жителей, которые могли бы найти себе вознаграждающий их труд в Америке, являются прямо бесчеловечными (!)» [2]).

Понятно, что и обвинение в «бесчеловечности» и тщательные подсчеты г-на Беллони произвели очень слабое впечатление на американцев. И по этому вопросу американская делегация наиболее целесообразным сочла сделать выразительную «фигуру умолчания».

Европа страдает не только от «избытка» рабочей силы, но и от недостатка капиталов. До войны от недостатка капитала страдала Америка, а Европа выступала в роли кредитора. Теперь роли переменились и, повидимому, надолго. На долгие годы Европа превратилась в данника Америки. Наиболее радикальным выходом было бы поступить с европейскими долгами так, как поступила советская власть. Конечно, совершить это не под силу буржуазной Европе. А с другой стороны, положение поистине тяжелое. Проценты, ежегодно уплачиваемые европейскими государствами, чрезвычайно обременяют государственный бюджет и народное хозяйство, вынужденное экспортировать товары для уплаты по долгам.

Нельзя сказать при этом, чтобы величина процента, взимаемая американскими банкирами была мала. Наоборот, Европа, капиталам и культуре которой Америка обязана своим расцветом,

[1]) Journal de la Conference, № 5, p. 61.
[2]) Journal de la Conference, № 3, p. 24.

как в свое время убеждал Америку английский социалист Филипп Сноудэн [1]), платит теперь за эту услугу, по крайней мере, вдвое большую цену за получаемые от Америки капиталы, нежели цена, взимаемая ею от Америки до войны. Германия попробовала, в лице Ламмерса, поставить этот вопрос на обсуждение, но... безрезультатно. «Америка... слезам не верит». «Европа, превратившаяся в должника,—говорил Ламмерс,—должна платить в настоящее время не 4 процента, как до войны, но до 10%. Во всяком случае без преувеличения можно сказать, что величина процента возросла на 100%... Поэтому, безусловно, необходимо найти путь установления большего равновесия между таким положением стран-должников и страны-кредитора, так как экономическая активность Европы подавлена тяжестью долгов» [2])...

В связи с огромными платежами, которые Европа ежегодно должна посылать в Америку, еще один вопрос был направлен европейцами по адресу американской делегации. Не думает ли она, что при высоких ввозных таможенных пошлинах, которые устанавливает у себя Америка, Европа не будет иметь возможности развивать экспорт товаров, необходимый для балансирования расчетов с Америкой? Если американский рынок для европейских товаров так же точно, как и другие, не будет возрастать, то как сможет быть разрешена проблема долгов?

Нужно сказать, что этот, поистине трагический для Европы, вопрос ни в какой мере не произвел «трагического» впечатления на американскую делегацию. Мистер Робинзон на этот раз отвечал в спокойно-уверенном тоне, «раз'яснив» непонятливым европейцам, что проблема отнюдь не является абсолютно неразрешимой. К тому же в помощь мистеру Робинзону пришлась и историческая аналогия с Англией, которая в «свой век» тоже выступала в роли кредитора мира, а другие страны-должники находили довольно просто разгадку трагического теперь для европейцев, в том числе и англичан, ребуса. Робинзон кивал на богатые перспективы расширения рынка в новых странах, куда рекомендовал обратить внимание европейцам. Робинзон напомнил про рост ввоза европейских товаров в Америку на 50%, по сравнению с 1913 годом. Наконец, нужно иметь в виду,—говорил он,—что американские туристы начинают все больше посещать в летние месяцы Европу, тратя в Европе не менее 650 млн. долл. в год! В общем проблема вовсе не является неразрешимой.

К этому, собственно говоря, и сводился по существу весь ответ, который американские делегаты дали на «европейскую проблему». По всем остальным пунктам этой проблемы американцы ссылались на свое незнание европейских дел и ограничивались посвящением конференции в блестящие успехи Америки за последние годы. Если вся конференция, по выражению португальского делегата Куна Лиль, была не чем иным, как «криком о спасении Европы посредством рационализации, уж осуществленной в Америке» [3]), то нельзя не признать, что этот «крик о спасении», поскольку он был направлен по адресу Америки, остался криком, затерявшимся в пустыне.

[1]) Philipp Snowden. «Vermag Amerika die Kriegsschulden zu streichen». «Wirtschaftsdienst» от 30/VII 26 г.
[2]) 2-ième commission. Industrie. Troisième séance, p. 3.
[3]) 2-ième commission. Industrie. Cinquième séanse, p. 7.

Само собой разумеется, что жаловались те, кто испытывали «неудобства» от распределения сырья, и хранили полное молчание «виновники» этих «неудобств».

Еще «щекотливее» были другие две снятые проблемы: иммиграции и долгов, ибо здесь речь должна была итти, главным образом, о «несправедливостях», которые причинял Европе американский «дядя Сам». Здесь «плакались» европейцы, молчали американцы. Вся дискуссия приобрела вид «европейского монолога».

Чрезвычайно интересные замечания по вопросу об иммиграции представил итальянец Беллони. Жалуются на протекционизм, с одной стороны, на большую безработицу, с другой,—говорил он,—но если бы не запрещение иммиграции в Америке, то не было бы и безработицы. А далее: это же запрещение иммиграции и приводит к необходимости сурового протекционизма для защиты национального труда. «Совершенно очевидно, что в странах с высокой плотностью населения, не обладающих натуральными богатствами, в случае отсутствия свободы движения населения в мире, единственными средствами обеспечения возможности существования населению являются таможенные барьеры и протекционизм промышленный и аграрный во всех его видах». Наконец, «сравнивая огромную цифру безработных в Европе с цифрой в 800.000 эмигрантов, которые до войны ежегодно уходили из Европы, Беллони приходит к выводу, что одно из наиболее верных средств установления прочного экономического мира состоит в разрешении проблемы иммиграции» [1]).

Такую же связь безработицы с эмиграцией приводил и представитель Чили—Урзуа, прибегший, однако, и к моральным аргументам. «Во многих европейских странах безработица стала постоянной, и прямые или косвенные препятствия эмиграции такого количества жителей, которые могли бы найти себе вознаграждающий их труд в Америке, являются прямо бесчеловечными (!)» [2]).

Понятно, что и обвинение в «бесчеловечности» и тщательные подсчеты г-на Беллони произвели очень слабое впечатление на американцев. И по этому вопросу американская делегация наиболее целесообразным сочла сделать выразительную «фигуру умолчания».

Европа страдает не только от «избытка» рабочей силы, но и от недостатка капиталов. До войны от недостатка капитала страдала Америка, а Европа выступала в роли кредитора. Теперь роли переменились и, повидимому, надолго. На долгие годы Европа превратилась в данника Америки. Наиболее радикальным выходом было бы поступить с европейскими долгами так, как поступила советская власть. Конечно, совершить это не под силу буржуазной Европе. А с другой стороны, положение поистине тяжелое. Проценты, ежегодно уплачиваемые европейскими государствами, чрезвычайно обременяют государственный бюджет и народное хозяйство, вынужденное экспортировать товары для уплаты по долгам.

Нельзя сказать при этом, чтобы величина процента, взимаемая американскими банкирами была мала. Наоборот, Европа, капиталам и культуре которой Америка обязана своим расцветом,

[1]) Journal de la Conference, № 5, p. 61.
[2]) Journal de la Conference, № 3, p. 24.

как в свое время убеждал Америку английский социалист Филипп Сноудэн [1]), платит теперь за эту услугу, по крайней мере, вдвое большую цену за получаемые от Америки капиталы, нежели цена, взимаемая ею от Америки до войны. Германия попробовала, в лице Ламмерса, поставить этот вопрос на обсуждение, но... безрезультатно. «Америка... слезам не верит». «Европа, превратившаяся в должника,—говорил Ламмерс,—должна платить в настоящее время не 4 процента, как до войны, но до 10%. Во всяком случае без преувеличения можно сказать, что величина процента возросла на 100%... Поэтому, безусловно, необходимо найти путь установления большего равновесия между таким положением стран-должников и страны-кредитора, так как экономическая активность Европы подавлена тяжестью долгов» [2])...

В связи с огромными платежами, которые Европа ежегодно должна посылать в Америку, еще один вопрос был направлен европейцами по адресу американской делегации. Не думает ли она, что при высоких ввозных таможенных пошлинах, которые устанавливает у себя Америка, Европа не будет иметь возможности развивать экспорт товаров, необходимый для балансирования расчетов с Америкой? Если американский рынок для европейских товаров так же точно, как и другие, не будет возрастать, то как сможет быть разрешена проблема долгов?

Нужно сказать, что этот, поистине трагический для Европы, вопрос ни в какой мере не произвел «трагического» впечатления на американскую делегацию. Мистер Робинзон на этот раз отвечал в спокойно-уверенном тоне, «раз'яснив» непонятливым европейцам, что проблема отнюдь не является абсолютно неразрешимой. К тому же в помощь мистеру Робинзону пришлась и историческая аналогия с Англией, которая в «свой век» тоже выступала в роли кредитора мира, а другие страны-должники находили довольно просто разгадку трагического теперь для европейцев, в том числе и англичан, ребуса. Робинзон кивал на богатые перспективы расширения рынка в новых странах, куда рекомендовал обратить внимание европейцам. Робинзон напомнил про рост ввоза европейских товаров в Америку на 50%, по сравнению с 1913 годом. Наконец, нужно иметь в виду,—говорил он,—что американские туристы начинают все больше посещать в летние месяцы Европу, тратя в Европе не менее 650 млн. долл. в год! В общем проблема вовсе не является неразрешимой.

К этому, собственно говоря, и сводился по существу весь ответ, который американские делегаты дали на «европейскую проблему». По всем остальным пунктам этой проблемы американцы ссылались на свое незнание европейских дел и ограничивались посвящением конференции в блестящие успехи Америки за последние годы. Если вся конференция, по выражению португальского делегата Куна Лиль, была не чем иным, как «криком о спасении Европы посредством рационализации, уж осуществленной в Америке» [3]), то нельзя не признать, что этот «крик о спасении», поскольку он был направлен по адресу Америки, остался криком, затерявшимся в пустыне.

[1]) Philipp Snowden. «Vermag Amerika die Kriegsschulden zu streichen». «Wirtschaftsdienst» от 30/VII 26 г.
[2]) 2-ième commission. Industrie. Troisième séance, p. 3.
[3]) 2-ième commission. Industrie. Cinquième séanse, p. 7.

Мы не можем не привести интереснейшей оценки, которую поведению американской делегации на конференции дала немецкая газета «Франкфуртер Цейтунг». «Соединенные Штаты, не являясь членом Лиги Наций, послали на конференцию свою делегацию. Но *они стояли только возле конференции* (nur daneben). Их оратором был Робинзон, президент банка из Лос-Анжелес, совершенно отдаленного от Европы берега Тихого океана. И он выступал (конечно, только потому, что он обязан был что-нибудь сказать) точно так, как он говорил бы на собрании своего буржуазного клуба или торговой палаты: с громким оптимизмом, свойственным американцам, с широким чувством самодовольства по поводу богатых успехов, которым другим остается только подражать. Кроме него, в американской делегации имелась еще пара умных наблюдателей: они наблюдали, слушали и молчали. Делегаты других стран несколько раз пробовали вступить с американцами в открытые дебаты. Напрасно. Американцам говорили, что нехорошо с их стороны,—чилийский делегат сказал даже: бесчеловечно,—что они запрещают иммиграцию в свою далекую, богатую страну, которая обязана своим процветанием пришельцам из Европы, в то время как Европа перенаселена. Никакого ответа. Им напомнили, что европейцам не легко теперь выплачивать за ссуженные капиталы семь—восемь, иногда даже десять—двенадцать процентов, в то время, как раньше Европа предоставляла американцам капиталы для построения их хозяйства за пять, даже за три—четыре процента. Молчание. Их спрашивали, к каким последствиям может привести такое положение, когда американцы, с одной стороны, хотят ежегодно получать от Европы колоссальные проценты по долгам, с другой же, препятствуют невероятно высокими пошлинами ввозу европейских товаров, единственному средству, при помощи которого такие платежи могут продолжительное время совершаться. Эхом раздалось, в ответ на это, указание на 650 милл. долл., которые теперь уже ежегодно истрачивают американские туристы in der grossen sommerfrische Europa и которые легко можно удвоить! Так, в дебатах с американцами имелся налицо только европейский монолог. Американцы слушали и молчали. Они стояли в стороне. Это тоже урок» [1]).

* * *

Выше была дана картина современного мирового хозяйственного положения и основных трудностей, все еще непреодоленных послевоенным капитализмом. Картина выглядит поистине мало утешительно, даже сквозь призму речей и оценок высокопочтенных «messiers et dames», долженствовавших демонстрировать на конференции «единство», «мир» и «согласие» между представленными ими нациями. Нельзя дать иную оценку состоянию мирового хозяйства даже на основе «об'ективных» данных Лиги Наций и лицемернейших речей, созданных для того, чтобы скрывать мысли ораторов, кроме констатирования непрекратившегося глубокого мирового экономического кризиса. До сих пор капиталистическое мировое хозяйство еще *не* оправилось полностью от империалистической войны. Это вынужден был признать в своей заключительной речи на пленуме конференции Теннис, заявивший, что основной болезнью современного капитализма является та глубокая «хозяйственная *дезорганизация, которая явилась следствием войны*». Это заявление имеет величайший интерес. Конференция, созванная на грани почти десятилетнего капиталистического развития после заключения версальского мира, не в состоянии скрыть перед миром правду о том, что до сих пор основной болезнью мирового хозяйства является «дезорганизация, явившаяся следствием империалистической войны». Насколько подло даже по сравнению с заявлением Тенниса звучат речи и статьи господ социал-демократов, в роде Гильфердинга и Войтинского, из которых первый отрицает «большевистскую, а не марксистскую (!) теорию краха» и не видит ничего, кроме «всеобщего улучшения мировой кон'юнктуры» [1]), а второй не считает, что мы имеем налицо мировой экономический кризис, потому—видите ли,—что «несправедливо говорить о мировом экономическом кризисе только потому, что в России—экономическая депрессия (!) а в Китае—гражданская война»! [2]).

Невозможно отрицать того *факта*, что основные, труднейшие проблемы послевоенного кризиса *не* разрешены до сих пор капитализмом. До настоящего времени мы можем с полным правом повторить то, что говорила всегда наша партия об экономических последствиях империалистической войны. Мы имеем полное право и сейчас повторить слова Ленина: «В основном наше понимание событий было верно, в основном наша оценка империалистической войны и запутанности, создавшейся между империалистическими державами, была верна». «Мы оказались правы в своих предвидениях и в своих расчетах». «Мы оценили глубину противоречий, связанных с империалистической войной, и мерим правильнее, чем когда бы то ни было, другие державы, у которых при всех своих победах, всей силе, выхода у них до сих пор не нашлось и не находится». И чем дальше мы от войны отходим, тем яснее становится..., что капитализм разлагается, что экономический кризис во всем мире создал положение невыносимое, что выхода нет, несмотря на одержанные победы» (Ленин т. XVIII, ч. 1, с. 422—25). «Помянут они наши предсказания и нашу оценку войны и ее последствий еще не раз» (Ленин, т. XVIII, ч. 2, с. 7).

Означает ли это, что капитализм за истекший со времени версальского мира период не сделал никаких шагов вперед? Конечно, нет. Именно, *несмотря* на безусловные *успехи* капитализма в определенных областях, несмотря на окончание в грубых чертах «восстановительного периода», капитализм еще не ликвидировал экономических последствий войны, не сумел создать, вместо существовавшего до войны, нового экономического равновесия. Состояние мирового хозяйства до сих пор единогласно даже буржуазными экономистами определяется, как состояние глубоко «нарушенного равновесия» (déséquilibre). Это свидетельствует об историческом подтверждении нашей точки зрения.

Капитализм к настоящему времени восстановил производство до довоенных размеров, если взять последнее в мировом масштабе. Он ликвидировал созданный империалистической войной валютный и кредитный хаос. В главных странах сейчас суще-

---

1) A. F. Die Lehre von Genf. «Frankfurter Zeitung». 25 mai 1927 г.

1) См. речь Гильфердинга на Кильском соц.-дем. партейтаге.

2) Woytincky. «Zur Weltwirtschaftskonferenz». «Gesellschaft». April 1927 г. S. 209.

ствует устойчивая валюта. Капитализм добился и определенного «успокоения» рынка внутри отдельных национальных хозяйств. Необходимым условием для этого было «усмирение» рабочих, имевшее столь «благоприятные» для капитализма результаты, как снижение, по крайней мере относительное, жизненного уровня европейского рабочего и легализация состояния сотен тысяч и миллионов людей в положении безработных. С другой стороны, важным условием для этого были значительные организационно-технические перегруппировки в хозяйстве, как-то: дальнейшая концентрация промышленности, процессы усиленного картелирования и трестирования. Все эти достижения капитализма бесспорны. И глубина послевоенного кризиса капиталистического хозяйства подтверждается тем обстоятельством, что, *несмотря на достигнутые успехи*, капитализм, как *мировое хозяйство*, продолжает находиться в состоянии кризисном, в состоянии депрессии.

«Ну, что же,—скажут нам.—Но капитализм делает успехи! А следовательно, «теория краха капитализма — большевистские выдумки!». Жалкие выражения слепых людей! Разве весь истекший после империалистической войны период не является доказательством безнадежного банкротства капиталистической системы, действительного *экономического краха* системы? Какие же еще доказательства нужны?! Нас пытаются «убить» ссылкой на успехи капитализма и ехидным вопросом: «почему же капитализм не погиб, и не победила социалистическая революция?». Но кто сказал, что мы придерживаемся «фаталистической теории краха капитализма»? Не кто иной, как Ленин утверждал, что «капитализм не перестанет существовать, если не будет свергнут рабочим классом», что «абсолютно безвыходного положения капитализма вообще не может быть» [1]). Мы знаем с безусловностью, что в *конечном историческом счете* крах капиталистической системы неизбежен и победа рабочего класса неминуема, с всемирно-исторической точки зрения. Но мы не знаем и не можем знать, наступит ли «последний и решительный бой» в результате этой или следующей империалистической войны. Мы не знаем и не можем знать, как долго растянется этот период краха капиталистической системы. Период краха капитализма есть период ожесточенной борьбы всех сил старого и нового мира, в которой есть и наступления и отступления. Но мы знаем, что этот крах, всемирно-историческое банкротство капитализма *начались* со времени империалистической войны, в результате которой «большевистская революция вырвала первую сотню миллионов людей на земле из империалистического мира». И есть все основания думать, что «следующие революции вырвут из таких войн и из такого мира все человечество» [2]). Пусть злобствуют социал-демократические негодяи, продавшиеся международной буржуазии, составляющие активнейшую силу «старого» мира, «спасающие» мировой капитализм в период начавшегося краха капиталистической системы. В их силах затянуть этот период исторической агонии капитализма, но не в их силах предотвратить неминуемую всемирную победу рабочего класса.

(Окончание следует).

---

[1]) См. речь Ленина на II конгрессе Коминтерна.
[2]) Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 368.

Г. Зиновьев.

Манифест кулацкой партии [1]).

Есть у нас в Москве наместник Устрялова, его, так сказать, московский полпред. Это—профессор Н. Д. Кондратьев, фактический вождь легализующейся устряловщины.

Н. Д. Кондратьев—«теоретический» глава целой школы. «Столпами» этой школы являются: Чаянов, Челинцев, Макаров, Студенский, Литошенко и др.

Эта группа «ученых» распадается на две подгруппы. Одна из них—Чаянов, Челинцев, Макаров—называет себя нео-народнической. Другая—Кондратьев, Студенский, Литошенко—более или менее откровенные либеральные буржуа. Разногласия между этими двумя подгруппами второстепенного характера. Признанный идейный вождь обеих подгрупп—*Н. Д. Кондратьев.* Первая подгруппа слегка подкрашивает устряловщину в «народнические» цвета. Но и она не скрывает того, что ее «формулой прогресса» является *единоличное хозяйство*. Прогресс и рационализацию сельского хозяйства они мыслят себе не иначе, как на принципе *частной собственности*. Они «теоретически» разогревают остывшее блюдо, подававшееся еще в начале 900-х годов известным саратовским статистиком Н. Н. Черненковым, с которым В. И. полемизировал еще в «Развитии капитализма». Главным камнем

---

[1]) *ОТ РЕДАКЦИИ.* Помещая настоящую статью, редакция считает необходимым сделать следующие замечания:

1) политическая характеристика «кондратьевщины», данная автором, в печатаемой статье, в основном правильна, хотя и не нова. Подобная характеристика идеологии проф. Кондратьева давалась на страницах «Большевика» еще в 1924 году (см. статьи тт. Берзстыса и Д. Марецкого);

2) автор, несомненно, раздувает «удельный вес» проф. Кондратьева, говоря о его «реальном политическом влиянии в некоторых важнейших наших государственных органах», о «легализованной устряловщине» и «кулацкой партии», якобы стоящей за спиной Кондратьева в СССР;

3) автор «забыл» упомянуть о том, что партия ведет энергичную борьбу со всеми тенденциями, идущими навстречу «кондратьевщине».

В качестве иллюстрации к этому из самого последнего времени можно указать на отпор, данный во фракции ВКП (б) на IV С'езде Советов СССР представителю оппозиции т. Муралову, настаивавшему на том, что «производитель должен получить за свой хлеб восстановительную цену».

Фракция ВКП (б) справедливо заявила по поводу оппозиционного проекта резолюции, предложенного т. Мураловым, что «в практических выводах резолюция не только расходится с линией партии, но и представляет совершенно очевидные уступки кулачеству (особенно в пункте о сбыте с.-х. продуктов, где говорится, что «производитель должен получить за свой хлеб восстановительную цену», что в *данных условиях отражает кулацкое требование повышения с.-х. цен*)».

Кулацкий уклон оппозиции в данном случае становится особенно очевидным, если мы вспомним, что *весною* хлебные запасы были сосредоточены преимущественно в руках кулачества и зажиточного крестьянства.

Необходимо давать отпор не только «кондратьевщине», но и тем тенденциям, которые «растут» к «кондратьевщине».

их «кредо» является возрождение «учения» о «семейной» дифференциации, т.-е. учения о том, что в русском крестьянстве нет классовых групп, а есть только хозяйства разного размера семьи: чем крупнее семья—тем крупнее-де хозяйство. Разогретое блюдо подается чрезвычайно безвкусно. Вся «теория» нео-народников механически приспособлена к тому, чтобы замазать их буржуазную сущность, их почти столыпинскую ставку на «крепкого мужика». «Нео-народническая» сусальная позолота призвана подкрасить буржуазную сущность этих теоретиков. Поскоблите слегка такого «нео-народника», и вы получите струвиста новой эпохи, т.-е. представителя новой буржуазии, чуть-чуть маскирующегося под «советскую» платформу.

Н. Д. Кондратьев и его ближайшие единомышленники выступают еще более открыто.

Старый струвист на «советской» подкладке = устряловцу. Устряловец «легальной» марки=кондратьевцу.

Кондратьевцы обходятся без «нео-народничества», но и они не прочь изобразить себя «социалистами»—в наши времена иначе невозможно.

Н. Д. Кондратьев не выступает с учеными трудами, он мало печатается вообще; вы даже почти не найдете обширных печатных трудов, излагающих его взгляды. И, тем не менее, он признанный вождь легализующейся устряловщины. Н. Д. Кондратьев—человек дела. Он хорошо учел опыт 1922—23 гг. Это были годы первого оживления идеологов новой буржуазии. Через пару лет после введения нэпа вожди новой буржуазии зашевелились впервые. Они стали выпускать некоторые журналы и книжки, стали развивать «устряловские» взгляды на легальной арене. Но эти господа встретили тогда суровый отпор. Наша партия, по инициативе Ленина, поставила на очередь вопрос «о непролетарских партиях и течениях» и выработала целую систему мер против поднявшей голову новой буржуазии. Теперь Кондратьевы действуют по-иному. Пусть пишут книги Чаяновы, Челинцевы, Макаровы, пусть издалека с политическими манифестами выступают Устряловы, а Кондратьев—прежде всего «человек дела». Он оказывает реальное практическое влияние в некоторых важнейших наших государственных органах; он пишет «тезисы» и пытается проводить их через важные госорганы, он «подрабатывает» вопросы, он выступает с лекциями и докладами в важнейших наших вузах.

Перед нами лежат тезисы Н. Д. Кондратьева «Задачи в области сельского хозяйства в связи с общим развитием народного хозяйства и его индустриализацией». В примечании сказано: «Настоящие тезисы представляют из себя старое изложение подробной докладной записки на ту же тему».

Тезисы эти являются настоящим *манифестом кулацкой партии*.

Познакомимся прежде всего с практическими предложениями этой платформы Н. Д. Кондратьева.

I. Кулацкая «индустриализация».

В начале своих тезисов Н. Д. Кондратьев помещает маленький, совсем крошечный, малюсенький (величиной с медный пятачек) фиговый листочек с надписью: «Индустриализация». По нынешним временам без этого нельзя. Несколько слов в честь

индустриализации и даже социалистического строительства необходимы Н. Д. Кондратьеву, чтобы прикрыть свою кулацкую наготу. А когда доходит до практических выводов, то Н. Д. Кондратьев пишет:

«XV. По линии практики индустриализации необходимо:

«1) *Ограничить* темп капитального промышленного строительства, снизив его размеры, примерно, на 15%.

«2) Одновременно необходимо *видоизменить* соотношение в размерах капитальных затрат между затратами на тяжелую индустрию и на индустрию легкую, вырабатывающую готовые изделия, в смысле *повышения удельного веса последней*.

«3) Необходимо отказаться от одновременного форсированного развития, на ряду с важнейшими отраслями индустрии, имеющими первостепенное значение и перспективы дальнейшего развития, также и отраслей, которые такого значения и перспектив не имеют» (стр. 18—19 тезисов).

Разве это не программа кулака? Сколько-нибудь умный кулак знает теперь, что без известного развития промышленности нельзя поднять и сельское хозяйство. Сколько-нибудь современный кулак не выскажется против индустриализации «в принципе». Но только такому кулаку наш темп индустриализации покажется «чрезмерным». Осади назад темп индустриализации!—вот лозунг современного кулака. Н. Д. Кондратьев, являясь идеологом этого кулака, выдвигает «лозунг»: *снизить* размеры капитального промышленного строительства, примерно, на 15%.

Сколько-нибудь современный кулак «не против» известного развития тяжелой индустрии. Но все же главное, что ему нужно, это—индустрия легкая, вырабатывающая готовые изделия. Осади назад тяжелую индустрию и двинь вперед индустрию легкую—вот лозунг кулака, формулируемый Н. Д. Кондратьевым.

Не форсируй «одновременно» всех отраслей индустрии. Что это значит? Почему это сказано нарочито неясно? О чем идет речь?

Крупная промышленность и электрификация—единственная *прочная* база социализма.

«*Если* не электрификация, *все равно* неизбежен возврат к капитализму»—учил нас Ленин. («Лен. Сборник», IV, стр. 374).

Поэтому, говорим мы, *усилим* темп индустриализации и электрификации, урежем бюрократа, подстрижем кулака и нэпмана, с'экономим максимум возможного и не допустим *отставания* промышленности от сельского хозяйства.

Поэтому, говорит кулак, ограничим темп индустриализации, введем его в рамки «возможного», не дадим усилиться городскому пролетариату, помешаем его смычке с «зеленым полем», с основной массой крестьянства.

Кулак—враг социализма. Он хочет ограничить социализм, ограничивая рост тяжелой индустрии.

Кулак—злейший враг пролетариата. Он хочет всемерно ослабить и обессилить пролетариат, урезая капитальные затраты на промышленность. Ограничить на 15% размер капитальных вложений, это значит, между прочим, усилить безработицу. В итоге это значит навлечь трудно поправимое недовольство бедноты и миллионов резервной армии, это значит усилить кулака.

Кулацкий идеолог, Кондратьев, это знает *и к этому ведет*.

II. Кулацкая «монополия» внешней торговли.

Но слушайте далее:

«Необходимо значительно облегчить условия экспорта сельскохозяйственных товаров и в этих целях предоставить определенному кругу государственных, кооперативных и смешанных организаций *свободу экспорта*, проведя одновременно специальные ограничения, гарантирующие необходимую защиту интересов промышленности» (стр. 17 тезисов).

«Однако, предлагаемые мероприятия в области экспорта сами по себе не могут привести к положительным результатам без некоторых изменений политики импорта. *Необходимо одновременно изменить политику импорта*. Необходимо расширить импорт готовых изделий хозяйственного и личного, в особенности крестьянского, потребления. В связи с этим необходимо, сохраняя монополию импорта в пределах устанавливаемого на каждый год плана, предоставить возможность импорта готовых изделий упомянутому в предыдущем пункте кругу организаций в тех пределах, *в каких им удастся своим экспортом превысить намеченный план импорта, с присоединением к нему необходимого фонда валютного накопления*» (стр. 17—18).

Тихонько и бесшумно Н. Д. Кондратьев подползает к идее отмены монополии внешней торговли. Сказать это прямо *еще* нельзя. В тезисах необходимо даже побожиться «монополией импорта». На деле Н. Д. Кондратьев ходит вокруг да около кулацких чаяний в области ослабления монополии внешней торговли. Меры, которые он предлагает, приведут, видите ли, «к снижению цен частного рынка, к выравниванию частных цен с ценами государственной и кооперативной торговли», меры эти «значительно усилят стимулы крестьянского хозяйства к расширению его товарной продукции» и т. д. Словом, хорошо поет Кондратьев, убедительно поет, но—поет все *против* монополии внешней торговли.

«Свобода экспорта»! Но что это значит, как не отказ государства от контроля над важнейшей высотой экономики, как не поощрение связей растущей новой, «советской» буржуазии с мировым капитализмом, т.-е., иными словами, не ее усиление? Ибо

«после первой социалистической революции пролетариата, после свержения буржуазии в одной стране, пролетариат этой страны *надолго* остается *слабее*, чем буржуазия, *просто уже в силу ее громадных интернациональных связей*, а затем в силу стихийного и постоянного восстановления, возрождения капитализма и буржуазии мелкими товаропроизводителями свергнувшей буржуазию страны». (Ленин, «Детская болезнь», стр. 60).

«Наша белогвардейщина передвинулась через границу, от'ехала на трое суток пути и сидит там и подкарауливает, *имея опору и поддержку западно-европейского капитала*». (Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 167).

А Кондратьев внутри страны дополняет парижского Милюкова, и потому он за «свободу экспорта».

Связь русского кулака с международным буржуа Кондратьев хочет укрепить и посредством политики импорта. «Изменить политику импорта». Допустить свободу импорта по усмотрению «свободных» экспортеров! Отменить государственное регулирование, т.-е. в конечном счете, отменить сначала фактически, а потом и формально монополию внешней торговли.

И дальше:

«В связи с предыдущим, необходимо одновременно отказаться от создания искусственных монопольных условий для государственного и кооперативного торгового аппарата на внутреннем рынке, а также от административных методов регулирования рынка, приводящих к его дезорганизации. Необходимо точно и ясно определить правовое и хозяйственное положение частного торгового аппарата на рынке» (стр. 18 тезисов).

В переводе на простой русский язык это означает: *права частнику!* Шире дорогу новому буржуа! Шире дорогу капитализму!

III. Кулацкая политика в деревне.

В тесной связи с этим стоят следующие предложения г-на Кондратьева:

«1) Необходимо законодательно уточнить понятие кулачества.

«2) Из'ять из содержания этого понятия на практике случаи аренды земли и найма с.-х. труда в размерах, допускаемых для трудового хозяйства по закону.

«3) Исправить налоговую практику в тех случаях, когда существующее обложение, благодаря резкому повышению прогрессии и формам учета доходности, ложится чрезмерно тяжелым бременем на развивающиеся слои крестьянских хозяйств и тем тормозит рост интенсивности и товарности с. хозяйства.

«4) Действительно изменить кооперативную и кредитную политику в смысле признания *безусловной свободы кооперативных* об'единений в области сельского хозяйства, отказа от давления на кооперацию извне, отказа в кооперативно-кредитной политике от протекционизма и филантропии в отношении немощных хозяйств и бесхозяйственных форм кооперации» (стр. 16).

Разве это не законченная программа кулака? Исправь налоговую практику в пользу кулака, «уточни» понятие кулачества так, чтобы кулак ускользнул в подворотню, отдай «немощные» хозяйства на выучку кулаку, признай «безусловную свободу» кооперативных об'единений (т.-е. *и кулацких!*), откажись от помощи им,—помощь бедняку мы, устряловцы, называем «протекционизмом» и «филантропией».

Чтобы не оставить никаких сомнений насчет последнего, автор тезисов в другом месте требует «создать специальный институт долгосрочного государственного и кооперативного кредита, обеспечиваемого *имуществом хозяйства*» (стр. 15). Не имеешь имущества—не получишь кредита. Не «фаворизируй» бедноту (стр. 12), откажись от «филантропии» по отношению к бедноте—вот «лозунг» Н. Д. Кондратьева. «Не должно вносить собесно-филантропического начала в строй работы кооперативно-кредитной системы» (стр. 16). Словом, если до сих пор мы оказывали кое-какую помощь бедноте через кредитную кооперацию—

а всем хорошо известно, что помощь эта была до сих пор далеко не достаточной—откажись от этого, иначе я, Кондратьев, назову это протекционизмом, филантропией, собесно-филантропическими началами, фаворизированием бедноты и т. д.

Кондратьев хочет «законодательно уточнить понятие кулачества». Что это как не прямое желание оградить от «посягательств» пролетарской революции так наз. «крепкого хозяина» и сказать, что у нас-де есть «хозяйственный мужик», но нет кулака? При этом замечательно и то, *как* хочет «уточнить» кулака г. Кондратьев. Он говорит не о том, *кто кулак*, а о том, *кто не кулак*. Аренда земли и наем рабочей силы—это не суть свойства кулацкого хозяйства.

Кто же кулак?

Нет кулака! Кулак существует только в воображении большевиков, кулак—«только на плакатах 1918 г.»,—говорят нам устряловцы.

Как обнаглели эти господа, как распоясались у нас легализованные устряловцы, если они смеют разговаривать уже таким языком!

IV. Кулак в борьбе с пролетарскими «крайностями».

На три группы «крайностей» обрушивается Н. Д. Кондратьев:

> «1) крайности нашего индустриализма; 2) крайности в мероприятиях по расширению государственного и кооперативного сектора в области обмена; 3) крайности проведения нашего курса политики в деревне».

Присмотримся поближе к тому, как сменовеховский профессор критикует все эти «крайности».

а) *О «крайностях индустриализма»*.

> «*Крайности индустриализма* характеризуются прежде всего тем, что мы приняли *непосильный темп* развития промышленности. Именно этот темп развития промышленности заставляет, в поисках средств на капитальные вложения, итти по пути значительных из'ятий материальных средств из деревни и по пути установления неблагоприятного соотношения цен на сельскохозяйственные и индустриальные товары. Крайности индустриализма, далее, заключаются в том, что мы идем по пути *непосильного развития тяжелой индустрии*, производящей средства индустриального производства. Именно этот путь приводит к тому, что *процесс индустриализации* в настоящее время не повышает, а *ослабляет* степень снабжения деревни необходимыми ей продуктами хозяйственного и личного потребления» (стр. 9).

Отсюда и жалобы Н. Д. Кондратьева на «одностороннее направление» нашей импортной политики. Эта политика, по мнению Кондратьева, неправильна, «поскольку она построена на стремлении ввозить лишь орудия промышленного производства и сырье для промышленности». Кондратьев начал свои тезисы с того, что побожился «на принципе» индустриализации. На деле он *против* нынешнего курса на индустриализацию. *Он за индустриализацию лишь в той мере, в какой за нее стоит кулак.* Нынешнюю официальную политику партии, нынешний темп индустриализации Н. Д. Кондратьев считает ставкой на «сверх-индустриализацию». В своем докладе, прочитанном 2 марта 1927 г.

в Институте Экономики Ранион, Н. Д. Кондратьев «устанавливает», что «характер наших плановых мероприятий явился фактором нарушения развития нашего хозяйства и нарастания затруднений» (стр. 26). «Мне кажется,—говорит Н. Д. Кондратьев,—что у нас имело место в прошлом именно такое плановое устремление (которое я не связываю с Госпланом), которое превратило ставку на индустриализацию в ставку на сверх-индустриализацию» (стр. 28). А это и привело-де к ряду затруднений, ибо «план реальных вложений превосходит об'ективные возможности» (стр. 28).

Н. Д. Кондратьев и его «школа» клянутся и божатся на каждом шагу, что высшим критерием всех их упований и пожеланий является *развитие производительных сил*. Однако, это следует понимать—с оговоркой. Н. Д. Кондратьев и К° действительно стоят за развитие производительных сил, но лишь в том случае, когда дело идет о развитии производительных сил *на принципе частной собственности*. Когда же дело идет о *социалистических* элементах нашего хозяйства, тогда у «кондратьевцев» начинаются оговорки, сомнения, упреки, резонерство.

Есть два пути развития производительных сил. Один—когда классовым носителем развития является буржуазия. Другой—когда гегемоном развития является пролетариат. Когда Кондратьев говорит о развитии производительных сил *вообще*—он говорит о *буржуазном развитии*. Они струвисты, эти господа, они за развитие производительных сил в том смысле, в каком за это стоял Струве в начале 900-х годов, они также за то, чтобы нынешняя Россия, советская Россия, пошла «на выучку к капитализму».

Развитие производительных сил при наличии пролетарской диктатуры есть основа всех основ социалистического строительства. В программе ВКП(б), написанной Лениным, справедливо говорится, что *главное и основное*, определяющее собой всю хозяйственную политику советской власти, это—всемерное повышение производительных сил.

Но вместе с тем нам необходимо помнить, что мы проходим через этап нэпа в стране с преобладанием крестьянства, находящейся в международном буржуазном окружении, при замедлении мировой революции. Переживаемая эпоха нэпа есть не только эпоха строительства социализма, но и эпоха обострения классовой борьбы в городе и в деревне. Сбиваться на голый критерий развития производительных сил—без учета того, растут ли при этом *социалистические* элементы хозяйства или *капиталистические*, без учета того, улучшается ли при этом положение народных масс и, прежде всего, рабочего класса—означает сбиваться на путь *буржуазный*. На этот путь и тянет г. Кондратьев.

б) *О «крайностях» монопольности*. Ну, а в чем заключаются «крайности» в мероприятиях по расширению государственно-кооперативного сектора в области обмена? Эти «крайности», по Кондратьеву, «заключаются прежде всего в том, что мы искусственно, путем административных мер создаем монопольное положение для государственного и кооперативного торгового аппарата...», что мы «проводим такую политику регулирования рынка, для которой нет об'ективных предпосылок...», что мы «исходим из представления, что рынка с его стихийными законами ценообразования у нас уже нет, что мы можем произвольно диктовать цены» (стр. 10—11). Все это, вместе взятое, «об'ективно тормозит

развитие крестьянского хозяйства и ставит в тупик агрономию» (там же). Шире дорогу частнику! Дайте дорогу частнику, иначе вы тормозите развитие крестьянского хозяйства и ставите в тупик агрономию!

Н. Д. Кондратьев не прочь присягнуть на кооперативном плане Ленина, не прочь, при случае, сложить хвалебную оду в честь социалистической кооперации. Но все это—слова, слова, слова. На деле же «установка» Кондратьева такова: если кооперация есть *кулацкая* кооперация, то она—благо, и ей надо предоставить «безусловную свободу»; а если советское государство начинает обслуживать основную массу середняков и бедняков, оказывать через кооперацию в интересах рабочего класса и крестьянства регулирующее влияние на рынок, тогда это—«крайности», которые губят крестьянское хозяйство.

Кулак пытается, и не без успеха, использовать кооперативные формы для прикрытия своих эксплоататорских поползновений. Он организует фиктивные кооперативные организации. Он проповедует свободу и независимость кооперативной организации. «Свободная», «независимая» и «неопекаемая» кооперация Кондратьева есть *кулацкая* кооперация. Вот почему Устряловы и Кондратьевы за свободную борьбу «живых сил страны».

в) *О бедняцкой «крайности».* Но особенно замечательны рассуждения нашего автора относительно «крайностей» проведения нашего курса политики в деревне. Слушайте!

> «Крайности проведения мероприятий социальной политики в деревне сводятся к следующему. *Вместо того, чтобы вести курс помощи бедноте, мы на практике сплошь и рядом ставим ставку на бедноту*, т.-е. связываем успех своей работы по развитию сельского хозяйства с потенциальными возможностями развития бедняцкого хозяйства. Если ставка на помощь бедноте в смысле поднятия ее хозяйства является совершенно бесспорной, целесообразной и плодотворной, то подмен этой ставки на практике ставкой на бедноту является совершенно безнадежным. Бедняцкие хозяйства—это вовсе не наше преимущество, а наше несчастье, и смысл нашей работы в области с. хозяйства заключается не в том, чтобы увековечить и узаконить существование бедноты, как социальной группы, а в том, чтобы в кратчайший срок ликвидировать категорию бедняцких маломощных хозяйств» (стр. 11).

«Бедняцкие хозяйства вовсе не наше преимущество, а наше несчастье»—великодушно раз'ясняет нам либеральный профессор Н. Д. Кондратьев. На кого рассчитано это либеральное сюсюканье? Кого этими благоглупостями вы благоудивить хотите? Либеральный буржуа Кондратьев подробно раз'ясняет *большевикам*, что нашей задачей не является увековечить и узаконить существование бедноты, как социальной группы—разве это не курам на смех? Увековечить и узаконить существование бедноты до сих пор являлось задачей *вашего* класса, *вашей* партии, г. Кондратьев, ибо всюду, где господствуют капиталисты, там именно в той или другой форме узаконено и увековечено существование бедноты в городе и в деревне. Что социализм предполагает уничтожение бедноты, это, право же, было известно до Кондратьева.

Помощь бедноте—на это г. Кондратьев великодушно соглашается; но ставка на бедноту—о, нет, этого Кондратьев не одобряет. Эта словесная эквилибристика нужна либеральному профессору для того, чтобы жульнически скрыть, что его «ставкой» является *ставка на кулака*, что его стремлением является стремление увековечить и узаконить существование кулачества (и буржуазии вообще).

Пока существует кулак, будет существовать и обездоленная беднота. Кулак вырастает тем быстрее, чем мы беднее. Эту истину кулак и вы, г. Кондратьев, знаете еще из кулацкой поговорки 80-х годов: «у нас сторона богатая, потому что кругом народ бедный»—с неприкрытым цинизмом говорил кулак. Своей кооперативно-кредитной и налоговой политикой вы, г. Кондратьев, хотите опять вернуть нас к этой поговорке.

Мы связываем успех своей работы по развитию сельского хозяйства вовсе не только с потенциальными возможностями развития бедняцкого хозяйства. Это очень хорошо известно профессору Кондратьеву. Мы связываем успех своей работы по развитию сельского хозяйства также с возможностями развития *середняцкого* хозяйства. А беднота плюс основная масса середняков, это — громадное, подавляющее большинство деревни. Но, конечно, наша «ставка», наша политическая ставка в деревне—это ставка прежде всего на бедноту, ибо «советское государство есть государство, в котором обеспечена власть рабочих и бедноты» (Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 190). Бедняк—наша опора, середняк—наш союзник. Позвольте уж нам, г. Кондратьев, остаться при этой ленинской формуле.

> «Крайности наших мероприятий социальной политики в деревне,—продолжает Н. Д. Кондратьев,—сводятся также к тому, что вместо борьбы с эксплоатирующими кулацкими элементами в деревне мы на практике сплошь и рядом ведем борьбу с крепнущими слоями деревни. И если первая задача имеет социальный смысл, то подмен ее на практике борьбой с крепкими, развивающимися слоями деревни, со слоями хозяйств, которые только и могут быть основной товарной продукции, является хозяйственно и политически опасной. Фаворизируя бедноту и сдерживая рост хозяйственно мощных слоев деревни, мы не только задерживаем развитие сельского хозяйства, не только подрываем возможность индустриализации страны, но и лишаемся возможности оказать реальную помощь самой бедноте» (стр. 12).

Профессор Кондратьев, как видите, любит кулака чисто платонической любовью; ему важно кулацкое хозяйство не само по себе, а только как средство «оказания помощи бедняку», как средство индустриализации советской страны! Либеральную пошлость о развитии крепкого хозяйства, как места приложения резервных сил бедноты и средства смягчения аграрного перенаселения—что выгодно-де самой бедноте—мы уже слышали не раз и всегда квалифицировали ее, как буржуазное издевательство над беднотой. Капиталист всегда изображает себя благодетелем рабочего Как именно «поддерживает» индустриализацию проф. Кондратьев, мы видели уже выше: как веревка поддерживает повешенного. Не лучше обстоит и с кондратьевской помощью бедноте. Оставьте в покое деревенскую бедноту, г. Кондратьев:

она обойдется как-нибудь без вашей «помощи»... «В покое оставь мужика».

Борьба с эксплоатирующими кулацкими элементами имеет свой социальный смысл—великодушно соглашается Кондратьев. Но на практике эта борьба у нас будто бы сплошь и рядом подменяется борьбой с крепкими, развивающимися слоями деревни. Эту пошлость повторяют на каждом шагу те, кто как раз никакой борьбы с кулачеством на деле не хочет. Эта «формула» Кондратьева вполне годится для защиты не только струвистских взглядов, но и для защиты прямой столыпинщины. Мы остаемся при старой ленинской формуле: *«уметь достигать соглашения со средним крестьянином, ни на минуту не отказываясь от борьбы с кулаком и прочно опираясь только на бедноту»*.

Далее Н. Д. Кондратьев пишет:

> «Что касается мероприятий нашей социальной политики в деревне, то они развиваются не только по линии содействия бедноте, не только по линии нейтрализации и привлечения к активной работе середняка, но и по линии борьбы с высшими слоями деревни. При чем, так как понятие эксплоатирующих кулацких элементов деревни точно не определено, так как на практике эти понятия толкуются расширительно, то фактически борьба против высших, кулацких элементов деревни превращается в борьбу вообще с сильными слоями деревни. Эта борьба ведется не только по линии хозяйственной (налоги, кооперация, кредит), но и по всем другим направлениям (по линии общеполитических мероприятий, по линии политики образования, уголовной и т. д.)» (стр. 8).

Чем не кулацкий батька этот Кондратьев?

В другом своем докладе (от 2 марта 1927 г. в Институте Экономики Ранион) Н. Д. Кондратьев заявляет:

> «Вам известно, что, вообще говоря, мы в деревне придерживаемся линии на бедноту, но именно эта ставка на бедноту понимается различно. Ставка на бедноту понимается в том смысле, чтобы оказать содействие бедноте, это одно дело, а другое дело, когда эта ставка на помощь бедноте превращается в ставку на бедноту, когда эту бедноту начинают рассматривать, как ту базу, без которой работать в деревне нельзя, а это у нас встречается».

«Мы» в деревне придерживаемся линии на бедноту. «Мы»—Кондратьевы, что ли? Разве это не забавно, когда профессор-сменовеховец пишет—«мы» в деревне придерживаемся линии на бедноту? Но совсем не до смеха, когда перед нашей учащейся молодежью господа Кондратьевы могут безнаказанно разводить турусы на колесах, будто у нас понятие эксплоатирующих кулацких элементов «толкуется расширительно», когда Кондратьевы олимпийски спокойно поучают нас, что беднота не должна быть нашей базой.

Высший слой деревни! Сильный слой деревни! Каких только прилагательных не придумывает Кондратьев, чтобы не выговорить прямо слова: *кулак*. Мы (без кавычек) ведем политику не на высшие слои деревни, не на сильные слои деревни, г. Кондратьев, а на бедняков и основную массу середняков. Зарубите себе это на носу!

г) *«Крайности» политики зарплаты*. Не обошел своим вниманием г. Кондратьев, конечно, и вопроса заработной платы. Свою точку зрения он формулирует *по существу* так: «мы» ведем политику на «сильные», на «высшие» слои деревни—значит, «мы» ведем политику и *на снижение заработной платы*. Послушайте, как разрешает эту жгучую проблему г. Кондратьев.

> «Необходимо осуществлять политику зарплаты в городах так, чтобы движение зарплаты не служило фактором повышения промышленных цен и не препятствовало бы их снижению. В связи с этим *номинальная заработная плата должна быть приостановлена в своем росте*. Что касается реальной заработной платы, то в связи с проектируемым снижением промышленных цен, а, следовательно, и общего уровня цен, она возрастает автоматически. Дальнейший рост реальной заработной платы должен быть поставлен в тесную зависимость от значительных успехов в деле поднятия производительности труда» (стр. 19).

«Тонко» сказано! Рост номинальной заработной платы нужно приостановить. Нужно подождать, пока реальная заработная плата начнет возрастать «автоматически».

Более откровенно Н. Д. Кондратьев выразился на этот счет в его докладе в Институте Экономики Ранион:

«...В наших плановых мероприятиях были такие меры, которые своим действием замедляли процесс накопления...» и «мне кажется, что они заключались, во-первых, в политике зарплаты, которая не всегда находилась в соответствии с об'ективными возможностями в стране. Это едва ли нужно доказывать... Я вам укажу на последний квартал 1924—25 года и на 1925—26 год, когда зарплата была поднята *непомерно...*» (стр. 28). «Я не хочу,—торопится прибавить Н. Д. Кондратьев,—сказать, что этого не надо делать, это не мое дело, делать это или не делать, мое дело только констатировать».

Видите, какую необычайную скромность проявляет г. Кондратьев. Зарплата в последнем квартале 1924—25 г. и в 1925—26 г., видите ли, была поднята *непомерно!* Существующая политика зарплаты, видите ли, мешает процессу накопления в стране. Разве это не философия кулака? Разве это не устряловщина?

Кондратьевская линия в политике зарплаты есть прямая апелляция к крестьянину и, конечно, к кулаку в первую очередь. Кондратьев говорит крестьянину: «Ты получаешь дорогие товары. Почему? Потому, что рабочий получает больше, чем следует... Ты замедляешь свой «процесс накопления» по той же причине... Ты терпишь неурядицы. Почему? Потому, что зарплата была поднята непомерно».

Так через голову нашей партии и нашего государства творит дело провокации разрыва союза пролетариата с крестьянством либеральный буржуа. Так через нашу голову он пытается овладеть крестьянством против пролетариата и социализма.

* * *

Итак, какова программа Кондратьева?

1. Сократить индустриализацию. Нынешний темп индустриализации он об'являет «сверх-индустриализацией» и требует

сокращения капитальных вложений, по крайней мере, на 15%.

2. Сократить удельный вес тяжелой промышленности.

3. Сократить ряд промышленных работ—без точного указания каких именно.

4. Исправить «односторонность» нашего импорта в том смысле, чтобы ввозить поменьше орудий производства и промышленного сырья. Свобода экспорта.

5. Ревизовать систему монополии внешней торговли вообще в сторону ослабления ее (а затем и отмены).

6. Взять курс на «высшие», «сильные» слои деревни, т.-е. на кулака.

7. Помощь бедноте, ставку на бедноту об'явить недопустимым фаворизированием бедноты, протекционизмом, филантропией и т. д. «Живи как кто хочет и как кто может».

8. Кредитная кооперация не должна оказывать кредита тому, кто не может обеспечить этот кредит имуществом своего хозяйства (т.-е. «лодырям» и т. п.). «Безусловная свобода кооперативных об'единений» (т.-е. и кулацких).

9. Не надо расширять государственный и кооперативный сектор в области обмена (долой «крайности»). Права частнику. Долой государственное регулирование рынка!

10. Рост зарплаты надо задержать. Рост ее в 1925—26 гг. был «непомерен» (косвенно, между строк говорится, что заработную плату надо понизить).

К этому Кондратьев еще прибавляет добрые пожелания о снижении цен.

«Необходимо значительно, процентов на 15, снизить цены промышленных товаров, как розничные и оптовые, так и отпускные» (стр. 17). Почему бы, в самом деле, Кондратьеву не выказать «доброты»? Он, пожалуй, согласится на снижение цен на промышленные товары и процентов на 30. *За снижение промышленных цен стоит и должен стоять каждый большевик, но не каждый, стоящий за снижение промышленных цен, есть большевик.* Это на примере Кондратьева доказано вполне убедительно. Большевик—за необходимое снижение цен во имя укрепления союза пролетариата с крестьянством. Устряловец проповедует безмерное снижение цен во имя как непосредственных выгод кулака, так и успешного противопоставления *своей* линии нашей линии, во имя завоевания мужика. «Смотрите, мы добрее большевиков», говорят они мужику.

Снижение цен не путем рационализации всех хозяйственных процессов, а за счет ухудшения положения рабочего класса, Кондратьевы пытаются сделать составной частью *кулацкой* политики.

Кондратьев скромен, он требует провести только вышеозначенные 10 пунктов кулацких вольностей, и тогда он будет удовлетворен. Если же это сделано не будет, тогда—о, тогда Кондратьев угрожает не больше и не меньше, как следующим.

V. Две линии.

«В противном случае процесс индустриализации страны лишается устойчивости, может явиться фактором ослабления сельского хозяйства и, рано или поздно, вызовет кризис всего народного хозяйства».

Ну, а если мы послушаемся Кондратьева, тогда у нас запляшут лес и горы.

«Можно твердо полагать, что предлагаемая система мероприятий не только приостановит упадочные тенденции в сельском хозяйстве, но и даст значительный толчок росту его производительных сил, а, следовательно, толчок развитию всего народного хозяйства, и подведет прочную базу под процесс индустриализации страны» (стр. 19).

Профессор Кондратьев скромен, доверьтесь ему, и уж он остановит упадочные тенденции, даст толчок развитию всего народного хозяйства и подведет прочную базу под... устряловщину.

«Предлагаемые мероприятия, в частности мероприятия в области с.-х. политики,—признается Кондратьев,—несколько *усилят процесс дифференциации в деревне.* Однако, этот процесс дифференциации в данном случае будет симптомом экономического роста сельского хозяйства. В наших условиях, когда государство располагает столь могущественными средствами воздействия на сельское хозяйство, в этом усилении дифференциации нет никакой политической опасности» (стр. 19—20).

Нет никакой политической опасности—*для кого*, г. Кондратьев? Для вас, для Устрялова, для струвистов, для нео-столыпинцев, называющих себя нео-народниками, для новой буржуазии, для кулака, для их покровителей Чемберленов? Конечно, для вас такая политика не только не представляла бы опасности, она была бы для вас сущей находкой. Но именно поэтому такую политику должен отвергнуть рабочий класс СССР.

Да не подумает читатель, что гг. Кондратьев и Устрялов просто утописты и болтуны. Далеко нет. Их политическая линия вполне реальна, ибо имеет прочную социальную опору в деревне.

«Пока мы живем в мелкобуржуазной стране, для капитализма в России есть более прочная экономическая база, чем для коммунизма. Это необходимо запомнить. Каждый, внимательно наблюдавший за жизнью деревни, в сравнении с жизнью города, знает, что мы корней капитализма не вырвали и фундамент, основу у внутреннего врага не подорвали. Последний держится на мелком хозяйстве, и, чтобы подорвать его, есть одно средство—перевести хозяйство страны, в том числе и *земледелие*, на новую техническую базу, на техническую базу современного крупного производства. Такой базой является только электричество.

«Коммунизм—это есть советская власть плюс электрификация *всей* страны. Иначе страна остается мелкокрестьянской, и надо, чтобы мы это ясно сознали. Мы более слабы, чем капитализм, не только в мировом масштабе, но и внутри страны. Всем это известно» (Ленин, т. XVII, 427—428).

Как живы и актуальны эти слова Ильича ныне, когда *Кондратьевы пытаются взять реванш над Лениным!*

Провозгласить свободу накопления, *т.-е. свободу капитализма*, увековечить капитализм хотят Устряловы и Кондратьевы. Это—одна возможная линия, обеспечивающая *буржуазное* развитие производительных сил.

Преодолеть капитализм, вырвать корни его, т.-е. постепенно «изжить» мелких товаропроизводителей—«уничтожить классы — значит... уничтожить мелких товаропроизводителей...» (Ленин)—

путем максимально возможной индустриализации и электрификации. А это значит—укрепление пролетариата, повышение его материального и культурного уровня, это значит—ставка на бедноту, союз с середняком, постоянная и беспощадная борьба с кулаком. Это—*вторая* линия, обеспечивающая *социалистическое* развитие производительных сил.

VI. Кондратьев «вырабатывает» аграрный законопроект.

Без Кондратьева не обошлось, конечно, и в деле выработки законопроекта «об основных началах землепользования и землеустройства». Недаром же «ученые» и «специалисты» усиленно протаскивали в этой области буржуазные принципы, разобранные в превосходной статье т. Карпинского (см. «Большевик», № 13—14 за 1926 г.). Профессор Кондратьев участвовал в обсуждении названного законопроекта в Коммунистической Академии (30 сентября—4 октября 1926 г.) и, разумеется, Кондратьев поучал там той же устряловской философии.

> «Мне кажется,—заявлял тоном оракула г. Кондратьев,—что в нашей текущей практике, текущей политике мы сплошь и рядом видим такие контраверзы, которые ставят органы, ведущие экономическую политику, в чрезвычайно трудное, безвыходное положение. С одной стороны, мы ставим ставку на повышение товарности хозяйства и в то же время и в земельном законодательстве, и в других сферах законодательства, связанных с земельным, затрудняем развитие товарности хозяйства. Далее, мы ставим ставку на развитие кооперации и в то же время боимся роста живой кооперации... Я все это веду к тому, чтобы сказать, что в нашем земельном и связанном с ним законодательстве есть страх перед существующим и несуществующим кулачеством... Я хотел бы свою мысль продолжить таким образом, что здесь-то и обнаруживается со всею очевидностью недоговоренность относительно того, что же мы ставим во главу угла—развитие производительных сил или что-нибудь другое... Понятия «кулак» и «средний хозяин» в высшей степени относительны... Возьмите Америку, разве там эти понятия имеют то же экономическое содержание?» (Основные начала землепользования и землеустройства. Сборник статей, докладов и материалов. Изд. Коммун. Академии. 1927. Стр. 179—180).
>
> «Конечно, нельзя отрицать, что в современном сельском хозяйстве существует дифференциация. Но чрезвычайно опасной ошибкой является переоценка процесса дифференциации, переоценка значения кулацких слоев деревни. Наше сельск. хозяйство в общем еще настолько примитивно и бедно, настолько исчерпывается сплошной однородной необ'ятной массой распыленных и слабосильных хозяйств, что на основе этой ошибки легко находить кулаков там, где имеет место здоровый, энергичный слой крестьянских хозяйств с наиболее высокой производительностью труда и наиболее быстрым накоплением» (там же, стр. 245).

Здесь опять-таки налицо вся гамма сменовеховщины. **Вы хотите повышения товарности сельского хозяйства, так берите же курс** *назад, к капитализму!* **Вы хотите развития кооперации, так берите же курс на рост «живой» кооперации, т.-е. на рост**

эсэровско-меньшевистской кооперации, на «живые силы страны». Вы хотите развития производительных сил страны, тогда к чему же «недоговоренность», тогда скажите прямо, «что мы ставим во главу угла—развитие производительных сил *или что-нибудь другое»*. Т.-е. только развитие производительных сил (по Струве) или *социалистическое* развитие производительных сил, т.-е. развитие производительных сил не на началах капитализма, а на началах социализма (Ленин).

Да, г. Устрялов... то бишь, г. Кондратьев, мы ставим во главу угла *не только* развитие производительных сил, но и кое-что «другое»: уничтожение частной собственности, уничтожение эксплоатации человека человеком, поднятие благосостояния масс. *Через нэп мы идем к социализму, между тем как вы с Устряловым хотите через нэп итти к капитализму.* В этом «маленькая» разница между вами и нами. В Америке, поучает нас г. Кондратьев, понятия «бедняк», «середняк» и «кулак» имеют другое экономическое содержание, чем в России (а зарплата в Америке разве не выше, г. Кондратьев?). Благодарим за то, что вы нас просветили на этот счет, но смеем вас уверить, г. Кондратьев, что у нас рабочие не так глупы, чтобы не понимать, что это никакого отношения к делу не имеет и что мы-то должны брать критерий наш, а не американский. Когда Ленин писал «Развитие капитализма», он прекрасно знал, что бедняк, середняк и кулак в Америке это нечто другое, чем бедняк, середняк и кулак в России. Но когда мы говорим о той социальной почве, *из которой может произрасти капитализм в современной России*, то нас интересует не столько разница, существующая между кулаком в России и кулаком в Америке, сколько разница, существующая между бедняком, середняком и кулаком *именно в нашей стране.* Наше сельское хозяйство примитивно и бедно—это верно. Но и на этом фоне кулак может расти и растет. «Страха» перед кулачеством у нашей партии нет и не будет, но и заговаривать себе зубы насчет того, что у нас кулак, будто бы, вовсе не существует, что русскому кулаку далеко до американского и т. д., партия тоже не позволит. «Задача нашей партии развить сознание, что враг среди нас есть анархический капитализм» (Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 346).

Как видит читатель, скромные «тезисы» Н. Д. Кондратьева и не менее скромные устные выступления его представляют собою на деле *настоящий манифест кулацкой партии.* Идеологи новой буржуазии обожгли крылышки в 1922—23 гг., когда они попробовали создать в Москве и Ленинграде несколько легальных журналов, открыто проповедывавших буржуазно-устряловские идеи. Теперь эти господа действуют более окольными путями. Но в последнее время они начинают распоясываться с необычайным нахальством. Пора, давно пора дать идейно-политический отпор Кондратьевым и К°, действующим сейчас в порах очень многих важнейших наших государственных учреждений и использующих легальные советские возможности более чем усердно.

Кондратьевщина—это уже не просто накипь нэпа; это более или менее законченная идеология новой буржуазии. Борьба против нее есть составная часть борьбы против кулака, нэпмана и бюрократа.

Ю. Ларин.

Налоговое обложение и оппозиция.

После отстранения оппозиции от участия в руководстве центральными хозяйственными органами (СТО, Наркомфином, Госпланом, Наркомторгом и др.) партия стала пристальнее изучать практическую линию, проводившуюся в этих органах, и ее действительный классовый результат. В ряде решающих пунктов обнаружилось то кричащее противоречие между «противобуржуазными» *фразами* и между уступочной по отношению к частному капиталу *практической линией*,—какое вообще явилось характерным для оппозиции (ср. об'яснение этого противоречия в работе моей «Социальный смысл партийной оппозиции» в «Правде» за октябрь 1926 г.). Особенно наглядным оказалось это противоречие в *налоговой практике*.

Разумеется, основные, принципиальные линии налоговой политики решались *партией*. Потому в самой *политике* нельзя найти извращений нашей программы и общей линии. Но практические тонкости всевозможных обширных, многопараграфных налоговых «положений», «правил», «постановлений»—все это разрабатывалось и проводилось уже аппаратами, находившимися под прямым руководством оппозиции. Достаточно вспомнить, что к наиболее ответственным представителям оппозиции одновременно принадлежал народный комиссар финансов; ведающий бюджетным управлением член коллегии НКФ; ведающий хозяйственно-контрольным планом заместитель председателя Госплана; председатель бюджетно-финансовой секции Госплана; согласующий вопросы частного обложения народный комиссар торговли, а ранее председатель СТО, и т. д. Словом, вся детальная проработка и предварительное согласование подробных налоговых законопроектов производилась аппаратами, возглавлявшимися как раз оппозицией. Само собой, что основные директивы партии всегда оставались в силе—капиталиста у нас всегда облагали на более крупную сумму, чем рабочего, а кулака облагали на более крупную сумму, чем бедняка и т. д. Но в рамках этих директив проводились, как оказалось, детальные практические меры, какие в своей совокупности означали *относительное благоприятствование крупному частному капиталу*, ослаблявшее полезное действие принятых политических директив. Прохождение же в советском порядке этих многопараграфных налоговых законов через СНК и ЦИК недостаточно помогало делу, ибо внимание сосредоточивалось там на основных линиях, а не на бесконечном количестве налоговых ставок в приложениях (составляющих, например, по сельхозналогу целую брошюру). Да и быстрота прохождения через заседания ЦИК и СНК вообще исключала возможность детальной проверки всех отдельных ставок—а практическую тенденцию этих ставок, как она выяснилась затем на

опыте, нельзя было предполагать, не ознакомившись с ними детально. Так произошло, что разрабатывавшаяся и возглавлявшаяся оппозицией налоговая практика в ряде пунктов разошлась с директивами партии в сторону благоприятствования частному капиталу. На соответственных руководителей оппозиции ложится здесь в первую очередь ответственность и за самые эти извращения и за то направление, какое в этом отношении сумел проводить находившийся под их ближайшим руководством и контролем бюрократический аппарат. Партии потом пришлось и приходится еще постепенно изучать и исправлять эти оппозиционно-бюрократические извращения. В основном в налоговом деле их обнаружено *шесть*.

Во-первых, у нас существует совершенно определенная линия на то, что *сельхозналог* должен быть для кулаков тяжелее, чем для середняков, а для маломощных должен быть еще легче. Между тем упомянутая уже докладная записка обновленного Наркомфина установила, что на деле ставки были разработаны способом, приведшим на практике к обратному результату. В итоге проверки того, что оказалось на деле в 1925—26 г.,—НКФ на стр. 92 доклада о тяжести обложения (разработанного под руководством В. Ржевусского) приводит таблицу, показывающую по всей РСФСР в целом тяжесть обложения сельхозналогом каждой группы крестьян. Под тяжестью обложения имеется в виду процент из'ятия сельхозналогом средств из дохода крестьянского хозяйства, а все хозяйства разделены на группы, смотря по величине дохода в рублях *на душу* каждого члена семьи в среднем (для того, чтобы получить доход *семьи*, надо эту величину помножить в среднем на пять). Результат проверки оказался для РСФСР таким:

Группы по доходу на душу.	Процент из'ятия.
От 60 руб. до 80 руб.	4,9
» 80 » » 100 »	4,9
» 100 » » 150 »	4,1
» 150 » » 200 »	3,7
Свыше 200 руб.	2,8

Иначе сказать, чем зажиточнее крестьянин, тем легче были рассчитаны для него ставки налога. В то время, как партия давала директиву нажимать на кулака и облегчать середняка—возглавляемый и руководимый лидерами оппозиции аппарат, за который они несут полную ответственность, в разработке ставок провел резко выдержанную линию относительного благоприятствования более мощным хозяйствам (для *наиболее бедной* группы, по тому же докладу, размер из'ятия по РСФСР оказался доходящим до *10,1*% дохода, т. е. в три с половиной раза относительно тяжелее, чем для наиболее зажиточных).

В вышедшем в 1927 г. издании НКФ СССР «Сельское хозяйство по данным сельхозналога за 1925—26 г.» на стр. 21 введения (в статье тов. Лифшица) приведена наглядная иллюстрация, какими приемами мог быть достигнут такой результат. Правительство дало директиву уменьшить в 1925—26 г. сельхозналог на 30% против общей величины его в 1924—25 г. Наркомфин эту директиву выполнил, но так распределил уменьшение по отдельным разрядам, что кулаки получили скидку больше се-

реднякoв и бедняков, а для бедняков ставки налога были отчасти даже увеличены. Благодаря этому, в отличие от всей советской традиции, и получилась в период практического руководства оппозицией налоговым делом та неприглядная картина, о какой свидетельствует приведенная официальная таблица. Тов. Лифшиц приводит такой наглядный пример. Для обложения сельхозналогом крестьяне разбиты на девять групп (самая малосеющая и малопашущая—первая, самая многопашущая и многосеющая—девятая). Внутри каждой группы налог взимается по трем ставкам: 1) за первую полдесятину на едока, 2) за часть выше полдесятины до полуторы десятины на едока, 3) за часть выше полуторы десятины на едока. Оказывается, при установлении этих детальных ставок на 1925—26 г. сравнительно с 1924—25 г. была проделана комбинация, которую может проиллюстрировать следующая табличка итогов по Тульской губ. (со стр. 21 упомянутого введения тов. Лифшица). *Минусом* обозначен здесь процент уменьшения ставки сравнительно с предшествовавшим годом, а *плюсом*—процент увеличения:

Группы.	Первая ставка.	Вторая ставка.	Третья ставка.
	В процентах.		
Первая (низшая)	— 40	— 14	+ 15
Девятая (высшая) . . .	— 53	— 35	— 15

Надо было все уменьшение сельхозналога (*около 100 млн. руб.*) употребить на облегчение положения бедноты и середняков, *чтобы дать им возможность целых 100 млн. руб. вложить в улучшение своего хозяйства.* Для этого государство и пошло на такую жертву, как уменьшение сельхозналога на 100 млн. руб., несмотря на общее напряжение государственного бюджета и недостаточность его для полного удовлетворения всех нужд. А «оппозиционный» Наркомфин использовал это для наибольшего процентного уменьшения ставок обложения *кулаков*—не только за счет общего уменьшения сельхозналога, но даже еще за счет попутного частичного увеличения ставок налога для *низшей* группы. Теоретическое принципиальное обоснование подобной линии «содействия развитию производительных сил» можно найти в общей форме в известной речи тов. Сокольникова на декабрьском партийном с'езде 1925 г. Но там нет специального приложения ее к сельхозналогу и к налоговой практике вообще. А что означает это на практике—в этом мы разбираемся постепенно лишь по мере реального исследования той налоговой практики, какая осталась в наследство от товарищей, руководивших ею с извращениями и отступлениями от принципиальных директив партии.

Само собой, что при *проведении* сельхозналога в следующем 1926—27 г. *эти извращения были исправлены.* Тяжесть для бедноты была понижена, тяжесть для высших групп была повышена. На следующий 1927—28 г. это исправление извращений еще усугубляется. Но уже и отчетные данные о законченном взимании сельхозналога за 1926—27 г. ясно свидетельствуют о наступившем резком переломе практики, о возврате обновленных финорганов от оппозиционных извращений к советским традициям, к действительному соблюдению принципиальных директив.

Приведу для примера (со стр. 93 упомянутой докладной записки) данные по трем округам: Валдайский уезд, Старорусский уезд, Омский округ. Данные эти показывают процент из'ятия сельхозналогом средств из доходов крестьянских семей, разбитых на группы по доходности на едока:

Группы.	1925/26 г.	1926/27 г.	Плюс или минус.
	в процентах.		
Омский округ:			
а) низшая группа	4,1	2,4	— 40
б) высшая группа	13,5	16,2	+ 20
Старорусский уезд:			
а) низшая группа	2,8	2	— 29
б) высшая группа	5,6	15	+ 167
Валдайский уезд:			
а) низшая группа	2,1	1,9	— 10
б) высшая группа	6,8	14,3	+ 110

Сравнение этой таблички с предшествовавшей может служить превосходной иллюстрацией к вопросу о действительном социальном смысле отстранения оппозиции от участия в руководстве главнейшими правительственными органами. *Маркс* учил, что высшим критерием теории (мерилом для ее оценки)—является практика. *Ленин* добавил, что идиот тот, кто верит на слово. Практика сельхозналога, как и дальнейшие пункты настоящей главы, могут помочь ориентироваться тем, кто желает разобраться *в словах и делах оппозиции.*

Вторая существенная директива, о которой здесь теперь приходится говорить и которая никогда не отменялась партией, заключается в том, что *для кооперации обложение должно быть благоприятнее, чем для частных предприятий.* Между тем проверка «наследства» показала, что на деле товарищи из Наркомфина гнули линию на уменьшение тяжести обложения для частников и на увеличение тяжести обложения для кооперации. Это, конечно, вполне соответствует принципиальной линии ряда видных руководителей оппозиции, рекомендовавших из'ять государственные капиталы из торговли и тем самым, значит, заменить кооперативную торговлю частной торговлей (во имя вложения в данный момент добавочных средств в постройку новых заводов). Но это, без сомнения, должно оказаться неожиданным для партийного общественного мнения, имеющего совсем другую установку. Доклад инспектора НКРКИ СССР тов. Гроссмана, согласованный с НКФ (февраль 1927 г.) дает сравнение изменения тяжести обложения промысловым налогом (уравнительным сбором с зачетом патентного сбора) для кооперации и для частников в интересующий нас период. Тяжесть обложения выражена здесь в проценте, какой составляет обложение по отношению к обороту соответственно кооперации и частников:

	Кооперация.	Частники.
	в процентах.	
Апрель—сентябрь 1924 г.	0,6	1,3
Октябрь 1925 г.—март 1926 г. . .	0,8	1,2

Таким образом, тяжесть обложения для кооперации *увеличилась на 33%*, на треть, а тяжесть обложения для частников,

наоборот, *уменьшилась на 8%*. Частники были обложены в апреле—сентябре 1924 г. тяжелее кооперации на *116%*, а в октябре 1925 г.—марте 1926 г. уже только *на 50%*. Таким образом бедненьким частникам,—размеры чистого накопления которых и без того определяются Наркомторгом для 1924—25 года в 30% на капитал,—давалась возможность положить в свой карман дополнительно еще разницу от уменьшения для них налогов (до 20 милл. руб.). А кооперации затруднялось вытеснение частника и *удешевление товаров*. Ибо недобор от уменьшения тяжести обложения для частника «оппозиционный» Наркомфин покрывал путем увеличения тяжести обложения для кооперации. Это не совсем похоже на то финансирование пролетариатом необходимого ему кооперативного строя, которое завещал Ленин. Это больше похоже на финансирование капиталистического хозяйства за счет кооперации [1]).

Для исправления этого извращения, после надлежащей оценки оставленного оппозицией «наследства», советской властью проведено уже в жизнь в 1926—27 году повышение промыслового налога для капиталистов в соединении еще со специальным налогом на торговую сверхприбыль. По 30 губерниям уже имеются отчетные данные НКФ о результатах обложения частников в 1926—27 г. по новому закону о промысловом налоге (сообщены т. Фрумкиным). Оказывается, обложение возросло в среднем на 46% против предшествовавшего года, но так как и обороты частников по этим же налоговым данным возросли на 38%, то реально тяжесть их обложения по новому закону увеличилась почти на 6%. Если принять во внимание еще введение и произведенное увеличение налога на сверхприбыль, то можно считать охарактеризованное выше понижение тяжести обложения частной торговли на 8% уже ликвидированным. Однако, выясненные тем временем размеры капиталистического накопления и две дополнительные особенности практики обложения частников позволят поставить вопрос и о дальнейшем увеличении.

Во-первых, выясняется, что у нас *крупные торговцы обложены относительно легче мелких*. Во-вторых, детальный анализ (разбор и оценка) ставок налогового обложения, как они разработаны были в свое время аппаратом Наркомфина и существуют еще посейчас,—показывает, что характер их, как выражается в своем докладе т. Гроссман, «*не соответствует основному направлению нашей политики в отношении частного капитала*: перемещению его из торговли в промышленность» (стр. 10 упомянутого доклада). В большей части отраслей *торговли* ставки обложения капиталистов *равны* обложению государственной и кооперативной торговли. А почти по всем отраслям частной *промышленности* они, наоборот, *выше*, чем в государственной и кооперативной промышленности. Тем самым для частного капитала создаются более легкие условия конкуренции в торговле, чем в промышленности. Он как бы специально отвлекается от

[1]) Создалось такое положение, пишет тов. Гроссман, что «*почти по всем отраслям торговли* (за исключением торговли пушниной, нефтяными продуктами, мануфактурой, аптекарскими и парфюмерными товарами и оборудованием фабрик)—*проценты обложения частной торговли одинаковы с процентами обложения для государственной и кооперативной торговли*» (стр. 10 доклада в комиссию при НК РКИ). Ясна поэтому необходимость пересмотреть положение по каждой отрасли в отдельности.

организации производства новых полезных предметов к организации спекуляции уже существующими предметами. В разделе о промышленности было уже указано, что по налоговым соображениям капиталистам выгоднее (там где допускает техника) организовывать «домашнюю систему» капиталистической эксплоатации вместо прямого открытия мастерских и фабрик. Вопрос об изменении обложения в сторону менее жестких условий для частной промышленности (кроме вредных отраслей), чем для частной торговли, в настоящее время уже стоит на очереди. Таким образом, будет устранено и это извращение налоговой практики.

Что же касается обложения крупных торговцев легче мелких, то здесь мы имеем подобие той же *обратной прогрессии*, какую выше видели для сельхозналога по РСФСР в 1925—26 г. Наркомторг СССР в таблице № 13 своего доклада от декабря 1926 г. (см. также издание Наркомторга «Частная торговля в СССР», М. 1927 г.) приводит соответствующие подробные сведения об обложении частной торговли за 1925 г. Частная торговля для целей обложения разделена на пять разрядов (низший, разносчики—первый; высший, самые крупные—пятый). По *городам* Наркомторгом разработаны и даны сведения, начиная со второго разряда (второй—киоски, третий—обыкновенные розничные лавки и т. д.). Все цифры таблицы № 13 показывают, какой процент составляют налоги по отношению к обороту по продажам торговых предприятий каждого разряда. Вот, прежде всего, данные о том, какой процент составляет *патентный сбор*:

	в процентах.
2-й разряд	0,85
3-й разряд	0,42
4-й разряд	0,30
5-й разряд	0,19

Картина совершенно ясная. Чем крупнее частный торговец, чем на большую сумму частный торговец торгует, тем меньшую долю оборота в виде патентного сбора брал с него Наркомфин по разработанным при тов. Сокольникове ставкам. Я указывал уже—и подчеркиваю еще раз—что совершенно невозможно укрываться за формальное утверждение органами власти соответственных «положений», «инструкций» и т. п. налоговых постановлений. *Партия и советская власть никогда не давали директивы крупных торговцев облагать легче, чем мелких—наоборот.* Когда в соответствующие органы вносились на утверждение соответствующие законы с приложением таблиц разных ставок и т. п.—то никому не могло притти в голову, что если заподозрить и расшифровать все эти ставки, то выйдет для кулака большее облегчение сравнительно с середняком, а для крупного торговца относительно более легкое обложение сравнительно с простым киоском или с уличным разносчиком из безработных. В самом же тексте ни на что подобное и не намекалось, и никогда в своих многочисленных докладах тов. Сокольников не предупреждал, что на практике получится такая картина.

Это относится не только к патентному сбору, но и к совокупности всех налогов. Наркомторг в указанной таблице № 13 дает справку также о том, какой процент к обороту по продажам составляет для частной торговли в городах *совокупность всех на-*

логов (включая подоходный, промысловый, гербовый и т. д., в том числе все местные):

	в процентах.
2-й разряд	5,02
3-й разряд	5,05
4-й разряд	4,00
5-й разряд	2,47

Иногда распространяют пустые разговоры о том, что платежи *за аренду помещения* и тому подобные налогообразные сборы будто бы особенно способны задевать *именно крупных* капиталистов. Потому Наркомторг дает сведения и о сумме налогов для городских торговцев *вместе с арендными* и прочими «налогообразными» платежами. Результат:

	в процентах.
2-й разряд	7,81
3-й разряд	7,00
4-й разряд	5,07
5-й разряд	2,87

Совершенно подобный же результат и по частной торговле *в деревне*. По деревне Наркомторг дает (в той же таблице № 13) данные о всех пяти разрядах. Приведу только общий итог, включающий все налоги (патентный, уравнительный, подоходный, гербовый и т. д.), все сборы, арендные и прочие налогообразные платежи:

	в процентах.
1-й разряд	10,81
2-й разряд	8,45
3-й разряд	6,07
4-й разряд	4,31
5-й разряд	3,55

Следовательно, крупный торговец по отношению к сумме своих продаж обложен в деревне (включая аренду и пр.) *в три раза легче* уличного разносчика. Почти подобную же разницу имеем в городе между крупным торговцем и киоскным. Между тем, чистое накопление у крупного (у капиталиста) велико, а у уличного и киоскного его почти нет или вовсе нет. Кому-либо может притти в голову, что, поскольку в пятом (высшем) разряде помещаются *оптовики*—их следует облагать полегче, иначе они прибавку переложат на розничников. Но почему же тогда более крупный розничник третьего разряда должен быть обложен легче более мелкого розничника второго разряда и тем более первого? Для этого нельзя придумать никакого разумного основания. А просто приходится установить извращение налоговой практики в сторону направления главного нажима не на капиталиста (как следует по директивам партии и советской власти), а в сторону частника неэксплоататорского типа, мелкого и мелчайшего. Особенно резко это проявляется в области так называемых «налогообразных» платежей (аренда за помещение, коммунальные услуги). Если по приведенным данным об обло-

жении частной торговли в городах принять за 100% относительную величину платежей для торговцев второго разряда (киоски), то для гораздо более крупных торговцев четвертого и пятого разряда получим:

	Налоги.	Аренда и т. п.
	в процентах.	
2-й разряд	100	100
4-й разряд	80	24
5-й разряд	49	15

Чрезвычайная неравномерность, неправильность и даже обратная прогрессивность имеет место в особенности как раз по оплате аренды, коммунальных услуг и т. п. Поэтому в настоящее время, когда мы разобрались в «оппозиционном наследстве» уже поставлен и предрешен вопрос о пересмотре всех этих «налогообразных» платежей (как аренда и коммунальные услуги), во-первых, в сторону *понижения их* для торговцев первого и второго разрядов (для разносчиков и киосков) и для не имеющих наемных рабочих кустарей. А во-вторых—в сторону приведения в соответствие с принципами налогового обложения (что означает повышение для крупных сравнительно с мелкими).

Пятое извращение партийной линии налоговой практикой в тот же год руководства оппозиционерами финансовым аппаратом заключается в своеобразном, вполне определенном сдвиге налогового бремени внутри *неземледельческого* населения. Выше мы видели, что произошло в этот период с *сельхозналогом*, и как партии пришлось потом выправлять допущенные в этом отношении извращения. Видели мы также проявление некоторых соответственных тенденций в обложении частной торговли. Теперь Наркомфин СССР (тот же доклад) разработал данные об изменениях в обложении *подоходным налогом* в 1925—26 г. разных частей неземледельческого населения сравнительно с предшествовавшим 1924—25 годом (стр. 44—45 доклада). С крестьян, как известно, подоходный налог не взимается, с них берется сельхозналог. Процент из'ятия подоходным налогом средств из дохода каждой группы населения, установленный НКФ для 1924—25 г., мы принимаем за 100%. И затем по той же табличке НКФ смотрим, на сколько процентов он увеличился (плюс) или уменьшился (минус) в 1925—26 г. против предшествовавшего года. Результат оказывается таким:

	в процентах
1. Рабочие	плюс 28
2. Служащие	» 45
3. Личные промысла (трудовые)	» 1
4. Домовладельцы (мелкие)	» 9
5. Торговцы и предприниматели:	
а) мелкие	минус 6
б) средние	» 2,5
в) крупные	» 3,8
6. Пенсионеры, стипендиаты и т. п.	без перемен.

Эта таблица вполне поясняет, почему для 1926—27 г. издан новый закон о подоходном налоге. Ибо последнее творчество возглавлявшегося оппозицией аппарата, существовавшее в 1925—26 году, означало, как мы видим, заметное увеличение *тяжести* обложения подоходным налогом рабочих и служащих,

некоторое увеличение тяжести и для *мелкого частного хозяйства* (трудовые промысла)—и на ряду с этим понижение тяжести *для всех торговцев и капиталистов* (в том числе промышленных). Партийные и советские директивы такой манерой вычислять и устанавливать ставки обложения ставились на голову. Их надо было поставить на ноги. С этою целью в новом подоходном налоге, принятом «после оппозиции» (вошел в силу с 1 октября 1926 г.), освобождены от подоходного налога рабочие и служащие, получающие до 100 руб. в месяц (раньше только до 75 р.—и, несмотря на единодушное желание комиссии ЦИК повысить необлагаемый минимум до 100 руб. уже на 1925—26 г., тов. Сокольников настоял тогда на неутверждении этого решения) и повышены ставки подоходного налога для капиталистов.

Разумеется, как уже упомянуто было в отношении всего обложения в целом, и в 1925—26 г., несмотря на все эти извращения, капиталисты облагались у нас подоходным налогом сильнее, чем рабочие. Иная постановка сразу бросилась бы в глаза в тексте любого закона, и ее никто бы не потерпел и не пропустил. Но тенденция к *противоположным* поправочкам на практике путем соответственной «разработки» детальных ставок показана и доказана приведенным рядом фактов в полной мере. И она, разумеется, давала на практике свои вредные плоды, достаточно выше охарактеризованные по официальным данным. Лишь после отстранения оппозиционеров от руководства налоговым делом достаточно выяснилось это наследство, и начат был пересмотр и исправление замеченных извращений, продолжающийся и в настоящее время. То обстоятельство, что все эти извращения направлены *в одну сторону*—не может не быть характерным для *практики* тех деятелей, кто, как тов. Каменев (тогдашний председатель СТО), тов. Сокольников (тогдашний Наркомфин), тов. Смилга (тогдашний фактический руководитель Госплана, первый заместитель болевшего председателя), возглавляли разработку и проведение всей этой практики соответственными аппаратами, а теперь не прочь *об'являть* себя особо левыми и чуть ли не бывшими вечно левыми.

Шестой пункт в этой практике, на какой надо будет обратить особое внимание—это полная почти неразработанность мер для обложения *частного кредитного капитала*. Выше мы видели его размеры и значение для буржуазного накопления. Общественное мнение вполне основательно признает денежно-кредитные операции капиталистов самою выгодною отраслью их деятельности. И как раз они остаются у нас на деле почти полностью без налогового обложения, тогда как капиталистическая и трудовая частная промышленность и торговля обложены. Главное затруднение здесь—отсутствие таких резко бросающихся в глаза *внешних признаков*, какие есть до некоторой степени в торговле и отчасти в промышленности. Но это затруднение не непреодолимое. Две трети частного кредитного капитала помещаются в капиталистическую среднюю и крупную промышленность и торговлю. Число всех таких предприятий не безмерно велико, всего около 180 тысяч, и их деловые книги (которые они обязаны и должны быть обязаны вести) контролируются фининспекторами. Данные этих книг и выводимых по ним балансов содержат, как мы видели из анкеты НКФ, сведения о весьма крупных суммах частного кредитного капитала, о сотнях миллионов. Можно установить, напр., обложение определенным процентом всех кредитных оборотов данного торгового или промышленного предприятия (с принятием мер к отнесению этого обложения за счет соответственного уменьшения процентов по этим кредитным сделкам и т. п.). Можно наметить и некоторые другие зацепки для решения той же задачи, входить в технику здесь не место. Но сама задача должна быть поставлена *практически* в отличие от того почти полного налогового невмешательства на капиталистический денежно-кредитный рынок, какое существовало до сих пор. Отсутствие энергии в этом отношении, хотя и неосознанное, можно поставить в некоторую внутреннюю связь с первоначальными расчетами на роль *капиталистов* для образования внутреннего фондового рынка, где можно было бы размещать госзаймы. Выше уже охарактеризован тот перелом в ориентировке, который в этом отношении наступил в НКФ после тов. Сокольникова, и показана его правильность.

В связи с вопросом об обложении частного капитала необходимо отметить еще два обстоятельства. Во-первых, года полтора назад у нас были распространены подсчеты некоторых тогдашних работников о неслыханно громадном обложении частного капитала. Выходило так, что не только не может быть никакого значительного накопления, но вообще остается удивляться, как эти страдальцы еще существуют. Получалось, будто налоги и налогообразные платежи должны поглощать у частных предпринимателей 70 и 80 и даже до 91% всего их дохода (за вычетом издержек по самим операциям, но без налогов). Загадкой для дураков оставалось, почему же эти самоотверженные люди все же занимаются торговлей, если вряд ли на остаток можно обеспечить семье хотя бы уровень жизни малоквалифицированного рабочего.

Тенденциозность и агитационное устремление этих выкладок были ясны и тогда. Задачей их было создать впечатление такого, якобы существующего, крайнего переобложения частного капитала, чтобы подготовить почву для той политики большего благоприятствования ему, какая одновременно проводилась тем же аппаратом путем разработки и проведения различных сложных, длинных и путанных таблиц ставок и окладов, прилагавшихся к соответственным постановлениям и правилам. Не забудем, что все эти выкладки делались, печатались и рекламировались в то самое время, о котором теперь и Наркомторг и Госплан и т. д. на основании всех произведенных обследований и собранных материалов теперь установили, что *одно чистое накопление* у частников составляло тогда не менее 30% в *год* на капитал.

Теперь секрет этих статистических фокусов раскрыт полностью. «Ларчик просто открывался». Оказывается, тенденциозные агитаторы в пользу частного капитала,—кто, вероятно, сознательно, а кто, надо думать, по невежеству или отсутствию чувства ответственности за свои выступления,—применяли такой прием. Известно каждому, что если торговец платит аренду за торговое помещение, то он включает ее в цену тех товаров, какие в этом помещении продает. То же относится к уплате промыслового налога, и т. п. Так вот, статистические фокусники делали допущение,—скромно не подчеркивавшееся ими в своих выступлениях,—что торговец *не включает* в цену продаваемых товаров ни аренды за помещение, ни промыслового налога и т. п.

Добряк-торговец в СССР,—в отличие от торговцев всего мира,—будто бы не перелагал на потребителей полностью тех расходов, какие необходимы для продажи товаров. Особенно неуместно и невозможно было такое предположение в годы переживавшегося в то время страной *товарного голода*, когда не торговец гнался за потребителем, а потребитель за торговцем.

Теперь Наркомфин СССР разработал в упомянутом уже докладе данные о фактическом обложении частного капитала с учетом перелагаемой и неперелагаемой части налогов, арендных и других платежей до «добровольных сборов» включительно. К неперелагаемым отнесены подоходный налог, ряд «добровольных платежей», квартирный налог, та часть акцизов, аренды, промыслового налога и прочего, какая приходится на потребляемую этой буржуазией часть продукции страны, увеличенная плата в школах и т. д., и т. п. И сразу разлетелись, как дым, все легенды о том, будто бедненькие капиталисты платят у нас чуть ли не до 91% своего дохода (и надо спешить им на помощь?). Оказалось, что даже по преувеличенному подсчету (не принят во внимание доход от кредитного капитала, неполно учтена перелагаемость) все же никак нельзя вывесть обложение частной торгово-промышленной деятельности выше 27,8% за 1924—25 г. и выше 26% за 1925—26 г. Мы видели выше, что по подсчету НКФ для всего частного капитала за 1925—26 г. эта величина составляет 180 млн. руб. Если взять полностью доход буржуазии (с доходом от кредитного капитала, контрабанды и пр.), даже не учитывая неполный подсчет перелагаемости, то реальная тяжесть обложения для частного капитала в 1925—26 г. окажется даже только около 18% к его доходу. Но во всяком случае, 26% по подсчету НКФ или 18% по более полно учитывающему доходы моему подсчету—все это крайне далеко от тех фантастических 70—80 и даже 90%, которые не раз гуляли по страницам нашей печати.

Если бы правильны были малевавшиеся иногда нам картины о полной невыносимости налогов для *капиталистов*—эти самые капиталисты давно закрыли бы свои оптовые предприятия. Но, как мы видели, действительно тяжелы были налоги не для них, а для самой мелкоты—разносчиков, мелких розничников и т. п., для которых тяжесть обложения втрое больше тяжести его для крупнейших торговцев (см. выше). Эта мелкота действительно иногда разорялась (особенно кустари и т. п.), а крупные только перебрасывали свои средства из торговли мануфактурой в скупку кустарных изделий и т. п.

Второе обстоятельство—распространявшиеся нередко утверждения, ставившие *рост дороговизны в зависимость от налогового обложения частной торговли*. В действительности налоги составляют у нас в общем столь скромную часть цены товаров, какая совершенно тонет в общей накидке частных торговцев, делаемой ими ради других целей (ради наживы и пр.). Мы видели, что в 1925—26 г. налоги на частный оборот относительно даже уменьшились. А накидки частных торговцев, наоборот, возросли. В «Экономической Жизни» от 16 апреля 1927 г. видный работник НКФ П. Кутлер сделал сопоставление налогов на частный оборот, величины этого оборота и величины розничных накидок частных торговцев на оптовые цены по Москве за два года (по полугодиям с октября 1924 г. по сентябрь 1926 г.). При этом

тут приняты во внимание полностью все налоги, как неперелагаемые, так и переложимые (без всякого вычета перелагаемой части). Результат оказывается таким:

	Отношение налогов к сумме оборотов частников.	Розничная накидка на оптовые цены.
	в процентах.	
Октябрь 1924 г.—март 1925 г.	8,9	40,3
Апрель 1926 г.—сентябрь 1926 г.	6,0	47,5

Эта таблица ясно показывает, что *киванья на советскую власть* в отношении дороговизны товаров у частника не имеют оснований. За два года тяжесть налогов для частного оборота понизилась, а свои накидки частник, используя положение на рынке, даже увеличил. Уменьшение тяжести налогов не дало удешевления товаров, потому что частник не только положил разницу себе в карман, но и еще повысил накидки. Удешевление, как показал опыт, может достигаться не уменьшением налогов с частника, а *увеличением советского вмешательства в организацию рынка*, увеличением *доли товаров*, продаваемой советским путем. Опыт 1926—27 года вполне подтверждает это. В 1926—27 г. налоги на частный оборот были *увеличены*. Но одновременно развернута была серьезная кампания за снижение цен. И мы видим, что с 1 января до 1 июня 1927 г. впервые за много времени несколько снизились цены и *в частной торговле*. Правда, не особенно значительно, и притом почти только в торговле промышленными изделиями, но это все же было уже успехом сравнительно с предшествовавшим длительным ростом всех итоговых частных индексов. Таким образом, отсутствие причинной связи между нашим уровнем налогов и современной дороговизной на частном рынке доказано за последние годы дважды—и прямым и обратным путем.

Еф. Берлович.

„Год разочарований“ или закономерность загнивания.

(*Окончание. Начало статьи см. в № 11—12 с. г.*).

Экспортные отрасли промышленности и рынок капитала.

В финансировании промышленности на ряду с финансированием ее со стороны банков крупную роль играет увеличение капитала посредством выпуска на рынок ценных бумаг (акций или облигаций) так называемая эмиссия.

Эмиссия капиталов на лондонском рынке[1]) ярко отражает то разделение различных отраслей английского хозяйства па благополучные и «бедные», о котором речь шла выше. Посмотрим, как распределялась сумма 230,7 миллионов новых капиталов, нашедших себе в 1926 г. применение на лондонском рынке. 101,5 миллионов пошли на финансирование предприятий и учреждений, находящихся вне Англии: 53,2 млн.—в английские колонии, 48,4 млн. в иностранные государства. При этом значительные суммы представлены займами колониальных и иностранных правительств. Из общей суммы внутренней эмиссии (129,2 млн. фунтов) огромная доля была взята отраслями хозяйства, обслуживающими внутренний рынок, муниципальными займами и разного рода предприятиями чисто финансового характера. *Группа тяжелой индустрии (железо, уголь, сталь и машиностроение) смогла увеличить свой капитал при помощи эмиссии лишь на сумму 4,9 млн. фунтов!*

Эти данные об эмиссии показывают, что операции Англии как мирового банкира, а также растущие «молодые» отрасли промышленности с имманентной капитализму необходимостью отвлекают капиталы от тех отраслей, которые по финансовому своему положению и по нужде в реорганизации как раз в капиталах нуждаются. Иначе дело обстоять и не может, поскольку капитал «боится отсутствия прибыли так же, как природа боится пустоты».

Благодаря этому и создается такое положение, что основные отрасли английской промышленности хиреют, «несмотря на относительное обилие капиталов»[2]).

Перед нами то явление, которое В. И. Ленин назвал «загниванием капитализма». Напомним ту картину Европы, которая нарисована была Гобсоном, как перспектива при условии отсутствия противодействующих влияний: «...маленькая кучка богатых аристократов, получающих дивиденды и пенсии с далекого

---

[1]) Данные по Е. С. Н., стр. 76.

[2]) Ср. цитированное выше место из заявления британской делегации на международной экономической конференции.

Востока, с несколько более значительной группой профессиональных служащих и торговцев и с более крупным числом домашних слуг и рабочих в перевозочной промышленности и в промышленности, занятой окончательной отделкой фабрикатов. Главные отрасли промышленности исчезли бы, и массовые продукты питания, массовые полуфабрикаты притекали бы как дань из Азии и из Африки». К этой характеристике Ленин замечает: «автор совершенно прав: если бы силы империализма не встретили противодействия, они привели бы именно к этому... Не следует лишь забывать тех противоречащих империализму, и оппортунизму в частности, сил, которых естественно не видеть социал-либералу Гобсону».

Основные противодействующие силы, революционизирование рабочего класса и возмущение колониальных народов, стали в эпоху пролетарской революции настолько очевидны, что не укрываются даже и от социал-либерального взгляда.

Социал-либерал Кейнс усматривает тенденции, связанные с загниванием английской промышленности, он видит миллион постоянно безработных, пугается этой армии и ищет выхода.

Любое из условий существования капиталистического общества на известной ступени развития превращается в одно из условий, ведущих его к гибели. Диалектику эту можно проследить и на таких категориях, как экспорт капитала и резервная армия. Экспорт капитала, содействующий вообще говоря товарному экспорту из страны, помещающей капиталы за границей, на некоторой ступени начинает вызывать загнивание основных отраслей промышленности империалистической метрополии. Вследствие этого резервная армия—также одно из условий существования капитализма—достигает таких размеров, которые становятся социально опасными для правящего класса. Это мы видим в наиболее законченной форме в современной Англии, которой суждено, видимо, сыграть такую же роль для изучения закономерности капиталистического упадка, которую она сто и полтораста лет назад играла для изучения капиталистического развития в стадии восхождения[1]).

Сейчас эту диалектику видит даже Кейнс[2]). Присмотримся ближе к его анализу.

---

[1]) Изменение функции экспорта капитала в системе английского капитализма недостаточно оценивается подчас и в нашей марксистской литературе. Касаясь изменений размеров английского экспорта капиталов, обычно подчеркивают только момент отступления Англии, как мирового банкира, на второй план по сравнению с Соединенными Штатами. Так поступает, например, т. Л. Эвентов («К характеристике современного положения мирового хозяйства», изд. «Экономич. Жизнь». М. 1927 г.). Или же подчеркивается увеличение доли внутренней эмиссии, по сравнению с внешней. Совершенно не ставит вопроса об экспорте капитала в его связи с загниванием Англии т. Варга: «Англия и Германия», изд. «Московский Рабочий». 1927. - Правильно поставлен вопрос т. Э. Гольденбергом в статье «Против путаницы в теории империализма» («Большевик». 1927 г. №№ 3 и 4).

[2]) Прозрение мистера Кейнса приводит на память слова, сказанные Марксом в 1873 г. (предисловие ко 2-му изданию I тома «Капитала»): «Противоречивое движение капиталистического общества наиболее разительно действует на сознание практического буржуа в виде превратностей периодического цикла, проходимого современной промышленностью, и его высшей точки—общего кризиса. Кризис вновь надвигается .. и интенсивность его действия вдолбит диалектику даже баловням новой священной прусско-германской империи». Для сознания практического английского буржуа мало было одних периодических кризисов, потребовалось нечто гораздо большее.

«При определении перспектив нашей национальной политики, перед нами открываются три возможности:

1) мы можем пытаться любой ценой восстановить довоенное равновесие обширного вывоза и обширных заграничных инвестиций. Возвращение к золотому стандарту сделало это невозможным без общего наступления на заработную плату в таком размере, который отвергнут (!?) премьер-министром, или без значительного повышения мировых цен, которого мы напрасно дожидаемся;

2) мы можем продолжать на неопределенное время жить в описанном выше ложном равновесии, при общей промышленной депрессии и при наличии миллиона безработных;

3) третий путь заключается в том, чтобы принять сокращение внешней торговли и соответственное сокращение заграничных инвестиций и перевести рабочую силу, занятую прежде в экспортных отраслях промышленности, и капиталы, прежде поглощавшиеся иностранными инвестициями, на поднятие производительности промышленности и уровня жизни внутри страны».

Остается не совсем ясным, что именно имеет в виду Кейнс, говоря об этой перекачке капиталов и рабочей силы: развитие ли производств, обслуживающих внутренний рынок, или переоборудование предприятий, работающих на экспорт. Вернее всего, он имеет в виду и то и другое.

Но зато совершенно ясен утопический, прожектерский характер кейнсовских предположений при *капитализме*.

Допустим на минуту, что каким-то способом удалось задержать отлив капиталов за границу. Запертый в пределах Англии капитал будет и на этом более узком поле искать наиболее прибыльного помещения. Прибыльные отрасли производства существуют и в Англии, но они и без героических мер Кейнса при полной свободе передвижения капиталов по всему миру капиталами обеспечены. Им может вовсе не понадобиться тот излишек ищущего применения (повторяем и подчеркиваем *прибыльного*) капитала, который по рецепту Кейнса во имя патриотического долга должен остаться в Англии. Разве что внутренний рынок возрастет в колоссальной мере.

И в самом деле Кейнс как раз и кончает упоминанием этой предпосылки, предлагая «поднять уровень жизни внутри страны». О чьем уровне жизни идет здесь речь? Надо думать, что английская буржуазия и сейчас не отказывает себе ни в каких «земных радостях». Это, впрочем, и не «дедукция» из природы буржуазии, об этом свидетельствует необыкновенный рост производства предметов роскоши и комфорта послевоенной Англии. Речь стало быть идет о повышении уровня жизни широких масс; для Англии это означает повышение уровня жизни пролетариата. Итак, перед нами избитый «довод» мелкобуржуазных критиков капитализма. Либерал Кейнс оказывается здесь в ближайшем соседстве с «социалистами» типа английской рабочей партии и германской социал-демократии. Последняя (также в содружестве со своими отечественными либералами-демократами) постоянно предлагает «своим» капиталистам это средство «взамен» капиталистической рационализации. Английская рабочая партия постоянно советует поднять заработную плату «вместо того», чтобы вывозить капиталы.

Но если бы капиталисты последовали этим добрым советам, то, по словам В. И. Ленина, «капитализм не был бы капитализмом, ибо и неравномерность развития (в данном случае речь идет о неравномерности развития земледелия и промышленности. *Еф. Б.*) и полуголодный уровень жизни масс суть коренные, неизбежные условия и предпосылки этого способа производства. Пока капитализм остается капитализмом, избыток капитала обращается не на повышение уровня жизни масс в данной стране, ибо это было бы понижением прибыли, а путем вывоза капиталов за границу, в отсталые страны» [1].

Нельзя же в самом деле рассчитывать, что отрезанный «железной рукой» мистера Кейнса от мирового рынка избыточный капитал «с горя» пойдет в такие мало привлекательные отрасли, как тяжелая промышленность. И, наконец, где найти в капиталистической Англии такую «железную руку», которая смогла бы и захотела бы накинуть узду на свободолюбивый и прибылелюбивый капитал?

На самоотречение капиталистов Кейнс не рассчитывает. Он задает явно риторический вопрос: «Разве индивидуальный подписчик на какой-нибудь токийский заем, широко рекламируемый в газетах, относится к возможному влиянию своей инвестиции на безработицу на севере Англии с такой заботливостью и с таким пониманием, что находящиеся в центре казначейство и английский банк могут считать себя свободными от обязанностей вмешательства?» Разумеется, нет, а поэтому Кейнс предлагает: «Нам следовало бы учредить постоянный *централизованный* контроль над иностранными инвестициями» [2].

Впрочем, Кейнс, видимо, сам испугался своего реформаторского пыла. Полгода спустя он уже не требует «постоянного централизованного контроля над иностранными инвестициями», мыслимого, очевидно, в виде постоянного учреждения. Беда оказывается только в лицах. Мистер Мак Кенна, видите ли, справился с задачей регулирования рынка капиталов в желательном смысле, а вот мистер Норман (нынешний руководитель английского банка) никак этого сделать не может. Таков тощий

---

[1] Ленин. «Империализм» (изд. 1919 г., стр. 57). Собр. сочин., т. XIII, стр. 281—284.

[2] «Nation», 23 октября 1926 г. Между прочим, отметим, что того результата, которого Кейнс думает добиться путем экстренных мер, т.-е. сокращения заграничных инвестиций, один советский экономист С. А. Фалькнер ожидает от какой-то ему одному ведомой предустановленной гармонии между иностранными эмиссиями и платежным балансом.

«Бесспорное само по себе ухудшение расчетного баланса Англии *должно будет вызвать в ближайшее время некоторое сокращение и внешней эмиссии* (Цит. выше статья в «Статистическом Обозрении», стр. 9). Такое умозаключение было бы правильным лишь в том случае, если бы размер иностранной эмиссии определялся исключительно размером активного сальдо платежного баланса предыдущего года, т.-е. если бы вновь помещались за границей только те суммы, которые причитаются Англии в качестве процентов на старые инвестиции. Между тем на деле размеры эмиссии не раз уже превышали размеры активного сальдо платежного баланса. Иностранная эмиссия, как говорится, «затрагивала национальный капитал». Фактический отрицательный ответ на умозаключение Фалькнера дан, между прочим, цифрами эмиссии капитала за первый квартал 1927 года.

Итак, английский либерал Кейнс под ударами судьбы доходит до мысли о плановом регулировании английского хозяйства. В то же время советский экономист проф. Фалькнер не перестает надеяться на «разумность» стихийных процессов.

финал «революционных» замыслов Кейнса, по части создания буржуазного «госплана»!

Мы остановились несколько пространно на «плане» мистера Кейнса не только потому, что, несмотря на утопичность рецептов, самый диагноз болезни английского капитализма поставлен у него в общем верно и довольно ярко, не только потому, что сам мистер Кейнс является небезынтересной фигурой на фоне скудных мыслью буржуазных (особенно английских) экономистов.

Дело еще в том, что прожектерство Кейнса и ему подобных либеральных экономистов является питательным источником для «теорий» руководящих кругов рабочей партии, отличающихся от Кейнса только тем, что они называют себя социалистами и менее грамотны. В соответствующей, очень незначительной обработке, «идеи» эти преподносятся лидерами рабочей партии широким массам пролетариата под названием «социализма в наши дни», т.-е. социализма без свержения власти буржуазии, без ее экспроприации. Такими реформистскими иллюзиями питаются еще очень значительные слои английских рабочих. Этим дана мера грандиозных пропагандистских (на ряду с другими) задач английской коммунистической партии...

Внутренний рынок, как новый «столп и утверждение» английской промышленности, есть, конечно, чистейшая утопия, которой тешат себя Кейнс и его единомышленники, либералы из «Nation», расписывающие все прелести такого перехода и величающие его не более, не менее, как «новой промышленной революцией».

Из трех возможностей, намеченных Кейнсом, именно пропагандируемая им третья возможность представляется наименее вероятной.

Действительная экономическая политика английского капитала движется в рамках первых двух возможностей.

При этом банковый капитал не считает в отличие от Кейнса развитие экспорта капиталов при сохранении товарного экспорта ложным равновесием. Напротив, он рассматривает хозяйственное положение Англии в свете своего процветания и оптимистически утверждает, что все вообще благополучно. Оптимизмом английских банкиров заражаются даже некоторые советские авторы. Так, например, тов. Д. Илимский[1]), правильно отмечая огромный удельный вес международных финансовых операций в английском хозяйстве, склонен трактовать кризис основных отраслей английской промышленности, как нечто не слишком значительное.

«Все эти цифры,—пишет тов. Илимский (речь идет о цифрах, характеризующих упадок английского товарного экспорта и экспортных отраслей промышленности. *Еф. Б.*),—хорошо известны и в разных вариациях неоднократно приводились уже в экономической и политической печати. *И, тем не менее, они вовсе не характерны и, во всяком случае, не определяют собою упадка Англии*. (Стр. 24. Подчеркнуто автором. *Еф. Б.*). И далее, указав, что доходы Англии от всех видов так называемого «невидимого» экспорта» более чем в четыре раза превышают чистый доход от промышленного экспорта, автор задает вопрос: «Можно ли после этого говорить, что судьба английского промышленного экспорта определяет судьбу Англии, как мировой державы, и что наблюдающийся упадок промышленности означает несомненный упадок Англии?» (стр. 25).

[1]) В статье «О некоторых источниках английского империализма» («Мировое хозяйство и мировая политика». 1927 г. № 4).

Вопрос этот ставится автором как реторический, т.-е. допускающий только отрицательный ответ. На деле вопрос этот, конечно, не реторический. Если говорить о «судьбах» Англии, как мировой державы, имея в виду большие исторические сроки, то возможность мощной политической надстройки над сужающимся или стагнирующим тяжелым индустриальным базисом представляется, по крайней мере, весьма проблематичным. Но, если даже допустить, что экономическая политика английского капитала не считается с относительно отдаленными перспективами (что, вообще говоря, мало вероятно), то и тогда нельзя забывать об огромных капиталах, вложенных в английскую экспортную промышленность и борющихся за свое самосохранение.

Английская промышленность, связанная с внешним рынком до войны почти третью своей продукции[1]), не собирается сдавать без боя свои позиции, она будет защищать их и защищать теми методами, которые нашли себе достаточно убедительное выражение в наступлении на горняков. Относительно своего священного права понижать жизненный уровень рабочих, буржуазия вплоть до «самого мистера Болдуина» (вопреки авторитетному мнению на этот счет Кейнса) не обуревается никакими сомнениями. Не останавливаться на горняках, а итти дальше у английских промышленников тем более оснований, что одной только победы шахтовладельцев оказалось недостаточно для вывода тяжелой промышленности из состояния депрессии.

Промышленность после забастовки. Новый угольный кризис.

Поверхностный взгляд на цифры производства в начале 1927 года мог бы внушить мысль, будто английская тяжелая промышленность и впрямь выбирается из трясины длительной депрессии на широкую дорогу. Уже в январе добыча угля достигает 24,6 миллионов тонн, что почти равно январской добыче 1926 г., в феврале 21,4 милл. тонн, опять почти точно прошлогодняя цифра. Выплавка чугуна в феврале (568 тыс. тонн) обгоняет уже прошлогоднюю на 66 тыс. тонн, а по стали в феврале ставится рекордная цифра (высшая с 1920 г.)—819 тыс. тонн (на 115 тыс. тонн больше прошлогодней).

Новые рекорды металлургия продолжает ставить также в марте и апреле. Выплавка чугуна в марте равна 672 тыс. тонн, в апреле 680 тыс. тонн. По стали март дает 950 тысяч тонн, апрель — 850 тыс. тонн. (Понижение в апреле об'ясняется праздниками).

Для правильного освещения этих цифр необходимо помнить, что семимесячная угольная забастовка в сильной степени обнажила рынок угля, железа и стали. Ограничиваться голыми цифра-

[1]) «Непосредственно перед войной не менее 30% всей промышленной продукции Великобритании вывозилось, и, хотя эта доля сейчас несколько ниже, она, вероятно, составляет не менее 1/4. «Economist», 30 апр. 1927 г. Econ. Conf. Suppl.

ми производства при оценке кон'юнктуры поэтому нельзя. Многочисленные корреспонденции с мест о состоянии рынков отдельных товаров освещают характер спроса, и из этих корреспонденций мы узнаем, что спрос этот хотя и носит довольно оживленный характер, но ограничивается закупками для пополнения запасов, что заказы на более отдаленные сроки почти отсутствуют.

К концу мая «восстановительный» характер кон'юнктурного оживления выяснился уже с полной определенностью. Выяснилось также, что восстановительный период уже закончен, или во всяком случае близок к концу. Мы уже отмечали, что восстановление дозабастовочного положения не может удовлетворить английских промышленников. Но проблема сбыта стала сейчас перед угольной промышленностью едва ли не в более острой форме, чем год назад. Об этом позаботились сами английские шахтовладельцы тем методом, который они избрали для снижения издержек производства, а также углепромышленники Франции, принявшие свои контрмеры.

К понижению себестоимости угля английские шахтовладельцы шли комбинированным путем: непосредственным снижением ставок заработной платы и удлинением рабочего дня. Обе меры дали снижение себестоимости, но вторая мера вместе с тем увеличивает количество добываемого угля.

Подводя итоги периода декабрь 1926 г.—май 1927 г. «Экономист» констатирует, что «не разрешена еще проблема, как найти рынок для того количества английского угля, которое может быть добыто при восьмичасовом рабочем дне, не возобновляя ожесточенной конкуренции между отдельными районами, между Англией и континентом, не вызывая неэкономных (т.-е. нерентабельных. *Еф. Б.*) цен» [1].

Экономическая печать пестрит сообщениями в роде, например, следующего: «За последние две недели добыча превысила 1.000.000 тонн, экспорт же держался на уровне 450.000 тонн. Требуется увеличение вывоза по крайней мере на 650.000 тонн, чтобы остановилось падение цен» [2].

Между тем перед английскими углепромышленниками стала угроза значительного сокращения вывоза во Францию, стоящую на первом месте среди потребителей английского угля.

Как раз в момент, когда на международной экономической конференции в Женеве произносились «умные» и «миролюбивые» речи о необходимости снять барьеры, препятствующие развитию международной торговли, о вреде «экономического национализма», о пользе рационального международного разделения труда и т. д. и т. п., во Франции был поднят вопрос о повышении ввозной пошлины на уголь. Французская угольная промышленность растет после войны быстрее, чем растет потребление угля внутри страны. Последнее увеличилось к 1925 г. (по сравнению с 1913 г.) на 12,5%, тогда как добыча выросла почти на $^1/_3$ [3]). Выходу французского угля на внешние рынки препятствует неблагоприятное местоположение копей (отдаленность от водных путей). По той же причине французский уголь не выдерживает конкуренции с импортным также и на севере Франции. Покровительственные мероприятия французского правительства рассчитаны именно на то, чтобы закрепить за французским углем в максимальной мере внутренний рынок. Заманчивой представлялась также перспектива улучшить торговый и платежный баланс Франции. Французский министр Тардье, защищавший угольный протекционизм перед палатой депутатов, исчислил, что, сократив ввоз иностранного угля на 8 милл. тонн в год, Франция «сбережет» свыше миллиарда франков. И г-н Тардье не постеснялся даже назвать отстаиваемую им линию подлинным именем—«столетней угольной войной между Англией и Францией».

[1]) «Эконом.» 28 мая, стр. 1116.
[2]) Кардифский корр. «Manchester Gardian Commerce» 9 июня.
[3]) По данным, подготовленным к Межд. Эк. Конф., цитированным в «Economist» от 11 июня, стр. 1221.

Пока вопрос о повышении пошлины обсуждался, перепроизводство угля во Франции приняло настолько серьезные размеры, что одной таможенной защиты оказалось недостаточно, и французское правительство в спешном порядке публикует 8 мая декрет, запрещающий безлицензионный ввоз угля и кокса с 1 июня.

Шахтовладельцы Южного Уэльса ощутили действие этого декрета, когда 5 июня многие из них получили извещения, что направленным на север Франции транспортам угля отказано в импортной лицензии. Целый ряд об'единений английских углепромышленников, а также французская «ассоциация импортеров угля» заявили протест. Дело дошло даже до переговоров между британским и французским правительством. Заинтересованным кругам удалось пока добиться только некоторого смягчения декрета (для ввоза кокса лицензии не требуются) и отсрочки вступления его в силу до 10 июня. Но от самого принципа угольной войны с Англией (и с Германией) французское правительство не отказалось.

Таким образом, английские шахтовладельцы еще и еще раз убеждаются в том, что «условия непосредственной эксплоатации и ее реализации не тождественны».

Английская металлургия, также жалующаяся на отсутствие новых заказов, в своем послезабастовочном развитии уже натолкнулась на одно препятствие, лежащее не в условиях рынка, а в условиях самого производства. Препятствие заключается в дороговизне английского кокса.

«Повышение на два шиллинга цены доменного кокса,—пишет по этому поводу шеффильдский корреспондент «Экономиста» [1]) вступило в силу и вызвало чувство недовольства в кругах железной и стальной промышленности. Повышение это затормозило понижательное движение цен на чугун, начавшееся несколько недель назад. Дешевый чугун является ключем к промышленному оживлению, и идеал этот сейчас далек, как никогда».

Может показаться странным недостаток кокса в Англии, где угля девать некуда. Но как это ни парадоксально, а именно вялым спросом на уголь и об'ясняется недостаточное производство кокса, который при английских условиях в достаточном количестве может производиться лишь при полной нагрузке шахт, при работе без простоев. Другой более оптимистический автор «Экономиста» в слегка рекламной статье о положении и перспективах сталелитейной промышленности [2]) надеется, что улучшение наступит, когда «сезонный спрос на уголь для домашнего потребления даст шахтам возможность работать полное время». Но не все

[1]) «Economist», 2 апреля 1927 г., стр. 728.
[2]) «Economist», 23 апреля 1927 г., стр. 842.

владельцы английских домен согласны ждать того момента, когда запылают камины в коттеджах (т.-е. около полугода). И пока выписывают более дешевый германский кокс, в высоком качестве которого они убедились во время забастовки» [1].

Неудовлетворительны также результаты в хлопчато-бумажной промышленности. После двухмесячного оживления, во время которого хлопчато-бумажные фабрики работали с нагрузкой до 80%, в марте уже обозначилась заминка. С ростом хлопковых цен повышаются и цены на изделия, сдерживая спрос. Экспорт хлопчато-бумажных изделий за январь—март 1927 г. отстает от прошлогоднего, еще более—от 1925 г., не говоря о довоенных размерах.

Экспорт хлопчато-бумажных изделий [2]).

январь—март	Количество в милл. кв. ярдов	Ценность в милл. ф. ст.
1913 г.	1.773	24.0
1925 »	1.242	43,3
1926 »	1.125	35,4
1927 »	1.015	27,5

По внешней торговле в целом (с 1 января по 30 апреля 1927 г.) отмечается сокращение экспорта по сравнению с соответствующим периодом прошлого года на 8,4%. Импорт остался почти точно на прошлогоднем уровне. Пассивность торгового баланса возросла на 16,5%.

Финансовые затруднения промышленности усиливаются общим напряженным состоянием денежного рынка. Едва лишь промышленные круги успели приветствовать понижение учетной ставки английского банка с 5% до $4^1/_2$% и выразить надежду на дальнейшее удешевление кредита, как стал на очередь вопрос о возвращении к 5%.

Мировые цены продолжают двигаться в неблагоприятном для английской промышленности направлении.

«Большую часть английских затруднений следовало приписывать необходимости приспособиться к низкому уровню цен, и приспособление это фактически еще не закончено. Новая дефляция вновь возродила бы только-что преодоленные затруднения» [3]).

С тех пор, как были написаны эти слова, индекс цен Соединенных Штатов непрерывно падал и понизился со 145,8 (декабрь 1926) до 140,9 (на 17 мая 1927 г.), при чем за снижение это ответственны в первую очередь именно топливо и металл [4]).

---

[1]) Цены на кокс понизились, впрочем, ранее этого срока (уже в мае). Соответственно уменьшились и цены чугуна, но заметного влияния на спрос понижение это не оказало. Тяжелая промышленность заканчивает выполнение накопившихся заказов, и, хотя удешевление кокса является благоприятным моментом, попрежнему нет уверенности в том, что соответственное понижение цен на чугун принесет с собою жгуче необходимые новые заказы. («Econ. Monthly Suppl», 28 мая). В июне число работающих доменных печей начинает уже сокращаться.

[2]) «Econom». 30 апреля 1927 г.

[3]) «Wirtschaftsdienst». 1926 г., 31 дек., стр. 1882. Статья G. L. Schwartz'a, секретаря London and Cambridge Econ. Service.

[4]) «The Annalist» 20 мая 1927 г.

Таким образом, затруднения возрождаются, возрождаются и попытки их преодоления теми методами, на которые английская буржуазия только и способна.

Политическая «активность» экономически и технически отсталой английской буржуазии бурно проявляется сейчас на всех трех фронтах, на которых ей грозит гибель: новые войска в Китай, новая наглая провокация по адресу Советского Союза, «новый» каторжный закон о стачках рабочему классу. Так английский империализм думает спастись от своего собственного порождения, от опасностей, связанных с империалистическим загниванием...

М. Танин.

Англо-советский разрыв и проблема единого антиимпериалистского фронта.

(*Продолжение. Начало статьи см. в № 11—12 с. г.*).

Германия.

Отношение германского общественного мнения к англо-советскому разрыву и последовавшему за ним антисоветскому интриганству Чемберлена за кулисами женевского политического публичного дома как нельзя лучше выявляет внутреннюю противоречивость положения буржуазной Германии по отношению к СССР.

Нейтралитет—вот что было вначале лейт-мотивом комментариев печати. «Воля к безусловному нейтралитету и крайней осторожности является в Германии всеобщей; редко замечалось в различных кругах такое инстинктивное единодушие»—констатирует видный политический деятель националистов, депутат проф. Гетш («Neue Zurcher Zeitung», 12/VI). Но на ряду с этим в некоторых правых газетах, «Дейтше Цейтунг», напр., пробивалась тенденция использовать разрыв для того, чтобы побудить английский империализм, нуждающийся в союзниках против СССР, оказать давление на Францию и склонить ее к уступчивости в вопросах о Рейнской области, снесении крепостей на польской границе, смягчении военного контроля и т. д. Тенденция, имеющая своей конечной целью как можно дороже продать английскому империализму нейтралитет по отношению к СССР, в особенно циничной форме проявилась в воззвании организации «Стального Шлема». Эта довольно многочисленная (300—400 тысяч) белая гвардия германской буржуазии, тесно связанная с правым крылом германского правительства, в своей внешней политической ориентации за последнее время все более отклоняется к Западу, приближаясь к другой менее сильной фашистской организации, младогерманскому «Юнгдо», связанному с резко антибольшевистскими «западническими» капиталистическими группами. (О позиции «Юнгдо» свидетельствует недавно принятая им резолюция, которая гласит: «Мы сугубо протестуем против нечуждого и военным кругам взгляда, что большевистская Россия может быть военным союзником Германии; мы требуем чтобы все национальное движение Германии заняло позицию резко-враждебную системе, которая была и есть заклятый враг западной культуры»).

Для настроений правых кругов показательно также выступление в Бременгавене лидера-националиста Вестарпа, который

в осторожной, правда, форме выразил опасение, как бы Германия не «скомпрометировала» себя на Западе тем, что она после англо-советского разрыва взяла на себя защиту интересов советских граждан в Англии и дала визы на в'езд высланным сотрудникам Аркоса. Взгляды националистов и фашистов-большевикоедов, в общем, разделяют и «социалисты» из «Форвертс», хотя они формально выставляли лозунг нейтралитета Германии, который как и во время разрыва все же является в настоящее время там доминирующим.

Несколько позже, во время последней сессии Лиги Наций пароль нейтралитета все чаще стал комбинироваться с «посредничеством» или, как выражается «Франкфуртер Цейтунг», «действительно, честным маклерством». Под этим термином подразумевается «посредничество» Штреземана между Лондоном и Москвой. «Добрый Густав» (Штреземан) должен, мол, с одной стороны, смягчить гнев Чемберлена против большевиков, а с другой стороны, аппелировать к благоразумию Чичерина и доказать ему, что пора, наконец, бросить «пропаганду». Что говорил Чемберлену наш «честный маклер» на тайном, но явно направленном против СССР совещании в Женеве, мы не знаем, но что германская печать повела энергичную кампанию против «пропаганды» и, исполнившись мягкосердечностью, вместе с английской консервативной печатью стала протестовать против расстрела белогвардейских лазутчиков и убийц в Москве—это факт. И поэтому прав по-своему женевский корреспондент внесшей свою лепту в эту кампанию либеральнейшей и обычно благожелательно настроенной по отношению к СССР «Франкфуртер Цейтунг», что в Женеве Штреземан также примкнул к «моральному единому фронту против идущего в разрез с цивилизацией поведения большевиков». Более того, пронырливый и хорошо осведомленный редактор «Матэн», Жюль Зауэрвейн даже уверяет, что переговоры между Чемберленом и Штреземаном о борьбе с большевистской опасностью, начатые в Женеве, отнюдь не ликвидированы, что они еще будут продолжаться. Вообще нужно сказать, что самый факт участия германского министра иностранных дел в тайной антисоветской конференции, независимо от его позиции там, ни в коем случае не является дружественным актом по отношению к СССР. То же самое нужно сказать о подчеркивании им в своей речи 23 июня в рейхстаге солидарности с другими государствами в вопросе о «решительном сопротивлении пропаганде мировой революции со стороны III Интернационала». В этой «душевной» солидарности никто никогда не сомневался, и Штреземан до сих пор не считал уместным афишировать ее в связи с германско-советскими отношениями. Если же такое заявление делается в рейхстаге теперь, в момент, когда английский империализм переходит в решительное наступление против СССР под флагом борьбы с пропагандой III Интернационала, то это имеет определенный внешне-политический смысл.

Вместе с тем имеются основания полагать, что Германия не взяла на себя в Женеве конкретных, направленных против СССР обязательств. И если Штреземан, дипломатически выражаясь, несколько пренебрежительно относится к фактам, когда он утверждает в рейхстаге, что в Женеве никто ничего не предпринимал против кого-либо, то он все же говорит правду, отрицая участие Германии в антисоветской коалиции, как *уже оформленной* ком-

бинации. *Это* не случилось, ибо такой коалиции в настоящий момент не существует. Международное положение Германии чересчур сложно и противоречиво, чтобы германская буржуазия так быстро решилась принять такое фатальное решение.

Противоречивость эта сводится к следующему: *с одной стороны, возрождение германского империализма, его погоня за колониями, толкая Германию в концерт великих держав, отдаляет ее от СССР; с другой стороны, возрождение германской мощи возрождает одновременно старый антагонизм между Германией и державами, в свое время об'единившимися против нее в Антанте, обостряет конкуренцию, борьбу за рынки, борьбу за «место под солнцем» и толкает Германию на сближение с СССР.*

И чем больше крепнет Германия—а она быстро крепнет—тем быстрее она приближается к тому пределу, когда английский империализм вынужден будет сказать «stop!» («стой!»). И мы уже теперь в английской печати сплошь и рядом наталкиваемся на статьи и информационные сообщения, с тревогой указывающие на быстрый рост германской промышленности и торговли, мирным путем захватывающих свои довоенные позиции.

В настоящий момент, когда угольная проблема в Англии снова ставится во весь рост, английская печать с особым беспокойством отмечает быстрое вытеснение английского угля из Франции германским углем, часть которого доставляется на основе соглашения о репарациях. В частности, большую тревогу вызывают поразительные германские успехи в области добычи угля и многообещающих экспериментов по превращению угля в жидкое топливо, а также железоделательной и химической промышленности. А ведь со всем этим тесно связаны огромные, не поддающиеся никакому контролю возможности в смысле восстановления военной мощи.

Недавно опубликованный отчет одного из крупнейших английских банков, Мидлэнд Бэнк, бросает яркий свет на тревожные настроения, которые вызывают в Англии успехи германского хозяйства. В отчете подчеркивается, что быстрое восстановление Германии является «почти необ'яснимым чудом», и что этот процесс составляет угрозу для Англии. «Возможно,—говорится в отчете,—что Германия справится с выполнением репарационных обязательств, но результат этого (в связи с неизбежным увеличением вывоза) английским фабрикантам не сулит ничего хорошего. *Наступает время острого соперничества*».

Эта борьба двух диаметрально-противоположных движущих сил внешней политики германской буржуазии, тяга на Запад и отталкивание «версализированной» Германии западными державами, бывшими победительницами, и довлеет над штреземановской дипломатией, начиная с Локарно, и накладывает на нее печать двойственности.

Иные чересчур упрощая факты, ставят вопрос так, будто в тот самый момент, когда Лютер и Штреземан 1 декабря 1925 г. в $11^1/_2$ час. утра в здании английского министерства иностранных дел приложили свои подписи к локарнским договорам, Германия в тот самый момент отделилась от СССР и перешла на сторону Англии. Такой магической силой локарнские бумажки, конечно, не обладают. Ведь не следует забывать, что 12 октября 1925 г., за 4 дня до парафирования (подписания инициалами) локарнских договоров, Германия подписала торговый договор с нами и почти одновременно—соглашение о гарантировании германским правительством германским фирмам долгосрочных товарных кредитов на сумму в 100 миллионов марок (впоследствии повышена до 300 млн. марок). А через полгода после Локарно, 24 апреля 1926 г., Германия заключила с нами гарантийный договор, который, подтверждая политику взаимной дружбы, заложенной в 1922 г. в Рапало, обязывает Германию на началах взаимности соблюдать нейтралитет в случае нападения на СССР и не принимать участия в экономическом бойкоте СССР. Правда, этот пункт сопровождается следующим пояснением: «на основную линию политики Германии по отношению к СССР не может влиять в обратном направлении лойяльное соблюдение обязательств, которые будут вытекать для Германии как следствие вступления ее в Лигу Наций». Смысл этого пояснения состоит в том, что фактом подписания договора Германия не отказывается от соблюдения пресловутого § 16 Лиги Наций насчет санкций против «нарушителей мира», но она сама будет определять, кто является таковым «нарушителем». К тому же Германия сможет ссылаться на внесенную по ее инициативе оговорку к локарнским договорам, согласно которой каждое государство—член Лиги Наций—должно принимать участие в санкциях «в мере, диктуемой его военным положением и географическим положением».

Не станем входить в юридические тонкости по вопросу о взаимоотношениях между германско-советским договором и локарнскими обязательствами Германии. Этот вопрос будет окончательно разрешен не казуистикой, а общим международным и внутренним положением Германии в тот критический момент, когда ей придется дать на него решительный ответ. Пока-что ясного, определенного положения не существует. Но во всяком случае нельзя ставить вопрос о перемене германской ориентации в вышеприведенной вульгарно-упрощенной форме. Правильная формулировка Локарно с точки зрения германско-советских отношений может быть выражена так: *Локарно—это один из серьезных сдвигов во внешней политике Германии в антисоветском направлении, но сдвиг, не означающий начало систематического, неуклонного отрыва от СССР и перехода на сторону антисоветского блока, возглавляемого Англией.*

Сопоставляя положительные и отрицательные, с точки зрения интересов СССР влияния в Германии, мы приходим к выводу, что в деле вовлечения Германии в антисоветскую игру английского империализма Чемберленом достигнут лишь частичный успех. Закреплению и расширению этого успеха, помимо англо-германского соперничества, препятствует, конечно, и тот факт, что на страже интересов пролетариата СССР стоит в Германии мощная коммунистическая партия, которая, без сомнения, является значительной силой в борьбе с антисоветскими устремлениями германской буржуазии.

Можно полагать, что колебания Германии, попытки ее найти некую «золотую середину» между Москвой и Лондоном, окажутся длительными. Во всяком случае, не приходится опасаться, что Германия в ближайшем будущем вступит как активная агрессивная сила в сколачиваемый английским империализмом антисоветский блок. Если же Англии в близком будущем удастся бросить Польшу в войну с СССР, то Германия, по всей вероятности, займет

позицию официального нейтралитета, поддаваясь давлению Англии и Франции.

Позицию германской буржуазии в такой обстановке представить себе не трудно: с одной стороны, ненависть к большевизму, желание спекульнуть на участии в антисоветской коалиции, усиливаемое давлением Англии, Франции и Америки, а с другой—противоположное давление пролетариата, части мелкой и даже крупной буржуазии и боязнь усиления Польши. Равнодействующей этих противоположных тенденций, вероятнее всего, и будет нейтралитет. Такая брешь в агрессивном антисоветском блоке значительно затрудняет дело лондонских геростратов, и это они сами вынуждены признать. «Мы говорим открыто,—пишет в майской книжке консервативного журнала «Фортнайтли Ревью» уже успевший завоевать «популярность» у советского читателя Авгур,—что нынешняя позиция германского правительства является препятствием на пути к соглашению об общей позиции держав по отношению к Москве». И в стремлении устранить это препятствие Авгур расточает немцам комплименты, выдавая им свидетельство в том, что они «настоящие представители белой расы» (недавно гг. Авгуры называли немцев гуннами) и туманно обещая им всевозможные блага. Однако, когда дело доходит до назначения определенной цены за услуги в борьбе с СССР, у обычно столь велеречивого г. Авгура уже нехватает слов, и он начинает сильно заикаться. Почему? Потому, что дать Германии то, что она хочет—Данцигский коридор—значит, оттолкнуть Польшу, которой растерявшийся дипломат тут же на лету бросает комплимент в том, что она «становится великой державой». Но и Польше он боится обещать определенную поддержку, ибо это равносильно тому, чтобы оттолкнуть Германию. Получается, таким образом, заколдованный круг, из которого Чемберлену пока вырваться не удалось.

Правда, Германия может получить взятку по другой линии—уменьшения бремени плана Дауэса, согласно которому взнос в 1927/28 году поднимется до внушительной цифры в 1.750 миллионов марок, а в 1928/29 г.—до 2.500 млн. марок—колоссальная сумма даже для окрепшего германского капитализма. Действительно, уже в настоящий момент германские правящие круги режиссируют весьма осторожную искусную пропаганду в пользу пересмотра плана Дауэса и, судя по намекам иностранной печати, зондируют почву насчет таковой ревизии в Париже, Лондоне и Вашингтоне. Если бы такая сделка—а это вполне возможно—состоялась,—она без сомнения, оказала бы влияние на дальнейшее отклонение генеральной линии германской политики в сторону Запада. Повторяем, однако, что непосредственное участие Германии в военных действиях против СССР следует считать маловероятным. Враждебность буржуазии может принять различные другие дипломатические и экономические формы, и дело германского революционного пролетариата—вопреки социал-демократическим лидерам-предателям и ультра-левым ренегатам—этому помешать.

Польша.

Отношение польской печати к англо-советскому разрыву лишний раз подчеркивает, что *со стороны «Польши Пилсудского» нам угрожает близкая постоянная и непосредственная опасность.*

Польская печать приветствовала, как писала «Ржеч Посполита», «планомерность английской политики окружения СССР», а орган Пилсудского «Глос Правды» вздумал использовать момент для того, чтобы выдвинуть ряд требований в связи с рижским договором, и обрушиться на нашу монополию внешней торговли. Огонь от выстрела в т. Войкова еще ярче освещает политику зачинщика польско-советской войны 1920 г. Пилсудского. Мы не знаем, куда, в какие польские центры идут нити от покушения русского дегенерата-монархиста, но мы твердо знаем, что только сознание полной безнаказанности и надежда на власть имущих, питаемые русскими белогвардейскими отбросами, приютившимися под крылышком Польши Пилсудского, сделали возможным кровавые дела польского Конради—Каверды. Возмутительные методы инсценировки «суда» над убийцей т. Войкова, защитительная речь государственного «обвинителя» и неожиданное милосердие судей еще более укрепляют наши подозрения. И что стоят успокоительные дипломатические заверения Патека, когда орган польского военного министерства «Польска Збройна» открыто выдвигает лозунг—границы 1772 г., проще говоря, войну с СССР?! Наконец, «фактом фактов» является сама фигура нынешнего польского диктатора—«*Пилсудского-Войны*».

Да, Пилсудский—это война. Это—общеизвестный факт. За это говорит кровавый 1920 г. Мания Пилсудского, его idée fixe (предвзятая идея) это война за границы 1772 г. Вся его бредовая истерично-шовинистическая «романтика» пропитана смрадным духом войны. Его генеральная политическая линия ведет в военное министерство на Темзе.

Но могут возразить: а польский пролетариат, блестящая победа польской компартии на муниципальных выборах в Варшаве и др. городах, а полные великого смысла траурные демонстрации польских рабочих по поводу убийства Войкова?

Да, все это—факты огромнейшего значения, факты, свидетельствующие, что польский пролетариат уже в значительной степени изжил националистический угар, свойственный пролетариату всякой нации, долго пребывавшей в состоянии угнетения, что он в значительной своей части раскусил истинный смысл «независимости» в рамках помещичье-буржуазного государства, фактически находящегося в вассальной зависимости от крупных империалистических держав, в данном случае от хищнической Великобритании. *Это—факт, который, без сомнения, окажет огромное влияние на ход борьбы, которую нам собирается навязать Пилсудский, но который, к несчастию, неспособен предупредить войну.*

Более того, весьма возможно обратное. Весьма возможно, что этот факт косвенно может ускорить войну, так как Пилсудский, подобно другим буржуазным властителям, может попытаться мечом войны пресечь это внутреннее развитие революционного движения пролетариата (и национально-освободительного движения украинцев, белоруссов, евреев).

Можно выдвинуть и другой довод: крупная польская буржуазия—«эндеция» (партия «народовой демократии») настроена более реалистично—она не хочет войны с СССР, и находится в оппозиции к Пилсудскому. Но было бы крайне легкомысленно и опасно переоценивать эту оппозицию со стороны эндеков против федералистского плана Пилсудского (т.-е. плана захвата Украины и Белоруссии и включения их в состав Великопольской федерации). Не приходится сомневаться в том, что если Пилсудский поставит эндеков перед совершившимся фактом, то они, как

«добропорядочные» патриоты, забудут личные счеты и будут верой и правдой служить Пилсудскому.

Когда именно Пилсудский бросится за призраком границ 1772 г., к борьбе за которые недавно открыто призывал официальный орган военного министерства «Польска Збройна», конечно, предугадать невозможно: наша мирная политика затрудняет работу тех, которые хотят запугать польский народ призраком «нашествия москалей». Этот эффект мы должны стремиться еще более усилить путем сближения различных наших общественных и культурных организаций со всеми теми слоями польской общественности, которые хотят сближения с нами или, по крайней мере, вообще не хотят войны. Мы здесь не касаемся кардинального вопроса—сближения пролетариата СССР и Польши. Мы имеем в виду, на ряду с поощрением экономического контакта, сближение с польской радикальной интеллигенцией, пацифистскими обществами, создание общества советско-польской дружбы и т. д. Все эти шаги, вытекающие из нашей мирной политики могут и должны быть предприняты. Но вместе с тем мы не должны увлекаться иллюзиями и ясно отдавать себе отчет в том, что силы внутренние и внешние, действующие в Польше против нас, за войну с нами, чрезвычайно велики, что они ни на секунду не прекращают своей преступной работы. И если мы себе поставим вопрос, есть ли у нас гарантия, что Польша Пилсудского не об'явит нам войны сегодня, завтра, через недели или месяцы, то мы должны ответить—*никакой такой гарантии нет. Мы должны строить свои расчеты, исходя из того, что английскому империализму в любую минуту может удаться бросить против нас легионы жаждущего «военной славы» Пилсудского. А потому мы в любую минуту должны быть готовы к отпору.*

Прибалтика.

Литва. Наши взаимоотношения с маленькой Литвой заслуживают особого внимания, поскольку на последнюю оказывает сильное давление Польша, за спиной которой стоит Англия.

Весьма показательно то обстоятельство, что, несмотря на это давление, Литва при демократическом правительстве Сляжевичуса нашла в себе достаточно смелости, чтобы заключить с СССР *гарантийный договор (28 сентября 1926 г. в Москве).*

Фашистский переворот, приведший к власти в конце ист. года коалицию из националистов и христианских демократов, без сомнения, повлек за собой неблагоприятный для СССР поворот во внешней политике Литвы. Но все же подчинение Литвы польскому влиянию идет далеко не так быстро, как это мерещилось ныне ушедшим из правительства хадекам, их польским и английским друзьям.

Во время англо-советского разрыва английская дипломатия берет на себя роль «честного маклера» между Польшей и Литвой и пытается склонить последнюю к негласным переговорам. Но Пилсудский стремится к «унии» между обеими странами, что при неравенстве сил означает не что иное, как польский *протекторат* над Литвой. Пойдет ли, однако, последняя на капитуляцию—сомнительно. По крайней мере речь президента Сметоны при вручении ему т. Аросьевым верительных грамот (10 июня с. г.), будучи дружественной по отношению к СССР, была определенно заострена против Польши. Президент говорил о договорах 1920 и 1926 гг. как об основах литовско-советской дружбы, подчеркнул оговариваемые в них права Литвы на Вильну и выразил надежду, что в близком будущем будут благополучно завершены переговоры о советско-литовском торговом договоре.

Следует учесть, что эта речь была произнесена через короткое время после англо-советского разрыва и после встречи литовского премьера Вольдемараса с латвийским мининделом Целенсом в Кибартах (Литва), во время которой они обсуждали проекты нейтрализации обеих стран по примеру Швейцарии. Все это дает основания для вывода, что план Чемберлена и Пилсудского о привлечении Литвы к антисоветскому прибалтийскому блоку под главенством Польши еще не столь близок к осуществлению.

Латвия. Несмотря на все усилия английского представителя в Прибалтике, мистера Воона, ему не удалось помешать улучшению латвийско-советских отношений, наступившему в связи с приходом к власти в конце 1926 г. левого кабинета Скунека, в котором преобладают социал-демократы, вынужденные учитывать настроение рабочих масс. Парафирование 9 марта 1927 года в Риге латвийско-советского гарантийного договора получает особое значение в виду этого давления, оказываемого на Латвию английской дипломатией. Не менее симптоматично подписание торгового договора (2 июня 1927 г. в Москве), создающего базу для расширения торговли между обеими странами и для улучшения политических взаимоотношений между ними. Следует, однако, иметь в виду, что этот благоприятный сдвиг в латвийско-советских отношениях, однако, не имеет под собой достаточно прочной базы в виду неустойчивости внутренне-политического положения Латвии. Правые партии, ориентирующиеся на Англию, и в особенности фашисты, ведут бешеную кампанию против кабинета Скунека и его мининдела, соц.-демократа Целенса. Так, например, по поводу подписания торгового договора лидер фашистов Арвид Берг писал в «Латвис», что «при наличии англо-советского конфликта это обстоятельство может только повредить Латвии». Иными словами, если Англия ссорится с СССР, то Латвия должна подражать ее примеру. Фашисты не ограничиваются словесной критикой. Неудачная попытка переворота, произведенная весной, не смутила фашистов, поддерживаемых английской миссией и поощряемых нерешительностью левого правительства, которое по социал-демократическому обычаю, перед лицом фашистской опасности обрушивается с жестокими репрессиями не против фашистов, а против единственной силы, способной дать отпор воинствующей контрреволюции—революционных рабочих.

Вот почему дальнейшее развитие латвийско-советских отношений и позицию Латвии в случае нападения на нас Польши предугадать трудно. Многое будет зависеть от соотношения сил внутри Латвии в решительный момент. Как бы то ни было, нет оснований утверждать, что Латвия наверняка подчинится давлению Англии и Польши.

Эстония. Развитие внешней политики Эстонии приходится признать неблагоприятным с точки зрения наших интересов. Эстонская буржуазия еще не пришла в себя от паники, охватившей ее по поводу вооруженного выступления коммунистов 1 декабря 1924 г. К тому же она в борьбе с экономическим кризисом прибегла к займу у Англии, условия которого влекут за

собой дальнейшее отклонение внешне-политической линии в сторону Лондона.

В какой мере эстонская буржуазия или по крайней мере часть ее ориентируется на империалистический Запад, свидетельствует статья, появившаяся 18 мая 1927 г. в органе националистов «Пьявелехт»: «Нас больше всего интересует,—писала газета,—не приступит ли Лига Наций к тому, чтобы облегчить нам наш военный бюджет». На это Эстония, по мнению «Пьявелехт», имеет право, так как ее вооруженные силы защищают, дескать, не только Эстонию, но и всю Европу. Это означает не что иное, как предложение эстонской буржуазией своих услуг задающему тон в Лиге Наций английскому империализму для борьбы против СССР. Если вспомнить саботирование Эстонией наших предложений о гарантийном договоре, а также историю попытки сдать Англии острова Эзель и Даго с тем, чтобы она могла построить там явно направленную против СССР военноморскую базу, то этим рассуждениям удивляться не придется.

По тем же причинам приходится брать под сомнение искренность сделанных эстонским правительством в связи с англо-советским разрывом заверений относительно нейтралитета. Позиция Эстонии в случае новой попытки интервенции со стороны английского империализма не может не внушать нам серьезных опасений.

Финляндия. Влияние английской дипломатии в Финляндии весьма сильно. Англия, как главный покупатель продуктов важнейшей финской индустрии—лесной и бумажной, может оказывать чувствительное давление на финскую экономику. Англия также принимает близкое участие в строительстве финских морских сил и смотрит на Финляндию как на важный в географическом и стратегическом отношениях опорный пункт в борьбе против СССР.

Этим враждебным влиянием в значительной степени и объясняется саботирование Финляндией наших предложений о заключении гарантийного договора, сделанных еще весной 1926 года. Финляндия цеплялась за вытекающий из ее принадлежности к Лиге Наций «долг» выступать против «нарушителя мира». Представитель Финляндии в Лиге Наций также отказался признать законной германскую оговорку к локарнским договорам относительно пресловутого § 16 устава Лиги Наций, трактующего о репрессиях против «нарушителей мира», и требовал усиления помощи Лиги стороне, подвергающейся нападению. А так как «миротворцы» Лиги в случае войны против СССР, без сомнения, признают Страну Советов «нападающей стороной», то смысл предложений финского делегата вполне ясен. В такой обстановке переговоры о гарантийном договоре, конечно, не могли дать положительных результатов.

Приход к власти в конце 1926 г. социал-демократического правительства, вынужденного учитывать заметно растущие симпатии финских рабочих к СССР, знаменуется точно так же, как в Латвии, некоторым улучшением отношений к СССР. Новое правительство как будто обнаруживает склонность пойти на заключение гарантийного договора. Но так как финские с.-д., подобно их латвийским и литовским коллегам, неспособны бороться с происками фашистов, то и здесь возможны всякие сюрпризы.

На сам собой напрашивающийся вопрос о позиции Финляндии в случае англо-польской войны против СССР можно ответить, что это будет зависеть преимущественно от соотношения сил внутри самой Финляндии. Во всяком случае дело будет не так просто, что Англия прикажет, а Финляндия пойдет. Не следует ведь забывать, что в годы интервенции шпагоглотателю Маннергейму не удалось бросить Финляндию против Советской России.

Общее положение на нашей западной границе. Резюмируя вышесказанное относительно позиций крупных европейских государств и лимитрофов по отношению к формируемому британским империализмом антисоветскому блоку, мы приходим к выводу, что непосредственная военная опасность угрожает нам преимущественно со стороны все более вовлекаемой в орбиту английского влияния Польши. Этой угрозе мы должны смотреть прямо в глаза и спокойно, хладнокровно подвергнуть анализу вопрос о возможных союзниках Польши и о размерах этой помощи. Это тем более необходимо, что под впечатлением действительно существующей военной опасности многие, незаметно для себя, поддаваясь необоснованным страхам, представляют дело так, что война Польши против нас обязательно должна повлечь за собой *всеобщий* крестовый поход, *всеобщую войну* всех буржуазных государств против нас. В действительности же, если разобраться конкретнее в международной обстановке, картина, как мы видели, получается несколько иная.

Что касается *Англии*, то толкнув Польшу против нас, она, без сомнения, будет решительно поддерживать ее, при чем эта поддержка со стороны английской буржуазии—на это не следует закрывать глаза—будет несравненно более решительной, чем в 1920 г., когда Советская Россия была слаба и не представлялась английскому империализму такой серьезной опасностью, как теперь. Английский империализм много поставит на карту в этой игре. Будет помогать поставленная перед совершившимся фактом и Франция. Италия, возможно, тогда будет занята другой авантюрой, в Малой Азии. Но помощь империалистических держав, даже помощь Англии, можно полагать, не выльется в форму непосредственной войны с СССР.

Английская буржуазия может втянуть страну в интервенцию в форме поддержки Польши военным снаряжением и деньгами, сможет, в худшем для нас случае, послать свой флот в Балтийское и Черное море, но послать в СССР большую армию, т.-е. массы рабочих в солдатских шинелях,—это уже совсем другое дело. При все развертывающемся процессе левения масс и росте симпатии к СССР—это просто невозможно. То же самое относится к Франции и Италии.

Особое значение имеет позиция *Америки*, в случае нападения Польши на нас. Наиболее ярые большевистскоедские элементы в Соед. Штатах, без сомнения, будут добиваться вмешательства Соед. Штатов в пользу Польши. И в виду крайней отсталости американского рабочего движения не приходится надеяться на серьезное с его стороны противодействие такой кампании. Так что возможность американской поддержки (преимущественно поставками оружия и деньгами) отнюдь не исключена.

Что же касается мелких государств—Румынии, Эстонии, Латвии и Финляндии, то хотя их непосредственное участие на стороне Польши весьма вероятно, но отнюдь не неизбежно. Во всяком

случае, Эстонии и Латвии не легко будет решиться на такой шаг, так как их правящие круги хорошо понимают, что вмешательство их в польско-советскую войну, при миниатюрных размерах территорий их стран и малочисленности их армий, может в кратчайший срок привести к прекращению их существования как буржуазных государств. В худшем случае, если даже все окраинные государства станут на сторону Польши, то мы не будем иметь против себя прочный сплоченный боевой блок с единой программой действий, так как у каждого из них будут свои побочные планы и цели.

Таким образом, мы приходим к выводу, что когда мы обычно говорим о будущей интервенции, как о войне мировой буржуазии против нас, то термин «мировая», вовсе не следует понимать в буквальном смысле слова. В ближайшие годы война буржуазии *всех* крупных капиталистических государств против нас мало вероятна. Нападение же на нас со стороны того или иного блока окраинных государств, пользующихся поддержкой крупных держав,—при нашей колоссально возросшей экономической, военной и международно-политической мощи, опирающейся на растущее сочувствие пролетариата всех стран и пробуждающихся колониальных народов, а также на таких надежных союзников, как наша геофизика (минеральные богатства) и география (колоссальные расстояния)—при таких условиях нападение на нас несравненно более опасно для многих из наших врагов, чем для нас.

Это становится особенно очевидным, если вспомнить, что ядро этого блока—Польша—далеко не здоровое. Польский пролетариат в значительной степени изжил свои нациналистические иллюзии, связанные с возрождением польской государственности, маломощное крестьянство не удовлетворено аграрной реформой; нацменьшинства (за исключением тонкого верхушечного слоя) все больше втягиваются в борьбу с властью польской буржуазии и ее военно-полицейской клики; компартия, как показали варшавские муниципальные выборы в мае 1927 г., несмотря на режим белого террора, все глубже внедряется в массы.

Вот почему мы, отнюдь не убаюкивая себя, отнюдь не отмахиваясь рукой от опасностей, а, наоборот, совершенно спокойно и хладнокровно взвешивая их и даже рассчитывая на худшее, можем уверенно смотреть в лицо чреватому крупными потрясениями будущему. Все это, понятно, при условии, что мы, расширяя базу нашей обороны—госпромышленность и сельское хозяйство—будем упорно и систематически укреплять во всех отношениях нашу славную Красную армию, красный морской и воздушный флот.

(Продолжение следует).

С. Бергавинов.

О темпе и характере расслоения сибирской деревни.

Значение сельского хозяйства Сибирского края в экономике страны общеизвестно. Мы только слабо знаем, вернее *не всегда* учитываем *особенности* развития порайонного сельского хозяйства в том числе и сибирского, отчего иногда и впадаем в существенные ошибки при подходе к разрешению какого-либо общего серьезного хозяйственного и политического вопроса, включающего в себя и экономику Сибири.

Такую глубокую политическую ошибку сделал тов. Дьяков на страницах «Советской Сибири»[1]) от 30-го ноября 1926 года, где он, разбирая вопрос о классовом расслоении деревни Юго-Зап. Сибири без учета этих особенностей и при неправильном подходе к группировкам хозяйств, приходит по меньшей мере к ошибочному выводу «о бурном капиталистическом росте верхушки деревни и дальнейшем обнищании нижнего полюса». *Исчерпывающие* ответы, *опровергающие* такой вывод, были даны в той же газете [2]), и этим можно считать полемику законченной.

В настоящей же статье мы хотим остановиться на общем вопросе расслоения сибирской деревни.

Прежде, чем подойти к разбору наших данных, необходимо остановиться на ряде существенных моментов *прошлого* Сибири, которое заключается в *особенностях* развития сельского хозяйства Сибирского края, по сравнению с другими районами СССР.

В чем эти особенности? Они заключались прежде всего в отсутствии земельного голода и помещичьего землевладения: сибирский мужик не знал и не видел у себя помещика, равно как и не испытывал недостатка в земле. Дальше надо отметить, что до революции земли в Сибири были во владении государства, числясь в постоянном пользовании населения, а частновладельческие земли (хутора и отруба) играли ничтожную роль.

Основной формой землепользования была община, которая при земельном просторе почти не прибегала к сплошному переделу земли, а производила урезку у многопосевных в пользу новых душ и новоселов. Все это не могло не отразиться на аграрной революции в Сибири, которая здесь происходила не в формах «черного передела», а в форме урезок многоземельных в пользу бес- и малопосевных, в передел шли близлежащие земли, а далекие оставались в пользовании старых хозяев. Следовательно, в части землепользования происходило известное «уще-

---

1) «Советская Сибирь»—орган Сибкрайкома ВКП.
2) См. №№ 1, 9 «Сов. Сибири» за 1927 г.

мление» многопосевных, но отсутствовала нивелировка, которая только теперь с проведением землеустройства может быть в известной мере достигнута.

Еще сложней обстояло дело с нивелировкой по средствам производства. Если в деревне других районов СССР аграрная революция осуществлялась не только в форме передела земли, но и путем захвата у кулака и помещика средств производства через «раскулачивание», комитеты бедноты и т. д., то сибирская деревня этого не имела и иметь не могла, поскольку здесь советская власть установилась в конце 1919 года. А своеобразное сибирское партизанское движение (опирающееся на бедняцко-середняцкие массы) и *жесткая* продразверстка, хотя в известной мере и вели к поравнению—раскулачиванию (конфискация имущества у кулаков и колчаковцев), но все же не дали существенных изменений, особенно в отношении мертвого инвентаря. Кулацкая часть деревни, лишившись значительного количества живого инвентаря—коровы, лошади—*сумела* в то же время сохранить основную массу сложного мертвого инвентаря (молотилки, сенокосилки и т. д.) в своих руках. Это обстоятельство при огромном значении сельскохозяйственных машин вообще, а в Сибири в особенности, имело крупнейшее значение и во всем дальнейшем развитии сельского хозяйства Сибкрая и в быстром хозяйственном росте этой верхушки деревни.

Таковы своеобразные черты развития сельского хозяйства в Сибири, не учитывать которые, при разрешении столь серьезного вопроса, как расслоение деревни, значит наверняка совершить ошибку и внести в вопрос неясности.

Пользуясь, как уже выше говорилось, данными весенних опросов 1925 и 1926 гг., попытаемся установить характер и темп расслояния деревни Юго-Западной Сибири [1]). Происходил ли здесь характерный для расслоения дореволюционной деревни процесс *размывки* середняка на два крайних полюса, или же в условиях *советской деревни* мы этого не имеем? Обращаясь к данным весенних опросов 1925—1926 гг. о группировках хозяйств по посеву и скоту, мы получаем такую картину:

Группы хозяйств	% хозяйств		Изменен. в %% за год (к той же группе)	% посева ко всему итогу		Изменен. в %% за год (к той же группе)
	1925 г.	1926 г.		1925 г.	1926 г.	
Группа без посева и с посевом до 3 десятин	55,3	42,4	— 23,4	23,8	14,1	— 41,0
Группа от 3 до 4 дес.	12,7	12,6	— 0,8	12,4	9,6	— 24,4
Группа с посевом от 4 до 10 дес.	28,0	36,2	+ 29,3	48,2	48,3	+ 0,2
» » » » 10 » 16 »	3,2	6,6	+106,2	11,0	17,6	+ 60,0
» » » » 16 и св. дес.	0,8	2,2	+175,0	4,6	10,4	+116,7
Итого в %% . .	100	100	—	100	100	—

[1]) Это—часть Сибири, наиболее характерная и определяющая состояние сельского хозяйства Сибири в целом, поскольку в ее часть входит большинство округов с наиболее развитым сельским хозяйством.

Группы хозяйств	% раб. скота ко всему итогу		Изменен. в %% за год (к той же группе)	% коров ко всему итогу		Изменен. в %% за год (к той же группе)
	1925 г.	1926 г.		1925 г.	1926 г.	
Группа без посева и с посевом до 3 десятин	38,0	24,7	— 35,3	41,7	30,5	— 26,9
Группа от 3 до 4 дес.	13,6	11,6	— 15,4	13,2	12,0	— 9,1
Группа с посевом от 4 до 10 д.	39,7	45,9	+ 15,6	37,4	43,0	+ 15,0
» » » » 10 » 16 »	6,6	12,2	+ 84,8	5,8	10,3	+ 77,9
» » » » 16 и св. дес.	2,1	5,6	+166,7	1,9	4,2	+122,2
Итого в %% . .	100	100	—	100	100	—

О чем говорят эти цифры? Налицо *несомненная картина общего движения вверх всех хозяйств.*

Относя группу беспосевных и с посевом до 3 дес. к бедняцкой группе, мы видим значительное ее сокращение: по хозяйствам—на 23,4%, по посеву—на 41,0%, по рабочему скоту—на 35,3% и по коровам—на 26,9%. На первый взгляд может показаться, что темп сокращения по посеву и по средствам производства идет *быстрее*, чем по хозяйству, но это только впечатление и не больше, поскольку иного положения и быть не может, *на данной* хозяйственной ступени развития, ибо беднота, сократившись количественно, в оставшейся части не может сохранить свой старый экономический удельный вес, т. к. в этой части остались наиболее слабые хозяйства, а более крепкие передвинулись в середняцкую группу. Подтверждением этого служит и группа с посевом от 3 до 4 дес., которая также относится к бедняцкой группе, но «крылом» своим она уже подбирается к середняцкой. Эта группа (с посевом от 3 до 4 дес.) имеет уже меньший темп снижения, как по хозяйствам и посеву, так и по средствам производства. Она сократилась по хозяйствам на 0,8%, по посеву—на 24,4%, по раб. скоту—на 15,4% и по коровам—на 9,1%. Несомненно, эта группа при первом хорошем урожае в значительной мере перейдет в середняцкую группу, а при плохом урожае—в бедняцкую группу. Дальше идет группа с посевом от 4 до 10 дес., которую надо отнести к середняцкому массиву. Эта группа значительно растет количественно и хозяйственно укрепляется. Здесь мы имеем рост ее по хозяйствам на 29,3%, по посеву—на 0,2%, по раб. скоту—на 15,6% и по коровам—на 15,0%. Следующая группировка с посевом от 10 до 16 дес., ее отнести можно к «зажиточной» или к крепко-середняцкой группе, среди которой, пожалуй, половина является *«почкой»*, растущей в кулака. Эта группа выросла по хозяйствам на 106,2%, по посеву—на 60,0%, по раб. скоту—на 84,8% и по коровам—на 77,9%. И, наконец, последняя группа, несомненно, *кулацкая* имеет более быстрый рост в сравнении с другими группировками по всем видам хозяйства.

Но ограничиться только приведенной таблицей нельзя, поскольку по условиям Сибири в сельском хозяйстве сельскохоз. машины играют крупнейшее, прямо *исключительное* значение, и

без выкладок о машинном инвентаре, приведенная выше таблица не даст исчерпывающего ответа на интересующие нас вопросы. Поэтому мы приводим цифры о машинах на 1926 г. в %% к итогу по группам и получим:

Группы хозяйств	Сеялок	Жнеек	Сенокосил.	Молотил.	Веялок и сорт.	Плугов
Группа без посева и с посев. до 3 дес.	2,7	2,4	6,5	5,1	6,2	19,2
» от 3 до 4 дес.	3,0	3,9	6,3	5,3	6,4	13,1
» с посевом от 4 до 10 дес.	28,2	48,2	56,7	50,2	53,4	50,6
» » » » 10 » 16 »	29,2	28,9	21,2	25,0	23,2	11,8
» » » свыше 16 дес.	39,6	16,6	9,3	14,4	10,8	5,3
Итого в %%	100	100	100	100	100	100

Характерной чертой этой таблицы, с одной стороны, является *преобладание* сложного *машинного* инвентаря в руках середняцкой группы и, с другой—наличие значительного количества этих машин в руках зажиточно-кулацкой верхушки деревни.

Но как уже выше мы отмечали, корни такого явления надо отнести *к прошлому* Сибири, а к отпуску машин здесь приступлено 2—3 года назад.

Теперь мы сгруппируем все эти цифры в одну сводную таблицу об удельном весе различных посевных групп сибирской деревни на 1926 год и будем иметь:

Группы хозяйств	% дворов	% посева	% коров	% раб. скота	% сеялок	% жнеек	% сенокос.	% молотил.	% веялок и сортир.	% плугов
Группа без посева и с посевом до 3 десятин	42,4	14,1	30,5	24,6	2,7	2,4	6,5	5,1	6,2	19,2
Группа с посевом от 3 до 4 дес.	12,6	9,6	12,0	11,6	3,0	3,9	6,3	5,3	6,4	13,1
Группа с посевом от 4 до 10 дес.	36,2	48,3	43,0	45,9	28,2	48,2	56,7	50,2	53,4	50,6
» » » 10 » 16 »	6,6	17,6	10,3	12,2	29,2	28,9	21,2	25,0	23,2	11,8
» » свыше 16 дес.	2,2	10,4	4,2	5,6	36,9	16,6	9,3	14,4	10,8	5,3
Итого в %%	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Эта сводная таблица об удельном весе всех группировок с очевидностью показывает, *что основная масса хозяйств, посева и средств производства, в том числе и сложного сельскохоз. инвентаря сосредоточена в руках середняцкой группы*—с посевом от 4 до 10 десятин, которая экономически идет *вверх* по всем признакам, а раз так, следовательно, у нас нет никаких оснований к выводу *о рассасывании* его—середняка—по крайним полю-

сам деревни. При том, если учесть, что из группы с посевом от 10 до 16 дес., так называемых «крепких» середняков, можно, не ошибаясь, хотя бы половину включить в обще-середняцкую группу, то тогда будем иметь в удельном весе уже подавляющее количество средств производства и посева в руках этой середняцкой массы.

Дальше таблица вскрывает наличие в руках небольшой группы (2,2%) кулацких хозяйств изрядного количества посева, скота и особенно сложных сельскохоз. машин, а если к этой группе прибавить некоторое количество хозяйств из крепко-середняцкой группы, то доля по средствам производства, гл. образом, по сложному с.-х. инвентарю, несколько еще повысится. На этой основе безусловно растет, и в известной мере может расти и в дальнейшем, эксплоатация низших групп деревни. Тут уместно привести в высшей степени интересные—с точки зрения классовых отношений—цифры, показывающие способы получения скота и инвентаря для обработки пашни по отдельным посевным группам; они рисуются в следующем виде: на 100 хозяйств весной 1926 года обрабатывали землю:

Группы хозяйств	Число хозяйств в 1926 г.	Чьим инвентарем: Только своим	Только чужим	Смешан. способ.	С упрягой	Неизвестно	Итог в %%
Без посева	3.954	—	—	—	—	—	—
Группа с посевом до 3 дес.	29.180	26,8	26,9	12,2	30,4	4,7	100
» » » от 3 до 4 д.	9.862	49,5	8,3	9,7	30,6	1,9	100
» » » » 4 » 10 »	28.203	70,2	2,8	4,3	21,8	0,9	100
» » » » 10 » 16 »	5.190	82,0	0,7	1,8	15,3	0,2	100
» » » свыше 16 д.	1.739	88,0	0,4	2,3	9,1	0,2	100
Итого в абсолютных числах и средн.	78.128	38.354	9.461	5.594	18.966	1.799	100
%%	100	51,7	12,8	7,5	25,6	2,4	—

Группы хозяйств	Число хозяйств в 1926 г.	Чьим скотом: Только своим	Только чужим	Смешан. способ.	С упрягой	Неизвестно	Итог в %%
Без посева	3.954	—	—	—	—	—	—
Группа с посевом до 3 дес.	29.180	22,3	36,6	11,8	24,4	4,9	100
» » » от 3 до 4 д.	9.862	45,6	14,4	11,2	27,2	1,6	100
» » » » 4 » 10 »	28.203	68,8	4,7	6,4	19,2	0,9	100
» » » » 10 » 16 »	5 190	82,9	2,4	2,1	12,3	0,3	100
» » » св. 16 дес.	1.739	88,2	1,6	2,2	7,8	0,2	100
Итого в абсолютных числах и средн.	78.128	36.199	13.827	6.369	15.970	1.809	100
%%	100	48,9	18,6	8,6	21,5	2,4	—

И эта таблица в добавление к предыдущим подтверждает предыдущий наш вывод, что в сибирской деревне не происходит размывание середняка и что у него—середняка—сосредоточено большинство средств производства, об этом красноречиво показывают цифры обработки пашни только чужим (8,3% и 14,4%) и только своим (49,5% и 45,6%) инвентарем. К сожалению, мы не имеем цифр за прошлые годы о размерах *супряги*, но по всем данным (в том числе и личного наблюдения) она *растет*. Но и приведенные в таблице размеры супряги заслуживают исключительного внимания. Супряга довольно распространена среди всех групп деревни и особенно в бедняцко-середняцкой массе.

Правда, бывают иногда случаи, когда под видом «супряги» обнаруживается самая настоящая эксплоатация маломощных хозяйств, и все же, несмотря на такие случаи, надо признать, что возрастание супряги при данных условиях деревни является шагом вперед в высвобождении от эксплоатации кулачеством. На супрягу мы должны обратить серьезное внимание, учесть ее размеры точнее и сделать выводы.

Наконец, мы приведем данные об аренде земли и найме рабочей силы, которые еще дополнят предыдущие таблицы и подтвердят наш основной вывод, который мы делали выше.

Группы хозяйств	% арендов. пашни к общ. итогу по группам	% найма годовой и сроковой рабсилы к общ. итогу по группам
Группа без посева и с посев. до 3 д.	11,6	13,1
» с посевом от 3 до 4 дес.	5,4	7,8
» » » 4 » 10 »	35,8	48,3 [1]
» » » 10 » 16 »	20,1	19,1
» » свыше 16 дес.	27,1	11,7
Итого	100	100

О чем же говорят все приведенные таблицы, и какой вывод из них надо сделать?

Прежде всего приведенные выкладки и цифры показывают *наличие в сибирской деревне несомненно серьезной дифференциации; расслоение идет прежде всего по линии перераспределения средств производства, при чем накопление направляется главным образом в сельскохоз. машины, а потом уже в молочный и рабочий скот, а расслоение по земле идет в последнюю очередь.* Такое явление имеет связь с отсутствием частной собственности на землю в прошлом и наличием земельных просторов. Это—первый политический вывод, который необходимо сделать при анализе этого вопроса.

[1]) В середняцкой группе с посевом от 4 до 10 дес. в 48,3% найма рабочей силы значительно преобладает наем *сроковой, сезонной* во время уборки хлебов.

Второй бесспорный вывод следующий: в сибирской деревне идет значительное *движение вверх всех групп хозяйств*, и, *несмотря* на серьезную дифференциацию, мы имеем налицо *количественный и экономический рост середняцкой массы*. Бедняцкая группа, сокращаясь количественно, выделяет значительный слой в высшие группы и в меньшей мере пролетаризуется, и, наконец, верхушечная группа деревни идет вверх по всем видам производства быстрее всех остальных групп. Но «страшного» в этом ничего нет, ибо для данного переходного периода хозяйственного под'ема деревни такое явление неизбежно, и партия никогда этого не скрывала (см. резолюции XIV с'езда, XIV—XV конференций ВКП и т. д.). Этот рост есть и в течение ближайшего периода еще будет, ибо, как говорит резолюция XV Всесоюзной партийной конференции, «в политических и экономических условиях СССР особенностью дифференциации крестьянства является то, что, на ряду *с ростом* кулацких элементов в деревне и пролетаризацией *некоторой* части бедняцких хозяйств, происходит *экономический под'ем* другой части бедняцких хозяйств. Середняцкая масса деревни, пополняясь экономически поднимающимися бедняцкими хозяйствами, остается попрежнему главной силой земледелия» (подчеркнуто везде мною. *С. Б.*).

Приведенные нами данные целиком подтверждают правильность этой резолюции и в *сибирских условиях*. И здесь, в Сибири, также не происходит *рассасывание, вымывание середняка по крайним полюсам*.

Все наши цифры говорят об обратном: налицо значительное укрепление середняцкого слоя. Середняк, укрепляясь остается главной силой земледелия и центральной фигурой, определяющей общий под'ем деревни, в том числе и сибирской.

Анализ всех данных, повторяем, не дает оснований к выводу об изменении в худшую сторону положения нижнего полюса, а тем паче середняцкого массива. Не подходя к вопросу с «обще-российской» меркой, думаем не будет ошибкой, если скажем, что процесс расслоения в Сибири идет, в основном, в тех же формах, о которых говорил тов. Рыков на XV конференции, хотя самый *темп* расслоения здесь идет безусловно *быстрее*.

Дабы окончательно подкрепить наши выводы, обратимся к другому статистическому материалу. Берем данные гнездовой динамической переписи 1926 года об эволюции 12.374 хозяйств на территории бывш. Омской губернии [1]). Из этого количества хозяйств в течение года подвергались разделам 2,7%, выселилось и ликвидировалось—4,0%, соединилось—1,5% и осталось без органических изменений—91,8%. Группируя эти хозяйства по размеру посева в 1925 году, и рассматривая их *эволюцию* по посевным группам и изменения в сторону увеличения или уменьшения посева и рабочего скота у них к 1926 году, мы имеем такую картину:

[1]) Омская губерния, ныне округ, является наиболее характерной и типичной по экономике для Юго-Западной Сибири. Этот округ наиболее развит и «крепок» в сельскохозяйственном развитии.

Группы по посеву 1925 г.	Число хозяйств 1925 г., оставш. без органич. изменен.	Из них к 1926 г. в процентах						
		Перешли		Осталось в тех же группах	Увеличили		Уменьшили	
		В высшие группы по посев.	В низшие группы		Посев	Рабоч. скот	Посев	Рабоч. скот
1. Без посева и с посев. до 0,1 дес.	759	48,4	—	51,6	48,4	15,5	1,7	5,8
2. С посев. от 0,1 до 1,0 дес. . .	1528	45,6	7,7	46,7	64,9	14,7	21,0	6,9
3. » » 1,1 » 2,0 » . .	2325	48,5	10,5	41,0	69,3	15,9	20,5	8,8
4. » » 2,1 » 3,0 » . .	2073	58,0	10,7	31,3	72,8	18,8	19,4	9,6
5. » » 3,1 » 4,0 » . .	1489	57,2	13,9	28,9	71,7	20,2	21,8	12,2
6. » » 4,1 » 6,0 » . .	1732	48,9	10,3	40,8	75,2	25,0	20,5	13,5
7. » » 6,1 » 8,0 » . .	775	50,7	13,0	36,3	73,9	25,7	22,5	17,0
8. » » 8,1 » 10,0 » . .	339	53,7	15,9	34,0	72,6	29,5	25,1	15,9
9. » » 10,1 » 16,0 » . .	266	54,5	16,5	29,0	74,0	35,0	24,1	18,1
10. » » 16,1 » 22,0 » . .	40	70,0	12,5	17,5	77,5	57,5	22,5	12,5
11. » свыше 22,1 » .	26	65,4	7,7	26,9	80,0	52,0	20,0	28,0
Итого. . . .	11352	51,6	10,4	38,0	69,6	19,9	19,6	10,7

В заключение посмотрим изменения от 1925 года к 1926 г. посевных групп по посеву, рабочему скоту и сложному инвентарю и для большей наглядности данные этих изменений приведем не только в относительных, но и в абсолютных числах:

В абсолютных числах:

Группы хозяйств	Число хозяйств без органическ. изменен. 1925 г.	У них было в 1925 году и оказалось в 1226 году		
		Десятин посева		
		1925 г.	1926 г.	Увелич. или уменьшен. в 1926 г. против 1925 г.
1. Без посев. и с посев. до 1,0 дес.	759	18,3	445,5	+ 427,2
2. С посев. до 1,0 дес.	1528	1044,9	1835,7	+ 790,8
3. » от 1,0 до 2,0 дес. . .	2325	3747,1	5296,6	+ 1549,5
4. » » 2,1 » 3,0 » . .	2073	5363,0	7351,8	+ 1988,8
5. » » 3,1 » 4,0 » . .	1489	5297,4	6930,3	+ 1632,9
6. » » 4,1 » 6,0 » . .	1732	8527,7	11106,6	+ 2578,9
7. » » 6,1 » 8,0 » . .	775	5373,5	6636,3	+ 1262,8
8. » » 8,1 » 10,0 » . .	339	3026,8	3670,0	+ 643,2
9. » » 10,1 » 16,0 » . .	266	3218,8	3866,2	+ 647,4
10. » » 16,1 » 22,0 » . .	40	769,9	972,1	+ 202,2
11. » свыше 22,0 » . .	26	836,6	1042,2	+ 205,6
Итого. . . .	11352	37224,0	49153,3	+11929,3

Группы хозяйств	Число хозяйств без органичес. изменений 1925 года.	У них было в 1925 г. и оказалось в 1926 году					
		Голов рабочего скота			Колич. сеялок и убороч. машин.		
		1925 г.	1926 г.	Увелич. или уменьш. в 1926 г. против 1925 г.	1925 г.	1926 г.	Увелич. или уменьш. в 1926 г. против 1925 г.
1. Без посев. и с пос. до 1,0 дес.	759	394	470	+ 76	22	26	+ 4
2. С посев. до 1,0 дес.	1528	1292	1427	+ 135	45	60	+ 15
3. » от 1,0 до 2,0 дес.	2325	3082	3273	+ 191	191	226	+ 35
4. » » 2,1 » 3,0 »	2073	3095	3304	+ 209	402	641	+ 239
5. » » 3,1 » 4,0 »	1489	2867	3012	+ 145	502	608	+ 106
6. » » 4,1 » 6,0 »	1732	4128	4329	+ 201	1329	1612	+ 283
7. » » 6,1 » 8,0 »	775	2309	2421	+ 112	957	1128	+ 171
8. » » 8,1 » 10,0 »	339	1113	1158	+ 45	558	670	+ 112
9. » » 10,1 » 16,0 »	266	951	997	+ 46	519	600	+ 81
10. » » 16,1 » 22,0 »	40	167	186	+ 19	131	123	— 8
11. » свыше 22,0 »	26	151	177	+ 26	77	87	+ 10
Итого. . . .	11352	19550	20754	+1204	4733	5781	+1048

И эти цифры, представляющие исключительный интерес, целиком подтверждают наши выводы, о которых речь шла выше, и доказывают ошибочную трактовку вопроса о сокращении середняков. Все статистические материалы, приведенные в статье, как о Сибирском крае в целом, так и по наиболее сельхоз. округу отрицают наличие в сибирской деревне процесса рассасывания—вымывания *середняцкого массива* и утверждают несомненное наличие *его и количественного и экономического роста*, при чем роста, главным образом, за *счет перехода бедняцких хозяйств в середняцкие*.

Мы не ставили перед собой задачи в этой статье наметить практические предложения, вытекающие из всего сказанного, а имели целью об'ективно осветить вопрос, как он есть.

В заключение мы думаем, что все эти данные представляют также некоторый интерес с точки зрения «сказок» оппозиционного блока о состоянии советской деревни и процессах, в ней происходящих; они показывают, насколько далеко «лидеры» оппозиции *оторвались* (если только оторвались...?) от действительной жизни и вряд ли характеризуют этих «лидеров» и в крестьянском вопросе как выразителей пролетарских настроений.

Все данные о расслоении сибирской деревни с очевидностью говорят об оправдании на деле, в частности и в сибирских условиях, политики партии, направленной на под'ем бедняцко-середняцкой массы деревни, на приобщение ее под руководством пролетариата к социалистическому строительству, на отпор кулачеству и его капиталистическим стремлениям.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

«ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО». Сборник статей под ред. А. М. Гинзбурга, Э. И. Квиринга и С. П. Середы. Изд. «Эк. Жизнь». Москва, 1927 г., стр. 600. Цена 7 р. 50 к.

Рецензируемый нами сборник статей, об'единенный основной идеей—установить и определить взаимоотношение и взаимозависимость в процессе индустриализации *промышленности и народного хозяйства*—является, несомненно, значительным и серьезным вкладом в нашу экономическую литературу.

По своему содержанию весь сборник разделен на три основных раздела. Первый посвящен общим вопросам индустриализации, второй—«вопросу о связи между промышленностью и отдельными частями народного хозяйства» и третий—вопросам вовлечения «в промышленное использование всех больших массовых естественных богатств». Едва ли представляется возможным, хотя бы в самой незначительной мере исчерпать в рамках журнальной рецензии богатейшее содержание настоящего сборника, состоящего из 28 фундаментальных, и по содержанию и по об'ему, статей. Поэтому мы и ограничиваем свои критические замечания наиболее общими и принципиальными статьями пятого раздела сборника.

Наиболее общий и наиболее принципиальный характер носит статья М. И. Спектатора «Значение индустриализации в мировой экономике», ставящего целью проанализировать конкретные особенности и условия индустриализации в послевоенной мировой экономике и в первую голову—взаимоотношения промышленности и сельского хозяйства. Нечего и говорить, насколько важно такого рода исследование и какие бесспорно ценные выводы может дать подобного рода анализ для практики индустриализации нашего Союза. Однако, к сожалению, надо признать, что статья т. Спектатора страдает рядом принципиально неверных положений и неточностей, в значительной мере повлиявших и на конечные его выводы и результаты.

В самом деле, вот к каким выводам приходит т. Спектатор в результате анализа послевоенного мирового хозяйства и промышленного кризиса: «Послевоенный промышленный кризис является, таким образом,—пишет он,—результатом *чрезмерной* индустриализации, т.-е. *слишком разросшегося* основного капитала, не могущего быть целиком использованным при капиталистической системе распределения национального дохода и связывающего значительную часть капитала страны». «Словом *чрезмерная* индустриализация мирового производства при свойственном «загнивающему» капитализму замедленном темпе роста покупательной силы населения и является *основой* послевоенного промышленного и сельскохозяйственного кризиса» (курсив наш. *К. Р.*).

Действительно ли «чрезмерной» индустриализации, как это утверждает т. Спектатор, надо искать *корни* и *основную* причину послевоенного кризиса? Как доказывает и аргументирует это свое положение тов. Спектатор?

Он говорит: послевоенное хозяйство Германии характеризуется *ростом* тяжелой индустрии. И приводит следующие данные: в 1913 году Германия в современных границах имела 284 каменноугольные шахты с 490,7 тыс. рабочих, а в 1922 году—379 шахт с 566,7 тыс. рабочих.

В 1913 г. добыча железной руды производилась в 263 рудниках с общим количеством рабочих—24,6 тыс., а в 1922 г. количество рудников увеличилось до 336 с 29,7 тыс. рабочих. Такая же картина рисуется и в области металлургического производства. В общем и целом,—пишет тов. Спектатор,—если отвлечься от потерь, связанных с потерей значительной части территории и находящихся на ней фабрик и заводов, «то окажется, что производственный аппарат увеличился и в Германии, не говоря уже об Англии, которая не потерпела таких разрушений и во время войны сильно увеличила число предприятий в главнейших отраслях хозяйства».

Однако, такого рода аргументация не может быть все же признана хоть сколько-нибудь удовлетворительной. И причины послевоенного кризиса искать *только* в чрезмерной индустриализации, чрезмерно разросшемся производственном аппарате было бы явно недостаточно. Тем более, что сам т. Спектатор в другой своей работе писал, что «война не только поглотила запасы, но и разрушила производства некоторых стран благодаря тому, что в течение войны почти совершенно не ремонтировался и не возобновлялся основной капитал» [1]).

А другой автор по этому же поводу писал следующее: «Уменьшаются (во время войны. *К. Р.*) не только запасы богатств, приходит в упадок даже самый производственный аппарат. *Людской производственный аппарат* страдает вследствие отвлечения больших масс рабочих от производительного труда, вследствие военных потерь и вследствие недостаточного питания и чрезмерной работы в тылу. *Материальный производственный аппарат* расстраивается вследствие вреда, непосредственно наносимого войной. То, что накопляется вновь, идет исключительно на военные нужды» [2]).

Значит ли это, что мы вообще отрицаем какое бы то ни было движение вперед, в смысле индустриализации, в период войны? Ни в какой мере. Как совершенно справедливо отмечает в своей статье А. М. Гинзбург, «война не остановила процесса индустриализации, но дала ему заведомо больной уклон. Промышленность продолжала развиваться, но лишь за счет тех ее отраслей, которые призваны были обслуживать непосредственные нужды войны». И, совершенно естественно, что с окончанием войны рост этих отраслей, обслуживающих военные потребности, должен был не только прекратиться, но и в значительной степени они должны были вообще свернуться.

Кроме того, рост военной индустрии, как правило, происходил в условиях перераспределения производительных сил из сельского хозяйства. Наконец, война имела своим следствием обнищание широких потребительских масс населения. Все это в своей совокупности, не говоря уже о ряде других, большей или меньшей значимости причин, и создало ту обстановку, в которой неизбежен был тягчайший промышленный и с.-х. кризис. И в ряде этих причин диспропорция между промышленностью и сельским хозяйством была лишь *одной* из многих причин, вызвавших и обосновавших послевоенный кризис.

Нельзя, наконец, пройти мимо рассуждений т. Спектатора о ходе и последовательности индустриального развития. «Связью между промышленностью и сельским хозяйством,—говорит он,—не исчерпывается однако, проблема индустриализации, правильного распределения капи-

---

[1]) М. Нахимсон (Спектатор) «Мировое хозяйство до и после войны». Стр. 15.

[2]) Варга—«Кризис мирового хозяйства», стр. 10.

тала. Необходима еще определенная последовательность и в развитии отдельных отраслей промышленности».

Как же эта последовательность представляется т. Спектатору? «Постепенное накопление капитала дает возможность развития отраслей производства средств производства, куда и направляется главным образом капитал».

Иначе говоря, сперва развитие и расширение отраслей промышленности, работающих *непосредственно* на рынок личного потребления, а уже затем, потом, когда будут свободные средства, появятся кое-какие излишки и т. д., можно переходить к развитию отраслей, производящих средства производства.

Такого рода изложение хода индустриального развития и развития отраслей тяжелой индустрии поражает прямо величественным игнорированием действительного, реального, конкретного процесса индустриализации. Но т. Спектатору, очевидно, показалось и это недостаточным, ибо дальше все это заключается таким замечательным рассуждением: «при слабом накоплении капитала постройка предприятий с высоким органическим составом капитала может оказаться мало выгодной (!), так как (!) она фактически (!) означает задержку (!) в развитии производительных сил других отраслей и должна (!) неминуемо вести к диспропорции со всеми ее последствиями: товарным голодом, высокими ценами, недостатком специальных рабочих для одних отраслей и растущей безработицей других категорий рабочего класса». Все это, конечно, сущий вздор явно мелкобуржуазного происхождения, неудачная попытка повернуть вспять колесо хозяйственного развития. В самом деле, разве не пустяком, совершенно недостойным сколько-нибудь серьезного экономиста, является утверждение, что предприятия с высоким органическим капиталом, предприятия с высокой техникой, высоким техническим уровнем, где используются последние достижения науки и техники являются *реакционным* фактором, задерживающим развитие производительных сил и т. д. и т. п.?

Выводы т. Спектатора реакционны и мелкобуржуазны в условиях капитализма. Но они сохраняют свой реакционный смысл и в применении к советской системе хозяйства, где индустриализация имеет принципиально отличное содержание.

Попробуйте перенести все эти рассуждения и выводы т. Спектатора на советскую почву, и их мелкобуржуазная, ультра-шанинско-масловская концепция обнаружится с особенной ясностью:

промышленность не должна развиваться быстрее сельского хозяйства;

промышленность должна развиваться в строгом соответствии с требованиями, пред'являемыми ей рынком;

производство средств производства должно развиваться только при наличии постепенного накопления капитала и удовлетворения отраслей, производящих средства потребления; и

новое промышленное строительство должно избегать предприятий с высоким органическим составом капитала,—технически-совершенных предприятий. Днепрострой, металлургические гиганты — Тельбесский, Магнитогорский, Криворожский заводы и ряд других, начинаемых нами крупнейших строительств,—должны будут применяя рассуждения т. Спектатора, вести к диспропорции, товарному голоду, высоким ценам и т. д.

Бросается, наконец, в глаза и ряд «мелочей», которыми сдобрена статья т. Спектатора. Так, например, рост цен на продукты сельского хозяйства об'ясняется следующим образом: «Рост цен на сельскохозяйственные продукты означает, что производство золота и других продуктов идет быстрее, чем производство сельскохозяйственных продуктов».

Это может быть и очень «просто», но, мягко выражаясь, недостаточно толково, убедительно и вразумительно.

Несомненный интерес представляет статья т. А. М. Гинзбурга— «Индустриализация СССР», в которой автор в очень удачной форме показывает пути индустриального развития нашего Союза и источник и ресурсы индустриализации. Нельзя не отметить в высокой мере заслуживающего внимания предложения в этой статье автора «более активного использования сбережений путем выпуска гарантированных промышленных акций».

Из числа статей первого раздела сборника надо особо отметить статьи: Э. Квиринга—«Основные задачи промышленной политики СССР», Б. А. Гухмана—«Динамика промышленности России в связи с динамикой народного хозяйства», В. И. Лаврова—«Мелкая и крупная промышленность в народном хозяйстве СССР» и А. А. Горева—«Электрификация в современных индустриальных странах».

Как совершенно правильно отмечает В. И. Лавров, «проблема индустриализации народного хозяйства СССР в направлении создания аграрно-индустриального типа нашей страны не может быть правильно разрешена только путем расширенного воспроизводства основного капитала в нашей крупной государственной промышленности; по целому ряду отраслей промышленности и в ряде районов с низкой структурой народного хозяйства мелкая и кустарно-ремесленная промышленность в ближайшие годы должна будет сыграть немаловажную роль в деле индустриализации СССР». К сожалению, это совершенно бесспорное, по сути дела, положение, не всегда достаточно твердо и ясно всеми понимается. В условиях ограниченности материально-технических ресурсов для индустриализации нашего хозяйства, в условиях наличия значительных кадров безработных в городе и свободных рабочих рук в деревне, мелкая и кустарно-ремесленная промышленность еще долгое время не потеряет своего значения в хозяйстве нашего Союза, как известное дополнение к крупной государственной промышленности. Именно здесь, в мелкой промышленности, легче всего аккумулируются мелкие сбережения трудящихся, именно здесь найдет приложение значительная часть не втянутых в орбиту крупного промышленного производства свободных рабочих рук.

Из статей второго раздела сборника надо особо отметить статьи: Огановского—«Промышленность и сельское хозяйство», Канторовича— «Промышленность и товарооборот», Ришара—«Промышленность на рынке сырья», статьи Киселева, Постникова и Дезена.

В общем сборник представляет, несомненно, значительное явление в экономической литературе наших дней. Нельзя не отметить исключительно высокой цены сборника (7 р. 50 к.), делающей его мало доступным даже тем читательским кругам, на которые он рассчитан.

К. Розенталь.

Редакция: В. Астров. Н. Бухарин. В. Молотов. А. Слепков. Е. Ярославский.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 31 ИЮЛЯ 14

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 7
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

Главлит № 94749. Москва. Тираж 75.000.
Тип. изд-ва «Правда» и «Беднота», Яузский мост, Серебрянич. наб., д. № 23/а.

Об'единенный пленум и оппозиция.

Из всех послевоенных «мирных» лет нынешний 1927 год является годом наибольшего обострения отношений между СССР и капиталистическими державами. Вся совокупность об'ективных обстоятельств сейчас сложилась так, что новое военное нападение империалистов на СССР, в неизбежности которого мы всегда были уверены, стало вполне вероятным в ближайшее время. Опасность войны из теоретически предсказанной начала становиться вполне реальной, принимать осязаемые формы.

Вполне естественно, что в такой обстановке какие-либо внутренние трудности и осложнения были бы особенно опасны для СССР. Любая внутренняя трудность может вдохновить готового к прыжку хищника на военную авантюру против нас. Внутренняя трудность может легко вырасти во внешнюю, «перерасти» в нее.

К счастию для нас, сейчас мы уже оставили позади себя хозяйственные «рытвины и ухабы» так называемого восстановительного периода. Социалистические командные высоты укреплены, сельское хозяйство в основном восстановлено, производительность перешагнула довоенный уровень, достигнуто упрочение валюты. Уровень жизни трудящегося населения в общем доведен до довоенного и частью перешагивает за него. Политически диктатура пролетариата в стране крепка, как никогда. И в перспективе, поскольку дело касается внутренней обстановки Советского Союза, перед нами дальнейший общий под'ем как в области хозяйства, так и в области пролетарской общественности города и села.

В наследство от прошлых лет нам, однако, досталась одна еще не изжитая политическая трудность, могущая, при известных условиях, сыграть для партии и советской власти крайне опасную и вредную роль. Это—разлагающая работа внутрипартийной оппозиции, продолжающаяся уже в течение целых четырех лет, с осени 1923 года, при неуклонном *обострении* из года в год.

Главное тактическое правило, которое усвоила себе эта оппозиция,—в каком бы она составе ни выступала,—состоит в использовании *об'ективных затруднений*, встающих перед партией и советской властью в процессе социалистического строительства.

Каждое такое об'ективное, неизбежное затруднение ставилось ею, как «лыко в строку», Центральному Комитету и всей партии в целом в надежде таким путем умножить оппозиционный политический капитал.

До сих пор из года в год оппозиция спекулировала на внутренних, главным образом хозяйственных, затруднениях, кризисах и заминках: «ножницы» в ценах на промышленные и с.-х. продукты (1923 год), хлебозаготовительные и экспортные затруднения (1925), трудности капитального строительства (1926).

Казалось бы, что внешние затруднения, в форме обострения дипломатических и иных отношений с буржуазным миром, представляют собою слишком рискованное и опасное поле для оппозиционной политической спекуляции. Казалось бы, обострение международного положения СССР должно было привести оппозицию к мысли о необходимости приостановить или хотя бы смягчить свою борьбу с партией, введя ее хотя бы в лойяльные, партийно-уставные рамки.

К сожалению, мы стали свидетелями совершенно обратного явления. Обострение международного положения СССР побудило оппозицию сильнейшим образом *обострить* фракционную борьбу с партией и повести ее в неслыханных и невиданных по своей антипартийности формах.

Фракционная деятельность оппозиции в текущем году обострилась как *идейно*, так и *организационно*.

Как далеко зашло отчуждение оппозиции от партии и от ленинизма в области идейной, об этом говорит уже одно обвинение ленинской партии в совершившемся якобы «термидорианском перерождении» ее руководства. Не будем обременять статьи соответствующими цитатами из оппозиционных творений, ибо эти цитаты уже не раз приводились в партийной прессе.

Из положения о термидорианском характере партии легко было сделать вывод о том, что война, которую поведет эта партия во главе пролетариата в случае нападения империалистов, не будет подлинно-*социалистической* войной со стороны СССР.

А отсюда, в свою очередь, оставался всего лишь один шажок до так называемого «*тезиса о Клемансо*». Тов. Троцкий в одном из подписанных им документов указал, в качестве прообраза для поведения оппозиции в случае войны, на французского министра Клемансо, который, обвиняя правительство Пенлеве—Бриана в неумелом ведении войны, боролся за его свержение, не стесняясь тем, что немцы приближались к Парижу на расстояние 80 километров, и в конце концов одержал победу, спихнув кабинет Пенлеве—Бриана и овладев властью.

Таким образом, тов. Троцкий «обещал» партии в случае войны принять все меры к тому, чтобы партийное руководство, отражающее взгляды и волю большинства партии и руководящее

через советское правительство делом социалистической обороны, было... свергнуто. Это называлось на языке оппозиции—«быть оборонцами социалистического отечества»!

В своей речи на заседании об'единенного пленума ЦК и ЦКК тов. Троцкий развил целую теорию, из которой явствовало, что если начнется война, то неизбежно одно из двух: *или* оппозиция «придет к власти», *или* к власти придут *буржуазные «устряловцы»*, которые, понятно, социалистической войны вести не могут. Для нынешнего направления партии в этом «или—или» у т. Троцкого места не осталось: партийный «центризм», как наименовал Троцкий линию партии, будет-де «размыт» ходом событий, которые в сильнейшей степени *обострят* борьбу между «левым» и «правым» крылом (между оппозицией и «устряловцами»).

Эта замечательная «схема» с полной бесспорностью свидетельствует об одном: об имевшемся у оппозиции намерении *еще более обострить свою фракционную борьбу с партией в случае войны*. Не может быть сомнений в том, что последовательный сторонник такой «теории», которую развил Троцкий, в том случае, если бы ленинское большинство партии оказалось чересчур «упорным» и не было «размыто», «пригнал» бы факты к своей фантастической схеме самым простым образом: он об'явил бы без дальних разговоров это большинство «устряловским», а ведомую им войну—буржуазной войной. Выводы, которые такой «клемансист», считая себя «настоящим социалистом», сделал бы из всего этого, понятны сами собой. Он ушел бы от «устряловцев», рассматривая нашу партию, как классового врага, и стал бы стремиться не к победе, а к военному *поражению* нашей партии. В лучшем случае он об'явил бы себя «нейтральным» или «сторонником мира». Какую роль *об'ективно* играли подобные «сторонники мира» во время прошлой войны, мы хорошо знаем по примеру троцкистов и других каутскианских групп; в войне империалистов против СССР эта роль была бы еще более позорной.

Нет сомнений, что именно *сюда* растет нынешняя троцкистская идеология в вопросе о грозящей нам войне. *Никогда* еще эта идеология, за время пребывания т. Троцкого и троцкистов внутри большевистской партии, не принимала столь *опасного* и вредного уклона. Никогда еще т. Троцкий не жонглировал перед партией такими острыми «предметами», с подобной дерзостью и риском.

Так обстоит дело с оппозиционной идеологией. Мы оставляем уже в стороне ряд новых грубых ревизионистских ошибок, которые допустила оппозиция в вопросах китайской революции: отрицание допустимости для пролетариата блоков с колониальной буржуазией против империалистической буржуазии и т. д. Какова же оказалась практика оппозиции в области орга-

низационной, в отношении методов и форм борьбы ее с партией?

Здесь достаточно указать на два новых явления этого года. Во-первых, выступления вождей оппозиции против партии в беспартийной среде (выступление в день 10-летия «Правды» и демонстрация на Ярославском вокзале). Во-вторых, прямой блок и сотрудничество нашей оппозиции *с исключенной* из Коминтерна и немецкой компартии группой ультра-левых: Рут Фишер, Маслова, Урбанса и Шолема, с публикацией речей и статей тт. Зиновьева и Троцкого в листке этих ренегатов под эгидой гинденбурговской «свободы печати».

Таких нарушений устава, перед которыми бледнеет прошлогоднее «лесное собрание» т. Лашевича, партия еще *никогда* не видела от своих внутрипартийных оппозиций.

Со всей серьезностью взвешивая теорию и практику оппозиции, приходится признать, что путь, на который она вступила, в конечном счете ведет *за* пределы партии. То, что делает оппозиция, это—подготовка элементов *другой* партии внутри и около нашей партии и Коминтерна.

Может ли ленинская большевистская партия, руководящая диктатурой пролетариата в стране, окруженной хищниками-империалистами, терпеть в своих рядах деятельность людей, подготовляющих элементы другой, чуждой партии? На это может быть дан только один отрицательный ответ: *нет*, партия этого терпеть не может и не будет. Деятельность оппозиции должна быть прекращена.

Лидеры оппозиции позволяли себе делать прямые преступления против партии как с точки зрения партийного устава, так и с точки зрения интересов партии и революции. Их имена уже повсюду служат знаменем, вокруг которого группируются враждебные Коминтерну «околопартийные» элементы; из среды самых разнообразных контрреволюционных групп раздаются приветствия, похвала и «подбадривание» лидерам оппозиции; деятельность их рассматривается многими контрреволюционными группами, как возможный исходный пункт для реакции.

Руководствуясь директивами X с'езда и заветами Ленина о необходимости всеми мерами оберегать единство, партия, в лице ее ЦКК и ЦК, вынуждена была поставить перед названными двумя товарищами вопрос о выведении их из состава ЦК. Однако, прежде чем принять такое постановление, об'единенный пленум ЦК и ЦКК обратился к оппозиции с примирительным предложением, выражая готовность, несмотря на всю дезорганизаторскую работу оппозиции, отказаться от каких бы то ни было организационных мероприятий по отношению к вождям оппозиции под условием ее отказа от наиболее антипартийных методов борьбы с партией и осуждения ею наиболее крайних, антипартийных оппозиционных взглядов.

Это примирительное предложение не было принято на пленуме ЦК и ЦКК оппозицией. И только после того, как пленум проголосовал и *утвердил* предложение ЦКК об исключении тт. Троцкого и Зиновьева из состава ЦК, оппозиция обнаружила желание говорить о возможности примирительного исхода. Ею было подано заявление с отказом, хотя и далеко не последовательным, от некоторых своих ошибок и колебаний, а также от фракционности. Тогда пленум, считая, что хотя это и не может «обеспечить в партии необходимый мир», но «все это может оказаться некоторым шагом к миру в партии», снял вопрос о выведении тт. Троцкого и Зиновьева из ЦК, ограничившись об'явлением им строгого выговора с предупреждением.

Заявление оппозиции от 8 августа 1927 года никак невозможно счесть за документ, подписанный людьми, желающими полного мира в партии. Каждый пункт заявления имеет свой, как говорили на пленуме, «камень за пазухой».

Оппозиция высказалась «безусловно и безоговорочно за оборону СССР при данном ЦК, при данном руководстве ИККИ». Однако, «тезис о Клемансо» ею прямо не отвергнут. Отвергнуто лишь якобы «неправильное толкование» его (партией) «в смысле борьбы за власть путем использования для этого военных трудностей». Однако, и эта уклончивая позиция становится еще более двусмысленной вследствие того, что тотчас же вслед за тем говорится, что «и во время войны партия не может отказаться от критики и исправления линии ЦК, если она будет неправильна». Что значили всегда слова о «критике и исправлении линии ЦК» в устах оппозиции, все прекрасно знают: этим заявлением она оставляет себе руки развязанными для *фракционной* борьбы.

Отвергнув мысль о якобы свершившемся термидорианском перерождении большевистской партии, ЦК и ЦКК (мысль, которая *высказывалась* ранее лидерами оппозиции), авторы заявления опять-таки подчеркивают свое «требование», чтобы партия давала «*более* систематический, твердый, планомерный отпор» термидорианским тенденциям. Партия «обвиняется», таким образом, в попустительстве «термидорианству»,—опять-таки с явной целью оставить развязанными руки оппозиции для продолжения фракционной войны.

Отмежевание от исключенных из КИ ультра-левых (масловская группа) носит чисто внешний характер: «*подчиняясь* решениям Коминтерна о недопустимости организационных связей с исключенной группой Урбанса—Маслова»,—говорится в заявлении. Все знают, что слова о «подчинении решениям» в устах оппозиции обычно имеют весьма «оригинальный» смысл. Тем более, если на этот раз непосредственно за ними следует заявле-

ние: «Мы в то же время настойчиво предлагаем и будем добиваться внутри Коминтерна пересмотра решения об исключении» (группы Урбанса—Маслова).

Наконец, об'являя «готовность сделать решительно все для уничтожения всех элементов фракций», оппозиция в то же самое время пытается возложить ответственность за возникновение фракционности на «условия извращения внутрипартийного режима», тем самым оставляя себе и здесь раскрытой дверь к продолжению фракционной борьбы.

Таким образом, заявление оппозиции имеет крайне двусмысленный характер и настолько же открывает возможности мира в партии, насколько может быть сделано оппозицией и новым исходным пунктом ее борьбы с партией.

Документ этот безусловно «может оказаться некоторым шагом к миру в партии», *если* оппозиция прежде всего будет *соблюдать* это, хотя и половинчатое, подписанное оппозицией заявление. Приходится прямо сказать, что твердой уверенности в этом у партии сейчас нет и не может быть после того, как оппозиция грубейшим образом нарушила однажды ею подписанное заявление от 16 октября 1926 года. Об'единенный пленум нисколько не заблуждался на этот счет и сказал в своем постановлении:

«Об'единенный пленум ЦК и ЦКК не имеет оснований ручаться, что отступление оппозиции и отказ от ряда ее ошибок являются вполне искренними. Опыт аналогичного «заявления» оппозиции от 16 октября 1926 года показывает, что оппозиция не всегда склонна выполнять данные ею партии обязательства».

И несмотря на все это (подача заявления только после того, как пленум принял в основе постановление о выводе лидеров оппозиции из ЦК; двусмысленный характер заявления, гораздо более двусмысленный, чем в заявлении от 16 октября; печальный опыт с заявлением от 16 октября 1926 года),—пленум постановил в виду поданного оппозицией заявления с признанием ряда ошибок и с отказом от фракционной борьбы вопрос о выводе лидеров оппозиции из состава ЦК снять, ограничившись выговором и предупреждением им.

Чем об'ясняется этот крайне мягкий характер решения высших органов партии, решения, вынесенного в обстановке обострения международного положения страны и после невиданного обострения фракционной борьбы оппозиции? Почему ЦК и ЦКК не воспользовались принадлежащим им полным правом исключить тт. Троцкого и Зиновьева из ЦК за неслыханно антипартийные поступки?

Решение пленума об'ясняется прежде всего его настойчивым стремлением *удержать* оппозицию в партии и сохранить *мир* внутри партии.

Оппозиция поставила себя своим поведением на самый *край* партии. Она стоит перед рубиконом, перед решающей чертой. Еще несколько дальнейших шагов по оппозиционному пути—и она очутится вне партии.

В этот ответственный момент, решающий судьбы нашей оппозиции, когда она стоит перед выбором: возвращение к партии, и тогда—политическая *жизнь*, или уход от партии, и тогда—политическая смерть, партия никоим образом не должна подталкивать оппозицию вперед с опасного обрыва. Наоборот, партия должна приложить все усилия к тому, чтобы использовать даже самые последние шансы, дающие возможность возвращения оппозиции на партийный путь.

В таких условиях долг пленума ЦК и ЦКК состоял в том, чтобы принять даже крайне двусмысленное заявление оппозиции, в искренности которого полной уверенности нет, как повод к перемирию, как веревочку, которая может привязать оппозицию к партии, подтянуть оппозицию к партии. Если даже существовало бы всего несколько шансов из ста за то, что веревочка эта не порвется, а, наоборот, окрепнет, то и тогда партия должна была бы вынести такое решение, отказавшись от организационных выводов в отношении лидеров оппозиции. Это—последний спасательный круг, который партия бросает фракционерам. От них теперь зависит использовать этот спасательный круг или его от себя оттолкнуть.

Партия в особенности должна была проявить сейчас свою готовность вновь и вновь ждать исправления оппозиции и возвращения ее к партии (ждали уже четыре года, но готовы ждать и пятый), что в среде оппозиции остались еще некоторые, хотя и немногочисленные, честные рабочие элементы, которые так или иначе вернутся к партии. Им надо всемерно облегчить их возвращение, связанное подчас с тяжелыми личными переживаниями. Надо, чтобы они имели срок понять и уяснить себе политический и *классовый смысл* своего пребывания на краю партии. Перед ними сейчас стоит вопрос: *остаться вместе с пролетариатом в его старой большевистской партии или стать слепой игрушкой в руках чуждых классовых сил вне нашей партии?*

Пора выбирать, пора делать решающий шаг. И мы ждем, мы надеемся, что все, что еще осталось лучшего, рабочего и большевистского в рядах оппозиции, без дальнейших промедлений сделает этот решающий шаг, *вернувшись* к ленинской партии, честно признав ошибки оппозиции.

Так поступили уже многие из тех, пребыванием которых в своих рядах гордилась оппозиция: тов. Н. К. Крупская, тов. Залуцкий, т. Николаева. Сейчас разорвали с оппозицией тов. Сокольников и т. Зоф. Многие рядовые рабочие-оппозиционеры

уже покинули и покидают своих бывших лидеров, поняв преступность и гибельность их борьбы с партией. Может быть, этот отход образумит, наконец, и самих вождей оппозиции. А если нет, если эти вожди снова порвут в клочки свое заявление от 8 августа так же, как они изорвали их заявление от 16 октября, то вся вина и ответственность за это целиком упадет на них. Партия с своей стороны сделала все, что она могла сделать для того, чтобы спасти оппозицию для большевизма, для партии, для пролетариата.

В. А.

„Поштучный социализм" Карла Реннера.

Если в революционные годы социал-демократы, борясь против сторонников диктатуры пролетариата, часто даже «признавали» диктатуру на словах (диктатуру «без насилия» и т. п.), то в последовавшие затем годы наступления капитала на рабочий класс ревизионизм усилился, осмелел и пошел гораздо дальше. На сцену выступили ревизионисты, которые не только отрицают диктатуру пролетариата, но вообще *политической* борьбе и политической власти отводят второстепенное место в борьбе за социализм. Расцветает блаженной памяти оппортунистический «экономизм», в свое время, в той или другой его форме, игравший роль в рабочем движении каждой страны.

В числе новоявленных экономистов оказался и австро-марксист Карл Реннер, провозгласивший лозунгом эпохи: «не политицизм, а экономизм».

В четырех номерах журнала «Der Kampf» за 1926 и 1927 гг. он печатает статьи под общим заголовком «Хозяйственная демократия», в которых высказывается следующим образом:

«Война и революция *стремительно политизировали* рабочий класс и исключительно, *крайне односторонне* политизировали такой пролетариат, как русский... *Завоевание общественной власти и диктатура пролетариата* казались единственным средством, *всеспасающим средством! Политическая власть—вот та архимедова точка опоры, исходя из которой можно преобразовать экономику*»...

«*Политика—все, экономика—ничто*,—поскольку дело идет о борьбе за освобождение»... «*Новая экономика создается, таким образом, внеэкономическими средствами, политической властью.* Теперь уже давно рабочий класс мира освободился от очаровывающего действия русского примера»...

«Что стоит под вопросом,—продолжает Реннер,—это, с одной стороны, *социализация посредством государственной власти на пути политики*, то-есть средствами диктаторского законодательства и управления, и с другой стороны—*самочинная социализация* [1]) *стороной от политики, на пути свободной хозяйственной организации, на пути хозяйственной демократии. Профессиональные союзы и кооперация*, первоначально рассматривавшиеся

---

[1]) «Sozialisierung durch Eigenmacht», в других местах Реннер выражается несколько иначе, противопоставляя «самопомощь»—«помощи государства», «Staatshilfe» и «Selbsthilfe».

либеральным направлением, как средства к повышению уровня жизни отдельных лиц, позднѐе употреблявшиеся социалистами, как средства классовой борьбы, теперь мыслятся, *как средства сознательной социализации снизу вверх*, социализации, *идущей от самого общества, стороной от государства*,—мысль, которая впервые ясно высказана *гильдейскими социалистами*,—*а пароль классовой борьбы, как отрицания существующего, превращается в пароль положительного творчества нового хозяйственного порядка.*

Вместе с тем, в этом противоречии впервые ясно выступает *противоречие между экономизмом и политицизмом*».

Мы еще несколько продолжим эти выписки, чтобы представить исходную позицию Реннера в вопросе о «хозяйственной демократии» в более развернутом виде. Он считает, что опыт революционных лет доказал несостоятельность и бессилие «политицизма» в деле проведения социализации:

...«*Опыт послевоенных революций, в особенности русского движения, учит* (рабочего), *что в день победы действительное господство над хозяйством немыслимо без подготовительной школы самопомощи!* И потому более чем вероятно, что в грядущие годы, после десятилетия исключительного политицизма, *рабочий класс ориентируется преимущественно экономически*»...

«С одной стороны, *русский коммунизм завершился государственным социализмом, который трудно отличим от государственного капитализма* и который ясно показывает *границы применимости государства, как средства социализации. Не то, чтобы это средство было совсем ничтожно, но границы его ощутительны, и они узки.*

С другой стороны, *попытки социализации, которые делались социалистическими партиями вне России, нигде не привели к успеху. Во всяком случае, социализация через государство, поскольку оно не господствует действительно и длительно* (? *В. А.*), *не мыслима.* Политическое движение рабочего класса тем самым наталкивается на границы идеи: *политика, как средство класса, не доводит до конца!* Она необходима, она ведет далеко, но она одна сама по себе *не приводит к цели. Политицизм переживает кризис*».

Чувствуя, что он отступает от марксизма, скатываясь к «кооперативистским» и реформистски-синдикалистским идеям, Реннер сейчас же пытается «отмежеваться» от этих течений. Однако, «отмежевание» выходит мало убедительным:

«Есть сторонники профсоюзов (синдикалисты), которые отрицают политику и думают, что профессиональная борьба, радикально до конца продуманная и практически до конца доведенная, свергает капитализм и основывает социализм, то-есть ведет до конца—это уже разоблаченная ошибка. Еще есть сторонники кооперативов (кооперативисты), которые не любят ни политической, ни профессиональной борьбы и живут верой, что мирные средства кооперации,—ее распространение по свету, особенное ее проникновение в область производства,—могут сами, *без насильственных революций* принести миру мир и социализм. И это также *иллюзия*. Но каждое из этих направлений, которые я выше обозначил, как *экономистские, представляет известную долю истины!* Оба суть *средства социализации снизу вверх*, посредством *самопомощи*, стороной от государства, хотя и не независимо от него

и от его законодательства. Оба суть средства *свободной организации*, средства *чисто-экономические* по природе, средства к преобразованию экономики *изнутри*, не внеэкономические средства, и потому такие средства, которые могут *подготовить новую экономику в недрах старой*»[1]).

Итак, по Реннеру «политицизм переживает кризис». Однако, *какой, чей* «политицизм»? *Чья* политическая борьба переживает «кризис», вынуждающий ведущих эту борьбу менять вехи, махать рукой на «политику» и обращаться лицом к экономизму?

Большевизм, ни русский, ни мировой, ничего подобного описываемому Реннером «кризису политицизма» не переживал и не переживает. Если даже и имеют место в среде отдельных партий Коминтерна уклонения тех или иных товарищей или групп от революционной марксистско-ленинской линии, то *ни одно* из этих уклонений не доходило до мысли о возможности для рабочего класса на «грядущие годы» забросить политику на задний план и «ориентироваться» внутри капиталистического мира преимущественно экономически.

Кризис «политицизма» и стремление вспять к «экономизму» обнаруживается, конечно, в рядах *Второго* Интернационала, откуда «всегда, ныне и присно» росли и будут расти идеи о полном разоружении рабочих в борьбе с буржуазией.

Не имея возможности указать на признаки «кризиса политицизма» в Коминтерне, Реннер, однако, делает попытку об'явить русских большевиков ответственными за «кризис» *его*, Реннера, политических убеждений. «Русский опыт», оказывается, служит причиной того, что господа Реннеры об'явили политику средством, «не приводящим к цели».

Доводы оппортуниста в этом пункте особенно слабы.

Реннер утверждает, что в СССР установился «государственный социализм, трудно отличимый от государственного капитализма».

«Трудно» отличимый, это значит, все-таки, *отличимый*. Даже Реннер, стало быть, хотя и с «трудом», но различает наш *социализм* от капитализма!

А в том, что у нас социализм, по выражению Реннера, «государственный», нельзя видеть никакой беды, потому что государственная власть у нас не в руках капиталистов, а в руках рабочих.

Однако, СССР является *единственной* страной, о которой даже австро-марксист решается сказать, что здесь, по его мнению, господствует «государственный *социализм*». Про какое еще из государств мог бы Реннер так сказать? Он сам не находит таких государств.

Социал-демократы своими «демократическими» средствами, как это вынужден признать австро-марксист, *нигде* не завоевали того, что завоевала диктатура пролетариата в России: «попытки социализации, которые делались социалистическими партиями вне России, *нигде не привели к успеху*», говорит Реннер.

---

[1]) Реннер—«Хозяйственная демократия». («Программа хозяйственной самопомощи трудящихся классов»). Статья, как указано автором в примечании, излагает вводный доклад к курсу «хозяйственной демократии» на высших интернациональных курсах в венском университете («Der Kampf», год издания XIX, № 10, стр. 430 и 431. Октябрь, 1926 года).

Как бы ни вертелся он, но из его же собственных слов выходит, что большевики добились *успеха социализма*, а «социалистические партии» (социал-демократы и английские макдональдовцы) *нигде* этого успеха не добились.

Спрашивается: вытекает ли из такого исторического опыта «разочарование» в политике *вообще* и в политических средствах социализации вообще? Никоим образом и ни в каком случае! *Обанкротились социал-демократически-макдональдовские политические средства — и оправдала себя большевистская политика.* Обанкротилась «демократия»—выжила, победила, оправдала себя *диктатура пролетариата.*

Лицезреть Карла Реннера в роли «политико-ненавистника» в наши дни особенно «пикантно». Ведь, как ни как, он все-таки когда-то имел нечто общее с «политицизмом» и с «попытками социализации»: ведь он в 1918—19 годах был рейхсканцлером целой республики и даже собственноручно написал конституцию, принятую этой республикой. Реннер так подчеркнуто «ссылается» на русский опыт, как будто бы он именно в России проделывал свою неудачную политическую карьеру! Однако, осторожно выражаясь, ведь многие помнят, что дело было в Австрии. В «демократической» Австрии (а никак не в Советской России) Реннер был рейхсканцлером! Поэтому, остается только удивляться, какие ловкие пройдохи эти бывшие социал-демократические министры: провалив социализацию в Австрии, они усиленно машут руками в сторону России; обжегшись на демократии, они «обвиняют» диктатуру; переживая «кризис» своей политической позиции, кричат о кризисе «политицизма» вообще!

Всмотримся в суть позиции Реннера по отношению к политике и к государству. Здесь мы видим у Реннера отступление от обычной трактовки этого вопроса современной социал-демократией.

Центр тяжести социал-демократической политики на самом деле лежит вовсе не в экономической работе, не в профсоюзах и кооперативах, а именно в парламентских комбинациях, в *коалиционной политике.* Сам Реннер отнюдь не противник этой политики и даже формулировал в 1925 году в своей книге задачу—ввести социализм путем политики «соглашений» («алльянсов») от случая к случаю[1]). Однако, теперь Реннер заявляет о необходимости «ориентировать» рабочий класс в сторону «экономики».

Конечно, по существу между политикой сменяющихся смотря по обстоятельствам «алльянсов» и «экономической ориентацией» никакого противоречия нет: партия или группа, ориентирующаяся на «экономизм», может прибегать к политическим «алльянсам», рассматривая политику, как подсобное средство, а не как революционную дорогу к власти.

Но все же общая социал-демократическая позиция отлична от реннеровской: ни германская, ни австрийская социал-демократия не выдвигают лозунга *смены* политической ориентации на экономическую, хотя «хозяйственная демократия» у них и вошла во всеобщий обиход. Официальная социал-демократия все еще обманывает рабочую массу обещанием «завоевать власть» средствами демократии, и главная ее ориентация остается политической.

[1]) Приблизительно ту же формулировку Реннер давал уже в 1917 году в своей книге «Марксизм, война и Интернационал».

Можно рассуждать, чисто отвлеченным образом, так: Реннер—больший оппортунист; большинство социал-демократов все же *политику* ставит на первый план, а Реннер отводит политике задворки, между тем, политическая борьба—главное для пролетариата, и т. д. Реннер «правее» остальных, его позиция оппортунистичнее, «хуже», опаснее.

Однако, эти рассуждения, в которых есть своя доля правды, в то же время были бы слишком абстракты. В жизни дело обстоит так, что за Реннером может пойти социал-демократический рабочий, недовольный большинством партии, который рассуждает так:

«*Коалиционная политика—предательство, лучше никакой политики, лучше одна экономическая борьба*».

Лозунг, формально являющийся «шагом назад», нижней, пройденной ступенью в развитии рабочего движения, в данных условиях может служить самой первой ступенью к пробуждению от социал-демократических иллюзий. Это, разумеется, не значит, что коммунисты могут потворствовать таким архиреформистским лозунгам. Наоборот, чем резче мы будем их разоблачать, тем скорее «оступившийся» на «экономизме» рабочий придет к «политике», но уже к *революционной* политике коммунизма.

Надо сказать, однако, что в нынешнее время классовые противоречия в Европе так остры, что «экономизм» вообще не может увлечь за собою надолго и сколько-нибудь крупные группы рабочих, и в особенности такие «мирные» «экономисты», как Реннер, ухитряющиеся соединять репутацию «левых» социал-демократов с крайним оппортунизмом, обречены на роль ученых одиночек.

У Реннера мы видим и отступление от той ориентации на *государственный капитализм*, которая все более прочно пробивает себе дорогу в руководящие круги социал-демократии. Реннер отодвигает «огосударствление» экономики на второй план и противопоставляет ему «самопомощь» и хозяйственную «самодеятельность» населения. Реннер относит это не только к условиям будущего, но и к условиям настоящего, к капиталистическому государству.

Прежде чем обратиться к реакционным утопиям, долженствующим составлять «положительную» сторону в развиваемой Реннером программе, отметим значение этой *негативной*, «отрицательной» стороны его позиции, его отмежевания от чистой государственно-капиталистической идеологии.

Социал-демократы поддерживают и проповедуют государственный капитализм, как «стадию», якобы необходимую для того, чтобы капитализм *экономически созрел* для социализма. Это—позиция *тройного* лицемерия и предательства по отношению к рабочему классу.

Во-первых, даже тогда, когда капитализм еще не был достаточно зрел для социалистического переворота, настоящие сторонники Маркса никогда не выступали в роли *апологетов* капиталистического прогресса, какими являются нынешние социал-демократы. Марксисты боролись против феодальных уз, сковывавших свободу развития капитализма, это правда. Но они не «насаждали» капиталистических предприятий, не «открывали» их, предоставляя это дело стихийному экономическому развитию и классу буржуазии, который рождался из этого стихийного развития. Нынешние же социал-демократы *добиваются* основания

государственно-капиталистических предприятий, способствуют переходу предприятий в руки государственных органов буржуазии, предлагают себя в руководители этих предприятий там, где буржуазная демократия им позволяет на это претендовать (местные самоуправления и т. п.). Они своими руками *строят* капиталистам «высшую стадию», новый «этап» капитализма. Это—не марксизм, а буржуазное делячество.

Во-вторых, нынешний капитализм *уже созрел* для начала социалистической революции, поэтому тот, кто добивается еще какой-то «высшей» его фазы, на деле только прислуживает буржуазии, указывая ей дорогу *к отсрочке* гибели капитализма, к продлению его существования.

В-третьих, гнусность поддержки государственного капитализма в нынешнее время в особенности ясна потому, что государственный капитализм не просто «органическая экономическая стадия», а «стадия» *концентрирования политической мощи буржуазии*, ставящей всю свою экономическую мощь на службу единому классовому органу—буржуазному государству. Стоит только вспомнить тот факт, что государственный капитализм и возник-то не во время «мирного, органического» развития капитализма, а во время войны, прежде всего в государстве, подвергшемся наибольшим ударам войны (в Германии), чтобы попытки истолковать государственный капитализм, как «органически-экономическую» форму, отпали. Здесь имеется вмешательство «*политики*» в «экономику».

Послевоенное время ярко подчеркивает и выявляет настоящую роль государственного капитализма в буржуазном развитии.

Пролетарские революции истекших лет поставили ребром вопрос о государственной власти, и он не снят, несмотря на наступившую реакцию. «Стабилизация» капитализма не внушает доверия никому, кто знает европейскую обстановку, во много раз более неустойчивую и противоречивую, чем до войны. Изо дня в день резко враждебные друг другу фашистские и коммунистические демонстрации и даже вооруженные столкновения напоминают последнему европейскому обывателю о неизбежности решающих классовых битв.

Пролетариат открыто готовится к боям за диктатуру пролетариата. Вполне естественно, что в таких условиях буржуазия укрепляет всеми путями свой главный боевой орган—*государство*.

На горизонте, с другой стороны, призрак новых войн—опять-таки причина, вследствие которой буржуазия, наученная опытом первой войны, непрерывно совершенствует и укрепляет свою *государственную* организацию.

В современных условиях *всякое* усиление буржуазного государства означает усиление антипролетарского фронта и приближение опасности войны. Ничего другого не может означать и экономическое усиление государства путем передачи в его руки предприятий или целых отраслей производства. Поэтому программа государственного капитализма в настоящее время есть не что иное, как программа усиления империализма, программа прямой помощи врагам пролетариата и их военным авантюрам.

Нынешняя официальная социал-демократия видит свою главную политическую задачу в борьбе за «влияние на государство» (буржуазное государство, разумеется) и, вместе с тем, за *организацию капиталистического хозяйства в руках этого государства*.

Ее программа—программа «*демократического*» *государственного капитализма*. Ее теоретики при этом договариваются до того, что государственный капитализм уже есть организация, строящаяся уже по «*социалистическому* принципу плановости» [1]).

Социал-демократия выступает сейчас *застрельщиком* и *глашатаем* идеологии государственного капитализма, выражая *общие* интересы всего капитализма, как системы, которой грозит крах, лучше и дальновиднее, чем это могут делать отдельные представители или группы самой буржуазии. Социал-демократическое воспевание государственного капитализма поэтому является *наиболее гнусным антипролетарским видом реформистской идеологии*.

Поэтому даже такие люди, как Реннер, авторы реакционнейших «экономистских» утопий, отказываясь от воспевания гимнов государственному капитализму и внося тем некоторый разлад и разнобой в хор социал-предателей, в силу вещей получают возможность слыть за «левых» вольнодумцев в среде с.-д.

После этих замечаний о месте, которое занимает «левый» реакционер в теории Реннер среди европейской социал-демократии, перейдем к самому ранneровскому прожекту «поштучного социализма». В сущности, его достаточно изложить во всей красе, чтобы всякий трезвый и знающий капиталистическую действительность человек посмеялся вдоволь над мечтаниями о «социализме в недрах капитализма».

В своей книге «Die Wirtschaft, als Gesamtprozess und die Sozialisierung» Карл Реннер писал:

«*Социализация не может начаться с производства. Захват фабрик, отчуждение предприятий*, изгнание фабричной бюрократии—все это может иметь место в революционной ситуации, но это *не представляет пути к достижению цели. Всеобщая, генеральная экспроприация посредством декрета—это всеобщая, генеральная бессмыслица, потому что в результате ее ничего, кроме хаоса, не получается*» [2]).

«*Процесс обращения*,—утверждает Реннер,—является высшим законодателем и судьею капиталистического общества, и *в нем, собственно говоря, заключается существо проблемы социализирования*»... «*Социализирование, которое не берет процесса обращения за исходный пункт, бьет мимо главной цели и совершает громадную ошибку по отношению к ней. Если бы мы, допустим, социализировали промышленные предприятия, сохранив при этом процесс обращения*, как он есть, то все равно *высшим судьею хозяйства остались бы анархический рынок* и господствующий на нем анонимно *закон стоимости. Но ведь мы знаем, что производство уже обобществлено (NB!!)*, что рабочий не производит частную работу, как индивидуум, но он производит работу в авторитарном механизме трудового процесса. *Лишь присвоение его продукта труда совершается частным и индивидуальным образом предпринимателем или, больше того, совокупностью всех частных индивидуальных агентов обращения*» [3]).

---

[1]) См., например, доклад Гильфердинга на недавно состоявшемся партейтаге германской с.-д. партии.

[2]) «Die Wirtshaft, als Gesamtprozess und die Sozialisierung», стр. 372. Русское издание: «Теория капиталистического хозяйства». К. Реннер, стр. 319—320.

[3]) Нем. изд. стр. 338—339, рус. изд.—стр. 290.

Далее:

«Для нас уже становится ясным, что *функционирующего предпринимателя мы не можем возместить без околичностей*. Итак, мы *оставим в покое* пока большое число руководителей мелких и средних предприятий и *индивидуальных предприятий и предоставим им пользоваться предпринимательской прибылью*, этой мнимой «платой за функционирование». *Мы возьмемся за процент ренту и дивиденд*. Мы их будем рассматривать не в их общей форме, так как в таком случае их было бы трудно уловить, но в той форме, где они выступают в виде *чистых титулов. Перенос титулов*, как мы знаем, *не затрагивает более производственного процесса* и не препятствует ему. Постараемся подойти к ним теми методами, которые даны нам самим обращением, т.-е. *не столько путем декретов*, сколько посредством того, чтобы *полупубличные учреждения, в роде банков, без которых эти титулы не могут существовать, превратить в чисто публичные учреждения*.

«Другими словами, исходной нашей точкой будут те центры, которые капитализм сам создал. Постараемся, при помощи средств, выработанных последними, превратить всю имеющую известную стоимость крупную собственность in natura в собственность, основанную на титулах»... и эту собственность «*передадим (?) в переходный период в пользу организованного общества*»... «*Достаточно того, что крупный поземельный собственник отдает (?) в распоряжение общества полную ипотеку* со своих земель, а мелкий промышленник отдает *полный процент* со вложенного в свое предприятие в распоряжение общества. Тем самым львиная часть прибавочной стоимости подвергается социализации»... ...«Экспроприацию надо понимать, по крайней мере для практики наших дней, *не как уничтожение собственников, а лишь как экспроприацию титулов*»... «*Речь идет не о разрушении данной организации, но лишь о ее преобразовании и наполнении ее новым духом*» [1]).

Итак, замысел Реннера состоит в том, чтобы «преобразовать» капиталистическую хозяйственную «организацию», «*не разрушая*» ее. Он пуще всего боится, как бы при этом «преобразовании» не был затронут «производственный процесс», как бы что-нибудь не «воспрепятствовало» этому процессу. «Функционирующий предприниматель» для него даже лицо совершенно неприкосновенное, из разряда священных «табу»: его никак «не можно возместить».

Сразу видно, что наш «преобразователь» из таких, с которыми охотно мирятся господа капиталисты: безвредная овца!

В производство он обещает не «вмешиваться». В искренность его обещаний вполне можно поверить, ибо, по его мнению, ведь «*производство уже обобществлено*» (это при капитализме-то!..).

Нельзя не заметить, что если промышленность в капиталистических странах «уже обобществлена», то «всеобщей бессмыслицей» являются, очевидно, не только разговоры о «генеральной экспроприации», но и *вообще* о социализации промышленности в какой бы то ни было *другой* форме. Оставаясь последовательным. Реннер должен об'явить «генеральной бессмыслицей» и социализаторские планы своих сотоварищей по соц.-дем. партии, в частности и программу австрийской социал-демократии,

---

[1]) Там же, стр. 372—373, рус. изд.—стр. 320—321

за которую он же сам, Реннер, в октябре 1926 года проголосовал! Ибо и там говорится насчет «обобществления промышленности», говорится все еще как о задаче *будущего*, а не как о том, что уже «осуществлено». Реннер только по форме обращает свои возражения против коммунизма, на самом же деле он попадает в противоречие и с положениями своей собственной партии.

Утверждение, что производство в капиталистических странах «уже обобществлено», представляет собою типичный пример чисто обывательской вульгаризации марксистского учения: социал-демократические «теоретики», когда им это выгодно, систематически подменивают вопросы *социально-классовые* вопросами *организационно-техническими*.

Когда речь идет о *социализации* промышленности, как у Реннера, то должно понимать, что социализация есть *такое* «обобществление», которое означает переход предприятий из рук класса капиталистов в руки рабочего класса, ведущего общество к уничтожению классов, к социализму. А Реннер подсовывает вместо этого точно установленного марксизмом понятия совершенно *другую* вещь. Развитие капитализма «обобществляет» мировое хозяйство лишь в *организационно-техническом смысле*, в смысле общественной организации труда, средств сообщения, рынка и пр. Отсюда до обобществления *социального*, до социализации далеко: на пути к ней еще лежит пролетарская революция.

Но если даже поднять брошенную Реннером перчатку и начать рассматривать капиталистическое хозяйство с точки зрения процессов технически-организационного обобществления, то и в этом случае вздорность точки зрения Реннера будет ясна сама собой. Разве процесс обращения (банки, руководящие промышленностью, торговые общества и т. д.) не «обобществлен», в организационно-техническом смысле, часто еще более, чем процесс капиталистического производства? Уж об'являл бы доктор Реннер, без дальних слов, весь современный капитализм—социализмом, черное—белым!..

Но последуем за нашим злополучным прожектером. Отказываясь от метода экспроприации в области производства, Реннер обещает нам в области обращения—если не «уничтожение собственников», то все же «экспроприацию титулов на прибавочную стоимость». Собственники предприятий останутся, а прибавочная стоимость,—в просторечье—их доход,—будет, якобы, у них отобрана: «обещание», напоминающее печальной памяти речи русского «социалистического министра» Скобелева, «обещавшего» отобрать у капиталистов «100 процентов прибыли»!..

Однако, тот министр хоть «у власти» стоял,—а на что же рассчитывает Реннер?

Каким образом он думает отобрать доходы у собственников предприятий?

Крупный собственник земли «отдает» свою ренту, говорит Реннер. Однако, как это «отдает»: добровольно, что ли? «Титулованную» собственность (т.-е. заключенную в бумагах, акциях, векселях и пр.) Реннер обещает «передать» «обществу». Однако, будет ли это сделано с согласия собственников этих «титулов», или нет?

«Полупубличные» учреждения «*в роде банков*», будут превращены в «публичные», говорит Реннер. Но как «превращены»?

2*

Национализированы? Но ведь автор прожекта—сторонник «самопомощи» и терпеть не может всякие декреты (с тех пор, как он их писал, будучи австрийским рейхсканцлером).

Итак, каким же образом «общество» будет овладевать доходами капиталистов и учреждениями в роде (шутка ли сказать?) современных банков?

Смехотворная «программа» Реннера состоит в следующем: общественная прибавочная стоимость в капиталистической системе распадается («дифференцируется») на различные ее части: 1) промышленная прибыль, 2) торговая прибыль, 3) процент, 4) рента. Надо «захватывать» и «социализировать» эту прибавочную стоимость по частям, где и как только возможно, используя и создавая для этого различные организации:

...«*Каждый особый род прибавочной стоимости* (прибыль, рента, процент) *должен быть возвращен рабочему классу особым путем*, и, что прежде всего должно иметь в виду, также через различные социальные органы, через *особые позитивно-творческие организации*» [1]).

Профсоюзы и их подсобные органы,—в роде страховых организаций, больничных касс и пр.,—начинают поход на предпринимательскую прибыль, стараясь перераспределить ее в свою пользу и тем самым «солидаризировать» и «социализировать».

Кооперативы стараются вырвать из рук частных торговцев и капиталистических торговых компаний торговую прибыль и ее «социализировать» в свои кассы.

Кредитные товарищества, сберегательные кассы и рабочие банки атакуют денежный капитал и состязаются с гигантами-банками, стремясь приобрести решающую роль в кредитной системе капитализма...

Наконец, крестьянские товарищества в деревне и жилищные товарищества в городе «социализируют» ренту у земельных собственников и домовладельцев.

Вот и вся премудрость «хозяйственной демократии», развиваемая Реннером на протяжении целого ряда журнальных статей. Это и есть «социализация снизу вверх» (или, как лучше было бы ее назвать, «социализация вниз головой»). То, что в этом плане есть осуществимого (напр., борьба кооперации с частным торговцем и денежным капиталистом), в широком масштабе осуществимо только *после* захвата власти и основных узлов хозяйства (крупной промышленности, *банков*, железных дорог) пролетариатом. Без этого весь «план» Реннера остается жалкой крохоборческой утопией, тысячу раз известной и разоблаченной.

Приведем, для иллюстрации, лишь ряд примеров того, как Реннер громкими шарлатанскими фразами прикрывает свой реформизм.

Возьмем профсоюзы, этот первый из главных рычагов «сознательной социализации», по Реннеру. Как они проводят социализацию промышленной прибыли?

«Прежде всего бросается в глаза,—говорит Реннер,—что профсоюз «*не может уничтожить факта прибавочной стоимости*», и даже той ее части, которая фигурирует в виде «предпринимательской прибыли». «Он (профсоюз) может ограничить предпринимательскую прибыль, снизить средний уровень прибыли—но в тот момент, когда он ее захотел бы захватить всю, остановилось бы капиталистическое предприятие» [1]).

Таким образом, даже для революционного синдикализма у Реннера «кишка тонка»: он никоим образом не может допустить мысли об экспроприации профсоюзами предприятий, говоря лишь об «ограничении» ими прибыли. Но в чем же, в таком случае, состоит «социализаторская» деятельность профсоюзов?

Мы находим у автора целые кучи громких фраз в роде следующих: «профсоюзная демократия, — говорит он, например,— есть не только демократия «в себе», она прогрессивно демократизирует всю хозяйственную жизнь и так *изменяет внутреннюю структуру самого капитала*». Это историческая миссия профессиональных союзов — сознательно *социализировать рабочий класс (?)* снизу вверх, на пути демократии! И *эта социализация в значительной мере уже совершилась!*»...

Восклицательным знакам у автора нет числа,—но зато нет ни одного делового указания: как, собственно, будет совершаться «социализация» предпринимательской прибыли на пути профессионального движения?..

Приводя пример того, как «полицейские суды», разбиравшие споры между рабочими и предпринимателями, сменились «гражданскими судами», а затем «промышленными судами», «согласительными комиссиями» и «тарифными судами» с представителями от предпринимателей и рабочих, Реннер заключает:

«Хозяйственная демократия перенимает функции, которые до того считались неот'емлемыми прерогативами государственной силы! Всякий, кто умеет мыслить *юридически (?)*, остановится, как вкопанный, с удивлением усваивая *эти грандиозные изменения* (на редкость пустое фразерство!.. *В. А.*). Первый повод к удивлению дает это *разгосударствление судопроизводства (!)*, которое здесь отвоевывается, конечно, только в известной ограниченной области, но все же в высшей степени значительной области общественной жизни. Возникают учреждения—и по их характеру прочные и постоянные, предписанные правом, органические учреждения, которые выполнят определенные социальные функции, находившиеся до того в кругу компетенции обязанностей одного государства. *Несомненная социализация!*» [2]).

Поздравляем читателя еще с одной «социализацией», изобретенной доктором Реннером. Столько десятилетий рабочие применяли коллективные договора и боролись с предпринимателями в «согласительных комиссиях», не зная, что это-то и есть «несомненная социализация», это и есть самый социализм, написанный на знаменах рабочих организаций!..

Начальные формы классовой борьбы с капиталистами,—ее экономические формы,—об'явить «социализацией»?! Такую пошлость, поистине, мог произнести только австро-марксист в его стремлении сочетать социалистическую фразеологию с подлейшим реформизмом. «*Разгосударствление судопроизводства — несомненная социализация*»?! Да эти «золотые» слова потомкам следует высечь на надгробной плите Карла Реннера!..

Но пойдем еще дальше за автором:

---

[1]) К. Реннер—«Хозяйственная демократия». «Der Kampf», 1926 г., № 12, стр. 532.

[1]) Там же, стр. 85.
[2]) Там же, стр. 82.

До сих пор,—говорит он,—профсоюзы имели «только *отрицательную* функцию защиты, право *социального вето, борьбы и ничего иного, кроме борьбы, безо всякой ответственности за положительное руководство индустрией*»... Они «*сооружали постоянно растущую боеспособность класса—а не самоё индустрию*».

Теперь «существо профсоюзов обращается в *позитивное*: их боевые функции остаются, но они уже более не единственные функции!»... «Теперь уже недостаточно того, что *распорядок работ*, предписанный предпринимателем, не ущемляет прав и интересов рабочих,—он *должен одновременно быть ручательством большей продуктивности! В кризисное время может быть так, что профсоюз утверждает такой распорядок работ, который вредит положительным интересам и погрешает против старых профсоюзных* правил, если только в будущем он гарантирует жизненный уровень класса *путем сохранения и повышения производительности индустрии* [1]).

И Реннер здесь же замечает, что «та школа, которая эту перемену фронта яснее всего признала, это, мне кажется—*гильдейские социалисты*».

Таким образом, *что* же сказал наш «хозяйственный демократ» о профсоюзах, об этом первом из главных «средств сознательной социализации»?

Несколько пустых фраз о том, как они «социализируют рабочий класс», как в тарифных и согласительных комиссиях по кусочкам якобы растет «несомненная социализация», как в профсоюзах происходят «грандиозные изменения», повергающие в столбняк удивленных буржуазных юристов, в роде самого Реннера. А на поверку вышло, что растущие «куски социализации» состоят в том, что профсоюзы, по мысли реформиста, становятся ответственными за производительность капиталистической индустрии до того, что в кризисное время они жертвуют интересами рабочих, чтобы только обеспечить капиталисту безубыточное ведение дел! Вместо интересов «боеспособности класса» профсоюзы заботятся об интересах капиталистических предприятий.

Это не просто проповедь старой, давно известной профессиональной борьбы рабочих: нет,—это *ограничение, стеснение* профессиональной борьбы соображениями о необходимости *помогать* капиталисту выбраться из кризиса, поднять производительность. Таковы «грандиозные изменения», такова *лакейская* «*социализация*» Карла Реннера!

У него нет недостатка в разглагольствованиях насчет «подготовки» и «воспитания» рабочих профсоюзами к *будущей* задаче управления промышленностью. Но фактом остается тот неоспоримый факт, что Реннер *шарлатански* обращается с термином «социализация» в применении его к профессиональному движению и не указывает *никакого пути* к овладению ни предприятиями, ни прибавочной стоимостью через профсоюзы. Просто—обещала синица море зажечь...

Второй «кит» в социализаторских прожектах Реннера—*кооперация*. И по вопросу о кооперации автор занимается на протяжении длинных статей переливанием из пустого в порожнее. Ни теоретически, ни практически он *не может доказать*, что кооперация *вытесняет* крупный капитал, что она бьет его в конкурентной борьбе и тем самым отбирает в кооперативные кассы торговую прибыль, процент и ренту. У него нет даже *попытки* сопоставить реальную силу современной кооперации в капиталистических странах с силой частного капитала и частных банков, ибо эти попытки неизбежно разбили бы все утопические построения Реннера. Он приводит только ровно ничего не говорящие цифры о числе кооперативов и их членов (напр.,—в 28 странах, охваченных статистикой, в 1922 году было 37 миллионов кооперированного населения, в 1926 г. его стало 50 миллионов). У него нет и следа попытки анализировать *состав* или *обороты* этих кооперативов.

[1]) Там же, 88—89.

Он поступает довольно нагло, между прочим, записывая в актив своей теории о «социализме в недрах капитализма» рост и успехи *советской* кооперации [1]), умалчивая о том, что эти успехи достигаются в условиях победившей диктатуры пролетариата, а не в стране капитализма. Между тем достаточно сопоставить только сухую цифру членов кооперации у нас, в одной стране (7 млн. членов в с.-х. кооперации и 12½ млн. в потребительской) с цифрой «28 стран», чтобы понять смысл ренневской подстановки. Ловкачи эти австро-марксисты, когда речь идет о зачислении себе в заслугу чужих достижений.

Чувствуя себя идейно убогим в доводах, Реннер принимается и здесь фразерствовать о том, что кооперация это—«кусок социализма», что внутри нее капитал «теряет эксплоататорский характер», становясь «социальным достоянием», что она будто бы даже избавляет хозяйство от анархии и кризисов (!), называет кооперацию «кооперативным государством» внутри капитализма, «свободным хозяйственным *государством*» (?); «новый мир образуется в недрах старого!»—восклицает он не один раз и т. д. и т. п. [2]).

Все это—жалкие словесные лохмотья, не могущие прикрыть идейной нищеты Реннера. Ибо он трусливо *обходит* вопрос об истинном содержании деятельности и о составе кооперации в капиталистических странах, о тех *эксплоататорских* формах кооперации, которые дают привилегии богатым пайщикам, и превращают кооперацию в своеобразную форму развития капиталистических отношений, в существе *ничего общего* с социализмом не имеющую. Профсоюзы и кооперативы играют огромную роль в классовой борьбе пролетариата за социализм тогда, когда их деятельность подчинена политической борьбе за власть и строительству социализма *при* диктатуре пролетариата. Только при этом условии профессиональное и кооперативное движение может одерживать прочные, обеспеченные, ощутимые для массы успехи.

Конечно, реформисты могут иногда привести тот или иной пример из практики, когда в какой-либо профессии, поставленной в выгодные условия, профсоюз обеспечивает своим членам материальные выгоды, или когда тот или иной кооператив хорошо конкурирует с частными торговцами на капиталистическом рынке. Однако, эти примеры не доказательны. Они убоги и доказывают только то, что *если* кооперативное и профессиональное движения примкнут к борьбе за диктатуру пролетариата и *когда* они прим-

[1]) См. «D. K.», № 12 за 1926 г., стр. 532, № 4 за 1927 г. стр. 179 и 180.

[2]) См. «D. K.», № 12 за 1926 г., стр. 531, 532, 533, 534, 535 и т. д.—№ 4 за 1927 г., стр. 178, 180 и др.

кнут, то профсоюзы и кооперативы безусловно одержат *действительные* победы не над отдельными предпринимателями и торговцами, а надо всем капиталистическим строем хозяйства. Если творческая энергия рабочих масс, желающих бороться с капиталом, пробивает себе путь даже сквозь цеховые рамки и рогатки реформистских организаций, то эта энергия будет *непобедима* тогда, когда она сметет сковывающие ее рогатки реформизма и хлынет в широкое русло борьбы за коммунизм.

Попытка Реннера, далее, сослаться на «рабочие банки», якобы могущие отобрать денежный процент у капиталистических гигантов-банков (!), до того смехотворна, что на ней нечего и останавливаться.

В заключение о Реннере приходится еще сказать, что и этот «столп» австро-марксизма не может похвастать устойчивостью своих убеждений. Нынче он пишет статьи со скепсисом по отношению к идее о государственном капитализме. А вот что он писал раньше.

В 1917 году он выпустил книгу «Марксизм, война и Интернационал», где возвещал «*государственно-хозяйственную эпоху*, в которую мы вступили»; «частный капитализм превращается в государственный или стоит на пути к тому»; вместе с тем—«*государство будет становиться рычагом социализма*» [1]). Он доказывал, что государство все больше служит интересам пролетариата и его книга рецензировалась в австро-марксистской печати, как книга «государственного социалиста», провозглашающего «новый путь» к социализму [2]).

В 1924 году в цитированной выше книге о теории капитализма Реннер еще писал:

«Во-первых, мы приходим к выводу, что без государства, без завоевания власти действительное осуществление социализирования *немыслимо*» [3]).

А в 1926 г. он уже меняет вехи и пишет:

...«Политика, как средство класса, не доводит до конца»... «Политицизм переживает кризис».

Что он напишет в 1928 году о политике и государстве, знает только австро-марксистский господь бог.

---

[1]) Названная в тексте книга 1917 г., издание наследников Дитца, Штутттгарт, см. стр. 19, 28 и др.

[2]) См. ст. Ю. Дейча в № 12, «Der Kampf» за 1917 г. под назв.—«Новый путь» («Neue Weg»).

[3]) «Die Wirtschaft» и т. д. Стр. 379. Рус. пер.—стр. 326.

Э. Гольденберг.

Под занавес.

Еще несколько месяцев назад вопросы экономического курса и хозяйственного строительства занимали центральное место во внутрипартийных спорах. Атаки оппозиции на экономическую политику Центрального Комитета отличались особым напором и особой крикливостью. Темп индустриализации и планирование, заработная плата и производительность, налоговое обложение и распределение национального дохода—таковы были основные линии оппозиционной демагогии, обычно увенчивавшиеся клятвенными заверениями насчет близости неотвратимого и грозного кризиса.

С некоторых пор, однако, направление оппозиционного «огня» претерпело известное перемещение. Примерно с весны текущего года от попыток нажить политический капитал на внутрихозяйственных затруднениях группа Троцкого и Зиновьева переходит к горячечной спекуляции на обострении международной обстановки. Этот поворот об'ясняется не только об'ективными условиями, не только тем, что нависшая над СССР угроза войны и стремительное развертывание китайской революции выдвинули на первый план международные вопросы. В очень значительной мере он был вызван и тем, что уже весною реальный ход нашего хозяйственного развития принес с собою настолько очевидный и настолько сокрушительный разгром экономической программы оппозиции, что выступления в прежнем широковещательном и мессианическом стиле стали для нее попросту невозможны. Отдельные оппозиционные экономисты еще продолжают, правда, выжимать из себя аргументы против экономической линии партии, произносят речи и пишут статьи, делают вид, что ничего не случилось, что не было никаких неоправдавшихся пророчеств, никаких крахнувших расчетов, никаких разоблаченных фокусов и обманувших надежд. Это «изображение хорошей мины при дурной игре» вряд ли, однако, может ввести кого-либо в заблуждение. Нынешние экономические выступления оппозиции—это выступления «под занавес», в серьезность которых не верят и сами оппозиционеры.

С особенной ясностью это обнаружилось на последнем, июльском пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б). Речи тт. Пятакова и Смилги по докладу т. Рыкова о контрольных цифрах, представляли собой нечто совершенно из ряду вон выходящее по бессодержательности, худосочности и голословности. Сколько-нибудь обобщающей, принципиальной постановки вопроса не было и в помине. На это оппозиция уже не способна. Не было в помине также и предложения сколько-нибудь продуманной системы практических мероприятий. На это, впрочем, оппозиция никогда не была способна. Вместо этого были лишь попытки с очень ортодоксальным видом доказывать, что дважды два—пять, и с видом

необыкновенно смелых новаторов, раздвигающих и смещающих горизонты, доказывать, что дважды два—четыре. «Куда ты, удаль прежняя, девалась?!».

Оппозиционные выступления по экономическому вопросу успели уже за последние два года отлиться в некоторый, довольно прочный шаблон. Начинаются они обычно с ламентаций на тему об отсутствии или недостаточности плановости в нашем хозяйстве. Затем следуют разговоры о слишком медленном развертывании промышленности, о недостаточности ее финансирования, о мягкости налогового обложения, о потакании нэпману и кулаку. И, наконец, все это увенчивается весьма пахучей демагогией насчет заработной платы или безработицы. В общем и целом этой «стандартной» схемы старался держаться и т. Пятаков в своей речи на июльском пленуме. Мы ниже увидим в какой мере это ему удалось.

Тов. Пятаков начал с того, что как аргумент, опорочивающий хозяйственную работу партии, подчеркивал, что мы до сих пор еще не располагаем законченным пятилетним планом развертывания хозяйства, в рамках которого и с точки зрения которого возможно было бы расценивать контрольные цифры каждого данного года, в частности наступающего 1927—28 года. Рациональное зерно в этом утверждении, конечно, есть. Конечно, лучше было бы, если бы законченная пятилетка уже имелась налицо. Директива об ускорении ее разработки была дана еще февральским пленумом ЦК по докладу т. Куйбышева, и есть все основания думать, что она будет в основном готова к XV с'езду. Каким образом, однако, отсутствие пятилетки к моменту июльского пленума может служить аргументом против экономической линии партии—это остается тайной т. Пятакова. Партия, на которой лежит историческая ответственность за ход социалистического строительства, не может себе позволить роскоши так жонглировать цифрами, как это делал в своей речи тов. Пятаков. Существующие сейчас варианты пятилетки в высокой степени неудовлетворительны, их исправление требует времени и работы, которая не может быть закончена раньше, чем через полтора—два месяца. Но при чем тут принципы нашей экономической политики?

Тов. Пятаков попытался заодно, задним числом, реабилитировать проект пятилетнего плана развития промышленности, составленный под его руководством ОСВОК ВСНХ [1]). Выставив в виде заслона, всяческое признание ошибок и промахов этой пятилетки, т. Пятаков, однако, усиленно напирал на то, что она много «оптимистичнее» пятилетки комиссии Госплана. Это звучало, однако, в высокой степени несерьезно. Дело вовсе не в том, оптимистична или пессимистична освокская пятилетка. Дело в том, что она *неверна*, дает неправильную, извращенную перспективу. Ее выводы построены на совершенно нелепом предположении падающей, затухающей кривой капитальных затрат и на явном, бьющем в глаза, преуменьшении их эффективности. Основной порок «пятаковской» пятилетки не в том, что были сделаны грубейшие ошибки в конкретных расчетах. Для первого опыта это вполне понятно и простительно. Основной порок в том, что неправильна была самая *методология* составления пятилетки. В частности, совершенно недостаточно была разработана проблема *производительности труда и ее динамики*. Между тем производной от производительности труда является и норма внутрипромышленного накопления, служащего основным ресурсом для промышленного строительства. Неучет этого положения,—который был отнюдь не случайным, что мы еще покажем в другом месте,—и явился главной причиной неудачи освокского проекта.

[1]) Особое совещание по восстановлению основного капитала при ВСНХ.

Как бы там ни было, не рассуждениями о бывших и будущих пятилетках и о сроках появления последних можно доказать наличие или отсутствие планового начала в нашем хозяйстве. Для этого нужно тщательно проанализировать конкретную, живую материю хозяйственного строительства, рассмотреть обстановку, процесс и итоги истекающего хозяйственного года и на основании фактов решить, имеем ли мы вместе с ростом социалистического сектора народного хозяйства внедрение плановых начал, или, напротив, последние вытесняются стихийными влияниями, что сигнализировало бы рост и закрепление удельного веса буржуазного и мелкобуржуазного секторов.

В резолюции, предложенной т. Рыковым и принятой пленумом, говорится о бескризисности развития нашего хозяйства в течение последнего года. Именно эта бескризисность—лучший показатель укрепления плановых элементов в советской экономике. В этом смысле 1926—27 год действительно является переломным, выгодно отличаясь от предшествовавших. У нас у всех еще в памяти кризис сбыта 1923 года, у всех еще в памяти «осенние просчеты», заминки, срыв экспортно-импортных планов, угроза инфляции и рост дороговизны осени — зимы 1925—26 года. Несмотря на резкое ухудшение международной обстановки, которое, естественно, не могло не отразиться на рынке, подобного типа перебоев истекающий год не знал. А между тем масштабы нашего хозяйствования возросли, массы товарных ценностей, производимых, передвигаемых, покупаемых и продаваемых нами увеличились, отношения с мировым хозяйством усложнились, и, следовательно, об'ективная возможность промахов и ошибок была больше. Вопреки всем предсказаниям оппозиционных экономистов, мы в этом году сделали новый большой шаг в деле планового овладения нашим хозяйством.

Тов. Пятаков пытался оспаривать тезис о бескризисности развития в настоящем году. Однако, единственное членораздельное доказательство, приведенное им, заключалось в ссылке на возросшую безработицу. Тов. Пятаков утверждал, что нельзя говорить о бескризисном развитии там, где растет безработица, ибо «безработица есть показатель отсутствия равновесия во всем народном хозяйстве».

Верно ли это? Когда как. Безработица, несомненно, является показателем кризиса, если ее рост сопровождается *сокращением* числа занятых рабочих и сокращением производства. У нас, как известно, мы имеем обратный процесс. Верно, что количество безработных с первого полугодия 1925—26 года по первое полугодие 1926—27 года возросло с 988,8 тысяч человек до 1294,8 тысяч, т.-е. на 306,0 тысяч. Но за то же время общее число занятых рабочих и служащих возросло еще сильнее—на 777 тысяч человек [1]). Следовательно, мы имеем рост числа людей,

[1]) «Статистическое Обозрение» 1927 г., № 8, стр. 45.

работающих по найму в два с лишним раза более быстрый, чем рост безработных.

Само собой разумеется, что и при таком соотношении темпов роста числа работающих и безработных, безработица все равно остается одним из самых узких и больных мест в нашем народном хозяйстве. 1294,8 тысяч безработных в среднем за первое полугодие 1926—27 года—это такая цифра, над которой необходимо задуматься самым серьезным образом. Борьба с безработицей должна быть поставлена в порядок дня, как одна из самых ударных задач, имеющая, помимо всего прочего, и огромное политическое значение. Но при всем том для всякого непредубежденного человека совершенно очевидно, что обосновывать этой цифрой кризисность нашего развития в то время, когда число работающих растет в два раза быстрее, чем число безработных, ни в коем случае нельзя.

Как известно, основной кадр безработных поставляется деревней, которая ежегодно выбрасывает в город свыше полумиллиона человек. Наша безработица является продуктом не промышленного кризиса—как это пытался изобразить т. Пятаков,—но жестокого аграрного перенаселения, оставленного нам в наследие царизмом. «Безработица есть показатель отсутствия равновесия во всем народном хозяйстве». Но если из любого нарушения равновесия делать непосредственный вывод о наличии кризиса, то придется признать, что все семь лет нэпа мы живем в состоянии перманентного кризиса, потому что совершенно очевидно, что порождаемая аграрным перенаселением безработица выражает не что иное, как аграрный характер нашей страны, огромную техническую и экономическую отсталость нашего земледелия, общую диспропорцию между промышленностью и сельским хозяйством. Но *эту* диспропорцию, *это* «отсутствие равновесия» мы имели и пять лет назад еще в большей степени, чем сейчас, и пятнадцать лет назад не в меньшей степени, чем сейчас.

Если бы СССР не был аграрной страной, если бы не существовало диспропорции промышленности и сельского хозяйства, то бессмысленным был бы и самый лозунг индустриализации, бардом которого всегда выступает т. Пятаков. Думает ли т. Пятаков, что минувшие семь лет нэпа были годами непрекращающегося кризиса? Думает ли он, что аграрное перенаселение может быть ликвидировано одним махом, в два-три года? Думает ли он, что до тех пор, пока аграрное перенаселение не будет ликвидировано,—а это потребует *многих* лет,—прекратится приток избыточного деревенского населения, поставляющего основной кадр безработных? Думает ли он, что до тех пор, пока промышленность, транспорт, строительство не поглотят все избыточное население деревни, мы будем находиться в состоянии кризиса? Надо думать, что и т. Пятаков ответит на все эти вопросы отрицательно. Но тогда чем иным, кроме как фракционным выпадом, были его рассуждения о кризисности нашего развития в 1926—27 году?

Тов. Пятаков пытался доказывать, что безработица проистекает не только из аграрного перенаселения, что мы имеем «кризис городского хозяйства». Он ссылался при этом на быстрый рост числа безработных по индустриальной группе. Число последних по данным бирж труда с первого полугодия 1925—26 по первое полугодие 1926—27 года действительно возросло на 66,3

тысячи человек. Необходимо, правда, отметить, что в той самой статье «Статистического Обозрения», на которую ссылался т. Пятаков, прямо сказано, что «при многообразии факторов, определяющих об'ем биржевой регистрации, последняя не может в настоящее время служить сколько-нибудь удовлетворительным показателем динамики безработицы» [1]). Там сказано, что «моментом, обусловливающим усиление притока на биржу при одновременном усилении производства, является то обстоятельство, что увеличение количества рабочих связано с увеличением размѐров оборота рабочей силы». И, наконец, дальше указывается, что «последним и, повидимому, наиболее повлиявшим на рост регистрации, фактором были усиление кампании за первоочередной прием на работу членов профсоюзов и введение обязательной регистрации на бирже безработных членов профсоюзов, вызвавшие усиленный приток этих последних на биржу». Цифры, которыми мы оперируем, таким образом, в качестве *динамических* показателей далеко не безупречны и страдают явным преувеличением *темпа* действительного процесса. Но так как других данных, кроме данных бирж труда, у нас нет, то мы будем все же пользоваться ими.

Мы сказали уже, что с первого полугодия 1925—26 года число безработных по индустриальной группе возросло на 66,3 тысяч человек. Однако, за тот же промежуток времени число занятых рабочих в фабрично-заводской промышленности увеличилось на 136,7 тысяч человек, т.-е. *в два с небольшим раза больше*, чем число безработных. Можно ли в таком случае говорить о кризисе городского хозяйства?

Нам могут возразить, что между обеими цифрами существует непримиримое противоречие, что какая-либо из них должна быть неверна. Либо растет безработица по индустриальной группе—и тогда не может быть роста числа занятых в промышленности рабочих. Либо растет число занятых в промышленности рабочих—и тогда не может быть роста безработицы в индустриальной группе. На деле, однако, противоречие здесь только мнимое. С одной стороны, пришлый из деревни элемент, попадая на фабрику, на завод, тем самым попадает в индустриальную группу. С другой стороны, рационализация, реконструкция, некоторое перемещение производственных центров,—это делает необходимым известное перераспределение рабочей силы. Создается избыток известных категорий рабочих в одних местах при нехватке их в других местах, избыток рабочих одних специальностей и одних квалификаций при недостатке их в других специальностях. На неизбежность этого перераспределения и на необходимость к нему готовиться указывал еще в своей речи на XXII Ленинградской губпартконференции тов. Бухарин. Совершенно очевидно, что тот слой рабочих, который попадает в это перераспределение большей частью проходит через стадию безработицы. Явление, несомненно, чрезвычайно болезненное, с которым необходимо всячески бороться, которое необходимо предупреждать, которому нельзя дать распространиться. Но как можно от него непосредственно умозаключать к «кризису городского хозяйства»?

[1]) «Статист. Обозрение» июнь 1927 г., ст. Поляка, стр 46.

Между тем именно так и поступает в своей речи на пленуме ЦК и ЦКК т. Пятаков. Раз число безработных индустриальной группы растет, *значит* налицо кризис городского хозяйства, *несмотря* на то, что еще быстрее растет число занятых в промышленности. Что сказал бы, однако, т. Пятаков об экономисте, который на основании того, что рынок отказывается принимать некоторые определенные сорта и качества товаров, от своеобразного кризиса *товарного ассортимента*—явление, которое мы неоднократно имели у нас в течение текущего года—непосредственно умозаключил бы к *общему кризису сбыта*? Предоставим т. Пятакову дать оценку такому «экономисту». Рабочая сила в нашей госпромышленности не есть товар. Но независимо от этого, т. Пятаков сам делает ошибку, совершенно аналогичную. На основании действительно имеющегося своеобразного *кризиса ассортимента* рабочей силы Пятаков закрыв глаза на рост производства, на рост зарплаты, на рост общего числа рабочих, на снижение цен, на упорядочение рынка, утверждает наличие общего кризиса городского хозяйства! *Так* аргументировать могут только люди, у которых ничего за душой не осталось.

Насколько обосновано выведение «кризиса городского хозяйства» из безработицы—об этом свидетельствует между прочим и самый состав последней. Из 1294,8 тысяч безработных (средняя за 1 полугодие тек. года) 675,2 приходится на долю неквалифицированного труда и лиц без профессии и квалификации, 253,8 тысяч на долю работников умственного труда, 145 тысяч на долю лиц, пришедших из деревни. Индустриальная же группа составляет, примерно, одну шестую всего числа безработных.

Когда т. Пятаков отождествляет с кризисом существующую у нас диспропорцию промышленности и сельского хозяйства, об'являет кризисом факты, непосредственно вытекающие из наличия у нас аграрного перенаселения, то он этим напускает туман, в котором все кошки становятся серыми, в котором совершенно стирается различие между действительным кризисом и периодами нормального, бесперебойного роста. При оценке итогов хозяйственного года вопрос надо ставить не таким образом, существует или нет аграрное перенаселение и его последствия. Вопрос заключается в том, каковы достижения в деле индустриализации, в преодолении аграрного характера страны. И если эти достижения есть—то удалось ли их получить без кризисных нарушений равновесия во всем народном хозяйстве, без инфляции, без кризиса сбыта, без роста дороговизны, без снижения реальной зарплаты, без ударов по смычке рабочего класса и крестьянства.

Партия имеет полное право дать утвердительный ответ на оба вопроса. Промышленная продукция возросла более, чем на 20% сравнительно с прошлым годом. В основной капитал промышленности и в электрификацию мы вкладываем в этом году свыше миллиарда рублей. Капитальное строительство такого масштаба есть чрезвычайно сложный и ответственный процесс. Оно связано с извлечением из оборота огромных средств, с их иммобилизацией на более или менее продолжительный срок. В самом деле, ясно, что если вы строите новый завод стоимостью, скажем, в 40 миллионов рублей, при чем постройка этого завода будет закончена только через четыре года, то это значит, что вы снимаете с рынка на 40 миллионов рублей разного

рода товаров, строительных материалов, средств потребления для рабочих, между тем как встречную ценностную волну, товары в обмен на из'ятые из оборота новый завод начнет поставлять лишь—когда он будет достроен, т.-е. через четыре года. Капитальное строительство поэтому возможно только в меру реального накопления, т. к. иммобилизовать средства можно лишь в меру реального накопления. Эта мера не была соблюдена в первом квартале 1925—26 года, и это послужило одной из причин тогдашних хозяйственных заминок. В настоящем году капитальные затраты более чем на 25% превышают прошлогодние. И тем не менее прошлогодних перебоев нам удалось избежать.

В прошлом году мы стояли на пороге инфляции. В этом году мы, напротив, имели не только перелом прошлогодней тенденции, но и серьезное повышение покупательной способности червонца. В прошлом году мы имели в весенние и летние месяцы падение реальной зарплаты. В настоящем году мы добились ровного, бесперебойного роста заработной платы. Это обстоятельство совершенно лишило почвы еще совсем недавно очень модную в оппозиционных кругах демагогию вокруг вопросов оплаты труда. В первом полугодии 1926/27 года средняя зарплата по промышленности была на 12,6% выше, чем в первом полугодии 1925/26 года. Это в номинале, т.-е. в червонных рублях. Если учесть произведенное за это время снижение цен, то повышение окажется еще больше. Недаром ни т. Пятаков, ни т. Смилга, ни единым словом не заикнулись о нашей политике зарплаты. А сколько страшных термидорианских слов, сколько клеветы и демагогии извергала оппозиция по этому поводу на предыдущих пленумах и конференциях!

Мы добились крупных успехов не только в сфере производства, но и в сфере обращения. Всем нам памятно, как оппозиция устами тт. Троцкого и Пятакова предрекала дальнейшее обострение товарного голода. Это ее пророчество оправдалось в такой же совершенно степени, как и все остальные. Развертыванием промышленного производства, с одной стороны, правильной кредитной и эмиссионной политикой, правильной установкой в вопросах строительства, правильной политикой заготовительных цен, с другой стороны, мы добились такого соответствия и таких пропорций в росте товарного предложения и платежеспособного спроса, который обеспечил если не полное изжитие (что, разумеется, в такой короткий срок невозможно) то, во всяком случае, очень сильное смягчение товарного голода. По предварительным подсчетам Госплана в этом году рост продукции предметов шорокого потребления составил 17%, а рост спроса—16%. Мы имеем, т. о., постепенное смыкание раствора тех ножниц предложения и спроса, которые в прошлом году грозили поколебать и подорвать нашу валюту.

Тов. Пятаков, разумеется, и здесь «не согласен». Он пытался оспорить факт смягчения товарного голода, для чего сослался во-первых, на очереди у магазинов и нехватку таких товаров, как соль, и во-вторых, на уровень цен. Что касается первого «аргумента», то на нем вообще не к чему останавливаться. Только наша оппозиция может изо всех сил размахивать руками по поводу близости и неотвратимости войны, и в то же время разводить руками по поводу временной нехватки и временных

перебоев в снабжении такими, вообще говоря, отнюдь не недостаточными товарами, как соль, спрос на которые сделал огромный прыжок вверх в связи со слухами о войне. При чем дело вовсе не меняется от того, что для «размахивания» пускаются в ход руки тт. Троцкого и Зиновьева, а для «разведения» руки т. Пятакова.

Любопытнее второй «аргумент». Нельзя, изволите ли видеть, говорить о смягчении товарного голода при неснижающихся ценах на промтовары. Нельзя, конечно, нельзя! Но неужели т. Пятаков так ничего и не слыхал о том, что цены на промтовары у нас *снижены?* По индексу ЦСУ это снижение составило 9,5 процентов, по индексу Кон'юнктурного института—7%. Пытался ли т. Пятаков оспорить эти достаточно общеизвестные цифры? Нет, не пытался. Но в таком случае что может означать ссылка на неснижающиеся цены? Сознательное передергивание? Полную неосведомленность в том, что делается? Или «добросовестную» путаницу?

И еще одно замечание в этой же связи. Тов. Пятаков в конце своей речи провозгласил, как одну из основ нашей политики, «неуклонное снижение себестоимости, отпускных и розничных цен». Лучше поздно, чем никогда! Хорошо, конечно, что оппозиция сдала в одном из основных вопросов, имеющих решающее значение для определения нашего экономического курса. Менее хорошо, однако, то, что провозглашая это «неуклонное снижение», т. Пятаков позабыл хотя бы единым словом обмолвиться насчет того, что он и его единомышленники не всегда стояли на этой позиции, что установка на снижающиеся цены была принята в борьбе с оппозицией, что вплоть до последнего пленума она яростно защищала совершенно противоположную точку зрения.

Мужеством открыто признавать свои ошибки наша оппозиция не обладает.

* * *

Погарцовав вокруг вопросов планирования и бескризисности развития, т. Пятаков перешел к более общему вопросу: относительно общей недостаточности темпа нашего развития. Самая тема не нова. Но какая разница между тем, как ставит этот вопрос оппозиция теперь, и тем, как она пыталась его ставить раньше!

Было время, когда оппозиция пыталась доказывать гибельность взятого нами темпа индустриализации с точки зрения смычки с крестьянством (апрельский пленум ЦК 1926 г.) и на этом была решительно бита. Было время, когда оппозиция пыталась ставить этот же вопрос с точки зрения «контроля» нас мировым хозяйством (июльский пленум 1926 года, XV партконференция). И на этом тоже была решительно бита. Старые постановки для оппозиции стали невозможны. Тов. Пятаков не решился поэтому их повторить. Он сделал поэтому ударение на другом: душевом потреблении промтоваров.

Каковы наши перспективы в этом направлении? Пятилетка комиссии Госплана, относительно которой т. Пятаков сам же говорил, что она чрезвычайно пессимистична, дает следующие цифры[1]):

[1]) Материалы комиссии по пятилетнему плану Госплана СССР, стр. 143, и стр. 72 приложения.

Душевое потребление в 1930/31 году.

	В %% к довоен.:		В %% к довоен.
Камен. уголь и антрацит	149	Хлоп.-бум. ткань	98,5
Чугун	127	Бумага	82,6
Сахар	115	Мыло	107
Соль	122	Водка	72
Стекло	111	Папиросы	106
Керосин	146	Галоши	127
Спички	103,1		

По большинству промтоваров мы имеем, таким образом, значительное повышение душевого потребления. Исключение составляют хлоп.-бум. ткани, бумага и водка. Конечно, нормы нашего потребления и в 1930 году будут в огромной мере отставать от норм западно-европейского, и в особенности американского, потребления. Но можно ли их вообще сопоставлять так безоговорочно, как это делал в своей речи т. Пятаков?

Тов. Пятаков говорил о потреблении промтоваров в среднем на душу у нас и на Западе. Но ведь эта статистическая средняя в классовом обществе является фикцией, лишенной всякого экономического содержания. Над такими фикциями очень зло издевался еще Маркс в своей «Нищете философии», потому что данные о том, сколько потребляется «в среднем» в той или другой стране еще ничего совершенно не говорят о том, сколько потребляет рабочий, крестьянин, и сколько потребляет помещик и капиталист. Для того, чтобы найти правильную меру наших успехов ни в коем случае нельзя ограничиться голым сопоставлением «средней нормы» потребления промтоваров в 1913 году, сейчас и в 1930 году, потому что «средняя норма» абсолютно ничего не говорит о том, сколько потребляли рабочий и крестьянин до войны и сколько они потребляют сейчас.

Тов. Пятаков ссылается на «вторую» пятилетку, разработанную в аппарате ВСНХ (которая, кстати сказать, нигде не опубликована, никем не утверждена, не рассматривалась еще даже президиумом ВСНХ), согласно данным которой душевое потребление по 19 промтоварам у нас в 1926/27 году составляет 78% довоенного. Значит ли это, что душевое потребление рабочего, крестьянина, тоже составляет 78% довоенного (если принять, что эта цифра вообще верна)? Тов. Пятаков пытается смазать этот вопрос ссылкой на то, что «если мы выделим потребление нэпмана, потребление кулака, потребление служащего, то, конечно, душевое потребление рабочего класса и бедноты будет еще ниже».

Речь, однако, идет ведь не об абсолютных величинах, а о процентах к довоенному уровню. Сейчас этот процент, по данным, приведенным Пятаковым, составляет 78. Но произошли ли какие-нибудь изменения в распределении общей суммы между основными классами страны? Вот вопрос, который обходить ни в коем случае нельзя, если желаешь оставаться марксистом. В 1913 году доходы лиц, живущих наемным трудом, составляли 22% всей суммы доходов населения России, в 1926—27 году—29,8% [1]). Меняет этот *классовый сдвиг* что-либо или не меняет? Позволяет он ограничиваться анализом одних только «средних

[1]) Контрольные цифры Госплана на 1926/27 год. Стр. 214.

норм»? Неужели оппозиция уже успела так основательно забыть *азы* марксизма?

Реальная заработная плата у нас в настоящее время уже достигла довоенного уровня и кое-где его перешагнула. Между тем средний уровень потребления на душу у нас довоенного уровня еще не достиг. С точки зрения т. Пятакова здесь неразрешимое противоречие, между тем как на деле здесь никакого противоречия нет, а есть классовая политика пролетарского государства в деле распределения национального дохода.

Повторяем: мы вовсе не закрываем глаза на нашу крайнюю отсталость, на то, что наш уровень потребления все еще много ниже, чем в Европе, и в особенности в Америке. Вряд ли т. Пятаков сомневается в том, что если бы возможно было двинуть дело индустриализации в два, в десять, в сто раз более быстрым темпом, никто бы от этого не отказался. Весь вопрос в том, *как* это сделать.

Мы не будем сейчас возвращаться к разбору старых оппозиционных рецептов ускорения темпа индустриализации. «Иных уж нет, а те далече». Кто станет теперь всерьез защищать «основной закон первоначального социалистического накопления» т. Преображенского? Кто будет теперь подобно т. Троцкому противопоставлять «ситцевую» и «машинную» смычку? А повышение цен? Сей принцип открыто предан не кем иным, как т. Пятаковым, и не далее как на июльском пленуме ЦК и ЦКК.

Мы можем поэтому в данной связи ограничиться лишь тем, что сказал в своей речи сам т. Пятаков. Что же предложил т. Пятаков партии для того, чтобы форсировать индустриализацию, ликвидировать аграрное перенаселение, нагнать и обогнать Европу и Америку? *Усилить налоговое обложение нэпмана и кулака.*

Положение, в которое попал т. Пятаков, очень комично. Наговорить с три короба о нашей отсталости, бедности, об азиатском темпе нашего развития—и все это только для того, чтобы предложить усилить обложение нэпмана и кулака! Оставим, однако, в стороне, эту вообще свойственную всем оппозиционным выступлениям диспропорцию «прицела» и действительной силы. Мы ставим другой вопрос: как обосновывал т. Пятаков возможность усиления налогового обложения нэпмана и кулака?

В речи т. Пятакова фигурировал только один единственный аргумент: статья И. Мандовича в № 6 «Статистического Обозрения» за 1927 г. о «тяжести налогового обложения населения СССР в *1924/25 году*». Чувствуете, читатель? Идет пленум ЦК и ЦКК. Обсуждаются контрольные цифры на 1927/28 год. Приходит т. Пятаков и поучает пленум: необходимо в 1927/28 году резко повысить обложение нэпмана и кулака, потому что... оно было недостаточно в *1924/25 году!?*... Всерьез отнестись к такому трюку можно только при помощи эйнштейновой теории относительности; да и то разбив ее изрядной дозой солипсизма.

Да, в 1924/25 году обложение нэпмана и кулака, быть может, и было недостаточным. Но ведь уже в 1925/26 году кулак платил в виде налога до 25% всего своего валового дохода. Но ведь обложение нэпмана с тех пор было повышено на 40%. В то время как доля госпредприятий с 1923/24 по 1925/26 год увеличилась на 128%, кооперации на 145%, доля

частного оборота за эти три года возросла только на 2 процента. Мы не имеем еще суммарных данных за 1926/27 год, но и те отдельные сообщения, которыми мы сейчас располагаем, все же достаточно в этом смысле показательны: в Москве за истекшие восемь месяцев текущего года закрылось до 18% частных торговых предприятий и до 9% промышленных предприятий; на Украине в разных районах от 12% до 24%, в Самаре 19%, в Саратове 34%, и т. д. и т. п. Думает ли т. Пятаков, что это свидетельствует о чрезмерной мягкости нашей налоговой политики? И можно ли так бухать в колокола, не справившись в святцах, даже такому звонарю, как т. Пятаков?

Художества т. Пятакова на этом не кончились. Помимо недостаточного обложения нэпмана и кулака, он нашел еще и другую причину медленности темпа индустриализации. Она заключается в том, что «плановая установка на замкнутый, самодовлеющий социализм в одной стране, обязывающая в короткий срок производить все самим, снижает эффективность капитальных затрат, ослабляет темп и бьет по смычке». Или, иными словами, наш сверхиндустриалист видит причину медленности индустриализации в том, что мы держим курс... на индустриализацию. В самом деле, станет ли т. Пятаков оспаривать ту, ставшую уже ходовой истину, что индустриализация означает в первую очередь усиленное развертывание собственного производства средств производства? Но ведь именно это на его языке и называется «установкой на то... чтобы делать все самим». Эта установка, по мнению т. Пятакова, «ослабляет темп». Темп чего? Индустриализации? Но без этой установки нет индустриализации. Тов. Пятаков безнадежно запутался в трех соснах.

Этот вопрос имеет еще и другую сторону. Открывать сейчас, летом 1927 года огонь по «плановой установке на то, чтобы все производить самим», это значит разоблачить перед всей партией либо полную несерьезность своих предложений, либо полную несерьезность своих разговоров о необходимости готовиться к войне. Что лучше—пусть решает т. Пятаков.

Мы можем теперь подвести итог. От старых широковещательных выступлений оппозиции на тему о плановости и хвостизме остались ламентации о запаздывании пятилетки.

От былых пророчеств насчет того, что «страна идет к гибели», осталось отождествление аграрного перенаселения и безработицы с кризисом, концепция, согласно которой мы уже семь лет находимся в состоянии перманентного кризиса и неизвестно когда из него вылезем.

На былую демагогию по вопросам зарплаты оппозиция на июльском пленуме вообще не решилась. В политике цен— полная капитуляция.

От былых рассуждений о темпе индустриализации—предложение повысить в 1927/28 году налоговое обложение нэпмана и кулака, обосновываемое при помощи данных за 1924/25 год.

И, наконец, от былой общей установки в вопросах экономического курса—предложение, во имя достижения сверхиндустриалистского темпа, ликвидировать самую индустриализацию.

Таков бесславный конец четырехгодовой борьбы оппозиции с экономической политикой партии.

А. Слепков.

Оппозиция и вопросы международной политики на об'единенном пленуме.

Выступления лидеров оппозиционного блока, резко «критикующих» линию партии как в области внутренней, так и международной политики, отличаются прежде всего той особенностью, что они не заключают никакой сколько-нибудь *определенной* точки зрения на современные международные отношения и на перспективы развития этих отношений в ближайшем будущем.

В данной статье мы коротко остановимся на тех «оценках» *международного* положения, которые были даны представителями оппозиционного блока на последнем об'единенном пленуме ЦК и ЦКК. Освещение этой стороны дела тем более необходимо, что оппозиция в последней стадии своей борьбы против партии перенесла центр тяжести своей критики именно на политику партии в области *международных* отношений, в области *международного* рабочего движения.

Наша партия привыкла к тому, чтобы политика Коммунистического Интернационала в *данную* полосу обосновывалась определенной *оценкой* состояния и тенденций развития мирового капитализма и соотношения классовых сил в мировом масштабе.

При этом *общая* оценка «империализма, как новейшего этапа капитализма», является заранее данною. Положения, которые по этому вопросу выдвинуты т. Лениным, являются ныне программными положениями Коминтерна; борьба последнего за диктатуру пролетариата в мировом масштабе имеет своей теоретической предпосылкой положение об об'ективной зрелости современного капиталистического общества для социализма, о «загнивании», «умирании» капитализма, о том, что империализм, взрываемый внутренними противоречиями, доживает последние исторические дни.

Но эта посылка, которая обеспечивает правильную *стратегическую* установку Коминтерна, еще недостаточна для обоснования правильного *тактического* курса, правильной линии на *данном* отрезке времени, на *данном* отрезке пути международной социалистической революции.

Для тактики Коминтерна, напр., совсем не безразлично, катится ли в *данный год* капитализм безудержно под откос, переживает ли он полосу развертывания острейшего кризиса, или он—в рамках эпохи «загнивания», в рамках исторического кризиса капитализма, в «эпоху войн и революций»—временно укрепляется, продвигается вперед, выкарабкивается, частично и относительно стабилизируется.

Различные оценки состояния и ближайших перспектив мирового капитализма предполагают различные тактические установки Коминтерна, различные *лозунги дня*, конечно, подчиненные лозунгу борьбы за диктатуру пролетариата.

И партия и Коминтерн отмечали в течение последних двух лет, что мировой капитализм вступил в полосу относительной, частичной стабилизации.

Развитие мирового капитализма за последние два года доказало правильность этого прогноза. Последний об'единенный пленум ЦК и ЦКК—в своей резолюции по докладу тов. Бухарина—заявляет, что мировой капитализм переживает «в рамках послевоенной дезорганизации мирового капитализма» процесс стабилизации, при чем подчеркивает, что основой этого процесса является *экономическое* укрепление капитализма.

Стабилизация капитализма прежде всего *экономическое* понятие, *экономическая* характеристика положения современного мирового капитализма.

Наша партия воспитывалась на марксистском анализе общественных отношений, а марксистский анализ обязывает дать верную, серьезную, детальную оценку экономических отношений, которые определяют отношения классовые и без правильного понимания которых немыслим анализ политической борьбы.

Именно поэтому тов. Бухарин анализировал, прежде всего, *экономику* современного капитализма, его *экономические* тенденции, аргументировал цифрами и статистическими таблицами.

Что противопоставили этому анализу лидеры оппозиции—тт. Зиновьев и Троцкий? Они, прежде всего, сошли с почвы марксистского анализа состояния и перспектив мирового капитализма; они повторили свою прежнюю ошибку, вкладывая в понятие «стабилизация» только *политическое* содержание; они сочли возможным при анализе мирового капитализма перепрыгнуть через экономический анализ, отбросив экономическую характеристику современного капитализма. Эта *методологическая* ошибка обща и для т. Зиновьева и для т. Троцкого, хотя они, делая одну и ту же методологическую ошибку, и приходят к различным оценкам положения.

Тов. Зиновьев иронизировал насчет статистических аргументов, приводившихся в докладе тов. Бухарина; для него статистические данные о мировом производстве стали, чугуна и пр.—ничего не значат; он заявил, что английская стачка и венские события «ставят над стабилизацией большой вопросительный знак»; что эти политические события «перевешивают» всякий «чугун» и пр. Он выступил с утверждением, что констатировать стабилизацию «это значит уйти от оценки нашей эпохи, как эпохи мировой революции».

Тов. Зиновьев «смело» заключил, что «бездна премудрости» относительно стабилизации почерпнута у идеологов II Интернационала—Гильфердинга и др.

Абсурдность этой псевдо-аргументации т. Зиновьева очевидна.

Резолюция по докладу тов. Бухарина «О международном положении», в полном соответствии с тем, что говорил в своем докладе т. Бухарин, гласит:

«Этот процесс укрепления капитализма развивается в *рамках общей послевоенной дезорганизации мирового хозяйства*, **вызы-**

вает все новые и новые более острые противоречия внутри капиталистической системы и вместе с тем крайне повышает империалистические тенденции»; в другом месте резолюции говорится про экономическую стабилизацию, как про стабилизацию, «*развертывающую* свои глубокие внутренние противоречия и *обостряющую* классовую борьбу»; наконец, *относительность* стабилизации подчеркивается и следующим тезисом: «Если в общем и целом европейский капитализм (в первую очередь французский и германский) быстро подымает свои производительные силы, то империализм английский, несмотря на отчаянные стабилизационные попытки внутри страны, переживает *хроническую депрессию*».

Кто же может поверить т. Зиновьеву, что т. Бухарин и пленум стоят на точке зрения «стабилизации без всяких ограничений»? Разве не ясно, что здесь речь идет об относительной и частичной стабилизации? Зачем т. Зиновьеву понадобилось прикрашивать Гильфердинга? Партия помнит, что тов. Зиновьев года два назад, Зиновьев, еще чувствовавший ответственность за то, что он говорит, сам выдвигал тезис о частичной, относительной *стабилизации* капитализма, когда капитализм еще не шагнул столь далеко вперед, как теперь.

Если тов. Зиновьев считает, что подобная оценка имеет социал-демократические корни, то почему он не «покаялся», не сказал, что он был не прав, что его попутали социал-демократы и что-де только теперь он избавился от социал-демократического влияния.

Суть дела заключается в том, что тов. Зиновьев так же легко бросается «чугуном», как он бросался «миллиардами», суть дела в том, что тов. Зиновьев не хочет подойти к вопросу серьезно, что его «концепция» страдает тем органическим пороком, что она лишена экономического обоснования. Само собою разумеется, что экономическим анализом ограничиться нельзя, но без *него* невозможно дать правильную оценку международных отношений; и как раз этот-то экономический анализ и отсутствует у т. Зиновьева. Мало этого, этот органический порок своего «анализа» т. Зиновьев хочет выдать за ленинизм.

Тов. Троцкий, исходящий *так же*, как и т. Зиновьев, из голополитического понимания стабилизации и точно *так же* игнорирующий факты экономического развития, дает тем не менее оценку, диаметрально-противоположную той, которая дана т. Зиновьевым.

Характеризуя политические настроения международного пролетариата, тов. Троцкий говорит о «временном перевесе правого крыла за счет левого» и о том, что это относится и к «большинству партий Запада».

> «Роль рабочей аристократии, рабочей бюрократии, мелкобуржуазных попутчиков,—заключает т. Троцкий,—в такие периоды особенно велика и особенно реакционна; стоящая у власти ВКП не составляет исключения из этого международного процесса».

У тов. Зиновьева все «горит», у тов. Троцкого — налицо «перевес правого крыла за счет левого»; у тов. Зиновьева—налицо чуть ли не непосредственно революционная ситуация; у тов. же Троцкого—растущее влияние оппортунизма в рабочем движении.

Таким образом, представители оппозиционного блока выступили на об'единенном пленуме с диаметрально-противоположными оценками состояния мирового капитализма и соотношения классовых сил в мировом масштабе.

Определенной, ясной позиции Центрального Комитета они противопоставили противоречивые, лишенные экономического—и всякого другого—обоснования «оценки».

А, между тем, от диагноза мировой капиталистической системы и вытекающих из него заключений зависит очень многое, в частности зависит то или иное решение вопроса *о корнях опасности военного нападения империализма на СССР*.

Дело в том, что именно стабилизация капитализма обостряет агрессивность империалистов, ибо укрепление капитализма ставит острее вопрос о рынках сбыта, сырья и сферах приложения капитала, о колониях и СССР, как возможной—с точки зрения империализма,—колонии.

С другой стороны, рост СССР, сопровождающийся ростом его влияния на эксплоатируемые *колониальные* народы, означает для империализма расшатывание устоев последнего, обострение его затруднений в колониальной «периферии».

Именно поэтому империалистическое нападение на СССР становится не только неизбежным в историческом смысле, но и *весьма вероятным в ближайшие годы в данной* исторической обстановке.

Поскольку оппозиция не понимает этих корней военной опасности, постольку она не в состоянии дать верную оценку и характера и размеров этой опасности, постольку, несмотря на расточаемые ею фразы о военной опасности, она по сути дела не чувствует реального веса опасности, угрожающей в наши дни СССР. Нет никакого сомнения в том, что оппозиционная постановка вопроса о защите СССР, которая была охарактеризована на пленуме как «условно-оборонческая» постановка вопроса,—имеет своей предпосылкой именно это непонимание сегодняшнего дня международного капитализма.

Антипартийность оппозиционного отношения к делу обороны СССР находит особенно яркое выражение в том, что тт. Троцкий и Зиновьев в случае войны и во время войны «обещают» партии усиление своей дезорганизаторской деятельности, своей борьбы против партии.

Характеризуя курс партийного руководства, как «центристский», тов. Троцкий заявлял на пленуме:

> «В мирное время такой курс может просуществовать довольно долгое время; но в условиях войны и революции центризм должен дать резкий крен или вправо или влево, он расчленяется на правое и левое крылья, которые растут за счет центра. Этот процесс уже наблюдается сейчас, он неизбежно будет ускоряться, а война придаст ему лихорадочно-усиленный характер. Сталинский центр будет неизбежно таять. *В этих условиях войны оппозиция будет нужнее, чем когда бы то ни было*, чтобы помочь партии».

Эта «помощь» оппозиции во время войны расшифровывается т. Троцким следующим образом: «Ни один оппозиционер не откажется от своего права и долга перед войной или во время

войны бороться за исправление партийного курса, ибо в этом *важнейшее* условие победы».

Тов. Троцкому нет дела до того, что теперешний курс партийного руководства одобряется всей партией в целом, что борьба против этого курса означает борьбу против *курса партии*.

Бороться против курса нашей партии по тов. Троцкому означает обеспечивать «важнейшее условие победы».

Это «своеобразное» понимание укрепления обороноспособности нашей страны еще более красочно и выразительно представлено тезисом о Клемансо, заключенным в письме т. Троцкого тов. Орджоникидзе от 11 июля с. г.

> «Что такое пораженчество? Политика, направленная на то, чтобы содействовать поражению «своего государства, находящегося в руках враждебного класса. Всякое другое понимание и толкование пораженчества будет фальсификацией. Так, например, если кто скажет, что политическая линия невежественных и бессовестных шпаргальщиков должна быть выметена, как мусор, именно в интересах победы рабочего государства, то он от этого никак еще не становится «пораженцем». Наоборот, в данных конкретных условиях он-то и является подлинным выразителем революционного оборончества: идейный мусор победы не дает.
>
> Примеры, и весьма поучительные, можно было бы найти в истории других классов. Приведем только один. Французская буржуазия в начале империалистской войны имела во главе своей правительство «без руля и без ветрил». Группа Клемансо находилась к этому правительству в оппозиции.
>
> Несмотря на войну и военную цензуру, несмотря даже на то, что немцы стояли в 80 километрах от Парижа (Клемансо говорил: «именно поэтому»), он вел бешеную борьбу против мелкобуржуазной дряблости и нерешительности—за империалистскую свирепость и беспощадность. Клемансо не изменял своему классу, буржуазии, наоборот, он служил ей вернее, тверже, решительнее, умнее, чем Вивиани, Пенлеве и компания. Дальнейший ход событий доказал это. Группа Клемансо пришла к власти и более последовательной, более разбойничьей империалистской политикой обеспечила французской буржуазии победу. Были ли такие французские газетчики, которые называли группу Клемансо пораженцами? Наверно были: глупцы и клеветники тащатся в обозе всех классов. Но они не всегда имеют возможность играть одинаково значительную роль».

Итак, тов. Троцкий желает уподобиться Клемансо. Он обещает во время войны «сковырнуть» теперешнее партийное руководство, которое якобы благодаря своей неправильной линии не в состоянии обеспечить победы. Он, Троцкий, с его «линией», ставши у руля партии и государства, «исправит» этот курс и «обеспечит» победу.

Когда «клемансистская» установка была охарактеризована на пленуме как повстанческая, тов. Троцкий «раз'яснил» (*так* «раз'ясняют» теперь «клемансистский» тезис оппозиционеры и на ячейковых собраниях), что Клемансо не производил переворота военным путем, он-де пришел к власти *мирным* путем.

Но тов. Троцкому хорошо известно, что *парламентский* путь Клемансо к власти был путем борьбы различных политических партий, хотя и имеющих общую задачу борьбы с пролетарской революцией. Не говорит ли этим тов. Троцкий, что он желает превращения нашей партии в парламент и легализации системы двух партий?

Но где у тов. Троцкого гарантии, что система двух партий в условиях диктатуры пролетариата исключит гражданскую войну?

Тысячу раз прав был тов. Сокольников, который, возражая тт. Троцкому и Зиновьеву, критикуя «клемансистский» тезис, указал на следующее обстоятельство. Когда Клемансо боролся за власть против другой группы французской буржуазии, то в 80 километрах от Парижа стояла армия немецкого *империализма*. Но разве Клемансо стал бы свергать—хотя бы и парламентским путем—Вивиани и Пенлеве, если бы в 80 километрах от Парижа стояла Красная армия германской советской республики?

Разве может безусловный оборонец в СССР совершать переворот против партии перед лицом классового врага, находящегося, скажем, в 80 километрах от Москвы?

Конечно, все эти разговоры о «клемансистском» перевороте не могут запугать партию. Оппозиция смешна в этих своих претензиях. Она слаба идейно-политически и организационно. Кучка оппозиционеров встретила бы в этом случае железный отпор со стороны партии, со стороны пролетариата, со стороны широких масс трудящихся.

Но здесь важно отметить то направление, в котором начинает работать оппозиционная мысль. Само собою разумеется, что Троцкий стремится к смене партийного руководства с тем, чтобы вести другую политическую линию.

Однако, всей партии ясно, что «линия» троцкизма есть антиленинская и потому антиреволюционная «линия», что «сдвижок», о котором мечтает «в образах» тов. Троцкий, мог бы быть только «сдвижком» в сторону от ленинизма, т.-е. «сдвижком» в сторону от пролетарской линии.

Поэтому пленум был прав, когда он указывал, что подобные установки оппозиции выражают давление на нее *третьей силы*, давление мелкой буржуазии и буржуазии. Политическая гнилость оппозиционной постановки вопроса об «обороне» СССР, позиция «условного оборончества» являются *небывалым* в партии отходом от принципов коммунизма, принципов, которыми определяется политика нашей партии и Коминтерна.

Военная опасность есть конкретная, реальная опасность; подготовка военного нападения империалистов на СССР—в ходу, она налицо. Поэтому сплочение рядов партии, сплочение рядов Коминтерна (а не дезорганизация этих рядов) является настоятельным требованием дня. Нельзя победить в войне без единого, сплоченного, монолитного коммунистического авангарда; нельзя победить при системе двух партий, нельзя победить в условиях, когда партия из организма, сплоченного единой мыслью и единым действием, превращается в конгломерат различных политических течений, борющихся за власть.

Но для победы мало сплоченности в рядах самой партии; необходимо отвоевание на сторону коммунизма перед войной и во время войны широких рабочих масс всего мира. С этой точки

зрения тактика *единого фронта*, имеющая целью освободить рабочие массы от влияния оппортунистических вождей, приобретает в наши дни первостепенное значение.

Оппозиция разделяет тактику единого фронта вообще, в ее, так сказать, абстрактной форме. Но она доказала своей политикой в отношении англо-русского комитета, что конкретной тактики единого фронта она вести не умеет, что *по сути дела* она отвергает эту тактику.

Все фразерство оппозиции о «соглашательстве» с Перселями (что они—Персели—реформистские политики, этого никто не отрицает) не может скрыть того факта, что оппозиция не понимает смысла и об'ективной роли маневра с англо-русским комитетом.

Разве ВЦСПС, непрерывно критикующий английскую делегацию в АРК, разоблачающий ее по мере развития событий перед массами английского пролетариата, выиграл бы что-нибудь, разве дело коммунизма выиграло бы что-нибудь, если бы мы с самого начала разорвали англо-русский комитет? Этим маневром мы только завоевываем массы на нашу сторону, а не отталкиваем их, а не отдаем их в безраздельное идейно-монопольное распоряжение оппортунистов.

В этом конкретном политическом споре, нашедшем отголоски и на последнем пленуме, оппозиция показала, что она не понимает конкретных форм единого фронта, не умеет эту тактику единого фронта вести. Тем самым она дезорганизует работу партии и Коминтерна по мобилизации международного пролетариата под лозунгами защиты СССР от империализма.

«Линия» оппозиции в *китайском* вопросе получила на об'единенном пленуме свое логическое и политическое завершение.

Тов. Зиновьев прямо сказал, что *в такой революции, как китайская революция, ленинцы не могут допускать блоков с национальной буржуазией*, что тактика большевиков в Китае должна быть такой же, какой была тактика российских большевиков в революции 1905—07 гг.

Тов. Зиновьев, правда, «обнаружил» два отличия революции 1905—07 гг. от китайской революции, которые должны определить и различия в тактике большевизма в той и другой революции.

Во-первых, «в таких странах, как Китай, революция должна пройти ближе к типу советской революции, ибо это дело происходит в эпоху мировой революции»; во-вторых, «под'ем крестьянского движения будет больше, чем у нас в 1905 г.».

Но чрезвычайно характерно, что говоря об «отличиях», тов. Зиновьев *исключает то решающее отличие, на которое указывал тов. Ленин* в речи на II конгрессе Коминтерна, обосновывающей тезисы по национально-колониальному вопросу.

Ленин сказал в этой речи:

«Что является самой важной, основной идеей наших тезисов?

Различие между угнетенными и угнетающими народами. Мы подчеркиваем это различие в противоположность II Интернационалу и буржуазной демократии; для пролетариата и Коммунистического Интернационала особенно важно в эпоху империализма констатировать конкретные экономические факты и при решении всех колониальных и национальных вопросов исходить не из абстрактного положения, а из явлений конкретной действительности».

Исходя из этого своеобразия национально-колониальной революции, как революции в *угнетенной* стране, Ленин прямо указывал на возможность и необходимость блоков, даже союзов с национально-революционной буржуазией.

«Коммунистический Интернационал должен вступать во *временные соглашения, даже в союзы, с буржуазной демократией колоний и отсталых стран, но не сливаться с нею, а безусловно сохранять самостоятельность пролетарского движения даже в самой зачаточной его форме*».

Тов. Зиновьев утверждал в своей речи, что Ленин разумеет здесь под буржуазной демократией крестьянство.

Но посмотрите, что Ленин говорит об условиях этого блока с «буржуазной демократией».

Он заявляет в своей речи:

«...Мы, как коммунисты, лишь в тех случаях должны и будем поддерживать *буржуазные* освободительные движения в колониальных странах, когда эти движения действительно революционны, когда представители их не будут препятствовать нам воспитывать и организовывать в революционном духе крестьянство и широкие массы эксплуатируемых. Если же нет налицо и этих условий, то коммунисты должны в этих странах бороться против *реформистской буржуазии*, к которой принадлежат и герои II Интернационала».

Таким образом, Ленин здесь прямо говорит о «*буржуазном* освободительном движении» и о том, что *только в случае*, если «реформистская буржуазия» перестанет бороться с империализмом и станет мешать организации сил революции, организации сил пролетариата и *крестьянства*,—только в этом случае блоки и союзы с этой буржуазией должны смениться *прямой борьбой* против нее.

Тт. Зиновьев и Троцкий поставили себя на пленуме высказываниями по этому вопросу в коренное противоречие с Лениным.

Если бы Коминтерн действовал в Китае, исходя из оппозиционной тактической установки, то он *не смог бы добиться ни целого ряда поражений империалистов, ни массовой организации сил революции.*

А это в свою очередь означало бы ослабление нашего фронта против империализма накануне военного похода последнего против СССР, ибо китайская национальная революция является одним из мощнейших факторов ослабления мирового империализма.

Мы видели, таким образом, что на пороге империалистической войны против СССР оппозиция борется против ленинских позиций партии по ряду существеннейших политических вопросов, имеющих непосредственное отношение к мобилизации антиимпериалистических сил в международном масштабе.

Оппозиция не поняла *корней* империалистической агрессии против СССР в *наши дни*.

Она докатилась до позиции «*условного оборончества*» в отношении СССР.

Она показала своим отношением к АРК, что не понимает *значения и методов проведения единого* фронта, без осуществления

которого в настоящих условиях *невозможно привлечь обманываемых реформистами рабочих на сторону СССР*.

Она не поняла *характера национально-колониальной революции в Китае*, она предлагала *«линию», которая способна лишь ослабить позиции международной революции против международного империализма.* Но оппозиция не только *идейно* навредила делу мобилизации революционных сил для отпора империализму.

Она вступила на путь *организационных* мероприятий, вредящих этому делу. Оплевывая Коминтерн, распространяя легенду о поправении Коминтерна, о засилье в его кадрах «центризма», дискредитируя *лучшие* организованные элементы международного пролетариата, дискредитируя коммунистический авангард мировой пролетарской революции,—оппозиция вступила в идейные и организационные связи с исключенными из Коминтерна антиреволюционными группировками (группа Рут Фишер—Маслова в Германии, группа Суварина—Моната—Росмера во Франции), клевещущими на Коминтерн, на партию, на советскую власть, создавшимися для борьбы с коммунизмом.

Орган Маслова «Знамя Коммунизма» превращается в орган тт. Зиновьева и Троцкого, печатающих в этом органе свои статьи, тезисы и речи против ВКП. Значение этого факта не нуждается в особых пояснениях. Подбираясь к постановке вопроса о двух партиях у нас, лидеры оппозиции переходят к осуществлению системы двух партий на Западе, дезорганизуя силы международного революционного пролетариата.

Нет необходимости доказывать, что *эта политика вредит делу укрепления антиимпериалистических сил.*

Вынужденная отступать, оппозиция своим заявлением на об'единенном пленуме показала, что она не отказалась *с необходимой решительностью* от ряда серьезнейших ошибок, от своей антиленинской «линии» во всех вопросах, в том числе и в вопросах международной политики.

Партия не должна усыплять своей бдительности в отношении оппозиции, она должна идейно преодолеть оппозицию, осмыслить сущность и глубину ошибок оппозиции, ее отход от принципов ленинизма, ее дезорганизаторскую роль в международном революционном рабочем движении, в деле консолидации антиимпериалистических сил.

Только при этих условиях мы сумеем преодолеть все опасности, стоящие на нашем пути.

Б. Борилин.

Куда устремляется капитализм?

(К итогам женевской экономической конференции).

(Продолжение. Начало статьи см. в № 13 с. г.).

Женевская конференция отразила, хотя и в очень искривленном и затуманенном виде, современное состояние и болезни мирового хозяйства. Но не только это одно. Она отразила и *устремления современного капитализма на данном историческом этапе.*

Само собой разумеется,—и об этом уже не раз говорилось в печати,—конференция не разрешила ни одного основного противоречия современного капитализма. Но можно ли было вообще от нее этого ожидать?! Капитализм никогда не разрешает своих противоречий путем «коллективного решения», но всегда путем борьбы сил и капиталов. Разве можно себе представить *при капитализме* разрешение проблемы рынков, сырьевой проблемы, проблемы миграции населения, проблемы капиталов иначе, нежели путем экономической, политической, военной *борьбы* капиталистических групп, где решающим будет не «коллективное решение», а сила, капиталы участвующих в борьбе сторон?! Или, разве *при капитализме* может быть иное средство разрешения проблемы определенной высоты заработной платы, кроме *классовой борьбы* между буржуазией и пролетариатом, в которой опять-таки огромнейшую, иногда решающую роль играет и соотношение экономических сил между данной и другими группами буржуазии?! Нет, не на конференциях и не путем «общего голосования» капитализм разрешает проблемы своего времени! И только безмозглые социал-демократические дурачки ожидали от экономической конференции «коллективного договора» о «совместном» и «полюбовном», к тому еще «вкупе» с рабочим классом, разрешении болячек капитализма, конечно, непременно в духе «идеала равенства и социальной справедливости».

Конференция не пошла в *общих* декларациях и речах дальше фраз о «солидарности» и «мире». Но зато по части «солидарности» и «мира» было собрано и представлено много «аргументов». Клялись в этих вещах все. Об'являлось о грядущей эпохе «неосолидаризма» в международных экономических и политических отношениях. Г-да Жуо и К° приветствовали подобные излияния, как доказательство «исторического торжества и признания идей, защищаемых рабочим движением»[1]). Мадам Фрейндлих, австрийская социалистка, обещала поддержку в столь важном деле даже... женщин. «Мировое хозяйство,—говорила она,—страдает от полного недостатка солидарности, а в этой области женщины могут оказать неоценимую услугу. Представляя более половины

[1]) См. речь Жуо на пленуме конференции. Journal de la Conference Economique Internationale, № 3, p. 21.

человеческого рода, женщины имеют более глубокое чувство интернациональной солидарности, чем мужчины» [1]). Подобное излияние мадам Фрейндлих было уже совсем «трогательно» в общем хоре почтенного собрания. Так «работала» конференция в области установления «солидарности» и «мира» между народами.

Конференция и не имела намерения вместо этих общих фраз действительно заниматься серьезным обсуждением общих, основных вопросов мирового хозяйства. Конференция предпочитала ограничиться в деловых своих работах более «мелкими» и менее «высокими» вопросами. Она действовала согласно анекдоту, довольно удачно рассказанному сербом Черчином на заседании промышленной комиссии и рекомендующему всегда «оставаться на почве реальности и не поступать подобно рыбаку, ловившему отражение лунного света в озере вместо мелких, но действительных рыбок» [2]). Конференция предпочла заниматься «ловлей мелких рыбок», а не «лунного света». Правда, рыбки не всегда были «такими маленькими».

Конференция в своих работах безусловно отразила «мелкие», «низменные», «реальные» устремления современного капитализма. Она довольно ясно указала то *практическое звено*, за которое хочет в настоящее время *уцепиться* капитализм, с которого он *хочет начать*, *начнет*, чтобы сделать дальнейший шаг вперед.

Это звено, конечно, *не* заключается в таких мероприятиях, как повышение заработной платы в целях расширения внутреннего потребительского рынка, «справедливое» перераспределение и использование сырья, действительные меры к уменьшению расходов на вооружение и т. д., и т. п. Капитализм не был бы капитализмом, если бы он *такими* путями пытался выходить из кризиса. Вся глубина глупости и предательства социал-демократов легко определяется их верой в добрые намерения капитализма *такими* средствами выйти из кризиса. «Повышение заработных плат должно предшествовать, а не следовать общей хозяйственной реконструкции, и американский опыт подтверждает эту точку зрения»,—говорил на конференции г. Жуо [3]), так как речь здесь идет о том, чтобы реконструкция была произведена «в интересах всего общества». Но ни американский, ни опыт какой бы то ни было другой капиталистической страны не подтверждает этого «мудрого» положения г-на Жуо. Никогда капитализм *не начинал* с повышения заработных плат, ибо никогда капиталисты не вели производства «в интересах всего общества». Всегда повышение заработных плат было *следствием*, а не причиной улучшавшейся экономической кон'юнктуры. С другой стороны, капитализм *всегда* искал выхода из *кризиса* на пути уменьшения доли заработной платы в продукте, увеличения интенсивности труда, увеличения эксплоатации рабочей силы. Такая ложь нужна г-ну Жуо для того, чтобы обмануть рабочий класс относительно истинных намерений капиталистов, «обелить» последних, но ни в какой степени не соответствует капиталистической, и особенно послевоенной действительности. «Г-н Жуо говорил, что нужно увеличить заработные платы, если мы хотим увеличения производства,—отвечал г-н Ламмерс.—Если бы это было так просто, как об этом говорит г-н Жуо, промышленники были бы

[1]) Journal de la Conference № 3, p. 21.
[2]) 2-ème Commission. Industrie. Deuxième séance, p. 7.
[3]) 2-ème Commission. Industrie. Deuxième séance, p. 7.

дураками, не последовав такой легкой системе... Но увеличение заработных плат поставит промышленников в затруднительное положение при низких ценах на промышленные товары» [1]). Не менее умно ответил на подобные предложения и г-н Беллени: «Рассматривать проблему увеличения покупательной силы (путем повышения заработных плат. *Б. Б.*) как средство, к которому мы должны прибегнуть для решения экономического кризиса, это значит смешивать цель и средства. Искусственная операция увеличения покупательной силы не может предшествовать разрешению проблемы мирового экономического кризиса» [2]).

Как ни уговаривали г-да Жуо и К° в удобствах того пути выхода из кризиса, который рекомендовался ими, как ни «убеждали» г-да социалисты ссылками на «сказочную страну» Америку, и как ни соблазняла мадам Фрейндлих конференцию примерами общественного хозяйства в «Красной Вене», где все делается «в интересах всего общества»,—конференция этого пути не приняла. Конечно, в принятой резолюции по рационализации многие места умаслены обещаниями улучшения положения рабочих масс, рационализации в интересах широких масс мелких производителей и пр.; но теория увеличения заработных плат нашла себе мало сторонников.

Принятая резолюция по рационализации означает поэтому на ближайшее время не улучшение материального положения масс, но *дальнейшее наступление на материальные завоевания рабочего класса*, дальнейший рост его эксплоатации. Это наступление на рабочий класс, эта рационализация на манер американского опыта безусловно является *одним из звеньев*, которое рекомендовано конференцией и которое будет всемерно использовано в ближайшие годы капитализмом. Но ведь иначе, чем на счет рабочих масс, никогда капитализм не производил выхода из экономического кризиса.

Чрезвычайно поучительно то отношение, которое встретил на конференции принцип картелирования, как спасительного средства разрешения экономического кризиса. Этот принцип получил своих наиболее рьяных защитников на конференции в лице двух персон: французского капиталиста г-на Лушера, автора идеи «Европы интернациональных картелей» и... г-на Жуо. С одной стороны, Франция, ставшая в результате версальского мира страной с высокоразвитой промышленностью, полученной вместе с оккупированными промышленными областями Германии, уже захватившая в континентальном стальном картеле солидную квоту, мечтающая о создании континентального экономического и политического блока под своей гегемонией. С другой—г. Жуо, представитель французских «социалистов», представитель «рабочей группы» на конференции, рассматривающий картелирование, как форму замены прежней «анархии производства» новым «организованным хозяйством» и требующий только общественного «контроля над картелями». Этот союз «социалистов» с французским капиталом, смотрящим на интернациональные картели, как на орудие осуществления господства французского империализма в Европе, поистине был замечательным практическим применением идей «организованного капитализма» на конференции! То, что воспевалось социал-демократическими писателями, как форма

[1]) 2-ème Commission. Industrie. Troisième séance, p. 3.
[2]) Journal de la Conference.

внедрения «плановых начал» уже в капиталистическое хозяйство, на чем была построена целая теория мирного врастания в социализм, оказалось не чем иным, как прекрасным, чрезвычайно подходящим орудием в руках французского империализма для осуществления его замыслов. Можно ли найти более очевидное банкротство идей сторонников организованного капитализма?!

Но интернациональные европейские картели, которые были полуторагодичной заветной мечтой г-на Лушера, оказались вовсе не в таком «почете» у представителей других стран. Германия не имела никаких намерений пойти «за голубые глаза» «под крылышко» французских промышленников, под которым, как показал опыт европейского стального картеля, она вовсе не так хорошо чувствовала себя. С другой стороны, Англия совсем не имела основания приветствовать картелированную, об'единенную под руководством Франции Европу. Что касается Америки, то она совсем «воздержалась» в вопросе о картелях, так как... «американское законодательство запрещает вообще участвовать в картелях». Таким образом, можно прямо сказать, что на конференции в отношении картелей преобладал глубокий скепсис. «Спасительная роль» от «неприятностей», причиняемых экономическим кризисом, за картелями на конференции признана не была. Ни мечтания господ «социалистов», ни замыслы французского империализма не получили своего осуществления.

Такое «прохладное» отношение конференции к картелям, конечно, не означает, что процессы картелирования и трестирования не будут развиваться в дальнейшем и не будут играть очень существенной роли в мировом хозяйстве и в хозяйстве отдельных стран. В тех или других областях производства картели и тресты будут прививаться, укрепляться. Но отношение конференции свидетельствует о том, что эти процессы роста «организованности» хозяйства и его «интернационализации» далеко не приняли тех размеров, как это постарались изобразить социал-демократы в интересах своей «idée fixe». В общем конференция оставила «увлечения» в этой области «картельным дельцам», боящимся общественного мнения, и... социалистам.

Уже цитированная нами газета «Франкфуртер Цейтунг», изображает позиции г-на Лушера и его «рабочих» союзников в картельном вопросе в следующих словах: «Поддержку он (Лушер) нашел только у представителя французского *рабочего класса*. И это характерно также и для широко распространенного среди социал-демократов вне Франции ложного убеждения, которое во всем, что выглядит, как плановое хозяйство, организация или отклонение от «анархии производства», видит шаг к осуществлению социализма даже тогда, когда речь идет в действительности об образовании высококапиталистических монополистических предпринимательских организаций»[1]). Какое любопытное зрелище! Буржуазная газета обучает «социалистов», страдающих безнадежным дальтонизмом, правилам различения социализма и капиталистических монополий!

Ни «рационализация», ни «картелирование», однако, не были тем «новым» и «основным», что было сказано конференцией. *Центральным вопросом*, за который ухватилась конференция, в разрешении которого она видела ближайшую и главную задачу наступающего периода капиталистического развития, был вопрос о мировой торговле. А *центральным лозунгом*, который был выброшен конференцией, был лозунг «свободы торговли».

[1]) «Frankfurter Zeitung», от 25/V—27 г.

Почему в XX веке, после десятков лет развития монополистического капитализма, основанного на таможенном протекционизме, после мировой империалистической войны, выдвигается требование «свободы торговли»? Каков сокровенный смысл этого «исторического анахронизма» в наше время? Уж не идет ли история вспять, возвращаясь к давно прошедшим временам капитализма свободной конкуренции? Или, может быть, пройдя через этап господства монополистических и протекционистских тенденций, капитализм на более высокой ступени приходит к отрицанию монополизма, к сверхгосударственному мирному таможенному союзу, когда государственные таможенные барьеры оказываются вредным пережитком? Может быть, и вправду осуществляются предсказания социал-демократических мечтателей?

Наиболее существенная особенность нынешнего момента в положении мирового капитализма заключается в том, что он в своем послевоенном развитии вплотную подошел в настоящее время практически к самой решающей для себя проклятой проблеме. Имея безусловные успехи за собой за истекший «восстановительный период», кое-как упорядочив хозяйство в национальных рамках, капитализм все еще не «оздоровил» *мирового* хозяйства, мировых хозяйственных отношений. Капиталистическое хозяйство, как *мировая система*, все еще переживает глубокий кризис. Но капитализм не в состоянии двигаться дальше, не в состоянии перейти от «восстановительного» к «реконструктивному» процессу, не разрешив проблемы мировых хозяйственных отношений, проблемы установления *мирового* хозяйственного *равновесия*. В попытках разрешить эту «проклятую» проблему мировых хозяйственных связей, мирового хозяйственного равновесия будет заполнен наступающий период в развитии послевоенного капитализма. Капитализм сейчас будет делать попытку подняться на новую ступень в стабилизационном процессе. *Эта новая ступень должна заключаться в устремлениях капитализма урегулировать и расширить мировой рынок, «утрясти» отдельные национальные хозяйства так, чтобы могла создаться возможность хотя бы более или менее «пропорционального», «общего» движения вперед, возможность хотя бы более или менее «нормального» расширенного воспроизводства.*

Но нет иного пути установления нового, по сравнению с довоенным, мирового экономического равновесия, как через мировой рынок. Поэтому вопрос о *мировом рынке*, о мировой торговле, о *внешних рынках* выдвигается сейчас на первый план. Поэтому этот вопрос был *центральным* вопросом конференции. Именно с разрешения *этого* вопроса *начнет* и *начинает* сейчас капитализм, а *не* с мероприятий по расширению потребительского рынка путем увеличения заработной платы, как об этом думают социал-демократы.

Попытку капитализма подняться на новую ступеньку и отразила международная экономическая конференция, поставившая в центре внимания торговую политику и ставшая на позицию «свободы торговли».

«Свобода торговли»! Этот лозунг с точки зрения того содержания, которое в него вложено конференцией, должен озна-

чать ликвидацию послевоенных стеснений торговли, упрощение таможенных формальностей, введение единой тарифной номенклатуры, установление большей стабильности в тарифах и более продолжительных сроков торговых договоров, хотя бы соответствующих довоенной практике, и, наконец, снижение тарифов. При анализе этого простого перечня мероприятий, рекомендованных конференцией, нужно иметь в виду прежде всего то, что все эти мероприятия ни в какой мере не совпадают с тем содержанием, которое вкладывают в требование «свободы торговли» все мелкобуржуазные современные любители свободы торговли, включая сюда и социал-демократов, со всей программой «всеобщего таможенного союза», «ультраимпериализма» и прочих благоглупостей, усердно распространявшихся социал-демократией. Капитализм хочет—и это сказала конференция—«нормализации» в отношениях мировой торговли, хотя бы в той степени, как она существовала до войны. Но это так же, как «гвоздь на панихиду», похоже на осуществление мечтаний социал-демократии.

Капитализм хочет, чтобы то, что создано в результате послевоенного экономического хаоса, в результате перекройки экономической карты Европы, в результате огромных экономических передвижек во всем мире, и что получило свое дикое выражение в свистопляске послевоенных таможенных установлений, чтобы это было введено хотя в какое-то «нормальное», «спокойное» русло. Ряд мероприятий, предложенных конференцией, безусловно при благоприятных для капитализма условиях, может быть проведен в жизнь. Теоретически нет невозможного и в том, чтобы вся эта программа была осуществлена. *Но*—и это самое главное—успех в урегулировании таможенного вопроса может быть достигнут *только* в одном случае: *если мировое послевоенное хозяйство действительно найдет те «пропорции», которые создадут действительное равновесие мировой экономики*, на базе которого мог бы начаться действительный всеобщий новый под'ем мировой капиталистической кон'юнктуры. Но что означает для современного капитализма «найти пропорции, необходимые для равновесия мирового хозяйства»? Это означает прежде всего, с точки зрения экономической, найти пропорции распределения мирового рынка между капиталистическими группами и государствами. Это значит разрешить основную проблему капитализма — проблему рынков. Если отбросить наивно-глупую мысль о возможности быстрого расширения внутреннего рынка путем увеличения заработной платы рабочих и под'ема сельского хозяйства, то это может иметь единственный смысл: найти пропорции в мировой экономике, «нормализовать мировую торговлю»—это может означать, прежде всего, на данной стадии послевоенного капиталистического развития разрешить проблему *внешних рынков*. Здесь-то и выступает «сокровенный смысл», «тайна» лозунга «свободной торговли», гораздо более важные, нежели значение вышеперечисленных практических, но все же «мелких» мероприятий по таможенному вопросу.

Свобода торговли! Этот лозунг означает новые попытки капиталистических групп и государств расширить свои внешние рынки, сломать таможенные барьеры, где они «скверно лежат», «открыть двери» к рынкам слабых государств, удержать и завоевать колонии, сломать монополию внешней торговли СССР, и вместе с тем усилить с ним торговлю и т. д. Это нападение на

внешние рынки будет вначале проводиться «мирными» способами экономического соревнования. Сила отдельных «восстановивших» себя после войны национальных хозяйств будет испробована сначала в сфере «чисто-экономического» давления, в сфере «пропаганды товарами и капиталами». А каким прекрасным лозунгом для успеха в этом экономическом давлении на более слабых участников мировой конкуренции является лозунг «свободы торговли»! Свобода торговли! Этот лозунг означает *свободу экономического подавления* монополистически организованными капиталистическими группами *слабых* групп, большими государствами малых, «передовыми» — отсталых, колониальных стран. Недаром этот фронт государств, борющихся за «свободу торговли», возглавляет страна «воинствующего империализма»—Англия.

В условиях послевоенного, все еще «дезорганизованного» хозяйства, эта новая, наступающая ступень развития не может не привести к новой, более высокой ступени в обострении противоречий, в первую очередь *междугосударственных*, в том числе *военных* конфликтов, и преимущественно конфликтов *между большими и малыми странами, угнетающими и угнетенными*. Открытое столкновение, война между крупными державами гораздо более затруднена в нынешних условиях, нежели столкновение и война между большим и малым государствами, метрополией и колонией. Рынок слабого государства легче «взять», нежели сильного. Вместе с тем «новые», «молодые» страны имеют такие широкие перспективы развития внутреннего рынка! Вот почему в этом направлении, в направлении «молодых», слабых, малых, колониальных стран будет итти напор со стороны капитализма.

Устремления современного капитализма, с одной стороны, единственный путь, на котором он только и может искать выхода из кризиса, с другой—правильно, на основе исторического опыта капитализма, указал на конференции мистер Робинзон: «Данные прошлого нам показывают,—говорил он,—что наиболее яркий прогресс в производстве и распределении достигался на пути развития новых стран и стран, которые считаются недостаточно цивилизованными... Конечно действительное развитие новых стран требует определенного количества лет, прежде, чем оно дает эффект» [1]). Здесь дана прямо программа деятельности капитализма на «определенное количество лет»!

Барон Корнфельд говорил на конференции: «Европейская проблема не может быть разрешена только в Европе. Если не будут найдены другие рынки как для людей, так и для товаров, результаты конференции окажутся сомнительными» [2]).

* * *

Сумеет ли капитализм достигнуть успехов на этом пути «поисков» «новых» стран, внешних рынков и таким образом через противоречия и конфликты притти к «успокоению»?

История так устроила, что этой попытке мирового капитализма выйти из глубокого послевоенного кризиса противостоит мощное движение пробудившихся к жизни миллионов колониального населения, движение, действительно не имеющее аналогий в прошлом, составляющее важнейшую особенность послевоенного

[1]) 2-ème Commission. Industrie. Sixième séance, p. 15—16.
[2]) 2-ème Commission. Industrie. Quatrième séance, p. 11.

капитализма. Империалистическая война окончательно пробудила спавшие до сих пор колониальные народы, а последнее десятилетие вовлекло в мировое развитие новые сотни и сотни миллионов людей. И это один из важнейших общественных фактов последних лет.

«Это большинство теперь проснулось и пришло в движение, которое не в силах остановить самые сильные и «могущественные» державы» (Ленин). «Целый ряд стран: Восток, Индия, Китай и т. п., в силу именно последней империалистической войны, оказались окончательно выбитыми из своей колеи». «И для всего мира теперь ясно, что они втянулись в такое развитие, которое не может не привести к кризису всего всемирного капитализма» (Ленин, т. XVIII, ч. 2, с. 136).

Так навстречу «стабилизационной волне» капитализма идет революционно-освободительная волна с Востока. Конфликт между ними неизбежен. Он уже превратился в вооруженную борьбу в Китае. Но он еще будет развертываться. Он будет охватывать «малые» и «большие» войны. Он безусловно будет иметь *целую историческую эпоху*.

И одновременно, на этом общем фоне растущего столкновения Запада с Востоком растут и зреют конфликты между империалистическими державами, которые еще не раз дадут себя знать в «стабилизационном» процессе... И в первую очередь конфликт между теми, кто оказался победителями и побежденными в первой империалистической войне.

В основном, обстановка, в которой будет происходить дальше стабилизационный процесс и в которой послевоенный капитализм будет *искать* дорогу к всеобщему под'ему (если даже отвлечься от существования СССР), тем радикально отличается от обстановки «обыкновенного» выхода из депрессии к под'ему в довоенном капитализме, что этот процесс будет происходить при одновременном действительном под'еме революции на Востоке, в которую втягивается подавляющее большинство населения. Это именно создает такие сверхординарные трудности для капитализма, которые должны породить новое величайшее обострение его противоречий. Это и дает основание предполагать, что, несмотря на тенденции к укреплению капитализма, «весь мир переходит к такому движению, которое должно породить всемирную социалистическую революцию» (Ленин, т. XVIII, ч. 2, стр. 136), что наступающий исторический период будет периодом «вызревания»—правда, совсем не в том смысле, как это предполагали «раньше»—социализма.

* * *

Каково же место СССР в этом наступающем новом историческом переплете сил? Дадут ли нам возможность мирного развития, «мирного» экономического соревнования с капиталистической системой, идущей через новый исторический этап к генеральному столкновению с мировыми силами революции? «Сумеем ли мы спастись от грядущего столкновения с империалистическими государствами»,—как писал Ленин,—сумеем ли мы «продержаться» до тех пор, пока капитализм «завершит свое развитие к социализму», пока в столкновениях между Западом и Востоком и между империалистическими государствами «созреет» социалистическая революция? Или в ближайшие же годы неизбежна война с капитализмом и неизбежен срыв нашего мирного строительства?

Трудность ответа на эти вопросы состоит в том, что до настоящего времени, несмотря на наступление нового этапа в международном развитии, мы не имеем коренного изменения в том соотношении сил, которое определяло состояние так наз. равновесия между капитализмом и СССР. Будучи неизмеримо сильнее нас в материальном, экономическом и военном отношениях, капитализм вынужден был сосуществовать, экономически «сотрудничать» с Советами, потому что эта материальная и военная сила капитализма контрбалансировалась противоречиями и трудностями в самом капитализме, поддержкой нас рабочими массами Запада и колониальным движением Востока и нашей собственной экономической и политической мощью. Именно противоречия внутри капитализма, с одной стороны, наша собственная экономическая сила, с другой,—это, а не что-нибудь иное, создало те чрезвычайно своеобразные взаимоотношения «сотрудничества», в которые, помимо своей воли, так сказать, «вползло» мировое капиталистическое хозяйство. Две диаметрально-противоположные системы, взаимно исключающие друг друга, существуют бок-о-бок и вынуждены развивать между собой экономические связи. Хозяйственная необходимость проложила себе дорогу, несмотря на величайший антагонизм систем.

Горькую истину об этой хозяйственной необходимости, неизбежности мало приятного, но все же неотвратимого «сожительства» с нами и выразила конференция, когда приняла формулу экономического «сотрудничества» с Советами. «Business men»—деловые люди—вынуждены были, независимо от политических моментов, признать важность вопроса о торговых и экономических связях с СССР. Чрезвычайно ярко это именно настроение проявилось у члена английской делегации—редактора «Economist'a» Layton'a, который не без ясности и ума поставил этот вопрос. «Перед войной,—говорит Лейтон [1]),—внешняя торговля России была выше, нежели Индии, в то время, как в 1925 г., по отчету о мировой торговле, она представляла меньшую величину, нежели торговля Дании до войны. Если бы не было войны (и интервенции господ Лейтонов! *Б. Б.*), вполне возможно, что Россия в течение долгого периода имела бы не только значительное внутреннее развитие, но и значительный рост внешней торговли; это развитие могло бы дать возможность Европе найти новые рынки и ослабить в определенной степени влияние тенденций, которые можно было и до войны заметить в некоторых заокеанских странах, к большей экономической независимости. Невозможно еще предвидеть, когда и как можно будет разрешить неизбежный конфликт между двумя противоположными экономическими системами, но мы можем тем не менее пригласить русскую делегацию нам сказать, как возможно, при нынешнем состоянии экономических отношений, добиться увеличения внешней торговли России до довоенных размеров».

Капитализм поднимается сейчас на новую «ступеньку» в стабилизационном процессе. Он будет пробовать нашу и свою собственную силу на новом историческом этапе. Но мы тоже взобрались на более высокую ступень. Мы подошли к реконструк-

[1]) Discours d. M. Layton. L'illusion de L'avant-Guerre, p. 8.

тивному процессу в нашем хозяйстве, при этом без тех трудностей и противоречий, которые имеет капитализм. Далее, и революционное движение на Востоке отнюдь не идет на убыль. Вот почему с точки зрения соотношения сил, определяющих состояние равновесия или нарушение его, шансы на дальнейшее мирное сосуществование с капитализмом не изменились к худшему.

Но, к сожалению, вопрос этим отнюдь не исчерпывается. Если соотношение сил не изменилось так коренным образом, чтобы можно было говорить об абсолютной неизбежности войны в ближайшие годы, об абсолютной неизбежности в ближайшие годы генерального столкновения систем, то зато с полным основанием можно утверждать, что международное развитие вошло в тот период, который будет заполнен *попытками* обеих систем, капитализма в том числе, *создать решительный перевес своей стороне*. Международное развитие входит в период главного и решающего соревнования капитализма и социализма.

Мы не знаем, когда произойдет это решительное изменение в соотношении сил, а следовательно—«последний и решительный бой».

Но должно быть совершенно ясно, что решительная подготовка изменения сил для этого боя будет происходить в наступающий период. Нет никакой нужды доказывать, что с точки зрения капитализма одним из важнейших звеньев этой подготовки должна быть борьба, мирная и вооруженная—снова вооруженная!—против СССР. Эта задача прекрасно сочетается с наступательными «торговыми» действиями капитализма против малых и колониальных стран, составляя одновременно и предпосылку и их дополнение. Удастся ли капитализму организовать войну против СССР в качестве «подготовительной» меры для создания решительного перевеса к моменту «последнего и решительного боя», или ему придется принять бой с СССР после целой новой полосы мирного развития СССР? На этот вопрос ответить представляется невозможным. «Решение зависит от слишком многих обстоятельств» (Ленин, т. XVIII, ч. 2, стр. 137). *Но нет никакого сомнения, что капитализм испробует все возможности для военного нападения на нас согласно первому варианту*. К таким попыткам капитализма военного нападения на нас, вытекающим из условий наступающего периода, мы должны быть безусловно готовы, употребляя одновременно все усилия к тому, чтобы эти попытки не получили своего осуществления.

М. Танин.

Англо-советский разрыв и проблема единого империалистского фронта [1]).

(Окончание. Начало статьи см. в №№ 11—12, 13 «Большевика»).

Ближний Восток.

Турция. Внутренние противоречия локарнской политики окружения СССР особенно ярко сказались на наших отношениях с Турцией. Хотя английская дипломатия прилагала упорные, систематические усилия к тому, чтобы вовлечь также Турцию в орбиту своей антисоветской политики, они оказались бесплодными— и по той простой причине, что Локарно в силу значительной общности судеб СССР и восточных народов было направлено и против Турции. К тому же момент Локарно совпал с крайним обострением англо-турецких отношений из-за Моссула и встречей Чемберлена и Муссолини в Рапало (29 декабря 1925 г.), положившей начало англо-итальянскому сближению, направленному против Турции. В связи с тем же моссульским конфликтом, вскоре состоялось т. н. «Ближневосточное Локарно», соглашение между прибывшим в Лондон бывшим французским верховным комиссаром в Сирии Анри-де-Жувенель и представителями английского министерства колоний насчет взаимных услуг на случай англо-турецкой войны.

Все это не могло не дискредитировать в Турции англофилов и, наоборот, не могло не усилить позиции сторонников сближения с СССР. Результатом всех этих событий явился ряд дипломатических актов, подводящих широкую базу под советско-турецкую дружбу. Важнейшим из них является подписание *советско-турецкого гарантийного договора о ненападении и нейтралитете* (17 декабря 1925 г. в Париже), который расширяет и дополняет договор 16 марта 1921 г. Это, как известно, произошло как раз в момент завершения локарнских переговоров, и недаром договор, вызвавший большое недовольство в английских кругах, был обозначен ими, как *«анти-Локарно»*. Вслед за этим (в апреле 1926 г.), при благожелательном отношении советской дипломатии, был подписан турецко-персидский договор, который путем устранения различных спорных вопросов между обеими сторонами, усиливал восточный фронт против западного империализма. Дальнейшим актом в этом направлении является *встреча т. Чичерина и Рушди-бея в Одессе* (12—14 ноября 1926 г.), вызвавшая много толков в европейской печати и слухи о том, что предметом

---

[1]) В № 13 «Большевика» в заглавии статьи вместо «империалистского фронта» ошибочно было напечатано «антиимпериалистского фронта».

переговоров явился вопрос о создании союза азиатских народов под руководством СССР.

Дальнейшим и чрезвычайно важным этапом в развитии советско-турецких отношений является *подписание 11 марта 1927 г. в Ангоре торгового договора.*

Переговоры по этому вопросу велись несколько лет, и они наталкивались на серьезное препятствие в виде резкого различия экономических систем обеих сторон. Для турецкой буржуазии, еще не имеющей крупных торговых и промышленных об'единений, приспособление к нашей монополии внешней торговли оказалось еще труднее, чем для западной буржуазии. К тому же турецкое правительство, которое хорошо помнит все прелести режима «капитуляций» (привилегий для иностранных предприятий), болезненно воспринимало выдвигавшиеся нами в общем порядке требования особого положения для наших торговых органов, не являющихся частнокоммерческими предприятиями. Это требование, неизбежно вытекающее из огосударствления нашей внешней торговли и удовлетворенное уже западными буржуазными государствами, в Турции, вследствие означенной причины, оказалось провести труднее. Но в результате взаимных уступок соглашение было достигнуто. Под турецко-советскую политическую дружбу теперь подведена прочная материальная база.

Наши уступки состоят в некотором смягчении режима монополии и в гарантировании Турции возможностей ввоза своих товаров на определенную сумму; турецкие уступки—в принципиальном признании монополии и экстерриториальности руководящих лиц торгпредства. Договор этот, без сомнения, является вполне удобной правовой формой, в которую наша государственная промышленность и наши внешнеторговые органы должны суметь влить соответствующее содержание. До сих пор наша торговля с Турцией (как и в довоенное время) была весьма незначительной и задача теперь сводится к использованию географической близости для укрепления наших экономических и, следовательно, политических связей с дружественным нам южным соседом.

Это тем более необходимо, что процесс внедрения иностранного капитала в Турцию идет ускоренным темпом, и таким образом создается предпосылка для смычки между турецкой буржуазией и западной и усиления враждебных нам влияний. Ростки таких влияний имеются в пан-тюркской идеологии реакционных кругов, связанных с эмигрантами-муссаватистами и питающих вожделения по отношению к Кавказу. История наших взаимоотношений с Турцией показывает, однако, что, несмотря на колебания, свойственные внешней политике турецкой мелкой и нарождающейся крупной буржуазии, турецкие правящие круги под влиянием неизбежных ударов со стороны агрессивных западных империалистов, приходят к выводу, что без дружбы с СССР свободное развитие новой Турции невозможно. Вот почему в момент англо-советского разрыва, турецкая печать открыто высказала свое сочувствие СССР и определенно дала понять британскому империализму, что тайные надежды его привлечь Турцию к участию в политике окружения СССР не имеют под собой основания.

Персия. Вся история английской экспансии в Персии свидетельствует, какое исключительное значение английский империализм придает этому участку своего мирового фронта. Эксплоатация

природных богатств (нефть!), экономическое завоевание страны, вытеснение экономического влияния СССР, использование Персии против СССР и создание из нее звена в непрерывной цепи английских владений и протекторатов: Египет—Палестина—Трансиордания—Ирак — Персия — Индия, — вот каковы замыслы английского империализма. С этой целью Англия стремится закрепить за собой захваченные во время войны экономические позиции (до войны доля России в торговле Персии составляла 60%, а доля Англии—21%, в 1923—24 г. роли переменились—Англия—57%, СССР—18%). С этой целью Англия всячески с помощью постройки дорог и удешевления фрахтов даже ниже себестоимости пытается отвлечь торговлю граничащих с СССР северных провинций на юго-восток—в сторону Индии и на юго-запад—в сторону Ирака. Английские агенты не останавливаются перед тем, чтобы вместе с группой персидских купцов-монополистов, недовольных нашей государственной монополией внешней торговли, инсценировать «движение» в пользу бойкота бакинской ярмарки (начало 1927 г.) и отказа от заключения торгового договора с СССР.

Одновременно Англо-Персидская (а по существу английская) Компания добивается новых нефтяных концессий в западной Персии, прилегающей к английской мандатной территории—Ираку, и, чтобы облегчить об'единение в одно целое моссульской и западно-персидской нефти, пытается склонить персидское правительство к подписанию «союзного договора» с Ираком. Ясно, что такой союз с английской колонией таил бы в себе опасности распространения власти Англии за пределы Ирака—на территорию вожделенной концессии, откуда, согласно широким планам Англо-Персидской Компании, по системе нефтепроводов нефть направлялась бы, на запад к Средиземному морю и на юго-восток к Персидскому заливу. Если еще прибавить к этому долголетние—но тщетные—попытки англичан получить концессию на постройку трансперсидской железной дороги, как части великого железнодорожного пути Египет—Индия, то картина обволакивания Персии английским империализмом будет ясна.

Но, чтобы скрыть истинные намерения английского империализма в Персии, английская печать ведет систематическую кампанию против «угрозы для Северной Персии со стороны Советов», «красного империализма», «большевистской пропаганды» и т. д. Вот маленький образчик, иллюстрирующий эту кампанию: близко стоящий к английскому министерству колоний еженедельник «Near East and India» («Ближний Восток и Индия») 3 марта 1927 г. по поводу персидско-турецких переговоров писал:

«В настоящее время большевизм концентрирует свое внимание на Британской империи... Можно ли предполагать, что властная сила большевизма, которая толкает Россию к тому, чтобы посвятить свои силы и свою казну попытке минировать Британскую империю, позволит другой социальной системе процветать бесконечно рядом с русской границей?». И на ряду с размалевыванием призрака насильственного насаждения Советским Союзом большевизма в Персии, неприкрытые угрозы по ее адресу: «Если Персия предпочитает русскую ориентацию, ей нечего ждать британской помощи, если же она оказывает предпочтение британским методам, она должна перестать кокетничать с советскими доктринами».

Так как шах Реза-Хан Пехлеви от «советских доктрин» очень далек, то не трудно понять, что эта угроза распространяется на его слабые попытки установить дружественные отношения с той страной, которая *на деле*, путем отказа от целого ряда прав и привилегий царского правительства доказала свое уважение к независимости персидского народа. Смысл ее сводится к следующему: или вы откажетесь от дружбы с Советским Союзом; или же мы вас подвергнем экономической блокаде.

Английская дипломатия также пыталась эксплоатировать недовольство, вызванное в некоторых персидских торговых кругах временным закрытием границы СССР для персидского ввоза. Эта мера вытекала из нашей общей торговой политики в тот момент: сокращение ввоза с целью устранения последствия нашего «просчета»—общего пассивного торгового баланса. Но английская печать, а также некоторые персидские газеты английской ориентации пытались представить этот шаг, как враждебный Персии акт. В связи с этим было инсценировано упомянутое уже «движение» бойкота Бакинской ярмарки в начале 1927 г., когда граница была снова открыта. Инсценировка эта, однако, успеха не имела. Советско-персидский торговый оборот на ярмарке составил свыше 22 миллионов рублей—в два раза больше, нежели в 1926 г. Параллельно с укреплением советско-персидских торговых отношений, советское правительство предпринимает меры к ускорению не по его вине весьма затянувшихся переговоров о торговом договоре.

Что касается ближайших перспектив советско-персидских отношений, то приход к власти кабинета Мухбир-Эс-Солтане не сулит серьезных перемен. Этот старый чиновник, «отец нации», будет, по всей вероятности, продолжать политику шатаний его предшественника Мустофи-Оль-Мемалека. Конечные точки амплитуды этих качаний, с одной стороны,—прогрессивные и дружественные по отношению к СССР общественные слои: восстающее против феодалов крестьянство, ремесленники, прогрессивная интеллигенция, мелкие купцы, а с другой,—держащие курс на смычку с английским капиталом шейхи, ханы, крупные купцы и т. д.

Этот сложный переплет борьбы влияний в Персии не будет полно обрисован, если не упомянуть об *американском* капитале. Проводником влияния последнего является финансовый советник персидского правительства Мильспо, пользующийся весьма широкими полномочиями. Что Мильспо выполняет при Реза-Хане не только консультативную роль, видно из того, что благодаря его стараниям концессия на трансперсидскую железную дорогу, которой так настойчиво добивалась Англия, перешла в руки американцев. Не трудно догадаться, что по рельсам этой дороги будет все глубже продвигаться и политическое влияние Соед. Штатов, которое, с одной стороны, будет направлено против СССР, а с другой—против Англии, при чем весьма вероятны сделки между английским и американским империализмом за счет Персии и СССР.

Персия, таким образом, являет собой пример столкновения влияний СССР и капиталистических стран не только в области политической, но и в области экономической. И если капиталистические страны здесь имеют огромные преимущества в отношении материальных ресурсов, то их хищнические методы внедрения в страну во все большей степени вызывают противодействие растущего национально-освободительного движения, которое не может не быть проникнуто глубокой симпатией к СССР, единственному государству, поставившему крест над империалистическими методами «сфер влияния», экстерриториальности и всех вообще капитуляций и строящему свои отношения с Персией на принципе уважения неограниченной суверенности персидского народа. А ведь борьба против этих методов, связанная с общим пробуждением колониальных и полуколониальных народов, в настоящее время в связи с китайскими событиями вступает в решительную стадию.

Отдавая дань духу времени, английский империализм пытается играть в либерализм и как будто выражает готовность пойти навстречу этим требованиям персидского национализма. При этом, правда, с «маленьким» опозданием, он даже ссылается на пример СССР.

«Слава,—читаем мы в «Near East and India» от 5 мая 1927 г.—которую большевистская Россия приобрела за то, что она якобы отказалась (alleged renonciation) от некоторых договоров с мусульманскими государствами, уже служит достаточным доказательством того, что Великобритания не проиграет, если займет место в авангарде европейских государств, которые честно и не только на словах будут желать, чтобы независимость Персии, Египта, Геджаса эвентуально (eventually) была более действительной, чем теперь».

Любопытно, как этот орган английских колонизаторов изворачивается, когда ему приходится сделать вынужденное признание о влиянии революционной восточной политики СССР: с одной стороны—это смехотворное «*якобы* отказалась», а с другой—«слава», приобретенная большевистской Россией. Но особенно бьет в глаза фальшь всех этих обещаний по адресу восточных народов, провозглашения новой миссии Великобританской империи—быть поборником «эвентуальной» независимости захваченного ею Египта, прибираемого к рукам Геджаса и благодаря российской революции вырванной из ее когтей Персии. Это—поистине феноменальный «эвент» (случай).

Дальнейшее развитие национально-освободительного движения в Персии покажет, насколько успешен будет этот «новый курс» английского империализма в Персии.

Афганистан. В английском плане окружения СССР Афганистану, как известно, уделяется особое внимание. Английская дипломатия под флагом «защиты Индии от большевизма» всячески пытается натравливать Афганистан против средне-азиатских республик Советского Союза и использовать его как плацдарм против СССР.

В конце 1925 г. (как раз в момент Локарно) в афганско-советских отношениях произошел инцидент, который окрылил надежды английских империалистов; в связи с изменением течения пограничной реки Аму-Дарьи возник конфликт между местными таджикскими советскими властями и афганцами о принадлежности небольшого острова Урта-Тугай. Афганское правительство очень болезненно реагировало на этот инцидент, который усиленно раздувался английской дипломатией. Вследствие отдаленности Таджикской Советской Республики от центра инцидент несколько затянулся. Когда же в Таджикистан прибыла особая комиссия Наркоминдела для урегулирования вопроса, ей скоро

удалось достигнуть соглашения. Инцидент был благополучно улажен, и обе стороны опубликовали официальные сообщения, в которых подчеркивалась дружба, связывающая СССР и Афганистан.

Дружба скоро получила новое оформление в виде исключительной важности документа—*советско-афганского гарантийного договора* о дружбе и нейтралитете, подписанного 31 августа 1926 г. в Пагмане, летней резиденции эмира. Договор этот дополняет советско-афганский договор о дружбе 1921 г., а по линии нашей ближне-восточной политики—советско-турецкий договор от 17 декабря 1925 г.

Английская буржуазная печать не замедлила повести кампанию против договора, пытаясь доказать афганскому правительству, что «коварные большевики» ввели его в заблуждение. Так, например, «Times» от 4 сентября 1926 г. в статье, посвященной договору, запугивает эмира тем, что статья о нейтралитете таит в себе опасности для его власти в Афганистане. «В случае войны между Великобританией и Советами,—«аргументирует» «Times»,—либо в Европе, либо в Азии—какова должна быть позиция Афганистана согласно договору? На бумаге ответ ясен—король Аманулла должен быть нейтрален. Но для того, кто понимает большевистскую психологию, ясно, что Москва приведет в движение небо и землю, чтобы добиться поддержки Афганистана». Если же эмир на это не пойдет,—продолжает философствовать «Times»,—тогда большевики свергнут его и об'явят Афганистан Советской Республикой!

Все это чревовещательство говорит лишь о том, что антисоветские воинственные планы английских консерваторов, рассчитанные на использование Афганистана против СССР, в связи с пагманским договором понесли тяжелый удар и что это обстоятельство приводит «Times» в ярость. «Советско-афганский договор,—заявляет газета,—*замечательный триумф советской дипломатии*. Будущее его чревато дурными последствиями для Лондона, Дели (резиденция английского вице-короля в Индии. *М. Т.*) и Кабула».

Отождествление интересов Кабула и Лондона—прием чересчур примитивный. Важно признание «Times'ом» того крупного значения пагманского договора, который, как бы ни изворачивался этот орган английских империалистов, является большой победой политики СССР по отношению к азиатским народам, политики, построенной на уважении их прав на самостоятельное национальное развитие.

На ряду с укреплением советско-афганских политических отношений идет экономическое сближение.

В 1925/26 г. торговый оборот с Афганистаном достиг около 6 миллионов рублей против 2 млн. руб. в 1924/25 г. Следует также отметить участие наших инженеров и техников в деле хозяйственного строительства Афганистана.

Мы видим, таким образом, что вопреки английским махинациям наши взаимоотношения с Афганистаном в общем и целом развиваются благоприятно. И если даже среди нарождающейся в связи с индустриализацией страны афганской буржуазии и в правящих кругах иногда замечаются тенденции к компромиссам с английским империализмом, то сама захватническая «природа» последнего, особенно проявляющаяся в насаждении военной промышленности в Индии и в военных приготовлениях на индо-афганской границе, не дает этим компромиссам зайти слишком далеко. И в конечном счете не кто иной, как сам английский империализм, пробивает бреши в своей политике окружения СССР со стороны Ближнего Востока, в частности, со стороны Афганистана.

Китай.

Охваченный великим революционным движением 400-миллионный Китай находится в настоящий момент на историческом перепутье. Куда пойдет китайская революция—направо или налево? Пойдет ли она по пути буржуазной революции, по пути кемалистской Турции или же через определенный этап—по некапиталистическому пути, по пути советской революции, по пути Советского Союза? Вот центральный, решающий вопрос, исторический ответ на который на десятилетия вперед наметит все мировое развитие.

В первом случае мы по линии китайско-советских отношений имели бы продолжение изоляции СССР, лавирование национально-буржуазного Китая между СССР и империалистическим миром и в общем и целом замедление темпа мировой революции. Во втором случае налицо был бы советско-китайский блок, охватывающий около ¼ всего мира и ⅓ человечества,—блок, который имел бы огромную магнетическую силу для трудящихся всех стран, для 300-миллионной Индии, Индонезии, угнетенных колониальных и полуколониальных народов всех стран,—мы бы имели мощное расшатывание основ мирового империализма, огромную зияющую брешь в политике изолирования СССР, значительно ускоренное развитие мировой революции.

Такова в перспективе великая дилемма, таково фатальное «или—или» китайской революции. Пока-что компартия только начала борьбу за вторую альтернативу, пока-что Китай разбит на три лагеря—полуфеодальной контрреволюции (Чан-Цзо-Лин), межеумочной мелкобуржуазной псевдо-революции (Чан-Кай-Ши) и, наконец, лагерь, в котором силы революции еще имеют легальные возможности для деятельности, но в котором со дня на день следует ожидать контрреволюционного переворота (Ухан)[1]. И так как об'единенного Китая в настоящий момент не существует, то термин «советско-китайские отношения» представляет нечто весьма неопределенное. Наши «отношения» с пекинским правительством после налета прерваны. Само это правительство, сфабрикованное отныне официальным диктатором Чжан-Цзо-Лином, висит на волоске, т. к. Пекину угрожают армии Ухана и Нанкина. Но насколько вероятно вытеснение Чжан-Цзо-Лина из Пекина, настолько мало вероятно изгнание его из Манчжурии, где его усиленно будет поддерживать Япония и где он будет готовить нам одну провокацию за другой.

Что же касается нанкинского и уханского правительства (поскольку последнее катится по наклонной плоскости в об'ятия чанкайшизма), мы с их стороны должны ожидать по отношению к СССР упомянутой политики лавирования по образу кемалист-

[1] Эти строки написаны до окончательного разрыва между гоминданом и компартией. *М. Т.*

ской Турции, в данном случае лавирования между Москвой и Вашингтоном.

Тут, как мы уже указывали, перед нами проблемы величайшей важности, но так как в Китае в настоящий момент все находится в чрезвычайно быстром движении, то мы ограничиваемся лишь постановкой вопроса и набрасыванием общих контуров наметившейся дилеммы советско-китайских отношений.

Япония.

Развитие наших взаимоотношений с Японией в последнее время определялось преимущественно ситуацией в Китае, который японский империализм рассматривает, как поле для своей экономической экспансии. При этом особую роль играет Манчжурия, как «сфера влияния» Японии.

Английская дипломатия, как известно, пытается использовать эту заинтересованность Японии в Китае, чтобы толкнуть ее на широкую военную интервенцию против революционного Китая, которая одновременно была бы направлена против СССР. И если японский империализм до сих пор на это не пошел и «ограничился» локальными интервенциями (Шанхай, Циндао), это об'ясняется, конечно, не теплыми чувствами по отношению к китайской и российской революциям. Японские империалисты крепко держатся за Манчжурию. Приносить жертвы для распространения влияния ставленника далеко за пределами Манчжурии им не особенно выгодно, во-первых, потому, что интервенцией Япония настроит против себя весь китайский народ, с которым она хочет торговать, во-вторых, потому, что чрезмерное усиление Чжан-Цзо-Лина грозило бы его высвобождением из-под японского влияния; в-третьих, потому, что это настроило бы против нее, с одной стороны, СССР, с другой—Соед. Штаты.

Вот почему японский империализм до сих пор «ограничивался» подзуживанием исподтишка Чжан-Цзо-Лина против СССР, стараясь в то же время поддерживать удовлетворительные отношения с СССР, а также с Кантоном, бывшей столицей революционного Китая. В отношении СССР японский капитал весьма ценит широкие экономические возможности, в частности, нефтяные концессии на Сахалине, лесные—в Приморье и т. д. Концессии эти действительно им получены. В отношении Кантона, Япония пыталась играть роль друга китайского народа, что совпадает с ее пан-азиатскими устремлениями. Вот почему Япония до последнего времени отказывалась открыто солидаризоваться с политикой английского империализма в Китае и играла в либерализм.

Но по мере углубления китайской революции в Японии начинает усиливаться играющая специфическую роль в жизни страны милитаристская каста, которая требует от правительства «решительной борьбы с большевизмом в Китае». Есть основания опасаться, что приход к власти в Японии в апреле 1927 г. кабинета генерала Танака означает усиление этих элементов. Имя Танака тесно связано с интервенцией в Сибири, в которой нынешний премьер, в то время военный министр, играл особую роль. Танака является лидером партии сейюкай, занимающей еще более правую позицию, чем ушедшая от власти партия кенсекай. Наконец, говорит сама за себя и декларация нового премьера:

«В вопросе о коммунистической деятельности в Китае,— заявил Танака,—Япония едва ли может остаться равнодушной, так как Япония жизненно заинтересована в сохранении мира на Востоке вообще и, кроме того, географическое положение Японии делает ее непосредственно и наиболее глубоко уязвимой по отношению к проявлениям этой деятельности. Япония будет неизменно сотрудничать в этом вопросе с державами. После обсуждения особого характера связанных с этим вопросом проблем в надлежащее время будут приняты предложенные меры».

За этим заявлением о «сотрудничестве» с другими державами по вопросу о коммунистической деятельности в Китае, которое в переводе с дипломатического языка на простой язык означает не что иное, как участие в интервенции против китайской революции, однако, следует оговорка: «Я уверен, что позиция, которую мы теперь занимаем, не будет дурно истолкована нашим дружественным соседом—Россией».

Трудно сказать, как можно «хорошо» истолковать такое заявление. Дурные факты сами говорят за себя. Последовавшие за декларацией события—усиление японских экспедиционных войск в Шанхае, Ханькоу и Тянцзине, высадка войск в Шандуне, слухи о возобновлении англо-японского союза, — все это заставляет опасаться, что мы имеем дело с переломом в сторону усиления агрессивных тенденций в японской политике.

Соединенные Штаты.

Отношение американской буржуазной печати к англо-советскому разрыву ясно выявило общую враждебность американского империализма к СССР. Отдельные голоса прогрессистов и тех деловых кругов, которые хотели бы использовать разрыв для расширения торговли с СССР, заглушаются в общем хоре враждебных комментариев. Любопытно отметить, что даже такая антианглийская газета, как «Chicago Tribune» (19/V) выступает в защиту поруганного большевиками «британского престижа» и высказывает сожаление по поводу нерешительности умеренных консерваторов, «не соответствующей высокому уровню британской дипломатии в прошлом». При этом реакционная газета, естественно, одобряет политику непризнавания советского правительства Соед. Штатами. Даже «World», орган оппозиционной демократической партии, одно время относившийся к СССР менее враждебно, нежели печать республиканской партии, также выступает в роли защитника Британской империи против «разжигающего бунты» СССР (передовая от 26/V).

Одновременно американская печать сообщала, будто американский посол в Лондоне Хоутон собирается в Вашингтон для доклада правительству о необходимости принять решительные меры борьбы с антиамериканской большевистской пропагандой, наличие которой якобы доказано «документами», обнаруженными при налете на «Аркос». С моментом англо-советского разрыва совпали также официальные выступления американских государственных деятелей против «разрушительной» деятельности Коминтерна. Потом последовал выпад президента Кулиджа. В своей речи на кладбище в Арлингтоне 29 мая, посвященной памяти павших в мировой войне воинов, Кулидж заявил: «Если мы хотим завоевать влияние в деле сохранения порядка, закона, спо-

койствия и мира, мы должны быть готовы принести те жертвы, которые требуются для того, чтобы жить согласно этим правилам в собственном доме. Если бы наша страна превратилась в арену дезорганизаторской деятельности людей, совершающих преступления и насилия против нашей трудолюбивой страны и существующего в ней строя, то мы в интересах самосохранения и с целью ограничения злоупотребления свободой должны были бы изменить основу нашего государства—конституцию».

Эту речь, не нуждающуюся в комментариях, американская печать открыто ставила в связь с налетом на «Аркос» и англо-советским разрывом. Еще более резкий характер носило выступление американского посла в Париже Геррика, использовавшего тот же день памяти жертв войны для провокационных, возмутительных выпадов непосредственно по адресу советского правительства.

«Россия, — заявил в тоне печальника посол Уолл-стрит, — являет самый печальный пример морального крушения(!)... Когда люди нового режима заявляют, что они говорят от имени великого народа, то они никого не обманут... Когда по улицам города, в котором существует полиция охраны порядка, бегает сумасшедший, то следует раньше всего позаботиться о том, чтобы поместить его в надежное место и попытаться вылечить его. Что он сам говорит о своей болезни, это совершенно не важно, пока он свободно бегает и имеет возможность кусаться».

И хотя Геррик по старому трафарету пытается отделить советское правительство от «самой по себе доброй расы», он, не выдерживая стиля тут же обрушивается на «неразумную нацию, которая может быть хуже Нерона», и заявляет, что Америка «не позволит беспрепятственно действовать банде людей, которые с дьявольской изощренностью хотят впустить нашим (американским) гражданам смертельный яд».

И хотя Геррик оговаривается, что Соед. Штаты «не помышляют о том, чтобы нападать на советский строй в самой России, которая должна сама отвечать за то, что делает на своей территории», все же эта речь очень сильно отдает душком интервенции.

Этот приступ большевикоедства американского капитала об'ясняется его раздражением по поводу противодействия, оказываемого всей Латинской Америкой его походу на Никарагуа и Мексику. Чтобы ввести в заблуждение общественное мнение относительно истинных причин усилившегося в Лат. Америке движения против империализма янки, в ход пускается излюбленное патентованное средство—«большевистские интриги», при чем дело доходит до открытых угроз войной Советскому Союзу. Так, например, реакционная «Washington Post», инсинуируя, будто советское правительство провоцирует войну с Западной Европой и «восстание на Дальнем Востоке», пишет: «Мы предупреждаем, что если коммунистическая деятельность распространится в Латинской Америке (этот континент северо-американский империализм, очевидно, уже рассматривает как свою колонию. *М. Т.*) и в Соединенных Штатах, то мы не останемся нейтральными». Напомним еще о диких, основываемых на «документах», захваченных при налете на полпредство в Пекине, измышлениях американского адмирала Киттеля о том, что советские агенты предложили профсоюзам в Манниле (на Филиппинах) взорвать амуниционные склады (!).

Все это, без сомнения, показывает, что под влиянием *роста национально-освободительного движения в колониях и полуколониях американского империализма значительно усилилась враждебность последнего по отношению к СССР и создались предпосылки для известного согласования действий американских и английских империалистов, несмотря на раздирающие их противоречия.*

На этот новый и опасный фактор ни в коем случае не следует закрывать глаза. Опасность эта тем более велика, что в отличие от Англии в Соед. Штатах в результате исключительной отсталости американского рабочего движения противодействие пролетариата агрессивным планам буржуазии не представляет собой серьезного фактора. Ведь Америка—единственная страна, профсоюзных лидеров которой нельзя даже называть социал-предателями, нельзя даже так «титуловать», ибо они никогда ничего общего с социализмом не имели, потому что они составляют банду шкурников, наймитов капитала, которые в отличие от европейских соглашателей в социализм не играют и открыто высказываются за увековечение капиталистической системы. Ведь Америка — единственная страна, где профсоюзные jobholder'ы (американский термин для «держателей местечек» в профаппарате) из года в год на с'ездах об'единения профсоюзов проводят резолюции против признания советского правительства. Ведь только в Америке нашелся такой «рабочий лидер», который в связи с англо-советским разрывом потребовал, чтобы «свое» отечественное правительство последовало примеру английского и совершило налет на торговые органы советского правительства! (Сей профмерзавец—Мэтью Уолл, вице-председатель Американской Федерации Труда).

В Америке, следовательно, имеются налицо исключительные условия, и если бы американская долларократия вздумала вмешаться в интервенцию против СССР, то она при этом встретила бы еще меньшее сопротивление, чем во время мировой войны. А ведь над тем, как американская буржуазия бросила свой народ в мировую бойню, следует серьезно призадуматься: самого понятного для масс—предлога «защиты родины»—не было: враг был за океаном и нападать на Америку не собирался. Была, конечно, торговая конкуренция в Лат. Америке и др. странах, была борьба за острова на Тихом океане и т. д. Но ведь этого народу нельзя было рассказать; за это он не пошел бы воевать, тем более, что в Соед. Штатах живут миллионы немцев, ирландцев, иммигрантов всех национальностей, бежавших из тюрьмы народов—царской России, которые имели свои счеты со странами Антанты. И все же буржуазия с помощью своих колоссальных партийных аппаратов (республиканская и демократическая партия), с помощью тысяч трижды продажных растленных органов печати, целой армии проституированных «мужей науки» и служителей церкви бросила народ в бойню, бросила под лживым лозунгом «обеспечения демократии в мире» (to make the world safe for democracy), в который народ действительно поверил.

И—увы!—впутать американский народ, находящийся в полной моральной кабале у буржуазии в интервенцию против СССР не было бы труднее. Причин же для этого с точки зрения наиболее воинствующих элементов американской буржуазии достаточно.

Они не могут простить СССР той «большевистской бестактности», что он стал поперек дороги американскому империализму, стремящемуся к закабалению Латинской Америки, Китая, Европейских стран—к мировой гегемонии. И эта ненависть к СССР в значительной степени нейтрализует экономическую заинтересованность в торговле с СССР, которая, кстати говоря, играет незначительную роль в общей внешней торговле Соед. Штатов, в свою очередь составляющей меньше 10% всей продукции. Эта ненависть к Стране Советов также ослабляет влияние соперничества с Англией и Японией и в соответствующей исторической обстановке может стать опасной для нас.

Опасность эта уменьшается в виду того, что американский империализм, инвестировавший в Европе около 3-х миллиардов долларов не заинтересован в европейских потрясениях, которые явились бы результатом интервенции против СССР. Но если бы английскому империализму удалось поставить Соед. Штаты перед совершившимся фактом интервенции, то агрессивные антисоветские круги американской буржуазии взяли бы верх.

«С.-А. С. Ш., — гласит резолюция об'единенного пленума ЦК и ЦКК по докладу т. Бухарина 9 августа 1927 г.,—не заинтересованы в европейской катастрофе, сопряженной с риском для огромных американских капитальных вложений. Но и они, несмотря на англо-американский антагонизм, выявившийся и на последнем конфликте с Великобританией из-за морских вооружений и т. д., разумеется, будут помогать английскому империализму в случае конфликта» (с СССР).

Так стоит вопрос в смысле опасности интервенции. Что же касается самых ближайших перспектив американско-советских отношений, то они несколько улучшились под влиянием серьезного обострения англо-американских отношений (провал тройственной конференции в Женеве и конфликт между американскими и английскими нефтяниками в борьбе за советскую нефть). Наша миролюбивая политика и готовность на уступки по отношению к Соед. Штатам может усилить эти тенденции.

Что же касается опасностей, таящихся в дальних перспективах, то их не следует преувеличивать. Нужно имет в виду, что усиление американского империализма идет за счет ослабления других наших врагов—в частности английского империализма—и что это усиление вызывает в других буржуазных странах опасения закабаления со стороны Уолл-стрит, что улучшает наши позиции. Все это обостряет противоречия между империалистическими участниками антисоветского фронта. Эти противоречия сыграли значительную роль в крушении интервенции 1917—1920 гг., и они вновь будут лить воду на нашу мельницу, когда враги вздумают взять реванш.

А ведь со времен интервенции мы колоссально выросли в экономическом и военном отношениях; выросла и мощь наших союзников в странах наших врагов, где в 1917—1920 гг. компартии и революционные профорганизации стали только складываться; улучшилась в нашу пользу вся мировая обстановка, на которую все глубже и глубже накладывает печать растущая борьба пролетариата и всей пробуждающейся угнетенной части человечества. Все это дает нам полное основание смотреть прямо в лицо всем опасностям и твердо верить в победу.

Х. С. Гуревич.

Проблемы экономической подготовки к обороне.

(В порядке постановки вопроса).

Советскому Союзу в условиях капиталистического окружения всегда приходится заботиться об обеспечении возможности строительства социализма, о готовности к обороне.

В настоящее же время вопросы обороны, и в частности экономической обороны, становятся особенно актуальными.

Разрыв сношений с нами со стороны английского правительства знаменует начало нового периода в истории наших международных отношений. Его можно охарактеризовать, как период непосредственной угрозы войны, как период непосредственной военной опасности.

Период этот может быть более или менее коротким или более или менее длительным, но он наступил, и с этим приходится считаться.

Касаясь здесь некоторых проблем экономической обороны, прежде всего приходится отметить, что *область эта вообще очень мало разработана.*

Собственно, самое значение экономической подготовки к обороне стало ясным лишь со времени мировой империалистической войны. Эта война, в которой участвовали миллионы людей, показала, какие колоссальные изменения и перестроения переживал весь народнохозяйственный организм в процессе приспособления к удовлетворению неисчислимых требований фронта. Она поставила впервые во весь рост проблему связи и зависимости между военной и хозяйственной мощью страны. Она поставила впервые во весь рост и проблему экономической подготовки к обороне.

Планирование экономической обороны.

Заблаговременный прогноз тех *требований*, которые пред'явит оборона, тех *перераспределений производительных сил*, которые потребует удовлетворение этих требований, тех форм и методов *распределения продукции* страны, которые необходимо будет применить для спабжения населения,—вот прежде всего главнейшие проблемы экономической подготовки.

Влияние на то или иное разрешение этих проблем социально-экономического строя и государственного устройства страны не требует доказательства.

В этом отношении Советский Союз находится в исключительных условиях.

То, что наше хозяйство по самому своему существу является плановым хозяйством, то, что эта плановость все больше усиливается и совершенствуется, то, что в руках нашего пролетарского государства находятся экономические командные высоты, то, что вообще *одной из самых основных функций нашего государства является управление или регулирование решающих отраслей народного хозяйства*,—все это делает нас особенно гибкими, особенно сильными в вопросе приспособления народного хозяйства к нуждам и интересам обороны.

В то время как империалистическим государствам приходится приниматься за дело регулирования производства и распределения в широком масштабе лишь во время войны и при этом действовать в тех границах, которые ставят интересы тех или иных группировок господствующих классов,—советскому государству в случае войны придется *продолжать свое обычное дело* руководства народным хозяйством, лишь изменяя методы и задачи этого руководства.

В этом смысле наш социально-экономический строй, являющийся строем более высокого порядка, чем капиталистический, дает нам огромные преимущества и огромный перевес над капиталистическими противниками.

Но здесь необходимо учесть, что подготовляемая против нас *война не будет единоборством*, поединком между напавшим на нас капиталистическим противником, с одной стороны, и Советским Союзом, с другой стороны.

Нет сомнений, что остальные капиталистические страны в большей или меньшей степени, более или менее явно или тайно, но будут оказывать нашему врагу всяческую помощь, в том числе, конечно, помощь экономическую.

Отсюда же следует, что нам не приходится полагаться на преимущества, коренящиеся в самой структуре нашего хозяйства, а необходимо изучить все сильные и слабые его стороны с точки зрения приспособления к обороне, с точки зрения экономической подготовки к ней.

Нам необходимо подготовиться к тому, чтобы бросить на чашку весов и *пустить в ход целиком и полностью все наши преимущества*, все наши сильные стороны, когда история потребует от нас защиты страны строящегося социализма.

В этих целях нам прежде всего надо суб'ективно перестроиться, мобилизоваться и создать, в первую очередь, *среди хозяйственных, теоретико-экономических и плановых работников* усиленный интерес к вопросам экономической обороны.

Это необходимо для того, чтобы на самом деле быть подготовленным и сразу, *без замешательств* повернуться лицом к противнику не только действующей армией, но и всей хозяйственной системой страны.

Это необходимо для того, чтобы заблаговременно, еще в мирное время, еще в процессе разработки и увязки планов *обнаружить «узкие места»* в области экономической готовности и принять меры к их преодолению.

Это необходимо также и для того, чтобы фактом своей готовности к отпору противодействовать политике втравливания в конфликты и войну против нас, которая сейчас ведется.

Сознание всей важности подготовки народного хозяйства к обороне должно проникнуть *во все наши планирующие и хозяйственные органы снизу доверху*, от завода, который заблаговременно должен знать свое место и свои функции в системе обороны и подготовляться к их выполнению, до наркоматов, которые, на основе требований обороны и учитывая ресурсы и возможности соответствующих отраслей народного хозяйства, *должны предусмотреть способы и программу удовлетворения требований обороны в широком смысле слова*, в виде плана мероприятий и деятельности как на момент перехода к состоянию войны, так и на время ее ведения.

Такие отраслевые планы должны быть синтетически об'единены, пригнаны друг к другу с точки зрения взаимной слаженности, максимальной эффективности, а также с точки зрения наиболее безболезненного установления народнохозяйственого равновесия на новой базе военной экономики.

Такое планирование и изучение связанных с ним теоретических проблем является делом колоссальной важности, переоценить которое не представляется возможным.

Также невозможно переоценить и значение наших плановых органов в указанной работе.

Роль плановых органов будет особенно большой в условиях военной экономики. Этим органам, сосредоточивающим в себе опыт по планированию народного хозяйства во всех масштабах и разрезах, суждено, несомненно, сыграть исключительно большую роль в деле организации и руководства народным хозяйством во время войны.

В лице плановых органов мы имеем потенциальные штабы экономической обороны. Это необходимо полностью и заблаговременно учесть, чтобы сделать соответствующие выводы.

Итак, в области планирования экономической обороны мы имеем все об'ективные предпосылки быть сильными. Однако, исчерпать задачу экономической подготовки только одним планированием—значит решать чрезвычайно важную, исключительно важную часть задачи, но все же не всю задачу.

Текущая экономическая подготовка.

Необходимо и в нашу текущую оперативную экономическую деятельность и в наше текущее и многолетнее планирование вносить точку зрения подготовки к обороне. Необходимо найти какое-то определенное место интересам обороны в указанной области.

Сознания этой необходимости не так просто и легко достигнуть.

Суть в том, что линия на подготовку к войне не совпадает с общей линией строительства социализма и реконструкции народного хозяйства—и вот почему.

Наша установка на индустриализацию, на реконструкцию народного хозяйства, на под'ем страны на более высокую ступень органически связана с политикой известного *самоограничения в настоящем* для накоплений и вложений *в строительство, которое даст эффект в будущем*. Таким образом, творческое, созидающее начало является у нас ведущим и имеет примат над началом потребительским.

Война же экономически представляет собой процесс массового непроизводительного потребления, массовой растраты народного труда и достояния. Одна только *подготовка к войне сама по себе вносит уже усиление элементов потребления* в настоящем и некоторое ослабление накоплений, а отсюда и строительства для будущего. В этом, между прочим, одна из причин того, что государство победившего, творческого класса, государство строящегося социализма проявляет такое терпение в вопросах международных осложнений.

Тем не менее усиление элементов обороны и в нашей текущей деятельности должно теперь найти свое отражение.

Здесь, однако, могут указать, и, вообще говоря, справедливо указать, что общая линия на индустриализацию страны, на ее экономическо-культурный прогресс является одновременно и линией на усиление ее экономической мощи и, следовательно, усиление ее обороноспособности во всех отношениях, в том числе и в отношении экономической обороны. Но в настоящих условиях такая *общая постановка вопроса является неполной и нуждается в дополнениях, в коррективах, в дифференциации.*

Точка зрения обороны выдвигает теперь целый ряд крупнейших проблем.

Так, например, совершенно ясно, что для осуществления экономической подготовки в области промышленности придется разрешить вопрос о некотором перераспределении вложений между отдельными отраслями внутри промышленности, как в отношении нового строительства, так и в отношении расширения существующих предприятий. Придется усилить вложения в те отрасли промышленности, которые теперь работают или будут работать на оборону во время войны. Придется также разрешить вопрос об усилении, по целому ряду причин, вложений и в те отрасли промышленности, которые обслуживают массовые потребности населения вообще и в первую очередь деревенского.

Значение деревни, и теперь большое в нашей аграрно-промышленной стране, возрастет еще больше в военное время. Деревня будет главным резервуаром для питания армии и страны.

Отсюда ясно, что необходимо заблаговременно начать подготавливать товарный фонд, который бы облегчил задачу получения продовольствия из деревни. Отсюда ясна необходимость мероприятий для увеличения производительности отраслей промышленности, работающих на сел.-хоз. рынок.

С этим же связана и проблема увеличения производительности труда в сельском хозяйстве, из которого, помимо большого количества работников, будет из'ята во время войны и тяговая сила по конским мобилизациям. В частности встает проблема максимального увеличения урожайности и усиления для этого борьбы с засушливостью, тракторизации, землеустройства и т. д., и т. п. Все это подсказывает необходимость посильного увеличения финансирования сельского хозяйства.

Коснувшись проблемы создания *товарного фонда страны*, надо сказать, что с точки зрения обороны эта проблема приобретает самостоятельный характер. Ограничиваться теперь рамками соображений о сезонности и бесперебойности текущего снабжения промышленности и населения представляется недостаточным, как бы это ни было желательно с точки зрения хотя бы задачи ускорения обращения капитала в стране. Проблема создания

общегосударственного фонда специально-подобранных запасов чрезвычайно важна во многих отношениях и в том числе, главным образом, с точки зрения обеспечения известной плавности, безболезненности в деле перевода страны с мирных рельс на военные. Этот *фонд должен, таким образом, иметь значение пружин, рессор, которые дадут возможность государству избежать резких сотрясений при приспособлении страны к новым, военным условиям жизни.*

В тесной связи с изложенным встает проблема изменения политики импорта. Возрастает значение ввоза оборудования, сырья, материалов и т. д. для промышленности и отраслей народного хозяйства, работающих на оборону или удовлетворяющих массовые потребности сельскохозяйственного населения.

Не может избежать коррективов и районный разрез. Особо важные с точки зрения обороны отрасли народного хозяйства должны усиливаться в тех районах, которые более гарантированы от опасностей военных действий. Районы, которые во время войны в течение всего ее периода должны будут служить *опорными пунктами* в смысле получения необходимых ресурсов, имеют, таким образом, преимущество в деле развития в них соответствующих отраслей народного хозяйства. Это относится в той или иной степени к самым различным отраслям. Конечно, такой подход встретит возражения со стороны некоторых районов и здесь осознание интересов обороны в целом особенно важно.

Разбираемая проблема экономической подготовки *требует широкого прогноза в область того, что стране придется переживать в военное время.* Прежде всего можно, конечно, предвидеть товарный голод и связанную с ним возможность спекулятивного его обострения.

Не буду касаться здесь вопросов нормирования снабжения. Конкретная постановка этих вопросов связана с работой по планированию экономической обороны. Практически они будут разрешены в зависимости от масштаба войны, от ее периода, от размеров той части промышленности, которая будет работать на удовлетворение мирных потребностей, от величины урожая, от размеров товарно-материального фонда, который будет накоплен в стране и т. д., и т. п. Нет сомнений, что *в новую войну мы вступим в экономическом отношении более богатыми, более организованными, чем были в гражданскую войну.* Теперь у нас имеется налаженная, мощная промышленность, выбрасывающая довоенную продукцию. У нас имеется теперь готовый аппарат для распределения предметов обращения в стране в виде огромной сети кооперативных и государственных торговых организаций, который еще в мирное время фактически осуществляет большую и все возрастающую часть товарообращения страны.

Ни одно из капиталистических государств не имеет такого мощного аппарата обмена и распределения, как наша кооперативная и государственная торговая сеть. Во время войны вопросы распределения приобретают особенно важное значение, и здесь, в частности, сказывается одно из тех преимуществ нашего советского строя, о которых говорилось вначале. Для регулирования распределения в военное время мы имеем возможность и должны будем использовать существующие торговые аппараты кооперации и государства, которые широко внедрились в народнохозяйственную жизнь, которые стали привычными и близкими для населе-

ния и ведут свою работу не с точки зрения частных интересов, как в капиталистических странах, а с точки зрения интересов пролетарского государства. *Необходимо заранее уяснить себе те новые и исключительно важные задачи, которые встанут перед кооперацией и госторговлей во время войны, к ним подготовиться.*

Такая роль у нас кооперативного и государственного торгового аппарата подсказывает нам и политику в отношении частнокапиталистического сектора в области торговли.

Нашим торговым организациям, с точки зрения интересов обороны, необходимо вести *линию на максимальное вытеснение и замену частнокапиталистических элементов в сфере обращения путем неустанного улучшения качества своей работы.* Чем больше охватит сферу обращения наш торговый аппарат, тем легче он исполнит свои задачи во время войны, тем безболезненнее будет ощущать народное хозяйство переход на военное положение, тем меньше будет возможностей для спекуляции, тем слабее будет ощущаться товарный голод. Отсюда ясен тот сугубый интерес, который должен быть проявлен к вопросам использования и приспособления кооперативного и государственного торгового аппарата в военное время.

Если в области обращения, с точки зрения интересов обороны, подсказывается линия на замену, вытеснение частных элементов, то в области кустарно-ремесленного производства эти интересы подсказывают в общем положительную политику. Во время войны, когда потребуется колоссальное напряжение всех производительных сил страны, то подспорье, которое может оказать в области увеличения продукции такая частная промышленность, должно быть учтено, изучено и использовано. Встает также вопрос и о привлечении, в соответствующих пределах, в некоторые участки промышленности частнокапиталистических средств. К такой политике, требующей, конечно, *особенно дифференцированного подхода,* предрасполагает и учет тех сильных позиций, которых *мы не имели в гражданскую войну, которые мы имеем теперь и будем иметь в грядущую войну в лице выросшего мощного кооперативного и государственного аппарата заготовок и распределения.* Нет сомнений, что последнее обстоятельство, равно как и функционирование мощной советской промышленности, внесет смягчающий фон в экономические условия грядущей войны.

Проблема использования кооперированной и частной кустарно-ремесленной промышленности для нужд обороны должна стать предметом внимания, в особенности в местных органах.

Приведенные выше соображения о внесении в текущую экономполитику интересов обороны мыслятся не как призыв к ломке основной линии на реконструкцию народного хоз-ва, а как некий навязанный нам извне дополнительный фактор, который должен найти свое отражение, в интересах защиты завоеваний революции, и во всей нашей текущей деятельности в пределах общей установки. Здесь, как и в других областях нашей деятельности, должен быть найден какой-то оптимум необходимого и возможного с точки зрения интересов пролетарского государства в целом.

Т. А. Тирзбанурт.

Наша безработица.

(Об'единенная оппозиция в борьбе с безработицей).

Значительные размеры существующей в СССР безработной армии и ее возрастание за последнее время уже давно выдвинули проблему борьбы с безработицей на одно из виднейших мест в ряду социально-экономических задач Советского Союза. Это один из злободневнейших вопросов дня, на котором особенно усердно спекулирует оппозиция.

Вот почему необходимо еще и еще раз браться за освещение положения нашей безработицы и тех мероприятий, которые партия проводит и намерена в дальнейшем проводить в целях ее смягчения и окончательной ликвидации. При этом необходимо вскрыть всю лживость, которой проникнута «платформа» об'единенной оппозиции в этом вопросе.

I. Характер и причины нашей безработицы.

Известно, что безработица при капитализме является не только неизбежным следствием отношений эксплоатации и анархии производства, но и одним из необходимых условий для поддержания равновесия и развития всей капиталистической системы. Без резервной промышленной армии капитализм не в состоянии устанавливать нормальные соотношения между отдельными отраслями народного хозяйства, без нее не может быть свободного, основанного на конкуренции, найма рабочей силы, и, следовательно, невозможна свободная эксплоатация труда.

В СССР, где для эксплоатации осталось место лишь в частнохозяйственном секторе, где принцип конкуренции ограничен государственным регулированием, а пропорциональность в развитии отдельных отраслей хозяйства устанавливается на основе планового начала, госпромышленность в существовании безработной армии не нуждается. Напротив того, безработица в условиях нашего государственного хозяйства становится болезненным и вредным наростом.

Если капитализм усиленно наводняет рынок труда в периоды своих промышленных кризисов, то у нас безработица существует на фоне общего хозяйственного роста Советского Союза. Если там безработица неизбежно связана с понижением жизненного уровня пролетариата и обнищанием масс, даже занятых в производстве, то увеличение рядов безработных в СССР уживается с повышением заработной платы рабочего, с общим улучшением материального положения трудящихся. Если армия безработных в капиталистических странах пополняется *главным образом* за счет увольнения индустриальных рабочих, то у нас

на ряду с некоторым увеличением безработицы происходит и рост количества занятой рабочей силы в промышленности.

Отсюда ясно следует, что в основном безработица в СССР носит совершенно особый характер, что в основном она обусловлена причинами, ничего общего с сущностью капиталистической безработицы не имеющими.

Причины специфически капиталистического порядка действительны в наших условиях лишь в отношении явления безработицы, связанного с существованием и известным ростом частнохозяйственного капиталистического сектора. Оппозиция (Сапронов—Смирнов) не хочет признать этого и упорно старается все явления нашей безработицы характеризовать как явления капиталистические.

Но факты весьма упрямая вещь, и они вовсе не намерены в угоду оппозиционным «доказательствам» менять свое лицо. *Основная*, характерная причина нашей безработицы коренится в технической и культурной отсталости всей страны и особенно деревни, в аграрном перенаселении, в слабо развитой промышленности, разрушенной в семилетней войне. Это—наследие, которое получил советский пролетариат от царской России.

Однако, движимая могучими стимулами, заложенными в нашей общественно-экономической системе в результате Октябрьской революции, страна за шесть лет мирного труда бурно развивала свое хозяйство и достигла почти во всех его частях довоенного уровня. Число лиц, занятых во всех областях наемного труда, к настоящему времени превышает 10 миллионов человек. Наши достижения признает даже буржуазия, но их пытаются умалить в фракционных целях наши оппозиционеры. Заверив, что «темп индустриализации в капиталистическом обществе должен быть достаточным, чтобы... *обеспечить поглощение высвобождающихся в результате технического прогресса* рабочих рук» (курсив автора. *Т.*) Майзлин-Смирнов утверждает, что у нас «*даже эта задача тем темпом индустриализации, который мы имеем до сих пор, и тем, который намечается в будущем, далеко не обеспечена*» (курсив Майзлина. *Т.*) [1]).

Майзлину помогает Сапронов: «темп расширения нашей промышленности совершенно недостаточен и с точки зрения поглощения прироста рабочей силы».

Из Майзлинского заверения следует, во-первых, что при капитализме никакой резервной армии существовать не полагается, а во-вторых, что в строящемся социалистическом обществе проблема безработицы не может быть разрешена. Подобный «ценный вклад», вносимый оппозиционерами в экономическую науку, немногим хуже гельфердинговского «вклада», который не так давно об'явил организованный капитализм социализмом!

Почти во всех воевавших странах мы наблюдаем значительное понижение жизненного уровня трудящихся и в особенности пролетариата.

Современная безработица в двух главнейших европейских странах—Англии и Германии—в несколько раз превышает довоенные ее размеры. Так, например, в Англии в довоенные годы было около 700 тыс. безработных (5% от общего числа лиц наемного труда), а в 1926 г.—2.000.000 человек (12,7% от

1) «Большевик», № 4, 1926 г.

общей массы наемного труда). В Германии же 2.800.000 (1926 г.) против 600 тыс. в довоенное время, т.-е. почти в 5 раз больше (что составляет в % отношении к массе наемного труда в стране—22,7%, а 1913—14 гг.—12,7% [1]).

Мы несравненно более успешно, нежели капиталистические страны, провели восстановление нашего хозяйства. В отношении дальнейшего развития цифры определенно говорят за то, что темп нашего развития гораздо выше капиталистического темпа [2]).

Возьмем, например, некоторые главнейшие отрасли производства. Средне-месячная добыча угля в СССР против 1925 г. выросла в 1926 г. на + 49,4% и в первом квартале 1927 г. на + 70,9%, в то же время соответствующие цифры для всего (включ. С.-А. С. Ш.) мирового хозяйства (без СССР) дает в 1926 г. — 1,6% и в первом квартале 1927 г. + 21,3%. Производство чугуна сравнительно с тем же 1925 г. выросло у нас в 1926 г. на + 58,4% и в первом квартале 1927 г. на + 92,7%, в то время как для капиталистического хозяйства мы имеем такие росты: + 1,0% и + 9,6%. Аналогично исчисленные коэффициенты по производству стали будут для СССР + 47,2% и + 68,7% и для всего мирового хозяйства без СССР + 0,13% и + 16,0%. Добыча нефти у нас за 1926 г. возросла на 21,6%, в капиталистическом хозяйстве на 2,7%.

И при таком темпе нашего роста оппозиция кричит, что у нас разрешение проблемы безработицы не обеспечено, что наша безработица чудовищно растет и т. д.!

Да, армия безработных в СССР довольно значительна. Она имеет еще тенденцию к некоторому возрастанию. Это верно, но верно и то, что партия и ЦК это видят, это учитывают и, учитывая это, борются с безработицей всеми имеющимися в их распоряжении средствами.

По пятилетнему плану ВСНХ СССР мы будем иметь следующий рост количества лиц наемного труда и движение числа предлагающих свой труд:

	27/28	28/29	29/30	30/31	31/32
Число лиц наемного труда (в тыс).	10850	11318	11764	12171	12618
Число предл. труда (в тысяч.) .	2084	2199	2279	2274	2364
% ищущ. труда к числу занят. рабочих.	19,2%	19,4%	19,4%	19,8%	18,7%

Из таблицы видно, что к концу пятилетия после кульминационного 1930—31 года произойдет известный перелом: к этому времени процесс увеличения рабочей силы начнет опережать процесс предложения новых рабочих рук. Это говорит о том, что наше хозяйство и особенно промышленность в состоянии вобрать значительное число рабочей силы, в состоянии поглощать безработицу, но что эта способность парализуется весьма быстрым и непрерывным притоком новой рабочей силы извне. Следовательно, тут «вина» не промышленности. Ошиблись адресом. Главным поставщиком, питающим безработицу, является не про-

1) См. «Плановое Хозяйство» № 4, 1927 г., ст. Фреймана.

2) Исчислено по данным, опубликованным в «Экономическом Бюллетене Кон'юктурн. Ин-та НКФ» № 6 за 1927 г.

мышленность, а сельское хозяйство, не город, а деревня. В перенаселенности деревни лежит главный корень зла.

И оппозиция знает это. Она знает, что ежегодный прирост трудоспособного населения деревни составляет около 3 милл. чел., и, надеемся, она понимает, что переварить ежегодно три миллиона новых людей наше технически и культурно отсталое сельское хозяйство в настоящее время не в силах. Оппозиция знает, что в массе своей этот людской поток в поисках заработка направляется в города, наводняя и перегружая там рынок труда.

Деревня—главный источник, питающий армию безработных, но не единственный. Трудоспособное население прибывает и в городах, разумеется, эта масса в большинстве своем также поступает на рынок труда.

Пополняется безработная армия и из других, хотя и менее значительных, источников: пролетаризация торговцев и ремесленников, прекращение эмиграции, сокращение управленческого аппарата действуют в том же направлении. Наконец, наблюдается заметное увеличение предложения труда подростков и женщин по сравнению с дореволюционным временем.

II. Безработица и темп индустриализации.

Оппозиция, предвещая нам «гибель», главную причину ее «усматривает» в недостаточно быстром темпе нашей индустриализации. Бешеный темп развития промышленности—вот панацея, вот средство избавления от всех зол и напастей—«глада, мора и потопа».

Он уничтожит товарный голод в стране, он обеспечит все население всем необходимым в достаточном количестве. Он один способен поднять жизненный уровень трудящихся масс города и деревни, и он и только он в состоянии *искоренить нашу безработицу*.

Бесспорно и тривиально положение, что нашу задачу догнать и обогнать передовые капиталистические страны мы можем решить тем скорее, чем быстрее будет темп хозяйственного развития, но не в этом суть. Вся суть в том, как такой темп реализовать. Вся суть в том, каков этот самый темп: *желаемый* или *возможный*. Экономика, как это знавал даже Зомбарт, меньше всего зависит от мотиваций, от наших желаний и больше всего зависит от лимитаций, от об'ективных условий. Экономика, имеет свою логику, свои об'ективные законы развития, и лишь та экономическая политика будет правильна и целесообразна, которая строится в соответствии с этими законами и при учете их. Оппозиционерам следовало бы помнить эту марксистскую аксиому, ибо от ее забвения и проистекает вся их экономическая фантастика или фантастическая экономика.

Возможно ли при данных конкретных условиях реализовать темп развития нашей промышленности более быстрый, нежели тот, который взят ЦК и который зафиксирован в перспективных планах нашего хозяйственного развития? Для реализации более быстрого темпа индустриализации необходимо произвести перераспределение ресурсов страны, получить откуда-то добавочные средства. Но откуда думает оппозиция взять эти добавочные средства? В первую очередь—от частника путем повышения отпускных цен на промтовары. Уже достаточно ясно доказано, к чему приводит

политика высоких отпускных цен. Но, однако, это «признание» вовсе не обязывает оппозицию к отказу от повышения цен, и она попрежнему продолжает обрушиваться на ЦК, проводящий политику снижения цен.

Помимо всего прочего, повышение цен ведет к сокращению нормы душевого потребления, к обнищанию середняцкой и бедняцкой части деревни и стало быть, к закабалению ее кулацкой верхушкой. Этого ли хочет оппозиция? Не знаем. По крайней мере, она упрекает ЦК за то, что у нас душевое потребление отстает от довоенной нормы на 28%, что капитализм обеспечивает большую норму душевого потребления, нежели советская власть. В результате повышения цен норма душевого потребления, несомненно, сократится, деревня заживет не лучше, а хуже, беднее, голоднее. Классовая дифференциация деревни пойдет более быстрым темпом, аграрное перенаселение неизбежно увеличится, и рост безработицы пойдет в гору. Не выиграет ничего от повышения цен и рабочий. Его реальная заработная плата неизбежно понизится даже при условии некоторого ее номинального повышения.

Для партии вполне ясно, что оппозиционная политика повышения цен ведет не к ускорению темпа индустриализации, а к его замедлению и, в конечном счете, к полной приостановке развития промышленности. Она способна лишь разрушить достигнутое, расшатать с таким трудом завоеванные экономические позиции, ухудшить материальное положение трудящихся, увеличить еще больше безработицу и тем самым вызвать острое недовольство масс. Предлагаемое «сверхиндустриалистами» ускорение темпа индустриализации ни с какими об'ективными экономическими данными не согласуется и потому является фантастическим. *Чтобы в максимальной степени темп индустриализации ускорить, необходимо увеличивать накопление в стране путем всесторонней рационализации производства и управления, путем жесткого режима экономии во всех областях народного хозяйства, путем повышения качества всей нашей хозяйственной работы.* Это есть единственно правильный путь для наибыстрейшего продвижения вперед; только он в состоянии обеспечить рост всего народного хозяйства, могущий окончательно ликвидировать нашу безработицу.

III. Пути изживания безработицы.

1) Рынок труда и аграрное перенаселение.

Мы уже видели, как «искореняется» безработица «оппозиционным темпом». Если на одном конце народного хозяйства—в промышленности—на первых порах, в период лихорадочной ее стройки будет занято большее количество рабочих рук, то на другом его конце в это самое время вследствие диспропорции будет усиленно расти аграрное перенаселение—источник новой, дальнейшей безработицы, которую уже никакой бешеный сверхтемп поглотить будет не в силах. Ибо в ответ на неизбежное от повышения цен сокращение потребления крестьянство начнет выкидывать ежегодно новые миллионы своего населения в города.

Количество уходящих на заработки крестьян и в настоящее время непрерывно увеличивается. Так, в 1925 г. число уходивших на заработки крестьян по всему Союзу составляло 2.788.000

чел., а в 1926 г.—уже 3.220.000 чел., т.-е. увеличилось на 13,6%. Естественно, что при недостаточной материальной обеспеченности деревни значительная часть ушедших домой не возвращается в том же году (или вовсе не возвращается) и остается в городах. Количество ежегодно оседающих в городах крестьян за последние годы достигает громадных цифр—500—600 тыс. человек.

Вот откуда идет наша безработица. Основной ее поток идет из деревни. Цифры состава безработных неопровержимо доказывают это. Так, за 7 мес. с 1/X—26 г. по 1/V—27 г. число безработных, зарегистрированных на биржах труда Союза, возросло с 1.070.000 чел. до 1.428.000 чел., т.-е. на 358.000 чел. Значительная часть из них впервые предлагает свой труд. Так, из общего числа 1.428.000 безработных, 359.924 чел. (25,2%) никогда по найму не работали. Кроме того, 147.111 чел., т.-е. 10,3% общего состава безработных составляют сезонники. Количество же безработных индустриальных профессий составляет на 1/V—27 г.—232.000 чел., т.-е. 16,2% от всего числа безработных. Но—что особенно важно—этот процент индустриальных безработных непрерывно *понижается*. В январе 1925 г. он составлял 29,1%, а в октябре 1925 г.—21,9%.

Здесь особенно ярко видна вся лживость оппозиции, когда она заявляет, что «индустриальные безработные растут быстрее всего», т.-е. быстрее других групп безработных и, следовательно, притекающих из деревни.

На самом же деле процент индустриальных безработных меньше чем за 2½ года упал чуть не в 2 раза, с 29,1% до 16,2%. Но и этот последний, сравнительно высокий, процент в значительной мере явился результатом постановления, принятого VII С'ездом Профсоюзов, которое требует от временных безработных членов профсоюзов обязательной регистрации на биржах труда, вследствие чего количество зарегистрированных безработных членов профсоюзов за время с 1/X—26 г. по 1/III—27 г. увеличилось на 50%, тогда как в предыдущем году за тот же период оно возросло на 22,6% [1]). Этот факт следует особо подчеркнуть, так как оппозиционеры «доказывают», что наш темп индустриализации ведет к чудовищному «выплевыванию» промышленных рабочих на рынок труда. Они не брезгают ничем и при всяком удобном и неудобном случае искажают факты в качестве «доказательств» необходимости ускорения темпа. Бедный темп, как ты отстал от норм приличия!

Вести серьезную борьбу с безработицей это значит серьезно и решительно взяться за искоренение ее причин. Но задача состоит не только и не столько в смягчении существующей безработицы, сколько в ликвидации самих *условий*, благоприятствующих ее существованию и росту. «Надо с безработицей бороться не там, *куда* безработные идут, а там, откуда они *идут*», как правильно сказал т. Рыков на XIII С'езде Советов РСФСР.

А идут они, как мы видели, главным образом из деревни. Следовательно, бороться с безработицей означает бороться прежде всего с аграрным перенаселением страны, означает неуклонно повышать уровень материальной обеспеченности деревни. Иными

[1]) Вышеприведенные данные—НКТ СССР.

словами, вести серьезную борьбу с безработицей в деревне можно лишь путем всемерного развития сельского хозяйства, путем его интенсификации и индустриализации.

Правда, некоторые из оппозиционеров стыдливо говорят о необходимости интенсификации сельского хозяйства. Но какова цена этим разговорам, когда на деле их политика ведет в совершенно противоположную сторону, в сторону разорения крестьянской массы и пауперизации деревни?

А в то же время путь интенсификации и индустриализации сельского хозяйства есть тот самый путь, который полностью соответствует основной цели революции, цели построения социализма. Ибо, идя этим путем, мы не только подымаем обеспеченность деревни, но и создаем необходимую материально-сырьевую базу для нашей промышленности и одновременно подводим техническую основу для коллективизации самого сельского хозяйства, для его кооперирования в самом широком, ленинском смысле этого слова.

Нам нужно парализовать причины, вызывающие отрыв крестьян от земли, создать условия, которые смогли бы направить все внимание крестьянина на развитие сельского хозяйства. Крестьянин идет в город и там остается потому, что он видит малую продуктивность своего труда в деревне.

Известно, что урожайность наших хлебов в несколько раз ниже заграничной: получить 50—60 пуд. с десятины у нас считается уже хорошим урожаем, тогда как за границей нередко снимают 150 и больше пудов. Урожай льна, например, в Бельгии в 4 раза выше нашего. Чтобы поднять урожайность наших полей и повысить доходность крестьянской десятины, необходим переход к более культурным способам ведения сельского хозяйства.

Культурное земледелие и животноводство требуют приложения большего количества труда. Оно поглощает избыточную силу деревни—дает ей возможность работать на месте, в самом сельском хозяйстве.

Интенсификация сельского хозяйства в настоящее время есть генеральная линия его развития, она должна охватить все области сельского хозяйства. Развитие таких культур, как лен, пенька, сахарная свекловица, табак, хлопок и проч., должно занять одно из виднейших мест в сельском хозяйстве. Их трудоемкость в весьма значительной мере способна разрядить деревенскую безработицу. С другой стороны, эти культуры дают то техническое сырье, от недостатка которого страдает наша промышленность.

Разведение технических культур, способствуя расширению промышленности, тем самым создает условия для изживания товарного голода на продукты широкого потребления и способствует их удешевлению. Наконец, интенсификация сельского хозяйства дает возможность увеличить экспорт его продуктов. Полученную в результате активного торгового баланса разницу мы сможем обратить на расширение нового технического оборудования как в промышленности, так и в самом сельском хозяйстве. Здесь особенно ярко выступает тесная связь, существующая между интенсификацией сельского хозяйства и индустриализацией промышленности. Оба эти процесса взаимно друг друга обусловливают и имеют *первостепенное и решающее значение*

в деле искоренения причин нашей безработицы. Разрыв этой связи, вследствие заскока с развитием промышленности неизбежно приведет к диспропорции между сельским хозяйством и промышленностью, к дезорганизации всего народного хозяйства в целом.

Кроме того, вследствие интенсификации и индустриализации сельского хозяйства неизбежно явится переход к более высокой форме организации крестьянского труда. Крупная машина ведет к образованию артелей, коллективов, коммун. Коллективный труд уже сам по себе продуктивнее единоличного.

На ряду с коллективизацией сельского хозяйства одним из крупных мероприятий по изживанию безработицы в деревне является *развитие промышленной кооперации*. Следует сказать, что этот вид кооперации в сельском хозяйстве развит далеко недостаточно. Необходимо стремиться к тому, чтобы переработка сельскохозяйственных продуктов производилась на месте; переработка льняного и подсолнечного семени на масло, терка и сушка картофеля и других овощей, варка сыра и проч.,—все это должно делаться крестьянством на кооперативных началах. Снабжение сырьем и сбыт продуктов производственных кооперативов должно быть направлено через существующие кооперативные организации.

Той же цели борьбы с безработицей на селе может в значительной мере способствовать и кустарная промышленность. Поддержка ее со стороны государства даст возможность кустарной промышленности занять немалое количество избыточной рабочей силы деревни и, стало быть, сократит ее отход в города.

Вот какими мерами, а не политикой высоких цен, следует бороться с безработицей, проистекающей из аграрной перенаселенности страны.

2) Мероприятия по смягчению существующей безработицы.

Одновременно с мероприятиями, направленными на искоренение самих причин безработицы, партией ведется серьезная борьба с безработицей, уже существующей. По мнению оппозиции, однако, этого нет. Она утверждает, что ЦК не только «ни одного слова не сказал об усилении помощи безработным», но, наоборот, «перед лицом растущей безработицы ЦК думает *только* о том, как освободить предприятия от излишних рабочих» (док. 15-ти, курсив наш. *Т.*).

Пусть говорят цифры.

В текущем хозяйственном году на проведение мероприятий помощи безработным ассигновано 80.600.000 руб., тогда как в 1924—25 г. было израсходовано лишь около 30.000.000 руб. Из этих 80.600.000 руб. будет отпущено:

по бюджету соц. страхов.	66.000.000 руб.
» государ. бюджету	8.100.000 »
» местным бюджетам	6.500.000 »
Всего:	80.600.000 руб.

Пособия по социальному страхованию получают около 600.000 безработных, на что за 7 мес. текущего года уже израсходовано около 40.000.000 руб. Сумма средств, отпускаемых на

пособия безработным, при этом в текущем году *непрерывно растет*, и уже в марте 1927 г. увеличилась *в 2 раза* против октября 1926 года.

По первой категории безработные в среднем получают 18 р., по второй—12 руб. в месяц. Сверх того, сейчас почти повсеместно выдаются надбавки на семьи безработных, достигающие 30% размера самого пособия.

Недавнее постановление Совнаркома СССР обязывает органы социального страхования расширить круг пенсионеров—инвалидов труда.

Как это увязать с утверждением оппозиции о том, что ЦК не заботится о безработных, не думает об усилении помощи безработным?

Так говорить, как говорит в данном случае оппозиция, это значит разводить демагогию намеренно и с вполне сознательной целью. И это говорят в то время, когда страна ощущает явный недостаток средств, когда на наших биржах труда числится значительное количество фиктивных безработных, просто не могущих работать по найму, если бы им работу биржи и предоставили. Мы отмечали уже, что количество женщин, предлагающих свой труд, у нас значительно выше, нежели это было в старое время. На это, конечно, имеются свои причины, как изменившиеся условия и проч. При этом, большинство женщин никакой определенной профессии не имеет, и, стало быть, в массе своей женщины являются домашними хозяйками, которые (особенно в пригородных местностях) идут на биржу, несмотря на то, что по своим семейным и другим домашним обстоятельствам по найму работать не могут. Нередко поступают на биржу лишь для того, чтобы не утерять звание члена профсоюза и т. д. Но Сапроновы хотят спекульнуть на недовольных, и подобных фактов они знать не хотят. Наоборот, они упрекают правительственные органы в том, что таких фиктивных безработных лишают пособия при отказе от предоставляемой биржами труда работы. Не ясно ли, что эти упреки—демагогия действительно самого низкого качества.

Что касается общественных работ, то около 10.000.000 руб. в этом году будет израсходовано на общественные работы, на которых за время строительного сезона удастся занять около 100.000 безработных. При этом, общественные работы рассчитаны на их рентабельность и увязку с различными отраслями народного хозяйства (жилищное строительство, работы, связанные с капитальным строительством, железнодорожным строительством, устройством портов и т. п.). Общественные работы должны организовываться не только в промышленных центрах, но и на местах, в деревне. На этот счет даны прямые директивы. «Деньги, которые расходуются на борьбу с безработицей в городах, в целом ряде случаев могут быть гораздо более целесообразно израсходованы в самой деревне»,—говорил т. Рыков на том же с'езде. Строительство шоссейных и грунтовых дорог, починка и мостостроение, работы по борьбе с лесными пожарами и т. п.—широкое поле для безработных.

Надо стремиться удерживать рабочую силу в деревне и там принимать меры к обеспечению ее работой. Этим путем мы сможем облегчить положение городской безработицы, для изжи-

вания которой приходящие крестьяне создают значительные затруднения.

Значительному количеству безработных оказывается помощь в форме организации трудовых—производственных и торговых—коллективов. Количество коллективов и занятых в них безработных постоянно растет. Так, за год, с 1/IV—26 г. по 1/IV—27 г., количество занятых в коллективах возросло с 81.832 до 98.500, т.-е. на 16.668 чел. В текущем году коллективами будет охвачено дополнительно около 30.000 чел., соответственно чему увеличены отпускаемые на это дело средства до 6.000.000 руб. Таким образом, если учесть сменяемость коллективов 2—3 раза в год, то через них может быть пропущено около 250—300 тыс. безработных.

Сюда же следует отнести и расширение строительных работ в течение текущего сезона, на которых предположено занять около 900.000 рабочих-строителей, и, следовательно, строительные рабочие с биржи труда уйдут.

Таким образом, посредством пособий соцстраха, общественных работ и трудовых коллективов будет оказана помощь одному миллиону безработных, т.-е. приблизительно $^{2}/_{3}$ всего их количества.

Как видно, государство не только помогает безработным, но всячески старается в рамках возможного эту помощь усилить. Но и тут, как и везде, мы упираемся в вопрос о финансовых средствах. Легче всего, конечно, сидеть и рассчитывать, куда и сколько надо дать денег, но неизмеримо труднее вести такую экономическую политику, чтобы в наивозможно больших размерах эти средства притекали без вреда для развития той или иной части народного хозяйства.

Сапронов распределяет куда замечательнее: зарплату поднять сейчас же, капитальные вложения немедленно увеличить, деревенскому бедняку дать кредиты, безработных обеспечить и т. д., и т. д., но вот насчет того, откуда взять деньги, разумного ответа не следует.

ЦК партии и правительство достаточно энергично заботятся о помощи нашим безработным, все возможное в этом отношении ими делается, и противоположные утверждения оппозиции поэтому просто недобросовестны.

ЦК и правительство видят основную задачу в борьбе с безработицей не столько в смягчении паллиативными мерами уже существующей безработицы, сколько в искоренении самих причин ее путем развития промышленности и интенсификации сельского хозяйства, путем индустриализации страны.

3) Безработица и промышленность.

Вместе с развертыванием промышленности мы наблюдаем интенсивный рост занятой в промышленности рабочей силы. Так, по кругу предприятий, охватывающему учетом ЦОС ВСНХ около $80^{0}/_{0}$ рабочей силы всей промышленности, число рабочих с 1.753,0 тыс. человек в начале года возросло до 1.944,3 тыс. к концу года, т.-е. на 217,4 тыс. чел., или $12{,}6^{0}/_{0}$.

Аналогичный рост на 1-е полугодие 1926—27 г. исчисляется в 84,2 тыс. человек, или $4{,}4^{0}/_{0}$.

Всего за последние $3^{1}/_{2}$ года мы имеем следующий рост: с 1.067,6 тыс. человек к началу периода до 2.025 тыс. к его концу, т.-е. на 957 тыс. чел., или $89{,}7^{0}/_{0}$. Несмотря на замедленный рост, начиная с текущего года, мы все же будем иметь по перспективному пятилетнему плану ВСНХ рост числа занятых в промышленности рабочих более чем на 400 тыс. человек.

Оппозиция упрекает ЦК за то, что темп вовлечения новой рабочей силы в промышленность сейчас идет на понижение, хотя сама наверняка знает, почему в настоящее время промышленность не может впитывать новую рабочую силу так быстро и в таком количестве, как это было за прошедшие годы. Она это знает, ибо, когда отмечается бурное развитие промышленности и не менее быстрый рост численности пролетариата, происходившие за минувший период строительства, то оппозиционеры не гнушаются заявлять, что это происходило не в силу особых условий, а само собой, «просто так»: тогда-де лишь использовывалось готовое, пускались в ход имевшиеся фабрики и заводы, загружалось старое оборудование. Но ведь это как раз и должно доказать оппозиционерам, помимо прочего, зависимость настоящего темпа вовлечения новых рабочих в производство от окончания восстановительного процесса. Сейчас дело идет о перестройке хозяйства, о крупном (но не в оппозиционном масштабе) капитальном промышленном строительстве и переоборудовании старых фабрик и заводов. А известно, что во время всякого строительства требуются лишь строительные рабочие, и чем строительство капитальнее, тем дольше бывает невозможно увеличить занятость рабочих.

Далее. Оппозиция протестует, против освобождения предприятий от избыточной рабочей силы, образующейся вследствие проведения рационализаторских мероприятий («последовательность» до конца).

И как тут не протестовать, если «ЦК только и думает о сокращении излишней рабочей силы». Сапронову и Смирнову, конечно, невдомек, что смысл рационализации в значительной степени в том и состоит, чтобы уменьшить количество потребляемого живого труда на единицу продукции и оборудования. Если излишних рабочих оставить на старых местах, на тех же предприятиях, то результат от такой рационализации в значительной мере сведется к нулю и более или менее ощутительного снижения себестоимости таким путем мы не добьемся. Ведь та же оппозиция, а не кто иной брюзжит по поводу снижения себестоимости, она же упрекает ЦК в неумении снизить себестоимость, уверяя, что себестоимость промпродукции у нас всюду растет. С одной стороны, надо снижать себестоимость, а с другой стороны, не надо сокращать излишки рабочих. Бесконечная путаница, бесконечный лабиринт противоречий.

Оппозиция «опекает» группы избыточной рабочей силы, но забывает целый класс, так как—разве не в интересах пролетариата в целом сокращение ненужной рабочей силы? Это сокращение дает возможность с'экономить значительное количество средств, вложив которые в промышленность, мы сможем занять гораздо большее число новых рабочих рук, нежели то, какое в результате рационализации может быть уволено. Этим самым групповые и временные интересы рабочих подчиняются интересам общеклассовым. Оппозиция, очевидно, добивается обратного, она

«опекает» групповые интересы рабочих, утверждая, что ЦК об них не заботится вовсе. Сапроновцы в своем документе «15-ти» об этом определенно, открыто заявляют, они пишут: «Администрации (предприятия. *Т.*) вменяется в обязанность увольнять рабочих, не заботясь о том, что с ними будет дальше, ей дается, наконец, и удобный повод для увольнения в виде трех неявок на работу без уважительных причин». Вот какими варварами «обязываются» быть заводские администраторы.

Какую цель имеют такие приемы—ясно. Их единственной целью является натравливание рабочих на свою администрацию. Этим самым сапроновщина метит, разумеется, не только и не столько в администрацию, сколько в того, кого она теперь представляет, т.-е. в советскую власть, в партию пролетариата. Вот до какой политической низости можно дойти, сбившись с ленинской дороги.

Тт. Троцкий и Зиновьев так же, как и тов. Сапронов (хотя и более осторожно, нежели последний), рост безработицы ставят в вину политике ЦК и так же, как и Сапронов, проливают слезы по поводу сокращения избыточной рабочей силы на предприятиях, вследствие рационализации. Но как это увязать с открытым и весьма решительным заявлением того же тов. Троцкого на XII партс'езде, которое он сделал по поводу безработицы в своем докладе о промышленности? Говоря о необходимости более энергичного проведения концентрации промышленности, он указал, как на одно из «величайших затруднений» в этой работе, именно на то обстоятельство, что «мы сталкиваемся с необходимостью увольнять рабочих и работниц», от чего «уклониться нельзя, ибо было бы *величайшим малодушием со стороны рабочего класса в целом и его партии, если бы они маскировали безработицу, т.-е. содержали на заводах лишнее количество рабочих, работниц*, еле работающих, полуработающих, на треть работающих, для того только, чтобы не обрекать их на открытую безработицу. Не может быть никакого сомнения в том, что *замаскированная безработица представляет собою худшую, наименее действительную, наиболее дорого стоящую форму социального обеспечения*. И прежде всего эта фальшивая форма социального обеспечения развращает наш хозяйственный аппарат, который не может в этих условиях правильно считать, подводить итоги, калькулировать, предвидеть, который воспитывается в духе бессмысленной расточительности и безответственности» (курсив наш. *Т.*).

Довольно странно превращение т. Троцкого. Разве т. Троцкому неизвестно, что у нас все время еще продолжается углубление работы по концентрации промышленности? Разве т. Троцкому неизвестно, далее, что на ряду с этой первичной формой рационализации промышленного хозяйства проводятся и другие, не менее радикальные мероприятия по улучшению организации и техники производства, в совокупности уменьшающие потребление живого труда промышленностью? Но в таком случае почему т. Троцкий сейчас ратует против сокращения излишней рабочей силы?

ЦК и правительство предпринимают ряд мер в отношении сокращаемых излишних рабочих. Всемерно стараться размещать сокращаемых вследствие рационализации рабочих на других предприятиях данного района, внеочередная посылка таких рабочих на работу биржами труда, выдача увеличенного до 3-ме-

сячного заработка выходного пособия и проч. льготы—все эти меры оппозиция (Сапронов и Смирнов) презрительно именует паллиативными, т.-е. половинчатыми.

А что оппозиция предлагает в качестве более серьезной, более радикальной меры? Ровнехонько ничего. Она просто предлагает излишних рабочих не сокращать, а оставлять на старом месте, не подозревая, что этим самым наши предприятия превращаются в органы собеса (против чего т. Троцкий так резко выступал на XII с'езде партии), не подозревая, что это означает отказ от рационализации производства, от возможности действительного расширения и углубления промышленного строительства и, следовательно, отказ от сокращения безработицы в будущем. С таким «предложением» партия согласиться не может и никогда не согласится.

Непосредственные возможности пром-сти в деле борьбы с безработицей в настоящее время довольно ограничены. Реконструктивный период, как уже сказано выше, не позволяет нам уже вовлекать дополнительную рабочую силу в промышленность таким темпом, как это было на ее восстановительном этапе.

Тем не менее промышленность все-таки может оказать и оказывает некоторое влияние на безработицу в смысле смягчения ее остроты. Она прежде всего может расширить некоторые об'екты общественных работ, как, например: разборка свалок, планировка, уборка и очистка заводских дворов и т. п. Эти работы одновременно будут способствовать оздоровлению и упорядочению предприятий и вместе с тем дадут некоторый дополнительный материал для утилизации отбросов. В то же время это может способствовать расширению трудовых коллективов безработных. Имея в виду принцип сменяемости состава трудовых коллективов, здесь могут найти приложение своих сил значительные кадры безработных. Значительно могут быть также расширены подготовительные и вспомогательные работы в связи с капитальным промышленным строительством.

Кроме того, следует подработать вопрос о возможности введения в некоторых отраслях пром-сти сокращенного рабочего дня или дополнительных смен работ. При определенных условиях (полного использования оборудования, бесперебойности снабжения сырьем и вспомогательными материалами, правильной организации труда и использования рабочей силы), сокращенный рабочий день может явиться выгодным с точки зрения самого предприятия. А главное, этим путем можно обеспечить работой значительное количество безработных. Но этот вопрос новый, и подходить к нему следует с необходимой осторожностью, чтобы не нарушить правильного функционирования производства.

Оппозиция в своей борьбе с безработицей ничего нового и дельного предложить не смогла.

«Всеспасающая» сверхиндустриализация сама себя не оправдала: вместо изживания безработицы она приведет к неизбежному ее возрастанию.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

НЕСКОЛЬКО МАЛЕНЬКИХ ПОПРАВОК.

(К статье тов. Шляпникова «Ответ критикам» в № 11—12 «Большевика» за 1927 г.).

В своих «Очерках по истории революционного движения в России XIX и XX вв.» я мимоходом процитировал одно место из воспоминаний т. Шляпникова о 1917 годе. Речь шла об отношении т. Шляпникова к вопросу о вооружении петербургских рабочих в начале Февральской революции. Мне это отношение показалось характерным— и я привел его, просто, как факт, не вдаваясь ни в какую критику, как факт, иллюстрирующий ту мою мысль, что накануне февраля «даже петербургские большевики были в десяти верстах от вооруженного восстания».

Эта невинная цитата стяжала мне честь быть сопричисленным к сонму «критиков», с которыми сражается т. Шляпников в своей статье. Я впервые узнал из этой статьи, что сослаться на воспоминания т. Шляпникова значит уже «критиковать» его, как историка. Я вовсе не имел в виду критиковать «историю» т. Шляпникова,—напротив, быть может, я слишком слепо доверился его показаниям и, основываясь на них, возвел поклеп на петербургских большевиков февраля 1917 года вообще. Все это возможно, возможно, что и мысль моя, обоснованная воспоминаниями т. Шляпникова, не верна. К сожалению, этой стороны дела «антикритика» т. Шляпникова совершенно не освещает. Но, в интересах читателей «Большевика», нуждающихся в более точной информации, чем информация, даваемая тов. Шляпниковым, я не могу пройти мимо некоторых замечаний «антикритики», касающихся как моих высказываний, так и моей скромной личности.

Тов. Шляпников цитирует (по *старому* изданию) следующее место «Очерков»: «Шляпников признается в своих воспоминаниях, что он всячески саботировал организацию рабочих в боевые дружины и вооружение рабочих [1]). Правда, он оправдывает это тем, что он советовал рабочим пропагандировать солдат, и тогда дело пойдет гораздо лучше. Но пропагандирование солдат и выступления рабочих—это, как вы помните из анализа 1905 года, были два акта, которые должны были итти друг другу навстречу».

«Это профессорское утверждение ложно от начала до конца», запальчиво восклицает т. Шляпников.

Что же, дорогой тов. Шляпников, в этом утверждении «профессорского» и что здесь «ложно»?

«Утверждение» состоит из трех фраз. Две первые излагают т. Шляпникова—и сей последний, с похвальной осторожностью, не осмеливается утверждать, что изложение фактически неверно, что он этого никогда не говорил. «Начало», таким образом, отнюдь не «ложно»,— а «профессором» здесь является сам т. Шляпников. Остается третья фраза, «конец». Осмеливаюсь утверждать, что и здесь никакой «лжи»

[1]) Во втором издании «Очерков» слово «саботировал», обидевшее т. Шляпникова (хотя шутливый характер употребления этого слова здесь был ясен), было устранено.

нет и что «профессор», которого я здесь излагаю, является вполне почтенным авторитетом.

Что в этой третьей фразе говорится? Что в деле привлечения солдат на сторону восставшей народной массы нельзя ограничиваться одной пропагандой среди солдат, нужны активные выступления самих восставших. Повидимому, эта именно мысль и представляется т. Шляпникову злостной «профессорской» выдумкой. Сам он представляет себе переход солдат на сторону революции именно как результат *только* пропаганды и агитации. С величайшим самодовольством цитируя самого себя, т. Шляпников говорит: «Практически я мыслил это и предлагал представителям Петербургского Комитета и работникам Выборгского Районного Комитета осуществить на местах по районам и казармам таким образом. Наши товарищи, пользуясь партийными и личными связями с солдатами, расположенными в их районе, проникают, несмотря на риск и трудности (!), в казармы, устраивают массовки с участием солдат там, где нельзя будет проникнуть в казармы. На этих собраниях ставить вопросы внутреннего положения, о тягостях войны, ее целях и необходимости свержения царской власти и прекращения войны. Звать к активности и присоединению к народу, к поддержке революционных требований». «Вот как мы мыслили и действовали в дни февральского переворота, т. Покровский».

Тов. Шляпников противопоставляет этот образ мыслей и действий «трафарету 1905 г.». Могу его уверить, что это именно трафарет 1905 года и есть,—притом трафарет плохой, устаревший уже в 1906 году. В этом последнем году один «профессор», пророчески предвидевший т. Шляпникова и его тактику за десять с лишним лет, писал: «У нас в правом крыле партии сильно распространен крайне односторонний взгляд на этот переход («переход войск на сторону народа»). Нельзя, дескать, бороться против современного войска, нужно, чтобы войско стало революционно. Разумеется, если революция не станет массовой и не захватит самого войска, тогда не может быть и речи о серьезной борьбе. Разумеется, работа в войске необходима. Но нельзя представлять себе этот переход войска в виде какого-то простого, единичного акта, являющегося результатом убеждения, с одной стороны, и сознания—с другой. Московское восстание наглядно показывает нам шаблонность и мертвенность такого взгляда. На деле неизбежное, при всяком истинно-народном движении, колебание войска приводит при обострении революционной борьбы к настоящей *борьбе за войско*... Мы готовили и будем еще упорнее готовить идейную «обработку» войска. Но мы окажемся жалкими педантами, если забудем, что в момент восстания нужна также и *физическая борьба за войско* [1]).

Таким образом, люди, утверждающие, что одной словесной агитации и пропаганды для перевода войск на сторону восставшего народа достаточно, не только «профессора», а самый худший вид профессоров— «жалкие педанты». А третья—и последняя—фраза моего «профессорского утверждения» есть не что иное, как очень коротенькое резюме приведенного отрывка из Ленина. Если «профессорское утверждение» «ложно от начала до конца», то виноваты в этом два «профессора», имя которым Шляпников и Ленин, ибо первому принадлежит начало, а второму—конец. Что Шляпников налгал на петербургских большевиков 1917 года, это я вполне допускаю. А что Ленин «налгал» задним числом

[1]) Ленин—«Собр. Сочинений», т. VII, стр. 49—50. Последний курсив мой. *М. П.*

на декабрьское восстание 1905 г., а в пророческом предвидении—на тактику т. Шляпникова в 1917 г., это я предоставляю доказывать самому т. Шляпникову.

На этом, по существу, можно было бы и покончить разговор с тов. Шляпниковым, разговор совершенно излишний, нужно сказать, поскольку т. Шляпников не студент комвуза первого курса, а я не руководитель группы, где он занимается. Но что же делать, если у нас за писание истории 1917 года принимаются люди, которым прослушать первый курс комвуза было бы чрезвычайно полезно. Тов. Шляпников «обижается» в своей статье, что печатание его работ причиняло и ему, и—ныне покойной—редакции «Пролетарской Революции» «хлопоты и беспокойство». На месте этой редакции я бы совсем затруднился печатать—по крайней мере, без примечаний печатать—антиленинские вещи. Тов. Шляпников, как «вспоминатель»—туда-сюда; но как историк... Мне очень совестно, что я когда-то «поощрил» его первые опыты истории 1917 года (чуть ли не в тех самых «Очерках», на которые он теперь так неудачно обрушился, в старом их издании). Это было, когда у нас по 1917 году вообще ничего в печати не было—к тому же читатель согласится, надеюсь, что за свою опрометчивость я был достаточно наказан необходимостью писать эту заметку. Но мне не хотелось бы ограничиваться в ней напоминанием комвузовской азбуки, и я весьма признателен т. Шляпникову, что он дает мне повод вспомнить один маленький кусочек истории—настоящей истории, без кавычек,—который не так все хорошо помнят, как «Уроки московского восстания».

Дело было в 1917 году [1]). Я удостоился величайшей в моей жизни чести—быть избранным первым, после Октябрьской революции, председателем Московского Совета. Меньшевики, имевшие тогда в Совете довольно порядочную, по размерам, фракцию, настаивали, чтобы везде голосование производилось закрытым способом, надеясь перетягивать на свою сторону колеблющихся. По моей инициативе (не личной—сколько я помню, я просто исполнял поручение партии), пленум Совета решил, что голосование всякий раз происходит так, как находит нужным собрание: что, при подавляющем перевесе большевиков, означало, разумеется, всегда открытое голосование. Меньшевики были в бешенстве, и Мартов поместил во «Вперёде» яростную статью, где изобразил пишущего эти строки «всеядным профессором», после Октября сбежавшим с кафедры к Ленину. Мартов, сражавшийся со мною еще на Лондонском с'езде 1907 года, отлично знал, что я старый большевик.

На клеветническую выходку Мартова дали достойный ответ в нашей печати тт. Мещеряков и Скворцов-Степанов. Можно, казалось, быть уверенным, что дело «было и быльем поросло»,—но колесо истории поворачивается, И, вероятно, по случаю приближающегося юбилея, т. Шляпников, десять раз наградив меня званием «профессора», построив, в сущности, все свое возражение на моем «профессорстве» (больше ничего не нашел!) предупредительно прибавляет, что «т. Покровский не состоял в то время в нашей партии».

Я имею все основания думать, что ни один из читателей «Большевика» не поймет этих слов в *формальном* смысле, т.-е. так, что я, как бывший «впередовец», не имел в феврале 1917 года большевистского партийного билета. Я уже не говорю о том, до чего чудовищно под пером теперешнего оппозиционера обвинение старого товарища в том, что тот принадлежал к оппозиции 1909 года. Ведь все

[1]) Некоторые товарищи утверждают, что в 1918 в марте. Я пишу это далеко от Москвы и у меня документов под руками нет.

же отлично знают, что если Шляпников и К° не образовали в наши дни фракции и не повторили истории «Впереда» на все 100%, то только потому, что им не *позволили* это сделать. Но Шляпников, конечно, не этим надеялся «взять» своего читателя: за это он, быть может, надеялся спрятаться, если дело дойдет до «об'яснений». Суть же его выходки вполне ясна: как и Мартов в 1917 году, он надеялся внушить наиболее малограмотной части своих читателей, что я не старый большевик, а «профессор», лишь после 1917 года вступивший в партию—из карьерных соображений, разумеется. При этом Шляпникову, как и десять лет назад Мартову, отлично известно, что я вступил в партию (тогда фракцию) большевиков в 1905 году. Я это категорически утверждаю.

Не правда ли, читатель,—в меньшевистском мировоззрении есть последовательность?

На этом заканчиваю свою историческую справку,—прибавлю только, что звание «профессора» я получил в 1919 (или 1920—не помню точно) году от советской власти. Так что большевиком я стал на 15 лет раньше, чем профессором.

М. Покровский.

НА ПУТИ К БОГДАНОВЩИНЕ.

«**Упадочное настроение среди молодежи**». Есенинщина. Издательство Комм. Академии, 1927 г., Москва, 160 стр., цена 90 коп.

Настоящая брошюра представляет собою стенограмму доклада тов. А. В. Луначарского, организованного Комм. Академией, и ряда выступлений (Преображенского, Радека, Сосновского, Фриче, Кнорина и др.) по вопросу об упадочных настроениях среди молодежи. Сборнику предпослано обстоятельное предисловие (точнее «Вместо предисловия») тов. Кнорина. Особого внимания в этой брошюре заслуживает речь тов. *Преображенского*. Последний, не удовлетворенный докладом, попытался дать широкое теоретическое толкование под оппозиционным углом зрения явлениям упадочничества, имеющим место среди некоторой части нашей молодежи.

Речь тов. Преображенского может с полным правом трактоваться, как конкретизация общетеоретической концепции оппозиции по вопросам культуры. В дополнение к международной, хозяйственной и внутрипартийной платформе оппозиции мы имеем высказывание виднейшего экономиста оппозиции по вопросам культуры и быта. Представители оппозиции начинают ревизовать ленинизм по *всем* линиям.

Достаточно уже выясненным в спорах с оппозицией является положение ленинизма, что непризнание возможности построения социализма в нашей стране по мотивам технической отсталости ведет неизбежно к ликвидаторской оценке характера нашей революции, в болото социал-демократических рассуждений о «незрелости» современного мирового капитализма для пролетарских революций.

С точки зрения оппортунизма капитализм погибнет лишь тогда, когда он целиком вытеснит другие формы, составляющие образование устарелых способов производства, когда пролетариат вызреет в недрах капитализма в большую культурно-идеологическую силу, чем свергаемый им класс буржуазии, способную организовать на новых началах все общество. Таким образом, для переходного периода в этой системе не остается места: капитализм разрешается в родах—и на свет появляется законченный, готовый социализм.

В частности, идею о культурном вызревании пролетариата в недрах капитализма развивал «рассудку вопреки и наперекор стихии» в течение долгого времени А. А. Богданов. А по стопам Богданова эти идеи развивала подпольная группа «Рабочей Правды».

По Богданову, пролетариат не может и не должен брать в свои руки власть до тех пор, пока не выработает своей собственной пролетарской культуры и не подготовит необходимые культурно-идеологические кадры.

Без этого условия пролетарская революция и социалистическое строительство—«злая ирония», «детское недоразумение», утопическая «попытка построить мировой дворец без знания законов архитектуры». Из богдановского учения логически вытекает крах революции: не успевший вызреть на принципах «Всеобщей организационной науки» пролетариат в условиях преобладания крестьян встанет перед фактом культурного кризиса, связанного с неизбежностью полного бюрократического перерождения всей системы.

Для теоретической позиции Богданова характерно непонимание, что пролетариат в недрах капиталистического общества не может так культурно вызреть, как могла под оболочкой помещичьей власти вызреть буржуазия, ибо буржуазия была уже тогда классом экономически *командующим*, тогда как пролетариат при капитализме является *во всех отношениях угнетенным*. Меньшевистским тупицам недоступна истина, что ждать культурного «вызревания» рабочего класса в условиях господства капитала равносильно отказу от социализма, потому что только захват власти пролетариатом создает исходный пункт его культурного вызревания и социалистического строительства.

Речь тов. Преображенского является великолепной иллюстрацией того, как представители оппозиции скатываются к богдановщине.

Правда, с запозданием, уступая в «дальнозоркости» другим последователям богдановщины, он поставил вопрос о кризисе советской культуры.

При этом т. Преображенский, соблюдая традиционную манеру нашей оппозиции видеть *только* отрицательное, не желает считаться с фактами культурных достижений: с ростом школ, университетов, научных учреждений и т. д.

Если взять такой показатель культурного состояния страны, как затраты на народное просвещение на душу населения, то мы увидим, что, несмотря на все трудности, которые переживала и переживает наша страна, у нас на душу населения в 1926/27 г. тратится на 17% больше, нежели в *удачнейший* (1913) бюджетный год довоенной России: в 1913 г. на душу населения приходилось 3 р. 83 к. (в советских рублях), у нас в 1926/27 г. по СССР, несмотря на значительное увеличение населения, на душу приходится 4 р. 30 коп.

Конечно, уровень образования царской России—варварский уровень, но нужно учесть, *каким темпом* мы *при всех трудностях и нищете* пробиваемся вперед: вот кривая роста затрат на душу населения в СССР по годам: в 1923/24 г.—1 р. 88 к., 1924/25—2 р. 62 к., 1925/26—3 р. 52 к., 1926/27 г.—4 р. 30 к. Эта кривая ни в коей степени *не может* иллюстрировать пессимизм т. Преображенского.

Точно так же т. Преображенский не может не знать, что по сравнению с 1913 годом мы имеем увеличение числа учащихся на 40 %.

Нашему пионеру незабвенного «закона первоначального социалистического накопления» ничего не говорит тот факт, что на деле культурно-политические запросы массы, и в частности рабоче-крестьянской молодежи, растут. Для т. Преображенского, вероятно, сущий пустяк, что

такой знаменательный барометр культурного под'ема, как тираж газет, показывает увеличение по сравнению с 1913 г. больше чем в три раза (в 1913 г.—2.500.000, в 1927 г.—свыше 8.000.000). Тов. Преображенский забывает, что в кампании перевыборов советов по Москве и Ленинграду участвовало свыше 87% рабочих, что в избирательной кампании участвовало 97% рабочей молодежи. Ему ничего не говорит то обстоятельство, что в области материальной культуры, являющейся предпосылкой роста духовной культуры, мы делаем крупные успехи: мы стоим перед фактом удвоения пользования электрической энергией в стране, перед фактом развития машиностроения, перед фактом ассигнования 1.100 милл. на капитальное строительство. Все-таки, по Преображенскому, мы имеем кризис: если факты против этого, то, очевидно, тем хуже для фактов.

«Мы,—говорит т. Преображенский,—победили в стране, производительные силы которой гораздо более слабы, чем в странах, в которых социализм еще не победил. За это приходится платить.

...Перед нами встает следующий вопрос: из какого материала строить, на основании каких принципов строить и с какими элементами, накопленными в предыдущий период на борьбе с капитализмом или самим капитализмом, мы можем строить социалистическую культуру? И вот то, что мы теперь наблюдаем, я не могу иначе назвать, как *кризисом приспособления человеческого материала к новым производственным отношениям*. Чего прежде всего нам нехватает? Нам прежде всего нехватает достаточной материальной базы для более быстрого культурного движения вперед. А, с другой стороны, *нам нехватает человеческого материала, который был бы адэкватен социалистической структуре нашей промышленности. Мы имеем здесь явную диспропорцию, явные ножницы между тем огромным шагом вперед, который мы сделали в Октябре, национализировав или вернее социализировав нашу промышленность, с одной стороны, и культурным уровнем тех масс, которые могли бы выступить активными социалистическими строителями и в смысле управления государством и в смысле руководства хозяйством. Мы имеем здесь явный кризис*». (Курсив наш. *В. К.*).

«Явный кризис»! Какой кризис? Есть кризисы и кризисы. Есть кризисы роста, есть кризисы упадка. Это не одно и то же. Между ними есть принципиальное различие.

Культурный кризис мыслим на фоне *роста* культурных и экономических предпосылок, подготовляющих ликвидацию подобного кризиса. Такой кризис, являясь выражением стоящих перед пролетариатом *преодолимых* трудностей, не ставит перед ним *неизбежно* перспективу перерождения.

Не о таком кризисе, однако, говорит т. Преображенский, хотя, если бы он говорил и о таком кризисе—он был бы неправ.

Больше оснований в наших условиях говорить не о кризисе, а о культурных «ножницах».

Факты культурного роста достаточно *значительны*, чтобы отрицать кризис, но еще в далекой степени не достаточны, чтобы не говорить о культурных «ножницах».

Задача заключается в том, чтобы упорной работой не допускать превращения этих «ножниц» в культурный кризис.

Вся речь т. Преображенского дает повод думать, что он говорит о кризисе *упадка*, т.-е. таком кризисе, который предполагает обязательную перспективу перерождения, являясь выражением *незрелости* пролетариата для социалистической революции, его *об'ективной неспо-*

собности в данных условиях к осуществлению задач культурно-социалистического строительства.

Указывая на характерные черты переживаемого якобы нами кризиса культуры, т. Преображенский не скупится на краски и, постепенно расширяя пределы кризиса культуры в узком смысле, выходит на широкую дорогу и говорит уже, по сути дела, о кризисе человеческого материала, годного для социалистического строительства, об общем кризисе строительства социализма.

Говоря о человеческом материале, годном для социалистического строительства, Преображенский прежде всего скидывает со счетов, как и следовало ожидать, *крестьянские* элементы. Эти элементы, по Преображенскому, отхлынули назад. «Оголяется пролетарский фронт на социалистической стройке. Мелкобуржуазные элементы оседают в мелкобуржуазном хозяйстве. Те из них, которые поднимаются, как индивидуальные производители, не имеют интереса к социалистическому строительству». При чем, по Преображенскому, «иного мы, впрочем, и *никогда* не ожидали». Кто это, интересно, «мы»? Не имеет ли в виду т. Преображенский и Ленина? Если так, то это было бы не совсем добросовестно, потому что не кому иному, как Ленину, принадлежат следующие строки: «Главный источник непонимания диктатуры пролетариат со стороны «социалистов» (читай: мелкобуржуазных демократов) II Интернационала состоит в непонимании ими того, что государственная власть в руках одного класса, пролетариата, может и должна стать орудием привлечения на сторону пролетариата непролетарских трудящихся масс, орудием отвоевания этих масс у буржуазии и мелкобуржуазных партий» [1]).

Никогда Ленин не вычеркивал из списка социалистических строителей широкие середняцко-бедняцкие массы крестьян. Это—дело Бауэров, Каутских, Богдановых и т. д. Наоборот. При правильном *пролетарском руководстве* они могут, должны и *участвуют* активно в строительстве социализма, хотя сами по себе, самостоятельно они не являются носителями идеологии переустройства общества на социалистических началах. Пролетариат переделывает их природу в процессе этого строительства. В социалистической переделке, перевоспитании крестьянских масс на основе блока с ними—суть переходного периода [2]). Но, вычеркнув крестьянство, т. Преображенский добирается и до пролетариата и его молодежи. Обозрев действительность, видный экономист оппозиции находит: «говорить, что в рабочем классе, в массе, нет известного разочарования—это значит лицемерить». «Если вы пойдете в рабочие районы, вы что увидите? В рабочих клубах пустовато, в рабочих кабаках полно» (58). «Я думаю, что мы не можем рассматривать отрицательных явлений, которые происходят перед нашими глазами: известной *пассивности* рабочего класса, *чиновничьего омертвения* ряда наших организаций, развития пьянства, разочарования и хулиганства среди рабочей молодежи, если мы не связываем всего этого в *целую картину*, *в итог*, который *можно назвать кризисом нашей советской культуры*».

[1]) Том XVI, стр. 447.

[2]) Говоря, что «иного мы впрочем и никогда не ожидали», т. Преображенский, может быть, имеет в виду свои собственные, в высшей степени удивительные предсказания, опубликованные им в 1921 г. в «Красной Нови» (№ 3—«Перспективы новой экономической политики»)? В этой статье на ряду со многими другими диковинными вещами т. Преображенский пророчествовал, что через 2—3 года (дело должно было произойти в 1923—24 г.) должен *неизбежно созреть* и развязаться на территории деревни, в масштабе всей страны, «конфликт», «столкновение» между рабочим классом и крестьянством.

Рабочий класс становится, таким образом, перед неизбежной перспективой третьей революции.

Но тогда следовало бы прямо без экивоков и сослаться на свой замечательный оракул.

Нескладно, правда, получается: сначала неизбежное столкновение, потом отход крестьян от социалистического строительства. Но уж такова логика всех оракулов.

Разумеется, при таком положении с рабочим классом и его молодежью не приходится говорить о руководстве крестьянством. Мелкобуржуазная стихия давит. «Эти влияния (мелкобуржуазные. *В. К.*) затвердевают в форме подбора людей, роста непролетарских, несоциалистических привычек в работе, в быту» (59).

Характерно единодушие оппозиционеров. В это же время т. Троцкий с трибуны пленума Центральнюго Комитета ВКП(б) говорил, что прошло то время, когда в советском пролетариате первую скрипку играли исторические, «центростремительные» интересы, что за последние годы получили господство тенденции «центробежные, цеховые».

«Кризис нашей советской культуры» у т. Преображенского увязан с *бюрократическим* перерождением аппарата, ибо аппарат не может не отражать соотношения классовых сил в стране. И здесь т. Преображенский рисует картины перерождения.

Он несколько раз подчеркивает якобы «тот факт, что мы в борьбе с бюрократизмом *не можем продвинуться вперед*», что «нахлынул на нас целый ряд буржуазных влияний: погоня за личной выгодой, карьеризм, подхалимство, растраты», что «слои молодежи *не могут* найти применения своей энергии, использовать ее *через наши обюрократившиеся организации*» (58), что они «*не находят применения своей энергии в рамках существующего государственного аппарата*» (57) (курсив наш. *В. К.*).

В таком виде т. Преображенскому представляется расплата пролетариата нашей страны за его отсталость, расплата—что важней всего—*неизбежная* под углом зрения оппозиционного отрицания возможности построения социализма в одной стране.

Далеко ли отсюда до богдановской оценки Октября, как «злой иронии», и «детского недоразумения»?

Удивительно только, как можно после всего этого, не вступая в конфликт с логикой, настаивать на признании социалистической структуры наших госпредприятий. Если, однако, приглядется ближе к рассуждениям т. Преображенского, то оказывается, что это признание «в сущности» псевдоним непризнания. В самом деле. Взять хотя бы его постановку вопроса о том, что при наличии социалистической структуры промышленности мы «в области настоящих социалистических отношений, в сфере труда... сделали ничтожные шаги».

Не напоминает ли это вам формулу Каменева на XIV партс'езде, которую в свое время подверг критике Н. И. Бухарин: «по отношениям собственности наши госпредприятия социалистичны, по отношениям людей—нет»?

У Преображенского эта формула получает только иное словесное выражение, но мысль та же.

Все дело, однако, в том, что отношения собственности, которые представляют собою производственные отношения классового общества, суть отношения людей, а не отношения вещей. Поэтому противопоставление отношений собственности отношениям людей не выдерживает критики. Признать, что отношения людей на производстве, т.-е. производственные отношения не социалистичны, значит ответить отрицательно на вопрос о «последовательно-социалистическом типе» наших предприятий.

Нелепо по этим же причинам противопоставлять и искать кризиса, как это получается у т. Преображенского, между социалистической структурой нашей промышленности и производственными отношениями.

Можно, разумеется, говорить о том, что производственные отношения на нашей социалистической фабрике не такие, какие будут, напр., при развернутом социализме, когда не будет управляемых и управляющих, но тогда соответственно надо говорить и о том, что и структура нашей социалистической фабрики будет иная, более высокая, чем теперь.

Эта постановка вопроса, однако, *спутана* у т. Преображенского в ряде формулировок с *другой* постановкой вопроса—о кризисе приспособления человеческой *психики, быта* культурного уровня к новым производственным отношениям. Нам кажется, что автор предисловия—благодаря запутанности Преображенского, смешал эти разные вещи и на ряду с правильной критикой на основе аргументации фактами идеи о культурном кризисе сбился на зыбкую почву *теоретического отрицания* возможности противоречий между сознанием и производственными отношениями.

Смешение этих двух постановок повело к тому, что автор предисловия на стр. XIV вынужден сказать: «Нет никаких оснований жаловаться на ножницы (модное слово) между социалистическим сознанием масс и производственными отношениями».

Это уже излишний оптимизм! Кризиса у нас нет, но культурные «ножницы» есть. Они являются выражением своеобразного типа вызревания социалистического общества в недрах капитализма, на что в свое время указывал т. Бухарин в своей работе «Пролетарская революция и культура». «*Буржуазия*,—писал он,—*в недрах феодального общества вырастает, как сила культурно много высшая, чем рабочий класс в рамках капиталистического общества, который культурно является во много и много раз слабее, чем тот класс, который он свергает*». Именно отсюда вырастает неизбежность культурных «ножниц», которые могут осложняться даже явлениями кризисного порядка. Эти «ножницы» не обязательно, однако, связаны с упадком, с перерождением, как это выходит у т. Преображенского. Это—«ножницы» *роста*, которые могут быть преодолены, ибо в технико-экономических условиях нашей страны не заключена с неизбежностью невозможность преодоления культурной отсталости.

Тов. Преображенский является в своей речи носителем оппозиционно-ликвидаторской идеологии не потому, что в условиях диктатуры пролетариата якобы немыслимы противоречия между культурным уровнем масс и сектором социалистических производственных отношений (экономики). Носителем оппозиционно-ликвидаторской идеологии тов. Преображенский в своей речи является по следующей *совокупности* причин:

Во-первых, потому, что кризисная теория развивается против фактов действительности на основе одностороннего, без учета пропорций, совершенно недиалектического обобщения отрицательных явлений в качестве основной характеристики происходящих процессов.

Отрицательные явления замазывать нельзя, но *не* они аттестуют эпоху, ибо в балансе противоречивой борьбы перевешивают явления роста социализма, открывая перспективу не упадка, но под'ема.

Явления бюрократизации и упадочничества могут быть спутниками и эпохи упадка и эпохи под'ема. Темно бывает не только вечером, но и на рассвете. Важно брать явления в динамике, в развитии, чего не делает Преображенский.

Во-вторых, потому, что тов. Преображенский говорит *не только о кризисе* приспособления психики к социалистическим производственным отношениям, хотя и это неверно. Суть в том, что в системе рассуждений т. Преображенского противоречия между культурным уровнем и социалистическими производственными отношениями *не уменьшаются*, как это имеет место *на деле*, но растут, превращаясь в кризис *упадка*, кризис, который, по сути дела, не может быть преодолен, составляя, как мы видели, часть общего *кризиса человеческого материала*, годного для строительства социализма.

Кризис, который описывает т. Преображенский, выходит за рамки пережитых нами *кризисов роста*. Это уже собственно *перерождение*, о котором не совсем досказал Преображенский, но о котором резко, но бездоказательно сказано в известной платформе 15-ти представителей оппозиции. В такой связи, в сущности, не остается места и для социалистических производственных отношений. Не может быть поэтому и речи о приспособлении к ним. В системе т. Преображенского социалистические производственные отношения превращаются в звонкую фразу.

В-третьих, потому, что подобного рода кризисная теория упирается и не может не упираться в оппозиционную схему невозможности построить социализм в нашей стране в виду ее технико-экономической отсталости, становясь *органической* частью этой схемы. Но именно этот важнейший пункт, который оплодотворяет кризисные теории, упустил автор предисловия: так на стр. XIII предисловия утверждается, что «кризисники», под которыми разумеются сторонники оппозиции, преодоление технической отсталости в нашей стране «все-таки считают возможным» (?).

Не говоря уже об известном заявлении Зиновьева и Каменева, не говоря о всей системе оппозиционных взглядов, осью которых является именно теория о невозможности построения социализма в нашей стране из-за ее технико-экономической отсталости,—достаточно сослаться на очередной документ 15-ти, в числе которых Сапронов и В. М. Смирнов, чтобы убедиться в неверности указанного утверждения. Документ ясно и недвусмысленно говорит, что благодаря технической отсталости «переход к действительно социалистической организации производства» «без помощи передовых стран, без мировой социальной революции для нас *невозможен*».

Именно *этот* подход и заставляет т. Преображенского сдавать свои позиции перед чистейшей богдановщиной, для которой нет переходного периода, рождающего, в диалектике противоречий, социалистический уклад. Филистерскому горизонту Богдановых не уместить формулы Ленина. «Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков этот определенный «уровень культуры»), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы» [1]).

Любопытно, какие *выводы* делает т. Преображенский после своей сугубо-пессимистической оценки положения вещей. Характерно, что здесь он сбивается на путь социал-демократической морализации.

Тов. Преображенский предлагает создавать в противовес обюрократившимся организациям, в противовес обюрократившемуся госаппа-

[1]) Том XVIII, ч. 2, стр. 119.

рату, как «противоядие» (стр. 63), самодеятельные кружки и организации новых людей, борцов за нового человека, людей, которые строили бы социализм *не «по приказу»* (стр. 62), как это имеет место, если поверить Преображенскому, сейчас.

Словом, предлагается к десятилетию пролетарской диктатуры для «спасения» пролетариата создать нечто в роде евангельских братств или монашеских орденов.

Так, в аспекте тов. Преображенского, ленинская идея о самодеятельности рабочего класса превращается в злую карикатуру на самое себя: разум породил бессмыслицу.

Моралиризаторские рецепты—вместо экономических и политических выводов! Таков теоретический уровень! Впрочем, и уровень оппозиционных экономических и политических выводов не стоит выше уровня социал-демократического болота.

Вл. Кузьмин.

Редакция:
В. Астров.
Н. Бухарин.
В. Молотов.
А. Слепков.
Е. Ярославский.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 31 АВГУСТА 15—16

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП (б)

СОДЕРЖАНИЕ

1927
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

Главлит № 96398. · Москва. Тираж 75.000.

Тип. изд-ва «Правда» и «Беднота», Яузский мост, Серебрянич. наб., д. № 23/а.

Как партия относится к „широкой дискуссии"?

В своей борьбе против партии оппозиция обвиняет партийное руководство в том, что оно не желает поставить на широкое обсуждение партийных масс сложные вопросы нашей политики, что оно уклоняется таким образом от демократического способа решения вопросов партийной политики. На многих партийных собраниях немногочисленные представители оппозиции выступают с заявлением, что Центральный Комитет не открывает дискуссии, якобы, потому, что он боится этой дискуссии, что он не имеет достаточно идейной силы для открытой борьбы с оппозицией на широких партийных собраниях.

На этом аргументе нельзя не остановиться. Последний пленум ЦК и ЦКК заявил, что за месяц до партийного с'езда на страницах партийной печати будет вестись дискуссия по основным вопросам нашей внешней и внутренней политики, подчеркнув вместе с тем, что в настоящий момент он считает дискуссию недопустимой.

Уже несколько лет оппозиция пытается толкнуть партию на путь перманентной дискуссии. Она считает нормальным такое положение, когда партия непрерывно, из года в год, из месяца в месяц, разделяется по «платформам» и дискутирует, превращаясь таким образом в дискуссионный клуб.

При этом речь идет не о деловых спорах по новым практическим вопросам партийной политики. Подобного рода споры ведутся и на партийных собраниях и в партийной печати всегда. Они не только допустимы, но они являются неизбежными и необходимыми.

Партия не смогла бы быть уверенной в правильности своего пути, если бы она не освещала политических вопросов всесторонне, если бы она не взвешивала при решении этих вопросов все «за» и «против». Обстановка, в которой наша партия руководит строительством социализма, настолько сложна и противоречива, что многие новые практические вопросы политики требуют детального обсуждения, освещения со всех сторон, разбора разных подходов к этим вопросам и т. д. и т. п.

Достаточно посмотреть на страницы наших партийных органов, чтобы понять, что подобные споры завоевали себе в партии законное место и «сочатся» изо дня в день.

Всестороннее освещение спорных вопросов, помогающее партии проводить определенную общепартийную линию,—это показатель жизни и роста партии.

Но, когда вместо делового всестороннего освещения политического вопроса, вместо деловых споров, имеющих целью помочь партии проводить ее единую линию, малодисциплинированные члены *начинают раздувать разногласия*, стремятся создать *«платформу»*, стремятся развернуть *«широкую дискуссию»*, стремятся создать в партии, без особой к тому необходимости, борьбу «направлений»,—то они забывают о «нашем» мелкобуржуазном и международно-капиталистическом окружениях, об опасности раскола, заложенной в классовых соотношениях советского общества.

«... Одно дело—теоретическая дискуссия,—говорил Ленин на X с'езде партии в речи о единстве партии и анархо-синдикалистском уклоне,—другое дело—политическая жизнь партии, политическая борьба. Мы—не дискуссионный клуб. Издавать сборники, специальные издания мы, конечно, можем и будем, но мы должны прежде всего бороться в самых трудных условиях и поэтому должны сплотиться воедино...».

Оппозиция нарушила ленинские традиции тем, что она решительно взяла курс на «политическую борьбу», на борьбу с партийной *линией*, на борьбу с особой платформой, на борьбу, ведомую в необычайно острых формах и угрожающую единству партии.

Необходимо отметить, что Ленин высказал свое отношение к подобного рода «широким дискуссиям» во *многих* выступлениях и с большой определенностью.

Он предлагал не путать деловой повседневной дискуссии по многочисленным вопросам политики с «широкой дискуссией» по *«платформам»*. Он подчеркивал, что надо «соединить необходимую тактическую сплоченность и единство с необходимой свободой дискуссии...».

— «Разве вы не видите,—заявил он на X с'езде,—вы, агитаторы и пропагандисты в той или иной форме, разве вы не видите разницы между пропагандой идей внутри борющихся политических партий и обменом мнений в специальных изданиях и сборниках?..

Не тормози нашей политической работы, особенно в тяжелый момент, но не оставляй научных изысканий».

Вот еще несколько цитат, из которых видно отношение Ленина к «широкой дискуссии».

На VII с'езде партии, подводившем итоги дискуссии о Брестском мире, тов. Ленин заявил: «...Гарантией того, что мы себе на этом вопросе шеи не сломаем, является то, что *вместо старого способа решения фракционных разногласий,—старого способа, который состоял в необыкновенном количестве литературы, дискуссии*, достаточном количестве расколов,—*вместо этого старого способа события принесли людям новый способ учиться. Этот способ—проверка всего фактами, событиями, уроками* всемирной истории».

Оценивая дискуссию о профессиональных союзах, Ленин заявил на X с'езде партии: «Едва ли многие из вас не оценят эту дискуссию, как *непомерную роскошь*. От себя же лично я не могу не добавить, что на мой взгляд *эта роскошь была совершенно непозволительной* и что, *допустив такую дискуссию, мы, несомненно, сделали ошибку*, не видя того, что мы в этой дискуссии выпятили вопрос, который по об'ективным условиям не может стать на первом месте, что мы пустились роскошествовать, не видя того, до какой степени мы отвлекаем внимание от насущного и грозного, лежавшего так близко перед нами вопроса о том самом кризисе» и т. д.

Подчеркивая тот факт, что руководимая партией диктатура пролетариата действует в условиях империалистического окружения и преобладания мелкобуржуазного населения в нашей стране, тов. Ленин стремился предотвратить широкие партийные дискуссии, расшатывающие партию, расслаивающие ее, вносящие обострение во внутрипартийные отношения, грозящие, в силу этого обострения, расколом. По поводу той же дискуссии о профсоюзах Ленин утверждал, что шаги т. Троцкого к срыву работы цекистской комиссии, обсуждавшей вопрос о профсоюзах, и к началу дискуссии, вопреки определенному решению ЦК, являются антипартийными. «*Такой прием*, как срыв комиссии,—заявлял Ленин,—*является бюрократическим, несоветским, несоциалистическим, неправильным, политически-вредным*».

Перенесение споров в комиссию тов. Ленин характеризовал, как *«переход от интеллигентских разговоров, от пустых разногласий к деловой работе»*. «Надо ли было выносить все такие споры на *широкую дискуссию*? Заниматься этим *бездельем*? Занимать нужные для нас недели перед партийным с'ездом?» —говорил Ленин.

Конечно, Ленин чувствовал себя достаточно идейно сильным в споре с тов. Троцким, но он усматривал в дискуссии срыв деловой работы, характеризовал ее как «безделье», как «несоциалистический, неправильный, политически-вредный прием». Установка Ленина в этом вопросе заключалась в том, что он считал дискуссию возможной лишь в исключительных случаях, что «широкая дискуссия» должна быть в условиях существования нашей диктатуры пролетариата по мере возможности предотвращена, что долг каждого члена партии—не раздувать разногласия, а способствовать разрешению вопросов деловым путем.

В противоположность этому ленинскому подходу к вопросу оппозиция стала на путь требования перманентной дискуссии. Главная задача партии, «оказывается», заключается не в систематическом, повседневном руководстве советской работой во всех ее проявлениях, не в деловом руководстве строительством социализма в нашей стране, а в постоянной дискуссии внутри партии, в постоянных спорах «по платформам», в постоянном расшатывании единства ее рядов. Оппозиция была бы довольна и удовлетворена, если бы партия непрерывно страдала, так сказать, «дискуссионным поносом». Вполне естественно, что партия в целом не могла и не может стать на эту точку зрения оппозиции. XV конференция ВКП(б) в своей резолюции об оппозиционном блоке ВКП(б) заявила:

«*Одним из средств разложения партийной дисциплины* и обострения борьбы внутри партии *оппозиционный блок избрал метод всесоюзной дискуссии*, навязать которую (дискуссию) попытался он в октябре этого года. Считая необходимым свободное обсуждение вопросов разногласий в теоретических журналах нашей партии и признавая за каждым членом партии право свободной критики недостатков нашей партийной работы, конференция напоминает вместе с тем слова Ленина о том, что *наша партия является не дискуссионным клубом, а боевой организацией пролетариата.* Конференция считает, что всесоюзная дискуссия может быть признана необходимой лишь в том случае, если: а) эта необходимость признается, по крайней мере, несколькими местными парторганизациями губернского или областного масштаба; б) если внутри ЦК нет налицо достаточно твердого большинства в важнейших вопросах партийной политики; в) если, несмотря на наличие твердого большинства в ЦК, стоящего на определенной точке зрения, ЦК все же считает необходимым проверить правильность своей политики путем дискуссионного обсуждения партией. При этом *во всех этих случаях всесоюзная дискуссия может начинаться и проводиться лишь после соответствующего решения ЦК.*

Конференция констатирует, что в момент, когда оппозиционный блок требовал открытия всесоюзной дискуссии, не имелось в наличии *ни одного* из этих условий.

Конференция считает поэтому, что ЦК партии постановил вполне правильно, признав дискуссию нецелесообразной и осудив оппозиционный блок за его попытки навязать партии всесоюзную дискуссию *по уже решенным партией вопросам*».

В период, предшествовавший об'единенному пленуму ЦК и ЦКК конца июля—начала августа текущего года, оппозиция пыталась вновь втянуть партию в широкую дискуссию. Мы имеем все основания утверждать, что оппозиция стремилась это осуществить *вопреки воле партии. Налицо не было*, как известно, *ни одного из тех условий, которые XV партийная конференция считала обязательными для открытия дискуссии.*

Во-первых, не было и нет ни одной местной парторганизации губернского или областного масштаба, которая считала бы необходимым открытие дискуссии.

Во-вторых, внутри ЦК подавляющее большинство его членов стоит на весьма определенной, ленинской точке зрения в важнейших вопросах партийной политики.

В-третьих, сам Центральный Комитет, стоящий на определенной, ясной точке зрения, не считает необходимым проверить «правильность своей политики путем дискуссионного обсуждения в партии».

Оппозиционный блок пытается навязать партии дискуссию, несмотря на то, что перечисленных выше условий в наличии не было. Мало этого. *На громадном количестве собраний партийных ячеек единодушно было указано, что партия в настоящий, трудный для диктатуры пролетариата, период считает дискуссию излишней. Оппозиция не желает считаться с волей партии.* Точно так же, как прошлый год, она навязывает дискуссию по уже решенным партией вопросам. Тт. Троцкий и Зиновьев в своих выступлениях по пункту 4 порядка дня об'единенного пленума высказали стремление развернуть дискуссию по таким вопросам, как вопрос о победе социализма в нашей стране, о принципах нашей политики в деревне и т. д., т.-е. по вопросам, которые уже решены нашими партийными с'ездами и конференциями. *Оппозиция считает себя в праве открыть дискуссию тогда, когда она хочет, и по таким вопросам, по каким она хочет, даже в том случае, если эти вопросы уже решены партией на ее с'ездах и конференциях.*

Представители оппозиционного блока не желают считаться с *партией*, как целым, с волей партии, как волей организованного коммунистического авангарда пролетариата. Идейный вдохновитель оппозиционного блока в споре с тов. Лениным говорил когда-то, что «дисциплина имеет смысл лишь до тех пор, пока обеспечивает возможность бороться за то, что считаешь правильным и во имя чего налагаешь на себя дисциплину. Но *когда известное направление поставлено перед перспективой «лишения прав», т.-е. лишения возможности бороться за идейное влияние, тогда вопрос его существования из вопроса права превращается для него в вопрос силы*».

Не нужно большой прозорливости для того, чтобы понять, что в этом вопросе оппозиционный блок идет по «старой» троцкистской дорожке.

Наша партия — не партия «вообще». Это — лучшая партия в Коминтерне; это—партия, воспитанная Лениным; это—партия, правильность линии которой позволила ей достигнуть крупней-

ших успехов в деле борьбы за социализм; это—партия, которая пользуется полнейшим доверием пролетариата, это—партия развивающаяся, укрепляющаяся, идейно и организационно растущая, приобретающая все большее влияние на пролетариат и широкие массы трудящихся, партия, стоящая во главе победоносной диктатуры пролетариата, которая с каждым годом становится все более крепкой.

И вот воли *этой* партии не хочет признавать оппозиция, не хочет признавать небольшая группа партийцев, оторвавшихся от партийных масс и разучившихся понимать партию.

Необходимо отметить далее тот существенный политический факт, что оппозиция стремится прорвать фронт партии и навязать ей дискуссию, действуя, по сути дела, *методами второй партии*. Она составляет *свои платформы* по важнейшим вопросам экономической политики, она ведет свою фракционную политику *конспиративным* путем, скрывая ее от партии, она распространяет *антипартийные* документы *через свой конспиративный аппарат*, она «критикует» в этих документах линию партии, так сказать, «со стороны», притом с враждебной «стороны», как другая политическая партия, враждебная ВКП, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Тон этих документов сплошь и рядом напоминает тон «Социалистического Вестника». Это делается, несмотря на то, что Ленин предупреждал зарывающихся оппозиционеров о необходимости следить за своим тоном в критике партийной линии. «Всякий, выступающий с критикой,—заявлял Ленин в своей резолюции на X с'езде, — *должен*, кроме того, *по форме критики учитывать положение партии среди окружающих ее врагов*».

Оппозиция утверждает, что, формально запрещая дискуссию, Центральный Комитет ведет «одностороннюю дискуссию», печатая только статьи сторонников Центрального Комитета, критикующие политическую «линию» оппозиции. Но оппозиция замалчивает тот факт, что критика оппозиции в нашей печати, несмотря на то, что формально дискуссии не существует, об'ясняется именно только-что охарактеризованными методами борьбы оппозиции против партии.

Высказываясь против дискуссии, стремясь ее предотвратить, Центральный Комитет вместе с тем обязан считаться с тем, что оппозиция попыталась через свой фракционный аппарат эту дискуссию сделать фактом. Поскольку оппозиция, несмотря на определенные решения партии, распространяет антипартийные документы, постольку Центральный Комитет, не вступая на путь широкой дискуссии, вынужден дать оценку оппозиционных документов, пущенных оппозицией «по рукам». За месяц до с'езда оппозиция получит возможность защищать свою точку зрения в органах партийной печати. Эта грядущая дискуссия, несомненно,

еще выпуклее обнаружит идейное убожество оппозиционного блока, гнилость и противоречивость его идейных позиций, антиленинское содержание последних. Партии нечего бояться: она имеет ясные, твердые, проверенные на практике взгляды на основные вопросы международной и внутренней политики пролетарской диктатуры, она без труда докажет антиленинский характер выступлений идеологов оппозиционного блока.

Но партия напоминает оппозиции, что в этой дискуссии представители оппозиции должны «по форме критики учитывать положение партии среди окружающих ее врагов». Партия поэтому не может обещать, напр., помещения *всякой* статьи оппозиции. В случае, если отдельные представители оппозиционного блока будут выступать против партии с явно меньшевистскими аргументами и в тоне, совпадающем с тоном «критиков» из «Социалистического Вестника»,—то партия в праве подобного рода статей не допускать на страницы партийных органов. Со своей же стороны партия примет все меры к тому, чтобы последние выступления лидеров оппозиции, в основном и существенном, были известны членам партии и получили должную оценку. Вместе с тем в каждой партийной ячейке должны быть приняты все меры к тому, чтобы от оппозиции были отвоеваны на сторону ленинизма все рабочие, обманутые оппозицией и введенные ею в заблуждение.

А. С.

К характеристике идеологии современной социал-демократии.

(Статья четвертая) [1].

Аграрный вопрос и социал-демократия.

Общеизвестно, что экономическое развитие конца XIX—начала XX века сделало Германию страною высокоразвитой индустрии. Крестьянство не играет поэтому в общественной жизни Германии такой большой роли, как, напр., в России. В то время как сельскохозяйственное население в СССР составляет больше 80% всего населения страны, соответствующим процентным выражением для Германии считают—30 [2]).

Тем не менее аграрный вопрос в Германии выступает прежде всего как *крестьянский* вопрос, ибо сельскохозяйственный пролетариат составляет лишь 1/3 всего занятого в сельском хозяйстве населения, в то время как остальные две трети приходятся, главным образом, на крестьянство. При этом подавляющее большинство крестьянства состоит из бедных землею парцелльных крестьян. Для этой же последней категории крестьян *земельный* вопрос является вопросом первостепенной важности (конечно, не только земельный вопрос сам по себе, ибо земля является лишь *одним*, хотя и чрезвычайно важным, но *не единственным* средством производства).

Социал-демократы не один раз приводили данные о распределении земельного владения между различными группами владеющих. Но они, как правило, замалчивают *напряженность* экономических и социальных противоречий и дают *одностороннюю* картину распределения земли.

Так, напр., Hans Krüger отмечает на основании данных статистики 1907 года, что группа мелких и парцелльных хозяйств, меньше 2 гектаров каждое, занимает около 5,4% общей земельной площади, в то время как на крупные предприятия, свыше 100 гектаров каждое, падает 22,2% сельскохозяйственной площади [3]).

Однако, Krüger *не говорит* о том, *сколько* мелких и парцелльных хозяйств владеют 5,4% всей земельной площади; он замалчивает, *каково число* помещиков, концентрирующих в руках 22,2% всех земель. Если же поставить в связь число владеющих с количеством находящейся в их руках земли, если выразить эту связь в соответствующих процентных отношениях, то картина получит совершенно иную, *резкую* окраску.

[1]) Начало ст. помещено в № 13 «Большевика».
[2]) См. «Proletariat und Bauerntum» von Wl. Woytinsky, «Die Gesellschaft» 1926 г., Erster Band.
[3]) «Sozialdemokratie und ländliche Bodenfrage» von Hans Krüger, «Die Gesellschaft» 1924 г., Zweiter Band.

Согласно данным статистики 1907 года [1]) (говорить о принципиальных, *существенных* изменениях в земельных отношениях с тех пор по настоящее время нет оснований), отмеченные Krüger'ом 5,4% всей земельной площади, падающие на парцелльные хозяйства, приходятся на 60% всех земельных собственников, в то время как меньше чем 1% владельцев (крупные землевладельцы—свыше 100 гектаров) владеют более чем 30% всей земельной площади.

Эти данные необходимо иметь перед глазами при решении аграрного вопроса. Еще раз: *60% всех владельцев земли составляют парцелльные хозяева, которые владеют всего лишь 5,4% всей земельной площади, в то время как, крупные землевладельцы, число которых составляет менее 1% всех земельных собственников, сосредоточили в своих руках 30% совокупной земельной площади.*

Социал-демократы замалчивают эту дифференцированность в распределении земельного владения, чтобы облегчить себе защиту интересов крупного землевладения.

В проекте программы подчеркнута необходимость проведения земельной реформы в интересах бедных и средних слоев крестьянства.

Насколько лицемерны социал-демократы, выступающие с подобными декларациями, можно видеть из последующего анализа *данных* о землевладении в применении их к проектируемой социал-демократами «аграрной реформе».

Земельная реформа в интересах мелкого и среднего крестьянства может быть проведена только на основе решительного отчуждения помещичьего землевладения без выкупа.

Мы уже видели, что социал-демократы строго стоят на точке зрения «выкупа».

Но защита интересов крупного землевладения находит выражение не только в том, что социал-демократы стоят за «выкуп», но и в том, что, согласно проекту соц.-демократической аграрной программы, даже за выкуп-то у помещиков почти ничего не должно быть взятым.

Социал-демократические фразы об аграрной реформе есть прямой обман бедного и среднего крестьянства. Проектом аграрной программы социал-демократов, по сути дела, не предполагается никакой земельной реформы.

В самом деле. Крупные землевладельцы (мы говорим здесь о землевладельцах, имеющих—каждый—больше 50 гектаров) владеют в общем и в круглых цифрах 16.300.000 гектаров. Соответственно ориентировочной норме проекта речь может итти лишь о принудительной продаже государству части помещичьих земель (свыше 750 гектаров); помещики же, владеющие—каждый—свыше 750 гектаров, владеют лишь 2.500.000 гектаров из общей суммы 16.300.000, падающих на крупное землевладение.

Это значит, что 13.800.000 гектаров помещичьего землевладения из 16.300.000 общей суммы совершенно освобождаются от принудительной мобилизации и остаются в руках крупных землевладельцев, владеющих—каждый—от 50 до 500 гектаров.

[1]) Все последующие статистические обобщения основываются на данных, имеющихся в «Die deutsche Landwirtschaft, bearbeitet im Reichsstat» Amt (1913).

Если же при этом принять во внимание, что 2.000—3.000 помещиков, владеющих—каждый—больше чем 1.000 гектаров, имеют, согласно проекту, право на оставление—каждый—750 десятин (что для всего числа помещиков составит от 1.500.000 до 2.225.000 гектаров),—то становится совершенно ясным, что *речь идет только о принудительной продаже государству нескольких сот тысяч гектаров помещичьей земли.*

Таким образом, доказано, что социал-демократы хотят в основном оставить нетронутыми современные отношения земельной собственности, сохранив земледельческие привилегии крупного помещика и отказавшись от удовлетворения земельного голода мельчайшего, мелкого и среднего крестьянства.

Зато помещики не могут ничего возразить против аграрного «консерватизма» социал-демократов.

В агитации, в своих декларациях социал-демократы клянутся в верности интересам бедного и среднего крестьянства, а в практических требованиях защищают крупное землевладение.

Эту «двойную бухгалтерию» хорошо выразил социал-демократ Н. Hoffmann [1]):

Некоторые положения проекта аграрной социал-демократической программы наводят его на сомнения.

> «Это относится,—пишет он,—к тем пунктам проекта аграрной реформы, которые—*хотя бы и из оснований агитационного свойства*—должны способствовать сохранению, поддержке и новому созданию мелких сельскохозяйственных предприятий... С народнохозяйственной точки зрения хозяйства, созданные путем поселения, отнюдь не являются производственной формой, соответствующей веку рационализации и расцвета техники... *Поэтому, если с агитационной точки зрения требование о переводе крупного землевладения в поселенческую собственность и действительно, то его проведение может стеснить прогрессивное развитие пролетариата».*

Так «защищают» социал-демократы интересы мелкого и среднего крестьянства в области земельных отношений.

Что касается вопроса о переселении и внутренней колонизации, то социал-демократы ограничиваются здесь платоническими пожеланиями, которые выдвигаются и самыми правыми партиями и об'ективный смысл которых заключается в прикрытии защиты интересов крупного землевладения.

Всякий знает, что переселение вообще—и особенно переселение на неудобные земли, которые требуют предварительной разработки—связано с вложением значительных материальных средств, требует инвентаря, требует *денег.*

Но верят ли серьезно социал-демократы, что эти средства даст *бедному* крестьянству *буржуазное* государство? Заметны ли хоть какие-нибудь успехи на этом пути до сих пор?

Крюгер сам признает, что в этой области до сих пор не достигнуто почти ничего [2]).

И разве даже тогда, когда поселенец получает относительно хорошую землю, находившуюся доселе у помещика и у государства, как это имело место на основе закона о переселении 1919 г. в переселенческой практике Пруссии,—не оказывается вся эта переселенческая кампания мыльным пузырем?

[1]) «Landwirtschaft, Gewerkschaftsbewegung und Agrarprogramm» von H. Hoffmann, «Gewerkschaftsarchiv», April, 1927 г.

[2]) См. «Landarbeiter und Bodenfrage» von Hans Krüger, «Die Gesellschaft» 1924 г. Erster Band.

Разве сами социал-демократы не вынуждены были признать, что результаты этой кампании оказались жалкими?

И тем не менее они продолжают будить иллюзии о возможности... серьезной помощи мелкому крестьянству, путем внутренней колонизации, помощи, которая якобы придет со стороны эксплоататорских классов, со стороны буржуазного государства. Можно ли назвать *этот* обман защитой интересов крестьянства?

Социал-демократы говорят о защите интересов мелкого и среднего крестьянства в области *арендных отношений*, о необходимости такого государственного регулирования арендных отношений, которое будет лить воду на мельницу «лучшего хозяина».

Но почему они *умалчивают* при этом о том факте, что подавляющее большинство арендуемых земель приходится на крупных, состоятельных, капиталистических арендаторов, а не на мелких крестьян, что среди крупных помещиков не только сдают землю в аренду, но и *арендуют* землю.

Что говорят статистические данные 1907 года о распределении арендных земель?

Они говорят о том, что *на парцелльных хозяев, которые составляют 60% всего числа владельцев, падает только 10% общего количества арендуемой земли, в то время как крупные землевладельцы, составляющие меньше 1% всего числа землевладельцев, концентрируют в своих руках более 35% общей арендной площади.*

Социал-демократы, уклоняющиеся от *дифференцированного* анализа статистических данных, замалчивают действительное положение вещей и в *этой* области.

Беглый взгляд на вышеприведенные данные дает основание заключить, что большая часть арендуемой земельной площади концентрируется крупными землевладельцами, располагающими значительными капиталами, что в области аренды хозяином положения является крупный капиталистически-развивающийся хозяин, а не мелкий крестьянин.

Социал-демократы доверяют буржуазному государству регулирование арендных отношений под углом курса на «лучшего хозяина». Но при господстве капитализма этим лучшим хозяином неизбежно будет крупный капиталист и располагающий капиталами помещик, а не полунищий владелец парцелльного хозяйства или мелкий крестьянин. Полунищий хозяин парцеллы не имеет средств на аренду земли, он не обладает капиталом, необходимым для постановки прогрессивного, передового хозяйства. Крупный землевладелец имеет эти средства.

При этих условиях *курс на «лучшего хозяина», который предлагают социал-демократы, является, по сути дела, тем же «курсом», который стихийно пробивал себе дорогу в развитии сельского хозяйства и до сих пор, который находит свое выражение и в данных о земельном пользовании, о распределении аренды.*

Зачем же при курсе на «лучшего хозяина» одновременно обманывать мелких арендаторов, будто капитализм и буржуазное государство могут изменить и регулировать арендные отношения *к выгоде* и в *интересах мелких арендаторов*, которые не могут

быть в условиях капитализма «лучшими хозяевами», чем крупные предприниматели, чем капитализирующие своё хозяйство помещики?

Не обязывает ли элементарная порядочность перед лицом этих данных сделать вывод, что *регулирование арендных отношений в интересах мелкого крестьянства немыслимо без радикального изменения отношений собственности в сельском хозяйстве и без изменения отношений собственности на средства производства вообще?*

Социал-демократы утверждают далее, что в интересах крестьянства необходимо предоставить *государству право регулирования хлебных цен* (попросту говоря, право хлебной монополии), дабы избавить крестьянство от тяжелых последствий сильного колебания хлебных цен.

Буржуазное государство здесь еще раз выступает в представлениях социал-демократов, как *благодетель крестьянства.*

Но этой мерзости не могут вытерпеть даже некоторые социал-демократы.

> «Кому, например, отдаем мы право хлебной монополии?— спрашивает Кретцер, содокладчик по аграрному вопросу на Лейпцигском окружном партейтаге.—Мы имеем правительство буржуазного блока. Буржуазный блок—союз индустрии с аграриями. Им должны мы вручить хлебную монополию?»

И автор совершенно резонно выражает «сомнение» в том, что буржуазное государство будет пользоваться хлебной монополией в интересах трудящихся (пролетариата и бедного крестьянства) [1]).

Что следует из всего сказанного?

Социал-демократы защищают в городе против пролетариата интересы «рационализирующей» капиталистическое производство буржуазии, потому что буржуазия «прогрессивна». В их склонности к «прогрессивной» буржуазии они доходят до положительного отношения к государственному капитализму, в котором они усматривают по сравнению с «частным» капиталом *только* прогрессивные моменты. В сельском хозяйстве ведет их перспектива капиталистической «рационализации» к курсу на капиталистически-рационализирующееся хозяйство крупного землевладельца, которое недопустимо—с их точки зрения—дезорганизовать радикальными планами земельной реформы.

Они предлагают далее предоставить буржуазному государству право регулирования земельной собственности, арендных отношений, хлебной торговли и т. д. при условии, что государство будет поощрять «хорошего хозяина» и обеспечивать «переход земли в руки лучшего хозяина», т.-е. *экономически-сильнейшего капиталистического предпринимателя.*

Что касается мелкого и среднего крестьянства, то последнему «предоставляется» достигнуть уровня «хорошего хозяина» путем «прилежания» и утешаться убеждением, что мелкое производство имеет преимущества перед крупным.

Удобная, но подлая теория! В известном смысле эта подлость есть плюс. Чем очевиднее будут социал-демократы обманывать бедное и среднее крестьянство, тем скорее последнее поймет, что революционное преодоление крупного землевладения и раздел земель между бедными крестьянами возможны только в условиях диктатуры пролетариата; что только последняя обеспечит бедным и средним слоям крестьянства постоянную экономическую помощь (путем кредита и других мероприятий), что только диктатура пролетариата сделает возможным для бедных слоев крестьянства использовать плоды агрикультурного образования и пр., о чем наговорено в проекте социал-демократической аграрной программы.

[1]) «Leipziger Volkszeitung», 1927 г., № 56.

«Левые» социал-демократы пытались (прежде всего на страницах «Leipziger Volkszeitung») доказать, что подобный проект аграрной реформы означает соскальзывание социал-демократии с пролетарской точки зрения на мелкобуржуазную почву; что социал-демократическая партия—в ее целом—после принятия этой программы заменила прежнюю ориентацию на пролетариат ориентацией на «средние» мелкобуржуазные слои.

В этом утверждении заключается *двойная ложь.*

Во-первых, «левые» социал-демократы лгут, когда они прежнюю ориентацию социал-демократической партии (т.-е. их ориентацию до проекта аграрной программы) обозначают как *пролетарскую* ориентацию. Каждый день все очевиднее доказывает, что в борьбе пролетариата против буржуазии социал-демократы защищают интересы буржуазии.

Во-вторых, они лгут, когда утверждают, что партия в целом выражает устремления мелких и средних слоев крестьянства; социал-демократы, в действительности, защищают капиталистов против рабочих, и помещиков—против средних, мелких и мельчайших крестьян.

Действительные требования мелких и средних крестьян могут быть достигнуты не на основе социал-демократической аграрной программы, а только в борьбе против социал-демократического оппортунизма, против «социалистического» реформистского кретинизма, против «социалистической» контрреволюции.

* * *

Социал-демократия еще в те времена, когда она не изменяла открыто марксизму, отличалась невниманием к мелкому крестьянству, нежеланием и неумением поставить во весь рост на почву практики вопрос о союзе пролетариата с бедным крестьянством.

Зато в *сельскохозяйственном пролетариате* социал-демократы *прежде* всегда усматривали носителя будущих *социалистических* форм в сельском хозяйстве.

Теперь сельскохозяйственный пролетариат в Германии насчитывает около 4 миллионов; крупные капиталистические предприятия в сельском хозяйстве, несомненно, в гораздо большей мере, чем прежде, «созрели» для перехода их после революционного переворота к социалистическому развитию.

Казалось бы, что в переживаемую нами эпоху пролетарских революций, вопрос о сельскохозяйственном пролетариате, как строителе социализма в сельском хозяйстве, должен быть поставлен острее, выпуклее, актуальнее, чем прежде. Но у социал-демократов, конечно, все наоборот. Пока капитализм находился в мирной, «органической» стадии своего развития, пока вопрос о революционном захвате власти пролетариатом маячил вдалеке, социал-демократы находили в себе «смелость» поговаривать о

социализме. Когда же капитализм стал трещать под напором социалистических революций пролетариата, когда он стал менее устойчивым, а пролетариат более сильным и более способным к захвату власти; когда вопрос о социализме стал не вопросом отдаленного будущего, а вопросом, стоящим в порядке пролетарского дня,—тогда социал-демократы по всей линии забили отбой и потребовали отсрочки для капитализма на сотню-другую лет. То же самое случилось с социал-демократами и в отношении сельскохозяйственного пролетариата.

Раньше социал-демократы утверждали, что *сельскохозяйственный пролетариат призван стать строителем социализма в крупных предприятиях*, отнятых революционным пролетарским государством у капиталистов. *Теперь* социал-демократы берут *курс на превращение сельскохозяйственного пролетариата в мельчайших крестьян, в мелких собственников.*

В главе V проекта программы (Forderungen für die Land- und Forstarbeiter) социал-демократы, говоря о сельскохозяйственных рабочих, предлагают «открыть путь всем тем, кто может и хочет стать мелким крестьянином-собственником» [1]). Крупнейший оппортунистический теоретик аграрного вопроса Hans Krüger несколько лет назад посвятил обоснованию этого курса большую статью, на аргументах которой стоит остановиться [2]).

Автор прежде всего разделывается с прежним социал-демократическим курсом.

> «Одно направление,—пишет он,—высказывается за сохранение крупных предприятий, при чем вместо капиталистического собственника может быть создана *кооперация* сельских рабочих, или же крупные предприятия должны быть национализованы, и управление ими должно быть передано государству. Оба способа мало помогут теперь рабочим, и в крупном масштабе подобные планы неосуществимы. *Отсутствуют необходимые средства, организационное проведение в жизнь этих планов натолкнется на большие затруднения, и, наконец, в случае сопротивления крупных землевладельцев нечего и думать о подобной национализации или о передаче управления предприятиями в руки кооперации.* Во всяком случае не подлежит сомнению, что в случае серьезных попыток к осуществлению этих планов в настоящий момент произойдет понижение продукции».

Hans Krüger откровенен и прям. Он против социализации, потому что ее не пожелают помещики и ее проведению не помогут капиталисты («отсутствуют необходимые средства» и т. д.). Вот это называется «реальный политик»! [3]).

Он считает возможным проведение только такой реформы, которая не встретит серьезного сопротивления со стороны господствующих классов и не нарушит нормального хода капиталистического производства.

[1]) «Entwurf» u. s. w., «Vorwärts», 1927, № 18.

[2]) «Landarbeiter und Bodenfrage» von Hans Krüger, «Die Gesellschaft» 1924 г., Erster Band.

[3]) Мы не сомневаемся ни на одну минуту, что социал-демократические вожди являются «реальными политиками» «всерьез и надолго».

Но при этом условии они, вероятно, должны признать, что помещики и капиталисты *никогда* не пожелают уступить своих командных экономических и политических позиций.

Стало быть... стало быть, *никогда* нельзя потрясти основ капиталистического общества? Но почему почтенные теоретики социал-демократии не скажут этого *прямо* рабочим?

Открещиваясь от революционных перспектив Krüger намечает весьма «скромную» реформу.

> «Но тут открывается другой путь, который дает рабочему возможность улучшить свое положение не в далеком будущем, а в настоящее время—путь, на который можно вступить уже сейчас. Это можно сделать, если дать рабочему маленький кусок земли, независимо от его постоянной работы. Рабочему необходимо дать столько земли, чтобы он мог держать корову. Это, конечно, не везде сразу осуществимо. Придется начать с меньшего куска земли и постепенно его увеличивать при чем должна быть оставлена возможность дальнейшего развития в мелкокрестьянскую собственность. Рабочий таким образом получит свою долю участия в использовании земли как орудия труда, в то время как до сих пор он был лишен земли, которая была лишь средством капиталистической эксплоатации».

Очень характерно, что Krüger аргументирует как типичный *буржуа*.

Так, он считает важнейшим аргументом в пользу изложенного им выше проекта аграрной реформы в отношении с.-хоз. пролетариата то обстоятельство, что наделение с.-х. рабочих землею приведет к расширению внутреннего рынка для промышленного капитализма.

> «Это,—пишет он,—улучшило бы экономическое положение широких сельскохозяйственных масс и подняло бы их покупательскую способность в отношении продуктов промышленности... Это привело бы к увеличению сбыта наших промышленных изделий, что вдвойне важно в настоящий момент, когда уже ясно видно, что сбыт наших продуктов на мировом рынке никогда не достигнет прежнего уровня».

Мы оставляем здесь в стороне вопрос о том, насколько верно утверждение, что внутренний рынок расширится от наделения сельскохозяйственных рабочих «кошачьими» земельными площадями. Это трудно доказать, ибо с наделением землею происходит частичная *натурализация* бюджета рабочего. В данной связи важно лишь указать на то, что социал-демократ разрешает вопрос о судьбах и перспективах развития сельскохозяйственного пролетариата *под углом зрения укрепления отечественного капитализма.*

И не только промышленного, но и аграрного. Krüger не согласен с теми, которые усматривают в проектируемой реформе угрозу крупному капиталистическому с.-хоз. производству.

> «Но если даже стоять на той точке зрения, что крупные предприятия более продуктивны, то надо сказать, что наделение сельскохозяйственных рабочих земельными участками не привело бы к немедленному устранению этих предприятий. Напротив, крупные предприятия имели бы тогда к своим услугам рабочих, которые по всей вероятности работали бы и лучше и охотнее».

Итак, реформа должна быть принята, по Krüger'у, вследствие того, что она обещает улучшение перспектив *для промышленного и аграрного капитализма, для капитализма вообще.*

Но лицемерие социал-демократических «защитников» пролетариата заключается в том, что, по их утверждениям, интересы капитализма совпадают в данном случае с интересами пролетариата.

«Идиллия» замечательная: капиталисты получат расширенный рынок; аграрные капиталисты—«рабочих, которые... работали бы и лучше и охотнее», а рабочие—известную независимость от «работодателя».

Правда, последнее утверждение Krüger предлагает принять на веру.

Ибо, во-первых, он сам признает, что наделение рабочего небольшим клочком земли свяжет рабочего, привяжет его к «своему» капиталисту-аграрию.

> «Во многих восточных областях это, правда, будет не так. И здесь рабочие, наделенные землей, вынуждены будут действительно искать работу *лишь у «своего» помещика*.

Но, ведь, сие и означает, что рабочий становится более, а не менее зависим от «своего» нанимателя!

Во-вторых, Krüger ничем не доказал, что заработная плата рабочего после проектируемой реформы повысится.

Для всех марксистов до сих пор было бесспорным *обратное*: еще Каутский доказал, что сами помещики не прочь провести ту реформу, о которой так хлопочут теперь «социал-демократические» адвокаты эксплоататорских классов, ибо *имеющему маленький надел рабочему аграрий может платить более низкую заработную плату*, ибо часть минимума средств существования рабочего покрывается тем добавочным «самостоятельным» трудом, который рабочий тратит на «*своем*» участке.

Помещик получает таким образом и более *прикрепленного* к нему и *более дешевого* рабочего.

Об этом писал неоднократно и Ленин.

> «В числе условий,—писал Ленин по поводу книги Каутского против ревизионистов,—ставящих границы капиталистическому земледелию, Каутский указывает также то обстоятельство, что недостаток рабочих—вследствие ухода населения из деревень—заставляет крупных хозяев стремиться к наделению рабочих землею, к созданию мелкого крестьянства, которое поставляет рабочие силы помещикам... Когда мелкое производство слишком сильно вытесняется, крупные хозяева стремятся укрепить или возродить его посредством продажи или отдачи в аренду земли... Каутский точно характеризует факты и указывает их настоящее значение в современном классовом обществе: *классовые интересы землевладельцев заставляют их стремиться к наделению землею рабочих*»[1]).

Социал-демократы защищают программу крупных землевладельцев, называя эту программу «социалистической». Не вернее ли будет сие называть не социализмом Маркса, а «помещичьим социализмом»?

Социал-демократы пали так низко, что вместо перспектив революции, социализации и социалистического строительства в

[1]) Ленин. Сбор. Сочин., т. IX, стр. 21.

сельском хозяйстве, они «соблазняют» сельскохозяйственный пролетариат перспективой превращения рабочего в мельчайшего крестьянина.

> «На практике,—пишет Крюгер,—следовало бы женатым рабочим, проработавшим определенное количество лет в одном и том же предприятии, давать сначала землю в аренду, а затем, когда выяснится, что они справляются со своей задачей, они должны будут получить землю в собственность... или же наследственное право обработки. Таким образом прилежный и деятельный рабочий получил бы возможность постепенно улучшать свое положение на месте своего жительства, и в процессе, правда, *долго продолжающегося, но органического развития* произошло бы уменьшение крупного землевладения в пользу теперешних безземельных классов».

Более ясно сказать нельзя: сельскохозяйственный рабочий должен разделаться с социалистическими «иллюзиями» и осознать, что его цель—в результате «долго продолжающегося, но органического развития» превратиться в беднейшего мелкого буржуа.

Именно по этому поводу «пляшет и скачет» старый ревизионист Paul Kampffmeyer, который с величайшей радостью приветствует «новые» ревизионистские ноты в программной «музыке» социал-демократии[1]).

> «*Сельскохозяйственный рабочий вообще не хочет превратиться в члена социалистической крупнопроизводственной кооперации и хотел бы стать мелким земельным собственником... Теперь проект аграрной реформы открывает с.-х. рабочим путь к приобретению земельной собственности* и защищает крестьянские хозяйства в их теперешнем состоянии».

Само собою понятно, что партия революционного пролетариата не может *насильно* противиться переходу некоторых с.-х. рабочих к мелкому собственному хозяйству. Но, во-первых, возможность некоторого развития подобного хозяйства обеспечивается *только* захватом власти в руки пролетариата, т.-е. установлением диктатуры пролетариата; во-вторых, авангард революционного рабочего класса должен неустанно раз'яснять сельскохозяйственному пролетариату, что его экономическое освобождение обеспечивается только строительством социализма, только развитием и укреплением социалистических форм в сельском хозяйстве; что *генеральной линией*, по которой должны двигаться массы сельскохозяйственного пролетариата, установившие под руководством индустриальных рабочих и вместе с ними пролетарскую диктатуру, является линия на строительство и укрепление обобществленного социалистического хозяйства. Это особенно верно в отношении передовых, экономически развитых стран, к числу которых принадлежит Германия. А социал-демократы, во-первых, сеют в рабочих массах иллюзии, что в *условиях господства капитализма* с.-х. пролетарии могут добиться положения более или менее обеспеченных самостоятельных мелких производителей; во-вторых, *вообще* «отбивают» их от социализма, подогревая пережитки мелкобуржуазной идеологии в с.-х. проле-

[1]) «Bauer und Sozialdemokratie» von Paul Kampffmeyer «Sozialistische Monatshefte», April, 1927 г.

гариате и противодействуя усилению социалистических стремлений, роднящих с.-х. рабочих с индустриальными.

Спасение сельскохозяйственного пролетариата заключается в превращении рабочего капиталистического общества в мельчайшего буржуа—таков основной мотив «социалистической» аграрной программы. Мало этого. Индустриальный пролетариат тоже должен забыть о социализме и, не покладая рук, сколачивать копейку для создания собственного маленького хозяйства.

> «Так же, как и фабричный рабочий может иметь свой *дом и сад*, так и с.-х. рабочий может иметь свой домик и поле без того, чтобы предприятие лишилось его рабочей силы».

Социал-демократы забыли, как осмеивал Энгельс этот «социализм дома и сада», говоря как раз о *немецком* рабочем:

> «Здесь мы это видим ясно: то самое, что на прежней исторической ступени было основой относительного благосостояния рабочего,—связь земледелия с промышленностью, владение домом, огородом и полем, обеспеченное жилище,—все это теперь, при господстве крупной промышленности, является не только тормозом для рабочих, но и большим несчастьем для всего класса рабочих: основанием для беспримерного понижения рабочей платы ниже ее средней высоты, притом не только в отдельных отраслях промышленности, но повсюду, во всей национальной промышленности» [1]).

Не в собственном домике и собственном саде освобождение пролетариата, а в экспроприации капиталистов, в овладении всеми теми богатствами, которые созданы руками рабочих и которые монополизированы буржуазией. Социал-демократы последовательно защищают интересы капитала и крупного землевладения против пролетариата и мелкого крестьянства.

Они *против* революционного насилия над эксплоататорами; они *за* сохранение монопольных позиций господства за капиталистами и помещиками; они *против* завоевания сельскохозяйственного пролетариата и мелкого крестьянства на сторону социализма; они *за* такие мероприятия, которые *усиливают* зависимость с.-х. рабочих и мелкого крестьянства от помещика, буржуазии и империалистического государства.

Тем необходимее неустанно доказывать массам, что освобождение трудящихся не может быть достигнуто без решительной настойчивой, острейшей борьбы с контрреволюционной социал-демократией.

* * *

Аграрный вопрос играл в дискуссии перед Кильским партейтагом (май 1927 года) исключительно большую роль. «Левые» оппозиционеры пытались даже выступить по этому вопросу со своей особой платформой. Они пришли на с'езд со *своим проектом* аграрной программы, противопоставлявшимся официальному, утвержденному ЦК, проекту аграрной комиссии. В дискуссии подчеркивалась *принципиальность* вопроса, его связанность с основными проблемами социализма, намекалось, что от опреде-

[1]) Фридрих Энгельс. «Жилищный вопрос». Статьи из «Народного Государства».

ленного решения этого вопроса зависит *все политическое будущее социал-демократии.*

> «Мы должны отдавать себе полный отчет в том,—заявлял, напр., Отто Енсен на партейтаге в Хемнице [1]),—что речь идет здесь не только о хорошей или плохой аграрной программе, но, в конечном счете, о *направлении всей нашей дальнейшей политики*» [2]).

«Левые» убеждали, угрожали, изобличали, осуждали, «гремели» фразами об измене марксизму; проект аграрной программы характеризовался некоторыми «оппозиционерами» прямо как буржуазно-реформистский документ.

> «При сильнейшем подчеркивании требований дня, которые мы всегда представляли, мы должны вообще сказать, что *проект программы, рассматриваемый с хозяйственно-политической и земельно-правовой точек зрения, становится под знамена буржуазных земельно-реформистских стремлений, под влиянием которых мы сильно подпали вместо того, чтобы эти стремления оплодотворить социалистически* (!?)».

Так характеризовал официальный проект с.-д. аграрной программы на страницах «Фолькcштимме» [3]) с.-д. Шенкер. Подобная оценка официального проекта среди «левых» отнюдь не единична. Тот же тон звучал и на партейтаге в Лейпциге; те же нотки звучали даже в статье К. Каутского, критиковавшего проект в высшей степени «лойяльно» и защищавшего, как он думает, «последовательно-социалистическую» концепцию.

Шуму было много. И «крамольные» речи Кретцена на Лейпцигском партейтаге и резкая критика «левого» Отто Енсена, как свидетельствуют «Лейпцигер Фольксцейтунг» и «Фолькcштимме», встречали единодушное одобрение аудитории.

На первый взгляд политически мало искушенного читателя казалось, что надвигаются серьезные времена, что внутри партии должна завязаться ожесточенная борьба. Шутка ли: можно ли ладить с руководящим партией течением, которое нельзя характеризовать иначе, как «буржуазно-реформистское»?

Но «не все золото, что блестит», и не всякий, кто «гремит» радикальной фразой, является революционером.

На деле оказалось, что на Кильском с'езде проект аграрной программы, включивший лишь некоторые частные поправки и *оставшийся прежним в своей основе, был принят единогласно.*

Левые «революционеры» голосовали со спокойной совестью за буржуазно-реформистский проект. Вся оппозиционная шумиха с фразерским треском оказалась «бурей в стакане воды». «Левые» овечки, пытавшиеся изобразить собою львов, покорно пошли за Гильфердингом, Бааде, Крюгером и другими заядлыми реформистами, которые *целиком и полностью* капитулировали перед ревизионизмом Давида и его соратников. Последнее обстоятельство очень «трогательно» признает г-н Фриц Геллер в статье, носящей громкое название «Отцы против собственного дитяти». Автор вынужден признать, что «буржуазно-реформистский» папаша (Гильфердинг как собирательное лицо) скушал

[1]) См. «Volksstimme», 1927 г., № 81.
[2]) Курсив редакции газеты.
[3]) «Volksstimme», 1927 г. № 78.

свое «социалистическое» идейное дитя. И тем не менее... возмущенные чудовищным «поступком» папаши «левые наблюдатели» единогласно одобрили на Кильском партейтаге его поступок. Все-таки отменные подлецы эти «левые разоблачители»!

А, ведь, для революционного марксиста не могло быть никаких сомнений в том, что «левые вожди» капитулируют, что они *непременно* еще раз демонстрируют свою реформистскую природу и еще раз обманут искренне-оппозиционных, лево-настроенных социал-демократических *рабочих*.

Разногласия, разделявшие «левых» и «правых», по сути дела, весьма и весьма незначительны; *принципиальных* различий в подходе тех и других к разрешению аграрного вопроса *нет и не было*. Отсюда—неизбежность капитуляции «левых».

В самом деле. Что, прежде всего, *формально* отличает «левых» от «правых»? На отсутствие чего в проекте вторых напирали первые? На отсутствие «социализма», на отсутствие перспективы «социализации». Правда, фронт «левых» здесь не был единым. Мы уже знаем, что попавший в ряды «левых» К. Каутский (хороша же «левизна» того течения, к которому примкнул реформист из реформистов и проповедник контрреволюционной интервенции в СССР Каутский!), не считает грехом отсутствие в программе социалистических перспектив.

Но в проекте «левых», составленном по поручению Лейпцигского партейтага, этому моменту уделено особое внимание.

Авторы проекта заявляют, напр., что «преодоление стесняющих сельскохозяйственный прогресс препятствий возможно лишь на основе социализации земли» [1]).

В этом же духе высказываются и различные представители «левых», писавшие об аграрной программе. Так, напр., Г. Гофман [2]) пишет, что «только социализированное хозяйство может положить конец этим жалобам (жалобам сельских производителей. *А. С.*) и «обеспечить рациональную постановку крупного предприятия к выгоде всего общества». То же самое подчеркивает Отто Енсен, заявляющий, что в проекте недостает главного: *социализма* [3]). На это же напирает и Фриц Геллер в уже цитированной нами статье «Отцы против собственного дитяти» [4]).

Словом, «левые» стоят *формально* на почве «социализации» сельского хозяйства, «социализации», дополняющей «социализацию» индустрии.

Но исторический опыт уже показал, что без захвата власти пролетариатом ни о какой социализации не может быть и речи. Поэтому лозунг социализации без лозунга диктатуры пролетариата—«звук пустой», *оппортунистическая фраза*.

Однако, подобной смелости—*лозунга диктатуры*—«левые» себе позволить не решаются. Они настаивали всего лишь на внесении в программу упоминания о том, что *когда-то*, *где-то* и *как-то* должна притти всеспасающая «социализация»; они стояли за «хороший тон», за традицию в форме. В аграрной комиссии с'езда они должны были «понять», что *суть* не в том, что «идеоло-

1) «Leipziger Volkszeitung», 1927 г., № 82. «Richtlinien für ein Agrarprogramm». 1927 г., № 86.

2) Die Agrarswirtschaft im Kapitalismus» von H. Hoffmann, «Volksstimme», 1927 г., № 86.

3) См. «Reichsparteitag und Agrarprogramm». Ein Vortrag Jenssen. «Volksstimme», № 81.

4) «Leipziger Volkszeitung», 1927 г. № 72.

гический привесок» в виде лозунга социализации не может изменить *буржуазно-рационализаторских* принципов программы; что поскольку и «правые» и «левые» стоят за «*эволюционное врастание в социализм*», постольку на данной стадии, пока социализм-де еще не является «проблемой сегодняшнего дня»,— общей почвой для тех и других является поддержка капиталистического «прогресса» в сельском хозяйстве.

Что касается коренного вопроса о *власти*, от правильного решения которого зависит правильное разрешение всех социально-экономических вопросов—и в том числе аграрного вопроса, то дело ограничилось невинным указанием аграрной комиссии на то, что «освободительная борьба сельскохозяйственного пролетариата будет тем более успешной, чем сильнее будет политическая сила пролетариата» [1]).

Поскольку «левые» не посмели стать на точку зрения диктатуры пролетариата; поскольку «социализация» в силу этого повисла в воздухе бессильной фразой,—постольку, естественно, из-за лозунга социализации между «правыми» и «левыми» не могло произойти серьезной борьбы. Нет революционной борьбы за власть, а есть курс на поддержку буржуазной демократии. Нет перспективы революционной борьбы за социализм, а есть курс на капиталистическую рационализацию сельского хозяйства, которая-де со временем «подготовит» «социализм». Эти мотивы типичны и для «левых» и для «правых». Вполне понятно, что при таких условиях «левые» сдали свои позиции и голосовали за программу, которая, по их же определению, является программой «без социализма».

«Левые» указывали далее на то, что в официальном общепартийном проекте программы центр тяжести перенесен на крестьянский вопрос, а не на вопрос о классовой борьбе сельскохозяйственного пролетариата. При ближайшем рассмотрении, однако, оказывается, что речь идет здесь лишь о «словесных пропорциях»: одни предлагают *сказать* о сельскохозяйственном пролетариате количественно больше; другие—*сказали* меньше. Но *качественно*—и теми и другими говорится *одно и то же*.

В официальном проекте *говорится* о поддержке экономической борьбы сел.-хоз. пролетариата в *условиях буржуазной демократии* (и *только об этом*); об этом же *говорится* и в «оппозиционном» проекте; и в том и в другом проектах указано на «необходимость» повышать культурный уровень с.-хоз. пролетариата (что стоит это сказать?), и в том и в другом проектах указано на «необходимость» развития товарищеских, кооперативных, хозяйственных, производственных и сбытовых об'единений, которые должны «подготовлять» под руководством сельскохозяйственного пролетариата «социалистические» формы в сельском хозяйстве.

«Левый» Каутский довольно интересно «раз'ясняет» этот генеральный курс на кооперативы и товарищества в условиях господства капитализма [2]).

> «Во всяком случае она (т. е. программа действий. *А. С.*) не должна пройти мимо опыта производственных товариществ сельскохозяйственных рабочих Италии, товариществ, которые

1) «Bericht der Agrarkomission», «Vorwärts», 1927 г., № 249.

2) См. «Der Kleinbetrieb in der Landwirtschaft» von K. Kautsky, «Leipziger Volkszeitung», 1927 г., № 68.

в своей организации имели определенный успех. Тот факт, что фашизм их растоптал, совсем не является основанием игнорирования их *со* стороны немецкой социал-демократии».

«Установка» кристалльно-ясная: будут ли у власти помещики, монархисты, фашисты, заядлейшие реакционеры; будут ли находиться экономические командные высоты (банки кредитные учреждения и все экономические регулирующие органы) в руках аграриев и контрреволюционных буржуа—суть дела для социал-демократов не меняется («совсем не является основанием» и т. д.): они будут твердить, что путь к социализму в условиях господства капитализма *возможен* через производственные товарищества.

Пусть последние растаптываются фашизмом,—Каутские не сделают из этого никакого *нового* вывода; они обещают и впредь сеять оппортунистические иллюзии, будто бы *при власти помещиков и капиталистов сельскохозяйственные рабочие могут «врастать в социализм»*!

Правда, «левым» показалось конфузным, что официальные аграрные теоретики социал-демократии указывают еще и *другой* путь «движения к социализму» в условиях господства капитализма: путь превращения сельскохозяйственных рабочих в мелких крестьян, ведущих «карликовое» хозяйство. По этому поводу К. Каутский пишет [1]), что подобный путь, в случае своего осуществления,

> «сделал бы невозможным иной тип развития сельскохозяйственного производства, чем мелкокрестьянский. Тем самым исключена была бы возможность помощи сельскохозяйственным рабочим, ибо их переход в ряды «карликовых» крестьян закрыл бы им путь к культурному под'ему, который им, как сельскохозяйственным рабочим, обеспечивает под'ем пролетариата и его прогресс, достигаемые прежде всего в индустрии и неизбежно воздействующие далее на наемный труд в сельском хозяйстве».

Даже привыкшего к пропаганде буржуазных пошлостей Каутского затошнило от обещаний социал-демократов обеспечить сельскохозяйственным рабочим, в условиях капиталистического господства, переход к мелкому (отныне, согласно социал-демократическим прописям, «превосходящему» крупное) сельскому «самостоятельному» производству. Отрицательное отношение к этой перспективе выражено и в «оппозиционном» проекте аграрной программы [2]).

> «Наделение сельскохозяйственных рабочих мелкокрестьянским земельным владением,—читаем мы в проекте,—означало бы только умножение в сельском хозяйстве и без того столь многочисленных «самостоятельных» производителей с жалким уровнем хозяйства, которые, хотя и стоят между пролетариатом и средними слоями, но социально и духовно образуют приверженцев буржуазного класса. Превращение сельскохозяйственных рабочих в мелких крестьян не может ничего изменить, кроме формы их эксплоатации, с одновременным отчуждением новых самостоятельных производителей от рабочего класса».

[1]) Там же.
[2]) См. «Richtlinien für ein Agrarprogramm», «Leipziger Volkszeitung» 1927, № 82.

Однако, после того, как *отцы* реформизма выпороли «левых» болтунишек, последние «поумнели». Тот же Каутский, как и различные представители «левых», сам признает, что вся эта перспектива совершенно неосуществимая и утопичная. Вместе с тем в аграрной комиссии с'езда был вскрыт истинный агитационный—и только голо-агитационный—смысл подобных обещаний. «Сделать—ничего не сделаем, а поддержку отсталых слоев сельскохозяйственного пролетариата этими обещаниями можем приобрести»—таков «смысл философии сей».

И эту философию «левые» прекрасно усвоили. «Принципы» и проч. они выбросили за борт и, забыв свою критику, голосовали за проект более умных и практичных «правых» руководителей партии, набивших руку на оппортунистическом делячестве и агитационно-обманном фразерстве.

Наиболее сильную атаку «левые» вели против «крестьянского уклона» партийного руководства.

На Лейпцигском партейтаге, как и в проекте «левых», написанном согласно решению Лейпцигского партейтага, этот «крестьянский уклон» был решительно осужден.

В оппозиционном проекте [1]) было подчеркнуто, что социал-демократия «не может давать ему (т.-е. мелкому владению. *А. С.*) никаких обещаний, которые идут по линии требований средних слоев», что «ошибочны все мероприятия, которые имеют целью искусственно сохранить эти мелкие предприятия или умножить их число»; «левые», полагающие, что авторы проекта аграрной программы, утвержденного ЦК, руководствовались ориентацией на «средние слои», заявляют о своем несогласии с проектируемой аграрной реформой и т. д.

Обоснование этой позиции дано Каутским в уже цитированной нами статье [2]).

Матерой оппортунист, конечно, не преминул указать, что «социал-демократия выступает в защиту всех угнетенных и эксплоатируемых без различия их пола, расы, класса (даже «класса»!? *А. С.*), религии».

Тем не менее на всем протяжении своей статьи К. Каутский доказывает, что пролетарская партия не должна вступать на путь реальной помощи эксплоатируемым слоям крестьянства, ибо эти слои непримиримо враждебны пролетариату.

Каутский стремится всемерно запутать вопрос, напустить туману, но это не меняет сущности его позиций, направленных против мелкого и среднего крестьянства.

В сельском хозяйстве еще сохранилась власть помещика, сплошь и рядом не ведущего хозяйства на большей части принадлежащей ему земли и живущего—в весьма значительной мере—на ренту. Даже коллеги Каутского не стесняются в выражениях по поводу хозяйственной роли этих помещиков, как и по поводу происхождения их земельной собственности.

Вопрос ставится резко, прямо, неотвратимо: *должна или не должна партия революционного пролетариата разрешить земельный вопрос путем экспроприации крупного землевладения, представляющего и экономически и политически реакционнейшие слои*

[1]) Там же.
[2]) См. «Der Kleinbetrieb in der Landwirtschaft» von K. Kautsky, «Leipziger Volkszeitung», 1927 г., № 68.

общества, в пользу мельчайшего, мелкого и среднего крестьянства? Каутский увиливает, прежде всего, от подобной постановки вопроса, увиливает жульнически, нечестно.

Мы уже указывали, что Каутский защищал необходимость исключения из программы требований социалистического порядка, поскольку-де социализм наступит еще не скоро; что Каутский предлагал ограничиться в программе требованиями *досоциалистической* программы действий в аграрной области.

Но при подобной постановке вопроса (ее неверность в отношении социализма мы уже вскрывали)—логически совершенно неизбежна, прежде всего, постановка вопроса о помещичьем землевладении, представляющем собою видоизмененную капитализмом, но сохранившую на себе печать феодализма социальную категорию.

Последовательность обязывает Каутского перенести—при его постановке вопроса—центр тяжести *именно в эту* область.

Посмотрите теперь, как передергивает Каутский, как он вертится и лицемерит, как он выдумывает «круглую» формулу, смазывающую основные противоречия в слоях сельскохозяйственного населения [1]).

> «Для *социалистической* аграрной программы важен вопрос *не о различиях между латифундией, с одной стороны, и всеми мелкими производственными единицами, с другой стороны, а различие между мельчайшим крестьянским производством, которое обслуживается силами семьи, обходясь без наемной рабочей силы, и всеми высшими классами, основой хозяйствования которых является применение наемного труда*».

Каутский, таким образом, предлагает видеть в сельском хозяйстве лишь две социально-экономических силы: *капиталистов и простых товаропроизводителей*. Он бежит от анализа диалектически-сложной системы реальных отношений, от анализа *главных*, определяющих соотношений и прикрывается наиболее невинной универсальной формулой.

В соответствии с формулой об «исключении социализма» *он сбрасывает со счетов в своей центральной «социалистической» формуле сельскохозяйственный пролетариат.* Тем самым заслуживший его особое внимание капиталистический класс повисает в воздухе: где же и когда существовал и существует эксплоататор наемной рабочей силы без об'екта эксплоатации? Где и когда капиталист существует без рабочего?

С другой стороны, Каутский *выбрасывает из поля своего внимания крупного землевладельца, как такового, помещика, как такового.* Тем самым формула проходит мимо отношений помещика и крестьянства, в которых наиболее сохранились элементы полуфеодального характера.

Хороша же «центральная» формула «социалистического» политика, которая *проходит мимо двух главных систем общественных отношений* в деревне: 1) *отношений капиталистов и сельскохозяйственных рабочих* и 2) *отношений помещиков и широких слоев трудящегося крестьянства!*

Беззубая, однобокая, не охватывающая главных типов классовых соотношений в сельском хозяйстве, формула Каутского

[1]) Там же.

свидетельствует, конечно, не только о примитивизме и формализме его *теоретической* концепции; она свидетельствует и о его серьезнейших *политических* ошибках.

Каутский не только выключает из своей формулы борьбу сельскохозяйственного пролетариата, совместно с индустриальным пролетариатом за социализм, но *выключает и борьбу крестьянина, возглавляемого пролетариатом, против крупного землевладения.* На всем протяжении своей статьи *Каутский* доказывает *вредоносность раздела помещичьих земель, вредность экспроприаторских стремлений в отношении крупного землевладения.*

Но давайте присмотримся поближе к социал-демократическим постановкам вопроса о *крестьянстве*. Каутский не оспаривает того, что подавляющее большинство крестьян является *простыми товаропроизводителями*. Как же—по Каутскому—следует оценить отношения этого простого товаропроизводителя—в конкретном, развитом капиталистическом обществе—*к крупному землевладельцу, индустриальному капиталисту и пролетарию?*

Говоря о соотношении крестьянства и крупного землевладения, Каутский проводит резкую грань между преимущественно сельскохозяйственными странами, *вывозящими* хлебный избыток на внешний рынок, и индустриально-развитыми странами, *ввозящими* хлеб из-за границы.

Для стран, *ввозящих* хлеб, Каутский считает неизбежным *тесный союз крестьянства и крупного землевладения.*

> «Все крестьянские элементы, которые получают их денежный доход не как заработную плату, а как цену за продаваемые ими продукты земледелия,—пишет Каутский о высоко-развитых индустриальных странах,—чувствуют себя при таких условиях вынужденными поддерживать политику помещиков, повышающих пошлинами и другими средствами цены на продукты земледелия и удорожающих питание сельскохозяйственного пролетариата.
>
> *Опыт показывает, что в индустриальном государстве интерес землевладельца настолько превалирует в самостоятельном крестьянине, что это толкает его к укреплению рядов аграриев и восстанавливает против пролетариата, требующего дешевого питания. Никакая аграрная программа не может этого изменить*».

Необходимо прежде всего осознать всю серьезность выводов, которые вытекают из подобного положения Каутского.

Германия является высоко-развитой в индустриальном отношении страной, ввозящей 30—40% средств питания, потребляемых внутри ее [1]). Значит, в отношении Германии, по Каутскому, *неизбежен союз основной массы крестьянства с помещиком, и невозможен союз этой массы с пролетариатом.*

А так как, по признанию самих социал-демократов, *пролетариат не может провести в жизнь ни одного серьезного изменения в общественной системе против воли крестьянства*, при враждебном отношении со стороны крестьянства [2]), то, стало

[1]) См. «Betrachtungen zum Agrarprogramm», von W. Schenker, «Volksstimme», 1927 г., № 78.

[2]) См., напр., ст. «Proletariat und Bauernschaft» von W. Woytinsky. «Die Gesellschaft». 1926 г., Erster Band.

быть, при подобных посылках, *проведение социалистических мероприятий невозможно до тех пор, пока существуют значительные массы крестьянства.*

Если же принять во внимание, что, согласно теперешним воззрениям социал-демократов, *мелкое производство в сельском производстве—в противоположность индустрии—имеет преимущество перед крупным*, то впереди—по расчетам социал-демократов—*предстоит перспектива роста мелкого производства* за счет крупного, из чего вытекает, что *социализм вообще невозможен.*

Социал-демократы заходят, таким образом, в тупик. Но «не так страшен чорт, как его малюют».

Сам Каутский, статьи которого теперь, как правило, кишат противоречиями, отмечает в этой же статье, уже цитированной нами, что социал-демократы всегда понимали и подчеркивали, что мелкое крестьянство, составляющее громадное большинство крестьянской массы, не столько продает хлеб, сколько его покупает.

> «Одним из важнейших наших аргументов против хлебных пошлин перед мировой войной была ссылка на то, что *многочисленные мелкокрестьянские предприятия не производили никакого избыточного хлеба, а должны были сами прикупать хлеб к произведенному ими*».

Этот факт не оспаривался Каутским раньше, не оспаривается им и теперь. В данной связи то обстоятельство, что та или иная страна является *импортирующей* предметы питания, а не экспортирующей, не играет никакой роли. *Вывозит страна хлеб или ввозит,—все равно мелкое крестьянство прикупает хлеб; все равно оно выступает на рынке в качестве покупателя продуктов сельского хозяйства. Это факт, который нельзя опровергнуть.*

Если же мелкое крестьянство выступает в гораздо большей мере покупателем сельскохозяйственных продуктов, чем их продавцом, то тем самым исчезает почва для экономического и политического союза мелкого крестьянства с помещиками, исчезает почва совместной борьбы за повышение цен на продукты сельского хозяйства, за введение аграрных пошлин и пр. Таким образом, теряет силу главный аргумент Каутского в *пользу* неизбежности союза основной массы крестьянства с крупным землевладением. На деле оказывается, что этот аргумент—поскольку речь идет об основных массах трудящегося крестьянства, о мелком крестьянстве—является аргументом *против* возможности прочного и длительного союза помещика с мелким крестьянином. Но если Каутский приводит *единственный* и *несостоятельный* довод *в пользу* союза помещика и мелкого крестьянина, то он совершенно замалчивает *факторы классовой борьбы* помещиков и мелких крестьян. Социал-демократы много кричат о своеобразии экономического и социального развития в области сельского хозяйства. Но можно ли понять это своеобразие без анализа *земельных отношений*, без анализа отношений *землепользования*?

Каутский замолчал именно эту *важнейшую* сторону дела. Он пытался доказать, что мелкое крестьянство вместе с помещиком заинтересовано в повышении ренты в форме повышения

цен на продукты сельского хозяйства. Вступив на этот путь, Каутский оказался в противоречии с фактами, достоверность которых он не оспаривает сам. Мост, который в этом случае Каутский перебросил от помещиков к мелким крестьянам, оказался непрочным: одни от других отделяются на деле пропастью. Стремление помещика вздуть ренту находит далее свое выражение в *повышении арендной платы, в повышении цены на землю.* Почему Каутский замолчал тот факт, что эти стремления помещиков решительно противоречат интересам сельского мелкого производителя, испытывающего нужду в земле, в течение веков носящего ярмо малоземелья? Почему он замолчал это решающее, важнейшее противоречие, этот фактор, без внимания к которому нельзя понять ни исторического прошлого, ни действительной картины современных отношений?

Каутский предлагает закрыть глаза на эти решающие противоречия, пытается «породнить» помещика с мелким крестьянином, призывает пролетариат плюнуть на мелкое крестьянство, как на совершенно чуждую ему социальную силу и с удивительным педантизмом твердит об утопичности планов экспроприации крупного землевладения и пр.

> «Это смешная утопия думать, что возможно обеспечить каждому вырастающему крестьянскому сыну предприятие, достаточное для его пропитания».

Нет спору, «земля не резина», земли—ограниченное количество. Но вытекает ли из этого, что землю надо оставить у помещиков? Не вытекает ли для действительного защитника интересов эксплоатируемых масс—из этого факта обратное? Не обязан ли пролетарский революционер бороться за ликвидацию остатков феодализма?

Коллега Каутского, социал-демократ Альбрехт, анализируя земельные отношения, замечает [1]):

> «И далее—вновь приобретенное познание, что *большие скопления земель не могут рассматриваться как проявления капиталистического развития, но являются феодальными образованиями, возникшими благодаря насилию завоевателей и политической силе дворянства*».

С каких пор борьба против остатков феодализма—для об'являющего себя марксистом—стала «утопией», «реакционной» политикой и пр.?

«Левые» Каутские *укрывают помещика*, защищают привилегии крупного землевладения, и, прикрываясь фразами о «законах исторического развития», которые они разучились понимать уже давно, предлагают оставить за помещиком все, что он имеет, предлагают не вмешиваться в земельные отношения.

«Оппозиция» усмотрела в проекте аграрной программы, утвержденном ЦК, «крестьянский уклон»; она испугалась, что социал-демократы могут всерьез бороться за раздел помещичьих земель между мелкими крестьянами.

Но мы уже доказали раньше, что принципы аграрной программы, исключают возможность серьезных изменений в земельных отношениях; что авторы проекта, в общем и целом, стоят на почве сохранения привилегий крупного землевладения.

[1]) «Der Entwurf des sozialdemokratischen Agrarprogramms 1. Die Bodenrechtsfrage» von Otto Albrecht, «Die Arbeit», 1927 г., Heft, 4.

Тем самым—*на деле* между господствующим в партии течением и оппозицией исключается возможность принципиального разногласия в этом вопросе.

Составители официального проекта говорят: мелкому крестьянству надо помочь, мы за мелкое крестьянство—а предлагают, по сути дела, программу, *защищающую крупное землевладение и предполагающую сохранение его привилегий.*

Вторые заявляют: марксист не может стоять за утопические планы укрепления мелкого производства: поэтому *мы против радикальной земельной реформы в пользу мелкого крестьянства, мы за сохранение привилегий крупного землевладения.* С точки зрения *логики*, вторые последовательнее, — зато первые поумнее с точки зрения политического делячества.

Но *основной практически-политический вывод* у тех и других *один и тот же*; поэтому Кильский с'езд имел возможность выразить удовлетворение по поводу *единогласного* принятия аграрной программы. Поэтому оппозиционная борьба в этой области, как и в других, оказалась бутафорией. Поэтому «левые»—по своему существу—такие же предатели интересов пролетариата и трудящегося крестьянства, как и «правые».

Вся беспросветность оппортунизма «левых» соратников «правых» социал-демократических дельцов становится особенно очевидной, когда мы обращаемся к их суждениям об *отношении простого сельского товаропроизводителя* (т.-е. мелкого и среднего крестьянина) *к буржуа и пролетарию.* Каутский предлагает смотреть пролетарию на простого сельского товаропроизводителя глазами «своего хозяина», капиталистического предпринимателя.

Интересы рабочего и мелкого и среднего крестьянина—по Каутскому—решительно расходятся, потому что рабочий заинтересован в низких ценах на предметы питания, а мелкий и средний крестьянин в высоких.

Вспомните еще раз, какие выводы на основании этого положения сделал Каутский:

> «...В индустриальном государстве интерес землевладельца настолько превалирует в самостоятельном крестьянине, что это толкает его к укреплению рядов аграриев и восстанавливает против пролетариата, требующего дешевого питания. *Никакая аграрная программа не может этого изменить*».

Здесь заключено несколько грубейших оппортунистических ошибок.

Во-первых, Каутский, как мы уже указывали, замалчивает тот факт, что *мелкое крестьянство* гораздо больше выступает в качестве покупателя, чем продавца сельскохозяйственных продуктов и потому не заинтересовано в повышении цен на эти продукты, а заинтересовано в обратном.

Во-вторых, говоря о *неизбежности* блока среднего крестьянина с крупным землевладельцем («никакая аграрная программа не может этого изменить»), Каутский исходит из той посылки, что крупный землевладелец неизбежно сохраняет свое господствующее привилегированное положение в сельском хозяйстве. Но это-то как раз и можно изменить; это-то как раз и будет изменено. Если крупное землевладение, как таковое, уничтожается (а это может произойти только при успешном развитии пролетарской революции, защищающей интересы всех угнетенных), то отпадает самая возможность подобного блока, отпадает возможность усиления в среде трудящегося крестьянства тенденций в пользу союза с крупным землевладением, *которого уже нет.* Наоборот, уничтожение крупного землевладения и раздел значительной части помещичьих земель (другая часть остается у пролетарского государства) породит у крестьян стремление не допустить реставрации крупного землевладения.

В-третьих, Каутский не может и не хочет понять тех классовых соотношений, которые устанавливаются *после* укрепления диктатуры пролетариата.

Все его посылки исходят из признания «вечности» капиталистической системы с сохранением привилегий крупного землевладения в сельском хозяйстве. Но возьмите ту же проблему соотношения пролетария и мелкого простого товаропроизводителя в условиях *диктатуры пролетариата* и посмотрите при *такой* посылке, насколько Каутский погряз в оппортунизме в своих выводах.

Каутский не допускает возможности блока пролетариата и простого сельского товаропроизводителя, потому что, дескать, их разделяет борьба за цены (первый стоит за понижение цен на продукты сельского хозяйства; второй—за повышение их).

Но разве в Советском Союзе не ведется борьба за сжатие «ножниц», разве пролетариат, взявший власть в свои руки, не старается изжить явления ненормального снижения цен на продукты сельского хозяйства? Разве диктатура пролетариата не руководствуется в своей политике в отношении крестьянства *совсем другим критерием*, чем монополистический «загнивающий» капитализм?

Каутский смотрит на простого сельского товаропроизводителя глазами капиталистического *предпринимателя*, — поэтому ему не дана возможность правильной постановки и правильного разрешения проблемы.

Каутский усиленно «роднит» бедных и средних крестьян с помещиком и «отчуждает» их от пролетария.

Исходя из неверных посылок, он этими посылками пытается теоретически «оправдать» отказ от борьбы с помещиком, отказ от помощи крестьянству.

Таким образом, при ближайшем рассмотрении обнаруживается, что «левые» и «правые» едины в *существе* своей аграрной программы.

И «правые», и «левые» единогласно приняли аграрную программу, в которой защищаются *интересы крупного землевладения против крестьянства, интересы капиталистического предпринимателя против эксплоатируемых слоев сельского населения.*

Именно поэтому аграрная программа оказалась на Кильском с'езде в мае 1927 г. *единогласно* принятой, именно поэтому широкие массы мельчайшего и мелкого крестьянства могут и должны связать свою судьбу с пролетариатом, борющимся за освобождение всех трудящихся, с его коммунистической партией.

Коммунисты связывают свои требования в аграрном вопросе с борьбой за диктатуру пролетариата.

Они утверждают, что только установление диктатуры пролетариата обеспечит радикальное разрешение аграрного вопроса

в интересах широких слоев трудящегося крестьянства. Только пролетарская диктатура способна экспроприировать крупное землевладение; только она обеспечит обращение экспроприированных земель в пользование трудящихся масс: часть для организации и развития социалистических крупных сельскохозяйственных предприятий, часть—для бесплатного наделения наиболее нуждающихся в земле слоев крестьянства.

Только диктатура пролетариата способна повести в отношении крестьянства политику, избавляющую широкие массы простых сельских товаропроизводителей от перемалывания жерновами капиталистического развития, от разорения, нищеты, роста эксплоатации; только она обеспечит этим массам постепенный переход к социализму на основе блока пролетариата с крестьянством, на основе сочетания интересов того и другого в условиях гегемонии пролетариата.

Опыт классовой борьбы поможет крестьянству усвоить эту истину и понять гнуснейший обман, который предприняли в отношении крестьянства социал-демократы.

Ибо «классы обмануть нельзя».

М. Шефлер.

Не довольно ли рецептов?

«Поэтому, нашим правилом должно быть: как можно меньше мудрствования и как можно меньше выкрутас».

(Ленин—„О кооперации“, т. XVIII, ч. 2, стр. 142).

За последнее время в связи с подготовкой к XV с'езду партии снова начинаются со стороны отдельных оппозиционно настроенных членов нашей партии попытки превратить партию в дискуссионный клуб.

Широкая партийная масса отлично понимает, что не время сейчас заниматься «перманентными» дискуссиями, что необходимо все усилия партии сосредоточить на укреплении положения Союза ССР, на творческой работе строительства социализма и на осуществлении безусловного единства партии.

Отличительной чертой оппозиционной критики текущего периода является ее необычайная «разносторонность» постановки сразу «всех» вопросов *во всю ширь*.

Не касаясь здесь истинных корней такого «всестороннего» охвата оппозиционной критикой *всех* вопросов, *всей* практической работы нашей партии (корни эти и так достаточно видны),—в настоящей статье мы ограничимся лишь одной областью работы, которая вместе со всеми другими удостоилась чести оппозиционной критики.

Мы коснемся здесь указаний оппозиции по вопросам строительства сельскохозяйственной кооперации и системы сел.-хоз. кредита на фоне общей критики политики нашей партии в деревне.

«*Дифференциация* крестьянства идет все возрастающим темпом. От лозунга «обогащайтесь», от призыва к кулаку «врастать» в социализм руководящее ядро ЦК пришло к замалчиванию расслоения крестьянства, к преуменьшению этого расслоения, с одной стороны, и к практической ставке на крепкого крестьянина—с другой».

Таково основное обвинение, выдвигаемое «блоком».

Откуда все это? Каковы факты, цифры, доказательства?

Между тем цифры таковы[1]) (см. верхн. табл. на 34 стр.):

Из этих данных видно, что никакого процесса резкой и неблагоприятной для нашей политики дифференциации крестьянского хозяйства не наблюдается, что, наоборот, происходит медленное (к сожалению, конечно, слишком медленное) сокращение процента хозяйств, менее обеспеченных посевной площадью, и за

[1]) Из статистического справочника СССР за 1927 г., издание ЦСУ.

Группировка крестьянских хозяйств по посевным группам в %%.

Республики.	Без посева и с посевом до 0,09	От 0,1 дес. до 1,0 дес.	От 1,1 дес. до 2,0 дес.	От 2,1 дес. до 3,0 дес.	От 3,1 дес. до 4,0 дес.	От 4,1 дес. до 6,0 дес.	От 6,1 дес. до 8.0 дес	От 8,1 дес. до 10,0 дес.	От 10,1 дес. до 16,0 дес.	Свыше 16 десятин
I. РСФСР.										
1925 г.	4,7	12,4	21,9	19,8	14,2	15,6	6,2	2 5	2,0	0,7
1926 »	4,5	11,6	20,5	19,9	14,8	16,2	6,5	2,8	2,4	0,8
II. УССР.										
1925 г.	4,5	10,2	21,1	19.6	13,6	15.0	7,0	3,7	4,0	1,3
1926 »	2,2	7,7	18,0	21,2	16,0	17,4	7,8	4,0	4,2	1,5

счет этого сокращения растут главным образом середняцкие (по посевности) слои крестьянства.

Говорить поэтому, что дифференциация крестьянства идет все возрастающим темпом, что ЦК этого не замечает и в то же время самим закрывать глаза на цифры и факты, подтверждающие правильный курс политики партии в деревне—разве это правильный, ленинский метод анализа, разве такой способ критики нужен для единства партии, для сплочения ее рядов?

Приведем еще данные по обеспеченности рабочим скотом (в %% к общему числу хозяйств).

Группы хозяйств.	I. РСФСР			II. УССР		
	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.
Без рабочего скота	31,0	30,6	30,4	46.4	46,3	45,1
С 1 гол. раб. » .	51,4	52,3	50,2	34,6	31,0	35,7
» 2 » » »	12,5	12,4	13,8	16,6	19,6	16,9
» 3 » » » .	3.1	2,9	3 5	0.9	1,9	1,0
» 4 » » » .	2,0	1,8	2,1	1,5	1,2	1,3

Разве эти цифры не доказывают понижения слабейших по обеспеченности рабочим скотом слоев крестьянства и усиления за счет этого снижения главным образом середняцких групп?

Само собой разумеется, что этих данных недостаточно для того, чтобы вполне осветить все положение деревни, все процессы, проходящие в ней в текущий период.

В некоторых отдельных районах (например, в низовьях Волги, в губерниях ЦЧО и отчасти на Северном Кавказе) наблюдаются несколько иные процессы с более резким сокращением слабейших групп и ростом за счет этого сокращения не только середняцких, но и более обеспеченных групп.

Зато в то же время в Средне-Азиатских республиках упорно и настойчиво проводится земельно-водная реформа, передающая землю и инвентарь из хозяйств баев в руки бедняцких дехканских хозяйств и чайрикеров.

Всего этого в основных выводах вполне достаточно для опровержения приведенных выше голословных заявлений оппозиционного блока.

Далее:

«Резолюция последнего С'езда Советов о сельском хозяйстве совершенно не говорит о дифференциации деревни, т.-е. об основном вопросе ее экономического и политического развития».

Таково второе столь же грозное обвинение, бросаемое «блоком» вождей в заявлении от 25 мая 1927 года.

Правильно ли это обвинение, действительно ли руководство ЦК нашей партии настолько опростоволосилось, что проглядело отсутствие политической линии в резолюции последнего С'езда Советов?

Поглядим в этот «криминальный» документ, в резолюцию С'езда Советов.

По всей резолюции красной нитью проходит забота партии и правительства об усилении крестьянской бедноты и середняка и о поддержке борьбы этих слоев с эксплоататорскими стремлениями кулачества.

В частности в этой резолюции говорится следующее:

«На ряду с индустриализацией страны развитие кооперирования бедняцких и середняцких масс крестьянства является основой политики советского государства. Улучшение всей постановки дела в крупных советских и коллективных хозяйствах должно уже теперь неуклонно превращать эти хозяйства в примерные, свидетельствующие о выгодности крупного сельского производства, преимущества которого должны быть показаны и доказаны на практике»... «Эта политика, направленная на улучшение положения крестьянских масс, на укрепление их хозяйства, т.-е. на поднятие хозяйств бедняцкой и середняцкой массы, вместе с тем связана с ограничением роста эксплоататорских (кулацких) элементов».

Таким образом, и этот аргумент оппозиционного блока фактам не соответствует. Мы не станем обременять читателей выдержками из этого постановления IV С'езда Советов, из которых ясно, насколько каждое мероприятие по укреплению и реконструкции сельского хозяйства проникнуто четкой классовой линией, направляемой на укрепление бедняцких и середняцких слоев села, на развитие сельскохозяйственной и кредитной кооперации и на расширение коллективных начал в крестьянском хозяйстве.

Не видеть этих мер, не ознакомиться с этими постановлениями, это значит не желать участвовать в общей сложной и трудной работе нашей партии.

«Нас ослабляет неправильная политика по отношению к крестьянской бедноте»,—твердят вожди в своем заявлении.

— Наоборот, работу нашей партии осложняет, затрудняет перманентная дискуссия,—так, нет сомнения, ответит им вся партийная масса, готовясь к XV с'езду партии.

Переходя к анализу заявления 15-ти от 27 июня в той его части, которая касается нашей политики в деревне, прежде всего подчеркнем полную идентичность подхода этой группировочки с подходом «блока» вождей.

«Расслоение крестьянства быстро растет. Бедняцкая часть деревни *уже в конце 1925 года* [1]), по подсчетам крестьянской комиссии ЦК, составляла 40—45% всего числа крестьянства. Отход из деревни в город все усиливается, и число батраков быстро увеличивается. Мощь кулацких элементов резко возрастает»...

При этом никаких динамических данных, конечно, в этом заявлении не приводится, так как, если бы авторы заявления 15-ти заинтересовались всерьез анализом расслоения и заглянули в цифровой материал, то вряд ли смогли бы цифрами подтвердить свои указания.

Значит, по мнению 15-ти «*уже* в конце 1925 года» бедняцкая часть деревни составляла 40—45%, а *до* 1925 года выходит, что бедняцкая часть деревни была меньше, а до Октябрьской революции, может быть, и совсем было хорошо.

Вот это безотносительное «*уже*» и в то же время полное отсутствие данных, фактов, цифр показывает, как неглубок анализ 15-ти.

«Отход из деревни в город все усиливается»,—опять голословно: нет сравнения с приростом населения, нет цифр, нет данных.

В заявлении 15-ти имеется и целый ряд общеустановленных принципиальных положений о том, что промышленность не должна приспособляться к нуждам сельского хозяйства, а должна стать определяющим фактором во всем народном хозяйстве, в частности и в сельском хозяйстве, и способствовать в частности развитию технических культур и интенсификации и индустриализации сельского хозяйства.

Это все правильно, и никто с этим не спорит, только ведь это списано из постановлений XIV конференции и XIV с'езда нашей партии. Зачем же это преподносить в форме поучения или нравоучения?

Но вот дальнейшие мысли авторов заявления 15-ти в развитие этой правильной, списанной из постановлений последних партийных с'ездов и конференций предпосылки совершенно нелепы и отбрасывают партию к той же дискуссии о том, какими путями следует поднимать крестьянское хозяйство.

Для увесистости этих своих мыслей, авторы заявления 15-ти прежде всего берут следующую мысль В. И. Ленина:

Основная линия политики партии в деревне есть—

«линия на уничтожение классов, а не на мелкого производителя. Если бы мы с этой коренной, основной линии сбились, тогда мы перестали бы быть социалистами и попали бы в лагерь тех мелких буржуа, в лагерь эсэров и меньшевиков, которые являются сейчас самыми злейшими врагами пролетариата» (Ленин—закл. слово на майской конференции РКП 1921 г.).

Однако, в дальнейшем изложении авторы заявления 15-ти решили, повидимому, совершенно игнорировать основные работы В. И., его речи и статьи, посвященные ответам на вопрос, *как* осуществить эту единственно-правильную линию политики партии в деревне.

[1]) Курсив мой. *М. Ш.*

В самом деле, первый же вывод из приведенной выше цитаты из речи В. И. Ленина авторы делают такой:

«Это значит, что наша борьба против кулака отнюдь не означает и не может означать поддержку мелкого хозяйства против крупного, укрепление бедняцких и середняцких хозяйств, как индивидуальных хозяйств: *она означает борьбу против капиталистических форм крупного хозяйства за социалистическую форму крупного хозяйства*. Борьбу, которую мы ведем, опираясь на враждебную кулакам бедняцкую часть деревни и устанавливая через нее смычку с середняцким крестьянством (из заявления 15-ти от 27/VI с. г., стр. 32).

Таким образом, по мнению авторов заявления, борьба против кулака отнюдь не может означать укрепление бедняцких и середняцких хозяйств, как индивидуальных хозяйств, но *как* же вести борьбу против кулака при наличии громадного слоя бедняцких и середняцких хозяйств в стране, не помогая при этом бедноте и не укрепляя ее хозяйства, об этом авторы не говорят.

Можно подумать, что авторы предложат практически что-либо радикальное для того, чтобы сразу кооперировать *всю* массу бедняцких и середняцких хозяйств, для того, чтобы сразу осуществить по мановению волшебной палочки переход к коллективизации *всей* бедноты. Ничуть не бывало. Этого авторы заявления не предлагают.

Наоборот, они предлагают прежде всего «приступить к организации крупных государственных хозяйств с усовершенствованной техникой производства, с наиболее благоприятной в зависимости от района комбинацией в них различных отраслей сельского хозяйства»...

Партия придавала и придает большое значение правильной организации совхозов, усилению в них заводов по переработке сельскохозяйственной продукции и сельскохозяйственного сырья, но нельзя же подменять политику, направленную на поддержку, укрепление и реконструкцию многомиллионной массы крестьянских хозяйств, строительством совхозов.

Как быть, если при практическом осуществлении этого рецепта заявления 15-ти отход из деревни в город действительно чрезвычайно возрастет?

Как быть, если не получающие экономической поддержки государства (а крайне ограниченные ресурсы, которые имеет пока возможность выделять государство, вместо усиления с.-хоз. кооперации и сел.-хоз. кредита по рецепту 15-ти будут направлены только на строительство совхозов) бедняцкие и середняцкие слои крестьянства начнут попадать в экономическую зависимость от кулака?

Об этом авторы умалчивают.

Впрочем авторов заявления 15-ти нельзя упрекнуть в нежелании говорить о кооперации.

Вот одна из основных мыслей заявления 15-ти о кооперации.

«...Кулак получил (!) доступ в кооперацию, и его значение в ней настолько сильно, что он начинает частично овладевать ею».

По мнению авторов заявления 15-ти, таким образом, сначала кулаку не было доступа в кооперацию, а потом кто-то ему предоставил эту возможность.

Ясно для 15-ти, что кулак сейчас же, «получив доступ в кооперацию» (очевидно, из-за соответствующей политики ЦК), усилил свое «значение в ней» и «начинает частично овладевать ею».

Между тем положение совершенно иное. Хотя, право вступления в члены кооперативных организаций в деревне имеет каждый крестьянин, но политика партии все время направлялась на то, чтобы усилить значение в кооперации середняцких и особенно бедняцких слоев деревни.

В *каждом* постановлении *каждого* партийного с'езда и партийной конференции и ЦК, в *каждой* резолюции С'езда Советов, эта директива неуклонно подчеркивается, и *каждый раз* даются *практические* указания, *как* ее исполнить.

Достаточно привести, например, четкое указание резолюции пленума ЦК ВКП(б) от 6—9 апреля 1926 года. В этой резолюции «пленум обязывает всех членов партии сосредоточить внимание на проведении в жизнь указанных решений партии, имея в виду особенно следующие задачи:

1) вовлечение в кооперативное строительство действительно широких масс крестьянства;

2) полное обеспечение в самой кооперации интересов середняцко-бедняцкой массы крестьянства и борьбы с попытками использования кооперации кулацкими элементами».

Вопросам работы среди бедноты посвящались специальные постановления ЦК. В этих постановлениях точно так же неизменно подчеркивалась вся важность борьбы против какого бы то ни было использования кооперации кулацкими элементами.

Если бы авторы заявления 15-ти познакомились с этими постановлениями и директивами, то поняли бы, что задача кооперирования середняцких и бедняцких крестьянских масс и борьбы с кулацким влиянием в кооперации все время является *основной* задачей, которую перед собой ставила и ставит партия.

Однако, в заявлении приводятся и свои конкретные методы *как* повернуть оборотившуюся к кулаку лицом кооперацию на путь социалистического строительства. Эти конкретные указания особенно характерны.

...«То же относится и к кооперации. Для того, чтобы она сделалась формой социалистического строительства, нужно участие в ней государственного капитала, нужна теснейшая связь ее с государственным хозяйством»...

Таким образом, оказывается, рецепт весьма прост: раскооперировать кооперацию, влить государственный капитал в нее—и задача решена.

Между тем, несколькими строками ниже авторы того же заявления пишут:

...«Помощь, которую государство оказывает кооперации, частью имеет характер благотворительности, главным же образом—*ссуд* мелкому производителю под известную гарантию со стороны кооперативного об'единения этих мелких производителей. Кооперативное об'единение при таких условиях является не зачатком *об'единенного коллективно-государственного крупного хозяйства* [1]), а аппаратом распределения ссуд и обществом поручителей перед государством за выполнение, принятых по ссуде обязательств».

Так—плохо, и этак—нехорошо!

Трудное положение 15-ти, и им нельзя не посочувствовать. Надо окритиковать во что бы то ни стало *всю* деятельность ЦК партии, и в то же время ни материалов для этого, ни аргументов нехватает.

С одной стороны, совершенно неверное предложение об участии государственного капитала в кооперации, так как задача наша заключается прежде всего в пробуждении активности, сознательности, самодеятельности широких слоев крестьянства.

Владимир Ильич неоднократно боролся с таким подходом к задаче кооперирования крестьянства.

«Собственно говоря, нам осталось «*только*» одно: сделать наше население настолько цивилизованным, чтобы оно поняло все выгóды от поголовного участия в кооперации и наладило это участие. «*Только*»—это. Никакие другие премудрости нам не нужны теперь для того, чтобы перейти к социализму. Но для того, чтобы совершить это «*только*», нужен целый переворот, целая полоса *культурного* развития народной массы» (В. И. Ленин, т. XVIII, ч. 2, стр. 141—142 «О кооперации»).

Другая мысль В. И. Ленина еще более четко подчеркивает, как важно строить кооперацию так, чтобы это было доступно *каждому* крестьянину.

«Одно дело фантазировать насчет всяких рабочих об'единений для построения социализма, другое дело научиться практически строить этот социализм так, чтобы *всякий* мелкий крестьянин мог участвовать в этом построении» (том XVIII, ч. 2, стр. 140 «О кооперации»).

А фантазии у авторов заявления 15-ти хоть отбавляй.

На ряду с участием государственного капитала в кооперации, на ряду с попутным пренебрежительным кивком в сторону помощи государства, оказываемой теперь,—это, дескать—«благотворительность»,—совершенно не считаясь с теми реальными ресурсами, которые у государства имеются, авторы прохаживаются насчет кредитных товариществ, указывая, что «кооперативное об'единение при таких условиях является не зачатком *об'единенного коллективно-государственного крупного хозяйства* (курсив мой. *М. Ш.*), а аппаратом распределения ссуд и обществом поручителей перед государством за выполнение принятых по ссуде обязательств».

Таким образом, совершенно не учитывая реальных возможностей, авторы заявления 15-ти предлагают сразу от бедняцких

---

[1]) Курсив мой. *М. Ш.*

распыленных хозяйств перейти на «об'единенное коллективно-государственное».

Как прекрасно предвидел этакие опыты Владимир Ильич:

«Одно дело фантазировать... другое дело научиться практически строить»...

Авторы заявления 15-ти совершенно игнорируют эти задачи по кооперированию крестьянства. Далее фантазия их растет, утопические проекты расширяются:

«Повернуть земледелие на социалистический путь, использовать в этом направлении национализацию земли государство может в том случае, если оно сосредоточит достаточно мощные фонды для создания общественного производства на общественной земле» (из заявления 15-ти от 27 июня, стр. 35).

Таким образом, оказывается, повернуть земледелие на социалистический путь возможно только, если сосредоточить «достаточно мощные фонды» земли «для создания общественного производства на общественной земле».

Ну, уж извините! Такой пересмотр всех ленинских взглядов, такой подход к труднейшей задаче работы в деревне вам партия не позволит. Распыленное многомиллионное крестьянство направить на путь построения социализма возможно именно через развитие кооперативной самодеятельности *самого* крестьянства и именно посредством кооперирования прежде всего производственных и сбыто-снабженческих процессов самого крестьянского хозяйства.

В этом, именно в этом—задача, а совсем не в насаждении искусственных «об'единений коллективно-государственных крупных хозяйств» на выделенных для этого «достаточно мощных фондах» национализированной земли.

Ваш пересмотр шит белыми нитками, ибо совершенно ясно, к какому результату привел бы партию подобный опыт.

Пройдясь иронически насчет «помощи, которую государство оказывает кооперации» в виде «ссуд мелкому производителю под известную гарантию со стороны кооперативного об'единения этих мелких производителей»—авторы заявления 15-ти указывают, что

«при таких условиях эти кооперативные об'единения идут по пути кредитования по преимуществу наиболее «крепких» своих членов, гарантирующих возврат ссуд, бедняков же кредитуют только под давлением сверху или за счет средств так называемого «бедняцкого фонда».

Ни цифровых данных, никаких аргументов в защиту такого голословного обвинения, конечно, опять не приводится.

Верь на слово—кредитуют «крепких», т.-е. попросту жуликов, а бедняков—«*только* под давлением сверху» или за счет средств *так называемого* «бедняцкого фонда». Сколько яда в этих «*только под давлением сверху*», или в этом «*так называемом*» бедняцком фонде!

Между тем факты таковы. Удельный вес бедняцкой группы в составе заемщиков с.-х. кредитных товариществ в общем уже почти соответствует удельному весу этой группы в составе членов товариществ.

По РСФСР на 1/X—26 г. (по данным 3.652 товариществ, по которым имеются сведения), в процентах хозяйств:

Группы хозяйств.	Среди всех хозяйств	Среди членов товариществ	Среди заемщиков	Процент в общей сумме выданных ссуд
Беспосевные и с посевом до 2-х десятин . . .	36,6	31,4	31,1	28,6
Безлошадные	30,4	21,6	19,7	20,8
Бескоровные	17,9	12,3	12,0	12,7

Из этих данных видно, что бедняцкие слои пока еще недокооперированы—это верно, это об'ясняется и большей активностью середняцких слоев и большими для бедняцких хозяйств трудностями по внесению паев и, наконец, недостаточно еще проявленной активностью местных органов, слишком часто отвлекаемых от своей работы «перманентными» нападками оппозиции. Но из этих же данных ясно, что кредитование бедняцких слоев нисколько не отстает от их удельного веса в с.-хоз. кредитных товариществах.

Такова же, примерно, картина по Украине:

На 1/X—26 г. в процентах:

Группы хозяйств.	Среди членов товарищества	В общей сумме ссуд
Незаможные	52,6	47,9
Середняки	42,7	48,8
Заможные и прочие . .	4,7	3,3
	100,0	100,0

Критерием к отнесению хозяйств к той или иной группе является группировка ЦСУ по посевной площади. Таким образом, и украинские цифры опровергают голословное обвинение заявления 15-ти.

По БССР на 1/X—26 г. данные таковы (в процентах):

Группы хозяйств.	Среди всех хозяйств республики	Среди членов товариществ	Среди заемщиков	В общей сумме ссуд
Беспосевные и с посевом до 2-х десятин	21,1	22,9	26,4	27,8
Безлошадные	12,6	22,5	26,0	29,6
Бескоровные	4,4	10,3	10,9	11,7

По Белоруссии эти данные не только опровергают голословные утверждения 15-ти о преимущественном кредитовании «крепких» хозяйств, но и доказывают, наоборот, что постепенно задача преимущественного направления с.-хоз. кредита в бедняцкие группы крестьянства начинает все лучше и лучше осуществляться на местах.

Неправильно совершенно и утверждение, что государство организовало выдачу ссуд *только* мелкому производителю.

На ряду с значительными суммами, которые по системе с.-х. кредита идут на кредитование отдельных крестьянских (преимущественно бедняцких и середняцких) хозяйств, не менее значительные суммы направляются и на кредитование социалистического сектора сельского хозяйства.

Сюда относится в первую очередь кредитование колхозов, совхозов, сюда же следует отнести и кредитование других производственных кооперативных предприятий, а также ККОВ.

Из всей суммы ссуд, выданных системой с.-хоз. кредита (примерно, 400 милл. рублей на 1-е октября 1926 года) около 95 милл. рублей пошло на эти нужды социалистического сектора сельского хозяйства, около 140 миллионов рублей пошло на организацию мелкого производственного кредита, около 100 миллионов рублей на финансирование снабжения сельского хозяйства с.-х. машинами, тракторами, семенами и т. п., около 65 миллонов рублей на финансирование кооперативного сбыта с.-хоз. продукции и с.-хоз. сырья.

Конечно, нельзя отнюдь считать, что все задачи разрешены, что с кредитованием бедняцких и середняцких слоев крестьянства уже повсюду обстоит вполне благополучно, что средств, направляемых по системе с.-хоз. кредита в социалистический сектор хозяйства, достаточно и т. п.

Наоборот, партия в лице с'езда, конференции и ЦК постоянно, *в каждом* постановлении о работе в деревне, о задачах по сельскому хозяйству неуклонно *каждый раз* подчеркивает необходимость усилить внимание к этим задачам, усилить наблюдение за их практическим осуществлением на местах.

Но отсюда очень и очень далеко до голословных, неверных и не подтверждаемых фактами заявлений оппозиционных группировочек.

Переходим к выводам.

Выводы заявления 15-ти ясны уже из разобранных ее критических замечаний.

Прежде всего в этих выводах говорится: «необходимо реально приступить к организации крупных государственных хозяйств»...

Партия, очевидно, по их мнению, нереально руководила до сих пор развитием строительства совхозов, семхозов, племхозов, сахарных плантаций и т. п.

Или об этом строительстве у авторов заявления 15-ти тоже нет материалов?

Далее:

«Усилить организацию коллективных хозяйств, обязательно с участием государственного капитала и обеспечением за последним достаточного влияния»...

Первые четыре слова правильны. Усилить организацию колхозов надо, и на это имеется целый ряд директив ЦК, но остальное—от лукавого.

В каждом колхозе участие государственного капитала невозможно. На это нет средств, и сейчас так ставить вопрос нельзя. Сейчас надо регулировать развитие колхозов, наблюдать за их деятельностью и помогать их развитию материальными средствами путем кредита, так как больших средств в такое дело государство выделить не в состоянии и так как иначе теми небольшими средствами, которые может выделить на это государство, невозможно обслужить все коллективные хозяйства.

Далее:

«На тех же государственно-кооперативных началах должен быть построен и сельскохозяйственный кредит».

Это правильно. Именно так и организована система сельскохозяйственного кредита, таковы директивы и XIV партконференции и ЦК партии: верхние звенья системы с.-х. кредита являются государственными или смешанными с участием кооперативных паев (общества с.-х. кредита), а низовая сеть—чисто кооперативная, основанная на кооперативной самодеятельности широких крестьянских (прежде всего бедняцких и середняцких) масс.

— Оно так, да не так,—возражает заявление 15-ти.—Нам такое построение не нравится, и нам XIV партконференция не указ. Государственно-кооперативный характер системы с.-хоз. кредита должен быть иным, а именно:

«Государство не может и не должно ограничиваться ролью кредитора низовых кредитных товариществ. Оно должно стать участником этих обществ, так чтобы работы их проходили под постоянным контролем и руководством государства».

Вот с этим выводом уж никак согласиться нельзя.

Доводить участие государства в деятельности кредитной кооперации до участия в самом товариществе—это значит стремиться к огосударствлению кооперации и тем самым мешать развитию самодеятельности самих крестьянских масс.

Владимир Ильич в своей статье «О кооперации» писал:

...«Поэтому, нашим правилом должно быть: как можно меньше мудрствования и как можно меньше выкрутас». И далее:

...«Нэп в этом отношении представляет из себя в том отношении прогресс, что он приноравливается к уровню самого обыкновенного крестьянина, что он не требует от него ничего высшего».

...«Но, чтобы достигнуть через нэп участия в кооперации поголовно всего населения,—вот для того требуется целая историческая эпоха» (Ленин, т. XVIII, ч. 2, стр. 142 «О кооперации»).

Поменьше выкрутас, дорогие товарищи!

Поменьше мудрствования!

Партии ни для чего не надо каждый день по всем вопросам снова искать новых путей.

Партии ни для чего не нужно пересматривать свои решения.

Но дальше в выводах заявления 15-ти еще больше выкрутас.

Ничего не поделаешь, придется и на них хоть немного остановиться—ведь для того это заявление и написано, чтобы подискуссировать.

Итак цитируем дальше:

«Особое внимание должно быть обращено на организацию кредита натурой (хлебом, в неурожайные годы, семенами и т. п.), который разумеется, не должен вырождаться в про-

стую благотворительность. Об'единяя бедноту и середняцкие слои деревни на почве борьбы с кулацкой кабалой эти организации должны вместе с тем путем ряда внимательно продуманных мер подготовить своих членов к переходу на государственно-кооперативную организацию хозяйства, в частности, содействовать путем кредита организации предприятий (мельниц, крупорушек и т. п.), принадлежащих уже не отдельным хозяйствам, а кооперативным об'единениям в целом».

Как прекрасно сшито!
Сверху—пиджак, снизу—фрак, а последние—зипун.

Тут и организация кредита натурой (самая неудачная форма кредита именно для бедняцких хозяйств), тут и предупреждение, что кредит «не должен вырождаться в простую благотворительность», тут и совершенно правильная мысль (кстати сказать, проводимая в жизнь и без совета 15-ти) о содействии путем кредита «организации предприятий (мельниц, крупорушек и т. п.), принадлежащих уже не отдельным хозяйствам, а кооперативным об'единениям в целом», тут, наконец, и совершенно не ленинская постановка задачи «подготовки своих членов к переходу на государственно-кооперативную организацию хозяйства».

Мешанина такая, что трудно даже разобраться во всем этом.

Семенные фонды, как известно, постепенно накапливаются в руках государства, натуральный кредит в форме отпуска в кредит семян и с.-хоз. машин также имеет место. Очевидно, авторы заявления 15-ти просто не в курсе дела или же хотят сущее выдать за предлагаемое ими.

Так же и с кооперативными предприятиями. Да поезжайте вы в деревню что ли! Посмотрите-ка на местах, как идет кооперативное строительство, как строятся и мельницы, и крупорушки, и прокатные пункты, и маслозаводы, и заводы первичной переработки льна на кооперативных началах, и кооперативные беконные фабрики, и сушилки для коконов в Средней Азии и Закавказье, даже арыки и мелиоративные сооружения строятся на кооперативных началах.

В чем же дело? Неужели же трудно со всем этим *сначала* познакомиться, а уж *потом* писать заявления о неправильной, недальновидной политике ЦК партии?

В то же время—зачем навязывать партии рецепт полного огосударствления с.-х. и кредитной кооперации? Зачем это нужно? Нужна ли такая работа партии? В интересах ли это рабочего класса в такой ответственный и сложный политический момент?

> «Как можно меньше мудрствования и как можно меньше выкрутас».

Право же переход всего Волоколамского уезда на многополье дает делу вовлечения крестьянского хозяйства в социалистическое строительство гораздо больше, чем может дать какая бы то ни было «перманентная» дискуссия.

Партия не нуждается в такой рецептуре, каковой наполнено заявление 15-ти.

Партия нуждается сейчас в осуществлении уже намеченной программы, в практической для этого повседневной работе каждого члена партии в целях продолжения сложной и трудной борьбы за социалистическое строительство.

Я. Яковлев.

Итоги развития аренды в сельском хозяйстве и задачи нашей экономполитики.

Изучение арендных отношений позволяет выделить ряд особенностей, характеризующих эти отношения и итоги развития аренды к 1926 году.

По сравнению с довоенным типом арендных отношений отмечаются *крупнейшие не только количественные изменения* (весьма значительное уменьшение размеров арендного фонда), *но и качественные. Основной тип дореволюционной аренды — землю сдает в аренду помещичье хозяйство и отчасти кулацкое*, при все более развивающейся субаренде,—*таковой тип аренды в настоящее время исчез целиком*. В то же время развивавшаяся до революции сдача земли в аренду *бедняками и частью середняками*, не имевшими необходимых средств производства, в настоящее время *является основным типом арендных отношений*, вследствие недостатка или отсутствия у маломощных слоев деревни средств производства. *Соответственно этому, если раньше арендные отношения рассматривались нами преимущественно с точки зрения эксплоатации собственником земли арендатора, то теперь их приходится рассматривать, прежде всего, с точки зрения эксплоатации арендатором сдатчика земли.*

Общие размеры арендного фонда уменьшились в итоге революции примерно в три раза. Помещичьи земли, которые составляли значительную часть арендного фонда до революции, ныне в подавляющей своей части перешли в трудовое пользование крестьян. Вместе с этим, согласно исчислению Гуревича на основании украинских данных, и внутрикрестьянская аренда (на Украине) сократилась примерно на одну треть.

Из сравнения процента хозяйств, арендовавших землю до революции, с процентом хозяйств, арендующих землю в 1926 г., также явствует, что доля хозяйств, прибегающих к аренде земли, сократилась в результате революции (к 1926 году) *в 2, 3, 4, 5 раз* (в зависимости от районов). Таковы основные количественные изменения, характеризующие арендные отношения в итоге девяти лет революции. Но еще более существенны качественные изменения. В результате капиталистического развития деревни мы имели до революции все растущую концентрацию арендной земли в руках кулацких элементов деревни. Размер этой концентрации и ее действительное классовое значение неоднократно выяснялись в работах Владимира Ильича. Каково положение теперь, в итоге революции как за военный период, так и за период нэпа? В настоящее время значительное, а в ряде районов и огромное большинство арендаторов принадлежит к *середняцким слоям*

деревни, при чем в руках середняков концентрируется основная часть арендуемой земли.

По данным нашего специального обследования, охватившего более ста тысяч хозяйств, в 1926 г. на долю середняков приходится 67,0% всех хозяйств, арендующих землю,—у них 65,5% всего арендного фонда; на долю бедняков приходится 19,9% арендующих хозяйств—у них 9,0% арендного фонда; на долю кулацких и эксплоататорских хозяйств приходится 13,1% всех арендующих хозяйств—у них 35,0% всего арендного фонда.

По данным ЦСУ, мы не можем ответить на вопрос о распределении арендного фонда и арендаторов между социальными группами, но можем охарактеризовать распределение арендного фонда между мало-, средне- и крупнопосевными хозяйствами. Согласно этим данным (отнесение хозяйств к мало-, средне- и крупнопосевным мы производим, на основании признаков, установленных нами в анализе хлебофуражного баланса [1]), из всей массы арендующих хозяйств на долю малопосевных приходится в потребляющих полосе—42,7%; в производящей полосе—10,1%; на Северном Кавказе—21,0%; на долю среднепосевных в потребляющей полосе приходится 52,6%; в производящей полосе—71,2%; на Северном Кавказе—60,8%; на долю крупнопосевных в потребляющей полосе приходится 4,7%; в производящей полосе—18,7%, на Северном Кавказе—18,2%.

Само собой разумеется, как это мы подчеркивали выше, *на кулацкие хозяйства приходится большая доля арендного фонда, чем их доля в общей массе арендаторов и наоборот: на малопосевные хозяйства приходится значительно меньшая доля арендного фонда, чем их доля в общей массе арендаторов. При этом—что чрезвычайно существенно—на середняков приходится примерно та часть арендного фонда, которая соответствует их доле в общей массе арендаторов.*

Каковы основные выводы отсюда? Поскольку мы оцениваем это явление с точки зрения учета результатов всей аграрной революции, то мы в нем находим новое подтверждение центральной роли середняка в нашей деревне. С точки зрения учета последствий нашего законодательства в области аренды, мы видим полное подтверждение того, что партия указывала еще два года назад: в наших условиях *расширение аренды пошло в основном на пользу середняку.* В то же время совершенно несомненно, что расширение аренды сыграло очень большую роль в последние два года в освоении незасеянных до этих лет земельных угодий. Это явствует из того, что около 1/5 части, одной четверти, а в некоторых районах и больше, прироста посевной площади за последние два года идет за счет прироста арендного фонда. В связанном с общим ростом посевной площади уменьшении доли без- и малопосевных хозяйств, несомненно, играет роль развитие арендных отношений (это находит свое отражение в участии без- и малопосевных групп в аренде земли).

Этот вывод становится особо важным при его сопоставлении с фактом несомненного роста к 1926 году размеров арендного фонда. О размерах и темпе роста арендного фонда за последние два года мы можем судить по тому, что посевная площадь

[1] См. книжку Я. Яковлев—«Об ошибках хлебофур. баланса и его истолков.».

на арендованной земле на каждые сто хозяйств выросла в 1925 г. по сравнению с 1924 г. по Северо-Западному району на 168,5%, а в 1926 г. по сравнению с 1925 г.—на 20,7%; в Центрально-Земледельческом районе: в 1925 г. по сравнению с 1924 г. выросла на 20,0%, а в 1926 г. по сравнению с 1925 г.—на 76,2%; в Волжском районе: в 1925 г. по сравнению с 1924 г.—на 30,8%, а в 1926 г. по сравнению с 1925 г.—на 142,0%; по Северному Кавказу: в 1925 г. по сравнению с 1924 г.—на 30,2%, а в 1926 г. по сравнению с 1925 г.—на 96,5%; по Сибири: в 1925 г. по сравнению с 1924 г.—на 37,6%, а в 1926 г. по сравнению с 1925 г.—на 127,6%. (Здесь темп роста посевов на арендованной земле показан в несколько преувеличенных размерах, а в некоторых районах—в значительно преувеличенных размерах, поскольку несомненно, что в 1924 и 25 гг. аренда, находившаяся в полуподполье, не могла быть полностью учтена органами ЦСУ. Таким образом, мы, к сожалению, не можем пользоваться этими данными в качестве точной характеристики темпа развития, поскольку мы не можем разделить роста, относящегося к улучшению учета, от роста, вызванного действительным развитием арендных отношений. Все же, даже если внести известную поправку на точность учета, из этих данных с полной ясностью вытекает рост арендного фонда в связи с общим развитием товарных отношений в деревне, а, в частности, как мы увидим ниже, в связи с известным развитием капиталистических элементов в деревне).

Наличие среди арендаторов значительной массы середняцких и отчасти бедняцких хозяйств во всех районах заставляет с полной четкостью поставить вопрос *о совершенной несерьезности и необоснованности отнесения всех явлений аренды в наших условиях к явлениям роста капиталистических тенденций в деревне. Аренда является показателем капиталистического развития лишь там, где она входит составной частью в образование эксплоататорского типа хозяйств, т.-е. сочетается с наймом рабочей силы, наличием подсобных предприятий и значительными средствами производства, превышающими уровень средних хозяйств. В этом случае аренда носит капиталистический характер даже при небольших размерах ее. Всякая же попытка отнесения аренды к явлениям капиталистического порядка, где в качестве арендаторов выступают хозяйства бедняцкие и середняцкие и где аренда вызывается в значительной степени неземлеустроенностью территории, особенностями уравнительного распределения земли* (несоответствием между наличными средствами производства, рабочими руками и земельным наделом), наличием целого ряда остатков докапиталистических отношений в деревне, одним из выражений которых является дальноземелье, длинноземелье, чересполосица, пестрополосица,—*должна быть признана, как не подтверждающаяся имеющимися материалами, необоснованная и решительно отвергнута.*

Конечно, такая общая характеристика итогов развития арендных отношений совершенно не достаточна для характеристики динамики арендных отношений. Так же, как и в области найма, мы при анализе арендных отношений должны дать не только фотографию арендных отношений, но и их динамику. Анализ динамики арендных отношений устанавливает, *что последний год дает почти по всем районам несомненную концентрацию арендного*

фонда в руках кулацких элементов, сочетающих аренду земли с наймом рабочей силы. Арендуемая земля при этом составляет в высших группах крестьянства весьма значительную часть их землепользования. Рост концентрации аренды в руках крупнопосевных хозяйств характеризуется следующими данными: крупнопосевные хозяйства составляли в общей массе арендаторов по потребляющей полосе в 1925 г. 3,6% и арендовали 7,0% всего арендного фонда; в 1926 г. они составляют 4,7% всех арендующих и арендуют 9,8% всего арендного фонда; по производящей полосе в 1925 г. крупнопосевные хозяйства составляли 15,8% всех арендующих, концентрируя в своих руках 39,6% всего арендного фонда, а в 1926 г. они уже составляют 18,7% всех арендующих хозяйств и концентрируют в своих руках 48,7% всего арендного фонда.

Этих данных достаточно для того, чтобы со всей ясностью подчеркнуть: на фоне того, *что середняк остается основным арендатором земли и концентрирует в своих руках основную часть арендного фонда, в то же время растет значение и вес массы арендаторов и доля арендного фонда, приходящегося на крупнопосевные хозяйства* (мы здесь относим к крупнопосевным хозяйства, в основной своей массе эксплоататорские).

Совершенно очевидно, что это явление должно быть точно и об'ективно оценено как с его социально-экономической, так и с политической стороны.

Для оценки темпа роста капиталистической аренды мы, к сожалению, не имеем возможности воспользоваться данными ЦСУ за ряд лет в виду их неполной сравнимости. Косвенным показателем этого темпа может послужить темп перехода от одногодичной аренды к долгосрочной аренде. Все данные, имеющиеся в нашем распоряжении, свидетельствуют *об относительно медленном переходе от одногодичной аренды к долгосрочной.* Несмотря на то, что специальным постановлением правительства были облегчены и расширены возможности долгосрочной аренды, одногодичная аренда продолжает и в 1926 г. занимать преобладающее место.

По данным обследования РКИ, из всей сданной земли—89,3% по РСФСР; 78,3% по УССР и 76,6% по Закавказью сданы на один год; остальная же сдана на срок в 2—3 года преимущественно, и лишь очень незначительная часть—на срок свыше трех лет. Относительно того, как изменяется соотношение между одногодичной арендой и долгосрочной, мы имеем лишь отрывочные данные, показывающие, что рост долгосрочной аренды происходит относительно медленно. По Украине, по данным украинского ЦСУ, процент показаний об одногодичной аренде пашни уменьшился с 1925 на 1926 г. с 83,1 до 76,9. По данным обследования РКИ, по Кунгурскому округу из всей сданной в аренду земли было сдано на один год в 1925 г. 51,8%, в 1926 г. 45,8%; по Ленинградской губернии то же явление происходит в весьма своеобразной форме, связанной, по всей вероятности, с значительным отходом ленинградского крестьянства в город,—на ряду с экономическим под'емом части бедняцких хозяйств процент пашни, сданной на один год, даже вырос с 1924 на 1926 г. с 45,1% в 1924 г. до 48,9% в 1926 г.; зато выросла доля пашни, сданной на срок 6 и более лет: на срок 6 и более лет, а также без срока было сдано в 1924 г. 11,8% всей пашни, в 1926 г.—22,3% всей сданной в аренду пашни. Этот рост доли пашни,

сданной на 6 и более лет, произошел преимущественно за счет превращения двух- и трехгодичной аренды в аренду более долгосрочную: на 2—3 года сдавалось в 1924 г. 42,7% всей пашни, в 1926 г.—19,0% всей пашни.

Относительная медленность вытеснения одногодичной аренды многолетней связана с тем, что:

1) *основную массу сдающих земли хозяйств составляет беднота, рассчитывающая на возможность перехода к самостоятельному ведению хозяйства в дальнейшем или страхующая себя от возможной безработицы при уходе на заработки в качестве наемных рабочих;*

2) *сдача земли в аренду на длительный срок невыгодна сдатчику в условиях непрерывного роста арендных цен,* а с'емщикам при наличии частых переделов в силу отсутствия реальной возможности длительно воспользоваться теми улучшениями, которые они произведут на арендуемой земле;

3) *рост долгосрочной аренды происходит преимущественно в районах значительного отхода на заработки и об'ясняется развивающейся индустриализацией страны,* обусловливающей окончательный отрыв от земли части уходящих из деревни наемных рабочих.

Для правильной оценки арендных отношений обратимся еще к характеристике хозяйств, сдающих землю в аренду.

По данным нашего обследования, подавляющая масса—83,6%—всех обследованных сдатчиков принадлежит к бедняцким хозяйствам; на долю середняков приходится 15% всех сдатчиков и на долю эксплоататорских хозяйств—1,4%. Примерно в таком же соотношении эти классовые группировки участвуют в создании арендного фонда.

Эксплоататорские хозяйства, по данным РКИ, и крупнопосевные хозяйства, по данным ЦСУ, занимают совершенно ничтожное место в образовании арендного фонда. Это свидетельствует о том, что развитие капиталистических отношений в современной деревне путем развития явно-капиталистических типов аренды (сдача земли в аренду богатым крестьянином в целях прямого и непосредственного извлечения прибыли) *почти не имеет места.*

Существенно также отметить, что рост аренды земли, в связи с *общим ростом товарных отношений в деревне*, сопровождается непрерывным *ростом денежной формы аренды* с одновременным *вытеснением форм натуральных*, отработочных и смешанных, *являющихся особенно кабальными для сдатчиков*, а также неуклонным ростом в последние годы арендных цен.

Вместе с тем особо приходится отметить некоторые извращения в области арендной практики, требующие немедленного и решительного устранения. Наиболее существенны здесь следующие моменты:

1) наличие по ряду районов отдельных случаев *субаренды, используемой для кабальной эксплоатации бедноты и даже фактов скрытой купли и продажи земли* (в Азербайджане и др.), несмотря на категорическое запрещение законом как того, так и другого;

2) *сельхозналог уплачивается в преобладающем большинстве случаев сдатчиком*, что равносильно или перенесению налоговых

тягот на бедняков или сокрытию арендного фонда от *обложения*, в особенности это имеет место при незарегистрированной аренде;

3) в связи с практикующейся системой сдачи в аренду госземимуществ с торгов, значительная часть их *попадает в руки более мощных слоев деревни в порядке долгосрочной аренды и используется ими в ряде случаев для субаренды*;

4) регистрация земельной аренды в преобладающем большинстве случаев поставлена крайне неудовлетворительно или находится в некоторых районах в зачаточном состоянии, что об'ясняется *недостатком указаний и наблюдения за выполнением законов об аренде со стороны партийных, советских и, в частности, земельных органов*, недочетами закона и отсутствием работы в этом направлении со стороны общественных организаций деревни. Одновременно крайне недостаточна разработка и проведение системы мероприятий со стороны советских органов, в особенности земельных, по регулированию арендных отношений.

Эти извращения в нашей практике приходится подчеркнуть тем решительнее, что они относительно легко устранимы. *Особо недопустимым представляется роль государственных земельных имуществ в формировании кулацких элементов деревни.* Несмотря на неоднократные постановления Политбюро ЦК, передача в трудовое пользование тех государственных земельных имуществ, которые не выполняют полезной государственной функции, *идет недостаточно энергично*. Ряд земельных органов и исполкомов цепляется за эти госземимущества, сдаваемые в аренду богатым крестьянам, как за источник добавочного дохода, и таким образом *из-за рубля дохода мы в ряде случаев теряем неоценимый в рублях капитал—доверие со стороны бедняцкой и середняцкой массы*.

Каковы же основные выводы Рабкрина из этого анализа арендных отношений? *Поскольку сдатчиком земли является в огромной мере бедняк, поскольку на фоне значительного процесса под'ема бедняцкой массы сдача земли в аренду бедняками явно рассматривается, как временная мера*, могущая облегчить создание ресурсов для перехода в дальнейшем к самостоятельному ведению хозяйства,—*центр тяжести вопроса переносится в организацию бедняка—сдатчика земли*.

Имеющийся у нас в распоряжении ряд показаний из обследований местных органов РКИ *обнаруживает*, что в ряде случаев сдача бедняком части земли в аренду уже являлась в минувшие два—три года *для бедняка источником накопления некоторых ресурсов, необходимых в дальнейшем для перехода к ведению самостоятельного хозяйства*.

Необходимо перед всей партией поставить вопрос о том, чтобы *сдатчиков земли—бедняков организовать в момент заключения сделок аренды и сдачи земли для обеспечения им наилучших возможных условий договора*. Такая работа могла бы концентрироваться вокруг ККОВ. Поэтому необходимо ЦК ККОВ немедленно разработать мероприятия, обеспечивающие возможность повсеместного созыва бедняков—сдатчиков земли, одновременно обеспечивая участие ККОВ в наблюдении *за проведением предусмотренных законом и договорами прав сдатчика*. Это тем более существенно, что при растущем значении в аренде *более мощных слоев деревни*, здесь в значительной мере *бедняки будут противопоставляться кулакам*. Никаких общих норм отсюда не выпишешь. Как здесь *бедняку сговориться с середняком*, обеспечивая бедняку наилучшие реальные возможные условия, предоставляющие ему возможность действительного создания ресурсов, необходимых для дальнейшего перехода к самостоятельному ведению хозяйства; *как при этом укрепить блок бедняка и середняка против кулака, должна показать местная практика*. Во всяком случае очевидно, что уже в данную осень, а тем более в следующую весну *мы должны суметь* самый момент заключения сделок по сдаче в аренду земли использовать, как исходный момент *для большой организационной и политической работы среди бедняков*. На ряду с этим необходимо устранить выявившиеся в практике нарушения законов и партийных директив. В частности, необходимо:

1) *Обеспечить повсеместное проведение регистрации земельной аренды не позже, чем в течение 1927 и 28 гг.*

2) Обеспечить *отказ в регистрации* не только договоров, *по форме противоречащих закону*, но и договоров, являющихся по существу *кабальными для более слабой стороны*.

3) Обеспечить применение в каждом отдельном случае обнаружения *субаренды или купли-продажи земли* (под видом долгосрочной аренды, продажи построек или в ином скрытом виде) *предусмотренного законом наказания виновных в этих преступлениях*.

4) Местным советским органам проследить за уплатой сельскохозяйственного налога арендаторами с тем, чтобы исключить возможность *перенесения тяжести налогового обложения на сдатчиков земли или скрытия арендованной земли от обложения*.

5) Предложить исполкомам, земорганам, прокуратуре и судебным органам неуклонно по принадлежности привлекать к *судебной ответственности лиц, виновных в аренде земли на кабальных условиях*.

6) Усилить ассигнования со стороны государства на землеустроительные работы в районах дальноземелья, длинноземелья, чересполосицы и т. п., обусловливающих аренду земли бедняцкими хозяйствами на кабальных условиях.

7) Предложить наркомземам союзных республик в течение полевого периода 1927 г. *полностью закончить передачу в трудовое пользование всего предназначенного, согласно постановлению ЦК от 17/VI—26 г., для этой цели фонда* как из состава госземимуществ, так и из лесфонда, в максимальной степени упростив технику этой передачи. *Разработать такой порядок сдачи государственных земельных имуществ, который обеспечил бы возможность преимущественного получения их в аренду бедняцкими и середняцкими элементами деревни*.

Последнее замечание. Картина арендных отношений неодноцветна. Мы наблюдаем ряд противоречивых тенденций, борющихся друг с другом. *Середняк концентрирует основную массу арендного фонда, но растет и доля кулака. Бедняк использует сдачу земли в аренду для накопления своих ресурсов,—в ряде случаев он превращается только в источник добавочного дохода*

для кулака. Нужно усиленное воздействие на крестьянское хозяйство со стороны *всей системы органов, всей системы политики советской власти для того, чтобы в конечном счете тенденция капиталистического развития была преодолена*. Решающую роль—это явствует из каждого нашего обследования—будет играть неуклонное возрастание *государственной и кооперативной производственной помощи бедняку*. Бедняк, сдающий землю в аренду, будет находиться *в ближайшие годы на перепутье*. Перед ним во весь рост будет вставать вопрос о том,—итти ли *по линии превращения в пролетария*, пополнив и так безмерно огромную резервную армию безработных, *или через кооперирование, при государственной помощи, подняться на сельскохозяйственной основе*.

Гвоздь нашей политики в том, чтобы организованно оказывать содействие победе второго пути. Решая с каждым годом все с бо́льшим охватом, с бо́льшей силой и глубиной коренной вопрос кооперирования и производственной помощи бедноте, мы попутно решим и вопрос предотвращения развития аренды в аренду капиталистического типа.

Г. Смолянский.

Политика „дальнего прицела" и англо-русский комитет.

Целый ряд стихийных революционных выступлений рабочего класса в настоящем году—восстание венского пролетариата, огромная волна активного протеста против казни Сакко и Ванцетти—выступлений, в которых принимали участие самые широкие рабочие массы, в том числе члены социал-демократических партий и реформистских профсоюзов, поставили снова во всей остроте вопрос о дальнейшей борьбе за реформистских рабочих. С другой стороны, этому способствует и открытый позорный крах амстердамской клики на парижском конгрессе Амстердамского Интернационала, которая сама себя разоблачила перед пролетарским общественным мнением своих организаций. Неожиданность самих выступлений показывает, насколько относительна стабилизация европейского капитализма. А тот факт, что выступления происходят помимо и против воли вождей социал-демократии подтверждает блестяще правильность линии единого фронта, взятой V конгрессом Коммунистического Интернационала и рассчитанной на дифференциацию между рабочей массой и реформистской верхушкой профсоюзов и социал-демократии. В связи с этим встает вопрос и о тех органах единого фронта, которые были созданы со времени V конгресса Коминтерна,—и в первую очередь, об англо-русском комитете единства.

Оппозиция в ВКП и Коминтерне выбрала англо-русский комитет одним из главных об'ектов своего обстрела. При этом пред'являются сугубые претензии на «дальность прицела». «Англо-русский комитет—центральная ось оппортунистического уклона ВКП и Коминтерна»,—заявляют вожди оппозиции. «Политика поддержки англо-русского комитета есть попытка «прислониться», «притулиться» к социал-демократии всерьез и надолго». «Кто этого не понимает, тот безнадежный оппортунист». Мы предостерегали, мы предостерегаем, мы будем предостерегать. Мы разоблачали, разоблачаем, мы будем разоблачать.

Когда в 1924 г. был создан англо-русский комитет, санкционированный и Коминтерном во главе с т. Зиновьевым, многие спрашивали себя не без тревоги: а не опасно ли будет для нас самих такое «приближение» к вражеским окопам? И не кто иной, как т. Зиновьев, в заседании президиума ИККИ (от 18 ноября 1924 г.) заявил: «Это только этап нашей борьбы, но никоим образом не начало гражданского мира... Из нашей армии должна одна колонна выйти вперед. Если вы боитесь, что эта колонна погибнет, тогда мы не сделаем этого шага. Каждая война есть опасность для войска. Мы полагаем, что не худший отряд выступает вперед. Мы можем быть уверены, что он выполнит свою задачу».

С другой стороны, и реформисты возлагали не мало надежд на АРК. «Англичане,—признается подручный Удегеста, меньшевик Шварц, в одном из последних номеров центрального органа А. Д. Г. Б. «Геверкшафтсцайтунг» (№ 24, от 11/VI—27 г.),—полагали с помощью англо-русского комитета повлиять на русских и подготовить их присоединение к Амстердамскому Интернационалу».

Со времени основания англо-русского комитета прошло больше чем два с половиной года. С тех пор много воды утекло. Одни (генсоветчики), столкнувшись с твердой революционной волей профсоюзов СССР, быстро отступают. Англо-русский комитет, благодаря беспрерывным предательствам и саботажу «левых» генсоветчиков, переживает глубочайший кризис. Другие—именно те, которые чрезмерно переоценивали англо-русский комитет,—столкнувшись с первыми трудностями, побежали в панике назад, завопили об «измене» и «перерождении» передового отряда. И как преступно было бы преуменьшать или замазывать предательства «левых» лидеров Генсовета, так неверно и клеветнически—прежде всего в отношении профсоюзов СССР—изображать историю англо-русского комитета только «с одной стороны», как историю предательств Генсовета, забывая о том *остром процессе дифференциации*, который идет в английском пролетариате, и о той огромной революционной работе, проделанной «выступившим вперед, отрядом», которая *немало способствовала этой дифференциации*. Именно такое «однобокое» изображение истории дает возможность распространению пораженческих демагогических легенд о «притуливании» к социал-демократии «всерьез и надолго». Между тем, опыт англо-русского комитета в свете стихийных выступлений последнего года получает особое значение. Вот почему таким настоятельным и актуальным сейчас является «разоблачение разоблачателей».

Обвинительный акт оппозиции.

Обвинительный акт, пред'являемый оппозицией ВКП и Коминтерну, длинный и суровый:

1) «Сохранение англо-русского комитета укрепляет политическую позицию Генсовета, который превращается из обвиняемого в обвинителя» (тезисы т. Троцкого на пленуме ИККИ).

2) «Сохранение англо-русского комитета ведет к смягчению нашей критики вождей Генсовета; ВЦСПС политически опускается со ступеньки на ступеньку» (там же).

3) Англо-русский комитет есть ось нашего отношения к социал-демократии, к реформизму. Политика поддержки АРК есть попытка «прислониться» к социал-демократии.

4) Прямой обман русских рабочих: «Русским рабочим говорили, что хотя Генсовет и «чуточку дерет», зато уж он наверняка поможет нам в случае войны». АРК в нынешнем его виде есть одно из орудий подготовляющейся войны. АРК в настоящей обстановке «дополняет» Лигу Наций.

5) Одним из признаков правого уклона является установка только на с.-д. рабочих и пренебрежение левыми—в лице анархистов и синдикалистов.

Наконец, для того, чтобы получить в «расшифрованном» виде то, что неудобно писать даже в рукописных изданиях на территории СССР, достаточно обратиться в «стол заграничных изданий» оппозиции, хотя бы в лейб-орган оппозиции «Die Fahne des Kommunismus», издаваемый исключенными ренегатами от коммунизма—Масловым и Урбансом. В статьях, посвященных майскому пленуму ИККИ и известному постановлению ЦК, эти господа пишут: «На берлинской конференции русские профсоюзы капитулировали перед агентами Чемберлена. Продолжать поддерживать этот комитет, значит *обманывать* рабочие массы» (№ 15). «Политика дипломатничанья, тайных переговоров, комбинаторского искусства, «личных отношений»—ни к чему другому не может привести, как к коррумпированию рабочего класса — как в Англии, так в СССР и других странах» (№ 16).

Этого достаточно. Посмотрим, насколько обоснована, серьезна, честна и последовательна критика оппозиции во всех этих вопросах.

Немножко истории.

В каких условиях зарождался англо-русский комитет? Какие были главные побудительные причины, вызвавшие его к жизни? Этот вопрос имеет громадное значение, так как для нас наиболее важным является выяснение того, есть ли нынешняя политическая и финансовая консолидация реформистских профсоюзов, выражение новых настроений широких рабочих масс в отношении СССР, или же она есть простое отражение стабилизации капитализма. Нет никакого сомнения, что главной движущей силой при создании АРК был огромный рост симпатий к СССР английского пролетариата. Это шло параллельно и вытекало из процесса радикализации английского рабочего движения. Не мало поработали над созданием АРК и советские профсоюзы. Но основным является могучая притягательная сила советской страны, что сразу было понято чувствительными левыми лидерами Генсовета в интересах своей «перестраховки». ИККИ в своем обращении к секциям писал в конце 1924 г.: «Русские союзы становятся *рычагом* для завоевания Амстердамского Интернационала. Уже первое эхо, которое нашел англо-русский комитет в Англии, Америке и Германии, показывает, что *одно простое его существование потрясает базис реформистской мощи в Амстердамском Интернационале*».

Почему это важно именно сейчас? Потому что степень популярности СССР определяет дальнейшую тактику по завоеванию реформистских рабочих масс. Англо-русский комитет, быть может, в недалеком будущем будет и сорван «левыми» генсоветчиками, *для которых он стал нестерпим*. Об этом говорит и наглая резолюция о 20 расстрелянных белогвардейских террористах, и позорное молчание во время англо-советского конфликта, и антисоветские выступления (Смита и др.) на конференции горняков, и все поведение Генерального совета. Но значит ли это, что мы должны отрицать историческую роль англо-русского комитета? Наоборот. Англо-русский комитет сделал огромное историческое дело. Ожесточенная борьба ВЦСПС за единство открыла глаза многим и многим английским (и не только английским) пролетариям. Идея подобных комитетов—по мере роста влияния СССР, роста уверенности рабочих масс в социалистическом строительстве СССР—будет завоевывать себе все больше позиций в западно-европейском пролетариате. Неслучайным является тот факт, что как раз

накануне венских событий лидерам австрийской социал-демократии пришлось открыть дикую кампанию против посылки второй австрийской рабочей делегации в СССР. Здесь симпатии к СССР *перерастали в революционное настроение* у соц.-демократических масс. А оппозиция в это время утверждает о «значительном ослаблении» СССР за последние 3—4 года и требует обратного приема в Коминтерн ренегатов, сделавших себе карьеру на клеветнической кампании против СССР и ВКП.

О том, как дело обстоит в действительности, мы знаем от самих реформистов. Перед нами один из последних номеров центрального органа голландских профсоюзов—«Де Стрид» (от 15 июня 1927 г.). И вот что пишет председатель голландского об'единения профсоюзов и видный член Исполкома Амстердамского Интернационала—Стенгюис, разыгрывающий «левого» на амстердамском парнасе:

«Необходимо единство азиатского пролетариата с европейским. *Этого можно добиться только через посредство русских*».

И дальше:

«Большинство организованного пролетариата желает единства с русскими».

Еще знаменательнее отклик реформистов на оглушительную пощечину, полученную предателями из Генсовета в последнем манифесте ВЦСПС. Поведение «левых» генсоветчиков двуличное, трусливое. С одной стороны, на заседании Генсовета после апрельской конференции АРК и известного интервью т. Томского, они говорят о разрыве; с другой—*боязнь перед массами*, среди которых авторитет СССР непоколебим, удерживает их от того, чтобы взять инициативу разрыва в *свои* руки. Эта трусость сказалась и в полном молчании, которым был обойден манифест ВЦСПС. Спустя только несколько недель Генсовет принял постановление перенести вопрос об АРК на конгресс трэд-юнионов в сентябре. При этом в прессу были даны только некоторые анонимные интервью некоторых анонимных членов Генсовета о том, что «пора-де кончать с англо-русским комитетом» (в беседе с буржуазными журналистами). И лишь одну маленькую характерную заметку мы находим еще до заседания Генсовета в «Дейли Геральд», в номере от 2/VII—27 г.

«В результате нападения русских профсоюзов на Генеральный совет вчера опубликованы были мнения, которые произвели впечатление, как будто члены Генерального совета решились распустить англо-русский комитет. «Дейли Геральд» информирован, что подобное воззрение было бы совершенно ошибочным, *ибо последнее нападение не обсуждалось на Генсовете*».

Последняя фраза буквально классическая. Но с какой ясностью она вскрывает подлинную силу тактики единого фронта и влияния англо-русского единства на рабочие массы! И с какой убедительностью она опровергает инсинуации о том, что через англо-русский комитет ВКП и Коминтерн «притулились к социал-демократии всерьез и надолго». Меньшевик Шварц расшифровывает положение, заключая свой анализ «увядания» англо-русского комитета следующей фразой:

«Англо-русский комитет в действительности мертв, но формально он остается, ибо *обе* стороны не хотят взять на себя одиум выхода из комитета».

Значительный свет пролил на положение парижский конгресс Амстердамского Интернационала. Конгресс создал также новое положение для Генсовета и в вопросе о немедленной ликвидации АРК. Открытое стремление немцев к гегемонии вызвало фактический уход англичан с конгресса. К моменту эдинбургского с'езда трэд-юнионов гораздо более актуально, чем разрыв с профсоюзами СССР, для лидеров Генсовета будет стоять вопрос об их дальнейшем пребывании в «антибританском» Амстердаме. Наоборот, весьма вероятна спекуляция против немцев на «близости» «левых» лидеров Генсовета с профсоюзами СССР. Все сильнее также звучат голоса в пользу реакционной идеи Томаса и его приспешников о создании имперского панбританского «интернационала». Возврат гегемонии немцев означает конец и без того слабых попыток Амстердама выйти на *мировую* арену, *за* пределы Европы. Между тем, именно англичане чувствуют бесконечно острее других в Европе изменившееся соотношение сил в мировой экономической системе после войны,—в частности тот факт, что Европа стала *частью* мирового хозяйства, а не гегемоном его. Мнимое «полевение» английских реформистов об'ясняется, в первую голову, поисками путей стабилизации английского капитализма, а через нее—и стабилизации английского реформизма. Даже идея панбританского интернационала представляет собою лишь копию с последних попыток консолидации британской империи. В этом отношении *принципиальные* позиции Хигса, Перселя и компании мало чем отличаются от позиций зубров английского трэд-юнионизма—Томаса, Кремпа и др. Только «левые» генсоветчики, отражая настроения известной части английского пролетариата, мечутся между двумя дорогами на Восток: ультрареакционным «имперским интернационалом», с одной стороны, и рабочим движением СССР, которое органически связано с рабочим движением колоний и угнетенных национальностей и через которое лежит единственный путь к *мировому* единству профессионального движения. Вот почему единство английского и советского пролетариата есть важнейшая предпосылка мирового единства рабочего класса вообще.

О последовательной критике и «диалектических» превращениях тов. Зиновьева.

Основная предпосылка «политики дальнего прицела» есть *последовательность* политической линии. Но было бы наивной попыткой с нашей стороны искать у лидеров оппозиции этой последовательной политики. Самым разительным, как раз в вопросе об англо-русском комитете, являются исключительные по своей «дерзновенности» крутые повороты, иногда на 180 градусов, от которых — надо воздать должное — у вождей оппозиции совершенно не кружится голова. Крутизна поворотов становилась тем ошеломительнее, чем на более «высокую ступень» поднималась фракционная работа. И невольно задаешь себе вопрос: не потому ли так обрушиваются сейчас вожди оппозиции на англо-русский комитет, что *в прошлом у них по части переоценки «всемирно-исторической» миссии перселевщины не совсем благополучно*. В самом деле, стоит только вспомнить выступление на V конгрессе т. Зиновьева, который заявил, что *далеко еще неизвестно, через какие ворота придет массовая коммуни-*

стическая партия в Англии—через ворота Мак-Мануса или Перселя.

А в заседаниях президиума ИККИ, в ноябре и декабре 1924 г., тов. Зиновьев, характеризуя английскую делегацию, заявлял: «Наиболее близким к нам человеком является Персель... Сравнение Фиммена с Перселем говорит абсолютно в пользу последнего. Персель откровеннее и честнее. Он открыто отвечал на все вопросы»...

Это было, так сказать, на заре англо-русского комитета. Но в гораздо более поздний период, когда оппозиция, правда, еще не пользовалась услугами ультра-левых ренегатов, т. Зиновьев находил достойный ответ на нападки ультра-левых на тактику единого фронта. Надо читать сейчас эти документы «седой старины», чтобы видеть, что может говорить и писать один и тот же человек. Есть выступления, которые по своей жгучей актуальности не потеряли и сейчас ни в одной строчке, и мы не можем отказать себе в удовольствии привести яркую цитату из яркой речи т. Зиновьева в комиссии ИККИ по германским делам—в сентябре 1925 г. («Коммун. Интерн.», № 9/46), направленной против Маслова и Рут Фишер:

«Эта группа мнила о себе, что она является настоящей западно-европейской представительницей революционного марксизма. Мы, мол, в России деморализованы нэпом, мы—крестьянская страна. Ленин—умер, но зато Маслов—жив. Что мы могли сказать на это?.. Испробуем Маслова!»

И что же получилось?

«Остановимся на профсоюзном вопросе. Вы указали путь, ведущий к пропасти (партию). *Было ли это левым уклоном? Это был правый уклон...*

Возьмем другой вопрос: международное единство в профсоюзах, связь с англичанами. *И слепой видит, что здесь—ось политики Коминтерна...* Это был вопрос жизни или смерти для европейского рабочего движения. Куда шли вы? *Вы шли на деле к социал-демократии, а не к Коминтерну...* Мы должны были воевать за каждый шаг; вы не хотели этой тактики...

Рут сказала здесь, что нас от с.-д. рабочих отделяет стена. Это самое важное. Эта стена становится еще выше благодаря политике Маслова»...

И, наконец, огнем надо было бы выжечь последние строки:

«Не вправо мы хотим толкнуть партию. Теперь настало время, когда мы должны сказать всем рабочим, что *предательски поступают те, которые называют ИККИ правым»...*

Итак, в 1925 г. англо-русский комитет—ось политики Коминтерна. В 1927 г. англо-русский комитет—ось реформистского уклона Коминтерна. И это только потому, что кучка предателей из Генсовета, которые были, есть и останутся предателями, «неожиданно» (для кого неожиданно?) разочаровала чрезмерно восторженные ожидания иных оппозиционеров.

Кто «предвидел» измены Генсовета?

Оппозиция «предсказала» грядущие измены Генсовета. Оппозиция «предвидела», что русские профсоюзы окажутся в плену у «левых» предателей Генсовета. Оппозиция «предсказала» капитуляцию перед агентами Чемберлена. Оппозиция «разоблачала» англо-русский комитет, как дипломатический блок сверху, основанный на интриганстве, «личной дружбе», «секретных договорах», ведущий к коррумпированию рабочего класса. Руководить политической работой,—горделиво заявляют они,—значит не только видеть факты, как они есть, но уметь их предвидеть. Лидеры оппозиции брали и умели брать линию дальнего прицела.

Что же они предвидели и чего не предвидел Коминтерн?

«Исторический» поворот оппозиции начинается со времени английской всеобщей стачки. Что же? Переставал ли ВЦСПС хоть на одну минуту с того времени критиковать деятельность «левых» предателей? Переставал ли ВЦСПС разоблачать Генсовет в глазах широких масс английского пролетариата? Когда и где была взята линия на замену союза рабочих СССР с английским пролетариатом—блоком с вождями Генсовета? Когда и где ВЦСПС перестал «изменников называть изменниками»?

«Боевым» лозунгом оппозиции является требование документов. В «Fahne des Kommunismus», которая святым духом, по наитию улавливает московские «директивы», так и красуется на первой странице аншлаг: «требуйте документов от клеветников». А где же *ваши* документы, честные критики? Вот перед нами документ огромной исторической важности, который показывает, кто на самом деле «предвидел» измены Генсовета, кто умел, не порывая с тактикой единого фронта, не порывая с профессиональным движением, а используя это могучее орудие борьбы за массы, поставить генсоветчиков у позорного столба, кто брал действительно дальний прицел. Это—тезисы Исполкома Коминтерна об уроках английской стачки. Вот что мы читаем в этом документе:

«...Следует считать совершенно нецелесообразным выход профсоюзов СССР из англо-русского комитета. В англо-русской комитет рабочие СССР посылали своих представителей вовсе не потому, что надеялись переговорами с верхушкой оппортунистических лидеров заменить задачу революционного преобразования капиталистических стран. Кто имел такие иллюзии, тот должен был испытать жестокое разочарование. Но профсоюзы СССР, не имевшие таких иллюзий ни на одну минуту, шли в англо-русский комитет ради связи с той *массой, под напором которой* повернули влево профсоюзные вожди...

Профсоюзные вожди Англии, весьма вероятно, теперь повернут вправо и, вновь сближаясь с Амстердамом, сами постараются разорвать англо-русский комитет или взять его измором; это будет их новым саморазоблачением...

Профсоюзы СССР шли в англо-русский комитет, отнюдь не связывая себя в области критики; точно так же, как коммунисты Англии, работая в профсоюзах или выставляя лозунг вхождения в рабочую партию, ни на одну минуту не связывают себя в области критики и разоблачения реформистов... Задачей ленинцев является не выход из АРК, а борьба за изменение его состава, за изменение состава всех руководящих органов Генсовета...».

Из опубликованной переписки ВЦСПС, из докладов и интервью т. Томского мы знаем, как «ограничивал» ВЦСПС свою критику «левых» предателей. На парижской конференции АРК, после английской забастовки, генсоветчики «чуть» не довели до разрыва. Ставили ультиматум, грозили—и *не посмели* уйти. На берлинской конференции «капитуляция ВЦСПС перед агентами

Чемберлена» дала документ, об'являвший английскому пролетариату, что «важнейшим условием успеха борьбы за международное единство труда против капиталистической эксплоатации является братский союз между профдвижением Британии и СССР», «что англо-русское единство особенно необходимо для предотвращения угрозы нападения на Советский Союз». Через несколько дней после «капитуляции» появилось разоблачающее генсоветчиков интервью т. Томского. А воровское молчание Генсовета по поводу последнего манифеста ВЦСПС о чем говорит? Оно свидетельствует о том, что у «левых» генсоветчиков животный страх прожженных профбюрократов перед массами, что они чувствуют, как колеблется почва у них под ногами; оно свидетельствует о том, что англо-русский комитет *пустил глубочайшие корни в пролетарские массы.*

Оппозиция говорит о «блоке вождей». Но где и когда нами отрицалась возможность *и* единства с частью вождей—*при непременном условии его увязки с единством снизу?* На шестом расширенном пленуме ИККИ, уже будучи в оппозиции, т. Зиновьев дал великолепную формулировку проблемы блока и единства. Единство снизу,—заявил он,—всегда; единство *и* с частью верхов—иногда; единство *только* сверху—никогда. Отзыв т. Зиновьева о «наиболее близком к нам» Перселе показывает, что оппозиция умела не только правильно понимать маневрирование в вопросе о «блоках», но и умела *переоценивать* «роль личности в англо-русском комитете». Тогда фракционная борьба не поднималась еще на такую «ступень».

В ответ на клеветническое обвинение в капитуляции перед агентами Чемберлена, в «приравнивании» к социал-демократии, мы с полным правом можем сказать его авторам:

«Возвращается вам по принадлежности. Врачу, исцелися сам!»

Глава о синдикалистах.

На последнем пленуме ИККИ легкая кавалерия оппозиции, т. Вуйович, преподнес пленуму «легкую» сенсацию. Он обвинял (конечно, обвинял!) Коминтерн в том, что внимание его обращено всецело в сторону реформистских рабочих (англо-русский комитет) в то время, как полному забвению предаются «левые» элементы—анархисты и синдикалисты. Вряд ли можно было придумать более нелепое выступление. Но оно было поддержано всем весом тяжелой артиллерии: т. Троцкий вспомнил, как он во время войны «с фонарем в руках» искал в Париже честных интернационалистов и нашел синдикалиста Монатта. В различных документах оппозиции это получило дальнейшее подтверждение—со ссылками на IV конгресс Коминтерна, на тезисы конгресса о единстве, где говорилось, что «под единым рабочим фронтом следует разуметь единство всех рабочих, желающих бороться против капитализма,—стало быть, и рабочих, идущих еще за анархистами, синдикалистами и т. п.».

Если бы можно было «изобрести» наиболее неудачное выступление оппозиции, то нельзя было бы придумать более удачного об'екта. Кто *серьезно* сейчас может говорить о синдикалистах? Искать *сейчас* ворота к широкой рабочей массе через жалкие остатки ограниченных, сектантских анархо - синдикалистских групп—такая дикая идея могла зародиться только в бредовом фракционном мозгу. Если в 1914 г. нужен был «фонарь» для того, чтобы найти одного Монатта, то какой прожектор нужен через десять лет после Октябрьской революции, после того, как лучшие, революционные элементы анархо-синдикализма давно уже борются в рядах Коминтерна и Профинтерна! Где, в какой стране имеется хотя бы подобие массовой анархо-синдикалистской организации (об отдельных, случайно заблудившихся рабочих, ведь, речь не идет)? Ведь тезисы IV конгресса имели в виду именно *последний* отряд массовой профсоюзной синдикалистской организации—Унитарную Конфедерацию Труда Франции, о вступлении которой в Профинтерн именно тогда стоял вопрос. И вожди оппозиции хорошо знают, какими *непримиримыми врагами* СССР, ВКП и Коминтерна являются анархисты и синдикалисты. Даже синдикалистская организация, состоящая пока в Профинтерне,—пресловутый голландский НАС—приняла недавно постановление об исключении коммунистов, организующих комфракции в синдикатах. А чего можно от них ожидать во время войны—пусть они сами скажут. После убийства Войкова в немецком «Синдикалисте», органе руководящей группы анархо-синдикалистского «интернационала», мы можем читать (№ 25, от 18/VI 1927 г.): «Мы, синдикалисты, враги реакции и противники советского правительства... Русское правительство и коммунистические партии всего мира об'ясняют враждебные выступления против Советского Союза тем, что Советская Россия—первое «рабочее государство»—представляет опасность для самого существования капитализма, как центр революционного рабочего движения. Но сейчас нельзя больше говорить о России, как о революционной или даже (!) социалистической стране»...

«*Мы осуждаем покушения, направленные против советского правительства так же, как и расстрелы заложников*»...

Вот каким языком говорят любезные оппозиции современные синдикалисты! Почему вы о них не напишите «правду», т. Вуйович! Нам вспоминается, как совсем еще недавно, на том же шестом пленуме ИККИ, т. Зиновьев возражал Бордиге:

«Анархизм был наказанием за оппортунистические грехи (взято у Ленина—из «Детской болезни левизны» и т. д.); и, наоборот, оппортунизм—за анархистские грехи (собственное т. Зиновьева). Те партии, которые не научились вести решительную борьбу против анархистских уклонов, всегда платили дань правым уклонам. И так как мы уже выросли в прочную и сплоченную мировую коммунистическую организацию, *в наших рядах не может и не должно быть никаких анархистов*»...

Тов. Зиновьев 1927 г., поучитесь у т. Зиновьева 1926 г.

Кто желает ликвидации АРК?

«Пошлым, мещанским, насквозь меньшевистским является аргумент, что Чемберлен «тоже» хочет взрыва англо-русского комитета»... Так гласит «перестраховка» оппозиции. И чем сильнее нажим буржуазии и социал-демократов на англо-русский комитет, тем громче «суперлятивы», расточаемые оппозицией. Но, рискуя попасть в разряд «мещан», позвольте все же задать нескромный вопрос: чем об'яснить этот систематический «параллелизм» в отношении АРК? Ведь речь идет не о случайном «совпадении фактов», а о вполне «нормальном» вошедшем прочно

в обиход, «бытовом явлении». Мы, грешным делом, думали, что нападение буржуазии и соц.-демократов на АРК имеет простое об'яснение: боязнь единого фронта, *боязнь перерастания единого фронта* и «братания» с советским пролетариатом *в революционные действия.* А признать это значит признать, что англо-русский комитет—массовая организация, а не верхушечный блок только вождей. Недаром «рабочие корреспонденты» буржуазной прессы упрекают генсоветчиков в «трусости» и призывают их «смело порвать» с советскими союзами. Недаром лиса Удегест по поводу манифеста ВЦСПС в органе голландских с.-д. «Гет Фольк» писал о «несозрелости русских для сотрудничества с европейским рабочим движением». Недаром в «Соцвестнике» меньшевик Вернер (псевдоним Шварца), учитывая «изменившееся соотношение сил в английском профдвижении», убеждает генсоветчиков: «Комбинация «Лондон—Москва» умирает. Настоящее принадлежит более солидному союзу—«Лондон—Амстердам». И если лидеры оппозиции открещиваются от этого факта при помощи «крепкого слова», то это по той лишь простой причине, что он *бьет по больному месту.* Но никакие «сильные прилагательные» в этом деле не помогут.

* * *

Итак, весь «обвинительный акт» оппозиции построен на песке. Удары не только бьют мимо цели, но в большинстве случаев *бьют по самой оппозиции.* «Дальность прицела» оппозиции в вопросе об англо-русском комитете—«творимая легенда», созданная в определенных фракционных интересах. *На деле* это есть политика зигзагов, паники и скороспелого пессимизма. Отсюда и «плод» неуравновешенной политики—«трагическая мелодекламация».

Т. Мандалян.

Распад Ухана и Нанкина и поход в Гуандун.

Еще месяц—полтора назад, когда уханское правительство, окончательно поборов свои колебания, выступило против рабоче-крестьянского движения, когда массовые растрелы, убийства и зверства военщины были официально освящены верхушкой уханского гоминдана, начавшей крестовый поход против коммунистов, казалось, что задачи, которые поставила перед собой национальная китайская буржуазия в дни апрельского переворота, наполовину решены. Иным казалось, что усилиями ее уже достигнута такая степень политической стабилизации, которая обеспечивала ей закрепление своей власти на об'единенной территории нанкинского и уханского правительства. Словом, казалось, что разложение Ухана ведет к консолидации буржуазного Нанкина—ведь Ухан погиб именно потому, что буржуазии как будто удалось «мирным путем», не прибегая к открытым военным действиям, разложить уханский лагерь.

Однако, распад Ухана и об'единение его с Нанкиным происходит в таких формах и в таких условиях, что знаменуют вовсе не победу, но политическое *поражение* национальной буржуазии.

Для того, чтобы проверить это, нужно проследить за ходом событий последних 1—2 месяцев, когда параллельно с разложением Ухана наросли противоречия внутри нанкинского лагеря, усилились (на известный срок) северные милитаристы, усилился нажим империалистов и, наконец, выкристаллизировались революционные силы вокруг нового центра—армии Ие-Тина и Хо-Луна.

Как распался уханский лагерь.

Уханское правительство было продуктом блока коммунистов, представляющих рабочих и крестьян, с мелкобуржуазной и радикально-буржуазной интеллигенцией, стоявшей во главе гоминдана. Этот блок опирался на части старой кантонской армии, прошедшей небольшую революционную школу и проделавшей в боях северный поход от Гуандуна до Хенани. Но существовала еще и вторая часть армии, находившаяся в руках *попутчиков* гоминдана, старых милитаристов, перекрасившихся в гоминдановские цвета в течение последних 1—2 лет: армии Тан-Шен-Чжи, Фын-Юй-Сяна, Лу-Цзо-Луна и других. Генералы и офицерство, возглавлявшие эти армии,—одни в меньшей, другие в большей степени,—были связаны с чиновной буржуазией, с торгово-ростовщической буржуазией, с крупным кулачеством и с помещи-

ками. Это правое крыло армии было наиболее уязвимым местом уханского блока, и неудивительно, что контрреволюция прорвалась именно по линии этого слабейшего звена.

Рост рабоче-крестьянского движения, обострение классовой борьбы в деревне, захват помещичьих земель крестьянами вызвали бунт правых частей против уханского правительства—восстания Сяо-Ду-Ина и Ян-Сена, *подавленные* при помощи *левых* и *коммунистических* частей. Однако, по мере углубления революционного движения, контрреволюционные выступления встречают все меньший отпор со стороны верхушки гоминдана, перед которой ставится дилемма: либо вооружить рабочих и крестьян, раздать последним землю и отсечь попутчиков, либо попытаться «успокоить» массовое движение. На этот последний путь постепенно становится уханская верхушка. Восстание 21 мая в Хунани не находит отпора со стороны правительства, оно впадает в панику, когда через пару недель Фын-Юй-Сян, уханский главнокомандующий, договаривается с Чан-Кай-Ши. Отказываясь поддерживать рабочие и крестьянские массы, верхи гоминдана, потерявшие опору в массах, повисшие в воздухе, капитулируют перед правой военщиной. Способствовали этому и нерешительность, колебания и ошибки старого руководства китайской компартии. Еще через некоторое время, наиболее честные из гоминдановцев, как Ден-Ин-Да и Сун-Цзин-Лин, открыто выступают против засилия новых милитаристов, а наименее мужественные, близкие к буржуазии идеологи—Ван-Тин-Вей и другие—выступают с погромными речами против коммунистов, организуют массовые казни и расстрелы революционеров, стараясь перещеголять в этом отношении и Чан-Кай-Ши, во искупление своего левого грехопадения.

В итоге—усиление власти правой военщины, сопровождающееся разложением левого — кантонского — крыла армии. Чтобы поддержать дух этой армии, не допустить исчезновения ее как самостоятельного фактора, независимого от Тан-Шен-Чжи и других, уханские лидеры выбросили лозунг «похода на Чан-Кай-Ши». Однако, этот лозунг, содержание которого было выхолощено кровавыми репрессиями Ухана против рабочих и крестьян, не мог воодушевить армию, так как, если бы даже такой поход был осуществлен, то он об'ективно служил бы интересам помещичье-буржуазных элементов, стоящих теперь за спиной Тан-Шен-Чжи, Хо-Чьена и других.

В результате лучшие части старой кантонской армии, в частности, «железной армии» Чан-Фа-Гуэя, вынесшие на своих плечах все тяжелые бои северного похода, восстали против уханского правительства в Нанчане и пошли походом на юг, в Гуандун, «щупать помещика штыком» и создавать новый революционный центр. Ухан потерял лучшую часть старой кантонской армии. Восстание это окончательно толкнуло лишившихся последней опоры гоминдановских вождей в об'ятия правых генералов.

Однако, дифференциация Ухана вовсе *не ограничивается* этим размежеванием основных социальных сил: перегруппировкой рабочих, крестьян, революционных солдат, на одной стороне, помещиков, буржуа, кулаков и мелкобуржуазных политиканов, на другой. Параллельно с этим идет разложение и распад *правых* сил. По мере того, как элементы феодальные получили, через попутчиков, преобладание над элементами буржуазными в армии и в органах власти, усилились центробежные тенденции, столь

типичные именно для *феодальных пережитков* в Китае. Уханское «государство» потеряло и ту видимость внутреннего единства, которая раньше все же имелась. О том, что Фын-Юй-Сян и Тан-Шен-Чжи—два непримиримых соперника, достаточно известно. Недаром Тан-Шен-Чжи вел недавно переговоры с *Пекином о союзе*, направленном *против Фын-Юй-Сяна*. Но и внутри владений Тан-Шен-Чжи происходит дробление территории на мелкие генеральские уделы по старому милитаристскому рецепту. Правые армии разлагаются по линии генеральской. В Хунани восстает Сю-Кей-Сян, в Хубее — Вей-И-Сан, все цементирующие звенья исчезли, и уханское правительство становится игрушкой в руках соперничающих друг с другом милитаристов.

В таких обстоятельствах Ухан пошел на мир с Нанкином. Не на условиях «полевения» Нанкина, ликвидации личной диктатуры, замены военной власти гражданской, как уверяют гоминдановские вожди, но как раз наоборот; на условиях *капитуляции либерально-буржуазного крыла Нанкина* и Ухана перед *полуфеодальными* и компрадорскими элементами *обоих лагерей.*

Крах национал-реформизма Нанкина.

Нанкинское правительство, будучи более однородным по классовому составу, чем Ухан, было все же результатом блока ряда соперничающих сил: 1) гуандун-гуансийских милитаристов—Ли-Ти-Сина, Бей-Цзун-Ши и др., связанных в большой мере с помещиками и джентри на юге, 2) попутчиков-перебежчиков, в роде аньхойского дубаня Чен-Тяо-Юаня и расположенного около Шанхая генерала Чжоу-Фын-Чжи, перешедших от Сун-Чуан-Фана всего 7—8 месяцев назад и связанных с помещиками и компрадорами нижнего течения долины Ян-Цзы, 3) самого Чан-Кай-Ши и его группы, представителей «чистой» национальной буржуазии прибрежных провинций и, в первую очередь, Шанхая и Чжецзяна и 4) группы правогоминдановских политиканов из Гаундуна—Ху-Хан-Мина, У-Чао-Чу и других, тяготеющих к компрадорству и гуансийской клике. Национальная буржуазия и ее представитель Чан-Кай-Ши выступали с апреля этого года, т.-е. с момента образования нанкинского правительства, признанным гегемоном всей этой группы.

После апрельского переворота перед этим «левым» крылом китайской буржуазии встал ряд важнейших задач: об'единить страну под единым централизованным руководством, разбить северных милитаристов, договориться с империалистами, вырвать у них некоторые уступки, навести «порядок» в стране, «успокоить» рабочих и крестьян.

С этими задачами буржуазия не справилась. Неудачи преследовали ее в области внешней и внутренней политики. Представитель ее, Чан-Кай-Ши, был вынужден в конце концов уйти. Уход его не был неожиданным; он подготовлялся уже давно его политическими противниками. Крайне интересна, поэтому, статья американца Сокольского, написанная 10 июля и напечатанная в американской газете, издающейся в Японии—«Джапан Адвертайзер». Сокольский известен своими большими связями с китайской буржуазией и правогоминдановскими кругами. В статье своей он, несомненно, выражал настроения этих кругов. Он заявляет, что умеренные элементы нанкинского гоминдана

недовольны Чан-Кай-Ши по целому ряду причин. Во-первых, «торгово-промышленные деятели устали от сумасшедшей экономической политики Нанкина»; во-вторых, Чан-Кай-Ши «совершенно дезорганизовал торговлю и промышленность ради проведения новой северной экспедиции, а эта война не прибавит славы гоминдану». В-третьих, Чан-Кай-Ши заигрывает с некоторыми гоминдановцами из уханской группы, в частности с министром финансов Сунгом. В-четвертых, Чан-Кай-Ши окружил себя своими соотечественниками из Нинбо (Чжецзян) и противопоставляет их кантонцам. Эта статья Сокольского проливает гораздо больший свет на истинные причины ухода Чан-Кай-Ши, чем туманные заявления о том, что, мол, Чан-Кай-Ши уходит, так как иначе об'единение Нанкина и Ухана немыслимо из-за сопротивления *левых* гоминдановцев. Чан-Кай-Ши ушел не потому, что он был слишком *правым*, но потому, что он был *слишком «левым»* для нанкинских милитаристов и для действительных хозяев теперешнего Ухана. Уход его был политической *капитуляцией национальной буржуазии* перед *полуфеадальными* и компрадорскими элементами. История сыграла злую шутку с так называемыми левыми гоминдановцами из Ухана—Ван-Тин-Веем, Сун-Фо и друг. Два месяца назад они боролись с Чан-Кай-Ши слева, а теперь они вытесняют его справа. Но и многим из них, вероятно, придется последовать за Чан-Кай-Ши в ближайшем же будущем.

Основные причины, приведшие к уходу Чан-Кай-Ши и, следовательно, к ослаблению руководящей роли национальной буржуазии в нанкинском блоке, были следующие:

Во-первых, централизация государственной власти, которая должна была быть одним из важнейших условий буржуазной реконструкции Китая, наталкивается на упорное сопротивление отдельных милитаристов полуфеодального типа, осевших в своих районах и провинциях и отнюдь не расположенных делить власть и доходы с кем бы то ни было. Крупным милитаристом такого типа является Ли-Ти-Син, который монопольно господствует в Гуандуне. Будучи в сущности попутчиком Гоминдана, он все время стоял и стоит правее Чан-Кай-Ши, является сторонником децентрализации, отказывается вносить часть своих доходов в общую казну нанкинского правительства. Связавшийся с помещиками и джентри, с одной стороны, и с гонгконгским компрадорством—с другой, Ли-Ти-Син уже с момента апрельского переворота вел борьбу против сторонников Чан-Кай-Ши, представителей либерально-буржуазной интеллигенции. Последние снимались с постов, высылались из пределов Гуандуна и т. п. Провинции Гуанси и Аньхой также являются владениями отдельных милитаристов. В Фуцзяне идет острая борьба между двумя милитаристами, претендующими на доходы провинции. В Чжецзяне, где хозяйничают перешедшие от Сун-Чуан-Фана генералы-попутчики, растут сепаратистские тенденции и стремление отделиться в самостоятельную «республику». Мы уже не говорим о том, что контроль нанкинского правительства над провинцией Шаньси и территорией Фын-Юй-Сяна номинальный.

Стремление Чан-Кай-Ши и его группы сколотить централизованный административный аппарат, централизовать финансы, армию и власть, наталкивалось на сопротивление этих новых милитаристов. Они были, кроме того, против новой северной

экспедиции, т.-е. похода в Шаньдунь и на Пекин, так как с точки зрения этих мелких удельных князей поход был лишен всякого политического содержания и представлял только напрасную трату сил и денег. Правое крыло Нанкина, таким образом, не разделяло чаяний и стремлений левого, либерально-буржуазного крыла об'единить Китай в единый буржуазный государственный организм.

Во-вторых, буржуазия не смогла приостановить рабоче-крестьянское движение. Реформистская практика ее по отношению к рабочему движению, к гоминдану кончилась крахом. Желтые союзы, несмотря на свирепые репрессии по отношению к коммунистам, не смогли оградить себя от влияния их. Очень много союзов попало под руководство коммунистов, забастовочная борьба, несмотря на запрещения и саботаж правогоминдановских союзов, продолжает развиваться. Влияние коммунистов на массы растет, по общему признанию и гоминдановцев и империалистической прессы. Антияпонские и антианглийские выступления, поддерживаемые национальной буржуазией, рассчитывавшей этим путем заставить империалистов пойти на некоторые уступки, только лили воду на мельницу коммунистов, которые получали возможность в процессе этих выступлений разоблачать всю беспомощность, подлость и двурушничество буржуазии перед массами. Коммунисты начали проникать даже в гоминдан—в гоминдан правый—и завоевывать целые организации (например, один из шанхайских районов).

В-третьих, постепенно разложились старые кантонские кадры армии, которые, за отказом остальных милитаристов из нанкинского лагеря поставлять крупные силы на фронт, вынесли на своих плечах всю тяжесть борьбы с севером. Эти наиболее левые части армии не могли остаться безучастными к разгрому рабоче-крестьянских организаций, не могли не реагировать на это в той или иной форме. Теперь дезертирство из этих частей, волнения и бунты в них особенно часты. Этим об'ясняются победы северных милитаристов, которые продвигаются вперед, перешли уже Янцзы и угрожают Нанкину и Шанхаю. Эта часть армии была главной опорой Чан-Кай-Ши; с ее разложением он лишился единственной пока лойяльной ему реальной силы.

В-четвертых, неудачи Нанкина были ускорены его экономической политикой. Поставив себе целью продолжение северного похода и занятие Пекина, национальная буржуазия нуждалась в колоссальных средствах. Нанкинское правительство должно иметь до 20 миллионов долларов в месяц на военные нужды. За отсутствием значительных поступлений из остальных провинций, правительство вынуждено было добывать средства в провинциях Цзянсу и Чжецзян путем драконовских налоговых мероприятий. На население были наложены бесчисленные косвенные налоги, например, 50% акциза на табак и т. д., при чем власти оказались вынужденными обложить налогами и поборами не только «простой народ», но и шанхайское компрадорство. Доходы с налогов и всякого рода легальные и нелегальные поступления растрачивались самым хищническим образом. Фактическая власть в Шанхае, например, находилась в руках группы торговцев и спекулянтов опиумом, которые, использовывая люмпен-пролетарские организации, хозяйничали в городе, творили беззакония. Пока опиумная клика ловила и расстреливала ком-

мунистов и рабочих, шанхайское компрадорство ничего не имело против этого. Но так как опиумные спекулянты начали ущемлять и крупных китайских буржуа-компрадоров, то те решительно выступили против них, обвиняя Чан-Кай-Ши в потворствовании опиумной банде. О тесной связи последней с правительством Чан-Кай-Ши вряд ли можно было сомневаться—недавно оно разработало проект легализации продажи опиума с передачей монополии на это опиумной клике за 15.400.000 долларов в год. Безобразия опиумной банды в Шанхае также способствовали изоляции Чан-Кай-Ши от более умеренных и «солидных» групп китайской буржуазии.

Наконец, пятой, главной причиной ухода Чан-Кай-Ши было обострение отношений между нанкинским правительством и империалистами, вылившееся в открытый конфликт, в связи с экономической политикой Нанкина.

«Неблагодарность» империалистов.

Иностранные империалисты начали заигрывать всерьез с национальной китайской буржуазией в ноябре—декабре прошлого года, в период крупных побед южной армии. Даже английские твердолобые разразились в декабре 1926 г. нотой, которая обещала полный пересмотр старой английской политики в Китае. Империалисты—Япония и Америка скрыто, а Англия открыто—играли на внутренних противоречиях национально-революционного фронта. Они ставили ставку на откол буржуазии и в этом смысле добились известных результатов. В дни, предшествовавшие апрельскому перевороту, английская пресса прямо призывала Чан-Кай-Ши взять на себя роль спасителя Китая и тем самым заслужить благодарность империалистов. Возможно, что немало неофициальных и официальных заверений было сделано реакционным южным генералам в том, что-де, если они порвут с коммунистами, империалисты проявят готовность пойти на уступки в некоторых вопросах.

Однако, чем дальше отходила от революции национальная буржуазия, чем больше ударов терпела революция в Китае, тем непримиримее становились империалисты. Когда Чан-Кай-Ши после апрельского переворота начал пред'являть иностранцам векселя, ничего он от них не получил.

Между тем, тяжелое экономическое положение нанкинского правительства толкало его на суровые налоговые мероприятия не только по отношению к китайским, но и иностранным капиталистам. Оно вынуждено было повысить таможенный тариф, установить ряд косвенных и прямых налогов, которые затрагивали иностранцев в значительно большей степени, чем китайцев. Правительство ограничило вывоз серебра, чем навлекло на себя гнев английских банков. Английские табачные фабрики Шанхая закрылись, начали закрываться другие предприятия. В начале августа угрожали закрыть фабрики японские текстильные промышленники, на предприятиях которых работают десятки тысяч рабочих. С другой стороны, заносчивое поведение английских войск, посылка новых японских войск в Шаньдунь развивали естественную реакцию в китайских массах, реакцию, которая выливалась в форму бойкотов, которые буржуазия использовывала.

В свою очередь, эти бойкоты толкали империалистов на новые агрессивные меры.

В результате всего этого на нанкинское правительство началось всеобщее наступление империалистов. На первом месте, разумеется, выступает английский империализм. Он широко финансирует северные армии и оказывает им помощь оружием и руководящими силами. Недаром один из английских корреспондентов недавно писал об иностранных военных советниках у Чжан-Цзо-Лина, подразумевая, конечно, англичан. И на самой территории нанкинского правительства англичане переходят в контрнаступление. Английский орган в Шанхае «Норт Чайна Дэйли Ньюс» поднял бешеную кампанию против временного китайского суда и требует изгнания его с международного сеттльмента. Муниципальный совет сеттльмента увеличил налоги с китайцев и твердо провел это увеличение, несмотря на фрондирование китайской буржуазии. Наконец, теперь, после неудач Нанкина на военных фронтах, английские империалисты выдвигают новый проект *расширения империалистического влияния на* территории Китая: ведутся переговоры с Чжан-Цзо-Лином о том, чтобы *весь Шанхайский район*, включая пригороды Путун, Паошан, Чапей, Нантао и в общем территорию диаметром в 20—30 миль, был нейтрализован и *передан в распоряжение иностранцам*. Этот наглый план находит уже одобрение у Чжан-Цзо-Лина.

Та же английская газета, которая в апреле умоляла Чан-Кай-Ши выполнить долг национального героя, теперь, после отставки его, пишет: «Наша газета—орган империализма. Империалисты оказались правы: в Китае нужно проводить твердокаменную политику, так как китайцы сами не способны управлять своей страной»...

Япония заняла столь же непримиримую позицию, как и Англия, продолжая вести свою особую «японскую» политику. В Китае говорят, что Япония—это мелкий воришка, а Англия—грабитель на большой дороге. И действительно, вся политика Японии направлена сейчас на то, чтобы, с одной стороны, укрепить свое влияние на Севере, а с другой—перехитрить всех китайских генералов (и южных в том числе) и заставить их работать на Японию. (Возможно, что эта хитроумная политика приведет к тому, что когда-нибудь японские империалисты сами себя перехитрят. Уже теперь, как американские газеты недавно указывали, Япония имеет своих военных советников в *обеих борющихся армиях*—и *у Чжан-Цзо-Лина и у Чан-Кай-Ши!*).

Если в прошлые годы революционное движение в Китае, подрывающее английское влияние, в известной мере использовывалось Японией, то в последнее время она также стала больно чувствовать на себе удары китайской революции. В первой трети 1927 года ввоз английских товаров в Китай сократился на 17% по сравнению с соответствующим периодом 1926 г., ввоз японских товаров—на 25%, а ввоз американских товаров вырос на 8%. Военные действия в Китае, и в особенности в Шаньдуне и на границах Манчжурии, *в настоящее время* не только не выгодны, но определенно вредны японским интересам. Поэтому японские империалисты прилагают все усилия к тому, чтобы примирить север с югом и Ухан с Нанкином, при условии некоторого усиления севера и подавления антияпонского движения на юге. За неделю до ухода Чан-Кай-Ши японская буржуазная газета

«Ямато» писала: «Пусть Чан-Кай-Ши воздержится от войны с Уханом, и торговые интересы Японии будут, без сомнения, в безопасности».

Приблизительно в это же время газета «Осака-Асахи» писала: «Вероятно, г-н Иошизава (японский посол в Китае) поедет в Нанкин, чтобы дать возможность Чан-Кай-Ши исправить ошибки своего правительства. Иначе мы опасаемся, что шанхайское Таможенное Управление будет занято державами. Мы, однако, надеемся, что нанкинское правительство послушается японского министра и исправит свои ошибки».

Это единодушное выступление Англии и Японии против Нанкина подтверждает слухи о тайном соглашении, заключенном между этими двумя державами о разделе сфер влияния в Китае. Но и американские и французские империалисты, до сих пор занимавшие «благожелательную» позицию по отношению к национальному движению и к Нанкину, присоединились к англичанам и японцам, осуждая экономическую политику правительства Чан-Кай-Ши, которое, по выражению американского консула в Шанхае, стремится будто бы «превратить Шанхай в торговое кладбище».

7 августа японский посол Иошизава виделся с членами нанкинского правительства. 10 августа японская и английская торговые палаты в Шанхае послали совместную телеграмму протеста против чрезвычайных налогов, введенных китайскими властями. А 15 августа ушел Чан-Кай-Ши.

Национальная буржуазия, игравшая руководящую роль, отодвигается, если не отодвинута уже, на второй план давлением империалистов, с одной стороны, и полуфеодальных и компрадорских элементов гоминдана—с другой.

Это отнюдь не означает, конечно, что умеренные круги буржуазии откажутся от попыток подчинить себе отдельных милитаристов и добиться *буржуазного* об'единения Китая. Такая ставка уже ставится ими на Фын-Юй-Сяна. Возможно и возвращение Чан-Кай-Ши, но уже на других ролях. Важно то, что *на данном этапе* элементы, связанные с феодалами и империализмом, оказались во много раз *сильнее* национальной буржуазии. Все здание национального реформизма буржуазии, псевдореволюционного строительства под флагом гоминдана и лжеобщественных организаций, разрушается под грубыми ударами милитаристов и империалистов. Отличие между Нанкином и Пекином стирается, и обманывать массы «революционными» фразами уже не удастся. *Массы видят, что половинчатые, реформистские методы не годятся никуда в борьбе с империализмом.*

Накопление революционных сил.

Одновременно с разложением Ухана и Нанкина идет накопление революционных сил на другом полюсе. Лучшие революционные элементы уханского гоминдана отошли от него, и ряд видных руководителей его, популярных в массах, порвал с официальным руководством и идет вместе с коммунистами: жена Сун-Ят-Сена—Сун-Цзин-Лин, Дэн-Ин-да, жена Ляо-Чун-Кая и другие. Пролетариат и крестьянство не остаются изолированными. Значительная часть *интеллигенции* идет с ними. Характерна в этом отношении демонстрация *учителей* в Ухане, имевшая

место недавно, в период самой жестокой реакции и направленная против уханской военщины. Даже мелкие *торговцы* Гуандуна, Фуцзяна и других районов бунтуют, возмущенные тяжелыми налогами, накладываемыми военщиной, и общеполитическим бесправием, воцарившимся после разгрома коммунистов.

Крестьянские восстания и волнения не прекращаются на территории нанкинского правительства. Но и на севере, в Хэнани, Красные Пики *уже* выступают против Фын-Юй-Сяна. В Гуандунской провинции, по английским источникам, число вооруженных крестьянских партизан близко к 60.000. Партизаны бродят под самыми стенами Кантона, и ни один правительственный чиновник не рискует путешествовать без большой охраны. Район Восточной реки, граничащий с провинциями Фуцзян и Цзянси, наполовину находится в руках крестьянских отрядов.

Наконец, рабочие Ухана, Кантона, Шанхая, Сватоу, Нанкина продолжают выступать против реакционной военщины более непримиримо, чем когда бы то ни было. Забастовочное движение, вопреки исключительным репрессиям, охватывает один отряд рабочих за другим.

Авторитет коммунистической партии, как единственной революционной силы, которая до сих пор цементировала единый революционный фронт и которая в состоянии возглавить массовое движение рабочих, крестьян и городской бедноты, растет по мере того, как буржуазия компрометирует себя перед народными массами, обнаруживая свою реакционную сущность. Страх перед коммунизмом продолжает преследовать китайскую и иностранную буржуазию. Он иногда принимает чудовищные формы. Так, например, в Кантоне правительство издало закон, по которому коммунисты, нелегально *входящие в гоминдан*, с целью «неверного толкования принципов сунятсенизма» должны подвергаться *смертной казни* или пожизненному заключению. Но подобные мероприятия только укрепляют влияние коммунистов.

В таких условиях поход восставших частей генералов Ие-Тина и Хо-Луна в Гуандун приобретает историческое значение. Обрастая партизанскими отрядами крестьян, эти части, находящиеся под руководством коммунистов, смогут в короткий срок захватить Кантон и создать новый революционный центр, который будет исходным пунктом для борьбы с реакцией, утвердившейся во всем остальном Китае.

Процесс разложения Нанкина и Ухана облегчает консолидацию революционных сил. Победа в Гуандуне послужит, несомненно, сигналом к новым революционным вспышкам и восстаниям во всем Южном Китае.

Об'ективные условия *благоприятны* для нового революционного под'ема. Они *неблагоприятны* для национал-реформистской политики китайской буржуазии, представляющей, без сомнения, известную опасность для революционного движения. В очень большой мере успех революционной борьбы будет зависеть от энергии, решительности, настойчивости и умения китайской компартии направлять выступления миллионных масс рабочих и крестьян.

М. Тесленко.

Роль частного капитала в акционерном строительстве.

Общеизвестно, что характерной и важнейшей особенностью экономического положения СССР настоящего периода является недостаток капитала, могущего быть вложенным в наше промышленное строительство.

Особенно остро это чувствуется именно теперь, в период, когда партия об'явила курс на индустриализацию страны, когда партия поставила перед всей страной боевую и важнейшую задачу «в минимальный исторический срок нагнать, а затем и перегнать уровень развития передовых капиталистических стран».

Задача поистине гигантская, разрешимая в нашей отсталой крестьянской стране лишь при условии мобилизации внимания и усилий широчайших масс трудящихся на вопросах индустриализации и при условии максимального напряжения экономических ресурсов нашей страны.

Собрать и использовать для этой цели все, что можно внутри страны и попытаться привлечь иностранный капитал на выгодных для СССР условиях—вот основные предпосылки, обеспечивающие успешное разрешение поставленной задачи.

Первое необходимо и при напряжении усилий партии и всех организаций пролетариата вполне достижимо, второе же—желательно, но проблематично. Тут—что называется—на займы и иностранные кредиты надейся, а сам не плошай.

Недаром материалы комиссии по разработке пятилетнего плана развертывания народного хозяйства СССР в разделе о размерах капитальных вложений в промышленность, очевидно, вполне сознательно не рассчитывают на иностранные займы.

Стало быть, задача, на которую неоднократно указывал и тов. *Ленин* — задача собирания средств и накопления внутри страны, задача умелого хозяйствования и использования «всякой веревочки» в хозяйстве—стоит на первой очереди.

Наше пролетарское государство изыскало и применяет на практике много способов, привлекающих избыточные средства широкого населения страны на государственное строительство. К ним относятся, помимо обязательных налогового порядка поступлений, внутренние займы, вклады в сберегательные кассы и проч.

Все средства, притекающие по этим каналам и попадающие непосредственно для использования и оборота в государственные учреждения и операции, используются в плановом порядке и, несомненно, с максимальной рентабельностью и в интересах социалистического строительства.

Но это касается главным образом средств, поступающих от широких масс трудящихся населения нашего Союза.

У нас же за время нэпа народилась, оформилась и обросла кое-каким финансовым жирком, правда, немногочисленная, худосочная, но располагающая кое-каким капиталом, группа новой буржуазии, которая успела сделать накопления преимущественно за счет торговли, т.-е. главным образом за счет операций не производственного, а посреднического между производителем и потребителем характера.

Направление в русло, увеличивающее базу социалистического строительства, накоплений частного капитала—задача глубоко политическая, а проводится это регулирование у нас подчас не совсем умело и порой наша практика не обеспечивает полного проведения в жизнь политики партии и директив правительства в этом вопросе.

Наглядный пример такого слабого регулирования, недостаточного контроля и неумелого направления частного капитала в русло развития необходимых государству отраслей, увязывающихся с индустриализацией и способствующих осуществлению другой боевой задачи—доведению до потребителя по низким ценам промтоваров, мы видим при изучении деятельности частных акционерных обществ.

По материалам 30-ти с лишком обследованных инспекцией Наркомторга РСФСР частных акционерных обществ можно уже и теперь по предварительным данным установить довольно безотрадную картину.

Так, по многим из них можно констатировать, что вместо тех результатов и целей, которые преследовались при организации этих обществ, органы, допускающие их к действию, зачастую этих целей не достигали. Наоборот, вместо аккумуляции, например, частного капитала мы устанавливаем лишь попытки частных дельцов использовать свои незначительные средства, как затравку, приманку, вкладываемую лишь для «отвода глаз» в целях использования марки акционерного общества и обмана государственных, кооперативных и других торговых организаций. Это ведет в конечном счете к разбазариванию средств этих же государственных органов. Так, в материалах комиссии НК РКИ, составленных по данным инспекции и акционерного отдела Наркомторга РСФСР, мы находим, что «большинство обществ дышит коммерческой благонадежностью, создаваемой им маркой акционерного общества с правительственным штампом». Этот штамп ими широко используется для получения кредитов, авансов, неплатежа налогов и т. д.

Дальше констатируется в тех же самых материалах, что «основной капитал акционерных обществ в их массе явно недостаточен для нормальной их работы, а тем более для надлежащего выполнения их уставных целей. Из общей суммы 12.790 тыс. руб. всех средств, находившихся на I/X—26 г. в распоряжении 22-х из числа действующих частных акционерных обществ, собственные капиталы обществ составляют—3.828 тыс. руб., прибыль—1.609 тыс. руб. и чужие средства—7.353 тыс. руб., а с выделением подлежащей налоговому из'ятию прибыли—общая сумма средств разбивается: капиталы общества—3.828 тыс. руб., или 30%, нераспределенная прибыль—202 тыс. руб., или 1,5%

чужие средства—8.760 тыс. руб., или—68,5% (в том числе подоходный налог 1.407 тыс. руб., или 11%).

Таким образом, чужие средства, находящиеся в обороте обществ, в $2^1/_2$ раза превышают собственные капиталы обществ. А по отдельным обществам, как, например, по обществу «Розничник» дело доходит и до того, что чужие средства превышают собственный капитал общества в $6^1/_2$ раз: собственный капитал—322 тыс. руб., или 10,8% и чужие средства—2.655 тыс. руб., или 89,2%, у акционерного общества «Оптохиммоскатель» собственный капитал составляет лишь 21,8%, у «ОМБА»—12,6%, у «Перворррыбы»—14,7%, у «Меркурия»—26,9% и т. д.

Откуда же берутся эти чужие средства? Кто их дает?.. На эти вопросы материалы обследований Наркомторга также дают ответ. Оказывается, что по тем же 22-м обследованным инспекцией Наркомторга обществам задолженность этих обществ государственным и кооперативным организациям вместе с подоходным налогом равняется—3.421 тыс. руб., что составляет 89,4% собственных капиталов обществ, а если присоединить сюда и общество «Розничник», пользовавшееся по неизвестным причинам особым расположением отдельных организаций, то задолженность. *Кто кого тут использовал—вопрос ясен.*
к их собственным капиталам, или 5.110 тыс. руб.

При чем все эти «чужие», т.-е. государственные средства не только используются дельцами акционерных обществ, но передко и окончательно гибнут, пропадают в пассивах ликвидирующихся обществ. По материалам обследования, это акционерное строительство (при учете налоговых выгод, которыми пользовались общества благодаря акционерной форме) обошлось государству уже около $4^1/_2$ миллионов рублей.

Легкость, с которой частные дельцы акционерных обществ вытягивали средства из обобществленного сектора, конечно, отнюдь не содействовала этой аккумуляции. Наоборот, можно много привести примеров тому, как руководители обществ всячески старались помешать расширению финансовой базы обществ за счет привлечения в общество новых финансовых групп, из-за боязни допустить в «свое» предприятие чужих лиц; другие же «так расписывают» акции между «приглашаемыми» лицами, что в результате этого приглашения в обществе оставались все те же люди, или даже одно лицо («Инозит», «Жироль», «Индустрия», «Шабловское Акционерное О-во» и др.). Наконец, встречаются даже случаи, когда акционирование вело к прямому из'ятию средств, вложенных в дело («Домострой»).

Так дело обстоит с аккумуляцией разрозненных частных капиталов и направлением их в полезную государству деятельность. *Кто кого тут использовал—вопрос ясен.*

Обратимся теперь к рассмотрению вопроса о соблюдении другого основного принципа, который установлен соответствующими постановлениями правительства об акционировании частного капитала, а именно: посмотрим, как проводилась фиксированность частного капитала, т.-е. сосредоточение его деятельности в нужных государству отраслях и районах.

Приходится констатировать, что и по этой линии также успехов у нас по части использования частного капитала мало.

Факты и цифры обследований говорят о том, что акционированный капитал работает в таких отраслях, где частный ка-

питал не только не желателен, но иногда определенно вреден, в какой бы форме он ни выступал. Так, несмотря на явную нежелательность организации торговых акционерных обществ для перепродажи товаров, предложение которых недостаточно, а также об-в, ставящих своею целью универсальную оптовую торговлю, проведенное Наркомторгом обследование показало, что большинство о-б занимается торговлей, носящей подчас спекулятивный уклон. В материалах же комиссии НК РКИ мы читаем: «Общества вели и ведут преимущественно оптово-посреднические операции, тем более недопустимые с точки зрения интересов государства, что о-ва работают главным образом в области недостаточных товаров, а также товаров кустарных. По отчетным данным 28 обществ за 1925—26 год, Наркомторг мог установить только 31,9% товаров, «заготовленных хозяйственным способом», куда, между прочим, о-ва относят и переработку сырья на чужих предприятиях. У 7-ми текстильных акционерных о-в товары, купленные и переработанные на чужих предприятиях, составляют за 1925—26 год не менее 75%.

По отдельным обществам процент чужих товаров очень высок: 75% у б. т-ва «А. Маслов», 90% у «Росс. Торг.-Пром. Акц. О-ва», 93% у «Дитохиммоскатель», 97% у «Агрос». Некоторые же общества ведут торговлю исключительно чужими товарами, несмотря на свой производственный устав («Акомет» «Феникс», «Краска» и «Русское Сырье», «Моск. Ак.-Тек. О-во» и др.).

По данным инспекции Наркомторга РСФСР, из 27 обследованных ею акц. о-в лишь 7 имеют производственный уклон деятельности, а остальные 19, имеющие производственный устав, занимаются лишь перепродажей, т.-е. посредничеством.

Приведем несколько типичных примеров.

По данным обследования, акц. о-во «Мостар», кредитующееся в 3-х банках (Госбанк, Горбанк и Промбанк) и значащееся в этих банках, как производственная организация, является преимущественно торговой организацией. Собственное производство охватывает исключительно пищевкусовые товары, при чем главное «производство» заключается в переупаковке купленного товара.

Еще пример по тем же материалам.

Акц. о-во «Аколес» учреждено для производства лесозаготовительных работ, для оборудования и эксплоатации лесопильных и деревообделочных заводов и т. д. По данным обследования, произведенного в марте с. г. ленинградской губ. РКИ никаких лесопильных и деревообделочных заводов о-во не открывало и почти все свои обороты сосредоточило в торговых операциях, что является неизбежным следствием недостаточности основного капитала (100 тыс. руб.). Дальше акц. о-во «Сосна» в связи с недостатком собственных средств ведет, вопреки своему уставу, преимущественно перекупочные операции, используя в широких размерах авансы, задатки, получаемые от главнейших своих покупателей, главным образом госорганов.

Все эти примеры, как нельзя лучше, показывают, что частный акционерный капитал, вопреки всем ограничительным и конкретно определяющим сферу его деятельности постановлениям правительства, в большинстве случаев устремляется как раз туда, куда его эти постановления не пускают, и всеми способами добивается этого. «Работа» эта, конечно, не способствует усилению

социалистических элементов нашего хозяйства. Таким образом, по этим данным можно сделать вывод, что акционерная форма нами недостаточно была использована для направления частного капитала в необходимые для государства области. Если проследить, например, за тем, как влияют эти лишние нагромождения торгующих организаций, да еще частных, занимающихся главным образом перекупочно-посредническими операциями, на проведение в жизнь боевого лозунга партии по снижению розничных цен, то еще раз можно убедиться в том, что мы от использования частного капитала в акционерной форме имеем пока лишь вред.

Как же отражается деятельность акц. обществ на ценах?

Помимо того, что самим своим существованием акционерные общества, как торговые организации, являются лишним удорожающим товары звеном в товаропроводящей сети, мы при изучении практики акционерного строительства наталкиваемся также на то, что многие общества, в силу недостатка собственных средств, вынуждены обращаться к посредническим услугам о-в взаимного кредита; во время апрельского обследования об-в инспекцией Наркомторга было также установлено крайне равнодушное отношение к проводимой кампании: Зарядьинским, например, обществом, как сообщают обследователи, «снижения цен на выпускаемую продукцию не производилось», у акц. о-ва «Рустекстиль» «продажная цена на сукно все время оставалась без изменений», у «Оптохиммоскателя» «снижения цен не наблюдается» и т. д.

Да и как же снижать, если у 22-х о-в, по данным того же апрельского обследования, накидки на себестоимость, несмотря на оптовый характер работы, составили 19% (по отдельным обществам, как, например, Зарядьинское, процент наложения доходил до 60,8, у «Титана»—56, у «Прометея»—37, у «Жироля»—32,8).

А торговые расходы по тем же 22 обществам составляют около 12% от их оборота по продаже (6.135,6 тыс. руб. за 1925—26 год—при обороте в 51.130 тыс. рублей).

И эти высокие торговые расходы отнюдь не об'ясняются большим налоговым обложением, которое колеблется от ½% до 4% к обороту по продаже. Об'ясняются они совсем другими причинами и главным образом тем, что учредители и руководители обществ стремятся исключительно к выжиманию максимума средств из своего предприятия, нисколько не заботясь о рациональной, рассчитанной на продолжительный срок, постановке дела. Это ведет к громадным ставкам жалованья членам правления, к раздуванию штатов за счет «родственников» и «знакомых», к получению дивиденда до уплаты налога и пр.

В материалах обследования инспекции Наркомторга мы находим следующие сведения: по 40 обществам (данные за апрель 1927 г.) месячное вознаграждение членов правления этих обществ равно 64,8 тыс. рублей, что составляет в год 27,7% на капитал, вложенный членами правления в акционерные общества. Месячное же вознаграждение всех акционеров, работающих в своих о-вах, равно 92 тыс. руб., что составляет в год 1.104 тыс. руб. или 26,3% на вложенный акционерами капитал. Среднее месячное жалованье одного служащего по 25 обществам равно 150 р., а по отдельным обществам это среднее

жалованье доходит до 235—248 руб. («Текстильтовар» и «Рустекстиль»).

В целях уменьшения подлежащей налоговому обложению прибыли, о-ва практиковали обычно приглашение на службу «своих людей» и платили им бешеные ставки. Так, например, по отдельным о-вам можно встретить такие случаи, когда машинистка получает 150 руб. жалованья и плюс к тому еще поденно за заседания, как член ревкомиссии («Текстильтовар»), управделами получал 750 руб. в месяц, завторготделом—1.000 р. в месяц («Прометей»), зав. магазином—450 р. («Фруктобакалея») и т. п.

Эта политика выжимания всеми способами максимума средств из о-в их руководителями и учредителями приводила о-ва к быстрому прогоранию и ликвидации. Из зарегистрированных до 1/I—27 г. в Наркомторге 76 частных обществ 32 или 37,2% уже ликвидированы, а из 37 о-в, возникших в первые три года (1923—24—25), ликвидировано или намечено к ликвидации 19, т. е. 51,4%. Из зарегистрированных 19 обществ в первой половине 1926 г. оказались нежизнеспособными 9, или 47,4%; из зарегистрированных 30 обществ во второй половине 1926 года нежизнеспособность выявили четыре—13,3%; а организация 17-ти, уставы которых были утверждены, не смогла состояться из-за непокрытия в срок первой четверти капитала.

Об'яснение этому мы находим, помимо недостаточного надзора и регулирования со стороны соответствующих органов, помимо нездоровых стремлений отдельных лиц, шедших на акционирование своих капиталов с исключительно корыстными целями, еще и в чисто об'ективных условиях существования частных акционерных обществ последнего периода; к числу их должны быть отнесены: жесткие условия денежного и товарного кредита; сокращение снабжения сырьем и связанное с этим сокращение производства; сокращение снабжения промтоварами и, следовательно, сокращение товарооборота; отягчение налогового бремени и снижение из-за этого результатов деятельности; депрессия сбыта в некоторых областях и затоваривание; экономический нажим конкурирующих государственных и кооперативных предприятий и др.

Возникают же о-ва с большой легкостью, тяга к акционированию частного капитала благодаря различным причинам весьма велика. А причины эти, помимо уже приведенных, следующие: надежды на облегчение получения банковского кредита и товара от госпромышленности, на облегчение форм налогового обложения, предположения, что акц. о-во, как фирма, будет иметь более выгод по сравнению с частником в отношении приобретения сырья и сбыта продукции, стремление к улучшению своего правового положения, стремление стать «трудовым элементом», стремление передать о-ву имеющиеся неходовые товары и т. п.

Благодаря этим причинам и благоприятной обстановке, роль частного капитала в акционерном строительстве растет не только количественно, но и по вложенным капиталам, при падении роли остальных капиталов. Количественный рост его, по имеющимся в Наркомторге данным, характеризуется так: из 74 частных акц. о-в, действующих на территории РСФСР к 1/I—27 г., три возникли в 1922 году, два—в 1923 г., семь—в 1924 г., 28—в 1925 г. и 34—в 1926 году. Капитал, вложенный в акционерное

строительство, распределяется так: государственных—60,6%, кооперативных—2,8%, проф. и парт. орг.—0,7%, частных—35,8% и не выяснено—0,1%; по сравнению же с прошлым годом роль частного капитала в акционерном строительстве выросла с 26,1% до 35,8%, а государственного—понизилась с 68,9% до 60,6%.

Государство может и должно иметь несомненные выгоды от акционирования частного капитала, ибо оно дает возможность направления деятельности частного капитала в нужные государству отрасли и русло, надзора за операциями, регулирования деятельности и установления полного контроля.

Все немногочисленные частные акционерные общества, которые действительно поставили себе задачей производственную деятельность в недостаточно обслуживаемых государственной промышленностью отраслях, находятся в благоприятном финансовом и хозяйственном состоянии («Титан», «Металлорукав», «Стройлеспром» и др.), при соответствующем регулировании деятельность их вполне целесообразна и целиком оправдывает намеченные партией и правительством формы деятельности частного акционерного капитала.

Из всего приведенного явствует, что правильно намеченная партией и советским законодательством, разрешенная в соответствующем порядке форма использования частного капитала при проведении практики акционерного строительства благодаря недостаточному контролю со стороны регулирующих органов за истекший период себя не оправдала.

Ни регулирования частного накопления, ни направления его для работы в необходимые государству отрасли не получилось.

Что это является следствием недостаточно серьезного и вдумчивого отношения к организации частных акц. о-в и наблюдению за их работой регулирующих деятельность этих обществ органов, доказательств много не требуется, достаточно привести лишь ссылку на то, что, во-первых, в самих уставах многих обществ никаких ограничений перекупочных и посреднических операций нет; во-вторых, практика Наркомторга, при утверждении обществ, не требовала представления учредителями данных, которые подтверждали бы реальность осуществления намечаемого к эксплоатации производственного предприятия; в-третьих, уставы утверждались Наркомторгом с большой легкостью, без предварительного серьезного изучения вопроса совместно с соответствующими заинтересованными в возникновении того или иного характера акц. о-ва государственными организациями, а иногда и вопреки их протесту. Так, с мая 1925 года до 1/I—27 г. Наркомторгом рассмотрено свыше 100 уставов частных обществ, отклонено же было из них только 9; и, наконец, в-четвертых, после организации общества систематический контроль и наблюдение со стороны регулирующих органов были далеко не достаточны. Все эти моменты и создавали благоприятную для «ловли рыбы в мутной воде» обстановку частным дельцам.

Предпринятое Наркомторгом в апреле с. г. обследование работы части частных акц. о-в положило начало обследованию всех обществ, в целях отбора наиболее здоровых из них, могущих быть использованными для нужд советского строительства.

В соответствии и в выполнение постановления февральского пленума ЦК ВКП(б), говорящего о том, что «на ряду с задачей

дальнейшего преодоления частного капитала в торговле и промышленности экономическими мерами, на первый план выдвигается задача подчинения частного капитала регулирующему влиянию пролетарского государства в целях использования частного капитала в интересах социалистического строительства», необходимо в дальнейшем, по изучении деятельности акц. обществ, положить в основу оздоровления практики акционерного строительства следующие принципы:

а) в дальнейшем утверждать и регистрировать лишь такие частные акц. о-ва, которые имеют производственные цели в нужных государству отраслях;

б) из уже существующих частных акц. о-в отступающие от устава и не занимающиеся производственной деятельностью, а также имеющие нездоровый торговый уклон общества должны быть после детального их обследования ликвидированы;

в) частные акц. о-ва должны получать право реализации продукции исключительно своего производства;

г) к названию частного акц. о-ва должно обязательно прибавляться слово «частное»;

д) желательно введение именных акций и обязательно введение именных акций в счет 10% акционерного капитала (учредительских акций), не подлежащих отчуждению;

е) деятельность частных акц. о-в должна быть строго ограничена определенными районами и определенными функциями (промыслами), особенно в области кустарной;

ж) минимум акционерного капитала для частных акц. о-в должен быть увеличен до 200.000—250.000 рублей;

з) деятельность частных акц. о-в должна ограничиваться сроком;

и) в отношении частных акц. о-в, доказавших свое стремление к развитию полезной государству производственной деятельности, должна быть пересмотрена в сторону облегчения кредитная и налоговая политика за счет большего нажима на чисто торговые частные акц. о-ва;

к) усиление надзора за деятельностью частных акц. о-в, в частности, пересмотр порядка и форм учета и отчетности в сторону большего их совершенствования;

л) увязка работы по надзору и регулированию деятельности частных акц. о-в с финорганами, кредитбюро и банками.

Мих. Питковский.

О работе городских советов.

Проводимая нашей партией политика оживления советов имеет своей целью ускорить процесс приобщения масс к советскому строительству и способствовать полному овладению трудящимися массами, и в первую голову пролетариатом, всем нашим государственным аппаратом. Эта задача чрезвычайно сложная и для своего разрешения требует длительного срока. Успехи в этом направлении будут соответствовать успехам в деле оживления горсоветов. Практика оживления горсоветов еще не велика, «настоящее оживление советов еще впереди»[1]), однако, уже и теперь можно подвести некоторые итоги и наметить пути дальнейшего их оживления.

Серьезным экзаменом для политики оживления советов и для практики их работы были перевыборы горсоветов 1927 г. *Предварительные* итоги перевыборов весьма знаменательны. Они показали, во-первых, что *политическая активность трудящихся города повысилась.* Сравнивая данные по одним и тем же 467 городам 3 союзных республик (РСФСР, БССР и УССР), мы имеем повышение процента явки избирателей по сравнению с выборами 25/26 г. на 7,3 (вместо 50,5—57,8) [2]).

Во-вторых, *наибольшее повышение активности дал пролетариат.* В то время, как неорганизованные избиратели повысили % явки на 1,2, красноармейцы на 7,8, члены профсоюзов дали повышение против прошлого года на 10,7 (с 61,4%—72,1) [3]).

В-третьих, *в пролетарских центрах рабочие проявили особо высокую активность.* Об этом свидетельствует, с одной стороны, очень высокий процент явки на крупных предприятиях ряда городов: в Москве, Ленинграде (95—100%), на патронном заводе в Туле (100%), в Костроме на текстильн. фабриках (86,4—94,4) и т. д., с другой стороны, это подтверждает следующая таблица:

В городах с колич. рабочих до:

10% явка рабочих	53,7
20% » »	63,8
30% » »	61,1
40% » »	63,1
50% » »	66,0
Свыше 50% » »	71,4

Она показывает строгую закономерность: чем выше % рабочих в составе населения, тем больше процент их явки.

[1]) Из речи т. Молотова о выборах в советы в 1927 г.
[2]) Бюллетень ЦИК СССР № 2.
[3]) Данные по 287 городам (48,2% всего числа городов РСФСР), Бюллетень ЦИК СССР № 2.

В-четвертых, *социальный состав вновь избранных горсоветов улучшился* (рабочих по соц. положению в 1927 г. 48,5% против 38,8% в 1925/26 г.) [1]).

В-пятых, мы имеем повышение % коммунистов в составе горсоветов (в 1925/26 г.—44,9%, в 27 г.—47,6%).

Таким образом, налицо крупные достижения в деле привлечения всех трудящихся к советам при одновременном усилении активности пролетариата и при упрочении пролетарских позиций в составе горсоветов. Особенно важно при этом отметить повышение в составе горсоветов % коммунистов, так как оно произошло при углублении методов рабочей демократии, при изжитии методов командования, при тщательном деловом обсуждении широкими массами кандидатур членов ВКП.

Огромной трудности, но абсолютно необходимая для укрепления диктатуры пролетариата задача оживления советов полностью себя оправдала в первые же годы ее применения.

Разумеется, достигнутые успехи являются результатами не только политики оживления советов. Большую роль в повышении активности пролетариата сыграло укрепление хозяйственной мощи страны, улучшение материального положения рабочего класса. В некоторых случаях советы упускают еще возможность выполнить роль организатора растущей активности пролетариата. Примером может служить тот факт, что в некоторых местах предвыборная отчетная кампания прошла сравнительно слабо, что явилось прямым следствием недостаточного внимания к этому со стороны советов. Однако, такого рода недочеты не могут уменьшить в сколько-нибудь значительной степени значения результатов политики оживления советов.

1. Вовлечение масс в советское строительство.

В черновом наброске проекта программы В. И. Ленин в 1918 г. писал, что «дальнейшее развитие советских организаций государства должно состоять в том, чтобы каждый член совета обязательно нес постоянную работу по управлению государством, на ряду с участием в собраниях совета, а затем в том, чтобы все население поголовно привлекалось постепенно к участию в советской организации (при условии подчинения организациям трудящихся), так и к несению службы государственного управления».

Эта задача, рассчитанная на полное уничтожение не только бюрократизма, но самой бюрократии, требует очень длительного периода, однако, «начало реализации этой возможности» (устранить бюрократию) намечалось В. И. еще в 1918 году.

Кое-какие достижения в осуществлении этой возможности мы имеем. Но очень незначительные.

Мы еще не сумели добиться, «чтобы каждый член совета обязательно нес постоянную работу по управлению государством». Даже в этом отношении советам предстоит еще большая работа. Мы располагаем данными по ряду городов, которые свидетельствуют о совершенно недостаточной посещаемости депутатами даже заседаний пленумов совета. В Брянской губ. ряд горсове-

[1]) Сравнит. данные по 348 городам РСФСР. Бюллетень ВЦИК № 2. Рабочих от станка 39,8% (440 город.) в 1927 г., в 1925—26 г. учет рабочих от станка имелся не всюду.

тов имеет максимальную цифру посещаемости 50%, при чем к концу года посещаемость вдвое ниже, чем в начале года. Даже по Москве средняя посещаемость в 1926 г. достигала всего 60%. В Ташкенте посещаемость секций равняется 19%, в Орле не все члены совета втянуты в работу секций, а в Бежице действительно работало только 20—25% состава совета.

Конечно, это никак невозможно примирить с фактом неуклонного роста активности пролетариата. Это может быть об'яснено только слабостью работы самих горсоветов и загруженностью другими общественными обязанностями членов совета (особенно это относится к коммунистам).

Одновременно с задачей по вовлечению в работу членов совета перед нами стоит задача *постепенного привлечения всех избирателей к участию в работе советов* «и к несению службы государственного управления».

Невозможно добиться действительного оживления советов без обеспечения участия в их работе широких рабочих масс. Между тем вовлечение в работу секций поставлено еще чрезвычайно слабо. За исключением 2—3 городов, где вовлечение произведено в значительной степени (Москва, Ленинград), в остальных городах оно либо вовсе не производится, либо практикуется в очень незначительных размерах. Как далеки еще от действительного вовлечения масс в советское строительство такие города, как Н.-Новгород (94 вовлеченных), Дятьково (22 вовлеченных) или Казань (4 вовлеченных)!

Помимо того, в составе вовлеченных отсутствуют рабочие с производства. В Нижнем-Новгороде, напр., всего 9 чел. рабочих от станка. Недостаточно вовлечена и молодежь. В Ленинграде, где вовлечение имеет все же значительные размеры—в Василеостровском совете и центральном районе в некоторых секциях нет ни одного представителя от комсомольской молодежи.

Приведенные данные говорят о еще далеко недостаточном проведении в жизнь постановления июльского пленума ЦК (26 г.) о том, чтобы «шире и решительнее, вовлекать во всю работу советов (секций, совещаний, комиссий) рабочих, крестьян и др. слои трудящихся».

Предстоящее развертывание работы по вовлечению нечленов совета в работу секций требует *регулирования* притока вовлекаемых.

Необходимость регулирования по *социальному* признаку видна хотя бы из того, что по всем секциям Моссовета произошло снижение % рабочих среди «привлеченных» на 11,3. В Казани в секциях совета рабочие от станка насчитываются единицами; особенно курьезно, что в секции труда этого совета не было ни одного рабочего!

При вовлечении рабочих важно учесть необходимость участия всех их прослоек с точки зрения *квалификации* и *производственного стажа.*

Сложнейшие хозяйственные задачи, которые необходимо разрешить советам, с особенной силой требуют вовлечения в советскую работу *рабочих высокой квалификации.*

Необходимо учесть те особенности, которые бывают иногда присущи некоторым элементам верхушки квалифицированных рабочих. Рост материального благосостояния рабочего класса повышает его активность. В верхушке квалифицированных часто встречаются такие рабочие, которые направляют свою активность совсем не туда, куда нужно. В результате нередко получается впадение в мещанскую ограниченность. Между тем, известно, что эта группа рабочих чрезвычайно близка к вопросам производства. Новая установка в работе советов, уделение внимания хозяйственным задачам делает вполне возможным на этой почве добиться приобщения этой группы рабочих к политической деятельности через работу в советах.

Примером слабого вовлечения в советскую работу рабочих *из новых кадров* с малым производственным стажем может служить харьковский паровозостроительный завод.

Многочисленный советский актив этого завода состоит на 85,4% из рабочих, имеющих 10-летний и выше производственный стаж, на 12,5% из рабочих, имеющих стаж от 9 до 3 лет, и только на 2,1% он состоит из рабочих со стажем до 3-х лет.

Громадное обновление рабочего класса за счет новых рабочих, имевшее место за последние годы, и то расширение рабочей силы, которое предстоит в ближайшем будущем [1]), требуют уделения самого серьезного внимания к вовлечению этой категории рабочих в советскую общественность.

Настоящий этап, характеризующийся первыми шагами по выполнению ленинского плана поголовного участия трудящихся в государственном управлении, требует прежде всего *популяризации* работы советов. В связи с этим стоит вопрос *о качественном отборе* привлеченных к работе секций. Результаты их работы должны служить лучшей агитацией за участие масс в работе советов.

На практике к отбору вовлекаемых подходят очень невнимательно. Разумеется, что привлечение к работе в советах на данном этапе должно быть основано на принципе добровольности. Нынешняя практика вовлечения носит нередко характер канцелярской разверстки.

Недостаточная посещаемость секций и массовый отсев прикрепленных к секциям (например, в Сокольниках при перерегистрации 1926 г. выбыло 300 членов секций, из них 200 рабочих) в сильнейшей степени дискредитирует работу секций.

Ставя себе задачу расширения количества участников работы в секциях совета, параллельно с этим необходимо принять меры к закреплению на советской работе активных членов секции, *к созданию кадров советского актива.* Препятствует этому слишком большая обновляемость состава многих горсоветов (в Брянске обновлен на 86%).

Беспартийная часть совета, в значительно меньшей степени выделяет кадровиков—советских деятелей, чем партийная. Например, в Москве партийная часть совета прошлого созыва дала 22,8% в составе нового совета (1927 г.), а из беспартийной части вторично избрано только 3,8%. И в отношении руководящих органов совета, закрепление в них беспартийных проходит очень плохо: например, в Клинцах партийная часть президиума обновлена на 33%, а беспартийная часть—на 100%. Конечно, тут следует учесть то обстоятельство, что работа в советах является одной из школ коммунизма, одним из каналов по вовлечению

[1]) Пятилетний перспективный план развертывания промышленности (Госплана) предполагает увеличение в течение ближайших 4 лет числа рабочих только в кр. промышл. на 524 т., а по строительству—на 814 т.

в партию, однако, несомненно, что на создание беспартийного советского кадра это может влиять только частично.

Оживление советов теснейшим образом связано с *выдвижением*. Оно является условием, без которого оживление советов неполно, так как последнее и включает в себя понятие выдвижения широких беспартийных рабочих и крестьян на ответственную работу в госаппарате.

Практика выдвижения в госаппарат со стороны советов чрезвычайно незначительна. Чуть ли не единственный Московский Совет, который практиковал у себя сколько-нибудь значительное выдвижение. Опыт Москвы нужно приветствовать. Однако, необходимо избегать тех ошибок, с которыми было связано это выдвижение. Оно в значительной степени теряет свою ценность, потому что было произведено не путем систематического отбора наиболее активных рабочих—советских деятелей, а путем единовременных кампаний. Выдвижение коснулось, главным образом, депутатов. Из нечленов советов работников секций за 1925—26 г. выдвинуто всего 7 чел. Если сопоставить эту цифру с многими тысячами привлеченных к работе советов, то % выдвижения из этой группы будет весьма и весьма незначителен. Советы в области выдвижения в госаппарат должны усилить свою роль, проявить, увязывая свою работу с профсоюзами, большую инициативу и добиваться выдвижения всех активных своих работников (как членов совета, так и привлеченных к работе секций).

Правильная работа советов требует четкой и согласованной работы всех звеньев (пленум, президиум, бюро секций, пленум секций). Особенно вредно для оживления советов, когда массовые их звенья: пленум, секции, комиссии—работают вхолостую. Не без труда осуществляется привлечение секций к обслуживанию важнейших вопросов советской деятельности. Практика еще изобилует фактами, когда секциям или вовсе не поручается предварительная проработка вопросов президиума или пленума совета, или обсуждается ими «по собственной инициативе» (Н.-Новгород), т.-е. без уверенности, что с мнением секции обязательно будут считаться; или же имеется еще в практике положение, когда планы работы секций совершенно не увязаны с деятельностью президиума. В результате такого порядка вопросы решаются сначала на президиуме, а потом уже переносятся на обсуждение секции. Для примера: в Ижевске доклад о работе жилищного п/отдела проходил именно так. Таким образом, форма была соблюдена: секции обсуждали вопрос, главная же задача секции—*предварительная проработка* вопроса—была смазана.

Для делового воспитания всей массы членов секций и привлеченных к их работе необходимо обсуждение всех вопросов со всей серьезностью и ответственностью за порученное им дело. Деловое воспитание масс в управлении, требует гораздо большего внимания со стороны руководящих советских органов (президиумов) к массовой работе совета. Не может быть терпимо формально-бюрократическое отношение к работе секций. Оно выражается в некоторых советах в том, что к решениям секций относятся несерьезно, их обсуждают пачками, исправляют решения секций невнимательно и не доводят об этом до сведения секций.

Со стороны самих секций отсутствует проверка выполнения принятых секциями решений. В результате добрая половина решений не проводится в жизнь.

Отсутствует также руководство работой различных комиссий и прикрепленных членов советов к учреждениям. Безнадзорность этих звеньев массовой работы, понижает активность их участников и наносит большой вред делу оживления советов.

2. Оживление советов с точки зрения содержания их работы.

Для того, чтобы горсоветы могли организовать и руководить растущей активностью масс, им нужно в своей работе достигнуть такого уровня, который удовлетворял бы избирателей.

Вопрос *о содержании* работы советов в значительной степени зависит от предоставленных горсовету прав. Без самостоятельного бюджета, без права распоряжаться всеми городскими источниками доходов, без самостоятельных исполнительных органов (президиумов) советы могут существовать лишь формально.

С введением положения о горсоветах (1925 г.), обеспечивающего их права, содержание работы должно было коренным образом измениться. Однако, в 2-х союзных республиках (ЗСФСР и УзССР) совершенно отсутствуют положения о горсоветах, что предполагает отсутствие у них финансовых и хозяйственных прав и что в республиках, где положения о горсоветах узаконены, на практике в очень многих случаях они не применены.

Между тем практика применения положения внесла действительное оживление в деятельность горсоветов, способствовала тому, что горсоветы подошли вплотную к работе по обслуживанию коммунальных нужд населения, что привело между прочим к значительному оживлению работы секций.

Однако, в работе советов мы имеем совершенно неприемлемое положение—почти полное отсутствие внимания к основным вопросам нашего хозяйственного строительства.

Задачи снижения цен, рационализации производства, режима экономии и борьбы с бюрократизмом советами вовсе не разрешались, или разрешались в отдельных городах чрезвычайно слабо. Между тем роль советов, как организаций, через которые должны проходить все мероприятия по хозяйственному строительству, огромна.

Наиболее полное участие профсоюзов, кооперации и др. организаций в деле рационализации производства, снижения цен, режима экономии и т. п. прямо предполагает об'единение советами их усилий, координирование их действий, помощь своим авторитетом в проведении в жизнь мероприятий, выдвинутых этими организациями.

Основная гарантия успеха в реализации намеченных экономических задач заключается в привлечении самых широких масс трудящихся и в первую голову пролетариата к практическому участию в работе. Без участия масс не может быть речи о действительном успехе. Всякие ведомственные мероприятия в решении любой из громаднейших задач, связанных с индустриализацией страны, рационализацией производства, снижением цен, борьбой с бюрократизмом и с режимом экономии, без помощи масс могут не достигнуть своей цели, остаться висящими в воздухе и погибнуть. Это выдвигает на центральное место советы рабочих

депутатов—эти гигантские аккумуляторы пролетарской энергии и активности. Задача дня—развязать эту активность и направить ее на разрешение центральных задач, выдвинутых партией.

Первые шаги работы показывают, что советы могут заниматься не только заслушиванием докладов о ходе работы по этим кампаниям, хотя и это имеет большое значение (при условии, если будут выноситься конкретные решения и проверяться их выполнение), но советы могут силами своих членов и привлеченных к советам принять непосредственное участие в работе. Примером может служить Хамовнический совет. Одна из его секций приняла активное участие в 88 обследованиях, произведенных РКИ. Особенно ценно то, что были организованы повторные обследования для проверки выполнения принятых по этим обследованиям решений. Следует отметить также работу членов секции Сталинградского совета—они добились за счет уменьшения накладных расходов снижения цен на ряд товаров. Важно учесть также положительный опыт работы Моссовета. Его промышленная секция, наблюдая за работой производственных совещаний заводов и находя невнимательное отношение к их предложениям, посчитала себя вынужденной «вмешаться» и добиться проведения ряда целесообразных мероприятий.

То центральное место, какое должен занимать совет в борьбе с бюрократизмом, неотложно требует, чтобы во всех без исключения советах были организованы секции РКИ.

Работа отдела РКИ и секций РКИ по борьбе с бюрократизмом, злоупотреблениями, халатностью не освобождает, конечно, других отделов совета и секций от этой работы. В этом отношении интересен опыт Моссовета. На ряду с секцией РКИ при всех других секциях организованы небольшие комисси по контролю за аппаратом соответствующего отдела. Центральная секция РКИ в своей работе могла целиком использовать деятельность этих секционных ячеек по борьбе с бюрократизмом.

Для больших городов с многочисленными предприятиями и учреждениями организация при всех секциях комиссий по борьбе с бюрократизмом аппарата соответствующего отдела вполне целесообразна.

Задачи, связанные *с режимом экономии*, в очень большой степени разрешаются бережным и экономным расходованием государственных средств со стороны самого советского аппарата. Участие советской общественности в этой кампании должно итти не только через финансово-бюджетные секции. Помимо них, все секции должны принимать участие в обсуждении как общего бюджета, так и бюджета соответствующего отдела. При чем секции должны проверять целесообразность всех заявок и осуществлять контроль над тем, как отпущенные суммы расходуются.

Практика показала, что в деле *снижения цен*, работавшие в этом направлении горсоветы добились положительных результатов. Контроль над выполнением директивы о снижении цен осуществляется главным образом через массовые обследования членами советов и секций и прикреплением их к торговым и кооперативным организациям.

Несмотря на всю ценность этой контрольной работы, обеспечивающей интересы потребителей, роль советов в деле снижения цен не может этим ограничиться. Советы должны обсуждать

и выносить решения по вопросам снижения цен не только по уже выполненной работе, но и должны проявить инициативу в дальнейшем снижении цен. Кроме того, они должны влиять на характер предполагающегося снижения цен с точки зрения хотя бы ассортимента снижаемых товаров. Как известно, по этому поводу больше всего нареканий со стороны широких масс потребителей.

Разумеется, что вся эта работа может протекать при условии, если организована специальная секция совета, занимающаяся вопросами торговли, а между тем в очень многих городах таких секций еще нет. Поэтому основным условием для мобилизации широких масс избирателей и в первую очередь членов советов для борьбы со всеми недостатками торгово-проводящего аппарата является организация торгово-кооперативных секций.

Мы видим, что для двух важнейших задач нашего строительства: борьбы с бюрократизмом и снижения цен—советы не имели у себя соответствующих секций, где могла бы быть сосредоточена общественная активность.

В таких же условиях находится работа *по рационализации производства*. Во многих горсоветах отсутствуют секции по вопросам промышленности. Существующие промышленные секции в очень слабой степени связывали работу с задачами рационализации. Силой авторитетности совета, его прямых прав в отношении местной промышленности советы могут добиться в необходимых случаях наиболее быстрого проведения мероприятий, предложенных местными производственными совещаниями. Будучи высшим органом власти данной территории, совет должен быть в курсе того, как проходят эти важнейшие кампании. Он должен регулярно заслушивать доклады о ходе рационализации. Сосредоточивая всю работу по рационализации в промышленной секции, советы должны использовать работу отдела РКИ и отдела труда.

Работы РКИ в области рационализации производства должны опираться не только на свою секцию, не только на производсовещания, но и на советскую общественность, в данном случае на промышленную секцию.

Что касается отдела труда и его секции, то они должны быть вовлечены в дело рационализации главным образом с точки зрения борьбы с извращенными приемами рационализации производства, ведущими к ухудшению условий труда рабочих.

В работе же по борьбе с бюрократизмом и за режим экономии комиссиям совета, производящим обследования, необходимо держать теснейшую связь с экономкомиссиями месткомов обследуемых учреждений.

В работе по проведению снижения цен, кроме связи с экономкомиссиями месткомов торговых и кооперативных учреждений, советам необходимо привлечь к работе и лавочные комиссии.

Вопрос о возможности для местных советов принимать участие и осуществлять контроль в области рационализации производства, режима экономии и т. д. в предприятиях и учреждениях, *управляемых из центра*, является чрезвычайно важным. По этому поводу часто бывают недоразумения между хозяйственниками и местными советами. Нужно категорически указать, что советы являются высшими органами власти и им принадлежит право контроля над деятельностью всех без исклю-

чения учреждений и предприятий, расположенных на территории города.

В своей практической работе советы ни на одну минуту не должны забывать, что они являются не только органами хозяйственного самоуправления, но что они по природе своей являются органами диктатуры пролетариата. Это должно наложить глубокую печать на всю деятельность советов. Внимание политическим вопросам должно быть неослабным. Это особенно важно потому, что в связи с хозяйственным под'емом страны и необходимостью обслужить бытовые нужды населения некоторые горсоветы ударились от «торжественных» заседаний к заседаниям, на которых политические вопросы почти отсутствуют. Диктатура пролетариата требует от советов выполнения их роли, как политических организаторов масс, полностью. Политически организовать массы—это значит сплотить их вокруг хозяйственных задач пролетариата, являющихся в данное время задачами сугубо политическими, с другой стороны, советы должны выковывать и пролетарскую линию, неослабно следя за борьбой пролетариата с капитализмом. Вопросы рабочего движения, внутренних социально-политических процессов должны регулярно обсуждаться на заседаниях совета.

Мы обращаем на это внимание потому, что некоторые советы не представляют на обсуждение пленумов совета таких важных вопросов, как итоги перевыборов советов, роль частного капитала в данном городе и т. п.

Деловая работа заставит советы покончить с «политической трескотней». Это очень хорошо. Однако, обсуждение политических вопросов является абсолютно необходимым, без чего советы своей роли организаторов миллионных масс не выполнят.

3. Связь советов с избирателями.

Мы закончим наши замечания к практике работы горсоветов вопросами «*связи и отчетности*» как самого совета, так и его депутата с избирателями. Этот вопрос имеет громадное значение и является элементарным условием оживления советов. На него следует обратить внимание хотя бы потому, что регулярная отчетность большинства горсоветов перед депутатами отсутствует. Отчитываются обычно при перевыборах советов. Конечно, такая редкая отчетность не может удовлетворить избирателей. Не удовлетворяет их очень часто и характер отчетности депутатов. Она часто бывает однобока: то она освещает деятельность совета в целом, то совершенно не затрагивает наказа; в особенности тех добавлений, которые были внесены данной группой избирателей, то совершенно умалчивается деятельность самого депутата и т. п.

В частности, оценка работы самого депутата очень важна для использования избирателями своего права *на отзыв* депутатов. Благодаря слабо поставленной отчетности и недостаточному раз'яснению массам этого их права (имеющего огромное значение для борьбы с бюрократизмом), отзыв депутатов избирателями практиковался в самых редких и немногочисленных случаях.

Слабость связи советов с избирателями заставляет с особенным вниманием отнестись к мероприятиям некоторых советов, поставивших себе целью ее улучшить. К этим мероприятиям

относятся: усиление роли общей и заводской печати в деле освещения деятельности советов; организация открытых собраний советов с приглашением на них через депутатов избирателей; регулярные посещения членами президиума предприятий и организация дежурств депутатов в красных уголках, фабкомах и т. п., при чем эти посещения и дежурства используются для бесед, раз'яснений различных мероприятий совета, для приема жалоб. В некоторых городах на крупных предприятиях организованы группы из членов совета и привлеченных к работе в его секциях. Эти группы об'единяют советский актив на предприятии, организуют и распределяют между ними работу, налаживают регулярную отчетность и устанавливают связь совета с фабриками и заводами.

Подводя итоги перевыборов советов, мы констатировали слабый рост активности *у неорганизованных* групп избирателей (1,2%). Об'ясняется это отчасти слабой связью советов с этой группой избирателей. В связи с этим необходимо поставить вопрос об усилении этой связи и о более полном привлечении их к советской работе. Не говоря уже о том, что вовлечение неорганизованных в профсоюзы женщин, в особенности жен рабочих (дом. хозяек), имеет огромное значение для связи советов с населением, немаловажным является и вовлечение мелкобуржуазных слоев города. Этим путем можно также добиться политической и экономической изоляции кустарной буржуазии. Наоборот, невнимательное отношение к кустарно-ремесленной массе, слабая связь с ними советов, будет толкать их к сотрудничеству с кустарной буржуазией.

Целесообразно на первых порах использовать уже имеющийся опыт и организовывать специальные комиссии при советах по работе с неорганизованным населением. В этой комиссии должны быть представители женотдела, промысловой кооперации и депутатов от неорганизованных.

* * *

Значение оживления горсоветов должно быть усвоено всем рабочим классом и прежде всего его партией. Несмотря на решение партийных организаций и ЦК, к этому делу со стороны местных организаций часто еще проявляется недостаточное внимание. О горсоветах обычно говорят и решают в связи с их перевыборами. Между тем сложность задачи, сугубо политическое значение, роль советов в деле решения хозяйственно-экономических задач требуют неослабного, систематического внимания партии к этому вопросу.

Огромные достижения, полученные при перевыборах советов 1927 г., говорящие о сильном росте активности пролетариата, подводят прочную базу под политику оживления советов. Эта активность есть основной залог успеха партии в решении задачи оживления деятельности горсоветов.

Г. Сафаров.

Наступление капитала в сибирской деревне.

(Кричащие факты).

1. Каким путем происходит классовое расслоение?

Проведенное Сибирским Краевым Комитетом ВКП(б) обследование сибирской деревни, вне всякого сомнения, является крупным шагом по пути выяснения фактического положения деревни. Высказать то, что есть—первейшая предпосылка для правильного политического руководства, для действительного упрочения и углубления союза рабочего класса и крестьянства.

Эти материалы дают нам более или менее всестороннюю картину жизни крестьянской массы и в то же время указывают, по *какой новой дороге* пробиваются капиталистические тенденции, в какой новой форме они выступают.

Все это обследование служит живой, жизненной иллюстрацией одного из самых основных тезисов тов. Ленина: «Пока остается частная собственность на средства производства (напр., на земледельческие орудия и скот, если даже частная собственность на землю отменена) и свободная торговля до тех пор остается *экономическая основа капитализма*. И диктатура пролетариата есть единственное средство победоносной борьбы с этой основой, единственный путь к уничтожению классов, без которого о действительной свободе для человеческой личности,—а не для собственника,—о действительном равенстве, в социально-политическом отношении, человека и человека, а не лицемерном равенстве собственника и неимущего, сытого и голодного, эксплоататора и эксплоатируемого—не может быть и речи».

В Сибири не было помещиков, там имеется еще и до сих пор довольно значительный земельный простор, а в то же время в Сибири нет крупных промышленных центров, центров такого значения, чтобы они могли накладывать решающий отпечаток на всю окружающую среду. Именно эти обстоятельства позволяют капиталистическим тенденциям развиваться в сибирской деревне гораздо более быстрым темпом и в более открытом виде, чем в центральных районах.

Сибирское обследование вскрывает болячки и прорехи нашей крестьянской политики, поскольку оно устанавливает, по каким незащищенным местам бьет нас враг.

Прежде всего, происходит подвижка всех хозяйств вверх, что показывает общее движение народного хозяйства вперед. Но эта подвижка вверх носит чрезвычайно условный характер, так как процесс классового расслоения на более высокой ступени

расширяется, усиливается и углубляется. Сибирские данные в этом отношении представляют исключительный интерес. Они отметают прочь всякие иллюзии, всякий сладенький самообман насчет того, что один стихийный рост производительных сил сам по себе способен нас приблизить к социализму, способен обеспечить победу кооперативно-социалистических тенденций над капиталистическими. Перед нами вырисовывается горькая действительность, не прикрашенная чиновничьим оптимизмом. Обследование в Меньщиковском районе Барабинского округа выяснило, что там имеется *38% бедняцких хозяйств*. В Любинском районе Омского округа оказалось, что 35—40% хозяйств с посевом до 1 десятины, бесскотных или с 1—2 головами скота.

Известно, какие горячие споры года полтора назад вызвал вопрос о «лодырях» в рядах деревенской бедноты. Обследование сибирской деревни просто и точно устанавливает, что «кличкой «лодырь» злоупотребляют в деревне так же, как ранее злоупотребляли кличкой «кулак». Такие разговоры, без сомнения, являются отражением настроений кулацких и зажиточных верхов деревни» [1]). Слой зажиточных и кулаков растет неудержимо за счет батрака, бедняка и маломощного середняка. Но поднимается он в гору не старыми, а новыми, более кружными путями. Стороной, в обход он подбирается к мобилизации земельной собственности, которая не имеет для него прежнего самодовлеющего значения. Кулак и зажиточный растут, в первую голову, на основе накопления средств производства.

По Старо-Бардинскому району Бийского округа за два года—1925—1926 гг.—зажиточные хозяйства численно выросли на 3,3%, по посеву же они выросли на 10,3%, по рабочему скоту—7,8%, по коровам—5,6%. «*Быстрота роста средств производства более численного роста хозяйств в два раза, а в отношении молотилок в 7 и ульев 6 раз*» [2]).

В Старо-Бардинском районе бедняцкая группа, составляющая *43,9% населения*, владеет *14,9% посева*, 20,4% рабочего скота, коров—27,5%, молодняка—21%, *сельскохозяйственного инвентаря—16,1%, ульев—15%*. Группа зажиточных, составляющих *4,5% населения*, имеет *15,1% посева*, 10,8% рабочего скота, 8,1% коров, 11,1% молодняка, *10,2% сельскохозяйственного инвентаря, 24,4% ульев* [3]).

В Любинском районе Омского округа число хозяйств с посевом от 1 до 2 десятин на едока за 1926 г. увеличилось на 27%, с посевом от 2 до 3 дес. на едока—на 54%, с посевом свыше 3 дес.—на 42% [4]).

В Родинском районе Славгородского округа мы имеем подобную же картину. Группа бедняцких хозяйств, включающая в свой состав и беспосевные и бесскотные хозяйства, а также хозяйства с посевом до 3—4 десятин и с 1—2 головами скота, в 1924 г. исчислялась в 49,7%, в 1925 г.—в 46,8%, в 1926 г.—в 39,1%. Середняцкая группа соответственно составляла 46,4%, 48,2%, 53,2% всех хозяйств. Кулацко-зажиточная категория, имеющая от 10—15—20 и больше десятин от 5—10 и больше голов скота

---

[1]) Материалы обследования сибирской деревни.—Заларинский район. Изд. Сибкрайкома. Стр. 13.

[2]) Старо-Бардинский район, стр. 11.

[3]) Там же.

[4]) Любинский район, стр. 14.

на хозяйство, в 1924 г. составляла 3,9% всех хозяйств, в 1925 г.— 5%, в 1926 г.—7,7% [1]).

Обследование Заларинского района Иркутского округа установило, что кулацко-зажиточные слои «*растут, главным образом, через машину*» [2]).

В селе Белоярском Абаканского района Минусинского округа в 1924 г. бедняцкая группа (до 4 дес. посева) владела 56,5% общего количества плугов, в 1926 г. на ее долю приходилось лишь 38,31% всех плугов. Зато кулацко-зажиточная группа, владевшая в 1924 г. 8,97% всех плугов, в 1926 г. владела уже почти четвертью общего количества или 24,07% [3]).

Обеспеченность сложными сельскохозяйственными машинами (жнейками, сенокосилками, конными граблями, молотилками, сеялками и т. д.) различных классовых групп еще более красноречиво свидетельствует о расслоении деревни: бедняки имели 29,14% всех машин в 1924 г. и лишь 15,39% — в 1926 г., середняки—соответственно 54,83% и 37,16%, кулаки и зажиточные—16,03% и 47,45% [4]).

Без всякого преувеличения можно сказать, что *эти цифры кричат, кричат об американском темпе роста зажиточно-кулацкого хозяйства. Через этот бешеный темп, с помощью его пробивается* «*американский тип развития аграрного капитализма*» [5]). на земле, очищенной от всех старых перегородок.

Устряловы и Кондратьевы выражают подспудную силу роста этих слоев, классово-враждебных пролетариату, стремящихся отнять деревню у пролетарской диктатуры и до поры, до времени прикрывающих этот «зов классового нутра» ханжеством и воздыханиями о прогрессе производительных сил.

В Б. Могильском Любинского района Омского округа, в достаточно заброшенном сибирском захолустье, кулак восстает против советской конституции на том основании, что «*нельзя будет развить культурные хозяйства, поскольку всякий культурный хозяин будет зачислен в кулаки и лишен избирательных прав*» [6]). Кулак сознает себя живым олицетворением стихийного роста производительных сил на частнособственнической, капиталистической основе.

«Если будут *передовиков* лишать права голоса, то мы откажемся вести культурное хозяйство»,—так говорят в Заларинском районе под Иркутском [7]).

«Возьмите на государственную службу (!) батраков, мы через них лишаемся избирательных прав... Зачем укоряете зажиточного за то, что он кормит батрака и *дает ему возможность стать на ноги и сделаться хозяином*» [8]). Это мы уже слышим из другого конца Сибири, из Минусинского округа. Кулак практически бо-

---

1) Родинский район, стр. 10.
2) Заларинский район, стр. 26.
3) Абаканский район, стр. 23.
4) Там же, стр. 24. Сравни взгляд Вл. Ил.: «***Главная*** линия развития *капиталистического* земледелия состоит именно в том, что *мелкое* хозяйство, оставаясь мелким *по площади земли*, превращается *в крупное по размерам производства, по развитию скотоводства, по размерам удобрения, по развитию применения машин и т. п.*». («Новые данные о законах развития капитализма в земледелии»). т. IX (2 изд.), стр. 231.
5) В. И. Ленин, т. XX, ч. 1, стр. 275.
6) Любинский район, стр. 62.
7) Заларинский район, стр. 17.
8) Абаканский район, стр. 5.

рется *за свой* путь развития производительных сил, за тот «анархический капитализм», в котором т. Ленин видел нашего главного врага. Распространение наемного труда и арендных отношений—особенно в Сибири—не является главным показателем или барометром кулацкого роста. Во-первых, учет здесь чрезвычайно затруднен, и в подполье сосредоточивается много больше, чем на легальной поверхности. Во-вторых, советские условия заставляют кулака предпочитать открытой эксплоатации скрытую эксплоатацию.

В Родинском районе Славгородского округа «главными арендаторами всех земель являются зажиточные и середняки, на долю которых падает 98,4% всех арендующих хозяйств и 99,9% всей арендованной земли. Сдатчиками земель в аренду (трудовых) являются исключительно беспосевный и малопосевный бедняк и батрак, и в редких случаях советский служащий и кустарь» [1]). «Из числа арендующих хозяйств 41 процент применяют наемный труд. Из общего же количества всех хозяйств в районе лишь 14,2 процента нанимают батраков» [2]).

В Старо-Бардинском районе Бийского округа арендуют землю по преимуществу середняки (68,6%), сдатчиками же на 53,8% являются бедняки [3]).

Кулак и зажиточный окапываются главным образом *под прикрытием машины*. Машины сдаются в прокат, и за это взимается мзда. С помощью машины эксплоатируются беднота и маломощные. Машина становится центром, узловым пунктом всех кабальных отношений, складывающихся за спиной советской власти.

Такова диалектика развития классовых взаимоотношений в нашей современной обстановке. В известном смысле, классовое расслоение и классовая борьба происходят под сурдинку. Однако, от этого они не приобретают более невинный характер по существу.

2. Кулацкое наступление на командные высоты.

Кулак наступает на командные высоты советского государства. В Сибири он бьет по двум важнейшим позициям—по машиноснабжению и сельскохозяйственному кредиту.

Машиноснабжение и сельскохозяйственный кредит по сути дела должны быть главнейшим средством социалистического регулирования нашей деревенской экономики. В действительности же зачастую выходит как раз обратное. Кулацкая стихия, захватывая в нижних этажах дело распределения машин и кредитов, использует его в своих интересах, в целях прямого поощрения и покровительства сельскохозяйственному капитализму. Уже один тот факт, что кулак растет через машину, доказывает, что кулак научился по своему эксплоатировать советскую экономическую «легальность».

Сибирские данные в этом отношении сигнализируют крупнейшую опасность. Казалось бы, машина советского производства, попадающая в деревню, служит магнитом, притягивающим отсталую крестьянскую массу к социалистическому движению вперед.

---

1) Родинский район, стр. 14.
2) Там же, стр. 15.
3) Старо-Бардинский район, стр. 20.

А на практике оказывается, что эта машина, попадая в руки кулака, поворачивается против диктатуры рабочего класса, против союза рабочих и крестьян.

Вот примеры. По Ярульскому кредитному товариществу в 1925—26 г. беднота получила машинных ссуд 7,8%, зажиточные—31,2%; по Ирбейскому товариществу—беднота получила 7,3%, а зажиточные—24,9% машинных ссуд [1]).

В 1925—26 г. по Ярульскому товариществу *беднота приобрела 5,17% простых машин и совсем не получила сложных машин; зажиточные же приобрели 33,09% простых машин и 66,7% сложных* [2]).

Про это «товарищество» по обеспечению богатеев машинами беднота говорит: «Там находятся зажиточные, *взяли в свои руки машины, теперь хотят всю деревню прибрать к своим рукам*» [3]).

Обследователи Меньщиковского района Барабинского округа пришли к выводу, что «колоссальные по величине и выгодные по условиям расчета государственные средства (от Сибторга), брошенные в район в качестве кредита по линии маслодельной кооперации, долженствовавшие способствовать экономической революции в деревне, направляя ее в русло социалистического строительства,—такого действия не произвели [4]). Средства, распределенные среди населения без учета классовой линии, без целевого их назначения, пошли по линии поддержки главным образом крепких и даже *кулацких* хозяйств, при этом использованы непроизводительно, не оказав необходимого влияния на увеличение молочного скота или интенсивности молочного хозяйства, как основы экономики района» [5]).

По Степнинскому кредитному товариществу на приобретение сельхозмашин пошло 41,5% всех ссуд. И вот результат: «24% зажиточных, вполне экономически крепких хозяйств, получили более 40% всех выданных кредитным товариществом средств, а 32% хозяйств бедняцких и маломощных—только около 20%. Еще резче эта разница «помощи» выражается, если взять среднюю ссуду на одно хозяйство: *хозяйства крепкие получают почти в 10 раз больше ссуду, чем бедняки*» [6]).

А между тем, этот район тракторизируется головокружительным темпом: в 1924 г.—ни одного трактора, в 1925 г.—6, в 1926 г.—81 трактор [7]).

В машинных товариществах района хозяйства с 3 лошадьми и больше составляют 38,8%, хозяйства со сложными машинами—если брать группировку по инвентарю—63,3% [8]).

В Абаканском районе Минусинского округа за 1925—26 г. 18,4% сельхозмашин и орудий было продано беднякам, 54,6%—середнякам, 27%—зажиточным [9]).

Про машинное товарищество в селе Холмогой Заларинского района обследователи наивно замечают, что оно страдает определенным «уклоном»: «маш. товарищество с момента его организации количественно совершенно не растет, и, что главное, члены т-ва сознательно не принимают никаких мер к расширению его состава за счет бедняков, замкнувшись в свой круг—7 чел. Это об'ясняется тем, что члены маш. т-ва решили сами воспользоваться всеми машинами и теми льготами, которые они получают от кредитной кооперации, имея в виду машины эксплоатировать, главным образом, на стороне» [1]). Таким образом, при «удовлетворительном» социальном составе—3 середняка и 4 бедняка!—все же совершается загнивание на почве своеобразной кооперативной монополии.

1) Ирбейский район, Канского округа, стр. 9.
2) Там же, стр. 10.
3) Стр. 11.
4) Суконно-бюрократический язык подлинника.
5) Меньщиковский район, стр. 20.
6) Любинский район, стр. 32.
7) Стр. 11.
8) Стр. 39.
9) Абаканский район, стр. 51.

В Родинском районе Славгородского округа, «по данным за 1926 год, через Родинское и Вознесенское кредитные товарищества продано 206 разных машин и орудий, из них лобогреек и сенокосилок 135, плугов разных 69 и 2 молотилки.

Покупателями были:	По посевности.	По лошадности.
Бедняки	5	4
Середняки	75	77
Зажиточные	20	19

Машиноснабженческий кредит был крайне недостаточен, плуги продавались преимущественно за наличные, лобогрейки и сенокосилки—на два урожая с задатком наличными до 50%. При этих условиях машина для бедняка оказалась недоступной» [2]).

Кулаки и зажиточные давно уже отбросили тактику «непризнания» советских порядков. Напротив того, они их «признают», чтобы перевернуть вверх ногами. Дело доходит даже до «сочувствия» коллективизации! «Зажиточный слой деревни,—рассказывает обследователь Барабинского округа,—имеет сильное стремление к коллективной форме хозяйства. Возможно, они возникают по соображениям, высказанным в частной беседе одним из членов артели «Красная Заря», крестьянином Строль. Он говорит: «Батраков держать нет возможности, они стали ленивы, а, вовторых, кто держит батраков, того лишают голоса... В артели с трактором можно обойтись без наемной силы». Второй член этой артели во время заседания задал такой вопрос: «Можно ли об'единить скот в коллективе и можно ли будет им пользоваться в то же время в своем хозяйстве?» Очевидно, что *кулаки и зажиточные цепляются за коллективную форму хозяйства, как за средство укрытия эксплоататорских побуждений. Но основная цель их, понятно, сводится к машинизации хозяйств*» [3]).

Тут все, как на ладони. Если нужно пролезть через игольное ушко коллективизации, чтобы получить машину, то кулацкий верблюд не остановится перед этим препятствием. *И коллективизацию, и кооперирование, и вообще «врастание в социализм» кулак готов принять, как зацепку, легальную возможность, мостки для дальнейшего развития аграрного капитализма.* Он не настолько наивен, чтобы думать, что форма определяет содержание. Он не верит в постепенное отмирание классов в обстановке растущего классового расслоения, но, разумеется, не брезгует

1) Заларинский район, стр. 40.
2) Родинский район, стр. 26.
3) Меньщиковский район, стр. 26.

пользоваться чужими иллюзиями и чужой наивностью на этот счет. Кулак и зажиточный прибирают к рукам все средства влияния на массу. Через «коллективизацию» они получают машины; опираясь на свой экономический удельный вес, они затем плетут вокруг себя тенета своей классовой общественности.

Характерна судьба земельных обществ, до сих пор существующих как бы вне рамок советского строя. В Заларинском районе, напр., «обследование выявило, что *во главе земельных обществ преимущественно стоят кулаки и зажиточные.* Примеры: Заларинское земельное общество—Гусев, зажиточный, бывший торговец; Б. Заимка—Херувимчиков, кустарь, имеет пять наемных рабочих; Троицкий завод—Борисов, кулак, бывший торговец; Петроградское—Быков, зажиточный; село Холмогой—Ленский, бывший белый чиновник. В некоторых селах председателями являются бедняки, находящиеся под влиянием зажиточных. В рике нет даже сведений о социальном положении председателей, а если и есть, то неверные, например, Борисов (кулак) числится середняком. Таких примеров можно привести много. На земельные общества не обращается никакого внимания: никто—ни сельсовет, ни ячейка, ни райком, ни рик—ими не руководит, и поэтому деятельность их протекает вне всякого контроля и воздействия. В районном центре Залари, перед собранием земельного общества, где верховодят кулаки, не было даже собрания бедноты, никто не явился от ячейки, не организовали бедноту, и никто не дал отпора ряду кулацких выступлений. Если такая картина наблюдается в селе, где есть рик и райком, то станет ясно, насколько печально обстоит дело на местах. В результате—*земельные общества* превратились в органы, совершенно автономные от сельсоветов и *представляют* на ряду с ними (сельсоветами) вторую *власть, вершащую дела против интересов бедноты.* Отсюда становится понятным, почему зажиточные и кулаки захватили власть в земельных обществах, ибо это дает им возможность, пользуясь своим влиянием, гарантировать себя от отчуждения части своих земель при переделах» [1]).

Про Любинский район Омского округа мы узнаем следующее: «Общая площадь земель крестьянского пользования в районе исчисляется в количестве 330.181 дес., из них проведено землеустройство (вместе с земельной регистрацией) 147.846 дес. или 40% всей площади. Землеустройство всюду возникало по инициативе самого населения. Вопрос о проведении землеустройства поднимала беднота. Главной причиной, побуждавшей к землеустройству, явилась широко распространенная система захватного землепользования, которая продолжала оставаться до самого последнего момента. Беднота при захватной системе вынуждена была пользоваться плохими, уже выработанными землями, и, наоборот, зажиточные имели возможность поднимать новые земли или хорошо отдохнувшие залежи. *Наличие машин, наличие тяговой силы давало возможность поднимать новые земли, а бедняк не мог этого делать»* [2]).

Окольными, кружными путями подбирается кулак к задаче мобилизации земельной собственности с тем, чтобы превратить советскую национализацию земли в буржуазный «*лэндлордизм без лэндлорда»* [1]), в господство крупнокапиталистического земледельческого хозяйства, освобожденного от всяких сословных пут. Готовясь к прыжку, он старается создать в своем хозяйстве такой технический и экономический перевес, который бы мог заранее предрешить его полную победу в земельном вопросе. Машинизация хозяйства деревенской верхушки, эта «индустриализация» по-кулацки или «*кулакизация» машины,*—процесс, столь существенный, что было бы безрассудством закрывать на него глаза.

[1]) Заларинский район, стр. 55.
[2]) Любинский район, стр. 34.

3. «Кредитная мина» и наша политика в деревне.

«В самых тяжелых условиях в отношении получения ссудного кредита находится бедняк. Отсутствие у бедняка в хозяйстве так называемого кредитного минимума, в шутку остроумно перефразированного одним бедняком в «кредитную мину», ставит его в унизительно-подчиненное положение перед середняком или зажиточным. Это ломание шапки часто сопровождается угощением и установлением своеобразного контроля со стороны поручителя. Нам рассказывали, как один бедняк, купивший за ссуду лошадь, по требованию поручителя являлся к нему с докладом о здоровье лошади и просил разрешение на дальние поездки. Пусть здесь будет доля прикрашивания, но в основном этот анекдотический случай характеризует унизительную зависимость бедняка, граничащую иногда с глумлением над ним. Это наиболее крупный прорыв в кредитной работе, бьющий исключительно бедняка» [2]).

Именно это неумение соединить хозрасчет, понимаемый чисто делячески, с социалистическим регулированием хозяйственной жизни, создает разрыв между нашей политикой и нашей практикой в деревне. «Кредитная мина» буквально взрывает всю нашу политику, сводит ее на-нет в глазах всей деревни.

Богатейший бытовой материал, доставляемый обследованиями Сибкрайкома, рисует это в ярком свете.

По поводу собраний бедноты из среды середняков, увлекаемых на сторону богатеев, слышатся злые реплики: «*Опять коммунисты обдуривают бедноту. Говорят то да се, а без нас* да без зажиточного все равно кредита не дадут» [3]).

Бюрократические извращения переходят из количества в качество, когда они превращают нашу политику в пустую фразеологию в глазах весьма практичной деревни. Противоречие между словом и делом принимает самую нетерпимую форму—противоречия между «разговорами» в пользу бедноты и кредитом в пользу зажиточного и кулака. «Бедняки недовольны отсутствием практических результатов работы бедняцких собраний: «*Соберут нас только для того, чтобы мы нагрубили зажиточным»* [4]).

Чиновник здесь прямо разрушает дело социализма, в корне подрывая доверие к коммунистической партии и советской власти. Бюрократические извращения, под предлогом хозрасчета устраняющие самую классовую основу нашей политики, здесь непосредственно создают легальную арену для наступления аграрного капитализма на самый фундамент пролетарской диктатуры.

[1]) В. И. Ленин IX том (2-е изд.), стр. 659.
[2]) Родинский район, стр. 24.
[3]) Там же, стр. 41.
[4]) Стр. 41.

Послушайте, как наступает кулак под лицемерной маской заботы о «народном благе». «Если мы, трудовики-крестьяне, являемся кулаками потому, что у нас 10 коров да дом, то служащие больше нас кулаки, потому что у них больше богатства: два или три костюма по 160 руб., сундуки с добром, капиталы в червонцах. Служащих надо заставить работать бесплатно, а если им нечего жрать, *пусть уступят место нам (кулакам), мы бесплатно будем служить»* [1]).

По деньгам и власть!—вот какой принцип стремится кулачество внедрить в сознание крестьянской массы. При *таком* классовом переплете забвение интересов бедноты в области кредита, машиноснабжения и т. д. равносильно прямой помощи врагу.

Говорят кулаки и об изменении порядка в стране, но «вторая тема трактуется не *по-старому*, не говорится, что не будет советской власти, а говорится, что *капиталисты усиливаются и нам придется это признать и с ними жить в согласии»* [2]). Новая буржуазия не пятится назад к старым партиям буржуазии и мелкой буржуазии, но практически вырабатывает свою «устряловскую» идеологию. Она по кусочкам, так сказать, собирает элементы буржуазного общества в нашей действительности.

На нижние этажи советской и даже партийной лестницы кулак и зажиточный совершенно открыто и систематически ведут наступление.

Даже коммунистов захватывает эта стихия анархического капитализма. В Меньщиковском районе Барабинского округа «хозяйство коммунистов в подавляющем большинстве середняцкое (60,8%). Обеспеченность сельхозмашинами тем больше, чем экономически сильнее хозяйство коммуниста. Здесь мы имеем *те же законы и тенденции развития хозяйства коммунистов, какие свойственны и крестьянским хозяйствам*, те же болезни и перспективы роста. Так, хозяйства 2-й группы (2 головы крупного скота) обеспечены сельхозмашинами на 6%; 3-й группы (до 5)—на 21%, 4-й группы (до 8 голов)—на 20%; 5 и 6-й групп (до 10—11 и больше голов крупного скота)—на 150%. Имеют батраков, применяют наемную рабочую силу также по мере роста мощности хозяйства коммунистов» [3]).

Вот другой район—Родинский район Славгородского округа: «Общее настроение ячеек по отношению к работе с беднотой отрицательное, особенно в середняцкой и зажиточной части.—*Зажиточные у нас не ведут борьбы за аппарат, у нас нет обостренных противоречий между богатым и бедняком*—работа будет впустую,—говорят сильно растущие середняки в ячейке села Степной Кучук. *Окрепшие и стоящие очень твердо в хозяйственном отношении коммунисты боязни в этом отношении не испытывают и выступают* (с. Родино) *демагогически за бедняцкие собрания и группы, но беднота им не верит, наблюдая все укрепляющийся блок их на деле с крепкими середняками.—Он только говорит, а пойди насчет кредита*, и—сам не поручится и ссуду даст крепкому мужичку» (Родино) [4]).

Обследование 78 хозяйств коммунистов в этом районе дало следующий результат: «в ряды партии в 1920 г. пришло бедняков—34,6%, середняков—35,9% и зажиточных (с посевом до 50 дес.)—29,5%. В 1926 г. соотношение этих групп было следующее: бедняков — 32%, середняков — 52,5% и зажиточных — 15,5%».

[1]) Меньщиковский район, стр. 40.
[2]) Стр. 40.
[3]) Меньщиковский район, стр. 63—64.
[4]) Родинский район, стр. 41—42.

Обследование констатирует «нарастание противоречий между коммунистами-бедняками и коммунистами-середняками и зажиточными».

Эти факты сигнализируют величайшую опасность. Маломальски значительное распространение этих явлений чревато самыми тяжелыми последствиями.

Если у нас плохо идет дело с машиноснабжением и кредитованием бедноты и маломощных, если слабо подвигаются вперед сплочение бедноты и работа с батраками, то об'яснений этому нужно искать, прежде всего, в тенденциях к перерождению самых элементарных, первичных тканей наших организаций в деревне. За трафаретными «слушали и постановили» скрывается размагничиванье наших основных проводников в деревне. Напор кулацкой стихии направлен как раз в эту сторону,—богатеющая верхушка старается заставить коммунистов, кооперацию, советский аппарат жить с нею «в согласии». *Это* для нее самое главное. На этой базе она развивается по восходящей линии.

Перед лицом этих кричащих фактов нужно вспомнить, что капитализм в нашей стране может повести наступление с тылу на пролетарскую диктатуру по преимуществу *как аграрный, земледельческий капитализм.*

Перед лицом этих кричащих фактов нельзя ограничиться обычными «слушали и постановили».

В сибирской деревне происходит наступление капитала.

Неудачное наступление тов. Сафарова.

«Ору, а доказать ничего не умею».
(Сии слова Маяковским сказаны по другому поводу, но они как нельзя более подходят к статье Сафарова).

Проездом из Китая, заканчивая книжку о китайском народе, т. Сафаров решил обозреть «с птичьего дуазо» сибирскую деревню.

Плодом этого решения явилась статья «Наступление капитала в сибирской деревне (кричащие факты)».

Материалом для этой истерически-крикливой статьи послужили печатные доклады специальных комиссий, обследовавших по поручению Сибирского Краевого комитета партии несколько сельских районов.

Свою статью т. Сафаров вынужден начать комплиментом. Обследование, «вне всякого сомнения, является крупным шагом по пути выяснения фактического положения деревни. Высказать то, что есть—первейшая предпосылка для правильного политического руководства, для действительного упрочения и углубления союза рабочего класса и крестьянства».

Тов. Сафаров не договаривает. Он должен был бы признаться, что это обследование лишний раз опровергает утверждение оппозиции, будто партия затушевывает расслоение, скрывает его размеры, боится взглянуть в лицо действительности. Найдутся рьяные оппозиционеры, которые, и прочтя эти материалы, все же в тысячный раз станут повторять далекое от истины утверждение: «Партия замазывает расслоение, партия не видит кулацкой опасности».

Ослепленная предвзятым подходом, оппозиция совершенно потеряла способность видеть факты такими, какими они есть. Дальтонизм фракционности не позволяет различать и замечать явления, опровергающие положения и взгляды оппозиции. «Рассудку вопреки, наперекор стихии» такие исследователи способны видеть и улавливать лишь совпадающее с их фальшивыми построениями. Если факты говорят иное, что же—«тем хуже для фактов». Их не надо замечать. Больше того—их надо извращать. По такому несложному рецепту написана статья «Наступление капитала в сибирской деревне».

1. «Добросовестное» отношение тов. Сафарова к источникам.

Несколько примеров. Перед т. Сафаровым стоит задача—доказать, что «сила кулаков растет неудержимо». Для этого он выдергивает несколько фактов. Он их называет «кричащими». (Может быть, они кричат от бесцеремонного обращения с ними нашего аграрного теоретика? Или, быть может, он собственный вопль принимает за крик фактов?).

По Старо-Бардинскому району Бийского округа зажиточные хозяйства за 2 года (1925—26) численно выросли на 3,3%, по посеву же они выросли на 10,3%, по рабочему скоту—7,8%, по коровам—5,6%. Отчет комиссии дает возможность проследить динамику всех групп за 3 года. Тов. Сафаров избегает приводить эти цифры. А что они показывают?

Численный состав группы:

	в 1924 г.	в 1925 г.	в 1926 г.	
Хозяйств бедняков . .	48,9%	48,8%	44,9%	Уменьшение за 2 года на 4% (—4%).
» середняков .	49,9%	49%	50,6%	Увеличение на 0,7% (+0,7%).
» зажиточных .	1,2%	2,2%	4,4%	Увеличение на 3,2% (+3,2).

Таким образом, если даже считать, что так называемые зажиточные хозяйства являются кулацкими, то мы имеем в этом районе кулаков меньше 4½%, что весьма разнится от голендовских цифр, которыми козыряла оппозиция. (Я ничего не говорю о методологии разбивки по группам. Тов. Сафаров пользуется этими цифрами, не оспаривая метода).

Дальше эти цифры говорят, что при наличии идущего расслоения (и сильного, его мы никогда не отрицали) в этом районе направление расслоения не совпадает с путями классического дореволюционного расслоения (крайние полюсы деревни увеличиваются, средняя группа размывается). Здесь мы имеем совершенно иную картину. *При довольно сильном росте верхушки деревни мы имеем сокращение* (на 4%) *нижнего слоя и увеличение* (небольшое, меньше 1%) *среднего.* Ту же тенденцию мы имеем и по ряду других районов, напр., по Родинскому Славгородского округа. Тут и т. Сафаров не может скрыть того обстоятельства, что бедняцкая группа (беспосевные и бесскотные, а также с посевом до 4 дес. и с 1—2 головами скота) с 1924 г. по 1926 г. значительно уменьшилась, а середняцкий слой вырос (с 46,4% до 53,2%). *Вместо классического типа расслоения мы имеем своеобразную картину расслоения деревни в советских условиях. Своеобразие заключается в том, что расслоение идет главным образом за счет бедняцкого слоя. Часть бедняцких хозяйств переходит в середняцкий слой.* (При этом, конечно, некоторая доля, к слову сказать, небольшая, пролетаризируется, теряет связь с хозяйством).

Вернемся к Старо-Бардинскому району и посмотрим распределение средств производства между отдельными группами в среднем на одно хозяйство.

	Обеспеченность посевом	Обеспеченность рабочим скотом
Малопосевная группа:		
1924 г. . .	1,08 дес.	0,9 гол.
1926 г. .	**1,5 дес.** (рост на 15%)	**0,9 гол.** (без изменения).

Неудачное наступление тов. Сафарова.

«Ору, а доказать ничего не умею».
(Сии слова Маяковским сказаны по другому поводу, но они как нельзя более подходят к статье Сафарова).

Проездом из Китая, заканчивая книжку о китайском народе, т. Сафаров решил обозреть «с птичьего дуазо» сибирскую деревню.

Плодом этого решения явилась статья «Наступление капитала в сибирской деревне (кричащие факты)».

Материалом для этой истерически-крикливой статьи послужили печатные доклады специальных комиссий, обследовавших по поручению Сибирского Краевого комитета партии несколько сельских районов.

Свою статью т. Сафаров вынужден начать комплиментом. Обследование, «вне всякого сомнения, является крупным шагом по пути выяснения фактического положения деревни. Высказать то, что есть—первейшая предпосылка для правильного политического руководства, для действительного упрочения и углубления союза рабочего класса и крестьянства».

Тов. Сафаров не договаривает. Он должен был бы признаться, что это обследование лишний раз опровергает утверждение оппозиции, будто партия затушевывает расслоение, скрывает его размеры, боится взглянуть в лицо действительности. Найдутся рьяные оппозиционеры, которые, и прочтя эти материалы, все же в тысячный раз станут повторять далекое от истины утверждение: «Партия замазывает расслоение, партия не видит кулацкой опасности».

Ослепленная предвзятым подходом, оппозиция совершенно потеряла способность видеть факты такими, какими они есть. Дальтонизм фракционности не позволяет различать и замечать явления, опровергающие положения и взгляды оппозиции. «Рассудку вопреки, наперекор стихии» такие исследователи способны видеть и улавливать лишь совпадающее с их фальшивыми построениями. Если факты говорят иное, что же—«тем хуже для фактов». Их не надо замечать. Больше того—их надо извращать. По такому несложному рецепту написана статья «Наступление капитала в сибирской деревне».

1. «Добросовестное» отношение тов. Сафарова к источникам.

Несколько примеров. Перед т. Сафаровым стоит задача—доказать, что «сила кулаков растет неудержимо». Для этого он выдергивает несколько фактов. Он их называет «кричащими». (Может быть, они кричат от бесцеремонного обращения с ними нашего аграрного теоретика? Или, быть может, он собственный вопль принимает за крик фактов?).

По Старо-Бардинскому району Бийского округа зажиточные хозяйства за 2 года (1925—26) численно выросли на 3,3%, по посеву же они выросли на 10,3%, по рабочему скоту—7,8%, по коровам—5,6%. Отчет комиссии дает возможность проследить динамику всех групп за 3 года. Тов. Сафаров избегает приводить эти цифры. А что они показывают?

Численный состав группы:

	в 1924 г.	в 1925 г.	в 1926 г.	
Хозяйств бедняков	48,9%	48,8%	44,9%	Уменьшение за 2 года на 4% (—4%).
» середняков	49,9%	49%	50,6%	Увеличение на 0,7% (+0,7%).
» зажиточных	1,2%	2,2%	4,4%	Увеличение на 3,2% (+3,2).

Таким образом, если даже считать, что так называемые зажиточные хозяйства являются кулацкими, то мы имеем в этом районе кулаков меньше $4^1/_2$%, что весьма разнится от голендовских цифр, которыми козыряла оппозиция. (Я ничего не говорю о методологии разбивки по группам. Тов. Сафаров пользуется этими цифрами, не оспаривая метода).

Дальше эти цифры говорят, что при наличии идущего расслоения (и сильного, его мы никогда не отрицали) в этом районе направление расслоения не совпадает с путями классического дореволюционного расслоения (крайние полюсы деревни увеличиваются, средняя группа размывается). Здесь мы имеем совершенно иную картину. *При довольно сильном росте верхушки деревни мы имеем сокращение* (на 4%) *нижнего слоя и увеличение* (небольшое, меньше 1%) *среднего.* Ту же тенденцию мы имеем и по ряду других районов, напр., по Родинскому Славгородского округа. Тут и т. Сафаров не может скрыть того обстоятельства, что бедняцкая группа (беспосевные и бесскотные, а также с посевом до 4 дес. и с 1—2 головами скота) с 1924 г. по 1926 г. значительно уменьшилась, а середняцкий слой вырос (с 46,4% до 53,2%). *Вместо классического типа расслоения мы имеем своеобразную картину расслоения деревни в советских условиях. Своеобразие заключается в том, что расслоение идет главным образом за счет бедняцкого слоя. Часть бедняцких хозяйств переходит в середняцкий слой.* (При этом, конечно, некоторая доля, к слову сказать, небольшая, пролетаризируется, теряет связь с хозяйством).

Вернемся к Старо-Бардинскому району и посмотрим распределение средств производства между отдельными группами в среднем на одно хозяйство.

	Обеспеченность посевом	Обеспеченность рабочим скотом
Малопосевная группа:		
1924 г.	1,08 дес.	0,9 гол.
1926 г.	**1,5 дес.** (рост на 15%)	**0,9 гол.** (без изменения).

	Обеспеченность посевом.	Обеспеченность рабочим скотом.
Среднепосевная группа:		
1924 г. . . .	3,9 дес.	2,8 гол.
1926 г. . . .	**4,3 дес.** (рост на 10,2%).	**2,7 гол.** (уменьшение на 3,6%).
Многопосевная группа;		
1924 г. . . .	10,2 дес.	4,9 гол.
1926 г. . . .	**10,6 дес.** (рост на 4,0%).	**4,9 гол.** (без изменения).

Соответствующие цифры по коровам будут: у малопосевной группы—рост на 25% (в 1924 г. было 1,2 гол., стало 1,5 гол.), у среднепосевных — рост 33,3%, у многопосевных—20,5%. Цифры говорят о более быстром относительно темпе роста посевов и коров у малопосевной и среднепосевной групп, о стабилизации по рабочему скоту. Таким образом, при всем глубоком расслоении и мощности верхушки деревни тенденции, определяемые, очевидно, советскими условиями, показывают совсем не то, что хотелось бы видеть т. Сафарову. Именно потому, что они показывают не то, что склонен декретировать суровый критик наших аграрных отношений, ему приходится делать вид, что он не замечает этих фактов, он проходит мимо них, маскируя свою недобросовестность истерическими воплями.

Можно было бы привести еще ряд примеров. Ограничусь одним.

В с. Белоярском Минусинского округа в 1924 г. бедняцкая группа (до 4 дес. посева) владела 56,6% общего количества плугов, в 1926 г. на ее долю приходилось лишь 38,31% всех плугов. Зато зажиточно-кулацкая группа, владевшая в 1924 г. 8,97% всех плугов, в 1926 г. располагает уже почти четвертью всего количества (24%). Читатель поражен, оглушен, что и требовалось Сафарову. Достигнут же этот результат довольно простым фокусом, даже не требующим особой ловкости рук. Обязуемся раскрыть этот фокус немного погодя, а пока приведем показательные цифры средней обеспеченности инвентарем на одно хозяйство в каждой группе.

Обеспеченность плугами хозяйств бедняцкой группы *не уменьшилась*. В 1924 г. в среднем на одно бедняцкое хозяйство приходилось 0,57 плуга, в 1926 г.—0,58 плуга.

А в зажиточно-кулацкой группе средняя обеспеченность плугами была в 1924 г. 1,66 п., в 1926 г.—1,36 п. *Уменьшение*.

Эх, т. Сафаров! Нельзя же так подводить себя! Никогда другой раз не оперируйте с такой легкостью источниками,— обязательно сядете в калошу!

А теперь перейдем к фокусу нашего автора. Читатель вправе спросить. Но все-таки верно ли то, что говорит т. Сафаров, что в 1924 г. бедняцкая группа владела 56,6%, а в 1926 г. на ее долю приходилось лишь 38,31%? Как это получается? Более вдумчивый читатель сообразил, в чем дело. Тов. Сафаров умалчивает о том, что с 1924 г. по 1926 г. бедняцкая группа *сама в своей численности уменьшилась* с 65,48% до 49,23%. На 16,25%! Значительная часть бедняцких хозяйств поднялась и перешла в вышестоящую группу. Но эти маломощные хозяйства переселялись в другую группу, надо полагать, со своими плугами. Плуги-то они с собой забирали? Ведь даже т. Сафаров, меняя место, захватывает с собою свое имущество, вплоть до своих идей (хотя немного потерял бы, если бы кое-какие идеи оставил на старом месте).

Тов. Сафарову до этой простой мысли, что хозяйства, передвигаясь из одной группы в другую, передвигают с собою и плуги, дела нет. Ему—лишь бы козырнуть и оглушить читателя. Занятый этим, он, конечно, не потрудится раз'яснить, что в Сибири, в том числе и в этом Абаканском районе Минусинского округа, бедняцкая группа, в частности беспосевщики, непрерывно пополняются переселенцами и т. н. неприписными, что не может не отражаться на общей картине. Эти переселенцы зачастую год — два и больше не получают земли, не имеют посева и притоком извне существенно меняют вид классовых группировок деревни. Скажем, в каком-либо селе в 1924 г. имелось 2 беспосевных хозяйства, в 1925 г. одно собралось с силами и завело небольшой посев. Но за этот период из европейской части Союза или из других мест Сибири прибыли три переселенческих семьи, поселились в этом селе в качестве «неприписного населения»—число беспосевных увеличилось сразу в 2 раза на 100%! «Серьезный» исследователь типа т. Сафарова, не вдумываясь в причины этого, безапелляционно закричит: «В сибирской деревне идет острое расслоение, беднота пролетаризируется, скатывается в ряды беспосевных». И бог весть, что еще может накричать такой исследователь, бесцеремонно, как свою перчатку, выворачивая факты наизнанку, озабоченный лишь одним—доказать во что бы то ни стало правильность своей предвзятой идейки.

2. Расслоение сибирской деревни по Сафарову и как оно есть.

Тов. Сафаров очень энергично, но совершенно безответственно заявляет: «Без всякого преувеличения можно сказать, что *эти цифры кричат, кричат об американском темпе роста зажиточно-кулацкого хозяйства. Через этот бешеный темп, с помощью его пробивается «американский тип развития аграрного капитализма»* на земле, очищенной от всех старых перегородок».

Уже в первой части своей статьи мне пришлось, указывая на расслоение и сильное экономическое неравенство в деревне (кто же может отрицать расслоение и неравенство), приводить доказательства того, что направление расслоения теперь существенно отличается от дореволюционного даже в Сибири, где нивелирующее значение революции (отсутствие комбедов и пр.) сказалось меньше. В противоположность дореволюционному времени нет рассасывания средних групп и роста за их счет крайних групп. При общем для всей деревни под'еме сельского хозяйства темп этого под'ема относительно выше в низших и средних группах. Об этом говорят не только материалы обследований комиссии Кр. Ком., но и статистические данные массовых обследований крестьянских хозяйств.

Вот данные 10% выборочных весенних обследований за 1925 и 1926 гг. (скоро мы будем располагать и материалами 1927 г.) о группировке хозяйств по размерам посева у них.

Группы хозяйств.	Юго-Зап. Сибирь: % хозяйств к общему итогу, 1925 г.	Юго-Зап. Сибирь: % хозяйств к общему итогу, 1926 г.	Юго-Зап. Сибирь: Изменение уд. веса групп в %	Сев.-Вост. Сибирь: % хозяйств к общему итогу, 1925 г.	Сев.-Вост. Сибирь: % хозяйств к общему итогу, 1926 г.	Сев.-Вост. Сибирь: Изменение уд. веса групп в %
Без посева и с посев. до 0,1 д.	6,7	5,1	— 23,9	7,8	6,7	— 16,4
С посев. от 0,1 д. до 1,0 д.	13,1	8,5	— 54,1	15,2	13,3	— 14,3
» » 1,1 д. » 2,0 д.	18,7	14,0	— 33,5	21,5	18,4	— 16,8
» » 2,1 д. » 3,0 д.	16,8	14,8	— 13,5	18,2	17,3	— 5,2
» » 3,1 д. » 4,0 д.	12,7	12,6	— 0,8	13,7	14,4	+ 5,2
» » 4,1 д. » 6,0 д.	16,4	18,9	+ 15,2	14,6	17,2	+ 17,8
» » 6,1 д. » 8,0 д.	7,8	11,2	+ 43,6	5,3	7,2	+ 35,8
» » 8,1 д » 10,0 д.	3,8	6,1	+ 60,5	2,2	3,1	+ 40,9
» » 10,1 д. » 16,0 д.	3,2	6,6	+ 106,2	1,3	2,1	+ 61,5
Свыше 16 дес.	0,8	2,2	+ 175,0	0,2	0,3	+ 50,0
	100	100	—	100	100	—

Эти данные говорят о значительном росте высших групп, но в то же время они говорят, что средние по посеву группы не рассасываются, а растут. При чем темп расслоения в Юго-Западной Сибири более энергичный, чем в Северо-Восточной.

Возьмем группировки по скоту (по данным весенних опросов).

	Ю.-З. Сибирь 1925 г.	Ю.-З. Сибирь 1926 г.	С.-Вост. Сибирь 1925 г.	С.-Вост. Сибирь 1926 г.
без раб. лошадей	11,5	12,3	7,3	8,1
с 1 лошадью	31,1	30,6	24,7	26,9
с 2 лошадьми	34,6	34,7	16,7	14,8
с 3 лошадьми	14,0	13,6	11,4	8,8
с 4 и бол. лошадьми	8,8	8,8	11,4	8,8
	100	100	100	100

Здесь мы в ослабленном виде наблюдаем ту же тенденцию устойчивости средней группы.

Надо иметь в виду и при группировках всякого рода—по посеву и по скоту—процесс притока переселенцев. В дальнейшем надо будет обеспечить возможность этих цифровых коррективов в общей картине расслоения.

Берем группировку по коровам.

Группы	Ю.-Зап. Сибирь 1925 г.	Ю.-Зап. Сибирь 1926 г.	С.-Вост. Сибирь 1925 г.	С.-Вост. Сибирь 1926 г.
без коров	8,4	8,0	6,8	7,1
с 1 коровой	40,2	36,0	41,4	39,4
с 2 коровами	29,6	29,3	32,8	33,6
с 3 коровами	11,7	13,0	11,4	12,1
с 4 и больше коровами	10,1	13,7	7,6	7,8

Расслоение имеется, но что тип его существенно иной, чем было в дореволюционное время, это не может не видеть только человек с оппозиционными шорами. При росте верхнего полюса растет и средний слой деревни за счет поднимающейся бедноты. Эту картину не может даже существенно исказить приток беспосевных и бесскотных переселенческих семейств.

Оставляю в настоящее время в стороне вопрос, кого можно в сибирской деревне относить к группе кулаков. Но нельзя не остановиться на ошибке т. Сафарова, когда он, говоря о кулацко-зажиточной группе, об'единяет под этой вывеской все хозяйства с посевом свыше 8 десятин (по Минусинскому округу), совершенно оставляя без внимания то, что пишет комиссия на стр. 18 отчета: «Хозяйство, имеющее 8 дес. и выше, является в этом районе уже хозяйством крепким, зажиточным. *Это, разумеется, вовсе не значит, что среди третьей категории многопосевных мы имеем только верхушку.* Ничего подобного: в этой группе мы найдем много хозяйств *многосемейных*, культурного типа, которые никаких кулацких приемов не применяют и растут и накопляют за счет культурного ведения своего хозяйства. Машины используются в своем хозяйстве и иногда через совместное пользование путем участия в машинных товариществах».

На стр. 25 отчета читаем:

«Среди этой группы развивается крепкий середняк, переходящий к культурным приемам ведения своего хозяйства и накопляющий за счет роста посевной площади, улучшенной обработки, улучшенного скота и т. д. В этой же зажиточной группе мы имеем *и кулацкую паразитическую часть*, ведущую хозяйство хищническими, эксплоататорскими приемами и закабаляющую маломощное крестьянство».

Тов. Сафаров роста середняцкой массы сибирской деревни не видит,—вернее не хочет видеть: такое добросовестное отношение к вопросу выше его сил, ибо тогда он должен был бы ревизовать все основные положения оппозиции.

Данные гнездовых динамических переписей подтверждают, что средние группы деревни не только не рассасываются, но растут, при чем этот рост идет главным образом за счет поднимающихся низших групп. Привожу данные, относящиеся ко всем районам обследования в Западной и Восточной Сибири о перемещении хозяйств без органических изменений по отдельным группам. Они достаточно убедительно подталкивают положение, что значительная часть хозяйств низших групп перемещается, поднимаясь в средние группы.

Группы по посеву 1925 г.	Число хоз-в в 1925 г. без органич. изменен.	Из них в 1926 г. оказалось в группах: Без посева и с посевом до 0,1 дес.	От 0,1 до 1,0 дес.	От 1,1 до 2,0 дес.	От 2,1 до 3,0 дес.	От 3,1 до 4,0 дес.	От 4,1 до 6,0 дес.	От 6,1 до 8,0 дес.	От 8,1 до 10 дес.	Свыше 10 десятин
	В абсолютных цифрах									
Без посева и с посевом до 0,1 дес.	2.088	1.406	447	146	51	17	11	6	2	2
От 0,1 до 1,0 дес.	3.445	305	1.622	1.084	302	79	46	5	1	1
От 1,1 до 2 дес.	4.298	61	358	1.687	1.300	583	254	42	6	7
» 2,1 до 3,0 дес.	3.723	17	39	338	1.179	1.109	837	158	30	16
» 3,1 до 4,0 дес.	2.747	6	11	43	316	767	1.188	310	69	37
» 4,1 до 6,0 дес.	3.098	2	6	14	60	256	1.358	916	346	140
» 6,1 до 8,0 дес.	1.328	1	—	3	11	20	183	511	346	253
» 8,1 до 10,0 дес.	536	—	—	—	2	6	23	76	159	270
Свыше 10,1 дес.	458	2	—	1	—	—	1	15	34	405
Итого	21.721	1.800	2.483	3.316	3.221	2.837	3.901	2.039	993	1.131

В районах, охваченных динамической переписью, средними можно считать группы, хозяйства которых засевают от 3 до 10 д.; но возьмем, чтобы не смущать т. Сафарова, до 8 десят. Находим, что в них к 1926 г. оказалось 8.777 хозяйств вместо 7.173 в 1925 г. В это число входит 5.509 старых наличных хозяйств, бывших в этих группах в 1925 г., и 3.268, перешедших из других групп. При чем из вышестоящих групп сюда перешло только 121 хозяйство. Из беспосевной группы в средние группы перешли 34 хозяйства, с посевом от 0,1 десят. до 1,0 десят.—130 хозяйств, из группы с посевом до 2-х десятин вышло 879 (или 20,5%), из группы до 3 десятин—2.104 на 3.723 хоз. (т.-е. 56,5%).

Обратный процесс, т.-е. переход средних хозяйств в мелкопосевные группы, незначителен: всего из средних групп скатилось в низшие 473 хозяйства из 7.173 хоз. В результате мы имеем увеличение группы средних хозяйств на 22,4%.

Нельзя отрицать, что одновременно высшие по посеву группы росли за счет передвижки в них средних хозяйств. Группа с посевом от 8 до 10 дес. (тоже по существу по сибирским условиям средняя группа) выросла почти вдвое; группа с посевом свыше 10 дес. выросла почти в $2^1/_2$ раза.

Посмотрим изменения в беспосевной группе. Эта группа сократилась почти на 14%. В числе 1.800 хозяйств 1926 года оказались 1.406 старых наличных хозяйств, находившихся в этой группе в 1925 г., и 394 хозяйства, имевших в 1925 г. посев. К общему числу хозяйств без органических изменений эти 394 хозяйства, потерявшие за год посев, составляют 1,81%. Хозяйств же, перешедших в течение года из беспосевной группы в посевные, было 682, т.-е. их количество больше чем в $1^1/_2$ раза превышает количество утративших посев.

Беспосевная группа пополняла свои ряды в 1926 г. главным образом за счет хозяйств вселившихся, а не за счет деградирования посевных хозяйств, не за счет скатывания посевных хозяйств и даже не в результате разделов хозяйств. Имея в виду ряд фактических данных, приведенных в № 13 «Большевика» (статья тов. Бергавинова), я не буду останавливаться на цифровых материалах, характеризующих обеспеченность различных групп в отношении скота и инвентаря и темп этого роста. Позволю себе привести лишь одну очень интересную табличку, характеризующую степень участия в накоплении средств производства различных слоев крестьянства. Цифры указывают на распределение между группами хозяйств общей суммы прироста за год посевной площади, рабочих лошадей и сложного с.-х. инвентаря (см. табл. на стр. 104).

Цифры говорят сами за себя. Нечего и говорить, что я ни на одну минуту не думаю, что малопосевное хозяйство является обязательно бедняцким, так же, как не всякое многопосевное хозяйство является кулацким. Для определения экономической группы, к которой надо отнести данное хозяйство, статистических сведений недостаточно. Надо, по указанию т. Ленина, посмотреть историю этого хозяйства, его связь и отношение к выше и нижестоящим хозяйствам и т. д. Но для определения тенденций расслоения эти данные годятся, и они показывают не совсем то, что хочет с натяжкой установить т. Сафаров.

Группы по посеву в 1925 г.	Западная Сибирь: % прироста к итогу (к общей сумме прироста за год). Посева	Раб. скота	Сеялок и убор. машин	% хозяйств в группе	Восточная Сибирь: % прироста к итогу (к общей сумме прироста за год). Посева	Сеялок и убор. машин	% хозяйств в группе
Без посева и с посевом до 3,0 д.	39,9	50,7	27,9	59,0	51,2	23,3	66,2
С посев. от 3,1 до 8 д.	45,9	38,1	53,3	35,2	44,4	66,9	30,0
От 8,1 до 10 д.	5,4	3,7	10,7	2,9	2,2	6,3	2,0
От 10 д. и выше	8,8	7,5	8,1	2,9	2,2	3,5	1,3
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Свое утверждение об американском темпе роста зажиточно-кулацкого хозяйства в Сибири т. Сафаров обосновывает фактами и цифрами, произвольно и тенденциозно надерганными из материалов обследования, которые якобы, по его словам, указывают на резкое изменение от 1925 г. к 1926 г. в пользу деревенской верхушки доли в общей массе средств производства или громадное увеличение удельного веса этой группы по средствам производства. Некоторые фокусы т. Сафарова по этой части разоблачены в первой части статьи.

Но, конечно, надо сказать, что сравнительно быстрый рост верхушки приводит и к увеличению доли этой группы в общей массе средств производства. Но в какой мере происходит этот рост средств производства?

Данные сельскохозяйственных переписей в динамических гнездах показывают, что в абсолютных числах количество скота и инвентаря, оказавшееся в 1926 г. в руках высшей по посеву группы, увеличилось по сравнению с 1925 г., но *не в большей, а в меньшей степени, чем численно выросла эта группа.*

Что касается маломощного слоя (по посеву), то его доля посевной площади, скота и инвентаря в 1926 г. немного уменьшилась, по сравнению с предыдущим годом, но и это уменьшение совпадает с сокращением числа хозяйств в них.

Это отнюдь не означает, что все идет хорошо и благополучно, что кулацкая опасность не велика. И обследования и все решения сибирской организации говорят, что она трезво смотрит в глаза кулацкой опасности, не преуменьшает ее, умеет констатировать печальный вывод, что росту кулака не всегда успешно противостоит рост социалистических элементов и хозяйственная активность маломощных слоев. Но необходимо установить правильную пропорцию света и теней и поправить суздальскую мазню т. Сафарова.

По Сафарову получается, что «американский темп» развития приводит к «мобилизации земельной собственности кулаками». Доказать это при всех своих приемах ему не удается. Как может происходить эта мобилизация? Прежде всего, очевидно, на основе аренды. Тов. Сафаров приводит выписку из обследования Родинского района: «Главными арендаторами земель являются зажиточные и середняки, на долю которых падает 98,4% всех

арендующих хозяйств и 99,9% всей арендованной земли» (речь идет об обследованных трех селениях). А почему бы т. Сафарову не детализировать этой цифры. Из таблицы на стр. 13 материалов обследования мы узнаем, что на группу хозяйств с посевом в 15 дес. и больше (отнюдь не значит, что все эти хозяйства являются кулацкими, но допустим) приходится 22% всей арендованной земли. Остальное падает на среднепосевные и малопосевные группы. В отношении Старо-Бардинского района тов. Сафаров этого факта скрыть не может и вынужден признаться, что «арендуют землю по преимуществу середняки (68,6%), сдатчиками же на 53,8% являются бедняки».

Где же эти ужасающие «американские» картины «мобилизации земельной собственности», к которой, по словам т. Сафарова, «подбирается» кулак? Сафаров почувствовал слабость своей позиции и вынужден оговориться. «Распространение наемного труда и арендных отношений—особенно в Сибири—не является главным показателем или барометром кулацкого роста». Спасибо и на этом. Но как же тогда с «американским типом развития аграрного капитализма»? Замечательный «американский тип» без своих главных признаков! [1]).

Особо необходимо остановиться на машинах и эксплоатации с.-х. машин. При обследовании одно из заданий было—определить формы и степень эксплоатации кулацкими и мощными элементами с.-х. инвентаря, главным образом сложных машин. Сначала немного статистики. Из 10.292 хозяйств, зарегистрированных переписью 1926 г. в динамических гнездах Запад. Сибири (Омская губ.), сдававших внаем сеялки и уборочные машины, было 570 хозяйств, из них 17 хозяйств сдавали сеялки, остальные—уборочные машины. К общему числу хозяйств число сдававших в наем машины составляло около 6%. Из общего числа сдатчиков 89 хозяйств (15,4%) сдавали более одной машины в сезон. Число хозяйств, сдающих в многопосевных группах, достигает 20%, в среднепосевных оно более 14%. Из всего числа сдатчиков на долю многопосевных групп приходится всего 11,5%, свыше 75% всех сдававших машины падает на группы с посевом не более 10 десятин на двор, главным образом на группы, засевающие до 6 и до 8 дес.

Разумеется, это не исключает того факта, что владеющий, скажем, двумя сложными машинами, постоянно их эксплоатирующий, имеющий другие нетрудовые доходы, может быть кулаком и не имея большого посева.

Кто и какие машины арендует? Процент хозяйств, нанимавших жнейку, выше всего в среднепосевных группах, молотилку — почти одинаков как в среднепосевных, так и в крупнопосевных, зерноочистительные—выше в крупнопосевных, сенокосилку—в малопосевных и среднепосевных. Как видно, в силу специфических условий земледельческого хозяйства в Сибирском крае и недостатка машин вообще наем их почти в одинаковой мере распространен и в средних и в высших по зажиточности группах, меньше же всего в малопосевных группах, где часто

[1]) Следует иметь в виду относительно наемного труда специфические особенности Сибири, а именно: краткость вегетационного периода и периода уборки хлеба, что требует напряжения рабочей силы и применения временной наемной силы иной раз даже в бедняцких, не говоря уже о середняцких хозяйствах.

вынуждены с грехом пополам производить уборку хлеба ручным способом. Наиболее предприимчивые из владельцев машин могут много на них прирабатывать.

Последние два года доходы от эксплоатации машин входят в обложение сельхозналогом. Другое средство борьбы с кулачеством по этой линии—конкуренция со стороны машинных коллективов. При всей своей слабости, часто неудачном составе коллективов—этот фактор год от года будет влиять все сильнее и оттеснять кулачество от тех позиций, которые оно теперь занимает. Степень прочности этих позиций зависит от того, что кулачество сумело от дореволюционного периода сохранить машины, сумело зачастую приобресть и новые благодаря нашим ошибкам, ненормальностям в работе машиноторгующих организаций (погоня за наличным расчетом), бюрократическим извращениям наших органов, искажающих нередко партийную линию.

Но сомнительно, чтобы сдача напрокат машин в советской стране (особенно, если считать, что кооперативный план Ленина не есть пустая выдумка, а есть громадная положительная задача, которую мы год от года будем решать все успешнее), может явиться достаточным условием для развития мощной кулацкой группы, а тем более такой, которая развивается по американскому типу.

Следует иметь в виду, что значительные возможности в области аренды земли, применения наемного труда мощному слою деревни облегчаются неземлеустроенностью сибирской деревни.

Землеустройство в настоящее время является мощным орудием организации бедняцко-середняцких масс. Беспорядок в земельных отношениях на руку кулакам и мощным хозяйствам, идущим по пути превращения в кулацкие. Землеустройство лишает их многих возможностей. Поэтому они везде, как общее правило, выступают против землеустройства, но и везде же терпят поражения, ибо беднота в этом вопросе проявляет очень большую активность и отбрасывает кулачество с его позиций.

В обследовании Родинского района комиссия Сибкрайкома на стр. 14 отмечает следующее: «За истекшие 20 лет ни переделов, ни скидок и накидок не производилось, и освобождающиеся земли выбывших и выморочных хозяйств поступают в общественный фонд. Земельные же общества в редких случаях передают эти земли в бесплатное трудовое пользование, и если передают, то главным образом крепким середнякам и зажиточным; чаще же предпочитают использовать эти земли, впредь до землеустройства, в фискальных целях путем сдачи в аренду. В результате такого порядка бедняк остался «на бобах»—за счет его земель «распухли» общественные земельные фонды, а он не может использовать предоставленного ему законом права сдачи своих земель в аренду и терпеливо ждет землеустройства.

Совершенно ясно, что эта тяжелая картина, подмеченная нашими обследователями, обусловливается отнюдь не могуществом кулачества, а тем, что у нас «руки не дошли» до повсеместного проведения землеустройства. Нехватает средств и сил для скорейшего проведения этого организационного мероприятия, которое является фактором громаднейшего экономического и политического значения. В ряде мест Сибири, где землеустройство проведено, мы видим, резкое изменение картины: советские

земельные законы и порядки отбрасывают кулачество на несколько шагов назад и укрепляют позиции бедноты.

Обследователь Родинского района пишет: «Наиболее заинтересована в землеустройстве беднота, поддерживаемая середняком. В вопросах землеустройства у них крепкий блок против зажиточного. Первые вполне справедливо рассчитывают получить при землеустройстве причитающуюся им землю полностью, поближе к селению и не худшую, а лучшую. Для зажиточного землеустройство значит—ограничение его земельных аппетитов; мощному хозяйству—подальше земля, распределение не по мужским долям, а по едокам, справедливая расценка качества земель и т. д.». «Вместе с тем землеустройство четко выявит арендные земельные отношения» (стр. 27).

3. Борьба капиталистических и социалистических элементов в деревне.

Тов. Сафаров в самом начале своей статьи говорит: «Данные комиссий Сибкрайкома отметают прочь всякие иллюзии, всякий «сладенький самообман»... насчет того, что один стихийный рост производительных сил сам по себе способен нас приблизить к социализму, способен обеспечить победу кооперативно-социалистических тенденций над капиталистическими».

Позволительно спросить, где же усмотрел т. Сафаров эти иллюзии, кто ими заражен, где те люди, которые заражены этими иллюзиями, питают этот сладенький самообман и против которых мужественный Сафаров собрал все свое оружие и доспехи?

За несколько месяцев до статьи т. Сафарова происходила Сибирская краевая конференция, она подытожила материалы по изучению деревни. Уж не она ли, отражая напор кулачества на соответствующие «этажи советской и даже партийной лестницы», посеяла такие иллюзии?

В резолюции «об основных вопросах сельского хозяйства» имеется следующее:

«В условиях роста сельского хозяйства и повышения его товарности развертывание социалистического сектора сельского хозяйства приобретает особо важное значение. Рост производительных сил сельского хозяйства особенно усиленно должен происходить по этому руслу. *Отсюда—важнейшей задачей в развитии сельского хозяйства являются укрепление и усиление строительства колхозов и простейших коллективных об'единений, а также совхозов.*

Отмечая хозяйственное укрепление колхозов и совхозов и количественный рост простейших об'единений, необходимо устранить имеющиеся недостатки, тормозящие дальнейшее их укрепление и развитие». Дальше следует ряд конкретных практических предложений (Стеногр. отчет конференции. Стр. 285).

«Развитие сельского хозяйства и экономический рост деревни все еще порождают капиталистические отношения (наем рабочей силы, аренда земли и т. д.); при этом часть хозяйств верхушечной группы (кулацкие хозяйства) идет по пути систематической эксплоатации на стороне сельскохозяйственных машин, ростовщичества, по пути аренды земли и организации единоличных кустарно-промышленных предприятий с применением наемной силы.

Поэтому экономическая политика в деревне должна быть в первую очередь направлена на укрепление и повышение хозяйственной мощи бедняцких хозяйств и на создание благоприятных условий хозяйственного развития и роста для середняцких слоев деревни, как основной базы сельскохозяйственного производства. Подтягивая бедняцкие хозяйства и строя свою политику в направлении дальнейшего укрепления союза рабочих и деревенской бедноты с середняками, мы должны поставить задачу экономического преодоления кулацко-эксплоататорских хозяйств, как враждебного нам слоя деревни».

«В условиях под'ема сельского хозяйства и происходящего процесса расслоения деревни мероприятия по развитию производительных сил и реконструкции сельского хозяйства должны строиться таким образом, чтобы они способствовали наибольшему развитию коллективных форм хозяйства и хозяйственному укреплению бедноты. *Отсюда—каждое мероприятие в деревне обязательно должно содержать в себе две основные установки: а) поднять производительные силы хозяйства* и б) *содействовать усилению кооперирования и коллективизации и поднятию экономического состояния бедноты».*

Ну, разве эти решения оставляют надежду на успех того недобросовестного (мягко говоря) приема т. Сафарова, который сводится к тому, чтобы партийной организации подкинуть «струвистский» уклон и потом с торжеством его обнаружить, выступая в роли защитника чистоты классовой линии? Не пройдет, т. Сафаров, при всем вашем семиреченском опыте, не пройдет!

Почему бы тов. Сафарову не привести хотя бы один—два примера, говорящих за жизнеспособность коллективных форм. Обследование, имевшее целью обнаружить наши слабые места, прорывы, естественно фиксирует главное внимание на недостатках. Но тем ценнее и заслуживают максимального доверия положительные факты и явления, отмеченные обследованиями.

Комиссия, обследовавшая район Славгородского округа, характеризует работу коммун: «Обращает на себя внимание темп культурно-политического роста коммун» (значительное повышение грамотности), «значителен рост числа партийцев и комсомольцев» (стр. 28).

«Хозяйство коммун, как и хозяйство всего района, за время 1921—24 годов пережило период глубокого упадка. К 1923—24 г. оно опустилось до норм потребительского минимума и жило за счет проедания основных капиталов. Однако, в 1926 году коммуны уже встают на путь интенсификации сельского хозяйства *и далеко выдвигаются вперед по сравнению с хозяйством района* (стр. 29).

«...Хозяйственный рост коммун идет по пути реорганизации сельского хозяйства на началах его интенсификации. Особенно это ярко выражено в коммуне «Красный Алтай», где на ряду с увеличением культурного инвентаря и приобретением трактора, умножились агрикультурные приемы хозяйствования».

«На ряду с культурно-хозяйственным ростом в коммунах значительно поднялась трудовая дисциплина, а с ней—и производительность труда. Выросло сознание коллективного хозяйства, выраженное в бережном, хозяйственном и внимательном отношении к скоту, инвентарю и к хозяйственным начинаниям и мероприятиям, улучшился и выправился внутренний распорядок в

коммунах. Толковое распределение труда, распределение продуктов потребления по нормам и улучшение бытовых условий устранили склоки и недовольства и создали сплоченность членов коммуны» (стр. 30).

Особенно ценно улучшение отношения окружающего крестьянства к коммунам. Оно означает крах кулацкой линии и агитации.

«Отношение окружающего крестьянства к коммунам резко изменилось. Достигнутые коммунами культурно-хозяйственные успехи расцениваются как результат дружной работы коммунаров. Вместо презрительного отношения и клички «пустоплюи» и «советские нахлебники», крестьяне определяют коммунаров, как «хороших и толковых хозяев», и часто ставят в пример их хозяйственные достижения.

К недостаткам нужно отнести неналаженность учета и отсутствие правильно составленных операционных и организационных планов. Устранение их создало бы еще более благоприятные условия для культурно-хозяйственного роста коммун» (стр. 30).

Среди машинных товариществ и других первичных простейших коллективов очень много лжеколлективов, подверженных индивидуалистическим влияниям, некоторые из них захватываются кулаками, которые их пытаются превратить в ширму. Все это так, все это лишний раз подчеркивает те трудности, которые партии приходится преодолевать в деле социалистического строительства в деревне. Обратить эти факты против партии, обвинять ее можно было бы лишь в том случае, если бы партия не видела этих трудностей и опасностей, прикрашивала положение.

Имеется ли это? Обратимся снова к резолюциям сибирской организации.

«Рост простейших об'единений, особенно машинных товариществ, в последнее время происходит в значительной мере за счет верхушечных групп деревни, стремящихся организовать лжекооперативы и использовать предоставляемые об'единениям льготы и преимущества в личных целях. Это явление коренным образом извращает идею коллективизации и искривляет линию партии в этом вопросе.

Конференция поручает краевому комитету и местным парторганизациям: а) принять меры к подбору и оздоровлению социального состава простейших об'единений путем преимущественного вовлечения в них бедняцких и середняцких слоев и б) регулировать рост простейших об'единений, ставя преграды образованию лжекооперативов и всемерно содействуя развитию тех, которые действительно ставят перед собою задачи коллективизации сельского хозяйства» (Стеногр. отчет. Стр. 286).

Но разве наличие этих отрицательных явлений, с которыми партия борется и имеет волю бороться, ломает кооперативный план Ленина приобщения деревни к социализму? Наличие этих отрицательных фактов не может заслонить громадного положительного роста творческой энергии пролетарских и полупролетарских слоев деревни, вместе с середняками под руководством партии закладывающих социалистические ячейки в деревне.

Вот опыт работы товарищества по общественной обработке земли в Славгородском округе. Товарищество называется «Проснись, народ», организовано несколькими батраками и бедняками.

«Это товарищество с весны добилось получения кредита в размере 300 рублей. На полученный кредит оно приобрело четыре вола, семян для посева и, имея, кроме того, 1 лошадь, плуг и бричку, засеяло на своих и частью на землях общественного фонда, предоставленных ему обществом бесплатно, 20 десят. пшеницы. Собранный урожай дал 900 пудов пшеницы». Такой производственный эффект дал прекрасный результат для сплочения и укрепления товарищества. Члены товарищества восторженно расценивают свои достижения и только в товариществе видят выход из своего бедняцкого состояния. «Если селькредит нам поможет, то через год другой мы станем настоящими хозяевами и уж на поклон к кулаку или зажиточному не пойдем», говорят они».

«Процесс коллективизации охватывает все полевые работы, т.-е. посев, сенокос, уборку хлеба и молотьбу, с применением покрытия обязательств товарищества из общего урожая. Делится между членами остаток урожая после уплаты товарищеских долгов» (стр. 31—32).

Тов. Сафаров очень усердно и часто ссылается на обследование Заларинского района Иркутского округа. И понятно почему. Во многих отношениях здесь положение хуже. Но и здесь материалы дают представление о тех силах, которые растут в наших советских условиях в противовес капиталистическим тенденциям. Пусть тов. Сафаров на стр. 41—42 прочтет описание машин товарищества «Свобода» в д. Майгон. Может быть, его панические настроения несколько уменьшатся, а уверенность в силе социалистического начала увеличится.

Товарищество организовалось по инициативе культурного батрака (б. военнопленный, был в Красной армии, организатор подписки на «Крестьянскую Газету»). «Среди населения, бедноты и коммунистов пользуется авторитетом. В начале организации т-ва было 8 чел., теперь имеется 24 чел.» (по преимуществу бедняки и середняки). Товарищество завело несколько машин. В настоящее время имеет их на сумму около 1000 руб.

«Характерна для оценки направления деятельности товарищества выдержка из протокола от июля с. г.: «К 1/X кооперировать в машинное т-во 50 процентов населения с предоставлением льгот бедняцкому населению до 2-х лет».

«В дальнейшем вести работу усиленным темпом для того, чтобы *массы пошли, хотя бы маленькими шагами, к социалистическому строительству*».

Тов. Сафаров видит деятельность кулачества, не прочь раздуть эту деятельность до грандиозных размеров, не останавливаясь перед чудовищными гиперболами, а вот этих шагов к социализму, укрепления наших командных высот замечать не хочет.

Критика наших недостатков, пусть резкая, полезна [1]), но она должна исходить из правильных посылок, сохранять правиль-

---

[1]) «Краевая партийная конференция с большим удовлетворением отмечает курс Сибкрайкома на необходимость критического отношения к работе и на строгий критический подход к недочетам и ошибкам работы, что дает возможность на основе учета опыта улучшать качество своей работы, организовать проверку людей и сплачивать партийную организацию вокруг практического проведения политики партии в разных областях строительной работы» (из резолюции краев. конференции).

ную перспективу, давать правильное направление, а не превращаться в беззубое брюзжание против партии, выискивание и извращение фактов, чтобы опорочить линию партии, не должна разлагать веру в творческие силы партии и рабочего класса.

Абсолютно неверным, искусственным и надуманным является утверждение—будто недостатки и ошибки в деле машиноснабжения и кредита об'ясняются перерождением низовых первичных тканей наших организаций в деревне. Оппозиция очень много шумела по поводу мелкобуржуазной стихии, заливающей нижние этажи советского государства. Итоги перевыборов, в том числе и по Сибири, опровергли это утверждение оппозиции. Тов. Сафаров неспроста избегает говорить о сельсоветах Сибири, несмотря на то, что в книжках обследования материалов о низовых советах очень много. Тов. Сафаров, видимо, чувствует здесь безнадежность своих позиций. Тогда появляется модифицированная (измененная) постановка вопроса о стихии и нижних этажах. По Сафарову «кулацкая стихия, захватывая в нижних этажах дело распределения машин и кредитов, использует его в своих интересах, в целях прямого поощрения и покровительства сельскохозяйственному капитализму».

Наши ошибки и промахи нечего валить на низовые органы. Бюрократизм наших окружных, краевых, центральных хозяйственных инстанций, ведомственная драка и ограниченность в сочетании с тяжелыми об'ективными финансовыми условиями работы кредитующих организаций—вот что обусловило ошибки, которые пошли в значительной части на пользу мощным слоям деревни.

Здесь до известной степени повторилось явление, которое в нашей промышленности 2—3 года назад составляло больное место. Госпромышленность имела директиву вести работы преимущественно с госторговлей и кооперацией, а она часто в обход директив связывалась с частником не потому, что коммунисты-хозяйственники сплошь переродились, а потому, что близорукий хозрасчетный интерес сегодняшнего дня и угроза финансовых осложнений толкали к частнику, который платил наличными. Центры машиноторгующих организаций непрерывно давили на свою периферию: «нам надо расплачиваться с промышленностью, во что бы то ни стало реализуйте машины, продавайте значительную долю состоятельному крестьянину за наличные, урезывайте сроки кредита». Низовые органы, подгоняемые этими финансовыми, хозрасчетными (уродливыми, неправильными, близорукими) соображениями зачастую часть инвентаря и кредитов пускали не туда, куда требовала классовая линия партии. И часто бедняцко-середняцкое правление, включающее и коммунистов, ругательски ругая свой главк, подталкиваемое финансовой нуждой, сокращало долю бедноты и середняков в пользу более мощных хозяйств.

Если бы верно было, что низовые звенья кооперации сплошь захвачены кулачеством, то решения партии (ЦК: о сельскохозяйственном кредите и пр.) [1]), исправляющие эти грубые ошибки, они должны были бы встретить в штыки, а они их приняли с удовлетворением («наконец-то, устраним безобразия с поручительством» и пр.).

[1]) Из резолюции сибирской краевой конференции: «Обратить внимание... на ряд уклонений органов Селькредита и машиноснабжающих организаций от партийной линии в деле хозяйственной поддержки маломощных слоев деревни».

Конечно, это не значит, что внизу в исполнительных органах все благополучно. Очень много ротозейства, неумения работать, есть и явления захвата отдельных звеньев чуждыми и враждебными нам элементами, сколько угодно волокиты, бюрократической нечуткости в отношении масс, но подгонять эти явления под сафаровскую предвзятую схему—оказывать медвежью услугу партии.

Передача дела машиноснабжения в некоторых случаях сельхоз.-кооперации (после громадной ведомственной вредной драки), той, которая, по мнению Сафарова, захвачена кулачеством, *улучшила* положение для бедняцких и середняцких слоев.

Цифры кооперированности различных слоев сибирской деревни отнюдь не говорят о значительном удельном весе мощной, тем более кулацкой верхушки. Цифры социального состава выборных органов кооперации говорят о преобладающем влиянии бедняцко-середняцких элементов. Отдельные случаи захвата влияния мощными группами в кредитных товариществах, кооперативах и пр. подвергнуты обследователями особо внимательному разбору. Отдельные случаи такого захвата отрицать не приходится, но партия мобилизовала свое внимание.

Говорить о значительном влиянии кулачества в сибирской кооперации не приходится. В большинстве случаев настороженность против кулачества так сильна, что в некоторых районах, несмотря на решения XIV партконференции, до сих пор отказывают зажиточному (иной раз даже не кулаку) в праве войти рядовым членом в кооперацию. В молочной кооперации ряд многокоровных хозяйств остается некооперированным, потому что правление, состоящее из малокоровных, боится их пустить в кооперацию—«пусти, мол, козла в огород». При перевыборах советов перегибы в лишении избирательных прав доходили до того, что в некоторых селах лишали права голоса по 20—25% и даже 30%.

В этих перегибах, где кулацкая опасность коммунистами или беспартийными-активистами толкуется чересчур расширительно, мы можем наделать ряд ошибок по отношению к некоторым слоям середняков, ошибочно зачисляя их в кулаки.

Это не исключает случаев отсутствия достаточной чуткости со стороны некоторых низовых парторганизаций к росту классовых противоречий в деревне, соглашательской линии по отношению к мощной верхушке. Обследовательские комиссии дают ряд примеров этого. Но чудовищным преувеличением и прямой клеветой на низовую деревенскую парторганизацию было бы утверждение, что сельская организация, что деревенские коммунисты переродились, окулачились. Величайшее внимание со стороны партийных комитетов проявлено к отдельным случаям, т. н. «хозобрастания» деревенских коммунистов, ведется борьба, и такие коммунисты отсеиваются из партии.

Если бы сибирские деревенские организации представляли собою переродившиеся, окулачившиеся ячейки, наверно, это сказалось бы на таком симптоме, как вступление в партию. Мы имеем за последние периоды усиление притока в партию батрачества.

Следующая табличка дает об этом представление:

	Батраки, вступающие в партию, составляли в % к общему числу принятых в партию
За первое полугодие 1925 г.	1,8%
» второе » 1925 г.	3,2%
Всего за год	2,6%
За первое полугодие 1926 г.	5,0%
» второе » 1926 г.	6,1%
Всего за год	5,4%
За первую треть 1927 г.	10,1%

Недостаточную закрепленность наших позиций в деревне мы видим, слабые места подверглись в обследованиях обстоятельному анализу и исчерпывающей критике. Слабых мест, недостатков очень много, но сделать из этого выводы о несостоятельности нашей политики в деревне, о потере пролетариатом командных позиций можно только в состоянии величайшего ослепления.

Мы имеем материал для сравнения. В конце 1924 года производилось обследование сибирской деревни. То, что дало обследование 1926 г., показывает, как далеко шагнуло дело строительства в деревне.

Мы иногда даже сами не подозреваем, какая инициатива и творчество проявляются низами. На вопрос о том, могут ли расти на основе этой инициативы, при условии осуществления кооперативного плана Ленина, социалистические элементы в деревне, в той деревне, которая для т. Сафарова окрашена в однотонный мрачный цвет кулацкого засилья, отвечает обследование Ирбейского района Канского округа.

«На вопрос о том, могут ли быть жизненными бедняцко-середняцкие товарищества, лучше всего отвечает работа машинного Покровского товарищества. Всего состоят членами этого товарищества из 100 дворов села 65 хозяйств, т.-е. 65 процентов. В 1924 г. оно об'единяло 26 чел., в 1925 г. — 32 и, наконец, в 1926 г. — 65 бедняцких и середняцких хозяйств. Уже сейчас все машины в этом селе приобретаются исключительно машинным т-вом. Работа производится также и на стороне только по такой же цене, что и для пайщиков». Сейчас оно превращается в товарищество по совместной обработке земли. Ближайшая за этим перспектива—превращение в коммуну. Нет сомнения, что это будет не худосочная, искусственная коммуна, а органический росток социализма, пробившийся к жизни при очень трудных условиях, но тем более жизнеспособный.

Как бы малы и скромны эти ростки ни были, но они дают уверенность, что приобщение деревни к пролетарскому делу строительства социализма совершается и совершится, несмотря на противодействия капиталистических элементов и несмотря на растерянность и истерические попытки свернуть партию с ее правильного пути.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

НОВАЯ „АВСТРИЙСКАЯ ШКОЛА“.

(О книге Отмара Шпанна „Мертвая и живая наука. Против индивидуализма и марксизма“).

Отмар Шпанн—восходящее светило в современной буржуазной науке. Влияние его среди буржуазных экономистов в Германии и Австрии все растет. Вместе с Георгом фон-Беловым он издает серию Deutsche Beiträge; кроме того, под руководством Шпанна выходит серия Herdflamme. Сам Шпанн тоже проявляет большую плодовитость. Незадолго до мировой войны Шпанн получил кафедру политической экономии в Вене, как ставленник националистской и клерикальной реакции. Замечательно, что в новом издании известного Handwörterbuch der Staatswissenschaften, лучшей (буржуазной) энциклопедии по экономическим наукам, Шпанну поручены были статьи о классах и сословиях, об «эгоизме» и др. Это свидетельствует о его растущем влиянии. Как никак, эти статьи его являются здесь диссонансом, бросают перчатку серьезной науке.

В статье о классах Шпанн называет «неслыханным заблуждением почти всех современных ученых», что они принимают в вопросе о классах примат экономики. Шпанн сетует, что современная экономическая наука вообще находится в плену у марксистской доктрины. Это грехопадение буржуазной науки Шпанн об'ясняет ее индивидуализмом. Шпанн валит в одну кучу индивидуализм и марксизм, выступает в поход против них обоих. Квинт'эссенцию своих взглядов он дает в книге под характерным полемическим заглавием: «Мертвая и живая наука. Против индивидуализма и марксизма» [1]). Любопытно, что в то же время другой немецкий профессор, Курт Брейзиг, напротив, в трехтомном труде [2]) «опровергает» Маркса именно с точки зрения индивидуализма и роли личности в истории.

У Шпанна темперамент бойца. Послушайте, какую характеристику дает он различным типам народного хозяйства. Строй индивидуализма и свободы в экономике, строй «чистого капитализма» он называет сумасшедшим домомом, строй коммунизма или планового хозяйства—тюрьмой, строй свободно регулируемого или «умеренного» капитализма—лихорадкой, дележом наследства. Идеал Шпанна—это сословный, цеховой строй, ständische Wirtschaft. В провозглашении этого идеала в наше время—

[1]) Перечисляем другие труды О. Шпанна:
Fundament der Volkswirtschaftslehre, 3-е изд., 1923 г.
Kategorienlehre, 1924 г.
Die Haupttheorien der Volkswirtschaftslehre, 1923 г.
Gesellschaftslehre, 2-е изд., 1923 г.
Des wahre Staat, 2-е изд., 1923 г.

[2]) Vom geschichtlichen Werden. Umrisse einer zukünftigen Geschichtslehre, 1926 г.
I. Band. Persönlichkeit und Entwicklung.
II. Band. Die Macht des Gedankes in der Geschichte in Auseinandersetznng mit Marx und mit Hegel.

оригинальность Шпанна. Но это также—знамение времени, симптом упадочного периода капитализма.

Тогда как у Зомбарта (в его «Пролетарском социализме») лишь мимоходом проскальзывали, так сказать, настроения «Вишневого сада», меланхолические сетования по исчезнувшим патриархальным временам и нападки на наш беспокойный век моторов и радио, у Шпанна это возведено в целую систему с теоретико-познавательным, социологическим и экономическим аппаратом. Эта система силится доказать, что «сословный» строй не только самый желательный, но вообще единственно возможный, вечный строй, существовавший не только в средние века, но с первобытных времен вплоть до наших дней. Доказывается это тем, что из хаоса и «механистической атомистики» индивидуализма не может возникнуть никакого организующего начала. Даже классики,—говорит Шпанн,—чувствовали это и поэтому постулировали «предустановленную гармонию». Экономическая свобода есть утопия, абсурд, абстракция. Капитализм при своем появлении использует старые рамки; да и в наше время имеются картели, профсоюзы, кооперация. Эти последние тоже включаются Шпанном в понятие «сословного» хозяйства. Как видим, это понятие у него достаточно путанное и расплывчатое.

Отчасти под «сословным хозяйством» Шпанн понимает вообще принцип связанности, нормировки, регулирования в жизни общества. Однако, он умудряется обвинить в атомистике также марксизм. Последний—заявляет Шпанн,—сначала атомизирует общество, затем централизует его, постулирует армию «фабричных людей», как две капли воды похожих друг на друга, не считаясь с различиями в формах производства и пр. Старая песня. Шпанн проповедует völkische Wirtschaft, «хозяйство народности». В этом весь секрет. «Фёлькише», как известно, немецкое обозначение фашизма... *Народное хозяйство* проделывает у Шпанна эволюцию в *хозяйство народности*. Это весьма многозначительная эволюция, и вся задача Шпанна в том, чтобы дать ей теоретическое обоснование.

Для этого служит Шпанну его учение о цельности, о целом. Целое—раньше части. Шпанн поучает марксизм, что «простое суммирование частей не составляет еще целого». Целое есть народность, и каждое звено в сословном хозяйстве служит целям и духу народности», получает свой смысл и значение только от этой своей роли в целом. Это—zweckverbundene Wirtschaft, хозяйство, подчиненное целям национальной идеологии. В этом смысле каждая часть его служит целому и определяется своим местом в целом. Это место дано всей сложившейся исторической обстановкой, оно создается органически.

В своем «Учении о категориях» Шпанн противопоставляет целое, цельность не только механической причинности, но также диалектике и логике, а самое замечательное это то, что в конце концов дается «доказательство бытия бога из понятия цельности»... Шпан выдает себя здесь головой, как матадор клерикальной реакции. В серии Herdflamme вышла в 1926 г., между прочим, работа проф. Карла Фейгля: «Цельность и число. Этюд о строении и гносеологической ценности математической и цельной системы понятий». Любопытно, что этот сторонник Шпанна попутно следует также по стопам известного германского психолога Ганса Дриша, свернувшего в последнее время не только на путь неовитализма, но также на путь спиритизма...

Шпанн выступает в поход против индивидуализма и марксизма во имя «универсализма» и учения о целом. Но замечательно, что это выливается у него на деле в прямую противоположность. Сословное хозяйство является сугубой дифференциацией, и, начав за здравие, Шпанн кончает за упокой, проповедует доведенную до крайности распыленность, своего рода федерализм в теории, столь же реакционный, каким был федерализм в эпоху Французской революции.

Задавшись целью провести высший синтез экономической науки во имя «хозяйства народности», Шпанн на самом деле делает невозможным какой-либо синтез, ставит крест над политической экономией, как наукой. Согласно Шпанну, один и тот же товар может и должен иметь различную цену в Вене и Граце и даже в одном и том же городе на отдельных фабриках. Доказывает он это тем, что каждое производство не повторяемо, индивидуально; поэтому конкуренция не может дать в результате единой цены. В наш век массового производства несколько смелое утверждение! Шпанн ссылается также на «общеизвестный факт», что за одну и ту же работу, например, металлиста каждая фабрика платит другую цену. Слова одну и ту же он ставит при этом в кавычки; он подвергает сомнению возможность такого нивелирования. Довод, впрочем, не новый. Зато ново следующее: все цены,—уверяет Шпанн,—носят монопольный характер, в каждой цене имеется иррациональный элемент, поэтому они не поддаются научному исчислению. Вся экономическая наука была до сих пор на ложном пути, рассматривая цены «только с точки зрения рынка»; этого недостаточно, Шпанн доискивается понятия «органической» цены и вполне последовательно возвращается к архаическому понятию «справедливой цены». Если цена булки различна у пекаря и на постоялом дворе, то это потому, что каждый из них является «различным экспонентом цельности», занимает свое место на службе у целого. То же об'яснение дается различиям цен на больших и мелких рынках, у оптовика и розничника и пр. Разумеется, «экспонент цельности» ровно ничего не об'ясняет. Энгельс в таких случаях любил говорить:

Wie Jungfer Jettchen's Fingerhut
Passt er zu allen Dinglu gut.

Есть такая немецкая сказка: у девицы Иеттхен чудесный наперсток, который годится на все вещи, его можно надеть на все. «Экспонент цельности» тоже можно надеть на все. Это столь же расплывчатое, сколь бессодержательное об'яснение.

Шпанн обвиняет всю существовавшую до него науку политической экономии в том, что под стоимостью и ценой она понимала только количественные отношения. Это вполне в духе его теории «хозяйства народности». При этом приводятся такие вульгарные доводы, как то, что за одну и ту же цену получаешь совсем другой обед в Вене и Линце, совсем другую квартиру и пр. Выбросив за борт меновую и потребительную стоимость, Шпанн бесконечно запутывает проблему. Он обвиняет всю политическую экономию, что обмен у нее трактуется как нечто случайное, зависящее только от воли (?) обменивающихся личностей, что у нее «цена внезапно рождается из хаоса, суммируется из действий индивидуумов»; на самом деле это обвинение падает обратно на Шпанна, так как он не дает ни конкретного мерила, ни конкретного субстрата для цен и стоимости, кроме своего пресловутого «экспонента цельности». У Шпанна «справедливая», «органическая», «качественная» цена зависит от «функции данного средства в сверхиндивидуальной связи всех средств». Это логический круг. У Шпанна, с одной стороны, качество определяет цену, с другой стороны, цена служит для определения этого качества. То утверждается, что качество тоже нуждается в мериле, то оно оказывается «не повторимым».

Распределение, расположение частей на службе у целого—вот тот кит, на котором построена теория Шпанна. Он жонглирует словами Gliederung, Gliedickeit, Eingegliedertheit и т. п., словами без всякого реального смысла, словами, которым можно придать любой смысл, наперстками девицы Иеттхен. То они получают у Шпанна значение распределения в том обычном смысле, в котором этот термин употребляется в политической экономии, то это—просто расположение, размещение. Конечно, всякая перемена может быть названа переменой в размещении. И вот на этом основании Шпанн опровергает всю политическую экономию, начиная от Адама Смита, ополчается на нее за то, что она все явления экономики производит от стоимости и цены. Это неверно—поучает нас Шпанн.—Не распределение зависит от цен, а цены зависят от распределения (размещения). Он приводит следующий пример: если открыты новые залежи железа и произошло падение цен железа, то «здесь произошло изменение размещения экономических средств, изменилось распределение (!) а с ними и цены; цены здесь не произвели никакой перемены, они сами—выражение происшедшей перемены». Как видим, это—вульгарное об'яснение стоимости из редкости, но по жаргону Шпанна, мы имеем здесь, «изменение в размещении частей на службе у целого». Тот же сказочный наперсток Иеттхен, который можно надеть на все вещи.

Шпанн обвиняет всю буржуазную политическую экономию, а также Маркса в том, что они строят свои теории на «слепой причинности». Нужды нет, что диалектический материализм Маркса нечто совершенно иное. Он, Шпанн, строит свою теорию не на причинности, а на Gliedlichkeit, на размещении частей на службе у целого. Как на пример такой «непричинной связанности», корреляции, он указывает на соподчинение сердца и легких в организме. Отказываясь от категории причинности, Шпанн тем усерднее работает с помощью категорий средства и цели. Все его фразы о целом и размещении частей на службе у целого выливаются в одно русло служения принципу «фёлькише» (фашизма), «хозяйства народности». Целеустремленность его экономики имеет вполне определенную окраску. Отсюда и его теоретическое подчеркивание качества. Отсюда все качества [1]).

Шпанн идет далее. Он уже не ограничивается учением о ценах. Вся экономика, весь комплекс ее, вся градация ее ставятся им в зависимость от этого чисто формального признака размещения, нормировки, устава. В различных странах строительные уставы предписывают особый формат кирпичей,—Шпанн берет этот пример, чтобы доказать, что производственные издержки зависят от правовых норм. Первенство формата в производстве. Точно так же Шпанн провозглашает первенство торговли и рынка над производством, а в самом рынке—то же первенство рыночного устава, в мировом хозяйстве—первенство тарифов, пошлин, договоров, правовых норм, «размещения». Опять столь же убедительный пример: торговый договор между Белградом и Веной может внезапно

[1]) В своем рвении доказать утопичность индивидуализма Шпанн обрушивается на учение Бюхера о замкнутом домашнем хозяйстве, как первоначальной стадии, и заявляет, что «этого нет и в каменном веке». Но любопытно, что Шпанн пристегивает к Бюхеру Дарвина и Маркса. Против «механически-индивидуалистической концепции Бюхера-Дарвина-Маркса выдвигается Шпанном совсем невпопад исследования Допша и Георга Белова. Они доказали существование «капиталистической волны» в эпоху Каролингов. Это должно служить подтверждением учения Шпанна, что в основе нынешнего капитализма и всего исторического развития лежит «не каузальность, а перемена умонастроения и всего духовного склада эпохи» (der Wechsel der Gesinnung = einer Zeit).

сделать возможной поставку в Сербию австрийских текстильных товаров, бывшую до сих пор невозможной. Попутно Шпанн игнорирует кризисы перепроизводства. Даже технику Шпанн об'являет производной от права, утверждая, что без патентов невозможны изобретения. Таким же издевательством над теорией, да и над самой историей экономики является утверждение Шпанна, что деньги—изначальное явление всякого хозяйства и не отсутствуют полностью даже при чисто натуральном хозяйстве. Точно так же, как «рыночная зрелость» оказывается раньше «фабричной зрелости», так деньги ставятся Шпанном впереди товара. Отметим: не только для периода торгового капитализма. Шпанн ставит также финансовый капитал перед производственным (это еще куда ни шло), кредит перед производством и чуть ли не фабрикат перед сырьем (на его жаргоне: Genussreife vor Rohstoffreife).

Совершив все эти подвиги, поставив дыбом Маркса и всю политическую экономию, наш неутомимый новатор затем одним росчерком пера лишает силы свои открытия, заявив, что имеет в виду не генетическое, а логическое первенство. Эта лазейка—опять тот же сказочный наперсток юнгфер Иеттхен. С такой оговоркой можно, конечно, утверждать все, что угодно. Конечно, в этом смысле можно утверждать, что, если нет потребителя на фабрикат, то отпадает и сырье. Но Шпанн проблему о примате права над экономикой вовсе не ставит в «логическом» разрезе. В таком разрезе она поставлена скорее у Штаммлера, при чем у последнего речь не о примате права, а о его эквивалентности экономике. У Шпанна же правовые нормы определенно выставляются первичным фактором, а производство вторичным, производным. Еще характернее его утверждение, что деньги имеются (как норма, как условие) уже в первобытном натуральном хозяйстве; между прочим, Шпанн доходит даже до утверждения, что у первобытных народов имеется уже чуть ли не мировое хозяйство.

Любопытно, что профессор Бернгард Гармс развивает аналогичную, ультра-идеалистическую теорию мирового хозяйства, об'являя его производным от государственного нормирования, от международных торговых договоров, железнодорожных тарифов, пошлин и т. п. формальных, во всяком случае вторичных признаков. Это совпадение нельзя не считать показательным. Взгляды Шпанна симптоматичны для буржуазной науки времен упадочного капитализма. Они должны создать школу. Так или иначе, отметим следующее. Занявший кафедру Карла Менгера и Визера Шпанн оказывается врагом их теории предельной полезности. Он видит в ней тоже индивидуализм и атомистику. Уже тот факт, что венский университет предоставил эту кафедру противнику «австрийской школы», весьма знаменателен. Для старой австрийской школы наступили «сумерки богов». На смену им выступает новая австрийская школа, школа Шпанна. Но вряд ли это будет прогрессом.

Мы познакомились с откровениями этого нового светила буржуазной экономической науки. Они преподносятся им с величайшим апломбом. Мы видели, что Шпанн не оставляет камня на камне в здании, сооруженном его предшественниками. Это Саванаролла упадочного периода. Из всех теоретиков политической экономии он признает только выкопанного им некоего архинемецкого Адама Мюллера, читавшего в 1808/9 гг. лекции принцу Бернгарду Саксен-Веймарскому и собранию государственных деятелей и дипломатов. Этот Мюллер превозносится Шпанном до небес и противопоставляется им Адаму Смиту и прочим классикам. Произведения Мюллера впервые издаются теперь в серии Hendflamme, издаются с такой же тщательностью и заботливостью, как у нас произведения

Маркса. (За исключением этого Мюллера Шпанн признает еще разве Фридриха Листа). Мюллер—для него идеал «национальной» и неиндивидуалистической науки, представитель «романтической школы в экономике» [1]). Как Шпанн, так и Георг Белов поют дифирамбы *романтизму в экономике.* На первый взгляд не совсем понятно, в каком сочетании являются здесь столь различные вещи, как романтизм и экономика. Дело, видите ли, в том, что романтизм был реакцией против индивидуализма и впервые занялся народностью, как целым, тайниками ее души. В этом духе и Шпанн строит свой идеал традиционного, сословного хозяйственного строя.

Учение Шпанна носит яркий реакционный характер. Народность служит ширмой для национализма, клерикализма и фашизма (между прочим, Шпанн ведет ожесточенную дуэль с недавно умершим проф. Максом Вебером за его религиозность). Только этим реакционным, фашистским характером нового учения об'ясняется то большое влияние, которого оно достигло за сравнительно короткое время. Только этим об'ясняется, что буржуазная немецкая экономическая наука сама себя высекла, дав место нелепицам нового оракула на столбцах своей первоклассной энциклопедии.

Ф. Капелюш.

КОНДУРУШКИН, И. С. «Частный капитал перед советским судом». С предисловием Д. И. Курского. 1927 г. Гос. изд. Стр. 240.

В эпоху нэпа, когда рабочий класс СССР строит экономику социалистического общества в условиях непрерывной борьбы с капиталистическими формами хозяйства, когда вопрос «кто кого?» решается на поле хозяйственного строительства, экономической борьбы и преодоления буржуазных форм хозяйства, задача изучения частного капитала имеет, несомненно, огромное не только теоретическое, но и практическое значение: чтобы успешно бить врага, надо его знать.

Вопросы частного капитала представляют собою широкое поле для исследования. Здесь задачи исследователя так же многогранны, как многогранны, разнообразны и своеобразны формы проявления частного капитала в хозяйстве, переходном от капиталистического к социалистическому.

В то же время вопросы частного капитала почти не тронуты в нашей литературе и особенно трудны для обработки в виду почти полного отсутствия достоверных и систематизированных статистических данных.

---

[1]) Об этом Мюллере Меринг в его статье «Об историческом материализме» (1893 г.) приводит следующее из письма Фр. Энгельса:

«Маркс во время своего пребывания в Бонне и Берлине познакомился с Адамом Мюллером и с «Реставрацией» господина фон-Галлера. Он отзывался с заметным презрением об этих пошлых, фразистых и напыщенных подражаниях французским романтикам—Жозефу де-Местр и кардиналу Бональду».

Дальше у Энгельса крайне интересные строки о другом «романтике»—Lavergne-Peguilhen, феодальном мастодонте, как его называет Фр. Меринг. «Удивительно,—пишет Энгельс по поводу одной цитаты,—что in abstracto правильное историческое понимание бывает как раз у тех людей, которые in concreto совершенно не понимают истории как в теории, так и на практике. Эти люди могли бы на феодализме заметить, что в *этом случае* государственные формы определяются формами хозяйства, так как это слишком ясно и очевидно». Дальше Энгельс говорит, что такое понимание у романтиков равносильно об'явлению феодализма «истинной формой хозяйства», которую надо сохранить на вечные времена, вместе с ней восстановить и государственные формы XIII и XIV столетий. Мы видим, что Шпанн с его «сословным хозяйством» возвращается к тому же идеалу феодализма, как истинной, вечной формы хозяйства. Энгельс оказался хорошим пророком.

Как отмечает автор в предисловии, его работа «представляет из себя обработку материалов наиболее крупных должностных и хозяйственных процессов за период с 1918 г., т.-е. с момента действия советского суда, по настоящее время».

Поле судебной деятельности в основном ограничено, как известно, вопросами *криминального* характера, поэтому автор поневоле должен ограничиться рассмотрением деятельности частного капитала лишь под этим криминальным углом зрения. Главный об'ект исследования—махинации и злоупотребления частного капитала в недрах советских государственных, кооперативных и др. хозяйственных организаций или около и в связи с последними; область «законной», «легальной» деятельности частника в основном неизбежно осталась вне круга зрения автора. Тем не менее в книге И. С. Кондурушкина мы находим богатый и интересный материал о жизни и «деятельности» частника на протяжении 7—8 лет, начиная с 1918 года. В I части книги И. С. Кондурушкин дает описание соответствующей деятельности частного капитала за время военного коммунизма. «Рассматривать период военного коммунизма значит изучать ту обстановку, в которой жил и боролся за свое существование буржуа и мелкий собственник, изучать те пути и способы, при помощи которых бывший предприниматель сохранял свои организационные силы и даже некоторые материальные ресурсы». Автор описывает, как буржуа и мелкий собственник сохранял свои средства путем мешочничества, нелегальной торговли, контрабанды. Вторым средством сохранения и накопления средств для появившегося в условиях «военного коммунизма» буржуа явилась служба в советских учреждениях и в Красной армии, куда они хлынули для того, чтобы хищничествовать, спекулировать, наживать, пользуясь тем, что рабочий класс, ставший у власти, не имел достаточных *собственных* кадров для работы на многих ответственных военных и гражданских постах и государство принуждено было привлекать людей чужого класса в качестве «спецов» военных и хозяйственных.

В трех последующих главах автор описывает деятельность частника-спекулянта, бывшего капиталиста, за время нэпа. Угол зрения, доминирующий на протяжении всей книги—хищническая «работа» частника в советских хоз. и пр. учреждениях и организациях и около них. Перед нами длинной и яркой вереницей проходят эксплоатирующие сов. государство и расхищающие народное имущество комиссионеры, поставщики, подрядчики, торговцы, арендаторы, контрагенты, ростовщики с «наделными суммами» и т. д. и т. д.

Вся эта туча бывших, современных и будущих капиталистов, примазываясь к совучреждениям, тащит, «хапает», перепродает украденное государственное добро и таким образом наживается, «выходит в люди», чаще восстанавливает в той или иной доле отнятые революцией капиталы. Автор прослеживает связь между такими казалось бы «частными» предприятиями, как «технические» конторы разного рода, с сов. учреждениями и с краденым госимуществом.

Пользуясь богатым материалом судебных процессов, автор широко развертывает перед читателем картину частного «накопления» за счет советского государства, картину бесчисленных ухищрений частника и его методы «работы», из которых главный—взятки. Далее идет описание работы частника под флагом различных советских общественных организаций—потребительской кооперации, промысловой кооперации, в виде ехидных «учрежденьиц» под вывеской «свой труд» и прочее, инвалидной кооперации с великолепной практикой симуляции «инвалидных» припадков, кредитной, сельскохозяйственной кооперации и даже под флагом колхозов «имени председателя ЦИК Союза М. И. Калинина».

Ряд разделов посвящен валютным, контрабандным операциям частников, акционерным обществам и жилищной лжекооперации.

Страницы книги, посвященные уголовным и хищническим деяниям частного капитала, в то же время направлены против недостатков советского хоз. аппарата, против бюрократизма, бесхозяйственности, неуменья работать, против корыстных побуждений и деяний наполняющих сов. аппарат представителей буржуазных классов и старого чиновничества. Автор находит много гневных слов по адресу недостатков нашего аппарата, питающих частника, помогающих ему «устроиться» так или иначе «на службу» государству. Всего несколько страниц посвятил автор описанию «последних форм» работы частного капитала. Если в период военного коммунизма и «первый» период нэпа (до 1923 г.) за время наибольшей дезорганизации нашего хоз. аппарата и менее совершенной работы суда и уголовного законодательства «деятельность» частника, по автору, почти целиком направлялась на расхищение в той или иной форме гос. ценностей, то во второй период нэпа (1923—25 гг. и 1926 г.), период подтягивания аппарата и существования уголовного кодекса—частный капитал вынужден перейти к более «легальным» формам работы. «Уменьшаются,—пишет автор,—взятки, хищения, проходит эпидемия растрат; но надолго останется основное условие для роста частного капитала: товарные, частнокапиталистические (?) отношения между госпромышленностью и с. хозяйством» (почему *researchпромышленностью? П. А.*). Частник в большей степени переходит к «работе» в кооперации, куст. промышленности, к эксплоатации кустарей, рабочих и пр., старается использовать рыночную кон'юнктуру в торговле и пр.

Как видим, основной материал книги—уголовно-хищническая деятельность частника в недрах и около советских учреждений. С этой точки зрения, книжка, несомненно, представляет интерес и известную ценность для читателя. В этой ее части книжка была бы весьма полезна и для некоторых наших «совдураков» (по выражению автора), склонных ротозейничать и добродушничать по отношению к частнику. Но автор не ограничивается систематизацией и изложением судебных материалов. Он идет дальше. На основании этих материалов, излагаемых местами по типу уголовной хроники, он делает выводы, заключения, дает общие «оценки» и «перспективы». От спокойных берегов фактического материала автор пускается в зыбкое море общих построений и, как это часто случается, изрекает... «перлы».

Основное обобщение автора касается вопроса об источниках и природе частнокапиталистического «первоначального накопления», которое он относит по времени к первому периоду нэпа (1926—23 гг.). «В первые годы нэпа,—читаем мы на стр. 53,—когда частник был гол, как новорожденный младенец, он мог оперировать только государственными ценностями и материалами». На стр. 222 автор, злоупотребляя цитатой из Ленина, пишет: «Мы видим, что капитализм с неба не сваливается, что каждый строй существует и развивается лишь при финансовой поддержке господствующего класса». Т.-е. частный капитал сначала питался тем, что ему удалось наворовать и урвать из гос. складов, запасов; он вырос на тех кредитах, переплатах, которые давались ему иногда по экономической необходимости, чаще по нашей неорганизованности или из корысти и продажности пришлых и чуждых элементов в гос. аппарате».

По автору выходит, что частник 1921—23 гг. рос и «вырос» целиком на операциях с государственными ценностями на советских переплатах и кредитах.

Совершенно очевидно, что подобное утверждение не только пахнет преувеличением, но является совершенно абсурдным, если мы обратимся к экономической стороне вопроса. 1921—23 годы были годами наибольшего господства частника в торговле, особенно в розничной, т.-е. в первую очередь в деревенской торговле. Автор сам приводит цифры: в 1923 году оптовая торговля находилась в руках частника на 14%, оптово-розничная—на 50%, розничная—на 83%. Известную *долю* накопления через торговлю частник получил, разумеется, и от государства. Однако, было бы неправильным утверждать, что частник накоплял больше или главным образом за счет гос. ценностей и гос. имущества. Ведь, *тогда* получилось бы, что частник на протяжении 3-х лет нэпа *ничего* или почти ничего не брал непосредственно из прибавочного и необходимого труда крестьянина, из крестьянского и рабочего кармана. А между тем частник торговал и спекулировал не только ворованным у государства имуществом, но и товарами крестьянского производства и в первую очередь хлебом и товарами кустарного производства.

Таким образом, ограниченный рамками судебной практики и судебных материалов, автор представляет себе частный капитал вышедшим исключительно из спекуляций и перепродаж от учреждения учреждению гос. имущества. Подобное представление о частном капитале означает, что автор в сущности забывает про глубокие корни частного капитала в мелкобуржуазной экономике нашей страны, забывает про те 83%, которые он сам приводит в своей книге.

В соответствии со столь «своеобразными» представлениями об источниках и природе частного накопления автор перевертывает вверх ногами действительную историю развития частного капитала.

В приводимом автором разграничении истории частного капитала на периоды совершенно отсутствует то основное, что отличает первые годы нэпа (1921—23 гг.) от последующих лет—переход соц. сектора хозяйства в наступление против частника. Раз позабыв о 83% доле частного капитала в розничной торговле в 1921—23 гг., автор, естественно, не видит того важнейшего хозяйственного процесса последних лет, который заключается в поступательном наступлении на частный капитал со стороны кооперации и госторговли. Получается так, что в 1921—23 гг. частник оперировал только «госценностями», а вот с 1923 года начинается его укрепление в экономике торговли и производства страны, тогда как в действительности все происходит «наоборот». Несмотря на то, что в последней части книги автор приводит кое-какие цифры о росте доли кооперации и госторговли в торговом обороте и о сокращении доли частника, он в тексте всюду «пужает» читателя: так, к 1926 году частный торговый капитал стал серьезной и реальной величиной, как будто не было и нет *наступления* гос. и кооп. торговли на частный капитал в 1926 году. Доказательства? За ними автор в карман не полезет. Автор сообщает, что «Госплан СССР констатирует абсолютный и относительный рост оборота частного капитала по Союзу во втором полугодии 1925 года», забывая про первое полугодие и про весь год в целом; что «постановление СТО от 23 июня 1925 г. также констатирует абсолютный рост частного капитала», забывая про *относительное* его сокращение и т. д. Из отдельных разрозненных фактов и приведенных не к месту цитат «выводится» извращенная, паническая перспектива. Мы отнюдь не хотим сказать, что следует почивать на лаврах и игнорировать опасности, которые несет с собой частный капитал. Однако, надо же соблюдать надлежащие пропорции, надо дать читателю *правильную* картину развития частного капитала.

Вызывают недоумение и заключительные строки книжки: «В бедной и отсталой стране вопреки унылым кликушам, вопреки бешенству буржуазии, строить социализм руками рабочего класса и его партии». Что-нибудь одно: или автор помнит слова Ленина о том, что *невозможно* построить социализм руками одной партии, даже одного рабочего класса, что задача рабочего класса в использовании людских навыков и опыта буржуазного общества—тогда приведенные строки только досадный недосмотр автора.

Или же автор кое-что позабыл из Ленина.

Весьма легкомысленно обращается автор с оценками и характеристиками гос. и хоз. аппарата периода военного коммунизма. Подчеркивая бесхозяйственность и дезорганизацию сов. аппарата в годы гражданской войны, использование этого аппарата частниками, автор пишет: «Особая экономика военного коммунизма централизовала снабжение и распределение, создавала известные главки: Главспичка, когда не было спичек, Главгвоздь, когда не было ни гвоздя. В эти-то учреждения и хлынула главная масса буржуазии, оставшейся не у дел» (34).

Легко вознегодовать на недостатки хозорганов периода гражданской войны, но правильнее было бы спокойно и об'ективно охарактеризовать и «особую экономику» и значение и роль «централизованного снабжения и распределения» того времени.

Отмечая отрицательнные стороны книги И. С. Кондурушкина, нельзя все же не согласиться с автором предисловия, Д. Курским, что «в интересной книге т. Кондурушкина» читатель найдет «отдельные моменты преодоления частника и красочные эпизоды борьбы с ним».

Книга издана хорошо. Высока цена—2 рубля.

П. Александров.

Редакция: В. Астров. Н. Бухарин. В. Молотов. А. Слепков. Е. Ярославский.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 15 СЕНТЯБРЯ 17

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП (б)

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 7
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

Главлит № 97100. Москва. Тираж 75.000.
Тип. Изд-ва «Правда» и «Беднота», Яузский мост, Серебрянич. наб., д. № 23/а.

Партия ждет ясного ответа.

Последний об'единенный пленум ЦК и ЦКК с особенным возмущением констатировал тот факт, что оппозиционный блок вступил в самые тесные идейные и организационные связи с исключенными за борьбу против коммунизма из Коминтерна элементами, в первую очередь с группой германских «ультра-левых»— Рут Фишер—Маслова—Урбанса.

Этот политический факт вызывает особое возмущение прежде всего потому, что сами лидеры оппозиционного блока, уже находясь в оппозиции, неоднократно высказывались и внутри ВКП и в ИККИ о политическом существе идеологии «ультра-левых» самым отрицательным образом.

На XIV с'езде ВКП тов. Зиновьев квалифицировал «ультралевых», как «взбесившихся мелких буржуа», как политических «банкротов». Отмечая тот факт, что «ультра-левые» пытаются играть на противоречиях внутри ВКП, тов. Зиновьев заявлял:

> «Я не удивляюсь, что такие элементы будут пытаться воспользоваться нашими разногласиями, это во всех дискуссиях неизбежно; но на этом они, безусловно, просчитаются, так как наша позиция в этом вопросе остается такой же, какой она была».

В резолюции VI расширенного пленума ИККИ (февраль— март 1926 г.), который происходил под руководством т. Зиновьева, бывшего тогда председателем ИККИ, фракция Рут Фишер характеризовалась следующим образом:

> «Рут Фишер во многих важных политических вопросах близка к воззрениям Корша, а именно: в недооценке германского рабочего движения, *в антибольшевистском анализе русской революции и международной политики СССР, в поддержке разлагающей легенды—легенды о мнимом «повороте» вправо, т.-е. об оппортунистическом вырождении ГКП и Коминтерна*».

В своем заявлении от 16 октября 1926 года, лидеры оппозиционного блока подчеркнули недопустимость какой бы то ни было связи с исключенными из Коминтерна «ультра-левыми», в том числе и «ультра-левыми» типа Рут Фишер—Маслова.

И вот теперь, после об'единенного пленума ЦК и ЦКК, лидеры оппозиционного блока вновь демонстрируют свою идейную

солидарность с «ультра-левыми», антиреволюционность позиций которых еще так недавно не оспаривалась ими. Что «сей сон означает»? Произошло ли это вследствие того, что *изменились «ультра-левые»*, что они отказались от тех элементов идеологии, которые давали основание т. Зиновьеву говорить об их «антибольшевистском анализе русской революции и международной политики СССР» и побудили оппозицию в ее заявлении от 16 октября 1926 г. решительно отмежеваться от группы Рут Фишер—Маслова, *или*, быть может, наоборот, «ультра-левые» остались на прежних позициях, а *т.т. Троцкий и Зиновьев* и др. в процессе обострения своей борьбы против партии, в своих попытках подменить ленинизм троцкизмом, *целиком и полностью скатились к тем идейным позициям «ультра-левых»*, для резко отрицательной характеристики которых они не так давно находили достаточно сильные и правильные выражения?

Достаточно самого беглого взгляда на идейное лицо «ультралевых» в наши дни, чтобы ответить на этот вопрос. Разве на страницах «Знамени Коммунизма» («Die Fahne des Kommunismus») не дается попрежнему «антибольшевистский анализ русской революции»? Разве не они доказывают, что правительство СССР в своей внутренней политике «выращивает элементы контр-революции»? Разве, говоря о международной политике СССР, они не пытаются изобразить эту политику, как политику смычки с антиреволюционными силами в мировом масштабе? Разве они попрежнему не распространяют «легенду о мнимом «повороте» вправо, т.-е. об оппортунистическом вырождении ГКП и Коминтерна»? Отрицать этот факт не осмелятся и представители оппозиционного блока. Таким образом, нет никаких оснований об'яснять перемену отношения руководителей оппозиционного блока к «ультра-левым», каким-нибудь принципиальным изменением идейно-политической линии *последних*.

Дело обстоит совсем иначе. Суть дела заключается в том, что оппозиционный блок с каждым месяцем и с каждым днем отходит в сторону от ленинизма, занимая по отношению к нему все более враждебную позицию, скатываясь в результате этой борьбы против ленинизма, целиком и полностью в болото «ультралевого» оппортунизма, солидаризировавшись с теми антиленинскими «ультра-левыми» взглядами и оценками, которые совсем недавно были неприемлемы для лидеров оппозиционного блока. *Теперь* для них Рут Фишер, Маслов, Урбанс, *не* «взбесившиеся мелкие буржуа», *не* худшего пошиба политические сплетники, распространяющие «легенды о мнимом «повороте» вправо Коминтерна», а «честные пролетарские революционеры», стоящие ближе к коммунизму, чем вся германская коммунистическая партия, чем Коминтерн. *Теперь* для них эти ренегаты—не союзники Корша, к воззрениям которого они «близки», как это свидетельствовал сам т. Зиновьев, а совсем другое течение, чем течение Корша.

Вожди оппозиционного блока сами добровольно поставили знак равенства между собою и «ультра-левыми» ренегатами, а последние охотно приняли их в свои об'ятия и во всех своих последних выступлениях «из кожи лезут вон» в заверениях, что их политическая позиция, точка в точку совпадает с таковой оппозиционного блока, что *они не имеют никаких особенностей по сравнению с русской оппозицией, что всякие разногласия по внутригерманским вопросам не имеют никакого значения, что суть дела заключается именно в полной идентичности взглядов оппозиционного блока и представителей «ультра-левой» группы.*

Вместе с русской оппозицией, вслед за нею, они охотно поднимают вопрос о приеме их обратно в ряды Коминтерна, об отмене решений Коминтерна, поставивших их вне рядов последнего. В № 24 «Знамени Коммунизма» с. г., помещено заявление, адресованное Исполнительному Комитету Коминтерна, об обратном приеме их в Коминтерн. Однако, смысл этого заявления виден из того, что «ультра-левые» выступают с претензией быть вновь принятыми в Коминтерн, оставаясь на почве той идеологии, той политической «платформы», тех оценок международного революционного движения, внутреннего и внешнего положения СССР, исходя из которых они ведут борьбу против коммунизма. «Ультра-левые» полагают, что их должны принять в Коминтерн *без всяких условий*, что они, наоборот, должны получить *гарантию свободной пропаганды своих антикоммунистических взглядов.*

Замечательнее всего то, что «ультра-левые», столь охотно солидаризирующиеся с платформой русского оппозиционного блока, заявляют, что линия ВКП в целом и линия оппозиции не соединимы, что здесь идет *«борьба из-за двух линий, которые не об'единимы»* («unvereinbar») (см. «Знамя Коммунизма», № 23, стр. 90). В самом последнем номере (№ 25) своего листка они *еще раз* подчеркивают, что эти две линии принципиально не об'единимы. (См. передовую статью «За единство, против раскольников, против оппортунистов», стр. 108).

Мало этого. Листок «ультра-левых», оценивающий борьбу с оппозицией и предложение об исключении т. Зиновьева и Троцкого из ЦК, как «открытые шаги к расколу», добавляет: «и притом к расколу, основанному на *классовых различиях*» («Знамя Коммунизма», № 23, стр. 90).

Итак, и представители оппозиционного блока и сами «ультралевые», настаивают на обратном приеме группы Рут Фишер—Маслова в ряды Коммунистического Интернационала. Нам еще неизвестно, что Рут Фишер и Маслов думают об обратном приеме

в Коминтерн Каца, Корша и др. наимахровейших ренегатов; ведь, известно, что в середине марта 1927 г. представители группы Рут Фишер—Маслова требовали от эссенского с'езда ГКП, чтобы «исключенные, которые стоят на платформе коммунизма и требуют обратного приема при немедленной отмене их несправедливого исключения, опять получили свои полные права членов партии», при чем в числе стоящих «на платформе коммунизма», которые, якобы, несправедливо исключены, указаны Кац, Корш, Шварц и др., не имеющие, по утверждению тов. Троцкого и Зиновьева, ничего общего с Рут Фишер и Масловым.

С другой стороны, требуя своего *обратного приема* в Коминтерн, представители группы Рут Фишер—Маслова *одновременно заявляют*, что, по их мнению, линия Коминтерна и «линия» «ультра-левых», линия ВКП в целом и «линия» оппозиционного блока «*необ'единимы*», что разногласия, разделяющие ВКП и оппозицию, Коминтерн и ультра-левых, являются разногласиями «*классового характера*».

Перед лицом этого вопиющего противоречия необходимо подчеркнуть, что «ультра-левые» ренегаты насквозь лицемерны, что *они пытаются вновь пролезть в ряды Коминтерна с тем, чтобы вести внутри его разлагающую работу, вести борьбу против коммунизма, прикрываясь знаменем Коминтерна*. Само собой разумеется, что Коминтерн ответит на наглое обращение «ультра-левых», решительным и безусловным отказом, ибо принимать в Коминтерн людей, смыслом политической жизни которых является борьба против коммунизма, против Коминтерна, против СССР,—это значит отойти от принципов ленинской политики.

Рассуждения «ультра-левых» о «классовых различиях», конечно, имеют некоторое основание. Оно заключается в том, что «ультра-левые» верно оценивают разногласия, которые имеются между Коминтерном и «ультра-левыми», как разногласия в известном смысле носящие классовый характер, ибо оппортунизм идеологии «ультра-левых» питается *мелкобуржуазными* взглядами и воззрениями, ибо антикоммунистичность, антиреволюционность «ультра-левых», есть *мелкобуржуазная антиреволюционность меньшевистского типа*, противопоставленная *пролетарской революционности* Коминтерна.

Посмотрите, что ставят во главу угла своих разногласий с Коминтерном и ВКП «ультра-левые». По мнению «ультра-левых», «началом начал» «ошибок» Коминтерна и ВКП является ленинская теория, о возможности построения социализма в СССР. «Стратегическая формула сталинизма,—пишут они в № 23 своего листка на 90 стр.,—есть *тезис о возможности полнейшего построения социализма в изолированной аграрной стране России*... Для сталинистов речь идет об изолированной на многие годы русской революции, которая на пути уступок кулакам и новым буржуазным слоям олицетворяется изолированным государством» и т. д. «Ультра-левые» пророчат этому «изолированному» государству крушение.

В каком смысле СССР является «изолированным» государством? Он является изолированным в том смысле, что выступает в качестве *единственного* пролетарского государства, окруженного враждебными ему и жаждущими его гибели империалистическими государствами. Но он не является «изолированным» в том смысле, что рабочие массы всего мира, трудящиеся всего мира, угнетенные народы всего мира стремятся оказать первому пролетарскому государству всемерную поддержку, что чем дальше, тем больше они оказывают сопротивление империалистическому нажиму на СССР, они сопротивляются тенденциям империализма поставить СССР в положение блокированной страны, в положение страны, находящейся в войне с империалистическими государствами.

Оппортунисты и ренегаты всех мастей своей политикой способствуют изоляции СССР, изоляции экономической, изоляции дипломатической, изоляции военной. Об'ективный смысл антиреволюционной деятельности «ультра-левых» заключается в том, что своей клеветой на СССР, на руководящую им партию, на мобилизующий революционные силы всего мира для защиты СССР Коминтерн, *они пытаются сорвать мобилизацию антиимпериалистических сил*, пытаются навредить делу обороны СССР против наступающего империализма, пытаются ослабить стойкость рядов и рост влияния международной революционной армии.

И вот, действуя подобным образом, «ультра-левые» ренегаты вменяют нам в вину *эту* нашу изолированность. Но ударение на «изолированность» имеет у «ультра-левых» определенный политический смысл. В своих рассуждениях, они обнаруживают здесь еще и еще раз свое *меньшевистское* нутро. Для них попытка построения социализма «в аграрной России», есть «утопическая» попытка, для них теория построения социализма в СССР—есть «утопическая» теория. Выводы подобного рода, несомненно, основаны на тех же посылках, на которых основаны аналогичные выводы российского и международного меньшевизма. Меньшевики считали и считают, что внутренние противоречия классов в СССР не разрешимы, что противоречия между пролетариатом и крестьянством, неизбежно должны привести к краху пролетарской диктатуры, в случае задержки международной революции, в случае, если эта международная революция не выразится в ближайшие же годы в победе пролетариата, в захвате им власти в ряде передовых капиталистических стран.

Переход к новой экономической политике, меньшевики всех стран расценивали, как крах коммунизма, как шаг, продиктованный давлением антипролетарских сил, как политику, способную

только «выращивать силы внутренней контр-революции». Посмотрите теперь, как к подобной же оценке расчищают дорожку «ультра-левые», как они оценивают возможности строительства социализма на основе нэпа, являющейся *«единственной правильной пролетарской экономической политикой»*.

> *«Созданным Октябрьской революцией элементам социализма со времени введения нэпа стало, само собой понятно, трудно бороться против вновь созданных и оживленных нэпом элементов капитализма»* («Знамя Коммунизма», № 23, стр. 90).

Ультра-левые «намекают», что смена военно-коммунистической политики новой экономической политикой, означала ослабление позиций социализма и укрепление позиций капитализма, что «со времени введения нэпа» социализм стало строить труднее. Они усмотрели в нэпе только воссоздание и оживление элементов капитализма; смысл нэпа, как политики, обеспечивающей рост социализма, социалистическое переустройство хозяйства, успешное наступление социализма на капитализм; смысл нэпа, как политики, единственно обеспечивающей нам успешное строительство социализма, на основе смычки пролетариата и крестьянства под гегемонией пролетариата, под руководством пролетарского государства,—остался для них так же не понят, как и для меньшевиков.

В основе «ультра-левой» теории невозможности построения социализма в нашей стране, теории, которая заимствована ими непосредственно у идеологов нашего оппозиционного блока, лежат *меньшевистские* посылки. Ленинская теория построения социализма в нашей стране, на почве которой стоят ВКП и Коминтерн, действительно, в корне отлична от той теории, на почве которой стоят идеологи оппозиционного блока и их «ультра-левые» союзники, ибо ленинская теория исходит из *большевистских* посылок, из большевистской оценки взаимоотношений пролетариата и крестьянства, а оппозиционная теория имеет *меньшевистские* идейные источники. Вот почему эти теории «необ'единимы», вот почему «необ'единимы» и те линии политики, которые определяются этими теориями; и вот почему идеологи оппозиционного блока должны позадуматься о том, «на чем они стоят», вот почему они должны осмыслить тот факт, что их лобызают ренегаты, антиленинский характер воззрений которых в свое время они понимали сами.

Если оппозиция желает единства партии и единства Коминтерна *на ленинской основе*, то она должна решительно и безусловно отказаться от антиленинских теоретических основ своей политики, то она должна решительно и безоговорочно отбросить от себя «ультра-левых» союзников, то она должна считать для себя обязательным то разрешение вопроса о построении социализма

в нашей стране, которое дал XIV с'езд партии в строгом согласии с ленинизмом.

Если оппозиция желает единства партии и Коминтерна *на ленинских основах*, то она должна отказаться от идей, которые привели ее к союзу с ренегатскими «ультра-левыми» союзниками. Последние не имеют в рабочих массах никакого авторитета, никакого влияния; они все больше отходят от коммунизма, *делая своей специальностью политическую клевету и пытаясь тем самым облегчить себе борьбу с Коминтерном и его руководством*. Посмотрите, например, какой план они приписывают руководству ВКП, какую программу они приписывают тому партийному руководству, линия которого одобрена *всей партией* и линия которого есть линия *пролетарской диктатуры*. Вот она как «выглядит» эта программа:

> *«Отмена монополии внешней торговли, признание довоенных долгов и выплата процентов от 150 до 200 милл. зол. рублей ежегодно, далеко идущие политические уступки кулаку и новой буржуазии»*. («Знамя Коммунизма», № 24).

Кто поверит этой клевете? Разве со стороны меньшевизма, разве из лагеря заядлых оппортунистов не раздавались подобные клеветнические утверждения? Разве «ультра-левые» так же, как меньшевики, основывают эти клеветнические утверждения хоть на тени каких-нибудь деловых аргументов? Если оппозиция солидаризируется с *такими* методами борьбы против коммунизма, против Коминтерна, против ВКП, то она достигает *крайнего предела морально-политического падения*.

Партия не потерпит, чтобы в ее рядах находились политики, идейно солидаризирующиеся с ренегатами типа Рут Фишер—Маслова; она требует от оппозиции ясного, категорического, безусловного—и идейного и организационного—разрыва с этими врагами коммунизма.

Партия ждет недвусмысленного ответа,—оппозиция обязана его дать.

Н. Бухарин.

Наука и СССР [1]).

Великие исторические перевороты могут быть оценены во всем своем об'еме и во всем своем значении только через некоторое время после самого исторического «события». *Прежние* революции—будь то восстание египетских рабов, китайских крестьян или «классические» революции европейской буржуазии—прикрывали свое об'ективное содержание плащом более или менее фантастической идеологии. Только post factum пуританская идеология «круглоголовых» была раскрыта, как эмбрион «калькулирующего», «рационального» etc. «капиталистического духа». Только post factum были расшифрованы лозунги «свободы, равенства и братства», как лозунги свободы буржуазного индивидуума, «экономического человека» политической экономии, свободно продающего и покупающего товары, свободно покупающего и эксплоатирующего рабочую силу пролетариев.

Пролетарская революция отличается, с этой точки зрения, тем, что она с самого начала осознает и свою классовую природу и свое историческое место. Ее величайшее *общечеловеческое* значение возможно именно потому, что она отдает себе отчет в своем *классовом* значении. Ее крупнейшая роль, роль тарана, пробивающего ворота от «пред'истории человечества» к его «действительной истории», возможна именно потому, что это есть революция класса, познавшего свою *собственную* историческую роль. И тем не менее во *всем* об'еме всемирно-историческое значение пролетарской революции раскроется только спустя ряд десятилетий. Жизнь настолько богаче «серой теории», налицо имеется такое огромное разнообразие факторов, не подлежащих еще точному учету, что *наверняка* можно сказать о неизбежности *ряда* исторических сюрпризов. Если *в общем и целом* нам известна природа и значение пролетарской революции, то это отнюдь не опровергает того положения, что ход событий будет в величайшей степени обогащать наш опыт, наполняя абстрактные схемы живым конкретным содержанием, давая массу новых деталей, черт и чер-

[1]) Настоящая статья тов. Бухарина написана для трехтомного сборника «Наука и техника за десять лет», выпускаемого Издательством «Работник Просвещения» под редакцией акад. А. Ф. Иоффе, Г. М. Кржижановского и М. Я. Лапирово-Скобло.

точек, которые только и смогут дать цельную—и притом *конкретную*—картину грядущих переворотов.

10 лет прошло со времени захвата власти победоносным пролетариатом. Из этих *десяти* лет в сущности лишь *половина* была посвящена строительной работе, ибо первое пятилетие было пятилетием отчаянной вооруженной борьбы против классового противника, поддерживаемого всеми силами иностранной интервенции. Пять лет—и даже десять лет—это бесконечно-малая величина с точки зрения всемирной истории. И тем не менее, разве этот период не углубил наших знаний о диктатуре пролетариата? Не только советская форма государства, «открытая» революцией и теоретически обоснованная Лениным, является «новым словом» нашей эпохи. Таким «словом» является и экономическая политика пролетариата («новая экономическая политика») и многое другое. И разве можно думать, что на этом *остановится* творчество народных масс и их организованных сил? Разве не ясно, что с под'емом хозяйства и с усилением его обобществленных, социалистических форм мы будем свидетелями *ряда* «новых слов» и в области экономики и в области так называемой «духовной культуры»? И разве не ясно, что *раздвижение* революционного процесса на Запад и на Восток, в свою очередь, выдвинет не мало специфических задач, беспрестанно толкая вперед революционную практику и обобщающую революционную мысль пролетарского движения?

Революция в громадной степени раздвигает духовные горизонты. При этом она безжалостно разбивает ряд старых фетишей, привычных и косных представлений, нередко приобретавших прочность настоящих народных предрассудков. Десять лет существования пролетарского государства и глубоких революционных брожений по всей планете удлинили радиус познавательных интересов в необычайной степени и *во времени и в пространстве*. Еще совсем недавно научная мысль была ориентирована главным образом *европейски*: ее orbis terrarum лежал, в первую очередь, в Европе. *Империализм и войны за колонии* разбили отчасти эту ограниченность, но они разбили ее, прежде всего, в форме варварской: замечательным символом этой «работы» является сожжение во время антибоксерской экспедиции со стороны «цивилизованных держав» великой китайской энциклопедии, насчитывавшей свыше двух десятков тысяч томов. Международный *революционный* процесс, подымающий колониальные народы, разрушает, в свою очередь, великодержавную спесь, расовые перегородки, барски-варварское отношение к так называемым «неисторическим народам», которые весьма внятным языком пред'являют свои права на историческое существование, превращаясь на наших глазах из об'екта империалистского насилия в суб'екта активного исторического процесса. Теперь уже *нельзя не мыслить*

«в континентах». Теперь, с другой стороны, уже *нельзя не считать «в миллионах»*.

Но революция раскрывает глаза и на смену *историко-общественных формаций*: она заставляет смотреть гораздо более пристально *в будущее*. До большевистской революции пролетариата в России не было *эмпирического доказательства* возможности социалистического строительства,—теперь это доказательство *дано* для всех, имеющих очи, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать. Величайшей трагедией значительной части нашей интеллигенции являлось то, что она не в состоянии была видеть *перспективу* развития. Выраставшая на базе капиталистического хозяйства, она вращалась целиком в области представлений, адэкватных этому укладу, и относительные категории капитализма—хозяйственные («частная собственность», «частная инициатива» и т. д.), политические (буржуазное государство вообще, буржуазная демократия в частности), культурные—превращала в незыблемые институты, свойственные человеческому обществу, как таковому. И если в свое время она аплодировала «тиранномахам», то она в ужасе отшатнулась от пролетарского восстания, как от посягательства на вечные и лучезарные ценности человеческой культуры вообще. Эта историческая ограниченность могла быть преодолена лишь на опыте строительной работы. Если бы интервенция 1918—21 гг. смела молодое государство рабочих, вся мировая печать, начиная от бульварной и кончая научно-квалифицированной, на все лады доказывала бы крах социализма. Теперь даже экономические эксперты буржуазного мира вынуждены признавать факт сосуществования двух систем: капиталистической и *социалистической*.

Но СССР делает еще только первые шаги по пути своего под'ема. Государство пролетариев еще не в состоянии отдавать росту *«духовной»* культуры в ее квалифицированных формах столько средств, сколько было бы необходимо. *Пока* центр тяжести лежит в другом: в спешной стройке материальных производительных сил страны, могучих индустриальных единиц в первую очередь. Однако, само это противопоставление условно, ибо дальнейшее развитие поставит—и уже ставит—перед нами грандиозные научно-культурные задачи, и СССР станет—если только империализм не сорвет нашей работы—*величайшим очагом научной жизни мира*.

Это вытекает из самой природы пролетарской революции и социалистического строительства, и поэтому здесь нет ни капли преувеличения. Нужно только отказаться от привычных и шаблонных взглядов, выражающих ту относительную узость кругозора, которая свойственна буржуазному миру.

Как это парадоксально ни звучит, но даже первая фаза пролетарской революции, нашедшая свое наивысшее воплощение в октябрьском восстании, насквозь была проникнута научным духом.

Ибо коммунистическая политика классовой борьбы есть *научная* политика и притом *единственно*-научная политика. Ни одна партия, ни один класс, ни один штаб руководителей политической борьбы не опирался на такой трезвый, об'ективный, *научный* анализ соотношения общественных сил и основных тенденций развития, как рабочий класс, большевистская партия, ее руководство, Ленин. Нигде так поразительно не сказалась мощь марксистского *научного предвидения*, как в ходе нашей революции (если не говорить об общих гениальнейших предвидениях самого Маркса). Когда-нибудь, спустя много десятилетий, будет с поразительной ясностью видно, как научная марксистская теория, овладевшая массой и ставшая поэтому великой общественной силой, выводила человечество из кровавого империалистского тупика, как ленинская диалектика, превращаясь в практику революционного действия, раскрывала новые горизонты всемирной истории. Если теперь для многих эти положения звучат еще, как положения, продиктованные одним желанием épater les bourgeois, то они станут аксиомами для следующих поколений...

Разрушительный период революции ограничивается, однако, почти исключительно, опорой на *общественные* науки. *Строительный* ее период будет в возрастающей степени служить предпосылкой могучего научного расцвета *всей совокупности наук, всего знания в его целом*. При этом неизбежно будет происходить и революция в самой науке, революция, идущая по разным направлениям: и по линии метода, и по линии организации самого научного труда, и по линии соотношения между различными научными дисциплинами, и по линии практической значимости науки, и, наконец, по линии, если можно так выразиться, *самопознания науки*.

В капиталистическом обществе научное разделение труда построено почти так же анархически, как и хозяйственная его основа. Несмотря на поразительные успехи в области естественных наук (в широком смысле этого слова), за последние годы совершенно ясно обнаружился известный *тупик* в научной мысли капиталистического мира, тупик, аналогичный тому, в который зашло и искусство капитализма. В области искусства мы наблюдаем дробный анализ и полное бесплодие, когда речь идет о синтетических построениях: последние кричат сами против себя. Но то же, в известной степени, происходит и в *научной* области: мы не говорим уже об общественных науках, которые обретаются в состоянии полного паралича, и где отказ от теоретических обобщений является чуть ли не последним словом теоретической мудрости. Даже в области естественных наук дело идет гладко лишь в кругу той или другой специальности, оторванных друг от друга. Но как только подымается вопрос о крупных обобщениях, сейчас же обнаруживается состояние все-

общей неуверенности с несомненной тягой в сторону агностицизма, идеализма, религии, мистики и т. д. Колебания от крайнего рационализма и фетишизма «чистой науки» до прагматического критерия индивидуальной полезности или даже до полного принципиального отрицания всякого «ratio»—такова картина в области *научного самопознания*.

Между тем *строительство социализма* дает настоящую и действительную основу для самопознания науки. Научный труд, как и труд хозяйственный, имеет здесь тенденцию превращаться в труд, общественно организованный труд, отдельные отрасли которого непосредственно оплодотворяют друг друга, а не замыкаются броней цеха, треста, частной собственности и конкуренции. Великое значение этой перемены еще не видно теперь так, как оно будет видно завтра. Мы еще убоги с *количественной* точки зрения, но мы уже подходим к крупным *качественным* переменам, которые дадут нам, в свою очередь, и необходимое *количество*. Лучшие работники буржуазной науки обычно стоят на точке зрения так называемой «чистой науки», воображая, что эта точка зрения наиболее плодотворна и ценна. Между тем, с точки зрения *планового научного «хозяйства»* ясно видно, что идеология «чистой науки» есть фетишистское *искривление* действительного соотношения вещей, есть идеология, которая из «форм развития» превратилась уже «в оковы развития». Она смешивает «чистую» *суб'ективную научную страсть* («наука для меня всё») с *об'ективной ролью* науки, как познавательных щупалец *человеческого коллектива*, вырастающих на основе его практических потребностей и запросов. Она выдёргивает *научный* труд, который есть продолжение, завершение и регулировка труда *физического*, из всей совокупности трудовых общественных функций. Любой научный закон есть формула, выражающая об'ективные факты. Закон, как факт, есть нечто данное вне нашего сознания. Закон, как формула, есть факт, переведенный на человеческий язык. Критерий соответствия с действительностью поэтому нисколько не противоречит тому, что познавательные формулы суть инструменты и органы нашей, в конечном счете, практической ориентации. Непонимание этой истины, влечет за собой со всей неизбежностью от'единение теории от практики и от'единение одной научной отрасли от другой. Но именно это и есть основная причина кризиса буржуазной науки.

Плановый научный труд, общественно организованный, есть *новый* принцип, связанный всеми своими корнями с плановым хозяйством *социализма*. От каждого работника науки он требует всего самопожертвования и развертывания всей научной страсти. И в то же время, он создает ясное соотношение между научным трудом и всей трудовой системой человеческого общества, он вновь соединяет—в общественном масштабе—теорию

и практику. Это мственный и физический труд, науку «чистую», теоретическую и прикладную, разные отрасли ее между собою, что, несомненно, в величайшей степени оплодотворит *все* отрасли знания, разделенные и в то же время образующие некое единство.

Социалистический принцип физического и научного труда, общественно-организованное воссоединение теории и практики, совершенно нелепо представлять себе на манер изолированных «заказов», идущих от фабрик к научным лабораториям—и *только*. Ничто не будет так чуждо духу социалистической культуры вообще, и социалистической науки в частности, как плоский эмпиризм, *непосредственно* ограниченный решением ряда технических задач. Об «американизме» здесь можно говорить лишь в условном смысле, а именно в смысле практической ориентировки научного труда в противоположность его школьной («схоластической») оторванности от практики. Наоборот, специфическая *ограниченность* американско-капиталистической культуры («цивилизация») versus «культура», если принимать обозначение *О. Шпенглера*, отнюдь не будет свойственна социалистическому обществу. Постоянный процесс *освобождения труда* (не только социального, но и освобождения от гнета стихийных сил природы через их покорение и целесообразное их использование) даст основу, для перераспределения совокупных производительных сил общества из сферы материального труда в узком смысле этого слова в сферу труда интеллектуального и чрезвычайно раздвинет рамки научного интереса и круг научных проблем.

Одновременно социалистическая организация общества дает всей науке *единство метода*, неизбежно выдвигая в качестве такового *диалектический материализм* Маркса. Этот процесс уже обозначился в СССР со всей резкостью. Борьба против идеализма в науке получает в диктатуре пролетариата могучую поддержку. Плакальщики и плакальщицы от идеализма, возмущающиеся этим, как отсутствием «свободы мысли», по сути дела возмущаются отсутствием свободы для «обезьяньих процессов», которые действительно *немыслимы* на территории пролетарской диктатуры. СССР, как государственная организация, берет из научного арсенала человечества самое острое, самое совершенное оружие и ведет крестовый поход против всех научно-философских суеверий. Если вспомнить, какое колоссальное количество энергии тратится буржуазной наукой на «философское» и quasi-научное оправдание буржуазного общества (а защита идеалистических позиций именно и сводится, в конечном счете, к этому), то можно видеть, какие поистине огромные накладные расходы, какие неисчислимые faux frais, влачит на себе интеллектуальный труд буржуазного мира. Общественно-практический корень научных теорий, становящийся совершенно осязаемым при более или менее плановой организации научного труда, умерщвляет

остатки идеализма, которые выстраиваются в один [illegible] богословскими трактатами, «Молотом Ведьм» и упражнениями теософов. Идеалистическими концепциями, так же мало можно двигать вперед бэконовское ars inveniendi, как заколачивать логическими понятиями железные гвозди. Вот почему таким исключительным признанием пользуется у нас, напр., школа Сеченова-Павлова или работы академика Иоффе, или наследство физика Лебедева или—в другой области—работы Маркса и Ленина.

Разумеется, не всякий материализм есть материализм *диалектический*. И само собой понятно, что *не сразу* «общественное мнение» ученых кругов усваивает себе метод, давший такие плодотворные результаты в области общественных наук. Тем не менее мы наблюдаем, как «стихийный материализм» сменяется материализмом диалектическим, как этот последний отвоевывает одну область науки за другой, как он получает все большее и большее признание, как он *становится единым научным методом*. Единство материалистического метода повышает в чрезвычайной степени познавательную боеспособность науки: и потому, что это есть единство *материалистического* метода, и потому, что это есть *единство* материалистического метода.

Метод диалектического материализма в известном смысле продолжает лучшие традиции самой буржуазии, поскольку эта последняя шла когда-то под знаменем борьбы против «идолов» и бесстрашно вскрывала реальную связь вещей. Обогащая старый материализм диалектикой, марксистский материализм бросает свой пытливый взор за все перегородки, на которых современная буржуазная методология написала свое знаменитое «Jgnorabimus». Последовательно изгоняя всех духов идеализма, вплоть до химер витализма в биологии, иллюзий «чистых логиков» в математике, стыдливого скептицизма многочисленных агностиков и т. д., диалектический материализм соединяет самое смелое опытное исследование—принципиально для него безграничное—с точной обобщающей работой теоретической мысли.

Если внедрение диалектически-материалистического метода в области все большего числа научных дисциплин само по себе является громадным шагом вперед, то, с другой стороны, факт *единства* метода крайне облегчает взаимное оплодотворение различных научных дисциплин, что, в свою очередь, не может не способствовать уточнению и заострению самого метода. «Плановое хозяйство» в области науки неизбежно будет поэтому сопровождаться и все более быстрым ростом производительности научного труда.

Наконец, следует отметить огромное *расширение* влияния науки и огромное повышение ее *роли*.

Социализм означает мощную тенденцию к *рационализации общественной жизни*, прежде всего рационализации ее хозяйственного базиса. Это не может не предполагать точнейшего научного *анализа* соответствующих факторов. Наука развивает здесь тенденцию стать *всепроникающей* силой.

Эта рационализация общественных отношений, прежде всего общественных отношений производства, не имеет ничего общего с рационализмом XVIII века. Разумное начало, т.-е. плановые принципы, хозяйственной политики пролетариата опирается само на точный научный анализ. Свобода есть для марксизма *познанная необходимость*, а не произвольный рефлекс человеческого ума. Хозяйственный план не есть комбинация цифр, данная как идеальное их сочетание «вообще»: это есть результаты строгого учета реальных соотношений, есть результаты *научной обработки* этих соотношений в условиях, когда есть материальная база *проведения* плана (государственная концентрация средств производства). Совершенно ясно, что чем быстрее будет расти социалистический сектор хозяйства, тем шире будет поле плана, рационализации, точного научного предвидения. Полемика против социализма, выдвигающая положение о вечном дуализме хозяйственного процесса, в котором противоречие между рациональным началом (план) и началом иррациональным (хозяйственная стихия) якобы является принципом, имманентным всякому обществу, как таковому, эта полемика, по сути дела, опирается на совершенно детский догмат *А. Смита*, по которому *обмен товаров* есть вечная категория, а стремление к обмену—одно из основных свойств человеческой «души». Для капиталистических улиток, приросших к скорлупе капиталистических производственных отношений, это кажется «аксиомой». Но революция рабочего класса разбила эту скорлупу и вместе с ней разбила и «аксиому»...

Плановое хозяйство социализма требует, таким образом, гигантского расширения научной работы. План есть ее результат. Но этот результат есть непосредственная *директива*. Экономическая политика и с *этой* точки зрения неминуемо пропитывается наукой, а наука превращается в могучий рычаг общественного преобразования. Уже самый размер «хозяйственного целого», являющегося об'ектом планового воздействия, говорит, насколько разнообразны должны быть отрасли науки, которые приводят в движение процесс социалистического строительства, и которые, в свою очередь, оплодотворяют это строительство. Если могучие американские лаборатории возникли на основе концентрированной, но все же разбитой на куски *частной собственностью* машинной индустрии, то не подлежит ни малейшему сомнению, что гигантский размах об'единенного и общественно организованного социалистического строительства будет порождать (и *начал* уже порождать) еще более могучую сеть научных учреждений и институтов, обнимающих все отрасли знания, от геологии и механики до медицины, психологии и этно-

графии. Размах «полета мысли» буржуазного мира ограничен. в конечном счете, уздой частной собственности и капиталистической прибыли. Размах научного творчества в СССР будет ограничиваться только общественными рессурсами страны. Уже теперь советским экономистам приходится калькулировать, имея дело с цифрами огромного значения. Но это только зародыш будущих хозяйственных планов. Уже теперь советским инженерам приходится строить мощные электростанции, которым не мешает никакая частная собственность, никакая поземельная рента. Но и это только бледный намек на наше будущее. Эти намеки, эти зародыши грядущего, ценны для нас тем, что они красноречиво говорят, какие поистине грандиозные возможности раскрывает перед наукой строительство социалистического общественного уклада.

Ученые СССР совершенно правильно поставили сейчас в центре своей работы, изучение производительных сил нашего Союза. Со всех сторон закипает эта работа. Но и здесь самый круг проблем будет гораздо шире, чем в капиталистических государствах.

И не только по тем причинам, о которых мы говорили выше. В капиталистическом обществе нет интереса в сбережении *человеческого организма*. Между тем, чем больше будет расти социализм в нашей стране, тем более пристальное внимание будет уделяться самой живой рабочей силе, самому хозяйствующему суб'екту, самой массе физиологических организмов. Капиталистическое изучение человека (включая т. н. психотехнику) исходит из принципа капиталистической «рентабельности». Между тем, социалистическое хозяйство в высочайшей степени заинтересовано в *сбережении* организма трудящихся. Отсюда в будущем расцвет наук, изучающих самого человека, и с точки зрения физиологии труда, и с точки зрения физиологии вообще. Сюда же относится и другая сторона дела. Капиталистическое общество систематически подавляет т. н. «инородцев». Социалистическое общество раскрепощает все народности. Уже теперь СССР дал могучий толчок расцвету национальных культур. Отсюда в будущем неизбежный расцвет не только этнографии, но и истории, и филологии, и других дисциплин, занимающихся изучением национально-своеобразного. Уже сейчас даже в таких науках, как сравнительное языкознание и теория языка, имеются попытки, исходящие из прямого восстания против «великодержавных» филологических теорий. Не входя в оценку этих попыток, мы можем все же констатировать, что принципиально—иное соотношение между *народами* на территории СССР, есть прочный базис для расцвета новых научных постановок вопроса в ряде теоретических отраслей.

Есть еще одна существеннейшая сторона дела, которую никоим образом не следует обходить даже при кратком анализе

особого положения науки в СССР. Это вопрос о *научных кадрах*. В эпоху гражданской войны и голода научные кадры значительно поредели. Но значительная часть оставшихся героически преодолевала препятствия и продолжала работать. Нельзя не признать, что прослойка действительно квалифицированных научных сил у нас недостаточна. Однако, весь ход развития говорит за то, что и с *этой* стороны в СССР дело будет двигаться не медленнее, а быстрее, чем в капиталистических странах.

Можно с известным правом сказать, что тот порядок социальных отношений исторически выше, исторически прогрессивнее, который максимально расширяет *поле подбора* квалифицированных работников умственного труда, так называемых «талантов», вождей в различных отраслях научной работы. Но как раз в этом отношении *пролетарская* демократия является непревзойденной формой государственного бытия. Впервые, подняты к культурной жизни огромнейшие человеческие массы. Впервые, для них уничтожены рогатки на пути к образованию. Впервые, это образование стало терять характер кастовой и классовой монополии незначительных в числовом отношении общественных групп. Другими словами: впервые в человеческой истории так *расширилось селекционное поле* для руководителей и квалифицированных работников культуры.

Почти у каждого процесса, в том числе и у процесса революции пролетариата, имеется своя фразеология. В настоящее время мы имеем громадное *экстенсивное* распространение элементарной культурности. Оно еще не дало—но оно скоро даст—свои результаты в смысле *углубления* этой культурности. К этой фазе развития мы уже начинаем переходить, и тогда вопрос о *научных кадрах* будет решен так же, как сейчас решается вопрос о «восстановлении» нашего хозяйства: мы будем иметь «бурный рост» квалифицированных работников научного труда.

СССР—страна величайших возможностей. Не даром буржуазные «геополитики» предрекают ей блестящую будущность. Но она будет быстро расти не только потому, что вопрос решает *масса*: масса *пространства*, масса *населения*; не только в силу своеобразного своего положения на великом европейско-азиатском континенте; и не только в силу своих неистощимых естественных богатств, еще дремлющих тяжелым сном во всех концах необ'ятной пролетарской родины. Она быстро растет—и будет расти все быстрее—потому, что Октябрьская революция пролетариата круто повернула руль всего общественного развития и приоткрыла перед народами бывшей императорской России возможности, совершенно неизвестные и невозможные для капиталистических стран.

Но Октябрьская революция не есть изолированный акт. И СССР не стоит в стороне от могучего международно-революционного брожения. Наоборот. Сама Октябрьская революция родилась из колоссальнейшего кризиса мировой капиталистической сис-

темы. СССР есть первый крупный революционный кристалл, вокруг которого *неизбежно* будут оседать другие. И чем дальше будет итти революционный процесс, чем шире будет развертываться великая работа переделки мира, чем грандиознее будут перспективы, развертывающиеся перед наукой.

Невиданный кризис, переживаемый человечеством, может быть разрешен только на пути Октября, на пути СССР. *Империализм* пытается разрешить его подготовкой новых истребительных войн, и наука капиталистического мира со всех сторон обслуживает эту задачу. *Пацифизм* об'ективно лишь расслабляет волю трудящихся, а в научном отношении он не выдерживает никакой критики, опираясь на иллюзии, не имеющие никаких корней в действительных соотношениях. *Идеалистическо-мистические* течения современного буржуазного мира выражают собой процесс гниения и декаданса. Они прямо *враждебны* точному научному знанию и рациональному мышлению вообще. Из всех сил современного общества, только *рабочий класс* может претендовать на роль массовой силы, выводящей человечество из грозной и истребительной катастрофы.

Вот почему наука в СССР выполняет благороднейшую задачу: она помогает делу высвобождения человечества от позора нашего времени, от варварства империализма. Она помогает строить новый порядок отношений, в котором не будет места войнам, торгашеству, насилию. Она помогает строить разумное хозяйство, управляемое коллективом разумных людей. Она помогает строить *социализм*.

Но тем самым наука поднимает на небывалую высоту и свою собственную роль. Из служанки богословия она превратилась когда-то в служанку золотого тельца. На наших глазах она превращается в друга и товарища трудящегося человечества. Она помогает строить социализм. Но строительство социализма само есть наука в действии. Социализм и наука неотделимы. Высшая степень плановости есть высшая степень научного руководства. Поэтому расцвет социализма означает не только расцвет материальных производительных сил и не только уничтожение власти человека над человеком: он означает также величайший триумф человеческого *знания*. Когда творцы электрического стула, на котором погибли Сакко и Ванцетти, и режиссеры «обезьяньего процесса» против замечательнейшей естественно-научной теории XIX столетия кричат о «варварстве Советов»; когда инспираторы новой империалистской войны спускают с цепи своих «Авгуров» с криками: «Sovjets versus civilization»,—рабочий класс нашей страны вместе с учеными ее может спокойно сказать, что красное знамя октябрьского «great rebellion» навсегда стала знаменем не только освобожденного физического труда, но и *освобожденной науки*.

В. А.

Австро-марксистская „социализация“.

В противоположность Реннеру, отодвигающему роль государства в деле проведения социализации на задворки, официальный идеолог и автор программы австрийской социал-демократии Отто Бауэр обладание политической властью об'являет «первой предпосылкой» социализации. В программном докладе на Линцском с'езде австрийской социал-демократии Бауэр говорит:

...«Пришло время, когда австрийский пролетариат ставит задачей *этой* исторической эпохи, целью этого поколения—*завоевание политической власти, как первую предпосылку борьбы за хозяйственную власть, за овладение средствами производства*. И отсюда новая структура этой программы. Мы хотим—в этом состоит подлинная мысль программы—истолковать завоевание власти, эту предпосылку построения социалистического общественного порядка, не просто как тенденцию развития, что стояло в нашей старой программе и что, конечно, остается, но, в то же время, как *стратегическую задачу* партии» [1]).

План социализации Бауэра—это в основном план социализации *после* «завоевания политической власти».

Точно так же и австрийская с.-д. программа говорит об «обобществлении» «*после* овладения властью в собственной стране» [2]). «Переходный период» от социализма к капитализму австро-марксисты рассматривают, как период, наступающий в основном *после* «завоевания власти».

Вместе с тем, их программа об'являет целью «обобществление концентрированных средств *производства и обмена*», а для краткости в некоторых местах ее говорится просто про «обобществление средств *производства*».

Таким образом, официальная австро-марксистская идеология формально отвергает и реннеровскую «экономическую ориентацию» и его «примат обращения» в деле социализации. Этим она внешне выглядит несколько более «благопристойно», отдавая формальную дань ряду общеизвестных марксистских положений. Как мы увидим, однако, дань эта лишь чисто формальна.

Чтобы рассмотреть во всей красе бауэровский план социализации, лучше взять не самую партийную программу, где формулировки более общи и кратки, а произведения Бауэра и прежде всего его брошюру «Путь к социализму», вышедшую в 1919 году. Отклонения от этого «первоисточника», имеющиеся в программе, мы оговорим особо.

Эту брошюру, первоначально помещенную в виде ряда статей в «Венской Рабочей Газете» («Wiener Arbeiter Zeitung»), Бауэр

---

[1]) Protokoll d. s. d. Partèitags Wien. 1926. Стр. 255.
[2]) Там же, стр. 192.

писал в обстановке, когда социал-демократы в Австрии стояли у власти, располагая большинством в правительстве и относительным большинством в парламенте. «Завоевание власти», как лозунг «исторической эпохи», «этого поколения» и пр., таким образом, в *те* времена для Бауэра, казалось, был уже «позади»: австро-марксизм храбрился и, под давлением революционно настроенных масс, уже говорил о социализации, как «задаче дня». По этой причине также имеет смысл познакомиться с брошюрой Бауэра, имеющей «историческое» значение для австро-марксизма.

«Социализация народного хозяйства должна *начаться с тяжелой индустрии*: сначала должны быть обобществлены угольная и рудная промышленность, железная и стальная индустрия» [1]).

«*Социализация начинается с экспроприации* [2]) *собственности: государство силой своего закона об'являет прежних собственников тяжелой индустрии лишенными их собственности* [3]).

Начало, пока что, недурно. Почитаем дальше.

«Очень многие *отрасли* индустрии,—говорит Бауэр,—еще *вообще* (?) не готовы для социализации. Мы не сможем их сразу социализировать, но должны сначала организовать, чтобы подготовить их позднейшую социализацию» [4]).

При этой постановке вопроса Бауэром, у него *все отрасли*, кроме отраслей тяжелой индустрии, у Бауэра попадают в число «очень многих неготовых»: текстильная, химическая и другие отрасли производства *целиком* и *механически* зачислены в незрелые для социализации, ибо автор говорит о социализации только по *отраслям* производства, а не по величине и концентрированности предприятий в каждой отрасли. Но не будем к этому «придираться», ибо это все же более или менее «конкретный» и практический вопрос.

Сам же по себе принцип, если бы его принять всерьез,—экспроприация сперва более зрелых для социализации предприятий—при одновременной организации менее зрелых с целью подготовки их социализации в будущем,—возражений не вызывает и в Советской России проводится. Организация «незрелых» предприятий играла даже очень большую роль в первоначальных хозяйственных планах советской власти (перспектива государственного капитализма в пролетарском государстве, начало 1918 года [5]). Но пойдем дальше.

Основным принципом проведения социализации Бауэр считает тот принцип, что мероприятия социализации не должны понижать «производства благ». Надо,—говорит он,—«*проводить это преобразование так, чтобы при этом не страдало производство благ*».

---

[1]) «Der Weg zum Sozialismus». Цитируется по 12-му изданию. Wien 1921, стр. 9. Неоговоренный курсив наш. В. А.

[2]) «Бауэр здесь употребляет слово Enteignung» — «отчуждение» или экспроприация. В других главах брошюры Бауэр прямо говорит об «экспроприации экспроприаторов». («Die Expropriation der Expropriateuere»).

[3]) Там же, стр. 10.

[4]) Стр. 12.

[5]) Между прочим, Бауэр заявляет, что он свои социализаторские идеи заимствовал из двух источников: из гильдейского социализма и из первых мероприятий большевизма в области организации народного хозяйства, как они наметились «на 1-м с'езде Совнархозов в мае 1918 года» (см. его «Der Weg», стр. 4, а также брошюру «Bolschewismus oder Sozialdemokratie», стр. 98).

На этом основании он *отвергает перспективу «в один прекрасный день насильственно* овладеть всеми (?) предприятиями», ибо «такое преобразование было бы, конечно, возможно только в кровавой *гражданской войне*; а война, само собою разумеется, в сильной степени *разрушила бы* средства производства—машины, железнодорожные материалы». «Сразу» овладеть «*всеми*» (?) предприятиями, разумеется, никогда ни один нормальный человек не предлагал. Но не трудно «догадаться», что Бауэр направляет здесь свой удар против коммунистов, которые предлагают «сразу» (хотя может быть и не в «один» день) «насильственно овладеть» *крупнейшей* промышленностью *без всякого выкупа*.

Гражданская война, продолжает рассуждать Бауэр, привела бы к блокаде со стороны «капиталистической заграницы» и к саботажу «директоров, инженеров, химиков, управляющих имениями, техников, служащих» и т. д. А без их помощи «*рабочие разве были бы в состоянии одни «справиться с организацией хозяйства»?*

Бауэр полагает, что поставив этот «убийственный» вопрос, он уже тем самым на него ответил: отрицательный ответ у него подразумевается сам собой.

При гражданской войне, стращает Бауэр рабочих, сами рабочие не имели бы для работы «ни покоя, ни интереса; интенсивность труда ужасно понизилась бы».

В итоге,—«*распределение благ было бы справедливее; но отдельный рабочий получал бы, несмотря на это, не больше, а, вероятно, даже значительно меньше, чем теперь*, потому что, если много *меньше было бы произведено* благ, то *меньше их было бы и для распределения. Народ, который все же ожидает от социализма улучшения своего положения, был бы ужасно разочарован, и это разочарование стало бы оружием в руках контрреволюции*» [1]).

Разумеется, рабочий класс стремится свести к минимуму снижение производства и уменьшение «производимых благ» в период пролетарской революции. Однако, опыт показывает, что *сопротивление капиталистов* неизбежно ведет к временному расстройству процесса производства, независимо от воли рабочего класса. Даже буржуазные революции проходили в условиях того или иного хозяйственного распада. Как же может миновать этого *исторического закона* несравненно более глубокая и сильная пролетарская революция, взрывающая *основу* эксплоатации,—частную собственность? Мыслимо ли провести в жизнь столь *педантский* план: рубить лес так, чтобы не летели щепки?.. Заранее можно сказать, что в основе этого педантства лежит не мысль о проведении социализации, а забота об *отсрочке* гибели капитализма, заставляющая оппортунистов выдумывать несуществующие «причины» и «условия», *якобы* препятствующие пролетарской победе.

Рассуждения Бауэра о «народе» насквозь проникнуты «барским», высокомерным отношением к народу. Так о народе может говорить и мыслить только представитель *господствующего* класса буржуазии или его прислужник, относящийся свысока к «черни», которая «ждет улучшения своего положения», а если улучшение *сейчас же*, немедленно не воспоследует, то эта «чернь» якобы немедленно «разочаруется» и перебросится на сторону контр-

---

[1]) «Der Weg zum Sozialismus». Стр. 8—9.

революции. По-настоящему, де, способны бороться за исторические классовые идеалы только люди, одушевленные «стремлением к свободе», получившие «образование и воспитание»!

Каждое слово этих подлых рассуждений—плевок в рабочих и крестьян, в славную историю их борьбы. *Все* революции *без исключения* всегда показывали огромную готовность народных масс к величайшим жертвам (разумеется, временным) для достижения крупных исторических задач своих классов. Зачем брать английские и французские революции, где даже в *буржуазных* переворотах народ доказал это величайшими подвигами? Разве не ближе всего стоит к нам пример Советской России, где рабочие и крестьяне вынесли три—четыре года непрерывных тягчайших лишений для того, чтобы *победить*, изгнать за пределы своей страны помещиков и капиталистов? Разве они не *научились* управлять промышленностью, не *заставили* работать на рабочий класс «инженеров и химиков»?

Для Бауэра этого непререкаемого исторического опыта не существует. Он надеется исключительно «*демократическими средствами*», *без* «*насильственных*» мер, ведущих к гражданской войне, провести социализацию. В чем же состоят чудодейственные демократические рецепты Бауэра?

Прежде всего надо знать, как замечательно Бауэр расшифровывает свои «революционные» слова об «экспроприации экспроприаторов». Это—классический пример употребления марксистами революционных фраз для прикрытия гнусного оппортунистического делячества:

«*Собственники* (тяжелой «экспроприируемой» индустрии. *В. А.*),—пишет он,—*должны быть вознаграждены*; *потому что было бы несправедливо (!) отнять собственность у акционеров угольных шахт и металлургических заводов, в то время как все другие капиталисты остаются во владении их собственностью*» [1]..

Вот тебе и «экспроприация экспроприаторов»: *за чистые денежки!..*

Мотивировка соображениями «справедливости» в данном случае так выразительна и бесподобна, что к ней трудно чего-нибудь добавить. Когда «социалист» опускается до того, что начинает считать капиталистическую собственность *справедливостью* и требования ее выкупа — справедливыми, остается только развести руками.

Однако, предположим, что люди, размягченные сердцем под влиянием апелляции Бауэра к чувству справедливости, овладеют властью от имени пролетариата. Откуда же они возьмут деньги для вознаграждения собственников (шутка это, что ли?) *всей* (сначала тяжелой, а потом, очевидно, и остальной) промышленности?

На этот счет Бауэр проектирует:

«Выкупную сумму, которую государство должно уплатить бывшим собственникам тяжелой индустрии, *обязаны внести все капиталисты и помещики в их совокупности*. С этой целью государство вводит прогрессивный подоходный налог со всех капиталистов и помещиков, поступления которого обращаются на то, чтобы вознаградить экспроприированных акционеров тяжелой индустрии. *Таким образом, экспроприированные акционеры не потерпят никакой несправедливости: их предприятия будут выкуплены по их полной стоимости* (вот это настоящая австромарксистская «справедливость»!—*В. А.*) и они потеряют из их доходов только часть, которую они, точно так же, как все другие капиталисты, должны внести в качестве подоходного налога. *Рабочий народ таким образом придет бесплатно* («*umsonst*»! Слушайте! *В. А.*) *в обладание тяжелой индустрией*; *потому что не народ, а капиталистические классы возьмут на себя выкупную сумму*» *(!)*.

[1]) «Der Weg» u. s. w. Стр. 10.

И Бауэр строит подробный план обложения налогами капиталистов. Рассчитывая с них еще, кроме того, собрать уплату военных долгов Антанте и пр., он приходит к выводу, что у капиталистов будет отбираться «*четыре девятых их дохода*» [1]).

Глядишь—и не знаешь, чему тут больше удивляться: то ли финансовому «гению», каким себя здесь проявляет Отто Бауэр, то ли его социал-демократической гнусности.

Как это: «*не* народ, *а* капиталистические классы» внесут выкупную сумму? А откуда же эти «классы» *сдерут* эту «сумму», как не с «народа»?

Или Бауэр думает, что капиталисты и помещики могут (если бы даже предположить, что они, под влиянием социал-демократической пропаганды, воспылали таким желанием) вознаградить своих экспроприированных коллег за счет сокращения *своего собственного* личного потребления? Однако, надо быть круглым идиотом, чтобы строить такое предположение, ибо оплатить предстоит многие *миллиарды*, составляющие полную ценность предприятий.

Рассчитывает ли Бауэр, что капиталисты будут брать средства для взноса налога из той (несравненно большей, конечно) части прибыли, которая идет не на их личное потребление, а на пополнение постоянного капитала, на расширение и улучшение предприятий? Не говоря уже о том, пойдут ли на это капиталисты без применения к ним диктаторских средств, — но куда же в таком случае девается план «вызревания» капиталистических предприятий до социализации, если средства, до сих пор шедшие на повышение техники, должны будут идти, как в прорву, на выплату огромных сумм чистейшим паразитам общества?

На самом деле, понятно, у капиталистов, «обложенных» Бауэром, был бы один очень простой исход, обычное и испытанное средство получения денег для налогов: капиталисты стали бы сильнее нажимать на рабочих и потребителей, сокращая зарплату, увеличивая рабочий день, повышая цены. Это при «социалистической»-то власти!..

Но предположим, что крупным тузам тяжелой индустрии уплатят выкуп другие капиталисты. А кто будет платить этим другим, когда придет черед их «отчуждать»? Тоже «не народ»? А не платить, пожалуй, будет «несправедливо», особенно после того, как с них же брали налог в пользу «бедных» самых крупных—богачей? Быть может, Бауэр тогда пойдет им «собирать» с шапкой?..

[1]) Там же, стр. 10 и 32.

Бауэр развертывает детальный план управления «отчужденной» и «организуемой» промышленностью, так как будто бы она уже находилась у него в руках. План этот весьма напоминает шитье шубы из шкуры неубитого медведя.

Государство, отчуждая тяжелую индустрию у собственников, однако, в свои руки ее не берет. Бауэр *против национализации (огосударствления) промышленности* и доводы его таковы:

«Кто должен управлять обобществленной промышленностью? Правительство? Отнюдь нет! Если бы правительство обладало всеми доступными ему предприятиями, тогда *оно было бы слишком могущественно по отношению к народу и парламенту*; *такое усиление власти правительства было бы опасным для демократии* (!) Вместе с тем, правительство управляло бы обобществленной промышленностью плохо: никто не управляет индустриальными предприятиями хуже, чем государство. Поэтому мы, социал-демократы, всегда требовали *не огосударствления, а обобществления* индустрии» [1]).

«Обобществление, а не огосударствление» Бауэр рисует себе так. Управление промышленностью составляется, сверху до низу, на основе равного представительства *трех* сторон: *треть* мест в управлении принадлежит государству, *треть*—рабочим и служащим данной отрасли производства в лице их профсоюза и *треть*—«потребителям», при чем под последними имеется в виду не обязательно кооперация, но и «индустриальные организации», если только они закупают продукты данной обобществленной отрасли промышленности (эти «потребители» могут быть, само собою понятно, и капиталистами).

Что касается не обобществленной, а «организуемой» промышленности, то здесь, вместо нынешних трестов и центров, в каждой отрасли создается «индустриальный союз», «совет управления» которого, опять-таки, носит смешанный характер: одна четверть мест принадлежит государству, другая четверть—профсоюзу, третья—«потребителям» и четвертая—предпринимателям данной отрасли.

Эти общие организационные предположения, однако, не исключают других форм обобществления, которое, по словам Бауэра, в различных отраслях производства будет проходить различным образом (передача предприятий муниципалитетам и общинам, кооперативам, сельскохозяйственным и другим товариществам и т. д.).

В основе всего этого плана лежит глубоко оппортунистическое отношение Бауэра к вопросу *о государстве*. Если принять всерьез, что Бауэр действительно одушевлен намерением проводить социализацию и хочет говорить о задачах настоящего пролетарского государства, то его доводы против национализации не выдерживают никакой критики.

Решающим преимуществом социалистического хозяйства, доставляющим ему победу над капитализмом в хозяйственной борьбе, является *плановость*. И вот, Бауэр добровольно разоружает свою социализацию в этом вопросе, не отдавая даже тяжелой индустрии в руки *единой* организации, способной проводить твердую плановость. *Обще*-классовая организация, государство, располагает только третью голосов в органах управления тяжелой промышленностью, где ему противостоит, пожалуй, такая же треть капиталистов-потребителей («потребителем» продуктов тяжелой индустрии, машин и т. д. является прежде всего легкая индустрия, остающаяся, по плану Бауэра, вся в частных руках). Остальная решающая в спорах государства с частниками треть голосов отдается не *обще*-классовой организации пролетариата, а представителям рабочих и служащих данного производства, подверженным самым разнообразным, местным, цеховым и другим влияниям.

[1]) Стр. 10.

Тяжелая индустрия поплыла бы «по воле волн», вместо того, чтобы быть мощным рычагом централизованного руководства всем народным хозяйством.

Не имея преимущества социалистической плановости перед частным хозяйством, разлагаемая, к тому же, изнутри своих органов управления капиталистами, «обобществленная» индустрия неизбежно только дискредитировала бы идею социализма, сдавая позиции капиталистическому предпринимательству.

В то же время государственная организация, оторванная от *первейшей жизненной* функции пролетарской власти—от организации хозяйства, лишенная экономической силы и экономического фундамента, неизбежно должна была бы загнить и либо упасть, либо прозябать в виде паразитически-бюрократического аппарата парламентской болтовни под дирижерством буржуазии.

Таким образом, отказ от национализации крупной промышленности одним разом убил бы и социализацию и пролетарское государство.

Отношение к пролетарскому государству со стороны австро-марксиста вообще замечательно характерно. Он озабочен не тем, чтобы оно было *достаточно* сильно для проведения в жизнь огромных экономических преобразований, его «гложет» другая мысль: как бы пролетарское правительство не оказалось *слишком* (!) сильно. Ничем, кроме тайного или явного воздыхания по осужденному на смерть капитализму такая ренегатская «установка» вызвана быть не может. В ней сквозит глубокое *неверие в пролетариат* и его силы, неверие в способности пролетариата создать подлинно социалистическую пролетарскую власть.

Если речь идет о *настоящей* пролетарской власти, то чем *сильнее* будет она, тем скорее, легче и *безболезненнее* будут проведены ею меры, лежащие в интересах подлинных народных масс, пролетариата и трудящегося населения города и деревни. Тем к большей активности она сможет пробудить массы, привлекая к делу организации национализированной промышленности и профсоюзы, и кооперативы, и другие организации под своим руководством.

Но, разумеется, если не верить в способность пролетариата построить свое, классовое сверху донизу государство, верное интересам пролетариата и руководимых им масс, если видеть в перспективе не работающее классовое пролетарское правительство, а плод сменяющихся парламентских комбинаций и блоков с буржуазными партиями, при «демократическом» сохранении старого чиновничьего аппарата,—тогда законно ставить вопрос о *гарантиях* против «усиления власти» этого правительства, тогда можно оспаривать необходимость национализации крупной промышленности.

Только исходя из такой предпосылки, Бауэр может претендовать на логику в его отрицательном отношении к национализации. Но тогда логика поднимает новый скандал в другом звене его предположений: если имеется в виду государство не пролетарское, тогда вообще смешно говорить о социализации, тогда грохается на пол вся воздвигнутая Бауэром постройка.

Что эта теоретическая постройка гнилостна с самого ее фундамента и до карниза, показывает еще пункт о социализации *банков*. Известно, что современные банки—узловые пункты руководства индустрией. Далее, известно, что даже в старое время Маркс упрекал парижских коммунаров в том, что они, взяв власть, не захватили сразу банка. Для Отто Бауэра в этом отношении «закон не писан». Он говорит:

«*Социализация банков не может быть началом великого дела социализации; она должна быть его заключением и укоронованием*» [1]).

Таким образом, у «пролетарского» государства при проведении социализации не должно быть в руках не только крупной промышленности, но и банков для руководства промышленностью. Мало того, что банки не будут в руках государства, но они останутся целиком *в частных* руках, такими, какие они есть сейчас. Таким образом, вся «обобществленная» и «организуемая» промышленность остается под высокой рукой и под руководством частных банков, как и вся прочая промышленность. Нечего и говорить, что при таких условиях, хотя бы политическую власть и держали Бауэры, экономический спор между «обобществленными» и частными предприятиями банки своей кредитной политикой всегда решат в пользу последних.

О монополии внешней торговли, как об одном из основных устоев социалистического строительства, у Бауэра речи нет. В применении к Австрии, он говорит лишь о монополии на ввоз и вывоз хлеба и о возможности монополизировать внешнюю торговлю кофе, какао, чая и хлопка. Как известно, кроме того, австрийская «комиссия по социализации» разрабатывала еще проект социализации крупной торговли углем.

Говоря о социализации сельского хозяйства, он опять-таки откладывает на конец даже момент обобществления сельскохозяйственных кредитных и гипотечных банков, предоставляя, таким образом, процесс развития сельского хозяйства целиком руководству частного банкового капитала. О социалистическом пути развития деревни в таких условиях и речи быть не может: кооперирование крестьянских хозяйств, которое Бауэр защищает, как путь к социализму, в таких условиях останется одной из форм развития капитализма [2]).

Такова была первоначальная программа социализации Бауэра. Официальная программа, принятая австрийской с.-д. спустя 7 лет, в 1926 году, оставляет открытыми два вопроса, по которым Бауэр высказался очень определенно: это вопрос о времени социализации банков и о вознаграждении предпринимателям. В 1919 году социал-демократы стояли у власти и приходилось давать ответы на эти вопросы. Теперь «завоевание власти» снова оказалось

[1]) Стр. 29.

[2]) Постановку Бауэра вопроса о социализации сельского хозяйства, мы в этой статье опускаем.

где-то впереди и «тактичнее» умолчать перед рабочими о некоторых своих намерениях и перспективах: авось рабочие подумают об австро-марксистах лучше, чем они того заслуживают.

Что касается вопроса о национализации, то программа отступает от первоначальной непримиримой позиции Бауэра и говорит о передаче крупной промышленности в «собственность общества» («Gemeinwesen»), под чем разумеется государство и местные общины вместе.

Это уже как будто программа непоследовательной и неясно сформулированной национализации. Однако, банки остаются в стороне от государства. К тому же и свои предприятия государство может передать для ведения их другим организациям.

Соответствующее место программы гласит:

«Частные и церковные, лесные и сельскохозяйственные крупные поместья, застроенная территория больших городов, горное дело, крупные предприятия индустрии и транспорта должны быть переведены в *собственность общества*, капиталистическая торговля, капиталистические банки и страховые общества должны быть заменены частью посредством учреждений общества («Gemeinwesen»), частью кооперативными учреждениями.

«Произойдет ли экспроприация собственников с их вознаграждением или без него, это зависит от особых обстоятельств в момент экспроприации. *Если оно произойдет с вознаграждением*, то выкупные облигации должны быть *в течение человеческого возраста* погашены из дохода от состояний и налога на наследства».

(Только наивные люди могут думать и только обманщики могут утверждать, что рабочие согласятся на добровольное закабаление себя капиталистам еще в течение *целого «человеческого возраста»* после того, как власть перейдет в руки рабочих! *В. А.*).

«Обобществленные крупные предприятия будут вестись, в соответствии с их характером, как государственные, местные или общинные предприятия, или будут переданы под руководство общественно-хозяйственным учреждениям, автономным хозяйственным образованиям или кооперативам» [1]).

Основной дух и тенденции программы остались те же, что были у Бауэра и в 1919 году, но, конечно, официальный документ более аккуратно «причесан», чем индивидуальное литературное произведение.

Будут ли австрийские социал-демократы проводить *хотя бы* эту программу, если они придут к власти? В этом приходится усомниться самым серьезным образом уже по одному тому, что австро-марксизм заранее оговаривает ряд *условий*, без которых социализация «не выполнима».

Из этих условий заслуживает внимания прежде всего, отказ от строительства социализма *в одной* стране. В одной стране австро-марксисты признают возможным для пролетариата овладеть властью, но не признают возможным построить социализм. Программа их по этому поводу гласит:

«Но (знаменательное «но»! *В. А.*) социалистический общественный порядок *не может быть построен в отдельной*, маленькой, зависящей от мировых капиталистических держав стране, а только в больших связанных между собою областях, которые

[1]) Протоколы, стр. 190—191.

заключают в себе предпосылки социалистического планового хозяйства. Поэтому социал-демократическая партия после завоевания государственной власти в своей стране сможет проводить обобществление средств производства, сконцентрированных в руках капиталистов и помещиков, *только лишь по мере того, как развитие в других странах уже подготовит предпосылки для этого. По мере зрелости этих предпосылок будет проводиться переход от капиталистического способа производства к социалистическому*...» [1]).

Это *австро-марксистское положение о невозможности построения социализма в одной стране*, много раз расшифровывалось социал-демократами более конкретно, как целиком применимое к Австрии. В той же брошюре («Путь к социализму») Бауэр писал:

«Он (социализм) предполагает государство, по его сути способное провести социальное преобразование. Эту предпосылку именно мы в немецкой Австрии должны принять во внимание. Потому что мы стоим еще перед большим вопросом, быть ли нашей немецкой Австрии составной частью большой Немецкой Республики или ей придется об'единиться в один государственный союз с Чехией, Юго-Славией, Венгрией, Польшей и Румынией,—в «*Дунайскую Федерацию*»...

«Представьте себе такую федерацию дунайских народов! Кто должен был бы проводить социализм внутри этой федерации? Правительство немецкой Австрии? Но нельзя себе представить, чтобы в одной и той же федерации, в одной и той же хозяйственной области могли быть об'единены социалистическая Австрия с капиталистическими соседями. *Или должна вся федерация в целом итти по пути к социализму? Союзное ли правительство, составленное из представителей многих наций, должно проводить социализацию? Социализация предполагает прежде всего сильное, единое, дееспособное правительство, которое могло бы сломать сопротивление капиталистов* (когда надо говорить *против* социализации, то у Бауэра находятся даже такие «грозные» аргументы! *В. А.*), построить могущественные, единые, полные сознания социалистические организации. Союзная власть одной только рыхлой федерации *не могла бы* осилить этой громадной задачи. Наше вхождение в Дунайскую федерацию, таким образом, загородило бы нам надолго дорогу к социализму».

«Совершенно иными будут наши перспективы, если Немецкая Австрия будет составным государством большой немецкой республики»... «Там будет существовать сильная государственная власть»... «И что эта власть будет исполнена воли итти к социализму, в этом нам порукой численность, духовная зрелость и революционная решимость немецких рабочих. Присоединение к Германии, таким образом, знаменует для нас дорогу к социализму» [2]).

Итак, не только в одной Австрии, но и в целой «Дунайской Федерации», *включая Венгрию, Польшу, Чехию, Юго-Славию, Румынию*,—Бауэр не считает возможным построить социализм.

При этом Бауэр умалчивает о Советской России, территория которой с востока примыкает непосредственно к территории «дунайских» государств и которая всегда готова была войти в

[1]) Прот. стр. 190.
[2]) «Der Weg», стр. 35—36.

один союз с государствами, действительно стремящимися к социализму. Но ведь и Россию он считает страной, где предпосылок для построения социализма нет.

Таким образом, речь идет не об «одной маленькой стране», как скромно сформулировано в программе, а вообще об «отсталых» восточно-европейских странах, независимо от их числа и величины: в них построить социализма, по Бауэру, невозможно.

Пока что, до революции в других странах, программа австрийцев является программой завоевания политической власти *без хозяйственной власти»*. По сравнению с реннеровской утопией «социализации» хозяйства при государстве буржуазии, это—утопия навыворот, ибо пролетариат *не может* удержать политической власти, *оставляя* центры хозяйства в руках капиталистического класса. Надо совершенно отказаться от азбуки исторического материализма, чтобы стать на бауэровские позиции и проповедовать захват власти пролетариатом без *одновременного* подведения под эту власть минимально необходимого экономического фундамента, без национализации крупной индустрии, банков, железных дорог, без конфискации поместий.

Заранее можно сказать, что если такое «завоевание власти» и удастся социал-демократам, то правительство останется игрушкой в руках обладателей хозяйственной мощи, капиталистов. Ни о какой подлинной пролетарской власти в этом случае и речи быть не может. Это убедительно доказывает богатейший опыт послевоенных революций в Европе.

Между тем, австро-марксизм имеет еще «условия», которые он выставляет, как «предпосылки» социализации.

«Первая предпосылка социализации, конечно, есть мир», говорит Бауэр [1]). В случае войны, внешней или внутренней, проведение социализации, таким образом, должно быть отсрочено. В случае войны, с.-д. оставят в неприкосновенности капиталистов, как будто специально для того, чтобы им было кого «оборонять»!.. Опыт гражданской войны в России, которая вынудила русских коммунистов ускорить проведение экспроприации буржуазии, здесь перевернут вверх ногами [2]).

Не только социализация, но и момент взятия власти господа Бауэры связывают, как с непременным условием, *с высокой кон'юнктурой капитализма*. Бауэр пишет:

«*Только в период, когда хозяйственная кривая снова будет подниматься*, будет снова усиливаться вместе с профессиональной и политическая сила рабочего класса. *Сила, которая необходима для завоевания политической власти, будет приобретена рабочим классом впервые в периоде поднимающейся кон'юнктуры*»... Конечно, *мы сможем завоевать власть только тогда, когда новый под'ем хозяйственной жизни* увеличит силу пролетариата» [3]).

«Оседлать» капитализм в период его под'ема, когда он *наиболее* силен, когда буржуазное государство устойчиво, когда капи-

[1]) «Der Weg», стр. 34.
[2]) Необходимо, однако, заметить, что логика событий в 1919 году вламывалась даже в черепную коробку Бауэра, заставляя его противоречить своим собственным теориям. В той же самой брошюре он заявлял, что именно условия разрухи военного времени диктуют необходимость для Австрии шагов к социализму. Он писал: «Война вызвала огромные хозяйственные сдвиги; эти сдвиги делают социализм совершенной необходимостью и т. д. («Der Weg», стр. 6.).
[3]) Bauer «Zum Parteitag». (К партийному с'езду). «Der Kampf», № 11, 1925 г., стр. 403, 409.

талистическое производство в *наибольшей* доступной ему мере «удовлетворяет» массы продуктами и «снабжает» их работой,—в этом у социал-демократов состоит одна из их отговорок от революции, превращающая их в добровольных слуг капитализма.

Далее, для «социализации» нужны «моральные предпосылки», о которых Бауэр говорит так, что «большинство народа должно быть исполнено социалистическими убеждениями, одушевлено волей к социализму» [1]). Довод звучит насмешкой над автором, который считает условием овладения властью—получение социал-демократией большинства голосов, что, очевидно, для него уже должно означать, что большинство «исполнено убеждений» и «воодушевлено». Но к таким доводам все оппортунисты любят прибегать именно в виду крайней растяжимости этих доводов.

На с'езде же в Линце Бауэр говорил, например, что «люди решатся» «расширять обобществленную продукцию» только тогда, когда они увидят на примере, что обобществленные предприятия «лучше и дешевле производят» [2]).

На это приходится Бауэру сказать, что при его социализаторских методах совершенно невозможно показать людям подобного «примера», ибо частные банки и предприятия, пользуясь оставленными у них преимуществами, экономически побили бы «обобществленную промышленность», а не наоборот. Кроме того, ведь весь этот «пример» Бауэр сам откладывает до того времени, когда пролетариат победит в других странах. До тех же пор «моральная подготовка» к социализации мыслится австрийцами, как и с.-д. вообще, в форме проведения «хозяйственной демократии».

Говорить о роли этой «категории» в будущем обществе, однако, совершенно неинтересно, ибо пока что социал-демократическое «обобществление» не вышло за рамки шарлатанских обещаний. За то «хозяйственная демократия» внутри капиталистических предприятий ведет к совершенно определенным практическим последствиям.

Программа, в разделе «Социальная политика» (глава: «Ближайшие задачи»), гласит:

«Социал-демократия способствует развитию хозяйственной демократии: разработка прав рабочих, служащих и государственных служащих на соучастие в управлении («Mibestimmungrecht») по месту их работы и во всем общественном хозяйстве через советы на предприятиях, персональные представительства, профсоюзы и камеры рабочих и служащих» [3]).

Требование «соучастия» рабочих в управлении капиталистическими предприятиями—характернейшее социал-демократическое требование последних лет, покоящееся на непроходимо-глупой иллюзии о классовом мире между капиталистами и рабочими. Этого «требования», социал-демократам нигде еще не удалось осуществить, ибо нет на то согласия капиталистов, которое является необходимым условием «соучастия» рабочих в управлении предприятиями. Между тем, вокруг этого утопически-реформистского требования поднимают шум, как вокруг «лозунга эпохи». Все это делается для того, чтобы под этот шум оказать

---

[1]) Там же, стр. 35.
[2]) «Протоколы», стр. 275 и др.
[3]) «Протоколы», стр. 181.

крупнейшие услуги капиталистам, борясь с революционным пролетарским движением и тем самым «авансом» уплачивая «хозяевам» за нигде еще не полученное «право соучастия». Плата эта идет, разумеется, за счет рабочего горба. Та же программа об'являет, что:

«Социал-демократия способствует *поднятию производительности труда*, как предпосылки поднятия жизненного уровня трудящихся народных масс» [1]). Будто бы поднятие производительности труда в капиталистических предприятиях действительно «поднимает жизненный уровень» не класса капиталистов в первую очередь, а «народных масс»!

«Моральная подготовка» социализации путем «хозяйственной демократии» у австрийцев предвидится та же, что у германских социал-демократов: «подготовлять» социализацию — *всемерно укрепляя капитализм*. После этой *практической* политики сегодняшнего дня, вообще все разговоры о социализации со стороны австро-марксистов становятся пустой болтовней.

Этой болтовни у них, действительно, сколько угодно. Откладывая проведение социализации на неопределенные времена даже после овладения властью и отрицая возможность построения социализма в одной стране, австрийские социал-демократы чрезвычайно охотно признают (*на словах*) возможность «строить» социализм не только в одной стране,—но и в одном предприятии.

Реннера мы уже видели во всей его красе (см. предыдущую статью, № 12—13 «Большевика»): он готов признать «возможность строительства социализма» где угодно и про нашу эпоху современного капитализма пишет так:

«*В нынешнем периоде социализма, в периоде осуществления (!)*, каждое практическое продвижение, которое *воплощает в действительность еще один лишний кусочек социализации*, много важнее, чем ученые рассуждения» [2]).

Бауэр хотя и заявлял патетически не раз, что «проблема социализации — это вопрос власти» [3]), эклектически совмещает с этой точкой зрения и признания реннеровских «кусочков социализации». Так, например, он утверждает, что в Вене сейчас, при капитализме, социализм имеется налицо в виде «социализированных предприятий» венского самоуправления [4]), находящегося в руках социал-демократов (об этом «социализме» мы еще скажем ниже).

Разумеется, такие предприятия внутри капиталистической системы, подчиненные ее законам, руководимые учреждениями, выполняющими функции буржуазного государства (венский муниципалитет),—не социалистичны, являясь всего лишь государственно-капиталистическими,—или, в других случаях, кооперативно-капиталистическими.

Кроме того, никаких значительных преимуществ перед капитализмом они показать вообще не могут, пока крупнейшая ин-

---

[1]) «Протоколы», стр. 180.
[2]) «Der Kampf», Heft 2, 1927 г., стр. 89. Статья «Хозяйственная демократия».
[3]) См. напр., и его брошюру «Социализация в первые годы Республики». Wien 1919, стр. 15 и др.
[4]) См. речь в Линце «Протоколы», стр. 275: «Я вижу, например, что существуют крупнейшие социализированные, обобществленные предприятия внутри капиталистического общества в Вене, именно крупные предприятия общин».

дустрия, лучше технически вооруженная и выносящая более стойки удары кризисов и депрессий, остается в руках частных предпринимателей.

Программа австрийской с.-д. прямо требует развития такого «социализма внутри капитализма» в главе «ближайшие задачи с.-д. рабочей партии»:

«Социал-демократия *способствует* развитию общественного хозяйства: кооперации рабочих, промышленных и крестьянских кооперативов, общественно-хозяйственных учреждений, *государственных и муниципальных предприятий»* («Staats-und Gemeindebetriebe») [1]).

Иными словами, австрийская социал-демократия «способствует» не только кооперативному капитализму, но и *государственному капитализму.* При чем выражено это в такой общей и всеоб'емлющей форме, что, по смыслу сказанного, австро-«марксистская» партия «способствует», например, *развитию государственных военных заводов.* Можно не сомневаться в том, что на практике дело именно так и обстоит.

Замечательно, что программа говорит о «способствовании государственным предприятиям *капиталистического* государства, тогда как в применении к «пролетарскому» государству господин Бауэр не постеснялся выставить лозунг: «*не национализация !*

В программе имеются и другие государственно-капиталистические требования, облаченные в форму «протеста» против частных капиталистических организаций—трестов, банков и концернов (наиболее удобная форма, чтобы требованию государственного *капитализма* придать якобы «социалистический» оттенок).

«Социал-демократия борется с капиталистическими монополиями, добиваясь *усиления государственного контроля* над кредитной и учетной политикой кредитного банка, *над банками, картелями* и индустриальными *концернами* и издания закона о картелях» [2]).

За усиление чисто капиталистического государства,—*против* усиления того государства, на которое «мы», социал-демократы, возложим когда-нибудь дело социализации,—такова несомненная установка австро-марксизма. После этого никаких сомнений не может быть в том, что действительная социализация будет проведена рабочим классом *против* австро-марксистов.

* * *

Просмотрим бегло опыт «социализации», который проделывала австрийская социал-демократия, стоя у власти, в осуществление своих теорий. Этот опыт как нельзя более наглядно, шаг за шагом, *опровергает* бауэрианские идеи.

Целесообразнее всего заставить самого Бауэра опровергать фактами его социализаторские проекты. Поэтому мы возьмем его книгу «Австрийская революция» и посмотрим, как бывший председатель комиссии по социализации излагает причины краха своих попыток:

«Зимой и весной 1919 года, в период великой борьбы за диктатуру Советов и социализацию в Германии, в период диктатуры Советов в Венгрии, в Немецкой Австрии *массы также стремились к социализации частной промышленности* [1]). Мы также не могли предвидеть, *не сделает ли победа движения* в пользу социализации *в соседних странах* возможной и необходимой социализацию отдельных отраслей промышленности *также и в нашей стране.* В комиссии по социализации были разработаны под руководством гейдельбергского профессора Эмиля Ледерера проекты социализации отдельных отраслей производства. Мы прежде всего решились на социализацию крупной металлообрабатывающей промышленности, крупных лесных владений, крупной торговли углем, крупных рудников и набросали проект использования водяной энергии на началах общественного предпринимательства... ...Но уже в течение лета 1919 года *становилось все яснее, что на пути к осуществлению этих проектов будут стоять непреодолимые препятствия»* [2]).

[1]) «Протоколы», стр. 180.
[2]) Там же, стр. 179.

Никакой «социализации» не только «отраслей», но даже и отдельных (*частных*) предприятий, за время пребывания с.-д. у власти проведено не было. «Непреодолимые препятствия» к этому Бауэр иллюстрирует, например, следующим образом:

«В своей работе по социализации мы обратили внимание прежде всего на металлургическую промышленность. Работа должна была начаться с социализации Альпийского горного общества. Условия для нее были благоприятны. Пражское общество металлургической промышленности отказалось от акций Альпийского общества. Последнее было теперь целиком в собственности немецко-австрийских капиталистов. Курс акций был очень низок; мы очень дешево овладели бы им, при полном вознаграждении акционеров. Но уже начатые действия были сорваны противодействиями, которым способствовал и помогал один член правительства. Профессор Шумпетер, государственный секретарь финансов в первом коалиционном министерстве, ...был решительным сторонником социализации»... «Но скоро... он завязал сношения с венгерским банкиром Рихардом Кола»... «По предложению Шумпетера, Кола поехал в Цюрих; там он заключил с одной итальянской финансовой группой крупную сделку: Кола начал скупать для этой группы акции Альпийского горного общества. Шумпетер покровительствовал этим действиям своего банкира, потому что Кола передал лиры, вырученные за альпийские акции финансовому ведомству, которое очень нуждалось в иностранной валюте»... «Но результатом этих действий Шумпетера было то, что теперь нам в Альпийском горном обществе противостоял заграничный капитал»... «*О социализации Альпийского горного общества, поскольку оно попало в итальянские руки, нечего было и думать.* Столь слабая по отношению к зарубежным государствам, Немецкая Австрия *не могла осмелиться на экспроприацию иностранных капиталистов»* [3]).

Не социализация,—а настоящий фарс! Хорошее «пролетарское» (!!) правительство, члены которого могут с ним проделывать

[1]) В брошюре «Путь к социализму» Бауэр признается в том же самом: «М а с с ы, которые только что изгнали кайзера, теперь верили в возможность также быстрым натиском сломать капитализм» («Der Weg», стр. 2). Тот факт, что массы стремились к подлинной социалистической революции, много раз был признан самими австро-марксистами.

[2]) «Die Oesterreichische Revolution», Wien, 1923 г., стр. 178. Рус. изд. стр. 173 (Госиздат).

[3]) Там же, стр. 178. Рус. изд.—174—175.

такие «штуки» в решающем вопросе хозяйственной политики,—в деле социализации металлургии!..

«Но и другие наши проекты по вопросу о социализации,—продолжает Бауэр,—натолкнулись на препятствия со стороны зарубежных государств»... Частных предпринимателей в угольной промышленности, например, потому нельзя было тронуть, что они были «незаменимы»: «частные предприниматели могли, путем использования *своих личных деловых связей* в Чехо-Словакии и Верхней Силезии, окольными путями доставлять уголь, который не был доступен государству. *В особенности незаменимы* были для нас торговые предприятия, в которых принимали участие крупные верхне-силезские торговцы углем. При таких обстоятельствах монополизация угольной торговли в руках государственных учреждений могла только ухудшить дело снабжения нас углем. Она потому должна была быть отложена».

«Эксплоатация водяной энергии была невозможна без участия заграничного капитала»... «Но все переговоры с заграничными капиталистами показали, что *иностранный капитал недоверчиво относился к социализации.* Полагали, поэтому, что социализация водяных сил не может быть проведена, не подвергая опасности все дело эксплоатации их»...

И вообще—«*каждая экспроприация частного капитала подвергала опасности необходимый для нашего хозяйства импорт капитала.* Нельзя было ожидать, что иностранцы будут покупать наши акции и предприятия, что они будут вкладывать свой капитал в нашу промышленность, если они вынуждены опасаться того, что здесь их капитал будет экспроприирован. Таким образом, *сопротивление наших отечественных капиталистов социализации, нашло себе сильную поддержку в реальных нуждах народного хозяйства, которое не могло обойтись без притока заграничного капитала*» [1]).

...«Если бы мощное движение, порожденное войной, привело в других странах к социализации»,—то тогда дело обстояло бы иначе; но—«*рейхсвер в Германии, подавив революционное движение рабочих* (почему автор скромно говорит «рейхсвер», не упоминая *германских социал-демократов, Носке, Шейдемана, Северинга? В. А.*), *заставил пролетариат перейти к обороне и этим самым снял социализацию с порядка дня и там*»... «Летом 1919 года сопротивление всякой социализации чрезвычайно окрепло и *после падения диктатуры Советов в Венгрии* (почему автор молчит, что это падение произошло *при его собственном* содействии, в бытность его министром иностранных дел, когда он предал советскую Венгрию румынским войскам?! *В. А.*) *стало ясно, что теперь (!) больше нет возможности проводить социализацию*» [2]).

При добросовестном просмотре этих самооправдательных реляций можно усмотреть только одну, действительно *решающую*, причину краха социализации в Австрии. Этой причиной была *политика австрийской социал-демократии.*

Вместо пролетарского интернационализма, австрийская социал-демократия проявила глубокую *буржуазно-национальную ограниченность, отказавшись от строительства социализма в своей стране.* Вместо того, чтобы решительными шагами к социа-

[1]) Там же, стр. 180. Рус. пер.—175.
[2]) Там же, стр. 180—181. Рус. изд.—стр. 175—176.

лизму двинуть вперед дело революции в других странах, в том числе и в той же самой Германии, оказать активную поддержку Советским республикам Венгрии, России и т. д.,—ставшая у власти социал-демократия «ждала», что социализм ей будет принесен на крыльях победоносной революции из других, более «зрелых» странах.

Австрийское хозяйство, видите ли, не могло обойтись без ввоза капитала из-за границы, говорит Бауэр. *Какое* хозяйство? Капиталистическое—да, ибо капиталистическая Австрия осуждена хозяйственно на роль мелкой лавочки при том или другом крупном торговом доме буржуазной Европы: не при Германии, так при государствах Антанты. Но Австрия, *экспроприировавшая* крупных капиталистов и помещиков и вошедшая в союз с Советской Россией и Венгрией, *могла* бы сладить со всеми хозяйственными трудностями и выйти на дорогу к социализму. Трудности были бы велики, но они были бы ни больше, чем у Советской России: наоборот, присоединение Австрии *уменьшило* бы эти трудности обеим странам. А австрийский пролетариат к нынешнему дню уже имел бы упроченную власть в своих руках, оставив позади себя все те тяжести борьбы за власть, которые сейчас у него еще только впереди. Он строил бы уже социализм.

А пример Советской России показывает, что это строительство *может* вестись и силами «отсталой» страны, отвоевавшей себе *независимость* от капиталистических правительств.

В высшей степени важны признания, которые Бауэр делает в отношении влияния венгерской и германской революции на австрийскую. Он признает, что наличие Венгерской Советской Республики *содействовало* социалистическому движению в Австрии, а на ее падение ссылается, как на обстоятельство, которое послужило сигналом к провалу социализации в Австрии. И все-таки Бауэр не поддерживал Венгерскую Советскую Республику, а помогал ее врагам *раздавить* ее! Бауэр признает подавление рейхсвером революционного движения в Германии, опять-таки, сигналом к спаду австрийской революции. И все-таки он остается единомышленником германских социал-демократов, в среде которых был «кровавая собака» Носке и ярым врагом германских коммунистов, боровшихся за советскую республику в Германии.

Вернемся к опыту «социализации». Единственно, что было «обобществлено», рассказывает Бауэр, это — некоторые *бывшие государственные* военные предприятия. Как он излагает, в момент демобилизации с ними буквально ничего не оставалось другого делать, как только... обобществить. Работа в них приостановилась. Военное ведомство «не увольняло рабочих, чтобы не увеличивать количества безработных, и не пыталось занять их продуктивным трудом». Предприятия эти «были обременены огромными дефицитами» и «легли тяжелым бременем на государство». «Отдавать их в аренду или продавать частному капиталу было не расчетливо» в виду «быстрого обесценения курса денег» и к тому же это было время, когда «предпринимательский дух был парализован»... «Столь же невозможным было оставлять их в руках технически и коммерчески неспособных руководителей бюрократов».

Словом, эти предприятия «*пришлось*» обобществить! Это вышло совершенно незаконнорожденное дитя обобществления, с точки зрения социал-демократической теории, «обобществляющей»,

как известно, промышленность только на ходу, в период капиталистического расцвета. Но что же делать?

Эти единственные обобществленные предприятия взяты из рук государства и отданы в руки «новых форм управления», созданных на разный манер, но в общем в духе рецептов Бауэра (смешанное управление из представителей государства, кооперации, профсоюзов, иногда и частных капиталистов). В различных предприятиях, при этом, преобладало влияние различных представительств и организаций. О противоречиях, развивавшихся на почве этой разнокалиберности, другой австро-марксистский автор, Кэтэ Лейхтер, пишет даже, что они принимали «*политический* характер, «вытекающий из различных позиций по отношению к задачам общественного хозяйства». Особенно же дело пошло худо, по мнению этого автора, когда социал-демократов у власти сменила чисто-буржуазная партия. Тогда «прежде всего вырисовалось с большей ясностью, что «общие интересы» у представителей капиталистического государства по существу все же являются *политическими интересами существующего правительства*». Автор рассказывает о ряде трений между социал-демократами и представителями правительства в управлениях «обобществленных» предприятий [1]).

Предприятия испытывали жесточайшую нужду в деньгах. Бауэр пишет:

«Общества возникли в период быстрого обесценения денег. В такое время всякое промышленное предприятие должно все время увеличивать свой оборотный капитал. *Капиталистические акционерные общества* это и делали, выпуская время от времени новые акции и *пользуясь все в больших размерах банковским кредитом*. Для общественных предприятий оба эти пути были закрыты»... «§ 8 закона (об общественных предприятиях) давал, конечно, *право государственному секретарю финансов заставлять банки* часть чужих денег, хранящихся у них, и часть резервных фондов вкладывать в платежные обязательства общественных предприятий. *Но правительство не решалось использовать это право* (еще бы! ведь секретарем финансов был профессор Шумпетер, так ловко проваливший «социализацию» в металлургии. *В. А.*). *В других же формах общественные предприятия не могли получать банковский кредит. Банки давали кредит предприятиям, в которых они участвовали и которые они контролировали; учреждениям, которые не подлежали их контролю, они отказывали, тем более, что постоянная враждебная агитация капиталистической прессы подрывала доверие к ним*».

Прекрасный опыт, «подтверждающий» бауэровский проект социализации банков *после* социализации промышленности (а заодно «подтверждающий» и социал-демократический принцип абсолютной свободы капиталистической прессы!)—при условии, разумеется, если сторонники этих мер стремятся к тому, чтобы социализация *не* удалась!..

Чего же достигли частные банки своим кредитным бойкотом «общественных» предприятий? Об этом Бауэр пишет:

«Общественные предприятия таким образом вынуждены были требовать дополнительные дотации к их оборотному капиталу...

[1]) Käthe Leichter. «Erfahrungen des österreichischen Sozialisierungsversuch». («Опыт проведения социализации в Австрии»). Сборник «Der lebendige Marxismus» (к 70-летию Каутского), стр. 204, 205 и след.

Государство же, испытывая страшный финансовый кризис, не могло в достаточной мере удовлетворить их потребности в средствах... *Общества вынуждены были перевести некоторые их предприятия в смешанные общества, которые они основали совместно с частным капиталом*. Так, например, только таким путем мог быть пущен в ход стальной отдел арсенала. Таким образом, *развились самые разнообразные смешанные формы и связи между общественными учреждениями и капиталистическими предприятиями*» [1]).

С этим итогом мы и поздравляем бывшего председателя комиссии по социализации: он благополучно привел бывшие казенные предприятия *на поклон к частному капиталу*. Чем не «социализация»?!

Из «обобществленных» таким образом предприятий, самым крупным является оставшийся до сих пор в руках венской общины бывший «Арсенал» [2]). Его австрийские социал-демократы до сих пор считают своей красой и гордостью, классическим примером «социализации». Посмотрим же, что делается на этом арсенале.

В выборной кампании этого года, арсенал доставил большие хлопоты и неприятности социал-демократам. Наравне с другими капиталистическими предприятиями, арсенал подвергся действию переживавшегося Австрией экономического кризиса. Все прорехи этого арсенала, понятно, были поставлены в политический счет социал-демократам. Число рабочих, по данным самих с.-д., в арсенале с 1920 года (момент его перехода к венскому муниципалитету) к 1927 сократилось больше, чем вдвое, — с 2.700 до 1.300. По сравнению с дореволюционной цифрой, когда рабочих в арсенале было 12.000, нынешняя цифра является ничтожной. С 1921 по 1924 год арсенал ежегодно приносил *десятки миллионов* крон *дефицита*. (Это было, примерно, то время, когда обобществленная промышленность в России, в целой стране, достигала *довоенного* уровня и начинала приносить значительную прибыль).

Нашелся какой-то бывший администратор этого предприятия, который опубликовал кучу данных о бесхозяйственном ведении дела в арсенале, о тяжелых условиях труда и пр. В ответ на это, Вильгельму Элленбогену (социал-демократ, сменивший в свое время Бауэра на посту председателя комиссии по социализации) пришлось выпустить целую брошюру с подробным ответом на обвинения. Придерживаясь взятого нами правила, будем говорить и об арсенале словами самого австро-марксиста.

В то время, как европейский капитализм, — говорит автор в заключительных выводах своей брошюры,—вследствие кризиса, переживает «массовую смерть частных предприятий», «на почве этого больного хозяйственного порядка образуются общественные хозяйственные предприятия, которые *хотя*, поскольку этот капиталистический порядок существует, *и не могут остаться совершенно целыми от его разрушительного воздействия*, так как анархия этого «порядка» и на них воздействует»... но все-таки остаются целыми и «развиваются вперед» [3]).

[1]) «Австрийская революция». Стр. 175—176. Рус. пер.—171.

[2]) Теперь «Эва» («Öwa»; «Österreichische Werke»).

[3]) «Los gegen die gemeinschaft! Die Wahrheit über das arsenal und die bürgerlichen Verleumdungen». Von W. Elenbogen. Wien, 1927, стр. 50.

Элленбоген вынужден признать, что капиталистический кризис *нанес* ущерб и арсеналу, но арсенал, все-таки, «выжил».

Однако, посмотрим, как и *за чей счет* выжила, «развивается вперед» венская социализация. Социал-демократам было предъявлено в прессе обвинение в том, что «*арсенал обходится со своими людьми так скаредно* (*или:* «паршиво»), *что с ним не может в этом сравниться ни один частный предприниматель*».

Элленбоген отвечает на этот пункт обвинений ровно следующее:

«Рабочие и служащие получают *по коллективному договору заработную плату, содержание* (единственные слова ответа, которые их автор нашел нужным подчеркнуть курсивом. Дальше будем подчеркивать уже мы. *В. А.*). *Разница в установлении в отдельных предприятиях, конечно, не исключает, что отдельные расценки, в особенности в начале производства, приводили к более низшему уровню зарплаты, чем в других предприятиях. Но вообще* можно сказать, что рабочий арсенала зарабатывает *столько же, как и в частной* индустрии, и что столько же бывает случаев, что рабочие арсенала зарабатывают больше, *как и наоборот*, по сравнению с частной индустрией. *Однако, это правильно, что часто собрания цехов, в действительном понимании трудностей общественного хозяйства, решали по возможности быть умереннее в требованиях заработной платы*» [1]).

Это решительно *все*, что мог сказать Элленбоген, человек, несущий личную и политическую ответственность за арсенал, в ответ на резкое обвинение его в жестокой эксплоатации рабочих. Это—не защита, а беспомощное лепетание!

Он *не может* сказать, что рабочие «социалистического» предприятия,—*крупного* предприятия по австрийскому масштабу (1.300 рабочих),—получают зарплату хотя бы выше *среднего* уровня у частников. Он вынужден признать, что этого *нет*.

Этим он разоблачает *лживость* утверждений Отто Бауэра, который за полгода перед Элленбогеном на с'езде партии утверждал, что «*заработная плата в общинных предприятиях* (он говорит о Вене, где арсенал—крупнейшее общинное предприятие. *В. А.*) *значительно выше, чем в тех же категориях труда в частной индустрии*» [2]).

Элленбоген обвиняет своих противников во «лжи» и «клевете». Пусть же он напишет о том, что лжет Отто Бауэр!

Прочтя оправдания Элленбогена, нельзя даже быть уверенным, что зарплата в арсенале действительно стоит на среднем уровне,—так «скромно» он оправдывается, подчеркивая, что «бывают» получки и *меньшие* по сравнению с частными предприятиями.

Наконец, издевательской насмешкой над рабочими арсенала звучит заявление, что они «сами» ограничивали себя в требованиях зарплаты. Во *имя чего?* Во имя «*ожидания*» революции в других странах? Во имя венского самоуправления, где на счет рабочих живет клика социал-демократических «доверенных людей», занимающаяся лганьем о венском «социализме»?

Тот же самый Бауэр, который лжет направо и налево о высоте зарплаты рабочих, вместе с тем проповедует, что «та

1) Там же, стр. 26.
2) «Протоколы», стр. 275.

производственная форма побеждает, *для которой рабочие и служащие лучше работают*» [1]); тот же самый Элленбоген подчеркивает, что если арсенал вышел из кризиса целым, то это случилось лишь благодаря «преданности рабочих и служащих делу», благодаря *производительности* их труда.

Во имя чего все это? Может быть, *во имя снабжения оружием польской, болгарской и венгерской контрреволюции*, производившегося социал-демократами из запасов арсенала за спиной рабочих, как это явствует из разоблачений того же бывшего администратора арсенала? [2]).

Есть ли у рабочих арсенала хоть подобие, хоть слабая тень той великой цели, во имя которой работают и поднимают производительность труда на *своих* предприятиях рабочие Советской России: *власть рабочего класса*, братские отношения рабочих с крестьянами, страна, освобожденная от паразитов, помещиков и капиталистов,—живой призыв к восстанию угнетенных всего мира? Ничего этого у венских рабочих нет: их просто обманывают и покупают за копейку.

Оглядывая австро-марксистскую «социализацию» в целом,—что мы видим?

Обещания провести социализацию после захвата власти, на поверку, оказываются пустым обманом. Они заранее оговаривают ряд причин, по которым они, взяв власть, дело социализации отложат. Опыт показал, что, стоя у власти, они не произвели даже и *попытки* обобществить какую-нибудь отрасль производства (случай с Альпийским обществом как раз свидетельствует о том, что правительство не смотрело серьезно на свои социализаторские планы,—иначе курьез с банкиром Кола был бы вообще не мыслим). Да и сам план «социализации» свидетельствует как бы о намерении его авторов, во что бы то ни стало, угробить и провалить социализацию: ослабление «пролетарского» государства, выкуп за предприятия по их полной стоимости, выплачиваемый в течение человеческого возраста («не» за счет народа!), оставление банков в руках капиталистов на срок этого «человеческого возраста».

Наконец, «отсрочки» всего переворота до периода расцвета капитализма.

Всю эту дребедень можно называть «марксизмом» только для наглого издевательства над Марксом.

Но и это все—только австро-марксистская «музыка *будущего*». А что в настоящем? Проповедь повышения производительности труда на капиталистических фабриках, проповедь усиления буржуазного государства путем «способствования» его предприятиям и «почивание на лаврах» одного-двух муниципализированных в дни революционного смятения предприятий, рабочие которых теперь эксплоатируется почище, чем у частных хозяев.

Словом, для сегодняшнего дня—тот же ренneровский «поштучный социализм», не больше. Единственная разница та, что официальный австро-марксизм побольше, чем Реннер, шумит о

1) Там же.
2) Сам Элленбоген не отрицает, в своем ответе на это обвинение, возможного факта продаж из арсенала контр-революционному правительству Болгарии, но утверждает, что это были продажи «негодного» (?) старого материала». Завод, однако, в «старое» время вырабатывал оружие. (См. цитированную брошюру, стр. 31).

«завоевании власти» пролетариатом, но в то же время (замечательно «логично»!) побольше старается об усилении существующей *буржуазной* власти, выдвигая ряд чисто государственно-капиталистических требований.

Основная установка австро-марксистов в настоящий период состоит в том, чтобы всеми силами помогать капитализму *выбраться из послевоенного кризиса.* С этой установкой они согласуют свои социализаторские теории и реформистскую практику. Их выкупная «социализация» непременно «требует» «нормального» отправления капитализмом своих функций: в кризисный период производство уже расшатано, для социализации «не время» («народ» может «разочароваться»!), в такое время австро-марксисты зовут рабочих «сперва» вытаскивать из ямы капитализм, чтобы лишь «потом» заняться его «свержением».

Австро-марксисты закрывают глаза и зажимают уши, не желая слышать и видеть уроков действительности. А эти уроки простым и кратким языком говорят, что даже самих австро-марксистов подняла и швырнула к власти волна народного восстания тогда, когда капитализм уже было наклонился над своей могилой. Размотав власть, попавшую в их руки, вопреки их горе-«теориям», они и впредь будут сидеть на запятках у буржуазии до нового великого вала, который опять их зашвырнет,—но на этот раз уже безвозвратно, на дно истории.

Дм. Илимский.

Американская пятилетка [1]).

Очередная серия (1927 года) известных диаграмм американского бюро промышленных конференций представляет особенный интерес тем, что дает возможность проследить развитие народного хозяйства Америки за пятилетие 1921—1925 г.г., то-есть за тот промежуток времени, когда страна держала экзамен на способность от послевоенного восстановления перейти к реальному прогрессу.

Началом этого пятилетия является тот кризисный 1921 год, когда падение золотых цен поставило под угрозу промышленность и земледелие многих стран, конец же пятилетки совпадает с эпохой перехода основных индустриальных стран на устойчивую валюту и связанного с этим изменения в соотношении сил на международном товарном рынке.

Есть основания думать, что начинающий новую пятилетку 1926 год является последним годом нормального роста всех элементов американской экономической кон'юнктуры, после чего эта исключительная по своему размаху страна, должна будет вступить в полосу искривлений и распада той «гармонии», которой так гордятся американцы.

Составляемые с большой точностью, наглядностью и разносторонностью диаграммы бюро промышленных конференций, могут быть прекрасным источником для обозрения всей совокупности национального хозяйства Америки. Основной их материал строится на основании данных периодических «цензов», и на основании сведений налоговых органов, и добровольной промышленной статистики. Выводимые для некоторых промежуточных дат логическим путем цифры обычно достаточно осторожны, а весь вообще материал сопровождается точным указанием источника.

Сопоставляя данные бюро с некоторыми новыми работами экономического отдела секретариата Лиги Наций, мы можем составить себе достаточно полное и ясное представление о статике и

---

[1]) Основной статистический материал взят из диаграмм и пояснений им, издаваемых National Industrial Conference Board под названием Road Maps of industry. Кон'юнктурные данные и поправки к основному материалу дают ежемесячные Survey of curreut business, издаваемые Depart of Commerce, а также ежемесячные Eederale Reserve Bulletins, иллюстрирующие финансовую жизнь страны. Некоторые сведения в сопоставлении с материалами других стран дает Sfatesman's year—book. Из новейших книг можно рекомендовать (со многими оговорками насчет подхода к оценке политической кон'юнктуры) работу André Siegfried—Les États—Unis d'aujourd'hui, где содержится много интересных мыслей о процессе врастания Америки в мировую экономику и вытекающего отсюда усиления элементов, понижающих классическую «независимость» американского народного хозяйства.

Само собою разумеется, что статистика б у р ж у а з н о г о государства закрывает путь к полному выяснению истинной картины социальных отношений в С. А. С. Ш. и что обобщения, произведенные на основе этого статистического материала, не могут быть достаточно дифференцированными и точными.

динамике народного хозяйства страны, привлекающей сейчас к себе всеобщее внимание как своей мощью, так и своеобразием организационной структуры производительных сил и претендующей на роль мирового владыки. Сами американцы не строят еще перспективных пятилеток, ограничиваясь пятилетками итоговыми, тем не менее их материал дает нам возможность заглянуть и в их будущее, хотя бы в самых общих чертах.

Население Америки за пятилетие 1921—1925 г.г. возросло на 7,6%, поднявшись с 107,2 милл. человек до 115,3 милл. Темп роста населения за эту пятилетку заметно отстает от обычного для Америки за последние 20 лет, когда на пятилетку приходилось прироста 11,5%. Это падение прироста приходится целиком отнести за счет принудительного сокращения иммиграции. Если же брать естественный прирост, то он, наоборот, поднялся по сравнению с предшествующими пятилетками. Рождаемость и многосемейность заметно увеличились после войны. Это обстоятельство опрокидывает установившийся взгляд, по которому с ростом благосостояния должна понижаться рождаемость. Впрочем американские статистики об'ясняют это ростом рождаемости и понижением смертности среди негритянского населения, вышедшего из хронической нищеты и начавшего в массе жить в лучших материальных условиях. К сожалению, точных цифр по последнему вопросу в моем распоряжении не имеется.

Заметный общий рост благосостояния и возможность удовлетворять потребности семьи в широком размере даже при наличии только одного работающего члена семьи приводит к тому, что процент «зарабатывающего» населения уменьшился по сравнению с населением живущим на иждивении работающих. Если в 1920 году первая группа составляла 39,4% от всего населения, то в 1925 году она составляет уже только 37,2%, так что теперь на каждую сотню «зарабатывающих» приходится 168 чел. иждивенцев против 156 в 1920 году. Здесь надо оговориться, что американская статистика под «работающим» или «зарабатывающим» понимает всякого, кто самостоятельно, на свое личное имя имеет тот или иной вид дохода, будь ли это заработная плата, рента, или прибыль. О социальном распределении национального дохода будет сказано ниже.

Все «зарабатывающее» население Америки в 1925 году распределялось так: 57,1% в производстве (промышленность и земледелие), 7,6% в транспорте и 35,3% в обслуживающих отраслях (управление, торговля, свободные профессии, личное услужение). По сравнению с 1920 годом роль производительного труда (включая транспорт) заметно упала (главным образом, в связи с повышением реальной продукции на работающую единицу), а роль обслуживающего труда, особенно конторской службы и свободных профессий, соответственно поднялась (67,1% и 32,9%).

Главное уменьшение в производительном труде падает на земледелие, откуда за шесть лет ушло 453.000 работающих, что отражает общеизвестный процесс отлива земледельческого населения из деревни в связи с резко падающей рентабельностью американского сельского хозяйства. Если к этому количеству прибавить прирост возмужалого населения и иммигрантов, всего исчисляемый в количестве 1,3 милл. человек и вычесть 280.000 человек, увеличивших армию занятых в обрабатывающей и горной промышленности и в транспорте, то абсолютный прирост занятых

в обслуживающих отраслях составит около 1,5 милл. человек, из коих на увеличение конторской, муниципальной и государственной службы ушло 694.000 человек, на торговлю—358.000, на свободные профессии (включая религию)—227.000 и на личное услужение—184.000.

О приросте рождаемости говорит и тот факт, что за шесть лет число детей до десятилетнего возраста резко увеличилось и абсолютно (на 3 милл. человек) и относительно (с 21,7% до 22,5%).

В 1925 году в обрабатывающей промышленности занято 29,9% всех «зарабатывающих» (12,8 милл. человек), в земледелии—24,5% (10,5 милл.) и в горной промышленности 2,7% (1,5 милл.). Таким образом, не только по продуктивности на одного участника производства, но и по самому числу занятых людей, промышленность решительно становится основной базой развития экономических сил страны.

Наиболее внушительное впечатление производят абсолютные цифры о национальном богатстве Америки. За пятилетие национальное богатство (в современных долларах) возросло с 307 миллиардов долларов до 355,3 миллиардов, что дает возрастание на душу населения с 2.870 долларов до 3.000, а на каждого «зарабатывающего»—с 7.400 долларов до 8.200. Переводя эти данные в доллары 1913 года, мы получаем реальное возростание богатства со 188,2 миллиарда довоенных долларов до 223,9 миллиарда, то-есть на душу населения с 1750 долларов до 1940 долларов.

Таким образом оказывается, что реальное возростание национального богатства за отчетную пятилетку идет быстрее, роста населения.

Однако, по сравнению с довоенным временем мы видим, что относительный (на душу населения) размер национального богатства лишь в 1925 году едва приблизился к норме 1912 года, то-есть получается впечатление, что разбираемая пятилетка носила не конструктивный, а лишь восстановительный характер. Между тем нам хорошо известно, что за все время с 1912 года в Америке происходило бурное возрастание основного капитала промышленности, накопление золотого запаса, рост оборудования железных дорог и предприятий общественного пользования и, наконец, накопление товаров и личной движимой собственности. Каким же образом можно об'яснить тот парадоксальный факт, что между 1912 и 1925 годами не произошло увеличения национального богатства на душу населения?

Решение вопроса мы находим в том обстоятельстве, что на оценку всей массы национального богатства огромной тяжестью давит стоимость земли, мелиоративных вложений в нее и зданий, занимающая 55% всего баланса. Начавшееся как раз незадолго до войны неуклонное снижение рентабельности сельского хозяйства, обесценивает землю в балансе национального богатства, благодаря чему рост общего итога, несмотря на возрастание других его составных частей, отстает от роста населения. К обсуждению связанных с этим проблем мы вернемся еще в конце работы.

В составе национального богатства, первое место после стоимости земли, занимает личная движимая собственность, составляющая 12,4% всего баланса и достигающая 44,1 миллиардов современных долларов, или 383 доллара на душу населения. Пожалуй именно эта цифра, отражающая свободную часть дохода, отла-

гающуюся в приобретении медленно изнашиваемых вещей, больше всякой другой является показателем поразительно высокого уровня жизни современного американца. Такой долей движимой собственности в составе национального богатства и таким ее размером на душу населения не может похвалиться ни одна страна в мире. Не лишено интереса то обстоятельство, что в этой движимой собственности одни автомобили, находящиеся в личном пользовании, занимают свыше 20%.

Следующее место занимают готовые продукты, товары и промышленное сырье, составляя 11,3% всего итога и достигая по стоимости 40 миллиардов долларов. Эта цифра именно своей относительной величиной свидетельствует о наличии возникающих противоречий в национальном хозяйстве страны. Наличие подлежащих реализации товарных ценностей в готовом и необработанном виде в размере, равном восьмимесячному национальному доходу страны, несомненно является угрожающим и с точки зрения оборачиваемости капитала и с точки зрения устойчивости ценностных соотношений и, наконец, с точки зрения отвлечения значительных средств из производства в товар. Достаточно сказать, что эта товарная наличность, более, чем в полтора раза превышает всю стоимость оборудования промышленности и сельского хозяйства, чтобы понять почему в современной Америке проблема проталкивания товара к потребителю и нахождения иностранных рынков так быстро стала основной проблемой с большим политическим содержанием. Продуктивная способность Америки начинает возрастать с угрожающей быстротой, гораздо быстрее, чем возрастает емкость внутреннего рынка и возможность овладения рынком внешним. Резкое усиление, с одной стороны, экспорта американского капитала заграницу и, с другой—империалистических настроений в борьбе с другими странами—производительности отражает двумя путями эту новую тенденцию американской экономики.

Почти наравне с товарными запасами стоит стоимость железных дорог и сооружений общественного значения (39,2 миллиардов долларов и 11,0% итога). Среди последних обращает на себя внимание трамвайное имущество стоимостью в 5,4 миллиарда и электрические станции, стоимостью в 4,7 миллиарда.

Наконец, на последнем месте (если не считать графы «разное»), стоит в балансе народного богатства оборудование промышленности и сельского хозяйства, выражающееся в сумме 26,8 миллиардов долларов и составляющее 7,5% итога. Об отношении этой цифры к товарному остатку было сказано выше. В дополнение отмечу, что собственно-промышленное оборудование составляет (без стоимости земли, на которой стоят заводы) 17,5 миллиардов, то-есть всего лишь около 50% стоимости товарного и сырьевого запаса промышленности (32,3 миллиарда), в то время как стоимость скота и оборудования сельского хозяйства (также без стоимости земли) в полтора раза превышает товарные запасы сельскохозяйственных продуктов (9,3 миллиарда против 6 миллиардов).

По сравнению с размерами американского национального богатства, приходящегося на душу населения, все остальные крупнейшие империалистические страны показывают резкое отстаивание, наглядно подтверждающее неравенство сил в борьбе между новой Америкой и старым светом. Если пользоваться подсчетами Редмонда и Мооди, то мы увидим, что одна только Англия

еще в состоянии более или менее тягаться с Америкой, располагая на душу населения национальным богатством в размере 2.727 долларов (современных). Затем идет большой скачок вниз и на значительном расстоянии мы находим Францию с 1342 долларами на душу (по подсчетам Маультона 1500 долларов), затем Германию с 1210 долларами (по Редмонду 935 долларов), потом Японию с 872 долларами и, наконец, Италию с 585 долларами. Интересно тут же отметить, поскольку затронут вопрос о соперничестве великих держав, что по военным расходам (данные Стейтсмен'а) в 1925 году Америка стоит еще на третьем месте в смысле расходов на душу населения и на втором по абсолютной сумме расходов, а именно:

	Общий расход.			На душу населения.
Англия	572	милл.	долларов	12.96 дол.
Америка	553	»	»	4,94 »
Франция	254	»	»	6,43 »
Япония	218	»	»	3,68 »
Италия	155	»	»	3,88 »

В то же время, по соотношению между действующей армией плюс резервисты и всем населением мы получаем еще более разительную картину. На каждую тысячу населения числится солдат и резервистов: во Франции 139,4 человек, в Италии 99,3 чел., в Японии 25,4 чел., в Англии 5,7 чел. и в Америке 3,3 чел. Выгода изолированного положения, благодаря морским границам, позволяет Америке и Англии расходовать несравненно меньше живой человеческой силы в случае войны, чем всем другим державам. Исключение, составляемое Японией, не может быть здесь анализировано за недостатком места.

Американская статистика учитывает только ту часть национального дохода, которая подлежит налоговому обложению, то-есть все, что превышает чистый годовой доход в 1000 долларов. Хотя облагаемая часть дохода и охватывает большую часть всего дохода нации, однако отсутствие учета необлагаемой части, приводит к разногласиям при определении общей суммы дохода. Так, по данным бюро промышленных конференций, весь валовой доход в 1925 году составлял 77 миллиардов долларов (современных), тогда как по данным национального бюро экономических исследований он исчисляется в 86 миллиардов, по данным Мооди в 60 миллиардов и по данным Ингаллса в 72 миллиарда. Пользуясь данными бюро промышленных конференций, мы получаем, что за рассматриваемое пятилетие, национальный доход возрос с 55 до 77 миллиардов, то-есть с 514 долларов на душу населения до 670 долларов, или в реальном выражении с 325 долларов до 396. Однако следует иметь в виду, что этот блестящий темп показателен лишь для данной пятилетки, но не для всего послевоенного периода, так как исходной точкой приходится принимать 1921 год с его знаменитым кризисом золотых цен, когда национальный доход упал в реальном выражении на три миллиарда. Весь же период со времени версальского мира, дает возрастание на душу населения (в реальных долларах) с 363 до 396, или в абсолютном итоге с 38 миллиардов до 45. По сравнению с довоенным временем, мы имеем возрастание всего национального дохода (реального) на 40% и на душу населения

на 18%. Обе цифры свидетельствуют, что Америка является единственной страной в мире из числа принимавших участие в мировой войне, не замедлившей темпа развития своих производительных сил в результате военных событий (предшествующая войне десятилетка дала в полтора раза более медленный темп роста дохода, чем период 1914—1925 г.г.).

Американская налоговая статистика федерального налогового бюро ошибочно соединяет денежный доход от сельского хозяйства с доходом от торговли и делит весь подлежащий обложению денежный доход населения на четыре группы: заработная плата, земледелие и торговля, рента, прибыль. Благодаря этому затрудняется определение той доли в денежном доходе нации, какая изымается буржуазией, эксплоатирующей чужой труд. Однако, применяя некоторые поправочные показатели самого же налогового бюро, можно установить, что из всей массы чистого денежного дохода страны 25% изымается в пользу эксплоатирующих классов и лишь 75% остается в руках носителей физического труда. Среди первой группы следует отметить около 5000 человек с доходом свыше 100.000 долларов на каждого, аккумулирующих в своих руках в общей сложности 1460 миллионов долларов [1]). Это и есть те «верхние пять тысяч», которые правят Америкой.

В общем же, на долю заработной платы приходится (здесь везде данные 1924 года) 46,2% денежного дохода (не считая заработной платы ниже 1.000 долларов в год, т.-е. почти всей массы лиц работающих в личном услужении и значительной части чернорабочих и поденщиков), на долю земледелия и торговли 27,3%, на долю ренты 15,4% и на долю прибыли 11,1%.

Разделяя по величине дохода, мы имеем основную группу с доходом до 5.000 долларов, берущую 60% всего денежного дохода, затем группу с доходом от 5 до 25.000 долларов, на чью долю приходится 20% всего дохода и, наконец, группу, свыше 25.000 аккумулирующую тоже 20% всего дохода. При общем высоком уровне дохода в Америке для эксплоатируемых классов, надо все же признать, что размер из'ятия в пользу буржуазных классов поражает своей высотой.

Резко повысивши налоговое обложение во время войны и этим избежав необходимости прибегать к займам, Америка сейчас в противоположность всем другим странам, решительно идет по пути снижения налоговой тяжести. Со времени Версальского мира налоги на душу населения понизились к 1925 году (по данным Стейтсмен'а) с 53,8 долларов до 27,5 долларов, т.-е. уменьшились ровно вдвое. Правда, эта ставка еще более, чем вдвое превышает довоенную, однако, по сравнению с Англией, где ставка 1925 года втрое выше (реально) 1913 года, или Германией, где она выше в два с половиной раза, положение американского плательщика более благоприятно. В частности отмечу, что за рассматриваемую пятилетку, налог в Америке на душу населения понизился на пять долларов и сейчас он составляет всего лишь 4% национального дохода.

В общем итоге уплаченного налога, группа лиц с доходом до 3.000 долларов уплатила в 1924 году 2,9% всего налога,

[1]) Автор считает необходимым оговорить, что статистика буржуазного государства в этой области должна возбуждать в особенно сильной мере недоверчивое отношение со стороны нашего читателя.

группа с доходом от 3 до 5.000—3,8%, группа с доходом от 5 до 25.000—15,2% и верхние классы—78,1%. Иначе сказать, двум низшим группам пришлось отдать всего лишь 0,3% своего дохода, средней группе—уже 1,5%, а верхним группам—12%. Экспроприируя в свою пользу при помощи капиталистических отношений 25% всего, что производит страна, правящие верхи Америки позволяют себе быть «демократичными» в таком пустяке для этой страны, как налоговая политика и «великодушно» берут на себя главное бремя содержания государства.

1920 год был, как известно, во всем мире высшей точкой золотых товарных цен, как оптовых, так и розничных. В том же году начался резкий перелом, цены пошли вниз и Америка в течение двух почти лет переживала очень тяжелый кризис. Таким образом, рассматриваемая пятилетка особенно интересна в вопросе динамики цен, рисуя путь, по которому отдельные отрасли народного хозяйства выравнивались в своем естественном стремлении к довоенной гармонии.

Основной перелом в оптовом индексе цен за пятилетку произошел в Америке уже в течение самого 1921 года, когда общий индекс упал за полугодие (продолжая бурную тенденцию пред'идущего года) со 170 до 140, после чего началась длительная стабилизация за счет выравнивания отдельных товаров. За время с половины 1921 года по конец 1925 года оптовый индекс даже повысился до 158, оказавшись на одном почти уровне с индексами Канады и Англии, будучи на двадцать пунктов выше индекса Германии и на 37 пунктов ниже индекса Японии.

Стабильность общего индекса достигалась главным образом, за счет пониженного и в то же время устойчивого индекса по сельскохозяйственным продуктам (а в связи с этим и по изделиям пищевой промышленности) и по металлу и металлоизделиям, что в общем составляет значительно более половины всей обращающейся в стране товарной массы. Зато текстиль, строительные материалы и топливо на протяжении всей пятилетки обнаруживали чрезвычайно резкие колебания и относительная стабильность их индексов отмечается лишь с середины 1924 года. Особенно резкий скачок вверх дало топливо в 1922 году, когда индекс его подскочил до 270, спустившись затем в 1923 году в разгар кризиса до 165. Наоборот, строительные материалы, стоя в конце 1921 года на самой низкой за все пятилетие точке (160), пошли вверх во второй половине 1922 года и к середине 1923 года достигли индекса 200, спустившись затем медленно неровными скачками.

В общем, к концу 1925 года, при общем индексе 158, индекс продуктов сельского хозяйства стоял на 153, металла и изделий на 130, а, с другой стороны, индекс текстильных товаров стоял на 185, строительных материалов и топлива на 175. Таким образом, Америка имеет свои «ножницы», но самое существо их значительно отличается от того, что имеет место в Европе и в частности у нас. Кстати можно отметить, что к концу 1926 года эти американские ножницы несколько обострились и в них еще резче обозначались черты их своеобразия.

Картина движения розничного индекса и связанной с этим стоимость жизни, развивается за пятилетие приблизительно в том же направлении. Основной перелом кривой индекса приходится на период июль 1920 года—июль 1921 года, затем к

концу 1921 года прожиточный индекс (вычисляемый в Америке по 75 товарам, плюс жилище, свет, топливо и все гигиенические и культурные потребности) понизился до самой низкой за пятилетие точки—155, после чего он медленно пошел вверх, остановившись в 1925 году на 170. За последние два года пятилетки, составные элементы прожиточного индекса значительно более сближены, чем составные элементы индекса оптового. Даже стоявшие все время на двух крайних полюсах—жилище и пища—резко приблизились к среднему показателю.

Хотя таким образом, покупательная сила доллара к концу пятилетки даже несколько упала по сравнению с ее началом, однако, это обстоятельство на удовлетворении потребительских нужд населения не отразилось, так как общий размер национального дохода вырос в реальном выражении, точно так же, как мы увидим ниже, выросла и реальная заработная плата.

Анализ состава бюджета семейного американца, живущего заработной платой, показывает, что за время с 1914 по 1925 год в строении бюджета почти не произошло изменений, если не считать маленького возрастания доли расходов на жилище и отопление за счет пищи и «разных» расходов. Самые размеры этих изменений настолько ничтожны, что их не стоит даже разбирать.

Состав американского бюджета рабочего и служащего, резко отличается от состава бюджета его европейского собрата. Благодаря значительно более высокому заработку, американец в состоянии понизить долю пищи в бюджете (60—62% у европейца и всего 43% у американца, при несравненно лучшем абсолютном питании). Зато американец уделяет жилищу в полтора раза больше места в бюджете, чем континентальный европеец и позволяет себе удовлетворять культурные и гигиенические потребности и ряд более утонченных и квалифицированных потребностей которые в Европе доступны только средним классам.

По прожиточному индексу для рабочих по сравнению с довоенным, Америка, начиная с конца 1923 года, сравнивается с Англией и идет все время наравне с Канадой, при чем с конца 1924 года Канада начинает отходить в сторону большей дешевизны жизни.

В общем индекс заработной платы в денежном выражении быстро поднимается в первую половину пятилетки и, дойдя до 230 в начале 1924 года, останавливается на этом уровне до конца пятилетки. Реальная же часовая заработная плата испытывает несколько большие колебания, давая к концу пятилетки значительное снижение (на пять пунктов), продержавшееся около полугода и затем в 1926 году ликвидированное. В общем за время с начала войны, реальная часовая заработная плата американского рабочего обрабатывающей промышленности возросла со 100 до 138, при чем за рассматриваемую пятилетку она поднялась со 120 до 133 [1]).

Денежная заработная плата транспортных рабочих шла все время почти на одном уровне с обрабатывающей промышленностью, параллельно с нею испытывая все колебания. Часовая плата горняков (в денежном выражении) до начала рассматриваемой пятилетки шла параллельно остальным отраслям, а с конца 1921 года начала с нею расходиться, давая затем в 1923 году резкий скачок вверх. В общем за пять лет горняк поднялся с 75 центов за час до 90 центов, т.-е. до 7 долларов за рабочий день, что является совершенно недостижимой мечтой для горняка европейского. Еще выше стоит группа строительных рабочих, часовая заработная плата которых с одного доллара в 1921 году поднялась до 110 центов к концу 1925 года, испытав резкое понижение лишь в период известного строительного кризиса 1922 года.

[1]) В американской экономической литературе есть и такие выступления (напр., проф. Догласа), которые оспаривают такой рост зарплаты.

В огромной добывающей промышленности Америки, продукция которой в 1925 году определялась в 5,7 миллиарда долларов, мы наблюдаем за отчетную пятилетку сравнительное затишье по углю, железу и меди с коротким периодом острого кризиса в 1921 году. Начало и конец пятилетки дают совершенно одинаковые цифры добычи (в ценностном выражении), стоящие, однако, на более высоком уровне, чем довоенная добыча. Зато нефтяная промышленность дает поразительно бурное возрастание за период 1921—1923 гг., сменяющееся после этого относительной устойчивостью. В общем, за пять лет происходит почти полное удвоение добычи нефти и к концу пятилетки она занимает во всей добывающей промышленности 53% по сумме добычи.

Что касается промышленности обрабатывающей, то здесь наибольшее возрастание за пятилетку дает автомобильная промышленность, индекс суммы продукции которой поднялся со 171 в 1921 году до 567 в 1925 году. Мы можем видеть неразрывную связь между ростом этой промышленности и ростом нефтяной добычи. Третьим элементом той же группы является промышленность резиновая, индекс которой поднялся с 250 до 497.

Затем мы имеем большой пропуск, после которого на первом месте стоит химическая промышленность с возрастанием индекса продукции от 134 до 199, на втором—металлургия с возрастанием индекса от 80 (она была больше всех захвачена кризисом 1920—21 гг.) до 186, на третьем—стекольная (от 82 до 157), на четвертом—пищевая (от 116 до 143) и на последнем—текстильная (от 100 до 123), в которой к концу пятилетки наметилось даже некоторое ухудшение в связи с конкуренцией европейских стран.

Механизация промышленности попрежнему шла более быстрым темпом, чем рост других показателей. Так, в то время, как население за эту пятилетку дало повышение индекса со 145 до 153 (за базу берется 100 на начало нынешнего века), а сумма продукции обрабатывающей промышленности повысилась со 170 до 280, индекс числа механических сил в промышленности повысился с 310 до 353.

Грузооборот железных дорог значительно повысился, если брать за основу кризисный 1921 год, и остался почти без перемен по сравнению с 1920 годом. Зато дороги произвели у себя ряд технических улучшений, благодаря чему им удалось сократить свой персонал с 2 миллионов человек до 1,7 миллиона, а расход топлива на тонно-милю понизился на 20%. Благодаря всему этому, чистый доход железных дорог повысился с 953 миллионов долларов в 1921 году до 1.585 долларов в 1925 году.

Зато, как это ни странно, Америка уменьшила в больших размерах тоннаж своего торгового флота, понизив его с 12,4 миллиона тонн до 11,47 миллиона (по регистру английского

Ллойда—до 11,6 миллиона). Характерно, что и судостроение в Америке производится крайне слабо и, по данным Стейтсмен'а, Америка строит от 50 до 90 тысяч тонн в год, занимая в этом отношении шестое место, ниже даже Франции и Голландии. Точно так же, падает и перевозка американских грузов на судах американского торгового флота. Если в 1921 году в общей перевозке морем американских грузов (по части внешней торговли, не считая каботажного плавания), американский флот взял 40%, то в 1925 году он занял лишь 34%, давая на всем протяжении пятилетки правильное снижение. Возможно, что лихорадочная работа Англии, Японии, Франции, Италии и Германии по восстановлению своих флотов именно в ту же пятилетку, и оживление оборотов внешней торговли именно на путях, крепко захваченных названными странами, приводит к тому, что американский флот оттесняется на работу по обслуживанию американского побережья по линии внутренней торговли.

В области внешней торговли, начало пятилетки заканчивает период «разгрузки» Америки от остатков военных запасов, благодаря чему цифра вывоза в 1921 году остается непревзойденной за все последующие годы не только в долларовом, но и в реальном выражении. Нормальный торговый экспорт надо считать, лишь с 1922 года, начиная с которого, мы видим неуклонное возрастании вывоза, примерно, по 250—300 миллионов каждый год, так что с экспорта в 3.771 миллион долларов в 1922 году, Америка поднимается до 4.864 миллионов в 1925 году. Импорт возрастает гораздо более медленно, давая даже некоторое отклонение вниз в 1922 году, так что за пятилетку он возрастает всего лишь на 180 миллионов долларов (с 3.654 миллионов до 3.824 миллионов). По общему размеру своей внешней торговли Америка занимает второе место в мире, не имея еще возможности сравняться с Британской империей с ее чудовищным оборотом в 21 миллиард долларов.

В области торговли золотом и серебром, мы наблюдаем несколько ослабленный по сравнению с военным временем, но все еще несомненный процесс продолжающейся концентрации в Америке драгоценных металлов. За пять лет Америка ввезла золота и серебра на 2,2 миллиарда долларов, а вывезла лишь на 820 миллионов.

В американском экспорте основное место занимают готовые товары, на втором идут полуфабрикаты, затем промышленное сырье и в заключение необработанные продовольственные продукты. В импорте, наоборот, промышленное сырье стоит на первом месте, за ним следуют полуфабрикаты и лишь на третьем месте мы находим готовые изделия. Отметим тут же, что ввоз одних лишь готовых изделий вдвое превышает весь решительно импорт нашей страны.

В американском экспорте основное и все возрастающее место занимает Европа, берущая свыше 50% всего вывоза, затем следует Канада, потом Азия и Южная Америка, при чем последние две вместе берут меньше американских товаров, чем одна Канада. В импорте же соперником Европы становится Азия, резко увеличившая свою долю в течение пятилетки. На третьем месте стоит Канада, понемногу вытесняемая двумя материками старого света.

Естественным итогом непрерывного возрастания всех элементов народного хозяйства этой страны, дошедшей уже до полного

почти насыщения внутреннего рынка и не нашедшей еще достаточно широких путей для выхода своих товаров на рынок внешний, является неуклонное возрастание экспорта американских капиталов во все страны света. За отчетное пятилетие, чистый экспорт американских капиталов составил колоссальную сумму 3.627 миллионов долларов, причем ежегодный размер вывоза возрастал от 631 миллиона в 1921 году до 1.031 миллиона в 1925 году. Резкий перерыв мы находим лишь в 1923 году, когда страна оправлялась от кризиса двух предшествовавших годов.

В размещении экспортируемых капиталов за отчетную пятилетку первое место заняла Латинская Америка, т.-е. те страны Южной Америки, куда идет американское золото для вложения прежде всего в нефтяное дело, затем в железнодорожное строительство и, наконец, в субсидирование многочисленных правительств, коим поручается охранять северо-американские интересы. В конце пятилетки замечается бурное устремление американского капитала в Германию, достигшее рекордных цифр уже в 1926 году.

Переходя к анализу возможных изменений в народном хозяйстве Америки в ближайшем будущем, необходимо прежде всего отметить, что это будущее нельзя ограничивать точным календарным сроком (пятилетним или иным). Можно лишь ориентировочно считать, что определенные сдвиги в тенденциях хозяйственного развития Америки должны произойти в ближайшие же годы, причем от глубины и силы этих сдвигов будет зависеть длительность периода последующего кризиса.

Тенденция всестороннего роста народного хозяйства на базе более широкой, чем у других стран и в более быстром темпе, установленная выше для пятилетия 1921—1925 гг., полностью продолжалась еще в 1926 году, получив свое выражение в рекордных цифрах промышленного производства, торгового оборота, железнодорожных перевозок, банковского накопления, оборота внешней торговли и экспорта капиталов за границу. Параллельно этому шло понижение индекса оптовых цен, повышение жизненного уровня городского населения и рост использования недр земли.

Однако, уже 1927 год не обещает поставить нового рекорда, и, если брать *всю совокупность* показателей роста, даст в лучшем случае уровень, равный 1926 году, что не помешает американцам убежденно говорить о продолжающемся прогрессе, так как *отдельные* показатели безусловно дадут большой скачок вверх (нефть, денежное накопление, экспорт капиталов).

Размер статьи не позволяет остановиться на материалах, иллюстрирующих приближение кризиса, со всей подробностью, поэтому я ограничусь лишь несколькими основными и наиболее характерными именно для американской экономики показателями.

Отбрасывая те месячные показатели, изменение которых обычно в силу условий сезонной кон'юнктуры, мы получаем следующую характеристику замедления темпа движения американского хозяйства.

Прежде всего мы замечаем угнетенное положение сельского хозяйства как в силу общих причин, отмеченных ниже, так и в силу возрастающего господства торгового капитала над земледельческим. В то время, как за период с 1925 года по май 1927 г. оптовый индекс промтоваров упал со 159 до 144, т.-е. на 9,4%, индекс сельскохозяйственный упал со 147 до 126, т.-е. на

14,3⁰/₀, при чем раствор ножниц с 12 пунктов возрос до 18 пунктов. В то же время, индекс розничных цен на продовольствие поднялся со 145 до 155, демонстрируя бессилие хлебных пуллов и сбытовой кооперации Калифорнии и других мест со специальными культурами, бороться с торговым капиталом, успешно стригущим и производителя и потребителя сельскохозяйственных продуктов.

Особенно тяжело положение хлопководства, индекс которого дошел в апреле 1927 года до 103. В результате этого, посевная площадь нынешнего года сократилась по сравнению с прошлым на 12,4⁰/₀. Случайное широкое распространение в нынешнем году вредителей на хлопковых плантациях, подняло биржевую цену на несколько десятков пунктов, что, однако, еще не гарантирует хлопковода от нового кризиса в будущем году.

Столь важная для Америки автомобильная промышленность, показала в 1926 и в текущем году лихорадочные колебания с общей явной тенденцией к сжатию. Принимая среднюю месячную продукцию 1923—25 годов за 100, мы получаем понижение производства автомобилей со 116 в январе 1926 года до 93 в июне 1927 года, при чем заметное отклонение вверх от неуклонно понижающей кривой, дают только два месяца из восемнадцати.

Ясно, что вслед за сжимающейся автомобильной промышленностью и за сокращением домового строительства в крупных городах (потребляющего массу металла), должна сжиматься и металлургия. Первой отразила это сжатие металлургия цветных металлов, а вслед за тем и чугун и сталь. Трудность приспособления к запросам рынка, мешала этим отраслям немедленно реагировать на сокращение спроса, сокращением производства, но зато мы видим судорожные колебания производства, с размахом индекса продукции у чугуна от 136 до 115, у стали от 177 до 135, у меди от 148 до 132.

Вообще громадная американская промышленность не в состоянии легко сжиматься, что дает многим иллюзию роста при фактическом застое. В то время, как многие отрасли показывают возрастание продукции, на другом полюсе народного хозяйства угрожающе возрастают нереализованные запасы товаров, огромный абсолютный и относительный размер которых уже сам по себе способен стать источником крупнейших потрясений на рынке. Если принять запасы 1919 года (сами по себе уже очень высокие и признававшиеся всеми чрезмерными) за 100, то рост товарных запасов окажется следующим:

1924 год	137
1925 »	146
1926 »	174
1927 » весна . .	179

В связи с этим мы видим, что индекс оборота оптовой торговли упал с 84 в 1925 году до 80 весной нынешнего года, а грузооборот июня нынешнего года составил всего лишь 3.972 тысячи вагонов против 4.075 тысяч в июне прошлого года, при чем падение перевозок идет почти непрерывно с октября прошлого года, т.-е. не зависит от случайных моментов.

Источники назревающих в американской экономике противоречий (развертывания и обострения коих нужно ожидать в ближайшем десятилетии) разнообразны, но все их можно свести

к факту *нарушения гармоничности американского прогресса, порожденному общей гипертрофией роста*.

На первом месте надо, пожалуй, поставить общеизвестный факт приостановки развития сельского хозяйства, что влечет за собой *относительное* сжатие покупательной способности сельского рынка, бывшего в течение десятилетия грандиозной базой для развертывания промышленности и не менее грандиозным аккумулятором денежных накоплений.

Слишком большие вложения капиталов в сельскохозяйственное производство в виде технических улучшений при наличии других стран с дешевым земледелием на плодородных землях и при дешевом труде, обремененность ферм процентами по банковским долгам, дороговизна сельскохозяйственного труда, наконец, высокий уровень жизни самих фермеров—все это привело к тому, что уже накануне войны земледелие перестало быть относительно выгодным. Военный спрос Европы и самой Америки на продовольствие несколько задержал выявление этой невыгодности, но последняя пятилетка доказала его с несомненностью, в результате чего большое количество людей ушло из деревни в город, а рост продукции сельского хозяйства отстал от роста промышленности.

Целый ряд авторитетов справедливо признают, что этот новый процесс неустраним, ибо корни его лежат за пределами даже американских возможностей. Поскольку это так, постольку намечаются очертания *одного из центральных пунктов предстоящего Америке кризиса*.

Промышленность, стимулируемая наличностью свободных денег, ищущих применения и располагающая огромным основным капиталом в оборудовании предприятий, не может свернуться только ради того, что сельское хозяйство замедлилось в развитии и деревенский рынок пред'являет меньший спрос на промышленные изделия. Промышленность получила такую инерцию и об'ем, при которых она произвольно не в состоянии сжиматься, а если бы она и решила это сделать, то результатом могли бы быть лишь потрясения исключительного масштаба. *Промышленность будет производить* при всяких условиях.

Но такая перспектива влечет за собой неизбежность, во-первых, ряда мелких частных кризисов, во-вторых, серьезного потрясения общего порядка. Когда запасы товаров уже превышают стоимость всего оборудования промышленности и когда проблема проталкивания товара к потребителю становится основной темой всех забот промышленника, а рынок в дальнейшем не обещает стать более емким, тогда при невозможности свернуть производство, рынок товаров будет подвергнут хронической опасности судорог от переполнения каналов обращения, что будет влечь за собой и частичные расстройства производственного механизма.

Переполнение внутреннего рынка, естественно влечет за собой устремление промышленности на поиски рынка внешнего и здесь мы, между прочим, находим достаточное об'яснение внезапному росту американского империализма (в общем, конечно, он сложнее и не ограничивается одним лишь империализмом промышленных экспортеров).

Но даже энергичный рост экспорта с его усиливающимся темпом (5⁰/₀, 9⁰/₀, 12%) не в состоянии разрядить товарное накопление. Ибо, что могут означать 4—5 миллиардов долларов

экспорта, когда стоимость продукции цензовой промышленности (обрабатывающей) достигает 60 миллиардов, возросши за пятилетку на 17 миллиардов, т.-е. давая темп, недостижимый для роста экспорта. Если же мы еще сделаем в цифре экспорта поправку на импорт товаров, аналогичных с производимыми в самой Америке, то мы должны будем признать, что *не в промышленном экспорте может лежать разрешение трудностей, надвигающихся на Америку в силу перепроизводства*. В современном бурно индустриализующемся мире, даже крупные и мощные страны со стандартизованным товаром могут рассчитывать лишь на медленное возрастание своего экспорта. Положение Америки затрудняется еще тем, что ее товары в большинстве случаев дороги по сравнению с товарами конкурирующих стран, более же высокое качество этих товаров не удовлетворяет обедневшего покупателя, ищущего вещи по своему карману.

Богатство и продуктивность страны, способствуя быстрому накоплению, уже до войны породили противоречие, заключавшееся в несоответствии размеров накопления, размерам возможных вложений внутри страны. Так родилась нужда в широком экспорте капиталов, частично разрешенная военной эпохой и ее займами правительствам Антанты и резко обострившаяся немедленно по окончании войны. Свободные капиталы, не находящие применения внутри страны, ищут выхода за границу и темп их экспорта настолько велик за последние семь лет, что даже обширный капиталистический мир не успевает нормально переварить их притока, как это видно было на прошлогоднем примере Германии. Но, кроме того, здесь из первого противоречия рождается второе, гораздо более опасное для Америки. Вывозимый капитал инвестируется в промышленность новых и старых стран, ускоряет процесс их индустриализации и делает заемщиков конкурентами американской промышленности не только за границей, но и внутри самой Америки. Страна-кредитор уже начинает ощущать эту опасность и вынуждена бороться со своими военными заемщиками, пытающимися расплачиваться с нею за военные долги ввозом товаров. Дальновидные американские банкиры уже поговаривают о необходимости регулировать экспорт новых капиталов, чтобы не подрезать свою собственную промышленность.

Но неумолимый закон рынка опрокидывает эти попытки ограничений и регулирований и капитал бурно стремится за границу в поисках дохода. Это неустранимое противоречие, сопровождаемое неизбежно следующим за экспортом капитала ростом империалистических потребностей, будет подвергать национальное хозяйство Америки глубоким потрясениям и судорогам, заставит страну перенести центр тяжести своего внимания на примитивные материки, где возможно вложение капитала в продукцию сельскохозяйственного сырья и на этом пути столкнет Америку в грандиозном конфликте с Англией, претендующей на то же сырье, и с Японией, развертывающей по другим причинам политику безраздельного господства над отсталыми сырьевыми странами.

Наконец, внутри самой Америки явственно намечается кризис, вытекающий из насыщения рынка именно в тех областях промышленности, расцвет которых был особенно бурным в последние годы. Повысив до исключительных размеров потребительский уровень рядового жителя, Америка сумела ввести в массовый обиход те предметы (автомобили, мебель и т. д.), которые в других странах считаются достоянием лишь богатых классов. В течение

последних двадцати лет рост спроса на эти предметы был колоссальным, обусловивши такой же энергичный приток капитала в соответствующие отрасли промышленности. В настоящее время все данные говорят за то, что в области этих предметов *рынок насыщен до конца* и дальнейший его спрос в ближайшее время резко ограничится лишь приростом населения, да изнашиванием вещей (большинство которых обладает медленной амортизацией). Иначе сказать—эти предметы должны будут производиться в ничтожных по сравнению с нынешним временем размерах, в силу чего производящая их промышленность должна будет переживать процесс катастрофического свертывания. Но вслед за ней кризис резкого свертывания должен будет распространиться на отрасли промышленности, обслуживающие названное выше производство, то-есть на резиновую, деревообделочную, кожевенную, электрическую и металлургическую промышленность, или в общем на две трети обрабатывающей плюс половину добывающей. Этот кризис будет гораздо больше, глубже и затяжнее, чем обычные очередные кризисы перепроизводства, регулярно потрясающие Америку, так как он произойдет не в силу нормального «просчета» слепой промышленной экономики, а в силу глубокого противоречия между размахом вложения капиталов и возможностями рынка.

Несмотря на повышенный тонус экономической жизни, руководящая деловая Америка сознает приближение трудных времен. Обострение борьбы промышленников с профсоюзами и энергичная поддержка предпринимателями кампанейских союзов, судорожная политика в европейских делах, такая же неустойчивость в вопросе о регулировании европейских долгов, резкие вспышки империалистических настроений, подогревание в массе в ежегодный «день обороны» воинственных настроений, попытки руководящих банков создать систему капиталистического планирования финансового хозяйства, решительное вмешательство в южно-американские дела,—все это показывает, что, с одной стороны, Америка энергично стремится расширить во что бы то ни стало сферу своего экономического и политического влияния, с другой—чувствует непрочность нынешней «гармонии» и тревожно заглядывает в свое будущее. Несомненно, что неизбежный в результате всех указанных противоречий, кризис пойдет в Америке по несколько иным путям, чем он пошел бы в другой стране, хотя бы в силу сочетания в Америке больших производственных возможностей с богатыми естественными рессурсами и в силу исключительно высокого уровня жизни в ней. Но кризис неизбежен и размах его должен будет принять громадные размеры, так как затронет он все отрасли жизни и развертываться будет на базе сложного комплекса противоречий.

Повидимому Америка заканчивает второй, промышленный и финансовый цикл своего развития, длившийся около тридцати лет. Как раз в тот момент, когда все сулило ей возможность неограниченного господства над миром, разоренным великой войной, внутри ее собственной экономики возникли неустранимые противоречия, накопленные предшествующим периодом расцвета. Эти противоречия так громадны, что потрясения, ими порожденные, могут ослабить мощь Америки и ее способность к мировой гегемонии. А для некоторых экономистов это будет означать необходимость пересмотреть столь модную теорию «американизации» мирового хозяйства.

М. Беленький.

Пути производственного кооперирования крестьянства.

... «теперь мы нашли ту ступень соединения частного интереса, частного торгового интереса, проверки и контроля его государством, степень подчинения его общим интересам, которая раньше составляла камень преткновения для многих и многих социалистов. В самом деле, власть государства на все крупные средства производства, власть государства—в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д.—разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали как торгашескую и которую с известной стороны имеем право третировать теперь при нэпе так же, разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества»?..

(В. И. Ленин. «О кооперации»).

... «переход к социализму совершается в сфере п р о и з в о д с т в е н н о г о (подчеркнуто автором М. Б.) кооперирования, для чего кооперация в обмене лишь расчищает путь. Но как раз именно в сфере такого кооперирования мелких производителей наши успехи пока еще минимальны, и к о н к р е т н ы е ф о р м ы (подчеркнуто автором. М. Б.) (а не общая линия) этого процесса сейчас еще совсем неясны»...

(Е. Преображенский. «Новая экономика»).

Деятельность с.-х. кооперации развивалась до сих пор преимущественно по линии обобществления процессов обмена в сельском хозяйстве, в первую очередь, по линии организации сбыта крестьянской продукции. В этой области с.-х. кооперация имеет значительные, непрерывно развивающиеся успехи; она стала одним из основных звеньев в смычке города с деревней, являясь главным проводником крестьянской продукции в город и предметов производственного снабжения в деревню.

Наиболее интенсивно протекало до сих пор развитие с.-х. кооперации в сырьевых отраслях сельского хозяйства. Это об'ясняется большей товарностью сырьевых отраслей и в особенности тем, что строительство с.-х. кооперации протекает в этих отраслях под непосредственным организующим воздействием государственной промышленности. Роль с.-х. кооперации в деле снабжения государственной промышленности с.-х. сырьем непрерывно

растет. Через систему с.-х. кооперации проходит в настоящее время: около 40% товарной массы льна, 80% крестьянской продукции свеклы, 75% табаков, 35% шерсти и т. д.

За последнее время значительно возросла роль с.-х. кооперации в организации сбыта продовольственных продуктов. С.-х. кооперация заготовила в 1926—27 г. свыше 30% всей товарной массы хлеба; участие ее в производстве и сбыте масла достигает 90%, в переработке и сбыте картофеля — 45%, в яичнo-птичных операциях—около 25% и т. д. Указанные размеры кооперативного оборота свидетельствуют, что с.-х. кооперация стала крупнейшим фактором в народно-хозяйственной жизни страны.

Каково значение этих цифр с точки зрения развития *социалистического* строительства в деревне?

Для правильной оценки их с этой точки зрения необходимо, на ряду с выявлением социального состава с.-х. кооперации и классового направления ее работы, ответить на следующие основные вопросы:

1. Какое развитие получило плановое начало в деятельности с.-х. кооперации?

2. Происходит ли и в какой мере вовлечение растущего кооперативного оборота в русло государственного регулирования и социалистического строительства? Укрепляется ли связь с.-х. кооперации с государственным хозяйством?

3. Наметились ли уже в практической работе массовых форм с.-х. кооперации реальные пути перерастания ее снабженческо-сбытовых функций в производственное кооперирование крестьянства; каковы конкретные условия и формы перехода от кооперирования оборота к коллективизации крестьянского производства?

4. Какова роль с.-х. кооперации в деле рационализации и индустриализации сельского хозяйства?

В настоящей статье мы пытаемся подвести некоторые итоги кооперативного строительства, могущие дать ответ на поставленные вопросы.

Основные формы производственного кооперирования крестьянства.

Опыт кооперативного строительства выявил две главнейшие формы производственного кооперирования крестьянства:

1) Коллективные хозяйства (коммуны, артели и товарищества);

2) производственно-сбытовые системы с.-х. кооперации.

Несмотря на наблюдающийся в последние годы заметный под'ем коллективного движения, вызываемый ростом активности маломощных слоев деревни, с одной стороны, и развитием машинизации сельского хозяйства—с другой, коллективные хозяйства все еще представляют собой отдельные островки в огромном крестьянском море.

Массовый путь к коллективизации крестьянского производства лежит через организацию процессов обращения в сельском хозяйстве, через организацию сбыта, снабжения и кредита. Дальнейший темп развития и размах *коллективного* движения будет поэтому зависеть, главным образом, от темпа развития и перерастания *массовых* форм с.-х. кооперации в *производственную* кооперацию. За последнее время наблюдается значительный сдвиг в этом направлении. Этот сдвиг находит свое выражение в раз-

витии *производственно-сбытовых* систем с.-х. кооперации, ставших в настоящее время основными массовыми формами *производственного* кооперирования крестьянства.

Производственно-сбытовые системы с.-х. кооперации организованы в виде централизованных союзов (Хлебоцентр, Маслоцентр, Льноцентр и т. д.), об'единяющих *в государственном масштабе* соответствующие отрасли сельскохозяйственного производства. Каждый из этих союзов обслуживает *одну* определенную отрасль сельского хозяйства, об'единяя в качестве своих членов только те крестьянские хозяйства, которые непосредственно участвуют в обслуживаемой отрасли сельскохозяйственного производства: Хлебоцентр об'единяет производителей зерна, Маслоцентр—молочные хозяйства, Табаководный Центр—табаководов и т. д.

В этой особенности организационного строительства производственно-сбытовых систем *(однородность производственных интересов членов, специализация аппарата и т. .д)* заключается одна из существенных причин их успешного развития и массового охвата ими крестьянского населения и крестьянского оборота.

Выше мы привели цифры, характеризующие охват производственно-сбытовыми системами сельско-хозяйственного рынка. Не менее значительны их достижения в деле охвата крестьянского населения. Некоторые из них, как, например, табаководная кооперация, свеклосевная кооперация охватили до 80—85% всех производителей этих культур. Система Маслоцентра об'единяет в основных молочных районах от 65—90% молочных хозяйств. Союзкартофель об'единяет в главных районах своей деятельности свыше 50% производителей картофеля и т. д.

Социальный состав и социальное содержание работы производственно-сбытовых систем.

Уже одни эти цифры показывают, что производственно-сбытовые системы с.-х. кооперации представляют собой в основном движение середняцких и бедняцких масс деревни. Это положение подтверждается результатами многочисленных обследований социального состава и содержания работы производственно-сбытовых систем. Приведем некоторые цифры, характеризующие социальный состав молочной кооперации.

Группы	Сибирь		Урал		Европейская часть	
	1925 г.	1926 г.	1925 г.	1926 г.	1925 г.	1926 г.
Без коров	1,0	0,8	0,7	—	2,9	2,5
С 1 коровой	32,4	33,5	28,5	19,4	38,8	48,1
» 2—3 коровами	52,7	49,2	56,5	60,0	53,2	46,7
» 4 и более	13,9	16,5	14,3	20,6	5,1	2,7
Итого	100	100	100	100	100	100

В апреле 1926 года Маслоцентром было произведено специальное обследование, охватившее 197 артелей Сибмаслосоюза,

об'единяющих 48.597 хозяйств в целях выяснения степени *хозяйственного* участия отдельных социальных групп в молочных артелях.

Результаты этого обследования представляются в следующем виде:

	Без коров	С 1 коров.	С 2 коров.	С 3 коров.	С 4 коров.	С 5 коров.	С 6 коров.
Членов артелей в %%	1,4	33,3	37,4	16,2	6,6	2,9	2,2
Занос ими молока в %%	—	17,1	34,2	21,4	12,4	6,1	8,8
Коэффициент участия (отношение хозяйств. участия к организационному участию)	—	0,5	0,9	1,3	1,9	2,1	4,0

Из этой таблицы видно, что однокоровные и 2-коровные хозяйства составляют 70,7% всех членов молочной кооперации.

Участие этих групп в заносе молока равно 51,3% от общего количества. Участие 3-коровных хозяйств выражается соответственно в 16,2% и 21,4% (занос молока), многокоровных хозяйств (от 4 коров и выше)—11,7% и 27,3%.

Значительный интерес представляет следующая таблица, в которой дается сравнение социального состава членов (по коровности) в *дореволюционном* Сибирском Союзе молочных артелей с социальным составом современной молочной кооперации.

	Группы хозяйств			
	С 1 кор.	С 2—3 коровами	С 4 и более	Итого
Сибирский Союз маслодельн. артелей (1907 г.)	7,3	35,5	57,2	100,0
Сибсельмаслосоюз (1925 г.)	35,8	52,1	12,1	100,0

Эта таблица выявляет в резкой форме различие в социальной природе современной и дореволюционной с.-х. кооперации. В современной молочной кооперации насчитывалось в 1925 г. 35,8% однокоровных хозяйств вместо 7,3% в прошлом и, наоборот, 12,1% членов с 4 и больше коровами вместо 57,2% в дореволюционном Сибирском Союзе молочной кооперации.

На 1-е апреля 1926 года Маслоцентр произвел специальное обследование социального состава органов управления, охватившее 197 артелей, входящих в состав Сибмаслосоюза. Обследование это было произведено по 3-м основным признакам—по посевности, лошадности и коровности. Результаты этого обследования даны в нижеследующих таблицах:

	Распределение по посеву						
	Без посева	До 2 дес.	От 2—4 дес.	От 4—6 дес.	От 6—8 дес.	От 8—16 десятин	Свыше 16 десятин
Председатель правления . . .	7,2	12,3	23,9	26,7	10,8	17,9	1,2
Члены »	6,5	13,0	28,1	22,0	11,6	17,6	1,2
Председатель Ревкомиссии .	12,9	11,7	23,0	23,8	10,9	15,7	2,0
Итого . . .	8,3	12,5	25,8	23,6	11,2	17,2	1,4

	Распределение по лошадности				
	Безлошадн.	С 1 лош.	С 2 лош.	С 3 лош.	С 4 лош.
Пред. правления	9,1	29,2	33,6	15,8	12,3
Члены »	9,7	29,4	32,0	14,3	14,6
» Ревкомиссии	15,6	28,8	25,2	15,2	15,2
Итого . . .	11,0	29,2	30,7	14,9	14,2

	Распределение по коровности						
	Бескоровн.	С 1 коров.	С 2 коров.	С 3 коров.	С 4 коров.	С 5 коров.	С 6 и более коровами
Председатель правления . . .	0,8	12,7	33,9	20,7	14,7	7,6	9,6
Члены » . . .	2,0	16,3	30,9	21,8	13,7	5,0	10,3
» Ревкомиссии. .	3,6	16,1	36,1	17,3	11,2	6,4	9,3
Итого . . .	2,1	15,2	33,0	20,4	13,3	6,0	10,0

Данные Сибмаслосоюза по составу выборных органов маслодельных артелей в 1926/27 году в сравнении с 1925/26 годом по 1700 артелям таковы:

	Имеющих коров						
	1	2	3	Итого 1—3	4—6	7—9	10 и более
На 100 председателей маслоартелей приходится:							
1926 г.	13,6	25,1	17,9	56,6	30,4	9,8	2,2
1927 г.	16,6	27,7	18,5	62,8	26,2	6,9	2,0
На 100 членов правлений (с председателем):							
1926 г.	12,2	25,8	18,9	56,9	29,8	9,1	3,0
1927 г.	15,5	28,4	18,4	62,3	26,6	7,1	2,3
На 100 членов Ревкомиссий:							
1926 г.	13,7	27,4	18,7	59,8	27,6	7,2	2,7
1927 г.	16,7	28,2	17,6	62,5	24,5	5,3	2,2

Следующие данные характеризуют состав правления первичных молочных кооперативов по Северо-Западной области после отчетной перевыборной кампании 1926 года.

	По Северо-Западной Области						В том числе:	
	Бескоровн.	С 1 коров.	С 2 коров.	С 3 коров.	С 4 коров.	С 5 и более коровами	Парт.	Беспарт.
Старый состав правл. .	0,6	22,5	43,9	20,8	7,3	4,9	5,3	97,7
Новый » » . .	1,4	28,4	42,7	17,3	7,1	3,1	6,9	93,1

Как в системе Сибмаслосоюза, здесь заметно усиление представительства в правлениях бедняцких и середняцких групп. Необходимо однако отметить, что % участия этих групп в органах управления еще отстает от % их участия в составе членов молочной кооперации.

Система Льноцентра.

Произведенное Льноцентром обследование, охватившее около 10.000 кооперированных крестьянских хозяйств льноводных районов, рисует социальный состав членов льноводной кооперации в 1925—26 году в следующем виде:

	По признаку лошадности					
	Число хозяйст.	Число крестьянских хозяйств—членов т-в				
		Безлошадных	1-лош.	2-лош.	3-лош.	4-лош.
Кооперированные.	100	14,8	69,2	15,0	0,9	0,1
Все с.-х. население .	100	18,9	69,8	10,5	0,7	0,1

	Число хозяйств	По признаку коровности: Число крестьянских хозяйств, имеющих коров на одно хозяйство в процентах				
		Бескоровных	1-кор.	2-кор.	3-кор.	4-кор.
Кооперированные. .	100	7,6	53,3	29,1	7,9	2,1
Все с.-х. население .	100	8,9	56,3	28,3	5,2	1,3

В 1926—27 году было произведено более детальное *повторное* обследование этого района, охватившее по 4 союзам и 12 товариществам 4789 кооперированных крестьянских хозяйств. Это обследование полностью подтверждает середняцко-бедняцкий характер льноводной кооперации. Вот результаты этого обследования:

	до 2 дес.	от 2—6 дес.	от 6 и выше	
Число хоз. в проц. . . .	21,4	72,3	6,3	100

21,5 кооперированных хозяйств с посевом до 2-х десятин имеют

посева	лошадей	коров	валового дохода
9,8	15,8	15,7	12,9

Вся эта группа хозяйств может быть отнесена к бедноте. 72,3 хозяйств с посевом от 2—6 десятин имеют:

посева	лошадей	коров	валового дохода
75,7	74,3	75,1	76,5

Середняцкий характер этой группы подтверждается таким образом всеми показателями.

6,3 хозяйств с посевом свыше 6 десятин (зажиточные хозяйства) имеют:

посева	лошадей	коров	валового дохода
14,5	9,9	9,2	10,6

Среди членов кооператива число нанимающих рабочую силу составляет 17,5%. Не все они могут быть отнесены, однако, к группе нетрудовых хозяйств. Число арендующих пашню составляет 3,3%, имеющие собственные торговые заведения—1,6%.

Участие отдельных групп в хозяйственной работе льноводной кооперации характеризуется следующими цифрами: бедняцко-середняцкая группа реализует через кооперацию 78,1% от всей реализуемой ею продукции; середняцкая группа—66,5%; зажиточная группа—55,8%.

В общих оборотах льноводной кооперации главное место занимает, однако, середняцкая группа (76,39% кооперативного сбыта), затем идет беднота—18,1%; на последнем месте стоит зажиточная группа—8,9%. Это показывает, что льноводство развито, преимущественно, в середняцко-бедняцких хозяйствах.

Социальный состав картофельной кооперации.

Социальный состав членов картофельной кооперации характеризуется по посевности, лошадности и коровности следующими таблицами:

По посевности (на 1/IV—26 г.).

	Без посева	С 1 дес.	С 1—2 десят.	С 2—3 десят.	С 3 и больше	Всего
% хозяйств	1,8	42,7	46,7	7,3	1,5	100

Из этой таблицы видно, что хозяйства с посевом до 2 десятин составляют 91,2% всех хозяйств, группа хозяйств свыше 3 десятин—1,5%. Группировка по коровности показывает, что бескоровные и однокоровные хозяйства составляют у членов картофельной кооперации 68,56%; хозяйства с 3 коровами и выше составляют ничтожный процент—1,92%.

Группировка по коровности на 1/V—26 г. по 4 товариществам.

	бескоровн.	с 1 коров.	с 2 коров	с 3 и больше	всего
% хозяйств	8,0	60,56	29,52	1,92	100

Бедняцко-середняцкий характер картофельной кооперации полностью подтверждается также группировкой по лошадности.

Группировка по лошадности (на 1/IV—26 г.).

	безлошад.	с 1 лош.	с 2 лош.	с 3 и больше	всего
% хозяйств . .	32,36	65,77	1,77	0,10	100

То же самое подтверждается произведенным Союзкартофелем бюджетным обследованием кооперированных хозяйств.

Распределение хозяйств по валовому доходу (по 3 товариществам, обследованным Союзкартофелем).

	до 200 р.	до 400 р.	свыше 400 р.	всего.
% хозяйств	72,3	27,3	0,4	100

Больше 70% кооперированных хозяйств имеют в год доходу меньше 200 рублей.

Участие отдельных групп в *хозяйственной* деятельности кооперативов определяется ниже следующей таблицей.

В 1925—1926 году обследованные хозяйства поставили для переработки на заводах следующее количество картофеля по группам:

группы по посевам	поставка на заводы в % к валовому сбору
до 1 десятины . . .	43,4
от 1 до 2 дес. . . .	47,3
» 2 » 3 » . . .	18,5
свыше 3 » . . .	13,3
в среднем » . . .	20,6

Как и в льноводной кооперации *степень охвата хозяйств членов растет в картофельной кооперации от высших по посевности групп к низшим.* В этом же направлении растет и роль посевов картофеля в общей посевной площади.

Социальный состав органов управления картофельной кооперации полностью соответствует социальному составу ее членов.

Примерно то же положение рисуется и в свеклосевной кооперации. Соотношение групп хозяйств по посевности (по данным 20 свекловичных организаций в 1926 г. представляется в следующем виде:

Группы по посевности	По данным анкетного обследования в 1926 г.		По данным подворного обследования 1924 г.[1]	
	Число хозяйств в группе	В % к итогу	Число хозяйств в группе	В % к итогу
С посевн. свеклы до 0,25 дес.	10.398	24,5	444	27,9
» 0,26—0,50	13.076	43,4	577	36,3
» 0,51—0,75	6.931	13,9	293	18,4
» 0,76—1,0	4.670	11,4	151	9,5
Свыше 1 дес.	2.696	6,8	126	7,9
Всего . . .	42.771	100,0	1.591	100,0

Сравнение данных по хлопководной кооперации за 1925—26 год и 1926—27 год показывает передвижку, в сторону увеличения числа маломощных хозяйств, что видно из следующей таблицы:

Группы по посевности	1925—26 года		1926—27 года	
	Число членов	В % к итогу	Число членов	% к итогу
С посев. до 1 дес.	287.850	59,6	466 018	71,8
» » от 1—2 дес.	131.850	27,3	140.195	21,6
» » » 2—3 »	40.087	8,3	29.856	4,6
Свыше 3 дес.	23.183	4,8	12.981	2,0
Итого . . .	482.970	100,0	649.050	100,0

Все приведенные выше данные говорят о том, что основная масса членов производственно-сбытовых систем с.-х. кооперации принадлежит к бедняцко-середняцким слоям деревни. Процент зажиточных хозяйств среди членов с.-х. кооперации очень не велик.

Иные результаты получаются, однако, если проанализировать *степень кооперирования* различных слоев крестьянства. Те же обследования показывают, что, как общее правило, степень

[1]) Ю. В. Вильдо, С. Г. Ужанский и Ф. А. Цилько «Крестьянское и крупнозаводское с.-х. о-во в связи с проблемой свеклосеяния».

кооперирования каждой социальной группы *тем выше, чем она зажиточнее:* кооперированность зажиточной группы *выше* кооперированности середняцкой группы, кооперированность середняцких слоев *выше* кооперированности деревенской бедноты. Это можно видеть из следующих таблиц, рисующих соотношение различных имущественных групп в картофельной кооперации по сравнению с их соотношением среди всего населения.

Группы	Все крест. хоз. района % хозяйств	Члены товариществ		
		% хоз.	% кооперирован.	Коэффиц. участ.
По посевам				
До 1 десятины	42,70	29,80	31,71	0,7
От 1—2 »	38,69	47,50	52,23	1,1
» 2—3 »	14,62	19,50	63,67	1,3
» 3—4 »	3,10	5,10	75,80	1,6
» 4—5 »	0,70	0,90	57,14	1,3
Свыше 5 »	0,19	0,20	50,00	1,0
Итого . . .	100,00	100,00	100,00	100,00

Группы	Все крест. хоз. района % хозяйств	Члены товариществ		
		% хоз.	% кооперирован.	Коэффиц. участия
По лошадности				
Безлошадн.	42,90	35,50	35,36	0,7
1-лошадн.	56,65	65,70	52,52	1,1
2-лошадн.	0,41	0,75	71,42	1,8
3-лошадн.	0,04	0,05	80,00	1,2
Итого . . .	100,00	100,00	65,00	

Это относится и к льноводной кооперации (см. приведенные выше таблицы) так же, как и ко всем другим производственно-сбытовым системам с.-х. кооперации.

Этот факт заслуживает самого серьезного внимания, поскольку он указывает, что в деле вовлечения и обслуживания кооперацией маломощных слоев деревни далеко не все еще сделано.

Необходимо, однако, иметь в виду, что более низкий процент участия в кооперации маломощных хозяйств вызывается двумя совершенно *различными* причинами: 1) более слабым вовлечением маломощных слоев населения в с.-х. кооперацию в связи со слабым развитием товарности этих хозяйств, недостаточной активностью маломощных слоев и т. д. и 2) поднятием маломощных хозяйств и их передвижкой в более зажиточные группы уже

внутри с.-х. кооперации под непосредственным влиянием последней. Особенно заметное влияние оказывает в этом отношении то обстоятельство, что с.-хоз. кредит направляется в деревню исключительно по линии с.-хоз. кредитной кооперации и распределяется за редкими исключениями только среди кооперированного населения.

Вторая причина указывает на то, что % маломощных хозяйств в с.-х. кооперации *нормально* должна быть *меньше*, чем среди некооперированного населения.

Рамки настоящей статьи не позволяют нам подробнее остановиться на вопросе о социальном составе и содержании работы с.-х. кооперации. Однако и приведенные данные позволяют установить с достаточной ясностью, что по социальному составу, социальному содержанию работы и по социальному составу органов управления, производственно-сбытовые системы с.-х. кооперации представляют собой в основном движение середняцко-бедняцких масс деревни.

Как бы ни были еще значительны отдельные недостатки, ошибки и извращения в этой области, движение в целом развивается по правильному классовому пути, по пути укрепления блока бедняка и средняка против капиталистической верхушки деревни.

Организация сельско-хоз. оборота.

Исходной задачей производственно-сбытовых систем является сбыт крестьянской продукции на центральных рынках (внешнем и внутреннем). Этим об'ясняется централизованная форма их организации. Удельный вес их в с.-х. обороте непрерывно растет, развиваясь за счет вытеснения частного капитала и постепенной замены государственной торговли. Ход развития производственно-сбытовых систем свидетельствует о неизбежности полного охвата ими в сравнительно близком будущем всего с.-х. оборота страны. *Мы приближаемся уже сейчас к фактической монополии с.-х. кооперации в ряде областей сельского хозяйства.*

На ряду с количественным ростом кооперативного оборота растет его *организованность и плановость*. Это находит свое выражение в усилении связи между отдельными звеньями системы, в централизации кооперативного оборота и растущей роли кооперативных центров в руководстве хозяйственной деятельностью периферии. *Решающее значение в этом отношении приобретает государственное регулирование рынка.*

Государственное регулирование распространяется в настоящее время на все важнейшие стороны хозяйственной деятельности с.-х. кооперации. *Заготовительные и сбытовые цены, условия заготовки и реализации крестьянской продукции, направление товарных масс, внешняя торговля, взаимоотношения с потребителями, размеры торговых и накладных расходов, размер капиталонакопления в кооперативной системе и т. д.*—все эти моменты хозяйственной деятельности с.-х. кооперации подчинены в настоящее время государственному контролю и регулированию. Последнее имеет своей задачей увязать в деятельности кооперативных организаций частно-хозяйственные интересы индивидуальных крестьянских хозяйств *с общими интересами народного хозяйства, с задачами социалистического строительства.*

Одновременно с ростом кооперативного оборота меняется характер с.-х. кооперации: она теряет рыночные формы оборота и в значительной мере свою *частно-хозяйственную природу.*

От «свободной» торговли крестьянской продукцией с.-х. кооперация переходит к плановому обороту, регулируемому государством в соответствии с общим планом развития народного хозяйства. Это относится в настоящее время ко всем без исключения видам с.-х. кооперации. Система Хлебоцентра заготовляет и реализует хлеб по ценам, устанавливаемым государственными регулирующими органами; она строит свою сбытовую работу в строгом соответствии с государственным планом снабжения населения, государственным планом экспорта и т. д. То же самое следует сказать о системе Льноцентра, Маслоцентра и др.—все они заготовляют и реализуют крестьянскую продукцию по ценам и на условиях, устанавливаемых государством, по утверждаемым государством планам и т. д. Опыт показывает, что регулирование с.-х. кооперации протекает не менее успешно, чем регулирование государственной торговли и потребительской кооперации.

Плановость кооперативного оборота определяется теснейшей связью с.-х. кооперации с государственным хозяйством и системой планового хозяйства в целом. Влияние последнего сказывается с огромной силой во всех областях деятельности с.-х. кооперации, в области—снабжения, сбыта, кредита. В области производственного снабжения, деятельность с.-х. кооперации целиком определяется государственным планом производства, импорта и сбыта орудий и средств с.-х. производства, с одной стороны, условиями и характером ее взаимоотношений с государственной промышленностью,—с другой. *Плановость кооперативного оборота непосредственно вытекает здесь из плановости государственной промышленности, государственной торговли, государственного кредита и. т. д.* То же самое имеет место по линии сбыта крестьянской продукции. С.-х. кооперация встречается здесь почти исключительно либо с плановой государственной промышленностью (сбыт с.-х. сырья), либо с организованным потребителем (сбыт продовольственных продуктов). По линии кредитных функций она находится в сильнейшей зависимости от государственного кредита.

Направление кредитной деятельности с.-х. кооперации непосредственно определяется плановым и целевым характером государственного кредитования.

Плановость кооперативного оборота вытекает, таким образом, из всего строя нашего хозяйства. *Организующая роль с.-х. кооперации дополняется и в основном определяется в современных условиях влиянием на нее всей системы планового хозяйства.* Через с.-х. кооперацию оказывают организованное воздействие на крестьянское хозяйство социалистическая промышленность, система государственного кредита, об'единенный потребитель и, наконец, государственные регулирующие и планирующие органы, непосредственно регулирующие кооперативный оборот на внешнем и внутреннем рынках.

Вовлечение с.-х. кооперации в русло планового хозяйства облегчается тем обстоятельством, что хозяйственная деятельность ее, связанная в первую очередь со сбытом крестьянской продукции, сосредотачивается в главной своей части в *центральных звеньях* кооперативной системы, которые гораздо легче поддаются

государственному регулированию, чем распыленная кооперативная периферия. Можно было бы сказать, что степень вовлечения кооперативного оборота в плановое русло непосредственно определяется степенью его централизации. По данным текущего года роль Хлебоцентра в общем хлебообороте с.-х. кооперации возросла с 38% до 78%, Льноцентра до 100%, Табаководсоюза с 47% до 97% и т. д.

Основным условием успешного регулирования с.-х. кооперации, является правильная увязка в деятельности кооперативных организаций частно-хозяйственных интересов индивидуальных крестьянских хозяйств с общими государственными интересами (Ленин), а также правильное сочетание государственного регулирования с кооперативной самодеятельностью трудовых масс крестьянства. Это далеко еще не всегда имеет место в практике регулирования с.-х. кооперации. Всем памятны, в частности, прошлогодние ошибки в области регулирования цен и то влияние, которое они оказали на развитие интенсивных отраслей сельского хозяйства (технические и специальные культуры, молочное животноводство, птицеводство) и на обслуживающие эти отрасли производственно-сбытовые системы. В значительной своей части, эти ошибки исправлены и изжиты в настоящее время; само собой разумеется однако, что несовершенство методов и об'ективные трудности государственного регулирования с.-х. кооперации еще долго будут давать себя чувствовать.

Но как бы ни были еще значительны трудности приспособления кооперации мелких товаропроизводителей к современным условиям планового хозяйства, задача эта оказалась вполне разрешимой. «Теперь мы нашли ту ступень соединения частного интереса, частного-торгового интереса, проверки и контроля его государством, степень его подчинения общим интересам, которая раньше составляла камень преткновения для многих и многих социалистов» (Ленин).

Кооперативный оборот постепенно становится нераздельной частью государственного планового хозяйства. Мы все лучше используем огромные преимущества планового хозяйства для ускорения темпа поднятия сельского хозяйства и его реорганизации на новой технической и общественной основе.

В государственном регулировании кооперативного оборота и его вовлечении в русло планового хозяйства, заключается одна из коренных особенностей с.-х. кооперации СССР, обеспечивающая на ряду с прочими условиями ее быстрый рост и развитие в социалистическом направлении.

С.-х. кооперация и социалистическая промышленность.

Плановость кооперативного оборота получила наибольшее развитие в сырьевых отраслях сельского хозяйства. Это об'ясняется массовым кооперированием производителя и, высокой организованностью потребителя продукции этих отраслей.

Национализация промышленности и ее синдицирование коренным образом изменили положение на рынке сельскохозяйственного сырья: исчез «свободный» рынок для сбыта продукции сырьевых отраслей и его место занял *монопольный плановый потребитель в лице об'единенной государственной промышленности.*

Государственные синдикаты и тресты являются в современных условиях основными, а в ряде отраслей единственными потребителями с.-х. сырья: Главхлопком—монопольный потребитель хлопка, Сахаротрест—монопольный потребитель рыночной массы свеклы, почти единственным потребителем льна на внутреннем рынке является Текстильсиндикат, Табачный синдикат — единственный и фактически монопольный потребитель табачного сырья. Роль неорганизованных заготовителей совершенно ничтожна.

Организованность и плановость потребителя, с одной стороны, и массовое кооперирование производителей сырья—с другой, сделали возможным и неизбежным переход в этих отраслях от стихийных рыночных отношений между производителем и потребителем к плановому обороту.

Снабжение государственной промышленности сельскохозяйственным сырьем, осуществляется в настоящее время в плановом порядке на основе генеральных договоров, заключаемых между об'единениями государственной промышленности с соответствующими центрами с.-х. кооперации.

Льноцентр имеет генеральный договор с Текстильным Синдикатом по снабжению промышленности льном; свеклосевная кооперация снабжает сахарную промышленность по генеральному договору с Сахаротрестом; Табаководный центр имеет генеральный договор с табачной промышленностью и т. д. Эти договоры, заключаемые под контролем государственных регулирующих органов, устанавливают на весь хозяйственный год порядок и условия снабжения промышленности сырьем: цены, качество продукции, условия и сроки доставки сырья и т. д.

Таков первый этап в организации сырьевых отраслей сельского хозяйства, характеризуемый переходом от стихийных рыночных отношений между производителем и потребителем к плановому снабжению государственной промышленности через кооперативную систему.

Организация крестьянского оборота создает, в свою очередь, необходимые предпосылки для постепенного вовлечения в плановое русло *процессов крестьянского производства*. Изживание стихийных рыночных отношений в области сбыта крестьянской продукции делает неизбежным переход в сырьевых отраслях, от *стихийного* производства на *рынок к плановому* производству *по заказу* организованного потребителя.

Основной формой вовлечения крестьянского производства в плановое русло является *контрактация* посевов, широко применяемая в настоящее время по линии хлопководства, свеклосеяния и других технических культур.

Наглядным примером последовательного вовлечения крестьянского производства и оборота в русло планового хозяйства, может служить свеклосевная кооперация. Как мы уже отметили выше, Сахаротрест является в современных условиях монопольным плановым потребителем рыночной массы свеклы. В свою очередь, свеклосевная кооперация об'единяет около 85—90% свеклосевов и приблизительно такую же часть крестьянской продукции. Этим определяется возможность постепенного перехода в этой отрасли крестьянского хозяйства к плановому производству и организованному снабжению государственной промышленности. *Производство свеклы целиком базируется в настоящее время на контрактации посевов.*

Ежегодно за несколько месяцев до посева, Сахаротрест дает центральному кооперативному об'единению свеклосевов заказ на производство и доставку необходимой для сахарных заводов свеклы.

Основные условия заказа (условия производства и сбыта, цены, порядок расчета и т. д.) определяются генеральным соглашением между Сахаротрестом и Центральным Об'единением Свеклосевов.

На основе этого соглашения, утверждаемого правительством, сахарные заводы заключают дополнительные локальные договоры с местными об'единениями свеклосевов. Соглашение между Сахаротрестом и об'единением свеклосевов *регулирует все основные процессы производства свеклы*. Им предусматривается определенный ряд обязательств со стороны производителя *по рационализации производства и улучшению качества продукции*.

Согласно недавно утвержденного ЭКОСО генерального соглашения между Сахаротрестом и свеклосевной кооперацией, кооперированный производитель свеклы обязан *засеять свой участок улучшенными семенами, специально получаемыми с этой целью от Сахаротреста, вложить в землю определенное количество минеральных удобрений, производить посев только сеялками и т. д.*

С этой целью Сахаротрест снабжает производителя через свеклосевную кооперацию улучшенным семенным материалом, минеральными удобрениями, машинами для производства и т. д., а также необходимыми денежными средствами (авансы). Издержки по этому снабжению вычитаются из цены свеклы.

Задачей свеклосевной кооперации является *об'единение населения и организация производства и сбыта крестьянской свеклы*. Она организует производителей свеклы, распределяет *за своей ответственностью* между членами свеклосевных об'единений полученные от Сахаротреста средства производства (денежные авансы, семена, орудия производства), снабжает их другими необходимыми материалами, организует агрономическую помощь и контроль над посевами, об'единяет производителей для совместного производства, в частности для коллективного пользования сеялками и другими машинами—короче, руководит всеми процессами производства, уборки и доставки свеклы на заводы. *Организация сбыта, снабжения и кредита неразрывно связана в деятельности свеклосевной кооперации с организацией крестьянского производства с его реконструкцией на новой технической основе.*

На примере свеклосевной кооперации отчетливо выявляются практические пути и конкретные условия перерастания *массовых* форм с.-х. кооперации в *производственную* кооперацию. Начальная стадия производственного кооперирования крестьянства производственно-сбытовыми системами, характеризуется постепенным вовлечением с.-х. производства *в государственное плановое русло*. Последнее находит свое выражение, переходе кооперированного мелкого товаропроизводителя, от стихийного производства на рынок к плановому производству по заказу кооперативных об'единений (контрактация посевов).

Необходимой предпосылкой для перехода к организованному производству, является изживание в крестьянском обороте элементов рыночной стихии путем кооперирования оборота и его вовлечения в плановое русло.

На примере свеклосевной кооперации мы видим, как в результате организации *производителя и потребителя* (гос. промышленность) стихия мелкого производства и обмена распыленных крестьянских хозяйств, начинает уступать место *в целых отраслях* сельского хозяйства *плановому производству и обороту* на основе более высокой техники (применение улучшенных семян, минеральных удобрений, применение машин и т. д.) *и постепенной коллективизации труда* на основе коллективного пользования машинами.

Свеклосевная кооперация—это «*своеобразная форма домашней системы крупного государственно-социалистического производства» (Сталин), каждый участник которой работает по единому государственному плану, на государственной земле, для государственной промышленности, сдавая всю свою продукцию государству, по установленным государством ценам и т. д.* Внешне сохраняя еще свою самостоятельность, мелкий товаропроизводитель на деле превращается здесь, в результате кооперирования, в работника «на дому» государственной промышленности.

Внедрение крупных машин в организацию крестьянского производства, будет постепенно превращать эту домашнюю систему крупного хозяйства в систему крупного обобществленного хозяйства. В каждом свеклосевном об'единении можно уже сейчас встретить в более или менее развитой форме элементы коллективизации крестьянского производства и труда, на основе коллективного пользования крупными машинами (в результате обязательного применения сеялок и др. крупных машин).

Не подлежит сомнению, что массовое колхозное строительство будет вырастать из недр производственно-сбытовых систем с.-х. кооперации.

Все вышесказанное отнюдь не характерно только для свеклосевной кооперации. Это относится и к хлопководческой кооперации и к другим сырьевым отраслям с.-х. кооперации. Каждая из них представляет в более или менее развитой форме «домашнюю систему крупного государственно-социалистического производства». Некоторые из производственно-сбытовых систем (Союзкартофель, Маслоцентр и др.) развивают значительную деятельность по линии механизации и индустриализации крестьянского производства (применение крупных машин, тракторизация, организация кооперативных маслодельных заводов, картофеле-терочных заводов, паточных заводов и т. д.), намечая таким образом пути постепенного перехода от «домашней системы крупного хозяйства» к обобществлению крестьянского производства.

В сырьевых отраслях с.-х. кооперации начинают отчетливо обрисовываться очертания новых форм социалистического земледелия: плановость оборота, плановое производство, его техническая реконструкция под руководством социалистической промышленности и т. д. Вряд ли нужно подчеркивать, что мы находимся еще в самом начале этого движения и что на этом пути перед нами еще стоят величайшие неразрешенные задачи. Но уже отчетливо выявились *практические пути* и *конкретные формы* этого движения (а не только общая линия). Вряд ли будет преувеличением сказать, что уже на современной стадии развития с.-х. кооперации, крестьянские хозяйства заметно начинают терять в ряде отраслей сельского хозяйства основные черты мелкого товаропроизводителя: свою распыленность, хозяйственную само-

стоятельность, стихийность производства и обмена, в известной мере свою техническую отсталость, последовательно врастая в общую систему государственного планового хозяйства. Попутно следует отметить, что последовательное вовлечение крестьянского оборота и производства в плановое русло, значительно облегчает регулирование процесса классового расслоения деревни. Как показывает опыт производственно-сбытовых систем, *производственная* помощь беднядким хозяйствам приобретает при контрактации посевов вполне организованный и планомерный характер (в связи с авансированием производителя, снабжением его семенным материалом, минеральными удобрениями, орудиями производства и т. д.).

При организованности и плановости потребителя возможность и степень вовлечения сырьевых отраслей в русло планового хозяйства зависит, в первую очередь, от степени организованности производителей, т.-е. от развития с.-х. кооперации. Больше и нагляднее, чем где бы то ни было, здесь каждый шаг вперед по пути кооперативного развития непосредственно совпадает со строительством социализма.

На примере свеклосевной кооперации мы видели, как велика роль социалистической промышленности в деле переустройства сельского хозяйства и какое громадное значение приобретает в современных условиях, вопрос о взаимоотношениях и формах связи с.-х. кооперации с промышленностью. С этой точки зрения, необходимо особенно подчеркнуть положительную роль дифференциации с.-х. кооперации. Специализация с.-х. кооперации даст возможность установить непосредственную связь между каждой отраслью государственной промышленности и ее сырьевой базой. Организованный в кооперации производитель льна связывается через Льноцентр с текстильной промышленностью, табаководный центр непосредственно связывается с табачной промышленностью; об'единения свеклосевов с Сахаротрестом и т. д. Дифференциация с.-х. кооперации обеспечивает, таким образом, каждой отрасли промышленности возможность непосредственного влияния на организацию ее сырьевой базы. С другой стороны, она обеспечивает и наиболее полное представительство интересов и нужд производителя в его взаимоотношениях с госпромышленностью, что особенно существенно в условиях планового хозяйства. Без дифференциации с.-х. кооперации, вовлечение сельского хозяйства в плановое русло представляло бы несомненно чрезвычайные трудности. Необходимо все же отметит, что существующие взаимоотношения между государственной промышленностью и с.-х. кооперацией не могут быть признаны еще вполне удовлетворительными, а в некоторых отраслях даже нормальными (хлопок, табак).

Процесс дифференциации с.-х. кооперации и ее расчленения на специальные производственно-сбытовые системы, однако, далеко еще не закончен. Процесс этот едва только завершается в центре и лишь постепенно распространяется на кооперативную периферию.

Всего насчитывается в настоящее время 15 производственно-сбытовых центров с.-х. кооперации: Хлебоцентр, Маслоцентр, Союзкартофель, Птицеводсоюз, Животноводство, Пчеловодсоюз, Льноцентр, Центрсвеклосевной кооперации, Хлопководческий центр, Центр семеноводческой кооперации (последние 3 находятся еще в стадии оформления). Помимо этих производственно-сбытовых центров существует специальный центр производственного снабжения (Сельскосоюз), специальный центр коллективного земледелия и 2 вспомогательных центра—Книгосоюз (для культурно-просветительной работы) и Коопстрахсоюз (центр кооперативного страхования).

Все эти ветви с.-х. кооперации, а также и все те, которые не успели еще оформиться в самостоятельные системы (с.-х. кредитная кооперация, мелиоративная кооперация и т. д.) об'единяются в центре Союзом Союзов.

Только некоторые из производственно-сбытовых систем успели закончить свое организационное строительство сверху до низу (Маслоцентр, Табаководный центр и др.).

От организации оборота, производственно-сбытовые системы с.-х. кооперации последовательно переходят к организации сельскохозяйственного производства и его переустройству на новых началах социалистического земледелия.

Перерастание преимущественно сбытовых вначале систем с.-х. кооперации в производственно-сбытовые системы находит свое выражение, в первую очередь, в постепенном переходе *от заготовок готовой продукции к контрактации посевов.* Контрактация посевов, является наиболее простым и вместе с тем самым действительным способом вовлечения крестьянского производства в русло планового хозяйства. Ее основной смысл заключается, как уже отмечено выше, в переходе мелкого товаропроизводителя от стихийного производства на рынок к плановому производству по заказам кооперативного центра (или организованного потребителя). В результате соединенных усилий правительства и с.-х. кооперации, метод контракции получил в последнее время применение во всех полеводческих отраслях сельского хозяйства. На контрактации посевов *целиком* базируются в настоящее время производства ряда важнейших культур, как, например, хлопок, свекла. Контрактация посевов очень широко применяется также в производстве табаков и других более второстепенных культур: кенаф, лекарственные травы и пр. В этом году контрактация впервые была применена (и с большим успехом) для организации посевов льна, подсолнуха и других культур. Она получает в последнее время заметное развитие в области зерновых культур, главным образом, по линии семеноводства. Есть основания думать, что в ближайшие годы метод контракции найдет частичное применение и в животноводческих отраслях.

Постепенным внедрением государственного планового начала в с.-х. производство и с.-х. оборот, разрешается *основная и самая трудная задача социалистического переустройства сельского хозяйства.*

Последующая задача социалистического строительства, заключается в постепенном переходе от «домашней системы» крупного хозяйства к концентрации крестьянского производства на основе его механизации и коллективизации.

Контрактация посевов, связанная с подчинением крестьянского производства плановому руководству кооперативных центров, облегчает разрешение этой задачи, открывая широкий путь для организованного внедрения в крестьянские хозяйства новых технических и трудовых навыков.

Как мы видели, генеральное соглашение Сахаротреста со свеклосеевной кооперацией, предусматривает *обязательное применение улучшенных семян, минеральных удобрений, крупных машин*. То же самое имеет место во всех других случаях перехода от стихийного производства к контрактации посевов. Центральными задачами кооперативного строительства становятся в этих условиях рационализация и механизация крестьянского хозяйства и его техническая реконструкция.

Под'ем сельского хозяйства, укрепление с.-х. кооперации и развитие индустриализации страны, обеспечивают необходимые условия для успешного разрешения этой задачи.

Само собой разумеется, что задача создания технической базы крупного с.-х. производства, может быть разрешена с.-х. кооперацией только при содействии всего государственного хозяйства, в первую очередь, социалистической промышленности. Мы видели какую огромную роль играет государственная промышленность в деле вовлечения крестьянского производства в плановое русло. Однако, промышленность оказывала до сих пор влияние на развитие сельского хозяйства почти исключительно в качестве *потребителя* крестьянской продукции. Неизмеримо слабее ее влияние по линии производственного снабжения деревни.

Развитие и углубление связи между с.-х. кооперацией и госпромышленностью в этой области значительно ускорит процесс производственного кооперирования крестьянства.

Продовольственные отрасли с.-хоз. кооперации и пути развития.

В отличие от сырьевых отраслей, где национализация и синдицирование промышленности почти полностью уничтожили свободный рынок для сбыта крестьянской продукции, в *продовольственных* отраслях сохранилась еще в значительной мере распыленность потребителя и производителя. Стихия рынка здесь только постепенно ограничивается государственным регулированием. Производственное кооперирование этих отраслей неизбежно будет итти поэтому более медленным темпом. Однако, тенденции развития и условия перехода в этих отраслях от стихии мелкого производства и обмена к плановому хозяйству в общем те же, что и в сырьевых отраслях.

Отчетливо начинают вырисовываться в частности условия и перспективы производственного кооперирования зерновых культур. Намечающийся постепенный переход от заготовки готовой продукции к контрактации посевов, т.-е. к плановому производству, создает необходимые условия для успешного производственного кооперирования крестьянства и в этой важнейшей, наименее еще организованной отрасли сельского хозяйства.

Значительный интерес представляет в этом отношении успешный опыт организации кооперативных товариществ по производству высокосортных семян. Число этих товариществ быстро растет. В некоторых районах, как, например, в Шатиловском районе (Орловской губернии), в такие товарищества об'единяются целые деревни.

Применяемые в этой области методы организации крестьянского производства не отличаются от обычных методов контрактации посевов.

Задачей семеноводческих товариществ является массовая репродукция получаемых от органов Наркомзема высокосортных семян. Семенной материал выдается членам т-в в ссуду до нового урожая. При этом производителю гарантируется приемка всего произведенного им зерна по заранее установленной, повышенной в сравнении с обычными культурами, расценке.

Как и в сырьевых отраслях, переход к организованному производству по заказу и под руководством кооперативного центра, неразрывно связан здесь с рационализацией и постепенной механизацией производственных процессов: с внедрением высокосортных семян, минеральных удобрений, крупных машин и т. д. Сеялка и трактор становятся в этих товариществах все более частым явлением, создавая условия для постепенного превращения их в простейшие формы коллективных хозяйств.

Число семеноводческих товариществ достигает в настоящее время около 1.500 с посевом высокосортных семян до 400 тысяч десятин (в указанное количество входят также и колхозы, занимающиеся производством семматериала). Товарная продукция чистосортных семян (по предварительным сведениям) ожидается в этом году около 15—16 миллионов пудов.

Все позволяет думать, что эти формы организации выйдут в ближайшем будущем из узких рамок *семеноводческой* кооперации, становясь постепенно основной формой организации *хлебной* кооперации.

Массовый переход к организованному производству зерновых культур не вытекает еще из условий монопольного рынка, как это имеет место в сырьевых отраслях. В предстоящем году с.-х. кооперация охватит только около 35% хлебооборота страны. Однако, уже современные размеры кооперативного хлебооборота и степень его организованности допускают в широких пределах возможность планомерного воздействия с.-х. кооперации на организацию крестьянского производства. Возможности в этой области могут быть значительно увеличены при правильном сочетании кооперативных мероприятий с государственным регулированием хлебооборота, в первую очередь, по линии регулирования цен. Последнее является, как показывает опыт, самым мощным орудием планирования крестьянского производства.

Достаточно привести один пример: неправильное регулирование цен в 1924—25 году вызвало резкое сокращение в последующем году посевов подсолнуха, повлекшее за собой значительную недогрузку жировой промышленности.

Установление правильного соотношения цен в настоящем году, соединенное с контрактацией через с.-х. кооперацию посевов подсолнуха, позволило полностью восстановить положение, доведя размеры посевной площади под подсолнухом до желательного уровня.

Контрактация посевов, соединенная с соответствующей постановкой снабженческой деятельности (снабжение улучшенными семенами, минеральными удобрениями и т. д.) с соответствующим регулированием цен, целевым кредитованием производителя и т. д.—коренным образом перестроит в более или менее близком будущем систему хлебной кооперации, переведя ее на правильные производственные рельсы.

Опыт семеноводческой кооперации и также опыт контрактации, проведенный Хлебоцентром в этом году, доказывают пол-

ную возможность и целесообразность этого перехода, как с организационной, так и с хозяйственно-финансовой стороны. С.-х. кооперации *выгодно* переходить по примеру сырьевых отраслей от заготовки продуктов стихийного крестьянского производства к плановому производству и сбыту высокосортных продуктов. С другой стороны, современное состояние с.-х. кооперации и фактически монопольная организация хлебного рынка, обеспечивают необходимые для этого организационные предпосылки.

Выводы.

Резюмируя все сказанное, мы должны признать, что опыт кооперативного строительства выявил уже с достаточной отчетливостью основные условия и *конкретные* формы производственного кооперирования крестьянства. Массовый путь к организации крестьянского производства лежит через организацию крестьянского оборота. Основными формами производственного кооперирования крестьянства, являются производственно-сбытовые системы с.-х. кооперации, об'единяющие и организующие *в государственном масштабе* под государственным руководством целые отрасли с.-х. производства.

Современный этап развития с.-х. кооперации, характеризуется широким охватом производственно-сбытовыми системами крестьянского оборота и последовательным вовлечением его в русло государственного регулирования и планового хозяйства.

В ряде отраслей сельского хозяйства, производственно-сбытовые системы вплотную подошли также к массовому вовлечению в русло планового хозяйства процессов крестьянского производства и их последовательной реконструкции на новой технической основе. Решающее значение имеет в этом отношении развитие и углубление практики контрактации посевов.

По мере вовлечения крестьянского оборота и производства в русло планового хозяйства, создаются главнейшие предпосылки для последовательного переустройства сельского хозяйства на социалистических началах.

В ряде отраслей сельского хозяйства производственно-сбытовые системы начинают заметно превращаться в «своеобразную форму домашней системы крупного государственно-социалистического производства». С наибольшей отчетливостью этот процесс выявился в сырьевых отраслях сельского хозяйства, где организация производителя облегчается в огромной мере высокой организованностью потребителя (социалистическая промышленность) и фактическим уничтожением в этих отраслях «свободного» рынка.

Новые формы социалистического земледелия начинают постепенно проникать и в продовольственные отрасли сельского хозяйства.

Дальнейшее развертывание социалистического строительства в деревне целиком упирается в проблему технической реконструкции крестьянского производства, в проблему его механизации и индустриализации.

Эти вопросы, неразрывно связанные с вопросами колхозного строительства, должны быть поставлены в настоящее время в центре внимания всей кооперативной работы.

Б. Маркус.

Вопросы охраны труда в платформе „пятнадцати".

Открывая свой артиллерийский огонь по партии, группа Сапронова-Смирнова в противовес троцкистам решила наметить себе не только мишени «дальнего прицела». Она пытается пробить брешь поближе и в виде опыта ищет счастья на том, что она называет «цеховыми интересами рабочего класса».

Вооружившись бумагой, пером, гневом и несколькими вырезками из рабкоровских писем в «Труд», «группа 15» решила, что этого вполне достаточно для начала похода. Им не пришлось прихватить с собой такую «мелочь», как обоз цифр и фактов. Начав поход без этого обременяющего груза, оппозиционеры вынуждены были заменить их отсутствие трескучими фразами, рассчитанными не столько на убеждение, сколько на оглушение.

«*Улучшение положения рабочего класса приостановилось*»,— пишут творцы платформы «пятнадцати».—Это не обмолвка, Сапронов и К° пытаются подвести под этот тезис свой «базис» и преподносят нам букет следующих глубокомысленных «рассуждений»:

Прежде всего «группа 15» предлагает:

> «*отменить изменения, внесенные в последние годы в Кодекс Законов о Труде, ухудшающие положение рабочего* [1]), как-то: сокращение продолжительности отпусков на вредных работах, расширение сферы применения женского труда, сокращение брони подростков и т. п.».

Далее «трогается» вопрос о рабочем времени.

> «*Широко применяется, несмотря на безработицу, практика сверхурочных работ* [1]) НКТруда весьма редко отказывает в разрешении их».

В постановлениях партии, по их мнению, якобы

> «ни одного слова нет о сокращении широко применяющихся *сверхурочных работ, которые действительно могли бы ослабить безработицу*» [1]).

Их вывод отсюда:

> «Необходимо вести энергичную борьбу против обхода закона о нормальном рабочем дне, не допускать применения сверхурочных работ, кроме случаев крайней необходимости».

Под особую «защиту» сапроновцы берут временных рабочих. Здесь их обличающее перо неистощимо:

> «Широко применяется практика найма «временных рабочих». Эти временные рабочие, поставленные в худшие усло-

---

[1]) Курсив мой. *Б. М.*

вия труда сравнительно с постоянными в отношении условий увольнения и выплаты выходного пособия, на деле отличаются от них сплошь и рядом только тем, что по истечении предельного срока они рассчитываются на несколько дней, а затем вновь принимаются как временные. *Это злоупотребление в значичительной степени влечет за собой, так называемую, «текучесть» рабочей силы, вытеснение квалифицированных рабочих неквалифицированными и понижение заработной платы* [1]). Вместо борьбы с этими злоупотреблениями, ЦИК и СНК СССР увеличивают предельный срок найма временных рабочих с одного до двух месяцев, что создает еще более благоприятную почву для злоупотребления».

Сугубого внимания удостоились вопросы технической охраны труда:

> «хуже всего обстоит дело с техникой безопасности, благодаря чему число несчастных случаев на предприятиях беспрерывно растет»,

пишут они в одном месте. Через несколько страниц эта мысль продолжается:

> «*Другой вид режима экономии—это сокращение расходов на технику безопасности* [1]). При недостаточности средств на капитальные работы, расходы на технику безопасности сокращаются в первую очередь. «Число несчастных случаев на предприятиях растет. На московских заводах и фабриках, например, в 1925 г. зарегистрировано 2.775 случаев, а в 1926 г. уже 6.111 [2]). По данным ЦСУ в I квартале 1925 г. на 100.000 проработанных человеко-дней было 22 несчастных случая с потерей трудоспособности, во втором квартале—24, в третьем—29, в четвертом—33 и т. д. («Труд», 8/III—27 г.).

Достаточно вчитаться во все эти утверждения, чтобы понять, что здесь перед нами—развернутое наступление на всю политику по охране труда: и в области правовой охраны труда неблагополучно (сверхурочные широко применяются, отпуска сокращаются) и в области оздоровления условий труда—худо, в частности и техника безопасности обстоит совершенно из рук вон плохо: расходы сокращаются, а несчастные случаи катастрофически растут.

Оппозиционерам хочется внушить партии, что в СССР дело с охраной труда благодаря политике ЦК обстоит в высшей степени печально. Для вящщей убедительности, они пристегнули к концу раздела об охране труда, «обобщающий» тезис: «*Внутренний распорядок на фабрике все более приближается к довоенному*».

Однако, они «пужают», а нам не страшно. Не страшно потому, что они вписывают в свою платформу такие «истины», которые их же выдают с головой. Но не будем забегать вперед.

Начнем по порядку. От нас требуют отмены тех «изменений, ухудшающих положение рабочих», которые внесены в Кодекс Законов о Труде в последние годы в области продолжительности отпусков на вредных работах. Но где они эти «изменения»? Покажите нам, назовите вслух хоть одно изменение, внесенное не только в Кодекс Законов о Труде, но и в последующие постановления ЦИК, СНК, НКТруда, которое сокращало бы в последние годы (ну хотя бы за четыре года) отпуска на вредных работах. Мы этого не знаем. Ни в одном законодательном справочнике этого никто не найдет. *Наоборот, мы сможем в любую минуту назвать до пятнадцати—двадцати постановлений, дополняющих после 1923 года основные списки профессий, имеющих право на удлиненые отпуска на вредных работах.* Мы можем показать также, что не только на бумаге, но и *фактически на деле из года в год растет средняя продолжительность отпуска.* Чтобы убедиться в этом, надо потрудиться просмотреть следующую таблицу:

[1]) Курсив мой. *Б. М.*
[2]) Цифры эти ничуть не соответствуют действительности.

Таблица № 1.

Продолжительность очередных отпусков по производствам в промышленности СССР в 1923, 1924, 1925 и 1926 гг.

(Данные ЦСУ).

Название группы производств	Средняя продолжительность очередн. отпуска в рабоч. днях в:			
	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.
1	2	3	4	5
Добыв. и обработка камней, земель и глины	12,4	12,1	11,7	12,2
Горная и горнозаводская промышленность	7,9	11,4	13,8	12,1
Металлообрабатывающая промышлен.	12,3	13,6	14,5	16,1
Производство машин, инструментов и аппаратов	13,0	13,9	14,0	15,4
Обработка дерева	10,2	11,1	10,4	10,7
Химическая промышленность	15,8	14,8	15,1	16,4
Произв. пищевых продуктов, напитков и наркотиков	15,7	15,4	17,4	18,0
Обработка твердых материалов животн. происхожд.	20,1	16,7	21,6	22,3
Кожевенная и меховая промышленность	17,3	15,9	15,9	16,9
Обработка хлопка	14,0	12,3	12,3	13,2
» шерсти	13,9	13,3	13,9	14,0
» шелка	16.6	19,8	15,2	15,1
» льна	11.6	13,6	12.3	12,9
» пеньки и прочих волокнистых веществ растительного происхождения	14,5	19,8	17,2	17,5
Обработка смешанных волокн. веществ	14,8	11.6	14,6	15,7
Одежда и туалет	16,3	16,6	15,8	14,9
Обработка бумаги	12,8	13,1	14,1	15,1
Полиграфические производства	19,3	20,4	22,4	24,1
Художественная и прикладная научная пром.	14,3	13.7	13,9	15,5
Производство и передача сил и водоснаб.	15,7	15,6	15,9	16,4
По всем производствам	12,7	12,9	14,0	14,0

Для большей ясности того, насколько у нас «неблагополучно» положение рабочего класса в этом вопросе, мы напоминаем, что в 1920 году в среднем на 1 работающего приходилось 6 рабочих дней фактически использованного ежегодного отпуска, в 1922 г.

10 дней, в 1923—12,7 дня, в 1924 г.—12,9, в 1925 г.—14 и в 1926 г.—14 дней. Тов. Сапронов кажется, готов позлорадствовать: раз 14 дней—где же здесь дополнительный отпуск по вредности? Но он проглядел, что речь идет не о календарных, а о рабочих днях (на каждый рабочий день в году приходится 1,2 календарных дня). Таким образом, если считать, что все без исключения рабочие и служащие имели бы право и использовали бы в натуре лишь очередной двухнедельный отпуск в году, то средняя цифра составляла бы 12 рабочих дней отпуска на человека, а остальные 2 дня на человека у нас получились благодаря тому, что часть рабочих пользуется удлиненным отпуском.

Некругло у «15» вышло в этом вопросе.

С тем же «успехом», что и в вопросе об отпусках, вы можете искать в Кодексе Законов о Труде изменений, ухудшающих положение рабочих и в других вопросах.

Мы не отрицаем, что профсоюзы и Наркомтруд принимали меры к расширению сферы применения женского труда. Мы исходили при этом из той «еретической» мысли (которую неоднократно высказывал и В. И. Ленин), что участие работницы в производстве является основой ее экономической независимости, что лишь на этой основе материальной самостоятельности достигается действительное, не бумажное, не декларативное равенство полов.

Более того, мы считаем положительным фактом то, что нам удалось реально приостановить вытеснение женского труда из производства. Это видно из следующих цифр: на 1/I—24 г. в цензовой промышленности было занято 423.168 женщин (27,4%, ко всей рабсиле), на 1/I—25 г.—510.300 женщин (28,8%), на 1/I—26 г.—675.822 женщин (28,4%), на 1/I—27 г. 706.663 жен- (28,5%).

Мы считаем все это определенным достижением; пусть нам докажут вред этого. Но не сделано ли это в ущерб нашим завоеваниям по охране труда женщин? Демагоги из оппозиции могут из кожи вылезть вон, но *они не найдут фактов, которые доказали бы, что принятые меры нарушили в той или иной мере, завоевания Октября в области охраны женского труда*. Правда то, что в 1925 году был установлен точный список вредных работ, куда нельзя допускать женщин (до тех пор его не было). Тем самым было сказано, что нет законодательных ограничений для применения женского труда в других профессиях. Но пусть оппозиционеры докажут, что список этот не исчерпывает всех тяжелых вредных и опасных для женщин работ. Пусть оппозиционеры докажут, это; с нас же довольно того, что врачи, изучавшие этот вопрос, доказали обратное.

Оппозиционеры говорят о сокращении числа подростков в производстве: берем соответствующую справку из официальных источников: по данным ЦСУ число подростков, занятых в цензовой промышленности, составляло:

на 1/I—1924 г.	85.078 чел.	5,5%	к общему числу рабочих.
на 1/I—1925 г.	90.864 »	5,1%	» » » »
на 1/I—1926 г.	133.992 »	5,6%	» » » »
на 1/I—1927 г.	139.368 »	5,6%	» » » »

Мы видим непрерывный рост числа подростков в производстве.

В эти цифры не входят переростки, которые до последнего времени входили в «бронь» подростков и за счет коих будет происходить некоторое сокращение брони, путем их перевода в соответствующие категории рабочих (протокольные постановления СНК СССР от 12/VII—27 года).

Имеющий «глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать» без труда разберется и здесь в том, на чьей стороне правда. Не следовало бы «группе 15» «бухать в колокола, не заглянувши в святцы».

Не лучше вышло у оппозиции и с вопросом о сверхурочных работах. Краем уха они, вероятно, слышали о том, что на Женевской экономической конференции Жуо выступил с «разоблачениями» об отсутствии у нас 8-часового рабочего дня. Лавры Жуо не дают, очевидно, спать кое-кому из наших доморощенных «критиков».

Эти «критики» безапелляционно заявляют, что сверхурочные работы у нас так широко развились, что именно здесь, в борьбе с ними, лежит ключ к тому, чтобы «действительно ослабить безработицу».

Тут мы имеем и полновесное обвинение ЦК, который де этот вопрос «прозевал», тут сформулирована и заманчивая перспектива действительного ослабления безработицы.

Все кажется хорошо. Но вот беда, оппозиция опять забыла, что партия помнит завет Ильича и никому не верит на слово. Приходится взять цифры, лучше всего характеризующие факты. А они говорят следующее:

Таблица № 2.

Продолжительность рабочего дня промышленных рабочих СССР

(по данным ЦСУ).

	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г. (предвар. данные).
Средняя продолжительн. рабочего дня в часах	7,8	7,8	7,6	7,5
В том числе сверхурочн. часов	0,28	0,19	0,18	0,17
% рабочих, работавших сверхурочно.	22,8	18,8	17,8	15,2
Число часов сверхурочн. работы на одного работавшего сверхурочно	26,6	22,0	21,5	17,9

Мы видим здесь: 1) непрерывное уменьшение средней продолжительности сверхурочных работ на 1 рабочего; 2) % работавших сверхурочно непрерывно из года в год сильно снижается; 3) среднее число сверхурочных часов на 1 работающего сверхурочно непрерывно уменьшается; 4) самое количество сверхурочных работ по отношению ко всему урочному рабочему времени, составляет ничтожную величину: в 1923 г.—3,6%, в 1924 г.—2,4%, в 1925 г.—2,4%, в 1926 г.—2,3%. Вряд ли можно утверждать, что изживание этих сверхурочных работ может серьезно влиять на изживание безработицы.

Определенный успех борьбы со сверхурочными работами на лицо, особенно если принять во внимание, что некоторый хотя бы ничтожный % сверхурочных неизбежен и «в случаях крайней необходимости» милостиво допущен даже т. Сапроновым.

Считаем ли мы, однако, удовлетворительным нынешнее положение вопроса. Нет, нет и нет. И это неоднократно подчеркнуто в резолюциях и решениях партийных и руководящих советских органов: об этом можно прочесть в неоднократных директивах НКТ и НКРКИ—ЦКК. (См. указания: а) от 14/IV—24 г. «Известия НКТ СССР», № 17/28, 1924 г.; б) от 12/IV—26 г. «Изв. НКТ», № 24—25, за 1926 г.; в) 30/VIII—26 г. «Изв. НКТ», № 36, за 1926 г.). Об этом есть и в постановлении ЦИК и СНК СССР от 11/VI—26 г. «о режиме экономии», об этом можно прочесть в последних директивах СНК РСФСР, принятых в мае 1927 г. по докладу НКТруда и т. д.

И *все эти указания, партия и советские руководящие органы догадались сделать до «откровений» т.т. Сапронова-Смирнова.*

Насколько приведенные выше факты похожи на клевету, которую возвела «группа 15» на партию, видит теперь каждый. Факты положительно восстают против оппозиции.

Следующий вопрос: *о временных рабочих.* Действительно, закон устанавливает для них упрощенный порядок увольнения и иные нормы выплаты выходного пособия. Но ведь это вполне естественно и понятно каждому рабочему, что временному работнику, нанятому на несколько дней, даже на несколько недель, для подсобной работы или для замещения больного, никакое предприятие не сможет платить двухнедельного выходного пособия или предупреждать за 2 недели об увольнении. Если бы закон был иным, то его не выдержало бы никакое предприятие. Но «группа 15» хочет и здесь заработать капитал и указывает на возможность обхода закона.

Не скрываем, такие попытки возможны, как мыслимо предполагать нарушение и обход любого закона. Но они предусмотрены. В самом постановлении ЦИК и СНК СССР от 14/I—27 г., есть специальный пункт (22), указывающий, что закон об условиях труда временных рабочих не распространяется на случаи, когда уволенный временный рабочий или служащий, вновь нанимается на работу в то же предприятие, учреждение или хозяйство после перерыва, не превышающего одной недели. («Изв. НКТ», № 12, за 1927 г.).

16 апреля 1927 г. НКТруда СССР, вместе с ВСНХ, НКПС и ВЦСПС издало распоряжение (№ 17), устанавливающее пределы применения постановления ЦИК и СНК СССР от 14/I—27 г. «об условиях труда временных рабочих». В нем указано, что постановление может применяться к рабочим и служащим, привлекаемым для выполнения различных подсобных работ (погрузка, переноска, разгрузка, уборка материалов, выполнение ремонтных работ, различных работ подсобного характера) и для борьбы со стихийными бедствиями.

В том же постановлении, черным по белому запрещено выполнение длительных работ, путем неоднократного найма работников на одну и ту же работу и увольнения в целях использования правил постановлений ЦИК и СНК СССР от 14/I—27 года.

Таким образом, *нарушение закона о временных рабочих, автоматически приводит к тому, что работник перестает считаться временным и не попадает под действие этого закона, а работает на основе общих норм Кодекса Законов о Труде.*

Впрочем, писавшие платформу не столько стремились опорочить содержание закона «о временных рабочих», сколько делали из него всяческие выводы о грехах, в которых закон этот повинен и в которых заключается, так сказать, «гвоздь» вопроса. Последуем и мы за ними.

Первый грех—«текучесть» рабочей силы: оппозиция утверждает, что по данным НКТруда полный средний оборот рабсилы происходит у нас в течение 10 месяцев [1]). Как известно, злополучный закон был издан в январе 1927 года, а материалы о «текучести», приводимые в платформе, относятся к прежним годам. Так что немного непонятно, зачем ставить в связь злоупотребление законом о временных рабочих с тем, что было до его издания. Но это еще полбеды. Несколько хуже вяжутся рассуждения оппозиции с цифрами за последние годы. Вопрос этот характеризуется материалами ЦСУ, разработанными, к сожалению, лишь до II полугодия 1925—26 г.

Оказывается, что в 1923—24 г., за год выбывало [2]) 93,8% средне-месячного числа рабочих, в 1924—25 г.—92,5% в I полугодие 1925—26 г.—46%. Это высокие цифры, но все же и здесь авторы платформы хватили через край.

Надо ли еще говорить о том, что *утверждение будто злоупотребления временными рабочими «влечет за собой понижение заработной платы», является уже просто клеветой и наветом.* Всем известны основные данные о росте заработной платы. Мы не приводим их только потому, что они неоднократно были оглашены и в партийной и в профессионалистской печати.

Наконец, пресловутое вытеснение квалифицированных рабочих неквалифицированными, является опять-таки ничем иным, как полетом свободной фантазии авторов платформы, недоказанными ни в малой степени.

Переходим к следующей теме. Наши «прокуроры» узнали из корреспонденции «Труда», что несчастные случаи сильно растут. Из чего они сделали «обобщающий» вывод, что в связи с режимом экономии, сократились расходы на технику безопасности.

Мы берем материалы НКТруда и узнаем из них следующее: в РСФСР во всех госуд. предприятиях общесоюзной, республиканской и местной промышленности, расположенных на территории РСФСР, было израсходовано на капитальные вложения в области санитарного оздоровления условий труда и техники безопасности (в подсчет вошли лишь работы, перечисленные в особой номенклатуре ВСНХ и НКТ):

в 1924/25 г.	15,6 милл. руб.	[3])
» 1925/26 г.	20,7 » »	[3])
» 1926/27 г.	29,9 » »	[3])

[1]) К слову,—в НКТ СССР таких данных вообще не имеется, а НКТ пользуется данными ЦСУ.

[2]) Именно число выбывших, а не вновь принятых на работу, характеризует «текучесть» рабсилы. *Б. М.*

[3]) См. примечание на стр. 86.

Госпланом СССР и РСФСР намечено на 1927—28 г.—36—37 милл. руб. (ориентировочно) [1].

Если взять по всему СССР (имеются данные лишь начиная с 1926—27 года, то окажется, что в 1926—27 году, на охрану труда было ассигновано по промышленности планируемой ВСНХ СССР—37 милл. руб. и по остальной промышленности 8 миллионов, всего свыше 45 миллионов рублей. На 1927—28 год намечается по контрольным цифрам Госплана более 20% увеличения. На жел.-дор. транспорте было ассигновано в 1926—27 г. около 4 миллионов рублей, а на 1927—28 г. намечается около 7—8 милл. руб. на работы по оздоровлению условий труда.

Но если так неудачно обстоит дело у «группы 15» со всеми данными в области охраны труда, то мудрено-ли, что они легко оказались сбитыми с толку заметкой в «Труде» о количестве несчастных случаев. Если в совершенно ясном вопросе об ассигнованиях на технику безопасности с ними произошел прискорбный «несчастный случай», то мудрено-ли, что они запутались в более сложном вопросе—в статистике несчастных случаев.

С регистрацией промышленного травматизма у нас дело обстоит не ахти как хорошо; полная регистрация несчастных случаев в довоенное время была очень плоха, она не налажена и по сей день. Но если это верно, то нельзя забывать и того, что она непрерывно и заметно улучшается. Характерно, например, что по материалам Главсоцстраха РСФСР еще в I квартале 1926 г. извещения о несчастных случаях были получены инспекцией труда в 58,8% всех оплаченных страхкассами несчастных случаев, во II квартале 1926 г. их было получено 66,1%; в III квартале—72,8%. Этим обстоятельством в значительной степени об'ясняется необычайно быстрый темп роста числа *зарегистрированных* несчастных случаев, который был приведен в заметке в «Труде» и о котором полнее (и точнее) можно судить по прилагаемой таблице.

Число зарегистрированных в органах НКТ несчастных случаев на 1.000 рабочих

(по сквозным данным по одному и тому же кругу предприятий с числом рабочих 250 и больше).

Таблица № 3.

		Всего несч. случ.	В том числе смертн.
1925/26 г.	I квартал	21,1	0,067
	II »	25,2	0,071
	III »	29,3	0,062
	IV »	30,1	0,061
1926/27 г.	I квартал	31,2	0,075
	II »	33,9	0,073

[1]) Сюда не входят данные по военной промышленности, а также по предприятиям местной промышленности, не планируемым ВСНХ. Сюда не входят мелкие работы по охране труда, выполняемые за счет цеховых расходов. Сюда не входят работы в новостроящихся предприятиях или цехах. Сюда не входят, наконец, мероприятия, имеющие к охране труда косвенное отношение (ремонт котлов, противопожарные меры и т. п.).

Характерно, что по данным органов соцстраха рост несчастных случаев, оплаченных кассами, происходит значительно медленнее, чем по материалам НКТруда. За 3 квартала—примерно на 5—6%: в I квартале 1926 г. было 32,4 несч. случая на 1000 застрахованных, во II квартале—34,2; в III—34,8. (Надо иметь в виду, что в этих цифрах отчасти отражен не только профессиональный травматизм, но и, так называемый, «бытовой травматизм», т.-е. увечья, не связанные с профессией).

В связи с невозможностью ясной оценки действительной картины движения несчастных случаев по этим данным, в ряде мест было произведено углубленное (монографическое) изучение несчастных случаев на крупнейших предприятиях. Выводы этих обследований не дают настолько мрачной картины, какую хочется видеть нашим оппозиционерам.

По Москве и Московской губернии тщательное изучение специалистами несчастных случаев на 9 крупнейших текстильных фабриках с 45.000 рабочих доказало, что по сравнению с довоенным временем, общее число несчастных случаев увеличилось (с 23,9 в 1912 г. на 1.000 рабочих до 48—в 1926 г.) в то же время коэффициент смертельных случаев на 1.000 рабочих упал с 0,05 в 1912 г. до 0,02 в 1926 г., число тяжелых случаев, закончившихся инвалидностью, понизилось на 1.000 рабочих с 4,3 в 1912 г. до 0,42 в 1926 г.

Такая же картина получилась при изучении травматизма на 9 крупнейших металлозаводах Москвы и Московской губернии с 20.578 рабочими: общее число несчастных случаев увеличилось (с 100—в 1912 г. до 193,5—в 1926 г. на 1.000 рабочих), смертельные случаи снизились с 0,5 до 0,1 на 1.000 рабочих и тяжелые случаи, закончившиеся инвалидностью, уменьшились с 9,9 на 1.000 рабочих в 1912 г. до 1,2 в 1926 г. Среднее число потерянных рабочих дней на 1 несчастный случай упало с 24,6 дня в 1912 г. до 12,2 дня в 1924 году.

По Ленинграду, по данным Губстатотдела, в 1925 г. на 1.000 рабочих приходилось 102,7 несчастных случаев, а в 1926 г. 121,7. Но при этом число смертельных и тяжелых несчастных случаев снизилось за то же время с 3,23 на 1.000 рабочих в 1925 г. до 2,38 в 1926 году.

По подмосковному угольному бассейну, средний годовой показатель несчастных случаев дал некоторое снижение (с 48 до 47 случаев на 200.000 проработанных человеко-часов).

В некоторых предприятиях (правда, это исключение) удалось резко понизить несчастные случаи, благодаря усилению мер по технике безопасности: мы можем для примера привести такие заводы, как «Металламп» в Москве (228 случ. на 1.000 рабочих в 1925 г., 174—в 1926 г., около 150—в 1927 г.), государств. пивоваренный завод, пробочный завод в Ленинграде и проч.

Считаем ли мы на основании всего этого, что положение вопроса с несчастными случаями достаточно удовлетворительно? Нет и нет.

Так или иначе, несчастные случаи у нас очень часты, они растут непрерывно и даже—более того—несмотря на увеличение ассигнований на технику безопасности они вряд-ли уменьшатся в ближайшем году. Но какое, группа Сапронова, имеет право делать из этого платформу против партии, против ее ЦК, когда неоднократно сама партия подчеркивала этот вопрос в

своих решениях и давала твердые указания в направлении усиления работы по охране труда и в частности борьбы с травматизмом: 25 марта 1927 г. *ЦК ВКП(б) в резолюции по рационализации производства писал:*

«Хозорганы, профсоюзы и органы Наркомтруда должны разработать ряд практических мер по оздоровлению и улучшению условий труда, механизации тяжелых и вредных работ, с тем, чтобы эти мероприятия одновременно облегчали под'ем производительности труда рабочего (мероприятия по технике безопасности, улучшение освещения, нормальная температура, вентиляция и пр.)».

Постановлением IV Всесоюзного С'езда Советов, весной 1927 года также дана директива «об усилении работы по охране труда и технике безопасности путем осуществления мероприятий по оздоровлению и улучшению условий труда, а также путем проведения необходимой культурно-просветительной работы по борьбе с травматизмом среди работающих». Более конкретные директивы можно найти в резолюции VII С'езда Профсоюзов по докладу т. Шмидта. СНК СССР дал ясные указания хозорганам и Госплану об усилении расходов на охрану труда (пост. от 15/IV—27 г.). СНК РСФСР разработал указания об усилении охраны труда в постановлении от 11 июня 1927 г. и т. д.».

И все это было сделано не по напоминаниям «группы 15», а до того, как они собрались из этих вопросов создать «платформу» против нашей партии и ее ЦК.

Мы видим, что партия борется с травматизмом, прежде всего не криком, а непрерывным усилением средств, отпускаемых на технику безопасности. Улучшение заводского оборудования и транспорта, строительство новых предприятий, обучение рабочих основам техники безопасности, введение на предприятиях особых работников по технике безопасности и привлечение внимания рабочих и профорганизаций к вопросам охраны труда,— вот ряд мер, которые помогут изживанию травматизма. Без паники и демагогии, партия добьется на этом фронте определенных успехов.

Подгоняя все свои «предпосылки» к утверждению, что внутренний распорядок на фабрике все более приближается к довоенному, оппозиционеры не могли, конечно, ни словом обмолвиться о действительном положении у нас охраны труда: ясное дело, если бы они правдиво рассказали об этом,—не пришлось бы писать самой платформы. Именно, поэтому, они ничего не рассказали партии о том, что наша гос. промышленность, планируемая ВСНХ СССР «по довоенному», тратит в год, сверх расходов на оздоровление условий труда, 24 млн. рублей на спецодежду, 4 миллиона рублей на спецпитание, именно, поэтому, они ничего не рассказали о проведении в жизнь законодательства об охране беременности и материнства, об охране труда подростков, о сокращенном рабочем дне на вредных работах и т. д. и т. д. Они молчат об этом, ибо им нечего сказать здесь.

Они ни слова не смогли сказать о том, что мы попустительствуем тем или другим нарушениям в области охраны труда. Мы помним, что наше Советское государство имеет еще бюро-

кратические извращения, что на определенных условиях допущен в хозяйстве и нэпман. И мы ничуть не собираемся гладить по головке ни бюрократа, ни нэпмана, наступающего на законные права рабочего: достаточно сказать, что на 100 обследований частных предприятий инспекцией труда, мы имеем до 50 привлечений к ответственности. В то же время в государственных предприятиях, на каждые 100 обследований, инспекция труда привлекала к ответственности в 1924 и 1925 году—6—7 предприятий, а в 1926 г. от 10% до 13%.

Обо всем этом оппозиция ничего не говорит членораздельно, предпочитая махать кулаками в воздухе, требуя установления «строжайших мер взысканий за непринятие мер по обеспечению безопасности работ». И даже здесь она не открывает Америки, ибо НКТруд и НКЮст. еще до платформы «15» дали конкретные указания всем судам о мерах судебной борьбы с несчастными случаями на производстве.

Мы подходим к итогам.

В вопросах охраны труда оппозиция оказалась пустоцветом:

1. Оценки, которые «группа 15» дает состоянию охраны труда, не только не соответствует, но прямо противоречат действительности.

2. Ни одного нового здорового делового предложения, которое бы своевременно не было предусмотрено партией, оппозиция в области охраны труда не дала.

3. Линия, намеченная и последовательно проводимая нашей партией в вопросах охраны труда, является единственно правильной и достигающей необходимых результатов. У нас нет никаких оснований пересматривать ее.

А. Вознесенский.

Аграрная революция в Китае и сельско-хозяйственный пролетариат.

(В порядке постановки вопроса).

В 1912 году Сун-ят-сен, только что избранный в Нанкине временным президентом Китайской республики, опубликовал в бельгийской социалистической газете «Le Peuple» (Народ) свою демократическую платформу. В ней он впервые коснулся и аграрного вопроса [1].

Тов. Ленин, тотчас-же ухватился за нее, как «за исключительный по интересу документ».

Товарищ Ленин писал: «Какая экономическая необходимость вызвала в одной из самых отсталых крестьянских стран Азии распространение самых передовых буржуазно-демократических программ по отношению к земле?—*Необходимость разрушения феодализма во всех его видах и проявлениях*». («Невская звезда» 15-го июля 1912 г. № 17).

И дальше: «Главным представителем, главной социальной опорой китайской буржуазной революции выступает крестьянин».

Несколькими месяцами позднее, Ленин ставит общий для будущего теоретический вопрос: «Сумеют ли крестьяне Китая, не руководимые партией пролетариата, удержать свою демократическую позицию *против* либералов, которые только ждут удобного случая, чтобы перекинуться направо?—Это покажет будущее» [2].

«Будущее»,—через 15 лет,—целиком подтвердило прогноз Ленина. Мы имеем сейчас и ответ на тот вопрос, который,—предупреждая события, ставил китайской революции Ленин. *Ответ этот—отрицательный.*

Китайская революция, с 1911 года, переходя различные этапы своего антиимпериалистического, национального, антифеодального развития, подошла к самому решающему, к самому основному моменту, к разрешению главной и непосредственной задачи буржуазно-демократической революции: к разрушению, выкорчеванию преобладающих в китайской экономике феодальных форм землевладения, к революционному, плебейскому разрешению аграрной проблемы, к «крестьянской аграрной революции»—как выражался Ленин [1].

[1] Как известно вождь будущего Гоминдана, как и многие честные китайские народники того времени, развивал мысль «экономической революции в Китае», выдвигая идею передачи земельной ренты государству, посредством единого налога в духе Генри Джорджа. Ленин высмеял такую национализацию земли в рамках буржуазного строя, ссылаясь на «Нищету Философии» и на полемику Маркса с Родбертусом в «Теориях прибавочной стоимости».

[2] Ленин. Собр. Соч., том XIX, стр. 19.

От робких лозунгов: снижения арендной платы, уменьшения налогов, предоставления крестьянам заброшенных пустырей, снижения учетно-ссудного процента в деревенских ломбардах и ссудных кассах, уничтожения обязательств потомков платить долги своих предков (а иногда и итти за них в рабство),—лозунгов, выдвинутых на I-й Крестьянской Конференции в Кантоне, в мае 1925 года,—восставший сельский пролетариат и беднейшее крестьянство смело выставляют требования конфискации помещичьих земель, земель джентри, зовут на борьбу с кулаком, начинают передел земли, а для этого, и в процессе этом, пытаются уничтожить помещичий-полицейский аппарат насилия в деревне, вооружаются, разоружают помещичью-кулацкую милицию (минтуаней), кое-где власть на местах захватывается крестьянскими и батрацкими руками (вторая половина 1926 и 1927 гг.).

Хунань, Хубей, Гуаньдун становятся театром гражданской войны в деревне. Как в русской деревне начала XX столетия, в китайской деревне находят свое конкретное выражение двоякого рода классовые противоположности: между большинством крестьянства (70% крестьянства) и всем помещичьим классом и между сельскими рабочими и сельскими предпринимателями-кулаками.

Но китайская деревня испытывает большую перенаселенность, густота населения и дошедшее до крайности обнищание его, придают этим классовым противоположностям,—и возникшей из них классовой борьбе в деревне,—*особую, невиданную остроту.* Если в России 1902—1906 года преобладали классовые противоречия всего крестьянства против всего помещичьего класса [2], то в Китае чем дальше, тем больше выпирают на первый план классовые противоречия и классовая борьба,—сельского паупера, арендатора и батрака *против—и* помещика, *и* джентри, *и* кулака, *и* посредника-арендатора, *и* ростовщика, *и* скупщика. Отсюда—необычайная усложненность борьбы, необычайное упорство борющихся сил,—знаменитые «эксцессы», которые так испугали не только сельскую буржуазию (Фын-Юй-сянь—выразитель ее интересов на севере Китая), но и некоторых китайских товарищей коммунистов. В течение двух лет, в ряде провинций, восстания беднейшего крестьянства сменяются, на некоторое время, контрволной помещичьих и *кулацких* репрессий, но с новой силой вздымаются, пробуждают к самостоятельной политической деятельности новые и новые резервы сельского пролетариата и полупролетариата, освобождая восставшее крестьянство от опеки и влияния деревенской буржуазии, «подымая» на поверхность самые глубокие, самые отсталые «пласты» деревни. Отходят от движения одни, «почтенные» (кулаки, зажиточные, арендаторы-посредники),

[1] «Аграрная программа социал-демократии в Русской революции 1905—1906 г.» Ленин. Собр. Соч., том IX, стр. 475. «Наша партия встала решительно на путь признания крестьянской аграрной революции... Плеханов, проводивший программу вместе с Джоном, прямо говорил о необходимости перестать бояться крестьянской аграрной революции—как нашей буржуазной революции в области земельных отношений».

[2] Ленин. Собр. Соч., том IX, гл. II. «Агр. революция в России», стр. 276—285.

на смену им подтягивается голытьба, батрак. Гражданская война не «декретируется» из-вне (Ленин, том XV, стр. 511—512), а идет из самых глубин, из недр разоренной, обнищалой деревни. *Экономические предпосылки аграрной революции в Китае таковы, что аграрное движение в своем темпе опережает под-час выступления городского пролетариата и остается вне руководства компартии.* В то же время оно заставляет выпрямить классовую революционную линию самой партии. История китайской компартии за последние месяцы подтверждает это самым наглядным образом.

От скромных цифр членов крестьянско-батрацких союзов в Гуаньдуне в мае 1925 г. [1])—всего 200.000 членов, крестьянско-батрацкие организации вырастают до мощных об'единений; по мере расширения влияния Национального правительства на север, по пути следования национально-революционной армии, а в некоторых случаях опережая ее, в течение 1926 г. революционные деревенские организации перекидываются в отдельные провинции до берегов Янцзы, охватывают Хунань и Хубей; перебрасываются на север от Великой реки в Хенань, об'единяют уже *многие миллионы* восстающего крестьянства и становятся возбудителями аграрной революции в деревне (в исчислении «многих миллионов» исходим из цифр, данных в отчетах Киткомпартии, хотя они, вероятно несколько преувеличены).

«Массы крестьян-бедняков,—(«отбросов»—по словам помещиков, «лодырей»—по словам кулаков),—*совсем неимущих крестьян* [2]), идущих на заработок к кулаку; арендаторов, отдающих 60—70% своего урожая предпринимателю,—совершают «чрезмерности», творя великое дело революции, невиданное в прежние годы... Не будь этих крестьян-бедняков, не было бы у нас революции. Разгромить их, значит разгромить революцию,—так описывает в партийном органе «Guide Weirly» (Еженедельная Спутник). от 12/III—27 г., революционный процесс в китайской деревне Хунани, один из китайских коммунистов.

Буржуазно-демократическая революция в Китае еще не вышла из первой стадии своего развития. На пути ее стоят большие трудности [3]).

Крестьянская аграрная революция в Китае имеет свои слабые стороны.

Это, во-первых, ее недостаточная экстенсивность, ее территориально и численно малый розмах.

Это, во- вторых, то, что она не захватила еще целиком важнейших промышленных провинций (хубей задет крестьянским движением слабо).

---

[1]) Фактически союзы возникали в 1923 г. сначала в виде профессионального союза деревенских пауперов, занятых вывозкой нечистот из города для для удобрения полей деревни. Эти пауперы получают от хозяев в деревне необходимые инструменты, включая выгребную лопату, редко перевозочные средства и доставляют деревенскому населению экскременты. До 1923 г. они пользовались в Кантоне экскрементами даром, а в тот год кантонская городская буржуазия обложила и свой кал налогом с деревни. На этой почве возникла «стачка» с.-х. рабочих, кало-возов, закончившаяся организацией первого профсоюза сельского пролетариата. (См. отчет крест. секции Гоминдана крестьянской конференции в мае 1926 г.).

[2]) «Нет у меня куска черепицы, нет у меня даже клочка земли, чтобы воткнуть шило»—характерная песнь «совсем неимущих» крестьян.

[3]) Сталин. «Революц. Китай и ошибки оппозиции», стр. 51. Его же. «Большевик», № 10, стр. 25—28.

Это, в-третьих, что она идет стихийно, почти без руководства пролетарской партии и даже промышленного пролетариата. Это ее органический недостаток.

Чрезвычайная напряженность аграрной революции, ее углубленность не соответствуют ее территориальному размаху (пока Хунань, Хубей, Гуаньдунь лишь отчасти Хенань, Цзянси и Фуцзян); она пока охватила единичные провинции. Но на ряду с этим, бок о бок с революционными провинциями остаются районы, не затронутые аграрным движением, превращаемые бежавшими и местными помещиками, джентри, кулаками в плацдарм контр-революции у самых очагов движения. Для 400.000.000 с лишним населения Китая, даже *десяток миллионов* организованного и восставшего крестьянства *еще малая доля.*

Вспомним, что знаменитое Тайпингское восстание крестьян в половине прошлого столетия, вовлекло в борьбу *весь южный и приянцзийский Китай и стоило одних человеческих жертв два десятка миллионов.* Нынешнее движение есть еще только предвестник приближающейся гигантской волны.

Крестьянское движение долго не дооценивалось китайской компартией. Оно надвигалось стихийно, возникши в чисто аграрных провинциях и перебрасываясь в чисто аграрные же районы; туда, где нет крупной организованной буржуазии (*а наиболее организована в Китае промышленная буржуазия*), но зато где и нет промышленного пролетариата. *Исторический опыт учит нас, что наиболее широкое по размаху, наиболее углубленное, наиболее четкое в классовом отношении и наиболее устойчивое крестьянское движение бывает в районах, где есть промышленный пролетариат.* Последний является застрельщиком и авангардом движения. В России в свое время сыграли большую роль в развитии крестьянского движения промышленные рабочие, возвращавшиеся с фабрик в деревню. (См., что об этом пишет тов. М. Н. Покровский). То же самое мы видим в наше время в Японии. Там наибольшее число стачек сельскохозяйственных рабочих и крестьянских волнений наблюдается в *промышленных* районах, где имеется революционный фермент в лице индустриальных рабочих. Наибольшее количество стачек сельхоз рабочих и прямых действий крестьянства, закончившихся удовлетворением требований участников движения, падает в Японии именно на те районы, где имеется промышленный пролетариат, руководящий и организующий сельский пролетариат и крестьянство. Япония уже знает комбинированные действия промышленных рабочих и сельского пролетариата, когда промышленные рабочие руководят выступлениями, а деревня поддерживает их, доставляя рис, продукты питания, помогая семьям забастовщиков. *Это особенно важно для Китая, где связь рабочего с деревней особенно крепка.* Участие в аграрной революции промышленных районов, вроде Чжецзяна, Цзянсу имело бы решающее значение для размаха всей революции, для устойчивости движения. *Крестьянская аграрная революция в Китае не захватила этих районов и в своих зачатках, при первом кризисе, много потеряла на неустойчивости крестьянских масс* [1]).

---

[1]) Очень характерны в этом отношении сообщения «Тасса» от 25 июля из Ханькоу, о быстром спадении крестьянского движения, разгроме уцелевших крестьянских союзов и «ослаблении» революционного духа среди крестьянства.

Крестьянская аграрная революция в Китае в значительной степени развивается без руководства компартии[1]). У движения не было крепкого стержня, крепкого подлинно пролетарского костяка. Сельский пролетариат и полупролетариат в организационном отношении смешаны, растворены в массе крестьянства, не имеют своих собственных классовых об'единений. В этой связи надо вспомнить вопрос Ленина в 1912 г.: «С'умеет ли крестьянство, *не* руководимое партией пролетариата, уберечь свою демократическую позицию *против* либералов, которые ждут только удобного случая, чтобы перекинуться направо». Этот вопрос актуален и теперь при наличии в Китае компартии. Ибо важно, *сумеет ли* партия пролетариата и *как* именно руководить крестьянской аграрной революцией. Сумеет ли она найти действенные каналы для проведения своего влияния на крестьянские массы?

Здесь мы вплотную подходим к вопросу о роли *сельскохозяйственного пролетариата*, о его революционном воздействии на крестьянство, роли сельскохозяйственного рабочего, как единственного классово сознательного, подлинного представителя пролетариата в деревне.

Чему нас учит теория и опыт русской революции?

Резолюция Стокгольмского с'езда РСДРП 1906 года говорит:

> «Партия во *всех* случаях и при *всяком* положении демократических аграрных преобразований ставит своей задачей *неуклонно* стремиться к *самостоятельной классовой* организации *сельского пролетариата*, раз'яснять ему непримиримую противоположность его интересов интересам крестьянской буржуазии, которая никогда, при существовании товарного производства не в состоянии уничтожить нищеты масс и, наконец, указывать на необходимость полного социального переворота, как единственного средства уничтожить всякую нищету и всякую эксплоатацию»...

Ленин на Первом Всероссийском С'езде Крестьянских Депутатов 22 мая 1917 г. развивает эту мысль, напирает на нее, уточняя понятие сельскохозяйственного пролетариата:

> «Для того, чтобы земля перешла в руки трудящихся есть только один основной путь: это организация сельскохозяйственных наемных рабочих, которые будут руководствоваться своим опытом, наблюдениями, недоверием к тому, что говорят мироеды, хотя бы они и выступали с красными бантиками и называли себя «революционной демократией».
>
> (Ленин: Собр. Соч., том XIV, ч. 1, стр. 171).
>
> «Сельскохозяйственные наемные рабочие и беднейшие крестьяне, т.-е. такие, которые добывают себе средства к жизни отчасти наемным трудом, не имея достаточно земли, скота, орудий, должны всеми силами стремиться к самостоятельной организации в особые советы или группы внутри общекрестьянских советов, чтобы отстаивать свои интересы против богатых крестьян, неизбежно стремящихся к союзу с капиталистами и помещиками».

[1]) О действительном лице китком партии и его руководстве достаточно сказано в резолюции Об'ед. Плен. ЦК и ЦКК 26/VII—27 г.—см. «Правда», 10 августа 1927 г.

> (§ 6 Проекта Резолюции по Агр. Вопросу на Крест. С'езде 1917 г., том XIV, стр. 175).

И, наконец, в ряде статей о необходимости создания пролетарского костяка в деревне, Ленин решительно выступает за создание «*самостоятельной*, классовой организации сельского пролетариата» (том XIV, ч. 1, стр. 289). К ней «должны принадлежать все, занятые преимущественно или, главным образом, *или хотя бы отчасти* наемной работой в сельскохозяйственных предприятиях» (там же, стр. 289).

> «Существенно то, что основные классовые интересы всех, кто продает свою рабочую силу, однородны и, что сплочение всех, кто извлекает хоть часть средств к жизни от работы по найму «в чужих людях»—безусловно необходимо» (там же, стр. 289).

При этом Ленин не скрывает: «трудности организации сельских рабочих огромны» (там же, стр. 287).

Опыт российской революции был учтен Профинтерном (III Конгресс) в том смысле, что основная задача, которая стоит перед рабочим классом в целом, была определена, как помощь сельскохозяйственным рабочим, прежде всего, осознать себя как класс. Поэтому всякое смешение с.-х. рабочих с организациями трудовых крестьянских организаций, принесло бы только вред классовому воспитанию сельскохозяйственного пролетариата. *Воздействие на крестьянство можно оказать в значительной степени только через организации сельскохозяйственных рабочих»*. (Резолюция XXIII. «Крестьянский Интернационал и профсоюзы»).

III Конгресс Профинтерна установил, что борьба против феодальных пережитков, против помещика и кулака в деревне в большинстве стран, и тем более в странах колониальных и полуколониальных, *выливается в стихийные формы, не имея руководства рабочего класса*. Для придания этой борьбе организованных, устойчивых форм, лучшим средством является боевой союз трудового крестьянства с рабочим классом. Усиливающийся в деревне (и, добавим от себя, в китайской, в особенности) процесс расслоения создает в ней одно из звеньев контрреволюционного фронта в лице зажиточного крестьянства и кулаков. В противовес этим силам необходимо организовать в *самостоятельные* об'единения, группы сельскохозяйственных рабочих, поддерживать революционное крыло об'единений трудового крестьянства, для того, чтобы идеологически высвобождать широкие массы трудящегося крестьянства от кулацко-интеллигентских влияний и устранить из них кулацко-интеллигентские элементы. (Тов. Лозовский правильно подчеркнул, что одной из слабостей китайского крестьянского движения является как раз тот факт, что даже руководство многих крестьянских комитетов в Хунани находилось в руках интеллигентов-отпрысков зажиточных семей).

Поэтому III Конгресс Профинтерна указал на «*важность организационной самостоятельности классовых об'единений сельскохозяйственных рабочих*» и на «*нецелесообразность создания смешанных с трудовым крестьянством постоянных* организаций»[1]).

[1]) См. Речь т. Анцеловича в заседании Конгресса 22 июля 1924 г., стр. 315 отчета и резолюцию «о сельскохозяйственном пролетариате и крестьянстве», стр. 34 отчета III Конгресса Профинтерна. 8—22 июля 1924 г.

Конгресс сверх того подчеркивает сугубую необходимость *приступить к созданию отдельных, не смешанных с крестьянством, классовых организаций* сельскохозяйственного пролетариата в восточных и колониальных странах.

Что же мы видим в Китае? Многое из этих уроков позабыто. Сельскохозяйственные рабочие оставались до сих пор вне поля зрения профессионального движения и наших товарищей. Сельскохозяйственные рабочие, вопреки урокам Ленина и резолюции Профинтерна, организационно вливались, смешивались, растворялись в крестьянские организации и не получили до сих пор своей организационной самостоятельности даже в виде отдельных групп в крестсоюзах. Это в то время, как мы знаем, что численность их по минимальному расчету (т. Михальского)[1]) составляет не меньше 30.000.000 и вместе с мельчайшим, парцельным крестьянством составляет свыше 50% трудящихся деревни.

В программные требования крестьянства Гуаньдунской провинции вносятся лишь *особые* требования с.-х. рабочих: об увеличении зарплаты, об уменьшении рабочих часов, лучшего обращения со стороны нанимателей, уравнения оплаты женщин и подростков с зарплатой взрослых рабочих и мужчин (1925—26 г.).

За последнее время, уже после создания организационного центра крестьянской аграрной революции в Ухане (и до перехода его в стан контрреволюции), был сделан не шаг вперед, а *шаг назад* в отношении организации и оформления с.-х. рабочего движения. В тезисах тов. Тан-Пин-Сяня, министра земледелия Нац. Рев. Правительства Китая, представленных VII расширенному пленуму ИККИ в ноябре 1926 г., мы читаем черным по белому:

> «Вопрос о том, надо ли организовать при крестьянском союзе отдел сельских рабочих для защиты их частных (?) интересов, *подлежит дальнейшему обсуждению*»[2]).

Это—во все-китайском масштабе.

В отношении же Гуаньдунской провинции, где *при существовании крупных лятифундий, процент с.-х. рабочих особенно велик, и где само крестьянское движение возникло из организаций с.-х. рабочих*, вопрос о с.-х. рабочих сводится к «улучшению экономического положения сельских рабочих и трудящихся детей и женщин в деревне»[3]).

VII расширенный пленум ИККИ в своих постановлениях[4]) и ИККИ, в своих дальнейших инструкциях Киткомпартии и ставшей известной в печати критике деятельности киткомпартии по аграрному вопросу, уже дали оценку недоучету руководящим китайским товарищам крестьянского движения. *Вопрос о с.-х. рабочих* должен несомненно составлять одним из существенных моментов этой недооценки, как и недооценки работы в профдвижении.

От исправления этих дефектов, от выпрямления линии наших товарищей в партии и профсоюзном движении, вне малой степени будет зависеть и дальнейший размах, углубление, а *главное—успешность* крестьянской аграрной революции в Китае.

---

[1]) «Численность сел.-хоз. рабочих во всех странах мира».
[2]) Тан-пин-сян. «Пути развития Китайской Революции». 1927 г., стр. 39.
[3]) Тан-пин-сян. Там же, стр. 44.
[4]) Тезисы и резолюции VII Расширен. Пленума ИККИ. 1927 г., стр. 16, § 98. Сравни также Резолюцию Об'единен. Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) от 26 июля.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

А. П. СЕРЕБРОВСКИЙ. Рационализация производства и новое промышленное строительство СССР. ГИЗ. 1927 г. Стр. 217. Цена 60 коп.

Вопросы рационализации нашего хозяйства и в частности и в особенности промышленного хозяйства стоят в центре внимания партийной и советской общественности. Слово «рационализация» буквально не сходит со страниц наших газет и журналов. Книжный рынок переполнен книгами, книжками, брошюрами и брошюрками, посвященными вопросам рационализации. Однако, как известно, рационализация меньше всего коснулась нашего «издательского хозяйства» и качество выпускаемой литературы в большинстве случаев оставляет желать много лучшего. Особенно, как это не парадоксально звучит, это относится к литературе по рационализации.

С тем большим вниманием мы должны отнестись к рецензируемой нами работе т. А. П. Серебровского, одного из руководящих работников нашей промышленности, работе, посвященной злободневнейшим вопросам промышленного хозяйства,—вопросам рационализации и нового промышленного строительства.

Работа т. А. П. Серебровского состоит из шести глав, различных по об'ему и неравноценных по качеству. *Первая* глава посвящена вопросу—«Рационализация в СССР и на Западе» (10 стр.); *вторая*—«Почему СССР необходима рационализация» (23 стр.); *третья*—«Какие способы рационализации можем мы применить в СССР» (48 стр.); *четвертая*—«Как мы должны проводить рационализацию нашей промышленности» (9 стр.); *пятая*—«Новое промышленное строительство СССР» (90 стр.), и, наконец, *шестая*—«Рационализация в пятилетнем плане развития госпромышленности» (27 стр.). Центральное место в книге занимают, таким образом, вопросы нового промышленного строительства. Наоборот, глава, имеющая по сути дела *директивный* характер,—как *нужно* проводить и как *должна* проводиться рационализация промышленного хозяйства,—занимает совершенно незначительное место. Такое построение книги надо признать в высокой мере неудачным. В книге оказалось затушеванным как раз то, что должно было быть по сути дела центральным во всей рецензируемой работе.

Однако, кроме неудачной распланировки материала (по своему об'ему), работа А. П. Серебровского страдает и рядом органических дефектов, на которых следует остановиться особо.

Как, прежде всего, формулирует т. А. П. Серебровский задачи рационализации производства? «Советская власть,—пишет он,—рационализируя производство и уменьшая себестоимость промтоваров, не ставит себе задачи завоевания рынков сбыта в технически отсталых странах для превращения их в свои колонии, а ставит себе иную наиболее разумную задачу, а именно—*производительное использование остатков средств у крестьянства*, создавая тем самым благоприятные условия для развития и расширения сельского хозяйства» (курсив наш. *Г. Т.*).

С *таким* определением задач социалистической рационализации мы никак не можем согласиться.

«Производительное использование остатков (!) средств у крестьянства»! Это настолько же невразумительно, насколько и неверно!

Социалистическая рационализация ставит себе задачей такую постановку государственного промышленного хозяйства, которой обеспечивался бы максимально возможный темп его развития, темп индустриализации, темп социалистического строительства. Социалистическая рационализация ставит себе задачей повышение уровня жизни рабочего класса и крестьянства, а следовательно, и укрепление экономического и политического их союза; усиление *ведущей* в народном хозяйстве роли промышленности, а, следовательно, и его преобразующей—реконструктивной роли в отношении сельского хозяйства—перевод с. х. на более высокую техническую базу и постепенную переделку отсталого, индивидуального крестьянского хозяйства в хозяйство социалистическое.

И насколько задачи социалистического строительства шире и социально экономически неизмеримо сложнее задачи создания благоприятных условий «для развития и расширения сельского хозяйства», настолько и задачи социалистической рационализации шире и сложнее задач рационализации, как они представляются А. П. Серебровским. Если, наконец, считать «остатками средств у крестьянства» его прибавочный продукт, то государство, используя часть этого прибавочного продукта для целей индустриализации и социалистического строительства, отнюдь не посягает на весь прибавочный продукт крестьянства, ибо это означало бы не что иное, как лишение крестьянского хозяйства возможности расширяться и развиваться.

Недостаточно полно, а потому и *неверно* представляется т. А. П. Серебровским основное содержание рационализаторских мероприятий. «*Основными элементами рационализации на основе существующего оборудования являются стандартизация и специализация*» (стр. 43). (Курсив автора. *Г. Т.*). И дальше: «Специализация и стандартизация производства, являясь основным методом рационализаторских мероприятий, не исключает применения ряда других, которые могут дать менее реальный результат» (стр. 64). Если принять во внимание, что автор обещал в предисловии дать хозяйственникам «ряд практических советов, в каком направлении и как нужно проводить рационализацию», то такую установку, такое определение содержания рационализаторских мероприятий надо признать в корне ошибочной и вредной. Такого рода «советы» *не организуют, а дезорганизуют* хозяйственников.

«Стандартизация»—как и «специализация» производства в самой незначительной мере, а подчас и совсем не зависят от хозяйственника—руководителя промышленного предприятия — директора фабрики и завода. Как же будет воспринята им эта *директива-совет?* Опускать руки и ждать, когда все будет кругом «стандартизировано» и куда ни плюнь «специализировано»? Это было бы глубочайшим заблуждением и вреднейшей ошибкой! Никто не отрицает роли и значения «стандартизации и специализации», но *ошибочно и вредно* утверждать, что все другие рационализаторские работы менее эффективны и дадут «менее реальный результат».

Рационализация тепло-силового хозяйства, улучшение использования сырья и материалов, использование отходов и отбросов производства, сокращение накладных расходов и запасов сырья, материалов и топлива до нормальных пределов, улучшение внутризаводского транспорта, исправление органических дефектов в производственном процессе, повышение оборачиваемости капитала, лучшее использование рабочей силы и повышение производительности труда, и т. д. и т. п.—разве все это не рационализаторские мероприятия и разве их эффект настолько незначителен, что они не могут быть «допущены» в число «основных элементов рационализации»? Не говоря уже о суммарной эффективности всей совокупности этих рационализаторских мероприятий, мы могли бы привести *тысячи примеров*, когда каждое из них в отдельности давало значительнейший производственный эффект. «Директива—совет» «основными элементами рационализации» считать *только* стандартизацию и специализацию *дезорганизует* хозяйственника, ибо отвлекает его от всей той суммы рационализаторских мероприятий, которые он может и должен проводить, не дожидаясь «стандартизации и специализации».

Нельзя, наконец, признать правильным и то резкое противопоставление рационализаторских мероприятий и нового строительства, которое имеется у автора: «Унаследованная нами техническая база почти полностью использована,—пишет он,—и задача сводится, главным образом, не к тому, чтобы реконструировать промышленность, но чтобы строить новые заводы, новые фабрики». Столь решительное противопоставление этих двух задач опять-таки вносит известную путаницу. Конечно, новые фабрики и заводы, да еще построенные по последнему слову науки и техники, вещи очень хорошие, но пока «американский дядюшка» не оставил нам многомиллиардного наследства, а внутреннее накопление весьма ограничено, мы должны стремиться к тому, чтобы в максимальной мере и наиболее эффективно использовать намеченные фабрики и заводы с их подчас далеко несовременным оборудованием. И пока на новое промышленное строительство мы ограничены в средствах, задачи рационализации и переоборудования существующих фабрик и заводов стоят как важнейшие задачи. Об этом свидетельствуют и расходы промышленности на реконструкцию, расширение и переоборудование существующих предприятий. Из общей суммы капитальных вложений в промышленность в 1925—26 г. в 811 милл. рублей на работы по реконструкции и расширению было израсходовано 447 милл. рублей, в 1926—27 г. соответственно 976,2 милл. рублей и 545 милл. рублей. Конечно, по мере дальнейшего развития промышленности, по мере дальнейшего увеличения ассигнований на капитальное строительство, это соотноошение будет изменяться в пользу нового строительства, но, тем не менее утверждать, что наши задачи сводятся, «главным образом», к новому строительству, а не к рационализации и переоборудованию существующих предприятий—неправильно, ибо опять-таки дезорганизует хозяйственников.

Нельзя не остановиться и на характеристике А. С. Серебровского о рационализации в капиталистических странах Запада.

«*Пределы рационализации в капиталистическом хозяйстве*,—пишет А. П. Серебровский,—*по необходимости ограничены рынком сбыта*, так как покупательная способность основной массы трудящихся, как мы уже видели на примере Америки, становится относительно меньше, а продукция производства значительно возрастает» (курсив автора. *Г. Т.*).

Здесь действительное положение вещей поставлено на голову! Именно ограниченность рынков сбыта толкает капиталистов на дальнейшую рационализацию производства! Именно ограниченность рынков сбыта заставляет капиталистов снижать себестоимость и цены производимых им товаров, а это возможно только *на основе рационализации и через нее*, введения технических усовершенствований, снижения зарплаты и удлинения рабочего дня и т. д. и т. п.

Несколько ниже об этом же говорит и сам автор, но это находится в вопиющем противоречии с приведенной нами цитатой.

Особо надо отметить следующее рассуждение А. П. Серебровского. «*За последнее время*,—пишет он,—*рационализация на Западе переживает вторую фазу своего развития*: Раньше (когда? *Г. Т.*) рационализаторские мероприятия производства способствовали овладению *внутренним рынком*, и каждый капиталист стремился возможно шире его завоевать, конкурируя внутри страны с отдельными капиталистами; по мере освоения внутреннего рынка борьба переносится на овладение *внешними рынками*, и здесь уже конкуренция идет не только между отдельными капиталистами, но и между капиталистическими странами».

Таким образом, по схеме т. А. П. Серебровского первая фаза рационализации сводилась к овладению внутренним рынком, а вторая, в которую капитализм вступил только «за последнее время», расширила борьбу за овладение «*внешними рынками*». Эта наивная «теория» империализма свидетельствует о полнейшей невинности автора по части знания ленинской теории империализма. Но говорить через 13 лет после чудовищной империалистической бойни, имевшей своим содержанием борьбу за рынки *сбыта* и сырья, что только «за последнее время» и то только как результат «второй фазы» рационализации, борьба между капиталистами «переносится на овладение внешними рынками» это... тоже чудовищно!

Борьба за рынки сбыта—явление «последнего времени»! Империализм—результат «неумеренной рационализации»! Это воистину нечто совершенно «сногшибательное»!

Но этим автор не ограничивается. Дальше он утверждает, что «*в конечном результате* капиталистическая рационализация является препятствием к дальнейшему росту производительных сил и к введению технических усовершенствований. Но зато (!) в ней залог сплочения рабочего класса, залог упадка и разложения капиталистического строя, залог обострения классовых противоречий и окончательного свержения капитализма».

Это «в конечном результате»—изумительно! «В конечном результате» капитализм неминуемо погибнет и уступит место более совершенной форме хозяйства — социализму. Но совершенно другое доле, что дает и чем является капиталистическая рационализация *на данном отрезке времени*. Бесспорно верно, что капиталистическая рационализация несет рабочему классу безработицу, физическое и духовное его истощение и т. д. и т. п. Но утверждать, что та гигантская рационализаторская работа, которую проводит за последние годы капитализм, является *на данном отрезке времени* залогом «упадка и разложения капиталистического строя»—неверно, ошибочно. *На данном отрезке времени* капиталистическая рационализация, дополненная рядом технических усовершенствований, постановкой ряда новых производств, в значительной мере способствовали дальнейшему продвижению капитализма вперед и его экономической и политической стабилизации.

Неверно также утверждение А. П. Серебровского, что «в общем рационализация на Западе (обогащает) народное хозяйство тем, что увеличивается основной капитал, т.-е. больше механизируется процесс производства и наилучшим образом используются естественные богатства».

Совершенно не обязательно, чтобы рационализаторская работа вызывала увеличение основного капитала. Суть рационализации заключается и в лучшем, более совершенном использовании наличного оборудования. Из нашей практики мы знаем, что подчас простая перестановка машин по ходу производственного процесса давала значительный

производственный эффект. Между тем эта работа ни на иоту не увеличивала общей величины основного капитала.

Неверно представляются автором и источники капитальных вложений в промышленность царской России. «В прежнее время,—пишет А. П. Серебровский,—*в царской России* также *тратились большие средства* на капитальное строительство, ставились новые производства, новые заводы, но *затраты на них производились иностранным капиталом*».

Бесспорно, что иностранный капитал играл весьма значительную роль в развитии нашей промышленности (особенно это относится к 90 и 900 годам). По данным П. Оля, общая сумма иностранного капитала, вложенного в промышленность царской России ко времени войны, составляла больше 1.630 млн. зол. рублей. Но в корне ошибочно думать, что *только* иностранный капитал участвовал в капитальных вложениях в нашу промышленность. Капитальные вложения в промышленность за последнее предвоенное десятилетие в основном шли за счет накопления внутри страны.

Динамика внутренних накоплений и участия иностранного капитала [1]).

Годы	Капитал Туземный (милл. руб.)	Капитал Заграничный (милл. руб.)
1893—1896	103,7	144,9
1897—1900	111,8	450,7
1901—1904	209,4	181,6
1905—1908	339,1	370,7
1909—1911	913,1	284,0

Кстати сказать, возможность развития промышленности за счет накоплений внутри страны и являлась одной из предпосылок возможности социалистического строительства в нашей стране. Если бы этого условия не было, если бы развитие нашей промышленности целиком зависело от участия и доброй воли иностранного капитала, если бы все это было, то ни о каком строительстве социализма, ни о какой экономической независимости нашего хозяйства от хозяйства капиталистического нельзя было бы и говорить.

Конкретный материал приводится в книге А. П. Серебровского весьма обильный, хотя и имеет в большинстве случаев газетный характер и притом сплошь и рядом значительно устаревший. Автор добросовестно использовал газетную хронику и газетную информацию. Особенно это относится к главе II и III.

Чрезвычайно устаревшими данными оперирует автор в определении количества стандартов. В настоящее время количество утвержденных стандартов не 52, как об этом пишет А. П. Серебровский, а свыше 100.

Глава пятая, посвященная новому промышленному строительству СССР, носит узко информационный характер. На протяжении 90 страниц автор описывает все строящиеся и предполагаемые к строительству заводы и фабрики. Однако, в значительной мере и этот материал, особенно это относится к крупнейшим об'ектам промышленного строительства, представляющим наибольший интерес для читателя, известен уже из газет. Отдельные неточности, которые здесь встречаются, опять-таки об'ясняются некоторой устарелостью данных, которыми располагал автор.

[1]) М. Н. Покровский. Очерк истории русской культуры, т. I, стр. 176, ГИЗ 1921 г.

Глава шестая «Рационализация в пятилетнем плане развития промышленности» представляет собой перепечатку (без сколько-нибудь существенных изменений и сокращений и без всякой ссылки на источник) главы «Технико-производственного момента в перспективном плане развития госпромышленности в пятилетке 27/28—31/32», из большой работы, выпущенной ВСНХ СССР под названием: «Материалы к пятилетнему плану развития промышленности СССР». (См. стр. 73—86 названной работы).

В настоящем своем виде рецензируемая нами работа А. П. Серебровского, едва ли может претендовать на «директиву—совет» хозяйственникам в области рационализации промышленного производства.

Г. Ташин.

ОПЕЧАТКИ в № 15—16.

Напечатано:	Должно быть:
Стр. 36, строка 16 сверху—«Вот это безотносительное уже».	«Вот это безответственное уже»
Стр. 40, строка 9 снизу — «т.-е. попросту жуликов»	«т.-е. попросту кулаков»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 30 СЕНТЯБРЯ 18

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП (б)

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 7
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

Главлит № 99012. Тираж 75.000.

Тип. Изд-ва «Правда» и «Беднота». Яузский мост, Серебрянич. наб., д. № 23/2.

На грани.

X с'езд нашей партии уделил особое внимание вопросу об условиях и методах дискуссии и об отношении партии к фракционной работе внутрипартийных оппозиционных течений. По предложению Ленина с'езд заявил, что партия должна вести против фракционеров самую решительную, самую энергичную, не исключающую применения крайних средств, борьбу. Предложение об исключении из состава центрального комитета и даже из состава партии тех членов партии, которые, несмотря на определенные решения с'езда, продолжают свою фракционную работу, было внесено и принято потому, что с'езд видел те перспективы, которые неизбежно станут перед углубляющими фракционную работу оппозиционерами, видел те опасности, которыми чревата фракционность с точки зрения диктатуры пролетариата.

Опыт внутрипартийной борьбы последних лет доказал, что с'езд совершенно правильно оценил опасности фракционной борьбы, что он правильно рассматривал фракцию, продолжающую свою деятельность, несмотря на решения партии, как на *зародыш новой партии*. Оппозиционный блок, организовавшийся во фракцию по мере обострения своей борьбы против партии, со все большей ясностью выступает, как зародыш второй партии. Из чего это видно?

Во-первых, фракция оппозиционного блока *конспирирует* от партии; она существует, как организация нелегальная, тщательно скрывающая от партии свою работу, свои собрания, свои документы, свои связи, свои центры; она существует, как конспиративная, скрывающаяся от партийного ока политическая организация.

Во-вторых, она имеет в зародышевом состоянии *свой* собственный *аппарат*, свои организующие и распределительные центрики, свою «иерархию» отношений.

В-третьих, она имеет *свою внутрифракционную дисциплину*, которая рассматривается членами фракции, как высшая дисциплина, определяющая политическое поведение всех членов партии, входящих в оппозиционный блок.

Таким образом перед нами налицо—хотя и очень малочисленный, но значительно развившийся зародыш новой партии и при

том не партии вообще, а *партии борющейся против ленинской коммунистической партии, которая руководит диктатурой пролетариата.* Необходимо осмыслить тот факт, что появление зародыша *новой, второй партии* может иметь место только в том случае, если эта вторая нарождающаяся партия имеет своей целью борьбу против существующей единственной и единой коммунистической партии. Всякому понятно, что представители оппозиционного блока, не вступали бы на путь образования *второй* партии, если бы они не считали своей важнейшей задачей борьбу против нашей партии. Политика создания второй партии обязательно, непременно предполагает такую оценку нашей партии и ее руководства, из которой вытекает необходимость особого организационного оформления, создания особой политической организации, принципиально враждебной по своей линии нашей партии.

Идейный вождь оппозиционного блока, тов. Троцкий, имеет большой стаж борьбы с большевистской организацией. В данной связи очень уместно вспомнить, как Троцкий предлагал отнестись к организационным принципам в 1904 г. в брошюре «Наши политические задачи».

> «Дисциплина—писал он—имеет смысл лишь до тех пор, пока обеспечивает возможность бороться за то, что считаешь правильным и во имя чего налагаешь на себя дисциплину. Но когда известное направление поставлено перед перспективой «лишения прав», т.-е. лишения возможности бороться за идейное влияние,—тогда вопрос его существования из вопроса права превращается для него в вопрос силы... В этом последнем случае представители крамольного течения, в зависимости от остроты положения, *либо раскалывают партию, ставя реальную дисциплину по отношению к своим принципам выше «принципа» формальной дисциплины, либо остаются в партии, стараясь давлением своего влияния свести ограничения связывающей их партийной дисциплины к минимуму,* чтобы тем самым обеспечить себе максимум свободы действия и противодействия вредным тенденциям. Поскольку они будут сознательно высвобождать себя из-под узды партийной принудительности во имя интересов партии, как они их понимают, и поскольку их влияние позволит им это сделать, постольку жалким суеверием будет всякая попытка противной стороны удержать их повторением слова «дисциплина». Ничто не может быть менее внушительным, чем фигура политического «вождя», прибегающего в решительную минуту к подобного рода заклинаниям. Это нужно запомнить раз навсегда».

Со времени написания этих строк прошла почти четверть века. Но последующий политический опыт тов. Троцкого, как

и его теперешняя оппозиция доказали, что он-то «запомнил» эти свои положения «раз навсегда». В борьбе против партии он не останавливался ни пред чем, чтобы «давлением своего влияния свести ограничение связывающей партийной дисциплины к минимуму»..., «сознательно высвобождая себя из-под узды партийной принудительности». Он не верил «заклинаниям» партийной массы, требующей соблюдения партийной дисциплины. Особенность положения оппозиции заключается теперь в том, что от политики «ограничения связывающей их партийной дисциплины», они подошли теперь к политике «раскола партии». Создание элементов новой второй партии свидетельствует о переходе из первого «этапа» борьбы против партии во второй.

Если прежде оппозиция считала себя вправе ставить под сомнение верность некоторых решений партии, то теперь она считает для себя возможным вообще не считаться с коллективной волей партии, не считаться с решениями партийных с'ездов, не считаться с партийной дисциплиной. Троцкий предлагал когда-то поставить «реальную дисциплину по отношению к своим принципам выше «принципов» формальной дисциплины» и видел проявление подобного отношения к дисциплине в политике раскола партии, в политике создания второй партии. В наши дни «реальная дисциплина» для Троцкого и всех участников оппозиционного блока это есть их фракционная дисциплина, дисциплина новой зарождающейся партии, а дисциплина нашей партии рассматривается ими как «формальная дисциплина», подчиненная их «*реальной*» фракционной дисциплине.

Оппозиция создает «прикрываясь, криками о единстве», другую партию для борьбы с ленинской партией. Они хотят положить конец режиму, в условиях которого диктатура пролетариата осуществляется под руководством единой и единственной коммунистической партии пролетариата.

То, что у нас с начала Октябрьской революции коммунистическая партия является единственной легальной партией—это есть не случайное явление, а это есть один из основных принципов диктатуры пролетариата в нашей стране. Диктатура пролетариата *не может* успешно продвигаться вперед по пути к социализму, подавляя своих классовых врагов и осуществляя дело освобождения эксплоатируемых от эксплоататоров, *без этой политической монополии коммунистической партии.* Хотя наша страна и располагает достаточными *внутренними* силами для построения социализма, но она поставлена в самые невыгодные условия, как *первая* страна, прорвавшая империалистический фронт, как *первая* страна, в которой практически осуществляется социализм в окружении враждебным кольцом империалистических стран и в окружении многочисленнейшей мелкой буржуазией, химически выделяющей крупную буржуазию. В таких усло-

виях политическая монополия коммунистической партии является непременным условием осуществления классовой диктатуры пролетариата.

Борьба против нашей партии, руководящей диктатурой пролетариата, борьба, которая сопровождается попыткой создать другую партию, оспаривающую право коммунистической партии на руководство пролетарским государством,—эта борьба в отмеченных условиях *неизбежно превращается в борьбу против пролетарской диктатуры за политическую демократию буржуазного типа*. Если можно «оправдать» курс на образование второй партии, то почему нельзя «оправдать» образование третьей партии, четвертой, пятой и т. д.? Грань лежит как раз там, где начинается отрицание политической монополии за коммунистической партией и начинается борьба за вторую партию. *Принципиальное допущение второй партии уже предрешает вопрос о принципиальном допущении и других партий*. Таким образом, перерастание фракции в другую партию расчищает почву для борьбы против диктатуры пролетариата *за буржуазную политическую демократию*.

Но если существуют две или несколько политических партий, которые разделяются коренными разногласиями по основным вопросам политики пролетарского государства, если эти партии борятся в условиях борьбы различных классов, в сложнейшем переплете классовой борьбы,—то эти разногласия, то это различие позиций по коренным вопросам политики *не могут не носить классового характера*, не могут не иметь в основе *различных классовых корней*.

Именно поэтому партия будет решительно и всеми средствами бороться против попытки сорвать режим пролетарской диктатуры, для которого характерно руководство государством со стороны *единой и единственной коммунистической партии*. Об'единенный пленум ЦК и ЦКК совершенно правильно оценил попытку создания второй партии, как об'ективный результат давления на оппозицию *«третьей силы»*. Члены партии, еще остающиеся в рядах оппозиционного блока, уже имеют возможность убедиться на опыте своей фракционной борьбы против партии, что пленум был прав, давая подобную оценку перспектив и об'ективного смысла фракционной борьбы.

Конспирируясь от партии, оппозиция обнаруживает стремление скрыть свой аппарат, свою «технику» с помощью *беспартийных* элементов. Создается положение, при котором зародыш новой партии обрастает определенным слоем беспартийных, втягиваемых в борьбу против партии. Суть дела не меняется тем фактом, что оппозиционеры ставят себе суб'ективно задачу борьбу за коммунизм. Факт остается фактом. Борьба против партии сопровождается созданием вокруг фракционных центров некоторого

беспартийного «актива». С другой стороны, этот последний отнюдь не исходит в своих политических действиях из коммунистических большевистских посылок. У него существуют свои связи, свои идеи, свои, на время потухшие, политические планы, которые возрождаются, благодаря тому, что они попадают в политическую организацию, смыслом существования которой является борьба с коммунистической партией.

Вовлечение беспартийных в борьбу против партии влечет за собой «облипание» зародыша новой партии элементами, помышлявшими прежде о политических действиях против режима пролетарской диктатуры и повышающие теперь свою активность, поскольку их деятельность может прикрываться законспирированной борьбой членов партии против своей партии, руководящей диктатурой пролетариата. Благодаря этому «облипанию» создается возможность таких положений, когда зародыш второй партии, вопреки личным стремлениям и желаниям оппозиционных членов партии, превращается в прикрытие антисоветских политических элементов.

Оппозиция не замечает, что, обостряя свою борьбу против партии, став фактически на путь борьбы за вторую партию, она об'ективно начинает *борьбу против режима пролетарской диктатуры за режим буржуазно-политической демократии*. Она не замечает того, что ослепление фракционной борьбой привело ее на грань, перешагнуть которую — значит превратиться во врага пролетарской диктатуры. Партия делает оппозиции последнее предупреждение. Она призывает фракционеров осознать то положение, в котором находится оппозиция, осознать, на какую грань поставила себя оппозиция, какой об'ективный смысл имеет теперь ее борьба против партии.

Со своей стороны партия заявляет, что она не остановится ни перед чем в своей борьбе за режим пролетарской диктатуры, в своей борьбе против вольных и невольных попыток опрокинуть этот режим и расчистить почву для буржуазно-политической демократии. Нет никаких сомнений в том, что не только пролетариат, но и широкие массы трудящихся вообще одобрят линию партии, ибо эти массы располагают достаточным политическим опытом, чтобы понять, к чему может привести подмена режима пролетарской диктатуры режимом буржуазно-политической демократии.

Еще один, два шага в том направлении, в котором движется оппозиция в борьбе против партии, и дело станет непоправимым. Настаивать на своих ошибках теперь для оппозиции означает решительно порвать с делом коммунизма. Только так можно оценить настоящее положение вещей.

С. Кругликов.

Как „Капитал“ обрабатывается в угоду капиталу.

В майской книжке органа германской с.-д. «Die Geselschaft» за 1926 г. появилось предисловие Каутского, которым он снабдил новое издание II и III томов «Капитала». Первая часть этого предисловия посвящена выяснению того значения, какое имеет для построения «Государства будущего» знание законов капитализма, изложенных в этих двух томах. Вторая—занимается анализом причин послевоенного кризиса, его особой затяжности и остроты; одновременно с этим Каутский намечает задачи пролетариата.

Какие же выводы извлек из событий последней эпохи и какое употребление дает «Капиталу» в разрешении современных задач маститый идеолог социал-демократии?

Обратимся к анализу послевоенного периода. Эта часть статьи начинается теоретическими положениями о процессе обращения, предназначенными, видимо, для того, чтобы углубить соответственные места «Капитала».

Процесс обращения и гармония классовых интересов.

«Фундаментом пролетарской классовой борьбы являются конечно, классовые противоречия, существующие между капиталом и трудом и вытекающие из производственных отношений.

Но положение рабочих зависит не только от этих отношений. В процессе обращения выступают явления, которые имеют очень большое значение для благосостояния рабочих и которые не теряют в своем весе от того, что в этой области *до известной степени рабочие и капиталисты имеют одни и те же интересы.*

Так, напр., как те, так и другие в одинаковой мере заинтересованы в том, чтобы товарное обращение не приостановилось, ибо каждая такая приостановка обозначает кризис, сопровождаемый самыми болезненными явлениями».

Приведя далее в пример инфляцию, от которой страдают все классы, Каутский приходит к такому общему выводу:

«Таким образом, рабочий столь же заинтересован в *разумной* хозяйственной политике в отношении обращения, как и в отношении производства. Но в виду того, что центр тяжести классовых противоречий находится в области производства, а *в области обращения часто—но ни в коем случае не всегда—существует известная гармония между интересами капиталистов и интересами пролетариев,* — в виду

этого, до мировой войны для пролетариата было мало стимулов для более детального ознакомления с процессом обращения. *Господствовало мнение, что в этой области класс капиталистов сам позаботится о правильном пути»* [1]).

В конце статьи этот мотив, что в обращении исчезают классовые противоречия, выплывает в еще более прямой формулировке

«в области обращения рабочий имеет одинаковые интересы с капиталистами постольку, поскольку и те и другие в одинаковой степени заинтересованы в беспрепятственном развитии процесса обмена» [2]).

Итак, классовые противоречия, а следовательно и классовая борьба вырастают только из процесса производства. Теперь обратимся к «Капиталу».

Второй том его начинается, как известно, учением о кругообороте капитала. Этот отдел посвящен анализу тех трех фаз, которые должен пройти капитал, чтобы осуществилось основное производственное отношение капитализма: создание и реализация прибавочной стоимости.

«Процесс, взятый в целом, изображается как единство процесса производства и процесса обращения; процесс производства становится посредствующим звеном в процессе обращения и наоборот. У всех трех кругооборотов есть одна общая черта: увеличение стоимости, как цель, определяющая процесс, как движущий мотив» [3]).

Из такой постановки вопроса совершенно определенно вытекает недопустимость разрывать процесс производства и обращения, а тем более противопоставлять их, как *принципиально* иные отношения. А именно такое принципиальное противопоставление получается у Каутского, так как в одной области существует *противоречие*, а в другой,—«*гармония*(пусть «известная») между интересами капиталистов и интересами пролетариев». В действительности же, процесс обращения является той сферой, где производственные отношения, замкнутые в рамках единичных предприятий, выступают, как *общественные* отношения. Отсюда полная нелепость такой комбинации, что в процессе производства складывается антагонизм между трудом и капиталом, а в сфере обращения он исчезает.

Первый же самый элементарный пример показывает, насколько искусственно и ошибочно такое деление. Прибавочная стоимость создается в процессе производства. Уровень заработной платы является предпосылкой, определяющей при прочих условиях массу прибавочной стоимости, как излишек сверх необходимой части. В борьбе за уровень заработной платы, а следовательно, и за уровень прибавочной стоимости, обращение играет столь же важную роль, как и производство. Исторически классовая борьба выросла из борьбы за сокращение рабочего дня и за повышение заработной платы. Если первое вызывает борьбу в сфере производства, то второе сталкивает классы прежде всего на поле обращения. Классовая борьба оказывается присущей всему «процессу в целом», всей капиталистической системе.

---

[1]) «Die Gesellschaft», № 5, стр. 457—458. (Подчеркнуто мною. *С. К.*).
[2]) Там же, стр. 468.
[3]) Капитал. Т. II, стр 73.

Разобщение и противопоставление производства и обращения взято Каутским не у Маркса, а у вульгарной экономии, разделявшей хозяйственную жизнь еще со времен Сэя на четыре этажа, связанных в одно лишь механически: производство, обмен, распределение и потребление. Каждый из этих процессов управляется своими законами. Только *с такой* точки зрения позволительно противопоставить производство и обращение так, как это сделал Каутский. Но с марксизмом все это не имеет ничего общего. Для Маркса «производство, распределение, обмен, потребление... образуют собой части целого... обмен во всех своих моментах или непосредственно заключен в производстве, или определяется этим последним»[1]).

Классовые противоречия наполняют сферу обращения и по другой линии. Рабочий, как потребитель, противостоит капиталисту как продавцу. Если в условиях идеального обращения товары продаются по стоимости (или цене производства), то реально это далеко не так. Превышение цены над стоимостью выступает как источник дополнительного обогащения. По существу, часть зарплаты рабочего превращается в данном случае в прибыль капиталиста, понижая реальную цену рабочей силы ниже ее стоимости.

Но быть может гармония классовых интересов устанавливается постольку, поскольку и капиталисты и рабочие «в одинаковой степени заинтересованы в беспрепятственном развитии процесса обмена». Этот аргумент имеет видимость убедительности.

Но его неудобство даже для Каутского состоит в том, что точь в точь такими же словами можно доказать совершенно то же и в отношении процесса производства. В самом деле; рабочий не менее остро страдает и от приостановки обращения товара и от закрытия фабрик. Следовательно, рассуждая по Каутскому, рабочие как и капиталисты «в одинаковой степени заинтересованы в беспрепятственном развитии процесса»... производства. Следовательно, классовая гармония существует и в процессе производства. Но ведь «центр тяжести классовых противоречий находится в области производства»!

Таким образом, этот аргумент доказывает «слишком много».

«Господствовало мнение, что класс капиталистов сам позаботится о правильном пути». Поэтому пролетариат полагался на ту «разумную» политику, которую осуществлял класс капиталистов. Все это относится только к процессу обращения. Даже Каутский не докатился еще до того, чтобы утверждать, что и в процессе производства капиталисты заботятся об интересах всех классов. Да и в этом ему просто не поверит даже самый темный, самый одураченный рабочий. Здесь опять налицо рассечение производства и обращения, при чем в производстве капиталисты руководятся принципом максимального извлечения прибавочной стоимости, а в обращении «пекутся» о «правильном пути».

Что общего у всех этих построений с той основной мыслью «Капитала», что прибыль является *единственным* стимулом капиталистической системы? Сознательно класс капиталистов никогда не ставит себе задачей регулирование общественного производства, как такового. Каждый капиталист в отдельности, как и весь

[1]) «Введение к критике» (Сб. «Основн. проблемы политэкономии», стр. 22. изд. 1925 г.).

класс в целом могут *сознательно* руководствоваться только прибылью и ничем больше. Об'ективный же результат в виде прогрессирующего развития системы является слепым, стихийным результатом.

Каутский выбрасывает за борт одно из центральных положений «Капитала». Процесс обращения превращается в рай для пролетариата. Капиталисты выступают, как радетели общественного производства. Можно ли после этого придумать большее издевательство над памятью Маркса, над духом его системы? В предисловии к «Капиталу» в качестве «последнего слова» марксизма преподносятся сентенции, списанные с «Экономических гармоний» Бастиа.

Причины кризисов.

Но классовая благодать в области обращения была только до 1914 г. Война перевернула все отношения. Капиталисты стали совсем ненадежны. Если раньше «этот класс сам заботился (напр.) о сохранении здоровой валюты», то теперь «пролетариат не может больше полагаться в валютной политике на капиталистический класс»[1]). Какой-то злой рок руководит в настоящее время сознанием капиталистов и они делают все для того, чтобы обострить и участить экономические кризисы.

Прежде чем перейти к выяснению этого удивительного переворота, необходимо остановиться на том, как Каутский представляет причины кризисов вообще.

«Одной из важнейших причин кризисов, застоев в процессе обращения капитала, являются прорывы в пропорциональности производства. Процесс производства не может итти беспрепятственно вперед, если все отрасли производства не находятся в правильном соотношении одна к другой, в правильной пропорции»[2]).

При капиталистической анархии:

«Лишь с большим трудом удается сохранить необходимую пропорциональность производства. Эта пропорциональность постоянно подвергается опасности быть прорванной, что неизбежно должно привести к кризису»[3]).

Следовательно, по Каутскому, пропорции общественного производства, разобранные Марксом в известных схемах второго тома «Капитала», находят *непосредственное* осуществление в реальном развитии капитализма и что кризис есть ни что иное, как нарушение этих пропорций. Получается весьма упрощенная и совсем неправильная постановка вопроса. Это впрочем старый грех Каутского, так как он никогда не понимал марксовой диалектики в разрешении проблемы кризисов.

Что дает Маркс при анализе воспроизводства во второй книге «Капитала»? Он занимается там изучением условий идеально-пропорционального развития капиталистического производства. Так *должно быть*, чтобы не было никаких нарушений в ходе воспроизводства. Здесь дана абстрактная теория реализации. Но Маркс нигде не ставит вопроса так, будто схемы второго тома находят свое выражение в реальном развитии капитализма. В третьем томе, исследуя всю сумму противоречий капитализма, Маркс

[1]) «Die Gesellschaft», № 5, стр. 458—459.
[2]) Там же, стр. 460.
[3]) Там же, стр. 461.

показывает, почему эти идеальные схемы *не могут* ни в каком случае прямо осуществляться. Действительное воспроизводство есть возобновление и расширение производства на основе одновременного углубления и обострения всех противоречий капиталистической системы.

«Как на основе капиталистического производства,—спрашивает Маркс —где каждый работает для себя... как возможно необходимое уравнивание и связь различных сфер производства, установление соразмерности и пропорции между ними иначе, нежели постоянным уничтожением постоянной дисгармонии?»

«Все уравнивания являются *случайными* и, хотя постоянно происходит процесс уравнивания отношения между капиталами, вложенными в различные сферы, но само постоянство этого процесса предполагает также постоянное нарушение равновесия, которое он должен всегда восстановлять часто насильственным образом» [1]).

Поэтому накопление диспропорций, обострение противоречий, совершенно неизбежны в ходе воспроизводства. Кризис наступает не как приостановка потерявшей равновесие системы, а как взрыв противоречий, как момент уничтожения диспропорций. Кризис открывает новый круг развития, который с первых же шагов снова ведет к накоплению противоречий.

По Каутскому кризисы—момент нарушения равновесия.

По Марксу

«кризисы всегда представляют только временное насильственное разрешение существующих противоречий, насильственные взрывы, которые на мгновение восстанавливают нарушенное равновесие» [2]).

«Мировые кризисы должны рассматриваться, как реальное соединение и насильственное уравнение всех противоречий буржуазной экономии» [3]).

Диспропорции возникают не в момент кризиса. Они создаются и углубляются всем ходом воспроизводства. Капитализм не знает пропорционального развития даже с теми оговорками, которые делает Каутский. Диспропорции и противоречия сопровождают капитализм на всех ступенях. Все дело в том, что они обнаруживаются не сразу и взрываются в кризисе после некоторого периода их накопления. Это делает возможным развитие капитализма между кризисами, несмотря на его имманентную противоречивость.

Идея «непрерывности производства».

Рассмотренная выше пропорциональность обязана своим сохранением не только игре спроса и предложения. Пропорциональность вряд ли могла бы сохраняться без самых тяжелых кризисов.

«Если бы тут не появлялся еще второй момент,—*непрерывность производства* (подчеркнуто автором), т.-е., *если бы процесс производства не повторялся из года в год приблизительно в одинаковом размере*. Таким образом, соотношение отдельных отраслей производства, несмотря на анархический,

[1]) Маркс «Теория приб. стоим.», т. II, ч. II, стр. 195 и 166.
[2]) «Капитал» III, ч. I, стр. 225, изд. 1907 г.
[3]) «Теория приб. стоим.», т. II, ч. II, стр. 177—178.

не регулируемый никакой общественной силой характер экономической жизни, не носит случайного характера и приобретает постоянство и вместе с тем определенность. Конечно, не весьма точную определенность, ибо сами собой непрерывно появляются мелкие изменения как природного характера, например, хорошие и плохие урожаи, так и технические—какое-либо новое изобретение, или экономические, например, железная дорога, открывающая рынок, и т. д., которые вызывают снова изменения в соотношении отдельных отраслей производства между собой, при чем регулятором является колебание цен.

Впрочем, *эти колебания от года к году незначительны и в общем и целом все же сохраняется непрерывность производства*» [1]).

Несколько выше прямо говорится: «Die Kontinuität (die unveränderte Fortführung) der Produktion» [2]) «непрерывность (т.-е. *С. К.*) (неизменное продолжение) производства». Таким образом, пресловутая «непрерывность» сводится попросту к неизменности уровня производства и тех пропорций в производственном механизме, какие соответствуют этому уровню. Единственным «возмущающим фактором», который вызывает в общем незначительные отклонения, являются колебания урожаев, изобретения, новые железные дороги и т. д. В результате получается «оригинальная» идея, что капитализм движется по прямой с легкими отклонениями, неизменяющими общего уровня; по прямой, прерываемой лишь кризисами.

Такое представление несовместимо, во-первых, ни с какой прогрессирующей производственной системой. Рост производительных сил при всех условиях, в том числе и в социалистическом обществе, означает перегруппировку внутри производства. Каждый новый уровень потребует иных пропорций между отраслями, поскольку, напр., более быстро должны расти отрасли, производящие средства производства.

Такое представление не имеет, во-вторых, ничего общего с действительностью, так как характернейшей формой развития капитализма является промышленный цикл. При чем смена фаз цикла (под'ем, кризис, депрессия) происходит на повышающемся от цикла к циклу уровне. Так что развитие получает характер резкой зигзагообразной кривой. После каждого кризиса не происходит простого возвращения к прежним пропорциям. К началу каждого нового под'ема достигается некоторое равновесие каждый раз на новой основе.

Маркс не занимался в «Капитале» специальным анализом промышленного цикла. Но в третьем томе разбросано достаточно много замечаний по этому вопросу, чтобы иметь основание утверждать, что идея «непрерывности производства» глубоко чужда представлению Маркса о капиталистической динамике. Маркс так представляет себе движение капиталистической системы:

«цикл оборотов, в которых движется современная промышленность—состояние покоя, возрастающее оживление, расцвет, перепроизводство, крах, застой» [3]).

[1]) «Die Gesellschaft», стр. 461. Неоговоренное подчеркнуто мной. *С. К.*
[2]) Там же, стр. 460.
[3]) «Капитал», т. III, I, стр. 336—337.

А вот как выглядит кривая развития Англии тех времен:

«Для английской промышленности с ее десятилетними циклами развития (1815—1870) максимум последнего периода расцвета *перед* кризисом совпадает каждый раз с минимумом ближайшего следующего периода расцвета. Затем поднимается до нового более высокого максимума» [1]).

Что общего с этой марксовой постановкой вопроса у идеи непрерывного, т.-е. из года в год «приблизительно» неизменного воспроизводства?

Идея «непрерывности» вытекает у Каутского из его немарксистского представления реального процесса воспроизводства. Он не понимает того, что реальное воспроизводство идет не по идеальным схемам абстрактной теории реализации, а представляет собой цикл периодического накопления и кризисного разрешения целого клубка противоречий и диспропорций. Поэтому периодические сдвиги и перегруппировки внутри производственной системы являются неизменным спутником капиталистического воспроизводства.

Но быть может «идея непрерывности» имеет еще другой смысл. Быть может она означает *не неизменность*, а просто *отсутствие перерывов*, несмотря на все колебания. Разберемся и в этом варианте, хотя положения Каутского звучат весьма недвусмысленно в пользу «неизменности».

В этом случае идея «непрерывности» равнозначуща непрерывному повторения производства, т.-е. воспроизводству в самом общем смысле. Получается весьма тощее обобщение: выход из кризисов облегчается тем, что общество, в силу постоянного возобновления потребностей, должно постоянно возобновлять производство. Но такое понимание не продвигает об'яснение кризисов ни на шаг вперед, потому что 1) и во время кризисов не получается полной приостановки (перерыва) производства по всей линии, т.-е. в известной мере сохраняется «непрерывность». 2) Центр тяжести вопроса заключается как раз в об'яснении того, какие силы выводят производство из кризиса к новому под'ему.

В этом случае нужно обратиться к анализу всей суммы основных противоречий капитализма в их динамике. Худосочная же идея «непрерывности» здесь ничем не поможет. Но эта идея имеет другой гораздо более важный смысл.

Социал-демократическая догма всегда отличалась тем, что вопрос о переходе к социализму ставила в плоскую метафизическую связь с развитием производительных сил. После войны этот тезис «углубился». Сразу после войны оказалось невозможным переходить к социализму потому, что производительные силы разрушены. Сначала нужно их восстановить, а потом ставить вопрос о переходе.

В этой связи идея «непрерывности» превращается в центральную идею. Переход к социализму путем революционной ломки оказывается с этой точки зрения невозможным. Производство должно быть непрерывным. Иначе кризис и всякие прочие бедствия. Отсюда—«лоскутная социализация», переход к социализму по отдельным отраслям; на это время коалиция с буржуазией, как политическая форма перехода.

[1]) «Капитал», т. III, ч. Ii, стр. 38—39.

Именно с этой концепцией связана у Каутского идея «непрерывности производства».

«Речь не будет итти о том, чтобы построить совершенно новый экономический строй из ничего, но о том, чтобы продолжать развитие современного строя в направлении к социализму» [1]).

Что значит «продолжать развитие» (weiterzuentwickeln)? Если это заключает переход к социализму, то развитие *капитализма прервется*. Вместе с тем должен на некоторое время притти в расстройство и процесс производства, пока он хотя бы в самом черновом виде не перейдет на новые основы. Если же в этом заключается сохранение «непрерывности» во что бы то ни стало, то это положение неминуемо приведет к продолжению в бесконечность капиталистической системы. Перейти с одних рельс развития на принципиально иные никак нельзя без прыжка. Кто боится и не хочет этого прыжка, тот будет «катиться в будущее» по капиталистическим рельсам.

Мы вернемся еще к этому при разборе вопроса о социализации, а пока обратимся к современной эпохе в изображении Каутского.

Причины послевоенных кризисов.

Война нарушила пропорциональность и непрерывность производства.

«Важнейшая экономическая задача государственной власти в каждой стране после окончания военных действий состояла в том, чтобы использовать свое влияние в производственном процессе в том смысле, чтобы переход промышленности от работы на войну к производству мирного времени произошел в таком виде, в котором требуемая пропорциональность различных сфер производства была бы снова восстановлена».

Но в то же самое время, «политика со времени заключения мира не только не старалась снова восстановить прерванную войной пропорциональность производства, но она скорее действовала роковым образом в том направлении, чтобы обострить и продлить эру кризисов» [2]).

Чем же об'ясняется столь нелепое положение? Дело, оказывается, в том, что

«мирная политика господствующих классов во всех почти государствах управляется не экономическим и уже во всяком случае не марксистским знанием, а выросшим во времена войны культом грубой силы, дававшей повод воображать, что обладая им, можно не считаться ни с какими экономическими законами,—того насилия, носители которого были еще ослеплены чувством ненависти, страха и недоверия, выросшим во время войны до бессмыслицы» [3]).

Поэтому послевоенные кризисы

«в самой значительной части представляют собой продукт политики правительств, и они могли быть избегнуты также и при существовании капиталистического хозяйства.

[1]) «Die Gesellschaft», № 5, стр. 456.
[2]) Там же, стр. 463 и 464.
[3]) Там же, стр. 463.

если бы только политика правительств определялась несколько в более слабой степени милитаристическими и монополистическими соображениями, и в более сильной степени экономическим пониманием потребностей процесса обращения» [1]).

«Уже до войны создавшиеся предпринимательские союзы пытались для отдельных отраслей производства выколачивать сверхприбыль путем изнасилования законов обращения. Мировая война еще более усилила потребность обладателей больших капиталистических монополий в изнасиловании экономических законов капиталистического развития и увеличила средства для этого. Эти законы попираются все в большей степени не только милитаристами, но также и крупными финансовыми магнатами и оказываемое этому явлению сопротивление внутри капиталистического общества, становится все слабее» [2]).

Картина рисуется в общем итоге так: 1) современный капитализм имеет еще все основания для дальнейшего развития.

2) После войны, как и до нее, класс капиталистов должен был бы (!) позаботиться о соблюдении равновесия и пропорциональности общественного производства.

3) Но господство монополий приводит к «изнасилованию» законов обращения.

4) Причина всех зол заключается в том, что политика определяется «милитаристическими и монополистическими соображениями» и вдохновляется «культом грубой силы» и «чувством ненависти, страха и недоверия».

Чем же все-таки об'яснить, что до войны капиталисты вели «разумную политику», а теперь поддались милитаристическим соображениям и всем прочим порокам?

Как об'яснить с точки зрения приведенных положений тот общеизвестнейший факт, что С.-А. С. Ш.—страна самого высокого монополистического капитализма—находится в процессе бурного роста. В то же время Англия—тоже страна победительница идет по нисходящей?

Почему расползается Британская империя, в которой дольше чем где бы то ни было держались фритредерские традиции?

Почему Европа теряет свое исключительное положение в мировой системе и бурно растут внеевропейские страны?

Ведь всюду одинаково господствует политика, руководящаяся «монополистическими» соображениями и вдохновляемая «культом грубой силы»?

Ни на один из этих вопросов нельзя ответить, имея за душой лишь либерально-пацифистскую болтовню об «изнасиловании законов обращения» и «культе грубой силы».

Об'яснение современного положения Англии ошибочной политикой вдохновляемой «чувством ненависти, страха и недоверия» не будет ничем отличаться от об'яснения, напр., небезызвестного Авгура, что все беды Англии есть результат большевистских козней. Но Авгур не берется поучать человечество идеям Маркса и не пишет предисловия к «Капиталу».

[1]) «Die Gesellschaft», стр. 459.
[2]) Там же, стр. 468.

Во всех рассуждениях Каутского выпала одна малость... эпоха империализма со всеми ее характерными чертами.

По Каутскому вся эта эпоха есть лишь результат ошибочной политики, милитаристических «увлечений» и т. п. неприятных «случайностей». Целое столетие промышленный капитализм развивался по всем законам обращения и капиталисты свято блюли эти законы, но созданные «монополистическими увлечениями» предпринимательские союзы стали за последнее полстолетие насиловать эти законы. Вот все, что осталось за душой у Каутского от метода и основных положений экономической системы Маркса.

Современное господство монополий есть результат процесса концентрации и централизации. Современный финансовый капитал, есть качественно новое явление, выросшее из развития кредитной системы, акционерной формы предприятий и т. п. Развитие внутренних противоречий закона тенденции нормы прибыли к понижению, в основном обусловило такой огромный рост экспорта капитала со всеми его большими следствиями. Таким образом, все эти новые процессы созданы внутренним развитием основных тенденций капитализма.

Быть последователем Маркса в настоящую эпоху—это значит с помощью его метода изучать те новые специфические формы, в каких на настоящей ступени развития проявляются исследованные в «Капитале» основные законы капитализма. Такое изучение даст ключ к пониманию противоречий последних десятилетий и событий послевоенной эпохи. Это и есть путь Ленина.

Каутский же превращает систему Маркса в фразеологию, прикрывающую самые пошлые положения современной вульгарной политической экономии.

Свобода торговли и пролетариат.

Положительная программа Каутского стоит целиком на уровне его зауряд-либерального понимания эпохи. Он зовет назад в потерянный рай свободной торговли.

«Там, где невозможно социалистическое производство, свободный обмен и свобода торговли, если они проведены всесторонне, образуют лучшее условие для развития как производительных сил, так и сил пролетариата» [1]).

Каутский ставит, таким образом, вопрос о свободе торговли, как *всеобщем* двигателе производительных сил.

Конкуренция существует, конечно, и в монополистическую эпоху, но, во-первых, она приобрела совершенно иные формы, превратившись в основном в борьбу монополистических групп не столько политикой низких цен, сколько системой таможенных оград, раздела мира, вооруженного передела и т. п.; во-вторых, свободная конкуренция в том виде, в каком она господствовала до последней четверти XIX века имеет теперь весьма ограниченное поле деятельности и играет весьма подчиненную роль.

Призыв к свободной торговле есть попытка повернуть развитие вспять. Что Каутскому до того, что свобода торговли логикой своего собственного развития переродилась в монополию, что мир разбит на капиталистические группы, борющиеся не за свободу

[1]) «Die Gesels. haft», стр. 466.

если бы только политика правительств определялась несколько в более слабой степени милитаристическими и монополистическими соображениями, и в более сильной степени экономическим пониманием потребностей процесса обращения» [1]).

«Уже до войны создавшиеся предпринимательские союзы пытались для отдельных отраслей производства выколачивать сверхприбыль путем изнасилования законов обращения. Мировая война еще более усилила потребность обладателей больших капиталистических монополий в изнасиловании экономических законов капиталистического развития и увеличила средства для этого. Эти законы попираются все в большей степени не только милитаристами, но также и крупными финансовыми магнатами и оказываемое этому явлению сопротивление внутри капиталистического общества, становится все слабее» [2]).

Картина рисуется в общем итоге так: 1) современный капитализм имеет еще все основания для дальнейшего развития.

2) После войны, как и до нее, класс капиталистов должен был бы (!) позаботиться о соблюдении равновесия и пропорциональности общественного производства.

3) Но господство монополий приводит к «изнасилованию» законов обращения.

4) Причина всех зол заключается в том, что политика определяется «милитаристическими и монополистическими соображениями» и вдохновляется «культом грубой силы» и «чувством ненависти, страха и недоверия».

Чем же все-таки об'яснить, что до войны капиталисты вели «разумную политику», а теперь поддались милитаристическим соображениям и всем прочим порокам?

Как об'яснить с точки зрения приведенных положений тот общеизвестнейший факт, что С.-А. С. Ш.—страна самого высокого монополистического капитализма—находится в процессе бурного роста. В то же время Англия—тоже страна победительница - идет по нисходящей?

Почему расползается Британская империя, в которой дольше чем где бы то ни было держались фритредэрские традиции?

Почему Европа теряет свое исключительное положение в мировой системе и бурно растут внеевропейские страны?

Ведь всюду одинаково господствует политика, руководящаяся «монополистическими» соображениями и вдохновляемая «культом грубой силы»?

Ни на один из этих вопросов нельзя ответить, имея за душой лишь либерально-пацифистскую болтовню об «изнасиловании законов обращения» и «культе грубой силы».

Об'яснение современного положения Англии ошибочной политикой вдохновляемой «чувством ненависти, страха и недоверия» не будет ничем отличаться от об'яснения, напр., небезизвестного Авгура, что все беды Англии есть результат большевистских козней. Но Авгур не берется поучать человечество идеям Маркса и не пишет предисловия к «Капиталу».

[1]) «Die Gesellschaft», стр. 459.
[2]) Там же, стр. 468.

Во всех рассуждениях Каутского выпала одна малость... эпоха империализма со всеми ее характерными чертами.

По Каутскому вся эта эпоха есть лишь результат ошибочной политики, милитаристических «увлечений» и т. п. неприятных «случайностей». Целое столетие промышленный капитализм развивался по всем законам обращения и капиталисты свято блюли эти законы, но созданные «монополистическими увлечениями» предпринимательские союзы стали за последнее полстолетие насиловать эти законы. Вот все, что осталось за душой у Каутского от метода и основных положений экономической системы Маркса.

Современное господство монополий есть результат процесса концентрации и централизации. Современный финансовый капитал, есть качественно новое явление, выросшее из развития кредитной системы, акционерной формы предприятий и т. п. Развитие внутренних противоречий закона тенденции нормы прибыли к понижению, в основном обусловило такой огромный рост экспорта капитала со всеми его большими следствиями. Таким образом, все эти новые процессы созданы внутренним развитием основных тенденций капитализма.

Быть последователем Маркса в настоящую эпоху—это значит с помощью его метода изучать те новые специфические формы, в каких на настоящей ступени развития проявляются исследованные в «Капитале» основные законы капитализма. Такое изучение даст ключ к пониманию противоречий последних десятилетий и событий послевоенной эпохи. Это и есть путь Ленина.

Каутский же превращает систему Маркса в фразеологию, прикрывающую самые пошлые положения современной вульгарной политической экономии.

Свобода торговли и пролетариат.

Положительная программа Каутского стоит целиком на уровне его зауряд-либерального понимания эпохи. Он зовет назад в потерянный рай свободной торговли.

«Там, где невозможно социалистическое производство, свободный обмен и свобода торговли, если они проведены всесторонне, образуют лучшее условие для развития как производительных сил, так и сил пролетариата» [1]).

Каутский ставит, таким образом, вопрос о свободе торговли, как *всеобщем* двигателе производительных сил.

Конкуренция существует, конечно, и в монополистическую эпоху, но, во-первых, она приобрела совершенно иные формы, превратившись в основном в борьбу монополистических групп не столько политикой низких цен, сколько системой таможенных оград, раздела мира, вооруженного передела и т. п.; во-вторых, свободная конкуренция в том виде, в каком она господствовала до последней четверти XIX века имеет теперь весьма ограниченное поле деятельности и играет весьма подчиненную роль.

Призыв к свободной торговле есть попытка повернуть развитие вспять. Что Каутскому до того, что свобода торговли логикой своего собственного развития переродилась в монополию, что мир разбит на капиталистические группы, борящиеся не за свободу

[1]) «Die Gesels. haft», стр. 466.

торговли, а за расширение сфер своего монопольного господства, исключающего свободную конкуренцию. Что до того, что тенденции, приведшие к такому перерождению, анализированы еще в «Капитале». Что до всего этого Каутскому?! Свобода торговли должна торжествовать. И если капитализм в своем развитии отбрасывает ее, то пролетариат должен позаботиться о торжестве попранных законов. Тут мы подходим к одной из вершин каутскианского глубокомыслия.

«Задача пролетариата все в большей степени сводится к тому, чтобы выступить за соблюдение этих законов. Пролетариат попадает все больше в то странное положение, при котором в число его задач входит не только преодоление капиталистического способа производства и замена его социалистическим, но также и защита законов этого способа производства против изнасилования их монополистами крупного капитала, связанными с крупными аграриями, генералами, бюрократами, фабрикантами, профессорами и т. д.» [1]).

Положение действительно странное. Как понимать это замечательное сочетание: «Не только преодоление капиталистического способа производства... но также и защита законов этого способа производства»? В какой же последовательности пролетариат должен осуществлять такую программу? Если преодолевать капитализм, это значит преодолевать и те законы, по которым он развивается и переводить человечество на иные пути развития. Отправным пунктом в этом случае будет монополистическая система, которая задолго до пролетарской революции сама преодолела свободную конкуренцию. Если же заниматься восстановлением свободной торговли—это значит в настоящую эпоху отказаться от перехода к социализму. Путь к социализму откроется перед пролетариатом лишь после того, как будут уничтожены все «ненормальности» и «извращения» и снова восторжествует свободная конкуренция.

Такая перспектива может иметь только один об'ективный смысл. Все эти мудрствования являются в конечном счете призывом тащить капитализм из послевоенной трясины. Реальное господство, вопреки всем сказкам о свободной торговле, находится у монополистического капитала. Участие пролетариата в восстановлении «нормальных» отношений явится в конечном счете добровольной поддержкой и укреплением этого господства.

Социализация и обращение.

Предисловие, как мы сказали, начинается «взглядом в будущее». Этот взгляд приходится бросать в 1927 г., когда «путь к власти» уже однажды пройден. Социал-демократы средней Европы стояли уже однажды «у руля». Государственный аппарат был в их руках. Он усиленно наводнялся социал-демократическими чиновниками. Стоял и вопрос о «социализации». Но над всем этим довлела идея «непрерывности производства», которая и привела в конечном счете к Гинденбурговской республике. «Социализация» обанкротилась. После этого одно из двух: или нужно отказаться от идеи «непрерывности», признать единственно возможным способом перехода к социализму, диктатуру пролетариата и революционную ломку всей системы; или держаться за «непрерывность», в таком случае нужно отступать еще дальше по капиталистическому пути.

[1]) Там же, стр. 468.

И вот, в 1927 году ревизионистский папа выступает с «новым поучением».

«Развитие общества в социалистическом смысле дало бы лишь недостаточные результаты, если бы оно ограничилось одним только производственным процессом. Оно должно учитывать весь хозяйственный процесс и влиять регулирующим образом на процесс *обращения* так же, как и на процесс производства» [1]).

Но что значит это новое положение в свете попыток «продолжать развитие современного строя к социализму»? Каутский дает раз'яснение и на сей счет.

«Задолго до того, как пролетариат завоевывает всю государственную власть, он создает себе собственные организации не только для борьбы, но также и для хозяйственной деятельности: кооперативы, хозяйственные предприятия, на основе сотрудничества рабочие банки. И если эти учреждения сами по себе не в состоянии изменить сущность современных способов производства, они все же могут иметь большое значение в качестве школ, в которых представители пролетариата получают подготовку и осваиваются с функциями современных капиталистов и где они приобретают способность самим взяться за выполнение этих функций, поскольку эти функции экономически необходимы, но уже не на пользу эксплоататорам, а в целях освобождения пролетариата.

Все более распространяющееся господство над крупными общинными самоуправлениями, также дает много случаев для практического изучения условий капиталистического процесса обращения» [2]).

В результате этой школы «пролетариат... должен быть в состоянии заменить во всех областях капиталиста пролетарскими учреждениями».

Социализация 1918—1919 г.г. провалилась. Тогда пытались базироваться на обобществлении производства. Теперь открываются новые пути: нужно «зацепиться» за процесс обращения и социализм восторжествует при сохранении «непрерывности производства».

Дело не обходится, конечно, без кивания на большевиков:

«большевистский эксперимент взятия рабочими фабрики в свои руки пострадал вначале, более всего от полного пренебрежения процессом обращения» [3]).

Большевики «пренебрегли процессом обращения». Но ведь никто иной как Ленин в «Грозящей катастрофе» еще в *сентябре 1917 года* развертывал план таких переходных мероприятий, которые опирались на достижения монополистического капитализма как в производстве, так и в обращении. Никто иной как Ленин развивал *весной 1918 года* известный план госкапитализма, рассчитанный именно на то, чтобы найти звенья перехода с учетом всех особенностей товарного хозяйства. И Каутскому, прямо вдох-

[1]) «Die Geselschaft», стр. 455.
[2]) Там же, стр. 456.
[3]) Там же, стр. 455.

новлявшему и вдохновляющему империалистическую интервенцию против СССР, не удастся «учено отбрехаться» от того факта, что дело совсем не в «пренебрежении процессом обращения», а в том, что большевики вынуждены были в пылу борьбы для спасения рабочей диктатуры пренебречь многими принципами экономической целесообразности. Совершив же переход к экономическому строительству, большевики не только сохранили фабрики в руках пролетарского государства, но на исходе первого десятилетия подводят баланс и в области обращения с огромным плюсом для дела социализма.

А вот с чем приходит Каутский к этому рубежу?!

Он понимал в свое время, что основа перехода к социализму—обобществление производства. Но его «ученая» политика (не «эксперимент») оказалась трухой в огне событий.

Что же представляют собой его «новые пути»? К каким берегам плывет социал-демократический патриарх?

«*Сохранение функционирующего хозяйства, хозяйства на-ходу—вот категорический императив социализирования*».

«Социализация не может начинаться с производства».

«Шаг за шагом, начавши с обращения, можно перевести на новые пути капиталистическое производство» [1]).

Такова соль венской мудрости. Каутский с его «непрерывностью производства» («хозяйство на-ходу» Реннер) с его овладением процессом обращения через школу товариществ и рабочих банков—Каутский выступает разносчиком реннеровских идеек. А ведь бывший канцлер схватывает в экономических процессах только их буржуазно-правовую оболочку. Он способен лишь на то, чтобы раскладывать отрывки из «Капитала» по статьям гражданского кодекса.

Новый план Каутского означает об'ективное признание банкротства своих прежних даже весьма куцих и уродливых попыток «социализации» производства. Она заменяется по существу призывом врастать в капиталистический процесс обращения. Американский капитализм выдвинул в последнюю эпоху ряд форм втягивания рабочей верхушки в капиталистическую систему (рабочие банки, участие в акционерных предприятиях и т. д.). Каутский теоретически обосновывает именно такой путь развития рабочего класса.

Монополистический капитализм характерен тем, что он стягивает в один узел всю систему. Поэтому острие проблемы—в овладении командующими центрами экономики. Только отсюда возможен охват всех хозяйственных процессов и перестроение их на социалистических основах. Диктатура пролетариата, овладевшая сердцем и мозгом монополистического капитализма, получает все возможности для использования и процесса обращения, как средства обобществления. Монополистический капитализм совершенно исключает овладение какими-либо частями хозяйственной периферии без предварительного захвата центрального нерва системы: крупного производства, банковской сети, разрушения государственного аппарата, как никогда срастающегося с экономикой и установления диктатуры пролетариата. Всякое же стремление действовать иначе не может не быть ничем иным, как

[1]) Реннер, «Теория капитал. хоз-ва», ГИЗ, 1926, стр. 326, 322, 319.

включением на подчиненном положении в империалистическую систему.

Сам вопрос об овладении процессом обращения вовсе не выглядит так просто, как это рисуется Каутскому: пролетариат подучивается технике обращения еще при капитализме и после получения на выборах большинства ставит своих (конечно, социал-демократических) чиновников, которые «заменяют» капиталиста. Трудность вопроса в том, чтобы капиталистическую технику обращения направить на обслуживание *принципиально* иных задач, вложить в эти формы новое содержание. Если в условиях империализма процесс обращения направлен на ограбление рабочего класса, крестьянства, колоний, то пролетарская диктатура ведет регулирование процесса обращения, кредитную политику и политику цен в прямо противоположном направлении, переламывая стихийное действие таких регуляторов, как борьба спроса и предложения и закон средней нормы прибыли. Этой стороны вопроса Каутский не только не разрешает,—он даже не способен понять ее. А между тем только *такое* овладение процессом обращения нужно для торжества социализма. Но оно невозможно без овладения тем, что мы называем «командными высотами», без национализированного крупного производства прежде всего. Такое овладение и есть большевистский путь.

Подведем итоги. Новейший вариант «социализации» является запоздалой попыткой отыскать новые пути после краха всех прежних планов. Путь революции закрыт. Остается одно средство: отступать еще глубже в капиталистический тыл. Новейшие теории прикрывают практику органического участия в восстановлении и развитии капитализма, к которой социал-демократия усиленно тащит пролетариат.

Но в эпоху распада мирового капитализма, в эпоху наибольшего обострения противоречий такая теория особенно несовместима с «Капиталом». Подлинно научный труд Маркса вдохновлен в то же время пламенной идеей «экспроприации экспроприаторов». Каутский вынужден поэтому извращать и пересматривать самые основные положения «Капитала», чтобы подогнать их под теорию увековечения «непрерывного капитализма».

М. Брудный.

О бюрократизме.

Вся экономическая работа в нашем союзе проходит под знаком строительства социализма. Днепрострой и какая-нибудь районная общественная кухня, новый машиностроительный завод и организация детской колонии, если не имеют равного значения для темпа нашего продвижения к социалистическому будущему, то в равной мере являются элементами строящегося социализма.

Вся наша экономическая жизнь представляет собой как бы поле становления социализма и в соответствии с этим все вопросы экономического строительства тесно связаны или являются моментами общего плана продвижения к социализму.

А государство? Находится ли оно в таком же положении, как экономика страны на пути к социализму, или его положение несколько иное? Возможно ли равномерное развитие к социализму экономики Советского Союза и его государственной организации? Наконец, что означает развитие нашей государственности в сторону социализма?

Ответ на эти и другие вопросы невольно напрашивается по мере приближения к десятилетней грани Октябрьской революции и по мере того, как вопрос о борьбе с бюрократизмом приобретает все более глубокое и принципиальное значение.

Развитие нашего государства к социализму, очевидно, означает развитие к безгосударственному общежитию трудящихся. Тут же мы сталкиваемся с основным противоречием между экономическим и государственным строительством. Экономическое строительство социализма в крестьянской стране требует для своей защиты от тормозящего влияния капиталистических отношений,— сильного государства. Государство же для постепенного перехода к безгосударственному обществу должно постоянно ослабевать, растворяясь в обществе. Отсюда неизбежность неравномерного развития государственной организации и экономики СССР к социализму. Отсюда неизбежность известного отставания государственной организации от экономики. Указанное противоречие выступает крайне выпукло, являясь блестящим образцом диалектического развития.

Начиная с октября 1917 года политические формы нашей страны представляют собой действительный скачок в будущее. У власти очутились угнетенные классы. Но экономика не «скачет». Старый государственный аппарат ~~эксплоататорских~~ классов мы сломали и бесповоротно сдали в архив. Экономические отношения мы также перевернули, но создание новых общественных отношений требует гигантского развития производительных сил. Исходный пункт развития, таким образом, следующий: социалистическое государство пролетариата в условиях отсталых, не-

однородно социалистических отношений. На первом этапе социалистическое государство служит решающим рычагом в деле социальной реконструкции хозяйства. На первом этапе пролетарской диктатуры государство по своему социальному определению находится впереди экономики. Таково же положение и теперь, если брать вопрос статически: советское государство представляется, как высший гребень поступательного рабочего движения, в то время как советская экономика еще почти целиком базируется на производительных силах, унаследованных от капитализма.

Но динамически отношения государственной организации и экономики союза иные. После того, как наша государственная организация сослужила службу мощного рычага реорганизующего хозяйство на новых социальных основах, она превратилась в охранительный щит, в защитный панцырь новой экономики. Эта главнейшая социальная функция нашего государства обостряет требование революционной законности, диктует всемерное укрепление начал государственности и насилия, как средства обороны и наступления социалистической экономики против капиталистических отношений, и приводит к намеченному выше противоречию между экономическим строительством социализма и государственным строительством безгосударственного общества.

Наше государство по своему типу строго различается от буржуазных государств тем, что оно не только охраняет известный строй экономических отношений, но само пронизано во всех своих звеньях экономическим элементом. Хозяйственная деятельность буржуазным государством лишь регулируется, у нас же является составным элементом государственной организации (тресты, синдикаты, и пр.) и изменение организационных форм хозяйствования неизбежно приводят к изменениям в системе госорганов, благодаря тому, что наше государство осуществляет собственность общества на средства производства, оно скрывает в себе тенденции постепенного превращения из политической организации в хозяйственную. «Госплан» без органов принуждения, т.-е. без приставки «гос» ведь и есть орган будущего регулирования общественной жизни.

Однако, указанное «перерождение» нашего государства из политической в хозяйственную организацию не происходит и не может происходить гладко, без прений, без противоречий.

Основанием этого процесса является экономический рост социализма, проводимая нашей партией политика индустриализации, перевод мелкого товаропроизводителя на рельсы крупного социалистического хозяйства. Чем больше будет возрастать хозяйственная мощь социализма в нашей стране, тем больше преобладание получат хозяйственные элементы над политическими в нашей государственной организации.

Отсюда необходимо делать вывод, что экономическое строительство социализма обновляет ткани нашего государства, все более выдвигая на первый план хозяйственные элементы государственности.

Но мы не должны выйти за пределы фактов. В настоящих условиях социализм в нашей стране ведет ожесточенную борьбу с капиталистическими элементами, постоянно растущими из мелкого товарного производства. В этой борьбе социализму недостаточно опереться на свои экономические рессурсы; ему необходимо все более укрепляющаяся политическая сила—пролетарская государ-

ственность. Отсюда неизбежное противоречие в ближайший период между экономическим строительством социализма и строительством безгосударственного общества. Это противоречие безусловно разрешимо на основе современного нашего социального развития, но учет его является необходимым условием принципиального подхода к вопросам бюрократизма.

Это противоречие, как нам кажется, находит разрешение в различении двух элементов в нашем государственном строительстве: элемента, осуществляющего классовое насилие пролетариата, и другого элемента, выражающего сращивание пролетариата с государством и намечающуюся тенденцию растворения государства в обществе. Само собою, что эти два элемента нашего государственного строительства теснейшим образом связаны и, именно, обусловленность развития государственной организации в целом первым элементом определяет отставание государства и невидимость на первый взгляд его исторического шествия «в музей древности рядом с прялкой и с бронзовым топором» (Энгельс).

С другой стороны, именно, в силу того, что наше государство осуществляет классовое насилие пролетариата над имущими классами, оно особенно близко угнетенным и трудящимся классам и имеет все предпосылки для сращивания трудящихся масс с государством, подготовляя растворение государства в обществе.

Под этим углом зрения особенное значение приобретает тот факт, что на ряду с усилением начал государственности, как и органов насилия,—наша партия проводит борьбу с бюрократизмом, направленную к вовлечению широких масс рабочих и крестьян в государственное строительство. В том-то и своеобразие нашего типа государства,—последнего в истории государств,—что укрепление его органов насилия или его все большее огосударствление идет рука об руку с вовлечением трудящихся в советское строительство, или, если можно так выразиться, с все большим «обезгосударствлением».

Бюрократизм не только во всех порах советской системы, но и у всех на губах. Борьба с бюрократизмом ведется упорная, жестокая; по крайней мере все о нем говорят.

Бюрократизм имеет много форм проявления и кроме их «внутреннюю сущность». Бюрократизм это сифилис в соединении с чесоткой.

Бюрократизм, как чесотка—это волокитство, чванство, самодурство чиновников и много других форм, которые мозолят всем глаза, «чешутся» и вызывают общее недовольство.

Бюрократизм, как сифилис, это его «внутренняя сущность», часто невидимая, но создающая прочный барьер между массами трудящимися и государством, отчуждающая их все больше от него. В этой области он часто невидим, но его разрушительная работа в организме советского государства страшнее всего для нас.

Как известно, форма проявления и сущность вещей тесно связаны между собой. Но различать их в данном случае нам нужно вот для чего:

Чванство, волокитство и проч. имеются и в западных государствах. *И буржуазия западноевропейская ведет не менее упорную, а во многих случаях и более успешную борьбу, чем мы с внешними формами проявления бюрократизма.* Для того, чтобы государство успешно отстаивало и представляло интересы какого бы то ни было господствующего класса, необходимо, чтобы его аппарат был достаточно эластичен, гибок и налажен. Когда немецкий бюргер приходит в какую-нибудь канцелярию, он так же, как и наш рабочий, требует, чтобы его внимательно выслушали, чтобы его зря не задерживали, чтобы его делу был дан быстрый и правильный ход.

Проблема бюрократизма со стороны его внешних форм есть проблема культурной организации госаппарата. Чесотка бюрократизма—враг всякого культурного государства, будь оно на Западе или на Востоке. Но и в самой культурной и цивилизованной буржуазной стране внутренняя сущность бюрократизма, барьер между трудящимися и государством, бюрократизм, как сифилис, является социальной основой государства. *Этот* бюрократизм там не замечают, с *этим* бюрократизмом там не борятся.

У нас, в Советском Союзе, приходится учесть еще одно важное обстоятельство.

Самые различные классы СССР приемлют лозунг борьбы с бюрократизмом. Нэпман, платящий налоги в финотделе, кулак, тягающийся с обществом в волземкомиссии, батрак, обращающийся в отдел труда, и рабочий, ходатайствующий в наробразе о принятии его детей в школу—в равной мере требуют от нашего госаппарата четкости в работе, быстроты в исполнении и вежливого обращения. В борьбе с внешними формами проявления бюрократизма, в борьбе за культурный цивилизованный государственный аппарат выступают самые различные классы советской страны. Но в борьбе против самой сущности бюрократизма, в борьбе за вовлечение трудящихся в активное государственное строительство заинтересованы только пролетарии и беднейшие крестьяне. Борьба кулака и нэпмана в этой области есть борьба за свою эмансипацию от пролетарского государства. Под видом борьбы с бюрократизмом кулак и нэпман требуют освобождения от регулирования их общественной жизни рабочим государством. Не приходится говорить, что прямо противоположны классовые интересы пролетариата.

Вот почему борьбу с бюрократизмом надо рассматривать глубоко принципиально. Надо оттенить *особые* интересы пролетариата строящего социализм в проводимой борьбе с бюрократизмом. Коренной принципиальный интерес пролетариата в этой борьбе—это «обобществление» государства. В этой борьбе пролетариат стремится проложить пути к будущему безгосударственному обществу.

* * *

Учение Ленина о государстве есть учение о переходе от буржуазной демократии к пролетарской демократии и от пролетарской демократии к преодолению государства. Захват власти рабочим классом превращает государство «в нечто такое, что уже не есть государство» (Ленин). Ленин вложил живой смысл в слова Энгельса об отмирании государства. «Чем более всенародным становится самое выполнение функций государственной власти, тем меньше становится надобность в этой власти» (Ленин).

Установление советской власти есть первый шаг человечества по пути отмирания государства.

Энгельс говорил о государстве, что это «сила, происшедшая из общества, но ставящая себя над ним, все более и более отчуждающая себя от него». Из этого энгельсовского определения государ-

ства ясно, что государство, все более приближающееся к обществу (пролетарское, советское), не есть государство в собственном смысле этого слова. Развитие пролетарского государства означает все увеличивающуюся степень растворения государства в обществе. Разбивая государственную машину буржуазии, пролетариат создает органы подавления эксплоататорских классов, но ни в какой степени не ставит себе целью создание таких органов эксплоатации, которые бы стали над трудящимися массами. Основа основ ленинского учения о государстве заключается как раз в том, что свое государство пролетариат строит не по образу и подобию буржуазии.

Наш рост за десять лет настолько значителен, что позволяет нам сделать *второй шаг* по пути отмирания государства. Этот шаг будет заключатся в решительном установлении контроля рабочих и крестьянских масс над повседневной деятельностью советских органов. При переходе к нэпу, Ленин учил партию сочетать нэп, свободную торговлю для крестьян с расстрелами меньшевиков. Нам действительно нужно научиться сочетать самые строгие кары для тех, кто прямыми или окольными путями борется с пролетарской диктатурой с таким широким демократизмом для рабочих и крестьян, который может себе позволить только наше пролетарское государство.

Если, таким образом, вопрос о бюрократизме взять в большой исторической перспективе, то неизбежно получится, что начатая нами сейчас особенно упорная борьба с бюрократизмом имеет своей целью не только немедленное уменьшение до минимума волокитства, чванства и прочих добродетелей нашего госаппарата, но является борьбой за проведение нашей программы в области государства, за неуклонное направление вперед процесса отмирания государства.

Могут возразить, что отмирание государства не есть декретируемое аннулирование государства и что оно не «делается», а есть об'ективный процесс и пр., и пр. Однако, если правильно, что отмирание государства нельзя декретировать, как этого хотели бы анархисты, все же величайшим предрассудком было бы думать, что отмирание государства не «делается», как это проповедуют оппортунисты всех оттенков. Опыт нашей революции показал, что отмирание государства, именно, «делается» и весь исторический смысл нашей борьбы с бюрократизмом как раз заключается в руководстве этим делом.

* * *

Один из главных исходных пунктов ленинизма заключается в признании огромных творческих сил массы. Это одновременно и принципиальная основа ленинизма и должна быть практической характеристикой советского государства. «То обстоятельство, что в России создалась советская власть, показало, что богаче всего революционным опытом является сама революционная масса, когда на помощь немногим десяткам партийных людей являются миллионы, сама практически за горло берущая своих эксплоататоров» (Ленин, т. XV, стр. 77).

На всем протяжении борьбы за завоевание и сохранение власти, красной нитью проходит основная сила нашего государства— его массовость, то, что оно опирается на толщи рабоче-крестьянских масс. Создателями нового общества «могут быть только многомиллионные массы. Как сотни были этими создателями в эпоху крепостного права, как тысячи и десятки тысяч строили государство в эпоху капитализма, так теперь социалистический переворот может быть сделан только при активном и непосредственном практическом участии в управлении государством десятков миллионов» (Ленин, т. XVI, стр. 23).

Борясь не только с волокитством и чванством, не только за культурный государственный аппарат, но за его все большее орабочевание, за все большее подчинение его контролю рядовых рабочих—мы выполним те *особые* классовые задачи, которые встают перед пролетариатом в настоящих условиях в области борьбы с бюрократизмом.

При этом нашей целью должно быть не только укрепление низовых ячеек советской власти и их демократизации, но и изобретение новых форм привлечения рядовых рабочих в госстроительство, контроля рядовых рабочих деятельности госорганов.

При обследовании РКИ какого-либо треста следует включить в комиссию выделенную для этого обследования, представителей рабочей массы, специально избираемых общим собранием рабочих. При этом нарушится «конституция», сводящаяся к тому, что во всякие такие комиссии вводится официальный представитель организации, зачастую также обюрокраченной и оторвавшейся от массы. Но если «конституция» нарушится—тем лучше.

Я думаю, что уж действительно лучше демократия без «конституции», чем «конституция» без демократии.

Нам лишь нужны гарантии, что такая политика не ослабит существующие рабочие организации, ибо рабочая демократия может приводиться лишь в организованных формах. Однако мы думаем, что демократизация существующих организаций возможна лишь при развязывании инициативы рабочих *снизу*. В наших условиях, где всяких правовых гарантий для рабочей самостоятельности достаточно, необходимо лишь решительное и смелое развязывание инициативы рабочих и беднейших крестьян. Приобщение рядового рабочего непосредственно к государственному строительству, хотя бы и не через его низовые организации, в конечном счете укрепит эти организации и будет способствовать освобождению их от бюрократических, по существу, буржуазных наслоений.

Почему, скажем, не направиться сотням рядовых рабочих нескольких заводов в школы, чтобы обследовать состояние народного образования с тем, чтобы предложения этих *рядовых* рабочих действительно легли в основу действительных улучшений дела народного образования. Возьмем худший и почти невозможный случай: сотни рядовых рабочих, выразивших желание обследовать школы, оказались в большинстве религиозными. Они пришли к выводу необходимости преподавания в школах закона божьего. Мы нарочито выбрали случай в пролетарской среде почти невозможный. Но предположим, что так случилось, что двести или триста рядовых рабочих потребовали введения «боженьки» в нашей школе.

Что тогда? Разогнать, принудить рабочих взять предложение обратно? Или поглумиться над бессознательностью рабочих?

— Это было бы верхом бюрократической глупости. На деле такой оборот обследования лишь означал бы для партии необхо-

димость мобилизовать свои лучшие пропагандистские силы и на широкой рабочей конференции суметь *убедить* рабочих в правильности нашей политики народного образования.

У нас на каждом заводе есть партдень, профдень, день молодежи и проч. Почему бы не установить день в неделю, или на первое время хотя бы в месяц для всех рядовых рабочих, и организовать обмен мнениями о недостатках нашего госаппарата с тем, чтобы деловые предложения рабочих легли в основу действительных улучшений? В этих беседах будет воспитываться новое поколение рабочего класса, нераздельно руководящего государством.

Корреспонденция из Харькова сообщает, что в последнее время там начали практиковать регулярные выезды групп ответственных работников на предприятия, где на общих собраниях рабочих обсуждаются наши «маленькие недостатки». Эти собрания проходят с большим успехом. Для начала возьмем дефекты аппарата, тормозящие работу данного предприятия. Это будет актуально и близко рабочим.

Самое важное заключается в том, чтобы создать такие условия, при которых предложения рабочих не оставались под зеленым сукном, а быстро продвигались к осуществлению. Каждый «советский день» даст по всей СССР тысячи дельных и важных предложений рабочих об улучшении нашего госаппарата во всех его областях. Действительное осуществление этих предложений сблизит рабочие массы с госаппаратом.

РКИ может целый ряд *важнейших* государственных ревизий переносить на вечернее время, с тем, чтобы рядовые рабочие, специально избранные на общих собраниях, принимали участие в этих ревизиях.

Рабочие, проделав свою работу в РКИ, будут докладывать о результатах избравшему их общему собранию. Резолюции общих собраний рабочих по докладам своих представителей должны служить важнейшим материалом при вынесении РКИ своих решений. Таким образом, будут втягиваться все большие круги рабочих в государственное строительство, таким образом, мы будем продвигаться по пути отмирания государства.

Может быть, это кажется мелким, примитивным и незначительным. Это нас не должно пугать. Крайне интересно, что в большевистской литературе девять лет тому назад писалось об этом: «переход от капитализма к социализму *невозможен* без известного «возврата» к «примитивному» демократизму (ибо иначе как же перейти к выполнению государственных функций большинством населения и поголовно всем населением?) (Ленин, т. XIV, стр. 331).

Боязнь масс совершенно чуждая нашей партии болезнь. Инициатива и самодеятельность рабочих масс величайшая сила, способная сокрушить любое сопротивление эксплоататоров. Эту силу нам надо постоянно выращивать.

Систематическая борьба с бюрократизмом будет успешно проводиться лишь в том случае, если мы найдем соответствующие организационные формы для втягивания действительно широких масс в государственное строительство, если мы обратимся «туда, где лежит наиболее глубокий корень нашей диктатуры» (Ленин).

Дм. Т. Мерфи.

Ирландия прежде и теперь.

Из всех наций, подпавших под английское владычество, ни одна не оказывала такого длительного и упорного сопротивления англичанам, как ирландская. История Ирландии за последние 7 столетий является рекордной по количеству восстаний и сильнейших повстанческих движений. Почти каждое ирландское поколение принимало участие в вооруженной борьбе за освобождение Ирландии из когтей Англии. Необходимо сказать несколько слов об этих боях для лучшего уяснения событий теперешнего времени.

История этих боев за освобождение Ирландии распадается на три определенных периода. Четыреста лет тому назад борьба велась не только за независимую Ирландию. Борьба шла между двумя социальными системами, между ирландскими кланами, основывавшимися на принципе совместного владения землей, с одной стороны, и английским феодализмом—с другой. До насильственного разрушения клановой системы, происшедшего в 1649 году, вся земля, за исключением незначительной полосы вокруг столицы, Дублина, находилась в общинном владении. С падением клановой системы ряды ирландской аристократии заполнили иностранцы и ирландцы, предавшие народное дело, и руководство ирландским освободительным движением перешло в руки средних классов. Эти классы руководили движением до самого последнего времени, и в самый мощный и здоровый период своего развития это движение велось на основе принципов французской революции. Хотя руководство национальным движением находится еще и сейчас в руках средних классов, состоятельных фермеров и проч., нужно подчеркнуть, что возникновение ирландского рабочего классового движения является важным этапом в развитии ирландской освободительной борьбы.

Это последняя фаза исторического развития имеет огромнейшее значение и, хотя ирландское рабочее движение подвергалось многим переменам и им руководят теперь социал-демократы самого худшего пошиба, оно было создано революционными социалистами Джемсом, Конолли и Джемсом Ларкином, внесшим свет марксизма в ирландскую историю. Они, и в особенности Конолли, выявили роль классов в национальной борьбе и доказали, что «ирландский рабочий класс является неподкупным продолжателем борьбы за освобождение Ирландии». До этого времени борьба в Ирландии была по существу, в лучших и наиболее широких своих проявлениях, борьбой крестьян, руководимых идеалистами и политиками из средних классов. В худшем своем периоде это была борьба политиков из средних классов, поддерживаемых наиболее храбрыми и сознательными бедными крестьянами и горожанами, плененными лозунгом свободы. Но всегда

и во всех фазах борьбы ирландские крестьяне вели борьбу с английскими и ирландскими землевладельцами-предателями. Всегда существовали организации, как, например, «дубовые парни», «стальные парни», «белые парни», «добровольцы», «об'единенные ирландцы», «фении», «сельская лига» и т. д., революционная борьба которых за свободу с помещиками-предателями полна глубокого интереса. Не забудем, что теперешний парламент «Свободного государства Ирландии» не является первым ирландским парламентом. Вооружение нации, проведенное добровольцами в 1778 году, когда Англия была занята войной с Америкой, заставило англичан пойти на уступки и разрешить созыв «Греттенского парламента» (по имени героя ирландского освободительного движения Генри Греттена). Правда, усилившаяся буржуазия предала это движение, захватила в свои руки руководство, обезоружила добровольцев и отдала Ирландию в руки Англии. Тем не менее, национальное движение за независимость достигло тогда кульминационной точки и почти добилось своей цели. Роль классовых сил в этой борьбе и характер парламента метко очерчены Вольфом Тоном, руководителем последующего великого движения об'единенных ирландцев, искавшим помощи французской революции в своей борьбе с английским господством. Он писал в знаменитом манифесте:

> «Революция 1782 года была революцией, давшей возможность ирландцам продать за более высокую цену свою честь, честность и интересы своей страны. Это была революция, которая одним ударом удвоила состояние каждого лавочника в королевстве, оставив три четверти наших земляков — ирландцев в том рабском состоянии, в каком они были и раньше, и правление Ирландией в порочных, презренных руках людей, занимавшихся всю свою жизнь тем, что унижали и грабили страну. Больше того, некоторые из них хотя и безуспешно решительно отдавали свой голос против нашей славной революции. Кто из старых врагов страны потерял свою должность или пенсию? Кто из рядов оппозиции был призван к власти? Никто. Власть осталась в руках наших врагов, которые опять пользовались ею для того, чтобы нас разорять, с той только разницей, что раньше нам причиняли беды, обиды и оскорбления англичане бесплатно. Теперь же мы за все это платим очень дорого, так как это идет через руки ирландцев и нам теперь еще хуже, и этим мы гордимся и это мы называем революцией». (Конолли, «Рабочие в ирландской истории»).

Тон считал возможным применить принципы французской революции в Ирландии. Он принял лозунги и программы французской революции для своей страны и призывал «об'единенных ирландцев» работать совместно с революционными организациями Англии и континента. Финтон Лелор и Джон Митчель, следовавшие по стопам Вольфа Тона, настаивали на том, что социальное восстание является единственно возможной основой для национальной революции. Более близкие нашему времени фении и Роберт Эмет были еще ближе к «низшим классам». Маркс пишет следующее о фениях:

> «Известно, что к фенианству относились с нескрываемой неприязнью, если не со смертельной ненавистью, не только помещики и правящие классы, но и католическое духовенство, средние католические классы и значительное большинство фермерских классов. Лишь наиболее молодые и сознательные элементы рабочего класса и молодежь, живущая более скромной жизнью ремесленника или рабочего, относились к нему с симпатией». (Маркс, «Капитал», том I).

Вольф Тон, Финтон Лелор, Джон Митчель, Роберт Эмет являются идолами теперешнего республиканского движения, но необходимо открыто заявить, что мелкая буржуазия, интеллигенция и дети фермеров, руководящие синфейнерским и республиканским движением, пользуются этими именами, чтобы привлечь симпатии бедных крестьян, неимущих и городских рабочих к национальной борьбе и отвлечь их от социальной борьбы. Почти каждый номер газет, издаваемых республиканским движением, партией Фианна Фейл (партией до-Валера), синфейнерами, ирландской республиканской армией и другими, полон воспоминаний об этих ирландских мучениках и цитат из их сочинений. Но ни одна из этих организаций не дала вождя, который указал бы их истинное историческое значение, который проник бы в глубь вещей и указал бы связь между национальной освободительной борьбой и борьбой классов. Они лепечут о проклятой присяге, о своем страхе быть оскверненными контактом с англичанами, отказываются итти в парламент и создают подпольные военные организации, которые при нынешней программе этих организаций не приносят никакой пользы. Они хотят гражданской войны, готовы терпеть преследования и позволяют заключать в тюрьму и расстреливать лучших представителей Ирландии, лишь бы не присягать на верность английской короне. При этом ни партия Фианна Фейл, ни синфейнеры, ни ирландская республиканская армия не имеют представления о программе, которая облегчила бы нужду безземельных крестьян и освободила бы бедных крестьян от непосильных налогов. Ни слова о праве собственности на землю и распределении земли, ничего для тысяч безработных в городах, ни слова против капиталистической эксплоатации, ни слова о том, как с этой эксплоатацией покончить, ни слова об отношении всех этих вопросов в борьбе за независимость.

Так было и в период перед империалистической войной 1914 г., за исключением того, что ирландская буржуазия возглавляла движение за гомруль (самоуправление) и открыто стремилась превратить Ирландию в современное буржуазное государство, обещая облегчить положение крестьян и дать работу городским рабочим. В такой обстановке появились Конолли и Ларкин, сорвавшие маску национального единства и разоблачившие предательство и эксплоатацию рабочих и крестьян со стороны буржуазии. В особенности Конолли дал справедливую оценку всем ирландским вождям, пролил свет марксистского толкования на ирландскую историю и показал, что ирландский рабочий класс является подлинным стражем и носителем борьбы за ирландскую независимость.

Идеи порвали с традициями, и национальное движение подпало под их влияние. Они встряхнули многих республиканцев, они подняли ирландских рабочих и повели их вперед. И когда Конолли повел небольшую кучку дублинской армии ирландских граждан впереди национальных добровольцев во время восстания 1916 года, пал сам Конолли, запечатлев, таким образом,

свои слова своей кровью. Таким образом, когда на арену националь-ной борьбы выступил ирландский рабочий класс в качестве опре-деленной социальной силы, история вступила в новую фазу, и борьба за независимость Ирландии получила новое направление.

Проводя свою программу активной деятельности, эти вожди ирландского рабочего класса были, без сомнения, пионерами, пе-редовым отрядом рабочего класса, которому нужно было еще привить эти идеи и которого еще нужно было подготовить к тому, чтобы жертвовать жизнью за существование этих идей. Но прежде, чем указать связь между теперешними событиями и деятель-ностью этих ирландских революционеров необходимо рассказать о том развитии, которое непосредственно предшествовало теперешнему ирландскому кризису.

Незадолго до империалистической войны ирландская бур-жуазия руководила национальным движением гомруля (само-управления), возглавляемым Гриффитсом, Редмондом и ирланд-скими синфейнерами. Партия гомруля развила мощное движение за восстановление в Ирландии законодательного собрания, при посредстве которого она надеялась сохранить ирландский ры-нок для ирландской промышленности и «об'единить все классы в единой нации». Хотя это движение вызвало интерес среди самых широких народных масс, вожди его доказали свои буржуазные симпатии во время большого дублинского локаута 1913 г. Не-смотря на то, что эта колоссальная борьба, которая велась под руководством Конолли и Ларкина, обратила на себя внимание не только ирландского народа, но и всей Англии, Гриффитс и Ред-монд не сказали ни одного слова в защиту этой борьбы. Англий-ское правительство договорилось с этими элементами. Билль о гомруле прошел в Англии после того, как новая фаза развития буржуазных сил дала совершенно новый оборот событиям в Ирлан-дии. Английские промышленники и землевладельцы в Ульстере и в северной Ирландии немедленно решили оказать вооружен-ное сопротивление новым законам. Их движение возглавлялось сэром Эдуардом Карзоном и поддерживалось теперешними чле-нами английского консервативного правительства лордом Бир-кенхедом, сэром Джонсоном Хиксом и др. Они были пионе-рами при организации ульстерских добровольцев, подготовляв-ших восстания среди офицеров и все время связывавших руки правительства в вопросах законодательства.

Это создало новую ситуацию в рядах синфейнеров и сторон-ников гомруля. Защитники гомруля растворились в синфей-нерском движении и последнее приступило к организации ир-ландских добровольцев в национальном масштабе. Ирландские массы немедленно откликнулись, и это крупное политическое движение в короткое время привлекло на свою сторону значи-тельные вооруженные силы и, когда наступило 4 августа 1914 г., почва для конфликта была готова.

Буржуазные вожди снова ясно показали, что они борятся не за ирландскую независимость, а за свои собственные карманы. Редмонд агитировал за вступление ирландских добровольцев в английскую армию и стал, на ряду со многими другими пред-ставителями ирландского национального движения, сержантом по набору солдат в английскую империалистскую армию. Это раскололо добровольческое движение. Редмонд и его сторонники были изгнаны из временного комитета и во главе ирландских добровольцев стали проф. Мак Ниль и Патрик Пирс. Насту-пили мрачные дни для ирландского освободительного движения и казалось, что все погибнет под мощной лапой британской империи.

Этот мрак был рассеян восстанием 1916 г., руководимым Конолли и Патриком Пирсом. Оба они—революционный социа-лист и ирландский идеалист—были убеждены в том, что Ирлан-дия должна воспользоваться тем, что Англия занята войной, чтобы начать борьбу за свою свободу. Оба решили во что бы то ни стало поднять в Ирландии вооруженное восстание против английского господства, пока война еще не закончена. В начале 1916 г. им удалось распространить свое влияние на ирландских добровольцев. День восстания был назначен на пасхальное воскресенье 1916 г. Они надеялись на то, что все ирландские добровольцы, насчитывающие много тысяч человек, одновременно захватят общественные учреждения и власть в крупных городах.

Но узнало ли английское правительство, благодаря измене, об этих планах или по другой причине, но план не удался, и лишь тысяча человек появились в этот роковой день на улицах Дублина. Несмотря на расхождение в мнениях Конолли примкнул к ирландским революционерам со своей маленькой гражданской армией, образованной из рабочих ирландского проф-союза транспортников. Борьбой руководил, без сомнения, Ко-нолли. По истечении нескольких дней тяжелой борьбы ирландцы были разбиты. Конолли и ряд других видных товарищей были расстреляны в Дублине, по распоряжению английского прави-тельства, в состав которого входил и секретарь английской ра-бочей партии Артур Гендерсон.

Всего лишь пять дней развевался флаг ирландской рес-публики над некоторыми правительственными учреждениями Дуб-лина, но декларация и цель, ради которой эти люди выступили, подняли ирландский народ на одно. из величайших в ее истории восстаний. Началось колоссальное брожение и в конце импе-риалистической войны в 1918 г. народный плебисцит подтвер-дил существование республики, основанной в пасхальную не-делю 1916 г. В январе 1919 г. было созвано на основании прежних решений национальное собрание и это национальное со-брание начало функционировать, как парламент республики, осно-ванной в пасхальную неделю.

Это привело к длительной борьбе с Англией, которая вновь пыталась задушить вооруженной силой стремление ирландского народа к независимости. В 1922 г. ирландские вожди приняли колониальный статут для 26-ти ирландских графств и таким образом было основано Свободное государство Ирландии. Это раскололо республиканские силы, и круги, руководимые Де-Валера, отказались признать это соглашение. Они отвергли раз-деление страны на две части, отказались принести присягу и пытались сохранить республику 1916 г.

Рабочая партия проводила самую гнусную политику во все время этой борьбы и после гибели Конолли. Вместо того, чтобы следовать за Конолли, занявшего со своей пролетарской кучкой передовые позиции национальной борьбы и старавшегося показать, что только там место для пролетариата в национальной борьбе, они даже не осмелились протестовать против его казни, и когда началось новое движение, они оказались в хвосте националь-

ного движения, даже позади его буржуазных вождей. Не приходится поэтому удивляться, если они одобрили заключенный договор с Англией и начали помогать правительству Свободного государства в его борьбе с республиканцами.

Ситуация, таким образом, переменилась, и война ирландцев против англичан превратилась в гражданскую войну, в которой республиканцы продолжали бороться за независимость, а сторонники Ирландского Свободного государства старались с помощью английского империализма сокрушить тех, кто поддерживал первоначальную программу движения.

Англии, таким образом, удалось расколоть Ирландию на 3 части: 6 Ульстерских графств были отделены от Свободного государства и сохранили представительство в английском парламенте, в то время, как Свободное государство разделилось между теми, кто принял соглашение с Англией, и теми, кто поддерживал республику 1916 года. Когда произошли первые выборы в парламент Свободного государства, республиканцы, руководимые Де-Валера, боролись против этих выборов, отказываясь вступить в парламент Свободного государства и принести присягу. Они хотели создать большинство, которое признало бы весь аппарат Свободного государства ликвидированным и создало бы при помощи Ирландской республиканской армии республиканский правительственный аппарат.

Этот план не удался и делами Свободного государства ведают уже в течение нескольких лет сторонники партии Косгрева (премьер-министр Ирландии) вместе с рабочей партией, фермерской и, наконец, небольшой партией, возглавляемой Редмондом, сыном старого вождя движения гомруля, в то время как члены партии Де-Валера, выбранные в парламент, отказались занять там свои места. Таковы события, предшествовавшие последнему кризису, когда после всеобщих выборов, во время которых Де-Валера боролся за свои требования, создалась новая обстановка и его партия решила проводить новую политику и вступить в парламент Свободного государства.

События, сопутствовавшие этой неожиданной перемене, таковы: один из министров Свободного государства О'Хигинс был неизвестно кем убит. Правительство было того мнения, что О'Хигинса убил республиканец, но республиканцы категорически отрицают свою причастность, порицая убийство так же горячо, как и члены правительства. Тем не менее, правительство воспользовалось этим событием, как предлогом, для издания новых законов, призванных разгромить республиканское движение, обязующих всех членов парламента принести присягу, лишающих депутатского звания тех депутатов, которые отказываются работать в парламенте—короче говоря, создающих диктатуру в целях уничтожения республиканской армии и ликвидации партии Де-Валера и других республиканских групп. В ответ на это партия Де-Валера единодушно решила принести присягу и вступить в парламент.

Интересно отметить и следующие характерные факты. Еще до этого решения рабочая партия просила Фианна Фейл (партию Де-Валера) отказаться от своей политики изоляции и вступить в парламент. На митинге протеста против новых законов т. Ларкин также просил республиканцев вступить в парламент и бороться там с новыми законами. Позже Ларкин и Де-Валера

встретились на конференции, которая практически не привела к каким-либо результатам. После этого вожди рабочей партии вместе с вождем группы Редмонда совещались с Де-Валера и было решено, что в случае, если республиканцы вступят в парламент и правительство потерпит поражение, республиканцы будут поддерживать коалицию рабочей партии с группой Редмонда. Но эти планы не осуществились, правительство удержалось у власти благодаря тому, что голоса разделились поровну, и председатель парламента, имеющий в этом случае решающий голос, высказался за правительство. После этого правительство еще более усилилось благодаря двум новым представителям, выбранным на дополнительных выборах в Дублине. На этих выборах правительственная партия получила значительное большинство, и в одном месте оно получило мандат, принадлежавший партии Де-Валера. После этого правительство немедленно решило назначить всеобщие выборы на 15 сентября.

Все говорит за то, что правительственная партия победит. Силы республиканцев еще более раскололись. Республиканская газета, раньше поддерживавшая Де-Валера, выступила теперь против него, и это является лучшим доказательством глубокого недовольства, царящего в кругах республиканцев. Синфейнерская группа, имевшая 6 парламентских мандатов, отвергает линию партии Де-Валера и отказывается выставить кандидатов на предстоящих всеобщих выборах. Дальнейшим новым фактором является появление ирландской Рабочей Лиги, которая, как мы теперь узнали, собирается выставить на этих выборах не меньше 6 кандидатов.

Каковы бы ни были результаты парламентских выборов, не подлежит сомнению, что мы вступили в новую важную стадию ирландской борьбы. Мы можем с полной уверенностью сказать, что события последних недель представляют собою не только саморазоблачение обанкротившихся мелкобуржуазных вождей республиканского движения, но они доказывают полную неспособность буржуазии, мелкой буржуазии, интеллигенции и элементов рабочей партии, которых отождествляли с ирландским движением за независимость, приблизить ирландские массы, хотя бы на один шаг к их освобождению. Мы можем далее сказать, что вряд ли в каком-либо периоде ирландской истории массы ирландских рабочих и крестьян имели худшее руководство и были жертвами более гнусного предательства.

В справедливости этого легко убедиться, если присмотреться к экономическому положению и к программам соответствующих партий. Когда вожди этого движения одобрили соглашение о создании Ирландского Свободного государства, это государство рассматривалось, как шаг к достижению ирландской независимости. Пять лет прошло с тех пор, как хозяином положения является правительство Косгрева и оказывается, что Англия давит теперь экономически на Ирландию еще хуже, чем раньше. Ирландские финансы не являются чем-то независимым, и тем не менее открыто признается, что теперешние скоропалительные выборы об'ясняются настоятельной нуждой в английском займе. Вся пропаганда в печати, поддерживающая правительство Косгрева, представляет собою призыв к спокойствию, которое обеспечивало бы успех предполагаемого займа. Но что изменилось во внутреннем положении в Ирландии? Освободило ли прави-

тельство «Свободного государства» крестьян от ига Англии? Отнюдь нет! Ирландские крестьяне попрежнему платят подати Англии за право пользования своей землей. Даже план мелкого землевладения теперешнего правительства основан исключительно на деньгах, занятых у англичан. Правительство надеется разрешить земельный вопрос и произвести передел земли путем покупки крупных имений за эти деньги. Эти участки будут потом отданы в аренду фермерам, которые должны будут погашать заем в зависимости от величины взятых ими участков. Этот план не является разрешением земельного вопроса в Ирландии, и проведение его в жизнь зависит исключительно от Англии. Серьезность вопроса о распределении земли видна из следующего факта: из 560 тыс. земельных хозяйств в Ирландии не больше 90 тыс. имеют 5 акров и выше. Таким образом, в Ирландии имеется 90 тыс. земельных участков с 11 млн. акрами земли и 470 тыс. хозяйств всего с 8 млн. акрами.

Общие статистические данные последних лет дают грустную картину. В 1923 г. общая сумма вкладов в банках равнялась 188 млн. фунт., в 1926 г. эта сумма упала до 158. В 1922 г. в Ирландии числилось 4½ млн. жителей, а в 1926 г. число жителей понизилось до 4¼ млн. Это значит, что ежегодно эмигрирует из Ирландии 1,6 проц. населения. В десятилетие после голода прошлого столетия эмиграция не превышала 1,7 проц. населения. В 1920 г. пахотной земли в Ирландии было всего 2 млн., не считая лугов. В 1926 г. статистические данные говорят уже лишь о полутора милл. акров пахотной земли. Этот общий упадок проявляется и в скотоводстве, этой главной отрасли экономической жизни Ирландии, и в вывозе скота, являющемся главной экспортной статьей. В 1920 г. в Свободном государстве насчитывалось на фермах 8.771.577 голов скота; в 1926 г. это число упало до 8.214.000. Точные данные о безработице в городах не опубликованы, но можно думать, что число безработных доходит до высокой суммы—70—80 тыс. Что касается общего уровня зарплаты, то о нем можно судить по тому факту, что в большом «Шенонском плане» (постройке мощной электрической станции) неквалифицированные рабочие получают не свыше 23 шил. в неделю и что даже эта жалкая зарплата привлекает больше рабочих, чем требуется.

Что могут партии по этому поводу сказать? Правительство понизило подоходный налог, но ожидаемое оживление торговли не наступило, и правительство более чем когда-либо зависит от английских займов. Вот почему оно хлопочет о стабилизации положения для того, чтобы создать большие гарантии для английских денег. Что говорит рабочая партия? Она выражает свою готовность помочь правительству в его стараниях стабилизировать положение. Это доходит до того, что после убийства О'Хигинса вождь рабочей партии, мистер Джонсон, побежал к правительству и стал уверять премьер-министра в готовности рабочей партии сделать все возможное для того, чтобы доверие к власти не пошатнулось, и что она даже готова пойти на коалицию. Такова роль рабочей партии по отношению к правительству; ирландская же и английская буржуазия занимаются «дружелюбной критикой». На практике рабочая партия ничем не отличается от буржуазно-либеральной, за исключением того, что большинство ее членов принадлежат к рабочему классу.

Что сказать о Фианна Фейл—партии Де-Валера? Если из речей вождей этой партии выбросить все, что касается присяги, то останется очень мало. Мы не видим никакой программы, которая имела бы отношение к интересам безземельного крестьянства и переделу земли—ничего, что отличало бы их от буржуазных вождей, держащих в своих руках бразды правления.

Де-Валера даже не знает, должны ли ирландские фермеры платить тот налог, который с них взимают теперь английские финансисты. Как он, так и его сторонники могут говорить лишь о высоких жалованьях правительственных чиновников и о необходимости сокращения расходов. Теперешнее их заявление о готовности вступить в парламент ясно показывает, что они отказались и от тех революционных стремлений, которые они когда-то имели и, таким образом, разница между Де-Валера и Косгревом невелика. Вожди Фианна Фейл открыто заявили, что их решение вступить в ирландский парламент вызывается не стремлением вести революционную борьбу в парламенте за интересы ирландских бедных крестьян, представляющих главную массу партии, а желанием и з б е ж а т ь р е в о л ю ц и о н н о й б о р ь б ы. Их требование начать переговоры относительно присяги следует рассматривать, как попытку замаскировать свою капитуляцию, так как нет никаких данных, говорящих о том, что они намерены предпринять в случае, если английское правительство откажется внести те изменения, которых они хотят добиться путем этих переговоров. Де-Валера умолчал об этом вопросе, но его коллега Айкен, бывший одно время руководящим членом республиканской армии, ясно формулировал преследуемую цель. Согласно сообщению «Айриш Таймс», от 20 августа, он заявил в одной из своих речей на избирательном собрании:

> «Они пытались вовлечь нас в преждевременную революцию, но мы им дали понять, что мы не дадим себя втянуть в революцию тогда, когда они считают это удобным. Единственной альтернативой революции было вступление в парламент. При этих условиях мы вступили в парламент и пытаемся взять в свои руки правительственный аппарат и взять его из рук тех, которые являются плохими представителями ирландского народа».

Предложив единственную экономическую меру, заключающуюся в уменьшении правительственных расходов, он заявил дальше:

> «Если ирландский народ будет с нами, мы надеемся добиться об'единения всех вооруженных сил Ирландии как на севере, так и на юге. В течение нескольких месяцев мы добьемся об'единения всех вооруженных сил 26-ти графств».

Он умолчал о том, как они собираются добиться об'единения этих 26-ти графств. Повидимому, он думает, что как только будет создано правительство Де-Валера, все его будут поддерживать, и английское правительство и вообще все признают Ирландскую Республику. Ни слова о том, как они об'единят север и юг при наличности ожесточенной оппозиции со стороны севера и сопротивления, которое английское правительство безусловно окажет при первых попытках правительства Де-Валера изменить соглашение 1922 г. При настоящих условиях он не желает гражданской войны, в виду наличности сил борющихся с респуб-

ликанцами, но он считает, что *весь* ирландский народ, включая и противников республиканцев, готов начать войну с Англией. Это значит, что Айкен так же, как и Де-Валера, прикрывают свое отступление фразами. Оба они умалчивают о том, что средние классы, руководимые Фианна Фейл, устали от борьбы с правительством Косгрева и стремятся к компромиссу, который может быть достигнут лишь при предательстве интересов революционных рабочих и крестьян, оказывавших им свою поддержку.

Что касается синфейнерской партии, то она приписывает все злоключения Ирландии англичанам и не говорит ни слова о глубоких социальных проблемах, стоящих перед ирландскими массами.

Тем не менее, в рядах этих партий происходят сдвиги. В рядах республиканцев появляются новые социальные идеи. В органе республиканцев «Репюблик» появляются в последние месяцы много статей о рабочих и крестьянах и перепечатываются статьи Джемса Конолли. Недавно там появился очерк о жизни Ленина и ряд смелых заявлений о военной опасности, из коих ясно видно, что многие республиканцы мечтают о новом руководстве, которое заботилось бы о нуждах неимущих классов. Так, например, О'Доннель пишет 10 июня в «Репюблик»: «Добровольцы думают о революции, и нация им поможет ее сделать. Богатые люди—плохие революционеры. Необходимо собрать широкие массы рабочих и крестьян, которые последуют за Фианна Фейл (синфейн) для создания правительства».

Но О'Доннель считает рабочий класс и крестьянство скорее средством для подталкивания вперед вождей средних классов, чем живой силой для борьбы, ибо он говорит: «Движение средних классов вперед опирается на рабочих, но одно это движение вперед не является нашей целью, и рабочие, начинающие толкать вперед, не должны это непременно сознавать». Это характерно для многого, что появляется в этой газете. В №, от 12 августа, там напечатана статья—«Могут ли рабочие и крестьяне об'единиться», призывающая к реорганизации трэд-юнионов и организации крестьян, но ничего не говорящая о том, что эти организации должны делать, когда они будут созданы. Этот орган тесно связан с республиканской армией и, без сомнения, связан с неимущими крестьянскими элементами, которые глубоко затронуты новым поворотом вождей Фианна Фейл. Полное отсутствие политической программы, которая бы распространялась на социальную жизнь Ирландии, неизбежно должно вызвать реакцию в рядах партии и ускорить процесс искания новых вождей.

Это делает вдвойне важным факт появления Ирландской Рабочей Лиги, руководимой т. Ларкиным. С тех пор, как Ларкин вернулся из Америки, идет колоссальная внутренняя борьба в движении ирландского рабочего класса. Трэд-юнионы раскололись, появились новые организации. Ларкин возглавлял ирландский профсоюз транспортных рабочих, отколовшийся от ирландского профсоюза неквалифицированных и транспортных рабочих. Он основал Ирландскую Рабочую Лигу для пропаганды ирландской рабочей республики и ведет общую коммунистическую пропаганду. Мы не знаем, насколько эта организация сильна, но во всяком случае она является зародышем новой революционной партии ирландских рабочих. Достаточно вспомнить об описанном выше недовольстве масс и упомянутых выше социалистических симпатиях республиканцев, равно как и о положении дел в ирландском профсоюзном движении, чтобы притти к заключению о наличности подходящих условий и средств для развития подобной революционной партии.

Но для того, чтобы это сделать и превратить эту партию в большую массовую партию революционных рабочих, способную руководить большим движением рабочих и крестьян против буржуазии и землевладельцев Ирландии и Англии, необходимо работать на основе программы, которая об'единила бы в себе стремление к ирландской независимости со стремлением удовлетворить повседневные нужды рабоче-крестьянских масс. Но она не должна удовлетвориться одной лишь программой, которая включала бы следующие требования: 1) создание ирландской рабоче-крестьянской республики; 2) создание ирландской национальной милиции; 3) национализация земли; 4) полный передел земли среди крестьян; 5) национализация банков; 6) национализация транспорта и крупной промышленности; 7) государственный контроль внешней торговли; 8) восьмичасовой день для рабочих; 9) бесплатное обучение и т. д.

Она должна также использовать революционный опыт последних лет и решительно пустить в ход все средства для осуществления этой программы. Это так же важно, как и сама программа. Она ни в коем случае не должна повторять фразы ирландских революционеров, не считаясь при этом с теми условиями, которые господствовали тогда, когда эти фразы были сказаны, и с тем, применимы ли они при теперешних условиях. Партия должна продолжать работу, начатую Коноли и Ларкиным, и двигать ее вперед. Она должна научиться смотреть не только на одну Ирландию, но и видеть связь между Ирландией и событиями, происходящими за ее пределами.

Некоторые положения превратились почти в аксиомы для ирландских революционеров. Ни один ирландский республиканец или рабочий не верят в возможность создания Ирландской республики без применения вооруженной силы. Ни один ирландский республиканский вождь не верит в то, что ирландскому движению, каково бы оно не было, может когда-либо удаться добиться успеха в борьбе с Англией, когда последняя не будет находиться в войне с другой державой. Ирландские вожди уже издавна выдвинули лозунг: «затруднения Англии—это удобный случай для Ирландии». И они всегда об этом думали, когда Англия воевала. Они вспоминают о восстании 1782 г., теперь они снова думают о восстании 1916 г. и эта мысль у них постоянно в уме. Необходимо, чтобы ирландская революционная партия развивала эту идею более, чем когда-либо. Необходимо не только показать, что независимая Ирландия не принесет никакой пользы ирландским рабочим и крестьянам без программы, разрешающей социальные и политические нужды, но доказать, что такая социальная революция связана с борьбой за социальную революцию в Англии. Думать об Англии безотносительно к ее социальным классам так же гибельно для ирландских вождей революции, как думать об ирландской нации безотносительно к ее социальным классам. Буржуазия любит такой образ мыслей и она хотела бы, чтобы и ирландские рабочие и крестьяне рассматривали нацию, как нечто оторванное от классов. И только благодаря тому, что ирландские рабочие и

крестьяне неоднократно сознательно так поступали, они становились жертвами обмана со стороны других классов.

Невозможно думать об Ирландской республике независимо от одновременного движения ирландских и английских масс против английского имперского правительства даже и в том случае, если Англия будет занята войной с другой страной. Ирландские рабочие и крестьяне не имеют ни морского, ни воздушного флота, ни сильной армии, и было бы безумием надеяться на то, что ирландское движение, как бы оно не было единодушно, сможет противостоять колоссальной военной силе английского империализма, в особенности, если население Англии будет относиться индифферентно к судьбе Ирландии. Кто же в Ирландии может обратиться с призывом к социальным силам Англии? Буржуазия? Но одно упоминание этого класса является вместе с тем ответом. Мелкая буржуазия или интеллигенция? И тут видна безнадежность подобного призыва. Крестьяне? Но к кому они обратятся? К фермерам Англии—этой наиболее консервативной политической силе страны, если не считать буржуазии? Нет. Ирландские крестьяне не могут надеяться на успех, если они будут оторваны от рабочего класса. Если они соединятся с рабочим классом и пойдут под его руководством, то путь будет ясен не только для борьбы с их социальными врагами и эксплоататорами в Ирландии, но и для борьбы с их английскими угнетателями. Революционная солидарность ирландских рабочих и крестьян должна найти отклик в солидарности английского рабочего класса. Их интересы общие, и английский рабочий класс нуждается в содействии революционных борцов за ирландскую независимость в своей борьбе с английской буржуазией. Ирландская Рабочая Лига должна в случае, если она превратится в ирландскую революционную рабочую партию, работать в пользу этого союза бок-о-бок с английской компартией. Первой задачей Ирландской Рабочей Лиги при превращении ее в ирландскую рабочую революционную партию будет уничтожение оторванности ирландского революционного движения от английского и развитие этого революционного союза.

Когда наши ирландские товарищи поймут это и претворят это в жизнь, тогда история отметит, что важнейшим событием в Ирландии является теперь не начало распада Фианна Фейл, не банкротство мелкобуржуазного руководства этой партии и его капитуляция перед ирландской буржуазией и английским империализмом, а появление нового руководства ирландскими трудящимися массами и настоящих подлинных носителей ирландской независимости—борцов за создание ирландской рабоче-крестьянской республики.

П. Китайгородский.

Заметки о кемалистской Турции [1]).

Причины победы национальной революции в Турции.

Из всех социальных революций, разразившихся в результате империалистической войны 1914—1918 г. г., в целом ряде стран Центральной и Восточной Европы (России, Баварии, Венгрии, Финляндии) полностью победу одержала пролетарская революция на территории, площадью равной *одной шестой* земного шара, в стране Советов. Из всех национальных революций, возникших в силу той же империалистической войны в разных колониальных и полуколониальных стран Африки (Египет, Марокко), Азии (Индия, Сирия, Китай, Индонезия, Турция и др.) решительную победу одержала лишь национальная революция на территории, равной площади в 302.094 квадратных миль, в нынешней кемалистской Турции.

Успех национальной революции в Турции, в первую очередь, обусловлен Октябрьской революцией. Без победы Октябрьской революции в царской России немыслима была бы победа национальной революции в бывшей Оттоманской империи, в стране продажных султанов. Не будь у национально-революционной Турции гарантированного, спокойного советского тыла, равно как материальной и морально-политической поддержки советского правительства, кемалистская партия, носительница буржуазной революции, не могла бы добиться победы над внешними и внутренними врагами. Октябрьская революция является одним из крупнейших внешних факторов, содействовавших успешному завершению «первого этапа» национальной революции в Турции.

Не менее важным внешним фактором, благоприятствовавшим ходу победоносной национальной войны турецкого народа за независимость, явился *раскол* империалистического фронта, отсутствие общего языка в лагере «союзников»—Англии, Франции и Италии, тот самый фактор, на который указывал Ленин, фактор, значительно помогавший нам укрепиться и упрочить диктатуру пролетариата.

Но не только эти внешние факторы обусловили победу национальной революции в Турции. Были еще причины внутреннего порядка, а именно: анатолийское разоренное крестьянство, мелкие городские ремесленники и средняя анатолийская буржуазия, усилившаяся экономически во время войны, явились главными движущими силами национальной революции. В Анатолии, отрезанной военной оккупацией «союзников» от «первопрестольной» столицы—Константинополя, *пролетариата почти*

---

[1]) В периодической печати до сих пор давалось освещение кемалистской Турции крайне одностороннее, останавливаясь на реформаторской деятельности ангорского правительства. В этой статье мы постарались осветить и теневые стороны новой Турции. (*П. К.*).

что не было и буржуазии очень легко удалось взять руководство крестьянством в свои руки. Именно ставленнику национальной буржуазии, Мустафе-Кемалю-паше, удалось слить разрозненные партизанские крестьянские выступления в единое антиимпериалистическое движение. Крестьяне Анатолии первые выступали не только против внешнего врага, но и против «врага внутреннего»—против беев, феодалов-помещиков.

Анатолийские крестьяне смутно ловили слухи о социальной революции в России, об уничтожении ига царя, помещиков и буржуазии. Немногочисленные коммунистические подпольные группки турецких товарищей деятельно в то время работали в Анатолии. Кемалисты, в целях овладения крестьянством, прибегли к хитрости: ими была основана «с помощью Аллаха» официальная турецкая коммунистическая партия в целях отвлечения крестьянских масс от зловредных «московских» коммунистов... Эта «официальная коммунистическая партия» просуществовала недолго. Как только национальная буржуазия окрепла и почувствовала себя прочно в седле, она ликвидировала эту официальную лже-коммунистическую партию, предварительно разгромив и истребив лучших наших товарищей во главе с т. Мустафой Субхи, представителей секции Коминтерна.

Почти полное *отсутствие промышленного пролетариата в Анатолии* за исключением железнодорожников, зонгулдакских шахтеров и рабочих военных заводов дало буржуазии возможность обманом, кровавым насилием, подлостью и жестокостью овладеть крестьянским движением, обуздать деревенскую стихию и направить революционное движение масс в русло национально-буржуазной революции.

Организаторами победы национальной революции явилась интеллегенция, политическая и военная, которая от имени «нации» в целом вела массы в бой против империалистов. Среди этой интеллигенции были значительные группы выходцев из низов. В султанской Турции энергичным выходцам из низших классов часто удавалось пробиться в ряды господствующей олигархии. Война вовлекла в командный состав армии значительный контингент из крестьянской среды—народных учителей и прочих представителей крестьянской интеллигенции. Кроме того, не надо забывать, что господствующая нация старой Оттоманской империи состояла преимущественно из военно-бюрократического сословия, потерявшего связь с землей, и крестьянства. Национальная буржуазия отсутствовала. Функции торговой крупной буржуазии выполняли инородческие элементы греческой, еврейской и армянской буржуазии. Лишь незадолго до войны, отчасти при содействии немецкого капитала, появляется национальная, коренная анатолийская торговая буржуазия, которая во время войны разбогатела на военных поставках и подрядах.

Как и в младо-турецкой революции 1908 г., нанесшей первый серьезный удар турецкому самодержавию, главную роль играли военные элементы. Кемаль-паша, организатор национальной войны за независимость, умный, дальнозоркий и талантливый полководец, искусный политик, играл видную роль еще во время революции 1908 г. Военный элемент был «душою» восстания и в годы национальной революции.

Итак, и внешние и внутренние причины оказались весьма благоприятны для победы «чистой» национальной буржуазной

революции. Близость к СССР, спокойный советский тыл, отсутствие единого империалистического фронта (факторы внешнего порядка); отсутствие промышленного пролетариата в Анатолии (Смирна, Константинополь—города с относительно значительным рабочим населением были отрезаны «союзнической» оккупацией от остальной Турции) молодая едва оперившаяся национально-торговая буржуазия, враждебная империализму, сросшемуся с «инородческой» портовой буржуазией (греческой, еврейской и армянской); забитое, темное, но революционно настроенное крестьянство, подпавшее под влияние молодой анатолийской буржуазии; военное бюрократическое сословие с значительной примесью народных элементов—таковы внутренние факторы, благоприятствовавшие победе национальной революции.

Национально-буржуазная, но не буржуазно-демократическая революция.

Сделаем теперь моментальный снимок с кемалистской Турции. Правящей партией Турции является партия, переименованная в апреле 1923 г. в «Народную партию» «Халк-Фыркассы»). Основное ядро этой партии, руководимой Кемалем, или «Гази» («победитель иноверных») составляют чиновники, военные и гражданские, журналисты, депутаты, представители «третьего элемента», активные участники войны за независимость. В «Народную партию» входят некоторые рабочие группы и народные учителя и богатые крестьяне. Вопросы «высокой политики» не обсуждаются на партийных собраниях, которые бывают весьма редко. Тон задает «головка», состоящая из Кемаля и его антуража, как Исмет-паши, нынешнего премьера-министра, Рушди-бея, мининдела, Али, бывшего председателя военно-революционного трибунала («Суда Независимости») и целого ряда других военных и гражданских крупных чиновников.

Фактически всей полнотой власти обладает Кемаль, «Гази», пользующийся огромной популярностью в стране. Это—национальный революционный диктатор Турции. Он является душою всех проведенных реформ—политических и гражданских, судебных и бытовых.

Кроме «Народной партии», никакая другая партия в стране не существует. Коммунистическая партия загнана в подполье. Правая партия «младо-турок», переименовавшая себя в «прогрессивно-народную партию», обезглавлена за свою контр-революционную деятельность и сейчас от нее почти ничего не осталось: военный трибунал беспощадно расправился с нею.

«Народная партия», созданная Кемалем, не хочет ни с кем делиться властью, сейчас она является полновластным хозяином страны. Уже после Лозанской конференции, официально зафиксировавшей победу национальной революции, сведшей почти на нет колониальный режим капитуляций, Кемалю удается на выборах в меджилис провести большинство своих ставленников. По своему социальному составу депутаты этого меджилиса, созванного в 1924 г., составляли:

Офицеров	49
Чиновников	33
Лиц свободных профессий	50
Духовенства	18
Представители торговой и земледельческой буржуазии	76

Вот эти военные, журналисты, купцы и помещики творили в поте лица в течение трех лет от имени «нации». Демократическим слоям населения, трудящимся массам доступ в меджилис был закрыт, словно все 12 миллионов населения Турции состоят из купцов, газетчиков и рубак... Ни турецкий городской рабочий класс, насчитывающий по самым скромным подсчетам 300.000 человек, ни крестьянство, образующее основу населения (80%), не представлены в меджилисе. «Народная партия», партия «нуворишей», разбогатевших подрядчиков, спекулянтов, биржевиков, членов сомнительных акционерных иностранных кампаний, обуржуазившихся помещиков, депутатов, за определенный крупный «бакшиш» украшающих свои имена в разных иностранных фирмах,—вот кто составляет «соль» турецкой нации, вот кто выступает от имени «нации» в целом.

В июне этого года меджилис был распущен, чтобы дать место новому меджилису, который должен быть созван в октябре этого года. Какая же работа была проделана распущенным меджилисом? На его долю, прежде всего, *выпала большая заслуга в деле окончательной ликвидации халифата, секуляризации турецкой общественной жизни, уничтожения власти духовенства и секуляризации церкви, лишения ее вакуфного (церковного) имущества.* Введение на место старого шариата (мусульманского законодательства) нового гражданского судебного кодекса, по образцу швейцарского; серьезные, но, правда, нерешительные шаги в деле эмансипации женщины (снятие чадры, запрещение многоженства, регламентирование брачного кодекса).

В области социально-экономической меджилис провел отмену «ашара», т.-е. средневекового десятинного сбора, бывшего гнойной язвой на крестьянском теле. Этой реформой—заменой натурального налога с десятины денежной формой—исчерпывается вся социально-экономическая реформаторская деятельность меджилиса в пользу крестьянства.

Одно время заигрывая с крестьянством, провозглашая устами Кемаля во всеуслышание, что «крестьянин—хозяин нашей страны» (то было 1 марта 1923 г., в пору упоения победой над внешним врагом, одержанной благодаря неисчислимым жертвам, принесенным крестьянством), меджилис, однако, скоро покончил с крестьянофильством. Эгоистические, шкурнические интересы одержали верх и о крестьянине, этом «хозяине страны», забыли. Справедливость, однако, требует сказать, что в общем налоговая политика меджилиса была всем острием направлена против городского потребителя. Но сама деревня страдает от отсутствия дешевого кредита и деревенская и уездная власть, разные «камайкамы» дают крестьянам деньги в рост по 150% и более.

Учрежденный правительством сельско-хозяйственный банк предоставляет кредиты только богатым землевладельцам. Турецкая деревня крайне бедна, ее разоряет сельско-хозяйственная политика правительства, поощряющего только богатых земледельцев, которым предоставляются всяческие льготы.

Что же касается рабочего законодательства, то меджилис так и не удосужился рассмотреть проект кодекса о труде,—проект, в значительной мере ухудшающий и без того тяжелые условия труда рабочих, занятых в промышленности.

Вся реформаторская работа меджилиса была направлена на то, чтоб дать буржуазии возможность поднять производительные силы страны за счет трудящихся классов. В восточных вилайэтах (губерниях) и до сих пор феодализм не уничтожен. Целые деревни находятся в распоряжении феодалов, помещиков, интересы которых кемалистское буржуазное правительство не решается задеть. (Видный кемалист Дженани является сам владельцем многих деревень и на его фермах работают полукрепостные крестьяне...).

Налоговая политика, политика монополий (табачная, сахарная, нефтяная, спичечная), концессионная и железнодорожная политика построены таким образом, чтоб содействовать росту крупного торгового национального капитала за счет беспощадной эксплоатации рабочего, мелкого ремесленника и крестьянства.

Меджилис в области экономической политики руководствовался соображениями, продиктованными интересами обрастающей анатолийской национальной буржуазии.

Необходимо только отметить, что в последнее время темп поднятия промышленности замедлился. С 1920 г. по 1926 г. были оборудованы 626 предприятий с моторами выше 5 лошадиных сил, учреждено 69 промышленных обществ, с капиталом в 22 миллиона турецких лир (всего промышленных заведений в Турции 1920), были построены 223 крупные мельницы, 116 лесопильных заводов, 61 текстильная фабрика, 50 мыловаренных заводов. Все это за счет национального капитала буржуазии Анатолии. Мы уже не говорим о 400 километрах железнодорожного пути, проложенного средствами самого государства, и двух новых сахарных заводах.

За последний год, однако, кроме нескольких маслобойных и мыловаренных заводов, почти ничего в области «индустриализации» не сделано. Сказывается недостаток капиталов и рабочих рук, отсутствие технических сил и специалистов.

Если в 1924 г. на выборах в меджилис еще конкурировали партии, стоящие на правом фланге (коммунисты и тогда были в подполье) кемализма, то в этом году выборы в меджилис, куда депутаты заранее назначены и подобраны самим «Гази», происходят на фоне полной монополии правящей партии при поражающем абсентеизме избирателей.

Выборы двухстепенные. Избирательным правом на первой стадии пользуются лица *мужского пола*, старше 18 лет. Избиратели «выбирают» выборщиков, а эти последние—выбирают депутатов. Женский политический клуб Константинополя заикнулся было о предоставлении им права выбирать... мужчин-феминистов, но власти дали суровую отповедь и клуб, под председательством Назиэ Мухедим Ханум, не решился больше настаивать...

При таких условиях отсутствия предвыборной агитации (газеты уделяют выборам несколько строк), избирательной кампании, при наличии монополии одной политической партии ничего удивительного нет, что крестьяне «единодушно» голосуют за партию «Гази», а городское население, мало интересующееся выборами, столь же «единогласно» избирает исключительно кандидатов «Народной партии»...

Кемалисты с помощью народа завоевали независимость, но всеми выгодами победы воспользовался не народ, а новоявленная буржуазия. О серьезной социальной и подлинно демократической реформе никто из правящей партии не помышляет. Наделение

крестьян землей и дешевым кредитом, проведение радикальной аграрной реформы, решительная борьба с остатками крепостничества в восточных вилайэтах, подрыв экономической базы помещичьего класса—все это находится вне поля зрения кемалистских политиков. Улучшение положения рабочего класса, проведение рабочего законодательства—это правящую партию не занимает. Все для буржуазии и ничего для народа, для низов. «Народ» это—навоз, долженствующий удобрить поля богатых, новоиспеченных классов, утилизирующих для себя победу национальной войны за независимость.

В области военной совершены крупные реформы. Фески отменены, внешнее обличие турецких аскеров (солдат) ничем не отличается от европейских воинов. Но в правовом положении турецкого солдата не произошло никаких изменений. Турецкий солдат остался тем же крепостным, что и в армии султана и младотурок. *Палочная система практикуется во-всю.* На военном плацу всенародно производится экзекуция провинившихся солдат. Если солдат плохо сделал поворот, то по приказу офицера ему связывают руки и ноги, поднимают на палку и офицер хлещет его стэком... Солдат тот же крепостной, бесправный, каким он был в дореволюционной армии.

В области национальной политики меджилис создал для нацменов невыносимое положение, своего рода «черту оседлости». Грекам, армянам, арабам, состоящим в турецком гражданстве, запрещено свободное передвижение из одной губернии в другую; требуется особое разрешение врача, скажем, для армян, едущих из Константинополя в Бруссу на минеральные воды. К евреям—«эспаньолам» немного более терпимое отношение, но и они ограничены в своих правах.

Греческим и армянским рабочим очень трудно попасть на государственную фабрику. Они находятся на положении пасынков, париев среди турецких пролетариев. Кемалистское правительство своей великодержавной шовинистической политикой побило рекорд. Эта узконационалистическая политика отравляет душу турецкого рабочего, зачастую поддающегося на удочку кемалистской власти.

Как в царской России еврейская беднота была козлом отпущения, так и в Турции греческий и армянский рабочий, бедный ремесленник и мелкий торговец являются жертвой националистической политики кемалистов.

Не буржуазно-демократическая революция, а буржуазно-либеральная революция, отвечающая интересам восходящей крупной национальной буржуазии Анатолии—вот что получилось в результате успешного завершения национальной борьбы за независимость.

Средняя буржуазия, ставшая у власти, перерождается в крупную, усваивая все повадки и манеры последней. Процесс «перерождения» клеточек быстро прогрессирует. Правящая партия обрасла жиром. Сейчас она находится на распутьи. Она ищет капиталов, внешних займов. Она начинает заискивать перед Европой, строить ей глазки.

Кто может сказать, как долго эта партия удержится на антиимпериалистической позиции?

Положение турецкого рабочего класса.

Кемалисты усиленно опекают турецкого рабочего, не давая ему ни свободы собраний, ни свободы стачек, профсоюзов. Власть стремится обеспечить за собою контроль над рабочим движением, беспощадно подавляя малейшие самостоятельные выступления рабочих под руководством подпольной коммунистической партии.

Рабочий лишен политических прав, его материальное положение крайне плачевно. Чтоб представить себе ясно уровень жизни турецкого рабочего, рассмотрим его бюджет. Возьмем в качестве иллюстрации средний заработок рабочего железнодорожника. В неделю такой рабочий получает 13 лир 75 пиастров (почти 13 руб. 75 коп.) или 55 лир в месяц. Из этой суммы рабочий должен уплатить:

1) налог на зарплату—5 лир,
2) налог на тротуары, школьный и больничный—$2\frac{1}{2}$ лир.

$7\frac{1}{2}$ лир.

Одних прямых налогов он уплачивает $7\frac{1}{2}$ лир, т.-е. около 14% со всего своего ежемесячного заработка. Но остальных $47\frac{1}{2}$ л. не хватает при существующей дороговизне жизни на удовлетворение даже прожиточного минимума. Только за одну квартиру он платит 10—12 лир в месяц. На завтрак, состоящий из хлеба и сыра, на обед из супа и фасоли и на такой же скудный ужин он тратит от 80 пиастров до 1 лиры в день только на личное прокормление. Остается $5\frac{1}{2}$ лир, которые необходимо затратить на обувь, белье, платье, баню, бритье и другие самые необходимые потребности. Но в том-то и дело, что он не в состоянии все эти потребности удовлетворить. А если он семейный, то надо обладать большим воображением, чтоб представить себе, как он умудряется свести концы с концами. Но редко, когда он получает полностью эти 55 лир. Ведь существуют на свете штрафы, от которых житья нет. В среднем штрафы отнимают от 3 до 8 и выше лир в месяц. Тут рабочему совсем крышка.

Но мы взяли зарплату среднего железнодорожника. А вот трамвайный служащий вагоновожатый получает 35—30 лир в месяц. Текстильщик г. Смирны получает в среднем 36 лир, а табачники по 24—26 лир в месяц!

Излишне распространяться о существующих условиях труда на заводах, где нет минимума санитарных норм, где эксплоатация невероятна.

Стоит рабочему лишиться заработка, как ему остается броситься в Босфор. Ни социального страхования, ни биржи труда—ничего этого в помине нет.

Существует в Константинополе, Смирне, Адане и др. городах некоторое подобие профсоюзов или, правильнее, кассы взаимопомощи, охватывающие небольшой процент рабочих. Так, в передовом «Союзе Союзов» («Амеле Теали Джумхуриет») всего числится 300 членов. Есть отдельные «союзы», об'единяющие по 200—300 рабочих табачной отрасли, электрической станции, трамвайщиков и др. На 100.000 рабочих и служащих г. Константинополя всех об'единенных в «союзы» насчитывается около 2.000 членов. На 75.000 рабочих г. Смирны—около 800 об'единено в разные кассы взаимопомощи.

При той скудной зарплате, которая еле хватает на покрытие самых необходимых потребностей, рабочему трудно выплачивать

членский взнос, как бы он ни был невелик. Сказывается еще отсталость, некультурность и невежество рабочих масс. Семейный рабочий живет впроголодь; туберкулез прочно гнездится в рабочих кварталах, а детская смертность прямо-таки колоссальна. Организм турецкого рабочего быстро изнашивается, в 40 лет рабочий выглядит стариком.

За последнее время, однако, мы замечаем известный под'ем рабочего движения; то здесь, то там вспыхивают стихийно забастовки, массы выдвигают своих руководителей, обнаруживающих порою недюжинные организаторские способности.

В апреле этого года вспыхнула забастовка среди табачников г. Константинополя, охватившая около 3.000 рабочих, работниц и детей-подростков. Забастовка продолжалась около недели. Работницы проявили больше энергии и решимости, нежели рабочие. Работницы ободряли рабочих своей выдержкой. Одна 52-летняя работница выступила на собрании с горячей речью, в которой, между прочим, заявила: «Нам угрожает голод?—Что же, мы всю жизнь голодаем. Поголодаем еще несколько дней, за то выиграем». Забастовка окончилась частичной победой рабочих.

В день 1-го мая около 2.000 рабочих г. Константинополя не явились на работу. Трамвайщики серьезно пострадали, так как бельгийская компания уволила за участие в праздновании 1-го мая 69 рабочих, наиболее активных и наиболее сознательных.

Кемалисты, к которым делегация уволенных рабочих обратилась за содействием, и пальцем о палец не ударили, чтоб оказать давление на иностранное трамвайное общество, получающее крупные дивиденты из эксплоатации городской железной дороги (только в 1926 г. чистая выручка составила 2.600.000 лир!).

Кемалистская власть вообще не допускает забастовок на «отечественных» частных и государственных предприятиях, не останавливаясь пред применением и вооруженной силы. Во время забастовки, имевшей недавно место на Аданской железной дороге, принадлежащей французскому капиталу, кемалистская полиция стреляла в забастовщиков—железнодорожников, осмелившихся остановить пущенный штрейкбрехерами поезд в ход...

Медленно, но упорно развивается рабочее движение вопреки уверениям кемалистов, будто в Турции не имеется классовой борьбы. Идеологи кемализма хотят замазать классовые противоречия, мол де в Турции отсутствует крупная буржуазия, подобная европейской и т. д. и тому подобное. Кемалисты прибегают к испытанной политике «зубатовщины». Однако, рабочая хроника все больше дает о себе знать, забастовки и стачки завоевывают право гражданства, классовая борьба развивается вопреки кемалистской идеологии. Ибо перед рабочим классом стоит дилемма: либо умереть с голоду, либо борьба за улучшение своего существования. Среди рабочих появляются сознательные агитаторы—революционеры, сплачивающие рабочих на борьбу с капиталом, отечественным и иноземным...

Положение крестьянства.

Кемалистская экономическая политика направлена на усиление мощи крупных аграриев, кулаков и отечественных фабрикантов. Государственный сельско-хозяйственный банк выдает субсидии и предоставляет кредиты только экономически сильным

сельским хозяевам. Остальные слои деревни предоставлены самим себе и вынуждены прибегать к кабальным сделкам и ростовщическим займам. Сама сельская и уездная власть занимается ростовщичеством.

Кроме отмены средневекового натурального налога «ашар» (о котором выше упомянули), кемалисты ни одной аграрной реформы не провели. А между тем, положение крестьянства прямо-таки отчаянное. Еще на Смирнском экономическом конгрессе 1923 г., на котором были представлены все классы турецкого общества, крестьяне-делегаты в своих бесхитростных речах, полных горечи и укоризны, рисовали мрачные картины беспросветной жизни турецкого крестьянства.

— «Вы тут обсуждаете, как бороться с болезнями кур, а в деревне люди умирают, как мухи, без всякой помощи», говорил один крестьянин-делегат из Диарбекирского района.

И сейчас в турецкой деревне неблагополучно. Войны (балканская 1912 г., империалистическая война и война за независимость) местами обезлюдили целые деревни. Кемалисты льстили крестьянству, покуда длилась национальная война, но по одержании победы над внешним врагом они, националисты, не выполнили своего обещания наделить крестьян землею и дешевым инвентарем. В поле зрения кемалистской сельско-хозяйственной политики только мощный крестьянин-кулак. Ему правительство покровительствует, предоставляя всяческие льготы.

В Адане, хлопковом районе, кемалисты депутаты и члены кемалистской партии, пользуясь услугой госаппарата, разными правдами и неправдами экспроприируют земельные владения мелких крестьян, «огораживая» свои поля, подобно тому, как это имело место в конце XVIII века в Англии.

В Смирнском районе батраки в течение зимы получают у богатого крестьянина-подрядчика пособие на жизнь, а в летний сезон они попадают в его полное распоряжение. Подрядчик их отдает гуртом крупному землевладельцу, у которого он (а не батраки) получает их жалование. То же самое имеет место и в Адане на бирже, на которую являются крупные хлопководы и обращаются к подрядчику за рабочей силой. Этот последний представляет партии сельско-хозяйственных рабочих, находящихся всецело в его распоряжении.

В турецкой деревне местами существует кабальная форма «исполу» и другие виды средневековой эксплоатации. Турецкая деревня страдает от полицейского произвола, взяточничества и разных «дополнительных» налогов.

Во время восстания шейха Саида в 1925 г., вспыхнувшего при содействии англичан, в восточных вилайэтах (здесь феодальные отношения сохранились почти во всей своей неприкосновенности), крестьяне убивали своих беев—помещиков, активно поддерживавших восстание. Правительственные же власти не могли допустить «анархии» и казнили крестьян.

Таков лик «революционного» кемализма. Жадный, хищнический, коррупированный, господствующий режим голой буржуазной диктатуры твердо стоит на страже интересов имущих классов города и деревни, высасывая все соки из трудящихся слоев населения.

Кемалистская Турция и СССР.

Перед лицом нависшей над нами военной угрозы крайне важно узнать, какова будет позиция кемалистской Турции в случае капиталистической интервенции в пределы СССР. Надо сказать, что турецкое правительство держало недавно экзамен на аттестат политической зрелости и самостоятельности в связи с разрывом англо-советских отношений и убийством т. Войкова. Если судить по поведению константинопольской прессы, которая вся кемалистская или вынуждена лепетать по-кемалистски, под страхом в два счета быть приведенной в полное молчание, то нельзя сказать, что правительство экзамен на все 100 процентов выдержало.

В течение нескольких дней кемалистская официозная и полуофициозная печать обычно не в меру болтливая, молчала, ничем не реагируя на убийство посла дружественной страны. Но вот спустя несколько дней после убийства т. Войкова появляется статья от 10/VI в «Милли эте», кемалистском официозе, возмутительная по тону и по содержанию.

Реверанс в сторону Англии, порицание т. Розенгольца за его речь, произнесенную на Лондонском вокзале перед от'ездом, грязный анекдот, явно унижающий достоинство дружественной державы, оценка убийства т. Войкова, как простое убийство «красный—убит белым»—и все; заискивание перед Польшей, «выказавшей столь удивительное и похвальное хладнокровие». Это было тогда, когда Ангора на минутку растерялась, испугавшись, как бы война Англии с СССР не вовлекла и ее в драку. Когда же Ангора опомнилась, убедившись, что война отсрочена, константинопольская пресса заговорила языком «дружественного» нейтралитета.

Нам представляется, что процесс перерождения клеточек правящей партии уже начался. Турция переживает экономический и финансовый кризис. Министр финансов Абдул-Халик бей рыщет по Европе, обивая пороги европейских биржевиков, надеясь заполучить заем.

Хотя турецкая пресса гордо заявляет, что Турция—не Индия, не колония и что она готова сотрудничать с иностранным капиталом на условиях полного уважения к независимости страны и политической незаинтересованности контр-агента, но... все-таки в кемалистском царстве не все обстоит благополучно. Поездка Шукри-Кайи-бея, председателя иностранной комиссии меджилиса, в Женеву на конференцию Труда при Лиге Наций, где ему демонстративно всячески льстили, воскуривали фимиам; урегулирование вопроса о купонах с обязательством выплачивать 18—19 миллионов ежегодно (на Лозанской конференции вопрос об Оттоманском долге остался открытым и лишь сейчас урегулирован), усиленные поиски займов во что бы то ни стало,—и целый ряд других фактов, все это являет собою симптомы, сигнализирующие определенные процессы начинающегося сдвига политики Ангорского правительства в сторону империалистического Запада.

Наши заметки имеют целью обратить внимание нашей партийной и советской общественности на современную Турцию, выявить подлинный лик этой страны, в которой бывшая угнетенная национальная буржуазия из «ничего» стала «всем». Дело же нашей красной дипломатии изыскать пути, могущие действительно обеспечить дружественный нейтралитет Турции в отношении СССР не на словах, а на деле.

Клерикализм и пролетариат в Германии.

Одной из главнейших задач коммунистических партий на современном этапе мировой пролетарской революции, является задача завоевания под знамя коммунизма широчайших рабочих масс. Эта задача упирается в основном в борьбу против социал-демократии, как главного проводника влияния буржуазной идеологии (в ее реформистской форме) на пролетариат. Социал-демократические партии в Западной Европе до сих пор составляют очень крупную силу и ведут за собой самую большую часть рабочего класса.

Однако, социал-демократы не являются *единственным* врагом и конкурентом коммунистических партий в борьбе за руководство рабочим движением. На ряду с ними *(и об этом у нас часто забывают)* немалое значение имеет *клерикализм*, который также ставит своей задачей завоевание для капитализма рабочих масс. В целом ряде стран Западной Европы, клерикализм пустил прочные корни в рабочее движение и ведет за собой большие отряды рабочего класса, так что можно даже говорить о массовом католическом рабочем движении. В таких странах, как Германия, Бельгия, Голландия, Италия (до фашистского периода), Испания и друг. лозунг борьбы за массы означает борьбу не *только* за социал-демократических или синдикалистских рабочих, *но и за христианских, особенно католических, рабочих.* Между тем, на практике это обстоятельство работниками западных компартий часто упускалось из виду, все внимание сосредотачивалось на борьбе с социал-демократическим влиянием на пролетариат, а такая немаловажная часть последнего, как сотни тысяч и миллионы католических рабочих предоставлялись работе отделов партий или организаций типа нашего общества «безбожник», например, союзу свободомыслящих (Freidenkerbewegung) в Германии. Опасность подобной установки для наших братских партий потому особенно велика, что атеистическая, безбожническая пропаганда является наиболее трудным способом завоевания католических рабочих, ибо она, почти не задевая классового инстинкта последних и не нащупывая общих интересов с рабочими коммунистами, попадает в самое больное место их—в религиозность, отрешиться от которой для рабочего католика несравненно труднее, чем взяться за оружие для борьбы с капитализмом.

Таким образом, недооценка влияния клерикализма на рабочий класс и неправильные методы борьбы за «душу» католического рабочего, являются одним из *слабых* мест коммунистического движения в католических странах Западной Европы. Чтобы обосновать это положение, мы остановимся здесь на роли клерикализма в Германии и на его борьбе за рабочий класс этой страны.

Как известно, за последние годы во внутренней политике Германии важнейшую роль играет католическая партия центра (Zentrumspartei). Начиная с 1920 г., не было ни одного общегерманского и прусского правительства, в котором бы не участвовала партия центра. Коалируясь то с социал-демократами, то с националистами (партия аграриев и тяжелой индустрии) и народной партией (партия крупной промышленной буржуазии), центр неизменно оказывает громадное влияние на всю германскую внутреннюю политику. Поэтому борьба против этой партии является одной из главнейших задач коммунистической партии Германии.

Католическая партия центра является политическим орудием клерикализма в Германии и вместе с тем она является одним из искуснейших орудий, при помощи которого буржуазия осуществляет свое влияние на широкие массы рабочего класса и мелкой буржуазии. Там, где никакая другая буржуазная партия не может найти доступа в рабочие массы и в крестьянство, там, где националистические лозунги не могут прикрыть классового антипролетарского содержания других партий буржуазии (напр., националисты), последняя искусно использует духовную отсталость масс и при помощи клерикализма, сочетающего религиозный дурман с широкой социально-политической демагогией, завоевывает себе влияние на трудящиеся массы. В протестантских районах Германии, социал-демократы вполне удовлетворительно выполняют задачу отравления классового сознания рабочих, в католических же районах они делят эту свою работу с партией центра. Если принять во внимание, что католики составляют *около 34—35% населения* Германии, то станет понятным, какую *огромную роль* играет в стране католическая партия центра.

Партия центра возникла в 1871 году в результате об'единения различных элементов, недовольных новой германской империей и господством в ней прусской юнкерской реакции. В ту эпоху католическая церковь была на положении гонимой в Германии. Бисмарк вел против нее энергичную борьбу (так наз. «культуркампф») и это весьма содействовало образованию особой католической политической партии. Используя свое положение гонимого, клерикализм об'единил в рядах партии центра самые различные социальные группы—крупных промышленников католического Запада Германии, недовольных засилием прусского юнкерства (аграриев) в правительстве империи, рабочих, искавших в католической церкви защиты от эксплоатации их протестантскими промышленниками, городскую мелкую буржуазию (ремесленники и т. п.), экономическая самостоятельность которой находилась под ударами конкуренции крупного капитала, наконец, крестьян, желавших освободиться от политического руководства крупных аграриев. То обстоятельство, что центр в первые годы своего существования находился в оппозиции к правительству из-за культуркампфа, позволило ему написать в своей программе ряд либеральных лозунгов и обещать рабочему классу различные социальные реформы. Это, на ряду с религиозной оболочкой программы, привлекло к партии центра довольно значительные рабочие массы, несмотря на то, что в своей практической политике центр в первые десятилетия своего существования отражал, главным образом интересы городской мелкой буржуазии (так наз. Mittelstand'а), а со временем превратился в типичную партию

крупной буржуазии, руководящуюся на деле целиком интересами магнатов промышленности Западной Германии. Достаточно назвать имена таких влиятельных центровиков, являющихся крупнейшими предпринимателями промышленности, как Клекнер, Тен Гомпель, Ламперс и т. д. На ряду с этим, на политику партии огромное влияние оказывают рейнские католические аграрии и крупные крестьяне, из рядов коих вышли б. министры центровики Кроне, Герольд, Гаслинде и др. Само собой разумеется, что такая практика партии центра, искусно маскировалась громкой фразеологией о защите интересов рабочего класса, о необходимости для капиталистов в своих отношениях с рабочими руководствоваться «христианским чувством братства» и т. п. На ряду с этим, партия центра вместе с католической церковью широко развернула организационную работу по об'единению вокруг своего знамени рабочих и мелкой буржуазии в самые разнообразные культурные, профессиональные, сословные и даже классовые организации. Этим двум методам своей работы клерикализм обязан тому, что он до сих пор ведет за собой миллионные массы трудящихся в Германии.

Сфера влияния клерикализма в партии центра охватывает все католические районы Германии—Баварию (где клерикализм работает через отколовшуюся после революции от центра баварскую народную партию), Баден, отчасти Вюртемберг и Гессен—Нассау и в Пруссии Рейнскую провинцию, Вестфалию, Верхнюю и Нижнюю Силезию. Таким образом, влияние клерикализма распространяется *на важнейшие индустриальные центры Германии—на угольные и металлургические районы Рура, Рейна, Вестфалии и Верхней Силезии, на химические центры Бадена и т. д.* Именно в этих районах клерикализм развернул широкую организационную деятельность среди индустриального пролетариата и там он представляет враждебную коммунизму силу, подчас только немного уступающую социал-демократии.

Одним из показателей политического влияния партии центра в Германии является тот факт, что вплоть до революции, как показывают избирательные подсчеты, за центр систематически голосовало не менее 500.000 рабочих.

После революции 1918 года центр, бывший до того конституционно-монархической партией, перекрашивается в республиканские цвета, об'являет себя народной христианской партией, преследующей цели создания «социально справедливого народного государства» (Sozialer Volksstaat), выравнивания и сглаживания классовых противоречий, защиты интересов труда от «чрезмерной эксплоатации», обещающей «обуздывать несправедливые и преувеличенные требования отдельных капиталистов» и т. д.

Практически, после революции партия все время блокировалась с социал-демократией, образуя вместе с ней и буржуазными демократами так называемую «веймарскую каолицию» (в Веймаре была принята на Национальном Собрании конституция Германской республики). Коалиция эта, имевшая своими главными программными пунктами соглашение с Антантой в международной политике и защиту республики вместе с куцой программой социальных реформ, фактически находилась в зависимости от политических настроений центра и немало содействовала укреплению в массах иллюзий о центре, как о народной партии. Все это на ряду с введением всеобщего избирательного права привело

к значительному росту и укреплению партии центра и к усилению охвата ею большого круга избирателей.

Следующие цифры характеризуют политическое влияние центра на массы после революции по сравнению с социал-демократами и коммунистами.

Выборы в Рейхстаг после революции (в тысячах).

Год	Общее число голосов	Число голосов центра	% от общего числа голосов	Число голосов соц.-демократов	% от общего числа голосов	Число голосов независ. соц.	% от общего числа	Число голосов ком.	% от общего числа
1919 (Нац. Собр.)	30.400	5.980	19,7	11.509	38,3	2.317	7,7	—	—
1920	28.196	3.845	13,6	11.159 [1])	40,0	[1]) голоса независ. присчитаны к с.-д.	—	589	2,1
1924 май	29.281	3.921	13,4	6.009	20,5	235	0,8	3.693	12,6
1924 декабрь	30.290	2.118	13,6	7.881	26	99	0,3	2.709	9
1925 март (Президиум выбран)	26.866	3.887	14,5	7.802	29,1	—	—	1.871	6,9

При оценке этих цифр нужно принять во внимание, что в 1919 году от партии центра откололась право настроенная клерикальная Баварская народная партия, представляющая интересы баварского крупного крестьянства. Эта партия получала на выборах в среднем около 1 миллиона голосов (около 35% всех голосов в Баварии). Таким образом общее количество голосов, которые собирал клерикализм в лице партий Центра и Баварской народной, равняется, примерно, 5 миллионам, т.-е. свыше 18% всех голосующих на парламентских выборах.

По отдельным избирательным католическим округам соотношения голосов еще больше в пользу партии центра.

Например, на бывших в феврале 1927 года частичных коммунальных и муниципальных выборах в Верхней Силезии из общего числа 290 мандатов, центр получил—107 (37%), коммунисты—42 (14,5%) и соц.-демократы—29 (10%).

Все эти цифры показывают, что центр является опаснейшим врагом коммунистической партии в Германии, ведущим за собой от 1 до 1½ миллионов рабочих, завоевать которых является сложнейшей задачей для компартии.

Какими же путями клерикализм и партия центра осуществляют свое влияние на пролетариат?

Методы и пути эти очень разнообразны.

В первую голову следует указать на прессу. Партия центра имеет в своем распоряжении 329 газет, т.-е. до 12% всей периодической прессы Германии, в то же время соц.-демократы имеют 162 газеты (5%), а коммунисты—39 (1,2%). Многие провинциальные газеты центра имеют по 40—50.000 тиража. Эти газеты в зависимости от района и круга читателей имеют правые или левые тенденции и искусно играют на настроениях масс. Кроме

этой политической ежедневной прессы, партия центра распространяет свое влияние через сотни журналов, еженедельников, ежемесячников, издаваемых различными клерикальными организациями. 27 января 1927 г. центральный орган партии центра «Германия» опубликовал список в 574 журнала, издаваемых в Германии клерикалами, имеющих по совокупности несколько миллионов тиража. Среди них имеется 20 журналов по педагогике, 11—посвященных критике и литературе, 24—политике и экономике, 78—религиозные журналы для народа, 20—периодических обозрений, 39—семейных и беллетристических, 26—детских изданий, 60—для юношества, 23—для женщин, 21—профессиональных, 22—учительских и т. д. и т. п. Чтобы получить представление о распространении этих изданий, следует указать, что 10 семейно-беллетристических журналов имели тираж—1.175.000 экз., из них журнал «Народный Союз» («Volksverein»)—475.000, 27 религиозных народных издания—1.964.000 экз. и т. д.

Помимо прессы в распоряжении партии центра находился широко-разветвленный аппарат крупнейшей общественной организации клерикализма в Германии—«Народный Союз Католической Германии». Эта организация была основана в 1890 году вождем партии центра Виндхорстом со специальной целью организации и мобилизации католических народных масс в интересах германской буржуазии и клерикализма. Формально этому союзу была поставлена задача «культурного и социального воспитания масс», фактически он является важнейшей организацией для борьбы с проникновением в массы марксизма. «Католический Народный Союз» об'единял в 1925 году около 600.000 членов, из них 125.000 женщин (по сравнению с последними годами до мировой войны, союз потерял много членов в индустриальных районах), он имел 4261 местных организаций, а в его аппарате работало около 45.000 функционеров, среди которых духовенство играло главную роль. Союз издает 4 журнала. За 1923 год им было организовано до 4500 массовых собраний, множество всяких конференций, курсов и т. п.

Но этим организационная деятельность клерикализма не ограничивается. Используя особые интересы различных групп населения, партия центра и «Католический Народный Союз» создают многочисленные организации самого разнообразного типа, в которые привлекают различные слои народа. Укажем на важнейшие из них.

На ряду с партией центра для католического юношества существует политическая организация—«в лице Всегерманского об'единения союзов имени Виндхорста». Затем для юношей создано аполитичное «Об'единение католических юношеских союзов Германии», насчитывающее до 375.000 членов. Для девушек—такое же «Об'единение союзов католических девушек» с 620.000 членов. Для женщин—«Немецкий союз католических женщин» с 250.000 членов. Для научной и культурной работы имеется «Gorresgesellschaft zur Pflege der Wissenschaft im katholischen Deutschland»—в Мюнхене. Католические журналисты об'единяются в трех крупных союзах католической прессы («Аугустиниус-ферейн», Саксонский и Баварский союзы), об'единяющие до 65.000 индивидуальных членов и 59.800 членов, входящих в них коллективно через 1213 обществ. Библиотечная работа ведется через «Борромаус-ферейн» с 376.000 членов. Кроме того имеются союзы учительские, искусства, драматические, санитарные и т. д. и т. п.

Однако, центр тяжести влияния клерикализма лежит не в этих многочисленных организациях, а в специально созданных профессиональных и сословных организациях для рабочих и крестьян.

Крестьянство клерикализм привлекал к себе тем, что он организовывал для него ряд об'единений, которые создавали у крестьян иллюзию самостоятельных, независимых от влияния крупных помещиков и представляющих интересы самого крестьянства. Так еще задолго до мировой войны под руководством католических ксендзов и политических деятелей партии центра, были созданы многочисленные сельско-хозяйственные закупочные, сбытовые и кредитные кооперативы, которые об'единили в своих рядах около $1\frac{1}{2}$ миллиона членов. Понятно, что практическое руководство в этой крестьянской кооперации находилось в руках крупного крестьянства (Grossbauer). Затем для защиты общекрестьянских интересов были созданы преимущественно в Западной и Южной Германии, а отчасти и в Верхней Силезии католические крестьянские союзы, об'единившиеся затем в «Об'единение немецких крестьянских союзов». Хотя и в этих организациях руководство принадлежало крупным крестьянам, они все же сумели вовлечь в свои ряды не малое количество мелких крестьян, что об'ясняется тем, что эти союзы стоят в оппозиции к «Германскому союзу сельских хозяев» (Reichslandbund), который находится целиком в руках крупных аграриев и является боевым орудием прусского юнкерства. В 1922 году «Об'единение католических крестьянских союзов» насчитывало 24 отдельных союза с 454.000 членов (Союз сельских хозяев имеет около 1 миллиона членов), из коих 145.000 в Баварии, 105.000—в Рейнской провинции, 500.000—в Вюртемберге, 36.000—в Вестфалии, 91.000—в Бадене и т. п.

В своей аграрной политике в парламенте, партия центра в значительной степени руководствуется интересами этих союзов, вожди которых стоят на правом фланге партии. Поэтому центр всегда поддерживал введение защитных аграрных пошлин, содействовавших значительному под'ему сельскохозяйственных цен на внутреннем немецком рынке. Точно так же, центр после мировой войны и революции поддерживал стремления аграриев уничтожить всякие попытки государства регулировать сельское хозяйство и рынок сельскохозяйственной продукции. Эта политика, часто толкала центр на сотрудничество с националистами и обеспечила в значительной мере существование нынешнего буржуазного блока в Рейхстаге. Но она же вызывает острое недовольство католических рабочих, ибо ведет неизбежно к понижению уровня жизни городского потребителя и в первую очередь рабочих.

Влияние на рабочий класс клерикализм оказывает через христианские профсоюзы и кроме того через специальные сословного типа католические рабочие общества. Клерикализм проявил в создании этих двух систем рабочих организаций большую мудрость: для более передовых, больше осознающих свои классовые интересы рабочих (конечно, передовыми их можно назвать только относительно, ибо по сравнению с рабочими коммунистами и социал-демократами они классово отстали) клерикализм создал профессиональные союзы, по своей структуре и программе отчасти похожие на классовые профсоюзы; для более отсталых рабочих, преимущественно средних и мелких предприятий, он создал католические рабочие общества, которые находятся под организационным руководством ксендзов, обычно являющихся председателями и секретарями этих обществ. Кроме этих организаций, существуют еще профессионально-цеховые об'единения ремесленников-католиков, однако, значение последних за последнее время сошло почти на нет.

Влияние клерикализма на профсоюзы характеризуется следующими цифрами.

Не менее одного миллиона рабочих, служащих и чиновников (а в 1922 г. почти два миллиона) прямо организованы или составляют круг влияния христианских профсоюзов. К этому следует прибавить 400.000 членов католических рабочих обществ (согласно данным Кобленцкого с'езда обществ в июне 1927 г.; в 1921 г.—500.000) и получится цифра в 2—$2\frac{1}{2}$ миллиона рабочих, служащих и чиновников, находящихся под организационным влиянием клерикализма, которые составляют в своей значительной части массу избирателей, т.-е. политическую силу партии центра (часть голосует даже за националистов, например, часть чиновников, торговых служащих и сельско-хозяйственных рабочих). Рабочие, организованные в католические профсоюзы, составляют около 12% всех членов рабочих профсоюзов.

Чем привлекает клерикализм рабочих в созданные им рабочие католические профсоюзы и общества?

Что касается христианских профсоюзов, то после революции 1918 года разница в политике и практике последних и социал-демократических профсоюзов очень не велика. И те, и другие профсоюзы стоят практически на почве классового сотрудничества предпринимателей и рабочих (Arbeitsgemeinschaft), и те и другие разговаривают о «хозяйственной демократии» в рамках капитализма, если же у социал-демократических профсоюзов в программе и красуется понятие классовой борьбы, то на практике оно давно потеряло свое значение. По крайней мере, обе организации одинаково работают над всяческим придушением классовых конфликтов, над недопущением стачек, над приспособлением деятельности профсоюзов к интересам поднимающегося германского капитализма. И свободные и христианские профсоюзы одинаково ответственны за ту систему принудительного третейского разбирательства экономических конфликтов между рабочими и предпринимателями, которая узаконена в Германии и последствия которой так остро чувствуют на своей спине немецкие рабочие. Наконец, по важнейшим вопросам рабочей политики (рабочее время, заработная плата, участие в Бюро труда Лиги Наций, рационализация и др.) свободные и христианские профсоюзы обычно выступали вместе и солидарно, а в парламенте же по этим вопросам обычно создавался блок социал-демократов и центра. Поэтому католический рабочий не видит практической разницы между христианскими и свободными профсоюзами, переходить же в последние потому, что в их программе в качестве далекого идеала обещан «социализм», они не считают нужным, для них христианство и загробный мир являются не менее реальными идеалами, чем социализм Лейпарта и Грассмана. Недаром, Іоос—вождь партии центра, с полным правом мог сказать: «Социализм и христианство *одинаково* стоят против капиталистического духа», что на практике означает—социал-демократия и католические профсоюзы *одинаково* саботируют борьбу рабочего класса против капитализма.

Вину за то, что клерикализм владеет душами 1—1½ миллионов организованных немецких рабочих, несет в первую голову германская социал-демократия, которая в своем руководстве профсоюзами проводит практику сотрудничества с капиталистами, практику, воспринятую и католическими профсоюзами.

Что касается католических рабочих обществ, то католические попы создавали их под лозунгом—католическая церковь защитит рабочих от несправедливостей повседневной жизни и обещает им лучшее будущее на том свете.

В программе об'единения этих обществ имеются следующие положения, процитировать которые не бесполезно для понимания того, чем держит клерикализм отсталых рабочих в своих лапах.

«Название—сословное движение выбрано в сознательном противоречии к слову—классовое движение, ибо католические рабочие и работницы не стоят во враждебном противоречии к другим слоям народа, они не ищут в борьбе низших классов против высших средства достигнуть господства, но они хотят в согласном сотрудничестве со всеми другими классами народа повести к материальному и духовному под'ему положение наемных работников...».

«...Основой для наших стремлений является вера в цель и ответственность человека на том свете, вера в личного бога...».

«...Мы стоим на почве частной собственности, которая заложена в природе стремящегося человека и в потребностях семьи и общества...».

«...Мы отрицаем коммунизм, как в преувеличенной форме обобществления всех благ, так и в форме отчуждения из личной собственности земли, машин, инструментов и сырья и передачи их в собственность общества или человечества...».

Комментируя программу католических рабочих обществ в газете центра «Германия», один из деятелей обществ Ефес говорит: «Итак, либерально-капиталистический экономический порядок отвергается католическими рабочими. Они требуют в своей программе нравственной и социальной хозяйственной системы».

В комментарии к программе обществ, составленном в 1921 г. центральным правлением последних, говорится:

«...Необходимо преобразование нынешнего преимущественно либерального народного хозяйства на более высокую степень общественного хозяйства... Но путь общественного хозяйства не может быть путем социалистического хозяйства. Должна быть обеспечена возможность путем хозяйственной деятельности приобретать собственность для личного потребления... Особенно необходимо вовлечь рабочий класс наряду с «капиталом» в соответствующей мере в производственный процесс: ни в целой отрасли хозяйства, ни в отдельном предприятии рабочие не должны быть совсем исключены от распоряжения средствами производства... Так был бы на практике мыслим случай, что рабочие какого-либо предприятия, организованного как акционерное общество, приобретут большую часть акций и таким образом получат значительную часть дивидентов. Другим средством могут быть производственные кооперативы...».

Таким образом, программа этих рабочих обществ является венигретом из религиозных формул и социально-экономической демагогии, весьма искусно подогнанным под уровень политической малосознательности католических рабочих, которые уже инстинктивно чувствуют несовместимость со своими интересами капиталистического строя, но еще не нашли путей к научному социализму. Впрочем, практическая программа обществ не так уж разительно отлична от социал-демократической премудрости послевоенного времени. Это в сущности та же «хозяйственная демократия», о которой болтают Гильфердинги и Реннеры, это то же сотрудничество классов, которое является целью Грассманов и Лейпартов из соц.-дем. профсоюзов, наконец, это те же практические предложения превращения рабочих в акционеров промышленности и создания кооперативов, которые теперь широко пропагандируются американскими тред-юнионистами и их немецкими подголосками. Не мудрено, что отсталый католический рабочий при таких условиях готов верить и следовать за католическим попом, который в качестве рабочего «вождя» не так уже сильно отличается от социал-демократической профсоюзной бюрократии.

При всем этом социал-демократические вожди принимают все меры к тому, чтобы усилить иллюзии рабочих насчет партии центра и католических рабочих организаций. Многолетние коалиции с последней в Веймарском блоке социал-демократы обосновывали особым «рабочелюбием» центровиков. Даже теперь, когда партия центра вместе с националистами и народной партией образовала реакционный блок аграриев и тяжелой индустрии и проводит в стране реакционнейшую политику, социал-демократические вожди продолжают цепляться в отдельных государствах Германии—в Пруссии, Бадене и Гессене за коалицию с центром, создавая иллюзии того, что центр—«левая», «народная» партия. Больше того, главным героем социал-демократии за последнее время является бывший рейхсканцлер Вирт—вождь левого крыла центра, стоящий в оппозиции к официальной политике своей партии. Имя Вирта всячески превозносится и популяризируется среди социал-демократических рабочих и среди членов союза «республиканского флага», в качестве истинного республиканца и представителя прогрессивной части буржуазии и все это для того, чтобы иметь впоследствии зацепку для новой имперской коалиции с центром, быть может под эгидой Вирта. При этом социал-демократы прекрасно понимают, что об'ективная роль Вирта и других «левых» центровиков заключается в том, чтобы кажущейся оппозиционностью и враждебностью к буржуазному блоку, сохранить иллюзии среди католических рабочих, что их партия еще не целиком враждебна пролетариату и что есть еще надежда ее вернуть на путь истины. Это искусное разделение ролей в партии центра, при котором правое аграрно-промышленное крыло во главе с Марксом и Штегервальдом ведет практическую политику буржуазного блока, а левое, мелкобуржуазное прикрывает эту политику оппозиционной фразеологией, на деле скрывается социал-демократией от масс и все во имя оправдания ее соглашательской политики классового сотрудничества. Это положение ни в коем случае не отменяется последними решениями Кильского соц.-дем. партейтага, на котором в высокопарных тонах говорилось о необходимости завоевания для социализма католических рабочих. В конечном счете это «разговоры для бедных», на деле Гильфердинги и Велсы будут продолжать сотрудничество, а не борьбу с Виртом и Марксом и другими вождями партии центра.

До сих пор мы касались сфер влияния клерикализма на массы в Германии, а также методов и организационных форм этого влияния. Картина была бы не полной, если бы мы не остановились и на тенденциях *расслоения*, на *противоречиях* и *элементах распада* в массовых организациях клерикализма и, в частности, внутри партии центра.

Все эти тенденции закономерно заложены в самой структуре организаций клерикализма и партии центра. Как мы уже указывали выше, партия центра является конгломератом различных социальных групп и классов католического населения Германии. Естественно поэтому, что на ряду с элементами центростремительными, сцепляющими воедино разнородные части партии (религия и пр.), имеются и сильные противоречия и центробежные тенденции, вытекающие из наличия различных социальных и классовых интересов у отдельных частей партии. Эти противоречия острее всего сказываются между пролетарскими частями партии, католическими рабочими организациями и ее крупно-промышленно-аграрным крылом. Руководство партии старается в общем лавировать между различными социальными группами ее, при чем это лавирование заключается в том, что партия ведет политику крупной буржуазии и богатого крестьянства и по временам делает рабочим незначительные уступки, сопровождаемые большой агитационной шумихой. Успех такой политики зависит в основном от степени остроты классовых противоречий в стране. Чем острее классовые противоречия, тем труднее удается партийному центру склеивать и замазывать щели в партии, тем требовательнее становятся католические рабочие, тем больше растет существующее всегда недовольство рабочих политикой партии и тем больше проявляются тенденции расслоения и даже распада.

За последние годы общее экономическое и политическое положение Германии содействует *росту* и *обострению классовых противоречий*. На ряду с этим, в политике партии центра выявился большой крен вправо, доказательством чему является тот реакционный курс, который осуществляется в стране буржуазным блоком под эгидой партии центра. Реакция эта находит свое выражение, как в общем курсе промышленности на переложение тяжести частичной стабилизации капитализма на рабочий класс, так и во всем социальном и культурном законодательстве правительства страны. Все это вызвало значительное обострение классовых противоречий в партии центра и острое недовольство католических рабочих политикой партии. Особенно содействовала этому позиция центра в ряде крупнейших вопросов внутренней политики:—в вопросе о возмещении бывших князей и, в частности, Гогенцоллернов, партия заняла официально враждебную позицию к лозунгу коммунистов, поддержанному социал-демократами о безвозмездном отчуждении имущества б. князей. В то же самое время католические рабочие с энтузиазмом поддержали этот лозунг и во время народного голосования по этому вопросу от 1—1½ миллионов избирателей партии центра, преимущественно рабочих, голосовали за экспроприацию князей. Точно так же, очень недовольна рабочая часть партии поддержкой со стороны последней повышением ввозных аграрных пошлин, которые были проведены в угоду крупным аграриям и которые привели к росту дороговизны в стране и к отягощению рабочего бюджета.

Далее, в области рабочего законодательства политика партии содействовала успешному наступлению капитала на рабочее время, заработную плату и другие условия труда рабочих.

Этот рост недовольства католическими рабочими политикой партии и клерикализма вообще находит свое отражение в партийной литературе и прессе. Литераторы и политики партии, констатируя наличие элементов кризиса в партии, анализируют его причины и ищут способов его устранения.

Особенно показательным для характеристики кризиса в отношениях клерикализма с пролетариатом является материал секретной анкеты, которую руководящие инстанции партии центра провели в конце 1926 года среди функционеров аппарата партии и духовенства. Анкета эта, касающаяся нынешних настроений католических рабочих, была затем обработана для внутреннего употребления партийного аппарата и не опубликовывалась в германской печати. Она представляет огромный интерес, ибо характеризует настроения не верхушки католических рабочих организаций, а самих масс. Поэтому мы позволим себе привести несколько более длинные выдержки из нее.

Об отношении католических рабочих к предпринимателям лицо, разрабатывавшее ответы анкеты, говорит:

> «Я читаю везде—«отчужденно», «недоверчиво», «отрицательно», «напряженно», «противоречия на лицо», «враждебно». Слабейшее выражение из Верхнего Пфальца гласит «холодный нейтралитет». Единодушно констатируется растущая напряженность и обострение противоречий... Один, охватывающий все факты и причины отчет из Нижнего Рейна, говорит: Католические рабочие относятся к предпринимателям с большим недоверием. Чисто капиталистическая установка большинства предпринимателей не допускает доверчивого сотрудничества... В предприятии рабочий не чувствует себя человеком... в общественной и политической жизни он видит предпринимателей большей частью в лагере реакции... Католические рабочие в большей части уже не питают больше веры, что нынешние предприниматели честно хотят соглашения и сотрудничества с рабочими... Особенно велико противоречие к безличному характеру крупных предприятий—к концернированным предприятиям... Таково же отношение к большинству католических предпринимателей... Ожесточающе действует, что католический предприниматель ограничивает католическую мораль на частную жизнь и боязливо старается, чтобы эта мораль не проявлялась в хозяйственной деятельности».

Таковы действительные настроения католических рабочих—обострение классовых противоречий, прекращение эпохи гармонического сожительства под крылышком клерикализма. Соответственно этому звучат и ответы анкеты на вопрос об отношении католических рабочих к классовой борьбе:

> «Христианский рабочий осуждает головой классовую ненависть против собственнических и состоятельных кругов народа. Но чувством он также стоит под влиянием глубокоотрицательного отношения к богатым классам... Везде, где живут чисто-наемные рабочие, противоречие с богатыми слоями за последние годы выросло».

Среди католических рабочих явно растет сознание необходимости классовой борьбы и в результате этого растет расслоение в католических организациях, об'единяющих все группы католического населения, нарастает кризис клерикализма. По этому поводу анкета отмечает:

«С трудом можно привлечь рабочих к сотрудничеству в общекатолических организациях»... «Среди неохваченных обществами рабочих наростает всеобщее недоверие против клеруса и церкви».

Один рейнский отчет говорит по этому поводу в следующих выражениях:

«Доверие к клерусу проделывает опасную пробу. Нужно быть слепым на оба глаза, чтобы не видеть, как исчезает авторитет духовенства»... «Кризис доверия»,—говорит один вестфальский отчет,—«в деревне не меньше, чем в городах»...

«...В областях, где религия соприкасается с хозяйством и политикой, мнение духовенства не оценивается более, как евангелие».

Об отношении католических рабочих к социалистическому и коммунистическому движению анкета констатирует:

«Во всей Германии практическое и идейное отношение католических рабочих к социалистическому движению значительно изменилось. Противоречие практически ощущается только в вопросах мировоззрения, но так в преследовании социальных и экономических целей... Острая борьба против социалистов не найдет больше в католических рабочих кругах никакого энтузиазма.

...В целом ряде отчетов указывается даже на опасность, что и границы мировоззрений могут постепенно стереться... в результате всего этого отмечается растущая радикализация католических рабочих».

О коммунистах анкета говорит:

«Коммунисты являются наследниками бывших социалистов... Нельзя оспаривать, что коммунистические идеи проникли и в круги католических рабочих... Коммунистический «Ротер Юнгштурм» влияет тоже на состояние католической рабочей молодежи».

Об отношении к современному буржуазно-демократическому государству со стороны католических рабочих анкета отзывается следующим образом:

«Парламентская система в ее нынешней форме встречает мало симпатий, частично даже вызывает резкую критику».

В общем и целом анкета эта, которую недаром держат вожди партии центра в секрете, дает картину роста кризиса клерикализма в отношении влияния на рабочий класс и значительное сближение католических рабочих с социалистическим и коммунистическим движением. За последнее время такое настроение приводит к отдельным отколам рабочих групп от партии центра и к образованию всякого рода радикально-настроенных промежуточных организаций. Среди них наиболее выдающуюся роль играет христианско-социальная партия (Christlich-Soziale Reichspartei) под руководством Витуса Геллера. Это пока еще небольшая партия, охватывающая радикальных католических рабочих западных промышленных районов Германии, настроена резко антикапиталистически и периодически сотрудничает с коммунистической партией, например, в кампании по экспроприации князей. Физиономия этой партии характеризуется ее декларацией, напечатанной в ее органе «Новый Народ» в феврале 1927 года. Приводим некоторые интересные места:

«Реакция, собственность, милитаризм, дух старой Германии, к этому кажущаяся демократия, которая связана с капитализмом, тяжелая индустрия, финансовая верхушка и т. д., консервируют снова старые силы. Индустрия, биржевые курсы, банковские прибыли вновь «восстанавливаются», новая милитаризация, неразрывно связанная с системой Гесслера (военный министр Германии. *Н. Р.*) и духом старых партий, ведет шаг за шагом в идейном и материально-организационном направлении к новому вооружению. Лига Наций—не гарантия мира. Широкие слои народа, однако систематически идут к низу... Мы ясно осознаем положение, мы делаем последние выводы, мы идем к решению в корне: радикальное решение социальных вопросов через единство трудящегося народа. Действительное народное государство после ниспровержения капитализма».

Язык этот звучит совсем иначе, чем даже у иных «левых» социал-демократов, здесь призыв к борьбе, который становится еще резче в словах вождя партии Витуса Геллера:

«Ясное решение: человек или денежный мешок. Классовая борьба буржуазного блока или освободительная борьба трудящегося народа».

Таким образом, общую оценку роли клерикализма в рабочем классе Германии можно резюмировать следующим образом: клерикализм и его политический орган—партия центра являются еще крупной массовой силой, опирающейся на широкие слои католической мелкой буржуазии и на политически отсталые части пролетариата. Он обладает мощной, с большими традициями организацией воздействия на массы. Однако, в ней налицо — трещины, вследствии роста классовых противоречий в стране и радикализации католических рабочих. На почве социальной и экономической борьбы растет у последних сознание общности их интересов с социал-демократическими, коммунистическими рабочими.

Из всего этого должен быть сделан вывод, что коммунистические партии в странах с католическим населением должны в программу завоевания масс включить и борьбу с клерикализмом за католических рабочих. Эта борьба должна итти в первую очередь по линии нащупывания *общих социальных и классовых интересов коммунистических и католических рабочих*. Разоблачение лицемерия католической церкви, католических партий и рабочих организаций, их роли как агентов капитализма, общие выступления с низовыми католическими рабочими организациями по вопросам рабочей политики, крупным вопросам внутренней политики (налоги, таможенная политика и т. п.)—таковы пути воздействия на католические рабочие массы. Повторяем, ошибочно оставлять последних только воздействию атеистических организаций и антирелигиозной пропаганды. Это уже вторая задача, осуществлять которую необходимо чрезвычайно осторожно и которая будет тем более успешной, чем успешнее непосредственно политическое воздействие на католических рабочих.

Б. Колесников.

Итоги и перспективы индустриализации[1]).

Индустриализация нашей страны—вот вопрос, от решения которого зависит судьба советской власти. До тех пор, пока наша страна остается по преимуществу крестьянской, море мелко-собственнических хозяйств всегда будет грозить захлестнуть островки нашей национализированной промышленности. Пока крупное государственное хозяйство еще не завоевало сохраняющего природу товарного хозяйства земледелия, это последнее останется питательной средой для законов досоциалистической экономики, охватывающих своими щупальцами весь наш народно-хозяйственный организм и ежеминутно сталкивающихся с нашей государственной надстройкой. При наличии такого глубокого противоречия между законами нашей экономики и нашей государственной надстройкой, их взаимодействие может осуществляться только на основе подвижного равновесия, развивающегося либо в одну, либо в другую сторону, либо назад к торжеству законов досоциалистической экономики над формами нашего государственного бытия, т.-е. к капитализму, либо вперед, к торжеству пролетарской диктатуры над досоциалистической экономикой, к социализму.

Поскольку законы нашей экономики уходят своими корнями в толщу мелко-собственнического крестьянского хозяйства, подрезать их можно только там, в сельском хозяйстве; эта историческая задача может быть выполнена с переходом к обобществленному земледелию. Но обобществление земледелия требует не только культурной революции в крестьянской среде, которую готовит наше кооперативное движение; она станет возможной лишь с переходом техники сельского хозяйства на новую, высшую ступень, что сопряжено с огромным переливом национальных капиталов из промышленности в сельское хозяйство и мыслимо лишь при индустриализации всего хозяйства нашей страны. «Каждый, внимательно наблюдавший за жизнью деревни, в сравнении с жизнью города, знает, что мы корней капитализма не вырвали и фундамент, основу у внутреннего врага не подорвали. Последний держится на мелком хозяйстве и, чтобы подорвать его, есть одно средство—перевести хозяйство страны, в том числе и земледелие, на новую техническую базу, на техническую базу современного крупного производства», писал об этом Ленин (см. его доклад на VIII Всероссийском с'езде советов, том XVII, стр. 428).

Вот почему индустриализация нашего народного хозяйства, перевод его на техническую базу современного крупного производства есть вопрос, от решения которого зависит судьба советской власти. Разобраться в том, как наша партия на деле этот вопрос решает, нужно с фактами и цифрами в руках.

[1]) Статья печатается в дискуссионном порядке.

Одним из главнейших показателей индустриализации является соотношение между ростом промышленности и сельского хозяйства. Оценка этого соотношения дается у нас обычно на основе опыта истекших лет, охвативших т. н. «восстановительный» период. Сравнивая развитие промышленности и сельского хозяйства в последние годы, нужно помнить, что в тех условиях, какие сложились у нас в минувшую эпоху, промышленность была гораздо более подвижна, чем сельское хозяйство. Поэтому в период гражданской войны разруха захватила промышленность глубже, чем сельское хозяйство; промышленная продукция в 1922—23 году (неурожайный 1921—22 год не характерен для сравнения) составляла всего 34,7% довоенной, в то время как продукция сельского хозяйства не падала в том же году ниже 66,8% довоенного уровня. Напротив, за годы восстановительного периода промышленность восстанавливалась быстрее, чем сельское хозяйство, и в 1925—26 году промышленная продукция подошла к довоенному уровню даже несколько ближе, чем валовая продукция сельского хозяйства: первая составила 98,8% довоенной, а вторая—88,2% довоенного уровня. Причины этого несколько более быстрого восстановления промышленности *по отношению к довоенному уровню* заключаются прежде всего в том, что промышленность должна была восстанавливать преимущественно свой оборотный капитал, а сельское хозяйство восстанавливало в значительной части также и основной капитал (рабочий скот и проч.).

Соотношение роста промышленности и сельского хозяйства в годы восстановительного периода, неоднократно давало повод рассматривать более быстрый рост промышленности по сравнению с сельским хозяйством, как доказательство прогрессирующей индустриализации нашей страны. Из многочисленных заявлений такого рода приведем известные выступления т. Бухарина в июле 1926 г. в Ленинграде и в январе 1927 г. в Москве. В своей ленинградской речи, сравнивая процент увеличения продукции промышленности и сельского хозяйства с 1922—23 по 1925—26 год (по промышленности—274%, по сельскому хозяйству—32%)., т. Бухарин заявил, что «баланс получился в пользу промышленности», так как «наша промышленность до сего времени в своем росте обгоняла развитие сельского хозяйства» (см. Рыков и Бухарин «Партия и оппозиционный блок», стр. 38). В своей московской речи, сравнивая процент роста промышленной и сельскохозяйственной продукции с 1923—24 по 1925—26 год (по промышленности—120,7%, по сельскому хозяйству—27,6%), тов. Бухарин заявил еще более решительно: «отсюда вытекает, что темп развития нашей промышленности гораздо более быстрый, чем темп развития сельского хозяйства, или, что то же, *удельный вес индустрии в нашей стране повышается*» (см. Бухарин «Международное и внутреннее положение СССР», стр. 22).

Можно ли делать какие-либо выводы о «повышении удельного веса индустрии в нашей стране» на основе сравнения роста промышленности и сельского хозяйства в годы восстановительного периода? По нашему мнению, поступать так можно только грубейшим образом игнорируя самую сущность происходившего у нас *восстановительного* хозяйственного процесса. Наша промышленность *восстанавливалась*; это значит, что скелет бездействовавшего основного капитала мало-по-малу обрастал живой плотью производственных материалов, топлива, рабочей силы и т. д.

Естественной границей этого процесса восстановления, к которой он тяготел в своем развитии, являлся уровень продукции, соответствовавший наличному основному капиталу, т.-е., в общем и целом, довоенный уровень производства. Примерно в таких же формах протекал восстановительный процесс и в других отраслях народного хозяйства: в земледелии он шел к достижению довоенной посевной площади, на транспорте—к соответствовавшему промышленной и сельскохозяйственной продукции грузообороту и т. д. Органическая взаимозависимость между отдельными элементами нашей экономики заставляла их соразмерять темп своего восстановления так, чтобы основные пропорции между ними были восстановлены на основе довоенных соотношений, примерно, к одному и тому же сроку; вот почему в 1925—26 г. различные отрасли нашего народного хозяйства, с разных сторон, подошли в общем и целом к одному и тому же довоенному уровню—за исключением тех из них, развитие которых (как, например, денежного обращения) было нарушено изменением социальной структуры нашего хозяйства. Такова несложная философия восстановительного хозяйственного процесса.

А в чем же проявлялось при этом влияние регулирующей воли государства? Положительное влияние регулирующей воли государства проявлялась в той мере, в какой она *помогала* восстановительному процессу в каждой отдельной отрасли хозяйства протекать именно в том темпе, какой соответствовал гармоничному завершению восстановления народного хозяйства в целом. *В этой мере* государственное регулирование сыграло свою, далеко немалую роль, достаточно вспомнить, что за весь восстановительный период наше народное хозяйство только однажды (в 1923 году) испытало глубокое и всеобщее по своему характеру экономическое потрясение. Но, на ряду с этим в тех случаях, когда указания регулирующей воли государства *расходились* с об'ективными тенденциями восстановительного процесса, наши хозяйственные планы безжалостно корректировались стихией рыночного хозяйства: прекрасным примером этого служит систематическое превышение производственных программ промышленности на практике за последние два года.

Все это имеет прямое и непосредственное отношение к выводам о «повышении удельного веса индустрии в нашей стране», которые неоднократно делались т. Бухариным (в цитированных выше его речах) и другими на основе опыта хозяйственного развития за восстановительный период. Поскольку темп восстановления всякой отрасли хозяйства, стремившейся прийти к своему довоенному уровню вместе с другими элементами нашей экономики, определялся прежде всего тем, насколько далеко или близко отстоял *исходный* уровень развития от *конечного*, довоенного—постольку каждая отрасль нашего хозяйства должна была восстанавливаться тем более крупными шагами, чем ниже падала она в годы гражданской войны и хозяйственной разрухи. Чем более далек был путь до довоенного уровня, тем быстрее нужно было по этому пути подвигаться, чтобы прийти к «финишу»,—роль которого в восстановительном процессе играл довоенный уровень,—одновременно со всем народным хозяйством в целом. Промышленная продукция к 1922—23 г., как мы видели выше, упала, примерно, вдвое глубже по сравнению с продукцией сельского хозяйства—поэтому, чтобы прийти к довоенному уровню, она должна была вырасти, примерно, в три раза, в то время как продукция сельского хозяйства для этого же достаточно было увеличиться в полтора раза. Если предположить, что продукция промышленности в 1922—1923 году была бы еще вдвое меньше, ее восстановление до довоенного об'ема было бы вдвое более быстрым и глаз тов. Бухарина радовали бы еще более крупные проценты роста промышленности в годы восстановительного периода. Из этого следует, что о «повышении удельного веса индустрии в нашей стране» сравнение роста сельского хозяйства и промышленности за восстановительный период с точки зрения проблем индустриализации, не говорит ничего; единственное, о чем говорит это сравнение—это о глубине падения промышленности в период гражданской войны и первых лет нэпа.

Таким образом, для ответа на поставленный нами вопрос—как решает партия проблему индустриализации нашей страны—*прошлое* нашего хозяйственного развития не дает устойчивых данных. Тем большее значение приобретают данные о *будущем* нашего хозяйственного развития, по крайней мере в ближайший отрезок т. н. «реконструктивного» периода, охваченный госплановскими «Материалами» по пятилетнему хозяйственному плану. К характеристике некоторых важнейших черт этих «Материалов» мы и переходим.

Госплановские «Материалы» представляют собою попытку охватить перспективы нашего хозяйственного развития широко и многосторонне. При оценке индустриализации нашей страны в том об'еме, в каком она намечена пятилеткой, нельзя ограничиваться сравнением роста промышленности и сельского хозяйства; «Материалы» позволяют измерить индустриализацию в целом ряде новых разрезов, освещающих проблему индустриализации с разных сторон. Но прежде чем перейти к характеристике намеченного пятилеткой хозяйственного развития, нужно выяснить, какую общественно-материальную базу подводят «Материалы» под индустриализацию нашей страны—другими словами, на какой класс они возлагают «издержки по индустриализации»?

Проблема накопления капитала в социальном ее разрезе отнюдь не нова. Вопрос о том, должна ли индустриализация опираться на прибавочный труд и доходы не-пролетарских классов,—в частности, крестьянства,—неоднократно ставился в нашей печати. Именно по этой линии шли известные споры с Преображенским, которого официальные публицисты обвиняли в призывах к *неумеренной* перекачке национального дохода из крестьянского хозяйства в государственную промышленность, угрожающей подорвать политический союз пролетариата с крестьянством. Однако, наша официальная печать, на ряду с борьбой против такой *неумеренной* (по ее мнению) перекачкой капиталов из сельского хозяйства в промышленность, никогда не отрицала неизбежность и необходимость такой перекачки вообще. В подтверждение этого можно привести бесконечное число примеров; чтобы не загромождать текст излишними цитатами, ограничимся ссылкой на передовицу № 9—10 «Большевика» за 1926 год (посвященную решениям пленума ЦК ВКП в апреле 1926 года), утверждавшую совершенно недвусмысленно: «Само собой разумеется, что индустриализация будет производиться и за счет деревни, в первую очередь за счет ее буржуазных слоев, а также в известной мере, и за счет основной середняцкой массы крестьянства».

Несколько более осторожно ставились и решались вопросы накопления в резолюциях последних партийных с'ездов и конференций,—но все же и в них предусматривалась необходимость перекачки дополнительных средств в промышленность извне, т.-е. в том числе, и из сельского хозяйства. Так, в утвержденных Политбюро ЦК ВКП к XIV с'езду тезисах доклада по «Вопросам хозяйственного строительства» (как известно, не заслушанного с'ездом) говорилось: «необходимо, однако, помнить при составлении и осуществлении практических планов, направленных к осуществлению этой задачи (индустриализации страны), что темп этой реорганизации находится в тесной зависимости от тех средств, которые будут представляться социалистическому государству общим хозяйственным под'емом страны и что практические планы должны быть строго увязаны с ходом накопления средств как в крестьянском хозяйстве, так и в государственном бюджете и в каналах государственного кредита. *Политика партии должна быть направлена к тому, чтобы в меру роста благосостояния страны, все большая сравнительно доля средств направлялась на промышленное строительство, электрификацию и общую индустриализацию страны*» (подчеркнуто нами).

Резолюция пленума ЦК ВКП в апреле 1926 г. по вопросу «О хозяйственном положении и хозяйственной политике» подходила к интересующей нас проблеме с другой стороны; она подчеркивала, что «эта задача (индустриализации) может быть успешно разрешена только в том случае, если партии удастся» на ряду с жесткой экономией в расходах «увеличить приток свободных средств населения во всякого рода кредитные, кооперативные учреждения и государственные займы, в целях использования этих накоплений для дальнейшего развития производительных сил страны и, прежде всего, индустрии».

Наконец, в резолюции XV Всесоюзной партконференции по докладу «О хозяйственном положении страны и задачах партии» мы встречаем особый раздел, озаглавленный «Источники накопления», где говорится: «Темп расширения основного капитала будет зависеть: а) от размеров накопления обобществленной промышленности; б) *использования через государственный бюджет доходов других отраслей народного хозяйства*; в) использования сбережений населения путем вовлечения их в кооперацию, в сберегательные кассы, внутренние государственные займы, кредитную систему и т. п.». Специально о промышленности этот же раздел говорит следующее: «Как бы ни возрастало внутрипромышленное накопление его, во всяком случае на протяжении ближайшего периода, не может быть достаточно для обеспечения необходимого темпа развития индустрии. Поэтому дальнейшее развертывание промышленности будет в значительной степени зависеть от тех *дополнительных* средств, которые будут направлены в промышленное строительство» (подчеркнуто нами).

Мы привели эти несколько длинные выдержки из решений высших партийных органов, чтобы показать как выглядит в свете этих решений постановка, которую дают проблеме накопления «Материалы по пятилетнему хозяйственному плану». Предоставим слово авторам «Материалов».

«Было бы ошибкой думать,—читаем мы на стр. 27 и следующих,—что дополнительные ресурсы бюджета *целиком* извлекаются им из частно-хозяйственного сектора. Государственная промышленность и торговля питают бюджет не только своими прибылями, но и в порядке налогового обложения, акцизов, пошлин и т. д. Кооперированное хозяйство тоже вносит в госбюджет изрядную долю своих накоплений. За счет деревни в этих «из'ятиях» мы во всяком случае не располагаем никакими рессурсами, для осуществления намеченного нами плана индустриализации страны». «Деревня не оплачивает сельхозналогом полностью даже тех затрат,—читаем мы дальше,—которые советская власть несет на социально-культурные расходы деревни. И если тем не менее, в нашей пятилетке мы намечаем не менее 1.200 милл. рублей на финансирование сельского хозяйства, то здесь уже не индивидуалистическая деревня к городу, а социализирующийся город к деревне приходит со своей мощной поддержкой». Из этого вытекает, что «в последнем счете все финансирование нашего народного хозяйства, происходит ли оно за счет прибылей наших государственных предприятий или за счет бюджетных рессурсов, падает всей своей тяжестью на трудовые доходы и прежде всего на городской пролетариат».

Такое решение проблемы накопления капитала госплановские «Материалы» об'ясняют и оправдывают тем, что «при низком уровне производительности труда и низком душевом доходе, деревня живет на *пороге физиологических норм существования* и не может служить сколько-нибудь заметным источником для социалистического накопления».

В этих цитатах выражено политически совершенно определенное решение вопроса об общественно-материальной базе индустриализации, т.-е. о том, *какой класс должен вынести индустриализацию на своих плечах*.

Беглый взгляд на основные расчеты «Материалов» убеждает в том, что приведенное выше решение вопроса целиком преломилось в соотношении развития основных элементов нашей экономики. Общая сумма капитальных вложений определена по пятилетке в 17.428 млн. руб. (не считая резерва в 150 млн. рублей), а общая сумма накоплений в государственном хозяйстве, за исключением бюджета — в 13.844 милл. рублей. Таким образом, дефицит государственного хозяйства за пять лет выражается в сумме 3.584 милл. рублей, а покрывающие его с некоторым запасом бюджетные ассигнования на индустриализацию запроектированы в сумме 4.406 милл. руб. Нет никакого сомнения в том, что поступления в бюджет от государственного хозяйства,—за исключением тех из них, которые (как отчисление от прибылей и подоходный налог) вошли очевидно в итог *накоплений* по государственному хозяйству,—*превысят* эту цифру бюджетных ассигнований на индустриализацию; достаточно указать, что один промысловый налог с госпредприятий (без патентов) определен на пятилетие в сумме 573 милл. рублей, гербовый сбор и пошлины, на три четверти ложащиеся на государственное хозяйство, предположены в сумме 1.093 милл. руб., таможенные доходы, при отсутствии потребительского импорта падающие почти целиком на промышленность, запроектированы в сумме 1.155 милл. руб. и т. д. и т. д. Если вспомнить, что в цифру капитальных вложений входит 1.200 милл. руб. на сельское хозяйство, которые, за исключением 40 милл. руб. для электрификации деревни и совхозов, целиком предназначены для удовлетворения тех или иных нужд крестьянского мелко-собственнического хозяйства,—

остается согласиться с тем, что пятилетка не только не предусматривает известной перекачки средств из крестьянского хозяйства в государственное, но, напротив, таит в себе обратную перспективу перераспределения капиталов из т. н. «государственного сектора» в сельское хозяйство.

Впрочем, в данном случае цифровая проверка намеченной в «Материалах» общей линии лишена особого интереса, поскольку сама линия открыто подтверждается ее авторами. Итак, «Материалы» предлагают индустриализировать хозяйство нашей страны исключительно за счет прибавочного труда пролетариата, т.-е. иными словами, *за счет рабочего класса*. Такая постановка вопроса *в корне противоречит духу всех прежних решений партийных органов на этот счет*. Но, может быть, наша страна так разбогатела, а производительность труда поднялась на такую высоту, что мы можем отказаться от привлечения к покрытию «издержек индустриализации» непролетарских классов? Посмотрим, насколько отвечает индустриализация пятилетки пред'являемым к ней требованиям и насколько она, прежде всего, удовлетворяет развитию производительных сил нашей страны.

Основная производительная сила есть *человеческий труд*. Если, с одной стороны, мертвые средства производства становятся источником богатства, лишь при оплодотворении их живым человеческим трудом, то, с другой стороны труд, есть важнейший залог роста национального богатства. Поэтому использование производительных сил должно быть прежде всего наиболее полным и целесообразным использованием наличного человеческого труда. Вопрос, насколько отвечает требованиям развития производительных сил наша пятилетка, решается прежде всего под этим углом зрения, в прямой зависимости от того, насколько полно и целесообразно она предполагает использовать свободные запасы человеческого труда в нашей стране.

Этот же вопрос имеет еще другое, более важное значение. Наша экономическая политика призвана не только вообще развивать производительные силы страны, но развивать их в направлении к *социалистической* организации хозяйства. Важнейшим показателем движения к социалистической организации хозяйства, является постепенное рассасывание безработицы, вплоть до полного исчезновения резервной трудовой армии— так же, как относительный рост безработицы является неизбежным спутником *капиталистического* развития. «Чем больше общественное богатство, функционирующий капитал, размеры и энергия его возрастания, а, следовательно, чем больше абсолютная величина пролетариата и производительная сила его труда, тем больше относительное перенаселение или промышленная резервная армия. Свободная рабочая сила развивается вследствие тех же причин, как и сила расширения капитала. Следовательно, относительная величина промышленной резервной армии возрастает параллельно возрастанию сил богатства. Но чем больше эта резервная армия по сравнению с активной рабочей армией, тем обширнее постоянное перенаселение, нищета которого обратно пропорциональна мукам его труда. Наконец, чем больше нищенские слои рабочего класса и промышленная резервная армия, тем больше официальный, признанный властями пауперизм. *Это — абсолютный, всеобщий закон капиталистического накопления*», писал по этому вопросу Маркс («Капитал», том I, гл. 23).

Таким образом, «социалистическое качество» наших хозяйственных планов проверяется прежде всего тем, насколько они преодолевают этот «абсолютный, всеобщий закон капиталистического накопления», насколько они ликвидируют «промышленную резервную армию», насколько они помогают рассасыванию безработицы. Как же выглядит наша пятилетка с этой стороны?

К несчастью, в этом разрезе пятилетний хозяйственный план не в силах удовлетворить даже самые скромные требования, несмотря на то, что проблема использования трудовых ресурсов рассчитана в «Материалах» довольно оптимистически. Достаточно привести основные, относящиеся к этому вопросу цифры, чтобы полная несостоятельность пятилетки под интересующим нас углом зрения стала совершенно очевидна. Общее число лиц наемного труда, составляющее в 1926—27 году 11.160 тыс. чел., к 1930—1931 году, по предположениям пятилетки, дойдет до 13.325 тыс. чел., т.-е. увеличится всего на 2.165 тыс. чел. Нужно заметить, что это увеличение предполагается преимущественно за счет строительства; в крупной промышленности число рабочих должно увеличится за 5 лет всего на 316 тыс. чел., т.-е., примерно, по 60—65 тыс. в год, а на транспорте—на 258 тыс. чел., т.-е., примерно, по 50—55 тыс. в год (см. стр. 6 приложений). Прирост трудоспособного городского населения за тот же период предположен в размере 2.165 тыс. чел.—эту цифру нельзя не признать преуменьшенной, ибо по свидетельству зав. отд. рынка труда НКТ СССР Гиндина, «данные всесоюзной переписи населения, показавшие прирост населения городов за три года почти в пять с лишним миллионов, неопровержимо доказывает, что число оседающих ежегодно в городах из прибывших из сельских местностей достигает колоссальной цифры в миллион человек (см. его статью «Состояние безработицы и меры борьбы с ней» в «Правде» от 7 июня с. г.). Но даже принимая госплановскую цифру прироста трудоспособного городского населения в 2.165 тыс. человек, мы получаем в балансе использования городского населения в рабочем возрасте (см. стр. 15 приложений) почти стабильный остаток безработных, уменьшающийся с 1.189 тыс. чел. в 1926—27 г., до 1.146 тыс. чел., в 1930—31 г., т.-е. всего на 3,6% за 5 лет. Да и это предполагаемое «уменьшение» безработицы на 3,6% стоит очень немного, если принять во внимание, что уже в текущем году число безработных вместо намеченной пятилеткой средней годовой в 1.189 тыс. чел., фактически достигло к 1 апреля с. г. огромной цифры в 1.455 тыс. человек.

«Материалы» предполагают вместо постепенного рассасывания безработицы, ее стабилизацию, а на практике их осуществление вызовет, несомненно, дальнейший рост числа безработных со всеми вытекающими отсюда последствиями—ростом нищеты масс и пр. *Естественное воспроизводство рабочего класса грозит превратиться в трагедию*. Недаром на заседании Промплана ВСНХ СССР, где обсуждалась пятилетка по промышленности, представитель ВЦСПС напоминал о том, что «необходимо подумать не только о той излишней рабочей силе, которая идет из деревни, но и о естественном приросте рабочего класса, о детях рабочих», ибо «при намеченном вовлечении новых работников работы не хватит даже и для них». (См. отчет в «Торгово-Промышленной газете» от 2 февраля с. г.). Действительно, уже среди безработных, зарегистрированных на бирже труда на 1 мая с. г., рабочих-подрост-

ков было 141 тыс. чел., или 9,9% всех зарегистрированных безработных...

Не лучше обстоит дело и в деревне, «аграрное перенаселение» которой играет роль фундамента «промышленной резервной армии». По балансу труда сельского населения (см. стр. 16 приложений), избыточное сельское население (в мил. рабочих лет, что близко к мил. душ) составляет в 1926/27 году 7,15 мил., а в 1930/31 году—7,22 мил. Но авторы «Материалов» оговариваются, что этот расчет сделан в предположении «неизменной производительности труда из расчета на единицу площади в сельском хозяйстве». «Но если исходить,—продолжают «Материалы»,—даже из весьма скромной цифры прироста производительности за 5 лет в 5%, то этот прирост может сразу повысить избыточное население деревни на 3 миллиона душ рабочего возраста» (см. стр. 14 «Материалов»).

Итак, решить задачу использования основной производительной силы, каковой является человеческий труд, пятилетка оказывается не в состоянии. Миллион с лишним безработных в городе и семь с лишним миллионов «лишних» работников в деревне, т.-е. в лучшем случае то, что мы имеем сегодня—вот что обещают нам «Материалы» через пять лет. Марксов «абсолютный, всеобщий закон капиталистического накопления» под обстрелом плановых расчетов нашей «социалистической бухгалтерии» остается непоколебленным...

Но, может быть, хищническая растрата человеческого труда, тяготеющая над нами, как наследство экономики царской России, настолько велика, что ликвидировать ее не в силах даже самый крутой темп промышленного строительства и индустриализации страны? Чтобы дать оценку пятилетки с этой стороны, обратимся к рассмотрению темпа индустриализации нашего хозяйства в том виде, в каком намечают его «Материалы».

Валовая промышленная продукция, составляющая в 1926/27 году 8.117 милл. дов. рублей, должна по пятилетке увеличиться к 1930—31 г. до 11.817 милл. дов. рублей, т.-е. на 45,6%. Во втором году этого пятилетия об'ем промышленной продукции составит 112,3% по отношению к первому году, в третьем году—109,7% по отношению к предыдущему году, в четвертом году—109,0% и, наконец, в пятом году—108,4%. Попутно заметим, что в этом ряду цифр бросается в глаза падающий темп годового прироста промышленной продукции (т. н. «потухающая кривая») к концу пятилетия. В общем же, за 5 лет средний годовой прирост промышленной продукции должен составить 9,8%. Несколько выше этот средний годовой прирост продукции по крупной государственной фабрично-заводской промышленности, где он составляет 10,7% (см. стр. 2 приложений).

Взятые сами по себе, эти цифры остаются несколько сухими, но они должны заговорить *в сравнении* с данными о росте промышленной продукции в других странах или в дореволюционной России. Так, как образцом быстрого промышленного развития принято считать Северо-Американские Соединенные Штаты, приведем для сравнения данные о среднем годовом росте промышленной продукции в этой стране. Высчитанный в среднем для каждого десятилетия, этот годовой прирост составлял: с 1850 по 1860 год—8,7%, с 1860 по 1870 г.—7,9%, с 1870 по 1880 год—5,8%, с 1880 по 1890 год—4,9% и с 1890 по 1900 год—4,3% (см. статью Гинзбурга «Пятилетняя гипотеза развития промышленности» в «Социалистическом Хозяйстве» за 1926 г., кн. IV, стр. 47). Эти цифры значительно ниже годового прироста промышленной продукции, который предположен нашей пятилеткой. Иначе и быть не может, ибо здесь сравниваются перспективы нашего развития в нормальных экономических условиях с итогами полувекового развития капиталистической страны, многократно проходившей в течение этого времени свойственные капиталистическому хозяйству и сменяющие друг друга фазы экономического развития и застоя. Плановая организация нашего хозяйства должна предохранить нас от экономических кризисов, поэтому сравнивать темп нашей пятилетки следует не с развитием промышленности в других странах вообще, а с ее развитием в периоды экономического под'ема, когда производительные силы капиталистического хозяйства получают возможность проявиться в полной мере.

Не имея под рукой подробных данных о росте промышленной продукции в Соединенных Штатах по отдельным годам (которые позволили бы выделить периоды промышленного под'ема), обратимся к данным о росте промышленной продукции в дореволюционной России. Кстати, нужно заметить, что темп этого роста не только не уступал «американскому», но и *превышал* его. Для сравнения с нашей пятилеткой возьмем периоды двух последних экономических под'емов—с 1893 по 1899 и с 1911 по 1913 год. Годовой прирост фабрично-заводской промышленной продукции составлял в 1893 году—9,2%, в 1894 году—11,5%, в 1895 году—12,3%, в 1896 году—10,1%, в 1897 году—10,7%, в 1898 году—12,4% и в 1899—16,8%. В среднем же за эти семь лет годовой прирост составлял 11,9%. Далее, в 1911 году годовой прирост фабрично-заводской продукции составил 9,5%, в 1912 году—13,6% и в 1913 году—11,1%, а в среднем за эти три года—11,4% (см. брошюру Струмилина «Проблема промышленного капитала в СССР», стр. 30—31). Этим цифрам среднего годового прироста продукции фабрично-заводской промышленности в периоды экономического под'ема царской России (11,9% и 11,4%), в нашей пятилетке противопостоит несколько меньший средний годовой прирост в 10,7%.

Несколько более благоприятная картина получается при сравнении роста продукции по важнейшим промышленным товарам, производимым тяжелой индустрией. Так, по каменному углю пятилетка проектирует средний годовой рост добычи в 10,7% против 11,9% в период 1911—1913 г. г. По чугуну—в 15,2% против 13,3% в период 1891—1900 г.г. и 14,% в период 1911—1913 г.г. По стали—в 13,7% против 12,7% в период 1891—1900 г.г. и 12,0% в период 1911—1913 г. г. По прокатному металлу—14,7% против 12,7% в период 1891—1900 г. г. и 12,0% в период 1911—1913 г. г. (см. стр. 68 приложений к госплановским «Материалам» и статью Квиринга «Товарный голод и перспективы промышленности» в «Красной Нови» за 1925 г., № 10, стр. 173). Таким образом, пятилетка проектирует темп роста фабрично-заводской промышленности в среднем несколько более *слабый* по сравнению с периодами хозяйственного под'ема дореволюционной России, при чем этот темп несколько *выше* по основным продуктам тяжелой индустрии и, очевидно, несколько ниже средней по товарам обрабатывающей промышленности.

Рост промышленной продукции зависит прежде всего от роста промышленных капиталов и, в особенности, от роста основных капиталов промышленности. Поэтому полезно сравнить темп накопления основных капиталов государственной промышленности, т.-е. темп капитального строительства по нашей пятилетке с приростом основных капиталов русской промышленности в периоды экономических под'емов до революции. Общая сумма капитальных вложений (за все 5 лет) предположена в сумме 5.653 мил. руб.—эта цифра не на много меньше общей суммы основных капиталов, которыми обладает наша крупная госпромышленность в текущем году (6.104 мил. рублей). На первый взгляд может показаться, что основные капиталы крупной промышленности должны почти удвоиться, в ближайшее пятилетие. На деле это, однако, далеко не так, ибо капитальное строительство питает не только прирост основных капиталов, служащих базой *расширенного* промышленного воспроизводства, но и покрывает износ старых капиталов, восстанавливаемых (хотя бы на новой технической основе) за счет амортизационных фондов, расходование которых в ближайшее пятилетие должно достигнуть огромной суммы в 2.193 мил. рублей; а капитальное строительство, производящееся за счет амортизационных фондов, служит базой не расширенного, а *простого* воспроизводства. Соответственно этому, реальный прирост основных капиталов промышленности по пятилетке составит 9,1% за 1926—27 год, 10,9%—за 1927—28 год, 9,8%—за 1928/29 год, 8,7%—за 1929/30 год и 7,2%—за 1930/31 год (см. стр. 72 приложений).В среднем за 5 лет годовой прирост основных капиталов составит 9,1%. Следует подчеркнуть, что и здесь мы сталкиваемся с падением годового прироста основных капиталов, с «потухающей кривой» капитальных вложений к концу пятилетия.

Сравним с этими цифрами данные о приросте основных капиталов русской фабрично-заводской промышленности в период экономического под'ема 1893—1900 годов. Они не сравнимы с данными нашей пятилетки по своей абсолютной величине, ибо включают не только стоимость зданий, оборудования и пр., но и стоимость национализированной ныне земли и, кроме того, высчитаны в довоенных рублях, в то время как стоимость основных промышленных капиталов по пятилетке высчитана в червонных рублях; но динамику основных капиталов, темп их роста они отражают вполне удовлетворительно. Согласно этим данным (см. брошюру Струмилина «Проблема промышленного капитала в СССР», стр. 30—31), прирост основных капиталов фабрично-заводской промышленности составлял в 1893 году 14,4%, в 1894 году—10,6%, в 1895 году—5,9%, в 1896 году—9,9%, в 1897 году—17,3%, в 1898 году—19,2%, в 1899 году—20,7% и в 1900 году—10,1%. В среднем же за эти 8 лет годовой прирост основных капиталов составлял 13,5%. В отдельные годы этот прирост был еще более бурным, достигая 16,8% в четырехлетие 1897—1900 годов или 15,2% в 1913 году. Как видно, эти цифры значительно превышают предположенный пятилеткой средний прирост основных капиталов нашей крупной промышленности, определенной в размере 9,1% в год.

Обратимся теперь к сравнению роста промышленной и сельско-хозяйственной продукции по пятилетке. Валовая промышленная продукция с 8.117 милл. рублей в 1926—27 г. к 1930—31 году поднимается до 11.817 мил. рублей, т.-е. на 45,6%. Одновременно валовая сельско-хозяйственная продукция с 10.656 мил. рублей в 1926/27 году поднимается к 1930/31 году до 12.488 мил. рублей, т.-е. на 17,2%. Таким образом, валовая продукция промышленности по пятилетке растет, примерно, в два с половиной раза быстрее, чем валовая продукция сельского хозяйства. Однако, гораздо важнее сравнение не валовой, а *товарной* продукции промышленности и сельского хозяйства, ибо в рыночном обороте страны равновесие между промышленностью и сельским хозяйством устанавливается на основе пропорции между *товарной* их продукцией. Товарная продукция промышленности по пятилетке возрастает с 7.056 мил. рублей в 1926/27 году до 10.529 мил. рублей, т.-е. на 49,2%; товарная продукция сельского хозяйства—с 1.932 мил. рублей в 1926/27 году до 2.785 мил. рублей в 1930/31 году, т.-е. на 44,1%. Следовательно, по пятилетке темп роста товарной продукции промышленности лишь не на много превышает темп роста товарной продукции сельского хозяйства, и этот показатель темпа индустриализации страны не может быть признан особенно благоприятным для нашей пятилетки.

Чтобы общий облик индустриализации нашего хозяйства при том ее размахе, какой предположен пятилеткой, стал более выпуклым, приведем несколько данных о развитии производства отдельных промышленных товаров *на душу населения*. В настоящее время, хотя по ряду отраслей промышленности их продукция близка к довоенному уровню, душевые нормы потребления в общем значительно ниже довоенных (вследствие прироста населения с 1913 года); они составляли в 1925/26 году для городского потребления 86% довоенной нормы по обуви, 80% по хлопчато-бумажным тканям, 51% по шерстяным тканям, 83% по сахару, 45% по стеклу и т. д. (см. статью Гинзбурга «Пятилетняя гипотеза развития промышленности» в «Социалистическом хозяйстве» за 1926 г., кн. IV, стр. 37). По данным пятилетки, довоенные нормы потребления на душу населения будут превзойдены в 1926—27 году по каменному углю (до 108% довоенных) и по керосину (тоже до 108% довоенных), в 1927/28 году—по соли (до 104%) и галошам (до 112,0%), в 1928/29 году—по сахару (до 100,0%) и в 1929/30 году—по чугуну (до 111,5%), стеклу (до 103,0%), мылу (до 100,0%) и папиросам (до 104,0%) (см. стр. 73 приложений). Ряд промышленных товаров, играющих важнейшую роль в потреблении масс, отсутствует в этом перечне грядущих наших достижений—из этого вытекает, что довоенный уровень промышленного производства *на душу населения* в общем только вырисовывается перед нами к концу пятилетия, которому посвящены госплановские «Материалы».

Чтобы покончить с вопросом о темпе индустриализации, коснемся еще соотношения между спросом и предложением промтоваров, как оно предположено пятилеткой. Баланс между спросом и предложением промтоваров является немаловажным показателем индустриализации; превышение спроса на промтовары над их предложением, т.-е. «товарный голод» является несомненным признаком *отставания* промышленности в сравнении со

всем народным хозяйством. Как ликвидирует нынешний товарный голод пятилетка?

Емкость внутреннего рынка на промышленные товары широкого потребления по подсчетам пятилетки возрастает с 1925—26 г. по 1930—31 год на 63% (см. таблицу на стр. 20). «Это довольно хорошо гармонирует,—читаем мы на ст. 21 «Материалов»,—с намеченным по пятилетке приростом продукции соответствующих отраслей государственной промышленности по физическому об'ему на 67%. Но с учетом частной и кооперативной продукции широкого потребления, этот прирост ожидаемого предложения будет значительно ниже—не более 59%. И если бы мы не приняли соответствующих мер в области регулирования квартирной платы и некоторых других статей рабочего бюджета, то получили бы избыток потребительского спроса на продукты промышленности к концу пятилетия в сумме до 250 мил. рублей довоенных или до 400 мил. рублей червонных».

Нужно заметить, что исходный год пятилетки (1926/27) отличается довольно резко выраженным товарным голодом; поэтому даже одинаковый процентный рост емкости рынка промтоваров широкого потребления и их производства означал бы сохранение товарного голода в размерах, близких к нынешнему году. При отставании роста продукции промтоваров широкого потребления (на 59%) от роста платежеспособного спроса (на 63%) товарный голод должен *обостриться*. Но рост емкости рынка в 63% определен *при неизменных ценах*; между тем, пятилетка предполагает снижение цен промтоваров к 1930/31 году на 17,5% (см. стр. 24). Совершенно очевидно, что при сниженных ценах емкость рынка вырастет соответственно больше, чем на 63%, «ножницы» между спросом и предложением промтоваров раздвинутся еще шире и товарный голод обострится еще более.

Заслуживают быть отмеченными и те мероприятия, с помощью которых пятилетка намерена бороться с товарным голодом. «Изжить эту диспропорцию более мощным развертыванием соответствующих отраслей промышленности было бы очень трудно из-за недостатка рессурсов для капитальных вложений», говорит пятилетка (см. стр. 21). «Но в данном случае нет и особой нужды итти по пути расширения *товарного* предложения». «За предстоящее пятилетие бюджет промышленного рабочего возрастет реально в 1,5 раза. И если при таком росте общего уровня благосостояния мы повысили бы расход на помещение в бюджете рабочего только до 10% всех его затрат, что было бы совершенно безболезненно (!?!) для его самочувствия, то уже этим мы сделали бы все, что нужно для преодоления угрожающей нам диспропорции между спросом и предложением продуктов широкого потребления».

Итак, сложнейший хозяйственный вопрос получает в пятилетке самое простое решение. Повысить квартирную плату, срезать этим платежеспособный спрос пролетариата—и дело в шляпе... Товарный голод ликвидируется *отрицательным* методом и притом не за счет потребителя вообще, а именно за счет рабочего потребителя.

Как же выглядит в свете всех этих данных общий темп индустриализации нашего хозяйства, оставляющей за бортом миллион безработных в городе и семь миллионов «лишних» работников в деревне? Как можно видеть из вышеизложенного, он выглядит, мягко выражаясь, довольно неважно. Темп роста промышленной продукции, уступающей, за исключением важнейших товаров тяжелой индустрии, темпу роста промышленной продукции в периоды экономических под'емов дореволюционного хозяйства нашей страны; темп роста основных капиталов промышленности, еще более уступающий темпу роста основных промышленных капиталов в периоды экономических под'емов до революции; падение годового прироста промышленной продукции и основных капиталов промышленности к концу пятилетия; рост товарной продукции промышленности, лишь не на много превышающий рост товарной продукции сельского хозяйства; довоенные нормы производства на душу населения, к которым мы в общем и целом подходим лишь к концу пятилетия и, наконец, обострение товарного голода, с которым авторы «Материалов» пытаются бороться *за счет рабочего класса*—таковые некоторые главнейшие черты проектируемого пятилеткой темпа индустриализации нашей страны.

Однако, как бы сдержанно ни оценивать намеченный «Материалами» темп нашего промышленного развития и связанное с ним использование наличных запасов человеческого труда, нельзя отрицать, что осуществление пятилетнего хозяйственного плана даже в нынешнем его виде приведет к известным сдвигам в сторону превращения нашего Союза в промышленную страну. Других путей нам вообще не дано. Но в наших условиях индустриализация есть не только экономический, но и социальный процесс; нашей целью должна быть не промышленная страна вообще, но такая промышленная страна, в которой непрерывно возрастал бы удельный вес пролетариата и как производителя, и как потребителя национального богатства. Выше пятилетка рассматривалась в ее *экономическом* разрезе, с точки зрения развития промышленности среди других отраслей *производства*; теперь нам остается познакомиться с пятилеткой в ее *социальном* разрезе, с точки зрения участия разных общественных классов в распределении и *потреблении* национального дохода страны.

К сожалению, «Материалы» не содержат данных о доле пролетариата в народном доходе для будущих лет, подобных данным, которые для прошлых лет дают «Контрольные цифры на 1926/27 год» (см. стр. 214); поэтому приходится ограничиться некоторыми косвенными показателями. На стр. 30 «Материалов» мы читаем, что в настоящее время «производительность городского труда раза в три выше сельского. Этим об'ясняется, конечно, втрое более низкий уровень благосостояния деревни». Приведенная там же таблица показывает, что в 1925/26 году каждый работник в городе создавал новых ценностей в среднем на 693 рубля, а каждый работник в деревне—на 229 рублей. Как же намечает пятилетка развитие производительности труда и уровня благосостояния пролетариата и крестьянства в дальнейшем? Ответ на этот вопрос мы находим на стр. 12—13. «По промышленности ожидается прирост производительности на 49%,—говорят «Материалы»,—заработную плату мы проектируем повысить номинально на 33%, а в реальном выражении—примерно на 50%». «Продукция сельского хозяйства из расчета на душу сельского населения по физическому ее об'ему может подняться за те же годы всего на 15%». «Но пятилетка проектирует значительное снижение промышленных цен—не

менее 17%—при стационарности сельско-хозяйственных. При этих условиях благосостояние крестьянина возрастет уже не на 15%, а, примерно, на 30%».

Весь этот вопрос пятилетка трактует с точки зрения необходимости ликвидировать или хотя бы сгладить тот разрыв между уровнем благосостояния пролетариата и крестьянства, который имеет место в настоящее время. Разумеется, смешно было бы отрицать выдающееся значение этой задачи: уничтожение всяких различий между городом и деревней и ликвидация «идиотизма деревенской жизни», по выражению Энгельса, числятся с давних пор среди важнейших идеалов социалистического движения. Но единственный верный путь к этому лежит через под'ем производительности земледельческого труда; лишь на этом пути можно подтянуть деревню к городу за счет развития производительных сил страны, а не за счет других общественных классов. Пятилетка толкает нас по другому пути. В настоящее время производительность труда рабочего в три раза выше производительности труда крестьянина—и уровень жизни рабочего на круг также в три раза выше уровня жизни крестьянина. К концу пятилетия производительность труда рабочего должна будет стать в четыре раза выше производительности труда крестьянина, а уровень благосостояния пролетариата будет только в три с половиной раза выше уровня благосостояния крестьянства. Это не может означать ничего другого, кроме того, что пятилетка, приводя в движение механизм рыночных цен, пытается *понизить* долю пролетариата в распределении национального дохода страны.

Наша печать не даром придавала такое огромное, принципиальное значение росту доли пролетариата в народном доходе за прошлые годы,—для характеристики нашего развития в социальном его разрезе этот вопрос, действительно, имеет первенствующее значение. Рядом с ним тускнеют как достижения, проектируемые «Материалами» в области заработной платы, так и слабые места соответствующих разделов пятилетки, среди которых особенно выделяется жилищный вопрос. Рост реальной заработной платы по пятилетке предположен в 50%, а с учетом предполагаемого повышения квартирной платы—в 40—41%, что составляет 7—8% в год. Как ни медленно приближает нас такой темп роста заработной платы к уровню зарплаты европейских и, особенно, американских рабочих, все же он является некоторым шагом вперед по сравнению с полной стабилизацией уровня заработной платы, фактически установившейся у нас с осени 1925 года. Зато в совершенно безнадежных красках намечает пятилетка решение жилищного вопроса, имеющего тем большее значение, что государственный жилищный фонд, по своей стоимости, составляет ныне почти пятую часть всех наших государственных фондов (см. «Контрольные цифры» на 1926—27 год, стр. 312—313). Капитальные вложения в государственное жилищное строительство предположено пятилеткой в сравнительно ничтожной сумме 1.196 милл. рублей за пятилетие, из которых только 296 милл. руб. перебрасываются в жилищный фонд из других отраслей народного хозяйства. Вместе с вложениями в частное и кооперативное жилстроительство, это даст всего половину того, что требуется для доведения жилой площади на душу городского населения до 6 кв. метров и всего пятую часть того, что требуется для жилой площади в 8 кв. метров на душу. Вследствие этого, пятилетка

вынуждена молча примириться с дальнейшим обострением невыносимого и теперь уже жилищного кризиса: по пятилетке средняя жилая площадь *падает* вплоть до 1929—30 года и в последний год пятилетия она должна составить всего 5,41 кв. метров на душу против 5,59 кв. метров в 1926—27 году, т.-е. на 3,3% меньше (см. стр. 166—167 приложений).

В заключение нужно напомнить, что даже чрезвычайно умеренные расчеты госплановской пятилетки требуют весьма осторожного к себе отношения—ибо опыт доказывает, что в действительности темп развертывания новой промышленной базы, т.-е. темп накопления промышленных капиталов до сих пор систематически отставал от наших плановых предположений. Примером может служить хотя бы сравнение контрольных цифр на 1926/27 год с первым вариантом госплановской пятилетки (на 1925—26—1929—30 г.г., см. доклад Струмилина на первом с'езде госпланов в сборнике «Проблемы планирования», 1926, стр. 22—85). В то время, как капитальные вложения промышленности в 1926—1927 г., предположенные первым вариантом пятилетки в сумме 900 милл. руб., были окончательно установлены (без резерва) в сумме 918 милл. руб., капитальные вложения транспорта в том же году, предположенные пятилеткой в сумме 858 милл. руб., в контрольных цифрах оказались сниженными до 330 милл. руб. Таким образом, нам удалось в 1926—27 г. выдержать предположения первой пятилетки по промышленности, т.-е. по тому участку нашего хозяйственного строительства, который привлекает наибольшее внимание партии и пролетариата, лишь за счет крупнейшего недовыполнения капитальных работ, предположенных по транспорту, остающемуся до сих пор несколько в тени [1]). Между тем, разрыв между ростом промышленности и транспортом грозит свести на-нет все наши достижения в области промышленного строительства—не следует забывать, что 70% всего грузооборота составляют перевозки промышленных товаров, в то время, как «в 1926/27 году намеченный размер работы дорог превосходит на 15% работу 1913 года и исчерпывает почти полностью все резервы технической мощи транспорта», а «собственные восстановительные возможности железных дорог исчерпаны во всех областях» (см. статью Халатова «Железнодорожный транспорт и реконструкция народного хозяйства» в «Известиях ЦИК СССР» от 9 января с. г., а также доклад Рудзутака на III сессии ЦИК СССР в феврале с. г.).

Этим же опытом об'ясняется, очевидно, отчасти и самый пересмотр госплановской пятилетки. Для тех четырех лет, которые вошли в оба варианта пятилетки (с 1926/27 по 1929/30 год), общая сумма капитальных вложений оказалась *снижена* с 14.102 милл. руб. по первому варианту до 13.249 милл. руб. по второму варианту. Этот опыт также должен быть учтен при оценке «Материалов по пятилетнему плану».

На этом можно подвести некоторые итоги—безнадежно было

[1]) Этим же характеризуется и проект контрольных цифр на 1926/27 год, по которому капитальные вложения в промышленность составляют 95% предположений второго варианта пятилетки (1.141 мил. руб. против 1.200 мил. руб. по пятилетке), а капитальные вложения в транспорт—всего 20—27% предположений пятилетки (170—220 мил. руб. против 807 мил. руб. по пятилетке. См. статью Сулимова «К вопросу о капитальных вложениях на транспорте» в «Правде» от 31 июля с. г.).

менее 17%—при стационарности сельско-хозяйственных. При этих условиях благосостояние крестьянина возрастет уже не на 15%, а, примерно, на 30%».

Весь этот вопрос пятилетка трактует с точки зрения необходимости ликвидировать или хотя бы сгладить тот разрыв между уровнем благосостояния пролетариата и крестьянства, который имеет место в настоящее время. Разумеется, смешно было бы отрицать выдающееся значение этой задачи: уничтожение всяких различий между городом и деревней и ликвидация «идиотизма деревенской жизни», по выражению Энгельса, числятся с давних пор среди важнейших идеалов социалистического движения. Но единственный верный путь к этому лежит через под'ем производительности земледельческого труда; лишь на этом пути можно подтянуть деревню к городу за счет развития производительных сил страны, а не за счет других общественных классов. Пятилетка толкает нас по другому пути. В настоящее время производительность труда рабочего в три раза выше производительности труда крестьянина—и уровень жизни рабочего на круг также в три раза выше уровня жизни крестьянина. К концу пятилетия производительность труда рабочего должна будет стать в четыре раза выше производительности труда крестьянина, а уровень благосостояния пролетариата будет только в три с половиной раза выше уровня благосостояния крестьянства. Это не может означать ничего другого, кроме того, что пятилетка, приводя в движение механизм рыночных цен, пытается *понизить* долю пролетариата в распределении национального дохода страны.

Наша печать не даром придавала такое огромное, принципиальное значение росту доли пролетариата в народном доходе за прошлые годы,—для характеристики нашего развития в социальном его разрезе этот вопрос, действительно, имеет первенствующее значение. Рядом с ним тускнеют как достижения, проектируемые «Материалами» в области заработной платы, так и слабые места соответствующих разделов пятилетки, среди которых особенно выделяется жилищный вопрос. Рост реальной заработной платы по пятилетке предположен в 50%, а с учетом предполагаемого повышения квартирной платы—в 40—41%, что составляет 7—8% в год. Как ни медленно приближает нас такой темп роста заработной платы к уровню зарплаты европейских и, особенно, американских рабочих, все же он является некоторым шагом вперед по сравнению с полной стабилизацией уровня заработной платы, фактически установившейся у нас с осени 1925 года. Зато в совершенно безнадежных красках намечает пятилетка решение жилищного вопроса, имеющего тем большее значение, что государственный жилищный фонд, по своей стоимости, составляет ныне почти пятую часть всех наших государственных фондов (см. «Контрольные цифры» на 1926—27 год, стр. 312—313). Капитальные вложения в государственное жилищное строительство предположено пятилеткой в сравнительно ничтожной сумме 1.196 милл. рублей за пятилетие, из которых только 296 милл. руб. перебрасываются в жилищный фонд из других отраслей народного хозяйства. Вместе с вложениями в частное и кооперативное жилстроительство, это даст всего половину того, что требуется для доведения жилой площади на душу городского населения до 6 кв. метров и всего пятую часть того, что требуется для жилой площади в 8 кв. метров на душу. Вследствие этого, пятилетка

вынуждена молча примириться с дальнейшим обострением невыносимого и теперь уже жилищного кризиса: по пятилетке средняя жилая площадь *падает* вплоть до 1929—30 года и в последний год пятилетия она должна составить всего 5,41 кв. метров на душу против 5,59 кв. метров в 1926—27 году, т.-е. на 3,3% меньше (см. стр. 166—167 приложений).

В заключение нужно напомнить, что даже чрезвычайно умеренные расчеты госплановской пятилетки требуют весьма осторожного к себе отношения—ибо опыт доказывает, что в действительности темп развертывания новой промышленной базы, т.-е. темп накопления промышленных капиталов до сих пор систематически отставал от наших плановых предположений. Примером может служить хотя бы сравнение контрольных цифр на 1926/27 год с первым вариантом госплановской пятилетки (на 1925—26—1929—30 г.г., см. доклад Струмилина на первом с'езде госпланов в сборнике «Проблемы планирования», 1926, стр. 22—85). В то время, как капитальные вложения промышленности в 1926—1927 г., предположенные первым вариантом пятилетки в сумме 900 милл. руб., были окончательно установлены (без резерва) в сумме 918 милл. руб., капитальные вложения транспорта в том же году, предположенные пятилеткой в сумме 858 милл. руб., в контрольных цифрах оказались сниженными до 330 милл. руб. Таким образом, нам удалось в 1926—27 г. выдержать предположения первой пятилетки по промышленности, т.-е. по тому участку нашего хозяйственного строительства, который привлекает наибольшее внимание партии и пролетариата, лишь за счет крупнейшего недовыполнения капитальных работ, предположенных по транспорту, остающемуся до сих пор несколько в тени [1]). Между тем, разрыв между ростом промышленности и транспортом грозит свести на-нет все наши достижения в области промышленного строительства—не следует забывать, что 70% всего грузооборота составляют перевозки промышленных товаров, в то время, как «в 1926/27 году намеченный размер работы дорог превосходит на 15% работу 1913 года и исчерпывает почти полностью все резервы технической мощи транспорта», а «собственные восстановительные возможности железных дорог исчерпаны во всех областях» (см. статью Халатова «Железнодорожный транспорт и реконструкция народного хозяйства» в «Известиях ЦИК СССР» от 9 января с. г., а также доклад Рудзутака на III сессии ЦИК СССР в феврале с. г.).

Этим же опытом об'ясняется, очевидно, отчасти и самый пересмотр госплановской пятилетки. Для тех четырех лет, которые вошли в оба варианта пятилетки (с 1926/27 по 1929/30 год), общая сумма капитальных вложений оказалась *снижена* с 14.102 милл. руб. по первому варианту до 13.249 милл. руб. по второму варианту. Этот опыт также должен быть учтен при оценке «Материалов по пятилетнему плану».

На этом можно подвести некоторые итоги—безнадежно было

---

[1]) Этим же характеризуется и проект контрольных цифр на 1926/27 год, по которому капитальные вложения в промышленность составляют 95% предположений второго варианта пятилетки (1.141 мил. руб. против 1.200 мил. руб. по пятилетке), а капитальные вложения в транспорт—всего 2)—27% предположений пятилетки (170—220 мил. руб. против 807 мил. руб. по пятилетке. См. статью Сулимова «К вопросу о капитальных вложениях на транспорте» в «Правде» от 31 июля с. г.).

бы пытаться исчерпать здесь богатое и разностороннее содержание об'емистого тома в 750 страниц, который представляют собою «Материалы по пятилетнему плану». *Несмотря на уменьшение доли пролетариата в национальном доходе, предположенный пятилеткой темп промышленного развития оказывается не в силах использовать главнейшую производительную силу страны, каковой является человеческий труд—вот к чему ведет основная политическая предпосылка пятилетки, пытающейся ограничить рессурсы индустриализации прибавочным трудом пролетариата.* Построенный на этой предпосылке хозяйственный план оказывается на деле, пятилеткой затяжной нищеты—и в таком его виде он должен быть партией решительно отвергнут.

К. Розенталь.

Перспективы на будущее и оппозиционные „зады“.

Формальным поводом к новому выступлению оппозиции против экономического курса партии, послужили теперь «*Материалы*» комиссии Госплана к пятилетнему плану развертывания народного хозяйства нашего Союза.

Как известно, эти «Материалы» не только не обсуждались и не принимались партией, но не утверждались и самим Госпланом. Больше того. В предисловии к этой работе подчеркивается ее «*незаконченность*», необходимость «*дальнейшей проработки и уточнения*» и сама работа рекомендуется только как «*ориентирующий материал* для перспективного планирования». Таким образом, критика этих материалов не только не исключалась, но, наоборот, *предполагалась*. И в нашей печати появилась уже не одна статья, посвященная их критике. Однако, статья тов. Колесникова, этого новоявленного апостола оппозиции, меньше всего направлена на критику «Материалов» Госплана. «Материалы» Госплана для оппозиции *только повод* к новому обстрелу партии, *только повод* к тому, чтобы опять и опять повторять «страшные» слова о недостаточности темпа нашего хозяйственного развития и темпа индустриализации, опасности крестьянской стихии, необходимости усиленной перекачки крестьянских накоплений в промышленность и т. д., и т. п. Иначе говоря, повод к тому, чтобы опять оживить все те споры, которые велись в течение последних лет в партии вокруг вопросов экономической политики и хозяйственного строительства.

Но время, время! как много оно заставляет «забыть», как много вынуждает говорить другим языком и другим тоном!

У кого не осталось в памяти то «золотое» времячко, когда оппозиционные молодцы, круша стекла и высаживая рамы, надрывно, до хрипоты на всех перекрестках кричали о «гибели» и, потрясая в воздухе фантастическими «миллиардами», охотно предлагали себя в «спасители» партии и революции. «Народ» не поддержал современных Мининых и Пожарских. Партия отвернулась от героев «исторических» фраз и фантастических «миллиардов».

И оставленные в одиночестве на перекрестке *двух* дорог, «спасители» партии и революции могли наблюдать, как в ходе всего хозяйственного развития, безжалостно банкротились их бесчисленные платформы, как посмеялась жизнь, над их «пророчествами» и «предсказаниями». «Теоретики» «дальнего прицела» оказались никуда не годными «практиками». Шума и грома было много. Прицел был действительно «дальний»,—сочувственным эхом откликнулся «Соц. Вестник».

Прежний тон сохранить было уже трудно. И тон «сверхчеловеков» сменился кое у кого брюзгливым бормотанием.

Революция не погибла, «спасать» партию оказалось не от чего, предсказываемого оппозицией «кризиса» не произошло. И не произошло, оказывается, только потому, что «государственное регулирование сыграло свою, далеко не малую роль». Об этом свидетельствует оппозиционер Колесников. Но уже несколькими строками ниже бескризисное развитие нашего хозяйства он же—Колесников—об'ясняет тем, что «наши хозяйственные планы безжалостно корректировались стихией рыночного хозяйства».

Рыночная стихия в роли регулятора и притом регулятора, способствующего именно «*гармоническому*» развитию народного хозяйства—это действительно чудесное оппозиционное откровение!

Но рыночная стихия, как регулятор, обеспечивающий рост и повышение удельного веса в хозяйстве социалистических элементов—это воистину зрелище для богов!

И нет сомнения, что этот «аргумент» займет почетное место в иссякающих «пороховницах» оппозиционной экономической мудрости. Ибо по старому принципу оппозиционного блока: «в большом хозяйстве всякая веревочка пригодится»—оппозиция не брезгует никакими «аргументами», с чьей бы стороны они ни исходили, как бы антимарксистски и антиленински они ни были и как бы ни были противоречивы.

Когда-то оппозиция метала громы и молнии по поводу того, что «рост капиталистических элементов в нашей стране идет быстрее роста социалистических элементов», еще не так давно т. Пятаков утверждал, что «наша промышленность, транспорт и городское хозяйство отстают в своем росте от общего роста всего народного хозяйства». А теперь, оппозиционер Колесников, уже не рискуя повторять все эти доводы, старательно напускает «туману».

«Нельзя не признаться», что промышленность росла быстрее всего народного хозяйства в целом, что удельный вес индустрии повышался, но... (здесь начинается то знаменитое «ma's», о котором Ленин говорил: «выше лба уши не растут») все дело оказывается опять в *стихии* восстановительного периода, когда быстрее восстанавливалась та отрасль народного хозяйства, которая «ниже падала... в годы гражданской войны и хозяйственной разрухи».

Быстрее восстанавливалась та отрасль народного хозяйства, которая ниже падала в годы гражданской войны и хозяйственной разрухи! Эта целая «философия» восстановительного процесса! Стало быть, если бы промышленность упала не до 20% довоенной, а до нуля, то она восстановилась бы до уровня довоенного быстрее! Стало быть, если бы транспорт в годы гражданской войны и хозяйственной разрухи остановился бы совершенно, то это было бы лучшей гарантией его быстрейшего восстановления! Стало быть, если бы в огне гражданской войны был уничтожен весь крестьянский скот, то довоенный размер стад был бы достигнут быстрее других отраслей сельского хозяйства!

Разве не чудовищно, что с такой восстановительной «философией» оппозиция позволяет себе выступать в роли «критика», «об'ясняющего» и дающего «оценку» восстановительным процессам нашего хозяйства.

Танец от всеспасающей и всеоб'ясняющей «рыночной стихии» превращается у Б. Колесникова в пустую и жалкую попытку прикрыть банкротство экономической платформы оппозиции.

Партия не приняла экономической платформы оппозиции, партия вела, конечно, «ошибочную» политику, партия вела страну к «тягчайшим потрясениям», к «гибели», но мудрая «стихия», полностью и целиком солидарная с оппозицией, «безжалостно корректируя» линию партии избавила страну и революцию от «гибели».

Неважно, что эта «философия» не умна. На глубину анализа и избыток мысли она и не претендует!

Но,—вот она ирония судьбы! На предусмотрительно раскинутую оппозиционную удочку попала сама оппозиция. Герои сверхиндустриализма, бесстрашные рыцари усиленной перекачки крестьянских накоплений в промышленность в борьбе против экономического курса партии, оказались в союзе с той самой рыночной стихией, законы которой, по авторитетному свидетельству Б. Колесникова, «уходят своими корнями в толщу мелкособственнического крестьянского хозяйства».

Аргумент «от стихии» превратил оппозицию в выразителя воли «мелкособственнического крестьянского хозяйства»! Таким бесславным признанием закончилась атака на партию и проводимую партией экономическую политику со стороны тех, кто обвинял партию в «термидорианстве», «кулацком уклоне», «мелкобуржуазном перерождении» и всех прочих смертных грехах.

Но все это касалось «итогов» нашего хозяйственного развития. Разоблаченная, обнаружившая свое полное идейное банкротство в ходе исторического развития, оппозиция оказалась вынужденной—устами т. Колесникова,—об «итогах» говорить шопотком. Но как только дело касается «перспектив», оппозиция оживляется, в глазах появляется юношеский блеск, голос крепнет, и стряхнув с себя «пыль времен», все обанкротившиеся аргументы вновь пытаются свидетельствовать против партии, против партийного экономического курса.

«Восстановительный период» и оппозиция.

Прежде чем перейти к оценке «перспектив» нашего хозяйственного развития, оппозиция, настойчиво твердившая в течение последних лет хозяйственного строительства о «гибельности» партийного экономического курса, пытается теперь отвести в качестве свидетеля правильности партийной политики весь восстановительный период.

«Можно ли делать какие-либо выводы о «повышении удельного веса индустрии в нашей стране» на основе сравнения роста промышленности и сельского хозяйства в годы восстановительного процесса»?—наивно спрашивает Б. Колесников. Он не отрицает, что повышение удельного веса промышленности в народном хозяйстве в годы восстановительного периода происходило, но он категорически утверждает, что «поступать так можно только грубейшим образом, игнорируя самую сущность происходившего у нас *восстановительного процесса хозяйствования*. Наша промышленность *восстанавливалась*; это значит, что скелет бездействовавшего основного капитала мало-по-малу обрастал живой плотью *производственных материалов топлива*, рабочей силы и т. д.

Естественной границей этого процесса восстановления, к которой он тяготел в своем развитии, являлся уровень продукции, соответствовавший *наличному основному капиталу, т.-е. в общем и целом довоенный уровень производства*».

Не говоря уже о том, что создание оборотного капитала, топлива, сырья, фонда заработной платы и т. п., требовало значительнейшего напряжения всего народного хозяйства и само по-себе на протяжении столь короткого периода времени являлось гигантским достижением, оппозиционному экономисту, оказался не известен тот факт, что основной капитал, с которым вступила промышленность в восстановительный период составлял *не больше 85—87% довоенного основного капитала*. И что, следовательно, «обрастание» оборотным капиталом «*наличного*» основного капитала еще не означало достижения «в общем и целом» довоенного уровня производства.

Довоенный уровень промышленного производства нами не только достигнут, но и *превзойден*.

Но *достигнутый нами уровень промышленного производства был обеспечен вложением в основной капитал промышленности* (только за последние три года) *не менее 1.300 милл. довоен. рублей*. Иначе говоря, основной капитал нашей промышленности за вычетом износа за годы восстановительного периода, *увеличился* с 3.426 милл. дов. руб. к началу 24—25 г. до 4.230 милл. дов. руб. к концу 26—27 года, т.-е. *на 800 милл. дов. рублей, или на 23,4%*, в то время, как основные фонды сельского хозяйства за этот же период возросли всего лишь на 10,1%.

Ничем иным, как полнейшим незнанием конкретного развития нашего хозяйства и беспардонной невежественностью оппозиционного критика можно об'яснить стихийно-самотечную оппозиционную философию восстановительного периода.

Государство и партия «помогали» восстановительному процессу, но не так как думает и представляет это оппозиция. Помогая быстрейшему завершению восстановительного периода, используя все те стихийные экономические процессы, которые действовали в эту сторону, экономическая политика партии внесла ряд существеннейших *реконструктивных* моментов, уже в экономические процессы этого периода. Капитальные вложения четырех последних лет к наличному основному капиталу (т.-е. с учетом износа) дают по группе отраслей, производящих средства производства 63,2%, а по группе, производящей средства потребления 25,6%. При чем по отдельным отраслям промышленности, имеющим наиболее значение в деле индустриализации нашего хозяйства, этот процент повышался еще больше. Так, напр., для электростанций капитальные вложения четырех последних лет составляли по отношению к реальной стоимости имущества 118%, для горной промышленности—97,3%, топливной—76,7%, химической—76,3%, лесной—72,5%. Основной капитал промышленности в целом был обновлен на 30—35%.

Особенно значительны достижения в электростроительстве, где уже в 1925—26 г. выработка всех электростанций СССР превышала довоенную на 67%. При чем прирост в 1926—27 г. должен составить 20% по сравнению с выработкой в 1925—26 г.

К «восстановительному» же периоду относятся и крупнейшие достижения нашей промышленности в деле постановки ряда новых производств, не существовавших до войны и в значительной степени освобождающих наше хозяйство от капиталистической зависимости. Организация тракторостроения, переход на изготовление турбин мощностью до 20.000 клв., достижения в области авто и авиостроения, постройка новых более совершенных и мощных двигателей, успехи в области станкостроения и особенно текстильного машиностроения, переход на постройку новых типов мощных паровозов и большегрузовых вагонов, значительные достижения в химической промышленности и т. д. и т. п.—все эти достижения так назыв. «восстановительного» периода, но достижения, имеющие крупнейшее реконструктивное значение. Изготовление турбин мощностью до 20.000 клв. не только подводит твердую базу под электрификацию страны, но и в значительной степени освобождает наше хозяйство от капиталистической зависимости. Освобождает от этой тяжелой зависимости и постановка текстильного машиностроения и авто и авиостроения, а также развитие ряда других неизвестных нам раньше производств, изделия которых мы были вынуждены импортировать. Переход к постройке новых типов паровозов и большегрузовых вагонов со всей решительностью выдвигает вопрос о реконструкции службы пути наших жел. дор. Тракторостроение и сельская электрификация подводят базу под полную реконструкцию нашего сельского хозяйства и перевода индивидуального крестьянского хозяйства в хозяйство общественное, социалистическое и т. д. и т. п.

Восстановительный период отнюдь не являлся *только* «восстановительным», как об этом говорит оппозиция, но и в значительной степени периодом реконструктивным.

И надо быть величайшими путаниками, людьми, решительно неспособными к пониманию, происходящих явлений в нашем хозяйстве, чтобы решиться утверждать, как это делают представители оппозиции, что на вопрос: «как решает партия проблему индустриализации страны—*прошлое* (т.-е. восстановительный период. *К. Р.*) нашего хозяйственного развития не дает устойчивых (!?) данных».

Оппозиция проспала, проглядела все те колоссальнейшие достижения и успехи, которые сделало наше хозяйство и которые известны каждому грамотному рабочему нашего Союза. В своем фракционном ослеплении оппозиция уже не в состоянии видеть тех крупнейших сдвигов, которые произошли в нашем хозяйстве за последние годы. «*Прошлое*» нашего хозяйственного развития,—восстановительный период—не только отвечает на вопрос *как* решает партия проблему индустриализации, но и дает ответ на вопрос как партия *осуществляла* индустриализацию и как будет в дальнейшем ее проводить.

При чем необходимо подчеркнуть, что, если кто и выступал против внесения реконструктивных моментов в хозяйственные процессы восстановительного периода, то это делали опять таки представители оппозиции.

«Плановая установка на замкнутый самодовлеющий социализм в одной стране, обязующая в кратчайший срок производить все самим, снижает плоды капитальных затрат, ослабляет темп и бьет по смычке»—говорилось в резолюции, предложенной оппозицией на последнем пленуме ЦК ВКП(б).

Что означало это предложение оппозиции?

Отказаться от постановки и развития тех производств, изделия которых могут быть импортированы. И прежде всего отказаться от постановки собственного машиностроения, авто и авиостроения, тракторостроения, отказаться от постановки и развития электротехнической промышленности и т. д. и т. п. Это означало отказаться от курса на высвобождение нашего хозяйства от капиталистической зависимости. Это означало, в условиях возрастающей агрессии империализма к Советскому Союзу, поставить под непосредственную и реальную угрозу все дело социалистического строительства. Это означало, наконец, отказ от реконструкции нашего хозяйства, от перевода нашего хозяйства на более высокий технический уровень, отказ от принятого партией курса на индустриализацию.

«Раз'яснение» и «конкретизация» оппозицией своих «сверхиндустриалистских» предложений с величайшей убедительностью вскрывает всю их противоречивость, непродуманность и преступную легкомысленность.

Повышение удельного веса промышленности в народном хозяйстве, повышение удельного веса тяжелой индустрии в самой промышленности, выполнение ленинского плана электрификации, высвобождение нашего хозяйства от капиталистической зависимости—вот основное содержание индустриализации и по всем этим линиям «прошлое» нашего хозяйственного развития дает нам, вопреки оппозиции и против оппозиции, твердую ясную и отчетливую постановку.

Вопросы темпа нашего хозяйственного строительства.

Мы уже видели, как, обжегшись на пророчествах и предсказаниях в отношении результатов экономической политики партии в период «восстановительный», оппозиция всячески старается замять и обойти этот неприятный и щекотливый, для оценки ее экономической платформы, момент.

Было бы непростительной ошибкой думать, что оппозиция не грешила в прошлом в отношении определения темпов нашего хозяйственного развития и индустриализации. Именно здесь-то и был центральный пункт расхождения оппозиции с партией, именно на этом вопросе заостряла оппозиция свою атаку на проводимую партией экономическую политику; именно вопросы темпа были исходным пунктом и для идеи усиленной перекачки крестьянских накоплений в промышленность, идеи высоких цен на изделия промышленности, идеи высвобождения средств из торговли (государственной и кооперативной) и передачи их в промышленность и т. д. и т. п. При чем надо заметить, что идеи эти отнюдь не являлись продуктом последнего года—двух, когда намечался переход от «восстановительного» периода к периоду реконструктивному. Идея *недостаточности* принятого нашей партией темпа индустриализации, идея усиленной перекачки крестьянских накоплений в промышленность и т. д.—восходит к той «седой древности», когда мы находились на первых ступенях восстановительного процесса, когда в основном уже окончательно сложилась экономическая платформа троцкизма, оказавшаяся настолько, впрочем, просторной, что на ней нашла себе приют и место вся современная оппозиция.

Но «кризиса» не произошло, налицо крупнейшие успехи и достижения в области хозяйственного строительства и в частности в деле индустриализации страны, и вот «прошлое» об'явлено недействительным, непоказательным, непоучительным и с явно преувеличенной невинностью во взоре оппозиция переходит к «рассмотрению темпа индустриализации нашего хозяйства» в том виде, в каком намечают его «Материалы». Бесславно похоронив прошлое, эпохи, как любит выражаться оппозиция, «малых дел», с тем большей энергией берется она за большие дела «будущего».

Но и о будущем оппозиция говорит словами прошлого. И попрежнему твердит «зады» и врет за двух.

Существовавший в годы «восстановительного» периода темп нашего хозяйственного развития и темп индустриализации, — «непоказателен»—утверждает оппозиция, но вот темп индустриализации, намечаемый на будущее, уже явно «недостаточен», хотя и «показателен». И оппозиция это берется «доказать» сравнениями «с данными о росте промышленной продукции в других странах или в дореволюционной России».

Как известно, страной наиболее быстрого развития капитализма являются С.-А. С. Ш. Каким же темпом развилась американская промышленность?

Средний годовой прирост промышл. продукции.

Период		
Период	1850—1860	8,7 проц.
»	1860—1870	7,9 »
»	1870—1880	5,8 »
»	1880—1890	4,9 »
»	1890—1900	4,3 »

Таким образом, показав максимальный прирост в десятилетие 1850—60 гг., в дальнейшем прирост промышленной продукции неуклонно понижается и в последнем десятилетии XIX в. доходит до 4,3%.

В основном такую же картину рисует и промышленное развитие царской России.

Прирост продукции.

Период		
Период	1890—1895	8,2 проц.
»	1895—1900	5,2 »
»	1900—1905	2,6 »
»	1905—1910	3,6 »

Между тем даже по «Материалам» Госплана, критикуемым оппозицией, *средний годовой прирост продукции государственной промышленности составляет за пятилетие* 15,9%. Даже по «Материалам» Госплана, страдающим, как об этом уже писалось, существеннейшим недоучетом эффективности капитальных вложений, *прирост промышленной продукции значительно превышает прирост промышленной продукции в странах наиболее быстрого и интенсивного развития капитализма, какими являлись С.-А. С. Ш. и царская Россия.*

В основном то же самое относится и к динамике основных фондов нашей промышленности. Движение основного капитала русской промышленности за 1885—1913 гг. представляется в таком виде:

Период	Общий прирост в проц.	За 1 год (средн. арифм.) в проц.
1885—1895	104	10,4
1895—1905	107	10,7
1905—1913	65	8,1

Бурный рост основного капитала русской промышленности падает в основном на конец 80-х и 90-х годов. Как раз в эти годы происходили особо значительные вложения в русскую промышленность со стороны иностранного капитала; как раз в эти годы происходило усиленное железно-дорожное строительство, вызвавшее под'ем во всех отраслях промышленного хозяйства. И восемь лет XX века (1905—1913 г.) показывают уже более замедленный темп прироста основных капиталов русской промышленности.

Еще более сдержан был темп прироста основного капитала в американской промышленности.

Годы	Основной капитал (в милл. дол.)	Средний прирост капитала в проц. за 5 лет	За 1 г. (средн. арифм.)
1899	8.975	—	—
1904	12.676	41,0	8,2
1909	18.428	45,2	9,04
1914	22.791	23,5	4,7

Надо однако заметить, что в этот период (1889—1914 г.) происходило падение покупательной способности золотого доллара почти на 50% и, таким образом, реальный прирост основного капитала должен быть еще снижен.

По «Материалам» Госплана прирост основных капиталов госпромышленности за пятилетие 1926/27—1930/31 выразится в сумме 3.352 милл. черв. р., или 54,9%. Иначе говоря, ежегодный среднеарифметический прирост составит около 11%. Такого темпа роста основных фондов промышленности не знала ни царская русская промышленность, ни промышленность американская. При этом надо заметить, что, с одной стороны, прирост основных фондов по «Материалам» несколько преуменьшен, а с другой, происходящее на протяжении пятилетия *повышение* покупательной способности рубля *скрывает и преуменьшает* действительный, реальный рост основных фондов советской промышленности.

Но, убедившись в том, что сравнение проектируемого «Материалами» темпа нашего промышленного развития с «другими странами», если и «говорит», то отнюдь, не обогащая оппозиционную аргументацию, Б. Колесников неожиданно выкидывает следующий фортель: «сравнивать темп нашей пятилетки следует не с развитием промышленности в других странах вообще, а с ее развитием в периоды экономического под'ема». Потому, видите ли, что только в периоды экономического под'ема производительные силы капиталистического хозяйства получают возможность проявиться в полной мере». И эта безграмотная чепуха преподносится с самым серьезным видом как последнее слово оппозиционной «науки и техники».

«Дальше в лес—больше дров». В своем усердии доказать недоказуемое оппозиционный экономист теряет последние остатки марксистской «совести».

В своем стремлении «доказать» во что бы то ни стало недостаточность темпа нашего хозяйственного развития, оппозиционер Б. Колесников предлагает «абстрагироваться» от кризисности капиталистического хозяйства и для «сравнения» оперировать только годами экономического под'ема! «Абстрагироваться» от того, что составляет характерную особенность капиталистического хозяйства! «Абстрагироваться» от важнейшего преимущества советской системы хозяйства!

Недостает только, чтобы оппозиционер Колесников «абстрагировался» от противоречий в капиталистическом обществе между трудом и капиталом, «абстрагировался» от эксплоатации труда, от конкуренции, от борьбы за рынки сбыта и сырья и т. д. и т. п., то-есть всего того, что составляет *содержание* капиталистического хозяйства и без чего капиталистическое общество вообще немыслимо. И после такой «умной» операции, поднявшись на такие «высоты» абстракции, где исчезает всякая реальность, где исчезает всякое содержание экономических явлений, где исчезает, наконец, всякий здравый смысл, оппозиционер Колесников может проделывать какие угодно «фокусы»! Тут ему «не помешает» ничто и ничто! Но познавательная ценность «анализа, выводов и результатов» такого рода «абстракции», будет не выше хитроумных исследований на тему о количестве ангелов, могущих поместиться на острие иголки!

Годы кризисов и годы депрессий составляют органическое единство капиталистического производственного цикла.

Годам промышленного под'ема предшествует, как известно, годы депрессии. «Наступает задержка в воспроизводстве, а потому и в процессе обращения. Купля и продажа тесно примыкают друг к другу и незанятый капитал принимает форму денег, лежащих без употребления». «Во время кризиса человек может быть очень доволен, когда он продал и он не думает вначале о купле». Напуганный кризисом, когда банкротство следует за банкротством, аукцион за аукционом, капиталист изменяет своей природе и наличное золото предпочитает заманчивой, но легкомысленной мечте пустить его в обращение, не имея достаточных гарантий не только получить приличное вознаграждение, но и вернуть его обратно.

Фабрики и заводы стоят, рынок не в состоянии поглотить массы, выпущенных ими товаров, новое строительство, расширение старых и постройка новых фабрик и заводов прекращаются; в то же время в банках и в отдельных руках скопляются значительные денежные суммы, не могущие, тем не менее, без риска для их владельца, быть производительно использованы — все в трепетном ожидании новых лучших времен. И когда это время приходит—после ряда лет экономического застоя—все накопленные денежные средства приходят в движение, растет кредит, на рынке начинается ажиотаж, промышленность вступает в полосу бешеного строительства: как грибы после дождя, вырастают новые фабрики и заводы, старые—расширяются, вводятся новые смены рабочих—наступает период экономического под'ема, за которым, как неизбежное возмездие, следует новый крах, новый, еще более жестокий кризис.

В годы под'ема используются не только наличные производительные силы, в виде наличных фабрик и заводов, но и *все то, что было скоплено, спрятано под спуд в годы депрессии*, помноженное на бешеную кредитную спекулятивную горячку и то «братское» доверие, которое питают в эти годы друг к другу г.г. капиталисты.

Не понимать этого и рассуждать с серьезным видом о годах экономического под'ема в капиталистическом обществе, как о годах полного использования производительных сил—значит выставлять себя в непростительно смешном свете, демонстрировать свое полное невежество по части знания азов марксизма. А «абстрагироваться» от кризисов это значит—«абстрагироваться» от здравого экономического смысла, «абстрагироваться» от того, что составляет характерную особенность советской системы хозяйства и ее отличия от системы капиталистической.

Характерны ли, наконец, для определения темпа развития российского капитализма те годы, которыми оперирует наш многомудрый оппозиционный экономист? Ни в какой мере. И хотя бы по одному тому, что вторая половина девяностых годов была годами постройки Сибирской железной дороги, определившей на ряд лет хозяйственную кон'юнктуру. Именно в эти годы происходило гигантское развитие металлургии и металлопромышленности, рудной и топливной промышленности и целого ряда других отраслей, работавших на нужды железно-дорожного строительства. Под'ем в этих отраслях не мог не повлечь за собой и общего промышленного под'ема. Кстати сказать, окончание постройки Сибирского жел.-дор. пути было ознаменовано жесточайшим кризисом, какого не знал до этого российский капитализм. Это подчеркивает истинный смысл промышленного под'ема царской России второй половины девяностых годов.

В заключение нельзя не отметить совершенно непростительного игнорирования оппозиционным экономистом важнейшего фактора в деле под'ема нашего промышленного хозяйства—участия иностранного капитала. Темп развития промышленности царской России в значительной степени обусловлен крупнейшими капитальными вложениями со стороны иностранного капитала. При чем и здесь наибольшая активность проявлялась иностранным капиталом в девяностых годах прошлого века.

Общая сумма иностранного капитала, вложенного в промышленность царской России во время войны, составляла больше 1.630 милл. золотых рублей. Из которых 834 милл. падало на горную промышленность, 392 на металлопромышленность и т. д. [1]).

Выше мы видели, что в среднем, рост дореволюционной российской промышленности значительно отставал от промышленного развития запроектированного в «Материалах». Теперь мы к этому можем добавить: *несмотря* на то, что темп развития российского капитализма значительно превышал темп развития других капиталистических стран, *несмотря* на весьма значительное участие в промышленном строительстве иностранного капитала, не участвующего в промышленном строительстве нашего Союза, темп развития, запроектированный в «Материалах» и рассчитанный исключительно на *внутреннее* накопление, значительно

[1]) П. Оль, «Иностран. капиталы в России».

все же превосходит дореволюционный темп развития русской промышленности.

Наконец, у нас имеются все данные *утверждать* со всей категоричностью, что даже и этот запроектированный в «Материалах» темп нашего промышленного развития *значительно преуменьшен*. Об этом с полной убедительностью говорят уже первые годы (1926—27 и 1927—28) пятилетки. В самом деле. «Материалы» проектировали прирост валовой продукции госпромышленности в 1926—27 г. по сравнению с 1925—26 г. в 19,1%, а на деле мы будем иметь не меньше 21%. На 1927—28 г. «Материалы» проектировали прирост в 13,2%, а контрольные цифры промышленности на этот же год показывают прирост в 17,7%.

Таким образом, *1927—28 г., который уже никак не может быть отнесен к восстановительному периоду, дает прирост промышленной продукции больший, чем самый рекордный год во всей истории российского капитализма—1899 г., давший 16,8%*!

Столь значительный *недоучет эффективности капитальных вложений* искажает действительную картину того, что мы будем иметь к концу запроектированного пятилетия на основе намеченной общей суммы капитальных вложений. Надо помнить, что мы делаем только первые шаги в деле рационализации нашего промышленного хозяйства и что в наших условиях рационализаторские возможности воистину неисчерпаемы. Об этом свидетельствует вся практика промышленного хозяйствования и первых рационализаторских мероприятий. Исходя из практики и опыта последнего времени, ВСНХ оказался вынужденным срочно пересматривать промышленную пятилетку, успевшую устареть, прежде чем она увидала свет. При чем основная линия, основное направление работ по пересмотру пятилетки—пересмотр эффективности капитальных вложений в сторону их повышения. В настоящее время, когда эта работа еще не закончена, невозможно хотя бы с какой-нибудь степенью точности определить результаты этого пересмотра эффективности капитальных вложений. Но уже предварительные данные заставляют думать, что результаты будут весьма значительны.

Заканчивая вопрос о темпе нашего промышленного строительства, темп индустриализации, нельзя не остановиться и на вопросе об общем темпе нашего хозяйственного строительства.

Последуем примеру т. Колесникова и сравним рост национального дохода капиталистических стран с ростом нац. дохода нашего союза, как он рисуется по «Материалам», т.-е. с значительным недоучетом действительных результатов хозяйственного строительства в запроектированное пятилетие. По данным «Материалов» в ближайшие пять лет национальный доход должен возрасти в ценах 1913 года на 45,2%, что по сложным процентам составляет *свыше 7% в год*. Между тем, средний ежегодный прирост реальной общей суммы национального дохода *около* 7% мы имеет только *один раз за всю историю* хозяйственного развития *С. Штатов*—страны с рекордным темпом хозяйственной динамики—в 80-ые годы XIX века. В XX столетии мы имеем здесь средний ежегодный прирост в 3—4%. В довоенной *Германии* в 90-е годы XIX столетия и первое десятилетие XX века мы имеем среднюю норму ежегодного прироста народного дохода в 2,5—3,5%. В *Англии* за период 1903—1908 норма ежегодного прироста составляет всего 1,5%. Наконец, в довоенной России за

период с 1900 по 1913 г. средний ежегодный рост национального дохода (элиминируя колебания цен) составляет 2,6%, а в общем за 13 лет об'ем народного дохода вырос всего на 39,4%. При этом последнее предвоенное пятилетие с 1908 г. в России было периодом необычайно мощного промышленного под'ема» [1]).

Таким образом, за *пять лет*, при несомненно уменьшенном определении действительного роста национального дохода, *советская система хозяйства обеспечивает больший процент роста национального дохода, чем 13 лет, включая и годы под'ема довоенной России.*

Поход оппозиционного Мальбрука на линию партии в вопросах темпа нашего хозяйственного строительства, темпа индустриализации, с новыми «доказательствами» и новыми «аргументами» еще раз показал невежество и убожество оппозиционных критиков.

За чей счет.

Не менее, если не более ожесточенно оппозиция вела атаку на партию в определении источников и рессурсов индустриализации. С удивительным легкомыслием оппозиция «делала» из воздуха «миллиарды», то великодушно жертвуя их на дело индустриализации, то наделяя каждого бедняка лошадью.

Но уже преступно легкомысленный характер носило предложение оппозиции преложить всю тяжесть расходов по индустриализации на плечи крестьянства. Попытка рассматривать крестьянство как некий совершенно чужеродный и неперевариваемый организм в нашей хозяйственной системе, определение крестьянства, как некой «колонии», которая должна эксплоатироваться пролетариатом в интересах индустрии и быть «пожрана» социалистическими элементами нашего хозяйства, т.-е. по сути дела той же индустрией, в первую очередь; предложение оппозиции из'ять средства из товарооборота и передать их промышленности, предоставив сферу товарного обращения целиком и полностью в руки частного капитала—все это являлось прямой угрозой делу подлинного социалистического строительства, прямой угрозой разрыва союза рабочего класса и крестьянства.

Партия резко и решительно осудила сверхиндустриалистские предложения оппозиции, как антиленинские, как предложения, подрывающие основы диктатуры пролетариата. Тем не менее устами Колесникова не в форме, впрочем, конкретных предложений, а старым методом, «доказательства от противного» оппозиция вновь подымает вопрос «какую общественно-материальную базу подводят «Материалы» под индустриализацию нашей страны—другими словами, на какой класс они возлагают «издержки по индустриализации»?

Вывод, к которому приходит оппозиционер Колесников, не нов в оппозиционной аргументации, утверждающей, что индустриализация хозяйства нашей страны идет «исключительно за счет прибавочного труда пролетариата, т.-е., иными словами, за счет рабочего класса». Использовав неудачную, *ибо она противоречит реальному содержанию «Материалов»*, фразу об источниках финансирования нашего народного хозяйства, Колесников утверждает, что пятилетка «таит в себе... перспективу перераспределения капиталов из т. н. «государственного сектора» в сельское хозяйство».

[1]) А. И. Зак.—«Народн. доход, народ. имущество и накопление важнейших капиталистических стран мира». «Эконом. стр-во», № 6, 1927 г.

Оппозиционер Колесников даже не потрудился проанализировать проблему в доходной части бюджета и в издержках по индустриализации. Между тем, не давая на этот вопрос прямого ответа, ответ может быть найден в конкретном анализе того богатейшего материала, который дает в руки исследователя перспективная пятилетка.

В свое время [1]) уже указывалось, как на явную ненормальность «потухающая» кривая *чистых* вложений в промышленность со стороны бюджета, имеющую место в проектировке «Материалов» и резко выраженную в пятилетке Пятакова. Однако, *«потухающая»* кривая все же не означала, что развитие промышленности, индустрии идет исключительно «за счет рабочего класса». Больше того. *Чистые* вложения в промышленность со стороны бюджета, т.-е. из источников *внепромышленного* накопления, составляют по «Материалам» Госплана 775 милл. рублей.

Неправильно было бы думать, что столь «удачно» складываются взаимоотношения с бюджетом только к промышленности. В не менее, если не более, «благоприятных» условиях находятся и электрификация и транспорт, и коммунальное хозяйство, и жилфонд, и связь, и, наконец, элеваторы и холодильники, получающие из бюджета около 200 милл. рублей за пятилетие и не имеющих собственных накоплений.

Вот данные, иллюстрирующие в цифровом выражении взаимоотношение этих отраслей народного хозяйства с бюджетом (итоговые данные за 5 лет):

	Накопления (в мил. рублей)	Вложения (в мил. рублей)	Вложения превышают накопления на
Электрификация . . .	367	1.339	972
Промышленность . . .	5.961	6.460	499
Транспорт	2.376	5.072	2.696
Коммунальное хоз-во .	1.118	1.180	62
Жилфонд	900	1 196	296
Народная связь . . .	185	189	4
Элеваторы, холодильн. .	—	191	191
Итого . .	10.907	15.672	4.720

Таким образом, *вложения в основные отрасли народного хозяйства на 4.720 милл. рублей превышают их собственные накопления.*

Сельхозналог запроектирован за пятилетие в размере 1.656 милл. рублей, а на финансирование сельского хозяйства отпускается 1.200 милл., да еще к этой сумме надо прибавить расходы на социально-культурные и обще-административные нужды деревни. Где же здесь индустриализация, где же здесь участие деревни в индустриализации?—недоумевает Б. Колесников.

Оппозиционеру Колесникову, очевидно, невдомек, что участие крестьянства в государственных расходах, а тем более индустриализации, не ограничивается сельхозналогом. Оппозиционеру Колесникову неизвестно, что крестьянство принимает участие в расходах по индустриализации и *косвенными налогами, и пере-*

[1]) См. статью Александрова, Розенталь и Хавина в № 10 «Большевика» за 1927 год.

платой на высоких ценах промизделий и что рост внутренних накоплений промышленности, рост бюджетных ассигнований на промышленность, связан и обусловлен использованием крестьянских средств на общегосударственные нужды.

Из общей суммы налоговых платежей в 1925—26 г. в 2.174 милл. рублей на долю земледельческого населения приходилось по данным НКФ 931 милл., или 42,8%. И сельхозналог, определяемый для 1925—26 г. в 245 милл. рублей, составлял всего лишь 26,3% общей суммы уплачиваемых земледельческим населением налогов.

Если, таким образом, учесть, что косвенные налоги, уплачиваемые земледельческим населением, составляют около $^3/_4$ всей суммы уплачиваемых налогов, если принять расчет «Материалов», и что удельный вес поступлений от косвенного обложения «в продолжение всей пятилетки остается *стационарным*», при незначительном снижении удельного веса сельхозналога, не являющегося, впрочем, сколько-нибудь решающим в определении тяжести налогового обложения крестьянства, то мы располагаем всеми необходимыми данными для определения действительного участия крестьянства в налоговых платежах запроектированного пятилетия.

По данным НКФ в 1925—26 г. налоговые из'ятия составляли 9,0% от общей суммы земледельческих доходов. Распространяя этот процент налогового из'ятия на пятилетие, общая сумма налоговых платежей составит за пять лет 5.207 милл. в дов. руб. или 7.162 милл. в червонных рублях. К таким же в основном результатам приводит и другой метод подсчета. Общая сумма сельхозналога запроектирована в пятилетке в размере 1.656 милл. При условии, как это имело место в 1925—26 г., что сельхозналог составляет 26,3% общей суммы налоговых платежей земледельческого населения, вся сумма налога, уплачиваемого земледельческим населением, выразится в 6.296 милл. черв. руб. Учитывая даже то обстоятельство, что рост благосостояния крестьянства в запроектированном пятилетии будет *меньшим*, чем рост благосостояния рабочего класса, а, следовательно, будет меньшим и прирост потребления промтоваров и участие в косвенном обложении, косвенные налоги, платимые крестьянством, составят за пятилетие все же внушительную цифру.

7.162 милл. рублей налоговых платежей за пятилетие земледельческого населения, т.-е. по сути дела крестьянства, при общей сумме капитальных вложений в народное хозяйство, включая сюда 1.200 милл. на сельское хозяйство, в 17.578 милл. рублей это нечто в корне отличное от *лживо-демагогического* утверждения оппозиции, будто бы индустриализация нашего хозяйства производится «исключительно» «за счет рабочего класса».

Однако, этим не исчерпывается участие крестьянства в расходах по индустриализации страны. «Ножницы» — разрыв цен между продуктами промышленного и сельскохозяйственного производства, хотя и сжимаясь, остаются все же на протяжении всего пятилетия. В *отпускных* ценах промышленности (без акциза) и продажных ценах непосредственных *производителей* с.-х. продуктов, динамика «ножниц» представляется в следующем виде:

Цены промышленности превышают цены сельскохозяйственные в:

26—27 г.	27—28 г.	28—29 г.	29—30 г.	30—31 г.
124	119	116	111	107

В денежном выражении потери крестьянства на высоком промышленном индексе представляются по годам в таком виде (в милл. руб.):

26—27 г.	27—28 г.	28—29 г.	29—30 г.	30—31 г.	Итого за 5 лет
515	472	448	351	251	2.073

Почти два миллиарда теряет крестьянство дополнительно путем переплаты на высоком индексе промышленных изделий. Но эта сумма переплат должна будет еще увеличиться, если мы сюда включим накидки товаропроводящего аппарата, значительно превышающего накидки довоенного времени (35% в 1925—26 г., 29% в 1930—31 г. при довоенных торговых накидках в 20—21%). Если налоги вообще идут не только на нужды индустриализации, но и на общие нужды государства, в частности на нужды обороны и социально-культурные нужды самого крестьянства, то эта переплата на индексе, на «ножницах»—прямой расход крестьянства на индустриализации.

И только хлестаковская легкость мысли в соединении с беспримерной невежественностью в экономических вопросах могли позволить оппозиционеру Колесникову утверждать, что индустриализация нашего хозяйства идет «исключительно за счет прибавочного продукта рабочего».

Крестьянство несет свою «долю» расходов на индустриализацию и не может не нести, ибо оно кровно заинтересовано в ходе и темпе индустриализации нашего хозяйства, ибо только через индустриализацию и благодаря индустриализации оно сумеет выбраться из тех нищенских условий существования, в которых оно находится. Развивающаяся и крепнущая промышленность не только является рынком сбыта для с.-х. сырья, не только освобождает деревню от избыточных рабочих сил, но и помогает развитию производительных сил сельского хозяйства, машинизируя и электрифицируя его, переводя его на более высокий технический уровень, подводя тем самым техническую базу для его социалистического переустройства.

Безработица. Зарплата. Душевое потребление.

Недобросовестность, невежественность и демагогия оппозиции достигают своего крайнего предела в вопросах безработицы и зарплаты. В своем стремлении, во что бы то ни стало, дискредитировать партийное руководство, оппозиция не останавливается ни перед какими средствами. «Цель оправдывает средство»—если эта цель дискредитации партруководства—и в ход пускается ложь, клевета и самая низкопробная демагогия.

Царская Россия в лице многомиллионного избыточного населения деревень оставила нам тяжелое наследство. Ежегодно выбрасывает деревня в города 500—600 тыс. человек, ищущих там заработков, ушедших из деревень, чтобы окончательно осесть в городе, несмотря на бурное развитие всего народного хозяйства, несмотря на то, что число занятых в производстве рабочих и служащих ежегодно значительно возрастает, безработица из года в год растет. И с первого полугодия 1925—26 г. по первое полугодие 1926—27 г. количество безработных увеличилось с 988,8 тыс. до 1.294,8 тыс., или на 306 тыс.

Этот рост безработицы в руках оппозиции превращается в свидетельство «кризисного» развития нашего хозяйства, действия в нашем хозяйстве «абсолютного, всеобщего закона капиталистического накопления» и, наконец, доводом против «недостаточного» темпа индустриализации. Именно с точки зрения возможности ликвидировать существующую у нас безработицу и аграрное перенаселение (определяемое отдельными авторами от 5 до 15 и даже 20 миллионов) подошел Колесников к рассмотрению темпа индустриализации нашего хозяйства в том виде, как его дают и «Материалы».

С результатами рассмотрения темпа индустриализации мы уже знакомы. Темп развертывания нашей индустрии, как оказывается, значительно превышает не только *средний* темп развертывания промышленности в капиталистических странах, но и в *годы бурного его под'ема*. И тем не менее индустрия и все народное хозяйство в целом оказываются не в силах поглотить, производительно использовать все безработное население страны.

По данным «Материалов», общий темп вовлечения в промышленное производство новой рабочей силы рисуется за пятилетие в таким виде:

Годы	Крупная промышленность		Вся промышленность (включая и мелкую)	
	Абс. (в тыс.)	В % к пред. году	Абс. (в тыс.)	В % к пред. году
1925—26	2.722	—	3.122	—
1926—27	2.930	167,7	3.350	107,3
1927—28	3 042	103,8	3.472	103,6
1928—29	3.127	103,0	3.577	103,0
1929—30	3.200	102,0	3.650	102,0
1930—31	3.246	101,4	3.706	101,5
Итого прирост за 5 лет	524	19,2	584	18,7

Для того, чтобы эти цифры «заговорили» приведем соответствующие данные из прошлого С. Штатов. В С. Штатах за последнее перед войной *пятилетие* прирост рабочей силы, занятой в промышленном производстве, выражался в 6,3%, т.-е. темп вовлечения был в 3 раза ниже темпа запроектированного в пятилетке.

Допустимо ли, однако, думать, что безработица может быть ликвидирована только за счет индустриализации страны, как это делает Колесников? Такое предположение свидетельствовало бы о величайшей невежественности в вопросах экономики. Достаточно привести следующий ряд цифр, чтобы показать полнейшую абсурдность такого предположения.

При капитальных вложениях в промышленность за 5 лет 6.460 милл. рублей, промышленность оказывается способной вовлечь в производство всего лишь 524 тыс. новых рабочих и служащих. Вовлечение только *наличного* кадра безработных в промышленность—1.294 тыс. потребовало бы увеличения капитальных вложений в нее не меньше, чем в три раза.

И хотя «Материалы» Госплана и страдают недостаточным учетом эффективности капитальных вложений, а, следовательно, преуменьшают и *физический* об'ем капитальных вложений и действительное вовлечение в производство незанятой, свободной рабочей силы, рационализирующаяся промышленность не позволяет рассчитывать на вовлечение новой рабочей силы в таких размерах, которые позволили бы окончательно ликвидировать, рассосать существующую безработицу.

И разрешение вопроса безработицы оппозиция ищет не там, где его следует искать. Мы должны в первую очередь приостановить поток рабочей силы, идущий из деревень. Крестьянство, бросившее землю, ушедшее в города, составляет основную и подавляющую массу безработных. Анализ социального состава безработных с неопровержимой убедительностью доказывает, что рост безработицы происходит в основном и решающем за счет идущей из деревни рабочей силы. Об этом же свидетельствует и увеличивающийся из года в год уход крестьянства в города на заработки. В то время, как в 1923—24 г. на заработки уходило из деревень 1.700 тыс. человек, в 1925—26 году эта цифра возросла почти вдвое и составляла уже 3.220 тыс. человек. Наконец, об этом же свидетельствует и непрерывное понижение процента индустриальных безработных, дающего такую динамику: 29,1% в январе 1925 г., 21,9% в октябре 1925 г. и 16% от всего числа безработных на 1/V—27 г.

Разрешение вопроса о безработице должно итти прежде всего по линии интенсификации сельского хозяйства, расширения посевных площадей трудоемких культур, проведение ряда мелиоративных и землеустроительных работ и т. д., и т. п.,, т.-е. проведения всей той суммы мероприятий, которая позволит удержать крестьянство на земле.

При чем, и это особенно важно,, проведение в жизнь мероприятий, интенсифицирующих и индустриализирующих сельское хозяйство не только в значительной степени разрешает проблему безработицы, но и расширяет сырьевую базу нашей промышленности, подымают общий уровень жизни крестьянства и, наконец, создает предпосылки для коллективизации с.-х. производства.

Другой стороной разрешения проблемы безработицы и использования избыточного населения деревни является, как это уже указывалось в печати, развитие кустарно-ремесленной и мелкой промышленности. В условиях принятого партией курса на индустриализацию страны, в условиях безработицы и аграрного перенаселения, в условиях недостатка материальных рессурсов, развитие кустарно-ремесленной промышленности должно будет несколько разрядить остроту безработицы и смягчить аграрное перенаселение, позволит использовать государству наличные рессурсы для капитальных вложений в командные экономические высоты нашего народного хозяйства, а не распылять их по тем отраслям, где по условиям производства может развиваться кустарная промышленность.

По этим двум основным линиям и должно итти разрешение проблемы безработицы и аграрного перенаселения в первую очередь. И сюда прежде всего должно было быть обращено внимание критики «Материалов» к пятилетнему плану. Но это идет в разрез, это в корне противоречит сверхиндустриалистским построениям оппозиции и потому действительные, реальные пути разрешения

проблемы безработицы остаются для оппозиции «за семью печатями».

Громкие фразы о безработице, о недостаточно энергичной и решительной борьбе партии с безработицей в устах оппозиции только «дымовая завеса», прикрывающая демагогию оппозиционных недорослей в их фракционной борьбе против партии. Наметить основные направления, основные линии борьбы с безработицей оппозиция оказалась неспособной. Впрочем этой цели она и не ставила. Политика «дальнего прицела» имеет в данном случае своей целью дискредитацию партийного экономического курса. Безработица же только «средство», спекулируя на котором оппозиция пытается опереться в своей борьбе против партии на отсталые слои рабочего класса и пришедшее из деревень, но еще не порвавших окончательно, связывающей с ней половину—крестьянство.

Прямой и совершенно сознательной ложью со стороны оппозиции является утверждение о «полной стабилизации уровня заработной платы, фактически установившейся у нас с осени 1925 года».

По данным ЦОС'а ВСНХ, за полтора года дневная реальная заработная плата возросла на 27,2%.

По другим данным [1]) в процентах к 1913 году месячная и часовая заработная плата показывает такую динамику:

Годы	Месячная	Часовая
1913	100	100
1924—25	82,6	100,7
1925—26	93,7	116,4
1926—27 (1/III—27 г.) .	104,4	129,3

При средней, по всей промышленности, реальной заработной плате в 1925—26 г. в 27 р. 67 к., уже октябрь 1926 г. показывает повышение до 30 р. 41 к., а июль 1927 г. [2]) до 33 р. 16 к. или по сравнению с 1925—26 г. повышение на 19,8%.

По данным ВЦСПС, средняя месячная реальная заработная плата по всей промышленности в %% к 1913 году изменялась по месяцам 1926—27 хозяйственного года так:

	проц.		проц.
Октябрь	101,7	Март	104,6
Ноябрь	100,1	Апрель	102,7
Декабрь	100,0	Май	110,8
Январь	95,7	Июнь	108,3
Февраль	98,1	Июль	112,1

К июлю месяцу реальная месячная заработная плата превысила довоенную на 12,1%, а вместе с начислениями на заработную плату на 37,5%. И если в процентах к 1913 г. реальная заработная плата в 1925—26 году в среднем составляла 93,7% (30,49 москов. условн. руб. в 1913 и 28,57 руб. в 1925—26 г.), то в 1926—27 г. она составит уже 105,1% (32,05 рублей).

Оппозиция *не приводит* никаких доводов и фактов, подкрепляющих ее утверждение о стационарности в динамике зарплаты. Между тем все *без исключения* данные, которыми располагает наша статистика свидетельствуют с неопровержимой убедительностью, что *реальная заработная плата не только неуклонно из года в год повышается, но и перегнала уровень довоенной реальной заработной платы.*

[1]) «Эк. Жизнь» № 179 от 9 августа статья А. Рабиновича.
[2]) По кон'юнктурным данным Ц. Б. С. Т.

Оппозиция клеветала, оппозиция сознательно лгала в своем утверждении, что заработная плата приостановилась в своем росте, ибо все имеющиеся данные свидетельствуют об обратном.

И, в противовес оппозиционной демагогии надо решительно подчеркнуть, что дальнейший рост реальной заработной платы должен быть *экономически* оправдан соответствующим ростом и производительности труда, что до сих пор не всегда имело место. Динамика производительности труда и реальной заработной платы за годы восстановительного периода была такой (в %% к предыдущему).

Годы	Годовая выработка на 1 рабочего	Реальная зарплата рабочего
1920—21	104,3	122,4
1921—22	181,1	123,1
1922—23	112,3	127,0
1923—24	114,2	130,7
1924—25	134,7	121,3
1925—26	111,4	113,5
1926—27 . . . . . . (месячная, предполож.)	111,8—112,0	112,0—112,2

Систематическое отставание роста производительности труда от роста реальной зарплаты явление безусловно ненормальное. И коллективная воля рабочего класса, партии, государственного аппарата и хозяйственных органов должна быть направлена к тому, чтобы дальнейший рост заработной платы компенсировался еще большим ростом производительности труда. Без этого неизбежно сокращение внутренних накоплений промышленности, а, следовательно, и сокращение общего размера капитальных вложений в промышленность и замедление темпа индустриализации, темпа социалистического строительства. Это, конечно, понимает и не может не понимать сознательная часть рабочего класса, но не на эту часть рабочего класса и рассчитана оппозиционная демагогия. «Левая», «истинно-рабочая» (хотя рабочих, идущих за ней, можно пересчитать по пальцам!) оппозиция в своей безответственной демагогии рассчитывает повлиять на те группы рабочего класса, которые еще не порвали пуповины, связывающей их с деревней, которые пришли на фабрику «подработать», чтобы затем вернуться в деревню, которые еще не связали своей судьбы целиком и полностью с жизнью своего предприятия и интересы которого для них чужды, далеки.

В тесной связи с вопросами заработной платы стоит вопрос о нормах душевого потребления промышленных товаров, которые, по утверждению Колесникова, стоит «в общем значительно ниже довоенных».

Действительно ли потребление промышленных товаров «на душу населения» ниже довоенного? Для большинства промтоваров это совершенно бесспорно. Но Колесников пользуется приемом профессионального шулера, когда затушевывает, стирает социально-экономическое содержание «души населения» в довоенный период и теперь. Потребление промышленных товаров

«на душу населения» понизилось, но душевое потребление промышленных товаров *рабочего класса* — возросло [1]).

	Единица измерения	Потребление средн. раб. в 1925—26 г.		Потребление на душу населения.	
		Абс.	В % к дов. нормам потреб. на душу населения	Абс.	В % к дов. нормам потреб. на душу населения
Керосин . . .	Фун	25,2	169,0	13,35	89,6
Соль	—	27,24	95,5	22,57	79,1
Спички . . .	Кор.	27,6	110,4	25,3	101,2
Сах. песок . .	Фун.	15,04	198,6	9,02	119,0
Раст. масло .	»	16,68	330,3	8,07	159,08

Таким образом, нормы потребления промышленных товаров *«на душу населения»* и *«на душу рабочего»* населения — явления далеко не однородного порядка. Величайшие социально-экономические сдвиги Октябрьской революции—полное уничтожение помещиков, уничтожение класса капиталистов (возродившаяся с нэпом буржуазия представляет совершенно ничтожную величину, по сравнению с довоенной ее ролью и значением), уничтожение прежней чиновничьей, высоко оплачиваемой бюрократии и т. д. и т. п. коренным образом изменило характер распределения и потребления промышленных товаров. И нормы душевого потребления промтоваров рабочим населением возросли при сокращении норм душевого потребления на душу. Это нашло свое выражение и в росте заработной платы, уже превысившей довоенный уровень. *Нормы потребления рабочего класса—превысили довоенные нормы потребления.*

Метафизические, явно меньшевистские свойства подсчеты норм душевого потребления находятся, впрочем, в полном соответствии с общим духом и содержанием экономической платформы оппозиции. В таком же, впрочем, соответствии, как и тщательный обход таких важнейших проблем пятилетки, как недостаточность намеченного в «Материалах» темпа снижения себестоимости и цен на промышленные изделия и явный недоучет результатов рационализаторских мероприятий ближайшего пятилетия и аффективность капитальных вложений.

Использовав, как повод, к критике экономической политики партии «Материалы» Госплана, оппозиция в лице Колесникова лишний раз подтвердила и показала свою неспособность противопоставить линии партии, хоть сколько-нибудь серьезную и продуманную, *не* клеветническую, *не* лживую, *не* демагогическую систему взглядов. Твердить «зады», метаться из стороны в сторону, ловить, как кошка, свой собственный хвост, безнадежно путаться и противоречить себе на каждом шагу, лгать и клеветать, мобилизовать всю «гамму» самой бесшабашной и безответственной демагогии—такова «сущность» и «форма» проявления экономических воззрений оппозиции.

[1]) И. Хавин—Матер. полож. рабочих в СССР. «Спутник Коммуниста», № 15 (48), 1927 год.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ

АРХИВ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА. Под редакцией Д. Рязанова. Книга третья. М. 1927 г., стр. 519.

Выход в свет каждого нового тома «Архива» представляет собой крупное событие в мире марксистской науки. Третья книга не уступает в этом отношении своим предшественницам. В небольшой заметке нет, конечно, возможности охватить все богатое ее содержание. Мы имеем перед собой, как обычно, во-первых, исследовательские работы, которым отведен первый отдел «Архива». Статья А. Деборина, посвященная философским воззрениям Фихте, показывает, какое место занимает этот мыслитель в ряду других представителей классической германской философии и подробно останавливается на тех сторонах его учения, которые содержат в себе элементы диалектики.

К философии Фихте в первую очередь приложима та оценка преимуществ идеализма перед старым до-фейербахианским материализмом, которую в свое время дал Маркс. Старый материализм «рассматривал действительность, предметный, воспринимаемый внешними чувствами мир лишь в форме об'екта или в форме *созерцания*, а не в форме *конкретной человеческой деятельности*, не в форме практики, не суб'ективно. Поэтому *деятельную* сторону, в противоположность материализму развивал идеализм». У Фихте мы и находим с особой силой подчеркнутое, выдвинутое на первый план активно-деятельное суб'ективное начало. Но оно понимается им как и всеми идеалистами отвлеченно, т.-е. не в форме конкретной человеческой деятельности, но в форме чистого мышления, которое создает внешний мир как свой об'ект. Если старый материализм утверждал конкретную предметность внешнего мира, то он не находил в ней места деятельной суб'ективной стороне отношения человека к этому миру; идеализм же в лице Фихте возводил суб'ективное, творческое начало на недосягаемую высоту, но лишал его, а заодно и всю об'ективную действительность конкретно-предметного значения. Весь мир, вся совокупность явлений есть, по Фихте, нечто «мыслимое», оно возникает как об'ект, благодаря творческой деятельности сверхопытного «чистого я».

Положительная сторона философии Фихте заключается в том, что он исходит из понятия становления и кладет в основу генетический метод. В особенности же плодотворен применяемый им диалектический принцип об'единения единства и противоположности. Но эти положительные стороны его философского учения обесцениваются идеалистическим отрицанием реальности мира и суб'ективно идеалистическим истолкованием развития, при котором саморазвитие мышления означает одновременно становление бытия.

Работа Деборина вводит читателя в круг этих кардинальных проблем, имеющих не только историко-философское, но и актуально-философское,—если так можно выразиться—значение.

Другая статья «Архива», посвященная истории восстания лионских ткачей 1831 г. Автор, известный историк Е. Тарле, на основании нового архивного материала дает абсолютную картину этой первой грозной схватки труда и капитала, открывшей столетие классовых битв пролетариата. В статье подробно освещены экономические условия, вызвавшие лионские события, невероятная нищета и эксплоатация лионских шелковых ткачей, тактика капиталистов «раздатчиков шелка» и французского правительства. Лионское восстание, поднявшееся под лозунгом «жить работая или умереть сражаясь», обнаружило одновременно колоссальную силу пролетариата, впервые появившегося на мировой исторической арене как самостоятельный революционный класс со своими особыми требованиями. Но это же восстание обнаружило и его слабость, выразившуюся в отсутствии какой бы то ни было политической программы. Ненависть к эксплоататорам и их непосредственным защитникам сочеталась у многих рабочих с доверчивым отношением к июльской монархии. Движение не выдвинуло никаких политических требований, что и дало повод тогдашнему премьер-министру Франции Казимиру Перье с удовлетворением заявить, что «это *только* война бедных и богатых». Представитель господствовавшей тогда во Франции плутократии не подозревал, какой роковой для буржуазии смысл скрывается в этой его оценке. Лионское восстание положило историческую грань в развитии рабочего движения не только во Франции, но и во всем мире. Е. Тарле совершенно прав, когда он проводит аналогию между лионскими событиями и 9 января 1905 г., сыгравшем такую же роль резкого переломного момента в истории русского рабочего движения.

Не менее интересны и содержательны другие отделы третьей книги «Архива». Мы не имеем здесь возможности останавливаться на ценнейших библиографических обзорах, которые знакомят читателя с новейшей литературой по целому ряду проблем философии, социологии, политической экономии и истории.

Из помещенных в третьей книге материалов и сообщений следует отметить письма М. А. Бакунина к революционеру—однодневке Альберу Ришару, который вскоре оказался ренегатом и предателем. Эта переписка не только прибавляет новые черточки к истории борьбы Бакунина против руководимого Марксом I Интернационала (кстати сказать, черточки, рисующие Бакунина не в очень-то выгодном свете), но и содержит в себе чрезвычайно интересные идеи Бакунина о социальной революции, о разрушении в ее процессе буржуазной государственной машины, о революционной инициативе трудящихся масс, самостоятельно с разных сторон начинающих строить новое общество и т. д. Ю. Стеклов в своем введении совершенно справедливо указывает, что в этих планах Бакунина, относящихся к 70 годам, можно найти отдельные места, являющиеся гениальным предвидением действительного хода социальной революции, как она разыгралась на наших глазах в октябре. Характерно, что Бакунин, сознавая необходимость сильной и сплоченной организации, которая могла бы возглавить революцию, договаривается даже до слова диктатуры (хотя, вообще, как анархист, он, конечно, отвергает самое завоевание политической власти и вытекающую из нее идею диктатуры пролетариата). Но это должна быть, по его мнению, «коллективная незримая диктатура» членов Альянса, т.-е. тайной организации, которую создавал Бакунин. Им он отводил роль «незримых лоцманов среди народной бури», носителей «диктатуры без шарфов, без титулов, без официального права, но тем более могучей, что она не будет иметь никаких внешних отличий власти». Как бы туманны и анархически

беспочвенны ни были эти рассуждения,—для будущего историка идеи революционной диктатуры они представят несомненный интерес.

Совершенно исключительное значение для каждого занимающегося теорией марксизма имеют опубликованные в третьей книге «Архива» материалы литературного наследства К. Маркса. На этот раз речь идет о рукописи, посвященной критике гегелевской философии права и о подготовительных работах для «Святого семейства». Первый документ, к сожалению, сохранившийся неполностью, представляет собой критический разбор тех параграфов гегелевской философии права, которые посвящены государству. Рукопись относится к периоду апрель—сентябрь 1843 г. и ближе всего примыкает по содержанию развиваемых там мыслей к известным статьям Маркса в «Немецко-французских Летописях: «Введение к критике гегелевской философии права» и «К еврейскому вопросу». Это был, следовательно, период, когда Маркс, с одной стороны, начал, опираясь на Фейербаха, критический поход против умозрительной философии Гегеля, которая «полагает сущность природы вне природы, сущность мышления—вне акта мышления». А, с другой стороны, идя дальше Фейербаха, он связал вопрос о человеческой эмансипации с вопросом об эмансипации пролетариата. Этот вывод Маркс делает в своем знаменитом введении к критике гегелевской философии права, которое поэтому т. Рязанов совершенно справедливо считает более зрелым произведением, хотя оно и было опубликовано раньше статей «К еврейскому вопросу». Публикуемая ныне рукопись, теснейшим образом примыкающая к этим двум работам, дает возможность глубже проникнуть в лабораторию мысли К. Маркса в один из самых интересных моментов его духовного развития. Критическая задача Маркса по отношению к гегелевской философии права являлась двоякой. Лево-гегелевское крыло, к которому принадлежал Маркс, когда он входил в состав редакции «Рейнской газеты» (1842—43 г.) стремилось, во-первых, выявить радикальные элементы в учении Гегеля и противопоставить их правому гегельянству, защищавшему религию, прусскую монархию и вообще отсталые политические порядки Германии. Во-вторых, задача заключалась в критике логического мистицизма Гегеля, его спекулятивного мышления, которое исходило не из эмпирической действительности, не из фактов, но из идеи, т.-е. из гипостазированной абстракции и провозгласило действительное развитие мистическим результатом, предопределенным развитием идеи. На целом ряде примеров Маркс показывает как Гегель, беря конкретно-эмпирические «конечные» явления, тщетно пытается изобразить их как формы проявления абсолютной идеи. Для правильного понимания отличия материалистической диалектики Маркса от гегелевского мистицирующего идеализма страницы опубликованной ныне рукописи дают необычайно много.

Маркс в этой работе еще остается верен гегелевскому взгляду на государство, согласно которому цель последнего есть всеобщий интерес, как таковой. Но в то время, как Гегель выступает в своей философии права защитником отсталых полу-феодальных институтов монархии, сословного бюрократического устройства власти, врагом идеи народного суверенитета и революционных изменений государственной конституции (см. в особенности § 298 «Философии права», посвященный законодательной власти),—Маркс противопоставляет этой убогой политической доктрине те выводы, которые логически вытекали из философско-правовых предпосылок самого Гегеля. Эти взгляды Маркса представляют собой те крайние пределы буржуазно-революционной демократической доктрины, на которых нельзя удержаться, не сделав следующего шага в сторону пролетарского социализма. Особенно отчетливо это видно

на тех рассуждениях Маркса, которые представляют собой апофеоз демократии: «Демократия есть государственное устройство, как родовое понятие... Демократия есть разрешенная *загадка* всех форм государственного устройства... демократия есть *сущность всякого государственного устройства*, обобществленный человек, как особая форма государственного устройства» (Архив стр. 164). Все эти определения Маркса при ближайшем рассмотрении, оказывается, относятся не к реально существующей буржуазной демократии, напр., к Северной Америке, где «собственность и т. д., словом все содержание права и государства зиждется... за некоторыми исключениями на тех же основаниях, как и в Пруссии», но к той высшей форме общежития, в которой *исчезает политическое государство*. Речь идет следовательно о той человеческой эмансипации, о которой Маркс говорит в статьях к «Еврейскому вопросу» и которая может осуществиться только на эмансипации пролетариата.

Но не только с точки зрения этих основных и общих вопросов представляет интерес опубликованная ныне рукопись. В ней мы не только находим ценные свидетельства о путях идейного развития самого Маркса, она дает также не мало интереснейших мыслей, которые должен использовать каждый марксист, занимающийся теорией и историей права. Укажу как на один из примеров на блестящую характеристику майората, этой феодальной формы, при которой «землевладение выступает, как субстанция, а владелец, как акциденция», при которой «суб'ектом является вещь, а об'ектом—человек».

Среди подготовительных заметок для «Святого семейства», особенный интерес представляет анализ различных форм коммунизма и глубокое философское определение высшей формы коммунизма. Последняя заключает в себе, по Марксу, уничтожение частной собственности «происходящее сознательным образом и с сохранением всего богатства прежнего развития». Это—«возвращение человека к себе как к общественному человеку». Это «истинное решение спора между человеком и природой и человеком и человеком».

Таково в общих чертах содержание третьего тома «Архива Маркса и Энгельса». Читатель видит, что мы имеем дело с новым ценнейшим вкладом в марксистскую теорию.

Е. Пашуканис.

Буржуазный „Мессия".

О книге «Mussolini Lebensgeschichte» Nach autobiografischen unterlagen von Margarita Sarfatti. Paul List. Verlag Leipzig, 1926 года.

Пришествие в мир.

«Знаете, я совершенный невежда, я ничего не знаю. Я ничего в себе не замечал. Прошлое меня не интересует, оно для меня не существует, я стремлюсь только к будущему».

Так непомерно скромно писал о себе человек, ставший впоследствии по свидетельству своего ближайшего сотрудника и интимного поверенного «больше, чем законодателем», «больше, чем вождем», ставший «спасителем своего народа».

Но это только скромность, свойственная «величайшему» деятелю послевоенного времени. И он сам, и биограф этой «гигантской» в истории фигуры, чей масштаб исторического влияния мог, по убеждению биографа, единственно поспорить с огромным всемирно-общественным значением Ленина, прекрасно знали, что уже появление на свет «спасителя своего народа» было отмечено божественным перстом.

В краткой, но выразительной записи самого «спасителя» мы читаем по этому поводу следующее:

«Я родился в воскресенье, в два часа пополудни. Солнце уже восемь дней было у созвездия Льва».

Это воскресенье пришлось на 29 июня 1883 г. Биограф сообщает, что был знойный летний день. На полях созревали колосья, колокола возвещали праздник. А, ведь, даже Гете, напоминает биограф, верил в народную примету, что воскресных детей ждет особенная судьба!

Может ли итти в какое-нибудь сравнение с этим обилием указаний и примет на рождение необыкновенного человека, легендарная вифлиемская звезда! И щедрое полновесными плодами земли время года, и воскресный день, и ликующий звон колоколов, и застывшее в напряженном ожидании у созвездия Льва (Льва, а не какого-нибудь Рака или Козерога) солнце—все предвещало исключительное рождение.

Оно «совершилось». Необыкновенный мальчуган уже на четвертом или пятом году жизни начал учиться читать библию и скоро стал бегло читать. Отдавая его на воспитание в иезуитскую коллегию, его мать, умоляя принять своего первенца, говорила: «можно надеяться, что из него что-нибудь получится». Цензор коллегии вступающего в нее мальчика встретил словами: «Это, наверное, живой ребенок». Все эти мелочи, которые должны были отметить выдающегося ребенка из числа заурядных детей, трогательно записаны в биографии в назидание потомству.

И, наконец, когда мальчик превратился в общественного деятеля, «старый революционер» сказал о нем:

«Это человек с большим будущим, мы о нем еще много услышим; он будущий вождь партии».

Солнце не напрасно стояло у созвездия Льва, воскресный звон колоколов не напрасно приветствовал рождение мальчугана.

В мир пришел Бенито Муссолини.

«У каждого человека свой стиль».

«Ребенок, как этот маленький Бенито,—пишет биограф Муссолини, Маргарита Сарфатти — уже содержит в себе зародыш будущего человека».

Зародыши эти обнаружились чрезвычайно рано. Сарфатти приводит ряд характерных эпизодов.

Прибитый большим мальчиком, Бенито с плачем пришел домой. Отец на это сказал, что нельзя давать себя бить, даже большему и при этом ударил его. Пощечина—повествует Сарфатти—осушила слезы. Бенито заострил камень и ждал случая. Мальчишка забыл о драке. Как-то Муссолини наскочил на него и стал его бить камнем до тех пор, пока не потекла кровь. Этот эпизод—умозаключает Сарфатти—дал ему понятие о добре и зле.

Восторженная почитательница Муссолини сообщает, однако, такие факты, которые позволяют с полным правом утверждать садистические наклонности буржуазного «Мессии».

Она отмечает всеподчиняющее влияние острого взгляда Муссолини. Особенно действовал он на одну семилетнюю девочку, красавицу. Ее Муссолини больше других любил пугать, при чем он терпеть не мог, когда от испуга вскрикивали.

«Поцелуй меня, Мариэтта!»—приказывал маленький Бенито и Мариэтта подчинялась.

Он тянул ее за косу, играя в лошадки и вдруг, внезапно прогонял. Ему быстро надоедали все игры.

Из коллегии Бенито дважды исключали. Месяцами спокойный, он иногда срывался с цепи, затевал без всякой причины драки, нещадно колотил соучеников и потом являлся вместе с матерью просить у них прощения. Любил терроризировать школьников.

Зародыш превращался в стиль. Физическое воздействие на окружающих занимает большое место и в жизни взрослого Муссолини.

В Толмеццо он снимал комнату у молодой хозяйки дома. Жениху хозяйки Муссолини не импонировал, вследствие чего между ним и невестой происходили недоразумения. В один из очередных скандалов Муссолини вмешивается, бросив тяжелым столом в жениха и обработав к тому же его кулаками.

В том же Толмеццо, где он учительствовал в 1907—08 гг., осталась память о Муссолини и как о педагоге. Сарфатти передает, что во время занятий Муссолини был нетерпелив, бросал на учеников молниеносные взгляды, давал пощечины и т. д.

«Его помнят там,—пишет Сарфатти,—под прозвищем «Тирана». Характерно, что и находясь в эмиграции в Люцерне, Муссолини подрался с молодым рабочим.

«У каждого человека свой стиль»—заключим мы вместе с ней.

«Рожден повелевать».

Обожествляющая Муссолини Сарфатти, его солдафонские манеры об'ясняет рыцарскими побуждениями. Расправляясь мордобоем с представителями «сильного пола», Муссолини, в ком был силен, по Сарфатти, инстинкт рыцарства, предоставлял животным, женщинам и детям, как слабым и беззащитным существам, покровительство сильного. Да, ведь, и фашизм в трактовке автора есть «самый молодой рыцарский орден».

Угрюмый, недружелюбный Муссолини чувствует огромную привязанность к животным (в категории слабых и беззащитных и у Сарфатти они поставлены на первое место). Он дружит с сычами, грустит при расставании с чижем, будучи вождем фашистов, ласкает лису и особенно дружит с подаренной ему львицей (вспомните созвездие Льва), которую посещает в ее клетке в зоологическом саду и увековечивает свои визиты к ней двумя фотографиями.

Муссолини аскет. Он довольствуется минимумом. Его любимое кушанье—оладьи, он может вынуть из чашки супа за хвост мышенка и продолжать есть. Но он «аристократический плебей», поэтому одновременно в ресторане его может не удовлетворить недостаточно отполированный стакан. Он может спать на жестком ложе, он не курит и не пьет... впрочем, автор забыл о сообщенных ранее эпизодах, когда Бенито Муссолини вместе с отцом напивались до такой степени, что не могли добраться до постели и засыпали тут же за столом, свесив головы на руки.

Но не эти качества делают Муссолини «спасителем своего народа». Муссолини сверх-человек! Некоторым подобием ему является Наполеон Бонапарт с его «необыкновенным прилежанием», недружелюбием и «безграничным честолюбием». Для Муссолини, как и для Наполеона, власть—все. В качестве сверх-человека Муссолини считает необходимой задачей создание новых людей, закаленных на войне, не боящихся ни бури, ни пропастей, ни глетчеров. Фашизм именно и воспитывает, по его утверждению, таких людей. Пока же народ пребывает в детском состоянии, для него Муссолини выдвигает следующее положение:

«Широкие массы, призванные строить новое государство, должны гораздо меньше знать, чем верить».

«Так, например,—поясняет Муссолини,—для того, чтобы быть христианином, вовсе не надо прочесть и понять всю теологию, так же можно быть выдающимся социалистом, не зная основ социалистической литературы».

Но божественный, мессианский характер фигуре Муссолини придает та неведомая сверх-естественная сила, которая руководит, по его собственным словам, его действиями:

«Я не могу это изменить, я как зверь, я предчувствую погоду. Если я следую инстинкту, я никогда не ошибусь».

Вообще,—говорит Сарфатти,—он уделяет невесомому (Imponderabil) очень много места в предугадывании событий, и, может быть, потому он так редко ошибается. Одной логики недостаточно так же, как и фантазии.

И дважды Сарфатти повторяет: Муссолини живет такой интенсивной жизнью, что в настоящем совершенно отчетливо видит будущее; для него будущие события уже существуют.

Любовь к буржуазному отечеству достигает у Муссолини такой силы, что для него существует только Рим, Рим—мать и возлюбленная.

«Может быть, к этому,—пишет Сарфатти,—его звал внутренний голос, сходный с теми голосами, которые Жанна Д'Арк слышала в своем саду в Домреми».

Сверх-человек, волею высших сил, предопределенный для спасения буржуазного отечества, таков Муссолини, по его собственным словам и по свидетельству его безвольного биографа.

Нужно ли говорить о том, что человек, вдохновляемый божественной интуицией, не нуждается в жалких потугах человеческой мысли, теоретических доктринах или направлениях.

Реакция или революция,—сообщает Сарфатти,—для Муссолини только направление.

«Я буду последователем,—говорил он,—всего того, что возвеличивает итальянский народ, и все, что унижает, обезображивает и пятнает итальянский народ, найдет во мне врага».

В другой раз вождь фашизма заявил: «Фашизм не есть совокупность теоретических доктрин, так как всякая система является обманом, всякая теория—тюрьма».

Вдохновение, предчувствие, инстинкт и ясновидение—какие еще качества нужны для крупнейшего вождя современной, все более теряющей под ногами почву, буржуазии!

А этими качествами, как мы узнаем у Сарфатти, Муссолини в избытке был наделен на всех этапах своей жизни. И именно они позволяют биографу Муссолини заключить:

«Сцена увеличивается, декорация изменяется, одна душа героя остается прежней,—ибо он рожден повелевать».

Кладезь премудрости и подвигов.

Было бы утомительно перечислять исключительные качества Муссолини. Сарфатти потребовалось для этого написать огромную в триста с лишним страниц, книгу. Укажем только, что Муссолини впитал лучшие качества Маккиавели, Гарибальди, Кристи (как известно, предавшего в свое время Гарибальди), Наполеона и т. д., индивидуализм Шопенгауэра, Ницше, Макса Штирнера, идеализма Бабефа и Боунаротти.

И восторгающаяся своим идолом Сарфатти и «скромный», не любящий заглядывать в прошлое, Муссолини цинично конкурируют в книге самой беззастенчивой рекламой.

В бытность в эмиграции, в Ивердоне (1902 г.), Муссолини работал в качестве подручного каменщика. Ему приходилось «сто двадцать один раз (120 и о д и н!)» подыматься с наполненными камнями тачкой на второй этаж. Ночевать приходилось в сарае.

Однажды пришлось не есть «двадцать шесть часов (на целых два часа больше суток. Ужас!)». Уже мелькали мысли о самоубийстве. Но вот Муссолини утолил голод и записывает: «Когда прошел голод, вернулось мужество».

Какая зияющая бездна пережитого, какие испытания и сколько величественного «героизма». Как должен умиляться итальянский рабочий этой ничтожной страничке жизни современного вождя подыхающего капитализма.

Впрочем, впоследствии сам Муссолини находил, что эти испытания были необходимы [1]).

И действительно, они были необходимы и именно для того, чтобы кусочком своего прошлого ослеплять и одурачивать сознание масс.

Муссолини на фронте. Двадцать метров отделяли итальянцев от противника. Муссолини повествует:

«Моей специальностью было поймать ручную гранату и до того, как она взорвется, бросить ее обратно. Опасная игра. Но мне всегда удавалось ловить гранату и бросать ее обратно».

Измышления барона Мюнгхаузена бледнеют перед подвигами Муссолини.

Муссолини оригинален. Он деловит, немногословен. На дверях его комнаты в редакции фашистской газеты «Popolo d'Italia» была прибита карточка с надписью: «Кто войдет, окажет мне честь, кто не войдет, доставит мне удовольствие».

Муссолини величественен: «Сильный, непреклонный, приветствует он по римски вытянутой рукой, проходящие когорты своей милиции».

Муссолини...

Но довольно.

Подыхающий буржуазный мир, раздираемый катастрофическими социальными противоречиями, на краю собственной могилы, нашел своего идола. Но как жалко выглядит этот мессианствующий герой эпохи глубочайшего упадка буржуазной культуры.

Наука выпадает из рук буржуазии. Она выносит ей смертный приговор. Она предсказывает гибель буржуазного общества. Буржуа поворачивается к ней спиной и обращает свои взоры к религии, мистике, спасительной интуиции. Лучшей иллюстрацией этого является растущий в странах капитализма клерикализм, преследование и изгнание науки из школ и университетов. На ряду с идеологическим развращением буржуазия использует огромную силу своего материального преимущества и господствующего положения. Методы идеологического развращения оказываются все менее действительными и постепенно уступают методам непосредственного физического подавления.

И в этом отношении Муссолини является только отражением современного состояния буржуазной культуры, персонификацией ее наиболее типичных черт. Он является ее созданием.

Муссолини и фашизм.

Но что же делает Муссолини наиболее типичным, наиболее ярким вождем современной буржуазии. Чем отличается герой буржуазной эпохи от других достаточно ярких ренегатов социализма, которыми так богата эпоха II Интернационала и в рядах которых мы имеем такие имена, как Мильеран и Бриан, Носке и Шейдеман, Макдональд и Гендерсон или блаженной памяти Самюэль Гомперс? Как ни велико предательство героев II Интернационала, они все же не изобрели пороха. Они являются только обычными п р о в о д н и к а м и буржуазной политики, использующими свой былой или еще существующий авторитет в отсталых кругах, тогда как сын кузнеца, народный учитель и каменьщик, бывший редактор «Popolo d'Italia» внес то новое в методы эксплоатации и утверждения буржуазного господства, что составляет эпоху в буржуазной политике.

Муссолини—герой послевоенной эпохи.

Когда итальянская буржуазия, завершившая победоносную войну, стояла перед проблемой восстановления капиталистического хозяйства, в более других пострадавшей стране, когда необходимо было довести до максимума эксплоатацию рабочего класса и отвлечь его от революционного пути, эту задачу блестяще разрешил Муссолини.

С десятком других ренегатов из итальянской Социалистической Партии весной 1919 года он организует в Милане первый фашистский союз «Итальянский союз товарищей по борьбе».

Выступления первого союза казались революционными. Союз требовал созыва национального собрания, для разрешения вопроса о государственном строе, восьмичасового рабочего дня, контроля над производством, конфискации 85% военных прибылей и т. д., и т. д.

Но вооруженное выступление фашизма, то, что придало специфический смысл фашизму, относится только к концу 1920 г.

Фашизм взращен в значительной степени предательством реформистских вождей, приведших к поражению итальянский рабочий класс в 1920 г.

Разочарованные тактикой реформистов, рабочие стали постепенно входить в фашистские организации. Этому, впоследствии, содействовало значительно и то, что на производство принимались только рабочие, члены фашистских профсоюзов.

В 1921 г. фашисты организовали свой первый с'езд, а с 1922 г. фашизм стал правительственной партией, а вождь фашизма—премьер-министром.

С этого времени вооруженные методы управления стали душой фашизма. Но именно с этого же времени начинается идеологическое банкротство фашизма, а насилие становится его главной основой.

---

[1]) По свидетельству Джулио Аквила («Фашизм в Италии», изд. «Кр. Новь». 24 г.), вождь фашистов любил подчеркивать. «Я зарабатывал хлеб своими руками, я был подносчиком и каменщиком. В чьей биографии есть такие незабываемые страницы, тот не может быть назван врагом рабочего класса. Я враг только тем людям, которые желают мистифицировать и обманывать пролетариат».

«... Ты так изменил программу 1919 года,—писал Муссолини председатель первого фашистского с'езда, Эдоардо Фрозини,—что теперь защищаешь тех, кого прежний фашизм поклялся уничтожить в первую голову. Ты бросился в об'ятия тех самых людей, с которыми хотел бороться, и фашизм стал синонимом буржуазной и монархической реакции».

Если на первой ступени своего развития, благодаря прямому обману масс «революционными» лозунгами, фашизм стал массовым движением с участием рабочих и крестьян, то на второй своей ступени он достаточно ярко обнаружил подлинный смысл и значение этого движения, которое стремилось обеспечить господство капитализма, на основе отречения рабочего класса от собственных интересов и задач.

Это стало достаточно ясным и фашизм постепенно превращался в классовую организацию итальянской буржуазии.

Таким образом, фашизм и его вождь является подлинным порождением послевоенной эпохи.

Собственно и в качестве социалиста он обнаруживал свою оппортунистическую природу. Еще тогда он обвинял итальянскую буржуазию в оппортунистическом характере ее национализма, в забвении подлинных границ Италии, в забвении того, что в Триенте говорят по-итальянски.

В эпоху войны Муссолини становится агитатором похода против «северных варваров», а после нее апостолом величия буржуазной Италии.

В этом смысле Муссолини проделал обычный путь предателей рабочего класса.

Муссолини вознесся не в силу так называемых исключительных качеств «сверх-человека», а в силу предательства реформистами движения итальянского пролетариата, поражения его в 1920 г. и растерянности буржуазно-помещичьих кругов.

Задачи восстановления капиталистического хозяйства за счет рабочего класса, которые в наиболее острой форме стояли перед итальянской буржуазией, должны были привести и привели к методам оголтелого насилия. В массовом масштабе, в его специфических формах, оно впервые было применено в Италии и именно это делало и делает Муссолини, вождем и апостолом фашистского движения.

Фашизм не только не устраняет, но обостряет социальные противоречия и в этом таится неизбежный крах этого движения.

Нельзя не отметить того, как блестяще умеет буржуазия использовать свою силу материальных возможностей и идеологического влияния.

В то же время у нас, на десятом году пролетарской революции, подлинный идеолог и вождь ее—Ленин, единственно и подлинно всемирно-исторического масштаба фигура, все же еще не нашла достаточно яркого отражения в нашей литературе.

Разрозненные статьи, воспоминания, на дешевой бумаге и в небрежных технически брошюрах—вот все, что мы имеем в нашей литературе о Ленине.

На книгу, посвященную Муссолини, приятно посмотреть. Высокого качества бумага, исключительно прочный переплет, безупречная брошюровка, яркие, умело подобранные иллюстрации, крупный четкий шрифт.

Все это делает ее легкой и приятной для чтения, позволяющей без особого напряжения усваивать ту умственную пищу, которой современная буржуазия вскармливает собственных слуг.

Книга предназначена для юношества, которому Муссолини ставится в пример.

Одна характерная страница.

В книге, на отдельной странице, два автографа Муссолини. Один, когда он был каменщиком, другой, когда он стал премьером. В эти автографы вложен весь жизненный путь Муссолини. Он должен маячить перед глазами неискушенного читателя, как заманчивый путь человека «из низов».

Да и в самой книге автор, захлебываясь от восторга, подчеркивает обеды бывшего «каменщика» в королевской семье.

Если бы мы так умели воспитывать борцов за коммунизм, как умеет буржуазия развращать молодое поколение!

М. Глебов.

От редакции.

В напечатанной в № 17 «Большевика» рецензии тов. К. Ташина на брошюру тов. А. П. Серебровского «Рационализация производства и новое промышленное строительство СССР» допущена существенная ошибка.

Автор рецензии, между прочим, критикует следующее положение, как положение, выдвинутое т. Серебровским.

«Специализация и стандартизация производства, являясь основным методом рационализаторских мероприятий, не исключает применения ряда других, *которые могут дать менее реальный результат*».

В тексте же брошюры сказано как раз обратное: . . . «которые могут дать *не менее* реальный результат».

Недосмотр породил, таким образом, критику такого положения, которое т. Серебровским совсем не выдвигалось.

Поэтому *эту* часть критики нужно признать излишней, равно как и вывод, что *«такого рода* «советы» не организуют, а дезорганизуют хозяйственников».

Считая, далее, правильной критику *теоретических* ошибок т. Серебровского, данную т. К. Ташиным в его рецензии, редакция не отрицает того факта, что данная брошюра заключает ряд полезных сведений хозяйственного порядка и что после существенной переделки схемы и теоретической части брошюры, последняя будет иметь необходимое основание для распространения ее среди партийных работников вообще и хозяйственников в частности и в особенности.

Редакция: В. Астров. Н. Бухарин. В. Молотов. А. Слепков. Е. Ярославский.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 19—20 31 ОКТЯБРЯ

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП (б)

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 7
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 19—20 31 ОКТЯБРЯ

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП (б)

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 7
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

Главлит № А—1379 Москва. Тираж 90 000 экз.
Тип. Изд-ва „Правда" и „Беднота". Яузский м., Серебрянич. наб., 23/а

Октябрьский пленум ЦК и ЦКК.

Октябрьский об'единенный пленум ЦК и ЦКК происходил в обстановке нарастания некоторых трудностей, связанных с обострением военной опасности. Само собой разумеется, что пленум должен был остановить и остановил внимание партии на этих новых затруднениях и на путях борьбы с ними. Однако, пленум не мог за этими кон'юнктурными явлениями проглядеть больших итогов нашего хозяйственного развития и задач политики партии, намечаемых на период реконструкции нашего хозяйства, в который мы вступили и который лежит перед нами.

Пленум, собравшийся ко времени 10-летнего юбилея советской власти, должен был подвести итоги десятилетнего развития пролетарской диктатуры, подвести основные балансы, а также очертить и те особенности классовых соотношений и политики пролетарской диктатуры, которые характерны для настоящей полосы.

Пленум отметил несомненные успехи социалистического строительства за истекшую полосу, подчеркнув тот факт, что в процессе борьбы различных хозяйственных форм наибольший успех падает на социалистический сектор нашего хозяйства, на обобществленные формы хозяйства СССР, что *социализм ведет в СССР победоносное наступление на капитализм.*

Как на одно из проявлений успеха социалистического развития, пленум указал на *рост планового воздействия командных высот пролетарской диктатуры на все хозяйство в целом.* Уже один тот факт, что на обсуждение с'езда впервые ставится вопрос о пятилетнем плане развития народного хозяйства, о плане развития хозяйства *на ряд лет*, свидетельствует о росте элементов плановости в хозяйственном развитии СССР.

В «Директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства», принятых пленумом, прежде всего подчеркивается этот факт роста плановости в хозяйственном строительстве.

> «Если в начале новой экономической политики государственная промышленность почти бездействовала, в области товарооборота государственные и кооперативные органы сами прибегали к частному посредничеству, а частный капитал, имея все преимущества быстрого оборота, играл относительно крупную роль, то *на пороге перехода от восстановительного*

к реконструктивному строительству социалистическая промышленность и другие командные высоты играют уже решающую и ведущую роль во всем народном хозяйстве, государственная и кооперативная торговля обнимает собой подавляющую часть общего товарооборота страны, *обобществленный сектор народного хозяйства определяет собой общее направление развития*, вытесняет частный капитал, беря на буксир и постепенно преобразуя хозяйство простых товаропроизводителей-крестьян».

В «Директивах» указывается, что предпосылкой усиления плановости является укрепление нашей социалистической промышленности и всех командных высот пролетарской диктатуры. «Город» начинает играть в развитии всего народного хозяйства в целом все более решающую роль.

«Сколько бы мелкобуржуазные демократы, называющие себя социалистами и социал-демократами (Черновы, Мартовы, Каутские, Лонгэ, Макдональды и К°),—заявлял Ленин в 1919 г. в статье «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата»,—ни разбивали себе лба перед богинями «равенства», «всеобщего голосования», «демократии», «чистой демократии», или «последовательной демократии»,—от этого не исчезнет экономический и политический факт *неравенства* города и деревни. Это—факт неизбежный при капитализме вообще, при переходе от капитализма к коммунизму в частности.

Город не может быть равен деревне. Деревня не может быть равна городу в исторических условиях этой эпохи. *Город неизбежно ведет за собой деревню*. Деревня неизбежно *идет за городом*. Вопрос только в том, *какой класс* из «городских классов» сумеет вести за собой деревню, осилить эту задачу и какие формы это руководство города примет».

Десять лет назад в России у власти стал пролетариат, т.-е. такой класс из «городских классов», который «ведет за собой деревню» под знаменами борьбы с эксплоататорами разных видов. Десять лет существования советской власти показали, что в этой обстановке «перехода от капитализма к коммунизму» так же, как и при капитализме, «город ведет за собой деревню». Но деревню ведет уже *пролетарский* «город», строящий социализм, преодолевающий капитализм.

Разница между руководством буржуазного «города» и пролетарского «города» заключается не только в том, что первый тянет деревню к капитализму, а второй, борясь с капитализмом, выводит широкие массы трудящегося крестьянства на путь социалистического развития. Разница заключается также и в том, что пролетарский город, выводя деревню на путь социалистического развития, руководит ею, по мере укрепления своей диктатуры, во

все более *плановом* порядке в то время, как буржуазный город реализует свою руководящую роль в процессе *стихийной* борьбы экономических факторов.

В тезисах пленума «О работе в деревне» указано, что рост удельного веса пролетарского «города» во всей системе социально-экономических и политических отношений нашей страны дает теперь возможность перейти к более систематическому *плановому* воздействию пролетарского «города» на деревню.

«С точки зрения классов,—читаем мы в тезисах,—партия может констатировать рост и консолидацию пролетариата, укрепление, на основе решений XIV конференции и XIV с'езда, его союза с середняком и усиливающееся наступление на частный капитал. Одновременно этот процесс сопровождался ростом сельскохозяйственной продукции, организацией бедняцких групп, повышением организованности батрачества, оживлением советов и возрастающим—в новых условиях—отпором кулачеству. *Эти предпосылки создают возможность более широкого охвата кооперацией бедняцких и середняцких слоев деревни, дальнейшего усиления планового воздействия на крестьянское хозяйство и более решительного наступления на кулака на основе достигнутых успехов по закреплению союза пролетариата и деревенской бедноты с середняком*».

Если в предшествующий период мы не могли охватить в сколько-нибудь значительной мере нашим воздействием деревню, то теперь на основе наших достижений, на основе укрепления позиций пролетарского «города», мы входим в полосу более широкого, значительного и систематического планового влияния на процессы развития советской деревни.

В тесной связи с этим фактом усиления планового руководства деревней со стороны пролетарского государства стоит решение пленума об *усилении нажима на капиталистические элементы*. XIV партийная конференция и XIV партийный с'езд, как известно, решили провести ряд мероприятий по урегулированию отношений между городом и деревней, смысл которых заключался в дальнейшем развязывании товарооборота и ликвидации военно-коммунистических пережитков в деревне.

«В области экономической политики,—читаем мы в резолюции XIV партконференции о партийном строительстве,—*необходимо развязывать по возможности хозяйственный оборот во всех отраслях хозяйства*, в том числе и в деревне. Это должно происходить при условии, что экономические высоты уже находятся в руках пролетариата и действительно укрепляются. *Элементы капитализма*, которые *в ближайшие годы будут неизбежно нарастать*, будут преодолеваться средствами экономической борьбы и растущим кооперированием основной массы крестьянства. *В результате более бы-*

строго товарооборота будет расти и темп накопления во всем народном хозяйстве и все больший абсолютный и относительный рост социалистических элементов хозяйства».

В обстановке, предшествовавшей XIV партийной конференции, наблюдалось несомненное ухудшение отношений между пролетариатом и основной середняцкой массой крестьянства. Это ухудшение, которое было трезво и спокойно учтено партийным руководством и всей партией в целом и было предпосылкой решений, принятых на XIV партийном с'езде, привело тогда кое-кого из теперешних вождей оппозиции в паническое состояние. Известно, что тов. Зиновьев, напуганный ростом недовольства в среде крестьянства, предлагал пойти тогда на такие уступки крестьянству, на которые не пошло большинство партийного руководства и не пошла партия.

За время, прошедшее с тех пор, партия и советская власть достигли несомненных успехов в деле укрепления смычки пролетариата, опирающегося на бедноту, с середняком. Устранение пережитков военного коммунизма, политика развязывания товарооборота, политика «оживления советов» и т. д. внесли в деревню несомненное успокоение. Общий баланс изменения классовых соотношений сложился, в результате проведения этих мероприятий, в нашу пользу: для развития отношений в этот период бесспорно является характерным «все больший абсолютный и относительный рост социалистических элементов хозяйства», на который указывала в приведенной выше цитате из резолюции XIV конференции наша партия. Вместе с тем, однако, оправдалось и указание конференции на то, что «элементы капитализма в ближайшие годы будут неизбежно нарастать».

Теперь, накануне XV с'езда, пленум, учитывающий результаты социально-экономического развития со времени XIV партконференции и XIV партс'езда, предлагает партии, опираясь на усилившиеся позиции диктатуры пролетариата, начать более энергичное наступление на капиталистические элементы.

> «*Решения XIV конференции и XIV партс'езда*,—указано в «Директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства»,—послужили основой правильной политики по отношению к деревне в текущий период, и именно они *обеспечили укрепление союза рабочего класса с основной массой крестьянства. Пролетариат, преодолевший противосередняцкий уклон в среде своей партии, на основе достигнутого укрепления рабоче-крестьянского блока, вместе со всей бедняцкой и середняцкой массой имеет теперь возможность перейти к дальнейшему, более систематическому и настойчивому ограничению кулака и частника*. Такова должна быть основная классовая установка пятилетнего плана народного хозяйства».

Всякий, кто вдумывался в решения партии за период строительства социализма, поймет логику решений, принимаемых партией. Совершенно очевидно, что решения, принятые на XIV партконференции и XIV с'езде, являются предпосылкой тех директив, которые предлагает партии последний об'единенный пленум. Партия делает различные «ударения» в своей политике в зависимости от изменения соотношения классовых сил в нашей стране, такие «ударения», которые соответствуют интересам пролетарской диктатуры, интересам ее укрепления в *данную* полосу развития. Только люди, оторвавшиеся от партии, только люди, не понимающие конкретных отношений в нашей стране и изменения этих отношений; только люди, отошедшие от ленинской политики, могут утверждать, что переход от решений XIV конференции и XIV с'езда к директивам, предлагаемым пленумом, демонстрирует какую-то «неуверенную» политику «зигзагов». В действительности же у партии есть *линия*, у партии есть связанность ее предшествующих решений с последующими; в действительности же чередование этих мероприятий, изменение «ударений» являются лишь различными звеньями *одной* политической цепи, моментами единой политики на пути к осуществлению определенного плана.

Вожди оппозиции не поняли ни смысла решений XIV партконференции и XIV партийного с'езда, ни той логики, которая продиктовала отмеченные нами директивы последнего пленума. Для них не существует партийной линии, взаимосвязанности предшествующих и последующих мероприятий партии, им непонятна партийная *линия*.

Шатающиеся из одной стороны в другую, путающиеся, колеблющиеся, растерянные, они не могли понять и той связи, которая существует между директивами пленума и важнейшими практическими положениями Октябрьского Манифеста советской власти. Об'ективная политическая роль оппозиционного блока стала особенно ясной, когда его представители проголосовали на пленуме ЦК и ЦКК против Октябрьского Манифеста. Никакие «левые» фразы не могут изменить того факта, что *лидеры оппозиции отвергли Манифест, встреченный с энтузиазмом пролетариатом и широкими массами трудящихся нашего Союза*.

Что предложил в Манифесте ЦИК Союза ССР? Он предложил, *во-первых*, «обеспечить на протяжении ближайших лет переход от восьмичасового рабочего дня к семичасовому рабочему дню без уменьшения заработной платы, для чего обязать президиум ЦИК и СНК Союза ССР приступить не позже, чем через год к постепенному осуществлению этого постановления по отношению к отдельным отраслям промышленности»; *во-вторых*, «увеличить ассигнования на рабочее жилищное строительство в этом году на 50 милл. рублей»; *в-третьих*, «освободить от сельхозналога, сверх освобожденных уже от него 25% крестьянских хо-

зяйств, дополнительно еще 10% с целью улучшения материального положения бедноты и вообще маломощного крестьянства»; *в-четвертых*, сложить задолженность крестьянских хозяйств по государственным ссудам, недоимки с бедноты и т. д.; *в-пятых*, «принять на государственный счет землеустройство всех бедняцких крестьянских хозяйств»; *в-шестых*, «разработать закон о приступе к постепенному обеспечению за счет государства лиц престарелого возраста из маломощных слоев крестьянства» и т. д., и т. д. *Все* эти мероприятия имеют своей целью *улучшение положения рабочего класса, деревенской бедноты и вообще маломощных групп крестьянства.* И вот *против этих* предложений «термидорианского» правительства голосовала «левая» оппозиция! Разве этот политический факт не имеет крупнейшего политического значения? Разве не ясно, что именно Центральный Комитет стоит на страже интересов пролетариата и беднейшего крестьянства, а оппозиция «путается в ногах» и высказывается против мероприятий крупнейшего политического значения, имеющих целью улучшить положение пролетариата и бедноты? Разве, в свете этого факта, не ясно, что оппозиция использует «левые» фразы только в демагогических целях, разве не очевидно, что оппозиция оторвалась от масс, что она не понимает, чем дышат рабочий класс и деревенская беднота?

Это знаменательное голосование доказало правильность утверждений, что вся «программа» оппозиции насквозь демагогична, что «левая» фраза у нее прикрывает нереволюционное дело.

Но эти шатания оппозиции, ее беспомощность, ее постоянные «перелеты», ее антипартийные выступления имеют глубокие идейные корни. Постоянные «дрожания» оппозиции, бесконечные противоречия, в которых она путается, ее отход от партийной *линии* суть проявления того, что оппозиция в своих исходных положениях, в своем подходе к основным политическим вопросам все больше скатывается к позициям социал-демократии.

В то время как партия подводит итоги величайшим достижениям пролетарской диктатуры за десять лет ее существования, в то время как пролетариат и широкие массы трудящихся подводят положительный баланс успешного социалистического строительства в нашей стране, в то время как они с гордостью оглядываются на пройденный путь и с уверенностью смотрят вперед, в то время как опыт классовой борьбы доказал, что социализм победоносно наступал и наступает в нашей стране на силы капитализма в самых трудных условиях, в то время как с каждым годом отпадают всякие основания для сомнений в том, что мы имеем «все необходимое для построения социализма в нашей стране»,—в это время идеологи оппозиции стараются убедить партию, пролетариат и широкие массы трудящихся в недостаточности *внутренних* сил революции для построения социализма, в том, что построение социализма в нашей стране невозможно, благодаря ее *технической отсталости.*

Но ведь это не новое утверждение. Во время борьбы пролетариата за власть в 1917 г. меньшевики разных оттенков утверждали, что в нашей отсталой стране невозможно осуществление диктатуры пролетариата, невозможно строительство социализма. Это же они утверждают и теперь вопреки фактам, вопреки победоносному продвижению социализма в нашей стране. Оппозиция в своей борьбе против партии скатилась к этим идейным позициям социал-демократии.

Что означает тезис о невозможности построения социализма в нашей стране из-за ее технической отсталости в переводе на язык *социальных* отношений? Ведь, техническая отсталость определяется преобладанием мелкобуржуазных форм хозяйства в нашей стране, тем фактом, что более $^4/_5$ населения нашей страны составляет крестьянство. И вот оппозиция утверждает, что социалистический «город» не может повести деревню к социализму, не может перестроить деревню на социалистический лад. Она утверждает, что противоречия между пролетариатом и крестьянством в условиях диктатуры в нашей стране неразрешимы, что мелкая буржуазия так или иначе захлеснет пролетарскую диктатуру в условиях замедления темпа мировой революции. Выступление тов. Смилги на последнем пленуме необычайно ярко иллюстрировало это положение оппозиции.

Тов. Смилга рискнул заявить, что *деревня в условиях диктатуры пролетариата в нашей стране подчиняется в своем развитии буквально тем же закономерностям, которым она подчиняется в условиях господства капитализма.* Это—не новый мотив в рядах оппозиции. Еще в дискуссии, предшествовавшей XIV партийной конференции, тов. Сафаров отрицал возможность некапиталистической эволюции простого товарного сельского производства. К этой же точке зрения склонялся т. Зиновьев и др. И после этого оппозиционные ревизионисты, совершенно прямо, недвусмысленно высказывающиеся против ленинских положений о взаимоотношениях пролетариата и крестьянства в условиях диктатуры пролетариата, против кооперативного «плана» Ленина,—имеют еще наглость говорить о народничестве, которое, якобы, проявляется защитниками ленинских позиций в этой области!

Но, ведь, что было характерным для народничества, для его отношения к вопросу о путях и перспективах развития деревни? Идеологи эсэровского народничества стояли на той точке зрения, что деревня—через кооперацию—может в условиях *господства капитализма* двигаться по пути социалистического развития. Они игнорировали ведущую роль капиталистического «города» и капиталистической государственной власти, они как раз не понимали

того, что «город не может быть равен деревне», что «город неизбежно ведет за собой деревню». Поскольку город был капиталистическим, поскольку командные высоты находились в руках буржуазии, постольку развитие деревни, стихийное развитие массы товаропроизводящих хозяйств, получало мощный стимул для движения капитализма. Другого пути—кроме капиталистического—быть в этих условиях не могло. Кооперативные организации выбивались, выдерживали конкуренцию только в том случае, если они сами превращались в коллективно-капиталистические организации, если они обладали достаточными капиталами, если они являлись орудием капиталистических групп. О кооперации, как о пути перехода *к социализму широких крестьянских масс*, бедняцких и середняцких масс, говорить при капитализме было недопустимо. Ленин издевался над эсерами, над их нежеланием понять действительное положение вещей, над непониманием ими того факта, что в условиях господства капитализма немыслимо развитие деревни к социализму через кооперацию.

Но тот же Ленин указывал *после утверждения диктатуры пролетариата*, что изменение характера государственной власти, что превращение *буржуазного* «города» в «город» *пролетарский* создает возможность движения деревни по социалистическому пути. Из этого, конечно, не вытекает, что в деревне не развиваются капиталистические отношения. В условиях товарных отношений эти капиталистические отношения развиваются, происходит процесс расслоения крестьянства, выделение буржуазных и полупролетарских элементов. Однако, этот процесс «перехлестывается» другим процессом, процессом нивелировки крестьянских хозяйств, процессом под'ема бедняцких хозяйств, подвижки их в группу середняцких хозяйств. С другой стороны, давление пролетарского государства и пролетарско-бедняцкой общественности затрудняет процесс выделения кулачества и содействует хозяйственному упадку кулацких элементов. Чем сильнее становится пролетарская диктатура, чем более значительно она может воздействовать на процессы, происходящие в деревне, тем сильнее будет процесс дифференциации «перехлестываться» процессом *нивелировки*, сопровождающимся процессом *кооперирования массы бедняцких и середняцких крестьянских хозяйств.*

Оппозиция не понимает того, что Октябрьская революция внесла принципиальное изменение в соотношение классов и в деревне. *Она повторяет ошибку народников*, которые при анализе деревенских отношений, при анализе тенденций развития деревни скидывали со счетов, такой решающий фактор как «*город*». Эсэровские народники скидывали со счетов *буржуазный* город,—народничествующие оппозиционеры скидывают со счетов *город пролетарский*. Здесь они опять-таки «не открывают Америки» и повторяют старые коренные ошибки эсэров и меньшевиков.

Но тенденции к меньшевизму проявляются у оппозиции не только в вопросе о перспективах строительства социализма в нашей стране. Совершенно ясно, что, разрешая подобным образом вопрос о перспективах строительства социализма в СССР, оппозиция—при последовательности—должна притти к тому, что рано или поздно надо делать «третью» революцию, когда отношения будут более благоприятны для пролетариата.

Этим оценкам оппозиции *классовых* отношений в СССР, оценкам, которые почти совпадают с социал-демократическими, соответствуют и некоторые *политические* оппозиционные тенденции социал-демократического характера. «Левая фразеология» прикрывает у оппозиции ее борьбу за *вторую партию*, за легализацию системы нескольких партий, т.-е. фактически за систему *буржуазно-политической демократии.* В борьбе за вторую партию оппозиция не останавливается и перед тем, чтобы организовать против партии и *беспартийные* элементы. А в обстановке империалистического внешнего и буржуазного и мелкобуржуазного внутреннего окружения силы контрреволюции обязательно попытаются пролезть в эту «щель» и, поощряя антиреволюционную деятельность оппозиции, будут готовить удар против пролетарской диктатуры. Оппозиция превращается в то же время в центр притяжения антиреволюционных сил и в международном масштабе. Стремление создать международное об'единение из ренегатов разных мастей (группа Рут Фишер—Маслова в Германии, Суварина—во Франции, бордигианцев в Италии и т. д.) по своему политическому значению должно быть приравнено к попытке Троцкого создать августовский ликвидаторский блок против большевиков в 1912 году. Оппозиция пытается создать теперь ликвидаторский блок в международном масштабе.

Вполне понятно, что в этих условиях пленум ЦК и ЦКК принял постановление о выводе тт. Зиновьева и Троцкого из состава ЦК. Партия не может допустить того, чтобы в составе ее руководящего органа находились люди, организующие вторую партию, организующие международное ликвидаторское об'единение и исходящие в своих политических построениях из предпосылок социал-демократического порядка.

На предпоследнем, августовском об'единенном пленуме тт. Зиновьев и Троцкий получили от партии последнее предупреждение. Они ему не вняли, они с ним не посчитались: за короткое время, протекшее от августовского пленума до октябрьского, оппозиция допустила еще *ряд шагов*, которые сделали *недопустимым пребывание тт. Зиновьева и Троцкого в рядах Центрального Комитета.* За это время была организована нелегальная типография с участием буржуазных интеллигентов, которые в свою очередь были связаны с контрреволюционными элементами. Этот факт доказал, что «третья сила» уже начала использовать оппозицию,

«облипать» ее, понимая антиреволюционный характер деятельности оппозиции, понимая, что *оппозиция перешагивает здесь не только рамки внутрипартийной легальности, но и рамки легальности советской*, понимая, что *борьба оппозиции против партии перерастает в борьбу против режима пролетарской диктатуры*. Нет никакого сомнения в том, что в предс'ездовской дискуссии партия даст оппозиции самый решительный, самый жестокий отпор и поставит перед ней вопрос: или отказаться от своей антипартийной и антиреволюционной деятельности, или порвать с партией.

Э. Гольденберг.

От пораженчества к меньшевизму.

При помощи подлогов, пуская в ход буржуазных интеллигентов, ломая рамки не только партийной, но и советской легальности, оппозиция отпечатала свою «платформу». Если самый факт ее размножения и распространения, вопреки всем партийным решениям и элементарнейшим требованиям партийной дисциплины, означает не что иное, как открытый организационный разрыв с партией, то своим содержанием платформа ярко свидетельствует об идейном разрыве оппозиции с коммунизмом. То, что представляет собою платформа, уже не есть критика партии *изнутри*; по существу, это — критика партии извне, принципиально ничем не отличающаяся от обычной меньшевистской *травли*. Платформа оппозиции есть платформа меньшевистской клеветы и злостных передергиваний, платформа прямого натравливания масс на партию пролетарской диктатуры. Оппозиция шагает форсированным маршем от пораженчества к меньшевизму. Ибо ее платформа, развернутая до конца, становится не чем иным, как знаменем третьей революции.

Мы отступаем во всех направлениях, кулак и нэпман нас перерастают, государственный аппарат перестает нас слушаться, промышленность и транспорт не поспевают за ростом народного хозяйства, положение рабочих ухудшается, пролетариат свертывается, между тем как другие классы развертываются,—все это мы слышали от оппозиции уже не раз, и все это снова повторено в платформе. Гвоздь, однако, не в этом. Существенно новое заключается в той оценке, которую платформа дает роли партии и пролетарского государства во всех этих, якобы, происходящих процессах, в оценке, на которую открыто, по крайней мере, оппозиция решилась только теперь. Платформа обвиняет партию и ее ЦК в том, что он, «приспособляясь и подлаживаясь к враждебной стихии, ослабляет и запутывает силы пролетарской армии». «Прямое потакание правым уклонам, ослабление влияния пролетарского и старо-большевистского ядра в партии и т. д. и т. п.,— все это ослабляет и обезоруживает рабочий класс в момент, когда всего нужнее активность пролетариата». «В стране существуют две, исключающие друг друга, основные позиции: одна— позиция пролетариата, строящего социализм, другая—позиция буржуазии, стремящейся повернуть развитие на капиталистические рельсы... Между этими двумя позициями—все ближе к последней—проходит сталинская линия (читай: линия ЦК), состоящая из коротких зигзагов влево, и глубоких—вправо».

Партия и ее руководство здесь выступают как активные факторы и прямые пособники наступления буржуазии на пролетариат. Если партия «приспособляется к враждебной стихии» и

линия ее пролегает «все ближе» к линии прорывающегося капитализма, то говорить только о «термидорианских элементах в стране» уже не приходится. Партия и партийное руководство открыто обвиняются в том, что они желают сдать монополию внешней торговли, «уйти из Китая», признать полностью и безоговорочно долги, сделать дальнейшие уступки нэпману и кулаку, ввести «капитализм в рассрочку». Можно ли считать государство, руководимое *такой* партией, пролетарским? Можно ли считать промышленность, находящуюся в руках *такого* государства, социалистической? Может ли *такая* партия строить социализм?

Круг замкнулся. Уже в дискуссии, предшествовавшей XIV с'езду, оппозиция выступала под пораженческим знаменем невозможности построения социализма в нашей стране, невозможности для пролетариата вести за собою крестьянство, неосуществимости ленинского кооперативного плана. Эти же, по существу, вопросы стоят перед нами и теперь. Оппозиционная платформа говорит в конечном счете о тех же разногласиях, но эти разногласия в ней воспроизведены на далеко расширенной и углубленной основе. То, что еще год назад было только социал-демократическим уклоном, сейчас раскрывается как прямой меньшевизм. Оболочка «левой» фразы становится все более прозрачной, все менее убедительной. Все явственнее выступает об'ективный смысл оппозиционной платформы.

Этот об'ективный смысл оппозиционной платформы заключается не в чем ином, как в отрицании социалистического характера нашей революции, в попытке вбить клин между рабочим классом и его партией, спекулируя на его цеховых интересах, спекулируя на об'ективных трудностях социалистического строительства. Именно в этом и состоит внутренняя логика всего развития оппозиции. Еще в 1922 году Троцкий повторил свою старую теорию относительно невозможности для пролетариата выйти победителем в его неизбежном будто бы конфликте с крестьянством без прямой помощи со стороны международной революции. Что это значит в обстановке затягивающейся международной революции, в условиях частичной стабилизации капитализма? Это означает неизбежность для единственной страны пролетарской диктатуры, которая является к тому же страной и технически и экономически крайне отсталой, постепенного, более или менее быстрого сползания с рельс социализма на рельсы капитализма. Это сползание может пройти двояким путем: либо происходит контрреволюционный переворот, и мелкобуржуазная стихия одним ударом освобождает себя от сковывающей ее пролетарской диктатуры, либо пролетарская диктатура медленно отступает под напором этой стихии и, отступая, перерождается сама. Уже в 1923 году Троцкий, поэтому, совершенно со своей точки зрения последовательно поставил вопрос о перерождении партийных кадров. В 1925 году Зиновьев и Каменев признали это перерождение в условиях затянувшейся мировой революции принципиально неизбежным, провозгласив невозможность построения социализма в одной стране. В самом деле, очевидно, что невозможность построения социализма означает не что иное, как невозможность строительства социализма. «Строить можно, но достроить нельзя»,—такая теория представляет собой полную бессмыслицу. Невозможность построения социализма в нашей стране

означает невозможность преодоления в ней мелкобуржуазной стихии. А когда мелкобуржуазная стихия не преодолевается социализмом, то это значит, что она сама преодолевает социализм, прокладывая дорогу капитализму. Это значит, что партия, пролетарская диктатура будут под ее напором отступать и, отступая, сначала невольно, а потом и совершенно сознательно,—перерождаться. В течение двух лет, отделяющих XIV с'езд от XV, оппозиция с каждым новым своим выступлением все больше углубляла и заостряла эту свою концепцию, и, наконец, теперь, после ряда промежуточных этапов, вслед за заявлением, что «наше государство далеко не пролетарского характера», вслед за поддержкой Оссовского, вслед за блоком с Сапроновым в СССР, с Масловым и Сувариным за границей, раздались слова о «термидоре», о «бонапартистском курсе», о «капитализме в рассрочку».

Партийное руководство и партийный аппарат перерождаются, партия безвольно и безропотно шагает за переродившимся аппаратом, непролетарские слои населения развертываются как политически, так и экономически, между тем как пролетариат свертывается и поэтому не в состоянии сломить термидорианский курс партии,—что все это означает, о каких исторических сдвигах это сигнализирует? Если отбросить шелуху всякого рода персональных обвинений, то чем еще, кроме как обоснованием старого меньшевистского тезиса о несоциалистическом характере нашей революции, могут служить все эти утверждения? Что иное, как не победу мелкобуржуазной стихии над социализмом может означать перерождение партии? И если это перерождение действительно имеет место, если эта победа налицо, если рабочий класс ничего с этим не может сделать и ограничивается тем, что продолжает свертываться, то в чем неправота меньшевиков, отрицающих социалистический характер нашей революции, *что* отделяет оппозицию от меньшевизма?

Как и чем, однако, обосновывает оппозиционная платформа свою политическую установку? Здесь сразу бросается в глаза зияющая диспропорция между размахом утверждений и нищетой аргументации. В соответствии с общей своей точкой зрения оппозиция все последние годы пыталась замалчивать и отрицать наши достижения, пыталась доказать, что мы непрерывно отступаем. Платформа собрала в один букет все поражения и неудачи, которые приписывала партии оппозиция последние два года. И так как «целевая установка» заключается в том, чтоб доказать, что «рабочий класс свертывается в то время, как прочие развертываются», так как наиболее удобным трамплином для антипартийной демагогии всегда является спекуляция на цеховых интересах рабочих, на противопоставлении цеховых интересов общеклассовым, то естественно, что атака на партию с особенной силой заостряется на так наз. «рабочем вопросе», на вопросах зарплаты и безработицы.

«Реальная зарплата,—утверждает платформа,—стоит в лучшем случае на том же уровне, что и осенью 1925 года... Ясно, что доля рабочего класса в общем доходе страны падала, в то время, как доля других классов росла. Этот факт—важнейший для оценки всего положения».

Движение заработной платы есть, несомненно, чрезвычайно существенный момент. Но тем большее значение приобретает то

обстоятельство, что в этом вопросе платформа попросту лжет. Наиболее верно воспроизводит динамику реальной зарплаты индекс ВЦСПС. Этим индексом, между прочим пользуются и авторы платформы. Согласно данным ВЦСПС реальная месячная зарплата рабочих крупной госпромышленности исчисленная в условных московских рублях, изменялась следующим образом:

		В % к предыдущ. году
IV квартал 1925/26 года	30 р. 31 к.	—
I „ 1926/27 „	30 р. 67 к.	104,6
II „ 1926/27 „	30 р. 33 к.	112,0
III „ 1926/27 „	32 р. 70 к.	118,7
IV „ 1926/27 „	33 р. 92 к.	111,9 [1]

Осенью же 1925 года, согласно тому же индексу, в условных московских рублях средняя месячная зарплата составляла 29 р. 68 к. (Эту цифру приводит, между прочим, и платформа). 33 р. 92 к. (IV квартал 1926/27 г.) больше, чем 29 р. 68 к. (осень 1925 г.), на 14,3%. Следовательно, утверждение платформы, что за последние два года уровень зарплаты не повысился и в «лучшем случае» находится на уровне осени 1925 года, представляет собою прямую неправду и клевету.

Дело, однако, этим не ограничивается. В действительности рост зарплаты был за последние два года значительно больший, чем на 14%. Оппозиция проделывает фокус, хорошо известный любому статистику. Если вам хочется доказать, что с 1925 г., например, по 1927 г. зарплата не возросла совсем, или возросла очень незначительно, то вы можете очень облегчить себе задачу при помощи одной очень невинной подтасовки: вам надо взять для сравнения месяц *максимальной* зарплаты для 1925 года и месяц *минимальной* зарплаты для 1926 года— и результаты не замедлят сказаться. Именно эту подтасовку производят авторы платформы. Они берут в качестве исходного пункта осень 1925 года, ни словом при этом не заикаясь о том, что уровень зарплаты, достигнутый тогда, был по тогдашним условиям, на тогдашней стадии развития не только максимальным. Выдержать тогдашний уровень зарплаты наша промышленность была не в состоянии. Образовались угрожающие ножницы между движением зарплаты и производительности, закрепление которых влекло бы за собой рост себестоимости, серьезные осложнения на рынке и инфляцию.

Это показывает, между прочим, и динамика соотношения зарплаты и производительности.

Средний месячный прирост.

	Индекса зарплаты	Индекса производительности труда
1924 г.	+1,5	+2,3
1925 г.	+2,4	+0,9
1926 г.	+0,4	+1,5
I полуг. 1927 г.	+1,9	+1,9 [2]

[1]) Данные за IV квартал 1925/26 г. и первые 2 квартала 1926/27 г. см «Статистика Труда» №№ 1—2 и 4. Данные за последние два квартала 1926/27 г. взяты из статьи т. Маркуса печатаемой в настоящем номере «Большевика».

[2]) Контрольные цифры на 1926/27 г. стр. 219.

Рост зарплаты в 1925 г., таким образом, далеко обогнал рост производительности. Темп увеличения первой был в два с половиной раза более быстрый, чем темп увеличения последней. Разумеется, такое соотношение долго продержаться не могло. Реальная зарплата, достигнув в октябре 1925 г. своего максимума—30,83 моск. руб., уже в ноябре падает до 28,31 р. и, непрерывно снижаясь, докатывается в феврале 1926 г. до 26 р. 88 к. Новый под'ем начинается лишь *после* февраля.

Если же мы будем сравнивать достигнутый нами теперь уровень зарплаты не с осенью 1925 года, а скажем, с одним только ноябрем 1925 г., то получим уже рост не в 14,3%, а в 16,9%. Если же отодвинуть исходную точку еще на два месяца и взять февраль 1926 года, то рост составит величину еще большую: 26,3%. Разумеется, последние два подсчета будут так же произвольны, как и первый. Действительную тенденцию развития передает лишь сопоставление средне-годовых уровней зарплаты. В среднем за весь 1925—26 г. реальная зарплата возросла сравнительно с 1924—25 г. на 14,7%, в 1926—27 г. по сравнению с 1925—26 г.—на 11,8%, и, наконец, в 1927—28 г. контрольные цифры намечают дальнейший рост реальной зарплаты на 11,1% [1]).

Еще в 1925—26 году реальная зарплата промышленных рабочих и железнодорожников составляла 93,7% довоенной. В 1926—1927 г. мы перешагнули уже за довоенный уровень, достигнув 105,3% сравнительно с 1913 г. И, наконец, согласно контрольным цифрам, в 1927—28 г. зарплата составит 116,9% довоенной. Писать можно все, что угодно: бумага и в особенности папиросная, все стерпит. Но вопреки фактам, вопреки *всем без исключения* индексам и подсчетам утверждать, что заработная плата за последние два года была в «лучшем случае» стабильна в то время, как налицо очевидный рост—это уже не демагогия внутрипартийной оппозиции, это—меньшевистский прием, это—меньшевистская клевета.

Одно из самых болезненных явлений нынешнего периода представляет безработица. Спекуляция на безработице давно уже стала излюбленным ходом оппозиции. Бесчестность ее игры на об'ективно-неизбежных трудностях, быть может, нигде не выступает с большей отчетливостью, нежели здесь. «Медленный рост индустриализации,—вещает платформа,—нигде не проявляется так болезненно, как в области безработицы, которая захватила и коренные кадры промышленного пролетариата». Относительно характера безработицы и ее причин платформа, однако, умалчивает. Выходов из положения она тоже не дает. Все дело попросту в «медленном росте индустриализации», в котором в свою очередь повинны, конечно, партия и ее Центральный Комитет.

Как обстоит дело на самом деле? Несомненно, что за истекший год безработица у нас усилилась. С первого полугодия 1925—26 г. по первое полугодие 1926—27 г. число безработных у нас возросло с 988,8 тысяч человек до 1294,8 тысяч, т.-е. на 306 тысяч. Но платформа *молчит* о том, что за то же время общее число занятых рабочих и служащих возросло еще больше—

[1]) «Контрольные цифры на 1927/28 г.», стр. 294.

на 777 тысяч человек[1]). Следовательно, число работающих растет в два с лишним раза быстрее, чем число безработных.

Возьмем теперь специально индустриальную группу. Здесь число безработных за тот же промежуток времени возросло на 66,8 тысячи человек. По этому поводу т. Пятаков еще на августовском пленуме ЦК поспешил провозгласить кризис нашего городского хозяйства. Но ни т. Пятаков, ни платформа не считают нужным помнить, что одновременно число работающих увеличилось в два раза больше, на 136,7 тысяч человек. Причина безработицы, следовательно, отнюдь не в «кризисе» городского хозяйства.

Мы приведем два ряда цифр, которые с исчерпывающей ясностью разоблачают злостную демагогичность оппозиционных утверждений, будто ответственность за безработицу ложится на неправильную политику ЦК. Как известно, от царской России мы унаследовали жестокое аграрное перенаселение. К действию аграрного перенаселения необходимо присоединить еще и действие другого фактора, двигающего в том же направлении: культурно-бытовые ножницы города и деревни, более высокий жизненный уровень в городах, притягивающий деревенскую молодежь. В результате, за 1924 год из деревни в город пришли в поисках за работой 653,7 тысячи человек, в 1925 году 785,9 тысяч, в 1926 году 894,5 тысячи. Всего, следовательно, за три года 2334,1 тысячи человек[2]). Можно ли в здравом уме и в твердой памяти утверждать, что у нас мыслим такой темп индустриализации, который бы позволил помимо рабочих, растущих в городе, всосать в производство за три года эти миллионные массы, пришедшие из деревни? Думать так—это значит считать, что мы можем за три года ликвидировать аграрное перенаселение. Считает ли это возможным оппозиция? Конечно, нет! Но в таком случае она обязана понимать, что демагогия *в таких* вопросах есть нечто большее и нечто худшее, нежели простая демагогия.

Оппозиция спекулирует на том, что темп роста занятых рабочих в нашей промышленности в связи с реконструкцией понижается. Это тоже бесспорный факт. Благодаря капитальным вложениям, переоборудованию промышленности и рационализации, введение в производство новых предприятий требует все меньшего числа рабочих. «Контрольные цифры Госплана на 1927—1928 год» дают следующий подсчет: «Если в 1925—26 г. в среднем по промышленности требовалось на каждый миллион рублей новой продукции привлечение 288 новых рабочих, то в 1926—1927 году эта величина падает до 186, а в 1927—28 г. до 83»[3]).

Где же выход? Отказаться от рационализации и гнить на корню, не сдвигаясь с нашей нынешней отсталой, обветшавшей техники? Для оппозиции с ее глубоко меньшевистским противопоставлением интересов промышленности и интересов рабочих здесь выхода нет. В высшей степени характерно, что во всей платформе, на протяжении более чем ста страниц рационализации уделено ровным счетом *шесть строчек!* Троцкий, который еще в 1923 году предлагал так наз. «жесткую концентрацию»,

[1]) «Статистическое Обозрение 1927 г.», июнь 1927 г., стр. 45.
[2]) «Контрольные цифры», 215.
[3]) «Контрольные цифры», стр. 210.

т.-е. закрытие таких гигантов пролетарской индустрии, как «Красный Путиловец» и др., теперь пытается стать в позу защитника рабочих от рационализации, пытается спекулировать на трудностях связанных с нею, нажить на них политический капитал. Меньшевистский прием, меньшевистская демагогия!

Но там же, где с точки зрения меньшевистского противопоставления интересов рабочих интересам социалистической промышленности существует неразрешимое противоречие, там, где для троцкизма имеется только возможность метания от «жесткой концентрации» к борьбе с рационализацией, там с точки зрения большевистской партии выход *есть* и фактически найден. *Переход к семичасовому рабочему дню*, будучи на ряду с развертыванием промышленности, интенсификацией сельского хозяйства, усилением помощи бедноте одним из реальнейших орудий борьбы с безработицей, в то же время не только не тормозит рационализацию, но, напротив, дает ей новый, мощный толчок вперед. Возможность перехода на семичасовой рабочий день, разумеется, осталась вне пределов куцого кругозора платформы. Хуже того. На последнем, октябрьском пленуме ЦК оппозиция имела печальное мужество голосовать против манифеста ЦИК, в котором этот переход был возвещен.

Платформа ссылается на госплановскую пятилетку, согласно которой число безработных к концу 1931 года должно возрасти до 3 миллионов человек. Однако, и здесь мы имеем дело с прямым искажением. Госплановская пятилетка предполагает абсолютный рост безработицы *при* неизменном рабочем времени и неизменном количестве смен. В случае же сокращения рабочего дня и увеличения числа смен, т.-е. того, что будет иметь место в действительности, по самым первоначальным и грубым подсчетам количество безработных уменьшится с 1350 тысяч в истекшем 1926/27 году до 948 тысяч в 1931/32 году, т.-е. на 29,8%[1]). Злорадство платформы здесь оказалось, таким образом, преждевременным.

Свой центральный тезис относительно «свертывания» рабочего класса платформа пытается обосновать и с другого конца: данными о распределении национального дохода. «Прирост дохода на душу за 1926 год по сравнению с 1925,—утверждает платформа,—составлял для крестьян 19%, для рабочих 26%, для торговцев и промышленников 46%». Откуда взяты эти цифры, чьи это подсчеты? От указания источника авторы платформы благоразумно воздерживаются. И не даром: эти источники, по-видимому, в природе вообще не существуют. На деле движение доходов различных классов населения, согласно контрольным цифрам Госплана за последние годы было следующее:

Средний доход на душу в %% к предшествующему году[2]).

	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
Земледельческое население	122,6	105,7	105,9
Лица наемного труда	124,0	112,1	106,1
Лица свободных профессий	102,4	102,4	100,0
Кустари и ремесленники	108,0	106,0	101,5
Буржуазия	121,8	102,8	102,7
Прочие	1174,	98,5	96,0

[1]) Перспективная ориентировка Госплана, стр. 45.
[2]) «Контрольные цифры», 494—95.

Рост душевого дохода «лиц наемного труда» в 1925/26 году выше, а в 1926/27 г. значительно выше, чем рост душевых доходов буржуазии. Оппозиционная платформа и здесь передергивает так же, как в вопросе о заработной плате.

Нет надобности сколько-нибудь подробно останавливаться на целом ряде других положений платформы, в буквальном смысле слова взятых с потолка, ни чем ни с какой стороны не обоснованных, представляющих совершенно очевидные, бьющие в глаза искажения и клевету. В то время как удельный вес частной торговли падает из года в год, сократившись с 32,8% всего оборота в 1923/24 году до 11,8% в 1926/27 г.[1]), платформа донкихотствует относительно роста частника. В то время как розничные цены на промтовары с 1 января 1927 г. по 1 августа снизились (по новому индексу Кон'юнктурного института) в госторговле на 7,4%, в кооперативной на 8,1%, а по всей торговле, включая частную, на 7,2%, оппозиция уверяет, что кампания по снижению цен провалилась. И т. д. и т. п.

Для нового этапа развития оппозиции, который знаменует собою платформа, в высшей степени характерно, что вопросам госпромышленности, вопросам индустриализации в ней уделено меньше чем две страницы. Это вполне стоит шести строчек о рационализации. Меньшевистское противопоставление интересов госпромышленности интересам рабочих имеет свою логику. Понимание неразрывной связанности первых и вторых глубоко чуждо людям, начавшим в 1925 году дискуссию с утверждения о госкапиталистическом характере нашей промышленности. От «жесткой концентрации» к отрицанию рационализации, от сверхиндустриалистской декламации к обывательской пошлятине чисто-потребительской точки зрения—таков диапозон оппозиционных шатаний.

«Хроническое отставание промышленности, а также транспорта, электрификации и строительства от запросов и потребностей населения, народного хозяйства и общественной системы СССР в целом—держит в тисках весь хозяйственный оборот». И это все. Платформа не содержит в себе и тени попыттки какнибудь этот тезис обосновать, если не статистически, то хотя бы общими рассуждениями, если не фактами, то хотя бы при помощи какой-нибудь высосанной из пальца схоластики. «Хроническое отставание от запросов и потребностей населения». Разумеется, мы от запросов и потребностей населения отстаем, но от них мы будем отставать *всегда*, будем отставать и при социализме и коммунизме, потому что полное покрытие производством всех потребностей означало бы конец движения вперед, конец роста. Авторы платформы не понимают, что самая постановка вопроса об отставании от потребностей бьет в первую очередь их самих, выдает их собственную неправоту. Для капиталистического хозяйства проблема отставания производства от потребностей вообще не может быть поставлена. Основная проблема капиталистической промышленности есть проблема перепроизводства и кризиса. Потребность, как экономическая категория в буржуазном обществе вообще не существует. Реальностью там является лишь платежеспособный спрос. В советском хозяйстве, несмотря на преобладание в нем на нынешней стадии развития товарно-денежных

[1]) Там же, стр. 246.

отношений, регулирование заработной платы, регулирование цен, классовый характер этого регулирования уже создает элементы перехода к хозяйству, покрывающему потребности широких трудовых масс, к хозяйству социалистическому. От удовлетворения потребностей мы еще бесконечно далеки, но ставя так вопрос, оппозиция попадает совсем не в ту цель, куда она метила: сопоставление производства и потребностей свидетельствует не о «свертывании» рабочего класса, но, напротив, о растущей роли социалистического принципа в нашем хозяйстве.

«Хроническое отставание промышленности... от запросов и потребностей народного хозяйства и общественной системы в целом». Как расшифровать эту фразу? Попробует ли оппозиция сейчас утверждать, что промышленность у нас растет медленнее сельского хозяйства или что темп нашего хозяйственного роста отстает от темпа мирового капитализма? На этих вопросах оппозиция была уже неоднократно и в высшей степени основательно бита. Нежелание авторов платформы к ним возвращаться более чем естественно. Конкретных аргументов больше нет, осталась лишь общая фраза, бессодержательная и клеветническая.

Но если платформа даже не пытается сколько-нибудь членораздельно обосновать свою точку зрения в вопросах индустриализации, то тем настойчивее она напирает на вопросы расслоения деревни. Обвинения, пред'являемые ими здесь партии и Центральному Комитету, собраны в особенно пахучий букет. Мы читаем об «отходе от одного из основных положений марксизма о том, что только мощная социалистическая индустрия может помочь крестьянству преобразовать сельское хозяйство на началах коллективизма», об «игнорировании или прямом отрицании мелкобуржуазного характера крестьянского хозяйства», о «попытках противопоставить ленинский кооперативный план ленинскому плану электрификации» и т. д. и т. п. Все это сплошная ложь, попытка перекричать и замазать подлинные разногласия. Обвинять партию, руководящую в неслыханно трудной обстановке индустриализацией страны, сделавшую не только на словах, но и на деле индустриализацию основным принципом своей политики, в непонимании того, что только «мощная социалистическая индустрия может помочь крестьянству преобразовать сельское хозяйство»—это не только клевета, но и прямая бессмыслица. Но было бы любопытно узнать, что понимают под «помощью крестьянству мощной социалистической индустрии» люди, которые до самого последнего времени на всех перекрестках боролись против снижения цен, люди, для которых теоретическим евангелием до сих пор остается «закон первоначального социалистического накопления» Преображенского?

Суть спора не в этом. Точка зрения партии заключается в том, что *именно* при помощи мощной социалистической индустрии, кооперируя крестьянство, мы можем сломить капиталистическую тенденцию развития сельского хозяйства, преодолеть ее кооперативно-социалистической. Оппозиция же всегда утверждала, и последний раз повторила это устами т. Смилги не далее как на октябрьском пленуме ЦК и ЦКК, что путь развития советской деревни не может быть никаким иным, кроме как капиталистическим, и тем самым кооперативный план Ленина и партии об'явила эсэровщиной. На деле, однако, не партия больна эсэровщиной, а оппозиция больна меньшевизмом, потому что в такой

стране, как наша, капиталистическое развитие сельского хозяйства есть в конечном счете капиталистический путь развития всего народного хозяйства. Если мы не в состоянии сломить капиталистические тенденции в деревне, то это значит, что рано или поздно перед нами встанет проблема *третьей революции*, проблема, к которой всей своей установкой и всем своим содержанием подводит оппозиционная платформа.

Ни партия, ни Центральный Комитет никогда не отрицали и не отрицают, что на данной стадии развития расслоение в крестьянстве неизбежно, что оно идет, что тенденции расслоения нами еще не сломлены. Но партия утверждает вопреки оппозиции, что мы имеем благодаря целому ряду особенностей нашей системы замедленный темп расслоения, что самый процесс расслоения у нас протекает в особой, своеобразной форме. Известный рост кулака—бесспорный факт, но этот рост кулака не сопровождается вымыванием середняка, не ликвидирует ленинского положения, что «центральной фигурой нашего земледелия» является середняк. Несмотря на расслоение, налицо несомненный хозяйственный под'ем всей середняцкой массы, охвативший и некоторые слои бедноты. Жизнь полностью подтверждает точку зрения партии.

О чем говорит статистика? За один год с 1925 по 1926 в производящей полосе из числа хозяйств, перешедших в другие группы, 20% беспосевных перешло в высшие группы, из хозяйства с посевом до 2 десятин в высшие группы перешло 34,1%, в низшие—1,1%. С посевом от 2 до 4 десятин в высшие группы перешло 24,1%, в низшие—2%. С посевом от 2—4 до 10 десятин в высшие группы перешло 20,8%, в низшие—9,5%. Ту же тенденцию показывает и большинство отсталых районов. По рабочему скоту процент хозяйств без скота с 1924 по 1926 г. в РСФСР падает с 31 до 30,4%, с одной головой рабочего скота с 51,4 до 50,2%, с двумя головами—*растет* с 12,5 до 13,8, с тремя головами—с 3,1% до 3,5% и, наконец, с 4 и более головами—с 2% до 2,1% [1]). Таким образом, и здесь, менее ярко, правда, чем в таблицах о посевах, пробивается та же тенденция.

Кулак растет, но в то же время растет и середняк, поднимаются и известные слои бедноты. Именно на основе того роста благосостояния *всей* крестьянской массы, который имел место в последние годы благодаря правильной политике партии, именно, опираясь на окрепшего середняка, которого нам удалось в значительной мере оторвать от кулака, крепче сомкнуть с беднотой и городским пролетариатом, крепче связать с пролетарской диктатурой, именно на этой основе мы и переходим теперь в дальнейшее наступление в деревне, усиливаем нажим на кулака, увеличиваем помощь бедноте, развертываем кооперацию, готовим ее дальнейшее перерастание из *только* сбытовой в производственно-сбытовую и тем самым делаем новый шаг на пути преодоления тенденций расслоения, тенденций капитализма.

У партии нет никаких оснований отказываться от ленинского кооперативного плана. Оппозиционная точка зрения, отрицающая этот план, не видящая никаких различий в развитии деревни при диктатуре пролетариата и при господстве буржуазии, не видящая никаких путей развития нашего сельского хозяйства, кроме капиталистических, насквозь пронизана ликвидатор-

---

1) «Статистический справочник ЦСУ», стр. 66, 67 и 81.

ством и меньшевизмом. Но именно эта точка зрения и составляет существо троцкизма.

*
* *

Содержание платформы в целом—это попытка доказать, что перерождение партии и пролетарской диктатуры неизбежно и находится на полном ходу, что рабочий класс бессилен его остановить, что мелкобуржуазная стихия наступает и побеждает, что Октябрьская революция с каждым годом раскрывается, как революция отнюдь не социалистическая. Этот меньшевистский тезис обосновывается при помощи клеветы, передергиваний и меньшевистской демагогии. Платформа уже не есть критика партии в рамках партии. Платформа—большая и, быть может, последняя веха на пути оппозиции от пораженчества к меньшевизму.

Р. Е. Вайсберг.

Контрольные цифры на 1927—28 г. и план социалистического строительства.

I. Единый народнохозяйственный план.

Общеполитические вопросы построения социализма в достаточной степени освещались в нашей печати.

Правильное теоретическое представление по этим вопросам является безусловной и ничем не заменимой предпосылкой наших реальных достижений, подсчитанных «с карандашем в руках» и арифмометром на столе.

На базе ленинской теории партия ведет повседневную широкую практическую работу, открывающую перед нами ряд неизведанных трудностей и целую вереницу новых проблем.

Вопросы практического строительства, тесно увязанные с ленинской теорией, могут быть поняты и правильно разрешены только под углом зрения народнохозяйственного целого, где ни одна проблема не рассматривается раздельно, «по кусочкам», а берется в общей диалектической связи об'ективных возможностей и классовой телеологической установки пролетариата, строящего социализм.

Такой подход к проблемам нашего народного хозяйства властно диктует необходимость выработки народнохозяйственного плана, увязывающего все отрасли народного хозяйства в единое целое и ставящего четко все необходимые и достижимые задания.

Возможен ли для переходного периода вполне совершенный, безошибочный план? Такой план возможен только в коммунистическом обществе, где не будет борьбы классов и противодействия частнохозяйственного сектора обобществленному, как мы это имеем в настоящее время. Переходный период дает возможность планировать только социалистический сектор народного хозяйства и открывает некоторые пути воздействия на частное хозяйство. Но частное хозяйство мы вынуждены учитывать не только в его прошлой динамике, не только в его нынешнем состоянии, но и в его будущих тенденциях развития. Развитие частного хозяйства, с одной стороны, воздействует на развитие социалистического сектора, а с другой стороны, этим последним в значительной степени определяется. Достаточно указать на один недавний пример, подчеркивающий, как сильно влияет политика государства на индивидуальное хозяйство. Когда мы в 1925—26 году вели политику низких цен на технические

культуры, крестьянство ответило на такой курс сокращением посевных площадей под технические растения, что поставило некоторые отрасли государственной промышленности в затруднительное положение. После же повышения цен на технические культуры крестьянство расширило в 1926—27 г. свои посевы под эти растения.

Кроме нашего внутреннего частного хозяйства—капиталистического и некапиталистического—приходится учитывать и такой круг явлений, который не поддается нам ни путем прямого планирования, ни путем даже косвенного регулирования. Мы имеем в виду внешнее капиталистическое окружение, мировые цены, экспортно-импортные проблемы, наши международные экономические и политические отношения.

Возможно ли в таком случае в наших условиях вообще социалистическое планирование? Оно не только возможно, но реальные пути его с каждым годом все больше расширяются. Мы выдвигаем это положение не только потому, что наши пути познания об'ективных процессов усовершенствовались, и не только потому, что наши методы планирования улучшаются, но и еще по двум другим, более существенным причинам. Во-первых, сильное возрастание удельного веса социалистического сектора ведет к тому, что мероприятия по линии воздействия последнего на все остальное хозяйство Союза могут проектироваться с гораздо большей надеждой на осуществление, чем это было раньше. Если прошлые годы приносили нам падение только удельного веса частнокапиталистической торговли, при ее абсолютном возрастании в торгово-посредническом обороте, то 1926—27 г. дает уже падение также и абсолютных размеров ее. Это одна из причин, по которым нам удалось достигнуть в истекшем году значительных успехов по линии снижения розничных цен, и мы имеем основания полагать, что при дальнейшем ослаблении частной конкуренции в 1927—28 г. нам еще в большей степени удастся довести снижение цен до массового потребителя. Во-вторых, не следует забывать положение, которое достаточно общеизвестно, но не теряет от этого ни на иоту своей силы, а именно: мы планируем *командные централизованные высоты, наиболее совершенные по своему техническому и социальному уровню,* а потому всякие достижения в этой области, в отличие от распыленного индивидуального хозяйства, дают неизмеримо больший эффект, чем аналогичные достижения в частном хозяйстве. Все это подводит более твердую базу под работы в области планирования.

В этом году мы имеем значительные достижения в области планирования. Вместе с тем остается ряд дефектов, которые должны быть осознаны и формулированы для того, чтобы бороться за их изживание в дальнейшем. Мы не имеем еще баланса народного хозяйства, а без такового составлять контр. цифры очень трудно. Многие вопросы, связанные не только с частным, но и с социалистическим хозяйством, не изучены.

«Контрольные цифры» приходится составлять до окончания текущего хоз. года, без достаточно достоверных данных за последний, предконтрольный год.

Достаточно продумать вытекающие из этих затруднений недостатки работы для того, чтобы понять условность наших цифро-

вых проектировок. Принимая, кроме того, во внимание, несовершенство статистических данных, *следует сугубо остерегаться фетишизирования цифр. Дело не в цифрах, а в тех экономических процессах и плановых замыслах, которые за ними скрываются.* Вот эту *экономическую*, а не статистическую сторону дела мы выдвигаем на первый план в «контрольных цифрах»[1]).

Огромное значение для работы по «контрольным цифрам» в этом году имеет то обстоятельство, что они впервые обсуждались на об'единенном пленуме ЦК и ЦКК (в июле). При чем это обсуждение происходило *после* составления предварительных экономических директив на ближайший год и *до* окончательной компановки «контрольных цифр». Это способствовало, с одной стороны, осознанию партией тех основных проблем, которые выдвигает перед нею 1927—28 год, а с другой стороны, установлению тех руководящих, принципиальных политических линий, по которым контрольные цифры должны строиться.

На основе более или менее правильно намеченных об'ективных тенденций, разрабатывается целая система экономических мероприятий, утверждаемых руководящими партийными и государственными органами. Оставляя оперативным органам достаточно простора для маневрирования, *утвержденные мероприятия становятся обязательными при намечении оперативных планов.*

Таким образом, «контрольные цифры», бывшие до сих пор плановой ориентировкой, делают в этом году значительный шаг по пути приближения к *единому народнохозяйственному плану.*

«Контрольные цифры» становятся единым социалистическим планом на ближайший год. Все их сильные и слабые места должны быть оцениваемы именно с этой точки зрения.

Поэтому мы заранее отметаем не только всякую *узко-ведомственную критику*, оценивающую план с точки зрения своей колокольни, но и всякие якобы «общие» взгляды, забывающие или не знающие, что мы должны, поскольку это возможно в данных условиях, строить план социалистического развития. Мы a priori отвергаем распространенный среди некоторых беспартийных специалистов и даже среди некоторых партийцев взгляд на план с точки зрения *голого принципа производительных сил, без учета социально-классовых форм*, в которых производительные силы развиваются. Мы отвергаем также и всякие псевдокоммунистические, а на деле анархо-синдикалистские тенденции поставить знак равенства между *узко-цеховыми* стремлениями рабочих и *историческими* задачами пролетариата в переходный период. *Не умаляя значения этих и подобных моментов, всячески изучая и взвешивания их, «Контрольные цифры» синтезируют их под углом зрения более общей задачи нашего хозяйства—задачи социалистического развития.*

2. Условия нового хозяйственного года.

1927—28 год вводит нас во второй год реконструкции. Так называемый восстановительный процесс закончился, но некоторые остатки его, восстановительные «хвосты», еще имеются. Вообще между восстановительным и реконструктивным периодом нельзя установить точной границы.

[1]) В этом смысле само название «контрольные цифры» недостаточно отвечает своему существу.

Народнохозяйственное развитие давно идет по путям, определенным не довоенными условиями, но советскими условиями. *Пресловутый довоенный уровень достигается различными отраслями народного хозяйства в разные сроки.* Если промышленная продукция в 1926—27 г. на 5,2% превысила довоенный уровень, то сельское хозяйство в том же году превзошло довоенный уровень на 1%, а по размеру посевных площадей еще в 1927—28 году отстает на 2,3% от довоенного уровня. По товарности его отставание еще больше. Площадь под пшеницей, например, отстает еще на 22,1% от довоенной. Длина жел.-дор. сети уже в 1924—25 году превышала довоенную на 27,2%, а животноводство только в 1927—28 году впервые превысит довоенный уровень (на 2,8%). Весь экспорт составит в 1927—1928 году только 27,6% довоенного, а экспорт нефти в том же году превысит довоенный экспорт на целых 107%, т.-е. будет больше чем вдвое выше довоенного уровня. Эти краткие данные, при всей условности сопоставления с довоенным уровнем, говорят о *реконструкции в самом соотношении* отдельных отраслей народного хозяйства. Мы не останавливаемся на *социальной реконструкции*, произведенной Октябрьской революцией, ибо это не требует особых об'яснений. Если мы все же называем 1927—1928 год вторым годом реконструкции, то это относится, главным образом, к тому *техническому процессу* перестройки основных фондов промышленности, который начался одновременно с исчерпанием восстановительных возможностей или за некоторое время до их окончательного использования.

Из других особенностей наступающего хозяйственного года отметим международные условия. Разрыв с Англией и целый ряд других неблагоприятных международных моментов, имевших место в 1926—1927 г., ставит остро вопрос об обороне страны. Мы *не* строим плана народного хозяйства с точки зрения *непосредственных* интересов войны. В этом смысле 1927—28 год остается годом мирного строительства с сохранением курса и *возможностей индустриализации.* Но эта последняя корректируется задачами обороны, которая, с одной стороны, сама вызывает необходимость дальнейшей индустриализации, а с другой, урезывает средства индустриализации. В этом году темп индустриализации ограничивается, кроме того, условиями заграничного кредитования, стеснением экспортно-импортных возможностей и т. д. С другой стороны, третий хороший урожай (а в Сибири четвертый), некоторые результаты рационализации и реконструкции и, наконец,—что наиболее важно—социалистический тип нашей организации дают нам возможность проектировать на будущий год *гораздо более высокие темпы, чем довоенные*, хотя они и уступают «восстановительным» темпам развития.

В 1927/28 г. *контроль довоенных соотношений все больше и больше теряет свою силу над нашим хозяйством*, что видно из следующих данных (см. табл. на след. стр.).

Что касается темпов нарастания, то валовая продукция цензовой промышленности вырастает в 1927/28 г. на 14,3% против 15,1% в 1926/27 году, а товарная часть на 15% против 15,1% в 1926—27 г.

Говоря о перспективах 1927/28 года, следует отметить, что в будущем году возможен, после ряда урожайных лет, *недород.* Конечно, это дело гадательное. Неурожай может и не быть. Во

Валовая продукция.	Единица исчисл.	1913 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	В %% к 1913 г.	
					1926/27 г.	1927/28 г.
А. Промышленность:						
1. Уголь	тыс. тонн	29.055	31.116	36.095	107.1	124,1
2. Нефть	»	9.194	10.039	11.043	109,7	120,7
3. Чугун	»	4.206	2.965	3.460	70,5	82,3
4. Металл	»	3.509	2.677	2.990	76,3	85,2
5. Бумажная ткань	млн. мт.	2.238	2.359	2.508	105,4	112,0
6. Галоши.	млн. пар	27,9	30,6	37,0	109,6	132,6
7. Соль.	тыс. тонн	1.946	1.985	2.223	102,0	114,2
Б. Сельское хозяйство:						
Посевная площадь	тыс. дес.	108.103	102.853	105.484	95,4	97,6
В. Транспорт:						
Длина жел.-дор. сети	тыс. клм.	58,5	76,2	77,2	130,3	132,0
Грузооборот . . .	млн. тонн	132,4	131,2	150,6	99,1	114,2
Г. Связь:						
Общее количество отпр.	млн. экз.	978	1.234	1.328	126,2	135,8
В т. ч. период. изд.	»	358	599	634	167,3	177,1

всяком случае, не учитывать такой печальной перспективы при том условии, когда наше сельское хозяйство не имеет в себе достаточных иммунитетов против стихийных бедствий, было бы легкомысленно. В связи с этим 1927/28 год ставит перед нами *вопрос о накоплении запасов*. Вопрос этот связан также с задачами обороны и с общим темпом развертывания народного хозяйства: нормальный темп развертывания народного хозяйства требует достаточного количества резервов (валютных, хлебных и т. д.), ибо малейший дефицит может создать перебои в нормальной работе и затруднить условия маневрирования.

Как раз в связи с ухудшившимися международными условиями, мы должны в этом году приложить все усилия к тому, чтобы *форсировать наш экспорт*, завоевывая новые рынки. Развитие экспортных отраслей народного хозяйства и качественное улучшение всей работы по экспорту и импорту становятся одной из наиболее актуальных проблем. Вопреки намерениям наших врагов мы имеем возможность добиться на этом участке больших достижений.

Среди особенностей наступающего года следует отметить, что если в нем, с одной стороны, наиболее слабы восстановительные возможности, то, с другой стороны, уже начинают созревать *первые плоды* капитальных вложений и реконструкции. Частично начинают вступать в действие новые предприятия.

Отметим, наконец, что в 1927/28 году должно особенно сказаться то обстоятельство, что мы приступаем к реконструкции,

не имея заранее накопленных средств, не имея достаточных ресурсов для капитальных вложений. Нам приходится разворачивать хозяйственную работу в расчете на те средства и на то накопление, которые поступят в народное хозяйство в наступающем хозяйственном году. Трудности хозяйственного строительства осложняются тем, что нам приходится технически реконструировать народное хозяйство средствами *текущего накопления*.

3. Капитальное строительство, индустриализация и реконструкция.

Одной из центральных проблем «контрольных цифр» на 1927—1928 год является проблема капитального строительства. Эта проблема становится особо сложной в наступающем году в виду того, что этот год, почти лишенный всяких восстановительных остатков, вводит нас в такую полосу строительства, когда проектировка последнего на короткий годовой срок совершенно не достаточна. Вопросы размещения промышленности, электрификации и отдельных отраслей сельскохозяйственного производства и т. д. не укладываются в рамки «контрольных цифр» на один год. Это—вопросы длительного периода социалистического строительства, и в «контрольных цифрах» они могут разрешаться только как годовой отрезок рассчитанного на долгие годы перспективного планирования. К сожалению, такого вполне законченного плана мы еще не имеем. Второе затруднение, связанное с капитальным строительством, заключается в том, что до сих пор обращалось недостаточно внимания *на качество капитального строительства и на эффективность капитальных затрат*.

Капитальное строительство приобретает местами характер слишком децентрализованный. Естественное и понятное стремление каждой республики, каждого района и чуть ли не каждого округа индустриализовать свое хозяйство ведет к тому, что затраты на капитальные вложения несколько распыляются. С другой стороны, некоторая «экстенсивность» вложений ведет к тому, что в одно и то же время начинаются новые строительства во многих местах, что заставляет задерживать темп капитального строительства. При большей концентрации вложений мы могли бы ввести в действие новые заводы в более близкое время. Это повело бы к скорейшему увеличению массы товаров в стране и к смягчению безработицы. При всех трудностях, организационных и всяких иных, которые стоят на этом пути, следует поставить себе задачей *максимально концентрировать вложения в капитальное строительство* для того, чтобы в кратчайший срок добиться наибольшей эффективности. Капитальное строительство является делом новым для нас, и мы до сих пор не успели уделить качественной стороне этого вопроса достаточно внимания. Наступающий год и следующие за ним годы должны внести в эту область значительные коррективы.

Мы успели за 3 года с 1924—25 года по 1926—27 год вложить в капитальное строительство около 5,9 млрд. рублей по социалистическому сектору, что за вычетом износа составляет 2,7 млрд. рублей. Доминирующую роль в этих вложениях играет промышленность, на долю которой падает 2,1 млрд. рублей, на транспорт приходится 1,3 млрд. руб., в электрификацию вложено 300 милл. руб., в торговлю—свыше 500 милл. и т. д. Из тех средств, которые идут на капитальное строительство промышлен-

ности, наибольшую долю поглощает тяжелая индустрия, что свидетельствует о том, что партия энергично проводит политику индустриализации страны. В 1925—26 году на долю тяжелой индустрии пришлось 64% всех капитальных вложений, а в 1926—27 году—73%. На две отрасли—металл и топливо—в 1925—1926 году приходится около 50% всех вложений, а в 1926—27 году—около 60%. Реконструктивный характер капитальных вложений из года в год усиливается. Если в 1925—26 году на строительство новых заводов было затрачено 12% капитальных вложений, то в 1926—27 году это строительство поглощает 21%. Особенно высок реконструктивный характер вложений в таких отраслях, как нефть, текстиль, уголь и т. д. Менее реконструктивный характер носят вложения в транспорт. Наиболее эффективным является новое электростроительство. Что касается 1927—28 г., то размер капитальных вложений увеличивается в сравнении с прошлым годом на 680 мил. рублей по обобществленному сектору, при чем в новом году сумма новых вложений в промышленность будет равняться 1.284 млн. рублей против 1.011 млн. рублей в 1926—27 г., в транспорт—594,2 млн. руб. против 418,9 млн. руб. истекшего года и т. д. Самым больным вопросом строительства является его дороговизна. Строительный индекс стоит значительно выше общего индекса. Задачей ближайшего года является снижение себестоимости строительства к концу 1927—28 года—до 15%. Это значительное задание будет выполнено при улучшении качества работы в этой области.

Вообще успехи и гарантии социалистического развития коренятся на данной ступени переходного периода не только и не столько в количественных достижениях, сколько в под'еме качества всей работы. 1926—27 г., который является только первым годом реконструкции, дает уже в этом отношении целый ряд знаменательных достижений. Эти достижения наиболее ярко выявляются в промышленности. Они об'ясняются, с одной стороны, первыми достижениями реконструкции, а с другой—наибольшей загрузкой предприятий.

Качественный рост по этой линии дает и свои количественные результаты в смысле общего под'ема производительности труда, в смысле сокращения затрат человеческого труда на единицу продукции. Общие суммарные данные таковы: если в 1925—26 году на увеличение продукции на один миллион рублей требовалась добавочная рабочая сила в размере 288 рабочих, то в 1926—27 году требуется уже только 186 рабочих, а в 1927—28 году тот же эффект будет достигаться при увеличении рабочей силы только на 83 человека.

Эффективность достижений по отдельным отраслям в смысле сокращения необходимой рабочей силы на единицу продукции характеризуется следующей табличкой:

Количество новой рабочей силы на 1 млн. новой продукции.

	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
Металлическая	442	227	113
Каменноугольная	919	907	289
Нефтяная	9	—	—
Хлопчато-бумажная	313	81	5
Резиновая	200	—	—

Особенно выделяется нефтяная, резиновая и хлопчато-бумажная промышленность, которые в будущем году или вовсе не увеличивают занятой рабочей силы или увеличивают ее на незначительный процент, при условии значительного роста продукции.

Каков основной экономический процесс, происходящий в стране: индустриализация или аграризация?

Ответ на этот вопрос дают несколько цифровых данных. Удельный вес сельского хозяйства во всей продукции страны снизился с 67,6% в 1924—25 до 62,0% в 1926—27 году и упадет в 1927—28 г. до 59,8%. Удельный же вес промышленности наоборот, возрастает о 32,4% в 1924—25 г. до 38,0% в 1926—27 году и увеличится до 40,2% в 1927—28 году. Это—по продукции. Аналогичную тенденцию дают и показатели товарной массы, которые растут в промышленности с 53,2% в 1924—25 году до 64,2% в 1927—28 г. и соответственно снижают удельный вес товарной массы сельского хозяйства с 46,8% до 39,3.

В этих кратких цифрах ярко выступает как основной характер нашей экономики, так и тенденции ее развития. Валовая продукция и товарная часть сельского хозяйства выше промышленного производства, но из года в год этот аграрно-индустриальный характер страны изменяется в сторону индустриализации.

Что касается развития отраслей, производящих средства производства и производящих средства потребления, то первые нарастают ежегодно более быстрым темпом, чем вторые. Средства производства нарастали в следующем темпе: в 1925—26 г. (по довоенным ценам) на 44,6%, в 1926—27 г. на 21,9%, в 1927—28 г. на 17%, по тем же годам темп возрастания средств потребления составляет: 45,5%, 10,7% и 12,4%. Темп развития средств производства обгоняет темп развития средств потребления.

Если обратиться к вопросу о том, каков удельный вес производства средств производства и производства средств потребления, то мы будем иметь такую картину: с 1924—25 года по 1926—27 год удельный вес отраслей, производящих *преимущественно* средства производства, возрастает с 34,4% до 38,1% по современным ценам или с 39,0% до 41,2% в довоенных ценах. Соответственно удельный вес отраслей, производящих *преимущественно* средства потребления, падает с 1924—25 года по 1926—27 год с 65,6% до 61,9% в современных ценах или с 61,0% до 58,8% в довоенных ценах. И даже в 1927—28 году удельный вес отраслей, производящих преимущественно средства производства, возрастет до 42,2% в довоенных ценах или до 38,3% в современных ценах, а удельный вес отраслей, производящих преимущественно средства потребления, упадет до 57,8% в довоенных ценах или до 61,7% в червонной оценке.

Мы должны, однако, обратить внимание читателя на то, что приведенные нами данные не отвечают полностью на вопрос о соотношении продукции средств производства и средств потребления. Дело в том, что эти данные касаются отраслей, производящих главным образом, но не исключительно, средства производства или средства потребления. Одна и та же отрасль производства, например, резиновая, производит одну группу товаров, которая обслуживает нужды производства, и другую групу товаров, обслуживающую нужды широкого потребления. Для того, чтобы ответить на вопрос о том, как у нас развивается

продукция средств производства и продукция средств потребления порознь, следует изучить для каждого данного года состав каждой отрасли промышленности по отдельным товарам. По целому ряду технических и статистических причин, в обсуждение которых мы не станем здесь входить, в «Контрольных цифрах на 1927—28 год» не произведено разбивки на отдельные товары. Оперируя понятием отраслей, производящих преимущественно средства производства или средства потребления, мы получаем не совсем правильную картину индустриализации. Искажение происходит не в сторону увеличения, но, наоборот, в сторону преуменьшения действительных размеров той продукции, которая является средствами производства, т.-е. *действительные размеры индустриализации нашей статистикой преуменьшаются.*

В доказательство этого положения мы укажем на то, что в прошлом году при составлении «Контрольных цифр на 1926—27 год» Госплан располагал данными, относящими одни группы товаров, по особой номенклатуре, к средствам производства, а другие к средствам потребления, безотносительно к тому, в каких отраслях эти товары производятся. По этим данным удельный вес товаров, относящихся к средствам производства, составлял в довоенных ценах в 1924—25 году 52,8% (вместо 37,4%, составляющих для этого года удельный вес отраслей, производящих преимущественно средства производства), в 1925—1926 году—54,4%, а в 1926—27 году—56,1%. Соответственно, удельный вес товаров, относящихся к предметам потребления, составлял в 1924—25 году (по довоенным ценам 47,2%, вместо 62,2%, составляющих для этого года удельный вес отраслей, производящих преимущественно предметы потребления), в 1925—26 году—45,6% и в 1926—27 году—43,9%.

По приведенным двум вариантам, из которых один явно преуменьшает достигнутый уровень индустриализации, ясно, что тенденция развития является совершенно бесспорной: *партия выполняет директиву XIV с'езда о том, что темп развития производства средств производства должен обгонять темп развития производства средств потребления.*

4. Труд.

Одним из вопросов, который заостряет оппозиция, является вопрос о том, каково соотношение реальной заработной платы и производительности труда. По исчислению, произведенному секцией труда Госплана СССР рост заработной платы все время обгоняет рост производительности труда. За последние 3½ года (январь 1924 г. — июль 1927 г.) средне-месячный рост реальной производительности труда составлял 1%, а средне-месячный прирост зарплаты составлял 1,2%. *Разговоры о том, будто у нас заработная плата отстает от производительности труда, не имеют под собой достаточных оснований.* Мы имели за последние годы значительное нарастание заработной платы, что об'ясняется не только социальной природой нашего государства, но и тем абсолютным уровнем, на котором заработная плата находилась. В течение первых лет новой экономической политики рабочий класс постепенно выходил из нищенского состояния, повышая уровень своей заработной

платы. В настоящее время перед нами стоит еще задача подтягивания отсталых отраслей заработной платы. Но дальнейшее повышение заработной платы не может итти исключительно по линии повышения номинальной заработной платы. Центр тяжести должен быть перенесен на *повышение реальной заработной платы путем снижения цен.* Проектировка 1927—28 года исходит из того, что повышение реальной заработной платы на 11,8% должно быть достигнуто путем повышения номинальной заработной платы только на 6%, а остальное—путем предстоящего дальнейшего снижения цен. Некоторые успехи имеются у нас уже в этом году, но они могут быть еще большими в наступающем году.

Самым острым вопросом, однако, является вопрос о безработице. Общее количество занятой в социалистическом секторе наемной рабочей силы повышается в новом хозяйственном году на незначительный процент. Это связано с целым рядом положительных моментов, идущих по линии повышения качества работы, но диалектически эти положительные достижения выпирают в виде отрицательных моментов. Увеличивается абсолютный размер безработицы, или по крайней мере это не способствует ее значительному смягчению. В 1927—28 г. предстоит сокращение штатов в административных учреждениях. При этом надо иметь в виду еще следующее обстоятельство. В промышленности имелась избыточная рабочая сила, которая появилась в 1925—26 году, когда по капитальным вложениям значительно разошлись плановые предположения с действительным выполнением. Привлеченные тогда излишние рабочие в некоторой степени рассасывались в 1926—27 году и в незначительной степени будут еще «рассасываться» в наступающем хозяйственном году. С другой стороны, перед нами стоит вопрос о деревенской безработице. Она не будет в наступающем году ликвидирована, но все же она в значительной степени смягчится благодаря географии урожая данного года. Урожай 1927—28 года падает, главным образом, на районы мелкотоварного хозяйства, которые дают значительный отход безработных (Северо-Западный район, Центрально-Промышленный район и т. д.). Благодаря хорошему урожаю именно в этих районах, как можно полагать, рабочая сила будет занята в деревне в большей степени, чем это имело место в прошлом году. Было бы, однако, глубочайшей ошибкой закрывать глаза на то, что абсолютный размер безработицы в наступающем году не сократится. Мы будем иметь только снижение темпа роста безработных. Если в 1925—26 году их количество выросло на 40%, то в 1927—28 году оно возрастает на 16,7%. Такое положение вещей ставит перед нами вопрос об усилении борьбы с безработицей. Мероприятия в этой области должны быть рассчитаны не на 1 год, а на целый ряд лет. Сюда входят мероприятия по переселению безработных из аграрно-перенаселенных районов, стимулирование трудоемких культур в сельском хозяйстве и т. д., и т. д. На 1927—28 год предполагается ряд массовых работ, расширение дорожного строительства в размерах около 100 милл. руб. и т. д. Вместе с тем специальные средства, ассигнуемые на борьбу с безработицей, увеличиваются до 132 милл. руб. Общественные работы, выраженные в человеко-днях, предполагается увеличить в 1927—28 году на 42,7%. Общая линия борьбы с безработицей должна заключаться

не столько в собесовской помощи, сколько *в организации целого ряда новых работ, способствующих ликвидации безработицы.* В этом отношении значительную роль может сыграть и развитие мелкокустарной промышленности, которое должно итти, главным образом, в кооперированных формах. Рост мелкой промышленности намечен нами на будущий год на 8% довоенных, или 5,3% червонных цен. При этом рост промысловой кооперации запроектирован на 30,5% по довоенным ценам или на 27% по современным ценам (с учетом снижения цен в будущем году).

5. Бюджет и кредит.

Наш государственный бюджет играет роль *перераспределителя национального* дохода в интересах социалистического строительства и индустриализации страны. Пятимиллиардный бюджет 1926—27 г. был выполнен с некоторым напряжением. Хотя номинально выполнение бюджета совпадает с бюджетным планом, тем не менее мы имели в этом году перевыполнение бюджета, которое об'ясняется тем, что покупательная сила рубля повысилась. Мы получили к концу года бюджет в более полноценных рублях, чем это было запроектировано вначале. Проектируя бюджет на 1927—28 г., следует исходить из того, что реконструктивный период ставит более жесткие рамки в смысле роста всех показателей народнохозяйственного развития, в том числе и бюджета. Но с другой стороны, если расценивать бюджет под углом зрения распределения прибавочного продукта в стране и передачи определенной части этого продукта социалистическому строительству, то роль бюджета в наступающем хозяйственном году повышается. Абсолютный размер бюджета намечен в сумме 5.570 милл., что составляет по отношению к прошлому году прирост на 10%. По отношению к народному доходу сводный бюджет составляет в 1924—25 г.—23,8%, в 1925—26 г.—24,8%, в 1926—27 г.—28,2%, в 1927—28 г.—29,3%. Если просмотреть соотношения бюджета и товарной массы каждого года, то картина такова: в 1924—25 году бюджет составлял 28,4%, в 1925—26 г.—29,5%, в 1926—27 г.—30,1%, в 1927—28 году—36,1% по отношению к товарной массе страны. Как мы видим, *и в отношении товарной массы и в отношении народного дохода, роль бюджетного из'ятия беспрерывно увеличивается.* Вместе с тем такую тенденцию нельзя признать слишком обременительной для народного хозяйства, так как последнее находится в периоде значительного под'ема.

Но и то направление, которое получают бюджетные средства, ведет в конечном счете к увеличению благосостояния страны.

Ежегодный процент ассигнований на финансирование народного хозяйства увеличивается. Если в 1924—25 году финансирование народного хозяйства поглощало 25,8%, в 1925—26 году—оно поглощало—27,9%, в 1926—27 году—33,2%, то, наконец, в 1927—28 г.—35,4%. Интересно, как распределяется за эти годы финансирование народного хозяйства по отдельным отраслям (см. табл. на стр. 35).

Из этой таблицы мы видим, что *количество средств, отпущенных на финансирование народного хозяйства с 1924—25 г. по 1927—28 год почти утроилось.* Удельный вес финансирования промышленности и электрификации занимает главное место. На втором месте стоят новые работы на транспорте, за ними сле-

Отрасли хозяйства.	1924/25 г.		1925/26 г.		1926/27 г.		1927/28 г.	
	В млн. р.	В % % к итогу	В млн. р.	В % % к итогу	В млн. р.	В % % к итогу	В млн. р.	В % % к итогу
Сельское хозяйство . .	149,5	27,8	162,1	20,7	151,5	12,7	106,0	11,0
Промышленность . . .	157,6	29,4	196,5	25,1	443,0	37,0	510,0	31,7
Платежи по займам хоз. восстановления . . .	—	—	5,0	0,6	60,0	5,0	30,0	2,1
Электрификация	51,6	9,6	66,6	8,5	95,0	7,9	140,0	9,6
Торговля и кооперация	22,8	4,2	25,2	3,2	85,4	7,1	90,0	6,2
Коммунал. строит. . . .	36,0	6,7	70,7	9,0	40,0	3,3	50,0	3,4
Новые работы на трансп.	107,7	20,0	233,6	29,9	295,4	24,5	483,5	34,1
Новые работы по связи	12,1	2,1	22,7	2,9	27,2	2,3	25,6	1,9
Итого . . .	537,3	100,0	782,4	100,0	1.197,5	100,0	1 491,2	100,0

дует финансирование сельского хозяйства и т. д. В этих цифрах роль бюджета, как рычага индустриализации страны, с достаточной отчетливостью выявляется.

На ряду с этим *увеличиваются ассигнования и на социально-культурные расходы.* Они составляли в 1924—25 году—167,5 млн. и, беспрерывно увеличиваясь, достигнут в 1927—28 году 301,6 млн., т.-е. почти удвоятся. Мы не можем признать даже эту удвоенную цифру достаточной для нашей культурно-отсталой, малограмотной страны. В наших условиях культурное строительство является одним из путей, способствующих индустриализации и социалистическому развитию страны. Тем не менее запроектирование еще больших средств на социально-культурные расходы в будущем году должно было бы вызвать сокращение расходов на финансирование отдельных отраслей народного хозяйства, что является, конечно, недопустимым. Если сопоставить, с одной стороны, расходы по финансированию народного хозяйства, а с другой стороны, все прочие расходы, то мы получим картину *беспрерывного снижения удельного веса всех прочих расходов.* Они падают с 52,4% в 1924—25 году до 41,5% в 1927—28 г.

В истекшем году кредитная система была несколько напряженной в связи с тем, что на ее долю выпало кредитование некоторых непредвиденных нужд транспорта, промышленности и т. д. «Контрольные цифры на 1927—28 год» намечают существенную передвижку в области кредита. Если в 1926—27 году некоторые краткосрочные кредиты фактически были превращены в долгосрочные кредиты, то этого положения в наступающем году, повидимому, не будет, так как нами намечается *увеличение сумм по долгосрочному кредитованию.* Прирост краткосрочного кредита намечается в 400 млн. руб., а долгосрочного — в 775 милл. рублей. Увеличение сумм по долгосрочному кредиту, как и упорядочение вопроса о долгосрочном кредите, вызывается теми задачами реконструкции, которые стоят в настоящее время перед народным хозяйством. Одним из самых больных вопросов в области кредита является *дороговизна его.* В 1927—28 году намечается некоторое *удешевление кредита.* Что касается *денежного обращения,* то в первой половине 1926—27 г.

оно было в общем и целом нормальным. Денежная масса в достаточной степени соответствовала потребностям оборота. 1926—27 год прошел, несмотря на некоторое напряжение кредитной системы, без инфляционных явлений. Однако, мы и в дальнейшем должны придерживаться осторожной политики в области выпуска эмиссии. Повышение покупательной способности рубля, которое нами достигнуто в этом году, нельзя признать достаточным, и по этой линии нам предстоит еще преодоление больших трудностей. Исходя из общей оценки урожая данного года, при росте товарной массы промышленности и сельского хозяйства, и исходя даже из политики снижения цен и сокращения разрыва между оптовыми и розничными ценами, мы считаем возможным проектировать рост эмиссии на будущий год в 200 млн. рублей, что составит прирост к денежной массе, находящейся в обращении к концу 1926—27 года около 12%.

Следует, однако, отметить, что роль кредита, в связи с ростом социалистического хозяйства и методов прямого перераспределения дохода, относительно сокращается. *Роль бюджета, как источника финансирования народного хозяйства, в противовес кредиту все больше увеличивается.*

Источники финансирования.

Годы.	Из бюджетн. средств	Из кредитн. средств	Всего
	В процентах		
1924/25 г. . . .	26,1	73,9	100
1925/26 г. . . .	45,9	54,1	100
1926/27 г. (I кв.)	58,6	41,4	100

6. О товарном голоде.

Перейдем теперь к одному вопросу, который является «коньком» нашей оппозиции. Это вопрос о товарном голоде и о рыночном равновесии. Будет ли у нас товарный голод в 1927—28 г.? В общей, наиболее суммарной форме на этот вопрос можно ответить *отрицательно* и подтвердить этот ответ следующими данными: по довоенным ценам доходы населения растут в 1927/28 хозяйственном году на 9,7%, а товарная часть продукции предметов широкого потребления растет на 11,8% (по отпускным ценам). Переводя довоенные цены в червонные, с учетом предстоящего в будущем году дальнейшего снижения цен, мы получим аналогичную картину: рост доходов населения на 5,1% и рост товарной части тех же предметов широкого потребления на 7,7%. По этим данным у нас не только не будет дефицита, но намечается даже некоторый избыток предложения.

Мы могли бы поставить здесь на этом вопросе точку, если б партия действительно подходила к основным вопросам хозяйственной политики по-чиновничьи, как об этом неизменно твердит оппозиция. Но партия, ответственная за руководство экономической политикой Союза, обязана знать и вскрывать те

подводные камни, которые могут ей встретиться, для того, чтобы принять своевременно соответствующие меры.

Какие же имеются у нас отрицательные моменты?

Те приросты, о которых мы говорим, происходят на основе не вполне изжитого товарного голода. 1926—27 год был годом рыночного равновесия, но это был первый более или менее благополучный год, и он не успел вполне закрепить собственных достижений. Уже летом этого года на рынке наблюдаются рецидивы товарного голода. Надо посмотреть, не грозят ли нам такие же рецидивы и в следующем году.

В таких сложных вопросах экономический анализ часто делается жертвой статистического ослепления. Если мы оперируем такими крупными данными, как товарная масса, составляющая в 1927—28 году (вместе с импортными пошлинами и акцизом) 21.685 млн. черв. рублей и народным доходом в 13.191 млн. черв. руб., то возможны крупные просчеты в пределах статистически допустимой ошибки.

При таких колоссальных суммах, благодаря несовершенству статистических данных, ошибиться на какие-нибудь 100 или 300 млн.—это сущий пустяк. С одной стороны, мы имеем 30-миллиардную товарную массу, а с другой стороны, возможные просчеты в 300—500 млн. Чем больше охват, тем ошибка меньше, тем проектировка надежней, но к чем большим цифрам мы переходим, тем абсолютные размеры ошибки больше; ошибка в ту или иную сторону может исчисляться сотнями миллионов. А как раз в нашей политической жизни эта *статистически допустимая ошибка играет очень большую роль*, потому что от того, снизится ли у нас товарный голод на 100 млн. или повысится на 50 млн., зависит целый ряд ответственных политических выводов. Тут надо прямо и честно сказать, что *на сей день наша статистика является еще настолько несовершенной, что она не в состоянии с математической точностью ответить на этот сугубо важный вопрос.*

Но как получается *суммарный, общий товарный избыток или дефицит?* Ведь мы тут складываем галоши с кровельным железом. Вы можете иметь избыток одного товара и недостаток другого. Все это складывается в одну кучу и выводится общий баланс, но если ситца на рынке нет, то крестьянин не может вместо ситца употреблять махорку. Некоторые острят, в том смысле, что качество товаров таково, что ситец можно курить, но махорку не наденешь на себя. Ту вселенскую смазь, которую представляет собой общий товарный дефицит следует заменить дифференциацией спроса и предложения по отдельным товарам. Если так подойти к вопросу, то намечается избыток одних товаров и недостаток других. У нас будет недостаток ситца, стекла, металла, будет избыток сахара, табака, чая, если мы ввезем его в достаточном количестве, а его намечается ввезти в достаточном количестве, потому что достаточная или даже избыточная продукция сахара вынуждает к этому.

В наступающем году мы будем иметь усложняющие моменты в виде улучшения качества продукции и снижения цен. Что для нашего хозяйственного организма продолжение работы по этим двум линиям абсолютно необходимо, понятно даже для умников из оппозиции, которые делают вопрос о качестве продукции орудием борьбы против партии и (на словах по край-

ней мере) признают необходимость снижения цен. На 1927—28 г. запроектировано значительное улучшение качества продукции, что снижает количество ее. По отдельным наиболее дефицитным товарам у нас получается, например, такая картина:

Валовая продукция.

В %% к предшествующему году.

Название отраслей	В довоен. ценах		В червон. ценах	
	1926—27	1927—28	1926—27	1927—28
1. Хлопч.-бум. пром. . . .	117,7	108,5	111,7	101,3
2. Шерстяная .	115,0	106,0	105,9	95,4
3. Кожевенная	121,5	113,0	115,1	109,7

Обострение возможно также с оконным стеклом и черными металлами.

Положение таково, что, не *опасаясь общего товарного голода* (из этой стадии мы уже вышли), мы *стоим перед опасностью дефицита на отдельные ходовые товары* в наиболее решающие моменты хозяйственного года. В связи с этим стоит и вопрос о том спросе, который может пред'явить деревня на основе нового урожая.

Мы имели два подсчета нового урожая. Тот подсчет, который был дан в июне—июле вызывал опасения, что крестьянство не будет возить хлеб на рынок. Это было еще связано также со слухами о войне. Хлебозаготовительные органы пошли по линии повышения хлебных цен в некоторых районах. Однако, последние данные, которыми мы располагаем в настоящее время, говорят о том, что рост товарного выхода будет по довоенным ценам на 8,7% выше прошлогоднего. Рост технических культур превышает прошлогодние размеры на 18,7%, достигая еще больших размеров по сахарной свекле—до 60%.

Если в таких условиях продолжать политику повышения с.-х. цен, то мы искусственно настолько повысим покупательный фонд деревни, что не будем в состоянии с ним справиться.

Сейчас [1]) отдельные корреспондентские сообщения говорят о том, что хлебозаготовительная кампания идет очень хорошо. Придется сманеврировать так, чтобы задержать повышение с.-х. цен и при этом сделать шаг к разрешению еще одной более важной задачи. Дело в том, что нам необходимо держать курс на снижение общего уровня цен и приближение их к уровню мировых цен. Если мы в прошлом году снижали цены на промтовары, то это должно отразиться и на уровне с.-х. цен. Было бы *нецелесообразно* требовать теперь же *резкого* снижения с.-х. цен в виду наличия «ножниц» между с.-х. и промышленными ценами, но во всяком случае мы должны и можем пойти теперь на стабилизацию с.-х. цен.

[1]) Сентябрь 1927 г.

Исходя из этих соображений «Контрольные цифры» намечают снижение нынешнего уровня заготовительных цен на зерно до среднего уровня 1926—27 г., сохранение цен на технические растения на весеннем уровне и снижение цен на животноводческие продукты.

На ряду с этим для того, чтобы дать толчок к дальнейшему снижению промышленных цен, следует в ближайшее время обратить исключительное внимание на снижение цен по средствам производства. Этот ценообразующий фактор должен облегчить возможности последующего снижения цен на предметы широкого потребления.

Снижение цен на промтовары в основном зависит от размеров себестоимости. Снижение последней намечено в 6%.

В целях дальнейшего закрепления успехов в области изживания товарного голода, в целях предотвращения балансовых невязок между спросом и предложением необходимо ввезти из-за границы недостающее количество сырья для расширения производства дефицитных предметов потребления.

Оснований для разговоров *об общем* товарном голоде нет. Отдельные грозные участки еще остаются. Для предотвращения возможных на этом фронте прорывов намечены соответствующие экономические мероприятия.

7. К капитализму или к социализму?

Развитие социальных отношений и в особенности развитие социалистических форм происходит в диалектических противоречиях. На каждой ступени переходного периода мы обязаны отвечать на ленинский вопрос о том, кто кого побеждает: социализм—капитализм, или наоборот? С этой целью «Контрольные цифры» изучают не только взаимоотношения между отдельными отраслями производства, но и между социальными секторами. Однако, уже по линии этих методологических вопросов наша работа приходит в конфликт с теми принципиальными установками, которые дает как платформа «15-ти», так и экономическая теория тов. Преображенского. Что касается платформы 15-ти, то, как известно, она отрицает возможность и необходимость деления нашего хозяйства на социальные секторы, об'являя такой метод антиленинским навождением. Составители платформы попросту не понимают, что именно Ленин имел в виду взаимоотношения между отдельными формами хозяйства («секторами»), когда повернул внимание партии к знаменитым «пяти укладам».

Не выдвигая ничего положительного против деления на социальные секторы, платформа 15-ти отрицает правильность такого деления, что связывается с ее общими политическими установками. Они считают, что внутри государственного, как и внутри кооперативного сектора, имеют место столь глубокие противоречия, друг друга отрицающие процессы, что это не дает возможности рассматривать социалистический сектор, как нечто единое. В этом отношении наши условия переходного времени коренным образом отличаются от предшествующих форм развития. Если в капиталистическом обществе социальные противоречия пролегают внутри данной формы, например, между капиталистом и рабочим, или

в феодальном обществе между крестьянином и феодалом, то в наших условиях основные социальные противоречия пролегают, главным образом, между отдельными секторами. Не противоречия между директором и рабочим социалистической фабрики являются у нас основными. Основные суть противоречия между социалистическим и капиталистическим развитием, между социалистическим и капиталистическим секторами. В этом смысле капиталистическое хозяйство СССР, как бы оно ни было ничтожно по своим размерам, должно вызывать к себе сугубое внимание. Оно является самым ярким антиподом социалистического развития. Между социалистическим и капиталистическим хозяйствами находится море простых товарных хозяйств, море крестьянских и кустарно-ремесленных единиц. Существенной разницы между простым товарным и капиталистическим хозяйством не понимает тов. Преображенский и его сторонники, ибо они сваливают эти хозяйства и происходящие в них процессы в одну кучу. *В этом смысле методологические установки «Контрольных цифр» расходятся как с Сапроновым—Смирновым, так и с Преображенским. Мы считаем нужным анализировать отдельно социалистическое хозяйство, простое товарное, капиталистическое и те явления взаимодействий, которые между ними происходят. Если мы не везде выделяем* капиталистическое хозяйство в отличие от простого товарного, то виной этому является *непреодоленная рутина нашей статистики*, которая до сих пор не только *не дает четкого разграничения данных по простому товарному и по капиталистическому сектору*, но даже не осознала еще всех тех трудностей, которые стоят по пути такого именно исследования.

Под социалистическим хозяйством мы понимаем государственное и кооперативное хозяйство вместе взятые. При общности их социальной природы у них имеются некоторые черты замкнутости, что об'ясняется их раздельным историческим происхождением и развитием. Одной из задач качественной работы в социалистическом секторе является изживание автаркии государственного и кооперативного хозяйств. 1926—27 год приносит в этом смысле значительные достижения. Так, политика снижения цен, которая проводилась в этом году при особо энергичной поддержке рабочих и крестьянских масс, способствовала в значительной степени изживанию той отчужденности, которая между этими двумя системами имеется. Система генеральных договоров, транзитных перевозок и т. п. мероприятий в значительной степени содействует сближению работы между двумя частями социалистического сектора. Это явление можно и должно расценивать не только с точки зрения его коммерческой эффективности (сокращение накладных расходов и т. п.), но и с точки зрения той консолидации внутренних сил социалистического сектора, которая по этому пути достигается. В этом смысле все проблемы улучшения качественной работы государственного и кооперативного хозяйства приобретают значение не только хозрасчетное, но и социальное.

Что касается тех социальных процессов, которые происходят в отдельных отраслях народного хозяйства, то они таковы: в сельском хозяйстве, несомненно, происходит *процесс расслоения деревни*. Он питается тем основным фактом, что Октябрьская революция, предоставив крестьянину землю в трудовое пользование, не смогла снабдить все крестьянство достаточным количеством орудий и средств производства. На этой почве развиваются легальные и полулегальные арендные отношения, на этой почве растут различные кабальные отношения в деревне. Все эти процессы имеют место. На них закрывать глаза не приходится. Но, к сожалению, они не поддаются в нашей статистике достаточно точному учету.

С другой стороны, в деревне происходят *процессы социалистического развития*. Основными формами, в которые выливаются *производственные* социалистические процессы деревни, являются совхозы и колхозы.

Коллективные хозяйства пережили целую полосу неблагоприятных лет. Это относится, главным образом, к первому периоду нэпа, тогда буря и натиск хозрасчетов поставили колхозы в довольно неблагоприятные условия. Но после этого периода, который, между прочим, характеризовался в значительной степени проеданием своих основных капиталов, колхозы становятся на более твердую почву. Все без исключения показатели дают, начиная с 1924—25 г., беспрерывный рост. Число колхозов увеличивается с 1924—25 г. по 1927—28 г. с 15 тысяч до 20,5 тысяч, количество людей, занятых в колхозах, должно в будущем году составить 1.168 тысяч, дают значительный рост посевные площади, продуктовый скот и товарная масса. Что особенно показательно в развитии колхозов, так это то, что, во-первых, в них значительную роль играет машина в противовес лошади. Колхоз в отличие от крестьянского хозяйства развивается в большей степени на машинной базе, чем на лошадиной. Во-вторых, производительность труда и товарность в колхозах выше, чем в крестьянских хозяйствах. Если в крестьянских хозяйствах удельный вес товарной части и валовой продукции составлял в 1925/26 году—16,9%, в 1926/27 году—18,2% и составит в 1927/28 году—19%, то по колхозу соответственные данные по этим годам таковы: 46,1%, 47,7% и 50,8%.

Интересно отметить то обстоятельство, что если в 1919 году, в период военного коммунизма, в колхозах имелось только 50% крестьян, то в настоящее время в них имеется 92% крестьян. Вместе с тем в деревне развиваются преимущественно низшие типы коллективного движения, а именно товарищества по совместной обработке земли. Это обстоятельство подчеркивает, что социалистическое строительство уже нашло в деревне ту социальную форму, которая является *наиболее приемлемой для крестьянского населения*. С другой стороны, рост производительности труда в колхозах в сравнении с крестьянским хозяйством говорит о том, что уже в настоящее время, когда колхозы страдают еще целым рядом дефектов, этот тип социалистической организации *оправдывает себя и с чисто хозяйственной точки зрения*.

В несколько худшем положении находятся *совхозы*, которые, однако, тоже имеют ряд достижений. Достаточно указать на то, что производительность труда в совхозах по данным за два года выше, нежели производительность труда в крестьянских хозяйствах. В 1925 году в совхозах урожай озимой ржи составлял 58,5 пудов с десятины, а в крестьянском хозяйстве только 45,7 пуда. За 1926 год соответствующие данные таковы: 55,9 и 54,2. Что касается озимой пшеницы, то за 1925 год данные по совхозам составляют 76,4 пуда с десятины, по крестьянским хозяйствам 70,3. 1926 год дает такие соответствующие данные: 64,3

и 58,3. Вместе с тем следует отметить, что и совхозы и колхозы *нуждаются еще в существенной организационной и финансовой помощи. Опираясь на мощный социалистический сектор города, совхозы и колхозы могут сделаться теми передовыми отрядами социалистического строительства в деревне, которые поведут за собою основные массы бедняцкого и отчасти середняцкого населения.*

Условия расслоения деревни таковы, что они толкают беднейшие части крестьянства на путь кооперирования, на путь об'единения своих хозяйственных сил. С другой стороны—те значительные успехи, которые мы имеем в настоящее время в области развития потребительской кооперации, позволяют нам в несколько большей степени *заострить внимание на формах производственного кооперирования деревни и увеличения ей помощи именно по этой линии.*

С каждым годом мы должны и можем уделять этой форме кооперативного движения все больше и больше внимания.

Становится более активной роль государственных мероприятий в деревне. Ассигнования на мероприятия в сельском хозяйстве составляли в 1926—27 г. 499 м. р., и, повышаясь на 25,3%, составят 625 м. р. в 1927—28 г. Ассигнования, обслуживающие индивидуальные хозяйства, повышаются на 26%, а специальные ассигнования на бедноту и колхозы повышаются на 60%.

Перейдем к вопросу о взаимоотношении между секторами.

Показатели роста социалистического сектора по всем отраслям нар. хозяйства, взятым вместе, для 1927—28 г. таковы: капитальные вложения растут на 28,8%, торгово-посреднические обороты увеличиваются на 32,2%, сумма заработных плат, выплачиваемых социалистическим сектором, растет на 19,2%, валовая продукция—на 13,8%, годовая заработная плата—на 11,8%.

Частный же сектор либо держится на уровне стабильности, как, например, частный торгово-посреднический оборот в 1927—28 г., либо дает незначительный прирост (промышленность в 1927—28 г.), либо даже падает в абсолютных размерах, как торговля и промышленность в 1926—27 году.

Успехи социалистического строительства выражались до сих пор в том, что из года в год мы наблюдаем *падение удельного веса* частного хозяйства *при возрастании абсолютных размеров* как социалистического, так и частного хозяйства. 1926—27 г. вносит в этом отношении два существенных момента: падение абсолютных размеров частного капитала и усиление доли социалистического сектора в области ценообразования. Это сокращение частного капитала имеет место в промышленности и в торгово-посредническом обороте. Соответствующие данные, иллюстрирующие это положение таковы: валовая продукция частной промышленности сократилась в 1926—27 г. на 2,9%, при чем крупная цензовая промышленность сократилась на 29,8%. Размеры частного торгово-посреднического оборота упали с 5.700 млн. до 5.200. Характерно отметить, то, что сокращение абсолютных размеров частного капитала как в торговле, так и в промышленности, приходится исключительно на высшие звенья. Этот процесс касается цензовой капиталистической промышленности и крупной оптовой торговли. В проектировке на будущий год мы предполагаем стабильность частной торговли при дальнейшем падении абсолютных размеров оптовой торговли и при возрастании розничной частной торговли. Вместе с тем нами проектируется незначительный прирост частной промышленности, примерно в 3%, с распределением прироста в меньшей степени по крупной промышленности (0,8%) и в большей степени по мелкой промышленности (3,1%). При этом предполагается система экономических мероприятий, направленная на то, чтобы *заставить частный капитал заниматься производительным трудом*, пользуясь тем, что в торговле для него сложились довольно неблагоприятные условия. На ряду с этим необходимо *дальнейшее вытеснение частной торговли из крупных звеньев* с тем, чтобы путем определенной политики по линии товарного и денежного кредита, по линии налогов и т. д. установить непосредственную связь между обобществленной торговлей и частной мелкой торговлей.

Обобществленная торговля должна врезаться клином между частной крупной торговлей и частной мелкой торговлей, подрубив у первой те корни, на которых она держится, эксплоатируя мелких торговцев, кустарей, ремесленников и крестьян, а местами и государственный аппарат. Вместе с тем мы должны стараться *втянуть мелкую частную торговлю все больше и больше в орбиту социалистического влияния.* Вся эта политика должна быть рассчитана не столько на количественные успехи, которых у нас в этой области в общем и целом достаточно, сколько *на такую перегруппировку частного капитала, которая поставила бы его в зависимое положение от социалистического сектора народного хозяйства.* Вообще, мы настолько окрепли, что можем спокойно *диктовать частному капиталу свои экономические условия.*

Второй момент, который необходимо отметить, заключается в том, что до сих пор мы при больших темпах возрастания государственной и кооперативной торговли в сравнении с частной все же не имели достаточного влияния на рынке, что сказывалось главным образом на *уровне цен.* Частный капитал в значительной степени диктовал рынку свои цены. Это удавалось ему благодаря товарному голоду на решающих участках рыночного оборота, благодаря недостаточной организованности обобществленной торговли и благодаря ее недостаточному количественному охвату. При всех недостатках, которыми страдает еще в настоящее время кооперативная и государственная торговля, ей удалось за последний год настолько продвинуться вперед, что *она стала диктовать свои экономические условия частному рынку по линии ценообразования.* Здесь сыграло крупную роль еще и то обстоятельство, что мы проводили в этом году энергичную кампанию по снижению цен. Успехи на этом фронте были настолько значительны, что они отразились также и на частном рынке. Частный капитал вынужден был в 1926—27 г. пойти на некоторое снижение цен. Обобществленная торговля настолько окрепла, что она потянула за собой частные цены. Наше положение иллюстрируется данными по частной и кооперативной торговле за 2 года: с 1 июня 1925 г. по 1 июня 1927 г. Эти два года подразделяются на два периода, из которых один прямо противоположен другому. *Если в период с 1 июня 1925 года по 1 мая 1926 г. роль частнокапиталистических стихийных сил была еще довольно значительна в торгово-посредническом обороте, то в последующий период замечается обратное положение.* В период с 1-го июня 1925 г. по 1-е мая 1926 г. цены частной торговли поднялись на 9 товаров из 15 товаров, входящих в бюджетный набор Цен-

трального Бюро Статистики Труда, в последующий же период с 1-го мая 1926 г. по 1-е июня 1927 г. мы имеем снижение цен в частной торговле на 8 товаров, при этом характерно то, что во втором периоде темп падения цен по отдельным товарам на частном рынке тем сильнее, чем выше их уровень по сравнению с отпускными государственными и кооперативными розничными ценами в первом периоде. В течение этого второго периода мы имеем даже такое явление, что цена на отдельные товары промышленного производства снижается в частной рознице при условии стабильности государственных отпускных цен на те же товары. Такими товарами были полотно, ситец, керосин, галоши, стаканы. В то время, когда на ситец в кооперации цена снижается на 2,1%, цена в частной торговле падает на 22,9%, керосин снижается в кооперации на 6,5%, в частной торговле—на 8,5%, галоши в кооперации—на 0,5%, а частная торговли дает снижение на 9,9%. Эти данные по отдельным товарам чрезвычайно знаменательны. Они показывают, что роль обобществленной торговли в продвижении этих товаров к потребителю настолько возросла, что *частная торговля была вынуждена пойти на более быстрый темп снижения цен для того, чтобы удержать свою конкурентоспособность на рынке.* Однако, эти относительные величины не должны создавать перед нами ложной картины. Следует помнить, что в абсолютных размерах цены частной торговли и до сих пор стоят еще выше цен кооперативной розницы. Успехи в этой области несомненны, однако, они недостаточны и требуют дальнейшего закрепления и развития.

Говоря о ценах, не лишне отметить еще один штрих. Как известно, летом текущего года наблюдался большой ажиотаж на рынке в связи со слухами о войне. Спекулянтские и потребительские заготовки не только дефицитных, но и достаточных товаров достигли больших размеров, и, несмотря на это, цены на отдельные товары либо вовсе не повысились, либо повысились в незначительной степени. Такое положение вещей совершенно невозможно при безграничном господстве капиталистического рынка, когда так называемая свободная игра рыночных сил доминирует в определении цены. Там, при прочих равных условиях, повышенный спрос вздувает цены. Наше хозяйство показало впервые пример, когда при повышенном спросе не наблюдается сколько-нибудь значительного повышения цен. Это лишний раз свидетельствует об увеличивающейся роли планируемой обобществленной торговли.

Эти успехи в области ценообразования, которых мы добились, свидетельствуют о том, что обобществленная торговля обладает не только достаточной силой устойчивости, но уже и силой реального воздействия на окружающую стихию. Все же нами недостаточно охвачен рынок сельскохозяйственных продуктов, что является задачей нашего ближайшего будущего.

Одним из самых острых вопросов в деле обобществления является *вопрос о социальном составе кооперации.* Вопрос о том, на кого распространяется социалистическое влияние, кого кооперативное движение втягивает в сферу своего воздействия, играет в наших условиях колоссальную роль. Вопрос этот особенно важен в отношении деревни, где на почве мелкотоварного некапиталистического производства растет и капиталистическое хозяйство. Этот вопрос не мало заострялся и внутрипартийной оппозицией.

Следует сказать, что данные, характеризующие социальный состав сельскохозяйственной кооперации, не разработаны в достаточной степени, но тем не менее тот материал, который имеется в нашем распоряжении, позволяет сделать некоторые выводы. Основной вывод, к которому следует притти, заключается в том, что *главная масса кооперированного населения состоит из середняков,* второе место занимают бедняки и на третьем месте стоят кулаки. Эти данные видны из следующей таблички:

Социальный состав сел.-хоз. кооперации по универсальной сети РСФСР.

Группы по посевности, лошадности и коровности	В % к итогу
По посевам:	
Без посевов и с посевом до 2 дес.	23,0
С посевом 2—10 дес.	68,5
В том числе 8—10 дес.	7,4
С посевом свыше 10 дес.	8,5
	100,0
По лошадности:	
Безлошадные	26,3
С 1—2 лош.	66,8
С 3 лош. и более	6,9
	100,0
По коровности:	
Бескоровные	10,3
С 1—2 коровами	81,0
С 3 кор. и более	8,7
	100,0

Однако, *социальный состав кооперации в значительной степени зависит и от того, какое производство охватывает данная кооперативная организация.* Так, например, картофельная кооперация, охватывает по преимуществу бедняцкие слои населения, наоборот, молочная кооперация охватывает, главным образом, зажиточные слои деревни. Все же даже молочная кооперация по своему социальному составу такова, что она в основном является середняцкой, а не кулацкой.

Что касается *социального распределения прибавочного продукта, создаваемого в нашем Союзе,* то оно дает совершенно четкую и устойчивую тенденцию из года в год. *Доля социалистического сектора* в национальном доходе повышается: с 7,8% в 1924—25 г., до 9,6% в 1926—27 г. и до 10,3% в 1927—28 году.

Удельный вес доходов крестьянского населения падает с 55,1% в 1924—25 г. до 49,3% в 1926—27 г. и до 49,1% в 1927—28 г. Однако, в абсолютных размерах доходы крестьянства растут, увеличиваясь на 7,2% в 1926—27 г. и на 7,3% в 1927—28 г. В 1927—28 г. темп роста доходов крестьянского населения не на много отстает от темпа роста доходов пролетариата (7,7% и 7,3%), что приходится, однако, на низкий абсолютный уровень: средний доход одного «самодеятельного лица» (выражаясь языком статистики) составлял в 1926—27 г. для крестьянства 205 руб. в год, а для пролетариата 795 руб. Мы не имеем возможности дифференцировать доходы по социальным группам крестьянства, но

можно полагать, что при этом скажется основной процесс, наметившийся в прошлом: переход части бедняцких хозяйств в середняцкие и дальнейшее укрепление середняцких хозяйств. Будет, конечно, происходить процесс накопления у крестьянской верхушки, но решающей роли за этим процессом признать нельзя. Что касается доходов городского населения, то их удельный вес возрос с 37% в 1924—25 г. до 41,1% в 1926—27 г. и намечается падение его до 40,6% в 1927—28 году.

При этом наиболее характерно то обстоятельство, что *удельный вес* дохода пролетариата возрастет с 24,1% до 29,4% в 1926—27 г. и до 29,5% в 1927—28 г.

Вместе с тем доходы городской буржуазии снижаются не только в относительных, но и в абсолютных размерах, падая в 1926—27 г. на 0,1% и на 1,4% в 1927—28 г.

Эти сухие цифры говорят более красноречиво, чем дюжина политических программ, о том, что в условиях мелкобуржуазного окружения *социалистическому государству удается вести такую политику распределения и перераспределения доходов, которая наиболее соответствует задачам социалистического развития.*

За истекшие годы процесс, отличающий социалистический сектор от частного, настолько ярко выявился, что он ведет *к изменению экономической роли и удельного веса социальных секторов во всем народном хозяйстве.* Однако, те большие темпы нарастания социалистического сектора, которые мы видели выше, получают в народном хозяйстве сокращенное выражение в виде прироста удельного веса социалистического сектора на единицу или десятую долю процентов. Об'ясняется это двумя причинами: в народном хозяйстве имеются такие массивы, где частный сектор настолько силен, что даже значительный прирост социалистического сектора не вносит достаточно резких изменений,—таковыми, например, являются основные фонды частного сектора; с другой стороны, имеются такие отрасли народного хозяйства, где командные высоты в столь широких размерах захвачены социалистическим сектором, что для падения удельного веса частного сектора остается очень мало места,—таковыми являются валовая продукция промышленности и посреднический товарооборот. Наконец, имеются такие отрасли, где дальнейшее обобществление неизменно должно равняться нулю: это ж.-д. транспорт и народная связь.

С этими оговорками мы приводим данные, характеризующие изменение удельных весов частного и социалистического секторов в народном хозяйстве.

Наемный человеческий труд был обобществлен в 1924—25 г. на 80,2%, а в 1926—27 г. на 80,6%, в будущем году обобществление его увеличивается до 8,08%. Что касается суммы зарплат обобществленного сектора, то они возросли с 90,2% в 1924—25 г. до 91,1% в 1926—27 г. и повышаются до 91,5% в 1927—28 г.

Что касается валовой продукции народного хозяйства, то при незначительном удельном весе социалистического сектора и в этом показателе изменения последнего происходят довольно быстро: с 29% в 1924—25 г. удельный вес обобществленного сектора возрос по всей валовой продукции страны до 37,1% в 1926—27 г. и поднимается до 39,8% в 1927—28 г.

Количественные сдвиги в рыночных отношениях выражаются в том, что удельный вес обобществленного сектора возрос с 72,6% в 1924—25 г. до 81,5% в 1926—27 г. и поднимается до

84,5% в новом году. Наконец, наиболее эффектным является удельный вес социалистических вложений за год, результаты которых таковы: составляя в 1924—25 г. 43,8%, они достигли в 1926—27 г. 61% и достигнут 64,7% в 1927—28 г. Показатели ежегодных вложений отмечают успех социалистического накопления.

Однако, в виду наличия в стране большого количества основных капиталов, находящихся в частном хозяйстве, значительные сдвиги в области капитальных вложений получают менее значительное выражение по основным фондам. Так, к концу 1924—25 г. основные фонды социалистического сектора составляли 56,4%; а в 1926—27 г. они составляют 57,2% и, наконец, в 1927—28 г. они достигнут 58,2%.

Имеется взгляд, по которому рост социалистических элементов в стране ведет к нарушению хозяйственного равновесия, к созданию новых диспропорций и обострению существующих. Опыт истекших лет показывает, что именно рост социализма в нашей экономике укрепляет равновесие. Мы имеем не только количественный, но и качественный рост социалистического сектора, что позволяет нам намечать на будущий год значительные приросты продукции при незначительном увеличении рабочей силы.

Те изменения удельного веса социалистического сектора, которые происходят в народном хозяйстве, имеют устойчивую тенденцию по каждому из показателей. *Нарастание социалистических элементов происходит в общем и целом безкризисным путем, на основании определенного экономического равновесия.*

8. «Контрольные цифры» и оппозиция.

Летом, 1925 года, когда впервые появились «Контрольные цифры», тов. Троцкий считал возможным выступить по этому поводу с целой брошюрой, под названием «К социализму или к капитализму?» В то время наши успехи на фронте социалистического строительства были значительно меньше, чем теперь. Мы не только не имели современных количественных достижений, но у нас, кроме того, обстояло гораздо хуже и в смысле экономического равновесия. Частный капитал был гораздо сильнее. Союз города и деревни был слабее, чем в настоящее время. Успехи индустриализации были меньше. Сами «Контрольные цифры», которые приближались больше к типу статистической таблицы, не были еще в состоянии ответить на целый ряд вопросов, на которые они дали ответ в 1926 году, и еще менее отвечали на те проблемы, которые заостряют наши нынешние новые «Контрольные цифры». Тем не менее тов. Троцкий квалифицировал тогда «Контрольные цифры» чуть ли не как социальный баланс, обратив сугубое внимание на раздел обобществления. «*Пусть грубо и предварительно,*—писал тов. Троцкий,—*но мы уже подсчитались, мы количественно определили взаимоотношения социализма и капитализма в нашей экономике для сегодняшнего дня и для завтрашнего*» [1]).

В смысле количественных подсчетов «Контрольные цифры» как первого, так и второго года не давали исчерпывающей картины социальных отношений, да и «Контрольные цифры на 1927—28 г.» не могут еще претендовать на подведение вполне исчерпывающих количественных итогов по линии взаимоотношений между клас-

[1]) «К социализму или к капитализму». Изд. второе, стр. 14.

сами. В этом смысле те похвалы, которые в то время расточал тов. Троцкий по адресу «Контрольных цифр», были, несомненно, преувеличенными. Но как обстоит по существу с вопросом о том, куда мы идем? Как известно, в настоящее время оппозиция поднимает вопль по поводу того, что нас будто заедает со всех сторон капитализм. Она считает, что, если не принимать экстраординарных мер, то социализм будет захлеснут волнами капитализма, идущими из глубинных процессов нашей экономики. Отсюда—экономическое «обоснование» для термидора и всех прочих сказок для маленьких детей. Как думал вождь оппозиции, тов. Троцкий по этому вопросу два года назад? В предисловии к немецкому изданию упомянутой брошюры, Троцкий писал: «*Мы слишком твердо стоим на командных хозяйственных высотах, чтобы рост капиталистических или полукапиталистических тенденций в сельском хозяйстве мог в сколько-нибудь близком будущем перекатиться через наши головы*» [1]).

Троцкий оказался правым в одном отношении: через «наши головы», т.-е. через головы партии и Советского Союза волны капитализма не перекатились и не перекатываются. Но через другие «наши головы», через головы оппозиционеров всех мастей и оттенков волны капитализма, к сожалению, перекатились. Они с такой силой вовлекли оппозицию в свое русло, что поставили ее лицом к лицу против коммунистической партии и против СССР, строящего социализм не на словах, а на деле. Два года, прошедшие со времени выступления тов. Троцкого по поводу «Контрольных цифр», блестяще доказали, что *социализм в нашей стране опережает не только капиталистические хозяйства, но и частное хозяйство в целом.*

Но, быть может, провидец Троцкий пред'являл к «Контрольным цифрам» какие-то особенные, сногсшибательные требования по вопросу о социальных формах развития? Послушаем, что он говорил тогда же по вопросу о частном капитале. «На предстоящий год,—писал Троцкий,—сводная таблица намечает, как мы видели, дальнейшее, правда, незначительное снижение удельного веса частной промышленности и торговли. Мы можем без всякого волнения ждать, какова будет проверка этого предвидения в действительности. Победу государственной промышленности над частной отнюдь не надо представлять себе непременно в виде одной непрерывно восходящей линии. Могут быть периоды, когда государство, опираясь на свою экономически обеспеченную мощь и стремясь ускорить темп развития, *сознательно допускает временное увеличение удельного веса частных предприятий: в земледелии—в форме «крепких», т.-е. фермерски-капиталистических хозяйств; в промышленности и в том же земледелии—в форме концессий.* Принимая во внимание чрезвычайно распыленный характер большей части нашей частной промышленности, было бы наивно думать, что всякое повышение удельного веса частной продукции выше нынешних 20,7%, означало бы неминуемо какую-либо угрозу социалистическому строительству. Было бы вообще неправильно пытаться установить здесь какой-либо жесткий предельный процент. Вопрос определяется не формальным пределом, а общей динамикой развития» [2]).

[1]) Там же, стр. 6.
[2]) Там же, стр. 23.

Можно подумать, что эти слова написаны каким-нибудь заправским «термидорианцем», или самим Кондратьевым, если не Устряловым. В самом деле, увеличение удельного веса частного капитала, да еще сознательно допускаемое социалистическим государством, представляет собою решительный *шаг к отказу от Октябрьских завоеваний.* Дело, конечно, не в количественно-статистических отношениях, а в экономических процессах, происходящих внутри страны. А эти экономические процессы говорят о том, что частный капитал *может* расти из простого товарного хоз-ва, если не противодействовать ему. Троцкий говорит о росте «крепких», т.-е. фермерски-капиталистических хоз-в.

Здесь все точки над архаическим дооктябрьским «i» поставлены. Какой Разуваев и Колупаев нашего времени под этими словами не подпишется?

Надо ли представлять себе победу социализма над капитализмом в виде «*одной непрерывно восходящей линии*»? Мы думаем, что именно непрерывно восходящая линия является для нас «*непреложным законом в ближайшие годы*». Так как социалистическое хозяйство находится в окружении капиталистического мира извне и моря простых товаропроизводителей внутри, то всякое относительное или абсолютное снижение нашей восходящей линии может повести к усилению нажима капиталистических стран и к росту внутри страны капиталистических элементов в таких размерах, с которыми потом трудно было бы справиться.

Если бы такой поворот «линии» случился, это означало бы *большую угрозу для социалистического строительства*, и мы должны были бы мобилизовать все силы для того, чтобы опять повернуть ход нашей экономики в социалистическую сторону. Но что получилось в действительности? В самые тягчайшие годы восстановления нашего хозяйства мы имели нарастание удельного веса социализма над капитализмом, а в настоящее время частный капитал падает даже в абсолютных размерах. Да, мы имеем резкое расхождение действительности с предположительной наметкой тов. Троцкого. Если *это* составляет материал для оппозиционного недовольства в 1927 году, то ее поздравить нельзя. *Упорная работа партии в области руководства хозяйством оставила далеко позади все пессимистические предположения оппозиции.* Где же тут основания для тех обвинений, с которыми оппозиция выступает против партии по хозяйственным вопросам? Или фракционное ослепление оппозиции настолько сильно, что она не в состоянии разглядеть основных линий нашего хозяйственного развития?

Мы можем в настоящее время уже дать более исчерпывающий (хотя и не вполне достаточный) ответ на вопрос о социальных взаимоотношениях. За два года работы Госплан ушел далеко вперед в смысле усовершенствования своих методов познания и в смысле углубления качественного анализа социальных взаимоотношений. *Если первые «Контрольные цифры» могли быть для тов. Троцкого и его единомышленников достаточными для ответа на вопрос о социальных отношениях, то для них должен быть совершенно обязательным тот ответ, который дают на этот вопрос более усовершенствованные «Контрольные цифры на 1927—28 год». А ответ этот таков, что, несмотря на ряд затруднений, СССР идет под знаком социалистического роста и укрепления.*

М. Брудный.

Наши разногласия и неоднородность пролетариата.

I.

Неоднородность пролетариата заключена в процессе образования класса. Класс постоянно образуется. Нет и не может быть такого периода, когда можно было бы сказать, что процесс образования класса закончен. Предел процессу образования класса кладет только идущий ему на известной исторической ступени «навстречу» процесс распадения классов, т.-е. полное осуществление коммунизма.

Это не значит, разумеется, что налицо нет сформированных классов. Развитие производительных сил буржуазного общества привело к образованию трех основных классов, стоящих в определенном отношении друг к другу и друг против друга.

Но то, какими путями шло формирование класса, и то, какими путями продолжается его образование, имеют много общего.

В самом деле. Рабочий класс происходит из рядов крестьянства, ремесленников и городской мелкой буржуазии. Если брать весь отрезок времени от момента возникновения рабочего класса до образования марксистских политических партий пролетариата, то это был период кристаллизации классового сознания благодаря накопившемуся опыту классовой борьбы и через ломку и изживание тех идеологических наслоений, которые принесли с собой бывшие крестьяне и ремесленники. Человеческий материал, из которого формировался рабочий класс, отнюдь не был бессознательным в абсолютном смысле. Он был бессознательным только с точки зрения своего будущего пролетарского сознания. Точно так же, как когда мы говорим о новичке-рабочем, только-что сменившем плуг на молот, что он бессознательный, мы выражаемся не точно. У него сознание, конечно, есть. Но это общественное сознание не той части общества, к которой он сейчас принадлежит, а той, к которой он принадлежал вчера.

Организация рабочего класса гораздо моложе самого класса. Ряд десятилетий, отделяющих возникновение пролетарских организаций от возникновения пролетариата, заполнен конфликтом между новыми производственными отношениями, *еще* не успевшими выработать свое сознание и *уже* устаревшим сознанием, приобретенным в условиях старых производственных отношений. Этот конфликт захватывает также значительный период и организованного рабочего движения.

Общеизвестные две формулировки, данные Марксом понятию класс: «класс по отношению к капиталу» и «класс для себя»,— выражают указанный конфликт.

Всю историю рабочего движения можно классифицировать по ступеням опыта классовой борьбы. Определенность и «количество» опыта выражается в «качестве» организованности и сознания пролетариата на каждой данной ступени. Идеи и организации пролетариата на определенных этапах его развития являются как бы сгустками накопленного опыта.

Поступательное движение пролетариата от касс взаимопомощи через профсоюзы к политическим партиям—это могучий рост его организованности на почве нарастания опыта классовой борьбы. Вместе с тем каждый этап на пути роста организованности и самостоятельности классового сознания пролетариата есть ликвидация пережитков сознания чуждого класса, приобретенного в условиях старых производственных отношений.

Так формируется «класс для себя» с самостоятельным классовым сознанием.

Но и вполне самоопределившись, пролетариат не может огородить занимаемое им в обществе поле. Тут действуют не воля класса, а экономический закон. Если в отношении буржуазии можно сказать, что при переходе ее границы требуется приличный паспорт и высокие пошлины в виде наличия солидных средств производства, то границы пролетариата безусловно открыты для всех, и именно беспаспортные знают хорошо эту дороженьку.

Пролетариат постоянно образуется: все новые кадры пауперизированных масс вливаются в его ряды. Но эти пролетаризующиеся массы еще целиком или почти целиком находятся в плену старых идеологических наслоений. Если речь идет о выходцах из крестьянства, то реально, экономически потерянная собственность еще продолжает «существовать» в голове, и мелкособственническая оценка общественных явлений применяется в пролетарской обстановке.

Этот факт уже достаточен для того, чтобы констатировать постоянную основу социального дифференцирования рабочего класса.

Но в действительности существует еще один поток, усиливающий дифференцирование рабочего класса. Если до сих пор речь шла о слоях, *идущих* к пролетариату, то теперь речь идет о слоях, *отходящих* от пролетариата. Мы имеем в виду «обуржуазившийся пролетариат» (Энгельс). В условиях буржуазной демократии и колониальных успехов капитализма некоторые слои пролетариата приобретают ряд экономических привилегий по сравнению со всей массой рабочих. Решающее значение этих привилегий заключается в том, что благодаря им рабочая аристократия начинает рассматривать себя как группу переходную от пролетариата к «верхним слоям» общества. Суть не столько в действительных экономических возможностях перехода от пролетариата к буржуазии (этих возможностей и для рабочей аристократии почти нет), сколько в том, что эта возможность постоянно маячит перед глазами этого слоя рабочих, как заманчивая для них перспектива, и этого уже достаточно, чтобы идеологически оторваться от пролетариата.

Тенденция социального дифференцирования пролетариата пресекается противоположной ей тенденцией нивелировки. Так, в середине прошлого столетия ожесточенная англо-германская конкуренция, породившая техническое переоборудование английской промышленности, привела к изменению структуры англий-

ского рабочего класса в сторону его относительного нивелирования. Это отразилось также на членстве трэд'юнионов.

Бурный рост промышленности в России конца XIX и начала XX вв. имел своим результатом такой значительный темп роста пролетариата, при котором, несмотря на вовлечение новых деревенских слоев в среду рабочего класса, безусловно преобладала тенденция нивелировки, выравнивания, выработки «среднего» рабочего.

Соотношение между тенденциями дифференцирования и нивелировки в разные периоды, в разных странах колеблются в зависимости от целого ряда причин, подробное рассмотрение которых выходит за пределы настоящей темы. Укажем лишь на главнейшие из них: темп увеличения постоянного капитала по сравнению с переменным, технические реконструкции промышленности, соотношение классовых сил между буржуазией и пролетариатом и др. При органическом, «нормальном» развитии капитализма тенденции нивелировки и дифференцирования уравновешивают друг друга, так как вовлечение новых слоев рабочих и выделение рабочей аристократии пресекается стабилизацией и укреплением в производстве «среднего» рабочего. Новые кадры рабочих занимают место тех, которые, пройдя производственный стаж, переходят на высшую ступень «средних» рабочих.

С другой стороны, в условиях буржуазной демократии растет и ширится организация пролетариата, и все новые слои переходят из «класса по отношению к капиталу» в «класс для себя».

Иное дело в эпоху империализма. Здесь, если рассматривать вопрос во всемировом масштабе, преобладает тенденция дифференцирования. На одном полюсе в империалистических, грабительских странах за счет награбленной сверхприбыли растут кадры рабочей аристократии, экономически привилегированные и политически плененные буржуазией, а на другом полюсе в колониальных странах усиливается процесс пауперизации широких крестьянских масс и выделения туземного пролетариата с крайне низкой заработной платой.

Единственным крупным фактором, содействующим нивелировке пролетариата и в эпоху империализма, является характер технической эволюции капитализма, который сводится к установке на рабочего средней квалификации (рационализация, конвейер и пр.). Но ему противостоят следующие два важнейших фактора. Во-первых, относительно большее исчерпание крестьянских резервов пролетариата по сравнению с резервами городской мелкой буржуазии. А последняя приносит в среду пролетариата презрение к классовой самостоятельности и стремление все силы отдать не борьбе с буржуазией, а задаче «выйти в люди». В этом отношении, безусловно, крестьянские резервы, имея в виду бедноту, которая и в деревнях влачит нищенскую жизнь, скорее и легче поддаются пролетарской обработке, чем городская мелкая буржуазия. Во-вторых, все большее развращение буржуазией не только верхушки рабочего класса, но и некоторой части средних слоев пролетариата.

Социальное дифференцирование пролетариата является величайшей важности фактором для оценки ленинской стратегии в целом и учения Ленина о партии в частности.

В среде пролетариата существуют относительно устойчивые группы, характеризуемые двумя признаками: общностью материальных условий существования и одинаковым политическим кругозором. Каково же отношение отдельных своеобразных групп пролетариата к пролетариату в целом, к его общеклассовым задачам?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо помнить, что относительно устойчивые группы пролетариата (рабочая аристократия или слой высококвалифицированных рабочих, и новые технически и политически отсталые слои рабочих) являются крайними пограничными отрядами пролетариата, т.-е. что они социально расположены так, что граничат с двумя, чуждыми пролетариату, классами. Одна группа граничит с городской мелкой или даже средней буржуазией, а другая—с крестьянством.

Но особенность этих пограничных отрядов заключается в том, что они не только не охраняют свое отечество—пролетариат—от враждебных ему классов, но подчас прямо-таки легально пропускают через границу рабочего класса лозунги и идеи чуждых нам классов, упакованные достаточно «оригинально», т.-е. в соответствии с бытовыми условиями пролетариата.

Когда говорят о влиянии буржуазии на пролетариат, то порою не представляют себе механизма этого влияния. Между тем этот механизм становится вполне понятным, если представить себе пролетариат не только как однородное тело, но и как неоднородное. *Влияние буржуазии на пролетариат проходит именно через заражение его пограничных отрядов.* Речь таким образом, идет о влиянии буржуазии на известную группу пролетариата, отстающую от «класса для себя» и о попытке через пленение этой группы дезорганизовать и разоружить пролетариат в целом.

Что такое «класс для себя»? Это «совокупность» людей, находящихся в одинаковых производственных отношениях, выработавших на опыте классовой борьбы известную систему воззрений на общественное развитие, свои классовые задачи и пр. и ведущих организованную борьбу за достижение своих целей.

Чем характеризуются своеобразные группы пролетариата?

Тем, что они либо еще не достигли уровня «класса для себя», либо сознательно себя изолируют от него ради приближения к «высшим» классам общества. Отсталые слои пролетариата находятся на такой ступени развития, которая для всего пролетариата является уже давно пройденной, а рабочая аристократия на такой ступени, на которую пролетариат в целом подниматься не может и не хочет.

Здесь заложено противоречие между некоторыми группами пролетариата и пролетариатом в целом.

Но одно дело группа, другое дело групповость. Группа является продуктом экономического развития, а групповость есть осознание этих экономических результатов, как единственно-прочного основания для правильной политики. Противоречие на экономической почве между своеобразными группами пролетариата и пролетариатом в целом превращается в области политики в прямую противоположность между классом и групповостью. Но это лишь при том условии, если группа настаивает на групповости. Но в действительности, если всякая политическая групповость есть результат существования экономических групп, то не любое существование экономических групп должно привести к политической групповости.

Групповость и групповая вражда в среде пролетариата—это как раз то, что нужно буржуазии, ибо эта групповость является величайшим препятствием в классовой борьбе пролетариата. Поэтому Ленин в основе всей своей стратегии и в частности в основе своего учения о партии имеет идею примата класса над группой. Эта идея означает, что, во-первых, известная экономическая неоднородность отдельных слоев пролетариата не может быть использована как орудие борьбы против задач и целей класса в целом, и, во-вторых, отсталость общественного сознания отдельных слоев пролетариата не должна служить базисом для самостоятельной их программы.

Идея подчинения интересов групп интересам всего класса лежит и в основе возникновения политических партий пролетариата, представляющих интересы всего класса.

Значит ли это, что партия пролетариата в своей внутренней жизни не сталкивается с групповыми интересами?

Нет, не значит. Как общее правило можно установить следующее: в условиях восходящего развития пролетариата, в условиях его побед все группы пролетариата идут сплоченно и выступают, в общем, единым фронтом; тогда партия едина, тогда, как общее правило, групповые интересы не выступают наружу и не угрожают единству партии. Но зато в условиях острых кризисов, при резких поворотах исторического пути, а тем более в условиях поражений рабочего класса, групповые интересы оживают и выступают в рядах партии. Идеологи и вожди партии перестают говорить языком класса и начинают говорить языком группы. Предлагая партии авантюристский путчизм или трусливую постепенность, свертывать знамена или строить баррикады на краю бездны—они одинаково предлагают партии свернуть с ее исторического пути классовой борьбы на путь групповости—служанки какого-нибудь класса.

Почему так происходит?

Потому, что при острых переломах политического момента, когда ставятся на карту важнейшие судьбы рабочего класса, растет активность всех классов общества. Какими путями может буржуазия дезорганизовать и разоружить пролетариат в решительный момент? Только путем раскола рабочего класса, путем пленения отдельных его групп. Группы пролетариата, по своей социальной географии граничащие с враждебными классами, восприимчивее всего к этой провокации буржуазии и в острые моменты борьбы часто становятся каналами буржуазного влияния на пролетариат.

Гегемония класса над группой (партии в целом над групповыми интересами, выступающими в ее рядах) гарантирует ей (группе) пролетарскую линию поведения. Группа, предоставленная сама себе, становится рупором граничащего с ней класса, проводником буржуазного влияния на пролетариат.

В дальнейшем изложении мы поставим конкретней вопрос о тенденции социального дифференцирования в эпоху диктатуры пролетариата в СССР. Сейчас же мы должны сделать тот вывод, что внутрипартийная принципиальная борьба по коренным вопросам есть борьба между интересами дальнейшего развития «класса для себя», достижения классом в целом его конечной цели и групповыми интересами, узкими интересами отдельных групп пролетариата. Каждая победа партийности над групповостью есть колоссальное достижение, так как в итоге суживаются группы (по признаку отсталости классового сознания) и расширяется, укрепляется «класс для себя».

Что внутрипартийная принципиальная борьба по коренным вопросам отражает экономическую неоднородность пролетариата *и поэтому* по своему существу есть борьба между классовой пролетарской линией поведения и буржуазным влиянием на пролетариат—это подтверждается всем ходом истории рабочего движения.

На примере одного крупнейшего вопроса современных внутрипартийных разногласий мы постараемся это доказать.

II.

Азбучная истина марксизма, что социалистическая пролетарская революция может окончательно победить только после свержения международного капитала, только как международная революция. Поэтому коренной вопрос нашей революции—это вопрос об ее международных перспективах, вопрос об отношении русской революции к международной.

Два раза в истории партии столкнулись лбами противоположные точки зрения по этому коренному вопросу: в период Бреста и теперь. В первый раз этот вопрос был обнаженным, и различные партийные группировки одинаково ставили его ясно и понятно для широких партийных масс, теперь тот же вопрос, являясь основой *всех* внутрипартийных разногласий, выступает завуалированным и зачастую поставленным на голову.

Прежде всего рассмотрим опыт Бреста.

Сторонники революционной войны и противники мира с Германией писали в известной резолюции Моск. Областного Бюро следующее: «В интересах международной революции мы считаем целесообразным итти на возможность утраты советской власти, становящейся теперь чисто формальной». Здесь дана ясная и законченная постановка вопроса об отношении русской революции к международной. В этой постановке вопроса можно различить три момента: первое, продолжение войны с Германией неизбежно приведет к падению советской власти; второе, советская власть в России стала чисто формальной, т.-е. по существу она уже лишена практического смысла, или, как теперь сказали бы: «перерождение», «затопление этажей» и пр.; третье, нужно продолжать войну и жертвовать советской властью в России для международной революции.

Так ставила и разрешала вопрос об отношении русской революции к международной в условиях 1918 года тогдашняя оппозиция.

Ленин на это отвечал следующим образом: мысль о том, что «советская власть становится чисто формальной, странна и чудовищна... Советская власть... не *становится* и не *станет* чисто формальной не только тогда, когда завоеватель стоит в Пскове и берет с нас десять миллиардов дани хлебом, рудой, деньгами, но и тогда, когда неприятель окажется в Нижнем и в Ростове на-Дону и возьмет с нас дани 20 миллиардов» [1]).

Здесь Ленин раз'ясняет левым коммунистам, что ценность советской власти не столько в географических размерах ее влияния, сколько в ее социальной сути, что для сохранения дик-

[1]) Ленин, том XV, стр. 115.

татуры пролетариата при определенных условиях возможно пойти на... территориальные уступки и т. д.

Но в высшей степени актуальное и высоко-принципиальное значение имеет другое соображение, выдвигаемое Лениным в той же статье.

«Может быть, авторы полагают, что интересы международной революции требуют подталкивания ее?.. Подобная «теория» шла бы в полный разрез с марксизмом, который всегда отрицал «подталкивание» революций, развивающихся по мере назревания остроты классовых противоречий, порождающих революции».

Но «помогать социалистической революции в международном масштабе, идя на возможность поражения этой революции в *данной* стране,—такой взгляд даже и из теории подталкивания не вытекает».

Только в одном случае возможно итти на утрату советской власти в России: если бы революция в Германии *началась* и если бы для отвлечения сил германской контрреволюции следовало бы подставить под ее удары советскую власть в России. Ибо с международной точки зрения советская власть в Германии является шагом вперед по сравнению с советской властью в России.. «Вполне допустимо,—говорит Ленин,—что при таких предпосылках не только «целесообразно».... но и прямо *обязательно* было бы итти на возможность утраты советской власти».

Для того, чтобы полностью понять взгляд Ленина на отношение русской революции к международной, приведем еще следующее место из речи Ленина на VII с'езде РКП.

«История поставила нас теперь в необычайно трудное положение: приходится при помощи неслыханно-трудной организационной работы пройти через ряд мучительных поражений. Если смотреть во всемирно-историческом масштабе, то не подлежит никакому сомнению, что конечная победа нашей революции, если бы она осталась одинокой, если бы не было революционного движения в других странах, была бы безнадежной.

Если мы взяли дело в руки одной большевистской партии, то мы брали его с убеждением, что революция зреет во всех странах и в конце концов,—*в конце концов, а не в начале начал* (подчеркнуто нами), какие бы трудности мы ни переживали, какие поражения нам ни были бы суждены, международная социалистическая революция придет, ибо она уже идет; дозреет, ибо она уже зреет. Наше спасение от всех этих трудностей, повторяю, во всеевропейской революции. Мы исходим из совершенно абстрактной истины, руководясь которой мы должны следить за тем, чтобы она не превратилась со временем в фразу, ибо всякая абстрактная истина, если вы ее будете применять без всякого анализа, превращается в фразу. Если вы скажете, что за каждой стачкой кроется гидра революции, кто этого не понимает, тот не социалист,—то это верно... Но если вы скажете, что каждая данная стачка — шаг к социалистической революции, то вы скажете пустейшую фразу... *Как совершенно бесспорно, что все трудности нашей революции будут превзойдены лишь тогда, когда мировая социалистическая революция, которая теперь везде зреет, наконец, дозреет,—совершенно абсурдно утверждение, что каждую данную конкретную сегодня трудность нашей революции мы должны припрятать, говоря: «Я ставлю карту на международное социалистическое движение и могу делать какие угодно глупости»* [1]) (подчеркнуто нами).

Как следует формулировать на основании вышеприведенного взгляды Ленина на отношение русской революции к международной?

Первое: Русская революция, может окончательно победить только как международная революция, только в международном масштабе. Почему? Потому, что русская революция—пролетарская, социалистическая революция. А пролетарская революция в одной стране есть не только революция против буржуазии данной страны, а против международной буржуазии. Значит, ее успехи решаются не только соотношением классовых сил в данной стране, а соотношением классовых сил в международном масштабе. Значит, до тех пор, пока силен международный капитал, он использует все свои средства для того, чтобы тормозить экономическое развитие в сторону социализма пролетарской республики, и мобилизует свои силы для уничтожения очага международной революции—победившей в одной стране пролетарской диктатуры.

Второе: европейские резервы победившей в СССР пролетарской диктатуры, получая от нее могучий толчок для своего революционного развития, вместе с тем развиваются по своим «внутренним» законам, т.-е. в зависимости от экономического положения и соотношения классовых сил в европейских странах. Пролетариат, победивший в одной стране свою буржуазию, может, вполне естественно, проявлять нетерпение по адресу своих европейских союзников. Но, оказывая всемерную помощь развитию революционного движения во всем мире, питая это революционное движение самим фактом своего существования, он не должен становиться на ложный путь «подталкивания» мировой революции, т.-е. на путь поддержки авантюристско-путчистской политики преждевременных, не подготовленных выступлений пролетариата, которые только ослабят его классовые позиции и усиливают буржуазию.

Третье: судьба русской революции, в каждый данный момент зависящая от соотношения классовых сил в международном масштабе, в конечном итоге решаемая победой международной революции,—не может в то же время связать свою судьбу *с определенным сроком* победы пролетарской диктатуры в других странах. Факт, что мы десять лет живем изолированно, как пролетарская диктатура. И центральный пункт ленинской стратегии, более всего актуальный в настоящее время, как раз заключается в том, что *не* связывая судьбы русской революции с определенным сроком победы революции в еще какой-нибудь стране, вести такую политику, при которой мы удержались бы вопреки возможности относительно-большого срока, требуемого для развертывания пролетарской революции в Европе. Само собою, что основой основ у Ленина является признание того, что, именно, *наша эпоха* является эпохой пролетарской революции. Но в пределах данной эпохи сроки могут значительно затянуться (десять лет уже прошло) и отношение русской революции к международной не может быть «срочным», т.-е. зависимым от фиксированного срока победы пролетариата в других странах.

---

[1]) Ленин, том XV, стр. 129.

Четвертое: международная революция—это не единовременный акт, а длительный процесс. Каждое современное экономическое и политическое выступление пролетариата скрывает собой развитие международной революции, процесс ее *вызревания*, но не каждое такое выступление есть шаг к ней, показатель ее *созревания*.

Пятое: русской революции в изолированном состоянии приходится пройти через «ряд мучительных поражений». Вынужденная итти на уступки международному капиталу для того, чтобы сохранить оплот международной революции, она не перестает из-за этого быть социалистической, пролетарской революцией. Дань *силе* международного капитала («20 миллиардов») не есть сползание с пролетарских позиций.

Шестое: исходя из политического господства пролетариата, на основе его прочного союза с крестьянством, при все более развивающемся процессе международной революции,—«у нас есть все необходимое для построения полного социалистического общества». Это значит, что и при отсутствии в первый период государственной поддержки европейского пролетариата рабочий класс нашей страны может развивать победоносное социалистическое строительство.

Так ставит и разрешает Ленин вопрос об отношении русской революции к международной.

Но опыт брестских разногласий крайне интересен не только тем, что он дает возможность точно определить отношение Ленина к данному вопросу, но и тем, что он показывает крайнюю принципиальную близость между позициями левых коммунистов и нынешнего оппозиционного блока.

Что характерно для позиции левых коммунистов?

Во-первых, связывание судьбы русской революции с определенным сроком мировой революции; *во-вторых*, формальный характер советской власти в виду ее обильных уступок немецкому империализму и, *в-третьих*, необходимость итти на поражение пролетарской революции в стране, где она уже началась, ради немецкой революции, которая еще не началась.

Что характерно для позиции оппозиционного блока в данном вопросе?

Во-первых, связывание судьбы русской революции с определенным сроком международной революции; *во-вторых*, мысли о перерождении и термидоре советской власти в виду ее уступок *силе* капитализма (уступок, относительно *несоизмеримо* меньших, чем те, на которые шел Ленин в период Бреста) и, *в-третьих*, теория «подталкивания» мировой революции.

В настоящее время оппозиция спорит с партией решительно по всем экономическим и политическим вопросам, но не может быть сомнения в том, что подспудной, частично скрытой основой *всех* разногласий является вопрос об отношении русской революции к международной.

Оппозиционный блок идейно отображает—и отображает искривленно—в условиях СССР нынешний этап затянувшейся международной революции и относительную капиталистическую стабилизацию. На пороге десятой годовщины пролетарской революции и при наличии целого ряда успехов капитализма, еще раз и наиболее остро встает вопрос об отношении русской революции к международной. Система взглядов оппозиции есть не что иное, как попытка ответить на этот вопрос иначе, чем на него отвечали Ленин и наша партия.

В самом деле. Решающее обвинение, которое оппозиция выдвигает против партии, это, якобы, забвение партией дела международной революции. Дополняет ли оппозиция это обвинение какой-нибудь конкретной контрпрограммой? Да, дополняет. Она отрицает наличие стабилизации, либо признает лишь «стабилизационные конвульсии». Но что это значит? Это значит, что в настоящее время в Европе—непосредственно-революционная ситуация, либо ситуация очень близкая к непосредственно-революционной. Это дальше означает, что вся наша политика внешняя и внутренняя должна ориентироваться на *немедленный* взрыв международной революции.

Что лежит в основе этой системы взглядов?

Нечто прямо противоположное ленинизму. Октябрьский прогноз (скорее диагноз) Ленина состоит в том, что мы вступили в эпоху международной революции, которая благодаря своему международному характеру и гигантской силе капитализма может растянуться на длительные сроки, и правильная политика пролетариата заключается в том, чтобы в каждый данный отрезок эпохи анализировать экономическое положение и соотношение классовых сил, не поддаваясь «сверхреволюционной» линии поведения «подталкивания» международной революции. Такова установка Ленина.

Партия проводила и руководила Октябрьской революцией в ясном сознании, что Октябрь открывает эпоху мировой пролетарской революции. Именно, в те годы Ленин неоднократно повторял свою известную перефразировку слов Маркса: «Француз начнет, а немец доделает». Это вошло в плоть и кровь сознания членов партии и широких слоев пролетариата.

Но история пошла не тем *темпом* и тем самым для первого десятилетия не тем *путем*, который мы вполне правильно и по-марксистски предположили, исходя из обстановки, сложившейся во время империалистической войны.

История обнаружила живучесть капитализма (благодаря переходу социал-демократии на сторону буржуазии) и предоставила буржуазии сравнительно большие сроки, вопреки ее регрессивности, вопреки начавшейся и все более углубляющейся эпохе международной революции.

Такое положение вещей неизбежно посеяло панику среди известных слоев пролетариата и явилось основой для собирания колеблющихся элементов партии в оппозиционный блок.

Об'единенная оппозиция отрицает капиталистическую стабилизацию, которая ее породила. Но она именно потому ее и отрицает, что ею порождена. Здесь не только нет противоречия, но—ключ к пониманию всей программы оппозиции. Капиталистическая стабилизация порождает в слоях пролетариата, граничащих с чуждыми классами, колебания в основном вопросе о правильности октябрьского прогноза Ленина и нашей партии. Буржуазия говорит: «Ошиблись, не вышло у вас с международной революцией. На место международной революции—укрепление капитализма». Кулак и зажиточный крестьянин, посматривая на горизонт и ухмыляясь, поговаривают: «Не видать международной революции».

Но пролетариат не отделен китайской стеной от других классов общества. Наоборот. Если представить себе общество «географически», то крайние слои пролетариата, его «окраины»—высококвалифицированная верхушка и отсталые полукрестьянские слои—прямо упираются, граничат с чуждыми классами. И бешеная ненависть буржуазии и недоверие крепкого мужичка отдаются эхом в среде отдельных групп пролетариата. Прет это на партию? Заражает это отдельные ее элементы? Безусловно, да.

Именно колебания в правильности октябрьского прогноза—скрытый, подспудный исходный пункт оппозиции. И если она этого не говорит открыто, то в этом нет ничего странного. Странно было бы противоположное. Ни одна политическая группировка не раскрывает (и для самой себя) исходный пункт своей программы на первых ступенях своего развития.

Но что это именно так, полностью подтверждается программой конкретной внешней и внутренней политики оппозиции.

Ее полное или частичное отрицание стабилизации есть предпосылка теории «подталкивания» международной революции. Ее программа оголтелой, несоразмерной с хозяйственными вомозностями страны индустриализации есть подгонка развития СССР к нуждам «подталкивания» международной революции.

Все это, по видимости, очень лево и революционно. Суть же в политическом смысле теории «подталкивания»: либо международная революция придет в самый ближайший срок, либо ее совершенно не будет, и мы погибнем.

Обратной стороной колебаний оппозиции в правильности октябрьского прогноза является подчеркивание технической отсталости СССР и невозможности победоносного социалистического строительства. Это подчеркивание имеет *тот же* смысл, что и теория «подталкивания»: либо *немедленная* победа пролетарской диктатуры в других странах, либо полная безнадежность нашего социалистического строительства.

Под этим углом зрения глубочайший политический смысл приобретают слова тов. Троцкого о «политических сумерках». Мы не будем приводить полностью цитату из речи тов. Троцкого в ЦКК о свертывании рабочего движения, о бессилии в настоящий момент международного пролетариата,—она общеизвестна.

Но что это значит? С одной стороны, обвинение партии в том, что она недостаточно активно борется за дело мировой революции, а, с другой стороны, речи о «политических сумерках». Это очень многое значит. Оппозиция—сознает ли это, или не сознает — колеблется в правильности октябрьского прогноза, что мы вступили в эпоху международной революции. В ее глазах уже мерцают «политические сумерки». *Поэтому она предлагает политику: ва-банк.* Пустим последней скоростью паровоз индустриализации, вклинимся в буржуазную Европу, поднимем всюду восстания; либо взорвем международную буржуазию, либо сами погибнем. Если при этом помнить мелкобуржуазный авантюризм, лежащий в основе этих рассуждений, то так и только так можно формулировать программу оппозиции.

В существе всех поднятых оппозицией вопросов лежит один основной вопрос: 47-й или 49-й год? Дальнейшее могучее развертывание международной революции или «политические сумерки»?

На этой основе неизбежны у оппозиции меньшевистские выводы в отношении социалистического строительства в СССР. Ибо, если международная революция действительно не придет, то наше дело безнадежно, и будущие историки отведут нам место Парижской Коммуны, продолженной во времени и углубленной пятидесятилетним опытом рабочего движения.

III.

Социальные корни оппозиции следует искать прежде всего в факте капиталистической стабилизации и ряда поражений рабочего класса за последние годы. В нашей стране выросли новая буржуазия, бюрократ и кулак. Усиление международного капитализма, рост капиталистических элементов в деревне стимулирует активность враждебных советскому пролетариату элементов. Отсутствие легальной буржуазной демократии вынуждает имущие классы искать точку опоры не только в среде пролетариата, но и в среде пролетарской партии. Мы оставляем здесь в стороне вопрос об интеллигентских слоях партии, как проводниках буржуазного влияния. В настоящей статье мы ограничиваемся задачей выяснения вопроса о «давлении» буржуазии на прлетарские слои. Но механизм этого «давления» безусловно опирается на экономическую неоднородность пролетариата, подчиняя буржуазному влиянию преимущественно пограничные отряды пролетариата.

Вот почему существование оппозиции и возможные колебания в рядах партии в будущем выдвигает вопрос о различных группах пролетариата.

Мы раньше указали, что в эпоху органического развития капитализма тенденции невелировки и социального дифференцирования пролетариата уравновешивают друг друга; в эпоху империализма тенденция дифференцирования преобладает.

Если теперь обратиться к *эпохе* пролетарской диктатуры, то нужно будет сказать, что здесь преобладает тенденция экономического и политического нивелирования пролетариата. Этому содействуют два крупнейших фактора: технический и политический. Пролетариат использовывает достигнутый уровень техники для того, чтобы двинуть вперед развитие производительных сил и поднять на еще большую высоту технику. Эта техническая эволюция приводит к выработке типа «среднего» рабочего. Но дело не только и не столько в этом. Пролетарская диктатура ликвидирует все легальные возможности развращения пролетариата буржуазной идеологией, буржуазными воззрениями. Пролетарская диктатура использовывает все идеологические ресурсы общества, аппарат «идеологического заряжения» для того, чтобы сплотить всех пролетариев в «класс для себя» и вырастить политическое единство всех групп рабочего класса. Если сюда еще прибавить один из важнейших моментов: овладение пролетариатом самим механизмом дифференцирования пролетариата, политикой заработной платы, то будет ясно, что *в эпоху* пролетарской диктатуры преобладает тенденция нивелировки.

Однако, это пока только теоретическое обобщение. Специфические особенности пролетарской диктатуры в СССР обусловливают крайне медленный темп нивелирования пролетариата, ликвидации его экономической неоднородности. Социалистическое стро-

ительство в технически-отсталой стране с таким преобладанием мелкого товарного производства, как у нас, не может не сказаться на темпе всего хозяйственного развития и в том числе на темпе уничтожения экономически различающихся групп пролетариата.

Сколько-нибудь значительный процесс дифференцирования начался у нас в связи с новой экономической политикой. Необходимость достигнуть в кратчайший срок максимальной производительности труда при данном уровне техники обусловила тарифную политику, ориентирующуюся на техническое соревнование рабочих. В результате мы имеем в настоящее время процесс дифференцирования, принявший весьма значительные размеры.

По данным ВЦСПС, положение представляется следующим образом (см. таблицу):

Распределение работников [1]) промышленности по размерам заработков в марте 1926—27 года [2])

(предварительные подсчеты).

Категории работников	1926 год	1927 год
Число работников, вошедших в подсчет (в тысячах)	778,7	800,6
Средний месячный заработок в червонных рублях	58,64	66,0
В т. ч. получили в %% к итогу:		
до 20 руб.	4,9	2,4
от 20.01— 40	25,9	18,7
от 40.01— 60	29,8	29,3
от 60.01— 80	18,1	21,6
от 80.01—100	10,0	12,8
от 100.01—120	5,0	6,7
от 120.01—150	3,6	4,8
свыше 150.	2,7	3,7

Группировка работников [1]) промышленности по размерам заработков в марте 1926—27 г.

(предварительные подсчеты).

Категории работников	1926 год	1927 год
Число работников, вошедших в подсчет (в тысячах)	778,7	800,6
Средний месячный заработок в червонных рублях	58,64	66,0
В т. ч. получили в %% к итогу:		
до 0,5 среднего заработка	15,0	12,8
от 0,5—1 » »	43,7	44,9
» 1 —1,5 » »	24,6	26,6
» 1,5—2 » »	9,8	9,5
» 2 —2,5 » »	3,9	3,3
свыше 2,5	3,0	2,9

[1]) Рабочих, служащих и младшего обслуживающего персонала.
[2]) ВЦСПС ежегодно производит в марте выборочное обследование, характеризующее степень экономического дифференцирования рабочих.

Приведенные цифры достаточно ярко иллюстрируют экономическую неоднородность пролетариата. Больше половины рабочих, вошедших в подсчет, получают меньше среднего заработка. Средний заработок от 1 до 1,5 получают лишь 24,6% рабочих. Процесс дифференцирования несколько скрывается тем, что незначительна прослойка рабочих, получающих выше среднего заработка, но зато он ясно обнаруживается в значительности прослойки рабочих, получающих ниже среднего заработка.

Эти же цифры показывают благоприятную динамику. С 1926 г. на 1927 г. число рабочих, получающих до 0,5 среднего заработка, снизилось с 15,0% до 12,8%. Однако, надо прямо сказать, что это снижение, отражая последние партийные директивы в этом направлении, ни в коем случае не может быть признано достаточным. Вполне сознавая невозможность немедленной полной ликвидации различной материальной обеспеченности отдельных групп пролетариата, необходимо вместе с тем категорически заявить, что 12,8% рабочих, получающих ниже половины среднего заработка—это вопиющая цифра. Темп борьбы с экономическим дифференцированием пролетариата у нас слишком медленный. Над нами еще властвуют традиции первых годов нэпа, когда развитие производительных сил требовало форсирования процесса дифференциации. Сейчас же дело обстоит как раз наоборот. Значительный слой рабочих, получающих меньше среднего заработка — это препятствие, тормоз для развития производительности труда.

Получаются своеобразные «ножницы» между политическим нивелированием пролетариата при режиме пролетарской диктатуры и его экономическим дифференцированием. С одной стороны, мы мобилизуем все идеологические ресурсы государства для сплочения и об'единения пролетариата, а, с другой стороны, политикой заработной платы мы недостаточно решительно боремся против экономического раскола.

Дело в том, что, оставляя в стороне об'ективные обстоятельства, мы недостаточно еще научились овладению механизмом экономического дифференцирования и нивелирования рабочего класса.

При буржуазном господстве этот механизм находится в руках буржуазии, и рабочая партия может противопоставлять буржуазной политике раскола пролетариата только *идею* солидарности всех членов класса, только *идею* совместного выступления всех групп пролетариата.

Идея солидарности, закрепленная в общеклассовых организациях—единственный рычаг пролетарской партии в борьбе с буржуазной политикой дифференцирования рабочего класса.

Иное дело у нас. Национализировав средства производства и сосредоточив в своих руках весь фонд заработной платы государственной промышленности, мы владеем самим механизмом экономического дифференцирования или нивелирования пролетариата, и поэтому идею классовой солидарности можем закреплять не только организацией пролетариата, но и соответствующей политикой заработной платы.

От политики экономического дифференцирования пролетариата, которой мы вынуждены были придерживаться в первые годы нэпа, следует сделать поворот к активной политике постепенного экономического нивелирования пролетариата. В этом

направлении партийные директивы уже были. Их следует расширить и всемерно осуществлять в жизни.

Необходимо, чтобы хозяйственники и профессионалисты поняли все принципиальное значение «уравнительной» политики в области заработной платы. Речь идет о борьбе за экономическое единство русского пролетариата. А это экономическое единство в условиях пролетарской диктатуры является лучшей гарантией политической сплоченности, политического единства пролетариата.

Разумеется, было бы наивно думать, что постепенное экономическое нивелирование пролетариата является панацеей от всех зол и в частности единственной гарантией против возможности возникновения столь враждебной всей ленинской тактике оппозиции, как нынешний оппозиционный блок.

Возможности возникновения оппозиции не только выходят за пределы той или иной политики заработной платы, но целиком коренятся в многочисленных противоречиях нашего развития и в неожиданном для очень многих своеобразии перерастания русской революции в международную пролетарскую диктатуру, через «ряд мучительных поражений».

Однако, необходимо вместе с тем признать, что давление буржуазии на пролетариат, на ряду с проклятой традицией буржуазных воззрений, поддерживается преимущественно экономической неоднородностью пролетариата. Именно наличие некоторых своеобразных групп пролетариата, экономически оторванных от рабочего «середняка», зачастую служит проводником буржуазного влияния на пролетариат. А давление на пролетариат есть давление и на партию пролетариата. Наличие групп в среде пролетариата порождает группировки и в среде партии. Экономическая неоднородность пролетариата может перерастать в политическую групповость отдельных элементов партии.

Вот почему мы сочли своевременным в связи с нынешними разногласиями поставить вопрос об экономической неоднородности пролетариата.

Б. Маркус.

Положение рабочего класса в СССР.

Оппозиционная установка в рабочем вопросе.

Троцкистская оппозиция ставит перед собой задачу во что бы то ни стало доказать, что линия нашей коммунистической партии и неотделимого от нее партийного руководства ЦК ВКП(б) неминуемо ведет не только к ухудшению положения рабочего на заводе, но и к понижению удельного веса пролетариата в советском обществе и что политика нашей партии «неизбежно должна была приводить к конфликтам между рабочими и советским государством» (заявление 83).

Для того, чтобы установить эту «истину», оппозиция пускается во все тяжкие. Логика фракционной борьбы заставляет их, к сожалению, не останавливаться перед об'явлением войны фактам. Но факты упрямы—и это дает себя знать.

Признавая, что одним из решающих моментов для оценки продвижения нашей страны по пути социалистического строительства является вопрос об улучшении положения рабочих, оппозиция обычно в своих выступлениях обещает правдиво и честно проверить наши успехи и недочеты на действительном положении трудящихся масс. Ближайшее знакомство с содержанием всех речей руководящих и рядовых оппозиционеров дает нам образцовое доказательство весьма своеобразного понимания этой «правдивости и честности».

На любом собрании, на любом выступлении оппозиции и ее идеологов можно легко убедиться, что совершенно безнадежно ждать от них каких бы то ни было даже отдаленных намеков на наши успехи в области улучшения положения рабочих. Заботливая рука таинственно убирает их из нашего поля зрения, зато перед нашим взором пускается лента «конвейера», щедро подающего непрерывным потоком одни лишь недочеты.

Вот вкратце суть всех оппозиционных положений:

1. Судя по выступлениям оппозиционных вождей, основой всех зол, видимо, является проводимая ныне рационализация производства, которая якобы неизбежно ухудшает положение рабочего класса: ухудшение это сказывается прежде всего в том, что увольняемые рабочие будто бы не поглощаются расширением промышленности, транспорта, а также в том, что на ряду с этим ухудшается материальное положение остающихся в производстве.

2. Нам преподносится утверждение, что заработная плата в нынешнем году приостановлена на осеннем уровне 1925 года, что мы имеем сокращение реального расходного бюджета рабочей семьи с 1924—25 года, снижение числа работающих членов семьи и в итоге явное снижение жизненного уровня.

3. С этим «увязывается» вопрос о заработной плате батрачества, которая-де обычно ниже госминимума, нередко даже в сов-

хозах. На этом вопросе пытаются к тому же завязать крепкий узелок, говоря, что тягчайшее положение батрачества есть не только результат трудностей социалистического строительства в отсталой крестьянской стране, но и, несомненно, последствие ложного курса.

4. Апеллируя к поддержке безработных, оппозиция с наивным видом непонимания подчеркивает, что число безработных растет несравненно быстрее общего числа занятых рабочих. Быстро растет число индустриальных безработных. Тут же делается кивок, оправдывающий нарекания со стороны безработных на недостаточное их обслуживание страхкассами. В самой безработице усматривается очередной кризис.

5. Отмечая недостаточность ассигнований на охрану труда, оппозиция не без злорадства преподносит цифру несчастных случаев в промышленности.

6. Трудности жилищного вопроса использовываются с особой тщательностью, подчеркивается при этом, что размер жилплощади для рабочих из года в год снижается, а для непролетарских элементов увеличивается и что квартирная плата непомерно высока.

7. Все это приправляется обычно рассуждениями об ухудшении внутреннего режима на предприятии, об апатии рабочих к производственным совещаниям, о нажиме на нормы и расценки и т. п.

8. Далее конвейер приносит нам целый ряд «практических предложений», которые должны сыграть роль гаек, чтобы потуже завинтить в сознании выводы о гибельном курсе нашей партии в рабочем вопросе. Среди этих гаек на первом месте преподносится совершенно неожиданное предложение о необходимости пресечь в корне всякие поползновения к удлинению 8-часового рабочего дня. Дальше воинственно преподносятся, как особые новшества, либо старая демагогия (в роде требований борьбы против растраты производительных сил рабочего класса, борьбы с экономией на застрахованных и т. п.), либо повторение своими словами того, что партия давно закрепила в постановлениях и изо дня в день осуществляет на деле.

(Так, например, в выступлениях оппозиции раздаются требования: держать курс на систематическое повышение реальной зарплаты параллельно с дальнейшим ростом производительности труда, твердо проводить классовую политику в вопросах квартирной платы, не проводить режим экономии за счет жизненных интересов рабочих и т. п.). Выставляя эти требования оппозиция делает вид, что она борется против линии ЦК. Это тем более смешно, что каждый гражданин СССР, читающий газеты прекрасно знает, что все эти, а также тысячи других указаний в этом роде не только давно декларированы, но и успели врасти в нашу жизнь.

Оппозиция, конечно, прекрасно учитывает все это, но ей нужно в своих выступлениях создавать впечатление того, что у них есть целая развернутая программа по рабочему вопросу. И в этом, видимо, «соль» всего.

Не все гладко в этих выступлениях. Даже у идеологов оппозиции не всегда увязаны концы с концами, и нередко бросаются в глаза совсем непонятные зигзаги своеобразного «диалектического» узора. Вот образцы: одни и те же люди говорят и об

ухудшении материального положения рабочих и о том, что *улучшение* положения почти приостановилось (стало быть пока не приостановилось *улучшение*). В одном случае говорят, что рационализация труда «выплевывает» рабочих и не сопровождается поглощением увольняемых рабочих в промышленности и на транспорте, а тут же жалуются на то, что имеющийся *прирост* численности рабочих недостаточен. В одном месте кричат, что реальная зарплата в 1927 г. стоит в лучшем случае на том же уровне, что осенью 1925 года, и что *доля рабочего класса в общем доходе страны падает*, и тут же с ясным челом и не сморгнув глазом, цитируют цифры о том, что *прирост дохода на душу рабочего населения за 1926 г. по сравнению с 1925 г. составляет 26%*, а у основной массы населения—крестьянства—прирост дохода составляет за тот же год 19%.

Следовало бы уж во всех формулировках выбрать, что-нибудь определенное: в конечном счете некоторые стандарты лучше, чем слишком уж разнообразный ассортимент.

Социалистическая рационализация и оппозиция.

Гвоздем и образцом всех рассуждений оппозиции по рабочему вопросу служит обычно тезис о том, что проводимая ныне рационализация производства неизбежно ухудшает положение рабочего класса, поскольку не сопровождается таким развертыванием промышленности, транспорта и пр., которое поглощало бы увольняемых рабочих. На практике,—говорят они обычно,—рационализация зачастую сводится к «выплевыванию» одних рабочих и ухудшению материального положения других. Это неизбежно сеет недоверие в самой рабочей массе к рационализации.

Говоря такие фразы, оппозиционеры никогда не удосуживаются уделить место в своих выступлениях хотя бы одному обзацу из того, что писал Ленин по вопросам, относящимся к рационализации труда, производительности труда и трудовой дисциплине.

А ведь у Владимира Ильича можно найти немало поучительного, как раз на эту тему. Но все то, что есть у Ленина бьет не в бровь, а в глаз, тех, кто выступает сейчас против партии. Вот, что писал по поводу таких людей Владимир Ильич:

> «Эти люди не поняли как раз социалистического характера нашей революции. *Они повторяют как раз то, что их легко об'единяет с мелкой буржуазией, которая боится дисциплины, организации*, учета и контроля, как чорт—ладана» (Ленин, Собр. соч., т. XV, стр. 240. Курсив мой. *Б. М.*).

Выступая в свое время против демагогии левых коммунистов, говоривших, что введение трудовой дисциплины понизит классовую самодеятельность, активную организованность пролетариата и грозит возбудить недовольство самых отсталых слоев, Владимир Ильич терпеливо раз'яснял:

> «Диктатура пролетариата вовсе не в том только, чтобы свергнуть буржуазию или свергнуть помещиков,—это бывало во всех революциях,—наша *диктатура пролетариата преследует обеспечение порядка, дисциплины, производительности труда*, учета и контроля, пролетарской советской вла-

сти, которая более прочна, более тверда, чем прежняя» (Ленин, т. XV, стр. 239. Курсив мой. *Б. М.*).

Оценивая рационализацию производства, как шаг, направленный против рабочего класса, выступая против нажима на нормы и расценки, оппозиция обнаруживает, что она совершенно не понимает задач социалистической организации производства.

Было бы ненужным повторением самых азбучных, всеми усвоенных истин, если бы мы принялись доказывать сейчас, к десятилетию революции, что нам необходимо перенять у современного капитализма его прогрессивные завоевания—науку и высокую технику, изгнание лишних движений, введение наилучшей системы учета и контроля.

> «Осуществимость социализма определяется именно нашими успехами в сочетании советской власти и советской организации управления с новейшим прогрессом капитализма» (Ленин, т. XV, стр. 210).

Все это давно понято рабочим классом, как ясно и то, что введение новых машин, изменение методов работы людей связано с частичным вытеснением рабочих из тех цехов, где эта рационализация проведена. От этого могут временно пострадать цеховые интересы отдельных групп рабочих. Но наши классовые интересы, интересы нашего советского хозяйства, хозяйства пролетарской диктатуры, наша обязанность понизить себестоимость продукции, снизить цены и т. д. и т. п. стоят выше цеховых интересов. Вот как говорил об этом Ленин:

> «*Есть такие профессии, которые были нужны капиталистам, но которые не нужны нам. Мы знаем, что рабочие этих профессий голодают тяжелее других. Иначе быть не может.* Капитализм сломан, но социализм еще не построен, и это будет еще долгое время. Здесь мы сталкиваемся со всеми недоразумениями, которые являются не случайными, а результатом исторической розни профсоюзов, как орудия цехового об'единения при капитализме и как классового об'единения рабочих, которые взяли государственную власть. Такие *рабочие идут на все жертвы и создают дисциплину, которая заставляет говорить и смутно чувствовать, что интересы классовые выше интересов цеховых*» (Ленин, т. XVII, стр. 105. Курсив мой. *Б. М.*).

Не только т. Ленин, но и т. Троцкий, когда он не шел в поход против партии, говорил на XII с'езде партии: «Было бы величайшим маловерием со стороны рабочего класса в целом и его партии, если бы они маскировали безработицу, т.-е. содержали на заводах лишнее количество рабочих и работниц, еле работающих».

И все это ничуть не мешает оппозиции говорить, что коллективный договор должен включать в себя гарантию от сокращения по отношению к данному составу рабочих и служащих на время действия договора. Но так как колдоговора всегда перезаключаются, то в сущности это требование означает установление раз и навсегда гарантии от всякого сокращения для каждого попавшего в предприятие. Ставя вопрос таким образом, оппозиция по существу договорилась до того, что на время действия колдоговора предприятиям запрещается вводить новые машины, новую организацию производства, что является верхом бессмысленности. Ведь отказываться от рационализации нашего производства мы не можем. «Надо организовать труд по-новому, создать новые формы производства, провести в жизнь трудовую дисциплину» (Ленин, т. XVII, стр. 103). А проводя рационализацию, мы не можем зарекаться от отдельных сокращений штатов, не смущаясь тем, что сапроновцы на этой почве утверждают, что «ЦК думает только о том, как освободить предприятия от лишних рабочих». Эту низкопробную демагогию раскусит всякий; линия нашей партии в вопросах социалистической организации производства ясно и исчерпывающе определена в резолюции ЦК ВКП(б), в которой черным по белому написано[1]):

> «В отличие от капиталистической рационализации *социалистическая рационализация имеет своей целью увеличение численности рабочего класса, повышение его материального и культурного уровня*, удовлетворение растущих потребностей широких трудящихся масс, укрепление смычки между пролетариатом и крестьянством и создание материальной базы дальнейшего развития социалистических элементов нашего хозяйства».

Ту же точку зрения проводит в своей резолюции и августовский об'единенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б):

> «Необходимо исходить из того, что рационализация является важнейшим условием переустройства всего хозяйства и радикального улучшения положения рабочего класса».

Численность рабочего класса.

Теоретически вопрос ясен. Нам остается проверить, не извращена ли эта линия на деле, не соответствует ли действительности утверждение нашей оппозиции о том, что развитие промышленности и транспорта не поглощает рабочих, вытесняемых из производства в связи с рационализацией труда.

Берем соответствующие цифры по данным Госплана СССР:

	1924/25	1925/26	1926/27	1927/28
Число занятых по найму (в тыс.)	8.215	9.843	10.366	10.500
в % к пред. году	—	119,8	105,3	101,6
В т. ч. занят. по найму в круп. пром. (в тыс)	2.109	2.672	2.786	2.858
в % к пред. году	—	126,7	104,3	102,6

Если проследить изменение числа рабочих (не считая служащих и младшего обслуживающего персонала) в цензовой промышленности по данным ЦСУ[2]), то и здесь мы видим непрерывное увеличение числа постоянных рабочих:

на 1/I — 1923 г. 1.353.800
» 1/I — 1924 » . . . . 1.461.800 (т.-е. 108% к пред. году)
» 1/I — 1925 » . . . . 1.680.800 (» 115% » »)
» 1/I — 1926 » . . . . 2.268.800 (» 135% » »)
» 1/I — 1927 » . . . . 2.372.100 (» 104% » »)
» 1/VII — 1927 » [3]) 2.549.000

Цифры выступают здесь против оппозиции. Это видно всякому. Рационализация производства происходит у нас не на фоне вы-

[1]) «Правда» 25/III — 1927 г. № 69.
[2]) «Статист. справочник. СССР за 1927 г.». Изд. ЦСУ, стр. 81.
[3]) Цифры на 1/VII—27 г. получены в ЦСУ.

теснения, или—как угодно выражаться оппозиции—«выплевывания» рабочих, а на фоне консолидации и собирания сил численно растущего пролетариата.

Так оказывается битой первая карта оппозиции.

Посмотрим теперь, как выглядит так называемое «ухудшение» материального положения рабочих, остающихся «невыплюнутыми».

Обратимся для начала к заработной плате.

Заработная плата.

Оппозиция приводит обычно, не указывая источников, следующие цифры: для I квартала 1926/27 г. зарплата составляла в среднем по крупной промышленности в московских рублях 30 р. 67 коп., для II квартала 30 р. 33 к., для III квартала 31 р. 26 коп. против 29 р. 68 коп. осенью 1925 года.

Цифры эти нуждаются в серьезной поправке: в качестве свидетеля для очной ставки с оппозиционными цифрами мы готовы вызвать статистику и ВЦСПС, и ВСНХ, и ЦСУ.

По всем этим источникам картина изменения заработной платы в промышленности рисуется в следующем виде:

Средняя месячная реальная зарплата рабочих в промышленности (в услов. Московск. руб.)[1].

Годы	Для рабочих цензовой пром. (данные ЦСУ)		По предприят., учит. ЦОС ВСНХ (данные ЦОС ВСНХ)		По пром. предпр. с числом рабочих 250 и больше (данные ВЦСПС)	
	Абс.	В % к пр. году	Абс.	В % к пр. году	Абс.	В % к пр. году
1923—24	21,45	—	20,20	—	20,75	—
1924—25	26,24	122	24,13	119,4	25,19	122,0
1925—26	29,40	113	27,67	114,7	28,57	113,4
1926—27 I кварт.	31,48	—	} 29,60	—	30,67	104,6
II кварт.	нет свед.	—		—	30,33	112,0
III »	»	—	31,45 (апр. май)	—	32,70	118,7
IV »	»	—	нет свед	—	33,92	111,9

Все эти ряды цифр (а других источников в СССР нет) в один голос говорят о непрерывном росте реальной заработной платы рабочих. Таким образом, легенда оппозиции о том, что реальная зарплата в 1927 г. якобы стоит в лучшем случае на том же уровне, что осенью 1925 г.—рушится, как карточный домик от легкого ветерка.

За последние 2 года зарплата в реальном выражении поднялась по данным ВЦСПС на 27%.

[1]) Разница между сведениями разных источников зависит от различного круга предприятий, входящих в подсчет и от методов исчисления.

Данные ЦСУ приводятся по «Статист. справ. за 1927 г.», стр. 286—287. Данные ЦОС ВСНХ приводятся по статист. бюллетеням ЦОС ВСНХ № 12 (27), за 1924—25 г., № 12 (39) за 1925—26 г., № 8 (47) за 1926—27 г. Данные ВЦСПС получены непосредственно из отдела статистики труда ВЦСПС Цифры за IV кварт. 1926—27 г. предварительные.

Если рядом с этим еще сопоставить уровень реальной зарплаты по сравнению с довоенным, то мы получим яркую картину непрерывного и безусловного улучшения положения рабочего класса, заработная плата которого достигает в IV квартале 1926/27 г. 117% довоенного уровня.

Все данные свидетельствуют, голословно заявляет оппозиция, что рост зарплаты отстает от роста производительности труда. Это грозное утверждение сообщается без всяких цифр, но провозглашается с таким апломбом, словно и не нуждается в проверке. Между тем цифры говорят прямо противоположное.

Если сопоставить изменение годовой выработки на 1 рабочего и реальной зарплаты по годам, то мы получим в целом такую картину [1]):

Годы	Годовая выработка на 1 рабоч. в проц. к пред. г.	Рост реальной зарплаты в проц. к пред. г.
1920—21	104,3	122,4
1921—22	181,1	123,1
1922—23	112,3	127,0
1923—24	114,2	130,7
1924—25	134,7	121,3
1925—26	111,4	113,5
1926—27	113,3	111,7

Мы видим здесь непрерывное возрастание из года в год и заработной платы и производительности труда. Наибольший рост происходит, конечно, в период восстановления промышленности и более замедленный, но вполне нормальный прирост имеет место в последние годы.

Еще более выпукло можно проследить, что рост зарплаты идет впереди роста производительности труда по следующей таблице, в которой дневная производительность труда и реальная зарплата первого полугодия 1924/25 года принята за 100 (по данным ЦОС ВСНХ), а дальнейшие их изменения исчислены по отношению к I полугодию 1924/25 года [2]):

Период времени.	Выработка на 1 челов. в день	Дневная реальная зарплата рабочего
I полугод. 1924—25 г.	100,0	100,0
II » 1924—25 »	110,0	111,0
I » 1925—26 »	113,0	122,6
II » 1925—26 »	122,1	123,5
I » 1926—27 »	126,3	130,8
III кварт. 1926—27 »	133,0	139,8

[1]) Данные за 1920/21—1925/26 г. взяты из статьи Розенталя в № 18 «Большевика». Данные за 1926—27 г. приведены по докладу т. Беленького на пленуме ВЦСПС. «Труд» 14/X—27 г. № 35.

[2]) Тирабанурт—«Вопросы труда и оппозиция». Москва, 1927 г., стр. 18

В погоне за сочувствием наиболее отсталых слоев рабочего класса, оппозиция выступает с заманчивым «практическим» предложением о необходимости *положить конец (!) постоянным изменениям норм и расценок*.

Здесь оппозиция прямо предлагает нам не более и не менее, как остановиться на нынешнем уровне производительности труда и, невзирая даже на изменения техники, оставаться на нынешних нормах. Каждому ясно, что это нелепо, но, как ни странно, с этим выступают даже идеологи оппозиции.

Как это далеко, как не похоже на то, чему учил Владимир Ильич, когда писал:

«Производительность труда—это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя. Капитализм создал производительность труда, невиданную при крепостничестве. Капитализм может быть окончательно побежден и будет окончательно побежден тем, что социализм создает новую, гораздо более высокую производительность труда» (Ленин, Собр. соч., т. XVI, стр. 254).

«Коммунизм есть высшая, против капиталистической, производительность труда добровольных, сознательных, об'единенных, использующих передовую технику рабочих» (там же, стр. 256).

Голословные утверждения оппозиции о сокращении расходного бюджета рабочей семьи, начиная с 1924/25 года, о снижении числа работающих членов семьи рассчитаны явно на то, что эти положения не будут подвергаться проверке. Иначе вряд ли стоило говорить об этом. Средний размер ноябрьского расходного бюджета рабочей семьи изменялся по данным ЦСУ за последние 5 лет следующим образом: в 1922 г.—33,77 усл. руб. в 1923 г.—36,68 р., в 1924 г.—44,66 р., в 1925—52,24 р.[1]), в 1926—50,43 р.[2]). При пересчете бюджета на 1 взрослого едока рабочей семьи оказывается, что расходный бюджет в условн. рублях изменялся за те же годы следующим образом: 11,5—12,7—16—18,5—18,4.

Оппозиция готова злорадствовать по поводу последней цифры, показывающей понижение бюджета на едока на целый гривенник, но это преждевременно: этими цифрами надо пользоваться с осторожностью. ЦСУ в своем справочнике прямо оговаривает, что, изучая бюджеты рабочих, «важно иметь в виду, что вес зарплаты в бюджете изменялся не только под влиянием роста зарплаты, но и в зависимости от неравномерности выплаты заработка по отдельным месяцам». Насколько последняя цифра случайна, видно из того, что по предварительным материалам, опубликованным в журнале «Статистика труда» № 5—6 за 1927 г. расходный бюджет в ноябре 1926 г. составлял 52,75 условн. рубля.

Надо иметь в виду, что в прошлом году основной прирост заработной платы был после ноября, а индексы цен как раз еще росли в ноябре.

А это говорит как раз о том, что *нет оснований для утверждения о понижении бюджета рабочей семьи*.

Переходим к вопросу об изменении числа работающих членов семьи. По выборочному обследованию бюджетов семейных рабочих

[1]) Данные ЦСУ за 1922—25 гг. «Статист. справ. за 1927 г.», стр. 297.
[2]) Данные за 1926 г. взяты непосредственно в ЦСУ.

(а других цифр нет по данному вопросу), *процент работников в семье непрерывно возрастает*:

Время обследования	Число наличн. членов рабоч. семьи	Число работников	% работников к числу членов семьи
	В среднем на 1 хозяйство		
XI—23 г.	4,23	1,25	29,5
XI—24 »	4,15	1,24	29,0
XI—25 »	4,16	1,32	31,5
XI—26 »	4,09	1,30	31.7

Из этой таблицы явствует, что если среднее число членов семьи и работников несколько колеблется (в зависимости от случайного размера семей, подвергнутых обследованию), то во всяком случае процентное соотношение числа работников в семье непрерывно возрастает. А только это и является показательным.

Таким образом, откуда берет оппозиция свой вывод об уменьшении в последние годы числа работающих членов рабочей семьи, так и остается «секретом изобретателей».

Касаясь вопросов заработной платы, оппозиция обычно останавливается еще на характеристике зарплаты подростков и женщин. Эти вопросы весьма показательны для характеристики того, как оппозиция стряпает свои материалы.

Оппозиция цитирует часто в своих выступлениях «обзор экономического положения молодежи за 1924—25 и 1925—26 гг.» и говорит, что средний уровень зарплаты подростков по отношению к заработку всех рабочих непрерывно понижается: в 1923 г. он составлял 47,1%, в 1924 г.—45%, в 1925 г.—43,4%, в 1926 г.—40,3%, в 1927 г.—39,5%.

Берем цитируемый обзор (он отпечатан на литографе и роздан делегатам 5 Всесоюзной Конференции ВЛКСМ) и узнаем, что в нем последней цифры нигде нет.

Итак, для 1927 года цифра под сомнением.

Наводим справку в ВЦСПС и оказывается, что *уровень зарплаты подростков по сравнению с зарплатой всех рабочих за последний год не понизился, а как раз повысился по сравнению с 1926 г.* и достигает 41,1%, а ведь это сразу разбивает и все умозаключения оппозиции об ухудшении заработка подростков.

Утверждают далее, что в 1926 г. произошло явное ухудшение соотношения зарплаты работниц и рабочих почти во всех отраслях. Этим оппозиция опять-таки сознательно вводит партию в заблуждение. По данным обследования дифференциации заработной платы, соотношение дневной зарплаты женщин (1 р. 26 к. в черв. исч.) к зарплате мужчин (1 р. 95 коп.) составляло в марте 1924 г.—64,5%, а в марте 1926 г. это соотношение уменьшилось очень незначительно до 63,4% (мужч.—2 р. 82 к., женщина 1 р. 79 коп.). Однако, самое существенное заключается в том, что

[1]) См. предисловие Струмилина к книге Кабо «Питание русского рабочего до и после войны». Москва, 1926 г.—курсив мой. *Б. М.*
[2]) Цифровые данные приведены в статье Хавина в «Спутнике Коммуниста». № 15—16 за 1927 г. и в статье Розенталя в «Правде» от 13 октября 1927 г. и в «Большевике» № 18 за 1927 г.

в течение 1926 г. произошел опять перелом, и уже по предварительным данным за март 1927 г. *соотношение заработков опять складывается благоприятней в пользу работниц*, которые оказались в выигрыше от проведенного подтягивания зарплаты отставших групп. Вот соответствующие данные по отдельным производствам:

Дневная зарплата работниц в проц. к зарплате мужчин в марте 1926 и 1927 г.

	1926 г.	1927 г.
Хлопчато-бумажн. пр-во .	70,9	72,9
Шерстяное	75,6	75,5
Полиграфическое	65,8	69,6
Спец. машино-строит. . .	58,3	60,0
Металлургия	45,8	51,1
Резиновое пр-во	68,7	69,2
Кондитерское	67,6	70,5

Так факты и цифры безжалостно разбивают оппозиционные фантазии об ухудшении положения женщин и подростков.

Так же легко рассыпается утверждение о снижении жизненного уровня рабочего класса. Возьмем для примера некоторые вопросы рабочего быта (питание, душевое потребление товаров и т. п.).

Калорийность питания рабочего и служащего непрерывно возрастает. Это видно из следующей таблицы [1]):

Питание на 1 взрослого едока в день

Сельскохоз. год		приходится калорий	
		на рабочего	на служащего
1918—19 г.	Март—апрель	2.268	2.439
	Июль	2.517	2.533
1919—20 »	Декабрь . . .	2.846	2.739
	Май	2.786	2.513
1920—21 »	Октябрь . . .	2.783	2.679
	Апрель	2.391	2.357
1921—22 »	Сентябрь . .	2.622	2.498
	Февраль . . .	2.461	2.481
1922—23 »	Октябрь . . .	3.193	2.968
	Февраль . . .	3.247	3.071
1923—24 »	Февраль . . .	3.330	3.096
1924—25 »	Октябрь . . .	3.422	3.160
	Февраль . . .	3.273	3.065
	Июнь	3.353	3.152
1925—26 »	Октябрь . . .	3.445	3.193
	Февраль . . .	3.445	3.229

Для лучшего уяснения этой таблицы, пожалуй, не лишне напомнить, что до войны питание русских рабочих различных

[1]) «Статист. справ. СССР. 1927 г.», изд. ЦСУ, стр. 322—23.

районов колебалось от 2.900 калорий (Богородский уезд—1909 г.) до 3.036 (Середа—1910 год) и 3.255 калорий (Петербург, текстильщики—1908 г.).

«*Наш пролетариат уже к концу 1924 года превзошел и в количественном и в качественном отношении все довоенные нормы питания*»,—пишет Струмилин [1]).

Душевое потребление целого ряда промышленных товаров на душу населения в рабочем классе также превзошло довоенные нормы, при чем значительно больше, чем потребление населения в целом [2]). Так расшифровывается сочинение оппозиции о «понижении жизненного уровня рабочих».

Недаром такой вопиющий конфликт с цифрами заставляет наших оппозиционеров обращаться к партии с предложением пересмотреть всю систему статистики труда. Она им явно неприятна.

На ряду с ростом зарплаты и увеличением потребления, одним из показателей улучшения материального положения рабочего класса служит рост расходов на социальное страхование. Общий расход на одного застрахованного увеличивается из года в год [1]).

Расход на 1 застрахованного в рублях.

Расходы	1924—25 г.	1925—26 г.	1926—27 г.	Контрольн. цифры на 1927—28 г.
На врем. нетрудосп. . . .	17,40	24,16	24,10	24,85
» инвалидность	9,50	14,11	17,83	20,09
» дополн. виды обесп. .	6,87	9,52	8,87	8,9'
» безработицу	4,65	6,17	7,52	13,52
Итого . . .	38,42	54,03	58,32	67.37

Бюджет соцстраха, достигавший в 1924—25 г. 427 милл. руб., вырос в 1926—27 г. до 832 милл. руб. (не считая расходов на рабочее жилстроительство) [2]).

Наконец, в наиболее ярком виде рост благосостояния рабочего класса рисуется следующей цифрой (взятой из контрольных цифр Госплана): в то время, как общий национальный доход всего населения СССР вырос за 2 года с 1923—24 г. по 1925—26 г. на 60%, доход лиц наемного труда за этот период вырос на 115% [3]).

Пусть кто-нибудь из оппозиционеров попытается опорочить этот основной политический итог—он лучше всего говорит о правильности линии ЦК.

Батрачество.

Переходим к вопросу о батрачестве. Оппозиция утверждает прежде всего, что основным нанимателем батраков в деревне являются кулаки. Их утверждения вкратце сводятся к тому, что

[1]) См. контрольные цифры социальн. страхов. «Труд» от 12 окт. 1927 г.
[2]) См. А. Бахутов—«Вопросы труда», «Известия ЦИК СССР и ВЦИК» от 30/IX—27 г. № 224.
[3]) См. Тирзбанурт—«Вопросы труда и об'единен. оппозиция». Москва, 1927 г. Стр. 15.

вместе с концентрацией земли и средств производства в руках высших групп эти последние во все возрастающем размере применяют наемный труд.

Если опять-таки по этому вопросу обратиться к цифрам, то устанавливается непреложный факт, что основная масса наемных рабочих в сельском хозяйстве сосредоточена в середняцких хозяйствах (средних по посеву), что за 1926 год (дальнейших данных еще нет) *наем рабсилы повысился, как в середняцких, так и в кулацких группах хозяйств, при чем в середняцких группах рост подсобного наемного труда (особенно поденных и сдельных рабочих) по сравнению с 1925 г. заметнее, чем в кулацких.*

Эволюция найма рабсилы в деревне вкратце определяется по данным ЦСУ следующей таблицей [1]):

Хозяйства с посевом	Хозяйства, пользующиеся наемной рабсилой, в проц. к числу хозяйств в группе.			
	Потребляющая полоса		Производящая полоса	
	1925 г.	1926 г.	1925 г.	1926 г.
I без посева и с посевом до 0,1 дес.	0,9	4,0	1,0	6,3
II 0,1— 1 дес.	20,4	48,8	5,7	34,1
III 1,1— 2 »	14,9	32,1	8,2	37,1
IV 2,1— 3 »	7,1	17,8	8,4	37,2
V 3,1— 4 »	4,8	13,7	6,8	32,7
VI 4,1— 6 »	4,7	13,3	5,5	28,1
VII 6,1—10 »	4,8	17,8	7,5	27,4
VIII 10,1—16 »	6,2	24,7	11,7	30,5
IX 16,1—25 »	45,5	36,8	21,5	36,3
X свыше 25 дес.	—	100	33,3	44,3
Итого . . .	10,6	25,2	7,2	31,5

Мы видим наиболее резко заметное нарастание числа хозяйств, прибегающих к найму батраков, именно в среднепосевных хозяйствах.

Об'ем работы не позволяет нам подробней остановиться на эволюции найма рабсилы в разрезе разных районов и в зависимости от характера самого найма [2]).

Бесспорно, конечно, что *в середняцких хозяйствах наем, как правило, носит характер использования подсобной рабочей силы* [3]), а не чисто капиталистический, эксплоататорский.

Из всего сказанного ясно, что мы никак не можем согласиться с той формулировкой, которую дает оппозиция и которая подчеркивает возрастание наемного труда лишь в отношении высших групп крестьянских хозяйств. Паника перед кулаком опять толкнула оппозицию на то, чтобы заслонить середняков—эту основ-

[1]) «Статистич. справочник на 1927 г.», стр. 87.

[2]) Несколько подробней эта тема развита в статье т. Яковлева—«Итоги и уроки применения наемного труда в крестьянском хозяйстве». «Правда» от 29 июля 1927 г. № 170.

[3]) Это подтверждается изучением цифр, приводимых ЦСУ в «Статистич. справочнике на 1927 г.», стр. 87 и след.

ную массу крестьянства. Мы не собираемся ни на час отказываться от всесторонней защиты интересов батрачества и перед нанимателем-середняком, но будем делать это спокойно через союз, через органы НКТ, не разжигая и не раздувая классовой войны, не ставя середняков по ту сторону баррикады в один лагерь с кулаком.

Насколько эта линия действительной всемерной защиты всего батрачества проводится на деле, видно уже сейчас из практических результатов работы профсоюза сел.-хоз. рабочих.

Ведя «последовательную» линию, оппозиция, видимо, наотрез отказывается признать в этом вопросе какие бы то ни было успехи.

Касаясь вопроса о заработной плате батрачества, оппозиция в своих выступлениях утверждает, что: 1) зарплата батраков обычно ниже госминимума, не исключая нередко и совхозов, и что 2) реальная зарплата в среднем не выше 63% довоенной.

Тут опять прежде всего не сведены концы с концами. Нынешний размер госминимума колеблется в различных районах от 7 до 10 червонных рублей, если перевести его на бюджетные рубли, то он выразится с грубым приближением в среднем примерно, в сумме около 3,5—5 бюдж. руб. Между тем, довоенный заработок сел.-хоз. рабочих составлял для сроковых рабочих в 1910 году (на хозяйских харчах) в среднем 8 р. 40 коп., а в 1913 г. (который характеризуется высокой сел.-хоз. кон'юнктурой) 10 р. 08 коп. [1]).

Если, поверив оппозиции, мы предположим, что заработок батраков составляет только 63% от довоенного заработка 1913 г., то мы получим, что он равняется 6,35 бюджетным рублям или, исчисляя к 1910 г.—5 р. 29 коп. в месяц. Если это так, то неверно первое утверждение, что зарплата батраков обычно ниже госминимума, обе эти цифры все же выше госминимума. Но и этого мало. Оппозиция пускает туман и в цифре о том, что мы достигли лишь 63% довоенной заработной платы батраков. *Заработная плата батраков уже в 1924 году составляла 63,3% по отношению к 1913 году (или 69,3% к 1910 году)* [2]).

С тех пор положение безусловно улучшилось: в 1926 г., судя по материалам ЦК союза сел.-хоз. рабочих, реальная зарплата мужчин—рабочих в совхозах—составляет 85,3% по отношению к 1910 году или 72,4% к уровню 1913 года [3]).

Насколько зарплата батраков даже в крестьянских хозяйствах выше госминимума, видно из того, что средний заработок в червонных рублях по трудовым договорам составлял в 1926 г. [4]).

	В январе	В апреле	В июле	В октябре
Для батраков	14,60	14 р. 99 к.	18 р. 04 к.	19 р. 69 к.
» батрачек	10,53	10 » 84 »	14 » 35 »	15 » 38 »
» пастухов	—	19 » 88 »	23 » 02 »	24 » 37 »

[1]) Статистико-экономический сборник под ред. Струмилина. «Наемный труд в сельском хозяйстве». Стр. 144—150, ст. Овсянникова—«Заработная плата и рабочий день батраков, занятых в крестьянских хозяйствах». Москва, 1926 год.

[2]) Там же.

[3]) Материалы к тарифно-экономическому совещанию союза сел.-хоз. рабочих СССР. Январь 1927 г. (Литограф. изд.).

[4]) Материалы к 3-му пленуму ЦК союза сел.-хоз. и лесных рабочих СССР. Май 1927 г. (Литограф. изд.).

Зарплата совхозских рабочих была, конечно, еще выше: в июле 1925 года она составляла в среднем 19 р. 75 к., а в июле 1926 г.—24 р. 68 коп.

Оппозиция не преминула кинуть камень в союз сел.-хоз. рабочих, указав, что только 20% батраков охвачены профсоюзом. Это неверно. Если членами союза год назад на 1/X—1926 г. состояли до 24% батраков, занятых у крестьян, то уже в то же самое время союз охватывал трудовыми договорами 46,2% батраков, нанятых в крестьянских хозяйствах и обществах. Число договоров, заключаемых при участии союза, растет из года в год (в 1924 г.—376 тысяч, в 1925—819 тысяч, в 1926—1.183 тыс.).

Тем, кто думает, что задача охвата батраков очень проста и может быть подтянута в один день, тем кто думает, что подобной легковесной критикой оказывается помощь союзу сел.-хоз. рабочих в его труднейшей работе, не мешает напомнить слова т. Ленина о том, что «трудности организации сельских рабочих огромны—это очевидно» (Ленин, Собр. соч., т. XIV, ч. 1, стр. 281). Преодолевая эти трудности, союз непрерывно впитывает в себя огромные массы батраков, занятых в крестьянских хозяйствах, что видно из следующей таблицы вполне здорового и крепкого роста:

Число батраков, занятых в крест. хозяйствах, организованных в союз.

1923 г. Январь	4,7 тыс.	1,9 %	ко всем членам союза
1923 » Июль	13,5 »	4,9	»
1924 » Январь	12,5 »	7,9	»
1924 » Июль	52,4 »	15,9	»
1925 » Январь	99,9 »	24,1	»
1925 » Июль	189,4 »	31,8	»
1926 » Январь	221,9 »	25,9	»
1926 » Июль	301,3 »	29,9	»

Жилищный вопрос.

Критика политики ЦК в жилищном вопросе является наиболее серьезным оружием, которое оппозиция извлекает из своего арсенала. Но единственно важное, что оппозиция нашла нужным рассказать партии по этому вопросу это то, что якобы рабочие крупнейших промышленных городов являются наиболее обделенной в квартирном отношении частью населения. В практических предложениях оппозиционеры выставляют требования:

1) систематически улучшать жилищные условия для рабочих, 2) твердо проводить классовую политику в вопросах квартирной платы; 3) много говорят о необходимости отвергнуть перспективу жилстроительства, разработанную комиссией Госплана.

Прежде всего здесь бросается в глаза все тот же знакомый нам прием «правдивой и честной проверки наших успехов». Всем известно, что жилищный баланс для всего населения складывается неблагоприятно. Средний размер жилплощади на душу населения по сравнению с довоенным временем в связи с быстрым ростом городского населения непрерывно сокращается—это факт. Но марксист должен ставить вопрос в классовом разрезе: что получил от революции в квартирном вопросе рабочий класс? Оппозиции сквозь ее очки кажется, что рабочие наиболее обделены. А вот, что говорят факты.

В то время как жилищное обеспечение городского населения в целом сокращается, происходит классовое перераспределение жилой площади, и рабочий класс, живший в подвалах, конурах и углах в «кабальных» спальнях, «балаганах», «каютах» и «логовищах», от этого сильно выиграл. В России не было итоговых данных о довоенном положении жилищ для рабочих. Приходится пользоваться отдельными исследованиями.

До войны, по материалам Уварова и Лялина, Лященко, Покровской, Прокоповича, Давидовича и др., средний размер жил-площади в рабочих семьях составлял в разных районах в лучшем случае около 0,5 куб. сажени на одного живущего.

Каково же положение после революции? Предоставим слово исследователю-статистику тов. В. А. Зайцеву. Он пишет:

> «Исчерпывающих цифр по этому вопросу нет. Но проводимые ежегодно бюджетные обследования, охватывающие ежегодно свыше 3 тысяч рабочих семей СССР за последние годы дают устойчивую цифру—около 10 кв. аршин жилой площади на 1 душу. Это составляет не менее 1½ куб. саж. на одного живущего (считая среднюю высоту комнаты не менее 4 арш.). Таким образом, *улучшение по сравнению с довоенным временем немаленькое*» [1]).

К таким же выводам приводит изучение и многих других источников. Приведем лишь один пример. Из сборника Моссовета мы узнаем, что средняя площадь на душу населения в Москве сократилась с 14,7 кв. арш. в 1913 г. до 11,4 в 1924 г., и на ряду с этим там же мы читаем:

> «Жилищные условия выравнены в 4/5 всего жилищного фонда. Вместо 2/3 населения, в условиях перенаселенности осталась только одна треть. Цифры наблюдения санитарного персонала приводят к убеждению, *что жилищные условия значительной части рабочих, по сравнению с довоенным временем, улучшились. Это улучшение жилищных условий и служит одной из причин резкого падения смертности*» [2]).

Все эти итоги великого переселения народов после Октября, все эти факты первостепенной важности исчезли у наших критиков; для них, конечно, не могло найтись места в оппозиционных выступлениях, ибо классовая политика партии в жилищном вопросе выпирает здесь и говорит сама за себя.

Посмотрим теперь, как обстоит с тяжестью квартирной платы. Изучение расходных бюджетов семейных рабочих до революции показывает, что чистый расход рабочей семьи на наем помещения (без расходов на освещение, отопление и пр. и за вычетом поступлений от жильцов) составлял весьма значительную величину: питерские текстильщики в 1907—08 г. расходовали на жилище 12,07% своего бюджета (данные Давидовича), киевские рабочие в 1912 г. тратили на наем помещения 16,37% своего бюджета (данные Наумова). Петербургские рабочие, по исследованиям Прокоповича, тратили на жилище 15,26% своего бюджета. В лучшем случае, рабочие расходовали на жилище около 7% своего бюджета (данные Стопани за 1909 г. для нефтепромышленных рабочих

---

[1]) Вл. Зайцев — «Труд и быт рабочих подростков». 1926 г., стр. 254. Курсив мой. *Б. М.*

[2]) «Работа Московского Совета Раб. Кр. и Кр. Депутатов» № 12. Москва, 1925 г., стр. 78.

г. Баку и данные Шапошникова для Богородских текстильщиков за 1908—1909 г.) [1]).

Ложится ли и в наше время наем помещения таким бременем на бюджет рабочего? На этот вопрос отвечают данные ЦСУ, полученные при изучении бюджетов рабочих семейств. Оказывается, что стоимость жилища в самое последнее время, осенью 1926 г., уже после проведенного повышения квартплаты, составляла 6,7% расходного бюджета. Цифры значительно меньшие, чем до революции.

Всякому известно, что жилищный фонд у нас приходит в упадок. Одна из причин этого—недостаточность квартирной платы. Необходимость перехода на самоокупаемость квартир заставляет и дальше поднимать общий уровень квартплаты. На рабочем бюджете это тоже частично отражается. В силу существования у нас квартирной платы, выраженной в скале скользящих ставок, зависящих от уровня заработка и от социального положения квартиронанимателей, *тяжесть повышения квартирной платы менее ощутима для рабочего класса и особенно мало отражается на нижеоплачиваемых группах рабочих и служащих.*

Мы видим из всего этого, что с требованием классовой политики в жилищном вопросе оппозиция маленько запоздала. Эта политика давно уже проводится на деле.

Остается рассмотреть, делается ли все возможное для улучшения жилищного положения рабочего класса за последние годы.

Общий фонд жил. площади промышленности в 1926 г. составлял 1.540 тысяч квадр. саж. К концу 1927 г., за вычетом разрушающейся за год жилплощади, он составил 1.676 тыс. кв. саж. (увеличение на 8,8%). На 1928 год ВСНХ предполагает рост жилплощади еще на 183 тыс. кв. саж., т.-е. прирост около 9%; этим предполагается увеличить средний размер площади на 1 живущего с 10,2 кв. арш. до 10,4 кв. арш.

Размер расходов на жилищное строительство растет из года в год, это видно наглядно из следующей таблицы, взятой нами в правительственной комиссии содействия рабочему жилстроительству (см. стр. 81).

В контрольных цифрах, приводимых нами, еще не учтено решение последней сессии ЦИК СССР, об'явленное в Манифесте от 15/X—1927 г. об увеличении ассигнований по госбюджету на рабочее жилстроительство на 50 милл. руб. по сравнению с прошлым годом.

Эти огромные вложения в рабочее жилстроительство, достигающие по одной промышленности 11—14% от общих размеров капитальных затрат, дают, конечно, определенный эффект, который недостаточно заметен только потому, что рост населения рабочих районов происходит с колоссальной быстротой [2]), а за восстановление разрушенного во время империалистической и гражданской войны жилфонда мы смогли взяться лишь в самые последние годы.

Известно, что жилстроительство требует колоссальных средств. По исчислениям комиссии Госплана, для удовлетворения потребностей городского населения в жилплощади по сан. норме в 16 кв.

[1]) См. журнал «Статистика Труда», № 5 за 1925 г.

[2]) Население Иваново-Вознесенска за 1917—1926 гг. выросло на 30%, Серпухова — на 48%, Егорьевска — на 32% и т. д.

Категории строителей	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	Контрольные цифры на 1927/28 г.
Промышленность	65,0	106,0	106,0	110,5
Транспорт	9,8	22,2	33,3	40,0
Исполкомы	39,0	67,9	94,0	147,4
Кооперация	18,3	34,5	47,5	30,2 [1])
Курортн. строит.	—	—	1,0	—
Всего по обобществл. строит.	132,1	230,6	281,9	328,1 [1])
в % к пред. году	—	174,0	122,0	117,0 [1])
Индивид. рабочее жилстроительство	49,0	88,0	112,0	119,2
Итого	181,1	318,6	393,9	447,3 [1])
в % к пред. году	—	176,0	122,0	114,0 [1])

арш. надо иметь 11 млрд. руб. [2]). Эту цифру можно выпукло рассматривать на примере одного из крупнейших хозорганов—«Югостали»: для удовлетворения всей жилищной нужды заводов и рудников «Югостали» надо было бы ассигновать 198 милл. руб., а «Югосталь» израсходовала за 1924 и 1925 гг. 17,5 милл. руб. Только бесчестный человек мог бы утверждать, что мы можем в течение 2—3, даже 5 лет полностью удовлетворить всю эту вопиющую нужду. Но значит ли это, что мы ничего не сделали? Конечно, нет. К началу 1926 года жилплощадь «Югостали» составляла 706 тысяч кв. метров (по 6,2 кв. метра на душу населения), а к началу 1927 года она увеличилась на 18% и достигла 835,5 тысяч кв. метров. Однако, благодаря приросту населения колонии за год почти на 16% средняя площадь увеличилась незначительно (до 6,26 кв. метра на душу).

Подобных примеров можно было бы привести десятки и по текстильной промышленности и по Донуглю, Азнефти и др.

Одна из больших трудностей для благоприятного разрешения жилищного вопроса в промышленности заключается в огромной текучести рабочей силы и в том, что, получив от предприятия даже скудную жилплощадь, рабочий тут же вызывает членов своей семьи.

Оппозиция считает своим долгом апеллировать к партс'езду с жалобой на работы комиссии Госплана, составлявшей первый вариант пятилетнего плана. Прежде всего весьма странным кажется нам такой порядок рассмотрения вопросов: непонятно, почему партс'езду следует заняться работами той или иной комиссии Госплана, которая не утверждена ни ЦК партии, ни правительством; с тем же правом мы можем обратить внимание партии на то, что в материалах ВСНХ к пятилетнему плану исчислены большие вложения промышленности в жилстроительство: комиссия

[1]) В «Контрольные цифры на 1927/28 г.» не входят расходы жилкооперации по Москве, это преуменьшает и итоговые цифры.

[2]) «Перспектива развертывания народного хозяйства СССР на 1926/27—1930/31 гг.». Изд. Госплана СССР, 1927 г., стр. 367.

Госплана предлагала на пятилетие 1926—27 г. — 1930—31 г.— 765,8 милл. руб., а ВСНХ на те же годы намечает—820,7 милл. рублей [1]).

Насколько нам известно, комитет содействия рабочему жилстроительству разрабатывает еще свой вариант пятилетки, а ВСНХ и Госплан проекты своих комиссий пересматривают. Уважая партс'езд, мы думаем, что ему незачем тратить время на рассмотрение и критику одного из этих черновых вариантов. С'езд наметит, очевидно, общий об'ем и направление расходования капитальных вложений и даст ясную установку для дальнейшего улучшения жилищного положения рабочего класса.

Безработица.

Перечисляя трудности и отрицательные явления, имеющие место на общем фоне нашего роста и улучшения хозяйственной жизни нашей страны, последний об'единенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) указывал, как на одну из них, на «значительную безработицу, главным образом, среди неквалифицированных категорий труда и совторгслужащих при одновременном росте количества занятых рабочих в госпромышленности и недостатке целого ряда категорий квалифицированных рабочих по отдельным отраслям промышленности».

Совершенно иную принципиальную установку безработицы дают оппозиционеры: для них рост безработицы—не одна из трудностей начального периода реконструкции нашего социалистического хозяйства, а «величайший показатель кризисного состояния нашего хозяйства» (Пятаков). Оппозиция считает, что безработица у нас захватила коренные кадры промышленного пролетариата.

Говоря, что медленный темп индустриализации нигде не проявляется так болезненно, как в области безработицы, наши сверхиндустриалисты тем самым утверждают, что может быть в наших современных конкретных условиях такой темп роста промышленности, транспорта и пр., который позволил бы поглотить в ближайшее время тот миллион с лишним людей, ищущих сейчас работы и те новые полтора—два миллиона людей, которых низкий уровень жизни в деревне толкнет в ближайшие 5 лет в город на поиски заработка.

Конечно, на бумаге можно давать волю свободному полету фантазии. Но партия обязана требовать, чтобы в хозяйственных планах отражалась жизненная директива. Партия учится оценивать планы у Владимира Ильича. Мы убеждены, что если бы т. Ленин сейчас услышал разговоры оппозиции о том, что можно взять такой темп индустриализации, который позволит быстро уничтожить нашу по преимуществу аграрную безработицу, то Ленин целиком повторил бы то, что он писал в 1921 г. в статье «Об едином хозяйственном плане»: «Пустейшее говорение. Литературщина. Нежелание считаться с тем, что в этой области создано делового, и изучать его...». «Суть дела в том, что у нас не умеют ставить вопроса и живую работу заменяют интеллигентским и бюрократическим прожектерством.

Дельный экономист, вместо пустяковых тезисов, засядет за

[1]) См. «Материалы к пятилетнему плану развития промышленности». Изд. ВСНХ. Москва, 1927 г., стр. 108.

изучение отчетов, цифр, данных, проанализирует наш собственный практический опыт» (Ленин, Собр. соч., том XVIII, ч. 1, стр. 86).

Характерно, что, *хотя т. Пятаков разрабатывал свою пятилетку по-деловому, у него и намека нет на то, что развитие промышленности проглотить в ближайшие пять лет миллионы новых рабочих.*

А если это так, то и все сетования на то, что в безработице, якобы, виноват низкий темп индустриализации—это не более чем литературные упражнения. Точно та же правдивость содержится и в разговорах о том, что безработица—признак кризиса в нашем хозяйстве. Рост всей промышленности, поглощающей с каждым годом новые кадры рабочих, численный рост пролетариата, улучшение материального положения рабочих—лучшее доказательство того, что *характер нашей безработицы совершенно не тот, что в капиталистических государствах*, где число безработных растет в годы кризиса и именно за счет вытесняемых из производства, при общем понижении уровня жизни всего рабочего класса.

Что представляет собой на деле масса безработных в СССР? В какой мере верно утверждение оппозиции, что безработицей поражены коренные кадры промышленного пролетариата?

По данным НКТ [1]), из числа 1.216.906 человек, состоявших на учете бирж труда на 1/VII—27 г., приходится 43,8% женщин, 13,2% подростков. Очень характерно, что среди безработных 12,5% лиц, прибывших на биржу труда из сельских местностей, и 23,2% людей, впервые предлагающих свой труд.

Из общего числа полутора миллионов безработных не имеет квалификации около половины (606.586 чел., или 49,8%), около пятой части безработных (260.583 чел., т.-е. 21,4%) представляет собой группа интеллигентного труда, главным образом, совторгслужащие.

Сопоставьте с этим, что индустриальная группа квалифицированных и полуквалифицированных безработных составляет 202.731 чел., т.-е. 16,5%, в том числе квалифицированные рабочие 126.346, т.-е. 10,4%, и полуквалифицированные 76.385 чел., т.-е. 6,1%,—и сразу станет ясно, что характер нашей безработицы в основном неиндустриальный, что отнюдь не основные кадры промышленного пролетариата находятся на бирже труда.

Изучение характера безработицы говорит о том, что основные пути борьбы с безработицей лежат не только и не столько в развитии нашей крупной промышленности, сколько в расширении сельского хозяйства, особенно трудоемких культур, в развитии подсобного наемного труда в деревне, в правильном развитии переселенческой политики, в расширении кустарной промышленности, в расширении всех видов строительства (промышленного, жилищного, дорожного и т. д., и т. д.).

Независимо от осуществления этих задач, мы обязаны принимать и принимаем все возможные меры для смягчения тяжелого материального положения безработных.

Одна из основных мер—овладевание государством рынком труда, усиление посылки на работу через биржи труда, посылка в первую очередь членов профсоюзов. В I квартале 1926—27 г. через биржу посылались в губернских городах РСФСР 38,3%,

[1]) Цифры взяты в отделе статистики труда НКТ СССР.

в УССР—51,2% всех поступивших на работу; во II квартале % посылаемых через биржу достиг в РСФСР 54,3%, в УССР—59,5%, и в III квартале—по РСФСР—70,6%, а в столицах доходил до 80%. На всевозможные виды помощи (трудовую помощь, страховую и т. д.) государство и соцстрах тратили в 1926—27 г. 85,5 милл. рублей, сверх того—профсоюзы 15 милл. руб. «Контрольные цифры на 1927—28 г.» намечают увеличение расходов государства и соцстраха на безработицу до 132 милл. рублей[1]).

В то время, как оппозиция, вводя партию в заблуждение, утверждает, что средний размер пособия по безработице, выдаваемого страхкассами, составляет 11,9 черв. руб., на деле средний размер пособия безработным в СССР в марте 1927 г. составлял в среднем 13 р. 03 к. (для РСФСР 13 руб. 34 коп.), а для безработных первой категории даже 17 р. 05 коп. (для РСФСР—17 р. 94 коп.). При чем пособие непрерывно возрастает из месяца в месяц[2]).

Общий расход органов соцстраха (без ЗСФСР) на безработицу составлял в первом полугодии 1926—27 г.—33,5 милл руб., или 12,5% всего расходного бюджета против 9,8% за предыдущий год.

Число безработных, состоящих на пособии страхкасс, выросло за полугодие с 1/X—26 г. по 1/IV—27 г. с 317,5 тысяч до 492,6 тысяч человек, т.-е. на 53,5% и достигло на 1/IV—27 г. 40% всей массы безработных.

Последний (октябрь 1927 г.) пленум ВЦСПС наметил дальнейшее расширение круга безработных, получающих пособие, с доведением общего количества обеспечиваемых до 725 тысяч (в среднем за год) и с повышением нормы пособий примерно на 3—4%[3]).

Нам кажется, что приведено достаточно доказательств того, что оппозиция занимается чистой демагогией, натравливая безработных на страхкассы и утверждая, что обслуживание страхкассами безработных вызывает совершенно справедливые нарекания с их стороны.

Охрана труда.

В области вопросов охраны труда оппозиция окончательно распоясывается. Прежде всего лидеры оппозиции вносят требование пресечь в корне всякие поползновения к удлинению 8-часового рабочего дня. Далее, в своих выступлениях они предлагают отменить все удлинения рабочего дня во вредных цехах, допущенные в отступление от ранее изданных норм. Опять подымают шум против, якобы, широкого применения сверхурочных работ. А кроме всего этого, кричат, что необходимо вернуть рабочим отнятые у них более длительные отпуска.

Касаясь вопроса об ассигнованиях на технику безопасности, троцкист не повторяет уже сапроновской клеветы о том, что они сокращаются, а выражаясь осторожнее, говорит, что кредиты эти совершенно недостаточны.

[1]) Ст. А. Бахутова в «Изв. ЦИК СССР» от 30/IX 1927 г.

[2]) Цифры взяты из статистики ЦУССТРАХА. Они напечатаны в литографированном сборнике.

[3]) «Труд» 18/X—27 г. № 238.

На большинство этих вопросов, мы уже отвечали цифрами и фактами в «Большевике» [1]).

Здесь мы считаем уместным подчеркнуть лишь ту исключительную развязность, с которой нам преподносится голословное обвинение об имеющихся, якобы, поползновениях к удлинению 8-часового рабочего дня. Цифры ЦСУ сами по себе прекрасно доказывают, что у нас средний рабочий день за последние 4 года снизился с 7,8 до 7,5 часа, что % работающих сверхурочно за эти годы падает с 22,8 до 15,2, что среднее число сверхурочных часов на 1 человека, работавшего сверхурочно, тоже снизилось с 26,6 до 17,9.

Как можно после этого говорить о поползновениях к удлинению рабочего дня? Но, помимо этих цифр, ведь каждому рабочему известно, что в СССР нигде нет и быть не может наступления на 8-часовой рабочий день.

Особенно «убедительно» это безусловно злостное клеветническое заявление выглядит на фоне постановления Сессии ЦИК СССР, выраженного в Манифесте от 15/X—1927 г.

> «На пороге десятилетия Октябрьской революции ЦИК СССР постановляет в отношении производственных фабрично-заводских рабочих обеспечить на протяжении ближайших лет переход от восьмичасового рабочего дня к семичасовому рабочему дню без уменьшения заработной платы, для чего обязать президиум ЦИК и СНК Союза ССР приступить не позже, чем через год, к постепенному осуществлению этого постановления по отношению к отдельным отраслям промышленности, в соответствии с ходом переоборудования и рационализации фабрично-заводских предприятий и ростом производительности труда».

Как видно из этого, оппозиционеры просто возвели в вопросе о рабочем дне несуразную небылицу. Их неискренность лучше всего доказана голосованием *против* семичасового рабочего дня.

Нам приходилось уже говорить о том, что разговоры о сокращении отпусков ни на чем не основаны: средняя продолжительность отпуска в промышленности растет из года в год и по данным ЦСУ составляла: в 1922 г.—10 рабочих дней на человека в год; в 1923 г.—12,7; в 1924 г.—12,9; в 1925 г.—14; и в 1926 г.—14 рабочих дней. (Число календарных дней отпуска больше приблизительно на 2 дня).

Особенно возмутительно утверждение об отнятии у рабочих дополнительных отпусков, об удлинении рабочего дня во вредных цехах и т. д. Достаточно заглянуть в законодательство, чтобы убедиться в обратном и увидеть, что с каждым годом прибавляются отдельные профессии, имеющие право на всевозможные льготы в связи с вредностями их труда. Если на практике бывают отдельные случаи, когда отменяются дополнительные отпуска, то это делается исключительно там, где проведены серьезные санитарные и технические мероприятия, в корне оздоровляющие условия труда, при чем во всех таких случаях инспекция труда, техническая и санитарная, при участии профсоюзов предварительно проверяет эффект проведенных мероприятий. Лишь после того, как имеется акт, удостоверяющий, что устранены самые профессио-

[1]) См. Б. Маркус — «Вопросы охраны труда в платформе «пятнадцати». «Большевик» № 17 за 1927 г., стр. 79—89.

нальные вредности, послужившие основанием для предоставления сокращенного рабочего дня или дополнительного отпуска, таковые отменяются. Тот, кто бывал в цехах на производстве, кто беседовал с рабочими, тот прекрасно знает, что рабочие больше всего заботятся об установлении здоровой обстановки труда. И после того, как вредности устранены, они охотно соглашаются быть приравненными ко всем рабочим предприятия в отношении рабочего дня и отпуска.

К слову, приведем маленькое доказательство того, насколько наша промышленность в целом «экономит на мелочах». Предприятия, охватываемые статистикой ВСНХ (до 80% промышленности), расходовали на спецодежду, мыло, молоко для рабочих во вредных производствах в 1924—25 г.—20,1 милл. руб.; в 1925—26 г.—23,9 милл. руб.; и намечалось на 1926—27 г. около 28 милл. руб. (в первом полугодии фактически израсходовано свыше 14 милл. руб.). В пересчете расходов на 1 рабочего мы имеем увеличение с 13 р. 20 к. в 1924—25 г. до 14 р. 10 коп. в 1926—27 г.

Оппозиция подчеркивает в своих выступлениях неудовлетворительное состояние техники безопасности. Это—неоспоримый факт, который меньше всего можно поставить в вину советской власти. Принимая тяжелое наследство от капитализма, мы, как известно, лишены были возможности выбирать предприятия. В связи с этим, общий уровень травматизма у нас безусловно высок, хотя тяжелые и смертельные несчастные случаи, по некоторым данным, ниже довоенного уровня. Партия не закрывает глаз на неудовлетворительное состояние техники безопасности, и в резолюции по рационализации труда от 25 марта 1927 года ЦК ВКП(б) предлагал усилить проведение мероприятий, оздоровляющих условия труда. Эта директива нашла свое отражение в увеличении реальных ассигнований промышленности и транспорта на санитарную охрану труда и технику безопасности. В 1926—27 году промышленность, планируемая ВСНХ СССР, ассигновала на охрану труда 37 милл. рублей, что составляло 5,04% от капитальных вложений в существующие предприятия (не считая вложений в жилстроительство и новое промышленное строительство). В контрольных цифрах на 1927—28 год Совет Труда и Обороны утвердил увеличение ассигнований на охрану труда по тому же кругу предприятий до 43 милл. руб., что составит 5,58% к капитальным вложениям в существующие предприятия. На ж.-д. транспорте увеличение соответствующих ассигнований намечается с 4,3 милл. до 5,7 милл. руб.

Так, без шума и демагогии проводится изо дня в день реальная борьба с несчастными случаями.

Выводы.

Разобрав весь скелет оппозиционной платформы по вопросам положения рабочего класса, мы переходим к некоторым обобщающим выводам.

Все выступления оппозиции по вопросам положения рабочего класса неизменно иллюстрируют тот факт, что ее мышление находится в крепком плену старых представлений о рабочем классе, как об элементе капиталистического общества. Оппозиции и невдомек поставить перед собой проблему «социалистического рабочего»; она видит перед собой пролетария, являющегося работником по найму, продавца своей рабочей силы. Отсюда растет подчеркнутое противопоставление потребительских интересов рабочего класса и производственных интересов пролетариата, как организатора народного хозяйства, отсюда пред'явление «рабочих требований» к советской власти, отсюда возражения против того, что производительность труда следовало бы поднимать быстрее, чем зарплату, отсюда неумение поставить вопрос о накоплении социалистического сектора хозяйства, как вопрос о росте доли *рабочего класса* в национальном доходе, отсюда и все прочие предпосылки. А между тем тот, кто не ставит перед собой вопроса о диалектическом изменении роли рабочего класса в переходный период от коммунизма к социализму, тот не заметил самого основного успеха нашей революции—начала преодоления классов.

Разрушив капитализм, овладев командными высотами в политической жизни и в экономике, рабочий класс, осуществляющий свою диктатуру, переделывает и самого себя. На наших глазах начинается переработка того самого «человеческого материала», которым цементируется строящееся здание социализма.

Огромный внутренний под'ем в массах, неподдельный пафос строительства, начавшийся культурный сдвиг самой густой толщи пролетариата, вплоть до его наиболее отсталых частей, биение здорового, крепкого, полнокровного пульса масс,—все это остается для оппозиции нераскрытой книгой за семью печатями.

На пути социалистического строительства нам предстоит огромная работа, нам необходимо еще долгие годы по-ленински, настойчиво и определенно переделывать самую нашу природу. Идя по пути сокращения рабочего дня и рационализации производства, мы должны научиться *работать лучше*, *быстрее*, *экономнее в движениях*, *культурнее*, мы должны насквозь пропитаться сознанием, что работаем на себя и что по одному этому *старый темп работы надо оставить возможно дальше позади*. И только на этом пути мы победим *до конца*.

Оппозиционная установка, проникнутая рассуждениями о том, что на рабочего, якобы, кто-то нажимает, применима только в капиталистических условиях. Пора понять, что повышение требований рабочего класса к самому себе не есть ни эксплоатация, ни нажим со стороны.

Эту ошибочную идеологию надо поэтому преодолеть до конца.

Облыжно утверждая, что в нашей партии отсутствует обмен мнений, отсутствует критика недочетов, оппозиция тем самым хочет утвердить за собою монополистическое право на критику. Нетрудно показать, что это не соответствует действительности. Но есть критика и «критика». Тогда, когда вся партия напряженно работает вместе со всем рабочим классом над преодолением трудностей, наши критики заняты исключительно выискиванием поводов для нападок, извержением целых фонтанов красноречия по поводу каждого недочета.

Нет, кажется, такого наивного человека, который мыслил бы социалистическое строительство, как торжественное шествие по гладкой дороге. Ленин сравнивал наше движение вперед с тяжелым восхождением на крутые скалистые горы. При таком восхождении, конечно, не раз приходится и спотыкаться и срываться, но только враг может позволить себе поднимать крик после каждого неудачного шага.

К сожалению, в критике нашей оппозиции нередко пробиваются такие чуждые ноты. Это носит тем более неприемлемый характер, что партия в десятках постановлений подчеркивает и об'ективные трудности и отдельные ошибки, допущенные нами. Если взять в руки любую резолюцию любого звена партии, профсоюзов, советских органов,—найдете ли вы там лишь голое констатирование успехов? Конечно, нет. В каждой резолюции по деловому намечаются всегда и неразрешенные задачи и на ряду с достижениями перечисляются неудачи прошлого.

Основные трудности строительства социализма в нашей, технически отсталой крестьянской стране неоднократно подчеркивались партией. Они дают себя знать и в области рабочего вопроса: социальные противоречия в деревне, противоречия между наличием средств и необходимостью возможно больше и быстрее развернуть нашу индустрию и с. х. рождают безработицу; огромные разрушения жилищного фонда, происходившие во время империалистической и гражданской войны, не дают возможности быстро изжить жилищную нужду в развивающихся рабочих районах; техническая отсталость промышленности и изношенность орудий производства служат причиной большого числа несчастных случаев и т. д., и т. п. Эти и десятки других трудностей партия видит, указывает на них рабочему классу и одновременно преодолевает. Но все это—трудности, сопряженные с ростом. И этот факт для нас решающий, ибо в нем залог их преодоления.

Подводя большие политические итоги первого героического десятилетия нашей великой революции, оппозиция нашла только мрачные краски для оценки положения победившего пролетариата. К счастью, действительность оказывается много лучше оппозиционных представлений о ней. Тем более уместно взглянуть в корень и ответить на вопрос об оппозиционной установке с точки зрения широких классовых соотношений.

Мы, большевики, далеки от самодовольного разрисовывания картин казенного благополучия. Наши взоры всегда обращены вперед и внимание приковано к неразрешенным еще задачам и трудностям социалистического строительства. Прошлое—для нас опора для перехода на следующую ступень. Но когда мы оцениваем пройденный путь, подводим социальные итоги десятилетия, нам незачем замазывать наши успехи. Перечитайте хотя бы, как Владимир Ильич подводил итоги первых пяти лет революции на IV конгрессе Коминтерна (т. VIII, ч. 2, стр. 85 и сл.)—и вы увидите там на ряду с четкой постановкой дальнейших задач ясное подчеркивание тех решающих успехов, которых нам удалось добиться. Владимир Ильич, видимо, не боялся того, что его будут обвинять в «самодовольном разрисовывании достижений». Коль скоро факты на нашей стороне, мы имеем все основания утверждать, что за все время революции положение рабочего класса в нашей стране непрерывно улучшается.

Чем же в таком случае об'яснить брюзжание и клевету оппозиции об ухудшении положения рабочего класса, чьи настроения они отражают, кому они на руку в данное время?

Изучение действительности дает ответ на все эти вопросы. Рабочий класс, как и всякий общественный класс, имеет разные прослойки. Своей платформой оппозиция об'ективно отражает хвостизм наиболее отсталой, обывательской, наименее сознательной и спаянной части пролетариата, той части, которая по своим настроениям примыкает к мелкой буржуазии. Паника перед рационализацией труда, преданность узким цеховым интересам, неуменье отличить их от общеклассовых задач пролетариата, политическая близорукость, грубое противопоставление интересов рабочего класса и задач наших предприятий «последовательно социалистического типа» (Ленин),—таково содержание оппозиционной платформы. Но ведь именно по этой линии проявляется недовольство нашей партией и со стороны мелкой буржуазии. Оппозиция перекидывает слишком опасный мост между собой и этими элементами.

Всем известно, что зарубежные рабочие с огромной надеждой и восхищением смотрят на наше строительство. Все сведения об улучшении положения рабочего класса встречаются на рабочих окраинах с восторгом. Они являются лучшим агитатором за нас и вызывают под'ем симпатий к первой Республике Труда. В противоположность этому все враждебные нам элементы с бешеной яростью подхватывают и разносят по миру все даже мелкие факты наших неудач. Обобщающие положения оппозиции, утверждающей, что положение рабочего класса в СССР ухудшается, являются для них лучшим подарком к десятилетию Октября. Независимо от своих личных пожеланий оппозиционеры, метя в одну дверь, попадают в другую. Третья сила использовывает их. Рабочий класс Запада, видящий в СССР оплот мирового социализма, не поверит оппозиционным росказням, столь далеким от действительности. Но, если, паче чаяния, наша оппозиция заронит зерно сомнения в головы отдельных рабочих, то этим она, конечно, только ослабит собирание и консолидацию сил мирового пролетариата и его поддержку СССР. Не верится, чтобы оппозиция хотела этого. Но также трудно поверить, чтобы она не понимала этой простой истины. А если это так, то не пора ли одуматься?

Партия обязана помочь колеблющимся и заблуждающимся разобраться, но одновременно она должна твердой рукой остановить тех, кто сознательно вводит других в заблуждение. Мы не сомневаемся, что XV партийный с'езд эту задачу выполнит.

М. Каценеленбоген.

О достижениях и недостатках в деле помощи бедноте.

Курс партии на усиление политической активности и культурного обслуживания бедноты, а также экономического под'ема бедняцких хозяйств, получил особо яркое отражение в решениях октябрьского пленума ЦК (1925 г.) и последующих XIV партконференции и *партс'езда.*

Мобилизация партийного внимания и сил на проведение этих решений *привела* к ряду крупных успехов в работе среди бедноты.

По вопросу организации бедноты в политических кампаниях, наиболее показательным являются итоги последних перевыборов советов. Вот несколько цифр:

По РСФСР освобожденных от с.-х. налога (в %):

В составе:	1925/26 г. [1])	1926/27 г.
Сельсоветов	8,4	16,4
Предсельсоветов	7,0	15,5
Виков	8,5	20,6
Предвиков	3,5	25,2

Рост вовлечения батраков и сел.-хоз. рабочих также значителен:

	1925/26 г.	1926/27 г.
Сельсоветы	2,9	4,2
Предвики	3,5	10,0

Перевыборы во всех видах кооперации также усилили влияние бедноты в выборных органах кооперативной сети.

Значительное усиление роли бедноты при проведении всех политических кампаний об'ясняется серьезнейшей работой, проведенной и проводимой партией по организации бедноты (тысячи собраний бедноты по губерниям, вовлечение бедноты в предвыборную кампанию, собрания бедняков — пайщиков кооперации и т. д.), *при наличии общего роста активности деревни.*

Основными показателями серьезности мероприятий хозяйственной помощи бедноте, проводимых государством и общественными организациями в *осуществление решений партии, за последние два года* являются: создание специального (29 милл.) фонда кредитования бедноты; выделение из прибылей всеми видами кооперации значительных фондов кооперирования бедноты, по одной лишь потреб. кооперации достигающее 7 милл руб., расширение с каждым годом льгот бедноте по: с.-х. налогу (согласно Октябрьскому Манифесту ЦИК 1927 г. количество освобожденных от налога бедняцких, маломощных крестьянских хозяйств доведено до 35% всех крестьянских хозяйств), землеустройству, лесоснабжению и др. *и, наконец, что особенно важно, большие льготы и помощь* колхозному строительству, всяким формам коллективизации *бедняцких* хозяйств. Для иллюстрации этого достаточно привести декрет ЦИК (от 16 марта 1927 г.), предоставляющий целый ряд весьма значительных льгот колхозам (передача гос. земимущества, освобождение в ряде случаев от с.-х. налога и т. д.), а также тот факт, что из всех кредитов ЦСХБ, идущих на производственные нужды сельского хозяйства от 30% до 40% распределяются *колхозам*, артелям, машинным товариществам.

Экономическая помощь бедноте, увеличиваясь с каждым годом, выросла в мощный рычаг под'ема бедняцких хозяйств. Как бы ни были громки крики «защитников» *бедноты* из оппозиционного блока, одно ясно, что оппозиции понадобились собственные «программы» по бедняцкому вопросу *лишь* для того, чтобы ценой любой демагогии сколотить себе политический капитал.

Нельзя же в самом деле считать «программным» вопросом хотя бы вопрос о том, сможем ли мы в 1927 или же только в 1928 г. дойти до освобождения 40 или 50% хозяйств от с.-х. налога? Если оппозиционная истина «нам из болота виднее» и открывает кому-нибудь перспективы «гибели» и «сползания» партии,— то разве только политиканам, потерявшим зрение или никогда не имевшим его.

Любой глаз, не ослепленный оппозиционным бельмом, не может не видеть, что партия *последовательно, на деле,* сообразуясь с силами и средствами на каждый отрезок времени, держалась и держится курса, действительно обеспечивающего под'ем бедняцких хозяйств и все большее усиление политического и экономического влияния бедноты на всю жизнь села (советы, кооперация, кредит, колхозы и т. д.). Любому человеку, непредубежденному о вещах, ясно, что предоставляемая октябрьским Манифестом правительства значительная помощь бедноте (освобождение 35% от сел.-хоз. налога, землеустройство всех маломощных за счет государства и т. д.) *является не чем иным, как следующим шагом партии и советской власти по тому пути,* по которому они шли до сих пор.

В отличие от кучки людей, ослепленных трудностями, большевистская партия в трудностях еще более заостряет свое зрение, смело нащупывает слабые места, намечает пути укрепления этих слабых пунктов.

Вот почему тезисы последнего пленума ЦК по вопросу о работе среди бедноты, отмечая достижения и успехи вместе с тем особо заостряют внимание к имеющимся недостаткам, намечая линию их исправления.

Как и в каждом крупном деле, связанном с обслуживанием сотен тысяч и миллионов хозяйств, в практике хозяйственной помощи бедноте на ряду с крупными успехами имеются и серьез-

[1]) При общем увеличении процента освобожденных от с.-х. налога за этот год с 23,8% до 29,1%.

ные недостатки, ослабляющие общую эффективность помощи и тормозящие темп под'ема бедняцких хозяйств.

Переходя к фактам, оговоримся, что экономии ради коснемся лишь основных недостатков, оставляя в стороне «мелкие недочеты» (хотя эти «мелочи» пакостят и мешают делу не менее больших недостатков и при общем сложении становятся значительным злом).

Прежде всего—о бедняцком *кредите*.

В ряде мест известная часть фондов кредитования бедноты продолжает оставаться номинальной.

Фонды продвигаются с чрезвычайной медлительностью (по РСФСР фонды переводились на места в течение 9 месяцев, тоже и по ряду других республик). Бедняцкие фонды в совершенно недостаточной степени используются в ряде мест для коллективизации бедняцких хозяйств.

Так, % распределения этих кредитов по единоличным хозяйствам достигает по Саратовск. губ. 90%, Омской—95%, Московской губ.—80%, по Белоруссии на коллективы идет лишь 3% всего бедняцкого кредита.

И, наконец, в погоне за количественным эффектом сплошь да рядом установленный размер кредитования на одно хозяйство настолько незначителен, что бедняк не в состоянии использовать его по назначению (напр., на приобретение рабскота ниже 100 руб.) и в результате по ряду мест получается *распыление* и *проедание* этих кредитов.

Теперь о пользовании бедноты общими кредитами. Наиболее выгодные по условиям, долгосрочные кредиты, по целому ряду районов в совершенно недостаточной степени предоставляются бедняцким слоям деревни. Общий же процент пользования бедняцких хозяйств кредитами ниже их удельного веса ко всем хозяйствам района. В подтверждение—два примера:

Украина—Левобережье (свед. ЦСХБ).

беспосевных и до 2 дес.	всего хоз.	23,5	заемщик 9,8%
от 2 до 9 дес.	» »	72,6	» 81,9%
с 9 и выше	» »	3,9	» 8,3%

Данные РКИ по 10 адм. районам о распределении долгосрочных кредитов:

бедноты ко всем членам т-в	34,5%	получ. долгосроч. кр.	10,7
зажиточных »	10,3	» » »	16,0%

Размер кредита на одно хозяйство также значительно разнится в пользу более зажиточных слоев деревни. По данным РКИ средний размер на бедняцкое хозяйство—53 р., середняцкое—72 р. зажиточное—172 руб.

Эти примеры типичны для целого ряда других районов.

Хуже всего обстоит дело с практикой распределения кредитов по *машиноснабжению*. Вопреки целому ряду специальных директив и партийных решений (см. хотя бы решение ЦК от 19 августа 1926 г.) об усилении кредитования бедноты на приобретение сельскохозяйственных машин, практика машиноснабжения бедноты по ряду районов остается неблагополучной.

Вот данные о сроках кредитования [1]):

Экономические группы хозяйств	Сел.-хоз. машины сложные				
	До 3 мес.	3—6 мес.	6—12 мес.	Свыше 12 мес.	Всего
I группа	47	26	22	5	100
II »	18	37	23	22	100
III »	13	25	34	28	100
Сред. по всем группам	19	30	29	22	100

Как видно отсюда, самые невыгодные по условиям кредита (краткосрочные) преимущественно достаются бедноте. *Средний размер ссуд на бедняцкое хозяйство в 2—3 раза меньше, чем на зажиточное.*

Малодоступность условий кредита для бедноты, требование значительного взноса при покупке машин,—все это в конечном счете приводит к слабому пользованию беднотой кредитами по машиноснабжению (об этом свидетельствуют все материалы ЦСХБ, РКИ и отд. губерний).

Больше того, по отдельным районам имеется даже ухудшение в этом деле, так, например, по Сибири:

	1925 г.	1926 г.
Бедняцкие хозяйства	28,9%	17,4%
Середняцкие »	56,2%	65,6%
Зажиточные »	14,9%	27,0%

Классовая четкость в распределении кредита по целому ряду низовых кредитных органов явно *не достаточна*, а местами отсутствует. Взять хотя бы такую скверную «мелочь», как требование с бедняка, желающего получить кредит, «индивидуального поручительства». Сплошь и рядом этим поручителем является кулак, и ясно, что поручается он за бедняка не иначе, как за соответствующую мзду (деньгами, отработкой). В итоге кредит удорожается, и, кроме того, это ставит бедняка в зависимость от зажиточного поручителя. Хотя правление сельхоз. банка и дало ряд декретов о ликвидации этой системы, все же по сей день по ряду районов подобный порядок сохранился. Вот например, последние данные по Витебск. округу: свыше 67% ссуд бедноте, выдано под «индивидуальное поручительство».

Дальше—

о вовлечении бедноты в кооперацию.

Выделение специальных фондов кооперирования бедноте, значительно усилило темп втягивания бедноты в кооперацию (несколько сот тысяч лишь по линии потребкооперации). Но и в этом деле эффект мог бы и должен быть значительно большим.

---

[1]) Данные ЦСХБ по Сев. Кавказу, Северному району и Сибири (в процентах). Экономические группы условно могут быть отнесены к бедняцкой середняцкой и зажиточно-кулацкой группам.

Остановимся на некоторых основных недостатках практики кооперирования бедноты. Многие низовые кооперативные органы считают, что их задача кончается выделением из прибылей соответствующих фондов кооперирования. «За наши денежки, да еще упрашивать», «не наше дело искать дармовых покупателей». *Организационная и раз'яснительная работа по втягиванию бедноты в кооперацию местами вовсе отсутствует, повсюду слаба.* Само кооперирование сплошь да рядом носит чисто бюрократический характер. Правление кооператива выделяет деньги (на основании решения пайщиков) и перепоручает комитету взаимопомощи *представить* списки бедняков, подлежащих кооперированию. В лучшем случае требуемое количество бедняков по взаимной договоренности руководителей этих двух организаций «кооперируется», при чем без всякого раз'яснения и ведома самих вовлекаемых бедняков. Все ограничивается заготовкой членских книжек. Нередко же ККОВ не удосуживается найти достаточного количества бедняков, и фонды на «законном» основании переводятся на другие нужды (вплоть до починки моста) или же для усиления оборотных средств.

Такая «механика» кооперирования в ряде мест неизбежно приводит к значительному недоиспользованию фондов. Например, в Сибири использование фондов по Красноярскому округу выражается в 32%, Ленинскому—11%; по Белоруссии—38% (на сентябрь 1927 г.), то же и по ряду других районов.

И что еще хуже—это механическое кооперирование также приводит к *отдельным*, случаям, отказа бедняков от вступления в кооперацию и возвращению книжек (Саратов).

Тот факт, что в ряде мест неиспользование фондов сопровождается немедля израсходованием средств на другие нужды, невольно выдвигает еще одно соображение: не является ли слабая организационная работа по вовлечению бедноты в кооперацию по ряду мест, *предвзятым* стремлением отдельных низовых кооперативов (в особенности где недостаточно партийное влияние) к более «выгодному», «рентабельному» использованию фондов, вместо того, чтобы их так «некоммерчески» тратить на бедноту? Следует прямо сказать, что должного контроля над реализацией решений пайщиков о выделении фондов и, самое важное, проверки практики использования фондов *в большом количестве районов до сих пор нет.*

Изучение вопроса о кооперировании отдельных социально-экономических групп деревни выявило, *что при середняцко-бедняцком, в основном, составе кооперации в деревне имеется отставание в темпе кооперирования бедноты по сравнению с более зажиточными слоями деревни.* При этом положении *полное и правильное использование фондов кооперирования сможет значительно изменить темп вовлечения бедноты в кооперацию.*

Теперь—несколько слов

о колхозах.

При общем росте и укреплении колхозного движения, несомненном преобладании в составе колхозов маломощных слоев деревни и в колхозном строительстве имеется целый ряд недостатков. Основным же является недостаточное руководство и орг.-хоз. обслуживание колхозов со стороны земельных и кооперативных органов. Это же в свою очередь приводит к недостаточной борьбе с лжекооперативами и наличию большого количества «диких». В поисках всяких путей к эксплоатации бедноты, обходу преград пролетарского государства к капиталистическому развитию сельского хозяйства, кулак не прочь пойти в *лже*колхоз, в *лже*артель и даже в *лже*коммуну. Тем более, что таким путем он сможет попользоваться государственным кредитом и «механизировать» за счет государства свое хозяйство (трактор, сложные с.-х. машины). Кроме всего прочего, вывеска колхоза облегчает для кулака возможность эксплоатации (внутри и вне колхоза) бедноты. Показательным примером того, насколько значительно количество лжеколхозов является материал обследования состояния машинных товариществ по Крыму [1]).

Так, из 109 т-в оказалось 35 «семейных» (члены одной семьи), 52 «родствен.», и только—22 «без родств. связей».

И, наконец, из этих 22 т-в в 14 количество членов меньше установленного законом минимума (10).

Чтобы показать социальное лицо членов всех этих товариществ приведем несколько фактов:

38,4% всех членов имеют доход (при вступлении в т-во) от 600 до 1.200 рублей.

21,2% имеют доход свыше 1.800 руб. (при средней доходности крестьянского хозяйства в районе обследования в 517 руб.).

В «семейных» товариществах—до 45% арендованной земли, в «родственных»—30%, в остальных—лишь 13%.

Зажиточность состава подтверждается также наличием скота, инвентаря и рядом др. признаков. Хуже всего то, что количество семейно-родственных товариществ за последний год даже выросло (1925 г.—77,4%; 1926 г.—83%).

В разных видах и формах, местами в меньших размерах, но в значительном количестве районов (в особенности Сибирь, Кавказ) кулак обходом стремится через лжеколхозы расширять, ставить на капиталистическую ногу свое хозяйство.

Вопрос о борьбе с этим злом в более энергичной форме следует заострить.

Значителен также % «диких», не вовлеченных в кооперацию колхозов. Местами он больше процента вовлеченных, так, например, по Пензенской губ. на 1/III—27 г. «дикие» составляют 90%.

«Дикие», лжеколхозы—все это в конечном счете издержки, и значительные, слабости руководства, неохвата все более разрастающегося колхозного движения.

Задача укрепления социалистического сектора в сельском хозяйстве, все большего перевода бедняцких хозяйств на пути коллективизации, обеспечивающие быстрейший под'ем и социалистическое развитие бедняцких хозяйств—эта задача требует более энергичного выполнения ряда партийных решений, в частности о создании и укреплении колхоз. секций, усиления учета и орг.-хоз. обслуживания колхозов, усиления помощи колхозам в повседневной работе, более решительного втягивания «диких» в кооперацию.

---

[1]) «На Аграрном Фронте» № 8—9. 1927 г. В. Жиров—«Машинные товарищества в Крыму».

Декрет ЦИК (от 16 марта 1926 г.), особо подробно и четко выдвигающий ряд мер по улучшению положения колхозов, борьбы с лжеколхозами (расширение количества устроителей, внимание регистрации и т. д.) должен быть выполнен.

С доведением основных льгот до бедноты (по с.-х. налогу, землеустройству) дело за последнее время обстоит сравнительно благополучно. Беднота в основном знает, какие льготы законами советской власти ей предоставлены. *Она ими пользуется уже на деле.* Но и здесь не без «болезней».

Один лишь пример по землеустройству. *Беднота* законодательством землеустраивается за счет государства. Это проводится и достаточно полно. Но, кроме общих расходов по землеустройству, имеются еще и так называемые «организационные расходы» (подвода землемеру, помещение и т. д.). Так вот, эти-то «орг. расходы» подчас не меньшие по размеру основных расходов, раскладываются, согласно *зем. кодексу* (§§ 177, 178) «на все землеустраивающиеся хозяйства соразмерно площади». Другими словами, в этой части расходов бедняк не пользуется никакими льготами.

И еще одно замечание.

Земельное общество на деле оказывает значительное, если не решающее влияние на порядок распределения льгот. Между тем зажиточные слои деревни всячески пытаются, и в ряде случаев с успехом, «исправить» классовую линию пролетарского государства.

Это особо сказывается при проведении всякого рода самообложений. Путем «справедливого» уравнительного раскладывания расходов по всем хозяйствам фактически переоблагается беднота. Например, при покупке пожарной кишки земобщество решает (в Курск. губ.) «разложить расходы на хозяйства по количеству дымовых труб».

Переобложение бедноты, случаи неправильного распределения льгот земобществами в ряде мест возможны лишь благодаря недостаточности влияния коммунистов на работу земельного общества и слабой организации самой бедноты. Выдвигаемые тезисами ЦК предложения о лишении кулака права голоса в земельном обществе, при обязательном усилении участия коммунистов и комсомольцев в работе земобщества (чего сейчас нет) и большей организации самой бедноты для защиты своих интересов—сможет значительно изменить физиономию земобщества и его отношение к вопросам помощи бедноте.

В чем причина всех этих значительных недостатков? Причин много, но в основном они сводятся к двум вещам:

1. Недостаточное внимание к «каналу продвижения» всякого рода хоз. помощи со стороны *целого ряда* организаций и учреждений, ведающих осуществлением мер хоз. помощи бедноте (система с.-х. банка, Госсельсклад, органы НКЗ, кооперация, ком. взаимопомощи и др.).

Нет должного контроля сверху донизу—того, *насколько каждое звено аппарата обеспечивает выполнение основных решений партии и советской власти о хоз. помощи бедноте.* (Состав лесных, земельных, налоговых к—ссий, работа базы Госсельсклада, лесного об'езчика, низовых кредитных органов и т. д.)

2. Все еще недостаточна организация самой бедноты вокруг вопросов хоз. помощи ей.

Узловой вопрос сегодняшнего дня—это не только расширение хозяйственной помощи, но и *стопроцентное доведение* всех хозяйственных мероприятий до бедняка. *Проверка всех звеньев канала продвижения, прочистка отдельных засорившихся мест.*

Во всем этом деле на ряду с необходимостью улучшения работы аппарата *решающую роль* играет вопрос о правильной организации самой бедноты. Прежде всего надо добиться усиления контроля бедноты и ее участия во всем деле продвижения и распределения кредитов и различного рода льгот, а также, что не менее важно, следует добиться превращения всей хоз. помощи государства и общественных организаций лишь в стимул *для выявления и мобилизации хозяйственной инициативы самой бедноты для дальнейшего под'ема и укрепления бедняцких хозяйств.*

Между тем партийные решения о развертывании этой хозяйственной работы с беднотой проводится недостаточно энергично. Если собрания бедноты и привились как форма массовой организации бедноты, то лишь во время проведения общекрестьянских кампаний (перевыборы и т. д.). Вопросами же местной, хозяйственной жизни подавляющее большинство собраний бедноты занимается чрезвычайно мало. (Например, в Белоруссии по Бобруйскому округу из 501 собрания всего лишь 37 было созвано по местнохозяйственным вопросам). *Группы бедноты* хотя количественно и значительно выросли за последний год, но содержание работы большинства из них остается мало удовлетворительным. К примеру, группа бедноты (Белоруссия) ставит вопрос о Парижской Коммуне, другая (Закавказье) начинает свою работу с выдачи удостоверений о благонадежности граждан. Примеров подобной «работы» много. Но и количественный рост групп явно не отвечает задачам, поставленным партией. Это относится, в особенности, к организации групп при кооперации и ККОВ. По ряду мест продолжается организационная путаница в самом построении групп, в роде утверждения состава группы на общем собрании бедноты или создания об'единенной группы из членов совета, правления кооперации, ККОВ и т. д.

Ряд решений Центрального Комитета партии (в частности лето 1926 г.) достаточно конкретно ставят вопросы о формах организации бедноты, особо подробно указывают пути укрепления, развертывания работы групп бедноты. Подавляющее большинство местных парт. организаций, в особенности за последнее время, значительно усилили внимание организации бедноты вокруг хозяйственных вопросов, развертыванию групп бедноты, улучшению содержания их работы, *но сельячейка все еще не стала основным организатором всего этого дела.*

В основной своей массе все деревенские парт. организации достаточно полно осознали необходимость усиления работы среди бедноты, беда лишь в том, что многие из них при общей своей слабости просто не знают, *как* практически следует эту работу ставить.

Сельская парт'ячейка должна получить помощь в этом деле. Следует конкретизировать партийное руководство, улучшить живой инструктаж, об'яснить, научить конкретно, где, каким путем следует развертывать работу групп бедноты, собраний, совещаний пайщиков-бедняков и т. д.

Ряд партийных организаций практикуют посылку в длительные командировки в деревню по этому специальному вопросу

(о работе сельячеек по организации бедноты вокруг хоз. вопросов) губернского и уездного партийного актива. Этим путем и рядом других форм необходимо в ближайшее же время *довести* руководящие партийные решения *до сельской ячейки, помочь каждому коммунисту на селе, усвоить все практические партийные директивы и поставленные задачи.*

Никакие фракционные «круги спасения» не нужны партии как во всех вопросах, так, в частности, и в вопросе работы среди бедноты. Не все «новое» оппозиционеров действительно ново, или вернее, все их «новое» не ново, и не в этих грошевых «новостях дня», пропитанных демагогией, рассчитанных на дешевый рекламный успех—*дело.*

Куда и как двигаться, партия знает. Перед лицом больших достижений, она смело вскрывает и трудности и недостатки, стоящие на ее пути.

Действительно боевая задача дня —*усилить выполнение ясных, четких, твердых партийных решений*, проверить, где препоны на пути, их устранить.

То, о чем говорил Ленин пять лет назад, остается действительно *новым* и на сегодняшний день!

«*Проверять людей и проверять фактическое исполнение дела—в этом, еще раз в этом, только в этом теперь гвоздь всей работы, всей политики. Это дело не нескольких месяцев, не одного года, а дело нескольких лет*» [1]).

---

[1]) Ленин, т. XVIII, ч. 2.

Г. Викторов.

Империалистическая Франция и СССР.

I.

Политика английского правительства—обострить, а затем разорвать англо-советские дипломатические отношения—являлась составной частью и отправной линией более широкого плана создания антисоветского окружения, к которому должны были примкнуть крупнейшие европейские державы. Не вина английской дипломатии, что это так не случилось. Ею, по крайней мере, были сделаны все усилия, чтобы политика английских консерваторов нашла своих подражателей в других странах.

Совершенно очевидно, что наибольшее внимание уделялось при этом привлечению Франции в лагерь активных врагов Советского Союза. К этому у английской дипломатии было несколько данных. Внешнеполитическая линия французского кабинета после составления правительства Пуанкаре из представителей различных буржуазных партий, имеющих различные воззрения о том, какая политика более всего соответствует реальным интересам Франции, менее всего могла быть характеризована как стабилизированная. Ни для кого не представляло секрета, что в составе правительства существуют значительные разногласия на тему о том, следует ли Франции вести бравурную политику в континентальных вопросах, или же стремиться к закруглению углов и политикой соглашения с Германией обеспечить себе максимальные выгоды для своей промышленности. Английская политика блокирования с Францией против СССР могла рассчитывать на благожелательный прием со стороны тех кругов, которые, с одной стороны, стоят за известную «свободу рук» по отношению Германии, а с другой—из чувства боязни за свое колониальное господство, подвергающееся угрозе со стороны революционного движения на Востоке, не прочь были бы решительнее ориентироваться на Великобританию. Через эти круги, представленные в правительстве, Англия могла давить на само правительство.

На ряду с этим внутренняя политика тех же самых кругов как нельзя лучше настраивала их в сторону разрыва франко-советских отношений. Рост коммунистического движения во Франции, обусловленный непопулярностью марокканской и сирийской военных экспедиций, стоивших больших материальных ресурсов и сопровождавшихся ощутительными потерями людей, при сопутствующем недовольстве финансовой политикой кабинета национального об'единения, побуждал правые круги подумать о методах привлечения широких масс мелкой буржуазии на сторону политики «твердой руки». Испытанный жупел большевистской опасности имел сыграть во Франции ту же роль, что в свое

7*

время пресловутое «письмо Зиновьева» на генеральных выборах в Англии в 1924 г. Сочетание внешнеполитических соображений с интересами внутреннего порядка должно было создать твердую базу для развертывания наступления против сохранения франко-советских отношений. Ко всему этому следует присоединить специфические свойства французской правой печати, которая издавна славилась своей общедоступностью средствам материального воздействия, или, проще выражаясь, довольно охотно выражала взгляды тех, кто в данный момент ее субсидировал. Эти моменты и то обстоятельство, что Франция является следующим после Англии крупным европейским государством, присоединение которого к антисоветскому блоку делало бы действительно возможным осуществление последнего, побудило английскую дипломатию развивать серьезнейшую акцию в направлении срыва франко-советских отношений.

Уже вскоре после первого сигнала, поданного британским правительством февральской нотой, которая, по выражению Чемберлена, должна была дать предупреждение Европе о невозможности сохранения нормальных отношений с Советским Союзом, правые политические круги Франции начинают приходить в движение. Застрельщиком и программным декламатором выступает французский министр внутренних дел Сарро, который в своей речи, произнесенной в Константине 22-го апреля, обрушивается со всей яростью на коммунистическое движение во Франции, грубо инсинуируя, что оно является делом «рук Москвы». Этим знаменуется начало похода против рабочего движения во Франции, попутно захватывающего и внешние отношения Французской республики с нашим пролетарским государством. Параллельно с этим французским министерством юстиции, во главе которого стоит правый сенатор Барту, инсценируется «шпионский процесс» коммунистов, при чем следственной властью делаются невероятные усилия для того, чтобы приплесть к этому делу советское полпредство в Париже. И, наконец, третий симптом, уже непосредственно из области франко-советских отношений—наступление мертвого штиля в переговорах о долгах и кредитах, до того времени интенсивно ведшихся между советской и французской делегациями.

Не ангажируясь полностью в сторону того или иного исхода, французские правящие круги создают соответствующую обстановку, которая позволяет им наметить ту линию поведения, которая окажется подходящей в решающий момент. Наступление правых началось как в плоскости внутренних, так и внешних отношений. Психологическая подготовка разрыва, но еще без того, чтобы были поставлены все точки над «i» становится политической задачей текущего момента. И в данном случае, как и в английском примере, так же, как и во всех случаях в прошлом и в будущем, когда реакционные круги стремятся к победе «твердого курса» во внутренней политике, их политические маневры неизбежно бывают связаны с политикой ухудшения отношений с советским государством. Установлением такой симптоматической связи между советским государством и своим рабочим классом мировая буржуазия показывает, что она-то хорошо понимает, что нанесение удара по Советскому Союзу является одновременно ударом по собственному рабочему классу. Совпадение внешнеполитических и внутриполитических «курсов» имеет не случайный характер, а представляет собой явление совершенно закономерное.

Ставший фактом разрыв англо-советских отношений еще более стимулирует деятельность реакционных кругов Франции. Под давлением этих кругов французское правительство понуждается с большей ясностью формулировать свою позицию, и оно определяет ее в заявлении, что «французскому правительству не приходилось до сего времени ставить перед собой вопрос об изменении официальных отношений, существующих между Францией и Россией, и оно не возьмет на себя инициативы в этом направлении, если только не будет к этому вынуждено новыми обстоятельствами».

Самая постановка вопроса о разрыве в официальном сообщении французского правительства уже свидетельствует о том, что в принципиальной плоскости изменения политики по отношению к Советскому Союзу не встречает препятствий, и если происходит некоторая задержка со стороны французских правящих кругов в осуществлении английских пожеланий, то в том смысле, что они еще недостаточно реально представляют себе те выгоды, которые им может дать разрыв с СССР в настоящий момент. Такое заявление открывает широкое поле для всяких выгодных предложений со стороны Англии и для усиленной деятельности внутренней реакции навстречу английскому нажиму. Отношения между СССР и Францией вступают в критический фазис, который, однако, в силу неоднородности состава французского правительства способен принять затяжной характер без того, чтобы с определенностью намечалось, каков будет конечный результат. Для того, чтобы понять особенности этого сложного положения, необходимо учесть следующие обстоятельства. Затяжной финансовый кризис, вызвавший падение нескольких кабинетов под-ряд, привел к власти правительство блока буржуазных партий под руководством ставленника банков Пуанкаре. Политический перевес и решающее руководство в этом кабинете находится в руках правых партий, связанных с крупным банковским и промышленным капиталом. Между тем, большинство в том политическом форуме, перед которым это правительство должно отчитываться в своей деятельности—большинство в Палате Депутатов—принадлежит партиям левого блока, представители которого лишь в меньшинстве представлены в кабинете Пуанкаре. Нажим иностранного капитала, отказывавшего в кредите правительствам с мелкобуржуазным преобладанием, недоверие отечественных капиталистов, опасавшихся «социалистического» обложения капиталов, а поэтому помещавших свои многомиллиардные денежные средства за пределами досягаемости французского фиска,—создали такое ненормальное положение, при котором Францией управляет правительство, не отвечающее политическим взглядам большинства Палаты Депутатов. Но угроза вотума недоверия существует для кабинета Пуанкаре только в те периоды, когда Палата Депутатов заседает. В эти недели и месяцы французское правительство вынуждено с бо́льшим тактом и осторожностью подходить к проблемам, на которых построена политическая платформа левого блока, во избежание отказа в доверии. Зато в промежутки между сессиями Парламента правительство является полным хозяином в своей политике, и в эти периоды, когда превосходство правых партий в пра-

вительстве не балансируется невыгодным для них составом Палаты, угроза срыва реакционерами франко-советских отношений является особенно реальной.

Крупные собственники, пострадавшие от национализации фабрик и заводов на российской территории, пайщики и акционеры нефтяных трестов, видящих ежегодное увеличение добычи нефти на советских нефтяных приисках, банкиры, связанные с лондонским Сити и нью-иоркским Уол-Стритом,—все эти протагонисты интервенции против СССР связаны тысячью нитей с правыми правительственными кругами. Нажим с их стороны в периоды полновластья правительства становится особенно сильным и упорным, и их настойчивость встречает тем меньше сопротивления, что, как выше указывалось, внешнеполитическая ориентация на Англию и страх перед коммунистической опасностью внутри толкают реакционную политическую мысль к признанию необходимости разрыва отношений между Францией и СССР.

Есть, однако, одно обстоятельство, являющееся осью, вокруг которой вращается вся совокупность франко-советских отношений настоящего периода, которое не позволяет так легко решиться на срыв франко-советских дипломатических отношений—это проблема французских претензий к советскому правительству и перспектива ее удовлетворительного разрешения. В той же мере, насколько держатели царских займов смогли служить, будучи убеждены Нулансами и К° в невозможности разрешения их претензий в благоприятном смысле иначе как интервенцией, имеющей своим следствием свержение советской власти, опорой всех французских правительств—противников признания советской власти,—настолько перспектива соглашения с СССР в этом вопросе делает их враждебными преждевременному срыву отношений, т.-е. возможности соглашения, и опасными противниками всякого французского правительства и всякой политической партии, которые взяли бы на себя ответственность за такой шаг.

Политика советского государства и нашей партии, нашедшая это «основное звено» наших отношений с Францией и наметившая формы урегулирования претензий, помешала, по крайней мере, на ближайший период, осуществлению реакционных планов.

II.

Еще при обмене телеграммами в связи с восстановлением дипломатических отношений между Францией и СССР 29-го октября 1924 г. французским правительством было указано, что предпосылкой развития дружественных отношений между Францией и СССР является урегулирование французских претензий, распадающихся на три вида: царские долги, военные займы и возмещение за национализированную собственность. К ним следует также отнести претензии за конфискованную и реквизированную, но не оплаченную, собственность французских граждан в СССР.

Совершенно очевидно было, что левый блок, ставший у власти после майских выборов 1924 г. во Франции, считал, что он может рассчитывать на поддержку избирателями его политики соглашения с СССР вместо политики непризнания, которую проводили его предшественники, если бы он мог доказать, что такой поворот политического курса принесет реальные плоды французским претендентам. С другой стороны, было ясно, что

из всего комплекса претензий, которые могли быть пред'явлены советскому правительству и подлежали бы суждению франко-советской конференции, наибольшее политическое значение имело бы достижение соглашения по претензиям держателей царских займов. Специфические формы размещения довоенных займов российского правительства, когда при патронаже и по рекомендации французского правительства громадное количество мелких французских рантьеров расписывали на свое имя облигации займов, выпускавшихся французскими банками по поручению царского правительства, создали во Франции миллионный контингент лиц, заинтересованных в возвращении материальной ценности аннулированным советским правительством бумажкам. Эта масса—мелкобуржуазная масса—представляет собой значительный политический вес, и разрешение в положительном смысле, хотя бы лишь в частичном об'еме, ее претензий неизбежно должно было бы сыграть крупную роль для укрепления политических позиций каждой партии, которая, стоя у власти, могла бы преподнести им соглашение с СССР по этим претензиям. Эти соображения толкали левый блок особенно энергично отстаивать перенесение центра тяжести переговоров между французской и советской делегациями в сторону урегулирования именно этого вида претензий.

Для СССР компромисс по вопросу о царских долгах имел также значительные плюсы. Во-первых, то отрицательное влияние, которое имела на франко-советские отношения неудовлетворенность массы французских избирателей, замещалось в результате компромисса поддержкой со стороны этой массы политики соглашения и мира с СССР. При все более выявлявшейся антисоветской тенденции английской политики соглашение с Францией, очевидно, приобретало сугубо важное значение. Во-вторых, в лице этих мелкобуржуазных держателей советскому государству пришлось бы столкнуться не с настойчиво-принципиальными проводниками капиталистической политики, которые требовали бы от него отказа от принципиальной позиции непризнания долгов, заключенных царским правительством, а почти исключительно с людьми, которые хотели бы просто вернуть обратно вложенные ими сбережения. Такое положение значительно облегчало и делало реальным деловое соглашение. И, наконец, в-третьих, уступка, которая была бы сделана мелким держателям, не представляла бы собой укрепления позиций крупного капитала и с этой точки зрения имела бы за собой полную поддержку советской общественности.

Таким образом, с согласия обеих сторон, первым видом претензий, на изучении которых остановилась франко-советская конференция, были претензии по царским долгам. Прежде чем, однако, перейти к конкретному обсуждению цифры предстоящих платежей и условий урегулирования долга, обеим делегациям предстояло разрешить еще один спорный пункт, от согласия которого зависел самый успех переговоров.

Соглашаясь на известное возмещение держателям царских займов, советское правительство ставило непременным условием, чтобы производство платежей компенсировалось со стороны Франции помощью в деле развития нашего народного хозяйства. Готовность СССР пойти на соглашение по дореволюционным претензиям покоилась на учете тех благоприятных последствий,

которые должно было иметь для советского народного хозяйства снятие кредитной блокады со стороны французского финансового капитала в результате соглашения. Но мы, конечно, не могли удовлетвориться одними голыми обещаниями и утверждениями, что как только состоится соглашение по долгам, то немедленно откроются банковские кладовые, и кредит СССР будет обеспечен. Не могли этого сделать потому, что соглашение по долгам с нашей стороны понималось всегда только как составная часть такого соглашения между советским государством и Францией, в котором второй частью, неразрывно связанной с первой, должно было быть соглашение о кредитах.

Поэтому, приступая к переговорам, советская делегация поставила требованием, чтобы конференцией была признана взаимозависимость между долгами и кредитами.

В связи с такой постановкой вопроса должно было отпасть выдвигавшееся еще во времена Генуэзской и Гаагской конференций требование капиталистического мира о принципиальном признании революционным правительством России обязательств самодержавного строя. Никакого признания царских обязательств, а совершенно новая сделка, в которой удовлетворение материальных претензий по внешним займам б. российского правительства покоилось бы на снабжении СССР долгосрочными кредитами.

На этой принципиальной позиции советской делегацией был дан бой и... выигран. Сначала французская делегация отказалась от своего первоначального требования поставить в основу дискуссии об условиях урегулирования долговых претензий «юридический» вопрос о преемственности новым правительством обязательств старых, а затем, после того, как, благодаря этому отказу, была расчищена почва для делового обсуждения, согласилась признать, что действие соглашения о долгах может начаться не ранее урегулирования вопроса о предоставлении кредитов.

Таким образом, основная проблема, от разрешения которой зависела вообще возможность для советского правительства принять соглашение о долгах, перестала служить камнем преткновения для дальнейшего развития переговоров. Советскому правительству оставалось, сведя воедино согласованные с французской делегацией в разное время условия соглашения о долгах и наметку о характере и размерах кредита, сделать вполне формальное предложение французскому правительству.

Пройденный этап—от требования принципиального признания долгов до установления взаимозависимости между долгами и кредитами—потребовал двухлетних усилий со стороны обеих делегаций.

Принятие французской делегацией формулы «долги—кредиты», на которую ведется сейчас усиленная атака со стороны правых французских кругов в целях срыва соглашения, является следствием игры интересов тех кругов французской буржуазии, которые надеялись из соглашения с СССР извлечь политическую и материальную пользу. Выше уже указывалось на те политические последствия, благоприятные для левого блока, которые могло ему принести удовлетворение мелких держателей царских займов. Требование советского правительства предоставить кредиты преимущественно на закупку машинного оборудования, изготовляемого французской промышленностью, вовлекало в сферу переговоров также интересы французской промышленности.

Политика повышения курса франка на внешнем рынке, проводившаяся Пуанкаре и приведшая к стабилизации франка на достаточно высоком уровне, ощутительным образом ударила по французской экспортной промышленности, которая вынуждена была сократить вывоз своего производства в виду невыгодных условий конкуренции с другими странами-производителями. Открывающаяся, в случае принятия советских требований о кредите, перспектива гарантированного сбыта своих товаров в ближайшие несколько лет с открытием колоссальных возможностей в будущем, имела все свои привлекательные стороны для французской индустрии. То обстоятельство, что часть риска за кредит пришлось бы нести самой промышленности, могло запугать только консервативных—в деловом отношении—представителей промышленного мира, которые вследствие сравнительно незначительного торгового оборота с СССР не убедились еще в точности выполнения последним своих обязательств по кредитным операциям. Дальновидные представители промышленного мира могли только сочувственно отнестись к такой схеме соглашения, в которой главная доля риска к тому же—если о таковом вообще может итти речь—падала на банковский капитал. Эти два момента—удовлетворение мелких держателей и поощрение отечественной промышленности, составленной еще при правительстве левого блока,—могли побудить французскую делегацию принять предложенную советской делегацией формулу «долги—кредиты».

На самих советских предложениях, формулированных в ноте тов. Раковского от 21 сентября этого года, останавливаться не приходится: они достаточно хорошо известны из газет. Тут уместно лишь отметить, что модальности соглашения о долгах, полностью разработанные обеими делегациями, явились результатом длительной дискуссии, в которой сначала были сделаны попытки установить самую сумму долга, подлежащего выплате. После того, как в этом вопросе были встречены громадные трудности, обе делегации договорились на установлении общей (паушальной) суммы годичных платежей с определением количества таковых без того, чтобы был зафиксирован размер капитального долга. Таким образом, и с внешней стороны соглашение о долгах, помимо того, что оно будет заключать декларацию незыблемости революционного законодательства о внешних займах царского правительства, ни в какой форме не восстановит старые долговые обязательства.

III.

Соглашение о долгах, принятое обеими делегациями, представляло несомненные и значительные выгоды для держателей аннулированных царских ценностей. Получение ежегодных взносов в 60 миллионов золотых франков, вместо голой претензии на уплату долга в $10\frac{1}{2}$ миллиардов (по французским исчислениям) с соответствующими процентами—вот что давало соглашение с советами. По существу условия, на которых сошлись обе делегации, ставили обладателя царских бумажек в положение не худшее, а даже лучшее, по отношению к держателю французской ренты, который в результате падения франка и низкого биржевого курса французских государственных бумаг потерял $^{9}/_{10}$ их ценности. Это соглашение давало совершенно реальное

возмещение, об улучшении условий которого мелкий французский держатель и мечтать не мог.

Сделавшись фактом, будучи утверждено соответствующими правительствами, такое соглашение о долгах явилось бы несомненным фактором укрепления франко-советских отношений и в значительной степени предопределило бы успех переговоров по другим оставшимся вопросам.

Тем самым оно сделалось ненавистным в глазах тех, кто стремился к срыву франко-советских отношений. Реакционные круги прекрасно понимали, что начнись действие соглашения, и их работа, ведущая к срыву, в десятки раз затруднится. Французский держатель будет зубами держаться за сохранение отношений с Советским Союзом, ибо только нормальные взаимоотношения между Францией и СССР могут ему обеспечить поступление взносов. Надо было во что бы то ни стало не дать осуществиться соглашению, сорвать его хотя бы накануне оформления.

Те условия, о которых говорит нота тов. Раковского, были согласованы с французской делегацией приблизительно в то же время, когда последовал разрыв англо-советских отношений. Французская реакция, ставшая с этого момента особенно активно вести линию на срыв отношений с СССР, не смогла все же выступить против самого соглашения о долгах в виду его очевидной выгодности для держателей. Наоборот, в ее интересах, и она это последовательно проводила, успех переговоров должен был быть скрыт от широкого общественного мнения, ибо разглашение условий соглашения было бы только на руку сторонникам мирной политики по отношению к СССР. Она вынуждена была избрать обходный путь, тормозя окончательный сговор выставлением новых требований, отказом от прежних уступок или присоединением новых моментов, по существу и формально не имеющих никакого отношения к соглашению о долгах и кредитах. Таковы были методы правых кругов, давивших на правительство и на французскую делегацию, через своих представителей в составе последних.

В начале этой статьи уже отмечалось, что одним из симптомов изменяющегося курса французской политики по отношению к СССР был мертвый штиль в переговорах после того, как разрывом отношений с СССР английская реакция дала сигнал своим собратьям в Европе выступать против советского государства. Июньская сессия Совета Лиги Наций была свидетелем попыток английской дипломатии ковать железо, покуда оно горячо, и организовать антисоветский блок. Как известно, эта попытка не удалась. В частности, французское общественное мнение не было еще достаточно подготовлено к такому повороту в политике, да и в самом правительстве не могло быть собрано достаточное большинство в пользу такого решения в виду тех разногласий, которые в нем существовали относительно целесообразности этой меры в данный момент. Но те декорации, на фоне которых Чемберлен строил в Женеве свою политику окружения СССР, а именно борьба с Коминтерном, были использованы французским правительством для затягивания переговоров с СССР. В письме французской делегации от 26 июля, которое последовало в ответ на заявление советской делегации по поводу задержки переговоров, выдвигается указание на мнимую пропаганду со стороны советов, как на препятствие к благополучному завершению конференции. Одновременно, под диктовку правых, в уже согласованную схему долгов и кредитов протискиваются вопросы о военных долгах и о возмещении за национализированную собственность.

Расчет был ясен. Если оставить в стороне вопрос о пропаганде, который должен был служить символом союза между внешней и внутренней политикой кабинета Пуанкаре и который впоследствии, после предложения совпра заключить договор о невмешательстве, получил совсем иные формы, то выдвижение на данной стадии переговоров проблем о военных долгах и компенсации за национализацию фабрик и заводов, не могло не скомпрометировать успеха переговоров.

Ибо, для согласования различных точек зрения, которые существуют у советского и французского правительств на формы и условия разрешения этих проблем, потребовалось бы, при самой оптимистической оценке, такое количество времени, что антисоветская пропаганда правых кругов могла бы, при отсутствии эффектов соглашения по долгам, произвести желательный им поворот в общественном мнении Франции относительно возможности соглашения с советами. Этого только и нужно было. Не рвать переговоров, наоборот, затягивать их и, дразня Форейн-Оффис перспективой соглашения с советами по вопросу о долгах, получить у него необходимые компенсации и тогда уже порвать с СССР—такою вырисовывается генеральная линия внешней политики кабинета Пуанкаре. С точки зрения внутренних отношений во Франции, актуализация вопросов о военных долгах и национализированной собственности является следствием усиления влияния правых элементов в правительстве, которые стоят на непримиримой позиции по вопросу о претензиях к советскому государству.

Однако, в этом расчете были свои слабые стороны, которые могли помешать успеху намеченной тактики. Покуда результаты соглашения о долгах оставались под спудом, до тех пор, конечно, диверсия в сторону остальных претензий и пресловутого вопроса о пропаганде способна была бы дать известные результаты, но сохранение в тайне элементов соглашения, в котором заинтересованы очень и очень многие, едва ли могло иметь место. В этих условиях правительству пришлось бы выдержать сильнейший напор со стороны заинтересованных кругов, удельный вес которых увеличивается по мере приближения парламентских выборов. Надо было нанести такой удар по соглашению о долгах, который сделал бы его нереальным на протяжении значительного промежутка времени. Такой удар наметился в форме требования об отозвании полпреда СССР во Франции и председателя советской делегации тов. Раковского.

Кампания правых кругов против тов. Раковского, претворившаяся впоследствии в прямую акцию со стороны французского правительства, шла в двух направлениях. С одной стороны, им нужно было обезвредить для себя то соглашение, которое было достигнуто на франко-советской конференции по вопросу о долгах. Уход непосредственного руководителя переговоров накануне их оформления должен неизбежно отразиться отрицательным образом на дальнейшем продвижении соглашения, а особенно в условиях той внутренней борьбы вокруг последнего, когда влиятельные круги стремятся его непрерывно сорвать. Держащаяся на тонкой ниточке взаимозависимость между долгами и кредитами

подвергается сильнейшему обстрелу, и разрыв этой связи аннулирует достигнутые результаты. В такой обстановке смена руководства ставит под вопрос все достижения конференции и открывает обширное поле для обработки общественного мнения во враждебном СССР духе. Не являясь непосредственным актом разрыва отношений, требование об отозвании тов. Раковского есть преддверие к разрыву франко-советских отношений, поскольку последние в значительной мере покоятся на расчете держателей царских займов притти к мирному соглашению с Советами. С другой стороны, плоскость, в которой велась кампания против тов. Раковского—коммунистическая пропаганда извне как стимул для деятельности французских коммунистов—связывала проблему франко-советских отношений с внутренней политикой в самой Франции. Стремясь обеспечить себе голоса мелкобуржуазных избирателей на предстоящих парламентских выборах, французская реакция на фоне демонстраций по поводу казни Сакко и Ванцетти и манифестаций призванных запасных выставила себя в качестве защитника буржуазного правопорядка против покусителей извне и изнутри. Придравшись к известной декларации, под которой стоит подпись тов. Раковского, правые круги поставили ставку на то, чтобы одним ударом дважды разбить своих противников: доказать несостоятельность политики левого блока, в пользу соглашения с СССР как с точки зрения ее внешнеполитических результатов (неудача переговоров), так и ее последствий для внутреннего положения Франции (рост коммунистической опасности).

Успех кампании за отозвание тов. Раковского правых кругов в значительной мере обязан колеблющейся позиции, занятой левым общественным мнением во Франции. Поскольку левая пресса аргументировала вообще против разрыва франко-советских отношений, она принимала весьма твердый тон и вела решительную борьбу против домогательств с правой стороны.

Но когда ловкий маневр правых кругов, дважды голосовавших в совете министров против разрыва, формально свел весь инцидент к личности тов. Раковского, левобуржуазные и социалистические круги побоялись себя скомпрометировать в вопросе «призыва к дезертирству и восстаниям». Они побоялись, что, выступая против отозвания тов. Раковского, они этим приклеят себе ярлык защитников коммунизма. Превосходно отдавая себе отчет в том, что вся история с подписью притянута за волосы, что речь идет о психологической и фактической подготовке разрыва, они все же попали в западню, поставленную им их политическими противниками.

Совершенно очевидно, что поражение, которое потерпело в настоящий момент дело соглашения с Францией, не дает оснований для оптимистического прогноза относительно будущего характера развития отношений. Реакционные круги, несомненно, попытаются вновь повернуть к условиям Генуэзской и Гаагской конференций в надежде заставить нас пойти на их требования, если на это у них хватит времени. Через пару месяцев начнется предвыборная кампания, результаты которой могут принести такие же «неожиданности», как недавние выборы в Германии. Во всяком случае в ближайшие шесть месяцев на какие-нибудь улучшения в существующих отношениях с Францией рассчитывать не приходится.

Беннет.

Английские коммунисты в новой полосе.

(К итогам IX с'езда английской компартии).

За год, протекший между VIII и IX с'ездами английской коммунистической партии, лик английского рабочего движения резко изменился. В пору VIII с'езда героическая борьба горняков еще продолжалась. Коммунистическая партия играла руководящую роль в борьбе горняков, и она была окружена доверием и сочувствием активных элементов рабочего движения в других профсоюзах, которые *вопреки* постановлениям Генерального совета и своих собственных исполкомов в меру сил старались помогать горнякам, в общем и целом осуществляя линию, намеченную коммунистической партией.

Для правильного понимания роли коммунистической партии в борьбе горняков достаточно будет упомянуть два факта. Перед самым VIII с'ездом английской коммунистической партии, когда лидеры горняков явно стали колебаться и склоняться на сторону соглашений с шахтовладельцами и правительством при помощи Генерального совета, коммунисты-горняки выдвинули контрпредложение об «интенсификации кампании горняков». Резолюция эта впоследствии стала известна под названием «программы Южного Уэльса». Она содержала ряд коротеньких предложений, смысл которых сводился к тому, что необходимо снять рабочих, занятых охраной угольных копей, добиться мобилизации всего рабочего движения для помощи горнякам и упорно настаивать на горняцкой программе, не допускавшей частных договоров, сокращения заработной платы и увеличения рабочего дня.

Инициатива этой южно-уэльсской программы принадлежала коммунистической партии. Она *одна* вела энергичную борьбу за нее. Крайне характерно, что правительство, чтобы помешать принятию этой программы, запретило деятельность коммунистической партии в важнейших угольных районах и особенно следило за проведением в жизнь своего запрета в Дурхгэме. Усилия правительства ни к чему не привели, невзирая на то, что правительство имело полную поддержку не только Генерального совета, но и солидной части горняцких лидеров. *Южно-уэльсская программа была принята подавляющим большинством горняков.*

Нет надобности прибавлять, что южно-уэльсская резолюция по существу никогда не была проведена в жизнь. Влияние коммунистической партии оказалось достаточно сильным, чтобы добиться принятия этой программы горняками, но горняки не были хозяевами в своем собственном союзе, чтобы заставить своих же чиновников осуществить принятую ими программу.

Другой иллюстрацией роли и влиянии коммунистической партии является ноябрьское голосование горняков по вопросу о предложениях правительства. Голосование происходило *на 29-й неделе* забастовки. Горняки были явно истощены. Хозяевам при помощи голода, с одной стороны, услужливых агентов в лице Спенсера и Ходжеса—с другой, удалось добиться возвращения довольно большой части горняков на работу. Вся пресса утверждала, что поражение горняков—совершившийся факт, что спинной хребет забастовки переломлен. Только одна коммунистическая партия повела бешеную кампанию за отклонение предложений правительства. *В результате 460.806 горняков голосовали против предложений правительства и 313.200 за.*

Приведенные два факта в достаточной мере убедительно и красноречиво свидетельствуют о роли и влиянии коммунистов в горняцкой забастовке, которая, невзирая на поражение, является самой яркой классовой битвой в послевоенной Англии.

VIII с'езд коммунистической партии прошел под знаком сознания, что коммунистическая партия Англии становится серьезным революционным фактором в английском рабочем движении, начинающим играть серьезную руководящую роль в судьбах рабочего движения.

Росту влияния английской коммунистической партии соответствовал и численный рост ее. Перепись, произведенная перед VII с'ездом, показала, что партия насчитывает всего 4.398 регулярных плательщиков членских взносов. И ко времени VII с'езда деятели коммунистической партии знали и понимали, что эта мизерная цифра не только не дает верного представления о влиянии партии, но и о ее численном росте. В английской коммунистической партии число регулярных плательщиков членских взносов дает только ориентировочное представление об общем числе членов. Число рабочих, фактически выполняющих все директивы партии и даже участвующих активно в ее работе, значительно превосходить число регулярно платящих членские взносы. Ко времени VIII с'езда (перепись сентября 1926 г.) число регулярных плательщиков членских взносов возросло до 10.730. Этот скачок говорил о быстром *организационном* росте партии.

Дальнейший численный рост партии оборвался после разгрома горняков.

Правительство Болдуина начало политику жестоких репрессий против коммунистической партии *до* начала об'единенного наступления на прожиточный минимум английских рабочих. Правительство уже в конце 1925 г. учитывало, что для успешного проведения наступления необходимо обезглавить коммунистическую партию и поставить ее в полулегальное положение. Роль *активной разведки* для правительства и в этом отношении сыграла рабочая партия. На своем ливерпульском с'езде английская рабочая партия под руководством Макдональда об'явила крестовый поход против английских коммунистов, ссылаясь на тезис Коминтерна, который гласит: «Рабочим (речь идет об английских рабочих) надо готовиться не к легкой парламентской борьбе, а к победе в тяжелой гражданской войне». Через несколько недель после ливерпульского с'езда английское правительство посадило в тюрьму центральный комитет коммунистической партии и поставило знак вопроса над ее легальностью. Тезис о гражданской войне лег в основу обвинительного акта против коммунистической партии!

Репрессии против коммунистической партии, начавшиеся непосредственно после ливерпульских резолюций и приговора суда, вынесенного над коммунистической партией, были только артиллерийской подготовкой той бешеной кампании, которая последовала за разгромом горняцкой забастовки.

Уже конец всеобщей забастовки (12 мая 1926 г.), преданной Генеральным советом, был сигналом к усилению реакционной политики правительства Болдуина против Китая, против СССР, против английских рабочих и, в первую очередь, против коммунистов. После поражения горняков вся старая Англия, включая откровенно правых и так назыв. левых лидеров рабочей партии и профсоюзов, образует единый фронт для беспощадной борьбы против коммунизма и коммунистической партии. Буржуазная Англия сумела установить отчетливое разделение труда в своей собственной среде, для более успешного проведения борьбы против коммунистической партии. Хозяева стали увольнять рабочих-коммунистов, следуя примеру шахтовладельцев, отказавшихся обратно принять коммунистов на работу после окончания забастовки горняков. Правительство продолжает сажать коммунистов в тюрьму, обрушиваясь также тюремными приговорами и денежными штрафами на их слабенькую прессу. Рабочая партия изгоняет коммунистов из состава партии, обрушиваясь также на те отделы рабочей партии, которые отказываются участвовать в антикоммунистическом едином фронте. Одновременно лидеры профсоюзов подготовляют кампанию за исключение коммунистов из профсоюзов, санкционируя таким образом действия хозяев, выбрасывающих коммунистов на улицу, обрекая их на голод.

В этой обстановке террора английской коммунистической партии пришлось вести свою работу в течение 10 месяцев, истекших после разгрома горняцкой забастовки.

Отчеты центрального комитета английской коммунистической партии (организационный и политический) дают живую картину той гигантской работы, которая была проведена малочисленной коммунистической партией в обстановке самого дикого и самого жестокого разгула реакции. Эти отчеты убедительно показывают, что *влияние* коммунистической партии не только не уменьшилось, но что оно *выросло* под огнем врага.

Раньше, чем перейти к анализу важнейших кампаний, проведенных коммунистической партией за истекший год, необходимо несколько остановиться на вопросе о числе членов коммунистической партии. Не только буржуазная пресса Англии, но и европейская буржуазная пресса радостно подхватила ту часть организационного отчета ЦК, где говорится о сокращении числа членов английской коммунистической партии. Особенно радостно забил в литавры верный лакей всемирной буржуазии, стоящий вечно на ее страже, немецкий «Форвертс». Цифры, мол, утверждают буржуазные писатели и их реформистские подголоски, показывают, что коммунизм в Англии находится «на ущербе».

Обратимся к цифрам. Мы уже упомянули, что перепись 1925 г. показала 4.398 членов, а перепись сентября 1926 г. показала 10.730 членов. Последняя перепись сентября 1927 года дей-

ствительно показывает заметное уменьшение числа членов английской коммунистической партии: с 10.730 оно упало до 7.377. Буржуазная пресса, конечно, умалчивает о цифрах, относящихся к 1925 г. Она говорит только об *уменьшении*, происшедшем между сентябрем 1926 г. и сентябрем 1927 г. Если же мы включим и данные, относящиеся к 1926 г., то придется умозаключить, что из 6 с лишком тысяч рабочих, вступивших в ряды коммунистической партии в пору английской забастовки, около 3 тысяч остались в ее рядах, невзирая на все преследования со стороны хозяев, правительства и агентов правительства в лице лидеров—правых и левых—профсоюзов и рабочей партии.

Тов. Хорнер, анализируя вышеприведенные цифры на с'езде партии, ребром поставил вопрос, в какой мере следует считать отставших от партии потерянными для коммунизма. На поставленный вопрос тов. Хорнер с глубоким убеждением ответил, что те 3 тысячи горняков, которые под угрозой голода и выселения на улицу формально порвали связь с коммунистической партией, по существу остаются верными коммунизму и коммунистической партии. Это утверждение тов. Хорнера подтверждается рядом неоспоримых фактов. Мы приведем только некоторые из них. В Файфе (горняцкий район Шотландии) число членов коммунистической партии резко упало после разгрома горняков. Вместе с тем, при выборах членов исполкома горняцкого союза коммунисты получили 13 мест в составе исполкома из 38, причем 6 из остальных 25 получили примкнувшие к движению меньшинства. В Ноттингаме—операционная база Спенсера (организатора желтых «неполитических» союзов)—число членов коммунистической партии упало еще больше, чем в Файфе. Вместе с тем коммунисты одержали победу не только на выборах в исполком ноттингамской организации горняков, но и в центральный к-т союза горняков Великобритании от Ноттингама избран председатель ноттингамской организации меньшинства Бут.

Мы могли бы увеличить число примеров. Все они свидетельствуют об одном и том же: горняки, вступившие в ряды коммунистической партии в пору забастовки, остаются верными ей, но многие из них еще недостаточно закалены, чтобы перед лицом жестоких репрессий и непосредственного голода оставаться в рядах партии.

Статистика числа членов партии показывает также, что число членов заметно упало лишь в тех районах, в которых партия до забастовки была слишком слаба, чтобы переварить тех новых членов, которые хлынули в ряды партии во время забастовки. Так, например, в Шотландии за промежуток времени между сентябрем 1926 г. и сентябрем 1927 г. число членов упало с 1.607 до 1.500. Мы вряд ли ошибемся, если скажем, что это падение надо целиком отнести за счет файфского района. В Южном Уэльсе, где партия была значительно сильнее, чем в Шотландии, число членов не только не уменьшилось, а, наоборот, увеличилось с 1.500 до 2.300. В таких же районах, как Шефильдский или Бирмингамский, где партия насчитывала только пару сотен человек до горняцкой забастовки, реакция может отметить более яркие победы.

Вернемся теперь к политическим кампаниям, проведенным английской партией за истекший год.

Мы начнем с майской кампании. Эта кампания интересна в том отношении, что она дает нам возможность действительной проверки соотношения сил внутри рабочего движения. Лидеры рабочей партии сделали отчаянные попытки добиться того, чтобы рабочая партия провела этот праздник *без коммунистов*. Бой начался в первую очередь в Лондоне. Местные организации наотрез отказались принять предложение английской рабочей партии. Образовалось два комитета: один, имевший поддержку всего официального движения, а другой—представлявший местные организации, при активном участии в нем коммунистической партии. Комитет рабочей партии вынужден был отказаться от об'единенной демонстрации в Лондоне и заменить ее отдельными митингами по районам. Этот отказ дал возможность в день 1-го мая подвести более или менее точный учет сил. Даже по свидетельству официальной прессы рабочей партии и профсоюзов в демонстрации в Гайд-парке, организованной левым комитетом, при активном участии коммунистов, участвовало не менее 100 тыс. человек, во всех же митингах вместе взятых, организованных рабочей партией в различных районах Лондона, участвовало менее 20 тыс. человек.

Рядом с первомайской кампанией необходимо поставить также и кампанию против палаческой войны в Китае. Не только рабочая партия, но и Генсовет энергично сопротивлялись всякой борьбе рабочих, которая помешала бы консервативному правительству осуществить свою программу в Китае. Лидеры рабочей партии усиленно восхваляли знаменитый меморандум Чемберлена. Макдональд заверял рабочих, что правительство послало в Китай лучших людей для установления мирных отношений. Томас агитировал за посылку более мощных военных отрядов для защиты престижа английской империи на Востоке. Вся кампания против палаческой войны в Китае была фактически сосредоточена в руках коммунистической партии. Успехи кампании—особенно на первых порах—были столь велики, что даже парламентская рабочая фракция вынуждена была внести предложение об отзыве войск из Китая. Верно, что Макдональду впоследствии удалось добиться в парламентской фракции пересмотра этой резолюции и замены протеста против отправки войск протестом только против демонстративного характера организации военной экспедиции в Китае. Несомненно, однако, что коммунистической партии удалось провести внушительную кампанию и создать не менее 70 комитетов в различных индустриальных центрах под общим лозунгом защиты китайской революции.

В отчете о кампании в защиту СССР мы находим следующие крайне интересные строки (см. политический отчет ЦК, стр. 22): «Отметим здесь, что в отличие от опыта во время предыдущих кризисов в отношениях между Англией и Советской Россией в течение последних 7 лет, наша партия была фактически одинока в кампании против правительства Болдуина в то время, когда почти все остальное рабочее движение (речь идет, конечно, о реформистском рабочем движении) активно или пассивно поддерживало болдуинское правительство». Из самого отчета, вместе с тем, явствует, что невзирая на позицию, занятую Генеральным советом и исполкомом рабочей партии, кампания в защиту СССР встретила широчайший отклик среди рабочих масс. К этому отчету можно теперь прибавить справку о деятельности

комитета по организации делегаций в СССР в связи с 10-й годовщиной Октября. В этом комитете руководящую роль играют хорошо известные Англии видные деятели коммунистической партии, как Том Манн, Гарри Поллит и др. Лидеры Генсовета, порвавшие англо-русский комитет на последнем Эдинбургском конгрессе, пытаются примазаться к этому комитету, чтобы показать себя друзьями СССР!

Мы отметили только несколько кампаний. Отчеты, представленные IX с'езду, убедительно показывают, во-первых, что партия в течение всего года развивала лихорадочную деятельность, и, во-вторых, что, как общее правило, ее кампании встречали глубочайший отклик. Наибольшего внимания заслуживает бесспорно та антивоенная кампания, которую английская компартия ведет не только с поразительной энергией, но и с большой искусностью. Не раз и не два английскому парламенту приходилось заниматься вопросом о мерах борьбы против антимилитаристской кампании, которую коммунистическая партия ведет в Англии и которая не только проникает в английскую казарму, но встречает там глубочайший отклик. Прибавим также, что английская коммунистическая партия ведет теперь энергичную кампанию для мобилизации масс против нового наступления английского капитала, направленного не только против горняков, но и против всех тех 5 миллионов английских рабочих, которые заняты в отраслях промышленности, связанных с внешним рынком.

Мы отметили положительные достижения английской коммунистической партии за истекший год. Нам представляется, что одновременно необходимо попытаться подвергнуть работу последнего года вдумчивому критическому анализу.

Мы уже отметили в начале нашей статьи, что в течение текущего года лик рабочего движения Англии заметно изменился. В чем заключаются эти изменения? Было бы роковой ошибкой преуменьшать значение той депрессии, которая обнаружилась в определенных слоях английского рабочего класса в связи с поражением горняков. Эта депрессия получает свое выражение, прежде всего, в попытках организации компанейских союзов на американский лад. Компанейский союз в горной промышленности — уже совершившийся факт. Верно, что союз, руководимый Спенсером, насчитывает ничтожное количество членов. Но он существует и оказывает определенное влияние на взаимоотношения между трудом и капиталом в области угольной промышленности. Робкие попытки организации таких компанейских союзов делаются также в типографской промышленности. В одно и то же время Хавелок Вильсон, чей союз уже давно функционирует, как компанейский союз, выступает теперь с открытым забралом и уже не ограничивается тем, что держит в кабале моряков, а пытается распространить свое влияние и на рабочих в других отраслях промышленности, в первую очередь, на горняков.

Депрессия находит также свое выражение в том откровенно-реакционном и нагло-империалистическом курсе, который взяли теперь руководители как рабочей партии, так и Генерального совета, в курсе, нашедшем свое полное и отчетливое выражение на последних с'ездах в Эдинбурге и Блэкпуле.

Вплоть до всеобщей забастовки средний слой чиновников английских профсоюзов явно колебался, проявляя определенные сдвиги влево. Эти колебания обеспечивали возможность проведения ряда резолюций на конгрессах в Гулле и Скарборо и заостряли грань между профсоюзами, с одной стороны, и рабочей партией—с другой. Уже во время всеобщей забастовки этот средний слой явно стал склоняться *вправо*. Грозная обстановка классовой борьбы смертельно испугала тех профсоюзных чиновников, которые думали, что можно достичь лучших результатов при помощи одних радикальных резолюций. Поражение всеобщей забастовки и последовавшее за ним поражение горняцкой забастовки окончательно определили ориентацию этого слоя чиновников. Уже на январской конференции исполкомов 1927 года не только Томасы, Хиксы, Бэвины, Персели, но также чиновники профсоюзов второго ранга откровенно ставили ставку на методы Томаса, т.-е. на классовое сотрудничество в противовес методам движения меньшинства, т.-е. методам организованной классовой борьбы.

Этот сдвиг не был неожиданностью для коммунистической партии. Но он требовал от коммунистической партии крутого поворота, *быстроты и натиска*. С этой задачей английская коммунистическая партия не справилась в достаточной мере.

Для подтверждения нашей мысли нам придется обратиться к периоду, непосредственно последовавшему за предательством всеобщей забастовки. Вся обстановка требовала, чтобы коммунистическая партия, продолжая кампанию защиты горняков, которую она проводила с такой энергией и с таким мужеством, начала *беспощадную* борьбу против Генерального совета. Период, протекший между 12 мая и сентябрьским конгрессом профсоюзов в Борнемуте, должен был бы пройти под знаком самой жестокой борьбы против Генерального совета на предмет подготовки пролетарского общественного мнения к борьбе против виновников предательства всеобщей забастовки на Борнемутском с'езде. Кое-какие резолюции и директивы на этот счет мы находим в английской коммунистической прессе. Надо, однако, откровенно сказать, что кампания отнюдь не находилась на высоте требований всей обстановки классовой борьбы в Англии.

Такие же слабости мы наблюдаем и в месяцы, последовавшие за поражением горняцкой забастовки. Удары, которые обрушивались на коммунистическую партию, отличались не только силой, но и меткостью. Агенты британского империализма искусно применяли принцип внезапности, чтобы ошеломлять своих врагов. Коммунистической партии надо было сразу перейти в наступление, памятуя, что наступление является наилучшей формой обороны. Она должна была также проявить большую бдительность, чтобы отпарировать меткие и быстрые удары врага.

Для иллюстрации нашей мысли мы приведем некоторые примеры. Мы уже упомянули о борьбе в связи с празднованием первого мая. В то самое время, когда рабочая партия вела борьбу против участия коммунистов в общей первомайской демонстрации, Генсовет профсоюзов потребовал от городских советов профсоюзов подписания документа об отказе от движения меньшинства, как предварительного условия участия в общенациональной конференции городских советов профсоюзов. Казалось бы, что коммунистическая партия должна была слить воедино свою кампанию против раскольников в рабочей партии с кампанией против раскольников в профсоюзном движении. Этот удар Ген-

совета из-за угла застиг, однако, коммунистическую партию, а равно и движение меньшинства врасплох. Они усмотрели в в тактическом маневре Генерального совета попытку оставить за бортом общего движения городских советов профсоюзов те советы, которые связаны с движением меньшинства. И коммунистическая партия вместо того, чтобы начать бешеную наступательную кампанию против Генерального совета, предпочла отступление. В дальнейшем события показали, что компартия недооценила своего влияния в городских советах профсоюзов.

Примерно такую же картину мы наблюдали и в отношении к закону о профсоюзах. Генеральный совет тщательно разработал такую схему кампании «против» каторжного профсоюзного закона, чтобы ни в коем случае не вызвать никаких осложнений и не создать никаких затруднений для консервативного правительства. Конференции «протеста» против этого закона организовывались под непосредственным руководством Генерального совета, при чем участникам конференции не разрешалось даже вносить поправки к резолюции Генерального совета. Они могли голосовать либо за, либо против. Такой автократический метод организации кампании повелительно требовал организации контркампании для срыва этих инсценированных конференций. Практика показала, что в тех случаях, где коммунисты действовали с достаточной энергией, конференции, созванные Генсоветом, фактически срывались. Но общей, планомерной, организованной кампании срыва этих конференций и разоблачения их организаторов, как замаскированных проводников каторжного закона о профсоюзах, мы в Англии не наблюдали.

Этих двух примеров, думается нам, достаточно, чтобы показать, что, хотя партия теоретически поняла смысл того нового положения, в котором она очутилась благодаря консолидации агентов буржуазии внутри рабочего движения, она отнюдь не сделала всех необходимых тактических и организационных выводов. Члены партии, например, на последних конгрессах профсоюзов и рабочей партии (в Эдинбурге и Блэкпуле) даже не подчеркнули того факта, что эти конгрессы по сути дела превратились в подсобные буржуазные парламенты, помогающие «большому» парламенту в Вестминстере беспрепятственно осуществлять военную интервенцию в Китае, военный заговор против СССР и жестокое наступление по отношению к английским пролетариям.

Необходимо также отметить, что организованный поход всей реакции против коммунистической партии Англии вызвал и некоторое идейное замешательство в ее рядах как в Центральном Комитете, так и в местных организациях. В Центральном Комитете споры заострялись на вопросе *о месте* всеобщей забастовки в арсенале классовой борьбы пролетариата. Внимательный анализ стенографических отчетов Центрального К-та показывает, однако, что по существу речь шла не столько о всеобщей забастовке, сколько о методах и формах осуществления единого фронта. В рядах Центрального К-та были товарищи, которые продолжали думать не только о едином фронте снизу, по образцу первомайской кампании, кампании в связи с Сакко и Ванцетти и т. д., но и о попытках осуществления единого фронта сверху, с теми так назыв. левыми, которые еще недостаточно разоблачили себя, как пособников откровенной реакции. В этих устремлениях сохранить кое-какие формы единого фронта сверху чувствовался страх перед опасностью изоляции в связи с бешеной кампанией об'единенной реакции. Отклики этих настроений мы наблюдали и на местах. Политический отчет Центрального К-та упоминает о них только вскользь. Он говорит о некоторой тенденции в местных организациях сохранить единый фронт за счет отказа от критики и разоблачений. Политический отчет только не отмечает, что эти тенденции проявлялись подчас в достаточно острой форме и что они существовали не только на местах, но порой и в центре.

Резолюции, принятые IX с'ездом английской коммунистической партии, показывают, что эти колебания в огромной мере изжиты. Было бы, однако, преувеличением думать, что они уже окончательно превзойдены. Нам представляется, например, что резолюция, принятая об англо-русском комитете IX с'ездом, не отличается необходимой четкостью и ясностью. Англо-русский комитет был сорван Генсоветом перед лицом надвигающейся военной опасности. Говорить о его восстановлении означает сеять не только вредные, но и опасные иллюзии. Единство рабочих Англии и СССР в нынешней новой обстановке может быть осуществлено только *снизу* против тех, кто в течение долгого времени саботировал англо-русский комитет и в самую важную минуту сорвал его. Деятельность английской коммунистической партии убедительно показывает, что она на практике стремится установить единство между рабочими СССР и Великобритании именно снизу. Но в той сложной обстановке, в которой английская компартия ныне находится, политическая ясность и четкость являются обязательными условиями дальнейшего успеха.

Мы попытались отметить не только актив, но и пассив в деятельности английской компартии за истекший год. Если мы теперь сверим актив и пассив с тем, чтобы вывести баланс, то мы неизбежно придем к выводу, что нет оснований ни для ликования буржуазии, ни для сумеречной философии наших горе-оппозиционеров. Мы в Англии наблюдаем два процесса консолидации. *Сверху* идет консолидация всей бюрократии под знаменем защиты английского империализма. *В низах* идет консолидация рабочих масс под знаменем классовой борьбы. Массы выходят из повиновения старым вождям. Важнейшим результатом борьбы низов является тот факт, что в союзе горняков уже началась фактически смена бессменных чиновников и что в союзе металлистов идет тщательная подготовка к тому, чтобы такую смену произвести. Коммунистическая партия стала на путь *непосредственной мобилизации масс*, с одной стороны, и борьбы *за командные высоты* в рабочем движении—с другой. Борьба на обоих фронтах дает ощутительные результаты, и можно с уверенностью сказать, что партия сумеет извлечь необходимые уроки из пройденного пути, чтобы с честью выполнить свою основную миссию массовой революционной партии английского рабочего класса.

Г. Волков.

Слово „генерала барона Врангеля".

Нашему читателю небезынтересно будет узнать, что в последнем, октябрьском номере английского журнала консервативного направления «Английское обозрение» («The English Review») помещена на весьма видном месте статья Врангеля. Полное заглавие этой статьи в дословном переводе таково: «Белые армии: в России и позже. Написано генералом бароном Врангелем (главнокомандующим русской белой армией)».

Итак, английские консерваторы предоставили слово известному крымскому «герою», не преминув любезно перечислить публике все его титулы: генерал, барон, главнокомандующий. Политический смысл этого события ясен сам по себе. Не трудно догадаться, *зачем* выступил Врангель и *что* сказал он—профессиональный расстрельщик и вешатель революционеров—по призыву реакционной клики, главная мечта которой—война против Республики Советов. Выступление Врангеля еще раз подчеркивает всю серьезность военных планов империалистической буржуазии, направленных к разрушению государственной базы мировой революции—СССР.

Особенно ясным становится это, благодаря откровенному и наглому тону статьи. Генерал, барон и прочая не испытывают никаких колебаний в определении истинного характера советского государства. Рассказывая глубоко скорбную для него историю 1917 года, он уверяет английскую публику в том, что большевики, как демагоги, сыграли на «самых низких чувствах населения», что они нисколько не заботились о благе России, как национального государства, и думали лишь о завоевании базы для распространения своего разрушающего влияния на весь мир. «Россия перестала существовать, как национальное целое, с тех пор, как большевики наложили руки на исполнительную власть,—заявляет Врангель.—Все интересы государства, как такового, были подчинены интересам Красного Интернационала. Этот Интернационал вел повсюду решительную войну против малейших проявлений национального духа, растравлял классовые конфликты и разрушал все основы морали—религию, отечество, семью».

Эти слова, несомненно, классически-типичны для крепкого в своих убеждениях черносотенца. С другой стороны, эти слова рассчитаны на то, чтобы ударить по нервам английского буржуа и мещанина, побудить их оставить всякие колебания. Последний момент очень ярко выявлен в выступлении Врангеля, безусловно с полного одобрения его теперешних хозяев, а быть может, и по их предварительному заказу.

С очень большой подробностью развивает Врангель ту мысль, что в поражении белых армий и в укреплении советской власти в очень значительной степени виноваты господа западно-европейские буржуа. «Западные державы,—жалуется Врангель,—были далеки от понимания сути большевистской идеи, от понимания той опасности, которую она представляет для мира. Они не оценили должным образом значения борьбы, которую вела белая армия. Они не поняли, что, сражаясь за свою собственную страну, эта армия сражалась также за европейскую цивилизацию и культуру».

Результатом этого непонимания было то обстоятельство, что западные державы не оказали достаточной помощи белогвардейцам. Если помощь и оказывалась, то медленно, в малых дозах и такими способами, что никогда не было уверенности в том, что эту помощь не могут неожиданно взять обратно. И часто так случалось без предварительного предупреждения,—отмечает Врангель. Генералы союзных войск не держали фронта и стремительно отступали, ставя белую армию в тяжелое положение. Тут Врангель доходит до прямого обвинения союзных генералов в предательстве, приводя как особенно яркий пример такового выдачу Колчака большевикам.

Интереснее всего в этой части врангелевского «слова» обвинения, направленные по адресу Ллойд-Джорджа. Именно его считает Врангель главным изменником делу международной буржуазии. Ллойд-Джордж вел переговоры с большевиками, явно симпатизируя им. Когда Врангель начал свое наступление, английские представители были отозваны из Крыма, и Врангель заключает: «Ллойд-Джордж не поколебался остановить свой выбор из двух борющихся партий на наших врагах». И дальше: «После поражения советских армий под Варшавой эгоистическая и близорукая политика мистера Ллойд-Джорджа, бывшего тогда руководителем европейской политики, одержала новую победу. Военные действия на польском фронте были преждевременно прекращены, и большевики спасены еще раз». И еще дальше: когда врангелевцы были уже в Галиполи, им не дали сохраниться, как организованному войску. «Близорукие политики, политики «сегодняшнего дня» делали свое дело. Они безнравственно поступили со своими старыми союзниками. Державы Западной Европы уступили требованиям рабочих масс, которые были зачарованы успехом своих русских товарищей. Они (державы) приостановили всякую помощь силам, которые боролись с большевиками. Они пошли дальше: они вступили в тесные взаимоотношения с советским государством. Англия открыла путь, за ней последовали Италия и Франция».

Развивая свои жалобы, господин «генерал-барон», несомненно, перешел границы истины. Говорить о незначительности иностранной помощи белым армиям во всяком случае не приходится. Это—прямая ложь. Ложь тем более подчеркнутая, что у Врангеля она соединяется с утверждением, что большевики превосходили белых снабжением, благодаря «использованию ресурсов громадной страны». Действительно, память изменила чиновному автору. Он все забыл: и состояние России после империалистической войны и протяжение территорий, занятых армиями его лагеря. Эта сторона дела, однако, не важна. Было бы не-

лепо ждать истины от генерала Врангеля. Важно знать, зачем врет славный «главнокомандующий».

А это как раз вполне ясно. Надо пробудить угрызения совести в неповоротливом буржуа, надо помочь консерваторам подчинить своей линии так называемое общественное мнение, надо обессилить буржуазную (о рабочей ничего и говорить) оппозицию наступательному походу против страны пролетарской диктатуры.

Но надо, с другой стороны, и подбодрить, укрепить надежду, показать, что «есть еще порох в пороховницах». Сиятельный автор не преминул выполнить и эту задачу. Он заявляет, что им и его «армией» (?) не потеряна «надежда на приближение торжества святого дела. Глаза Европы постепенно открываются на подлинную сущность большевизма. Европейские нации (читай буржуазия) начинают понимать опасность красного безумия и риск, которому подвергается цивилизованный мир от присутствия интернациональной клоаки, которая использует неизмеримые ресурсы нашей страны для поддержания своей разрушительной работы».

Надо полагать совершенно ясным, в связи с чем говорит генерал-барон об открывающихся глазах Европы. Это поклон в сторону хозяев, благодарность за то, что они занялись им (и будут хорошо платить, наверное).

В связи с этим «главнокомандующий» спешит заверить, что он готов служить и может служить. Его армия, разбредшаяся по различным странам, оказывается, не распалась, а сохранила единство. Его люди об'единены в «союз старых русских солдат», который имеет «страстное желание сорвать с Кремля красное знамя и водрузить на его место национальный флаг». Его «Союз» является «противовесом Интернационалу», программа «Союза»: «сражаться до смерти с коммунистической властью, отвергая всякую возможность соглашения с ней». «Союз» ждет только дня, когда его силы будут призваны страной и т. д., и т. д. Мы лишены возможности передать все красноречие воинственного генерала, которого, очевидно, выводят из равновесия воспоминания о поражениях и мечта о мести.

Ясно только одно—генералу Врангелю не терпится. Ему надоело сидеть на цепи, и он просится на работу. И в мечтах о будущей любезной его сердцу работе он не знает удержу. «Не может быть никакого сомнения,—с трепетом в сердце радует себя Врангель,—что как только падут большевики, «Союз» призван сыграть решающую роль в воссоздании национальной военной силы и в восстановлении законности и порядка. Красная армия, которая является политической организацией, тесно связанной с режимом, создавшим ее, не может его пережить и погибнет вместе с ним».

Но, окрыляя себя такими действительно сверхрадужными надеждами, генерал-барон не забывает сделать некоторые заявления иного порядка, которые необходимы для упрочения его политического капитала. Поворачиваясь в сторону своих хозяев, т.-е. в сторону капиталистической биржи, Врангель клятвенно заверяет ее в том, что его «армия» (?) «лойяльна ко всем обязательствам, взятым на себя прежними национальными правительствами». (Еще бы! Кто стал бы с ним разговаривать без этого?).

Поворачиваясь в сторону России, цепной пес международной биржи, пытается заверить русский народ, что его не надо бояться. Эмигранты—это вовсе не «привилегированные классы». Среди эмигрантов имеются рабочие и крестьяне. В 1920 году имел место «исход национальной России со всеми элементами, которые ее составляют». Он, Врангель, понял теперь, что в прошлом он и другие вожди белых допускали «политические и стратегические ошибки», не обращая достаточно внимания «на настроения народных масс». Если Врангель и иже с ним продают себя биржевикам, чтобы по их приказу «восстановить законность и порядок», то следует иметь в виду, что они «ничего не ищут для себя и не хотят насильственного восстановления старых прав господствующих классов».

Таково слово «генерала-барона» Врангеля, произнесенное им по предложению председательствующего английского консерватора.

Стоит ли вступать в полемику с крымским генералом? Элементы лживой демагогии в его «слове» настолько откровенно высказаны, настолько неумело сделаны, что задача «вскрытия их» в высшей степени несложна.

Кто поверит вешателю и растрельщику, что с ним в Европу ушла вся «национальная Россия» со всеми ее классовыми группировками? Если и были отдельные единицы из рабочих и крестьян, страхом или обманом увлеченные эмигрантским потоком, они давно уже вернулись на родину. С бароном остались его братья по классу и те элементы интеллигенции, которые этому классу служат.

Кто поверит осколку царистской угнетательской машины, что погибла русская нация и имя России стерто с лица земли? Победа пролетарского Интернационала не означает насильственного подавления национальной жизни. Победа пролетарского Интернационала означает свободу и расцвет всех наций, означает господство трудящихся классов каждой нации над их старыми эксплоататорами, означает соединение всех наций в трудовом единстве. Ленин еще до революции говорил, что высшая «национальная гордость великороссов» заключается в том, чтобы стать первыми на путь мировой революции.

Кто поверит генералу и барону, что он не хочет насильственно восстановить привилегии старых господствующих классов? Именно в этом смысл борьбы, именно это поддерживает и сплачивает белую эмиграцию, именно за это готова она поставить на карту свою жизнь. Для нее восстановить законность и порядок значит восстановить буржуазную законность и буржуазный порядок.

Все это настолько ясно, что приводить более подробные доказательства не имеет смысла.

Вместе с тем «слово» Врангеля имеет, несомненно, большое значение.

Оно показывает, что бешеная ненависть активных сил эмиграции к советской власти ни на секунду не утихала и продолжает возрастать. Верный классовый инстинкт неискушенных в политических маневрах черносотенцев (к их числу принадлежит Врангель) заставляет их говорить прямо, что господство большевизма есть господство пролетарского Интернационала и что буржуазная Европа должна дать решительный бой Интер-

националу. Последние события в международной политике приводят в трепет профессиональных убийц рабочего класса, заставляют их из'являть свою готовность приняться за дело по первому приказанию, заставляют их в то же время показать, что вне помощи иностранной буржуазии для русской белогвардейщины нет надежд на победу.

Все это, несомненно, учтет советский читатель. Он учтет также и то, что «оратор черносотенцев» Врангель, быть может, помимо своей воли проговорился, не смог скрыть, что ему очень помешали европейские рабочие массы, «зачарованные успехами своих русских товарищей». Это невольное признание чрезвычайно ценно и знаменательно. Наступательный блок мировой буржуазии и русской белогвардейщины наткнется на сопротивление революционного блока всего мирового пролетариата.

Силы истории на стороне этого последнего блока.

В. Астров.

Ответы на некоторые вопросы читателей.

В редакцию «Большевика» очень часто поступают вопросы товарищей-читателей с просьбой ответить на страницах журнала, раз'яснив тот или иной теоретически неясный пункт. Здесь мы попытаемся, выделив из таких вопросов некоторые, относящиеся, главным образом, к роли крестьянства и к буржуазно-демократической революции, дать на них краткий ответ.

1. Тов. Безбабичев из Орловской губернии спрашивает нас по поводу статьи Ф. Энгельса «Из Парижа в Берн», помещенной в № 5 журнала «Под Знаменем Марксизма».—«В этой статье,—пишет товарищ,—Энгельс, характеризуя роль французского крестьянина, идущего против революционного Парижа, вдается в обсуждение причин отхода крестьян от революции. Одной из основных, но все же не изменяющих положения в корне причин. он считает ошибку временного правительства, повышением земельного налога задевшего интересы мелкого землевладельца. Основным же Энгельс считает жизненные условия, социальное положение мелкого землевладельца, неизбежно толкающие его к отходу от пролетарского движения. Энгельс здесь буквально говорит следующее: «Но если бы оно (временное правительство) даже привлекло крестьян на сторону революции на несколько месяцев, потом они все равно отошли бы от него. Теперешнее отношение крестьян к революции 1848 года не является следствием какихлибо ошибок или случайных промахов—оно естественно, оно коренится в жизненных условиях, в социальном положении мелкого землевладельца. Прежде чем французский пролетариат может осуществить свои требования, ему придется подавить всеобщую крестьянскую войну»...

«Вот это место в статье Энгельса вызывает у меня недоумение своим сходством в оценке крестьянства, как класса. во взаимоотношении с победившим пролетариатом, с известной оценкой того же тов. Троцким в его предисловии к 1905 году. В чем здесь суть—или замечание Энгельса относится только к французскому крестьянству эпохи 48 года, или они являются случайными, вылившимися в период формирования взглядов Энгельса, как творца марксизма, или они правильны и правильно их сходство с предисловием Троцкого? На этот вопрос я бы хотел получить ответ».

Замечание Энгельса может быть правильно понято только в связи с общими историческими условиями французской революции 1848 года. Эта революция по своим об'ективным задачам еще не была социалистической, она была революцией буржуазно-

демократической. Европейский капитализм в середине прошлого века далеко не исчерпал исторических возможностей своего развития так, как он исчерпал их в наше время. Даже в случае победы пролетариата в Париже, даже в том случае, если бы правильной политикой парижский пролетариат сумел колебнуть на свою сторону французское крестьянство, это колебание было бы временным и преходящим, потому что у парижского пролетариата не было бы в руках современных нам экономических промышленных высот, при помощи которых он мог бы экономически закрепить союз с крестьянством против буржуазии и преодолеть капиталистические тенденции во французском крестьянстве.

Не только у Энгельса по отношению к 48 году, но и у Ленина по отношению к революции 1905 года мы находим утверждение, что в случае победы пролетариата в те времена и в случае проведения им *социалистических* мероприятий, расхождение его с крестьянством в дальнейшем было бы неизбежным (см. его речь на Стокгольмском с'езде партии). Россия 1905 года стояла на более высокой ступени индустриального развития, чем Франция прошлого века. Ее экономика, кроме того, была связана с финансовым капиталом других более могущественных стран и потому перспектива успешного перехода к социализму в ней была и она зависела от международной обстановки. Поэтому-то Ленин и связывал в 1905 году возможную перспективу перерастания нашей революции в социалистическую с развитием *международной* революции и с победой пролетариата в Западной Европе.

Поскольку международные условия 1905 года не были условиями непосредственного кануна международной революции, поскольку европейский капитализм тогда не вступил еще в эпоху войны, а находился еще в «органическом» периоде «мирного расцвета»,—постольку русская революция, в случае победы, достигнутой своими внутренними силами, стояла бы перед вполне вероятной перспективой подавления ее западным империализмом. Это подавление было бы неизбежным в том случае, если бы пролетариат не ограничился демократической революцией и сделал шаги к социализму. В таких условиях страна в конечном счете пошла бы по пути капиталистического развития, и крестьянство неизбежно отошло бы от пролетариата. Точно так же отход крестьянства от пролетариата был бы неизбежен и в том случае, если бы революция имела успех, как демократическая, без перерастания в социалистическую, и в этом случае страна (и крестьянство) пошла бы по пути капиталистического («американского») развития.

Революция в 1917 г. у нас произошла уже в сильно изменившихся по сравнению с 1905 г. условиях. С одной стороны, внутри страны дозрел и перешел в высшую фазу своего развития русский капитализм (именно на период после 1905 года падает сильное развитие в России трестов, сращивания банков с промышленностью и других типичных для финансовых капиталов форм). Российский империализм быстрым темпом «догонял» опередившие его страны старого капитализма в Европе и тем самым укреплял в своей стране об'ективные экономические предпосылки для ее независимости от европейского капитализма. Но еще более важную роль сыграла мировая война, которая, с одной стороны, *толкнула*

крестьянство к пролетариату, оказавшемуся единственно способным прорвать круг империалистической войны и вывести крестьянство к миру, и которая, с другой стороны, сделала *невозможным* об'единение империалистических гигантов для *непосредственного* подавления силами их армий русской революции. В таких условиях для нашего пролетариата оказалось вполне возможным проделать в союзе с крестьянством не только буржуазно-демократическую, но и социалистическую революцию, отразив в тягчайших условиях натиск иностранной интервенции, опиравшейся, главным образом, на силы русских белогвардейцев и на колебания части крестьянства там, где это крестьянство еще не испытало белогвардейской власти. Наш пролетариат смог при помощи социализированных промышленных высот повести за собой крестьянство по пути экономического строительства социализма, историческим опытом доказав, что препятствие к участию крестьян в социалистическом преобразовании лежат не столько в природе крестьянского хозяйства, сколько в *совокупности* «жизненных условий», определяющих социальное положение крестьянина и не позволявших пролетариату до сих пор в других капиталистических странах овладеть властью, крупной промышленностью, банками и т. п.

Вообще, отношения крестьянства к пролетариату на различных этапах исторического развития различны. Чтобы понять эти отношения совершенно недостаточно исследовать «природу» крестьянина, как мелкого собственника, с одной стороны, как трудящегося—с другой; надо еще исследовать все те условия, в которые он поставлен данным этапом истории. Без победоносного развития социалистического строительства в городе, обладающем развитой промышленностью, пролетариат не может повести за собой крестьянство по пути к социализму. А такое победоносное развитие социалистической революции в городе в одной стране, являвшейся зависимой от других более крупных капиталистических стран, стало возможным лишь в эпоху *краха капитализма*, когда крупнейшие империалистические страны, несмотря на гигантский рост их экономического могущества (и несмотря на то, что международной буржуазии удалось сохранить свою власть в период войны и послевоенной революции), в сильнейшей степени раздираются *противоречиями*, которых они разрешить не в силах: противоречия между гигантами-империалистами из-за колоний, противоречия между колониями и метрополиями, обостренные противоречия между пролетариатом и буржуазией в каждой стране.

Нельзя не заметить сверх того, что если наличие этих противоречий в капиталистическом мире дало российскому пролетариату возможность *впервые* успешно провести социалистическую революцию в союзе с крестьянством, то развитие социалистических революций в других странах после этого уже дополнительно облегчается одним новым фактором—наличием социалистического государства СССР, доставляющего новую серьезную заботу эксплоататорам всего мира. При этом как раз именно разрешение вопроса о союзе рабочего класса с крестьянством в СССР наилучшим образом агитирует за социалистическую революцию во всем мире, ибо вопрос, на котором спотыкаются оппортунисты всех стран, есть вопрос о возможности вовлечения крестьянства в социалистическую революцию даже в тех странах, где пролетариат составляет меньшинство населения.

Ни Энгельс, ни Маркс, ни Ленин никогда не отрицали возможности для пролетариата в тесном союзе с крестьянством строить социализм. Им была чужда мысль о непримиримости интересов рабочих и крестьян в социалистической революции, чуждо представление о мелком крестьянине, который, якобы, по «природе» не примиряется с социалистическим преобразованием, при каких бы то ни было условиях. Все учителя социализма полагали, что преобразование мелкого крестьянства под воздействием социалистического пролетариата *возможно*, но, разумеется, только при *определенных* исторических условиях, о которых мы бегло уже сказали.

2. Второй вопрос, на который мы хотим здесь ответить, нам задает тов. К. Буртовой с Украины. Этот вопрос гласит: «Настоящая революция в Китае есть революция национально-освободительная *или* буржуазно-демократическая?» При этом из содержания письма видно, что, кроме того, автора письма смущает то обстоятельство, что мы говорим о тенденции к перерастанию китайской революции в социалистическую.

Противопоставление, которое делает т. Буртовой, неправильно. Национально-освободительное движение всегда начинается, как буржуазно-демократическое движение. В нем участвуют различные классы, они преследуют различные цели, но об'единяются на общей задаче борьбы против национального гнета, в данном случае гнета империалистического прежде всего. В дальнейшем ходе развития национально-освободительного движения развиваются классовые противоречия внутри единого общенационального фронта. Прежде всего отпадает от этого фронта национальная буржуазия. В Китае, как мы видели, она сперва боролась против империализма и выдвигала своих генералов для руководства национальной армией, борющейся с феодалами и империалистами, а затем стала контрреволюционной, обратив свои армии на борьбу с рабоче-крестьянским движением и все более и более склоняясь к прямой сделке с феодалами и империалистами.

На настоящем этапе китайской революции рабочие и крестьяне борются против китайской буржуазии, показавшей свою неспособность довести дело борьбы с иноземным империализмом и отечественным феодализмом до конца. Движение рабочих и крестьян, представляющее на данном этапе подлинное национально-освободительное движение, еще не является социалистической революцией, поскольку главной задачей внутри Китая еще остается разгром помещиков, джентри и других агентов феодализма и империализма одновременно с изгнанием империалистов из Китая. Борьба с буржуазией еще не ведется под лозунгом конфискации предприятий китайской буржуазии или под лозунгом диктатуры пролетариата.

Движение Ие-Тина и Хо-Луна, например, обрекло бы себя на бесславную гибель, если бы оно не провело немедленно на занятой им территории решительного аграрного преобразования—конфискации всех помещичьих земель и передачи их крестьянам, полного уничтожения всех феодальных привилегий и т. д. Но непосредственно социалистических задач—в виде конфискации капиталистических предприятий и диктатуры пролетариата—это движение пока еще перед собой не ставит. Движение находится все еще на буржуазно-демократическом этапе национальной революции. Но в дальнейшем ясно вырисовываются перспективы *перерастания* этого буржуазно-демократического движения в социалистическую революцию. *Не переставая* быть национально-освободительной, китайская революция *будет становиться* и социалистической революцией. Разрешая внутри Китая буржуазно-демократические задачи, эта революция вместе с тем начнет и разрешение социалистических задач.

Таким образом, в национально-освободительной революции есть частный вид буржуазно-демократической революции, своеобразие которого состоит в национально-освободительной борьбе против иноземного *империалистического гнета*. Из этого своеобразия вытекают такие главные особенности национальной революции: ее мощный *общенациональный* размах, *участие* национальной буржуазии в общереволюционном фронте на первом этапе революции, *большие* шансы на перерастание в социалистическую революцию после того, как буржуазия отшатнулась, ибо борьба против иноземного *капитала* легко перерастает в борьбу против *капитала* туземного.

Национальная революция может итти и по такому пути, как, например, в Турции, где рабоче-крестьянское движение оказалось слабым, чтобы суметь в соответствующий момент вырвать гегемонию из рук буржуазии, и революция остановилась на буржуазном этапе сделки между национальной буржуазией и иностранным империализмом. Такой временный исход, вообще говоря, не исключен и в Китае, но эта сделка с империализмом ни коим образом не знаменует исчерпания задач и возможностей национальной революции. Революция на ней останавливается, но *не заканчивается*. Это лишь отсрочка решающего удара революции. Впереди остается в таком случае перспектива нового под'ема революции, в который рабочие и крестьяне вступят, уже освободившись от иллюзий в последовательно-революционном характере буржуазии. Тем скорее, в случае второго под'ема, произойдет перерастание национальной революции в социалистическую.

3. В связи с предыдущим вопросом, мы коснемся еще одного письма (нарушив правило не отвечать анонимным авторам). Товарищ, почему-то не подписавшийся под письмом, спрашивает нас, почему в ходе китайской революции возникла организация гоминдан, но до сих пор не возникли советы рабочих и крестьянских депутатов?

Советы являются определенной формой государственной власти точно так же, как и гоминдан явился в Китае формой такой власти. Форма государственной власти в ходе революции вырастает не случайно, а базируется на существующих в стране классовых отношениях. Советы в России в 1905 и 1917 гг., а также и в ряде государств Западной Европы в 1918—20 гг. возникали в условиях, когда буржуазия уже являлась контрреволюционным классом, неспособным принимать участие в едином революционном фронте классов, борющихся под знаменем революции. И царская Россия, и Западная Европа дают нам образцы стран империализма, угнетающих колонии и национальные меньшинства. Поэтому буржуазный класс в них не был революционен ни в демократической революции 1905 года, ни в Европе. В Китае же национальный гнет иноземного империализма до известной степени сплачивал различные классы, затушевывал классовые противоречия и на первых порах антиимпериалистический фронт включал буржуазию. Отсюда и возникла организация гоминдан.

в которую входили буржуазия, крестьянство и рабочие, как организация антиимпериалистической власти. Эта организация в ее первоначальном виде изжила себя, как форма революционной власти, с тех пор, как буржуазия, руководящая ею, сошла с пути антиимпериалистической борьбы, и с тех пор, как *анти*буржуазный гоминдан не создался. Поэтому сейчас, при начале нового под'ема революции, руководство движением перешло непосредственно в руки компартии, и должны возникнуть, как форма новой революционной власти, организации рабочих и крестьян—*советы*.

4. Следующий вопрос. Тов. Ф. Бабайкин из Кириллова, Череповецкой губ., спрашивает нас: «Советская власть, как форма выражения диктатуры пролетариата, является ли обязательной для всех государств, в которых пройдет пролетарская революция, или же, если она не обязательна, то во что может вылиться диктатура пролетариата?»

Советская власть является, безусловно, главнейшей и основной формой диктатуры пролетариата потому, что при ней от дела организации власти совершенно устраняется буржуазия и другие эксплоататорские элементы—с одной стороны, а привлекается крестьянство—с другой. Но могут быть отдельные исключения, когда пролетариат не находит нужным, проводя свою диктатуру, совершенно лишать политических прав буржуазию, устраняя ее, однако, от дела организации власти. Исторически таким примером может служить Дальне-Восточная Республика, где вплоть до 1922 г. диктатура пролетариата существовала в форме «учредилки», т.-е. при всеобщем избирательном праве: партии эсэров и кадетов могли выступать на выборах со своими списками, но в руководящие органы правительства они не допускались. В данном случае это было вызвано главным образом международно-дипломатическими соображениями. Не исключена возможность повторения таких примеров в отдельных случаях.

Кроме того, надо сказать, что в таких странах, как, например, Англия, где крестьянство составляет незначительное меньшинство населения, возможно, что диктатура пролетариата на первых порах будет существовать в форме профессиональных организаций или рабочих советов, а впоследствии привлечет к делу организации власти и остальные слои трудящегося населения.

5. В заключение ответим еще на один вопрос тов. Ф. Нургалеева: «Является ли наша нынешняя кооперация разновидностью «предприятий последовательно-социалистического типа?»

Товарищ приводит следующую цитату из ленинской статьи о кооперации: «При нашем существующем строе предприятия кооперативные отличаются от предприятий частнокапиталистических, как предприятия коллективные, но не отличаются от предприятий социалистических, *если они основаны на земле при средствах производства, принадлежащих государству, т.-е. рабочему классу*»... и т. д.

Тов. Нургалеев говорит по этому поводу: «Имеется ли здесь в виду кооперация в настоящей стадии развития, когда типичной формой кооперативных организаций является об'единение на почве сбыта и когда кооперированные крестьяне сохраняют частную собственность на средства производства, или же здесь имеется в виду следующая ступенька в развитии кооперации, когда типичными для кооперативных форм будут являться об'единения на почве производства, на основе национализированной земли и коллективных средств производства?»

Разумеется, кооперация мелких производителей с целью сбыта при сохранении средств производства в их частной собственности не является «предприятием последовательно-социалистическим». Товарищ совершенно прав, когда говорит о том, что кооперация будет являться последовательно-социалистической, вполне социалистической формой лишь «на следующей ступеньке». Однако, ответ, как же определить нынешнюю кооперацию, тов. Нургалеев нащупывает неправильно, когда он в форме вопроса косвенно отвечает на свой вопрос: «не переживает ли кооперация переходную форму от госкапиталистического типа последовательно к социалистическому типу предприятий»?

Нынешняя кооперация является, конечно, *переходным* к социализму типом предприятий, но «переход» этот происходит не от госкапиталистического типа, а *от мелкокрестьянского* производства. Когда партия решала вопрос о характере кооперации и велись споры с оппозицией по этому поводу, то партия не отрицала *переходного* характера кооперации в наших условиях. Но ошибка оппозиции состояла в том, что она зачисляла в госкапитализм мелкое крестьянское хозяйство на том «основании», что между крестьянским хозяйством существует товарная связь. Отсюда и кооперация определялась оппозицией, как форма госкапитализма. Между тем, когда Ленин в 1921 г. говорил о кооперации, как о форме госкапитализма, он исходил из совершенно иных оснований. Он не зачислял мелкое трудовое хозяйство крестьян в госкапитализм. Он имел в виду то обстоятельство, что по первоначальным намерениям советского правительства *в городе* должен был получить значительное место и влияние государственный капитализм, а также и капитализм частный. А так как город ведет за собой деревню, то в таких условиях в кооперации в значительной мере развивались бы капиталистические отношения, которые, при условии контроля над кооперацией со стороны нашего государства, делали бы кооперацию видом государственного капитализма. Уже в 1923 г., когда стало ясно, что социалистические элементы в городе стали брать явный верх над элементами госкапитализма и частного капитализма, Ленин определил роль нашей кооперации не как переходной формы от мелкого крестьянского хозяйства к госкапитализму, а как роль приводного ремня от мелкого хозяйства *к социалистическому* хозяйству, подчеркнув в статье о кооперации социалистический характер последней в новых условиях.

И здесь, как и в начале наших ответов, приходится по другому поводу подчеркнуть то же самое положение: когда мы говорим об участии крестьян в строительстве социализма, то роль крестьянства должна нами определяться не абстрактным путем на основании одних общих рассуждений о социальной природе крестьянства вообще, но с учетом всей той исторической обстановки, в которую поставлено крестьянство на данном этапе революции, с учетом характера *того «города», который в данном случае ведет за собой деревню*.

Ответом на эти вопросы мы пока ограничиваемся, оставляя за собой право в одном из следующих номеров еще вернуться к вопросам читателей.

ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛ.

Э. Дейчман.

Проблема, заслуживающая внимания.

Проблеме алкоголизма нашей партией не уделяется того внимания, какое она заслуживает.

Подавляющее большинство членов нашей партии не имеет должного представления об алкоголизме, как социальном бедствии. Очень часто, когда тот или иной товарищ затрагивает алкогольный вопрос на парт. собрании, слушатели склонны реагировать добродушной улыбкой и репликой «мы — не монахи». Недостаточно внимательное отношение к алкогольному вопросу со стороны некоторых руководящих партийных организаций приводит иногда к тому, что партийная пресса используовывается для пропаганды пользы (!!) и способа изготовления некоторых спиртных напитков. В органе Центрального Комитета Коммунистической партии большевиков Украины находит себе место (целый подвал в 1/2 газетной страницы) статья «Як самому робити вино з яблук та груш», в которой пропагандируются такие вещи:

«Вино из фруктов прекрасно на вкус, очень полезно для здоровья человека... А как продукт, оно значительно лучше пива, вкусно и может иметь крепость в 6—14 градусов» [1]).

Развитие алкоголизма и его последствий в нашей республике за последние годы принимает такие размеры, что требуется привлечение внимания каждого члена партии и всей партии в целом к этому участку фронта.

Как развивается потребление спиртных напитков у нас?

Потребление водки было по годам следующее (в млн. ведер):

1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
0,8	4,1	20,5	31,5

Пива (в млн. вед.):

1922/23 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
8	17,2	20,6	31	32

Мы имеем бурное нарастание потребления спиртных напитков из года в год.

Если проследить по рабочим бюджетам расход на спиртные напитки, то мы имеем аналогичную картину.

Расход на спиртные напитки занимал в общем бюджете следующую долю в %:

[1]) Газета «Радянське село», № 183, гор. Харьков.

У московских рабочих			У харьковских рабочих		
1923 г.	1924 г.	1925 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.
0,9%	1,6%	4,2%	0,9%	1,7%	2,4%

Донбасс.

1924 г.—0,8% 1925 г.—2,5% 1926 г.—3,1%

И здесь мы видим резкое нарастание трат рабочих на спиртные напитки. Рабочий тратит из своего бюджета на спиртные напитки в 2 раза больше, чем на жилищное строительство, и в 5—7 раз больше, чем на развлечения (Урал, Донбасс).

Нарастание разрушающего действия спиртных напитков на здоровье населения мы имеем во многих областях. Мы считаем возможным приводить только такие данные, зависимость которых от потребления спиртных напитков очевидна и не вызывает никаких сомнений. Мы имеем прежде всего бурное нарастание поступления больных с алкогольными психозами в психиатрические лечебные заведения.

Так, по РСФСР поступление больных с алкогольными психозами был след.:

		В % к общ. числу больн поступив. в психиатр. леч.
1916—20 г.	единичные случаи	
1923 г.	1319	2,4
1924 г.	1657	5,5
1925 г.	3562	7,2

По городу Москве число больных с алкогольными психозами и хроническим алкоголизмом, поступивших в психиатрические больницы, возросло с 25 в 1921 году до 1279 в 1926 г. Процент больных на почве алкоголизма по отношению ко всем поступившим в психиатр. б-цы по годам был след.:

1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.
2,2	2,4	4,6	6,0	9,9	25

Насчет умерших от алкоголизма, мы, к сожалению, не располагаем статистическими данными для всего Союза, так как у нас вообще отсутствует статистика причин смертности. Мы имеем эти данные только для отдельных городов. Приведем данные для Москвы и Ленинграда.

Умерло от алкоголизма (абсолютн. числа).

	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.
Ленинград	18	32	85	167
Москва	16	23	86	144
На 100 тыс. населения приходится в Ленинграде смертных случаев от алкоголизма	1,7	2,7	6,4	10,9

За 4 года смертность от алкоголизма увеличилась в Ленинграде в 6 раз.

В отношении количества алкоголиков мы располагаем данными только по гор. Москве.

В наркодиспансеры гор. Москвы обратилось за помощью:

		Посещений сделано ими
В 1924 г.	2162 алкоголика	10.142
» 1925 г.	5352 »	54.000
» 1926 г.	8971 »	75.000

За 3 года мы имеем только в Москве зарегистрированную армию в 16 тысяч алкоголиков, находящихся уже во власти алкоголя и неспособных избавиться от разрушающего его действия, несмотря на полное сознание гибельного действия алкоголя на их организм и страстное желание избавиться от болезни. «Посадите в тюрьму, сделайте, что хотите со мной, только вылечите» — таково типичное обращение алкоголика. Огромное большинство алкоголиков (85—90%)—это рабочие и члены их семейств.

Еще одно явление, свидетельствующее о нарастании алкоголизма—это количество лиц, задержанных милицией на улице в пьяном виде. Мы опять-таки располагаем данными только для отдельных городов, в том числе для Ленинграда и Москвы.

Правда, и в довоенное время по числу арестованных за пьянство Петербург превосходил столицы других стран.

Один задержанный (в год) в пьяном виде приходился на число жителей:

В Петербурге	Берлине	Вене	Париже
на 25 жит.	369	1.220	17.000

За последние годы задержано в пьяном виде в Ленинграде.

В 1923 г.	В 1924 г.	В 1925 г.
2,088	11.000	21.000

А профессор Бехтерев в № 82 «Известий ЦИК» сообщает, что число задержанных в пьяном виде достигло в 1926 году 95 тыс.

В Москве за 1926 год составлено 50 тыс. протоколов на лиц, задержанных в пьяном виде на улицах. Как заявляют во всех вытрезвителях, число протоколов равно приблизительно ½ задержанных. Протоколы составляются только на тех задержанных, с кого можно получить 3-рублевый штраф. Таким образом, и в Москве количество задержанных в пьяном виде на улицах дошло до 100 тысяч в 1926 году.

Задерживаются только лица, нарушающие общественный порядок или неспособные самостоятельно двигаться.

И тут опять огромное число (80%) падает на рабочих. К стыду нашему, довольно нередко попадаются партийцы. Так, в Баку из общего числа задержанных в пьяном виде 20,7% падает на партийцев.

Как только начинается вечер, район милиции заваливается пьяными. Напрасно вы стали бы в это время обращаться в милицию с заявлениями о кражах или других делах: все заняты пьяными буянами, которых надо допросить, составить протокол, водворить в вытрезвитель или «холодную» и стеречь его.

Нечего говорить уж о том, что наши вытрезвители совершенно не приспособлены для своих функций, что значительная

часть задержанных, переночевавших в «холодной», потом попадает в больницу с тем или иным простудным заболеванием. Хочется или не хочется, а надо ставить вопрос о постройке в городах вытрезвителей.

Не желая выставить сколько-нибудь спорных моментов, мы не приводим данных, касающихся влияния алкоголизма на заболеваемость туберкулезом, венеризмом, на повышение смертности и рост преступности, так как эту область нельзя считать разработанной безупречно.

Мы полагаем, что социальная патология алкоголизма, (т. е. влияние на здоровье населения) достаточно характеризуется и теми цифровыми данными, которые мы выше привели.

Каково влияние алкоголизма на наше народное хозяйство?

Уже в настоящем году трата населения на спиртные напитки (водку, пиво и вино), не считая самогона, составляет около 850 миллионов рублей. Учтя, что половина этой суммы поступает в виде акцизов в бюджет Союза, все же остается еще огромная сумма около 400 милл. рублей, затрачиваемых нами на потребление разрушающих общественный организм спиртных напитков.

Другая сторона влияния алкоголизма на народное хозяйство—это прогулы и понижение производительности труда, как следствие потребления спиртных напитков. Мы, к сожалению, в этой области не располагаем хорошо разработанными данными.

Но и отчетные данные с мест дали, повидимому, основание «Экономической Жизни» в передовице от 19 мая 1926 года выставить следующее положение: «Но настоящим бичом производства являются прогулы по уважительным и особенно по неуважительным причинам, связанные с развитием пьянства. Помимо того, что рост прогулов непосредственно влияет на сокращение производительности труда; помимо того, что пьянство влияет на рост брака, прогулы и пьянство вносят еще дезорганизацию в самый ход производства, ибо вызывают простои целых цехов из-за неполадок и задержек в подготовительных отделениях».

НК РКИ Украины произвел в ноябре 1925 года обследование крупных заводов гор. Харькова в целях выявления влияния выпуска 40-градусной на прогулы и производительность труда. Обследование обнаружило на крупном заводе ВЭК увеличение прогулов на 50% и понижение производительности труда после праздничных дней на 5—15% в токарных цехах и 20—25% в литейных цехах в сравнении с месяцем до выпуска 40-градусной.

Конечно, такие огромные цифры говорят вместе с тем о том, что обследование было поставлено примитивно. Надо было исключить и другие моменты, кроме водки, повлиявшие на рост прогулов и понижение производительности труда. Но, к сожалению, мы реагируем только на такие явления и на такие цифры, которые бьют своей колоссальностью. Между тем и значительно меньшие цифры понижения производительности труда являются бичом народного хозяйства.

В конце 1914 года, через полгода после запрещения продажи спиртных напитков в России, Вольно-экономическое общество предприняло большое обследование в целях выявления влияния запрещения продажи спиртных напитков на производительность труда и на прогулы в промышленности. Обследованием

было охвачено 172 предприятия в Московском Промышленном районе с числом рабочих 214.615.

Материалы этого обследования были опубликованы в сборнике под редакцией Кубацкого. Материалы были тщательно разработаны и освещены. Самые скромные подсчеты позволяют притти к несомненному выводу, что в результате запрещения продажи спиртных напитков производительность труда увеличилась минимум на 0,89%. Это при условии, что от 15 до 18% рабочих было мобилизовано и за короткий промежуток времени влилось 6% новых рабочих.

Что означает такая скромная цифра 0,89% для нашего хозяйства? Для одной только промышленности нашей настоящего года это означает потерю в 126 милл. руб.

В отношении прогулов по неуважительным причинам мы имеем увеличение на каждого рабочего в 1926 г. на 2,2 дня против 1924 и 1925 г. Для 11-миллионной армии рабочих и служащих это означает потерю 24 милл. рабочих дней, в большей части, несомненно, вызванную алкоголизмом.

Подсчетом потери народного хозяйства от алкоголизма занимались экономисты в разных странах. Мы не должны на веру принимать все подсчеты буржуазных экономистов. Мы должны отнестись к ним критически. Все же известную ориентировку они могут дать.

Французские экономисты подсчитали, что при доходе Франции от спиртных напитков (акцизы и налоги) в сумме около 300 милл. франков, убыток государства от алкоголизма выражается в сумме около 1½ миллиарда франков.

Подсчеты статистиков и экономистов Соед. Штатов Америки показали, что Соед. Штаты терпят убытка от алкоголизма в размере полмиллиарда долларов в год.

Было бы полезно и нашим экономистам, статистикам и социальным гигиенистам заняться подсчетом дебета и кредита алкоголя. Мы считаем еще необходимым напомнить о том большом вреде, который приносит нашей партии, так называемая пьянка среди коммунистов. Значительная часть всех проступков среди членов партии за последние годы падает на пьянство. Очень хорошо эта сторона освещена в статье тов. Ярославского «Можно ли коммунисту пьянствовать» и других его статьях; повторять этих данных мы здесь не будем.

Для чего мы приводим все эти данные о вредном влиянии алкоголизма на здоровье населения и народное хозяйство? Не предлагаем ли мы вывод: запретить продажу спиртных напитков? Нет, мы к сожалению, сейчас этого предложить не можем. Запрещение не привело к трезвости у нас. Запретительная система отменена в настоящем году в Норвегии и переживает кризис в Соединенных Штатах Америки.

Трудно в короткий срок без огромной подготовительной работы и при отсутствии необходимых предпосылок уничтожить то, что веками насаждалось и прививалось населению.

Но что нужно повести у нас гигантскую борьбу с алкоголизмом, бить его на всех участках—это должно стать ясным каждому партийцу.

Мы должны со всей категоричностью заявить, что мы не ведем той борьбы с алкоголизмом, которую мы должны вести в условиях строительства социализма.

Мы не даем должного отпора извращениям, имеющим место в этой области.

Возьмем для примера наши кооперативные столовые. У них очень важные задачи: раскрепостить женщину, дать населению по сравнительно дешевой цене питание, построенное на научных основаниях. А что мы имеем сейчас? Сказать про них словами Ленина «а торгуют сейчас по-азиатски»—будет оскорбительно для азиатов. Торгуют наши кооперативные столовые по-варварски. Недавно опубликованы результаты обследования общественных столовых на Украине. Мы здесь не можем привести данных, касающихся санитарного состояния столовых, качества и цены обедов. В данном случае нас интересует вопрос о распространении спиртных напитков через общественные и кооперативные столовые.

Всего обследовано было 186 столовых. В этих общественных столовых за день выпивается 875 ведер пива и 23 ведра водки, что дает в среднем на 1 столовую 112 бут. пива, при средней посещаемости в 236 чел. и 15,3 бут. водки при средней посещаемости 147 чел.

Любопытно, что спиртные напитки отпускаются в 83% всех столовых, а вода простая для питья имеется только в 78,5%, а чай и искусственные воды—в 81%.

На всеукраинском совещании горняков 29 апреля с/г. было констатировано: «Качество обедов, отпускаемых столовыми Укрнарпита и кооперации, чрезвычайно скверно. Многие столовые по существу являются пивными, так Горловская столовая на 1700 обедов отпустила 1.500 ведер пива, а на Брянском руднике кооперация отказалась открыть столовую, так как нельзя было найти достаточно вместительного подвала для хранения пива».

Надо партийной рукой ударить по такому строю варварских кооператоров и принять все меры к созданию строя трезвых и цивилизованных кооператоров.

Есть вопрос, который должен сейчас привлечь наше особенное внимание, по поводу которого мы должны забить тревогу,—это вопрос о «перспективах развертывания спиртной промышленности в СССР».

В опубликованной Госпланом СССР книге, под названием «Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1927/28—1930/31 гг.» наряду с перспективой развития всего хозяйства дана перспектива развития винокуренной промышленности.

Авторы «Перспективы» указывают в предисловии, что их задачей было строить не путем простой экстраполяции от прошлого, «так как таким способом не построишь нового общественного строя:, и дальше: «мы вступаем в новую полосу развития, когда между нашим прошлым и будущим властно вклинивается творческая воля революционного пролетариата».

Когда-же переходишь к плану развития винокуренной промышленности, то приходится предположить, что приведенные выше положения были составителями этого раздела игнорированы или забыты.

Мы находим всего лишь 3 строчки для об'яснения плана развития винокуренной промышленности: «Винокуренная и спиртоводочная промышленность развертывается в соответствии с на-

меченным планом реализации водочных изделий, так как расширение технического применения спирта за этот период не может быть значительно» (стр. 122). Иначе говоря,—готовим столько, сколько можно продать и сколько выпьют. Творческая воля революционного пролетариата не вклинивается там, где, казалось бы, эта воля особенно энергично должна вмешаться.

В результате такого пассивного отношения к этому участку народного хозяйства мы получаем довольно неприятную «перспективу». Динамика валовой продукции винокуренной и спиртоводочной промышленности представлена Госпланом в следующем виде:

По заводскому учету, по ценам лоно-фабрика, без акциза.
(В миллионах руб.).

В каком исчислении	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	За пятилетие прирост в %%
Довоенных руб. . .	140,5	180,0	216,0	250,0	280,0	192,6
Червонных руб. . .	261,5	321,0	371,5	413,0	434,0	138,5

Итак, за пять лет будет заготовлено на наших заводах водки на 1.800 млн. руб. по заводским ценам без акциза. За пять лет валовая продукция водки в червонных рублях увеличится на 138,5%, в то время как вся валовая продукция отраслей госпромышленности, производящих предметы широкого потребления, даст прирост за пять лет 37,9%, а свекло-сахарная промышленность за то же пятилетие даст прирост в черв. рублях в 24,3%.

Продукция 40-градусной водки рисуется перспективным планом Госплана в след. виде (в млн. ведер):

Продукция алкогольных напитков	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.
Спирт 40°	7,8	32,8	36,0	46,0	62,0	73,0	84,0
Из него хлебного вина . . .	4,1	20,5	31,5	38,0	48,0	58,0	68,0
На душу населения в бутылках водки	0,6	2,9	4,3	5,1	6,5	8,0	9,5

В результате такой планировки удельный вес винокуренной промышленности в общей группе предметов широкого потребления поднимается с 3,24% до 5,7% в то время, как удельный вес сахарной промышленности снижается с 8,41% до 7,45%, чайной с 1,32% до 0,94% и хлопчато-бумажной с 35,15% до 33,6%.

Пивоваренная промышленность, к сожалению, не выделена в таблицах Госплана, а включена в общую рубрику «прочие пищевые». Нам приходится, поэтому, воспользоваться данными

«пятилетней гипотезы пивоваренной промышленности» ВСНХ СССР.

Предполагаемая выварка пива рисуется в следующем виде:

Выварка пива	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.
Млн. ведер пива	32	36	38	41	43,8
Душевое потребление пива в ведрах	0,22	0,24	0,25	0,26	0,28

Мы имеем и в пивоваренной промышленности постоянное нарастание продукции и душевого потребления.

Если взять теперь динамику развития *товарной* продукции отраслей госпромышленности, производящих предметы широкого потребления и сопоставить с динамикой развития водочной и пивоваренной промышленности, то получается следующая картина:

Товарная продукция госпр. в млн. руб. по ценам заводов.

Годы	Стоимость спиртных продуктов	Стоимость пива	Стоимость спиртных и пивных продуктов вместе	Стоимость тов. прод. предметов широкого потребления	%ое отношение стоим. продан. пива и водки к стоимости прод. широкого потреб.
1925/26	160	37,4	197,4	4.510	4,3
1926/27	235	38,8	273,8	5.079	5,4
1927/28	291	36,5	327,5	5.510	5,9
1928/29	341	38,9	379,9	5.868	6,4
1929/30	381	42,5	423,5	6.152	5,9
1930/31	403	46,9	449,9	6.399	7,0

Мы видим, что удельный вес товарной продукции водки и пива в общей товарной продукции предметов широкого потребления с каждым годом увеличивается и доходит до 7% в 1930/31 г.

У нас, к сожалению, отсутствуют данные по виноделию. Вместе с продукцией вина удельный вес спиртных напитков был бы еще выше.

Небезынтересно сопоставить перспективу развития нового жилстроительства с перспективой развития спиртных напитков.

Жилищный вопрос является самым больным вопросом в нашем социалистическом строительстве. Адски тяжелые жилищные условия населения наших городов в последние годы продолжали ухудшаться.

Вместо голодной санитарной нормы в 16 кв. аршин жил. площади на 1 душу мы имеем:

1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
12,17 кв. арш.	11,31 кв. арш.	11,07 кв. арш.

Средняя жилая площадь с каждым годом уменьшается.

Сопоставим затраты населения на водку и пиво (без вина), по этикетным ценам в соответствии со сниженными ценами, предусмотренными Госпланом и ВСНХ, с затратами на новое жилищное строительство, намечаемыми по перспективному плану.

Затраты населения в милл. руб.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	Всего за 5 лет
На водку и пиво	767,4	845,0	956	1.101	1.258	4.927,4
На новое жилстроительство	325	394	457	524	590	2.290

Затраты населения на спиртные напитки в 2 с лишком раза больше, чем затраты на новое жилстроительство из всех источников.

Отбросим акциз, который составит приблизительно половину всех затрат на спиртные напитки, и все же получается, что спиртные напитки (без акциза) и не считая последствий потребления спиртных напитков, пожрут больше, чем жилищное строительство.

При этом варианте жилищного строительства средняя жилая площадь на 1 человека в кв. арш. представляется по годам в следующем виде:

1924/25	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31
12,17 кв. ар.	11,31	11,07	10,87	10,73	10,67	10,71

Мы имеем беспрерывное уменьшение средней жилой площади вплоть до 1929—30 г. В 1930—31 г. средняя площадь стабилизуется и все же остается на 12% ниже средней жилой площади 1924—25 г.

Когда сопоставляешь затраты на спиртные напитки с затратами на жилищное строительство, когда видишь перспективу резкого нарастания душевого потребления водки и пива и одновременное понижение средней жилплощади, то начинаешь сильно опасаться, не пошли ли мы в этой области как раз тем путем, который порицают сами составители «перспективного плана», не пошли ли мы «путем простой экстраполяции от прошлого, при помощи которого мы в лучшем случае продолжим это прошлое еще на пять или пятнадцать лет».

Что действительно порой применялся метод простой экстраполяции от прошлого можно видеть хотя бы из того, что Наркомзем Украины строит перспективный план развития хмеля, исходя из того положения, что за 7-летний период годовое потребление пива дойдет до нормы (!) 1910 года, т.-е. до 60 милл. ведер пива» [1]).

Посадка хмеля намечена поэтому Наркомземом Украины в следующих размерах:

1925 г.	1.000 дес.	1929 г.	3.200 дес.
1926 »	1.500 »	1930 »	4.100 »
1927 »	2.000 »	1931 »	5.000 »
1928 »	2.600 »		

[1]) «Перспективный план по сельскому хозяйству Украины». Наркомзем УССР. 1925 г.

Ориентировка на довоенные «нормы» потребления спиртных напитков стала в последнее время прокрадываться в печать. Если работник Центроспирта выставляет положение «что алкогольная потребность в массе стабильна в своих размерах, т.-е. душевые нормы должны колебаться незначительно, а в 1925—26 г. приближаться к довоенным в соответствии с уровнем восстановления хозяйства» [1]), то тов. Фрумкин на страницах «Известий ЦИК» тоже ориентируется на довоенную «норму», хотя он гораздо скромнее тов. Д. Тов. Фрумкин пишет: «Учитывая годовую потребность населения в 75% довоенной, можно определить душевое потребление самогона сельским населением в 0,26 ведра» [2]).

Почему тов. Фрумкин считает необходимым ориентироваться на довоенную «норму», почему он «скромничает» и определяет потребности населения в 75% довоенных, этого он не считает нужным пояснить.

Составители «перспективного плана» не пошли по неправильному пути ориентировки на довоенные нормы в области потребления спиртных напитков, ими была взята ориентировка на душевые нормы последнего года. Так, на стр. 21 читаем следующие строки: «Мы, например, считаем недопустимым сколько-нибудь заметное расширение потребления водки против достигнутых уже стихийным развитием самогонного промысла масштабов. Поэтому программа винокурения рассчитана на предстоящее пятилетие лишь в том размере, какой необходим для замещения наличного потребления самогона».

Чрезвычайно важно, что составители перспективного плана считают недопустимым расширение потребления водки. В этой плоскости, повидимому, убеждать и спорить не приходится.

Центр тяжести надо поэтому перенести в другую плоскость: а каково теперешнее потребление спиртных напитков, вернее, каково «наличное» потребление самогона?

Составители перспективного плана, к сожалению, не сочли нужным пояснить, какое количество самогона они принимают за «наличное» и на основании каких источников.

Обратимся к источникам, из коих можно почерпнуть данные о наличном потреблении самогона. Первый источник — это данные анкеты Госспирта, произведенной в июле—августе 1923 года. Анкета охватила территорию с 42,5 милл. сельского населения. По данным этой анкеты производство и потребление самогона сельским населением нашего Союза было в 1923 году, до разрешения в продажу крепких напитков, 607,5 милл. градусов или 15,2 милл. ведер в переводе на 40°. У нас нет надобности и основания заподозрить Госспирт и его анкетеров в преуменьшении цифры самогонокурения.

Другой источник более позднего происхождения—это данные бюджетного обследования 10.000 крестьянских хозяйств, произведенного ЦСУ с 1/IV—24 года по 1/IV—1925 года.

По этим данным расход на спиртные напитки (водка, вино, пиво и самогон) составляет 78 коп. на душу в год. Как видно из этих же данных, трата на самогон в %% по отношению к общей сумме трат на все спиртные напитки, колеблется в за-

[1]) Д.—«Современное состояние самогоноварения».
[2]) Фрумкин.—«Борьба с самогоном».

висимости от местной цены на самогон, от 4,6% в Карелии, где бутылка самогона стоит 1 р. 70 к., до 94½% в Ульяновской губ., где бутылка самогона стоит 24 коп.

Из суммы душевой траты на спиртные напитки (78 коп.) трата на самогон в среднем на душу выражается в сумме около 50—60 коп. при средней стоимости бутылки самогона около 50 к. На душу сельского населения приходится, таким образом, за этот годовой период 1—1,2 бутылки самогона, а для 120.000.000 сельского населения это составит 6—6,24 милл. ведер самогона. Вот, примерно, цифра самогонокурения, которая может служить для ориентировки.

Допустим, что после выпуска 40°, производство самогона не сократилось и что в 1926—27 г. самогонокурение дает такую же цифру, как и в 1924—25 году, тогда перспективный план должен быть построен таким образом, что душевое потребление должно быть в 1930—31 году *5,3—5,5* бутылок на душу населения (душевое потребление 40° в настоящем году равно 4,3 бут., а самогона 1—1,2 бут.). Между тем по перспективному плану в 1930—31 году душевое потребление водки дойдет до 9½ бут. на душу.

Для того, чтобы не превысить норму потребления настоящего года с учетом наличного потребления самогона, выпуск водки в 1930—31 году не должен превысить *40 мил. ведер*: соответственно 31 милл. ведер хлебного вина 1926—27 года, 6 милл. ведер самогона и 3 милл. ведер на прирост населения. Намеченная перспективным планом цифра в *68 мил. ведер* хлебного вина для 1930—31 года на 28 милл. больше той цифры, которая должна быть установлена для того, чтобы удержаться на теперешнем уровне потребления спиртных напитков.

Что составители перспективного плана далеко вышли за пределы теперешнего потребления спиртных напитков, можно видеть и из других подсчетов. На стр. 17 в таблице № 3 приведена перспективная «Структура расходного бюджета рабочей семьи в 1925—26 году—1930—31 г.». Из этой таблицы мы узнаем, что трата рабочей семьи на «напитки и наркотики» увеличивается с 7 р. 44 к. в 1925—26 г. до 12 р. 12 к. на душу в 1930—31 г. Из данных бюджетов рабочих мы можем почерпнуть сведения, что траты на табак, папиросы и спички из года в год меняются незначительно. Так, рабочая семья тратила в месяц в условных бюджетных рублях на наркотики, кроме спиртных напитков:

1923 г.	1924 г.	1925 г.
0,57	0,61	0,65

а % участия расходов на табак, папиросы и спички, обнаруживает даже тенденцию к понижению; так по годам этот % был

1923 г.	1924 г.	1925 г.
1,6%	1,4%	1,2%

Легко видеть, что по крайней мере 75% повышения трат на «напитки и наркотики» падает на спиртные напитки. В 1930—1931 году трата на «напитки и наркотики» увеличивается на душу на 4 р. 68 к. против 1925—26 г. Приняв, что 75% этой

суммы падает на спиртные напитки, мы получим увеличение трат на спиртные напитки в 3 р. 51 к. на душу, а на семью на 14 р. 39 к. Это при условии, что отпускные цены на водку будут снижены за этот период на 24—25%.

Как могла получиться такая «математика», что при установлении «недопустимости сколько-нибудь заметного расширения потребления водки против достигнутых уже стихийным развитием самогонного промысла масштабов», мы все же получаем повышение расходов на «напитки и наркотики» на 63% при повышении всего расходного бюджета на 37,6%? И эта таблица показывает, что составители «перспективного плана» вышли порядочно за пределы «достигнутых уже стихийным развитием самогонного промысла масштабов».

Укажем еще одну таблицу, которая еще раз подтвердит, насколько широко размахнулись составители «перспективного плана» в области винокуренной промышленности (таблица № 5, стр. 20). «Перспективы емкости рынка СССР на промышленные продукты широкого потребления» (при неизменных ценах). Из этой таблицы мы видим, что прирост норм в % за 5 лет для всех продуктов выразится в 46%, а для спиртных напитков 92%. Общая емкость спиртных напитков выразится по данным той же таблицы в 1930—31 году, при неизменных ценах, в сумме 335 милл. руб. Между тем, таблица № 7, на 64 стр., показывает товарную продукцию спиртоводочную на сумму 403,6 милл. по пониженным ценам. Мы получаем порядочное расхождение между емкостью рынка на спиртные напитки, устанавливаемой составителями перспективного плана, и товарной продукцией, намечаемой теми же составителями.

Значительное снижение акциза и отпускных цен на спиртные напитки, намеченное «перспективным планом», не может быть признано *рациональным*. Практика довоенная и последних лет показала, что *понижение* цен на спиртные напитки обязательно вызывает *повышение* потребления этих напитков. При намечаемом снижении индекса отпускных цен по товарной продукции за 5-летие на 16,8%, отпускные цены на водку и пиво снижаются на 23—25%; при этом акциз на пиво снижается на 30,4%.

Если в отношении акциза на водку допустимо осторожное снижение акциза и отпускных цен в целях борьбы с самогоноварением, то совершенно не рационально снижение акциза и отпускных цен на пиво и вино.

Есть еще одно чрезвычайно важное обстоятельство, которое заставляет с особенной настойчивостью требовать больше внимания алкогольному вопросу. Мы вступили в полосу военной опасности. Буржуазия в любой момент может навязать нам войну. Быть готовым к войне, это значит, помимо прочего, так строить свою промышленность и свой бюджет, чтобы война внесла по возможности меньше ломки и изменений в них. Что с началом войны мы должны будем запретить продажу спиртных напитков, это вряд ли кто станет оспаривать. Из промышленности и бюджета будет выхвачена миллиардная сумма, добыть которую иным путем мы не будем подготовлены.

В силу всех перечисленных в настоящей статье причин мы считаем, что *отступление на алкогольном фронте пора закончить*. В городах пора перейти в наступление. Не расширение потребления спиртных напитков в городах должны мы планиро-

вать, а стабилизацию и сокращение. Подлинная творческая воля революционного пролетариата должна властно вклиниться между прошлым и будущим и направить сотни миллионов рублей из русла алкоголя, подрывающего культурный и экономический рост нашей страны в русло жилищного и других отраслей нашего социалистического строительства.

Напомним, что один из тезисов агитпропа ЦК ВКП(б) в связи с выпуском сорокаградусной гласит:

«Но советское государство ни в какой мере не упускает из виду того вреда, который сопряжен с распространением водки, для культурного и экономического роста страны.

Равным образом оно считает, что доход от продажи водки не может играть доминирующую роль в его бюджете и *теперь же принимает меры, ограничивающие количество выпускаемой водки*».

Мы считаем возможным ограничиться здесь одним выводом: перспективный план развития винокуренной и пивоваренной промышленности на пятилетие 1926/27—1930/31 гг., опубликованный Госпланом СССР, не соответствует директивам партии и интересам социалистического строительства; принятие этого плана было бы огромной ошибкой, которая способна была бы задержать темп социалистического строительства.

План Госплана в этой области должен быть решительно отвергнут. План развития винокуренной и пивоваренной промышленности, а также и виноделия должен быть построен, исходя не только из недопустимости дальнейшего повышения душевого потребления спиртных напитков в городах, но из необходимости частичного свертывания мест продажи спиртных напитков по требованию рабочего населения.

Для сельского населения дальнейший выпуск спиртных напитков должен быть максимально ограничен и предназначен для тех районов, где самогонокурение широко развито.

В составлении нового перспективного плана должны принять активное участие помимо представителей профессиональных организаций также представители Наркомздрава, Наркомтруда и Наркомпроса.

Автор статьи, равно как партийные научные работники Государственного Института Социальной Гигиены, обсудившие изложенные здесь материалы, хорошо учитывают все трудности, какие представляют собой, с одной стороны, разработка «перспективного плана народного хозяйства», а с другой стороны, проблема алкоголизма и борьба с ним.

Тем не менее, мы считаем, что советское государство содержит в себе все предпосылки, необходимые для успешной борьбы с алкоголизмом. Надо только эти предпосылки правильно использовать.

М. Устинов.

К вопросу о формах землепользования.

Стоящая до сего времени задача восстановления разрушенного сельского хозяйства теперь разрешена. Сельское хозяйство восстановлено и в своем развитии перешло довоенный уровень. На очередь встала дальнейшая и главная задача: поднять сельское хозяйство на должную техническую высоту под углом зрения укрепления и расширения новых хозяйственных форм, новых социалистических начал в сельском хозяйстве.

Но это связано с переходом к улучшенным способам обработки земли и к увеличению сельскохозяйственной продукции путем улучшения системы полеводства, введения многопольного севооборота и перехода к прогрессивным формам землепользования.

А так как мы до сего времени страдаем нашей земельной неорганизованностью, которая царит больше всего в неорганизованной еще господствующей общине, то все эти улучшения в сельском хозяйстве упираются в эту земельную неорганизованность и, прежде всего, в общину.

Вот почему не случайным является, что одним из самых острых вопросов в жизни нашей деревни является вопрос о том, какой формой землепользования заменить общину, которая при данных экономических условиях лучше и скорее всего обеспечивала бы дальнейшее развитие производительных сил сельского хозяйства.

Вопрос этот не раз обсуждался в той или другой форме на страницах специальной и ежедневной прессы, и надо заметить, что вряд ли еще найдется такой вопрос в жизни нашей деревни, который так усиленно обращал бы на себя внимание и широких крестьянских масс, и широких партийных кругов. Несмотря, однако, на то громадное внимание, которое уделяется вопросу о формах землепользования, едва ли еще есть такой вопрос, при разрешении которого было бы столько путаницы и неопределенности.

Чем об'ясняется такое положение? А об'ясняется это тем, что некоторые товарищи, говорящие и пишущие по этому вопросу, рассматривают формы землепользования не только и не столько со стороны пригодности их для целей развития производительности сельского хозяйства, а в первую очередь под углом зрения создания ими максимума условий для обобществления последнего.

А кто рассматривает формы землепользования со стороны создания ими условий для обобществления сельского хозяйства, кто считает, что формы землепользования обусловливают обоб-

ществление его, тот неминуемо будет путаться в противоречиях, из которых не будет выхода.

Больше того. Раз для широкого развития коллективных форм землепользования (коммун, артелей, товариществ и т. д.) нет налицо тяги самого крестьянства, а равно соответствующих в достаточном количестве средств у нашего государства для поощрения этих коллективных форм, то товарищи, считающие, что обобществление сельского хозяйства обусловливается формой землепользования, вынуждены итти вглубь прошлого, давно отжившего народнического понятия.

Они начинают считать, как и раньше народники, что община якобы и является теми воротами, через которые крестьянство придет к социализму.

Ошибка народников была еще извинительна, потому что в то время хозяйственное развитие России шло черепашьим шагом, рабочий класс—акушер рождения нового общества—только начал появляться на сцену и т. д. Но ошибка теперешних сторонников общины ни в коем случае не может быть извинительна, потому что они живут в то время, когда рабочий класс стоит у власти, когда он заново строит новый порядок вещей.

Тут что-нибудь одно: либо товарищи, отстаивающие общину, пытаются воскресить тот самый вопрос, по поводу которого было пролито много чернил во время спора марксистов с народниками; либо они не могут понять путей развития нашего хозяйства вообще и сельского в частности.

Во всяком случае важно отметить, что вопрос об общине поднят снова.

Мало того. Он культивируется и проводится на страницах наших руководящих органов печати. Так, например, в журнале «Сельскохозяйственная Жизнь», № 10 за этот год напечатана статья т. Сучкова, которая, несмотря на ее явно народнический смысл, не была снабжена со стороны редакции какими бы то ни было оговорками.

В этой статье т. Сучков не только пытается отстоять общину, но в ней категорически утверждается, что «*общинная форма землепользования отвечает всем запросам, как кооперирования сельского хозяйства, так и вообще земельной политике в деревне*» (подчеркнуто нами).

Прочтя приведенную фразу т. Сучкова, не трудно догадаться, что это есть отрыжка народнической идеологии, и такой взгляд, проводимый на страницах нашей печати, должен подвергаться беспощадной критике. Нашей партии нужно глубже вникнуть в этот вопрос и сказать свое решительное слово. В противном случае наше сельское хозяйство не будет развиваться в желательных нам размерах, и затрачиваемые на землеустройство средства не дадут желательного результата.

В чем корень ошибки т. Сучкова и всех сторонников общины? Он заключается в том, что по их убеждениям формы землепользования обусловливают обобществление сельского хозяйства.

Такой взгляд, безусловно, не верен с точки зрения марксизма-ленинизма, и представлять себе дело так, как это делает т. Сучков и иже с ним, именно, что форма землепользования, в частности община обусловливает коллективизацию сельского хозяйства, это значит выдавать себе удостоверение о бедности в знании азбучных истин марксизма-ленинизма.

В самом деле, разве неизвестно мало-мальски разбирающемуся в этих вопросах человеку, что не форма землепользования создает систему хозяйства, а система хозяйства, назревая, сама создает свою, ей лишь свойственную форму землепользования.

Вот что писал Карл Маркс по этому вопросу: «Та форма земельной собственности, которую находит зарождающийся капиталистический способ производства, не есть соответствующая ему форма, только он сам создает соответствующую ему форму, подчиняя земледелие капиталу, благодаря чему феодальная собственность и собственность клана, мелькая крестьянская собственность общинной марки, как ни различны их юридические формы, превращаются в соответствующую этому способу производства экономическую форму» (К. Маркс, «Капитал», том III, ч. 2, стр. 157).

А вот что говорил по этому вопросу В. И. Ленин: «Америка наглядно подтверждает ту истину, которую подчеркнул К. Маркс в III томе «Капитала», именно, что капитализм в земледелии не зависит от форм землевладения и землепользования» (В. И. Ленин, том IX, стр. 189).

Из этих цитат следует, что:

1) сами формы землепользования суть производные функции от системы общественно-хозяйственных отношений, а не наоборот;

2) переход к социализму не будет зависеть от форм землепользования, а социализм, придя, создает ту или иную форму землепользования;

3) формы землепользования, следовательно, не могут определить характер и направление развития сельского хозяйства.

Поэтому не подлежит никакому сомнению, что, как общинная форма землепользования, просуществовав сотни лет при натуральном хозяйстве, стала разлагаться при развитии товарного хозяйства, точно так же и все другие формы землепользования нашего переходного периода с такой же неизбежностью уступят место коллективным, коль скоро социалистическая система хозяйства начнет вытеснять капиталистическую в сельском хозяйстве.

Вот почему мы считаем, что формы землепользования не должны рассматриваться под углом зрения создания ими максимума условий для коллективизации сельского хозяйства. А утверждение, что будто бы одни формы землепользования ведут к обобществлению сельского хозяйства, а другие нет, не является марксистско-ленинской постановкой. С какой же стороны нужно подходить к вопросу о формах землепользования?

Мы считаем, что формы землепользования должны рассматриваться только со стороны пригодности их для целей развития производительных сил сельского хозяйства. А так как пригодность форм землепользования для целей развития сельского хозяйства определяется, с одной стороны, экономическими условиями данного района и почвенно-климатическими условиями—с другой, для оценки значения той или иной формы необходимо взвесить все условия хозяйствования в данном районе.

Рассматривая же формы землепользования под углом зрения пригодности их для развития сельского хозяйства, можно сказать, что этому способствуют все ныне существующие формы, которые знают наше земельное законодательство и землеустроительная практика, кроме общинной, с ее коренным бичем—принудитель-

ными переделами, трехпольным севооборотом и находящейся во власти верст и меж. Без развития производительных сил сельского хозяйства невозможно не только социалистическое строительство деревни, но и никакое движение вперед, поэтому без него—застой, гибель; община же является серьезнейшим препятствием в этом развитии.

Все, что связано с улучшением сельского хозяйства—полевое травосеяние, многопольные севообороты и т. д.,—все это наталкивается на инертность большинства членов общины. Поэтому нам необходимо не задерживать искусственно общинную форму землепользования под тем или другим предлогом, а стремиться к тому, чтобы ее заменить другой, более прогрессивной. Разумеется, из того, что община служит громадным тормозом в развитии производительных сил сельского хозяйства, совершенно не следует, что ее во что бы то ни стало немедленно, сейчас обязательно нужно разрушить. Думать так—это значит не представлять себе всех тех трудностей, с которыми связан переход общины к другим формам землепользования. В самом деле, ведь для этого перехода требуются громадные затраты средств и сил, чего у нас в данный отрезок времени не имеется.

Но когда проводится мысль, что общину необходимо искусственно задержать при наличии средств и сил для перехода ее к прогрессивным формам, то это уже является уродливым искажением линии партии и совласти в деревне в деле развития производительности сельского хозяйства. Между тем на практике можно наблюдать, когда местные земельные органы, исходя из того, что наилучшей переходной к обобществлению формой землепользования служит община, искусственно всячески пытаются ее задержать, борясь с отрубной и хуторской формами землепользования вплоть до применения административных мер.

Такая практика на местах есть результат не устраненных до сего времени целиком рогаток в деле выбора отрубной и хуторской форм, поставленных Наркомземом еще в 1923 году, с одной стороны, и защиты общины некоторыми товарищами—с другой.

Не говоря уже о том, что такая практика грубо нарушает директивы наших руководящих партийных и советских органов в области землеустроительной политики, именно, строгого соблюдения права свободного выбора форм землепользования, согласно Земельному Кодексу, такая линия в землеустройстве имеет своим последствием и то, что затрачиваемые на землеустройство средства не дают желательного эффекта. Запрещение выбирать населению отрубную и хуторскую формы землепользования обычно мотивируется тем, что они толкают крестьянство к фермерству и усиливают его дифференциацию, что эти формы не создают таких условий для кооперирования населения, как их создает община. Одним словом, община якобы является куда лучше в этом отношении, чем отруба и хутора. Нет ничего ошибочнее этих мотивировок. В самом деле, разве не известно, что община является болотом с мутной водицей, в которой крепкий мужичок ловит рыбку? Разве не известно, что община являлась и является источником обогащения кулака за счет бедноты? И разве не известно, что она помогает кулаку эксплоатировать бедноту?

Людям, которые не болеют куриной слепотой, все это известно. Только противники отрубов и хуторов (они же обычно защитники общины), очевидно, страдая куриной слепотой, не видят этого.

Выше мы уже говорили, что формы землепользования не могут определить характер и направление в развитии сельского хозяйства. С другой стороны, когда говорят, что отруба и хутора направляют развитие сельского хозяйства по капиталистическому пути, то упускают одну «мелочь», именно, что у нас государство не буржуазное, а рабочее.

Что означает капиталистический путь развития сельского хозяйства?

Он означает такое развитие, которое пойдет через глубочайшее расслоение деревни, когда на одной стороне образуются частновладельческие поместья, на другой—массовое обнищание.

При буржуазном государстве, где царит стихийность хозяйственного развития, где главнейшие орудия и средства производства принадлежат на праве частной собственности буржуазии, такой путь развития сельского хозяйства является совершенно неизбежным.

Совершенно иначе обстоит дело у нас. Раз рабочему классу, организованному в государственную власть, принадлежат все главнейшие орудия и средства производства: индустрия, транспорт, кредитная и налоговая система и земля, которая совершенно из'ята из товарного оборота, развитие сельского хозяйства по пути капиталистическому поэтому совершенно не обязательно. Наоборот, именно потому, что пролетариат стоит у власти и имеет в своих руках командные экономические высоты, именно, поэтому капиталистические элементы в развитии сельского хозяйства все успешнее будут побиваться элементами, направляющими деревню на путь социалистического развития.

Что это за путь, мы скажем ниже. Следовательно, бояться отрубов и хуторов в этом отношении совершенно нет никаких оснований.

Что же касается мотивировки, что община способствует кооперированию сельского населения больше, чем отруба и хутора, то она просто смешна.

В самом деле, разве кооперирование населения растет на пустом месте? Конечно, нет. Развитие кооперации во всех ее видах растет и будет расти только на основе развития производительности сельского хозяйства, которому, безусловно, больше способствуют отруба и хутора, а не община. Если мы посмотрим, где развитие сельского хозяйства идет вперед—у хуторян и отрубников или у общинников, то мы увидим следующее: урожайность ржи у первых против общинников выше на 22%, овса—18%, гречихи—70%, трав на хозяйство при одной и той же площади посева первые имеют против общинников—на 42%.

Валовая доходность от сельского хозяйства на одну десятину пашни в рублях:

	абсолют.	в %%
Общинники	132	100
Хуторяне	151	115
Отрубники	183	139

А в соответствии с этим и происходит кооперирование. Так, например, по Смоленской губ. общинники кооперированы только на 34,3%, хуторяне и отрубники на 58,1%.

По Московской губ. общинники кооперированы на 48%, отрубники и хуторяне—95%.

Эти цифры с убедительностью говорят, что община не может создавать условия для кооперирования населения так, как их создает отрубная и хуторская формы землепользования.

Значит, боязнь отрубов и хуторов и в этом отношении совершенно ни на чем не основана, и препятствие их выбирать населению является не чем иным, как сознательным желанием задержать развитие производительности сельского хозяйства.

Поэтому прямо-таки преступным, по нашему мнению, является запрещение населению итти на отруба и хутора там, где нет налицо социально-экономических условий для развития коллективных форм землепользования (коммун, артелей, товариществ и т. п.). В целях развития производительности сельского хозяйства, а стало быть и кооперирования, необходимо отмести все препятствия в выборе форм землепользования и предоставить населению широкую свободу в этом отношении. Разумеется, признание юридического нейтралитета в выборе форм землепользования не освобождает наше государство от экономического регулирования сельского хозяйства. Но, с другой стороны, ведь поднять сельское хозяйство и повысить его технику можно лишь путем предоставления широкой свободы выбора прогрессивных форм землепользования. Что же касается разрешения очередной задачи нашей партии и совввласти—создания высших форм земледельческого хозяйства, высших по своей технике и по своему социальному строению, то методами разрешения этой задачи является кооперация, а не что-нибудь другое. Основная линия партии и соввласти в этом вопросе намечена в последней статье тов. Ленина «О кооперации».

В этой статье В. И. Ленин развернул программу развития кооперирования сельского населения, как основного способа движения к социализму в крестьянской стране.

«У нас, действительно,—говорит Ленин,—раз государственная власть в руках рабочего класса, раз этой государственной власти принадлежат все средства производства, у нас, действительно, задачей осталось только кооперирование населения. При условии максимального кооперирования населения сам собою достигается тот социализм, который ранее вызывал законные насмешки, улыбку, пренебрежительное отношение к себе со стороны тех людей, справедливо убежденных в необходимости классовой борьбы, борьбы за политическую власть и т. д.».

«Кооперация еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения... Она имеет исключительное значение со стороны перехода к новым порядкам, путем возможно более *простым*, *легким*, *доступным для крестьянства* (В. И. Ленин, том XVIII, ч. 2, стр. 139). И далее Ленин писал:

«Собственно говоря нам осталось «только» одно: сделать наше население настолько «цивилизованным», чтобы оно поняло все выгоды от поголовного участия в кооперации и наладило это участие. «Только» это. Никакие другие премудрости нам не нужны теперь для того, чтобы перейти к социализму» (там же стр. 141).

Следовательно, путь социалистического развития крестьянского хозяйства лежит не через ту или другую форму землепользования, а через массовое кооперирование крестьянского населения по всем линиям кооперации, через путь насаждения коллективистических начал среди крестьянства сперва по линии сбыта продуктов сельского хозяйства и снабжения крестьянских хозяйств фабрично-заводскими изделиями, а потом по линии сельскохозяйственного производства.

Но для того, чтобы кооперировать поголовно все население, необходимо развить сельскохозяйственное производство так, чтобы оно вполне обеспечивало это кооперирование.

А для этого нужно перейти от общины к прогрессивным формам землепользования, которые и могут способствовать этому развитию. Разговоры о том, чтобы создать ту или иную желательную форму землепользования, которая будет обусловливать обобществление сельского хозяйства, и что община является самой наилучшей переходной к этому обобществлению формой землепользования—есть утопия, имеющая, однако, своим последствием задержку развития его. Поэтому надо не задерживать искусственно общину, не пытаться создавать ту или иную форму землепользования, а, считаясь с местными условиями, стремиться к тому, чтобы формы землепользования обеспечивали крестьянину большую прочность его хозяйства, возможность безбоязненно вкладывать в обрабатываемую им землю весь свой труд и все свои средства, обеспечить ему возможность прочного построения своего бюджета.

А для этого свобода выбора форм землепользования не должна быть воспрещаема.

Нечего и говорить, что коллективные формы землепользования являются самыми совершенными из всех существующих форм, которые там, где имеются налицо социально-экономические предпосылки и естественно-исторические условия — необходимо всячески развивать.

Однако, нужно помнить, что только те коллективные об'единения ценны, которые проведены самими крестьянами по свободному почину и выгоды коих проверены ими на практике (Ленин). Но вместе с тем ни в коем случае не надо задерживать стремления крестьянства в выборе и других форм землепользования.

Опасения некоторых товарищей, что предоставление широкой свободы выбора форм землепользования, например, отрубов и хуторов, дает возможность развиваться сельскому хозяйству по пути капиталистическому, совершенно не основательны.

В обстановке советского хозяйственного строя с его сосредоточением средств производства и государственной власти в руках рабочего класса одна только кооперация, пользующаяся крупными экономическими, финансовыми и банковскими преимуществами, и явится той стеной, которая загородит путь капиталистического развития сельского хозяйства.

Через посредство кооперации при господстве рыночных и денежных отношений советское государство осуществляет и осуществит свою конечную цель—утверждение социализма в сельском хозяйстве.

В. Григорьев.

О путях производственного кооперирования крестьянства и об ошибках тов. Беленького.

Вопрос о дальнейших путях кооперирования крестьянских хозяйств сейчас приобретает прямо громадное значение в виду того, что, во-первых, ряд успехов имеют у нас сбытово-снабженческие формы кооперирования, во-вторых, потому, что за последние годы сильно развились формы подсобно-производственной и производственной с.-х. кооперации. Получается так, что с.-х. кооперация у нас как бы делится на две части: сбытово-снабженческую и производственную. Надо найти пути увязки этих двух частей, установить формы их сожительства и наметить дальнейшие перспективы развития с.-х. кооперации. Потребность в этом есть, и эта-то потребность, повидимому, и вызвала появление в № 17 журнала «Большевик» статьи Беленького «Пути производственного кооперирования крестьянства».

Мы считаем, что проблема далеко не исчерпана этой статьей, что автор допустил в постановке этой проблемы ряд грубых ошибок, что вопрос нуждается в серьезном обсуждении на страницах «Большевика».

Тема статьи М. Беленьким избрана не случайно. Вопрос о путях производственного кооперирования сейчас особенно заостряется, во-первых, тем, что производственные кооперативы составляют не менее 50% всего числа с.-х. кооперативов по СССР, во-вторых, тем, что эти производственные кооперативы, в большинстве своем, «дикие», т.-е. не входят в систему с.-х. кооперации. В отчете с. х. кооперации правительству за 1926—27 г. говорится: «Количество всех мелиоративных товариществ в настоящее время исчисляется в несколько тысяч, в системе же с.-х. кооперации их насчитывается всего только 450. То же следует сказать и о машинных товариществах, коммунах, артелях и других производственных кооперативах».

Причины массовой «дикости» простейших производственных кооперативов общеизвестны. Причины эти лежат, в основном, в отсутствии какого бы то ни было обслуживания, какой бы то ни было помощи этим кооперативам со стороны системы с.-х. кооперации. В докладе группы НКРКИ СССР, обследовавшей машинные товарищества на Северном Кавказе говорится:

> «Отсутствует всякое руководство машинными товариществами со стороны союзов... машинные товарищества на 90% «дикие», вернее, беспризорные. Ни одна кооперативная организация ими не интересуется, так как с машинного

> товарищества им нечего взять. Кредитные товарищества тоже избегают знакомства с ними».

Создается такое положение, что вступление производственного товарищества в систему с.-х. кооперации означает для этого товарищества только трату денег на паи и ничего больше. Понятна, поэтому, мотивировка «дикости», которую дают сами «дикие» — «нет денег на паи». Расход этот *не нужен* и отступает перед множеством других, действительно необходимых расходов. Что такое простейшие производственные об'единения колхозы? Кто туда идет? Как правило, в них идут те слои крестьянства, которые не имеют инвентаря, которые не смогут выбиться в одиночку, которые имеют жалкое, нищенское хозяйство. Вопрос о помощи простейшим производственным об'единениям и колхозам, вопрос об обслуживании их—это прежде всего и больше всего вопрос о помощи деревенской бедноте. В постановлении ЦИК и СНК СССР «о коллективных хозяйствах» от 16-го марта 1927 года говорится:

> «Значение коллективных хозяйств в деле социалистического переустройства сельского хозяйства, их роль в организации деревенской бедноты диктуют необходимость всемерной и действительной поддержки этого движения со стороны государства. Необходимость усиления поддержки кооперативного движения вызывается прежде всего тем, что организация коллективных хозяйств является одним из наиболее действительных средств помощи бедноте».

Естественно, что нажим на кооперацию, не обслуживающую колхозного движения, не руководящую им, получился солидный. Целый ряд предложений был и целый ряд предложений вынесен партией и правительством по вопросу о такой перестройке работы с.-х. кооперации, при которой было бы обеспечено обслуживание производственных форм кооперирования. Казалось бы проще всего было приняться за проведение этих директив, но вместо этого один из руководителей с.-х. кооперации, т. М. Беленький выступает со статьей, в которой он совершенно явно подменивает действительно производственную систему кооперации системой сбытово-снабженческой и пытается доказать, что сбытово-снабженческая форма кооперирования должна быть в наших условиях основной. Разберемся в его аргументации. М. Беленький начинает с того, что устанавливает «две главнейшие формы производственного кооперирования крестьянства: 1) коллективные хозяйства (коммуны, артели и товарищества), 2) производственно-сбытовые системы с.-х. кооперации». Не заботясь о том, что в этой «систематике» совершенно выпали куда-то простейшие производственные товарищества, автор дает определение «производственно-сбытовых» систем:

> «Производственно-сбытовые системы с.-х. кооперации организованы в виде централизованных союзов (Хлебоцентр, Маслоцентр, Льноцентр и т. д.)».

Те, кто знают, что производственной работы не ведут совершенно работающие пока, как исключительно сбытовые системы, хлебная и льняная из перечисленных, а также яично-птичная, свеклосеевная, хлопковая и табачная из «и т. д.», тот, кто это знает, естественно, задает вопрос, почему же М. Беленький называет все эти системы «производственно-сбытовыми»? Оказывается потому, что «Хлебоцентр об'единяет *производителей* (подчеркнуто

мною. *В. Г.*) зерна, Маслоцентр—молочные хозяйства, табаководный центр—табаководов и т. д.»! Но ведь не всегда же «рак в желудке, когда у вас в желудке рак». Для того, чтобы быть производственной системой, с.-х. кооперации мало об'единять производителей.

У М. Беленького сбытово-снабженческие формы кооперации оказались «производственно-сбытовыми». Но этого ему мало. Надо ему доказать и то положение, что сбытово-снабженческие формы кооперации обслуживают бедноту. Отвлеченно рассуждать по этому вопросу он не решается. Ведь, тогда придется же сказать и то, что сбытово-снабженческая работа с.-х. кооперации ни к чему тем хозяйствам, которым нечего сбывать и которые не имеют средств для покупки снабженческих товаров, что эти хозяйства можно вовлечь в число клиентов сбытово-снабженческих систем с.-х. кооперации только путем их коллективизации, их производственного кооперирования. Чтобы всего этого не сказать, М. Беленький прямо берет таблицу. Вот одна из них, по молочной кооперации:

Группы	Сибирь		Урал		Европейск. часть	
	1925 г.	1926 г.	1925 г.	1926 г.	1925 г.	1926 г.
Без коров	1,0	0,8	0,7	—	2,9	2,5
С одной коровой . .	32,4	33,5	28,5	19,4	38,8	48,1
С 2—3 коровами . .	52,7	49,2	56,5	60,0	53,2	46,7
С 4 и более	13,9	16,5	14,3	20,6	5,1	2,7
Итого . . .	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Вывод из этой таблицы т. М. Беленький делает такой, «что производственно-сбытовые системы с.-х. кооперации представляют собой, в основном, движение середняцких и *бедняцких* (подчеркнуто мною. *В. Г.*) масс деревни».

Оставляя на совести автора целесообразность пребывания в молочной кооперации бескровных (?!) хозяйств, мы хотели бы указать ему только на одно обстоятельство, что тот вывод, какой он делает, надо делать не из таблицы о социальном составе с.-х. кооперации, а из сопоставления удельного веса разных групп по коровности во всех крестьянских хозяйствах с удельным весом их в хозяйствах кооперированных. Вопрос о том, какие слои населения более всего используют молочную кооперацию, должен решаться только степенью кооперированности каждой группы внутри ее самой. К счастию для читателя, М. Беленький приводит далее очень интересную таблицу, проливающую свет на этот вопрос. Он приводит данные о том, что коэффициент участия разных групп в молочной кооперации (отношение хозяйственного участия к организованному участию) у бескоровных равен 0,0, у однокоровных—0,5, у двухкоровных—0,9, у трехкоровных—1,3, у четырехкоровных—1,9, у пятикоровных—2,1, у шестикоровных—4,0, т.-е. последовательно повышается от группы к группе.

Здесь уже М. Беленький не решается повторить миф о середняцко-*бедняцком* построении молочной кооперации. Он скромно

замечает, «что однокоровные и двухкоровные хозяйства составляют 70,7% всех членов молочной кооперации».

Не везет М. Беленькому и с льняной кооперацией. Вот таблица из его статьи:

	Число всех хозяйств	Безлошадных	С 1 лош.	С 2 лош.	С 3 лош.	С 4 лош.
Кооперированные . .	100	14,8	69,2	15,0	0,9	0,1
Все с.-х. население .	100	18,9	69,8	10,5	0,7	0,1

Картина вполне определенная. Низшие группы представлены в кооперации в меньшем проценте, нежели во всем крестьянском населении. Но автор почему-то уверен, что это подтверждает все тот же бедняцко-середняцкий характер с.-х. кооперации.

Странная получается вещь. Человек, повидимому, боится признать совершенно бесспорное положение, что сбытово-снабженческая с.-х. кооперация есть кооперация *середняка*, что, чем выше имущественное положение крестьянского хозяйства, тем больше оно заинтересовано в сбытово-снабженческой с.-х. кооперации. Мы бы хотели спросить т. М. Беленького: где, в какой директиве партии или правительства сказано, что советская сбытово-снабженческая кооперация не должна обслуживать зажиточных хозяйств, что она должна отворачиваться от хозяйства, имеющего 4 лошади или 4 коровы, что она должна заставлять эти хозяйства сбывать их продукты через кого угодно, но только не через кооперацию? Зачем понадобилось М. Беленькому вопреки даже тем цифрам, которые он приводит, доказывать, что кооперация в ее сбытово-снабженческой работе обслуживает почти исключительно середняцко-бедняцкие слои крестьянства? Если он боится кулака, так ему должно же быть известно, что не является хозяйство кулацким, если оно имеет 4 коровы или 4 лошади, что это 4-коровное или 4-лошадное хозяйство может, наконец, иметь такое количество едоков, что не может быть причислено и к зажиточным.

Повидимому, тут опять попытка и притом попытка с явно негодными средствами доказать, что эти самые «производственно-сбытовые системы—лучшее, о чем может мечтать бедняцкое хозяйство, и что разговоры о простейших производственных товариществах и колхозах, как об «одном из наиболее действительных средств помощи бедноте»—это только разговоры. Как же получилось, что М. Беленький просмотрел бурный рост производственной кооперации, быстрое разворачивание процесса кооперирования деревенской бедноты вокруг средств производства? Вторая часть его статьи, нам кажется, указывает на то, что это не описка, а ошибка и что эта ошибка для автора не случайна.

Во второй части статьи М. Беленький говорит о контрактации.

Как известно, *контрактация* заключается в том, что промышленность *заказывает* крестьянам определенное количество потребного ей сырья, выдавая соответствующие денежные авансы.

Не менее, если не более известно, что *кооперация* заключается в том, что кооперированное население создает основные средства для своего обслуживания.

Вопрос «о действительном участии в кооперации действительных масс населения, о котором говорит Ленин, решается, в основном, такой организацией кооперации, в которой население участвует своими средствами. Кооперация—это крестьянские средства в государственном обороте, контрактация в том виде, в каком она у нас есть—это государственные средства в крестьянском товарообороте. Контрактация в том виде, в каком она у нас есть—антипод кооперации. Чем она вызвана? Во-первых, необходимостью обеспечить определенные отрасли промышленности (пока-что сахарную и хлопковую) сырьем, во-вторых, тем, что сама кооперация собственных оборотных средств не накопила. По сводному балансу системы с.-х. кооперации СССР на 1-е октября 1926 г. собственные *оборотные* средства с.-х. кооперации равны меньше чем нулю. В неподвижные активы вложены не только все свои средства, но и еще 4,79 милл. рублей долгосрочных заемных средств.

Тов. М. Беленький пишет:

«Основной формой вовлечения крестьянского производства в плановое русло является контрактация посевов, широко применяемая в настоящее время по линии хлопководства, свеклосения и др. технических культур».

Несмотря на то, что громкое наименование «других технических культур» включает в себя только кенаф и лекарственные растения, контрактация показывается у М. Беленького «основной формой вовлечения крестьянского производства в плановое хозяйство».

Перед кооперацией стоит серьезнейшая задача накопления своих средств, вовлечения в свой оборот средств кооперированного населения. Эта задача трудная и требующая времени и сил. Тов. М. Беленький предпочитает пойти по линии наименьшего сопротивления, возводя в принцип контрактацию. В своей статье он обещает распространить ее и на хлеб, и на продукты животноводства. Но ведь совершенно же ясно, что, проведенный полностью, принцип контрактации, особенно если он основан, как это сейчас есть, целиком на государственных средствах, означает проведение системы государственного капитализма, ставит крест на ленинском кооперативном плане и заодно уничтожает и смысл существования с.-х. кооперации. Дело сводится к простому: промышленность делает заказ, крестьянин его выполняет. Получается совхоз в масштабе СССР, и с.-х. кооперации как будто нечего делать.

Иначе нельзя об'яснить перспективы рисующиеся перед М. Беленьким, который пишет:

«Задачей свеклосевной кооперации является *об'единение населения и организация производства и сбыта крестьянской свеклы* (курсив автора. *В. Г.*). Она организует производителей свеклы, распределяет *за своей ответственностью* (курсив автора. *В. Г.*) между членами свеклосевных об'единений, *полученные от Сахаротреста* (курсив мой. *В. Г.*) средства производства (денежные авансы, семена, орудия производства), снабжает их другими необходимыми материалами, организует агрономическую помощь и контроль над посевами, об'единяет производителей для совместного производства, в частности для коллективного пользования сеялками и другими машинами, — короче, руководит всеми процессами производства, уборки и доставки свеклы на заводы».

Перспективы-то намечаются очень хорошие, вплоть до коллективного пользования машинами, а выполнять эти хорошие вещи тов. М. Беленький призывает Сахаротрест, участвующий в деле *деньгами*, и кооперацию, участвующую... *ответственностью* (!?).

Контрактация, могущая принести немалую пользу, как функция кооперации, в «кооперативном» плане М. Беленького превращается в нечто самодовлеющее, подчиняющее себе кооперацию.

Мы не склонны спорить с М. Беленьким по вопросу о том, что контрактация является *средством* вовлечения крестьянина в плановое хозяйство. Это-то так. И несомненно, что *принцип* контрактации в ряде сырьевых культур будущее имеет. Но тот, кто думает, что «основной формой вовлечения крестьянского производства в плановое русло» является контрактация, а не *кооперация*, и при том контрактация, ведущаяся целиком за государственный счет, тот в кооперативном плане Ленина ничего не понял, тот идет по линии наименьшего сопротивления, об'ективно скатывается к отрицанию особой роли кооперации в наших условиях, к апологии государственного капитализма. Кому же другому, как не тов. М. Беленькому, в течение ряда лет работающему в с.-х. кооперации, следует вспомнить, какие споры были, да и сейчас есть вокруг вопроса о контрактации. Особенно жестоки были эти споры в тот период, когда Сахаротрест и Главхлопком строили контрактацию так, что связывались непосредственно с крестьянином, помимо кооперации, минуя кооперацию. Были тогда разговоры о том, что Сахаротрест и Главхлопком не дают строить кооперацию? Были. Есть эти разговоры сейчас? Есть и не могут не быть, поскольку эта система еще не совсем изжита. И вопрос стоит так, что с контрактацией приходится пока-что мириться, а не возводить ее в принцип «кооперативного» строительства, как это делает т. М. Беленький.

Тов. М. Беленький цитирует Преображенского:

«Переход к социализму совершается в сфере производственного кооперирования, для чего кооперация в обмене лишь расчищает путь. Но как раз именно в сфере такого кооперирования мелких производителей наши успехи пока еще минимальны, и конкретные формы (а не общая линия) этого процесса сейчас еще совсем не ясны». (Е. Преображенский—«Новая Экономика»).

Преображенский пишет, что «кооперация в обмене лишь расчищает путь» производственному кооперированию.

М. Беленький пишет: «Не подлежит сомнению, что массовое колхозное строительство будет вырастать из недр производственно-сбытовых систем с.-х. кооперации».

Партия в резолюции XIV конференции говорит: «Первоочередными задачами с.-х. и кредитной кооперации являются: организация кооперативного кредита; организация на основе развивающейся товарности деревни переработки и сбыта продуктов сельского хозяйства; развитие всех возможных форм коллективного хозяйства, коллективного земледелия—всякого рода колхозов, коммун и т. п.; снабжение широких крестьянских масс

средствами производства. Через организацию с.-х. кредита, снабжения, переработки и сбыта могут быть созданы условия для массового воздействия со стороны советского государства на производственные процессы отдельных распыленных крестьянских хозяйств».

Ленин говорил о том, что кооперация является наиболее доступным для крестьянина путем к социализму.

И Ленин и партия берут кооперацию, как комплекс определенных политических мероприятий, приспособленных к различным слоям крестьянства.

Преображенский и М. Беленький рассуждают в плоскости того, что раньше появилось—курица или яйцо, и, по существу, затушевывают вопрос о необходимости развития и поддержки развития *всех видов* с.-х. кооперации.

Далее. Преображенский говорит о том, что конкретные формы процесса производственного кооперирования сейчас еще совсем не ясны.

М. Беленький этого не говорит. Наоборот, он пытается доказать, что они очень ясны, но к сожалению, ничего хорошего у него из этого не получается. Спутать сбытово-снабженческие системы с «производственно-сбытовыми», возвести в высокий принцип контрактацию—это не значит доказать, что конкретные формы процесса кооперирования ясны.

Но самое смешное во всем этом то, что производственное кооперирование-то, ведь, идет, руководимое снабженческой и кредитной политикой нашего государства. И идет оно не стихийно, о чем с достаточной ясностью говорит быстро развивающаяся специализация с.-х. кооперации, уже сейчас выделившая организационно оформленную систему колхозов, в которую неизбежно включаются и простейшие производственные об'единения.

И мы думаем, что, если сам М. Беленький повнимательнее прочтет свою собственную статью, проанализирует свои собственные таблицы, он согласится с тем, что, во-первых, большая часть тех форм с.-х. кооперации, которые он называет «производственно-сбытовыми» на деле являются сбытово-снабженческими; во-вторых, эти сбытово-снабженческие системы приспособлены для обслуживания середняцко-зажиточных слоев деревни и их-то и обслуживают; в-третьих, что в этом нет ничего ужасного; в-четвертых, что главнейшими формами кооперирования бедноты являются простейшие производственные кооперативы и колхозы и, в-пятых, что нужно выполнять директивы партии и правительства в области поддержки этих форм кооперирования, вместо того, чтобы затушевывать вопрос о беспризорности их в системе с.-х. кооперации рассуждениями о мифическом «производственном» кооперировании *бедноты* по линии сбытово-снабженческих систем.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

«ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА ЛЕНИНА». № 1, 1927 г., стр. 184, тираж 4.250 экз. Цена 1 р. 25 к.

Решение Института Ленина об издании «Записок» нужно всячески приветствовать.

Какие задачи ставятся перед новым изданием института? Редакцией правильно отмечается тот факт, что изучение и исследование величайшего наследства, оставленного нам Лениным, несмотря на всю свою значительность, еще далеко не поставлено как «самостоятельная и специальная» проблема. Еще не созданы кадры «ленинистов», «лениноведов», коим партия могла бы поручить дело изучения и разработки отдельных проблем учения Ленина. Между тем повседневные бои за ленинизм делают эту задачу все более актуальной. «Записки» должны явиться одним из путей, через который мыслится ее практическое решение.

В программе работ на ближайшее время редакция предполагает опубликовать ряд отчасти забытых, отчасти вообще мало знакомых широким кругам партии и не вошедших в собр. соч., хотя и опубликованных еще при жизни Вл. Ил. материалов, как-то: статей, заметок, писем, различного рода протокольных и хроникерских записей речей, вариантов незастенографированных выступлений и т. д. При чем особое место будет занимать раздел личной биографии Вл. Ил., где предполагается систематически опубликовывать воспоминания современников, освещающие ту или иную сторону его жизни и деятельности. Таким образом, основная задача «Записок» должна свестись к собиранию воедино распыленного материала о Ленине, чтобы сделать этот материал уже сейчас доступным для широких кругов партии.

Такой характер «Записок» отличает их от «Ленинских Сборников». В последних, как правило, публикуются совершенно *новые* документы. Несмотря на это, нам, однако, кажется, что вопрос о характере и дальнейшем направлении «Записок» следует поставить в несколько иную плоскость.

Совершенно бесспорно, что опубликование документов и материалов, связанных в той или иной степени с Лениным, является весьма важной задачей. Но эту задачу выполняют в основном «Ленинские Сборники». Достаточно будет указать на то, что в содержании последних мы найдем ряд материалов, имеющих быть по своему характеру отпечатанными и в рецензируемых «Записках» (воспоминания—IV «Лен. Сб.», 7, 8 разделы, II т., 7 раздел, ст. М. Т. и др. I «Лен. Сбор.» и т. д.). Таким образом, здесь трудно определить принципиально отличную целевую установку. Возникает опасение, что вся разница между «Ленинскими Сборниками» и «Записками» сведется к вопросу степени, количества, что «Записки» станут лишь своеобразным дополнением к «Сборникам». Между тем, партийная общественность уже сейчас остро ощу-

щает отсутствие именно такого типа сборника, в какой по мысли редакции должны будут еще только в будущем превратиться «Записки». Речь идет о создании научноисследовательского журнала, в котором находила бы место исследовательская работа над огромным материалом, накопленным Институтом Ленина. «Записки Института Ленина» и должны быть, в основном, таким журналом. Такой тип «Записок» естественно связан с необходимостью создания и сплочения вокруг Ин-та того кадра или коллектива «лениноведов», на отсутствие которого редакция вполне правильно обращает внимание партии. Излишне говорить, что высказанные соображения ничуть не умаляют ценность того материала, который нашел себе место в первом номере.

Переходя к рассмотрению содержания первого номера «Записок», надо прежде всего отметить правильную, вдумчивую группировку рецензируемого материала.

Первые два раздела, составленные из предисловия Ленина к работе Н. И. Бухарина «Мировое хозяйство и империализм» и из статей В. И. за апрель—июль 1917 г., извлеченных из «Правды»,—проникнуты непримиримейшей, страстной борьбой с изменой и оппортунизмом различных групп социал-реформизма. Этот материал сохранил всю свою принципиальную остроту и политическую свежесть.

Используя малейшую зацепку в деталях социально-экономической и политической классовой борьбы, развернувшейся тогда в России, Ильич терпеливо и настойчиво раз'ясняет рабочему классу и крестьянству его иллюзии, рассеивает заблуждения, зовет к самостоятельной, активной борьбе. Надо заметить, что предисловие т. Ленина, где он дает достойный ответ теоретическому оппортунизму Каутских, пытавшихся под прикрытием новых теоретических схем скрыть свое явное предательство, имеет особый интерес в настоящее время.

У всех на памяти споры тт. Зиновьева и Троцкого с партией по вопросу о неравномерности капиталистического развития в эпоху домонополистического капитализма. Вопреки тезису ЦК, утверждавшего в полном согласии с т. Лениным, что основные признаки развитого капитализма получают наиболее резкий, конфликтный характер лишь в эпоху монополистического капитализма, т.-е. империализма; что разницу в уровне хозяйственного положения различных капиталистич. стран нельзя смешивать с неравномерностью развития эпохи империализма, ибо именно нивелировка в уровне, создающая условия к обострению различных форм капиталистической конкуренции, борьбы за рынки и т. д., таит в себе неизбежность военных столкновений и приводит к усилению неравномерности; вопреки, наконец, прямому утверждению Ленина [1]), что «разговоры Каутского об ультра-империализме поощряют между прочим ту глубоко-ошибочную и льющую воду на мельницу апологетов империализма мысль, будто господство финансового капитала *ослабляет* неравномерности и противоречия внутри всемирного хозяйства, тогда как на деле оно *усиливает* их»...,—тов. Троцкий на XV Всесоюзной Партконференции (стр. 524) утверждал, что «в тот период (т.-е. XIX ст. *А.*) неравномерность капиталистического развития была *резче* и *глубже*» (курсив наш. *А.*). «Именно потому, что финансовый капитал есть самая подвижная и гибкая форма капитала, именно поэтому *империализм развивает более „уравнительные“ тенденции, чем дофинансовый капитал*» (курсив наш. *А.*) [2]). Та-

---

[1]) Том XIII, стр. 310.

[2]) Ту же мысль выразил и т. Зиновьев по докладу т. Сталина,—см. Бюлл. № 10.

ким образом, т. Троцкий утверждает: 1) что закон неравномерности проявлялся резче и глубже в XIX ст., т.-е. в эпоху так наз. «мирного» развития капитализма, и 2) что эпоха империализма развивает более «уравнительные» тенденции. Но, ведь, если переложить этот вывод на язык политики, то это будет означать лишь то, что внутри- и межнациональные конфликты в эпоху домонополистического капитализма были значительно «резче и глубже», что основная тенденция, если не бояться до конца политически мыслить, сводится к тому, что мы вступили в полосу постепенного «сглаживания», «выравнивания» внутрикапиталистических антагонизмов, т.-е., по сути дела, марксо-ленинская теория пролетарской революции не верна, и прав Каутский, проповедующий эпоху мирного ультра-империалистического развития. Ежели не итти на эти столь далеко заходящие политические выводы, надо признать, что неправильно утверждение, будто эпоха империализма характерна завершением раздела мира, что новый передел земли и рынков возможен лишь через империалистические войны и т. д. и т. п., т.-е. надо отказаться от формулировки теории империализма в той трактовке, какую нам оставил Ленин.

В упомянутом предисловии Ленин, полемизируя с Каутским, пришедшим к мысли о неизбежности новой эпохи ультра-империализма, пишет след.: «Не подлежит сомнению, что развитие идет в *направлении* к одному единственному тресту всемирному, поглощающему все без исключения предприятия и все без исключения государства. Но развитие идет к этому при *таких* обстоятельствах, *таким* темпом, при *таких* противоречиях (подчеркнуто мною. *А.*), конфликтах и потрясениях,—отнюдь не только экономических, но и политических, национальных и пр. и пр.,—что непременно *раньше*, чем дело дойдет до одного всемирного треста, до ультра-империалистического всемирного об'единения национальных финансовых капиталов, империализм неизбежно должен будет лопнуть, капитализм превратится в свою противоположность».

Позволительно теперь спросить: есть ли в приведенных цитатах хотя бы намек на «схожесть» определений Ленина с теми определениями характерных черт империализма, какие сформулированы т. Троцким? Думается, что ответ достаточно ясен.

Из третьего раздела—Статьи и заметки советского периода—важно отметить две записки Ленина т. Молотову об условиях приема в партию новых членов. Этот вопрос не впервые стоит перед всей партийной общественностью. И далеко не случайно. Вопросы регулирования качественного состава партии выходят далеко за рамки чисто организационных задач. Ленин с величайшим вниманием следил за динамикой качественного роста партии. Он считал «крайне опасным оставить без изменения предлагаемые Зиновьевым краткие сроки» прохождения кандидатского стажа, при чем последнее он распространяет не только на непролетарские слои трудящихся, но и на известные слои рабочего класса. Ленин требует, чтобы партия определила «с особо детальными подробностями, в чем должно состоять действительное прохождение кандидатского стажа, каковы должны быть конкретные и фактические условия проверки того, что кандидатский стаж действительно проходится, а не остается пустой формальностью». Социальный состав партии, *не являясь всегда* решающим фактором в деле определения классово-пролетарской политики, вместе с тем, на известных этапах, при известных условиях может сыграть безусловно решающую роль в определении партийного курса. Именно в связи с этим, Ленин бьет тревогу, мобилизует внимание партии к вопросам социального состава партии. В своей

второй записке он отмечает: «Если не закрывать себе глаза на действительность, то надо признать, что в настоящее время[1]) пролетарская политика партии определяется не ее составом, а громадным, безраздельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией. Достаточно небольшой внутренней борьбы в этом слое, и авторитет его будет уже зависеть не от него». В этой связи становится особенно ясным, почему Ильич придавал такое большое значение проблеме регулирования состава партии. Диктатура пролетариата осуществляется не поголовной организацией рабочего класса, а коммунистической партией, т.-е. авангардом пролетариата. Партия руководит классом, политически воспитывает его, и только в этом смысле надо понимать диктатуру партии. Всякое же отождествление или смешение этих двух понятий—диктатуры пролетариата и диктатуры партии—теоретически и практически не состоятельно, равно как и их противопоставление. Но руководящая роль и ответственность нашей партии накладывает, однако, на нее определенные обязательства, важнейшее из коих есть полное единодушие в ее рядах, абсолютное доверие к своему руководству, к своим кадрам—проверенным в боях, в течение целого исторического периода. Вместе с тем, Ленин, однако, прекрасно сознавал, что противоречивость социально-экономической и политической обстановки не может не сказаться и на руководстве. И в его среде возможны и даже неизбежны ошибки, разногласия—и не малые!—могущие привести к чрезвычайно тяжелым последствиям. Избежать последних, ликвидировать их возможно лишь тогда, когда партия будет обладать могучим пролетарским костяком, когда рабоче-партийное мнение будет формироваться и определяться именно этим последним. В этом смысле Ленин был величайшим оптимистом. Он глубоко верил в классовый инстинкт и революционное чутье рабочего класса.

Стоит лишь бросить взгляд на последние годы внутрипартийной борьбы, чтобы получить самое наглядное подтверждение его правоты, ибо именно в этой части партии встречали наибольший отпор различного рода антипартийные вылазки. В этом—глубочайшее оправдание ленинской тревоги...

Важнейшее значение, особенно в настоящий момент, имеют отдельные места четвертого раздела: «Записи речей Ленина», посвященных выяснению тактики социалистов в войне. В одном из своих докладов в Лозанне от 14 октября 1914 г. на тему «Пролетариат и война» Ленин говорит: «Выяснение характера войны является для марксиста необходимой предпосылкой, чтобы решить вопрос о своем к ней отношении. Для такого же выяснения необходимо, прежде всего, установить, каковы об'ективные условия и конкретная обстановка данной войны. Нужно поставить эту войну в ту историческую обстановку, в которой она происходит, и только тогда можно определить свое к ней отношение. Иначе получится не материалистическое, а эклектическое трактование вопроса». Таким образом, для определения отношения марксистов к войне, Ленин выдвинул в качестве основного критерия определение характера войны, при чем это определение должно находиться в непосредственной связи с историческими особенностями данного этапа развития, должно итти по линии оценки того основного, специфического, что составляет отличительный признак данного конкретного периода. Ленинская постановка ясна и точна. Она не терпит никаких двусмысленностей, она требует ясного, четкого, членораздельного ответа на поставленный вопрос. В этой связи политическое и практическое значение имеет оценка военной опасности, даваемая в платформе оппозиции. В документах последнего времени оппозиция открыто пыталась поставить под знак вопроса классовый смысл и цели грядущей войны, исходя из оценки Коминтерна, нашей партии и советского государства. На ряду с этим мы имеем заверение, что в случае войны товарищи из оппозиции будут в одних рядах с партией и т. д. Таким образом, мы здесь сталкиваемся с положением, справедливо охарактеризованным партией, как «условное оборончество», сводящееся к признанию для «завтрашнего» дня справедливости тезиса Ленина: «мы—оборонцы с 25 октября 1917 г.», на ряду с «сегодняшними» сомнениями в социалистическом характере обороны СССР. Ибо нельзя по-большевистски оборонять СССР, ведя самую яростную атаку революционного, ленинского руководства партией, советской власти и К. И., сея сомнение в широких пролетарских массах в социалистическом характере нашего строительства и той политики, которую проводит партия. Нельзя серьезно ставить проблему социалистической обороны, *обусловив* последнюю пунктом о смене «перерождающегося» руководства; нельзя, наконец, призывать серьезно рабочий класс к защите пролетарского государства, изменившего якобы делу интернационализма и замкнувшегося в национально-реформистскую скорлупу. В явном непонимании того, что новая «подготовка войны против СССР означает не что иное, как воспроизведение на расширенной основе классовой борьбы между империалистской буржуазией и победоносным пролетариатом», в попытке смазать то основное, специфическое, отличающее современную эпоху от эпохи 1914 г., что надвигающаяся война будет резко отличаться от империалистической войны уже тем, что она явится прежде всего войной всего империалистического мира против победоносно укрепившегося социализма,—обнаруживается весь оппортунизм оппозиционной постановки вопроса о военной опасности.

[1]) 26/III—22 г.

В своих записках Ленин вскрывает всю фальшь и лицемерие так наз. «левых» социалистов, скрывающих свой оппортунизм и предательство лозунгами «целости и единства организации». В этой связи Ленин требует непримиримейшей борьбы против примиренчества, поступающегося революционными принципами.

Большой интерес вызывает в числе прочего матерала раздел VI—материалы для биографии Ленина. В них читатель найдет подробности из истории борьбы Ленина за партию, ее консолидацию, отдельные штрихи, показывающие Ленина уже тогда, как величайшего вождя и организатора. То же нужно сказать об интереснейшем материале, представленном в виде календаря работы Ленина. В этом последнем находит свое отражение неисчерпаемая и сложная работа руководителя советского государства. Календарь имеет еще то значение, что дает образец настоящей рационализаторской постановки государственной работы, прекрасно сочетавшейся с глубочайшим вниманием и заботой к нуждам отдельных товарищей.

Нет возможности в рецензии остановиться на остальном материале. Поэтому, в заключение мы хотим отметить лишь следующее: «Записки» свидетельствуют о серьезном научном подходе и необходимой добросовестности товарищей, работавших над ними. Несомненно, что систематическое издание «Записок», их превращение в научноисследовательский сборник свяжет в большей степени, нежели сейчас, всю работу Института с широким активом партии. Нечего греха таить—до сего времени дело обстояло в этом отношении не совсем благополучно,—а в этом

лежит залог несомненного успеха нового начинания. Следовало бы увеличить его тираж и соответственно снизить расценку отдельного экземпляра, это способствовало бы лучшему выполнению намеченных редакцией задач.

А. Александров.

РАЗЛОЖЕНИЕ АВСТРО-МАРКСИЗМА

А. Тальгеймер. «Теоретический кризис социал-демократии». Перевод под редакцией Т. Л. Аксельрода. Госиздат. 1927 г.

«Ничто не пахнет так скверно,—говорит Шекспир,—как гниющая лилия». Ничто так не отвратительно,—говорит т. Тальгеймер,—как прогнивший марксизм австро-марксистов, теоретических запевал разлагающейся социал-демократии. Книга т. Тальгеймера воочию показывает, как эти господа превращают марксизм в жалкую мелкобуржуазную кашицу и апологию контрреволюции.

К семидесятилетнему юбилею Карла Каутского вышел в Иене сборник «Живой Марксизм», том в 600 страниц. Этот сборник дает благодарный материал для т. Тальгеймера [1]).

Философский столп австро-марксизма Макс Адлер (в статье: «Принудительный порядок и общественная организация») делает здесь открытие,—новое, впрочем, только в устах человека, считающего себя марксистом,—что государство будет существовать вечно и что государство и общество не стоят в противоречии друг к другу. Макс Адлер просто-напросто заменяет слово «государство» словами «принудительный порядок». Он уверяет, что общественная жизнь невозможна без принудительной организации. Нужды нет, что это утверждал еще Дюринг, на что Энгельс дал свой классический ответ, что в будущем строе «правительство над людьми заменится управлением вещами и заведыванием процессами производства». Как правильно замечает Тальгеймер, Макс Адлер смешивает понятия необходимости и принуждения; игнорируя, что в социалистическом строе осознанная необходимость войдет в плоть и кровь человека, он постулирует внутреннего жандарма, жандарма «в себе». Новизна этого открытия Макса Адлера заключается в том новокантианском соусе, которым оно у него сдобрено. «В долженствовании,—говорит он,—мы имеем форму обобществления воли... Отсюда вытекает, что урегулирование общественной жизни не есть нечто такое, что прибавляется каким-то образом к заранее данной неурегулированной общественной жизни, а представляет собой лишь форму самой этой общественной жизни, волевую сторону сознания, уже обобществленного благодаря своему духовному бытию». Разобраться в этом убийственном жаргоне можно разве только по интуиции. Тальгеймер понимает эту тираду в том смысле, что по Максу Адлеру социализм уже заранее дан в нормах буржуазного общества. Макс Адлер,—говорит т. Тальгеймер,—ухитрился осуществить замечательный кунстштюк, создать идею буржуазно-социалистического общества. «Внешнее (сиречь государственное) урегулирование,—говорит Макс Адлер,—становится возможным лишь потому, что социальная жизнь представляет собою внутреннюю жизнь индивидуума, сопряженную с жизнью другого человека». Тальгеймер показывает, как в основе этой тирады лежит не что иное, как основная форма буржуазного сознания о связи отдельных товаропроизводителей между собой, форма, которую анализировали уже Фергюсон, Адам Смит и Гегель. Неокантианец исходит из индивидуального сознания и возводит его в общественное сознание, которого нет у буржуазного общества. В конце концов, вся эта теоретическая эквилибристика Макса Адлера служит лишь вящшему возвеличению компромисса с буржуазией.

Старый кунстштюк Макса Адлера: он фактически заменяет исторический материализм идеализмом, но при этом,—как выражается т. Тальгеймер,—умудряется сохранить материалистическую видимость для идеализма и идеалистическую видимость для материализма. Пример: «Экономический фундамент,—говорит Макс Адлер,—может осознаваться и *переживаться* (курсив наш) только в формах идеологической надстройки».

Переходим к другому столпу австро-марксизма, Отто Бауэру. В сборнике «Живой Марксизм» он представлен статьей на тему: «Мировоззрение капитализма». Отто Бауэр оперирует в ней аналогиями. Открытия его не менее изумительны, чем открытия Макса Адлера. Материализм, видите ли, соответствует схеме *выполнения* работы, а идеализм—схеме *плана* работы; а так как капитализм отличается своим анархическим, непланомерным производством, то материализм—мировоззрение капитализма. Что идеализм—мировоззрение социализма, Отто Бауэр не говорит открыто, но это сногсшибательное окрытие вытекает из всей его аргументации. Тальгеймер сочно называет этот метод аналогий грязным шарлатанством. В лучшем случае,—скажем мы,—это просто ученические упражнения в ревизионизме, написанные Бауэром от скуки в Сибири, в плену. Тальгеймер без труда разбивает их в пух и прах. В самом деле, достаточно указания на то, что материализм и идеализм были от'единены друг от друга еще задолго до капитализма, еще в древней Индии и Греции, что выполнение и план работы тоже искони от'единены у всего человечества. А поскольку Бауэр имеет в виду, что в распыленном капиталистическом производстве рабочий не в состоянии обнять целого, Тальгеймер возражает, что это—точка зрения «интеллигента-мандарина», в своем высокомерии недооценивающего пролетариата. Но это только первая из аналогий Отто Бауэра. У него в запасе еще целый ряд их.

Вторая аналогия: при планомерном общественном строе господствует телеологический взгляд на природу, при анархическом строе капитализма—причинное понимание природы. Это рассуждение Отто Бауэра еще поверхностнее, еще примитивнее первого. По такой логике оказывается, что при социализме уж, всеконечно, должен будет восторжествовать телеологический взгляд на природу! И разумеется, здесь тоже игнорируется, что причинное понимание природы имелось уже в древности.

Третья аналогия: «Механизм (механистическая философия) есть анархический метод свободной конкуренции, перенесенный из области хозяйства в область природы».

Четвертая аналогия: древнему миру и феодализму свойственен качественный взгляд на природу, капитализму—количественный. Эта аналогия строится на том, что в древности и в средние века решающую роль играли потребительные ценности, а в наше время меновые ценности.

Пятая аналогия: законы природы мыслятся по образцу государственных законов. В этом смысле Отто Бауэр провозглашает Декарта

---

[1]) Еще более характерен этот «живой марксизм» тем, о чем он умалчивает: вопросы демократии и диктатуры пролетариата, СССР, мирового послевоенного кризиса, империализма, колоний и т. д. для него не существуют.

олицетворением монархического деизма, Спинозу—олицетворением республиканского пантеизма. Поверхностность этих сближений поразительна.

Шестая аналогия: «Теоретическое противоречие между индуктивным эмпиризмом и математическим рационализмом (у Канта) есть теоретическое отражение свойственного капитализму противоречия между правовой самостоятельностью, которую он дарует индивидууму, и хозяйственной зависимостью индивидуумов друг от друга». В огороде бузина, а в Киеве дядько...

Таков теоретический, философский наряд столь решительного, столь уверенного в себе разоблачителя и критика большевизма! Просто диву даешься: такое умственное убожество трудно было предположить даже у Бауэра. Впрочем, аналогии Отто Бауэра представляют интерес и в другом отношении. Тов. Тальгеймер подчеркивает, что тогда как Макс Адлер «ликвидирует» диалектический материализм, его соратник Отто Бауэр ликвидирует и самого Макса Адлера.

Тогда как у Макса Адлера с его «экономическим идеализмом» идеология все еще носит предметный характер, у Отто Бауэра мы имеем настоящий исторический релятивизм или скептицизм, это тот же махизм, лишь с этикеткой марксизма: по Бауэру законы природы не являются просто законами экономии мышления (Мах), они приводят в порядок наш опыт «тем способом, который соответствует особым духовным потребностям определенного общественного строя и определенному классу внутри этого строя». Тальгеймер вполне правильно замечает, что эта квази-марксистская этикетка Отто Бауэра является в сущности «выцветшей ливреей буржуазии», повторением буржуазной философии последних десятилетий, прагматизма, бергсонизма и пр., в которой исчезают критерии об'ективной истины и сама она. Отто Бауэр ликвидирует кантовские априорные формы: «Только современный релятивизм,—говорит он,—преодолевший ньютоновские представления о пространстве и времени, дает нам возможность понять, что кантовские априорные формы воззрения были только априорными формами воззрения той науки о природе, которая ныне уже принадлежит к превзойденной фазе развития». Отто Бауэр видит в эволюции современного естествознания доказательство, что «система электронов представляется наукой только как практическое подсобное средство мышления, а не как действительная сущность». Тальгеймер возражает: «Естествоиспытатели вовсе не настолько глупы, чтобы верить, будто они измеряли, исчисляли, взвешивали и определяли только фикции, только воображаемые вещи; атом и электрон давно вышли из стадии гипотез»... Это последнее утверждение рискованно. Вопрос следует ставить в другой плоскости: одна гипотеза в науке может сменяться другими, наука может прибегать также к явно подсобным презумпциям, но отсюда еще далеко не вытекает правильность релятивизма вообще.

Затем следуют у Тальгеймера dii minorum gentium, имена не столь «громкие», второразрядные. Некий Альберт Кранольд пишет в сборнике «Живой Марксизм» о «социализме, как нравственной идее»; на самом же деле он преподносит «социализм» как *религиозную* идею. С этим уже давно кокетничают авторы из «Sozialistische Monatshefte», но Кранольд побил рекорд в этом деле, у него оказывается, что «социалистический человек, *по мнению Маркса и Энгельса* (курсив наш), должен быть, конечно, атеистичен, но вовсе не безрелигиозен». Итак, путешествие Карла Маркса на небо! Оставляем в стороне другие перлы в роде того, что «Маркса и Энгельса напрасно считают представителями теоретико-познавательного реализма, т.-е. теории отражения» или что диалектика

является «синтезом причинного и телеологического понимания» (Тальгеймер правильно замечает, что это не верно даже в отношении гегелевской диалектики), что исторический материализм не имеет ничего общего с социализмом (зато социализм можно основать на Фоме Аквинском!). Любопытно то, что, в то время как Маркс Адлер поет дифирамбы «принудительному порядку», Кранольд, в свою очередь, требует устранения всякого принуждения: «всякая жертва ради целого должна быть совершенно добровольной, и поэтому она уже не является жертвой, а высшим самоутверждением». Своя своих не познаша. А между тем оба одинаково клянутся Кантом. Очень поучительно почитать у Тальгеймера, как в интерпретации Кранольда взгляды молодого и старого Маркса на государство оказываются апологией эбертовской республики. К такому весьма реальному смыслу сводятся все елейные фразы о «высшем самоутверждении»...

Сын Каутского, тоже Карл Каутский, по профессии врач, резонерствует в сборнике о «течениях в современной медицине в свете исторического материализма». «Хирургия, — пишет он, — имеет много общего с большевизмом не только в том смысле, что обещает больному немедленное и радикальное излечение, но и в том смысле, что претендует на универсальную применимость своих методов». Тальгеймер остроумно замечает: если отец обнаруживает отвращение к политической хирургии, то сын обнаруживает такое же отвращение к медицинской хирургии...

Биолог Юлиус Шаксель пишет в сборнике о «Дарвинизме и марксизме». «Борьба за существование, —пишет он, —не могла стать научным понятием, потому что наука выразила учение об органических отношениях описываемых ею явлений другими понятиями. По этой же причине из научного словаря отпадают слова половой и естественный отбор... Нет никаких оснований все время изображать природу в свете английской буржуазной экономии первой половины прошлого столетия». Тальгеймер правильно подчеркивает, что здесь выворачивается на изнанку действительное положение вещей: не борьба за существование взята из буржуазной политической экономии, а напротив, Мальтус об'явил этот природный факт законом человеческого общества. У Шакселя на каждом шагу фигурируют «душа», «душевные элементы», «автономия душевного»; он весьма не прочь заменить дарвинизм спиритуализмом, неовитализмом и т. п. Тальгеймер в своих возражениях ему, к сожалению, не касается вопроса о мутациях, противопоставляемых дарвинизму, не делает попытки подойти и к ним с точки зрения дарвинизма; он ограничивается замечанием: «дарвинизм исследует явления по диалектическому: он выводит порядок из беспорядка, целесообразность из нецелесообразности, но, конечно, в своих об'яснениях этого процесса Дарвин далеко не сказал последнего слова».

Если Шаксель, следуя буржуазной моде, полемизирует против «опасной стороны дарвинизма», понимая под этим материализм, то другой из авторов сборника «Живой Марксизм» Г. Э. Граф в статье «География и материалистическое понимание истории» дополняет «еще не законченное здание исторического материализма» тоже в духе модных течений буржуазной науки, а именно в духе риккертовской школы и делает поразительное открытие, что всякое историческое событие случается лишь однажды. Об'являя, что развитие государств подлежит, главным образом, естественным законам, Граф в сущности ликвидирует Отто Бауэра точно так же, как последний ликвидировал Макса Адлера. Этот исторический натурализм или абсолютизм Графа—прямая противоположность релятивизму Бауэра. Таким образом, «Живой Марксизм» сам себя ликвидирует, «не расцвел и отцвел в утре пасмурных дней».

олицетворением монархического деизма, Спинозу—олицетворением республиканского пантеизма. Поверхностность этих сближений поразительна.

Шестая аналогия: «Теоретическое противоречие между индуктивным эмпиризмом и математическим рационализмом (у Канта) есть теоретическое отражение свойственного капитализму противоречия между правовой самостоятельностью, которую он дарует индивидууму, и хозяйственной зависимостью индивидуумов друг от друга». В огороде бузина, а в Киеве дядько...

Таков теоретический, философский наряд столь решительного, столь уверенного в себе разоблачителя и критика большевизма! Просто диву даешься: такое умственное убожество трудно было предположить даже у Бауэра. Впрочем, аналогии Отто Бауэра представляют интерес и в другом отношении. Тов. Тальгеймер подчеркивает, что тогда как Макс Адлер «ликвидирует» диалектический материализм, его соратник Отто Бауэр ликвидирует и самого Макса Адлера.

Тогда как у Макса Адлера с его «экономическим идеализмом» идеология все еще носит предметный характер, у Отто Бауэра мы имеем настоящий исторический релятивизм или скептицизм, это тот же махизм, лишь с этикеткой марксизма: по Бауэру законы природы не являются просто законами экономии мышления (Мах), они приводят в порядок наш опыт «тем способом, который соответствует особым духовным потребностям определенного общественного строя и определенному классу внутри этого строя». Тальгеймер вполне правильно замечает, что эта квази-марксистская этикетка Отто Бауэра является в сущности «выцветшей ливреей буржуазии», повторением буржуазной философии последних десятилетий, прагматизма, бергсонизма и пр., в которой исчезают критерии об'ективной истины и сама она. Отто Бауэр ликвидирует кантовские априорные формы: «Только современный релятивизм,—говорит он,—преодолевший ньютоновские представления о пространстве и времени, дает нам возможность понять, что кантовские априорные формы воззрения были только априорными формами воззрения той науки о природе, которая ныне уже принадлежит к превзойденной фазе развития». Отто Бауэр видит в эволюции современного естествознания доказательство, что «система электронов представляется наукой только как практическое подсобное средство мышления, а не как действительная сущность». Тальгеймер возражает: «Естествоиспытатели вовсе не настолько глупы, чтобы верить, будто они измеряли, исчисляли, взвешивали и определяли только фикции, только воображаемые вещи; атом и электрон давно вышли из стадии гипотез»... Это последнее утверждение рискованно. Вопрос следует ставить в другой плоскости: одна гипотеза в науке может сменяться другими, наука может прибегать также к явно подсобным презумпциям, но отсюда еще далеко не вытекает правильность релятивизма вообще.

Затем следуют у Тальгеймера dii minorum gentium, имена не столь «громкие», второразрядные. Некий Альберт Кранольд пишет в сборнике «Живой Марксизм» о «социализме, как нравственной идее»; на самом же деле он преподносит «социализм» как *религиозную* идею. С этим уже давно кокетничают авторы из «Sozialistische Monatshefte», но Кранольд побил рекорд в этом деле, у него оказывается, что «социалистический человек, *по мнению Маркса и Энгельса* (курсив наш), должен быть, конечно, атеистичен, но вовсе не безрелигиозен». Итак, путешествие Карла Маркса на небо! Оставляем в стороне другие перлы в роде того, что «Маркса и Энгельса напрасно считают представителями теоретико-познавательного реализма, т.-е. теории отражения» или что диалектика

является «синтезом причинного и телеологического понимания» (Тальгеймер правильно замечает, что это не верно даже в отношении гегелевской диалектики), что исторический материализм не имеет ничего общего с социализмом (зато социализм можно основать на Фоме Аквинском!). Любопытно то, что, в то время как Маркс Адлер поет дифирамбы «принудительному порядку», Кранольд, в свою очередь, требует устранения всякого принуждения: «всякая жертва ради целого должна быть совершенно добровольной, и поэтому она уже не является жертвой, а высшим самоутверждением». Своя своих не познаша. А между тем оба одинаково клянутся Кантом. Очень поучительно почитать у Тальгеймера, как в интерпретации Кранольда взгляды молодого и старого Маркса на государство оказываются апологией эбертовской республики. К такому весьма реальному смыслу сводятся все елейные фразы о «высшем самоутверждении»...

Сын Каутского, тоже Карл Каутский, по профессии врач, резонерствует в сборнике о «течениях в современной медицине в свете исторического материализма». «Хирургия, — пишет он, — имеет много общего с большевизмом не только в том смысле, что обещает больному немедленное и радикальное излечение, но и в том смысле, что претендует на универсальную применимость своих методов». Тальгеймер остроумно замечает: если отец обнаруживает отвращение к политической хирургии, то сын обнаруживает такое же отвращение к медицинской хирургии...

Биолог Юлиус Шаксель пишет в сборнике о «Дарвинизме и марксизме». «Борьба за существование,—пишет он,—не могла стать научным понятием, потому что наука выразила учение об органических отношениях описываемых ею явлений другими понятиями. По этой же причине из научного словаря отпадают слова половой и естественный отбор... Нет никаких оснований все время изображать природу в свете английской буржуазной экономии первой половины прошлого столетия». Тальгеймер правильно подчеркивает, что здесь выворачивается на изнанку действительное положение вещей: не борьба за существование взята из буржуазной политической экономии, а напротив, Мальтус об'явил этот природный факт законом человеческого общества. У Шакселя на каждом шагу фигурируют «душа», «душевные элементы», «автономия душевного»; он весьма не прочь заменить дарвинизм спиритуализмом, неовитализмом и т. п. Тальгеймер в своих возражениях ему, к сожалению, не касается вопроса о мутациях, противопоставляемых дарвинизму, не делает попытки подойти и к ним с точки зрения дарвинизма; он ограничивается замечанием: «дарвинизм исследует явления по диалектическому: он выводит порядок из беспорядка, целесообразность из нецелесообразности, но, конечно, в своих об'яснениях этого процесса Дарвин далеко не сказал последнего слова».

Если Шаксель, следуя буржуазной моде, полемизирует против «опасной стороны дарвинизма», понимая под этим материализм, то другой из авторов сборника «Живой Марксизм» Г. Э. Граф в статье «География и материалистическое понимание истории» дополняет «еще не законченное здание исторического материализма» тоже в духе модных течений буржуазной науки, а именно в духе риккертовской школы и делает поразительное открытие, что всякое историческое событие случается лишь однажды. Об'являя, что развитие государств подлежит, главным образом, естественным законам, Граф в сущности ликвидирует Отто Бауэра точно так же, как последний ликвидировал Макса Адлера. Этот исторический натурализм или абсолютизм Графа—прямая противоположность релятивизму Бауэра. Таким образом, «Живой Марксизм» сам себя ликвидирует, «не расцвел и отцвел в утре пасмурных дней».

Отто Иенсен пишет в сборнике на тему: «К психологии массы. Каутский и Фрейд». Исходным пунктом Иенсена является отрицательное отношение Каутского к «неорганизованной» массе во время дискуссии 1910 г. о массовой стачке. Каутский черпал свои аргументы против массы у Лебона и др., Иенсен прибегает с этой целью к Фрейду. Вместе с Каутским и Лебоном Иенсен находит, что масса отличается только страстью к разрушению и невежеством. Тальгеймер весьма кстати указывает, что самое разрушительное массовое действие, мировая война, было делом организованных масс, армий буржуазии. Иенсен об'являет революцию болезнью массы, «социальным психозом», применяет к об'яснению революции учение Фрейда об «отцовском комплексе» и в результате приходит к следующему практическому выводу: «Необходимо понять и использовать эти либидинозные связи, использовать их не с целью господства над безвольной массой, как это великолепно умели делать иезуиты и в известной степени большевики, а для того чтобы воспитать массу и из управляемого отцом племени превратить ее в общество с свободно избираемыми вождями». Итак, в основе большевизма лежит, по Иенсену, фрейдовский подсознательный либидинозный момент (похоти), басня о первобытных братьях, убивших своего «отца» за то, что тот отнимал у клана женщин в свою пользу. Умри Денис, лучше не скажешь!... Тальгеймер со всей силой обрушивается на шарлатанство венского знахаря. Тогда как австро-марксист-фрейдист пытается об'яснить большевизм отголосками первобытных половых отношений, Тальгеймер находит подоплеку фрейдизма в изуродованной семье современной буржуазии; «нужно быть слепым,—говорит он,—чтобы за маской «отца», «самца», «сыновей», «Эдипа», «матери», не узнать сейчас же венского гофрата с его дражайшими чадами и домочадцами». Очень тонко также следующее замечание Тальгеймера (по вопросу о массе): «Для оппортунизма характерно то, что он беспрерывно и беспомощно колеблется между полюсами только спонтанного и только организованного действия, не будучи в состоянии диалектически сочетать оба полюса; весь центр тяжести переносится то на раззитие, то на дирижерскую палочку организации». Здесь, очевидно, автор имеет в виду, что те же австромарксисты обвиняют большевизм в преобладании организации (партии) над массой.

Авторов, рассмотренных до сих пор, Тальгеймер об'единяет под рубрикой: «Отход от диалектического материализма». В дальнейшем сгруппированы статьи, касающиеся вопросов более конкретного характера. Эта вторая глава озаглавлена у Тальгеймера: «Излюбленные коньки мелкобуржуазного социализма».

К таким конькам принадлежит «пролетарская» внешняя политика. О ней пишет в сборнике некий Гуго Заупе. Социал-демократия умышленно и лицемерно закрывает глаза на то, что самостоятельная внешняя политика пролетариата возможна только при победе пролетариата. Вся соль статьи Заупе заключается в том, что «необходимо отказаться от схематических приказов по адресу партий в других странах». Другими словами: в каждой стране пролетариат должен оставаться на помочах у «своей» буржуазии. Попутно высказываются такие истины: «времена империалистской вооруженной борьбы миновали»...

Ода Ольберг и венский профессор анатомии Тандлер (социал-демократ) пишут об «отношении социалистической партии к ограничению рождаемости». Неомальтузианство оказывается в их изложении не антиестественным, антикультурным продуктом, а напротив, культурным требованием! Это—революция детских люлек, как выражается т. Тальгеймер. Вместо точки зрения всего класса здесь преподносится точка зрения отдельной личности.

Анна Симсен под громким заглавием «Психологические предпосылки социализма» изрекает старые пошлости о том, что поражение пролетариата в Германии было результатом его «незрелости», что вместо стачек надо предварительно научить пролетариат вести социалистическое хозяйство и т. д. Другими словами, «четвертая фаза марксизма», как ее назвал Каутский,—сводится к апологии Носке! В том же возмутительном духе пошлости и лицемерия пишут некий Годан и профсоюзный бюрократ Рихард Зейдель. Первый—о воспитании пролетариата, второй о некритической массе, с одной стороны, и суверенной деятельности вождей—с другой. Так и сказано: суверенная деятельность! Профсоюзный бюрократ становится даже в позу сверхчеловека: суверенная деятельность вождей,—пишет он,—требует суверенных натур... Попутно осуждается захват фабрик рабочими, как противоречащий принципу централизации. Почему же,—спрашивает Тальгеймер,—сами-то профсоюзы не захватили (в Германии) фабрик? Что касается вышеупомянутого Годана, то он желает учить рабочих плавать, не пуская их в воду; он упускает из виду, что образование является в нынешних условиях монополией буржуазии. Воспитание, которое нужно теперь пролетариату,—возражает ему т. Тальгеймер,—это наука о борьбе пролетариата.

Кете Лейхтер пишет об «Уроках австрийских попыток социализации». Речь идет об арсенале в Вене и о бывших военных заводах в Фишаменд и Велерсдорф. Результаты этих попыток весьма минимальны и неутешительны, они, — как резюмирует авторша, — «не располагают ни к каким выводам насчет возможности утверждения социалистического хозяйства»; но авторша утешает себя «крушением попыток социалистического хозяйственного строительства в России»! Зато соратник ее по «Живому Марксизму», некий Бруно Цшецш идеализирует венский эксперимент и рисует в эпоху Октябрьской революции допотопный идеал «кооперативной ассоциации семейных хозяйств», как «фундамент грядущего общественного порядка». Это,—правильно замечает Тальгеймер,—фантазия мелкобуржуазного социализма в его наиболее ограниченной и тупоумной форме. Вот до каких нелепостей договорилась разлагающаяся социал-демократия! Тов. Тальгеймер остроумно предлагает поднести в подарок господину Цшецшу собрание сочинений Шульце-Делича и пару вышитых туфель.

В главе «Марксистская» вульгарная экономия т. Тальгеймер разбирает статью банкира — социал-демократа Отто Лейхтера «К анализу мирового экономического кризиса». Лейхтер считает, что мировая война «почти во всех странах привела к расширению производственного аппарата»; он ссылается при этом на Розу Люксембург и на ее подчеркивание милитаризма, как одного из способов накопления капитала. Тальгеймер возражает, что это—точка зрения отдельного капиталиста, и об'ясняет парадоксальный феномен частного накопления, а также реальное расширение производственного аппарата за время войны созданием фиктивного капитала в виде военных займов и т. д. Аргументация тов. Тальгеймера не совсем свободна здесь от противоречий: так, например, во Франции Тальгеймер находит «чрезвычайное расширение и под'ем *всей* (курсив наш) промышленности», а несколькими строками ниже он пишет: «То, что кажется здесь (речь не только о Франции) действительным накоплением общего капитала данной страны, является в действительности перенесением капитала из одних отраслей в другие». Это—существенное противоречие, оставляющее невыясненным кардинальный вопрос. Плюсу в одном месте (Америке) соответствуют минусы

в других,—говорит Тальгеймер, при чем под минусами понимает не только фактическое обеднение, но и долги, т.-е. фиктивный капитал. Очень кратко, в нескольких строках, т. Тальгеймер останавливается в этой связи на производстве средств производства и средств потребления (подразделения I и II у Маркса); он в противоположность Лейхтеру подчеркивает, что во время войны было расширено также производство средств потребления (в Америке и пр.), при чем непонятна следующая фраза: «Лейхтер смешивает потребление жизненно-необходимых продуктов, военного снаряжения и сырья, с производством средств потребления, с марксовским отделом II». В общем Тальгеймер тоже приходит к выводу: «В конце войны общая капиталистическая производительная способность, по всей вероятности, была больше, чем в начале войны».

Эти вопросы играют кардинальную роль в «марксизме 4-й фазы». Каутский, как известно, считает мировую войну и империализм случайными явлениями в теле капитализма. «С точки зрения Каутского,—говорит т. Тальгеймер,—война не имеет ничего общего с нормальным кризисом перепроизводства и поэтому располагает не к выводам о необходимости революции, а к выводам о необходимости коалиции с буржуазией; сначала рабочий клас должен поставить обессиленный капитализм на ноги и откормить его, а уже потом, когда после этого наступит нормальный кризис перепроизводства, это явится знаком, что наступило время покончить с капитализмом». Здесь, как подчеркивает т. Тальгеймер, Отто Лейхтер в известной степени «ликвидирует» Каутского: последний не считает возможной социальную революцию в наше время на том основании, что мировая война является не кризисом перепроизводства и богатства, а кризисом обеднения, а Лейхтер, напротив, доказывает, что эта война принесла с собой усиленное накопление.

Небезызвестный Альфред Браунталь в статье «Каутский как теоретик денежного обращения», в свою очередь, хоронит выставленную Лейхтером количественную теорию денег. Таким образом круг завершен, один австро-марксист побивает другого. Браунталь сетует о том, что «рабочий класс, вместо того, чтобы заниматься догматическими спорами, не направил энергично свою политику (как советовал Каутский) в сторону прекращения инфляции». Это,—говорит т. Тальгеймер,—отвратительное лицемерие: Браунталь упрекает рабочий класс в том, что целиком лежит на ответственности с.-д. вождей, допустивших, что буржуазия при помощи инфляции политически разложила (германскую) социал-демократию.

На этом мы можем покончить наше изложение. Книга т. Тальгеймера дает яркую и убедительную картину полного разброда и поразительного убожества в лагере австро-марксизма, теоретического авангарда разлагающейся социал-демократии. Это теоретическое убожество, порой доходящее до анекдотичности, соответствует политическому падению партии социал-соглашательства и социал-предательства. Иначе оно и быть не могло: теория должна служить для оправдания, для вамазывания факта этого падения, она красноречиво отражает факт превращения партии в мелкобуржуазных прихвостней и обоз буржуазии.

На статье «Крестьянский вопрос в Австрии и аграрная программа австрийской социал-демократии», а также на статье «Новое экономическое обоснование социал-реформизма» (о книге К. Реннера), мы здесь останавливаться не будем. Этого не позволяет недостаток места; кроме того, статья т. Тальгеймера о книге Реннера в свое время была тоже напечатана в «Большевике».

Ф. Капелюш.

Г. ЯКОВИН.—«Политическое развитие современной Германии». Изд. «Прибой», Ленинград. 294 стр. Цена 2 руб. 50 коп.

Германия была и остается для нас в центре внимания. Особенно важна правильная оценка ее классовых сил, политического и экономического развития теперь, когда возникла угроза новой мировой войны и за Германию ведется «торговля» империалистических стран с целью приобретения ее в «семью народов» против СССР.

Поэтому книга, знакомящая нас с послевоенным развитием страны, крайне важна и необходима, и поэтому же к авторам таких работ мы должны пред'являть большие требования.

С этой точки зрения и приходится подходить к предлагаемой работе тем более, что автор рассчитывал ее на широкие круги «товарищей из партийного актива и учащейся молодежи».

Прежде всего следует отметить, что эта работа «сводная», составленная из кусочков разных работ, в том числе и главным образом из переработанных стенограмм лекций самого автора, читанных им в 1925—26 году. При этом, как нам кажется, автор не подходил достаточно критически к тому материалу, каким он пользовался.

Несомненно, отрицательную часть работы представляют высказывания автором своих мнений о будущем. А так как весь материал относится к 1925—26 г., то «будущее» автора уже теперь стало настоящим, и получается большой конфуз, когда читатель книги видит, читая работу в самый год ее издания, что предсказания автора терпят скандальное крушение.

Книге, по признанию автора, надлежало появиться на свет еще в 1926 году, но типографская волокита задержала ее почти на год. Поэтому автор решил погнаться за событиями и вставил в книгу, так сказать, «находу» новый материал. При этом факты из «новейшего материала» оказались относящимися только ко второй половине 1926 года. Так автор и не догнал событий. Ему пришлось только воздохнуть о том, как «вечно зелено дерево жизни».

Здесь нет места для того, чтобы отмечать «все» мельчайшие ошибки автора, важно отметить лишь наиболее значительные из них.

Одной из крупных ошибок автора является его мнение о германском *империализме*. Этот вопрос для нас далеко не безразличен, как не безразлично и отношение к нему той или иной партии или класса. Германия становится вновь довольно значительным фактором мировой политики; весьма возможно, что в случае нужды—для заключения союза—бывшие победители будут готовы «на жертвы» для Германии, ибо последняя *уже стала* силой, с которой приходится считаться.

Автор с легким сердцем трунит над «своеобразным империализмом» Германии, над ее «глубокой тоской по колониям» (стр. 25). Он подчеркивает, что Германия сама является полуколонией, что она задавлена тяжестью репараций, что государственный рентный банк и железные дороги страны находятся под контролем—и потому автор совершенно уверен, что Германии *не дадут* стать империалистической державой. Автор рассуждает об империализме чисто формально. *Так как* в Германии нет «элементарных политических условий, чтобы принять участие в борьбе за передел мира, *так как* она не вывозит капиталы, а в нее ввозят их разные американские дядюшки, то все разговоры о немецком империализме являются лишь тощей фантазией досужих журналистов и спекулирующих на глупости мелкой буржуазии националистических попутчиков» (стр. 27).

При этом олимпийски-спокойный автор готов игнорировать ради своей теории даже совершенно очевидные *факты*. Он не верит в эко-

номические успехи капитализма в Германии. Поэтому он издевается над «некоторыми коммунистами», которые поспешили сделать вывод, что будто бы «капитализм должен (тут автор ставит сразу два знака—вопросительный и восклицательный. *А. С.*) подняться на более высокую техническую ступень», должен «подвести под себя новую техническую базу!» (стр. 30).

Автор и не заметил, что в главе о «Хозяйственном тупике германского капитализма» он немножечко сам же себя опроверг, когда заявил о «большом техническом росте производственного аппарата и производственных возможностей германской промышленности» (стр. 18), когда он, например, написал курсивом, что «уменьшение добычи *каменного* угля компенсируется увеличением добычи *бурого* угля». Ведь это же довольно ясно говорит именно о *новой технической базе* германского хозяйства. Не ясно ли, что Германия сумела вывернуться из сырьевых затруднений тем, что нашла *новые сырьевые базы* (вместо каменного—бурый уголь и т. п.)! Если сюда прибавить еще: вместо каменного угля—нефть, вместо тяжелых металлов—легкие и цветные, вместо старого текстильного сырья—искусственный шелк, то картина станет еще яснее. Конечно, на пути возросших производственных возможностей стоит *недостаток рынков сбыта*, но это именно и толкает Германию на путь империализма. Автору, вульгарно говоря, наплевать на гигантское развитие *производства*, если нет «политических возможностей». Но ведь не политические возможности создают империализм, а именно рост производственной базы может создать новые политические условия.

Книга писалась еще в то время, когда происходил VII расширенный пленум ИККИ. Автору следовало бы заглянуть хотя бы в доклад тов. Бухарина на этом пленуме и сравнить точку зрения Коминтерна, представленную Бухариным, со своей. Вот что говорится в тезисах по докладу т. Бухарина: «Хозяйственный под'ем Германии, внутренняя консолидация ее монополистического капитализма, ее руководящая роль в империалистических международных об'единениях, ее «*западная*» ориентация, ее попытка вернуть себе колонии и т. д.—говорят о *начале возрождения германского империализма*». И тут же делается весьма важный политический вывод: «В связи со всем этим *решение вопроса о защите германского отечества должно быть теперь* таким же *отрицательным, как и в других странах империализма*». (Н. Бухарин. «Капит. стабил. и пролет. револ.». Стр. 317) (курсив мой. *А. С.*). Автору же рецензируемой книги совсем и невдомек то, что из его теории он должен был сделать известные выводы для дальнейшего совсем другие, чем те, которые делает Коминтерн.

VIII расширенный пленум целиком подтвердил прогноз VII пленума о росте германского империализма.

Немаловажное упущение автора составляет также и то обстоятельство, что он слабо увязывает *политическое* развитие страны с *экономическим*. Экономика весьма у него хромает. Без анализа *внутренних* экономических возможностей страны автор заключает, что Германия после войны *целиком* зависела от внешнего мира, плыла по течению, туда, куда влекла ее политика Англии и Франции. Правда, автор считает, что ему следовало бы подумать об экономическом обосновании своих утверждений, но так как работа выясняет «политическое развитие Германии», то можно-де, заняться почти чистой политикой и т. п. «Экономика понадобилась автору только для первой главы, где он ее берет напрокат, чтобы «доказать» «тупик германского капитализма», невозможность для Германии найти новые рынки сбыта для своей промышленности и невозможность немецкого империализма. Работа получается при всем этом работой чисто описательного характера, а не аналитического. Идеи как-то плавают «сами по себе», не будучи в состоянии за что-нибудь зацепиться. Автор описывает, «не мудрствуя лукаво», все то, что он почерпнул из прочитанных книг, с целью дать материал только для *ознакомления* с предметом. Если бы читатель спросил: что же *делать*, чтобы изменить соотношение тех или иных классовых сил, за какие рычаги надо ухватиться, какие пружины следует нажать, в чем состоят реальные препятствия на пути и т. д.,—то он не получил бы вполне ясного ответа: автор не дает достаточного анализа, необходимого для ясного ответа на эти вопросы. Высиженные им самим выводы часто неправильны.

Отношение автора к вопросу о рационализации в Германии неправильно. Он считает, что рационализация «расширения рынка дать не может. Внутренний рынок будет *ею сужен*: имея своею целью лучшее использование наличного основного капитала, она не может вызвать существенного дополнительного спроса на орудия и средства производства; приведя к увеличению безработицы, она не может не уменьшить уровня потребления рабочих масс» (стр. 24). Далее на стр. 290 он пишет: «рационализация производства также мало откроет новые пути для развития германского капитализма, как мало эти пути были открыты планом Дауэса». Правильно то, что коммунисты должны бороться против иллюзий, которые внушают рабочим социал-демократы насчет пользы для *пролетариата* капиталистической рационализации, правильно то, что положение рабочего класса ухудшается при проведении рационализации и что выгода от нее идет на пользу *капитализму*, но нельзя утверждать, что рационализация не укрепляет капитализма экономически, чтобы не набить себе шишек на лбу.

Несомненно, ошибочным является также деление всех партий Германии на три группы: реакционно-монархические, буржуазно-республиканские и социалистические. Коммунистическая партия отнесена при этом в ряде «социалистических» на ряду с с.-д. Правда, автор спохватился и написал примечание, что он не понимает политическую роль с.-д., как пролетарскую и социалистическую, но тем не менее нельзя не отнести этой партии к социалистическим, так как *формально* ее целью остается социализм и ее агитация окрашена в социалистические цвета (стр. 65). Однако, это примечание не снимает допущенной ошибки. Если даже и назвать с.-д. партию «социалистической» (что в наши дни только не именуется «социализмом»?),—то все же остается соседство с нею коммунистической партии. Конечно, автор смешал в одну кучу партию формального и действительного социализма лишь «для удобства деления». Однако, такой прием достоин осуждения.

Вопросу о с.-д. посвящена большая часть книги. Развитие партии прослеживается автором от самого ее возникновения до последнего времени. Казалось бы, что этот вопрос должен быть освещен основательно. Тем не менее и здесь существует ряд недочетов.

Автора интересует главным образом *государственная* роль с.-д., ее аппарат, правительственная политика и т. п. Внутренней жизни партии уделено слишком мало внимания. Совершенно не видно роли *масс*, массы куда-то исчезли, на сцене выступают только вожди, которые изменяют, предают и управляют. Читатель не получает представления о том, каково положение, напр., с.-д. *рабочих*, как оно изменялось в разные периоды истории партии и как соответственно этому должны были менять свою тактику вожди, откуда берутся истоки раз-

личных течений внутри с.-д. и т. п. Ведь это же все крайне важно знать коммунисту, так как известно, что наша основная задача—завоевание на свою сторону масс. Интересно было бы проследить, каким образом изменялась та база, на которую опирается с.-д. До сих пор главной опорой всего II Интернационала считалась *рабочая аристократия*. Автор полагает, что «если принять во внимание низкую оплату труда, даже, квалифицированных рабочих послевоенной Германии, *то вряд ли можно считать большое количество* (из 500.000 с.-д. рабочих. *А. С.*), *принадлежащих к рабочей аристократии*, которую трудно поднять на борьбу» (стр. 216). Значит теперь рабочей аристократии почти нет в Германии. Вот тут-то и интересно было бы узнать мнение автора о том, а почему же все-таки 500.000 рабочих плетутся за с.-д., тем более, что, как указывает сам автор, «они не только не получают никакой выгоды от «участия» партии «во власти», но само по себе это участие возможно только при условии отказа партии от борьбы и постоянного, систематического предательства интересов рабочих».

Не давая никакого анализа положения партийных рабочих масс, автор ничего совершенно не говорит также и о методах завоевания этих масс. В книге нет, равным образом, анализа роли *мелкой буржуазии* на разных этапах классовой борьбы, ее участия, напр., в фашистских организациях и т. д. Глава о фашизме вообще написана слабо.

Вопрос о течениях внутри с.-д. партии представляет большой интерес для читателя. Последний тщетно ищет у автора книги ответа на вопрос о причинах «левизны» в теориях виднейших вождей партии, о том, какое отношение имеют эти теории к марксизму; о том, как отражается на тактике с.-д-ии существование Советского Союза, его строительства и т. д. Обо всем этом нет ни слова.

Книга повествует довольно пространно как о довоенной, так и послевоенной с.-д. Но читатель не уяснит себе того постепенного процесса кристаллизации революционных элементов, который происходил и происходит внутри рабочих слоев, давая пищу для коммунистической партии. Не видно также роли Ленина при формировании внутри II Интернационала левой в с.-д. и его борьбы с качаниями левых, борьбы за создание большевистской международной партии.

Материалы о с.-д. почерпнуты автором из разных источников. Особенное влияние оказала при этом книга Варги «С.-д. партии», некоторые страницы которой почти-что переписаны с небольшими изменениями. Правда, автор пользовался этой книгой, пока она еще не была переведена на русский язык, но это не меняет сути дела.

О коммунистической партии Германии написано слишком мало: процесс ее формирования освещен недостаточно. Не видно тех сдвигов, которые происходили внутри рабочих масс; не показано, как и из каких элементов слагалась компартия.

Поэтому течения внутри компартии не получают достаточного освещения. Статьи о компартии написаны, очевидно, наспех. Почти не использованы материалы с'ездов и пленумов Коминтерна. Внутренней жизни партии совсем не видно. Тщетно стал бы искать читатель описания конкретной борьбы партии за завоевание как партийных (с.-д. и др.), так и беспартийных масс. Не видно также анализа тех препятствий, затруднений, которые стояли и стоят на пути партии. О такой организации, как союз красных фронтовиков, нет ни слова, равно как и о других беспартийных профсоюзных, кооперативных и т. п. организациях.

Такие важнейшие события в жизни партии, как события 1923 года, в книге т. Яковина не получили почти никакого освещения: ни хода

событий, ни рассмотрения причин поражения нет; об ошибках тов. *Радека* нет ни строчки; причины последовавшего за поражением кризиса в германской компартии остались мало исследованными, равно как и результаты неудачи не получили достаточно серьезного разбора.

Колебания в руководящих сферах остаются малопонятными, так как они не увязаны с настроениями масс и об'ективным положением в стране.

Автор, так много писавший о составе, организации и аппарате с.-д., для компартии не приводит на этот счет никаких данных. Мы не слышим языка цифр, дающих представление о положении в компартии хотя бы с точки зрения силы правых или левых настроений. О ядре партии нет ни слова. Между тем составить себе представление на этот предмет для читателя было бы крайне важно. Тов. Зиновьев, когда он еще работал в Коминтерне, приводил по этому вопросу кой-какие соображения. На VI пленуме ИККИ он считал, что в компартии «80—85% левых рабочих, левых в хорошем смысле этого слова, в том смысле, что при малейшей оппортунистической ошибке, при возникновении правой опасности, они целиком поддержат свой ЦК, который будет бороться против правых; от 3 до 5%—правые рабочие, более или менее склонные поддержать политику Брандлера и 10%—ультра-левые рабочие всех оттенков». Эти соображения целиком опровергают теперешнего Зиновьева, который поддерживает ультра-левых вождей без армии против ЦК.

Вопрос о различных группировках внутри компартии Германии приобретает в настоящее время особый интерес для любого коммуниста. Интересно было бы проанализировать те причины, по которым дошли, например, «до жизни такой» германские «ультра-левые». Между тем данная работа в этом отношении совершенно разочарует читателя. Он не найдет в ней не только необходимого анализа различных левых группировок и их эволюцию, не только не поймет из книги тех причин, которые толкали «ультра-левых» «вождей» к ренегатству, к прямой измене делу коммунизма, но читатель составит себе совершенно неправильное представление о действительном положении вещей. Автор сам ничего не понял в вопросе о борьбе с германскими «ультра-левыми», в особенности с группой Рут-Фишер—Маслова. Книга проникнута большой снисходительностью к этой группе. Признавая политику «двойной бухгалтерии» со стороны группы Рут-Фишер—Маслова в общеполитических и внутрипартийных вопросах, автор оправдывает ее по вопросу о работе в профсоюзах (считая этот вопрос основным вопросом разногласий). Он пишет: «Но мы думаем, что как раз в принципиальном признании со стороны ЦК (ЦК «ультра-левых», *А. С.*), необходимости единства профсоюзов и работы в них было всего больше искренности, всего меньше «двойной бухгалтерии» (стр. 277). Отсюда видно, как мало понял автор суть дела, которую гораздо глубже понимал в свое время тов. Зиновьев, когда он в заключительном слове на VI расширенном пленуме ИККИ в 1926 году заявлял, что «столкновение между Коминтерном и так называемой германской «левой»—это была своего рода борьба между ленинизмом и «новой» расплывчатой, не вполне четко выкристаллизовавшейся, но все же совершенно иной *линией. Суть дела не в отдельных «левых»*. Наибольшее значение имеет тот факт, что вожди германских «левых», хотя и не высказывали это открыто, но считали ленинское руководство Коминтерном неправильным, считали, что «русское» руководство, сложившееся в отсталой крестьянской стране, не сможет указать должной дороги западно-европейскому рабочему движению. *Суть дела в том, что вожди «левых» постарались найти какой-то иной, усовершенствованный «западно-европейский» «лени-*

низм». (Стеногр. отчет VI пленума ИККИ. Стр. 452). (Курсив мой. *А. С.*). Значит основным вопросом был вопрос не об отдельных разногласиях в тактике единого фронта, а вопрос о *руководстве* вообще, вопрос о *ленинском* руководстве в Коминтерне с его организационными принципами, с его понятием о партийном единстве и т. д. Тов. Зиновьев, перебежавший теперь на сторону тех, линию которых он считал тогда антиленинской, и защищающий теперь «левых» изменников делу коммунизма, сам приемлет «новую» линию своего рода «западно-европейского» «ленинизма», представленную троцкизмом.

В книге тов. Яковина читатель не увидит картины «ультра-левого» движения в Германии. Он не найдет ответа на вопрос, почему «ультралевые» элементы в роде Корша, Каца, Урбанса и Маслова и др. дошли до того, что поливают теперь грязью Советский Союз и лучшую компартию Коминтерна. Читатель не найдет в книге Яковина никаких симптомов того «будущего» «ультра-левых», которое стало настоящим в самый год выхода книги.

Только в самом конце работы в добавленных наскоро «новейших фактах» 1926 года автор замечает вскользь, что Корш, а потом и Рут Фишер—Маслов, Урбанс, Шолем, Шван и др. были исключены из партии. При этом автор тут же делает свои предсказания на будущее: «Предстоящий партс'езд должен подвести черту под этим периодом партийной истории. Он должен привести к завершению последнего периода борьбы, создать внутри партии условия товарищеского сотрудничества и взаимной товарищеской критики на основах внутрипартийной демократии» (стр. 294).

Что значит это замечание? Здесь, как будто, автор недвусмысленно предлагает примирение с группой самых от'явленных ренегатов. Здесь он, как будто сожалеет об их исключении из партии. Как известно, в действительности получилось совершенно противоположное тому, что предсказывал здесь автор, ни о каком «товарищеском сотрудничестве и взаимной товарищеской критике» вместе с ренегатами не может быть и речи. Коминтерн наотрез отверг просьбу Рут Фишер—Маслова о возвращении их в компартию, ибо таким элементам не может быть места в Коминтерне, и никакое сотрудничество с ними невозможно. Настоящий период в истории характеризуется крайне сложной мировой обстановкой. Со стороны империалистических стран ведется бешеная подготовка войны против СССР и соответствующая «обработка» настроений рабочих масс. Нет ничего более полезного для мировой буржуазии, как черная предательская работа «бывших» вождей коммунистического движения, как систематическая компрометация Сов. Союза и ВКП(б), которой занимаются «ультра-левые», сколачивающие свою самостоятельную,—правда, жалкую,—партию со своим органом печати.

В силу отмеченных весьма важных принципиальных ошибок, книга т. Яковина, дающая неверное истолкование важнейших вопросов германского рабочего движения, не может быть рекомендована читателю, несмотря на то, что она и содержит много ценного материала, который был бы полезен для ознакомления с Германией широких партийных масс.

А. Степанов.

От редакции.

По техническим условиям рецензия т. Райека на книгу т. Ларина «Частный капитал в СССР» не могла быть помещена в настоящем номере и будет помещена в очередном номере.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 21 15 НОЯБРЯ

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 7

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ

«ПРАВДА»

Главлит № А—2122 Тираж 85.000 экз.

Тип. изд-ва «Правда» и «Беднота». Яузский мост, Серебрянич. наб., д. 23/а.

Через десять лет.

В своих «Уроках Октября» т. Троцкий в анализе факторов Октябрьского переворота «забыл» о «малости»: он, по сути дела, упустил из поля своего зрения *партию в целом*, как авангард пролетариата, руководящий переворотом. А партия в целом, несомненно, стояла в эти решающие исторические дни на тех идейных позициях, на которых стоял Ленин: ей, как и Ленину, не было нужды «идейно перевооружаться» и итти на поклон к троцкизму.

Это, конечно, не значит, что в рядах большевистской партии не было таких группок и теченьиц, которые не разделяли ленинских лозунгов периода подготовки и осуществления переворота. Такие теченьица имелись, и они отражали несомненное влияние меньшевизма на отдельных членов большевистской партии.

Отношение меньшевизма к Октябрьскому перевороту достаточно широко известно.

Меньшевики, утверждавшие, что революция 1917 г. является революцией буржуазной, не поняли тех громадных классовых сдвигов, которые произошли в экономическом и политическом развитии России между двумя революциями, и особенно изменений, внесенных мировой империалистической войной. Они не осмыслили того факта, что, с одной стороны, в революции 1917 года необычайно окрепли элементы социалистической революции, а, с другой стороны, того факта, что радикальное разрешение требований буржуазно-демократического характера не могло произойти без перехода к революции социалистической. Генеральная установка меньшевизма заключалась в линии на установление демократической буржуазной республики, а повседневная их тактика сводилась к «давлению» на буржуазию, к превращению пролетариата в «толкача» недостаточно решительной буржуазии, к превращению пролетариата в «исторический навоз» для буржуазии.

Именно эта линия лежит в основе политических выступлений меньшевизма за все время революции 1917 года. Они—вместе с эсэрами—добровольно уступали власть, концентрирующуюся в руках советов, буржуазному временному правительству; они видели верх революционности в политике «контактной комиссии», созданной для координации действий между советами и времен-

ным правительством, а на деле защищавшей интересы буржуазии; они «пугали» рабочих тем, что революционная политика большевизма может привести к свержению буржуазии, к тому, что пролетариат вынужден будет захватить власть в свои руки и очутится в исключительно тяжелом положении класса, который берет власть, не имея для этого об'ективных предпосылок, не имея возможности и условий для закрепления своей власти, для использования ее в интересах социализма.

Если в начале революции меньшевики имели влияние на рабочие массы, то обострение классовых противоречий в ходе самой революции свело ко времени Октябрьской революции влияние меньшевизма на-нет.

Зато внутри партии большевиков образовалось небольшое течение, возглавляемое, однако, довольно авторитетными членами партии, которые соскальзывали в основных вопросах политики на меньшевистские рельсы. Еще на так называемой апрельской всероссийской конференции большевиков, на которой подверглись обсуждению апрельские тезисы Ленина, обосновывающие необходимость передачи власти в руки советов, еще на этой конференции тов. Каменев возглавлял оппозицию против тов. Ленина и отстаивал ту точку зрения, что развернувшаяся буржуазно-демократическая революция не имеет тенденций к перерастанию в социалистическую революцию и что лозунг «вся власть советам» с программой для этих советов, в которой имеются требования социалистического характера, не отвечают требованиям исторического момента. Тов. Каменев указывал, что, так как главнейшим содержанием развернувшейся революции является аграрное движение, движение крестьянства против помещиков, то нельзя ставить вопрос о переходе власти в руки пролетариата. Таким образом, его позиция приближалась в своей основе к позиции меньшевиков. К Октябрьскому перевороту т. Каменев, сохранивший свою оценку характера революции,—оценку ее движущих сил, оценку, отличную от ленинской,—получил нового союзника в лице тов. Зиновьева. Каменев и Зиновьев восстали против Центрального Комитета партии, заявив, что они считают переворот преждевременным, что они не считают пролетариат достаточно сильным для захвата власти в свои руки, что они не могут оценить настоящий переворот, как переворот социалистический, как переворот, имеющий условия для закрепления своих завоеваний. Они предлагали составить правительство из представителей партий, представленных в советах, т.-е. из представителей меньшевиков, эсеров, народных социалистов и большевиков. Они восстали против утверждения пролетарской диктатуры.

Эта позиция Каменева и Зиновьева «обосновывалась» тем положением, что малочисленный пролетариат России не может, вовлекши крестьянство в борьбу против империализма, привлечь его на сторону диктатуры пролетариата, не может строить социализм в стране с преобладанием мелкобуржуазного населения. Они не поняли того факта, что даже разрешение требований, которые выставляли широкие массы трудящегося крестьянства, даже ликвидация крепостнического землевладения, даже обеспечение реформ буржуазно-демократического характера—не могли быть достигнуты в условиях революции 1917 года без ниспровержения буржуазии, без переворота против буржуазии, против империализма. Они не осмыслили того факта, что выйти из империалистической войны, к чему так стремились не только рабочие, но и широкие массы крестьянства, было невозможно без переворота против буржуазии, против империализма. Они не поняли неизбежности происходящего в действительности перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Тов. Ленин оценил февральский переворот, как переворот буржуазный, но он сразу же указал, что Февральская революция привела к двоевластию: с одной стороны, формально власть находится в руках временного правительства, с другой стороны, советы становятся единственно авторитетными в глазах рабочих, крестьянских и солдатских масс полновластными организациями. Особенность положения заключалась в том, что временное правительство не могло проводить свои политические мероприятия без санкции, без утверждения руководящих советских органов. Ленин указывал, что в этой своеобразной форме двоевластия в особых, причудливых, небывалых, невиданных формах осуществлялась демократическая диктатура пролетариата и крестьянства. Он отмечал при этом, что такое состояние не может быть очень долговечным, что противоречия классов должны ликвидировать это двоевластие, что власть должна перейти в руки советов. С другой стороны, тов. Ленин подчеркивал, что обострение этих противоречий обязательно должно привести к краху меньшевистско-эсэровского влияния внутри советов. Он утверждал, что советы могут разрешить коренные вопросы революции только в том случае, если они станут на путь сознательного превращения буржуазно-демократической революции в социалистическую.

От февраля до октября происходило перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую, перерастание, на гребне которого пролетариат выдвинулся, как носитель государственной диктаторской власти, руководящей широкими массами трудящихся вообще. Оригинальность положения заключалась в том, что сами советы являлись формой перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, что в самих советах происходило изменение их социальной сущности. Тот факт, что меньшевистско-эсэровские советы начала революции 1917 года превратились ко времени Октябрьского переворота в

советы с большевистским большинством, выражал именно этот процесс перерастания.

Октябрьский переворот утвердил диктатуру пролетариата. Эта диктатура, в первые же исторические дни своего бытия, осуществила требования буржуазно-демократического характера: она ликвидировала крепостническое землевладение, экономическую и политическую мощь помещика, она уничтожила различие сословий, она положила конец национальному угнетению, она поставила на одну доску, в смысле прав, мужчину и женщину и т. д. Словом, она очистила общество от пережитков докапиталистического, крепостнического характера.

Но революция могла осуществить эти задачи, разрешить их только потому, что установилась диктатура пролетариата, социалистическая диктатура рабочего класса, только потому, что буржуазно-демократическая революция переросла в социалистическую. Октябрьский переворот завершил буржуазно-демократическую революцию и открыл революцию социалистическую. Разрешив задачу буржуазно-демократического характера советская власть, тотчас же после своего появления, приступила к национализации решающих средств производства, к социализации промышленности, к подведению экономической базы под социалистическое строительство и к осуществлению социалистических принципов как во внутренней, так и во внешней своей политике.

Диктатура пролетариата обеспечила победоносное продвижение к социализму под руководством пролетариата, она обеспечила государственную гегемонию пролетариата в отношении широких масс трудящихся вообще, гегемонию, используемую для построения социализма в нашей стране. Ленин и вся наша партия исходили из того положения, что диктатура пролетариата «походя» завершает буржуазно-демократическую революцию и в этой области возглавляет крестьянство и что, являясь социалистической, она *может* вести за собой крестьянство и в период строительства социализма. Это была установка, принципиально отличная от установки меньшевиков и меньшевистскообразной установки «правой» группки в партии, представленной Каменевым и Зиновьевым. Позицию последних тов. Ленин охарактеризовал, как позицию «дезертирскую», «штрейкбрехерскую», чуждую большевизму, и, как известно, настаивал на исключении Зиновьева и Каменева из партии.

В партии имелся к этому времени и еще один оттенок—представленный тов. Троцким. Тов. Ленин характеризовал до революции основную политическую линию Троцкого, выраженную в его теории перманентной революции, как линию, черпающую кое-что от меньшевизма и кое-что от большевизма: от большевизма—стремление к захвату власти рабочим классом, от меньшевизма—непонимание возможности союза пролетариата с крестьянством не только в период буржуазно-демократической революции, но и в период социалистической революции. Троцкий примыкал к большевизму постольку, поскольку большевизм руководил захватом власти в руки пролетариата, но, примкнув к большевизму по этим мотивам, Троцкий, вступив в ряды партии, сохранил свое прежнее непонимание сущности диктатуры пролетариата не только как органа переворота, но и *как органа, способного переделать хозяйство советского общества на социалистический лад*, как орудия социалистического строительства, *орудия переделки широких масс трудящегося крестьянства на социалистический лад*. Являясь одним из виднейших руководителей Октябрьского переворота, Троцкий, однако, входил в большевистскую партию со своим *особым* пониманием характера переворота и характера пролетарской диктатуры. Эту особенность своих взглядов он подчеркивал на майском совещании межрайонцев в 1917 году, когда межрайонцы решали вопрос о вхождении в большевистскую партию. На этом совещании был тов. Ленин, который набросал конспект произнесенной Троцким речи, конспект, сохранившийся до нашего времени. В этом конспекте зафиксировано предложение Троцкого, адресованное к Ленину и ко всем большевикам, отказаться от наименования «большевики» потому, что-де ход событий доказал, что большевики «идейно перевооружились», что они неправильно понимали пути революции, что они, по сути дела, пришли к троцкизму. Ленин изложил содержание речи Троцкого следующим образом: «С резолюциями я согласен целиком,—но вместе с тем, я согласен *постольку, поскольку* (подчеркнуто Лениным. *Ред.*) русский большевизм интернационализировался.

Большевики разбольшевичились—и я называться большевиком не могу...

Признания большевизма требовать от нас нельзя»...

Несколько позже этот же самый мотив был представлен Троцким в его письме к тов. Ольминскому, где он доказывал, что не он (Троцкий) пришел к большевизму, а большевики пришли к нему, Троцкому. В данной связи нас не интересуют личные особенности тов. Троцкого, важен тот факт, что, войдя в ряды большевиков, став одним из руководителей Октябрьского переворота, он, вместе с тем, не принял большевистской оценки характера революции, большевистской оценки соотношения классовых сил, большевистской оценки взаимоотношения пролетариата и крестьянства. Он исходил из того положения, что противоречия между пролетариатом и крестьянством в период социалистической революции не примиримы, что достаточных *внутренних* сил для построения социализма пролетариат, стоящий у власти, иметь у нас не может.

Против Ленина, против его понимания характера революции, против его оценки перспектив революции выступили в момент Октябрьского переворота, с одной стороны, Зиновьев и Каменев, а, с другой стороны, Троцкий. *Первые* утверждали, что при данном соотношении сил пролетариат не имеет возможности удержать власть в своих руках и успешно строить социализм, *второй точно так же* полагал, что в процессе социалистической революции неизбежно небывалое обострение противоречий между пролетариатом и крестьянством, которое не приведет к гибели диктатуры только в том случае, если пролетариат захватит власть в передовых капиталистических странах. Таким образом, и Зиновьев, и Каменев, и Троцкий исходили из некоторых общих посылок, посылок, в конечном счете, приближающихся к меньшевистским посылкам, ибо именно последние утверждали, что в стране, в которой пролетариат составляет меньшинство, а крестьянство—большинство, немыслимо закрепление диктатуры пролетариата, немыслимо построение социализма.

Меньшевики никогда не понимали того, что пролетариат, даже являясь меньшинством, возглавив крестьянство, обеспечивая поддержку этому крестьянству в его борьбе с помещиками и империалистами, руководя этим крестьянством, сможет вовлечь крестьянство в социалистическое строительство, опираясь на находящиеся в его государственной собственности решающие командные высоты, решающие средства производства и узловые центры обращения. Зиновьев, Каменев и Троцкий в этом вопросе исходили из меньшевистских оценок, а не из большевистских. Правда, Зиновьев и Каменев, с одной стороны, и Троцкий, с другой, сделали разные выводы из своих оценок: первые заявили, что они против Октябрьского переворота, против установления диктатуры пролетариата в октябре 1917 г., второй высказался—за, с надеждой на то, что ближайшие месяцы дадут победу пролетариату в западно-европейских странах, с уверенностью, что только эта победа может спасти диктатуру пролетариата в России, может обеспечить условия для строительства социализма, может дать диктатуре пролетариата в России реальные шансы на успех продвижения к социализму.

Прошло 10 лет со времени установления диктатуры пролетариата в России. Российский пролетариат и широкие массы трудящегося крестьянства пережили тяжелые, незабываемые годы гражданской войны, они перешли после отражения военного нападения со стороны внешней и внутренней контрреволюции к полосе хозяйственного строительства, правда, в обстановке непрекращающихся нажимов со стороны империалистических государств, правда, в такой обстановке, когда хозяйственное строительство грозило быть неоднократно сорванным империалистами. За несколько лет «мирного» хозяйственного строительства советская

власть обеспечила восстановление разрушенного войной производства, она обеспечила очень быстрый под'ем производительных сил, перешедший довоенные грани, и, что является решающим, она обеспечила относительно больший рост социалистических элементов хозяйства. В системе хозяйственных форм, которые развиваются в СССР, социализм является наиболее успевающей, наиболее быстро развивающейся и *ведущей* частью хозяйства. Завершился процесс восстановления социалистической промышленности, и начался этап реконструкции хозяйства, этап подведения новой технической базы под нашу промышленность, этап технической перестройки государственного социалистического производства. И вот, в этот момент внутри партии вновь возродились те антиленинские оценки характера нашей революции, которые имелись перед Октябрьским переворотом и во время него. Зиновьев и Каменев, с одной стороны, Троцкий, с другой, вновь встретились на основе ревизии ленинской оценки революции, встретились на основе обстрела идейных позиций партии, встретились на основе «разбазаривания» ленинского идейного наследства. Перед лицом новых трудностей, в обстановке которых происходит реконструкция нашего социалистического производства, они опять заявили о том, что достаточных *внутренних* сил для построения социализма в СССР не имеется, что противоречия между пролетариатом и крестьянством исключают возможность победоносного продвижения социализма внутри СССР, что только ближайшая победа пролетариата в форме захвата власти в свои руки в передовых капиталистических странах может спасти СССР от *внутреннего* перерождения. Исходя из троцкистских положений о соотношении классовых сил в российской революции, они пришли к таким оценкам нашей промышленности, которые дали Зиновьев и Каменев, характеризуя нашу промышленность не как социалистическую, а как государственно-капиталистическую; они пришли к тому выводу, что наше советское государство сошло с пролетарских рельс и капитулировало перед крестьянством, что наше государство перерождается, что СССР переживает «термидор». Словом, они расчистили почву для теории третьей революции.

Успешное продвижение социализма вперед требует преодоления многих об'ективных трудностей экономического и политического порядка, но эти трудности будут преодолены прежде всего лишь тогда, когда авангард пролетариата—его коммунистическая партия—будет исходить в своей политике из ленинской оценки характера революции, из ленинской оценки соотношения классовых сил в нашей революции, и поэтому одним из условий дальнейшего продвижения к социализму является идейная ликвидация оппозиционного блока, идейное преодоление таких извратителей Ленина, которые на 10-м году существования диктатуры

пролетариата пытаются обратить против нее полуменьшевистские идеи, в свое время направлявшиеся ими против Ленина.

В своей борьбе за социал-демократические идеи против ленинских—лидеры оппозиционного блока докатились до того, что стали орудием борьбы «третьей» силы против режима пролетарской диктатуры, орудием борьбы—в конечном счете—за буржуазную демократию.

Именно этим об'ясняется решение ЦК и ЦКК об исключении руководителей новой меньшевистской партии—Троцкого и Зиновьева—из большевистской партии.

Проявленный 10 лет назад теперешними лидерами оппозиционного блока уклон в сторону социал-демократизма вырос в настоящий меньшевизм к десятой годовщине Октября.

Верная заветам Октября партия не желает иметь в своих рядах изменников делу пролетариата.

Я. Яковлев.

К вопросу о большевистской тактике в Октябре.

I.

Второе заседание С'езда Советов—вечером 26-го октября, утвердило предложенные Лениным декреты о мире и о земле. На этом же заседании С'езд избрал правительство.

То, о чем Ленин пишет через 4 года—в четвертую годовщину Октября, вскрывается с удивительной ясностью на II С'езде Советов:

«Непосредственной и ближайшей задачей революции в России была задача буржуазно-демократическая: свергнуть остатки средневековья, снести их до конца, очистить Россию от этого варварства, от этого позора, от этого величайшего тормоза всякой культуры и всякого прогресса в нашей стране»...

«...Мы довели буржуазно-демократическую революцию до конца, как никто...»

«...Чтобы закрепить за народами России завоевания буржуазно-демократической революции, мы должны были продвинуться еще дальше, и мы продвинулись дальше. Мы решили вопросы буржуазно-демократической революции походя, мимоходом, как «побочный продукт» нашей главной и настоящей, пролетарски-революционной, социалистической работы...» (Ленин. «К четырехлетней годовщине Октябрьской революции», том XVIII, часть 1, стр. 364—365).

Декрет о земле разработали социалисты-революционеры. Они—на основании 242 наказов, данных крестьянами делегатам I Всероссийского С'езда Советов крестьянских депутатов—составили «примерный наказ», суммировавший крестьянские требования. Они печатали его в «Известиях Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов» 19 августа с тем, чтобы 18 октября опубликовать министерский проект закона о земле, в корне противоречащий наказу. Второй С'езд Советов, по предложению Ленина, превратил крестьянский наказ в закон. Этот закон представляет собой точную формулировку идеалов мелкого и среднего крестьянства. Конфискация помещичьих земель, передача их в ведение земельных комитетов, уравнительное распределение земли на основе потребительской и трудовой нормы,—все это целиком было взято из арсенала крестьянской демократии. Все это, предопределяя разрушение до конца помещичьего землевладения и связанных с помещичьим землевладением общественных отношений, не ломало бы устоев буржуазного общества, если бы, как во времена Великой французской революции, крестьянская война

была возглавлена мелкой буржуазией города, а не возглавлялась пролетариатом, устанавливающим свою диктатуру.

Интересы демократического развития страны требовали выхода России из войны. Выход из войны означал предотвращение того превращения России в колонию Антанты, которое Антанта планомерно и последовательно подготовляла еще накануне февраля 1917 года и особенно энергично—после февраля. Спасение страны от превращения в колонию англо-французского капитала необходимо и правильно рассматривать с точки зрения национально-демократического содержания революции. Экономически истощенная страна, притом страна отсталая, не могла четвертый год принимать участие в войне империалистических гигантов. Потому вся крестьянская масса требовала мира во имя, конечно, *не* социализма, а во имя скорейшего дележа земли и вследствие нечеловеческой усталости. Российская крупная буржуазия оказалась неспособной ликвидировать свою зависимость от англо-французского капитала и потому решительно отвергла попытки Германии и Австрии добиться сепаратного мира с Россией. Верхи мелкой буржуазии (меньшевики и эсэры), впряженные в колесницу крупной буржуазии, ни в один из моментов своего блока с кадетами во Временном правительстве не провели отличной от крупной буржуазии иностранной политики. В силу того, что российская буржуазия,—как крупная, так и мелкая,—оказалась неспособной ни выйти из империалистической войны, ни вести эту войну успешно, решение вопросов войны и мира выпало на долю пролетарской революции. И именно поэтому декрет о мире Второго С'езда Советов взял на себя выполнение не только того, что требовали интересы пролетарски-социалистические, но и того, что требовали интересы национально-демократического развития страны.

Буржуазно-демократическое содержание Октябрьской революции и определяло ту поддержку революции со стороны крестьянских масс, которая позволила рабочему классу нанести буржуазии удар сокрушающей силы и быстроты. Но вульгаризацией истории была бы всякая попытка свести значение Октябрьской революции к ее демократическому содержанию. Десятки демократических революций пережил мир, но ни одна не подняла таких огромных масс—подлинно миллионов людей—на высоту штурма всех коренных устоев старого мира, и ни одна из них не довела дела демократической революции действительно до конца. И об'яснять нужно, анализировать нужно не столько «демократическое лицо» Октябрьской революции, сколько то, почему именно Октябрьской революции удалось с силою шквала, уничтожающего все на своем пути, сметающего любые препятствия, штурмующего самые незыблемые для буржуазии устои ее мира, вырвать до конца из русской почвы—вырвать притом одним сокрушающим ударом—все остатки средневекового помещичьего варварства. Мелкобуржуазные политики, опошляющие марксизм,—от русских меньшевиков до Отто Бауэра,—вульгаризируют историческое лицо Октябрьской революции, сводя ее к ее демократическому содержанию, в то же время отказываясь от ответа на вопрос, почему именно Октябрьской революции удалось с такой необычайной силою, быстротой и решительностью—притом подлинно «мимоходом»—разрешить те задачи демократической революции, которые до конца до сих пор не решили такие передовые

капиталистические страны, как Германия или Англия. Такие вульгаризаторы марксизма не понимают, что только потому Октябрьская революция решила задачи буржуазно-демократической революции с невиданной смелостью, решительностью и глубиной, что решение этих задач было лишь «побочным продуктом» главной, социалистической революции.

Второй С'езд Советов иллюстрирует великолепно это ленинское положение теми же декретами ленинскими о мире и о земле. В них мы ясно видим лицо, обращенное к социализму. Декрет о земле, уничтожал помещичью Россию, вместе с тем нанося могущественнейший удар всей системе финансового и промышленного капитала страны, органически слитого в России с помещичьим землевладением. Буржуазия России за 8 месяцев своей власти ни на один час не отказывалась от помещичьей политики в вопросах о земле, поскольку помещичье землевладение сращивалось с промышленным и финансовым капиталом. Это обстоятельство обусловило то, что решающий удар Октябрьской революции по помещичьему землевладению был одновременно ударом и по твердыням частной собственности в области банкового капитала. Это лицо декрета о земле было обращено к будущему советской страны, сливая вчерашний и сегодняшний день буржуазно-демократической революции с сегодняшним и завтрашним днем социалистической революции, придавая Октябрьской революции уже в час ее рождения мощь и значение революции пролетарской, сокрушающей основы не только помещичьего землевладения, но и всего буржуазного мира.

В неменьшей степени это относится и к декрету о мире. Заявление Второго С'езда Советов о готовности заключить мир не было предложением сепаратного мира со стороны одного буржуазного правительства другому в результате перемены ориентации национальной буржуазией. Это был акт революционного выхода из войны. Из империалистической войны, порожденной неискоренимыми противоречиями империалистического мира, Октябрьская революция выходила путем превращения империалистической войны в войну гражданскую. Заявление о готовности вести переговоры о мире со всеми воюющими народами и с их правительствами поэтому явилось лишь «побочным продуктом» революционного разрыва железных оков войны. В этом—сегодняшний и завтрашний день декрета о мире, бесконечно более важный, чем его сегодняшний и вчерашний день. Эта суть декрета о мире обращена вперед, к десятилетиям, обучая будущих участников империалистических войн тому, что наиболее верным, единственно верным, единственно действительным способом спасения от уничтожения миллионов жизней рабочих и крестьян в войнах империалистических разбойников является «превращение империалистической войны в войну гражданскую».

Так в каждом из постановлений Второго С'езда Советов и во всех первых декретах советского правительства диалектически соединены элементы доведения до конца буржуазно-демократической революции и элементы дальнейшего перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Ведущее начало, определяющее возможность и неизбежность победы Октябрьской революции, как революции социалистической, дано декретом Второго С'езда Советов о власти. Начало новой всемирно-исторической эпохи открывалось, об'являлось тем поста-

новлением С'езда Советов, которое гласило: «Вся власть на местах переходит к советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Начало новой всемирно-исторической эпохи определялось словами Ленина днем 25 октября на заседании Петроградского Совета: «Прежде всего, конечно, значение этого переворота состоит в том, что у нас будет советское правительство, наша собственная власть; без какого бы то ни было участия буржуазии угнетенные массы сами создают власть. В корне будет разбит старый государственный аппарат, и будет создан новый аппарат управления в лице советских организаций. Отныне наступает новая полоса в истории России, и данная, третья, русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма...». Здесь сформулирован переход от буржуазной демократии к демократии пролетарской—пролетарской диктатуре. В первый раз в истории человечества на территории огромной страны создается строй, который есть «максимум демократизма для рабочих и крестьян», который «означает разрыв *с буржуазным* демократизмом и возникновение *нового*, всемирно-исторического *типа* демократии: именно пролетарского демократизма или диктатуры пролетариата» (Ленин, том XVIII, ч. 1, стр. 366).

Советы, сложившиеся непосредственно в огне Февральской революции, как органы неоформленной диктатуры рабочего класса и крестьянства, далее проституированные эсэрами и меньшевиками и превращенные ими в придаток буржуазии, в октябре выступившие уже под большевистским руководством в качестве органов восстания, ломающих государственную организацию буржуазии, превращаются Октябрьской революцией в органы власти нового господствующего класса. Советы уже не только разрушают старую государственную организацию буржуазии, но и превращаются в основу нового типа государства, в котором рабочие руководят крестьянами, ведут за собой крестьян по пути к социализму, в котором против буржуазии рабочие наступают всей силой государственного аппарата. Созданием советской власти, превращением советов в органы власти обеспечиваются неизбежность и возможность дальнейшего движения вперед от революции демократической к революции социалистической, обеспечиваются дальнейшие победы социалистической революции, не только закрепляющей завоевания буржуазно-демократической революции, но оставляющей их далеко позади, превращающей их во вчерашний день революции, основное значение которого было в том, что он открыл ворота завтрашнему и послезавтрашнему дню победного социалистического строительства.

II.

Большевистская тактика перед октябрем 1917 года дает пример тактики подлинно революционной.

Пять основных черт характеризуют эту тактику.

Первое: под ленинским руководством большевики, решившись на восстание, действительно пошли «до конца», ни на один момент не допуская «игры» с восстанием.

Второе: рассмотрев за пышным зданием эсэровских организаций факт крестьянского восстания, большевики сумели через

головы меньшевиков и эсэров и против них увлечь за рабочим классом миллионы крестьян и солдат.

Третье: большевики под ленинским руководством сумели преодолеть, осмеять, выставить на позор перед всеми революционными рабочими колебания в собственной среде, возглавленные тт. Зиновьевым и Каменевым.

Четвертое: большевики не поддались «конституционным иллюзиям», отказавшись от предложения тов. Троцкого приурочить восстание обязательно ко II С'езду Советов, и взяли власть *до* открытия С'езда Советов.

При этом в часы неслыханно быстрой победы восстания, проявив подлинно «тройную смелость», большевики, и в первую очередь Ленин, сумели в то же время не дать голове «закружиться», сумели не отвлечься ни на одну минуту от конкретных особенностей, от конкретного своеобразия действительности.

Все эти моменты имели решающее значение для успеха пролетарского восстания, как показывает весь ход октябрьских событий. (Коренным пороком деятельности компартий в революционные моменты и в германской и в китайской революции было несоблюдение этих условий).

В то же время именно *при соблюдении этих условий* свое необходимое место в большевистской тактике получает точный учет конкретного своеобразия условий борьбы. Остановимся подробнее на этой стороне дела, поскольку она меньше всего освещена в нашей партийной литературе.

Все декреты Второго С'езда Советов об'явлены С'ездом действующими «впредь до созыва Учредительного Собрания». Правительство наименовано «временным» «впредь до созыва Учредительного Собрания». Немедленно вслед за Вторым С'ездом Советов издается декрет «Временного советского правительства» о созыве Учредительного Собрания в срок. Формалистам от революции может показаться, что, завоевав власть, уничтожив правительство буржуазии, большевики могли бы сразу отбросить всякие разговоры об Учредительном Собрании, об'явить открыто стране, что С'езд Советов заменяет и отменяет Учредительное Собрание, что Учредительное Собрание, в выборах которого участвовала буржуазия, как низшая форма демократии по сравнению с той, которая была создана Октябрьской революцией, подлежит немедленному и безусловному уничтожению. Большевики не только этого не сделали, но и записали в основные законы С'езда Советов, учредившего советскую республику, слова «впредь до созыва Учредительного Собрания», а Ленин в своем докладе о мире даже предлагает внести мирные условия на обсуждение Учредительного Собрания, «которое будет властно решать, что можно и чего нельзя уступить».

Схоластики могли бы за это обвинить Ленина и большевистскую партию в оппортунизме и уступчивости буржуазии,—по меньшей мере—в уступчивости мелкобуржуазным предрассудкам. Но именно схоластики и только схоластики. Большевистская тактика по отношению к Учредительному Собранию имеет особое значение, поскольку она показывает, насколько большевики учитывали все своеобразие положения, не допуская и в момент величайшей революционной победы никакого, якобы «левого» «преувеличения революционности». Ленин считался с тем, что вы-

ступление большевиков против Учредительного Собрания непосредственно перед С'ездом и во время С'езда Советов вызвало бы колебание значительных слоев мелкой буржуазии, крестьянства и части рабочих, не изживших еще до конца иллюзий доверия к Учредилке. Поэтому большевики, еще в апрельских тезисах установившие, что советы—высшая форма демократии по сравнению с Учредительным Собранием, в то же время до С'езда Советов иллюзиям широких мелкобуржуазных масс, веривших еще в Учредилку, не противопоставляли лозунга «долой Учредительное Собрание». И во время самого С'езда Советов большевики не выставляют лозунга «долой Учредительное Собрание». Пусть Учредительное Собрание собирается! Пусть оно в лице своего большинства противопоставит себя С'езду Советов и правительству, лишившему власти эксплоататоров, давшему крестьянам землю, борющемуся за мир! Тогда даже те элементы крестьянства, сила которых есть сила колебания, увидят на опыте необходимость выбирать между советами и Учредительным Собранием. И тогда уже, *после* 2—3 месяцев опыта пролетарской власти, *после* того, как земля будет взята крестьянами во исполнение декрета С'езда Советов, *после* того, как мир, и по меньшей мере перемирие, из области предположений перейдет в область действительности,—любой отсталый рабочий, огромное большинство колеблющихся крестьян скажут: к чорту Учредительное Собрание, пусть живет советская власть! Для того, чтобы в решающий момент, когда надо было обеспечить поддержку крестьянства и солдат по главным и коренным вопросам земли и мира, не вызвать в них колебания по вопросу, в тот момент не имевшему решающего значения, Ленин и писал в своих декретах о земле, о мире, о создании советской власти слова, которые могут показаться теперь диким анахронизмом иному читателю: «Впредь до созыва Учредительного Собрания».

Не меньшего внимания заслуживает формулировка декрета о мире, и та небольшая полемика, которая разгорелась вокруг этого вопроса между Лениным и одним из делегатов С'езда. Не трудно проявить гибкость и понимание об'ективных условий в текущей работе революционной власти, но не потерять головы, не дать голове закружиться, не зарваться слишком далеко вперед, не потерять величайшего чутья реальности и действительности в момент такой сокрушительной победы, как октябрьская, свергнув правительство буржуазии почти без всякого пролития крови,—вот это было трудно! Для этого нужен был Ленин не в меньшей мере, чем для того, чтобы в пред'октябрьские дни преодолеть железною рукою всякие колебания в нашей партии и повести ее несокрушимой стеной на штурм твердынь буржуазии.

Декрет о мире предлагает «начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире» не только народам, но и «их правительствам». Революционная власть, только-что сменившая разбойничье буржуазное правительство России, апеллирующая, прежде всего, к революционным рабочим Англии, Франции и Германии с призывом свергнуть их правительства,—в самые часы своего создания не отказывается от мирных переговоров с империалистическими разбойничьими правительствами других стран.

Декрет о мире формулирует «справедливые» условия «демократического» мира «без аннексий и контрибуций» и предлагает такой мир заключить всем воюющим народам,—тот же декрет не считает этих условий мира «ультимативными» и соглашается рассмотреть и «всякие другие условия мира», настаивая лишь на возможно более быстром их обсуждении...

Декрет о мире от имени советского правительства об'являет о немедленном и полном опубликовании тайных договоров и отменяет тайную дипломатию,—тот же декрет выражает готовность начать переговоры о мире любым путем, как посредством письменных сношений, по телеграфу, так и путем переговоров между правительствами разных стран, так и на конференции таковых представителей.

В заключительной своей речи Ленин, отвергая все пункты старых договоров о грабежах и насилиях, заявляет в то же время: «Мы не будем отвергать тех пунктов старых договоров, где заключены условия добрососедские, соглашения экономические».

Декрет о мире предлагает всем народам и правительствам воюющих стран немедленно заключить перемирие «не меньше, чем на три месяца»,—тот же декрет трехмесячный срок об'являет со своей стороны «желательным», но не ультимативным, а Ленин в своей речи заявляет, что мы не отвергаем и более короткого срока.

Один из делегатов, т. Еремеев, в прениях заявил, что он будет голосовать за ленинский декрет о мире только при том условии, если из него будут выброшены слова о готовности рассматривать любые условия мира: «наше требование о мире без аннексий и контрибуций должно быть ультимативным». Против этого делегата, отразившего стихию революции, но не ее разум (разум революции использует стихию, идет во главе стихии и стихию направляет по тому пути, который диктуется соотношением классов в стране и во всем мире), Ленин выступил весьма решительно, раз'яснив, почему декрет о мире, им предложенный, не выдвигает ультимативных условий мира.

«Ультимативность может оказаться губительной для всего нашего дела». Нельзя дать империалистам возможность под предлогом нашей непримиримости отказаться от переговоров. В случае ультимативного характера наших мирных условий крестьяне «обвинят нас в излишней неуступчивости» в мелочах тогда, когда главное в том, чтобы раскрыть всю мерзость буржуазии.

Именно неультимативный характер наших условий разоблачит правительства империалистов в глазах народов.

Тут же Ленин нападает на заявление тов. Еремеева, будто бы неультимативный характер наших мирных условий покажет наше бессилие. Буржуазному представлению о силе, как о возможности мощью правительственного аппарата бросить массы туда, куда хочет буржуазное правительство, Ленин противопоставляет другое понятие о силе—о силе государства «сознательностью масс»...

Так, в самый час рождения советской власти Ленин показывал, как надо избегать «преувеличения революционности» даже в момент всемирно-исторической победы, как нужно сочетать твердость, решительность, смелость, беспощадное преодоление колебаний в собственной среде с трезвым учетом соотношения сил в стране и вне страны.

Этот урок имеет тем большее значение, что любой пролетарской партии и до захвата власти и после захвата власти приходится бороться на ряду с *основным* врагом оппортунизмом, недоучитывающим революционные возможности рабочего класса, преувеличивающим силы врага и тем разрушающим рабочий класс, недооценивающим значение закаленного, сплоченного, дисциплинированного, единого пролетарского авангарда,—и с «детской болезнью левизны», с радикально-анархистским «преувеличением революционности», могущим поставить под удар в силу недостаточного учета реальных классовых отношений то, что завоевано мужеством, героизмом, решительностью и смелостью пролетарского авангарда.

Арк. Ломакин.

Между баррикадами.

(О новожизненцах в канун Октября).

В брошюре «Удержат ли большевики государственную власть?» Ленин очень метко охарактеризовал «позицию» левоменьшевистских писателей из «Новой Жизни» в пред'октябрьские дни, как попытку сидеть между двух стульев.

В самом деле.

Новожизненские политики признавали необходимость скорейшего окончания войны и высказывались за немедленное предложение демократического мира всем воюющим народам. Они требовали немедленного разрешения вопроса о земле путем передачи всей земли в руки земельных комитетов. Единственное средство спасения в борьбе с хозяйственной разрухой они видели в государственном регулировании производства и распределения продуктов, как «переходной ступени к социализму», в принудительном синдицировании и трестировании промышленности, при чем государство должно заставить «представителей капитала поступиться своим «жиром» и решительно ограничить «священные права наживы»[1]). Наконец, они прямо заявляли, что в переживаемую эпоху «глубоких социально-политических катаклизмов... самая грань между программой-минимум и программой-максимум в значительной мере стирается»[2]).

Выставляя свою программу, новожизненские «четверть-большевики» (выражение Ленина) понимали, что ее осуществление невозможно без соответствующего решения коренного вопроса революции—*вопроса о власти*. Но как решали они этот вопрос? Новожизненцы выступали противниками сохранения власти в руках буржуазии. Более того, они высказывались и против «бесчестной коалиции» с буржуазией, которая (т.-е. эта коалиция), по их мнению, уже «тысячу раз обнаруживала свою несостоятельность, свою полную непригодность для осуществления какой бы то ни было энергичной программы»[3]), и осуждали меньшевистско-эсэровских «комбинаторов» такой коалиции.

В чьих же руках должна сосредоточиться «вся полнота государственной власти?». И тут-то новожизненцы начинали «комбинировать», в свою очередь переползая с одного стула на другой.

Первая их «комбинация»—«относительно однородное министерство меньшевиков-оппортунистов и эсэров». Но эта «комбинация» не признается ими ни целесообразной, ни жизнеспособной. «Составленная из сторонников коалиции она, естественно, будет

---

1) «Новая Жизнь», № 142 от 1 октября, «Экономический крах».
2) Ibib. № 145 от 5 октября, «У. С. и наша платформа».
3) Ibib. № 138 от 27 сентября, «Новое правительство».

держать курс политики по «средней» линии, по прежней линии—между демократией и цензовой Россией... Вывод из предыдущего, уже имеющегося у нас горького опыта...—правили страной социалисты, но держали курс на «живые силы в лице Милюкова и Родзянки»[1]).

Итак, первая «комбинация» не годится. Вторая—«образование» другого типа однородного кабинета, правительства «пролетариата и беднейшего крестьянства». Но и эту «комбинацию» новожизненские комбинаторы решительно отвергают, выставляя 33 «довода», в свое время разбитые Лениным в вышеупомянутой брошюре. В основном смысл этих «доводов» был тот, что «о диктатуре пролетариата в настоящий исторический момент в особенности в такой крестьянской стране, как Россия, не может быть и речи»[2]).

И как бы в развитие этой «мысли» несколько ранее «Новая Жизнь» писала, подводя итоги московским выборам в думу, где наша партия одержала блестящую победу: «К большевикам примкнули такие слои, которые по своим классовым и групповым интересам и по уровню сознательности отнюдь не являются сторонниками революционного интернационального социализма. Они поддерживают большевиков потому, что нет другой революционной, демократической партии, и тотчас же покинут большевиков, как только те выйдут за пределы общедемократических требований. Было бы величайшей ошибкой строить на этой зыбкой почве «диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства». На практике это свелось бы к диктатуре пролетариата и привело бы к поражению его в борьбе с об'единенными силами крупной и мелкой буржуазии, к крушению завоеваний революции»[3]).

Ленин на подобного рода рассуждения отвечал: «Если «Новая Жизнь» боится диктатуры пролетариата и отказывается от нее из-за возможного будто бы поражения пролетарской власти буржуазией, то это равносильно *возвращению тайком* на позицию *соглашательства* с капиталистами»[4]). Об этом «возвращении тайком» ясно говорила последняя, третья «комбинация», в которой новожизненцы видели «единственное средство спасения революции», а именно—«честная коалицая внутри демократии», «единый демократический фронт», «диктатура демократии». Вот уж поистине было открытие! Защищать идею единого фронта большевиков, «левого фланга демократии», с правым, с меньшевиками и эсэрами, которые, по словам самих же новожизненцев, «все больше запутывались в тенетах соглашательства с контрреволюционной буржуазией»[5]), требовать «диктатуры демокра-

---

[1]) Ibib. № 135 от 23 сентября, «В тисках власти».

[2]) Ibib. № 158 от 20 октября, «Ф.-з. комитеты».

[3]) «Новая Жизнь», № 140 от 29 сентября, «Крах коалиции». «Довод» этот, кстати сказать, подчас почти буквально повторяет «знаменитую» формулу Троцкого. Не лишне также будет здесь напомнить по существу аналогичную формулу одного из новожизненских «тоже-марксистов»—Ник. Суханова, высказанную им в записках о революции по поводу речи Ленина в Петроградском Совете: «Как же обстоит дело с общими основами научного социализма: построить (уже не только советское, но)... пролетарское социалистическое государство» в мужицкой хозяйственно-распыленной необ'ятной стране,—это значит брать на себя заведомо невыполнимые обязательства, заведомо утопические задачи». (Книга VII, стр. 178).

[4]) Соб. соч., т. XIV, ч. 2, стр. 248.

[5]) «Новая Жизнь», № 141 от 30 сентября, «Аграрн. беспорядки».

тии» в момент быстрого нарастания общенационального революционного кризиса, раскалывающего «демократию» на два открыто враждебных лагеря—это как нельзя лучше свидетельствовало о безнадежной соглашательской позиции новожизненцев, пытавшихся усесться на двух стульях.

Так «комбинировали» кабинетные политики «Новой Жизни» в поисках философского камня «единственного спасения», переживая, по их признанию, «сумеречный период русской революции»[1]). Это был действительно «сумеречный» период, но не русской революции, подымавшейся в то время на новый, неизмеримо более высокий свой этап, а для мелкобуржуазных соглашательских иллюзий, отцветавших и увядавших в осенние дни 1917 года. То были «сумерки» для новожизненских политиков, отличавшихся своей «презренной бесхарактерностью» (Ленин).

Но вот, наконец, пришло время, когда даже эти «мудрые» политики сквозь свои «сумерки» смогли разглядеть приближение решительной классовой битвы. 19 октября «Новая Жизнь» отмечала, что «характерными» явлениями последнего, «послекорниловского» периода нашей революции были два процесса: с одной стороны, усиление революционных настроений среди пролетариата и крестьянства, а с другой—рост реакционных вожделений среди буржуазии и помещиков. Во главе пролетариата и части крестьянства встала партия большевиков, в авангарде цензовой России мало-по-малу становятся казаки. А в другой статье из того же номера газеты прямо указывается на неизбежность «великого столкновения двух классов»[2]).

Перед лицом надвинувшейся вплотную революционной бури «нежные дамы» из «Новой Жизни», «признающие учение о классовой борьбе только губами, а не умом» (Ленин), в панике заметались из стороны в сторону, проявляя свое идейное убожество и полнейшую растерянность. Выбитые из обычного своего парламентского сидения между двух стульев, они, до смерти запуганные буржуазией и не верящие в силы пролетариата, оказались посреди воздвигавшихся баррикад.

Надо подождать Учредительного Собрания,—говорили они,—в нем восторжествует «прочный демократический блок», который создаст «сильную революционную власть», *но*... «положение страны настолько катастрофично, что мы, быть может, и не дотянем до Учредительного Собрания». Контрреволюционная буржуазия всячески старается оттянуть его созыв, *но*... «нельзя даже мечтать... о захвате власти советами за несколько недель до созыва учреждения, которому принадлежит бесспорное и окончательное право выработать формы власти». Только советы могут «претендовать на роль временного представительства воли революционного народа», «только советы, связанные непосредственно с солдатскими и рабочими массами, имеющие 7-месячный опыт и упрочившие свой авторитет, располагающие необходимыми вспомогательными аппаратами, способны закрепить революцию», *но*... «мы считаем лозунг немедленного захвата власти в настоящий момент неосуществимым». Нет никакого другого выхода, кроме создания «мощной демократической коалиции», *но*...

---

[1]) «Новая Жизнь», № 157, «Казаки» и «Надвигающийся локаут».

[2]) Ibib. «Предпарламент».

правые группы демократии «погрязли в оппортунизме» и «ищут соглашения с врагами революции», а их печатные органы призывают действовать «против большевиков, т.-е. на деле примкнуть к тому единому контрреволюционному фронту, который в настоящий момент организуют корниловцы». Буржуазия готовит «военный переворот», правительство собирается «поставить штык в порядок дня», контрреволюционное казачество готовится «опрокинуться всей своей массой на революцию», *но*... демократии «невыгодно самой переходить в нападение», она «непобедима, когда в гражданской войне занимает оборонительную позицию, и терпит поражение, когда берет наступательную инициативу в свои руки». Фактически власть в стране «захватил авантюрист», *но*... «попытки немедленно преобразовать власть путем «изолированного» выступления пролетариата и части гарнизона заведомо обречены на неудачу и сыграли бы лишь на руку черносотенной провокации». «Большевики опираются на подавляющую часть всего того населения, которое вообще способно за кем-либо итти, чтобы делать какую-либо политику», *но*... «организация власти—задача непосильная для одной большевистской партии».

И т. д., и т. п.

Нет никакой возможности здесь хотя бы просто перечислить все те блестящие перлы кабинетной мудрости «презренных дурачков» (как называл Ленин этих писателей) из «Новой Жизни», изобилие которых украшает страницы октябрьских номеров этой газеты и которые в то же время как нельзя более наглядно выражают непроходимую путаницу новожизненских политиков, блуждавших между баррикадами и на деле игравших роль буржуазно-соглашательских подголосков в дружном хоре против готовящейся «большевистской авантюры».

Об'ятые паникой, эти «политики» подхватывали самые нелепые и мерзкие обывательские сплетни. Небывалое революционное возбуждение пролетарских масс Питера в канун Октября представлялось им плодом бонапартистско-черносотенной провокации, «затевающей» погромно-антисемитское выступление под официальным большевистским флагом»[1]). Само «выступление большевиков» рисовалось как повторение всех «ужасов» июльских дней: «на улицу выползет неорганизованная толпа, плохо понимающая, чего она хочет, и, прикрываясь ею, авантюристы, воры, профессиональные убийцы, начнут «творить историю русской революции» [2]). Крестьянское восстание, широкой волной разлившееся в сентябре—октябре, изображалось как стихийный «мятеж деревни против города», который грозит подвергнуть Россию «ужасам средневековых жакерий» и «пугачевщины» [3]).

Не видя никакого реального выхода из тупика, в который якобы зашла революция, новожизненская нежная «дама, приятная во всех отношениях», со страхом и трепетом ожидала наступления того момента, когда (боже, упаси!) «вместо речей, раздадутся залпы огнестрельного оружия» и разразится «братоубийственная война среди демократии»,—это будет «началом конца революции» [4]). И утром 25 октября она с мучительной тоской

1) «Новая Жизнь», № 148 от 8 октября, «Предоставление».
2) Ibib. № 156 от 18 октября, «Нельзя молчать».
3) Ibib. № 150, «Аграрн. движение» и № 141, «Аграрн. беспорядки».
4) Ibib № 162 от 25 октября, «К С'езду Советов».

мечтала о том, чтобы правительство само «ушло в отставку»,— «это было бы самым действительным средством борьбы с грозящими потрясениями» [1]),—и чтобы тем самым все «ужасы» оказались просто тяжелым сном...

По поводу этих «межбаррикадных» рассуждений Ленин предупреждал в свое время, что «если бы большевики проявили, в какой бы то ни было форме, какую бы то ни было уступчивость по отношению к такому филистерскому тупоумию, ...то они погубили бы и свою партию и революцию», и подчеркивал особенную опасность его (тупоумия), прячущегося «под флагом сочувствия к большевикам» [2]). А Суханов в своих «Записках» утверждал: «Каждый укол нашей газеты действовал на большевиков сильнее, чем ураганный огонь всей прочей прессы, взятой вместе. То были *враги*; их нападки только проясняли и укрепляли. А мы были до сих пор *союзниками*; это было «запутывание» мозгов и гибельная дезорганизация» [3]).

Но, несмотря на ленинские предостережения, новожизненское «запутывание мозгов» нашло себе жертву: «два видных большевика» поддались-таки «филистерскому тупоумию» «четверть-большевиков». 17 октября «Новая Жизнь» сообщала о листке в рукописи «двух видных большевиков», пущенном по городу, а на другой день в *этой* газете появляется сообщение Каменева и Зиновьева о том, что они сочли себя «обязанными» «высказаться против всякой попытки взять на себя инициативу вооруженного восстания, которое было бы обречено на поражение и повлекло бы за собой самые гибельные последствия для партии, для пролетариата, для судеб революции».

Суханов был прав, когда утверждал по поводу этого «знаменитого» документа, что «аргументация Каменева (против восстания) дает не больше и не меньше того, что говорили в то время *социалисты других партий*» [4]). В основном и главном эта «аргументация» повторяла новожизненские «перлы филистерского тупоумия». Ленин указывал в недавно опубликованном «Письме к членам партии большевиков», написанном в ответ на штрейкбрехерское выступление Зиновьева и Каменева:

«Сводятся эти «идейные», с позволения сказать, доводы к двум: во-первых, к «ожиданию» Учредительного Собрания. Подождем, авось дотянем,—вот и весь довод. Авось, с голодом, с разрухой, с истощением терпения солдат, с родзянковскими шагами к сдаче Питера немцам (с локаутами авось) еще дотянем. Авось да небось—в этом вся сила довода. Во-вторых, крикливый пессимизм: у буржуазии и Керенского все отлично, у нас все плохо; у капиталистов все подготовлено чудесно, у рабочих все плохо. «Пессимисты» насчет военной стороны дела кричат во всю глотку, а «оптимисты» молчат, ибо перед Родзянкой и Керенским открывать кое-что едва ли кому, кроме штрейкбрехеров, приятно».

Но ведь этими-то как раз «доводами» с «авось да небось» и от «крикливого пессимизма» и пестрели октябрьские страницы «Новой Жизни»! Более того, даже в отдельных «перлах» Зиновьев и Каменев чуть ли не слово в слово твердили зады новожизнен-

1) «Записки о революции», книга VII, стр. 56.
2) Собр. сочин., т. XIV, ч. 2, стр. 253.
3) Ibib. № 162, «Новый этап».
4) Ibid., стр. 61.

ских «четверть-большевиков». Мы изолированы, у нас нет большинства в народе, против нас все, мы недостаточно сильны, в массах нет рвущегося на улицу настроения, военный заговор противоречит марксову учению о восстании, в Питере хлеба почти нет, и мы не сможем накормить повстанцев; пусть начинают корниловцы, мы же должны настаивать перед правительством на созыве Учредительного Собрания, в нем мы окажемся сильной оппозицией; не надо ставить все на карту, нет никаких признаков нарастания пролетарской революции на Западе и т. д., и т. п.,—все эти «перлы», отмеченные и разоблаченные в ленинском «Письме к товарищам», были попросту взяты напрокат у новожизненских «тоже-марксистов». И эти «четверть-большевики» не без некоторых оснований рассчитывали на то, чтобы завербовать «двух видных большевиков» в свои ряды, под знамена «диктатуры демократии», «власти блока советских партий» и чтобы тем самым «расколоть большевистские верхи»[1]).

История семнадцатого года вписала в свои страницы, посвященные дням Октября, тот факт, что позиция Зиновьева и Каменева в эти дни оказалась по существу новожизненской платформой. «Два видных большевика» в канун Октября оказались в тесном идейном союзе с «презренными дурачками» из «Новой Жизни», мечущимися в панике между воздвигавшимися баррикадами.

---

[1]) Ibid., стр. 115—6.

Б. Л. Маркус.

Семичасовой рабочий день.

(*В порядке постановки вопроса*).

„Первое следствие сокращения рабочего дня основывается на том самоочевидном законе, согласно которому дееспособность рабочей силы обратно пропорциональна времени ее деятельности".
(Маркс, „Капитал" т. 1, стр. 404).

„При длинном рабочем времени рабочий вырабатывает в каждый час изделий меньше и гораздо хуже, чем при коротком рабочем дне".
(Ленин, Собр. Соч., т. 1, стр. 312).

I. Постановка вопроса о 7-часовом рабочем дне.

Издание Манифеста ЦИК СССР, провозгласившего предстоящий в ближайшее время переход нашей промышленности к 7-часовому рабочему дню, встретило недвусмысленный, но двоякий прием. Буржуазный мир со всеми его подголосками мечется между попыткой замолчать и бешеным желанием дискредитировать и оклеветать это огромное и труднейшее начинание; рабочий класс как внутри СССР, так и во всем мире встретил это известие с огромным под'емом и нескрываемой симпатией, считая его новым доказательством хозяйственного и политического роста первой страны строящегося социализма.

Связывая проведение сокращенного рабочего дня с уже достигнутыми успехами в области под'ема производительности труда и с дальнейшей социалистической рационализацией наших предприятий, рабочий класс СССР и его партия видят в семичасовом рабочем дне один из действительных и основных рычагов дальнейшего под'ема производительности труда на основе дальнейшего культурного роста пролетариата и дальнейшего численного роста и улучшения материального положения рабочего класса.

Такая постановка вопроса, конечно, исключает восприятие 7-часового рабочего дня в виде «подарка» или пасхального яичка, преподнесенного свыше по случаю юбилея. В семичасовом дне для нас, прежде всего, заключается новая серьезная историческая задача, задача дальнейшей переделки и преодоления классов, начатая в октябре 1917 года.

При всей ясности для пролетариата вопроса о рабочем времени нашлись все же люди, которые вчера еще старательно рядились в тогу защитников рабочего класса и которые сегодня растерялись перед конкретной постановкой проблемы 7-часового рабочего дня. Проголосовав *против* Манифеста и этим отгородив себя от рабочих масс, эти люди пытаются задним числом

оправдаться тем, что они против «сюрпризов», что «рабочие в лучшем случае (!) в большом недоумении» (Евдокимов).

Этот слабый лепет меньше всего, однако, способен когонибудь убедить. Особенно после того, когда вожди оппозиции устами тов. Зиновьева прямо предложили «вопрос о семичасовом рабочем дне... снять для того, чтобы не компрометировать нашу партию».

Быть может, не все помнят, что еще в «Черновом наброске программы», внесенном на VII партс'езд в 1918 году, Ленин предлагал вписать в программу, на ряду с задачей неуклонного повышения организованности, дисциплины, производительности труда, перехода к высшей технике, также задачу «постепенного сокращения рабочего дня до 6 часов в сутки» (см. т. XV, стр. 163). Но уж безусловно ведь всякий знает, что в программе ВКП(б), принятой на VIII с'езде, черным по белому написано:

> «РКП должна поставить своей задачей установить: ...в дальнейшем, при общем увеличении производительности труда, максимальный 6-часовой рабочий день без уменьшения вознаграждения за труд»... (Ленин, т. XVI, стр. 493).

Всю эту азбуку совестно даже повторять, ибо «в принципе» как будто бы все признают необходимость сокращения рабочего дня, разногласия сводятся «лишь» к срокам и к «практическим» соображениям о предстоящем снижении производительности труда, которое нам не по карману.

Но как раз на этот счет можно кое-чему поучиться у Ленина и у Маркса.

Ровно пять лет назад в речи от 31 октября 1922 года на сессии ВЦИК тов. Ленин следующим образом оценивал наше законодательство о труде:

> «Возьмем первый кодекс, который у нас уже проведен— кодекс о труде. Это—громадное завоевание советской власти, что в такое время, когда все страны ополчаются на рабочий класс, мы выступаем с кодексом, который прочно устанавливает основы рабочего законодательства, как, например, 8-часовой рабочий день» (Ленин, т. XVIII, ч. 2, стр. 80).

Указывая уже тогда, что «можно было бы по отношению к этому кодексу выразить то или иное пожелание большего», т. Ленин говорил, что подобное требование было бы неправильно для того времени, ибо для достижения большего надо повысить культурный уровень, поднять производительные силы страны. Для того, чтобы улучшить уровень условий труда, рабочий класс должен поставить перед собой задачу нагонять другие государства «с такой быстротой, о которой они и не мечтали».

Намечая далее сроки перехода к лучшим условиям труда, Владимир Ильич утверждал:

> «*Нам нужно несколько лет упорного труда, чтобы этого добиться*. Разумеется, с сегодня назавтра ничего не сделаешь. *Мы пять лет уже прожили и научились вопросу о том, что значит срок*. И надо, чтобы мы этому учились и дальше. В фантастическую быстроту каких бы то ни было перемен у нас никто не поверит, но за то в быстроту действительную, в быстроту по сравнению с любым периодом исторического развития, взятым как он был,—в такую быстроту, если движение руководится действительно революционной партией, в такую быстроту мы верим и такой быстроты мы во что бы то ни стало добьемся» (Ленин, т. XVIII, ч. 2, стр. 81. Курсив мой. *Б. М.*).

Исторический опыт доказал, что усилиями партии и рабочего класса нам удалось «за несколько лет упорного труда» оправдать надежды Ильича на быстроту темпа развития нашего хозяйства, которая превышает быстроту прироста хозяйства любой капиталистической страны в любой период исторического развития. Естественно, что эти успехи позволяют вплотную поставить в порядок дня «пожелание большего» по отношению к кодексу законов о труде и, в частности, по отношению к 8-часовому рабочему дню.

Это тем более законное пожелание, что—как мы далее покажем—именно проведение сокращенного рабочего дня позволит нам значительно улучшить дальнейшее развитие всего нашего хозяйства. Кое-кто, правда, весьма подозрительно относится к такой перспективе, но, к нашему счастью, от критиков в этом вопросе нас защищает не кто иной, как Маркс. Он еще в «Капитале» писал, что все ходячие возражения против сокращения рабочего дня предполагают, что это явление совершается при неизменной производительности труда.

> «Между тем в действительности имеет место обратное: изменение производительности и интенсивности труда или предшествует или непосредственно следует за сокращением рабочего дня» (Маркс, «Капитал», т. I, стр. 528).

Несколькими страницами ниже, развивая мысль о том, что «*устранение капиталистического способа производства позволит ограничить рабочий день необходимым трудом*» (к которому причисляется и труд, требующийся для образования общественного запасного фонда и фонда накопления), Маркс прямо говорит:

> «*Чем сильнее растет производительная сила труда, тем больше может быть сокращен рабочий день, а чем короче робочий день, тем сильнее может расти интенсивность труда*. С общественной точки зрения производительность труда возрастает также с его экономией (бережливым и хозяйственным его применением). Последняя включает в себя не только экономию на средствах производства, но и устранение всякого бесполезного труда» (Маркс, «Капитал», т. I, стр. 532. Курсив мой. *Б. М.*).

Итак, Маркс, прекрасно учитывавший необходимость социалистического накопления, видит в сокращении рабочего дня, в бережливом, экономном применении труда один из способов повышения производительности труда, после устранения капиталистического способа производства.

Нам кажется, что в приведенных выше теоретических установках Маркса и Ленина даны ясные предначертания нашего подхода к сокращению рабочего дня. Уже здесь дана директива и отчасти намечены сроки разрешения рассматриваемого вопроса. Не ясно ли после этого, что «неожиданным сюрпризом» сокращение рабочего дня могло явиться лишь для людей, далеких от марксистско-ленинской теории? Не ясно ли, что рабочий класс в луч-

шем случае будет «в большом недоумении» от указания на то, что семичасовой день может «компрометировать нашу партию»?

Оппозиция поднимает сейчас шум вокруг одной из старых речей тов. Н. И. Бухарина, в которой он обвинял нынешнюю оппозицию в показном, неискреннем рабочелюбии. Он указывал тогда, что и меньшевики, и даже буржуазия, если бы она получила легальную возможность политически выступать, для того, чтобы опереться на массы и спихнуть власть, должны были бы выбрасывать лозунги поднятия заработной платы или установления семичасового рабочего дня. А уж спихнув нашу партию, они «распоказали бы этот семичасовой рабочий день». Эта речь целиком сохраняет свой основной смысл и бьет не в бровь, а в глаз тем современным оппозиционным обещаниям, которые, будучи совершенно неувязанными с нашими экономическими возможностями, рассчитаны лишь на дешевые заигрывания с недовольными и малосознательными элементами (таковы, например, обещания быстрого изживания безработицы или особого немедленного под'ема заработной платы).

«Всякому овощу—свое время», а всякий лозунг правилен тогда, когда он реально осуществим. Если бы еще год — два назад мы выставили требование немедленного сокращения рабочего дня, если бы даже теперь мы обещали осуществить это мероприятие сразу же, без всякой предварительной подготовки, то такая постановка вопроса была бы безусловно неправильной и в корне ошибочной. Проведение в жизнь такого огромного маневра в народном хозяйстве, как сокращение рабочего дня, могло быть поставлено на очередь и может быть постепенно проведено лишь в связи с достигнутыми успехами нашей промышленности и при условии ее дальнейшего здорового роста. Лишь при полном завершении восстановительной работы в нашем производстве, лишь при условии реально проводимой индустриализации страны и реконструкции хозяйства, лишь на базе подлинного осуществления рационализации возможно проведение 7-часового рабочего дня.

Кто не понял этого, тот не отдал себе отчета в самом главном, тот не хочет или не умеет задать себе труд диалектически разобраться в сущности и дальнейших тенденциях развития советской экономики, советского хозяйственного процесса, развивающегося на социалистических основах.

Потерпев поражение в теоретической постановке вопроса, оппозиция спешит кричать, что «вопрос не обсужден практически». Но и это неверно. Ни для кого не секрет, что вопрос о сокращении рабочего дня за последний год был поставлен и в печати и в целом ряде центральных наркоматов. Уже в майской книге «Планового Хозяйства» была обстоятельная статья т. В. А. Зайцева, доказывающая безусловную экономическую целесообразность сокращения рабочего дня. В нашем распоряжении имеется стенограмма совершенно конкретного доклада на эту же тему, заслушанного 9 июня 1927 г. в заседании «трудплана» НКТ СССР.

Насколько нам известно, вопрос прорабатывался также и в аппарате ВСНХ, ВЦСПС и в Госплане. Итак, экономически вопрос обсуждался своевременно почти полгода и отнюдь не в секретном порядке, и если, тем не менее, кое-кто говорит теперь о «сюрпризах», то нельзя не отметить, что эти утверждения менее всего доказаны.

Отбросив, таким образом, нагроможденную вокруг вопроса о 7-часовом рабочем дне оппозиционную шелуху, мы переходим к рассмотрению сущности вопроса о 7-часовом рабочем дне в наших конкретных условиях.

Для этого нам придется: 1) разобрать данный вопрос в плоскости соотношения классовых сил в международном разрезе, 2) изучить то новое, что вносит семичасовой рабочий день в экономику нашего хозяйства и в положение пролетариата Союза ССР.

II. Рабочий день в капиталистических странах и в СССР.

В условиях капиталистического общества, проблема рабочего времени сводится к вопросу о размерах присвоения классом капиталистов абсолютной прибавочной стоимости. Поэтому он решается исключительно соотношением классовых сил. Успехи рабочего класса в отношении сокращения рабочего дня являются верным мерилом его побед, и вся история рабочего движения с убедительностью доказывает, что класс капиталистов лишь скрепя сердце идет на уступки в области сокращения рабочего дня.

Неудивительно, поэтому, что, хотя 8-часовой рабочий день «в принципе» признан всеми государствами, входящими в Лигу Наций, еще в ноябре 1919 года на Вашингтонской конференции, тем не менее, он ратифицирован на сей день лишь 7 мелкими государствами: Бельгией, Грецией, Румынией, Чехо-Словакией, Чили, Индией и Болгарией. Есть, правда, еще четыре страны, которые ратифицировали его *условно* (в зависимости от принятия другими государствами), а остальные так и не удосужились даже на бумаге пойти на этот шаг.

Если в первые послевоенные годы капиталисты еще заигрывали с пролетариатом обещаниями 8-часового рабочего дня, то уже, начиная, примерно, с 1923 г., почувствовав себя хоть на время «в седле», предприниматели не замедлили перейти в наступление на рабочий класс. С этих пор положение существенно ухудшается. Насколько далеко зашло сейчас легальное и нелегальное нарушение 8-часового рабочего дня там, где он был принят, и какова установка капиталистов в отношении рабочего дня в тех странах, где 8-часовой рабочий день не был законом установлен, прекрасно можно судить по тем обзорам и материалам, которые доходят до нас [1]).

Начнем хотя бы с той самой гинденбурговской Германии, в которой, по словам т. Зиновьева, «куда свободней, чем у нас».

По широко проведенному анкетному обследованию A. D. G. B. (Германского профсоюзного об'единения) в апреле 1927 г. свыше 48 часов в неделю работали 48% рабочих, из них 12% работали даже более 54 часов в неделю. Если сопоставить это с тем, что в ноябре 1924 г. свыше 48 часов в неделю работали лишь 45,4% всех рабочих, а больше 54 часов в неделю—10,7%, то нам станет ясно не только то, что половина германских рабо-

[1]) В дальнейшем изложении нами использованы преимущественно «Материалы научного бюро Наркомтруда СССР» (№ 1, июнь 1927 г. Литографир. издание) и отдельные обзоры и переводы того же научного бюро, называвшегося ранее «Бюро иностранной информации при НКТ СССР».

См. также Мих. Оленов «Борьба за рабочий день и революция», Изд. ЛГСПС, 1926 г., стр. 102—114.

чих работает 9 часов и более, но и то, что имеется явная тенденция к удлинению рабочего дня. В основных производствах положение еще того хуже. У металлистов больше 48 часов работают 57,1% рабочих, в том числе 21%—больше 54 часов, у текстильщиков более 48 часов в апреле 1927 г. работали 75% всех рабочих (в ноябре 1924 г. было 66%) [1].

По обследованию английского министерства труда, охватившему свыше 5 милл. рабочих в Англии и Сев. Ирландии, в 1924 году работали более 48 часов 7,3% промышленных рабочих [2].

Общие тенденции английского капитала к удлинению ранее достигнутого рабочего дня лучше всего проявились в законе от 1/VII 1926 г., коим удлинен рабочий день в горной промышленности (взамен существовавшего пять лет 7-часового рабочего дня введен 8-часовой день). В отчете главного фабричного инспектора Англии за 1925 год указывается, что в большинстве предприятий с непрерывным процессом производства в Англии работают обычно 56 часов в неделю, а в некоторых отраслях (пекарни, производство одежды и др.) даже 66 и 72 часа в неделю. Из торговых служащих в Англии немногие имеют 48-часовую неделю: в розничной бакалейной торговле 8-часовой день не существует для 89,1% служащих, в мясной торговле им не пользуются 81,3% служащих. Само собой разумеется, что и для сел.-хоз. рабочих нет 8-часового рабочего дня.

Во Франции палатой депутатов 20/X 1927 г. установлен «принцип» 8-часового дня, если... его ратифицирует Германия. На деле же средняя продолжительность рабочего дня составляет около 9 часов. Представители буржуазии (депутат Киллльяр) настаивают на отмене даже в принципе 8-часового рабочего дня «в целях поднятия продукции и понижения стоимости жизни».

Весьма характерны по своей убедительности данные о рабочем времени в Сев.-Амер. Соед. Штатах, где капиталистическая рационализация проводится с исключительной последовательностью. В этой «демократии» в 1926 году из общего числа 8.778 тысяч рабочих обрабатывающей промышленности более 48 часов в неделю работали 53,9%, в том числе 23,2% работали более 54 часов в неделю [3]). Итак, 9- и даже 10-часовой рабочий день в Америке совсем не редкость.

Фашистская Италия 15 марта 1923 г. установила 8-часовой рабочий день. Уже в июле 1923 г. он был осуществлен для 88% всех рабочих. Но это было давно. А 30 июня 1926 г. издан закон, предоставляющий право всем промышленным, торговым и сел.-хоз. предприятиям удлинять на 1 час рабочий день. Конечно, Муссолини при этом еще подчеркивает, что он «вовсе не нарушает принципа 8-часового рабочего дня».

В Швейцарии, которую до войны ставили в пример другим, как страну весьма «либерального» отношения к рабочим, непрерывно ухудшается рабочий день: в 1923 г. по данным промышленной переписи 59,2% рабочих работали 8 часов и менее, 40,8% работали больше, главным образом 50—52 часа, за последние годы число переведенных по закону на 52-часовую неделю значительно возросло.

[1]) «Gewerkschaftszeitung», № 23 за 1927 г.
[2]) «The Ministry of Labour Gazette» № 7 за 1927 г.
[3]) «Американский Ежегодник Труда» за 1926 год.

В Голландии принцип 8-часового дня проводится таким образом, что литографии, переплетное дело, кирпичные заводы, каменоломни, землечерпательные работы и ряд других предприятий переведены на 10-часовой (и более) рабочий день. В металлопромышленности 21% рабочих работает больше 48 часов в неделю.

В Австрии, при общем признании 8-часового рабочего дня, рабочие лесопильных и кирпичных заводов, каменоломен работают 14—16 часов, торговые служащие, работники кафе, ресторанов, гостиниц имеют 72—80-часовую неделю.

При таких условиях мы можем считать вполне нормальным и даже прогрессивным явлением, что в Турции в последнее время установлен по закону 10-часовой рабочий день: ведь в других восточных странах положение значительно хуже.

Все сказанное позволяет нам с полной убежденностью присоединиться к заключению Госплана СССР, который, давая обзор мирового хозяйства, говорит, что «даже по официальным данным, 8-часовой рабочий день представляет фикцию в буржуазных государствах с их передовой техникой» [1]).

На этом фоне не только законодательное, но и фактическое положение рабочего времени в СССР представляется исключительной и яркой противоположностью. Декретировав в дни октябрьских баррикад в 1917 г. 8-часовой рабочий день, советская власть сразу и осуществила его. Имевшие место в период гражданской войны сверхурочные работы сразу после окончания ее резко пошли на убыль, и с тех пор проведение законодательства о рабочем времени непрерывно и заметно улучшается.

Наглядно мы можем проследить этот процесс по следующей таблице [2]):

Средний рабочий день в цензовой промышленности СССР.

Годы	Средний рабочий день в часах				% работав. сверхурочно	Среднее число сверхурочных часов в месяц на одного работавшего сверхурочно
	Урочный	Сверх-урочный	Всего	В %% к 1913 г.		
1913	9,70	0,30	10,0	100	Сведений	нет
1920	7,80	0,80	8,6	86	»	»
1921	7,80	0,70	8,5	85	»	»
1922	7,67	0,29	7,9	79	20,4	30,5
1923	7,52	0,28	7,8	78	22,8	26,6
1924	7,61	0,19	7,8	78	18,8	22,0
1925	7,42	0,18	7,6	76	17,8	21,5
1926	7,32	0,17	7,5	75	15,2	17,9

Мы видим здесь, что положение непрерывно улучшается из года в год. В последнее время мы фактически достигли того, что средняя длительность рабочего времени (вместе со сверхурочными работами) значительно ниже 8 часов; за время революции рабочий день стал фактически на 25% меньше, чем был в 1913 году.

[1]) «Контрольные цифры народ. хоз. СССР на 1927/28 г.». Москва, 1928 г., стр. 459.
[2]) Данные за 1913—1922 гг. взяты по «Справочнику по охране труда», 1924 г., стр. 66, остальные данные—по материалам, полученным из ЦСУ, они приведены в моей статье, напечатанной в № 17 «Большевика».

Непрерывно уменьшая сверхурочные работы, мы вместе с тем переводили работающих в особо вредных условиях на сокращенный рабочий день: к 1927 г. около 200.000 человек (9%) всех рабочих цензовой промышленности пользовались сокращенным рабочим днем по вредности [1]). Сверх того, около 140.000 подростков (5,5% всей рабсилы промышленности) пользуются сокращенным рабочим днем в связи с несовершеннолетием [2]).

Таким образом, почти шестая часть промышленных рабочих (не считая служащих и работников интеллектуального труда) уже сейчас пользуется сокращенным рабочим днем.

Все эти данные позволяют нам с полным правом утверждать: 1) что в СССР уже сейчас рабочий день короче, чем во всем мире и 2) что самый классовый характер советского государства обеспечивает на деле непрерывное сокращение рабочего дня, которое постепенно проводится из года в год.

Прямо противоположные тенденции нашего социалистического хозяйства, ведущего к сокращению рабочего дня, и мирового капиталистического хозяйства, удлиняющего рабочее время, подчеркивают в наиболее простой и убедительной форме, в наиболее доступном каждому, даже малосознательному рабочему виде *принципиальное отличие* нашей и капиталистической рационализации.

Ясно поэтому, что проблема рабочего дня становится одним из наиболее крепких стержней для собирания сил и симпатий пролетариата вокруг СССР—единственного отечества всего мирового рабочего класса. И в этом отношении огромное политическое значение Манифеста, об'являющего переход к 7-часовому рабочему дню, совершенно неоспоримо. Не надо быть пророком, чтобы утверждать, что с точки зрения обороны СССР Манифест сыграет роль лучшей крепости, которую мы могли построить перед лицом наступления на нас мирового империализма.

---

1) По исчислениям статотдела НКТ СССР сокращенный рабочий день на вредных работах в отдельных производствах применяется в следующих размерах:

Сокращенный рабочий день в основных отраслях производства по СССР в 1927 году

Наименование производства	Общее число рабоч. (в тысяч.)	Из них пользуются сокращ. рабочим днем	
		Абсол. число в тысячах	В % к общему числу
Добывание и обработка минералов . . .	141,6	19,8	14,0
Горное производство	323,8	130,5	40,3
Металлообрабатывающее производство.	702,5	19,0	2,7
Химическое производство	98,6	10,5	10,6
Бумажное производство	38,3	2,7	7,1
Полиграфическое производство	63,0	2,7	4,3
Текстильное производство.	711,7	7,8	1,1
Обработка животн. продук.	7,2	3,9	53,7
Итого.	2086,7	196,9	9,0

2) До революции, в 1913 году из 252449 подростков и малолетних, работавших в промышленности, лишь 42,9% работали до 9 часов, 32,1% работали от 9 часов до 10 часов, 13,9% работали от 10 до 11 часов и 11,1% свыше 11 часов в сутки. («Сборник статистич. сведений» за 1913—1917 гг. Вып. 1, изд. ЦСУ). По данным массового индивидуального опроса несовершеннолетних при медицинском осмотре уже в 1924 г. установлено, что в СССР средняя фактическая продолжительность рабочего дня 14—15-летних, составляла 4,6 часа, а у подростков 16—17-летних—5,6 часа. (См. «Вопросы Труда» № 4 за 1927 г.).

III. Культурное значение 7-часового рабочего дня.

Оценивая значение предстоящего сокращения рабочего времени, никак нельзя упускать из виду те огромные культурные сдвиги, которые оно несет.

Изучение бюджета времени рабочих и работниц проводилось у нас в небольших размерах. Однако, имеющиеся материалы [1]) все же неопровержимо доказывают, что переход к 8-часовому дню дал реальную возможность рабочему уже в 1922 году уделять на общественную работу (в организациях, митингах и т. п.) на самовоспитание (чтение газет, книг, журналов, посещение курсов, школ для взрослых и т. п.) почти целый час в день (31,7 часа в месяц у мужчин, 29,7—у женщин). Сверх того на физкультуру (футбол, городки, лыжи, охота), умственные развлечения (шашки, шахматы), эстетические развлечения (пение, музыка) и на зрелища (кино, театры)—у рабочего в среднем уходило еще 9,7 часа в месяц.

Таким образом, на культурную работу у рабочего при 8-часовом рабочем дне уходило около 1 часа 20 минут в сутки [2]).

По материалам ЦК ВЛКСМ рабочая молодежь, пользующаяся более сокращенным, чем взрослые, рабочим временем, уделяла еще в 1924 году на самовоспитание почти 2 часа в сутки [3]).

Служащие тратили в 1923—24 году на самовоспитание около 2 часов в день (мужчины—66,8 часа в месяц, женщины—40,9 часа) и на общественную работу опять до ½ часа в день (мужчины—16,7 часа в месяц, женщины—6 часов в месяц) [4]).

Нетрудно предвидеть, что введение семичасового рабочего дня позволит рабочему расширить рамки времени, отводимого на общественную работу и на самообразование. Поднятие же культурного уровня пролетариата даст не только несомненный политический плюс, но и безусловный хозяйственный эффект [5]).

Таким образом, сокращение рабочего дня создает не только идеологический стимул для поднятия квалификации рабочего; оно является и определенной материальной предпосылкой для перехода на следующую, более высокую ступень культуры, а без этого, ведь, немыслима социалистическая рационализация производства.

---

1) С. Струмилин «Бюджет времени русского рабочего и крестьянина». «Вопросы Труда», 1924 г., стр. 24, 32 и др.

2) Оговариваюсь, что сюда не входит время, затрачиваемое на такие развлечения, как прогулки, танцы, игра в карты, лото, посещение трактиров, чайных, храмов, прием и посещение гостей и т. п.

3) Б. Маркус «Охрана труда молодежи», Москва, 1925 г., стр. 223.

4) См. сборник «Проблемы Труда» № 1, Москва, 1925 г. Статья Струмилина «Бюджет времени служащего».

5) Желающих подробно познакомиться с экономической стороны с проблемой повышения культурного уровня рабочего, мы отсылаем к чрезвычайно интересной брошюре проф. С. Г. Струмилина «Хозяйственное значение народного образования». Изд. «Эконом. Жизнь», М.—Л., 1924 г. Эконом. библиотека под ред. проф. С. А. Фалькнера.

Оценивая значение предстоящего сокращения рабочего дня, мы никак не должны упускать из виду еще то огромное влияние, которое это мероприятие окажет на сохранение физических сил рабочего класса. Этот фактор труднее всего учитывать в цифрах, однако, его практическое отражение будет огромно.

Многочисленные примеры, принадлежащие уже истории и потому убедительные, красноречиво говорят о том, что сокращение рабочего дня приводит к значительному уменьшению заболеваемости, к понижению смертности, удлинению средней продолжительности жизни рабочих, уменьшению числа профессиональных несчастных случаев, к понижению пьянства и т. д. [1]).

Все эти обстоятельства имеют, конечно, важнейшее экономическое значение, ибо увеличивают ресурсы квалифицированной рабочей силы в стране, но на ряду с этим, конечно, растет собирательная сила рабочего класса СССР, а это является уже немалой гирькой на той чаше весов, которая измеряет и политические успехи пролетариата.

IV. 7-часовой день в экономическом разрезе.

Рассматривая вопрос о семичасовом рабочем дне с точки зрения его влияния на состояние нашего народного хозяйства, мы должны прежде всего отметить, что семичасовой рабочий день даст нам целый ряд плюсов как раз в области наиболее узких мест нашего народного хозяйства.

Мы говорим 1) о смягчении безработицы, 2) об увеличении промышленной продукции и уменьшении товарного дефицита.

Каким путем и в какой степени могут быть достигнуты эти результаты?

По исчислениям Госплана СССР средняя суточная загрузка оборудования наших фабрик и заводов в 1926 году достигала 10,6 часа, до войны она была на 17% больше и составляла в 1913 году—12,8 часа [2]).

Превышение нынешней степени суточного использования оборудования по сравнению с довоенным, мы имеем лишь в обработке шерсти (в 1913 г.—11,8 часа, 1926 г.—12,0 часа), льна и пеньки (в 1913 г.—12,5 часа, в 1926 г.—13,4 часа) и в добыче угля (в 1913 г.—12,9 часа, в 1926 г.—13,7 часа), во всех

[1]) Не имея возможности приводить здесь все эти данные в связи с ограниченным размером статьи, мы отсылаем читателя к соответствующим неустаревшим материалам, которые в изобилии приводятся английским исследователем Х. М. Верноном в его книге «Промышленная усталость и производительность труда», русский перевод, изд. «Вопросы Труда», 1925 г. Гл. VIII. IX, X и др.

Данные, специально доказывающие целесообразность сокращенного рабочего дня ниже 8 часов, имеются у него же на стр. 67, 75, 84, 87—104, 158, 159, 162.

См. также книгу немецкого исследователя д-ра Lipmann «Die Arbeitszeitploblem».

Интересные материалы приведены в книге Гертц и Зайдль «Рабочее время, заработная плата и производительность труда», Москва, 1925 г.

Некоторые данные по этому же вопросу собраны в книге С. Каплуна «Теория и практика охраны труда». В. I. Москва, 1926 г., стр. 267 и след.

См. также Б. Маркус «Охрана труда» (практич. руководство), Москва, 1928 г. Гл. V, отчасти III.

[2]) «Перспективная ориентировка на 1927/28—1931/32 гг.», изд. Госплана СССР, 1927 г., стр. 20.

же остальных производствах наблюдается обратная картина, что видно из следующей таблицы [1]):

Группы производств	Суточное использован. оборудов. (в часах)		1926 г. в % % к 1913 г.
	1913 г.	1926 г.	
Обработка хлопка	14,7	13,3	90,5
» шелка	11,9	9,9	83,0
Смеш. производства по обработке волок. вещ.	10,8	9,8	90,5
Бумажн. и полиграф.	11,1	9,6	86,5
Обработка дерева	13,0	10,6	81,5
» металла и машин	11,3	8,9	78,5
» минеральных веществ.	11,5	9,8	85,0
» животных продуктов	10,3	9,6	96,3
» пищевых продуктов	15,8	9,2	58,3
Химич. производство	11,3	9,1	80,5
Добыча нефти	22,4	11,9	53,1
» руд	13,4	11,3	84,5
» соли	9,7	9,6	99,0
» золота и платины	10,3	9,8	95,0
» проч. ископаемых	10,8	нет свед.	—
» полезн. ископаемых	16,5	» »	—

Все эти данные позволяют нам выразить твердое убеждение, что у нас далеко не достигнута предельная степень использования оборудования. Если требование 24-часовой суточной загрузки всех предприятий было бы явным преувеличением, то задача дополнительной загрузки оборудования до довоенных пределов—процентов на семнадцать—двадцать отнюдь не является утопической, хотя она и связана с рядом трудностей (о них речь идет ниже).

Постепенная дополнительная нагрузка нынешнего оборудования в указанных выше пределах может дать, по весьма осторожным предварительным расчетам промсекции Госплана, в течение пятилетнего срока дополнительный прирост продукции на сумму не менее 775 миллионов довоенных рублей или 1.096 млн. руб. в червонной валюте 1931—32 года. Это явится весьма ощутительным смягчением недостатка пром. товаров на нашем рынке. Одновременно с этим увеличение числа работающих смен даст возможность дополнительного вовлечения в народное хозяйство не менее полумиллиона человек, в том числе в промышленность не менее 192 тысяч человек (остальные дополнительные 300 с лишним тысяч работников будут вовлечены в сеть расширяющегося аппарата торгового оборота, транспорта, в дополнительное строительство и т. д.).

Естественным последствием этого явится уменьшение безработицы, которая при этих условиях не только даст уменьшение абсолютной цифры, но и будет значительно (почти на 30%) ниже нынешнего уровня безработицы.

По исчислению Госплана СССР проведение семичасового рабочего дня и применение третьей смены работ следующим образом отразится на балансе использования труда работоспособного городского населения:

[1]) В. А. Зайцев «Рабочий день и перспективы его сокращения». Журнал «Плановое Хозяйство». Май 1927 г., № 5.

Баланс использов. труда городск. населения СССР в млн. душ [1]).

	1926/27 г.	1931/32 г.	В %% к 1926/27 г.
I вариант. Без учета сокращ. раб. дня и дополн. смен.			
Лица наемн. труда в городе	6595	8024	121,7
Прочие занятия и иждивенцы	8855	10428	117,7
Безработные	1350	1448	107,2
II вариант. С учетом увеличения числа смен и сокр. раб. дня.			
Лица наемн. труда в городе	6595	8524	129,2
Прочие занятия и иждивенцы	8855	10428	117,7
Безработные	1350	948	70,2

Итак, количество занятой по найму рабочей силы, которое без учета дополнительной загрузки оборудования (связанной с сокращением рабочего дня) может увеличиться за пять лет лишь на 1439 тысяч человек, при проведении намечаемого 7-часового дня даст возможность довести это увеличение до 1.939 тысяч.

Надо заметить, что Госплан, приводя в перспективной ориентировке эти расчеты, всюду оговаривает, что они весьма грубы, но *не преувеличены*: там ясно подчеркнуто, что в дополнительной нагрузке оборудования «мы могли бы пойти и дальше», что число дополнительно вовлекаемых в производство работников «не может быть меньше полумиллиона», что дополнительный прирост продукции будет на сумму «не менее 775 миллионов руб. по довоенн. ценам».

И действительно, по ряду известных нам других вариантов этих подсчетов мы сможем достигнуть больших плюсов.

Если в чем-нибудь ориентировочные подсчеты Госплана и следует упрекнуть в розоватом прикрашивании, так это—в чрезмерно оптимистической оценке факторов, задерживающих приток из деревни, в результате чего предполагается, что городская безработица за пятилетие при варианте 8-часового рабочего дня вырастет лишь на 7,2%. Гораздо более правильно обоснованы более осторожные расчеты Госплана РСФСР, считающего, что при варианте 8-часового рабочего дня безработица (правда, в одной лишь РСФСР) увеличится на 35,1%.

Но суть вопроса не изменяется и в этом случае, ибо введение семичасового рабочего дня даже и эту трудность сумеет преодолеть, увеличив на 500.000 число занятых в производстве и уменьшив на ту же цифру число безработных. Мы и в таком случае получим не только абсолютное, но и относительное уменьшение безработицы по сравнению с 1926—27 г. Правда, не на 29,8%, как считает Госплан СССР, а на 12,4% [2]).

Сокращение рабочего дня при увеличении числа работающих смен и при условии сохранения нынешнего уровня производительности труда даст свои положительные результаты и в области снижения себестоимости продукции, ибо снизит целый ряд накладных расходов на единицу продукции.

Проведение 7-часового рабочего дня, как мы уже и упоминали, связано и с рядом хозяйственных трудностей: дополнительная загрузка оборудования и вовлечение новых рабочих потребует дополнительных «капитальных вложений», размер коих исчислен Госпланом СССР ориентировочно на сумму около 300 милл. руб. по линии жилищного строительства и 140 милл. руб. по другим линиям. Эти дополнительные средства нам придется найти в течение пяти лет, и это, конечно, связано с серьезным усилием всего хозяйственного организма. Придется нам считаться и с увеличением напряжения на рынке сел.-хоз. сырья, необходимого для промышленности. Это, в свою очередь, потребует некоторого форсирования импорта сырья, а значит и экспорта других продуктов. Таким образом, проведение семичасового рабочего дня является для пролетарского государства новым и серьезным экзаменом на зрелость. Нашим плановым органам придется тщательно и конкретно проработать и увязать все эти задачи.

[1]) См. «Персп. ориентировка». Изд. Госплана, стр. 45.

[2]) См. «Перспективы развития нар. хоз. и культ. строит. РСФСР на 1927/28—1931/32 гг.». Москва, 1927 г., стр. 71.

Все основные ходячие возражения наших критиков против перехода к семичасовому рабочему дню основаны на том, что, по их мнению, эта мера должна либо понизить производительность труда, либо должна повысить интенсивность труда рабочего до такой степени, что «пот прошибать станет», как выражается кое-кто из оппозиции.

Думающие так добровольно одевают шоры на глаза, отказываясь смотреть на «живую жизнь», ибо суть дела состоит в том, что 1) само по себе сокращение рабочего дня увеличивает производительную силу труда: меньше подвергаясь утомлению, сберегая свои силы, работник без всякого перенапряжения достигает большего уплотнения рабочего времени, повышая количество продукции, выпускаемой в единицу времени; 2) это тем более достижимо, что переход работы на 7-часовой день будет у нас происходить, как сказано в Манифесте, «в соответствии с ходом переоборудования и рационализации фабрично-заводских предприятий и ростом производительности труда», а повышение технического уровня само по себе является важнейшим и основным способом повышения производительности труда.

Остановимся подробней на каждом из этих моментов.

Для упрощения рассуждения посмотрим сначала, что произойдет с часовой и дневной производительностью труда рабочего при условии, если техническое оборудование промышленности осталось бы неизменным.

Немногочисленные опыты перехода с 8- на 7-часовой рабочий день, которые были проведены в капиталистических странах, в некоторых отраслях промышленности дали доказательства того, что эта мера вызвала повышение часовой производительности труда рабочего в среднем на 7%.

Д-р Липпман приводит материалы каменноугольной промышленности Англии, где часовая производительность при переходе с 8- на 7-часовой рабочий день повысилась в одном случае на 11%, в другом на 30%, в третьем на 8%. В Рурском бассейне та же мера вызвала уже через 2 месяца повышение часовой производительности труда на 13%, в добыче соли в Германии 7-часовой день дал 24% увелич. часовой производительности труда, в фарфоровой промышленности Бреславля переход на 7-часовой день дал повышение часовой производительности на 20% [1]).

[1]) Привожу данные по упомянутой статье В. А. Зайцева, помещ. в журнале «Плановое Хозяйство» № 5 за 1927 г.

Хотя у нас в целом ряде вредных производств давно применяется сокращенный рабочий день менее 8 часов, но, к сожалению, специальных работ, освещающих связь между сокращением рабочего времени и производительностью труда, почти не опубликовано. (Этот пробел необходимо и весьма своевременно было бы сейчас восполнить).

По исчислениям, относящимся к предприятиям РСФСР, в 1920 году часовая производительность труда рабочего при рабочем дне в 6,9 часа составляла 2,50 единиц часовой нормы, при рабочем дне в 8,3 часа она падала на 21,2% (до 1,97 единицы), а при рабочем дне в 10,6 часа она уменьшалась на 26,7% (до 1,83 единицы) [1].

Итак, все эти материалы подтверждают, что часовая производительность личного труда рабочего при переходе на 7-часовой рабочий день безусловно подымется.

Надо иметь в виду, что приводимые примеры достигнутого в капиталистических предприятиях под'ема производительности и интенсивности труда при переходе на 7-часовой рабочий день, хотя и показательны сами по себе, но имеют для нас весьма относительное значение. Совершенно очевидно, что если даже при работе на капиталистической фабрике после сокращения рабочего дня пролетарий легко достигает повышенной производительности труда, то при 7-часовой работе на наших предприятиях социалистического типа у рабочего имеется гораздо больше оснований и побуждений для достижения более высоких пределов выработки: ведь рабочий знает, что, повышая производительность труда, он не повышает относительную прибавочную стоимость, идущую в карман класса капиталистов, а работает в интересах своего класса, создавая материальные предпосылки для роста заработной платы и роста социалистического накопления.

Это позволяет нам предположить, что имеющиеся данные о степени роста производительности труда при капиталистическом применении сокращенного рабочего дня окажутся тем низшим пределом, который у нас безусловно будет превзойден.

Говоря о поднятии личной производительности труда или интенсивности труда рабочего, мы обязаны присмотреться еще к этому вопросу с точки зрения того, не пойдет ли этот под'ем в ущерб здоровью рабочего. Для этого нам надо ответить на вопрос о том, за счет чего может уплотниться рабочий день.

Тщательное изучение нынешнего использования рабочего дня в промышленности, которое производилось на целом ряде предприятий с помощью хронометража и более грубого метода «фотографии рабочего дня» доказало, что в силу целого ряда как серьезных, так и легко устранимых причин полезно использованное рабочее время составляло в 1924 году в разных производствах и для разных профессий половину—две трети рабочего времени. С тех пор многие недочеты безусловно устранены, но бесспорно, что по сей день мы далеки от совершенства в отношении полезной затраты рабочего времени [2]).

---

[1]) См. «Вестник Труда» № 12 за 1921 г.

Некоторые аналогичные данные имеются и в книге С. Струмилина «Проблемы экономики труда», Москва, 1925 г., стр. 60—66.

[2]) Подробные материалы по этому вопросу см. в книге А. И. Рабиновича «Рабочее время и его использование». Изд. ЦУП ВСНХ СССР, Москва—Ленинград, 1926 г.

Улучшение степени использования рабочего дня зависит и от администрации и от рабочего. Не перечисляя всех возможных способов достижения этой цели, мы приведем, как основные, лишь следующие меры: 1) повышение полезного действия и скорости машин и станков до нормальных технически-возможных пределов, 2) своевременная выдача рабочему исправного инструмента и доставка ему необходимых для работы материалов, уменьшение простоя машин; 3) уменьшение лишних движений рабочего (хождение от станка к станку, неудобное расположение материала и т. п.); 4) устранение непроизводительных затрат времени на хождение в рабочие часы в фабр.-заводские организации, в контору, в амбулаторию, за газетой; 5) своевременное начало и окончание работы и пр. и т. п.

Итак, целый ряд недочетов в использовании рабочего дня вполне может быть устранен при вполне приемлемой степени интенсификации труда. Проведение 7-часового рабочего дня заставит нас, конечно, подтянуть себя в этом отношении, но это ведь отнюдь не минус, ибо дело сводится к устранению нашей расхлябанности, «прохладного» отношения к работе, к усвоению более культурного отношения к своим обязанностям, к станку, к обрабатываемому материалу, инструменту и т. д.

Таким образом, нам обеспечен безболезненный рост часовой производительности труда при 7-часовом дне даже при неизменных технических условиях.

Доказав, что часовая производительность труда поднимется при семичасовом рабочем дне, мы оставили еще без ответа вопрос о том, не упадет ли все же дневная производительность труда. Ведь можно при 7-часовом дне в каждый час вырабатывать больше, чем при 8-часовом дне, но так как число часов уменьшается на 12,5%, то необходимо посмотреть, компенсируется ли это соответствующим под'емом производительности труда.

Эта проблема чрезвычайно важна потому, что в зависимости от общего роста выработки ставится и темп роста зарплаты.

Известные до сих пор материалы говорят, что общего ответа на этот вопрос не существует: в разных отраслях производства получались различные результаты.

Отдельные материалы противоречивы. Данные Липпмана говорят, например, что переход на 7-часовой день дал повышение дневной и недельной выработки в добыче соли в Германии на 8%, а в отдельных угольных районах Англии даже повышение на 14%. На ряду с этим в ряде других угольных районов Англии, Германии, Рурской области получилось снижение общей производительности. В фарфоровой промышленности Бреславля не произошло никаких изменений в общей выработке.

У нас в России материалов и здесь мало. В своем докладе на всесоюзном с'езде по технике безопасности и профгигиене «Проблема производительности труда и охрана труда» т. Каплун приводит сообщение, что введение 6-часового рабочего дня на щетинной фабрике в Витебске при прочих общих неизменившихся условиях позволило сохранить дневную производительность труда на уровне 96% от той, которая была при 8-часовом дне [1]).

В цитированной выше работе, изучавшей производительность труда в 1920 году в РСФСР, указывается, что дневная произво-

---

[1]) См. «Труды I всесоюзн. с'езда по профгигиене и тех. без.». Москва, 1926 г., стр. 24.

дительность труда в предприятии со средним рабочим днем в 6,9 часа составляла 17,25 единиц часовой нормы, а при среднем рабочем дне в 8,3 часа она была даже на 5,2% ниже — всего 16,35.

Рассматривая расчлененно данный вопрос, Вернон на основании большого числа наблюдений пришел к заключению, что в производствах с преобладанием ручного труда (добыча угля, гранита) общая выработка при 7-часовом дне должна быть не ниже, чем при 8-часовом дне, и больше, чем при 10-часовом дне. По его же материалам проведение 7½- и 7-часового рабочего дня на некоторых заводах в производствах, где производительность зависит в равной мере от машины и от рабочих (химич. пр-ва, мыловарение, фабрика изоляторов), уже в короткий период привело к сохранению прежнего уровня суммарной выработки.

Для большинства производств, где производительность зависит от интенсивности человеческого труда и скорости работы машин (обувное, машиностроительное), Вернон считает, однако, что установление сокращенного (шестичасового) рабочего дня приведет к некоторому понижению общей производительности, которое будет, однако, вдвое меньше, чем пропорция сокращения рабочего времени. В текстильной и подобных отраслях промышленности, где большая часть работы производится машинным путем, сокращение рабочего дня ниже 9—10-часового (!) кажется ему вообще невыгодным, из-за недостаточной загрузки машин и станков. Исходя из того, что экономический оптимум достигается при беспрерывной работе оборудования, он ратует за введение в таких технически усовершенствованных производствах, как текстильное, сменных работ, которые позволят сократить рабочий день.

По соображениям Вернона, сокращение рабочего дня до 7 часов наиболее и безусловно выгодно даже для капиталистов на ручных, мускульных работах, оно приемлемо на полумеханизированных производствах и допустимо в остальных лишь при условии увеличения числа смен [1].

Еще раз напоминаем, что приводимые данные Вернона относятся к капиталистическим предприятиям и потому имеют для нас условное значение, как низший предел, который мы превзойдем. Но все же ради осторожности мы принимаем за общий закон худшее из всех утверждений Вернова и готовы считать, что дневная производительность в большинстве производств (при неизменной технике) даже у нас могла бы снизиться пропорционально вдвое меньше, чем сокращение рабочего дня, то-есть смогла бы снизиться на половину от 12,5%, иначе говоря, на 6¼%. В таком возможном снижении общей производительности труда кроется опасность некоторой задержки и темпа роста зар-

[1] См. Вернон «Пром. усталость и произв. труда», стр. 67—97. (Итоговые формулировки на стр. 93, видимо, переведены с ошибкой: они противоречат подробному тексту на стр. 69, 88 и др.).

Чтобы знать, насколько ценны эти выводы, следует сказать, что мы имеем дело с материалами одного из лучших и более добросовестных современных исследователей, который в силу своего официального положения подходит к проблемам рабочего времени, исходя из желания достижения оптимума производительности труда при капитализме. Поэтому нет оснований думать, что он—председатель английской правительственной комиссии по изучению утомления—готов жертвовать интересами производства (читай—капитала) и быть чрезмерно мягким к рабочему.

платы. Но единственный вывод отсюда—это необходимость постепенного, а не единовременного перехода к 7-часовому дню: проведя необходимое маневрирование и разложив эту величину (6¼%) на ряд лет, мы могли бы сделать ее менее чувствительной и для задержки роста зарплаты. Таким образом и эта трудность преодолима.

Здесь пора напомнить, что все рассуждение до сих пор было условным, ведь постановка вопроса была лишь абстракцией (отвлечением от действительности), ибо *переход к 7-часовому рабочему дню происходит у нас не при неизменных технических условиях, а как раз при быстро проводимой рационализации производства и повышении технического уровня, а от этого, ведь, больше всего зависит под'ем производительности труда.*

Насколько этот технический процесс уже сейчас реально ощущается во всем нашем хозяйстве, видно хотя бы из того, что еще в 1925 г. для расширения производства на каждый миллион рублей новой продукции требовалось 288 новых раб., в 1926/27 г.— 186 раб., а в 1927/28 г.—83. В каменноугольной, нефтяной, резиновой, хлопчато-бумажной промышленности эффект этот еще резче заметен [1].

Мы видим из этого, что рационализация производства успевает вполне реально врасти в жизнь, и поэтому ясно, что рост производительности рабочего будет происходить в дальнейшем, как, впрочем, и в последнее время, больше всего за счет технической реорганизации и капитального переоборудования предприятий.

Именно изменение и переделка технического базиса нашей промышленности является уже сейчас надежной точкой опоры, позволяющей на этом строить переход к 7-часовому рабочему дню при растущей производительности труда. В свою очередь, конечно, проведение 7-часового рабочего дня потребует от хозяйственников строжайшей экономии на всех накладных расходах. Это будет толкать вперед и ускорять дальнейший темп рационализаторской работы.

Наш вывод ясен—*переход к семичасовому рабочему дню не должен отразиться на дальнейшем последовательном росте уровня производительности труда, ни в сторону его снижения, ни даже в сторону замедления темпа роста.* Мы будем добиваться того же темпа роста производительности, который мог бы быть предположен при условии 8-часового дня.

С совершенной очевидностью отсюда вытекает то, что *при этом условии не придется ни прекратить, ни задержать намечающегося темпа возрастания реальной заработной платы.* 7-часовой день может дать даже некоторое дополнительное, частичное увеличение роста реальной зарплаты, ибо, увеличивая выпуск продукции, содействуя ускорению процессов рационализации, мы будем облегчать снижение себестоимости единицы продукции, а тем самым и снижение цен.

Это, в свою очередь, служит одним из путей повышения зарплаты. Но сохранение намечающегося темпа повышения зарплаты при одновременном дополнительном увеличении численности пролетариата дает, конечно, повышение общего фонда заработных

[1] См. «Контр. цифры нар. хоз. на 1927/28 г.». Изд. Госплана, Москва, 1927 г., стр. 210.

плат, а тем самым будет содействовать дальнейшему повышению доли пролетариата в общем национальном доходе страны. Это опять-таки означает дополнительный плюс в смысле увеличения удельного веса пролетариата в стране, в смысле улучшения социальной структуры СССР.

V. Выводы и практические предложения.

Подытоживая то, что нам несет проведение 7-часового рабочего дня, мы смело можем утверждать, что:

1. Сокращение рабочего дня растет из достигнутых экономических успехов нашего советского народного хозяйства и является наиболее верным путем дальнейшей социалистической реконструкции промышленности. Лишь при условии проведения 7-часового дня и введения дополнительных смен рабочих индустриализация СССР пойдет более быстрым темпом, чем это возможно было бы достигнуть при нынешнем рабочем дне.

2. В частности, проведение этой меры: а) смягчит недостаток на рынке пром. товаров, б) увеличит численность рабочих, уменьшит безработицу.

3. Не уменьшая роста производительности труда и зарплаты мы сможем при 7-часовом дне уменьшить накладные расходы и себестоимость продукции, а тем самым облегчить снижение цен. Одновременно мы достигнем дальнейшего увеличения доли пролетариата в национальном доходе. Наконец, сокращение рабочего дня поможет сохранить физические силы рабочих, уменьшив уровень заболеваемости и несчастных случаев.

4. Проведение 7-часового рабочего дня будет содействовать повышению культурного уровня наших рабочих внутри страны и еще больше сплотит вокруг СССР силы мирового пролетариата.

На ряду со всем этим введение 7-часового дня ставит на очередь перед пролетариатом СССР и нашим хозяйством разрешение целого ряда новых задач и преодоление ряда преходящих трудностей. Основные из них следующие: а) необходимость достижения повышенной производительности труда при сокращении рабочего дня потребует быстрого изменения технического оборудования и одновременно более интенсивной, уплотненной, экономной, более культурной работы; б) необходимость увеличения числа смен потребует некоторых дополнительных капитальных вложений в оборудование предприятий и жилстроительство; это может быть достигнуто лишь при определенном напряжении бюджета: с тем большей остротой ставится задача еще большей экономии на непроизводительных расходах, задача сокращения расходов на госуд. аппарат, задача удешевления стоимости строительства, задача дополнительного из'ятия средств у нэпманов, кулака; в) расширение промышленности, сопровождающее сокращение рабочего дня, ставит задачу дальнейшего расширения производства, а на ближайшее время даже импорта, сел.-хоз. сырья. Отсюда—необходимость увязывать рост индустрии с дальнейшей интенсификацией сельского хозяйства и с форсированием экспорта в наиболее допустимых размерах.

Все это—нелегкие задачи, они могут быть разрешены лишь при мобилизации больших усилий и коллективной воли рабочего класса, ведущего нашу страну к социализму.

Весь десятилетний опыт нашего строительства позволяет выразить уверенность, что поставленные теперь историей перед нами новые задачи будут выполнены.

Остается в заключение высказать несколько предложений относительно порядка практического осуществления семичасового рабочего дня. Не случайно Манифест ставит вопрос о том, чтобы «*приступить* не позже чем *через год к постепенному* осуществлению этого постановления по отношению к *отдельным* отраслям промышленности *в соответствии с ходом переоборудования и рационализацией фабрично-заводских предприятий и ростом производительности труда*».

Было бы опасной демагогией, если бы мы пообещали перейти на 7-часовой день немедленно или даже через год, но *сразу для всей промышленности*. Это заставило бы нас разрешить сразу все связанные с 7-часовым днем трудности, а отсюда смогли бы возникнуть определенные опасности.

Деловая постановка вопроса требует предварительной проработки в плановых, хозяйственных и профессиональных организациях всей проблемы.

Проработка эта, по нашему мнению, должна сводиться к уточнению и выяснению следующих вопросов:

1) необходимо подсчитать точно число пользующихся сейчас сокращенным рабочим днем в отдельных вредных производствах;

2) изучить связь между производительностью труда и сокращенным рабочим днем там, где он проводился до сих пор;

3) перевести еще в этом году ряд предприятий в разных отраслях хозяйства на 7-часовой день, введя в то же время и дополнительные смены. Одновременно поставить на этих предприятиях тщательное изучение тех изменений в уровне производительности труда, которые будут иметь место в процессе перехода на 7-часовой день, изучить наиболее приемлемые часы «ломки» смен;

4) экономически тщательно проработать по отдельным отраслям промышленности вопрос о сроках и очередности перевода предприятий на сокращенный рабочий день и о применении дополнительных смен, увязывая эти меры с ходом рационализации и с наличием сырья;

5) отдельно проработать вопрос о порядке и сроках перевода на 7-часовой день частных, арендованных и концессионных предприятий.

Ко времени практического проведения в жизнь 7-часового дня нам следует окончательно решить вопрос *об очередности* введения 7-часового дня и дополнительных смен в государственных предприятиях. Бесспорной представляется нам целесообразность его немедленного введения на всех вновь открываемых предприятиях, наиболее рационализированных, построенных и оборудованных по последнему слову техники. То же относится и к предприятиям, подвергающимся полному капитальному переоборудованию. Такая постановка вопроса целиком вытекает из смысла Манифеста и экономически наиболее целесообразна.

Однако, здесь может создаться некоторое столкновение с интересами охраны труда тех, кто работает на наиболее старых предприятиях, в наиболее худших, вредных, опасных условиях труда. Нам кажется, что такие наиболее худшие по оборудованию предприятия (по особому списку), на которых нельзя будет в ближай-

шие годы провести коренную рационализацию производства, следовало бы тоже отнести к переводимым на 7-часовой день в первую очередь.

Это тем более легко будет сделать, что многие цеха таких предприятий уже сейчас фактически работают 6 или 7 часов в зависимости от вредности.

Попутно с этим следовало бы уточнить вопрос о длительности рабочего времени на ночной работе, в предпраздничные дни, а также в отношении работающих во вредных профессиях несовершеннолетних. Нам кажется, что здесь нет особых оснований изменять установленный нынешним законодательством порядок. Равным образом, должны быть сохранены всюду примерно часовые обеденные перерывы и кратковременные перерывы, установленные из гигиенических целей, на отдельных работах.

Наконец, последнее соображение организационного порядка: во избежание разнобоя на местах в практическом осуществлении 7-часового дня следовало бы установить централизованное декретирование порядка и очередности проведения сокращенного рабочего дня. Для увязки всей работы отдельных ведомств следовало бы создать особую правительственную комиссию, наделенную необходимыми полномочиями.

Н. Рубинштейн.

„Ультра-левые" ренегаты и троцкистская оппозиция.

Активность «ультра-левых» ренегатов, борющихся против Коммунистического Интернационала, растет с каждым днем.

Никогда еще, кажется, не изливались такие потоки грязной клеветы и лжи по адресу Коминтерна и его руководства, никогда еще не была столь отвратительна свистопляска Маслова, Рут Фишер и К° вокруг чаемого «кризиса» ВКП и международных коммунистических партий, как теперь.

Это «повышение активности» самым тесным образом связано с усилением раскольнической и дезорганизаторской деятельности троцкистской оппозиции внутри ВКП(б). Каждый новый оппозиционный документ, каждая новая нелегальная типография действует в качестве «сильно возбуждающего» средства на немецких союзников оппозиции.

Новый анонс о «разложении ВКП», директивное «письмо из СССР»,—материал для очередного пасквиля гг. Рут Фишер, Маслова, Шолема. Ренегат вооружается пером и

«разводит яд своих чернил
слюною бешеной собаки».

Кроме внешних возбудителей, на «ультра-левых» действуют и «домашние» обстоятельства. «Ультра-левые» окончательно *изолированы*; надежда на раскол коммунистической партии Германии с треском провалилась: за ренегатами и отступниками не пошли не только партийцы, но и беспартийные (выборы в Гамбурге). Тактика, рассчитанная на «взрыв изнутри», который должен был последовать после обратного приема «ультра-левых» в ряды Коминтерна, не удалась.

Остается одно—бессильно злобствовать на страницах «Знамени Коммунизма» (читай—«Знамя Антибольшевизма»), приправляя социал-демократические блюда «левой» фразой, чтобы не слишком «отшибало» доверчивого читателя.

Впрочем, в этом распоясывании «ультра-левых» есть в известном смысле и *положительная* сторона. С каждым новым номером «Знамени Антибольшевизма» физиономия гг. Рут Фишер—Маслова вырисовывается все ярче и ярче, из-под «ультра-левого» грима все отчетливее выступает их *меньшевистский* облик, каждая новая порция литературного варева ренегатов разоблачает авторов и тем облегчает задачу коммунистической партии.

Проиллюстрируем это на примерах.

*
* *

Маслов, Рут Фишер и К° рекомендуют себя в качестве «единственных», «действительных» борцов против военной опасности.

Они не только согласны признать наличие этой опасности. У ренегатов хватает наглости обвинять Коминтерн в том, что он недостаточно активно борется против грядущей войны.

«Действительно Коммунистический Интернационал,—пишут они,—должен был бы использовать это, может быть, очень короткое время приготовлений (к войне. *Н. Р.*) для действительной, т.-е. революционной мобилизации пролетарских боевых сил против военной опасности, для того, чтобы *раз'яснить всему мировому пролетариату близость и размеры этой опасности посредством ленинской пропаганды... Но этого нельзя ожидать от нынешнего руководства Коминтерна»* [1]).

Заниматься опровержением грязной клеветы значило бы оказывать слишком большую честь клеветникам. Гораздо более интересно выяснить *их* позицию в вопросе о войне.

Борьба против военной опасности—это прежде всего борьба против буржуазии *в своей* стране. В этом смысле—поскольку речь идет о Германии—задача немецких коммунистов разоблачать усиливающуюся с каждым днем «западную ориентацию» германской буржуазии, разоблачать теорию «нейтралитета», которая в ее практическом применении означает помощь Германии английским консерваторам в готовящейся войне против Советского Союза.

Для «ультра-левых», этих действительных—на этот раз без кавычек—штрейкбрехеров пролетарской революции, не существует задачи борьбы против вовлечения Германии в кольцо антисоветского блока.

«Когда, т. е., говорят о западной ориентации (Германии),—заявляет «Знамя Антибольшевизма»,—то под этим подразумевают либо ту *тривиальность* (которая для мещан из национально-ограниченного руководства Сталина не является тривиальностью), что немецкая буржуазия, в случае войны империалистов против Советского Союза, будет не с Советским Союзом, а против него, либо хотят скрыть свое мещанское банкротство....» [2]).

Так под прикрытием клеветнических нападок на Коминтерн «ультра-левые» зачеркивают *конкретные* задачи мобилизации масс против «западной ориентации» германской буржуазии: нужно ли, де, вообще говорить о такой «тривиальности»?

Расстановка сил на международной политической арене говорит сама за себя. Авгур от имени твердолобых организует покупку Германии Англией за «сходную» цену. Штреземан не прочь поторговаться и набить цену на «нейтралитет» Германии. А «ультра-левые» ренегаты увещавают рабочих не обращать внимания на «тривиальную» «западную ориентацию»!

В тесной связи с вопросом о «борьбе» «ультра-левых» против военной опасности стоит их отношение к франко-советским переговорам.

Слово в слово повторяя измышления «платформы» троцкистской оппозиции, ренегаты «разоблачают»:

«Стратегический план оппортунистов в «руководстве» русской партии состоит из следующих пунктов: уплата

[1]) «Die Fahne des Kommunismus» № 27 (16/IX—1927 г.), стр. 121.
[2]) «F. d. K.» № 27, стр. 121.

империалистам 100—150 миллионов золотом ежегодно для того, чтобы «откупиться» от войны; отмена монополии внешней торговли для того, чтобы дать большие возможности для «свободного» развития производительных сил; правый «маневр» внутри страны, т.-е. расширение так или иначе расширенных против текста конституции прав буржуазных слоев и классовых группировок и фактическая отмена национализации земли; невмешательство в революционное движение на Западе, главным образом, в Китае. В рамках этого плана надо рассматривать предложение Литвинова французскому правительству» [1]).

Не трудно сообразить, как увязывается эта беззастенчивая ложь с «защитой» Советского Союза. Если согласие Советского правительства *купить* (согласием на *частичную* уплату долгов) необходимые для социалистического хозяйства кредиты изображается как «признание капитуляции, измена принципам Октябрьской революции» (это ренегаты-то говорят о принципах!), то вывод, который должны сделать французские и прочие империалисты, подсказан им услужливыми «ультра-левыми». *Фантастические* выдумки о ликвидаторском плане ВКП(б) «обосновывают» и стимулируют *реальное* усиление нажима империализма на СССР, подготовки противосоветской войны, организации финансово-экономической блокады.

Если к этому добавить опубликование в «Знамени Антибольшевизма» *секретных* документов ГПУ о военном заговоре, являющееся *прямой* помощью русским белогвардейцам и их заграничным друзьям, то картина получит полную законченность.

«Левые—честные, преданные, готовые к делу друзья Советской России... Левые, которых теперь поносят, будут своими телами защищать» Советский Союз,—так афишировали себя ренегаты [2]).

Без такого прямого обмана «ультра-левым» трудно было бы выступать против Советского Союза: слишком силен для этого рост сочувствия к СССР среди трудящихся масс Запада. Теперь обман разоблачен полностью.

«Ультра-левые»—«преданные и готовые к делу друзья»—только не Советского Союза, а господ Детердингов.

Участие «ультра-левых» в антисоветской травле непосредственно преследует основную задачу—дискредитировать ВКП(б), Советский Союз в глазах международного пролетариата. Именно в этой роли «ультра-левые» оказывают наибольшую помощь империалистической и социал-демократической контрреволюции. Дискредитация СССР и Коминтерна—своеобразный «род оружия» ренегатов. Анжелика Балабанова и Пауль Леви, Корш и Суварин, Рут Фишер и Маслов—словом, все «Бадьяны» мелкого и крупного калибра начинают антисоветскими выступлениями свою социал-демократическую карьеру.

В стремлении «посрамить» русских коммунистов «ультра-левые» доводят свою демагогию до прямого абсурда.

«Оппортунистическое представление руководящей *фракции* русской партии (немецкие «ультра-левые» и в термино-

[1]) «F. d. K.» № 29, стр. 138.
[2]) «Der Kampf um die Kommunistische Partei. Platform der linken Opposition der K. P. D.», s. 6.

логии не отстают от своих русских единомышленников) исходит из признания *абсолютной* стабилизации капитализма,—пишет орган масловской группы.—В этой связи будет иметь между прочим значение даже такая побочная деталь, как срок (договоров СССР с капиталистическими странами. *Н. Р.*), рассчитанный на 62 года. При твердой ориентации на мировую революцию,—глубокомысленно замечает автор статьи,—было бы совершенно безразлично, на сколько лет заключать договоры с капиталистами. При гнилой ликвидаторской ориентации на «здоровый», развивающийся капитализм—это далеко не безразлично» [1]).

Трудно было бы привести лучший образец столь «левой» и столь бессмысленной фразы. Ведь если согласиться с утверждением ультра-левых, то следует оспорить право советских хозорганов заключать какие бы то ни было сделки с капиталистами; даже подписание годового векселя оказалось бы в этом случае проявлением ликвидаторства, потому что в условиях *относительной* стабилизации капитализма (ибо бесчестной *ложью* являются утверждения ренегатов о том, что Коминтерн якобы стоит на точке зрения абсолютной стабилизации) непосредственная революционная ситуация может наступить и очень скоро.

Троцкистская оппозиция с возмущением оспаривала наличие кровного родства идейных позиций Корша и Маслова—Фишер. Приведенный пример разоблачает фальшивую аргументацию адвокатуры ренегатов. Одним из первых «доводов» Корша—Каца, с помощью которых эти контрреволюционеры оперировали против ВКП, была «левая» фраза о недопустимости для СССР экономических связей с капитализмом. Как раз на эту позицию стали и «ультра-левые». Больше того. Группа Рут Фишер—Маслова пользуется оружием, заимствованным из арсенала Корша—Каца для того, чтобы *спровоцировать* международный пролетариат против СССР. «Ультра-левые» требуют, чтобы советское правительство бойкотировало Литву, фашистское правительство которой ведет политику белого террора. Против этого предложения, по словам «ультра-левых»,

> «не могут быть приведены разумные основания, исходящие из интересов пролетарского государства... Пусть же спросят свой ЦК наши так называемые верные ЦК рабочие, какие основания говорят против бойкота Литвы. Пусть они спросят, почему Коминтерн бессильными и бумажными вздохами осуждает низость Вольдемараса и его палачей, в то время как действие, которое возможно и выполнимо, бойкот со стороны России был бы во сто раз более ценен, нежели бумажные протесты» [2]), — патетически восклицает «ультра-левый» провокатор.

Мы говорим—провокатор, ибо только грязной *провокацией* можно назвать использование сочувствия пролетарских масс к жертвам белого террора в целях борьбы против ВКП и Коминтерна, ибо при последовательности провокаторы должны были бы прямо декларировать необходимость немедленного разрыва СССР со всеми капиталистическими государствами, ибо только

[1]) «F. d. K.» № 29, с. 139.
[2]) «F. d. K.» № 28, с. 132.

меньшевики могут находить разницу между белым террором Вольдемараса и Муссолини, Пилсудского и Кулиджа.

На ряду с этой провокацией «ультра-левые» изливают ушаты грязи по адресу ЦК ВКП. Предстоящий партс'езд расценивается как копия эдинбургского с'езда трэд'юнионов. Сообщается о том, что «Сталин ведет курс на ликвидацию Коминтерна». По поводу 10-летия Октябрьской революции масловцы «раз'ясняют», что «праздничными торжествами хотят заслонить оценку достижений великой революции. Хотят заслонить тот факт, что инструмент победоносной революции, большевистская партия, будет разрушен» [1]). Усиленно муссируется «собственного изобретения» теория «трех шахматных шагов». — «Перед партс'ездом,—пророчит «Fahne des Kommunismus»,—состоятся юбилейные торжества, на партс'езде устроят бойню оппозициии, после партс'езда может начаться открытый термидор» [2]).

Вся эта клеветническая кампания проводится «ультра-левыми» в трогательном единении с Данами и Штампферами и Гильфердингами. Недаром русский меньшевик Гарви (кстати сказать, меньшевик, стоящий *направо* от Дана) расписывается на страницах «Форвертса» в своем согласии с «информацией» Маслова—Рут Фишер. «Похоже на то,—пишет Гарви,—будто верно было утверждение «Знамени Коммунизма» о том, что Сталин уже в деталях разработал «программу» ликвидации коммунистической революции» [3]).

Круг завершен. «Форвертс» больше не нуждается в перепечатках из белых газет, в сообщениях «собственных» варшавских и рижских корреспондентов. Информаторы из «Знамени Коммунизма» с успехом выполняют эту роль—ведь таково историческое предназначение ренегатов от коммунизма—Маслову—Рут Фишер «по штату» полагается «услужать» Каутским и Гильфердингам.

Чтобы покончить с «ультра-левой» «идеологией» следует остановиться на тех программных и тактических заявлениях ренегатов, которые являются «теоретической» опорой для их антисоветской кампании. Таков в первую очередь «анализ» новой экономической политики и советского хозяйства.

> «Поворот к нэпу, сделанный в 1921 г.,—пишут «ультралевые»,—был вынужден затяжкой пролетарской революции в Европе. Этот поворот принес с собой под'ем упавшего хозяйства, но под'ем, который развивал одновременно с новыми социалистическими элементами *превосходящие их* товаропроизводящие и капиталистические элементы преимущественно мелкобуржуазной аграрной страны... В последние два года *буржуазные классы в Советском Союзе росли соответственно абсолютному и относительному росту капиталистического сектора в русском хозяйстве*» [4]).

Вслед за экономическим «анализом» идет «философия».

> «Из русского опыта,—продолжают ренегаты,—международный пролетариат научился тому, что применимо для каждой пролетарской революции. Но международный про-

[1]) F. d. K.» № 31, с. 160.
[2]) F. d. K.» № 30, с. 146.
[3]) «Vorwärts» 25/X—1927 г. Abendausgabe.
[4]) «Platform der linken opposition der K. P. D.». Стр. 26, 28. Курсив всюду мой. *Н. Р.*

летариат исправил и *ошибки* русского опыта. Эти ошибки заключаются не в проведении слишком твердой классовой диктатуры, которую к тому же пытались дискредитировать как «военный коммунизм», но, наоборот, в расширении нэпа, введение которого было необходимо, в нео-нэп, в утверждении, что нэп—прямой, удобный и к тому же обязательный для всех стран путь к социализму, что этот путь в большей своей части уже проделан Советским Союзом и будет пройден до конца без содействия международной революции» [1]).

Откинем клевету о нео-нэпе, об «отказе» от международной революции и попробуем вылущить ядро из «ультра-левых» рассуждений. Мы получим следующий тезис:

1. Поворот к нэпу—отступление русского пролетариата—был вызван только задержкой мировой пролетарской революции.

2. Нэп—чисто русское явление, а не обязательный для всех стран путь к социализму.

Отрицать законченность этой концепции не приходится. Семена, посеянные нашей оппозицией еще в 1925 г. (нэп—только отступление и т. д.), расцвели пышным цветом. Ревизия ленинизма в одном из важнейших вопросов, отрицание ленинского тезиса о необходимости *во что бы то ни стало ужиться с крестьянством*, отрицание международного значения этого тезиса—налицо.

В свете этих рассуждений становится ясной и тактическая установка «ультра-левых».

Маслов—Рут Фишер выбиваются из сил, доказывая, что германская компартия со времени изменения руководства терпит постоянные поражения. Клевеща на нынешний ЦК КПГ, ренегаты выбалтывают свое отношение *к лозунгу борьбы за массы*, лозунгу который был выставлен Лениным. Обвиняя Коминтерн в реформизме, «ультра-левые» заявляли, что «практиковавшаяся до сих пор теория и практика единого фронта» в действительности представляет собой «идеологию капитулянтов и ликвидаторов» [2]).

Не приводя сколько-нибудь убедительной аргументации, «ультра-левые» ренегаты, по сути дела, стоят на такой позиции, которая исключает отвоевание рабочих масс из-под влияния реформистов.

Каковы же перспективы «ультра-левых» в КПГ и в Германии вообще? Недавние выборы в Гамбурге являются лучшим ответом на этот вопрос.

«Влияние КПГ в профсоюзах (в Гамбурге. *Н. Р.*) далеко отступило назад вследствие стратегии и тактики Тельмана. Такое же явление имеет место на предприятиях»,—писали масловские литераторы накануне выборов, повторяя избитую клевету о реформизме КПГ.

«Что при такой политике революционная часть рабочих отвертывается от КПГ... это понятно... (коммунисты) рассчитывают только на 50% нынешних мандатов при новых выборах» [3]).

После этих мрачных предсказаний несколько «странным» должно было казаться предложение «ультра-левых» о том, чтобы коммунисты включили в свой избирательный список четырех кандидатов от группы Рут Фишер—Маслова по тем якобы мотивам, что «выступление многих коммунистических групп запутывающе действуют на рабочих» [1]).

[1]) «Platform», с. 29.
[2]) «Platform», с. 45, 46.
[3]) «F. d. K.» № 27, с. 124.

Трюк Рут Фишер—Маслова об'яснялся, вероятно, тем обстоятельством, что руководители «ультра-левых» в глубине души не слишком полагались на сочувствие масс к «левой оппозиции», иначе не пришлось бы «ортодоксам» апеллировать к «реформистам из Коминтерна».

Именно поэтому «ультра-левые» делали хорошую мину при плохой игре, подтверждая, известные слова Бисмарка о том, что «никогда так много не врут, как перед войной, после охоты и *во время выборов*».

Но ренегаты просчитались. КПГ разоблачила кунстштюк «ультра-левых», а рабочие Гамбурга показали своим голосованием, что они не считают группу Маслова коммунистической.

Результаты выборов выбили почву из-под клеветнических нападок «ультра-левых» на КПГ и ее Центральный Комитет, они же обнаружили всю лживость саморекламы Рут Фишер и Маслова.

Ультра-левые не смогли получить ни одного мандата в Гамбурге, в городе, где состав избирателей (портовые рабочие, напр.) благоприятствует анархо-синдикалистским уклонам. (Вспомним, что «левая» оппозиция Лауфенберга в 1919 г. опиралась именно на Гамбург); коммунисты же получили не 50% прежних, а 4 новых мандата.

Избирательный успех коммунистов об'яснялся именно той упорной работой в массах, в первую очередь в профессиональных организациях, которая развертывалась КПГ, начиная с открытого письма ИККИ 1924 г., и против которой ополчаются «ультра-левые» ренегаты. Даже буржуазная газета, с тоской указывая на результат гамбургских выборов, отмечала, что этот успех—плод «весьма ловкой *мелкой* работы, внутренней реорганизации партии» [2]). Об'ективная роль ренегатов, об'являющих реформизмом будничную работу в профсоюзах, не требует комментариев.

«Ультра-левые» пытаются смягчить впечатление от их поражения в Гамбурге. Но аргументация их сводится только к бессильной ругани по адресу КПГ. «Ультра-левые» оспаривают значение выборов, как показателя настроения рабочих масс, они, позоря память Люксембург и Либкнехта, сравнивают свою группу с Союзом Спартака, который в 1920 г. получил мало голосов в Гамбурге.

Масловские литераторы об'являют *фальшивым* указание на полевение рабочего класса, сказавшееся между прочим и на гамбургских выборах. Каким образом отрицание полевения рабочих вяжется с позицией «ультра-левых» в вопросе о стабилизации,—этого ультра-левые не об'ясняют.

* * *

Троцкистская оппозиция тесно сблокировалась с группой Рут Фишер—Маслова. Нужды нет, что между масловцами и тт. Троцким, Радеком имели место разногласия—и крупные

[1]) Там же.
[2]) «Berliner Tageblatt» 10/X—1927 г.

разногласия, относящиеся к 1923 г. Нужды нет, что 2—3 года назад тов. Зиновьев, который в то время еще не порвал с ленинизмом, разоблачал антикоммунистическую сущность «ультралевых». Принципы августовского блока—единство на почве борьбы против партии,—таким образом, интернационализировались, и против Коминтерна «ультра-левые» выступают в трогательном единении с тт. Зиновьевым, Троцким и К°.

Ренегаты в Берлине издают документы троцкистской оппозиции, организуют в «международном масштабе» травлю СССР, ВКП и Коминтерна, завязывают организационные связи (идейная связь существует уже давно) с Коршами,—троцкистская оппозиция в Москве поставляет «материал» для «Знамени Антибольшевизма» «просит» «не смешивать» ренегата Корша с «честными» «действительными», «подлинными» Рут Фишер—Масловыми.

В последнее время т. Зиновьев сочинил «принципиальное» обоснование для этого блока троцкистской оппозиции и «ультралевых».

Статья т. Зиновьева [1]), представляющая собой платформу нового антиленинского международного об'единения, в значительной своей части посвящена защите «ультра-левых». Тов. Зиновьев пробует доказать несущественность «ультра-левых» «ошибок» для международного коммунистического движения, необходимость «бережного», «мягкого» отношения к «ультра-левым». Аргументирует т. Зиновьев от Ленина, но от Ленина, «перелицованного», «перешитого» на «ультра-левый» лад. Извращение Ленина, «вольное» обращение с цитатами из работ Ленина вошло у т. Зиновьева в привычку.

Маленькая иллюстрация. Тов. Зиновьев приводит цитату из письма т. Ленина к немецким коммунистам [2]), проделывая с ней следующий эксперимент. Берется начало цитируемого абзаца, где Ленин говорит о том, что... «переход от желания быть революционным и от разговоров (резолюций) о революции к действительной революционной работе есть очень трудный, медленный, мучительный переход»,—затем, поставив спасительное многоточие, т. Зиновьев перепрыгивает к концу абзаца... «Коммунистический Интернационал был терпелив, что он вовсе не изгонял анархистов немедленно и безусловно...». Эти цитаты т. Зиновьев направляет против... «сталинского» курса в Коминтерне. Но т. Зиновьев забыл о том, что партийный читатель еще со времени издания т. Зиновьевым «Ленинизма» привык проверять цитаты, приводимые т. Зиновьевым, по оригиналу. Проверка обнаруживает, что т. Зиновьев с легким сердцем *выкинул* середину цитированного абзаца и *выкинул именно потому*, что пропущенные т. Зиновьевым слова Ленина никоим образом не могут быть истолкованы в пользу «ультра-левых». Потому что т. Ленин с ясностью, не допускающей сомнений, говорил: «*Разумеется, однако, что лишь в меру можно и должно терпеть полуанархистские элементы. В Германии мы их терпели очень долго. III Конгресс Коммунистического Интернационала поставил им ультиматум с точным сроком. Если они теперь сами ушли из Коммунистического Интернационала, тем лучше*» [3]).

[1]) См. Дискус. листок № 2 «Правда» 2/XI—1927 г.
[2]) Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 344—345.
[3]) Курсив мой. *Н. Р.*

Такую же «операцию» т. Зиновьев проделал и над «Детской болезнью левизны в коммунизме». Заботливая рука т. Зиновьева предусмотрительно устранила из цитат слова Ленина о том, что «большевизм воспринял при своем возникновении в 1903 г. традицию *беспощадной* борьбы с мелкобуржуазной полуанархической (или способной заигрывать с анархизмом) революционностью» [1]),—т. Зиновьев побоялся привести слова Ленина о «той мелкобуржуазной распыленности», «которая *неминуемо всякое революционное движение погубит, если дать ей потачку*» [2]).

Но искажение Ленина и ленинизма т. Зиновьевым идет еще дальше. Тов. Зиновьев выдает «ультра-левых» за представителей «детской болезни левизны». Но как раз этот исходный пункт рассуждений т. Зиновьева представляет собой попытку *обмана* международного коммунистического движения. Когда Ленин указывал на то, что ошибка «левых» 1920 г. меньше ошибки правых оппортунистов, он рядом же отмечал, что ошибка «левых» *по существу* есть *та же правая* ошибка «только с другой стороны, делаемая левыми коммунистами». Ленин, утверждая, что тогдашняя «ультра-левизна» менее опасна, чем социал-шовинизм, писал: «...*Но ведь это только потому так*, что левый коммунизм—течение совсем молодое, только-что зарождающееся. *Только поэтому* болезнь *при известных условиях* может быть легко излечена» [3]).

Так писал подлинный—без кавычек—Ленин.

«Наивный ультра-революционизм у некоторых ультра-левых,—пишет т. Зиновьев,—сменился теперь злобной борьбой против СССР, борьбой, об'ективно помогающей буржуазии». Спасибо за позднее, впрочем, признание. Но т. Зиновьев к «некоторым» «ультра-левым» относит только Каца и Корша, «забывая» о не менее злобных борцах против СССР, «забывая» о Масловых и Рут Фишер, не менее энергично, чем Корш, помогающих буржуазии. Защита троцкистской оппозицией группы Рут Фишер—Маслова шита белыми нитками. Нет никакого микроскопа, пользуясь которым, можно было бы рассмотреть выдуманную оппозицией разницу между Коршем и Масловым—Рут Фишер.

Немецкие «ультра-левые» представляют не «детскую болезнь левизны», а старческое, *социал-демократическое* омертвение инородных, антикоммунистических элементов.

Группа Рут Фишер—Маслова—это группа обанкротившихся бывших «вождей», группа ренегатов и отступников. Ее «идейная» деятельность заключается в обертывании правых меньшевистских положений левой фразой. Ее организационная «работа» сводится к лихорадочной подготовке раскола Коминтерна.

«Ультра-левые» стоят *по ту сторону баррикады*. Союз троцкистской оппозиции с группой Рут Фишер—Маслова характеризует лишь всю *глубину падения* оппозиции, сблокировавшейся с прямыми пособниками буржуазии, с прямыми врагами Коммунистического Интернационала.

Троцкистская оппозиция устами т. Зиновьева заявила о создании «левого» крыла в Коминтерне, тот же т. Зиновьев изготовил и программу этого международного об'единения. Немецкие союзники оппозиции «действуют» во-всю. Рут Фишер не-

[1]) Ленин, т. XVII, стр. 125. Курсив мой. *Н. Р.*
[2]) Стр. 135. Курсив мой. *Н. Р.*
[3]) Стр. 188. Курсив мой. *Н. Р.*

давно ездила в Париж для укрепления «связей», другие члены ее группы побывали в Праге. Наспех сооружается блок из Тренов, Фреев, итальянских и немецких «ультра-левых» вкупе и влюбе с Коршем и во главе с троцкистской оппозицией.

Пусть организуются. Но нужно называть вещи своими именами.

Об'единение Маслова и Трена, Корша и Рут Фишер, Сувариных, троцкистской оппозиции будет не «левой *в* Коминтерне». Это будет—и уже становится—об'единением кучки *правых* ренегатов *вне* Коминтерна, кучки банкротов, «бывших» людей, борющихся *на стороне* мировой буржуазии и меньшевизма *против* международной социалистической революции, *против* Коммунистического Интернационала, *против* Ленина.

Троцкий о путях развития советской деревни.

Обвинители ЦК мечут громы и молнии против линии партии в деревне, принятой на XIV партконференции. С самоуверенностью, обратно пропорциональной аргументам и фактам, они афишируют, что курс ЦК в течение двух лет, т.-е. как раз со времени принятия решений XIV партконференции, вел «*не к ограничению капитализма в деревне, а к дальнейшему его развязыванию*».

Они забыли, однако, добавить, что два года назад эти обвинители *голосовали* за ту линию, которая в их сознании преломилась как кулацкая линия. Этот факт они предпочитают оставить в секрете.

Больше того. Не кто иной, как Троцкий, поняв решение конференции, как весьма значительное расширение капиталистических отношений в деревне, именно *потому* и голосовал за решения конференции, что понял их как *уступки кулаку*.

Последний *не только* голосовал, но считал нужным выступать с интерпретацией этих решений в ультра-оппортунистическом духе.

Для партии решения XIV конференции знаменовали собой курс на укрепление смычки рабочего класса и бедноты с середняцкой массой, курс на поднятие середняцкого хозяйства. В этих целях конференция наметила пути ликвидации остатков «военно-коммунистических» отношений в деревне, стеснявших развитие производительных сил, в интересах создания необходимых импульсов к поднятию интенсивности труда, к улучшению хозяйства, введению трудоемких культур и т. д. При чем это развитие производительных сил деревни конференция связывала с задачами кооперирования крестьянства.

Разумеется, уступки середняку *неизбежно* были связаны с известным ростом кулачества. Никаких сомнений в том, что кулачество *использует* данную середнякам известную свободу «накопления», облегчение условий аренды и найма,—у конференции не было.

Опыт осуществления этих решений показал, что курс на поднятие середняцкого хозяйства, на развитие производительных сил деревни, на развитие кооперации, на укрепление союза пролетариата и деревенской бедноты с середняком, на изоляцию кулака в основном себя оправдал. Теперь на основе достигнутых успехов партия может, попрежнему опираясь на беднацко-середняцкий крестьянский массив, развивать дальше наступление на кулачество, провести ряд новых мероприятий, ограничивающих капиталистические тенденции в деревне.

Но для лидера оппозиции—Троцкого—в противоположность пониманию партии и в *тон* пониманию Устрялова, решения

конференции знаменовали *ставку на кулака*. То, что для партии было неизбежным, но *побочным, отрицательным* продуктом *целесообразных* уступок середняку, для Троцкого стало основным принципом и притом принципом, якобы, необходимым в данных условиях, с точки зрения дальнейшего движения к социализму. Наглядно в этом каждый может убедиться, прочтя его малоизвестное произведение «О наших новых задачах». Это—доклад на общегородском собрании партийной организации в г. Запорожье 1 сентября 1925 г. (ГИЗ, 1923 г.).

Этот документ есть саморазоблачение позирующих теперь в роли «ленинцев-большевиков» оппозиционных героев.

Вот троцкистские комментарии к решениям партконференции:

«Последние мероприятия партии в области крестьянской политики означают расширение рамок для товарно-капиталистических отношений в деревне. Это несомненный факт (!?). От раскулачивания кулака во время военного коммунизма наша партия и советская власть ходом вещей вынуждены были притти к допущению в деревне *накопления капитала*, который мы прежде называли кулацким, а теперь вернее было бы назвать фермерским капиталом (!). Слово «кулак» связано с отношениями еще полукрепостного порядка, с засильем помещика, исправника. У нас же сейчас образуется в деревне собственник-фермер нового типа (!). Конечно, мы можем по старой памяти называть его кулаком, но *гораздо правильнее назвать его фермером капиталистического типа* (!?). (Курсив везде наш. *В. К.*), (стр. 3).

Еще пара характерных цитат.

«Таким образом, развитие производительных сил есть для нас высший критерий, высшее правило». (Меньшевистская абстракция! С точки зрения ленинизма высший критерий политики пролетарской диктатуры—не развитие производительных сил «*вообще*», а развитие их в форме социалистических и растущих к социализму производственных отношений. Формула Троцкого—развитие производительных сил вообще—на деле превращается, как видно из приводимых цитат, в апологию развития производительных сил в *форме капиталистического фермерства. В. К.*).

«Без развития производительных сил,—продолжает Троцкий,—не может быть социализма». (Но без какого развития? В *какой* форме? *В. К.*).

«И когда выяснилось, что в деревне наши ограничения в области капиталистических отношений задерживают развитие производительных сил, то партия и советская власть под ее руководством *раздвинули рамки капиталистических отношений в деревне* (!!) (6 стр.).

«Пока мы не можем,—продолжает Троцкий,—дать деревне высокой техники, у нас есть две возможности: либо применить в деревне методы военного коммунизма и задержать там развитие производительных сил, что привело бы к сужению рынка и тем самым к задержке производительных сил в промышленности; либо до тех пор, пока мы не можем средствами нашей промышленности коллективизировать сельское хозяйство, мы должны допустить там развитие производительных сил *хотя бы и при помощи капиталистических методов*. В этом *сущность нынешнего периода нашей политики*» (?!) (стр. 19).

Вот оно существо теперешней «левой фразы», раскрытое самим автором. Перед Троцким одна безнадежная схематическая

дилемма: либо военный коммунизм, либо капитализм—и тогда нужно итти на развитие нашего с. х. по американскому пути капиталистического фермерства.

Третьего не дано. Метафизик привык считать только до двух. Апологету американского пути развития в советских условиях ввек не понять этого третьего—*ленинского* пути социалистического развития в советской деревне *через кооперацию*. Он не понимает, как кооперация, которая до сих пор шла, главным образом, по пути обобществления процессов *обращения*, может, не кооперируя *сразу* процессов производства, постепенно создавать условия для переделки раздробленного крестьянского хозяйства в социалистическом направлении. Троцкий не понимает, что успехи обобществления через кооперацию процессов обращения, успехи, достигнутые *под руководством и воздействием социалистических командных высот*, усиливают удельный вес последних, создают внутрикооперативное накопление, и что на базе этих достижений становится, таким образом, экономически возможным и необходимым переход от обобществления процессов обращения к процессам производственного кооперирования, к реорганизации раздробленных хозяйств мелких производителей на основе технической реконструкции в обобществленное крупное хозяйство.

Благодаря ведущему началу нашей социалистической индустрии, банков—словом, пролетарского города,—деревня все более и более успешно продвигается по кооперативному пути, вытесняя частный капитал.

Троцкий повторяет механически в период *социалистического* строительства то, что говорили большевики в эпоху *буржуазно-демократической* революции. И на том основании, что Ленин в 1905 году «тоже» защищал американский тип аграрной революции в России, Троцкий в 1925 г. считает себя ленинцем! Когда большевики в 1905 г. защищали программу американского пути развития, тогда Троцкий был *против* Ленина, ибо считал возможным перепрыгнуть через крестьянство и буржуазно-демократический этап революции прямо к социалистической революции.

Теперь, спустя 10 лет *после* пролетарской революции, в эпоху, когда *практически* строится социализм, когда уже «поздно» осуществлять программу американского пути развития, когда о ней мечтают лишь враги, Троцкий хочет на деле «загладить» свою ошибку перед большевизмом, предлагает по сему случаю воскресить похороненную Октябрем программу и тем самым вернуть историю на пару десятков лет назад, к революции 1905 г. Все наоборот!

Но если у нас не социалистическая, а буржуазно-демократическая революция, *подобная 1905 г.*, то диктатуре пролетариата действительно не удержаться. В 1905 г. Ленин совершенно справедливо утверждал, что первая русская революция, поскольку в тогдашней России не было предпосылок для социалистического переворота, не могла бы *своими собственными* силами победить как социалистическая революция. Мелкий деревенский буржуа, ставший на дорогу американского фермерства, неизбежно повернул бы против пролетариата и стал бы опорой реставрации.

Те же мысли высказывал Энгельс в связи с французской революцией 1848 г.

Троцкий с победоносным видом цитировал места подобного содержания из Ленина на XV партконференции [1]).

В эпоху *пролетарской революции* Троцкий при разрешении вопроса о построении социализма в СССР признает Ленина лишь там, где он говорит о буржуазно-демократической революции 1905 г., когда еще не было об'ективных данных для социалистической революции. Это называется «политикой дальнего прицела». Логично было бы в таком случае и поведение классического персонажа, который плясал на похоронах и рыдал на свадьбах, назвать также «политикой дальнего прицела».

II.

Лидер оппозиции в контртезисах по деревенскому вопросу берет на себя смелость утверждать, что лозунг «форсированного наступления на капиталистические элементы, в первую очередь на кулака»—лозунг, выдвинутый тезисами ЦК, украден последним из арсенала оппозиции.

Этот курьез защищается в тезисах со скучным и длинным «глубокомыслием», а также при помощи фальсифицированных или неправильно истолкованных статистических таблиц, где во славу оппозиционной аргументации середняк складывается вместе с кулаком. Если что-либо и доказывают подобные таблицы и приемы обращения с ними, так это лишь недостаточную грамотность оппозиционных теоретиков. Лозунг ЦК об'является «неискренним». Монополия на «искренность», разумеется, закрепляется оппозиционерами за собою. ЦК рисуется в роли апологета капиталистического развития в деревне. Не правда ли, как остроумно выглядят эти обвинения на фоне приведенных выше утверждений Троцкого?

Весь «смак» этих утверждений, однако, в следующем. Троцкий не только признает *правильным и целесообразным* американско-фермерскую эволюцию деревни СССР, но он *замазывает* при этом *классовые противоречия*, всячески старается *подкрасить* этот капитализм, показать его безопасность и даже нарисовать в условиях развития нашей деревни по фермерскому пути радужные социалистические перспективы!

До такой пошлости не опускался даже г-н Устрялов!

У Устрялова почти все, как у Троцкого. Устрялов считает правильным и целесообразным путь капиталистического развития советской деревни. Он считает, что «поезда истории все равно не остановить» и «великая русская революция войдет в национальный пантеон, уготованный ей историей». Но Устрялов нигде, по крайней мере, всерьез, не договаривался до того, что американский фермерский путь развития откроет радужные социалистические перспективы.

Исходный пункт мысли у Устрялова и у Троцкого одинаково далеко отстоит от понимания действительного развития нашей

[1]) Если Троцкий окольным путем аналогий, образов и ссылок на ленинские формулы 1905 г. доказывает, что теперешний СССР представляет собою... буржуазно-демократическую республику, то Зиновьев действует в этом смысле прямей. На заседании ЦКК ВКП(б) 24 июня 1927 г. он безапелляционно заявил:

«Если брать за критерий точку зрения передовой буржуазной демократии (хотя бы самой передовой), то развитие, какое мы имеем за последние годы, можно было бы признать вполне благополучным» (Стеногр. отчет, с. 60).

экономики. Оба они считают, что советская деревня должна итти и идет полностью по пути капиталистического развития.

Но в то время как Устрялов иронически смеется над социализмом *в этих условиях*, считает рассуждения о социализме идеологической феерией, «бодрым миражем» и сам не прочь поболтать о социализме разве лишь шутки ради, у окна вагона, в это самое время Троцкий все свои фразы о социализме в условиях воображаемой им победы американско-фермерского пути развития принимает всерьез—«тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман».

После того, как он в своей речи об'явил политику партии развязыванием капиталистических отношений, он продолжает: «Есть тут опасность? Есть безусловно. Капиталистический фермер есть капиталистический фермер, развиваясь он превращается в крепкую фигуру—это наш *возможный и вероятный враг на известной ступени*» (стр. 6).

Ведь Устрялов и все наши враги лопнули бы от радости от этой формулы: «возмо-о-жный и вероя-я-ятный враг на изве-е-е-стной ступени!!» Такой руководитель советской политики пришелся бы по вкусу всем жаждущим перерождения большевизма.

В самом деле, какое блестящее «преимущество» у Троцкого перед большевиками. Последние кулака считают реальным, значительным и опасным врагом в условиях, когда в основном обеспечен не капиталистический, а социалистический тип развития деревни, они считают актуальным ленинский вопрос: «кто кого», они в интересах борьбы с кулаком делают целесообразные уступки середняку, обеспечивая прочный плацдарм для наступления и в городе и в деревне на частный капитал, на кулака.

У Троцкого, между тем, *при свободном капиталистическом фермерском развитии деревни*—«кулак» является врагом лишь в далекой перспективе, и то лишь «*возможным и вероятным*» [1]).

Однако, послушаем Троцкого дальше.

Кулак как нереальный, но как «возможный и вероятный враг», тогда как сам же Троцкий открывает в деревне все шлюзы для капиталистического развития—это не может, как полагает «чуткий» «политик дальнего прицела», не вызвать смущения в среде деревенских коммунистов.

Действительно, положение «пиковое». Их роль ведь этим самым сводится к тому, чтобы, сложа руки, наблюдать, как воды капиталистической стихии затапливают советскую деревню, и главное «не унывать». Троцкий чувствует себя обязанным сказать что-нибудь утешительное деревенским коммунистам.

«Конечно, кулак есть кулак, и капиталистический фермер есть капиталистический фермер! («Ничего не попишешь!» *В. К.*). Но (!!) ведь наше сельское хозяйство составляет часть всего того хозяйства, о котором я говорил, и в рамках этого хозяйства, мы, как государство, становимся сильнее всех остальных собственников, вместе взятых» (стр. 18).

[1]) Больше того. Кулак по Троцкому не только не опасен, а представляет собою... плюс для социализма. «Нам нужно развитие производительных сил в деревне. Кулак, богатый крестьянин, который продает хлеб через посредство государства, позволяет государству получать иностранную валюту, за которую мы можем ввозить машины для наших заводов. Это плюс, это содействует приближению к социализму» (!!) (6 стр.).

«Победа достигается в борьбе. В нашей борьбе есть деревенский фланг: и в то время как этот деревенский фланг терпит *поражение*, армия в целом *побеждает*» (19—20).

Нельзя не признаться, что, с одной стороны, «мы проходим через период, когда сельское хозяйство развивается не по линии коллективизма, коммунизма, а в гораздо большей степени «по линии частного крестьянского хозяйства» (стр. 20) (т.-е. по линии *капиталистического фермерства*, как об'яснил выше Троцкий).

Но, с другой стороны, нельзя не сознаться, что «только поняв линию развития нашего хозяйства в целом, можно не растеряться и не упасть духом, находясь на наиболее слабом и подверженном ударам участке нашей работы» (стр. 20). Здесь мы подошли к той теоретической оси, вокруг которой вращается троцкистская методология. В городе, по Троцкому, развивается *социализм*, как нечто самостоятельное и изолированное от деревни, в деревне свободное капиталистическое фермерство, как нечто изолированное и самостоятельное от троцкистского «социализма» в городе.

Исходя из абстрактной схемы о преимуществах крупного производства перед мелким, Троцкий делает вывод, что свободное развитие капитализма в деревне не представляет опасности для города. Оно только «возможный и вероятный враг». Что нам кулацкая Гекуба, и что мы ей!

«Ведь пустить,—утешает Троцкий,—Юзовский, Днепровский или другие крупные заводы не так легко, как кустарную светелку. Кустарь может ожить раньше нас, но мы его не только нагоним, но оставим далеко позади» (13 стр.).

Схема простая. В этом ей отказать нельзя. Но схема эта бессодержательная, пустая, безжизненная и метафизическая. Диалектики тут и в помине нет. Эта схема минует *основное*, что характеризует *переходную эпоху* социалистической революции, что характеризует специфические черты вызревания социализма.

Социализм не может вызревать подобно капитализму, как не господствующая на первой стадии *часть* народного хозяйства.

Необходимым условием роста и победы социализма является с самого начала наличие командных экономических и политических высот в руках пролетариата. Социализм может вызревать лишь как *руководящая*, *господствующая* часть всего народного хозяйства.

Эта руководящая роль дает возможность социалистическому городу *вести* за собою деревню, *переделывать* основной ее середняцкий массив через кооперацию в социалистическом направлении. Линия вытеснения действует в данном случае лишь по отношению к частному капиталу и не играет основной роли. Троцкистская схема между тем конструирует две обособленных друг от друга, противоположных друг другу «действительности», она не замечает диалектического *единства*, руководящая, направляющая роль в котором принадлежит социалистическим элементам. Схема поэтому зачеркивает возможность экономической переделки *основной* массы крестьянского хозяйства, возможность пролетарского руководства крестьянством на основе союза с ним.

На место этих отношений становятся отношения *обострения противоречий* между рабочим классом и крестьянством. Борьба

между ними в конечном счете *решается третьей революцией*. *Теория третьей революции* неизбежно вытекает из этой схемы.

Преображенский, который давно уже подвизался на поприще экономического обоснования троцкизма, не раз—иногда в прямой, иногда в более или менее замаскированной форме—выдвигал эту идею.

В этом отношении весьма знаменательна его статья «Перспективы новой экономической политики» («Красная Новь», № 3, 1921 г.). Здесь заложены первые еще мало отесанные и грубые камни той теоретической концепции, которая получила свое развитие в «Новой экономике». Теория третьей революции в этой первой редакции выведена со всей ясностью.

Преображенский пишет:

«Если изобразить графически (любимый прием троцкистских схематиков. *В. К.*) картину параллельного развития капиталистических и социалистических отношений и установить, с какого момента начинается столкновение, то можно представить себе весь процесс в виде двух усеченных пирамид, поставленных рядом основаниями вверх и представить себе, что эти фигуры растут вверх. В определенный момент рост и в той и в другой сфере возможен без столкновений, но наступает момент, когда *столкновение неизбежно и кто-либо должен посторониться*».

«Мне кажется, что развязывание конфликта вряд ли начнется на территории города. Начавшись в местном деревенском и волостном масштабе, эта борьба примет в дальнейшем общероссийский характер».

Эта графика впоследствии оплодотворила знаменитый закон первоначального социалистического накопления и ряд других открытий Преображенского, которые больше всего радуют самого изобретателя.

О третьей революции говорит в вышеназванной брошюре и Троцкий.

«Если бы оказалось,—говорит он,—что из года в год процент покрытия рынка государственной промышленностью несколько уменьшается, мы все-таки сказали бы: это еще не смертельная опасность. Ведь пустить Юзовский, Днепровский или другие крупные заводы не так легко, как кустарную светелку. Кустарь может ожить гораздо раньше нас, зато, когда мы пустим большие заводы, мы его не только нагоним, но оставим далеко позади.

Но, с другой стороны, то обстоятельство, что частный капитал в области рынка выиграл у нас на 2—3 года, скажем, 5 или 8%, уже было бы для нас первым предостережением. А вот если бы, товарищи, оказалось, что у нас 4 года назад было 75% продукции, потом через год—два дошло до 55, а еще через некоторое время у нас осталось только 35% продукции, тогда мы сказали бы: дело опасное, как бы не пришлось нам прибегнуть ко второй Октябрьской революции и отбить у частных собственников силою то, что мы упустили, благодаря нашей косолапости» (13 стр.).

Эта цитата, в которой поставлена проблема новой меньшевистско-буржуазной революции, служит великолепной иллюстрацией того, как, поднимая проблему новой, по соображениям Троцкого, «пролетарской» революции, правый уклон перерастает в левый. Уклоны, как крайности, развиваются по Гегелю: они сходятся.

С одной стороны, Троцкий здесь выступает в роли апологета капиталистического развития. Для него систематический выигрыш частника не опасен, потому что социалистический сектор у него механически отделен от процессов, происходящих в деревне. Только тогда, когда государственная промышленность уже побита на рынке своим частным конкурентом, он осторожно соглашается: тогда дело опасное. Для Троцкого опасность начинается там, где она, по сути дела, уже кончается. Кому же не ясно, что 35% продукции социалистической промышленности в условиях нэпа означает ее крах. Предупреждать в этом случае об опасности краха столь же умно, как предостерегать «осторожно» «без преувеличений» *уже* погибшего человека о грозящей ему гибели.

С другой стороны, в этой же цитате Троцкий, предвосхищая последствия американского пути развития советской деревни, не может не поставить проблему «пролетарской» революции. Но сама постановка вопроса о новой «пролетарской» революции неизбежно ведет *к отрицанию социалистического характера нашей революции, к отрицанию существующего режима, как режима диктатуры пролетариата*. Неизбежно ведет потому, что партия не хочет и не может кончать самоубийством, сколько бы школьные доктринеры и схематики ни звали на этот путь, предлагая разрыв смычки рабочего класса с крестьянством и тем самым новое восстание. Но в таком случае и сама партия попадает под неумолимый суд троцкистской схемки. Схема безапелляционно отрекомендовывает ее, как партию «термидора». Собственный разрыв с жизнью и диалектикой в глазах доктринеров рисуется как оппортунизм партии. Они вынуждены логикой вещей выступать против существующего пролетарского режима за новую революцию.

К этому, по сути дела, и сводится, как идеологическая платформа оппозиции, так и ее практически-политическое поведение. Крики о «сумерках революции», о «термидоре», о «кулацкой линии ЦК», создание новой нелегальной троцкистской партии, антисоветское выступление в день 10-летия Октября, что это, как не борьба за новую (читай: буржуазную) революцию?

Этот переход от правой крайности к левой не заключает в себе ничего удивительного. И тот и другой уклон вырастают как отрицание, с разных концов, правильной линии, учитывающей об'ективные процессы в хозяйстве. И тот и другой уклон исходят из одной общей капитулянтской схемы невозможности построения социализма в нашей стране. И в том и в другом случае, навязывая действительности свою схему, они борются фактически против пролетарской диктатуры. Не нужно итти далеко за примерами, чтобы показать живое тождество правого и левого уклона.

«Правые» Каменев и Зиновьев требовали в свое время исключения «левого» Троцкого из ЦК. Но диалектика партийно-политической борьбы помирила врагов. Враги сошлись на второй революции против диктатуры пролетариата.

Для партии ничего не оставалось, как освободить главных героев неоменьшевизма от славной и трудной обязанности знаменосцев великого Октября пролетариата.

П. Миф.

Китайская коммунистическая партия в критические дни.

С головокружительной быстротой развертывались события в Китае за последние месяцы. Втягивались, организовывались и революционизировались миллионные массы трудящихся. Подрывались один за другим опорные пункты империалистического господства. Продажные милитаристические клики, все эти У-Пей-фу, Сун-Чуан-фаны, Чан-Цзун-чаны, агенты иностранного капитала и компрадорских элементов, еще так недавно вершившие судьбами четырехсотмиллионного Китая, подверглись либо полному уничтожению, либо лишились своих первых ролей на политической арене Китая.

События, пережитые Китаем за последнее время, имеют совершенно исключительное значение. События эти справедливо могут быть оценены, как генеральная репетиция предстоящей победоносной революции в Китае. В этом смысле их можно сравнить с нашей революцией 1905 года. В борьбе, происходившей в течение последних месяцев, обнаженно и открыто выявили себя все классы китайского общества. То, что раньше казалось неясным, непонятным, в процессе развертывавшейся революции выявилось с полной определенностью. Дифференциация классовых сил, сопровождавшая бурное развитие китайской революции и происходившая чем дальше все в более ускоряющемся темпе, вносила все большую ясность в классово-неоформленное до этого освободительное движение. Конечно, эти процессы протекали далеко не мирно, далеко не гладко.

Нас китайские события должны особенно интересовать, потому что здесь мы имели первую революцию в огромнейшей полуколониальной стране, и очень многое из опыта китайской революции нужно будет и можно будет использовать при выработке тактики в других странах колониального и полуколониального Востока. Конечно, это не значит, что мы полностью и целиком всю тактику, которую применяли Коминтерн и китайская коммунистическая партия в Китае, перенесем на другие страны Востока. Развитие производительных сил, классовая дифференциация в некоторых странах Востока достигла более высокой ступени, чем в Китае, а в некоторых странах она далеко еще отстает от Китая. Поэтому о перенесении полностью этой тактики на другие страны, конечно, не может быть и речи. В каждой данной стране при выработке тактической платформы нам придется считаться со специфическими условиями этой страны, экономико-политическим состоянием ее, участием масс в движении и, исходя из этих конкретных условий, пользуясь огромным

опытом, который извлечен нами сейчас из китайской революции, вырабатывать соответствующую тактику. А опыт китайской революции простирается на различные области. Мы имеем опыт осуществления одного из взглядов Ленина о возможности и допустимости блока с национальной буржуазией в колониальных и полуколониальных странах, когда эта буржуазия ведет революционную борьбу против империализма. Мы располагали опытом поведения не только этой национальной буржуазии, но и других классов в период борьбы против империализма. Мы были свидетелями чрезвычайно интересных и быстрых переходов от одного этапа революции к другому. Мы пережили за эти несколько месяцев целый ряд переломных, критических моментов китайской революции, и в эти моменты мы могли проверить правильность не только нашей общей тактики, но могли проверить проведение этой тактики китайской коммунистической партией.

Китайская революция выдвигала перед коммунистической партией сложнейшие задачи. На долю компартии выпала всемирно-исторической важности роль. Быстро меняющаяся революционная обстановка требовала от коммунистической партии исключительной гибкости, политической сознательности, далекой от всяких шаблонов, маневренной способности. И в этом отношении весь опыт и все ошибки, допущенные китайской коммунистической партией, должны нас интересовать в первую очередь, должны быть нами изучены с достаточной тщательностью и с совершенной искренностью и большевистской прямолинейностью. С присущей только большевистской партии прямотой и откровенностью мы должны подчеркнуть не только положительные результаты, какие мы имели в этой генеральной репетиции, в проверке классов в этой непосредственной и острой борьбе, но и отрицательные стороны с тем, чтобы максимально этот опыт использовать и обогатить им международное коммунистическое движение.

Бурный под'ем революционного движения в Китае, открывшийся (вслед за Шанхайскими событиями и Гонконгской стачкой) в виде победоносной северной экспедиции и вызывавший вначале лишь злые иронические усмешки в стане империалистов, на самом деле приобретал исключительное историческое значение. Этот под'ем сопровождался разгромом реакционных продажных милитаристов, захватом иностранных концессий, открытым нарушением неравноправных договоров, произвольным повышением таможенных пошлин, мощным наступлением рабочих и крестьян против своих вековых угнетателей, втягиванием в активную борьбу трудящихся элементов во вновь отвоеванных провинциях. Империализму наносился один удар за другим. А на ряду с этим под'емом во все ускоряющемся темпе происходил процесс дифференциации классовых сил, процесс перегруппировки внутри революционного лагеря. Революция поднимала на борьбу все новые полчища рабочих и крестьян, и вместе с тем от нее откалывались национальная буржуазия и мелкобуржуазная интеллигенция. И как это ни странно, но каждая новая победа китайской революции таила в себе зародыши новых перегруппировок внутри революционного лагеря, временных и частич-

ных ее поражений. Об'яснялось это наличием в революционном лагере противоположных классов—пролетариата и китайской национальной буржуазии.

Участие этих классов в едином революционном фронте не только не ослабляло и не сглаживало противоречий между ними, а, напротив, все больше их углубляло. Это понятно. Это не была обыкновенная борьба между рабочими и капиталистами за ту или иную долю прибавочной ценности. Это была борьба за гегемонию в китайской революции, борьба между пролетарской и буржуазной тенденциями китайской революции. Больше того, эта борьба не укладывалась даже во всекитайские рамки, она бесспорно измерялась мировым масштабом. На этом участке, в этом соревновании между китайской буржуазией и пролетариатом решался вопрос: быть или не быть капиталистической стабилизации, быть или не быть новым успехам мировой пролетарской революции? Поэтому понятно, что противоречия между союзниками единого революционного фронта не сглаживались в борьбе против общего врага—империализма, а, напротив, в рамках этого единого фронта, внутри революционного лагеря, с самого начала происходила скрытая все обостряющаяся борьба.

Но, несмотря на полную противоположность буржуазной и пролетарской тенденций, для этих начальных моментов китайской революции, для этого исторического отрезка характерным являлось временное сожительство этих тенденций. И не только сожительство, но и одновременное их развитие. Успехи северного похода укрепляли позиции пролетарской тенденции тем, что вспахивали, сплачивали и поднимали к борьбе все более мощные пласты трудящихся, тем, что организационно и политически оформляли центры массового движения. А вместе с тем укреплялись позиции и китайской буржуазии. Буржуазия расширяла подвластную ей территорию, увеличивала и укрепляла свою армию, консолидировала свою политическую власть, укрепляла свои финансы. В таком диалектическом противоречии развивалась китайская революция.

Была ли правильна тактика китайской компартии на этом этапе? И да и нет. Она была правильна в смысле установления единого революционного фронта с национальной буржуазией, так как без этого были бы немыслимы быстрые успехи в борьбе против могучего, вооруженного до зубов империализма. Без этой коалиции были бы невозможны успехи северного похода. Пролетариат не смог бы с той быстротой, какой этого требовала революция, расправить свои члены, подтянуть резервы, поднять крестьянство с тем, чтобы в нем найти опору и мощного союзника. Развитие стачечной борьбы пролетариата, бурный размах крестьянского движения, рост организации рабочих и крестьян и темп этого роста свидетельствуют в пользу этой тактики, установленной китайской коммунистической партией и предсказанной еще Ильичем.

Но осуществляя эту тактику, киткомпартия допускала ряд чрезвычайно серьезных ошибок, вытекавших из неправильного понимания задач единого фронта. Вместе того, чтобы добиваться овладения политическим руководством путем участия в органах власти, киткомпартия взяла линию на неучастие в народно-революционном правительстве, линию на давление только «снизу», на роль оппозиции. Вместо того, чтобы максимально развивать

крестьянское движение под лозунгами конфискации земли и крестьянской власти в деревне (чем создавалась бы самая прочная гарантия победы пролетарской тенденции), киткомпартия сужи-вала и сдерживала движение крестьян лозунгами коалиции с помещиками и доведения арендной платы до 50% урожая. Вместо решительного развития движения пролетариата и воспитания его как гегемона революции, китайская коммунистическая партия зачастую притупляла классово-самостоятельные выступления рабочего класса в угоду неправильно понимаемому единому фронту. Киткомпартия практиковала систему уступок правым буржуазным и феодальным элементам, вместо решительного наступления на них. Занималась верхушечными комбинациями и сговорами с правыми вождями, вместо организации левых элементов, охвата и воспитания масс. Наконец, китайская партия почти ничего не сделала для овладения вооруженными силами, для создания своих преданных революции военных кадров. Молодой, еще не оперившейся партии, насчитывавшей только 1000 членов на весь беспредельный Китай, не обладающей ни достаточной организованностью, ни достаточным политическим опытом, действующей в сложнейшей обстановке, несмотря на героическую борьбу и колоссальные достижения на отдельных участках движения, удалось овладеть монополией и гегемонией в массовом движении, но у нее нехватало сил для политического руководства всем освободительным движением, для овладения гегемонией над революционной властью и армией.

Гегемония пролетариата на этом этапе проявлялась в своей начальной, низшей, неразвитой форме: лишь в форме руководства массовым движением. Армия и власть оставались под гегемонией буржуазии. Дальнейшее развитие революции подводило пролетариат к осуществлению высшей формы своей гегемонии: к захвату власти. Приближалась решительная схватка между пролетариатом и буржуазией.

Возрастание и углубление, чем дальше, тем в большей мере, противоречий между пролетарской и буржуазной тенденциями дошло до такой грани, когда дальнейшее сожительство этих двух тенденций в рамках единого революционного лагеря стало невозможным, когда развитие одной исключало развитие и укрепление другой. Этот переломный момент наступил тогда, когда национальные войска заняли долину реки Ян-цзы и район Шанхая—эти опорные пункты империалистического господства—и когда во всей остроте тем самым стал вопрос о путях дальнейшей борьбы с империализмом, о методах уничтожения его экономического и политического господства. Этот момент наступил тогда, когда революционные массы заняли английские концессии в Ханькоу и Цзю-цзяне, явив этим пример действительно революционных методов борьбы с иностранным капиталом. Момент этот наступил тогда, когда под влиянием успехов кантонских частей максимально возросла сопротивляемость империалистов и их нажим на китайскую национальную буржуазию. Наконец, этот момент наступил тогда, когда широким морем разлилось крестьянское движение, начавшее сметать феодальные устои китайской деревни, и когда классовая борьба пролетариата достигла высшей ступени его политической сознательности—победоносно проведенного восстания в Шанхае.

Все это выдвигало во всей остроте перед китайской революцией дилемму: или продолжать революционную борьбу против империализма, опираясь на массы, или стать на путь сжатия и уничтожения массового движения, начавшего угрожать господству вообще буржуазных отношений, стать на путь сговора и компромисса с иностранным капиталом. Буржуазия под давлением империализма и феодальных элементов, напуганная массовым движением, предводительствуемая Чан-Кай-ши, не могла не избрать второй путь. Пролетариат, крестьянство и значительные слои городской мелкой буржуазии, не в шутку поднявшиеся к борьбе в революции, продолжали итти по первому пути. Дороги бывших союзников резко и круто разошлись. Революция вступила в полосу кризиса. Это ставило киткомпартию перед серьезнейшим испытанием. А между тем, в эти критические дни не существовало руководящего аппарата китайской компартии. Он был разбит на две части. Большая часть китайских цекистов (Цю-Цю-бо, Джан-Го-Тао, Ли-Ли-сан) находилась в Ханькоу, выполнив директиву Коминтерна, заключавшуюся в том, чтобы ЦК китайской партии находился в том месте, где находится национально-революционное правительство, где находится ЦК Гоминдана, с тем, чтобы оказывать соответствующее влияние на дальнейшее развитие революции. Часть цекистов (фактически возглавлявших ЦК) осталась в Шанхае. При чем большинство цекистов, перебравшихся в Ханькоу, вело решительную борьбу против Чан-Кай-ши. В эти дни улицы Ханькоу и Учана были все разукрашены плакатами «Долой Чан-Кай-ши, долой изменника и предателя». Под этими же лозунгами проходили многочисленные демонстрации, способствовавшие общему под'ему настроения. В то же время оставшиеся в Шанхае цекисты (Чен-Ду-сю и Пын-Ши-джи) совершенно иначе ориентировали партию в вопросе о разрыве с Чан-Кай-ши. Они считали, что Чан-Кай-ши стал национальной фигурой, что его откол от революции настолько ослабит революцию, что она неизбежно потерпит поражение, что поэтому Чан-Кай-ши нужно сохранить, пойти ему на уступки, удовлетворить его требования. И когда было видно, что Чан-Кай-ши лихорадочно подготовляет силы для переворота, когда, наконец, прошла конференция в Шанхае и Нанкине, на которой присутствовали буржуазные и феодальные элементы, сгруппировавшиеся вокруг Чан-Кай-ши (в том числе кантонский диктатор Ли-Ти-син) и откуда пошли директивы о реакционном перевороте,—в этот момент руководство китайской коммунистической партии по существу было разделено и не только территориально, но и политически.

Одна часть—и большая часть—китайских цекистов вела в Ханькоу бешеную кампанию против Чан-Кай-ши, и в этом отношении она проделала огромную работу. Им удалось сплотить не только гоминдановские массы вокруг этого лозунга борьбы против Чан-Кай-ши, но удалось перетянуть на эту позицию и многих до этого колебавшихся гоминдановских вождей. Гоминдановские лидеры в тот момент совершенно не понимали характера разрыва с Чан-Кай-ши. Они считали, что весь спор носит исключительно личный и территориальный характер,—где быть столице—в Ухане или Нанчане, и не понимали, какая классовая сущность кроется за этим, якобы, территориальным спором. Но общий под'ем заразил и их, и под

давлением организованных масс они, в конце концов, заняли позицию решительной борьбы против Чан-Кай-ши.

Совершенно другая ориентировка в этом вопросе, исходившая от второй части руководства киткомпартии, привела фактически к тому, что и в Кантоне и в Шанхае революционные элементы не только не перешли в наступление против подымавшей голову реакции, но и не оказали этой реакции почти никакого сопротивления. И это несмотря на то, что в обоих этих решающих пунктах революция имела перевес сил в свою пользу (даже военных сил).

В Кантоне свыше ста восьмидесяти тысяч рабочих примыкали к революционным профсоюзам. Свыше 10.000 насчитывала коммунистическая партия в одном только городе и столько же комсомольцев. Свыше миллиона крестьян были об'единены в революционные союзы в Гуандунской провинции. Полторы тысячи пикетов были под ружьем. И вся эта сила не была выведена в бой. Партия не только не призвала к оружию трудящихся, но она, слепо руководствуясь директивами сверху, не решилась открыть кампании за переизбрание провинциального комитета Гоминдана, за демократизацию этой народной (по составу) партии. Нечего уже говорить, что кантонская организация даже не поставила перед собой вопроса об использовании революционной силы городской мелкой буржуазии. Но коммунистическое руководство в это время распространялось и на курсантов школы Вампу. Эта школа насчитывала около 6.000 штыков, способных драться, как львы. Эта школа на дважды полученные длиннейшие и любезнейшие письма Чан-Кай-ши ответила, что как ей ни дорог Чан-Кай-ши, но революция ей дороже и что она не служит отдельным зарывающимся генералам, а делу революции, делу трудящегося народа. В эти тревожные дни эта школа в полном составе по собственной инициативе явилась на заседание делегатского рабочего собрания с заявлением, что она по первому зову рабочих делегатов будет отстаивать интересы революции, интересы рабочих и крестьян. Но если Чан-Кай-ши понимал значение этой школы и беспрерывно бомбардировал ее открытыми льстивыми письмами, то коммунистический авангард кантонского пролетариата не обратился к ней ни с какими указаниями. Школа ждала призывов от людей, готовых бороться, бороться до конца. Эти призывы не последовали. Колебаниями, растерянностью, нерешительностью коммунистов воспользовалась реакция. Школа была окружена, по частям разоружена. Больше половины ее состава были заточены в тюрьмы, остальные либо успели скрыться, либо были присмирены.

Представители китайской реакции проявили лучшую маневренную способность. Неверно представлять себе, что реакционные перевороты были совершены только голой силой штыка. Ли-Ти-син, опиравшийся в основном на класс гуандунских помещиков и имевший в самом Кантоне лишь одну дивизию (и то не свою, а чанкайшистскую), сумел подобрать себе приверженцев среди других социальных элементов, сумел лучше организовать и использовать силы, которыми располагала реакция. Больше того, самый переворот он сумел облечь в политически-выгодные гоминдановские формы, в формы защиты партийно-гоминдановских прерогатив.

Реакция в Кантоне раньше всего провела идеологическую атаку против коммунистов. На все лады доказывалось, что коммунисты раскольники, что они меньшинство, которое хочет навязать свою волю большинству, что они дезорганизаторы освободительного движения и этим самым контрреволюционеры, пособники мирового империализма. Вслед за этим реакция сделала организационные выводы. Она реорганизовала провинциальный комитет Гоминдана. Эта реорганизация заключалась в том, что прежний комитет, более или менее демократически созданный, был разогнан, и на его место был поставлен другой, назначенный штабом. Реакционеры понимали, что без политической партии они не обойдутся, что партийную организацию нужно сохранить, но только в своих руках, и такую партию, за ширмой которой не трудно было бы проводить свою реакционную политику. Подготовляя свои вооруженные силы для борьбы против революции, реакция этим не ограничивается. Она тщательно подбирает себе сторонников и приверженцев на всех ступенях социальной лестницы. На примере Кантона можно было увидеть, как умело натравливались одни отряды рабочих против других; как реакция использовала реформистский союз механиков, насчитывающий в Кантоне 9 тысяч членов, и толкнула его на вооруженную борьбу против союза железнодорожников, примыкающего к революционной федерации; как она ловко натравливала крестьянские массы, находившиеся под руководством джентри, против революционных крестьянских союзов; как она использовала минтуань (деревенские стражники), силы которого находятся в руках господствующих классов в деревне, для разгрома революционных крестьянских союзов.

Реакция в Кантоне сумела сколотить блок, начиная от отсталых, реформистски настроенных рабочих и кончая помещиками. Реакция сумела использовать всякую брешь, каждую трещину внутри рабочего класса и крестьянства с тем, чтобы изнутри разложить и ослабить их революционные силы. Реакция проявила максимум решительности, настойчивости, политической сознательности и способности маневрирования. Коммунистический авангард кантонского пролетариата не нашел другого ответа подготовляющемуся реакционному перевороту, кроме лозунга нейтрализации Ли-Ти-сина. Кантонская коммунистическая организация, не найдя в себе силы, чтоб начать решительное наступление, не смогла, конечно, и обороняться. Одну за другой она сдавала свои позиции. Торжествующая реакция придавила и разметала все центры рабочего, крестьянского и коммунистического движения, с нечеловеческой жестокостью расправляясь с руководителями этих организаций.

Так обстояло дело в Кантоне. В Шанхае события разыгрались еще драматичнее и не менее трагично. За три дня до прихода кантонских войск Шанхай находился уже в руках восставших рабочих. Шанхайский пролетариат после двух неудавшихся (октябрь 1926 года и февраль 1927 года) провел третье (мартовское) победоносное восстание. В этом восстании он проявил чудеса храбрости и самопожертвования. Но на следующие же дни после победоносного восстания начали обнаруживаться слабые стороны и роковые ошибки коммунистического авангарда героического шанхайского пролетариата. По инициативе шанхайской коммунистической организации было создано

революционное шанхайское правительство из большинства представителей рабочих (все коммунисты) и меньшинства представителей крупной буржуазии. В этом проявилась чрезвычайно характерная для старого руководства переоценка революционности китайской буржуазии. Шанхайские товарищи жили еще под гипнозом старой линии и не представляли себе революционного правительства без участия буржуазии. Больше того, буржуазии отводилась (опять-таки по старым традициям) руководящая роль, несмотря на то, что ей в правительстве было предоставлено меньше мест. Это видно хотя бы из того, что когда представители буржуазии отказались участвовать в правительстве, то вообще не было созвано ни одного его заседания. «Какое это правительство, если будем только мы заседать», рассуждали шанхайские товарищи. Итак, в течение трех бурных недель Шанхай не имел власти, не имел организующих центров революционных сил. Результаты восстания этим самым сводились на смарку, а само восстание приобретало характер бесцельного путча. Зато, если шанхайские коммунисты, действовавшие по указаниям тамошних цекистов, придавали совершенно непонятное значение крупной буржуазии, то одновременно они совершенно недооценивали революционной роли местной мелкой буржуазии. Революционность последней находила историческую проверку в целом ряде событий, а в эти острые дни она ни в какой мере не была использована.

Цепь ошибок шанхайских товарищей на этом не замыкалась. Имея возможность вооружить десятки тысяч рабочих, создав этим прочную опору революции, они ограничились созданием полуторатысячного отряда пикетчиков. Распространяя свое влияние на комсостав стоявшей в Шанхае дивизии народно-революционной армии, шанхайский комитет, несмотря на согласие комсостава, отказался воспротивиться выводу этой дивизии из Шанхая, когда Чан-Кай-ши дал приказ о переброске ее на фронт. Для каждого младенца было ясно, что этим приказом Чан-Кай-ши начал разоружение революции и нанес первый удар по шанхайскому пролетариату. Эта дивизия на фронт не попала. Чан-Кай-ши отвел ее на незначительное расстояние от Шанхая, сменил комсостав, влил в ее состав небольшую преданную ему часть и вернул эту 26-ю дивизию обратно в Шанхай. Эта же дивизия, через несколько дней, 11 и 12 апреля, произвела разоружение пикетчиков, расстрел рабочих митингов, разгон рабочих организаций.

Не в пример пролетариату буржуазия, поворачивавшая колесо революции в сторону, на путь буржуазно-феодальной реакции, располагала хорошими вождями и талантливыми исполнителями своих замыслов. Кантон, бывший раньше основным центром антимилитаристического движения, она превратила в глубочайший тыл реакции. Шанхай с его передовым и сильнейшим пролетариатом она превратила в аванпост своей контрреволюционной политики. Победа буржуазии над пролетариатом в Шанхае и Кантоне больше чем наполовину предопределила на ближайшее время пути китайской революции. С этого трамплина буржуазии легче было прыгать дальше и распространить свое влияние на всю территорию, охваченную национально-революционными войсками. Правда, не сразу всюду восторжествовала реакция. На территории Ухана еще несколько месяцев теплились революционные искры.

Создались два центра: уханский, продолжавший высоко держать знамя революционного сун'ятсенизма, знамя революционной борьбы с империализмом, и нанкинский, сгруппировавший вокруг себя буржуазные и феодальные элементы, отколовшиеся от революции. Диалектика классовой борьбы привела под конец к тому, что уханские верхи спасовали перед Нанкином. Политически Нанкин одержал победу над Уханом. Но для начального момента характерно другое: характерна полная противоположность этих двух центров.

Если чанкайшистский центр после знаменитого обстрела империалистами Нанкина пошел на уступки, на сговор с иностранным капиталом, на ликвидацию фактически антиимпериалистического движения, то Ухан сохранял традиции революционного захвата массами иностранных концессий и во всех переговорах с империалистическими державами отстаивал национальную независимость Китая. Если нанкинская реакция с первых же шагов полностью отказалась от революционных заветов Сун-Ят-сена, взяв курс на разрыв с СССР, на подавление крестьянского движения, на разгром рабочих организаций, на полное и беспощадное придушение коммунистической партии,—то первые дни уханского центра характеризовались еще более бурным ростом крестьянских союзов, консолидацией сил коммунистической партии. В Кантоне, Сватоу, Шанхае, Нанкине, во всех городах и селах, оказавшихся под властью чанкайшистской реакции, с нечеловеческой жестокостью разделывались с руководителями массового движения. Во всех этих местах казни и расстрелы достигали неслыханных цифр. Рабочие и крестьянские организации были придавлены под тяжелым спудом разбушевавшейся реакции. А на уханской территории стачечная борьба приносила все новые победы китайскому пролетариату, крестьянские союзы за несколько месяцев в Хунанской провинции вскочили с 2.000.000 до 5.000.000 членов, а в Хубее—с 600.000 до 2½ миллионов. Крестьяне в этих провинциях конфисковали помещичьи земли, изгоняли помещиков и джентри, вооружали свои отряды, создавали специальные суды над джентри, захватывали фактически власть в деревнях.

В эти дни лидеры Уханского Гоминдана декларировали, что «осуществление целей национальной революции зависит от пробуждения крестьян всего Китая. Наша партия всегда будет защищать и бороться за интересы крестьян и всегда будет поддерживать законную борьбу крестьян для того, чтобы все привилегированные классы, угнетающие их, лишились оказываемой им поддержки, чтобы прекратились притеснения крестьян и чтобы угнетенные крестьяне действительно смогли освободиться. В этом заключается историческая миссия нашей партии, и она не должна проявлять колебаний в осуществлении ее». И как бы расшифровывая это заявление, лидеры Уханского Гоминдана писали в декларации от 19 марта 1927 года, что «участие крестьян в национальной революции выразится не только в оказании поддержки военным операциям революционных войск, но и в лишении власти местных паразитов, беззаконных джентри и в уничтожении привилегированного положения феодальных помещиков в деревнях, которые наиболее жестоко угнетают кре-

стьян. Империалисты, милитаристы и подкупные чиновники базируются на этом привилегированном классе, т.-е. на помещиках, для угнетения крестьян. Поэтому привилегированный класс является базой для империалистов, милитаристов, подкупных чиновников и всех контрреволюционеров. Если власть помещиков не будет уничтожена, то, хотя с внешней стороны империалисты, милитаристы, подкупные чиновники и вообще контрреволюционеры будут казаться побежденными, на самом же деле база для ее осуществления не будет уничтожена, и им будет предоставлена возможность изменить характер революции... Поэтому революция должна произвести в деревне большую перемену. Каждая деревня должна подвергнуться большому процессу изменений для того, чтобы, находясь под властью крестьян, окончательно подавить деятельность местных паразитов, беззаконных джентри, помещиков и контрреволюционеров. Политическая власть в деревнях, которая принадлежит местным паразитам, беззаконным джентри, помещикам и контрреволюционерам, должна быть передана крестьянам; в деревне должен быть создан демократический самоуправляющийся орган власти под руководством крестьян. Это—единственный путь к проведению демократической политики». И дальше: «Земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает». «Если крестьянам не будет дана возможность владеть их собственной землей, они не будут в состоянии поддержать революцию до победного конца. Поэтому наша партия решила поддержать крестьян в их борьбе за землю, пока земельный вопрос не будет разрешен».

В эти дни Уханский Гоминдан извергал проклятия по адресу изменника Чан-Кай-ши, издавал грозные декреты против кантон-шанхайской реакции, продолжал борьбу против северных милитаристов, принимал резолюции о созыве провинциальных народных собраний, поручал коммунистам руководство министерствами внутренних дел, земледелия и труда, проводил об'единенные конференции с коммунистами, клялся в верности союзу с рабочим классом и крестьянством и на деле не препятствовал дальнейшему росту и под'ему массового движения.

В эти дни состоялся не только легальный созыв 5 с'езда компартии, но своим присутствием и приветствием на этом с'езде уханские лидеры—Тан-Ен-кай, Ван-Тин-вей, Сю-чен—как бы демонстрировали установление, казалось, нерушимой связи с коммунистическим движением.

Этот период продолжался недолго. Очень скоро началась эволюция Уханского Гоминдана, бросившая, в конце концов, его вождей в об'ятия нанкинской реакции. Процесс поправения Уханского Гоминдана означал переход мелкобуржуазных вождей, а вместе с ними и значительных слоев городской средней и мелкой буржуазии в контрреволюционный лагерь буржуазии. Эти мелкобуржуазные вожди, вознесенные на гребне волны массового движения, стоявшие все время между молотом и наковальней, между рабоче-крестьянскими массами и китайской буржуазией и помещиками и плетшиеся вначале в хвосте революционного движения масс, натолкнувшись на трудности и препятствия, стоявшие на пути дальнейшего развития революции, не найдя в себе сил для их преодоления, напуганные успехами и не менее напуганные первыми поражениями массового движения, повернули свое лицо в сторону буржуазно-феодальной реакции.

Но поворот Ухана вправо определился не сразу. Ухан пережил свою революционную весну. И если китайская коммунистическая партия в Шанхае и Кантоне не сумела оказать сопротивления реакции, то уханские коммунисты не развили в нужной мере успехов движения, не закрепили под'ема и этим не обеспечили этот центр от поворота вспять. И здесь, но несколько в иной форме, нехватило решительности, политической оформленности, тактической ясности. Нужно было раньше всего (и в этом заключалась основная задача) движение поднять до такой высоты и настолько закрепить позиции борющихся масс, чтобы этим под'емом не воспользовался конкурирующий с Чан-Кай-ши генерал Тан-Шен-джи. Уханские коммунисты, обескураженные поражением шанхайского и кантонского пролетариата, больше всего опасались переборщить и лишиться последних благоприятных условий для открытой и широкой массовой работы. Поддержка Ухана пролетариатом, совершенно необходимая перед лицом чанкайшистской реакции, когда Ухан решительно порвал и готовился обрушиться против Нанкина, не должна была доводиться до утраты пролетариатом своей роли, как гегемона революции. Не доведенная до конца активность, недоделанность под'ема приводила лишь к выдвижению и укреплению позиций Тан-Шен-джи (ловко скрывавшегося за ширмой национального правительства), на мельницу которого полилась фактически вся вода от поднявшейся волны массового движения против изменничества Чан-Кай-ши.

Это была крупнейшая ошибка, приведшая, в конце концов, к гибели Ухана как революционного центра. Недоделанность эта находила себе место уже в том, что не были сделаны решительные попытки к вооружению масс, к демократизации Гоминдана. Вожди Годиндана не чувствовали позже никакого давления левонастроенных масс. Массы не были вовлечены в аппараты власти, а старые органы власти не были разрушены. Власть не была демократизирована. Национальное правительство находилось все время под давлением военщины, а не масс, организованных в государственные и низовые органы власти. Величайшее орудие организации и воспитания масс—революционная демократическая власть не была создана. В этих условиях участие коммунистов в правительстве могло скатиться лишь к верхушечному комбинаторству. Характерно, что по чрезвычайно важному тогда вопросу,—продолжать ли Ухану борьбу с северными милитаристами (мукденцами) или двинуть свои войска против нанкинских изменников,—коммунисты не имели своей точки зрения и оставляли решение этого вопроса самому Гоминдану. Наконец, у коммунистической партии не было ясной программы революции. И острее всего в эти первые дни уханского центра сказывалось отсутствие у коммунистов определенной платформы в аграрном вопросе. На заседании аграрной комиссии ЦК Гоминдана, происходившем еще в апреле 1927 года, представители компартии, следуя директивам своего ЦК, чуть ли не ежедневно меняли свое мнение по этому кардинальному вопросу. Выдвинув вначале требование конфискации всей земли, сдаваемой в аренду, они затем согласились на конфискацию земли только у контрреволюционеров (так называемая политическая

конфискация), а под конец сошлись на том, чтоб отказаться вообще от требования немедленной конфискации, а признать лишь в принципе конфискацию всей земли, за исключением земель мелких землевладельцев. Колебания гоминдановцев при решении этого вопроса в аграрной комиссии переносились на коммунистов и приводили к чрезмерной уступчивости коммунистов, что в свою очередь сводило на-нет результаты работ этой комиссии.

Так складывалась обстановка к концу апреля 1927 года в Китае, когда должен был состояться пятый с'езд китайской коммунистической партии. На его долю выпадала чрезвычайно важная роль.

На этом с'езде киткомпартия производила смотр своих сил. Он собирался спустя два с лишним года после предыдущего с'езда. Ему предшествовала полоса бурного под'ема революционного движения; эти два года были наполнены шанхайскими событиями лета 1925 года, гонконгской стачкой, образованием кантонской власти—гуандунского центра антиимпериалистического движения, началом и развитием северного похода, небывалым размахом рабочего и крестьянского движения. С'езд происходил в условиях, когда борьба против империализма достигла неслыханной остроты. Под жерлами пушек иностранных военных судов, при вплотную надвинувшейся угрозе открытой империалистической интервенции собирался V с'езд компартии. Он открывался в момент, когда классовая дифференциация внутри революционного лагеря привела к отколу буржуазии и перебежке ее в лагерь помещичьей компрадорской реакции; в момент, когда остро стал вопрос о гегемонии пролетариата, о завладении им руководства над революционной армией, властью и колеблющейся городской мелкой буржуазией. В момент, когда китайская коммунистическая партия выявила свою недостаточную подготовленность к руководству сложнейшими событиями, перед с'ездом стояла задача оформления всей программы революции, намечения тактической линии, об'единения и организационной спайки всей когорты коммунистов, мужественно сражавшейся на отдельных участках революционной борьбы. С'езд должен был спаять китайских коммунистов на единой политической платформе, данной в решениях VII пленума Исполкома Коминтерна, подвести итоги прежней деятельности, выявить имевшие место ошибки и осветить дальнейший путь развития революции.

(*Продолжение следует*)

Г. Лухани.

Опасность войны против СССР и английские военные подготовления в Индии.

Введение. — Антисоветская пропаганда. — Английская политика на границах Индии.—Подготовка к войне. — Англо-индийская армия. — Военный бюджет. — Промышленный базис военной политики. — Роль «индийских государств». — Союз империалистов с национальной буржуазией.

Все нынешнее международное положение определяется обострением в официальных отношениях между СССР и Великобританией, вызванным преднамеренной провокационной политикой болдуинского кабинета и нашедшим выражение в формальном разрыве дипломатических сношений. Логически ближайшей стадией этого процесса должна явиться, раньше или позже,—если только консервативное правительство Великобритании в своем нынешнем настроении крайней безответственности будет беспрепятственно продолжать играть свою хулиганскую роль нарушителя мира во всем мире,—активная военная интервенция против СССР.

В нынешней стадии становится необходимым близко ознакомиться с теми подготовлениями, которые Великобритания ведет в Индии с целью осуществления своей военной политики. Английские империалисты в высшей степени активно работают в Индии, стараясь сделать ее отправным пунктом военных действий против СССР. Географическое положение Индии, ее колоссальные ресурсы как в области сырья, так и в отношении человеческого материала, нынешняя организационная слабость ее национально-революционного движения,—все эти факторы делают Индию особенно важным пунктом антисоветского фронта, организуемого английскими империалистами.

Как уже отмечалось в печати, при обсуждении афганской политики англо-индийского правительства — «деятельность ангийского правительства в Индии является в каждый данный момент крайним выражением английской политики, стремящейся к организации наступления против СССР со стороны Южной Азии».

Приготовления Англии в Индии к будущей войне против СССР не являются чем-то новым, но они в настоящий момент ведутся особенно интенсивно в виду того оборота, который принимает мировое положение, обостряющее опасность разложения внутри Британской империи. Вследствие этого английские империалисты вынуждены вести все более отчаянную наступательную политику против СССР.

Подготовления, которые Англия ведет в Индии против Советской России, начались еще во время интервенции, предпринятой

союзниками в СССР (тогда РСФСР), в конце империалистической войны в 1918 году. Нет необходимости заниматься здесь детальным обзором интриг Англии и ее попыток начать военную интервенцию, начавшихся с того времени на советской территории, ныне охватывающей республики Туркменскую и Узбекскую. Достаточно упомянуть, что английские офицеры во главе небольших отрядов,—как, например, полковник Этертон,—посланные англо-индийским правительством, опустошали территорию Средней Азии, принадлежащую СССР и что эта деятельность прекратилась лишь после окончательного укрепления советской власти в Средней Азии. Афганистан остался, однако, на более долгий период центром английских интриг. Советско-афганский договор, заключенный в прошлом году и недавно ратифицированный, предназначен служить противоядием против этих интриг.

Таким образом, английский военный стратегический фронт против СССР в Южной Азии постепенно отодвигался назад. Этот фронт, собственно говоря, охватывает ныне северо-западные границы Индии от Белуджистана на юге до Памирских высот на севере. Вдоль этого фронта и в тылу его английское правительство стремится путем постоянных активных подготовлений—политических, экономических и военных—обеспечить свое будущее наступление на СССР.

Английские власти в Индии,—главным образом, через посредство принадлежащих англичанам газет,—ведут антисоветскую пропаганду по трем линиям.

В первую очередь английская печать в Индии фальсифицирует информацию об условиях жизни внутри СССР. Фактическая политическая блокада, которая отделяет Индию от остального мира, облегчает распространение фантастических сообщений в этой области. Так, например, в глазах индийской публики до сих пор пытаются изображать СССР, как страну, в которой материальные условия жизни упали до примитивного уровня, как страну, в которой правительство сохраняет власть лишь благодаря диктатуре, направленной против ненавидящих его масс. Таким образом стремятся создать впечатление, что фундамент власти внутри страны слаб по сравнению, например, с прочно стоящей на ногах Британской империей. Этого сорта пропаганда стремится внушить угнетенному народу Индии представление о несравнимой мощи Британской империи и подорвать его веру в то, что, когда начнется его борьба против английского империализма, он сможет рассчитывать на помощь извне со стороны могущественного государства.

Во-вторых, индийскую буржуазию пугают тем, что советская политика в отношении разных стран земного шара имеет своей непосредственной задачей вызвать гражданскую войну между богатыми и привилегированными классами, с одной стороны, и «низшими слоями общества» (в Индии—кули и презренные парии)—с другой. Таким образом, используя страх перед гражданской войной, газеты предостерегают соответствующие категории индийской буржуазии против опасности сочувственной ориентировки в сторону СССР.

В-третьих, английские власти в Индии постоянно говорят о предполагаемой опасности вторжения в Индию с севера. В связи с этим делается попытка выдвинуть угрозу «красного

империализма». Империалистические публицисты в Индии пытаются уничтожить различие между царистской Россией и СССР. Советскую Россию они изображают, как прямую наследницу империалистической восточной политики царя. Так, например, в книге «Индия в 1924—25 г.» (официально подготовленной для английского парламента) говорится:

«Традиционная политика России, применение которой было временно приостановлено в результате соглашения 1907 года (соглашение между Греем и Извольским о разделе Персии), ныне возобновилась в новой, еще более грандиозной форме. Целый поток противоанглийской пропаганды направлен против более слабых пунктов на периметре английской зоны. Значение этого нового наступления, которое Россия предпринимает в направлении к Индии, состоит главным образом в том факте, что советская политика имеет своей явной целью выполнение революционных задач Третьего Интернационала».

«Представляется невозможным поверить в то, что нормальные отношения между Россией и Британской империей могут быть возобновлены до тех пор, пока подпольная революционная деятельность III Интернационала, имеющая целью расширение русского влияния в Азии, не будет совершенно прекращена». Последняя часть цитаты имеет поразительное интимное сходство со стилем нот английского правительства к СССР.

Следует отметить, что разные линии пропаганды англо-индийской печати против СССР находятся в противоречии друг с другом. С одной стороны, индийскую публику уверяют в том, что Советская Россия не в состоянии состязаться с могущественной Британской империей, а с другой стороны, газеты сообщают, что Советская Россия в состоянии предпринять грандиозное наступление на Индию.

Английская печать прекрасно понимает это противоречие. Так, например, в статье, напечатанной в выходящем в Лагоре «Заминдар» (орган мусульманской буржуазии) в номере от 18/VII 1926 г., говорится, что когда англичане стремятся «вызвать в сердцах индийского народа страх перед вторжением русских», тогда говорится, что «организация Красной армии находится на высоте» и что «она снабжена наиболее современным наступательным и оборонительным оружием и транспортными средствами; внутри же страны транспортная связь организована самым лучшим образом, и ни одна армия в мире не превосходит русскую Красную армию в отношении организации и подвижности». Но, с другой стороны, говорится также, что «правительство большевиков находится в очень плохом положении», что «по всей стране сельское хозяйство и промышленность упали до крайнего предела... Торговля находится в состоянии депрессии, и пути сообщения... не восстановлены».

В течение последнего года, однако, выяснилась определенная линия пропаганды, которая пользовалась особенным покровительством английских властей. Она состоит в том, чтобы уделять все больше и больше места угрозе «вторжения русских». В июле полковник генерального штаба английской армии в Индии Саундерс произнес сенсационную речь о «красной опасности» в Индии. Следует вспомнить, что эта речь была произнесена в тот момент, когда твердолобые элементы консервативного правительства в Англии попытались вызвать разрыв англо-

советских дипломатических сношений, пользуясь паникой, возникшей в результате всеобщей стачки. Полковник Саундерс в своей речи, произнесенной в Калькутте, заявил:

«Большевизм в настоящее время является врагом всех цивилизованных наций, и Британская империя должна вынести главный удар в этой атаке. Главная атака, как заявляют сами советские вожди, направлена против Индии. Мы таким образом знаем, чего нам следует ожидать, и здравый смысл заставляет нас предпринять необходимые для самообороны шаги. Это—стратегическая проблема первой важности, затрагивающая интересы всей Британской империи».

В то же время калькуттский корреспондент лондонского журнала «Нир Ист энд Индиа» 27/VII — 26 года писал, что «старая русская угроза на границе уступила место более тонкой, более мрачной, более постоянной и, вероятно, гораздо более опасной русской угрозе».

Переходя к новейшему времени, мы узнаем, что такая официальная персона, как главнокомандующий английской армией в Индии, дает новый лозунг для антисоветской пропаганды. В начале марта текущего года главнокомандующий, в связи с дебатами о военном бюджете в законодательном собрании в Дели, когда националисты обратили внимание на большие расходы, идущие на содержание английской армии в Индии, в ответ на эту критику сделал важное заявление в Государственном Совете (верхняя законодательная палата), в котором указывалось, кто является тем врагом, против которого содержатся в Индии военные силы, вызывающие такие расходы. Он сказал:

«Имеется налицо потенциальная опасность в лице большевистской угрозы, о которой мы постоянно должны помнить. Еще раньше, чем мы успеем оглянуться, в Индию может вторгнуться огромная армия. Мы имеем всегда перед глазами северо-западную границу, но я должен сказать, что мы должны очень строго наблюдать также и за тем, что происходит на северо-восточной границе. Мы знаем, что делает большевистская пропаганда не только в Афганистане, но и в Китае. Может наступить время, когда большевистская угроза надвинется на нас. Мы видим, что большевики никогда не устают от своей пропагандистской работы. Как в Афганистане, так и в Китае они ведут очень сильную пропаганду. Если мы уменьшим нашу армию в Индии, то я без малейшего колебания заявляю, что Индия пострадает так, что она никогда уже больше не оправится».

Как это было уже с произнесенной ранее речью полковника Саундерса, вышеприведенное заявление главнокомандующего точно совпало с моментом новой и более энергичной пропагандистской кампании, которая началась в Англии и апогеем которой был обмен нотами между Чемберленом и Литвиновым. Это означает, что англо-индийское правительство является весьма чувствительным барометром, отмечающим тенденции лондонского империалистического кабинета, и что оно готово пустить в ход все ресурсы, предоставляемые ему его господством в Индии для выполнения какого бы то ни было плана наступления на СССР из Южной Азии.

Подготовка к войне больше всего обнаруживается на северо-западной границе, т.-е. на той границе, которая отделяет Индию

от Афганистана и которая в самом северном своем секторе подходит ближе всего к территории СССР.

Английскому правительству в проведении своей военной политики на северо-западной границе постоянно приходилось считаться с местным политическим положением. Ценность военных приготовлений на этой границе находится в весьма значительной степени в зависимости от того, насколько английскому правительству удастся нейтрализовать постоянную враждебность храбрых горных племен, всегда ведших партизанскую войну с английскими военными экспедициями, охраняя свою независимость. Последняя англо-афганская война (1919 г.) очень ясно показала, на чьей стороне находятся политические симпатии этих племен.

Они занимают недоступную территорию, имеющую большое значение для развития стратегии Англии. Топографические особенности требуют по крайней мере нейтралитета со стороны местного населения, иначе английское правительство не сможет транспортировать свои войска для того, чтобы начать наступление за пределами Индии. Все эти племена вместе насчитывают более двух миллионов человек. Нижеследующая цитата из книги «Индия 1924—25 г.» показывает, что думает английское правительство об этих племенах:

«Их воинственный дух и крайняя преданность тому, что для них доступно из мусульманской религии, делает из них страшных врагов; варварское же их состояние и дикий дух независимости образуют постоянную угрозу для безопасности Индии. Трудно сговориться с ними, но усмирение их явилось бы геркулесовской задачей. Они образуют постоянный авангард для вторжения, авангард, находящийся в пределах самой Индии. Они могут выставить приблизительно около полумиллиона бойцов, при чем значительная часть из них вооружена современными ружьями... Они образуют благоприятную почву для идущих извне интриг. Здесь существует постоянная серьезная опасность внезапного взрыва фанатизма, могущего зажечь такой пожар, который охватит всю границу. Задачей английских и индийских офицеров из политического департамента является взять в руки эти беспокойные племена».

Эта задача является политической проблемой английского правительства на северо-восточной границе. Сперва оно начало выполнять эту задачу путем отправки очень дорогостоящих военных экспедиций. Когда эти экспедиции провалились, английское правительство перешло к политике признания власти вождей, которым оно стало выплачивать весьма щедрые субсидии за обещание сохранения нейтралитета. Что же касается отдельных членов этих племен, то «им платят жалованье за хорошее поведение; наиболее храбрые из них приняты на службу в качестве местных стражников для охраны порядка в пределах территории их собственных племен». Все это означает не что иное, как подкуп в широких размерах пограничных племен с целью проложить путь для проведения английской военной политики в Южной Азии.

В самое последнее время английское правительство начало проводить политику оккупации целых территорий отдельных племен и подчинения их администрации Британской Индии. Эта политика проводилась энергично, в особенности в отноше-

нии важного сектора—Вазиристана. По всей территории были размещены набранные из местных жителей отряды, находящиеся под командой английских офицеров, с той целью, чтобы людям не оставалось возможности «натворить неисчислимое зло, идя навстречу постоянным интригам, идущим как из-за границы, так и изнутри, со стороны элементов, враждебных делу мира в Индии».

Далее английское правительство с целью привлечения симпатий не менее воинственного населения провинций, расположенных на восточной границе и находящихся под английским управлением, показало свою готовность распространить «осторожное применение реформированной конституции на эти провинции».

В других странах, расположенных на границах Индии, английское правительство также никоим образом не оставалось пассивным. В Тибете, расположенном на северной границе Индии, вдоль Гималайского хребта, политическая обстановка оставалась спокойной со времени китайской революции 1911 года. Английское правительство, однако, поддерживает «весьма дружественные» сношения с Тибетом, и тибетцы, «как видно, ценят благожелательное отношение к ним индийского правительства как фактора, который может принести им значительную пользу». Тибетское правительство под руководством нынешнего далай-ламы получило помощь в целях «модернизации вооружения и усиления своей армии».

Взаимоотношения английского правительства с вассальным государством Непал являются результатом весьма искусной политики. Это государство, имеющее население в 5 миллионов человек, занимает Гималайское плато, расположенное между Тибетом и границей собственно Индии. Нынешние его политические взаимоотношения с английским правительством такие же, какими были взаимоотношения между Англией и Афганистаном до Афганской войны за независимость 1919 года; это означает, что внешние сношения Непала строго контролируются английским правительством.

Дальнейшей интересной чертой англо-непальских отношений является тот факт, что «некоторые части населения (Непала) снабжают англо-индийскую армию прекрасными солдатами, великолепно бившимися во время Великой войны». Эти солдаты «гурка»—так называются непальские солдаты—фактически образуют значительную часть туземной армии в находящейся под английским управлением части Индии. Английское правительство в широких размерах пользуется ими при отправке экспедиций за пределы Индии и в отличие от других индийских солдат—для подавления революционных восстаний внутри Индии. Это об'ясняется тем, что эти «гурка», политически совершенно несознательные, вследствие того, что они родились в отсталых горных областях, легко дают себя использовать в качестве орудия британской империалистической политики. «Дипломатические отношения» между британской Индией и Непалом регулируются якобы «договором», ратифицированным в 1925 г. Согласно этому договору каждая из стран «согласилась информировать другую о каких бы то ни было трениях или недоразумениях с государствами, либо территориями, прилегающими к их общим границам. Английское правительство признает право Непала на ввоз через Британскую Индию оружия, амуниции и военных

материалов до тех пор, пока английское правительство будет уверено в том, что намерения непальского правительства носят дружественный характер. Со своей стороны непальское правительство согласилось на воспрещение экспорта оружия и амуниции через его границы».

Переходя к северо-восточной границе между Бурмой и китайской провинцией Юнань—эта граница имеет протяжение приблизительно в тысячу миль—мы наблюдаем здесь сильное развитие деятельности Англии в настоящий момент. Здесь расположен специальный отряд англо-индийской армии, носящий название Бурманского пограничного корпуса. В начале этого года английский главнокомандующий, речь которого мы выше цитировали, специально посетил эту границу в разведывательных целях. В настоящий момент, как хорошо известно, здесь находится экспедиционный отряд, снабженный тяжелой артиллерией, который занял стратегические позиции на китайско-бурманской границе под тем предлогом, что он является будто бы «экспедицией для уничтожения рабства среди горных племен».

«Капитал», орган английских финансистов в Калькутте, сообщал в июле прошлого года о том, что «индийская армия подготовлена к тому, чтобы выступить в поход в каждый момент с целью занять горный проход (очевидно Киберский проход на индо-афганской границе) еще до того, как нация в тылу будет мобилизована».

Военные подготовления на северо-западной границе принимают форму создания цепи недавно построенных фортов и воздушных баз. Об одном из этих фортов, а именно о Кетте (в Белуджистане) сказано, что он «является в настоящее время одной из лучших стратегических позиций в мире» и что «все сделано, что могло быть сделано с точки зрения современной науки, для того, чтобы технически укрепить его природную неприступность».

Особенное внимание было уделено военной авиации. На этой границе часто производятся воздушные разведки, при чем последняя из них была предпринята вице-королем Индии. В то же самое время вся пограничная полоса покрыта тщательно обдуманной транспортной сетью. Наконец, закончена и открыта для движения стратегическая железнодорожная линия, соединяющая индийскую железнодорожную сеть с границей. Новая линия доходит до Киберского прохода, известного прохода в пограничном горном хребте, через который наступающие армии входили и выходили из Индии в прошлые века.

Главным орудием военной политики английского правительства является англо-индийская армия. В добавление к ней в Индию от времени до времени отправляется из Англии известное количество батальонов, принадлежащих к английской армии. Из этих именно батальонов набирались те отряды, которые были посланы недавно в Шанхай и Гонконг. Англо-индийской армии при этом не коснулись за исключением пенджабских полков, часть которых была также послана в Китай.

Состав англо-индийской армии ясен из следующей таблицы:

Англо-индийская армия.

Регулярные войска:

Английские солдаты	68.370
Индийские »	143.446

Резервы:

Вспомогательные войска (принудительно рекрутируемые из англичан, живущих в Индии)	36.804
Территориальные войска:	
Составленные из добровольцев, принадлежащих к индийской мелкой буржуазии и интеллигенции	18.600
Войска вассальных феодальных государств	—
Солдаты, закончившие службу и зачисленные в резерв	12.000
Пограничная милиция:	
Сцециальные отряды на сев.-зап. границе	—
Всего	279.220

Вышеприведенные цифры не исчерпывают, конечно, того человеческого материала, который английское правительство может использовать в Индии в случае войны. Размеры, в каких Англия использовала человеческий материал Индии во время последней империалистической войны,—как это видно из нижеприведенной таблицы,—являются характерным указанием в этом отношении.

Человеческий материал Индии во время последней империалистической войны.

Регулярная и резервная армия при взрыве войны	194.000	
Набранная во время войны	791.000	
Занято вне пределов Индии		552.000
Всего принимавших участие в войне индийцев	985.000	
Нестроевой человеческий материал при взрыве войны	45.000	
Нестроевой человеческий материал, набранный в течение войны	427.000	
Занято вне Индии		391.000
Всего	473.000	
Общий итог индийских солдат во время войны	1.457.000	
Всего занято вне Индии		943.000

В связи с этим следует также отметить выработку плана введения представителей землевладельческих и крупнобуржуазных слоев в англо-индийскую армию в качестве офицеров. В Индии была основана военная школа, и некоторые из ее студентов уже поступили в армию в качестве офицеров. Этот процесс «индианизации» армии идет в настоящее время очень медленно, так как английское правительство не в состоянии решить вопрос о том, насколько национальная буржуазия окажется «национальной» и насколько она окажется «буржуазной» во время ближайшего революционного кризиса. Но во всяком случае для общей политической линии правительства характерна эта мысль о введении туземной феодальной аристократии и крупной буржуазии в империалистический правительственный аппарат.

Нижеследующая таблица показывает пропорциональное отношение военных расходов ко всем доходам Индии в течение последних 5 лет.

Сравнительная таблица доходов и военных расходов в Индии.

Годы	Весь доход	Военный расход
	в фунтах стерлингов	
1923—24	88.712.000	37.413.000
1924—25	92.040.000	36.830.000
1925—26	87.510.000	37.350.000
1926—27	86.850.000	36.620.000
1927—28 (приблизит.)	85.911.000	36.620.000

Таким образом, в течение долгого времени было общеизвестным фактом, что немногим более половины всего дохода Индии уходило ежегодно на содержание английской армии и ее вспомогательных учреждений. Военный характер империалистического управления страной находит ясное выражение в этих расходах, которые, считая на голову населения, превосходят расходы всякой другой страны с подобной производственной способностью. Какие бы они ни делали политические уступки, английские империалисты, не останавливаясь ни перед какими расходами, держат свои орудия подавления и экспансии на высоком уровне. Можно даже сказать, что чем больше делается уступок, тем сильнее становится забота о сильной армии, которая является последней «санкцией».

Атака националистов на военный бюджет возобновляется ежегодно. В начале этого года военный бюджет был отклонен националистическими партиями в Законодательном Собрании (отклонение не имело никаких практических последствий, так как согласно существующей «конституции» вице-король может восстановить указом отклоненные статьи бюджета).

Интересно, однако, отметить, что характер оппозиционного отношения националистов к военному бюджету изменяется. Раньше бюджет подвергался нападению с той точки зрения, что он представляет невыносимую тяжесть для ресурсов Индии. В настоящее время правые националисты согласны принять без особых возражений заявление империалистов, будто эти расходы необходимы в целях «национальной обороны». Главным пунктом их критики является утверждение, что они не участвуют равномерно в «национальной обороне». В одном из органов Национального Конгресса мы читаем:

«Десять лет назад одним из справедливых, хотя и постоянно повторявшихся пунктов критики бюджета было заявление, что военные расходы чрезмерны. В настоящее время критика сводится к осуждению расовой привилегированности и оскорбления индийской молодежи, лишаемой права национальной обороны».

Националисты сделали требование о предоставлении им «права национальной обороны» главным пунктом своей парламент-

ской программы. Вождь сварадженстской партии настолько далеко отошел от официальной сварадженстской политики «постоянной и однообразной обструкции», что согласился стать членом правительственной комиссии, назначенной для обсуждения способа более быстрого введения «индийской молодежи» в англо-индийскую армию в качестве офицеров. Во время нынешней парламентской сессии резолюция, требовавшая немедленного опубликования доклада этой комиссии, прошла весьма значительным большинством голосов националистических депутатов.

Общеизвестно, что английское правительство помогло путем установления правительственных тарифов и посредством специальных субсидий созданию в Индии стальной промышленности, главным представителем которой является индийская фирма «Тата энд К°» (Джамзетспур, Центральная Индия).

Внешняя политика английских империалистов в высшей степени однообразна во всем мире. Не следует, конечно, думать, что английские империалисты сошли со своего обычного пути и создали на индийском рынке конкуренцию для своей собственной, работающей в Англии, стальной промышленности исключительно из чувства любви к индийским капиталистам. Не подлежит сомнению, что серьезный и дальновидный мотив деятельности империалистов, поощрявших развитие индийской стальной промышленности, состоял в создании промышленного базиса в Индии, опираясь на который можно будет в будущем вести агрессивную военную политику. Англо-индийское правительство не делало секрета из своего намерения оказать «покровительство» индийской стальной промышленности. В докладе официального тарифного управления (учрежденного в целях оказания «покровительства» индийской промышленности) первый параграф констатирует, что «стальная промышленность удовлетворяет тем трем требованиям, которые финансовая комиссия считала достаточными в обычных случаях для того, чтобы какая-либо отрасль промышленности могла выставить требование о покровительстве». Но эта отрасль промышленности «является также важной отраслью *с точки зрения самообороны*, и она имеет большое значение с точки зрения национальных мотивов. Поэтому она имеет право требовать покровительства даже в том случае, если она *даже полностью не отвечает обычным требованиям*» (курсив наш. *Л.*).

Дальнейшее об'яснение того, почему английское правительство так сильно стремится предоставить особые привилегии в своей тарифной политике индийской стальной промышленности, мы находим в статье напечатанной в газете «Капитал», выходящей в Калькутте (номер от 28/I—25 г.). Статья эта подчеркивает настоятельную необходимость спасения фирмы «Тата», чего бы это ни стоило, и настаивает на том, что индийское правительство и индийские империалисты должны совместно работать с целью предотвращения ликвидации этого предприятия, так как это было бы равносильно катастрофе. Статья выражает надежду, что «будет решено платить эту большую сумму в течение трех лет в знак признательности за услуги, оказанные компанией правительству и стране во время мировой войны».

Мы находим затем в статье знаменательное заявление, гласящее, что «если бы могли быть раскрыты архивы управления снабжением армии, то прекратились бы всякие сомнения относительно огромной суммы, которою государство владеет в предприятиях компании «Тата». Но, и не знакомясь с архивом английского правительства, мы знаем, что компания «Тата» поставляла большие количества амуниции для азиатских экспедиций английской армии во время войны. Мы знаем далее, что та же самая компания поставляла рельсы для постройки железных дорог в Месопотамии с целью помочь Англии усилить свое экономическое и политическое влияние в этой стране.

То, что индийская сталь должна сыграть еще большую роль в ближайшей мировой войне, ясно видно из масштаба нынешней продукции. В 1925 г. все потребление стали в Индии равнялось 627 тыс. тонн, из которых не менее 481 тыс. тонн было ввезено и лишь 146 тысяч тонн было выработано в Индии. Результатом этого покровительственного тарифа было, во-первых, снижение всего потребления. Но затем было вычислено, что для 1927 года потребление опять поднялось до первоначальной цифры в 627 тысяч тонн с той разницей, однако, что лишь немногим менее половины, т. е. 363 тысячи тонн, ввезены, и целых 264 тысячи тонн выработаны в Индии.

Важное значение производства стали в Индии в случае войны очевидно. Но это явление окрашивается в еще более мрачный цвет, если принять во внимание, что английский империализм обнаружил большое коварство, об'единив дальнейшее развитие своей империалистической политики с интересами растущего капиталистического класса Индии.

Стальная промышленность достигла в Индии высокой степени технического развития. По всем данным, для нее в настоящее время представляется возможным не только вырабатывать большее количество амуниции, но давать также более разнообразные виды военного снаряжения, чем в течение мировой войны. Давая показания в прошлом году тарифному управлению, представитель Хукумчанского завода электрической стали заявил, что его фирма «от времени до времени» получала от артиллерийского управления индийского правительства заказы на «различные части горных орудий и других предметов военного снаряжения». В виду того, что «этот завод особенно хорошо приспособлен к выработке самого разнообразного литья, предназначенного для военного снаряжения», той же самой фирме было поручено заняться «производством воздушных бомб. Вероятное требуемое количество было определено в 5 тысяч или более в месяц». Представитель фирмы заявил далее, что «в случае войны, по всей вероятности, потребуется очень большое количество специальной стали для выработки сильных взрывчатых веществ и шрапнельных ядер и что этот заказ придется выполнить в очень краткий срок. Завод этот может быть приспособлен к такого рода работе почти немедленно». «Поэтому,—продолжает свидетель,—этот завод в связи с делом национальной самообороны имеет особенно в настоящее время, значительную потенциальную ценность, а в случае войны сможет стать неоценимым помощником для существующих правительственных артиллерийских заводов». Фирма может вырабатывать сорт стали, необходимый для военного снаряжения, лучший даже, чем вырабатывают заводы компании «Тата».

Приблизительно треть всей территории Индии занята так называемыми «индийскими государствами». Некоторые из этих

государств невелики, другие же величиной с Италию, и все они находятся под самодержавным управлением феодально-аристократического класса. Эта часть Индии представляет собою пережиток старого феодального строя, и она лишь в весьма слабой степени затронута процессом индустриализации, совершающимся во всех других частях Индии, более непосредственно предоставленных в распоряжение английского (а ныне и индийского) капитализма.

Феодальная аристократия,—вместе с другими землевладельческими слоями,—являлась с самого начала нынешнего столетия единственным социальным базисом английского господства в Индии. Современное капиталистическое развитие Индии стремится подорвать положение феодального класса и передать социальный центр тяжести развивающейся буржуазии, и в то же время развитие национально-революционной борьбы в остальной части Индии имеет тенденцию вызвать на принадлежащей феодалам территории аграрное движение. Эти факторы вызвали резкое изменение в положении «индийских государств». Вмешательство Англии в их политическую жизнь в последнее время сильно возросло, так как Англия опасалась, что эти государства станут центрами аграрной революции. Некоторые из колебавшихся членов феодальной аристократии, занимавшие посты почетных глав государства, были уволены. Другим же в резкой форме напомнили о том, что они являются вассалами Англии. В общем, однако, этот реакционный феодальный класс вместе с находящимися в его распоряжении колоссальными ресурсами будет на стороне империалистической Англии во время ближайшей войны, как это было и во время прошлой войны.

В начале текущего года в Бенгале вспыхнула большая стачка железнодорожных рабочих, охватившая 40 тысяч человек. Эта стачка была об'явлена вопреки воле профсоюзных лидеров. Во время стачки произошло сильное столкновение между рабочими и вооруженными силами английского правительства. В других частях Индии также замечается недовольство рабочих, находящее себе выражение во вспыхивающих время от времени менее крупных стачках. В Бенгале и Бомбее были основаны «рабоче-крестьянские партии», выставившие программу подлежащих немедленному осуществлению требований, ведущую к более широким целям национально-революционной борьбы. Кампания тов. Саклатвалы, которую он вел недавно, была встречена массами с замечательным энтузиазмом. Влияние китайской революции было сильно заметно в рядах организованного пролетариата, от имени которого последняя сессия Всеиндийского Конгресса Профсоюзов приняла резолюцию солидарности с китайскими революционерами.

На ряду с этим процессом укрепления организации рабочих масс появилось много признаков усиления левой ориентации в националистическом движении. Со времени последней сессии Индийского Национального Конгресса в декабре 1926 года левое крыло движения сильно укрепилось. Средняя и мелкая буржуазия и интеллигенция ищут пути для сближения с массами. Часть первоначальной сваралжистской программы, касающаяся организации рабочих и крестьян, была восстановлена и детально обсуждалась в националистической печати. Левые элементы обнаруживают большое упрямство в области своего отношения к ошибочному руководству Исполкома Конгресса. Восстановление национально-революционного фронта на базе поддержки широких масс—таково направление левых националистических тенденций. Бомбейский орган конгресса «Индиан Нейшионал Геральд» (19/III—27 г.) пишет: «Наибольшее значение имеет работа над политической организацией народа—рабочих и крестьян, от которых зависит будущность страны и ее политическое и социальное спасение».

Обеспокоенные союзом рабочего движения с конгрессом английские империалисты со своей стороны удваивают свои усилия, направленные к тому, чтобы расколоть национальное движение, изолировать крупную буржуазию вместе со всеми реформистскими и либеральными элементами и таким образом образовать новую базу для укрепления своего господства над Индией.

Со времени неудачной революционной попытки в 1921 г. английское правительство добросовестно приспособилось к этому маневру. Проводилась тактика экономических уступок капиталистическому классу Индии. В результате этого свараджистская партия, начавшая свою деятельность с революционных обещаний, была расколота и фактически ликвидирована. Со времени последних выборов в декабре 1926 г. национальная позиция в законодательном собрании стала обнаруживать в более сильной степени уклон вправо. Оппозиция раскололась, и националистское большинство голосует вместе с правительством.

Биркенхед в недавно сделанном им заявлении обещал националистической буржуазии дальнейшее проведение «конституционных реформ». «Манчестер Гардиен», обсуждая заявление Биркенхеда, подчеркивает, что

«следует сделать какой-либо смелый шаг вперед в направлении в самоуправлению... или же мы очутимся позади в бурных широтах».

Орган английского либерализма предусматривает необходимость создания «индийской исполнительной власти», которой должна быть обеспечена соответствующая поддержка для того, чтобы она могла прибегнуть к своему авторитету во время какого-нибудь кризиса».

Националистическая буржуазия, связанная с империалистами экономическими узами и примирившаяся с английским правительством благодаря «конституционным реформам», представляет собой большую опасность для дела национально-революционной борьбы в Индии и является фактором большого значения в консолидации в мировом масштабе антисоветского военного фронта, на который работают английские империалисты.

П. Волоконский, Л. Любошиц,
и П. Плешков.

Современные типы деревенской буржуазии.

(Зарисовки с натуры).

I.

Москва—Свердловск—Курган—деревня. Из центра к периферии—таков путь нашей экспедиции по обследованию крестьянского хозяйства и окружающей его экономической среды. На нас возложена Наркомторгом РСФСР задача изучения влияния рынка на организацию молочного хозяйства. Внимательный взор не может ограничиться собиранием одних статистических сведений—надо видеть жизнь, как она есть.

Внешний вид деревни мало изменился. Еще машут крыльями ветряные мельницы, и автомобиль не проложил себе еще дороги в просторах полей сибирских, но Октябрьская революция и в самых глухих углах провела свою глубокую борозду, оставила несмываемый след и коренным образом изменила общественный облик сибирской деревни.

Места эти не могут еще праздновать свой десятилетний юбилей освобождения от ига царей, помещиков и кулаков. Волна революции пронеслась здесь значительно позднее. Деревня пережила здесь голод, колчаковщину и бандитские восстания 1921 г. и ряд других местных кулацких вспышек. В результате острой борьбы произошла радикальная перестановка классовых сил, и прочно укрепила свои позиции советская власть.

В современной деревне редко можно встретить богатея старого стиля, который имел бы торговые и промышленные заведения (паровую мельницу, маслозавод). Почти исчез также крупный предприниматель в области сельскохозяйственного производства, *имевший по 100—200 коров и по 150—500 десятин посева*, с огромным применением найма (до 10—15 рабочих) и с крупной арендой. Многие кулацкие хозяйства за время революции и голода опустились до уровня середняцких и даже бедняцких хозяйств. Но большинство из них сохранило уровень выше среднего вследствие большей обеспеченности средствами производства в виде сложных машин.

Машина играет колоссальную роль в этом районе, как орудие производства, а тем самым—как средство эксплоатации. Жнейка и молотилка совершенно вытеснили в своей области ручной труд. Число с.-х. машин теперь больше, чем в прежнее время.

«Без машины никак нельзя», заявляет крестьянин,—и бедняки, рискуя часто несвоевременной уборкой урожая, терпеливо ждут у владельца машины своего череда. Эта форма эксплоатации через сдачу внаем живого скота и в особенности крупного сельскохозяйственного инвентаря приобрела очень широкое распространение на ряду с другими распространенными здесь формами эксплоатации, какими являются наем труда и аренда земли. Налоговые органы недостаточно улавливают эту замаскированную форму эксплоатации, и крепкий мужичок, очень уклончивый и скрытный, когда дело касается выявления величины его найма, аренды, об'ектов обложения, смелее и откровеннее говорит о своих заработках на сдаче внаем машины. Он четко сознает свои хозяйственные интересы и часто простыми словами дает яркие формулировки того основного экономического закона, по которому повышение цен на рабочую силу, ограничение ее эксплоатации толкает к вытеснению ручного труда машиной.

Экономическая роль крупного сельскохозяйственного инвентаря в этом районе настолько велика, что в некоторых хозяйствах доход от машин выше всего годового дохода полеводства и животноводства. Жизнь показывает случаи, когда бедняцкие и маломощно-середняцкие хозяйства, эксплоатируя купленую в кредит машину, так быстро разворачивали и преобразовывали свое хозяйство, что в течение двух-трех лет проделывали прыжок в зажиточные хозяйства.

На основе этих или других форм эксплоатации растет новый слой кулачества со своими отличительными особенностями. Этот кулак нового покроя, иногда переформированный тип старого кулака, большей частью более предприимчивый и культурный хозяин с делячеcкой психологией. Он иронически относится к кулаку старой закваски—негибкому, неприспособленному к новым общественным формам жизни. Его непримиримой враждебности и слепой ненависти к новому строю он противопоставляет свою советскую «лойяльность».

Мощный хозяин, растущий в современных условиях советской действительности, хорошо знает не только общее направление нашей политики, но и советские законы. Он так хорошо иногда замаскировывается в советские тона, что со стороны кажется несомненным его участие в социалистическом строительстве. На деле же он использует все возможности, предоставляемые советской легальностью, в целях личной наживы и эксплоатации и способствует капиталистическому развитию нашей деревни.

Старый кулак, откровенный и непримиримый враг всех новых принципов общественной жизни, и новый делец с девизом:

«Молчи, скрывайся и таи
Все чувства и мечты свои»—

два наиболее ярких типа современной деревенской буржуазии. Зарисовка их дана на основании фактов и наблюдений.

II.

Собрание крестьян. Доклад о положении крестьянского молочного хозяйства и перспективах его развития. Корней Гнилов, крестьянин лет 45, с рыжей окладистой бородой, смотрит в упор на докладчика. Глаза светят враждебно злым блеском.

Не выдерживает, прерывает докладчика, когда речь заходит о вывозе масла из Сибири:

«До войны вывозила Сибирь за границу 4 милл. пудов, а теперь сколько? Теперь нечего нам вывозить! До войны у нас было по 10—15 коров у плохого хозяина, а теперь 2—3 у хорошего».

Крестьяне одергивают: «Подожди, дай высказаться человеку—ты потом скажешь».

Но мужик не унимается. Когда заходит разговор о плохом оборудовании заводов и необходимости постройки новых, он снова прерывает докладчика:

«Отдайте Смолину все старое, дайте свободу работать—он вам настроит (Смолин—бывший крупный купец). Небось была у него паровая мельница, все были довольны, а теперь забрали мельницу, мелют мужикам по 3 пуда на едока и берут дороже».

Корней Гнилов—старый кулак, до революции—торговец, имел 15 коров и до 30 десятин посева. Революция его ущемила и немного подстригла. Но и теперь его хозяйство значительно выше среднего уровня основной массы крестьянских хозяйств и носит ясно выраженный эксплоататорский характер. Он речист, на сходках первый крикун, постоянно вспоминает «славное» прошлое, где занимал далеко не последнее место.

Беднота, конечно, относится к нему враждебно. И даже кулаков поумнее смущает и раздражает его резкая откровенность. Но тем не менее страстная проповедь частнокапиталистических принципов хозяйствования и отчетливая формулировка своих классовых интересов делает его подлинным, ярким выразителем часто затаенных настроений и чаяний кулачества. Привыкли думать, что у крестьянина нет продуманной системы идей, что он живет своей околицей и питается обрывками наблюдений и мыслей. Но проследите внимательно строй мыслей этого кулака—и вы убедитесь, что имеете перед собой по всем жизненным вопросам советской политики и экономики законченную идеологию, враждебную пролетариату. Профессиональным идеологам кулачества ничего не остается, как повторять эти, скверного запаха, мысли в осторожной оправе ученой терминологии.

Кто такие, по Гнилову, бедняки? «Это—лодыри, лентяи и пьяницы, которые угнетают и пьют кровь «трудовика».

Кулак прячет свое лицо под маской «труженика» и линии пролетарской политики в деревне противопоставляет свое деление, затушевывающее его эксплоататорскую сущность.

«Сукины сыны! Сеют вражду среди народа. Поделили народ на кулаков, середняков и бедняков. А по-моему так—есть лодыри и труженики. Какой я богач? Каторжанин, вот кто я! Только такие, как я, приносят пользу государству; ценить их, поощрять, заинтересовать их надо, и все будут пышно жить».

Нет у кулака иной оценки бедняка, как лодыря, и продиктована она классовыми интересами. Этот взгляд, обычный среди кулачества и в прежних условиях, сейчас особенно усиленно пропагандируется кулаками и вводит в заблуждение середняцкие массы. Он становится основным лозунгом в наступлении кулачества на политику советской власти в деревне, в требовании поворота курса этой политики.

«Нет никакого внимания к «труженику», а от него золотая копейка ползет государству. Надо бросить возиться с лодырями, от них только одна убыль государству. Я один плачу налогу больше, чем 35 лодырей».

Корней Гнилов ущемлен за живое политикой помощи бедноте со стороны органов советской власти. Видит кулак, как рушатся основные устои его личной наживы и эксплоатации. В процессе развития сельского хозяйства поднимается и крепнет беднота, постепенно суживается поле ее зависимости от кулака. Поэтому особенно яро он нападает на политику перераспределения национального дохода, которая немало способствует этому процессу. Хороший классовый нюх у кулака Корнея Гнилова. Когда утрачивается перспектива расширения поля эксплоатации, он готов тормозить развитие собственного хозяйства лишь бы его копейка не пошла на укрепление бедняцкого хозяйства.

«На кого работаем! На кой чорт сеять, разводить скот? Сгублю свое богатство—капитал!».

«Нет интересу наживать, нет жажды богатства. У крестьян нет запаса, а если случится голод, то опять будут грабить трудовика».

«Не нужны нам ни комитеты взаимопомощи, ни селссуды — все это значит взять с трудовика, чтобы лодырям помогать. Пьяницы и лодыри пусть подыхают, у них нужда от лени».

Ненавистник бедноты, он при удобном случае прячется за ширму бедняка. У мощного хозяина сильная тяга к крупной сельскохозяйственной машине. Приобретение трактора встречает препятствие в принципах нашей классовой политики. Тогда организуется тракторное товарищество с формальным участием бедноты, которой предоставляется роль хорошей вывески. Практика сибирской деревни показывает многие случаи, когда, в конце концов, трактор прибирается к рукам двух—трех кулаков. В лаконической формулировке Корнея Гнилова эта тенденция к использованию бедноты с целью обхода советской политики в деревни находит образное выражение:

«Бедноту «трудовик» использует для мебели».

Корней Гнилов критикует кооперацию и пропагандирует смычку с частным капиталом.

«Кооперативов наорганизовали, а порядку-то в них нет. Соли—и то нет. Надо открыть частную свободную торговлю, не отнимать от частника хлебный рынок,—тогда частник прибавит цену на хлеб и всякие продукты».

Корней Гнилов сокрушен успехами советской власти в борьбе с частником.

«Прогнали вольного — на базаре пустяковина осталась: продают брюкву, редьку, кур, веники и др. чепуху в этом роде».

Не подозревайте, однако, в национальной ограниченности Корнея Гнилова, когда дело касается защиты интересов капитала.

«Ни одной державе наши идеи не подходят. Надо итти рука об руку с Америкой и Англией, и мы получим такое же богатство».

Корней Гнилов критикует принципы советского строительства.

«Все коммуны разбегаются. Хороший житель никогда не пойдет с трепачем. Наш народ—самолюб, табунком никогда не

пойдет. Даже отец и сын делятся. Перевернуть планету другим концом нельзя».

Корней Гнилов иногда сам становится на «принципиальную» точку зрения. Когда обсуждается вопрос о ремонте школы, Корней предлагает ремонтировать церковь.

«Я религиозный человек и, если в школе не преподают закона божьего, то и детей не хочу учить».

И он действительно их не учит: 5 взрослых сыновей Гнилова неграмотны.

Корней Гнилов эксплоатирует «истины» мелкобуржуазных экономистов.

Различие между городом и деревней он приводит как аргумент в пользу того, что «трудовику» не по пути с пролетариатом.

«Крестьянина и рабочего сравнивать нельзя. Рабочего машина подгоняет, а крестьянин трудится из-за своего интереса. Хочет—работает, не хочет—не работает. Поэтому никогда не будет в деревне так же, как в городе».

В этой галиматье правильно лишь предчувствие, что пролетариату не по пути с кулаком.

Неизбывные мечты о прошлом: «Не миновать, придем к старому строю; хоть хуже сначала будет, а надо сменять. Через 3—5 лет все пройдет».—«Расстреляй меня, буду говорить: не будет по-вашему!».

«Свободная торговля, свободный труд на освобожденной земле».

Свобода эксплоатации—вот песнь песней кулака, которую он поет на разные лады. «Гибнем! Не дают развернуться!»—основной крик его ущемленной души. Он не прочь подкрепить свою упавшую бодрость ссылкой на опыт других стран.

«Франция больше мучилась и к старому пришла» (чем не намек на термидор?).

Но яд предчувствия обреченности своего класса уже просочился. Кулак старого закала, открытый и непримиримый враг новых форм общественной жизни—вымирающая фигура современной деревни. Растет новая фигура кулака, который стремится скрыть свое лицо, приспособиться к новому стилю жизни. О нем будет разговор дальше. Здесь же предоставим последнее слово нашему речистому глашатаю кулацких настроений.

«Жизнь проклянешь за свое доброе. Кругом—блядство, душу рвет. Мой брат не вынес такой каторжной жизни и умер с тоски: чувствовал, что мы не в силах ее переделать»... А Корней гниет на корню.

Не без поэтической грусти Корней Гнилов сам правильно подвел свои итоги.

III.

Жмыль—коренастый мужик, видная фигура на селе. Да что на селе! По всей окрестности несется слава о нем, как о передовом и культурном хозяине. С такой аттестацией мы без всякого предубеждения жали руку Жмылю при первом с ним знакомстве.

Жмыль принимает активное участие в общественной жизни деревни. По анкете середняк, он играет руководящую роль в

потребительской кооперации (член правления), член сельсовета, член сельхозкредитного товарищества. Общественная активность его кажется совсем безупречной, когда узнаешь, что, кроме того, он член ККОВ и даже ячейки Осоавиахима. Вы окончательно записываете его в ряды сознательных носителей культурного прогресса, когда видите в его домашнем обиходе такое необычное в крестьянских условиях благо культуры, как зубной порошок. И действительно Жмыль обнаруживает свою культурность не только на мелочах. Он знает на зубок советские законы и так иногда начинает ими крыть крестьян, что те только рты разевают.

На сходах он осторожно одергивает потоки красноречия Гнилова. В частной беседе отзывается о нем, как о глупом крикуне. «Дураки не могут понять, что на российском престоле Романовых больше не будет».

Жмыль почти коммунист... Он даже был коммунистом, когда в 20 году служил в Красной армии, но потом, как выражается беднота, *«отчалил»*.

Обратимся, однако, к другим сторонам его жизни. Ближайшее знакомство с его хозяйством убеждает, что вы имеете дело с зажиточным хозяйством эксплоататорского типа: у него 4 лошади, 6 коров, большое количество молодняка, все сложные машины, включая сноповязалку, два сроковых рабочих и значительная аренда земли.

Шаткий экономический базис для советской идеологии Жмыля. Для марксистского образа мышления здесь почва для многих сомнений. Но не спешите с выводами! Побольше пристального внимания—и бытие начнет определять сознание.

Действительность постепенно открывает завесу и под блестящей стороной медали показывает ее оборотную сторону.

Жмыль—культурный человек и выписывает за счет кооператива «Правду». Он аккуратно прочитывает ее, но за пределы избы газета никому в руки не попадает. Просветительная работа не по душе Жмылю. И не случайно! Этот «культурник» рад при всяком удобном случае поэксплоатировать невежество и отсталость крестьянской массы. Недаром беднота о нем говорит:

«Жмыль-то грамотный человек, да грамота его к себе в карман глядит. Грамотный интересы свои защищает».

Жмыль всегда ухмыляется. Настроение у него бодрое, не то что у старого кулака, который нос повесил и в гроб глядит. Жмыль цену себе знает и похвастать на сей счет любит. Когда навеселе однажды Жмыль сцепился со старым кулаком, бывшим старшиной и воротилой, то отповедь ему была короткая: «Ты, Кузьма, падаль, гроша ломаного не стоишь. Ты чем раньше был? Печатку прикладывал! А я? Я—Жмыль—грамотный человек. Я—спец! Кто кооператив организовал? Я! Без меня в деревне ничего не сделать!».

Уже появилось первое подозрение к безукоризненному на первый взгляд облику Жмыля. Последуем, однако, за ним дальше: на кооперативную работу, где он чувствует себя совершенно незаменимой величиной.

Жмыль всегда выступает ярым противником частной торговли. Характерен в этом отношении отрывок из беседы с ним во время раз'ездов по районам, где нам попалась на пути част-

ная лавка (в этом районе частная торговля почти совершенно вытеснена СельПО).

«Надо усилить налоговый нажим на частника. Эти продувные бестии ловко скрывают свои обороты. А вот кооперация платит налогу слишком много и здесь необходимо сбавить».

Какой хороший кооперативный работник Жмыль и как хорошо защищает кооперативные интересы! Но ближайшее обследование руководимого им кооператива показывает другие факты: фонд по кооперированию бедноты не использован, беднота не вовлечена в кооперативное строительство, и никаких мер по ее вовлечению и кооперативному просвещению не проводится. Хорошее на словах отношение к бедноте изменяется, если она заявляет о себе на деле. Когда беднота выделила своих представителей на руководящую работу в правление кооператива, то Жмылю не пришлось это по вкусу. Всяческими мерами он постарался дискредитировать их в глазах населения и заставил, наконец, бросить общественную работу. Ревниво, подозрительно ревниво относится Жмыль к малейшему посягательству на свою руководящую роль в кооперативе. Не жалеет Жмыль хороших слов и без запинки всегда скажет, даже подпишет: «кооперация—путь к социализму»; на деле же он печется только о своих личных выгодах, тонко приспособившись к кооперативным формам нашего строительства.

Жмыль старается показать себя сознательным сторонником социалистического строительства, но не всегда удачно.

«Природу гони в дверь—она войдет в окно».

Жмыль за производственное кооперирование, за организацию машинно-тракторных, контрольных и проч. товариществ, но... с маленькими оговорками. Оригинальная поправка его к политике партии в деревне заключается в следующем: чтобы производственные об'единения были жизнеспособными, надо подбирать одни крепкие, зажиточные середняцкие хозяйства, в осторожной терминологии Жмыля—«ровные хозяйства».

«Лодырей не надо», говорит Жмыль вслед за Корнеем Гниловым. Кулаческая суть, наконец, прорывается: достигнуто полное единодушие в оценке бедноты со стороны двух представителей кулачества.

Жмыль—кряжистый, но гибкий, приспособленный мужик. Он с презрением смотрит на Гниловых, которые видят только вчера и верят в чудеса. Жмыль живет настоящим. Он хочет расти и развиваться на советской почве. Поэтому приемы его борьбы за свои классовые интересы тонко замаскированы, и бывает трудно иногда различить их настоящую подоплеку. Жмыль никогда не выступает так прямолинейно, как Гнилов, с защитой противосоветских, кулацких настроений. Нет, он «прочно» стоит на советской платформе и, если уж критикует отдельные положения советской политики в деревне, то делает всегда осторожные ссылки на интересы советского государства.

«Крестьяне—несознательный народ,—говорит Жмыль,—скрывают посевы, скот. Пашню легче учесть. Надо перейти на обложение *только пашни*».

В требовании отмены подоходного принципа обложения вновь обнаруживается внутреннее сродство душ «благонамеренного» кулака Жмыля с еретическим проповедником капитализма в деревне Гниловым.

Эту линию совпадения коренных интересов двух представителей кулачества—старого и нового—можно проследить и дальше. Под прикрытием фраз о необходимости под'ема нашего сельского хозяйства, укрепления нашей промышленности Жмыль пытается пропагандировать необходимость отмены стеснения в применении найма, ограничения арендных отношений в деревне, отмены регулирования длины рабочего дня в сельском хозяйстве. Жалуется иногда Жмыль, что трудно стало найти рабочие руки, что высока плата за рабочую силу, что нет выгоды ее нанимать.

«Дайте развернуться! Дайте свободу эксплоатации!»—готов крикнуть Жмыль, но язык у него на привязи. Он больше действует, чем говорит. Желая обойти существующие стеснения найма, он начинает налегать на эксплоатацию машинами, охотно сдает их беднякам за отработку. Умеет Жмыль взять свое, нагнуть бедняка. Беднота о нем злобно отзывается: «Свою работу бросай, а к нему иди».

Своих сроковых рабочих Жмыль так сильно эксплоатирует, что те не выдерживают, убегают от него. Так и приходится ему в течение сезона несколько раз менять их. Недаром жалуется Жмыль, что трудно найти рабочие руки. Неохотно идут к Жмылю на заработки. Да, нажимистый, кряжистый мужик Жмыль! Но вот еще несколько штрихов для оценки его дипломатической натуры.

Человек нерелигиозный, Жмыль в церковь не ходит уже пять лет, но с попом дружит, на досуге вместе с ним рыбу удит и по хозяйству иногда помогает. Странная симпатия при атеистическом мировоззрении Жмыля! Но и с беднотой Жмыль хороводится. Не зазнается... На охоту вместе ходит, в гости приглашает. Надо же завоевать симпатии пролетарских масс. Но, несмотря на все старания, с недоверием, с враждебной опаской относится к нему беднота, не считает его своим человеком. Хитрый, башковитый человек Жмыль. Беднота про него образно выражается:

«Жмыль способен из говна квас делать».

Но посмотрите еще, для полноты картины, как втихомолку Жмыль меняет свою показную идеологическую установку. При удобном случае, под покровом ночи Жмыль занимается обработкой национальной психологии молодежи, рассказывая бабушкины сказки о том, как «киргизы да жиды не дают жить русским, как советская власть евреям дает землю на Украине, а русских в Сибирь загоняет».

В конце концов, Жмыль увязал-таки свою идеологическую концепцию с экономическим базисом.

Вот они два кулака, два врага пролетарской диктатуры и социализма. Их надо понимать, чтобы вернее и успешнее их побеждать. Партия должна помочь бедняцким слоям дать отпор Гниловым и Жмылям, стремящимся прибрать деревню к своим рукам.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Демократия наизнанку.

М. ОСТРОГОРСКИЙ. Демократия и политические партии. Том первый: Англия. Перевод с французского. С предисловием Е. Пашуканиса. Издательство Коммунистической Академии. 1927 г.

Скажем сразу: это—замечательная, захватывающая книга. Это—классический труд, который ставят наравне с произведениями Брайса и Токвилля. И вполне прав тов. Пашуканис, высказывающий в своем предисловии догадку, почему эта книга, вышедшая на французском языке еще в 1903 г., до сих пор не была переведена на русский язык: Острогорский дает в ней убийственную картину буржуазной демократии, парламентаризма и партийных клик. Второй том, трактующий об Америке, еще убийственнее первого.

Руссо принадлежит словечко, что английский народ бывает свободен только во время выборов. Острогорский показывает закулисную сторону и этой «свободы». Читатель к изумлению своему узнает, что в практике английской политической жизни на первом плане стоит «*кнут*», да, кнут, это не описка, по-английски whip, термин, взятый из псовой охоты и означающий собственно погонщика своры. Слово кнут вы находите у Острогорского чуть ли не несколько раз на странице... «Кнут», назначаемый партийным лидером и ведающий секретным фондом партии, является за кулисами действительным хозяином партии, без него не проходит ни один кандидат в парламент, он всем орудует. Заодно с ним распоряжается штаб так называемых «*дергателей веревок*», wire-pullers. Эти столь ходкие в английской политической жизни термины говорят сами за себя, они крайне знаменательны! Острогорский рисует красочную картину «*охоты*» за избирателями, т. н. canvassing: кандидат и его агенты обходят дом за домом и стараются действовать на индифферентных избирателей всяческими способами, сиятельный лорд справляется у жены сапожника о его сынучке Дике, красавица герцогиня Девонширская даже поцеловала избирателя-мясника за обещание голосовать за Фокса... Конечно, эти приемы в сущности противоречат закону *о тайном* голосовании! По всем правилам охоты агенты обеих партий делят между собой улицу, одни обходят дома по одной стороне, другие—тем временем дома по другой стороне. Закон против избирательной коррупции (предусмотрительно изданный вслед за биллем о реформе) запрещает кандидату и партии оплачивать избирателю средство передвижения; тем не менее, на бесплатно предоставляемых богатыми членами партии автомобилях агитаторы тащат избирателей к урнам «как стадо»... консервативная партия даже получила кличку motor car party (партия автомобилей). Партийный аппарат берет на себя также регистрацию избирателей, оспаривание и «шиканы» (придирки) по отношению к избирателям противоположного лагеря; этому много способствует чрезвычайная сложность и запутанность английского избирательного права: иногда достаточно переехать в соседний дом, чтобы лишиться этого права, иногда играет роль, есть ли замок в комнате жильца или нет—у Острогорского приведена целая коллекция таких курьезов. Заметим: все это—не только особенность английской «демократии»; в довоенной Австрии пишущий эти строки наблюдал эти приемы избирательной кампании также в социал-демократической партии! Но всего важнее, конечно, подкупа; если прежде покупали отдельных избирателей по 1—10 шиллингов за голос, то теперь, при массовом избирателе, это заменено в Англии подкупом, так сказать, коллективным: кандидат жертвует на местную часовню, больницу и пр., и это совершенно обезоруживает избирателей. Закон против коррупции ограничивает избирательные расходы партии и кандидата известным максимумом; но этот закон легко обойти. Между прочим, уже прошедшего в палату кандидата осаждают со всех сторон просьбами денег: не только всякие общества ветеранов и пр., но даже крестьянин-избиратель, у которого пала корова. Только очень богатые люди могут выставлять свою кандидатуру; не оттого ли—заметим—среди депутатов «рабочей» партии фигурируют теперь разные майоры и полковники (профсоюзы рады избавиться от расходов на выборы) [1]). В довершение картины надо упомянуть о балаганных зазываниях на выборах: например, кандидата сопровождает при его выступлениях жена, она поет шансонетки перед избирателями, или же публике показывает внуков сиятельного кандидата и т. д. Выборы 1910 г. в Лондоне были охарактеризованы (нужды нет, что реакционерами), как «праздник буйных сумасшедших»...

Впрочем, это последнее не следует толковать в смысле активности избирательной массы. Она в высшей степени апатична. Об этом дает представление картина партийного режима, которую Острогорский набрасывает, не жалея красок. Это—«машина для голосования резолюций», здесь заранее все обделано «кнутами» и «дергателями веревок», митинги происходят перед уже обращенными, это—«парадный обман», «обряды партийного культа и благочестия», прений нет, на ежегодных конгрессах партий тоже только выслушиваются речи лидеров, на съезде либеральной партии в Ньюкестле председатель заявил: «Здесь не место для дискуссии», делегатам еле дают пять минут. На местах тоже всем орудуют «машинисты» партии, ядро из 20—30 человек в каждом городском районе; даже в очаге либеральной агитации, Бирмингаме только 8—10% избирателей состояло в партийных организациях, тем не менее «партийная машина оптом поставляет общественное мнение». «У публики отбит вкус к политическим докладам», агитационные брошюры мало читаются, газетные передовицы уже не внушают доверия, всем известно, что они «сводятся к прославлению своей партии»; даже якобы стихийные взрывы и манифестации общественного мнения заказываются из центра «кнутами» и «дергателями веревок», при чем повсеместно проводятся одни и те же лозунги; более того, из центра фабрикуются также т. н. heckling, те вопросы, которыми отдельные слушатели из толпы огорошивают враждебного кандидата... Не лучше обстоит дело в парламенте: депутаты—только манекены, которые «священнодействуют в твердых догмах партийной веры», только «помазанники партии», у них царит дух «суеверного послушания лидерам», «партия бесславно следует за лидерами», в осо-

[1]) При предстоящих выборах эта денежная сторона дела будет больным местом у «рабочей» партии, в особенности после того, как проведен закон против употребления профсоюзных взносов на политические цели. В прессе уже дискутируется этот тревожный вопрос. Закон этот несколько смягчен оговоркой, что взносы могут пойти на политические цели, если данный рабочий дал на это свое категорическое согласие.

бенности консервативная партия, «вожди партии не считают себя связанными решениями, принятыми на партс'ездах (собраниях делегатов)», парламентское большинство «слепо следует за министерством, чтобы продлить свое существование», «искренность исчезла из парламента».

Такова безотрадная, уничтожающая картина той буржуазной «демократии», того фетиша, которые реакционеры всех лагерей противопоставляют нашему советскому строю. Эта картина набросана четверть века назад. С тех пор положение не стало лучше. В средних классах,—говорит Острогорский,—нет уже веры в парламент; только рабочие,—подчеркивает он,—нотабене: для своего времени—«благодарны парламенту за законы о регламентации труда и ожидают еще большего»; однако, «рабочая партия» переняла все приемы буржуазных партий, даже хуже того, это—партия совсем без программы, без своего credo. «Городские массы пресытились избирательным правом». Английские партии ухватились за массовые внепарламентские организации, чтобы «взять крепость всеобщего избирательного права», но в результате наступило всеобщее разочарование масс этим последним. Даже выборы, к которым в последнем счете сводится вся «демократия» при буржуазном строе (в этом смысле слова Руссо не утратили своей силы), даже выборы стали фикцией. Буржуазная демократия оказывается иллюзией не только в социальном, но и в политическом отношении.

В своей описательной части Острогорский великолепен. Но теоретически он совершенно беспомощен и вульгарен. Он дает прекрасный фактический материал, но это—сырой материал, он нуждается в марксистском освещении и обработке. Острогорский ни разу даже не упоминает про марксистское учение о борьбе классов, оно для него не существует. О его теоретической установке может свидетельствовать следующее рассуждение его: «Классы,—говорит он,—могут ошибаться (!), но не народ». Столь же неграмотная, сколь чувствительная сентенция. Отсюда все провалы в книге Острогорского. Он валит с больной головы на здоровую. Возмущаясь уродливыми проявлениями буржуазного партийного режима в Англии с его «охотой на человеков», Острогорский попутно осуждает и режим партий вообще и проявляет при этом типичное для либерала-индивидуалиста непонимание классовой подоплеки и исторической обусловленности и необходимости партий. Он возмущается словами одного рабочего: «мы теперь мыслим батальонами», возмущается тем, что «партийная дисциплина не разрешает депутату дать убедить себя доводами противника». Он не видит, что здесь речь идет не об аргументах формальной логики, не об абсолютных, «деловых» или логических «доводах» и ошибках, а о классовых моментах. Отсюда его нападки на «партийный ошейник», на то, что «партия всегда права».

Острогорский описывает не только механизм английских партий, он дает также историю этих партий и в частности их внепарламентских организаций, т. н. «кокусов» (презрительная, взятая из американской практики кличка, которую Дизраели дал первой массовой организации английских либералов, возникшей в 1867 в Бирмингаме; это слово означает «конопатчики» и намекает на режим коррупции,—отметим кстати, что творцом и вдохновителем этого первого «кокуса» был Джое Чемберлен, отец нынешнего консерватора). В этой, исторической части в особенности сказывается у Острогорского отсутствие марксистского анализа. Упомянув, что «партии уже в 1846 г. истощили разделявшие их крупные вопросы», автор не идет, однако, дальше, из его поля зрения ускользает тот основной факт английской политической жизни, что между вигами и тори, либералами и консерваторами исчезли разделявшие их прежде экономические, классовые перегородки. Эта экономическая эволюция, определившаяся еще во время glorious revolution 1688 г., является причиной того, что «система двух партий» в Англии работает впустую, оказывается чисто-формальной, лишенной экономического фундамента [1]). Острогорский нигде не говорит этого. Он ссылается на Ньюкестльскую либеральную «программу омнибус», «программу под большим зонтиком» и об'ясняет нахватанность, разношерстность этой программы необходимостью «искусственного поддержания жизни партии». Это — правильное, но недостаточное об'яснение; Острогорский упускает из виду главное, то, что система двух партий не находит более основы в классовом составе английского общества. Крупное землевладение, промышленники, денежный капитал давно смешались в Англии в один имущий класс, и только поэтому здесь возможно, что одна партия проводит требования другой. Например, в июле 1867 г. всеобщее избирательное право, которого требовали виги, проведено было министерством тори [2]). В сущности система двух партий, система «перекидных качелей», все время продолжает итти таким холостым ходом, является такой же «игрой», как старый дворянский парламент, когда политика была «аристократическим спортом». Друг перед другом партии сохраняют видимость демократии, но когда дело дойдет до решительной стычки с классовым врагом, пролетариатом, эта «демократия» разлетится вдребезги.

Острогорский прав, заявляя, что «кокус—только формы, но не сущность демократии», но он не прав, считая, что эта формальная демократия может при капиталистическом строе превратиться в «истинную демократию». Сам же Острогорский резюмирует: «кокус не вытеснил плутократического элемента ни из партий, ни из парламента». Увы, этот «плутократический элемент»—не формы, а сама сущность буржуазной, формальной демократии.

В изложении Острогорского победа одной партии, поражение другой часто оказываются совершенно необ'яснимыми, ему приходится говорить в таких случаях о «чистой случайности». Здесь тоже сказывается игнори-

---

[1]) В нынешней Англии говорят уже *о трех партиях*: привзошла «рабочая партия». Но надо ожидать, что они рано или поздно сведутся снова к двум партиям (об'единенной буржуазии и с другой стороны—пролетариата), при чем однако это уже не будет холостой, формальный механизм «системы двух партий», как он вырос на почве английской «демократии».

[2]) Об этом очень ярко писал в свое время Луи Блан, восхищавшийся тем, что эта реформа «положит начало царству демократии в Англии». Приводим эту красноречивую цитату:

> «Каждый играл здесь роль, которая не является его ролью. Каждый имел случай рукоплескать своему поражению и оплакивать свою победу».
>
> «Робкие сыграли партию смелых».
>
> «Смелые вдруг испугались».
>
> «Тори неожиданно превратились в революционеров (artisans de révolutions)».
>
> «Дизраели стал проводить в жизнь идеи Джона Брайса».
>
> «Власть осталась в руках тех, принципы которых потерпели поражение; она ушла из рук тех, которые получили гораздо больше, чем требовали».
>
> «Побежденный об'являет себя победителем. Победитель становится в ряды побежденных».
>
> «Палата общин почти единогласно приняла билль о реформе, та самая палата, три четверти которой боятся этого билля, как огня».
>
> «Дизраэли поздравляет себя с тем, что заставил замолчать своих противников, после того, как отступил перед ними до края пропасти. Он хвастает, что ловко справился с ситуацией, тогда как был игрушкой в руках ее. Он катится по наклонной плоскости, которая ведет к суверенитету народа, а между тем он заявляет, что выиграл дело аристократии».

рование им классового момента. Борьба Дизраели и Гладстона вокруг ирландского и церковного вопроса не была борьбой на экономической почве, но именно поэтому возможен был полный разброд в партиях по этим вопросам, перекочевывание из одной партии в другую, слепое следование за лидерами, холостой ход «системы двух партий». Острогорский констатирует полный маразм английских буржуазных партий, ставит крест над ними, в частности подчеркивает, что консервативная партия «всецело свелась к самодержавию лидеров». С тех пор прошло 25 лет, и действительность показала, что в классовой борьбе с пролетариатом английская буржуазия умеет сплотить свои силы и бросает по-боку фикцию «двух партий». Констатированный Острогорским маразм английских буржуазных партий—это маразм их «демократии», но не самих партий, как орудий борьбы с классовым врагом. У Острогорского же мы находим обратное утверждение: он хоронит партии и надеется воскресить буржуазную «демократию».

Эти слова Луи Блана являются недурной иллюстрацией и дополнением к книге Острогорского. «Демократия» победила в Англии при весьма странных условиях. Можно, конечно, выдвинуть ту точку зрения, что обе партии вынуждены были считаться с требованием масс. Но дальнейшее показало, что консерваторы не раз наживали себе капитал на этой «демократии». Дизраели не так уж ошибался, заявляя, что «выиграл дело аристократии» своей реформой. Скорее ошибся неисправимый оптимист Луи Блан. У колыбели новейшей «демократии» в Англии стоял тот самый Дизраели, «отец английского империализма», который еще в самом начале своей политической карьеры, в открытом письме к лорду Ленгорсту, проповедывал союз ториев с демократией, союз престола с рабочим классом, своего рода зубатовщину, тот Дизраели, который называл либералов «демократическими аристократами, узурпировавшими власть монарха». Весьма любопытно это противопоставление аристократической демократии демократическим аристократам! «Демократия»—это каша, которой замазывают все дыры»...

Приведем еще одну историческую справку. Отчасти система двух партий, «перекидные качели» имеют прецедент в тех «круговых выборах», которые проповедывал Джемс Гаррингтон в своей утопии «Оцеана», появившейся в 1656 г. (Гаррингтон был одним из замечательнейших умов своего времени, он был весьма близок к историческому материализму, доказывая, что «господство сообразуется с собственностью»; успешно спорил с Гоббсом). В 1659 г. Гаррингтон учредил клуб для пропаганды своих взглядов; этот клуб, к которому принадлежали наиболее передовые демократы того времени, назван был the Rota по принципу круговых выборов, играющих важную роль в идеальном государстве Гаррингтона. Круговые выборы заключаются в том, что ежегодно часть избранных уходит, и на их место выбираются новые. Это практиковалось еще в VI столетии в адриатических государствах, предшественниках Венеции, и старомодные историки видят в этом еще теперь «чистую демократию». Идеей Гаррингтона вдохновился Сейес, составивший первоначальный проект конституции VIII года (после 18-го брюмера) в этом духе; нынешний французский сенат тоже выбирается по третям в различные сроки. У Бернштейна («Социализм и демократия в великой английской революции», стр. 220, примечание) мы находим следующую ссылку на Мильтона: «Мильтон не был сторонником кругового принципа, он считал его непрактичным и даже опасным для данного момента. *Это колесо*—писал он—*может оказаться колесом принципов*; он опасался, что необходимые в данный момент люди будут заменяться людьми неспособными». Как видим, Мильтон оказался хорошим пророком: «круговая» смена либералов и консерваторов у кормила правления в нынешней Англии—это именно «колесо принципов»! В вышеприведенной цитате из Луи Блана это выступает с достаточной ясностью.

Повторяем: эта система «двух партий» возможна только благодаря стиранию экономических перегородок между отдельными слоями господствующих классов. Апологеты системы подчеркивают, что она дает возможность одной партии исправлять ошибки другой. Здесь опять имеются в виду «ошибки» против логики и абсолютной справедливости, возможность убедить друг друга на этой почве. Но там, где сталкиваются классы, это, конечно, иллюзия, у каждого класса своя логика, своя справедливость. Та демократия, которая мерещится Острогорскому, невозможна при классовом строе, оказывается при этом строе фикцией, игрой, обманом.

Законодательная власть парламента все более сходит на-нет и переходит к правительству, палата—даже не господин своего собственного порядка дня, ни один билль, предложенный членом палаты, не может пройти, если правительство не предоставит ему облегчений при прениях или не пустит его от своего имени, даже пользование правом интерпелляций возможно только по жребию и с согласия кабинета. Через голову парламента кабинет, партия, стоящая у власти, обращается к своим партийным массам.

Читая отходную английским партиям, Острогорский, однако, не отчаивается в «демократии». Он верит в возрождение ее при капиталистическом строе. В своих «выводах» он предлагает панацею для оздоровления английской политической жизни, панацею прямо смехотворную. Против «растлевающего режима партии» Острогорский нашел средство в пропорциональном представительстве и в отмене системы единоличных списков. Это—весьма тощий «вывод». Вопросы избирательной техники и «избирательной геометрии» в лучшем случае могут дать только слабые паллиативы. Не ими решается кардинальный вопрос о буржуазной «демократии» и парламентаризме. Пропорциональное представительство не обладает магической силой оздоровить режим буржуазных партий и вернуть массам прежнюю веру в парламент. Когда Острогорский писал свою книгу, во Франции было в большом ходу движение в пользу пропорционального представительства, возглавляемое Шарлем Бенуа и Жоресом, а в Германии писали об «экономических» (или «деловых») парламентах; очевидно, на Острогорском отразились эти течения. Даже образование первого кокуса в 1867 г. Острогорский об'ясняет борьбой либералов против принципа представительства меньшинства, проведенного в крайне урезанном виде правительством тори. Это — односторонняя установка; на самом деле кокусы означали обращение партий к массам, к внепарламентским организациям. Любопытно, что во всей истории третьей республики во Франции можно проследить борьбу сторонников выборов по групповым спискам и сторонников выборов по единоличным спискам (или «по спискам» и «по округам»); еще Гамбетта с чрезвычайной страстностью связал себя с выборами по спискам, вел из-за этого борьбу с Жюлем Греви, это в сущности была вся его платформа. В общем это близко к панацее, рекомендуемой Острогорским. Французский закон 12 июля 1919 г., который завершил, наконец, избирательную реформу, бывшую на очереди десять лет, прокламирует выборы по департаментским спискам и в сущности также пропорциональное представительство (статья 10-я, где мандаты сверх полученных абсолютным большинством голосов распределяются по «избирательному делителю»). Что ж, неужели Острогорский найдет, что в современной Франции режим буржуазных партий свободен от тех зол, которые констатированы им в Англии? Нет, он попал бы из огня да в полымя. Если Д. С. Милль видел в чистом представительстве большинства «арифметическую справедливость», то пропорциональное представительство тоже является только такой «арифметической» справедливостью, хотя более утонченной. Эта справедливость—иллюзия при классовом строе. И как бы «справедливо» ни проводить выборы, это не оздоровит самой сути буржуазной «демократии», сводящейся к машине выборов. Сам Острогорский порицает в «кнутах» английских партий, что «их горизонт не простирается дальше ближайших выборов». Повторяем: он полагает, что беда только в известных формах демократии, но на самом деле беда в том, что буржуазная демократия по самому существу своему носит формальный характер.

В заключение укажем на выступление Гильфердинга на недавнем парт-с'езде германской социал-демократии в Киле. Тогда как Острогорский верит в оздоровление демократии при капиталистическом строе, Гильфердинг вообще считает демократию не делом буржуазии. «Исторически,—сказал он,—демократия всегда была делом пролетариата. Меня всегда удивляли утверждения, что демократия была делом буржуазии. Это—интеллигентская манера, она берет историю демократии из сочинений тех или иных теоретиков. На самом деле нет более жестокой политической борьбы, нежели борьба пролетариата против буржуазии за демократию. Исторически не верно и ошибочно говорить о буржуазной демократии. Демократия была нашим делом. *Нам* пришлось завоевывать ее у буржуазии в тяжелой борьбе. Напомню о боях за избирательное право. Сколько пролетарской крови пролито было за завоевание разного избирательного права!» Гильфердинг далее заявляет, что нет никакого смысла говорить о «буржуазной» и о «формальной» демократии [1]). Все это было бы очень хорошо, если бы в результате Гильфердинг не сбивался все же на формальную, буржуазную демократию; ибо он говорит только о всеобщем избирательном праве, а это—буржуазная демократия, хотя завоевывали её своею кровью рабочие. Видеть в этом последнем обстоятельстве отрицание буржуазного характера этой демократии, значит не понимать Маркса. Без того огня самодеятельности, который может зажечь в массах только советский строй, без освобождения от классового гнета буржуазии всеобщее избирательное право неминуемо осуждено быть карикатурой в руках «кнутов» капитализма.

Ф. Капелюш.

Ю. ЛАРИН. «Частный капитал в СССР». Гиз. 1927 г., стр. 310. ц. 2 р. 50 к.

Книга тов. Ларина, несмотря на ряд ее недостатков,—не только отрадное явление в экономической литературе, но и выгодно отличается от большинства литературы, выходящей у нас в последнее время. Прежде всего огромный интерес не только для экономистов, но и для всех интересующихся судьбой советской власти представляет тема книги: частный капитал. Каждый советский рабочий и в первую голову коммунист ставит перед собой вопрос: как идет развитие частного капитала? «*кто кого*»? Ответу на эти вопросы посвящена книга тов. Ларина.

В предисловии к своей работе, названном «Задача работы», тов. Ларин говорит: «Я собираюсь здесь, во-первых, свести воедино тот материал, который имеется о происхождении буржуазного капитала в советской стране, классифицировать различные виды и роды первоначального буржуазного накопления в период 1921—24 гг. (отчасти в ослабленном виде сохранившиеся и сейчас). Во-вторых, дать без всякого замазывания и преувеличения (в роде подмены частного *капитала* частным *хозяйством* вообще) картину нынешней его роли в промышленности, сельском хозяйстве, торговле и на денежном рынке, учитывая по возможности также замаскированные формы его деятельности. В-третьих, наша задача—сделать те обобщения, которые можно сделать на основании анализа развития частного капитала за последние годы».

[1]) Итак Гильфердинг порвал с теми, кто говорит о «вырождении» буржуазной демократии. Он вообще противник каких-либо эпитетов к слову демократия. Между прочим, проведем следующее квипрокво про прославленную «чистую» демократию: Вольтер заявляет: «Чистая демократия есть деспотизм черни». Ламенэ, напротив, находит, что «чем больше мы приближаемся к чистой демократии, тем меньше у нас будет причин беспорядков и революции».

Хотелось бы с самого начала оговорить следующее: при сравнительной неточности и неполноте статистических материалов, послуживших цифровым основанием рецензируемой книги, здесь возможны (и безусловно налицо) некоторые преувеличения и преуменьшения. Придут другие исследователи вопроса и сделают необходимые дополнения и поправки. Но что подкупает в книге Ю. Ларина—это ее, если можно так выразиться, бодрая трезвость. Автор, например, рисует рост капитализма в деревне, описывает ряд мощных хозяйств огромной доходности, называемых крестьянами «новыми помещичьими хозяйствами», он не жалеет красок, чтобы показать их явно-капиталистический эксплоататорский характер, но вместе с тем, он не теряет перспективы, видит и описывает другую тенденцию развития сельского хозяйства—под'ем бедноты и середняков.

Автор, скажем, полемизирует с «пятилеткой» Госплана, доказывая, что в ближайшие годы возможен рост капиталистической промышленности, но 1—2%-ный рост не означает для него захлестывания всех этажей советской экономики, перерождения советской власти и пр. Такая установка на трезвый и реальный учет всех фактов окружающей действительности и вместе с тем учет *решающих* тенденций и перспектив развития—самое ценное в методе книги тов. Ларина.

Основные главы книги тов. Ларина следующие: 1) Первоначальное образование буржуазного капитала в СССР. 2) Частный капитал в сельском хозяйстве. 3) Частный капитал в промышленности. 4) Частный капитал в торговле. 5) Частный капитал на кредитном и денежном рынке. 6) Частный капитал и налоговое обложение. 7) Эволюция частного капитала. 8) Общая установка и итоговые выводы.

В первой главе книги т. Ларина имеются некоторые принципиальные соображения, которые, как нам кажется, не могут быть признаны верными.

Вопрос идет о первоначальном образовании частного капитала в СССР. При этом выясняется вопрос: почему нами было допущено буржуазное предпринимательство? Тов. Ларин пишет:

«Допущение его (буржуазного предпринимательства) было неизбежным не столько вследствие *недостатка* у нас средств для приведения в движение товарооборота страны, сколько в силу неумения нашего осуществлять этот товарооборот в рыночных формах». Это положение является исходным пунктом всех обобщений тов. Ларина и, так сказать, основанием предлагаемых им мероприятий.

Но что оно означает?

Капиталистические отношения в нашей стране развиваются *лишь* потому и *лишь* в той мере, в какой мы не научились сами «осуществлять товарооборот в рыночных формах». Частичное развитие капитализма в СССР есть продукт исключительно неуменья или недостаточного уменья рабочего класса торговать. Это навряд ли верно. Раньше в силу всем известных экономических причин была допущена свободная торговля и неизбежно с ней связанное частичное развитие капитализма. Но здесь-то и обнаружилось, что мы не умеем торговать.

Первый шаг новой экономической политики состоял, как известно, в том, что у крестьян оставлялись излишки хлеба, для реализации которых были развязаны рыночные отношения. Но как только в этой области мелкое товарное производство было предоставлено самому себе, сразу стало неизбежным известное развитие капиталистических отношений. При этом вопрос идет не только о том, что мы не сумели сами осуществлять товарооборот в рыночных формах и поэтому было неизбежно развитие буржуазного предпринимательства, но суть в том, что мелкое товарное производство, получившее известную свободу раз-

вития, неизбежно порождает капитализм. Это значит, что если бы у рабочего класса был необходимый опыт и уменье торговать и все торговые связи между городом и деревней осуществлялись государством, то и тогда на базе мелкого товарного производства в известной мере вырастал бы капитализм.

Между тем, тов. Ларин экономическую проблему роста капитализма в нашей стране сводит к технической проблеме уменья или неуменья пролетарского государства торговать.

По Ларину, развитие частного капитала в СССР есть обратная сторона неуменья пролетарского государства торговать.

Это положение тов. Ларина представляется нам ошибочным.

Как уже было указано, автор прежде всего анализирует историю образования капитала в СССР.

Размеры буржуазного накопления к моменту начала новой экономической политики автор определяет, примерно, в сто пятьдесят милл. руб. В настоящее время буржуазия СССР владеет суммой, в несколько раз превышающей названную.

Что же послужило источником ее накопления?

Прежде всего и преимущественно хищение различными путями государственных средств. «История буржуазного накопления СССР в первый период есть, таким образом, прежде всего история буржуазного воровства в разных видах и формах, и уже затем начинается буржуазное накопление обычного типа» (стр. 7).

Автор перечисляет 12 видов нелегальной деятельности буржуазии в первые годы нэпа, благодаря которой ей удалось награбить у советского государства сотни миллионов рублей.

Страницы книги, посвященные этому вопросу, представляют живейший интерес, показывая разительные примеры преступности, невежества и головотяпства советских чиновников, из-под носа которых происходит грабеж народного имущества среди белого дня.

Вот эти конкретные формы буржуазного хищничества:

1) «*Агенты и соучастники частного капитала в госаппарате*... Сами служа в хозорганах, они в то же время организовывали различные частные предприятия или на имя своих родственников, компаньонов, или даже прямо на свое собственное. А затем перекачивали в эти частные предприятия находившиеся в их распоряжении государственные средства из государственных органов, где они служили... Вот, например, служащие Ленинградского военного порта вошли в соглашение с организованной для этого частной конторой «Заводопомощь» и украли из ленинградского военного порта 200 тыс. пудов мазута, который и вывезли рядом *поездов и цистерн* и передали в распоряжение конторы. А «Заводопомощь» продала из них 50 тыс. пуд. Ижорскому заводу и остальное другим госорганам, нуждающимся в мазуте»...

Другой пример: «Служащие завода «Треугольник» организовали частную контору под названием «Контора Мартынова», у которой покупали кабель. Производилось это таким образом: с одной стороны, в одни ворота вывозился из завода на склады «Конторы Мартынова» краденый кабель, при чем никакого платежа за это не производилось, так как все это делалось в порядке злоупотреблений, а в другие ворота на завод ввозился кабель из «Конторы Мартынова» хорошо оплачивавшийся «Треугольником» (стр. 9—10).

Эти примеры, как и ряд последующих, взяты т. Лариным из книги т. Кондурушкина: «Частный капитал перед советским судом».

2) «*Лжегосударственная форма деятельности частного капитала*» заключается в том, что частный предприниматель-буржуа числится на государственной службе, пользуется всеми преимуществами госоргана, а на деле занимается частнопредпринимательской деятельностью. Например, некий Л. числится государственным служащим—агентом по заготовке лесных материалов. Но у него столь оригинальные служебные отношения, что сверх себестоимости лесных материалов он получает 25% к этой себестоимости. Ясно, что здесь по существу частный предприниматель, состоящий «на службе» в государственном учреждении и поставивший последнее на службу себе. В наших советских учреждениях свили себе гнезда и такие «типы», которые требуют с рабочего, испрашивающего законное пятирублевое пособие десять бумажек, а частному предпринимателю передают десятки тысяч рублей, легко доверяясь его «справедливости».

3) «*Злостная контрагентура*». Здесь имеются в виду такие отношения между госорганами и частным предпринимателем, когда последний выступает легально, но исключительно злоупотребляет в своих связях с госорганом. Любопытный пример:

Крупный спекулянт П., осужденный по восемнадцати процессам, заказывает заводу «Большевик» прокатать 25 тысяч пудов стали из материалов завода. Цена П. была назначена ниже себестоимости. При этом заказ был выполнен не только из высокосортной стали, но для ускорения его выполнения были задержаны заказы Сестрорецкому оружейному заводу и Волховстрою. Наконец, когда Севзапвоенпром ВСНХ предложил заводу «Большевик» прекратить исполнение дальнейших заказов П., то один из руководителей завода ответил следующим официальным докладом:

«С П. заключены договора по всем правилам юриспруденции. Безответственные лица Севзапвоенпрома считают, что в Советской России не существует никаких правил и законов, ограждающих права частных промышленных предприятий. П.—крупный и выгодный для завода заказчик, так как дает заказы не микроскопичесние и не гомеопатические, которыми пичкает завод Севзапвоенпром. Я пишу в защиту моральных принципов, обязательных для завода по отношению к заказчику».

Эти «моральные принципы» замечает т. Ларин стоили государству 100 тыс. рублей.

Взяточничество и подкуп—главнейшие средства этой контрагентуры.

В дальнейшем изложении т. Ларин рассматривает еще следующие формы и каналы хищничества частным капиталом государственных средств:

4) «Неликвидные фонды. Автомобильный и водный транспорт».

5) «Хищническая аренда». 6) «Система перекупок». 7) «Контрабанда». 8) «Государственный денежный кредит». 9) «Государственные займы». 10) «Валютные операции». 11) «Уклонение от налогов». 12) «Лжекооперативы».

Ограниченность места не позволяет нам подробно останавливаться на всех перечисленных способах хищнической деятельности частного капитала. Отметим лишь следующее:

Тов. Ларин вполне резонно, по нашему мнению, выдвигает предложение об издании специального постановления, запрещающего всем госорганам и кооперации принимать на службу лиц когда-либо осужденных за хозяйственные преступления. Нет сомнения, что головотяпство наших чиновников иногда достигает таких сказочных размеров, что необходимо специальным законом оградить советский организм от проникновения прямых или скрытых агентов частного капитала. Целесообразно предложение о запрещении нашим хозорганам вступать в такие договорные отношения с своими «служащими» (на процентах), которые заведомо служат лишь накоплению частного капитала.

В главе о сельском хозяйстве т. Ларин прежде всего вполне правильно устанавливает двусторонний характер развития сельского хозяйства. В нашей прессе уже неоднократно отмечалось, что советский тип развития сельского хозяйства принципиально отличается от капиталистического типа развития. Последний характеризуется более или менее сплошным расслоением, дифференциацией крестьянства и постепенным переводом всего сельского хозяйства на капиталистические рельсы, т.-е. уничтожением трудового товарного производства и насаждением наемного труда. В отношении дореволюционной России тов. Ленин показал в своей книге «Развитие капитализма в России», как происходит при этом процесс «раскрестьянивания».

В развитии сельского хозяйства Советского Союза существует прямо противоположная тенденция. Все экономические и политические ресурсы пролетарского государства мобилизуются для ограничения развития капитализма. В результате нашей экономической политики мы имеем не уменьшение, а увеличение числа середняков. Это еще, само собою, не решает задачи социалистического преобразования сельского хозяйства, ибо последнее возможно лишь на базе укрупнения и машинизации сельского хозяйства. Чем больше возрастает хозяйственная мощь СССР, чем больше его финансовые возможности, тем реальнее и ощутительней воздействие на развитие сельского хозяйства в сторону социализма. Выполнение кооперативного плана Ленина требует, как необходимого условия, значительного приумножения производительных сил социалистической промышленности. В настоящих экономических условиях полное уничтожение ростков капитализма в сельском хозяйстве невозможно. И за последние годы мы имеем безусловный рост капиталистических элементов в сельском хозяйстве. Заслуга тов. Ларина в том, что им приведен богатый фактический материал, иллюстрирующий рост частного капитала в сельском хозяйстве. Но вместе с тем значительным недостатком книги следует считать отсутствие анализа борьбы двух тенденций в сельском хозяйстве. В конце концов, именно здесь центральный пункт в вопросе о частном капитале. Следовало показать не только рост частного капитала, но и противопоставить ему экономические результаты нашей политики в деревне. Без этого получается одностороннее изложение «двустороннего процесса».

Форм капиталистического предпринимательства в сельском хозяйстве сейчас существует четыре. Во-первых, *явное*, открытое предпринимательское хозяйство с *наемными рабочими*, то, что у нас иногда называется кулацким. Во-вторых, *замаскированная* капиталистическая эксплоатация неимущих соседей путем якобы сдачи им в аренду своего *инвентаря и рабочего скота*, а на деле путем перевода таким образом, часто на совершенно кабальных условиях, части их продукции в свое распоряжение, при чем на деле они являются замаскированными батраками. В-третьих, *сельскохозяйственные лжекооперативы*. В-четвертых, *предпринимательская организация* некоторой части ежегодного отхода из деревни *рабочих на заработки*, в частности на неземледельческие (лесные и строительные) (стр. 66). Число капиталистических хозяйств с наемными рабочими тов. Ларин определяет в 2%. Приведем важнейшие данные о них.

«Если взять среднее количество работников из *членов семьи самого хозяйства* на одно хозяйство, то в крестьянских хозяйствах вообще оно составляет 2,1 чел., а у этой высшей двухпроцентной группы— только 1,8 чел. По количеству рабочей силы в собственной семье эти 2% (предпринимательские хозяйства) значительно уступают, т. о., рядовому крестьянскому хозяйству. Этим, кстати сказать, опровергаются

бывшие когда-то модными толки о том, что мощность высшей крестьянской группы, наверное, об'ясняется ее многосемейностью и наличием более значительного запаса живой рабочей силы в собственной семье»... «По количеству *посева* на едока на каждые сто едоков во всех вообще крестьянских хозяйствах приходится в среднем 59 дес. посева, а на каждые сто едоков этих 2% высших хозяйств приходится 236 дес. посева— ровно в *четыре раза больше*. Если взять рабочий скот, то на каждые сто едоков всех крестьянских хозяйств приходится 15 голов рабочего скота, а на каждые 100 едоков этой 2-процентной высшей группы— 36 голов рабочего скота, т.-е. почти в *два с половиной раза более*» (стр. 67—68). Доля капиталистической верхушки крестьянства в валовой продукции сельского хозяйства составляет 9%. Но ее экономические преимущества перед остальными группами крестьянского хозяйства сказываются в том, что ее же доля в товарной продукции сельского хозяйства равняется примерно 14%.

В заключение этого раздела тов. Ларин приводит данные характеризующие «быт», экономическое лицо определенных сельских капиталистов. В «Правде» (№ 228) были описаны аналогичные представители капиталистической верхушки крестьянства. Поэтому на этой стороне дела мы долго останавливаться не будем. Приведем один лишь примерчик:

Крестьянин Иван Ен. «Его хозяйство имеет 52 дес. посева, 1½ дес. виноградника, 3 лошади, 10 волов, 26 коров, 350 овец. Из сельскохозяйственного инвентаря имеются: 3 букера, 10 борон, 1 веялка, 1 сеялка, 1 винный пресс. Наемная сила в хозяйстве применяется, но без регистрируемых договоров. Во время сезона в хозяйстве работают до *22 человек сезонных батраков* в течение 2—6 месяцев и, *кроме того, 3 годовых работника*. Хозяйство ни в каких кооперативных организациях не стоит. Сельскохозяйственного налога уплатило 572 руб. Глава семьи 37 лет, малограмотный; вся семья его неграмотная, детей грамоте не учит, от общественной жизни сторонится» (из материалов Терского комитета).

Из перечисленных тов. Лариным форм капиталистического предпринимательства в деревне следует еще вкратце остановиться на «капиталистической сдаче скота и инвентаря». В деревне значительно развито следующее явление: бедняк, лишенный инвентаря и скота, сдает свою землю сельскому капиталисту или состоятельному крестьянину, получая за это некоторую (меньшую) часть урожая. Поверхностному наблюдателю эти отношения представляются в перевернутом виде: «Бедняк нанимает капиталистического предпринимателя в качестве сдельного рабочего с лошадью». «Юридически считается, что бедняк «нанятому» им «сдельному рабочему» платит «заработную плату» в виде *большей части урожая*» (стр. 83).

Следующие данные ЦСУ по потребляющей полосе прекрасно иллюстрируют капиталистический характер сдачи скота и инвентаря.

Группы хозяйств	Из них нанимают „сдельных" рабочих в %%
Сеющие до 1 дес.	39,6
„ „ 1 „ до 2 дес.	23,9
„ „ 2 „ „ 3 „	9,2
„ „ 3 „ „ 4 „	5,0
„ „ 4 „ „ 6 „	3,1
„ „ 6 „ „ 10 „	2,9
„ „ 10 „ „ 16 „	5,9
„ „ 16 „ „ 25 „	1,5
Свыше 25 десятин	0,0

Эта табличка, как нельзя лучше, показывает социальную сущность «найма сдельных рабочих». Если понимать его буквально, то получится, что, чем беднее группа хозяйства, тем более распространен там наем рабочих. Бедняк в качестве нанимателя и кулак в роли нанимаемого! Воистину, идиллия!

Правильно пишет тов. Ларин: «Это—система «пролетарской» маскировки кулаком фактических капиталистических отношений *(мнимый «наниматель» является обычно фактическим рабочим своего «сдельного работника»)*. Система такой маскировки является отчасти пережитком первых лет нэпа (когда не было еще четкого разрешения аренды), отчасти проводится кулаком для предохранения себя от лишения избирательных прав или от регистрации договора на аренду земли у бедняка или на наем самого бедняка и т. д. Цель маскировки—лишение бедняка той защиты закона, какую бедняк получил бы при открытом обнаружении действительных капиталистических отношений и при регистрации соответственных договоров» (стр. 83).

Крупнейшим недостатком главы о сельском хозяйстве в книге тов. Ларина является то, что в ней преимущественно приводится лишь материал о *результатах* развития капитализма в сельском хозяйстве, но зато отсутствует анализ самого процесса *развития* капитализма: *как* из мелкого товарного производства в наших условиях порождается капитализм? Процесс развития капитализма в сельском хозяйстве Советского Союза не может быть аналогичным тому же процессу в обычных капиталистических условиях. Главнейшая особенность, очевидно, будет заключаться в том, что в то время, как при восходящем буржуазном способе производства капитализм имеет свое главное направление из города в деревню, у нас, где главнейшие средства производства социализированы, он имеет преимущественно обратное направление из деревни в город.

Изучение всех особенностей этого процесса явилось бы плодотворной теоретической и практически целесообразной работой.

Довольно обстоятельна глава «частный капитал в промышленности». Здесь приводится богатый материал о состоянии капиталистической промышленности и делается ряд интересных обобщений.

Тов. Ларин рассматривает «четыре вида капиталистической промышленности»:

«Это, во-первых, то, что у нас называется *частной цензовой* промышленностью, т.-е. те находящиеся в частной эксплоатации предприятия, которые имеют больше 16 рабочих с механическим двигателем, или больше 30 рабочих без механического двигателя...

Кроме капиталистической цензовой промышленности, нужно принять во внимание, во-вторых, еще ту форму капиталистической промышленности, которая скрывается в форме *частнопромысловых кооперативов*, являющейся лишь прикрытием отдельных капиталистов при организации ими предприятий с наемными рабочими.

В-третьих, нужно принять во внимание и нецензовую капиталистическую промышленность...

В-четвертых, нужно принять во внимание еще часть кустарной промышленности, капиталистически организованную путем *раздаточных контор*» (стр. 111—2).

На долю капиталистической цензовой промышленности по официальным данным Госплана приходится 3—4% всей продукции промышленности СССР. Но этим далеко не исчерпывается доля *всего* частного капитала. В частности, значительная группа промышленных предприятий,

носящих название «кооперативных», в действительности принадлежит капиталистам. «Надо сказать,—остроумно замечает тов. Ларин,—что если в чем-нибудь наша страна чувствует недостаток, то не в отсутствии примеров того, что промысловая кооперация весьма часто является лжекооперацией» (стр. 114).

Основываясь на ряде данных (НКФ, ВСНХ), автор считает две трети промысловой кооперации частнопредпринимательской. Исходя из этого к доле частного капитала во всей промышленности СССР причитываются еще 2%.

Нецензовая капиталистическая промышленность дает около 3% валовой продукции всей советской промышленности.

Раздаточные конторы, капиталистически организующие кустарей и являющиеся одной из лабораторий «нашего» капитализма, составляют также около 3% валовой продукции промышленности Союза.

Всего, таким образом, доля частнокапиталистического сектора составит 11—12% всей промышленной продукции Союза. Эта цифра на первый взгляд кажется преувеличенной. Это об'ясняется тем, что обычно, говоря о роли частного капитала у нас, ограничиваются данными только о цензовой промышленности.

Также небезынтересно будет отметить по данному вопросу следующее место из сборника ВСНХ «Частный капитал»:

«Если присоединить к частной цензовой промышленности также ту часть нецензовой, которая носит мелкокапиталистический характер, а также домашнюю промышленность, то в общем *капиталистический* сектор промышленности вряд ли даст продукции более 15% всей промышленной продукции» (стр. 22).

В области производства средств потребления доля частного капитала, разумеется (в силу национализации тяжелой индустрии), больше.

Весь собственный промышленный капитал частных капиталистов составляет примерно 450 млн. руб. (стр. 133).

В части практических предложений тов. Ларин выдвигает ряд мероприятий, преследующих цель—перевести капитализм из скрытого состояния в явное. Так, он предлагает отменить закон, согласно которому у нас в обычном порядке разрешается существование предприятий с числом не более двадцати наемных рабочих. Тов. Ларин считает, что это число можно довести и до двухсот. «От этого мы выиграем: 1) открытое существование все равно существующих (только скрыто) капиталистических предприятий, 2) возможность контроля над ними, 3) значительное улучшение положения эксплоатируемых ими рабочих и 4) вовлечение этих рабочих в общую организационную и прочую жизнь советского пролетариата» (стр. 152).

При всех успехах нашей политики регулирования хозяйственной жизни нельзя все же смешивать экономическое развитие с административными распоряжениями.

Тов. Ларин абсолютно прав, когда он говорит о дифференцированном отношении к частному капиталу, о необходимости ряда экономических мероприятий, которые вытолкнули бы частный капитал из тех отраслей народного хозяйства, где мы и без него справимся, и вовлечения в те отрасли, где использование его принесет пользу развитию нашей страны. При полном сознании всей необходимости этих мероприятий нельзя, однако, представить себе возможность абсолютного подчинения частного капитала пролетарскому государству и превращения его в «плановое» дополнение к государственному хозяйству. Насколько нам это удастся, мы еще посмотрим.

Крайне добросовестно выполнена глава о частном капитале в торговле.

Торговый капитал имеет солидную производственную и кредитную базу. О производственной базе было сказано выше. Капиталистический кредит по данным НКФ составлял на 1 октября 1925 г. 200 млн. руб.; по другим данным (НКТ) 135 млн., к настоящему времени эта сумма, разумеется, возросла.

Но частная торговля пользуется также государственным кредитом. Товарные кредиты государства частной торговле составляли в 1925—26 г. 190 млн.; не менее 50 млн. составляют денежные кредиты.

Другой род поддержки государством частной торговли—это система авансов.

«Итого частный торговый капитал получает от государства кредиты в размере примерно до 350 млн. руб. да еще около 20 млн. руб. привлекает кредитного частного капитала» (стр. 163).

Если принять во внимание также собственные средства торговцев и накопление, то вся сумма обращающихся в частной торговле средств выразится в сумме 900 млн. руб.

Как в промышленности, так и в торговле идет процесс замещения мелкого частного хозяйства кустарного типа капиталистическим. Это видно из того, что в рамках уменьшающего частного хозяйства возрастает роль капиталистического. В области частной торговли также возрастает роль крупной капиталистической торговли.

Какова роль частной и в частности капиталистической торговли на промышленном и сельскохозяйственном рынке?

«Через капиталистическую оптовую и полуоптовую торговлю проходят следующие части промышленной продукции страны:

1) продукция капиталистической промышленности, в том числе домашней системы ее;

2) часть продукции трудовой кустарной промышленности, скупаемая капиталистическими скупщиками;

3) часть продукции государственной промышленности, легально продаваемая частному опту и полуопту;

4) часть нелегально скупаемой частными торговцами государственной продукции» (стр. 178—179).

Суммируя ряд данных, тов. Ларин приходит к выводу, что всего «через капиталистическую оптовую и полуоптовую торговлю проходит не менее четверти всей товарной промышленной продукции СССР (точнее—около 28% в 1925—26 г.» (стр. 181).

Понятно, далее, что для того, чтобы получить представление о действительной роли частного капитала на потребительском рынке, необходимо вычесть из всей товарной продукции производство средств производства. Тогда капиталистический опт и полуопт составит (для 1925—26 г.) примерно 40%.

Если другими исследованиями того же вопроса будет доказано, что приведенные цифры несколько преувеличены, все же неоспоримо, что в области торговли перед нами большая задача борьбы с частным оптовиком и полуоптовиком.

В связи с этим тов. Ларин развивает целый ряд мыслей о наших задачах в области торговли, мыслей прямо противоположных взглядам оппозиции. Оппозиция, как известно, предлагала изъять средства из государственной торговли и бросить их в промышленность. Тов. Ларин, наоборот, считает необходимым дополнительно вкладывать в госторговлю и кооперацию ежегодно до 200 млн. руб.

Вопрос ставится у него следующим образом:

Хозяйственные затруднения, переживаемые нами, являются результатом не плановых «просчетов», а высокого уровня розничных цен. Именно, вопрос о ценах является узловым вопросом. Благодаря расхождению уровня наших цен с мировыми делается нерентабельным экспорт. Благодаря высокому уровню розничных цен понижается реальная заработная плата и т. д.

С другой стороны, высокий уровень розничных цен связан в значительной степени с неблагоприятным для нас распределением национального дохода в виде получения буржуазией торговой сверхприбыли.

Значительное место частного капитала в торговле становится, таким образом, главным уязвимым пунктом нашей экономики. Борьба за замещение частного капитала в торговле является тем звеном, за которое необходимо ухватиться, особенно это относится к торговле в деревне: «*Торговля в деревне есть одна из командных высот нашей экономики*» (стр. 211—212).

В итоге т. Ларин указывает на необходимость следующих мероприятий:

«1) Внесение плана в экономическое вытеснение и замещение капиталистической оптовой и полуоптовой торговли (установление очередности прекращения ее кредитования и снабжения в соответствующих отраслях и районах, соответственные налоговые меры и т. д.).

2) Сокращение товарного, денежного и авансового кредита, оказывавшегося государством капиталистической торговле, и направление этой части его на развитие кооперативных заготовок и кооперативного снабжения.

3) Усиление государственных и кооперативных заготовок так называемых «скоропортящихся» продовольственных продуктов... и обеспечение этой работы созданием надлежащего оборудования...

4) Развитие государственной и кооперативной организации сбыта (и снабжения) трудовой кустарной промышленности.

5) Обеспечение полного действительного соблюдения большего благоприятствования потребительской кооперации сравнительно с частником (в частности налогового), особенно имея в виду важность проведения промышленных товаров в деревню именно кооперативным путем.

6) Более значительный учет в планах банковского кредитования необходимости развертывания в указанных направлениях кооперативной торговли, чем это имело место до настоящего времени.

7) Ограничение произвола частных торговцев в установлении цен поощрением общественного контроля над ними (вплоть до бойкота за чрезмерное вздувание цен) и созданием прямой связи с подходящей частью розничников для устранения влияния на них частных оптовиков и для ограничения уровня их цен и доходов соответствующими договорами...

Совокупность этих мероприятий должна повести к *постепенному фактическому ограничению капиталистической и вообще частной торговли только изделиями капиталистического производства и непосредственными продажами отдельных мелких производителей отдельным непосредственным потребителям*» (стр. 222—223).

Мы не будем останавливаться подробно на других частях книги. Очень интересная глава о налоговом обложении частного капитала. Из нее видно, что, с одной стороны, сила капиталистического класса у нас сравнительно с силой буржуазии в других странах крайне мизерна. Капиталисты владеют 6% всего национального имущества СССР. С другой стороны, материалы, приводимые т. Лариным, показывают возмож-

ность усилить налоговый нажим на капиталистов. Последние правительственные директивы о налогах на сверхприбыль подтверждают это.

Говоря об этой эволюции частного капитала, т. Ларин указывает на стремление создать *замкнутый круг* капиталистического хозяйства. «Здесь своего рода попытка создать экономическое «государство в государстве», создать такую цепь связей, при которой некоторые хозяйственные процессы, от истоков возникновения до конечного потребления, целиком организованы были бы капиталистически... Распространена, например, такая цепь: сначала заготовка *сырья* капиталистами; потом переработка его на капиталистических *фабриках или кустарями*, которых капиталист *снабжает* сырьем; затем идет организация капиталистами *торговли* соответствующими изделиями. И во главе всего этого—капиталистический *кредит*, который финансирует и играет решающую роль» (стр. 282).

Возможно более сузить и затем разбить этот круг—задача нашей экономической политики.

Книга тов. Ларина—добросовестная, хорошая книга. Если бы на место сотен и тысяч экземпляров рухляди и хлама, которыми запружена наша литература, чаще появлялись *конкретные* описания наших врагов и успехов нашей промышленности, было бы куда лучше.

В книге, столь багатой фактическим материалом, как книга тов. Ларина, вполне естественно могут оказаться некоторые «прегрешения» против действительности. Другие исследования уточнят вопрос.

Книга написана простым и понятным языком и с большим интересом будет прочитана беспартийными рабочими и коммунистами.

Только «частнокапиталистическая» госиздатовская цена книги прямо-таки безбожна.

М. Райек.

Опечатка.

В № 19—20 «Большевика» на стр. 105 в статье тов. Г. Викторова «Империалистическая Франция и СССР» конец первого абзаца следует читать: «Эти два момента—удовлетворение мелких держателей и поощрение отечественной промышленности могли побудить французскую делегацию, **составленную еще при правительстве левого блока,** принять»... и т. д.

Редакция: **В. Астров, Н. Бухарин, В. Молотов, А. Слепков, Е. Ярославский.**

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 30 НОЯБРЯ 22

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП (б)

СОДЕРЖАНИЕ.

1 9 2 7

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ

«ПРАВДА»

Главлит № А-3650. Тираж 100.000 экз.
Набрано в тип. Изд-ва „Правда“ и „Беднота“. Яузский мост, Серебр. наб., д. 23а.
Отпечатано в 1-й Образц. тип. Госиздата. Москва, Пятн., 71. Зак. № 5642.

К XV с'езду партии.

Нет необходимости доказывать, что дезорганизаторская, разлагающая «работа» оппозиции чрезвычайно сильно навредила партии в повседневной практической деятельности последней по руководству социалистическим строительством.

Предс'ездовская дискуссия — это не просто «непомерная роскошь»,—это нечто значительно большее, с точки зрения того ущерба, который нанесла партии борьба оппозиции против ленинизма.

Оппозиция, получив решительный отпор со стороны партии, не остановилась перед апелляцией к силам, стоящим вне партии. Оппозиция открыто перешла от борьбы внутрипартийной к борьбе против партии *за пределами партии*. Оппозиция, по существу дела, стала антисоветским фактором, превратившись в центр притяжения элементов «третьей силы».

Вредоносность оппозиции заключается, прежде всего, в том, что ее антиреволюционные выступления, ее попытки прорыва советской легальности привели к оживлению контрреволюционных сил, к тому, что враги пролетарской диктатуры подняли голову и перешли к более активной борьбе против коммунизма.

С другой стороны, необходимость борьбы с оппозицией, необходимость идейной ликвидации троцкизма имела своим следствием оттягивание сил партии от практической работы по консолидации сил революции, по энергичному преодолению специфических трудностей переживаемого периода.

Таким образом, оппозиционная борьба против партии обошлась последней, а также, конечно, и руководимой ею пролетарской диктатуре, весьма дорого.

Тем настоятельнее и необходимее в этих условиях является пресечение антипартийной и антиреволюционной фракционной деятельности оппозиции и *сосредоточение сил и активности партии на вопросах практической положительной работы*.

С'езд партии должен подвести решающие итоги дискуссии и *повернуть партию на путь нормальной деловой работы*.

Оппозиционным раскольникам и штрейкбрехерам будет поставлен на с'езде вопрос ребром: или они отказываются от своей антиреволюционной деятельности и от идеологии троцкизма,

питающей эту деятельность,—или они оставляют ряды ленинской партии.

На данной стадии вопрос может стоять только так. Партия не может больше терпеть лицемерия, двурушничества, обмана, раскольнического «маневрирования».

Партия не может терпеть в своих рядах людей, которые в основных вопросах предпочитают меньшевистские оценки, прогнозы и положения—ленинским.

Троцкисты должны выбирать. Только отказавшись от борьбы с ленинизмом и ленинской партией, только войдя в русло деловой повседневной положительной работы партии, оппозиционеры могут спасти себя для революции, для дела Ленина, для партии.

С'езд призовет членов партии к усилению организованной борьбы с классовыми врагами и преодолению очередных трудностей; он заявит, что оппозиционной возне должен быть положен конец и все силы партии должны быть брошены на нужную, полезную, усиленную строительную работу.

С'езд подведет, в связи с *политическим отчетом ЦК*, итоги последним достижениям пролетарской диктатуры, борющейся за коммунизм, проводящей социалистическую индустриализацию в условиях мирового капиталистического окружения и преобладания мелкобуржуазного населения внутри страны; он даст оценку текущему политическому моменту, наметит основные линии работы на ближайший период, специально отметит трудности текущего периода и практические задачи, встающие перед пролетарским государством в связи с этими трудностями.

На с'езде подвергнется обсуждению вопрос *о международной политике* партии, в связи с отчетом нашей делегации в ИККИ. XV с'езд должен дать оценку теперешнего соотношения сил революции и контрреволюции в мировом масштабе, по-ленински оценить процессы, происходящие в системе мирового капитализма, в среде пролетариата и трудящихся масс вообще.

Наша партия всегда была и остается партией *интернационалистской*. Судьбы СССР, судьбы пролетарской диктатуры в нашей стране, теснейшим образом связаны с судьбами международного революционного движения. Именно поэтому вопрос о перспективах этого движения и методах успешного преодоления международного реформизма в борьбе за свержение мирового капитализма будет играть на с'езде исключительно значительную роль.

Из вопросов *внутреннего* порядка внимание с'езда займут вопрос о *директивах по составлению пятилетнего хозяйственного плана* и проблемы *работы партии в деревне.*

Текущий момент в экономической политике пролетарского государства отмечается ростом *планового* воздействия командных высот пролетариата на развитие всего народного хозяйства в целом. Этот рост является необходимым условием пятилетки. Без

серьезных успехов в развитии нашей социалистической промышленности, в развитии банковской и кредитной системы пролетарского государства, без роста успешного экономического воздействия пролетарского города на деревню, без усиления ведущей роли пролетарского города во всей системе народного хозяйства Советского Союза — всякий разговор о пятилетнем плане не серьезен.

Пятилетний план стал возможен в силу того, что позиции социализма стали крепче, в силу того, что пролетарское государство располагает теперь реальными возможностями обеспечения хозяйственной и социальной гегемонии социалистических элементов в народнохозяйственном развитии.

Однако, приступая к разработке пятилетнего плана, наша партия не может не учитывать всей его относительности. Плановость превратилась бы во вредное прожектёрство, если бы пролетарское государство в своих строительных и регулирующих функциях не учитывало тех трудностей планирования, которые обусловлены изменениями в хозяйственной и политической обстановке, в соотношениях между СССР и капиталистическими странами, в соотношениях между городом и деревней и т. д. Учитывая это, Центральный Комитет предлагает партии на данной стадии нашего развития, прежде всего, выработать *принципы* составления пятилетнего плана и подготовить выработку примерных пропорций, в пределах которых, при более или менее «нормальных» условиях, будут развиваться различные отрасли хозяйства.

Эти принципы должны быть ленинскими принципами, т.-е. принципами, обеспечивающими успешное *строительство социализма на основе смычки пролетариата с крестьянством.*

Директивы, которые будут обсуждаться и определяться на с'езде, и должны дать целостную систему указаний о направлении строительно-социалистической работы на ближайшее пятилетие.

В области *деревенской* работы с'езд уделит серьезное внимание выработке системы мер, которые должны помочь широкому производственному кооперированию бедняцко-середняцких слоев крестьянства, более быстрому развитию коллективных хозяйств и включению хозяйственной жизни деревни в сферу планового воздействия пролетарского государства.

Центральный Комитет предлагает XV партс'езду установить, что и работа в деревне и вся работа по индустриализации должны проводиться *под знаком усиленного и систематического наступления на частнокапиталистические элементы.*

Впереди—полоса большой, ответственнейшей борьбы за социалистическую индустриализацию нашей страны. От результатов этой борьбы зависит весьма многое не только в нашей *внутренней* области, но и в области соотношений классов в *мировом* масштабе.

Разрешение этих задач требует повышения активности партии и руководимого ею пролетариата. Развертывание этой активности есть развертывание внутрипартийной и пролетарской демократии.

Именно *на пути действительной ленинской политики*, именно *на пути творческой деятельности партии и пролетариата в области строительства социализма*, в области упорной, систематической, повседневной борьбы за социализм—*получит дальнейшее развитие процесс демократизации отношений внутри нашей партии и в среде пролетариата.*

XV с'езд отбросит в сторону нытиков и штрейкбрехеров, мешающих строительству социализма, и твердо и уверенно поведет партию вперед по ленинскому пути, к разрешению новых задач, к преодолению новых трудностей, навстречу новым решающим боям!

В. Астров.

Бауэр о „функциональной демократии“.

Прославляя парламентскую демократию, австро-марксисты вместе с тем имеют в своем идейном багаже («у дядюшки Якова—товару про всякого»!) левые фразы и *против* парламентской демократии.

Одним из «левых» выкрутасов Отто Бауэра и К° является некоторая формальная ревизия старых социал-демократических взглядов на «политическую демократию» (т.-е. на буржуазный парламентаризм), которую эти господа пропагандируют, примерно, уже с 1919—20 годов. Эта ревизия связана с идеей о так называемой «функциональной демократии».

«Голая» («bloss») политическая демократия не оправдала себя, как единственное средство, достаточное для завоевания власти пролетариатом,—признают австро-марксисты. Оставаясь *главным* средством в этом отношении, она все же должна быть *дополнена* «функциональной демократией», и тогда завоевание власти «демократическими средствами» будет на мази. Таким путем они хотят бороться в рабочей среде с идеей о *диктатуре* пролетариата.

Прежде всего уместно спросить: какие причины побудили австро-марксистов ревизовать старые социал-демократические взгляды? Довольно ясно указывает на эти причины Макс Адлер в одной из своих последних брошюр.

Макс Адлер имеет совершенно исключительные способности к фразерству и пустозвонству. Достаточно сказать, что он даже в среде австро-марксистов выделяется этими качествами (а это вовсе не так легко). «Проблемы демократии» при этом составляют одну из излюбленнейших тем Макса Адлера. Можно сказать, что проблемы демократии исписаны им и вдоль и поперек.

«Демократия имеет много проблем»,—пишет он: — об избирательном праве, о законодательстве, о роли парламентаризма, о самоуправлении общин, о централизме и федерализме, о разделении власти законодательной, исполнительной и судебной и т. д. Все это—«очень важные» вещи. Но—увы!—теперь дело идет уже не об этих частностях! Макс Адлер должен брать перо и писать «о проблеме *самой* демократии».

...«Ибо это знаменательно для нашей эпохи, являющейся, в общем, веком демократии: *самая демократия стала в высокой степени проблематичной!* («Какой скандал» для добропорядочных профессоров буржуазного права!.. *В. А.*). Она стала *проблемой* не только лишь для отдельных мыслителей—этим она всегда была,—но *для больших политически зрелых масс, которые начи-*

нают относиться к ней сегодня скептически, даже с недоверием. Старого предрассудка «за демократию» больше нет» [1]).

Итак, «сегодня» *массы* «начинают относиться» к демократии «скептически» и «с недоверием». Вот причина, вот ветер, заставляющий австрийских социал-демократов менять паруса на их партийной «галоше».

Однако, по какому же пути идут *массы*, разочаровывающиеся в демократии?

«*У большей части его* (пролетариата. *В. А.*), которая находится под влиянием большевистской теории, дело зашло так далеко, что демократия рассматривается прямо как опасная иллюзия. Она кажется крупным обманом, посредством которого стремящиеся к свободе массы вводятся в заблуждение»... [2]).

«В среде рабочего класса понятия *революционной* классовой борьбы и *диктатуры* пролетариата, *если не столь ходячи, то все же известны* (! *В. А.*) *из учения Маркса и Энгельса.* Теперь они кажутся, на опыте насильственных событий в России, сохранившими их большое историческое значение: здесь видят победы метода, который кажется совершенно отличным от всякой демократии. Итак в рабочих слоях возник новый пароль: диктатура, а не демократия! Долой парламентаризм,—«вся власть рабочим советам»! [3]).

Массы подпадают под «влияние большевизма», и среди них воскресает теория Маркса (жив еще курилка!..) о диктатуре пролетариата, которую так старались навсегда похоронить социал-демократические теоретики. Для того, чтобы в новых условиях успешнее бороться с распространением в массах теории Маркса о диктатуре, австро-марксисты подновляют старые социал-демократические взгляды на парламентаризм:

«*Но внутри социал-демократии также* проявились теоретические устремления, которые так резко ограничивали свою точку зрения на демократию от буржуазно-демократической позиции, что и *здесь старая наивная партийная позиция «за демократию» исчезла*» [4]).

«Старая наивная партийная позиция» «за демократию» дискредитирует социал-демократию среди рабочих, и австро-марксисты берутся ее подновить так, чтобы она чем-то «резко» отличалась от обычной *буржуазной* демократической позиции. На сию потребу и идет «функциональная демократия», которую Адлер рекламирует следующим образом:

«*Функциональная демократия* есть, таким образом, в ее существе *призыв к организованным массам трудящегося народа стать рядом и прежде всего против* (! *В. А.*) *политической демократии.* Она по всей ее натуре есть *революционное средство* и поэтому может выполнить свою цель, свою «функцию» только в том случае, *если эти массы революционно настроены и организационно готовы к действию*» [5]).

«Таким образом, «функциональная демократия», если ее правильно понять, не *есть мирное понятие, не политический пацифизм и не разоружение* в революционной пролетарской классовой борьбе»... «*Ибо в основе последние и сильнейшие аргументы функциональной демократии суть «аргументы улицы»*» [1]).

«Аргументы улицы»? Так, значит, дело здесь не пахнет шуткой?.. Но мы сейчас увидим, что все это—пустая болтовня.

Настоящий «обснователь» (среди австро-марксистов) теории «функциональной демократии», это—Отто Бауэр [2]). Чтобы точнее установить, что именно Бауэр понимает под термином «функциональная демократия», нам придется привести довольно длинную выдержку из его книги:

«Парламентская демократия стремится сохранить контакт между правящими и управляемыми *путем выборов.* Она полагает, что контакт будет создан тем, что каждые три или четыре года народ будет призван к выборам в парламент, который определит состав правительства и будет контролировать деятельность последнего. Рабочий класс везде на опыте узнал, что *эта вера в парламент только иллюзия*, что *буржуазии удается* через прессу, церковную кафедру и через самый избирательный аппарат *добиться такого исхода выборов, что правительство*, создающееся потом в результате этих выборов, *становится классовым правительством буржуазии*—правительством меньшинства народа. Поэтому через все революционное движение, вызванное великой войной, особенно ярко обрисовывается *борьба рабочего класса против парламентской демократии.* Из этой борьбы родилась русская идея советского государства точно так же, как и британская идея гильдейского государства. Как ни существенно отличаются эти идеи друг от друга, в обеих пролетариат искал средства для большей согласованности между правящими и управляемыми, чем это может быть достигнуто при помощи парламентской демократии.

«В современном капиталистическом обществе рядом с политической демократией, представленной демократическими организациями государства и общин, развилась *промышленная демократия, представленная крупными, демократически организованными профессиональными союзами и рабочими потребительскими обществами, профессиональными организациями служащих и чиновников и крестьянскими товариществами.* Политическая демократия знает только просто граждан. Она не обращает внимания на экономическое положение, на профессию и общественные функции гражданина, она призывает всех граждан без различия к избирательным урнам и делит их только по территориально разграниченным избирательным округам. *Промышленная же демократия, наоборот, делит людей по их профессиям, месту их работы, по роду их функций в народном хозяйстве, по их общественным функциям, она об'единяет их в организации по предприятиям, профессиям и индустриальным организациям.* В борьбе против чисто парламентской демократии рабочий класс противопоставил ей идею *функциональной демократии* в самых различных ее формах, *т.-е. требование, что правительство должно контролироваться гражданами, об'единенными и расчлененными согласно их профессиям, месту работы и их общественным и политическо-экономическим функциям.* Если политическая демократия требует того, чтобы правительство управляло в согласии с парла-

[1]) Макс Адлер. «Politische oder sociale Demokratie», Berlin. 1926 г., стр. 18.
[2]) Там же, стр. 18.
[3]) Там же, стр. 22.
[4]) Там же, стр. 19.
[5]) Там же, стр. 154.

[1]) Там же, стр. 156.
[2]) Бауэр, в свою очередь, заимствовал и термины и идею «функциональной демократии» у гильдейских социалистов.

ментом, избираемым народом через каждые два года, то *функциональная демократия требует, чтобы правительство оставалось в каждой отдельной отрасли его деятельности в постоянном контакте с организованными коллективами, об'единяющими граждан сообразно роду их профессии, месту работы, общественным и хозяйственным функциям*, при чем каждый из этих коллективов сохраняет непосредственную связь *с соответственной отраслью управления*. Комбинация политической и функциональной демократии—такова была сущность правительственной практики, к вступлению на путь которой было вынуждено правительство республики (речь идет о правительстве Реннера. *В. А.*) в виду соотношения сил, созданного революцией.

«В проникновении системы функциональной демократии в практику правительства буржуазия видела не что иное, как установление власти нелегальных «побочных правительств», как «контрабандный большевизм». В действительности это знаменовало *не только углубление демократической идеи о контакте правительства с управляемыми*, не только *легальную форму использования и расширения власти рабочего класса*, не только спасение страны от опасности кровавой катастрофы. Оно знаменовало значительно большее. Функциональная демократия явилась *средством к полному перевороту в отношении между массами и государством*. Это было средством для проявления инициативы и плодотворнейшей деятельности масс» [1]).

Мы видим, что Бауэр озабочен мыслью о достижении возможно более полного «контакта» или «согласия» («Übereinstimmung») «между управляющими и управляемыми». «Путь выборов» в парламент оказывается не в состоянии осуществить этот «контакт»: буржуазное меньшинство имеет возможности навязывать большинству народа определенный исход выборов, в итоге которого обеспечивается буржуазное классовое правительство. Думать иначе—«иллюзия»,—говорит Бауэр.

Таким образом, он признает, по сути дела, *банкротство парламентаризма* самого по себе, *как метода завоевания власти пролетариатом*. Он констатирует факт, что революционные массы повсюду вынуждены обращаться к *вне*парламентским методам борьбы и организации. И сам он видит себя вынужденным искать выхода из положения на путях этой «борьбы против голой парламентской демократии».

Но для самого Бауэра это словечко «против» играет роль простой *увертки* от серьезности задетой им проблемы. На деле он во всех своих дальнейших выводах остается целиком *на почве принципов* буржуазного парламентаризма, он *за* них, а не «против» них.

В самом деле, каков единственный, честный и последовательный вывод, который можно сделать из слов Бауэра? Только один: если надежда на возможность парламентским путем добиться правительства, соответствующего действительным интересам большинства народа, есть *«иллюзия»*, то тогда парламентаризм перестает быть *главенствующим* принципом политической деятельности рабочих партий, ему отводится подчиненное место, и *главная* линия борьбы переносится на подготовку к завоеванию власти *непарламентским* путем, например, к захвату власти такими пролетарскими «функциональными» организациями, как *советы* рабочих и солдатских депутатов. Понятно, что при этом роль парламентаризма на известных ступенях борьбы не только не отрицается, но, наоборот,—только в этом случае парламентаризм превращается в могучее, охватывающее все слои народа вспомогательное орудие *революционной* пролетарской борьбы.

[1]) «Австр. революция». Русск. изд., стр. 182 и 183.

Но сделав один-единственный шажок вперед, об'явив веру в народный характер парламентаризма (эту «старую наивную партийную позицию», по выражению Макса Адлера) «иллюзией», Бауэр шарахается от неизбежного логического вывода из своих слов, делает несколько трусливых скачков назад. Он отводит пролетарским организациям *жалкую* роль в ряду других «функциональных» организаций (*всех классов* населения!) и даже не заикается о том, что функции избрания правительства могут быть отняты у буржуазного парламента и взяты в свои руки более подходящими, с пролетарской точки зрения, организациями.

Но не только в этом непоследовательная трусливость Бауэра. Вопрос о том, кем будет выделено правительство пролетариата—парламентом или советами—не исчерпывает вопроса о переходе власти из рук одного класса в руки другого класса. В капиталистическом обществе политически господствует буржуазное *государство*,—понятие более широкое, чем «правительство», включающее и армию, и суды, и тюрьмы, и парламент, и полицию, и бюрократические аппараты «министерств», и бюрократические «самоуправления» и т. д. *Разрушение* всей этой старой государственной машины, в том числе парламентской, есть *предпосылка* овладения властью для пролетариата. Только конкретная историческая обстановка в каждой стране в момент переворота определит, из каких организаций и как вырастет *новое* правительство. Но необходимым условием создания действительно пролетарского правительства и удержания им власти является *разрушение* старого государственного аппарата, которое может быть произведено только при помощи *не*парламентских средств. Все эти вопросы Бауэр устраняет из поля зрения, когда говорит о «функциональной демократии», намечает задачи непарламентских организаций в отношении правительства. А как он относится к задаче разрушения буржуазного государства, можно видеть на «классическом» примере его отношения к австрийским жандармам, которых он «воспитывает» в «республиканском духе».

Итак, «функциональная демократия» Бауэра не посягает на «священный» принцип «законного» избрания правительства через парламент, над которым буржуазия, *заведомо для Бауэра* (!), имеет полную возможность господствовать. С другой стороны, в задачи «функциональной демократии» не входит и разрушение и смена всего буржуазного государственного аппарата в целом. Словом, буржуазное классовое государство оставляется в полной *неприкосновенности*.

В итоге бауэровская идея «функциональной демократии» сводится к *двум* требованиям. Во-первых, чтобы *буржуазное правительство контролировалось* не только парламентом, но и *«функционально»-организованными «гражданами»*; во-вторых, чтобы буржуазное правительство правило в каждой отрасли управления.

Это-то и есть «углубление демократической идеи», «легальная форма использования и расширения власти рабочего класса» (?),

«средство к полному перевороту в отношениях между массами и государством» и т. д., и т. п.

Прежде всего, бросается в глаза то, что идея Бауэра совершенно не носит классово-пролетарского характера или хотя бы его отпечатка. «Граждане»,—говорит Бауэр,—должны быть организованы «по их общественным и экономическим функциям». Организации *каких* граждан требует Бауэр для «углубления демократии»? «Общественную» и «экономическую функцию» в современном буржуазном обществе несет не только рабочий, не только крестьянин, но и капиталист. Функция капиталиста, с точки зрения капиталистического общества, есть самая жизненно-необходимая общественная и хозяйственная функция, ибо без капиталистов нет самого капитализма.

Бауэр стоит именно на этой точке зрения, свойственной апологету капиталистического общества. Он говорит не о контроле рабочих над государством и не о контроле рабочих и крестьян над государством. Он говорит о контроле «Staatsbürger»-ов («граждан»). Вообще все те, кто имеет то или иное отношение к той или иной отрасли деятельности правительства (а *кто* же имеет более близкое и непосредственное касательство ко всей деятельности буржуазного правительства, если не капиталисты?)—все пользуются у Бауэра правами и благами «функциональной демократии».

Однако, сейчас же неизбежно встает вопрос: если «функциональная демократия» щедро «предоставляет» всем гражданам без различия их классовой принадлежности «равные права» внепарламентского контроля над правительством, то могут ли в действительности все классы населения одинаково использовать эти «права», имея в виду, что правительственная-то власть находится в руках *одного* из этих «контролирующих» классов—буржуазии?

Возьмем, для примера, внешнюю политику буржуазного правительства. Можно ли допустить мысль о том, чтобы буржуазное правительство рассказало *рабочим* совершенно откровенно о своей внешней политике,—больше и откровеннее, чем оно это делает в парламенте для политических представителей всех классов населения: показало бы рабочим тайные договора о разделе колоний между грабителями-империалистами, выдало бы «военные тайны» и т. д.? Разумеется, этого немыслимо ожидать.

А возможно ли, чтобы буржуазное правительство открыло те же тайны *капиталистам* и их организациям? Понятно, да, ибо уже сейчас вся его внешняя политика разрабатывается при прямом участии концернов и крупных акционерных компаний, все военные заказы выполняются капиталистическими организациями и т. д.

Капиталисты могут «контролировать» свое правительство уже постольку, поскольку они, в конечном счете, сами его «посадили», поскольку оно есть *правительство капиталистов*, имеющее в классе капиталистов свою опору, источник силы и *экономического* могущества класса капиталистов, распоряжающегося крупной промышленностью, банками, внутренней и внешней торговлей и т. д.

Рабочие *не* могут контролировать буржуазное правительство потому, что это—правительство *другого* класса, безраздельно располагающего *экономической* силой и, плюс к тому, армией, полицией и государственным аппаратом, сложившимся десятилетиями.

Смешно даже говорить о «контроле» тех, кто *не имеет власти* над теми, кто *имеет* эту власть! *Сильный может* контролировать более слабого, но слабый сильного—нет. А пролетариат при буржуазном государстве до поры до времени остается *слабее* буржуазии. А в тот момент, когда он станет *сильнее* буржуазии с ее государственным аппаратом, тогда он может и должен *взять всю власть*.

Идеей «контроля» над правительством теория «функциональной демократии» пытается *нагло обмануть* рабочих. До взятия власти пролетариат *не в силах* «контролировать» буржуазную власть. А после взятия власти пролетариатом исчезает об'ект «контроля»—буржуазное правительство.

Чтобы лучше понять австро-марксистов с их теорией «функциональной демократии», надо опять-таки вспомнить тот проделанный ими опыт в Австрии, который и побудил господ Бауэров и Адлеров подправлять «старые партийные позиции».

Парламентский ли демократизм привел их к власти в 1918 году? Отнюдь нет. Они не имели абсолютного большинства в парламенте. Две другие буржуазные партии, христианские социалисты и немецкие националы, соединившись, в любое время могли бы заголосовать социал-демократов и свергнуть их правительство. В самый разгар революционного времени, в итоге февральских выборов 1919 года, социал-демократы получили из 159 мандатов в учредительном собрании только 69; христианские социалисты—63, националисты—24. Социал-демократы стояли у власти *в коалиции с христианскими социалистами*. Они ушли из правительства (как и подобает социал-демократам,—добровольно), когда на следующих выборах, в октябре 1920 года, на выборах в национальное собрание, христианские социалисты получили на 200 тысяч голосов больше, чем они.

Спрашивается, почему буржуазная партия христианских социалистов в течение пары лет предпочитала социал-демократов дейтш-националам, а потом поступила наоборот? [1]). Это об'яснялось кривой революционного движения масс, его под'емом и спадом. На под'еме революции только социал-демократы могли спасти обуржуазный строй. На ее спаде надобность в них для буржуазии миновала.

«Внепарламентское» движение в революционные годы препятствовало буржуазии непосредственно реализовать имевшиеся у нее парламентские возможности. На этом основании Бауэр и Адлер считают, что «функциональная демократия» в истории австрийской революции «функционировала» *против* парламентской демократии. Однако, в том, что Бауэр и Адлер называют «функциональной демократией», приходится различать, по меньшей мере, *две* вещи: движение и настроение масс, во-первых, и деятельность социал-демократии, во-вторых.

В 1919—20 годах трудящиеся массы в Австрии были безусловно «революционно настроены», достаточно организованы и «готовы к действию». Таким образом, были налицо главные усло-

[1]) Получение христианскими социалистами относительного большинства на выборах 1920 года не являлось решающим фактором для судьбы коалиции. Как передает Бауэр в своей книге, уже до этих выборов социал-демократы приняли решение уйти из правительства, в виду обострения борьбы с христианскими социалистами и в виду колебаний последних в сторону дейтш-националов.

вия для того, чтобы «функциональная демократия» выявила свою «природу революционного средства». Для каких же целей употребили тогда австрийские социал-демократы все свое внепарламентское влияние, как и в чьих интересах они использовали тогда орудие «функциональной демократии»? Заглянем снова в книгу Бауэра, написанную как бы со специальной целью разоблачить антипролетарскую роль социал-демократов в австрийской революции и вскрыть обманный характер их теорий:

«Революция разбила аппарат господствующего милитаризма, подавлявшего рабочий класс. Последний стал свободным. Он уже не подчинялся никакой военной силе»...

«В казармах фактическая власть находилась не в руках офицеров, а солдатских советов. Никакая принудительная военная сила не могла заставить народную армию подчиняться капиталистическому правительству»...

«*Рабочие и солдаты могли каждый день установить пролетарскую диктатуру. Не было никакой силы, которая могла бы им в этом воспрепятствовать*» [1])...

«Во время дискуссий, которые велись в солдатских советах, *происходила борьба между социал-демократами и коммунистами. Солдаты надеялись с оружием в руках добиться победы пролетариата*»...

«*Массы*, которые видели недавно уничтоженной сильную империю, не подозревали о силе капиталистической Антанты. Они полагали, что революция мигом охватит государства-победительницы. «*Диктатура пролетариата!*», «*Вся власть советам!*», *только и слышно было на улицах*»... [2]).

«*Волна большевизма*, прокатившаяся по всей Европе, должна была повлиять на *образ мыслей широких кругов австрийских рабочих*. И это влияние должно было еще более усилиться в виду того, что *австрийский пролетариат чувствовал*, что его влияние внутри коалиции падает, *что его успехи в борьбе, которую он ведет методами демократии, становятся все более скромными*»... «*Чем более массы были недовольны коалиционной политикой*, тем чаще коммунистам и «об'единению для работы» (существовавший тогда орган блока коммунистов с наиболее левыми из социал-демократов в советах. *В. А.*) удавалось привлечь на свою сторону членов советов, не принадлежавших ни к каким фракциям. Таким путем «новым левым» удалось заполучить *почти большинство* на происходившей в начале июня 1920 года третьей сессии Всеавстрийского рабочего совета» [3]).

Советы, эти важнейшие органы пролетарской «функциональной демократии», по терминологии Бауэра, по его собственному же описанию, *стихийно развивались по направлению к тому, чтобы стать органами пролетарской диктатуры*:

«Рабочие советы возникли в Австрии со времени январской забастовки (1918 г. *В. А.*). Революция быстро расширила сеть этих организаций»...

«Советы обеспечили себе *контроль над действиями уездных правительственных учреждений*. Они организовали совместно с солдатскими и крестьянскими советами городские, уездные и областные комиссии по регулированию народного хозяйства. Они

[1]) «Австр. рев.», стр. 182, (рус. изд.—178.)
[2]) Там же, стр. 118 (рус. изд.).
[3]) Там же, стр. 214 (рус. изд.).

контролировали доставку хлеба и скота, реквизицию и распределение жилищ. Они организовали охоту на контрабандистов. *Они терроризовали спекулянтов*, взвинчивавших цены. Они запрещали всякий вывоз продовольствия из одной области в другую. Они действовали обычно в согласии с правительственными учреждениями: *формально* рабочие советы являлись их *контрольными органами, в действительности же осуществлялась диктатура советов, учреждения действовали по указанию советов*. Временами последние выступали *самостоятельно* от правительственных учреждений и даже *против них*. Бывало, что они *самостоятельно производили реквизиции с помощью частей Народной армии* или вызывали лиц, виновных в нарушении правил военного хозяйства, и угрожали *революционным террором* пролетариата. Все движение в первые месяцы было неорганизовано; между рабочими советами внутри данной области не было еще никакой связи...»

«Из этой работы советов и выросла их *первоначальная идеология. Советы должны расширить свои функции по управлению, при чем эти функции должны захватываться ими революционным порядком* по мере того, как этого требовали интересы пролетариата, и в такой мере, как это позволяет его мощь, *частью подчиняя себе постепенно правительственные учреждения, частью же их вовсе уничтожая, пока вся власть не будет захвачена ими*. Эта идеология, идеология движения за советы, приобрела значение далеко за пределами промышленного пролетариата: весной 1919 г. большинство государственных чиновников, частных служащих, лиц, занимающихся умственным трудом, приняли участие в выборах в эти дни в советы. *Социал-демократическая литература также находилась под влиянием этого движения*. Александр Тойблер, который пережил в России первую фазу развития советов, формулировал теорию автономной экспансии советов в область управления. *Макс Адлер также приветствовал советы, как «органы перманентной революции»* [1]).

Таким образом, мы с бесспорностью устанавливаем, куда росло то *массовое внепарламентское движение* рабочих и солдат, которое Бауэр, мудрствуя, наименовал развитием «функциональной демократии»: оно росло *к захвату власти советами, к диктатуре пролетариата*. Частично на местах уже «*осуществлялась* диктатура пролетариата», свидетельствует Бауэр.

А в какую сторону направлялась политика социал-демократии? *По* линии развертывания сил этой «функциональной демократии», *по* линии борьбы за власть советов? Нет,—*против*, за *свертывание* массового движения и советов, за *подавление* внепарламентской демократии. Вот как Бауэр описывает «проведение» австрийскими социал-демократами столь широко возвещенных ими «принципов функциональной демократии»:

«Руководители пролетарских организаций должны были *добиться сочувствия масс к правительственной политике*, основы коей были выработаны ими совместно с членами правительства, и *побудить массы к отказу от требований*, выходящих за пределы постановленного. Они должны были раньше всего добиться согласия и сочувствия доверенных людей партии, профессиональных союзов и рабочих и солдатских советов. Эти доверенные люди должны были выполнять *самую тяжелую и самую важную работу*. Они должны были проводить *перед массами* в пред-

[1]) Там же.

приятиях политику организаций. На ораторской трибуне перед чрезвычайно возбужденными массами выступал представитель партии, фабрично-заводского комитета, солдатского совета. *Массы были недовольны.* Они требовали больше того, что им мог дать их уполномоченный. *Массы призывали к насильственным решениям.* Уполномоченный говорил о хозяйственной нищете республики, о ее зависимости от иностранных держав, об опасностях конфликта с всесильным заграничным капиталом. *В зале бушевали голод, отчаяние, страсти,* на трибуне же—анализ экономических возможностей, знакомство с международным положением, которое обусловливает ход революции, призыв к благоразумию и чувству ответственности. *Это была тяжелая борьба,* борьба, которая пред'являла к доверенным лицам партии и профессиональных союзов не только высокие интеллектуальные требования, но и высокую моральную готовность бесстрашно противопоставить себя своим же товарищам во имя великого дела, *переносить от возбужденных людей ругань, жалобы, временами даже угрозы и оскорбления,* решительно проводить в упорной борьбе с отчаянием и возбуждением все то, что признано нужным.

«*На таких собраниях в предприятиях и казармах были отражены наиболее ожесточенные атаки большевизма.* Посредством этих собраний была постепенно *восстановлена упавшая дисциплина.* На таких собраниях *улаживались стихийные стачки* и восстанавливались *порядок и дисциплина,* когда голод и возбуждение толкали массы на бесчинства и насилия. История этих собраний в предприятиях и казармах представляет собой *внутреннюю, духовную историю немецко-австрийской революции.* Буржуазия, которая едва ли заметила этот процесс внутреннего самоограничения рабочего класса, *не поняла этой внутренней истории революции*» [1]).

Вот она «*самая* тяжелая», черная работа социал-демократов! Они должны были (это было *тяжелее всего!*) «добиться сочувствия масс» к правительству Реннера, а для этого надо было во что бы то ни стало *переломить массу,* принимая на свою «честную» (лакейскую) грудь удары масс, «ругань», «угрозы и оскорбления» (!). Социал-демократические «доверенные люди» (эта «духовная аристократия» рабочего движения!)—*вот кто,* в действительности, *спасал* капиталистический строй от крушения во время социальной бури, вот кто восстанавливал «порядок и дисциплину», вот кто штрейбрехерствовал, срывая стачки, «самоограничивая» (!) рабочий класс! А буржуазия еще смеет высказывать черную неблагодарность социал-демократам,—это ли, в самом деле, не «возмутительно»?! И Бауэр пишет:

«Оборонительная борьба против большевизма являлась в Немецкой Австрии не классовой борьбой буржуазии с пролетариатом, а борьбой внутри рабочего класса. Буржуазия без всякого понимания и влияния следила за этой борьбой. После *она пыталась истолковать ход событий таким образом, что Вену спасла венская полиция, ее шеф Шобер. Это—глупая легенда!* Уже в «великий четверг» и 15 июня *не полиция, а лишь Народная армия* смогла восстановить порядок, и *это были действия только небольшого меньшинства пролетариата!* (Это крайне ценное признание! *В. А.*). *Если бы рабочие и солдатские советы высказались за диктатуру советов, то в их распоряжении находился бы весь рабочий класс,* организованные во времена Октябрьской революции из рабочих вооруженные дружины, Народная армия, городская охрана и железнодорожная жандармерия. Буржуазия не могла бы оказать ни в Вене, ни в промышленных областях Нижней Австрии какое бы то ни было сопротивление; *полиция была бы совершенно бессильной. Атака большевизма была отбита лишь путем борьбы внутри рабочих и солдатских советов.* И исход этой борьбы был решен не при помощи оружия а лишь путем идейной борьбы. *Мудрое руководство Фридриха Адлера рабочими советами, а Юлиуса Дейча и его друзей солдатскими советами решило исход этой борьбы.* Эта победа над большевизмом означала победу немецко-австрийской революции» [1]).

[1]) Стр. 181.

Положительно, австрийская буржуазия лишена чувства признательности: как можно было прогонять от власти социал-демократов, когда они так «на совесть» *честно* и неподкупно ей служили, будучи *совершенно незаменимы в борьбе с рабочим классом?..*

«*Всякая революция должна защищать темп своего развития от масс, исполненных революционных страстей, от масс, пытающихся перешагнуть за пределы возможного при данных условиях, за пределы достижимого и поддающегося осуществлению при данных исторических условиях*»,—высокопарно «обосновывает» Отто Бауэр свое позорное предательство по отношению к массам рабочего класса. В этой «установке» австро-марксизм—весь, как на ладони. Здесь речь идет не о борьбе с путчизмом, с преждевременными выступлениями отдельных групп в несозревшей для победы обстановке. Здесь сформулирована «философия» борьбы социал-демократов (и даже «небольшого меньшинства пролетариата») *со всем рабочим классом своей* страны.

Подоплеку всей своей теории «функциональной демократии» Бауэр ярко вскрывает в дальнейших строках. Революция должна «защищать темп своего развития от масс», «но, — продолжает автор,—коалиционное правительство немецко-австрийской революции *не владело никакими средствами насилия* (так вот в чем «секрет»! *В. А.*) для того, чтобы подчинить себе преисполненные революционными страстями массы» [2]).

«*Лишившись средств насилия против своих подданных, немецко-австрийское правительство могло править, лишь поддерживая с ними ежедневный и ежечасный контакт. Слабость возникшей из революции государственной власти* **навязала** *ей эти методы управления*» [3]).

Это значит, что не будь Реннеры и Бауэры так *слабы*, будь у них *больше* власти, чем это было в действительности, будь в их распоряжении «*средства насилия*» над массой,— то они посылали бы «ежедневно и ежечасно» на предприятия и в казармы не «доверенных людей», для идейного воздействия, а *отряды жандармов и карательные команды* для операций несколько иного рода. Только *слабость* правительства Реннера «*навязала*» ему методы «функциональной демократии».

[1]) «Австр. революция», стр. 138. ГИЗ.
[2]) Там же, стр. 182—183. Рус. пер.—стр. 178—179.
[3]) Там же, стр. 186. Рус. изд.—стр. 182.

Этим признанием Бауэр снял с себя, что называется, «все исподнее» и остался, «в чем мать родила». После этого всякий увидит, что австро-марксизм является лишь *скрытой* формой «носкизма», скрытой идеологией *насилия* и палачества по отношению *к рабочему классу*. И представители этой идеологии еще смеют упрекать большевиков в насилиях *над буржуазией*!

Австро-марксистам удалось свести советы в Австрии на-нет, с помощью буржуазии потушив пламя массового революционного движения. Советы «постепенно превращались из органов революционного наступления в органы управления народным хозяйством (?—как будто бы они могли «управлять» хозяйством, оставшимся всецело в руках капиталистов! *В. А.*), в органы политической и классовой борьбы»,—так Бауэр повествует о *вырождении* революционных массовых организаций благодаря деятельности в них социал-демократов. Социал-демократическая идея о «дополнении» парламентаризма «функциональной демократией» состоит в том, чтобы, по меньшей мере, низвести революционные внепарламентские организации рабочих к уровню обычных повседневных организаций всех других классов буржуазного общества, сделав их подпорками буржуазной демократии и буржуазного правительства.

Дополним обрисованный нами портрет социал-демократической «функциональной демократии» еще только одним характерным штришком. Уделяя так много внимания «процессу превращения рабочего-скота в свободную личность», Бауэр приводит пример, как в бауэровско-реннеровской Австрии 1918—20 годов происходил такой процесс превращения:

«Крушение монархии уничтожило все авторитеты в государстве и обществе. И если пал самый старый и самый могущественный авторитет, то теперь каждый начальник в своем бюро, каждый управляющий на своей фабрике и каждая хозяйка на своей кухне почувствовали, что их авторитет сильно поколебался. Буржуазные дамы рассказывали негодуя, а мужчины с сарказмом, анекдот о кухарке, которая сказала своей хозяйке: «Я не допущу, чтоб вы мне предписывали, как мне готовить. Мы живем теперь в республике, и я умею готовить лучше вас». Но для сарказма не было оснований» [1]).

Кухарка, которая «пробудилась» для того, чтобы «*лучше готовить*» своим господам,—это ли не эмблема идеальной для австро-марксизма «свободной личности»?

Вождь большевизма и международного пролетариата Ленин говорил: «Каждая кухарка должна научиться управлять государством». А Бауэр говорит: «Каждая кухарка да научится вкуснее готовить своим господам». Кто о чем...

---

[1]) «Австр. рев.», стр. 184.

Мих Каценеленбоген.

Об „уклонах" в национальной политике ВКП(б).

(По «достоверным материалам» оппозиции).

Логика борьбы, необходимость сколотить «собственную» программу для собственной партии—заставила оппозицию в свою платформу (которая должна была сыграть почетную роль этой программы) включить и такие вопросы, о которых один-два года назад оппозиция и не заикалась. Членораздельно обвинение партии в неправильной линии по национальному вопросу как будто бы было произнесено не так давно, на заседании президиума ЦКК летом 1927 года, когда устами тов. Зиновьева оппозиция возвестила об «ошибках» и «беспринципности» партии и ее ЦК в национальной политике. Затем в устных выступлениях оппозиции и ее печатных документах (платформа) еще более округлились и оформились мнимые ошибки и вымышленные уклоны в национальной политике ВКП(б).

Основные обвинения оппозиции сводятся к следующему: *решения XII с'езда и IV национального совещания (1923 г.) не выполняются*: «Дело за последние годы развивается в прямо противоположном направлении» (этим решениям). «Бюрократизм, опираясь на великодержавный шовинизм, сумел испортить отношения между центром и окраинами». «*В области нашей национальной политики, как и в других областях, необходимо вернуться на ленинские позиции*» [1]).

Верная своему традиционному стилю, оппозиция и в этом вопросе не считает нужным, в подтверждение всех своих многочисленных обвинений, привести хоть какие-нибудь факты (к чему «*напрасный» труд?*). *Загипнотизированная собственными измышлениями* и своей общей «установкой» об отходе партии от ленинских позиций, оппозиция пытается подменить то, что есть, тем, что было бы, сжели бы оппозиционный сон (мягко выражаясь), стал явью. Партия идет к гибели—это «факт». Какие же вам еще факты нужны? Кто сему не верит, тот термидорианец, бюрократ, чиновник. Поскольку обвинения идут по всем линиям национального строительства, попытаемся сопоставить решения XII с'езда и IV нацсовещания с тем, что на деле имеется к X годовщине Октября, для проверки правдивости оппозиционных обвинений партии в ее отходе от ленинских позиций в национальном вопросе.

Начнем с *вопросов хозяйственной политики.*

«Преодолеть его (процесс фактического национального неравенства. *М. К.*) можно лишь путем действительной, длительной

---

[1]) Курсив наш. *М. К.*

помощи русского пролетариата отсталым народам союза в деле их хозяйственного и культурного преуспеяния». (Резолюция по национальному вопросу XII с'езда партии). Перечислим наиболее важные решения о формах хозяйственной помощи, вынесенные IV нацсовещанием в осуществление решения с'езда: «1) возможное обеспечение землей местного трудового населения за счет госземфонда; 2) усиление ирригационных работ; 3) доступный сельхозкредит местному населению; 4) всемерная помощь кооперации».

Оппозиция утверждает, что решения XII с'езда и IV нацсовещания о борьбе с экономическим и культурным неравенством национальностей Союза не выполняются. Проверим это на фактах *об обеспечении землей местного трудового населения.*

Партии, благодаря укреплению ее позиций во всей стране, и в частности на окраинах, удалось не только провести наделение местного трудового населения землей из *госземфонда*, но и провести *земельную реформу* в целом ряде национальных районов (Узбекистан, Туркменистан, Киргизстан, Казакстан). Эта реформа ликвидировала хозяйства помещичьего типа, лишила значительных земельных излишков зажиточно-байскую группу кишлака и аула. Эта реформа лишила земли среднюю и крупную городскую торговую буржуазию. В итоге этой реформы, по двум лишь республикам (Узбекской и Туркменской) наделено землей свыше *100 тыс. хозяйств* бедняков и батраков. В Казакстане, в итоге передела сенокосных и пахотных угодий, значительно улучшились и увеличились земельные наделы бедноты. Может быть, «отход партии от ленинских позиций» и заключается в том, что, благодаря успешно проведенной реформе, был нанесен не только сокрушительный удар по остаткам феодализма, но удалось значительно продвинуться и по пути наступления на капиталистические элементы деревни.

Может быть, «отход» заключается в том, что, не ограничиваясь наделением бедноты землей, советская власть сумела снабдить многих землеустроенных инвентарем (отпуск средств на инвентаризацию лишь по республикам Средней Азии превышает 8 миллионов), семенами и тракторной вспашкой.

Весьма знаменательны, в данной связи, и данные об ирригации.

«Орошение важнее всего, оно пересоздаст край, возродит его, укрепит переход к социализму» [1],—писал Ленин. Проверим отпуск средств на ирригацию по годам, взяв за отправной пункт 1922—23 г. и конечный—10-ю годовщину Октября:

Ассигнования по фонду ирригации [2] (особые кредиты на ирригацию).

	Средняя Азия	Закавказье
	(В тысячах руб.)	
1923/24 г.	6.485	1.464
1924/25 г.	12.214	3.245
1925/26 г.	24.000	7.000
1926/27 г.	27.326	8.925

Рост ассигнований более чем в четыре раза по Средней Азии и еще больший по Закавказью,—разве эти факты не достаточны

[1] Письмо к коммунистам Грузии, Азербайджана, Армении, Дагестана и горских республик (1921 г. Соч. т. XVIII).

[2] Данные водной секции Госплана.

для ответа на вопрос, выполнялась ли директива IV национального совещания об орошении национальных районов?

Посмотрите, далее, на данные о кредите. Прежде всего о *размерах* кредита.

Направление целевых кредитов (в тыс. руб.) [1].

	ЗСФСР	БССР	Узбекистан	Туркменистан	Россельбанк (по 14 автон. респ. и област. РСФСР).
1923/24 г.	1.368	687	1.266		3.677,25
1924/25 г.	5.625	3.976	3.881		—
1925/26 г.	5.567	3.890	1.161,43	2.435	—
1926/27 г.	6.995	5.786	—	—	21.886

Рост по годам, если взять 1924—25 г. (первый год нормальной деятельности ЦСХБ) за сто процентов, в 1925—26—112,2%, 1926—27 г.—184,9%. На одно крестьянское хозяйство по линии сельхозкредита отпускалось:

в Узбекистане	12 р. 85 к.
» Таджикистане	16 р. 93 к.
» Туркменистане	27 р. 94 к.
» Киргизии	13 р. 58 к.
В среднем по Союзу	8 р. 40 к.

Ставки на целевые ссуды крестьянства устанавливались:

	по долгосрочным	краткоср.
до 1/XII—25 г.	8%	11—12%
после 1/XII—25 г.	6%	10%

Кредит все еще дорог. Ряд решений партии говорит о необходимости серьезной борьбы за дальнейшее удешевление и улучшение кредита, но отсюда отнюдь не следует, что сокращение на 2% не является серьезной победой партии по удешевлению кредита.

Накопец, о направлении кредита по отдельным социально-экономическим группам. Обвиняя партию в кулацком уклоне в вопросах направления сельхозкредита, оппозиция естественно заостряет этот вопрос в отношении национальных окраин.

Вот данные о направлении кредита по ряду республик.

Туркменистан.

Распределение заемщиков (в процентах).

По посеву	Колич. заемщиков	Сумма остатков ссуд на 1/X—26 г.	По рабскоту: Наличие рабскота	Наличие х-ств. получ. кред.	Сумма остатков ссуд на 1/X—26 г.
Беспосевные	0,2	0,2	Без раб. ск. и с 1 гол.	89,9	94,2
С посевом до 1 дес.	76,3	75,3	С 2 гол.	8,6	4,4
» » от 1—2 дес.	22,2	23,1	» 3 »	1,1	0,9
» » » 2—4 »	1,3	1,4	» 4 и выше	0,4	0,5

[1] Данные ЦСХБ.

Узбекистан.

(Данные за 2 и 3 кварталы 1927 г. в проц.).

	Кол. заемщ.	Всех кредитов
Беднота	73,9	69,7
Середняки	25,4	29,3
Зажиточн.-байская группа	0,7	1

Чувашская область.

(Данные обследования 186 хоз-ств в 1927 г. в проц.).

	Среди заемщиков	Ко всему кредиту
Бедняки	51,5	44,8
Середняки	43	47,6
Зажиточные	5,5	7,6

Взяв для примера две союзные республики и одну автономную область, мы сознательно выбрали более отсталые районы, чтобы показать, что даже там, где сравнительно сильнее влияние кулака, слабее кредитный, кооперативный и советский аппарат, основная масса кредитов направляется в бедняцко-середняцкие слои деревни так же, как и по всему Союзу. *Есть и серьезнейший недостаток*, заключающийся в том, что имеется некоторое недокредитование бедноты и перекредитование кулака. *С этим злом надо решительно бороться.* Об этом говорят тезисы ЦК по работе в деревне. Но разве отсюда следует умаление *основного, решающего факта*, что подавляющая масса кредитов идет *к бедняку и середняку* и что удельный вес кулака к общей сумме кредитов ничтожный.

В отношении роста *кооперирования* населения точно так же имеются большие достижения. По всем нацрайонам Союза по линии потребкооперации % кооперированности выражался в 1924 г.—11%, в 1927 г.—24%.

По линии сельхозкооперации, в связи с проведением специализации системы и в особенности благодаря политике контрактации, кооперирование на много выше (напр., по республикам Ср. Азии кооперировано 56% хозяйств, что выше среднего процента по РСФСР).

Значителен рост собственных средств. Так, в республиках Ср. Азии по линии потребкооперации собственные средства увеличились на 127% за последний год. Увеличились и обороты.

В чем же заключается «отход» партии от ленинского пути кооперативного строительства? Оказывается, если верить оппозиционному канону «отход» заключается в том, что «*хозорганы без конца расширяют систему частного и бюрократического посредничества между промышленностью и крестьянством, поставщиком сырья*» [1]). И хуже того—«хозорганы (? *М. К.*) направляют кооперативное строительство в сторону обслуживания преимущественно богатых слоев деревни». Вместо «придирок» к тому, что, увы, и эти обвинения не сопровождаются никакими доказательствами, перейдем к освещению истинного положения вещей. Несколько цифр в связи с первым обвинением.

[1]) Курсив наш. *М. К.*

Заготовка табака по всем районам Союза (в проц.).

	Кооперация	Госорганы	Непосредственно
1923 г.	39	36,2	24,8
1927 г.	62,16	5,37	25,47

Заготовка табака по Абхазии (в проц.)

	Кооперация	Госорганы	Непосредственно
1923	34,9	51,8	13,3
1926	79,92	19,8	0,90

Заготовка хлопка по Узбекистану (в проц.) [1])

	Законтрактовано (через кооперацию)	Вольные посевы
1924 г.	88,3	11,7
1927 г.	96,8	3,2

По Туркменхлопку законтрактовано через кооперацию *96*% всех посевов (на 1926—27 г.), по Закхлопкому—*96,6*%.

По линии заготовки *шелка* в 1927 г. кооперацией снято 75% всего урожая коконов.

Оказывается, факты не «совсем» сходятся с «охотничьими рассказами» оппозиции. Оказывается, «частный и бюрократический посредник», который без конца «расширяется и насаждается хозорганами между промышленностью и крестьянством», это— ...кооперация. Ведь 95% законтрактованного хлопка идет по генеральному договору Главхлопкома и хлопковой *кооперации*. То же по шелку. О том же говорят кооперативные заготовки табака. Так в чем же дело? Если кооперация, по мнению оппозиции, — частный, бюрократический посредник, почему *так* и не сказать вместо того, чтобы декорироваться? Теперь по поводу утверждения об обслуживании кооперацией преимущественно богатых слоев населения. Направление основной массы кредита бедняцко-середняцким слоям деревни (что доказано изучением этого вопроса целым рядом организаций и учреждений) само по себе является не последним ответом на вопрос, кого обслуживает кооперация на селе. Проверим этот же вопрос на опыте работы хлопковой кооперации.

Вот данные по Узбхлопкому, об'единяющему до 75% посевов всего союзного хлопка, и по Туркменхлопку.

Распределение хозяйств по посевам на 1927г.

(в процентах)

Размер посева	Узбекхлопок	Туркменхлопок
	Количество посевов	
До 1 дес.	51,16	47,45
от 1 до 2 дес.	32,52	40,65
» 2 » 3 »	10,12	8,89
» 3 » 5 »	4,62	2,63
Свыше 5 дес.	1,58	0,38
	100	100

[1]) Данные Главхлопкома.

Количество хозяйств по этой же группировке дает еще меньший удельный вес группе свыше 5 дес. (Узбекистан—0,16, Туркменистан—0,02).

Из этих цифр как будто бы ясно, кого обслуживает кооперация, куда идут авансы хлопкома, как обстоит дело с распределением хлеба по минимальным ценам, с сортовыми семенами, жмыхом и т. д. Оппозиция в своей платформе обстреливает также и *заготовительную* политику. Она утверждает, что заготовительная политика не приспособлена к задаче развития специальных культур бедняцко-середняцкими хозяйствами, в частности, хлопка в Ср. Азии, и табака в Крыму и Абхазии. Другими словами, оппозиция утверждает, что пролетарское государство способствует хозяйственному развитию не основной массы сельского населения нацрайонов, а ее кулацкой верхушке. Правда, при этом не указывается ни на один факт ни по одному району, но... разве недостаточно резко само по себе «авторитетное» заявление? Попытаемся все же помочь оппозиции и приложим к ее заявлениям—печатным и непечатным—несколько справок. Авось выводы «сойдутся». Остановимся на политике заготовки *хлопка*, критикуемой оппозицией.

Справка № 1. Согласно «Наказу» Узбекхлопкома на 1927—1928 г. «максимальная площадь посевов на одно хоз-ство допускается в 7 дес. при ручной обработке хлопчатника и 10 дес. при машинной» («Наказ» § 28, стр. 16).

Выше мы уже видели, каков удельный вес группы хозяйств с посевом свыше 5 дес. Подобные же наказы имеются и в Закхлопкоме и Туркменхлопкоме.

Но может быть, в итоге губительной заготовительной политики, уменьшаются из года в год посевы под специальные культуры, уменьшается урожайность и т. д?

Справка № 2. По Ср. Азии технические культуры составляли к общей посевной площади:

в 1914 году	22,9 проц.
» 1927 году	32,0 „

Технические культуры в 1927—28 г. достигают 113% довоенного (хлопок 110) при 83% общей посевной площади по Ср. Азии.

Рост посевов табака по Союзу выразился в 2 с лишним раза (36.400 десятин—против 17.281 десятин в 1924—25 г.).

Справка № 3. Посевы сортовыми семенами хлопка к общей посевной площади:

	Ср. Азия	Закавказье
1923 г.	1,8	2,09
1927 г.	61,2	46

Справка № 4. Урожайность с десятины хлопка:

1923 г.	46,5 пуд.
1927 г.	51,4 »

Не довольно ли справок по поводу пустого заявления? Для чего же понадобилось оппозиции подобного рода утверждение? Платформа отвечает указанием на неправильное назначение цен на технические культуры. Цены назначаются якобы без учета положения бедняцких и середняцких масс. Это-то огульное требование повышения цен и является основной приманкой. Только для кого? С большим удовольствием прочтут подобное заявление о неправильности политики цен Мустафа-Чекаевы и прочие белоэмигранты. Да и местные шовинисты не прочь будут поддержать подобную платформу оппозиции, так как они еще ранее оппозиции пробовали нажить капитал на этом деле. Но если оппозиционеры рассчитывают такого рода приманками поколебать кого-либо из лагеря нашей партии, то напрасны их труды. Может быть, отдельные националистически настроенные элементы и потянутся за этой приманкой, но национальные партийные организации в целом достаточно хорошо знают, куда направлена политика Союза. Освобождение на 50% от сельхозналога технических культур, борьба за поднятие урожайности и удешевление переработки сырья, политика контрактации,—все эти мероприятия направлены на улучшение положения основной массы (бедняцко-середняцкой) национальной деревни. Это—общеизвестные факты, которых не перекрыть парой не совсем свежих оппозиционных фраз (свежих разве только для оппозиции). Если же имеется в виду знаменитый рецепт «двух цен», то он разобран и «проработан» на деле давно уже не в пользу оппозиции.

Обратимся теперь к вопросу *о национализации (коренизации) госаппарата, о классовой линии в советском строительстве.*

«Доказав» победу колонизатора и великодержавного шовиниста в экономической политике, оппозиция направляет свою критику дальше на политику национализации госаппарата и советское строительство. «Бюрократический режим передает фактическое проведение поверхностно-показной «национализации» госаппарата в руки чиновника, спеца, мелкобуржуазного учителя... Это отталкивает местную бедноту от партии и советской власти и бросает ее в об'ятия местной торговой буржуазии, ростовщиков, реакционного духовенства, феодально-патриархальных элементов». А отсюда вытекает, что решения XII с'езда и IV нацсовещания о неуклонной работе по национализации госаппарата не выполняются. Крепко, связно, звонко получается. Только одна заминка. А правда ли это? Нет ли и здесь повторения истории с частником, который всемогущ? Перейдем к фактам.

Наименование организаций	К общему составу, националы составляют в %%.				
	ВЦИК		УИК		Среди всего населения местных национальн.
	1924/25 г.	1925/26 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	
Украина	27,6	55,5	—	60	75
Азербайджан	—	68	—	75,2	71
Татария	58,9	55,1	54,3	54,5	48
Башкирия	46,7	48,9	46,5	47,2	46
Чувашия	88	81	85,7	73,5[1]	75

[1]) Сокращение чувашей произошло из-за присоединенного к Чувашии русского уезда (Алатырского).

Националы в составе выборных органов профсоюзов [1].

	1924 год	1926 год
Азербайджан	32,4	39,6
Украина	40,1	49,9
Узбекистан	40	43,5
Татария	18,5	26,2

В отношении делопроизводства аппарат волостной, районный, уездный почти полностью перешел на язык основной национальности. Хуже обстоит дело с окружным и центральным аппаратом. Но и здесь ряд республик добился серьезных успехов. Напр., на Украине делопроизводство ведется на украинском языке в 85% центральных учреждений. Кто же ведает ответственнейшим делом национализации аппарата? Чиновник, спец, мелкобуржуазный учитель? Национализация, поскольку она в первую очередь проходит по линии выборных и ответственных звеньев аппарата, находится под непосредственным контролем партии (право, которое партию лишить не смогли не только чиновники, спецы, но даже учраспреды оппозиции). Мобилизация общественного мнения, внедрение плана коренизации в подготовку работников, установление твердой персональной ответственности руководителей учреждений за ход национализации, привлечение ко всему этому делу низовых органов профсоюзов и партийных ячеек, борьба за улучшение условий работы для вновь выдвинутых в аппарате националов,—все это должно значительно улучшить работу по национализации госаппаратов и обеспечить проведение классовой линии во всем этом деле. Если партийная ячейка, профсоюзы, советские организации,—все это—«чиновник» «спец», «мелкобуржуазный учитель», тогда другое дело, тогда так и сказать надо. В таком большом и сложном деле, каким является национализация аппарата при условии одновременного разрешения задачи рационализации госаппарата и максимального вовлечения рабочих и крестьян в аппарат, не может не быть отдельных промахов и ошибок. Дело неизбежно осложняется и остатками великодержавного шовинизма, крепко сидящими в головах известных слоев нашего аппарата. И десятка лет мало для перевоспитания всей массы старых царских чиновников, в особенности в условиях национальных республик. Тяжелый дух идет порой и от некоторых слоев мелкобуржуазной интеллигенции, сидящей в нашем аппарате. А при незначительном проценте грамотных в большинстве национальных районов нам полностью от всех этих элементов в ближайшие годы не избавиться. Тем отраднее, что, невзирая на все эти трудности и вопреки им, благодаря упорнейшей работе партии, в деле национализации госаппарата нацреспублики продвигаются вперед. Проводятся курсы подготовки работников, быстро растет вовлечение националов в школы низшие, средние, высшие. Вот пара примеров: по Узбекистану за один год количество учеников из националов выросло на 30%, в Казакстане за два года—на 64,7%, в составе вузов по Татарии, вместо 9,7% татар в 1925 г.,—14,6% в 1927 г. В институтах Украины, вместо 31,3% в 1924—25 г.,—50,9% в 1926 г. Растут кадры рабочих из местных национальностей, в итоге правильной политики по проведению решения XII с'езда партии о строительстве местной промышленности и индустриализации отсталых районов (строительство хлопковых заводов, шелкомотальных фабрик, Ганжа в Закавказье, текстильные фабрики в Ср. Азии и т. д.) [1] при усилении вовлечения рабочих местных национальностей в уже существующую промышленность. Так, по Казакстану за последние два года число рабочих местных национальностей увеличилось в производстве на 52%, по Узбекистану—на 49,3%, по Татарии—за последний год—на 11,9%, за это время по Азербайджану—на 15,9%.

[1] «Материалы к XV с'езду ВКП. Отчеты отд. ЦК ВКП». Госиздат, 27 г.

Однако, несмотря на политический и хозяйственный рост, задачи остаются более чем сложными. И недаром вопросы национализации аппарата, школьного строительства и расширения кадров местного пролетариата все время находятся в в центре внимания местных парторганизаций. Недаром ЦК ВКП провел специальное обследование состояния этой работы в нацрайонах. *Большим, тяжелым, упорным трудом здесь даются маленькие победы.* Но тем противнее оппозиционная ложь. Одни оппозиционеры не видят того неоспоримого факта, что не чиновник и не спец, а *партия*, опираясь на трудящиеся массы национальных окраин, воспитывает и организует кадры рабочего класса и бедняцко-середняцкого актива, что дело национализации аппарата, дело большего вовлечения масс в управление государством и приближения аппарата к массам идет под руководством партии. В своем обвинительном акте оппозиция требует «добросовестного» проведения национализации аппарата. Как-то *недобросовестно* звучит это слово в ее устах.

Наконец, еще об одном оппозиционном «сказании» по советскому строительству. По утверждениям оппозиции, в этой области нет должной ставки на бедняка и середняка. Эксплоататорские элементы не лишаются избирательного права, а потому необходимо «безусловно лишить избирательных прав эксплоататорские элементы». Ограничимся приложением нескольких справок к оппозиционным безапелляционным истинам.

[1] Приведем несколько цифр о росте промышленности в «подтверждение» оппозиционной лжи, по поводу невыполнения директивы XII с'езда об индустриализации нацокраин.

Расходы на промышленное строительство *выросли* за 1 год, по данным НКФ СССР и РСФСР, с 1925/26 г. по 1926/27 г. (в проц.).

	Промышленность	Электрификация
Украина	на 240	на 92
Узбекистан	» 132,4	» 5
Белоруссия	» 281,3	» 27,3
Закавказье	» 212,57	» 160,7

По всем автономным областям и республикам РСФСР рост капитальных затрат за этот же год на 75,4%. По сравнению с затратами на всю промышленность РСФСР затраты на промышленность по автономным областям и республикам составляли:

В 1925/26 г.	6,6	
» 1926/27 г.	8,6	
» 1927/28 г.	10,1	(контрольн. цифры)

Кроме этих средств следует еще учесть местный бюджет и банковские кредиты на промышленность.

Справка № 1[1]). Лишение избирательных прав.

	1926 г.	1927 г.		1926 г.	1927 г.
	(в процентах)				
Грузия	1,7	4,9	Украина	1,4	4,6
Армения	0,9	4,9	Туркменистан	1,9	2,2
Азербайджан	2,3	8,1	—	—	—

По автономным республикам и областям РСФСР[2])

1926 г.	1927 г.	
1,1	3,9	(При 3,1 по губерниям и округам РСФСР)

Не правда ли—«за последние годы» и здесь виден громадный «отход» от ленинских позиций?

Справка № 2.

Беря за критерий освобождение от сельхозналога, получаем следующий процент освобожденных от налога в соворганах:

	Сельсоветы	Предсельсоветы	ВИКИ
	(в процентах)		
1926 г.	10,6	8,8	11,9
1927 г.	21,8	19,7	23

Состав предвиков

1926 г.	2,2
1927 г.	17,8

Как будто бы и здесь не назад и не в сторону видны следы партии.

III. Вопросы внутрипартийного строительства.

Обстреляв партийные позиции в политике по национальному вопросу, оппозиция подвергает враждебной критике и *внутрипартийное строительство*. Стоит ли здесь жалеть красок? Разве в борьбе с партией существуют недопустимые средства?

«Одной из коренных задач партии является выращивание и развитие из пролетарских и полупролетарских элементов местного населения коммунистических организаций национальных республик и областей» (IV нацсовещание). «... Между тем за последние годы дело развивается в прямо противоположном направлении» (платформа оппозиции). «Назначаемые секретариатом ЦК верхушки нацпартаппарата беруг на себя фактическое решение всех партийных и советских дел, отстраняя национальных работников, как коммунистов II разряда». «Искусственное разделение работников на правых и левых применяется, как система, для того, чтобы назначенные из центра секретари могли безконтрольно командовать обеими группами». «Бюрократический режим оттесняет на задворки подлинные коммунистические элементы националов» (платформа). Атака решительная. Но снова гложет червь сомнения. А вдруг и в этой атаке ружья без пуль и вонь без огня? Начнем с нескольких цифр.

[1]) Данные ЦИК СССР.
[2]) «Итоги выборов в советы РСФСР в 1927 г.»—издание Центроизбиркома.

Состав парторганизаций. За последние два года нацпарторганизации выросли на 40,5%. Темп роста по ряду республик выше общесоюзного. Вместо 30,6% к общему составу ВКП в 1925 году, нацпарторганизации составляют к 1927 г. 33%. Этот рост сопровождается значительным увеличением числа коммунистов из основных национальностей, абсолютным и относительным. Напр., Украина: на 1/I—25 г.—36,9% украинцев, 1927 г.—51,6%; Казакстан: вместо 23,9% казаков—34,1%; Татария: вместо 28,8—32,2%. В выборных органах партии также заметно увеличился удельный вес коммунистов из местных национальностей.

Вот данные по ряду организаций [1]).

Пленумы, нац. окркомов укомов, канткомов, райкомов.	1925 г.	1926 г.	Пленумы нац. окркомов и губкомов.	1925 г.	1926 г.
Украина	44,9	48,8	Казакстан	35,5	45,5
Узбекистан	55,3	61,2	Татария	42,5	49
Азербайджан	55,4	56,1	—	—	—

По ряду парторганизаций процент коммунистов из остальных местных национальностей в выборных парторганах выше их процентного отношения ко всей парторганизации. Напр., в Азербайджане в партии тюрков 39,7%, в горрайкомах—40,2%, в укомах—72%. В Узбекистане в партии узбеков 46,1%, в составе пленумов ОК—61,2%, в райкомах—52,4%.

Но оппозиция утверждает, что все решается исключительно «верхушкой». Посмотрим состав рабочего аппарата (рабочих троек) по ряду парткомов: Азербайджан националов—68,7%, Татария—50%, Узбекистан—41,5%, Украина—41,6%.

Но ведь как известно, основное зло, по оппозиционной библии, идет от секретарей. Мало ли что в рабочем аппарате до 50% националов, все ведь решается секретарями. Но, ведь вот незадача какая! По всем ЦК, Крайкомам и ОК (23 организации) к XIV с'езду было секретарей-националов *58%*, в настоящее время—*63%*. Не могут же сами 63% секретарей-националов себя отстранять от руководства. Оказывается, это делают остальные 37% ненационалов, рассматривающих первых как коммунистов второй категории. Каким же путем? И на сей счет есть готовый ответ у оппозиции: путем искусственного разделения сверху местных коммунистов на «правых» и «левых». В своих предложениях оппозиция требует отказа «от принудительного деления коммунистов на «правых» и «левых». Вот ведь как все «гениально» просто. И было все хорошо, и не было ни «левых», ни «правых», *вдруг, за последние годы* в результате ряда манипуляций ЦК родились «левые» и «правые». Да еще не только в искусственном, но даже *принудительном* порядке. Обвинение настолько абсурдное, что его и опровергать не следует. Однако, несколько памяток приведем:

«Тут *нельзя не затронуть* еще раз вопроса о правых и левых, что я и хочу сделать». (Речь т. Зиновьева на IV нацсовещании).

[1]) Все приводимые в этом разделе цифры взяты из «К XV с'езду ВКП(б). Отчеты отделов ЦК». ГИЗ, 1927 г.

«Мне хотелось бы в заключение сказать, что между нашими правыми и левыми товарищами разных национальностей *наступит сближение*». (Заключительное слово т. Каменева перед закрытием IV нацсовещания).

«Некоторые из наших многоуважаемых левых пытались здесь все это истолковать, будто бы это некоторый капитал в пользу левого «непримиримого» крыла. Это обстоятельство показывает, что именно в «левую» сторону нужно бить и бить серьезно, ибо эта опасность очень велика». (Речь т. Троцкого на IV нацсовещании).

Выходит, что «левые» и «правые» не только не выдумка последних лет, но уже *в 23 году* обсуждался вопрос о борьбе с обоими уклонами. Одного пожелания т. Каменева, чтобы не стало «левых» и «правых», маловато для ликвидации обоих уклонов. Потребовались годы упорной работы над выращиванием коммунистических организаций из пролетарских и полупролетарских элементов местного населения, кропотливая работа над выращиванием кадров, чтобы на фоне роста пролетариата из местных национальностей и общего укрепления народного хозяйства в в нацрайонах при могучей поддержке союзного пролетариата—добиться решающих успехов в большевизации нацпарторганизаций, создания большевистских интернационалистских кадров (к несчастью, все еще немногочисленных), стирающих грани вчерашних группировок левых и правых, впитывающих в себя все лучшее из обоих течений и получающих большевистскую закалку в повседневной борьбе с осколками этих двух уклонов. Потребовались годы, чтобы правильной политикой, намеченной рядом с'ездов партии (X, XI, XII), в основном преодолеть эти уклоны (в основном, но и на сегодняшний день не полностью). Что, кроме насмешки, может при этом вызвать глупое обвинение партии в «принудительном» делении сверху на «левых» и «правых»? И, наконец, для кого написаны слова о «подлинно коммунистических элементах», которые оттесняются на задворки и преследуются? Не для обиженных ли историей, неисправимых групповиков из бывших «правых» и «левых», не принявших большевизма, не перевоспитавшихся за все эти годы, не на буржуазных ли и мелкобуржуазных националистов рассчитана вся эта немудрая «философия»?

Эти слова, несомненно, рассчитаны также на дезориентацию отдельных товарищей, незнакомых в должной мере с положением дел в нацокраинах. Но этот номер не пройдет: все равно не поверят.

Много трудностей на пути полного выполнения основного лозунга партии об уничтожении экономического и культурного неравенства отсталых народностей Союза. Победы значительны, но и победы в свою очередь выдвигают новые задачи (проведение земельно-водной реформы, количественный рост парторганизаций, необходимость значительного расширения сети партийного просвещения). При безусловно правильной партийной линии во всех вопросах национальной политики и на сегодняшний день остается ряд неотложных, все еще не полностью разрешенных задач. Во всю ширину продолжает стоять проблема индустриализации национальных районов, дальнейшего расширения кадров пролетариата из местных национальностей и—что также не маловажно—поднятия квалификации втянутых в производство рабочих-националов (*здесь достигнутые успехи явно недостаточны*).

Необходимость максимального приближения госаппарата к массам требует усиления *темпа* и дальнейшего улучшения *качества* работы по рационализации всего государственного аппарата, *при решительном втягивании рабочих и крестьян* (бедняков и середняков) в дело управления. Привлекая и впредь к работе госаппарата честных работников из местной интеллигенции, следует еще более заострить вопрос о полном изолировании госаппарата от сохранившихся местами в аппарате национал-шовинистических элементов, выходцев из торговой буржуазии, духовенства, представителей реакционной интеллигенции, всячески пытающихся перекинуть мостки от госаппарата к кровно связанным с ними врагами советской власти (пантюркисты, панисламисты, украинские шовинисты- «западники» и т. д.).

Ведущаяся партией упорная борьба с остатками русского колонизаторства и попытками его возрождения еще не означает, что этот поганый червь прошлого не делает время от времени попыток выползти, высвободиться из-под давления пролетарской диктатуры. Через нэпмана, через русского кулака он всячески пытается срывать, тормозить национальное строительство. Эти поползновения и впредь должны встретить должный ответ.

Нельзя также считать полностью разрешенной задачу обслуживания трудовых слоев национальных меньшинств в нац. республиках и областях. Положение, когда по ряду нацрайонов *оборонительный* национализм местной основной национальности превращается в национализм *наступательный*, завзятый шовинизм более сильной национальности, направленный против слабых национальностей этих республик,—отмечено уже в решениях XII с'езда партии. Партия с этим уклоном вела и ведет решительную борьбу. Районирование, проведенное в ряде национальных республик и областей, выделение автономных районов из нацмен при районировании, перевод делопроизводства на язык нацмен в этих районах, расширение школьной сети для нацмен в нац. республиках,—все это в значительной степени способствует усилению обслуживания трудовых слоев нац. меньшинств. *Но вместе с тем эту задачу ни в коем случае нельзя и сейчас снять с повестки дня всей работы национальных парторганизаций. Дальнейшее втягивание трудящихся нацмен в госаппарат, в кооперацию, экономическая и культурная помощь им*—это дело, над которым придется работать и работать.

Успешное выполнение этих задач, в значительной мере зависит от успешности борьбы за дальнейшее укрепление и расширение большевистских кадров в нац. парт. организациях.

Оппозиционная клевета на нацполитику партии—еще одно лишнее препятствие на нашем пути социалистического строительства. Тов. Зиновьев на IV нацсовещании в 1923 году сказал по поводу соц.-демократов: «*Они закрывают уши, чтобы не слышать, и глаза, чтобы не видеть, какое великое движение поднято все же нашей революцией на Востоке*». Эти слова полностью могут быть отнесены к оппозиции в 1927 году. Партию не дезориентируешь парой звонких и пустых фраз. Партия устранила не мало препятствий на своем пути, и новое бревно, остервенело брошенное ей под ноги оппозицией, будет отброшено, как и прочие бревна, преграды и нечистоты, которыми оппозиция пытается «мостить» пути партии.

Мих. Глебов.

Кто ведет современную оппозицию?

„В том-то и беда, что „благие" намерения остаются в *лучшем случае* суб'ективным делом Карпа, Петра, Сидора, а *общественное значение* подобных заявлений безусловно и неоспоримо и никакими оговорками и раз'яснениями ослаблено быть не может".

(Н. Ленин, т. X, стр. 292.)

Процесс борьбы оппозиции с партией находится в той стадии, когда вся партия единодушно оценила выступления оппозиции, как об'ективно контрреволюционные, т.-е. пропитанные еще «добрыми» революционными намерениями, но контрреволюционные по своему общественному значению, по своим общественным результатам.

Мы говорим о *процессе*, стало быть, мы говорим об известном движении «*от*» «*до*». Мы еще верим искренности и «добрым намерениям» некоторой части оппозиционно настроенных товарищей, но мы не допускаем мысли, чтобы ответственные лидеры не отдавали себе достаточно ясного отчета в том процессе эволюции оппозиции, который *ведет* их в лагерь открытой котрреволюции.

Со времен Маркса мы знаем, как мало можно верить самооценкам политических деятелей, рассуждающих о себе и своих поступках и намерениях; но, с помощью той же марксистско-ленинской методологии, нам совсем не трудно оценить об'ективное общественное значение поступков действующих суб'ектов.

И именно руководствуясь этой методологией, мы можем утверждать, что современная оппозиция в целом дописывает, если не дописала, теперь последние страницы своих сколько-нибудь даже *суб'ективно*-революционных выступлений.

Контрреволюционное значение всех выступлений оппозиции слишком очевидно и бесспорно. *Перейдены все* границы *внутри*партийных способов изживания партийных разногласий, многократно и вопиюще растоптаны постановления с'ездов, конференций и высших руководящих партийных органов, разорваны и оплеваны двукратные собственные обязательства о подчинении большинству, о сохранении единства, о роспуске фракции и т. д.

Но все же до недавнего времени еще можно было говорить, что ослепленные фракционной страстью вожди оппозиции руководствуются лучшими революционными намерениями.

Но ноябрьские выступления оппозиции (собрание в МВТУ и ряде других мест, апелляция к беспартийным с целью срыва ноябрьской демонстрации и раскола рабочей массы) и разоблачения Кузовникова—увы! —рассеивают и эту иллюзию.

Давно было пора,—а теперь особенно необходимо,—поставить вопрос о перспективах развития внутрипартийной борьбы. Давно пора поставить вопрос и о том, куда ведут оппозиционные вожди те незначительные единицы отдельных членов нашей партии, которые еще, может быть, верят в чистоту намерений своих лидеров.

Обзор эмигрантской и буржуазной прессы дает достаточный ответ на этот вопрос. Достаточно посмотреть только на эмигрантскую прессу, чтобы почувствовать наглеющую третью силу. Можно смело утверждать, что ни международное, ни внутреннее положение нашей республики, ни обострение отношений нашего государства с капиталистическими странами, ни естественные хозяйственные затруднения периода реконструкции народного хозяйства не вызывают таких надежд на реставрацию, как именно небывало наглые набеги оппозиции на нашу партию. Недаром именно этим вопросам уделается изо дня в день огромное и первое место в эмигрантской печати—всеми этими «Возрождениями», «Послед. Нов.», «Рулями», «Соц. Вестниками» и т. д.

Нечего и говорить о том, что если современная оппозиция и имеет какой-нибудь социальный базис, то он находится вне рабочего класса, в массах мелкой и нэпманской буржуазии, сочувствующей, разумеется, оппозиции постольку, поскольку она подтачивает и разрушает самую основу диктатуры пролетариата.

Доказательства вряд ли нужны теперь, когда партия располагает таким обильным материалом в отношении саморазоблачившейся и обанкротившейся оппозиции.

Но, может быть, все это относится лишь к области *об'ективно* контрреволюционного значения выступлений оппозиции?

Достаточно знать, что *главные* надежды всего буржуазного мира на контрреволюционную реставрацию связаны с характером выступлений оппозиции, чтобы понять, что продолжение этой борьбы оппозиции неизбежно превращает последнюю в силу контрреволюционную и *суб'ективно*.

Вся социально-политическая «муть» концентрируется постепенно вокруг оппозиции. Сдавленная тисками пролетарской дисциплины внутри нашей партии, оппозиция прибегает в борьбе против партии к услугам темных политических дельцов, *звенья* от которых ведут в лагерь белогвардейщины. Упорство потерявшей социальный базис в рабочем классе кучки интеллигентов в борьбе с партией приводит и неминуемо приведет их к контакту с социальными отбросами, с враждебными диктатуре пролетариата элементами.

Вопрос слишком ясен. Процесс борьбы оппозиции с нашей партией находится в той стадии, когда *количество переходит в качество*, когда все обостряющиеся оппозиционные выступления, пропитанные «добрыми намерениями», превращаются в выступления *и об'ективно и суб'ективно* контрреволюционные.

Никогда, даже в самые острые моменты жизни нашей партии, в самых тяжелых условиях ее существования, оппозиционные формы борьбы против партии не доходили до таких безмерно наглых границ, до каких дошла современная троцкистская оппозиция. Она *затмила* штрейкбрехерские выступления Каменева и Зиновьева в 1917 г., она *превзошла* кратковременные выступления «левых коммунистов» в 1918 г., признавших свои ошибки перед

лицом всей партии и вернувшихся в ее ряды, она оставила далеко за собой вылазки с платформами оппозиции перед X с'ездом.

Где же причины таких выступлений против партии, которые граничат с выступлениями враждебных пролетариату сил, *чья* идеология может придавать *такой* глубоко враждебный партии характер, какой носит борьба современной оппозиции против партии.

В партии есть только одна—цельная по-своему, но совершенно чуждая партии—идеология, которая может *бесконечно далеко* завести всякого, кто за ней следует. Эта идеология символизируется именем, которое не сходит со страниц эмигрантской прессы, которое питает сейчас надежды всех злобно-враждебных нашей стране элементов. Это имя—Троцкий, эта идеология—троцкизм.

Величайший вред нашей партии наносят тт. Зиновьев и Каменев, променявшие положение большевиков-ленинцев на положение адвокатов Троцкого, когда по обязанности адвокатов они доказывают всей партии, что троцкизма нет.

В свое время сущность троцкизма хорошо понимал тот же Каменев. Он писал: «Напрасно думать, что есть два Троцких: один до 1917, другой после 1917 г. Тогда тов. Троцкий служил меньшевикам, теперь он перешел к большевикам, но, входя в партию, он не счел нужным во имя общей идеологии партии отказаться от своей собственной идеологии в основных, принципиальных вопросах русской революции. Именно поэтому т. Троцкий в партии систематически повторяет тип своих ошибок того времени, когда он был вне партии» («Партия и троцкизм»).

А теперь тот же тов. Каменев, вместе с тов. Зиновьевым, пытаются доказать всей партии по примеру содержателя захудалой кунсткамеры, что было два черепа императора Нерона—«один до «Камо грядеши», другой после «Камо грядеши», что было именно два Троцких: один до 1917 г., другой—после 1917 г.

А теперь Зиновьев и Каменев в заявлении 83-х пытаются доказать, что никакого троцкизма нет, что Троцкий признал свои ошибки и т. д.

Но разве не доказывал Троцкий еще в 1922 г., что «большевизм перевооружился»? Разве Троцкий не пытался дискредитировать ленинское руководство Октябрьской революцией, приписывая в «Уроках Октября» (1924 г.) собственной дальнозоркости и тактике победу в Октябре, «на три четверти, если не более», предопределенную днем 16 октября 1917 года, доказывая, что Ленин не мог из подполья оценить действительное положение вещей? Разве не говорил он там, что «восстание 25 октября имело только дополнительный характер»?

Так кто же, где и когда «перевооружился»?

По Троцкому, вопрос поставлен совершенно отчетливо: «перевооружился большевизм» и именно в 1917 г. Благодаря этому, по тому же Троцкому, ему не было надобности пересматривать свою тактику в вопросах русской революции. По концепции Троцкого, мы имеем два ленинизма: ленинизм до 1917 г. и ленинизм после 1917 г. «Синтез» ленинизма и троцкизма, происшедший в 1917 г. благодаря «перевооружению большевизма», позволил Троцкому итти вместе с Лениным.

Вся партия вместе с Каменевым думала, что Троцкого «снедала мысль—отроцкистить большевизм» и что «перед партией по отно-

шению к Троцкому... стояла прямо противоположная задача—«обольшевичить Троцкого» (Л. Б. Каменев «Партия и троцкизм»).

Вся партия вместе с Зиновьевым думала, что всякий раз, когда Троцкий выступает против партии, мы имеем «некий меньшевистский ренессанс», что в таких выступлениях «ничего другого, кроме меньшевистского рецидива... нет». (Речь т. Зиновьева на пленуме ЦК в январе 1924 г.).

С другой стороны, Троцкий, очевидно, полагал, что «перевооруженный большевизм» на исторических поворотах революции, в периоды затруднений воспроизводил «старый», «не перевооруженный» «ленинизм», и, по концепции Троцкого, понятно, почему он должен был выступать в таких случаях против Ленина и в 1918 и в 1920 и в другие годы.

Кто же, где, когда и в чем перевооружился?

Для партии бесспорно, что ленинизм не перевооружался в основных, принципиальных тактических вопросах. Равным образом не перевооружался и троцкизм. Перевооружились Зиновьев и Каменев, совершив «тушинский перелет» из партии во фракцию Троцкого.

Для партии бесспорно, что во всех платформах оппозиции, во всех основных вопросах, стоявших за последнее время перед партией—и в вопросах китайской революции, и в вопросе об англо-русском комитете, и в вопросах хозяйственных, и в области отношений к крестьянству—красной нитью проходила теория перманентной революции.

Для партии это ясно. Для части товарищей, еще идущих за оппозиционными вождями, это, видимо, еще не ясно. Для них еще, очевидно, в силе аргумент об отречении Троцкого от ошибок прошлого [1]). С другой стороны, попытки оппозиции прикрыть ленинизмом троцкизм, потуги бывших большевиков, Зиновьева и Каменева, выдать стопроцентный троцкизм за стопроцентный ленинизм, несомненно, имеют некоторое значение для незначительной части товарищей, впавших в троцкистскую оппозицию. Эти товарищи просто не различают коренных, принципиальных разногласий от частностей, содержания—от вывески. «Глубокая» мысль Козьмы Пруткова—«если на клетке слона прочтешь надпись: «буйвол», не верь глазам своим»—должно быть, сохраняет для них все свое значение по настоящий день.

Но после выступления Раковского на XVI Московской Губпартконференции самым недальновидным должно быть ясно, что

---

[1]) Хотя Троцкий нигде и никогда не отказывался четко и ясно от своих ошибок по конкретным, точно определенным вопросам с точным указанием исторических моментов разногласий. Были отречения «вообще». Наоборот, все литературное «творчество» Троцкого сводилось или к тому, чтобы «доказать» (в духе анекдотической девицы прошлого, произведшей на свет ребенка и аргументировавшей тем, что ребеночек-то «совсем малюсенький»), что его разногласия с Лениным были незначительны, или к тому, чтобы показать, что его «прогноз и диагноз» были основательнее, чем у Ленина. Нам известна генеральная попытка Троцкого «отмежеваться» от меньшевизма (на Президиуме ЦКК 24/VI—27 г.). Но она, как мы знаем, тоже не удалась. Репликой Троцкий был вынужден сознаться, что в 1912 г. он, хотя и «не думал блокироваться с меньшевиками против большевиков»... но «оказался (!!! *М. Г.*) в блоке с меньшевиками». И, по свидетельству Мартова, занял в нем «самую драчливую позицию по отношению к Ленину». Мы не знаем, с кем *думает* Троцкий блокироваться теперь, хотя сейчас мы можем предвидеть, с кем Троцкий *окажется* в блоке.

современная оппозиция в вопросах тактики пролетарской революции стоит на троцкистских путях.

На вопрос Карахана—«как по-вашему надо было ответить на провокационный разгром в Пекине?»—Раковский ответил: «Войной».

Раковский разоблачил то, что по сути дела не договаривалось оппозицией.

С точки зрения троцкизма этот ответ вполне понятен. Недооценивая, по меньшевистской традиции, революционной роли крестьянства, руководимого пролетариатом, Троцкий необходимо видел в непрерывной революции «закон классового самосохранения пролетариата», как он писал в 1905 г. К сожалению, мировая история даже после «открытия» перманентной революции не развивалась по ее законам. Процесс мировой революции, неудержимо развивающейся на наших глазах, не идет *предписанным* ей Троцким путем. На фоне *общего роста* классовых противоречий периоды бурного революционного под'ема сменяются периодами *относительного* затишья, периодами перестановок классовых сил и внутриклассовых перегруппировок.

Такие периоды относительного затишья, продолжительность которых зависит от целого ряда условий, неизбежно на всем протяжении политической деятельности Троцкого всегда вызывали к жизни ту долю импрессионизма, которая была оборотной стороной ультра-революционной, или, как Ленин говорил, теории «несуразно-левой перманентной революции». В такие периоды историческая действительность окутывалась для Троцкого «политическими сумерками».

Ленинского маневрирования Троцкий не признает. Немудрено, что первые политические сумерки для Троцкого спустились в эпоху Брест-Литовского мира. Тогда, исходя из теории «непрерывной революции», Троцкий предпочел ленинской «передышке» губительный «жест», ибо, как мы помним, ни Троцкий, ни левые коммунисты не могли гарантировать революции в Германии в ближайшие месяцы, что Ленин ставил необходимым условием принятия их тактики.

Разница двух тактик—ленинской и троцкистской—очевидна, ибо первая исходит из учета об'ективных обстоятельств, а вторая рассчитана на «ура», на «авось».

Нам кажется, что троцкистская тактика прекрасно иллюстрируется тем стихотворением Козьмы Пруткова, которое в свое время Г. В. Плеханов приводил против Б. Кричевского:

«Все стою на камне—
Дай-ка брошусь в море...
Что пошлет судьба мне:
Радость или горе?
Может, озадачит,
Может, не обидит...
Ведь кузнечик скачет,
А куда—не видит.

Народная мудрость выразила это иначе:

«Либо дождик—либо снег,
Либо будет—либо нет?».

Короче говоря, такую тактику принято называть политической авантюрой, и партия должна быть благодарна Раковскому, что он разоблачил тактику оппозиции до конца.

Из числа нынешних союзников Троцкого Раковский является старейшим. Это именно о нем шла речь, когда Ленин писал в 1915 г. в письме к А. Коллонтай:

«Роланд Хольст, как и Раковский... как и Троцкий, по-моему *все*—вреднейшие «каутскианцы» в том смысле, что все в разных формах за единство с оппортунистами, все в разных формах *прикрашивают* оппортунизм, все проводят (по-разному) эклектицизм вместо революционного марксизма»[1]).

Старый соратник Троцкого не выдержал и выдал Троцкого и троцкизм, выявив авантюристическую сущность его всему рабочему классу с головой.

Но у Раковского это вышло естественно.

Но что могут сказать в свое оправдание нынешние приказчики Троцкого тт. Зиновьев и Каменев?

Мы не оспариваем права тт. Зиновьева и Каменева совершать переоценки ценностей. Мы не оспариваем их права менять ленинские взгляды на троцкистские. Мы оспариваем только их право *прикрывать* троцкизм ленинизмом, мы оспариваем их право «производить ревизию ленинизма именем Ленина», т.-е. право на тот стратегический прием, в отношении которого тов. Зиновьев в свое время так убедительно писал, разоблачая Троцкого:

«Идеи ленинизма настолько преобладают сейчас в международном революционном движении,—и в особенности в нашей стране,—что «критики» ленинизма считают необходимым прибегнуть к такому... приему: они производят ревизию ленинизма «именем Ленина»—ссылками на Ленина, с божбой о верности основам ленинизма (покойный Владимир Ильич в этих случаях любил повторять: «И как божиться-то не лень»). Однако, эта стратегия не поможет. Она уже разгадана ленинской партией. Не пройдет и нескольких недель—и все воробушки на крышах будут чирикать по поводу провала этой замечательной стратегии. Тов. Троцкий не учел малого: что партия-то у нас ленинская и что она выросла уже настолько, что умеет, представьте себе, отличать ленинизм от троцкизма. Покушение тов. Троцкого есть покушение с негодными средствами. («Большевизм или троцкизм». Ноябрь 1924 г.).

Хорошо писал т. Зиновьев, когда он был большевиком.

Но тот прием, к которому прибегает теперь сам Зиновьев, превратившись в жалкого адвоката Троцкого, прием «ревизии ленинизма именем Ленина», не пройдет и теперь: «партия-то у нас выросла настолько, что умеет, представьте себе, отличить ленинизм от троцкизма».

Не имея мужества сознаться перед партией в отходе от ленинизма, прикрывая самый доподлинный троцкизм именем Ленина, тт. Зиновьев и Каменев совершают тягчайший грех перед нашей партией, самую большую из когда-либо ими сделанных ошибок.

Но еще больший грех, еще большую ошибку они допускают, когда в отстаивании «позолоченного» троцкизма они доходят до никогда не бывавших в нашей партии приемов борьбы, граничащих с восстанием против партии и диктатуры пролетариата.

Но и в этом целиком повинна идеология Троцкого, то его отношение к организационным вопросам, о котором еще и еще раз следует напомнить всей партии.

---

[1]) «Ленинский Сб.» II, стр. 235.

Разве поведение троцкистской оппозиции в отношении партии не укладывается целиком в ту примечательную формулу, которую приводил Троцкий против Ленина в 1904 г.:

...«Дисциплина имеет смысл лишь до тех пор, пока обеспечивает возможность бороться за то, что считаешь правильным и во имя чего налагаешь на себя дисциплину»?

Разве раскольническая политика современной оппозиции не пропитана тем анархо-индивидуалистическим положением, которое Троцким было выражено в следующих словах:

«... когда известное направление поставлено перед перспективой «лишения прав», т.-е. лишения возможности бороться за идейное влияние, тогда вопрос его существования из Rechtfrage (вопроса права) превращается для него в Machtfrage (вопрос силы)»?

Разве не троцкистским «учением»,—говорившим о том, что в случае разногласия меньшинство «либо раскалывает партию, ставя реальную дисциплину по отношению к своим принципам выше «принципов» формальной дисциплины, либо остается в партии, стараясь... обеспечить себе максимум свободы действия»,—руководствуется современная оппозиция?

И разве теория Троцкого о большом и малом колесе, о которой сообщил нам т. Кузовников, не воспроизводит полностью идейный облик того способного ученика Павла Борисовича Аксельрода, а впоследствии одного из авторов перманентной революции, бойкое перо которого писало угрожающе по адресу Ленина:

«...Никакая «сильная, властная организация» не сможет в целях ускорения и упрощения процесса подавить эти течения и разногласия (которые по Троцкому законны и естественны при диктатуре пролетариата. *М. Г.*), ибо слишком ясно, что пролетариат, способный к диктатуре «над обществом, не потерпит диктатуры над собой» [1])?

Организационные центры, фракционная дисциплина, членские взносы, платформа, нелегальная деятельность,—разве все это не по Троцкому эпохи 1904 г.?

Разве оплевывание партийного с'езда, который еще только будет, подрыв авторитета высшей партийной инстанции производится не по Троцкому? Разве разговоры со стороны ответственных товарищей из оппозиции о продолжении нелегальной работы вопреки всем постановлениям партийных органов не есть полное попрание ленинизма?

На X с'езде нашей партии Владимир Ильич, цитировавший из брошюры Коллонтай то место, в котором она писала, что «рабочая оппозиция», даже в случае поражения на с'езде будет оставаться внутри партии и шаг за шагом твердо отстаивать свою точку зрения», говорил:

«Даже в случае поражения на с'езде»,—скажите пожалуйста, как предусмотрительно. *Извините, но я от себя лично позволю с уверенностью заявить, что этого партийный с'езд не позволит*» (курсив мой. *М. Г.*).

Мы уверены, что и XV с'езд ленинской партии подобного поведения не позволит.

Троцкистская идеология крайне далеко завела современную оппозицию в ее борьбе с партией. Прошли все сроки разговоров, обещаний, клятв, компромиссов.

[1]) Троцкий «Наши политические задачи».

Для не растерявшей еще последних крупиц ленинизма части оппозиции есть только один путь—безоговорочной сдачи своих троцкистских позиций. Это—путь, который бывший большевик Зиновьев рекомендовал троцкистам:

«Есть одно действительное средство ликвидировать дискуссию и кончить ее раз навсегда—это выйти на эту трибуну и сказать: права была партия и неправы были те, которые утверждали, что мы стоим на краю гибели». (Из доклада Зиновьева на XIII с'езде ВКП(б) V—24 г.).

Вожди оппозиции спекулируют ссылками на то, что при Ленине никогда не было *такого* положения, как сейчас. В этом вожди оппозиции правы. До такого позора, до такой открытой угрозы расколом партии со стороны фракций мы не доходили. Несмотря на все потрясения, несмотря на всю фракционную работу оппозиций при Ленине, партия, в конечном счете, сохраняла единство в своих рядах. Каким путем достигалось это единство при Ленине—знает вся партия и лучше всех тов. Зиновьев.

Раскольники приходили в партию и перед лицом всей партии говорили: «Мы ошибались, права была партия».

Так было с тт. Зиновьевым и Каменевым в 1917 г., так было с «левыми коммунистами» в 1918 г., так было с рядом оппозиционеров X с'езда.

Другого *ленинского* пути для ликвидации оппозиции нет. Другой путь—путь троцкистский, путь *сознательного* восстания против партии, против диктатуры пролетариата, против рабочего класса, против мировой революции.

Ю. Ларин.

Дореволюционные остатки в современном кулачестве [1]).

1. Число и землепользование кулаков.

В ЦСУ СССР поступили материалы весеннего опроса *1 мая 1927 г.*, еще не успевшие быть опубликованными. Эти материалы доложены были 25 октября 1927 г. тройке в составе т. Пашковского (зампред ЦСУ СССР), Ю. Ларина (Коммунистическая Академия) и С. Струмилина (Госплан СССР). Опрос охватил весь СССР. Эти данные охватывают всю деревню (121,3 мил. чел. населения) и такие поселения городского типа, в которых часть жителей занимается сельским хозяйством (в этих поселениях 4,3 миллиона жителей, из них к *сельскохозяйственному* населению относится 1,8 миллионов человек). Всего, таким образом, опрос охватывает *24.628 тысяч семей* (или, как у нас иногда не совсем правильно говорят, «дворов») с населением в 125,6 миллионов человек.

Для сравнения можно привести, что весенние опросы двух предшествующих лет по тому же кругу поселений дали, как сообщило ЦСУ той же тройке, следующие результаты (в миллионах):

	1925 г.	1926 г.	1927 г.
1. Все население по весеннему опросу	120,7	123,5	125,6
2. Из него:			
а) в деревнях	117,5	119,4	121,3
б) в поселениях городского типа	3,2	4,1	4,3
3. Всего семей (дворов)	23,6	24,2	24,6

Из этого никоим образом не следует, что у нас имеется последние годы около 24 миллионов *крестьянских хозяйств*, как иногда поспешно заключают. Изрядная часть охватываемых весенними опросами жителей относится *вообще к несельскохозяйственному населению* (живущие в деревнях и в поселках городского типа фабричные, транспортники, ремесленники, учителя, служащие и прочие) и в некоторой части к бесхозяйным или к почти бесхозяйным семьям сельскохозяйственных и лесных *батраков определенно пролетарского типа*. Исключая эти две группы, ЦСУ дает *общий итог всех крестьянских хозяйств по СССР* (бедняцких, середняцких и кулацких вместе). Этот итог (в миллионах) следующий:

	1925 г.	1926 г.	1927 г.
1. Число крестьянск. хозяйств («дворов», семей)	20,3	19,8	19,9
2. Численность населения этих семей	105,7	103,5	104,0

[1]) Статья печатается в порядке обсуждения.

Таким образом, крестьянских семей у нас имеется всего около 20 миллионов с населением несколько выше 100 миллионов человек (около 5,2 человек на двор в среднем). *По отношению к этому количеству общее количество кулацких дворов по весеннему опросу на 1 мая 1927 г. определено около 4%* всех *дворов* при несколько менее 5% их *населения* (докладная записка члена коллегии ЦСУ СССР тов. Немчинова). Надо иметь в виду, что средний состав кулацкой семьи (около 6,2 человек) несколько больше среднего состава крестьянской семьи вообще, и этим об'ясняется, почему при наличии только почти 4% кулацких дворов население их оказывается приближающимся к 5% (точнее, около 4,7%, или 4,9 миллиона человек на 1 мая 1927 г.).

Круг хозяйств, причисляемых к кулацким, по данным весеннего опроса 1927 г. был взят достаточно широко. Сюда вошли не только хозяйства, имеющие двух и более сроковых рабочих (как я брал в «Частном Капитале»), но также очень много имеющих одного рабочего (хотя бы даже на не особенно длительный срок) и отчасти даже совсем без наемных рабочих. Достаточным признаком для отнесения к кулакам считается, напр., наличность в собственности хозяйства какого-либо дорогого орудия или сравнительно большого количества, усовершенствованного сельскохозяйственного инвентаря, хотя бы в хозяйстве вовсе не было наемных рабочих. Ибо кулацкий тип хозяйства может проявляться не только в одном найме рабочих и не только в найме рабочих, сопряженном одновременно с другими видами эксплоатации, но также и в одних этих других видах эксплоатации. Например, не имея вовсе наемных рабочих, кулак может эксплоатировать своих соседей путем обработки на кабальных условиях их полей своим избыточным рабочим скотом, избыточной мощностью своего сельскохозяйственного инвентаря (от плуга до молотилки и трактора включительно). Потому наличие в хозяйстве усовершенствованного инвентаря (сеялка, веялка и т. д.), возможная мощность которого превышает размер собственного хозяйства, служила для ЦСУ уже основанием для причисления хозяйства к кулацкому типу по весеннему опросу 1 мая 1927 г. Точно так же наличие торгового заведения, хотя бы без рабочих, или наличие мелкого переработочного предприятия с одним батраком (мелкой мельницы, сыроварни и т. п.) тоже служит достаточным основанием для причисления крестьянской семьи к кулацкой, хотя бы в *земледельческом и животноводственном* ее хозяйстве вовсе не было ни наемного труда, ни избыточного живого или мертвого инвентаря.

Таким образом, признаки и границы причисления хозяйств к кулацкому типу взяты такие, что могут удовлетворить самым строгим требованиям в смысле неупущения из виду никакой разновидности кулаков. И по всем этим признакам в 1927 г. в СССР имелось в сумме *почти 800 тысяч кулацких дворов* (точнее, 782 тысячи) с населением почти в 5 миллионов человек. Если считать по посеву, то *в среднем* по СССР это соответствует хозяйствам с посевом примерно от 14 десятин на двор с колебаниями по районам и *по типам* культур. Например, в Крыму, по данным ЦСУ, одна десятина виноградника равна 14 десятинам зернового посева, 1 десятина табака равна $6^{1}/_{2}$ десятинам зернового хлеба и 1 десятина поливного огорода равна 5 десятинам зернового посева. Понятно, здесь приходится отнести к кулацким такие

виноградные, огородные и табачные хозяйства, которые попали бы в бедняцкие, будь та же площадь засеяна рожью или пшеницей. То же относится к хлопководам средне-азиатских республик, к огородникам повсюду и т. д.

Если считать по рабочему скоту, то эта группа *в среднем* по СССР соответствует имеющим *более двух* голов рабочего скота, с колебанием вверх в таких районах, как *области кочевого скотоводства* и т. п. Но, разумеется, в ряде случаев к кулацкому типу хозяйств приходится причитывать и имеющих менее 14 десятин зернового посева (или менее соответственной площади, смотря по району и культуре) или менее рабочего скота, если они только удовлетворяют какому-либо другому из указанных выше признаков: мертвый инвентарь с избыточной мощностью над собственными потребностями или наличие торгового заведения и т. д. (смотри выше).

Правда, у большинства кулацких хозяйств эти признаки совпадают. Дорогие орудия, избыток орудий над собственной потребностью, большое количество рабочего скота, наемный труд и торговые и переработочные заведения предпринимательского типа (то-есть оперирующие продукцией не только собственного, но и чужих хозяйств),—все это обычно сосредоточено у тех же хозяев, кто имеет крупный посев. Из всех около 800 тысяч кулацких хозяйств почти три четверти имеют посев от 16 десятин и выше на двор. Основной тип кулацкого хозяйства является, таким образом, *интегральным*, то-есть сложным по составу источников дохода, но единым по их эксплоататорской сущности.

В каком отношении число кулацких дворов и численность кулацкого населения находится ко всей совокупности крестьянских хозяйств, видно для 1926—27 года из приводимой ниже таблицы (по материалам ЦСУ, проверенным особыми комиссиями и изложенным мною в «Правде» от 7 ноября 1927 г. в статье «Социальная структура СССР»). В миллионах имеем такие итоги:

	Число хозяйств.	Численность населения.
Бедняки	5,2	22,4
Середняки	13,9	76,7
Кулаки	0,8	4,0
	19,9	104,0

На вопрос о том, какая площадь земли находится в руках кулаков из всей площади землепользования всех крестьянских хозяйств, можно ответить лишь теперь, после того, как ЦСУ собрало, разработало и отчасти уже опубликовало необходимые для сопоставления данные (об общей площади удобных для сельского хозяйства земель, о средней площади по отдельным посевным группам крестьянских бюджетов, о распределении сельского населения между сельскохозяйственным и несельскохозяйственным, о числе действительных бедняцких хозяйств, т.-е. не причитывая к ним беспосевные и почти беспосевные семьи живущих в деревне фабричных рабочих и т. п.). Главнейшие *методологические* улучшения и исправления прежних пробелов и ошибок, вносимые в связи с этим ЦСУ в постановку своих работ (разработанные летом 1927 г. в подкомиссии Л. Крицмана, Ю. Ларина и представителей ЦСУ и затем принятые) указаны в вышедших к

с'езду моих брошюрах («Сельскохозяйственный пролетариат» и «Судьбы аграрного перенаселения и социальная структура СССР»), так что здесь можно на этом не останавливаться.

Вся удобная для сельского хозяйства площадь СССР по данным ЦСУ в 1925—26 г. составляла (в миллионах десятин):

1. Усадебная и приусадебная	7,7	милл. дес.
2. Пашня	148,1	» »
3. Сенокос	32,7	» »
4. Выгон	31,5	» »
5. Прочая, невыясненная и нераспределенная по угодьям	33,2	» »
	253,2	милл. дес.

Что касается пятой группы («прочая и нераспределенная»), то она, возможно, отчасти покрыта кустарником, местами заболочена, вообще недостаточно выяснена. В эту четверть миллиарда десятин входит также государственный колонизационный (переселенческий) фонд, все совхозы (менее 4 миллионов десятин), земли школ и всяких учреждений, все земли, находящиеся в ведении городских советов, находящиеся в ведении ГЗИ удобные земельные площади неколонизационного и несовхозного характера и т. д. В землепользовании частных лиц находится несколько свыше 210 миллионов десятин удобной для сельского хозяйства площади. В том числе около 205 миллионов десятин заняты крестьянскими хозяйствами, а остальные несколько миллионов находятся в распоряжении таких семей, для которых основным источником существования сельское хозяйство не является, но земля у них есть. Сюда относятся некоторые фабричные рабочие, транспортники и т. д., обычно, либо вовсе не ведущие сельского хозяйства и сдающие отведенную им землю в аренду, либо имеющие посев весьма небольшой. Поскольку она снята в аренду крестьянами (в том числе кулаками), она входит уже в указанные выше 205 миллионов десятин фактического землепользования крестьянских хозяйств.

Распределение всей этой земли между отдельными группами крестьян, по свойству сопоставляемых материалов, можно дать не строго по социальным типам (бедняки, середняки и кулаки), а только по четырем *посевным* группам. Эти группы: 1) сеющие до 2 десятин на хозяйство, 2) сеющие от 2 до 8 десятин, 3) сеющие от 8 до 16 десятин, 4) сеющие свыше 16 десятин. Благодаря такому разделению в третью группу (от 8 до 16 десятин) входят отчасти кулаки, отчасти середняки. На кулаков из этой группы по ориентировочному расчету должно приходиться около 10% хозяйств и около 15% площади, но точного расчета дать нельзя.

Точно так же вторая группа (от 2 до 8 десятин посева на двор) включает в себя отчасти бедняков, отчасти середняков. К беднякам по ориентировочному расчету относится около 15% населения этой группы и около 10% ее земельной площади [1]).

[1]) Затем имеются такие хозяева с небольшой площадью посева, которые по характеру культуры (виноград, сад, огород и т. д.) должны быть отнесены к кулакам, хотя посев далеко не достигает 14 или 16 десятин. С другой стороны, в некоторых районах особо экстенсивного хозяйства можно справиться и с 16 дес. посева силами своей семьи, если она крупная, не превращая хозяйства в кулацкое. Но в общем подавляющая часть хозяйств с посевом выше 16 десятин принадлежит к кулацким.

Чтобы эти ориентировочные расчеты превратить в реальные, ЦСУ должно проделать значительную работу по пересчету по районам всего первичного материала. Такая работа требует много времени, и потому ее лучше приурочить к итогам весеннего опроса 1 мая 1927 г., которые только теперь поступили. Поэтому сейчас мы принуждены ограничиться распределением земли только между приведенными посевными группами. Произведя необходимые сопоставления, получаю такой результат для каждой из четырех посевных групп крестьянских хозяйств:

Группы по посеву.

	До 2 десят.	От 2 до 8 десятин.	От 8 до 16 десятин.	Выше 16 десятин.	Все вместе.
1. Миллионов дворов	3,0	13,8	2,6	0,5	19,9
2. В них миллионов населения	13,0	71,8	16,0	3,2	104,0
3. Человек на двор	4,3	5,2	6,2	6,4	5,2
4. Миллионов десятин удобного для сельского хозяйства землепользования	14,1	119,2	53,8	18,1	205,2
5. Десятин удобной земли на двор	4,7	8,7	20,7	36,3	10,4
6. Миллионов десятин посева	4,9	54,8	27,3	10,6	97,5
7. Десятин посева на двор	1,3	4,0	10,5	21,1	4,9

Площадь посева постепенно растет, так как в последние годы все большая доля удобной земли засевается теми хозяйствами, в пользовании которых она находится (в том числе и путем внутреннего перераспределения через аренду—по данным ЦСУ находится в аренде по СССР около 6% всей *посевной* площади). Более устойчивой является общая площадь землепользования. Чтобы получить общую площадь кулацкого землепользования, надо к площади удобной земли высшей группы (с посевом выше 16 десятин) прибавить около 15% *площади* следующей за ней группы (от 8 до 16 десятин), ибо в высшую группу входит лишь около полумиллиона дворов, тогда как всех кулацких хозяйств имеется до 800 тысяч. Тогда получаем *общую площадь кулацкого землепользования по СССР несколько свыше 26 миллионов десятин удобной для сельского хозяйства земли*, то-есть около 12,7% всего крестьянского землепользования (удобных земель). Для *посева* таким же образом получаем, что около 15% всего крестьянского посева приходится на долю тех же 4% кулацких дворов (обнимающих менее 5% крестьянского населения). Процент посева, приходящийся на долю кулацких дворов, несколько больше, чем процент всего их землепользования в общей сумме крестьянского землепользования, потому что высшие группы засевают более крупный процент из площади своего землепользования благодаря лучшему обеспечению мертвым инвентарем и рабочим скотом и благодаря возможности полнее использовать средства производства на большей площади. Приведенная таблица это наглядно показывает (как и массовые сведения об использовании скота и инвентаря в разных группах хозяйств).

Таким образом, кулаки имеют у нас около 15% всего посева, а не около 35%, как пыталась создать впечатление оппозиция в своих контртезисах о деревне («Дискуссионный Листок» № 3 за ноябрь 1927 г.). Для вывода о 35% посева оппозиция подменила понятие «кулака» понятием «зажиточной части» крестьян, относя к ней на деле не только кулаков, но и всех середняков с посевом от 8 десятин, хотя бы такие крестьяне не нанимали рабочих, не эксплоатировали своих соседей сдачей инвентаря и рабочего скота, вообще не имели избыточных средств производства сравнительно с размерами своего хозяйства, не имели торговых и переработочных заведений и т. д. Но хозяйство, не имеющее никаких признаков эксплоататорского, нельзя относить к кулацким только потому, что оно сеет 8 или 9 десятин хлеба. Если по уровню и по источникам дохода, по количеству требующихся средств производства и затрат труда, если по этим условиям хозяйство относится к типу мелкого семейного *трудового* товаропроизводства, то его нельзя относить к хозяйству *капиталистических* товаропроизводителей, какими являются кулаки.

Однако, если кулаки составляют у нас на деле только 4% дворов и менее 5% сельскохозяйственного населения, сосредоточивают у себя лишь до 13% всего крестьянского землепользования (около 26 миллионов десятин удобной для сельского хозяйства земли) и только около 15% всего посева (включая арендованный, а не 35%), то и это, конечно, заслуживает внимания и для нас далеко не безразлично. «Кулацкие излишки» над средней нормой фактического землепользования остальных крестьянских хозяйств составляют в настоящее время около 18 миллионов десятин удобной земли (как легко усмотреть из приведенной выше таблицы). Товарная продукция кулацких хозяйств по подсчету ЦСУ по хлебу достигает около 20% всей товарной продукции хлеба, а по всем продуктам земледелия и животноводства в среднем около 14% их товарной продукции.

Однако, кроме преувеличения размеров кулацкого хозяйства и его значения во всем сельскохозяйственном производстве, оппозиционеры исходят обычно еще из одного предположения: *будто современное кулачество целиком создалось и выросло в деревне в период нэпа*, за шестилетие 1921—1927 гг. Не то важно, что теперь есть 800 тысяч кулацких дворов и у них 15% посева, говорят нам на собраниях, а то, что революция совершенно уничтожила кулаков, а за последние шесть лет опять народились вместо них новые и имеют уже целых 26 миллионов десятин удобной земли и 15% посева. Пусть даже не 35%, а только 15%, говорят нам на собраниях, но если уничтоженные революцией целиком кулаки за последние годы замещены вновь созданными кулаками, имеющими уже около 13% всего крестьянского землепользования, то это такое стремительное нарастание кулацкой мощи, которое превосходит даже быстроту роста государственной промышленности.

Неоднократно приходилось наблюдать, как эти ссылки на необычайно быстрый рост кулачества за период нэпа встречались только общей ссылкой на неизбежность известного роста кулаков в период нэпа и на необоснованность паники перед появлением новых кулаков в размере всего 4% дворов (и 15% посева).

Между тем, *на деле вовсе не было ни полного уничтожения в СССР кулаков революцей* и годами военного коммунизма, *ни*

нарождения при нэпе новых 800 тысяч кулацких хозяйств с 26 миллионами десятин землепользования. *В основном* мы имеем дело с охвостьем царского времени, *с сохранившимся наследием дореволюционного режима*, с теми же хозяйствами, которые *были кулацкими и до войны*. Это обстоятельство установлено неопровержимыми массовыми данными, к которым мы сейчас перейдем. Некоторый рост числа кулацких хозяйств за период нэпа действительно произошел, но он, как увидим, не имеет ничего общего с воображаемым внезапным появлением за последние годы новых 800 тысяч кулацких хозяйств, «успевших» уже «сосредоточить» в своих руках 26 миллионов десятин удобной земли. На деле эта земля почти полностью находилась в их руках *все годы революции*, вообще не была у них отнята, и они представляют собой в своем большинстве кулаков, *не вновь появившихся, а сохранившихся*. Это обстоятельство имеет крупное значение: 1) для оценки итогов социального развития деревни при нэпе, для правильного понимания *темпа* различных процессов и происхождения той картины социальной структуры сельскохозяйственного населения, какую мы сейчас наблюдаем; 2) для оценки силы сопротивления, какую совокупность условий советского строя оказывает развитию нового кулачества даже при нэпе, без чего создание новых кулаков должно было бы дать гораздо больший результат, чем тот, какой оказывается, когда мы сравниваем теперь количество «унаследованных» кулаков с числом вновь появившихся; 3) для разоблачения необоснованности предположений оппозиции, будто политика партии имела своим последствием за последние годы появление нового обширного кулацкого слоя, собравшего теперь в своих руках десятки миллионов десятин земли; 4) для разработки дальнейших мер нашей практической деревенской политики в области задачи «проверить набело» и доделать земельную реформу в тех отношениях и районах, где она была произведена революцией лишь «начерно» или не получила достаточного осуществления по особым обстоятельствам того времени (эта работа «доделки» начата уже произведенной в 1926 и 1927 гг. земельной реформой в Узбекистане, происходящим сейчас распространением ее на Казакстан, проведенным недавно «из'ятием нетрудовых излишков» в Белоруссии, опубликованной в «Правде» в августе 1927 г. резолюцией ЦК о подготовке пересмотра некоторых норм земельного наделения в Крыму и т. д.).

Перехожу к фактам.

2. Кулацкие излишки и рядовое крестьянство на разных этапах революции.

Источники кулацкого хозяйства питаются не только настоящим, но и прошлым. От прошлого мы унаследовали кулака дореволюционного, который в некоторых районах страны уцелел в довольно заметной степени. Раскулачиванье, комбеды и т. п. получили сильное развитие в центральной Великороссии, меньше коснулись Украины, Белоруссии, почти не доходили до последних лет до бывшего Туркестана, отчасти Закавказья, Крыма, Сибири, Казакстана и т. д. Поэтому, если брать *страну в целом*, то итог уничтожения *дореволюционного* кулака отнюдь не оказывается таким полным, как итог революционного уничтожения помещика.

К тому же в большей части страны (кроме потребляющей полосы европейской части РСФСР) все *первые годы революции* был в наличии *громадный процент незасевавшейся*, остававшейся вообще без обработки земли. Рядовые крестьяне в то время далеко еще не успели восстановить свое хозяйство и обработать хотя бы только свои бывшие земли и конфискованные от помещиков. Поэтому в то время рядовое крестьянство в ряде районов не напирало особенно на кулаков в смысле отнятия у них земельных излишков. Довольно распространена была первые годы революции «система нарядов». По наряду комбеда или сельсовета кулак обязан был бесплатно или за скромное вознаграждение из доли урожая обрабатывать своим рабочим скотом (и частично орудиями) землю тех крестьян (или часть ее), у которых своего скота не было. Эта «система нарядов», решительно преобладавшая в среднем по СССР над прямым отнятием у кулака его земельных излишков и избыточных средств производства,—никоим образом не означала уничтожения возможной экономической мощности кулака. Она означала только временное обязательство кулака помогать маломощным своими средствами производства без закабаления эксплоататорскими условиями. Земельные же излишки у кулака целиком не отбирались, ибо и без того у остальных крестьян в то время было еще много неиспользовывавшейся ими земли.

Вопрос о кулацком землепользовании, о кулацких земельных излишках стал приобретать остроту для рядового некулацкого крестьянства лишь теперь. Ибо лишь в последние годы деревня постепенно дошла до восстановления полностью всей площади довоенного посева. Во времена военного коммунизма равнодушие рядовой деревни к наличию у кулаков земельных излишков доходило до того, что в ряде районов (Крым, Белоруссия и т. д.) кулаки не только не были лишены своих «надельных» излишков, *но были даже допущены к участию в разделе конфискованных помещичьих земель*. Это было распространенным явлением в многоземельных районах и в районах значительного помещичьего землевладения. Здесь никто особенно не регулировал дела, и кулак захватывал столько, сколько мог «освоить» хотя бы хищнической распашкой «наездом» (степная Украина, Северный Кавказ и т. д.). Впоследствии создавшееся таким образом пользование было оформлено кое-где *арендными договорами* с земорганами; кое-где вошло в состав «*трудового землепользования*» (оставшись в руках тех же кулацких семей при межселенном землеустройстве); кое-где продолжается *при отсутствии переделов* во все десятилетие революции (таких случаев особенно много в многоземельных районах; недавно издано специальное постановление о разрешении производить переделы в таких местах и по требованию бедняцкого *меньшинства*, а не только *большинства* общества, как обычно требуется для переделов).

Окончание восстановления рядовым крестьянством довоенной посевной площади к настоящему времени создало теперь *большее внимание* всей массы крестьян к наличию у кулаков земельных излишков, *обострило отношение маломощного и середняка* к кулаку, помогло нашей партии *политически изолировать кулака* в деревне за последнее время в гораздо большей степени, чем это было несколько лет назад. В этом *сдвиге хозяйственной*

обстановки (окончание восстановления рядовыми крестьянами посевной площади на своей пахотной земле и изменение поэтому их отношения к факту наличия у кулака земельных излишков) заключается один из существенных моментов *экономического обоснования* того более форсированного наступления на кулака, какое в связи с этим (*и с достигнутым тем временем укреплением хозяйственных возможностей государства*) намечено для предстоящего периода резолюцией ЦК о деревне, предложенной XV партс'езду.

Внешне это изменившееся отношение крестьян к вопросу о кулацких излишках выражается теперь в ряде общеизвестных фактов: 1) чрезвычайно возросшие настояния о *внутриселенном* землеустройстве, т.-е. о более правильном распределении землепользования внутри деревни, заметный шаг к удовлетворению чего делает юбилейный манифест ЦИК СССР; 2) стремления к лишению кулака права голоса *в земельных обществах*, вопроса о чем в деревне даже не подымалось не только во время годов военного коммунизма, но и ряд лет после того, теперь же настолько выяснилось, что уже и практическая разработка включена в с'ездовскую резолюцию ЦК; 3) начавшие поступать заявления маломощной части *о принудительном производстве переделов* в земельных обществах, где их не было при Октябрьской революции и после нее; раньше таких заявлений вовсе не поступало, а теперь их появление, как упомянуто выше, уже вызвало издание в 1927 г. специального постановления о разрешении земорганам предписывать в этих случаях производство передела даже при желании только меньшинства, а не большинства общества; 4) повышенный интерес к выявлению кулацких излишков в многоземельных районах, выразившийся в повышении интереса рядовых крестьян к *переселению* в эти районы, к напору *самовольных переселенцев* на Северный Кавказ, в Казакстан, на Южный Урал, в Крым, в Заволжье, который перед этим ряд лет отсутствовал (известны конфликты центральных переселенческих органов на этой почве с некоторыми местными правительствами многоземельных районов, не успевшими еще уяснить себе, что в этой форме происходит борьба маломощного и середняка с кулаком за землю).

Но в первые годы революции, то-есть как раз в то время, когда производился великий земельный передел (конфискация помещичьих, монастырских и т. д. земель, отчасти кулацких),— *сплошного* напора на отобрание земельных излишков от кулаков не было. Конечно, кулаки поплатились чувствительно. Во-первых, они потеряли почти сплошь так называемые «купчие» земли, т.-е. те земли, какие были ими куплены в частную собственность сверх находившейся в их пользовании «надельной» земли (такой «купчей» земли было у них свыше 15 миллионов десятин удобной для сельского хозяйства площади). Во-вторых, они потеряли пользование большей частью арендовавшейся ими помещичьей, монастырской, государственной и т. п. земли, ибо площадь их бывшей аренды была большей частью разделена между маломощными слоями, частью осталась за совхозами и т. д. (эта потеря должна была составить около 10 миллионов десятин, принимая во внимание долю кулацкой аренды в общей площади 30 миллионов десятин, арендовавшихся крестьянами до войны из ненадельных земель). В-третьих, в ряде мест, как

центральная часть Великороссии и как некоторые специальные ограниченные очаги кулацких восстаний, было произведено в 1918 г. довольно энергичное «раскулачиванье» под углом определенной политической установки (но в 1918 г. в районе господства советской власти не находились еще Украина, Сибирь, Закавказье, Дон и т. д.). В-четвертых, и в тех районах, где кулацкое *надельное* землепользование не подвергалось общему специальному разгрому, нередко часть земель у некоторых кулаков все же отрезывалась.

Таким образом, на большей части территории СССР фактически сочеталось отсутствие общего разгрома кулацкого надельного землепользования с рядом отдельных существенных ограничений и из'ятий (например, почти всей «купчей» земли). В итоге это должно было дать: 1) исчезновение части кулаков; 2) сохранение значительной части кулацких хозяйств; 3) переход некоторых из них, вследствие частичных из'ятий из самой крупной кулацкой группы (сеющие свыше 16 десятин, в среднем более 20 десятин посева на двор) в ту группу кулаков, какая по земельным условиям имеет теперь несколько менее 16 десятин посева, но оставшийся у нее избыточный инвентарь энергично использует для кабальной эксплоатации маломощных соседей путем обработки им их земель. Мы видели выше, что сейчас, в 1927 г., около 500 тысяч кулацких дворов относятся к сеющим более 16 десятин и около 300 тысяч кулацких дворов сеют менее 16 десятин.

Что общее количество кулацких дворов теперь меньше, чем было до войны (до революции)—это ни в ком еще не вызывало сомнений. Даже оппозиция не оспаривала это. В своей статье «Товарищи рабочие, идем в последний решительный бой», написанной *в августе 1918 г.*, Владимир Ильич определяет, что у нас, «считая прежнюю Россию, до того времени, когда хищники оторвали от нее Украину и прочее», надо считать «едва ли больше *2-х миллионов* кулачья». Теперь имеется 800 тысяч. Общая ориентировочная оценка Владимира Ильича вполне подтверждается сопоставлением всех сведений о социальной структуре довоенной деревни. Я произвел такое сопоставление в работе, перепечатанной в книжке «Экономика досоветской деревни» (М. 1926 г. Госиздат), и получилось *около 10%* всех дворов (стр. 38 назв. книги). Теперь мы имеем 4%. Значит, в два с половиной раза меньше и абсолютно и относительно. Правда, сельскохозяйственная перепись 1917 г. дала только около 9% «высшей группы» (по изданию ЦСУ «Экономическое расслоение крестьянства в 1917 и 1919 гг.»), но это легкое уменьшение об'ясняется временным сокращением размеров части кулацких хозяйств под влиянием войны, мобилизовавшей лошадей и работников.

Вопрос, на который надо теперь ответить, сводится к следующему: возникли имеющиеся теперь в наличности 4% кулацких дворов только во время нэпа или в какой-либо части (и в какой именно) они представляют собой *непрерывно* существующие *дореволюционные* кулацкие хозяйства?

Для ответа на этот вопрос есть два ряда массовых данных: 1) бюджетное обследование крестьянских хозяйств, произведенное ЦСУ в 1924—25 г. в ряде крупнейших районов СССР; 2) сплошные данные о землепользовании, охватывающие все крестьянство европейской части СССР, собранные также за 1924—25 г. и

сопоставленные с царской статистикой землепользования крестьян 1906 г. по этой же территории; 3) выборочные иллюстрационные сведения по Узбекистану, Казакстану, Сибири и Кавказу. *Все эти сведения дают один и тот же результат: современное кулачество в большинстве своем является непрерывно сохранившимся с дореволюционного времени,* а не новым порождением периода нэпа. За все шестилетие нэпа создалось менее четверти нынешних кулацких хозяйств. А более трех четвертей осталось недобитыми в свое время от царских времен.

3. Дореволюционные кулаки в современном кулачестве.

Бюджетное обследование, произведенное ЦСУ в 1924—25 г., является единственным, которое включало вопрос о *землепользовании описываемого хозяйства до войны* и сравнение *с землепользованием тех же хозяйств* в год обследования, то-есть в 1924—25 г. В№ 6 «На Аграрном Фронте» за 1927 г. работником ЦСУ т. Гайстером опубликованы (стр. 31—34) таблицы этого обследования по 6 крупным районам (Степная Украина, Лесостепная Украина, Урал, Центрально-Земледельческий, Центрально-Промышленный, Белоруссия со Смоленской губернией). В этих районах живет по декабрьской переписи 1926 г. около половины всего сельского населения СССР. При чем сюда еще не входят как раз те части страны, где дореволюционное кулачество сохранилось наиболее полно (Сибирь, Дальневосточье, Казакстан, Крым и т. д.).

Все дворы разделены на группы по размеру посева на двор. Высшая группа—сеющие более 16 десятин на двор, группа почти сплошь определенного кулачества. За нею идет группа сеющих от 8 до 16 десятин, которая является кулацкой лишь отчасти, в своих верхних частях. Бюджетное обследование дает возможность осветить по этим районам два вопроса относительно определенно кулацкой группы, то-есть сеющих более 16 десятин: 1) *какая часть довоенных кулаков сохранила кулацкое хозяйство* такого же размера (посев свыше 16 десятин) и в 1924—25 году; 2) *какая часть теперешних кулаков,* имевшихся в наличии в 1924—25 году и сеющих свыше 16 десятин, принадлежала и до войны *к той же группе* определенно кулацких хозяйств (сеявших более 16 десятин).

Из довоенных хозяйств (сеявших более 16 десятин на двор) остались в той же кулацкой группе и в 1924—25 г. также сеют более 16 десятин на двор (в процентах к довоенному их количеству):

Степная Украина	39,6
Лесостепная Украина	44,4
Уральская область	70,8
Центрально-Земледельческая область	21,3
Центрально-Промышленная область	33,4
Белоруссия	44,0

Средняя взвешенная по всем этим районам вместе составляет *почти сорок процентов* (точнее, около 38%). Иначе сказать, из каждых пяти крупных кулаков дореволюционного времени, двое оставались крупными кулаками в этих районах и в 1924—25 г. А эти районы, как сказано, обнимают около половины всего деревенского населения СССР. Сразу бросается в глаза в этой таблице энергичное «раскулачиванье», проводившееся нами в свое время в Центрально-Черноземной области (например, *Тамбовская губерния*). Всего больше сохранилось старое кулачество в тех районах европейской части СССР, где позже окончательно прочно восторжествовала советская власть (Лесостепная Украина, Белоруссия, особенно Урал). Еще полнее сохранилось старое кулачество, добавим тут же, в азиатской части СССР и в некоторых частях Закавказья.

Но не следует думать, что все остальные крупные дореволюционные кулаки этих районов (сеявшие до войны более 16 десятин на двор) превратились в результате революции обязательно в бедняков или середняков. Нет, подавляющая их часть, поскольку не удержалась в определенно кулацкой группе (сеющих свыше 16 десятин), передвинулась только в соседнюю промежуточную группу—сеющих от 8 до 16 десятин. Мы знаем уже, что эта группа дает и в настоящее время (по весеннему опросу на 1 мая 1927 г.) более трети всех кулаков. Несколько лет назад, в 1924—1925 г., она давала, даже еще несколько более значительную их долю. Если взять вместе, какая часть довоенных кулацких хозяйств (сеявших более 16 десятин) осталась в той же группе и перешла в соседнюю, лишь частично поставляющую кулаков (сеющие от 8 до 16 десятин), то получим такой итог в процентах к довоенному числу кулацких хозяйств:

Степная Украина	86,9
Лесостепная Украина	88,8
Уральская область	98,9
Центрально-Земледельческая область	68,9
Центрально-Промышленная область	66,7
Белоруссия	88,0

Средняя, взвешенная по всем этим районам вместе получается около *восьмидесяти процентов* (точнее, почти 82%). Иначе сказать, из каждых этих пяти дореволюционных кулаков только один наверняка опустился в середняки в результате революции; двое наверняка остались кулаками и двое перешли в такую группу, какая и сейчас еще дает более трети всех нынешних кулаков, а в 1924—25 г. давала их около половины. Дореволюционные кулаки, находящиеся ныне в группе сеющих от 8 до 16 десятин, являются сплошь и рядом именно той частью этой группы, какая является кулацкой и в настоящее время (об этом ниже).

Теперь посмотрим другой результат опроса при бюджетном обследовании 1924—25 г.: какая часть нынешних определенных кулаков (сеющих свыше 16 десятин) была кулаками и до войны. Приведем сразу сведения о том, какая часть из них имела кулацкое хозяйство такого же типа (сеяла более 16 десятин) и какая сеяла только от 8 до 16 десятин (но в значительной мере была тогда кулацкой в этих районах, особенно в Лесостепной Украине, в Центрально-Промышленном, в Белоруссии). Оказывается, что из нынешних кулаков с посевом свыше 16 десятин

(в процентах к их нынешнему количеству) уже до войны сели:

	Более 16 десятин.	От 8 до 16 десятин.	Сумма.
Степная Украина	45,2	22,6	67,8
Лесостепная Украина	50,0	50,0	100,0
Уральская область	43,8	25,4	69,2
Центрально-Земледельч. область	39,4	36,4	75,8
Центрально-Промышл. область	60,0	40,0	100,0
Белоруссия	55,5	15,0	70,5

Средняя взвешенная по всем этим районам вместе показывает, что 50% нынешних кулаков (половина) были кулаками столь же крупного типа и до войны, а еще около 30% были до войны в группе, дававшей тогда почти по всей совокупности этих районов также кулаков, только с несколько меньшим размером предприятия. Иначе сказать: *четыре пятых нынешних кулаков имеют дореволюционный кулацкий стаж.* Они сохранили в крупной степени свое землепользование и свои средства производства от дореволюционного времени и потому остались кулаками [1]). Это и есть в основном те две пятых дореволюционных кулаков, которые уцелели и которые составляют сейчас более четырех пятых нынешних кулаков. *В современном деревенском кулачестве мы имеем в основном не новое порождение советского строя, а недобитые остатки старого, дореволюционного прошлого.*

Приведенные данные бюджетного обследования 1924—25 г. вполне подтверждаются *сплошными* массовыми данными сельхозналога за тот же 1924—25 г. Сейчас имеются по сельхозналогу данные и более поздние, чем за 1924—25 год, но мы берем за этот год в интересах наибольшей близости к бюджетному обследованию, произведенному за тот же 1924—25 год. К тому же нас интересует сейчас прежде всего *общая площадь землепользования,* а не та ее часть, какая занята посевом. Если площадь посева постепенно растет, то вся площадь землепользования осталась за протекшее после 1924—25 г. время без существенного изменения.

Сведения, получаемые в связи со сбором сельхозналога, представляют собой единственный в своем роде сплошной массовый материал. Они получаются путем конкретного выяснения положения *каждого отдельного двора.* Это своего рода ежегодная всеобщая перепись крестьянских хозяйств, имеющая крупное значение для ознакомления с их эволюцией, для изучения явлений расслоения и т. д. Эти массовые данные ждут еще своей научной разработки и нуждаются в ней, в сопоставлении между собой по годам, с довоенными земскими переписями и т. д. Необходимо, чтобы наше ЦСУ прекратило олимпийское невнимание к громадным массовым материалам «другого ведомства» (Наркомфина, а не ЦСУ) и снизошло к их разработке и к преподанию методологических указаний по подсчету богатейшего первичного материала. Пока же несомненную заслугу работника НКФ тов. Лифшица составляет то, что он не дает целиком пропадать этому материалу и вот уж несколько лет выпускает ежегодно увесистый том хотя бы полусырых цифр. Только благодаря этому возможны *сплошные* массовые сопоставления данных современного крестьянского землепользования *по группам хозяйств* со старой царской статистикой, а не только то выборочное бюджетное обследование ЦСУ, итоги которого приведены выше. Выводы, какие можно сделать из выборочного бюджетного обследования ЦСУ, приобретают особую силу и доказательность благодаря тому, что их можно опереть на подтверждающее основной итог сплошное массовое сопоставление.

[1]) Даже эта сохранившаяся часть кулаков потеряла в общем часть своего дореволюционного землепользования (в первую очередь «купчие» земли). Так, по тому же бюджетному обследованию размер среднего землепользования на один двор у высшей группы сократился в 1924/25 г. сравнительно с довоенным у тех же самых хозяйств в Лесостепной Украине на 27%, в Смоленской губ.—на 13% и т. д. (у низших групп, наоборот, увеличился). Но и после такого частичного сокращения он остается еще в несколько раз больше среднего нынешнего землепользования на двор в тех же районах не только маломощных, но даже середняцких крестьян.

Последние сплошные довоенные данные о крестьянском землепользовании относятся к 1905 г. и изданы министерством внутренних дел в 1906 г. только по 50 губерниям тогдашней «Европейской России». Часть этой территории не находится теперь в нашем ведении (Эстония, Латвия, Литва, Бессарабия, часть Волыни и захваченная Польшей часть Белоруссии). Потому сравнение можно провести только по тем «бывшим 43 губерниям Европейской России», какие входят теперь в СССР (Украина, Белоруссия и европейская часть РСФСР, кроме некоторых округов Северо-Кавказского края). На этой территории находится теперь около 15 миллионов крестьянских дворов или три четверти всего сельскохозяйственного населения СССР, так что материал весьма внушительный. Территория эта включает все районы, к каким относятся приведенные выше бюджетные обследования ЦСУ и сверх того еще Поволжье, Ленинградскую область, Крым и т. д. Все подсчеты по сопоставлению данных 1905 г. и данных 1924—25 г. произведены в НКФ под руководством профессора Огановского и опубликованы в издании НКФ «Сельское хозяйство СССР за 1924—25 г. по данным о сельхозналоге».

По каждому району, согласно этим подсчетам, делим крестьянство по размерам его землепользования в 1905 г. на четыре группы. Границы этих групп (в десятинах) по разным районам взяты разные, смотря по хозяйственным и почвенным особенностям района. Получается возможность сопоставить, что сделалось с каждой группой к 1924 году по сравнению с 1905 г.: 1) насколько уменьшилось или увеличилось число хозяйств данной группы; 2) насколько увеличилась или уменьшилась общая площадь надельного землепользования всех хозяйств каждой группы в совокупности.

Результаты получаются находящиеся в соответствии с тем, чего и следует ожидать после ознакомления с приведенными итогами бюджетного обследования ЦСУ.

Если взять для 1905 г. только узкую высшую группу крупных кулаков (по землепользованию), то по этим сводкам в среднем для всей сравниваемой территории таких хозяйств было около

5% [1]). А в 1924—25 г. оказывается налицо лишь 80% их прежнего числа и у них лишь 68% их прежней площади надельного землепользования. Иначе сказать, примерно, почти такой же результат и в отношении числа и в отношении земельной площади, какой мы видели выше по прямым опросам самих кулаков при бюджетном обследовании их хозяйств. Такого же направления оказываются колебания и по районам. Надо только заметить, что наличие теперь у этих кулаков 68% их прежнего *надельного* землепользования не означает, что в их распоряжении сохранилось 68% всей земли, какой они пользовались перед войной, до революции. Ведь, кроме надельной земли, у них была еще купчая и арендованная (у государства, помещиков и т. д.), и в сумме это составляло как раз площадь, почти равную их землепользованию на надельных землях. Потому сохранение 68% площади прежнего надельного землепользования означает, что оставшаяся часть кулаков сохранила лишь около 35% *всего* своего дореволюционного землепользования (надельного и ненадельного вместе).

Таким образом из довоенных кулаков, составлявших, по оценке тов. Ленина, «*вряд ли более*» 2 миллионов дворов, сохранилось после революции в качестве кулацких несколько менее 40% *тех же самых дворов*. Принимая во внимание *разницу в территории*, о которой писал Владимир Ильич в 1918 г. и какая входит теперь фактически в состав СССР (надо отсчитать Эстонию, Латвию, Литву, часть Белоруссии, часть Украины, Бессарабию и Карский округ), и степень распространенности в этих районах кулацкого хозяйства—это должно дать наличие около 650 тысяч кулацких дворов, уцелевших неразрушенными революцией в такой мере, чтоб сохранить свою кулацкую сущность. Между тем, как мы видели, на основании данных весеннего опроса 1 мая 1927 г. по совокупности указанных в первой главе признаков всего теперь оказывается до 800 тысяч кулацких дворов, и у них около 26 миллионов десятин или около трети всего кулацкого довоенного землепользования. Разница в 150 тысяч создалась за шестилетие нэпа. Следовательно, около четырех пятых кулаков у нас и не исчезавшие («недобитые»), а около одной пятой—«благоприобретенные».

Между прочим, если, следуя коэффициенту роста хозяйств со сроковыми рабочими, установленному ЦСУ, определить по тем же признакам количество кулацких хозяйств в 1924 г. (см. подробнее об этом мои брошюры «Сельскохозяйственный пролетариат» и «Социальная структура»), то окажется, что в 1924 г. было около 720 тысяч кулацких хозяйств. Иначе сказать, за первое трехлетие нэпа (1921—24 гг.) прибавилось около 70 тысяч над тем количеством их, какие сохранились неразрушенными от дореволюционного времени (около 650 тысяч дворов). То-есть увеличение составляет около 10% за три года. А за следующее трехлетие нэпа (1924—27 гг.) прирост числа кулацких хозяйств составляет опять около 10%.

[1]) Менее крупных дореволюционных кулаков мы не берем для сравнения как по свойству материалов, так и потому, что при некоторой урезке кулацкого землепользования легче мог остаться кулаком после урезки более крупный, а так как всего осталось около 40% прежнего количества, то к высшей их группе (около 5% дворов 1905 г.) это должно дать около 80%.

Таким образом, рост кулацких хозяйств за первое шестилетие нэпа, несомненно, имел место. Иначе и не могло быть при свободе частной торговли и т. д. и при отсутствии у государства достаточных средств для экономического преодоления эксплоататоров. Но этот рост ничего общего не имеет с тем фантастическим появлением за время нэпа сразу, как из пены морской, 800 тысяч кулацких хозяйств с 15% всего посева (или даже с 35%, как хотела бы сказать оппозиция в своих тезисах), в чем фактически оппозиционеры «попрекают» партию.

4. Некоторые выводы.

Основной вывод таков. Революция под корень подрезала помещика. Но из внутридеревенских кулаков удержалось почти 40% семей, и удержавшиеся семьи сохранили 35% всего своего дореволюционного землепользования. В центральной РСФСР кулак был подрезан довольно прилично с самого начала. В других районах он сохранился гораздо лучше. За последние годы, при более близком ознакомлении с окраинной действительностью, нам приходилось организовывать дополнительное из'ятие кулацких излишков в Узбекистане, в Грузии, в Белоруссии. Эта работа может служить иллюстрацией приведенного вывода.

Таким образом, нынешний кулак—это в основном старый знакомый деревни. Он сохранил крупную часть своих земель и средств производства и притаился на годы гражданской войны. Замер и ждал, что будет, не прекращая, впрочем, кулацкого хозяйства. Если теперь кулацкий посев составляет около 15% всего посева страны, то вряд ли особенно меньшую долю составлял он и в 1924 г. и в 1921 г. Если тогда было меньше кулацких хозяйств и меньше у них посева, то ведь значительно меньше теперешней была тогда и площадь, засевавшаяся остальным крестьянством. Что наемный труд применялся и тогда довольно широко (в некоторых районах часто в замаскированной форме, на окраинах—более открыто), это теперь установлено с несомненностью. По ряду районов мы имеем даже монографические описания ряда овцеводных (Сев. Кавказ), плантаторских (Крым, Узбекистан) и зерновых (Казакстан) весьма крупных кулацких хозяйств, сравнительно «благополучно» существовавших все время. Этими описаниями можно было бы заполнить целую книгу.

Кулак потихоньку хозяйствовал и ждал. Ждать было легко, потому, что в то время всюду много было незасеянной, необработанной земли у рядовых крестьян, не успевших еще восстановить свое хозяйство. Потому они и не напирали в то время особенно в смысле отнятия излишков у кулака рядом или в отдаленных кулацких районах (путем переселения туда—на Северный Кавказ, в Крым, в Заволжье, на Урал в Сибирь, в Казакстан, на юг Украины).

Когда началась свободная торговля, высунула нос наружу и сохранившаяся от дореволюционного времени часть кулаков. Замаскированные формы кулацкого хозяйства они постепенно заменили явными. Они вылезли, стали открыто торговать, скупать, поставлять, кредитовать нанимать, арендовать и т. д.—все, что им по их кулацкому естеству полагается. Нэп создал в деревне, конечно, и некоторых новых «кулацких выдвиженцев», иначе не могло быть. Но в основном современное деревенское кулачество не является вновь возникшим порождением советского

периода нашей истории. В основном оно является наследием, полученным от дореволюционной деревни и не добитым в свое время деревней до конца.

Оппозиция старается представить дело так, что вот революция уничтожила в свое время всех кулаков под гребенку, а теперь за одни последние годы плохая и неумелая политика советской власти опять народила их в деревне. Эти утверждения относятся к области недобросовестных сказок о чудесах, в которые не может верить никто, кто только познакомится с фактами.

Выяснение корней кулака поможет нам быстрее преодолеть его. Яснее, в какую сторону направить внимание. Не чудо, не наша политика, а оставленная ему деревней земля, сохранившиеся у него средства—вот что дало возможность кулаку проявлять себя теперь в сельском хозяйстве. *Ограничение дальнейшего роста кулачества, ограничение самой кулацкой эксплоатации, постепенное изживание этой старой дореволюционной язвы деревни*, сохранившейся, как сохранился в ней от царского времени сифилис, пьянство, и т. д. —вот та задача, которую в силах уже поставить себе партия, опирающаяся на хозяйственный рост страны и твердую выдержку трудящихся. Оппозиция так же мало сможет нажить капитал на вопросе о кулаке, как и кулак—на расчетах о последствиях оппозиционных дебошей.

Окончание восстановления рядовым крестьянством полной довоенной посевной площади на землях крестьянского землепользования ставит иначе, обостряет внимание и отношение маломощного и середняка к факту наличия у кулака земельных излишков—вот второй вывод. Создается в деревне благоприятная обстановка для того наступления на кулака с целью его экономического изживания и политического изолирования, о котором говорит резолюция ЦК, предложенная XV партс'езду. Совершенно смешны поэтому разговоры оппозиции, будто все дело в том, что партия была равнодушна к вопросу о кулаке и выдвинула теперь лозунг об усилении наступления на кулака только из демагогии, только чтобы перещеголять оппозицию. Все дело не в оппозиции, а *в изменении двух кардинальной важности об'ективных предпосылок*: 1) упоминавшееся уже окончание к 1926—27 г. восстановления рядовым крестьянством своей старой посевной площади, что на новые, более активные рельсы перевело отношение деревни к кулаку; 2) факт накопления государством средств, позволяющих ему более широко приняться за преодоление непосредственных источников кулацкой эксплоатации. Увеличение фондов бедноты и доли колхозов в общем кредитовании сельского хозяйства; усиление в связи с этим производственного уклона в работе сельскохозяйственной кооперации и поддержка его созданием государственных и кооперативных прокатных пунктов; развитие государственных совхозов, лесов и крестьянских комитетов взаимопомощи, могущих поглощать все большую долю труда батраков; классовое уточнение политики машиноснабжения и налогов; усиление охраны наемного труда в сельском хозяйстве и ограничение и этим путем кулацкой эксплоатации; дальнейшее расширение государственно-кооперативной организации заготовок, торговли и кустарного дела, как меры, подрезывающей дополнительные источники питания кулацкого хозяйства,—все эти и другие меры, намеченные ЦК в резолюции, предложенной XV с'езду, заострены в сторону не только ограничения *интенсивности* кулацкой эксплоатации, но и в сторону *все большего вовлечения бедноты и батраков в русло государственного и общественного хозяйства*. А это, вместе с организацией середняка через кооперацию и государственный кредит, означает не что иное, как постепенное *экономическое подрезывание источников питания кулацкого хозяйства*. И одной из основных подготовительных мер в этом смысле является намеченное ускорение *внутриселенного землеустройства*, получившее уже денежное выражение в юбилейном Октябрьском манифесте.

Внутриселенное землеустройство в условиях пролетарской диктатуры и при нашем конкретном положении вещей в деревне является важнейшей подготовительной мерой по преодолению кулачества—таков третий основной вывод из изложенной мной характеристики происхождения современного кулачества. *Ибо наши кулаки не столько продукт нэпа, сколько результат недоделанности нашей земельной революции*. «Внутриселенное землеустройство»—это звучит скромно. А на практике, в условиях пролетарской диктатуры, это означает не больше и не меньше, как подготовку «доделыванья» аграрной революции «набело».

Анализ источников дохода современного кулачества в целом показывает, что основной базой дохода совокупности современных деревенских кулаков является именно собственное сельское хозяйство, примерно, на 70%. Торговля, переработочные предприятия, кабальная обработка своим скотом и инвентарем земли для маломощных, ростовщичество и т. д.—все это вместе дает кулачеству в общем лишь около 30% дохода. Основная база кулацкого хозяйства—применение своих средств производства и наемного труда на находящейся в его распоряжении земельной площади. А из этой площади в 26 миллионов десятин, как мы уже приводили, около 18 миллионов десятин представляют собой «кулацкие излишки» над средней нормой земельного обеспечения всего остального крестьянства. Под эту земельную опору кулацкого хозяйства и подбирается «внутриселенное землеустройство» (как и намечаемое той же с'ездовской резолюцией сокращение нетрудовой аренды в пользу трудовой).

Конечно, не следует терять перспективы. Было бы ошибкой, если бы местные товарищи так поняли внутриселенное землеустройство, что лучше пусть отрезанные у кулаков излишки совсем пустуют, чем чтобы на них продолжалось кулацкое предпринимательское хозяйство. Внутриселенное землеустройство выявляет и отрезывает все кулацкие излишки. Но они могут быть не сданы обратно в аренду тому же кулаку лишь постольку, поскольку можно организовать их обработку иным путем. А в дальнейшем, по мере роста этой возможности, должно происходить все больше прекращение сдачи этих выявленных излишков в аренду кулакам и тем самым—сведение кулацкого хозяйства к трудовым размерам (в области организации собственного земледелия—параллельно идет наступление государства и кооперации в области торговли и кредита, в том числе натурального, например, орудиями с прокатных пунктов).

Возможности некулацкой обработки отрезываемых при внутриселенном землеустройстве кулацких излишков будут все возрастать, ибо государство крепнет и сможет постепенно все усиливать хозяйственную помощь такому переходу. В перспективе

вполне можно представить постепенную передачу всех отрезанных землеустройством кулацких излишков хотя бы крестьянским комитетам взаимопомощи. Получив эту землю, комитеты (которым, кстати, уже передано несколько тысяч тракторов) организуют их общественную обработку (получая и соответственную часть скота и инвентаря частичное из'ятие которых у кулаков произведено, например, в 1926—27 г. при земельной реформе в *Узбекистан*). Таким путем постепенно получался бы заметный сдвиг в нашу пользу. Большая часть товарной продукции кулацкого хозяйства превратилась бы тогда в продукцию крестьянских комитетов взаимопомощи, а занятые сейчас кулаками батраки—в работников общественного хозяйства. Заготовительная деятельность государства и его регулирующее влияние на сельское хозяйство, несомненно, от этого существенно выиграли бы. Но все это мыслимо к осуществлению лишь на протяжении ряда лет, и внутриселенное землеустройство является тут той подготовительной мерой, какая позволяет нам начать маневрировать хозяйственным использованием этих излишков в соответствии с возможностями пролетарского государства. Сейчас все эти излишки, в результате недоделанности аграрной революции в нашей стране (особенно в некоторых ее районах), находятся в свободном распоряжении кулака. *Он* ими маневрирует. Внутриселенное землеустройство исправит эту недоделанность. *Мы* начнем ими маневрировать, оставляя кулаку все меньшую их часть по мере того, как иным путем будем организовывать их обработку и переводить таким путем в русло общественной работы занятых на них сейчас кулацких батраков. Оппозиция говорит заведомую неправду, когда делает вид, будто позиция партии не дает достаточной перспективы в деле экономического наступления на кулачество, в деле не только ограничения интенсивности кулацкой эксплоатации, но и самого сжития ее со света.

Что же касается мер по ограничению капиталистической эксплоатации в сельском хозяйстве, поскольку она пока еще существует и будет существовать, то и в этом отношении тезисы ЦК о деревне, предложенные XV с'езду, дают вполне определенную и ясную практическую установку. Надо только не отмахиваться от них, словно чорт от несущего ему смерть ладана, как делали оппозиционеры, а внимательно продумать, как, без сомнения, будут делать наши местные парторганы. Вместе с тт. Анцеловичем, Верминичевым, Дубровским и др. я попробовал разобрать, какие практические меры по ограничению капиталистической эксплоатации в сельском хозяйстве могут предлагаться местными парторганами местным советам согласно практическим указаниям с'ездовской резолюции. Получается такая сеть серьезных конкретных мероприятий, что говорить о практической бессодержательности резолюции по меньшей мере, недобросовестно.

Возьмите, например, пункт об обеспечении строжайшего соблюдения Кодекса законов о труде в кулацком хозяйстве. Ясно, что он требует от местных советов мер по всем четырем основам Кодекса (зарплата, рабочее время, охрана труда, круг применения). Кодекс допускает регулирование заработной платы органами государства (Наркомтруд, а на местах, следовательно, отделы труда). Батраки у кулаков особенно нуждаются в установлении какого-либо размера, ниже которого не должна быть их

зарплата по сезонам и видам работ. Установление губернскими, окружными или уездными советами такого обязательного предела, ниже которого плата не должна опускаться, может сыграть тут очень важную положительную роль. Конечно, при установлении такого местного предела надо исходить из уже фактически достигнутого среднего размера, чтобы не намудрить неосторожно неожиданных результатов. Но и одно об'явление уже достигнутого *среднего* размера тем *пределом*, ниже которого не должна быть плата батраку в данный сезон по данному виду найма,—означает улучшение положения всех тех, кто до сих пор получал меньше этой средней величины, и дает профсоюзу опору для дальнейшего движения вперед в соответствии с общей кон'юнктурой и особенностями отдельных хозяйств.

То же относится к рабочему дню. «Строжайшее соблюдение Кодекса» означает обеспечение местными советами, чтобы в кулацких хозяйствах батраки работали весной, летом и осенью 8 часов вместо 12, которые работают теперь. Это должно повести к увеличению затраты кулацкого хозяйства на оплату наемного труда, потому что увеличит наем кулаками в полтора раза (что, кстати, дает дополнительное занятие «избыточным рукам» из так называемого «аграрного перенаселения»). Расход на оплату наемного труда в кулацком хозяйстве так невелик, а выгодность его сравнительно такова, что из-за этого ни один кулак не сократит об'ема своего хозяйства.

«Строжайшее соблюдение Кодекса», далее, требует значительного увеличения губернскими советами многобатрацких районов *количества инспекторов* сельскохозяйственного труда. Оно требует строгого ограничения применения и «Временных правил» о подсобном труде только действительными середняками и бедняцкими хозяйствами, чтобы за них не прятался кулак. Для этого губернские и окружные советы вместо общих туманных формул должны дать своим органам точные признаки, когда считать хозяйство подходящим под действие Кодекса. Мы, например, наметили достаточным наличие одного из следующих четырех признаков: 1) наем двух или более сроковых рабочих; 2) торговая деятельность, хотя бы без торговых рабочих; 3) промышленное предприятие, хотя бы подсобное; 4) промышленно-кулацкий характер хозяйства, независимо от числа рабочих. Местные советы должны конкретизировать даваемые ими признаки, имея в виду закрытие всех щелей, через которые кулак может пролезать в отношении рабочего законодательства под середняцкие «Временные правила» вместо относящегося к нему «Кодекса».

Точно так же, если взять пункты резолюции *об аренде*, то и здесь необходимо для губернских и окружных советов принять ряд мер, чтобы быть в силах выполнить директивы резолюции. Чтобы контролировать аренду и воздействовать на нее в указываемом резолюцией направлении, местным советам придется: 1) установить обязательность *письменного* договора об аренде земли; 2) ввести непременную регистрацию его в сельсовете; 3) организовать преследование по суду за кабальные договоры; 4) указать сельсоветам регистрировать лишь те договоры, где сельхозналог за землю платит арендатор, иначе считать кабальным; 5) поставить через комитеты взаимопомощи и прочие местные органы наблюдение за охраной интересов бедноты при

сдаче ею земли; 6) в виду нередкой связи аренды с кабальными отношениями по найму у кулаков рабочего скота и инвентаря поставить на практике применение судебного преследования кулаков за закабаление своих соседей под видом сдельной обработки их земель или сдачи им скота и инвентаря,—и таким путем «нормировать кулацкие аппетиты» и в этом отношении и т. д.

Мы не имеем возможности подробно разбирать здесь всю резолюцию о деревне с точки зрения тех практических мер, какие понадобятся для полного проведения ее в жизнь. Достаточно сказать, что она дает как достаточную установку для ограничения интенсивности капиталистической эксплоатации в сельском хозяйстве, так и перспективу постепенного полного ее изжития. Партия идет своим путем, пренебрегая измышлениями оппозиции, и данный нами анализ происхождения современных кулаков показывает, насколько эти измышления неосновательны даже в том пункте, какой оппозиция считала для себя особенно выигрышным.

Е. Варга.

Репарационная проблема и новый конфликт.

За последний год проблема репараций почти была забыта заграничной публикой. Германия производила платежи, уплатила даже на 300 млн. больше, чем предусматривалось по плану Дауэса [1]). Трансферт [2]) осуществлялся без трудностей. Германский капитализм переживал—один во всей Европе—стадию высокой кон'юнктуры. Германия принята была на положении «равноправной великой державы» в Совет Лиги Наций. В Германии заговорили о колониальных мандатах, устраивали конференции по колониальному вопросу.

И вот в разгар этих мечтаний о великодержавной роли Германии и о ново-германском империализме меморандум агента по репарациям произвел впечатление разорвавшейся бомбы. Этот меморандум грубо напомнил германской публике, что Германия не является независимым государством, что над правительством германской буржуазии имеется высшая инстанция, агент по репарациям, делопроизводитель победоносной буржуазии держав Согласия. Германская биржа реагировала на меморандум падением курса ценных бумаг на 20%. Репарационная проблема снова во всей своей остроте стоит на очереди дня...

Действительно, только в нынешнем периоде упадочного капитализма могла возникнуть столь противоречивая ситуация, как та, в которой находится ныне германский капитализм. По развитию своих производительных сил, по концентрации капитала в монополистских организациях, по об'единению финансового капитала Германия занимает первое место в Европе. Внутри страны, в рамках народного хозяйства (innerwirtschaftlich) германский капитализм снова стал вполне империалистическим. Экономический базис и экономическая необходимость империалистической политики экспансии были даны полностью. Но, с другой стороны, германский капитализм лишен почти всех средств для активной империалистической роли за пределами страны. Он не имеет возможности вывоза капитала. Напротив: Германия все еще постоянно ввозит капитал. В октябре 1927 г. ввезена была громадная сумма в 570 млн. марок только в одних долгосрочных займах. Далее: германский капитализм лишен моно-

---

[1]) По плану Дауэса (или по Лондонскому соглашению) репарационные платежи в течение двух лет увеличиваются ежегодно на половину той суммы, на которую поступления по германским косвенным налогам превысят предусмотренную цифру (но не выше 250 млн. марок в год). Это так называемый «малый индекс благосостояния»; «большой индекс» вступает в силу с 1930 года, при чем возможно повышение репарационных платежей свыше 2500 миллионов в год.

[2]) Перевод денежных сумм.

полистского господства над колониями и полуколониями, в качестве рынков сырья и рынков сбыта. Германия не имеет достаточных военных сил, чтобы возможна была хотя бы попытка борьбы за господство с другими государствами [1]). А самое главное: германский капитализм находится под контролем своих конкурентов. Командные высоты германского народного хозяйства: государственный банк, железные дороги, государственные финансы заняты уполномоченными Антанты, сидящими в центральных управлениях вместе с немцами. Германский капитализм должен платить ежегодно 2,5 миллиарда марок репараций. Главнейшие государственные доходы заложены Антанте. Хотя в своем народном хозяйстве (innerwirtschaftlich) Германия является империалистической страной, в другом отношении она—полуколониальная страна. Это основное противоречие ярко сказалось теперь благодаря нападению агента по репарациям.

В чем обвиняет он германское правительство?

Он упрекает последнее в том, что оно стремится воспрепятствовать трансферту и таким образом нарушает принятое на себя по Лондонскому соглашению обязательство способствовать трансферту.

«Ответственность германского правительства,—говорится в меморандуме,—*не кончается на платежах внутри страны*. План экспертов... наложил на германское правительство вполне определенную ответственность, а именно предписывает:

> «Германское правительство и рейхсбанк должны обязаться всеми подобающими способами содействовать работе комитета по переводу денег, поскольку это в их силах, включая сюда также мероприятия для контроля за вексельным курсом» (цитата из Лондонского соглашения)».

«На германском правительстве должна остаться ответственность за действия, сводящиеся к *искусственному ограничению возможностей трансферта путем чрезвычайного увеличения ввоза и ограничения вывоза*» [2]).

Впрочем, это еще не создает острого кризиса для репарационного соглашения. Получение репараций в германских марках вполне обеспечено благодаря закладу государственных доходов по пошлинам и косвенным налогам. На тот случай, если трансферт нельзя осуществить полностью, репарационное соглашение предусматривает помещение этих сумм в самой Германии на сумму до 5 миллиардов. Итак, выпад агента по репарациям не означает, что работа машины репараций уже поставлена под вопрос. Но он показывает, что *план Дауэса и Лондонское соглашение не разрешают противоречий репарационной проблемы и*

[1]) Военные силы Германии, правда, не так малы, как можно думать, судя только по цифрам. Рейхсвер является кадром офицеров и унтер-офицеров, который в случае надобности может в кратчайший срок принять в себя прошедшие военную учебу контингенты патриотических организаций. Налицо имеется основа новейшей военной техники: крайне развитая металлообрабатывающая и химическая промышленность, авиационные заводы и т. д. Но недостает следующего: тяжелой артиллерии крупнейших калибров, танков и линейных кораблей—этого нельзя создать в *короткий* срок. В начале войны германская армия была бы *очень* слабой, но если не удастся немедленно разгромить ее и если война *затянется*, то эта армия скоро станет довольно сильной.

[2]) Цит. по «Berliner Börsencourier» от 6/XI 1927 г.

являются только временным преодолением их (zeitweilige Ueberbrückung).

В нижеследующем мы делаем попытку проследить, хотя бы бегло и неполно, историческое развитие этих противоречий.

1. Положение германского капитализма в довоенное время обнаруживает некоторое сходство с его нынешним положением. Внутри страны наблюдался вполне развитой империалистический капитализм, но у него не было соответственных монополистских рынков сбыта, обширных колониальных территорий. Внешняя политика Германии в начале текущего столетия судорожно ищет колоний. Английская буржуазия, обладавшая самыми ценными территориями мира и стратегическими пунктами на морских путях, не мешала германской буржуазии, пока последняя довольствовалась ролью второстепенной колониальной державы на подобие Голландии, Португалии и Испании. Германской буржуазии доставались остатки от английского мирового господства: Юго-Западная Африка, Камерун, Вост. Африка и т. д. Ей позволено было участвовать в подавлении китайской революции и обосноваться в Киао-Чау.

Но эта любезная терпимость превратилась в активную вражду, количество перешло в качество, как только германская буржуазия попыталась вести самостоятельную империалистическую политику. Германская буржуазия имела следующий обширный план: постройка железной дороги Константинополь—Багдад должна была создать азиатскую колониальную империю, доступную из Германии сухопутным путем через «союзные» страны; эта империя должна была вклиниться между империализмом царской России, наступающим с севера на юг, и английским империализмом, опирающимся на Индию и Египет и наступающим с запада на восток. Этого не мог допустить английский империализм тем более, что одновременно конкуренция германской промышленности все больше угрожала на мировом рынке английской промышленности, и, кроме того, усиленное строительство германского флота должно было со временем стать опасным для английского морского господства.

Английский и царский империализм временно оставили в стороне свои противоречия и об'единились для уничтожения нового противника, угрожавшего как английскому, так и русскому владычеству в Азии. Сыграла роль также противоположность интересов Франции и Германии на европейском континенте; а во время мировой войны удалось получить помощь новейшей империалистской великой державы—Северо-Американских Соединенных Штатов. Борьба кончилась полной победой английского империализма. Германия была исключена из ряда активных империалистских держав, Австро-Венгрия подверглась расчленению. Русская революция покончила с империализмом царской России—это было для Англии добавочным плюсом.

2. *Единый империалистский фронт против Германии продолжал существовать еще некоторое время после окончания мировой войны.* Победители сообща диктовали Германии условия мира, сообща наложили на нее невозможно высокие репарационные обязательства. Лозунг «Германия, уплатит все» был необходим для буржуазии Антанты, чтобы успокоить обнищавшие во время войны, эксплоатируемые и восстающие против этого широкие народные массы.

3. ***Единый фронт буржуазии Антанты против Германии вскоре распался***, в особенности после того, как выяснилась невозможность получить от Германии сотни миллиардов марок золотом [1]). В результате образовались следующие две главные группы противоречий:

а) ***Противоречие между всеми странами Антанты, а также Германией, как странами-должниками, с одной стороны, и Соед. Штатами, как страной-кредитором—с другой.*** Получилась следующая своеобразная ситуация: если Германия полностью или хотя бы частично окажется не в состоянии уплатить наложенные на нее громадные платежи, то страны-победительницы должны из собственной продукции платить Соед. Штатам постоянную дань в счет своей военной задолженности. Страны-победительницы пытались связать вопрос о сокращении германских репараций с сокращением своих долгов Америке. Ярче всего это выразилось в известной ноте Бальфура от 1 августа 1922 г.; Англия из'являла в этой ноте готовность не требовать от союзников и от Германии, вместе взятых, больше той суммы, которую ей самой придется платить Соед. Штатам. Этот шаг переносил на Соед. Штаты ответственность за дальнейшую судьбу репарационного вопроса и вопроса о межсоюзнических долгах. Но буржуазия Соед. Штатов настаивала на своих требованиях. Вскоре шаткий единый фронт европейской буржуазии развалился, и Англия первая консолидировала свой военный долг Америке, так как нуждалась в поддержке Соед. Штатов при новоустройстве европейского континента. Финансовое давление Соед. Штатов на Англию последняя в свою очередь перенесла на Францию, а та—на Германию.

б) *Борьба за политическую гегемонию между Англией и Францией.* После поражения Германии Франция стала сильнейшей военной державой в Европе; этому способствовало заключение Францией союзов с соседями Германии: Польшей, Чехо-Словакией, Бельгией. Благодаря новейшему развитию военной техники—подводные лодки, дальнобойная артиллерия, массовое применение аэропланов—флот Англии оказывается уже недостаточным для ее защиты. В военном отношении Англия перестала быть островом. Поэтому английская буржуазия должна была всеми силами препятствовать планам Франции относительно Германии. В основе этих планов лежали интересы французской тяжелой промышленности; эта политика Франции нашла свое конкретное выражение в насильственной оккупации Рурской области, оккупации, произошедшей против воли Англии. В главном эта политика сводилась к следующему: германский уголь должен соединиться с французской рудой, Рейнская и Рурская области должны быть отделены от Германии и составить формально независимое, но на самом деле находящееся под французским влиянием буферное государство, остальная Германия должна быть расчленена—Бавария и вообще вся Южная Германия должны быть выделены из нее и об'единены с немецкой Австрией. Если бы эти планы осуществились, то Франция стала бы прямо или косвенно господином над тяжелой промышленностью всего европейского континента и вместе с тем стала бы несомненным военным гегемоном Европы. Чтобы воспрепятствовать этому, английская буржуазия тайно поощряла германскую в ее сопротивлении оккупации Рура. Эта оккупация формально кончилась победой Франции. Германская буржуазия вынуждена была прекратить свое пассивное сопротивление. Но совместное давление буржуазии Англии и Соед. Штатов помешало французской буржуазии провести ее экономические и политические планы.

[1]) Как известно, в начале 1920 г. долг Германии был установлен в размере 226 миллиардов марок золотом; в мае 1921 г. он был сокращен в Лондоне до 132 миллиардов, при чем, однако, проценты должны платиться пока только по 50 миллиардам.

4. Оккупация Рура и связанное с этим полное обесценение германской валюты создали *новый, временно единый фронт мировой буржуазии, в том числе и германской, для предупреждения пролетарской революции, которая осенью 1923 г. непосредственно надвигалась в Германии.* План Дауэса родился в результате стараний представителей буржуазии империалистских государств преодолеть противоречия своих интересов, а именно на следующей платформе: Германия должна платить возможно высокие репарации, но вместе с тем не должно быть допущено повторение революционной ситуации, кроме того—не должно быть допущено, чтобы германская промышленность оказывала уничтожающую конкуренцию промышленности стран Антанты [1]).

План Дауэса был попыткой примирить противоречия интересов отдельных империалистских держав в репарационной проблеме. Главные противоречия заключались в следующем:

В финансовом отношении *французская буржуазия*, как целое, очень сильно заинтересована в поступлении репарационных платежей. Полная уплата репараций составила бы весьма значительную часть французского бюджета, около 20%. Но Германия может длительно платить репарации только при преуспевании своей экономики, своей окрепнувшей промышленности. А преуспевающая германская промышленность делает Германию крайне опасным соседом для французской буржуазии с точки зрения политической гегемонии. Ибо можно легко высчитать, в какое время население Германии вдвое превысит население Франции. При современном развитии военной техники степень развития промышленности вообще и химической и металлообрабатывающей промышленности в частности становится показателем обороноспособности данного государства. Это противоречие нисколько не разрешается планом Дауэса. Французская буржуазия пытается предупредить опасность путем строгого разоружения Германии.

Позиция *английской буржуазии по отношению к Германии тоже полна непреодолимых противоречий.* В финансовом отношении английская буржуазия не особенно заинтересована в поступлении репарационных платежей. Доля этих платежей, при-

[1]) Инфляция непосредственно освободила германский промышленный капитал от всех его долгосрочных обязательств. Кроме того, государство тоже избавилось от всех своих военных и довоенных долгов. Это значит, что из всей суммы прибавочной стоимости гораздо меньшая часть приходится отныне на ссудный капитал, а большая часть остается непосредственно за промышленным капиталом. Так как вульгарная политическая экономия считает проценты и налоги самостоятельными составными частями издержек производства, план Дауэса неоднократно требует, чтобы «налоговое обложение германского народного хозяйства ни в коем случае не было ниже, нежели в других странах». Поэтому на германский рейхсбанк наложены были 11 миллиардов марок, на германскую промышленность—5 миллиардов; это должно было компенсировать преимущество, заключающееся в отпадении бремени долгов вследствие инфляции.

ходящаяся в пользу Англии, составляет не более 3 процентов английского бюджета. Зато английская буржуазия опасается конкуренции вновь окрепшего германского капитализма на мировом рынке. Как только прекратится нынешняя высокая кон'юнктура в Германии, покоящаяся в настоящее время на внутреннем рынке, германская промышленность станет вытеснять английскую на рынках всего мира. Таким образом пропадает одна из целей мировой войны для Англии, вытеснение Германии как промышленного конкурента. Но, с другой стороны, в политическом отношении английской буржуазии и безусловно необходима Германия, как противовес военному превосходству Франции и ее союзников на европейском континенте.

Менее противоречиво отношение американской буржуазии к Германии. Эта буржуазия заинтересована в особенности в сохранении Германии с ее стабилизированным капитализмом. Германия является одним из важнейших рынков сбыта для Соединенных Штатов, при чем именно для тех продуктов, экспорт которых особенно важен для Штатов (хлопок, пшеница; кроме того, некоторые виды промышленного сырья, как-то медь). Кроме того, Германия является одним из важнейших рынков для вывоза капиталов Соед. Штатов, а со вступлением Соед. Штатов в первые ряды империалистских держав этот экспорт становится для них жизненной необходимостью. Американской буржуазии гораздо меньше, нежели английской и французской, приходится бояться конкуренции германской промышленности. Американская буржуазия опирается на громадный внутренний рынок и на свое финансовое превосходство, позволяющее ей вывозить товары под видом вывоза капиталов. Наконец, необходимо подчеркнуть еще следующее: американская промышленная буржуазия стремится установить у себя в стране длительный союз с рабочей аристократией, поэтому она нуждается в Германии с ее высококвалифицированным и низкооплачиваемым рабочим классом, для того чтобы насаждать там (свое) производство на мировой рынок. Соединенные Штаты—единственная страна, которой нечего бояться под'ема германской промышленности, единственная страна, буржуазия которой может использовать германский рабочий класс в своих интересах.

План Дауэса считался со всеми этими противоречивыми интересами главных империалистских держав. Он временно справился с ними (überbrückt sie), так как на первом плане стоял общий интерес капиталистических держав: не дать повториться революционной ситуации.

Каким образом германская буржуазия может бороться против репарационных обязательств?

В течение трех лет план Дауэса функционировал без заминки. В настоящее время агент по репарациям выступил с официальным обвинением германского правительства в том, что его финансовая политика направлена к воспрепятствованию трансферту. Обвинения его сводятся в главном к следующему:

Германское правительство без надобности повышает государственные расходы. В особенности расходы отдельных германских государств, а также коммун ускользают от контроля общегерманского правительства. Проектируемое повышение окладов государственных чиновников повлечет за собой всеобщее повышение окладов и зарплаты. При ухудшении кон'юнктуры грозит наступить крупный дефицит в государственном хозяйстве. Небольшой дефицит агент по репарациям вычислил уже для текущего бюджетного года. Он порицает также крупные займы, внутренние и внешние, заключаемые государствами и коммунами для непроизводительных целей. Он опасается, что это слишком щедрое расходование общественных средств повлечет за собой всеобщее повышение цен и таким образом станет поперек дороги политике рейхсбанка, направленной к стабилизации валюты, а кроме того, уменьшит германский экспорт. Короче говоря: агент по репарациям обвиняет германское правительство в том, что оно отходит от принципов плана Дуаэса и таким образом косвенно ставит под вопрос репарационные обязательства Германии.

В своем ответе германское правительство уверяет, что оно желает честно исполнять взятые на себя обязательства. Оно пытается доказать, что новые законы, на которые указывает агент по репарациям, не означают новых повышений налогов и т. д. При чтении этого ответа видно, как далеко «ново-германскому империализму» до действительного империализма в смысле политического господства.

В самом деле, какие возможности имеются у германской буржуазии успешно бороться против платежа репараций? Теоретически имеются четыре возможности:

а) *Отказ в платежах.* Согласно Лондонскому пакту и Версальскому мирному договору, это немедленно повлекло бы за собой применение санкций: занятие частей Германии, морскую блокаду и т. д. Подобный шаг возможен только в том случае, если противоречия между империалистскими державами дойдут до открытого об'явления войны или по крайней мере до прямой угрозы войны. Отказ в уплате репараций был бы в таком случае равносилен вступлению Германии в войну на стороне одной из группировок империалистских держав. Этот случай пока не стоит на очереди.

б) *Суммы, необходимые для уплаты репараций, не могут быть собраны в германских марках.* Этот случай невозможен! Государственные доходы, заложенные в обеспечение репараций (пошлины, косвенные налоги, железнодорожный налог и пр.), дают столь высокие цифры, что борьба по этой линии совершенно невозможна. Она невозможна также по экономической линии. Ибо для германского народного хозяйства репарации, при всей их тяжести, не являются невыносимым бременем. Они составляют 5 процентов национального дохода, оцениваемого приблизительно в 50 миллиардов марок [1]), и 20 процентов ежегодного довоенного прироста народного богатства (при пересчете на нынешние цены). Так как при нынешнем соотношении сил различных классов бремя репараций перелагается на пролетариат, оно пока не подвергает опасности сам капитализм в Германии.

в) *Воспрепятствование трансферту.* В этом агент по репарациям обвиняет нынешнее германское правительство. На этой воз-

[1]) *«Национальный доход»* буржуазной политической экономии значительно выше стоимости ежегодной продукции; поэтому фактическое бремя репараций выше.

можности, мы должны остановиться подробнее, ибо это—больное место всего плана Дауэса.

Скажем заранее: *до сих пор действительный трансферт не состоялся.* Применялось только то, что я назвал «фиктивным трансфертом». Трансферт осуществлялся только формально, а именно: Германия получала из-за границы в виде займов, краткосрочных кредитов, продажи акций и недвижимостей—больше, чем должна была платить по репарациям, и за счет этих иностранных капиталов осуществлялся трансферт. *Из собственной продукции германского народного хозяйства не было до сих пор уплачено по репарациям ни одного пфеннига.* Проблема трансферта была отсрочена путем привлечения иностранного капитала. Поступления новых иностранных капиталов со времени стабилизации германской валюты оцениваются весьма разноречиво; но даже в самой низкой оценке они превышают общую цифру внесенных Германией репарационных платежей. Разумеется, это означает, что в дальнейшем придется трансферировать (переводить за границу), кроме самих репараций, также проценты за иностранный капитал. Это равносильно тому, что проценты по долгу уплачивают с помощью новых долгов. Такой способ разгружает настоящее, но тем сильнее обременяет будущее. Если до сих пор трансферт удавался, то это еще нисколько не доказывает, что это удастся также в будущем, когда платежи составят гораздо более высокие суммы.

Как германская буржуазия может бороться с трансфертом? Для этого имеется прямой способ и косвенный. Прямой способ заключается в том, чтобы выручку за экспортируемые товары помещать за границей с целью лишить агента по репарациям возможности закупать в Германии иностранные девизы за счет германских марок, полученных германским правительством, закупать их, не снижая курса марки ниже «золотой точки», другими словами—не ставя под вопрос стабилизацию германской валюты. По смыслу всего плана Дауэса, агент по репарациям никоим образом не должен подвергать германскую валюту этой опасности.

Здесь необходимо принять во внимание следующее: борьба против трансферта отвечает интересам *германской буржуазии, как класса,* но указанный способ потребовал бы *очень тяжелых материальных жертв от отдельных капиталистов.* Процент на ссудный капитал составляет в настоящее время в Германии 8% и выше для первоклассных должников. В Германии царит постоянный недостаток оборотного капитала; это—результат войны, репараций и переоборудования производственного аппарата в связи с рационализацией. Поэтому ни одна капиталистическая фирма не станет оставлять свой капитал за границей в интересах воспрепятствования трансферту: за границей она получит меньший процент на свой капитал, тогда как в Германии она может поместить его гораздо выгоднее. На практике этот способ вряд ли осуществим, разве что правительство будет финансировать всю эту кампанию, как оно в свое время поступало при оккупации Рура.

г) *Косвенный саботаж трансферта посредством финансовой политики правительства.* В экономическом отношении обвинения агента по репарациям сводятся к следующему: германское правительство поднимает уровень цен на внутреннем рынке, это

мешает вывозу товаров, делает торговый баланс пассивным, уменьшает поступления иностранных девиз, затрудняет трансферт. Правительство прибегает при этом к следующим средствам: слишком щедрое расходование государственных средств, употребление иностранных займов на непроизводительные цели, увеличение оборотных средств, в общем увеличение внутреннего непроизводительного потребления. Благодаря этому, товарные цены идут в гору, и торговый баланс становится пассивным. *Смысл всего меморандума Гильбера Паркера сводится к следующему: германскому народу живется слишком хорошо, для кредиторов по репарациям остается недостаточно!*

В своем ответе германское правительство энергично отвергает эти обвинения. Оно указывает на растущий вывоз и выражает надежду, что он будет расти еще быстрее, когда перейден будет кульминационный пункт кон'юнктуры на внутреннем рынке.

Правильны ли обвинения, возводимые агентом по репарациям? Работает ли германское правительство сознательно над тем, чтобы сделать невозможным трансферт?

Мы сомневаемся в этом.

Отдельные германские капиталисты кровным образом заинтересованы в том, чтобы увеличивать свой экспорт. При заключении торговых договоров германское правительство употребляет все усилия, чтобы устранить препятствия для германского экспорта. А вообще говоря, воспрепятствовать трансферту против воли агента по репарациям возможно только в том случае, если германская буржуазия возьмет на себя риск по обесценению валюты, а также по обостренному вмешательству агента по репарациям—другими словами, по новому тяжелому кризису для германского капитализма. Мы не думаем, что германская буржуазия пойдет на это. Кон'юнктура благоприятна, присвоение прибавочной стоимости происходит без заминок, прибыли высоки—какой смысл имеет ставить все это на карту?

Трансферт затрудняют об'ективные обстоятельства, а не злая воля германской буржуазии. Если не считать угля, калийных солей и азота, Германия может выплачивать репарации только такими промышленными товарами, для фабрикации которых она в значительной мере нуждается в ввозном сырье. Германия должна платить ежегодно репарации в размере 2,5 миллиардов золотых марок и, кроме того, 500—1000 миллионов как проценты на помещенные в Германии иностранные капиталы; для этого необходимо, чтобы ее торговый баланс имел активное сальдо по крайней мере на такую же сумму. Это значит, что Германия должна вывозить на 4—5 миллиардов марок больше промышленных товаров, чем прежде (при этом принято во внимание также импортное сырье для этих экспортных товаров). По нашим прежним вычислениям, весь мировой экспорт промышленных товаров составляет (с большим приближением) 36—40 миллиардов зол. марок. Итак, Германии необходимо отвоевать у ее конкурентов одну седьмую часть их сбыта, их вывоза. Если же не это, то остается только следующее: должен наступить общий под'ем капитализма, при чем емкость мирового рынка для изделий промышленности должна возрасти в такой степени, чтобы сделать возможным этот добавочный сбыт германских товаров. И то и другое очень мало вероятно. *Поэтому германской буржуазии*

нет надобности вести какую-то особую политику для того, чтобы сделать трансферт невозможным. Полный трансферт репарационных платежей и без того оказывается невозможным вследствие об'ективных причин.

Германская буржуазия надеется, что ей удастся мирным путем, посредством соглашения с империалистскими державами, сократить бремя репараций. Она надеется, что это будет наградой ей за соответственное поведение в случае совместной войны империалистических держав против СССР или наградой за ее нейтралитет в случае войны между бывшими союзниками, участниками Антанты. Есть у нее еще одна надежда, а именно, что американская буржуазия, которая помещает все больше капиталов в Германии, окажет в своем собственном интересе давление на Францию для уменьшения репараций. Короче говоря, германская буржуазия надеется на уменьшение бремени репараций благодаря обострению противоречий в лагере империалистов. В общем это—правильная точка зрения. В первую очередь германская буржуазия добивается установления ее обязательств: дело в том, что *до сих пор установлены только цифры годичных платежей, но не установлено, сколько лет должны вноситься эти платежи!*

Итак, мы полагаем: нынешние трудности не являются результатом сознательной политики германской буржуазии, трансферт наталкивается на об'ективные трудности, при чем германская буржуазия не имеет никаких оснований способствовать устранению этих трудностей. В настоящее время еще нет кризиса плана Дауэса, но уже имеется налицо первое звено в длинной цепи грядущих частичных кризисов, которые в конце концов приведут к краху.

М. Лифшиц.

Обложение деревни и оппозиция.

Оппозиция в своих нападках на Центральный Комитет партии, особенно в своих выступлениях по «крестьянскому» вопросу, резко критикует налоговую политику партии.

Основные моменты нашей налоговой политики в деревне достаточно хорошо известны всей партии, тем более вождям теперешней оппозиции, которые непосредственно и активно эту политику проводили. Поэтому мы ограничимся только разбором и проверкой «солидности» обвинений оппозиции и предложений, которые получили свое выражение в трех следующих документах:

1) выступлении тов. *Евдокимова* на об'единенном пленуме ЦК и ЦКК 29/VII—9/VIII;

2) платформе;

3) контртезисах «О работе в деревне».

Тов. *Евдокимов* в своей речи на пленуме ЦК и ЦКК пытался доказать, что нынешний сельхозналог не только не является «орудием ограничения эксплоататорских стремлений кулачества», не только не усиливает позиции бедноты, а, наоборот, помогает кулаку и ослабляет наш союз с середняком.

Начинает тов. *Евдокимов* с жалобы на то, что нет специально разработанных данных о размерах налогового обложения кулака и приводит «курьезный» пример того, как в одной и той же брошюре, на протяжении всего нескольких страниц, один и тот же автор (пишущий эти строки) приводит различные цифровые данные о пределах тяжести обложения.

Тов. *Евдокимов* имеет в виду выпущенное АПО ЦК и МК «Пособие для агитаторов по сельхозналогу», где на 29 странице автор пособия (М. Лифшиц) говорит: «между тем, часть дохода, забираемая налогом, для наиболее зажиточных крестьянских хозяйств и так достаточно высока (20—30%)», а на странице 32 тот же автор говорит: «тяжесть обложения этой группы крестьянских хозяйств достигла предела (налог с высших групп изымает 20—23% всего их дохода)».

В самом деле, что может быть небрежнее, если пределы обложения определить на одной странице в 30%, а спустя несколько страниц в 23%? Но можно ли говорить серьезно о такого рода обвинениях? Разве товарищу *Евдокимову* трудно было понять, что имеет место только обыкновенная типографская опечатка?

В самом деле, если бы тов. *Евдокимов* прочел не только 29-ю и 32-ю страницы, а всю брошюру, то на 67-й странице он увидел бы самую таблицу ставок по сельхозналогу. Из этой таблицы видно, что только с излишка дохода сверх 100 руб. на едока взимается 25% налога. Следовательно и 25% (а не

только 30%) не может достигнуть из'ятие даже в самых высших группах крестьянских хозяйств по доходности. И чем зажиточнее хозяйство, тем больше тяжесть его обложения приближается к этому пределу, но перешагнуть его она не может, раз даже и ставки такой в законе нет. Указали же мы пределы в 23%, а не, скажем,—24,5% желая наиболее об'ективно указать вероятный реальный предел тяжести обложения.

Остается предположить, что тов. *Евдокимов* либо вовсе не читал той книжки на которую ссылается, либо прочел только несколько страниц, наткнулся на небрежность автора или корректора и обрадовался явному доказательству «плохого руководства», «кулацкого уклона» и прочее.

Тов. *Евдокимов* говорит, что в нашем законе закреплены недостатки предыдущего года, что по ряду районов, «как раз районов с наибольшим количеством хозяйств капиталистического типа, кулак был недообложен, а середняк, по сравнению с предшествующим годом и по сравнению с кулаком, переобложен».

Напоминаем, что на 1927—28 г. осталась система сельхозналога прошлого, т.-е. 1926—27 года, в которую были внесены только некоторые поправки. Смысл этих поправок сводился к тому, чтобы еще точнее подойти к обложению крестьянских хозяйств по совокупности их доходов, чтобы от налога освобождалась действительно беднота и чтобы содействовать более быстрому развитию некоторых отраслей сельского хозяйства, путем предоставления некоторых новых льгот животноводству, техническим культурам.

Таким образом, повторяем, в 1927—28 г. *система* сельхозналога не изменялась. Следовательно, если верно, что в 1926—27 г. кулак был недообложен, то также верно, что он остался недообложенным и в 1927—28 г. В этом смысле тов. *Евдокимов* прав. И именно поэтому нам совершенно непонятно, каким образом «середняк» по сравнению с предыдущим годом, оказался переобложенным, когда ни система, ни ставки налога (за исключением нескольких районов) не изменялись [1]).

Кроме того, ведь надо еще принять во внимание, что середняк за год хозяйственно несколько вырос, получил ряд новых льгот сельскохозяйственного характера. Если все это учесть то должно стать совершенно очевидным, что в сравнении с пред'идущим годом тяжесть обложения середняков должна была понизиться, но уж во всяком случае не повыситься, как это утверждает тов. *Евдокимов.*

Следующий дефект в налоге нынешнего года т. *Евдокимов* видит в том, что в результате изменения порядка освобождения от налога бедноты, «на ряду с расширением круга малосемейных бедняцких хозяйств, освобождаемых от с.-х. налога, количество многосемейных бедняцких хозяйств, освобождаемых от налога, сравнительно с прошлым годом значительно сокращено».

Тов. *Евдокимов* заявляет: «Увеличен податной нажим в сторону малосемейных бедняцких хозяйств. Это утверждение очень серьезное». Мы согласны, что это утверждение очень серьезное, и не понимаем, как может тов. Евдокимов «утверждать» то, что не соответствует действительности.

[1]) По Сибири ставки налога за оба года не изменялись.

Чтобы доказать «солидарность» утверждений тов. *Евдокимова*, придется вкратце рассказать о существовавшем в прошлом году порядке освобождения от налога крестьянской бедноты и какие в этом году были внесены в этот порядок изменения. В налоговом законе 1926—27 года был установлен необлагаемый минимум дохода *на едока*. В среднем этот необлагаемый минимум составлял по Союзу, примерно, 27—28 руб. Следовательно, все крестьянские хозяйства, имевшие облагаемого дохода на душу в год не больше установленного необлагаемого минимума, *автоматически освобождались от налога, независимо от семейного состава*. В результате громадное количество крестьянских хозяйств признавалось бедняцким и освобождалось от налога, между тем *это были хозяйства отнюдь не бедняцкие, а лишь многосемейные.*

Так, например, при расчете по средним для РСФСР нормам доходности и необлагаемому минимуму, от налога могли быть освобождены хозяйства с 10 едоками, имевшие:

5 дес. пашни, 2 дес. заливного сенокоса, 3 коровы и 2 лошади, потому что облагаемый доход этого хозяйства составлял примерно 260 руб., а необлагаемый минимум хозяйства, при необлагаемом минимуме на едока в 27 руб., составил 270 рублей.

В то же время малосемейное хозяйство с гораздо более низким доходом *на хозяйство*, должно было платить налог. Например, хозяйство, состоявшее из 3-х едоков *совершенно без скота*, но имевшее 3 дес. пашни, должно было платить налог, потому что доход этого хозяйства составил 84 руб., а необлагаемый минимум хозяйства 81 руб. (3 едока по 27 рублей).

Вопрос о том, что является большим показателем мощности хозяйств: доход *на едока* или доход *на хозяйство в целом*, является вопросом спорным, и окончательного решения по этому вопросу до сих пор нет. Но нет никакого сомнения в том, что считать показателем мощности хозяйства доход *только на едока*, без учета мощности всего хозяйства, неверно. Если доход на душу и невысок, но мы имеем дело с крестьянским многосемейным хозяйством, имеющим много земли, скота, то хотя *на едока*, может быть, приходится и немного дохода, *тем не менее считать это крестьянское хозяйство во всех случаях бедным нельзя.*

По ряду губерний от налога освобождались крестьянские хозяйства, имевшие много земли и по 4—5 голов крупного скота. В результате такой системы много было случаев, когда от налога освобождались середняцкие, платежеспособные крестьянские хозяйства и, наоборот, немалое количество бедняцких хозяйств облагалось налогом только потому, что доход на душу несколько превышал необлагаемый минимум, *хотя на хозяйство дохода приходилось гораздо меньше. чем у соседа, освобожденного от налога по бедности.*

В самом деле, при прошлогоднем порядке могли быть освобождены от налога многоедоцкие хозяйства с доходом в 300 руб. Совершенно ясно, что значит в наших условиях крестьянское хозяйство с доходом в 300 рублей. Это означает хозяйство, скажем, в Калужской губернии, имеющее 6 десятин земли, 3 лошади и 3 коровы. Можно ли считать такое крестьянское хозяйство бедняцким и подлежащим *безусловному* освобождению от налога. Конечно нет. Между тем по закону 1926—27 года оно от налога освобождалось, и на ряду с такими случаями в той же самой

Калужской губернии попадали под обложение крестьянские хозяйства, состоящие из 5 едоков и имевшие дохода на хозяйство, скажем, 160 рублей.

По новому закону этот порядок был изменен. Необлагаемый минимум был дифференцирован в зависимости от численности семьи, т.-е. установлено, что *автоматически* освобождаются от налога крестьянские хозяйства:

с доходом в 90 рублей, если в хозяйстве 1 и 2 едока;
с доходом не более 100 рублей, если в хозяйстве 3 и 4 души и
с доходом не более 110 рублей, если в хозяйстве 5 и более душ.

Хозяйство с большим доходом и большим количеством душ от налога *автоматически* не освобождается. Но так как могут быть отдельные хозяйства, доход которых хотя и выше установленного по необлагаемому минимуму, но которые все же являются бедняцкими, *то законом установлено, что такие маломощные многосемейные хозяйства освобождаются от налога по постановлениям местных налоговых комиссий в индивидуальном порядке.*

Таким образом, чтобы устранить возможность обложения бедняцких хозяйств, что во многих случаях имело место в прошлом году, и чтобы вместе с тем не освобождать от налога платежеспособные крестьянские хозяйства, что также имело место в прошлом году, изменен порядок таким образом, что за счет сокращения количества хозяйств, освобождаемых от налога *автоматически*, расширена практика *индивидуального освобождения*, т.-е. предоставлено право местным крестьянским организациям самим полностью или частично освобождать от налога отдельные крестьянские хозяйства *не только по признакам дохода на едока, но и по остальным признакам, характеризующим мощность отдельного крестьянского двора.*

С этой целью установлен специальный фонд, который был заблаговременно распределен между всеми волостями Советского Союза.

Из сказанного очевидно, что изменения в порядке освобождения от налога крестьянской бедноты преследовало одну цель: *освободить от налога только бедноту.* Заявление же тов. *Евдокимова*, что количество многосемейных бедняцких хозяйств, освобождаемых от налога, значительно *сокращено, неверно.*

Если в прошлом году от налога было освобождено, примерно, 25—26% всех крестьянских хозяйств, с которых причиталось, примерно, 4,6% всего исчисленного по Союзу налога, то в нынешнем году до Манифеста было освобождено 26%, а вместе с дополнительными льготами по Манифесту количество всех крестьянских хозяйств, освобождаемых от налога, достигнет 35%, и исчислено и сложено с них налога 8,5% всего исчисленного по Союзу налога.

Мы выше уже указали на нелепость утверждения, что в сравнении с предыдущим годом (т.-е. с 1926—27 годом) в обложении кулака и середняка могли произойти изменения в сторону облегчения обложения кулака и отягчения обложения середняка. Чтобы доказать правильность своего утверждения, тов. *Евдокимов* пользуется материалами одного обследования по Сибири. Мы, к сожалению, не знакомы с этими материалами, но простое знакомство с нашим налогом, с районом, о котором идет речь, с практикой обложения по Сибири вполне достаточны, чтобы выявить бессодержательность этих обвинений [1]).

В самом деле, тов. *Евдокимов* для доказательства верности своего вывода приводит пример обложения налогом хозяйства Филиппа *Фомина*, имеющего облагаемого дохода 794 рубля, а налога с него в 1925—26 г. было 104 рубля, а в 1926—27 г.— 108 рублей. Кроме того, говорит тов. *Евдокимов*, крестьянин *Фомин* имеет сенокосилку, молотилку, сеялку и проч., доход коих к обложению не привлекается.

Если даже считать, что все расчеты тов. *Евдокимова* правильны, то спрашивается: 104 или 108 рублей налога с такого крестьянского хозяйства, как Филиппа *Фомина*, много или мало?

Ответить точно на этот вопрос трудно. Необходимо знать еще семейный состав этого хозяйства. Качество земли и скота, цены в том районе и прочее. Повидимому, семья Филиппа Фомина состоит из 7—8 душ, таким образом, годовой доход хозяйства на душу составит примерно 100—110 рублей. В условиях Сибири этот облагаемый доход будет, вероятно, совпадать с условно-чистым, т.-е. валовым минус корм скоту и семена. Конкретно это означает, что за счет этого дохода кр-нин *Фомин* должен кормить, в том числе и хлебом, целый год свою семью, потому что в доход включена вся продукция хозяйства, исчисленная по рыночным ценам.

Можно ли считать 104—108 рублей налога, или 13% из'ятия *такого дохода* недостаточным? Конечно нет!

Можно ли считать это хозяйство в сибирских условиях кулацким? Конечно нет!

Тов. *Евдокимов* говорит, что в этом хозяйстве не привлекаются к обложению доходы от молотилки, сеялки, и проч. *И это неверно.* Именно в Барабинском округе Сибири доход от сельскохозяйственных машин в единоличных хозяйствах к обложению привлекается по доходу от сдачи этих машин на сторону. Если действительно,—как говорит тов. Евдокимов,—Филипп Фомин, имеет 450 рублей дохода от этих машин, то привлекается к обложению примерно 35%, т.-е. рублей 150 и тогда облагаемый доход этого хозяйства будет уже не 794 рубля, а 944 руб. и налог с этих 150 рублей составит, вероятно, еще дополнительно рублей 30. Или всего налога не 108, а 138 рублей. Много это или мало? Полагаем, что в прошлом году больше с такого хозяйства и таким доходом взять вряд ли было целесообразно.

Дальше т. *Евдокимов* говорит: «Если для кулацких хозяйств процент увеличения сельхозналога по сравнению с 1925—26 г. составлял в 1926—27 г. 7—10%, то для середняцких хозяйств повышение с.-х. налога в 1926—27 году по сравнении с 1925—1926 г. для верхушки уже составляет 30—40%, но чем ниже середняцкое хозяйство, тем больше это увеличение. Для середняцких хозяйств, приближающихся к маломощным и бедняцким хозяйствам, это увеличение составляет 50—60—80—100—120%». Что можно про эти цифры и расчеты сказать, если не повторять

[1]) Тт. Сырцов и Эйхе, ответственные руководители советских и партийных организаций Сибири, в особом заявлении Пленуму ЦК и ЦКК отмечают, что Евдокимовым выдернуты отдельные случаи, отдельные примеры, совершенно не характеризующие действительное положение вещей.

реплики одного из присутствовавших на заседании: «да бросьте чепуху городить—факты нужно привести».

В самом деле, в 1926—27 году произведено изменение прогрессии обложения по всему Советскому Союзу *в сторону резкого повышения для верхушки, а для маломощных групп понижения почти вдвое*. Среднее из'ятие налогом дохода в 1925—1926 г. колебалось от 4% для низших групп и достигало 12% для самых высших. По сельхозналогу на 1926—27 год (эта прогрессия действует и теперь) прогрессия колеблется от 2 процентов для низших и до 20—23% для высших. Таким образом, заявление, что прогрессия изменена в сторону повышения больше всего для середняцких или маломощных групп, является выдумкой, которую легко опровергнуть. Достаточно для этого привести вот эту табличку:

Изменение прогрессии сельхозналога в 1926—27 г., и 1927—1928 г. против 1925—26 г. [1])

Размер облагаемого дохода на едока в рублях	% из'ятия облагаемого дохода налогом		% изменения
	По налогу 1925/26 г.	По налогу 1927/28 г.	к 1925/26 г.
30	3,56	2,30	—34,6
40	4,20	3,00	—28,6
50	5,02	4,40	—12,4
60	6,48	6,50	+0,2
70	7,59	8,57	+14,9
80	8,42	10,13	+20,3
90	9,07	11,56	+27,4
100	9,59	12,70	+32,4
140	10,89	16,21	+48,9
180	11,61	18,17	+56,5
200	11,85	18,85	+59,1
300	12,62	20,90	+65,7

Из этой таблицы мы видим, что для маломощных хозяйств, с доходом до 30 руб. на едока, прогрессия понижена на 35%. Затем понижение это все уменьшается, и с дохода от 70 рублей на едока в год начинается повышение от 14,9% до 65,7% (при доходе в 300 руб. на едока).

Необходимая оговорка, что это среднее сопоставление не совсем приемлемо для Сибири, поскольку в 1926—27 году для Сибири было допущено некоторое изменение единой для республики таблицы ставок, но и при измененной таблице остается основной смысл новой прогрессии, приведенный в таблице, и остаются неверными расчеты тов. *Евдокимова*, что мы имели в 1926—27 г. изменение прогрессии в сторону повышения тяжести налога для середняцких и маломощных хозяйств и в меньшей степени—повышения для кулацких хозяйств.

Совершенно очевидно, что тов. *Евдокимов* приводил факты по Сибири для того, чтобы иллюстрировать, что вообще сельхозналог изменен таким образом, что тяжесть налога повышена для маломощных и середняцких хозяйств. Мы должны сказать, что на ряду с поправками, внесенными по Сибири, действительно несколько ослабляющими резкость прогрессии, *по ряду других* районов Союза были внесены поправки, *которые эту резкость прогрессии изменили как раз в сторону еще более резкого понижения тяжести для маломощных и середняцких хозяйств*. Но об этом тов. *Евдокимов* ни словом не обмолвился.

[1]) Надо иметь в виду, что в 1925/26 году были районные таблицы ставок, а в 1926/27 году единая. Здесь дается сопоставление нынешней единой таблицы со сведенной в одну всех районных таблиц 1925/26 г.

По поводу выступления тов. *Евдокимова* тов. *Рыков* заявил, что «самую систему с.-х. налога еще долго придется изменять и совершенствовать. Правильность действующего теперь закона о с.-х. налоге нужно внимательнейшим образом проверять на опыте». *Вот это совершенно верно*. Вот именно так надо подходить к вопросу. Никто из товарищей, знающих систему и практику этого налога, также задачи партии в области обложения деревни, никогда не утверждал и утверждать не может, что наша система обложения деревни совершенна. Наоборот, она неизбежно сложна, неизбежны ошибки, уже по одному тому, что дело касается обложения 24 миллионов крестьянских дворов различной социальной природы, разбросанных на громадной территории Советского Союза, ведущих свое хозяйство различными методами и способами, находящихся в различных условиях.

Выступление тов. *Евдокимова* характерно, именно, тем, *что вместо действительных недостатков системы, ее неправильностей, критикует то, что по существу не является предметом критики, приводит факты, не соответствующие действительности, извращает цифры и, как правильно в своем заявлении пленуму ЦК и ЦКК говорят тт. Сырцов и Эйхе, извращает истинный смысл и тем самым только препятствует улучшению системы обложения деревни*. В этом смысле выступление т. Евдокимова является характерным оппозиционным выступлением.

Вопросу обложения деревни, «плохому руководству» ЦК в этом вопросе оппозиция уделяет много внимания в «платформе». Там говорится: Сельхозналог в деревне по общему правилу ложится в обратной прогрессии: тяжело—на маломощных, легче—на крепких и кулаков. По приблизительным исчислениям 34% маломощных крестьянских хозяйств СССР (даже без таких районов с далеко выдвинувшейся дифференциацией, как Украина, Северный Кавказ и Сибирь) владеют 18% условно чистого дохода; таким же точно совокупным доходом, 18%, владеет и высшая группа, составляющая всего 7,5% хозяйств. Между тем обе эти группы платят, примерно, поровну—около 20% всей налоговой суммы каждая; ясно, что на каждое отдельное бедняцкое хозяйство налог ложится гораздо более тяжелой ношей, чем на кулацкое и вообще «крепкое» хозяйство».

Оппозиция либо не разбирается в тех материалах, которыми она пользуется, либо убеждена в том, что ее расчеты никто не станет проверять—возьмет на веру.

Сделаем сначала два предварительных замечания, а затем постараемся проверить расчеты оппозиции. *Во-первых*, нам уже приходилось в одном месте отметить, что оппозиция путает здесь «условно-чистый доход» с «облагаемым». Очевидно, имеется в виду не условно-чистый доход, а доход, учитываемый при обложении с.-х. налогом. Что это именно так, видно из того, что некоторые из приведенных в «платформе» цифр совпадают с

имеющимися у нас данными *облагаемого дохода*. Между тем каждый мало-мальски знакомый с экономикой сельского хозяйства знает, что понятие «условно-чистого» дохода значительно отличается от понятия «облагаемого» с.-х. налогом дохода. *Во-вторых*, у нас нет еще материалов для распределения крестьянских хозяйств по доходу и налогу *по всему Союзу*. Мы пока располагаем данными *по РСФСР*, и поэтому оппозиция, утверждая, что ее данные относятся ко всему СССР, допускает вторую ошибку, тоже вытекающую из незнакомства с материалами, которыми ее снабжают. Теперь по существу.

Имеющиеся данные подтверждают, что 34% маломощных крестьянских хозяйств владеют 18% облагаемого дохода. Даже точнее: 34,9% хозяйств, владеют 17,83% облагаемого дохода. Это совпадение подтверждает наше заявление, что оппозиция путается в материалах, которыми она располагает. *Но все дело в том, что эти 35% хозяйств уплачивают не 20% всего налога: ведь это есть те самые 35% маломощных крестьянских хозяйств, которые от налога вовсе освобождаются.* Как же можно утверждать, что они уплачивают 20% налога? Мало того, если бы даже ни одно из бедняцких хозяйств от налога не было освобождено, то и тогда налог с этих 35% крестьянских хозяйств не смог бы составлять 20%, уже по одному тому, *что исчисленный с них налог составляет всего лишь 7,9% всего налога.*

В действительности же они уплачивают, примерно, около 2% всего налога, потому что при нашей системе освобождения крестьянской бедноты от налога в число первых 35% хозяйств попадает небольшая часть, которая все же подлежит обложению сельхозналогом и, наоборот, некоторая часть из тех хозяйств, которые следуют за этими 35%, от налога освобождается. Таким образом, эти 35% маломощных хозяйств уплачивают, примерно, около 2% налога. Спрашивается, как же можно так «ошибиться» и сказать, что они уплачивают 20% налога?

Еще хуже обстоит дело с расчетами оппозиции, на счет «верхушки» деревни. Чтобы проверить, в какой степени «правильны» расчеты оппозиции на счет обложения верхушки деревни, мы об'единили в одну группу наиболее мощные хозяйства, чтобы получить приводимые в «платформе» 7,5% хозяйств. В результате мы получили, что 7,8% хозяйств имеют не 18% всего облагаемого по республике крестьянского дохода, а только 16%. Разница очень незначительная, и это также подтверждает, что оппозиция пользовалась материалом только по РСФСР и притом не по условно-чистому доходу, а по доходу, облагаемому сельхозналогом.

Но налога эта группа уплачивает не 20%, как говорится в «платформе», а 32,69%, т.-е. на 60% больше.

Таким образом, мы в расчетах оппозиции отмечаем всего лишь две ошибки: они *превышают* сумму налога, падающую на бедноту, и, наоборот, значительно *преуменьшают* сумму налога, падающую на верхушку деревни.

Отсюда следует, что и выводы оппозиции относительно того, «что на каждое отдельное бедняцкое хозяйство налог ложится гораздо более тяжелой ношей, чем на кулацкое и вообще «крепкое» хозяйство», *ни на чем не основаны, неверны.*

Но мы в интересах об'ективности произвели ряд дополнительных расчетов, исходя из предположения, что, может быть,

оппозиция говорит о 35% не *бедноты*, а о группе хозяйств, идущих вслед за беднотой. Уже очень чудовищной нам показалась ошибка оппозиции: 2% налога или 20%. Правда, если предположить, что оппозиция имела в виду не первые освобождаемые от налога 35% хозяйств, а следующие 35%, то тогда пришлось бы притти к выводу, что освобождаемых и маломощных хозяйств вместе имеется 70%, а так как по расчетам оппозиции кулаков имеется 10—15%, то пришлось бы сделать вывод, что «центральной фигуры деревни»—середняков—имеется всего лишь примерно, 20% всех хозяйств, что, конечно, мало вероятно. Но, если отбросить и эти общие соображения и если полагать, что оппозиция имеет в виду не первые 35% крестьянских хозяйств, а следующие, идущие вслед за беднотой, *то придем к выводу, что они владеют уже не 18%, а 35% всего по республике дохода, и налога они уплачивают не 20%, а 24%.*

Мы пробовали делать расчеты по отдельным районам и получили, примерно, такую же картину. Оппозиция подчеркивает, что приведенные ею результаты получены «даже» без Украины, Северного Кавказа и Сибири. Зачем эта оговорка? *Во-первых*, не верно, что приведенные в «платформе» данные без последних двух районов, и *во-вторых*, в этих районах картина такая же. По Сибири первые 35% маломощных хозяйств имеют 14% дохода по краю, а если бы эти хозяйства не освобождались от налога, то должны были бы уплатить налога только, примерно, 5%, а не 20%.

Что касается «верхушки деревни», то если взять в Сибири даже 8,2% хозяйств, то у них дохода имеется 19%, а налога они уплачивают не 20%, а 32%.

Если же взять другой район, о котором упоминает оппозиция, т.-е. Северный Кавказ, то и там мы имеем, что первые 35% крестьянских хозяйств от налога освобождается и дохода они имеют примерно 11%, а если бы от налога не освобождались, то уплатили бы налога, примерно 4%, а не 20%. Что же касается высших по мощности хозяйств, то, если по Северному Кавказу таких хозяйств взять 7%, окажется, что они имеют дохода 19%, а налога они оплачивают примерно те же 32%.

Чтобы каждому партийцу дать возможность проверить и рассмотреть приведенные расчеты оппозиции и наши возражения, приведем таблицу распределения хозяйств, дохода и налога по РСФСР (см. след. стр.).

Мы старались об'ективно найти хоть какое-нибудь оправдание расчетам оппозиции,—но оправдания не нашли. *Расчеты оппозиции неверны и, повторяем, приведены, очевидно, в надежде на то, что их никто не проверит.*

Теперь переходим к налоговым соображениям оппозиции в третьем документе—контртезисах «о работе в деревне».

В тринадцатом тезисе оппозиция приводит таблицу распределения крестьянских хозяйств по социальным группам, по разработанным Ком. Академией бюджетным данным. На основании данных, приведенных в этой таблице, оппозиция делает ряд выводов о происходящих процессах расслоения и что «бедняцкие группы уплачивают относительно не меньше, если не больше прямых налогов, чем зажиточные и середняки. Тяжесть налогов ложится прямо пропорционально средствам производства без всякой прогрессивности для зажиточных групп. Правда, это отно-

Распределение крестьянских хозяйств, облагаемого дохода и сельхозналога по налоговым сводкам 1926—27 года по РСФСР [1]).

Группы по размеру облагаем. дохода на едока	Число хозяйств		Облагаемый доход		Исчисленный сельхозналог		Сумма сельхозналога на хозяйство в рублях	% изъятия налогом облагаемого дохода
	В тысячах	В % к итогу	В тысячах рублей	В % к итогу	В тысячах рублей	В % к итогу		
1	2	3	4	5	6	7	8	9
До 35 руб. . . .	5.726,4	34,90	678.975,0	17,83	19.862,0	7,97	3,46	2,92
От 35 до 50 р. .	5.150,5	31,39	1.162.979,0	30,54	48.535,4	19,47	9,42	4,17
» 50 » 70 » .	3.727,9	22,73	1.152.942,9	30,27	79.830,1	32,02	21,41	6,92
» 70 » 90 » .	1.181,9	7,20	463.897,7	12,18	48.626,7	19,50	41,13	10,48
» 90 » 120 » .	408,0	2,49	191.146,5	5,01	25.436,7	10,20	62,34	13,31
» 120 » 150 » .	94,0	0,57	55.987,8	1,47	8.691,8	3,48	92,47	15,53
Свыше 150 р. . .	118,7	0,72	101.568,4	2,70	18.353,4	7,36	154,62	18,07
Итого . . .	16.407,4	100,0	3.807.497,3	100,0	249.336,1	100,0	15,20	6,55

силось к 1925 г., с тех пор налоговые ставки для зажиточных групп были несколько повышены, но за то с тех пор и процесс расслоения ушел значительно дальше».

По вопросу о характере приведенной в контртезисах оппозиции таблицы и о природе бюджетов, положенных в основу этой таблицы, подробно написал тов. Яковлев в «Правде» (№ 254). Надо вообще сказать, что делать ответственные выводы в том числе и о направлении дифференциации на основании ничтожного количества бюджетов, в высшей степени рискованно. В самом деле, нельзя же на основании разработки ничтожного числа бюджетов, составляющих иногда несколько сотых долей одного процента всех хозяйств, делать выводы о происходящих процессах расслоения, о налоговой политике и прочее. Другое дело, если это допускается для некоторой иллюстрации, но совершенно недопустимо, когда оппозиция на основании группировки 375 бюджетов по Северному Кавказу, т.-е. 0,027% всех хозяйств Северного Кавказа или на основании 72 бюджетов по Сибири—0,005% хозяйств Сибири, делает ответственные выводы. В самом деле, в таблице приводятся данные о «предпринимательских» и «мелкокапиталистических» хозяйствах в Сибири и других районах, а при проверке оказывается, что в группу «предпринимательских» хозяйств входят только 5 или 6 бюджетов. Какие же выводы можно делать по такому количеству бюджетов?

Это вообще о приведенной таблице. Теперь перейдем к выводам. Оппозиция на основании этой таблицы приходит к выводу, что в нынешнем сельхозналоге отсутствует прогрессивность.

---

[1]) Эти данные носят предварительный характер и относятся только к территории РСФСР. Данные по остальным Союзным Республикам сюда не включены, во-первых, потому, что полных данных еще нет, и, во-вторых, на Украине и окраинных республиках (в Средней Азии) действуют особые таблицы ставок, не позволяющие соединить данные по всем республикам воедино. На 1927—28 г. прогрессия обложения не менялась, поэтому выводы из этой таблицы можно считать в общем правильными и для нынешнего года.

Предположим, что и данные, приведенные в таблице, верны и материалы, положенные в основание таблицы, солидны, но и тогда выводы оппозиции, что налог построен без всякой прогрессивности для зажиточных групп, могут быть со многими оговорками, чрезвычайно условно приняты только для... 1925 г., *а не 1927—28 г.*! А ведь в этом все дело! Именно в 1925 году налог был понижен против предыдущего года на 30%, и это произведено при активном участии нынешних вождей оппозиции. Следовательно, как же можно ставить в упрек нынешнему ЦК, что тогда неправильно была распределена тяжесть налога? Но самое важное—оппозиция «забыла» рассказать, *что в 1926—27 г. налог был опять повышен на 30% и прогрессия была резко повышена.*

Правда, в контртезисах оппозиции имеется упоминание, что после 1925—26 г. налоговые ставки были «несколько повышены».

Но из таблицы, напечатанной на 10 странице, мы видим, что ставки были не «несколько» повышены, *а повышение достигает для высших групп 60—65%*. Кроме того, контртезисы совершенно умалчивают про то, *что тяжесть налога для низших групп значительно понижена.* Какая же цена утверждениям оппозиции?

Что же в итоге показывает ознакомление с материалами оппозиции по поводу налоговой политики партии в деревне?

Тов. *Евдокимов* на августовском пленуме ЦК и ЦКК утверждал, что мы в сельхозналоге закрепили недостатки предидущего года, что мы повысили тяжесть обложения середняцкой группы деревни и обложили налогом те многочисленные бедняцкие хозяйства, которые в прошлом году освобождались.

В «платформе» говорится, что маломощная часть деревни и верхушка деревни, имеют одинаковые доли всего дохода и уплачивают одинаковую часть налога.

В контртезисах оппозиция утверждает, что в нынешней системе сельхозналога отсутствует прогрессия.

Знакомство же с действительным положением вещей позволяет утверждать, что

неверно заявление о том, что для середняков тяжесть обложения повышена;

неверно, что количество бедняцких многосемейных хозяйств, освобождаемых от налога, уменьшилось;

неверно даваемое в платформе распределение налога, потому что маломощная часть деревни вообще от налога освобождается, а верхушка уплачивает на 50—60% налога больше, чем говорит оппозиция;

неправильно делать выводы о распределении тяжести налога по социальным группам на основании бюджетных обследований 1.200 хозяйств, которые составляют несколько тысячных долей одного процента всех крестьянских дворов Советского Союза;

неправильно распространять распределение тяжести налога по группам в 1925—26 году на 1927—28 год, потому что и сумма налога в сравнении с 1925—26 годом значительно повышена да и вообще система налога коренным образом реформирована *в сторону подоходности с установлением резкой прогрессии.*

Является ли нынешняя система обложения деревни совершенной? На этот счет разногласий в партии не было и нет. Есть, мы утверждаем, пока еще неизбежные недостатки. Никто их не замалчивал и не замалчивает. Основной и весьма суще-

ственный недостаток заключается в том, что доход крестьянского хозяйства исчисляется по внешним признакам, то-есть, облагаемый доход каждого крестьянского хозяйства исчисляется по количеству в хозяйстве земли, всякого вида скота, специальных отраслей сельского хозяйства и других источников по нормам доходности, установленным на каждую единицу (на десятину земли, корову, лошадь и проч.) *и одинаковую для всех хозяйств села.*

Плохо это, очень плохо. И потому, что часть дохода укрывается, и потому, что скрывает свои доходы зажиточное хозяйство в большей степени, чем середняцкое, и потому, что доход десятины земли в богатом хозяйстве выше, чем в середняцком. *Все это прекрасно известно, но все сразу устранить невозможно, потому что дело касается 24 млн. крестьянских дворов.* Постепенно же значение этих недостатков ослабляется теми изменениями, которые ежегодно вносятся в закон.

Совершенно четкая директива в тезисах ЦК «о работе в деревне» дана: «в целях обложения растущих доходов наиболее зажиточных слоев деревни поручить ЦК разработать вопрос о переходе к наиболее полному прогрессивному—подоходному обложению». Вот путь дальнейшего совершенствования нашей системы обложения, путь наибольшего использования налоговой системы для регулирования происходящих в деревне процессов расслоения, *путь препятствования росту кулака.*

Только лицемерием можно об'яснить предложение оппозиции о том, что «необходимо ускорить землеустройство и провести земельный кадастр (качественную оценку земли)... В связи с этим необходимо будет приступить к отмене сельхозналога... и заменить его обложением земли по качеству и приближенности к рынкам сбыта (рентное обложение)». Разве оппозиция не знает, что для проведения земельного кадастра особенно на такой территории, как наш Союз, нужны десятилетия? Мало того, в ряде европейских стран кадастр проводился чуть ли не 50 лет назад, и теперь первоначальные результаты произведенного кадастра потеряли свое значение, а к составлению нового кадастра не приступают вследствие дороговизны этой работы.

Конечно, хорошо произвести обложение земель «по качеству и с учетом приближенности их к рынкам сбыта», но сейчас, при отсутствии кадастра не может быть речи о повсеместном обложении земель по качеству. Кроме того, в нынешней системе обложения по внешним признакам все эти условия (рентабельность в зависимости от мест расположения угодий и урожайности), правда, без достаточной детализации и точности, учитываются: устанавливаются разные нормы доходности десятины земли в зависимости от района, урожая и проч. по губерниям, уездам, волостям и даже по селениям. Этого не могут не знать авторы контртезисов «о работе в деревне».

Природа нашего крестьянского хозяйства, как «мелкого и мельчайшего», роль сельского хозяйства во всем нашем народном хозяйстве и сложность разрешения задач партии по отношению к различным социальным группам крестьянства *требуют исключительной осторожности в вопросах налогового обложения.*

Необходимость этой осторожности в свое время отлично учитывали нынешние вожди оппозиции, когда они были с большинством партии.

На XII партс'езде тов. Зиновьев в своем докладе, касаясь нашей политики в деревне, говорил: «Важно... чтобы мы ясно сознавали, что тут дело идет о смычке *с крестьянином* (курсив т. Зиновьева), а не с нэпманом, и чтобы мы понимали, что нам надо дать отпор всем тем, которые в этом видят так называемый «крестьянский уклон». И дальше: «И когда мне говорят: у вас «уклон», вы уклоняетесь в сторону крестьянства,—я отвечаю: да, мы не только «уклоняться» должны в сторону крестьянства и его хозяйственных потребностей, но нам надо *поклониться* (курсив тов. Зиновьева) и, если нужно, *преклониться* (курсив тов. Зиновьева) перед хозяйственными потребностями того крестьянина, который идет за нашим пролетариатом и который нам даст полную победу».

Про все это теперь т. Зиновьев забывает или предполагает, что за время с XII партс'езда произошли такие изменения, что можно повышать обложение деревни чуть ли не на 100%.

На этом же с'езде тов. Ларин говорил о повышении обложения деревни на 20%, на что тов. *Троцкий* ответил: «Но вопрос о размере налогов на крестьянина—*не платформенный вопрос на тему о крестьянофильстве* (курсив наш. *М. Л.*),—нет, это вопрос классовой бухгалтерии пролетариата, как господствующего класса. Ошибка тов. Ларина не в том, что он говорит: «налоги в данное время надо повысить на 20%»; это вопрос практический, надо карандашом подсчитать, до какой точки можно налоги повышать, *чтобы крестьянское хозяйство могло повышаться, чтобы крестьянин в будущем году стал богаче, чем в нынешнем.* (Курсив наш. *М. Л.*).

«Но если из этого повышения налогов сделать «платформу», то она довольно неожиданно может превратиться в платформу класса против класса. Вот в чем гвоздь вопроса».

Что же мы видим сейчас? Оппозиция из повышения налога сделала «платформу», совершенно забывая о том, что это может превратиться «в платформу класса против класса». Неужели теперь тов. *Троцкий* действительно и с полным знанием классовой бухгалтерии «с карандашом подсчитал» и пришел к выводу, что налог на деревню повысить можно чуть ли не на 100%?

Только паникой, страхом перед растущей деревней, отсутствием уверенности в том, что рабочий класс, который держит власть в своих руках, сможет справиться с трудностями, можно об'яснить переход от «ставки на старательного хозяина», от требования «поклониться и преклониться перед крестьянином», от утверждения, что «вопрос о повышении обложения—вопрос не платформенный», к ожесточенным требованиям срезания «без ума» «верхушки» деревни.

Заканчивая, еще раз подчеркиваем: мы не отрицаем наличия недостатков в системе обложения деревни, но партия эти недостатки исправляет и устраняет. Как и до сих пор, сельхозналог будет служить одним из реальных средств по проведению задач партии в деревне. Партия будет изменять систему обложения таким образом, чтобы, освобождая от налога всю крестьянскую бедноту, так повысить тяжесть обложения верхушки деревни, чтобы противодействовать росту этой верхушки. Но партия будет делать это «с умом», с учетом всей совокупности наших задач в области построения народного хозяйства, в области строительства социализма.

М. Беленький.

Кооперативный план Ленина и его лжетолкователи.

Моя статья «Пути производственного кооперирования крестьянства» (см. «Большевик» № 17) вызвала ответ со стороны т. Григорьева, по мнению которого я допустил «в постановке этой проблемы» ряд «грубых» и «неслучайных» ошибок (см. «Большевик» № 19—20).

«Ошибки» эти заключаются в следующем: «Тов. М. Беленький выступает со статьей, в которой он совершенно явно подменивает действительно производственную систему кооперации системой сбытово-снабженческой и пытается доказать, что сбытово-снабженческая форма кооперирования должна быть в наших условиях основной».

И дальше: «У Беленького сбытово-снабженческие формы кооперации оказались «производственно-сбытовыми». Но этого ему мало. Надо ему доказать и то положение, что сбытово-снабженческие формы кооперации обслуживают «бедноту». Тов. Григорьев называет это «мифом» и приходит к следующему заключению: «Странная получается вещь: человек, повидимому, боится признать совершенно бесспорное положение, что сбытово-снабженческая с.-хоз. кооперация есть кооперация *середняка* (курсив автора), что чем выше имущественное положение крестьянского хозяйства, тем больше оно заинтересовано в сбытово-снабженческой с.-хоз. кооперации».

Переходя затем ко второй части моей статьи, посвященной анализу новых форм связи между с.-хоз. кооперацией и государственной промышленностью, т. Григорьев подвергает критике высказанное мною положение о значении контрактации в современных условиях.

«Тов. Беленький предпочитает пойти по линии наименьшего сопротивления, возведя в принцип контрактацию. В своей статье он обещает распространить ее и на хлеб, и на продукты животноводства. Но ведь совершенно же ясно, что проведенный полностью принцип контрактации, особенно если он основан, как это сейчас есть, целиком на государственных средствах, означает проведение системы государственного капитализма, ставит крест на ленинском кооперативном плане и заодно уничтожает и смысл существования с.-хоз. кооперации».

Таковы, по мнению т. Григорьева, «ошибки», допущенные мной в статье. Разберемся в этих «ошибках».

Кого об'единяют и кого обслуживают производственно-сбытовые системы сельскохозяйственной кооперации.

В своей статье я пытался доказать анализом имеющихся фактов и цифр, что «по социальному составу членов, по содержанию работы и по социальному составу органов управления производственно-сбытовые системы с.-хоз. кооперации представляют собою в основном движение середняцко-бедняцких масс деревни». Не отрицая ни одной из приведенных мною цифр, не приводя с своей стороны ни одного нового факта, т. Григорьев считает, однако, что «этот вывод надо делать не из таблицы о социальном составе с.-хоз. кооперации, а из сопоставления удельного веса разных групп во всех крестьянских хозяйствах с удельным весом их в хозяйствах кооперированных. Вопрос о том, какие слои населения более всего используют кооперацию, должен решаться *только* (подчеркнуто мною. *М. Б.*) степенью кооперированности каждой группы *внутри ее самой*» (подчеркнуто мною. *М. Б.*). Исходя из этой предпосылки (которую т. Григорьев не считает нужным доказать) и ссылаясь на приведенный мною общеизвестный факт, что при подавляющем *абсолютном* преобладании в с.-хоз. кооперации бедняцких и середняцких слоев деревни *относительная* степень кооперирования возрастает от низших групп к высшим, тов. Григорьев решительно отрицает сделанный мной вывод о классовом характере производственно-сбытовых систем и предлагает «не бояться» признать «совершенно бесспорное положение, что сбытово-снабженческая кооперация есть кооперация *середняка*». Тов. Григорьев не останавливается, однако, на этом «бесспорном» определении классовой природы производственно-сбытовых систем, а дополняет его следующей существенной поправкой: «чем выше имущественное положение крестьянского хозяйства, тем больше оно заинтересовано в сбытово-снабженческой с.-хоз. кооперации». Поправку эту т. Григорьев сопровождает такими комментариями: «Мы бы хотели спросить т. Беленького, где, в какой директиве партии или правительства сказано, что советская сбытово-снабженческая кооперация не должна обслуживать зажиточных хозяйств, что она должна отворачиваться от хозяйства, имеющего 4 лошади или 4 коровы... Если он боится кулака, то ему должно быть известно, что не является хозяйство кулацким, если оно имеет 4 коровы или 4 лошади, что это 4-коровное или 4-лошадное хозяйство может иметь такое количество едоков, что не может быть причислено и к зажиточным».

Благополучно рассеяв, таким образом, вслед за «мифом» о бедноте «миф» о кулаке, т. Григорьев переходит к окончательным выводам. Эти выводы более решительны и более откровенны и приводятся, разумеется, в таком же «бесспорном» порядке. «Если сам М. Беленький повнимательней прочтет свою собственную статью, проанализирует свои собственные таблицы,— утверждает т. Григорьев,—он согласится с тем, что 1) большая часть тех форм с.-хоз. кооперации, которые он называет «производственно-сбытовыми», на деле являются «сбытово-снабженческими»; 2) эти сбытово-снабженческие системы приспособлены для обслуживания середняцко-зажиточных слоев деревни и их-то и обслуживают; 3) что в этом нет ничего ужасного; 4) что главнейшими формами кооперирования бедноты являются простейшие производственные кооперативы и колхозы».

Итак, производственно-сбытовые системы с.-хоз. кооперации приспособлены, по мнению т. Григорьева, к обслуживанию середнядцко-зажиточных слоев деревни и их только и обслуживают. Допустим на минуту, что это соответствует действительности. Как об'яснить при этом слова т. Григорьева, что «в этом нет ничего ужасного»? Чем об'яснить его готовность отдать производственно-сбытовые системы с.-хоз. кооперации, являющиеся главнейшими массовыми формами кооперирования, в которые вложены сотни миллионов государственных средств, в монопольное пользование середняцко-зажиточных групп, ограничив обслуживание бедноты простейшими производственными кооперативами и колхозами, которые не охватывают еще и одного процента крестьянского населения? Эти выводы т. Григорьева вытекают из ошибочных теоретических предпосылок, которые кажутся ему, однако, совершенно бесспорными. Тов. Григорьев уверен: 1) что сбытово-снабженческая с.-хоз. кооперация по самому характеру своей деятельности неспособна обслуживать бедноту, т. к. «сбытово-снабженческая» работа с.-хоз. кооперации ни к чему тем хозяйствам, которым нечего сбывать, которые не имеют средств для покупки снабженческих товаров, что эти хозяйства можно вовлечь в число клиентов сбытово-снабженческих систем с.-хоз. кооперации только путем их коллективизации и 2) чем выше имущественное положение крестьянского хозяйства, тем больше оно заинтересовано в сбытово-снабженческой работе с.-хоз. кооперации». Оба эти положения нуждаются, однако, в существенных поправках. Верно, конечно, что товарность бедняцких и маломощных хозяйств очень низка, но нельзя, разумеется, рассматривать все эти хозяйства, составляющие не менее 35—40% всех крестьянских хозяйств, как *натуральные* хозяйства, которым нечего сбывать и нечего покупать. Это совершенно неверно для районов технических и специальных культур неверно большей частью и для зерновых районов. Можно ли сказать, при условии правильной классовой политики, в первую очередь правильной политики в области с.-хоз. кредита и производственного снабжения деревни, что производственно-сбытовые системы ничего не в состоянии сделать для обслуживания огромной массы бедняцких и маломощных крестьянских хозяйств? Можно ли утверждать, с другой стороны, что бедняцкие и маломощные хозяйства не заинтересованы в обслуживании их кооперацией по линии снабжения семенами, инвентарем, скотом и т. д., что они не заинтересованы в избавлении через кооперацию от эксплоатации со стороны скупщика и ростовщика? Ясно, что такая постановка в корне неправильна. Совершенно верно, что известная часть маломощной группы крестьянства не в состоянии в одиночку удержать свое хозяйство и что для этих хозяйств коллективизация является неотложной жизненной необходимостью. Какой из этого должен быть сделан вывод? Только тот, что *на ряду с индивидуальным* обслуживанием бедняцких и маломощных хозяйств (по линии кредита, снабжения, сбыта и проч.) одной из важнейших задач производственно-сбытовых систем должно быть также *всемерное содействие об'единению этих хозяйств в производственные коллективы*. Выводы т. Григорьева сводятся наоборот к отрицанию возможности *индивидуального обслуживания* производственно-сбытовыми системами деревенской бедноты и к отрицанию необходимости активного участия этих систем *в организации и обслуживании производственных об'единений бедноты*. Если это не так, то как понимать вывод т. Григорьева, что производственно-сбытовые системы «приспособлены к обслуживанию середняцко-зажиточных слоев деревни и их-то и обслуживают», и его вывод, что «в этом нет ничего ужасного»?

В значительных поправках нуждается и второе утверждение т. Григорьева, что «чем выше имущественное положение крестьянского хозяйства, тем больше оно заинтересовано в снабженческо-сбытовой работе с.-хоз. кооперации». Это было бы верно в такой безоговорочной форме, если бы мы не имели в с.-хоз. кооперации безусловного преобладания бедняцких и середняцких слоев деревни, если бы с.-хоз. кооперация не проводила *особых мер* помощи бедноте, если бы она не организовывала бедняка и середняка против кулака, если бы товарный и денежный кредит направлялся через кооперацию преимущественно в зажиточные хозяйства, если бы кооперативный оборот не регулировался государством, если бы руководство кооперативным движением находилось в руках кулака и т. д. *Иначе говоря, безоговорочное утверждение т. Григорьева безусловно верно в условиях капиталистических стран и совсем неверно в условиях СССР.*

Исходя из ложных предпосылок, т. Григорьев пытается перенести на с.-хоз. кооперацию СССР тенденции развития с.-хоз. кооперации капиталистических стран.

Факты и цифры.

Приведем для иллюстрации некоторые сравнительные данные о социальном составе с.-хоз. кооперации до революции и теперь. Начнем с маслодельной кооперации, на которую т. Григорьев ссылается для того, чтобы опровергнуть «миф» о середняцко-бедняцком построении производственно-сбытовых систем. Отметим, прежде всего, что маслодельная кооперация менее всех других систем может служить основанием для *общих* выводов. Совершенно очевидно, что бескоровные хозяйства не могут участвовать в молочной кооперации [1]), с другой стороны, товарные молочные хозяйства, не исключая зажиточных и кулацких, как общее правило, *вынуждены* участвовать в маслодельной кооперации, так как последняя является в настоящее время почти монопольным владельцем маслодельных заводов (90—95% всех заводов). Несмотря на это, социальный состав современной маслодельной кооперации резко отличается от социального состава дореволюционной маслодельной кооперации. Как мы уже отметили в своей статье, в дореволюционном Союзе Сибирских Маслоделов насчитывалось 7,3% однокоровных хозяйств и 57,2% хозяйств с 4-мя и более коровами. В 1926 г. в Сибирском Союзе Маслодельной Кооперации насчитывалось 33,5% однокоровных хозяйств и 16,5% 4-коровных хозяйств. К сведению т. Григорьева—однокоровные хозяйства в Сибири—это, как правило, бедняцкие и маломощные хозяйства. Такие же изменения наблюдаются и по другим районам. Так, например, в Вологодской губернии в 1914 году хозяй-

[1]) В молочной кооперации насчитывается 1—2% бескоровных хозяйств. В большей части—это члены артели, потерявшие коров или собирающиеся купить корову с помощью артели, за счет фонда бедноты и т. д.

ства с 4-мя и более коровами составляли 11,23% всех членов маслодельной кооперации, в 1926 году—2,87%. Очень любопытны в этом отношении данные о Воротищенской молочной артели (в Смоленской губ.). В 1913 году хозяйства с 4-мя и больше коровами составляли в этой артели 88,7% всех членов, в 1926 году эти хозяйства составляли всего 15%.

О тех же тенденциях свидетельствуют данные по другим системам. Вот сравнительная таблица по картофельной кооперации:

Шунгенский район Костромской губернии.

Годы	Группы по лошадности в %%				
	Безлош.	С 1 лош.	С 2 лош.	С 3 лош. и более	Итого
1912	14,8	67,7	14,8	2,7	100
1924	20,4	79,4	0,2	0,0	100

Еще более резкие изменения произошли в сырьевых отраслях с.-хоз. В системе Льноцентра безлошадные и однолошадные хозяйства составляют 84% всех членов, 21,4% членов имеют посев до 2-х десятин, 72,3% членов—от 2 до 6 десятин и только 6,3%—от 6 десятин и выше. Можно ли утверждать на основании этих данных, что льноводная кооперация есть кооперация середняцко-зажиточных слоев деревни? В хлопководческой кооперации хозяйства с посевом до 1 десятины составляют 71,8% всех членов. В свеклосевной кооперации насчитывается 68% членов с посевом свеклы не более ½ десятины, и только 6,8%—с посевом свыше 1 десятины. Значительный интерес представляет нижеследующая таблица, характеризующая изменения, происшедшие в составе плантаторов-табаководов:

Район	Группы по разм. посад. площади плант.	Число х-в в кажд. группе в %		Площ. пос. табак. в кажд. гр. в %	
		В 1914 г.	В 1926 г.	В 1914 г.	В 1926 г.
Майкоп.	1 гр. с пл. до 1 дес.	13,7	77,4	0,6	45,0
	2 » » » 2 »	29,9	16,6	8,3	27,7
	3 » » » 3 »	14,6	2,8	6,9	7,7
	4 » » свыше 3 »	41,8	3,2	84,2	19,6
		100	100	100	100
	1 » » до 1 дес.	12,5	86,6	0,2	79,0
	2 » » » 2 »	36,4	11,2	15,0	19,8
	3 » » » 3 »	18,0	2,0	13,0	4,6
	4 » » свыше 3 »	33,1	0,2	71,8	1,6
		100	100	100	100

Подавляющее большинство плантаторов, об'единяемых табаководной кооперацией — это хозяйства с посевом до 1 десятины.

Тов. Григорьев прав, конечно, что нельзя делать выводы о классовом характере с.-хоз. кооперации только на основании данных о социальном составе членов. Однако, тов. Григорьеву должно быть известно, что я основывал свои выводы *не только* на основании этих данных, но также на основании данных о руководстве с.-хоз. кооперацией *и содержании ее работы*. В своей статье я привел результаты обследования хозяйственной работы картофельной и льноводной кооперации, свидетельствующие, что бедняцкие и маломощные хозяйства пользуются с.-хоз. кооперацией для сбыта своей продукции в большей степени, чем зажиточные и кулацкие хозяйства. Тов. Григорьев совершенно игнорирует эти данные, между тем они имеют *решающее значение*. В настоящий момент мы имеем возможность пополнить приведенные нами факты материалами *РКИ о хозяйственной связи различных групп крестьянства с с.-хоз. кооперацией*. Вот результаты обследования, произведенного РКИ совместно с с.-хоз. кооперацией в 1926—27 году в трех районах (молочный район, льноводный и зерновой).

Сбыт молока (Ишимский район).

Группы хозяйств по средн. произв.	% сбыта по контр-агентам			
	Коопериров. хозяйства		Некооперирован. х-ва	
	Чер. коопер.	На стороне	Чер. коопер.	На стороне
I гр. до 200 руб.	100,0	—	—	100
II » до 200—500 р.	91,3	8,7	—	100
III » 500—1000 р.	91,1	8,9	6,1	93,9
IV » 1000—1400 р.	94,1	5,9	—	100
V » свыше 1400 р.	84,7	15,3	—	100

Сбыт льна (Тверской район).

Группы хозяйств по средн. произв.	% сбыта по контр-агентам			
	Коопериров. хозяйства		Некооперирован. х-ва	
	Чер. коопер.	На стороне	Чер. коопер.	На стороне
I гр. до 200 р.	В сост. член. таких х-в не оказалось	100	38,5	61,5
II » 200—500 р.	91,9	8,1	31,2	68,8
III » 500—1000 р.	77,4	12,9	34,6	65,4
IV » 1000—1400 р.	47,6	52,4	28,5	71,5
V » свыше 1400 р.	59,6	40,4	—	100

Сбыт зернопродуктов (Омский район).

Группы хозяйств по средн. произв.	% сбыта по контр-агентам			
	Кооперированн. хозяйства		Некооперирован. х-ва	
	Чер. коопер.	На стороне	Чер. коопер.	На стороне
I гр. до 200 р.	72,9	27,1	6,4	94,6
II » 200—500 р.	75,0	25,0	30,3	69,7
III » 500—1000 р.	48,2	51,8	9,4	90,6
IV » 1000—1400 р.	38,2	61,8	12,6	87,4
V » свыше 1400 р.	40,0	60,0	24,6	75,4

Эти таблицы показывают, что *хозяйственная связь кооперации с членами и степень охвата ею сбыта их продукции возрастает от зажиточных к маломощным группам крестьянства.* Наиболее полно охвачен с.-хоз. кооперацией сбыт продукции низших групп. Мы не будем останавливаться на причинах этого, поскольку это не входит в задачи настоящей статьи. Отметим только, что в основном причины эти определяются классовым содержанием работы с.-хоз. кооперации, направленной в первую очередь в сторону обслуживания бедняцких и середняцких хозяйств против кулака. Эти данные служат прямым и неоспоримым опровержением поспешных и необоснованных выводов т. Григорьева о «мифическом» обслуживании бедноты производственно-сбытовыми системами, они показывают, в каких существенных поправках нуждается в наших условиях положение т. Григорьева о том, что «чем зажиточнее крестьянские хозяйства, тем больше они заинтересованы в сбытово-снабженческой работе с.-хоз. кооперации», и сделанный им на этом основании вывод о середняцко-зажиточном характере производственно-сбытовых систем. Обслуживание различных групп с.-хоз. кооперацией в области снабжения характеризуется следующей таблицей, составленной РКИ на основании материалов обследования, произведенного ею совместно с с.-хоз. кооперацией (данные—в проц.):

Группы х-в по средн. произв.	Орган. закупки госорг. и коопп.		Кооперация		У частн. торг.		У производит.	
	Кооп. х-ва	Некооп. х.	Кооп. х-ва	Некооп. х.	Кооп. х-ва	Некооп. х.	Кооп. х-ва	Некооп. х.
I	40,54	45,60	38,27	42,42	9,47	22,28	49,99	31,92
II	55,14	43,21	49,23	39,88	14,96	27,72	29,90	29,07
III	58,26	51,84	53,10	47,94	15,38	18,23	26,36	29,93
IV	57,57	53,47	50,53	43,63	17,42	25,16	25,01	21,37
V	63,98	55,48	49,96	43,49	15,27	13,28	20,75	31,24

Таблица эта показывает, что по линии снабжения средствами производства хозяйственная связь с членами несколько возрастает от маломощных хозяйств к более зажиточным. Это об'ясняется, главным образом, большей потребностью маломощных групп в предметах продовольствия, что видно из значительного процента покупок ими непосредственно от производителя (по первой группе покупки непосредственно от крестьян составляют 50%, по последней—только 21%). И эта таблица свидетельствует о несомненной заинтересованности бедняцких и маломощных слоев в снабженческой работе с.-хоз. кооперации. Как и таблицы о сбытовой работе, она так же неоспоримо опровергает все выводы т. Григорьева. Резюмируя, приходим к следующим выводам: утверждения т. Григорьева о современном классовом характере производственно-сбытовых систем с.-хоз. кооперации не соответствуют действительности и опровергаются всеми известными фактами и цифрами. Точка зрения тов. Григорьева, сводящаяся к тому, что производственно-сбытовые системы с.-хоз. кооперации должны нормально строиться, как сбытово-снабженческие системы середняцко-зажиточных слоев деревни, а кооперирование бедноты должно направляться главнейшим образом по линии простейших производственных об'единений—коренным образом расходится с интересами бедноты и противоречит всей линии партии в вопросах кооперативного строительства. Проведение в жизнь этих положений привело бы на деле к изоляции бедноты, к замене в кооперации блока бедняка и середняка блоком середняка и кулака и к полному срыву наших задач в деле обслуживания бедноты и ее производственного кооперирования. Кооперирование и обслуживание деревенской бедноты может и должно быть делом *всех видов* с.-хоз. кооперации. Особенно большие задачи стоят в этой области перед производственно-сбытовыми системами. Вовлекая в свой оборот все слои населения, производственно-сбытовые системы должны в соответствии с директивами партии обслуживать в первую очередь бедняцкие и середняцкие слои деревни, организуя их против кулака, проводя *особые* мероприятия по поднятию маломощных и бедняцких хозяйств. На ряду с индивидуальным обслуживанием эти мероприятия должны иметь своей целью всемерное содействие об'единению бедноты в производственные коллективы. Только при этом условии, опираясь на массовые формы с.-хоз. кооперации, и в первую очередь на производственно-сбытовые системы, мы сумеем действительно двинуть вперед производственное кооперирование маломощных слоев деревни.

Кооперативный план Ленина.

Перейдем к другой моей «ошибке». М. Беленький совершенно подменивает действительную производственную систему кооперации системой сбытово-снабженческой и пытается доказать, что сбытово-снабженческие формы кооперирования должны быть в наших условиях основными. Тов. Григорьев не об'ясняет при этом, какую действительно производственную систему кооперации он имеет в виду и какая форма кооперирования является, по его мнению, основной. Очевидно, речь идет о колхозах и простейших производственных об'единениях. Что это значит? Целью с.-хоз. кооперации в СССР является организация перехода десятков миллионов мелких крестьянских хозяйств к крупному с.-хоз. производству на началах добровольного об'единения. По этому поводу не может быть никаких споров.

Вопрос заключается лишь в том, *какими путями* итти к осуществлению этой цели.

Есть прямой и кратчайший путь—путь непосредственной коллективизации. Не подлежит сомнению, что известная часть крестьянских хозяйств, в первую очередь деревенской бедноты, (с каждым годом все большая часть) будет итти к обобществлению производства этим путем, об'единяясь в т-ва по совместной обработке земли, колхозы и коммуны. Не приходится доказывать, какое огромное значение имеет это движение, но нужно ли доказывать, с другой стороны, что при всем своем громадном значении путь непосредственной коллективизации не является еще в настоящее время и не может стать в ближайшие годы *массовым* путем переустройства сельского хозяйства на социалистических началах. Для подготовки массовой коллективизации требуется огромная работа по перевоспитанию крестьянских масс и постепенной переделке сельского хозяйства под влиянием растущих социалистических элементов в народном хозяйстве. Эту работу должны проделать массовые формы с.-хоз. кооперации, в первую очередь производственно-сбытовые системы, ведущие к коллективизации крестьянского производства через обобществление процессов обращения в сельском хозяйстве. Нельзя подойти в массовом масштабе к организации распыленного крестьянского производства, не овладев крестьянским оборотом. С другой стороны, в условиях СССР кооперирование оборота неизбежно должно повлечь за собой кооперирование крестьянского производства. В корне неправильно поэтому рассматривать кооперацию в обращении, только как «сбытово-снабженческие» системы, противопоставляя их «действительно производственной» системе. Основная задача нашей кооперативной политики сводится к тому, чтобы сделать эти «сбытово-снабженческие» системы *массовым орудием производственного кооперирования, орудием массовой коллективизации крестьянских хозяйств,* подчиняя этой основной цели все стороны их деятельности: сбытовую, снабженческую, кредитную, агрикультурную.

Через организацию оборота—к организации населения и организации производства,—таков кооперативный план Ленина.

В брошюре о продовольственном налоге Ленин писал: «Политика кооперативная, в случае успеха, даст нам под'ем мелкого хозяйства и облегчение его перехода в неопределенный срок к крупному производству на началах добровольного об'единения». Впоследствии в статье «О кооперации» Ленин подробно раз'ясняет эту мысль: «В нэпе мы сделали уступку крестьянину, как торговцу, принципу частной торговли; именно из этого вытекает (обратное тому, что думают) гигантское значение кооперации... В самом деле, власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьянских хозяйств, обеспечение руководства за пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д.—разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали, как торгашескую, и которую с известной стороны имеем право третировать теперь при нэпе так же, разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества?»... Вот это-то обстоятельство недооценено

многими нашими практическими работниками. На кооперацию у нас смотрят пренебрежительно, не понимают того, какое исключительное значение имеет эта кооперация, во-первых, с принципиальной стороны (собственность на средства производства в руках государства), во-вторых, со стороны «перехода к новым порядкам путем возможно более *простым, легким и доступным для крестьянина*». Могут ли быть какие-нибудь сомнения в том, что Ленин имел в виду в этом плане именно кооперацию *в обращении*, через которую мы должны притти «в неопределенный срок к крупному с.-хоз. производству на началах добровольного об'единения». Ленин прямо говорит здесь о кооперации, «как форме торговли», о кооперировании «крестьянина, как торговца», о «торгашеской кооперации» и т. д. Тов. Григорьев не понял самого главного в учении Ленина о кооперации, именно необходимости организации «перехода к новым порядкам путем возможно более *простым, легким и доступным для крестьянина*», не понял, что этот переход может и должен быть осуществлен через кооперацию в обращении.

Он не видит путей и конкретных форм перехода от этих «сбытово-снабженческих» форм к производственному кооперированию, и не случайно тов. Григорьев не дает по существу в своей статье *никакого ответа* о путях производственного кооперирования крестьянства.

Оценка производственно-сбытовых систем только как «сбытово-снабженческих» систем середняцко-зажиточных слоев деревни, отрицание возможного и неизбежного перерастания их в производственную кооперацию есть прямое отрицание кооперативного плана Ленина. В этом основная ошибка т. Григорьева.

Массовые пути производственного кооперирования крестьянства.

Производственное кооперирование имеет своей целью в наших условиях массовое переустройство сельского хозяйства *на социалистических началах.* Только в этом может заключаться для нас смысл производственного кооперирования. Но социализм невозможен, во-первых, без планового хозяйства и, во-вторых, без крупного производства на основе передовой техники. Эти два важнейшие условия остаются в силе в полной мере и для социалистического переустройства сельского хозяйства. Ими должны определяться задачи и основное содержание производственного кооперирования. Тов. Григорьев видит только одну половину задачи: необходимость перехода к крупному с.-х. производству, и совершенно не замечает задачи вовлечения с.-х. оборота и производства в русло планового хозяйства. Этим об'ясняется непонимание им значения *производственно-сбытовых систем*, как и то совершенно исключительное непонимание, которое он обнаружил в вопросе о значении *контрактации* в наших условиях. В брошюре о продналоге Ленин писал: «К государственному крупному капитализму и к социализму *ведет одна и та же дорога*, ведет путь через *одну и ту же* промежуточную станцию, называемую «общенародный учет и контроль над производством и распределением продуктов». Эту задачу «планомерной государственной организации» производства и распределения с.-хоз. продуктов призваны осуществить производственно-сбытовые системы с.-хоз. кооперации. Эти системы организованы в виде центра-

лизованных союзов, объединяющих и организующих соответствующие отрасли сельского хозяйства. Одним из существеннейших достижений социалистического строительства в деревне является, *успешное вовлечение кооперативного оборота в русло государственного регулирования и планового хозяйства*. Государственное регулирование распространяется в настоящее время на все важнейшие стороны торговой деятельности производственно-сбытовых систем с.-хоз. кооперации: заготовительные и сбытовые цены, распределение продукции на внутреннем рынке, экспорт и т. д. Хозяйственная деятельность кооперативных центров постепенно принимает, таким образом, характер планового оборота, в основе которого лежит государственный учет и контроль над заготовкой и распределением с.-хоз. продуктов. Мы испытываем еще не мало трудностей в деле регулирования с.-хоз. оборота. Нередки случаи срыва наших плановых предположений. Но, несмотря на эти трудности, вовлечение с.-хоз. оборота в русло планового хозяйства через с.-хоз. кооперацию становится бесспорным фактом, открывающим новые, более широкие перспективы социалистического строительства в деревне. *Вовлечение сельского хозяйства в систему планового хозяйства не ограничивается только сферой оборота.* Организация оборота создает в свою очередь необходимые условия для постепенного вовлечения в систему планового хозяйства *с.-хоз. производства*. Крупнейшими факторами регулирования с.-х. производства являются в настоящее время *регулирование цен, целевое производственное кредитование, плановое производственное снабжение* и т. д. Главнейшей формой *непосредственного* вовлечения с.-хоз. оборота и *производства* в систему планового хозяйства является *кооперативная контрактация*, т.-е. переход кооперированных производителей к производству *по заказу* заготовителя или потребителя. Эта *система заказов* получила в последнее время широкое распространение, знаменуя собой новый важнейший этап на пути к станции, называемой «общенародный учет и контроль над производством и распределением продукции».

Как оценивает эти факты тов. Григорьев? По его мнению, «проведенный полностью принцип контрактации... ставит крест на ленинском кооперативном плане, заодно уничтожает и смысл существования с.-хоз. кооперации». Итак, переход через кооперацию к системе заказов, т.-е. к плановому производству и обороту в сельском хозяйстве уничтожает, по мнению, т. Григорьева, смысл существования с.-хоз. кооперации. Эта грубая ошибка т. Григорьева свидетельствует о полном непонимании сущности с.-хоз. кооперации, «смысл существования» которой заключается именно в организации перехода от стихийного мелкого производства и обмена к плановому обороту и плановому производству. По словам т. Григорьева, «дело сводится к простому: промышленность делает заказ, крестьянин его выполняет. Получается совхоз в масштабе СССР, и с.-хоз. кооперации как будто бы нечего делать». Тов. Григорьев не понимает той простой вещи, что промышленность не может делать заказ крестьянину *без* кооперации, что без кооперации *немыслимы* в сколько-нибудь широких размерах эти формы связи между промышленностью и крестьянским хозяйством, что система заказов может успешно развиваться в сел. хозяйстве только, как *кооперативная* контрактация. Другой формы контрактации мы в настоящее время в СССР не имеем. Тов. Григорьев не знает очевидно и того, что в тех отраслях, где контрактация получила широкое развитие (свекла, табак и хлопок), *мы имеем именно по этой причине почти 100%-ный охват населения кооперацией.*

Рассмотрим более подробно взаимоотношения между Сахаротрестом и свеклосевной кооперацией. Договор о контрактации между Сахаротрестом и Центральным Союзом Свеклосевов налагает на кооперацию следующие обязательства: 1) законтрактовать в крестьянских хозяйствах, в районах сахарных заводов, определенные количества свеклы, согласно утвержденной производственной программе (с неустойкой за каждую недосеянную десятину); 2) всю законтрактованную свеклу сдать заводам в предусмотренные пункты по установленным договором ценам. *Договор регулирует все основные* процессы производства свеклы, обусловливая следующие обязательства со стороны производителя: 1) углубление осенней пахоты на крестьянских землях под свеклой, 2) своевременный посев свеклы, 3) обязательное применение высококачественных семян, получаемых для этой цели от сахарных заводов, 4) обязательное удобрение земли определенным количеством суперфосфатов, 5) обязательное применение сеялок и 6) своевременная уборка свеклы и послепосевная обработка. Со своей стороны сахарный завод обязан по договору: 1) снабдить посевщиков свеклы через кооперацию средствами производства, семенами, сеялками для посевов, суперфосфатом, с включением их стоимости в цену свеклы, 2) выдать посевщикам аванс в размере 25 рублей на десятину (безлошадным хозяйствам выдается 35 рублей и больше), 3) отчислять на покрытие организационных расходов кооперации и на ее агрикультурную работу определенный процент со стоимости свеклы (6%). На эти отчисления кооперация ведет агрикультурную работу по плану, согласованному с органами Наркомзема и промышленности, содержа для этой цели около 450 агрономов.

Вся эта сумма взаимоотношений говорит о постепенном переходе, при помощи с.-хоз. кооперации, *целой* отрасли сельского хозяйства к организованному производству и обороту *по государственному плану.*

На этом примере мы видим, что *система заказов* открывает широкие возможности планирования и регулирования через кооперацию крестьянского производства, создавая таким образом наиболее благоприятные условия для *планомерной реконструкции сельского хозяйства* на основе более высокой техники (внедрение лучших семян, минеральных удобрений, крупных сеялок). Вместе с этим меняются роль и функции производственно-сбытовых систем: *кооперирование оборота непосредственно перерастает в этих условиях в кооперирование производства. Кооперативная контрактация представляет собой начальную стадию производственного кооперирования крестьянства.*

Тов. Григорьев знает только две формы крестьянского производства: *единоличное* производство и *коллективное* производство. Практика выявила, однако, и промежуточную переходную форму, которой можно дать название *кооперативного производства.* Это последнее характеризуется переходом кооперированных произво-

дителей к организованному производству по единому плану (который в условиях государственного регулирования кооперации неизбежно является *государственным* планом) под руководством и контролем кооперативного об'единения с применением определенных единообразных способов производства, определенной техники, с частичной коллективизацией производственных процессов и так далее. Гигантское значение этой формы производственного кооперирования определяется тем, что, во-первых, она способна охватить целые отрасли сельского хозяйства, и, во-вторых, тем, что она об'единяет все необходимые условия для последовательного социалистического переустройства сельского хозяйства: *планомерную государственную организацию производства и распределения с.-хоз. продуктов, соединенную с планомерной реконструкцией крестьянского хозяйства на новой технической основе.*

Для определения перспектив дальнейшего развития этих форм производственного кооперирования в сторону социализма необходимо остановиться на следующих двух вопросах. Как мы уже отметили в своей статье, эти новые формы организации с.-хоз. производства и оборота облегчают в значительной мере регулирование процессов расслоения деревни. Расслоение стихийно вырастает из стихийного мелкого производства и обмена. С момента же перехода мелкого товаропроизводителя к производству *по заказу* мы получаем полную возможность регулировать в известной мере условия работы и роста каждой группы крестьянских хозяйств. Между тем, мы приближаемся во всех главнейших областях с.-хоз. оборота к фактической государственной монополии, которая делает переход к системе заказов не только возможным, но при условии массового кооперирования населения и неизбежным. Необходимо, в частности, отметить, что связанное с контрактацией авансирование производителя, снабжение его семенами и орудиями производства оказывает, разумеется, наиболее существенную помощь бедняцким хозяйствам, которые больше всего нуждаются в кредите. При контрактации бедняцким хозяйствам оказывается обычно еще и специальная помощь в виде более значительных размеров авансов и т. д. Система заказов широко используется для вовлечения маломощных хозяйств в производство трудоемких технических культур. В то время как до революции 85% свеклы доставлялось на сахарные заводы из собственных имений, остальные 15% из прилегающих помещичьих и кулацких хозяйств, в настоящее время 61% свеклы поставляется крестьянскими хозяйствами, в подавляющем большинстве принадлежащими к середняцким и маломощным слоям. Примерно, около 1.000.000 крестьянских хозяйств занято в настоящее время свеклосеянием для сахарных заводов. Выше мы указали на огромные изменения, происшедшие в социальном составе посевщиков в других сырьевых отраслях сельского хозяйства. Не подлежит сомнению, что все эти изменения оказались возможными в очень значительной мере только благодаря развитию практики контрактации. Все это облегчает и ускоряет темп развития производственно-сбытовых систем в сторону социалистического переустройства сельского хозяйства. С другой стороны, мы видели, что переход от стихийного производства на рынок к системе заказов, значительно ускоряет и облегчает также процесс *технической реконструкции* крестьянского производства, подготовляя таким образом технические условия для массовой реорганизации крестьянских хозяйств на социалистических началах. Регулирование процессов крестьянского производства не может ограничиваться в этих условиях внедрением более рациональных способов производства, высокосортных семян, минеральных удобрений и т. п. *Оно должно найти главное свое выражение в планомерном внедрении в крестьянское производство крупных машин и постепенной коллективизации вокруг машин кооперированных хозяйств.*

Приведенный нами пример свеклосевной кооперации чрезвычайно показателен и в этом отношении. Для посева свеклы необходимы крупные сеялки, которые в условиях крестьянского свеклосеяния не могут быть использованы иначе, как на коллективных началах. Согласно договору между Сахаротрестом и свеклосевной кооперацией посевщики получают эти сеялки *бесплатно с прокатных пунктов Сахаротреста* (пользование ими учитывается при калькуляции цены на свеклу). Для использования этих сеялок и др. крупных машин (культиваторы, бороны и проч.) посевщики об'единяются в коллективы от 50 до 70 хозяйств (около 25—30 дес. на одну сеялку). Эти об'единения имеют иногда временный характер и распадаются по окончании засева. Однако, в значительной части, в особенности там, где уже проведено землеустройство, они оформляются в уставном порядке, организуясь в постоянные артели с общими машинами, общими складами для семян, минеральных удобрений и т. д. Свеклосевная кооперация может служить, таким образом, примером планомерной массовой коллективизации крестьянских хозяйств на основе организованного внедрения в с.-х. произ-во крупных машин.

Непонимание т. Григорьевым всей важности значения контрактации как начальной стадии массового производственного кооперирования является неизбежным следствием общего непонимания им путей производственного кооперирования крестьянства.

Система заказов широко применяется уже в течение ряда лет в области свеклосеяния, хлопководства и табаководства. Это об'ясняется тем, что в области заготовок этих видов сырья, мы имели с самого начала фактическую государственную монополию, вытекающую из монопольного положения государственной промышленности, как потребителя с.-хоз. сырья. Важнейшая особенность настоящего момента заключается в том, что мы подошли *к фактической государственной монополии во всех главнейших отраслях сел.-хоз. оборота*. В то же время значительно выросла и сел.-хоз. кооперация; это открывает новые возможности по линии организованного воздействия на крестьянское производство путем распространения системы заказов на ряд новых отраслей сельского хозяйства. В качестве заказчиков могут выступать не только промышленные, но и другие организации. Так например, по линии семеноводства в качестве заказчика выступает в настоящее время Наркомзем. *В роли заказчиков могут и должны выступать и кооперативные центры.* За последнее время система заказов получила в действительности значительное распространение в ряде новых отраслей сел. хозяйства: семеноводство, лен, подсолнух, подсобные технические культуры. Не подлежит сомнению, что в ближайшем году контрактация посевов получит

еще большее распространение. Она, несомненно, получит значительное применение и в зерновых отраслях и в ряде других культур в связи с растущим обобществлением оборота в этих отраслях, их вовлечением в русло государственного регулирования.

Тов. Григорьев не замечает всего этого и об'ясняет происхождение контрактации по-своему. «Чем она вызвана?»—спрашивает т. Григорьев.—Во-первых—необходимостью обеспечить определенные отрасли промышленности (пока-что сахарную и хлопководческую) сырьем, во-вторых,—что сама сел.-хоз. кооперация собственных оборотных средств не накопила». Тов. Григорьев не понимает, что развитие системы заказов является результатом общего укрепления планового начала в народном хозяйстве и роста кооперации, неизбежным следствием фактической государственной монополии в главнейших отраслях сел.-хоз. оборота. Он не видит в контрактации ничего, кроме вложения государственных средств в крестьянский хлебооборот и приходит на этом основании к заключению, что контрактация есть антипод кооперации». Между тем нет никаких оснований утверждать, что при системе заказов государство вкладывает в кооперацию *больше средств, чем в обычных условиях производства.* Разве в тех отраслях, где контрактация не имеет никакого применения, государство меньше финансирует кооперацию?

Разве есть основания утверждать, что без применения контрактации государство могло бы вложить меньше средств в хлопководство, в свеклосеяние и пр., чем в теперешних условиях? Мы думаем *наоборот*, так как в соединении с системой заказов государственное кредитование даст, несомненно, больший эффект, чем в условиях распыленного производства.

Контрактация—это основная форма планового производства и оборота в сел. хозяйстве. Как таковая, она не связана непосредственно ни с авансированием производителя, ни с другими специальными формами вложения государственных средств в крестьянский оборот. Контрактация вполне мыслима без авансирования производителя. Поскольку авансирование имеет место, оно должно рассматриваться как особая форма *целевого кредитования* и применяться лишь в тех пределах, в каких это кредитование целесообразно и необходимо. В некоторых случаях авансирование применяется в качестве дополнительного стимула для перехода мелкого товаропроизводителя к системе заказов. Не следует, однако, переоценивать значение авансирования с этой стороны. Возможность перехода к системе заказов непосредственно вытекает из фактической государственной монополии в главнейших областях сел.-хоз. оборота, поскольку эта монополия осуществляется *через сел.-хоз. кооперацию.* Система заказов базируется на естественной *необходимости* для производителя приспособить все свое производство к потребностям и требованиям *монопольного* заготовителя; на *заинтересованности* в этом со стороны производителя, поскольку система заказов опирается на *соответствующее регулирование цен*; на *плановости* заготовителя и *возможности* предусмотреть необходимое количество и качество продукции; на *организованности* производителя (кооперирование, централизованная форма об'единения и т. д.).

Само собой разумеется, что применение методов контрактации нисколько не ослабляет необходимости вовлечения средств населения в кооперативный оборот. Однако, плановость производства и оборота ни в какой мере не противоречит, а наоборот облегчает разрешение этой задачи.

Есть, в частности, все основания думать, что при правильном построении контрактация посевов может служить *и при системе авансирования методом привлечения средств крестьянского населения.* Договора о контрактации могут и должны предусматривать оплату продукции *в несколько сроков.* При контрактации посевов, когда продукция подлежит обязательной сдаче по заранее установленным ценам, крестьянин не заинтересован в том, чтобы хранить продукцию у себя, и сдает ее в предусмотренные договором сроки обычно в один прием. Между тем, крестьянину не нужны все деньги сразу. В этих условиях оплата продукции может быть рассрочена без ущерба для сдатчика. Само собой разумется, что бедноте должны быть обеспечены при этом более льготные условия расчета. При условии уплаты процентов, правильного построения системы авансирования и т. д. привлечение крестьянских средств этим путем могло бы иметь несомненный успех.

Огромные возможности, связанные с переходом в сел. хоз. от производства на рынок к системе заказов, используются нами в настоящее время лишь в очень незначительной степени. Мероприятия по авансированию и снабжению не увязаны *в должной* мере с задачами поднятия бедняцких хозяйств. Эти мероприятия используются нередко кулацкими хозяйствами. Переход к плановому производству не используется в достаточной степени для воздействия на крестьянские хозяйства в направлении их реконструкции и коллективизации, как не используются достаточно в целях регулирования процессов расслоения. Все еще очень слаба самодеятельность кооперированного населения. Ресурсы, находящиеся в руках государственной промышленности, и ее влияние, определяемое монопольным положением на рынке сел.-хоз. сырья, не только не всегда используются в достаточной мере для содействия кооперированию крестьянских хозяйств, но нередко получают даже противоположное направление. С этими недостатками необходимо бороться, но борьба эта должна иметь целью не ослабление, а укрепление планового начала в сельском хозяйстве. И нельзя никак согласиться с тов. Григорьевым, что «с контрактацией приходится пока мириться, а не возводить ее в принцип «кооперативного» строительства». Плановость оборота и плановость производства должны стать основными принципами кооперативного строительства. Это вытекает из современной природы сел.-хоз. кооперации, как формы *социалистического* строительства в деревне. Этого требуют интересы широких крестьянских масс, для которых контрактация становится важнейшей формой помощи бедноте, средством массового под'ема и реконструкции хозяйства, вернейшим средством обеспечения устойчивых цен и избавления от всех случайностей и колебаний рынка. Кооперативная контрактация должна быть полностью использована, как массовая форма производственного кооперирования, открывающая широкий путь к реконструкции крестьянских хозяйств на новой технической и общественной основе.

Б. Колесников.

О некоторых спорных вопросах современного экономического курса.

(*Ответ тт. Розенталю, Бухарину, Мартынову и др*). [1])

Моя статья «Итоги и перспективы индустриализации» вызвала обширнейший ответ К. Розенталя, появившийся на страницах центральных органов нашей партийной печати—«Большевика» и «Правды». Воодушевленный стремлением открыть в моем разборе госплановской пятилетки злостную ересь, именуемую «оппозицией», мой почтенный критик начал свою атаку по всем правилам современной литературно-политической стратегии: с места в карьер он уличил меня в том, что я, избрав темой своей статьи анализ госплановских «Материалов», совершил подлог и коварно ввел в заблуждение читателя, ибо мои возражения против *проекта хозяйственного плана* на деле оказались направленными против *основного курса современной экономической политики*. На этом основании К. Розенталь принял на себя рыцарскую защиту не только госплановской пятилетки, но и нынешнего экономического курса.

Казалось бы, судить об основном курсе современной экономической политики по госплановским «Материалам» можно лишь с известными оговорками—тем более, что, как напоминает К. Розенталь, «эти «Материалы» не только не обсуждались и не принимались партией, но не утверждались и самим Госпланом». Больше того: в своей статье я привел ряд длинных выписок из резолюций высших партийных органов с целью показать, что основная политическая предпосылка госплановской пятилетки (индустриализация страны исключительно за счет пролетариата) коренным образом *противоречит* этим резолюциям. Если все же К. Розенталь настаивает на том, что возражения против госплановской пятилетки, выдвинутые в моей статье, оказались одновременно обращенными и против нынешнего экономического курса—я готов поверить в этом моему уважаемому критику: кому же как не ему, доблестному защитнику современной экономической политики, положено знать, как эта политика выглядит на самом деле! Но, это может означать только одно: очевидно госплановская пятилетка, хотя она и не утверждена еще ни Госпланом, ни партией, *целиком соответствует нынешнему экономическому курсу*.

По своему тону статья К. Розенталя является блестящим образцом новейшей политической литературы: она свидетельствует

[1]) Статья дискуссионная.

прежде всего о том, что наиболее сильной стороной знакомства ее автора с русским языком является знание крепких прилагательных. Непоколебимая уверенность в том, что залихватская ругань всегда может с успехом восполнить отсутствие более веских аргументов; чванливое третирование всякого, кто не удостоился приобщиться божественной премудрости в институте красной профессуры; твердое убеждение в собственной непогрешимости и, наконец, весьма развязное и беззастенчивое обращение с цифрами и фактами в тех случаях, когда они упрямо отказываются служить ему, как он от них требует—таков материал, из которого соткана статья К. Розенталя. Полемика в иных, более сдержанных и лойяльных тонах стала при нынешних литературных нравах редким явлением; однако, памятуя слова Ленина о том, что «нельзя писать про товарищей по партии таким языком, который систематически сеет в рабочих массах ненависть, отвращение, презрение и т. п. к несогласномыслящим», я не пойду вслед за моим критиком по пути уснащения нашего спора цветистыми ругательствами—хотя, по правде сказать, непроходимая тупость журналистов той породы, к которой принадлежит К. Розенталь, способна порой довести до полного отчаяния даже святого...

«Философия восстановительного процесса».

Наши разногласия начинаются с оценки итогов хозяйственного развития за годы нэпа, т.-е. с вопроса, свидетельствует ли прошлое нашего развития об *индустриализации* нашей страны. Ухватившись за мое утверждение, что «наши хозяйственные планы безжалостно корректировались стихией рыночного хозяйства», К. Розенталь начинает склонять несчастную рыночную стихию по всем подежам: сквозь текст моей статьи он видит даже «мудрую стихию, полностью и целиком солидарную с оппозицией». Это мрачное и мистическое видение является следствием одной из основных ошибок нашего строгого критика.

Эта ошибка заключается в том, что К. Розенталь не понимает до конца, не чувствует, не осязает, если можно так выразиться, *восстановительный* характер нашего хозяйственного развития за истекшее пятилетие. Почему в продолжение этого пятилетия наше хозяйство в своем развитии тяготело к своему довоенному уровню? Не только потому, что этот уровень в общем и целом соответствовал *наличной* технико-производственной базе, но и потому, что полное и всестороннее использование наличной технико-производственной базы означало восстановление в основных чертах довоенных пропорций общественного разделения труда. Эти пропорции с точки зрения потребностей общественного развития, несмотря на крупнейшие свои недостатки, представляли собой *высшую ступень* в сравнении с тем хозяйственным развалом, сопровождавшимся почти всеобщим разрывом экономических связей, который царил в нашей стране к моменту окончания гражданской войны. Лишь достигнув довоенного хозяйственного уровня, т.-е. выполнив хозяйственную программу-минимум, мы получили возможность поставить на очередь во весь рост вопрос о *реконструкции* нашей экономики, т.-е. об изменении доставшихся нам в наследство пропорций общественного разделения труда в желательном с точки зрения наших общих социально-политических задач направлении.

К довоенному уровню наше народное хозяйство в течение восстановительного периода толкали не только государственные планы, но и стихия рыночной экономики—если, разумеется, под этой последней понимать не хищнический произвол отдельных спекулянтов, а свойство рыночного хозяйства нарушать и затем вновь восстанавливать пропорциональность хозяйственного развития. Именно задача восстановления хотя бы относительно удовлетворительных пропорций общественного разделения труда оставалась *важнейшей* в течение первых пяти лет нэпа—и нет ничего удивительного в том, что на службу ей оказался поставлен с большим или меньшим успехом весь механизм рыночного товарооборота. Как я уже писал в своей первой статье, эта задача восстановления пропорциональности хозяйственного развития обязывала восстановительный процесс «в каждой отдельной отрасли хозяйства протекать именно в том темпе, какой соответствовал гармоничному завершению восстановления народного хозяйства в целом». Рыночная стихия *содействовала* решению этой задачи, играя роль сигнализатора, показывавшего посредством механизма спроса и предложения, какие отрасли хозяйства отстают от общего уровня развития и какие, напротив, забегают вперед. Наконец, в тех случаях, когда государственное регулирование игнорировало сигналы рынка, этот последний мстил за себя явлениями кризисного порядка и заставлял соответственно перестраивать хозяйственные планы на ходу. В этом смысле нет ничего позорного признать, что «наши хозяйственные планы бесжалостно корректировались стихией рыночного хозяйства».

Если машинистом на локомотиве, двигавшим наше народное хозяйство вперед к довоенному уровню, являлось государственное регулирование, то укладывать для него в кратчайшем направлении рельсы помогала слепая стихия рыночного товарооборота. Пугаться *такого* «союза» с рыночной стихией или патетически окружать частоколом восклицательных знаков «рыночную стихию, повышающую удельный вес в хозяйстве социалистических элементов», могут только люди, раз навсегда зазубрившие, что рыночная стихия есть порождение дьявола и с одинаковым усердием проповедующие эту заповедь в любые времена и при любых исторических условиях. Кругозор таких людей ограничен, фигурально выражаясь, двумя измерениями—они неспособны видеть то, что лежит вне пределов их плоского горизонта. Для этих людей, несмотря на всю их «ученость», марксистская диалектика навсегда останется книгой за семью печатями.

Разумеется, все это рисует только *основной фон* нашего хозяйственного развития за истекшие пять лет. В живом хозяйственном процессе восстановительный и реконструктивный периоды не могли быть отрезаны друг от друга китайской стеной; ряд исторических изменений довоенных пропорций народнохозяйственного развития России (исчезновение классов помещиков и капиталистов, отделение Польши и лимитрофов, технические революции в производстве и т. д.) вынудил реконструировать в некоторой части наше хозяйство на ходу уже в восстановительном периоде. Об этом свидетельствуют достижения в области тракторостроения, электрификации и проч., которые с отменным знанием дела перечисляет в своей статье К. Розенталь. Отрицать эти достижения я отнюдь не собираюсь. Но нужно же отдавать себе отчет в том, что все эти реконструктивные элементы

оставались *подчиненными, второстепенными* по своему удельному весу и значению вплоть до окончания восстановительного периода. Поэтому набросанная выше «философия восстановительного процесса» полностью сохраняет свою силу для *основных* закономерностей нашего хозяйственного развития за истекшее пятилетие. Кто этого не понимает, тот фактически стирает всякую грань между периодами восстановления и реконструкции хозяйства и разрушает этим фундамент научного понимания нашего экономического бытия.

Туманное представление о том, почему восстановительный период назван своим именем, мешает К. Розенталю понять, что соотношение темпов восстановления отдельных отраслей хозяйства диктовалось об'ективными тенденциями восстановительного процесса и определялось прежде всего тем, как глубоко падала та или иная отрасль хозяйства по отношению к своему довоенному уровню в годы экономической разрухи. «Чем более далек был путь до довоенного уровня,—писал я об этом достаточно популярно в своей первой статье,—тем *быстрее* нужно было по этому пути подвигаться, чтобы притти к «финишу», роль которого в восстановительном процессе играл довоенный уровень, *одновременно со всем народным хозяйством в целом*». К сожалению, этой простой мысли К. Розенталь оказался недоступен: подменив, посредством легкой передержки, более быстрый *темп* развития наиболее глубоко упавших в годы гражданской войны отраслей хозяйства более быстрым *сроком* их восстановления (словно *темп* и *срок*—это одно и то же!), он скачет и играет вокруг «уничтоженного в огне гражданской войны крестьянского скота», который должен был бы якобы достигнуть своего довоенного размера «*быстрее других отраслей сельского хозяйства*»!

«Разве это не чудовищно», — восклицает К. Розенталь по этому поводу. Ну, еще бы, конечно, чудовищно—особенно после того, как в моей статье черным по белому было написано, что при разных *исходных* уровнях по отношению к довоенному (34,7% для промышленности и 66,8% для сельского хозяйства) *различный темп восстановления* отдельных отраслей хозяйства был именно следствием необходимости для них притти к довоенному уровню «*одновременно со всем народным хозяйством в целом*».

Таким образом, несмотря на ураганный обстрел набросанной в моей статье «философии восстановительного процесса», мне остается повторить вторично: *для ответа на вопрос—как решает партия проблему индустриализации нашей страны—прошлое нашего хозяйственного развития не даст устойчивых данных.*

За чей счет?

Вполне четкий и недвусмысленный ответ на этот вопрос дан в госплановских «Материалах», которые говорят: «В последнем счете все финансирование нашего народного хозяйства, происходит ли оно за счет прибылей наших государственных предприятий или за счет бюджетных ресурсов, падает всей своей тяжестью на трудовые доходы и прежде всего на городской пролетариат».

Как я уже указывал в своей статье, этими словами выражена основная *политическая* предпосылка госплановской пяти-

летки. Промышленное развитие нашей страны нужно не только пролетариату, но и крестьянству; между тем, тяжесть этого развития должна, по мнению госплановских специалистов, лечь на плечи *одного пролетариата*. Коротко говоря, проект госплановской пятилетки предполагает такое развитие экономических отношений между классами, при котором пролетариат окончательно попадает в положение пасынка нашей революции. Вместо того, чтобы эту *противопролетарскую* политическую линию взять в штыки, К. Розенталь пытается обелить госплановских специалистов; по его мнению здесь просто вышла обмолвка. «Использовав,—пишет он,—неудачную, ибо она противоречит реальному содержанию «Материалов», фразу об источниках финансирования нашего народного хозяйства, Колесников утверждает» и т. д. В подтверждение того, что крестьянство также несет расходы по индустриализации, наш критик приводит два главных доказательства: 1) вложения в основные отрасли народного хозяйства *превышают* их собственные накопления и 2) кроме единого сельскохозяйственного налога крестьянство платит еще косвенные налоги, покрывающие известную часть государственных (бюджетных) расходов.

Разберем эти «доказательства». Капитальные вложения в основные отрасли народного хозяйства (за исключением сельского хозяйства) действительно превышают их накопления по пятилетке на значительную сумму в 3.584 млн. рублей [1]); этот дефицит предположено покрыть из средств государственного бюджета. Однако, было бы грубейшей ошибкой полагать, что все эти средства будут перераспределены бюджетом в государственное хозяйство *из сферы частного хозяйства*. Ведь свои доходы бюджет черпает не только из частного хозяйства, но и из хозяйства государственного. Отчасти это обстоятельство учтено авторами «Материалов», поскольку *прибыли* государственного хозяйства, которые отчисляются в госбюджет и затем вновь возвращаются этим последним госпромышленности, транспорту и т. д., в пятилетке прямо отнесены к накоплениям государственного хозяйства и исключены из суммы средств, направляемых в это последнее через госбюджет. Но и те средства, которые направляет в промышленность бюджет за вычетом прибылей, никак нельзя считать «*чистыми* вложениями в промышленность со стороны бюджета», ибо промышленность питает бюджет не только прибылями, но и *налогами*. Часть этих налогов, а именно *акцизные сборы*, промышленность впоследствии перекладывает на плечи потребителя; но другая часть—а именно: патентный сбор, подоходный налог, рентные платежи, плата за использование недр, попенный сбор, гербовый сбор и прочие пошлины и т. д. и т. д.—все это целиком ложится на плечи промышленности и других отраслей государственного хозяйства. Считать средства, полученные от промышленности посредством налогов этой категории и затем возвращенные ей, «чистыми» вложениями бюджета—значит обманывать себя и других.

[1]) А не на 4.720 млн. рублей, как указывает К. Розенталь; это расхождение между нашими цифрами получилось вследствие того, что он почему-то не учел в графе «накоплений» доходы от госторговли, банков, эмиссии банкнот и мобилизации части резервных капиталов промышленности через 8% заем в общей сумме 2.937 млн. рублей, а в графе «вложений»—расходы на пополнение оборотных капиталов госторговли и банков в общей сумме 410 млн. рублей.

Между тем, общая сумма этих налогов в предстоящее пятилетие будет далеко не маленькая—и вовсе сбрасывать их со счетов, как это делает К. Розенталь, нельзя даже в пылу самой горячей полемики. В своей статье я уже указывал, что, например, один *промысловый налог* должен дать свыше полмиллиарда рублей; такая, казалось бы, безобидная вещь, как *гербовый сбор*—свыше миллиарда рублей и т. д. Если хотя бы эти немногие цифры сопоставить с запроектированной суммой «чистых» вложений в государственное хозяйство в три с половиной миллиарда рублей—даже К. Розенталю должно стать ясно, что действительно *чистые* вложения госбюджета в промышленность на деле превращаются в воздушную мечту...

Перейдем ко второму «доказательству». В пользу участия крестьянства в расходах по индустриализации говорит, по мнению К. Розенталя, то обстоятельство, что в предстоящее пятилетие крестьянство должно уплатить всех налогов (включая единый сельскохозяйственный налог) на сумму около шести или семи миллиардов рублей [1]). Перед таким «доводом» остается только развести руками. Ведь К. Розенталю превосходно известно, что наш бюджет не только финансирует государственное хозяйство, но и покрывает расходы по управлению страной, по ее обороне, по удовлетворению социально-культурных нужд населения (просвещение, здравоохранение) и т. д. За счет каких же классов должны покрываться эти расходы? Может быть, они целиком должны быть сняты с крестьянства и тоже возложены исключительно на пролетариат? Может быть, по мнению К. Розенталя, крестьянство не заинтересовано в обороне Советской страны и расходы на это дело должен нести один пролетариат? Может быть, наше крестьянство так враждебно грамоте, что и школы для крестьянских детей должны содержаться за счет пролетариата? Может быть, и деревенский административный аппарат нужен не крестьянству, а пролетариату и потому должен содержаться этим последним за собственный счет? Если К. Розенталь не хочет докатиться до проповеди таких благоглупостей, он должен помнить, что шести или семи миллиардам налоговых платежей крестьянства противопостоит не только семнадцать с половиной миллиардов капитальных вложений в народное хозяйство, но и без малого *четырнадцать* миллиардов (точнее 13.743 млн. руб.) расходов по управлению, обороне и удовлетворению социально-культурных нужд населения. Если сбросить предположенные бюджетные расходы на финансирование крестьянского хозяйства, то окажется, что все налоговые платежи крестьянства покрывают круглым счетом не более *двух пятых* расходов бюджета по управлению, обороне, здравоохранению, просвещению и т. д. Эту долю нельзя признать чрезмерно высокой, если вспомнить, что мы живем в крестьянской стране, где, например, из числа всех учащихся в школах I и II ступени в 1926 году на деревню падало три четверти (из 10.100 тыс. душ—7.612 тыс. душ).

С другой стороны, раз К. Розенталь вспомнил о косвенных налогах—нужно напомнить, что тяжесть этого обложения падает не столько на крестьянство, сколько именно на пролетариат.

[1]) По одному подсчету К. Розенталя 6.296 млн. рублей, а по другому—7.162 млн. рублей. Оспаривать или подтверждать эти расчеты я не считаю нужным, ибо под интересующим нас углом зрения они не имеют никакого значения.

По данным, относящимся к 1924—25 году (а с тех пор значение косвенных налогов только *возросло*), на душу деревенского населения падало 1 руб. 11,8 коп. всех акцизов, а на душу *рабочего* населения—6 руб. 02,3 коп. Это об'ясняется, конечно, в первую очередь тем, что крестьянин значительную часть своих потребностей покрывает продуктами своего хозяйства, а рабочий все, что ему нужно, покупает на рынке. Таким образом, вспомнив о косвенных налогах, К. Розенталь попадает из кулька в рогожку... А под интересующим нас углом зрения этот довод способен только *запутать* разбираемый нами вопрос. Впрочем, может быть, К. Розенталю именно это и нужно?

Доказывая, что с деревни нечего взять на индустриализацию, ибо она «живет на пороге физиологических норм существования», госплановские экономисты забыли такую «мелочь», как то обстоятельство, что деревня-то у нас есть разная—есть деревня кулацкая, есть середняцкая, есть бедняцкая. Деревенская беднота действительно живет «на пороге физиологических норм существования», и никому не придет в голову возлагать на нее тяжесть нашего промышленного развития. Но брать за одни скобки с деревенской беднотой зажиточную, кулацкую и полукулацкую верхушку деревни, отказывающуюся ныне пить чай из медных самоваров—подавай ей никелированный!—это значит прикрывать деревенской беднотой интересы кулака, т.-е. *прямо служить кулацким интересам.* Вместо беспощадного разоблачения этой устряловщины, замаскированной сладенькими разговорами об интересах крестьянства «вообще», К. Розенталь попытался покрыть ее посредством «ловкости и проворства рук». Эта задача не увенчалась успехом: факты—упрямая вещь...

Значение безработицы по Марксу и по Бухарину.

Судить о том, насколько наши хозяйственные планы отвечают требованиям развития производительных сил, можно с разных точек зрения. Так, общепризнанным мерилом индустриализации считается соотношение роста продукции промышленности и сельского хозяйства. Большим вниманием наших экономистов пользуется также состояние рынка, в частности соотношение спроса и предложения промтоваров (степень так наз. «товарного голода»). Возможны и иные подходы к этой проблеме.

Под каким же углом следует подойти к госплановской пятилетке, поставив себе вопрос, соответствует ли она требованиям развития производительных сил нашей страны? В своей статье я постарался со всей силой подчеркнуть, что *решающим* с этой точки зрения показателем является *степень использования наличных запасов человеческого труда.* В пользу этого критерия говорит прежде всего то обстоятельство, что основной производительной силой является именно человеческий труд. Кроме того, проблема использования наличных запасов человеческого труда имеет особое значение потому, что ее решение показывает, насколько наша экономическая система преодолевает в своем развитии *всеобщий закон капиталистического накопления*, т.-е. служит показателем «социалистического качества» нашего социально-экономического развития. На этот, действительно центральный по своему значению, тезис моей статьи (кстати, заботливо обойденный К. Розенталем) обрушился тов. Бухарин в своей речи на московском с'езде профсоюзов. Но, к сожалению, основной прицел тов. Бухарина оказался таков, что его залп дал недолет. Я в своей статье указывал, что о степени преодоления всеобщего закона капиталистического накопления можно судить по *тенденции нашего хозяйственного развития*, поскольку ее рисует госплановская пятилетка; а тов. Бухарин обвинил меня в том, что действие всеобщего закона капиталистического накопления я доказываю фактом существования безработицы *в настоящий момент.* В его, мягко выражаясь, вольном изложении мои взгляды превратились в настоящую карикатуру. «Посмотрим,—говорит т. Бухарин,—как истолковывает его (марксов закон) Колесников. Он нам говорит: у вас есть безработица?—есть. Росла она?—росла». «Если вы желаете узнать, идете ли вы к социализму или нет, то именно по этой мерке нужно мерить. Если у вас много безработных, значит—у вас действует всеобщий закон капиталистического накопления».

Повидимому, тов. Бухарин, недопустимо путает *статическое* состояние интересующего нас явления (безработицы) с тенденцией его *развития.* Здесь также уместно вспомнить азбуку марксистской диалектики, обязывающей познавать смысл и значение всякого явления, изучая его *развитие.* В частности, смысл и значение безработицы приобретает совершенно различный вид в зависимости от того, рассматриваем ли мы безработицу в нынешнем ее состоянии или проверяем тенденцию дальнейшего ее развития. В нынешнем своем состоянии безработица есть один из итогов *восстановления* нашего хозяйства на уровне, в общем и целом, близком к довоенному; она есть результат об'ективного по своим тенденциям восстановительного процесса и отражает недостатки довоенных пропорций общественного разделения труда. В этом смысле нынешнюю безработицу можно с известным правом назвать наследством экономики дореволюционной России. Сигнализируя о *кризисных элементах* нашего развития и напоминая о необходимости скорейшей реконструкции нашего хозяйства, современная безработица в основном все же не может рассматриваться как результат действия всеобщего закона капиталистического накопления.

Иное дело—*тенденция дальнейшего развития* безработицы, проявляющаяся не в кратковременных сезонных ее колебаниях, а на протяжении такого длительного и относительно нормального по условиям развития промежутка времени, каким является охваченное госплановскими «Материалами» пятилетие. Здесь та или иная *тенденция* развития безработицы (рассасывание или рост) характеризует развитие нашего народного хозяйства, перешагнувшего за грань довоенных экономических соотношений, и свидетельствует о том, преодолевает ли наша хозяйственная система в своем развитии всеобщий закон капиталистического накопления или нет.

Сама постановка вопроса о всеобщем законе капиталистического накопления в современных советских условиях может казаться святотатством или глупостью только людям, которые убеждены, что у нас кругом социализм и что неопровержимым доказательством этого является отсутствие у нас класса капиталистов. С этого плацдарма тов. Бухарин пытается опрокинуть самую возможность действия у нас всеобщего закона капиталистического накопления. «Маркс писал,—говорит он,—что *капита-*

листы создают резервную армию безработных для давления на заработную плату рабочих и увеличения прибыли. *Вот в чем сущность*». (Курсив мой. *Б. К.*). Маркс, вероятно, перевернулся бы в гробу, если бы до него дошло такое изложение формулированного им закона всеобщего капиталистического накопления. Ведь свойство капиталистического строя воспроизводить в своем развитии резервную трудовую армию, нищету, пауперизм и т. д. Маркс именно потому и возвел в степень *закона*, что об'яснял его не злой волей капиталистов, а неот'емлемыми об'ективными закономерностями развития капиталистической системы. Ведь только внешне виновником введения какого-либо технического усовершенствования, вызывающего расчет рабочих и пополнение ими армии безработных, является капиталист. На деле он не может действовать иначе, в противном случае он будет разбит и пущен на дно в конкурентной борьбе; действительным же виновником пополнения резервной армии труда является вся капиталистическая система. Поэтому делать ударение на том, что резервную армию безработных создают *капиталисты*, значит вульгаризировать Маркса; такая вульгаризация Маркса может потребоваться только для того, чтобы самый вопрос о законе всеобщего капиталистического накопления снять простой ссылкой на отсутствие у нас класса капиталистов.

Еще проще разделывается с всеобщим законом капиталистического накопления тов. Мартынов в своей статье «Экономическая платформа оппозиции и экономическая действительность» («Коммунистический Интернационал», № 42), где он пишет: «Колесников для характеристики безработицы в СССР ссылается на слова Маркса из I тома «Капитала», что безработица есть всеобщий закон капиталистического накопления. Как будто бы он не знает, что законы экономики в советской республике отличаются существенно от законов экономики капиталистического общества и что, в частности, характер и причины безработицы в советской республике отличаются существенно как от характера и причин безработицы в капиталистических странах в довоенную эпоху, так и от характера и причин хронической безработицы капиталистических стран нынешнего времени» и т. д., и т. д. От этой плоской тавтологии так и веет затхлым духом богословской учености. Основой доказательства тов. Мартынов принимает то, что нужно доказать. «Всеобщий закон капиталистического накопления» принадлежит к законам капиталистической экономики; а законы капиталистической экономики не действуют у нас потому, что они у нас не действуют. Убийственное доказательство!

Тов. Мартынов хочет отделаться напоминанием о том, что у нас—не капитализм. Решение сложнейших проблем нашего хозяйственного развития в духе такой «святой простоты» во всяком случае не имеет ничего общего с той характеристикой, которую неоднократно давал нашей экономике Ленин. Вспомним, хотя бы, как в брошюре «О продовольственном налоге» Ленин писал о том, что нам остается «не пытаться запретить или запереть развитие капитализма, а стараться направить его в русло *государственного капитализма*. Это экономически возможно, ибо государственный капитализм есть налицо—в той или иной форме, в той или иной степени—всюду, где есть элементы свободной торговли и капитализма вообще» (Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр 216).

Говорить вместо этого, что законы капитализма вообще к нам «не относятся», значит подменять ленинизм мартыновщиной, значит идейно разоружать пролетариат. Мы живем в *классовом* обществе, и наше государственное хозяйство, связанное тысячами нитей с хозяйством мелкособственническим, испытывает на себе огромное давление этого последнего. Об'ективные условия развития, которые в капиталистическом строе диктует конкуренция, для нашего государственного хозяйства вытекают из факта его сосуществования с капиталистическим миром за пределами наших государственных границ и с морем мелкособственнического крестьянского хозяйства внутри страны. Эти об'ективные условия ставят перед нашим государственным хозяйством (и, в частности, перед промышленностью) ряд задач, решение которых может сопровождаться как относительным, так и абсолютным уменьшением числа занятых в государственном хозяйстве рабочих по сравнению с предложением труда, т.-е. ростом армии безработных. Если, например, рационализация производства для снижения себестоимости происходит при одновременном сокращении рабочих во всей государственной промышленности или хотя бы при прогрессирующем отставании числа рабочих от естественного прироста пролетариата и если такая тенденция сохраняет устойчивость на протяжении значительного промежутка времени—это значит, что процесс хозяйственного развития остается подчиненным всеобщему закону капиталистического накопления. Напротив, если политика промышленного развития будет такова, что реконструкция хозяйства будет сопровождаться хотя бы постепенным рассасыванием безработицы—это будет означать, что наша экономическая система в своем развитии преодолевает всеобщий закон капиталистического накопления.

Госплановская пятилетка проектирует именно такую политику промышленного развития, которая ведет к *росту* безработицы, т.-е. оказывается не в силах преодолеть всеобщий закон капиталистического накопления. Этим самым она сигнализирует о весьма тревожных перспективах развития нашей экономической политики, ибо в неспособности преодолеть всеобщий закон капиталистического накопления найдет свое выражение не что иное, как смещение социальной базы нашей экономической политики в сторону непролетарских, мелкобуржуазных слоев.

Но, может быть, этому противоречит состав безработных? По мнению тов. Бухарина, безработица растет у нас потому, что «наша страна пережила невероятно глубокое экономическое падение в результате империалистической и гражданской войн, разрухи и голода. Это нужно принять во внимание. Безработица растет у нас еще потому,—продолжает т. Бухарин,—что наше крестьянство, в частности, обиралось при предшествующих режимах совершенно нещадно и крестьянское хозяйство стояло поэтому на исключительно низком техническом уровне, оно было вдобавок разорено империалистической и гражданской войнами». По этому поводу нужно заметить, во-первых, что нельзя сводить вопрос о безработице к проблеме аграрного перенаселения деревни, которая составляет важнейшую его часть, но отнюдь не покрывает его целиком. Ведь уже данные о безработице на 1 мая с. г. показывают наличие 141 тыс. безработных подростков, 236 тыс. квалифицированных рабочих и т. д. Во-вторых, если аграрное перенаселение деревни и является плодом продолжав-

шегося десятилетиями загнивания крестьянского хозяйства («голодная аренда» и пр.), то современные формы ликвидации аграрного перенаселения, сводящиеся пока-что, главным образом, к выбрасыванию бедняцкой рабочей силы на городские рынки труда, никак нельзя относить исключительно на счет безответного исторического прошлого нашего хозяйства. Ведь нельзя же бедняка, приходящего в 1930 году в город в поисках работы, утешать тем, что в его злосчастной судьбе виноваты царизм и Антанта! Современные формы рассасывания аграрного перенаселения являются прежде всего следствием прогрессирующей дифференциации деревни [1], т.-е. *капиталистического* направления ее развития на данном этапе, и в них уже сейчас косвенным образом проявляется все тот же всеобщий закон капиталистического накопления.

Так выглядит на деле освобожденная от крепких выражений аргументация тов. Бухарина, отраженным светом которой светят и доводы К. Розенталя по этому вопросу. Напрасно т. Бухарин пытается без длинных разговоров попросту снять вопрос о всеобщем законе капиталистического накопления в наших советских условиях, подменяя известное нам значение безработицы по Марксу новейшим значением безработицы «по Бухарину». Проблему безработицы в советских условиях давно пора поднять на принципиальную высоту. Рост безработицы, с каждым месяцем все более раз'едающей классовую мощь пролетариата, становится первостепенным по своему значению фактором нашего социально-политического развития. Этот рост *должен* быть остановлен. В Советской стране не только рабочий класс должен служить промышленному развитию, но и промышленное развитие должно целиком и полностью служить рабочему классу.

Темп промышленного развития.

Госплановская пятилетка предполагает развивать промышленность исключительно за счет рабочего класса. Такая политика промышленного развития связана с необходимостью тяжелых жертв со стороны пролетариата. Несмотря на то, что нынешние экономические условия существования широких рабочих масс чрезвычайно тяжелы, с этими жертвами было бы легче примириться, если бы ценою их был куплен такой темп промышленного развития, который обеспечивал бы постепенное рассасывание, а затем и полное исчезновение безработицы. К несчастью, госплановская пятилетка обещает обратное. Это обстоятельство заставляет особенно внимательно и осторожно оценить тот темп промышленного развития, который проектируют госплановские «Материалы».

Считая, что оценка предположенного пятилеткой темпа промышленного развития станет наглядной в сравнении с данными о развитии нашей промышленности в прошлом, я привел в своей первой статье ряд бесспорных справок, из которых явствует, что пятилетка проектирует несколько более *медленный* темп развития по сравнению с периодами экономического под'ема нашей дореволюционной промышленности. Будучи лишен возможности опровергнуть это указание по существу, К. Розенталь раздул целый костер самого пламенного возмущения по поводу того, что я сравниваю госплановскую пятилетку не с дореволюционным развитием нашей промышленности вообще, а с ее развитием в годы *экономического под'ема*. «В своем стремлении «доказать» во что бы то ни стало недостаточность темпа нашего хозяйственного развития,—пишет К. Розенталь,—оппозиционер Б. Колесников предлагает «абстрагироваться» от кризисности капиталистического хозяйства и для «сравнения» оперировать только годами экономического под'ема! «Абстрагироваться» от того, что составляет характерную особенность капиталистического хозяйства! «Абстрагироваться» от важнейшего преимущества советской системы хозяйства!» и т. д., и т. д.

Весь этот пафос, подогретый многочисленными воклицательными знаками, призван служить дымовой завесой, скрывающей полное убожество доводов моего почтенного критика. «Абстрагироваться от кризисности капиталистического хозяйства» я отнюдь не намерен—это так же мало осуществимо, как и «абстрагироваться» от «оппонентов» в роде К. Розенталя при сдаче в «Большевик» статьи в роде моих «Итогов и перспектив индустриализации». Равным образом, напрасно тов. Мартынов в своей статье негодует, что «Колесников... выбрасывает для капиталистических стран из счета периоды промышленных кризисов, как будто бы он не знает, что промышленный кризис в капиталистической стране составляет органическую составную часть цикла промышленного развития», и на этом основании пытается опрокинуть меня тихой сапой «методологических» поправок. Важнейшим преимуществом советской системы хозяйства, действительно, является об'ективная возможность обойтись в его развитии без общих экономических кризисов. Но именно потому, что это важнейшее преимущество нашего хозяйства бесспорно, нельзя сравнивать перспективы его развития с ростом дореволюционной промышленности *во все периоды*. Мы наперед знаем, что наше развитие *должно быть* более быстрым, чем развитие дореволюционной промышленности за периоды под'ема и застоя *в среднем*; недоставало еще, чтобы наша промышленность без общих экономических кризисов развивалась медленнее, чем шагавшая от кризиса к кризису промышленность дореволюционной России! Кроме того, сравнение госплановской пятилетки с развитием дореволюционной промышленности в годы экономических под'емов показывает воочию, насколько наше хозяйство реализует на деле прочие свои преимущества (отсутствие потребления помещиков и буржуазии, ликвидация иностранных займов и т. д.). В этом сравнении, нашей промышленности противостоит капитализм, развитие которого опирается прежде всего не на припрятанное в период депрессии золото (характеризовать экономический под'ем под этим углом зрения может только свято верующий в магическую силу золота буржуа), а на полное использование своего производственного аппарата, т.-е. капитализм, сполна использующий свои производительные силы. В сравнении с этим лицом дореволюционного русского капитализма наглядно обнаруживается неспособность госплановской пятилетки реализовать все преимущества советской системы хозяйства.

[1] Об этом особенно ярко говорят,—вернее, не говорят, а кричат,—данные о проценте ликвидировавшихся крестьянских хозяйств в различных посевных группах за последние два года (см. «Статистический Ежегодник ЦСУ» на 1927 г.).

Кроме того, по мнению К. Розенталя, перспективы нашего развития вообще нельзя сравнивать с периодами экономического под'ема дореволюционной промышленности. Почему? Да потому, говорит К. Розенталь, что «вторая половина девяностых годов была годами постройки Сибирской железной дороги, определившей на ряд лет хозяйственную кон'юнктуру. Именно в эти годы происходило гигантское развитие металлургии и металлопромышленности, рудной и топливной промышленности и целого ряда других отраслей, работавших на нужды железнодорожного строительства. Под'ем в этих отраслях не мог не повлечь за собой и общего промышленного под'ема». *Вот именно такой тип промышленного развития, поднимающий к промышленной жизни целые районы и на глазах преображающий все лицо страны, мы и называем индустриализацией.* Или, быть может, по мнению К. Розенталя, это была, как теперь говорится, «сверх-индустриализация?». Не вполне ясно разбираясь, что к чему, К. Розенталь ненароком выдал себя с головой. Если, действительно, перспективы нашего промышленного развития нельзя даже сравнивать с годами постройки Сибирской железной дороги, если эти перспективы не могут быть даже поставлены рядом с картиной индустриализации дореволюционной России, которую рисует вторая половина девяностых годов—значит, *об индустриализации нашего хозяйства нечего и говорить*. Значит, перспектива нашего промышленного развития так тускла, что не заслуживает даже имени индустриализации.

Усердие К. Розенталя сыграло с ним здесь плохую шутку...

Такой же меткостью отличается и возражение К. Розенталя об иностранном капитале. Роль его в индустриализации дореволюционной России общеизвестна [1]). Если эта роль была столь значительна, что отсутствие притока иностранного капитала в настоящее время опять-таки даже не дает возможности сравнивать перспективы нашего промышленного развития с ростом промышленности в дореволюционной России, то не обязывает ли это нас исходить из факта *необходимости* привлечения иностранных капиталов вместо часто повторяемого утверждения, что наше промышленное развитие вполне обеспечено внутренними ресурсами? Вопрос этот не нов, и вокруг него сломано не одно копье. Напомню только, что в свое время Ленин многократно повторял, что хотя «концессии в системе государственного капитализма означают дань капитализму», но при концессиях «мы выигрываем время, а выиграть время, это значит выиграть все» (Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 333). С тех пор эти взгляды успели покрыться пылью времен, а привлечение иностранных концессий авансом шельмуется в качестве «кабальных сделок».

Говоря о темпе промышленного развития, остановимся еще раз в двух словах на вопросе о душевых нормах потребления. Заработная плата у нас в лучшем случае находится на довоенном уровне, цены промышленных товаров, приведенные к тому же знаменателю, выше довоенных—казалось бы ясно: душевые нормы потребления рабочих должны быть *ниже* довоенных. Но К. Розенталь «рассудку вопреки, наперекор стихиям» провозглашает, что «душевое потребление промышленных товаров рабочего класса возросло»—и в доказательство приводит смехотворные данные о повышенном против довоенного потреблении подсолнечного масла, сахарного песку, керосина и спичек... Если бы К. Розенталь обратился за советом к любой, хотя бы совсем «несознательной» хозяйке из рабочей семьи—он бы узнал, что подсолнечного масла теперь потребляется больше потому, что уменьшилось потребление коровьего масла, сахарного песку потребляется больше потому, что уменьшилось потребление рафинада, и керосина потребляется больше потому, что современная жилищная теснота вынуждает пользоваться вместо плиты примусом... Поэтому, если рост потребления этих товаров о чем и говорит, то о таких вещах, вспоминать о которых К. Розенталь, наверно, не собирался. Из всей его «статистики» остается рост потребления спичек—его мы готовы, пожалуй, не оспаривать: пусть нашему критику останутся хоть спички...

[1]) Хотя, кстати, своим известным подсчетом проф. М. Н. Покровский доказывает, что последний экономический под'ем дореволюционной промышленности (1911—1913) был обусловлен вложением в нее преимущественно *внутренних* капиталов.

Легенда о заработной плате и производительности труда.

Вопросу о современном состоянии заработной платы в моей статье было посвящено ровным счетом *полторы строки*. Но, как видно, рыцари современного экономического курса не выносят даже самого лаконического упоминания о действительном положении заработной платы. Во всяком случае, даже эти полторы строки явились для К. Розенталя достаточным поводом, чтобы разразиться целой филиппикой против «сознательных лжецов» и «бессовестных демагогов», дерзающих отрицать полное благополучие в области заработной платы.

За последние месяцы о заработной плате и производительности труда написано очень много; однако, фактическая сторона дела продолжает оставаться в тумане. Одни утверждают, что заработная плата в общем стабилизировалась на уровне, близком к осени 1925 года—и доказывают это цифрами; другие утверждают, что в продолжение 1926—27 года заработная плата превышала уровень 1925—26 года, и также доказывают это цифрами. Чтобы добросовестно в этом разобраться, нужно принять во внимание несколько предварительных методологических замечаний.

Учет заработной платы ведется по средним месячным, средним дневным и средним часовым нормам. Из числа этих данных для характеристики движения заработной платы следует пользоваться цифрами о средней *месячной* заработной плате, ибо именно они отражают действительный заработок рабочего (то, что рабочий действительно получает за свой труд); данные же о средних дневных и часовых нормах являются не более, как условными статистическими величинами.

В другом разрезе данные о заработной плате публикуются в виде средних за месяц, квартал, полугодие и год. Всякий, хоть немного нюхавший заводский воздух, знает, что рабочий судит о колебаниях своего заработка по тому, сколько он заработал и получил в окончательный расчет *за месяц*; никакой, даже самый сознательный пролетарий, если его получка ощутительно *меньше* предыдущей, не станет ждать конца квартала

[1]) См. статью А. Гинзбурга «Пятилетняя гипотеза развития промышленности» в «Социалистическом Хозяйстве» за 1926 г., кн. III.

или полугодия, чтобы узнать, как изменилась его заработная плата. Так как наша статистика должна *помогать* рабочим, а не запутывать их, обязательно следует пользоваться данными о средней месячной заработной плате *за каждый месяц в отдельности*.

Наконец, статистика заработной платы ведется у нас различными органами. Из числа многочисленных, иногда расходящихся друг с другом данных (профсоюзов, ВСНХ и пр.) следует пользоваться наиболее об'ективными, содержащимися в материалах к кон'юнктурным отчетам Госплана в СТО, публикуемым ежемесячно в «Экономической Жизни».

Как известно, вплоть до зимы 1925/26 года заработная плата, несмотря на временные задержки, из года в год поднималась. Сравнивая заработную плату в начале каждого операционного года, получаем следующий ряд цифр: с октября 1923 г. по октябрь 1924 г. средняя месячная заработная плата рабочих увеличилась с 16 р. 81 к. до 21 р. 89 к., т.-е. на 30,2%, а с октября 1924 г. по октябрь 1925 г. она выросла с 21 р. 89 к. до 25 р. 28 к., т.-е. на 15,4%.

В общем и целом, к осени 1925 г. заработная плата по промышленности довольно близко подошла к довоенному уровню; определить совершенно точно, был ли этот довоенный уровень уже тогда достигнут, как это утверждают наши экономисты, затруднительно, так как точный средний уровень довоенной заработной платы не известен и в статистических сравнениях нынешней зарплаты с довоенной он обычно преуменьшается. Во всяком случае, восстановительный период развития заработной платы к этому времени закончился, и вместе с тем резко изменились дальнейшие его тенденции.

С октября 1925 по май 1926 года заработная плата падает, снижаясь за 7 месяцев с 25 руб. 28 к. до 21 р. 63 к., т.-е. на 14,5%. С июня 1926 года вновь начинается ее рост; к сентябрю она достигает, примерно, уровня осени 1925 года и на этом уровне с небольшими колебаниями остается вплоть до мая 1927 г., когда начинается новая волна роста заработной платы. Все эти колебания заработной платы отражает следующая таблица:

Месяцы	1925—26 год			1926—27 год			
	Номинальная	Реальная	В проц. к октяб. 1925 г.	Номинальная	Реальная	В проц. к октяб. 1925 г.	В проц. к соотв. месяцу 1925/26 г.
Октябрь	53,75	25,28	100,0	58,62	25,32	100,1	100,1
Ноябрь	50,29	23,21	91,8	58,13	24,94	98,6	105,4
Декабрь	52,38	23,65	93,5	56,48	24,98	98,8	105,6
Январь	50,24	22,21	87,8	55,90	23,60	93,3	106,2
Февраль	50,90	22,04	87,2	57,20	24,35	96,3	110,4
Март	53,12	22,39	88,5	59,70	25,91	102,5	115,7
Апрель	56,83	23,15	91,5	59,50	25,72	100,5	109,8
Май	52,13	21,63	85,5	62,60	27,70	109,5	128,0
Июнь	54,50	23,01	91,1	60,70	26,80	106,0	116,4
Июль	58,59	24,62	97,3	64,30	28,03	110,8	113,8
Август	56,63	24,21	95,7	63,20	2[illegible],20	111,9	116,4
Сентябрь	59,11	25,73	101,7	65,10[1])	28,80[1])	113,9	111,9

[1]) Приняты предварительные данные.

Эта таблица дает возможность сделать три следующих главных вывода. Во-первых, в течение более полутора лет, с октября 1925 г. по апрель 1927 года, заработная плата не превышала уровня осени 1925 года, т.-е. оставалась в общем и целом стабилизированной на этом уровне; об этом я и заметил мимоходом в своей статье [1]).

Во-вторых, повышение заработной платы в 1926—27 году против соответствующих месяцев 1925—26 года (последняя графа таблицы) является следствием *падения* заработной платы в отдельные месяцы 1925—26 года против осени 1925 года. В-третьих, общее повышение заработной платы за 1925—26 и за 1926—27 г. составило всего 13,9%.

Перейдем к вопросу о соотношении между заработной платой и производительностью труда. По мнению К. Розенталя, повторяющемуся ежедневно на разные лады в нашей прессе, у нас имеет место «систематическое отставание роста производительности труда от роста реальной зарплаты». В действительности дело обстоит совсем иначе. Секрет фокуса, при помощи которого наши экономисты доказывают отставание производительности труда от зарплаты, весьма прост: вместо того, чтобы показывать, как зарплата и производительность труда поднимаются к своим *довоенным уровням*, они показывают их рост по отношению к уровню, на котором зарплата и производительность находились в начале восстановительного периода. А между тем, если в 1920—21 г. годовая производительность труда опустилась до 66,3 довоенных рублей на рабочего, т.-е. до 30% своего довоенного уровня, то средняя по цензовой промышленности годовая заработная плата упала гораздо ниже—до 56,04 товарных рублей, т.-е. до 18,7% довоенной зарплаты. Таким образом, чтобы *одновременно* подойти к своим довоенным уровням, производительность труда должна была увеличиться всего в три с лишним раза, а заработная плата больше чем в пять раз. Это и об'ясняет несколько более быстрый абсолютный рост зарплаты по сравнению с производительностью труда; их движение из года в год характеризуется следующими данными (материал заимствуем из «Бюллетеня статистико-экономического сектора Госплана» № 15 и из «Контрольных цифр на 1926—27 г.», стр. 88 и 324):

Годы	Годовая выработка		Годовая зарплата	
	В довоенных рублях	В проц. к довоенной	В товарных рублях	В проц. к довоенной
1913	2.162	100,0	300,00	100,0
1920—21	663	30,6	56,04	18,7
1921—22	1.201	55,5	85,08	28,0
1922—23	1.342	62,0	147,72	49,0
1923—24	1.624	75,1	201,60	67,0
1924—25	2.144	99,1	246,60	82,0
1925—26	2.393	110,6	273,90	91,3

[1]) Статья моя была написана в июле, когда я располагал данными лишь по май 1927 г. включительно.

Данные, приведенные в этой таблице, достаточно красноречивы сами по себе. Они показывают, что в 1925—26 г. производительность труда уже превысила на 10% довоенный уровень в то время, как заработная плата составляла всего несколько более девяти десятых довоенной.

К этому нужно прибавить, что нельзя одинаково сравнивать с довоенным уровнем современные величины заработной платы и производительности труда, ибо, по сравнению с довоенным временем, сильно изменился один из определяющих производительность труда факторов — *продолжительность рабочего дня*. Если рабочий день раньше составлял в среднем 10 часов, а теперь—8 часов, то производительность труда, равная довоенной, в настоящее время по существу на 20% выше. Кроме того, довоенная производительность труда имеет место при крайне изношенном оборудовании и худшем, по сравнению с довоенным временем, качестве инструмента, что очевидно, уравновешено большей интенсивностью труда рабочих. Это обстоятельство подчеркнул в своем докладе IV С'езду Советов Союза председатель ВСНХ СССР Куйбышев, указав, что «при восьмичасовом рабочем дне против десятичасового довоенного, при том же количестве рабочих, мы производим, приблизительно, то же количество продукции по довоенной оценке. Таким образом, тут явно имеется повышение производительности». В свете этого замечания, действительное *отставание роста заработной платы от роста производительности труда* приобретает еще более отчетливый характер. Наконец, особенно заметным это отставание было в период с сентября 1925 г. по апрель 1927 г., когда на ряду с ростом зарплаты всего на 0,5%, месячная продукция на 1 рабочего выросла с 159,8 руб. в октябре 1925 года до 176,6 руб. в апреле 1927 г., т.-е. поднялась на 10,5%.

Таким образом, в своем движении к довоенному уровню зарплата *запаздывала* по сравнению с производительностью труда. Если вспомнить, что довоенный уровень заработной платы, о котором мы все еще до сих пор говорили, был следствием беспощадной эксплоатации труда в условиях царского самодержавия (а это мы постепенно начинаем забывать!), нынешнее положение с зарплатой никак не может быть названо удовлетворительным. Играть цифрами и фактами, доказывая обратное, как это делают за последние месяцы Стрельцовы, Рабиновичи, Грановские, Маркусы и прочие ревнители современной рабочей политики, значит прямо издеваться над положением рабочих масс. Трезвая оценка положения зарплаты должна быть, наконец, противопоставлена безудержному разгулу разоблачителей «оппозиционной демагогии», превращающих вопрос о зарплате на наших глазах в «творимую легенду». Никакими криками о «демагогии» изменить действительное положение вещей невозможно; эти крики никого, кроме самих крикунов, не обманут, ибо, как говаривал Ленин: «*классы обмануть нельзя*».

К. Розенталь.

Оппозиция в вопросах современного экономического курса.

(Ответ Б. Колесникову).

Тон нашего ответа произвел, по уверению Б. Колесникова, самое пренеприятное на него впечатление. Это ли тон, которым спорят с «товарищами по партии», отечески журил он нас и публично обещал не итти вслед за подобного рода критиком «по пути уснащения спора цветистыми ругательствами».

Сколь похвально такое намерение и как высоко оно должно цениться, особливо, когда исходит от человека, для которого, по его же собственным словам, отказ от «цветистых ругательств» равносилен превращению в «святого»!

Однако, как известно, «благими желаниями ад вымощен», и собственная природа взяла верх над благими намерениями Б. Колесникова. Стоило только нашему «святому» раскрыть рот, как с губ его начали срываться слова и эпитеты, совсем не приличествующие «святому» и явно свидетельствующие о том, что понятие о «сдержанной» и «лойяльной» полемике у Б. Колесникова существует самое превратное. Он, этот Б. Колесников, против ругани, он не пойдет вслед за своими критиками, он, наконец, будет «святым», но он не может не заметить, что его оппоненты страдают «непроходимой тупостью», «чванливостью», «развязностью и беззастенчивым обращением с фактами», «плоским горизонтом» и т. д. и т. п. Полемический задор превратил нашего «святого» в Марса, который, как известно, вместо слов и доказательств «ограничивался простым рычанием», представляющим для него, Марса, «самую сжатую форму для из'яснения чувств и мыслей».

* * *

В своей первой статье, направленной против Б. Колесникова, мы утверждали, что «Материалы» Госплана были для него только поводом для нового оппозиционного обстрела экономического курса нашей партии. Ах так!—«ехидно» подхватил это наше утверждение Б. Колесников, значит критика госплановских «Материалов» это—критика партийного экономического курса, значит, госплановская пятилетка «целиком соответствует нынешнему экономическому курсу», значит... Но, как читатель может убедиться, здесь добродушие «святого» окончательно покидает Б. Колесникова, и дальше идет сплошной «рык».

Однако, это не что иное, как жалкие и трусливые увертки, к которым оказался вынужден прибегнуть Б. Колесников, когда его прижали к стенке и потребовали от него ясного и прямого ответа.

Разве не озаглавил сам Б. Колесников свою статью «О некоторых спорных вопросах *современного экономического курса*»? Значит

дело не столько в перспективах и пятилетке, сколько в *современных* вопросах экономического курса! Зачем же пытаться скрыть критику и выступление против экономической политики партии разговорами о госплановских «Материалах»? Что это—стратегия или «своеобразная» природа оппозиционного экономиста?

Разве не открывает сам Б. Колесников главу «Философия восстановительного процесса» словами: «*Наши разногласия начинаются с оценки итогов хозяйственного развития* за годы нэпа...»? «Наши разногласия»! Чьи это «наши»? *Это разногласия между партией и оппозицией.*

Партия утверждает, что удельный вес индустрии в нашей стране повышается, что «итоги хозяйственного развития с полной отчетливостью обнаруживают, что *за период новой экономической политики произошла радикальная перегруппировка* в отношениях между обобществленными формами хозяйства (*в первую очередь социалистической индустрией*), простым товарным хозяйством и хозяйством капиталистическим», что «*социалистическая промышленность* и другие командные высоты играют уже *решающую и ведущую роль* во всем народном хозяйстве»[1]).

А *оппозиция* устами Б. Колесникова утверждает, что «прошлое нашего хозяйственного развития *не дает устойчивых* данных» для ответа на вопрос—«как решает партия проблему индустриализации нашей страны». Не дает «устойчивых данных»! То ли идет «аграризация» страны, то ли «индустриализация»—оппозиция и Б. Колесников никак разобрать не могут!

Впрочем, в этой «оценке» итогов нашего хозяйственного строительства ничего нового и оригинального нет, ибо существует, как известно, «Социалистический Вестник». Мы, конечно, не решаемся утверждать, что Б. Колесников совершил простой плагиат, списав свою оценку «итогов» у Далина, боясь навлечь совершенно справедливый гнев. Но вынуждены констатировать совершенно исключительное идейное их родство и близость. Д. Далин в таком же «недоумении» и так же разводит руками при подведении итогов нашего хозяйственного строительства, как это делает и оппозиция и в том числе Колесников, когда пишет: «хозяйственное развитие России можно было бы с тем же успехом называть не «индустриализацией», а «аграризацией» [2]).

Разве после этого не очевидно, что разногласия в оценке «итогов хозяйственного развития за годы нэпа» (т.-е. «наши» разногласия), *это—разногласия между нашей партией, с одной стороны, и оппозицией и меньшевиками,—с другой.*

Итак, как мы видели, Колесников признается, что он расходится с партией в оценке *итогов* нашего хозяйственного строительства и в «некоторых» вопросах современного экономического курса. Для чего же тогда эта трусливая стратегия—прятаться за будто бы «анализ госплановских «Материалов»?.. И каким надо обладать бесстыдством для того, чтобы фарисейски упрекать нас в том, что будто бы мы отождествляем критику госплановской пятилетки с критикой партийного экономического курса!

Надо заметить, что под влиянием критики, оппозиционно-меньшевистская «философия восстановительного периода» претерпела некоторые, так сказать «реконструктивные» изменения. И под

[1]) См. тезисы ЦК к XV партс'езду по докладам тт. Рыкова и Кржижановского.

[2]) «Соц. Вестник» от 22/IX—27 г.

барабанный бой и оппозиционный «рык» была произведена кое-какая перегруппировка аргументов.

Правда, это не мешает Колесникову попрежнему обвинять несогласных с ним в «непонимании» характера восстановительного периода, неумении «осязать» его особенностей и т. д. и т. п., но все это звучит теперь довольно уныло и неуверенно. Колесников попрежнему утверждает, что суть восстановительного периода—это достижение довоенного уровня и «полное и всестороннее использование наличной технико-производственной базы». Но после того, как было показано и *доказано*, что даже самое полное и самое всестороннее использование *наличной* технико-производственной базы было *недостаточно* для достижения довоенного уровня производства, что, в частности, промышленность должна была вложить для достижения этого пресловутого довоенного уровня в основные фонды не менее 1.300 млн. дов. рублей, этот аргумент Колесникова, этот довод потерял всякую тень серьезности и убедительности. Слабость и безнадежность защиты своей теории в этом вопросе чувствует, очевидно, и сам Колесников, *отказавшись от всяких возражений по существу* на аргументы, выдвинутые нами.

Но он очень ловкий и предусмотрительный, этот Б. Колесников. И когда его первый «аргумент» оказывается разоблаченным, то Колесников неторопливо вытаскивает из кармана другой. Не годится тот—попробуйте этот! Разве кто-нибудь сомневался в оппозиционной принципиальности?

Теперь суть восстановительного периода Колесников обнаружил в восстановлении «*довоенных* пропорций общественного разделения труда».

И вот этого-то оказывается и «не чувствуют», не «осязают», по мнению Колесникова, его критики. Но именно здесь-то Колесников и производит коренную перегруппировку аргументов. Охарактеризовав суть восстановительного периода, как восстановление довоенных пропорций, он оказался вынужденным, под влиянием критики, признать, что в некоторой части наше хозяйство реконструировалось «находу уже в восстановительном периоде», т.-е. произошел «ряд исторических изменений довоенных пропорций народнохозяйственного развития России».

В каком же направлении происходило это изменение пропорций общественного разделения труда? «В желательном с точки зрения наших общих социально-экономических задач» или нет? Перечисления, которые делает сам Колесников—«техническая революция в производстве», «достижения в области тракторостроения, электрификации и пр.» (при чем под этим «и проч.» скрывается машиностроение и станкостроение, производство искусственного волокна и т. д. и т. п.), не оставляют никаких сомнений. Изменение довоенных пропорций, т.-е. реконструкция, вынужденно признанное Колесниковым, происходило и в восстановительный период нашего хозяйственного строительства, при чем в направлении, имя которому—*индустриализация страны.* Ибо электрификация страны, развитие машиностроения и пр. и т. п. — не что иное, как конкретизация, расшифровка того, что имеет общий заголовок—*индустриализация.*

Что же осталось от оппозиционной «философии восстановительного периода»?

С одной стороны:

«Барон фон-Гринвальдус
Сей доблестный рыцарь
Все в той же позицьи
На камне сидит».

Или: «для ответа на вопрос—как решает партия проблему индустриализации нашей страны—прошлое нашего хозяйственного развития не дает устойчивых данных».

А с другой:

Реконструирование нашего хозяйства «находу уже в восстановительном периоде» и ряд «изменений довоенных пропорций» общественного разделения труда, развитие машиностроения, электрификации и проч., т.-е. повышение удельного веса, роли и значения социалистической промышленности в народном хозяйстве. Или: уже восстановительный период показал и дал картину того, в каком направлении и как будет происходить в дальнейшем индустриализация народного хозяйства.

Но, признав наличие реконструктивных элементов в прошлом, как можно не понимать, что эта реконструкция—результат сознательного регулирования, воздействия и частичного преодоления действия рыночной стихии со стороны пролетарского государства? Итоги нашего хозяйственного строительства представляются Колесникову не как результанта стихии и государственного регулирования, а как результат одних только об'ективно-стихийных тенденций восстановительного периода. Отсюда неизбежно рыночная стихия превратилась в *демиурга* нашей хозяйственной жизни! Отсюда рыночная стихия—«сигнализатор» и «регулятор», способствующий *гармоническому* и *бескризисному* развитию нашего хозяйства! Отсюда стихия, как указатель «*кратчайшего направления*» в развитии народного хозяйства! Отсюда, наконец, стихия в роли активного строителя социализма!

И этакая, с позволения сказать, галиматья преподносится с невозмутимым видом и самым серьезным лицом!

* * *

Центральной проблемой в критической «платформе» Колесникова была проблема источников индустриализации. Не потрудившись даже проанализировать, *как* конкретно разрешается эта проблема в «Материалах», не произведя никаких подсчетов (хотя ответ на этот вопрос и можно было получить на конкретном анализе богатейшего материала перспективной пятилетки), Колесников воспользовался, как мы писали, неудачной формулировкой «Материалов», неудачной, ибо она противоречит реальному их содержанию, и бухнул в колокола о «противопролетарском» политическом их содержании.

Между тем, *конкретного исследования, конкретного анализа* этой проблемы требовала элементарная добропорядочность исследователя. Но как раз этими-то качествами Колесников, к сожалению, и не обладал. Потому-то кропотливой исследовательской работе над выяснением им же самим поставленной проблемы он предпочел легкое «изящное» скольжение по поверхности явлений.

Как можно было хоть сколько-нибудь серьезно отнестись к человеку, претендующему на экономический анализ проблемы «За чей счет?» и «забывшему», что крестьянство участвует в общегосударственных расходах и расходах на индустриализацию *не только и не столько сельхозналогом, но и косвенными налогами и переплатой на индексе*! Иначе говоря, оппозиционный экономист «запамятовал» по меньшей мере (для 1925—26 г.) $^7/_8$ платежей крестьянства!

Это ли не пример «нечванливой» учености и «серьезного, делового» отношения к исследуемой проблеме! Это ли не пример «развязного и беззастенчивого» обращения с фактами!

И не окончательно ли взбесившимся, потерявшим всякое чувство меры и приличия, надо быть публицистом для того, чтобы напоминание о существовании косвенных налогов и переплат крестьянства на индексе взять в иронические кавычки «доказательства» участия крестьянства в расходах по индустриализации и общегосударственных расходах!

Должен, впрочем, оговориться. Переплата крестьянства на индексе, исчислявшаяся для 1925—26 г. в 1 мрд. рублей, а для проектируемого в «Материалах» пятилетия определяющаяся примерно (с учетом и оптово-розничных ножниц) в 3 мрд. рублей, не удостоилась попасть даже в число «доказательств» (в кавычках) участия крестьянства в расходах по индустриализации.

Пусть знает каждый,—оппозиционер Колесников «по мелочам» не считает! Оппозиционный экономист выше этих житейских «мелочей»!

Но все-таки, приличествует ли экономисту, исследующему проблему распределения и перераспределения производительных сил в народном хозяйстве, совершенно игнорировать перераспределение производительных сил, происходящее на основе и через посредство механизма цен? И разве не известно Колесникову, что оппозиция, настаивая на повышении промышленных цен (и именно в связи с вопросом «за чей счет?»), рассматривает *цены, как рычаг перераспределения производительных сил?* Мы охотно верим, что Колесников этого не понимает, ибо эта проблема отсутствует у него и в первой и во второй статье, но от этого проблема все же не перестает быть проблемой, и известная перекачка крестьянских накоплений в промышленное русло будет итти, несмотря на зловещее молчание оппозиционного экономиста.

Как же конкретно выглядит проблема «за чей счет?» в свете «Материалов» госплановской пятилетки?

Мы уже писали, что общая сумма налоговых платежей, уплачиваемых крестьянством на проектируемое «Материалами» пятилетие, приблизительно и ориентировочно должна выразиться в размере 6—7 мрд. рублей. Много это или мало? Такая постановка вопроса была бы, конечно, бессмысленна. Ответ на вопрос мы могли бы получить или сопоставив, что мы «даем» деревне и что от нее «берем», или сопоставив удельный вес налогового обложения деревни в бюджете с удельным весом сельского хозяйства в продукции народного хозяйства.

Доходная часть бюджета определяется в «Материалах» Госплана за пятилетие в 29.393 млн. рублей. Налоговые платежи крестьянства, примерно в 6.296 млн. руб. (по одному варианту) и в 7.162 млн. руб. (по другому варианту). Таким образом, удельный вес крестьянства в доходной части государственного бюджета выражается за пятилетие в 21,4—24,2%.

Какую же роль играет сельское хозяйство в продукции народного хозяйства?

Товарная продукция.

(В млн. черв. рублей по ценам соотв. лет).

Отрасли народного х-ва.	1926/27 г.		1927/28 г.		1928/29 г.		1929/30 г.		1930/31 г.	
	Абс.	В %	Абс.	В %	Абс.	В %	Абс.	В %	Абс.	В %
Промышленность . .	11.791	81,6	13.030	81,6	13.882	81,1	14.574	80,5	15.151	79,8
Сельское хоз-во . .	2.658	18,4	2.951	18,4	3.245	18,9	3.537	19,5	3.832	20,2
Всего . . .	14.449	100	15.981	100	17.127	100	18.111	100	18.983	100

Удельный вес сельского хозяйства в совокупной товарной продукции промышленности и сельского хозяйства колеблется в пределах от 18,4% в 1926—27 г. и до 20,2% в 1930—31 году. Таким образом, *удельный вес с. х. в товарной продукции меньше, чем в доходной части бюджета*. В общегосударственных расходах крестьянство участвует в *большей* степени, чем в товарной продукции страны.

Еще более показательны будут данные о степени участия крестьянства в государственном бюджете, если мы возьмем бюджет без эксплоатационных доходов транспорта и связи. А именно с участием крестьянства в *таком* бюджете мы должны сопоставлять его участие в товарной продукции *только* промышленности и сельского хозяйства. Совершенно понятно, что участие транспорта, связи и т. п. в товарной продукции должно было бы *увеличить* общую сумму товарной продукции и соответственно снизить долю сельского хозяйства. Так вот, если взять доходную часть бюджета, очищенную только от транспорта и связи (оставляя доходы от товарооборота, банков и т. п.), то удельный вес налоговых поступлений от крестьянства возрастет до 33,8—38,4%, т.-е. будет в $1\frac{1}{2}$—2 раза превышать удельный вес с. х. в совокупной товарной продукции промышленности и сельского хозяйства. В такой постановке ответ на вопрос—«много или мало берется с деревни»—представляется в существенно отличном виде от того, как это пытается представить оппозиционный экономист.

Как же будет выглядеть проблема «за чей счет?», если к ней подойти с точки зрения того, сколько мы «берем» у деревни и сколько ей «даем». В № 8 «Планового Хоз.» С. Г. Струмилин приводит «ориентировочный расчетный баланс деревни за 1926/27—1930/31 гг.». В каком-либо «пристрастии» в нашу пользу этот расчет С. Г. Струмилина никак нельзя обвинить, ибо основная задача этого баланса «доказать» перекачку средств из «государственного сектора» в сельское хозяйство. И тем не менее именно на этих расчетах лучше всего видна вся безнадежность попыток подобного рода «доказательств». В этом нетрудно убедиться на анализе струмилинского баланса.

Ориентировочный баланс деревни С. Г. Струмилина за 1926/27—1930/31 гг.

(В милл. черв. рублей).

Что мы даем деревне.

1. Финанс. сел. хоз.	1.200
2. Дорожное стр-во	589
3. Элеваторы, холодильники .	191
4. Сельск. школы, больницы и пр.	2.000
5. Содерж. учрежд. Наркомзема	543
6. » шос. и грунт. дорог	245
7. » сельск. и волостн. самоупр	800
8. Сниж. пром. цен	2.135
Итого . . .	7.303

Что мы берем у деревни.

Единый с.-х. налог	1.656
Проч. денежн. налог	4.040
Дорожная повинность . .	105
Итого . . .	5.801
Чистый остаток в пользу деревни	1.902
Всего . . .	7.703

Самый беглый взгляд на этот баланс обнаруживает весьма непонятное присутствие одной статьи и не менее непонятное отсутствие—другой. Присутствие в графе «Что мы даем деревне» рубрики—«снижение промышленных цен» в такой же степени неправомерно, как и отсутствие в графе «Что мы берем» рубрики «переплата крестьянства на индексе», которое остается по данным «Материалов» на протяжении всего пятилетия. Разве не бесспорно для любого экономиста, что *«ножницы» между промышленными и с.-х. ценами были тем инструментом, при посредстве которого происходило перераспределение средств из сельского хозяйства в город?* Эта разница индексов в 1925—26 году означала переплату крестьянства городу на промышленных товарах в размере свыше миллиарда рублей[1]). Один миллиард рублей—это было то, что давала деревня городу помимо участия в различного рода налоговых обложениях.

Если бы, следовательно, на протяжении всего проектируемого пятилетия эта разница в индексе сохранялась неизменной, т.-е. оставалась на уровне 1925—26 года, *крестьянство дало бы городу дополнительно, сверх налоговых платежей, больше 5 мр. д. руб.* И в графе «Что мы берем у крестьянства» нужно было бы добавить 5 мр. д. рублей—«переплата на ножницах». Но так как «Материалы» Госплана проектируют сжатие «ножниц» путем снижения промышленных цен на 9,8%, или на 2.135 милл. руб., то на эту же величину понижается и общая сумма переплат крестьянства на индексе. *Вместо 5 мрд. руб. крестьянство в запроектированное пятилетие переплатит городу на ножницах всего лишь 2.865 млн. руб.* И для определения того, что же, по «Материалам», мы берем у крестьянства, к общей сумме «налогов и повинностей» должна быть прибавлена эта сумма. Прибавлять же к тому, что мы «даем» деревне, «снижение промышленных цен» с точки зрения выяснения действительного баланса, по меньшей мере неправильно. *Деревня выигрывает или «получает» эти 2.135 млн. лишь постольку, поскольку она переплатит городу не 5 мрд. руб., а только лишь 2.865 млн. руб.* И именно этот итог должен быть внесен в расчетный баланс между городом и деревней, но в разделе, что мы «берем» у деревни. Тогда графа «Что мы

[1]) Тов. Яковлев определяет общую сумму переплат в 1.041 милл. руб.

даем деревне» сократилась бы до 5.568 млн. руб. (7.703 млн. р. минус 2.135 млн. р.), а графа «Что мы берем у деревни» увеличилась бы до 8.668 млн. руб. (5.801 млн. руб. плюс 2.865 млн. руб.) и тогда «чистый остаток» был бы не в пользу деревни, а в пользу города и выражался бы он общей суммой в 3,1 мрд. руб. Эти 3,1 мрд. руб. и являются показателем степени и размеров участия крестьянства в расходах по индустриализации страны и строительству социализма. 3,1 мрд. руб.—это чистое вложение со стороны деревни в дело социалистического строительства.

«Много ли это, или мало»,—это «дело вкуса», политической ориентации и политического темперамента. Но нелепая и лживая басня о том, что индустриализация страны идет исключительно «за счет пролетариата», полностью разоблачается анализом того цифрового материала, который дают в руки исследователя госплановские «Материалы». И не наша, конечно, вина, если оппозиционный экономист не пошел дальше первых трех десятков страниц этих «Материалов».

В заключение несколько мелких замечаний. Если верить Колесникову, промысловый налог, гербовый сбор и пошлины идут исключительно за счет «государственного хозяйства». Это, опять-таки, очередное оппозиционное «заблуждение». На долю земледельческого населения падает больше 35% всего взимаемого промыслового налога и около 36% расходов на гербовый сбор и пошлины. Конечно, К. не обязан всего этого знать, но, во-первых, никогда не следует говорить о том, чего не знаешь, а, во-вторых, это еще и еще раз говорит о степени серьезности и деловитости аргументов и доводов оппозиционного экономиста.

И еще. Оппозиция «ужасно» любит напоминать (как будто партия их забывает) кулака и нэпмана. Однако, когда дело касается конкретного подсчета, «за чей же счет» идет индустриализация, К. опять заболевает «забывчивостью» и буржуазия исчезает из поля его зрения. Между тем, несмотря на свой незначительный удельный вес в хозяйстве страны, буржуазия—в силу давления пролетарской диктатуры—несет значительные расходы по индустриализации страны. И «забывать» эту статью источников средств для индустриализации по меньшей мере непростительно.

Весьма важно,—и это имеет не только политическое, но и педагогическое, так сказать, значение,—суметь поднять любой спор на должную принципиальную и теоретическую высоту. Весьма важно, но... недостаточно. Надо уметь не только подняться, но и удержаться на этих принципиальных и теоретических высотах, то-есть, нужно уметь сделать как раз то, чего не удалось сделать Колесникову.

К. решил отыскать «мерило» наших хозяйственных успехов. И такое «мерило» нашел в степени «использования наличных запасов человеческого труда»! Критерий и формулировка вообще говоря довольно странные, тем более, что К. обошел такие «мерила» (найдя, очевидно, их недостаточно показательными), как темп нашего хозяйственного развития, темп индустриализации страны, рост и повышение удельного веса социалистического сектора и т. д., и т. п. Этот свой выбор К. подкрепляет такими доводами: во-первых, тем, что «основной производительной силой

является именно человеческий труд» и, во-вторых, что именно здесь, по мнению К., можно судить, преодолевается ли нами «всеобщий закон капиталистического накопления», т.-е. судить о «социалистическом качестве» наших хозяйственных планов и хозяйственного развития.

Общий ход мыслей и доказательств К. весьма прост и незамысловат. Берется длинная цитата из Маркса, из которой явствует, что в *капиталистическом* обществе росту общественного богатства или функционирующего капитала соответствует рост промышленной резервной армии—безработицы, и что этот процесс приобретает в *капиталистическом* обществе характер «всеобщего закона *капиталистического* накопления». (Это—этап № 1—дискуссия поднимается на принципиальную высоту—К. выказывает «незаурядные» познания в пределах первого тома «Капитала»). Затем «доказывается» (хотя кто-то отрицает?), что у нас безработица растет. За сим следует авторитетное раз'яснение, что это «точь в точь как и в капиталистическом обществе, только немножко похуже» (или лучше?). И, наконец, торжествующее заключение: а посему (см. выше Маркса) у нас «всеобщий закон капиталистического накопления» не преодолен, наше хозяйственное развитие «проверено» на «социалистическое качество», и таковое обнаружено не было. Порукой тому—сам К. (Этап № 2—с теоретических высот К. стремительно низвергается в меньшевистское болото!).

Хорошо, конечно, и похвально, что Колесников «знакомит» читателя с Марксом, но нельзя не признаться, что сам он не обнаруживает сколько-нибудь заметного знакомства с Марксом, во всяком случае—понимания его. Колесников не изменяет своей природе и весело кувыркается на поверхности теоретических волн!

В чем же, однако, основной порок всех рассуждений и теоретических построений К.? Да в том, что Маркс говорит о *капиталистическом* обществе, а К. о *советской системе хозяйства*, о таком обществе, *где диктатура находится в руках пролетариата, а не буржуазии*, где вся крупная промышленность, транспорт, банки, подавляющая часть торгового аппарата и то находится *в руках пролетариата, а не буржуазии*, т.-е. *о системе принципиально отличной от капиталистической системы хозяйства*. Но разве поймаешь на эту «удочку» неукротимого К.! По его мнению,—это только «отделаться» от проблемы. Ведь именно это-то принципиальное отличие нашего общества от капиталистического,—«социалистическое его качество» и требуется доказать. И К. не то, что злорадствует, но этак ехидничает: попробуйте, дескать, доказать, когда и там безработица и здесь безработица, и там она растет, и здесь она растет, а «по Марксу» безработица—«всеобщий закон капиталистического накопления», и выходит, следовательно, что «накопляете» вы по-капиталистически и никакого принципиального отличия советская система хозяйства от капиталистического не имеет и «социалистическое качество»—одни пустые разговоры. Качество, мол, социалистическое, а дух-то капиталистический!

Нечего и говорить, что к Марксу эти рассуждения не имеют и косвенного отношения. Динамика безработицы—«критерий», «мерило», «показатель» «социалистического качества» нашего хозяйственного развития! Ежели, следовательно, безработица за пяти-

летие уменьшилась, скажем, на тысячу человек, значит, по К., «социалистическое качество» нашего хозяйственного развития доказано; а ежели безработица на тысячу человек увеличилась, то наше хозяйство оказывается подчиненным «всеобщему закону капиталистического развития» и от «социалистического качества» нашего хозяйственного развития остались только рожки да ножки! Это ли не достойное завершение оппозиционной экономической теории! Ну, а если безработица уменьшается (т.-е., по Колесникову, налицо «социалистическое качество» развития), а удельный вес социалистического сектора падает—какого качества будет такое развитие? Социалистического или капиталистического? И как будет выглядеть в этом случае «закон всеобщего капиталистического накопления»? Мы представляем все «неудобство» для К. такого вопроса, но «назвался груздем—полезай в кузов»!

На теоретическом «косогоре» и не такие «теоретики» сапоги стаптывали!

Увлеченный исканием «сходных» черт между нашей системой хозяйства и капиталистической, готовый признать их тождество уже по одному тому, что и «там» безработица, и «здесь» она имеется, К. не сумел даже здесь обнаружить качественного отличия законов и динамики развития.

Как действует и как проявляется закон, регулирующий движение промышленной резервной армии в капиталистическом обществе? «Внезапное и конвульсивное расширение масштаба производства является предпосылкой его внезапного сокращения; последнее в свою очередь вызывает первое, но первое невозможно без доступного эксплоатации человеческого материала, без увеличения численности рабочих, независимо от абсолютного возрастания населения. Это увеличение создается простым процессом, который постоянно «освобождает» часть рабочих посредством методов, которые уменьшают число занятых рабочих по отношению к возрастающему производству. Следовательно, *вся характерная для современной промышленности форма движения возникает из постоянного превращения некоторой части рабочего населения в незанятые или полузанятые руки*» (Маркс. «Капитал», т. I, гл. 23. Курсив наш. *К. Р.*).

Есть ли что-либо похожее на этот механизм образования промышленной резервной армии у нас? Происходит ли у нас что-либо похожее на такое спазматическое и конвульсивное расширение промышленного производства? Является ли характерным для движения нашей советской формы промышленности «постоянное» превращение части рабочего населения в незанятые или полузанятые рабочие руки? Достаточно поставить все эти вопросы, чтобы убедиться в поразительном невежестве оппозиционного экономиста.

В капиталистическом обществе происходит *спазматическое* и *конвульсивное* расширение производства (экономический под'ем, кризис, депрессия), а у нас постепенное, *плановое, бескризисное* развитие производства. В капиталистическом обществе этот процесс сопровождается «*постоянным превращением*» «*части рабочего населения в незанятые или полузанятые рабочие руки*», а у нас—*постоянным вовлечением незанятых свободных рабочих рук в промышленное производство*. Как говорится: «почти то же самое—только наоборот»!

В капиталистическом обществе—«*широкие колебания заработной платы регулируются исключительно расширением и сокращением промышленной резервной армии*» (Маркс), т.-е. иначе говоря, зарплата понижается с увеличением резервной армии (безработица) и растет с ее сокращением, а у нас... ничего похожего!

И законы, регулирующие заработную плату, и законы, регулирующие, равно, как и причины, вызывающие безработицу, у нас качественно отличны от капиталистических. И если рост заработной платы регулируется у нас ростом производительности, то корни и причины безработицы у нас не в «конвульсивном» сжатии и расширении промышленного производства, а в аграрной перенаселенности, в избытке рабочей силы в деревне и резком различии уровня благосостояния города и деревни. Отсюда и тот поток незанятой, свободной рабочей силы из деревни в город, образующий подавляющую часть армии безработных, отсюда и то возрастание безработицы, которое мы имели за последние годы и которое не в силах были преодолеть госплановские «Материалы». При этом надо заметить и подчеркнуть, что процент безработных квалифицированных рабочих, фигурирующий в наших статистических материалах по безработице, отнюдь не выражает действительного положения вещей, выражая больше чрезмерную текучесть квалифицированной рабочей силы, чем ее безработное состояние.

Мы уже говорили, что нет ничего более нелепого и бессмысленного, как думать, что существующая безработица может быть ликвидирована только за счет развития промышленности. Это требовало бы на протяжении пятилетия увеличения капитальных вложений в промышленность, по меньшей мере, в три раза против суммы, запроектированной в «Материалах». Ликвидация безработицы должна итти, повторяем, не только по линии промышленного развития—индустриализации. В первую очередь надо приостановить поток рабочей силы, идущей из деревень. Интенсификация сельского хозяйства, расширение посевных площадей трудоемких культур и т. д., и т. п. должны в значительной степени разрешить эту проблему большего «удержания» крестьянства на земле. Наконец, свою положительную роль в деле разрешения проблемы безработицы должна будет сыграть и кустарно-ремесленная и мелкая промышленность. Обо всем этом, впрочем, уже достаточно и говорилось и писалось—теперь это известно любому пионеру. И не это нас в данном контексте интересовало. Здесь нас больше интересовало то теоретическое скудоумие, которое обнаружил наш оппозиционный экономист в своем анализе «критерия», «показателя» и «мерила» наших «социалистического качества», наших хозяйственных планов и хозяйственного развития.

Колесников обнаруживает весьма «скромное» мы бы сказали «шапочное знакомство» с марксовой теорией, когда пытается определить «качество» наших хозяйственных планов и хозяйственного развития по динамике безработицы. Ибо «качество» системы по Марксу определяется тем, в чьих руках находятся средства и орудия производства или теми отношениями, которые возникают между людьми в процессе производства. А «качество» ее хозяйственного развития определяется тем, какой способ производства оказывается доминирующим, преобладающим и ведущим в процессе всего народнохозяйственного развития, какой способ произ-

водства становится все более господствующим в системе хозяйства. «Социалистическое качество» хозяйственного развития нашей системы хозяйства и «социалистическое качество» наших хозяйственных планов именно в этом и находит свое выражение. Из года в год неуклонно вытесняется в нашей системе хозяйства капиталистический сектор, из года в год понижается его удельный вес, его роль и значение. В то же время социалистический сектор из года в год растет, растет и абсолютно и относительно, повышая свой удельный вес, роль и значение во всей системе хозяйства. Именно в этом процессе вытеснения социалистическим сектором сектора капиталистического—слышал «музыку будущего» «любезный друг» оппозиционного несмышленыша—Троцкий.

В заключение любопытно отметить, что «потерянное» в «Материалах» «социалистическое качество» наших хозяйственных планов и хозяйственного развития «нашлось» в уточненной и прокорректированной госплановской пятилетке. По этому последнему варианту и аграрное перенаселение и безработица должны будут уменьшиться и относительно и абсолютно. И, таким образом, «всеобщий закон капиталистического накопления» благополучно «преодолен»! «Социалистическое качество» нашего хозяйственного развития и хозяйственных планов, принципиальное отличие нашей хозяйственной системы от системы капиталистической, сосредоточение в руках пролетариата политической власти и командных экономических высот «доказывается» и «подтверждается» теперь... «теорией» Колесникова—уменьшением безработицы. Но ведь этого могло и не быть! Безработица могла бы не уменьшиться! И тогда К.—этот друг «любезного друга» мог поставить под сомнение и то, что наша система хозяйства принципиально отличается от капиталистической системы хозяйства, и усумниться в том, что у нас диктатура пролетариата, а не буржуазии! А ведь он такой, этот Б. Колесников, он все может!

Все писания оппозиции по экономическим вопросам отличаются каким-то поражающим бесстыдством в оперировании фактами и цифрами. Уличенная во лжи, извращении фактов и подтасовке цифр, оппозиция даже не пытается «защищаться», а с энергией, воистину достойной лучшего применения, торопливо возводит новое здание «доводов» и «доказательств», построенных все на том же неизменном основании—клевете, лжи и подтасовке фактов.

Эта «сказка про белого бычка» находит свое прямо «художественное» завершение в писаниях Колесникова по вопросам труда. В своей первой статье, рабски следуя всем оппозиционным документам и меньшевистским писаниям, Колесников рассуждал о «полной стабилизации уровня заработной платы, фактически установившегося у нас с осени 1925 года». В ответ на это, мы привели целый ряд данных, свидетельствующих о лживости этого оппозиционного утверждения и показали, ссылаясь и на статистику ВСНХ и на статистику ЦБСТ и, наконец, на статистику ВЦСПС, что рост заработной платы происходил из года в год и что уже в 1926—27 году заработная плата превысила довоенный уровень заработной платы.

Как же на все это реагирует Колесников?

Его ответ напоминает старый анекдот с горшком. «Во-первых, я твоего горшка не брала, во-вторых, он был битый, а, в-третьих, я его тебе отдала».

Во-первых, возражает Колесников, следуя этой изумительной логике «вопросу о современном состоянии заработной платы было посвящено ровным счетом *полторы строки*». («Я горшка не брала»). Этот довод—окончательно нас сразил. Но в том-то и заключается ваша, оппозиционных экономистов, особенность, что вы и на полутора строках умудряетесь так наблудить и налгать, что требуется много терпения для разоблачения того, *как* вы наблудили и *сколько* вы налгали.

Во-вторых,—продолжает Колесников,—«с осени 1925 года у нас установилась полная стабилизация уровня заработной платы». («Горшок был битый»!).

А в-третьих,—заключает все тот же Колесников,—«общее повышение заработной платы за 1925—26 г. и за 1926—27 год составило всего 13,9%». («Горшок возвращен по принадлежности»).

Мы приносим извинения за нашу настойчивость! Но все-таки—что же было? «Полная стабилизация заработной платы» или повышение заработной платы на 13,9%? [1]).

И если заработная плата с осени 1925 года росла, а не была стабильной, как это вынужден теперь признать и сам Колесников, то не значит ли это, что в своей первой статье он сознательно обманывал и сознательно лгал, утверждая обратное? Ведь можно быть и оппозиционером и меньшевиком, но все же понимать, что не может же заработная плата быть одновременно и *стабильной и расти*!

«*Легенда* о заработной плате и производительности труда»! Да какая тут «легенда»? Да в чем здесь «легенда»? Да ведь тут и «таинственности»-то никакой нет! Наклеветал, наблудил, налгал, запутался в своей собственной лжи Колесников—это верно. И теперь разоблаченный и уличенный во лжи хочет свою неприглядную «наготу» прикрыть «таинственностью» и окутать «легендой»! Не выйдет из этого ничего!

«За 1925—26 г. и за 1926—27 г.,—вынужден признаться Колесников,—происходило общее повышение заработной платы», но «*всего*» лишь на 13,9%. «Всего» на 13,9%! Мудрено ли, что Колесников не заметил этакой мелочи! Но Колесников так любит искать прецедентов «в прошлом». Обратимся к этому «прошлому» и мы. В царской России, по данным Госплана, за тринадцать лет с 1900 г. по 1913 г. реальная заработная плата возросла на 3%! *Три* процента за *тринадцать* лет—и *четырнадцать* процентов за *два* года! Каково же «качество» колесниковской демагогии на фоне этих «*количественных*» соотношений в темпе роста зарплаты в царской России и в СССР?

Таково же в основном и «качество» колесниковских данных о соотношении динамики производительности труда и заработной платы. Но если там была просто ложь, которую Колесников пытался, правда, весьма неискусно замазать простым признанием факта роста, а не стабильности заработной платы, то здесь маневр уже более «хитроумный» и целиком рассчитанный на «уловление» незнакомых с техникой выведения тех данных, которыми жонглирует Колесников.

С внешней стороны доводы Колесникова имеют видимость убедительности. И ни одну из приводимых им цифр мы и не

[1]) Мы уже не говорим, что и здесь Колесников лжет, ибо за *два* эти года—25/26 и 26/27—реальная зарплата возросла не на 13,9%, а на 27,6%.

думаем оспаривать. Они верны. *Но... верны порознь, а не вместе.* Ибо охватывают они *различный круг* взятых в статистическое оформление предприятий промышленности. Между тем, как известно, производительность труда, весьма колеблется не только между отдельными отраслями промышленности, но и между отдельными предприятиями одной и той же отрасли промышленности. Чтобы судить, насколько велики могут быть эти колебания, достаточно сопоставить производительность труда рабочего в нефтяной промышленности, где годовая продукция одного рабочего составляет свыше 10.277 дов. рублей, с производительностью в каменноугольной промышленности, где годовая выработка рабочего составляет всего лишь 864 дов. рубля, т.-е. в 12 раз меньше выработки рабочего нефтяной промышленности. Таким образом, динамика производительности труда будет показательна только в том единственном случае, когда *круг* входящих в статистический подсчет отраслей промышленности и предприятий и *метод* подсчета будут единообразны. Вот этот-то принцип Колесниковым и не соблюден, ибо он черпал свой цифровой материал из *двух* различных источников. Является ли это плодом простого недоразумения или сознательной передержки, мы судить не беремся. Но во всяком случае Колесников пользуется *несравнимыми* данными, хотя такие данные имеются.

Беря в отношении производительности труда и зарплаты статистический ряд ЦОС ВСНХ (не отличающийся, впрочем, сколько-нибудь отличной *динамикой* от данных Госплана), мы получаем следующие ряды:

	Средняя годовая выработка на 1 рабоч. цензов. пром-сти в дов. р.		Реальная заработная плата (в рубл.)	
	Абс.	В %	Абс.	В %
1913	2.136	100	30,49	100
1917	1.347	63,1	22,29	73,1
1918	809	37,9	11,28	36,9
1919	542	25,4	8,51	27,9
1920	467	21,8	8,29	27,2
1921—22	855	40,0	12,50	40,9
1922—23	1.081	50,6	15,88	52.0
1923—24	1.250	58,5	20,75	68,0
1924—25	1.700	79,6	25,18	82,5
1925—26	1.961	91,6	28,57	93,7
1926—27	2.226	104,2	32,05	105,1

Таким образом, мы имеем налицо некоторое превышение, по сравнению с довоенным, роста заработной платы над ростом производительности труда. Эти же данные подтверждаются в основном и тов. Кржижановским [1]), который, на основании данных Госплана, определяет производительность труда промышленного пролетариата в 109% от довоенного, а заработную плату в 115%. Мы уже не говорим, что в приводимые нами данные ЦОС по заработной плате не включаются начисления на заработную плату, значительно повышающие ее реально. Между тем с учетом начислений, заработная плата в IV кв. 1926—27 г. превышала довоенную заработную плату на 34,2%!

Творимая оппозицией легенда в вопросах производительности труда и зарплаты войдет в историю нашей партии, как пример «легендарной» клеветы, лжи, недобросовестного обращения с фактами и отвратительной, разнузданной демагогии.

[1]) Г. М. Кржижановский.—«Десять лет хозяйственного строительства СССР», Изд-во «Плановое Хозяйство».

Трудно поверить, чтобы люди, которые знают нашу партию и знают не со вчерашнего дня, могли думать—и даже не думать, а тешить себя иллюзией,—что партия пойдет за лжецами и клеветнических дел мастерами.

* * *

Мы уже говорили, насколько трудно полемизировать с людьми, основным принципом которых является полная беспринципность. Но еще труднее спорить с человеком, который на доводы и аргументы противника способен только твердить: «уж мы брили, тетенька, брили! уж мы стригли, тетенька, стригли!» А именно такого рода «ответ» дает Колесников по вопросу о темпе нашего хозяйственного развития.

Можно или нельзя сравнивать темп нашего промышленного развития в тот «реконструктивный» период, в который мы вступили, с темпом развития капиталистической промышленности в *годы под'ема?* Мы, возражая Колесникову, утверждали, что нельзя и нельзя по двум причинам. Во-первых, потому, что капиталистический цикл промышленного развития составляет органическое единство периодов кризиса, депрессии и под'ема, а, во-вторых, потому, что годы капиталистического промышленного под'ема являются не только годами *развития* производительных сил, но и годами энергичного использования уже имеющихся в наличности, но по кон'юнктурным причинам не используемых производительных сил и, наконец, годами спекулятивной горячки. В годы промышленного под'ема пускаются в ход все стоящие фабрики и заводы, работающие не с полной загрузкой загружаются «до отказа», вводятся новые смены рабочих, наконец, строятся новые фабрики и заводы. Иначе говоря, по советской терминологии, годы капиталистического промышленного под'ема в значительной мере являются тем, что мы называли «*восстановительным*» периодом, т.-е. таким, когда в первую очередь максимально использовываются наличные производственно-технические ресурсы. А если это так, а это бесспорно так, это—азбука марксистской политической экономии, то тогда будет понятно, *почему* нельзя абстрагироваться от кризисности капиталистического хозяйства. Ибо иначе «восстановительный» момент капиталистического промышленного под'ема будет взят за одну скобку с действительным развитием его производительных сил. И максимальное *использование наличной* технико-производственной базы будет взято за одну скобку с действительным *расширением* технико-производственной базы.

Но, как говорится, «вобла оказалась зубаста, затвердила наоборот,—и баста»! Доводы? Доводы, извиняемся за нашего «экономиста», все те же—«уж мы крыли, тетенька, крыли!».

Подосновой колесниковских разговоров о недостаточности темпа нашего промышленного развития было требование больших вложений со стороны народного хозяйства в промышленность и большей перекачки средств из сельского хозяйства в промышленность. Наши возражения, в первую очередь, сводились к тому, что госплановские «Материалы» недостаточно учитывают эффективность капитальных вложений и преимуществ нашей

системы хозяйства и что уже жизнь доказала чрезмерную осторожность госплановских подсчетов. И мы тогда же писали: «Столь значительный недоучет эффективности капитальных вложений искажает действительную картину того, что мы будем иметь к концу запроектированного пятилетия, на основе намеченной общей суммы капитальных вложений». Теперь имеется возможность проверить, в *какой же степени* госплановские «Материалы» недоучитывали капитальных вложений.

Тщательный пересмотр пятилетнего плана промышленности, предпринятый ВСНХ, показал, что *при том же размере вложений в промышленность извне, но при максимальном качественном улучшении ее работы, валовая продукция госпромышленности возрастет не на 79%, а на 108%*. Т.-е. валовая продукция больше чем удвоится за пятилетие, а годовой средне-арифметический прирост составит почти 22%, значительно превышая, таким образом, самый рекордный год прироста промышленной продукции российского капитализма! Промышленность должна быть во всех отношениях «ведущей» отраслью народного хозяйства. И к ней в первую голову мы должны пред'явить требование решительного качественного улучшения ее работы. Именно с этой стороны и подходила большевистская критика к госплановским «Материалам». Экономически и политически *реакционна* была критика оппозиции, пытавшейся поставить промышленность в обстановку какого-то тепличного растения и пред'являвшей непомерные требования к народному хозяйству и бюджету для развития промышленности вместо того, чтобы требовать от промышленности качественного улучшения ее работы: максимальной эффективности капитальных вложений, максимально возможного снижения строительного индекса, всемерного и решительного сокращения всякого рода непроизводительных расходов и т. д. и т. п.

Оппозиция не нашла поддержки у партии и рабочего класса в своей платформе по хозяйственным вопросам и в своей оценке темпа нашего промышленного развития. Но тем более для нее должны быть «ценны» те симпатии и та идейная поддержка, которые она нашла у... меньшевиков. «*Критика оппозиции*,—писал Далин,—*была во всех отношениях правильна*. Она отражала общее недовольство рабочего класса слишком замедленным темпом промышленного развития и всеми вытекающими из этого для рабочего класса последствиями».

В каких только «странных» формах проявляет рабочий класс свое «недовольство» партией и ее хозяйственной политикой! Ведь тухлые яйца и гнилые огурцы летели в сторону оппозиции!

Сущим шутовством и шарлатанством являются замечания Колесникова о том, что «привлечение иностранных концессий авансом шельмуется в качестве «кабальных сделок». Кто, где и когда концессии авансом называл «кабальными сделками»? Почему Колесников не называет имен? Что за недомолвки и намеки! К кому они относятся? Или это из серии тех грязных и непристойных телодвижений, которые проделывала оппозиция в вопросе об «отмене» монополии внешней торговли?

«Достойным» венцом колесниковской статьи являются его рассуждения на тему о душевом потреблении. Мы утверждали и с фактами в руках *доказывали*, что Колесников пользуется приемом профессионального шулера, затушевывая и стирая социально-экономическое содержание «души населения». На ряде промышленных товаров мы иллюстрировали, что понятия «души населения» и «души рабочего населения» далеко не равнозначащи. И что потребление «души населения» *значительно ниже* потребления «души рабочего населения». Не имея возможности опровергнуть этого *важнейшего* факта, Колесников скачет и играет по поводу того, *какими* товарами иллюстрируется это положение. Он даже рекомендует обратиться к совсем «несознательной» хозяйке для получения соответствующих на этот счет раз'яснений. Как будто это нужно, когда своим оппонентом имеешь Колесникова!

Паясничаньем и кривляньем Колесников думает отделаться от существа вопроса. Но, *отказавшись от каких бы то ни было возражений* по поводу коренного, принципиально иного содержания «души населения» в довоенное время и теперь, Колесников тем самым *подтвердил шулерскую передержку* в этом вопросе. Колесников пытается отделаться от существа вопроса «насмешливо-ехидной» оценкой приведенного в качестве иллюстрации набора промтоваров. Оказывается, что керосина рабочий потребляет больше только потому, что примус заменил плиту. Но ведь этот довод с таким же успехом и правом может быть применен не только к рабочему, но и к служащему, т.-е. к *подавляющему* большинству населения городов! Сахарного песку потребляется больше потому, что меньше рафинада,—«веселится» Колесников. Но ведь это должно быть отнесено не только к рабочему, но и к служащему и к крестьянину. И, наконец, разве пить чай «в накладку» не прогресс по сравнению с питьем оного же, но «в приглядку»! Сравнение потребления рабочих (по бюджетам) для 1908—11 гг. и 1925—26 г. показывает такие изменения: потребление пшеничной муки составляло в 1925—26 г. 164% от довоенного, мяса и сала—157%, масла коровьего—142%, сахара и конфет—128% и, наконец, одежды, белья и обуви—115% от довоенного [1]). Может быть, и эти показатели недостаточны для Колесникова?

Но основной и решающий довод Колесникова сводится к следующему: «заработная плата у нас в лучшем (!) случае находится на довоенном уровне, цены промышленных товаров, приведенные к тому же (!) знаменателю (!), выше довоенных—казалось бы ясно: душевые нормы потребления рабочих должны быть *ниже* довоенных». В этой фразе сконцентрировано столько самой отвратительной лжи, недобросовестности и шарлатанства, что только диву даешься, до какой надо дойти степени нравственного падения, чтобы решиться преподнести ее читателю. Сам Колесников в этой же статье признавался, что к осени 1925 г. мы подошли к довоенному уровню заработной платы, а за два последующих года зарплата возросла на 13,9%. Значит реальный уровень зарплаты *значительно* превышает теперь уровень довоенной зарплаты! Почему же через несколько страниц зарплата оказалась «в лучшем случае» на уровне довоенном? Какое чувство должно овладевать, когда споришь с таким... «оппонентом»!

А цены на «промтовары», приведенные к «такому же знаменателю», выше довоенных—раз'ясняет далее Колесников. О каком

[1]) С. Г. Струмилин. «Правда» № 274.

«знаменателе» идет речь? Что это за «туман»? Или Колесников «запамятовал», что речь идет о превышении довоенного уровня *реальной* зарплаты?

Доказательством превышения довоенных норм душевого потребления рабочим классом является тот совершенно бесспорный факт (и его не мог опорочить Колесников), что уровень реальной заработной платы превышает довоенный ее уровень (на IV кв. 1926—27 г.) на 11,3% без начислений и на 34,2% с начислениями, которые прямо или косвенно, но увеличивают бюджет рабочего. Уровень материального положения рабочего класса настолько же выше довоенного его уровня, насколько *реальная* зарплата выше довоенной *реальной* зарплаты. И этого не может не знать тот, кто понимает различие между реальной и номинальной заработной платой.

Оппозиция окончательно изжила себя, как оппозиция *внутри* партии. Оппозиция уже превратилась в *оппозицию к партии*. Со ступеньки на ступеньку спускалась она к меньшевизму, пока окончательно не попала в его об'ятия. И нет ничего удивительного в том, что, в частности, по всем основным вопросам нашей хозяйственной политики между оппозицией и меньшевиками существует такое идейное родство, близость и взаимное понимание. Ибо кто упорствует в своей борьбе против ленинской партии, тот неизбежно скатывается в меньшевистское болото, в лагерь врагов рабочего класса.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ

В. И. ЛЕНИН. Сочинения. Издание второе под редакцией Н. И. Бухарина, В. М. Молотова, И. И. Скворцова-Степанова. Том XX. 1917 г. Подготовлен к печати. Н. Н. Овсянниковым. Государственное Издательство. 1927 г. Стр. 715.

В настоящий том вошли произведения В. И. Ленина за время с 16 (3) марта и до июльского кризиса 1917 г., когда Ленин должен был перейти на нелегальное положение. Помимо новых материалов, не вошедших в XIV т. (ч. 1) первого издания,—в настоящий, XX том, включено свыше тридцати статей, напечатанных в «Правде» в 1917 г. без подписи Ленина, и несколько писем, представляющих большой политический интерес, таковы два письма к А. М. Коллонтай от 16 (3) и 17 (4) марта и письмо к Ганецкому от 30 (17) марта.

Порядок расположения материала в XX томе в общем сохранен тот же, что и в ранее вышедших томах—хронологический. Все статьи XX тома охватывают *переходный* период от *первого этапа* февральско-мартовской революции ко *второму этапу*—революции пролетарской и посвящены *своеобразию* этого *переходного* момента и тактике, из него вытекающей.

Уже 17 (4) марта в письме к А. М. Коллонтай из Швейцарии, располагая скудными сведениями о положении дел в России, Владимир Ильич писал, что «*мир* даст лишь вооруженный Совет рабочих депутатов, если он возьмет власть», и что основная задача сейчас—«добивать реакцию, *ни тени* доверия и поддержки новому правительству и *вооруженное выжидание, вооруженная подготовка* более *широкой* базы для более *высокого* этапа».

Такую тактику рекомендовал Ленин «*издалека*», располагая лишь скудными сведениями о революции в России. Какую же тактику защищали товарищи «*вблизи*», находясь в самой гуще событий?

18 (5) марта ЦК РСДРП (б) в манифесте «Ко всем гражданам России» заявлял: «Неотложная и немедленная задача Временного революционного правительства—войти *в сношение с пролетариатом воюющих стран* (курсив наш. *Н. А.*) для революционной борьбы народов всех стран против своих угнетателей... и немедленного прекращения кровавой человеческой бойни» (т. XX, Приложения, стр. 600).

Таким образом, ЦК РСДРП (б), *в то время* допускал еще возможность обращения правительства Милюкова и Гучкова к международному пролетариату в целях «борьбы народов... против угнетателей». На этой же точке зрения стоял и Петроградский Совет. В воззвании «К населению» от того же 18 (5) марта он призывает к поддержке правительства, «создавшегося из общественно-умеренных слоев общества».

Повидимому, для тогдашнего ЦК (б) это «умеренное» правительство способно было начать революционную кампанию для прекращения войны.

Надо припомнить, что *в это же время* и Московский Совет *единогласно* высказался за поддержку Временного правительства «*постольку—поскольку*»; на этой же точке зрения стояло и большинство московской организации большевиков.

12 марта т. Ногин от имени всех партий, входящих в Президиум Московского Совета Раб. и Солд. Депутатов, предлагает Пленуму Со-

ветов обратиться к социалистическим партиям всех стран о созыве международной конференции для принятия мер к прекращению войны. 14 марта на этот же путь вступает и Петроградский Совет в своем обращении «к трудящимся всех стран», и в частности к австро-германской коалиции с предложением «последовать русскому примеру—сбросить с себя иго самодержавного порядка».

До какой степени даже в половине марта среди большевиков наблюдались еще шатания по этим важнейшим вопросам, видно из статьи т. Каменева в «Правде» от 28 (15) марта:

«...Не дезорганизация революционной армии и не бессодержательное «долой войну»—наш лозунг. Наш лозунг: давление на Врем. правительство с целью заставить его открыто, перед всей мировой демократией немедленно выступить с попыткой склонить все воюющие страны к немедленному открытию переговоров о способах прекращения мировой войны» (т. XX. Приложения, стр. 602).

Если центральный орган партии так оценивал значение воззвания Петроградского Совета, то нет ничего удивительного, что и московские большевики (*главным образом*, работающие в Совете) также слишком переоценили значение петроградского воззвания.

«...День 14 марта,—писал в «Известиях» тов. Скворцов,—замечательный день... Да здравствует воскресающий международный социализм!».

«...Обращение к гучковско-милюковскому правительству,—писал Ленин из-за границы 12 (25) марта,—с предложением поскорее заключить честный, демократический, добрососедский мир есть то же самое, что обращение доброго деревенского «батюшки» к помещикам и купцам с предложением жить «по-божецки»... Совершенно такую же роль—независимо от того, сознают они это или нет,—играют все те, кто с добренькими речами о мире обращается к буржуазным правительствам во время настоящей империалистской войны. Буржуазные правительства иногда вовсе отказываются выслушивать такие речи и даже запрещают их, иногда позволяют говорить их, раздавая направо-налево обещания, что они-то ведь и воюют ради быстрейшего заключения «самого справедливого мира» и что виноват только неприятель. Разговоры о мире, обращенные к *буржуазным* правительствам, оказываются на деле *обманом народа*... Чтобы добиться мира..., надо, чтобы власть в государстве принадлежала не помещикам и капиталистам, а *рабочим и беднейшим крестьянам*...».

«Если бы государственная власть в России,—говорит далее Ленин,—принадлежала *Советам*, то эти Советы наверное осуществили бы программу мира, которую партия большевиков наметила еще 13 октября 1915 г. в № 47 «Социал-Демократа» (Сочинения, т. XX, стр. 43—44).

Вот как уже в *то время*, «издалека» решал Ленин основные вопросы тактики пролетарской партии.

В письме к Ганецкому и в других местах XX тома Ленин все время упоминает о № 47 «Социал-Демократа». В письме к Ганецкому от 30 (17) марта Ленин писал: «Во что бы то ни стало, я должен требовать переиздания в Питере... больше всего и прежде всего *тезисов* из № 47 «Соц.-Дем.» (от 13/X—1915 г.). Эти тезисы теперь архи-важны. Эти тезисы говорят прямо, ясно, точно, как нам быть при революции в России, говорят за $1^1/_2$ года до революции! Эти тезисы замечательно, буквально, подтверждены революцией» (Том XX, стр. 54).

Документ такой важности надлежало бы дать в приложении, но, к сожалению, редакция ограничилась простой ссылкой: «см. XVIII т. сочинений». Поскольку томы сочинений Ленина выходят не в последовательном порядке (XVIII т. не вышел)—ссылка редакции на этот том не облегчает положения.

Статья «О задачах пролетариата в данной революции» (тезисы) перепечатывается в настоящем издании без изменений из «Правды» (№ 26 от 20 (7) апреля). Как известно, эти тезисы Ленина среди значительной части большевиков породили растерянность и недоумение. Меньшевики же и эсэры истолковали выступление Ленина как «призыв к гражданской войне в среде революционной демократии».

Теперь, когда в XX томе собраны и расположены в хронологическом порядке *все* статьи и письма Ленина за время с первых дней Февральской революции—«апрельские» тезисы представляют собой лишь развитие и обобщение уже не раз высказанных мыслей. Растерянность от прочитанных тезисов на совещании большевиков 4 апреля тем и об'яснялась, что первоначальный набросок тезисов 17 марта никому не был известен, тогда как в этом наброске уже были даны начала большевистской тактики в революции 1917 г.

Точно так же только в 1924 г. впервые увидели свет письма к Коллонтай, второе—пятое «письма издалека» и в 1921 г.—письмо к Ганецкому. Мало кому были известны и «тезисы», напечатанные за границей в 1915 г. в «Социал-Демократе».

В статье «Наши разногласия» («Правда» 21 (8) апреля) т. Каменев писал: «...Что касается общей схемы т. Ленина, то она представляется нам неприемлемой, поскольку она исходит от признания буржуазно-демократической революции *законченной* и рассчитана на немедленное перерождение этой революции в социалистическую. Тактика, вытекающая из подобной оценки, глубоко расходится с той тактикой, которую защищали представители «Правды» на Всероссийском с'езде, как против официальных вождей Совета, так и против тащивших Совет направо меньшевиков» (Соч. т. XX. Приложения, стр. 608) [1]).

В «Письмах о тактике», вышедших в середине апреля 1917 г. отдельной брошюрой, Ленин писал, что «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» *уже* осуществилась в самом факте существования Совета Раб. и Солд. Депутатов. «Эта формула уже устарела... На очереди уже иная, новая задача: раскол пролетарских элементов *внутри* этой диктатуры... Кто говорит *теперь* только о «революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства», тот отстал от жизни, тот в силу этого перешел на деле к мелкой буржуазии против пролетарской классовой борьбы, того надо сдать в архив «большевистских» дореволюционных редкостей (можно назвать: архив «старых большевиков»)» (Соч., т. XX, стр. 101).

---

[1]) На Всероссийском Совещании (а не с'езде) 29 марта т. Каменев, по вопросу о войне от имени большевистской фракции высказался за продолжение «революционного давления» на Временное правительство с целью заставить его «немедленно... предложить всем воюющим народам мир без аннексий и контрибуций», пока же власть не перейдет в руки «пролетариата и революционной демократии», мы, говорил т. Каменев, «отвергая дезорганизацию армии и считая необходимым сохранение ее мощи... призываем всех солдат и рабочих оставаться на своих местах...»

По вопросу об отношении к Временному правительству т. Каменев от имени фракции большевиков сказал, что он «счастлив заявить, что благодаря тем изменениям, которые внесены в первоначальный текст резолюции, предложенной Исполнительным Комитетом, большевики снимают отдельную резолюцию и будут голосовать за резолюцию Исполнительного Комитета», то-есть за «поддержку» Временного правительства, «давление» и «контроль» над ним. Таким образом, резолюция Совещания оказалась правее резолюции на Областной Конференции Советов Московской Области от 25 марта. (Цитируем по брошюре т. Игнатова «Всероссийские С'езды Советов в 1917 г.»).

В тех же «Письмах о тактике» Ленин говорит о второй ошибке т. Каменева. Как известно, т. Каменев упрекал Ленина в том, что его схема «рассчитана» на немедленное перерождение этой (буржуазно-демократической) революции в социалистическую. «Это неверно,—отвечает Ленин.—Я не только не «рассчитываю» на «немедленное перерождение» нашей революции в *социалистическую*, а прямо предостерегаю против этого, прямо заявляю в тезисе № 8... «не введение социализма, как наша *непосредственная* задача»...

Указывая далее на то, что в России *нельзя* «немедленно» ввести «государство-коммуну», Ленин замечает, что «т. Каменев немножечко «нетерпеливо» размахнулся и повторил буржуазный предрассудок насчет Парижской Коммуны, будто она «немедленно» хотела вводить социализм. Это не так. Коммуна, к сожалению, слишком медлила с введением социализма. Действительная суть Коммуны не в том, где ее ищут обычно буржуа, а в создании особого типа *государства*. А такое государство в России уже родилось, это и есть Советы Рабочих и Солдатских Депутатов! Тов. Каменев не вдумался в *факт*, в значение *существующих* Советов, в их тождество... с государством Коммуны...» (там же, стр. 107).

Очень значительное место в рецензируемом томе занимают речи, доклады и резолюции Ленина на Петроградской и Всероссийской апрельской конференциях.

В примечании редакции (стр. 650) сообщается, что «на конференции была небольшая группа, составившаяся по преимуществу из части делегатов Московского и Московского Окружного Комитетов... и отстаивавшая взгляд на революцию, близкий к большевистской оценке 1905 г. (формула: «диктатура пролетариата и крестьянства»). На состоявшейся незадолго перед тем Московской общегородской конференции были приняты резолюции, почти целиком воспроизводившие схемы 1905 г. Группа поручила на конференции сделать доклад Л. Б. Каменеву, который придерживался взглядов, близких к позиции этой группы».

Это не совсем точно. Что взгляды части московской и других делегаций по некоторым вопросам совпадали со взглядами т. Каменева и других (напр.—«диктатура пролетариата и крестьянства», как лозунг не законченной еще буржуазно-демократической революции)—это верно. Сходились точно так же многие делегаты в том, что доклад Ленина об оценке момента не дает конкретных лозунгов для практической работы («...мы никогда не были только педагогами-пропагандистами»).

Что же касается вопроса о войне и об отношении к Временному правительству, то в *этом отношении* московская партийная организация уже со *второй половины апреля* (точнее: с 11 апреля) заняла правильную линию и решительно покончила со всякими в этих вопросах шатаниями. Таким образом, говорить о совпадении взглядов части «москвичей» со взглядами т. Каменева можно только с весьма существенными оговорками.

15 апреля по вопросу о «Займе Свободы» и 22 апреля по поводу ноты Милюкова большевистская фракция в Московском Совете вносит резолюцию в Пленум о *недоверии* Врем. правительству и *отказе от тактики «поддержки»* и *«давления»* на это правительство, высказываясь за подготовку условий для перехода власти к Советам. Затем за два дня до открытия Всероссийской конференции (21 или 22 апреля) на совместном совещании Московского Комитета, Московского Окружного Комитета и Областного Бюро ЦК в принятой резолюции об отношении к Врем. правительству говорилось, не о «давлении» на него, не о пред'явлении к нему требований, а о переходе власти к советам, «усилении агитации в рабочих и крестьянских массах с разоблачением контрреволюционного характера Врем. правительства и с раз'яснением необходимости революционной борьбы с войной». Резолюция предлагает Всероссийской конференции обратиться с воззванием к армии и Совету Солдатских Депутатов с призывом о сплочении сил к выступлению против войны («Соц.-Дем.», 23/IV).

Еще ранее, 17 апреля, московская окружная конференция по докладу т. *Овсянникова* решительно высказалась против поддержки контрреволюционного Врем. пр-ства и за подготовку условий для перехода власти в руки рабочих и крестьян, и за тесный союз пролетариата с беднейшим крестьянством и сельскими батраками.

Нет ничего удивительного в том, что довольно значительная часть старых большевиков до ознакомления с тезисами Ленина и «Письмами о тактике» придерживалось старых схем 1905 г. в теоретическом вопросе о характере революции 1917 г., но в вопросах текущего дня, в вопросах непосредственной революционной борьбы в это время взгляды Московской организации не совпадали со взглядами т. Каменева и других его питерских сторонников.

Также не вполне соответствует действительности сообщение редакции о том, что «группа москвичей поручила т. Каменеву выступить с содокладом»... Обмен мнений с т. Каменевым по вопросу о характере нашей революции был. Не одни москвичи были заинтересованы в том, чтобы этот серьезный вопрос, к тому же не обсуждавшийся в Московской организации, был продискуссирован, но поручения т. Каменеву на выступление с содокладом «москвичи» не давали, да вряд ли это и требовалось. Дело обстояло несколько иначе. После доклада Ленина выступил т. Дзержинский и сказал следующее: «Из частных разговоров выяснилось, что многие не согласны принципиально с тезисами докладчика. Я вношу предложение выслушать доклады, выражающие другую точку зрения на текущий момент, выслушать товарищей, которые вместе с нами пережили революцию практически и которые находят, что она пошла несколько по иному направлению, чем это обрисовано докладчиком». Предложение было принято, и слово получил т. Каменев в качестве содокладчика. Вот как обстояло дело.

После апрельской конференции в большевистской партии не возникало сколько-нибудь заметных разногласий по основным вопросам программы и тактики, и только в октябре такие разногласия возникли и по вопросу о восстании, и по вопросу о принципах организации власти. В какой степени эти разногласия были органически связаны и вытекали из оценки февральско-мартовской революции уместнее будет рассмотреть по выходе в свет XXI тома сочинений.

«Вехи жизни» Ленина за время с марта по июль 1917 г. разработаны весьма тщательно. Научный аппарат XX тома (примечания, приложения, указатель имен) составлен с такой же тщательностью, как и в предыдущих томах. Библиографического очерка жизни и деятельности Ленина за время с марта по июль 1917 г. в XX томе не имеется; повидимому, такой очерк будет приложен к XXI т.

С внешней стороны рецензируемый том издан столь же безукоризненно, как и предыдущие.

Н. Ангарский.

Л. Д. ТРОЦКИЙ. Соч. том IX. «Европа в войне». ГИЗ, 1927 г., стр. 420.

Недавно вышедший IX том собр. соч. Л. Д. Троцкого посвящен эпохе войны. Вот кстати!—скажет читатель. Наконец-то, я доподлинно узнаю, как т. Троцкий боролся против империалистической войны.

Можно ожидать, что, развернув недавно вышедший том собр. соч. Л. Д. Троцкого, прямо вслед за титульным листом мы найдем нечто в роде «Уроков Октября». Но нет. И автор, и редакция, и сонм комментаторов скромны и молчаливы.

Неопытный глаз поразит обилие в книге корреспонденций с разных фронтов и стран. Будто бы т. Троцкий никогда не был не чем иным, кроме как «собственным корреспондентом» «Киевской Мысли». Из собственного органа т. Троцкого «Наше Слово», «Голос» тоже даны всякого рода заметки и статьи, свидетельствующие о неустрашимости автора, писавшего подобные вещи под бдительным оком военной цензуры,—и только.

Даже раздел «Основные вопросы и первые итоги войны»—и тот безотраден в смысле *руководящих* политических статей. Читатель, более искушенный, заглянувший в примечания и предисловие от редакции, поймет почему так безыдейно на безбрежных страницах этой аккуратно изданной книги. Оценка Троцким перспектив революции в России в связи с войной отложена в дальний... том. Обоснования лозунга «Соединенные Штаты Европы»—тоже. С лозунгом «борьбы за мир»—очевидно, то же. Одним словом—«не взыщи, читатель. Автора дома нет». Троцкого, как видного *политического деятеля*, в IX томе нет. Он приедет—в следующем томе.

Впрочем, и по уцелевшим от из'ятия вещам можно догадаться, «кто хозяин сего дома». Наиболее крупной из них является статья: «Военная катастрофа и политические перспективы». Всякий, читавший книгу Л. Д. Троцкого «Война и революция», будет поражен неожиданным обрывом этой статьи «на самом интересном месте»,—на том месте, где автор от «убийственных» характеристик николаевских генералов переходит к существу дела—к изложению своих взглядов на перспективы революции в России. Дабы не распространяться о том, «чего не было», верней—что *было*... но сплыло, приведем лишь один небольшой отрывок из отсеченной редакцией части статьи. Вот он:

«Условием развития пролетариата и той *единственной формой, в которой он может овладеть государственной властью, является и остается демократия*» [1]).

Речь идет явно о буржуазной демократии.

О буржуазной демократии, как государственной форме диктатуры пролетариата, Троцкий говорит и в своих «американских письмах», написанных *после* февральского переворота, после выяснения роли советов. А как же быть с «предвосхищением ленинских апрельских тезисов»?

Судите сами.

Что более важно, так это то, что и *после* приезда в Россию, и после ознакомления с апрельскими тезисами т. Троцкий остался верен своему взгляду. В брошюре «Программа Мира» он пишет о *демократических* Соединенных Штатах Европы, как *единственно возможной государственной форме диктатуры пролетариата.* Сотрудничая с партией в революции 1917 года, Троцкий не понял или не принял *основного* ленинского тезиса о замене демократической республики республикой советов.

[1]) Троцкий: «О демократии, как о государственной форме диктатуры пролетариат», т. IX, стр. 211.

Трактуя буржуазную демократию, как форму государственной власти пролетариата, Троцкий сдает зато в архив истории национальное государство. Там же, на стр. 215, он пишет о «пережившем себя национальном государстве». Это, опять-таки, лишь кончик, за которым тянется длинная нить непомещенных в этом томе писаний Троцкого на тему о том, что в эпоху империализма национальное государство изжило себя, как форма диктатуры пролетариата и т. д.

Пацифистско-каутскианский лозунг «Борьбы за мир», определявший во время войны всю политическую линию Троцкого, представлен в этом томе следующим «хвостиком»:

«Революция не заинтересована в дальнейшем накоплении поражений, наоборот, борьба за мир является для нас заветом революционного самосохранения» [1]).

Лозунг «Борьбы за мир», противопоставляющийся тов. Троцким ленинскому лозунгу поражения, был чрезвычайно характерен для Троцкого-политика: 1) потому что в нем содержится попытка противопоставить *революционному действию* благочестиво-интернационалистскую *фразу*; 2) потому что это есть лозунг центристский, соответствующий всей старой внутрипартийной позиции тов. Троцкого,—позиции сидения между двумя стульями, позиции беспринципного примиренчества; 3) потому что он является идейной пуповиной, соединяющей Троцкого с международной социал-демократией. Но этот *центральный* лозунг Троцкого, лозунг, выставлявшийся им и в мае 1917 г. (после ликвидировавшей якобы все разногласия Февральской революции), скрыт, спрятан. Осталась одна оброненная мимоходом фраза о «революционном самосохранении (!)», остался лишь хвостик. Итак, все положительное изложение взглядов Троцкого—спрятано, разногласия его с Лениным—спрятаны. Остается довольно «беспартийная» публицистика.

Единственное, что не совсем скрыто в этом томе, так это то, что Троцкий был против большевистского лозунга «Поражения», даже в применении к *царской* России. Чем мотивирует Троцкий свое антипораженчество?

Прежде всего делает ход от «интернационализма».

«Ставим ли мы развитие русской революции, а значит, практически *движение русского пролетариата в зависимость от революционного движения русской интеллигенции, мелкой городской буржуазии и крестьянства? Или* же мы подчиним движение российского пролетариата задачам и целям движения всего европейского пролетариата, и российскую революцию ставим в зависимость от пролетарской борьбы во всем капиталистическом мире? Словом, держим ли мы основной курс всей нашей политики на национальную буржуазную революцию или интернациональную революцию пролетариата»?

Одно из двух: *или* национальная ограниченность в союзе с крестьянством *или* курс на интернациональную революцию в союзе с международным пролетариатом. Вот где виден Троцкий-теоретик, Троцкий-политик. Вот где виден Троцкий—апостол и провозвестник «нового ленинизма» и Троцкий—организатор всего антибольшевистского, что есть в рядах Коминтерна. Но *этого* Троцкого, по условиям мо-

[1]) Троцкий, т. IX, стр. 131.

мента, выпускать в очередном томе, очевидно, неподходяще. Его заменяет Троцкий-турист, Троцкий—собственный корреспондент «Киевской Мысли».

Впрочем, кое-какие кончики, хвостики, остаточки от Троцкого-политика в этом томе можно найти.

«Мы не знаем такого европейского социального и государственного организма, в упрочении которого был бы заинтересован европейский пролетариат, и в то же время мы ни в каком смысле не отводим России роли избранного государства, интересам которого должны быть подчинены интересы развития других европейских народов» (стр. 147).

«Мы» (Троцкий) не страдаем «национальной ограниченностью» (кивок в сторону Ленина), не «отводим России роли избранного государства», а потому и не станем брать на себя почин в превращении империалистической войны в гражданскую. Во имя «интернационализма» мы воздерживаемся от нанесения смертельного удара своей буржуазии, а будем взывать о мире к пролетариям всего мира.

Так аргументирует т. Троцкий против революционного лозунга пораженчества от «пролетарского интернационализма», от того «интернационализма», который он защищал совместно с К. Каутским. Таков мотив № 1 против поражения.

Переходим к мотиву № 2. Вот он: теперь,—рассуждает т. Троцкий,—не 1905 год, когда можно было быть пораженцем (вместе с *буржуазией*), а 1914 г. с небывалой еще мировой войной. «Именно гигантские размеры нынешней войны,—пишет т. Троцкий,—могут при ее *неопределенно затяжном характере* надолго подрезать крылья всему общественному развитию, а стало быть, в первую голову—революционному движению пролетариата» (стр. 151).

Грандиозные размеры бедствий и затяжной характер войны могут задушить революционное движение. *Политически* этакий тезис—насквозь гнилой, ликвидаторский. Ленин, учитывая затяжной характер войны, считал ее все же кануном великих революционных взрывов.

А из приведенного выше тезиса т. Троцкого следуют выводы: если война затянется—оставьте надежду на революцию. Таков мотив № 2 «пролетарского революционера» т. Троцкого.

Следующий мотив, мотив № 3, поясняет, почему наш «пролетарский революционер» так мрачно смотрит на будущее:

«Поражения дезорганизуют и деморализуют правящую реакцию, но одновременно война дезорганизует всю общественную жизнь и прежде всего ее рабочий класс». И дальше: «Наконец, выросшая из поражений революция получает в наследство в конец расстроенную войной хозяйственную жизнь, истощенные государственные финансы и крайне отягощенные международные отношения» (стр. 148).

Итак, поражения дезорганизуют *прежде всего рабочий класс*.

Это почему же?

Потому, что рабочий класс, его психологию и тактику т. Троцкий мыслит на западно-европейский социал-демократический образец?

О революции т. Троцкий рассуждает тоже, как добрый социал-демократ. Революция, выросшая из поражений—не хороша. Пролетариату куда лучше потерпеть плохие времена, дать капитализму оправиться и пред'явить свою претензию на власть и руководство народным хозяйством тогда, когда последнее будет в цветущем состоянии. Ведь, социализм предполагает расцвет, а не упадок. Но, ведь, это все из той же *мерзопакостной* оперы, которую разыгрывали российские и прочие социал-оппортунисты, чтобы заставить пролетариат России отказаться от взятия (позже—сохранения) власти.

Поскольку со страниц книги смотрит Троцкий-политик, поскольку за кочующим по Европе журналистом удается рассмотреть *политика*, постольку становится всем ясно, что его лицо есть лицо *социал-демократа* до мозга костей, человека, *чуждого большевизму по своему мировоззрению*.

Именно в этом интерес книги.

Надо еще сказать пару слов об аппарате примечаний. Обычно они очень пространны и носят частью характер методических разработок троцкистского агитпропа, частью характер полемических статей на исторические темы троцкистского истпарта.

В данном случае лучшая форма агитации и пропаганды это—*умолчание* об ошибках т. Троцкого. Эту линию и проводят комментаторы тов. Троцкого. Они пишут большую статью про гвоздевщину (стр. 396), но ни полсловечка не уделяют освещению позиции органа Троцкого «Наше Слово» в этом вопросе. Они приводят статью Ленина об итогах кампании выборов, но из нее выбрасывают основной вывод: выборы показали, что в РСДРП есть лишь два течения: большевистское-пораженческое и меньшевистское-оборонческое, а все остальное—игра в бирюльки.

Линия органа Троцкого целиком подтвердила эту ленинскую характеристику, поскольку «Наше Слово» сказало свое слово о вхождении рабочих в ВПК. Но это слово было *меньшевистское*. Судите сами:

«В нашей среде, среди интернационалистов, есть сторонники взгляда, что целесообразнее было бы выборы произвести» [1]). И дальше:—«Среди петроградских интернационалистов были и такие, которые полагали, что рабочие должны участвовать в Комитете». Троцкий не из их числа, но—из их компании. Он выдает им аттестат на звание «интернационалистов», считает их мнение «законным оттенком» и даже предлагает своим читателям их линию, как одну из возможных вариаций тактики интернационалистов. Перед лицом *фактов* «интернационализм» т. Троцкого линял, как самая линючая тряпка. Его «интернационализм» служил делу сокрытия шовинизма друзей по «левой» социал-демократии,—прежде всего фракции Чхеидзе.

В этой же серии статей тов. Троцкий пишет:

«Ничто не дает права утверждать, будто она (фракция Чхеидзе, *Д. Б.*), готовится свернуть с этого пути на путь социал-«патриотизма» [2]).

Фракция Чхеидзе на деле уже давно помогала правительству и буржуазии в обороне страны. (Скобелевские «комитеты помощи», «непротиводействие» гвоздевщине, «успокоение» стачек и пр.).

Обо всем этом всезнающие комментаторы Троцкого не знают или не хотят знать. Они не удосужились проинтервьюировать Троцкого по вопросу о том, кого он считал «интернационалистом» и кого считает теперь.

А для читателей было бы небезынтересно.

Еще одна черточка для характеристики литературного предприятия, именуемого «Собр. соч. Л. Д. Троцкого» (полным или неполным?).

---

[1]) «Наше Слово», № 229, 31 окт. 1916 г.
[2]) «Наше Слово», № 250, 26 ноября, 1916 г.

В III томе, *вышедшем в 1923* г., когда Каменев и Зиновьев еще стояли на ленинской линии, в примечаниях было разыскано «из-под земли» все, что способно было их скомпрометировать.

В IX же томе, *вышедшем в 1927 г.*, в примечании-статье (стр. 378) о процессе думской «пятерки» и Каменева ничего не сказано об оппортунистическом поведении на суде Каменева, хотя Ленин счел нужным в свое время в передовой подпольного Ц. О. заклеймить поведение Каменева, как небольшевистское.

Понятно, что «1923 год не 1927». Но все-таки надо сказать, что барометрийность прямо-таки поразительная!

Д. Баевский.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 31 ДЕКАБРЯ 23—24

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП (б)

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 7
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

Главлит А—4336. Москва. Тираж 80000 экз.

Тип. изд-ва «Правда» и «Беднота», Яузск. мост Серебрянич. наб., д. 23а.

Иначе быть не может.

Оппозиционные «герои» очень любят указывать на тот факт, что никогда еще партия не относилась так к оппозиции, как она относится к ней теперь, что такого положения, дескать, «никогда не было при Ленине».

Что *такого* положения не было при Ленине—это бесспорный факт. Но из этого факта, конечно, не вытекает, что партия перестала быть ленинской.

При Ленине не было теперешнего оппозиционного блока, пытавшегося создать вторую партию и пытавшегося выступить не только против партии, но и против режима пролетарской диктатуры.

Ни перед каким с'ездом партии при Ленине оппозиция не находилась в таком положении, в котором она оказалась к моменту XV с'езда.

Партия осталась ленинской, и именно поэтому она дала такой жестокий отпор оппозиции, дерзнувшей пойти в своей борьбе против партии так далеко, как не шла ни одна оппозиция при Ленине.

Спору нет, оппозиция оказалась в очень «ненормальном» положении. Достаточно отметить три «звена», составляющие оппозиционную «цепь» ко времени пятнадцатого с'езда, чтобы понять эту «ненормальность».

Во-первых, оппозиция представляется членами ее, *еще оставшимися в партии*, из числа которых выступали на с'езде тт. Раковский, Евдокимов, Каменев, Муралов, Бакаев и которым «подпевал» тов. Минин.

Во-вторых, ее идеологически определяющими «вождями», на которых ссылались представители оппозиции на с'езде, которыми клялись и под знаком гегемонии которых «витали мыслью» оппозиционные ораторы, остались тт. Троцкий и Зиновьев, *исключенные из партии*.

В-третьих, представители оппозиции подчеркнули свою неразрывность с теми оголтелыми фракционерами, которые не только исключены из партии, но за свою *антисоветскую* деятельность *подвергнуты* советскими органами аресту.

«Товарищи,—заявил в своей речи на с'езде т. Каменев,—такое положение, когда такие люди, как Мрачковский, находятся в тюрьме (*голос*: «За то, что типографии заводили!») ...а мы находимся на свободе перед вашими глазами,—оно *неудержимо*. Мы вместе с этими товарищами боролись. Мы несем ответственность за все их действия... *Нас от них отделить нельзя»*...

Партийные, исключенные из партии и арестованные за антисоветскую деятельность,—вот звенья единой оппозиционной цепи, звенья, которые, по уверениям тов. Каменева, друг от друга «отделить нельзя».

И эта солидаризация, конечно, не случайна. Целиком прав тов. Рыков, заявивший в ответ на выступление тов. Каменева:

> «Оппозиция держит сейчас ответ за всю свою идеологию как «подписанную» в документах, так и не подписанную, за всю свою деятельность как легальную, так и нелегальную. Лидеры оппозиции должны не солидаризоваться, а держать ответ с пострадавшими от репрессий Советского государства, которое, согласно их же заявлению XV с'езду, является государством пролетарской диктатуры, за нарушение законов этой диктатуры. *Когда т. Каменев с этой трибуны спрашивает, кто ответствен за то, что несколько оппозиционеров посажено в тюрьму, я говорю: ответствен Каменев, он их к этому привел. (Голоса*: «Правильно!» *Аплодисменты)*.

И Фишелев, и Мрачковский, и Троцкий, и Зиновьев, и Каменев, и Раковский—боролись против партии под одними идейными знаменами, чуждыми большевизму. Разница между ними заключается, помимо различия в их индивидуальных качествах, которые в данном случае интереса не представляют, в большей или меньшей степени выявленности покушения с их стороны на режим пролетарской диктатуры.

Но что идейное лицо у них одно, что к борьбе против партии, борьбе, перешедшей рамки советской легальности, они вдохновлялись более или менее единым политическим «миропониманием», общей для них троцкистской идеологией—в этом сомнений быть не может.

Тов. Евдокимов, между прочим, указал, что рабочие массы подходят теперь к внутрипартийным спорам более сознательно, чем прежде.

> «Два года тому назад и даже еще год тому назад рабочий класс меньше, нежели теперь, интересовался нашей внутрипартийной борьбой и меньше вникал в нее. *(Шум)*. Иные рабочие даже считали, что это просто драка вождей наверху, пожалуй, даже из-за портфелей. (*Шум, крики*: «Ложь!»). *Теперь не то*. Один из главнейших итогов за эти два года в том и заключается, что нашими внутрипартийными

> спорами заинтересовался весь, или почти весь рабочий класс *(Сольц*: «Не заинтересовался, а понял». *Голос*: «А что вы дали в ответ?». *Шум)*.

Тов. Евдокимов, конечно не совсем продумал то, что он сам сказал. Раньше—рабочие считали, что происходит «драка из-за портфелей», «теперь не то», теперь рабочие подошли к внутрипартийным спорам более сознательно.

Тов. Евдокимов, несомненно, преувеличил в утверждении, что *раньше* рабочие мало понимали в дискуссии, но он прав в том, что *теперь* рабочие поняли смысл внутрипартийных споров лучше, чем прежде.

Однако, что же из этого следует?

«Два года тому назад» оппозиция еще имела за собой известные слои сочувствующих ей рабочих (хотя бы в Ленинграде), а теперь—ни один сколько-нибудь трезво мыслящий оппозиционер не осмелится утверждать, что *за ними* идут значительные слои рабочих. Наоборот, тов. Каменев и др. прямо признались на последнем пленуме, что их дело в массах «на данной стадии развития» проиграно.

Итак: пока рабочие массы недостаточно вникнули в суть споров, они еще имели в своих рядах слои, политически кредитующие оппозицию; когда же рабочие стали сознательнее (*«теперь не то»),—тогда и эти слои отказали оппозиции в кредите*.

Так получается, если даже исходить из утверждений тт. Каменева и Евдокимова.

Но это—попутно, а главное заключается в данном случае, *в другом*. И тов. Каменев и тов. Евдокимов старательно доказывали, что именно их *идейные* убеждения, именно их приверженность к своему (троцкистскому) *кругу идей*, суть которых поняла теперь и рабочая масса, побудили их к той борьбе, которую они вели против партии. Мы можем с этим согласиться (хотя и полагаем, что принципиальностью в своих идейных излияниях оппозиция отнюдь не отличалась). Но если это так, *то*, стало быть, то, *что, прежде всего, отделяет оппозицию от партии*—есть их идеология, их *троцкистская*, по определению партии и по своему существу, *идеология*. Не трудно понять и то, что обостренность борьбы оппозиции против партии об'ясняется, в весьма значительной мере, *напряженностью разногласий, степенью того «инакомыслия», которое отделило оппозицию от партии*.

Если бы, скажем, тт. Каменев, Евдокимов и др. полагали, что партия должна освободить еще 10% крестьянства от налога, то они могли бы защищать это свое предложение, не организуясь во фракцию, ибо *только на этом* никакой «платформенной» группы создать нельзя.

В том-то и дело, что тт. Каменев, Евдокимов и др. имеют с партией *крупные* разногласия по *коренным* вопросам политики, в том то и дело, что они дают принципиально иную оценку классовых отношений в нашей стране и в капиталистических странах, в том-то и дело, что, еще не делая *по всей линии* меньшевистских практических выводов, они их сделали в ряде выступлений, став на путь *антисоветской* борьбы.

Последняя идейно «обосновывалась» и подготовлялась теорией недостаточности *внутренних* сил нашей революции для построения социализма, тесно связанной с ней теорией «термидора» и т. д.

«Термидорианские» и «клемансистские» «птички» вылетали из уст оппозиционеров не случайно, как не случайна, а вполне закономерна и связь «термидорианских» и «клемансистских» идей с выступлениями оппозиции, нарушающими советскую легальность.

Но отсюда непосредственно вытекает, что действительное, окончательное прекращение оппозиционной борьбы против ленинизма, против партии Ленина и против режима пролетарской диктатуры предполагает непременно *отказ оппозиции от той идеологии, которой «обосновывается» антипартийная и антисоветская деятельность оппозиции, открытое и прямое осуждение этой идеологии.*

По этому поводу, конечно, могут возразить, что троцкизм проявлял себя внутри партии неоднократно и при Ленине, и, тем не менее, де, Ленин не требовал исключения троцкистов из партии.

Но, ведь, троцкисты при Ленине никогда не развертывали такого пахучего «букета» антипартийных идей, которые характерны для современной оппозиции и которые, и по существу и формально, являются *меньшевистскими* идеями.

Троцкизм проделал внутри партии путь от сравнительно скромных выступлений против ленинизма (при Ленине) до открытого перехода на сторону меньшевизма в ряде решающих *программных* политических оценок; тем самым троцкизм возвращается к своему *исходному* положению, когда он боролся вместе с меньшевиками против партии Ленина; тем самым он поставил себя *вне* большевистской партии.

Отказалась ли оппозиция *в выступлениях* ее представителей *по политическому отчету ЦК* от своей троцкистской идеологии? Нет, не отказалась.

Тов. Каменев, наоборот, очень настойчиво защищал право оппозиции на пропаганду ее взглядов.

> «Требовать отказа, отречения от взглядов,—заявил т. Каменев,—это, по нашему мнению, было бы не по-большевистски»... «это—вещь явно невыполнимая». «И мы думаем,—утверждал он,—что *наша критика*, которую мы обязуемся

> проводить в строгих рамках устава партии, *она еще пригодится партии*».

И в порядке детализации тов. Каменев повторяет каталог оппозиционных оценок и обвинений, направленных против партии. Он настаивает, прежде всего, на социал-демократической постановке вопроса о недостаточности *внутренних* сил для построения социализма в нашей стране.

> «На XIV с'езде основным вопросом наших споров был вопрос о соотношении между нашим социалистическим и крестьянским хозяйством (*Мороз*: «Откажитесь от троцкизма!»). Вы знаете, что именно на этом вопросе мы разошлись до XIV с'езда и после XIV с'езда. Вы упрекали нас именно по поводу нашей постановки этого вопроса в неверии, в маловерии, в панике перед кулаком, в неверии в строительство социализма. Мы говорили со своей стороны, что взгляды, которые развиваются на этот вопрос, страдают необоснованным оптимизмом, прикрашиванием нэпа, недооценкой капиталистических элементов в деревне, а от этого зависит и направление огня. Так что это—один из центральных и основных вопросов наших споров».
>
> «А мы, марксисты, ученики Ленина (*голоса*: «Бывшие ученики!») знаем, что из неправильной оценки классов неизбежно вытекает неправильная политика и тактика. Так вот, товарищи, пока в партии возможны такие оценки, которые ложатся в основу неправильной практической политики, мы не можем отречься от критики таких взглядов, не можем отречься от стремления исправить их и предупредить партию, вызвать в ней даже известную тревогу по поводу подобных оценок и перспектив»...

Итак, «на колу мочало,—начинай сказку сначала». И дальше тов. Каменев с упорством, достойным лучшего применения, еще раз «прогулялся» по до тошноты надоевшим идейным «полям» оппозиционного блока: тут фигурируют и «недоучет» кулацкой опасности и «ошибки» в коренных вопросах китайской революции и в вопросе об англо-русском комитете и т. д. и т. п.

«Оказывается», что события последнего времени «доказали» правоту оппозиции во всех этих вопросах.

Тов. Раковский дополнил «каталог» тов. Каменева «свежей» идеей о свертывании мирового революционного рабочего движения. Он, конечно, не разделяет «оптимистического прогноза и оценки тов. Сталина» относительно «постоянного роста симпатий рабочего класса по отношению к Советскому Союзу», ибо, с точки зрения троцкизма, «действенность этих симпатий уменьшается».

Он даже склонен опереться на буржуазного журналиста, для которого бесспорным является тот факт, что «Советский Союз

перестал быть идеологической опасностью для капиталистических государств».

Словом, все по-старому.

Но если, это так (а это так!), то, *стало быть, сохраняются и «освящаются» идейные факторы антипартийной и антисоветской деятельности оппозиции.*

Разве партия может согласиться на сохранение подобного положения? Конечно, нет. Партия слишком запустила ряд областей практической работы из-за оппозиции, чтобы вновь «повторять сказку сначала». Сохранение подобного положения было бы равносильно раскачке устоев большевистской партии.

Именно поэтому партия стоит на той точке зрения, что только полный отказ оппозиции от ее троцкистской идеологии, *только открытое осуждение* этой идеологии создаст возможность постановки вопроса о возвращении бывших оппозиционеров в ряды партии. Именно поэтому в резолюции по отчету ЦК сказано:

> «Принимая во внимание, что разногласия между партией и оппозицией из тактических переросли в программные, что троцкистская оппозиция стала фактором антисоветской борьбы, XV с'езд *об'являет принадлежность к троцкистской оппозиции и пропаганду ее взглядов несовместимыми с пребыванием в рядах большевистской партии*».

К сожалению, для многих троцкистов отказ от антиленинских взглядов уже психологически невозможен: слишком далеко они зашли.

Тов. Каменев сам развивал этот мотив в своей речи:

> «Если бы,—сказал он,—с нашей стороны было отречение от взглядов, которые мы защищали неделю или две недели тому назад, то это было бы лицемерием, вы бы нам не поверили. *Если бы я пришел сюда и сказал: я отрекаюсь от того, что две недели тому назад напечатал в своих тезисах, вы бы мне не поверили, это было бы лицемерием с моей стороны, и это лицемерие не нужно.* Это лицемерие внесло бы гниль в самую суть дела, в самое начало, в основной камень этого перемирия».

Конечно, «лицемерия» партии не нужно. Ей нужен *безусловный отказ от троцкизма.* Это должны бы понять и застрявшие между троцкизмом и ленинизмом товарищи, в роде тов. Минина, выступавшего на с'езде с недостойной попыткой доказать, что антисоветские выступления оппозиции об'ясняются, в значительной мере, неправильной политикой партии до и во время XIV с'езда. Тов. Минин склонен признать, что ее платформа неприемлема, но его же «глубочайшее убеждение» заключается в том, «что была сделана ошибка на XIV с'езде», когда ЦК и партия в целом, якобы, не захотели достаточно энергично мобилизоваться

против правой опасности и несправедливо открыли поход против «ленинградской оппозиции».

> «А дело в том,—заключает он,—что во-время нужно было принять соответствующие организационные и прочие меры, чтобы избегнуть более крупных ошибок».

До, во время и непосредственно после XIV партс'езда—по Минину—оппозиция была права, а партия неправа, и только в последнее время соотношение стало обратным.

Подобная «оценка» обнаруживает, что тов. Минин не понял ни *линии* партии, ни того, *каким путем* и *почему* оппозиция скатилась к меньшевизму.

Преувеличение процессов дифференциации в деревне, которое характеризовало «новую оппозицию», имело своей оборотной стороной недооценку середняка, недооценку кооперативного плана Ленина и т. д., что, в свою очередь, вело к ликвидаторской оценке перспектив социалистического строительства в СССР и подготовляло «термидорианскую» теорию.

Оппозиция спускалась *со ступеньки на ступеньку ниже*: она *развивалась*, и ее позиция ко времени XIV с'езда была весьма важным *этапом* ее развития.

С другой стороны, партия имела и имеет *линию*: осуществление решений XIV партконференции и XIV партс'езда, (смысл которых заключался в укреплении союза *с середняком)*, создало условия для проведения решений, намеченных XV с'ездом партии.

Здесь налицо звенья *одной и той же* политической цепи, а не «зигзаги». Эта сторона дела уже достаточно выяснена в партийной литературе.

Тов. Минин выражает психологию тех товарищей, которые, отходя от оппозиции, никак не могут найти в себе мужества признать, что они были неправы во время своего пребывания в оппозиции.

«Теперь-де, оппозиция не права, но когда мы были в оппозиции, тогда она была права»—таков главный мотив их выступлений.

С этой межеумочной позицией надо покончить. Надо продумать, понять *линию* партии и *путь* оппозиционного ликвидаторства. Надо честно и мужественно признать свои ошибки и вернуться к ленинским позициям.

Ибо только на ленинской основе партия может итти вперед, к новым победам и к новым достижениям.

Оппозиционеры поставили себя вне рядов партии. Только безоговорочное осуждение троцкизма, только до конца проведенное идейное и организационное разоружение оппозиции может создать условия для постановки вопроса о возвращении оппозиционеров в партию.

Иначе быть не может.

Д. Розит.

Расстановка классовых сил в переходный период [1]).

(Общая характеристика условий строительства социализма при диктатуре пролетариата).

«Что касается меня, то мне не принадлежит ни та заслуга, что я открыл существование классов в современном обществе, ни то, что я открыл их борьбу между собою. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы классов, а буржуазные экономисты—экономическую анатомию классов. То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определенными историческими битвами, свойственными развитию производства, 2) что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов»... Так писал Маркс к Вейдемейеру в 1852 году в письме от 5-го марта, т.-е. задолго до победы пролетарской диктатуры у нас в октябре 1917 года.

Победа диктатуры пролетариата в СССР очень ярко подтвердила эту марксову теорию классовой борьбы.

Победа пролетариата в октябре 1917 года наглядно показала, что классовая борьба действительно необходимо ведет к диктатуре пролетариата. Она показала, как может вырасти и победить государственная власть революционного пролетариата.

Победоносная диктатура пролетариата перед всем миром подтвердила ту истину Маркса, что само существование классов связано с определенными отношениями производства, т.-е. с частной собственностью на средства производства. Безвозвратная гибель в пролетарской революции класса помещиков, экспроприация и разгром диктатурой пролетариата буржуазии, как господствующего класса—все это достаточно ясно говорило и говорит о возможном и неминуемом уничтожении классов. Огнем вооруженного восстания пролетариат заставил эксплоатирующие классы познать гибель классового общества.

Диктатура пролетариата на протяжении гражданской войны при помощи пушек, пулеметов, винтовок, танков и бомбометов заставляла буржуазию почувствовать правоту учения Маркса об уничтожении эксплоататорских классов. Эксплоататорские классы очень быстро поняли, что речь идет именно об их гибели и уничто-

[1]) Редакция считает настоящую статью актуальной и своевременной, учитывая то обстоятельство, что в первой половине 1928 года на VI мировом конгрессе Коминтерна будет приниматься программа Коминтерна. Данная статья трактует вопросы, связанные с программой Коминтерна.

жении. Они хотели в гражданской войне против диктатуры пролетариата отстоять незыблемость своего существования и господства. Они были биты. В России пролетариат, поддержанный трудящимся крестьянством, разбил в вооруженной борьбе эксплоататоров.

Однако, установление диктатуры пролетариата в России еще не означает полного уничтожения всех классов. Классы еще не уничтожены и к десятой годовщине Октябрьской революции. Помимо пролетариата, имеющего в своих руках государственную власть, существуют крестьянство, ремесленники, кустари, новая буржуазия.

На этом факте спекулируют социал-демократические прихвостни буржуазии. Они, потерпевшие поражение в лобовых атаках против диктатуры пролетариата в прошлом, не отказываясь от новых интервенций, надеются тихой сапой взять свое. При этом они большие надежды возлагают на внутреннее перерождение диктатуры пролетариата. Враги спекулируют на наших трудностях.

Об этом же перерождении диктатуры пролетариата в СССР кричат паникеры и враждебные ВКП(б) элементы из троцкистской оппозиции.

Маркс и Ленин неоднократно подчеркивали, что построение коммунизма путем установления диктатуры пролетариата возможно только на протяжении длительного *переходного периода.* Они неоднократно настойчиво подчеркивали, что пролетариат не получает коммунистического общества сразу, так сказать, в готовом виде на другой день после переворота.

Как на протяжении переходного периода может произойти окончательное уничтожение классов и отмирание государства? Какую политику с этой целью может и должна проводить диктатура пролетариата?

Политика диктатуры пролетариата, которая проводится в течение переходного периода, в основном определяется расстановкой классовых сил, существующей в период непосредственной вооруженной борьбы пролетариата за власть и после завоевания власти.

Правильное понимание расстановки классовых сил в переходный период есть непременное условие борьбы против паникеров и подрывников из троцкистской оппозиции; это вместе с тем непременное условие в руках ВКП (б) для достижения конечных целей классовой борьбы пролетариата.

Установление диктатуры пролетариата значительно меняет расстановку классовых сил и дальнейшую динамику самих классов.

Только с установлением диктатуры пролетариата рабочий класс, как суб'ект истории, начинает переделку классового общества. Он приступает к коренной переделке общества. Он приступает к созданию бесклассового общества. Он заинтересован в уничтожении всех классов, в уничтожении самой возможности эксплоатации человека человеком. В этом процессе создания бесклассового общества (коммунизма) должен быть переделан и сам пролетариат. По словам Энгельса, вся предыдущая история до установления диктатуры пролетариата была только «пред'-историей».

Перед пролетариатом, организованным как государственная власть, стоит вопрос об отношении к другим классам, об уничто-

жений классового общества и об использовании своей диктатуры, как средства для достижения этой цели.

Эту политику можно наметить только при знании отношений всех классов и слоев к государству пролетарской диктатуры, при понимании взаимоотношений между всеми классами накануне победы диктатуры пролетариата и в условиях уже победившей диктатуры пролетариата.

Является ли та расстановка классовых сил, какая существует в переходный период в СССР, единственно возможной при победе диктатуры пролетариата? Нет.

Теоретически мыслимы *три случая* возможной расстановки классовых сил в борьбе за диктатуру пролетариата и при победившей диктатуре пролетариата. Эти три случая следующие: а) чистое капиталистическое общество, как исходное положение в борьбе за диктатуру пролетариата и за построение коммунизма; б) исходное положение в том случае, когда на ряду с капиталистическим производством сохранилось и простое товарное производство и остатки феодализма и в) диктатура пролетариата в крестьянской стране, окруженная империалистическими капиталистическими странами.

* * *

Первый случай предполагает, что существует капиталистическое общество, в котором, кроме буржуазии и пролетариата, нет никаких других классов. Такое общество мыслимо лишь при том условии, если совершенно исчезло бы натуральное хозяйство и если в области товарного хозяйства во всех отраслях производства, в том числе и в сельском хозяйстве, исчезло бы *простое* товарное производство.

Ясное дело, что современное капиталистическое общество к такому типу чистого капиталистического общества могло бы притти только в итоге чрезвычайно значительных изменений, основанных на глубокой технической перестройке его, особенно в области сельского хозяйства. Победа диктатуры пролетариата в чистом капиталистическом обществе (без крестьян и ремесленников) означала бы, что буржуазия, как господствующий класс, как эксплоататорский класс собственников средств производства— уничтожена. При этом условии все отрасли хозяйства,—в том числе все производство хлеба и остальных предметов личного потребления, растительного и животного сырья,—перешли бы в руки победившего пролетариата. Этот случай можно назвать *простейшим* случаем победы диктатуры пролетариата. Простота его, по сравнению с первым конкретно данным случаем в истории диктатуры пролетариата в России, заключается в том, что *все хозяйство* находилось бы в руках рабочего класса *и рядом с пролетариатом не было бы никакого другого класса*, в том числе и крестьянства.

Что представляло бы хозяйство пролетарского государства в этом случае и каковы были бы тенденции его развития в данном случае?

Выше уже было указано, что техническая база чистого капиталистического общества, если бы таковое существовало в природе, была бы значительно выше уровня развития техники хозяйства современных капиталистических обществ. Это особенно нужно сказать о сельском хозяйстве современного капиталисти-

ческого общества, чрезвычайно сохранившем докапиталистические остатки. В чистом капиталистическом обществе в сельском хозяйстве существовало бы крупное производство, основанное на развитой машинной технике. Этот более высокий уровень техники дал бы совершенно новую расстановку людей в процессе производства в области сельского хозяйства. Эта расстановка ни чем в основном не отличалась бы от той расстановки, какую мы имеем в области капиталистической промышленности. При победе пролетариата задачи его в области сельского хозяйства—в этом случае—ничем тогда не отличались бы от задач по организации и ведению остальных отраслей промышленности. Сельское хозяйство не противостояло бы промышленности, как деревня противостоит городу, как крестьянство пролетариату. *Все хозяйство общества в том числе и сельское хозяйство после победы пролетариата при этих условиях находилось бы в руках одного класса—пролетариата.*

В переходный период от чистого капиталистического общества к коммунизму не имело бы место то, что называют «новой экономической политикой» (нэп), ибо не было бы простых товаропроизводителей (крестьян и ремесленников) внутри пролетарского государства. Не было бы и внешнего капиталистического окружения вокруг страны победившей диктатуры пролетариата. На первых порах—в данной обстановке—может быть сохранена денежно-капиталистическая форма учета, но она, сама по себе, не создает и не может создать того, что в классовом отношении означает новая экономическая политика, как форма смычки пролетариата с крестьянством. Эта денежно-капиталистическая форма здесь исчезла бы тем скорее, чем меньшую роль в экономике этого общества играли бы сравнительно мелкие капиталистические предприятия, которые, может быть, пролетариату технически не будет выгодно на первых порах национализировать.

Устанавливая ненужность для диктатуры пролетариата в этом случае нэпа по аналогии с положением в СССР, можно поставить вопрос о неизбежности для пролетарской диктатуры в этом случае эпохи военного коммунизма. На этот вопрос надо ответить, что эпоха военного коммунизма,—или весьма ярко выраженных элементов военного коммунизма—как определенный период вооруженной борьбы пролетариата против буржуазии, была бы неизбежна в ряде последующих революций. Точно так же неизбежны были бы связанные с этой борьбой разрушения производства «издержки революции» (Бухарин). Утверждать противоположное, предполагать, что в чистом капиталистическом обществе буржуазия добровольно примирилась бы с диктатурой пролетариата и добровольно сдала бы действительную свою политическую и экономическую власть, нет никаких оснований. Вооруженная борьба, вооруженное восстание пролетариата для низвержения эксплоататоров и вытекающие отсюда последствия в смысле режима—были бы необходимы и неизбежны и в этом случае.

Особо надо подчеркнуть, что предполагаемый случай перехода от капитализма к коммунизму и соответствующего характера переходный период нам в жизни не даны. Это только *мыслимый* случай так же, как только мыслимо само чистое капиталистическое общество. Однако, несмотря на это, этот случай представляет значительный теоретический интерес. Этот случай необходимо разобрать и уяснить себе потому, что иногда очень

часто за исходное положение во всех своих суждениях о современных проблемах диктатуры пролетариата исходят из этого простейшего случая. Таким образом, искусственно проблемы диктатуры пролетариата ставятся в другие более простые условия, чем это при их разрешении в жизни дано. В жизни эти проблемы значительно сложнее и труднее, чем это было бы в этом простейшем мыслимом случае победы диктатуры пролетариата. Эта ошибка очень часто встречается у нашей вузовской молодежи, изучившей курс теоретической политической экономии и поэтому хорошо знакомой с абстракцией чистого капиталистического общества. Наши экономические и политические проблемы диктатуры пролетариата она очень часто неправильно ставит, предполагая для их разрешения, как исходное положение, абстракцию чистого капиталистического общества.

Эта же ошибка очень часто встречается и у пролетариев, теоретически не изучивших капиталистического общества и не прошедших курса истории классовой борьбы пролетариата. И в этих случаях все проблемы диктатуры пролетариата нередко ставятся упрощенно в предположении иного, более простого исходного положения чем то, какое существует в нашей действительности. Конечно, при более мощной технической базе производства, примерно такой, какую имело бы чистое капиталистическое общество, все вопросы зарплаты и другие вопросы экономики переходного периода разрешались бы значительно легче. Победившая диктатура пролетариата имела бы больше возможностей при разрешении этих вопросов. Но это в жизни не дано, и поэтому ошибочно разрешать эти проблемы, предполагая данными не существующие условия.

* * *

Во *втором* случае мы берем борьбу пролетариата за власть и его победу в капиталистическом обществе, в котором сохранились докапиталистические остатки. Такие докапиталистические остатки существуют в любом живом капиталистическом обществе. На ряду с капиталистическими отношениями производства мы имеем простое товарное хозяйство и натурально-патриархальное хозяйство. В разных теперь существующих капиталистических обществах в разной мере сохранились эти остатки, но основной факт их наличия является совершенно бесспорным. Первый, кто в борьбе с оппортунистической социал-демократией дал развернутую теорию победы пролетариата в союзе с крестьянством, был Ленин. Его теория гегемонии пролетариата в борьбе эксплоатируемых против всех эксплоататоров, значительно углубившая и дополнившая относящиеся к этому вопросу положения Маркса и Энгельса, доказывала и возможность и необходимость победы диктатуры пролетариата, далеко до полного исчезновения докапиталистических остатков.

Эту ленинскую теорию о возможности победы диктатуры пролетариата в союзе с крестьянством отвергает современная социал-демократия. Она этой революционной политике противопоставляет свою политику коалиции с буржуазией. Революционной ломке и революционной перестройке буржуазного общества социал-демократия противопоставляет якобы возможный постепенный переход к социализму без диктатуры пролетариата. Эта постановка вопроса, принципиально отвергающая необходимость диктатуры пролетариата для переделки буржуазного общества и для уничтожения эксплоатации человека человеком, является краеугольным камнем теоретических построений современных социал-демократических партий. В настоящее время всякие *Леви*, *Криспины*, *Вельсы*, *Вандервельды*, равно как и *Макдональды*, доказывают вырождение ленинизма и его якобы непролетарский характер. Это им нужно для маскировки своей насквозь оппортунистической коалиционной политики с буржуазией в интересах сохранения капитализма. Эта коалиционная политика с буржуазией для защиты капитализма является противоположностью политики союза пролетариата и крестьянства под руководством пролетариата для низвержения капитализма и уничтожения классов.

На «нереволюционность» большевизма в этом смысле указывал и Троцкий, ссылаясь на реакционные черты большевизма, якобы существующие на ряду с революционными чертами большевизма. В этот же вопрос упирается троцкизм и со своей теорией невозможности победы социализма в СССР без государственной поддержки пролетариата передовых капиталистических стран. Однако, ленинизм, следуя учению Маркса и Энгельса, стоит на той точке зрения, что возможно преодоление тех противоречий, какие существуют при диктатуре пролетариата между пролетариатом, опирающимся на деревенскую бедноту, и средним крестьянством, представляющим мелкобуржуазных простых товаропроизводителей.

Этот теоретический спор надо считать разрешенным положительно в пользу ленинизма против троцкизма и против современной социал-демократии. Практическим разрешением этого вопроса в пользу ленинизма была и есть существующая десять лет в СССР пролетарская диктатура. Поэтому дальнейшее изложение мы будем вести при посылке о возможности победы диктатуры пролетариата в союзе с крестьянством.

Однако, стоит большой вопрос относительно характера общей политики диктатуры пролетариата в этом случае. Каким образом пролетариат вынужден в этом случае видоизменить свою политику, по сравнению с первым, выше нами разобранным, случаем победы в чистом капиталистическом обществе? Основы этой политики дал Ленин. Но и сам Ленин настаивал на особенно пристальном изучении вопросов переходного периода с учетом всех тех особенностей, с которыми неминуемо вынуждена будет столкнуться диктатура пролетариата после своей победы в союзе с крестьянством.

Если взять общую стратегическую расстановку классовых сил при победе диктатуры пролетариата в союзе с крестьянством, то основной отличительной чертой этого случая будет наличие *двух классов—пролетариата и крестьянства—после победы диктатуры пролетариата*. Перед нами своеобразное *двухклассовое общество*. Но это двухклассовое общество коренным образом отличается от того двухклассового общества, с каким мы встречаемся при изучении абстракции чистого капиталистического общества. В чистом капиталистическом обществе мы предполагаем существование буржуазии и пролетариата в рамках одного способа производства. Это капиталистический способ производства, в котором буржуазия является классом эксплоатирующим, а пролетариат эксплоатируемым.

Двухклассовое общество, состоящее из пролетариата и крестьянства предполагает существование двух способов производства.

В области техники производства пролетариат представляет крупное машинное производство; крестьянство—на первой стадии развития—за исключением кулачества—мелкое простое товарное хозяйство, опирающееся преимущественно на ручной труд. Экономическое отношение между этими двумя классами не есть отношение такого типа, какое существует между буржуазией и наемными рабочими. Их отношения—это отношения государственной промышленности пролетариата и мелкого товарного крестьянского хозяйства.

Вот что по этому поводу говорит тов. Бухарин:

«Сейчас для теории чрезвычайно интересна постановка вопроса о двух классах—о рабочем классе и крестьянстве, при уничтожении помещичьего землевладения, при экспроприировании буржуазии. Само собой разумеется, что тут по мере приближения к конкретному пути будет напрашиваться целый ряд очень значительных коррективов, которые могут сильно изменить картину и теоретически и практически. Этот вопрос идет по той же линии, как и вопрос о союзе рабочего класса и крестьянства, потому что эти классы суть не что иное, как классовые носители определенных хозяйственных форм. Это не есть просто некоторые социальные силы (в рамках одного способа производства, добавляем мы. *Д. Р.*) и больше ничего. Каждый класс есть носитель свойственных ему хозяйственных форм. Если мы говорим о крестьянстве и берем его как социально-классовую категорию, то не нужно забывать, что крестьянство это есть носитель определенной формы хозяйства, которая может одолеть нас, развиваясь по нежелательному для нас пути, и которая, с другой стороны, может пойти по пути, по которому мы хотим ее вести. Следовательно, здесь социально-классовая точка зрения имеет свое чисто-экономическое значение и вопрос о соотношении классов есть в то же время вопрос о соотношении хозяйственных форм.

Вопрос о гегемонии пролетариата над крестьянством это есть в то же время и вопрос о соотношении между социалистической промышленностью и крестьянским хозяйством» («Атака», стр. 279—80, изд. 1924 г.).

Здесь необходимо особо подчеркнуть условность понятия *двухклассового общества при диктатуре пролетариата*. Пролетариат здесь не представляет уже прежнего класса буржуазного общества, т.-е. класса, эксплоатируемого буржуазией. Сама буржуазия, как господствующий класс, подавлена и экспроприирована.

Крестьянство здесь не представляет группу населения, эксплоатируемую дворянством и крупными землевладельцами. Эти классы уничтожены, ибо уничтожена сама частная собственность на землю.

О пролетариате и крестьянстве, как о двух классах при диктатуре пролетариата, можно и необходимо говорить в том смысле, что отношение этих двух групп к средствам производства (орудия, сырье, изготовленный продукт и т. п.) различно: пролетариат не имеет средств производства, как частную собственность. Они представляют общественную собственность пролетарского государства. Крестьянство имеет в частной собственности средства

производства, за исключением земли. Эта частная собственность в условиях товарного хозяйства имеет *тенденцию превратиться в капиталистическую собственность.* С ростом крупного машинного производства при капитализме мелкая собственность и мелкое крестьянское хозяйство разлагаются и распадаются. Это придает самому крестьянству особый характер переходного класса, выделяющего постоянно из себя отличные от самого крестьянства, как простых товаропроизводителей, социальные слои: сельскую буржуазию и пролетариат.

Важным является вопрос о внутренней, имманентной динамике этих двух классов при диктатуре пролетариата. Сама диктатура пролетариата является орудием уничтожения классов. К этому направлена общая политика диктатуры пролетариата. Именно в этих условиях решающим является вопрос о той политике, какую должен повести победивший пролетариат для того, чтобы, сохраняя крестьянство как союзника, переделать его. Для ответа на этот вопрос мы должны установить законы движения двухклассового общества, состоящего из пролетариата и крестьянства.

Первый вопрос, который сам собой напрашивается, это вопрос о том, есть ли какое-нибудь органическое единство между государственным хозяйством пролетариата и простым товарным хозяйством крестьянства. Пролетариат в своих руках держит только часть общего производства. Это ни на минуту не следует забывать. В его руках находится промышленность, железные дороги, банки. В руках же крестьянства находится остальное производство, в денежном выражении составляющее большую половину валового производства всего народного хозяйства. Оно представляет и большинство населения.

Однако, ошибочно было бы представлять эти две части народного хозяйства как замкнутые сами по себе. Эти две части хозяйства переходного периода, взятые каждая сама по себе в отдельности или в арифметической сумме на бумаге, не составляют того, что они означают в действительной жизни. В действительности это есть две *незамкнутые* в себе части. В данном случае, не отождествляя между собой эти части, мы вместе с тем должны отметить, что неправильно и их простое противопоставление, как одна другую исключающие. Этот вывод зиждется на той простой истине, что крестьянское хозяйство является поставщиком хлеба и остальных средств питания для городов и государственной промышленности пролетариата. Оно же—главный поставщик животного и растительного сырья для промышленности.

Правильная экономическая политика пролетариата, осуществляющего свою диктатуру, после победы в гражданской войне предполагает проведение новой экономической политики (нэпа), как единственно правильной политики диктатуры пролетариата (Ленин). Эта политика предполагает правильный товарооборот между промышленностью пролетарского государства и крестьянским хозяйством. При этих условиях из простого товарного производства при свободе товарооборота стихийно будет возникать капитализм. Возникновение же капиталистических элементов в деревне на базе простого товарного производства крестьянства будет означать возрождение капитализма. Неправильно дело изображать так, как это делают троцкисты (см. речь Смилги на октябрьском пленуме 1927 г.), что для диктатуры пролетариата в области руководства крестьянством после победы в гра-

жданской войне, существуют только две возможности: или политика военного коммунизма или неограниченное развитие фермерского хозяйства. Имеющий в своих руках государственную власть, крупную промышленность, транспорт, банки, монополию внешней торговли и проводящий национализацию земли пролетариат может и должен экономическими мерами, мерами государственной власти в области налогов, аренды, наемного труда ограничить и победить этот стихийно возникающий капитализм. Поскольку возрождаются капиталистические элементы, неминуема классовая борьба, но формы этой классовой борьбы и средства для проведения этой классовой борьбы при диктатуре пролетариата значительно могут отличаться от тех форм классовой борьбы, какие существуют при капиталистическом производстве. При проведении классовой борьбы против вновь возрождающейся буржуазии пролетариат должен исключительное внимание уделить тому, чтобы не смешивать среднее крестьянство с кулачеством. По этому вопросу на VIII с'езде ВКП(б) в резолюции о среднем крестьянстве Ленин писал следующее: «Смешивать средних крестьян с кулачеством, распространять на них в той или иной степени меры, направленные против кулачества, значит нарушать самым грубым образом не только все декреты советской власти и всю ее политику, но и все основные принципы коммунизма, указывающие на соглашение пролетариата со средним крестьянством в период решительной бырьбы пролетариата за свержение буржуазии, как на одно из условий безболезненного перехода к устранению самой эксплоатации.

Среднее крестьянство, имеющее сравнительно крепкие экономические формы в силу отсталости сельскохозяйственной техники от промышленной, даже в передовых капиталистических странах, не говоря уже о России, будет держаться довольно долгое время после начала пролетарской революции. Поэтому тактика советских работников в деревне, равно как и деятелей партии, должна быть рассчитана на длительный период сотрудничества со средним крестьянством».

В этой же резолюции Ленин со всей силой подчеркивал, что «среднее крестьянство не принадлежит к эксплоататорам, ибо не извлекает прибыли из чужого труда».

Вся задача при проведении верной политики пролетарской диктатуры в этом случае заключается в том, чтобы при проведении новой экономической политики, ведя упорную борьбу с капиталистическими элементами вновь возрождающейся буржуазии, в то же время не допускать смешения такой политики, направленной против буржуазии, с мероприятиями, проводимыми по отношению к среднему крестьянству.

*
* *

К *третьему* случаю относится все вышесказанное по поводу двухклассового общества, состоящего из пролетариата и крестьянства. Однако, должна быть подчеркнута особая сложность его как по сравнению с первым, так и со вторым вышеразобранными случаями победы диктатуры пролетариата.

Особенность этого случая, по сравнению с чистым капиталистическим обществом, как исходным положением для победы диктатуры пролетариата, заключается в том, что здесь необходима новая экономическая политика, как политика, вызванная наличием простого товарного производства крестьянства на ряду с государственной промышленностью пролетариата. Следующая отличительная черта этого случая, по сравнению с чистым капиталистическим обществом, это отсталый уровень производительных сил (техника). Теоретически недопустимо отождествлять эти два случая, практически это означало бы гибель диктатуры пролетариата, победившей в капиталистическом окружении.

Отличительная черта этого случая, по сравнению с двухклассовым обществом из пролетариата и крестьянства, как исходного положения для построения социализма, заключается в том, что, помимо двух классов и нарождающегося из простого товарного хозяйства капитализма, существует внешнее капиталистическое окружение. Этот факт очень сильно модифицирует ту политику, какую мог бы проводить пролетариат по отношению к крестьянству в том случае, если бы не было капиталистического окружения. Однако, несмотря на добавочные трудности, вытекающие из этого положения, в силе остается основное положение ленинизма, что и в этом случае, несмотря на капиталистическое окружение и наперекор этому капиталистическому окружению два класса—пролетариат и класс простых товаропроизводителей—могут преодолеть свои внутренние противоречия. Преодолевая эти противоречия, пролетариат вынужден вести ожесточенную борьбу с вновь возрождающейся буржуазией за среднее крестьянство, за привлечение его на свою сторону и за его переделку. Однако, по этому вопросу Троцкий еще в 1922 году в предисловии к «1905 году» писал следующее: «Противоречия в положении рабочего правительства в отсталой стране, с подавляющим большинством крестьянского населения смогут найти свое разрешение только в международном масштабе, на арене мировой революции пролетариата». Здесь мы имеем отрицание принципиальной возможности преодолеть внутри СССР противоречия между пролетариатом и подавляющим большинством крестьянского населения, т.-е. средним крестьянством. Это вместе с тем есть основная теоретическая подпорка троцкистской теории о неизбежности или об уже происшедшем перерождении диктатуры пролетариата в СССР. Это—гнилая теория, выдающая без остатка свое оппортунистическое и авантюристическое нутро.

Особенность этого случая по сравнению с предыдущими двумя случаями победы диктатуры пролетариата заключается в том, что она должна проводить особую *систему защитительных мероприятий против капиталистического окружения*. Эта система защитительных мероприятий (армия, революционная работа в Коминтерне, монополия внешней торговли) является вместе с тем орудием борьбы с этим капиталистическим окружением. При этих условиях не следует упускать из виду, что капиталистическое окружение не представляет монолитной массы. Оно внутри раз'едается своими внутренними противоречиями и революционной классовой борьбой пролетариата капиталистических стран против своей буржуазии.

Необходимость тратить значительные средства на оборону страны пролетарской диктатуры значительно отягчает возможности социалистического строительства. Однако, сам этот факт содержания Красной армии может быть истолкован как антиреволюционный и антикоммунистический факт только безнадеж-

но погрязшими в болоте оппортунизма социал-демократами и их прихвостнями в нашей стране. Эта *защитительная система экономических, политических и военных мероприятий* пролетарской диктатуры *против капиталистического* окружения является органической составной частью политики восходящего пролетариата, осуществляющего свою диктатуру в капиталистическом окружении, ведущего борьбу за победу в мировой революции. Эта система сама собой отпадает, и сам пролетариат и его партия ее отбросят, как ненужную, вместе с победой диктатуры пролетариата во всем мире. Но пролетариат, отвоевавший для строительства социализма только часть мирового хозяйства, при строительстве социализма должен эти мероприятия включить как составную часть своей политики. От этого его политика ни в малой мере не делается чем-то органически несовместимым с коммунизмом, вынужденным себя отстаивать от враждебного империалистического окружения.

В. Мотылев.

Проблема темпа развития СССР.

(К вопросу о пятилетнем и генеральном планах).

> «Необходимо стремиться к тому, чтоб в относительно минимальный исторический срок нагнать, а затем и превзойти уровень индустриального развития передовых капиталистических стран».
> (Из резолюции XV партконференции).

Вопрос о возможном темпе нашего дальнейшего хозяйственного развития и путях его ускорения носит характер исключительной важности. Дальнейшее хозяйственное развитие нашей страны должно осуществлять ее индустриализацию. В прямой связи с процессами индустриализации стоят процессы социалистического обобществления. Темп хозяйственного развития имеет поэтому исключительное значение для экономического преодоления буржуазии в нашей стране, изживания наличных в нашем хозяйстве диспропорций, обеспечения экономической самостоятельности СССР в мировом хозяйстве, дальнейшего выявления перед трудящимися всего мира прогрессивности переходной системы хозяйства, ускорения процесса революционизирования мирового пролетариата, укрепления обороноспособности Советского Союза и т. д.

Однако, именно потому, что темп развития имеет такое значение для всей совокупности задач переходной эпохи,—проблема заключается не только в повышении темпа на ближайшие годы, но и в обеспечении его ускорения на длительный период. Это обстоятельство обусловливает нецелесообразность и неприемлемость таких методов, которые могут вызвать лишь кратковременное повышение темпа за счет снижения его в дальнейшем.

С другой стороны, темп развития нашей системы хозяйства и методы его ускорения находятся в прямой зависимости от социальных особенностей этой системы. Далеко не все мыслимые методы ускорения темпа оказываются в нашей системе хозяйства целесообразными и реальными. Мыслимы такие методы (например, отказ от монополии внешней торговли), которые могут вызвать кратковременное ускорение темпа, но в конечном счете замедлят его именно потому, что вступят в противоречие с социальными особенностями системы хозяйства и нарушат процесс ее

воспроизводства. В хозяйстве СССР действительны лишь такие методы ускорения темпа, которые могут ускорить не только расширенное воспроизводство материальных ценностей, но и расширенное воспроизводство социалистических общественных отношений. Лишь при таких методах наша система хозяйства может развить присущие ей особенности и преимущества, от которых, в свою очередь, зависит возможность ускорения темпа.

Это своеобразие проблемы темпа в нашей стране фактически не осознано оппозицией. Мы надеемся ниже доказать, что предлагаемые ею методы ускорения темпа не могут разрешить проблемы, ибо способны в лучшем случае вызвать лишь кратковременное ускорение темпа индустриализации за счет резкого его снижения в ближайшие же годы.

Оппозиция не осознала значения методов ускорения темпа, вытекающих из *своеобразия* нашей системы хозяйства, из присущих ей *преимуществ*, из ее *превосходства* над капиталистической. Между тем, подлинное ускорение темпа возможно благодаря именно этим преимуществам. Реализация этих преимуществ, как это подчеркнуто резолюцией XV партконференции, обеспечивает нашему хозяйству темп развития, превосходящий довоенный темп капиталистических государств. Недооценка возможностей ускорения темпа, связанных с преимуществами нашей системы хозяйства, является одним из главных источников неверия и пессимизма, свойственных оппозиционному блоку.

С другой стороны, недооценка возможного темпа развития существует и среди части экономистов и хозяйственников. Это нашло свое отражение и в первоначальных проектах пятилетнего плана, грешивших необоснованным и опасным минимализмом. Между тем, ускорение темпа путем реализации преимуществ нашей системы хозяйства зависит от сознательного учета наличных возможностей и осуществления определенной системы мероприятий, направленных к их реализации. Директива XV партконференции о необходимости нагнать и превзойти уровень индустриального развития передовых капиталистических стран диктуется совокупностью противоречий и задач революции. Для осуществления этой директивы необходимо добиваться, чтоб темп нашего развития значительно превышал довоенный и послевоенный темп капиталистических государств.

Чтобы выяснить, в какой мере и при каких условиях темп нашего хозяйственного развития может превзойти темп капиталистических государств,—обратимся, прежде всего, к характеристике последнего и свойственных ему закономерностей. Так как наиболее быстрым был темп развития Соединенных Штатов, то особенное внимание мы уделим характеристике «американского» темпа и выяснению его источников.

I. Темп развития капиталистического хозяйства.

В качестве показателей темпа развития капиталистического хозяйства возьмем рост народного имущества, рост основных капиталов и продукции промышленности, рост продукции сельского хозяйства. Если первый показатель, как обобщающий, должен выявить темп роста народного хозяйства в целом, то остальные—должны показать темп роста в важнейших его сферах.

Рост реального об'ема народного имущества С. Ш. и Англии [1]).

(Средн. геометр. % годичного прироста за период)

Годы	С. Штаты	Годы	Англия
1840—1850	9,2	1800—1822	3,8
1850—1860	8,3	1822—1833	4,9
1860—1870	2,0	1833—1845	1,0
1870—1880	8,7	1845—1865	1,6
1880—1890	4,3	1865—1875	5,4
1890—1900	4,1	1875—1885	4,6
1900—1912	4,5	1885—1895	2,1
		1895—1905	0,6
		1905—1914	0,5

Если из таблицы, показывающей % годичного прироста в С. Штатах, исключить период 1860—70 гг., в котором падение темпа прироста вызвано было гражданской войной между Севером и Югом, то эпоху с 1840 г. по 1912 г. можно разделить по темпу развития на две части с различной нормой прироста. В период с 1840—1880 гг. реальный об'ем народного имущества возрастал в десятилетие в 2,2 — 2,5 раза, в следующий период 1880—1912 гг.—приблизительно в 1½ раза. Эта разница в темпе роста об'ясняется отчасти тем, что в период 1840—1880 гг. происходил процесс хозяйственного освоения присоединенных в 40-х годах к С. Ш. огромных территорий, чрезвычайно богатых в естественном отношении. Это освоение сопровождалось, естественно, быстрым ростом национального имущества. К 80-м годам оно в основном закончилось. Однако, снижение темпа с 80-х годов слишком значительно, чтобы это обстоятельство могло об'яснить его целиком,—тем более, что в действительности оно продолжалось, хотя и медленно, и после 80-х годов. В таблице темп после 80-х годов несколько преувеличен благодаря тому, что реальный об'ем народного имущества исчислялся путем деления номинального об'ема на индекс товарных цен, не отражающий цен недвижимостей. Между тем цены важнейших недвижимостей, в особенности земли, возрастали в то время, как индекс цен понижался.

Если, однако, в С. Ш. после 80-х годов тенденция к снижению темпа проявляется в слабой степени, то в Англии она выступает весьма резко. Таблица показывает, что, начиная с последней четверти XIX века, темп роста народного имущества в Англии систематически понижался.

Сопоставляя темп прироста народного имущества в С. Ш. с темпом прироста его в Англии, можно констатировать *огромное превосходство американского темпа*. По абсолютному об'ему народного имущества С. Ш. уже в 80-х годах обогнали Англию. По данным «The Dictionary of Statictics» Мюльгэла в 1888 г. нар. имущество Англии составляло 10.800 мил. ф. ст., а народное имущество С. Ш.—12.820 мил. ф. ст. При таком абсолютном об'еме нар. имущества С. Штатов в 80-х годах даже снизившийся в дальнейшем темп годичного прироста в 4,1 — 4,5%

[1]) Реальный об'ем получен путем деления номинального об'ема на индексы цен. Данные о С. Ш. взяты в брошюре С. Фалькнера—«С. Ш. в мировом хозяйстве». Геометрич. %% прироста в Англии вычислены нами при помощи логарифмов, при чем номинальный об'ем имущества взят в книге J. Stamp'а—«British Income and Property», р. 406, а индексы цен—у Layton'а—«An Introduction in the Study of Prices», р. 150.

означал в абсолютных цифрах огромный рост. Вследствие этого доля С. Ш. в совокупном богатстве культурных стран возросла с 1888 г. по 1924 г. с 19,4% до 33,9%.

Обратимся теперь к характеристике темпа развития *промышленности*. Нижеследующая таблица характеризует темп роста важнейших отраслей, добывающей и обрабатывающей промышленности.

Темп роста продукции промышленности [1]).

(Средн. геометрич. % годичного прироста).

Годы	С. Штаты	Англия	Германия	Франция
Добыча угля.				
1800—1820	4,7	1,1	8,4	2,0
1820—1830	10,0	2,6	2,9	—
1830—1840	3,3	6,4	5,5	5,2
1840—1850	16,1	5,0	7,0	2,9
1850—1860	5,0	6,7	6,1	6,4
1860—1870	8,5	3,3	8,0	4,7
1870—1880	8,0	2,9	5,9	3,6
1880—1890	8,2	2,1	4,1	3,1
1890—1900	5,5	2.2	4,5	2,5
1900—1913	6,8	2,0	2,1	2,4
Выплавка чугуна.				
1800—1810	3,2	2,8	1,4	3,5
1810—1820	7,2	4,8	6,9	5,1
1820—1830	5,0	5,4	2,9	4,6
1830—1840	4,9	7,4	3,5	4,8
1840—1850	6,8	4,9	9,0	5,0
1850—1860	3,9	5,5	2,8	4,7
1860—1870	7,3	4,5	10,2	2,7
1870—1880	8,7	2,7	6,9	3,9
1880—1890	9,1	0,2	5,6	0,9
1890—1900	4,1	1,3	6,2	3,6
1900—1913	6,5	1,1	1,9	9,8
Производство стали.				
1870—1880	32,9	15,8	11,6	16,1
1880—1890	13,6	10,7	13,9	5,8
1890—1900	9,0	3,1	11,1	7,8
1900—1913	9,1	3,6	4,9	12,6
Потребление хлопка.				
1830—1840	5,5	6,4	7,2	5,2
1840—1850	8,0	2,4	7,2	1,8
1850—1860	3,9	6,4	12,5	6,7
1860—1870	1,9	—0,1	1,4	—6,7
1870—1880	6,1	2,5	6,1	3,5
1880—1890	3,4	1,9	5,5	3,9
1890—1900	3,3	—0,2	2,9	2,2
1900—1908	1,0	0,8	4,2	5,1

В этой таблице темп роста в тяжелой индустрии сопоставлен с темпом роста в легкой индустрии. Потребление хлопка является

[1]) Ср. геометр. %% годичного прироста вычеслены нами на основании след. источников: 1) M. Mulhall. «The Dictionary of Statistics», fourth edition; 2) англ. офиц. изд. «Statistical Tables and Charts Relating to Foreigne Trade and Industry»; 3) америк. и английских «Statistical Abstract».

показателем развития важнейшей отрасли легкой индустрии—хлопчато-бумажной. Темп ее роста оказывается, естественно, ниже темпа роста металлургической промышленности.

Сопоставление роста продукции в Соединенных Штатах с ростом ее в Англии, Германии, Франции подтверждает превосходство американского темпа. Хотя в отдельные десятилетия темп роста отдельных отраслей той или иной из этих стран оказывался значительнее американского, *в целом* темп С. Ш. был самым быстрым. Ни в одной из этих стран он не был *систематически* таким высоким, как в С. Штатах. Благодаря этому об'ем продукции возрастал чрезвычайно быстро, и в 80-х годах С. Ш. догнали, а затем и превзошли уровень крупнейшей индустриальной державы XIX века—Англии. В этом проявилась свойственная капитализму *неравномерность* развития.

Рассмотрение таблиц по вертикальным рядам подтверждает наличие, начиная с последней четверти XIX века, тенденции к замедлению темпа роста. Эта тенденция выступает слабее в Соединенных Штатах, сильнее в Англии, но в общем она заметна во всех указанных государствах, несмотря на колебания и отклонения, вызываемые *неравномерностью* развития.

Эта тенденция к замедлению темпа роста выступает еще явственнее в нижеследующей таблице.

Рост обрабатывающей промышленности в С. Ш. [1]).

(Средн. геометр. % годичного прироста).

Периоды	Рост продукции	Рост реального об'ема основных капиталов
1849—1859	6,1	6,4
1859—1869	1,6	0,9
1869—1879	9,7	10,1
1879—1889	6,0	9,1
1889—1899	4,3	5,2
1899—1909	3,4	4,7
1909—1914	3,1	4,1

Таблица выявляет с очевидностью тенденцию к замедлению темпа роста, начиная с 90-х годов, даже в С. Штатах. Наиболее высоким темп роста промышленности С. Ш. был в 70-е и 80-е годы. В этот период С. Ш. достигли такого высокого *абсолютного* об'ема промышленной продукции и основных капиталов, что снижавшийся в последующие десятилетия темп прироста означал, однако, в *абсолютных* цифрах бурный рост. Поэтому последние предвоенные десятилетия, несмотря на замедление *темпа* роста, характеризовались огромным ростом хозяйственной мощи С. Ш.

Раньше, чем перейти к темпу развития сельского хоз., познакомимся с довоенным темпом роста промышленности в России.

[1]) Средн. геометр. %% вычислены нами. Данные о продукции и номинальном об'еме основных капиталов взяты из «Statistical Abstract of the United States», 1924, p. 723. Реальный об'ем основных капиталов вычислен путем деления номинального об'ема на индексы цен.

Рост продукции промышлен. в России в 1885—1913 гг. [1]).

(Средн. геометр. % годичн. прироста).

Вся промышленность	5,8
Вся горная промышленность	5,8
Вся обрабатывающая промышлен.	5,8
В том числе:	
Добыча угля	8,0
» нефти	5,6
» железной руды	8,1
» меди	7,5
Выплавка чугуна	8,2
Пр-во хлопчато-бумажн. тканей	4,6
Производство сахара	4,2

Таким образом, темп развития русской промышленности был сравнительно высоким, в особенности в основных отраслях добывающей и обрабатывающей промышленности. Оценку этого темпа мы дадим, однако, ниже.

Обратимся теперь к темпу развития *сельского* хозяйства.

Рост продукции сельского хозяйства в С. Ш. [2]).

(Средн. геометр. % годичн. прироста).

Периоды	Сбор зерновых продуктов	Периоды	Сбор хлопка
1800—1820	2,7	1800—1810	12,3
1820—1830	3,0	1810—1820	3,4
1830—1840	2,9	1820—1830	8,1
1840—1850	3,5	1830—1840	9,6
1850—1860	3,6	1840—1850	0,1
1860—1870	2,8	1850—1860	7,8
1870—1880	5,2	1860—1870	—2,0
1880—1900	1,3	1870—1880	5,3
1900—1910	3,4	1880—1888	3,6
		1888—1897	2,9
		1897—1913	2,5

Если сопоставить темп роста в С. Ш. зерновых продуктов с темпом роста промышленной продукции, то окажется, что первый был в среднем ниже последнего. Эта разница в темпах отражает процесс индустриализации Соединенных Штатов. Однако, таблица свидетельствует, что индустриализация С. Ш. сопровождалась все же значительным под'емом сельского хозяйства. Темп прироста зерновых продуктов в 3—3,5% в год нельзя не признать значительным, принимая во внимание его *систематический* характер. Это становится особенно ясным при сопоставлении его с темпом прироста зерновых продуктов в Зап. Европе. В Германии на протяжении всего XIX века темп прироста зерновых продуктов составлял в среднем около 1% в год; во Франции

1) Вычислено нами на основании индексов физического об'ема промышленного производства России с 1885 по 1913 г., опубликованных в «Экономическом бюллетене Кон'юнктурного Института», 1926 г., № 2.

2) Вычислено нами на основании след. источников: 1) M. Mulhall.— «The Dictionary of Statistics», fourth edition; 2) амер. «Statistical Abstract» и Agriculture Yearbook». Из зерновых продуктов взяты пять важнейших: пшеница, рожь, ячмень, овес, кукуруза.

до 80-х годов—также около 1% в год, после же 80-х—лишь десятые доли процента; в Англии сборы зерновых продуктов сокращались до 70-х годов на 0,1—0,2%, в 70-х и 80-х годах—на 1—1,5% в год. В то время, как в Англии процесс индустриализации сопровождался сокращением сельского хозяйства, а в Германии и Франции—чрезвычайно медленным его ростом, в С. Ш. он сопровождался систематическим и значительным под'емом сельского хозяйства. В этом—важнейшая особенность *типа* индустриализации в Соединенных Штатах.

Таблица показывает также, что темп роста в С. Ш. продукции хлопка *превышал* темп роста зерновых продуктов. В этом—одно из проявлений связи процесса индустриализации с сельским хозяйством.

Познакомившись с темпом развития капиталистической системы хозяйства, обратимся теперь к выяснению источников выявленных нами закономерностей.

II. Источники американского темпа.

Характеристика темпа развития капиталистических стран обнаружила значительное превосходство американского темпа. При этом мы намеренно характеризовали темп развития *старых* отраслей промышленности, чтобы выявить длительные закономерности темпа. В новых отраслях, в особенности в автомобильной и электротехнической, темп был еще более высоким. Так, например, электротехническая промышленность имела в XX веке темп прироста в среднем около 10% в год.

Каковы же источники этого превосходства? Выяснение этого вопроса имеет, как мы убедимся, существенное значение для анализа проблемы темпа в СССР. Размер настоящей статьи позволяет, однако, ответить на этот вопрос в самых общих чертах.

Превосходство американского темпа не может быть об'яснено, как это делают многие исследователи, только естественными богатствами страны. Естественные богатства С. Штатов, действительно, чрезвычайно велики. Несмотря на интенсивную эксплоатацию этих богатств на протяжении многих десятилетий, С. Ш. продолжают обладать около 47% мирового запаса угля, 7,3% мирового запаса нефти, 16,5% мировых ресурсов гидроэнергии, 19,5% мировых запасов железных руд и т. д. [1]). Обладая огромными запасами высокосортных железных руд и крупнейшими запасами угля, С. Ш. имели исключительно благоприятные условия для развития промышленности. Наличие же огромных пространств плодородных земель и благоприятного климата, создавало благоприятные условия для развития сельского хозяйства.

Однако, факты доказывают, что естественные богатства сами по себе не обеспечивают быстрого хозяйственного под'ема страны, если отсутствуют налицо социально-экономические условия, облегчающие их использование. Ведь Россия и Китай, несмотря на огромные естественные богатства, развивались чрезвычайно медленно в силу того, что господствовавшие в них социально-экономические условия тормозили их хозяйственное

1) См. хрестоматию Н. Морозова и И. Юньева по экономической географии, стр. 184—231.

развитие. Исключительные естественные богатства С. Ш. лишь постольку могли влиять на темп хозяйственного развития, поскольку социально-экономические условия обеспечивали их эксплоатацию. Таким образом, решающую роль играли социально-экономические условия, к выяснению которых мы и должны перейти.

Прежде всего, следует отметить то обстоятельство, что в С. Ш. *не было феодализма, как длительной, прочной и всеоб'емлющей системы*. Элементы феодализма, насажденные в XVII в. колонизаторскими компаниями, были недолговечны и непрочны. В европейских странах феодализм представлял собою косную и всеоб'емлющую систему, тормозившую развитие капитализма. В Соединенных же Штатах капитализм развивался в условиях товарного хозяйства, не стесняемого путами феодализма. Даже землевладельцы-феодалы проявляли широкую предпринимательскую деятельность. Крупные состояния, образовавшиеся у землевладельцев благодаря быстрому росту цен на землю в городских центрах, использовывались ими для обширной предпринимательской деятельности.

Далее. Благодаря обилию свободных плодородных земель *абсолютная рента* была в первую эпоху развития капитализма в С. Ш. *низка*. Абсолютная рента представляет собою, как известно, вычет из общественной прибавочной стоимости. Чем меньше свободных земель, чем больше спрос на землю, тем выше уровень абсолютной ренты, тем большая часть общественной прибавочной стоимости поступает в распоряжение землевладельцев. Высокий уровень абсолютной ренты в Зап. Европе, уменьшая прибыли капиталистов, замедлял процесс капиталистического накопления, так как землевладельческие группы потребляли большую часть этой ренты непроизводительно. Наоборот, сравнительно низкий уровень абсолютной ренты в С. Ш. доставлял предпринимателям возможность реализации большей прибавочной стоимости, а это ускоряло процесс капиталистического накопления в стране. С другой стороны, это создавало экономическую возможность более высокого уровня заработной платы.

Огромное влияние на особенности капиталистического развития С. Ш. имел *недостаток рабочей силы*. В Европе капитализм развивался в условиях постоянного наличия резервной армии труда. Это обстоятельство держало заработную плату на сравнительно низком уровне и облегчало производство абсолютной прибавочной стоимости путем удлинения рабочего дня. Низкий уровень заработной платы и возможность усиленного производства абсолютной прибавочной стоимости тормозили технический прогресс.

Наоборот, в С. Ш. недостаток рабочей силы вызывал рост заработной платы. Маркс отметил в I томе «Капитала», что об'ем привычных потребностей, определяющий стоимость рабочей силы, зависит «и от того, при каких условиях, а, следовательно, с какими привычками и жизненными притязаниями сформировался класс свободных рабочих» [1]). В С. Ш. рабочий класс сформировался в условиях, обеспечивавших высокий уровень зарплаты и стоимости рабочей силы. «В колониальных странах закон спроса и предложения благоприятен для рабочих. Этим

[1]) Маркс. «Капитал» т. I, гл. 4, § 3.

об'ясняется относительно высокая нормальная зарплата в Соединенных Штатах» [1]). Действительно, еще в конце колониального периода, в 3-ей четверти XVIII века, сред. зар. плата сельских рабочих составляла 40 центов в день, плотников—около 50 центов, судостроительных рабочих—90 центов, кузнецов—70 центов [2]). Принимая во внимания дешевизну жизни в С. Ш. в ту эпоху, нельзя не признать этот уровень зарплаты сравнительно высоким.

Высокий уровень заработной платы и недостаток рабочих делал капиталистов крайне заинтересованными во всесторонней *механизации и автоматизации* производства, в замене человека машиной. С другой стороны, рост зарплаты лишал капиталистов части благоприятных возможностей реализации прибавочной стоимости, вытекавших из факта низкого уровня абсолютной ренты. Все это вынуждало их к усиленному применению методов производства *относительной* прибавочной стоимости, т.-е. к повышению интенсивности и производительности труда. Благодаря этому в американской промышленности развивалась целая система экономических и технических методов, направленных к максимальному повышению интенсивности и производительности труда. Совокупность этих условий обусловила и форсировала технический прогресс американской промышленности.

Огромное значение имело наличие *обширного внутреннего рынка*, не стесняемого никакими перегородками. Огромная емкость внутреннего рынка делала возможным и необходимым *массовое* производство, создавала экономическую необходимость и выгодность *специализации и стандартизации* производства. Емкость внутреннего рынка усиливалась, как высоким сравнительно уровнем зарплаты, так и процессами механизации, автоматизации и электрификации производства, создававшими разраставшийся рынок сбыта для средств производства.

Значительное влияние на расширение емкости внутреннего рынка и на ускорение темпа хозяйственного развития С. Ш. имело отмеченное выше обстоятельство, что процесс индустриализации сопровождался в них одновременным значительным *под'емом сельского хозяйства*. Это обстоятельство не только расширяло внутренний рынок, но и обеспечивало сырьевую базу для промышленности.

Наконец, немалое значение имело то обстоятельство, что С. Ш. начинали свое промышленное развитие не с начальных ступеней техники, а с тех ступеней технического прогресса, которых достигли страны Старого Света. Многоплеменный состав иммигрантов заносил в С. Ш. технические достижения стран Старого Света. Совокупность же очерченных условий вызывала исключительный по своему размаху дальнейший технический прогресс.

«Большая электрификация», т.-е. сооружение грандиозных электрических станций, и грандиозное железнодорожное строительство, сыгравшие такую исключительную роль в хозяйственном под'еме С. Ш., явились результатом перечисленных социально-экономических условий. Благодаря наличию этих условий, капитализм развил в С. Ш. свой максимальный темп развития.

[1]) Маркс. «Зар. плата, цена и прибыль».
[2]) См. E. S. Cowdrick.—«Industrial History of the United States», p. 43.

III. Что замедляло американский темп?

Был ли, однако, в каждый данный период американский темп максимально-возможным при соответствующем уровне развития производительных сил? Нетрудно убедиться, что, несмотря на значительное превосходство его над европейским, *он все же снижался непроизводительными издержками, свойственными капитализму, как анархической и антагонистической системе хозяйства*. Эти непроизводительные издержки настолько свойственны капиталистическому хозяйству, что буржуазные экономисты в С. Ш. вынуждены кричать о «трагедии расточительства». Таково, например, название известной книги американского экономиста С. Чэза [1]), посвященной критике расточительсгва в хозяйстве С. Ш. Остановимся на тех проявлениях этого расточительства, которые могут быть частично или целиком устранены в СССР.

Естественные богатства С. Ш. эксплоатировались и эксплоатируются самым хищническим образом. Лесная площадь Запада настолько опустошена, что приходится ввозить лес из Канады. Благодаря хищническим методам рубки леса и нерациональным методам его распиловки и утилизации значительная часть его уничтожалась бесцельно. «Из ежегодно срубающихся 110 миллиардов досковых футов леса, по исчислению А. Литля, пропадает около 70 миллиардов». При разработке земных недр в первую голову расхищаются толстые пласты. «Уголь берется там, где его можно извлечь с наибольшей выгодой, остальное же гибнет навсегда... Достоверно известно, что на каждую тонну добытого угля приходится одна тона его, безвозвратно погибшая в шахтах... Благодаря анархическим методам работы и законам собственности, не совпадающим с геологическими законами, из 4 бочек нефти теряется 3».

Расточительство определенных социальных групп в области потребления вытекает из природы капиталистического общества. Значительная часть выжимаемой капиталистами прибавочной стоимости растрачивается на предметы сверхроскоши. По подсчетам Чэза не меньше 15% народного дохода С. Штатов затрачивается на предметы сверхроскоши.

Милитаризм, органически связанный с природой капитализма, поглощает значительную часть национального дохода. По данным Чэза (стр. 34) с 1789 г. по 1920 г. 79% сумм, израсходованных правительством Соед. Штатов, ушло на войну и военные цели. В американском федеральном бюджете за 1920 г. 93% расходов связано с военными целями и лишь 9% с мирными целями. Хотя военные расходы стимулируют развитие определенных отраслей промышленности, они остаются непроизводительными расходами, ибо создаваемое при их посредстве военное снаряжение не только не увеличивает материальных ценностей, но разрушает их.

Противоречие между производством и потреблением и анархия производства *затрудняют в капитализме процесс реализации товаров*. Трудности реализации с развитием капитализма усложняются. Благодаря этому удлиняется период обращения и растут издержки обращения. В 1850 г. в цене товаров издержки

[1]) Чэз, Стюарт. «Трагедия расточительства», Гостехиздат, 1926 г.

производства составляли в С. Штатах в среднем 80,2%, издержки обращения—19,8%, а в 1920 г. издержки производства—49,6%, издержки обращения—50,4% (Чэз, стр. 112). Гипертрофия торгового аппарата, вызывавшая этот рост издержек обращения, вытекала из трудностей процесса реализации. Этими же трудностями вызван огромный рост расходов на рекламу. По данным Чэза из 2,6 милл. тонн газетной бумажной массы, потребляемой год, больше 1,5 мил. тонн. тратится на рекламу. В рекламной промышленности С. Штатов занято около 600 тыс. рабочих, на рекламу затрачиваются огромные средства.

Периодические *кризисы*, неизбежные в капиталистическом хозяйстве, прерывали на определенные периоды хозяйственное развитие и вызывали частичное разрушение производительных сил. Периоды депрессии замедляли темп хозяйственного развития. Большую часть промышленного цикла предприятия работают с неполной нагрузкой.

Классовые противоречия капиталистического общества обусловливают неизбежность *стачек и локаутов*, приостанавливающих на определенный период развитие отдельных отраслей и вызывающих часто частичное разрушение средств производства. Так, например, в С. Ш. с 1916 по 1921 г. в забастовках локаутах участвовало 10.742.738 рабочих, т.-е. в среднем 1.790.000 в год. Потеря во времени на каждого человека составляла в среднем 30,3 рабочих дня в год (Чэз, стр. 70).

Осуществление стандартизации производства затрудняется противоречивостью интересов отдельных предприятий. Так как стандартизация затрудняет конкуренцию, то капиталисты оказывают ей часто сопротивление. Чэз приводит данные американского общества инженеров, свидетельствующие о недостаточном развитии стандартизации даже в С. Штатах.

Рост *монополий* создает тенденцию к *замедлению технического прогресса* и темпа хозяйственного развития. В тех случаях, когда монополистическая организация чувствует себя прочно, она обращает часто внимание не столько на понижение себестоимости путем улучшения техники, сколько на повышение цен путем организованного сокращения производства. Н. Осинский в докладе об американских впечатлениях приводит в качестве примера техническую отсталось американского телефона и части мельниц вследствие незаинтересованности монопольных собственников в технических усовершенствованиях. Чэз приводит ряд фактов сокращения монополистическими компаниями производства и даже уничтожения товаров в целях повышения цен.

Если в первые эпохи развития С. Штатов цены на землю были низки и уровень абсолютной ренты ничтожен, то с последних десятилетий XIX века начинается быстрый *рост цен на землю* и усиливается эксплоатация фермеров железнодорожными компаниями, землевладельцами, банками, торговыми компаниями. В результате американские фермеры владеют лишь половиной обрабатываемой ими земли и получают меньше половины цены, уплачиваемой потребителями за сельскохозяйственные продукты. Эта эксплоатация фермеров сокращает емкость внутреннего рынка и ухудшает кон'юнктуру.

С другой стороны, при покупке и аренде земли происходит перелив средств в руки паразитических социальных групп, растрачивающих большую часть этих средств непроизводительно.

Таковы основные непроизводительные издержки, основные каналы расточительства, которые мы считаем важным здесь отметить. Эта характеристика, однако, далеко не исчерпала их. Мы не отметили, например, непроизводительных затрат, связанных с неполной нагрузкой конкурирующих железнодорожных линий, со встречными перевозками и т. п.

С. Чэз на основании анализа расточительства в хозяйстве С. Ш. приходит к следующему знаменательному выводу: «Половина и даже больше половины нашей рабочей силы расходуется бесполезно; больше половины ежегодной добычи естественных богатств опрометчиво расходуется и гибнет. Миллиарды рабов механической энергии вертят ненужные колеса, тащат ненужные тяжести».

В поисках путей устранения этого расточительства он приходит к выводу о необходимости создания «функционального» общества, «где промышленность предназначена, прежде всего, для удовлетворения человеческих потребностей и где прибыль является второстепенным результатом» (стр. 15—16). Любопытно, что такое общество он считает, очевидно, возможным создать без уничтожения капитализма. Оставляя в стороне эту наивность и ограниченность автора, считаем, однако, важным отметить, что анализ расточительства привел его к выводу о необходимости планового руководства хозяйством и замены стремления к прибыли другим руководящим и движущим принципом, приближающимся к социалистическому.

Выше было установлено, что, начиная с последней четверти XIX века, выявляется тенденция к понижению темпа развития капиталистических стран. Хотя в С. Штатах эта тенденция выступила позже (с 90-х годов) и в слабой форме, тем не менее, то обстоятельство, что в развитых капиталистических странах она в той или иной степени оказывается общей и проявляется на протяжении нескольких десятилетий, доказывает, что эта тенденция не носит характера кон'юнктурного, временного.

На первый взгляд может показаться, что тенденция к понижению *темпа* годичного прироста является естественным результатом огромного роста *абсолютного* об'ема производства, что возрастающая абсолютная величина годичного прироста должна поэтому выражаться в понижающихся процентных нормах. Однако, такое об'яснение не является убедительным. На *первых* ступенях развития определенных отраслей производства высокие процентные нормы годичного прироста могут, действительно, обусловливаться тем фактом, что при низком абсолютном уровне производства сооружение каждого нового предприятия вызывает значительный относительный прирост. Этим отчасти вызывался сравнительно высокий темп в капиталистической России. С другой стороны, в *старых* отраслях производства замедленный темп дальнейшего роста может вызываться иногда трудностями технического характера (в добывающей промышленности) или падением удельного веса данной отрасли в народном хозяйстве вследствие развития заменяющих или дополняющих ее отраслей. Если, однако, отвлечься от первых ступеней развития отдельных отраслей, если брать народное хозяйство в целом и его основные отрасли, то неизбежность понижения темпа под влиянием роста абсолютного об'ема не является очевидной.

Ведь абсолютный об'ем производства является в свою очередь величиной переменной и относительной. Как ни значителен нынешний абсолютный об'ем производства передовых стран по сравнению с предшествующими эпохами, он все же является *ничтожным* по сравнению с потребностями общества, по сравнению *с необ'ятными* возможностями дальнейшего приспособления природы к потребностям людей. Рост об'ема производства, сам по себе, не должен поэтому с необходимостью вызывать понижение темпа. Ведь и в эпоху промышленного капитализма абсолютный размер производства возрастал весьма значительно по сравнению с предыдущими эпохами,—между тем, темп ускорялся.

При более серьезном анализе источников этой тенденции возникает вопрос, не находится ли она в связи с ростом органического состава капитала и вызываемой им тенденцией нормы прибыли к понижению. В виду сложности этого вопроса мы лишены возможности разобрать его в настоящей статье. Отметим лишь, что в эпоху империализма, на протяжении которой тенденция к понижению темпа проявлялась, этот фактор, сам по себе, не мог бы влиять *непосредственно*, так как монополистический капитализм задерживает падение нормы прибыли и даже повышает ее. Однако, поскольку тенденция нормы прибыли к понижению является движущей силой империализма, ее влияние *в конечном счете* может иметь место. Мы полагаем, что тенденция к замедлению темпа обусловливалась ростом противоречий капитализма и свойственной монополистическому капитализму тенденцией к застою и загниванию. Являясь внешним проявлением этой тенденции, тенденция к замедлению темпа проявляется поэтому столь же *неравномерно*, как и тенденция к застою и загниванию. Не имея возможности обосновать здесь это утверждение, мы считаем, однако, подобное об'яснение вытекающим из теории империализма Ленина.

Если в С. Штатах тенденция к замедлению темпа обнаружилась позднее и слабее, то этот факт об'ясняется очерченными выше преимуществами американского капитализма. Однако, отмеченные в этой главе факторы оказали уже влияние на замедление темпа хозяйственного развития С. Ш. В дальнейшем же действие их должно сказываться в возрастающей степени.

IV. Возможен ли сверхамериканский темп развития СССР?

Может ли темп хозяйственного развития СССР *превзойти* американский?

Чтоб ответить на этот вопрос, рассмотрим, прежде всего, обладает ли хозяйство СССР теми преимуществами, которые обеспечили С. Штатам превосходство их темпа над европейским.

Естественные богатства СССР в общем и целом не уступают американским. Хотя известные запасы угля (около 7% мир. запасов) и железной руды значительно ниже американских, они все же настолько значительны, что создают благоприятные условия для быстрого развития промышленности. Кроме того, запасы угля и железной руды в СССР находятся еще в процессе исследования. Последние годы ознаменовались открытием новых богатых месторождений. Если в 1913 г. известные запасы угля в СССР исчислялись в 234 млр. тонн, то сейчас они исчисляются

приблизительно в 475 млр. тонн. Открытие Курской магнитной аномалии и новых месторождений железной руды на Урале, в Закавказье, в Забайкалье и т. д. доказывает, что действительные запасы ее в СССР также подлежат еще выяснению. Значительно уступая Соединенным Штатам по запасам угля, СССР значительно превосходит их по запасам нефти (37,4% мир. запасов), торфа (78% мир. запасов) и др. Энергетические ресурсы СССР составляют, по данным проф. Л. Рамзина, около 10,4% мировых [1]). При этом необходимо иметь в виду, что запасы нефти и торфа в СССР также еще окончательно не установлены. Это относится и к ряду других естественных богатств. Так, например, последние годы ознаменовались открытием богатых месторождений калия (в Соликамском районе), серной руды (в Центр. Кара-Кумах), бокситов (содержащих алюминий), апатита (содержащего фосфорн. кислоту) золота, меди, платины, олова, цилистина, радия и т. д. По запасам нефти, торфа, платины, калия, марганца и др. СССР занимает первое место в мире. Все это дает основание утверждать, что наши естественные богатства *в целом* не уступают С. Ш.

Феодализм выметен из хозяйства СССР целиком и полностью. Устранены феодальные путы, препятствовавшие развитию производительных сил. Национализация земли уничтожила абсолютную ренту. Благодаря этому устранено непроизводительное потребление землевладельцами части общественного прибавочного продукта. Если в С. Ш. слабость и недолговечность элементов феодализма и сравнительно низкий в первые эпохи уровень абсолютной ренты ускоряли процесс накопления и хозяйственного развития, то полное устранение феодализма, вплоть до отмены частной собственности на землю, предоставляет СССР в этом отношении еще большие преимущества.

Повышение производительности труда путем *механизации, автоматизации и электрификации* производства превратилось в СССР в руководящую линию экономической политики. Если в С. Ш. эта тенденция выросла и упрочилась под влиянием недостатка рабочей силы и высокого уровня зарплаты, то в СССР она обусловливается особенностями социального строя и задачами строительства социализма. Курс на «большую электрификацию», на механизацию производства осуществляется в СССР, несмотря на сравнительную бедность страны капиталами. В течение истекшего пятилетия сооружалось 13 новых районных электрических станций, из которых 9 уже вступили в эксплоатацию и обладают мощностью в 230.000 квт. Мощность этих 13 станций будет доведена к концу ближайшего пятилетия до 850.000 квт. Кроме того, намечено сооружение в течение ближайшего пятилетия еще 10 электрических станций мощностью в 307.000 квт. Сверх того сооружается Днепрострой, который должен дать к 1931 г. мощность в 105.000 квт. [2]). В 1913 г. мощность всех электрических станций составляла 780.000 квт., а в 1927—28 г. она достигнет 2.130.000 квт., т. е. в три раза больше. Таким образом, «большая электрификация» осуществлялась и будет осуществляться с значительным размахом.

[1]) Л. Рамзин. «Ресурсы энергии в СССР», журнал «Плановое Хозяйство», 1925 г. №№ 1 и 2. Цифры, приводимые в упомянутой хрестоматии—Морозова и Юньева, несколько отличаются от цифр Рамзина.

[2]) См. «Контрольные цифры на 1927—28 г.», стр. 86—88.

Рост *емкости внутреннего рынка* обеспечивается в СССР, прежде всего, тенденцией к систематическому повышению зарплаты рабочих. Революция создала также условия для быстрого роста покупательной способности крестьянства благодаря освобождению его от выкупных и арендных платежей за землю и понижению налогового бремени. С другой стороны, курс на механизацию и электрификацию производства создает разрастающийся рынок для средств производства.

При этих условиях в СССР, как и в С. Ш., экономически необходим и возможен переход к *массовому* производству, к его *специализации и стандартизации*, к систематическому понижению розничных цен. Вместе с тем специализация и стандартизация производства облегчаются в СССР фактом сосредоточения промышленного производства в руках государства. Однако, до сих пор в этих направлениях сделано еще мало. Ограниченность наличного числа индустриальных предприятий и необходимость максимального развития на них производства препятствовали концентрации производства на лучших заводах. Лишь с ростом числа новых технически усовершенствованных предприятий процесс концентрации окажется возможным в возрастающем об'еме. В ближайшее пятилетие намечается и частично уже осуществляется сооружение ряда крупных предприятий, предназначаемых отчасти для замены отсталых предприятий. Специализация производства в некоторых трестах (например, в Моссукне, табачных трестах, машиностроительных трестах и т. д.) уже осуществляется. В ближайшее пятилетие намечается увязать техническое переоборудование существующих заводов и сооружение новых с задачами специализации. В области стандартизации сделаны лишь *первые* шаги; пока введено в действие лишь около 100 стандартов, но в разработке находится около 1000 стандартов [1]). Таким образом, *результаты концентрации, специализации и стандартизации производства будут сказываться в ближайшие годы нарастающим темпом.*

Тип индустриализации С. Ш., характеризующий значительным под'емом и индустриализацией также *сельского* хозяйства, может быть осуществлен и в СССР, в виду наличия не только благоприятных естественных условий для развития сельского хозяйства, но и экономических (национализация земли, содействие кооперированию и т. д.), созданных революцией. Этот тип индустриализации, обеспечивая промышленность дешевым сырьем и расширяя рынок, создаст и в СССР возможность систематического, длительного под'ема независимо от кон'юнктуры мирового рынка.

Наконец, СССР имеет также то «преимущество» отсталых стран, которое сыграло известную роль в под'еме С. Ш.: индустриализация нашей страны может осуществляться не с начальных ступеней техники, а на основе *последних достижений технической мысли*. Благодаря этому обеспечивается высокая *эффективность* капитальных вложений.

Таким образом, те преимущества, которые обеспечивали С. Ш. превосходство их темпа над европейским, имеются и в

[1]) Интересное освещение технико-производ. моментов в перспективном плане дают разработанные ВСНХ «Материалы к пятилетнему плану развития промышленности СССР», Гостехиздат, 1927 г., стр. 73—86.

хозяйстве СССР. Если, однако, в С. Ш. эти преимущества вытекали из ряда своеобразных и частью временных условий, то в СССР они обусловливаются особенностями переходной системы хозяйства. Поэтому в СССР они будут носить характер *прогрессирующий, нарастающий*. Вместе с тем преимущества переходной системы хозяйства *не ограничиваются* теми преимуществами, которые были свойственны С. Ш. Поскольку система хозяйства СССР является *переходной к социализму*, в ней могут быть полностью или частично устранены те препятствия и непроизводительные издержки, которые свойственны капиталистической системе хозяйства и замедляли темп развития в С. Ш. Укажем на важнейшие возможности, имеющиеся в этом направлении.

Устранение капиталистов из промышленности *прекратило их расточительство* за счет общественной прибавочной стоимости. По подсчетам С. Струмилина [1]) норма чистой прибыли (за вычетом процентов на чужие капиталы, прямых налогов, тантьем и т. п.) в период с 1885—1913 гг. составляла в промышленности России в среднем в год 16,2%, а прирост основных капиталов промышленности—7,2%. Если учесть, что прирост основных капиталов происходил не только за счет прибавочной стоимости рабочих России, но и за счет притока капиталов из-за границы, то станет очевидным, какая незначительная часть прибыли капитализировалась и какая огромная масса ее шла на расточительное потребление. Устранение капиталистов создает, поэтому, возможность повышения заработной платы и усиления накопления. *При меньшей норме прибыли норма накопления может быть в СССР выше.*

Национализация земли прекратила полностью перелив сбережений и накоплений крестьянских хозяйств в руки землевладельцев. По подсчетам А. Вайнштейна [2]), скорее преуменьшенным, чем преувеличенным,—в 1912 г. налоги и сборы с крестьянских хозяйств составляли без страховых платежей в среднем 13,2% условно-чистого дохода с сельского хозяйства, выкупные и арендные платежи на землю—7,5%. Революция уничтожила выкупные и арендные платежи и понизила налоги и сборы. Благодаря этому, с одной стороны, ускоряется темп развития сельского хозяйства, и, с другой стороны, усиливается возможность перелива средств из сельского хозяйства в промышленность через госзаймы, кредитный аппарат и т. д.

На ряду с этим значительное влияние на ускорение темпа развития сельского хозяйства должен оказать процесс его *кооперирования*. Социальный строй СССР обеспечивает такую *быстроту* процесса кооперирования и такой его *размах*, каких не знает капиталистическое хозяйство. Между тем, *кооперирование крестьянских хозяйств предоставляет им преимущества крупных хозяйств* как в области сбыта, так и в области применения машин, организации производства, пользования кредитом. Благодаря этому кооперирование деревни является источником роста производительности труда и ускорения темпа развития. Уже в 1926—27 г. урожайность, удойность и товарность в коммунах,

[1]) С. Струмилин. «Проблема промыш. капитала в СССР», изд. «Эк. Ж.». 1925 г.

[2]) А. Вайнштейн. «Обложение и платежи крестьянства», 1924 г., стр. 47—48.

артелях и товариществах была выше, чем в единоличных крестьянских хозяйствах [1]).

Проблема реализации товаров в хозяйстве СССР *упрощается и облегчается* вследствие планового регулирования хозяйства и роста емкости рынка под влиянием указанных выше условий. Недостаток различных товаров, испытываемый последние годы страною, несмотря на быстрый рост производства, подтверждает, что система хозяйства СССР обеспечивает быстрый рост емкости рынка. Благодаря этому период обращения имеет тенденцию к сокращению, а это *ускоряет оборот* капитала и позволяет занять соответственно большую часть капитала в процессе производства. С другой стороны, создается экономическая возможность рационализации и упрощения торгового аппарата и сокращения издержек обращения. Расходы на рекламу сокращаются до минимума. Хотя в области сокращения издержек обращения сделано еще *очень мало*, тем не менее, тенденция к их сокращению уже налицо: издержки обращения, включая транспортные, составляли в среднем по государственно-кооперативной линии в % к розничной цене в 1924—25 г.—31,8%, в 1925—26 г.—29,5%, в 1926—27 г.— 27%, в 1927—28 г.—предположительно — 25,7% [2]).

Благодаря наличию планового регулирования и отсутствию свойственного капитализму противоречия между производством и потреблением *кризисы* в хозяйстве СССР могут даже в первый период переходной эпохи происходить лишь в ослабленной, неразвернутой, своеобразной форме. Устранить *полностью* возможность кризисных явлений уже в первый период переходного времени невозможно, так как раздробленность сельского хозяйства затрудняет учет и контроль, затрудняет плановое регулирование. Однако, благодаря этому регулированию кризисные явления не могут быть продолжительными и глубокими. Кризис сбыта 1923 г. и хозяйственные затруднения 1926 г. доказали, что хозяйственная система СССР обеспечивает возможность ослабления и быстрого изживания кризисных явлений. Образование же резервов на случай просчетов, неурожаев и внешних осложнений еще больше ослабит возможность подобных явлений. С другой стороны, возможность влияния капиталистических кризисов на наше хозяйство ограничивается до минимума монополией внешней торговли и плановым регулированием. Благодаря всем этим условиям *планомерность* хозяйственного развития СССР будет возрастать.

Монополия внешней торговли и социалистический протекционизм обеспечивают наиболее целесообразные и *продуктивные* формы связи с мировым хозяйством и облегчают процесс индустриализации страны. *Национализация транспорта* и регулирование товарооборота облегчают борьбу со встречными перевозками и наиболее продуктивное использование транспортных средств. *Концентрация кредитного аппарата* в руках государства обеспечивает вовлечение сбережений и накоплений в орбиту социалистического накопления и использования их для нужд индустриализации страны. Значение концентрации *промышленности* в руках государства было уже отмечено выше. Следует лишь доба-

[1]) См. «Контрольные цифры на 1927—28 г.», стр. 372—373.

[2]) Там же, стр. 248.

вить, что советский строй устраняет в государственно-кооперативном секторе разрушительное действие стачек и локаутов, неизбежных в капиталистических странах.

Концентрация всех *недр земли и источников энергии* в руках государства делает возможным наиболее рациональное и экономное использование естественных богатств и энергетических ресурсов. Эксплоатация естественных богатств и электрификация страны в условиях советской экономики не сталкиваются с теми трудностями и препятствиями, которые замедляют их в капиталистических странах: с противоречивостью интересов отдельных предприятий, с частной собственностью на землю, на источники энергии и т. п. Значение этих условий проявилось уже не только в отмеченных выше успехах «большой электрификации», но и, например, в крупных достижениях нефтяной промышленности. В результате рационализации нефтяной промышленности достигнута более экономная организация добычи нефти. Благодаря герметизации скважин и сохранения нефти удалось увеличить и добычу газа и выход бензина. С другой стороны, условия советской экономики позволяют поставить исследование естественных богатств с такой планомерностью и таким размахом, которые обеспечивают быстрое выявление наличных богатств. Это подтверждается многочисленными открытиями последних лет.

Военные расходы не могут быть устранены, пока СССР находится в капиталистическом окружении, пока необходима организация обороны страны. Однако, отсутствие империалистических и милитаристических тенденций делает возможным значительное *сокращение* абсолютного размера военных расходов и доли их в государственном бюджете. В то время как в 1913 г. расходы на оборону достигали 28% всего расходного бюджета,— в 1924—25 г. они составляли лишь 14%, 1925—26 г.—14,2%, 1926—27 г.—12,7%. Даже в 1927—28 г., несмотря на абсолютный их рост в виду военной опасности, они составят предположительно лишь 14,3% расходного бюджета. С другой стороны, аннулирование займов царского правительства освободило СССР от необходимости выплаты огромных средств капиталистам, освободило эти средства для нужд индустриализации страны. Выплаты эти составляли в 1913 г. 424 милл. руб. Если даже мы согласимся в уплату за новые кредиты производить частичные выплаты по этим долгам, то эти выплаты составят ничтожные суммы по сравнению с расходами на эту цель в бюджете царского правительства. В результате расходы на финансирование народного хозяйства показывают в 1924—25 г.—18,1%, в 1925—26 г.—19,5%, в 1926—27 г.—19,5%, в 1927—28 г.—26,9% [1]. Таким образом, доля производительных расходов в бюджете СССР непрерывно растет.

Огромное значение для ускорения темпа хозяйственного развития имеет активное и инициативное участие *масс* в хозяйственном строительстве. Переход средств производства в руки пролетариата делает возможным развитие творческой инициативы масс в области производства. Активное участие миллионов производителей в рационализации производства не может не вызвать быстрого прогресса этой рационализации. Возможности развития творческой инициативы масс в этом направлении реализуются

[1]) См. «Контрольные цифры на 1927—28 г.», стр. 26.

пока медленно. Однако, рост культурного и политического уровня пролетариата и предрешенный переход к 7-часовому рабочему дню обеспечивают нарастающее влияние этого фактора на ускорение темпа хозяйственного развития.

Наконец, многообразное влияние на ускорение темпа развития СССР окажут особенности *государственного* строя и тенденция к отмиранию государства. Устранение капиталистов и помещиков выдвигает на первый план задачи непосредственно-хозяйственные. Вопросы хозяйственного строительства играют решающую и возрастающую роль в деятельности государственных органов, и эта деятельность создает условия для отмирания классов, т.-е. для отмирания государства. Государство будет превращаться в возрастающей степени в хозяйственную организацию, т.-е. отмирать. Хотя этот процесс найдет свое завершение лишь в социалистическом строе, наличие этой тенденции создает уже сейчас в СССР огромные преимущества по сравнению с капиталистическими государствами. С другой стороны, советский строй, как подлинно-демократический, обеспечивает *возможность* такой борьбы с бюрократизмом, такого совершенствования госаппарата, какой не могут иметь капит. государства. Немалое значение имеет и тот факт, что на совет. власть не могут оказывать влияния реакционные группы населения, между тем как в капит. странах эти группы (землевладельцы, дворяне, духовенство и т. п.) могут через государственную власть тормозить индустриализацию страны, ее хозяйственный и культурный прогресс.

Хотя мы далеко не исчерпали возможных преимуществ советской системы хозяйства, *изложенное доказывает с очевидностью, что она обладает даже на данном уровне развития производительных сил рядом важнейших преимуществ по сравнению с капиталистической системой* С. Штатов. Так как на ряду с этим ей свойственны также и те преимущества, которые обеспечили С. Ш. превосходство их темпа над европейским, то совершенно очевидна *возможность сверхамериканского темпа развития СССР*.

Наше изложение было бы, однако, односторонним и недостаточно убедительным, если б мы не выяснили одновременно, не имеются ли в СССР такие трудности и препятствия, которые отсутствовали в С.-Штатах. В ближайший период возможность таких трудностей и препятствий не исключена. Попытаемся, однако, выяснить их характер.

Во-первых, возможность подобных трудностей и препятствий вытекает из факта капиталистического окружения. Неизбежная в капиталистических странах борьба между тенденцией мирных хозяйственных отношений с СССР и тенденцией блокады и войны вызывает неустойчивость нашего международного положения, создает необходимость в курсе на сокращение разделения труда с мировым хозяйством, создает возможность неожиданных осложнений в ранее налаженных хозяйственных связях и, наконец, чрезвычайно сокращает импорт капиталов в нашу страну. По сравнению с дореволюционными условиями развития русской промышленности последнее обстоятельство является важным. Русская промышленность развивалась в определенной своей части на иностранные капиталы. В руках иностранного капитала было сосредоточено до войны около 70% выплавки чугуна и производства готовых изделий на Юге России, около 70% об-

щей добычи угля в Донецком бассейне, около 78% производства брикетов на Юге России, около 90% всей добычи платины, около 60% всей добычи нефти, около 90% общей суммы основных капиталов электрических и электротехнических предприятий и т. д. [1]).

Несомненно, что трудности и препятствия, вытекающие из факта капиталистического окружения, могут отразиться на темпе развития СССР, могут ослабить возможности достижения сверхамериканского темпа. Однако, они не могут все же устранить этих возможностей, ибо и в развитии С. Ш. внешняя торговля и ввоз капиталов решающей роли не играли. По некоторым подсчетам ввоз капиталов в С. Ш. в десятилетие бурного роста 1880—1890 гг. не превышал в среднем 260 мил. руб. в год [2]). Возможность иностранных кредитов СССР в таком об'еме не исключена, как это подтверждается опытом последних лет (германские гарантированные кредиты в размере 300 мил. марок, венские гарантированные кредиты и т. д.). С другой стороны, известную роль играют в этом отношении и концессии. Лишь коренное изменение нашего международного положения, знаменующее непосредственно блокаду или войну, может замедлить или оборвать хозяйственный рост нашей страны.

Во-вторых, известные трудности вытекают из факта *аграрного перенаселения* и безработицы. Вопреки оппозиционным «анализам» безработица в нашей стране является не случайной и не может быть об'яснена ошибками экономической политики. Она коренится, в действительности в аграрном перенаселении, в пролетаризации революцией значительных слоев городской мелкой буржуазии, в стремлении раскрепощенной женщины к экономической самостоятельности, в значительном приросте в текущем пятилетии трудоспособного населения. Решающую роль играет, однако, аграрное перенаселение. «Различные исчисления избыточного населения деревни дают крайне высокие нормы перенаселения. Так, по четырем районам (Центральному земледельческому, Западному, Северо-Западному и Центральному промышленному) в 1923 г. по данным Госколнита избыточное население в переводе на взрослых мужчин при норме на одного работника 4 десятины выражается цифрой 7.920.272 или 37,8% от общего количества населения в переводе на одного взрослого. В 1924 г. по данным Госналога по тем же районам избыточное население выражается цифрою 5.768.267 или 41,9%. По данным Госплана избыточное население по тем же районам составляет 12,7 млн. или 33,5%. Перенаселенческий комитет определяет избыточное население по 7 районам РСФСР, по Украине и Белоруссии в 23,4 млн. чел. или 30,3%» [3]).

Однако, эти подсчеты, вероятно, преувеличивают аграрное перенаселение, так как берут в основу преувеличенные нормы. По последним осторожным подсчетам Госплана [4]) избыточное трудо-

[1]) См. В. Зив. «Иностранные капиталы в русской горнозаводской промышленности», 1927 г., гл. XI.

[2]) См. статью Г. Фельдмана в журнале «Плановое Хозяйство», 1927 г. № 7, стр. 196.

[3]) «Материалы к пятилетнему плану развития промышленности СССР», Гостехизд. 1927 г., стр. 21.

[4]) «Перспективная ориентировка на 1927/28—1931/32 г.г.», стр. 42—43, изд. «План. Хоз.», 1928 г.

способное сельское население составляло в 1926—27 г. 7,8 мил. чел. или 11,1% всего трудоспособного населения. При этом необходимо иметь в виду, что в силу сезонности сельскохозяйственного труда в летние месяцы аграрное перенаселение почти не чувствуется.

В ближайшее пятилетие перенаселение усиливается еще тем фактом, что при предполагаемом приросте всего населения на 11,2% рабочее население возрастет на 14,3%, вследствие подрастания поколений, которым накануне войны было 6—8 лет. Среди детей младшего возраста смертность в годы войны была настолько значительна, что следующие пятилетия дадут обратное соотношение: во второе пятилетие прирост населения составит 10,6%, а в рабочем возрасте—только 4,8%, в третье пятилетие—соответственно—9,1% и 7,5% [1]). Таким образом, в ближайшее пятилетие перенаселение не может быть преодолено полностью. Оно создавалось веками и преодолеть его можно лишь во втором пятилетии быстрого хозяйственного роста. Однако, пока перенаселение не будет преодолено, оно окажет замедляющее влияние на процессы накопления в нашей стране, ибо лишние «рты» участвуют в потреблении народного дохода, не влияя существенно на его рост. Это происходит не только в силу неизбежных затрат государства на обеспечение безработных и переселение избыточного населения, но и в результате участия «лишних» членов семьи в потреблении дохода семьи. Таким образом, возможности накопления народного дохода соответственно сокращаются. Действие этого фактора может, однако, быть частично ослаблено уже в первое пятилетие переходом в деревне к трудоемким культурам и осуществлением государством трудоемких капитальных работ.

В-третьих, замедляющее влияние на темп хозяйственного развития СССР могут оказать неурожаи. Вековое применение отсталых методов эксплоатации земли вызвало такое истощение почвы, такую тесную зависимость от природных условий, которые делают пока неизбежными частые неурожаи. Установлено, что в пятилетие в России бывало в среднем два неурожайных года. В С. Ш. неурожаи не повторялись столь часто и не принимали таких размеров. Устранить это явление можно лишь при переходе к передовым системам полеводства, при осуществлении сложной системы агрономических мероприятий. Хотя советский строй обеспечивает в этом направлении сравнительно быстрый прогресс, в ближайшее пятилетие зависимость от природных условий будет еще весьма тесной и непосредственной. Поэтому в ближайший период неурожаи могут еще оказывать замедляющее влияние на темп хозяйственного развития.

В-четвертых, ряд трудностей и препятствий вызывается низким культурным уровнем широких масс населения. Несмотря на значительные успехи советской власти в деле ликвидации неграмотности, неграмотные составляют сейчас 18% среди мужчин и 52% среди женщин. Низкий культурный уровень населения, несомненно, затрудняет реализацию ряда преимуществ нашей системы хозяйства. В частности, он затрудняет борьбу с бюрократизмом, тормозящим хозяйственный рост нашей страны. Однако, советский строй обеспечивает настолько быстрый рост культурного

[1]) С. Струмилин. «К перспективной пятилетке Гасплана», жур. «План. Х-во», 1927 г., № 3, стр. 26—27.

уровня народных масс, что замедляющее влияние этого фактора будет быстро ослабевать.

Мы не станем приводить других трудностей и препятствий, ибо главные уже отмечены, и характер их в общем ясен. Большая часть этих трудностей и препятствий не является безусловно неизбежной и может быть ослаблена и даже частично предупреждена соответственными мероприятиями советской власти. Тем не менее, при неблагоприятном сочетании условий они могут в сумме парализовать часть преимуществ советской системы хозяйства, могут ослабить на известный период возможности сверхамериканского темпа развития. Однако, преимущества эти настолько значительны, что даже при неблагоприятном сочетании условий (за исключением блокады и войны), может все же быть достигнут темп, не только не уступающий американскому, но даже несколько его превосходящий.

Так как преимущества переходной системы хозяйства и степень их реализации будут на протяжении переходной эпохи нарастать, то темп хозяйственного развития окажется также *нарастающим*. В то время как в развитых капиталистических странах в эпоху монополистического капитализма появляется тенденция к замедлению темпа, *в хозяйстве СССР действует противоположная тенденция—к нарастанию, к ускорению темпа.*

V. Партия и оппозиция о темпе.

Несмотря на то, что на протяжении восстановительного периода преимущества советской системы были реализованы лишь частично, влияние их на темп хозяйственного роста оказалось чрезвычайно значительным. Нижеследующая таблица характеризует исключительный темп восстановительного периода [1]).

Годы	Рост продукции цензовой промышлен. в % за год	Рост продукции мелкой промышленности в % за год	Рост основных фондов промышленности в % за год	Рост продукц. сельского хозяйства в % за год
	(По довоенным ценам)		(по ценам 25—26 г.)	(по довоенным ценам)
1922—23	31,0	29,0	—	—
1923—24	32,0	31,0	—	6,5
1924—25	55,0	24,0	0,5	8,0
1925—26	45,2	15,4	7,4	19,2
1926—27	15,1	7,0	9,8	4,1
1927—28	14,3	8,5	11,9	3,2

1926—27 г. был переходным от восстановительного периода к реконструктивному. Таблица показывает, что на протяжении восстановительного периода темп роста продукции был совершенно исключительным, в особенности в крупной промышленности. В действительности в обобществленной промышленности (государственной и кооперативной) он был даже несколько выше. Так, например, в 1925—26 и 1926—27 гг. прирост продукции обобществленной цензовой промышленности составил 45,3% и 17,1%,

[1]) Таблица составлена нами на основании «Контрольных цифр» за 1925—26, 1926—27, 1927—28 гг. Проценты прироста сел.-хоз. продукции даны за хозяйственные годы; за сельскохоз. годы они несколько выше.

прирост основных фондов всей обобществленной промышленности 7,9% и 10,5%. При этом обобществленная промышленность составляла 96—98% всей цензовой.

То обстоятельство, что в восстановительный период задача заключалась в загрузке и использовании бездействовавшего технического оборудования, несомненно, существенно облегчало возможность быстрого темпа. Однако, его исключительный характер не может быть полностью этим об'яснен. Такой исключительный темп восстановительного процесса вызывался, несомненно, преимуществами нашей системы хозяйства. Благодаря этим преимуществам мы достигли довоенного уровня одновременно с европейскими государствами, несмотря на то, что начали восстановительный процесс позже них и с чрезвычайно низкого уровня по сравнению с довоенным.

В действительности задачи восстановительного периода не были просты и легки. Основной капитал подвергся в годы гражданской войны значительным разрушениям, оборотный капитал почти отсутствовал, квалифицированные кадры рабочих разбрелись, не было кредитной системы, твердой валюты и т. д. Таким образом, задачи восстановительного периода требовали не только значительного ремонта и частичного обновления основного капитала, но и воссоздания оборотного капитала, кредита, твердой валюты и т. п. Если это было осуществлено в такой короткий срок без помощи передовых капитал. стран, то решающую роль, несомненно, сыграли преимущества нашей системы хозяйства. При этом необходимо не упускать из виду, что в некоторых основных отраслях хозяйства (электрификация, нефтяная промышленность, торфяная промышленность) была осуществлена уже в восстановительный период огромная реконструктивная работа, в результате которой эти отрасли значительно превзошли довоенный уровень. На ряду с этим был поставлен ряд новых производств.

Когда оппозиция пытается сейчас доказывать, что восстановительный процесс происходил почти стихийно, что превосходство темпа роста промышленности вызывалось лишь гораздо более низким исходным уровнем промышленной продукции в 1921—22 г. по сравнению с уровнем сельского хозяйства, то она скатывается к позиции меньшевиков и эсэров, утверждавших, что хозяйственный рост СССР происходит стихийно на основе законов товарного хозяйства, не благодаря политике советской власти, а вопреки ей. Когда, с другой стороны, оппозиция критикует недостаточность темпа индустриализации на основании безработицы, товарного голода и т. п., то она разоблачает свое недобросовестное стремление использовать в демагогических целях эти трудности роста, вытекающие в действительности из отсталости довоенной экономики России, уровень которой мы лишь начали обгонять.

Переход от восстановительного периода к реконструктивному связан, естественно, с замедлением темпа хозяйственного развития. В условиях, когда дальнейший рост зависит от капитального строительства, от расширения технической базы, темп роста не может быть таким быстрым, как в восстановительный период. Однако, преимущества советской системы хозяйства делают возможным и в реконструктивный период, как это установлено было выше, достижение сверхамериканского темпа развития. С другой

стороны, нарастание этих преимуществ и система их реализации обеспечивает возможность нарастания темпа.

«Было бы ошибочно полагать, что темп развития народного хозяйства в будущем не превысит темпа довоенного или даже будет ниже его. Такой взгляд не учитывает того, что *по мере осуществления плана промышленного строительства открываются все новые и новые возможности для последующего увеличения темпа развития* как промышленности, так и сельского хозяйства, открываются все большие перспективы по использованию всех внутренних ресурсов СССР. Такой взгляд не учитывает также и всех коренных изменений, которые произошли в хозяйстве Советского Союза и отличают его от хозяйства капиталистических стран. Эти отличия, заключающиеся, в первую очередь, в уничтожении частной собственности на основные средства производства и в плановом руководстве всем хозяйством, превращаются все более и более по мере дальнейшего развития хозяйства *в гигантские преимущества, обеспечивающие значительно более быстрый темп развития по сравнению с довоенным периодом и темпом развития капиталистических стран.*

Реализация этих преимуществ в практическом строительстве составляет важнейшую задачу партии в период социалистического переустройства всего народного хозяйства» [1]).

Такова в основном партийная линия в вопросе о темпе и методах его ускорения. Эта линия нашла свое развитие в проекте «Директив по составлению пятилетнего плана народного хозяйства», одобренном октябрьским пленумом ЦК и ЦКК [2]).

Директивы исходят из необходимости обеспечения нарастающего темпа на длительный период. «Здесь следует исходить не из максимума темпа накопления на *ближайший* год или несколько лет, а из такого соотношения, которое обеспечивало бы *длительно* наиболее быстрый темп развития». В соответствии с этим они отвергают путь повышения цен, выдвигавшийся ранее оппозицией открыто, ибо этот путь «через некоторое время дал бы резкое снижение темпа развития, сузив внутренний рынок, подорвав сельскохозяйственную базу промышленности и застопорив технический прогресс в индустрии». По этим же причинам директивы отвергают путь «*максимальной* перекачки средств из сферы крестьянского хозяйства в сферу индустрии, ибо это требование означает не только политический разрыв с крестьянством, но и подрыв сырьевой базы самой индустрии, подрыв ее внутреннего рынка, подрыв экспорта и нарушение равновесия всей народнохозяйственной системы». Одновременно, однако, директивы подчеркивают, что было бы неправильно отказываться от привлечения средств деревни для нужд индустриализации, так как это вызвало бы замедление индустриализации страны и нарушение хозяйственного равновесия.

Контртезисы троцкистской оппозиции утверждают будто директивы ЦК и ЦКК не дают никаких конкретных указаний относительно путей изживания аграрного перенаселения и товарного голода. Основываясь на первых, никем не принятых и не утвержденных, проектах пятилетки, контртезисы стремятся дискредитировать директивы ссылками на допускаемое этими проектами

[1]) Из резолюции XV партконференции по докладу т. Рыкова, курсив наш.
[2]) Проект этот утвержден, как известно, XV партс'ездом. Настоящая статья сдана в печать до XV партс'езда.

обострение аграрного перенаселения и товарного голода. В действительности в директивах по обоим вопросам имеются конкретные указания, и ошибки первых проектов пятилетки в них учтены.

Для рассасывания аграрного перенаселения и безработицы, директивы намечают не только путь энергичного расширения крупной промышленности, но и путь развития местной и кустарной промышленности, перехода к 7-часовому рабочему дню, развития трудоемких культур в деревне и индустриализации самого сельского хозяйства. Благодаря этим мерам новый проект пятилетки предусматривает сокращение избыточного населения в деревне за пятилетие с 7,76 млн. до 7,14 млн., а безработных в городе—с 1.550 тыс. до 948 тыс. В противовес оппозиции, ищущей путей рассасывания аграрного перенаселения и безработицы лишь в развитии промышленности, директивы придают, таким образом, надлежащее значение также под'ему и индустриализации сельского хозяйства. Своим требованием *максимального* из'ятия средств из деревни на нужды индустриализации, оппозиция отрезала себе путь к решению проблемы аграрного перенаселения, ибо совершенно очевидно, что *такая перекачка, вызывая хирение сельского хозяйства, воспроизводила бы аграрное перенаселение в расширенном масштабе.*

С другой стороны, изживанию товарного голода будет содействовать директива, чтоб промышленность, производящая предметы потребления, довела «количество и качество своей продукции до таких пределов, чтоб было обеспечено значительное повышение душевой нормы потребления трудящихся». Необходимо, однако, иметь в виду, что первый период индустриализации характеризуется неизбежно сравнительно медленным темпом роста производства средств потребления, ибо решающие капитальные вложения направляются на постройку предприятий тяжелой индустрии, эффект которых скажется большей частью лишь во втором пятилетии.

Для ускорения темпа развития директивы требуют энергичной рационализации производства и систематического понижения себестоимости и цен товаров:

«В центре всего должна стоять самая энергичная, самая напряженная работа *по рационализации*: рационализация индустрии в первую очередь, рационализация торгового аппарата, рационализация государственного аппарата и т. п.».

«Важнейшей задачей соц. строительства в области организации обмена является *преодоление анархии рынка* и расточительности в расходовании материальных средств, свойственной капиталистическому способу распределения, путем дальнейшего развития и рационализации обобществленного сектора товарооборота».

«Политика рационализации и низких цен, устанавливая равновесие между городом и деревней, неизбежно повлечет за собою длительное ускорение темпа развития».

Социалистическая рационализация в отличие от капиталистической заключается не только в технических и организационных улучшениях и усовершенствованиях, но в реализации преимуществ переходной системы хозяйства. Ставя в центре всего социалистическую рационализацию, директивы обеспечивают использование многообразных возможностей ускорения темпа, вытекающих из превосходства переходной системы хозяйства над

капиталистической. С другой стороны, тип индустриализации, намечаемый директивами, характеризуется не хирением сельского хозяйства, а его под'емом и индустриализацией. В предыдущих главах мы убедились, что этот тип индустриализации обеспечил С. Штатам существенные преимущества, что особенности хозяйства СССР делают возможным и целесообразным осуществление этого типа и у нас. Все это доказывает, что директивы в своей совокупности, при последовательном их осуществлении, несомненно, обеспечат нашему хозяйству возможность сверхамериканского темпа развития.

Оппозиция пытается, однако, в своих контртезисах опорочить эти директивы на основании первоначальных проектов пятилетнего плана, выработанных комиссиями Госплана и ВСНХ. Мы отметили уже, что проекты эти в действительности никем не утверждались. Даже президиумы Госплана и ВСНХ не одобрили этих проектов, разработанных их аппаратами, и подвергли резкой критике преуменьшение ими возможного темпа развития. Проекты эти были опубликованы лишь как материалы, при чем руководители Госплана и ВСНХ подчеркивали в своих предисловиях, статьях и выступлениях основную ошибку этих проектов.

Так, например, председатель Госплана т. Кржижановский писал по поводу проекта пятилетки, разработанного в 1926—27 г. комиссией Госплана, следующее: «*Проектом настоящей пятилетки мы лишь открываем дискуссию по важнейшим хозяйственным вопросам, и лишь в этом смысле должна трактоваться приложимость этой пятилетки и всего арсенала ее средств к действительной хозяйственной практике*... Мы начинаем ясным образом страдать от некоторой своеобразной *переоценки* того обстоятельства, что в настоящее время мы приближаемся к завершению восстановительного процесса... Отсюда преувеличенный нажим в сторону снижения намечаемых темпов нашего дальнейшего хозяйственного развития. Элементарная рационализация наших основных хозяйственных ячеек может сопровождаться таким под'емом всего темпа нашего хозяйственного воспроизводства, правильная наметка которого в настоящее время является крайне затруднительной» [1].

Председатель ВСНХ т. Куйбышев подверг на пленумах ЦК и ЦКК критике не только проект пятилетки, разработанный ОСВОК под председательством т. Пятакова, но и второй проект, разработанный в 1927 г. комиссией ВСНХ. В своем предисловии к «Материалам», характеризующим этот проект, тов. Куйбышев писал: «Изменение предположений о возможной эффективности капитальных затрат приводит к необходимости соответствующего изменения перспективной наметки основных показателей реконструкции — повышения производительности труда и снижения себестоимости. При улучшении этих показателей делается возможным, с одной стороны, увеличение накоплений в промышленности, а, с другой стороны, изменяется схема их распределения. При одинаковой сумме вложения со стороны можно добиться значительно большего развития капитального строительства за счет роста той части накопления, которая может быть использована для этой цели. Увеличение и лучшее использование капитальных вложений дают значительный поправочный коэффициент в области увеличения выпуска продукции и изменения баланса между городом и деревней... Значительное увеличение производства сделает возможным увеличение числа вовлекаемых в работу промышленности рабочих, а снижение себестоимости видоизменит перспективы в области повышения заработной платы, в особенности в реальном ее выражении. Центральным пунктом, который подлежит дальнейшей переработке, является, в соответствии с этим, вопрос об эффективности капитальных вложений и пересмотр его на основе опыта начавшегося проведения рационализации промышленности... Все изложенное заставляет нас считать настоящую работу не законченной и подвергнуть ее еще раз переработке... Действительность и на этот раз опережает тот опыт, которым мы в каждый данный момент располагаем, как это постоянно имеет место в нашей стране, где *преимущества социалистической организации промышлености делают недостаточными даже самые смелые наши предположения о динамике ее развития*» [1].

Таким образом руководители Госплана и ВСНХ не только подчеркнули, что проекты пятилеток преуменьшают темп возможного развития, но и выяснили, какие обстоятельства делают возможным значительное ускорение темпа. Совершенно нелепа, поэтому, попытка контртезисов оппозиции критиковать директивы последнего пленума на основании этих пятилеток. *Ведь пятилетний план на основе этих директив еще разрабатывается!* Опубликованные предположительные ориентировочные цифры этого проекта [2]) даже в его отправном, *минимальном* варианте дают к концу 1931—32 г. рост продукции промышленности на 63%, сельского хозяйства—на 24%, общей работы железных дорог—на 45,6%, выработки электрической энергии—на 76,7%, общего строительства в городах—на 86.2%, доходной части госбюджета—на 48,1%, реальной зарплаты—на 45%, дохода на душу населения—на 31%, снижение оптовых цен—на 21%, снижение строительного индекса—на 30% и т. д. Если сопоставить геометрические проценты предполагаемого по *минимальному* варианту годичного прироста продукции промышленности (в среднем около 11%) и сельского хозяйства (в среднем около 4%) с приведенными в первой главе геометр. процентами годичного прироста ее в С. Ш., то окажется, что даже *минимальный* вариант намечает темп роста, значительно превосходящий американский.

Между тем, оппозиция совершенно не учитывает, что ближайшее пятилетие является особенно трудным, ибо результаты крупных капитальных вложений скажутся главным образом в следующем пятилетии, когда новые предприятия вступят полностью в эксплоатацию. С другой стороны, оппозиция не учитывает возможности ряда трудностей, которые могут замедлить темп развития (неурожаи и т. д.).

Однако, резкая критика оппозицией намеченных первыми проектами пятилетки темпов роста создает *впечатление*, что оппозиция владеет *секретом* подлинных методов ускорения темпа. От тех, кто подвергает такой резкой критике проекты пятилетки за

[1]) См. Г. М. Кржижановский. «К построению перспективной пятилетки», журнал «Плановое Хозяйство», 1927 г., № 3, стр. 13.

[1]) Предисловие к «Материалам по пятилетнему плану развития промышленности СССР», Гостехиздат, 1927 г., курсив автора.

[2]) «Перспективная ориентировка на 1927/28—1931/32 гг.», изд. «План. Хоз.», 1928 г.

преуменьшение ими возможных темпов развития, *мы в праве требовать ясных указаний относительно возможных путей ускорения этих темпов.* Сумела ли оппозиция указать эти пути? Нельзя сказать, чтоб она не пыталась сформулировать свои предложения по этому вопросу. На августовском пленуме ЦК и ЦКК т. Пятаков внес от имени оппозиции проект резолюции, в котором она пытается сформулировать ряд предложений об источниках средств для ускорения темпа индустриализации. Эти предложения повторены почти без изменений и в «Платформе» оппозиции и в ее контртезисах под многообещающим заголовком: «Где взять средств?» Таким образом, в разделе IX контртезисов приведены, очевидно, все предложения, которые оппозиция смогла сформулировать.

Рассмотрим последовательно эти 11 предложений. Посмотрим, открывают ли они подлинные источники добавочных средств для ускорения темпа индустриализации.

Недоумение вызывает уже первый пункт IX раздела. Пункт гласит: «Чистые вложения из бюджета на нужды индустриализации могут и должны достигнуть 500—1.000 миллионов в год в течение ближайшего пятилетия». Совершенно очевидно, что здесь высказано лишь пожелание, но не указан источник для его осуществления, ибо для подобного роста *чистых* вложений (т.-е. за вычетом того, что бюджет получает от промышленности при помощи налогов и отчислений), в промышленность необходим соответственный рост доходной части бюджета или соответственное сокращение других расходов. Этот пункт носит, очевидно, вводный характер. Очевидно, ответ об источниках должны дать последующие пункты.

Действительно, во втором пункте формулированы два предложения. Первое предложение гласит: «Провести действительное обложение всех видов сверхприбыли частных предпринимателей в размере не менее 150—200 млн. рублей, а не 5 млн., как сейчас». Где и кем доказано, однако, что увеличение обложения возможно именно в таком об'еме? Необходимо иметь в виду, что решающее значение в обложении частного капитала имеет не этот налог на кон'юнктурную сверхприбыль, а система основных прямых налогов. В 1925—26 г., когда нашими хозяйственными центрами управляли лидеры оппозиции, обложение частного капитала было действительно недостаточным [1]). Однако, в 1926—27 г. партия вступила на путь усиления налогового обложения частников. Поскольку благоприятная рыночная кон'юнктура содействовала некоторому абсолютному росту капиталистических элементов, этот факт нашел свое отражение в «Директивах», указывающих на «возможность перейти к дальнейшему, более систематическому и настойчивому, ограничению кулака и частника». Этот налоговый нажим на частника, несомненно, даст государству добавочные средства.

Однако, возможность из'ятия при помощи ограничения частника добавочных 150—200 млн. рублей никем не доказана и противоречит наличным подсчетам, определяющим всю сумму годового накопления частного капитала в 1926—27 г. максимально в 200—250 млн. рублей [2]). Увеличение налогового бремени на

[1]) См. об этом интересную брошюру Ю. Ларина—«Налоговое обложение и оппозиция», ГИЗ, 1928 г.

[2]) См. Ю. Ларин. «Частный капитал в СССР», ГИЗ, 1927 г., стр. 240.

150—200 млн. рублей могло бы поэтому дать эффект в течение одного лишь года. Оно вызвало бы немедленно такое резкое сокращение частнокапиталистических предприятий, такую тенденцию перевести оставшиеся капиталы в иностранную валюту и золото, чтобы скрыть их от обложения, что уже в следующий год доходы государства от обложения частного капитала составили бы ничтожную величину. С другой стороны, такое резкое сокращение частноторговых предприятий создало бы такие бреши в товаропроводящей сети, которые кооперации и госторговле при данном уровне их материальных и организационных возможностей было бы трудно устранить.

Не более серьезно второе предложение этого пункта: «Из'ять у зажиточно-кулацких слоев, примерно, у 10% крестьянских дворов, в порядке займа, не менее 150 млн. пудов хлеба из натуральных запасов». Прежде всего, оппозиция совершенно не указывает, как провести этот заем. Между тем, заем, который производится лишь у определенной части деревни, не может уже в силу этого быть добровольным. Для всякого очевидно, что он может быть осуществлен лишь как принудительный. Принудительный же заем в натуральной форме, приближаясь по существу к продразверстке, вызвал бы враждебное отношение не только со стороны кулаков, но и со стороны широкой середняцкой массы, *которая в этом акте усмотрела бы угрозу также своим запасам.* С другой стороны, тяжесть этой продразверстки была бы совершенно исключительной, так как вопреки оппозиционной «статистике», у тяготеющих к кулацким и кулацких слоев сосредоточено лишь около 20% запасов. Общую же величину запасов эта «статистика» также преувеличивает: они составляют не миллиард пудов, а примерно 700 млн. [1]). Приводя в своих контртезисах о работе в деревне таблицу из «Контрольных цифр на 1927—28 г.», характеризующую расслоение деревни на Сев. Кавказе, Урале, в Новосибирском округе, оппозиция выпустила из нее почему-то (в действительности причина ясна!) графу о распределении запасов. Между тем, таблица показывает [2]), что в этих районах наибольшего расслоения крестьянства кулацкая группа владела в 1925 г. след. долей запасов: на Сев. Кавказе—12,8%, на Урале—18,4%, в Новосибирском округе—14,6%. Зажиточная группа хозяйств, из которых только меньшая часть тяготеет к кулацким, владела на Сев. Кавказе—30,6% запасов, на Урале—24,4%, в Новосибирском округе—13,3%. Таким образом, даже в этих районах наибольшего расслоения крестьянства, подавляющая часть запасов была в руках середняков и бедняков. Все это доказывает, что из'ятие в порядке принудительного займа у 10% хозяйств 150 млн. пудов хлеба могло бы оказаться даже неосуществимым,—тем более, что большая часть запасов сосредоточена в районах, страдающих периодически от неурожаев, и представляет собою страховой фонд на случай неурожая. Это подтверждается следующими данными, оглашенными т. Рыковым на августовском пленуме ЦК и ЦКК: запасы на душу населения составляли к началу 1927—28 г. в районе Ср. Волги—12 п., Н. Волги—13,3 п., на Сев. Кавказе—14 п., в Крыму—

[1]) См. статью П. Керженцева в «Правде», от 15/XI 1927 г.

[2]) См. «Контрольные цифры на 1927—28 г.», стр. 354.

13,9 п., на Украине—7,5 п., в Сибири—6,9 п., на Урале—7 п., в Центр.-Черноэем. области—4,5 п.

Намечаемое тезисами «О работе в деревне», «более решительное наступление на *кулака*, несомненно, даст известный рост поступлений сельхозналога от этой группы. Однако, этот рост не может быть настолько значительным, чтоб сыграть решающую роль для ускорения темпа индустриализации, тем более, что одновременно будет происходить понижение налоговых ставок для маломощных хозяйств, которое вызовет уменьшение поступлений от этих групп хозяйств.

Нажим на частника и кулака в предлагаемых оппозицией размерах, означал бы, несомненно, *частичную ликвидацию нэпа* и вытекающий отсюда рост хозяйственных и политических трудностей, которые замедлили бы темп хозяйственного развития.

Чувствуя, очевидно, что на «оригинальных» предложениях далеко не уедешь, оппозиция повторяет в третьем и четвертом пунктах бесспорные партийные предложения. Верно, предложение о систематическом и неуклонном... снижении (!) отпускных и розничных цен на основе понижения себестоимости решительно противоречит той линии повышения цен, которую оппозиция в своем большинстве (и в особенности т. Пятаков) защищала до сих пор, о чем контртезисы скромно умалчивают. Можно было бы, однако, приветствовать это прозрение оппозиционных экономистов, если б это предложение не сопровождалось оговорками о необходимости «более сообразующейся с условиями рынка, более гибкой, более индивидуализированной» политики снижения цен, которые направлены против реальной политики снижения цен, осуществляемой партией.

Выдвигая в червертом пункте... режим экономии, оппозиция подчеркивает, что он «может быть осуществлен только под непосредственным нажимом масс». Является ли это положение новым? Не партийные ли тезисы говорят в специальном разделе о роли масс и массовых организаций? Не партия ли проводит опыт создания на предприятиях контрольных комиссий для облегчения массам нажима на административный аппарат? Ничего нового, ничего конкретного оппозиция предложить не смогла!

Пятый пункт, говорящий о необходимости использования монополии внешней торговли, иностранных кредитов, концессий, договоров технической помощи для получения дополнительных средств и повышения целесообразности наших собственных затрат, сформулирован в таких осторожных выражениях, что по внешности он лишь повторяет соответственные утверждения партийных тезисов. Однако, в действительности здесь делается попытка противопоставить линии партии свою линию. В проекте резолюции, внесенной т. Пятоковым на августовском пленуме ЦК и ЦКК, этот пункт сформулирован с надлежащей ясностью.

«Плановая установка на замкнутый, самодовлеющий социализм в одной стране, обязующая в кратчайший срок производить все самим, снижает плоды капитальных затрат, ослабляет темп и бьет по смычке. Более правильный подход к нашим взаимоотношениям с мировым хозяйством—под углом зрения темпа развертывания, а не мнимой «самостоятельности», что ни в малейшей степени не означает отказа от развития своего машиностроения—давал бы возможность при тех же средствах значительно быстрее продвигаться вперед».

Еще более резко формулирован вопрос о взаимоотношениях с мировым хозяйством в соответствующей главе пресловутой «Платформы» оппозиции. «Установка на изолированное социалистическое развитие и на независимый от мирового хозяйства темп искажает всю перспективу, сбивает плановое руководство с пути, не дает руководящей нити для правильной регулировки наших отношений с мировым хозяйством. В результате мы не умеем правильно определить, ни что построить самим, ни что привезти из-за границы. Решительный отказ от теории изолированного социалистического хозяйства будет уже в течение ближайших лет означать несравненно более целесообразное использование наших ресурсов, более быструю индустриализацию, более планомерный и могучий рост собственного машиностроения, более быстрый рост числа занятых рабочих, действительное снижение цен, словом, подлинное укрепление СССР в капиталистическом окружении».

Эти утверждения оппозиции, прежде всего, неверно характеризуют партийную линию. Неверно будто партия против развертывания связей с мировым хозяйством. «Директивы» партии заявляют, что «необходимо исходить из максимально широких связей, *поскольку* эти связи (расширение внешней торговли, иностранного кредита, концессий, привлечение иностранных технических сил и т. д.) увеличивают хозяйственную мощь Союза, делают его более независимым от капиталистического мира, расширяют социалистическую базу дальнейшего индустриального развития Союза,—только в *этих* пределах можно говорить о максимально широких связях». Признавая, таким образом, необходимость максимума связей с мировым хозяйством, партия считает возможным развитие *таких* связей, которые усиливают независимость Союза и удельный вес в нем элементов социализма. Оппозиция же выдвигает голый лозунг усиления связей с мировым хозяйством «под углом зрения темпа развертывания, а не мнимой «самостоятельности», она критикует установку, «обязующую в кратчайший срок производить все самим».

Действительно, установка на развитие в кратчайший срок новых производств и, в особенности, машиностроительной индустрии может оказать некоторое замедляющее влияние на темп развития в ближайший или ближайшие годы, ибо за границей мы могли бы купить эти машины гораздо дешевле и поэтому в большем количестве. Однако, совершенно очевидно, что в последующем эта линия обеспечивает нарастание темпа развития; на более длительный период она обеспечивает не замедление, а ускорение темпа. Развернуть новые производства невозможно, если подходить к проблеме темпа лишь «под углом» ближайшего или ближайших лет, ибо постановка новых производств неизбежно связана с известными издержками. Хотя оппозиция утверждает, что ее позиция «ни в малейшей степени не означает отказа от развития своего машиностроения»,—нетрудно доказать, что свое машиностроение не может развиваться, если не оказывать ему особую финансовую поддержку на первых ступенях его развития, если не предоставлять ему заказы, несмотря на более высокий в первый период уровень цен. В действительности линия оппозиции вызвала бы поэтому не «подлинное укрепление СССР в капиталистическом окружении», а рост зависимости СССР от мирового хозяйства.

С другой стороны, только линия на развитие в кратчайший срок новых производств обеспечивает обороноспособность СССР. «Платформа» оппозиции пытается доказать ссылками на опыт мировой войны, что в случае войны мы тем легче и скорее поставим новые производства, чем больше используем до войны связи с мировым хозяйством для увеличения наших ресурсов. Оппозиция не учитывает, однако, как это отмечено т. Микояном в одной из его речей, того обстоятельства, что внешняя торговля воюющих государств во время мировой войны продолжалась, хотя и в сокращенном об'еме,—между тем как у нас этой возможности, очевидно, не будет. Поэтому на ряду с использованием связей с мировым хозяйством для увеличения наших ресурсов необходима немедленная постановка новых производств, необходимо оптимальное сочетание этих задач.

Таким образом, как необходимость *длительного* ускорения темпа развития, так и необходимость обороны страны требуют использования связей с мировым хозяйством в тех пределах и формах, которые намечаются в тезисах ЦК и ЦКК.

В шестом пункте оппозиция выдвигает в качестве источника средств подбор людей и правильные их взаимоотношения, утверждая, что чем хуже подбор, тем больше нужно средств. Против этого возражать не приходится. Но почему это предложение выдвигается как новое? Разве эта задача не привлекала внимания партии? Разве вопрос о правильном подборе людей и правильных взаимоотношениях между ними не является частью общего вопроса о социалистической рационализации и как таковой не вытекает из партийных директив?

В седьмом пункте оппозиция вместо конкретных предложений предпочла гораздо более легкий путь голословных обвинений хозяйственного руководства в хвостизме и т. п. В подтверждение своей ругани она привела лишь факт текучести рабочего состава наших предприятий, вызывающей значительные убытки. Не является ли, однако, борьба с этой текучестью давно осознанной и осуществляемой задачей? Совершенно очевидно, что никакой «Америки» оппозиция здесь не открыла. Борьба с этой текучестью является ведь составной частью социалистической рационализации.

Еще меньше нового дают следующие три пункта. Восьмой пункт изрекает общеизвестную истину о роли кредита, как рычага перераспределения народного дохода для целей социалистического строительства. Девятый пункт повторяет общие фразы о необходимости более классово-выдержанной хозяйственной политики, сужающей рамки спекуляции и ростовщичества. Десятый пункт повторяет положение о необходимости сокращения издержек обращения, формулированное в партийных тезисах гораздо ярче.

Наконец, одиннадцатый пункт выдвигает в качестве источника средств прекращение продажи водки, от которой государственная промышленность теряет будто бы не меньше, чем получает от водки бюджет. Если принять во внимание, что государство от продажи водки получает около ½ миллиарда рублей, что прекращение продажи водки вызвало бы рост самогона и затрату на это огромных масс хлеба, то утверждение оппозиции окажется по меньшей мере сомнительным. Во всяком случае уничтожение водки не дало бы *добавочного* источника средств. Скорее оно лишило бы нас части получаемых средств. Тем не менее, курс на ликвидацию водки намечен ЦК, как это отметил т. Сталин в беседе с иностранными делегациями, хотя и не в такой краткий срок, как намечаемый оппозицией.

* * *

Мы рассмотрели последовательно все предложения оппозиции. Под многообещающим заголовком «Где взять средства?» в действительности новых подлинных источников добавочных средств не оказалось. Большая часть предложений оказалась повторяющей общеизвестные партийные положения. «Оригинальные» же предложения—об обложении сверхприбыли частников на 150—200 млн. рублей и хлебном займе у кулаков в 150 млн. пудов,—если б даже они могли быть осуществлены в полном об'еме, дали бы добавочные средства лишь в течение одного года за счет последующего сокращения извлекаемых средств. Такое же влияние оказало бы на темп применение голого принципа максимального развертывания связей с мировым хозяйством. Подобная политика привела бы к такой зависимости СССР от капиталистического окружения, к такому росту экономических и политических трудностей и противоречий, которые в конечном счете вызвали бы замедление темпа. «Оригинальные» предложения оппозиции не только исключают возможность *длительного* ускорения темпа, но и противоречат социальным особенностям нашей системы хозяйства. Вследствие этого они создали бы при своем осуществлении опасность нарушения процесса ее расширенного воспроизводства.

Оппозиция не осознала в должной мере возможностей ускорения темпа, вытекающих из многообразных преимуществ переходной системы хозяйства. Благодаря этому она недооценила роли социалистического сектора, социалистической рационализации и переоценила роль капиталистического сектора и капиталистического окружения.

Между тем, это превосходство переходной системы хозяйства над капиталистической создает возможность ликвидации собственными силами нашей экономической и технической отсталости. Вопреки утверждениям оппозиции, эта экономическая и техническая отсталость не является непреодолимым препятствием строительству социализма в нашей стране, ибо может быть преодолена в относительно минимальный исторический срок благодаря преимуществам нашей системы хозяйства. Нарастание этих преимуществ и степени их реализации обеспечивает возможность «в относительно минимальный исторический срок нагнать, а затем и превзойти уровень индустриального развития передовых капиталистических стран».

Для этого, однако, необходимо, чтоб перспективные планы ставили в центре внимания развитие преимуществ нашей системы хозяйства и их реализацию. Рассмотрению с этой точки зрения нового проекта пятилетнего плана и предварительных наметок генерального плана мы посвятим следующую статью [1]).

---

[1]) Настоящая статья является сжатым изложением подготовляемой к печати работы на ту же тему.

С. Кругликов.

Борьба социализма и капитализма в деревне.

> «*Теория некапиталистической эволюции земледелия в капиталистическом обществе* есть в сущности теория громадного большинства буржуазных профессоров, буржуазных демократов и оппортунистов... Эта теория *есть иллюзия, мечта, самообман всего буржуазного общества*».
>
> (Ленин. 1913 г.) [1].

> «Но посмотрите, как изменилось дело теперь, раз *государственная власть уже в руках рабочего класса*, раз политическая власть эксплоататоров свергнута и раз все *средства производства* (кроме тех, которые рабочее государство добровольно отдает на время и условно эксплоататорам в концессию) *находятся в руках рабочего класса*.
>
> Теперь мы вправе сказать, что *простой рост кооперации для нас тождественен* (с указанным выше «небольшим» исключением) *с ростом социализма*».
>
> (Ленин. «О кооперации», 1923 г.).

В настоящее время стало ходячим в рядах оппозиции обвинение линии партии по крестьянскому вопросу в народничестве. Это обвинение вытекает из того, что партия признает возможность некапиталистического пути развития основной массы крестьянства в условиях пролетарской диктатуры через преодоление капиталистических тенденций в развитии деревни. Оппозиция видит в современной советской деревне лишь одну, капиталистическую форму развития.

Чтобы разобраться в этом деле по существу и выяснить, где же подлинный марксизм, придется обратиться к некоторым более общим вопросам.

В чем не правы народники, которые *всегда* стояли за некапиталистическое развитие деревни?

В чем здесь отличие марксизма от народничества?

Ошибки народников.

Как известно, существо народнической установки заключается в том, что крестьянское хозяйство является единственно жизнеспособной формой развития сельского хозяйства. Общие тенденции капиталистического развития (концентрация и централизация), так ярко проявляющиеся в промышленности не имеют места в деревне. Наоборот, деревня в условиях капитализма идет своим особым путем. Массив мелких хозяйств не только не подвергается капиталистическому расслоению, но даже консолидируется, вытесняя из земледелия капиталистические формы хозяйства. Развитие деревни идет путем под'ема всей массы мелких хозяйств. Отсюда возможность, по их мнению, уже в условиях капитализма начать «врастание» в социализм путем кооперирования.

[1]) Том IX, стр. 186, изд. 1925 г. (Неоговоренное подчеркнуто всюду мной. *С. К.*).

Основная ошибка этой теории заключается в том, что она отрывает развитие деревни от развития всей социально-экономической системы.

Анализируя работы народников, смыкающихся с общим фронтом буржуазных экономистов, Ленин обращал внимание прежде всего на эту ошибку. Он писал:

> «Одна из главных ошибок буржуазных экономистов состоит в вырывании отдельных фактов, цифр и цифирек из общей связи политико-экономических отношений» [1]).

Одна из основных особенностей марксистской методологии в аграрном вопросе состоит как раз в том, чтобы при всех особенностях аграрных отношений проследить развитие в них тех общих тенденций, которые характеризуют все капиталистическое общество в целом. Конкретный экономический анализ на основе этого метода и приводит к тому выводу, что в условиях капитализма единственной возможной передовой формой является и в сельском хозяйстве предприятие капиталистического типа.

С первой ошибкой тесно связано у народников непонимание ведущей роли города в новейшей истории. Эта ведущая роль обусловлена тем, что город работает на основе более высокого уровня производительных сил, т.-е. является носителем самых передовых хозяйственных форм. Город сосредоточивает основные экономические рычаги и подавляющую массу богатств, увеличивая ее еще более разорением деревни.

Другая ошибка, вытекающая по существу из первой, заключается в том положении народников, что в деревне нет классовой борьбы, что деревня развивается поэтому сплошным массивом. Отсюда—отрицание роли кулака, как основного представителя формирующейся сельской буржуазии. Бедствия капиталистического разорения деревни, проводником которого является кулак, выступают в глазах народников лишь как результат ошибочной политики или тех или иных случайностей. Поэтому народники никогда не понимали, что зажиточная середняцкая верхушка неизбежно выделяет кулацкий слой, а последний перерастает непосредственно в средних и крупных буржуа.

Вся история капитализма подтверждает тот основной вывод, что до тех пор, пока вся страна развивается на капиталистических основах, и для деревни нет и не может быть в этих условиях никакого иного, «особого» пути развития.

Оппозиция о путях развития советской деревни.

Как представляет себе пути развития нашей деревни оппозиция, поднявшая столько шуму по поводу якобы народнической

[1]) Том IX, стр. 186.

линии партии? Изобразим ее точку зрения собственными ее словами из контртезисов по работе в деревне:

1) «Происходит пролетаризация деревни и рост беспосевных хозяйств».

2) «Сокращение процентов беспосевных и малопосевных групп происходит в значительной мере путем их разорения и ликвидации».

Это пишется в ответ на то положение партии, что изменение социально-экономического содержания командных высот все в большей мере уменьшает число бедняков, поднимая их в высшие разряды. Факт уменьшения оппозиция об'ясняет усилением разорения и полного обнищания значительной части бедняцких хозяйств. Она констатирует, таким образом, определенное господство в этом пункте чисто-капиталистической тенденции.

3) «Главная масса основных средств производства принадлежит зажиточным слоям деревни».

4) «Возрастает удельный вес крайних групп за счет средних». («Факт «вымывания» середняка»).

И в качестве общего вывода:

5) «Факты неопровержимо свидетельствуют о капиталистическом процессе расслоения, а не об общем под'еме всех групп крестьянства».

Следовательно, никакого отличия в развитии советской деревни от столыпинских времен *по существу*, *по типу* нет. Никаких *иных* тенденций, *кроме* капиталистических, оппозиция не видит в развитии нашей деревни.

Таким образом, все изменения социально-экономических отношений в нашей стране не внесли, выходит, никаких изменений в развитие деревни сравнительно с дореволюционными временами. Таков оппозиционный итог первого десятилетия Октября и шести с половиною лет нэпа.

«Вся принципиальная установка в ЦК в вопросе о крестьянстве,—говорит оппозиция,—сбивается на народничество».

Оппозиция обвиняет линию ЦК и линию партии в народничестве за то, что партия считает возможным при нашем строе некапиталистическое развитие деревни и видит уже начавшийся рост в деревне новых процессов, *принципиально* иных, чем при капитализме, несмотря на наличие еще частичной пролетаризации бедноты и роста кулака.

Партия обосновывает эту возможность иным социально-экономическим содержанием всех командных высот. Как сама государственная власть, так и ряд решающих экономических рычагов у нас в *основном* принципиально иные, чем при капитализме.

Вся эта постановка вопроса об'явлена неленинской.

«Вместо ленинской установки мы имеем бухаринскую, которая заключается в том, что при капитализме так, а у нас все «принципиально иначе» (Смилга).

Но стреляя по ЦК обвинениями в народничестве, оппозиция попадает дальше, чем метит. Если всякая попытка поставить вопрос об иных, некапиталистических путях развития деревни есть народничество, то как тогда быть со следующим сопоставлением:

Ленин или Суханов?!

Как ни нелепо такое сопоставление, но именно к нему тащит оппозиционная логика.

В самом деле. Как ставил и ставит вопрос Суханов о путях развития деревни? Этот человек, представляющий своеобразное сочетание меньшевика и народника, утверждает во всех своих работах, что деревня развивается всегда особым, некапиталистическим путем. Основной, самой жизнеспособной формой является только крестьянское хозяйство.

«Земледельческое трудовое крестьянство является необходимым элементом капиталистического строя и будет в нем существовать всегда» [1]).

Капиталистическая форма производства в промышленности подготовляет социализм концентрацией производства и созданием более высокой технической базы. Сельское хозяйство пойдет к обобществлению иными путями.

«Если земледельческому производству предстоит быть обобществленным, то ему предстоит итти путем некапиталистического срастания,—путем кооперации» [2]).

«Поскольку в пределах буржуазного строя могут быть созданы совершенные формы земледельческого производства, способные служить предпосылками для социалистического хозяйства, постольку для социалистической партии открывается *необходимое и единственное* поле деятельности... Это—создание *трудового* коллективно-крупного земледельческого хозяйства» [3]).

Кооперация является здесь средством перехода с. х. к социализму. При чем основные *предпосылки социалистического хозяйства* создаются уже *в рамках капитализма, внутри самой кооперации*. В другом месте Суханов высказывается на этот счет яснее:

«*Кооперация не только является первостепенным фактором развития производительных сил; в деревне именно она способна создать те производственные отношения, какие будут налицо в социалистическом строе... Логическим завершением кредитной кооперации и кооперативной организации сбыта является производственная с.-х. кооперация... Все это подтверждает взгляд на кооперацию, как на внедрение в современную деревню хозяйственных форм, свойственных социализму*» [4]).

«*Единственная сила, которая способна повести земледельческое производство к его конечным совершенным формам, это—активное обобществление снизу, кооперация мелких самостоятельных земледельцев*» [5]).

Эти же положения Суханов оставляет в силе и для советской деревни с той лишь разницей, что все это будет совершаться «под покровительством и руководством, при помощи и содействии рабоче-крестьянского государства» [6]).

[1]) Суханов. «К вопросу об эволюции с. х.», стр. 404. Изд. 1909 г.
[2]) Суханов. «Очерки по экономии с. х.», стр. 122.
[3]) Суханов. «К вопросу об эволюции с. х.», стр. 408. (Подчеркнуто автором).
[4]) Суханов. «Наши направления», стр. 57—58. Изд. 1916 г.
[5]) Суханов. «Очерки по экономии с. х.», стр. 121.
[6]) Там же, стр. 142. Книга написана в 1924 г.

Итак, мы имеем здесь дело с определенным сухановским «кооперативным планом». Как раз против этой теории направлено ленинское положение 1913 г., приведенное перед настоящей статьей.

Теперь обратимся к ленинской статье «О кооперации» 1923 года. В ней «простой рост кооперации» Ленин отождествляет «с ростом социализма». Разве в этой статье нет *внешне-формального сходства* с рядом приведенных положений Суханова о кооперации?!

Если рассуждать в этом деле по оппозиционной логике, если всякую попытку наметить некапиталистический путь развития деревни об'являть народничеством, то в таком случае не останется признать ничего другого, кроме того, что ленинская идея о кооперации заимствована у Суханова. Именно сюда попадают оппозиционные вопли о народничестве.

В чем ошибка Суханова? Почему его теория есть мелкобуржуазная иллюзия? Суханов отрывал развитие деревни от общего капиталистического развития. Деревня имеет у него свои законы, противоположные законам и основным тенденциям капитализма в целом. У Суханова получалось, что одна—и притом технически самая отсталая—часть системы развивается наперекор всей системе в целом, наперекор линии развития ее производственно самых мощных и «ведущих» частей (промышленности).

Сухановский «кооперативный план» основывается на том, что деревня может развиваться изолированно от города, вразрез с развитием всей капиталистической системы. *У Суханова кооперация* **сама по себе,** *по своей внутренней сущности, создает уже в пределах капитализма предпосылки социалистического строя в сельском хозяйстве.*

Развитие капитализма совершенно опрокидывает эту утопию, вырастающую из стремления мелкого буржуа сохраниться, уцелеть в борьбе с капиталом. В действительности же кооперация включается подчиненным звеном в общую систему монополистического капитализма. Кооперативные организации могут жить и работать лишь при поддержке банков, прежде всего. Как эта связь, так и соприкосновение на рынке с капиталистическими монополиями заставляют сами кооперативные об'единения превращаться в хорошо сколоченные капиталистические предприятия. Иначе они не могут выжить. Иначе они не будут иметь никакой поддержки банков, т.-е. в конечном счете не смогут существовать. Это совершенно неизбежное приспособление к капиталистической системе приводит к тому, что фактически кооперацией заправляют производственно более мощные, т.-е. капиталистические слои, входящие в кооперацию.

Если же кооперативное об'единение хочет завоевать какую-либо самостоятельность, оно должно преобразоваться по всему характеру своей работы в типично-монополистическую организацию. Блестящим примером этого могут служить об'единения производителей пшеницы Канады, САСШ, Австралии, известные под именем «пулей» [1]).

Если в эти организации, построенные на кооперативных основах, входят и мелкие фермеры, то по существу вся организация находится в руках капиталистической части. По своей связи с банками, по характеру своих операций на мировом рынке эти об'единения идут целиком и полностью по стопам обычных капиталистических монополий. Да иначе и не может быть, так как организация иного типа не получит поддержки банков и не выживет вообще в системе монополистического капитализма.

[1]) Очерк о них см. в «Плановом Хозяйстве» № 4, 1926 г.

Поэтому совершенно бесспорным остается марксистское положение о том, что *из товарного хозяйства* **самого по себе** *ничего, кроме капитализма, вырасти не может, что кооперация простых товаропроизводителей сама по себе, в условиях капитализма особенно, неизбежно превращается в капиталистическое предприятие или входит подчиненной частью в капиталистическую систему.*

В чем отличие ленинской постановки вопроса о кооперации? *У Ленина роль кооперации, как средства перестроения крестьянского хозяйства на социалистических основах, связана с фактом существования пролетарской диктатуры, с обобществлением основных средств производства и транспорта и с овладением пролетариатом всей системой командных высот.* Мало того. *Кооперация может сыграть свою' преобразующую роль лишь в том случае, если страна будет* **развиваться** *на основах* **социалистической** *индустриализации.* Без этого невозможно упрочение и расширение ведущей роли крупной промышленности в отношении всего народного хозяйства, в частности и в особенности в отношении крестьянского хозяйства.

Таким образом, ленинская идея неразрывно связана с основной идеей марксизма, что *город в новейшей истории (и при капитализме и в переходный период до полного уничтожения различия между городом и деревней) имеет руководящее влияние на развитие деревни. Ленин говорит не о кооперации самой по себе, а о кооперации, находящейся под влиянием растущей социалистической индустрии при диктатуре пролетариата.*

Вот почему сухановские положения, даже в их применении к советским условиям, остаются мелкобуржуазным утопизмом, так как для Суханова непонятна роль командных высот, направляемых пролетариатом. Он берет кооперацию *изолированно* и в ней одной видит форму перехода к социализму, в то время как *одна* кооперация, вне связи с командными высотами, даже в советских условиях не является еще путем перехода деревни к социализму.

Вот почему, с другой стороны, ленинская статья «О кооперации» является крупнейшим произведением революционного марксизма, произведением, освещающим одну из важнейших проблем переходного периода.

Обвиняя партию в народничестве, оппозиция по существу не понимает этого кардинального различия.

Борьба социалистических и капиталистических тенденций.

Докапиталистические формы хозяйства в России подверглись за последние десятилетия довольно основательному разложению под влиянием капитализма. Основная масса простых товарных хозяйств еще сохранилась, но на ее полюсах выделились бедняцкий слой и кулаки, возраставшие с обоих концов за счет основного массива.

Поэтому в настоящее время нельзя говорить просто о перерастании простых товарных хозяйств в социалистическую форму.

минуя капитализм. Единственно правильным является лишь то положение, что рост социалистических элементов идет через их борьбу с элементами капитализма в развитии деревни.

Оппозиция считает «гвоздем всей переходной эпохи» рост капиталистических отношений в деревне. Отсюда, по ее мнению, нужно исходить. Это неверно. *Гвоздем эпохи является борьба социалистических и капиталистических тенденций как в городе, так и в деревне.* Борьба в деревне не является чем-то изолированным. Она является лишь частью общей борьбы капитализма и социализма в нашей стране. Основные позиции частного капитала в настоящее время не в крупной и средней промышленности, не в оптовой торговле, а на стыке города и деревни: на рынке заготовок с.-х. продуктов, в снабжении *деревни* промтоварами (в городе, как известно, эти позиции намного меньше), в организации сбыта изделий и снабжения кустаря, при чем кулак является основной питательной почвой для роста частника; с другой стороны, частный капитал всячески подкрепляет и поддерживает кулака, усиливая его вес в деревне. Вопрос решается прежде всего исходом борьбы в городе, где сосредоточены основные экономические рычаги. Тот факт, что борьба в городе определенно склоняется в пользу социализма, должен найти и находит прямое отражение и в ходе этой борьбы в деревне, так как элементы социализма в деревне подпираются всей экономической мощью пролетарского города. Только при такой постановке вопроса можно говорить об успешной борьбе с растущим капитализмом в деревне. Только тогда, когда есть какая-то зацепка, которая в ходе развития будет приобретать все большее значение, только в этом случае наступление на кулака является реальным делом, а не отчаянным маханием руками. Если же исходить из оппозиционных посылок, не видеть *обеих* сторон процесса, то крики о борьбе с кулаком остаются лишь криками отчаяния. На какой основе бороться, если в деревне только капиталистические процессы, если есть рост только кулака?!

Дифференциация сама по себе, как изолированный процесс, есть характернейший признак развития капитализма в деревне. Дифференциация сама по себе есть процесс капиталистического разложения деревни. В условиях капитализма этим процессом и исчерпывается все дело.

Наличие новых, принципиально иных сравнительно с капитализмом тенденций советской деревни видоизменяет картину. Эти новые тенденции ведут к переходу бедноты в высшие группы, к консолидации середняцкого массива и к замедлению, а впоследствии и полному преодолению роста кулачества. Так дело выглядит «в чистом виде». Таково основное действие этих новых тенденций. Но в действительности их действие ограничено сравнительной слабостью самих социалистических элементов деревни, недостаточной еще экономической мощью пролетарского государства, чтобы предоставить материальную поддержку в необходимых размерах, недостаточным еще уровнем развития индустрии вообще.

Крестьянское хозяйство, не охваченное еще полностью всесторонним регулирующим воздействием социалистического сектора, продолжает еще развиваться в солидной своей части так, как это стихийно присуще товарному хозяйству вообще: растет кулак, разоряется бедняк.

Но в то же самое время воздействие тенденций, направляющих деревню по некапиталистическому пути, уже достаточно сильно для того, чтобы известную часть крестьянских хозяйств толкнуть на новый путь развития.

Общий итог развития деревни уже теперь слагается по существу из этих двух тенденций: капиталистического расслоения и тенденции под'ема всего основного бедняцко-середняцкого массива крестьянства. Поэтому уже теперь капиталистический тип дифференциации оказывается переломленным: на ряду с разорением и пролетаризацией части бедняцких хозяйств (процесс капиталистического типа), идет под'ем все возрастающей части бедняцких хозяйств и их все большее примыкание к середняцкому большинству крестьянства (процесс, неизвестный при капитализме). На ряду с ростом кулака за счет зажиточной части середняцкого крестьянства (процесс капиталистический) идет рост середняцкого массива в противоположность «вымыванию» середняка при капитализме.

Общая линия развития деревни, складывающаяся из борьбы двух тенденций, начинает все более и более получать иное направление. Только этим путем дело может итти дальше. Рост социалистических элементов может итти лишь ценой преодоления капиталистической дифференциации. Чем дальше, тем больше будут выпячиваться эти новые, характерные для нашего периода черты развития деревни.

Народники славословят росту середняка, представляя себе этот рост как сплошной и простой процесс под'ема. Они не понимают того, что этот рост есть конечный результат, так сказать, равнодействующая борьбы двух враждебных тенденций, что этот рост является результатом острой классовой борьбы [1]).

Оппозиция не понимает вопроса с другого бока. Она видит только капиталистические тенденции (и притом в преувеличенном виде). Борьбы двух линий развития и она не видит. Поэтому там, где она говорит о возможности иного пути развития деревни, роста кооперации и т. п., у нее эти социалистические ростки выступают как нечто внешнее, откуда-то не то с боку, не то сверху прилепляемое к деревне. То капитальнейшее обстоятельство, что социалистические ростки могут пробиться лишь через преодоление капиталистических форм развития, что *этот процесс уже начался*,—это у нее исчезло. Остался только рост капитализма, которому в деревне ничего не противостоит.

Но недостаточно, однако, видеть только проникновение социалистических элементов и новых тенденций в процесс дифференциации и переламливание этого процесса в ином направлении. На настоящей ступени развития весьма существенной является другая сторона дела: проникновение элементов капитализма в социалистические формы и попытка овладеть последними. Речь идет

---

[1]) Надо заметить, что оппозиционные экономисты, зачисляя всех народников в настоящее время в один лагерь, говорящий только о сплошном под'еме деревни, обнаруживают незнание действительного положения вещей. Для многих народников в настоящее время характерна основательная эволюция их взглядов. Целый ряд очень видных народников говорит теперь именно о расслоении, как основной перспективе развития нашей деревни при нэпе. См. напр. выступление Макарова, Баскина, Чаянова (журнал «Пути Сельского Хозяйства» за 1927 год). Наконец, Кондратьев проэволюционировал к своей нынешней буржуазно-кулацкой установке по существу также от народнической концепции в понимании развития деревни.

о том, что и внутри кооперации ряд процессов развивается по линии классовой борьбы основной массы деревни, бедноты в первую очередь, с кулачеством. Конкретно борьба выражается в характере распределения кредита между различными слоями деревни, в характере распределения машин, особенно более сложных и дорогих; наконец, в стремлении «крепкого мужичка» и кулака заполучить в свои руки руководство кооперацией.

Совершенно очевидно, что эта борьба может быть решена в сторону поражения капиталистических элементов лишь при поддержке новых форм со стороны пролетарского города. Кооперация может как следует заработать на новых основах тогда, когда она получает опору в растущем производственно-техническом уровне массы бедняцких, середняцких хозяйств. Для скорейшего достижения этого необходимо основательное финансирование кооперации, чтобы в стихийных поисках средств она не ориентировалась на деревенскую верхушку. Именно эта причина является едва ли не самой основной в искривлении практической линии отдельных кооперативных звеньев.

При капитализме кооперация ориентируется на деревенские верхи, которые являются экономически наиболее мощными. Советская кооперация ориентируется на основную бедняцко-середняцкую массу хозяйств, из которых каждое само по себе экономически слабее, чем хозяйство крепкое, кулацкое. Бедняцко-середняцкая кооперация, будучи предоставлена *только своим силам* не может выдержать натиска капиталистических или растущих в капитализм слоев деревни. Отсюда возникает особая важность той задачи социалистического государства, о которой говорит Ленин в статье «О кооперации»:

«Поддерживать сверх обычного» «строй кооперативный». «Ряд привилегий экономических, финансовых, банковских— кооперации».

Нужно помнить, конечно, что речь идет здесь о кооперации, в которой *действительно* участвуют массы крестьянства.

Итак, мы имеем не только вклинивание новых тенденций вразрез капиталистическому пути развития, но и попытки капиталистических элементов овладеть, перестроить по образу и подобию своему те новые формы отношений, какие нарождаются в деревне. В связи с этим и стоит необходимость постоянной самокритики партией всей своей работы в этой области и особенно настойчивое доведение линии партии до самых низовых звеньев.

Мы имеем в конечном счете борьбу капитализма и социализма за основную массу простых товарных хозяйств. Вопрос в конечном счете будет решен степенью роста экономической мощи пролетарского города. В процессе этого роста до известного времени неизбежно разорение части бедняцких хозяйств, хотя и уменьшающейся из года в год, и на другом конце—перерастание части середняцкой верхушки в кулака. Полная приостановка этих обоих процессов будет означать решительную победу элементов социализма в нашей стране.

Оппозиционная установка имеет тот недостаток, что она не видит этого основного и решающего соотношения. *Именно на оси этого соотношения двух борющихся тенденций должны решаться все проблемы помощи бедноте и борьбы с кулаком.* Именно поэтому все «очень левые» предложения оппозиции представляют набор не связанных в одно мероприятий. Все они звучат, как

предложения «радикальных социалистов», которые, смотря по политической кон'юнктуре, усиливают ударение то на одном, то на другом вопросе. *Ленинская постановка крестьянского вопроса отличается от всех «левых» и «левейших» лозунгов тем, что в ней все эти проблемы увязываются с основной задачей борьбы за некапиталистический путь развития советской деревни через преодоление элементов капитализма в этом развитии. Только в свете такой установки может быть дано действительно ленинское решение всех вопросов крестьянской политики.*

Кооперативный план и оппозиция.

Мы видели, как оппозиция расценивает общий итог развития деревни. Одновременно с этим она продолжает клясться в верности ленинской идее кооперации. Однако, это не должно закрывать существа вопроса. А существо это заключается в том, что вся та оценка, которую оппозиция дает положению в деревне, есть фактическое признание банкротства той роли кооперации, какую хотел ей дать Ленин.

Действительно, ведь оппозиция говорит не только об ошибочной, по ее мнению, линии партии. Она говорит и об итогах об'ективно-исторического развития. А именно это последнее свидетельствует, по мнению оппозиции, что все развитие идет к капитализму и только к капитализму. Никаких иных процессов она не видит и не отмечает в нашей деревне.

Что же получается? Промышленность в основном перешагнула в последний год довоенный уровень, началась ее реконструкция. Пролетариат держит в своих руках из года в год укрепляющуюся систему командных высот. Далеко зашел и процесс обобществления в торговле. В области хлебозаготовок государство и кооперация охватили больше $^3/_4$ всей заготовляемой массы. В области снабжения промтоварами уже в середине 1926 г. госторговля и кооперация передавали потребителю, примерно, 62—65% всей попадавшей к нему массы промтоваров [1]).

Прошло почти пять лет после того, как Ленин выдвинул вопрос о новой роли кооперации. И что же?! В деревне *не только не началось* развитие каких-либо новых тенденций, не только *ни в какой мере не оказано влияния* на общее направление развития деревни, но, наоборот, наперекор всем тем социально-экономическим сдвигам, какие произошли в городе, *деревня попрежнему идет капиталистическим путем*. Кулак растет и абсолютно и относительно, т.-е. становится из года в год все определеннее руководящей силой в деревне.

Что же это, как не фактическое признание оппозицией банкротства ленинской идеи кооперации и всей его установки на то, что пролетарский город по мере его возрождения и укрепления, сумеет повести деревню по новому пути? Город вырос и крепнет с каждым годом на основе роста социалистической индустрии. И вопреки этому оппозиция считает, что никаких признаков влияния на деревню пролетарского города нет совершенно. Что же это, как не признание того, что итог первого пятилетия фактическим развитием опрокидывает всю ленинскую установку? Клянясь в верности ленинизму, оппозиция всем существом своего

[1]) «На путях социалист. строительства», статья Дволайцкого.

анализа приходит к отрицанию одного из основных ленинских положений.

Какое есть основание «уповать» на будущее, если все прошлое развитие не только не подтверждает, но целиком опрокидывает то положение, что пролетарский город сумеет повести деревню по некапиталистическому пути?

Такое отрицание возможности некапиталистического развития деревни не случайно для троцкистов. Мы не будем здесь распространяться о том, что в ученом трактате Е. Преображенского «Новая экономика» есть все, но там отсутствует ленинская идея кооперации, а вся «теория» Преображенского эту идею отвергает.

Не безынтересно напомнить ту перспективу развития нашей деревни, какую выставлял Троцкий вскоре после XIV партконференции:

> «Пока мы не можем дать деревне высокой техники, у нас есть две возможности: *либо применить в деревне методы военного коммунизма* и задержать там развитие производительных сил, что привело бы к сужению рынка и, тем самым, к задержке производительных сил в промышленности,—*либо* до тех пор, пока мы не можем средствами нашей промышленности коллективизировать сельское хозяйство, *мы должны допустить там развитие производительных сил, хотя бы и при помощи капиталистических методов*. **В этом сущность** *нынешнего периода нашей политики*» [1]).

Либо военный коммунизм, либо капитализм,—третьего не дано! Возможность развития основной массы крестьянства по пути кооперирования и под'ема хозяйства на этой основе исчезла в том положении Троцкого, где он формулировал *сущность* нашей политики.

С точки зрения троцкизма все это совершенно логично. Если подлинный под'ем хозяйства возможен только после пролетарской революции в более передовых капиталистических странах, то дать высокую технику *своими силами*, коллективизировать воздействие одного *нашего* пролетарского города мы, конечно, не в состоянии. Совершенно логично, что возможность бороться *уже теперь* за некапиталистический путь развития деревни, оказывается мыльным пузырем. Вся оценка оппозиции, как видим, далеко не случайна.

Но мало этого. Оппозиция дошла до прямого отрицания ленинской идеи кооперации.

Совершенно ясно, что построить обобществленное сельское хозяйство, оставив в стороне крестьянское хозяйство, дело совершенно безнадежное: никакой переход к социалистическому земледелию без решения проблемы обобществления основной массы крестьянских хозяйств невозможен уже по одному тому, что масса товарных хозяйств является в нашей стране той почвой, из которой стихийно растет и некоторое время еще будет расти капитализм. Совершенно очевидно, что 24 милл. хозяйств не экспроприируешь, «не отменишь»—их надо переделать.

Начальной стадией обобществления большой массы хозяйств, прежде всего, подавляющей части середняцких хозяйств, является обобществление сбыта и снабжения. Это не значит, что нужно

---

[1]) «О наших новых задачах». Доклад в Запорожье 1 сентября 1926 г. Стр. 19, ГИЗ, 1926 г.

сначала обобществить *все* хозяйства страны по этой линии, а потом итти дальше. Но для того, чтобы переходить к обобществлению производства в какой-либо группе хозяйств в каком-либо районе, необходимо в каждом таком пункте предварительно достигнуть известной высоты обобществления в области сбыта и снабжения. Этой стадии миновать невозможно для *основной* массы хозяйств, так как переход к прямому кооперированию производства (колхозы) совершает главным образом часть бедняцких хозяйств.

А вот как ставит вопрос оппозиция:

> «Наша с.-х. кооперация, поскольку она не обобществляет процесса производства,—не ослабляет, а усиливает процесс расслоение деревни» (Контртезисы).

Здесь опять-таки речь не идет о том, что есть неправильная политическая линия; здесь *констатируется* определенный *об'ективный вывод, итог развития* и опыта кооперативного строительства. Одно дело говорить о том, что есть те или иные, большие или малые искривления в линии, что в кооперации идет классовая борьба,—и совсем другое дело утверждать, что обобществление обращения *усиливает* расслоение. Здесь уже ставится большой принципиальный вопрос. Если обобществление одного процесса обращения усиливает в конечном счете капиталистические элементы в деревне, то как тогда подойти к кооперированию производства; если обобществление обращения является для этого предпосылкой—а дает прямо противоположные результаты. После этого неизбежно опрокидывается целиком вся идея кооперации, как вредная затея.

Завершением этой фактической ликвидации кооперативного плана является предложение сапроновской платформы (15-ти):

> «1) необходимо реально приступить к организации крупных государственных хозяйств... *Без разрешения (этой задачи) успех социалистической политики в деревне невозможен*».
>
> «2) усилить организацию коллективных хозяйств обязательно с участием государственного капитала и обеспечением за последним достаточного влияния».

Вот тот *основной путь перехода* к социализму в сельском хозяйстве, который остается *единственно возможным*, если считать, что масса крестьянских хозяйств развивается только по капиталистическому руслу, а кооперирование лишь усиливает капиталистические элементы деревни. Переход к социализму мыслится здесь, как насаждение сверху крупных хозяйств и коллективов. Основная бедняцко-середняцкая, особенно середняцкая, масса крестьянства остается в стороне. Сапроновцы считают гвоздем политики именно эти два мероприятия, которые идут у них первыми. Без насаждения государственных хозяйств вообще невозможен «успех социалистической политики в деревне», говорят они. Трудно выразиться яснее. Да и сама кооперация, о значении которой сапроновцы говорят совсем не так категорически, мыслится ими в большей мере, как детище государственного капитала. Во всем этом нет и тени понимания того, что без перестроения основной массы крестьянских хозяйств никакой вообще переход к социализму, а тем более в сельском хозяйстве невозможен.

* * *

Основная ошибка всех построений оппозиции заключается в том, что она не понимает ведущей роли пролетарского города. Потому и получается у нее такое нелепое положение, что все социально-экономические изменения в городе не оказали ровным счетом никакого влияния на развитие деревни. Деревня продолжает итти своим путем, совершенно не испытывая никакого воздействия значительно экономически окрепшего пролетарского города. По существу здесь—навыворот та же самая основная ошибка, что и у народников всех времен.

Вот почему положение о «ведущей» роли промышленности, открытием каковой «Америки» оппозиция очень похваляется, остается пустой фразой в ее концепции. Смешно же, на самом деле, уверять, что социалистическая промышленность есть «ведущее» начало в нашем народном хозяйстве и в то же время утверждать, что деревня идет попрежнему только капиталистическим путем, вопреки тому, что промышленность перевалила за довоенный уровень и вступила в процесс технического роста. Кого же она ведет—эта промышленность?! Одно из двух: либо социалистическая промышленность есть «ведущее» начало,—тогда должно уже теперь чувствоваться какое-то ее влияние на деревню; либо в деревне только рост капитализма,—тогда положение о «ведущей» роли промышленности остается лишь фразой, чуждой действительности.

Но этим самым оппозиция приходит в противоречие с одним из основных положений марксизма, подтвержденным всей новейшей историей, что крупное, технически более передовое производство определяет развитие всех остальных, более отсталых частей хозяйственной системы.

Отрицание оппозицией возможности некапиталистического развития советской деревни есть признание в иной форме невозможности преодоления своими силами нашей технической отсталости.

Отрицание влияния советского города на деревню связано с отрицанием (Смилга), или в лучшем случае с замазыванием принципиально иного социально-экономического содержания всей системы командных высот в нашей стране. Мы получаем здесь далеко не случайную увязку с отрицанием социалистического типа нашей промышленности и с зачислением всех командных высот в госкапитализм, что оппозиция выдвигала перед и во время XIV с'езда. Отказавшись от ряда этих положений на словах, она не отказалась от них по существу. Только такой вывод можно сделать из всей ее концепции. Действительно, город, в котором господствует система госкапитализма, конечно, не может направлять деревню по некапиталистическому пути.

Оппозиция приходит к отрицанию основных ленинских положений касательно нашей переходной экономики и ряда основных положений марксизма.

Нечего поэтому свой отход от марксизма и ленинизма прикрывать криками о народнической линии партии. Этому никто не поверит.

Н. Сперанский.

Оппозиция, социал-демократия, партийный режим.

(К итогам XV с'езда партии).

Обостерние нападок на партийный режим со стороны оппозиционных течений стало неизбежным спутником всех переломных моментов в истории нашей партии. При этом ожесточенность нападок обычно оказывалась в соответствии с размерами переживаемых партией трудностей и сложностью обстановки.

Оно и неудивительно. В организационном укладе партии, составляющем квинт-эссенцию того, что называется «партийным режимом», оппозиционные течения, отражающие настроения непролетарских элементов партии и давление ее мелкобуржуазного окружения, всегда встречали непреодолимую преграду для распространения своего влияния. Для существования *таких* течений в партии *большевистский* партийный режим является поистине *опасностью всех опасностей*. И вполне естественно, что центральным пунктом нападок, исходящих от указанных течений, оказываются именно те стороны партийного уклада, которые ограничивают свободу проявления и распространения непролетарских влияний, и что основное содержание «внутрипартийной» программе оппозиционеров дается требованиями *«свободы»*: свободы критики и свободы группировок.

Нет спору, в *проведении* партийного режима в тех или других организациях встречается немало такого, на что надо нападать и с чем следует бороться. Это—все то, что искривляет партийный режим, отклоняет его от линии, намеченной нашими партс'ездами. Но как раз не по этим сторонам партийной жизни обычно била оппозиция. В тех же случаях, когда она била и по ним, она била чаще всего таким образом, что ее удары представляли лишь диверсию, прикрывавшую нападение на совершенно другие участки или отвлекавшую внимание партии в ложную сторону.

Не чем иным, как подобной диверсией являлись, например, усиленные нападки оппозиции на бюрократизм в партии. Еще XIII партконференция вскрыла подоплеку таких нападок, указав, что своими выступлениями оппозиция только пыталась «перенести центр тяжести борьбы против бюрократизма в госаппарате на «бюрократизм» в аппарате партии». «Такая огульная критика и попытка прямого дискредитирования партийного аппарата,—подчеркивала конференция,—об'ективно не могут привести ни к чему другому, как к эмансипации государственного аппарата от влияния на него со стороны партии, к отрыву государственных

органов от партии». Тот же взгляд был высказан и XV Всес. партконференцией: «Конференция считает, что такая политика оппозиционного блока, не имея ничего общего с ленинизмом, способна привести лишь к разоружению партии в ее борьбе против бюрократизма государственного аппарата, за действительную переделку этого аппарата и тем самым за укрепление диктатуры пролетариата».

Особенно отчетливо отмеченный «диверсионный» характер нападок оппозиции на партийный бюрократизм выявлялся в таком важнейшем, с точки зрения оппозиции, вопросе, как «свобода критики» в партии.

В прошлом году ЦКК произвела обследование осуществления на местах внутрипартийной демократии. В частности, был подвергнут изучению и вопрос о допущении в партии критики.

Оказалось, прежде всего,—как и следовало ожидать,—что все вопли о «зажиме» и затыкании рта, как о чем-то присущем нашему партийному режиму,—вздор. Из 99 обследованных партийных комитетов разных категорий (губкомов, ОК, райкомов, укомов, волкомов) *единичные случаи* репрессий за критику или недопущения критики были установлены только для 7, а из 205 парт'ячеек—для 23 [1]).

Наоборот, для гораздо большего количества организаций констатировались усилия всячески втягивать партмассы в критику работы своих выборных парторганов.

Что в приведенных сообщениях не было «прикрашивания» действительности, можно легко убедиться из просмотра протоколов партконференций и ячейковых собраний, характернейшей особенностью которых обычно является преобладание выступлений именно критического содержания над всякими другими (это, вероятно, об'ясняется большей легкостью критических замечаний и указывания недочетов сравнительно с обоснованием конкретных предложений). Выводу Минской ОКК, что большинство выступлений по докладам бюро ячеек «носит характер замечения разных недостатков, о положительной работе выступает меньше», как видно из материалов ЦКК, можно придать общий характер. Рассмотрение же случаев недопущения критики и репрессий за нее в обследованных ЦКК ячейках, а также таких случаев, как всякого рода одергивания и попытки, так сказать, «психологического воздействия», устанавливает с полной определенностью, что *на партаппарат подобных случаев падает наименьшая часть*, большинство же их (более $^2/_3$ всех подмеченных случаев) приходится на действия администрации предприятий и учреждений. Выделяется при этом положение в советских ячейках, так как давление госаппарата в них оказывается особенно сильно: неблагополучие с допущением критики было констатировано в рассматриваемом здесь обследовании приблизительно для 20% взятых на выборку (правда, в небольшом количестве) совет. ячеек [2]).

---

[1]) Само собой разумеется, что во всех этих случаях речь шла о критике работы парт. и сов. органов, но не о выступлениях против постановлений партс'ездов и директив ЦК и не о попытках навязывания дискуссии, признававшейся тогда партией нецелесообразной.

[2]) Последнее обследование работы сов'ячеек в области борьбы с бюрократизмом, проведенное ЦКК в текущем году, свидетельствует о значительном улучшении положения в советских ячейках после известной директивы ЦК от 15/XI—26 г. о борьбе сов'ячеек с бюрократизмом.

Интересно также, что для ряда рабочих и советских ячеек контрольные комиссии противопоставляли полную свободу критики, существующую при обсуждении партийных отчетов, и прямое или замаскированное стеснение ее (в тех же самых ячейках) при обсуждении деятельности администрации.

Само собой разумеется, что наличности явлений бюрократизма и в партаппарате партия никогда не отрицала. Если случаи нарушения свободы критики парторганами сравнительно и немногочисленны, это, конечно, не может служить основанием к тому, чтобы признать положение не требующим изменений. Наоборот, с тем большей энергией партия, борющаяся против бюрократических извращений в госаппарате, должна бороться за то, чтобы исключить самую возможность в партработе подобных явлений, свидетельствующих о принижении руководящей роли партии.

Характерно, однако, что в наиболее резкой форме явления партийного бюрократизма давали себя чувствовать как раз в ленинградской организации, в бытность руководителем последней губкома оппозиционного состава. Вся прошлая ленинградская организационная система производит впечатление перенесения в партийную практику методов администрирования, заимствованных от госорганов. Исключительная, близкая к единоличию, роль так наз. «оторгов» (приблизительно соответствовавших секретарям других организаций), широчайшая практика назначенства, управленческий, если можно так выразиться, характер общего построения руководства, превращавший организацию как бы в некий «партийный комиссариат»—были отличительными чертами указанной системы. За один год губкомом было назначено и перемещено по 7 райкомам и 8 укомам 22 ответственных секретаря. Важно добавить, что политическая жизнь почти нацело сосредоточивалась губкомом в активе, которым губком *подменял* широкую партийную массу, вместо того, чтобы использовывать актив как приводной ремень к этой последней. Все важнейшие вопросы обыкновенно не только подрабатывались активом, но и разрешались им с преподнесением массе уже готовых решений.

Легко доказать, что вся, отошедшая теперь в прошлое, система ленинградского оппозиционного губкома, стоявшая, по счастью, в нашей партии особняком, представляла собою по существу *не что иное, как систему организованного недоверия к массовому рабочему от производства*, который в Ленинграде составляет подавляющее большинство членов организации.

Естественно, что самую борьбу против бюрократизма в партаппарате партия понимает совершенно иначе, чем оппозиция, и иначе, чем оппозиция, подходит и к важнейшему, с точки зрения оппозиции, вопросу о «свободе критики». Последний нацело сводился оппозицией к вопросу о наличности «зажима». Между тем, суть дела в том, критикует или не критикует, или—говоря точнее—участвует или не участвует активно в обсуждении широкая партийная масса. А этот вопрос далеко не покрывается и не разрешается вопросом о наличии или отсутствии «зажима».

Установлены, например, факты, отмеченные почти во всех обследованных ЦКК организациях, что среди членов партии иногда наблюдается боязнь выступлений с критикой даже в тех случаях, когда никакие репрессии за нее или попытки ее недопущения со стороны парторганов или сов. должностных лиц не имели места. Такая боязнь обусловливается целым рядом моментов.

Существенную роль здесь играют, например, бестактные выступления активистов, недостаточно внимательное и вдумчивое отношение к высказываниям рядовых товарищей, часто не умеющих удачно формулировать свои мысли. «Глушение за корявые слова» (выражение одного из деревенских коммунистов) со стороны развитых, но бестолковых ораторов и докладчиков, как обстоятельство, отпугивающее рядовую массу от выступлений, было отмечено контрольными комиссиями, хотя и в немногих ячейках, но для всех обследованных ЦКК в прошлом году районов. «Здоровая критика,—жаловался товарищ в одной из обследованных ячеек,—натыкается на политическое (?), подчас злобное и ироническое заключительное слово... Это отбивает охоту говорить, между тем, надо бы и здесь использовать совет тов. Сталина: «не жалеть времени и сил для раз'яснения». «Из беседы с рядовыми членами ячейки,—сообщалось про другую ячейку,—выяснилось, что они выступать бояться, так как не умеют хорошо говорить, и всякое их выступление со стороны актива осмеивается, раскритиковывается».

Партиец-рядовик, остро чувствующий свою малограмотность и политическую неподготовленность, замыкается и уходит в себя подчас при довольно безобидных, казалось бы, замечаниях и репликах, сплошь и рядом даже сделанных без злого умысла. Несомненно при этом, что у некоторой части членов партии сказывается и известная угнетенность психики, связанная с тяжелым материальным положением и окружающей безработицей и заставляющая этих товарищей болезненно заподазривать давление и опасность даже там, где их не имеется.

Наконец, встречающиеся организационные неустройства, как-то: плохая подготовка собраний, чрезмерная их громоздкость, неумелое размежевание вопросов между открытыми и закрытыми партсобраниями; недостаточная жизненность повесток дня ячейковых собраний; перегрузка повесток, ведущая к смазыванию важных вопросов, интересующих рабочих; случаи казенно-оптимистического построения и неудобопонятности важных докладов; неумение подхватывать и преломлять в практической работе ценные предложения и замечания рядовых партийцев; отсутствие надлежащей помощи им в формулировке их пожеланий и многие другие моменты, являющиеся результатом неумелых и плохих методов работы—способствуют тому, что там или здесь, независимо от каких бы то ни было «зажимов», создается в той или иной мере связывание активности или стесненность высказывания, могущая преломляться у части членов партии в представление о недостаточной свободе обсуждения.

Вопрос о методах парт. организационной и воспитательной работы вообще является центральным во всей проблеме развития активности широкой партийной массы. Но именно этот-то вопрос меньше всего и интересовал оппозицию. По крайней мере никакого участия в его обсуждении и в мелкой кропотливой работе ЦК и местных парторганов над улучшением методов партработы оппозиция никогда и нигде не принимала.

Вообще говоря, даже действительное отсутствие «зажима» и «подавления всякого проблеска критики и свободы мыслей» далеко и далеко еще не означает действительной наличности этой критики и свободы мыслей. Даже широчайшие формальные свободы в партии легко могут уживаться с глубокой пассивностью

масс, с отсутствием сколько-нибудь деятельного их участия в партийной жизни. Ибо не в этих формальных «свободах» суть пролетарской демократии.

Чрезвычайно поучительно в рассматриваемом отношении знакомство с партийным режимом социал-демократии, который, как мы знаем, изобилует «свободами».

Незадолго до войны (1911 г.) один итало-германский профессор-социалист, Михельс, выпустил весьма любопытную книгу, где подвергнул этот режим, так же, как и режим профсоюзов, специальному социалистическому изучению [1]). Вот в нескольких словах его выводы, основанные больше всего на изучении германской социал-демократической практики.

По мере развития социалистических партий и профсоюзного движения, по мере расширения их деятельности,—констатирует Михельс,—внутри их все более резко обнаруживается разделение на пассивные, управляемые сверху массы и управляющих вождей. Рука об руку с ростом партии и усложнением ее деятельности идет образование крепких и специализированных кадров партийной и профсоюзной бюрократии, живущей за счет организации, распоряжающейся значительными финансовыми средствами и опирающейся на сильный и сложный административный механизм. Выборность постепенно превращается в фикцию: так, в центральные органы германской социал-демократии неизменно из года в год почти автоматически входят одни и те же лица по заранее отпечатанным спискам, проходящим на с'ездах без всяких изменений. Контроль над деятельностью вождей и аппарата со стороны масс мало-по-малу становится иллюзорным; свобода критики, на бумаге существующая, фактически исчезает: вожди, держащие в своих руках печать, финансы, аппарат из оплачиваемых должностных лиц, умеют изгонять из организаций нежелательный для них дух критики. Византизм и тупое послушание неизбежно возникают в описанных условиях в недрах профсоюзов и социалистических партий, якобы «не желающих признавать ни бога ни хозяев».

С усилением бюрократического механизма намечается перерождение руководящих верхов партии. На смену прежнему идеализму идет рутинерство, узкий консерватизм, боязнь утратить достигнутое положение, робость перед влиятельными лицами и презрение к массам.

Вообще роль бюрократии в развитии социал-демократии является, по мнению Михельса, во многих отношениях роковой. Принятая в этой партии (и профсоюзах) система платных должностей привлекает к участию в управлении партией людей, руководствующихся только желанием улучшить свое личное положение. С другой стороны, сравнительное материальное благополучие и влиятельное положение привязывают к партии и союзу лиц, которые по тем или иным причинам давно изверились в идеалы социализма. Между прочим, по мнению Михельса, этим явлением многое можно об'яснить в психологии ревизионизма, ибо ревизионизм—думает Михельс—есть не что иное, как социализм утративших социалистическую веру.

---

[1]) Robert Michels. «Zur Sociologie des Parteiwesens in der modernen Demokratie. Untersuchungen über die oligarchischen Tendenzen des Gruppenlebens». («К социологич. познанию партийных организаций в современной демократии»). В 1925 г. вышло второе издание.

Тесно соприкасаясь в своей деятельности и быту с буржуазией, отрываясь в то же время от рабочих масс, вожди неизбежно подпадают под влияние буржуазной культуры, все больше сближаясь с буржуазным миром, что в особенности сказывается в рабочем движении Сев. Американских Соединенных Штатов, лидеры которого утратили всякий рабочий образ и подобие и в своей алчности, продажности и взяточничестве ничем не отличаются от буржуазной среды.

Общий убийственный вывод Михельса из всего анализа партийного режима социал-демократии и профсоюзов (в частности, синдикалистского движения) сводится к утверждению, что развитие рабочих организаций подчинено «железному закону олигархии», якобы имманентно присущему пролетарской демократии.

Мы приводим эту любопытную характеристику Михельса, человека, более чем чуждого большевизму, вовсе не потому, что она является для нас авторитетной. Мы отбрасываем в сторону всю его «философию», ничего общего с марксизмом не имеющую. Но факт тот, что Михельс правильно подметил многие явления, которых не может об'яснить.

Только при олигархичности руководства (превосходно сочетающейся с внутрипартийными «свободами»), при *усыплении* активности и бдительности рабочих под флагом этих «свобод» социал-демократия может с должным успехом выполнять свою роль агента буржуазии в рабочем классе, ибо при действительной активности входящих в партию все еще широких пролетарских масс, надлежащее обслуживание последней буржуазных интересов было бы немыслимым.

В наших же условиях *государственной власти* пролетариата борьба за буржуазные интересы должна неизбежно принимать прежде всего форму борьбы за государственный аппарат, первым и вернейшим шагом к подчинению которого враждебным пролетариату влияниям об'ективно является *эмансипация госаппарата от партии*. К тому же неизбежно ведет и отрыв госаппарата от широких трудовых масс, которому могут только способствовать попытки оппозиции дискредитировать идею «оживления советов» и попытки «перенесения центра тяжести борьбы против бюрократизма в госаппарате на «бюрократизм» в аппарате партии».

Насколько для партийного режима социал-демократии характерен рост пассивности рядовой партийной массы, все больший отход (точнее, оттеснение) этой массы от участия в руководстве партией, настолько же для режима коммунистической партии характерен непрерывный рост активности входящей в партию рабочей массы, все более деятельное участие ее в руководстве партией.

Свой «закон олигархии», установленный для «рабочей» партии, превращающейся в левый фланг *буржуазии*, Михельс должен был бы заменить в отношении коммунистической партии, защищающей интересы *пролетариата*, законом роста активности рядового партийца.

В отличие от социал-демократии, предоставляющей (и то, впрочем, часто на бумаге) членам партии *право* свободно высказываться и участвовать в управлении, и от оппозиции, все сводящей к вопросу об этом праве (представляющем все необходимое и до-

статочное для фракционной работы), органы компартии *вовлекают* массы в обсуждение важнейших партийных вопросов, *втягивают* их в руководство работой партии, *помогают* развитию активности рядовых партийцев [1]). Ибо они знают, что центр тяжести рабочей демократии не в том, чтобы предоставить партийцу-рабочему право участвовать в обсуждении и руководстве, но в том, чтобы содействовать этому его участию, чтобы действительно поставить его в такие условия, в которых он это свое участие мог бы с наибольшей для себя легкостью, удобством и продуктивностью осуществить. Отсюда—упорная, хотя нисколько и не интересующая оппозицию, работа партийных организаций над такими будничными задачами, как улучшение методов отчетности перед массами, упорядочение информации, улучшение ячейковых повесток дня, подготовка ячейковых собраний, распределение внутри ячейки партобязанностей, работа над программами и методами преподавания и т. д. и т. д.

Эта работа партии над поднятием активности и сознательности партийной массы, над втягиванием ее в дело руководства работой связана с большими трудностями и дает не столь быстрые результаты. Не так уж редко эта работа нарушается и грубыми искривлениями партийной линии в отдельных организациях. Но все же партия здесь может отметить немаловажные достижения.

К числу таких достижений относится, например, демократизация наших парторганов в самой их структуре и составе.

---

[1]) «Мы демократию понимаем как поднятие активности и сознательности партийной массы, как систематическое втягивание партийной массы в дело не только обсуждения вопросов, но в дело руководства работой». (Из речи Сталина на XIII партконференции). Это же определение было повторено Сталиным и на XV с'езде.

Прямо-таки невероятна беззастенчивость, с какой оппозиция, обрушиваясь на определения внутрипартийной демократии, дававшиеся разными товарищами, утверждала в своей «платформе», что она якобы придерживается определения XIII с'езда: «Рабочая демократия означает свободу открытого обсуждения всеми членами партии важнейших вопросов партийной жизни и свободу дискуссий по ним, а также выборность руководящих должностных лиц и коллегий снизу доверху». При этом из определения была *выброшена* непосредственно следующая за приведенными строками фраза: «*Однако, она вовсе не предполагает свободы фракционных группировок, которые для правящей партии крайне опасны, ибо всегда грозят раздвоением или расщеплением правительства и государственного аппарата в целом*». Сама приведенная в платформе фраза не является исчерпывающим определением, но имеет характер вводной для целого ряда положений, говорящих об отношении партии к фракциям и группировкам.

Исчерпывающее определение внутрипартийной демократии дано X с'ездом: «Под рабочей внутрипартийной демократией разумеется такая организационная форма при проведении партийной коммунистической политики, которая обеспечивает всем членам партии, вплоть до наиболее отсталых, активное участие в жизни партии, в обсуждении всех вопросов, выдвигаемых перед ней, в решении этих вопросов, а равно и активное участие в партийном строительстве. Форма рабочей демократии исключает всякое назначенство, как систему, а находит свое выражение в широкой выборности всех учреждений снизу доверху, в их подотчетности, подконтрольности и т. п.». Характерно, что это исчерпывающее определение замалчивалось оппозицией в платформе, несмотря на то, что к нему отсылает цитируемая ею резолюция XIII с'езда. Вряд ли можно сомневаться в том, что причина этого замалчивания кроется в отсутствии в определении X с'езда термина «дискуссия» и в упоминании об активном участии всех членов партии в жизни партии и в партстроительстве, участии, которое, очевидно, с точки зрения оппозиции не следует особенно выпячивать, но которое особенно подчеркивает, например, Сталин.

Об'единяя внутри пленумов парткомитетов представителей низовых организаций, различных отраслей работы и рядовых партийцев непосредственно от производства, партийные организации превратили в последнее время пленумы парткомитетов в своего рода местные партийные конференции, как бы осуществив таким образом в местном масштабе идею, высказанную в последние годы его жизни Владимиром Ильичом в отношении ЦК нашей партии[1]). В связи с этим численность пленумов парткомитетов в период между XIII и XIV с'ездами возросла на 53—60% в среднем, дойдя в губкомах и окружкомах до 45 прибл. человек. Количество всех членов парткомов различных категорий выражается в настоящее время десятками тысяч человек.

Одновременно развитие состава парторганов непрерывно шло по линии все более глубокого зачерпывания низового актива партии и рядовых партийцев от станка и сохи.

Увеличение числа членов комитетов различных категорий от XIII к XIV с'езду (данные к XIII с'езду приняты за 100).

Категории членов комитетов.	ГК ОК	Кр. КК	Окр. КК	УК РК		
	к XIII с.	к XIV с.	к XIII с.	к XIV с.	к XIII с.	к XIV с.
Низовых партработников	100	330	100	288	100	221
Рабочих от станка	100	164	100	219	100	202
Крестьян от сохи	100	513	100	1275	100	733
Членов партии со стажем позднее 1919 г.	100	283	100	284	100	273

Изменения относит. числа в % ко всему числу членов парткомитетов.

Категории членов комитетов.	ГК КК	Кр. КК	Окр. КК	УК РК		
	к XIII с.	к XIV с.	к XIII с.	к XIV с.	к XIII с.	к XIV с.
Низовых партработников	5,1	11,8	17,3	28,1	19,1	26,6
Рабочих от станка	9,5	10,0	9,2	10,8	12,6	15,9
Крестьян от сохи	0,7	2,4	0,7	4,7	0,5	2,2
Членов партии со стажем позднее 1919 г.	13,3	24,2	25,7	39,2	23,6	40,7

[1]) «Пленум ЦК нашей партии уже обнаружил свое стремление развиться в своего рода высшую партийную конференцию... Я думаю, что нам следует докончить тот путь, на который мы встали, и окончательно превратить пленумы ЦК в высшие партийные конференции, собираемые раз в два месяца при участии ЦКК». (Собр. соч., т. XVIII, ч. 2 «Как нам реорганизовать Рабкрин»).

Относительная численность различных групп членов парткомитетов в % ко всему числу членов парткомитетов по данным, относящимся к партконференциям конца 1926 и начала 1927 г. [1]).

Категории членов комитетов.	Губ. К Об. К	Окр. К	УК	Гор. РК
Работников волкомов, сельрайкомов, ячеек	13,8	25,4	28,6	20,6
Рабочих от станка	13,2	13,9	9,8	25,3
Крестьян от сохи	1,4	2,9	4,0	—
Членов партии со стажем с 1921 г. и позднее	18,2	24,2	35,9	40,3

Рабочие по соц. положению по данным, относящимся к 442 организациям, составляли в начале 1927 г. в губкомах и Об. К.—57%, ОК—62%, укомах—46,0% и горрайкомах—74%.

Наконец, состав парторганов из года в год подвергается *систематическому обновлению*, выражавшемуся в 1925 г. по выборочному обследованию ЦКК приблизительно в 60%, с XIII по XIV с'езд по данным стат. отд. ЦК в 57—67% и в начале настоящего года 52—60% для парткомитетов различных категорий. Аналогичное же обновление характерно и для бюро ячеек.

Широкому обновлению подвергалась и рабочая тройка парткомитетов всех категорий (секретари, заворги, зав. АПО), в которых к XIV с'езду число лиц со стажем на данной работе менее одного года превышало 50%, хотя с осени 1926 г. здесь обнаружился некоторый (вполне целесообразный) сдвиг в сторону большей устойчивости.

На ряду с расширением состава комитетов самая руководящая работа партийных комитетов ведется со все большим непосредственным вовлечением в нее членов партии. По имеющимся для 12 губорганизаций выборочным данным отношение расширенных пленумов к закрытым составляло в 1924 г. 33%, в 1925 г.—72%, в 1926 г.—96%, при присутствии в среднем на каждом расширенном пленуме в 1924 г.—124 чел., в 1925 г.—109 и в 1926 г.—420 ч. Кое где этот процесс развития публичности в работе парткомов даже вышел за пределы целесообразности, подойдя к той грани, за которой начинается обезличение партийных комитетов, растворение их в массе.

Улучшение выборности нашло свое отражение в упорядочившейся организации выборов парторганов и постепенном ограничении практики рекомендации руководящих работников. По выборочному обследованию ЦКК основной формой намечания будущего состава губкомов сделалась подготовка его сеньорен-конвентами вместо широко распространенной ранее рекомендации спис-

[1]) Данные первых двух таблиц охватывают 41 ГК, 26 ОК, 84 УК и 41 ГорРК; данные последней таблицы—43 ГК и ОК, 59 ОК, 244 УК и 96 ГорРК. Более поздние данные имеются лишь для небольшого числа парткомов и в общем совпадают с приведенными выше.

ков старым составом. (Кстати сказать, отмеченный порядок рекомендации списка старым составом применялся Ленинградским Губкомом оппозиционного состава). Во многих организациях (в Сев.-Зап. области, на Урале и др.) подготовка нового состава парткомов в последнее время сосредоточивается на ячейковых собраниях, принимая иногда даже крайние формы, приближающейся к референдуму, что вряд ли уже можно признать целесообразным. В отношении выдвижения местных партработников на руководящую работу особенно выделяется Москва, где присылка в ячейки секретарей со стороны почти совершенно выведена из практики и даже в случае ходатайства самих ячеек производится только после тщательной проверки действительной в том необходимости [1]).

Большая работа проделана партией над выращиванием и воспитанием актива (т.-е. элементов, организующих активность масс), наличность кадров которого является одной из важнейших предпосылок осуществления внутрипартийной демократии не на словах, а на деле. Приток новых рабочих в партию в ленинские призывы влил в нее немалое количество товарищей, которые очень быстро, так сказать, «самотеком» стали составной частью партийного актива, имея уже опыт предшествующей общественной работы. В то же время работа сети партпросвещения на ряду с другими партийными и государственными мероприятиями культурного порядка систематически подготовляла новые кадры актива. Насколько велик был темп развития общей сети партпросвещения за последние три года, можно судить по увеличению числа школьных единиц с пяти приблизительно тысяч в 1923—24 г. до 17.680 в 1926—27 г. Далее партийная практика последнего времени создала множество разнообразных форм проявления партийной общественности, давших возможность втянуть в партийную работу крупные массы партийцев: цех'ячейки, парторги, сменорги, кучковые организаторы, женорги, члены разнообразных комиссий—все эти орг. формы и категории низовых работников одновременно являются и формами воспитания актива. По данным, сообщенным на с'езде т. Коссиором, к концу 1925 года по восьми рабочим центрам (Москва, Ленинград, Артемовск, Сталино, Иваново-Вознесенск, Владимир, Тверь, Тула) насчитывалось 4.900 групповых и цеховых организаторов, а теперь их имеется 15.000. В отношении деревни, где выращивание актива представляло исключительные трудности, партией была широко применена посылка работников из городов. Кроме того, за последние годы значительно упорядочена работа совпартшкол, которые в крестьянских губерниях получили спец. деревенскую установку, и превратились в школы подготовки низового деревенского актива, сумев выпустить не мало работников, сделавшихся избачами, пропагандистами, ворганизаторами, секретарями ячеек и проч. Среднее годовое число всех функционировавших совпартшкол за 3 последние года выразилось в 140 единицах при 15.000 прибли-

[1]) Вряд ли нужно здесь напоминать, что партия никогда не была фетишистом выборности; решение вопроса в каждом случае зависит от того, что является целесообразным с точки зрения поднятия активности масс данной низовой организации—выборы, назначение или рекомендация. Быстрое уменьшение практики рекомендаций в последние годы является больше всего результатом огромного роста общего уровня партмассы и образования, в связи с этим, значительных кадров актива (см. ниже).

зительно курсантов ежегодно. Уже выдвинувшиеся кадры актива проходят в значительной своей части кружки повышенного типа и переподготовку. Наконец, нужно упомянуть о курсах высшей квалификации партработников при ЦК—курсах уездных партработников, курсах марксизма при Ком. Академии и особенно о наших комвузах.

Улучшение год от году отчетности партийных комитетов и крупные шаги в развитии информации, важнейшими из которых явились регулярная рассылка на места стенограмм бюро и пленумов ЦК, признанная XIII с'ездом лучшей формой информации со стороны ЦК, и введение в практику информационных писем со стороны большинства местных партийных комитетов,—принадлежали также к числу существенных черт развития нашего партийного режима за последние годы.

Значительно улучшилась подготовка к партконференциям. По позднейшим данным (см. отч. ЦК к XV с'езду), в перевыборную кампанию 1926—27 г. тезисы и доклады комитетов к конференциям рассылались, как правило, заблаговременно: за месяц—полтора до конференции, при чем в органах печати большинства организаций по вопросам конференции за 2—3 недели до последней, как правило, начинают появляться десятки руководящих статей.

В низовой работе достигнуто широкое распространение плановости в работе ячеек: из обследованных на выборку ЦКК по разным губерниям 200 ячеек всех категорий, не имеющими планов оказалось, худо ли хорошо ли, только 9%; выполнена директива XIII с'езда об усилении связи ячеек с беспартийными массами через широкую практику открытых собраний: по данным ЦКК, редкий созыв открытых собраний констатирован только для 30% обследованных ячеек (в огромном большинстве ячеек открытые собрания созываются чаще закрытых); далее нужно отметить обрастание крупных ячеек густыми разветвлениями пролетарской общественности; широкое развитие комиссионной работы; повсеместное распространение такой важнейшей организационной формы, как цех'ячейки; значительное поднятие методики проведения кампаний перевыборов бюро ячеек (концентрация повесток дня, улучшение построения отчетов, комиссии самопроверки) и др. др.

Насколько выросла оживленность партийных собраний и поднялся интерес членов партии к партийной жизни, можно судить в особенности именно по перевыборным собраниям в ячейках: отмечены факты, когда такие собрания затягивались на несколько дней. На партконференциях редко удается удовлетворить всех записавшихся ораторов, ибо записываются подчас чуть ли не поголовно все участники. Число же высказывающихся по одним только отчетам парткомов, по данным обследования ЦКК, на окр. и губконференциях выражалось в среднем в 25 и в 27 чел., а на уездных и районных в 19—24 чел.

Проделана большая работа над повышением культурно-политического уровня рядовых партийцев. Сеть партпросвещения развернула перед широкими массами членов партии все важнейшие вопросы текущей политики партии, явившись таким образом одновременно как бы сетью ячейковых комиссий, прорабатывавших крупнейшие актуальные вопросы.

Наконец, широко вовлекаются партмассы в борьбу с болезненными явлениями в партии. Разложившиеся элементы, лица, примазавшиеся к партии, как к правящей, в расчете поживиться и

устроить свое благополучие, систематически (хотя, быть может, и недостаточно еще полно) вычищаются контрольными комиссиями, которые ведут разбор дел с привлечением парт. заседателей. В частности, в работе партколлегии ЦКК в настоящее время принимают участие 27 заседателей от крупнейших производственных предприятий Москвы (текстильщики, типографщики, металлисты, портные и т. д.). Усилен контроль КК над проведением внутрипартийной демократии. На протяжении последних трех лет ЦКК дважды проверяла, путем выборочных обследований через местные контр. комиссии, проведение на местах постановлений партс'ездов о внутрипартийной демократии, при чем результаты обследований подробно обсуждались на ячейках, в парт. комитетах и в контр. комиссиях.

Рука об руку с ростом элементов рабочей демократии шло укрепление в партии элементов централизма и большевистской партийной дисциплины. Правильность политики руководящих центров партии, проверявшаяся и доказывавшаяся опытом жизни, была одной из важнейших предпосылок этого укрепления. Отчетливое осознание массами политики ЦК, как своей собственной политики, нашло свое выражение в возрастании их сопротивляемости всяким попыткам искажения ленинской линии, в быстром уменьшении числа сторонников оппозиции и беспощадном отпоре лидерам оппозиции со стороны широких партийных масс.

Далеко не везде, конечно, успехи партии в развитии внутрипартийной демократии были одинаковыми. В одних организациях это развитие шло медленнее, в отдельных случаях нарушаясь старыми навыками командования и приказа, различными бюрократическими извращениями; в других, наоборот, принимало отчасти форму своего рода вредящих делу крайностей демократизма (в роде чрезмерно радикального и частого обновления состава парткомов, растворения пленумов парткомов в собраниях актива и проч.). Но общая линия развития партии в целом была линией здорового непрерывного роста элементов рабочей демократии, роста активности участия в строительстве партии широких партийных масс.

Этот рост последних лет опирался на бурный хозяйственный под'ем страны, в процессе которого в основном завершилось собирание кадров старого пролетариата на фабриках и заводах, отразившееся в партийной области огромным увеличением в партии численности ее рабочего сектора (лен. призывы).

Тот же массовый наплыв в партию рабочих элементов, давший мощный толчок и основу дальнейшему развертыванию внутрипартийной демократии, до известной степени определил собою и общие недочеты в характере партийного строительства последних лет. Но эти недочеты в большей своей части лежали не там, где их видела оппозиция. Огромное скачкообразное расширение партийных рядов за счет сырых, малообразованных кадров пролетариата, на ряду с необходимостью быстрого и всестороннего охвата партийным руководством и влиянием возраставшей не по дням, а по часам, политической и общественной активности широких беспартийных трудящихся масс, обусловили сравнительно *экстенсивный* характер партийной работы истекшего трехлетия. Улучшение методов партийной работы, приспособление их к задачам воспитания рядового партийца, шло медленнее развития ее форм.

Плуг партработы, охватывая большие площади, забирал недостаточно глубоко. В связи с этим, при общем росте активности партийных масс, эта активность распределяется в партийной толще до сих пор все еще очень неравномерно, и в партии остаются даже некоторые группы членов, почти совершенно не втянутые в партийную жизнь. Именно отмеченными экстенсивным характером партработы в общем и целом об'ясняются такие явления, как недостаточное вовлечение в состав парткомитетов рабочих от станка, неудовлетворительная иногда подготовка партконференций, непродуктивность в ряде случаев участия рядовиков в обсуждении партийных отчетов и информационных писем, безрезультатность прохождения частью членов партии партшкол и т. п.

Новая полоса, в которую мы вступили, и переход в которую ознаменовался жесточайшей борьбой с оппозицией, является полосой значительно более медленного, но и более глубокого продвижения по линии не столько восстановления, сколько дальнейшего роста наших производственных сил. Расширение кадров пролетариата идет теперь главным образом за счет деревенских элементов, нуждающихся в длительном воздействии производственных условий, прежде чем превратиться в пролетариат чистой воды. Таким образом, в настоящее время не может быть речи о вовлечении в партию рабочих в прежних лавинообразных размерах (массовый набор, который происходит теперь в связи с десятилетием октября—это вовлечение в партию прежде всего низового рабочего актива). В то же время задачи партии, как руководителя строительства, в огромной степени усложняются. Реконструкция хозяйства на основе новой, более высокой техники, связана с исключительными трудностями, которые создают настроения малодушия и пессимизма среди неустойчивой части членов самой партии.

В этой обстановке в деятельности партии на первый план, естественно, выдвигается задача *интенсификации* партийной работы, т.-е. углубления ее методов в целях рациональной и целесообразной организации активности *всех* групп и категорий членов партии и *в первую голову ее рабочего ядра*, вплоть до самых отсталых его частей. «Каждый сельский или городской коммунист должен показать себя *способным* руководить делом социалистического строительства, брать *делом*, а не криком, завоевывать политический авторитет в массе, проводя при этом *единую* правильную партийную линию в своей повседневной работе» (из передовицы в № 7—8 «Большевика» за 1926 г.). Только при таких условиях может итти речь о надлежащем дальнейшем укреплении и углублении партийного руководства массами рабочих и крестьян в сложной современной обстановке. Реальные же предпосылки для такой интенсификации имеются налицо.

За истекший со времени первого лен. призыва период, являвшийся, так сказать, периодом сравнительно экстенсивного (хотя непрерывно и развивавшегося вглубь) партийного хозяйства партия сумела накопить значительный капитал в виде улучшения своего социального состава, общего повышения культурно-политического уровня партийцев и создания значительных кадров актива. Наличие подобного капитала позволяет практически ставить вопрос о таком углублении партийной работы, при котором вспаханы были бы самые сырые пласты партийной массы, и

такие явления, как сохранение в партии сколько-нибудь значительных групп, не живущих партийной жизнью, сделались бы невозможными. Именно в этом направлении все время и развертывается работа ЦК и местных партийных организаций. В этом направлении дал свои директивы и XV с'езд партии. Эта работа целиком покоится на уверенности в творческой силе широких рядовых рабочих масс, уверенности, всегда определявшей собою существеннейшие черты партийного режима коммунистической партии, строящей социализм.

П. Шубин.

Трестификация Европы и американские планы.

I.

Стремительное развитие трестификации в Европе, особенно континентальной, поддержка и участие в этом процессе со стороны буржуазного государства, известная устойчивость, обнаруженная европейскими международными об'единениями, в первую очередь стальным картелем, вызывают напряженное внимание монополистов и биржевых королей Соединенных Штатов Америки. В специально банковской и в общей печати в последнее время поднимаются все чаще предостерегающие голоса о тех роковых последствиях, которые могло бы иметь наступление об'единенной, рационализированной и в то же время голодной и жаждущей европейской промышленности на американского соперника. Среди представителей промышленного и банковского капитала находятся такие пессимисты, которые боятся, или делают вид, что боятся, прорыва европейской стальной и химической индустрии на рынок С. Штатов Америки и разрушительных последствий этого прорыва для американского благоденствия. Меры, рекомендуемые для предотвращения надвигающейся опасности весьма разнообразны, начиная с требования предоставления со стороны правительства добавочных вольностей, льгот и привилегий американским трестам и кончая довольно прозрачными намеками на желательность покрепче нажать на европейские страны. Но если, как мы увидим ниже, рецепты, предлагаемые представителями различных заинтересованных групп, расходятся между собой, то в констатировании факта предстоящей американо-европейской промышленной борьбы ими проявляется известное единодушие.

Проблема европейской конкуренции представляет тем больше трудностей для американского капитала, что, чем дальше, тем он все больше становится заинтересованным в благосостоянии все той же Европы. Под жилетом американского буржуа должны не только мирно уживаться, но и любовно слиться душа соперника Европы с душой ее кредитора. Как установить здесь гармонию? Как добиться того, чтобы европейское хозяйство сохранило способность впитывать в себя американские капиталы, а главное, платить аккуратно и честно по старым и новым долгам, и в то же время не обнаруживало совершенно законного стремления «потеснить» Соедин. Штаты с мирового рынка? Какие меры следует предпринять, чтобы у европейской коровы не выросли

слишком большие рога и чтобы она в то же время давала хороший удой? На языке американских экономистов эта задача носит название проблемы сочетания роли С. Штатов, как рационализированной мастерской мира, с ее положением, как обладательницы полумирового запаса золота.

На этот проклятый вопрос можно встретить в американской прессе разнообразнейшие ответы с амплитудой размаха от 0 до 180 град. Одни,—разумеется, те, которые больше заинтересованы в благополучном поступление процентов по долгам и в дальнейшем заграничном инвестировании капитала,—советуют американской промышленности урезать свои аппетиты и порывы по части завоевания мирового рынка с тем, чтобы вознаградить себя развитием новых возможностей на внутреннем американском рынке. Они выступают под «пацифистской» формулой: живи и дай жить другим. Другие противопоставляют ей более откровенную формулу ненасытного империализма: убить, чтобы жить. Они проповедуют необходимость сохранения полного превосходства во всех углах земного шара цветущего хозяйства С. Штатов над дряхлеющим, поддерживаемым американским кислородом хозяйством Европы. К качестве последнего и решающего аргумента они выдвигают соображение, что только такое превосходство обеспечит С. Штатам непобедимость в предстоящей неизбежной войне.

О перспективах войны (особенно отчетливо—с Англией) все чаще говорится в американской печати в связи с вопросом об обеспечении морских путей, а в последнее время—и это является *новым* моментом,—в связи с возможным наступлением трестированной европейской индустрии на американский капитал.

II.

В течение этого года ряд экономистов был командирован научными институтами Америки в Европу для «обстоятельного изучения экономической обстановки». Эти командировки официально были мотивированы интересом к международной экономической конференции в Женеве. В действительности же они были вызваны потребностью финансовых королей, содержащих эти научные институты, прощупать и выстукать Европу, чтобы определить, каких неприятностей и осложнений следует ожидать от нее к началу вспышки мирового экономического кризиса. О том же, что кризис в С. Штатах удастся в лучшем случае отсрочить до окончания президентских выборов и что при первых признаках его Европа подгадит—и очень основательно, не принято говорить в хороших американских публичных домах буржуазной печати, но это молчаливо само собой разумеется.

Печатающиеся сейчас отзывы американских гостей, пожаловавших в Европу, показывают, что они не намного отличаются от Алеши Поповича: те же глаза завидущие, те же руки загребущие. Глаза завидущие загорались у вашингтонских разведчиков при наблюдении стремительного процесса трестификации европейского хозяйства. Но одновременно с этим руки загребущие наталкивались на роковую импотенцию европейских должников, на их неспособность уплачивать по своим растущим обязательствам нью-йоркским банкам, кроме как за счет того же американского дядюшки; т.-е. либо получением новых займов, либо экспортом продуктов европейской промышленности на американские рынки, что означает потеснение для американских трестов.

Для характеристики выводов американских исследователей приведем два отзыва: экономиста Ивенса Клерка и проф. Э. М. Паттерсона, командированного американской академией политических и общественных наук «для изучения условий, сложившихся в Европе после 9 лет мира».

Ивенс Клерк изложил результаты своих наблюдений в нью-йоркском «Таймсе» [1]) в статье под заголовком:

> «Европа сейчас усыновляет тресты. Крупные об'единения господствуют на экономической арене в Германии и Франции; Англия следует за ними. Правительства скорее поддерживают, чем препятствуют крупным об'единениям».

Америка,—говорит Ивенс,—не может уже больше претендовать на то, чтобы быть страной трестов. В Германии и Франции тресты начинают господствовать в промышленности и контролировать национальную промышленность в большей степени, чем в С. Штатах Америки. Даже Великобритания, где индивидуализм сидит цепко как в промышленности, так и в политике, в течение последних немногих лет произошли крупные изменения. В настоящее время тресты уже вышли за пределы государственных границ и об'единяются с трестами других стран в межгосударственные комбинаты.

Клерка, как любителя монополии, приводит в особый восторг европейский стальной картель. Еще одно поколение назад,—пишет он,—собрание европейских стальных фабрикантов представляло бы собой дезорганизованную толпу мелких предпринимателей, руководимых противоречивыми интересами. В настоящее же время горстка людей, собравшись, может решить судьбу далеко разбросанных предприятий Германии, Франции и Бельгии.

Автор обстоятельно описывает главные тресты Германии, Франции, Англии. Новое весьма ценное и желанное с его точки зрения заключается в той поддержке, которую государственная власть оказывает трестам.

> «В Европе государство либо воздерживается от вмешательства, либо активно, как в Германии, оказывает поддержку трестам. Законы, подобные закону Шермана (существующий в С. Штатах антитрестовский закон, на деле не мешающий монопольному самодержавию Моргана, Рокфеллера и Лапонта. *П. Ш.*), неизвестны за границей. Существующие же во Франции и Англии законы, запрещающие ограничение свободы промышленности, не применяются к комбинатам, даже когда в результате их деятельности возникают монополии».

Но в особо восторженное состояние американский исследователь приходит, убедившись в том, что Европа уже шагнула дальше простой свободы трестов, что она уже осуществляет *сращивание трестов с самим государством*.

> «В германии индустрия и государство—не две раздельные друг другу враждебные группы, но партнеры в общем деле. Развились новые отношения, которые не являются ни системой «laissez faire», ни национализацией — их можно было бы назвать участием государства («State participation»).

---

[1]) «New-Jork Times», 9/X—27 г.

Германское правительство наравне с частным капиталом является собственником и руководителем индустрии. Через «Компанию об'единенных промышленных предприятий», хозяином которой является правительство, государство владеет большинством акций в целом ряде крупнейших электрических компаний и является участником во многих других. При помощи того же концерна правительство контролирует производство алюминия и сгущенного азота (вне химического треста), имеет влияние в кораблестроении, в производстве суперфосфата и ведет большие банковские операции».

В высшей степени характерно, что американский экономист, подошедший к вопросу изучения европейского хозяйства с своей точки зрения («о благодетельных возможностях трестов и монополий»), констатирует в качестве нового и характерного для нынешней Европы, в особенности Германии, тот процесс *сращивания* трестов с государственным аппаратом, на который указал в своем докладе на XV партс'езде т. Н. И. Бухарин. Эта новая система отношений приходится так по вкусу Клерку именно потому, что сращивание достигается не путем установления со стороны государства в какой бы то ни было форме контроля над трестами, а наоборот, путем полного и открытого подчинения государственного аппарата горсти монополистов и путем перенесения верховной власти государства на частные тресты.

В каких формах на практике осуществляется стремление хозорганизаций капитала к сращиванию с организацией государственной власти? Приведем по германской печати 2 характерных факта.

Нескрываемое обслуживание трестов государственным аппаратом и открытое урезывание прав государства и органов местного самоуправления совершаются сейчас в Германии в таких размерах, что даже «Форвертс» вынужден был «возмутиться» [1]. Под заголовком «Верховная власть государства опустошается», «Спят ли в Берлине?» «Форвертс» сообщает о двух скандальных случаях, когда правительственный аппарат, начиная с местных чиновников и кончая членами центрального правительства, не в порядке даже тайного соглашения-подкупа,—что было бы совсем не удивительно и не ново,—а в порядке исполнения своих государственных функций отчуждали—или, правильнее, дарили—права государства и муниципалитетов частным фирмам. Первый случай относится к щедрому подарку, который сделали «Рейнско-Вестфальские электрические заводы», принадлежащие государству, частному «Акционерному Обществу для использования угля», уступив ему право на прокладку газовых труб через район Эссена. Характерно, что государственные и общественные интересы в рейнско-вестфальском электрическом обществе вполне «гарантированы» тем большинством голосов, которым располагают государственные и общественные представители в наблюдательном совете этого акционерного общества. Но, с другой стороны, руководит этим обществом доктор Веглер, «общественный деятель», который в то же время является директором-владельцем «Общества для использования угля». Тот факт, что Веглер-общественник, оказался сверх'уступчивым по отношению к Веглеру-капиталисту за счет интересов государственного предприятия,

[1] «Vorwärts» N. от 4/12—27 г.

вполне об'ясняется законами человеческой природы. Но как же это наблюдательный совет не побоялся *открыто* предать частному предприятию вверенные ему государственные интересы? Даже «Форвертс» не имеет возможности свалить вину на одних лишь стрелочников и вынужден признать, что «доктор Веглер чувствует себя настолько прочным и в том и в другом акционерном обществе,—благодаря системе закулисного воздействия на членов наблюдательного совета, благодаря молчаливому покровительству высокой и высшей бюрократии, благодаря умной зависимости бывших и будущих парламентских вождей,—что ему абсолютно нечего бояться».

Другим примером «сращивания» государственного аппарата с той же частной фирмой доктора Веглера является договор, который эта фирма заставила подписать самоуправление двух городов, Дюсбурга и Дюссельдорфа, под угрозой, что, если «договор не будет подписан добровольно, то без всякого замедления будет проведен закон, который не только принудит города к уступчивости, но и в значительной степени ограничит и на будущее время их право на прокладку дорог».

Прихорашиваясь к предстоящей выборной борьбе, орган германской социал-демократии благородно негодует против этого «неписанного, но в высшей степени действительного сотрудничества бюрократии, парламентариев и тяжелой индустрии, направленного против демократического самоуправления государства и общин». Он забывает лишь прибавить, что во главе государственного треста, дочерние и другие родственные организации которого так щедро раздают свои ласки ловким Веглерам, стоит не кто иной, как соц.-демократическое прусское правительство.

Таким образом, у апологета неограниченного трестовского могущества есть все основания позавидовать той трестификации государственной власти, к которой уже начинают подбираться гигантские монопольные об'единения Германии.

III.

Но если Клерк видит только сильные стороны трестифицирующегося европейского хозяйства, то другой, упомянутый выше «исследователь» Паттерсон, подходит к вопросу с иной стороны. Сможет ли Европа уплатить по тем американским займам, за счет которых она производит сейчас стремительную реорганизацию своего хозяйства? В какой форме может быть завершена эта оплата? И не подорвет ли она положение С. Штатов Америки, как «мастерской мира»?

Обстоятельное исследование Паттерсона «Европа в 1927 г.» представляет собой часть ноябрьской книги американской академии политических и общественных наук [1]), посвященной Европе 1927 г. Остальные статьи этого тома развивают отдельные положения Паттерсона. Его выводы, таким образом, имеют печать «научного» авторитета.

Паттерсон принадлежит к той многочисленной категории американских экономистов, которые уверены или, правильнее

[1]) «The Annals of the american Academy», ноябрь 27 г.

говоря, пытаются уверить других, что Европа вообще держится не только милостью, но и неограниченным бескорыстием С. Штатов. Глубокий кризис европейского хозяйства вызван не отсутствием основного и оборотного капитала, поэтому никакая рационализация и трестификация не могут устранить старческого худосочия Европы.

«Главная трудность (европейского хозяйства) заключается не в недостатке капитала, а как раз в обратном. Налицо производственная способность, превышающая нынешний спрос при существующих ценах. Помощь может быть оказана не в расширении предприятий, уже сейчас слишком обширных, а в создании нового мирового спроса, который сделал бы возможным использование существующей производительной способности, или в *уничтожении* (inscrapping) *части существующих предприятий*» [1]).

Под'ем некоторых отраслей промышленности в Европе, хозяйственный успех некоторых стран неспособны смягчить суровый приговор американского профессора. Приводя цифры продукции по отдельным отраслям хозяйства, он показывает, что улучшение в одних отраслях достигается за счет ухудшения положения в других. Развитие шелковой промышленности вызвано депрессией хлопчатобумажной. Италия и Германия улучшили свою хлопчатобумажную промышленность за счет упадка Ланкашира. Успех германского и польского угля в 1926 г. был вызван исключительно «ужасной» забастовкой в Англии. Сейчас возобновление производства угля в Великобритании вызвало обратный процесс в Германии, Польше и в др. местах. Одним словом, все исследование Паттерсона напоминает мрачный, но пророческий сон библейского фараона: европейские худые пожирают тучных американских коров и остаются худыми.

Соответственно этому оценка Паттерсоном потуг Европы в целях оздоровления своего хозяйства сильно отличается от обычной буржуазно-европейской оценки. Так, перечисляя важнейшие факты в этой области в течение 1927 г., он ставит рядом с международной экономической конференцией в Женеве заседание международной Торговой Палаты в Стокгольме и совещание директоров Английского банка—Нормана, германского—Шахта и французского—Риста с директором нью-йоркского федерального резервного банка—Стронгом в Нью-Йорке. Нисколько не считаясь с самолюбием государственных мужей и ученых Европы, Паттерсон заявляет, что из всех этих совещаний практический результат пока-что имело только одно нью-йоркское: федеральный резервный банк в результате этого совещания понизил учетный процент с 4 до $3^1/_2$, чем вызвал сокращение притока золота в Нью-Йорк и прекращение утечки золота из Лондона. Американский банк пошел на эту «жертву», зная, что она будет чревата неприятностями для хозяйства С. Штатов в целом.

«Утечка золота из Лондона прекращается... Но критики, указывают, что это (решение о понижении учетного процента) повлекло за собой два невыгодных последствия: 1) низкий учетный % С. Штатов является поощрением дальнейшей спекуляции, которая уже достигла серьезных размеров; 2) иностранные искатели займов снова бросятся на нью-йоркский рынок, между тем как было бы неразумно поощрять наши и без того слишком значительные кредиты за границей».

[1]) Там же. См. стр. 24.

Американский благодетель не склонен вспомнить, какие человеческие, слишком человеческие соображения руководили американскими банкирами, оказавшими поддержку английскому фунту для того, чтобы Англия могла осуществить полностью свой осенний план заготовки хлопка на американском рынке. И лучшим доказательством выгодности этого мероприятия для американских банков является то, что новый директор Совета Федерального Банка Юнг, бывший представителем той группы банков, которая была против снижения учетного % и провалила поэтому старого директора Крисингера, продолжает сейчас политику временной поддержки английского фунта [1]).

Но если американские подачки способны вызвать лишь местные и временные улучшения в европейском хозяйстве, то какие же есть у С. Штатов реальные основания рассчитывать, что они загребут назад данное взаймы золото? По мнению Паттерсона—никаких. Никакая рационализация хозяйства, никакие мощные трестовские об'единения этого печального факта устранить не могут.

«Германия, как государство, еще не начала платить по иностранным обязательствам: наоборот, она увеличивает свою задолженность новыми займами. Точно так же и весь остальной мир не платит процентов по своей задолженности, наоборот, Америка каждый год предоставляет загранице кредиты на сумму, превышающую сумму этих %%. Только об одной из наиболее значительных европейских стран можно сказать, что она выполняет свои обязательства. Эта единственная страна—Великобритания, но напряженность, при которой ей приходится работать, видна из ее платежного баланса. Большая часть земного шара платит свои долги за счет новых займов. Но если это так, то до каких же пор может тянуться такое положение? Как долго хватит у американского капитала «великодушия», чтобы оплачивать эту идиллию. Если верно утверждение Паттерсона, что С. Штаты все время только дают, а взамен от Европы ничегго не получают и даже не имеют никакого основания надеяться что-либо получить, то не оскудеет ли в ближайшее время и рука и терпение дающего? На этот вопрос мы находим в академическом исследовании не лишенный практического значения, довольно прозрачный ответ: трудно представить, до каких пор может длиться такое положение. Но вероятно, что и ему будет предел. Если бы даже американские вклады за границу будут расти в течение неопределенного числа лет, то все же придет время, когда этот темп ослабеет. Придет время, когда сумма иностранных бумаг, выпускаемых на американский рынок будет меньше, чем в настоящее время и, вероятно, меньше процентов по задолженности Европы нам. Это создаст серьезные трудности для обеих сторон. Для заграничных должников это будет означать начало реальных платежей со всеми возможными последствиями для их

[1]) Подробнее см. «Wirtschaftdienst» от 2 декабря. Стр. 1880 и след.

валюты. *Для Америки это будет означать начало реальных поступлений в форме увеличения импорта, который может деморализовать некоторые отрасли нашей промышленности»* [1]).

Производственный аппарат Европы, из которого американский экономист в начале своего обзора предлагал «вычистить» и «вычеркнуть» излишние предприятия, обнаружил себя под конец его исследования в очень неприятной роли: он обнаружил себя в виде неблагодарного должника, который, разжирев на американских хлебах, начинает расплачиваться таким образом, что он «деморализует» и дезорганизует хозяйство своего благодетеля. Плохо теперь, когда Европа не платит, но как будто не намного станет лучше, когда она накопит достаточно сил, чтобы приступить к платежам продуктами своего производства.

Чем быстрее будет совершаться этот процесс накопления сил в европейском хозяйстве, тем ближе начало деморализации американского хозяйства. Ниже мы увидим, как некоторые наиболее чувствительные верховоды трестов заблаговременно уже начинают кричать «караул». Но даже спокойный академик заканчивает свое исследование о Европе 1927 г. главой, густо подернутой меланхолией. «Приближается ли кризис?»—спрашивает командированный на разведку в Европу профессор. И отвечает:

> «*Никто еще не знает, сумеют ли должники легко платить и кредиторы легко получать*... Но первые главы этого исследования дают основание для серьезных сомнений и самых пессимистических прогнозов. Весьма возможно, что в недалеком будущем наступит кризис, сопровождаемый обширной ликвидацией. Накопилось столько обязательств, что часть из них не может быть покрыта. *Когда это окончательно будет осознано, кризис будет налицо.*

IV.

Как добиться того, чтобы «Европа хотела и могла платить, а С. Штаты Америки могли без ущерба для себя получать»,— вот одна из важнейших проблем экономической и финансовой политики С. Штатов. Мы видели выше два различных подхода к постановке этого вопроса со стороны исследователей европейского хозяйства. Обратимся к тем планам контрманевра против трестификации Европы, которые исходят непосредственно от практиков банковского и промышленного капитала. Мы ограничимся и в данной области приведением двух крайних точек зрения, формулированных в самое последнее время по этому вопросу.

Одну точку зрения можно было бы назвать вегетарианской, если бы она не принадлежала одному из умнейших банковских рвачей, вице-директору Amerikan Exchange-Irving Trust Company, мистеру Чени. Этот представитель банковских интересов поставил в последний месяц открыто вопрос: как должна американская стальная промышленность реагировать на возникновение и укрепление европейского стального картеля? Его ответ с первого взгляда может удивить своей неожиданностью. Чени предлагает *отступить* американской индустрии перед европейским картелем, *сдать ему добровольно* мировой рынок и ограничиться

[1]) Там же, стр. 123.

защитой американского рынка от европейской стали. И, несмотря на его явно «капитулянтский» характер, этот план встретил одобрительный отзыв, по крайней мере, со стороны самой «солидной» и деловой экономической и банковской прессы. «Банковский журнал» [1]) печатает под заголовком «Конкуренция европейской стали на американском рынке» речь Чени на годичном собрании американского Института по стали. «Анналист» [2]) печатает предложение, сделанное Чени Академии политических знаний, прибавляя, что «главное достоинство этой статьи—ее глубина» и что она «ставит вопрос, имеющий первостепенное значение для американской промышленности».

Основная мысль Чени заключается в том, что Америка не может быть одновременно и мировым кредитором и мировой фабрикой. По отношению к стальной промышленности эта проблема в настоящее время приняла наиболее «драматическую» форму. Но в основе своей это положение верно и для ряда других отраслей промышленности и «для всей промышленности вообще».

Автор напоминает, что при первых сообщениях о возникновении континентального стального картеля, руководители стальной промышленности С. Штатов сделали заявление, что они не намерены присоединиться к нему и что вообще у них нет никаких оснований считаться с возможностью конкуренции с его стороны. Он, Чени, тогда же предсказывал, что такое отношение «уже в ближайшем будущем обнаружит излишнюю самоуверенность и самоудовлетворенность». Это предсказание уже оправдалось. Уже «Стальная компания С. Штатов» обращается в Федеральную Коммерческую комиссию с ходатайством снизить железнодорожный тариф на доставку к портам экспортируемой стали, мотивируя это необходимостью укрепить внешнюю торговлю С. Штатов. Чени возражает против этого ходатайства. С. Штаты экспортируют за границу меньше 5% своего железа и стали в то время, когда Германия в последний год экспортировала свыше 40% своей продукции (повысив на 75% свой экспорт с 1925 на 1926 г.) занимая таким образом первое место, которое занимала Франция в 1925 г. и Великобритания в 1924 г. Континентальные производители оправились после войны, и их экспорт за последний год превышает довоенные цифры. Должны ли при таких условиях С. Штаты вступить в «братоубийственную» борьбу с европейской стальной индустрией за обладание мировыми рынками? Чени решительно предостерегает от положительного ответа на этот вопрос.

> «Что составляет в настоящее время наш экспорт железа и стали? Это ничтожная часть нашей продукции, и, если ее возможно было бы увеличить, то лишь в результате жесточайшей борьбы путем понижения цен. Но для европейской стали экспорт является вопросом жизни и смерти. Восстановление и развитие этой индустрии в Европе составляет основной нерв *восстановления международной экономической стабилизации. Продолжающаяся неустойчивость мирового хозяйства является той ценой, которую мы бы сами платили и заставляли бы Европу платить, добиваясь для себя расширения мировоего рынка для стали и др. товаров*».

[1]) «Bankers Magazine», Нью-Йорк. Ноябрь, 1927 г. Стр. 555.
[2]) «The Annalist», Нью-Йорк. Ноябрь 25, 1927 г. Стр. 819.

Чени требует самоограничения и самоурезывания—самоограничения в борьбе с Европой за рынки, для того, чтобы получать от нее проценты по займам. «*Американская индустрия должна понять, что она является нацией-кредитором, и приспособиться к этому господствующему над всем остальным фактом... Она должна понять, что она не может одновременно настаивать на божественном праве быть мировым рынком, сохраняя за собой божественное право на мировое золото*».

Этот призыв к американскому фабриканту подчинить свои интересы американскому держателю иностранных облигаций и акций и во имя этого обнаружить христианский аскетизм в борьбе за мировые рынки встречен до сих пор, хотя и очень горячим сочувствием, но только лишь со стороны «теоретиков». Так, постоянный передовик «Анналиста»—Бенжамен Беккер, пишет [1]:

> «Действительно наступает решительный момент, когда американские фабриканты должны расстаться с мыслью, будто С. Штаты могут бесконечно давать взаймы деньги за границу, которые могут быть возвращены лишь в форме импорта в Америку. Американский держатель иностранных бумаг не будет бесконечно носить на своей спине бремя оплаты экспорта американской индустрии, которая до сих пор отказывается от неблагодарной, но спасительной задачи: *приспособиться к тому состоянию мира, в каком он сейчас находится*».

Но все эти вариации на тему: «лучше—синицу в руках, чем орла в небесах», выходят хорошо только на бумаге. В действительности же призыв к аскетизму либо не исключает, либо даже является маскировкой к подготавливающейся новой, еще более ожесточенной атаке. Выступление Чени является ярким тому доказательством. Характерно, что как раз в эти самые дни, когда он стал «вентилировать» план отказа стальной промышленности от борьбы за внешние рынки, в С. Штатах вырастает *новый гигантский стальной трест, образование которого мотивируется необходимостью более решительной борьбы на мировом рынке против европейского стального картеля*. Речь идет об об'единении в один комбинат всех независимых, т.-е. не принадлежащих к «Стальной Компании С. Штатов», трестов. Ядро нового комбината составят «Республиканская Компания Железа и Стали» и «Трэмбелская Стальная Компания», об'единенный капитал которых доходит до 200 милл. долларов.

> «Новое об'единение,—пишет «Нью-Йорк Геральд» [2],—к образованию которого сделан первый шаг, должно, по мнению кругов Уолл-Стрита, развиться в колоссальную организацию. которая была бы способна конкурировать не только на внутреннем рынке, но и на *наименее доступных частях мирового рынка*».

Эта необходимость усиления атаки на мировые рынки открыто ставится в связь с ростом влияния европейского стального картеля.

> «Тенденция к образованию комбинаций в европейской индустрии, в особенности, к соглашению между Францией и Германией, значительно способствовала решению независимых трестов об'единиться» [1].

[1] «Анналист» № 775, стр. 818.
[2] «N.-Y. Herald». Парижское издание, №№ от 24 и 27/XI 27 г.

Итак, предложение банкиров ответить на трестификацию Европы уклонением от борьбы за мировые рынки категорически отвергается стальной индустрией Американских С. Штатов. Добродетельная формула—живи и давай жить другим,—абсолютно неприемлема для империализма, даже когда она с точки зрения «чистого разума» и «ясного расчета», как будто вполне соответствует в данный момент и в данной обстановке его интересам. Она растворяется без остатка в другой, более высокой и общей формуле: убить, чтобы жить.

Прежде чем перейти к характеристике тех течений в американской прессе, которые без всякого жеманства разворачивают эту формулу борьбы не на живот, а на смерть, формулу экономической, *и не только* экономической войны, посмотрим, как преломляются у буржуазных экономистов *Европы* великодушные планы американских «миролюбцев» о предоставлении европейской индустрии возможности жить и трудиться во имя исполнения долговых обязательств и процентных взносов.

V.

Видный английский экономист Джордж Пэйш выступил в конце ноября в университетском клубе Оксфорда с душераздирающим призывом спасти Европу от надвигающегося на нее *банкротства*. В описательной части доклад Пэйша [2] в общем совпадает с диагнозом, поставленным Европе Паттерсоном и Чени. Существенная разница, однако, заключается в том, что те выступают в роли приглашенных на консилиум специалистов-врачей, Пэйш же, в качестве представителя английского хозяйства, чувствует себя тяжело и даже безнадежно больным. Паттерсон «не плачет и не смеется, а изучает», бесстрастно откладывая момент наступления катастрофы европейского хозяйства на неопределенное время. Пэйш же видит срок и *очень близкий*, когда Америка сознательно и расчетливо закроет кран своих финансовых благодеяний и предоставит Европе пройти через очистительный огонь всеобщего банкротства. Этот критический момент, по его мнению, недалек: он наступит уже *весной 29-го года*. Он, может быть, наступил бы уже и сейчас, если бы:

> *«правительство С. Штатов не стремилось отсрочить кризис до окончания президентских выборов 1928 г.».*

Единственное средство для спасения Европы Пэйш видит в быстром под'еме ее экспорта. Европейская индустрия должна вывозить на мировой рынок на 300 милл. фунтов больше, чем она вывозила до войны,—только тогда она окажется способной покрывать проценты по своим обязательствам и уплачивать за необходимый импорт. (Эта сумма добавочного по сравнению с довоенным временем экспорта исчислена Пэйшем следующим образом: до войны Европа ежегодно получала по своим займам: от России—60 милл. фунт., от Америки—столько же; в настоящее же время Европа должна платить Америке по довоенным

[1] Там же.
[2] «The Manchester Gardian» от 28/XI—27 г.

долгам—50 милл. фунт. и послевоенным обязательствам—120 м.). Это увеличение экспорта до сих пор не достигнуто и не может быть достигнуто: он ниже, чем до войны. Это об'ясняется прежде всего тем, что производственный аппарат после войны значительно вырос, больше всего в Америке, но также в Японии, Индии и даже в Китае. Послевоенное положение представляет собой заколдованный круг. Европейские страны, обнищавшие вследствие трудностей для своего экспорта, пытаются сохранить равновесие своего баланса сокращением закупок. Но эти принимаемые против импорта меры, только обостряют болезнь. Попытка европейских стран облегчить положение предоставлением кредитов предприятиям для развития экспорта, имеет своим результатом задолженность промышленности банкам, задолженность, достигающую опасных размеров. «*Баланс одной крупной стальной компании недавно обнаружил задолженность банкам на сумму в 3 милл. фунтов стерл.*; *тяжелая задолженность ланкаширской хлопчатобумажной промышленности банкам хорошо известна*».

Как же при таких условиях европейская индустрия еще может вертеться? Пэйш дает ответ с такой искренностью, которую может родить только отчаяние: европейская индустрия держится только получением новых займов от Америки, только все более и более глубоким погружением в задолженность. Как долго Европа будет способна существовать на займах, как долго Америка согласна будет предоставлять их? Ответ Пэйша гласит: «*Меньше, чем два года*».

> «Осенью 29 г. Европа, неспособная больше платить %% по старым займам путем получения новых, *очутится лицом к лицу с банкротством*. Такое банкротство будет означать хаос и страшное, непостижимое несчастье. И это не только его, Пэйша, личное мнение. Он обсуждал положение с руководящими банковскими и финансовыми экспертами Америки, Англии и Германии. *И все они считают, что бедствие неизбежно, что мир быстро устремляется к этой катастрофе*».

Но Пэйш рисует такими мрачными красками настоящее положение и так пессимистически пророчествует о ближайшем будущем не для того, чтобы признать, что выхода нет. «Его сердце отказывается мириться с таким выводом». Он доказывает, что положение может быть спасено и в пожарном порядке... созывом новой экономической конференции при Лиге Наций! Правда, он должен признать, что все решения прошлой конференции остались на бумаге, что «не только таможенные пошлины нигде не были понижены, но, наоборот, они продолжают расти». Но причину этой полнейшей безрезультатности ученый английский экономист видит исключительно в том, что конференция состояла из необлеченных властью экспертов. Пусть же теперь новая конференция будет составлена из официальных представителей правительств! Пусть в них примут участие Россия и Америка. Пэйш уверен, что выход найдется.

Образование новых гигантских трестов в С. Штатах Америки специально для борьбы и изгнания с мирового рынка стальной и в особенности химической европейской индустрии (т.-е. тех производств, где она еще имеет некоторый перевес над Америкой): 1) подтверждает правильность диагноза, поставленного Пэйшем, и 2) показывает всю жалкую беспомощность его знахарских рецептов.

Американский империализм, как подобает всякому еще не сгнившему империализму, слезам не верит.

VI.

К особенно решительному отпору европейской трестифицированной промышленности готовятся *химические* тресты С. Штатов. Уже первые сообщения и слухи о начавшихся предварительных переговорах между химическими трестами Европы об обмене патентами и о возможном образовании картеля, заставило насторожиться не только химическую промышленность, но и правительственные круги С. Штатов. Было немедленно подсчитано, что новый европейский комбинат, в который, по сведениям американских газет, должна вступить Великобритания, Франция, Германия и Бельгия, а может быть, и другие страны, будет обладать капиталом, превышающим 1 миллиард долларов. Борьба с будущим об'единением таможенными пошлинами признается недостаточной. Этой борьбе придается национальное и государственное значение, при этом всячески раздувается, что еще не родившийся европейский химический трест, уже вызывающе угрожает самому существованию С. Штатов. Специальный вашингтонский корреспондент «Нью-Иорк Таймс'а» сообщает [1]:

> «По мнению официальных кругов, европейский химический трест возникает под знаком враждебности к американской химической промышленности, которая быстро развилась по окончании мировой войны. Его цель, заявляют представители правительства в Вашингтоне, вытеснить американские химические продукты с мирового рынка, а также, если окажется возможным, укрепиться на значительной части рынков С. Штатов. В настоящее время тариф С. Штатов достаточно высок, чтобы исключить иностранные химикалии. Но Вашингтонские наблюдатели убеждены, что *организаторы европейского химического треста, повидимому, убедили себя, что в конце концов американские тарифы будут понижены в результате переговоров, направленных на то, чтобы Европа могла выплачивать свои долги С. Штатам*».

Таким образом, призыв Пэйша об осуществлении известного меморандума банкиров о понижении тарифных барьеров, с целью дать Европе возможность честно расплачиваться и избегнуть банкротства, об'является «официальными кругами» Вашингтона вероломным замыслом противника, покушающегося на интересы американской химической промышленности и даже—о, ужас!—на мощь С. Штатов во время предстоящей войны. Ясно, на пацифистской мякине Пэйша, таких опытных воробьев не проведешь!

Каковы прежде всего те экономические интересы, которым угрожает еще несуществующий европейский картель? В своем ходатайстве перед конгрессом об отмене специально для американской химической промышленности антитрестовского закона, химические короли приводят между прочим следующие цифры.

Ежегодная продукция химической и родственных ей отраслей промышленности поднялась на протяжении 1914—1926 гг. с $2^1/_2$ миллиардов до 6 миллиардов долларов. Еще больше поднялся

[1] «N.-J. Times», 24/X—27 г.

экспорт: в 1914 г.—27 милл. долл., в 26 г.—171 милл. До войны красильная индустрия Америки обрабатывала главным образом полуфабрикаты, импортированные из Германии; в настоящее время она производит 93% внутреннего потребления С. Штатов. По заключению Департамента Торговли, борьба за мировые рынки была очень серьезна и сопровождалась искусственным понижением цен.

Но к этим экономическим присоединяются еще интересы особого порядка—военно-технические, и на них-то особенно напирают химические воротилы, добиваясь полной легализации для своей бесконтрольной монополии.

Связь между химической индустрией и безопасностью в случае войны является аргументом против возвращения к довоенному положению. Именно вследствие этой связи, а также вследствие интересов американской индустрии, представляющей миллиарды вложенного в нее капитала, *правительство зорко следит за развитием трестификации в Европе*. С точки зрения национальной защиты официальные круги придают восстановлению и развитию этих отраслей промышленности со времени войны первостепенное значение. *Они подчеркивают, что эти отрасли промышленности производят взрывчатые вещества, газы и др. вещества, непосредственно употребляемые для военных целей, которые наравне с красками и медикаментами необходимы для благосостояния народа* [1]).

Интересы военной промышленности являются, разумеется, решающим козырем в руках организаторов будущего единого химического треста С. Штатов. Конечно, отнюдь не исключена возможность того, что весь этот шум, о готовящейся атаке будущего европейского картеля и о его злонамеренных происках, направленных против Америки, преследует также и цель сделать более уступчивым германский Красильный трест, к патентам которого Нью-Иорк и Вашингтон так жадно тянутся. Этим, вероятно, об'ясняется и то, что наиболее тяжкие упреки в докладной записке направлены именно против Германии, которая открыто обвиняется в том, что она дерзновенно стремится вернуть свое довоенное господствующее положение в самой Америке. Но не менее, если не более вероятно, что под прикрытием столь непроницаемого тумана, как интересы обороны, химические компании Америки устранят последние формальные затруднения к открытому об'единению в один чудовищный трест.

VII.

Обеспечение «независимости американской индустрии на случай войны» является одним из руководящих принципов американской политики в ответ на рост монопольных об'единений в Европе.

С этой точки зрения чрезвычайно характерны те «скромные технические» планы, которые развил престарелый Эдиссон в беседе с сотрудником популярного научного журнала [2]). Речь идет о том, чтобы сделать С. Штаты Америки на случай войны независимыми от иностранного каучука, почти монопольным хозяином которого остается до сих пор Англия.

[1]) Там же.
[2]) «Popular Science Monthly», Нью-Иорк, декабрь. Цитир. по «The Literary Digest» № 9, стр. 18 и сл.

«Генри Форд, Файерсен и я,—сообщает Эдиссон,—обсуждали вопрос, *что должна сделать наша страна в случае войны, которая отрежет* нам снабжение резиной. Не питайте никаких иллюзий *насчет этой войны: она придет.* Мы можем существовать в течение значительного ряда лет без нее. *Но рано или поздно народы Европы об'единятся против С. Штатов, и первое, что они сделают тогда*—они лишат нас резины».

В дальнейшей беседе Эдиссон подчеркивает, что его интересует не резина вообще, а «резина во время войны», что все его исследования и изыскания имеют в виду только эту специальную обстановку. Производство резины для мирного времени для коммерческих целей является для С. Штатов Америки и неразрешимой и ненужной задачей.

«Мы употребляем ежегодно около 400 т. тонн резины, и вся она приходит из тропических стран, за исключением небольшого количества, производящегося в Калифорнии. Часть резиновых плантаций принадлежит американскому капиталу. Еще больше будет ему принадлежать. До тех пор, пока наши пароходы сохранят свободу плавания по морям мы можем получить резину сколько нам угодно по подходящей цене. *Но речь идет о резине во время войны и для войны*».

Исследовательские отряды, организованные искателями «военной резины» рыщут сейчас по степям и пустыням стран Европы, Азии, Африки, Южной Америки. Больше 250 различного рода растений уже доставлены и изучаются в лабораториях Эдиссона. Первое и основное требование, которое пред'является к ним—это доставление «урожая» резины уже в течение первого года после посева. *В течение первого года.* «Больше года после начала войны ждать будет невозможно,—решительно заявляет Эдиссон...

Экономисты буржуазной Англии предчувствуют надвигающуюся катастрофу *банкротства*; дельцы и техники буржуазной Америки предвидят неминуемую *войну*. Англичане сознают полную *беспомощность* сверхтрестированной Европы предотвратить и даже отсрочить банкротство; американцы и в финансовой, и в промышленной, и в технической областях реально учитывают и *готовятся* к войне. Первые обманывают народы бабушкиными сказками об «индустриальном мире» и прочности устоев буржуазной государственности, но сами *трепещут и дрожат* в ожидании того, что им несут ближайшие годы. Вторые тоже обманывают народ разговорами об уже произведенной «бескровной социальной революции», в результате которой «комбинированный капитал уравнял в правах миллиардера и рабочего», но к войне они готовятся *спокойно, расчетливо и деловито*. И *только в одном* английский экономист и американский бизнесмен сходятся: в том, что каждая из этих двух сторон видит своего злостного соперника именно в другой стороне.

Пэйш связывает банкротство с отказом Вашингтона в предоставлении Европе новых кредитов. И даже начало этой катастрофы он считает уже приуроченным к тому моменту, когда вашингтонскому правительству с точки зрения выборных комбинаций она больше не будет вредна. Эдиссон, а вместе с ним и американские дельцы считают причиной будущей войны борьбу за превосходство на море и удар Англии по морским сообщениям С. Штатов. Никакие «бескорыстные» жесты Американского Резервного Банка не в состоянии ввести в заблуждение таких

специалистов по части международного лицемерия и жульничества, как представители буржуазной Англии. Но еще меньше могут смутить звонкое сердце янки миролюбивые заверения и христианские проповеди Болдуина и Чемберлена, повторяющих на всех перекрестках, что провал женевской конференции по морскому разоружению ни капли не омрачит семейного счастья англо-саксонских народов.

Приводя это мнение государственных деятелей Англии, высказывающих скорбь и сожаление по поводу неудачи женевской конференции, журнал «Уорлдс Уорк» пишет [1]):

> «Но сделать из этого вывод, что нынешнее положение не чревато опасностями, значило бы закрывать глаза на уроки истории. Достаточно вспомнить то положение, которое было за полдюжины лет до войны, чтобы увидеть, как дружеские чувства между Германией и Англией превратились в ненависть и войну из-за вопроса о морях. Не далее, как в 1909 г. мы слышали заявление британских министров, что вопроса о войне с Германией не существует, что нет ничего, что могло бы угрожать дружеским отношениям между обеими странами. Эти заявления любопытнейшим образом напоминают недавние об'яснения сера Остина Чемберлена и других руководителей Англии, что война с С. Штатами «немыслима». При унаследованном от прошлого превосходстве на морях и при растущей уверенности Англии, что самое ее существование зависит от сохранения этого превосходства, *ни в коем случае нельзя считать невероятным, чтобы то, что произошло на протяжении 1908—1914 гг. между Англией и Германией, не могло повториться на протяжении 1927—1933 гг. между Англией и Америкой. Многие из тех же самых сил заработали и сейчас*».

Эта грубая и похвальная откровенность прежде всего правильно характеризует закулисные военные маневры правительства Англии. Но она заключает в себе и *нечто большее*. Она заключает в себе формулу, которая, будучи развернута в нужный момент, «покажет», что Англия, с ее притязаниями на морское превосходство, с ее лживыми заявлениями является *единственным виновником войны*, что С. Штаты лишь насильно оказались «втянутыми» в «оборону права на свободное плавание». Пэйш предвидит банкротство Европы. Это делает честь его дальновидности, хотя, по его же признанию, катастрофа уже на носу. Однако, если уже пошло на дальновидность и откровенность, то было бы невредно, если бы он заглянул на один сантиметр дальше носа и попытался ответить на вопрос: *как же американский империализм отнесется к потере своих биллионов в результате этого банкротства?* И не окажется ли, что как раз тот момент, когда эти биллиончики заплачут, американский империализм признает как нельзя более подходящим для постановки общих проблем, в роде вопроса о господстве на морях, о стремительном развитии трестированной европейской промышленности и т. д. и т. п.

Последний годичный конгресс Ассоциации Американских Банкиров был открыт речью старого и заслуженного биржевого

[1]) «World's Work», декабрь 27 г. стр. 128 и сл.

волкодава Берка, воспевающей чудотворное влияние «комбинированного» капитала. Всем, чем владеет до сих пор человечество в области материальных и культурных благ, оратор приписывает заслугам трестов и комбинатов. «Предоставим пресмыкающимся критикам и политическим пигмеям ворчать, сколько им угодно, против комбинированного капитала». В действительности же переворот в жизни человечества, произведенный трестированным капиталом, представляет не что иное, как молчаливую революцию (a silent revolution) [1]).

> «Мы проходим через промышленную социальную революцию, слава которой заключается в том, что она является миролюбивой. Божьих детей не распинают на крестах головой вниз; из комнат пыток не раздаются крики страданий; Бастилия не штурмуется бешеной толпой... Это—революция, рожденная из сотрудничества, света и любви; она срывает плоды благоденствия и цветы прочного мира на своем пути».

«Божьи дети» обоего пола участвовавшие в конгрессе были приведены в восторг золотым пафосом биржевого жреца.

Но есть все основания рассчитывать, что эта «детская игра» будет омрачена—и в ближайшее время. «Плоды благоденствия»? Но сами буржуазные экономисты вопят о надвигающейся катастрофе, о хаосе и распаде. «Прочный мир»? Но бешеная подготовка к разрушительнейшей войне совершается на глазах у всех. «Молчаливая революция»? Но ведь она ревет и кричит.

Комбинированный, трестифицированный капитал грузно ворочается в обстановке обостряющейся борьбы между материками, сдвинутыми с своих экономических осей империалистической войной; в обстановке разжигающихся противоречий стабилизационного процесса в Европе и ожесточенной грызни за рынки; в обстановке, подымающейся волны (и это самое важное), пролетарских революций и колониальных восстаний.

---

[1]) «The Commercial and Financial Chronicle», 12/XI—27 г.—Любителям юмора чтение этого отчета конгресса может доставить немало веселых минут. Слова: «бог», «ангелы», «любовь» и т. п. хорошие вещи, недопущенные, однако, до сих пор к котировке на нью-иоркскую биржу, произносились ораторами-банкирами не менее азартно, чем на происходящем сейчас в Лондоне совещании английских епископов, составляющем новый молитвенник для паствы.

П. Миф.

Китайская коммунистическая партия в критические дни [1]).

V с'езд китайской компартии.

Старое руководство (Чен-Ду-сю) и Пын-Шу-чжи) китайской компартии по приезде в Ханькоу сделало попытку отложить с'езд партии. Чувствуя растущую оппозицию местных организаций и растущую оппозицию со стороны влиятельной части цекистов, группировавшихся вокруг тт. Цю-Цюй-бо и Джай-Готао, прежние руководители партии предпочли оттянуть бой. Они использовали все свое влияние, чтобы отсрочить с'езд. Им даже удалось провести постановление ЦК о перенесении созыва с'езда на 1928 год. Эта попытка отложить с'езд не удалась, так как в это дело вмешалась делегация Коминтерна и настояла на немедленном открытии с'езда.

Двадцать седьмого апреля с'езд начал свою работу. На с'езде присутствовало около 80 делегатов с решающим голосом и почти столько же гостей; присутствовала делегация Коминтерна, делегация Профинтерна. Работа с'езда продолжалась около двух недель. Подробнейшим образом с'езд разобрал целый ряд вопросов. Только первый день с'езда был посвящен торжественной части. Среди пришедших приветствовать с'езд были и лидеры Гоминдана в лице Сю-чена и Тан-Ен-кая. Сю-чен произнес большую политическую речь, в которой доказывал жизненность, на ряду с компартией—авангардом рабочего класса, Гоминдана, который, по мнению Сю-чена, должен был представлять интересы еще только подымающегося к борьбе крестьянства. В виду того, что такое мнение о разграничении социальной базы (рабочий класс—компартии, а крестьянство—Гоминдану) имело сторонников и среди коммунистов, пятый с'езд позже в политической резолюции принял пункт о том, что он «не одобряет механической теории, при которой коммунистическая партия—партия рабочих, а Гоминдан—партия крестьян. Аграрная революция—свержение феодализма и патриархального строя—руководится наиболее революционным классом в данную эпоху. Пролетариат, будучи наиболее революционным классом в Китае, должен руководить крестьянством в его борьбе против феодального абсолютизма» (последний абзац 11 пункта политической резолюции).

Но если не считать этого первого дня, то остальное время с'езда протекало в чрезвычайно деловой обстановке. Так, доклад

[1]) Продолжение. Начало статьи см. в № 21 с. г.

т. Чен-Ду-сю (политический и организационный отчет ЦК) продолжался почти пять часов; по докладу этому выступало 38 ораторов, а самый разбор этого доклада отнял несколько дней. Вторым в повестке дня был доклад т. Роя о тезисах по китайскому вопросу, принятых 7-м пленумом Исполкома Коминтерна. Остальные вопросы,—о рабочем движении, аграрный вопрос и организационный вопрос—предварительно обсуждались в специально созданных комиссиях, при чем комиссии заседали не меньше, чем 2—3 суток. Это позволило все материалы проработать с большой тщательностью.

Остановимся прежде всего на политическом отчете т. Чен-Ду-сю. Постараемся кратко его изложить с тем, чтобы попутно критически разобрать главнейшие его места. Доклад, охватывавший период в два года и три месяца (со времени IV с'езда партии) делился, строго говоря, на 11 частей.

В первой части т. Чен-Ду-сю рисовал картину нарастания и развития революции. Он устанавливал четыре периода. Первый период—с января 1925 года до восстания Го-Сун-лина включительно. Это был период «беременности революции». Поражение Цао-куня и восстание Фын-Юй-сяна против чжилийской клики надломили реакционные силы. Борьба пролетариата за свои экономические нужды, вылившаяся в общую февральскую забастовку в Шанхае, и движение мелкой буржуазии за созыв народного собрания, особенно усилившееся после приезда Сун Ят-сена в Пекин,—создавали под'ем, нашедший свое высшее выражение в знаменитых шанхайских событиях в конце мая 1925 года. В этих событиях, разыгравшихся в центре господства международного империализма и носивших открыто антиимпериалистический характер, несмотря на участие всех классов, роль авангарда играл пролетариат, впервые продемонстрировавший свои мощные силы. Для этого этапа характерным являлось влияние революционных событий на армию. Фын-Юй-сян восстал против Цао-куня, Го-Сун-лин выступил против Чжан-Цзо-лина, Тан-Шен-чжи присоединился к Кантонскому правительству. «Трудно, однако, сказать, — говорил т. Чен-Ду-сю, — стали ли они, благодаря этому верными революционерами или являются спекулянтами. Но революционная волна стала влиять на армию». Все это свидетельствовало о мощном под'еме революции, нашедшем свое выражение также в оформлении народного правительства в Кантоне.

Второй период, открывшийся поражением Го-Сун-лина и разгромом Фын-Юй-сяна под Нанкоу, был периодом падения революционного движения и под'ема контрреволюции. Этот период продолжался 7—8 месяцев и завершился реакционным переворотом 20 марта в Кантоне.

Третий период начался вместе с Северной экспедицией и продолжался вплоть до занятия Шанхая. Этот период знаменовался новым под'емом революционного движения. Подрывались силы ставленников империализма, мощно развивалось революционное движение пролетариата и крестьянства.

Четвертый период включал в себя события, которые, по словам т. Чен-Ду-сю, «носят специальный характер. События эти не похожи на события прошлого времени, так как буржуазия ушла с революционного фронта». Избегая прямого ответа на вопрос, является ли этот период упадком или под'емом революции, т. Чен-Ду-сю ограничился лишь следующей формулировкой: «Хотя

количественно революционные ряды уменьшились, качество революционных масс поднялось».

Вторую часть своего доклада т. Чен-Ду-сю посвятил анализу тактики партии в изложенные выше различные периоды революции. В первом периоде партия должна была восполнить экономическую борьбу пролетариата участием мелкой буржуазии в освободительном движении и форсировать политическую борьбу против империализма. С этой задачей партия справилась. Второй тактический момент этого периода заключался в созыве народной конференции. «Во время от'езда Сун Ят-сена на север внутри партии были различные мнения по этому поводу. Кантонские товарищи считали поездку Сун Ят-сена на север необходимой, но ЦК был против этого. Кантонские товарищи считали, что с от'ездом Сун Ят-сена на север революционное движение распространится и за пределы Гуандуня. Мнение ЦК сводилось к тому, что с пребыванием Сун Ят-сена в Гуандуне можно укрепить революционные завоевания в Гуандуне и этим ликвидировать контрреволюционные силы. Разница во взглядах заключалась в том, что одни хотели развивать революционное движение, другие же стояли за его укрепление. Сейчас, вспоминая эти споры, мы чувствуем, что тактика ЦК в то время была не совсем правильна... Ошибка в тактике партии в то время заключалась не в отсутствии активности, а в том, что партия не понимала значения от'езда Сун Ят-сена на север, не видела его влияния на развитие революции по всему Китаю»,—признавал т. Чен-Ду-сю в своем докладе. От себя добавим, что эта ошибка являлась результатом того, что ЦК в достаточной мере тогда не осязал и недооценивал нарастание настроений среди мелкой буржуазии и не понимал, какую роль этот внешний момент (приезд Сун Ят-сена) способен сыграть для дальнейшего роста и политического оформления движения мелкой буржуазии.

Остановившись на тактике партии во время событий 30 мая, т. Чен-Ду-сю указал, что хотя партия и не верила в возможность всенародной революции, но ставила перед собой задачу привлечения всех классов к участию в этом движении. И если все же пролетариат остался, в конце концов, один, без помощи, а милитаристы получили возможность подавить пролетариат, то это являлось результатом не ошибочной тактики партии, а об'ективного положения дел. В это же время партия обратила внимание на военный вопрос и решила охватить своей работой передовые, наиболее прогрессивные части армии. «Наши враги говорят, что такой тактикой мы хотим прикрыть свое об'единение с милитаристами, но мы и тогда знали, что этот путь является революционным путем и такая тактика является правильной и необходимой тактикой».

В связи с событиями 30 мая 1925 года остро стал вопрос об отношении к крупной, средней и мелкой буржуазии. Обратная сторона этого вопроса касалась взаимоотношения с Гоминданом. Буржуазия не только показала себя ненадежной силой в революционном лагере, но она внутри Гоминдана оформила свою теорию в учении Тай-Ци-тао. На 2-м пленуме ЦК в Пекине, в сентябре 1925 года, была принята резолюция, в которой указывалось, что коммунистическая партия должна решительно бороться против теории Тай-Ци-тао, должна об'единиться с левыми гоминдановцами для борьбы с правыми, а с другой стороны, должна готовиться к отходу Гоминдана от партии. «Такая постановка вопроса только запутывала нас... Я сам сделал эту ошибку, позиция представителя Коминтерна была неясна,—докладывал т. Чен-Ду-сю.—Когда мы смотрим на эту резолюцию теперь, то мы видим, что в ней есть правильные и неправильные моменты. Развитие левого крыла Гоминдана и укрепление его для борьбы с правыми—это правильно. Подготовка к выходу из Гоминдана—эта тактика неправильна. Нет никаких решительно сомнений в том, что оснований для ухода из Гоминдана у нас не было, что мы должны были оставаться там и вести работу». Признание этой ошибки правильно. В самом деле, формулировка пленума о подготовке к выходу из Гоминдана означала свертывание активности внутри Гоминдана, отказ от борьбы против только оформлявшихся правых элементов, отдачу гоминдановских масс в руки этих правых, вместо решительной борьбы за овладение ими компартией.

Опять-таки, в связи с событиями 30 мая, партия более актуально поставила вопрос о работе среди крестьянства, которая не замедлила принести исключительно важные результаты. С другой стороны, развертывание классовой борьбы пролетариата под руководством коммунистической партии особенно ощутительно проводилось во время Гонконгской стачки.

Переходя ко второму периоду революции, к периоду ее временного упадка, т. Чен-Ду-сю сообщает, что «в это время пекинские товарищи хотели устроить «столичную революцию». Стремление героическое, но ошибочное». ЦК не соглашался с этой тактикой, так как считал, что она не отвечает сложившимся условиям.

Но гвоздем, самым главным вопросом, во время этого второго периода был, конечно, вопрос о тактике коммунистов в связи с событиями 20 марта в Кантоне, когда Чан Кай-ши сверг руководство левых во главе с Ван-Цзин-веем, снял коммунистов с ответственных работ и открыл шлюзы реакции как в центре, так и на местах. «События 20 марта прошлого года происходили на идеологической основе тайцитаоизма. Чан Кай-ши — вооруженный Тай-Ци-тао,—докладывал т. Чен-Ду-сю.—Причины событий 20 марта хотя и многочисленны, но самой важной причиной было противоречие между классами. Основная цель тайцитаоизма заключается в подавлении пролетариата и даже в подавлении союза пролетариата с левыми гоминдановцами. В этот период тактика партии не была единой. По мнению работников нашей партии в Гуандуне, как китайских работников, так и Бородина, нужно было применять тактику наступления. Они так говорили: «Наступление правых гоминдановцев сможет укрепить союз с левыми; мы не только не должны терпеть переворот 20 марта, но должны сами произвести свое 20 марта».

«По мнению партии,—продолжает т. Чен-Ду-сю, — однако, тогда идеология тайцитаоизма имела не только вооруженные силы Чан Кай-ши, но на ее стороне была вся китайская буржуазия. Наши силы были недостаточны для подавления Чан Кай-ши. Поэтому ЦК партии настаивал на принятии тактики отступления, уступок. Это значит, что мы допускали оставление силы буржуазии внутри единого фронта. По моему мнению, силы и компартии, и левого крыла Гоминдана действительно не могли подавить Чан Кай-ши. И далее, Чан Кай-ши еще не открыто выявил свое контрреволюционное лицо. Общественное мнение было бы не согласно на его подавление. Поэтому, я думаю, что тактика ЦК

была правильной». Мы сознательно привели длинную выдержку из речи т. Чен-Ду-сю. Комментарии, очевидно, излишни. Оппортунизм руководства китайской компартии находит лучшее подтверждение на этом примере. Неправильное понимание задач единого революционного фронта, отказ от самостоятельной борьбы пролетариата в угоду неправильно понимаемому единому фронту мог лишь привести к политической капитуляции компартии перед китайской буржуазией. Понятно, что эта тактика ЦК, как и отказ в признании ее ошибочности, встретила на с'езде резкую отповедь.

Центральным тактическим вопросом для третьего периода революции был вопрос об отношении компартии к северной экспедиции. В этом вопросе в партии тоже не было достаточной ясности. Правда, ЦК выразил в следующих трех пунктах тактику партии по отношению к северной экспедиции: 1) поддержка северной экспедиции; 2) северная экспедиция должна носить оборонительный характер; 3) тактика партии должна быть направлена против всех, кто старается использовать северную экспедицию для эксплоатации народа. «На самом же деле,—как говорил т. Чен-Ду-сю,—хотя принципиально мы высказались за северную экспедицию, но на практике мы никогда активно и решительно не поддерживали северной экспедиции. Мы рассматривали ее, как оборонительную, т.-е. только как для защиты Гуандуня. Мы пассивно относились к северной экспедиции и поэтому имели мало результатов». Эта пассивная, оборонительная, явно оппортунистическая тактика (к этому вопросу мы еще вернемся, когда будем говорить о прениях, развернувшихся по докладу т. Чен-Ду-сю) вытекала, как и большинство других ошибок, из переоценки сил и революционности китайской буржуазии. «Хотя буржуазия и контрреволюционна, но нам нужно было привлечь ее к участию в национальном движении не только мелкую, но и крупную»,— говорил т. Чен-Ду-сю. И эта задача считалась первоочередной, ей подчинялись все остальные. Участие буржуазии покупалось любой ценой. Вопрос об отношении к мелкой буржуазии был выделен в специальной, третьей по счету, части доклада т. Чен-Ду-сю. Докладчик подчеркивал большую роль в отличие от России, мелкой городской буржуазии в китайской революции. К этому он добавил, что компартия недостаточно работала среди мелкой буржуазии и не установила достаточно тесной связи с нею. Мелкая буржуазия слабо была привлечена в Гоминдан, и в результате ее участие в революции тоже оказалось слабым. Этот недостаток должен быть партией учтен и исправлен.

Этими тремя частями доклада, собственно говоря, исчерпывался анализ т. Чен-Ду-сю этапов китайской революции и прежней тактики партии. Следующие части доклада (с 4 по 10) посвящались разбору вопросов перспективного характера, посвящались намечению тактики на будущее время.

Поэтому мы считали бы полезным на этом прервать изложение доклада т. Чен-Ду-сю с тем, чтобы кратко остановиться на прениях, развернувшихся по этой части доклада, и на тех решениях, которые были приняты V с'ездом, дававшим оценку прежней линии Центрального Комитета. Если отвлечься от критики руководства ЦК, основанной на фактах местной провинциальной практики, то лейт-мотивом всех выступлений было констатирование полного несоответствия политической линии Централь-

ного Комитета с решениями и указаниями Коммунистического Интернационала. Все выступающие указывали, что ЦК занимал совершенно неправильную позицию по вопросу о характере революции, по вопросу об отношении к китайской национальной буржуазии. Неправильная позиция в этих вопросах находила свое выражение в попытках смягчить классовую борьбу в городе и деревне, в попытках ослабить, либо совершенно отказаться от классово-самостоятельных выступлений китайского пролетариата. Особенно решительно указывалось на ошибки партии во время событий 20 марта, когда Центральный Комитет не только вместо борьбы против Чан Кай-ши пошел на полные уступки, но начал переговоры с крайне правыми, даже Чан Кай-ши высланными из Кантона гоминдановцами, желая заключить с ними блок для дальнейшей совместной работы в рамках единого национального фронта.

Вот почему V с'езд вынес решение о том, что «политика нашей партии в этот период была неправильной... после 20 марта будущая роль буржуазии стала ясна. Тем не менее, наша партия не учла, что буржуазия вновь захватила руководство национальной революцией лишь для того, чтобы ликвидировать ее. Благодаря этой ошибке,—недостаточно четкому представлению роли крупной буржуазии в более позднюю фазу революции,—наша партия, вступив в общий с ней фронт, не настояла на достаточном обеспечении интересов трудящихся масс».

Резолюция подчеркивала и другую, не менее существенную, ошибку партии: «В борьбе за руководство пролетариат должен быть в союзе с крестьянством. Пролетариат должен выдвинуть требование радикальной земельной реформы для того, чтобы скрепить свою смычку с крестьянством в борьбе против феодально-буржуазной реакции. Наша партия не сумела осуществить свое руководство пролетариатом в этом направлении».

С'езд не мог обойти молчанием политику коммунистической партии по отношению к северной экспедиции. С присущей большевистской партии прямотой с'езд отметил, что «суб'ективным стимулом северной экспедиции было желание буржуазии увеличить свои силы, об'ективно же северная экспедиция явилась средством развить революцию. Поэтому политика поддержки северной экспедиции была правильна. Но здесь снова наша партия не уделила достаточного внимания необходимости углублять социальную основу революции одновременно с ее территориальным развитием».

Как видим, все ошибки прежнего руководства китайской коммунистической партии коренились в переоценке сил и революционности китайской национальной буржуазии и в неправильном представлении задач единого национального фронта. Понятно, что эта переоценка крупной буржуазии влекла за собой недооценку городской мелкой буржуазии. В качестве иллюстрации подобной ошибки V с'езд отметил, что «поражение шанхайских восстаний, главным образом, связано с тем обстоятельством, что пролетариат не заручился поддержкой мелкобуржуазных масс».

Прения, как и принятые решения V с'езда, подводили итоги всей прежней работе коммунистической партии. Бесспорно, что V с'езд на основе резолюции VII расширенного пленума исполкома Коминтерна поставил партию на путь ее большевизации. И отношение участников с'езда к прежней деятельности Централь-

ного Комитета давало уверенность, что партия справится с задачей выпрямления своей политической линии, задачей быстрого изживания оппортунистических вывихов руководства.

Переходим теперь к перспективным вопросам китайской революции и тактики партии, как они были освещены в докладе т. Чен-Ду-сю.

Первым вопросом т. Чен-Ду-сю выделил земельный вопрос. Он отметил, что раньше тактика партии в этом вопросе сводилась к организации крестьян и к движению за уменьшение арендной платы. Теперь же, когда аграрная революция стала реальным фактом, во всей остроте выплыл земельный вопрос, возникло движение за уравнение землепользования. «Раньше наша партия сдерживала крестьянское движение, теперь же нужно конфисковывать землю крупного и среднего помещика. Заминка лишь в отношении мелкого помещика. В национальной революции мелкая буржуазия нам нужна. Мелкие помещики принадлежат к мелкой буржуазии, поэтому нам нужно в отношении их итти на некоторые уступки»,—говорил т. Чен-Ду-сю.

Но и это заявление т. Чен-Ду-сю, признававшее необходимость конфискации земли (правда, с оговоркой по отношению к мелким помещикам), оказалось лишь принципиальным признанием, а не практическим указанием для непосредственной деятельности. Это видно из следующих слов докладчика: «Хотя я чувствую, что в прошлом наша тактика в этом вопросе слишком шла вправо, все же конфискация всех помещичьих земель в настоящее время будет слишком революционной мерой. Нам нужно держаться средней линии на некоторый период, быть может, очень короткий, но в ближайшие 1—2 месяца нам нужно сохранить союз с мелкой буржуазией. Классовая борьба в деревне развивается, но она еще не дошла до крайнего предела, и мелких помещиков нельзя экспроприировать. Ведем ли мы сейчас наступление на крупного и среднего помещика или ведем развитие крестьянского движения вширь, расширение военного влияния? Вопрос заключается сейчас в том,—сейчас ли нам углубить крестьянскую революцию, или ждать дальнейшего продвижения северной экспедиции, ждать расширения крестьянского движения, а потом уже углубить крестьянскую революцию. Последнее будет значительно прочнее, потому что старые милитаристы еще существуют, а также так называемые новые, как, например, Чан-Кай-ши. Углубление фундамента лишь после расширения и укрепления».

Мы привели длинную цитату из речи т. Чен-Ду-сю для того, чтобы нагляднее была видна явная оппортунистичность этой оригинальной теории. Эта точка зрения получила название теории об экстенсивном развитии революции. Нужно сказать, что вообще в китайской компартии шел усиленный спор, как дальше должна развиваться революция—экстенсивно или интенсивно, т. е. вширь или вглубь. Многие товарищи вели этот спор чрезвычайно схоластично. Одни говорили, что революция должна развиваться экстенсивно, должна захватывать все большую и большую территорию, что партия не должна добиваться радикального разрешения ни аграрного вопроса, ни рабочей проблемы, прежде чем национальные войска не займут Пекина, прежде чем не удастся об'единить весь Китай. Мотивировалось это тем, что иная тактика партии вызовет кризис в силах, ведущих революцию в Китае, создаст раскол, благодаря которому не удастся довести до конца революцию.

Другие товарищи считали, что незачем продолжать северный поход, незачем революцию развивать вширь, что этим мы льем воду только на мельницу буржуазии и вновь испеченных милитаристов. По мнению этих товарищей, развитие революции должно было итти лишь по линии углубления. Нужно разрешать рабочую проблему, аграрный вопрос, и только проведя соответствующие преобразования, уже на новой базе, можно будет ставить вопрос о дальнейшем расширении территории, охваченной революционным правительством.

С'езд отмел и ту и другую теорию, фактически приняв и ту и другую. С'езд счел ошибочным путь только экстенсивный или только интенсивный для революции. «Территориальное развитие революции должно итти очень быстро, оно должно сопровождаться углублением на этой территории социальной базы»,—говорится в принятой резолюции.—С'езд считал необходимым одновременное разрешение обоих задач, подчеркивая, правда, первоочередность задачи углубления революции. «Потеря Гуандуна иллюстрирует опасность расширения без углубления базы. Основная задача революции в данном периоде—уничтожить базу реакции для укрепления революции. Для этого следует проводить программу радикальных аграрных преобразований и создания революционно-демократической власти в деревне». На с'езде подчеркивалось, что только дальнейшее развитие аграрной революции, крестьянского движения, только дальнейшая организация и завоевания рабочего класса будут служить единственной гарантией успешности революции. Только это создаст прочную основу для победы пролетарской тенденции. Только это углубление создаст противоядие против измен различных генералов, перебежчиков, попыток повести китайскую революцию по буржуазному пути. «Будет равносильно ликвидации революции...,—писалось в принятой резолюции,—если проведение радикальной аграрной реформы и создание революционно-демократической власти в деревне будут отложены до полного завершения северной экспедиции».

Но с другой стороны отмечалась необходимость и дальнейшего территориального расширения, необходимость продолжения северного похода. Участники с'езда высказывали целый ряд соображений по этому вопросу—раньше всего экономического порядка. Ухан являлся очень важным торговым центром, где скрещивались многочисленные дороги, многочисленные торговые пути. Но Ухан был окружен с Запада армией Ян-сена, с юга Ли-Ти-сином, от Нанкина и Шанхая Ухан был отрезан Чан Кай-ши, наконец, северные торговые нервы были прерваны наступавшими частями мукденцев. Нужно было найти и прорубить себе выход, иначе становился неизбежным экономический кризис. Во-вторых, продолжение военных операций считалось необходимым и по обстоятельствам международного порядка. Япония открыто намекала, что она может пойти на переговоры с уханским правительством, если Ухан покажет свою силу и займет Хэнанскую провинцию. Затем, не малую роль при решении этого вопроса играл и тот момент, что признавалось целесообразным соединение Ухана с войсками Фын-Юй-сяна. Нужно

сказать, что Фын-Юй-сян, как только была установлена радиосвязь с ним, заверял, что он стоит за уханское правительство, что он клянет Чан-Кай-ши, как изменника. Поэтому с военной точки зрения считалось правильным итти на соединение с Фын-Юй-сяном, выровнять этим фронт, ликвидировать опасность, угрожавшую со стороны наступавших мукденских частей, с тем, чтобы потом по Лунхайской железной дороге обрушиться против Чан-Кай-ши. Наконец, принималось во внимание и то общеполитическое соображение, что Ухан не мог прекратить северного похода, носящего антиимпериалистический характер в то время, когда Чан-Кай-ши продолжал борьбу против северных милитаристов. Все это заставляло пятый с'езд партии высказаться за дальнейшее развитие революции и вширь и вглубь и отмежеваться от явно оппортунистической теории экстенсивного развития, защищаемой на с'езде т. Чен-Ду-сю.

Другая не менее оригинальная точка зрения была высказана т. Чен-Ду-сю в его теории Северо-Запада. Правда, он вначале авторство этой теории приписал не себе, а другому лицу, правда, он вначале делал различные оговорки, но самый характер изложения им этой теории, как и мотивировки, которые приводились им в защиту этой теории, свидетельствуют, что т. Чен-Ду-сю был явным сторонником точки зрения «Северо-Запада». В чем же смысл этой теории? Теория эта заключалась в том, что революция не может развиваться ни в Кантоне, ни в Шанхае, ни в Тянь-дзине, ни в Ханькоу, ни вообще в тех районах, где промышленность наиболее развита, так как,—по мнению Чен-Ду-сю,—там сильнее всего позиции империализма и китайской буржуазии. В этих пунктах у революции нет сил для победоносной борьбы против своих врагов. Революция должна отступить в северо-западные провинции, где слабее влияние империализма и где революции легче накапливать свои силы, чтобы потом обрушиться против твердынь империализма. Теория эта получила решительный отпор со стороны участников с'езда. Резолюция, принятая с'ездом, отвергала эту теорию: «Развитие революционных сил сделало еще более серьезной опасность вмешательства империализма. У мелкой буржуазии возникло опасение поражения, и она думает о том, чтобы отодвинуть базу революции подальше от цитаделей империализма. V с'езд предупреждает всю партию, что она должна бороться против этой пораженческой тенденции, ни на чем не основанной». Действительно, эта теория по существу выражала пораженчество, которое овладело правым крылом китайской компартии, пораженчество, которое было основано на переоценке сил китайской буржуазии. Полагалось, что раз буржуазия отошла от революции, значит, китайская революция понесла такой урон, что сама, без помощи буржуазии, не может найти в себе сил для борьбы против империализма.

Кроме того, эта теория ставила вопрос о пересмотре социальной базы революции. Понятно, что если территориально отодвигалась база революции в провинции, куда не проник иностранный капитал, где нет сильно развитой промышленности, то там не могло быть и рабочего класса и не было широко развитого крестьянского движения. Революция должна была бы искать опору в других социальных силах. Поэтому V с'езд в политической революции подчеркнул, что «коммунистическая партия не может представлять себе более естественно надежной базы революции, чем шанхайский пролетариат, рабочий класс Кантона и революционное крестьянство провинций Гуандуна, Цзянси, Хунань и Хубей...».

Не спасала эту теорию Северо-Запада попытка провести аналогию с движением тайпинов, происходившим в середине прошлого столетия. Это было мощное крестьянское движение, в поражении которого не малую роль сыграло вмешательство иностранцев. Тов. Чен-Ду-сю говорил, что и тайпины, подойдя к Шанхаю, вынуждены были откатиться назад, так как под Шанхаем напоролись на штыки иностранного капитала, опрокинуть которые у тайпинов не хватило сил. И сейчас,—говорил т. Чен-Ду-сю,—у нас нет сил, чтобы свергнуть в Шанхае Чан-Кай-ши. «Любые войска национального правительства по прибытии в Шанхай подвергнутся влиянию империализма и склонятся вправо. Лишь после расширения революционных сил во всей стране, напоследок в Шанхае удастся на деле осуществить рабоче-крестьянскую власть». В другом месте т. Чен-Ду-сю говорил, что по указаниям Коминтерна «целью нашей революции является осуществление демократической диктатуры рабочих и крестьян. Но это легче осуществить за пределами Юго-Востока, чем на Юге-Востоке, где пока-что можно разворачивать лишь массовые организации и экономическую борьбу». Так суживались задачи передового шанхайского пролетариата.

Этой теории т. Чен-Ду-сю придал чрезвычайно большое значение. Он по-своему решал вопрос о маршруте китайской революции. В частности, как последователь этой теории, он и шанхайское победоносное восстание признавал ошибочным, а ошибку эту называл «методической ошибкой революции». «В своей критике хубейские товарищи считали нас недостаточно смелыми, в действительности же в революционной тактике надо быть весьма осторожным». В развитие этого «методического» взгляда т. Чен-Ду-сю считал, что «мы не учли сил противника и немедленно захотели осуществить в Шанхае демократическую диктатуру». Вот, оказывается, в чем все зло. Шанхайский пролетариат не знал методики революции. Вместо только узко-экономической борьбы, он вдруг занялся политической борьбой и восстаниями и даже посмел провести победоносное восстание. Понятно, что эта теория, не оставлявшая места для пролетариата, как гегемона революции, встретила единодушный и решительный отпор со стороны V с'езда. С'езд отмел эту теорию, выражавшую лишь опасение империалистической интервенции и пропитанную духом пораженчества и неверия в дальнейший успех революции после измены буржуазии. «Не залезши в пещеру к тигру, тигрят не достанешь»,—говорили делегаты.

Не спасали эту теорию внешне как-будто увесистые соображения, что передвижка территориальной базы китайской революции в северо-западные провинции приблизит ее к СССР—оплоту мировой революции. На самом деле этого не было бы. Связь СССР с северо-западными провинциями через Монголию и пустыню Гоби еще более затруднительна, чем с Южным или Юго-восточным Китаем.

Мы подробно остановились на разборе двух теорий, защищаемых т. Чун-Ду-сю на V с'езде, по многим соображениям.

Во-первых, чтобы читатель конкретней представлял себе идейный уровень киткомпартии; во-вторых, чтобы он мог проследить последовательность оппортунистической линии бывшего руководства киткомпартии, проследить, какие идеи рождались в головах этих руководителей при намечении перспектив китайской революции; и, наконец, для того, чтобы читатель мог видеть, что партия в целом была свободна от этих оппортунистических вывихов, что она сумела дать должный отпор вредным и небольшевистским взглядам. Изложение последующих частей доклада т. Чен-Ду-сю займет у нас значительно меньше места. Коснувшись еще целой серии перспективных вопросов, он фактически не дал на них никакого ответа, в лучшем случае ограничившись их постановкой.

Так, говоря о гегемонии пролетариата, он свел все к выводу, что «нельзя говорить будто бы в Китае нет совсем гегемонии пролетариата». И только. А перед партией тогда вопрос стоял значительно сложнее. Коммунистическая партия добилась осуществления гегемонии в низшей, первоначальной форме, в форме руководства массовым движением. Гегемонию пролетариата нужно было переводить на новую, высшую ступень,—к овладению властью и руководством над революционной армией. Вместо того, чтобы указать пути достижения этой формы гегемонии пролетариата в революции, отделываться общими словами о гегемонии было, конечно, недостаточно.

Затронув вопрос о хозяйственной политике, т. Чун-Ду-сю ограничился лишь указанием на то, что «если мы правильно не решим вопросов экономической политики, мы можем потерять все революционные центры». Но никакой программы деятельности коммунистов в хозяйственной области он не представил. А тогда в Ухане грозно разрастался финансовый кризис. Нужно было искать выхода, чтобы за счет буржуазии, а не трудящихся масс, его ослабить. Ухан вступил в полосу продовольственных затруднений, торгового застоя и консервации предприятий из-за бегства буржуазии и изоляции Ухана от торговых путей. Все это усложняло обстановку и выдвигало хозяйственные вопросы, как чрезвычайно актуальные. Наконец, нужно было наметить какую-либо позитивную экономическую программу по отношению к мелкой городской буржуазии (организация кредита, кооперирование, облегчение налогов, организация поставок), чтобы удержать ее в революционном лагере. Доклад т. Чен-Ду-сю ответов на эти вопросы не давал. Он обошел их молчанием.

Еще более странно он отнесся к вопросу о создании революционно-демократической власти. Правильно отметив, что «сейчас мы очень далеки от революционно-демократической власти», что наличие коммунистов в правительстве «не позволяет еще нам назвать это правительство демократической диктатурой рабочих, крестьян и мелкой буржуазии, так как мы не имеем у власти масс рабочих и крестьян, а имеем нескольких вождей от рабочих», правильно отметив это,—он все же скатывается к совершенно ложному выводу: «Если бы уменьшилось вмешательство империалистов и окружение милитаристов, то нам нужно было бы бороться за революционно-демократическую власть в провинциях: Хунань, Хубей и Цзянси». Правильно было бы обратное. Именно, благодаря вмешательству империалистов, окружению милитаристов, именно, благодаря нависшей опасности для революции мы должны были ускорить и умножить борьбу за демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства. Должны были спешить с поголовной организацией трудящихся масс в органы революционной власти, а не оговариваться, подобно т. Чен-Ду-сю, что «если бы положение народного правительства было лучше, мы должны были бы провести усиленную работу по созданию революционно-демократической власти».

Вопрос о Гоминдане также не получил ответа в докладе т. Чен-Ду-сю. Повторив несколько раз формулировки о том, что «на деле Гоминдан—партия внеклассовая, там есть и рабочие, и крестьяне, и мелкая буржуазия, и помещики, и милитаристы», что «Гоминдан—это революционный союз всех классов», что «Гоминдан есть революционный союз пролетариата, крестьянства и мелкой буржуазии, хотя там и есть незначительная часть буржуазии»,—повторив эти способные лишь запутать формулировки, т. Чен-Ду-сю и не попытался даже поставить вопрос о необходимости руководящей роли пролетариата в этом блоке. Фактически его формулировки усыпляли активность, призывали к пассивности, не отражали действительного положения дел, не звали партию на завоевание Гоминдана, особенно на его демократизацию, на выщелкивание правых элементов со всех руководящих постов. А прежняя практика говорила о том (на что обратил внимание т. Дорио, выступавший в прениях), что руководство компартии частенько плелось в хвосте Гоминдана, что верхушка Гоминдана находилась под давлением реакционной военщины, что никакого давления на верхушку Гоминдана со стороны партии и низовых организаций Гоминдана не оказывалось. Позже это значительно облегчило поворот вправо лидеров Гоминдана. Слова же т. Чен-Ду-сю, посвященные вопросу о Гоминдане, способны были лишь отвлечь внимание партии от необходимости упорной борьбы за завладение Гоминданом, за демократизацию его, за изменение руководящих аппаратов Гоминдана с тем, чтобы они полностью и целиком отражали революционное настроение гоминдановских низов.

Перейдя к военным вопросам, т. Чен-Ду-сю правильно подчеркнул недостатки и ненадежность революционной армии, солдатский состав которой черпался из люмпен-пролетарских элементов, а командный—почти сплошь состоял из помещиков и джетри. «Если мы хотим революционизировать армию, мы должны уменьшить количество люмпен-пролетариата в армии и количество помещичьих элементов среди комсостава», говорил т. Чен-Ду-сю. Как видно, во всей сложности он военную проблему не поставил. Он не выдвинул вопроса о вооружении рабочих и крестьян, об организации мощных рабоче-крестьянских отрядов, о мобилизации коммунистов и комсомольцев, о создании прочной военной опоры для всей революционной деятельности партии.

Этим вопросом заканчивался политический отчет т. Чен-Ду-сю. Мы видели слабые места этого доклада. Особенно бросалась в глаза беспомощность докладчика при намечении дальнейших перспектив революционного движения и тактики партии. Он не внес достаточной ясности в вопросы дальнейшей работы, дальнейшей политической линии. А по многим вопросам он попытался подкормить с'езд оппортунистической похлебкой. Но спра-

ведливость требует сказать, что не все вопросы и для с'езда в целом были ясны. Если V с'езд сыграл исключительно важную роль, то это относится, главным образом, к подытоживанию предыдущего опыта, к выявлению с большевистскою прямолинейностью ошибок прежней политической линии. С'езд нашел в себе силы, чтобы достойным образом заклеймить оппортунистические вылазки т. Чен-Ду-сю, заставив его спасовать и голосовать за единодушно принятую резолюцию, выработанную политической комиссией. Но с'езд не обладал еще ни достаточным политическим опытом, ни идейной вышколкой, чтобы наметить перспективы движения и ответить со всей конкретностью на те новые вопросы, которые стучались в двери партии.

Последняя часть доклада т. Чен-Ду-сю касалась организационной деятельности партии и внутрипартийного положения. Тов. Чен-Ду-сю сообщил о росте партии и партийного влияния, идущем параллельно развитию революционного движения. Партия с 994 членов со времени IV с'езда выросла до 57.967 чел. По социальному составу насчитывалось: рабочих 53,8%; крестьян—18,7%; интеллигентов—19,1%; военных—3,1%; средних и мелких торговцев—0,5% и остальных 4,2% к общему количеству. Женщин в партии—10%. Если во время IV с'езда только незначительная часть шанхайских рабочих, горняков в Таньшане и железнодорожников находилась под руководством компартии, то к V с'езду компартия распространяла свое влияние на 2.800.000 рабочих, организованных в профсоюзы. Во время IV с'езда только 200.000 гуандунских крестьян были охвачены влиянием партии, а к V с'езду количество членов крестьянских союзов, работающих под руководством партии, возросло до 9.720.000 человек. Численность комсомола с 2.365 увеличилась до 35.000 за эти 2 года. Наконец, тираж партийного еженедельника (органа ЦК ККП) с 7.000 экземпляров вырос до 50.000 к моменту созыва V се'зда.

Все эти факты говорили о бесспорных завоеваниях коммунистической партии, несмотря на отдельные, иногда чрезвычайно важные ошибки партийного руководства. Вот почему V с'езд в первом же пункте своей резолюции констатировал, что «политическое влияние партии возрастает быстрее, чем ее численность. Наша партия является неоспоримым лидером рабочих и крестьян всей страны; она руководила пролетариатом в течение двух лет непрекращающейся борьбы, включая вооруженные восстания против империализма и милитаризма; под ее руководством в течение короткого периода, 4-х лет, было организовано более 2.800.000 рабочих и более 9.000.000 крестьян. Наша партия стала партией масс».

Но партия имела целый ряд организационных дефектов. Остановимся на двух, о которых упомянул в своем докладе т. Чен-Ду-сю. Первый характеризовал состояние центрального аппарата партии, второй—низовое звено—ячейку. Тов. Чен-Ду-сю докладывал, что в самом аппарате ЦК работали два члена, изредка три, а в большинстве случаев один лишь цекист. Это накладывало отпечаток на всю работу ЦК. По признанию т. Чен-Ду-сю «оргкомиссия не существовала», «женкомиссия лишь увеличила количество инструкций», а «профессиональная и крестьянская комиссии даже инструкций не давали». Заметна была лишь работа агитпропкомиссии и то, главным образом, по линии издательской деятельности. Аппаратом Центрального Комитета китайская партия похвалиться не могла. «Местные организации лучше, чем ЦК. Если положение не изменится, то у нас будут просто провинциальные партии», говорил т. Чен-Ду-сю.

Второй момент, на который мы хотели бы обратить внимание, характеризовал также с плохой стороны состояние низовых партийных организаций. «На фабриках и в школах ячейки не являются центром работы. Ячейка созывает собрания лишь для заслушивания докладов. Таким образом, ячейка является лишь такой организацией, которая передает мнения и инструкции руководящей инстанции, а не органом работы». Действительно, ячейки не всюду существовали, а там, где они существовали, они работы еще никакой не развернули, если не считать спорадических собраний, заслушивающих в информационном порядке какие-либо инструкции или доклады. Партия со всем вниманием должна была отнестись к этим организационным болячкам, как можно скорее их излечить с тем, чтобы повысить свою боеспособность.

* * *

Перейдем ко второму вопросу порядка дня V с'езда. Речь идет о докладе т. Роя о тезисах VII пленума ИККИ по китайскому вопросу. Мы будем поневоле кратки. Прения по политическому отчету ЦК фактически предрешили вопрос о тезисах ИККИ. После непродолжительной дискуссии с'езд единогласно принял эти тезисы без всяких изменений. По поводу этого вопроса нам хотелось бы ограничиться только двумя замечаниями. Во-первых, об исключительной роли, которую тезисы сыграли в жизни китайской партии. Последняя, получив этот исторической важности документ, как бы выросла на целую голову. Мы знаем, что троцкистская оппозиция со свойственным ей злопыхательством обрушивается сейчас на руководство Коминтерна. Оппозиция и не представляет себе, какой огромнейший перелом создали в партии эти тезисы. Оппозиция забывает, что в первый раз китайская партия получила действительно ленинский прогноз происходящих событий, получила тщательно продуманную перспективу движения, получила указания по целому ряду кардинальных вопросов. Оппозиция забывает, что китайская компартия получила это от пленума ИККИ, заседавшего в первый раз не под председательством Зиновьева и без его участия, от пленума, в первый раз поставившего во всей широте китайский вопрос. И что бы ни клеветала оппозиция, на пути большевизации китайской компартии эти тезисы займут почетное место. Вокруг этих тезисов собирались лучшие элементы китайской компартии. Эти тезисы помогли партии стать на путь быстрого изжития меньшевистских вывихов, которые при прежнем руководстве ИККИ проходили совершенно незамеченными. Эти тезисы в первый раз в конденсированном виде передавали молодой, растущей в борьбе китайской партии опыт международного большевизма.

Второе замечание касается чрезвычайно «оригинального» выступления Ван-Цзин-вея в прениях по докладу т. Роя. Ван-Цзин-вей, присутствовавший в качестве гостя, внимательно прослушавший доклад, первым выступил в прениях. Он торжественно заявил, что Гоминдан полностью и целиком принимает пер-

спективу Коминтерна о некапиталистическом пути развития революции, что никто не посмеет упрекнуть Гоминдан, что эта партия борется за интересы буржуазии, что эта партия идет не по революционному пути. Но вот у него лично есть сомнение, с которым он обращается за раз'яснением к делегатам с'езда, как они смотрят на китайскую мелкую буржуазию, пойдет ли она за некапиталистический путь развития. Выступление Ван-Цзин-вея мы привели не только для того, чтобы продемонстрировать двуличность и политическое шарлатанство лидера обанкротившегося Гоминдана. И не только потому, что вопрос о мелкой буржуазии был одним из наиболее серьезных. Действительно, это был один из вопросов, определивший несколько позже эволюцию Гоминдана вправо, один из вопросов, на котором сломало себе голову уже после с'езда тогдашнее руководство компартии. Нет, мы привели это выступление еще и для того, чтобы показать, что руководители компартии сами тогда не имели правильного ответа на поставленный Ван-Цзин-веем вопрос, не имели определенной программы по отношению к мелкой буржуазии. Выступивший с ответным словом т. Чен-Ду-сю ограничился повторением общих фраз о необходимости союза мелкой буржуазии с пролетариатом и не указал, что, только поддерживая пролетариат, китайские кустари и ремесленники освободятся от гибельной и разорительной конкуренции иностранного капитала, что, только поддерживая борьбу пролетариата, они смогут стать на путь кооперирования, на некапиталистический путь, спасающий их от неизбежного «вымывания», что, только поддерживая пролетариат, они смогут избавиться от непосильных налогов и ростовщичества.

*
* *

Третьим вопросом, стоявшим в порядке дня с'езда, был аграрный вопрос. На нем мы остановимся несколько подробней. Собственно говоря, вопрос этот тщательно прорабатывался в специальной комиссии. На самом с'езде была поставлена на обсуждение резолюция, явившаяся результатом работы комиссии. Резолюция эта в своей вводной части, в противовес нашим троцкистским оппозиционерам, отмечала, что «экономическая жизнь китайской деревни все еще в значительной степени основана на феодальных взаимоотношениях. Большая часть всей земли, приблизительно 66%, принадлежит помещикам, сдающим ее в аренду... общинные, родовые и храмовые земли, составляют значительную часть всей обрабатываемой площади в стране. Право владения этими землями давно уже было захвачено деревенскими старейшинами, а обрабатывающие землю крестьяне экспроприированы. Таким образом, феодально-патриархальные отношения являются характерной чертой экономической и политико-административной структуры современной китайской деревни». Далее эта резолюция установила, что «вся страна разбита на ряд изолированных местных рынков, монополизированных землевладельцами, которые держат в своих руках все излишки сельскохозяйственной продукции (благодаря натуральному характеру кабальной аренды)... В условиях этой сложной системы примитивной эксплоатации пышным цветом распускается ростовщичество». «Непосильная арендная плата и другие феодальные сборы, а также тяжелые поборы, вымогаемые у крестьянства военно-бюрократическим государственным аппаратом, все время держат крестьянство на грани голода и толкают его в безжалостные лапы ростовщиков».

Четвертый и пятый пункты принятой резолюции имеют настолько важное значение в смысле всей постановки аграрной проблемы в Китае, что нам хотелось бы привести их полностью. Вот эти пункты:

«4. Национальный милитаризм, тянущий жизненные соки из нации, и иностранный империализм, препятствующий экономическому и политическому развитию страны—оба опираются на феодальную структуру деревни. Поэтому основным условием для успешной борьбы против обоих этих врагов китайского народа является избавление деревни от пережитков феодальных отношений и патриархальной власти. Коренное изменение системы землевладения представляет собой основной принцип национальной революции, без которого не может далее продолжаться борьба за истинно демократическую свободу. Для того, чтобы разрушить надстройку милитаризма, необходимо подорвать ее основание.

5. Крестьянство в Китае составляет громадное большинство нации. Без непосредственного и сознательного участия крестьянских масс немыслим успех национальной революции. Энергия крестьянских масс будет мобилизована для национальной революции уничтожением факторов аграрной эксплоатации. Аграрная революция—уничтожение феодализма—является непременным условием для установления демократического строя. В нормальном процессе социального развития буржуазия освобождает крестьянство от феодального рабства. Однако, нормальный процесс социальной эволюции был нарушен в Китае империалистической интервенцией. Буржуазия в Китае выросла, не как социальная сила, антагонистичная феодализму. Она выросла, с одной стороны, из феодального класса землевладельцев и остается тесно связанной с ним, а с другой стороны—из среды агентов империалистической эксплоатации (компрадоры). В обоих случаях китайская буржуазия неотделимо связана с силами, опирающимися на эксплоатацию крестьянских масс, и потому она не может быть борцом за аграрную революцию. Враждебное отношение буржуазии к аграрной революции делает ее не только неспособной вести борьбу за демократическую свободу, но даже обращает ее прямо против нее (отход Чан-Кай-ши).

При таких условиях не буржуазия поведет крестьянство в исторический бой против феодализма (и его сторонников), но пролетариат вместе со своим революционным союзником—мелкой городской буржуазией».

Резолюция отвечает и на другой не менее важный вопрос: каковы тенденции аграрной революции на данном этапе, и все ли крестьянство пойдет на борьбу против феодальных пут? Вспомним, что у нас, в России, когда мы стояли перед буржуазно-демократической революцией, Ленин считал необходимым поднять все крестьянство (включая кулаков) на борьбу против помещиков;

Октябрь в деревне мы совершали, опираясь на бедноту, нейтрализуя середняка, и против кулака; наконец, позже, после побед Октября, нами была установлена тактика прочного союза с середняком. Как с этим вопросом обстоит дело в Китае? С'езд отвечает, что «нынешняя тенденция революции есть стремление вместе с бедным крестьянством, в качестве основной силы, свергнуть власть кулаков и джентри, конфисковать землю крупных землевладельцев и крупных контрреволюционеров, учредить в деревне крестьянскую власть, практически улучшить экономическое положение крестьянства и привести его к перераспределению земли».

Какие же практические мероприятия намечала партия для разрешения аграрного вопроса на переживаемой стадии национальной революции? Вот здесь, при решении этого вопроса в аграрной комиссии обнаружились разногласия, являвшиеся чрезвычайно показательными. Наметились три точки зрения: первая точка зрения была представлена опять-таки т. Чен-Ду-сю. Он защищал так называемую «политическую конфискацию земли». Этот путанный термин означал, что нужно было выдвинуть лозунг конфискации земли только по отношению к контрреволюционным элементам, что нужно конфисковать имущество, и в том числе и землю, только у реакционных генералов и у тех джентри, которые открыто выступают против революции.

Другая точка зрения говорила о том, что нужно выдвинуть лозунг конфискации земли за исключением земель мелких помещиков и офицеров революционной армии. Наконец, третья точка зрения сводилась к тому, что нужно принять требование конфискации земли без каких-бы то ни было ограничений.

В комиссии, как позже и на с'езде партии, прошла вторая точка зрения. Было постановлено выдвинуть требование — «конфискация без компенсации помещичьих имений, сдаваемых в аренду, и передача их возделывающим их крестьянам через посредство земельных комитетов. Земли, принадлежащие мелким землевладельцам, не конфискуются. Земли, до настоящего времени принадлежащие офицерам революционной армии, конфискации не подлежат». Мотивировалось это двумя соображениями. Во-первых, неодинаковым уровнем крестьянского движения в различных провинциях. На севере крестьянское движение только возникало, в других провинциях (а их было большинство) крестьянское движение шло под лозунгом снижения арендной платы, а в провинциях Хубей и Хунань крестьяне начали практически разрешать аграрный вопрос, конфискуя и перераспределяя земли помещиков и джентри. Второе соображение, которому придавалось решающее значение, сводилось к тому, что нельзя прежде времени раскалывать силы национально-революционной армии, создавать контрреволюцию в своем тылу. По мнению с'езда, нельзя было вооружать офицерство, а вместе с ним и всю армию, поскольку она носит наемный характер, против революции. Полагалось необходимым на известный промежуток времени обеспечить спокойствие в рядах офицерства революционных армий и мелких помещиков, в большинстве случаев живущих в городах, занимающихся торговлей, ремеслами или ростовщичеством и тесно связанных с офицерскими кадрами народно-революционной армии.

Но тогда невольно возникал вопрос: ну, хорошо, будет конфискована земля у крупных помещиков, а что же делать крестьянам, арендующим землю мелких помещиков, какое они почувствуют облегчение? Ведь бок о бок живут крестьяне, арендующие как у крупных, так и у мелких помещиков. Больше того, так как в Китае подавляющее большинство составляют не крупные, а мелкие помещики, то оказалось бы, что большинство крестьян никакого облегчения при осуществлении этой резолюции не получило бы. Поэтому с'езд партии принял промежуточное решение о том, что крестьяне, арендующие землю у мелких помещиков, должны платить в таком же размере арендную плату, в каком будут платить государственный налог крестьяне, получившие землю у крупных помещиков. Короче говоря, то, что одни платят в виде налога, другие должны платить в виде аренды. Но так как мелкие помещики не освобождались от государственного налога, то выходило так, что никакой пользы от оставленной мелким помещикам земли они не получали. Если арендная плата не должна была превышать ставок общегосударственного налога, и если мелкий помещик эту арендную плату в виде налога должен был передавать государству, то считался ли он собственником земли или нет, для него это разницы не составляло.

Таким образом, при ближайшем рассмотрении, это решение V с'езда, продиктованное тактическими соображениями, оказывается чрезвычайно противоречивым и недостигающим желаемой цели.

Понятно, что сейчас китайская компартия должна пересмотреть это решение. Та точка зрения, которая была представлена в аграрной комиссии с'езда и которая требовала конфискации земли без всяких ограничений, находит сейчас себе историческое оправдание и должна превратиться в аграрную платформу китайской компартии. Но несмотря на указанный нами дефект, резолюция V с'езда по аграрному вопросу являлась огромным шагом вперед. В этом не трудно убедиться, если вспомнить предыдущие решения партии по этому вопросу. Возьмем хотя бы июльский пленум 1926 года Центрального Комитета ККП. В принятых решениях этого пленума говорилось о необходимости поддерживать хороших помещиков и джентри в борьбе против плохих, о том, что арендная плата не должна превышать 50% урожая, что налоги в свою очередь не должны превышать 50% урожая, т.-е., что в лучшем случае крестьянину ничего не оставлялось. Резолюция V с'езда ни в коей мере не может быть поставлена на одну доску с этими полукадетскими решениями. Она стоит неизмеримо выше. Резолюция V с'езда впервые давала китайской компартии законченную, в основном классово-выдержанную платформу по одному из самых актуальных вопросов китайской революции.

* * *

Следующий вопрос, подвергшийся обсуждению на V с'езде, был вопрос о рабочем и профессиональном движении. Мы ограничимся приведением наиболее интересных мест принятой резолюции. С'езд констатировал, что экономическая борьба пролетариата раньше партией несколько недооценивались в то время, как только экономическая борьба, в процессе которой втягиваются и организационно консолидируются широкие массы, способна воспитать мужество рабочих для борьбы политической.

V с'езд подчеркнул, что «теория, будто бы рабочие должны ради революции жертвовать своими собственными интересами, заключает в себе для нас опасность нового кризиса. Такое положение сделало бы рабочий класс орудием в руках других классов. С этой теорией мы должны бороться».

Отметив далее необходимость создания вооруженной силы для защиты демократической власти рабочих и крестьян, V с'езд вынес решение о посылке рабочих на военную службу: «Перед рабочими массами надо выдвинуть лозунги: «Вступай в армию!» «Бери винтовку!»

Но основная часть резолюции касалась установления новых задач профессионального движения в Китае. Партия наметила следующие задачи:

«1) Вести политическую и экономическую борьбу с буржуазией до тех пор, пока все банки, рудники, железные дороги и пароходные компании, крупные предприятия, фабрики и т. д. не будут национализированы.

2) Требовать участия в управлении производством; контролировать производство, направляя национализированную промышленность по пути некапиталистического развития.

3) Требовать, чтобы правительство проводило рабочую политику, декларировало охрану труда такими законодательными мерами, как обязательные фабричные правила, восьмичасовой рабочий день и определенный минимум заработной платы, и улучшило условия жизни рабочих. Все это составляет главные задачи министерства труда, при котором нужно учредить бюро инспекции в обеспечение того, что эти задания будут проведены в жизнь.

4) Требовать осуществления социального страхования, помощи безработным. Для безработных должны быть организованы общежития и общественные столовые.

5) Требовать учреждения национальных магазинов для продажи предметов первой необходимости (продукты питания, топливо) и развития кооперативных организаций.

6) Генеральные профессиональные союзы различных районов должны вырабатывать программу действия, которой рабочий класс мог бы руководствоваться в периоды борьбы.

7) Развивать политическую и экономическую борьбу в национальном масштабе. Генеральные, производственные союзы должны оформить свои экономические требования.

Эти семь параграфов содержат в себе основы новых задач, стоящих перед профессиональным движением. На территории, на которую распространяется авторитет Национального Правительства, нужно борьбой добиться осуществления этих задач и притом в возможно кратчайший срок».

Мы видим, таким образом, что с'езд не только установил новые задачи профессионального движения, но и указал, что только борьбой можно добиться поставленных перед партией задач, что только в борьбе можно добиться практического осуществления выдвинутых требований.

*
* *

Опуская совершенно организационный вопрос, так как решения с'езда по этому вопросу полностью вытекали из соответствующих указаний Коминтерна, нам хотелось бы в заключение остановиться на выборах Центрального Комитета партии. Это тем более необходимо, что одна из основных ошибок с'езда заключалась как раз в недостаточно тщательном подборе руководящего аппарата партии. Было избрано 29 членов и 11 кандидатов ЦК; при чем из общего количества членов и кандидатов 16 было рабочих. В основной массе в Центральный Комитет попали лучшие, наиболее авторитетные и проверенные в борьбе китайские коммунисты. Состав ЦК был неплох. Но ошибка свелась к тому, что т. Чен-Ду-сю остался на посту генерального секретаря китайской партии. Китайские товарищи справедливо считали т. Чен-Ду-сю вождем и организатором партии. Тов. Чен-Ду-сю начал сколачивать партию, когда она насчитывала всего несколько человек, и фактически возглавлял ее, доведя партию до V с'езда. На V с'езде он без особого упорства выдвигал свои взгляды, на ошибках особенно не настаивал, своих резолюций не предлагал. Казалось, что, если будет создан сильный центральный аппарат партии, при наличии делегации Коминтерна, то вывихи оппортунистического порядка т. Чен-Ду-сю будут неопасны и своевременно смогут быть преодолены. И вот, несмотря на полнейшее несогласие всего с'езда партии с политической линией, проводившейся раньше т. Чен-Ду-сю, несмотря на пропасть, существующую в политической платформе, отстаиваемой на с'езде т. Чен-Ду-сю и всеми участниками с'езда, несмотря на эти серьезнейшие политические разногласия, на с'езде партии не поднялась ни одна рука против т. Чен-Ду-сю. В этом сказалась известная патриархальность, которая имеет место вообще в Китае и которая сохраняется еще в той или другой форме и в рядах молодой китайской коммунистической партии.

Позже, уже после с'езда, когда ряд членов политбюро вынуждены были выехать в различные провинции и не могли принимать участия в работах Центрального Комитета, партия осталась под фактическим руководством одного только т. Чен-Ду-сю, и это руководство т. Чен-Ду-сю в решительный момент разрыва с гоминдановской головкой привело к печальным результатам, о которых мы будем говорить дальше.

(Продолжение следует).

М. Вольф.

К вопросу о дифференциации села.

В нашей статье мы говорим о сельском хозяйстве Украины, и все приводимые цифры взяты из материалов ЦСУ Украины.

Три момента характерны для украинского сельского хозяйства в текущем 1927 году: 1) увеличение % беспосевных хозяйств; 2) приостановка роста многопосевных хозяйств в наиболее многоземельном и дифференцированном районе Украины—Степном и 3) заметно подвинувшийся вперед процесс реконструкции сельского хозяйства, в первую очередь—полеводства.

Начнем с беспосевных. Факт роста беспосевных хозяйств не подлежит сомнению и имеет место по всем четырем естественно-историческим районам Украины.

Чтобы не загромождать изложения цифрами, мы в настоящей статье приводим данные по 2 наиболее характерным районам: по самому многоземельному—Степному и по самому малоземельному и интенсивному району—Правобережью

Факт роста беспосевных хозяйств не подлежит никакому сомнению и имеет место по всей Украине в целом. По двум районам изменение числа беспосевных хозяйств представляется в следующем виде:.

Районы	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.
Степь	5,3	4,5	4,9	4,7	4,6	6,4
Правобережье.	1,8	1,8	3,0	3,6	3,6	5,2

Следует ли об'яснять этот рост беспосевных обязательно обнищанием крестьянской бедноты и ее пауперизацией?

Если учесть, что за эти 3 года количество рабочих, занятых в промышленности, строительстве и транспорте увеличилось по данным контрольных цифр Госплана УССР на 417 тыс., то увеличение хозяйств, бросивших свои посевы по Украине, в целом на 94 тыс. хозяйств ни в какой мере не говорит о массовом процессе обнищания бедняцких хозяйств. Разумеется, если бы у нас не было такого жилищного кризиса в городе, то большая часть ушедших на городские заработки и служащих в городе забрали бы свои семьи в город и перестали бы числиться в составе сельского населения. Но мы еще долго будем иметь такое положение, когда рабочий, уходя в город, будет оставлять свою семью в деревне. Не надо забывать и того, что во время революции в деревню прибыли из города большие массы рабочих, получивших наделы, которые на этих наделах завели небольшие посевы, а теперь, вновь поступив на фабрики и заводы, рабочие эти посевы забрасывают. В районе Донбасса на-

блюдаются массовые случаи, когда горняки и металлисты, еще год—два назад крепко цеплявшиеся за небольшие клочки полевого посева в виду неустойчивости хлебных цен и сравнительно низких заработков, в последний год с улучшением материального положения и стабилизацией хлебных цен, свои посевы бросили.

Что рост беспосевных происходит за счет хозяйств, для которых посевы не имели серьезного хозяйственного значения, подтверждается динамикой сдачи земли в аренду. В 1926 и 1927 г. по Степи мы имеем следующую долю всего сдаваемого фонда по 4 наиболее интересующим нас низшим группам:

	1926 г.	1927 г.
Беспосевные	9,8	20,0
От 0,1 — 1,0 дес.	10,4	19,8
» 1,1 — 2,0 »	11,8	10,2
» 2,1 — 3,0 »	14,9	11,1

Рост сдаваемой земли идет, главным образом, за счет двух самых маломощных групп (до 1 дес. посева), а доля хозяйств, имеющих более 1 дес. посева, в сдаче земли не только не растет, но уменьшается. Этим еще раз подтверждается, что расстаются прежде всего с сельским хозяйством те именно хозяйства, для которых сельское хозяйство и в предыдущие годы не имело существенного значения. Ликвидируются не столько хозяйства бедняков, сколько хозяйства *рабочих* с наделами.

Поскольку жилищный кризис еще будет длиться у нас долгие и долгие годы, при идущем процессе индустриализации страны и росте городских занятий, рост беспосевных хозяйств является совершенно неизбежным. И будет глубочайшей ошибкой без детального анализа относить весь этот рост за счет обнищания *крестьянства*.

Если мы теперь обратимся к другому флангу—к многопосевным группам, то мы увидим, что удельный вес этих хозяйств в общей массе в 1927 году не только не увеличился, а снизился. Так, в Степном районе хозяйств с посевом от 9 до 16 дес. было в 1924 г.—12,6%, в 1926 г.—14,7% и на этом же проценте они остаются в 1927 г. Хозяйств же с 15 и больше десятинами было: в 1924 г.—4,1%, в 1926 г.—5,0%, а в 1927 г. всего только 4,7%, т.-е. меньше на 0,3%. Задержка в росте многопосевных хозяйств и снижение их удельного веса не является случайностью. Это является прямым последствием той политики в отношении аренды, которую партия проводила за последний год. Как известно, многопосевные хозяйства росли в предыдущие годы главным образом за счет аренды пустовавших государственных земель. С заселением колонизационного фонда, с раздачей по директивам партии значительной части государственных земельных имуществ в трудовое землепользование, сократился фонд, питавший рост многопосевных хозяйств. Что это именно так, выясняется теми новейшими данными по аренде, которые мы имеем.

Мы не можем сейчас привести данных об абсолютном размере аренды за 1927 г., так как мы имеем пока данные только весеннего опроса, а эти данные нуждаются в коррективах в сторону увеличения на основании других статистических материалов.

(В 1926 г. корректированный размер арендного фонда составляет по Украине 1.866 тыс. дес., из которых на Степь приходится 1.373 тыс. дес. При таком размере арендного фонда на Украине разговоры оппозиции о 15 мил. арендном фонде по Союзу являются, конечно, сказкой).

Но, не имея абсолютных данных, мы можем привести относительные данные, а именно—долю отдельных посевных групп в общем арендном фонде на основании весенних опросов 1926 и 1927 гг.

Доля отдельных посевных групп в общем арендном фонде:

	1926 г.	1927 г.
До 3 дес.	1,6	1,7
От 3 — 6 дес.	7,6	8,4
» 6 — 10 дес.	20,3	23,0
» 10 — 16 дес.	30,0	31,8
16 и больше	40,5	35,1
	100,0	100,0

За один только год удельный вес высшей посевной группы в общем арендном фонде упал с 40,5% до 35,1%, вырос же удельный вес в аренде средне-посевных хозяйств. Иначе говоря, директива, которую дала партия еще задолго до того, как об этом заговорила оппозиция, привела к уменьшению концентрации арендного фонда, к некоторому его осередняччиванию. И арендный фонд уже перестал служить на Украине базой для роста многопосевных хозяйств, какой он служил в предыдущие годы, когда у государства имелся большой пустующий земельный фонд. Что арендный фонд осередняччивается, доказывается и тем обстоятельством, что в 1927 г. по сравнению с 1926 г. произошло *измельчание среднего размера арендных сделок*. Так, размер арендных сделок составлял:

	Правобережье	Степь
1926 год	1,0 дес.	4,1 дес.
1927 год	0,9 »	3,6 »
Разница	—0,1 дес.	—0,5 дес.

Особенно заметно измельчание арендных сделок в Степи, и это является особенно показательным, так как именно как раз в Степи в предыдущие годы наиболее крупные арендные сделки приходились на многопосевные хозяйства, арендовавшие государственные фонды, а более мелкие сделки—на середняцкие хозяйства, арендовавшие крестьянские земли.

Итак, данные по наиболее дифференцированному району Украины—Степному, показывают, что при нашем законодательстве, не допускающем мобилизации земельной собственности, мер, принятых партией по сокращению государственного арендного фонда, еще задолго до того, как об этом заговорила оппозиция, оказалось достаточно, чтобы отрезать возможность у кулацких хозяйств расти за счет экстенсивного расширения. А между тем в этом направлении главным образом и росли довоенные кулацкие хозяйства, лезшие из кожи вон, чтоб скопить деньги для скупки земель и вообще для расширения посевов.

Но если мы кулацкому хозяйству положили предел в сторону экстенсивного расширения, если оно вынуждено направить свои усилия на интенсификацию хозяйства, то естественно является вопрос: каково участие отдельных социальных групп крестьянства в идущей сейчас реконструкции нашего земледелия, не происходит ли на почве этой реконструкции рост удельного веса высших групп, встретивших препятствия к экстенсивному своему расширению?

Для разрешения этого вопроса мы не успели разработать всего имеющегося по Украине материала и разработали выборочно 4 округа, однако, отобрав их не случайно. Мы отобрали по Степи и Правобережью по 2 округа, выделившихся тем, что они ушли вперед всех остальных округов своего района по реконструкции своего хозяйства.

Как известно, в Степи наиболее прогрессивным фактором является за последние годы рост посевов озимой пшеницы, высеваемой во все большем и большем количестве по раннему пару. Мы взяли 2 округа—Запорожский и Днепровский, давшие очень высокий не только относительный, но и абсолютный рост площади озимой пшеницы.

Для Правобережья, где основой реконструкции является расширение посевов сахарной свекловицы, мы взяли Уманский и Бердичевский округа, являющиеся передовыми округами в этом отношении.

В этих отобранных округах мы исчислили, какова доля отдельных групп крестьянства в расширении посевов—озимой пшеницы в Степи и сахарной свеклы в Правобережье. Мы могли пользоваться для этого только посевными группами, но и оппозиция не отрицает, что существует несомненная зависимость между социальными группами и размером посева (14-й тезис оппозиции). В виду изменения % и числа хозяйств в посевных группах за два года, мы для большей правильности сравнения прибегли к методу, который применял в некоторых случаях и В. И. Ленин, а именно: расположив за оба года хозяйства по восходящей линии по размерам посева, мы отобрали для каждого года группы таким образом, чтобы в них входил за оба года одинаковый процент хозяйств. В низшую группу мы отобрали 35% хозяйств самых малопосевных, в среднюю—60% и в высшую—5%. Но для того, чтобы еще яснее выявить тенденции, мы середняцкую группу разбили на две подгруппы, отделив 10% наиболее многопосевных середняцких хозяйств. Для всех групп мы вычислили, какая доля приходилась на каждую из них в посеве озимой пшеницы (сахарной свеклы) в 1926 г., какая доля приходится на эту же группу в *расширении* посевов, происшедшем в 1927 г., и, наконец, какова ее доля во всем посеве 1927 г.

Чтобы не осложнять изложения, мы приведем данные только по одному округу каждого района—по Запорожскому для озимой пшеницы и по Бердичевскому для сахарной свеклы, так как Днепровский и Уманский округа дают совершенно аналогичные данные.

По Запорожскому округу мы имеем следующее:

Доля группы.	I (35% хоз.)	II-а (50% хоз.)	I-б (10% хоз.)	III (5% хоз.)
В посеве оз. пшеницы в 1926 г.	9,45	51,05	22,47	17,03
В расширении посева оз. пшен. 1927 г.	15,53	55,30	14,59	14,58
Во всем посеве оз. пшен. 1927 г.	11,73	52,65	19,51	16,11

Низшая группа, на которую в 1926 г. приходилось только 9,45% всей площади озимой пшеницы, приняла участие в расширении посева со значительно большим удельными весом (15,53%) и, благодаря этому, вырос ее удельный вес во всей площади озимой пшеницы 1927 г. до 11,73%. Аналогичное мы имеем во 2-й группе.

Наоборот, самая высшая посевная группа и даже верхушки середнячества в расширении площади озимой пшеницы приняли участие с удельным весом гораздо меньшим того, какой они имели в посеве 1926 г. и, благодаря этому, их доля в посеве 1927 г. падает.

К этим цифрам необходима определенная оговорка. Беднота втягивается в посевы улучшенных культур количественно, но качественно, конечно, эти посевы у бедноты и сейчас еще значительно ниже, чем у зажиточных—меньше ранних паров, хуже обработка. Тем не менее уже одно количественное расширение более ценных культур должно влиять на общее качественное улучшение всего бедняцкого полеводства. Перед нами стоит задача, опираясь на этот количественный рост ценных культур, поднять и качество их обработки, в первую очередь путем обобществления бедняцких хозяйств и их механизации.

Итак, если поставить вопрос, каково влияние реконструкции полеводства Степи на процесс расслоения, то мы должны притти к выводу, что в отношении наиболее ценной товарной культуры реконструкция ведет к подтягиванию низших групп и к ослаблению удельного веса высших групп, хотя абсолютно эти высшие группы и сейчас еще играют и еще долго, вероятно, будут играть значительную роль в пшеничных посевах.

А вот данные по сахарной свекловице в Бердичевском округе:

Доля группы	I (35% хоз.)	II-а (50% хоз.)	II-б (10% хоз.)	III (5% хоз.)
В посеве свеклы в 1926 г.	9,17	45,92	25,89	19,02
В расширении посева свеклы в 1927 г.	15,12	59,25	18,24	7,39
Во всем посеве свеклы в 1927 г.	11,74	51,67	22,58	14,01

Мы видим, что в другом—Правобережном районе, резко отличном от Степи, по отношении к совершенно другой культуре, но играющей столь же важную роль в Правобережье, как озимая пшеница в Степи, замечается совершенно аналогичное явление. Темп расширения посевов сахарной свеклы в низшей группе значительно опережает высшие группы.

Конечно, за эту таблицу можно ухватиться, чтобы еще раз подчеркнуть, что роль высшей посевной группы в посеве этой ценной культуры в 3 раза больше численности этой группы среди всех хозяйств. Но такую демагогическую вылазку можно отвести указанием, что до революции посевами свеклы среди крестьянства занимались исключительно кулацкие хозяйства и что только революция вовлекла в эти посевы около полумиллиона середняцких и бедняцких хозяйств, удельный вес которых с каждым годом в посевах свеклы увеличивается. Это есть, несомненно, результат политики партии, выработавшей ряд поощрительных мер к вовлечению бедноты в посевы свеклы.

Это обстоятельство важно само по себе, но оно имеет очень важное значение и для оценки тенденции кооперативного движения.

Как известно, свекловичная кооперация среди всех видов специальной кооперации Украины имеет наибольшее значение и по этой роли, которую она играет в хозяйстве, и потому, что она значительно глубже других видов специальной кооперации вторгается непосредственно в процесс производства (общественное использование орудий обработки, напр., комбинированных сеялок, массовое применение удобрений, организация кооперативной агропомощи, об'единенная борьба с вредителями и т. д.), а также и потому, что она наиболее тесно связана с государственной социалистической промышленностью (сахарными заводами). И вот, поскольку динамика показывает рост удельного веса низшей группы в посевах свеклы и поскольку посевщики свеклы почти поголовно входят в кооперацию, рост удельного веса низших групп в свекловичных посевах, несомненно, ведет к росту их удельного веса в кооперации. Установленный партией еще задолго до того, как об этом заговорила оппозиция, факт большего втягивания зажиточных хозяйств в кооперацию является, следовательно, преходящим явлением, и партия в своей политике подготовляет его ослабление, если не изживание.

Крайне интересно, что и в отношении наиболее интенсивной отрасли животноводства—свиноводства, которое за последний год особенно быстро стало расти, мы имеем тоже усиление удельного веса низшей группы и падение удельного веса высшей, какое мы отмечали и по отношению к наиболее ценным полевым культурам, и только за недостатком места мы не можем привести цифрового материала.

Итак, реконструкция сельского хозяйства, на которой партия сосредоточила свое внимание и которая теснейшим образом связывает крестьянское хозяйство с государственным хозяйством (сахарные заводы и т. д.), ведет не только к росту производительных сил страны вообще, но и к усилению производственного значения низших посевных групп, что неизбежно должно привести к ослаблению их зависимости от более крепких хозяйств. И чем дальше мы двинемся вперед по пути реконструкции, тем все больше и больше, в условиях диктатуры пролетариата и проводимой партией политики, эволюция отдельных хозяйственных групп станет принципиально отличаться от эволюции этих групп при капитализме. Понять это, к сожалению, не дано оппозиции.

У нас нет ни оснований, ни надобности отрицать тот факт, что часть крестьянской бедноты рвет с земледелием и что деревня выделяет из себя часть кулацких капиталистических хозяйств. Но важно то, что с каждым годом, благодаря нашей политике, создаются факторы, тормозящие и регулирующие это нарастание капиталистических элементов, и факторы (реконструкция сельского хозяйства, кооперирование и обобществление), облегчающие основной массе деревенской бедноты подниматься вверх, ближе к середняцкому уровню.

Украинская статистика дает материал и для оценки предложения оппозиции о принудительном из'ятии 150 мил. пудов хлебных запасов из 10% верхушечных хозяйств. Это свое предложение оппозиция мотивирует, во-первых, тем, что эти за-

пасы сосредоточены в руках зажиточных слоев деревни, и, во-вторых, тем, что они «далеко превосходят необходимые *страховые* запасы» (курсив тезисов). Этой последней строчки совершенно достаточно, чтобы показать, как мало представляет себе оппозиция действительное положение крестьянского хозяйства.

Возьмем Украину. Запасы в крестьянских хозяйствах к моменту нового урожая 1927 г. исчисляются около 184 мил. пуд. Между тем, если сравнить текущий 1927 г., когда мы имеем средний урожай, с урожаем 1924 г., когда мы имели засуху, локализованную в одной части Украины, то окажется, что в 1924 г. крестьяне недобрали около 400 мил. пуд., т.-е. около 39% сбора, между тем, как страховые запасы не достигают и 20% среднего годового сбора.

Что касается распределения этих запасов по отдельным группам, то оппозиция ссылается на исчисления проф. Лосицкого, приведенные в № 4 «Статистического Обозрения». Но проф. Лосицкий для исчисления запасов к новому урожаю должен был пользоваться данными монографических бюджетов на 1-е апреля 1925/26 г. и сделать ряд допущений, как расходуются и перераспределяются запасы с 1-го апреля до уборки урожая. Мы в лучшем положении. Мы имеем прямые данные на 1-е июля 1927 г. 600 бюджетных записей. Последние ведутся крестьянами изо дня в день, и поэтому они имеют большую достоверность, чем монографические бюджеты, заполняемые сразу за целый год по памяти.

В прямые данные бюджетных записей была внесена поправка на недоучет посевных площадей. Общий размер запасов принят тот, который установлен Украинским Экспертным Советом (184 мил.), и этот запас распределен по посевным группам по тем %%, которые дают бюджетные записи, после внесения поправок.

Распределение крестьянских хлебных запасов на 1 июля 1927 г.

Группы по посеву	Миллионов пудов	% запасов
Беспосевные	—	—
0,1 — 2,09	22,0	12,0
2,1 — 4,09	55,2	29,8
4,1 — 6,09	37,8	20,5
6,1 — 8,09	21,0	11,4
8,1 — 10,09	18,4	10,0
10,1 — 16,00	19,1	10,4
Более 16	10,8	5,9
	184,3	100,0

Если взять 3 высших по посеву группы—от 8 десятин и выше, то они составляют 9,9% всех хозяйств (почти те 10%, которые нужны оппозиции), и в них на 1-е июля 1927 года было запасов 48,3 миллиона пудов или 26,3% всех запасов.

Нам неизвестно, какую долю из 150 милл. пуд. оппозиция в порядке продразверстки отнесет за счет Украины. Если исходить из доли Украины в хлебо-фуражном балансе—это будет примерно 35—40 мил. пуд., если исходить из роли Украины в хлебных заготовках—это свыше 50 мил. пуд. Другими словами, оппозиция предлагает не что иное, как почистить под метелку амбары этих 10% крестьян, что отобьет охоту не только у кулаков, но даже и у середняков заводить какие бы то ни было запасы, потому что среди хозяйств с посевом больше 8 дес. есть очень много середняков.

Конечно, с народохозяйственной точки зрения натуральные запасы являются в известной степени мертвым фондом. Но к сокращению размеров этих запасов партия пойдет не тем путем, какой предлагает оппозиция. Размеры хлебных запасов находятся в зависимости от неустойчивости нашего сельского хозяйства. Чем значительнее будут наши успехи по пути реконструкции сельского хозяйства, чем лучше и скорее мы проведем план борьбы с засухой, который разработан партией, тем меньше крестьянин будет заинтересован в натуральных хлебных запасах и тем выгоднее он будет считать для себя пустить свои излишки средств в общие каналы обращения (денежные вклады и т. д.).

И, наконец, несколько слов по вопросу о машиноснабжении. Оппозиция бросает партии обвинение в том, что будто бы партия ведет политику усиленного машиноснабжения кулацких и зажиточных групп. Не приходится опровергать этих лживых измышлений. Партия неоднократно давала совершенно ясные и твердые директивы о том, что машиноснабжение и машинные кредиты должны быть прежде всего использованы для укрепления бедняцких хозяйств и для их обобществления. Но партия не только давала директивы, но и практически проверяла, насколько эта политика проводится в жизнь. Еще задолго до того, как оппозиция заговорила об этом вопросе ЦК КП(б)У осенью 1926 г. обязал ЦСУ, Наркомзем и машиноторгующие организации организовать учет социального состава покупателей машин. К сожалению, несмотря на директивы партии о скорейшем введении этого учета, технические условия позволили организовать его только с апреля текущего года, и в настоящее время ЦСУ располагает, хотя и сравнительно небольшим материалом, но все же достаточным для освещения вопроса.

Вся партия должна знать, что то распределение машин, которое проводится на практике, расходится в значительной мере с директивами партии. Если разгруппировать покупателей машин по 5 группам по совокупности 2 признаков—посевной площади и рабочему скоту—и расположить их в порядке хозяйственной мощности, то получается следующая картина:

1-я группа—бедняцкая—состоит главным образом из безлошадных хозяйств, которые вообще пред'являют малый спрос на инвентарь. Но даже ниже-средняя группа снабжается машинами в проценте меньшем ее удельного веса среди населения, и—что еще важнее—кредиты ей также отпускаются в меньшем размере. Правда, здесь необходим ряд замечаний. Во-первых, в этот учет не вошло машиноснабжение колхозов и т-в по обработке земли, так как до сих пор не удалось наладить этот учет. Между тем,

Группы хозяйств	Удельн. вес в насслен. в 1927 г.	Плуги 1-лемешные		Бороны		Уборочн. маш.		Хода	
		Доля в стоим. машин	Доля в кредите	Доля в стоим. машин	Доля в кредите	Доля в стоим. машин	Доля в кредите	Доля в стоим. машин	Доля в кредите
Бедняцк.	28,0	42,	3,0	2,2	1,6	0,6	0,6	1,5	1,4
Неже-средн . . .	27,7	17,8	16,5	11,2	9,9	4,3	4,6	8,1	7,1
Средние	32,0	54,6	57,2	55,8	57,6	27,3	29,4	44,9	48,0
Выше-средн. . . .	9,2	18,6	19,0	25,8	26,3	40,8	40,2	32,1	31,8
Зажиточные . . .	3,2	4,8	4,3	5,0	4,6	27,0	25,2	13,4	11,7

по данным «Сильського Господаря» на колхозы приходится 15,7% всех машинных кредитов. Во-вторых, кредитование бедноты машинами затруднялось тем, что машинные кредиты были главным образом краткосрочные, а долгосрочных кредитов в большем количестве государство отпустить не могло. И, наконец, в-третьих, заводы сельскохозяйственных машин, благодаря проведенной рационализации настолько увеличили свою продукцию, что встретились со значительными затруднениями в сбыте, и перед государством стала задача—или сократить производство и рассчитать многих рабочих, или продать машины тому, кто может их купить за наличные или во всяком случае на условиях краткосрочного кредита. Несомненно, это привело к тому, что доля в машиноснабжении высших групп увеличилась. Но несмотря на неблагоприятные показатели, которые партия не скрывала, но, наоборот, которые, по инициативе партии, вскрыты, об'ективный статистический учет подтверждает, что наиболее необходимые орудия, как плуги и бороны, в основной своей массе все же поступают к маломощным и середняцким группам, и только уборочные машины, покупаются в значительном количестве хозяйствами зажиточными. Но тут надо учесть, что как раз уборочные машины в большом количестве поступают и в колхозы, состоящие преимущественно из бедняков.

Таким образом, дефекты нашего машиноснабжения партией вскрыты. Дефекты эти вызваны не только тем, что наши местные органы не всегда следуют директивам партии (в известной мере это, конечно, имеет место), а главным образом тем, что, направляя значительные средства на развитие промышленности, государство не может уделить на машиноснабжение необходимого количества кредитов, в особенности долгосрочных.

Что дело именно так, можно иллюстрировать данными по тракторoснабжению. Сейчас, по директиве партии, которая дана уже несколько месяцев назад, ведется проверка машинно-тракторных товариществ, и из них будут выброшены затесавшиеся в них кулацкие элементы. Но данные, которые мы имеем о распределении тракторов сейчас, показывают, что в отношение тракторoснабжения директива партии в общем выполняется.

В проведенном на Украине экономическом обследовании 40 тыс. членов сельсоветов был выявлен процент хозяйств, имеющих различные виды инвентаря. Приводим данные по молотилкам и тракторам.

Группы по посеву полевому и усадебному	Процент в общей массе хоз-в членов сельсоветов	% имеющ. молотилок, приходящихся на группу	% имеющ. тракторных паев, прих. на группу
До 3 дес.	15,8	3,4	12,2
От 3 до 6 дес.	33,0	17,7	32,0
» 6 » 10 »	34,9	24,1	31,8
» 10 » 16 »	12,3	27,2	15,8
Больше 16 дес.	4,0	27,6	8,2

В то время как молотилки, которые накоплялись у крестьянства за ряд лет и снабжение которыми шло не совсем правильно, вследствие недостаточности долгосрочных кредитов, концентрируются в высших группах, тракторы распределяются значительно более равномерно, и низшие группы пользуются ими в размере примерно соответствующем их удельному весу. Об'ясняется это тем, что долгосрочные кредиты по тракторам отпускаются в значительно большем размере, и тем, что партия на распределение тракторов, играющих крупнейшую роль в обобществлении сельского хозяйства, обратила особое внимание, а проводимая сейчас партией проверка еще больше улучшит социальный состав тракторопользователей.

Партия не скрывает дефектов нашего машиноснабжения. Напротив, она деловым образом поставила проверку практического выполнения директив, выяснила не только дефекты, но и причины их, и несомненно, что в ближайшее время эти дефекты в значительной своей части будут исправлены.

А. Мацкевич.

К вопросу о выборе форм землепользования.

(Ответ тов. Устинову, «Большевик» № 20).

Тов. Устинов настолько уверен в правоте своих доводов в необходимости отрубов и хуторов для развития производительных сил деревни, что авансом всех, кто не согласится с ним, обвиняет в том, что они даже мало-мальски не разбираются в азбуке марксизма и ленинизма, что они страдают куриною слепотой, не могут понять путей развития нашего хозяйства вообще и сельского в частности и т. д. После таких страшных слов, естественно, каждый мог бы ожидать, что тов. Устинов скажет, действительно, что-нибудь новое. Но—увы!—кроме нескольких общих мест и всем известных цитат из сочинений Ленина и Маркса, ничего в статье нового найти нельзя.

Нельзя же считать в самом деле серьезной аргументацией те цифры о валовой доходности, которые приводит т. Устинов. До последнего времени, по крайней мере, ни один землеустроитель такими цифрами о валовой доходности с десятины пашни при различных формах землепользования для всего Союза не располагал. Товарищ же Устинов, давая табличку о валовой доходности с десятины для общинников 132 р., хуторян 151 руб., отрубников 183 р. и не оговаривая, к какому району Союза, к какому году обследования относятся эти цифры, дает основание предполагать, что они являются показателями для всего Союза и самыми последними. Повторяем, таких цифр нет. А потому или т. Устинов несерьезно отнесся к своей работе, или надеялся, что его никто серьезно читать не будет.

Основные положения статьи т. Устинова следующие:

1) «Сами формы землепользования суть производные функции от системы общественно-хозяйственных отношений, а не наоборот;

2) переход к социализму не будет зависеть от формы землепользования, а социализм, придя, создает ту или иную форму землепользования;

3) формы землепользования, следовательно, не могут определить характер и направление развития сельского хозяйства».

Первым делом, для каждого «мало-мальски разбирающегося в этих вопросах» (воспользуемся термином т. Устинова) видно, что эти положения суть не совсем удачный пересказ соответствующих мест из брошюры Киндеева «Вопросы землеустройства» (К. Киндеев «Вопросы землеустройства», Москва, 1925 г., стр. 46). Впрочем это неважно, а важно то, что они в передаче т. Устинова неправильны.

Что может означать—«социализм, придя, создает ту или иную форму землепользования»? Только одно: социализм сначала придет, а потом уже, придя, создает ту или иную форму землепользования, а до тех пор деревня может иметь какие угодно формы землепользования. И Маркс, и Ленин никогда никому не говорили о том, что социализм придет, они всегда учили, что социализм будет строиться сознательно рабочим классом. Борьбу, творчество социализма, сознательную работу по построению социализма, чем отличается революционный марксизм от реформизма, т. Устинов намеренно или ненамеренно в своем тезисе выбрасывает.

Землеустройство может иметь два подхода: один, когда приспособление земельной территории к условиям и потребностям производства всецело предоставляется стихии борьбы частных интересов в рамках предустановленных правом, за самим же землеустройством остается только техническая помощь в тех случаях, когда частным лицам заблагорассудится обратиться к землеустроительным учреждениям, и другой, когда государство вмешивается в земельные отношения и строит их в соответствии с предустановленным планом всего народного хозяйства. Думаю, что и т. Устинов не будет спорить, что всей советской системе более соответствует именно второй, а не первый тип землеустройства точно так же, как и программе партии в области аграрной политики. Если т. Устинов сомневается, пусть возьмет тезисы к XV С'езду и прочтет следующее в разделе «очередные задачи партии по работе в деревне»: «всемерно содействовать росту таких форм землепользования, которые более благоприятны для развития кооперирования и механизации сельского хозяйства (поселки, выселки...) *ограничив практику выделения на отруба особенно хутора, и совершенно прекратив их в тех случаях, когда они ведут к росту кулацких элементов*. Из приведенных слов каждому ясно, что разговоры о том, что социализм, придя, создает нужную ему форму землепользования, ничего общего не имеют с действительной линией партии по построению социализма в деревне.

Не более благополучно обстоит и с другими истинами, взятыми т. Устиновым у Киндеева.

Первый тезис вообще ничего не дает к уяснению вопроса. Что формы землепользования суть функции от системы общественно-хозяйственных отношений, это всем так же хорошо известно, как и то, что всякая реальная земельная политика тоже не с ветру берется, а определяется системой общественно-хозяйственных отношений, т.-е. тоже является функцией тех же отношений, но какая между ними (между формами землепользования и земельной политикой), как функциями одного и того же аргумента, зависимость,—надо показать и доказать. Поскольку т. Устинов этого не делает, то и само по себе правильное положение, приведенное им, остается висеть в воздухе, ничего не доказывая и не опровергая. Далее т. Устинов декларирует, что формы землепользования не могут определять характер и направление развития сельского хозяйства и, с места в карьер, начинает воевать против тех форм, которые сейчас насаждаются в деревне. Однако, возникает вопрос: если формы землепользования так безразличны для развития сельского хозяйства, то не все ли равно насаждают ли в результате землеустройства общинную или

подворно-отрубную и хуторскую. И здесь само по себе правильное положение, взятое в том безотносительном виде, в каком его преподносит т. Устинов, неправильно. Что формы землепользования не определяют сами по себе характера и направления развития в сельском хозяйстве—это правильно, но правильно и то, что формы землепользования, раз они даны, могут определенным образом воздействовать на это развитие; они могут задерживать или ускорять процесс; они могут даже войти в прямую коллизию с имеющимся в данный момент направлением в развитии сельского хозяйства. К формам землепользования в полной мере применимо все то, что Маркс сказал о правовой надстройке. А потому ни в отношении строительства социалистического хозяйства в деревне, ни относительно строительства тех форм хозяйства, которые вытекают из предложения т. Устинова не безразлично, какие формы мы будем насаждать в результате землеустройства. В противном случае сама статья т. Устинова не имела бы смысла.

Последнее время у нас стало весьма обычным, выхватывая ряд цитат из сочинений т. Ленина, вне их контекста, вне тех условий, при каких они были сказаны, стараться доказать ими «истины», не имеющие никакого отношения к тому, что сказал т. Ленин. В статье т. Устинова «К вопросу о формах землепользования» такое, ничем не оправдываемое использование сочинений т. Ленина доведено до предела.

Послушать т. Устинова—так выходит, что т. Ленин советовал все оставить в деревне на волю свободной игры стихии. Раз земля национализована, раз банки в наших руках, государственный аппарат тоже, — то достаточно только насаждать в деревне кооперацию. Такое понимание т. Ленина есть чрезвычайное упрощение его взглядов по вопросу нашей политики в деревне. Никогда т. Ленин не сводил всю деревенскую политику к одной кооперативной. Если же т. Ленин говорил: «собственно нам осталось сделать «только» одно: сделать наше население настолько «цивилизованным», чтобы оно поняло все выгоды от поголовного участия в кооперации и наладило это участие. «Только» это. Никакие другие премудрости нам не нужны теперь для того, чтобы перейти к социализму» (XVIII т., стр. 141), то надо принять во внимание, что т. Ленин учитывал всю систему экономических мероприятий советской власти и в том числе землеустройство, при которых только кооперация и стала орудием социалистического строительства. То, что предлагает тов. Устинов, есть насаждение отрубов и хуторов, в предположении, что из известных форм землепользования, они наиболее благоприятны для развития производительных сил и вполне достаточны для создания предпосылок при наличии кооперации для построения социалистического хозяйства в деревне. Тов. Ленин никогда не ставил так вопроса, наоборот, он говорил: «Те, кто мечтает, что можно будет после войны добиться восстановления того положения, которое было до войны, *восстановления системы и устройства хозяйства при старых приемах*,—те ошибаются». Таким образом, восстановление хозяйства по типу тех мероприятий, которые проводились до войны, т. Ленин считал негодным. А до войны как раз проводилось то, что рекомендует т. Устинов, т.-е. насаждение хуторов и отрубов и, одним словом, широкое развязывание инициативы «рачительного» хозяина, освобождение его форсированным темпом от всяких пут, задерживающих его

хозяйственную инициативу. Рецепт т. Устинова, следовательно, не нов и уже признан неприемлемым.

Если же говорить о совпадении чьей-либо точки зрения по вопросу деревенской политики с точкой зрения т. Устинова, то напрашивается параллель не с тов. Лениным, а несколько иная.

Так, профессор Кондратьев, выступая в защиту роста производительных сил, говорит: «Мне чувствуется, что в речах некоторых ораторов лежит определенная идея: рост производительных сил остается ростом производительных сил, но если он противоречит каким-либо, скажем, социальным задачам времени, то лучше пожертвовать этим ростом производительных сил... Я конкретизирую свою мысль таким образом: если, скажем, существуют такие взгляды, что коллективная форма желательна по соображениям роста производительных сил, но в данной реальной обстановке она не везде приложима, то, может быть, все же следует пожертвовать вот этим ростом производительных сил и оттеснить другие формы землепользования во имя желательной формы» («Основные начала землепользования и землеустройства», сборник статей и материалов, изд. Ком'академии, 1927 г.). Тов. же Устинов говорит: «Прямо-таки преступным, по нашему мнению, является запрещение населению итти на отруба и хутора там, где нет налицо социально-экономических условий для развития коллективных форм землепользования». Профессор Кондратьев, конечно, безоговорочно подписался бы под этим заявлением, потому что оно в более неприкрытой форме преподносит его основную мысль: предоставить максимум благоприятствования развитию наиболее прогрессивным с его точки зрения формам сельского хозяйства и соответствующим им формам землепользования. Однако, и т. Устинов и профессор Кондратьев могут возразить: не все ли равно, от кого исходит то или иное предложение. Факт остается фактом: отруба и хутора, помимо коллективных форм, самая прогрессивная из всех остальных, а потому и следует создать для них обстановку, при которой бы они могли наиболее нормально развиваться.

Помимо тех цифр, которые приводил т. Устинов о валовой доходности, защитники хуторов и отрубов ссылаются на то, что хуторяне и отрубщики охотнее кооперируются, образуют машинные товарищества и т. д. Все это обыкновенно приводится без указания целого ряда других сопутствующих факторов, которые играют не менее решающую роль в динамике хозяйства, чем формы землепользования. Никому не секрет, что в дореволюционное время застрельщиками по выходу на отруба и хутора были самые состоятельные слои деревни. В значительной степени это есть и в настоящее время. Поэтому одни справки о проценте кооперирования, росте обеспеченности инвентарем, скотом и т. д. еще ничего не говорят о влиянии на этот рост форм землепользования. Известно, что более мощное хозяйство, при прочих равных условиях, быстрее растет, чем более слабое. Вот, если бы т. Устинов потрудился сопоставить при тех или иных формах землепользования социально одинаковые группы хозяйства в отношении роста их хозяйственного благополучия и за срок, который бы давал возможность учесть их динамику,—его цифры тогда что-либо говорили бы. К глубокому сожалению, наша статистика такими данными не располагает. Однако, имеющиеся сейчас пока разрозненные наблюдения не совпадают все же с выводами т. Усти-

нова о прогрессивности хуторских и отрубных форм землепользования. Так, например, в настоящее время проводится работа Московским Земельным Отделом по выяснению причин забрасывания земель сельскохозяйственного назначения в Московской губернии. Это обследование устанавливает, что процесс забрасывания вовсе не наблюдается при коллективных формах землепользования и совершенно в одинаковой степени наблюдается, как при хуторской и отрубной, так при общинной, т.-е., иными словами, хутора и отруба вовсе не являются той формой, которая бы ставила отдельного хозяина в более выгодные условия в отношении развития производительных сил, чем общинная. Как в тех, так и в других условиях маломощный крестьянин выталкивается из хозяйства или потому, что не в силах дальше вести хозяйство, или не желая подвергать себя самоэксплоатации, которая неизбежна в карликовых единоличных хозяйствах. И это в условиях Московской губернии, где, как раз, защитниками участково-подворной формы признается наличие условий, именно, благоприятствующих этой форме.

Помимо этого, вопрос с хуторами и отрубами осложняется еще тем, что эта форма в корне противоречит всему нашему правовому и хозяйственному строю и является историческим пережитком совершенно другой хозяйственной системы.

Дело в следующем. Есть определенный минимум земельной площади, на которой при данном состоянии техники и условиях рынка более или менее рационально единоличное хозяйство; это хозяйство может жить и развиваться. Наши же отруба и хутора сплошь и рядом, учитывая нашу аграрную перенаселенность, уже при самом своем возникновении являются хозяйствами, далеко отстоящими от того размера, при котором мыслима рациональная постановка хозяйства. Ни о какой рационализации в возникающих таким образом карликовых хозяйствах, переобремененных излишком «душ», говорить не приходится. Перспектив у них нет. Если к этому прибавить процесс дробимости, то будущее их весьма безотрадно. Это будущее осложняется еще тем, что одновременно создается на территории хуторизованной деревни культурно-техническая и хозяйственная пестрополосица; возникают рядом самые разнообразные севообороты, хозяйства различной культурности и хозяйственной мощности, обслужить которые агрономической помощью почти невозможно в достаточной степени. У возникшего таким образом конгломерата разнообразных хозяйств будет налицо колоссальная инерция, при попытках его как-либо в дальнейшем преобразовать: что одному выгодно, другому безразлично, или вредно; один остался при трехполье или совсем пахал, как бог на душу положит, другой ввел многополье, и всякая ломка существующего порядка для него окажется тяжелейшим потрясением. Сдвинуть всю эту разрозненную массу по пути тех или иных общих мероприятий будет делом бесконечно сложным.

Все это хорошо учитывали и столыпинские землеустроители, но они на это шли сознательно. Их ставка была на сильного. Они знали, что, в созданном ими конгломерате хозяйств будет пестрота, будет разоряться известная часть хозяйств, но они считали это неизбежным и были уверены, что из возникшей таким образом борьбы выйдут победителями сильнейшие, слабые будут выброшены за борт, а их земля округлит и доведет до

возможного оптимума земли сильной группы в порядке товарно-земельного оборота. У нас таковой оборот отсутствует, он не совместим с национализацией земли, и, стало быть, раз возникшие несуразные карликовые хозяйства вынуждены будут такими и существовать, пока не станет вопрос об уничтожении всей системы хуторов и отрубов.

Это и понимают все более или менее последовательные защитники подворной формы землепользования. Так профессор Макаров («Основные начала землепользования и землеустройства», изд. Комакадемии, 1927 г.) предлагает ввести компенсацию, т.-е. денежную уплату за отказ от земли, а профессор Кондратьев (там же) развивает далее эту мысль и высказывается за создание «института компенсации в широком смысле», при котором еще не приходится говорить о создании ипотеки, но... подумать о чем-либо аналогичном приходится. Профес. Макарову и всем, разделяющим его взгляды, требуется превращение земли в ценностную категорию для того, чтобы создать условия, при которых мыслима нужная им форма хозяйства нормально развивающейся. Они понимают, что развитие нашего сельского хозяйства по старому типу единоличного хозяйства, которому собственно и соответствует участково-подворная форма землепользования, при последовательном проведении национализации земли не имеет перспектив. Отказаться от своего идеала организации хозяйств они не желают, а потому вносят предложение «об очистке общего земельного закона от наслоений исторического периода и о некотором продвижении вперед». Тов. Устинов всего этого в своем увлечении хуторами и отрубами не замечает и хочет навязать партии чуждую ей точку зрения.

Итак, никаких оснований к тому, чтобы из ряда других форм землепользования обладать преимуществом в глазах партии, отруба и хутора не имеют. Наоборот, являясь отражением хвостистских настроений известной части крестьянства и подпадающих под это настроение земельных работников, хутора и отруба должны, в каждом отдельном случае, вызывать со стороны партии самое критическое отношение. Если не приходится говорить об их прямом или косвенном запрете—воля партии о выборе форм землепользования выявлена вполне четко, полная свобода выбора в этой области крестьянству обеспечена,—то с другой стороны партии едва ли следует брать на себя обязательство, как это рекомендует т. Устинов, смести все тернии с путей этой формы землепользования.

В заключение—несколько слов о том, как же партия относится к общинной форме землепользования, борьба против которой дала повод взять под свою защиту т. Устинову хутора и отруба.

«С точки зрения идеологов буржуазии дело обстоит просто—развитие сельского хозяйства и развитие индивидуалистических форм его—равнозначны, недопустимо, чтобы община задерживала их». (Л. Крицман. «Новый этап». См. ранее цитирован. сборн.). Партия так ставить вопрос не может. Как бы ни важна была задача содействия развитию производительных сил деревни, она никогда не должна закрывать «главную коренную задачу социалистического строительства» (Карпинский. «Основные начала нашего аграрного законодательства». См. там же). Поэтому партия, хорошо учитывая недостатки старого земельного общества и не собираясь его консервировать, учитывает одновременно и то, что

«земельные общества существуют у нас, они изменяют свою природу, свою форму, но они существуют и их вычеркнуть из суб'ектов землепользования нельзя». (Милютин, см. ранее цитирован. сборн.). Разрушать их форсированным темпом в угоду насаждения подворных форм землепользования, соответствие которых тому типу развития сельского хозяйства, каковой желателен партии, чрезвычайно сомнительно, партия тоже едва ли станет. тем более, что даже опыт такого района, как Московская губерния, показал, «что форма общинного землепользования с устранением дальноземелья, через- и узкополосицы и т. п. является более удовлетворительной формой, чем хутора и отруба» (доклад т. Баумана на XVI московской партконференции о работе в деревне).

Ем. Ярославский.

Философия упадочничества.

Опубликовывая предсмертное письмо А. Иоффе, мы делаем попытку прекратить бессовестную спекуляцию на смерти Иоффе, которая предпринята была оппозицией накануне XV с'езда. Накануне XV с'езда оппозиция попыталась представить смерть Иоффе, как акт героизма, как «смерть во имя жизни и борьбы». В издававшемся до с'езда подпольном листке оппозиции «Материалы к дискуссии» (19/XI—27 г.) мы находим следующие «замечательные» строки:

«*Выстрел Иоффе—это не есть проявление упадочничества, проявление социального пессимизма. Наоборот, это—проявление социального оптимизма.* Если б наш покойный товарищ не верил в рабочий класс и его партию, если б он не верил в наше будущее, он не ушел бы от жизни только потому, что у него не осталось сил для борьбы».

«*Так, как умер Иоффе, так умирают только революционеры, выше всего ставящие не личные интересы, а интересы класса.* Иоффе умер, чтобы смертью своею звать других к тому, на что у него нехватало более сил,—к неустанной борьбе во имя грядущего. Это есть поистине *смерть во имя жизни и борьбы*. Это есть *решительный протест* против опасности засыпания, против опасности успокоения на том, что достигнуто. *Такая смерть не может вызвать в борцах уныния и пессимизма; наоборот* (?!! *Е. Я.*), *она будит, она поднимает, она зовет вперед.* Умирая, Иоффе не бросает знамени, он умирает *под старым знаменем* (РСДРП меньшевиков? *Е. Я.*) *во имя ленинского знамени*, во имя коммунизма, во имя великого дела международного пролетариата (так и сказано «под *старым* знаменем *во имя ленинского знамени*.. *Е. Я.*). Да, знамя Иоффе—это знамя Маркса и Ленина.

«Мы будем нести это знамя вперед, мы донесем его до конца» (подчеркнуто везде мною. *Е. Я.*).

Не для полемики с бесславно кончившей оппозицией мы выписали этот образец спекуляции на смерти больного Иоффе. Мы имеем в виду, что такого рода гнилая, упадочническая философия навязывается нескольким тысячам бывших и настоящих членов нашей партии, среди которых распространялось влияние этой философии, среди которых живут и «действуют» те, кто намерен продолжать свой путь «под знаменем Иоффе».

Упадочнические настроения могут выступать и под архиреволюционной оболочкой, которую Ленин формулировал сло-

вами: «Левая фраза—правое дело». В период поражения первой революции упадочнические настроения нередко рядились в яркие анархо-синдикалистские одежды; религиозный мистицизм выступал нередко под покровом самой цветистой «левой» «революционной» фразеологии. Даже выпячивание проблемы пола в период ликвидаторства происходило не без попыток изобразить эти настроения разложения, как настроения революционные. Троцкисты особенно изощрились в деле прикрытия левой фразой антиреволюционных политических тенденций. Это не раз отмечал Ленин.

Период перехода к нэпу оказался также не под силу отдельным товарищам. Были и выходы из партии, и отходы от политической деятельности, и самоубийства (вспомните самоубийство Ю. Лутовинова). Никому в голову, однако, не приходило об'являть эти факты «*проявлениями социального оптимизма*». Все сознавали: тяжести и испытания революции, как результат затяжки мировой революции, оказались *не под силу* этим товарищам. Никому в голову не приходило *расхваливать* эти самоубийства, несмотря на высокую ценность этих товарищей, как революционеров-большевиков (отнюдь не меньшую, во всяком случае, чем А. Иоффе).

Анализируя причины самоубийства Ю. Лутовинова, К. Радек писал тогда о том, что у Ю. Лутовинова не раз проявлялось «непонимание того, что пролетариату нельзя разом прыгнуть от капитализма к социализму, да притом еще в такой мелкобуржуазной стране, как Россия». «Он видел мозгом все затруднения, но вся его натура бунтовала против них. И это противоречие между логикой разума и чувства накладывало на него трагический *отпечаток внутренней разорванности и неуравновешенности*»... «В нем не слышалось этой спокойной равномерной поступи рабочих батальонов, о которой когда-то говорил Лассаль, в нем были и нетерпеливость и скачки. *Если бы такое настроение жило в широких рабочих массах, то в моменты затруднений это приводило бы революцию к глубоким потрясениям*». Есть ли здесь хоть одно слово восхваления самоубийства? У Ю. Лутовинова были очень большие расхождения с партией (Лутовинов принадлежал к «раб. оппозиции»), однако только злейшим врагам могло бы притти в голову *оправдывать* самоубийство этого товарища... внутрипартийным режимом. Наоборот, К. Радек доказывал, что... «надрыв тов. Лутовинова не бросает ни на него, ни на нас никакой тени»... Он старался утешить Ю. Лутовинова... старыми статьями голландского марксиста Антона Панекука, который доказывал перед войною, что «диктатура пролетариата только предрешает, что отныне пролетарский интерес будет руководящим, но не сможет в короткое время обеспечить пролетариату удовлетворение его законнейших экономических, культурных и бытовых потребностей». К. Радек умел видеть тогда, что Ю. Лутовинову *мешало* работать и жить то, что «он не мог примириться с медленным ростом социалистических элементов после захвата власти, с медленным исчезновением нищеты»... «с тем, что пролетариат, захвативши власть, должен очень долго и мучительно учиться владеть ею»... «Он не видел проблемы, заключающейся в том, что власть есть не только власть, но и знание». «Надо научиться,—советовал в конце своей статьи К. Радек,—решать все личные сомнения и затруднения под углом

зрения ее (пролетарской революции. *Е. Я.*) развития». («Правда», № 104. 10/V—24 г. Памяти тов. Юрия Лутовинова).

Мы не касается вопроса о том, правильно или неправильно характеризовал К. Радек Ю. Лутовинова. Мы хотим лишь отметить—и это каждый чувствует,—что тогда была попытка честно разобраться в причинах самоубийства и не было и тени попытки использовать эту смерть против своей партии, как не было и тени попытки *оправдывать* самоубийство Лутовинова.

Не то теперь. Самоубийство оппозиционера—разве можно пропустить такой прекрасный случай! Чем бы эта смерть ни об'яснялась, надо найти ей оправдание, самое что ни на есть принципиальнейшее! И исторические и философские обоснования под нее подвести и моральные, и политические! Одним словом, надо во что бы то ни стало самоубийство больного человека возвести в «смерть во имя жизни и борьбы!».

* * *

В подпольном листке «Материалы к дискуссии» от 24/XI—27 г. троцкисты опубликовали нужные для их нападок на партию выдержки из предсмертного письма Иоффе. Письмо это было тотчас же после смерти Иоффе разослано всем членам ЦК и ЦКК. Тем не менее, троцкисты поспешили всюду возвестить о том, что это письмо похищено, скрыто и т. п. Эту гнусную сплетню распространяют с ведома троцкистов (и по их указанию?) и заграничные органы масловцев и французской оппозиции (журнальчик Трэна и других путаников «Против течения», № 2—3).

Иоффе написал свое письмо для использования против партии... «Я, конечно, рассчитываю на использование вами этого письма»,—писал он Л. Троцкому. Он, однако, не думал, что письмо станет достоянием партии прежде, чем оно будет в той или иной степени фальсифицировано... «Я боюсь за это свое письмо,—писал он,—такое письмо не может быть не суб'ективным, а при столь резком суб'ктивизме может утратиться критерий об'ективности, и какая-нибудь одна фальшиво звучащая фраза может испортить все впечатление от письма». Да, Иоффе не напрасно боялся этого: фальшиво звучащих фраз в этом письме так много, что оно подверглось бы самой основательной переделке, если б подлинник его не находился в ЦК партии. На такую переделку Иоффе дал прямое согласие.

«Поэтому,—приписывает Иоффе 16/XI,—*я не только даю Вам полнейшую свободу редактирования моего письма, но даже очень прошу Вас исключить из него все то, что Вам покажется лишним и добавить то, что Вы считаете необходимым*».

Здесь уже не надрыв, а просто *глубокое разложение*. Мало этого: здесь полная уверенность в том, что друзья—наследники по фракции—*способны прибавить к посмертному письму все, что сочтут необходимым*, т.-е. способны к подлогу, к фальсификации. Только в упадочной, разлагающей обстановке полуменьшевистской фракции, борющейся против ленинской партии, могут вырасти этакие ядовитые цветы. И только в расчете на то, что троцкистское подполье *скроет* такое «завещание» можно было его составлять: если б Иоффе знал, что его письмо станет известным без всяких прикрас, он не *посмел* бы этого написать.

Писать после этого в подпольном листке, что «выстрел Иоффе—это не есть проявление упадочничества, проявление социального пессимизма», писать, что «наоборот, это—проявление социального оптимизма», могут только люди, сами насквозь пропитавшиеся этим гнилым воздухом разложения, упадочничества, аморализма по отношению к ленинской партии, членами которой эти люди оставались, строя свою собственную партию—троцкистов «под знаменем Иоффе».

* * *

Бесполезно было бы вести полемику по поводу того, правы ли были Поль и Лаура Лафарг, кончая самоубийством, когда им показалось, что они уже не могут быть полезны для революции. Однако, одно дело—буржуазная Франция в конце XIX столетия; другое дело—СССР. Одно дело—период господства империализма; другое дело—социалистическое строительство в первом рабочем государстве. Из первых страниц письма Иоффе мы узнаем, что он давно уже усвоил себе такой фаталистический взгляд, который должен был его привести,—годом раньше или позже—к самоубийству. Но при чем же тут партия?! Зачем валить—буквально—с больной головы на здоровую?! Во всяком случае—*ничего пролетарского* в такой философии нет. Всякий рабочий, работающий на производстве или даже по инвалидности неспособный работать на производстве, но помогающий, по мере сил, общественной работе своего класса, отвергнет эту философию, как чужую. Это, во всяком случае, не философия поднимающегося, идущего к полному освобождению трудовых масс класса.

Не собираемся мы спорить и против другого «тезиса» Иоффе, что всю нашу деятельность мы, будто бы, осмысливаем «служению бесконечному». Нам кажется, что это тоже—не из пролетарской философии.

Иоффе был несколько лет болен. Эта болезнь сделала его не только раздражительным, но, как это нередко бывает с больными людьми, *несправедливым* к окружающим. На этот раз несправедливость эта вылилась в жалобах на невнимание к нему партии. Это обвинение подхватила оппозиция и распространяет его. Но было ли это невнимание? Вот что пишет по этому поводу врач, работающий при лечебной комиссии ЦК ВКП(б):

«Тов. А. А. Иоффе совершенно больным в 1923 г. был привезен из Японии в Москву и сразу же помещен в санаторий для нервно-психических больных «Покровско-Стрешнево», имея в качестве основных заболеваний: тяжелый морфинизм и, так называемый, Корсаковский психоз.

Заболев в 1922 г. какой-то инфекционной болезнью в Манчжурии, тов. Иоффе в течение $1^1/_2$ лет лечился сначала в Китае, затем в Японии от последствий этой инфекционной (продолжавшейся около 10 дней) болезни—множественного воспаления нервов. Главным видом лечения было применение препаратов опия и морфия в качестве болеутоляющих средств. За время лечения т. Иоффе принимал эти средства в громадных количествах, доводя за сутки прием морфия до 2 грамм (смертельной дозой морфия является 0,1 грамма за 1 прием).

Не только не вылечившись от полиневрита, но став морфинистом и заболев нервно-психическим расстройством под названием Корсаковского психоза с бредом и галлюцинациями, тов. Иоффе после лечения в подмосковном санатории излечился от острого психического заболевания, но от морфинизма, несмотря на тщательное лечение, полностью не освободился.

С момента приезда в Москву и помещения в санатории тов. Иоффе, равно как и члены его семьи, стали обслуживаться специалистами и медицинским аппаратом Санупра Кремля.

Имея в качестве постоянного лечащего врача старшего ординатора Кремлевской больницы, д-ра Л. Г. Левина, тов. Иоффе за все годы своей болезни, в порядке лечебном и консультативном, обслуживался известнейшими специалистами, авторитет которых выходит за пределы нашей страны.

В числе лечивших и наблюдавших тов. Иоффе специалистов были профессора: Плетнев, Гетье, Виноградов, Минор, Крамер, Давиденков, Каннабих, Ганнушкин, Тарасевич, Авербах, Фронштейн, Залкинд, врачи—Левин, Канель, Эпштейн; в консилиумах принимали участие в разное время—Погосянц, Ружейников, Семашко, Обросов.

Имея лечебную карточку, пользуясь, как врач, правом непосредственной выписки медикаментов из Кремлевской аптеки, тов. Иоффе был обеспечен максимальной медицинской помощью.

За время своей болезни тов. Иоффе неоднократно помещался в Кремлевскую больницу, при чем один раз в из'ятие из общего правила вместе с ним были помещены его жена и ребенок, так как без них он чувствовал себя плохо.

В 1924—25 и 27 гг. направлялся Лечебной Комиссией на лечение за границу, главным образом, в Вену к доктору Адлеру, сроком на 3—4 месяца каждую поездку. В 1926 г. был направлен вместе с женой в Крым (Ялта).

Из членов семьи—дочь тов. Иоффе направлялась на лечение в 1925 г. в Мацесту на $1^1/_2$ мес. и в подмосковный санаторий на 1 мес.; в 1926 г. в Крым на 1 мес.; 1927 г. в подмосковный санаторий на 1 мес. и в санаторий «Шафраново» на 1 мес.

На заграничное лечение тов. Иоффе было отпущено с 1924 по 1927 г. свыше 36.000 рублей.

Как уже было указано, основным заболеванием тов. Иоффе являлся тяжелый упорный морфинизм, и большинство других болезненных явлений, которыми страдал тов. Иоффе, были прямыми или косвенными следствиями его наркомании.

В виду того, что морфинизм является заболеванием, лечение которого возможно лишь в лечебном заведении больничного типа, и что недавняя поездка тов. Иоффе за границу не дала сколько-нибудь значительного улучшения, возник вопрос о возможности лечения тов. Иоффе в пределах СССР. На вопрос о такой возможности консультация специалистов в составе: профессоров Давиденкова, Виноградова, д-ра Левина с участием врача ЦК ответила утвердительно, указав, что Кремлевская больница при условии соблюдения необходимых для лечения наркоманов правил (строжайший режим, участие психиатров в качестве руководителей лечения и проч.) является наиболее подходящим для указанной цели учреждением. На возможность установления в Кремлевской больнице по отношению к тов. Иоффе режима закрытого учреждения администрация больницы ответила утвердительно. На основании сказанного было решено обратиться к тов. Иоффе за согласием, что было возложено на врача ЦК, *но ни*

Писать после этого в подпольном листке, что «выстрел Иоффе—это не есть проявление упадочничества, проявление социального пессимизма», писать, что «наоборот, это—проявление социального оптимизма», могут только люди, сами насквозь пропитавшиеся этим гнилым воздухом разложения, упадочничества, аморализма по отношению к ленинской партии, членами которой эти люди оставались, строя свою собственную партию—троцкистов «под знаменем Иоффе».

* * *

Бесполезно было бы вести полемику по поводу того, правы ли были Поль и Лаура Лафарг, кончая самоубийством, когда им показалось, что они уже не могут быть полезны для революции. Однако, одно дело—буржуазная Франция в конце XIX столетия; другое дело—СССР. Одно дело—период господства империализма; другое дело—социалистическое строительство в первом рабочем государстве. Из первых страниц письма Иоффе мы узнаем, что он давно уже усвоил себе такой фаталистический взгляд, который должен был его привести,—годом раньше или позже—к самоубийству. Но при чем же тут партия?! Зачем валить—буквально—с больной головы на здоровую?! Во всяком случае—*ничего пролетарского* в такой философии нет. Всякий рабочий, работающий на производстве или даже по инвалидности неспособный работать на производстве, но помогающий, по мере сил, общественной работе своего класса, отвергнет эту философию, как чужую. Это, во всяком случае, не философия поднимающегося, идущего к полному освобождению трудовых масс класса.

Не собираемся мы спорить и против другого «тезиса» Иоффе, что всю нашу деятельность мы, будто бы, осмысливаем «служению бесконечному». Нам кажется, что это тоже—не из пролетарской философии.

Иоффе был несколько лет болен. Эта болезнь сделала его не только раздражительным, но, как это нередко бывает с больными людьми, *несправедливым* к окружающим. На этот раз несправедливость эта вылилась в жалобах на невнимание к нему партии. Это обвинение подхватила оппозиция и распространяет его. Но было ли это невнимание? Вот что пишет по этому поводу врач, работающий при лечебной комиссии ЦК ВКП(б):

«Тов. А. А. Иоффе совершенно больным в 1923 г. был привезен из Японии в Москву и сразу же помещен в санаторий для нервно-психических больных «Покровско-Стрешнево», имея в качестве основных заболеваний: тяжелый морфинизм и, так называемый, Корсаковский психоз.

Заболев в 1922 г. какой-то инфекционной болезнью в Манчжурии, тов. Иоффе в течение $1\frac{1}{2}$ лет лечился сначала в Китае, затем в Японии от последствий этой инфекционной (продолжавшейся около 10 дней) болезни—множественного воспаления нервов. Главным видом лечения было применение препаратов опия и морфия в качестве болеутоляющих средств. За время лечения т. Иоффе принимал эти средства в громадных количествах, доводя за сутки прием морфия до 2 грамм (смертельной дозой морфия является 0,1 грамма за 1 прием).

Не только не вылечившись от полиневрита, но став морфинистом и заболев нервно-психическим расстройством под названием Корсаковского психоза с бредом и галлюцинациями, тов. Иоффе после лечения в подмосковном санатории излечился от острого психического заболевания, но от морфинизма, несмотря на тщательное лечение, полностью не освободился.

С момента приезда в Москву и помещения в санатории тов. Иоффе, равно как и члены его семьи, стали обслуживаться специалистами и медицинским аппаратом Санупра Кремля.

Имея в качестве постоянного лечащего врача старшего ординатора Кремлевской больницы, д-ра Л. Г. Левина, тов. Иоффе за все годы своей болезни, в порядке лечебном и консультативном, обслуживался известнейшими специалистами, авторитет которых выходит за пределы нашей страны.

В числе лечивших и наблюдавших тов. Иоффе специалистов были профессора: Плетнев, Гетье, Виноградов, Минор, Крамер, Давиденков, Каннабих, Ганнушкин, Тарасевич, Авербах, Фронштейн, Залкинд, врачи—Левин, Канель, Эпштейн; в консилиумах принимали участие в разное время—Погосянц, Ружейников, Семашко, Обросов.

Имея лечебную карточку, пользуясь, как врач, правом непосредственной выписки медикаментов из Кремлевской аптеки, тов. Иоффе был обеспечен максимальной медицинской помощью.

За время своей болезни тов. Иоффе неоднократно помещался в Кремлевскую больницу, при чем один раз в из'ятие из общего правила вместе с ним были помещены его жена и ребенок, так как без них он чувствовал себя плохо.

В 1924—25 и 27 гг. направлялся Лечебной Комиссией на лечение за границу, главным образом, в Вену к доктору Адлеру, сроком на 3—4 месяца каждую поездку. В 1926 г. был направлен вместе с женой в Крым (Ялта).

Из членов семьи—дочь тов. Иоффе направлялась на лечение в 1925 г. в Мацесту на $1\frac{1}{2}$ мес. и в подмосковный санаторий на 1 мес.; в 1926 г. в Крым на 1 мес.; 1927 г. в подмосковный санаторий на 1 мес. и в санаторий «Шафраново» на 1 мес.

На заграничное лечение тов. Иоффе было отпущено с 1924 по 1927 г. свыше 36.000 рублей.

Как уже было указано, основным заболеванием тов. Иоффе являлся тяжелый упорный морфинизм, и большинство других болезненных явлений, которыми страдал тов. Иоффе, были прямыми или косвенными следствиями его наркомании.

В виду того, что морфинизм является заболеванием, лечение которого возможно лишь в лечебном заведении больничного типа, и что недавняя поездка тов. Иоффе за границу не дала сколько-нибудь значительного улучшения, возник вопрос о возможности лечения тов. Иоффе в пределах СССР. На вопрос о такой возможности консультация специалистов в составе: профессоров Давиденкова, Виноградова, д-ра Левина с участием врача ЦК ответила утвердительно, указав, что Кремлевская больница при условии соблюдения необходимых для лечения наркоманов правил (строжайший режим, участие психиатров в качестве руководителей лечения и проч.) является наиболее подходящим для указанной цели учреждением. На возможность установления в Кремлевской больнице по отношению к тов. Иоффе режима закрытого учреждения администрация больницы ответила утвердительно. На основании сказанного было решено обратиться к тов. Иоффе за согласием, что было возложено на врача ЦК, *но ни*

известить тов. Иоффе о решении консилиума, ни получить его согласия не удалось вследствие самоубийства больного.

Тов. Иоффе, как врач, для личного пользования выписывал из Кремлевской аптеки медикаменты *непосредственно*, т.-е. без визы лечащих его врачей, или главврача больницы, или врача ЦК. Рецепты тов. Иоффе удовлетворялись без отказа, но за последнее время т. Иоффе начал выписывать сильнодействующие наркотические средства (препараты морфия) в количествах, возбуждавших опасение за их отравляющее действие, в связи с чем администрация Санупра обратилась к врачу ЦК за указаниями о порядке дальнейшего отпуска наркотических средств по рецептам тов. Иоффе. Врачем ЦК было предложено отпускать наркотические средства лишь по рецептам или с визой лечащих тов. Иоффе врачей. Указанная мера была вызвана тем, что одним из средств решительной борьбы с наркоманией является лишение больного возможности пользоваться наркотическими средствами, руководствуясь лишь собственным в том желанием.

Остальные же медикаменты тов. Иоффе выписывал и получал из Кремлевской аптеки в значительных количествах без всяких ограничений.

В заключение необходимо указать, что прогноз при морфинизме относительно жизни неблагоприятен—продолжительность злоупотребления морфием ведет к общему маразму и раньше или позже к смерти. У некоторых развивается душевное расстройство, другие кончают самоубийством.

Морфинизм у врача с психопатической конституцией, как это имелось в случае тов. Иоффе, принадлежит к числу наиболее неблагоприятных и неблагодарных в смысле лечения и предсказания заболеваний».

* * *

Очень грустно, что приходится отвечать и *на такие* нападки на партию. Но что же делать, если против партии выдвигаются упреки, будто она пожалела 1000 рублей на лечение больного товарища, тогда как на самом деле, если взять *только* заграничное лечение Иоффе за 3 года, на него было затрачено 36.000 рублей. *Пусть пролетариат судит*,—была ли здесь проявлена скупость, не было ли, наоборот, такой щедрости, какую страна может себе позволить *только в исключительных случаях*? Но одно дело—физическая болезнь, а другое дело—жалобы на то, что «революция лишила меня моего состояния». Иоффе, действительно, был до революции богатым человеком. Но разве это пролетарская черта—жаловаться на то, что революция лишила члена партии его состояния? Пролетариат участвует в революции, зная, что он в революции «может потерять только свои цепи, приобретает же он целый мир». Нет, жалобы Иоффе—не из пролетарского мира, это—философия мелкобуржуазного революционера, который подводит перед смертью цифровой баланс в своей приходо-расходной книжке и подсчитывает, что он на партию истратил на столько-то рублей больше денег, чем партия истратила на него. Гнилая это «философия», это не наше, не коммунистическое отношение к партии, к классу.

Из того же негодного материала построены и обвинения против партии, что она не разрешала Иоффе писать мемуары по заказу англо-американской буржуазии, без своего просмотра, что

партия требовала предварительной редакции всего того, что публикует от своего имени член партии, занимающий дипломатический пост. Партия *не только в праве*,—она обязана требовать такой редакции Политбюро ЦК или НКИД. И прямо *стыдно* читать эти жалобы на то, что вот 20.000 долларов ускользают, особенно позорно это жалкое прикрытие теми соображениями, что Иоффе, видите ли, был заинтересован в том, чтобы правильно осветить «истинных вождей революции»! Это по заказу-то англо-американских издательств! Неужели и это—«во имя жизни и борьбы!». Неужели и это—«проявление социального оптимизма» и проч. и проч.?! С корнем надо рвать такую гнилую философию всюду, где покажутся ее самые маленькие ростки, как антипролетарские!

«Партия меня обидела»—это неумолчно звучит во всех выступлениях оппозиции. Эти жалобы на заезжание; на недооценку, на обиды со стороны партии по отношению к меньшинству отмечал В. И. Ленин еще в 1904 г., отвечая меньшевику Троцкому и другим тогдашним меньшевикам. Эта же жалоба на обиду со стороны партии составляет основное содержание письма Иоффе. Он жалуется на то, что партия, руководствуясь соображением «не давать работы оппозиционным элементам, не дает мне (Иоффе) ни партийной, ни советской работы того масштаба и характера, в которых я мог бы принести максимум посильной мне пользы». Все знают, что это—неправда. Партия поручала оппозиционерам самые ответственные посты, вплоть до членов правительства (два Наркома—И. Н. Смирнов и Белобородов) до XV с'езда, до того, как оппозиция перешла к явно *антисоветским* шагам (подпольные антипартийные типографии, уличные демонстрации, организация при содействии самого А. Иоффе подпольного «Красного Креста» для поддержки этой антисоветской и антипартийной деятельности и т. п.). Кто прочтет внимательно письмо Иоффе, тот должен будет сказать: партия *не имеет права* оказывать людям, так относящимся к партии, *большего доверия*.

В одном из подпольных листков («Материалы к дискуссии» 24/XI—27 г.) троцкисты пытаются «об'яснить» жалобу Иоффе, что и оппозиция ему не давала работы по его «масштабу». «Это место письма А. А. Иоффе требует пояснений», пишут троцкисты. «Друзья удерживали А. А. от *открытой* (значит от конспиративной не удерживали? *Е. Я.*) и активной аппозиционной работы, опасаясь, как бы в наказание за нее А. А. не был лишен возможности выехать за границу для длительного лечения, без которого его работа вообще могла быть лишь кратковременной». *Странное «об'яснение»*! Обычно оппозиция жаловалась и в ИККИ и внутри ВКП(б) на обратное: *жаловалась на то, что ее «ссылают» за границу*. Всякий видит, насколько жалко, насколько фарисейски лицемерным является это «об'яснение». Правда в том, что Иоффе был настолько болен, наркомания, морфинизм настолько расслабили его, что ни партия, ни оппозиция *не могли* поручать ему *большей работы*.

Вероятно, кое-кто из троцкистов, у которых, как некогда у эсэров «благородство» заменяет программу, а истерия—тактику, изобразит самое благородное негодование по поводу «тона», в котором мы *вынуждены* касаться письма застрелившегося Иоффе («*усопшего*», как пишут ханжески-поповски троцкисты). Но если

«перед смертью не лгут», то нам, живым, тем более непристойно лгать, особенно когда эта ложь направлена *против партии*.

* * *

Итак: «Перед смертью не лгут». Какую «правду» о самом себе и о ЦК ВКП(б) сообщает Иоффе перед смертью, мы видели. Мы можем найти этой «правде» только одно оправдание, если отвлечься от того, что *письмо специально написано для того, чтобы его использовали против партии*: вся психика Иоффе (одного ли его?) настолько разрушена троцкистским подпольным бытием, что Иоффе мог допустить и такие утверждения, будто он «*собственными ушами слышал, как Ленин признавал, что и в 1905 г. не он, а Вы были правы*. Перед смертью не лгут, и я еще раз повторяю Вам это теперь». «Я никогда не сомневался,—пишет Иоффе Л. Троцкому,—в правильности намечавшегося Вами пути, и Вы знаете, что более 20 лет иду вместе с Вами, со времени «перманентной революции».

Где, когда Иоффе слышал от Ленина, что и в 1905 г. был прав не он, Ленин, не большевистская партия, а Троцкий с его теорией «перманентной революции», которую Ленин называл, как известно, «несуразно-левой»? Не в бредовом ли воображении морфиниста возникла этакая галлюцинация? Если и в 1905 г. не он, а Вы (т.-е. Л. Троцкий. *Е. Я.*) были правы», то и в другие годы была права не большевистская партия, а Троцкий. Иоффе «*никогда* не сомневался в правильности намечавшегося» Л. Троцким пути: ни тогда, когда Троцкий сколачивал августовский блок, ни тогда, когда колебался между большевиками и меньшевиками в период империалистической войны, ни в период Бреста, ни в профсоюзную дискуссию. Но большевистская партия не только сомневалась, Ленин не только «сомневался» в правильности этого пути, но в целом ряде литературных произведений резко *осудил* троцкизм и *1905 г.*, и последующих годов. Для чего понадобилась эта клевета на Ленина, будто он неоднократно признавал, что партия ошибалась, а Иоффе и Троцкий были правы, как не для того, чтобы попытаться дать еще один образец и беспардонного отношения к имени Ленина и не менее беспардонного обращения с историческими фактами со стороны троцкистов. Однако, это вовсе не случайный болезненный выпад Иоффе: это часть той же упадочнической философии, которая выдумывает «факты» («собственными ушами слышал»), чтобы оправдать неправильный путь троцкизма. Если, действительные, не выдуманные факты, если все то, что делал, писал, или говорил Ленин против троцкизма, противоречат утверждениям троцкистов,—тем хуже для этих фактов,—так думают последователи такой гнилой упадочнической философии.

* * *

В соответствии с тем, что всегда говорил учитель Иоффе— Л. Троцкий,—Иоффе не может иначе расценивать исключение Зиновьева и Троцкого, как «величайшей важности историческое событие», которое «*неизбежно должно явиться началом термидорианского периода в нашей революции*».

И вот, совершенно так же, как герои мелкобуржуазной эсэровской партии воображали, что «эксцитативным» террором они дают *толчок* движению масс, Иоффе делает попытку подвести под свое самоубийство мотивировку героического поступка. Он изображает дело так, что его самоубийству на ряду с «величайшей важности историческим событием»—исключением Зиновьева и Троцкого из партии—«*суждено стать именно тем толчком, который пробудит партию и остановит ее на пути скатывания к термидору*».

XV с'езд показал, кто к чему скатывался, когда для всякого стало ясно, что партия здоровее, крепче, чем когда бы то ни было, полна сил и энергии социалистического строительства, связана с массами, как никогда, близка пролетариату, охватывает такие пролетарские массы, как никогда. Это меньшевистское, нудное карканье насчет термидора звучит теперь прямо смешно. Но оно ведь составляет *нутро* той гнилой философии, которая не видит ничего, кроме политических сумерек в стране, где развертывается невиданной мощности социалистическое движение, которая в гибели собственных планов видит гибель, «закат» революции, свое собственное перерождение принимает за перерождение партии, свой распад принимает за распад партии. Если это еще неясно, это прочувствует каждый, кто прочтет письмо А. Иоффе, которое тем и характерно, что в наиболее обнаженной форме вскрыло полную несовместимость троцкистской философии с борьбою за социализм уверенного в своих силах пролетарского класса, уверенной в своей правоте ленинской большевистской партии.

Мы знаем, что для многих из тех, кто увлекся на путь борьбы с партией, кого обманули имена вождей оппозиции и кажущаяся убедительность их критики недостатков нашей партии и Коминтерна, переживаемый нами момент является трагедией. Два года (а иные много лет) оппозиция собирала свои силы. Громкие имена вождей, талантливые ораторы и писатели вооружились против партии и вооружили несколько тысяч членов партии для борьбы с ленинской партией под предлогом, что эта партия перерождается, переродилась, окулачилась, отермидорилась и проч. и проч. Все средства были пущены в ход. А в результате—неслыханное поражение—идейный и организационный разгром, сознание своей неправоты, мучительные поиски выхода из того, тупика, куда завели их те, кто шел «под знаменем Иоффе». Для многих товарищей, которых эта борьба против партии привела к тому, что они очутились фактически или морально вне ВКП(б), путь возвращения к партии будет тем более мучительным путем, чем глубже раз'ела их эта философия упадочничества, звучащая в каждой строке письма Иоффе. Вот почему мы считаем, что обязаны были *со всей резкостью* вскрыть антиленинские, антипролетарские черты этой упадочнической философии, философии разложения, которая развивается на почве пораженческих настроений оппозиции, перерождающейся все более и более в неприкрытый меньшевизм.

К счастью, эта похоронная философия могла захватить в нашей партии ничтожную часть. Сама партия настолько здорова, что она способна влить новые жизненные соки во всякого, кто найдет в себе честность признать и осудить безоговорочно свои ошибки, вернуть этим товарищам жизнерадостность творчества пролетарской партии, строящей социализм.

Мы только-что получили № 2 — 3 журнальчика французской оппозиции (Трэн и др.), где помещено описание похорон Иоффе в совершенно таких тонах, как описывают выдуманные восстания в нашей стране «собственные корреспонденты» белогвардейских газет. Вот полюбуйтесь:

«Его похороны послужили поводом для организации *грандиозной демонстрации* в Москве. Несмотря на то, что похороны состоялись в рабочие часы, *тысячи и тысячи рабочих*, товарищей по партии, делегатов от Красной армии следовали за гробом, который, между прочим, несли также Троцкий и Чичерин. Был серый день и снежный путь, день, который хватал за сердце. Когда процессия достигла Новодевичьего кладбища, Чичерин, Карахан и Раковский произнесли речи над могилою Иоффе. «Он ушел,—сказал Раковский,—когда он понял, что этим крайним поступком он будет служить своей партии». И после этого заговорил Троцкий. По мере того, как развертывалась его мысль, сосредоточенное внимание все усиливалось, и, когда *среди общего волнения и неописуемого молчания*, Троцкий закончил свое прощальное слово, говоря: «Как ты, мы клянемся итти до конца, не ослабевая, под знаменами Маркса, и Ленина!»—буря криков вылилась в словах: «Мы тоже клянемся!»

На обратном пути Троцкого, Зиновьева, Раковского и Каменева встречали горячие манифестации симпатии со стороны рабочих, которые составляли процессию».

Ну, скажите: кому нужно это бесстыдное, хлестаковское вранье, это «неописуемое молчание («Silence indicible»), это превращение обычных в Москве похорон в «грандиозную демонстрацию»?

Е. Я.

Приложение k статье тов. Е. Ярославского.

ПИСЬМО А. ИОФФЕ.

Дорогой Лев Давидович!

Я всегда, всю свою жизнь стоял на той точке зрения, что политический, общественный деятель должен также уметь вовремя уйти от жизни, как, например, актер—со сцены, и что тут даже лучше сделать это слишком рано, нежели слишком поздно. Еще зеленым юношей, когда самоубийства Поля Лафарга и жены его Лауры Маркс наделали столько шуму в социалистических партиях, я твердо защищал *принципиальную* правильность их позиции и, помнится, ожесточенно возражал Августу Бебелю, очень возмущавшемуся этими самоубийствами, что если можно спорить против того возраста, который устанавливали Лафарги, ибо здесь дело не в годах, а в *возможной полезности* политического деятеля, то ни в коем случае нельзя спорить против самого принципа ухода политического деятеля из жизни в тот момент, когда он сознает, что не может больше приносить пользы тому делу, служению коему посвятил себя.

Более 30 лет назад я усвоил себе философию, что человеческая жизнь лишь постольку и до тех пор имеет смысл, поскольку и до какового момента она является служением бесконечному, которым для нас является человечество, ибо, поскольку все остальное конечно, постольку работа на это лишена смысла; если же и человечество, быть может, тоже—конечно, то во всяком случае конец его должен наступить в такие отдаленные времена, что для нас оно может быть принято за абсолютную бесконечность. А при вере в прогресс, как я в него верю, вполне можно себе представить, что даже когда погибнет наша планета, человечество будет знать способы перебраться на другие, более молодые и, следовательно, будет продолжать свое существование и тогда, а, значит, все содеянное в его пользу в наше время будет отражаться и в тех отдаленных веках, т.-е. придаст единственный возможный смысл нашему существованию и нашей жизни. В этом, и только в этом, я всегда видел единственный смысл жизни; и теперь, оглядываясь на прожитую мою жизнь, из которой я 27 лет провел в рядах нашей партии, я—думается мне—имею право сказать, что *всю* свою сознательную жизнь оставался верен своей философии, т.-е. всю ее прожил *со смыслом*, ибо—в работе и борьбе за благо человечества. Даже годы тюрьмы и каторги,—когда человек отстранен от непосредственного участия в борьбе и служении человечеству,—не могут быть вычеркнуты из числа осмысленных, имеющих смысл годов жизни, ибо, являясь годами самообразования и самовоспитания, эти

годы способствовали улучшению работы впоследствии и поэтому точно так же могут быть отнесены к годам работы на пользу человечества, т.-е. к годам, прожитым со смыслом. Кажется мне, я имею право утверждать, что я ни одного дня своей жизни, в этом понимании, не прожил без смысла.

Но теперь, повидимому, наступает момент, когда жизнь моя *утрачивает свой смысл*, и, следовательно, для меня появляется *обязанность* уйти из нее, покончить с нею.

Уже несколько лет нынешнее партийное руководство нашей партией,—в соответствии с общей проводимой им линией не давать работы оппозиционным элементам,—не дает мне ни партийной ни советской работы того масштаба и характера, в которых я мог бы принести максимум посильной мне пользы. Последний год, как вам известно, Политбюро совершенно отстранило меня, как оппозиционера, от всякой партийной и советской работы.

С другой стороны, отчасти, вероятно, по причине моей болезненности, отчасти, возможно, и по причинам, которые вам лучше известны, чем мне,—я и в практической оппозиционной борьбе и работе этот год почти не принимал участия.

С огромной внутренней борьбой и сначала с величайшей неохотой я ушел в ту область работы, к которой надеялся прибегнуть лишь тогда, когда уже стану полным инвалидом, и вошел целиком в научно-педагогическую и литературную работу. Как ни тяжело это было сначала, но я постепенно вошел в эту работу и стал надеяться, что и при этой работе жизнь моя все же сохранит ту внутренне необходимую ей полезность, о которой я говорил выше и которая только и может с моей точки зрения оправдать мое существование.

Но здоровье мое все ухудшалось и ухудшалось.

В 20-х числах сентября по неведомой мне причине Лечебная Комиссия ЦК потребовала меня на консультацию профессоров-специалистов, и последняя установила у меня активный туберкулезный процесс в обоих легких, миокордит, хроническое воспаление желчного пузыря, хронический колит с аппендицитом и хронический полиневрит (множественное воспаление нервов); освидетельствовавшие меня профессора категорически заявили мне, что состояние моего здоровья гораздо хуже, чем я себе это представляю, что я думать не должен надеяться дочитать до конца свои курсы в вузах (I МГУ и Институте Востоковедения), что, наоборот, гораздо благоразумнее мне сейчас же бросить эти планы, что мне и дня лишнего нельзя оставаться в Москве и часу лишнего нельзя быть без лечения, что мне необходимо немедленно же поехать за границу в соответственный санаторий, а т. к. эту-де поездку нельзя выполнить в пару дней, то на короткое время до от'езда за границу они предписывают мне кое-какие медикаменты и лечение в Кремлевской поликлинике. На мой прямой запрос, какие же шансы, что я вылечусь за границей и могу ли я лечиться в России, не бросая работы, профессора, в присутствии ст. врача ЦК, т. Обросова, еще одного врача-коммуниста и ст. врача Кремлевской больницы, А. Ю. Коннель, категорически заявили, что российские санатории мне ни в коем случае помочь не могут, что я должен надеяться на заграничное лечение потому, что до сих пор ни разу более двух-трех месяцев за границей не лечился, а что теперь они именно настаивают на поездке *минимум на полгода*, не ограничивая максимума, и что при таких условиях они не сомневаются, что если я и не вылечусь окончательно, то во всяком случае на длительный срок смогу вполне работать.

Около двух месяцев после этого никаких абсолютно шагов со стороны Лечебной Комиссии ЦК (которая ведь сама и созвала упомянутый консилиум) не было сделано не только в направлении моей отправки за границу, но и в деле моего лечения здесь. Наоборот, с некоторого времени Кремлевская аптека, которая всегда до сего выдавала мне лекарства по моим рецептам, получила запрещение делать это, и я фактически был лишен той бесплатной медикаментозной помощи, которою всегда пользовался, и вынужден был покупать необходимые мне лекарства за свой счет в городских аптеках (кажется в это же время руководящая группа нашей партии перешла и в отношении других товарищей из оппозиции к выполнению своей угрозы, «бить оппозицию по желудку»).

Покуда я был настолько здоров, что мог работать, я на все это обращал мало внимания. Но т. к. мне становилось все хуже и хуже, то жена моя начала хлопотать и в Лечебной Комиссии ЦК и лично у Н. А. Семашко (так ведь всегда публично ратующего за осуществление лозунга «беречь старую гвардию») о моей отправке за границу. Вопрос, однако, все время откладывался рассмотрением, и единственное, чего жена добилась, это—выдачи ей выписки постановления консилиума, в котором перечислены мои хронические болезни и указано, что консилиум настаивает на отправке меня за границу «в санаторий типа проф. Фридлендера сроком до одного года».

Тем временем девять дней назад я слег окончательно, т. к ухудшились и обострились (как это всегда бывает) все мои хронические болезни и, что ужаснее всего, мой застарелый полиневрит опять принял острую форму, при которой приходится терпеть совершенно невыносимые, адские боли, и я совершенно лишен возможности ходить.

Фактически эти девять дней я не имею никакого лечения, и обсуждается вопрос о моей заграничной поездке. Из врачей ЦК никто ни разу не был. Навестившие меня проф. Давиденко и д-р Левин, хотя и прописали какие-то пустяки (которые ничего не помогают, конечно), но тут же признали, что «ничего сделать не могут» и что необходима скорейшая поездка за границу. Д-р Левин сказал как-то жене, что вопрос затягивается, ибо в Лечебной Комиссии, наверное, думают, что жена моя поедет со мной, а «это-де очень дорого» (когда заболевают товарищи из не оппозиции, то их, а зачастую и их жен, как известно, сплошь да рядом отправляют за границу в сопровождении наших врачей или профессоров; я сам знаю много таких случаев и должен также констатировать, что когда я в первый раз заболел тем же острым полиневритом, меня отправили за границу в сопровождении всей моей семьи, жены и ребенка, и профессора Каннабиха; тогда, впрочем еще не было вновь установившихся нравов в партии).

Жена на это ответила, что, как ни тяжело мое состояние, но она вовсе не претендует, чтобы она или кто-либо вообще сопровождали меня. На это д-р Левин уверил ее, что в таком случае разрешение вопроса пойдет скорее.

Мое состояние все ухудшается, боли стали настолько невыносимыми, что я, наконец, потребовал хоть какого-нибудь облегчения у врачей. Бывший у меня сегодня д-р Левин опять повторил, что они ничего сделать не могут и что единственное спасение в скорейшей поездке за границу.

А вечером врач ЦК, т. Потемкин, сообщил моей жене, что Лечебная Комиссия ЦК постановила меня за границу не посылать и лечить в России, т. к. профессора-специалисты настаивают на длительном лечении за границей и кратковременное—считают бесполезным, ЦК же, наоборот, согласен дать на мое лечение до тысячи долларов (до 2-х тысяч рублей) и не считает возможным ассигновать больше.

Я, как вам известно, в прошлом отдал не одну тысячу рублей в нашу партию, во всяком случае больше, чем я стоил партии с тех пор, как революция лишила меня моего состояния, и я не могу уже лечиться за свой счет.

Англо-американские издательства неоднократно предлагали мне за отрывки из моих воспоминаний (по моему выбору, с единственным требованием, чтобы вошел период Брестских переговоров) сумму до 20 тысяч долларов; Политбюро прекрасно знает, что я достаточно опытен и как журналист и как дипломат, чтобы не напечатать того, что может повредить нашей партии или государству, и неоднократно был цензором и по ПКИД и по ГКК, а в качестве полпреда и по всем выходящим в данной стране русским произведениям. Я просил несколько лет назад разрешения Политбюро на издание таких своих мемуаров с обязательством весь гонорар отдать в партию, ибо мне тяжело-де брать от партии деньги на свое лечение. В ответ на это я получил прямое постановление ПБ, что «дипломатам или товарищам причастным к дипломатической работе запрещается категорически печатать за границей свои воспоминания или отрывки воспоминаний без предварительного просмотра рукописи Коллегией НКИД и Политбюро ЦК». Зная, какая затяжка и неаккуратность произойдет при такой двусторонней цензуре, при которых нельзя даже и связываться с заграничным издательством, я тогда, в 1924 году, отказался от этого предложения. Теперь, когда я был за границей и получил новое,—уже с прямой гарантией 20 тысяч долларов гонорара, но зная, как теперь фальсифицируется и история партии и история революции, и не считая возможным приложить свою руку к подобной фальсификации, не сомневаясь, что вся цензура Политбюро (а иностранные издательства настаивают именно на более *личном* характере воспоминаний, т.-е. на характеристиках действующих в них лиц и т. п.) сведется к недопущению правильного освещения лиц и деятельности ни с одной, так сказать, ни с другой стороны, т.-е. ни истинных вождей революции, ни квази вождей ее, теперь возведенных в этот сан,—я, без прямого нарушения постановления политбюро, не считаю возможным издание своих мемуаров за границей, следовательно, не вижу возможности лечиться, не получая денег от ЦК, который явно за всю мою 27-летнюю революционную работу считает возможным оценить мою жизнь и здоровье суммою не свыше 2-х тысяч рублей.

В таком состоянии, как я сейчас,—я, конечно, лишен возможности делать хоть какую-нибудь работу. Даже, если бы я оказался в силах, несмотря на адские боли, все же продолжать

чтение своих лекций, такое положение требовало бы серьезного ухода, переноски меня всюду на носилках, помощи в добыче в библиотеках и архивах нужных книг и материалов и т. п. В прошлую мою такую же болезнь к моим услугам был целый штат полпредства, теперь же мне «по чину» даже личного секретаря не полагается; при том невнимании ко мне, которое последнее время постоянно проявляется при всех моих заболеваниях (вот и теперь, как сказано, я девять суток—без всякой помощи фактически, и даже предписанной мне проф. Давиденко электрической грелки пока добиться не могу),—я не могу рассчитывать даже на такой пустяк, как переноска меня на носилках.

Даже, если бы меня лечили и послали на необходимый срок за границу,—положение оставалось бы в высшей степени пессимистическим: прошлый раз я в остром состоянии полиневрита без движения пролежал около двух лет; тогда у меня, кроме этой болезни, никаких других не было и тем не менее все мои болезни пошли именно от этой; теперь у меня насчитывается их что-то около шести; даже, если бы я мог теперь, сколько нужно времени посвятить лечению, и тогда я вряд ли имел бы право рассчитывать на мало-мальски сносный срок продолжительности жизни после этого лечения.

Теперь же, когда меня не считают возможным серьезно лечить (ибо лечение в России—и по мнению врачей безнадежно, а лечение за границей на пару месяцев—столь же бесполезно)—*жизнь моя теряет всякий смысл*; даже, если не исходить из моей философии, очерченной выше, вряд ли можно признать для кого-нибудь нужной жизнь в невероятных мучениях, лежа без движений и без возможности вести хоть какую-нибудь работу.

Вот почему я говорю, что наступил момент, когда необходимо эту жизнь кончать. Я знаю вообще отрицательное отношение партии к самоубийцам, но я полагаю, что вряд ли кто-нибудь, уяснив себе все мое положение, смог бы осудить меня за этот шаг.

Кроме того, проф. Давиденко полагает, что причиной вызвавшей рецидив острого моего заболевания полиневритом,—являются волнения последнего времени. Если бы я был здоров, я нашел бы в себе достаточно сил и энергии, чтобы бороться против созданного в партии положения. Но в настоящем своем состоянии я считаю невыносимым такое положение в партии, когда она молчаливо сносит *исключение Ваше из своих рядов*, хотя абсолютно не сомневаюсь в том, что рано или поздно наступит в партии перелом, который заставит ее сбросить тех, кто довел ее до такого позора... В этом смысле моя смерть является *протестом* борца, который доведен до такого состояния, что никак и ничем иначе на такой позор реагировать не может.

Если позволено сравнивать великое с малым, то я сказал бы, что величайшей важности историческое событие, исключение Вас и Зиновьева из партии, что неизбежно должно явиться началом термидорианского периода в нашей революции, и тот факт, что меня после 27 лет революционной работы на ответственных партийно-революционных постах ставят в положение, когда не остается ничего другого, как пустить себе пулю в лоб,—

с разных сторон демонстрируют один и тот же режим в партии и, быть может, обоим этим событиям, малому и великому совместно,—удастся или суждено стать именно тем толчком, который пробудит партию и остановит ее на пути скатывания к термидору. Я был бы счастлив, если бы мог быть уверен, что так именно будет, ибо знал бы тогда, что умер не даром. Но, хотя я знаю твердо, что момент пробуждения партии наступит, я не могу быть уверен, что это будет теперь же... Однако, я все-таки не сомневаюсь в том, что смерть теперь может быть полезнее моей дальнейшей жизни.

Нас с Вами, дорогой Лев Давидович, связывает десятилетие совместной работы и личной дружбы тоже, смею надеяться. Это дает мне право сказать Вам на прощание то, что мне кажется в Вас ошибочным.

Я никогда не сомневался в правильности намечавшегося Вами пути и Вы знаете, что более 20 лет иду вместе с Вами, со времен «перманентной революции».

Но я всегда считал, что Вам недостает ленинской *непреклонности, неуступчивости*, его готовности остаться хоть одному на признаваемом им правильном пути, в предвидении будущего большинства, будущего признания всеми правильности этого пути.

Вы *политически всегда были правы*, начиная с 1905 года, и я неоднократно Вам заявлял, что собственными ушами слышал, как Ленин признавал, что и в 1905 году *не он, а Вы* были правы. Перед смертью не лгут, и я еще раз повторяю Вам это теперь... Но вы часто *отказывались от собственной правоты* в угоду переоцениваемому Вами соглашению, компромиссу. Это—ошибка. Повторяю, политически Вы всегда были правы, а теперь *более правы, чем когда-либо*. Когда-нибудь партия это поймет, а история обязательно оценит. Так не пугайтесь же теперь, если кто-нибудь от Вас даже отойдет или, тем паче, если не многие так скоро, как этого бы всем нам хотелось, к Вам придут. Вы—правы, но залог победы Вашей правоты—именно в максимальной неуступчивости, в строжайшей прямолинейности, в полном отсутствии всяких компромиссов, точно так же, как всегда в этом именно был секрет побед Ильича.

Это я много раз хотел сказать Вам, но решился только теперь, на прощанье.

Два слова по личному поводу. После меня остаются малоприспособленная к самостоятельной жизни жена, маленький сын и больная дочь. Я знаю, что теперь Вы ничего для них не сможете сделать, а на теперешнее руководство партии я и в этом отношении абсолютно не рассчитываю. Но я не сомневаюсь, что недалек тот момент, когда Вы опять займете подобающее Вам место в партии. Не забудьте тогда моей жены и деток.

Желаю Вам не меньше энергии и бодрости, чем Вы проявляли до сих пор, и наискорейшей победы. Крепко обнимаю. Прощайте.

Ваш *А. Иоффе.*

Москва, 16 ноября 1927 г.

П. С. Письмо написано с 15 на 16-е ночью, а сегодня, 16-го днем Мария Мих. была в Лечебной Комиссии с целью настоять на моей отправке за границу хотя бы и на 1—2 месяца. На это ей было повторено, что, по мнению профессоров-специалистов,

краткосрочная поездка за границу совершенно бесполезна, и было заявлено, что Лечебной Комиссией ЦК постановлено немедленно перевезти меня в Кремлевскую больницу. Таким образом, мне отказано даже в краткосрочной лечебной поездке за границу, а то, что лечение в России не имеет никакого смысла и не даст никакой пользы, как указано, признается всеми моими врачами.

Дорогой Лев Давидович, я очень сожалею, что мне не удалось Вас повидать, не потому, что я сомневался бы в правильности принятого мною решения и надеялся бы, что Вы сможете меня переубедить. Нет. Я нисколько не сомневаюсь в том, что это—самое разумное и трезвое из всех решений, которые я мог бы принять. Но я боюсь за это свое *письмо*; такое письмо не может быть не суб'ективным, а при столь резком суб'ективизме может утратиться критерий об'ективности, и какая-нибудь одна фальшиво звучащая фраза может испортить все впечатление от письма. Между тем, я, конечно, рассчитываю на использование Вами этого письма, ибо только в этом ведь случае мой шаг сможет дать свою пользу.

Поэтому я не только даю Вам полнейшую свободу редактирования моего письма, но даже очень прошу Вас исключить из него все то, что Вам покажется лишним и добавить то, что Вы сочтете необходимым.

Ну, прощайте, дорогой мой. Крепитесь, Вам еще много силы и энергии понадобится. А меня не поминайте лихом.

А.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Критические заметки[1]).

(По поводу книги А. Леонтьева и Хмельницкой «Очерки переходной экономики»).

I.

За последнее время попытки теоретического осмысливания разнообразных форм хозяйственной жизни Советского Союза, как переходной эпохи от капитализма к социализму, все учащаются.

Газетные и журнальные статьи, брошюры, толстые книги, трактующие те или иные проблемы, связанные с экономикой переходного периода, все чаще и чаще появляются на книжном рынке.

Довольно об'емистый труд Леонтьева и Хмельницкой решает самые кардинальные проблемы теоретической экономии в условиях советского хозяйства.

Стоимость, проблема распределения, деньги и кредит—вот вопросы, которые трактуются в названных «очерках».

Раньше, чем приступить к разбору основных положений, выдвигаемых авторами, следует сделать несколько мелких замечаний.

Первая глава решает вопрос, как надо изучать хозяйство.

Подход совершенно правильный. Для того, чтобы решать вопросы экономической структуры определенного типа, необходимо вначале установить общеметодологические принципы, которые могли бы служить оружием для анализа. Первая глава в «очерках» начинается с определения хозяйства. Неверные трактовки хозяйства разными экономистами буржуазного лагеря блестяще разобраны Розой Люксембург.

Пока авторы просто повторяют Розу (что совершенно верно и похвально), до тех пор выходит хорошо и убедительно. Но как только начинается самостоятельная критика, так сразу же вместо «разноса» инакомыслящего получается пустое махание картонным мечем. Вот образец: разносится Чупров за его определение хозяйства. Чупров говорит: «подведение баланса между выгодами и пожертвованиями составляет специально экономическую точку зрения», а дальше: «мы называем хозяином того, кто держит в руках расчеты». Приведя эти слова, авторы разражаются гневными восклицаниями: «Однако, кому же неизвестно,—говорят они,—что *расчеты* и *баланс* возможны лишь там, где имеется единица хозяйственного учета в денежной или ценностной форме» (стр. 9), т.-е., другими словами, термины «расчет» и «баланс» суть категории капитализма.

Для авторов известно, что понятия «расчет» и «баланс» присущи лишь капиталистическому хозяйству, а вот читателю совершенно это и невдомек. Почему понятие «расчет» должно выражать «область безраздельного господства ценностной единицы и ценност-

[1]) *От редакции.* Помещая «Критические заметки» т. Кармалитова, редакция оговаривает дискуссионный характер некоторых положений автора и считает целесообразным обсуждение затрагиваемых в статье проблем в ближайших номерах «Большевика».

ных отношений» (там же), аллах ведает. Почему термин «баланс» должен быть забыт с кончиной капитализма, тоже непонятно. Ведь это же просто технические термины, а не категории капитализма. Можно и надо критиковать Чупрова за его попытки просунуть капиталистические отношения, как вечно существующие, но критиковать пустое место не очень похвально для авторов об'емистых «очерков».

Как известно, тов. Преображенский в своей «Новой Экономике» находит в советском хозяйстве два закона, которые ведут между собою борьбу: закон стоимости и закон первоначального социалистического накопления. Авторы совершенно правильно указывают, что таких двух законов не существует. Но что же есть? А вот что: «...переходное хозяйство характеризуется тем, что в нем происходит непрерывная борьба между двумя различными и противоположными формами проявления экономической закономерности» (стр. 91), а дальше: «...напротив происходит борьба за ликвидацию *всяких* экономических законов, т.-е. господствующих над обществом продуктов его собственного исторического развития, за смену этих «законов» осознанными и опосредствованными общественным человеком закономерностями организованного хозяйства» (там же).

Следовательно, в организованном хозяйстве никаких законов в экономическом смысле не будет, останутся лишь одни закономерности, которые и проводятся в жизнь «общественным человеком» «организованного хозяйства». Другими словами, понятие «закон» есть историческая категория, присущая «гетерогенному» типу хозяйства, экономическая же «закономерность» есть логическая категория, действующая при разных общественных формациях. Короче, «экономическая закономерность» есть содержание, «закон», форма проявления этого содержания при неорганизованном хозяйстве. «Экономические законы» при социализме будут уничтожены, останутся «экономические закономерности».

Такое противопоставление «закона» «закономерности» есть пустая схоластика.

Если брать аналогии из других областей, то получается по Леонтьеву и Хмельницкой, что в природе существуют только закономерности, законы же природы налицо до тех пор, пока закономерности природы не осознаны человеком, как только эти законы сознательным человеком начинают использоваться в его целях, они перестают быть законами, превращаясь в закономерности.

Противопоставление закона закономерности, как формы содержанию, неправильно. Когда мы изучаем производственные отношения капиталистического строя, то нам прежде всего необходимо посмотреть развивающийся капитализм в его равновесии. «Всякий ребенок знает,—говорит Маркс,—что каждая нация погибла бы с голода, если бы она приостановила работу, не говоря уже на год, а хотя бы на несколько недель» (Маркс—письма к Кугельману). Равновесие всякой экономической формации, следовательно, предполагает наличие бесперебойного процесса производства. Бесперебойный же процесс труда возможен лишь при условии наличия определенных связей между разными частями производства.

Общество живет, удовлетворяет свои потребности продуктами производства, для существования общества, таким образом, необходимо распределить весь общественный труд между разными отраслями. Так что распределение совокупного общественного труда в

определенных пропорциях между разными частями производства есть необходимое условие существования всякого общества.

«Очевидно само собой,—говорит Маркс,—что эта необходимость разделения общественного труда в определенных пропорциях никоим образом не может быть уничтожена определенной формой общественного производства; измениться лишь может форма ее проявления. Законы природы вообще не могут быть уничтожены. Измениться, в зависимости от различных исторических условий, может лишь форма, в *которой эти законы проявляются*». Маркс—письма, стр. 153). Из приведенной цитаты что-то не видно, чтобы Маркс приписывал наличие закона только «гетерогенной» системе хозяйства. Наоборот, Маркс говорит: «законы природы вообще не могут быть уничтожены». А таким законом природы для общества является пропорциональное распределение «совокупного общественного труда».

Таким образом, «закон трудовых затрат»,—выражение Бухарина,—неизменно действует во всех экономических формациях. Но способ производства, другими словами, определенные производственные отношения создают разные формы проявления этому закону. При простом товарном хозяйстве формой проявления «закона трудовых затрат» выступает стоимость. Задача исследования заключается в том, чтобы показать, какую форму «закон трудовых затрат» принимает в экономике переходного периода. Авторы же просто отбрасывают этот закон, считая его категорией капитализма.

Так что, когда авторы критикуют Преображенского за его учение о двух законах в переходной экономике, это совершенно правильно, когда же они отрицают наличие всякого закона для организованного хозяйства, считая, что законы присущи лишь хозяйству «гетерогенного» типа, этим они сходят с правильной линии. Вопрос о форме проявления «закона трудовых затрат» в экономике советского хозяйства есть вопрос о равновесии хозяйственной системы диктатуры пролетариата.

Таким образом, авторами даже не поставлен как следует вопрос. У них нет того исходного пункта, от которого должен начинаться анализ. Правда, авторы понимают, что «закон трудовых затрат» действует вне зависимости от общественных структур. Так, на 133 стр. они говорят: «Задача пропорционального распределения общественного труда, задача установления соответствия между производством и потреблением в такой же мере остается в силе как для социалистического общества, так и для капиталистического хозяйства». Но эти совершенно верные слова приводятся для других целей. Отсутствие исходного пункта, от которого должен был итти анализ, сказывается на всей работе. Нет стержня, который пронизывал бы сверху донизу исследование авторов. Авторы неоднократно повторяют, что взаимоотношение между социалистическим сектором и частнокапиталистическим надо рассматривать не механически, а в их химическом соединении. Но нужно сказать, что химического соединения разных экономических укладов переходной экономики авторами не дано. Наоборот, в этом вопросе они целиком стоят на точке зрения Преображенского, хотя во многих местах и пытаются от него отгородиться.

Прежде всего, что понимают авторы под «химическим сродством» между разными частями Советского Союза.

«Если бы в народном хозяйстве существовали рядом товарно-капиталистическая часть и дефитишизированная, натурально-организованная социалистическая, мы не имели бы единого народнохозяйственного организма, а имели бы скорее подобие смеси масла и воды. Механическая смесь заняла бы место химического соединения, ибо социалистическое хозяйство обладает химическим сродством с товарно-капиталистической структурой лишь в том случае и при том условии, когда оно принимает фетишистическую стихийно-рыночную ценностную (валюрастическую) форму производственных отношений» (стр. 110—111).

Такая установка совершенно верна, но это только постановка вопроса. Для того, чтобы *могло быть* химическое соединение, необходим общий язык. Этим языком для разных экономических укладов является товарная форма. Но если сказать только это, а авторы, как увидим, дальше не пошли, то правильно поставленная задача не будет решена.

Так, дальше они пишут: «Если господство рынка характеризует товарно-капиталистическую форму производства, то господство плана характерно для хозяйственной структуры социалистического хозяйства. Противопоставление рынка, с одной стороны, и плана, с другой, вполне законно с логической и методологической точки зрения. Безличный рынок и сознательный план—это две различные, противоположные формы, в которых прокладывает себе дорогу экономическая необходимость в двух диаметрально-противоположных формах общественного хозяйства» (стр. 113).

А дальше: «Но эта полная сознательная плановость, характеризующая развернутое социалистическое хозяйство, лишь постепенно, шаг за шагом, отвоевывает себе место в экономике переходной эпохи. Процесс борьбы между рыночным началом—очень длительный, сложный, богатый противоречиями процесс» (стр. 114).

А еще дальше: «План, сознательное, рациональное руководство противопоставляется доселе неограниченной власти рынка. Но само это противопоставление происходит на основе товарно-меновой, т.-е. рыночной формы производственных отношений» (стр. 120).

Мы привели такое обилие цитат с тем, чтобы показать, что, по мнению авторов, химическое сродство между товарно-капиталистическим сектором хозяйства и социалистическим заключается в их товарной связи—не более, с другой стороны, полное противопоставление планового начала «ничем не ограниченной власти рынка» проводится довольно наглядно.

Существует плановый сектор и на ряду с ним товарно-стихийный, оба они ведут борьбу между собою в товарно-ценностной оболочке.

В этом и только в этом их химическая связь,—вот и вся премудрость приводимых цитат. Нужно сказать, что *такой* «анализ» экономики переходного периода не стоит и выеденного яйца. Вопрос о связи социалистического сектора с частнокапиталистическим в экономике переходного периода не решается указанием на борьбу этих двух элементов.

Решить поставленный вопрос можно лишь исходя из приводимого выше положения о пропорциональном распределении общественного труда между разными отраслями производства. Пропорциональное же распределение труда есть вопрос об экономическом равновесии хозяйственной системы.

Закон трудовых затрат при капитализме принимает форму стоимости. Закон трудовых затрат при социализме принимает форму сознательно устанавливаемого плана. В чем отличие? Отличие заключается не только в том, что в первом случае налицо стихийное хозяйство, а во втором—планово-организованное, разница в том, что в первом случае закон стоимости создает условия *определенного* темпа развития производительных сил, во втором же—при господстве плана—будет другой темп, темп более быстрого развития производительных сил. Вот в чем разница. Таким образом, когда ставится вопрос о борьбе плана со стихией, этим ставится вопрос о темпе развития производительных сил. Плановое начало предполагает более быстрое движение производительных сил, чем движение при стихийно-организованном хозяйстве. Но равновесие экономической системы возможно лишь при условии, если план и стихия не просто будут бороться, а проникать друг друга. Здесь требуется определенное сожительство двух противоположных по своему типу экономических укладов, а такое сожительство, «химическая связь» вырабатывает совершенно отличный темп развития производительных сил, отличный как от того темпа, который присущ плановому социалистическому строю, когда все части народного хозяйства находятся под руководством единого плана, так и от темпа капиталистической структуры с его анархией.

В этом и только в этом своеобразие экономики переходного периода, а также и трудность анализа.

Отсутствие правильного исходного пункта при подходе к анализу привело авторов к простому повторению того ошибочного, что было уже сказано Преображенским. Борьба плана со стихией в нашем хозяйстве налицо, это бесспорно, но борьба происходит на основе равновесия всей системы.

А для того, чтобы возможно было определенное равновесие, необходимо не отгораживать плановый сектор хозяйства от стихийного сектора, а рассматривать действительно химически соединенным. Такое же химическое единство, «единство противоположностей», возможно лишь при условии, если закон трудовых затрат будет прокладывать себе дорогу как через «план», так и через «стихию». Вопрос «кто кого?» решается тем, который из этих укладов притягивает больше совокупного общественного труда. У обоих секторов экономики налицо свои преимущества и свои недостатки, в их борьбе за части совокупного общественного труда. Социалистический сектор имеет больше преимуществ перед сектором частнокапиталистическим, отсюда—вытеснение первым второго, отсюда—изменение темпа развития производительных сил, переход на более быстрый их рост, наконец, отсюда же—замена товарно-капиталистической формы проявления производственных отношений, сознательной формой связи работников социалистического хозяйства. Следовательно, задача исследования заключается не в том, что идеть борьба между социалистическим сектором хозяйства и частнокапиталистическим, для этого никакого исследования не требуется, а задача состоит в том, как при борьбе этих двух секторов происходит равновесие всей системы. Авторы этой задачи не только не решили, но даже и не поставили. Особенность переходной экономики заключается в том, что благодаря проникновению стихии планом и наоборот, существует хозяйственный план отличный от плана, который будет при полном социализме, а также существует стихийная связь между неорганизованными частями хозяйства, отличная от стихийного рынка капиталистического общества. Если брать за критерии хозяйственный план социализма и рыночную стихию капитализма и применять по отношению к экономике переходного периода, то у нас существует *план*, отличный от плана развернутого социализма, так как в нем включены элементы стихийных закономерностей, с другой стороны, у нас существует *стихия*, включенная в план.

Такое проникновение *планом* стихии и, наоборот, только дает «химическое сродство». Так что ошибка авторов заключается в том, что они видят единство плана и стихии на их стыке, в процессе обмена, тогда как это единство надо искать не только в соприкосновении между собой этих двух экономически различных укладов, а и внутри каждого сектора отдельно. А проникновение плана стихией и, наоборот, вытекает из того, что разные экономические уклады выполняют одну и ту же задачу—пропорциональное распределение общественного труда. Следовательно, за фактом обмена надо видеть производственный процесс, который является фундаментом равновесия всей системы.

Механическое рассмотрение проблем переходной экономики особенно ярко выступает у авторов при разборе категории стоимости. Вся концепция авторов в вопросе о стоимости в переходной экономике сводится к следующему. Народное хозяйство СССР можно разделить на две больших части: 1) социалистический сектор, планово-организованный и 2) сектор частнокапиталистический с господством стихийно-рыночных отношений. Наконец, существует связь народного хозяйства СССР с мировым хозяйством. В социалистическом секторе хозяйства закон стоимости трансформируется таким путем: 1) товарно-денежная форма закона стоимости остается, 2) но за этой формой скрыты совершенно другие производственные отношения—отношения социалистического типа. Так что здесь содержание закона стоимости уничтожается, остается лишь форма стоимости.

Для товарно-капиталистической части хозяйства как содержание, так и форма стоимости налицо. Дальше авторы рассматривают связь товарно-капиталистического сектора с социалистическим с двух сторон. Рассматривается первая сторона—когда в связи между плановым укладом и укладом стихийным первый выступает продавцом, а вторая сторона—когда социалистический сектор выступает по отношению к частнокапиталистическому, как покупатель. «Проблема производственных отношений,—говорят авторы,—между социалистическим и несоциалистическим секторами переходной экономики, поскольку эти отношения принимают меновую форму, имеет двусторонний характер, соответствующий двустороннему характеру менового акта или сделки. Одну сторону вопроса составляет совокупность случаев, где социалистический круг производства выступает продавцом, а несоциалистический сектор—покупателем. Другую сторону проблемы образует сумма сделок, в которых, напротив, социалистическая часть фигурирует в качестве покупателя, а продавцом является несоциалистический сектор» (стр. 195—196).

Когда социалистический сектор выступает продавцом, он максимально «суживает границы стихии», здесь план борется со стихией с абсолютным преобладанием первого. Когда же частнокапиталистический сектор выступает в роли продавца, то здесь

стихия нажимает на план, урезывая границы его расширения. Вот и вся проблема стоимости в СССР, как ее представляют себе авторы.

Большего схематизма в решении такой кардинальнейшей проблемы, как стоимость в хозяйстве переходного типа, нельзя себе и представить. А вытекает такой схематизм от механического представления той связи, которая существует между социалистическим и частнокапиталистическим секторами хозяйства.

Дело представляется таким образом, что на ряду с планово-организованной частью хозяйства существует стихийно-организованная. Идет борьба. В этой борьбе социалистический сектор вытесняет капиталистический. «Отступая, оставляя одну позицию за другой, закон ценности, как метод стихийного, иррационального, апостериорного (что стоит один букет иностранных слов в русском склонении. *А. К.*) регулирования хозяйственной жизни, везде и повсюду заменяется и замещается новым началом сознательно-рациональной, априорно-плановой организации хозяйственного процесса» (стр. 259).

Из всего сказанного видно, что авторы дело представляют таким путем, что на ряду с капиталистическим стихийно-организованным сектором существует сектор социалистический, планово-организованный. План борется со стихией при неизменной победе первого. Планово-организованный сектор противопоставляется как самостоятельная, отдельная сила, выступающая в товарно-ценностной форме, через посредство которой связывается со стихийно-организованным сектором и ведет с ним борьбу.

А вывод отсюда можно сделать такой. Поскольку в переходной экономике все-таки существует равновесие, то влияние плана на стихию и стихии на план приводит к равнодействующей, которая не совпадает ни с равнодействующей, господствующей в планово-организованной части народного хозяйства, ни с равнодействующей в товарно-капиталистическом секторе, где эту равнодействующую устанавливает «ничем не ограниченный закон стоимости».

Таким образом, механическое противопоставление плана стихии неуклонно должно было бы привести авторов, если бы они были последовательны до конца, к признанию в нашей экономике трех типов равнодействующей. Первый тип—в планово-организованном секторе, где сознательная воля устанавливает такую равнодействующую, второй тип—в частнокапиталистическом секторе, где эту равнодействующую устанавливает закон стоимости, и третий тип равнодействующей—образуемой на стыке социалистического сектора с частнокапиталистическим.

Наконец, если бы авторы были последовательны до конца, они неуклонно должны были бы сделать тот вывод, что равновесие в экономике переходного периода складывается приблизительно таким же путем, как и в добропорядочном империалистическом хозяйстве. В самом деле, почему не представить себе такого хозяйства, где на ряду с частнокапиталистическими элементами приблизительно такого же типа, как и у нас, будет действовать какой-нибудь гигантский трест, у которого отдельные части производства организованы по плану. Этот трест вступает в борьбу со всеми остальными элементами: те, которые для него важны, он поддерживает, те, которые—нет, разоряет. Равновесие всей системы будет складываться в результате стыка (такого колосса) капиталистического треста с остальными частнокапиталистическими элементами.

Такие выводы с логической неизбежностью вытекают из только-что разобранных положений авторов.

Выше мы говорили о том, что закон трудовых затрат создает равновесие экономической системе. Та или иная общественная формация создает специфическую форму проявления этому закону. Форм проявления закона трудовых затрат для экономики переходного периода, по мнению авторов, две. «Безличный рынок и хозяйственный план,—говорят они,—это две различные, противоположные формы, в которых прокладывает себе дорогу экономическая необходимость в двух диаметрально-противоположных формах общественного хозяйства» (стр. 113).

Все построения авторов базируются на резком противопоставлении плана стихии, как «двух диаметрально противоположных форм общественного хозяйства».

Мы говорили уже о том, что формы проявления закона трудовых затрат, в зависимости от тех или иных производственных отношений, имеют значение не только в том, что в одном случае закон трудовых затрат осуществляется стихийно, в другом—через сознательно устанавливаемый план.

Главное значение заключается в более быстром или более медленном развитии производительных сил. Закон трудовых затрат действует как в капиталистическом хозяйстве, так будет действовать и при социализме. Но при социализме изменится не только форма проявления данного закона, а благодаря измененной форме проявления изменится и само содержание закона трудовых затрат, другими словами, пропорции распределения общественного труда между разными частями народного хозяйства будут совершенно другие. А неодинаковый способ распределения совокупного общественного труда дает неодинаковый темп развития производительных сил.

Если признать такое положение правильным, а оно является, по нашему мнению, единственно правильным, тогда авторы должны были делать вывод о двух регуляторах в нашей экономике. Ведь в самом деле, если признать для хозяйства переходного типа две формы проявления закона трудовых затрат, тогда надо сказать одно из двух: 1) либо действие закона трудовых затрат в обеих этих частях хозяйства одинаково, разная лишь форма, либо 2) действие закона трудовых затрат неодинаково. В первом случае окажется, что материальное движение производительных сил при капитализме такое же самое, как и при социализме, во втором случае будет разница.

Конечно, авторы первый случай отбросят, так как иначе придется признать, что капитализм в смысле под'ема производительных сил так же хорош, как и социализм. Раз берется второй случай, тогда получится следующее: в переходной экономике две формы проявления закона трудовых затрат: одна—стихийно-рыночная, другая—плановая.

При одной развитие производительных сил идет одним темпом, при другой—другим. Темп развития производительных сил для планового сектора устанавливается одним способом распределения совокупного общественного труда, для частнокапиталистического—другим способом.

Механическое противопоставление плана стихии и открытие в экономике переходного периода двух форм, проявления закона трудовых затрат приводит к тому же самому, что говорил Преображенский.

Теперь посмотрим, как же надо решать все затронутые авторами вопросы, с которыми они не справились.

Но раньше, чем приступить к вопросу о соотношении плана и стихии, суммируем мысли авторов.

Вся система советской экономики делится авторами на два сектора: 1) социалистический и 2) частнокапиталистический. Социалистический сектор хозяйства планово организован, частнокапиталистический неорганизован, тут действует стихия рынка. Социалистический сектор «химически» соединен с частнокапиталистическим. Такое «химическое сродство» выражается в том, что оба ведут обмен друг с другом в товарно-денежной форме.

Закон стоимости в экономике переходного периода переживает трансформацию. В социалистическом секторе осталась лишь форма стоимости, содержание заменено плановым началом, в частнокапиталистическом секторе и содержание и форма стоимости действуют.

Социалистический сектор, связанный с частнокапиталистическим, ведет с ним борьбу.

В этой борьбе капиталистический сектор побеждается, на место его становится сектор социалистический. Действие закона стоимости «пространственно ограничивается» (стр. 183). Вот и все.

Авторы противопоставляют план стихии. По нашему мнению, такое противопоставление неверно. Когда говорится о плане в нашей экономике, то под ним надо понимать такой план, который охватывает все народное хозяйство. Правда, авторы в одном месте говорят о таком плане, но вся беда их заключается в том, что совершенно верные замечания тонут в общей концепции, развиваемой в «очерках». Если же мы ставим вопрос о таком плане, который охватывает и должен охватывать все народное хозяйство, то противопоставлять план стихии нельзя. Иначе планово-организованный сектор будет выступать, как суб'ект по отношению к неорганизованной части народного хозяйства, т.-е. приблизительно получится логически та же картина, что в приводимом нами примере с хозяйством империалистического типа. При составлении плана имеется налицо сектор социалистический, находящийся в руках пролетарского государства, и сектор частнокапиталистический. Материальные ресурсы первого сектора учтены. Материальные ресурсы второго сектора, частнокапиталистического, надо учесть. Учет материальных ресурсов данного сектора есть учет стихийно действующих процессов, так как материальные элементы частнокапиталистического сектора принимают товарно-денежную форму.

Опять-таки авторы в одном месте верно подходят к проблеме, но только подходят. Они говорят: «Эти особенности (особенности плана в переходную эпоху. *А. К.*) вытекают из того, что задача планирования и проведение планового начала в переходном периоде одной своей стороной сводится к «предвидению равнодействующей стихийных факторов хозяйства» (стр. 123).

Но задача планирования заключается не только в предвидении стихийных процессов, такое предвидение пытается делать любой капиталистический трест, а задача в другом—*во включении стихийно действующих закономерностей в план.*

Таким образом, вскрытые «стихийно действующие процессы» сами становятся элементом плана. Следовательно, план строится на основе наличия, с одной стороны, материальных ресурсов обобществленного сектора и на основе учета материальных ресурсов стихийно организованного сектора. При чем материальные ресурсы последнего берутся не в статике, а в движении, что означает не что иное, как «вскрытие стихийно действующих процессов». На основе данных строится план динамики развития всего народного хозяйства.

Если бы все части народного хозяйства были обобществлены, динамика развития хозяйства, т.-е. равновесие на расширенной основе было бы одно. Если бы все народное хозяйство было построено по типу капиталистических отношений, динамика развития была бы другая. В переходную же эпоху наличие обобществленного сектора и сектора стихийно-организованного дает в результате динамику развития всего народного хозяйства, совершенно отличную как от динамики капиталистического типа, так и от динамики чистого социализма.

Динамика развития всего народного хозяйства, как мы уже говорили выше, происходит на основе равновесия, на расширенной основе. Такое равновесие в переходную эпоху отлично как от того равновесия, которое складывается при капитализме, так и того, которое будет действовать при социализме. Но равновесие в переходной экономике зафиксировано в плане, проводится через план. Так что план дает равнодействующую всему народному хозяйству. План охватывает все народное хозяйство, но в центре плана стоит социалистический сектор хозяйства. Опираясь на этот сектор, план проводит в жизнь зафиксированную равнодействующую. Частнокапиталистический сектор хозяйства должен к ней приспособляться. Таким образом, закон трудовых затрат прокладывает себе дорогу не через две формы, как говорят авторы «очерков», а через одну форму—*план*. В этом сущность равновесия всей экономической системы Советского Союза.

Такая постановка вопроса решает и методологический вопрос о роли стоимости в переходный период. Авторы справедливо обвиняют Преображенского в том, что он абстрагируется от экономической политики пролетарского государства.

Но при анализе проблемы стоимости сами абстрагировались от экономполитики. Рассматривая частнокапиталистический сектор, авторы нашли там закон стоимости в сохранности, а это что? Разве не есть абстрагирование от экономполитики? Рассматривая закон стоимости в социалистическом секторе, авторы нашли форму стоимости, а за ней вскрыли новые производственные отношения, которые не могут служить содержанием стоимости. Разве это не абстрагирование от экономполитики? Что же тогда называется у Леонтьева и Хмельницкой абстрагированием?

Почему при анализе экономики переходного периода нельзя абстрагироваться от экономической политики пролетариата?

Потому что формой проявления закона трудовых затрат является план. А план есть не что иное, как экономполитика. Экономическая политика пролетариата в лице плана устанавливает равнодействующую всей хозяйственной системы. Следовательно, все элементы частнокапиталистического сектора, высту-

пающие как части единой хозяйственной системы, должны тяготеть своими пропорциями обмена к этой равнодействующей, иначе они не будут включены в единую систему, так что даже в частно-капиталистических элементах нашего хозяйства закон стоимости безгранично не действует. Он чем дальше, тем больше начинает тяготеть к равнодействующей, устанавливаемой планом, а, значит, чем дальше, тем все больше и больше понять пропорции обмена в частнокапиталистическом секторе хозяйства без экономической политики будет нельзя.

Своеобразный план переходного периода, включающий в себя как показатели частнокапиталистических элементов, так и элементы обобществленного сектора, которые ставятся во главу планирования, создает равновесие всей системе народного хозяйства. План диктует заранее намеченное воспроизводство в народном хозяйстве. А этим самым происходит определенное воспроизводство определенных производственных отношений.

Через план происходит распределение совокупного общественного труда, через план происходит воспроизводство во всем народном хозяйстве, следовательно, через план идет регулирование всего народного хозяйства. Но в экономике переходного способа производства регулирование всего народного хозяйства отлично от регулирования в хозяйстве социалистическом. Отличие будет итти по двум линиям: 1) при социализме регулирование будет происходить в форме натуральных продуктов, тогда как в переходной системе наличие необобществленного сектора приводит к регулированию в товарно-денежной форме, 2) распределение совокупного общественного труда при социализме в связи с отсутствием необобществленного сектора будет другим, это двинет рост производительных сил более быстрым темпом, чем в хозяйстве переходного типа.

Наконец, последний вопрос о борьбе плана со стихией. План не отвлекается от стихии, он ее не только учитывает, а включает в себя, как один из своих составных элементов.

Ставя во главу угла построения данамики развития всего народного хозяйства социалистический сектор, план устанавливает и пропорции борьбы социалистического сектора с частно-капиталистическим.

Благодаря охвату всего народного хозяйства план устанавливает пропорции борьбы даже внутри частнокапиталистического сектора. Определенная политика цен на продукты крестьянского хозяйства, которое в массе своей является простым товарным хозяйством, приводит к определенному воспроизводству капиталистических элементов, так что вопрос о борьбе социалистического сектора с капиталистическим решается экономической политикой пролетариата, т.-е. планом.

Каковы должны быть пропорции борьбы, это устанавливает план, на основе которого осуществляется равновесие всей системы.

II.

Если категория стоимости в переходный период в нашей литературе трактуется широко, то этого нельзя сказать о категории распределения. Попытка поставить данную проблему во всем ее об'еме авторами «Очерков» сделана, пожалуй, впервые.

Исходный пункт для разрешения проблемы распределения у Леонтьева и Хмельницкой совершенно правильный.

Проблема распределения не есть только проблема распределения национального дохода. Распределение национального дохода обусловливается прежде всего теми отношениями, на основе которых зиждется распределение орудий и средств производства.

Само же распределение орудий и средств производства включено в производственный процесс. Следовательно, раньше, чем может быть поставлен вопрос о распределении национального дохода, надо решить вопрос о характере и формах распределения средств производства.

Исходным пунктом распределения средств производства при капитализме может служить первоначальное накопление, которое определило собою характер и форму дальнейшего распределения не только вновь создаваемых орудий и средств производства, но через способ распределения последних и характер распределения национального дохода между различными классами капиталистического общества.

Из сказанного видно, что исходным пунктом в разрешении проблемы распределения в экономике переходного периода, являются мероприятия Октябрьской революции в области ломки старых производственных отношений и замены их новыми.

«Экспроприация крупной промышленности, железных дорог, крупного землевладения, отмена частной собственности на землю,— вот содержание этого переворота в вертикальном разрезе капитализма. Этим самым в первую очередь реализуется та новая форма распределения, в широком смысле, распределения средств производства, которая приходит на смену распределенческим формам капитализма». («Очерки», стр. 271).

Такой исходный пункт в разрешении проблемы распределения требует определенного подхода при разборе таких вопросов, как заработная плата, прибыль, рента и т. д.

При капитализме распределение как средств производства, так и доходов различных классов населения происходит через закон стоимости. С другой стороны, основной комплекс производственных отношений капитализма, комплекс, который окрашивает своим цветом все остальные, есть отношения между пролетариатом и буржуазией. Так что капиталистическая форма распределения должна обязательно включать данный комплекс, иначе распределительные отношения будут не капиталистическими. Вот что говорит по этому поводу Бухарин:

«Итак, чтобы понять процесс распределения в его капиталистической форме, мы обязательно должны помнить два вышеупомянутых факта: 1) распределение происходит при посредстве ценностных отношений; 2) рабочая сила становится товаром. Это и есть те требования, которые нужно ставить всякой теории капиталистического распределения» («Атака», стр. 29).

Какие же требования мы должны поставить теории распределения в переходный период от капитализма к социализму?

К сожалению, на данный вопрос в «Очерках» мы не находим ответа. Отсутствие ответа на поставленный вопрос, делает недостаточным верное замечание авторов о новом распределении средств производства, произведенном социальной революцией.

Раньше, чем ответить на поставленный вопрос, посмотрим, как решаются проблемы дохода различных классов в переходный период.

Берем проблему заработной платы.

Прежде всего, по примеру анализа стоимости в СССР, авторы делят народное хозяйство на две части (с исключением простого товарного хозяйства): на часть социалистическую и капиталистическую.

Заработная плата, как категория капитализма, авторами рассматривается с качественной и количественной стороны. Качественная сторона зарплаты определяется антагонистическим отношением между пролетариатом и буржуазией, количественная— долей продукта, получаемой рабочим.

«Меновой акт,—говорят авторы,—совершаемый при продаже-покупке рабочей силы, сам по себе уже предполагает и наличность классовых противоречий и классовой борьбы в капиталистическом обществе. Это классовое антагонистическое отношение и составляет, таким образом, качественную сторону капиталистического закона определения заработной платы.

Достаточно лишь подчеркнуть эту социальную, качественную категорию стоимости заработной платы для того, чтобы стало ясно коренное изменение содержания этой категории в обобществленном секторе нашего хозяйства» (стр. 289).

Следовательно, в социалистическом секторе народного хозяйства, благодаря отсутствию отношений между пролетариатом и буржуазией, качественная сторона категории заработной платы отмирает.

Что же касается количественной стороны категории, то здесь, по мнению авторов, стоимость рабочей силы выступает только как исходный пункт. Дальнейшее же количественное изменение заработной платы регулируется законом стоимости рабочей силы, регулятором выступает сознательная политика пролетарского государства, определяемая степенью под'ема производительности труда.

«Таким образом, капиталистический закон ценности рабочей силы сохраняет свою значимость для обобществленного хозяйства, как исходный момент, количественно определяющий тот уровень, ту границу в распределении вновь созданного продукта на потребляемую и накопляемую часть, с которой начинаются дальнейшие и количественные и качественные изменения и отмирание категории заработной платы» (стр. 292).

Так стоит проблема зарплаты в обобществленном секторе хозяйства.

Что же касается капиталистического сектора нашего хозяйства, то проблема заработной платы как с качественной, так и с количественной стороны, остается такой же, как она сконструирована Марксом по отношению к капитализму.

«В секторе частного, необобществленного хозяйства, категория заработной платы полностью сохраняет свое социально-классовое антагонистическое содержание.

Частнокапиталистический характер отношений здесь с полной бесспорностью определяет и сохранение качественного содержания капиталистических законов заработной платы».

А дальше: «Здесь (в капиталистическом секторе. *А. К.*) процесс перерождения содержания категории заработной платы находится в непосредственной зависимости от степени роста сферы обобществленных отношений, т.-е. от прямого вытеснения частного капитала» (стр. 299).

Следовательно, в капиталистическом секторе хозяйства как качественная, так и количественная стороны заработной платы остаются те же, что и при частном капитализме.

Так решается проблема заработной платы в переходный период.

Мы считаем, что решить проблему заработной платы таким механическим делением народного хозяйства на две части авторам все же не удалось. Не удалось потому, что к данной проблеме следует подходить, не обстрагируясь от экономической политики даже при рассмотрении частнокапиталистического сектора, а исходя из экономполитики.

При рассмотрении вопроса соотношения социалистического и частнокапиталистического секторов хозяйства, мы указывали на то, что закон трудовых затрат прокладывает себе дорогу через план пролетарского государства, который охватывает все народное хозяйство в целом.

Равновесие всей системы хозяйства требует пропорционального распределения труда. Следовательно, та часть живого совокупного общественного труда, которая находится в частнокапиталистическом секторе хозяйства, выполняя роль равновесия всей системы, учитывается и включается в план всего народного хозяйства.

План устанавливает динамику развития всего народного хозяйства, план устанавливает динамику развития отдельных отраслей производства, план устанавливает динамику развития отдельных экономических укладов.

Таким образом, движение частного капитала не есть свободное движение капитала, управляемого законами анархического капитализма, это движение обусловливается экономполитикой пролетариата. Раз это так, тогда отношения между капиталистом и рабочим, которые возникают в частнокапиталистическом секторе не адэкватны отношениям, складывающимся при экономической формации капитализма.

При господстве капиталистического способа производства, отношения между капиталистом и рабочим характеризуются не только тем, что свободный рабочий выступает на рынок и продает свою рабочую силу, а и тем, что этот рабочий не свободен от капитала. Движение капитала создает движение рабочей силы. Производственные отношения между пролетариатом и буржуазией «приковывают рабочего к капиталу крепче, чем молот Гефеста приковывал Прометея к скале». (Маркс, т. I, стр. 638).

Спрашивается: таково ли положение рабочего класса в частнокапиталистическом секторе, верно ли, что движение капитала на основе стихийно действующих законов, бросает рабочий класс из стороны в сторону, то сжимая его количество до пределов пропорции капитала, то увеличивая это количество, следуя закону накопления? Другими словами, верно ли, что в секторе капиталистическом «полностью» остаются те производственные отношения между пролетариатом и буржуазией, которые присущи капитализму?

Авторы отвечают—да, мы, говорим—нет.

«Момент классовой борьбы и соотношения классовых сил здесь (в капиталистическом секторе. *А. К.*) находят свое выражение, прежде всего в том, в какой мере профессиональным союзам

удается об'единить и организовать рабочих и воздействовать на условия заработной платы» (стр. 299).

Такая организованность рабочего класса «оказывает непосредственное воздействие на заработную плату в частнохозяйственном секторе, с количественной ее стороны» (там же).

Но влияние на количественную сторону заработной платы, через организацию профсоюзов пролетариат проделывает и при капитализме.

Борьба за повышение заработной платы при помощи профсоюзов при капитализме не противоречит капиталистическому способу производства, а его воспроизводит, воспроизводит потому, что противодействие рабочего класса общей тенденции заработной платы к понижению есть условие существования рабочего класса, а значит и условие существования капитализма.

Ошибка авторов заключается в том, что они взяли капиталистический сектор хозяйства оторванно от остальных секторов народного хозяйства, в частности от социалистического сектора, что выразилось в абстрагировании от экономической политики.

В условиях диктатуры пролетариата, когда единый план устанавливает динамику развития всего народного хозяйства, а частнокапиталистический сектор является частью этого народного хозяйства, при таких условиях частный капитал приковывается к колеснице народнохозяйственной динамики, устанавливаемой планом. План развития народного хозяйства есть экономическая политика пролетариата. Степень развития капиталистического сектора устанавливается планом. Экономическая политика пролетариата указывает пути, форму и величину движения частного капитала, т.-е. перелива его из одной отрасли производства в другую. Это проделывается при помощи целого ряда экономических мер, путем не непосредственного регулирования, а путем воздействия на частный капитал, как прямым (в форме простого обложения) так и путем косвенных мероприятий.

Таким путем при диктатуре пролетариата не рабочий класс, а, наоборот, капитал прикован к колеснице экономической политики рабочего класса.

Другими словами, производственные отношения между пролетариатом и буржуазией поставлены как бы на голову.

Основные законы движения зарплаты при капитализме следующие. Лишенный орудий и средств производства рабочий класс находится в полной зависимости от капитала. Расширение, сужение, переливы капиталов вызывают расширение, сужение и приливы рабочей силы. Заработная плата имеет тенденцию понижаться. «Чем быстрее растет производительный капитал, тем большее распространение получает разделение труда и применение машин. А чем большее распространение получает разделение труда и превенения машин, тем ниже падает их плата». (Маркс. «Наемный труд и капитал», стр. 31). С развитием капитализма доля рабочего класса в национальном доходе падает. Происходит абсолютное обнищание рабочего класса. По этому поводу Ленин говорит следующее: при капитализме «рабочий нищает *абсолютно* (подчеркнуто автором. *Д. К.*), т.-е. становится прямо-таки беднее прежнего, вынужден жить по подвалам и чердакам» (Ленин, том XII, ч. 2, стр. 565).

Для того, чтобы сказать, что качественно и количественно заработная плата в капиталистическом секторе нашего хозяйства однородна тому, что присуще капитализму, надо признать действующими указанные тенденции. Авторы такого вопроса даже не поднимают. В этом недостаточность и ошибка авторов. Недостаточность потому, что, отказываясь от постановки данных вопросов, они не развернули во всей широте проблему заработной платы, ошибка же заключается в том, что, если бы все эти вопросы были поставлены, стало бы ясно, что проблема заработной платы, как части национального дохода, не решается указанием на качественную и количественную стороны. Законы капитализма, действующие на рабочий класс в переходном периоде, претерпели изменения, благодаря новым производственным отношениям, а значит, и доля рабочего класса в национальном доходе страны имеет совершенно другие тенденции, чем те, которые господствовали при капитализме. Следовательно, надо было вскрыть новые тенденции, модифицирующие старые законы капитализма в вопросе о доле рабочего класса. Ведь авторы решали вопрос распределения, значит, ставя проблемы зарплаты, решали вопрос о доле рабочего класса и ее динамике в переходный период. Вместо этого разделили рабочий класс по двум секторам хозяйства. И получилось, что тенденция движения зарплаты для сектора социалистического одна, для частнокапиталистического другая, а значит, и доля рабочего класса, занятого в обобществленном секторе, управляется одними законами и имеет одну динамику, доля же той части рабочего класса, которая занята в капиталистическом секторе, управляется другими законами, имеет другие тенденции.

А вывод отсюда можно сделать тот, что интересы этих двух частей пролетариата не одинаковы.

При разборе проблемы заработной платы у автора получается как бы два рабочих класса, один на государственных крупных предприятиях, где капиталистические отношения уничтожены, другой в капиталистическом секторе, где отношения капитализма остались нетронутыми.

И с социологической, и с экономической точки зрения наш пролетариат един, при чем это уже класс не в капиталистическом смысле слова, а совершенно отличный, имеющий новые черты. Если пролетариат капиталистического строя в отношении к орудиям производства не является их собственником, то пролетариат в СССР уже является коллективным собственником орудий производства.

Если пролетариат при капитализме является угнетенным, то при диктатуре рабочего класса, он является господствующим. Эти две новые черты нашего рабочего класса не оставляют старыми производственные отношения между капиталистами и рабочими, а создают производственные отношения другие, характерные только переходному периоду. Следовательно, категория заработной платы даже для частнокапиталистического сектора модифицируется в сторону ее отмирания. А это значит, что доля рабочего класса, занятого в предприятиях капиталистического сектора регулируется не законами чистого капитализма, а законами совершенно другого порядка, законами, присущими переходному хозяйству.

Доля части рабочего класса, занятого в капиталистическом секторе хозяйства, определяется не только и не столько той суммой, которую он получает непосредственно у капиталиста в форме заработной платы, а определяется всей экономической политикой

пролетарского государства, направленной на удовлетворение потребностей рабочего класса в целом.

При капитализме доля рабочего класса в национальном доходе совпадала с заработной платой, как ценой стоимости рабочей силы, при диктатуре пролетариата такого совпадения нет. Доля рабочего класса в национальном доходе понятие более широкое, чем заработная плата рабочих, она включает последнюю, но ею не исчерпывается. Вот почему при решении проблемы распределения нельзя абстрагироваться от экономполитики.

Что же касается остальных проблем распределения, то по отношению к ним применяются те же методы.

Вопрос ставится, каковы законы распределения в переходный период,—вместо этого решается вопрос, назвать ли прибавочным продуктом или прибавочной стоимостью тот излишек, который производится в частнокапиталистическом секторе; вопрос ставится о том, каковы тенденции развития доходов каждого класса переходного строя,—вместо этого решается вопрос, будут ли доходы крестьянина абсолютной или дифференциальной рентой.

Надо было вскрыть, каковы эти законы, каковы тенденции развития доходов разных групп и классов переходной системы, каковы противодействующие факторы,—и только после такого анализа можно поставить вопрос о неприменимости или применимости капиталистических категорий.

У авторов же получилось наоборот: проблемы политической экономии стоят в центре, а проблемы переходного периода на втором месте. Получились не «очерки переходной экономики», а очерки капиталистической экономики.

Правильной установки проблемы распределения у авторов нет.

Как надо было ставить проблему распределения? Раньше чем приступить к поставленному вопросу, начнем с того исходного пункта, который правильно поставлен авторами.

Проблема распределения есть широкая проблема. Ею решается не только вопрос распределения доходов между разными группами и классами советского хозяйства, а и вопрос распределения средств производства.

Октябрьская революция изменила старые производственные отношения, на ряду с производственными отношениями капиталистического и простого товарного хозяйства созданы новые—отношения социалистического типа.

Эти новые отношения, охватившие главнейшие командные высоты, являются определяющими для всех остальных.

Ведущее начало принадлежит им. В чем выражается ведущее начало новых производственных отношений? В том, что пролетариат через свою экономическую политику, опираясь на данный комплекс производственных отношений—социалистические отношения—перестраивает остальные комплексы отношений по типу социалистических. Методы и формы перестройки разные, а результат один. Капиталистический комплекс отношений снимается простым экономическим соревнованием, комплекс простых товарных отношений снимается кооперированием. Методы разные, а результат один—расширение производственных отношений социалистического типа.

Связь между отдельными частями народного хозяйства возможна пока лишь в рыночной форме, но равновесие всей системы устанавливается планом пролетарского государства [1]).

Этим решается вышепоставленный вопрос о тех требованиях, которые необходимо поставить теории распределения в переходный период.

Первое требование, какое надо выдвинуть «теории» распределения переходного общества от капитализма к социализму, это—*исходить прежде всего из экономической политики пролетарского государства*. Распределение происходит через экономическую политику пролетариата [2]).

Выше указывалось, что формы переустройки разных хозяйственных укладов разные. В зависимости от сектора хозяйства пролетариат применяет те или другие методы воздействия, а значит—способы распределения в отношении к каждому сектору неодинаковы. Так что вторым требованием, пред'являемым к «теории» распределения, будет являться рассмотрение каждого сектора в отдельности, при чем это рассмотрение надо производить не изолированно от остальных частей хозяйства, а в их связи.

Связь между отдельными секторами хозяйства, а также и внутри каждой из них происходит в форме рыночной связи, так что третье требование, пред'являемое «теории» распределения, состоит в том, чтобы рассматривать связь всего народного хозяйства в форме рыночной связи.

Вот те три основных требования, которые должны быть положены в основу проблемы распределения в переходный период.

Теперь ставится другой вопрос. Каково взаимоотношение между этими тремя факторами переходной экономики.

Экономполитика или план пролетарского государства охватывает все народное хозяйство. Такой план дает подвижное равновесие с положительным знаком всей системы.

Следовательно, в план включены все секторы хозяйства, но включены они по-разному. Социалистический сектор, становящийся в центре плановых мероприятий пролетариата, целиком поддается регуляции, сектор частнокапиталистический косвенным путем. Экономполитика, устанавливающая динамику развития всего народного хозяйства, устанавливает и пропорции развития каждого сектора в отдельности. Перелив орудий и средств производства таким образом фиксируется планом, при чем фиксируется не в их натуральной форме, а в товарно-денежной.

Перелив орудий и средств производства определяет собою количество занятой рабочей силы. Так что план руководит количеством рабочей силы, подлежащей быть занятой в каждом секторе хозяйства в отдельности. Таким образом распределение производительных сил в товарно-денежной форме производится планом пролетарского государства.

Имея в наличии данные 1) динамики развития всего народного хозяйства, 2) динамики развития каждого сектора в отдельности, 3) динамики развития количества занятой рабочей силы в каждом секторе, при чем все это проводится по плану,—на основе этих данных им же (планом) устанавливается и динамика

[1]) Особенности плана в переходный период разобраны выше.

[2]) Работа профсоюзов в деле улучшения положения рабочего класса нами относится к экон. политике.

распределения доходов между разными группами и классами переходного периода, вернее распределение доходов между классами определяется первыми тремя видами динамики.

Следовательно вся проблема распределения охватывается экономической политикой пролетариата. Экономполитика, детерминированная законом трудовых затрат, устанавливает пропорции распределения. Так что пропорции распределения, законы распределения, если выражаться языком политэкономии, надо искать в экономической политике.

Но анализ проблемы распределения на этом не кончается. Выше мы говорили, что план, руководящий всем народным хозяйством, не в одинаковой мере охватывает все секторы хозяйства.

Капиталистический сектор и сектор простого товарного хозяйства, включаемые в план, имеют относительный простор: там действуют сильно урезанными присущие им законы. Вот эти законы—законы капиталистического хозяйства полустихийные, полурегулируемые становятся фактором, противодействующим мероприятиям плана. Они видоизменяют, отклоняют те общие главные тенденции, которые зафиксированы в плане. Влияние капиталистических законов и законов простого товарного хозяйства на пропорции распределения, устанавливаемые планом, есть последний вопрос проблемы распределения.

Таким образом проблема распределения в экономике переходного периода есть проблема планового порядка. План устанавливает общие тенденции распределения, противодействующими же факторами, но не определяющими, выступают стихийные, гетерогенные силы.

У авторов же как раз наоборот.

Вначале берутся категории капитализма, решающие проблему распределения, исходят из них, а потом прикладываются, как штамп к каждому сектору в отдельности. Результат получается поистине убогий: в таком-то секторе зарплата как категория капитализма налицо, в таком-то нет, в таком-то секторе хозяйства прибавочная стоимость остается, в таком-то трансформируется и т. д.

Получается не решение проблемы распределения в экономике переходного периода, а механическое штампование наших секторов хозяйства категориями политической экономии.

Такой метод анализа не дает возможности вскрыть основные тенденции заложенных в нашей системе, не дает возможности посмотреть эту систему в динамике, умаляет работу пролетарского государства по перестройке хозяйственной системы.

Конечно, мы не исчерпали всех поднятых вопросов, да это и не входило в нашу задачу. Мы только попытались поставить некоторые вопросы, которые неправильно трактуются авторами разбираемых очерков.

А. Кармалитов.

«ВСЕСОЮЗНАЯ ПАРТИЙНАЯ ПЕРЕПИСЬ 1927 г.».

Выпуск I. «Численный состав ВКП(б) на 10-е января 1927 г.», стр. 90, тираж 2.000.

Выпуск II. «Социальный состав ВКП(б) и коммунистическая прослойка в промышленных предприятиях», стр. 167, тираж 3.500 цена 1 р».

Выпуск III. «Род занятий членов ВКП(б) и кандидатов в члены», стр. 180, тираж 3.000, цена 1 р. 50 к.

Выпуск IV. «Квалификация рабочих и связь с землей рабочих и членов деревенских ячеек», стр. 153, тираж 3.000, цена 1 р. 40 к.

Выпуск V. «Общее и политическое образование членов ВКП(б) и кандидатов в члены», стр. 156, тираж 4.500, цена 1 р. 40 к.

Выпуск VI. «Численный состав ВКП(б) на 10-е января; партийный стаж и возраст членов ВКП(б) и кандидатов в члены», стр. 198, тираж 3.700; цена 1 р. 50 к.

Седьмой выпуск. «Народность и родной язык членов ВКП(б) и кандидатов в члены; состав коммунистов коренной народности в национальных республиках и областях», стр. 155, тир. 3.700. Цена 1 р. 25 к.

Восьмой выпуск. «Парт'ядро в ВЛКСМ: социальное положение, род занятий и партийный стаж членов ВКП(б) и кандидатов в члены, состоящих в ВЛКСМ», стр. 160. Тираж 4.200, цена 1 р. 25 к.

Издания Статистического Отдела ЦК ВКП(б). Москва 1927 г.

Перечисленные выпуски итогов партпереписи содержат богатейший материал для характеристики состава партии к началу 1927 года.

Выпуск *первый* включает в себя данные о количественном составе ВКП(б) как по губерниям, областям и нацреспубликам (67 единиц), так и по отдельным округам, уездам и горорганизациям (574 единицы). Данные этого выпуска предварительные. Окончательный итог численности в партии подведен в выпуске VI, согласно которому к 10-му января с. г. в нашей партии числилось—1.192.458 человек. Членов партии и кандидатов, не прошедших партпереписи оказалось 3,8% из общего числа коммунистов, подлежавших переписи. Из этого числа не прошло переписи по уважительным причинам—около 10.000 человек, т.-е. 0,8% всего состава партии. Остальные не явились на перепись, тем самым оформив свой выход из партии. Таковых учтено всего 35.000 чел. или 3,0%.

Выпуск первый в погубернских же данных дает представление о численности коммунистов по типам ячеек: рабочим, деревенским, советским, военным, учебных заведений, при чем отдельно учтено число партийцев в ячейках при промышленных предприятиях государственных, кооперативных, частных и концессионных, на железнодорожном, водном и местном транспорте и в деревенских ячейках—крестьянских, при совхозах, коммунах и колхозах.

Во *втором* выпуске опубликованы данные о социальном составе партии, т.-е. иными словами—о принадлежности партийцев к той или иной группе трудящихся (рабочим, крестьянам, служащим) до момента вступления в партию или до 1917 г. для вступивших в ее ряды в период ее подпольного существования. Как и следовало ожидать, основную массу нашей партии составляют рабочие, численность которых к критическому дню переписи—10-му января 1927 г.—определена в 637.768 чел. или 55,7% всей численности партии или 56,4% в составе партии за вычетом из нее коммунистов в Красной армии и сов. учреждениях за границей.

На втором месте—по численности—стоят служащие—258.125 чел. (22,6%) и на третьем—крестьяне—217.411 (19,0%).

В этом же разделе (о социальном составе ВКП(б)) помещены данные о социальном составе коммунистов в отдельных типах ячеек.

Особенно интересны находящиеся в этом же выпуске данные о числе членов партии и кандидатов в промышленных предприятиях.

Опубликованные по этому вопросу цифры крайне интересны, они должны быть известны не только практическим строителям нашей партии,

но и нашим хозяйственникам-руководителям. Средние общесоюзные данные говорят о том, что на каждые десять индустриальных рабочих приходится один коммунист. Однако, эта средняя дает большие колебания в различных отраслях промышленности. Наиболее высока компрослойка в нефтяной промышленности (18,5%) и наиболее низка в текстильной (6,2%). Значительные отклонения от средней наблюдаются в предприятиях, группируемых по числу занятого в них персонала.

Далее, приводятся данные о партпрослойке на государственных, кооперативных, частных и концессионных предприятиях. На последних процент коммунистов очень незначителен (6,5% и 8,7%). На государственных же предприятиях мы имеем 10,5% коммунистов, а на кооперативных даже больше (13,3%). При средней весьма низкой компрослойке среди женского пролетариата (6,5%) этот показатель еще более снижается (3,7%) в той отрасли, где женский труд играет видную роль—текстильной. Это нам со всей решительностью диктует необходимость усиления приема в партию работниц на текстильных предприятиях.

В *третьем* выпуске мы находим цифры, характеризующие род занятий коммунистов к моменту переписи. Согласно данным этого выпуска в составе партии учтено (на 10-е января) рабочих—343.202 чел., крестьян—116.189, служащих и общественных работников—440.501, учащихся—58.004, военных—92.131, младшего обслуживающего персонала—28.789, безработных—45.020.

Необходимо, однако, иметь в виду, что среди служащих и общественных работников насчитывается весьма большое число (42%)—бывших рабочих и некоторое число (12,8%)—бывших крестьян. В группе учащихся мы имеем: рабочих—по основной профессии до вступления в партию—50,6%, крестьян—21,2%, служащих и прочих—28,2%.

Выпуск *четвертый*—один из наиболее интересных. В нем опубликованы впервые данные о квалификации рабочих-коммунистов и о связи их с землей, рисующие весьма благоприятную картину. Из числа состоящих в партии 343 тысяч рабочих «от станка» имеется квалифицированных—60,2%, полуквалифицированных—23,3% и неквалифицированных—16,5%. Цифры эти в комментариях не нуждаются, они ясно говорят о высоком качественном уровне коммунистов на производстве. Дифференцируя эти показатели по отраслям промышленности, мы получаем следующую картину. Наибольшее количество коммунистов—квалифицированных рабочих—мы имеем среди металлистов (81,5% квалифицированных рабочих), печатников (81,9%), строителей (95,9%), кожевников (90,9%). Менее квалифицированными являются табачники, бумажники и т. д.

Группировка партийцев-рабочих по профессии говорит о том, что большинство их составляют металлисты. Их—31,9%.

Впервые разработанные данные о связи рабочих с землей установили, что из всего числа рабочих в партии связано с землей только 11,9%, при чем лишь 4,7% участвуют в сельском хозяйстве своим личным трудом, остальные оказывают денежную помощь. Этот показатель повышается в ряде земледельческих и национальных районов. Если взять отдельно работниц в нашей партии, то из их числа имеют связь с землей лишь 4,2%. У нас установилось мнение, что железнодорожные рабочие особенно крепко связаны с землей. Между тем цифры говорят о том, что всего лишь 8,7% транспортных рабочих-коммунистов имеют сельское хозяйство.

Если данные о связи с землей коммунистов, рабочих «от станка», дифференцировать по квалификации рабочих, то оказывается, что больше связи с землей имеют полуквалифицированные и неквалифицированные. Если же те же данные рассмотреть по отраслям промышленности, то наибольшее число имеющих сельское хозяйство наблюдается среди пищевиков, строителей, швейников и наименьшее—в группе металлистов, печатников, табачников, рабочих водного транспорта и др.

Конечно, если бы в добавление к весьма интересным данным четвертого выпуска мы имели цифры о производственном стаже рабочих «от станка» в нашей партии, то характеристики таковых были бы полнее.

Наконец, в этом же выпуске есть еще один раздел—о связи с землей членов деревенских ячеек. Как и следовало ожидать, связь с землей тут высокая (43,2%), при чем по отдельным земледельческим губерниям этот процент еще более повышается.

Пятый выпуск посвящен вопросу об общем и политическом образовании коммунистов. Всего в нашей партии коммунистов с высшим образованием—0,8%, с средним—9,1%, с низшим—63%, с домашним—24% и неграмотных—2,3% (26 тысяч человек). Количество неграмотных велико в отсталых нац. районах, в частности в Средней Азии технически неграмотной оказывается одна пятая всей организации. Среди женщин в партии более образованные имеют относительно больший удельный вес. Так, имеющих высшее образование среди них—1,5%, среднее—13,5%. С другой стороны и неграмотных среди них больше (2,7%). Как и надо было ожидать, по образованию выше всех стоят служащие, затем рабочие и крестьяне.

В этом выпуске имеются данные о политическом образовании коммунистов, т.-е. о том, какая часть партии прошла через те или иные партийные школы, кружки, вузы. Таковых оказывается 40,7%. Сказать, что большая часть партии (59,3%) не прошла никаких школ и потому политически неподготовлена—нельзя. Не надо забывать, что очень многие в нашей партии политически и идейно растут на практической живой работе. Наибольшее внимание в системе партобразования уделяется рабочим. Из их состава пропущены через школы 44,2%. Вместе с тем, заметно отстает дело вовлечения крестьян-коммунистов в эти школы (31,8%).

Шестой выпуск, кроме окончательных итогов численного состава партии, включает в себя данные о партийном стаже и возрасте коммунистов. Оказывается, в нашей партии членов, вступивших в 1916 году и ранее насчитывается всего 8.955 человек (1,1%). Основная часть партии (58,9%) вступила в партию в 1924—1926 гг. Особенно бросается в глаза значительный кадр застарелых кандидатов в партии. Кандидатов со стажем с 1920 по 1924 год насчитывается у нас 53.261 чел. (14,4%). Мы привыкли относить это явление целиком за счет деревенской части партии. Между тем цифры говорят, что среди крестьян меньше всего застарелых кандидатов (9,7%). Больше имеется их среди рабочих (15,7%) и среди служащих (19,2%). Сами собой напрашиваются задачи пересмотра состава застарелых кандидатов в партии.

Что касается возрастной группировки партийцев, то основная масса их (60%) находится в возрасте от 21 до 31 года. В возрасте 19-ти лет и моложе—9.703 чел. (0,8%) и свыше 60 лет 3.906 чел. (0,3%).

Во всех выпусках рассматривается состав женщин в партии по тем же признакам: социальному положению, роду занятий, партстажу и т. д.

Благодаря *седьмому* выпуску мы получаем весьма интересную картину национального сектора ВКП(б). В нашей партии имеется: русских 65%, украинцев—11,72%, евреев—4,33%, белоруссов—3,19%,

армян—1,66%, грузин—1,49%, татар—1,37%, узбеков—1,19%, латышей—1,17%, поляков—1,07%, казаков—1,05%, тюрок—0,98%. Здесь мы назвали лишь 12 национальностей, между тем, как это видно из седьмого выпуска, в ВКП(б) имеются представители 132 народностей. За исключением перечисленных, каждая из остальных национальностей в отдельности составляет меньше ½ процента партии. Весьма характерна численность женщин среди коммунистов-евреев и белоруссов. В то время, как в партии в целом имеется 12% женщин, среди евреев женщин—23,2% и среди белоруссов—только 6,6%.

Партия в своих решениях неоднократно указывала на необходимость обратить особенно большое внимание на вопрос вовлечения в партию трудящихся из коренного населения нацрайонов. Перепись показала, что в этом отношении у нас не все обстоит благополучно. В значительном числе нацрайонов в парторганизациях коммунисты коренной народности составляют меньшинство. Так, в Крыму имеется в парторганизации лишь 9,5% татар, в Ойратии—16,4% ойратов, в Казакстане—35,3% казаков, в Вотской автономной области—18,6% вотяков, в Адыгей-Черкесской а. о.—21,9% черкесов, в Бурято-Монголии—25,1% бурят и т. д. Цифры эти с железной необходимостью диктуют соответствующим организациям весьма серьезно подтянуться по части вовлечения националов в партию. Не мешает упомянуть, что наиболее высокий процент (не считая русских губерний) по этим показателям мы имеем в Ингушетии 80,9% ингушей, в Северо-Осетинской авт. обл. 85,8% осетин и в Армении 90,5% армян.

В этом выпуске даны цифры о численности коммунистов данной народности не только по ВКП(б), но и по данной территориальной единице. Используя эти данные мы вычислим весьма любопытный показатель (не данный, к сожалению, в книге). Этот показатель говорит о том, какая часть коммунистов данной народности находится «дома», т.-е. в своей республике. В наибольшей степени разбросаны по всей территории СССР коммунисты-армяне и белоруссы. В Белоруссии находятся лишь 36% всех белоруссов, состоящих в ВКП(б). В Армении же—38% армян. По отношению к другим нациям картина несколько другая. В Грузии сосредоточено 91% всех грузин-коммунистов, в Туркменистане—93% туркмен, в Казакстане—89% казаков, в Узбекистане—84% узбеков, и на Украине—66% украинцев.

Подавляющее число коммунистов-националов родным языком считает язык своей народности. Но есть некоторые исключения. Русский язык считается родным языком у 53,6% белоруссов, и 40,8% украинцев и у 28,7%... ойратов. Цифры насчет белоруссов и украинцев нас не должны удивлять, так как царская политика руссификаторства среди них всем известна. А насчет ойрат можно сказать лишь то, что у них родного литературного языка нет. До сего времени нет на ойратском языке ни партустава, ни программы партии.

И, наконец, пару замечаний о *восьмом* выпуске. Данные о парт'ядре в ВЛКСМ говорят о том, что оно по качеству хуже состава партии. В то время, как по всей партии рабочие по соцположению составляют 63%, в парт'ядре их—53,9%. Но это вовсе не об'ясняется большим числом служащих и исключительно большим удельным весом крестьян в парт'ядре комсомола. Здесь крестьян—23,2% в то время, как по всей партии—19%. Данные о занятиях парт'ядра в КСМ говорят о том, что здесь 30% учащихся и военных. Этим и об'ясняется сравнительно (со всей партией) низкий уровень рабочих «от станка» и крестьян, занятых в своем хозяйстве. Удельный вес женщин в парт'ядре (16%) выше, чем в партии (12%). В целом же парт'ядро в ВЛКСМ насчитывает 200.933 чел., т.-е. 17,6% всей партии. Как видно из предисловия к этому выпуску Статотдел ЦК разрабатывает материал с целью точного выяснения вопроса о том, в какой степени ВЛКСМ является резервом партии, в какой степени состав партии комплектовали вышедшими из комсомола. С этой целью разрабатываются, кроме данных на коммунистов, ныне состоящих в ВЛКСМ (что мы выше видели), также данные на тех коммунистов, которые ранее состояли в комсомоле.

В заключение—одно замечание о практическом значении изданных материалов. Мы иногда сталкиваемся с одним недочетом в местной партийной практике: работают, подытоживают, оценивают и т. д.

Работа на местах гораздо более выиграет, если практические строители партии будут сравнивать проделанную работу не только с тем, что было ранее в этом месте, но и с тем, что имеется по этой части в общепартийном масштабе, у соседей, в районах с одинаковыми условиями работы. Тут будет сильнейший стимул для подтягивания наиболее отставших районов. Материалы партпереписи с этой точки зрения сыграют весьма важную практическую роль на местах. Надо лишь пожелать им самого широкого распространения.

Изданы материалы хорошо. Тираж недостаточный. Придется, вероятно, переиздавать.

А. Азизян.

И. СТАЛИН. «Об оппозиции». Статьи и речи. 1921—1927 гг. Госиздат, 1928 г. Стр. 750, цена 2 руб., тираж 35.000.

Оппозиция и идеологически и организационно завершила свой бесславный путь к образованию второй—троцкистской—партии. Углубляя и развивая разногласия с ленинской партией, оппозиция скатывалась со ступеньки на ступеньку, превратившись, в конце концов, в своеобразное социал-демократическое течение.

Встретив сокрушительный отпор со стороны всей партии, несмотря на безудержную демагогию, оппозиционеры не собрали даже 1% голосов в партийных ячейках и поставили себя вне рядов ВКП(б).

XV партс'езд подвел итог этой, «законченной уже», главе партийной истории, отметив, что «оппозиция идейно разорвала с ленинизмом, переродилась в меньшевистскую группу, стала на путь капитуляции перед силами международной и внутренней буржуазии и превратилась об'ективно в орудие третьей силы против режима пролетарской диктатуры. Именно поэтому оппозиция получила столь сокрушительный отпор как со стороны всей массы членов партии, так и со стороны рабочего класса в целом».

XV с'езд, четко выразив мнение всей партии, подчеркнул с категорической ясностью основной вывод, вытекающий из «деятельности» оппозиции: «Принимая во внимание, что разногласия между партией и оппозицией из тактических переросли в программные, что троцкистская оппозиция об'ективно стала фактором антисоветской борьбы, XV с'езд об'являет принадлежность к троцкистской оппозиции и пропаганду ее взглядов несовместимыми с пребыванием в рядах большевистской партии».

К такому концу пришла оппозиция в результате непрерывной, упорной борьбы с партией в течение ряда лет.

Весь путь оппозиции, шаг за шагом неудержимо сползающей к меньшевизму, прекрасно рисует новая книга тов. Сталина, беспощадно вскрывающая ошибки оппозиции, ее отход от ленинизма.

Книга включает статьи и речи тов. Сталина с 1921 г.—с дискуссии о профсоюзах.

Первая статья «Наши разногласия» посвящена выяснению ошибок троцкизма в дискуссии 1921 года. Тов. Сталин разоблачает ошибки Троцкого, настаивавшего на «перетряхивании» профсоюзов, на перенесении в профсоюзы военных методов работы.

Тезис Троцкого, утверждавшего, что «голое противопоставление *военных методов (приказ, кара)* профессионалистским методам (раз'яснение, пропаганда, самодеятельность) представляет собой проявление каутскиански-меньшевистско-эсэровских предрассудков»—прекрасно рисует истинный демократизм нынешнего неистового поборника и «вождя демократии». И тов. Сталин вскрывает это, отмечая, «что «демократизм» тов. Троцкого есть вынужденный, половинчатый, беспринципный и, как таковой, лишь дополняет военно-бюрократический метод, непригодный для профсоюзов».

Тов. Сталин, разоблачая ошибки троцкизма в дискуссии о профсоюзах, доказывает ленинское положение, что только «нормальными методами пролетарской демократии внутри союзов, только методами убеждения можно будет осуществить задачу сплочения рабочего класса, поднятия его самодеятельности и упрочения его доверия к советской власти, доверия, столь необходимого теперь для того, чтобы поднять страну на борьбу с хозяйственной разрухой».

Разбитый в 1921 году, троцкизм на известный период притих с тем, чтобы в 1923 году,—в обстановке хозяйственных затруднений,—с новой силой выступить против партии, подвергая ревизии все основные принципы строительства большевистской партии и ее политики.

Вопросы дискуссии 1923 года подробно освещаются в книге т. Сталина. Им посвящены доклад «О задачах партии» (в Красно-Пресненском районе), пять статей, доклад и заключительное слово на XIII Всесоюзной партконференции. Здесь находят исчерпывающий ответ все основные антибольшевистские идеи, с которыми оппозиция 1923 г. (представлявшая собою руководимый троцкистами трогательный блок «демократических централистов» с частью «левых коммунистов») выступала против ленинской партии. Тов. Сталин доказывает, что «партия не есть только союз единомышленников, она есть, кроме того, союз *единодействующих*, боевой союз единодействующих, борющихся на основе общей идейной базы (программа, тактика)». Тов. Сталин беспощадно разбивает основные положения оппозиции, добивавшейся свободы группировок, отрицавшей значение партийного аппарата, говорившей о перерождении старых большевистских руководящих кадров, противопоставлявшей молодое поколение старому, утверждавшей, что «молодежь—вернейший барометр партии»—«особенно—учащаяся молодежь» и т. д. Тов. Сталин доказывает, что оппозиция не только выражает настроения непролетарского сектора партии, но и развязывает, сама, быть может, того не сознавая, мелкобуржуазную стихию в стране. Недаром вузовцы-оппозиционеры договаривались в дискуссии 1923 г. до таких утверждений, что «наше дело постановлять, а дело ЦК исполнять и поменьше рассуждать» (!) или—еще чище—утверждение вузовца-оппозиционера Казарьяна: «Что у нас—диктатура пролетариата или диктатура партии над пролетариатом?» Тов. Сталин разоблачает «странное» поведение Троцкого, который после единогласного (при его участии) решения ЦК сейчас же выступил против этого решения и вдруг «открыл, что страна и партия гибнут и что он—тов. Троцкий, этот патриарх бюрократов, без демократии жить не может». «Нам было несколько смешно,—отмечает т. Сталин,—слышать речи о демократии т. Троцкого, того самого Троцкого, который на X с'езде партии требовал *перетряхивания* профсоюзов *сверху*».

Троцкий и оппозиция резко нарушают основные организационные принципы большевизма. «Нельзя требовать от рабочих подчинения партдисциплине, если один из членов ЦК открыто на глазах у всех игнорирует Центральный Комитет и его единогласно принятое решение. *Нельзя проводить две дисциплины: одну для рабочих, а другую—для вельмож*». Тов. Сталин подчеркивает, что «ошибка т. Троцкого в том и состоит, что он противопоставил себя ЦК и возомнил себя сверхчеловеком, стоящим над ЦК, над его законами, над его решениями»... «Незримо» возглавляемая т. Троцким оппозиция 1923 г. так же, как и оппозиция в 1927 году, встречала горячее одобрение со стороны... антисоветских сил. Недаром правый меньшевик Ст. Иванович писал: «Будем благодарны оппозиции за то, что она так красочно нарисовала картину ужасной моральной клоаки, которая именуется РКП... Будем ей благодарны за то, что ее работа облегчает дело всех тех, кто в свержении советской власти видит задачу социалистических партий». Третья сила все время стремилась использовать оппозицию. Работа оппозиции шла на пользу контрреволюции.

Партия разбила оппозицию 1923 г., решительно осудив ее, как мелкобуржуазный уклон. Однако, т. Троцкий не долго «держал руки по швам» (как сам он обещал на партс'езде). Он снова начал «литературную дискуссию», опубликовав свои «Уроки Октября».

Ошибки этого нового выступления тов. Сталин разоблачает в речи «Троцкизм или ленинизм» и в статье «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов». Он доказывает, что «умысел» этого нового выступления заключался в том, что «тов. Троцкому «до зарезу» нужно развенчать партию, ее кадры, проведшие восстание, для того, чтобы от развенчания партии перейти к развенчанию ленинизма. Развенчание же ленинизма необходимо для того, чтобы протащить троцкизм, как «единственную», «пролетарскую» (не шутите!) идеологию». Тов. Сталин отчетливо вскрывает и сущность троцкизма, в течение ряда лет враждебно противостоящего большевизму. «Троцкизм есть теория перманентной (непрерывной) революции... Перманентная революция т. Троцкого есть, как говорит Ленин, «перепрыгивание» через крестьянское движение, «игра в захват власти». В чем ее опасность? В том, что такая революция, если бы ее попытались осуществить, кончилась бы неминуемым крахом, ибо она оторвала бы от русского пролетариата его союзника, т.-е. маломощное крестьянство». Но троцкизм противостоит большевизму и по вопросу о принципах организации партии. «Троцкизм есть недоверие к большевистской партийности, к ее монолитности, к ее враждебности к оппортунистическим элементам. Троцкизм в организационной области есть теория сожительства революционеров и оппортунистов, их группировок и группировочек в недрах единой партии».

Итоги этой дискуссии подводит речь т. Сталина на пленуме ЦК и ЦКК 17 января 1925 г. На этом пленуме, как известно, тт. Каменев и Зиновьев настаивали на самых решительных «оргвыводах» по отношению к Троцкому. Большинство ЦК их в этом не поддержало, и по этому поводу начались (какова ирония истории!) расхождения Каменева и Зиновьева с ЦК. Впрочем, эти расхождения имели более глубокую основу, что отчетливо выявилось, когда Каменев и Зиновьев выступили с отрицанием возможности победоносного социалистического строительства в СССР, утверждая, что техническая отсталость советской страны является решающим препятствием на этом пути, если нас не поддержит победоносная революция на Западе. Взгляды тт. Каменева и Зиновьева в этом основном вопросе революции весьма сближали их с троцкистской теорией перманентной революции. В этих взглядах не-

трудно распознать рецидив октябрьской ошибки Каменева и Зиновьева. Отрицание возможности победоносного строительства социализма в СССР фактически означает отрицание социалистического характера Октябрьской революции.

Основные задачи наступающего нового периода развития—периода социалистической реконструкции хозяйства советской страны—и вопрос о возможности победы социализма в СССР освещены в докладе т. Сталина «К итогам работ XIV конференции РКП», в котором он, между прочим, доказывает, что «связь между неверием в Октябрь и непризнанием социалистических возможностей в нашей стране—полная и непосредственная». Здесь т. Сталин указывает на неразрывную связь ошибок тт. Зиновьева и Каменева в вопросе о возможности победы социализма в СССР с их октябрьской ошибкой.

Ошибки открыто и решительно выступившей на XIV партс'езде так наз. «новой оппозиции», возглавляемой Каменевым и Зиновьевым, вскрываются и беспощадно разоблачаются в помещенном в книге заключительном слове т. Сталина по политотчету ЦК XIV партс'езду и в особенности—в его статье «К вопросам ленинизма». Здесь т. Сталин глубоко и полно выясняет ошибки новой оппозиции во всех основных вопросах ленинизма, противопоставляя оппозиционным извращениям подлинные ленинские взгляды. На XIV партс'езде т. Сталин подчеркивает, что «партия хочет единства, и она добьется его, *вместе* с тт. Каменевым и Зиновьевым, если они этого захотят, *без них*—если они этого не захотят».

Каменев и Зиновьев пошли не с партией, а предпочли уйти к Троцкому, составив с троцкистами беспринципнейший оппозиционный блок, направивший все силы на борьбу против ленинской партии. Оппозиционный блок развернул интенсивную фракционную работу, отказываясь подчиняться партийным решениям и выступая против партии по всем решительно вопросам внутренней и международной политики. Троцкизм стал знаменем блока, все более углубляющего разногласия с партией, все более отчетливо—по мере развития этих разногласий—сползающего к социал-демократизму.

Исчерпывающую, беспощадную критику оппозиционного блока, полностью разоблачающую его социал-демократический уклон, дают доклад и заключительное слово т. Сталина на XV партконференции, а также принятые конференцией тезисы по его докладу. Тов. Сталин доказывает, что «оппозиционный блок является выражением упадочных и капитулянтских настроений», что «взгляды т. Троцкого и его единомышленников по основному вопросу о характере и перспективах нашей революции не имеют ничего общего со взглядами нашей партии, с ленинизмом», «что эти взгляды т. Троцкого и его единомышленников являются прямым приближением ко взглядам социал-демократии». «Оппозиционный блок превратился в сборный пункт всех и всяких осужденных партией и Коминтерном обанкротившихся течений внутри ВКП и вне ее, от «демократических централистов» и «рабочей оппозиции» внутри ВКП до ультра-левых оппортунистов в Германии и ликвидаторов суваринского толка во Франции». Тов. Сталин, анализируя предложения оппозиции по вопросам практической внутренней и международной политики, доказывает, что и здесь «блок» неудержимо скатывается к меньшевизму, несмотря на ультра-левую фразеологию, которой он прикрывает свой фактический оппортунистический уклон и отход от Ленина. Тов. Сталин отмечает, что «в результате попыток оппозиционного блока навязать партии дискуссию и подорвать ее единство, партийные массы еще более сплотились вокруг ЦК», что «только при активной

поддержке широких партийных масс ЦК мог добиться таких успехов, что активность и сознательность, проявленная партийными массами в борьбе с дезорганизаторской работой оппозиционного блока, являются лучшими показателями того, что партия живет и развивается на началах действительной внутрипартийной демократии». Еще более подробный анализ социал-демократического уклона оппозиции дан в докладе и заключительном слове т. Сталина на VII пленуме ИККИ, куда апеллировали лидеры оппозиции, отказавшись (вопреки собственным заявлениям и обязательствам) подчиниться решениям партии.

Тов. Сталин доказывает, что «оппозиционный блок есть зародыш новой партии, подрывающей единство нашей партии», и подчеркивает, что «задача состоит в том, чтобы разбить этот блок и ликвидировать его». Тов. Сталин картинно характеризует партию и оппозицию:

«С одной стороны—наша партия, уверенно ведущая вперед пролетариат СССР, строящая социализм и зовущая пролетариев всех стран к борьбе. С другой стороны—оппозиция, ковыляющая за нашей партией, как дряхлый старик, с ревматизмом в ногах, с болью в пояснице, с мигренью в голове—оппозиция, сеющая кругом пессимизм и отравляющая атмосферу болтовней о том, что ничего у нас с социализмом в СССР не выйдет, что у них там, у буржуа, все обстоит хорошо, а у нас, у пролетариев, все обстоит плохо».

Оппозиция самым решительным образом выступила против линии партии и Коминтерна в вопросах международной политики. Выяснение глубоких ошибок оппозиции в этой области и обоснование последовательно-ленинской линии партии и Коминтерна даны в ряде речей и статей т. Сталина по международным вопросам: «Об англо-русском комитете единства» (опубликовывается впервые в данной книге); «О перспективах революции в Китае»; «Вопросы китайской революции»; «Беседы со студентами университета им. Сун-Ят-Сена»; «Революция в Китае и задачи Коминтерна»; «Заметки на современные темы»; «Международное положение и оборона СССР» (опубликовывается впервые). Тов. Сталин доказывает решительный «отход оппозиции от ленинской тактики, ультра-левый авантюризм ее политики», доказывает, что своей травлей пролетарского государства и ВКП, разговорами о термидоре и т. п. оппозиция фактически облегчает английским консерваторам подготовку войны против СССР, что «создается нечто в роде единого фронта от Чемберлена до Троцкого».

Троцкистская оппозиция непрерывно углубляла и расширяла свою антипартийную работу: построила законченный фракционный аппарат, создала нелегальную технику, широко развернула антипартийную деятельность, поставленную по всем правилам конспирации. Развивая свои взгляды, оппозиция превратилась в оформленное социал-демократическое течение, складывающееся в новую партию. Она в своей борьбе вышла за рамки партии, используя беспартийных интеллигентов самого сомнительного пошиба, ведя работу среди беспартийных, вынося ее на улицу. Этот последний этап борьбы троцкистской оппозиции с ленинской партией завершился полным политическим банкротством и разгромом строителей нового меньшевизма. Оценка и характеристика троцкистской оппозиции в этот последний период дана в речах т. Сталина на пленуме ЦК и ЦКК в августе 1927 г. (опубликовывается впервые в данной книге); на об'единенном заседании президиума ИККИ и ЦКК—27 сентября 1927 г.—«Политическая физиономия русской оппозиции», и, наконец, в речи на пленуме ЦК и ЦКК 23 октября 1927 г.—«Троцкистская оппозиция прежде и теперь».

Здесь т. Сталин дает ответ на вопрос, «на чем свихнулись лидеры оппозиции».

«Они свихнулись *прежде всего* на вопросе о ленинизме, на вопросе о ленинской идеологии нашей партии. Они свихнулись на том, что попытались и продолжают пытаться *дополнять* ленинизм троцкизмом, *заменить*, по сути дела, ленинизм троцкизмом. Но это есть, товарищи, тягчайший грех со стороны лидеров оппозиции, которого им не могла и не может простить партия».

Дав анализ взглядов Троцкого, противостоящих ленинизму, тов. Сталин отмечает, что «в результате полуменьшевистская болтовня Троцкого о национальной ограниченности теории Ленина становится той завесой в руках оппозиции, которой старается она прикрыть свою работу по ликвидации ленинизма в вопросе о социалистическом строительстве».

Троцкистская оппозиция стала осуществлять в своей практике троцкистскую теорию организации партии: «Для троцкистов невыносима пролетарская дисциплина партии. Троцкизм не терпит пролетарского режима в партии. Троцкизм не понимает, что без железной дисциплины партии невозможно проведение диктатуры пролетариата.

Тов. Сталин отмечает, что оппозиция превратилась в группу, работающую на международной арене и собирающую «вокруг себя всех и всяческих пройдох в роде Маслова и Рут Фишер, в роде Суварина и Оссовского».

Тов. Сталин характеризует последний этап развития оппозиции, скатившейся к законченному меньшевизму: «От лойяльности в отношении партии—к политике раскола в партии, от брошюры Ленина «Шаг вперед, два назад»—к брошюре Троцкого «Наши политические задачи», от Ленина—к Аксельроду,—таков организационный путь нашей оппозиции.

Оппозиция потеряла последние следы большевистской партийности. Яркую ее характеристику дают приведенные т. Сталиным в докладе на XV с'езде слова вступающего в партию рабочего: «Раньше мы искали, в чем разногласия между партией и оппозицией. А теперь уже не найдешь, в чем они согласны с партией». Оппозиция ушла к меньшевизму—и ее постигла историческая участь меньшевизма: полнейшее банкротство, развал, политическое вырождение, окончательная изоляция. Книга тов. Сталина «Об оппозиции» прекрасно показывает весь путь оппозиции, вскрывает корни ее ошибок, доказывает неизбежность ее банкротства. В то же время она помогает до конца познать твердую, выдержанную, последовательно-ленинскую линию партии в борьбе с новым меньшевизмом в троцкистской формулировке.

Б. Таль.

ГАНС фон-РЫМША. «Зарубежная Россия в 1921—1926 гг.». Очерк по истории России после войны. Иена, 1927 г. (Hans von Rimscha. Russland jenseits der Grenzen 1921—1926. Ein Beitrag zur russischen Nachkriegsgeschichte).

В 1924 г. вышла другая книга этого автора, тоже на немецком языке: «Гражданская война в России и русская эмиграция». Авалов-Бермондт обвинял ее в предвзятости, в использовании только левых источников. Однако, считать Рымшу левым не приходится. Вот как начинает он свой рассказ о конгрессе белых, состоявшемся 3-го апреля 1926 г. в Париже, в Отель Мажестик: «Старая Россия преобладает. Всюду видишь знакомые лица, слышишь самые громкие имена старого режима: герцог Лейхтенбергский, князья Голицын, Щёрбатов, три Оболенских, княгини Палей и Святополк-Мирская; митрополиты Евлогий, Антоний и Иннокентий; министры Трепов и Гурко». Затем автор перечисляет генералов, «не менее звучные (bestklingend!) имена из интеллигентских кругов», и «тузов промышленности старого времени: Рябушинского, Лианозова, Третьякова, Денисова». «Это,—говорит он,—воистину был цвет нации (auserlesene)». Вот где симпатии Рымши. Что касается большевиков, то он называет их не иначе, как орденом, коммунистическим орденом. «Вся сила большевиков,—заявляет он,—состоит, как известно, в их аристократически организованной спаянности, в коммунистическом ордене... Фашизм и большевизм—одно и то же: крайние аристократические системы. Это давно известно и недавно обосновано было (!) графом Кайзерлингом». Для характеристики автора приведем также его собственное открытие, которому он придает, повидимому, большое значение: меньшевики были партией, состоящей преимущественно из евреев, а большевики до переворота, напротив, были из всех русских революционных партий «наиболее свободны от евреев» (judenreinst). И в довершение—следующий курьез: «После смерти Ленина высшие государственные посты заняты были русскими крестьянами Калининым и Рыковым... Борьба за власть происходила между тремя аристократами: Сталиным, Дзержинским и Чичериным (грузинского, польского и русского происхождения) и тремя евреями: Зиновьевым, Каменевым и Троцким».

Не правда ли, восхитительно! Рассказав про «ликвидацию еврейских элементов», автор добавляет: «Впрочем, для большевиков здесь дело не в антисемитизме или семитизме, так как они придерживаются теории, которая видит в русских евреях вообще не семитов, а хазаров, туранское племя и т. д.».

Оговоримся: вышеприведенными курьезами ограничивается фантастика в изложении Рымши. В известном смысле их можно считать ляпсусами или антисемитской идиосинкразией (жупелом). Мы не нашли в книге других явных нелепостей. Напротив, она, можно сказать, составлена с чисто-немецкой добросовестностью, это—полугелертерский трактат на тему о русской эмиграции; автор желал дать в своей книге «историческое исследование». Автор старается быть об'ективным, рассуждает в общем трезво. Ему нельзя отказать в известном знакомстве с советской действительностью. Он знает цену той макулатуре о СССР, которая еще недавно преподносилась иностранному читателю, приводит для примера квазинаучную книгу некоего Плетца, в которой максималисты об'являются приверженцами Максима Горького (K. Plötz, Hauptdaten der Weltgeschichte. Leipzig. 1918). В общем повторяем: это—наш политический враг, но тем более ценны для нас выводы, к которым он приходит в своей книге. С одной стороны, это—убийственная критика белой эмиграции, с другой—это вынужденный дифирамб, вынужденное признание «грандиозности, пожалуй, и величия» большевистского строительства новой жизни, ее «изумительно богатого идейного содержания, идейной продуктивности и активности, которые, пожалуй, не имеют ничего себе равного во всей русской истории». Автора никак нельзя заподозрить в пристрастии к большевикам. Тем более ценный сугубый интерес приобретают для нас его суждения об эмиграции и о СССР.

Описательная, эпизодическая часть его истории белой эмиграции дает правильную картину. Отметим некоторые выводы автора. 3-я глава озаглавлена: «Банкротство старых партий»; в ней говорится об «умирающей кадетской партии», о «полном разброде и беспомощности» (völlige Rat-und Planlosigkeit) партии эсэров, о «фактическом завершении ее банкротства», о том, что «партия существует только номинально», что

«не лучше обстоит дело с меньшевистской партией», «после смерти Мартова Дан оказался не в силах примирить противоречия», «в конце концов никто не знал, кто, собственно, имеет право говорить от имени отдельных групп», «декларация и контрдекларация, резолюция и контр-резолюция—таков обычный результат партийных собраний», «меньшевики всегда обнаруживали явный недостаток воли, а теперь, при данных обстоятельствах, это чувствовалось еще болезненнее», «итак, и здесь мы имеем дело с банкротством», такова «безотрадная во всех отношениях картина русских социалистических партий (в эмиграции)».

Подробнее останавливается Рымша на монархистском лагере. Здесь он тоже видит «партийное болото», «трясину»; «думали, что стоят на твердой почве, а на самом деле попали в трясину». «Крах гражданской войны следует считать поражением русской демократии» (хороша «демократия» под знаком Колчака и Деникина!!!); отсюда—заключение, что консервативные партии имели в некотором роде более шансов, были жизнеспособнее. Но и они обманули ожидания. Прелестные детали приводятся у Рымши относительно Кирилла: вся его авантюра была затеяна на деньги американских спекулянтов, поэтому—реверансы по адресу Америки в манифесте «царя всея России»: в совете регентства американским дельцам были обещаны три обязательных места; это было «реальной почвой», и когда американцы приостановили платежи, то затея окончательно рухнула. Эти и другие детали приводятся по книге одного из инициаторов авантюры, нововременца Снесарева, который, «несмотря на свои седины», спекулировал Романовым, а потом поражает автора цинизмом своих разоблачений. Вся затея приняла «опереточный характер», число приверженцев Кирилла было «микроскопично». В лагере Николая Николаевича—не утешительнее. Рымша говорит о шпионстве в пользу Антанты, о том, что относительно будущей формы правления благоразумно умалчивалось, что с'езд 3 апреля 1926 г. был «сплошным самообманом» (ein grosser Rausch) и «не достиг того, чего желал». Зато значение с'езда заключается в том, что «на нем родился русский фашизм», найден был duce в лице Романова, из которого песок сыплется. «Несмотря на все старания, с'езду не удалось об'единить всю эмиграцию», «теория зарубежной России и под'яремной России, на которой базировался с'езд, осталась натяжкой». Но поскольку союз Марковых и интеллигенции являлся «целевым союзом», «коалицией воли и интеллекта» (слова Трубецкого) под эгидой стоящего якобы над партиями duce, это,—аргументирует Рымша,—было не что иное, как фашизм. «Николай Николаевич является здесь не в роли претендента на престол, а в роли duce, стоящего в стороне от монархии и республики (итак, республика с Романовым во главе! *Ф. К.*), точно так же, как Муссолини, де-Ривера, Пангалос, Пилсудский, а всего лучше его можно-де сравнить с Кемаль-пашой. Поэтому среди его сторонников были приверженцы различнейших партий. Только таким путем возможно было честное (!) сотрудничество старорежимной России и интеллигенции». Ужасное заявление Амфитеатрова, что он стал «николаевцем», автор называет честным сотрудничеством... Два других конгресса 1926 г. (январский и июньский) были безрезультатны, но этот конгрес,—говорит Рымша,—дал ощутительный, реальный результат: нарождение русского фашизма. Автор, конечно, не останавливается на классовом базисе, поэтому фашизм представляется у него чем-то надпартийным. Зарождение русского фашизма он ставит в связь с «полным и явным банкротством всех старых партий, группировок и коалиций». Конечно, автор преувеличивает значение персоны Николая Николаевича даже как эмблемы; но его аргументация и выводы весьма интересны. «В общем приходится сказать, что с'езд попал в цель.

Он попал в большевистского великана, хотя удар был лишен силы и только оцарапал кожу великана, оставив невредимым сердце и жизнь его».

Рымша подчеркивает, что и на этом, белом с'езде неоднократно говорилось (Семенов, Краснов) о необходимости сорганизовать централизованный национальный орден. «Эта по существу антидемократическая мысль была даже раз осуществлена, когда налицо была опасность превращения в парламент, решающий большинством голосов; а именно после того, как с'езд уже голосовал по вопросу об органе, принято было другое решение, сошлись на нем противно принципу большинства». Очевидно, в жаргоне Рымши под «орденом» следует понимать отрицание формальной демократии. Ясное дело, что этой последней не может быть у наших «народных монархистов»!

Переходим теперь к самой интересной главе у Рымши, озаглавленной: «Духовные кризисы».

После своего политического поражения в гражданской войне,—читаем мы у Рымши,—эмигрировавшая белая интеллигенция ощутила потребность вернуться к своей истинной сфере, литературе, и взять здесь реванш. В одном Берлине основано было (до 1923 г.) не менее 60 русских издательств. Основывались школы, курсы, университеты, театры и т. д.[1]). «Но разочарование на этом поприще оказалось еще основательнее, нежели на политическом... В этой области эмиграция тоже вынуждена сложить оружие перед большевиками... В настоящее время уже нет никакого сомнения, что средоточие культурной России не в Париже, и не в Праге или Берлине, а попрежнему в Москве». Рымша указывает, между прочим, на то, что в вышедшей в 1924 г. книжке F. Jung, «Das geistige Russland von heute» из 140 страниц, только 4 посвящены эмиграции. Выводы Рымши тем характернее, что на первых порах успехи эмиграции в этой области «превзошли все ожидания» и что эмиграция была уверена, что «Советская Россия не может, да и не желает конкурировать с ней в этой области». Большевизм недооценивали в этом отношении,—мы продолжаем цитировать Рымшу,—не только белая эмиграция, но временно также и сама Европа. В нем видели только разрушительную сторону, судили о нем односторонне только по хозяйственной жизни, «в которой самым явным и роковым (!) образом проявилась эта деструктивная сторона его». «При этом совершенно упустили из виду (и прошел ряд лет, пока начали убеждаться в противном), что здесь речь идет вовсе не об экономических вопросах, не о революции в обычном смысле, а о чреватой грядущим (schicksalschwer) проблеме всей нашей культуры, об идеалах человечества (der Menschheit letzte Dinge)». Теперь,—говорит Рымша,—мы знаем, что новая Россия с неслыханной смелостью строит новый тип человека, коллективного человека, «дивидуум», как (в отличие от индивидуума) назы-

[1]) Впрочем, со школами обстоит далеко не блестяще. К концу 1926 г. в Европе существовало 95 русских школ, основанных эмигрантами. Училось в них 9500 детей,—ничтожная доля при цифре эмиграции в 2 миллиона (в 1924 г. автор оценивал ее в 3 млн., считает это теперь, однако, преувеличением и в своей новой оценке базируется на анкете Интерн. Бюро Труда, на которую ответили 22 правительства). Еще характернее, что на Балканы и славянские государства (кроме Польши) приходятся 44 школы, на окраинные государства — 33 школы, и на прочую Европу — всего 18 школ с 1487 учениками. Не удивительно, если новое поколение окажется не только оторванным от русской культуры, но и не умеющим говорить по-русски. Любопытно замечание Рымши, что даже у членов эмигрантских с'ездов можно по их внешнему обычаю более или менее безошибочно определить, в какой стране они проживают: они получают от нее внешний отпечаток.

вает его талантливый наблюдатель Р. Филец-Миллер (R. Fülöp-Müller. Geist und Gesicht des Bolschewismus. 1926).

«Трагика эмигрантской интеллигенции заключается в том, что, будучи оторвана от родной почвы, она осуждена на бесплодие». А между тем там, в СССР жизнь бьет ключом. «Конечно, там царит дух экспериментирования, весьма беспокойный и непоседливый, каждый раз хватающийся за новое, пробующий все и почти ничего не доводящий до конца, сегодня возводящий на пьедестал то, что он вчера предавал анафеме. Но это очень изобретательный дух. Он захлебывается от восторга, находя новые пути буквально во всех областях общественной и личной жизни». В качестве примеров Рымша указывает на показательные процессы, на агиттеатр, на коллективное искусство, на «спектакли, в которых участвует в качестве артистов население целого города», на симфонии фабричных гудков и сирен, «с участием целых пулеметных рот, батарей и флотских эскадр», на деятельность культпросвета, на новую половую мораль, на борьбу против религии (у Рымши она превращается также в борьбу за религию!), на кампанию против матершины, семечек, лени и лжи. «Все это свидетельствует о бьющей через край культурной жизни, хотя большинство этих идей утопичны» [1]).

Этому Рымша противопоставляет застой и косность в эмиграции. «Теперь уже не тайна, что поэты и писатели эмиграции не произвели ничего действительно значительного». Странное дело, наш автор включает сюда также Горького. Однако, в общем замечательно, что и автор типа Рымши подчеркивает бесплодие и обреченность духовного творчества эмиграции. «Большое количество эмигрантских изданий далеко не свидетельствует еще о духовной продуктивности эмиграции... это большей частью перепечатки классиков, сомнительного свойства беллетристика и очень много переводов. Не высоко можно также оценивать появляющиеся в большом количестве романы на фоне революции (Revolutionsromane); большей частью они не дают художественного отображения революции и служат лишь средством антибольшевистской пропаганды, таковы, например, известные романы генерала Краснова. Зато в Советской России действительно народилась новая литература, тесно связанная с революцией. Только сами революционные (у автора это слово поставлено в кавычки) поэты постигли революцию, как истинные художники; таких захватывающих аккордов, как Блок в своих «Двенадцать» или Белый в «Христос Воскрес», не нашел ни один эмигрант. Автор противопоставляет «окаменелую» поэзию эмигрантов «неграмотной» поэзии нашего молодняка; «пусть эта последняя детский лепет, но в ней пульсирует живая жизнь, юный задор, которому принадлежит будущее». Впрочем, кое-что здесь у Рымши не совсем клеится. Не в «официальной» литературе «с знаменитой троицей: Демьян Бедный, Маяковский и Мариенгоф во главе», а в попутчиках он видит главное достоинство и достижения советской литературы. «Современная русская литература, это—литература попутчиков». Они лучше всего отображают великие события в России, «в их произведениях яснее всего выступает противоречие между тем, чего желали достичь большевики, и тем, какая эволюция происходит на самом деле при их режиме». Как видим,

[1]) В другом месте Рымша говорит о разрешении у нас национального вопроса. Журнал «Jüddentsche Monatshefte» (июль 1926 г.) называет нашу политику в национальном вопросе geradezu genial (можно сказать, гениальной). В этом духе высказываются Axel de-Fries. Die Sowietunion nach dem Tode Lenins и др.

у Рымши вполне определенный уклон, от его похвалы не всегда поздоровится...

При оскудении и бесплодии эмигрантской литературы видное место занимают в ней мемуары. Это—литература бывших людей. При этом Рымшу поражает та бесцеремонность, с которой авторы мемуаров каются публично во всех мерзостях. Автор останавливается также на состоянии науки у белых и тоже приходит к весьма неутешительным результатам. Процветает только мемуарно-историческая литература. «В эмпирических (точных) науках Советская Россия, несмотря на все трудности, далеко превосходит эмиграцию, это не подлежит никакому сомнению». Эмиграция лишена необходимых вспомогательных средств для научной работы. Университетские курсы в центрах эмиграции «почти исключительно служат целям учобы, а не научного исследования». «В исследовательской области преимущества Советской России неоспоримы». Кстати сказать, «постановка школьного дела в Советской России стоит на первом плане в американской и английской педагогической литературе». «Всему этому эмиграция не в состоянии противопоставить ничего аналогичного. То же следует сказать об археологии, географии и геологии, для которых в эмиграции тоже отсутствуют все предпосылки». «Для исторической науки тоже нет налицо достаточных источников... Но чувствуется также недостаток в широких концепциях. Здесь сказывается специфический эмигрантский уклон в тенденциозную полемику. Двухтомная «История октябрьской революции» Милюкова—не что иное, как попытка самооправдания, его другой крупный труд под заглавием: «Крах России»—не научное произведение, а памфлет».

Право и философия не избежали общей участи; относительно философии это всего поразительнее, ибо «именно в области идеалистической философии ожидали совсем других результатов, тем более, что в России она потеряла всякую почву, а в эмиграции живут теперь не менее 31 профессора философии». Исключением является, по мнению Рымши, философия истории, а именно евразийское учение Трубецкого, Бердяева, Франка, Карсавина. Да и эти идеи, как правильно отмечает Рымша, возникли в России: Бердяев, Франк и Карсавин не добровольные эмигранты, а высланы из СССР. Итак, в общем—картина запустения. Это не только мнение иностранца. Рымша ссылается на обследование, произведенное в 1924 г. видными учеными эмиграции («Русская книга за рубежем», Прага, 1924 г.); они пришли к заключению, что духовная продукция зарубежной России чрезвычайно низка, уж, не говоря о том, что литература по точным наукам исключительно ограничивается учебниками.

Остановимся на отношении автора к «евразийцам». «Евразийцы первые поняли, что в русской революции дело идет не столько о политических, сколько о культурных ценностях». «Евразийцы—единственные из всех различных эмигрантских групп имеют определенное мнение *о смысле* русской революции и о ее последствиях; оно находится в глубоком принципиальном противоречии с (взглядами) руководящих групп эмиграции, оно первое возвысилось над чисто внешними, хотя и столь ужасными, но все же вторичными явлениями (революции), возвысилось до понимания самой сути проблемы». В чем же дело? Дело, видите ли, в борьбе против романо-германской культуры. Книга Трубецкого дышит «чуть ли не беспредельной ненавистью к европейской культуре». Из этой книги наш автор черпает свое понимание «сути проблемы»! Нечего и говорить, что это—кривое зеркало! Борьбу против империализма европейских «держав», борьбу за освобождение востока и всего мира от ростовщических монополистов упадочного капитализма наш автор при-

нимает за борьбу против европейской культуры! В этом «смысл» Октябрьской революции!? Нет уж, извините, это—реакционнейшая клевета, в сравнении с которой являются невинными упражнениями «ирония» Гильфердинга, что мы идем с социализмом «к туркестанским муллам», или столь же дешевая ирония амстердамцев, что мы «учимся» у негров Тимбукту. Рымша начал за здравие и кончил за упокой. Он поет дифирамбы нашему строительству новой жизни, нового человека, но в конце концов оказывается, что наше культурное строительство—азиатчина, угроза европейской культуре! Азиатчина—в том оскорбительном смысле, который придают этому слову эти господа. Здесь сказался наш почитатель князей и митрополитов, «цвета нации», тот Рымша, с политической физиономией которого мы познакомились выше. Конечно, ему на руку бердяевские сказки о нашем «мессианизме», о большевизме как религии, как «национальном» перерождении марксизма, как воплощении русской «широкой натуры» и т. д. Именно, как немцу, с националистским душком, они ему еще более на руку. Нет, не в этом «смысл русской революции». Много говорить об этом не приходится; для читателя-марксиста и без того ясно. Отметим только следующее: только немарксист может так отделять культурную сторону от экономики, как это делает Рымша, расхваливая наше культурное строительство, а экономику относя к козлищам; только немарксист может ожидать появления нового человека, «дивидуума», без соответствующей экономической основы, без социализма.

Ф. Капелюш.

Список статей и рецензий, помещенных в „Большевике“ в 1927 г.

Ленин и ленинизм.

Ангарский, Н.—О влиянии немецкой аграрной дискуссии на выработку взглядов Ленина по аграрному вопросу. (№ 2, стр. 68).
Беленький, М.—Кооперативный план Ленина и его лжетолкователи (№ 22, стр. 84).
Яковлев, Я.—Ленин в борьбе с бюрократизмом (№ 2, стр. 12).

Вопросы внутрипартийной политики.

Бауман, К.—Основные моменты работы партийных организаций (№ 10, стр. 56).
Иначе быть не может (передовая) (№ 23—24, стр. 3).
К XV с'езду партии (передовая) (№ 22, стр. 3).
Как партия относится к широкой дискуссии (передовая) (№ 15—16, стр. 3).
К июльскому пленуму (передовая) (№ 13, стр. 3).
На грани (передовая) (№ 18, стр. 3).
На ленинских путях (передовая) (№ 2, стр. 3).
О работе в массах (передовая) (№ 6, стр. 3).
Об'единенный пленум и оппозиция (передовая) (№ 14, стр. 3).
Октябрьский пленум ЦК и ЦКК (передовая) (№ 19—20, стр. 3).
Партия ждет ясного ответа (передовая) (№ 17, стр. 3).
Партийная линия и оппозиционные зигзаги (передовая) (№ 4, стр. 38).
Прелков, В.—Массовая работа на предприятиях (№ 7—8, стр. 78).
Рубинштейн, Н.—«Ультра-левые» ренегаты и троцкистская оппозиция (№ 21, стр. 45).
Рютин, М.—Низовая работа и задачи партруководства (№ 5, стр 49).
Сперанский, Н.—Оппозиция, социал-демократия, партийный режим (№ 23—24, стр. 67).
Через десять лет (передовая) (№ 21, стр. 3).

Ярославский, Ем.—Философия упадочничества.—Приложение: Письмо А. Иоффе (№ 23—24, стр. 135).

Вопросы экономического курса.

Александров, П.—Индустриализация СССР и проблема с.-х. сырья (№ 1, стр. 27).
Александров, П., Розенталь, К., Хавин, И.—Замечания к материалам по пятилетнему перспективному плану нар. хозяйства СССР (в порядке обсуждения) (№ 10, стр. 39).
Вайсберг, Р.—Контрольные цифры на 1927—28 г. и план социалистического строительства (№ 19—20, стр. 24).
Гольденберг, Э.—Под занавес (№ 14, стр. 25).
Гуревич, Х.—Проблема экономической подготовки в обороне (в порядке постановки вопроса) (№ 14, стр. 67).
Дейчман.—Проблема, заслуживающая внимания (№ 19—20, стр. 130).
Зайцев, А.—По поводу одного «анализа» нашей экономики (№ 5, стр. 7).
召ктынь, А.—Вопросы нового промышленного строительства (№ 6, стр. 21).
Колесников, Б.—Итоги и перспективы индустриализации (№ 18, стр. 64).
Колесников, Б.—О некоторых спорных вопросах современного экономического курса (статья дискуссионная) (№ 22, стр. 100).
Краваль, И.—Сводный план промышленности на 1926—27 г. (№ 4, стр. 28).
Краваль, И.—Социалистическая рационализация производства и управления (№ 9, стр. 41).
Крумин.—Новые похождения оппозиционных экономистов на ниве советской экономики (№ 6 и № 7—8, стр. 78 и 27).
Ларин, Ю.—Налоговое обложение и оппозиция (№ 13, стр. 48).
Ларин, Ю.—Капиталистическая промышленность, ее рабочие и наша установка (№ 11—12, стр. 78).
Маркус, Б.—Семичасовой рабочий день (№ 21, стр. 25).
Маркус, Б.—Положение рабочего класса в СССР (№ 19—20, стр. 65).
Маркус, Б.—Вопросы охраны труда в платформе пятнадцати (№ 17, стр. 79).
Микоян, А.—Центральная ось современной хозяйственной политики (№ 4, стр. 18).
Мотылев, В.—Проблема темпа развития СССР (№ 23—24, стр. 21).
Никулихин, Я.—Проблема ж.-д. строительства (в порядке обсуждения) (№ 11—12, стр. 90).
Преображенский, Е.—Экономические заметки (№ 6, стр. 57).
Розенталь, К.—Больные места (№ 5, стр. 21).
Розенталь, К.—К вопросу об основном капитале нашей промышленности (№ 7—8, стр. 55).
Розенталь, К.—Перспективы индустриализации и оппозиционные «зады» (№ 18, стр. 81).
Розенталь, К.—Оппозиция в вопросах современного экономического курса (№ 22, стр. 117).
Смилга, Н.—На экономические темы (№ 6, стр. 65).
Тесленко, М.—Роль частного капитала в акционерном строительстве (№ 15—16, стр. 72).
Тирзбанурт, Т.—Наша безработица (об'един. оппозиция в борьбе с безработицей) (№ 14, стр. 73).
Фейгин, В.—Ускорение оборота, как источник средств для индустриализации (№ 5, стр. 37).
Халатов, Арт.—Транспорт в период реконструкции народного хозяйства СССР (№ 7—8, стр. 67).

Хозяйственная политика в деревне.

Азизян, А.—Некоторые итоги работы по организации бедноты (№ 2, стр. 36).
Бергавинов, С.—О темпе и характере расслоения сибирской деревни (№ 13, стр. 81).
Вольф, М.—К вопросу о дифференциации села (№ 23—24, стр. 118).
Зиновьев, Г.—Манифест кулацкой партии (№ 13, стр. 31).
Карпинский, В.—Основные начала нашего аграрного законодательства (в порядке обсуждения) (№ 1, стр. 42).

Каценеленбоген, М.—О достижениях и недостатках в деле помощи бедноте (№ 19—20, стр. 90).
Кругликов, С.—Борьба социализма и капитализма в деревне (№ 23—24, стр. 54).
Кузьмин, В.—Троцкий о путях развития советской деревни (№ 21, стр. 55).
Ларин, Ю.—Дореволюционные остатки в современном кулачестве (в порядке обсуждения). (№ 22, стр. 40).
Лифшиц, М.—Обложение деревни и оппозиция (№ 22, стр. 71).
Мацкевич, А.—К вопросу о выборе форм землепользования (№ 23—24, стр. 128).
Никольский.—К вопросу о рабочих, живущих в деревнях (№ 4, стр. 41).
Письмо Ян-ского и ответ т. Сталина (№ 7—8, стр. 125).
Сафаров, Г.—Наступление капитала в сибирской деревне (№ 15—16, стр. 90).
Сырцов, С.—Неудачное наступление т. Сафарова (№ 15—16, стр. 100).
Устинов, М.—К вопросу о формах землепользования (№ 19 — 20, стр. 143).
Шефлер, М.—Не довольно ли рецептов? (№ 15—16, стр. 33).
Яковлев, Я.—Итоги развития аренды в сельском хозяйстве и задачи нашей экономической политики (№ 15—16, стр. 45).

Советское государство.

Брудный, М.—О бюрократизме (№ 18, стр. 22).
Брудный, М.—Наши разногласия и неоднородность пролетариата (№ 19—20, стр. 50).
К вопросу о раб.-кр. правительстве (письмо т. Дмитриева и ответ т. Сталина) (№ 6, стр. 96).
К итогам Всесоюзного С'езда Советов (передовая) (№ 9, стр. 3).
К перевыборам советов (передовая) (№ 3, стр. 3).
Питковский, Мих.—О работе городских советов (№ 15—16, стр. 80).

Кооперация.

Аболин, Арт.—Накопление в крестьянском хозяйстве и кооперация (№ 3, стр. 33).
Беленький, М.—Пути производственного кооперирования крестьянства (№ 17, стр. 58).
Григорьев, В.—О путях производственного кооперирования и об ошибках т. Беленького (дискуссионная) (№ 19—20, стр. 150).
Литвинов, Ю.—Вовлечение рабочих в кооперацию (№ 3, стр. 49).

История.

К десятилетию февральской победы (передовая) (№ 5, стр. 3).
Ломакин, А.—Между баррикадами (№ 21, стр. 19).
Яковлев, Я.—К вопросу о большевистской тактике в Октябре (№ 21, стр. 11).

Международное революционное движение и Коминтерн.

Беннет.—Английские коммунисты в новой полосе (№ 19—20, стр. 109).
Вознесенский, А.—Аграрная революция в Китае и с.-х. пролетариат (№ 17, стр. 90).
К пленуму ИККИ (передовая) (№ 10, стр. 3).
К итогам пленума ИККИ (передовая) (№ 11—12, стр. 3).
Левин, И. Д.—Английское рабочее движение и Китай (№ 5, стр. 58).
Мандалян, Г.—Распад Ухана и Нанкина и поход в Гуандун (№ 15—16, стр. 63).
Мерфи, Дж. Т.—Английское рабочее движение в 26 г. (№ 2, стр. 53).
Миф, П.—Характер и движущие силы китайской революции (№ 1, стр. 12).
Миф, П.—Китайская коммунистическая партия в критические дни (№ 21, стр. 63 и № 23—24, стр. 98).
Н. Р.—Клерикализм и пролетариат в Германии (№ 18, стр. 51).
Очередные вопросы международной революции (передовая) (№ 1, стр. 3).

Революция и контрреволюция в Китае (передовая) (№ 7—8, стр. 3).
Рютин, М.—Китайская революция и лозунг советов (№ 11—12, стр. 29).
Слепков, А.—Оппозиция и вопросы международной политики на об'единенном пленуме (№ 14, стр. 36).
Смолянский, Г.—Политика «дальнего прицела» и англо-русский комитет (№ 15—16, стр. 53).
Сталин, И.—Революция в Китае и задачи Коминтерна (речь, произнесенная на заседании ИККИ от 24/V—27 г.) (№ 10, стр. 13).
Степанов.—Автономистское движение в Эльзас-Лотарингии (№ 3, стр. 59).

Социал-демократия и меньшевизм.

А. С.—К характеристике идеологии современной с.-д. (№ 6, стр. 8; статья вторая—№ 7—8, стр. 13; статья третья—№ 10, стр. 28; четвертая—№ 13, стр. 10 и № 15—16, стр. 10).
Астров, В.—Бауэр о «функциональной демократии» (№ 22, стр. 7).
Борилин, Б.—О с.-д. «критике» империализма (№ 9, стр. 10).
В. А.—Австро-марксистская «социализация» (№ 17, стр. 21).
В. А.—Поштучный социализм Карла Реннера (№ 14, стр. 11).
Гольденберг, Э.—От пораженчества к меньшевизму (№ 19—20, стр. 13).
Кругликов, С.—Как «Капитал» обрабатывается в угоду капиталу (№ 18, стр. 8).
Слепков, А.—О вывертах г-на Бауэра и его новых прозелитах (№ 3, стр. 25).

Международная политика и экономика.

Бах, М.—Фашизм в Прибалтике (№ 4, стр. 46).
Берлович, Еф.—«Год разочарований» или закономерность загнивания (№ 11—12, стр. 49 и № 13, стр. 60).
Борилин.—Куда устремляется капитализм (№ 13, стр. 24 и № 14, стр. 45).
Варга, Е.—Проблема капитализма во Франции и французская компартия (дискуссионная) (№ 7—8, стр. 88).
Варга, Е.—Репарационная проблема и новый конфликт (№ 22, стр. 61).
Викторов, Г.—Империалистическая Франция и СССР (№ 19—20, стр. 99).
Галкович, М.—Новое в тихоокеанской проблеме (№ 6, стр. 49).
Гольденберг, Э.—Против путаницы в теории империализма (№ 3, стр. 8 и № 4, стр. 8).
Гордеев.—Фермерское движение в С. Шт. (№ 3, стр. 72).
Илимский, Дм.—Американская пятилетка (№ 17, стр. 43).
Ильин, Ал.—Старая система новых союзов (№ 1, стр. 87).
Китайгородский, П.—Перегруппировка сил в зап. сект. Средиземного моря (№ 2, стр. 62).
Китайгородский, П.—Заметки о кемалистской Турции (№ 18, стр. 41).
Лухани, Г.—Опасность войны против СССР и английские военные подготовления в Индии (№ 21, стр. 75).
Мерфи, Дж.—Билль против трэд-юнионов (№ 11—12, стр. 42).
Мерфи, Дж.—Ирландия прежде и теперь (№ 18, стр. 29).
Минц, И.—В белой эмиграции (№ 6, стр. 40).
Розит, Д.—Расстановка классовых сил в переходный период (№ 23—24, стр. 10).
Рубинштейн, М.—К характеристике экономики Китая (№ 9, стр. 64 и № 10, стр. 68).
Степанов.—Французский капитализм и ФКП (№ 7—8, стр. 110).
Танин, М.—Англо-советский разрыв и проблема единого империалистического фронта (№ 11—12, стр. 59, № 13, стр. 70 и № 14, стр. 55).
Тимов, С.—Аграрно-крестьянский вопрос в Румынии (№ 1, стр. 70).
Червонный, А.—Спорные вопросы новейшей истории Персии (№ 4, стр. 55).
Хромский, И.—Хозяйственное и политическое положение Чехо-Словакии (№ 5, стр. 77).
Шубин, П.—Трестификация Европы и американские планы (№ 23—24, стр. 81).

Вопросы национальной политики.

Разное.

Критика и библиография.

ОПЕЧАТКИ.

В № 22 н. ж. в ст. т. Каценеленбогена «Об «уклонах» в нац. политике ВКП(б)» вкрались опечатки:

Напечатано на стр. 29, первая строка после таблички: «остальных», должно быть: «основных»; на стр. 30, строка 45 напечатано (в скобках): «Проведение земельно-водной реформы»..., должно быть: «проведение земельно-водной реформы—задачу своего закрепления»...

Редакция:
В. Астров.
Н. Бухарин.
В. Молотов.
А. Слепков.
Е. Ярославский.